

АНДРЕЙ ГАНИН

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

АНДРЕЙ
ГАНИН

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ 1917–1922 гг.

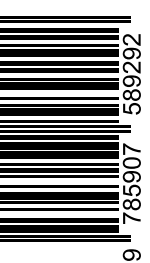
Монография доктора исторических наук А.В. Ганина посвящена комплексному исследованию роли военной элиты – специалистов Генерального штаба (прежде всего, выпускников Николаевской военной академии) в событиях Гражданской войны в России 1917–1922 гг. В работе на основе широкого круга документальных материалов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются сложные процессы вовлечения офицеров-генштабистов в революцию, раскол Генерального штаба, роль этих специалистов в создании и укреплении противоборствующих армий – Красной, белых и национальных, участие в политической борьбе, в работе подпольных организаций, проявления корпоративной солидарности, поведенческие стратегии, включая переходы из одного лагеря в другой, подготовка новых кадров Генштаба, а также последствия втягивания военной элиты в братоубийственную войну. В монографии использованы документы 53 архивов 14 стран: России, Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Эстонии, в том числе архивы спецслужб и материалы семейных архивов потомков офицеров. Исследование предназначено для всех интересующихся военно-политической историей России и сопредельных государств первой четверти XX в.

I

I

Российская академия наук
Институт славяноведения

Андрей Ганин

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

Том I

Научный редактор:

В.И. Голдин, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки России, президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России

Рецензенты:

Р.Г. Гагкуев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Н.С. Кирмель, доктор исторических наук,

действительный член Академии военных наук Российской Федерации

М.И. Мельтюхов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Е.П. Серапионова, доктор исторических наук, заведующая отделом

Института славяноведения РАН

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(протокол № 2 заседания Ученого совета Института славяноведения РАН
от 28 февраля 2023 г.)

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

Издание подготовлено при финансовой
поддержке Фонда «История Отечества»

DOI: 10.31168/907589-29-2

А.В. Ганин

Г19 Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М. : Кучково поле Музеон, 2023. Т. 1. – 1000 с.

ISBN 978-5-907589-29-2

ISBN 978-5-907589-51-3 (Т. 1)

Монография доктора исторических наук А.В. Ганина посвящена комплексному исследованию роли военной элиты – специалистов Генерального штаба (прежде всего, выпускников Николаевского военного академии) в событиях Гражданской войны в России 1917–1922 гг. В работе на основе широкого круга документальных материалов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются сложные процессы вовлечения офицеров-генштабистов в революцию, раскол Генерального штаба, роль этих специалистов в создании и укреплении противоборствующих армий – Красной, белых и национальных, участие в политической борьбе, в работе подпольных организаций, проявления корпоративной солидарности, поведенческие стратегии, включая переходы из одного лагеря в другой, подготовка новых кадров Генштаба, а также последствия втягивания военной элиты в братоубийственную войну. В монографии использованы документы 53 архивов 14 стран: России, Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Эстонии, в том числе архивы спецслужб и материалы семейных архивов потомков офицеров. Исследование предназначено для всех интересующихся военно-политической историей России и сопредельных государств первой четверти XX в.

ISBN 978-5-907589-29-2

ISBN 978-5-907589-51-3 (Т. 1)

© Ганин А.В., текст, 2023

© ООО «Кучково поле Музеон»,
оригинал-макет, издание, 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	66
§ 1. Корпус офицеров Генерального штаба в конце XIX – начале XX в.	66
§ 2. Первая мировая война и кадры Генерального штаба	104
§ 3. Генштабисты от Февраля к Октябрю 1917 г.	120
§ 4. Генштабисты и Октябрьский переворот	156
§ 5. Генштабисты и Брестский мир	190
ГЛАВА II. РАСКОЛ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	206
§ 1. Причины размежевания офицеров-генштабистов	206
§ 2. Привлечение на службу и системы учета кадров Генерального штаба в противоборствующих лагерях	278
§ 3. Распределение кадров Генерального штаба в годы Гражданской войны	340
ГЛАВА III. СПЕЦИАЛИСТЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ	382
§ 1. Кадры Генштаба и организация Вооруженных сил Советской России	382
§ 2. Комплектование РККА специалистами Генштаба	428
§ 3. Особенности штабной службы	478
§ 4. Основные направления деятельности специалистов Генштаба РККА	500
§ 5. Роль специалистов Генерального штаба в победе Красной армии	534
ГЛАВА IV. ГЕНШТАБИСТЫ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ АРМИЯХ	551
§ 1. Генштабисты в белых армиях Юга России	551
§ 2. Восточный фронт белых и кадры Генштаба	643
§ 3. Генштабисты в белых формированиях на Севере и Северо- Западе России	691
§ 4. Генштабисты в национальных армиях	720

ГЛАВА V. ГЕНШТАБИСТЫ И ПОЛИТИКА 805

§ 1. Политические взгляды генштабистов в эпоху
Гражданской войны 805

§ 2. Генштабисты в политических процессах
антибольшевистского лагеря 825

§ 3. Генштабисты и партийность 889

§ 4. Генштабисты и комиссары 895

§ 5. Большевистские лидеры о военспецах-генштабистах 924

§ 6. Дело Полевого штаба РВСР 943

§ 7. Генштабисты и политическая борьба в период
Советско-польской войны 962

Введение

Гражданская война. Ожесточенное противостояние множества сил и группировок, в котором впечатляющую победу одержали Рабоче-крестьянская Красная армия и создавшая ее при помощи бывших офицеров партия большевиков. В результате история всего человечества претерпела немалые изменения, а развитие нашей страны на семьдесят с лишним лет пошло по особому пути. По сей день ученые спорят о том, как и почему это произошло, и не дают исчерпывающего ответа на вопрос о причинах победы красных и поражения их противников.

Монография, которую вы держите в руках, не претендует на то, чтобы ответить на глобальные вопросы истории, задача этой работы иная. В гражданское противоборство самым ходом событий оказались вовлечены десятки тысяч офицеров старой русской армии, в том числе немногим менее трех тысяч выпускников и слушателей Николаевской военной академии – генштабистов, представителей сравнительно небольшой, но, пожалуй, наиболее значимой корпорации внутри русского офицерства. Эти специалисты с высшим военным образованием представляли собой, в значительной степени, интеллектуальную элиту (от фр. *élite* – отборная, лучшая часть) офицерского корпуса, «мозг» армии. Без их вольного или невольного содействия создать регулярную массовую армию и победить многочисленных врагов большевики бы никогда не смогли, точно так же без них не было бы и антибольшевистских армий.

Почему же противники большевиков, в рядах которых оказалось даже больше выпускников академии Генерального штаба, проиграли? Не несут ли за это ответственность сами офицеры Генштаба, задачей которых было все-таки победить?! В этой книге исследуется судьба выпускников старой академии (она носила наименование Николаевской академии Генерального штаба, позднее – Императорской Николаевской военной академии, в 1917–1918 гг. в связи с политическими переменами постепенно отпали первые два слова, в результате это военно-учебное заведение стало именоваться Военной академией или Академией Генерального штаба) после 25 октября 1917 г. и та роль, которую Генеральный штаб сыграл в событиях Гражданской войны.

История Гражданской войны активно изучается через участие в ней крестьянства, пролетариата, интеллигенции, различных политических партий и движений, однако еще не было работ, дававших взгляд на историю этого конфликта сквозь призму участия в нем элитной военной корпорации, представители которой в силу обладания специфическим образованием и квалификацией оказались во главе практически всех противоборствующих сторон. Именно такую оптику предлагает эта монография.

Речь идет о чрезвычайно яркой и самобытной плеяде офицеров, оставившей заметный след в истории, науке и культуре нашей страны. Поколение генштабистов первой четверти XX в. вынесло несколько войн и революций, беспощадный социально-политический раскол внутри страны, оказалось вовлечено в бескомпромиссную борьбу за будущее России, испытало на себе жестокие и несправедливые репрессии и гонения. Многие из тех, кто уцелел в Гражданской войне, были вынуждены ради спасения себя и близких от преследований покинуть родину. При этом терялись привычный уклад, положение, бесценные наработки, имущество, рвались социальные и родственные связи. Драма генштабистов того времени была составной частью драмы всего российского образованного общества. Вне всякого сомнения, эти люди заслуживают восстановления справедливости по отношению к их памяти, а также глубокого всестороннего изучения их роли в истории нашей страны. Тем более что эта роль была весьма значительной.

Многолетней мечтой автора этих строк было собрать воедино и отобразить на страницах будущей книги максимально широкую, полномасштабную картину участия выпускников академии Генерального штаба в революции, Гражданской войне и последующих событиях. Достиг ли автор своей цели, судить читателям.

Осуществить задуманное было непросто, однако исследовательское любопытство, необычайное многообразие и сложность выбранной темы влекли в архивы, а также во всё новые научные командировки, в конечном итоге охватившие практически все современные государства по периметру границ Европейской России (на территории которых некогда служили выпускники академии), а также ряд других стран. За годы работы над книгой автору посчастливилось ознакомиться с материалами многих архивов и библиотек России (Москвы и Санкт-Петербурга, Архангельска, Краснодара, Мурманска, Оренбурга, Саратова и др.) и зарубежных стран (Азербайджана (Баку), Армении (Ереван), Грузии (Тбилиси), Латвии (Рига), Литвы (Вильнюс), Польши (Варшава), США (Нью-Йорк, Пало-Альто, Сан-Франциско), Украины (Киев), Финляндии (Хельсинки), Франции (Нантер), Хорватии (Загреб), Чехии (Прага), Эстонии (Таллин)). В условиях нарастания международной напряженности и все более заметной научной изоляции России, обусловленной политическими причинами, подобная география академических исследований едва ли станет возможной в обозримом будущем.

Первые попытки подступиться к теме книги были предприняты вот уже четверть века назад, когда в сфере нашего внимания оказалось изучение военной элиты Белого движения. С течением времени исследовательская оптика расширилась, первоначально на весь антибольшевистский лагерь, включая национальные воинские формирования, а затем и на Красную армию. За минувшие десятилетия изменился и взгляд автора на события истории Гражданской войны. Хочется надеяться, что в настоящее время этот взгляд равноудален от восторженности или неприязни к каждой из противоборствовавших сторон.

Основу работы составила докторская диссертация автора, защищенная в конце 2013 г. За минувшее десятилетие рукопись была переработана и расширена примерно втрое, в два с лишним раза возросло и количество использованных в работе архивов. Кроме того, увидел свет большой цикл монографических исследований, статей и документальных публикаций по смежным темам, что способствовало

углублению и совершенствованию этой книги. Работа над различными аспектами темы продолжается.

Параллельно со сбором материала для книги автор занимался составлением и постоянным уточнением списка выпускников и слушателей Николаевской военной академии, участвовавших в событиях 1917–1922 гг. Конечной целью были формирование наиболее полной картины участия питомцев академии в Гражданской войне, составление исчерпывающей фактической и статистической базы и подготовка исследований, в которых бы эта проблема всесторонне освещалась.

Генеральный штаб является неотъемлемой составляющей любой современной армии. Изучение эволюции этого органа военного управления, истории подготовки его кадров и их деятельности в чрезвычайных условиях военного времени значимо для учета опыта прошлого в наши дни. Вопрос о размежевании дореволюционной военной элиты в годы братоубийственной Гражданской войны 1917–1922 гг., проблема выбора военной элиты в условиях отсутствия легитимной власти в стране и поведения генштабистов в обстановке острейшего внутригосударственного противоборства различных политических и идеологических систем представляет общегуманитарный интерес и является самостоятельным и новым направлением исследований, не получившим должного научного освещения. Рассматриваемая тема характеризуется малоизученностью. В историографии отсутствовали комплексные сравнительные исследования проблемы размежевания и перемещения кадров Генштаба в годы Гражданской войны, механизмов их привлечения в противоборствующие армии, динамики изменений, количественного и качественного состава, структуры, иерархии, особенностей взаимодействия, поведенческих практик, роли в создании различных армий Гражданской войны, идеологии, принципов и особенностей службы, эффективности.

В центре исследования кадры Генерального штаба и те военно-политические, социально-экономические и культурные процессы, в которые они оказались вовлечены в годы Гражданской войны в России. Под кадрами Генерального штаба подразумеваются, исходя из реалий того времени, прежде всего лица, получившие высшее общее военное образование¹. В основном это представители дореволюционного корпуса офицеров Генерального штаба (т.е. выпускники Императорской Николаевской военной академии или Николаевской академии Генерального штаба, переведенные в Генеральный штаб). При всей условности обобщений, этих офицеров можно отнести к наиболее интеллектуально развитой части отечественной военной интеллигенции (вместе с тем оценка их квалификации, а также кругозора за пределами профессиональных компетенций неоднозначна, о чем пойдет речь в книге). В условиях Гражданской войны представители этой группы должны были делать осознанный идейно-политический выбор.

¹ Лицами с высшим общим военным образованием в Советской России согласно приказу РВСР № 1904 от 10 августа 1922 г. именовали исключительно выпускников Николаевской военной академии и академии Генерального штаба РККА, тогда как выпускники прочих военных академий (артиллерийской, инженерной и др.) считались лицами с высшим специальным военным образованием.

Генерал армии С.М. Штеменко, занимавший в 1948–1952 гг. пост начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР, писал: «Как-то уж повелось, что, говоря о людях интеллектуального, творческого труда, имеют в виду работников искусства, литературы, реже техников и почти никогда – военных. Между тем военное дело тоже требует и творческого вдохновения, и развитого интеллекта. Подчас военным людям приходится обращаться с неизмеримо большим, чем другим специалистам, количеством исходных элементов и слагаемых, осмысление которых позволяет сделать определенные выводы и на основе их прийти к наилучшему решению»¹.

В период Гражданской войны 1917–1922 гг. четкое дореволюционное определение специалиста Генерального штаба оказалось размыто как в Красной, так и в антибольшевистских армиях, тем более что в некоторых армиях существовала острая нехватка кадров Генштаба. По этой причине к кадрам Генерального штаба стали относить и тех, кто до революции обучался в Военной академии неудачно и не был переведен в Генеральный штаб. В эту же категорию попали выпускники и слушатели новой Академии Генштаба РККА, выпускники ускоренных курсов Николаевской военной академии, проходившие обучение в 1918–1919 гг., выпускники иностранных военных академий, вовлеченные в события российской Гражданской войны. В меньшей степени это определение применимо к тем, кто не получил высшего общего военного образования, – выпускникам различных новообразованных школ и курсов, которых также иногда в условиях Гражданской войны относили к специалистам Генштаба, к лицам, включенным в Генеральный штаб Советской России за революционные заслуги, и к прочим лицам, учитывавшимся как кадры Генштаба, но не прошедшим какой-либо подготовки.

Отсутствие единства критериев по вопросу о том, кого считать генштабистами применительно к периоду 1917–1922 гг., создает определенную сложность. В этой связи исследование сфокусировано в основном на деятельности выпускников и слушателей Николаевской военной академии как представителей дореволюционной военной элиты и специалистов с единой системой подготовки, олицетворявших отечественный Генеральный штаб как до 1917 г., так и в 1917–1922 гг., причем и в Советской России, и в антибольшевистском лагере. Сообразно их роли в событиях Гражданской войны исследованы деятельность слушателей открывшейся в конце 1918 г. Академии Генштаба РККА (ее первый выпуск состоялся в 1921 г., по завершении широкомасштабной Гражданской войны, тогда как до того на фронтах находились слушатели с незаконченным образованием), а также вклад прочих лиц, формально относившихся в тот период к специалистам Генерального штаба, но реально не имевших необходимой квалификации.

Мы не ставим задачей изучение всей военной элиты противоборствующих сторон Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Подобное исследование затруднительно ввиду значительного разнообразия и разнонаправленности этих элит (к примеру, традиционной военной элиты Красной, белых и национальных армий, а также «народных полководцев», выдвинувшихся в РККА и в крестьянских повстанческих формированиях²).

¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 167.

² О последних уже появилась серия коллективных сборников под редакцией А. В. Посадского: От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской Смуты. М., 2014; «Атаманщина»

Фактор академического образования не является определяющим в вопросе об эффективности и успешности военных деятелей, но этот критерий позволяет по формальным признакам выделить наиболее квалифицированную часть военной элиты и сосредоточиться на анализе особенностей ее деятельности. Кроме того, работа военного механизма всегда коллективна. А когда речь идет о выпускниках одного военно-учебного заведения, можно говорить о единой школе и определенных общих чертах деятельности выпускников.

Итак, в поле нашего зрения находится лишь наиболее квалифицированная часть военной элиты — лица с высшим общим военным образованием (выпускники и слушатели Николаевской академии Генерального штаба), как их с 1922 г. именовали в Советской России. Без участия этих специалистов в период Гражданской войны невозможно было создать ни одну серьезную вооруженную силу. В дореволюционной России выпускники академии, переведенные в Генеральный штаб, именовались офицерами Генерального штаба или генштабистами и составляли особую элитную корпорацию — корпус офицеров Генерального штаба.

О неоднозначности роли генштабистов в Гражданскую войну свидетельствовал видный государственный деятель Вл. И. Гурко, который в 1918 г. «в среде офицеров Генер[ального] штаба... впервые вполне постиг ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры в развале русской армии и тем самым в развале государства. Наша академия Генерального штаба, имевшая по существу задачей создать мозг русской армии и заполонившая своими воспитанниками все высшие командные должности, фактически привела к двум результатам. С одной стороны, она развила в обучаемой ею среде рассудочность в ущерб волевым качествам, с другой — она породила в ней дух интриги и беспринципного карьеризма. Достаточно вспомнить, что декларация прав солдата была единогласно одобрена штабными офицерами, а также, что те же штабные офицеры первые перелицевались на революционный лад до такой степени, что собрание этих офицеров в Петрограде, где участвовали верхи военного министерства, пришло к заключению, что им следует всем *in corpore*¹ записаться в члены партии социал-революционеров. От решения этого отказались лишь после того, как одним из собравшихся было резонно заявлено, что в искренность такого массового перехода никто не поверит, а потому выгоды им не доставит. Наконец, спрашивается, кто же составляет ядро Красной армии, кто первый пошел на зов большевиков поступить к ним на службу, как не те же офицеры Генерального штаба»².

Генерал П. И. Аверьянов в этой связи отметил: «Ни Гурко, ни мы не можем быть нелицеприятными судьями нашего Генерального штаба; правильный приговор над

и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015; Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.: Биографические материалы. М., 2017.

¹ В полном объеме (лат.).

² Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11. Высказывание Гурко вызвало резкое неприятие в Центральном правлении Общества русских офицеров Генерального штаба — объединения генштабистов-эмигрантов, которое выступило с инициативой подготовки опровержения. Правление обратилось ко всем членам общества, занимавшим ответственные посты в первый год революции, с просьбой присылать свои свидетельства, чтобы составить коллективный ответ. Однако опровержения не получилось, поскольку, как отмечал генерал П. И. Аверьянов, «в общем все эти материалы освещали деятельность сравнительно ограниченного количества генералов и офицеров Генерального штаба, причем в отношении этого ограниченного числа лиц давали такие данные, которые могли скорее подтвердить справедливость суждений и выводов В. И. Гурко, нежели их опровергнуть» (ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 45об.).

ним сможет вынести только в отдаленном будущем беспристрастный историк (если когда-либо появится такой “беспристрастный” историк) на основании всего (а не частичного лишь, как ныне) документального материала о деятельности чинов нашего Генерального штаба; кроме того, революция ведь еще не закончилась, она в сущности еще продолжается и проходит через известные еще историей этапы, причем мы еще не знаем, какую положительную или какую отрицательную роль сыграют еще на этих этапах наши коллеги по Генеральному штабу; может быть, еще появятся среди них светлые герои или же мы еще не раз будем огорчены наличием в нашей среде гнусных предателей^I.

Генштабисты, участвовавшие в Гражданской войне, понимали, что являются очевидцами эпохальных событий. Генерал В.Н. Касаткин в эмиграции вспоминал: «Волею судьбы “свидетелем Господь меня поставил” величайших исторических событий: Первая мировая война и революция 1917 – это, несомненно, грань двух эпох, великая борьба белых и красных сил...”^{II} В другом месте генерал написал: «1917 г. – действительно грань двух эпох (эр) не только в истории России, но в истории всего мира»^{III}.

Видный антибольшевистский политический деятель Н.И. Астров, находясь в эмиграции, писал генералу А.И. Деникину в 1920-е гг. о том, что «офицеры Генерального штаба поделили Россию на белую и красную и вели на ней поединок...»^{IV} При всей эмоциональности этого высказывания в нем есть и зерно истины. В результате разделения страны на различные лагеря генштабисты действительно вели внутрикорпоративный поединок. Журналист Г.В. Немирович-Данченко возлагал на офицеров Генерального штаба, служивших во всех противоборствующих лагерях, вину за затягивание братоубийственной войны^V. На фоне полярности свидетельств современников необходимо непредвзято разобраться, какова же истинная роль кадров Генерального штаба в событиях 1917–1922 гг.

«У офицеров Генерального штаба нет имен», – сказал когда-то один из видных деятелей германского Генерального штаба генерал-полковник Г. фон Сект (1866–1936). Имелось в виду то, что работа штабов носит коллективный характер, при котором сложно или невозможно установить вклад каждого конкретного участника этой работы, авторство того или иного плана. Однако это не означает, что мы не можем изучать ту роль, которую сыграли генштабисты в событиях прошлого.

В терминологии вопроса есть свои нюансы, на которых необходимо остановиться. Под Генеральным штабом мы понимаем органы военного управления, состоящие из центрального аппарата и войскового управления (штабы округов, фронтов, армий, корпусов, дивизий). О том, что в отличие от современного определения (центральный орган военного управления и основной орган оперативного управления, осуществляющий координацию деятельности других войск, воинских формирований и органов^{VI}) понятие «Генеральный штаб» применительно к старой России не может быть столь четко и однозначно сформулировано, писал

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 49об.–50.

^{II} BAR. Memories of V. N. Kasatkin. Folder 1.

^{III} Ibid.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 101. Л. 189.

^V Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 28.

^{VI} Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 408.

один из основоположников изучения этой темы, замечательный советский и российский военный историк А.Г. Кавтарадзе¹.

Следует отметить, что учреждения, которое бы носило официальное наименование «Генеральный штаб», в Красной армии в годы Гражданской войны не существовало, что, однако, не означает отсутствия в Советской России Генерального штаба как такового, как иногда ошибочно утверждается. Функции центрального аппарата Генерального штаба в Гражданскую войну оказались распределены между несколькими учреждениями – ГУГШ старой армии и его преемником – ВГШ; ВВС и возникшим на его базе Штабом РВСР, позднее – ПШ РВСР и в конце Гражданской войны – Штабом РККА. Войсковое управление было сосредоточено в штабах фронтов, армий, дивизий и бригад.

Специалисты Генерального штаба состояли в Советской России на особом и тщательном учете. Фактически они оказались выделены в особую корпорацию внутри командного состава, хотя эта корпорация и не приобрела того вида, какой имела до 1917 г. Похожая ситуация складывалась и в антибольшевистском лагере, однако там дореволюционные традиции офицерской службы были укоренены намного сильнее.

В целом же в Гражданскую войну дореволюционные нормы и правила, касавшиеся генштабистов, оказались размыты. В обстановке кадрового голода в Советской России в качестве специалистов Генштаба использовались все, кто имел хотя бы минимальное отношение к обучению в академии (в том числе те, кто не был причислен к Генеральному штабу и переведен в него, хотя и окончил академию). В этой связи под кадрами Генерального штаба эпохи Гражданской войны или генштабистами мы понимаем выпускников и слушателей (в том числе окончивших академию неудачно или прошедших неполный курс обучения) военных академий, состоявших на учете противоборствующих сторон как специалисты Генерального штаба или выполнявшие соответствующие функции на протяжении 1917–1922 гг. Наиболее точно сущность этих специалистов была определена в Красной армии в конце Гражданской войны – специалисты с высшим общим военным образованием (для отделения их от выпускников специализированных военных академий – артиллерийской, инженерной, интендантской, юридической, военно-медицинской). В Красной армии, где не употреблялось слово «офицер», замененное термином «военный специалист (военспец)», их также называли лицами Генерального штаба или генштабами. При отсутствии в РККА воинских чинов рядом с фамилией делалась приписка «Генштаба», что, несомненно, являлось определенной привилегией. Чтобы постоянно не оговаривать, о ком идет речь, выпускников и слушателей старой Военной академии мы обобщенно именуем генштабистами безотносительно различий в тех или иных их категориях (разумеется, это делается сообразно использованию соответствующих кадров как специалистов Генштаба, например, в РККА, где к таковым относили даже неудачно окончивших обучение). Кроме того, для обозначения выпускников старой академии, служивших в РККА, мы применяем термин «военспецы-генштабисты» (который условно отделяет их от выпускников

¹ Кавтарадзе А. Г. Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 75.

Академии Генштаба РККА — «красных генштабистов», как такую категорию именovali в 1920-е гг.). Выпускников и слушателей ускоренных курсов академии мы именуем курсовиками (в документах рассматриваемого периода их также могли называть курсистами).

В период Гражданской войны в России основная масса генштабистов была представлена выпускниками Императорской Николаевской военной академии (до 1909 г. — Николаевской академии Генерального штаба), высшего военно-учебного заведения, монополизировавшего подготовку кадров с высшим общим военным образованием в дореволюционной России. Однако в событиях 1917–1922 гг. принимали участие и выпускники других академий. В частности, Академии Генерального штаба РККА, германской Военной академии, различных ускоренных курсов, призванных восполнить острую нехватку генштабистов во враждующих армиях. Кроме того, в годы Гражданской войны к специалистам Генерального штаба за революционные заслуги были отнесены некоторые видные военные деятели РККА, не имевшие необходимого образования и формального права считаться генштабистами. В нашей работе эти лица рассматриваются отдельно от тех, кто обладал соответствующим образовательным цензом.

Хронологические рамки исследования затрагивают период вооруженных столкновений Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Исторический фон работы намного шире и затрагивает события первой половины XX в. Географические рамки охватывают территорию бывшей Российской империи, на которой разворачивались события Гражданской войны. Рассматриваемая территория включает Советскую Россию и союзные ей государственные образования, территории на Севере, Северо-Западе, Юге и Востоке России, контролировавшиеся антибольшевистскими правительствами, а также новые национальные республики, в которых имелись кадры Генерального штаба: Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию, Польшу, Украину, Грузию, Армению, Азербайджан.

В восприятии генштабистов, не пошедших по пути национализации, Россия за очевидным исключением Польши и Финляндии (хотя порой оспаривался и их статус) оставалась единой и неделимой, а новые независимые государства на ее территории воспринимались как недоразумение. Рационализировало такой подход то, что в Гражданскую войну практически повсеместно возникали десятки государственных или псевдогосударственных образований, подчас совершенно абсурдного характера, дискредитировавшие саму идею какого-либо самоопределения. За восстановление единой России (в которую бы входили Украина, Прибалтика и Закавказье, а возможно, и Польша с Финляндией) боролись белые, а выступавшие за мировую революцию красные де-факто стали собирателями земель бывшей империи, распространив свою власть на контролировавшиеся антибольшевистскими силами окраины. Такой подход привлек на их сторону немало имперски мыслящих офицеров.

Корпорация генштабистов нами рассматривается комплексно во всех противоборствующих лагерях (красном, белом и национальном) на основе широкого круга редких документальных материалов из архивохранилищ России, ближнего и дальнего зарубежья. По нашему глубокому убеждению, произвольное выделение службы генштабистов в каком-то одном лагере вне рассмотрения их пребывания в других лагерях, отрыв от исторического контекста напрямую ведут

к серьезному искажению реальной картины событий Гражданской войны, тем более что около трети генштабистов за годы той войны прошли через службу не в одной, а в нескольких враждующих армиях. Только системное рассмотрение вопроса во всей его сложности и многогранности позволяет нам приблизиться к истинному знанию о прошлом. При этом важно не допустить ошибки, субъективно выделяя фактор принадлежности к генштабистам во всех исторических явлениях. Далеко не везде это обстоятельство было определяющим, а во многих случаях офицеры действовали просто как представители командного состава.

Серьезные теоретические разработки в области изучения элиты и ее роли в обществе относятся к первой половине XX в., т.е. к периоду, который охватывают и хронологические рамки нашей работы. Подобные взгляды, безусловно, соответствовали состоянию общества того времени. В этом смысле есть основания считать, что в период Гражданской войны военная элита из специалистов Генерального штаба являлась одной из сил, творивших историю. Основным постулатом сторонников теории элит было то, что элита берет на себя функцию управления государством или руководства теми или иными областями человеческой деятельности. Одним из основоположников этой теории был итальянский социолог В. Парето¹, обративший внимание на циркуляцию (пополнение и отток) и смену элит². Все разработчики этих концепций сходились в том, что без элит любое общество (даже демократическое) не может нормально существовать и развиваться. По сути, идея неперменного наличия в обществе элиты восходит к теории общественного договора. Думается, справедливо определение элиты, данное авторитетным современным теоретиком этого вопроса Г.К. Ашиным, как особой социальной группы, скрепленной глубокими внутренними связями входящих в нее членов, общностью их интересов³.

В СССР элитология как самостоятельная область исследований появилась только в середине 1980-х гг., а в исторических исследованиях это направление стало серьезно развиваться лишь в постсоветский период. В настоящее время исследователями ставится вопрос о переосмыслении исторического процесса с точки

¹ Подробнее о его концепции см.: *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2008. С. 306–315 и др.

² Небезынтесную попытку анализа и критической оценки этого подхода с ортодоксальных марксистско-ленинских позиций см.: *Ашин Г. К.* Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985. Впрочем, автор этой работы приписывал сторонникам теории элит попытку теоретического обоснования эксплуатации населения и антикоммунизм, что является подменой понятий, поскольку под эту теорию попадают и те процессы, которые охватили нашу страну в XX в. В постсоветский период Ашин признал, что прежде отрицал значимость элит в обществе из-за цензурных ограничений, он же стал одним из создателей и разработчиков элитологии как научной дисциплины. Опыт СССР и история советской номенклатуры вполне доказали жизненность теории элит даже в том обществе, где подобный подход отрицался и считался буржуазным (см., напр.: *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011). Подтверждает эту теорию и иностранный опыт. Подробнее см.: *Ашин Г. К.* Элитология. История, теория, современность. М., 2010. Также см.: *Волков С. В.* Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999; *Его же.* Элитные группы традиционных обществ. М., 2017; *Его же.* Элитные социальные группы и государственная служба в России. М., 2021; *Его же.* Элитные группы в «массовом обществе». М., 2021.

³ *Ашин Г. К.* Элитология. С. 388.

зрения непредвзятого и всестороннего изучения роли в истории тех или иных элит¹. Предметом элитологии являются социально-политическая стратификация общества, исследование процесса управления, состава элиты, принципов ее функционирования, трансформации, причин подъема и упадка. При изучении элит анализируются их возрастная структура, уровень образования, квалификация, система ценностей, наличие внутренних группировок и противоречий.

Армия всегда играла одну из ключевых ролей в истории нашей страны. Даже политическая элита Руси, Московского государства, Российской империи, Советского государства на протяжении столетий была в немалой степени милитаризованной, включая в себя крупных военных деятелей и администраторов, полководцев (в качестве знаковых исторических фигур, сочетавших в себе функции политической и военной элиты, можно упомянуть князей Олега и Святослава, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана III, императоров Петра Великого и Николая II, видных военно-политических деятелей: А. Д. Меншикова, Г. А. Потемкина, А. П. Ермолова, И. Ф. Паскевича, А. Н. Куропаткина, великого князя Николая Николаевича-младшего, Л. Д. Троцкого, А. И. Деникина, А. В. Колчака, И. В. Сталина).

Проблемы изучения военных элит как в России, так и за ее пределами в рассматриваемый период, как и на других исторических этапах, уже получили признание в отечественной историографии². Военная элита понимается исследователями как доминирующая в государственном управлении высоко статусная общность³, руководящий слой армии⁴, прослойка, влиявшая на развитие военной машины⁵. Представляется оправданным отнесение к элите лиц, обладающих какими-либо заметными качественными отличиями от широких масс в образовании и статусе, что обуславливает значимость мнения этой группы для правящих кругов⁶.

Вместе с тем, в вопросе о критериях принадлежности к военной элите существует значительная пестрота взглядов и оценок. Разные авторы акцентируют внимание на важности таких факторов, как должностное положение, степень влияния на принятие управленческих решений, репутация, профессиональная

¹ См. об этом работы исследователя германской военной элиты эпохи Первой мировой войны Л. В. Ланника: *Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии.* Саратов, 2012. С. 12; *Его же. Победоносные проигравшие: Германская военная элита в 1914–1921 гг.* СПб., 2016. С. 10.

² См., напр.: *Бандурин С. Г. История формирования руководящих кадров Пограничной службы России в XX веке (царская Россия, СССР, Российская Федерация): дис... д. и. н. М., 2010; Безотосный В. М. Закаленные эпохой. Российский генералитет Александра I. М., 2015; Его же. Российский генералитет эпохи 1812 года: Опыт изучения коллективной биографии. М., 2018; Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011; Его же. Полководцы Московского царства. М., 2020; Лазарев С. Е. Советская военная элита 1930-х годов. М., 2016 (2-е изд.: М., 2020); Ланник Л. В. Германская военная элита...; Его же. Победоносные проигравшие; Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000; *Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного: Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017; Печенкин А. А. Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002; Его же. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003; Его же. Сталин и Военный совет. М., 2007; Его же. Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М., 2011; Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001; Черушев Н. С. Элита Красной армии на Голгофе. М., 2005; Чувардин Г. С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005; Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: Сб. науч. статей. М., 2010; и др.**

³ Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». С. 8.

⁴ Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг. С. 3.

⁵ Ланник Л. В. Германская военная элита... С. 57.

⁶ Там же. С. 56.

компетентность, уровень образования^I. Отмечается в литературе и то, что не всегда вхождение в военную элиту обусловлено профессиональной результативностью, но порой определяется государственной властью за те или иные заслуги перед нею^{II}.

Мы исходим из взгляда на существование в обществе множества элит (в соответствии с разработками В. Парето своя элита существует в каждой сфере человеческой деятельности, поскольку люди в силу природных и социокультурных факторов не равны в своих способностях, возможностях и квалификации). Исследуемые нами офицеры-генштабисты представляли собой высокообразованную элиту (квалифицированное меньшинство) внутри функциональной элиты — офицерского корпуса русской армии. Расширение влияния и роли генштабистов в армии и обществе в конце XIX — начале XX в. вполне соответствует взгляду на тот период как на время упадка прежней аристократической элиты и замены ее в процессе развития военной науки и военного дела, усложнения вопросов организации армии бюрократическо-технократической элитой из профессионалов военного дела. Фактически в военно-политической области начала создаваться своего рода иерархия знания, так и не оформившаяся в итоге в силу объективных и субъективных причин. Но такая система чревата определенными негативными чертами, так как в иерархической системе каждый работник поднимается до уровня своей некомпетентности, получая повышения до тех пор, пока успешно справляется с должностными обязанностями («принцип Питера», сформулированный американским педагогом Л. Дж. Питером)^{III}. События 1917 г. оцениваются исследователями элит как самая радикальная их смена в истории человечества^{IV}. Впрочем, ситуация с сохранившими на определенный период свои позиции в новой элите генштабистами свидетельствует о неоднозначности такой оценки.

Термин «технократия» происходит от двух греческих слов: *techno* — ремесло, мастерство и *kratos* — власть, т.е. власть специалистов. Иногда термин переводят как правление техников. Если вспомнить, что генштабисты называли сами себя техниками штабной службы, то параллель очевидна. По Н.Н. Головину, видному теоретику Генерального штаба, полководец — это творческое начало в военном деле, а штабные работники — техническая сторона управления. Генштабисты должны были владеть, если можно так сказать, ремеслом создания вооруженных сил и управления ими. Здесь уместно процитировать телеграмму комиссара 4-й советской армии комиссару Николаевской дивизии о легендарном В.И. Чапаеве: «Штаб, политком Чапаева начальником дивизии не признают, он не имеет технической подготовки»^V.

Технократическая система управления, при которой власть принадлежит экспертам, была проявлением прагматизма в государственном управлении. Несмотря на революционный слом и враждебность старой военной бюрократическо-технократической элиты, большевики сохранили за ней функции военного руководства.

^I Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». С. 22.

^{II} Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 12.

^{III} Ашин Г. К. Элитология. С. 163.

^{IV} Там же. С. 8.

^V Чапаев А. В., Чапаева К. В., Володихин Я. А. Василий Иванович Чапаев: Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Чебоксары, 1987. С. 113. Выражаю благодарность к. и. н. А. А. Симонову за указание на этот источник.

При этом старая военная элита воспринимала себя как хранительницу русской государственности в период крушения страны. По этой причине она возглавила Белое движение, сыграла видную роль в антибольшевистском подполье. Однако она была крайне ограничена в своем миропонимании и действиях прежним служебным укладом, личными взаимоотношениями, системой ценностей и традиционализмом. Более того, представители этой группы не обладали в нужной степени организаторскими (энергичность и инициативность, дисциплинированность, системность), политическими (гибкость, дипломатичность, политическая смелость и воля) и моральными качествами (энтузиазм, решительность, готовность и способность самосовершенствоваться, учиться на ошибках, перенимать опыт противника, проявить беспощадность, жестокость и хитрость, подчинить все достижению результата) для победы. Как следствие, такая элита проиграла в Гражданской войне большевистской элите.

В Советской России и в СССР, несмотря на декларируемые представлениями власти и всячески подчеркивавшиеся антиэлитизм и эгалитаризм, возникла собственная политическая элита, состоявшая из руководителей РКП(б) (старой партийной гвардии, как ее назвал в 1922 г. В. И. Ленин¹), получили распространение вождизм, жесткий централизм, власть оказалась монополизирована. Все политические решения принадлежали исключительно партийному руководству (правлящей элите Советской России), сосредоточившему в своих руках неограниченные диктаторские полномочия. Позднее партийную элиту составили, прежде всего, высшие слои номенклатуры, а для обозначения власти партийных работников впоследствии появилось определение «партократия». То, что советская бюрократия стала новым привилегированным слоем в стране, подметил еще очевидец тех событий, крупный отечественный философ Н. А. Бердяев².

Большевики, придя к власти, повели за собой часть старой военной элиты, но не давали технократам-генштабистам каких-либо полномочий за пределами круга их профессиональной компетенции. Все политические решения принадлежали партийному руководству. Несмотря на это, генштабисты вошли в элиту командного состава РККА, заняв практически все ключевые посты в высшем командовании. Кроме того, Гражданская война вела к отбору военных кадров по меритократическому принципу — т. е. по заслугам, что позволило многим генштабистам выдвигаться на руководящие посты. Впоследствии некоторая их часть вошла в состав государственной элиты СССР, которая объединила как представителей партийной номенклатуры, так и специалистов-технократов.

Таким образом, структура элит Советской России периода Гражданской войны видится в существовании множества элит (элитный плюрализм) во всех отраслях, так или иначе подчиненных сплоченной и мощной правящей партийно-политической элите. Советская военная элита тоже не была однородной, выражая сущность Красной армии, формировавшейся из нескольких, порой враждебных, элементов. В ее состав в 1917–1922 гг. входили разнообразные группы (высокообразованная элита из генштабистов старой школы, внутри которой также существовали группировки генштабистов довоенных выпусков и молодых выпускников

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 20.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 105.

ускоренных курсов, обладавшая широкими властными и контролирующими полномочиями элита из партийных военных работников, элита из красных командиров, порой даже не имевших специального военного образования, но отличившихся на фронте). При этом шел процесс проникновения отдельных представителей военной элиты из бывших офицеров в правящую партийную элиту, а военная элита стремилась повысить свою общественную роль и добиться определенных политических полномочий (например, такие цели прослеживаются в попытках корпоративного сплочения выпускников ускоренных курсов и слушателей Академии Генштаба РККА). После Гражданской войны эти устремления вылились в противостояние группировок военных, объединявшихся вокруг определенных лидеров¹.

Знаковым явлением любого смутного времени была и остается борьба элит, попытки отстаивания ими своих групповых интересов (одним из проявлений этого стал, в частности, корпоративизм генштабистов), что ведет к ослаблению государства. Не стал исключением и рассматриваемый период. Эпоха Гражданской войны может быть охарактеризована как время ожесточенного противостояния элит как между враждующими лагерями, так и внутри каждого из них. Это противостояние охватывало и генштабистов. В частности, в РККА наряду с элитой генштабистов – выпускников и слушателей старой Военной академии, занимавших ключевые военно-административные посты, возникла своего рода контрэлита в лице слушателей Академии Генштаба РККА, красных командиров, враждебно относившихся к старым генштабистам и пытавшихся с ними бороться за социальный статус и должности. Эти две группы генштабистов оставались взаимно отчужденными на протяжении длительного времени. Попытки власти объединить их в некое сообщество генштабистов РККА (например, включая в единые списки лиц с высшим общим военным образованием) не привели к преодолению розни, обусловленной различной социальной природой этих групп. После Гражданской войны постепенно красные командиры по естественным причинам (старения генштабистов дореволюционной школы) и в силу репрессий (не только арестов и расстрелов, но и увольнений из армии как одной из форм выдавливания старых специалистов из командного состава РККА) вытеснили прежнюю военную элиту. Лишь впоследствии, после изгнания из рядов РККА значительной части старых генштабистов, оставшимся уже не оставалось иного выбора, как примкнуть к красным генштабистам.

Гражданская война и создание РККА оказались «лебединой песней» дореволюционного Генштаба – последним периодом, когда он еще играл (по разные стороны баррикад) решающую роль в стране. Пользуясь патронатом и благосклонностью большевистского военного вождя Л. Д. Троцкого, генштабисты заняли руководящие посты в Красной армии. К «бывшим» у большевиков существовало естественное недоверие, находившее подтверждение в многочисленных изменах военспецов и выливавшееся в мотивированные и не мотивированные репрессии. В целом же вклад старого Генштаба в создание и укрепление РККА трудно переоценить. Генштабисты не только вели Красную армию к победам на фронте и в тылу в оперативном, организационном, мобилизационном и других отношениях, но также занимались разведывательной и контрразведывательной работой,

¹ Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 7.

выступали экспертами на международных переговорах, готовили командные кадры и развивали военную науку (причем тогда им еще дозволялось свободно полемизировать по специальным вопросам даже с партийным руководством).

Целью нашего исследования является комплексное изучение роли специалистов Генерального штаба в событиях Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Тогда генштабисты принимали участие практически во всех значимых военных и политических процессах, приведших к глобальным переменам в нашей стране и за ее пределами. Генштабисты стояли у истоков борьбы с большевиками и Белого движения, они же внесли важнейший вклад в строительство РККА и национальных армий, многое сделали для победы красных. Проанализировав события Гражданской войны через призму участия в них дореволюционной военной элиты, ее столкновения с вновь формировавшимися военными и политическими элитами, можно получить качественно новое представление о переломных для нашей страны процессах 1917–1922 гг.

Исследование участия кадров Генерального штаба в событиях Гражданской войны в России затрагивает широкий спектр принципиально важных и до сих пор не решенных научных проблем: вопрос идейно-политического выбора военной элиты и его мотивы; роль кадров Генштаба в военном и политическом противостоянии; лояльность генштабистов избранным лагерям и армиям; корпоративное единство кадров Генштаба и его влияние на различные военно-политические процессы; характер и особенности подготовки кадров Генштаба в 1917–1922 гг. в противоборствующих лагерях (результаты и степень эффективности такой подготовки напрямую связаны с эффективностью использования кадров сторонами конфликта); взаимодействие военной и политической элиты; репрессивная политика в отношении кадров Генштаба и т.д.

Основными методами изучения корпуса генштабистов по существующей традиции были и остаются социологический и историко-статистический. Все без исключения авторы, посвятившие свои работы корпусу офицеров Генерального штаба, значительное внимание уделяли подсчетам численности генштабистов в рядах красных и белых. Однако на протяжении почти столетия эти расчеты были лишь примерными, отталкиваясь от общей численности офицеров Генштаба в списках, составленных в 1917 г. и в годы Гражданской войны. Каждый автор приводил свои подсчеты, не совпадавшие с расчетами предшественников. Полноценных статистических выкладок опубликовано не было. Многие пытались приблизиться к этому, но расчеты в абстрактных цифрах могли иметь лишь очень приблизительный характер и напоминали жонглирование данными.

Неполнота составлявшихся списков и сложность учета разных категорий офицеров очевидны. Только персонифицированный учет кадров Генштаба в рядах противоборствующих сторон позволяет сделать статистический анализ достаточно точным и всеобъемлющим. Вместе с тем и здесь приходится столкнуться с немалыми сложностями. Многие офицеры Генерального штаба за время Гражданской войны успели послужить сразу в нескольких противоборствующих армиях. Возникает проблема отнесения их к определенному лагерю, что необходимо для

расчета численности генштабистов в той или иной армии. Разумеется, интересны как общие показатели, так и их колебания в разные периоды войны, а также объяснение этих колебаний.

Совершенствованию теоретико-методологической основы исследования способствовало знакомство с работами признанных классиков проблематики функционирования Генерального штаба Н.Н. Головина, А.А. Зайцова, А.А. Свечина, Б.М. Шапошникова^I. Все эти авторы, будучи выпускниками Николаевской военной академии, сами являлись участниками событий Гражданской войны с разных сторон.

По справедливому замечанию одного из современных исследователей, «невнимание отечественных историков к военно-историческим проблемам унаследовано от русской классической историографии... само собой сложилось мнение, что это прерогатива историков-военных... писали историки-военные, за редким исключением, историю войн, а не военную историю, что отнюдь не одно и то же»^{II}. Не стала исключением и проблематика участия кадров Генерального штаба в Гражданской войне. Между тем еще один из создателей РККА и кадров ее Генерального штаба Л.Д. Троцкий отмечал, что «научная история войны не есть военная наука, а есть социальная наука или часть социальной науки»^{III}.

Уместно привести и еще одно высказывание. Ученик выдающегося отечественного генштабиста старой школы Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза М.В. Захаров писал: «Деятельность Генерального штаба Красной армии в предвоенные годы велика и многогранна. Чтобы осветить все ее стороны, потребовалась бы не одна монография»^{IV}.

Среди сюжетов, освещающих деятельность Генерального штаба (не только Красной армии, но и ее противников), особое место занимают вопросы кадрового состава – основа основ службы Генерального штаба.

Военная элита эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. до сих пор остается слабоизученной. Это касается всех сторон конфликта. Историография вопроса о кадрах Генерального штаба в период Гражданской войны сравнительно невелика. Она может быть условно разделена на пять групп: историографию антибольшевистского лагеря Гражданской войны и ставшую ее продолжением историографию русского зарубежья, советскую, российскую (постсоветскую) и зарубежную историографию. Каждая из этих групп имеет свои отличительные особенности, которые необходимо учитывать.

Начало историографического осмысления участия кадров Генерального штаба в событиях Гражданской войны следует отнести непосредственно к периоду 1917–1922 гг.^V Разумеется, участники событий, писавшие об этом (прежде всего,

^I Головин Н. Н. Служба Генерального штаба. СПб., 1912. Вып. 1; Зайцов А. А. Служба Генерального штаба. Жуковский; М., 2003; Свечин А. А. Стратегия. Жуковский; М., 2003; Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927–1929. Кн. 1–3.

^{II} Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 281–282.

^{III} Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1925. Т. 3, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы. С. 278.

^{IV} Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 12.

^V Андогский А. И. Академия Генерального штаба в 1917–18 гг. Омск, 1919; Андогский А. И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная армия Советской России (уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921; Лисовой Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к 1 декабря

это были ветераны Белого движения), не могут считаться объективными историографами. Кроме того, современники не располагали необходимой для серьезного изучения проблемы документальной базой, а в условиях незавершенности исторических процессов 1917–1922 гг. нередко приходили к ошибочным суждениям. Их работы скорее можно отнести к историческим источникам, чем к исследованиям в строгом смысле слова. Заложенное в Гражданскую войну направление изучения темы нашло свое развитие в ряде публикаций ветеранов Белого движения в эмиграции¹.

В советской историографии проблема участия кадров Генерального штаба в Гражданской войне либо оставалась табуирована, либо по существу не исследовалась. Документы антибольшевистского лагеря, периодические и непериодические издания хранились в закрытых архивных фондах или спецхранах, доступ к которым могли получить лишь избранные. Практически весь советский период под запретом оставалось изучение деятельности генштабистов антибольшевистского лагеря (как из белых, так и из национальных армий), были невозможны любые положительные суждения в их отношении.

В то же время достаточно глубоко (в ряде случаев самими военспецами) изучались общие вопросы военного строительства в Советской России, а часть работ сохраняет свое значение до сих пор². Создавались исторические труды, посвященные истории различных органов военного управления, учреждений, соединений и объединений³, а также партийно-политическому руководству Вооруженными

1918 г.) // *Донская волна* (Ростов-на-Дону). 1919. 24.02[09.03]. № 9 (37). С. 11–14; *Лопатин*. Генеральный штаб // *ИН*. 1919. 01.06. № 115. С. 2.

¹ *Зайцов А. А.* Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны // *Русский инвалид* (Париж). 1932. 07.03. № 36. С. 6–7; 22.03. № 37. С. 5–6; *Байов А. К.* Генеральный штаб во время Гражданской войны // *Часовой* (Париж). 1932. 15.07. № 84. С. 3–5.

² *Берхин И. Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958; В интересах Вооруженных сил. Служба военных сообщений. М., 1989; Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии; Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980–1986; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987; *Кляцкин С. М.* На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965; *Левенштейн М. Н.* Роль Высшей военной инспекции РККА в осуществлении военной политики Коммунистической партии в процессе строительства регулярной Красной армии (апрель 1918 – сентябрь 1919 гг.): дис. ... к. и. н. М., 1978; *Мовчин Н. Н.* Комплектование Красной армии (исторический очерк). М., 1926; *Самуйлов В. И.* Устройство Вооруженных сил республики. Пг., 1919. Вып. 1; Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978; и др.

³ Академия Генерального штаба. М., 1987; Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А. И. Радзиевского. М., 1973; Боевой путь войск Туркестанского военного округа. М., 1959; Военная академия за пять лет. М., 1923; Два года Красной академии Генерального штаба (1918 – сентябрь 1920 г.). М., 1921; *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы; История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974; История Уральского военного округа. М., 1970; Краснознаменный Белорусский военный округ. М., 1983; Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980; Краснознаменный Северо-Кавказский: Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1978; Краснознаменный Уральский. М., 1983; *Ненароков А. П.* Восточный фронт 1918. М., 1969; Ордена Ленина Забайкальский. М., 1980; Ордена Ленина Московский военный округ. М., 1985; *Снегирев В.* Кавказская Краснознаменная армия. Ее боевой путь и учеба. Тифлис, 1928; 40 лет Военной академии имени М. В. Фрунзе. М., 1958; *Спасский А.* Третья армия. Пермь, 1958; *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961; *Траскунов М. Б.* Героический боевой путь 11-й армии на фронтах Гражданской войны (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1958; *Его же.* Кавказская Краснознаменная. Тбилиси, 1961; *Шапошник В. Н.* Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980; *Шехаев Б.* Боевая жизнь 16 стрелковой Ульяновской имени Киквидзе дивизии. М.; Л., 1926; и др.

силами¹. В них можно было обнаружить упоминания военспецов-генштабистов. Разумеется, официальные издания тщательно обходили острые углы.

Командный состав РККА в советской историографии тоже изучался своеобразно. В сталинскую эпоху бывшие офицеры рассматривались если не исключительно как враги, то, по крайней мере, как «классово чуждые». Изучение этой группы командного состава не считалось перспективным. История Гражданской войны фальсифицировалась в угоду политическому заказу. Длительное время прямо или косвенно запрещалось писать о репрессированных военспецах безотносительно того, были ли они репрессированы в Гражданскую войну или в 1930-е гг. Нельзя было изучать и многочисленных перебежчиков, пусть даже до бегства из Советской России добросовестно служивших большевикам.

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. и смягчения режима полноценного изучения темы не сложилось — если и выходили отдельные публикации², то участие бывших офицеров в Гражданской войне освещалось в них отрывочно, с многочисленными оговорками, купюрами и умолчаниями. Простор для творчества по-прежнему оставался очень ограниченным. Достаточно отметить, что вплоть до конца 1980-х гг. не допускались положительные оценки в отношении деятельности председателя РСФСР Л.Д. Троцкого, теснейшим образом связанного с военспецами-генштабистами. Такое ограничение отсекало возможность изучать целый пласт важнейших проблем (практически все вопросы организации центрального аппарата РККА, политику в отношении бывших офицеров и т.д.), фактически выхолащивало тему и делало любые попытки исследования заранее обреченными на неудачу. Все заслуги Троцкого приписывались В.И. Ленину или партии, всячески подчеркивалось, что председатель РСФСР вел вредительскую работу, не интересовался военными вопросами³. Нельзя было писать о красном терроре периода Гражданской войны в отношении бывших офицеров, о многочисленных изменах военспецов и их мотивации. В связи с кампанией по реабилитации жертв политических репрессий в период десталинизации в историю нашей страны были возвращены имена ряда репрессированных военспецов. Например, И.И. Вацетиса, А.И. Корка, А.А. Свечина, А.Е. Снесарева⁴. Стали появляться жизнеописания и тех, кто не подвергался репрессиям в Советской России⁵.

Настоящим историографическим событием стало издание в 1970-х гг. сборников документов «Директивы главного командования Красной армии» и «Директивы командования фронтов Красной армии». В четвертый, справочный, том сборника

¹ Азовцев Н. Н. В. И. Ленин и советская военная наука. М., 1981; Иовлев А. М., Воропаев Д. А. Борьба Коммунистической партии за создание военных кадров (1918–1941 гг.). М., 1956; Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной армии. М., 1970; Его же. В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979; Липицкий С. В. Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973.

² См., напр.: Спиринов Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3–16; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.

³ См., напр.: Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979. С. 280, 366. На излете советской эпохи этот же автор опубликовал статью, в которой воздал должное заслугам Троцкого в организации РККА (Гражданская война в России: События, мнения, оценки: Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М., 2002. С. 295–305).

⁴ Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973; Gorelik J. Revolutsiooni sõdur. August Kork. Tallinn, 1969 (Горелик Я. М. Солдат революции. Август Корк. Таллин, 1969, на эст. яз.).

⁵ Горелик Я. М. Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. М., 1961; Захаров М. В. Ученый и воин: (О Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове). 2-е изд. М., 1978; Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972.

ДКФКА вошли как статистические и справочные данные о составе Красной армии, так и списки командиров, начальников штабов, членов РВС и комиссаров практически всех ее фронтов, армий и дивизий с указанием дат пребывания их в тех или иных должностях¹. К сожалению, из-за большого объема информации часть опубликованных данных оказалась неточной, а представленная информация о каждом конкретном человеке была очень краткой.

Справочный том сборника документов был использован при подготовке основного советского справочника по периоду Гражданской войны — энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», вышедшей двумя изданиями в 1980-е гг. (1983 и 1987). Вполне естественно часть ошибок и неточностей «по наследству» попала и в энциклопедию. В этой энциклопедии представлены списочные сведения обо всех командующих советскими фронтами, армиями, дивизиями, опубликованы списки начальников штабов и членов РВС. Однако персональных биографических статей удостоились лишь некоторые, наиболее видные представители командного состава РККА, причем далеко не все, кого можно было бы отнести к военной элите. Выборка была нерепрезентативной и обусловленной исключительно соображениями соответствия той или иной биографии идеологическим установкам периода составления энциклопедии. Энциклопедия не содержала даже специальной статьи о председателе РВСР и создателе Красной армии Л.Д. Троцком, отсутствие которой частично компенсировала ругательная статья «Троцкисты». Впрочем, Троцкий был скорее политиком, хотя в этот период вполне может быть отнесен и к представителям советской военной элиты. Отсутствуют в энциклопедии персональные статьи о многих видных военспецах-генштабистах, в том числе фронтового уровня. Отсутствие статей о начальниках армейских штабов является общим местом. Сведения о военспецах не всегда точны, содержат немало пропусков и ошибок, часть из которых обусловлена цензурными ограничениями, хотя, казалось бы, второе издание энциклопедии вышло в самый разгар перестройки. Так, например, вообще не упоминалось о репрессиях 1930-х гг., в том числе и в биографических статьях о репрессированных (не исключая даже тех, о ком эти данные были давно известны, как, например, о М.Н. Тухачевском). В последний год существования СССР увидел свет и содержательный сборник биографических очерков о высших военных руководителях Советской России, составители которого поставили своей задачей восполнить пробелы энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР»².

Различные аспекты темы освещались в советской литературе, несмотря на цензурные ограничения. Одним из таких направлений оказалось развитие советской военной мысли³. И хотя исследования не могли быть всесторонними и объективными в связи с увлечением авторов марксистско-ленинской догматикой, тем не менее в этих работах содержалось немало ценных сведений.

Нельзя не отметить и монографию известного советского историка В.Д. Поликарпова, посвященную анализу зарождения контрреволюционных сил

¹ ДКФКА. М., 1978. Т. 4.

² Реввоенсовет Республики: (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991.

³ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965; Вопросы тактики в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1970; Коротков И. А. История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917 – июнь 1941. М., 1980.

в дореволюционный период и, в частности, офицерам Генерального штаба. Наряду с интересными наблюдениями по рассматриваемой теме в эту работу попали и далекие от действительности утверждения о том, что царизм сознательно готовил кадры контрреволюции, специально тренировал их на подавлениях революционных выступлений, что движение генерала Л.Г. Корнилова, как и фашизм, – это террористическая диктатура буржуазии и даже что в июле 1917 г. Генеральный штаб якобы взял власть в России¹.

Противоборство советских органов госбезопасности с белым подпольем, отдельные аспекты вовлечения военспецов в антисоветскую деятельность получили отражение в историографии советского периода, в том числе ведомственной².

Лишь в поздней советской и в современной российской историографии, а также в исследованиях, выходящих в ближнем зарубежье, в Прибалтике, Польше и Финляндии, проблематика роли офицерства старой русской армии в событиях революции и Гражданской войны начала разрабатываться более активно. Одним из основоположников изучения этого вопроса можно считать советского и российского военного историка А.Г. Кавтарадзе. Вплотную разработкой темы участия военспецов в Гражданской войне он занялся примерно с середины 1960-х гг., уволившись из рядов Вооруженных сил. Однако вплоть до конца 1980-х гг. Кавтарадзе имел возможность публиковать лишь отдельные небольшие заметки по избранной теме. Только в 1988 г. наконец увидело свет его монографическое исследование³, ставшее первой и последней крупной работой по данной проблематике, изданной в советский период.

Кавтарадзе справедливо дал высокую оценку корпуса офицеров Генерального штаба как «самой ценной и подготовленной части офицерского корпуса русской армии»⁴. Тем не менее изучение роли этой группы бывших офицеров в рядах РККА не стало предметом его специального внимания, заняв менее четверти всего объема относительно небольшой монографии. В правках учебного на титульном листе гранок его монографии имеется рукописная надпись: «Генеральный штаб (? в) Красной армии (1917–1923 гг.) X.1917–1923»⁵. Вероятно, имелись в виду различные варианты дальнейшего развития темы книги. Недавно на одном из интернет-аукционов была выставлена на продажу папка с машинописными справочными материалами Кавтарадзе по генштабистам РККА, представлявшими так и не опубликованный расширенный вариант приложений к его монографии (эти материалы к настоящему времени уже устарели, но сохраняют свое мемориальное значение). По ряду причин Кавтарадзе не мог осуществить задуманное и раскрыть эту тему во всей полноте, лишь в некоторой степени затронув ее. Вследствие цензурных ограничений многие сюжеты просто

¹ Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990. С. 12, 27, 34, 88.

² Голинов Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1; Корнатовский Н. А. Заговор против социалистической родины. Осень 1919 года в Петрограде // Красная летопись. 1937. № 3. С. 92–117; Его же. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. Л., 1972; Кутузов В. А., Лепетухин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1989. Кн. 1–2; Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сталис В. В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990; Остряков С. З. Военные чекисты. М., 1979; и др.

³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Гранки монографии А. Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов» с авторской правкой (Архив Р. Г. Гагкуева (Москва)).

не могли войти в издание, а то, что вошло, должно было создавать идеалистическую картину службы бывших офицеров новой власти. За рамками книги остались значительные комплексы документов РГВИА, РГВА, ГА РФ о службе генштабистов в годы Первой мировой и Гражданской войн, не говоря о зарубежных архивах. Не мог автор писать ни о репрессиях и изменах военспецов, ни о роли Л. Д. Троцкого в их привлечении на службу. Практически вне поля зрения автора оказались вопросы непосредственной службы военспецов в РККА и ее результатов. Основное внимание автора было сосредоточено на политике партии по привлечению военспецов на службу и лишь весьма кратко говорилось о пребывании военспецов в армии.

Конечно, написание такой работы в советских условиях серьезно ограничивало автора. В наших беседах Александр Георгиевич неоднократно говорил о невозможности по цензурным причинам включить в работу те или иные материалы. Но сам выход книги стал настоящим прорывом своеобразного «заговора умолчания». Кавтарадзе сумел убедить партийное начальство в необходимости выпуска книги в связи с тем, что сборники ДГК и ДКФКА, а также энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» содержали данные о военспецах, но эти данные не всегда отличались достоверностью и содержали много пропусков. Таким образом, речь шла о совершенствовании чего-то уже разрешенного, а не о принципиально новой проблематике, как было на самом деле. И хотя некоторые неточности этой работы применительно к кадрам Генштаба обнаруживаются уже в наши дни, тем не менее труд Кавтарадзе сохраняет свое научное значение. Отметим, что исследование Кавтарадзе получило настолько широкое распространение, что служит основой представлений о кадрах Генштаба даже в историографии национальных государств¹.

На рубеже 1980–1990-х гг. начался новый историографический этап, имевший свои особенности. История зарождения и становления Красной армии эпохи Гражданской войны уже практически не привлекала внимания исследователей. Популярность обрела тематика истории старой армии и Белого движения – те сюжеты, которые замалчивались ранее.

Среди обобщающих работ по истории дореволюционного офицерского корпуса стоит отметить исследования советского историка П. А. Зайончковского, увидевшие свет через много лет после их написания, уже в новой России². Научно-популярный характер носит книга С. В. Волкова, дающая общее представление об эволюции русского офицерского корпуса³. Е. Ю. Сергеев попытался проанализировать менталитет дореволюционной военной элиты и ее представления о Западе, а также составить коллективный портрет этой группы⁴. Вопросу подготовки кадров в высшей военной школе до 1917 г. посвящена монография Н. А. Машкина⁵,

¹ См., напр.: *Тютенко Р. В.* Соціальний портрет офіцера українських армій періоду Національної революції (1917–1921 pp.): дис. ... к. и. н. Львів, 2018. С. 38–39; *Skrukwa G.* Formacje Wojskowe Ukraińskiej “Rewolucji Narodowej” 1914–1921. Toruń, 2008. S. 140.

² *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24–69. *Его же.* Высшее военное управление. Император и царствующий дом // Там же. С. 70–100.

³ *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.

⁴ *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...».

⁵ *Машкин Н. А.* Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997.

затрагивающая в том числе ряд аспектов истории Императорской Николаевской военной академии. Внимание исследователей привлекали и различные вопросы развития системы военного образования, в том числе высшегоⁱ. Отражение в историографии нашла и эволюция Генерального штаба как государственного институтаⁱⁱ. Появились отдельные публикации о корпусе офицеров Генштаба и группах внутри этого корпусаⁱⁱⁱ. Традиционно повышенным вниманием исследователей пользуется разведывательная работа генштабистов^{iv}. Отдельные аспекты, связанные с участием генштабистов в Первой мировой и Гражданской войнах, затронуты в тематически схожих монографиях А. А. Буравченкова и И. Н. Гребенкина^v, однако основное внимание в них уделено офицерству в целом. Несколько монографий посвящены деятельности главнокомандующих фронтами Первой мировой войны^{vi}. Существуют неравноценные по качеству труды о роли офицерства в 1917 г.^{vii} Можно отметить и работу Ф. А. Селезнева о борьбе элит в 1917–1918 гг.

ⁱ Ионов В. В. Подготовка военных кадров в России (XIX – начало XX вв.): дис. ... д. и. н. СПб., 1998; *Его же*. Страницы истории офицерских школ русской армии: проблемы, факты, люди. М., 2017; Каменев А. Военная школа России (уроки истории и стратегии развития). М., 1999; Лушников А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996; Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918). СПб., 2018.

ⁱⁱ Кавтарадзе А. Г. Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 75–80; 1972. № 7. С. 87–92; 1974. № 12. С. 80–86; 1976. № 3. С. 103–109; *Его же*. Войсковое управление Генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. 1978. № 6. С. 77–82; Кожевникова Г. В. Главное управление Генерального штаба накануне Первой мировой войны (1910–1914). М., 1998; Airapetov O. R. Milutin contra Moltke: Russia's Refusal to Adopt a Prussian-Style General Staff // *Reforming the Tsar's Army*. Cambridge; Washington, DC, 2004. P. 292–303; Алпеев О. Е. Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906–1914 гг.: источниковедческое исследование: дис. ... к. и. н. М., 2015.

ⁱⁱⁱ Ганин А. В. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: опыт историко-психологического исследования // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 152–196; Гоков О. А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 142–149; Деревянко И. В. Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79–80.

^{iv} Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 1–2; *Его же*. Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3, ч. 1–2.; Басханов М. К. Генерал Лавр Корнилов. Лондон, 2000; *Его же*. «У ворот английского могущества»: А. Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. СПб., 2015; Басханов М. К., Солесников А. А. Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении (документы, материалы, комментарии). Тула, 2014; Винокуров В. И. Рыцарь военной дипломатии граф А. А. Игнатьев. М., 2017; Каширин В. Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.

^v Буравченков А. О. Офіцерський корпус російської армії в роки Першої світової війни. Київ, 2011; Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 (2-е изд.: Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015).

^{vi} Порошин А. А. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2011; *Его же*. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014; Оськин М. В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.

^{vii} Александров К. М. Накануне Февраля: Русская императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года. М., 2022; Буравченков А. А. Демократическое офицерство в революционном движении армии и его роль в организации защиты Великого Октября (март 1917 г. – май 1918 г.): дис. ... д. и. н. Киев, 1988; *Его же*. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990; Варзацкий В. Д. Борьба партии за привлечение демократического офицерства на сторону социалистической революции (февраль 1917 – февраль 1918 гг.): дис. ... к. и. н. Одесса, 1984; Загоруйко М. В. Российское офицерство в 1917 году (февраль – октябрь): автореф. дис. ... к. и. н. М., 2012; Солнцева С. А. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль – ноябрь 1917 г.). М., 2020; Тарасенко И. В. Работа партии большевиков среди офицеров армии и флота в трех российских революциях (1917 – апрель 1918 г.): дис. ... к. и. н. М., 1990; Кожевин В. Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011; Копылов Н. А. «Союз офицеров армии и флота» в России периода февральской революции: формирование, программа, тактика: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2011; Кузнецов Д. А. Офицерский корпус России (февраль – август 1917 г.): автореф. дис. ... к. и. н. Воронеж, 2000. Отметим, что диссертация М. В. Загоруйко оказалась плагиатом, и ее автор в 2016 г. был лишен ученой степени.

по вопросу о мире (применительно к избранной нами проблематике интересны разделы о движении генерала Л.Г. Корнилова и о генерале Н.Н. Духонине). Значительную научную ценность представляет цикл монографий и статей петербургского историка К.Б. Назаренко о военных морях, дающих пищу для размышлений в отношении эволюции отечественного офицерского корпуса и военного строительства в целом^{II}. Под руководством К.Б. Назаренко была подготовлена база данных по офицерам флота, на основе которой проведено просопографическое исследование морского офицерства накануне и во время Гражданской войны^{III}.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. с открытием доступа к архивным фондам по истории Белого движения, ослаблением, а затем и отменой партийного идеологического диктата в СССР, а после его распада и в России стало возможным непредвзятое изучение истории антибольшевистского лагеря. На излете советской эпохи в печати стали появляться первые упоминания о генштабистах белых армий. Появились пока еще краткие сведения о расколе офицеров Генерального штаба, о расколотых семьях^{IV}. Здесь важно отметить, что сколько-нибудь взвешенного подхода к тому, как оценивать возглавлявшиеся генштабистами белые армии, в советской историографии не возникло. В различные периоды наблюдались тенденции то к неоправданному уничтожению противников большевиков, практически карикатурному изображению их в качестве недалеких представителей реакционной военщины и запрету на изучение этой темы, то отдельные попытки представить противника весьма серьезным, сверхподготовленным, прекрасно снабженным из-за рубежа, что объективно повышало значение победы РККА^V. Как отмечал известный советский военачальник А.И. Тодорский, критикуя воспоминания видного советского военного деятеля, бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича, «не следует наших врагов изображать людьми безвольными, невежественными, глупыми. Если бы они были таковыми, то стоило ли так затягивать борьбу с ними, да и велика ли честь Красной армии разгромить та к и х противников?»^{VI}

Первым постсоветским обобщающим исследованием участия офицерства в революции и Гражданской войне стала книга С.В. Волкова «Трагедия русского офицерства»^{VII}. Эта работа была новаторской для своего времени и способствовала привлечению интереса читателей к проблемам участия офицерства в Гражданской войне. Вместе с тем, книга была подготовлена практически без привлечения архивных документов, прежде всего, на основе мемуарных работ ветеранов Белого движения, написанных в эмиграции, что не позволяло раскрыть тему объективно. Авторству С.В. Волкова принадлежат многочисленные справочники

^I Селезнев Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017.

^{II} Назаренко К. Б. К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2007. Вып. 4. С. 105–117; *Его же*. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011; *Его же*. Русские морские офицеры в 1917–1921 гг. // Российская история. 2017. № 6. С. 129–137; *Его же*. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018; *Его же*. Флот и власть в России: от Цусимы до Гражданской войны (1905–1921). М., 2019; *Его же*. Численность русских морских офицеров во время Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 749–771; и др.

^{III} <http://офицерыфлота.рф>. На начало 2023 г. сайт был недоступен.

^{IV} См., напр.: Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 477.

^V Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России... С. 25–26.

^{VI} Тодорский А. И. Размышляя над мемуарами // Литературная газета. 1962. 30.08. № 104 (4537). С. 2.

^{VII} Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.

по офицерскому корпусу, которые, несмотря на определенные критические замечанияⁱ, вот уже несколько десятилетий широко используются специалистамиⁱⁱ. Наконец, ценным вкладом в изучение истории Гражданской войны стали составленные С. В. Волковым документальные сборники. В последнее время предпринимались попытки подготовки обобщающих работ и другими авторамиⁱⁱⁱ.

Сильное влияние на развитие историографии оказал антропологический поворот в исторических исследованиях, в результате чего увидели свет многочисленные труды о различных военных деятелях, в том числе выпускниках академии (в библиографических ссылках учтены в основном монографии)^{iv}. Повышенное

ⁱ *Емелин А.* О книге С. В. Волкова «Офицеры флота и морского ведомства» // *Генеалогический вестник* (СПб.). 2006. Вып. 24. С. 58–65; *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России. С. 58–59, 66–69, 71, 73.

ⁱⁱ *Волков С. В.* Первые добровольцы на Юге России. М., 2001; *Его же.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002; *Его же.* Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. М.; СПб., 2003; *Его же.* Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004; *Его же.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004; *Его же.* Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008; *Его же.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1–2; *Его же.* Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога. М., 2011; *Его же.* Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1–2; *Его же.* Офицеры казачьих войск: Опыт мартиролога. М., 2013; *Волков С. В., Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Чины Русского корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009. В 2014 г. в сети Интернет была размещена база данных С. В. Волкова «Участники Белого движения в России».

ⁱⁱⁱ *Суряев В. Н.* Офицеры Русской императорской армии. 1900–1917. М., 2012; *Его же.* Русское офицерство на переломе эпох. 1905–1917. М., 2022; *Его же.* Корпус офицеров русской армии: комплексная характеристика и эволюция. 1905–1917 гг.: дис. ... д. и. н. М., 2019.

^{iv} *А. И. Деникин:* pro et contra. СПб., 2018; Август Корк: Док. и мат. / сост. Я. М. Горелик. Таллин, 1981; *Айрапетов О. Р.* Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998 (2-е расшир. изд.: Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017); *Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева.* М., 2003; *Багдасарян А. О.* Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н. В. Русского (1854–1918). Омск, 2013; *Басханов М. К.* Генерал Лавр Корнилов. Лондон, 2000; *Его же.* «У ворот английского могущества»; *Бей Е. В.* Военный министр А. А. Поливанов – «генерал от политики»; *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. – 15 марта 1916 г.). М., 2020; *Бей Е. В.* Военный министр генерал В. А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016; *Белооголовый Б. Г.* Один из нас. М., 2013. Кн. 1; *Белое движение: исторические портреты* / сост. А. С. Кручинин. М., 2011; *Бондаренко В. В.* Белые. М., 2018; *Его же.* Лавр Корнилов. М., 2016; *Его же.* Легенды Белого дела. М., 2017; *Бортневский В. Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996; *Бринюк Н. Ю.* Владимир Каппель. Биография эпохи. СПб., 2019; *Будяков В. В.* Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011; *Винокуров В. И.* Рыцарь военной дипломатии граф А. А. Игнатьев. М., 2017; *Войнаровский О. В. Е. К.* Миллер: военачальник и политик: историко-психологическое исследование военно-политических аспектов деятельности неординарной исторической личности (1914–1937 гг.). СПб., 2006; *Врангель А. П.* Генерал Врангель: Доверие воспоминаний. Минск, 1999; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006; *Его же.* Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021; *Его же.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012; *Его же.* Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022; *Его же.* 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022; *Его же.* Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М., 2022; *Генерал Геруа.* М., 2018; *Генерал Дитерихс.* М., 2004; *Генерал Ренненкампф.* М., 2017; *Генералы Великой войны.* М., 2014; *Глушков В. В.* Николай Дмитриевич Артамонов – военный геодезист и картограф. М., 2007; *Глушенко Е. А.* Герои империи: Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001; *Гогов О. А., Фалько С. А.* Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // *Русский сборник.* 2016. Т. 19. С. 280–329; *Голдин В. И.* Лихолетье: Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006; *Гордеев Ю. Н.* Генерал Деникин. М., 1993; *Долг и судьба: первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А. Е. Снесарев.* Волгоград, 2006; *Добровольцы.* М., 2022; *Дроздовский и дроздовцы.* М., 2006; *Думби Ю. Ф.* Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... к. и. н. М., 2000; *Иоффе Г. З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989; *Ипполитов Г. М.* Деникин. М., 2000; *Его же.* Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Самара, 1999; *Канинский Г. Г.* «...Иначе не мог поступить». Русский генерал Сергей Николаевич Войцеховский. Биографический очерк. Челябинск, 2003; *Каппель и каппелевцы.* М., 2003 (2-е изд., испр. и доп.: М., 2007); *Козлов А. И., Финкельштейн Ю. Е.* Генерал Деникин. Симон Петлюра. Ростов-на-Дону, 2000; *Кокошин А. А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М., 2013; *Костин Б. А.* Скобелев. М., 1990; *Лехович Д.* Белые против красных: Судьба генерала

внимание исследователей вот уже несколько десятилетий привлекают персоналии деятелей Белого движения, что связано с небывалым общественным интересом к этой теме, возникшим с конца 1980-х — начала 1990-х гг. Эти работы различаются по своему уровню. Об устойчивости интереса к теме свидетельствуют популярные сочинения об офицерах в Гражданскую войну¹.

В постсоветской историографии на основе архивных документов активно изучается и опыт военного строительства в антибольшевистских армиях. Этой тематике посвящены исследования Р.М. Абинякина, А.В. Венкова, Е.В. Волкова, С.В. Волкова, Р.Г. Гагкуева, А.В. Ганина, В.И. Голдина, И.Н. Гребенкина, А.А. Каревского, Н.С. Кирмея, М.А. Ковальчука, А.С. Кручинина, А.В. Посадского, Ю.С. Пыльцына, Р. Розенталя, Д.Г. Симонова, Т.М. Симоновой, А.В. Смолина, В.Ж. Цветкова и ряда других авторов². Тем не менее эта проблематика продолжает оставаться

Антон Деникина. М., 1992; Марков и марковцы. М., 2001; *Медвецкий А. Ф.* Военная и политическая деятельность Н. Н. Юденича (август 1914 — февраль 1920 гг.): дис. ... к. и. н. Самара, 2002; *Его же.* Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич в годы общенационального кризиса в России (1914–1920 гг.). Самара, 2005; *Морозов А. Я.* Служил Отечеству: Генерал А. Е. Снесарев. Воронеж, 2005; *Морозова О. М.* Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017; Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. М.; Подгорица, 2003. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; Т. 2: Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг.; *Олейников А. В.* Успешные генералы забытой войны. М., 2014; *Осипова М. Н.* Великий русский реформатор фельдмаршал Д. А. Милютин. М., 2005; *Оськин М. В.* Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016; *Его же.* Командармы Первой мировой. М., 2021; П. Н. Врангель: pro et contra. СПб., 2018; *Полторац С. Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014; *Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994; Постижение военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. М., 2000; *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982; Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века. Очерки. М., 2003; *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. М., 2014; *Тучапский А. К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: дис. ... к. и. н. СПб., 2006; *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Лавр Корнилов. М., 2006; *Цветков В. Ж.* Генерал Алексеев. М., 2014 (2-е изд.: М., 2023); *Черкасов-Георгиевский В. Г.* Генерал Деникин. Смоленск, 1999; *Его же.* Генерал П. Н. Врангель. Последний рыцарь Российской Империи: Документальное жизнеописание. М., 2004; *Черниченко Л. Л.* Белый генерал Василий Георгиевич Болдырев. М., 2021; *Шендрик В. А.* Военно-государственная деятельность генерала А. С. Лукомского (1885–1917 гг.): дис. ... к. и. н. Воронеж, 2003; *Юдин С. С.* Солдат империи. Генерал М. И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М., 2021; *Ковальчук М. А.* Генерал Микола Капустянский (1881–1969). Київ, 2006; *Шандрівський І. Г.* Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянского: дис. ... к. и. н. Львів, 2003; *Rosenthal R.* Laidoner — väejuht. Tallinn, 2008; и др.

¹ *Будницкий О. В.* Красные и белые. М., 2023; *Иконников-Галицкий А.* Три цвета знамени: генералы и комиссары. 1914–1921. М., 2014.

² *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005; *Агеева Т. Г.* Кавказская армия П. Н. Врангеля в Царицыне: Документальный очерк. Волгоград, 2009; *Бортневский В. Г.* Избранные труды. СПб., 1999; *Бучко Н. П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск, 2009; *Варламова Л. Н.* Военное управление правительств Краснов: (попытки сохранения имперских традиций). дис. ... к. и. н. М., 1999; *Венков А. В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008; *Его же.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014; *Его же.* Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 1: Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения; *Венков А. В., Зубков В. Н.* Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2015. Вып. 2: «Мобилизованная армия»; *Их же.* Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2016. Вып. 3, ч. 1: Полки, дивизионы, батальоны, отдельные сотни и батареи «Мобилизованной армии»; *Их же.* Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2017. Вып. 3, ч. 2: Полки, дивизионы, батальоны, отдельные сотни и батареи «Мобилизованной армии»; *Венков А. В.* Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2018. Вып. 4: Донские казаки в Крыму в рядах «Русской армии» П. Н. Врангеля; *Волков Е. В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001; *Его же.* Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005; *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства; *Гаврилов А. В.* Неизвестная история. Служба военных сообщений белой армии в годы Гражданской войны. Саратов, 2021; *Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге

недостаточно исследованной. Это касается даже белых армий, не говоря о многочисленных национальных вооруженных силах, которые в отечественной историографии рассматриваются лишь пунктирно (во многих случаях по опубликованным русскоязычным источникам и литературе). Сложности в изучении связаны в том числе с труднодоступностью документов, хранящихся в самых разных архивах России и зарубежья. В отношении части национальных армий серьезной проблемой для исследователей является языковой барьер.

Наряду с объективными исследованиями, в литературе получила распространение идеализация и героизация участников Белого движения, вектор чему задали труды самих ветеранов этого движения, печатавшиеся в основном в эмиграции. Имеет место как приуменьшение фактора антиофицерского террора в Гражданскую войну, так и значительное его преувеличение. Например, в предисловии к мемуарам одного из офицеров их публикатор отметил, что революция и Гражданская война «сломали жизни и судьбы миллионов наших соотечественников. Огромное количество из них были вынуждены покинуть страну... среди них были и тысячи представителей офицерского корпуса – фактически вся уцелевшая в горах Первой мировой и Гражданской войн элита российской армии»¹. Разумеется, это значительное преувеличение – всей военной элите не пришлось покидать Россию, не приходится говорить и о том, что были сломаны жизни и судьбы всех ее представителей, хотя, безусловно, последствия конфликта для данной категории офицерского состава оказались крайне тяжелыми.

Большое информационное значение имеют фундаментальные справочники о русском и советском офицерском корпусе, вышедшие в постсоветский период (включая переиздание совершенно секретных книг учета бывших белых офицеров, составлявшихся органами госбезопасности)². Ценнейшим электронным

России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов; *Его же*. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013; *Его же*. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; *Его же*. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; *Его же*. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918 г. Архангельск, 2021; Гребенкин И. Н. Добровольческая армия в «Ледяном» походе. М., 2022; Захаров А. М. «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2020; Каревский А. А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: дис. ... к. и. н. М., 2001; Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М., 2008; Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997; Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2009; Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995; Лобанов В. Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919 г.). СПб., 2012; Никитин В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017; Посадский А. В. От Царицына до Сызрани: Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010; *Его же*. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус: Эпизод Гражданской войны. М., 2018; Пыльцын Ю. С. Терские казаки на переломе эпох. Антибольшевистские вооруженные формирования терского казачества (октябрь 1917 – 1922). М., 2022; Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012; Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010; Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999; Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1; *Его же*. Последняя битва Белого Юга. 1920. М., 2022; Ковальчук М. А. Неведомая война 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006; и др.

¹ Самцевич А. А. Он был русским офицером // Милоданович В. Е. Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919. М., 2020. С. 3.

² Абеленцев В. Н., Гаршин А. А. Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922. Благовещенск, 2016; Алабин И. М.,

справочником, содержащим сведения о репрессированных офицерах, является масштабная база данных о жертвах политического террора в СССР¹. Интересный материал содержит именной указатель к фондам Исторического архива Омской области, отразивший упоминания бывших офицеров и военных чиновников белых армий в документах архива². Развитию организационно-штатной структуры РККА в рассматриваемый период посвящен основательный справочник Р.Г. Калюжного³.

Весомым вкладом в изучение участия офицерства в Гражданской войне на Востоке России стали работы челябинского историка Е.В. Волкова, касавшегося отдельных сюжетов, связанных с деятельностью офицеров Генерального штаба и с функционированием на Востоке России Военной академии⁴. Политическая составляющая истории Белого движения системно рассмотрена В.Ж. Цветковым в его многотомном труде по этому вопросу⁵. Переосмысление военно-политической истории Белого движения на Юге России на основе прежде неизвестных

Судравский В. Д. Донской генералитет в изгнании. М., 2001; Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005; Бойков В. А. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009; Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2005; Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. М., 2011–2015. Т. 1–5; Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2006. Т. 1–2; Верой и правдой служу Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. Благовещенск, 2018; Вирабян А. С., Мирзоян С. С. Офицеры-армяне Первой мировой войны. Офицеры республики Армения. 1914–1920 гг.: Историко-биографический словарь. Ереван, 2022; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003; Волков С. В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001; Его же. Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. М.; СПб., 2003; Его же. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1–2; Его же. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002; Его же. Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1–2; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009; Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007; Гушин Ф. А. Жертвы сталинских гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. 1914–1917. М., 2020; Гушин Ф. А., Жебровский С. С. Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. М., 2010; Долгов Е. И., Сергеев С. В. Военные топографы Красной армии. М., 2005; Дубровин Д. Генералитет Уральского казачьего войска: Биографический справочник. М., 2016; Жалнина-Василькиоти И. Л. «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М., 2012; Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003; Книга учета лиц состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4; Картагузов С. В. Офицерский состав частей Уральского казачьего войска 1914–1918: Биографический справочник. М., 2012; Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011; Нешкин М. С., Шабанов В. М. Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М., 2014; Россия в 1917 году: Энциклопедия. М., 2017; Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. М., 2021; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997; Сергеев С. В., Долгов Е. И. Военные топографы русской армии. М., 2001; Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941: Биографический словарь. М., 2012; Их же. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М., 2014.

¹ Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.

² «Белые офицеры — красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920-е гг.) / отв. ред. Д. И. Петин. Омск, 2017.

³ Калюжный Р. Г. Красная армия 1918–1934: Структура и организация: Справочник. М., 2019.

⁴ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала; Его же. Офицеры Генерального штаба на службе в войсках А. В. Колчака в период Гражданской войны // Уржумка (Челябинск). 2002. № 1. С. 62–71; и др.

⁵ Цветков В. Ж. Белое дело в России: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России): [в 4 кн.]. М., 2008–2016.

архивных материалов содержат работы А.С. Пученкова^I. Важное диссертационное исследование делопроизводственного аспекта военной документации белых подготовила Л.Р. Париева^{II}.

История Красной армии в постсоветский период изучалась недостаточно. Считалось, что эти сюжеты уже исследованы ранее. В результате за три десятилетия в России практически не осталось специалистов по ранней истории Красной армии, исчезли научные школы по этому направлению, а новых не возникло^{III}. Не сложилось и квалифицированного экспертного сообщества, способного оценивать уровень представляемых общественности трудов, из-за чего ориентиры качества научной продукции оказались утрачены, а историография темы понесла существенный ущерб. Заметно снизилось количество заслуживающих внимания трудов по этой тематике, сократилось число защищаемых диссертаций, в науку практически не приходят новые специалисты. Наряду с отдельными качественными исследованиями, появились публикации, фальсифицирующие события прошлого, многочисленные компиляции, в которых пересказываются труды специалистов и заимствуются их данные. В результате сегодня история Красной армии периода 1917–1922 гг. может обоснованно считаться забытой, а в какой-то мере даже искаженной. Между тем общественный интерес к этой теме присутствует, а возможности для ее изучения по сравнению с советским периодом несоизмеримо расширились.

Тем не менее, поскольку тема бывших офицеров в РККА в советское время освещалась недостаточно, существовал немалый общественный запрос на ее изучение, что, в частности, проявилось в содержании одного из исторических сборников конца 1980-х гг., основанного на письмах читателей^{IV}. Однако в полной мере этот запрос удовлетворен не был. Можно отметить ряд публикаций о командном составе РККА и об истории органов военного управления, вышедших в постсоветский период. В частности, увидели свет труды, в которых обобщался опыт стратегического руководства Вооруженными силами, включая период Гражданской войны^V, прослеживалась эволюция Генерального штаба^{VI} и различных его органов^{VII}, изучалась история советского военного планирования^{VIII}. Были подготовлены

^I Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. СПб., 2013; *Его же*. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920). 2-е изд., испр. и доп. М., 2016; *Его же*. Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России. СПб., 2021.

^{II} Париева Л. Р. Документирование деятельности военного управления антибольшевистских правительств России (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2019.

^{III} См., напр., одну из немногих обзорных работ, увидевших свет в 1990-е гг.: Молодцыгин М. А. Красная армия: Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.

^{IV} Кавтарадзе А. Г. Военспец в революции // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 179–214.

^V История военной стратегии России. М., 2000. Нельзя, однако, согласиться с представленной в этом издании жесткой структурой руководства антибольшевистскими силами, якобы подчиненными Верховному совету Антанты (Там же. С. 155).

^{VI} Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М., 2006. К сожалению, в этом основном официальном издании встречаются досадные ошибки — например, не всегда верно указана структура центральных органов военного управления (Там же. С. 460).

^{VII} Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002; Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в цифрах, фактах, документах, лицах. 190 лет. М., 2022; История зарождения, становления и развития организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил России. М., 2019.

^{VIII} Кривопалов А. А. В тени теории глубокой операции: Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 гг. М., 2022.

исследования, посвященные ряду аспектов истории Красной армии в Гражданскую войну¹.

Слабо изученной остается проблематика положения бывших офицеров в Советской России и СССР. Существенный вклад в разработку этой темы внесли новаторские труды орловского историка С. Т. Минакова о М. Н. Тухачевском и советской военной элите 1920–1930-х гг.² Генштабисты не были объектом специального изучения автора этих работ, но отдельные персоналии рассмотрены в работах С. Т. Минакова в контексте их взаимосвязей с Тухачевским и другими представителями военной элиты. С. Т. Минаков исследовал военную элиту в социокультурном контексте через призму отдельных биографий, поступков, персональных особенностей и внутрикорпоративных межличностных связей (системы служебных и внеслужебных взаимоотношений представителей элиты он называет элитарными комплексами). Подобный подход представляется перспективным. Однако С. Т. Минаков опирался на сравнительно узкую источниковую базу — использовал незначительное количество единиц хранения РГВА и некоторых других федеральных архивов, практически не обращался к документам РГАСПИ, не говоря о зарубежных архивохранилищах или архивах спецслужб. Более того, при отсутствии документальных данных он шел по пути предположений, не всегда соответствовавших реальному развитию событий³. Крайне ненадежным источником для характеристики процессов внутри военной элиты СССР представляются свидетельства деятелей русской военной эмиграции, на которые опирался автор (в частности, дневник генерала А. А. фон Лампе). Добавим, что ученики С. Т. Минакова подготовили серию схожих диссертационных работ, основу которых составили материалы дневника фон Лампе⁴.

Ценные размышления об особенностях русского офицерского корпуса и эволюции советских командных кадров содержит фундаментальная двухтомная монография московского военного историка А. А. Смирнова⁵.

¹ Васильев В. В. Вооруженные силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... к. и. н. Саратов, 2007; Наумов Е. О. Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... к. и. н. Саранск, 2017; Стрекалов И. И. Строительство Красной армии в войсках завесы (март — сентябрь 1918 года): дис. ... к. и. н. М., 2004.

² Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. В дальнейшем С. Т. Минаков опубликовал ряд книг, которые представляли собой переработанные редакции этой работы: *Его же. Военная элита 20–30-х годов XX века*. М., 2004; *Его же. Сталин и его маршал*. М., 2004; *Его же. Сталин и заговор генералов*. М., 2005; и др.

³ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 32; Смолин А. В. Евгений Андреевич Беренс (1876–1928). На службе России. СПб., 2023. С. 183–185.

⁴ Бабанков А. В. Руководство Штаба РККА 1921–1924 гг.: социокультурный анализ и политическая роль: дис. ... к. и. н. Орел, 2006; Гуженков А. М. Штаб РККА 1924–1931 гг. Социокультурный состав руководства и политическая роль: дис. ... к. и. н. Орел, 2006; Кабаков А. М. Русское белое зарубежье о политической роли Красной армии в Советской России в 1921–1924 гг.: (источники формирования представлений и их эволюция): дис. ... к. и. н. Орел, 2005; Павлова О. И. Белая армия и «красные командиры»: 1919–1924 гг. («Советская» политика генерал-майора А. А. фон Лампе): дис. ... к. и. н. Орел, 2009; Поздняков А. А. Красная армия в представлении русского зарубежья, 1924–1939 гг.: дис. ... к. и. н. Орел, 2006; Соколов В. В. Советские военные вожди в официальной пропаганде и общественном мнении Советской России — СССР. 1918–1925 гг.: дис. ... к. и. н. Орел, 2010; и др.

⁵ Смирнов А. А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 1–2. Также см. переиздание: *Его же. РККА перед 37-м годом*. М., 2022; *Его же. РККА: роковые ошибки в строительстве армии. 1917–1937*. М., 2022. К сожалению, эта важная работа написана с целью доказать тезис об отсутствии влияния репрессий 1930-х гг. на неудачи начального периода Великой Отечественной войны, что предопределило заданность исследования и привело к игнорированию ряда источников, включая свидетельства некоторых участников событий.

Новаторским стал цикл статей орловского исследователя Р.М. Абинякина, посвященных положению бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг.^I На региональном материале Сибири это направление получило развитие в публикациях Д.И. Петина и ряда других авторов^{II}. Вопросы подготовки и развития командного состава РККА плодотворно изучает саратовский историк А.А. Симонов^{III}.

Значительный интерес представляют работы Н.С. Черушева, исследовавшего практически недоступные документы архива Главной военной прокуратуры в отношении репрессированных командиров РККА^{IV}. Особо следует отметить

^I Абинякин Р. М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, ч. 1. С. 57–65; *Его же*. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Там же. С. 66–75; *Его же*. Нормативные документы военного ведомства о службе бывших белых офицеров в РККА в 1920–1923 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2010. № 2 (10). С. 101–107; *Его же*. Бывшие офицеры – заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 80–93; *Его же*. Завершение Гражданской войны и приказы РВСР об особом учете бывших белых офицеров в Советской России 1920–1922 гг. // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года. Орел, 2010. С. 122–127; *Его же*. Увольнения бывших офицеров из РККА в 1921 г.: причины и тенденции // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: Сб. мат. Междунар. науч. конф. Мурманск, 2011. С. 238–240; *Его же*. Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 18–21; *Его же*. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103; *Его же*. Белые генералы в Советской России: биографии забытые и неизвестные // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2013. № 21. С. 84–89; *Его же*. Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 116–128; *Его же*. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4. С. 47–52; *Его же*. «За рюмкой водки мы коснулись ряда политических вопросов...»: Настроения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920–1930-е гг. // Родина. 2015. № 9. С. 110–114; *Его же*. «Временные правила об использовании бывших сухопутных офицеров из числа военнопленных и перебежчиков белых армий» как служебно-правовая основа их зачисления в РККА в 1920 г. // Современные аспекты гуманитарного знания. Воронеж, 2016. С. 3–8; *Его же*. Подготовка отмены особого учета бывших белых офицеров в 1925–1927 гг. // Studia internationalia: Мат-лы V Междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях Х–ХХ вв.» (29 июня – 1 июля 2016 года). Брянск, 2016. С. 191–195; *Его же*. К вопросу о правовых основах социального положения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1918–1930-е гг. // Studia internationalia: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях Х–ХХ вв.» (9–11 ноября 2017 г.). Брянск, 2017. С. 162–167; *Его же*. Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 139–147; и др.

^{II} Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 90–104; Петин Д. И., Сушко А. В. Бывшие белые офицеры в раннем советском социуме: к анализу российской историографии // Омские социально-гуманитарные чтения-2022. Омск, 2022. С. 246–254; Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175; и др.

^{III} Симонов А. А. Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. трудов. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 321–336; *Его же*. Командные курсы Красной армии в Саратовском Поволжье // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 262–274; *Его же*. Военное образование в первые годы советской власти. По опыту краткосрочных военно-учебных заведений в Саратовской губернии (1918–1923) // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 19–23; *Его же*. Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2013. Т. 13, вып. 1. С. 31–38; *Его же*. Комплектование военно-учебных заведений Поволжья и Урала красными курсантами во время Гражданской войны // Новый исторический вестник (Москва). 2017. № 2 (52). С. 72–83; и др.

^{IV} Черушев Н. С. Элита Красной армии на Голгофе. М., 2005; *Его же*. Из ГУЛАГа – в бой. М., 2006; *Его же*. 1937 год. Был ли заговор военных? М., 2007; *Его же*. Сын за отца не отвечает... Трагедия семей элиты Красной армии 1937–1956. М., 2010; *Его же*. Из эпохи Сталина: Четыре тайны тридцатых годов. М., 2016.

подготовленные этим автором документальные и справочные издания^I. Вместе с тем изучение элиты РККА до 1930-х гг. в работах Н.С. Черушева не основывается на сколько-нибудь репрезентативной источниковой базе^{II}.

Проблема подготовки кадров Генштаба в период 1917–1922 гг. до последнего времени изучалась в основном на уровне отдельных статей и небольших фрагментов монографических работ обзорного характера^{III}. Созданию объективной картины событий не способствовали фактические ошибки, кочевавшие из издания в издание^{IV}, не проводилось и сравнительного изучения подготовки кадров в РККА, белых и национальных армиях.

^I Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941: Биографический словарь. М., 2012; Их же. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М., 2014; «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / сост. Н. С. Черушев. М., 2001.

^{II} Черушев Н. С. Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг. М., 2014; Его же. Вацетис — главнокомандующий республики. М., 2015. Поверхностной и компилятивной является книга Н. С. Черушева о И. И. Вацетисе. Часть издания представляет собой многостраничный пересказ опубликованных фрагментов воспоминаний Вацетиса, причем автор книги не использовал ни сборник оперативных телеграмм Вацетиса 1918 г., ни документы его личного фонда в РГВА, ни материалы РГВИА и ГА РФ (единственное исключение составляет ссылка на аттестацию Вацетиса, дословно воспроизводящая фрагмент вступительной статьи В. М. Берзиньша к сборнику документов о Вацетисе: Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис: Сб. док. Рига, 1978. С. 15). Значительная часть ссылок на документы РГВА представляет собой воспроизведение советских сборников документов ДГК и ДКФКА, но ссылки на сборники заменены архивными, как будто бы автор впервые вводит эти документы в научный оборот. Рассуждая о Вацетисе как о военном ученом и педагоге, Черушев даже не ознакомился с книгой своего героя «О военной доктрине будущего» (М., 1923) и цитирует отрывки из нее по хрестоматии 1965 г. Из постсоветской историографии автором использованы только книги В. Г. Краснова и В. О. Дайнеса, Ю. З. Кантор и публициста Л. М. Млечина. Введенные в новейшей историографии в научный оборот разнообразные архивные свидетельства, в том числе оставленные самим Вацетисом, остались вне поля зрения автора.

^{III} Академия Генерального штаба. 170 лет; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов... С. 70–72, 83–88, 181–186; Михайлов В. [Войнов В. М.] Из истории Николаевской... // Урал (Екатеринбург). 1992. № 3. С. 163–164; Войнов В. М. Николаевская академия Генерального штаба в Екатеринбурге // Уральская старина (Екатеринбург). 1994. Вып. 1. С. 9–17; Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири... С. 177–179; Плотников И. Ф. Екатеринбургский этап деятельности академии Генерального штаба (Николаевской) и его финал // Национальная культура и защита Отечества. Кострома, 1998. С. 37–40; Лосунгов А. М. «Дело» генерала А. И. Андогского // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 193–200; Бушин А. Ю. Академия Генерального штаба в гражданской войне 1918–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. науч. трудов. Уссурийск, 2001. С. 169–173; Кавтарадзе А. Г. Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40–43; Его же. «Скорее пополнить действующую армию... офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 48–55; Его же. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военного-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 32–40; Авдеев В. В. Издательская деятельность Николаевской военной академии на территории «белой» Сибири // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2002. С. 98–100; Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003. С. 124–132; Кручинин А. М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 2004. № 14. С. 13–26; Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. С. 75–78; Папков С. В тупике: Последние дни академии Генштаба и белой армии на Востоке России в описании генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 375–381; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.): Энциклопедия и библиография: в 3 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 20–21; Ларьков Н. С. Академия Генерального штаба в Томске // Сибирская старина. Краеведческий альманах (Томск). 2010. № 26. С. 11–13; Жук Ю. А. Вопросительные знаки в «Царском деле». СПб., 2013. С. 303–311; Тимофеев А. Н. Из истории академии Генерального штаба и ее ускоренных курсов военного времени (лето — осень 1918 г.) // Иднакар (Ижевск). 2014. № 1 (18). С. 29–43; Шевченко В. Русский преподаватель для Хирохито (генерал Андогский) // Голос эпохи. Литературно-общественный журнал (Москва). 2014. Вып. 2. С. 215–219; и др.

^{IV} В официальном юбилейном издании к 170-летию академии Генерального штаба утверждалось, например, что в белой Сибири якобы было осуществлено 2–3 выпуска из академии, в том числе последний

Самостоятельным направлением исследований стала разработка проблематики взаимодействия военных и спецслужб, деятельности разведки и контрразведки сторон в условиях Гражданской войны. Работы этого направления очень неровные по своему качеству¹. Некоторые издания воспроизводят устаревшие идеологические клише советской эпохи. Например, о том, что чекистами летом 1919 г. был разоблачен заговор в ПШ РВСР, сотрудники которого якобы были связаны с Колчаком и Деникиным и даже каким-то образом передавали сведения в Париж². Разумеется, при расширительной трактовке того времени любых крамольных разговоров должностных лиц как заговора можно говорить о том, что таковой существовал, но кроме разговоров ничего не было и каких-либо доказательств контактов арестованных военспецов с белыми не выявлено. Ценные работы по проблематике взаимодействия военспецов и чекистов, разведывательной и контрразведывательной деятельности противоборствующих сторон в годы Гражданской войны подготовили А. А. Зданович, Н. С. Кирмель и В. Я. Кочик³. Нельзя не отметить изданную в России монографию украинского историка Я. Ю. Тинченко «Голгофа русского офицерства в СССР»⁴. В этой работе впервые в историографии вводились в научный оборот некоторые материалы прежде неизвестного даже специалистам дела «Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации», так называемого дела «Весна», материалы которого сохранились в основном в Киеве, в ГАСБУ. Несмотря на ряд неточностей, обусловленных слабым знакомством автора с материалами российских архивов, книга содержит значительное количество интересных сведений по рассматриваемой теме из личных дел репрессированных в начале 1930-х гг. генштабистов. В России доступ к аналогичным документам затруднен. Свой вклад в осмысление проблематики репрессий вносит и справочная работа Я. Ю. Тинченко о расстрелах бывших офицеров в Крыму, хотя в ней содержится ряд фактических неточностей⁵. Появляются монографические исследования и по различным белым подпольным организациям,

в 1921 г. на Русском острове (Академия Генерального штаба. 170 лет. С. 94). Подобное утверждение свидетельствовало о слабом знании на официальном уровне истории академии тех лет, так как в действительности академия в Сибири осуществила лишь один ускоренный выпуск младшего класса 4-й очереди в мае 1919 г. Далее миф о подготовке офицеров на Дальнем Востоке был растиражирован и в других публикациях.

¹ О проблемах историографии советских органов госбезопасности этого периода см.: Теляков А. Г. Деятельность органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. М., 2018.

² Плеханов А. М., Плеханов А. А. «Найти и обезвредить». Оперативный розыск преступников и агентуры противника в СССР. М., 2021. С. 251. Те же сведения воспроизведены авторами в кн.: Их же. Дзержинский на фронтах Гражданской. М., 2021. С. 326; Плеханов А. М. Кто вы, «железный Феликс»? М., 2013. С. 390.

³ Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004; Его же. Органы государственной безопасности и Красная армия; Его же. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017; Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне...; Его же. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013; Его же. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013; Кочик В. Я. Разведчики и резиденты ГРУ. М., 2004; Его же. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917–1918) // Свободная мысль. 1998. № 5 (1474). С. 94–104; Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 88–103; Статья третья (1921–1924) // Свободная мысль. 1998. № 7 (1476). С. 97–109.

⁴ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000.

⁵ 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я. Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные истории). При несомненной значимости проведенного исследования работа содержит некоторые неточности, в том числе применительно к генштабистам. Например, среди приговоренных к расстрелу были те, кто в итоге остался в живых, однако составитель не проследил их судьбы, тем самым включив их в число жертв крымского террора (из числа выпускников академии это относится к И. И. Авчинникову). Кроме того, отметим, что выпускник

в которых участвовали генштабисты, как в Советской России, так и непосредственно у белых¹, а также о деятельности военных агентов за рубежом в период Гражданской войны¹¹.

Несколько книг о РККА, советских спецслужбах и партийных деятелях в эпоху Гражданской войны выпустил С. С. Войтиков, вводя в научный оборот ряд интересных материалов¹². Однако относиться к этим работам следует с осторожностью, поскольку наряду с любопытными архивными находками они содержат конспирологические построения и домыслы, большое количество ошибок и неточностей, а автор порой не соблюдает принцип научной объективности и допускает неряшливое и некорректное обращение с документами¹³.

академии генерал Н. А. Крутиков в этом издании указан как гражданский чиновник. Разумеется, эти замечания не снижают значимость проделанной составителем серьезной работы.

¹ См., напр.: Ганин А. В. Белый агент при Сталине; Назаренко К. Б. Ледовый поход Балтийского флота: Кораблекрушение в море революции. СПб., 2020; Чемакин А. А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020; и др.

¹¹ Прозорова В. Б. Русская военная администрация во Франции в годы Первой мировой и Гражданской войн. М., 2022. К сожалению, этой работе присуща идеализация деятельности военного агента во Франции графа А. А. Игнатьева при недостаточном владении военно-историческим инструментарием. Так, автор полагает, что в русской армии существовал чин бригадного генерала (Там же. С. 460), а особенности личности Игнатьева исследует с помощью графологии (Там же. С. 30). Насколько можно судить, автор не знаком с ключевыми документами обвинения Игнатьева в злоупотреблениях (например, один из важнейших источников — неопубликованные воспоминания полковника Ю. И. Лисовского «Что я знаю о Бресте» — в книге перепутан с его опубликованными воспоминаниями «Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции)» (Там же. С. 21)), но при этом расценивает критику в адрес Игнатьева как заведомо клеветническую.

¹² Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009 (2-е изд.: Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016); Его же. Высшие кадры Красной армии. 1917–1921 гг. М., 2010; Его же. Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М., 2010 (2-е изд.: Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М., 2017); Его же. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016; и др.

¹³ См. разбор одной из работ: Ганин А. В. В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник. 2010. Т. 9. С. 336–378. Также см. критические отзывы: Котеленец Е. А. Битва за Ленина: Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017. С. 214; Леонов С. В. Историография создания советской государственности (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 54; Шубин А. В. 1918 год. Революция, кровью омывая. М., 2019. С. 343, 358–361. В последующих работах и переизданиях С. С. Войтиков не только не устранил ошибки и домыслы, но в ряде случаев добавил к ним новые. К примеру, рассуждая о деятельности слушателя ускоренных курсов Военной академии Г. И. Теодори, он цитирует мемуары генерала А. С. Лукомского о группе офицеров Генерального штаба, выдвинувшихся после Февральской революции, связанных с А. И. Гучковым и прозванных «младотурками» (Войтиков С. С. Отечественные спецслужбы и Красная армия. С. 18; Его же. Советские спецслужбы и Красная армия. С. 15), хотя эта группа не имела никакого отношения к курсовикам советского выпуска, среди которых был Теодори. Последний в феврале 1917 г. еще только поступил на ускоренные курсы академии, которые окончил уже в советское время. Лейтмотивом другой книги (Войтиков С. С. Узда для Троцкого) стал конспирологический тезис о попытке Я. М. Свердлова захватить власть в период после ранения В. И. Ленина, который специалистами расценивается как не имеющий под собой оснований. В еще одной работе бездоказательно утверждалось, что якобы после Гражданской войны группировка курсовиков 2-й очереди передала «эстафетную палочку» в деле захвата власти (!) группе сторонников М. Н. Тухачевского (Войтиков С. С. Армия и власть. С. 624–625), а выпускники ускоренных курсов академии якобы являлись «побочной ветвью эволюции штабных кадров высшей квалификации — чем-то вроде неандертальцев в процессе становления человека» (Там же. С. 645) и т. п. псевдонаучные суждения. Некоторые работы содержат противоречащую историческим фактам бездоказательную апологию деятельности ВЧК. Например, рассуждения о якобы образцово проведенном в 1919 г. расследовании дела «Национального центра» и о резком росте профессионализма разведки и контрразведки после устранения из них дилетантов-военспецов и прихода туда чекистов и партийцев с опытом конспиративной работы (Войтиков С. С. Советские военная разведка и военная контрразведка в 1918–1921 гг.: из истории становления центральных органов // История российской государственности: Доклады Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения проф. Н. П. Ерошкина. М., 2021. С. 339–340). Известные документы не дают оснований для подобных утверждений. Так, некоторые участники московского белого подполья арестовывались и освобождались по несколько раз на протяжении 1918–1920 гг.

Ряд работ по теме кадров Генштаба РККА опубликовал израильский автор В.В. Каминский¹. Эти публикации не соответствуют базовым критериям научных исследований — содержат прямое искажение данных, произвольный отбор и некорректный анализ исторических источников, а в позднейших работах и масштабные заимствования². Во главу угла указанный автор поставил «зоологическую» теорию «социально-бытовой мотивации» офицеров, согласно которой генштабисты перемещались в Гражданскую войну «от одной “кормушки” к другой»³. В результате ожесточенное противостояние Гражданской войны низводится до корыстных интересов. Отдельные положения этих публикаций нами ранее были подробно разобраны⁴. В целом, мы утверждаем, что работы В.В. Каминского представляют отрицательную ценность — имитацию науки, тупиковый и ложный путь в изучении роли генштабистов в Гражданской войне.

В августе — сентябре 1919 г. были проведены массовые аресты сотен людей по делу «Национального центра», но причастность некоторых арестованных к подполью сомнительна. При этом руководитель военной организации «Национального центра» бывший генерал Н. Н. Стогов не только смог бежать из лагеря в самом центре Москвы, но затем долгое время успешно скрывался и готовил восстание, а позднее перешел через линию фронта к белым. Начальник штаба организации бывший полковник В. В. Ступин после ареста был освобожден и как ни в чем не бывало продолжил службу в РККА. Утверждения об устранении военспецов из военной разведки не соответствуют действительности, а об уровне профессионализма кадров Особого отдела ВЧК свидетельствует тот факт, что к концу 1921 г. там работали 66,2 % сотрудников с начальным образованием и 1,2 % неграмотных (Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 198).

¹ Каминский В. В. Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917–1918 гг.). СПб., 2000; *Его же*. Служил ли В. О. Каппель в Красной армии? // История белой Сибири: Тезисы 4-й науч. конф. Кемерово, 2001; *Его же*. Выпускники академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 8; *Его же*. Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51; *Его же*. Почему генштабист РККА Ф. Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г.?.. // История белой Сибири: Мат-лы 5-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2003; *Его же*. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126; *Его же*. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011; *Его же*. Офицеры Русской Императорской Армии в корпусе «красного» Генерального Штаба. Персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.): Биографический справочник. СПб., 2018. Т. 1: А–Ж; и др.

² Объявив сотни выявленных нами в российских архивах специалистов Генштаба РККА (Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба...) несуществующими (Каминский В. В. Ганин А. В. — творец «мертвых душ» в Корпусе Генштаба Красной Армии или повесть о том, как не следует заниматься научно-исследовательской работой. Уфа, 2013), В. В. Каминский затем «оживил» их под своей фамилией и без каких-либо ссылок на источник полученных знаний (Каминский В. В. Офицеры Русской Императорской Армии...). Указанный справочник также основан на масштабном заимствовании В. В. Каминским материалов картотеки сайта «Русская армия в Великой войне» (grwar.ru), в которой участники проекта, включая автора этих строк, собирают и систематизируют сведения об офицерах русской армии. Тем не менее все это не помогло В. В. Каминскому. О качестве издания свидетельствует хотя бы то, что в нем пропущены биографии сразу трех начальников Генерального штаба Красной армии означенного периода из числа бывших офицеров: Маршалов Советского Союза А. М. Василевского (бывшего штабс-капитана) и А. И. Егорова (бывшего подполковника), а также генерала армии А. И. Антонова (бывшего прапорщика). В. В. Каминский не одинокий в заимствованиях материалов сайта grwar.ru. Некий Д. Ю. Соловьев превратил те же материалы ни много, ни мало... в 19 томов электронного «биографического справочника» «Генералы Русской императорской армии 1914–1917» (М., 2019). Нам остается лишь предостеречь читателей от обращения к псевдонаучным работам, дабы не быть введенными в заблуждение.

³ Каминский В. В. Выпускники Николаевской академии... С. 209.

⁴ Ганин А. В. О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111; *Его же*. О книге В. В. Каминского «Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии» // Русский сборник. 2012. Т. 11. С. 514–536; *Его же*. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 767–788, 807–825; *Его же*. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 21–24; *Его же*. Белый агент при Сталине. С. 20–21. Также см.: Рахимов Р. Н. Дважды заложники // Клио (СПб.). 2014. № 6 (90). С. 56–59.

Произвольная трактовка исторических документов и прямые фальсификации встречаются и в работах некоторых других авторов¹. В современной антибольшевистской публицистике, к примеру, материалы о выпускниках академии Генштаба, пошедших в Красную армию, используются для сведения счетов с советским режимом, причем достоверность приводимых данных не имеет никакого значения. Так, авторы обличительного сборника под названием «Черная книга имен, которым не место на карте России», не имея возможности вменить первому советскому главкому И.И. Вацетису какие-либо кровавые преступления, ставят в вину исключительно собственные фантазии – что он окончил академию последним в выпуске (на самом деле – предпоследним), что он «заботился о неусыпном контроле комиссаров над красноармейцами», а его дивизия якобы «специализировалась на карательных акциях». Удивленный читатель узнает, что «в известный момент Вацетис уроднился большевицкому режиму и из наемника или даже заложника стал своим» и вот тогда, «когда произошел культурный надлом, первобытное вылезло наружу». Понять, что именно «первобытное» вылезло наружу у И.И. Вацетиса, не представляется возможным. Более того, сознавая явную ущербность подобных претензий, неизвестный автор решил поиронизировать над бедственным положением предков Вацетиса, что дает представление о моральном облике самого «обличителя»². Ничуть не лучше и коммунистическая публицистика, в которой белых офицеров в идеологических целях и без опоры на источники пытаются представить людьми, лишенными профессионализма, идейности, духа товарищества, патриотизма, представителями худшей части общества, прибегавшими «к самому остервенелому террору против трудящихся», а идеология белых якобы являлась «идеологией и методикой разграбления и расчленения Родины»³. Постулируется тезис, что с изгнанием из страны сотен тысяч образованных людей Россия ничего не потеряла. Все это имеет мало общего с фактами. В претендующих на научность трудах приверженцев левых взглядов утверждается, что красный террор почти не затронул советское военное ведомство, в том числе бывших офицеров⁴, что также не соответствует действительности.

В связи с отсутствием должного внимания профессиональных историков к раннему периоду существования РККА эту нишу пытаются занять дилетанты. Появляются целые серии публикаций, авторы которых не владеют историографией вопроса, из-за чего порой вновь воспроизводят то, что ранее опубликовано, или некритически пересказывают произвольно отобранные и легкодоступные источники⁵. Выходят компилятивные работы, щедро снабженные различными домыс-

¹ См. наши критические рецензии: Ганин А. В. Генштаб, которого не было (Рец. на кн.: Дашкуев М. Д. «Побеждает тот, кто умеет лучше думать». М.: Кучково поле, 2007) // Родина. 2007. № 8. С. 76–77; Его же. Странная история доктора Грицкевича. Новые фальсификации Гражданской войны // Родина. 2011. № 6. С. 104–105; и др.

² Черная книга имен, которым не место на карте России / сост. С. В. Волков. М., 2005. С. 20–21.

³ См., напр.: Панюта Н. И. Герой «белого дела». Эскиз к социально-психологическому портрету // 100 лет Перекопской победы: Сб. науч. статей. Б.м., 2021. С. 47–54.

⁴ Войтиков С. С., Ратьковский И. С. Массовый красный террор осенью 1918 г.: взгляд старых большевиков // Russian Colonial Studies (СПб.). 2020. № 2 (6). С. 53.

⁵ См., напр., цикл статей И. С. Бакланова И. С. О военном искусстве красных и белых в период Гражданской войны (историографический аспект) // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Серия «История, философия, социология». 2006. № 101. С. 23–28; Её же. Литература русского зарубежья о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации.

лами, с заимствованными архивными ссылками и объемным пересказом чужих трудов¹. К сожалению, не обошла тематику кадров Генерального штаба и проблема плагиата². Порой научные труды подвергаются несправедливой и агрессивной критике³. С другой стороны, выходят имеющие мало общего с поиском истины хвалебные рецензии на псевдонаучные произведения⁴. Все это дезориентирует неподготовленного читателя, формируя искаженные представления о качестве исследований. Неудивительно, что уже сложился и пополняется масштабный сегмент

2012. № 182. С. 149–152; *Ее же*. К вопросу об оценке генералом А. А. Свечиным советско-польской войны 1919–1920 годов // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 191. С. 129–131; *Ее же*. К вопросу о полководческих талантах М. В. Фрунзе: по советской военно-исторической литературе 20-х гг. // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 191. С. 13–18; *Ее же*. К вопросу о военно-политической деятельности Л. Д. Троцкого в годы Гражданской войны: историографический очерк // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 18–24; *Ее же*. Литература русского зарубежья о числе военных специалистов в Красной армии в годы Гражданской войны // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 138–140; *Ее же*. Проблемы советской военной стратегии в публикациях 1920-х годов // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 22–26; *Ее же*. Литература русского зарубежья о строительстве Красной армии в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2016. № 7. С. 51–57; и др.

¹ См., напр.: Анищенков В. Р. Создатели Красной армии. М., 2021.

² Например, одна из статей о наследии выдающегося военного ученого Н. Е. Какурина (Устиновский И. В. Военно-историческое наследие Н. Е. Какурина в контексте современной историографии Гражданской войны // Культурная жизнь Юга России (Краснодар). 2012. № 3 (46). С. 30–33) представляет собой не что иное, как практически дословно переписанный текст предисловия А. П. Ненарокова к переизданию двухтомника Какурина «Как сражалась революция» (Ненароков А. П. Об авторе и его труде // Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1: 1917–1918 гг. С. 3–12).

³ Иначе как возмутительной нельзя назвать рецензию (Гриняев С. Н. Размышления об А. Е. Снесареве и книги о нем // Геополитика и безопасность (СПб.). 2016. № 3–4 (35–36). С. 71–76) на глубокое монографическое исследование д. и. н. М. К. Басханова о службе видного отечественного военного деятеля и ученого А. Е. Снесарева в Туркестане (Басханов М. К. «У ворот английского могущества»). Отдельные авторы поднимают кропотливую работу по введению в научный оборот новых источников и их анализ отвлеченными рассуждениями об итогах Гражданской войны как о результате «невидимой борьбы внутри сознания и психики обычных людей, захваченных и ошеломленных “красной смутой”» (Булдаков В. П. Плоды методологической беспомощности. О книге А. В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2019. № 1 (49). С. 134). Автор рецензии с громким обличающим названием пишет, например, о возможности вести Гражданскую войну без штабов, демонстрируя вопиющий дилетантизм в предмете своих рассуждений (см. отклик Н. А. Заяца: Заяц Н. А. Необходимость контррецензии // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2021. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. С. 131–141). В одной из предыдущих работ В. П. Булдаков также продемонстрировал грубость, высокомерие, пристрастность и некомпетентность, но уже в оценке труда множества исследователей (Булдаков В. П. Красная смута. М., 2010).

⁴ См., напр., вводящие в заблуждение неподготовленных читателей восторженные рецензии С. С. Войтикова и И. С. Ратьковского на псевдонаучные работы В. В. Каминского (Войтиков С. С. Справочник о российских генштабистах на службе в Красной армии // История повседневности (СПб.). 2018. № 2 (7). С. 139–144; Ратьковский И. С. Новая работа об офицерском корпусе Русской армии. Рец. на: Каминский В. В. Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)). Биографический справочник. Том 1. А-Ж. С.-Петербург: Гуманитарная Академия, 2018 // Historia Provinciae. Журнал региональной истории (Череповец). 2018. Т. 2, № 4. С. 271–284; *Его же*. Рецензия на: Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетей, 2011. 736 с. // Новейшая история России (СПб.). 2012. № 2. С. 242–247). Обращение к списку трудов самого В. В. Каминского позволяет обнаружить аналогичные восторженные рецензии на произведения его же рецензентов (Каминский В. В. Рецензия на монографию С. С. Войтикова «Троцкий и заговор в Красной Ставке» // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 282–292; *Его же*. Рецензия на монографию: Войтиков С. С. Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937 // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 779–790; *Его же*. «Хроника белого террора в России»: pro et contra. Рец. на монографию И. С. Ратьковского // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей. СПб., 2018. С. 396–428).

псевдоисторической литературы, который в профессиональном сообществе не воспринимает всерьез.

История национального военного строительства на развалинах Российской империи также относится к числу интереснейших исторических проблем. В постсоветский период в странах Восточной Европы начался настоящий бум изучения и переосмысления национальной военной истории, в особенности тех ее сюжетов, изучение которых прежде запрещалось или было затруднено. Среди работ авторов из Украины, Польши, Прибалтики, Закавказья, Финляндии нельзя не отметить целый ряд серьезных исследований, справочников, документальных публикаций, в которых были впервые опубликованы важнейшие материалы по истории вооруженных сил национальных государств, образовавшихся на окраинах Российской империи¹. Как и в России, популярностью пользуются биографические исследования². Если говорить об историографии национальных государств, то наибольший объем публикаций по вопросам военного строительства периода Гражданской войны подготовлен исследователями из Польши, Украины и Прибалтики. Из поля зрения отечественных исследователей эти сюжеты практически полностью выпадают, как по причине труднодоступности документов, так и в связи с утратой интереса к территориям, ставшим после 1991 г. независимыми.

¹ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: Док. и мат. Баку, 1998; Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.). М., 2014; Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921): Биографический справочник. Киев, 2001; Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 — листопад 1920 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 2005; Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року; Колянчук О. Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000; Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет Українських визвольних змагань. Львів, 1995; Литвин М. Р., Науменко К. Е. Збройні сили України першої половини XX ст. Генерали і адмірали. Львів; Харків, 2007; Руккас А. О. «Разом з польським військом». Армія Української Народної Республіки 1920 р. (структура, організація, чисельність та уніформа). Київ, 2015; Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). Київ, 1997; Его же. Військова діяльність уряду УНР в екзилі (1921–1923 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 1995; Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Київ, 1995. Ч. 1: Біографічно-довідкова; Его же. Армії України 1917–1920. М., 2002; Его же. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1; 2011. Кн. 2; Его же. Українські збройні сили березень 1917 р. — листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). Київ, 2009; Тютюнник Р. В. Соціальний портрет офіцера українських армій періоду Національної революції (1917–1921 рр.): дис. ... к. і. н. Львів, 2018; Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998; Kawalerowie Virtuti Militari 1792–1945. Koszalin, 1991. T. 2: 1914–1921. Cz. 1; Kolańczyk A. Ukraińscy generałowie w Polsce emigranci polityczni w latach 1920–1939. Słownik biograficzny. Przemyśl, 2009; Id. Internowani żołnierze armii UNR w Kaliszu 1920–1939. Kalisz; Przemysław, 1995; Kosk H. P. Generalicja polska. Pruszków, 1998–2001; Kryśka-Karski T., Żurkowski S. Generałowie Polski niepodległej. Warszawa, 1991; Lāčplēša kara ordena kavalieri: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1995; Lietuvos kariuomenės karininkai 1918–1953. Vilnius, 2001–2015. T. 1–10; Lipponen R. Itsenäisen Suomen Kenraalikunta 1918–1996: Biografiaat. Porvoo; Helsinki; Jyväskylä, 1997; Mierzwiński Z. Generałowie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1990; Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004; Õun M. Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. Tallinn, 2001; Pihlaj J. Auraamat Eesti Vabariigi kaadriohvitseridele. Tallinn, 2007; Stawiecki P. Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918–1939. Warszawa, 1994; Id. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997; Suchcitz A. Generałowie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920. Mały słownik biograficzny. Białystok, 1993; Źródła Sztabu Generalnego Wojska Polskiego 1918–1921. Warszawa, 2008; Wojtaszak A. Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005; и др.

² Ковальчук М. А. Генерал Микола Капустянський; Id. На чолі Січових стрільців. Військово-політична діяльність Є. Коновальця в 1917–21 рр. Київ, 2010; Сергійчук В. Українські державники: Всеволод Петрів. Київ, 2008; Шандрівський І. Г. Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянського: дис. ... к. і. н. Львів, 2003; Шатайло О. Л. Генерал Юрко Тютюнник. Львів, 2000; Bakhtadze M. General Ilia Odishelidze. Tbilisi, 2017 (на груз. яз.); Rosenthal R. Laidoner — väejuht. Tallinn, 2008.

Разумеется, не все исследования о военных элитах, выходящие на постсоветском пространстве, могут считаться достаточно объективными. К примеру, один из националистически настроенных авторов, героизируя одиозную фигуру украинского атамана Зеленого, известного бандитизмом и погромами, противопоставлял «черную кровь российских оккупантов» «голубой козацкой, пролитой в обороне нашей Отчизны»^I. Распространенным искажением фактов является представление вчерашних офицеров русской армии, пошедших на службу в национальные армии, идейными националистами и борцами за свободу своей малой (в границах Российской империи) родины с дореволюционных времен^{II}. Военные конфликты Советской России с соседями: Украиной, Грузией и другими государствами эпохи 1917–1922 гг. – в историографии национальных республик, как правило, именуются не Советско-, а Русско-украинской, Русско-грузинской и т.д. войнами. Такое переименование, затушевывающее истинную природу тех конфликтов и переводящее их в угоду политической конъюнктуре из социальных в межнациональные, на наш взгляд, необоснованно.

Помимо трудов ученых из государств, возникших на прежних территориях Российской империи, зарубежная историография участия генштабистов в Гражданской войне невелика. Западные авторы больше интересовались историей Генерального штаба дореволюционной России (М. Майзель, А. Маршалл, Д. А. Рич, Дж. Стейнберг, А. Уайлдман), причем выпустили по этой теме целый ряд фундаментальных работ^{III}. Выходили публикации и по отдельным персоналиям^{IV}. Увидели свет несколько обобщающих исследований по командному составу Красной армии и Вооруженных сил СССР. Отметим фундаментальную монографию британского ученого Дж. Эриксона «Высшее советское командование. Военно-политическая история, 1918–1941», которая в период холодной войны оставалась единственным западным исследованием по данному вопросу. Книга впервые вышла в 1962 г. и выдержала три издания^V. Хотя автор книги старался быть объективным, ориентация на западную аудиторию и отсутствие возможности постоянно работать в тогда еще советских архивах снижают значение этого труда для российского читателя, к тому же с первого издания прошло уже более шестидесяти лет. Следует учитывать, что западноевропейский и североамериканский читатель не склонен интересоваться деталями российской военной истории, в связи с чем авторы зарубежных обобщающих работ не всегда стремятся к глубокой проработке изучаемых вопросов, а лишь отмечают те или иные тенденции развития отечественного офицерского корпуса и популяризуют его историю.

^I Коваль Р. Отаман Зелений. Київ; Вінниця, 2008. С. 5.

^{II} См., напр.: *Сергійчук В.* Своєї честі не віддав нікому // Петрів В. Військово-історичні праці: Спомини. Київ, 2002. С. 3–4.

^{III} *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979; *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London; N.Y., 2006; *Rich D. A.* The Tsar's Colonels. Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge; London, 1998; *Steinberg J. W.* All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, DC; Baltimore, 2010; *Wildman A.* Officers of the General Staff and the Kornilov Movement // *Revolution in Russia: Reassessments of 1917.* Cambridge, 1992. P. 76–101.

^{IV} *Germanis U.* Oberst Vacietis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974.

^V *Erickson J.* The Soviet High Command. A Military-Political History, 1918–1941. London; Portland, 2001.

Можно отметить и вышедшую на излете холодной войны малоизвестную со-держательную монографию Ф. Байера, основанную на опубликованных материалах^I. Отдельные аспекты темы применительно к событиям до 1918 г. затрагивал в своей работе представитель третьей волны эмиграции, бывший советский историк М. Френкин^{II}, однако вопрос об офицерах Генштаба оказался на периферии его труда.

В последние годы в зарубежной историографии начинает уделяться большее внимание вкладу генштабистов в события Гражданской войны^{III}. Впрочем, эти сюжеты пока освещаются кратко и не без ошибок. Что касается англоязычных трудов общего характера, то в них до сих пор можно встретить оценки роли военных специалистов в Красной армии на основе советской литературы эпохи перестройки с соответствующими неточностями, а порой и с явным непониманием военных вопросов^{IV}. Например, в объемной биографии Сталина ее автор С. Коткин утверждал, что в русском офицерском корпусе на 1914 г. преобладали выпускники академии Генерального штаба и офицеры гвардии, но сам же отметил, что гвардия являлась элитой армии^V. О том, что элита не может преобладать, автор, по-видимому, даже не задумался.

В целом, несмотря на наличие обширной литературы по отдельным аспектам темы, комплексного исследования вопроса, дающего целостную картину участия специалистов Генерального штаба в событиях революции и Гражданской войны 1917–1922 гг., до сих пор не существует. Большинство авторов ограничиваются в своих работах либо одним из противоборствующих лагерей, либо каким-то небольшим участком фронта, либо отдельными персоналиями. Некоторые исследователи находятся в плену собственных идеологических пристрастий и как бы «довоеывают» Гражданскую войну. Следствием этого являются существенный разбой в оценках и выводах, значительные упрощения, произвольные трактовки и ошибочные реконструкции событий и мотивов^{VI}. До сих пор не было попыток провести сравнительное обобщающее исследование роли военной элиты

^I Bayer P. A. The Evolution of the Soviet General Staff, 1917–1941. N.Y.; London, 1987.

^{II} Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978.

^{III} Smele J. D. The “Russian” Civil Wars 1916–1926. Ten Years that Shook the World. London, 2015. P. 81–82, 133–134, 146, 294–295.

^{IV} См., напр.: Коткин С. Сталин: в 3 т. М., 2022. Т. 1, кн. 1. С. 407–410.

^V Там же. С. 407.

^{VI} Так, В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт на основе нашей монографии о генерале В. И. Селивачеве подготовил статью с собственной интерпретацией выбора Селивачева в революцию (Чичерюкин-Мейнгардт В. Г. К изучению мотивации социального поведения военспецов в годы Гражданской войны (на примере биографии генерала В. И. Селивачева) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2014. № 19 (141). С. 173–182). Статья оказалась построена на предположениях. Будучи приверженцем идеологии Белого движения, В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт полностью принял картину мира одной из сторон Гражданской войны и с позиции белых попытался представить Селивачева человеком, введенным в заблуждение советской пропагандой, что едва ли соответствует действительности. Несмотря на противоречие со своим же тезисом и приведенные в нашей книге данные, В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт акцентировал внимание на том, что Селивачев при этом все же мог быть белым агентом в Красной армии (что невозможно, если считать генерала жертвой красной пропаганды). Возникшее логическое противоречие автор статьи никак не прокомментировал. Кроме того, он, по сути, отрицал, что на стороне красных были люди, считавшие службу в РККА службой своей стране. Вопреки опубликованным в книге документам о гибели Селивачева, В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт утверждал, что обстоятельства гибели генерала вряд ли когда-нибудь станут известны, после чего перешел к рассуждениям о возможном самоубийстве генерала (хотя такая версия представляется вымыслом) и несколько раз подчеркнул некую, по его мнению, predetermined обреченность Селивачева в советских условиях.

не в каком-то одном, а сразу во всех противоборствующих лагерях Гражданской войны. Именно такой подход представляется наиболее продуктивным.

Фундаментом для углубленного исследования темы стал выход подготовленного нами по материалам архивов России, Украины, Польши и Финляндии, включая архивы спецслужб, справочника «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы» (М., 2009). В этом издании была впервые реконструирована картина поведения специалистов Генштаба в Гражданскую войну.

Работа над справочником велась на протяжении многих лет. Основу издания составила собранная из десятков тысяч документальных свидетельств обширная база данных (2764 офицера). В процессе работы были впервые введены в научный оборот комплексы учетной документации всех противоборствующих лагерей Гражданской войны – списки Генерального штаба белых армий, РККА и национальных армий. В результате стал возможен полный персонифицированный учет кадров Генштаба. Анализ выявленных данных позволил впервые со времен Гражданской войны установить точное (до отдельных персоналий) распределение специалистов Генерального штаба между противоборствующими лагерями, включая перемещения офицеров. Благодаря проделанной работе удалось сделать существенный шаг вперед в изучении темы – выявить принципиально важные особенности поведения военной элиты в годы «Русской Смуты» и оценить кадровый потенциал сторон. Примерно половину объема издания заняла публикация ранее неизвестных даже специалистам документов из архивов России, Украины и Польши.

При подготовке справочника оставались определенные лакуны в отношении сведений о службе офицеров в белых и национальных армиях. Кроме того, в аналитической части справочника были представлены только общие подсчеты, тогда как интерес представляли и более дробные данные о распределении генштабистов по различным периодам Гражданской войны.

Выход справочника позволил наметить новые направления исследований. Важнейшей задачей стало выявление документальных массивов о выпускниках академии, оказавшихся по разные стороны баррикад. Работа над совершенствованием базы данных была продолжена. Помимо дальнейших поисков в архивах России при поддержке ныне упраздненного Российского гуманитарного научного фонда были исследованы архивы практически всех государств, в которых в период 1917–1922 гг. находились на службе контингенты русских генштабистов (помимо ранее изученных архивов Польши, Украины и Финляндии, это были архивы Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Эстонии). Также велась работа в архивах США, Франции, Хорватии и Чехии.

Полученные результаты оказались существенными. В Гуверовском архиве в США был выявлен и опубликован в дополнение к спискам из справочника последний список Генерального штаба Русской армии генерала П.Н. Врангеля по данным на 5 (18) октября 1920 г., составленный накануне эвакуации белых из Крыма¹, позволивший проследить судьбы и участие в Гражданской войне десятков офицеров, о местонахождении которых к концу широкомасштабной Гражданской

¹ Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 716–747.

войны известно не было. Оказались уточнены и существенно расширены сведения о службе генштабистов в белых и национальных армиях.

Совокупность накопленной информации потребовала пересчета и детализации данных, ранее представленных в справочнике. Такая работа была проведена в 2015–2016 гг. Пересчет сведений подтвердил ранее полученные данные, опубликованные в справочнике, незначительно их скорректировав¹. Не будучи специалистом в сфере разработки баз данных, автор производил все расчеты вручную. В этой книге они в основном соответствуют сведениям на 2016 г. с отдельными уточнениями и дополнениями, тогда как создание автоматизированной базы данных для дальнейших расчетов остается задачей на перспективу. Поскольку информация регулярно обновляется и дополняется, неизбежны последующие уточнения статистических показателей.

К настоящему времени нами опубликовано около 600 работ, включая цикл монографий, статей и документальных публикаций, затрагивающих различные аспекты проблемы участия офицеров Генерального штаба в Первой мировой и Гражданской войнах². В этих статьях и книгах был впервые обобщен обширный документальный материал по данной проблематике из архивов России и зарубежья.

Как справедливо отметил современный исследователь Р.М. Абинякин, анализ служебно-биографических данных по офицерскому корпусу только начинается, представляется весьма перспективным и дает огромный материал для изучения социальных процессов Гражданской войны³. Углубленное исследование деятельности генштабистов в 1917–1922 гг. позволило наметить дальнейшие пути монографического исследования проблемы участия кадров Генерального штаба в событиях Гражданской войны. Результатом стала эта книга.

¹ Ганин А. В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 33–58; *Его же*. С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4–14. Уже после выхода нашего справочника, нескольких монографий и серии статей, содержащих детальные статистические выкладки и первичную биографическую информацию об участии генштабистов в Гражданской войне, увидела свет статья крупного специалиста по истории флота д. и. н. К. Б. Назаренко, в которой автор на основе знакомства с исследовательской литературой упомянул и о расколе Генерального штаба, однако воспроизвел устаревшие и не соответствующие действительности данные о том, что большинство генштабистов в Гражданскую войну оказались на службе в Красной армии (Назаренко К. Б. Русские морские офицеры в 1917–1921 гг. С. 131). Автору этих строк в указанной статье оказался приписан ложный тезис, что якобы основным мотивом поступления генштабистов на советскую службу в 1918 г. служили патриотические соображения.

² Монографии: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба...; *Его же*. Последние дни генерала Селивачева; *Его же*. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»; *Его же*. Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014; *Его же*. Закат Николаевской военной академии...; *Его же*. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016 (2-е изд.: М., 2017); *Его же*. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров: 1917–1922 гг. М., 2019 (переизд.: М., 2021); *Его же*. Измена командармов; *Его же*. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский; *Его же*. Свой межу туђима и туђ међу својима. Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд, 2021; *Его же*. Военспецы; *Его же*. 50 офицеров; *Его же*. Белый агент при Сталине.

³ Абинякин Р. М. Белые генералы в Советской России: биографии забытые и неизвестные // Белая армия. Белое дело. 2013. № 21. С. 84.

Источниковой базой исследования являются, прежде всего, разнообразные архивные материалы (свыше 1300 единиц хранения), отложившиеся в пятидесяти трех архивах четырнадцати стран: Армении, Азербайджана, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, России, США, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Эстонии. Исследования в зарубежных архивах автор вел в основном в период 2007–2017 гг.

В работе использованы документы федеральных (ГА РФ, РГАСПИ, РГВА, РГИА, РГВИА), региональных (ГААО, ГАКК, ГАМО, ГАНИСО, ГАНО, ГАОО, ОСПИ ГААО, ЦГАМО) и ведомственных (АВИМАИВиВС, АВГР, Архивы УФСБ по Архангельской и Волгоградской областям, Архив ДРЗ, НА ИРИ РАН, ОР РГБ, ЦАМО, ЦА ФСБ) архивов и музеев (Научный архив Хвалынского краеведческого музея) России. Представлены в исследовании и зарубежные архивохранилища, без которых невозможно представить полноценное исследование темы на современном научном уровне: Архив МРК, АСБ, ГААР, ГАСБУ, НАА, НАА (ПА), ЦАНИГ, ЦДАВОУ, ЦДАГОУ, ЦИАГ, BAR, BDIC, CAW, ERA, ERAF, HDA, HIA, KA, LCVA, LVA, LVA PA, LYA. В поле зрения автора попали и частные архивы, в том числе потомков офицеров Генерального штаба (архивы семьи Зуевых, семьи Снесаревых, Т.С. Голубевой, Н.Д. Кареевой), комиссаров (архив семьи Глезаровых), собрания исследователей и коллекционеров (архивы Р.Г. Гагкуева и А.И. Рудиченко), использовались документы, собранные в процессе работы в личном архиве автора (письма, материалы интервьюирования потомков участников событий, справки из архивов). Помимо этого использованы сотни наименований опубликованных источников и исследований.

Документальная база по истории участия офицеров Генерального штаба в революции и Гражданской войне весьма обширна. Наиболее ценные документальные материалы по этой теме отложились в трех крупнейших архивохранилищах нашей страны – РГВИА, РГВА и ГА РФ. Это фонды Академии Генерального штаба, отложившиеся в РГВИА (Ф. 544) и РГВА (Ф. 33892), фонды органов военного управления, военно-учебных заведений старой армии (в РГВИА: Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего; Ф. 366. Военный кабинет министра-председателя и Верховного главнокомандующего и Политическое управление Военного министерства), РККА (в РГВА: Ф. 3. Высший военный совет; Ф. 6. ПШ РВСР; Ф. 11. ВГШ; Ф. 62. Управление военно-учебных заведений Красной армии; Ф. 100. Управление армиями Южного фронта; Ф. 104. Управление армиями Западного фронта; Ф. 105. Управление армиями Северного фронта; Ф. 110. Управление армиями Туркестанского фронта; Ф. 24696. Военная академия им. М.В. Фрунзе и др.), белых армий (в РГВА: Ф. 39450. Штаб главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте; Ф. 39499. Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России; Ф. 39532. Штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и Походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала; Ф. 39720. Штаб Добровольческой армии; Ф. 39736. Управление Сибирской армии; Ф. 40298. Штаб Северо-Западной армии и др.), фонды объединения офицеров Генерального штаба в эмиграции (ГА РФ. Ф. Р-5945. Районное правление Общества русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев), личные фонды (например, Ф. Р-6605 (С.А. Щепихин) в ГА РФ; Ф. 96 (В.И. Селивачев) в РГВИА;

Ф. 39348 (И.И. Вацетис) в РГВА и др.). Значительный интерес представляет собрание архива ДРЗ, хранящее в основном документы личного происхождения эмигрантов – участников Белого движения.

Документы о службе генштабистов в национальных армиях отложились в архивах ряда иностранных государств (Азербайджан, Армения, Грузия, Латвия, Литва, Польша, Украина, Финляндия, Эстония). Особенно богатые документальные коллекции хранятся в ЦДАВОУ в Киеве (Ф. 1074. Военное министерство Украинской державы; Ф. 1075. Военное министерство УНР; Ф. 1077. ГУГШ Украинской державы; Ф. 1078. ГУГШ УНР; Ф. 3172. Штаб Действующей армии УНР и др.).

Целый ряд документов об украинской армии был вывезен украинским командованием в Польшу и в настоящее время хранится в САУ в пригороде Варшавы Рембертове (коллекции: I.380.2. Союзная украинская армия; I.380.7. Союзная украинская армия. Ускоренные курсы штабных офицеров). Разумеется, в архиве отложились документы в отношении выпускников Николаевской военной академии, служивших в польской армии (коллекции: I.300.11. 5-й отдел (личного состава) штаба Военного министерства; I.303.9. 5-й отдел Генерального штаба; I.340.1. Военные школы; I.400. Коллекция рукописей).

Ценные сведения о службе генштабистов в Закавказье отложились в НАА (Ф. 1267. Коллекция документов об участии армянских добровольческих дружин и регулярных воинских частей на Кавказском фронте во время Первой мировой войны; Ф. 688. Коллекция материалов участников Гражданской войны; Ф. 204. Главное военно-санитарное управление Военного министерства Республики Армения), а также в ЦИАГ и ГААР. Колоссальное научное значение в рамках темы имеют крупнейшие документальные собрания по истории Гражданской войны и Белого движения, хранящиеся в США: НИА (Пало-Альто, Калифорния) и ВАР (Нью-Йорк), а также архивное собрание МРК и архив Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (частично микрофильмирован и в виде копий хранится в ГА РФ и в НИА). Материалы этих архивов были изучены нами в процессе подготовки исследования.

Большинство архивных дел по рассматриваемой теме либо вообще никогда не попадали в поле зрения исследователей, либо изучались, но не использовались в публикациях. Целые пласты документации оказывались невостребованными на протяжении почти столетия. Множество дел, касающихся службы генштабистов в РККА, до ознакомления с ними автора заказывалось исследователями лишь в 1960-х гг., когда непредвзятое всестороннее изучение роли и положения «буржуазных» специалистов в советском военном строительстве было невозможно. Основной массив документации вводится нами в научный оборот впервые.

Проблемой для сравнительных исследований является не только сложность доступа к документам зарубежных архивов, но и языковый барьер. Прежде всего, в отношении тех армий, в которых делопроизводство велось на национальных языках (в первую очередь, финской и прибалтийских). Несмотря на большую работу в соответствующих архивах, автор признает ограниченность своих возможностей в этом аспекте исследования и его неполноту в отношении ряда национальных армий, в которых служили выпускники Николаевской академии в 1917–1922 гг. По этим темам остается адресовать читателей к соответствующей литературе на национальных языках.

В результате революции, Гражданской войны, последующих событий было не только создано множество ценнейших свидетельств, но и утрачено огромное количество разнообразных документов, представляющих интерес в рамках темы исследования¹. К сожалению, угроза гибели архивов сохраняется и в наши дни. Как справедливо писал выпускник ускоренных курсов академии полковник К.В. Семчевский в 1976 г., «обстановка во всем мире такая, что иногда возникает мысль — нужны ли архивы, если все кончится взаимным самоистреблением народов в случае атомной войны»². Увы, эти слова актуальны и сегодня. Семчевский далее добавлял: «Но т.к. я по характеру не пессимист, то я все же решил записать то, что я видел и пережил»³. Некоторые материалы из ведомственных архивов или из зарубежных архивохранилищ до сих пор остаются малодоступными даже специалистам. Вместе с тем революция и Гражданская война породили такой поток документальных свидетельств, включая написанные позднее многочисленные мемуары, который с лихвой восполняет утраты.

Использованные в работе источники можно разделить на следующие группы: 1) делопроизводственные документы (нормативная, протокольная, отчетная документация, деловая переписка), 2) документы личного происхождения (воспоминания, дневники, личная переписка), 3) материалы периодической печати, публицистика.

¹ Отметим известные случаи утраты значимых документов по этой теме. Документы штаба донского Походного атамана, в том числе имевшие историческую ценность, сжигались при оставлении казаками Новочеркасска в феврале 1918 г. (Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 193). В результате новороссийской и крымской эвакуаций белых были утрачены архив Генерального штаба ВСЮР и Русской армии, значительная часть архивов штаба главнокомандующего и войсковых штабов (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 94. Л. 1; Д. 272. Л. 2; HIA. Vrangeli collection. Box 113. Folder 13). При оставлении Крыма погиб вывезенный из Польши архив войск генерала Н. Э. Бредова (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 318. Л. 18). Часть документов белых стала трофеем РККА и ныне хранится в российских архивах, часть погибла, а часть была уничтожена преднамеренно, чтобы сведения о личном составе не попали к красным. Генерал А. П. Будберг спрятал свои военные дневники за период Первой мировой войны на чердаке дома в Петрограде (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 111. Л. 7). Мемуары генерала Н. Н. Янушкевича были закопаны на территории его имения в Черниговской губернии (Янушкевич Н. Н. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 23. Май. С. 13). Генерал И. Г. Эрдели закопал свои дневники в сарае в Новочеркасске (Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 16), а письма и дневники за период Первой мировой войны и корниловского движения были сожжены возлюбленной генерала, опасавшейся обыска со стороны красных. Сам Эрдели об этом горько сожалел и отмечал в декабре 1918 г.: «Мара принуждена была сжечь все мои письма и дневники за всю войну. Это за 3 почти года, а письма так за 5 лет. Если бы у нее это все при обысках нашли, то она, конечно, жестоко поплатилась бы, и я понимаю, что пришлось все уничтожить, но мне бесконечно жаль этих дневников. Это целая история войны, корниловского движения и история моей жизни — и все рухнуло безвозвратно — ужасно грустно и печально. У меня такое чувство, точно оторвалось у меня что-то мое самое дорогое — кусок жизни моей ушел — и самый лучший, самый искренний, самый плодотворный и наполненный. Ну, что делать — видно судьба. Проклятые большевики» (ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 197–198). Архив генерала Д. Г. Щербачева отсылался им в Киев, где также погиб (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 322. Л. 206). Воспоминания генерала А. И. Андогского из-за высокой стоимости не были приобретены в 1930-е гг. Гуверовским архивом и, видимо, оказались утрачены (Polansky P. Pacific Rim Russian Librarianship: Forgotten Collectors for the Hoover Institution on Manchuria // Slavic & East European Information Resources (Lawrence, KS). 2006. Vol. 7, № 4. P. 83–84). Сохранилось лишь их оглавление (HIA. Russian subject collection. Box 30. Folder 14. Опубл. в: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 763–764). Уникальная библиотека генерала П. П. Лебедева была уничтожена гитлеровцами в Харькове в годы Великой Отечественной войны (Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 60). В монографии С. А. Чуйкиной были использованы неопубликованные воспоминания сына бывшего капитана Б. В. Любы, хранившиеся в семейном архиве (Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006). Эти свидетельства в настоящее время недоступны.

² МРК. Коллекция К. В. Семчевского. Box 1. Folder 34. Л. 23.

³ Там же.

К первой группе источников относятся, прежде всего, разнообразные списки Генерального штаба (их более детальный источниковедческий анализ содержится во 2-й главе работы), приказы, рапорты, доклады, докладные записки, отчеты, журналы военных действий, переписка советских и антисоветских военных учреждений и штабов.

В работе использованы декреты советской власти о привлечении на службу бывших офицеров, аналогичные приказы, издававшиеся в антибольшевистских армиях¹. Большую ценность в рамках избранной темы представляет учетная документация по кадрам Генштаба. Списки Генерального штаба (как опубликованные типографским способом², так и рукописные) представляли собой документацию группового учета генштабистов. Помимо этих важнейших источников привлекались и индивидуальные служебные документы генштабистов – послужные списки, краткие записки о службе, аттестации, прошения.

В РГВА сохранились обширные массивы документации о служебном положении генштабистов, охватывающие практически все стороны их деятельности в рассматриваемый период: приказы, рапорты, доклады, докладные записки, отчеты, журналы военных действий, переписка советских и антисоветских военных учреждений и штабов. Большое значение имеют документы фонда секретариата председателя РВСР Л.Д. Троцкого (Ф. 33987).

Ожесточенность противоборства Гражданской войны отразилась и на служебных документах специалистов Генерального штаба. Если в дореволюционных документах о службе офицеров были возможны отдельные (часто вполне очевидные при анализе этих документов) ошибки вследствие невнимательности их составителей, перенесения реалий более позднего времени на более раннее (например, в послужных списках офицеров, составленных в годы Первой мировой войны, Санкт-Петербург даже в отношении служебного пути офицеров в предвоенные годы именовался Петроградом), то реалиями советских документов стали намеренные фальсификации сведений о службе, призванные спасти того или иного военспеца от преследований и репрессий. В ходе массового анализа учетно-послужных карточек военных специалистов РККА периода 1920-х гг. нами были выявлены подобные случаи. К сожалению, нет данных о том, каким образом составлялись эти карточки, однако в некоторых из них содержится фантастическая информация. Например, в двух карточках колчаковского генерала А.Я. Крузе отмечено, что в белых армиях он не служил, а в одной даже детально расписан его служебный путь в 1918–1920 гг., но не в армии А.В. Колчака, где на самом деле находился Крузе в то время, а в РККА. Более того, без обиняков сказано, что в 1918–1919 гг. Крузе воевал «против чехословаков и Колчака на Восточном фронте», а в 1919–1920 гг. – против Махно, белополяков и Врангеля. В других документах Крузе периода его службы в РККА о пребывании на высоких постах у белых также не говорилось³. В одной карточке Крузе указан как подполковник, а в другой – как полковник. Возможно, сыграло роль психологическое самоощущение генерала после Гражданской войны. Различались и даты вступления его

¹ Анализ и обзор этих источников содержится во 2-й главе.

² Одним из наиболее ценных является: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916. Л. 56об.

в РККА — 10 июля и 23 февраля (т.е. непосредственно в отмечавшийся с 1922 г. день рождения новой армии!) 1918 г. Кроме того, в одной из карточек указано, что в годы Гражданской войны Крузе был «контужен и подвергался истязаниям», однако каким именно истязаниям и где — не говорится. В дальнейшем ни в личном деле, ни в учетно-послужных карточках о белогвардейском прошлом Крузе не было ни единого упоминания¹. Не исключено, что во многом благодаря этому Крузе удалось сделать блестящую карьеру не только у Колчака, но и в Красной армии, в которой он стал генерал-лейтенантом. Это лишь наиболее яркий пример успешной фальсификации служебных данных.

Одним из разделов учетно-послужных карточек, который отчасти имел конъюнктурное значение, был стаж службы в РККА. В целях укрепления своего служебного положения этот пункт порой подвергался самым серьезным искажениям, нередко доходившим до абсурда. Например, сразу в нескольких карточках курсовика А.Н. Машина в качестве основной даты поступления на службу в Красную армию указано 11 марта 1918 г., тем не менее в одной из карточек вместо этого приводится 10 октября 1917 г. — т.е. еще до возникновения РККА и вообще до прихода к власти большевиков.

Учетно-послужные карточки во многих случаях содержат достаточно подробную информацию о службе, происхождении, родственных связях того или иного командира РККА. Сплошной просмотр карточек командиров с высшим военным образованием показал, что при учете в РККА карточки генштабистов часто выделялись черной полосой на сгибе. Как известно, черный цвет являлся приборным цветом русского Генерального штаба.

В РГАСПИ и РГВА хранится переписка о кадрах Генерального штаба, освещающая в том числе и такие сложные вопросы, как история конфликта Троцкого и Сталина по вопросу использования военспецов на Южном фронте осенью 1918 г. Источники позволяют раскрыть роль Сталина в организации неформального координирующего органа красных генштабистов — БЮИНС (Бюро информации и связи), осуществлявшего взаимодействие между командирами параллельно официальным каналам в РККА. Документы фонда председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского в РГАСПИ содержат ценные свидетельства об участии военспецов-генштабистов в антисоветских заговорах, о репрессивных мерах ВЧК в отношении бывших офицеров. Эти документы отличаются высокой степенью достоверности, а с учетом особенностей подхода офицеров-генштабистов к составлению документации еще и глубокой детализацией фактов и явлений.

В РГВА отложились трофейные документы белых армий, захваченные частями РККА в Гражданскую войну либо поступившие в архив уже после Второй мировой войны в составе Русского заграничного исторического архива (т.н. Пражского архива). В основном трофеями РККА становились документы белых армий Востока России, брошенные в массу при отступлении. Делопроизводство белых армий Юга и Северо-Запада России представлено значительно хуже². Часть документов

¹ Подробнее см.: Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 298.

² Подробнее см.: Путеводитель по фондам белой армии. М., 1998; Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. М., 2004. Т. 4: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции.

Донской армии попала в современные РГВА и ГА РФ из Донского казачьего архива, входившего в состав РЗИА¹. Наиболее полно документация белых армий Юга и Северо-Запада сохранилась в НИА и ВАР, куда она была передана участниками Белого движения.

Архив Николаевской военной академии, разделенный между РГВИА и РГВА, сохранился практически в полном объеме (за исключением ряда единиц хранения, уничтоженных в советское время как макулатура за «малозначимость») и позволяет досконально исследовать историю этого военно-учебного заведения в непростое время 1917–1922 гг. Не в пример старой Военной академии документация Академии Генштаба РККА первых лет ее существования сохранилась в РГВА отрывочно, в связи с чем анализ деятельности академии в годы Гражданской войны нередко приходится осуществлять по косвенным данным.

В связи с тем, что документы Особых отделов ВЧК за период Гражданской войны до сих пор находятся на секретном хранении, приоритетное значение как источник по проблемам советской репрессивной политики в отношении военспецов приобретает армейское делопроизводство, а также документация Московского политического Красного Креста, занимавшегося помощью арестованным. Ценнейшие документы о репрессиях против генштабистов, об их положении в Советской России, о различных заговорах и белом подполье, о малоизвестных аспектах советского военного строительства содержат документы ЦА ФСБ России, а также документы архивов региональных управлений ФСБ. В частности, в монографии впервые широко использованы документы многотомного следствия по делу ПШ РВСР, развернувшегося в 1919 г.

Уникальные документы по широкому спектру проблем участия офицеров в Гражданской войне сохранились в следственной документации по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», хранящейся в Киеве, в ГАСБУ (Ф. 6. Д. 67093-ФП. Фонд прекращенных дел. Материалы архивно-следственных дел по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна»). Наиболее достоверны среди этих документов показания арестованных о событиях и процессах прошлого, в частности о дореволюционной России и о Гражданской войне. Большую ценность представляют и документы периода реабилитации репрессированных, когда оставшиеся в живых ко второй половине XX в. участники событий также давали показания, фактически представлявшие собой форму воспоминаний. В материалах дел освещаются взаимоотношения генштабистов, их реакция на события 1917 г. и Гражданской войны, приводятся обстоятельные характеристики сослуживцев. Следственная документация сопоставлялась нами с делопроизводственными документами РККА и антибольшевистских армий периода Гражданской войны – приказами, сводками, донесениями, с материалами периодической печати, документами личного происхождения, что позволило реконструировать события с разных сторон.

Привлекались к работе документы региональных областных и партийных архивов – Архангельской, Мурманской, Новосибирской, Оренбургской и Саратовской областей, а также Краснодарского края, содержащих ценные сведения

¹ Подробнее см.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999.

о взаимоотношениях властей и военных на местах. Делопроизводственная документация национальных армий (украинской, польской, армянской, азербайджанской, грузинской, литовской, латвийской, эстонской, финской) изучалась нами в архивах соответствующих государств. Важные дополнительные материалы по рассматриваемой теме отложились в НА ИРИ РАН. Весьма обширны и интересны документы личного происхождения об участии генштабистов в Гражданской войне. Такие материалы в основном отложились в собраниях ГА РФ, ДРЗ, ВАР, НИА. Прежде всего, это воспоминания (как правило, написанные в эмиграции) и дневники участников Белого движения. В них содержатся важнейшие данные как о военном строительстве, так и взаимоотношениях внутри военной элиты. Несмотря на определенный субъективизм этого вида источников, значение свидетельств из мемуаров и дневников участников событий трудно переоценить.

Достаточно велик объем документальных материалов, уже введенных в научный оборот. Археография вопроса претерпела во многом схожую эволюцию, что и его историография.

Важнейшее значение имеют публикации делопроизводственных документов. Первыми документальными публикациями по вопросу о деятельности специалистов Генерального штаба в период 1917–1922 гг. стали официальные отчеты, протоколы, стенограммы, относившиеся еще к эпохе 1917 г. и Гражданской войны и к послевоенному времени¹.

Крупным достижением советских археографов стало масштабное выявление и введение в научный оборот массива документации В.И. Ленина. Над подготовкой таких изданий работали целые коллективы специалистов, шло масштабное выявление ленинских документов во всех архивах, не исключая зарубежные, что привело не только к выпуску не имеющих аналогов по своему масштабу сборников трудов, но и к практически поденной реконструкции жизни и деятельности главы советского правительства. Сборники работ Ленина, несмотря на определенные цензурные ограничения, подготовлены на высоком научном уровне и снабжены обширным научно-справочным аппаратом. Оправдала себя и практика выпуска тематических подборок ленинских работ². Документы, которые по тем или иным причинам не были обнародованы в советское время, вошли в специальный сборник, изданный в конце 1990-х гг.³ Нельзя не отметить выдающееся значение публикации деловой переписки председателя РВСР Л.Д. Троцкого, осуществленной за рубежом как на языке оригинала, так и с переводом на английский⁴.

Как уже отмечалось, настоящим событием для исследователей истории Гражданской войны стало издание в 1970-х гг. сборников документов ДГК и многотомных ДКФКА. Эти сборники включали в себя большой объем важнейших документов, отражавших боевую работу РККА. Без них сегодня немыслимо изучение

¹ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925; Труды Общеказачьего съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде / обраб. под ред. И. Г. Харламова. Пг., 1917; Украинская Социалистическ[ая] Советск[ая] Республика. Отчет о деятельности Народного комиссариата по военным делам. Март — май 1919 г. Киев, июнь 1919.

² См., напр.: В. И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957.

³ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.

⁴ The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1; Hague; Paris, 1971. Vol. 2.

истории Красной армии эпохи Гражданской войны. Помимо этого ряд основных документальных изданий был посвящен истории Красной армии в региональном измерении¹, а также отдельным военным деятелям².

Период после 1991 г. среди отечественных историков и архивистов получил наименование «архивной революции». И действительно, в России стали активно издаваться фундаментальные сборники документов и серьезные документальные публикации, менявшие устоявшиеся взгляды и представления, в том числе об эпохе Гражданской войны.

Можно отметить публикации документов об антибольшевистском лагере Гражданской войны, причем как о вооруженных силах³ и выступлениях⁴, так и о деятельности небольшевистских политических партий и организаций⁵.

После того как были сняты ограничения на публикацию документов Л. Д. Троцкого, был введен в научный оборот обширный комплекс протокольной документации РВСР⁶, увидели свет принципиально важные сборники документов о состоянии РККА в 1920-е гг.⁷ Большое значение в рамках темы имеет десяти томный сборник документов о русской военной эмиграции, содержащий ценные материалы советских спецслужб, наблюдавших за ветеранами Белого движения, оказавшимися в изгнании⁸. Вошедшие в эти сборники документы позволяют реконструировать сложные процессы взаимодействия между советской военной элитой и эмиграцией, проливают свет на практику советских спецслужб.

Целый ряд документальных публикаций, прежде всего подготовленных ведомственными историками спецслужб, отражают взаимодействие органов ВЧК-ОГПУ-НКВД с партийно-политическим руководством, в том числе по вопросам о специалистах Генерального штаба, к этой группе публикаций относятся сборники, вышедшие как в советское, так и (по большей части) в постсоветское время⁹. Нельзя не отметить важный в рамках изучаемой темы сборник анкет и писем

¹ В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920): Сб. док. Иркутск, 1985; И на Тихом океане... Народно-революционная армия ДВР в освобождении Приамурья и Приморья (1920–1922): Сб. док. Иркутск, 1988; Шли дивизии вперед: Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья (1920–1921): Сб. док. Иркутск, 1987; Южный фронт (май 1918 — март 1919): Сб. док. Ростов-на-Дону, 1962.

² Август Корк: Док. и мат. Таллин, 1981; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И. И. Вацетис: Сб. док. Рига, 1978.

³ Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004; Генерал Дитерихс. М., 2004; Дроздовский и дроздовцы. М., 2006; Каппель и каппелевцы. М., 2003; Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004; Марков и марковцы. М., 2001; Рейд 4-го Донского корпуса генерала К. К. Мамантова (август — сентябрь 1919 г.): Док. и мат. Подольск, 2018; Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 — март 1920 г.): Сб. док. / сост. М. И. Вебер. Екатеринбург, 2019; Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А. В. Ганина. М., 2022.

⁴ Кронштадтская трагедия: Документы: в 2 кн. М., 1999.

⁵ Партия социалистов-революционеров: Док. и мат., 1900–1922 гг.: в 3 т. / сост. Н. Д. Ерофеев. М., 2000. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г.; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002.

⁶ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сб. док. М., 1997; Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923: Сб. док. М., 2000.

⁷ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007; Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1–2.

⁸ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М.; Курск, 1998–2017. Т. 1–10.

⁹ Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007; В. И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975; Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сб. док. М., 1958; Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1–2; Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004; Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. М., 2011; МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сб. док. М., 1978; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов.

репрессированных «бывших», включая и генштабистов, в Политический Красный Крест¹.

Большую ценность в рамках изучаемой темы представляют опубликованные документы личного происхождения. В этой группе заметно преобладают свидетельства участников борьбы с большевиками, которые могли свободно, без цензуры и риска для жизни вести и хранить дневники, писать воспоминания (особенно располагала к этому жизнь в эмиграции). Известны воспоминания, дневники, мемуарно-исследовательские работы, письма выпускников академии И.Г. Акулинина, З.А. Алферова, А.Т. Антоновича, В.Г. Болдырева, А.П. Будберга, П.Н. Врангеля, Б.В. Геруа, К.И. Глобачева, А.И. Деникина, И.Р. Довбор-Мусницкого, Е.И. Достовалова, В.Н. фон Дрейера, М.Г. Дроздовского, А.Г. Ефимова, М.И. Изергина, М.А. Иностранцева, Б.И. Казановича, Н.А. Капустянского, Г.И. Квинитадзе, Г.И. Клерже, А.А. фон Лампе, А.С. Лукомского, В.В. Марушевского, П.С. Махрова, В.Н. Минута, А.Л. Носовича, А.П. Перхурова, П.П. Петрова, И.А. Полякова, И.П. Романовского, К.В. Сахарова, М.А. Свечина, Я.А. Слащева, С.М. Трухачева, Д.В. Филатьева, М.А. Фостикова, А.В. Черныша, П.Н. Шатилова, Б.А. Штейфона, С.А. Щепихина, Б.А. Энгельгардта² и многих других. В тех случаях, когда воспоминания и дневники

М., 2007; Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18); № 2 (19).

¹ Обречены по рождению... СПб., 2004.

² Акулинин И. Г. Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711; Алексей фон Лампе — военный агент барона Врангеля в Венгрии: Сб. док. М., 2012; Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023; Антонович А. Т. Дневник генерала // Голоса Сибири. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 381–436; Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / под ред. В. Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925; Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12; 1924. Т. 15; Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1–2; Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969–1970. Т. 1–2; Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М., 2009; Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 1–3; Его же. Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006; Его же. Старая армия. Офицеры. М., 2005; Дневник генерала М. А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров / под ред. П. Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004. С. 13–178; Достовалов Е. И. О белых и белом терроре / публ. Н. Сидорова, И. Кондаковой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 637–697; Дрейер В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918–1920 года. Берлин-Шарлоттенбург, 1921; Дроздовский М. Г. Дневник. М., 2017; Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008; Его же. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013; Изергин М. И. Уральская катастрофа (воспоминания полковника Генерального штаба). М., 2023; Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017; Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май — июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 184–202; Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985; Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадкова. Новосибирск, 2012; Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021; Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1–2; Его же. Очерки из моей жизни. Воспоминания: архивные материалы. М., 2012; Марушевский В. В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 170–341; Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994; Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016; Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А. В. Ганина. М.; СПб., 2021; Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М., 2018; Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990; Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930; Его же. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011; Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007; Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964; Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990;

републиковались с научными комментариями, предпочтение отдавалось таким изданиям. Важным собранием документов личного архива генерала М.В. Алексеева является книга, написанная его дочерью¹. Не менее значимы неопубликованные свидетельства П.И. Аверьянова, Н.Н. Баратова, А.И. Деникина, В.А. Замбржицкого, К.Л. Капнина, А.К. Келчевского, И.Ф. Патронова, Ю.Н. Плющевского-Плющика, П.Ф. Рябикова, С.Н. Ряснянского, В.Е. Флуга, В.А. Энгельке, И.Г. Эрдели, Г.Е. Янушевского и др. Некоторые белые генштабисты, как, например, генералы А.А. фон Лампе, Е.В. Масловский, П.С. Махров, С.А. Щепихин, полковники Е.Э. Месснер и Д.Н. Тихобразов, оставили монументальные мемуарные и дневниковые своды, скрупулезно и детально освещающие ход событий (эти материалы в основном еще не введены в научный оборот).

Количество воспоминаний и дневников военспецов-генштабистов намного меньше, а их ценность в сравнении с мемуарным наследием антибольшевистского лагеря существенно ниже из-за опасности ведения откровенных записей в Советской России и СССР и самоцензуры. Вместе с тем немало ценных сведений удалось почерпнуть из написанных в советское время мемуаров и дневников, прежде всего, выпускников военных академий разных эпох: Е.З. Барсукова, М.Д. Бонч-Бруевича, А.И. Верховского, М.В. Захарова, А.А. Самойло, В.М. Цейтлина, Б.М. Шапошникова и др.² Сюда же можно добавить неопубликованные воспоминания И.И. Вацетиса. Известны и эмигрантские воспоминания бывших

Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011; Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985; Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014; Шатилов П. Н. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1–2; Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928; Его же. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник. 2019. Т. 27. С. 16–229; Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020; Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 6–396; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020; Україна. 1919 рік. М. Капустянский «Похід Українських армій на Київ–Одесу в 1919 році». Е. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Док. та мат. Київ, 2004; Dowbor Muśnicki J. Moje wspomnienia. Warszawa, 1935. К сожалению, не все публикации источников личного происхождения подготовлены на должном уровне. Так, воспоминания генерала П. С. Махрова, как показало их сопоставление с рукописью, были опубликованы с купюрами и искажениями. Автором этих строк осуществляется публикация ранее неизвестных фрагментов воспоминаний П. С. Махрова: «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А. В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74; Ганин А. В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова // Славянский альманах. М., 2018. Вып. 1–2. С. 144–156; Его же. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119; Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П. С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 143–163; Ганин А. В. Бывший начальник штаба генерала П. Н. Врангеля П. С. Махров о походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. // Славянский альманах. М., 2020. Вып. 1–2. С. 461–471; Его же. П. С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2020. Т. 15, № 1–2. С. 108–137; Его же. При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П. С. Махрова // ЖРВИИ. 2020. № 2 (21). С. 160–205; Его же. На гетманской Украине летом — осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П. С. Махрова // Славянский альманах. М., 2021. Вып. 1–2. С. 477–507; Его же. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...»: Воспоминания генерала П. С. Махрова о Юго-Западном фронте в сентябре — декабре 1917 г. // ЖРВИИ. 2022. № 2 (29). С. 142–232.

¹ Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000.

² Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954. Смоленск, 2018; Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957; Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959; Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005; Самойло А. А. Две жизни. М., 1958; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021; Шапошников Б. М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982.

военспецов, покинувших Советскую Россию¹. Огромный массив информации содержат мемуарные и мемуарно-исследовательские работы Л.Д. Троцкого². Постоянно идет поиск и выявление новых источников личного происхождения³.

Неподцензурные воспоминания и дневники генштабистов РККА представляют особую ценность и большую редкость. К этой категории источников относятся уникальные неопубликованные дневники выдающегося военного деятеля нашей страны А.Е. Снесарева, хранящиеся у его потомков. Значение этого практически неизвестного специалистам источника трудно переоценить. Материалы архива семьи Снесаревых постепенно вводятся в научный оборот⁴. Важным источником являются воспоминания слушателей первых наборов Академии Генштаба РККА⁵. В качестве достаточно объективного свидетельства о работе военспецов интересны воспоминания видного большевистского военного деятеля С.И. Аралова⁶.

Материалы публицистики представлены статьями и речами участников событий, публиковавшимися как на страницах газет, так и в сборниках их произведений⁷. По причине злободневности работ этого жанра и возможной жесткой реакции властей или оппонентов многие авторы таких произведений печатались

¹ Напр.: Верцинский Э. А. Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929.

² Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год; 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год; Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год; Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы; 1925. Т. 3, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы; *Его же. Моя жизнь*. М., 2001; и др.

³ В РГАСПИ недавно были обнаружены советские воспоминания бывшего генерала Н. А. Галкина, занимавшего в Гражданскую войну пост управляющего военным ведомством Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (*Григорьев Е. М. Новые источники по истории Народной армии Комуча (по материалам РГАСПИ)* // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию создания РККА: «Рабоче-крестьянская Красная армия, Вооруженные Силы СССР, Вооруженные Силы Российской Федерации — преемственность боевых традиций». М., 2018. С. 113–120; *Боевой восемнадцатый год: Сб. док. и воспоминаний*. М., 2018. С. 25–100). В Германии и США были найдены фрагменты воспоминаний донского казачьего генерала З. А. Алферова (*Алферов З. А. Воспоминания. Вне поля зрения публикаторов оказалась рукопись воспоминаний Алферова из ГА РФ: Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 209*). Автором этих строк обнаружено в НИА и опубликовано ранее неизвестное окончание знаменитого дневника колчаковского военного министра генерала А. П. Будберга (*Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны*. С. 588–722), опубликованы отрывки из хранящихся в ВАР воспоминаний полковника Е. Э. Месснера (Там же. С. 485–573), хранящиеся в ГА РФ воспоминания генерала М. А. Иностранцева (*Иностранцев М. А. Воспоминания*), опубликованы неизвестные воспоминания красного командарма-перебежчика Н. Д. Всеволодова из МРК (*Ганин А. В. Измена командармов*. С. 496–670), хранящиеся в НИА воспоминания генерала С. А. Щепихина (*Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход*) и его же воспоминания из фондов ГА РФ (*Его же. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)* // *Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака*. С. 93–287), хранящиеся в ВДИС воспоминания генерала А. Л. Носовича (*Носович А. Л. Белый агент в Красной армии*), хранящийся в АВИМАИВИС дневник штабс-капитана курсовика В. М. Цейтлина, пошедшего служить в РККА (*Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов*), и другие важные материалы.

⁴ А. Е. Снесарев: «Мне было ясно с первых же шагов, что эти «буревестники» создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И. С. Даниленко // *Военно-исторический журнал*. 2002. № 11 С. 59–65; *Воронцов А. В дни смуты и распада* // *Московский журнал*. 1996. № 2. С. 2–7, 50–51; *Ганин А. В. Смоленский дневник Снесарева* // *Родина*. 2013. № 9. С. 115–119; *Снесарев А. Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май)* // *Московский журнал*. 1996. № 2. С. 52–56; № 3. С. 42–51; *Его же. «Вся Россия — больна...»*. Из дневника 1918–1919 годов // *Московский журнал*. 1996. № 8. С. 37–48; *Его же. Письма с фронта: 1914–1917*. М., 2012; *Его же. Дневник 1916–1917*. М., 2014; и др.

⁵ *Бармин А. Г. Соколы Троцкого*. М., 1997; *Мерецков К. А. На службе народу*. М., 2003; *Софронов Г. П. Неподвластное времени*. М., 1976; *Тюленев И. В. Через три войны: Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами*. 1941–1945. М., 2007.

⁶ *Аралов С. И. Ленин вел нас к победе*. М., 1989.

⁷ *Андогский А. И. Академия Генерального штаба в 1917–18 гг.* Омск, 1919; *Каменский А. З. Давно пора* // *Правда*. 1918. 25.12. № 281; *Сорин Вл. Командиры и комиссары в действующей армии* // *Правда*. 1918. 29.11. № 259; *Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе)*. Т. 1–3; *Шульгин В. В. «Что НАМ в НИХ не нравится...»: Об антисемитизме в России*. СПб., 1992; и др.

под псевдонимами. Например, будущий Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников подписал свою статью «Первые боевые шаги маршала Пилсудского» инициалами Б.Ш.¹ Однако это не спасло военспеца от резкой реакции председателя РВСР Л.Д. Троцкого.

Значимым источником, отражающим текущие события и проблемы рассматриваемого периода, является периодическая печать (в ряде случаев этот источник смыкается с публицистическими произведениями). Среди периодических изданий большое значение имеет военно-научный журнал «Военное дело», издававшийся группой военспецов-генштабистов РККА в 1918–1920 гг. и освещавший вопросы организации советских органов военного управления, проблемы использования военспецов². На страницах журнала выступал и председатель РВСР Л.Д. Троцкий, порой полемизировавший по ряду вопросов с военспецами. Материалы полемики, отражая взгляды разных сторон, позволяют составить довольно полное представление о характере и особенностях военно-научных дискуссий периода Гражданской войны. Для полноты раскрытия темы важны публицистические работы, речи государственных деятелей Советской России В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, публиковавшиеся как на страницах газет, так и в сборниках их произведений. Представляют интерес центральные советские газеты «Правда», «Известия», ведомственная газета «Известия Народного комиссариата по военным делам», газета «Русская армия», издававшаяся в белой Сибири, журнал «Донская волна», выходивший при белых на Юге России, эмигрантские военные журналы «Часовой», «Военная Быль», газета «Русский инвалид», в которых публиковались воспоминания, статьи и некрологи генштабистов-эмигрантов, и другие издания.

При анализе материалов периодической печати следует учитывать особенности этого вида источников. К примеру, в изданиях русской военной эмиграции было принято резко критически отзываться о РККА и красном лагере Гражданской войны, замалчивать многие «неудобные» факты. Это особенно наглядно прослеживается на примере эмигрантских некрологов. Во многих из них преднамеренно не упоминалось о службе офицеров у красных. К примеру, в обширном некрологе генерала Д.К. Лебедева в журнале «Часовой» не только не делался акцент на его активной службе в РККА, но это принципиальное для военной эмиграции обстоятельство (а Лебедев прослужил в РККА фактически всю Гражданскую войну с 1918 по 1921 г.) автор некролога генерал А.К. Баиов умудрился вообще не упомянуть³. Точно так же в некрологе генерал-майора В.Н. фон Энгеля был обойден щекотливый вопрос о его службе в РККА, причем утверждалось, что после развала армии генерал якобы вернулся на родину в Прибалтику, где жил в крайне стесненных условиях⁴. В действительности же его возвращению на малую родину предшествовали четыре года службы в Красной армии (1918–1921) в самое напряженное время Гражданской войны. Соккрытие или не афиширование сведений о службе у красных позволяло тем генштабистам, чей служебный путь в Гражданскую войну был для антибольшевистского лагеря небезупречным,

¹ Б.Ш. [Шапошников Б. М.] Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. 07.06. № 13 (77). Стб. 387–392.

² Об истории журнала см.: Ганин А. В. Недоучились «Военному делу» настоящим образом... // Родина. 2023. № 1. С. 110–113.

³ Баиов А. К. Генерал-майор Д. К. Лебедев // Часовой. 1935. 15.02. № 144. С. 20.

⁴ Ливен А., кн. Ген[ерал]-м[айор] В. Н. Фон-Энгель // Часовой. 1933. № 105. Июнь. С. 29.

вписываться в среду белой военной эмиграции и даже удостаиваться некрологов на страницах ее центрального печатного органа, каким де-факто являлся «Часовой». Эта же особенность касается и эмигрантских воспоминаний. Воспоминания Н.Н. Краснова-младшего предварялись следующим посвящением: «Памяти моего деда, генерала Петра Николаевича Краснова (на самом деле Н.Н. Краснов-младший был внучатым племянником, а не внуком П.Н. Краснова. — А.Г.), моего отца Николая Николаевича, дяди Семена Николаевича и всех, вместе с ними погибших мученической смертью от руки палачей нашей Родины и народа»¹. Однако служебные документы Н.Н. Краснова-старшего (троюродного брата донского атамана П.Н. Краснова) свидетельствуют о его службе в 1918–1919 гг. у тех самых «палачей»². В годы Второй мировой войны он активно сотрудничал с гитлеровцами и был выдан советским представителям в Лиенце в 1945 г., после чего попал в лагерь, где через два года умер. «Неудобные» данные о службе Краснова в РККА в антибольшевистской литературе замалчивались, поскольку разрушали образ последовательного антикоммуниста.

Совокупность изученных документальных материалов позволяет комплексно реконструировать участие кадров Генерального штаба различных лагерей и армий в событиях 1917–1922 гг., облик корпорации генштабистов, ее взаимодействие с политической элитой, особенности службы и повседневной жизни.

Изгибы исторической памяти причудливы и находятся в сильной зависимости от политической конъюнктуры. Память о генштабистах первой четверти XX в. в результате оказалась избирательной. Попытки мемориализации предпринимались в белом лагере уже в Гражданскую войну. Так, на юге России в 1919 г. город Миллерово был переименован в Калединск в честь донского атамана А.М. Каледина. В сталинскую эпоху из истории Гражданской войны были вычеркнуты как контрреволюционеры, ставленники Л.Д. Троцкого, а впоследствии и как «враги народа» даже красные генштабисты. Восстановление памяти о вкладе военспецов в дело создания Красной армии связано с периодом оттепели. Тогда в СССР были изданы мемуары М.Д. Бонч-Бруевича, А.И. Верховского, А.А. Самойло. В дальнейшем стали появляться публикации и о других персоналиях — И.И. Вацетисе, А.А. Свечине, А.Е. Снесареве. Массовыми тиражами в 1960-е гг. были выпущены наборы открыток «Герои Гражданской войны», предназначенные для оформления школьных музеев. В наборах присутствовали С.С. Каменев и А.А. Самойло. Появились художественные фильмы, изображавшие непростую судьбу военспецов («Адъютант Его Превосходительства», «Седьмой спутник» и др.). Улицы некоторых городов носили и носят имена советских генштабистов. В частности, улица Маршала Шапошникова в Москве (в честь Б.М. Шапошникова); улица командарма Каменева в Киеве (впоследствии переименована в честь военного деятеля УНР П.Ф. Болбочана) и улица Каменева в Зарайске (в честь С.С. Каменева); улица Лебедева в Чебоксарах и улица Павла Лебедева в Харькове (в честь П.П. Лебедева);

¹ Краснов-младший Н. Н. Незабываемое. М., 2002. С. 31.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 18–19.

улица командарма Корка в Харькове (в честь А.И. Корка; переименована); улица Бонч-Бруевича в Могилеве (в честь М.Д. Бонч-Бруевича); улица Иоакима Вацетиса в Риге и улица Вацетиса в Краматорске (в честь И.И. Вацетиса); улица Таубе в Омске (в честь А.А. фон Таубе); улицы Самойло в Архангельске и Вологде (в честь А.А. Самойло); улица Петина в Вологде (в честь Н.Н. Петина); улица Комбрига Свечникова в городе Королеве Московской области и улица Свечникова в городе Серафимовиче Волгоградской области (в честь М.С. Свечникова).

На рубеже 1980–1990-х гг. в историческую память общества с положительными оценками (в том числе в связи с их заслугами до 1917 г.) вошли имена офицеров-генштабистов, участвовавших в Белом движении: М.В. Алексеева, П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, М.Г. Дроздовского, В.О. Каппеля, Л.Г. Корнилова, С.Л. Маркова, Е.К. Миллера, Н.Н. Юденича и др. Знаковыми событиями 2000-х гг. стали перезахоронения в России останков генералов Н.С. Батюшина, А.И. Деникина и В.О. Каппеля, в 2015 г. — великого князя Николая Николаевича-младшего. Увидели свет исследования, а также были сняты документальные фильмы о целой плеяде офицеров, участвовавших в событиях 1917–1922 гг.

Обращает на себя внимание заметное преобладание интереса к увековечиванию памяти участников антибольшевистского движения, тогда как военспецы Красной армии оказались забытыми. Появились памятники генералам П.Н. Врангелю (Керчь; Сремски Карловцы), Л.Г. Корнилову (Краснодар), П.Н. Краснову (станция Еланская Шолоховского района Ростовской области; на частной территории), С.Л. Маркову (Сальск); памятные доски А.И. Деникину (Феодосия), М.Г. Дроздовскому (Ростов-на-Дону), А.И. Дутову (Оренбург; пос. Краснинский Верхнеуральского района Челябинской области), А.М. Каледину (Новочеркасск), В.О. Каппелю (Белев; Ульяновск, в Ульяновске доска провисела менее года и была демонтирована в августе 2019 г. по причине неоднозначной общественной реакции), Л.Г. Корнилову (Владивосток, остров Русский), И.Я. Лайдонеру (Владимир), С.Л. Маркову (Новочеркасск), В.Г. Науменко (станция Петровская Славянского района Краснодарского края, затем демонтирована). В октябре 2022 г. был установлен памятный знак на здании, в котором в 1919 г. находился штаб Сибирской армии в Екатеринбурге (ул. Малышева, 22)¹. В итальянском городе Верценьис в 2005 г. на доме, в котором в 1945 г. проживал генерал П.Н. Краснов, была открыта мемориальная доска.

Что касается военспецов РККА, то их увековечивают намного реже. В Москве на здании Академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации была установлена памятная доска А.Е. Снесареву (2015 г., к 150-летию со дня рождения), а на здании Общевойсковой академии Вооруженных сил Российской Федерации — доска А.И. Корку (2022 г.). В Костроме установлена памятная доска на доме, где жил генерал Д.П. Парский (ул. Шагова, 10).

В Приднестровской Молдавской республике в 2018 г. к столетию похода отряда М.Г. Дроздовского была установлена памятная доска «Покинувшим Отечество, чтобы вернуться» (Тирасполь), а в 2020 г. к столетию похода войск генерала Н.Э. Бредова — доска в память его участников с посвящением «Тем, кому не было места на Родине...». Также были выпущены марки и конверты со спецгашением.

¹ Белая армия. Белое дело. 2022. № 29. С. 3. В советское время памятные доски были установлены на многих зданиях, где располагались штабы советских фронтов и армий Гражданской войны.

Отметим существование интереса к увековечению памяти сравнительно узкой группы офицеров – прежде всего, нескольких крупных вождей белых (Врангелю, Дроздовскому, Дутову, Каппелю, Корнилову и Маркову посвящены по несколько памятных знаков).

К теме увековечения памяти генштабистов можно отнести и открытие табличек «Последний адрес», посвященных военспецам РККА В.Е. Гарфу, Е.А. Меньчукову, Н.Н. Петину и Д.В. Саттерупу (Москва), Г.Н. Кутателадзе (Тбилиси). В сентябре 2022 г. в рамках проекта «Последний адрес» в Париже была открыта табличка в память о генерале Е.К. Миллере, похищенном чекистами из французской столицы в 1937 г.

Прошли научные конференции, посвященные генералам А.Н. Куропаткину и А.Е. Снесареву, увидели свет научные исследования, документальные и художественные фильмы, в которых рассказывается о судьбах офицеров Генерального штаба. Именем Куропаткина в городе Холме Псковской области названа библиотека.

Схожие процессы заметны на Украине, где происходит мемориализация участников событий 1917–1922 гг., служивших в украинских войсках. В 2010 г. во Львове были торжественно перезахоронены останки генерала М.А. Капустянского. В Одессе переулок Бабушкина переименовали в честь генерала УНР В.Е. Змиенко, улица Котовского в Киеве в 2017 г. переименована в улицу Владимира Сальского (еще одного генерала УНР), в августе 2020 г. в городе Токмаке Запорожской области открыта памятная доска в честь местного уроженца генерала УНР М.Д. Безручко, который якобы «во время героической обороны г. Замостья остановил наступление 1-й Конной армии С. Буденного, спася Европу от большевизма». В Виннице одна из улиц названа в честь генерала В.М. Бронского. В Житомире в 2016 г. в честь генерала УНР В.Н. Петрова названа улица. В городе Боярке в честь Петрова в том же году названа улица и открыта памятная доска. В Киеве тогда же в честь него назван переулок. В 2018 г. на здании железнодорожного вокзала в Боярке открыли мемориальную доску в честь полковника Ю.В. Отмарштейна. В честь генерала Украинской Галицкой армии А.П. Грекова названа улица во Львове. Обращает на себя внимание то, что мемориализации удостоились, прежде всего, деятели УНР. Кроме того, на Украине увековечили память польского выпускника академии генерала В. Андерса – в Луцке в 2023 г. был открыт сквер в его честь.

В 2013 г. генералу Г.И. Квинитадзе, командовавшему грузинскими войсками в период боевых действий 1921 г. против РККА, было присвоено звание Национального героя Грузии, а в 2021 г. его прах перевезли из Франции на родину и похоронили в Пантеоне на горе Мтацминда в Тбилиси, где покоятся многие выдающиеся деятели страны¹. В Эстонии был установлен конный памятник главнокомандующему генералу И.Я. Лайдонеру в Вильянди (там же имеется площадь в честь генерала), а также памятная доска на месте хутора, где он родился. В Виймси возле Таллина был открыт музей Лайдонера. В Латвии часть улицы в Риге в 2017 г. была переименована в набережную генерала П.К. Радзина в честь командующего латвийской армией, организовавшего оборону Риги в 1919 г. от войск генерала П.Р. Бермондта-Авалова.

¹ Силакадзе Д. Г. Русско-грузинская война. 100 историй. Тбилиси, 2022. С. 50.

В России вопрос увековечивания памяти генштабистов, участвовавших в Гражданской войне, остается болезненным. Так, вызвала протесты установка на Дону и Кубани памятных знаков участникам событий 1917–1922 гг., которые в годы Второй мировой войны поддержали гитлеровскую Германию (генералы П.Н. Краснов, В.Г. Науменко). Но порой неоднозначно воспринимаются и памятные знаки тем, кто никакого отношения к событиям Второй мировой не имел. Так, острую дискуссию вызвало открытие в сентябре 2018 г. памятной доски генералу В.О. Каппелю в Ульяновске. Доску установили на улице Тухачевского — противника Каппеля в Гражданскую войну, что вызвало иронические отклики в социальных сетях. Противники установки отмечали причастность каппелевцев к белому террору, факт дезертирства Каппеля из рядов Красной армии, обсуждали степень идейной последовательности и принципиальности офицера, служившего в войсках большевиков, эсеров и белых, значимость его заслуг, эмоциональную окрашенность текста на мемориале, а также допустимость героизации участников Гражданской войны, провоцирующей раскол общества. Говорилось и о роли Чехословацкого корпуса в поддержке действий Каппеля, а также о проводящейся политике десоветизации по примеру современной Украины. Неизбежно возникли сопоставления службы, выбора и степени причастности к террору Каппеля и Тухачевского. Сторонники доски отмечали патриотизм и мужество белого генерала, его талант военачальника, личную непричастность к актам террора и непримиримость по отношению к красным. Звучали апелляции к конструктивному опыту увековечивания памяти участников Гражданской войны в США (впрочем, события 2020 г. продемонстрировали зыбкость таких отсылок). В качестве довода о необходимости установки мемориала отмечалось и большое количество памятных знаков советским деятелям, в том числе организаторам массового террора, при отсутствии аналогичных памятников участникам Белого движения, тем более не причастным к репрессиям. Высказались и сторонники увековечения памяти всех участников Гражданской войны из разных лагерей, а также исторического примирения. В конце концов, доску демонтировали.

По-прежнему непростым остается вопрос юридической реабилитации участников Белого движения. Проблема заключается в том, что исследователи в России не имеют возможности получить доступ к документам нереабилитированных лиц. Такое положение осложняет изучение истории Гражданской войны и участия в ней военной элиты. Нам довелось столкнуться с подобной проблемой при попытке ознакомиться с архивно-следственным делом колчаковского генерала Б.П. Богословского, доступ к которому так и не был открыт, хотя документы датируются 1920 г. и с момента их создания прошло уже более века¹.

Структура исследования совершенствовалась на протяжении многих лет и приобрела законченный вид практически на последнем этапе работы. В первой главе дается обзор состояния кадров Генерального штаба к началу Гражданской войны, рассмотрены вопросы вовлечения генштабистов в революционные

¹ Подробнее о Богословском см.: Ганин А. В. Измена командармов. С. 333–364.

события 1917 г. и их отношение к Брестскому миру. Вторая глава посвящена расколу Генштаба, его причинам, привлечению генштабистов в различные лагеря Гражданской войны и сложившимся там системам кадрового учета, а также распределению кадров между противоборствующими армиями. В третьей и четвертой главах проанализирована роль кадров Генштаба в строительстве РККА и антибольшевистских армий. Пятая глава посвящена вовлечению генштабистов в политические процессы в противоборствующих лагерях. С ней непосредственно связана шестая глава, касающаяся корпоративной идентичности и солидарности выпускников старой Военной академии и Академии Генштаба РККА и их борьбы за свои права. В седьмой главе детально анализируются переходы выпускников старой академии из лагеря в лагерь и проблема плена. Восьмая глава рассматривает участие генштабистов в противостоянии спецслужб. Здесь же исследуется политика террора в отношении кадров Генштаба, равно как и роль этих кадров в реализации террора. Девятая глава посвящена особенностям службы генштабистов (режиму работы, наградам, карьерам, злоупотреблениям, материальному и социальному обеспечению) и их повседневной жизни. В десятой главе проведен сравнительный анализ подготовки кадров Генштаба в противоборствующих лагерях Гражданской войны. Наконец, одиннадцатая глава касается положения кадров Генштаба в конце конфликта и после него.

Анализ поведения и деятельности генштабистов в период Гражданской войны в России, осуществленный на основе широкого спектра документации всех противоборствующих сторон, продемонстрировал перспективность такого подхода и в отношении других групп офицерства (например, генералитета, офицеров гвардии, кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, офицеров казачьих войск, военных моряков, инженеров, артиллеристов и т.д.). Есть основания полагать, что поведение представителей этих групп в силу множества факторов различалось. Детальное изучение выбора, поведения и той роли, которую сыграли представители других категорий офицерства в событиях 1917–1922 гг., позволит в дальнейшем составить разностороннее представление об участии офицеров старой армии в процессах эпохи Гражданской войны.

Это исследование носит обобщающий характер и не ставит точку в вопросе о роли генштабистов в событиях 1917–1922 гг. Тем более что мы, как правило, не рассматриваем специальную техническую сторону работы генштабистов, а анализируем их участие в Гражданской войне как социально-политическое явление. Перспективными направлениями дальнейшей разработки темы представляются изучение роли кадров Генштаба в операциях Гражданской войны на основе всей совокупности документов противоборствующих сторон, более детальное исследование роли этих специалистов в военном строительстве, углубленное изучение истории репрессий против генштабистов, работы в антибольшевистских подпольных организациях, биографические исследования, а также введение в научный оборот новых документальных материалов.

Хочется надеяться, что выход этой книги будет способствовать не только приращению научного знания, но и преодолению исторического забвения, более взвешенному и объективному восприятию событий Гражданской войны по разные

стороны баррикад, а также более глубокому пониманию роли военной элиты в переломные моменты истории России и сопредельных государств.

Большое влияние на формирование круга научных интересов автора на рубеже XX–XXI вв. оказал ушедший из жизни замечательный отечественный военный историк кандидат военных наук А.Г. Кавтарадзе. Общение с этим прекрасным ученым и человеком всегда вспоминается с особой теплотой.

Хотелось бы выразить искреннюю благодарность друзьям и коллегам, оказавшим содействие при подготовке монографии: докторам исторических наук А.Ю. Безугольному, А.С. Вирабяну, Р.Г. Гагкуеву, В.И. Голдину, Н.С. Кирмелю, Л.В. Ланнику, М.И. Мельтюхову, И.В. Михутиной, А.С. Пученкову, Е.П. Серапионовой, А.Ю. Тимофееву; докторам Д.Г. Силакадзе, Т. Таннбергу и Э. Екабсону; кандидатам исторических наук О.Р. Айрапетову, О.Е. Алпееву, Ф.А. Гущину, К.С. Дроздову, В.Б. Каширину, М.А. Ковальчуку, С.С. Мирзоян, А.А. Симонову, К.А. Тарасову; редактору и корректору большинства книг автора Н.С. Самбу; И.В. Домнину, А.С. Кручинину, Т.Г. Чеботаревой; всему коллективу отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, где автор имеет честь работать, а также участникам семинара по отечественной истории XIX – начала XX в. при МГУ им. М.В. Ломоносова.

Исследование было бы невозможно без многолетней поддержки научных проектов по истории офицерского корпуса эпохи Гражданской войны со стороны Российского гуманитарного научного фонда (позднее вошедшего в состав Российского фонда фундаментальных исследований), позволившей осуществить серию командировок в зарубежные архивы и библиотеки. Автор выражает признательность фонду «История Отечества» за поддержку издания и замечательному коллективу издательства «Кучково поле Музеон», взявшему на себя труд по выпуску книги.

Все даты после февраля 1918 г. приведены по новому стилю, в отношении событий на Юге России при белых, а также других фронтов, где был принят старый стиль, даты могут быть указаны (если это не оговорено особо) по старому и новому стилям. Документы цитируются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок.

Отзывы на книгу можно присылать на электронный адрес автора:
andrey_ganin@mail.ru.

**КАДРЫ
ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА
В ПЕРИОД
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ
В РОССИИ
1917–1922 ГОДОВ**

Глава I.

Кадры Генерального штаба накануне Гражданской войны

§ 1. Корпус офицеров Генерального штаба в конце XIX – начале XX в.

Начало созданию Генеральных штабов европейских армий было положено с появлением в них квартирмейстерской части, отвечавшей за передвижение и расквартирование войск и, как следствие, за разведку, изучение местности и дорог. В России такая служба возникла в 1711 г., а в 1763 г. получила название Генерального штаба, переименованного в 1796 г. в Свиту его величества по квартирмейстерской части, но в 1827 г. вернувшего прежнее наименование. В 1815 г. возник Главный штаб его императорского величества (позднее ликвидирован), в 1832 г. открылась Военная академия, готовившая кадры для службы Генерального штаба (к 1917 г. – одна из шести военных академий России, помимо Михайловской артиллерийской, Николаевской инженерной, Александровской военно-юридической, Интендантской и Военно-медицинской), в 1865 г. был создан Главный штаб. Несомненное влияние на становление российского Генерального штаба оказала французская и прусская военная мысль.

Как высший орган военного управления Генеральный штаб сформировался в России в результате Великих реформ. Роль его постепенно возрастала. Так, в 1905 г. было создано самостоятельное Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), включенное в 1908 г. в Военное министерство (ранее ГУГШ существовало в 1863–1865 гг., но было упразднено). По образному сравнению одного из крупных зарубежных исследователей проблемы Д. А. Рича, «развитие новой технологии – службы Генерального штаба – оказало столь же революционное воздействие на военное дело, как более позднее создание автоматического оружия или появление дредноутов»¹. По мнению другого исследователя, Дж. Стейнберга, Генеральный штаб был двигателем модернизационных процессов, происходивших в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.²

В поздней Российской империи, где грамотной была примерно четверть жителей, а высшим образованием обладали лишь до 136 000 человек (на 1913–1914 гг.)³, или 0,08 % населения, генштабисты ценились особо. Их положение в дореволюционном русском обществе было привилегированным. Окончание академии

¹ Rich D. A. The Tsar's Colonels. Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge; London, 1998. P. 30.

² Steinberg J. W. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, DC; Baltimore, 2010. P. 26.

³ Волков С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. С. 9.

Генерального штаба открывало широкие карьерные возможности перед обычными армейскими офицерами, не имевшими ни знатного происхождения и сильных покровителей, ни каких-либо иных шансов на быстрое продвижение по службе. Вступление в корпорацию Генерального штаба нередко приводило на вершину военно-политического олимпа Российской империи выходцев из самых бедных слоев общества, являлось важным средством социальной мобильности.

Значение Генерального штаба, его влияние на развитие российской армии и всей империи, ее внешнюю и внутреннюю политику, науку, культуру трудно переоценить. Офицеры Генерального штаба, обладавшие высшим военным образованием, составляли костяк дореволюционной военной элиты, ее наиболее образованный интеллектуальный слой. Неудивительно, что они занимали особое положение не только в офицерском корпусе, но и в целом в армии и государстве.

Достаточно отметить, что к Генеральному штабу относились такие выдающиеся деятели поздней Российской империи, как М.И. Драгомиров, А.Н. Куропаткин, Д.А. Милютин, Н.Н. Обручев, Н.М. Пржевальский, М.Д. Скобелев, М.Г. Черняев и др. Генштабисты занимали высшие административные посты не только в армии, но и на государственной службе. Многие проявили себя как выдающиеся ученые, подготовили большое количество значимых научных трудов по военному делу, истории, географии, этнологии, статистике, психологии, педагогике и иным областям знания. К примеру, генштабисты внесли исключительный вклад в создание и развитие отечественного востоковедения¹, сыграли важную роль в картографическом и статистическом изучении империи, без чего нормальное гражданское управление было едва ли возможно.

Воздействие идей генштабистов было достаточно велико. Известно, например, что дальневосточная политика императора Николая II в немалой степени находилась под влиянием Н.М. Пржевальского (он был в числе преподавателей будущего императора) и А.Н. Куропаткина². Б.М. Шапошников справедливо отмечал, что «в вопросах, касающихся непосредственно армии, “мозг” ее стремился распространить свое влияние и на внутренние отношения в государстве. Так как армия являлась тем “маховым колесом”, без которого могла остановиться вся государственная машина, то влияние Генерального штаба на внутреннюю политику заходило гораздо дальше, чем о том заявляли его представители... Генеральный штаб не останавливался перед рекомендацией верховной власти не только таких мероприятий, которые в корне затрагивали конституцию государства, но и тех, кои должны были сказываться на подборе правительственных кабинетов и на установлении определенного режима в стране, который бы соответствовал взглядам Генерального штаба... Генеральный штаб, будучи по закону устраненным от внутренних дел страны, фактически оказывался в них сильно заинтересованным... Когда внутренняя политика государства направлялась путями, не совпадавшими с начертанными Генеральным штабом, в недрах последнего оппозиционный дух

¹ Подробнее см.: Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005; Его же. История изучения восточных языков в Русской императорской армии. СПб., 2018; Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009; Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London; N.Y., 2006.

² Подробнее см.: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу.

креп все более и более, приводя Генеральный штаб к активной кампании в прессе, к обработке в желательном направлении “общественного мнения”, не говоря уже о тех закулисных интригах, кои были свойственны “черному духовенству” армий различных стран¹. Эти слова в определенной степени справедливы не только в отношении австрийского Генштаба, который изучал Шапошников, они относятся и к той роли, которую представители Генерального штаба сыграли в поздней Российской империи, в том числе в связи с революционными событиями и процессами. По оценке одного из современных исследователей, именно военная элита определяла политическое развитие страны на рубеже доиндустриальной и индустриальной эпох².

Офицеры Генерального штаба, в первую очередь, занимались выполнением работ, необходимых высшим войсковым начальникам в военное время. К этой деятельности относились сбор и обработка данных для принятия решений, касавшихся боевой деятельности войск; составление и передача по назначению исходящих распоряжений начальников; направление и объединение (координирование) службы связи. В мирное время генштабисты занимались сбором и обработкой данных о военном деле за рубежом, о потенциальных союзниках и вероятном противнике, а также о возможных театрах военных действий, разрабатывали соображения по подготовке к войне и вообще различные вопросы боевой подготовки войск, привлекались к разработке вопросов по устройству, обучению, службе вооруженных сил, дислокации, мобилизации, по заблаговременной подготовке населения и территории в военном отношении, по использованию путей сообщения и технических средств в военных целях, по распространению военного образования среди офицерского состава армии, для военно-научной работы, преподавали военные предметы в военно-учебных заведениях³. В военное время генштабисты занимались разработкой операций, организацией управления войсками и обеспечением их взаимодействия на театре военных действий. Генштабисты несли службу в штабах отдельных бригад, дивизий (начальник штаба и старший адъютант), корпусов (начальник штаба, старший адъютант и офицер для поручений), крепостей (начальник штаба, старший адъютант и его помощник), военных округов, в штабах казачьих войск и в штабе Отдельного корпуса пограничной стражи, а также в центральных военных учреждениях⁴. Служили генштабисты и на строевых должностях. При том, что в начале XX в. лиц с высшим образованием не хватало, генштабисты выполняли довольно большой объем работы, которую могли осуществлять обычные канцеляристы, но не допускались к ней, например, из-за секретности. Тем не менее вплоть до конца существования старой русской армии единого взгляда на предназначение корпуса офицеров Генерального штаба не сложилось⁵.

Служба на штабных должностях часто носила бюрократический характер. О необходимости избавить офицеров бригадных, дивизионных и корпусных штабов

¹ Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Кн. 1. С. 195–196.

² Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001. С. 5.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4630. Л. 3–3об.

⁴ Подробнее см.: Кавтарадзе А. Войсковое управление Генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. 1978. № 6. С. 77–82.

⁵ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 99.

от рутинной канцелярской работы, кроме работ по специальности, чтобы они могли сосредоточиться на подготовке к бою, писал еще накануне Первой мировой войны генерал А. Н. Куропаткин^I. В строй многие генштабисты попадали лишь в качестве эпизода военной карьеры для цензового командования ротой (эскадроном) и батальоном. В начале XX в. генштабисты должны были прокомандовать ротой около года (что засчитывалось за двухгодичное командование, бывали и исключения — например, будущему генералу С. И. Одинцову в 1903–1904 гг. за двухгодичное командование эскадроном зачли менее чем четырехмесячное командование) и батальоном — 4 месяца. Накануне Первой мировой войны офицеры уже проходили полное двухгодичное командование ротами и эскадронами.

По данным на 1 января 1908 г., в русской армии насчитывалось 44 800 офицеров, включая 1300 генералов, 7811 штаб-офицеров и 35 689 обер-офицеров^{II}. Численность генштабистов составляла менее 3 % офицерского корпуса мирного времени. К началу 1903 г. академию окончили 26,4 % генералитета (366 из 1386 генералов)^{III}. Среди 2668 полковников на 1903 г. академию окончили 343, или 12,9 %^{IV}.

Существуют различные подсчеты должностного положения генштабистов накануне Первой мировой войны. На 1912 г. генштабисты, составлявшие порядка 2 % русского офицерского корпуса, занимали, по оценкам генерала А. И. Деникина, 62 % должностей корпусных командиров, 68 % должностей командиров пехотных дивизий, 77 % должностей командиров кавалерийских дивизий^V. Согласно другим подсчетам, перед войной генштабисты занимали 50 % должностей командующих войсками округов, 80 % должностей командиров корпусов и комендантов крепостей, 62 % начальников дивизий, 34 % командиров бригад и 25 % командиров полков^{VI}. Наконец, по представляющимся более точными данным советского историка П. А. Зайончковского, накануне войны из 37 командиров корпусов Николаевскую академию окончили 29 человек (78,4 %), из 70 начальников пехотных дивизий — 46 (65,7 %), из 17 начальников кавалерийских дивизий — 14 (82,3 %)^{VII}. На уровне командиров полков процент выпускников академии заметно снижался. На апрель 1914 г. из 1574 генералов академию окончили 56,8 % (62,7 % полных генералов, 60,1 % генерал-лейтенантов и 54,6 % генерал-майоров), за 13 лет с 1901 г. этот показатель вырос на 6,5 %^{VIII}.

В подобном положении нет ничего удивительного. Служба по Генеральному штабу давала ощутимые карьерные преимущества. Генштабист получал чин капитана на 10–12-м году службы, тогда как офицер армейской пехоты — на 12–18-м.

^I Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 502, 505.

^{II} Режепо П. Офицерский вопрос. СПб., 1909. С. 4. По другим данным, 42 906 офицеров, включая 1224 генерала (Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1908 год. СПб., 1910. С. 1).

^{III} Подсчитано по: Режепо П. Статистика генералов. СПб., 1903. С. 12.

^{IV} Подсчитано по: Режепо П. Статистика полковников. СПб., 1905. С. 12.

^V Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 99.

^{VI} Батенин Э. С. Генеральный штаб // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1. Сентябрь. С. 65. Внесены уточнения.

^{VII} Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 41–42.

^{VIII} Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 33. Данные уточнены. Американский историк Дж. Стейнберг приводит иные подсчеты, согласно которым накануне Первой мировой войны офицеры Генерального штаба составляли 34 % русского генералитета (Steinberg J. W. All the Tsar's Men. P. 282).

В подполковники генштабист мог выйти на 13-м году службы, а пехотный офицер — на 20-м. Полковником генштабист становился на 18–20-м году службы, тогда как большинство армейцев вообще не достигало этого чина^I. Ускоренное чинопроизводство вело к тому, что именно генштабисты занимали значительную часть всех высших командных постов.

В мирное время офицер Генштаба, по данным А.Г. Кавтарадзе, получал в командование полк через 15–17 лет службы (по подсчетам П.А. Зайончковского — через 20–25 лет службы^{II}), тогда как офицеры без академического образования — только через 25. Сопоставление сроков назначения полковыми командирами генштабистов начала XX в. и второй половины XIX в. на основе «Списка Генерального штаба» на 1914 г. свидетельствует о значительном увеличении выслуги лет для получения полков. В начале XX в. нередко генштабисты получали полки после 27–28 лет службы и, как правило, не ранее 23 лет выслуги, тогда как во второй половине XIX в. это было возможно порой даже после 13–14 лет службы. По данным на 1903 г., генштабисты занимали 21 % должностей командиров полков^{III}. Больше число вакансий приходилось только на гвардейцев (большинство, однако, составляли армейцы). По свидетельству генерала Ф.П. Рерберга, полковники Генштаба представлялись в кандидаты на должности командиров полков, прослужив на штаб-офицерских должностях около двух лет, получали полк, в среднем, на шестом году службы в чине полковника, командовали полком два-три года, после чего на девятом-десятом году службы в чине полковника производились в генерал-майоры^{IV}.

Преимущества продвижения по линии Генштаба были очевидны, даже в сравнении с привилегированной гвардией. Если гвардейские офицеры в среднем достигали должностей корпусных командиров на 42-м году службы, то генштабисты — на 36-м, если командующими округами гвардейцы становились на 45-м году службы, то генштабисты — на 37-м^V. Генеральских чинов выпускники академии Генштаба достигали ранее выпускников прочих военных академий (по данным на начало 1903 г., в среднем через 24,2 года службы, тогда как выпускники артиллерийской академии — через 26 лет, а лица без академического образования — через 27,3 года^{VI}). Чина полковника генштабисты достигали, по данным 1903 г., после 18,5 лет службы, тогда как офицеры без высшего военного образования — после 25,8 года службы^{VII}. При сложившейся системе фактически «каждому офицеру Генерального штаба, если только в карьере его не произошло какой-либо исключительной пертурбации, обеспечено место начальника дивизии; офицер же,

^I Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 142.

^{II} Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 190. Примерно о таком же стаже (23–26 лет) писал британский генерал А. Нокс (Нокс А. Вместе с русской армией: Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014. С. 21).

^{III} Режепо П. Статистика полковников. С. 25; *Его же*. Офицерский вопрос в начале XX века // Офицерский корпус русской армии. С. 111.

^{IV} Рерберг Ф. П. Воспоминания о командовании 3-м гренадерским Перновским короля Фридриха Вильгельма IV полком. 1909–1912. М., 2019. С. 36–37.

^V Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». С. 45.

^{VI} Подсчитано по: Режепо П. Статистика генералов. С. 15.

^{VII} Режепо П. Статистика полковников. С. 13.

окончивший академию своевременно (т.е. 24–25 лет), может смело рассчитывать на должность командира корпуса»^I.

Существовали способы дополнительно ускорить карьерный рост, которыми пользовались отдельные изворотливые офицеры. Генерал Е.И. Мартынов отмечал: «Вместо того, чтобы идти медленным нормальным ходом – служить при войсках, командовать полком и т.д., более ловкие офицеры Генерального штаба пристраиваются к одной из центральных петербургских канцелярий и, благодаря этому, попадают в генералы на 4–6 лет раньше своих товарищей, командовавших полками. Затем некоторые из этих военных бюрократов, полавировав еще несколько времени между разными высшими штабами, снова возвращаются в строй, сразу занимая там крупные должности»^{II}.

Накануне Первой мировой войны 45,3% генералов-генштабистов были выходцами из гвардии^{III}. Анализ биографий 422 генералов Генерального штаба по данным «Списка Генерального штаба» на 1914 г. позволил американскому исследователю Дж. Стейнбергу прийти к выводу о том, что быстрее своих товарищей продвигались по службе как выходцы из гвардии, так и те офицеры, которые до академии окончили элитные Пажеский корпус или Николаевское кавалерийское училище^{IV}. На скорость прохождения службы после академии влияли занимаемые офицерами должности. По наблюдениям Стейнберга, быстрее получали очередные чины те генштабисты, которые выбирали административно-бюрократическую службу, благодаря чему обзаводились нужными связями в центральном аппарате военного управления^V.

Начиная с Д.А. Милютин (за исключением его преемника П.С. Ванновского), восемь военных министров Российской империи периода 1861–1917 гг. были выпускниками Николаевской академии. Генштабисты пользовались влиянием и за пределами военной сферы. К 1 июня 1907 г. генштабистами являлись 12 членов Государственного совета; 19 членов Военного совета; 6 военных губернаторов, не командующих войсками; 7 наказных атаманов или военных губернаторов, командующих войсками; 14 командующих войсками и их помощников^{VI}. В частности, генералы-генштабисты Н.И. Гродеков и С.М. Духовской, будучи генерал-губернаторами, внесли большой вклад в развитие Дальнего Востока и Туркестана на рубеже XIX–XX вв. Сам император Николай II прослушал курс, включавший ряд элементов академической программы. Окончил академию великий князь Николай Николаевич-младший (впрочем, генштабистов он недолюбливал). На начало 1914 г. выпускниками академии были 6 из 12 командующих войсками военных округов (50%) и все 12 начальников окружных штабов^{VII}. Влияние на принятие императором решения о всеобщей мобилизации в 1914 г. оказали генералы-генштабисты начальник ГУГШ Н.Н. Янушкевич и военный министр В.А. Сухомлинов.

^I Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1907. С. 116.

^{II} Там же. С. 36.

^{III} Steinberg J. W. All the Tsar's Men. P. 282.

^{IV} Ibid.

^V Ibid. P. 291, 294.

^{VI} Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». С. 47.

^{VII} Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М., 2012. С. 328–331.

Это, казалось бы, военное решение предопределило историю России в последующие годы.

Офицеры-генштабисты должны были обладать незаурядными личными и деловыми качествами, обширными познаниями, высокой работоспособностью и являться ближайшими помощниками командиров в боевой обстановке. Во многом именно от квалификации офицеров Генштаба зависел исход как отдельных операций, так и целых кампаний. В этой связи роль генштабистов в вопросах военного строительства трудно переоценить. Именно на них лежала задача освободить командный состав от технической работы, предоставив ему все возможности для работы творческой — т. е. для принятия правильных решений в боевой обстановке^I. На практике генштабисты нередко превращались в простых канцеляристов, занимавшихся бумажной работой^{II}. Некоторые генштабисты, как, например, генералы Н. Н. Янушкевич и М. А. Беляев, достигли высших постов, продвигаясь почти исключительно от одной канцелярской должности к другой^{III}. Тем не менее корпус офицеров Генерального штаба выдвинул целую плеяду выдающихся профессионалов своего дела — военачальников, администраторов и ученых. Офицеры Генерального штаба были интеллектуальной элитой армии, незаменимыми специалистами в вопросах военного строительства и той категорией офицерства, которая рекрутировалась в высший командный состав.

Генерал В. Е. Борисов писал в начале 1919 г. о Генеральном штабе Красной армии: «Определение Клаузевицем^{IV} Генерального штаба как непосредственного помощника полководца вполне указывает на важное значение этого военного органа в деле боеспособности армии. Это значение возрастает, если мы предположим армию молодую, с неустановившимся кадром, без унтер-офицерского состава, с очень слабыми командирами. Там, где старая армия многое в своих тактических невзгодах исправит самодеятельностью опытного командного состава, то молодая армия подвергнется в полном объеме всем последствиям упущений в работе Генерального штаба... Если Генеральный штаб [—] “мозг” в старой армии, то в молодой он исключительный “нерв” всех ее малейших движений и действий... Исключительная специальность Генерального штаба — это деятельность оперативная; здесь офицер Генерального штаба никем не может быть заменен: плохой офицер Генерального штаба все же лучше всякого другого^V, более развитого, более опытного, более здорового, ибо только академия Генерального штаба, только штабная деятельность Генерального штаба, вкладывают в мозг работника тот цикл познаний, который мы именуем “оперативным”»^{VI}.

^I Головин Н. Н. Служба Генерального штаба. СПб., 1912. Вып. 1. С. 2–3.

^{II} Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 151.

^{III} Там же. С. 152; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 135, 139.

^{IV} Клаузевиц Карл Филипп Готфрид, фон (01.06.1780–16.11.1831) — выдающийся немецкий военный мыслитель, заложивший основы мировой военной науки. Генерал-майор прусской армии (1818). В 1812–1814 гг. на русской службе. Основной труд «О войне» (1832).

^V Имеется в виду: лучше другого офицера не Генерального штаба.

^{VI} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 18–18об. Оpubл. в: Катастрофическое состояние Генерального штаба в 1919 г. Записка генерала В. Е. Борисова / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 550–559.

Академия Генерального штаба открылась в Санкт-Петербурге 26 ноября 1832 г. В разработке ее проекта принимал активное участие генерал швейцарского происхождения А.-А. Жomini. С 1855 г. в память императора Николая I академия стала именоваться Николаевской, с 4 августа 1909 г. — Императорской Николаевской военной академией. Академия находилась в подчинении генерал-квартирмейстера Главного штаба, а с 1906 г. — ГУГШ. Реформы Д. А. Милютин сыграли большую роль в профессионализации отечественного Генерального штаба. Академия стала важнейшим военно-учебным заведением империи после победы русских войск в войне с Турцией 1877–1878 гг., доказавшей руководящую роль Генштаба в пореформенной армии¹. Проблема заключалась лишь в том, что академия так и не смогла стать по-настоящему авторитетным военно-научным центром и тем органом, который бы разрабатывал единую военную доктрину для вооруженных сил.

Окончание академии практически гарантировало быструю военную карьеру, но, чтобы поступить в это высшее военно-учебное заведение и успешно его окончить, требовалось незаурядное старание. Неудивительно, что один из выпускников, генерал Ф. П. Рерберг, в своих воспоминаниях написал: «По правде говоря, большинство шло в академию ради карьеризма»². За время обучения выявлялись способности слушателей, их склонность к тем или иным предметам, особенности характера, формировались взгляды будущих генштабистов, складывались их взаимоотношения, влиявшие на дальнейшую совместную службу. В конце концов, от результатов, полученных в академии, в жизни слушателей зависело многое. Чем выше был средний балл выпускника, тем больше у него было шансов быть причисленным к Генеральному штабу, получить хорошую вакансию и следующий чин, выстроить успешную карьеру.

Чтобы попасть в академию, в начале XX в. офицеру необходимо было прослужить в строю не менее трех лет и принять участие как минимум в двух лагерных сборах³. В академию не допускались «офицеры косноязычные, заикающиеся, страдающие глухотой и одержимые вообще физическими недостатками, а равно офицеры, вовсе не умеющие ездить верхом»⁴. Годы учебы были серьезным испытанием для слушателей по причине сложности и перегруженности учебного курса⁵. В академии существовали общее и геодезическое отделения. Накануне Первой мировой войны численность слушателей академии составляла 314 офицеров⁶, при этом на геодезическом отделении обучалось не более 7 человек.

¹ Steinberg J. W. All the Tsar's Men. P. 73.

² Рерберг Ф. П. Все в прошлом: Воспоминания. 1868–1910. М., 2018. С. 286.

³ Дружинин К. И. Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. X. С. 601.

⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

⁵ Гурко Д. И. Воспоминания генерала // Гершельман Ф. К., Гурко Д. И. Генералами рождаются: Воспоминания русских военачальников XIX — начала XX веков. М., 2002. С. 256; Деникин А. И. Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 116.

⁶ Дружинин К. И. Императорская Николаевская военная академия. С. 601; Положение об Императорской Николаевской военной академии // Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии / сост. В. В. Нагаев. СПб., 1914. С. 176; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 181.

Поступление в академию проходило в два этапа: сначала письменные экзамены при штабах военных округов (тактика, политическая история, география, русский язык, верховая езда), а затем устные вступительные испытания непосредственно при академии в Петербурге (строевые уставы, артиллерия, фортификация, математика (арифметика, начальная алгебра, геометрия, прямолинейная тригонометрия), военная администрация, политическая история, география, топографическое черчение, русский и иностранный языки).

На подготовку и сдачу вступительных экзаменов у офицеров, как правило, уходил год напряженного труда^I. Менее трудны экзамены были для тех офицеров, кто ранее овладел военно-техническими специальностями (артиллеристов, инженеров) либо обучался в гражданских учебных заведениях технического профиля (например, будущий генерал П. Н. Врангель, окончивший до академии Горный институт). Процент отсева поступающих, даже на этапе предварительных испытаний, был значительным^{II}.

Основной курс обучения был разделен на два годичных класса (младший и старший) и состоял из теоретических и практических занятий. Главными предметами являлись тактика, стратегия, военная администрация, военная история, военная статистика, геодезия; вспомогательными – русский язык, сведения по части артиллерийской и инженерной, политическая история, иностранные языки. Что касается иностранных языков, то изучение как минимум одного из них являлось обязательным, два других языка можно было изучать по желанию. Преподаватели академии обладали достаточной квалификацией, а, кроме того, некоторые из них совмещали преподавание с работой на должностях делопроизводителей и помощников делопроизводителей ГУШ^{III}. В летний период после младшего класса проходили верховые глазомерные съемки в окрестностях Петербурга, дававшие слушателям и некоторый отдых на природе. После старшего класса летом проводились полевые поездки в окрестностях столицы, в ходе которых нужно было решить те или иные задачи.

Обучение одного офицера обходилось государству в 40 000 руб.^{IV} Оценки за сдачу предметов выставлялись по 12-балльной шкале: отлично – 12 баллов, весьма хорошо – 10–11 баллов, хорошо – 8–9 баллов, удовлетворительно – 6–7 баллов, посредственно – 4–5 баллов, слабо – 1–3 балла. Летом слушатели участвовали в топографических съемках и практических занятиях по тактике. Для перехода в старший класс необходимо было получить в среднем не менее 9 баллов, но по каждому предмету не менее 7. В геодезическом отделении требования были теми же, что и в общем, однако по специальным предметам (теоретическая астрономия, практическая астрономия, картография, высшая геодезия, низшая геодезия со съемкой и черчением) нужно было иметь не менее 8 баллов. Те же критерии использовались при оценке учебы в старшем классе, кроме того, в расчет принималась

^I Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 16–17.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397.

^{III} Данные выявлены по изданию: Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии по 1 января 1908 г. СПб., 1908.

^{IV} Деревянко И. В. Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79.

успеваемость по тем предметам младшего класса, которые в старшем классе уже не повторялись. Офицеры, получившие по окончании старшего класса в среднем не менее 10 баллов и не имевшие неудовлетворительных оценок, считались окончившими курс по 1-му разряду и зачислялись на дополнительный курс. Те, кто получил менее 10 баллов, считались окончившими академию по 2-му разряду и отчислялись в свои части. Большая часть слушателей обучалась в академии, по данным на 1903 и 1908 гг., в возрасте от 26 до 30 лет^I.

С 1869 г. для совершенствования практических навыков будущих генштабистов был учрежден дополнительный курс, который первоначально длился шесть месяцев^{II}. В 1909 г. его продолжительность была увеличена до девяти месяцев. До 1897 г. к Генеральному штабу причисляли всех офицеров, окончивших дополнительный курс, и лишь позднее стали отбирать лучших. На дополнительном курсе слушатели самостоятельно разрабатывали три темы: по военной истории, по военному искусству и по стратегии. По итогам разработки тем слушатели делали доклады перед специальной комиссией, после которых получали итоговые баллы как за письменную тему, так и за устный доклад. В стремлении понравиться преподавателям слушателям в разработке тем приходилось учитывать взгляды и предпочтения своих наставников, нередко субъективные. Также существовали неписанные правила — например, балл снижался, если слушатель говорил дольше или короче установленных 45 минут. Сложность заключалась в том, что преподаватель отмечал в теме отрезок, который нужно было осветить за указанное время.

Между слушателями существовало соперничество, связанное с рейтинговой системой оценок при выпуске. Отбор кандидатов в Генеральный штаб был многоступенчатым и практически исключал доступ туда случайных людей. Достаточно отметить, что в процессе обучения от академии в начале XX в. отчислялось не менее 40 % зачисленных в младший класс офицеров^{III}. Нередко отсеб происходил из-за случайного стечения обстоятельств, например по причине болезни слушателя.

Слушатели, имевшие по итогам дополнительного курса не менее 10 баллов в среднем, а также не менее 7 баллов по каждому из предметов, считались окончившими академию по 1-му разряду, получали право ношения серебряного академического нагрудного знака и право на четырехмесячный отпуск. Выпускники распределялись по военным округам для прохождения штабного ценза, причем первые десять офицеров в выпуске имели право назначения на вакансии в Петербургском военном округе. За каждый год обучения выпускники должны были прослужить полтора года в военном ведомстве^{IV}. Исходя из наличия вакансий, определенное количество окончивших по 1-му разряду отчислялось от академии и причислялось к Генеральному штабу при выпуске, а позднее (после испытаний в штабах военных округов, а также цензового командования ротой, эскадронном или сотней) по мере открытия вакансий переводилось в Генштаб. Получившие в среднем менее 10 баллов, но не менее 7 по каждому предмету считались

^I Машкин Н. А. Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997. С. 295.

^{II} Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 287.

^{III} Машкин Н. А. Высшая военная школа... С. 180.

^{IV} Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава... С. 193.

окончившими по 2-му разряду и возвращались в свои части. Прочие отчислялись от академии.

Выпускники, имевшие самые высокие баллы, награждались медалями: золотой (при наличии полного числа баллов (12) по всем предметам), большой серебряной (при наличии полных баллов по всем предметам, кроме политической истории, военно-морского дела, иностранных языков, а по этим предметам – не менее 11), малой серебряной (при наличии не менее 11 баллов по всем предметам, кроме политической истории, военно-морского дела, иностранных языков, а по этим предметам – не менее 10), а имена лучших офицеров выпуска заносились на почетные доски. Медалями были отмечены несколько десятков выпускников. Золотую медаль за всю историю академии получили только два офицера – будущие генералы М.И. Драгомиров и М.Р. Шидловский. Будущие генералы – участники Гражданской войны Л.Г. Корнилов, А.Ф. Редигер, А.М. и В.М. Драгомировы, В.Ф. и Е.Ф. Новицкие были награждены малой серебряной медалью.

За успехи в учебе выдавались денежные премии: с капитала, собранного в память генерал-лейтенанта А.Н. Леонтьева, – офицеру дополнительного курса, наилучшим образом исполнившему стратегическую задачу (третью письменную тему); с капитала имени генерал-лейтенанта Г.А. Леера, пожалованного в ознаменование 35-летия его профессорской деятельности великим князем Николаем Константиновичем, в пособие одному из первых учеников академии на поездку за границу для усовершенствования научного образования, а если в поездке надобности не встречается, то за лучшее сочинение по военным наукам; с капитала имени генерал-адъютанта Н.Н. Обручева – офицеру дополнительного курса, оказавшемуся вторым по достоинству выполнения стратегической задачи; с капитала имени генерал-майора А.А. Зейфарта – офицеру дополнительного курса за лучшие по верности и выразительности съемки и кроки¹, исполненные в старшем классе².

Успех или неудача в академии много значили в карьере и жизни офицера, предопределяли всю дальнейшую службу, круто меняли характер человека, его жизненные установки. Как писал генерал А.И. Деникин, осмысливая собственный жизненный путь: «Для непривилегированного офицерства иначе как через узкие ворота “Генерального штаба” выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно»³. Множество выпускников академии не служили на должностях Генерального штаба, а пользовались полученным статусом для продвижения на высшие командные посты – от командира корпуса и выше⁴.

Однако офицеры, «не попавшие в Генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего»⁵. Последствия академических неудач отражались на их службе еще долгое время. Сама система обучения в академии с ее перегрузками, постоянной неуверенностью в перспективах

¹ Кроки (от фр. *croquis* – набросок) – чертеж важнейших элементов участка местности, выполненный приемами глазомерной съемки.

² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 25. Л. 12–12об.

³ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 118.

⁴ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 183–184.

⁵ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 118.

учебы и дальнейшей службы, соперничеством из-за рейтингов не способствовала душевному здоровью выпускников. В германском справочнике по русской армии якобы даже говорилось, что большинство русских генштабистов имели расстроенную нервную систему¹. Примеры болезненного отношения бывших выпускников к вопросу о неудачном окончании ими академии, даже спустя многие годы, служат тому доказательством².

Курс обучения в академии, в особенности до Русско-японской войны, характеризовался оторванностью от практической службы, теоретическим характером, схоластичностью и бессистемностью. Учебная программа превышала нормальные возможности восприятия такого объема информации. В учебном процессе широко практиковалось бессмысленное зазубривание огромного массива ненужных данных, тогда как самостоятельное, оригинальное мышление не поощрялось. «Притчей во языцех» были так называемые рыбы слова — формулировки, которые слушателям нужно было воспроизвести слово в слово на экзамене. О таком крайне важном способе тактической подготовки, как военная игра, слушатели не имели представления. Как вспоминал генерал А. С. Лукомский, окончивший академию в 1897 г., «выходя в Генеральный штаб, мы, в сущности говоря, почти ничего не знали собственно о службе Генерального штаба»³. Как отмечал генерал А. П. Будберг, академия производила отлично натасканных исполнителей⁴. Брат знаменитого террориста Б. В. Савинкова В. В. Савинков писал: «Прохождение курса в академии Генерального штаба, как мне неоднократно приходилось слышать, требует большой работы. Однако, не блистая никакими способностями, кроме памяти, говорят, можно ее окончить при помощи одного зубрения. Этим объясняют то, что среди офицеров Генерального штаба попадают не только бездарные, но и настолько глупые люди, что приходится удивляться, как они умудрились получить диплом»⁵.

Какими бы ни были оценки качества обучения, служба Генштаба своими весомыми привилегиями привлекала наиболее способных и честолюбивых офицеров. В академические годы они проходили серьезные испытания на предмет способности к обучению, срочной и ответственной работе, получали основательную подготовку, расширяли кругозор. Все это выгодно отличало их как от офицеров без высшего образования, так и от выпускников некоторых гражданских высших учебных заведений.

После неудачной Русско-японской войны именно генштабисты оказались в числе главных сторонников преобразования армии. Позорное поражение побудило ряд педагогов академии к поиску новых форм обучения, внесению корректив в учебные курсы и приближению их к нуждам армии и задачам, которые предстоит решать выпускникам в мирное и военное время. Нововведения приживались медленно. Решительный пересмотр учебных курсов произошел лишь в 1910 г.⁶

¹ Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1907. С. 110; Шапошников Б. М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982. С. 147.

² BAR. Semenovskii polk papers. Box 4. Folder 15; Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 54–56.

³ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 81.

⁴ Будберг А. П. Сибирские воспоминания. Владивосток, 2017. С. 127.

⁵ Три брата (То, что было): Сб. док. / сост. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М., 2019. С. 491–492.

⁶ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 130.

Основным идеологом реформирования учебного курса выступил молодой преподаватель академии профессор полковник Н. Н. Головин, получивший поддержку начальника академии генерала Д. Г. Щербачева и великого князя Николая Николаевича-младшего. Ранее Головин побывал во Франции, откуда возвратился с идеей перенесения опыта французской Высшей военной школы (*École Supérieure de Guerre*) на русскую почву. Головин стал горячим сторонником прикладного метода обучения, пересмотра учебных программ и их приближения к нуждам армии. В прикладном методе основной упор делался на решение тактических и стратегических задач на картах. Группа слушателей делилась на две части, между которыми происходила военная игра. Отрабатывались задачи по наступлению, обороне, преследованию, отступлению. Проверялась организация службы разведки, связи, снабжения. В каждом «лагере» слушатели исполняли функции командира, начальника штаба, начальников оперативного, разведывательного, общего отделений, начальника снабжений. Как правило, примеры брались из сражений Русско-японской войны. «Начальник штаба» составлял докладную записку, в которой предлагалось решение по операции. «Начальник отряда» принимал решение. «Начальник оперативного отделения» составлял боевой приказ. Прочие «начальники» составляли документацию и отдавали распоряжения по организации разведки, связи, снабжения. В ходе игры давались дополнительные вводные. Так отрабатывалось реальное взаимодействие штабного коллектива в боевой обстановке. После окончания игры проводился разбор.

Головин стал лидером неформального кружка борцов с традиционализмом и обскурантизмом в старой академии. В состав кружка накануне Первой мировой войны входили молодые профессора, преподаватели и заведующие обучающимися: А. И. Андогский, А. А. Балтийский, В. Г. Болдырев, Б. В. Геруа, Н. Н. Головин, П. И. Измestьев, А. К. Келчевский (Кельчевский), С. Л. Марков, А. Ф. Матковский, А. А. Незнамов, П. Ф. Рябиков, В. З. Савельев, В. А. Черемисов, Н. Л. Юнаков. Головин, Келчевский, Измestьев и Незнамов были однокашниками по академии (выпуск 1900 г.). Вне академии их поддерживал А. А. Свечин. Специальная дисциплина под названием «Служба Генерального штаба» начала преподаваться в академии лишь в 1911/12 учебном году, незадолго до Первой мировой войны. Целью курса было приближение академической программы к практике службы генштабистов. Большого эффекта это нововведение в остававшиеся два предвоенных года не возымело, а проводившиеся преобразования не отличались последовательностью¹. Тем не менее польза от работы кружка была несомненной, поскольку учебная программа оказалась приближена к практическим нуждам армии².

Группа Головина столкнулась с противодействием старых профессоров академии (в том числе преподавателей сокращенных в результате реформирования предметов) и их сторонников, причем противники Головина в итоге на некоторое время взяли верх. В качестве основного недоброжелателя группы Головина интригами прославился М. Д. Бонч-Бруевич, связанный с военным министром В. А. Сухомлиновым. Будучи учеником генерала М. И. Драгомирова, Бонч-Бруевич

¹ Калнин Э. Х. Генеральный штаб и его специальность. Одесса, 1909. С. 11–19, 79.

² Подробнее см.: Фомин А. Ю. Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906–1914 гг.): дис. ... к. и. н. СПб., 2022. С. 159–175.

и накануне Первой мировой войны продолжал отстаивать его устаревшие еще до Русско-японской войны взгляды на военное дело. Как это нередко бывает, различие во взглядах привело к возникновению личной неприязни. Бонч-Бруевич распускал слухи о том, что участники кружка плетут заговор, и даже назвал их «младотурками» (по наименованию группы турецких офицеров, организовавшей в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи). В результате участники кружка оказались изгнаны из академии незадолго до войны, был снят с должности и генерал Щербачев. Инцидент показал плохую информированность, непрагматизм, косность и неадекватность высшего военного руководства Российской империи, не имевшего объективной информации о работе группы Головина, не понимавшего важности модернизации академической подготовки, опиравшегося на слухи и сплетни, дискредитировал императорскую власть в глазах «младотурок» — впоследствии влиятельных военных деятелей. Между тем никакой политической составляющей в деятельности кружка не было. В итоге и сам Бонч-Бруевич столкнулся с отторжением преподавательского состава академии^I. За некоторым исключением^{II} сторонники Головина, в целом, хорошо проявили себя в дальнейшем на фронтах Первой мировой войны.

Что же представлял собою корпус офицеров Генерального штаба? Как особая замкнутая и сравнительно немногочисленная привилегированная корпорация внутри русского офицерского корпуса он окончательно оформился в 1890-е гг.^{III} К началу XX в. престиж офицера Генерального штаба значительно возрос. Офицеры Генштаба, представляя элиту русской армии, были кандидатами на высшие командные и штабные должности. Их познания, высокая квалификация, трудолюбие порой вызывали уважение. По-видимому, престиж генштабистов вырос еще сильнее в годы Первой мировой войны, когда в армии появилось множество офицеров военного времени без серьезного военного образования. Так, видный советский военачальник генерал-лейтенант А. И. Черепанов вспоминал, что его, тогда еще молодого офицера военного времени, восхищали генштабисты, которых он видел лишь издали и считал людьми необыкновенными, своего рода жрецами и крупными специалистами в области военного искусства^{IV}. Однако многие строевые офицеры воспринимали генштабистов отрицательно из-за их высокомерия, оторванности от строевой службы, излишней теоретичности представлений об управлении войсками. Строевое армейское офицерство раздражали привилегии Генштаба. Выпускников академии нередко считали выскочками и карьеристами, сумевшими за сравнительно короткое время незаслуженно достичь высоких чинов, тогда как офицеры без академической подготовки десятилетиями тянули лямку, не имея особых перспектив. Возможно, завидуя их быстрому карьерному росту, строевики придумали для них презрительную кличку — «момент»^V.

^I См., напр., свидетельство участника кружка Головина генерала А. К. Келчевского (ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–24).

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 48.

^{III} Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 46–47.

^{IV} Mayzel M. *Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite*. Osnabrück, 1979. P. 13.

^V Черепанов А. И. *Поле ратное мое*. М., 1984. С. 93.

^{VI} Это выражение некоторые авторы связывают с частым употреблением генштабистами таких фраз, как «момент для атаки», «поймать момент» и т. п. (Дрейер В. Н., фон. На закате империи. Мадрид, 1965).

Как вспоминал генштабист Э.Г. фон Валь, «я стал с одного дня на другой так называемым “моментом”, которого за одну его форму принципиально ненавидели все строевые офицеры, боявшиеся штабной темной власти, и которого всякий высший штабной чин считал священным долгом эксплуатировать в смысле работы и притеснять, где только мог»¹. Генштабисты платили строевикам той же монетой, сами свысока смотрели на тех, кто не учился в Николаевской академии Генерального штаба, считая их неудачниками или просто людьми, не сведущими в военной науке. Свои сложности существовали во взаимоотношениях генштабистов с гвардейскими офицерами, приближенными ко двору и пользовавшимися привилегиями по службе.

Рекрутирование генштабистов происходило не по принципу знатности, а по способностям к прохождению академического курса и образовательному цензу. Успешно окончившие академию причислялись к Генеральному штабу, а позднее переводились в него. В свою очередь вхождение в корпорацию генштабистов могло открывать пути для инкорпорирования во властную элиту страны.

Отношения между самими офицерами Генштаба – сюжет для самостоятельного исследования. Многие члены этой корпорации были знакомы друг с другом. Данный фактор важен для сплочения коллективов генштабистов, служивших вместе в штабах корпусов и округов, а в военное время – армий, фронтов и Ставки. Для принятия правильных решений на поле сражения значима была не только общность академической школы, дававшая своим выпускникам важное в условиях войны единство взглядов (*unité de doctrine*), но и конкретное практическое взаимодействие в штабных коллективах. Длительный опыт такого взаимодействия приводил к формированию определенного стиля совместной работы и методов решения проблемных ситуаций.

В академические годы однокурсники образовывали своеобразные землячества, группировались по военным округам². Многие после академии дружили. Более того, выпускникам по характеру службы приходилось находиться в постоянном контакте, возвращаться в своем закрытом для посторонних сообществе. Противоречия внутри этого сообщества или же служебные неудачи влияли на выбор генштабистов и взаимодействие между ними в период Гражданской войны. Некоторые межличностные конфликты приобретали затяжной характер, тянулись на протяжении десятилетий и по мере карьерного роста участников конфронтации все сильнее влияли на события в армии, а иногда и в обществе³.

С. 56; Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 118). Однако нельзя исключать и игры слов, характеризующей быстрое продвижение офицеров Генштаба по службе.

¹ Валь Э. Г., фон. Воспоминания о Генеральном штабе. Избранные статьи о Первой мировой и Гражданской войнах. М., 2021. С. 31.

² Грулев М. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 140.

³ Так, истоки конфронтации между генералами Н. В. Рузским и М. В. Алексеевым; Л. Г. Корниловым и М. В. Алексеевым, а также возможный конфликт П. К. Ренненкампа и А. В. Самсонова относились еще ко времени Русско-японской войны, но, по всей видимости, оказали влияние и на события Первой мировой войны (подробнее см.: Айрапетов О. Р. «На сопках Маньчжурии...»: Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 460; Его же. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. С. 305; Бахурин Ю. А. «Вокзал для двоих»: К вопросу о «мукденской пощечине» Самсонова Ренненкампа // Рейтар (Москва). 2010. № 51. С. 144–153).

Численность корпуса офицеров Генерального штаба с 1893 по 1902 г. возросла с 897 до 1107 офицеров^I. На 20 августа 1906 г. в корпусе числилось 1092 офицера (41 генерал, 120 генерал-лейтенантов, 169 генерал-майоров, 210 полковников, 250 подполковников, 199 капитанов и 103 причисленных)^{II}. Ежегодная убыль офицеров Генштаба из-за смертности в 1893–1903 гг. достигала 14–19 человек^{III}. Категория причисленных к Генштабу была необходима для пополнения убыли, а также для усиления состава Генерального штаба в военное время и должна была составлять 110 офицеров. Офицеры, не причисленные к Генштабу из-за нехватки мест, имелись в виду в отношении причисления по мере необходимости^{IV}. Ежегодно издавался «Список Генерального штаба», представлявший собой важнейшее справочное издание по службе офицеров Генерального штаба.

Бывший начальник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов в эмиграции на основе «Списков Генерального штаба» составил таблицу, отразившую изменения численности офицеров русского Генштаба, состоявших на действительной службе в начале XX в. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности Генерального штаба в начале XX в.^V

Чины	По 15 июля 1903 г.	По 10 сентября 1912 г.	По 20 августа 1913 г.	По 3 января 1917 г.
Полные генералы	60	64	82	98
Генерал-лейтенанты	119	132	118	183
Генерал-майоры	199	208	224	349
Полковники	283	511	463	401
Подполковники	247	47	83	201
Капитаны	210	224	236	253
Штабс-капитаны		2	5	
Причисленные к Генеральному штабу обер-офицеры	141	118	185	26
Итого	1259	1306	1396	1511

Таким образом, за полтора десятилетия начала XX в., даже с учетом военного времени, численность корпуса офицеров Генерального штаба возросла лишь незначительно.

При этом ощутимо менялся социальный состав Генерального штаба, в котором росло число выходцев из непривилегированных слоев. Как известно, генерал М.В. Алексеев был сыном солдата, выслужившего офицерский чин, генерал Л.Г. Корнилов был сыном казака, дослужившегося до младших офицерских чинов, генерал А.И. Деникин являлся сыном бывшего крепостного крестьянина,

^I РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 102об.–103.

^{II} Там же. Л. 3.

^{III} Там же. Л. 225.

^{IV} РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4630. Л. 5об.

^V ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.

отданного в рекруты и впоследствии ставшего офицером, советский главком бывший полковник И.И. Вацетис родился в семье батрака. По данным на 1 января 1904 г., 85,4 % генерал-майоров и 74,2 % полковников Генерального штаба происходили из потомственных дворян^I.

Наблюдался процесс увеличения процента слушателей Николаевской академии Генерального штаба, происходивших из офицерских семей. Если на 1900 г. таких было 17,6 %, то на 1913 г. уже 32,8 %. Постепенно сокращался процент потомственных дворян. В 1903 г. из этой категории происходили 57,8 % слушателей, а в 1908 г. — 52,2 %. Процент личных дворян несколько возрос с 16,2 до 19,4 %. Также вырос процент выходцев из крестьян и казаков — с 8,7 до 18 %. Процент выходцев из мещан снизился — 13,7 % в 1903 г. и 10,4 % в 1908 г.^{II} В целом по социальному составу Генеральный штаб в канун Первой мировой войны еще сохранял дворянский характер, несмотря на все возраставшее представительство недворян. Но, думается, не сословное происхождение являлось определяющим для офицерства. На первый план в рассматриваемый период выходила профессиональная и корпоративная идентичность.

В 1907 г. среди поступивших в академию 28,2 % представляли гвардию, 71,8 % армейские части. Процент гвардейцев имел тенденцию к постепенному снижению. Стоит отметить взаимосвязь принадлежности к гвардии и социального происхождения, поскольку гвардейские офицеры, как правило, относились к потомственным дворянам.

По родам войск на 1907 г. 54,1 % поступивших были пехотинцами, 29 % артиллеристами, 12,1 % кавалеристами и 4,8 % саперами^{III}. В 1913 г. выпуск (без геодезистов и офицеров болгарской армии), по данным окончившего тогда академию Д.Н. Тихобразова, составляли 54 % пехотинцев, 19,1 % артиллеристов, 15,7 % инженеров, 11,2 % кавалеристов^{IV}.

Генеральный штаб имел определенные особенности и в национально-конфессиональном составе. По вероисповеданию в 1903 г. православные составляли 97,5 % слушателей, а в 1908 г. — 91 %, лютеране — 2,5 и 5,9 % соответственно, мусульмане в 1903 г. отсутствовали, а в 1908 г. составляли 3,1 % слушателей^V. Среди генштабистов встречались выходцы из западных и южных славян — прежде всего, поляки и болгары. Поляков старались не принимать в академию после того, как в 1850–1860-х гг. в академию попала целая группа польских революционеров, создавших тайный кружок (из них наиболее известны Я.В. Домбровский и З. Сераковский)^{VI}. Домбровский и Сераковский стали одними из руководителей польского восстания 1863–1864 гг. Как отмечал генерал А.И. Деникин, в отношении поляков «секретными циркулярами, в изъятие из закона, был установлен... ряд ограничений — несправедливых и обидных. Но тут надо добавить, что в военном и товарищеском

^I Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. С. 210–211.

^{II} Машкин Н. А. Высшая военная школа... С. 140–141.

^{III} Шапошников Б. М. Воспоминания. С. 123.

^{IV} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. С. 208 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

^V Машкин Н. А. Высшая военная школа... С. 153.

^{VI} Подробнее см.: Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов (Библиографический словарь). М., 1967.

быту тяготились этими стеснениями, осуждали их и, когда только можно было, обходили их»^I. В Генеральном штабе были несколько офицеров еврейского происхождения (например, Н. А. Букретов, К. Л. Гильчевский, М. В. Грулев, Б. А. Штейфон). По воспоминаниям А. И. Деникина, «совершенно закрыт был доступ к офицерскому званию лицам иудейского вероисповедания. Но в офицерском корпусе состояли офицеры и генералы, принявшие христианство до службы... Из моего и двух смежных выпусков академии Генерального штаба я знал лично семь офицеров еврейского происхождения, из которых шесть ко времени мировой войны достигли генеральского чина. Проходили они службу нормально, не подвергаясь никаким стеснениям служебным или неприятностям общественного характера»^{II}. Как свидетельствовал генерал П. И. Аверьянов, «в нашем Генеральном штабе было несколько лиц заведомо еврейского происхождения, о чем я упоминал в I^m томе моих воспоминаний. Среди них были очень почтенные и уважаемые генералы, как, например, мой старый сослуживец по Кавказу Константин Лукич Гильчевский, которого в 1918 году я встретил в Тифлисе уже в чине генерала от инфантерии (после командования корпусом); его отец был выпущен еще мальчиком-кантонистом и дослужился в Александрополе до звания интендантского вахтера, когда его сын уже служил в Генеральном штабе»^{III}. Обойти дискриминационное законодательство было возможно, поменяв вероисповедание.

Накануне Первой мировой войны корпус офицеров Генштаба составлял около 2 % русского офицерского корпуса. Особенности русского Генерального штаба в сравнении с Генеральными штабами ведущих мировых держав были его большая численность и высокий процент генералитета. Так, по данным 1904 г., в России имелось 947 офицеров Генерального штаба (в том числе 339 генералов), в Германии — 228 (5 генералов), во Франции — 285 (1 генерал), в Австро-Венгрии — 463 (5 генералов), в Италии — 268 (4 генерала), в Японии — 152 (2 генерала)^{IV}.

По другому подсчету, к началу Первой мировой войны российский Генштаб был больше германского на 415 %, французского — на 332 %, австро-венгерского — на 205 %, итальянского — на 353 %, японского — на 623 %. Генералов Генерального штаба в России было больше, чем в Германии, на 678 %, чем во Франции — на 3390 %, чем в Австро-Венгрии — на 678 %, чем в Италии — на 847 %, чем в Японии — на 1695 %^V. Эти показатели демонстрируют принципиально иное восприятие генеральских чинов и генштабистов в иностранных армиях.

При таком соотношении с крупнейшими державами того времени очевидно, что значительная часть русских генштабистов использовалась не по назначению и состояла из уже немолодых генералов. Генеральный штаб практически монополизировал военную печать, военное законодательство и высшее военное управление. По некоторым подсчетам, на 1913 г. вне Генерального штаба служили 63 % генштабистов^{VI}. Как справедливо отметил Б. М. Шапошников, «компетенция Генерального штаба должна захватывать лишь армию. Однако истинная

^I Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 262.

^{II} Там же. С. 262–263.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 202об.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 12. Д. 5. Л. 4.

^V Батенин Э. С. Генеральный штаб. С. 64–65.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 12. Д. 5. Л. 11.

природа войны постепенно расширяла круг его деятельности, и перед мировой войной мы уже считаемся с фактом, когда “мозг армии” выявил стремление вылезть из черепной коробки армии и переместиться в голову всего государственного организма¹.

Неудивительно, что штат Генерального штаба постоянно увеличивался. Так, по штату к 1 января 1910 г. полагалась 691 должность Генерального штаба (78 генеральских, 396 штаб-офицерских и 217 обер-офицерских)². В течение 1910 г. было упразднено 70 должностей, но учреждено 97 новых. Таким образом, к концу года штат предусматривал 718 должностей (к началу Первой мировой – уже 852 должности). Интересно распределение кадров Генштаба по должностям на 1 января 1911 г. (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение кадров Генерального штаба по штабным должностям
на 1 января 1911 г.³**

Категория	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров
В центральных учреждениях	36	83	4
В окружных, областных управлениях и строевых штабах	67	266	219

Свободно было 16 должностей. Сверх того, мундир Генерального штаба носили 300 человек (табл. 3).

Таблица 3

Генштабисты на должностях вне штабов на 1 января 1911 г.

Категория	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров
Членов Военного совета	20		
На строевых должностях	140		
На административных должностях	15	52	
Военных агентов	5	14	
Геодезистов	7	11	3
В Отдельном корпусе пограничной стражи	1	7	
Вне военного ведомства	25		

В запасе Генерального штаба числились 1 генерал, 3 штаб-офицера и 1 обер-офицер.

В данных о численности корпуса офицеров Генерального штаба к началу Первой мировой войны имеются существенные расхождения. Так, в «Списке Генерального штаба» с исправлениями по 18 июля 1914 г., по нашим подсчетам, указаны 1429 офицеров, включая причисленных к Генштабу (202 офицера) и выбывших со службы. В том же издании приводится краткий список генштабистов по старшинству, где перечислены 1135 человек (82 генерала, 115 генерал-лейтенантов, 228 генерал-майоров, 354 полковника, 118 подполковников и 238 капитанов). Однако там же имеется расписание офицеров Генштаба по должностям с указанием

¹ Шапошников Б. М. Мозг армии. Кн. 1. С. 13.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4590. Л. 4.

³ Там же. Л. 4, 5–5об.

839 штатных должностей, которые занимали только 817 офицеров, и 152 офицера сверх того сохраняли мундир Генерального штаба. Всего, таким образом, указаны 969 генштабистов.

К этой цифре близки сведения выявленного нами официального годового отчета о состоянии корпуса офицеров Генерального штаба за 1914 г., согласно которым на 19 июля 1914 г. в Генеральном штабе состояли 963 офицера. 165 из них служили в центральных учреждениях, 561 – в окружных и строевых штабах и учреждениях; не занимали штатных должностей, но сохраняли мундир Генерального штаба 120 офицеров на строевых и 117 – на административных должностях¹. Налицо существенное (почти в три с половиной раза) преобладание войскового управления Генштаба над центральным. Численность армии накануне Первой мировой войны составляла чуть более 1,4 млн человек, а один генштабист приходился примерно на 1468 нижних чинов.

Мировоззрение генштабистов той эпохи во многом оставалось традиционным и основывалось на незыблемом принципе верной службы родине и императору, зиждилось на стабильной и понятной, давно устоявшейся системе карьерного продвижения.

Можно отметить такие составляющие взглядов генштабистов, как патриотизм, монархизм, религиозность, национализм, шовинизм, консерватизм, верность долгу, жертвенность, аполитичность, алармизм, приверженность традициям, корпоративная этика и честь, протекционизм и патернализм в отношении подчиненных. Оценка ряда качеств не может быть однозначной. Среди явно негативных черт выделяются пьянство, взяточничество, карьеризм, самоуверенность, сомнение, высокомерие и снобизм, презрение к офицерам без академического образования, угодничество младших перед старшими. Отрицательными явлениями в службе генштабистов могли считаться сильная бюрократизация службы и система назначений на ответственные посты по старшинству в ущерб способностям и квалификации. Признавалось это в том числе и после Русско-японской войны². Часть офицеров брезговала должностями, требовавшими большой работы, предпочитая более выгодные места службы³. Ощутимым было и стремление офицеров служить в крупных штабах в ущерб войсковым, прежде всего дивизионным.

Многие генштабисты пронесли любовь к родине через бури Гражданской войны, а затем и через десятилетия вынужденного изгнания. Генерал П. И. Аверьянов предварил свои рукописные воспоминания «Страницы прошлого» эпиграфом «Худо ли, хорошо ли, но то моя Родина», а начинал свой мемуарный труд проникновенными строками: «Велика моя вера в грядущее возрождение моей поруганной Родины. Верю, что уже наши внуки увидят ее могучей великой Россией. Но прежней России, столь близкой и милой нашему сердцу, наши внуки не будут знать...»⁴

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4592. Л. 4об.; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года. С. 754–770; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 183. Причины столь значительных расхождений в официальных списках еще предстоит установить, однако, думается, именно данные официального отчета следует считать наиболее близкими к действительности.

² Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 497–498.

³ Парский Д. П. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908. С. 257.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

В мировоззренческой системе и в жизни дореволюционного офицера-генштабиста присутствовали националистические, этноцентрические и шовинистические взгляды, нередко значимым был религиозный фактор. Шовинистические настроения генштабистов широко документированы. В частности, многим генштабистам, как и в целом офицерству, был присущ антисемитизм. Исключение не составляли и те офицеры, которые отличались либеральными взглядами^I. По слухам, генерал Н.Н. Янушкевич в годы Первой мировой войны любую неудачу приписывал «жидам»^{II}. По рукам в среде генштабистов ходили списки заподозренных в еврействе^{III}, распространены были подозрения и в том, что некоторые генштабисты состояли в масонских организациях (в этом подозревали генералов Я.Г. Жилинского и А.Н. Куропаткина^{IV}). Националистические взгляды, несомненно, повлияли на последующий выбор и поведение офицеров в Гражданскую войну.

Любопытны проявления гендерного шовинизма. Например, видный деятель Белого движения генерал В.З. Май-Маевский, будучи в канун Первой мировой войны командиром 44-го пехотного Камчатского полка в чине полковника и при этом женоненавистником, приказал в лагере при входе в полковое собрание повесить объявление: «Вход женщинам и собакам строго воспрещается»^V.

Русско-японская война 1904–1905 гг. выявила серьезные упущения в службе Генерального штаба. Прежде всего, неэффективность системы управления, неподготовленность офицеров и низкий уровень штабной культуры, проблемы с разведкой, со связью и с передачей приказов, незнание театра военных действий и противника. Итог был закономерен, так как в военном деле того времени, на маневрах и учениях торжествовали шапкозакидательство и показуха^{VI}. Неудивительно, что начальник германского Генерального штаба А. фон Шлиффен отмечал в конце 1905 г.: «С театра маньчжурской войны доносят также, что русские начальники так же мало, как русский Генеральный штаб, понимают управление армиями, так и частями ее — корпусами»^{VII}. Представления военной элиты о японской армии были далекими от реальности. К примеру, в одном из военных округов в начале войны генштабисты устраивали лекции о Японии, на которых концентрировали внимание аудитории на малом росте и физической слабости японцев^{VIII}.

Из 101 генерала, участвовавшего в боевых действиях в Маньчжурии, Николаевскую академию окончили 45 человек, еще четверо окончили другие академии^{IX}. Всего в результате боевых действий погиб или умер от ран 21 офицер Ге-

^I См., напр.: Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 г. и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 2. С. 104–105 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4; Басханов М. К. «У ворот английского могущества»: А. Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. СПб., 2015. С. 85–86.

^{II} Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 61.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1. Л. 257об.

^{IV} Там же. Л. 258. В сохранившихся списках русских масонов эти генералы не значатся (Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001).

^V BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 3. Folder 5.

^{VI} См., напр.: Будберг А. П. Сибирские воспоминания. С. 126–127.

^{VII} Цит. по: Айрапетов О. Р. Автор, время и события «Дневника» // Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010. С. 75.

^{VIII} Грулев М. В. В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб., 1908. С. 106.

^{IX} Айрапетов О. Р. Автор, время и события «Дневника». С. 50.

нерального штаба, 54 получили ранения¹. Наиболее мыслящие военные деятели, среди которых был и генерал М.В. Алексеев, уже тогда начали задумываться над тем, способна ли верховная власть в лице императора Николая II обеспечить безопасность страны². Впоследствии эти размышления, подкрепленные последующим опытом, привели Алексеева к тому решению, которое он принял в феврале 1917 г. и о котором будет сказано ниже.

Опыт, приобретенный в Маньчжурии, принес многим офицерам неоценимую пользу. Началось реформирование русской армии, причем одними из наиболее жестких критиков прежних порядков стали генштабисты. Критические публикации не всегда и не всем сходили с рук без последствий — так, генерал М.В. Грулев был вынужден уйти со службы из-за своей книги «Злобы дня в жизни армии»³.

Повышению престижа корпорации способствовал эксперимент по созданию после Русско-японской войны независимого Генерального штаба. Под влиянием популярности среди русских генштабистов опыта германского Большого Генерального штаба в 1905 г. в России по инициативе генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына для решения вопросов стратегического планирования было создано независимое от военного министра ГУГШ. Учреждалась и должность начальника Генерального штаба с подчинением ему ГУГШ, Николаевской академии Генерального штаба, офицеров Генерального штаба на штатных должностях, офицеров корпуса военных топографов, железнодорожных войск. Начальник Генштаба непосредственно подчинялся императору⁴. После этого ГУГШ сосредоточило в себе все вопросы обороны империи, а в Главном штабе осталась только военно-административная сфера. Впрочем, уже в ноябре 1908 г. военный министр добился перевода ГУГШ в систему Военного министерства, причем к концу 1909 г. начальник ГУГШ был лишен права доклада императору⁵.

Последствия подчинения в ноябре 1908 г. ГУГШ Военному министерству, в результате чего ГУГШ лишилось самостоятельности, были неоднозначными. С одной стороны, устранялась почва для острых институциональных конфликтов, выстраивалась вертикаль власти в военном ведомстве. С другой, Военное министерство и император теперь могли в меньшей степени считаться с предложениями Генштаба. За семь лет перед Первой мировой войной сменилось шесть начальников Генерального штаба (для сравнения, в Германии за 56 лет до войны сменились только четыре начальника Большого Генерального штаба). Такая ротация не способствовала выполнению задач Генштаба по планомерной подготовке к предстоявшей войне⁶. Начальниками Генерального штаба были генералы Ф.Ф. Палицын

¹ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 782–786. Также см.: Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг. Биографический справочник. М., 2018.

² Айрапетов О. Р. На пути к краху. С. 393.

³ См., напр.: Грулев М. Записки генерала-еврея. С. 236–237, 249–250.

⁴ Подробнее см.: Кавтарадзе А. Г. Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1972. № 7. С. 87–92; Кожевникова Г. В. Главное управление Генерального штаба накануне Первой мировой войны (1910–1914). М., 1998.

⁵ Кавтарадзе А. Г. Из истории русского Генерального штаба; Кожевникова Г. В. Главное управление Генерального штаба... С. 10.

⁶ Чернавин В. Русский Генеральный штаб перед Мировой войной. От Палицына до Янушкевича // Меч (Варшава). 1937. 21.11. № 45 (181). С. 3.

(1905–1908), В. А. Сухомлинов (1908–1909), А. З. Мышлаевский (1909), Е. А. Гернгросс (1909–1911), Я. Г. Жилинский (1911–1914), Н. Н. Янушкевич (1914), М. А. Беляев (1914–1916), П. И. Аверьянов (1916–1917), Г. Д. Романовский (1917), В. В. Марушевский (1917). В то время утопические идеи сильного Генерального штаба, который бы пронизывал все сферы государственного управления, стали мечтой многих генштабистов.

После Русско-японской войны активизировалась военно-научная работа. Целая плеяда генштабистов печаталась в журналах «Военный сборник» и «Разведчик», газете «Русский инвалид», некоторые выпускали собственные военно-исторические и военно-теоретические труды. В канун Первой мировой войны в России издавалось свыше 100 газет и журналов, адресованных армейской аудитории¹. Журнал «Разведчик», по данным 1912 г., выписывали 18,3 % генералитета и только 6 % штаб-офицеров, 2,9 % обер-офицеров и 0,31 % военных чиновников².

Начавшаяся в 1905 г. Первая русская революция не могла не затронуть и офицерский корпус, включая генштабистов. Вопрос их политических предпочтений составляет особую тему. Открытое проявление каких-либо взглядов, шедших вразрез с официальной идеологией, вплоть до начала XX в. было уделом единиц в среде Генерального штаба. Либеральные симпатии имел будущий начальник Главного штаба генерал-адъютант Н. Н. Обручев³. Как уже отмечалось, еще в 1860-е гг. в Николаевской академии Генерального штаба возник революционный кружок будущих генштабистов, в котором руководящую роль играли польские слушатели. С этим кружком был связан и такой яркий представитель общественной мысли той эпохи, как Н. Г. Чернышевский⁴. Будущий профессор академии генерал-лейтенант А. И. Медведев имел богатое революционное прошлое⁵. В 1875 г. он был выслан в Шенкурск Архангельской губернии по подозрению в распространении революционной литературы, откуда скрылся и перешел на нелегальное положение. В 1879 г. был арестован, а в 1881 г. освобожден и выслан из Петербурга в свою станицу. Состоял под надзором до 1883 г. Но это были исключительные случаи.

Политическая составляющая в мировоззрении офицеров Генерального штаба, как правило, до 1917 г. отсутствовала. Участвовать в политической жизни считалось предосудительным. До революции офицеры Генштаба в частности и офицеры вообще редко вовлекались в политические процессы. А те, кто оказывался в них втянут, как правило, осуждались корпорацией и становились изгоями. В результате политически многие будущие генштабисты были совершенно неразвиты, что являлось огромным пробелом в их подготовке и не могло не сказаться в Гражданскую войну, когда подобные знания понадобились. На вступительных экзаменах 1907 г. в Николаевскую академию Генерального штаба некоторые офицеры

¹ Коршунов Э. Л., Бахтуридзе З. З., Бринюк Н. Ю. «Тут говорили и судили о таких вещах, которые в общей прессе невольно замалчивались». Становление и развитие военной периодики в царской России // Военно-исторический журнал. 2016. № 6. С. 53.

² «Немного статистики» // Разведчик (СПб.). 1912. 25.12. № 1156. С. 867.

³ Подробнее о нем см.: Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017.

⁴ Гребенкин И. Н., Романика А. С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М., 2021. С. 104.

⁵ Деятели революционного движения в России: От предшественников декабристов до падения царизма: Биобиблиографический словарь: в 5 т. М., 1931. Т. 2, вып. 3. С. 901–902.

не знали, что такое законодательная и исполнительная власть, в чем различие между однопалатным и двухпалатным парламентом^I.

Но, как справедливо отмечают иностранные исследователи, Генеральный штаб не был изолирован от общества^{II}. После Русско-японской войны и в связи с Первой русской революцией офицерство стало «пробуждаться». Перемены в стране отражались и на генштабистах, политизация Генштаба прогрессировала. Еще в начале XX в. среди офицеров Генерального штаба получили популярность идеи конституционной монархии, а также республиканские взгляды, стали появляться и отдельные сторонники социалистов.

По итогам Первой русской революции в стране была легализована публичная политика, что позволило офицерству принимать в ней участие. Некоторые офицеры по итогам поражения в Русско-японской войне увидели в архаичном режиме препятствие успешной модернизации армии, что толкало таких людей в политику или побуждало к высказыванию своего мнения в печати^{III}. Другая часть офицерства видела причину неудач в конкретных начальниках. «Пробуждение» офицерства проходило в форме организации неформальных просветительских кружков единомышленников, в издательской, публицистической и исследовательской активности. Вполне естественно, что генштабисты оказались особенно активны среди пишущих офицеров.

Часть генштабистов на фоне катастрофы в Русско-японской войне и в связи с революционными событиями 1905–1907 гг. нашла себя на ниве военной журналистики и публицистики, бичуя пороки старой армии и даже режима. К этой группе реформаторски настроенных офицеров можно отнести Е.И. Мартынова, П.С. Махрова, Д.П. Парского, А.А. Свечина и др. Таких были единицы. Как справедливо отмечал генерал П.И. Залесский, «без критики нельзя было вывести жизнь и работу армии из тупика невежества, из деятельности *вне* определенной военной доктрины, из непонимания действительности, жизни на “авось”, работы “как-нибудь”... Были, конечно, и исключения в лучшую сторону: [А.К.] Пузыревский, Драгомиров (М.И.), [А.В.] Самсонов, [Е.И.] Мартынов, [В.Н.] Клембовский, Новицкий (В.Ф.), Свечин (А.А.) и другие. Но об исключениях в лучшую сторону теперь не для чего вспоминать, так как самые блестящие из них не смогли дать русской военной жизни иного направления и оградить ее от катастрофы. Вероятно, для 160-миллионного народа все эти исключения были недостаточны, тем более что и из них только очень и очень немногие выступали открыто и определенно *против дурных порядков* в армии, а тем более во всей стране! Самодержавные “верхи” не допускали критики и, в то же время, сами были невежественны, неумны и недальновидны, не были настоящими хозяевами в своем деле»^{IV}.

С января 1906 г. в Санкт-Петербурге стала издаваться военно-общественная газета «Военный голос» — первый независимый от военного ведомства печатный орган, освещавший жизнь армии и флота. С газетой активно сотрудничали либерально настроенные генштабисты В.Ф. Новицкий, Д.П. Парский и П.А. Режепо.

^I Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 141.

^{II} Marshall A. The Russian General Staff and Asia. P. 10.

^{III} Подробнее см.: Фомин А. Ю. Российское офицерство и публичная политика. С. 26.

^{IV} Залесский П. И. Грехи старой России и ее армии // Философия войны. М., 1995. С. 193.

Все они впоследствии оказались в рядах Красной армии. Издателем и редактором был корнет запаса В.К. Шнеур. Газета, обличавшая армейские порядки, приобрела популярность и издавалась тиражом 5000 экземпляров. Однако в сентябре 1906 г. по требованию военного министра А.Ф. Редигера была закрыта, поскольку ее сочли дестабилизирующей обстановку в армии.

Генштабисты Киевского военного округа, наоборот, образовали кружок охранительного направления, который возглавлял А.С. Лукомский^I. А.Е. Снесарев в 1905–1907 гг. редактировал журнал «Чтение для солдат», а в 1906–1910 гг. участвовал в редактировании газеты национально-либерального направления «Голос правды», причем с изданием сотрудничал и видный политический деятель А.И. Гучков^{II}. Членом партии эсеров был капитан Б.П. Кареев. Он сотрудничал с известным революционером, библиотекарем Николаевской академии Генерального штаба С.Д. Масловским (Мстиславским) – сыном знаменитого военного историка, профессора академии, рано умершего генерала Д.Ф. Масловского. Однажды из-за Масловского полиция опечатала библиотеку академии^{III}. Кареев покончил с собой в связи с революционной деятельностью в 1907 г. Один из некрологов опубликовала нелегальная эсеровская газета «Обстрел», издававшаяся в Верном, а другой в Петербурге напечатал А.Е. Снесарев^{IV}.

Масловский (Мстиславский) был одним из создателей Всероссийского офицерского союза. По его оценке, «военные академии, ставшие центром военного движения 1905 года, открывали широкие организационные возможности не только в пределах своего личного состава, но и во всероссийском масштабе: в числе слушателей имелись строевые офицеры в буквальном смысле слова со всех концов России – от Владивостока до Варшавы, от Архангельска до Одессы. Вовлекаясь в организацию, они давали нити в свои части, устанавливали связи, ведущие в самую гущу армейского офицерства. Первоначальную же вербовку – создание “организационного ядра” – легче всего было проводить именно в академиях, так как в них собирались отцеженные жестокими конкурсными испытаниями сливки офицерской интеллигенции. Вместе с тем, изъятые из “традиций полкового уклада”, в иных частях (как у нижегородских драгун, например) достигавших огромной силы, “академики” гораздо легче поддавались пропаганде. Правда, надо было учитывать тот факт, что известный (и немалый) процент “пробившихся в академию” “делал карьеру” и не склонен был рисковать ею, но и за их исключением в академиях оставалось достаточное количество годного для организации материала»^V. Если верить Масловскому, в созданном им офицерском союзе некоторое время якобы конспиративно числился даже будущий лидер Белого

^I Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. С. 174.

^{II} Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М., 2003. С. 368–370.

^{III} Шапошников Б. М. Воспоминания. С. 151.

^{IV} Семейный архив правнучки Б. П. Кареева Н. Д. Кареевой (СПб.). Также см.: Кареева Н. Д. Борис Павлович Кареев (1878–1907) // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2017. Вып. 44. С. 46–54; Лухтанов А. Г. Трагедия капитана Бориса Павловича Кареева: орнитолога, востоковеда и эсера // Русский орнитологический журнал (СПб.). 2014. Т. 23, № 980. С. 889–899.

^V Мстиславский С. [Масловский С. Д.] Орывки о пятом годе // Каторга и ссылка (Москва). 1928. № 2 (39). С. 14.

движения на Юге России генерал А.И. Деникин^I. Косвенно подтверждал это сам Деникин, отмечавший, что в бытность в академии был знаком с запрещенной литературой и хранил ее^{II}, а в годы Первой русской революции был осведомлен о деятельности трех офицерских обществ, хотя и иного направления^{III}. Другой будущий белый генерал П.С. Махров был другом детства эсера-террориста И.П. Пулихова, покушавшегося впоследствии на минского губернатора генерала П.Г. Курлова и казненного за это в 1906 г. По просьбе товарища Махров в период учебы в академии отправил ему в тюрьму три рубля, в связи с чем позднее был вынужден давать объяснения^{IV}.

Революционно настроенные слушатели академии «создали негласное объединение, вошедшее в связь с революционными партиями и поставившее в программу вместо “демократизации армии” подготовку вооруженного восстания в Петербурге»^V. По свидетельству Масловского, «подлинную работу приходилось вести силами очень маленькой, но надежной в революционном отношении группы, выделившейся из слушателей академии Генерального штаба; из числа их помню, как наиболее активных, Бориса Павловича Кареева (застрелился в период реакции, в 1908 году»^{VI}), [Е.А.] Мен[ь]чукова, [А.А.] Бобрищева, [Ф.Э.] Чарноцкого (все трое в настоящее время находятся в Красной армии), [А.А.] Лихошерстова^{VII} (где сейчас — не знаю)... Входявшие в состав революционного ядра офицеры (особенно Кареев, бывший исключительно преданным делу революции, глубоко идейным и убежденным человеком) привлекались эпизодически и к работе с солдатскими кружками, связь с которыми мы получали через партийные наши связи, и с партийными организаторами дружин, которых они инструктировали по подготовке вооруженного восстания»^{VIII}. Речь шла в основном о выпускниках академии 1905 г.

Материалы для подготовки восстания Масловский хранил непосредственно по месту службы, в библиотеке академии Генерального штаба. К осени 1905 г. возник уже межпартийный боевой комитет по подготовке восстания, куда от союза помимо Масловского входил Кареев, а после его отъезда в Туркестан — Бобрищев. Осенью 1905 г. «организация союза значительно развилась, с одной стороны, за счет новоприбывших в Питер на первый курс академии офицеров, с другой — за счет гвардейских полков...»^{IX} По-видимому, связан с Масловским был и еще один выпускник академии 1905 г. О.А. фон Крузенштерн. Масловский вспоминал характерные для многих офицеров, но, по-своему, наивные суждения Крузенштерна: «Один из очень образованных по тому времени офицеров, конно-гренадер фон Крузенштерн говорил мне как-то: “Низвержение самодержавия — вздор, само по себе: зачем оно нам далось — пусть свергают! Государство может быть

^I Там же. С. 16.

^{II} Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 122.

^{III} Там же. С. 121–122, 230.

^{IV} Махров П. С. Воспоминание и предание об Николаевской академии Генерального штаба. Ч. 3. Тетрадь 5. С. 647–650 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 2.

^V Мстиславский С. Отрывки о пятом годе. С. 17.

^{VI} Правильно — в 1907 г.

^{VII} По-видимому, ошибка памяти. А. А. Лихошерстов не оканчивал академию, а служил в лейб-гвардии Финляндском полку, что далее отметил и сам Масловский (Мстиславский С. Отрывки о пятом годе. С. 28).

^{VIII} Там же. С. 20.

^{IX} Там же. С. 28.

крепко и без самодержавия. Но в их паскудную милицию, которую они в свои программы понапихали, я служить не пойду. И ни один уважающий себя офицер не пойдет. Эмигрирую в Германию, во Францию, если хотите. Да, в республику эмигрирую, но туда, где есть настоящая армия, а не милиция, которую выдумали какие-то кургузые недоноски»¹.

Определенное влияние на офицеров оказало соприкосновение с крестьянской средой при подавлении беспорядков 1905–1907 гг. В частности, будущий генштабист Ф.Е. Махин именно в результате увиденного (помещик после порки крестьян устроил пиршество для губернатора, обращался с Махиным и казаками высокомерно²) стал присматриваться к социалистическим теориям³. Впоследствии он примкнул к партии эсеров.

Революционное прошлое имел генерал А.И. Верховский, который в период обучения в Пажеском корпусе вел политические разговоры с вестовыми манежа, был за это исключен из корпуса в 1905 г. и отправлен унтер-офицером на Русско-японскую войну⁴. В Гражданскую войну Верховский оказался в Красной армии.

Полковник П.Ф. Рябиков, будущий колчаковский генерал, являясь курсовым офицером Николаевской академии в 1913 г., не хотел отпускать офицера в лейб-гвардии Семеновский полк на встречу с императором (что по тем временам представлялось безусловным выпадом), аргументируя свое требование положением об академии⁵. Правда, здесь могло сказываться не только скептическое отношение к монархическим ритуалам, но и неприятие гвардейского офицерства.

Генштабисты оказались вовлечены и в политизированный кружок, на заседаниях которого бывали члены Комиссии по государственной обороне Государственной думы и члены Государственного совета. Осенью 1908 г. группу представителей Генштаба и депутатов Думы собрал военный министр А.Ф. Редигер, поручивший дальнейшую работу своему помощнику А.А. Поливанову. Участники кружка (в основном члены военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны под председательством генерала В.И. Гурко) занимались обсуждением законопроектов военного ведомства, вносившихся в Думу. Собрания

¹ Там же.

² Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 449–451 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4; Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П. С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 149.

³ Подробнее о Махине см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 27–332.

⁴ Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020. С. 442. По другой версии, изложенной самим Верховским военному врачу В. П. Кравкову в Маньчжурии, якобы Верховский проходил 9–10 января 1905 г. через Александровский парк Петербурга, где стал свидетелем расстрела преобразженцами няnek с детьми, «под впечатлением такого зрелища Верховский, возвратившись в корпус, имел неосмотрительность перед своими товарищами высказать негодование на нелепые и дикие действия преобразженцев; товарищи же его, из которых один был князь, другой — барон, а третий — граф, почли долгом немедленно донести по начальству, что их фельдфебель (в этом звании состоял Верховский) глаголет тлетворные и разрушительные мысли; пошла писать губерния... В конце концов, Верховский был исключен из корпуса и попал вольноопределяющимся на войну, чтобы кровью смыть с себя вольнодумство!» (Кравков В. П. Война в Маньчжурии: Записки дивизионного врача. М., 2016. С. 327). За боевые отличия на Русско-японской войне Верховский был произведен в офицеры (Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 442).

⁵ Лампе А. А., фон. К посещению полка государем 7-го февраля 1913 года // Семеновский бюллетень (Сан-Франциско). 1950. 21.11(04.12). № 20. С. 16–17.

примерно в течение двух лет проходили на квартире Гурко и на квартирах других лиц^I. Заметную роль играли генштабисты. Данные об участниках неполны. Среди таковых упоминаются М. В. Алексеев, А. Е. Вандам (Едрихин), В. И. Гурко, Н. А. Данилов («рыжий»), Ю. Н. Данилов («черный»), А. С. Лукомский, А. З. Мышлавский, П. А. Ниве, В. Ф. Новицкий, А. А. Поливанов, Ф. П. Рерберг, Д. В. Филатьев, Н. Н. Янушкевич и др.^{II}, а от Государственной думы – А. И. Гучков, посчитавший, что «это готовый орган, с которым мы могли бы сойтись на началах сотрудничества»^{III}. Гучков вынашивал далеко идущие планы прихода к власти и искал опору в среде военной элиты. Отметим, что впоследствии сразу несколько представителей этой группы офицеров оказались причастны к событиям отречения императора Николая II. Контакты продолжались и при сменившем Редигера в 1909 г. военном министре В. А. Сухомлинове^{IV}. В кружке обсуждалась ненормальность рекрутирования лиц на высшие военные посты не по их квалификации, а по связям^V. Эта группа также получила наименование «младотурок», из-за чего ее иногда путают с «младотурками» из Николаевской академии, занимавшимися исключительно учебными вопросами^{VI}. Часть членов кружка прекратила свое участие в нем в 1910 г., после того как на одном из собраний подвергся жесткой критике утвержденный императором проект перестройки владивостокской крепости^{VII}.

Полицейское расследование контактов А. И. Гучкова установило, что в 1912 г. он вел переписку с 21 офицером, среди которых генералы-генштабисты Е. И. Мартынов, А. Ф. Редигер, А. Н. Куропаткин и А. А. Поливанов. Некоторые состояли в переписке с Гучковым и позднее. В разное время до Февральской революции писали Гучкову генерал П. И. Залесский и будущие генералы А. И. Андогский и Н. А. Морозов. Высокую оценку Гучкову дал в своих мемуарах и генерал П. И. Аверьянов^{VIII}, что, возможно, указывает на наличие контактов между ними. Среди адресатов Гучкова в годы Первой мировой войны был генерал М. В. Алексеев. По данным департамента полиции, из генштабистов побывали у Гучкова в 1915–1916 гг. генералы А. В. Каульбарс, А. М. Крымов, А. Н. Куропаткин, Е. И. Мартынов, А. Н. Меллер-Закомельский, Г. Г. Милеант, А. А. Поливанов, П. К. Ренненкампф, Г. Д. Романовский, Н. В. Рузский, штабс-ротмистр А. Н. де Лазари. Сам Гучков посетил в 1912 г. Ф. Ф. Палицына и А. А. Поливанова. Политически активные офицеры больше напоминали лоббистов, чем государственных деятелей^{IX}. Все это

^I Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 13.

^{II} Фомин А. Ю. Российское офицерство и публичная политика. С. 145; Чирков А. А. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 38–44.

^{III} Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 56.

^{IV} Подробнее см.: Fuller W. C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, NJ, 1985. P. 202–204.

^V Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 57–58.

^{VI} См., напр.: Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние: Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 115.

^{VII} BAR. Anton and Kseniia Denikin Collection. Box 3. Folder 5.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1. Л. 244об.

^{IX} Fuller W. C., Jr. Civil-Military Conflict... P. 263.

свидетельствовало об определенном распространении в части военной элиты оппозиционных и реформистских настроений.

И все же политически активные генштабисты относились к абсолютному меньшинству, воспринимались как некое исключение. Даже невинное стремление к профессиональному самосовершенствованию могло порой дорого обойтись офицеру, если оно интерпретировалось как политическая деятельность. Именно так случилось с фактически разогнанным кружком преподавателей Императорской Николаевской военной академии, объединившихся незадолго до Первой мировой войны вокруг полковника Н.Н. Головина.

Парадоксально, но предназначенные самой службой к тому, чтобы быть интеллектуальной элитой армии, отвечавшие за постановку разведывательной работы в стране, за подготовку к будущим войнам, осуществлявшие аналитические и прогностические функции генштабисты оставались совершенными младенцами в том, что касается политических вопросов, были изолированы от важнейшей составляющей общественной жизни.

Что касается профессионализма, кругозора, широты взглядов и развития генштабистов, то здесь не все однозначно. Определенная гарантированность карьеры порой лишала офицеров стимула активно трудиться по специальности. По ироничному наблюдению генерала Е.И. Мартынова, «большинство их занимается винтом и светскими развлечениями; некоторые же увлекаются каким-либо посторонним делом, например — разведением палым, астрономией, свиноводством, этнографией, сельским хозяйством и т. п., причем в указанных специальностях достигают иногда громкой известности. В столицах офицеры Генерального штаба, нуждающиеся в средствах, занимаются еще разнообразными кустарными промыслами в виде: непомерного числа уроков в военно-учебных заведениях, подготовки вольноопределяющихся, сочинения разных руководств, справочных книжек, наставлений и т. п.»¹.

Генерал В.Н. фон Дрейер с возмущением писал о своей службе после окончания академии: «Служба в штабе, особенно в мобилизационном отделении, куда меня назначили, была совершенно мне не по душе. Стоило учиться в академии, чтобы с 10 час. утра до 4 дня ежедневно считать какие-то телеги, лошадей, запасных солдат, которые к такому-то часу, из такого-то уезда, волости и деревни должны были прибыть на сборные пункты. И затем вносить в журнал входящие и исходящие бумаги; — это мог делать любой чиновник, или “краснокожий”², без специального образования. И я только и мечтал, чтобы при случае перевестись в штаб корпуса или дивизии для более интересной полевой службы»³.

Те же мысли посещали генерала С.А. Щепихина, который вспоминал о своей службе в штабе Омского военного округа перед Первой мировой войной: «Жизнь, штабная служба шли своей обычной чередой, — с утра до обеда в штабе, затем домашняя и, отчасти, общественная обстановка, т. е. изредка театр или кино в компании таких же “молодых генштабистов”, а чаще в товарищеском кругу на домашней

¹ Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. 1907. С. 118–119.

² «Краснокожими» по цвету приборного сукна на армейском жаргоне конца XIX — начала XX в. именовались прикомандированные офицеры армейской пехоты без академического образования.

³ Дрейер В. Н., фон. На закате империи. С. 58–59.

вечеринке, где собирались повинтить, попеть и немного потанцевать... а наутро снова за работу... Работал я в мобилизационном отделении, но в суть работы вникать не мог: давалась очередная ведомость, которую надо было “спланировать”, т.е. привести в надлежащий, приемлемый для старшего адъютанта вид и только... на другой день иного сорта работа – проверить, дополнить, пересоставить какие-то таблицы с призывными ратниками и специалистами... Чтобы лежала у меня душа к такой работе, скажу откровенно, конечно, нет, – так, отбыл свое дело и с плеч долой... ожидаю покорно следующую пачку... Так как в отделе[нии] я был младшим, то и не считался ни заместителем старшего адъютанта, ни кандидатом по занятию этой должности... на положении скорее писаря: ввиду особой секретности всех подобных дел, штабные писаря не допускались к бумагам отделения, а потому надобность в подобном моем “интеллигентном” труде безусловно была. Ни умаляющего мое достоинство, ни тем более унижительного в подобном труде я ничего не находил: ведь шифруют же в министерстве иностранных дел дипломатические депеши своего патрона молодые чиновники, будущие дипломаты... Надо через это пройти и баста... и я трудился. Не скажу, чтобы с особым рвением, но и без ворчания и тем менее без озлобления и зависти. Все придет в свое время: через девять лет, хочешь не хочешь, а будешь полковник Генштаба, а там видно будет... дорожка проторена не нами, но ясно, что для нас... если, конечно, не будет замечено ничего сверхпредосудительного (пьянство, например, что вообще среди офицеров Генштаба редкость, или не сойдешься с начальством). Но ведь каждый отлично понимает, что я ему поперек дороги к карьере не стою, не могу быть конкурентом, а следовательно, – “сам живи и давай жить другим” – эгоизм первой, самой либеральной степени...¹ Трехлетний период своей службы в Омске Щепихин считал «скорее просто растительной жизнью»².

Убийственную характеристику квалификации генштабистов дал генерал А.П. Будберг. По его свидетельству, служба Генерального штаба «была крепко привязана к штабным канцеляриям и делала наших генштабистов привилегированными военными чиновниками, истинными рыцарями стула, пера и чернила.

Они отчетливо и вполне успешно выполняли все возлагавшиеся на них обязанности, по внешним ярлычкам как будто бы профессионального военного, но в действительности мирного бюрократического характера, определенного административными, инспекторскими и контрольными рамками служебной деятельности штабов дивизий, корпусов и военных округов.

Для большинства наших офицеров Генерального штаба вся их карьера сводилась к самому рутинному и достаточно беспечальному отсиживанию определенных сроков на должностях старших адъютантов, обер-офицеров и штаб-офицеров для поручений в восходящей линии разных штабов; для каждого из них все это слагалось в весьма разнообразных комбинациях самого прохождения общей линии, определявшихся личными качествами и удачей.

Как было только что указано, самая служба считалась военной; все обстояло так, что уже одно прохождение всех этих штабных должностей, добавленное редкими и шаблонными quasi-профессиональными упражнениями, признавалось

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

² Там же. Л. 7.

вполне достаточной квалификацией для дальнейшего исполнения соответственных обязанностей во время войны, во всякой боевой обстановке.

Право на повышение по службе определялось, прежде всего, сроками, указанными для каждого чина и каждой должности, а затем чисто кастовой и вообще очень снисходительной оценкой его работы.

Каких-либо правил и порядков для определения знаний и способностей профессионального и чисто военного характера у нас не существовало ни для обер-и штаб-офицеров, ни для генералов Генерального штаба. Только это и могло привести к такому положению, что для большинства чинов специального корпуса, предназначенного быть стратегическими и тактическими органами боевого управления, третья академическая тема была их "последней" профессиональной работой соответственного характера.

В этом сознался даже генерал Янушкевич, собравший в своем формуляре прохождение должностей начальника академии Генерального штаба и начальника Генерального штаба и вознесенный на высший военный пост начальника штаба Верховного главнокомандующего всеми Вооруженными силами России в войну 1914–1917 гг.

Из числа сорока офицеров, окончивших вместе со мной академию Генерального штаба, только восемь имели частичное касательство к работам стратегического характера, да и то потому, что служили в Петербурге и в пограничных округах.

Но даже и эти работы имели характер кабинетный, бюрократический и заранее загнанный в определенные рамки.

И как в нашей академии так долго не было специального курса службы Генерального штаба в военное время, так и в самой службе нашего Генерального штаба не было ничего, что фактически подготавливало его чинов к исполнению своих обязанностей в условиях войны и боевой обстановки.

Сверх того, помимо самой неспособности давать всему корпусу Генерального штаба соответственную военную подготовку еще в мирное время, обволакивавший его рутинно-канцелярский бюрократизм отзывался очень неблагоприятно и духовной стороной офицеров Генерального штаба, приучая их продолжать тот же путь, первый этап которого определяла академия и который сводился к преобладанию формы над сущностью, боязливой осторожности над разумной волей и кабинетных схоластических расчетов над реальной действительностью.

В огромном большинстве случаев одних только личных способностей и усердной службы мирного времени было недостаточно для удачно складывавшейся службы; тут огромную роль играли умение приспособиться к капризным условиям обстановки, не возбуждать каких-либо новых и беспокойных вопросов, ладить с влиятельными верхами и их штабами и иными приводящими влияниями.

Все это постепенно стирало острые индивидуальные черты характера и придавало всей службе специальный оттенок, вызывавший вполне законно затаенную враждебность со стороны войск и их офицерского состава.

К этому надо добавить, что, к прискорбию, к значительной части офицеров Генерального штаба приходилось представить обвинение в разных степенях узурпации

ими прав старшего начальства и в весьма широком использовании их в отношении войск и их личного состава»¹.

Анализ послужных списков генштабистов свидетельствует, что в большинстве своем они несли лишь службу по занимаемым должностям, замыкаясь в ограниченных рамках своих воинских частей, штабов или учреждений. В целом кругозор основной массы оставался относительно узким. Лишь немногие бывали за границей, где могли познакомиться с иностранным военным опытом и расширить свои познания. Мало кто занимался профессиональным самосовершенствованием и научной работой.

Штабная служба в дореволюционной России была слабо связана со строевой, в ней преобладали бюрократизм и канцелярщина, а лучшим способом исправления недостатков после Русско-японской войны стало слепое копирование зарубежного опыта². Критика не приветствовалась, считаясь нарушением корпоративной этики³. Генеральный штаб разъедали противоречия и конфликты, что негативно сказывалось на вопросах стратегического планирования, в которых в результате возобладали авантюризм и шапкозакидательство⁴, имевшие печальные последствия для армии и страны в 1914 г. Генерал П.И. Залесский в эмиграции вспоминал, что в 1908 г. собрание офицеров Генштаба одного из военных округов во главе с начальником Генерального штаба генералом Ф.Ф. Палицыным «представляло жалкую картину бедности знаний во всех областях военного дела, не исключая даже области своего полевого устава, а о новых тенденциях и приемах в деле применения средств войны и говорить нечего»⁵.

Привилегированное положение Генерального штаба провоцировало зависть и недовольство в армии. Этому способствовало и то, что в среде офицеров Генштаба было немало карьеристов, а также лиц, напроць отставших от военной науки своего времени. Проницательный военный писатель А.А. Керсновский в этой связи отмечал: «Что же касается офицеров Генерального штаба, то они должны служить совершенно на равных основаниях с другими (тут уж сама жизнь произведет отбор, ведь офицеру Генерального штаба и так дано несколько очков вперед) и периодически обновлять свои познания (военные игры всего выпуска, например, на 5-й, 10-й и 15-й год по окончании академии). Принадлежность к Генеральному штабу у нас считалась своего рода талисманом, ковром-самолетом, на котором можно было долететь до генеральского чина без всякого усилия и совершенно не зная войск. Безнравственность такого рода порядка отягчалась еще тем, что монополия на высшие командные должности чинов гвардии и Генерального штаба делала безнадежной службу главной массы офицерства. Сколько

¹ Будберг А. П. Наша неготовность к войне // МРК. Коллекция А. П. Будберга.

² Свечин А. А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 425.

³ Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 77.

⁴ Алпеев О. Е. Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906–1914 гг.: источниковедческое исследование: дис. ... к. и. н. М., 2015. С. 233–234.

⁵ Залесский П. И. Возмездие. С. 66. Впрочем, по мнению генерала-генштабиста А. И. Мартынова, квинт-эссенция этой книги Залесского заключалась в следующем: «По словам Залесского, в прежней Царской России все поголовно, кроме его самого и нескольких генералов, которые теперь служат большевикам, были дураки, лентяи, воры или трусы; только он один был умен, трудолюбив, честен и храбр; он все знал, все предвидел, всех поучал, но его не слушали, и вот из-за этого Россия погибла» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 138. Л. 1).

талантов, сколько твердых и энергичных характеров пропало для армии таким образом! Академия Генерального штаба — это рассадник просвещения армии, отнюдь не какая-то “фабрика генералов”. Нам выгодно, чтобы военные знания проникли в самые недра армии и чтоб значок академии носило возможно большее число ротных, батальонных и батарейных командиров...»¹

Генштабисты были замкнутой и привилегированной кастой, заметно выделявшейся внутри офицерского корпуса. Их корпоративная сплоченность сыграла особенно важную роль накануне и в период Гражданской войны. В среде генштабистов привилегированное положение формировало чувство интеллектуального превосходства, собственной исключительности и карьеризм, однако элитарность и обеспеченная карьера были плохими стимулами для профессионального развития. Главным становилось получение высоких баллов в академии, после чего о военной науке можно было забыть и почивать на лаврах.

Успешное окончание академии, безотносительно пригодности выпускника к службе, открывало широкие карьерные перспективы, являлось трамплином на пути к генеральским чинам и высоким должностям. Как справедливо отмечал выпускник ускоренных курсов академии периода Первой мировой войны полковник А. А. Зайцов, «иностранные военные академии производили лишь *отбор* лучших, наша же академия давала *право* на перевод в Генеральный штаб»². При этом подготовку в Николаевской академии справедливо критиковали за оторванность от боевой практики и жизни войск.

Как оценивали свой корпоративный статус сами офицеры Генштаба? Бывший генерал А. И. Верховский в показаниях по делу «Весна» свидетельствовал: «Старый Генштаб в царской армии был наиболее квалифицированной и наиболее влиятельной, после придворных кругов, прослойкой офицерства. Он комплектовался лучшими, наиболее способными и преданными офицерами, проходившими трудную школу, требовавшую усидчивости, знаний и умения работать. Те, кто выполнял требования академической работы, допускался в узко замкнутую касту Генштаба, в которую в дальнейшем никто не мог проникнуть из строевых частей. Все офицеры имели определенную линию продвижения, обещающую в определенные сроки заранее известные продвижения по службе, связанные с влиянием и материальным положением. Если обычный офицер в армии мог кончить службу командиром батальона, в лучшем случае — командиром полка, то для генштабиста полк был обязательной переходной ступенью, а генеральский чин был обеспечен. Все почти, за редкими исключениями, высшие должности командира дивизии, корпусов и выше занимались Генштабом. Решающее влияние в армии в мирное и военное время было почти целиком в их руках. Это положение вызывало кастовое сплочение и удовлетворение завоеванным положением. Все это создавало наиболее преданный монархический слой офицерства. В Генштабе был характерен дух касты, карьеризма и оторванности от жизни. Уже Февральская революция потрясла их положение. Это толкнуло Генштаб на образование реакционного союза офицеров, где офицеры Генштаба играли руководящую

¹ Керсновский А. А. Наш будущий офицерский корпус // Офицерский корпус русской армии. С. 415–416.

² Зайцов А. А. Служба Генерального штаба. Жуковский; М., 2003. С. 38.

роль. Они сгруппировались около крупных штабов в плотные группы, являвшиеся штабами реакции»^I.

В показаниях другого бывшего генерала Д. Н. Надежного по тому же делу оценки еще критичнее: «В среднем Генеральный штаб царской армии представлял корпорацию офицерского состава, располагавшую большими служебными привилегиями и далеко стоящую, по существу дела, от войсковой массы. По своему образованию Генеральный штаб был не выше среднего общего образования, а следовательно, и развития. Политически совершенно не был развит, за многими исключениями. Представители Генерального штаба в армейской среде не пользовались симпатиями. В этой корпорации не было единства, так как гарнизон и проч[ее] действовали разлагающе. Пополнение Генерального штаба шло из гвардии и армии, что также служило причиной некоторой разобщенности. Корпус офицеров гвардии представлял прочную касту с определенными традициями и повышенными требованиями к своему составу.

Февральскую революцию встретил[и] растерянно, а Октябрьскую встретил[и] враждебно, потому что видели, что революция перешла в форму пролетарской революции»^{II}.

По свидетельству генштабиста И. А. Никулина, «в старой армии офицеры Ген. штаба представляли особый корпус с большими правами и привилегиями, и хотя путь в этот корпус был доступен всем армейским офицерам, за некоторыми ограничениями (для католиков и евреев), все же среди командного состава б[ывшей] армии был установлен взгляд на этот корпус как на особую касту. Октябрь смыл все эти преимущества и поставил б[ывших] офицеров Ген. штаба в новые условия, благодаря которым были стерты и разрушены все не только кастовые, но и классовые перегородки.

Здесь, однако, надлежит отметить, что при новых условиях б[ывшие] офицеры Ген. штаба несколько не были, как говорят, “выброшены за борт”, — наоборот, ими дорожили, привлекали их на работу, и на ступенях служебной лестницы они, в большинстве случаев, занимали весьма высокое положение и при советской власти...»^{III}

Бывший генерал С. К. Сегеркранц показал на допросе по делу «Весна» в феврале 1931 г.: «Мы, бывшие офицеры Генерального штаба, в своем большинстве, происходили из военно-дворянской среды, воспитанные в старом духе и соответствующей средой, имевшие в перспективе дальнейшее улучшение своего служебного и материального положения, Октябрьскую революцию встретили враждебно.

Октябрьская революция ликвидировала нас как касту привилегированного класса, лишила перспектив служебной карьеры, материального благополучия, поставила в тяжелое материальное положение, в армии мы были лишены командного положения и взяты под недоверие и контроль, часто задевавшие наше самолюбие»^{IV}.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 61 (81). Л. 107–108.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37 (3149). Л. 11.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3179 (3340). Л. 64об.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 70 (91). Л. 13.

Выпускник ускоренных курсов академии А.И. Кук писал в 1921 г.: «Офицеры Генерального штаба были и есть (кроме русских — после Октябрьской революции) — каста, замкнутая и особенно привилегированная. Не подлежит сомнению, что всякий замкнутый или изолированный круг живых существ неминуемо приобретает признаки вырождения, умственной дряхлости и отсталости (если это круг изолированных людей)... Академический диплом на руках и знак на груди обеспечивали движение по иерархической лестнице и без дальнейшего штудирования военной науки, ею занимались лишь более ретивые и беспокойные. Мысль молодых (к мировой войне), хотя и вертелась-вертелась, да не могла выйти из заколдованного круга, слишком замкнутого и самоуверенного»¹. Исключительность положения усиливала кастовость Генерального штаба, влекла за собой протекционизм.

В глазах гвардейского и армейского офицерства корпоративизм генштабистов обычно представлялся негативным явлением. По мнению не относившегося к офицерам Генштаба генерала А.А. Брусилова, «вообще офицеры Генерального штаба друг друга поддерживают и тащат кверху во все нелегкие...»² Схожие мысли в годы Первой мировой рождались и у военного летчика В.М. Ткачева: «До чего же, однако, сплочено наше “черное духовенство”!»³ Тянут один другого»⁴. Для самих генштабистов корпоративная поддержка, разумеется, была весьма выгодной. Одним из следствий этого явления стала монополизация Генеральным штабом военной печати, военного законодательства и высшего военного управления Российской империи.

Зарождение корпоративных объединений офицеров-генштабистов относится к началу XX в. Тогда, в частности, обсуждалось учреждение особых органов для повышения престижа корпорации и статуса генштабистов. Например, в 1903 г. развернулась дискуссия по вопросу создания суда чести офицеров Генерального штаба «для охранения среди названных офицеров достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания»⁵. Это нововведение не встретило поддержки, и обособленного суда чести для генштабистов создано не было, хотя идея продолжала обсуждаться, по крайней мере, до 1913 г. Даже в среде генштабистов далеко не все были сторонниками углубления корпоративной обособленности Генштаба, поскольку это могло еще сильнее ухудшить и без того неприязненное отношение к генштабистам в армейской среде.

Поскольку офицеры не могли состоять в политических организациях, наибольший размах приобрели организации, занимавшиеся оказанием материальной помощи. Так, вскоре после Русско-японской войны, в сентябре 1906 г., возникла идея создания капитала для оказания материальной поддержки офицерам Генштаба⁶. В считавшемся передовым Варшавском военном округе генштабисты

¹ Кук А. О кризисе военно-научной мысли // Военная мысль (Ташкент). 1921. Кн. 3. Август — декабрь. С. 10–11.

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 139.

³ Черным духовенством именовали офицеров Генерального штаба по черному цвету приборного сукна.

⁴ Ткачев В. М. Крылья России: Воспоминания о прошлом русской военной авиации 1910–1917 гг. СПб., 2007. С. 462.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4694. Л. 1.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 2

создали подобный фонд за счет вычетов из жалованья¹. К тому же аналогичные фонды офицеров, не принадлежавших к Генеральному штабу, уже существовали в некоторых военных округах. В результате в 1911 г. путем добровольной подписки и ежемесячных денежных взносов был образован фонд взаимопомощи офицеров Генштаба для оказания единовременной материальной поддержки семьям офицеров, оставшимся без средств к существованию.

Материальное положение генштабистов варьировалось в зависимости от чинов и должностей. Разумеется, молодые генштабисты в обер-офицерских чинах жили достаточно скромно (младшие офицеры русской армии получали значительно меньше в сравнении со своими сверстниками из ведущих европейских армий). С другой стороны, нередко они еще оставались холостыми, поэтому крупных расходов и не требовалось. По мере карьерного роста доходы ощутимо возрастали (при этом с обзаведением семьей возрастали и расходы). Так, годовое жалованье штабс-капитанов на 1 июня 1907 г. составляло 780 руб., капитанов – 900 руб., подполковников – 1080 руб., полковников – 1200 руб., генерал-майоров – 1500 руб., генерал-лейтенантов – 1800 руб., полных генералов – 2100 руб.² Даже годовое жалованье штабс-капитанов примерно вдвое превышало годовой оклад учителей начальных школ. Месячная зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 руб. (средний заработок – 32 руб. и меньше³), служащего – 85,5 руб. Помимо этого офицерам полагались различные дополнительные выплаты и пособия, прежде всего столовые и квартирные. Практиковались и иные выплаты. Так, на обзаведение лошадью со всей сбруей в конце XIX – начале XX в. выдавалось 300 руб. Некоторые офицеры получали средства на прислугу в размере 10 руб. в месяц⁴.

Питаться, ни в чем себе не отказывая, можно было в пределах 55–60 руб. в месяц (завтрак в 1912 г. мог стоить 50 коп.). Снять комнату можно было за 25 руб. Пуд пшеничной муки стоил 2,5 руб., мешок картофеля – 1 руб., фунт мяса – 10–12 коп., бутылка водки – 30 коп., бутылка коньяка – 1,5 руб., пара ботинок – 5–8 руб., пара яловых сапог – 7 руб. В войну цены, разумеется, выросли. Дюжина лезвий для бритвы «Жилетт» стоила в 1915 г. около 2 руб. Пара простых сапог в 1916-м – 5 руб., шапка – 1 руб. 40 коп.

Б.М. Шапошников вспоминал, что молодым офицером получал 67 руб. жалованья, 9 руб. квартирных и по 30 коп. в сутки на караулы. Тратил он на обеды и ужины в месяц 12 руб., на квартиру 15 руб., на чай, сахар, табак, стирку – 10 руб., на обмундирование – 10 руб., на вычеты в батальон – 10–15 руб., на жалованье денщику – 3 руб., после чего оставалось 11–16 руб., а с прибавкой летних лагерных денег – до 20 руб.⁵ По его воспоминаниям, жизнь была достаточно скромной. По оценке исследователя истории морского офицерства К.Б. Назаренко, жалобы

¹ Там же. Л. 62.

² Там же. Л. 68боб. Подробнее см.: Малинко В. И., Голосов В. П. Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. 1.

³ Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 872 (Архив семьи Снесаревых). По данным на 1913 г., средняя месячная заработная плата промышленных рабочих составляла 24 руб. 20 коп. (Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 3. С. 767).

⁴ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 115.

⁵ Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 141.

⁶ Шапошников Б. М. Воспоминания. С. 100.

офицеров на скромную жизнь обусловлены не малым размером жалованья, а высокими стандартами потребления^I.

Благосостояние различалось и в зависимости от места службы. В провинции цены были ниже, чем в крупных городах. Кроме того, отсутствовала необходимость в демонстративном потреблении. В Петербурге жизнь была достаточно дорогой. Будущий генерал барон А.П. Будберг при выпуске из академии в 1895 г. вместо Петербургского военного округа выбрал Приамурский, хотя имел право остаться в столице, как второй в своем выпуске. Свои мотивы он объяснил начальнику академии следующим образом: «Для того, чтобы наслаждаться всеми благами и прелестями петербургской службы и жизни, были нужны большие денежные средства, каковых у меня совершенно не было, а я не желал завистливо смотреть на то, как живут другие, или же обратиться в почтовую лошадь и гонять по урокам и лекциям для добычи необходимых для петербургской жизни ресурсов»^{II}. Так, распространенным явлением в ГУГШ было то, что офицеры вынужденно подрабатывали преподаванием военных наук в петербургских военно-учебных заведениях^{III}.

Неплохо обеспечивались генштабисты, находившиеся в зарубежных командировках. Так, например, находившийся в заграничной командировке генерал Я.Г. Жилинский на май 1916 г. получал 2100 руб. годового жалованья, 3500 руб. столовых, 6040 руб. прибавочных, 360 руб. разъездных, 2330 руб. квартирных, а также по 500 руб. в месяц на представительство и суточные по 45 франков^{IV}. Итого 20 330 руб. и по 45 франков в сутки. Жалованье военного агента во Франции в январе 1916 г. составляло 2250 руб. в год, 5250 руб. столовых, 1800 руб. квартирных, 1050 руб. на служебные расходы, 750 руб. на разъезды. Итого 11 100 руб.^V

Командир корпуса в чине генерал-лейтенанта в 1917 г. получал 2472 руб. годового содержания, 5700 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 7300 руб. полевых порционных денег, 2400 руб. фуражных (учитывалось количество лошадей), 144 руб. на дрова для варки пищи. Итого 18 256 руб. Также выплачивалось 90 руб. на дрова для отопления и 20 руб. на освещение. Полный генерал получал жалованья на 468 руб. больше. Начальник штаба корпуса мог получать годовое жалованье в размере 2014 руб., 3000 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 3650 руб. полевых порционных, 900 руб. суточных дополнительно, 2280 руб. фуражных, 432 руб. на дрова. Итого 12 516 руб.^{VI}

Начальник штаба ополченческого корпуса, генерал-майор Генштаба, на ноябрь 1917 г. мог получать 1500 руб. жалованья, 3000 руб. столовых и 1034 руб. квартирных^{VII}. Начальник штаба пехотной дивизии, полковник Генштаба, в начале 1915 г. мог получать 1536 руб. жалованья, а всего 3718 руб. в год^{VIII}. Работник ГУГШ в чине полковника Генштаба в начале 1917 г. получал 1000 руб. оклада и столько же

^I Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 143.

^{II} Будберг А. П. Сибирские воспоминания. С. 122.

^{III} Кожевникова Г. В. Главное управление Генерального штаба... С. 33–34.

^{IV} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1351. Л. 29.

^V РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1353. Л. 9.

^{VI} Дневник А. Е. Снесарева. 1917 г. Л. 275 (Архив семьи Снесаревых).

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 211об.

^{VIII} РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4747. Л. 20.

столовых, а также 500 руб. квартирных. Всего 2500 руб. в год^I. Полковник Генштаба в 1917 г. мог получать и 2700 руб. столовых^{II}. Начальник Главного штаба А.П. Архангельский на январь 1918 г. получал 4000 руб. жалованья и 4000 руб. в год столовых^{III}. Капитан Генштаба на должности и.д. штаб-офицера для поручений при штабе армии в октябре 1915 г. получал 1080 руб. жалованья в год, 600 руб. столовых и 360 руб. добавочных^{IV}. И.д. помощника начальника оперативного отделения штаба армии получал 948 руб. в год, 600 руб. столовых, 480 руб. добавочных, полевые порции по 4 руб. в сутки и фуражные деньги на 2 лошадей^V. Младший штаб-офицер, окончивший академию до 1912 г., получал 600 руб.^{VI}

Слушателям ускоренных курсов Военной академии старались сохранять более высокое содержание, если они получали таковое ранее, а по новой должности их оклад мог уменьшиться. Начальник штаба военного округа, полковник Генштаба, мог получать в 1917 г. 1200 руб. оклада, 3000 руб. столовых и 500 руб. квартирных^{VII}. В июне 1918 г. на Кавказском фронте, где еще сохранялся дореволюционный уклад службы, и.д. помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего фронтом, подполковник Генштаба, получал от 900 до 1080 руб.^{VIII}

С конца XIX в. Николаевская академия Генерального штаба в полной мере являлась кузницей кадров военной элиты Российской империи. Ее выпускники получали основательную военно-теоретическую и практическую подготовку, расширяли кругозор, исследовали все области военного управления, совершенствовали знание иностранных языков, углубленно изучали военную историю, что давало пищу для сопоставлений и анализа текущих военных событий. Окончить академию было непросто даже способному офицеру. Выпускники комплектовали корпус офицеров Генерального штаба — закрытую элитную корпорацию внутри офицерского корпуса.

На генштабистов ложился широкий круг сложных обязанностей по организации и мобилизации армии, управлению войсками, подготовке к войне, оперативной работе, штабной службе, обеспечению армии в различных отношениях (вопросы разведки, связи, военных сообщений, организации тыла и снабжения, военной топографии, подготовки кадров и т.д.).

Представители Генерального штаба входили в состав элиты Российской империи и в конце XIX — начале XX в. оказывали все большее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Это была технократическая элита. Постепенно ее позиции в руководстве империи расширялись за счет вытеснения традиционной аристократической элиты. Это явление было неизбежным вследствие профессионализации военного дела. Способствовало этому также ускоренное прохождение генштабистами службы в сравнении с теми, кто не имел высшего военного

^I РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 145–351. Л. 12.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 106.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 45–45об.

^{IV} РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 47–157. Л. 1об.

^V РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 27об.

^{VI} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1382. Л. 11.

^{VII} РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 145–351. Л. 1об.

^{VIII} РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 163.

образования. Свою роль играл и высокий корпоративный дух генштабистов, которые старались поддерживать своих. Сплоченность генштабистов вызвала недовольство тех, кто не принадлежал к их корпорации. Некоторые генералы без высшего образования ко времени Первой мировой войны уже чувствовали себя на высоких постах не вполне комфортно, будучи окружены генштабистами, но общей тенденции это не меняло.

Генштабисты прочно заняли свое место в руководстве вооруженными силами как необходимые специалисты в сфере военного управления в мирное и военное время. Немаловажным был сам факт наличия у них высшего военного образования, высокий образовательный уровень, выделявший их среди массы офицерства и позволявший им квалифицированно решать существенно больший круг задач, чем их сослуживцам, не окончившим академию.

В то же время корпус офицеров Генерального штаба обладал серьезными недостатками. К ним можно отнести, прежде всего, карьеризм, отсутствие стремления к саморазвитию многих офицеров, оторванность от строевой службы. Ощутимым подтверждением высокого служебного статуса генштабистов помимо служебных преимуществ было и хорошее материальное обеспечение. Генштабисты, как и весь офицерский корпус, отличались аполитичностью, что в конечном счете отразилось на развитии страны, когда от генштабистов в связи с революционными событиями и Гражданской войной потребовались политические решения.

§ 2. Первая мировая война и кадры Генерального штаба

Неудачная для России Первая мировая война стала серьезной боевой школой для офицеров Генерального штаба. Приобретенные на фронтах знания и опыт генштабисты в дальнейшем применяли на полях Гражданской войны. Характер и продолжительность конфликта не были очевидны даже наиболее вдумчивым офицерам. К примеру, авторитетный в военных кругах генерал В.М. Драгомиров в период мобилизации 1914 г. утверждал, что война продлится лишь четыре месяца¹, а генштабисты Ставки, не представляя характер своей будущей службы, в начале войны обзавелись лошадьми и смазными сапогами², но это им не пригодилось.

В начале войны в качестве органа управления всеми сухопутными и морскими вооруженными силами была создана Ставка Верховного главнокомандующего. Она включала управления генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений и военно-морское. Генерал-квартирмейстер являлся ближайшим помощником начальника штаба по разработке военных операций, составлял соображения и расчеты группировки войск, готовил необходимые распоряжения, осуществлял руководство службами связи и разведки и координацию между ними. Дежурный генерал занимался вопросами укомплектования войск, сбором сведений о численности и довольствии вооруженных сил, вел переписку

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 1. С. 124.

² Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Минск, 2003. С. 390.

по вопросам личного состава, руководил казначейской и журнальной частями штаба. Начальник военных сообщений отвечал за эксплуатацию всех путей сообщения на театре военных действий. Начальник военно-морского управления занимался разработкой и передачей повелений Верховного главнокомандующего по вопросам флота.

Штаб главнокомандующего армиями фронта включал управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. В первое входили оперативное, разведывательное, общее, военно-цензурное и военно-топографическое отделения. Круг занятий работников этих отделений понятен из названий. Общее отделение занималось организацией службы связи с нижестоящими штабами и последних между собой; делопроизводством по личному составу офицеров Генштаба; подготовкой проектов приказов; заведовало имуществом управления генерал-квартирмейстера. В управление дежурного генерала входили инспекторское и общее отделения.

Штаб армии включал отделы генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и этапно-хозяйственный. В отдел генерал-квартирмейстера входили оперативное, разведывательное, общее и военно-цензурное отделения. Отдел дежурного генерала включал инспекторское и общее отделения.

Война породила острый дефицит квалифицированных штабных кадров. В 1914 г. была приостановлена подготовка кадров в Императорской Николаевской военной академии, что оказалось ошибочным решением. Слушателей отправили в части, где они, несмотря на проведенные в академии год или два, должны были нести строевую службу на передовой. В результате некоторые погибли, а их знания оказались не использованными. На фронт отправились и преподаватели. Прекращение учебного процесса усугубило нехватку специалистов и привело к необходимости в 1916 г., когда потребность в кадрах Генштаба стала особенно острой, возобновить учебную работу академии по сокращенной программе, разыскивать по всем фронтам и тылу преподавателей, а также подбирать слушателей на новых основаниях.

В годы войны специфика службы Генерального штаба претерпела изменения. Так, по мнению генерала В.Е. Борисова, в годы войны «Генеральный штаб [ушел] из штабов и перешел в войсковые начальники. Все высшие начальники или лишились содействия Генерального штаба, или стали получать чинов, прибывающих и скоро убывающих на новые должности, или суррогат Генерального штаба из войсковых офицеров, не служивших в штабах по специальности Генер[ального] штаба. За это, как потом выяснит история, мы поплатились очень... и войска стали страдать от безурядицы управления¹. Как отмечал В.В. Савинков, «Генеральному штабу можно было бы простить решительно все, вплоть до его беспардонного карьеризма, если бы он сумел подготовить и выиграть войну»².

С началом войны стали проявляться серьезные недостатки подготовки генштабистов³. Работа по подготовке к войне не всегда протекала в конструктивном русле и соответствовала знаниям и опыту офицеров. К примеру, генштабисты штаба

¹ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 81. Л. 63.

² Три брата (То, что было). С. 501.

³ Будберг А. П. Воспоминания о войне 1914–1917 гг. С. 603–604 // НИА. А. Р. Budberg collection. Box 1; Военный альбом генерала А. П. Будберга. Материалы к биографии. Воспоминания о войне. 1914–1917 / сост. И. В. Домнин. М., 2014. С. 117.

XVII армейского корпуса помимо заготовки карт театра военных действий собирали канцелярские товары (например, блокноты для записи приказов)^I.

Как справедливо отмечал генерал В.Н. фон Дрейер, «линия Генерального штаба нисколько не гарантировала ни от смерти на поле сражения, ни от ранения, ни от плена»^{II}. Офицеры русского Генерального штаба нередко несли службу не только в штабах, но и на передовой, рисковали жизнью. Своеобразная бравада риском на переднем крае была в традициях офицерского корпуса. Это подтверждает служба таких офицеров, как Л.Г. Корнилов, Е.К. Миллер, А.И. Деникин, С.Л. Марков и др.

О том, что генштабисты подвергали свою жизнь опасности на войне, а не отсиживались в штабах, свидетельствуют потери корпуса офицеров Генерального штаба убитыми и ранеными. По нашим подсчетам, за время Первой мировой войны (до 25 октября 1917 г.) погибли в боях, умерли от ран, были убиты солдатами или покончили с собой не менее 91 офицера Генштаба (или 6,4 % корпуса офицеров Генерального штаба на 1914 г.), всего же умерли в тот период, исключая жертв Гражданской войны, не менее 198 генштабистов^{III}. В плен попали более 56 офицеров.

Разумеется, сравнительно с общими колоссальными потерями кадрового офицерского состава процент потерь среди генштабистов был ничтожным. Обусловлено это, прежде всего, спецификой службы Генерального штаба, не всегда требовавшей присутствия офицеров на переднем крае. Как вспоминал выпускник академии П.П. Петров, «если бы я не был в академии и не был бы в штабах во время войны, а остался бы в роте хотя бы на полгода, то едва ли бы остался в живых... Штабы не застрахованы от опасностей... но все же это не то, что быть в стрелковой роте. И я был не раз в опасности, не раз под огнем, но не был даже ранен. Раз только под Гродно был забрызган грязью от разрыва гранаты вблизи. В плен же мог попасть раза три-четыре, такие были положения, что удивляешься, как выскользнул»^{IV}.

К концу 1914 г. стал очевиден дефицит кадров Генерального штаба, в связи с чем назрела необходимость перевода в Генеральный штаб ранее причисленных офицеров. Вопрос решался ограниченно, в рамках бюрократической казуистики старой России. 16 ноября 1914 г. для пополнения убыли в Генеральный штаб был переведен выпуск академии 1912 г., подлежавший переводу 1 января 1915 г.^V Однако эта мера проблему не решила. Следующим источником пополнения кадров были причисленные к Генштабу офицеры выпуска 1913 г. Сокращая дефицит кадров, эти пополнения порождали противоречия в кругу генштабистов, сохранявшиеся долгие годы. Например, генерал В.А. Замбржицкий осенью 1918 г. писал о своем сослуживце по Донской армии белых полковнике Г.С. Рытикове: «Если ему дать еще генеральский чин, то он и совсем развернется во всю ширь, а ведь ему еще и поучиться, или, вернее, доучиться нужно – он ведь не закончил академии Генерального штаба полностью, а лишь прошел два курса, как его захватила

^I Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 25.

^{II} Дрейер В. Н., фон. На закате империи. С. 185.

^{III} Составленный нами мартиролог см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 795–804. В итоговый подсчет внесены уточнения.

^{IV} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 56.

^V РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4748. Л. 1.

война»^I. Последовавшее позднее открытие ускоренных курсов академии усугубило противоречия в корпорации Генерального штаба.

Многие генштабисты работали с большим перенапряжением. Начальник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов вспоминал: «Я привык работать ежедневно не менее 14 часов; часто же случалось работать непрерывно в течение 3–4 и более недель по 16 и даже по 18 часов в сутки»^{II}.

Условием получения генштабистами чина генерал-майора являлось ценовое командование полком^{III}. Однако временные назначения генштабистов командирами полков усугубляли и без того острый кадровый голод. Вместе с тем командиры пехотных полков из гвардейских батальонных командиров и офицеров Генерального штаба на войне проявили высокую инициативность, внимание к организации разведки и службы связи^{IV}. Множество офицеров Генштаба занимали строевые должности командиров полков и бригад, начальников дивизий и командиров корпусов. Числились они и в тылу. Возглавить корпус генштабист мог, предварительно выслужив цензы начальника штаба корпуса и начальника дивизии.

Ставка категорически требовала не назначать на генеральские должности Генштаба лиц, не прошедших через штабы дивизий. Больше двух отказов от предложенного назначения не допускалось, а в третий раз назначение проводилось Ставкой без предварительного запроса^V.

Генерал-адъютант В.М. Безобразов записал в дневнике 18 октября 1917 г.: «За эту войну наш русский Генеральный штаб оказался не на высоте современных военных требований, как и в прошлую несчастную Маньчжурскую войну. Причин много, главные заключаются, во-первых, в том, что большинство офицеров поступают в академию не по призванию, а идут из-за материальных обеспечений, связанных со штабной службой, причем некоторые принуждены покинуть свои части под давлением общества офицеров, как не соответствующие в нравственном отношении. Во-вторых, дальнейшее прохождение службы офицеров Генерального штаба вырабатывает не опытных начальников, а односторонних военных чиновников, так как до получения полка они только и делают, что переходят с одного табурета на другой, приобретая строевой ценз без пользы для себя и расстраивая строевую часть. Примеров у меня много; из них я назову генерала М.В. Алексеева, графа Г.И. Ностиц[а] и большинство старших чинов Генерального штаба»^{VI}.

Генерал А.П. Будберг с горечью писал: «Сказывались недостатки подготовки нашего корпуса Генерального штаба к исполнению его специальных обязанностей во время войны и отсутствие должного выбора для назначения на должности генерал-квартирмейстеров и старших адъютантов оперативных отделений, а также и соответственной тренировки этих ответственных персонажей боевого управления армиями»^{VII}. Генерал отмечал, что «видел потом работу трех генерал-

^I ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 54об.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 209об.

^{III} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1328. Л. 15–15об.

^{IV} Смирнов А. А. Рец.: И. Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914–1918 гг. Рязань, 2010 // Русский сборник (Москва). 2012. Т. 13. С. 448.

^V РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 343. Л. 415.

^{VI} МРК. Коллекция К. В. Семчевского. Box 2. Folder 19. Л. 45–46.

^{VII} Будберг А. П. Воспоминания о войне 1914–1917 гг. С. 130–131 // НИА. А. Р. Budberg collection. Box 1.

квартирмейстеров, сам был таковым, очень близко и чувствительно соприкасался с результатами профессиональной работы наших оперативных инстанций, и все мной виденное и испытанное дало мне право утверждать, что оперативные отделы находились в руках военных дилетантов, в огромном большинстве очень работоспособных, очень добросовестных, но неполно и недостаточно подготовленных к исполнению именно этих-то обязанностей. Это была не их вина^I. Подполковник А.И. Верховский в дневниковой записи от 31 декабря 1916 г. отметил, что к 1916 г. «одно в нашей армии осталось по-старому: большая часть старшего командного состава все же была не на высоте требований войны, и эта одна причина... не дала нашей армии возможности... закончить войну блестящей победой. Заменить же эту часть старшего командного состава другим невозможно, так как подбор его определяется не в армии, а в тылу, всей внутренней политикой страны»^{II}.

Генерал М.И. Пестржецкий отмечал засилье рутины и отсутствие прагматического взгляда на назначения высшего командного состава в Ставке^{III}. По оценке генерала А.М. Зайончковского, «обращая большое внимание на обучение войск и на усовершенствование младшего командного состава, русский Генеральный штаб совершенно игнорировал подбор и подготовку старшего командного состава: назначение лиц, просидевших всю жизнь после окончания академии на административном кресле, сразу на должность начальника дивизии и командира корпуса было не редкостью. Генеральный штаб был оторван от войск, ограничивая в большинстве случаев свое знакомство с ними кратким цензовым командованием... В результате русский порыв вперед был беспочвен и неумел, дивизии и корпуса медленно ходили на театре военных действий, не умели совершать в больших массах марши-маневры... В общем русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами»^{IV}. Думается, эту оценку не опровергает утверждение о том, что Зайончковский подобными критическими отзывами о старой армии стремился выслужиться перед большевиками^V.

О плохой подготовленности начальников дивизий и командиров корпусов к крупным операциям в Первую мировую войну вспоминал в эмиграции ставший генералом в рядах Белого движения П.П. Петров. Петров отмечал «чрезмерную их впечатлительность к донесениям и докладам, быструю потерю духа, иногда растерянность и оставление войск без твердого руководства на усмотрение командиров частей... Мы, молодые генштабисты, сначала смотрели на старших, конечно, ожидая приказаний, руководства, инструкций. Очень скоро увидели, что очень много надо делать самим, добиваясь только санкций, одобрения. Из начальников дивизий было много таких, которые все предоставляли на усмотрение начальников штабов, ничем не выявляя себя, а иногда даже затрудняя положение»^{VI}. Возможно, сказался конфликт поколений генштабистов, а быть может,

^I Ibid. С. 131.

^{II} Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918. С. 64.

^{III} Пестржецкий М. И. Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011. С. 224.

^{IV} Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 13–15.

^V Смирнов А. А. Рец.: И. Н. Гребенкин. Русский офицер... С. 423.

^{VI} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 58–59.

такие проявления оказались следствием реформ в академии, осуществленных перед войной и позволивших выпустить более квалифицированных генштабистов.

По свидетельству генерала А.Е. Снесарева, некоторые начальники дивизий не бывали на передовой по полгода, причем отдельные командиры не могли это делать по состоянию здоровья^I.

Генерал А.П. Будберг критически отзывался об офицерах Генерального штаба: «В отделе чисто профессиональной подготовки нашей армии к войне самым кардинальным недостатком, обусловившим невозможность надлежащего использования превосходнейших качеств ее личного состава, надо считать несоответствие подготовки нашего старшего командного состава и корпуса офицеров Генерального штаба к надлежащему исполнению их обязанностей во время войны в том объеме, духе и характере, каковые при этом требовались»^{II}.

Жесткую оценку военного руководства, отвечавшего за организацию разведки, дал К.К. Звонарев: «Военные вершители судеб царской России в деле организации и руководства разведкой не сумели подняться выше мелких дрызг и склок. Бесконечные планы, проекты, споры, бесконечная критика друг друга и подсиживание – вот сущность деятельности царских генштабистов в области агентурной разведки»^{III}. Очевидно, такой подход не мог не распространяться и на другие военные вопросы. Генерал А.И. Деникин справедливо писал: «Характерными чертами нашего старшего генералитета являлись недостаток дисциплины в области соподчиненных отношений или слишком явная подчас рознь. Качества эти давали себя знать во время войны в особенности»^{IV}. Это наблюдение будущего вождя Белого движения оказалось справедливым и в отношении других поколений генералитета, не исключая и тех, кто получил генеральские чины уже в годы Гражданской войны в рядах белых. В конечном счете, эта особенность стала одной из причин неудачи Белого движения. Отторжение в офицерской среде вызывало присущее генштабистам стремление выслужиться, привычка отдельных лиц к роли «моментов» и «фазанов» на передовой – т.е. случайных людей, приезжавших на фронт исключительно ради боевых наград.

Одним из узких мест русской армии после реформ Д.А. Милютин были вопросы управления крупными массами войск в боевых условиях и военного планирования. Если в административно-хозяйственном отношении система функционировала в целом успешно, то в оперативном наблюдался глубокий кризис, при котором за частностями военное руководство утрачивало видение главного. Характерной чертой системы управления русской армией стало отсутствие единства действий командного состава, а также системности в военном планировании. Типичными явлениями в этой связи были создание импровизированных штабов и отрядомания, когда вместо использования отлаженных штатных корпусных и дивизионных структур создавались временные сборные отряды для решения конкретных задач (посредством выдергивания из сложившихся частей и соединений боевых единиц, до отделений включительно), что, однако, вело к колоссальной

^I Снесарев А. Е. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 522.

^{II} Будберг А. П. Наша неготовность к войне // МРК. Коллекция А. П. Будберга.

^{III} Звонарев К. К. Агентурная разведка: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 294.

^{IV} Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 111–112.

путанице, развалу системы связи и дезорганизации управления войсками¹. Все эти недостатки отчетливо проявились еще во время Русско-японской войны, но так и не были преодолены вплоть до революции. По оценке генерала Н.Н. Головина, к началу Первой мировой войны русская армия была великолепно подготовлена до дивизионного уровня, а в некоторых случаях и до корпусного, однако высшие объединения не были удовлетворительны, а стратегическое мышление Генерального штаба отличалось схоластичностью².

Как неспособные военачальники получили известность генералы-генштабисты Я.Г. Жилинский, А.Н. Куропаткин, П.К. Ренненкампф, Н.В. Рузский, А.В. Самсонов, Н.Н. Янушкевич. Последнего критиковали и за отсутствие боевого опыта, которое не помешало ему достичь высших военно-административных постов, включая должность начальника Генерального штаба (в войну — начальника штаба Верховного главнокомандующего)³. Вместе с тем в качестве талантливых военачальников и военных администраторов выделились такие выпускники академии, как генералы М.В. Алексеев, П.Н. Врангель, А.И. Деникин, А.М. Каледин, В.И. Селивачев, В.Е. Флуг, Н.Н. Юденич. Проблемой поздней Российской империи было то, что практический опыт не становился основой для отсева негодных элементов военной элиты.

Военная повседневность генштабистов ярко освещена в мемуарах А.В. Черныша. Офицер вспоминал: «За время Великой войны мне пришлось служить в штабе корпуса (2 года), в штабе армии (1 год) и в штабе дивизии (полгода). Служба и жизнь в штабе корпуса оставили у меня самое приятное воспоминание. В штабе армии обстановка службы и жизни уж слишком как-то приближалась к таковым мирного времени. Война, боевое положение слабо чувствовались. Жизнь — с комфортом, часто по частным квартирам, как в мирное время, иногда даже семейно. Никаких выстрелов, хотя бы в виде эха отдаленных боев, за целый год пребывания в штабе армии я почти не слышал. Служба чиновничья по преимуществу, присутственные часы и прочая скука. Офицерство как-то уединялось по своим “отделениям” и замыкалось в них. Не чувствовалось товарищеской спайки, дружбы.

В штабе дивизии — малолюдье. Генерального штаба 2 человека всего. Работы всегда почти сверх меры, от нее просто в голове иногда звенит. Начальник штаба — это мученик нескончаемой работы, бессменный часовой, вол, невыпрягаемый. В период боев часто хаотическая необъятность непосредственных и посредственных боевых впечатлений, сваливающихся на одну, много на две головы, которые должны разбираться в них. Терзают со всех сторон, доводят нервы до крайнего напряжения и вообще до очумелого состояния.

Никаких этих крайностей нет в штабе корпуса»⁴.

Слаженные штабы функционировали не везде. Абсурдный характер использования многих высококвалифицированных офицеров-генштабистов виден из частного

¹ Свидетельство участника событий на этот счет см.: Экк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014. С. 261. Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64–82; Еро же. На пути к краху. С. 305, 308, 316.

² Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 44.

³ См., напр.: Рерберг Ф. П. Все в прошлом. С. 297–298.

⁴ Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 126–127.

письма одного из них товарищу в январе 1916 г.: «Твой покорный слуга, проучившийся на казенный счет $8 + 3 + 3 = 14$ лет и получивший высшее образование, на должности штаб-офицера ведет журналы входящий и исходящий; мой приятель — капитан Генерального штаба — тоже; тот ведает секретными ключами... Кажется, однажды, еще будучи в штабе 5-й армии, я писал тебе, что у нас существуют четыре отделения: 1) регистрационное (оперативное, ведающее учетом бумаг), 2) компилятивное (разведывательное, делающее сводку сведений низших штабов), 3) почтовое (общее, где важнее и лучше иметь телеграфных чиновников, больше понимающих в “утечке, скрешивании” и пр.) и 4) гуляющее (цензурное, в котором нет ни одной дельной бумаги или, во всяком случае, такой, которую мог бы решить только офицер Генерального штаба). Вопрос этот и доныне еще не разрешен, по-моему, в нужной форме»^I.

Служивший в штабе X армейского корпуса штабс-капитан К.И. Рябцев (выпуск 1912 г.) писал родным с фронта в августе и сентябре 1914 г.: «Штабы всегда штабы. И как в них все скверно, какая грязь, интриги и погоня за наградами»^{II}. «Штаб наш многочисленный; обедает не меньше 25 человек, когда же надо делать, то не оказывается более 6»^{III}.

Акцентируя внимание на отрицательных сторонах поведения генштабистов во время войны, к их корпоративной чести взывал начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев в циркулярном письме начальникам фронтовых и армейских штабов от 25 января 1916 г.: «В последнее время учащаются ходатайства о назначении офицеров Генерального штаба на такие должности, которые имеют или только косвенное, или не имеют даже никакого отношения к службе Генерального штаба, но представляются выгодными с личной точки зрения. Замечается стремление офицеров Генерального штаба перейти в другие отрасли службы, не имеющие никакого отношения к специальной службе Генерального штаба: в бригадные командиры, в авиаторы, в партизаны, губернаторы, директора корпусов и т. д.

Между тем некомплект офицеров Генерального штаба вследствие новых формирований и убыли дошел до того предела, когда расходовать офицеров Генерального штаба не по прямому их назначению невозможно, так как их не хватает даже для выполнения важной в боевом отношении специальной службы Генерального штаба.

Прошу Вас сделать распоряжение поставить офицеров^{IV} Генерального штаба в известность, что в настоящее тяжелое для Родины время, когда каждый гражданин по чувству долга идет защищать Царя и Родину, не щадя живота своего, бросив все свои личные дела, офицер Генерального штаба должен в особенности быть проникнутым чувством долга принести своей Родине все силы и знание в той именно деятельности, в которой государство его готовило в мирное время в течение многих годов и в которой он как специалист может принести больше пользы общему делу. Этого требует честь той корпорации, к которой все мы

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1353. Л. 33–33об.

^{II} Письма с фронта полковника К. И. Рябцева 1914–1917 / публ. И. Л. Журавской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2016. Т. 22. С. 562.

^{III} Там же. С. 560.

^{IV} В документе — офицерам.

принадлежим и к которой мы не имеем права относиться лишь с точки зрения личных выгод и удобств. Подписал уважающий Вас М. Алексеев»^I.

В годы войны центральные органы военного управления нередко оказывались не на высоте своего положения, а их сотрудники порой занимались бессмысленной работой. Так, например, по свидетельству одного из работников германского делопроизводства ГУГШ, сотрудники учреждения тратили до 10 часов работы из 14 на редактирование «Высочайшей сводки»^{II}. «Сводка нас давила, душила и угнетала», из-за нее откладывались даже срочные вопросы^{III}. Как отмечал сам мемуарист, впрочем, резко критически настроенный, «работа в Генштабе... все больше и больше открывала мне глаза на безнадежную гнилость русской социально-политической машины»^{IV}. В другом месте аналогичная оценка: «Одно было совершенно очевидно, что социально-политический распад России развивается с ужасающей быстротой. И одним из самых ярких симптомов того распада была деятельность Генштаба»^V. Сам мемуарист не принадлежал к офицерам Генштаба, а выступал как сторонний наблюдатель. В ГУГШ процветали канцелярищина и бюрократизм, сочетавшиеся с безразличием ко многим серьезным вопросам, но традиции оставались превыше всего: «Спортивная вежливость и лозунг “моя хата с краю” стояли незыблемо»^{VI}.

Мемуарист резюмировал: «Я пришел к убеждению, что виною смертельной болезни мозга армии были не чины Генштаба, а система. Среди сотен офицеров Генштаба всевозможных рангов был сравнительно большой процент способных, честных, дельных, а подчас и талантливых людей. Были даже образованные. Но все они покорялись системе начальственного гнета и интереса минуты, которую ввели и довели до высшего расцвета “поденщики власти” царствования Николая II. [Сознавая] необходимость делать карьеру путем безграничной угодливости и приспособляемости, доведенной до степени паразитизма, и бороться за свое существование, путаясь в бесчисленных петлях обширной сети интриг, которая отходила от подножия трона и распространялась на всю административную машину, офицеры Генштаба растлевались. Масса ценных сил гибла зря. Система в лучшем случае обезличивала людей и притупляла их сознание долга и ответственности»^{VII}. По его мнению, «если бы за Генштабом осталась руководящая роль, то война с Германией не протянулась бы и года»^{VIII}. Однако по заслуживающему большего внимания суждению генерал-майора П. П. Петрова, «наше командование страдало от отсутствием опыта в руководстве армиями на театре военных действий, особенно в начале войны»^{IX}. На должности начальников второочередных дивизий, по свидетельству Петрова, устраивали генералов лишь для того, чтобы их куда-либо пристроить, а не в соответствии с квалификацией, «поэтому получались на этой весьма

^I РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 343. Л. 468–468об.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 44.

^{III} Там же. Л. 46.

^{IV} Там же. Л. 62.

^V Там же. Л. 67.

^{VI} Там же.

^{VII} Там же. Л. 91.

^{VIII} Там же. Л. 96.

^{IX} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 323.

важной должности иногда фигуры просто жалкие и никчемные. Старались им дать опытных начальников штабов, но здесь тоже часто ошибались»^I.

Вопрос о принципах выдвижения офицеров Генерального штаба на высшие руководящие посты вызывал много споров. Капитан К.И. Рябцев весной 1915 г. писал родным: «Пока система сверху останется прежняя, то по существу будет все то же самое... талантов пока у нас нет. Т.е., может быть, они и есть, но их не выдвигают... Выдвижение и все прочее совершается отнюдь не по заслугам и способностям: во всем и всюду – личные счеты, протекции. А начинать надо с верхов, низы ни при чем. Низы работают и зачастую работают прекрасно, но “рыба гниет с головы”»^{II}.

Статистические данные о кадрах Генштаба на 1917 г. имеют некоторые расхождения. По данным ГУГШ на 3 января 1917 г., распределение кадров Генерального штаба было следующим (табл. 4).

Таблица 4

Распределение кадров Генерального штаба к 3 января 1917 г.^{III}

По чинам	Всего	На театре военных действий (на фронте и в ближнем тылу)	Внутри империи (в глубоком тылу), военные агенты	В плену
Полных генералов (в том числе 2 великих князя, 7 генерал-адъютантов, 6 лиц, бывших министрами, 13 членов Государственного совета)	98	52	44	2
Генерал-лейтенантов	183	133	44	6
Генерал-майоров	349	280	61	8
Полковников	401	327	60	14
Подполковников	201	189	8	4
Капитанов и штабс-капитанов	253	233	5	15
Причисленных к Генеральному штабу обер-офицеров	26	19	0	7
Итого	1511	1233	222	56
%	100	81,6	14,7	3,7

Сделаем уточнение, что по подсчетам современных исследований всего в плен за время войны попали 24 генерала-генштабиста (погибли 12 генералов-генштабистов)^{IV}.

По официальным данным «Списка Генерального штаба» кадры распределялись следующим образом (табл. 5).

^I Там же. С. 283.

^{II} Письма с фронта полковника К. И. Рябцева 1914–1917. С. 622.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 66.

^{IV} Гуцин Ф. А. Жертвы стальных гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. 1914–1917. М., 2020. С. 435.

Таблица 5

Распределение кадров Генерального штаба к 8 февраля 1917 г.¹

По чинам	Всего	По чинам	Всего
Полных генералов	100	Капитанов	235
Генерал-лейтенантов	180	Штабс-капитанов	5
Генерал-майоров	345	Причисленных к Генеральному штабу	19
Полковников	388	Итого	1471
Подполковников	199	Находящихся в плену или пропавших без вести	56

Исходя из численности действующей армии на январь 1917 г. в 6,9 млн человек², один генштабист приходился примерно на 4,5 тыс. нижних чинов, что, конечно, нельзя признать удовлетворительным показателем. Если же исходить из общей численности мобилизованных в армию за время войны (свыше 15 млн человек), то один генштабист в России приходился приблизительно на 10 тыс. солдат.

По должностям распределение было следующим (табл. 6).

Таблица 6

Распределение кадров Генерального штаба по должностям к 3 января 1917 г.³

Чины	Всего на фронте	Главнокомандующие фронтами	Командующие армиями	Командиры корпусов	Начальники дивизий и отдельных бригад, коменданты крепостей	Командиры неотдельных бригад и полков	Главные начальники военных округов на театре военных действий и генерал-губернаторы	На штатных штабных и тыловых должностях по штабам Полевого управления войск в военное время	В резерве чинов, в распоряжении старших начальников и для поручений
Полные генералы	52	4	10	20			3	7	8
Генерал-лейтенанты	133			27	63		4	22	17
Генерал-майоры	280				49	13		202	16
Полковники	327				2	152		161	12
Подполковники	189							188	1
Капитаны и штабс-капитаны	233							233	
Причисленные к Генеральному штабу обер-офицеры	19							19	
Итого	1233	4	10	47	114	165	7	832	54

¹ Подсчитано по: Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 года (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917.

² Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 166.

³ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.

По другим данным, к началу 1917 г. распределение и некомплект кадров Генштаба были следующими (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение генштабистов по штатным должностям
Действующей армии. Начало 1917 г.¹**

Штатные должности		Замещены офицерами Генштаба и причисленными к Генштабу	Офицеров Генштаба не хватает для замещения (в квадратных скобках некомплект офицеров Генштаба и причисленных)
Генеральские	367	284	[83] 123 – 33 %
Штаб-офицерские	407	296	[111] 21 – 52 %
Обер-офицерские	555	185	[370] 370 – 67 %

Согласно этим выкладкам, к началу 1917 г. армия нуждалась в 1329 офицерах Генерального штаба, тогда как генштабистов и причисленных насчитывалось только 765. Некомплект составлял 564 офицера, или 42,4%. Впрочем, по этим же данным непосредственно офицеров Генштаба требовалось больше – 704 офицера.

По сведениям на 23 апреля 1917 г., в армии имелось 297 штабов дивизий и бригад (243 штаба пехотных дивизий и бригад, 54 штаба кавалерийских дивизий и бригад), 76 корпусных штабов.

В связи с прекращением в 1914 г. подготовки кадров Генерального штаба в Императорской Николаевской военной академии, развертыванием армии, чинопроизводством и назначениями генштабистов командирами полков, а также потерями возникла катастрофическая нехватка кадров. В мае 1916 г. уже около 50% должностей старших адъютантов дивизионных штабов замещали негенштабисты, начальниками штабов дивизий становились капитаны, не пробывшие в обер-офицерских чинах достаточно времени. Постепенно генштабистов не оставалось и на обер-офицерских должностях в корпусном звене. Некомплект офицеров Генерального штаба составлял не менее 210 человек и постепенно возрастал. В частности, на май 1916 г. на Западном фронте почти нигде в корпусах на обер-офицерских должностях для поручений не осталось офицеров Генерального штаба².

Некомплект генштабистов на младших должностях повлек различные попытки его преодоления как посредством изменений правил прохождения службы Генерального штаба, так и путем подготовки новых кадров Генерального штаба. Одним из способов решения проблемы стали массовые причисления к Генштабу и переводы в него ранее обучавшихся офицеров. В 1915 г. были досрочно переведены в Генеральный штаб ранее причисленные к Генштабу офицеры выпусков 1912–1914 гг., причислены и переведены в Генеральный штаб обер-офицеры, окончившие академию по 2-му разряду в 1912–1914 гг., причислены к Генеральному штабу офицеры, переведенные на дополнительный курс академии в 1914 г. (т.е. окончившие два класса, они считались выпуском 1915 г.³). Обязательное для штаб-офицеров Генштаба двухгодичное командование полком сокращено до годичного.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 61.

² РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 343. Л. 522.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1280. Л. 18, 39.

Тем не менее до начала массовой ускоренной подготовки кадров решить проблему не удавалось.

В итоге в конце 1916 г. были открыты ускоренные курсы Императорской Николаевской военной академии, на которых по сокращенной программе готовили офицеров для младших должностей Генштаба. Появление сотен генштабистов военного времени в лице курсовиков существенно изменило облик корпорации Генштаба, внеся в нее демократическую струю и сделав состав кадров Генштаба менее однородным. Вместе с тем это создавало почву для поколенческих и квалификационных конфликтов, которые особенно ярко проявились в годы Гражданской войны.

По данным на август 1917 г., в корпусе офицеров Генерального штаба значилось 1226 офицеров следующих категорий (табл. 8).

Таблица 8

Корпус офицеров Генерального штаба в августе 1917 г.¹

Категория	Количество	Категория	Количество
Генералы	152	Курсовики 1-й очереди	222
Штаб-офицеры	365	Курсовики 2-й очереди	185
Обер-офицеры	212	Прочие	12
Причисленные	78	Итого	1226

Таким образом, к августу 1917 г. на должностях Генерального штаба в действующей армии значились уже 407 курсовиков 1-й и 2-й очередей, что составляло треть всех должностей. Эти офицеры в массовом порядке замещали обер-офицерские должности Генерального штаба (к 30 ноября 1917 г. 320 выпускников курсов замещали более 90% обер-офицерских должностей Генерального штаба^{II}). Однако проблема дефицита кадров сохранялась и к концу 1917 г., поэтому осенью 1917 г. были открыты курсы 3-й очереди. В конце октября 1917 г. выпускников курсов 1-й очереди из-за нехватки специалистов назначали уже на штаб-офицерские должности^{III}.

Данные о замещении должностей Генерального штаба на август 1917 г. следующие (табл. 9).

Таблица 9

Замещение должностей Генерального штаба в августе 1917 г.^{IV}

Должности	По штату	Замещено	Вакантно
Генеральские	216	179	37
Штаб-офицерские	529	457	72
Обер-офицерские	485	421	64
Всего	1230	1057	173

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 145. Применительно к численности курсовиков, по всей видимости, речь идет о замещенных ими должностях Генштаба.

^{II} Подсчитано по: Кавтарадзе А. Г. Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40–43.

^{III} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 199.

^{IV} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 145.

Вне действующей армии находились 17 военных агентов, 3 офицера канцелярии Военного министерства, 30 офицеров ГУГШ, 11 офицеров в Николаевской военной академии, офицер в Управлении воздушного флота, 9 офицеров в Московском, Казанском, Иркутском и Приамурском военных округах. Вакантны были 140 должностей Генерального штаба и 77 должностей, могущих быть замещенными офицерами Генерального штаба. В распоряжении начальника Генерального штаба по болезни или за ранами находились 27 офицеров, включая 16 офицеров на должностях. Ожидали назначения в действующую армию 5 офицеров, и в резерве внутренних округов числились 8. Кроме того, офицеры Генерального штаба и служившие в Генштабе занимали 12 должностей начальников училищ, 2 должности инспекторов классов, 4 должности директоров кадетских корпусов, 7 должностей геодезистов, 8 офицеров состояли в распоряжении военного министра, 1 – в распоряжении Временного правительства, 4 – в составе органов правительства. В общей сложности имелась 1071 должность для занятия офицерами Генерального штаба в действующей армии и 159 должностей, на которых они могли бы быть. При этом в армии находились 807 офицеров Генерального штаба и 460 курсовиков. Вне действующей армии насчитывалось 126 офицеров Генерального штаба, а должностей для замещения ими – 211.

Об определяющей роли кадров Генштаба в высшем управлении вооруженными силами России в годы Первой мировой войны нагляднее всего свидетельствует статистика. Академию окончили 50 % Верховных главнокомандующих вооруженными силами России периода войны (великий князь Николай Николаевич-младший, М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, Н. Н. Духонин), все начальники штаба Верховного главнокомандующего (Н. Н. Янушкевич, М. В. Алексеев, В. И. Гурко, В. Н. Клембовский, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, Н. Н. Духонин, М. К. Дитерихс, М. Д. Бонч-Бруевич, С. И. Кулешин, М. М. Загю), все военные министры до Февральской революции (В. А. Сухомлинов, А. А. Поливанов, Д. С. Шуваев, М. А. Беляев; затем этот пост стал политическим), все начальники Главного штаба (Н. П. Михневич, В. Н. Минут, А. П. Архангельский), 91,7 % главнокомандующих фронтами (не имели академического образования А. А. Брусилов и Н. И. Иванов), 82,9 % командующих армиями (до ноября 1917 г.). Из 24 членов Военного совета, высшего совещательного органа для обсуждения военного законодательства, на февраль 1917 г. академию окончили 17 человек¹. В этой связи вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что в поздней Российской империи режим не мог найти места для военных профессионалов и это порождало конфликт между гражданскими и военными¹¹¹.

По данным на август 1917 г., генштабисты занимали следующие позиции в командном составе (табл. 10).

¹ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 99; Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 783–787; Mayzel M. Generals and Revolutionaries... P. 41. Внесены уточнения.

¹¹¹ Сенин А. С. Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М., 2017. С. 72.

¹¹¹ Fuller W. C., Jr. Civil-Military Conflict... P. 263.

Офицеры Генерального штаба на командных постах в августе 1917 г.

Должность	% офицеров Генерального штаба
Главкомандующие фронтами	100
Командующие армиями	99
Командиры корпусов	53
Начальники дивизий	36

В 1917 г. были причислены к Генштабу 84 выпускника старшего класса 1-й очереди ускоренных курсов академии, 81 из них был 14 сентября 1917 г. переведен в Генштаб. Ряд офицеров умерли или погибли, часть была уволена из армии. По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, к 25 октября 1917 г. в корпусе офицеров Генерального штаба должны были состоять 1494 офицера, однако исследователь взял за исходные данные ошибочно подсчитанные сведения по списку Генштаба на начало 1917 г. При уточнении этих показателей цифра составит 1437 офицеров, что примерно соответствует общему количеству лиц, числящихся по Генштабу, из приказа по Главному штабу № 38 от 24 ноября 1917 г. (1459 офицеров)^I.

Рассмотрим возрастную структуру выпускников академии – участников Гражданской войны на 1917 г., чьи годы рождения известны (табл. 11).

Таблица 11

**Возрастная структура выпускников академии –
участников Гражданской войны на 1917 г.^{II}**

Возраст	Выпускники довоенной академии	Курсовики
20–25	0	110
26–30	61	281
31–35	302	153
36–40	350	31
41–50	697	3
51–60	283	1
61–70	59	0
71–80	3	0

Возраст выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне, существенно различался. По материалам нашей базы данных, самый старый генштабист, из участвовавших в войне, бывший генерал Н.Д. Артамонов (в 1918 г. числился в РККА), родился в 1840 г. В антибольшевистских армиях самым старым генштабистом был генерал барон А.В. Каульбарс, 1844 г. рождения. К 1918 г. Артамонову было 77 лет, Каульбарсу – 73 года. Самыми молодыми были выпускники ускоренных курсов. Выпускники курсов 4-й очереди в Томске в 1919 г. были представлены офицерами вплоть до 1897 г. рождения.

^I Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 186.

^{II} Подсчет выполнен по нашей базе данных с учетом выпусков ускоренных курсов академии до 1919 г. включительно.

Диаграмма годов рождения выпускников и слушателей академии, участвовавших в Гражданской войне, выглядит следующим образом (рис. 1).

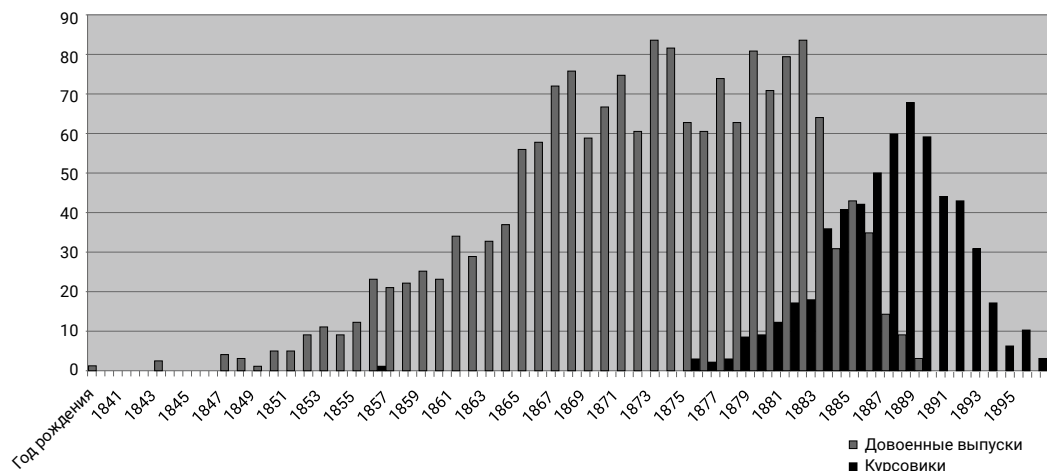

Рисунок 1. Диаграмма годов рождения выпускников и слушателей академии, участвовавших в Гражданской войне

Как видно, основная масса выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне, была представлена офицерами, родившимися в период 1860–1890 гг., причем при подсчетах по десятилетиям наиболее значительный процент составляли родившиеся в 1880-х гг., которым к 1918 г. было от 28 до 38 лет. Из таблицы 11 особенно заметна разница в возрасте курсовиков и выпускников академии мирного времени.

Первая мировая война, превратившаяся в противостояние вооруженных народов, неизбежно вела к обвальному падению образовательного уровня офицерского корпуса. К октябрю 1917 г. в русской армии насчитывалось от 307 до 320 тыс. офицеров, среди которых до 260 тыс. составляли офицеры военного времени (многие представители этой категории впервые взяли в руки оружие лишь в годы войны)¹. Всего в годы войны кадровыми офицерами могли считаться 65,4 тыс. человек. Уровень образования и подготовки офицеров военного времени в массе своей был невысок. В чем-то схожие тенденции коснулись и Генерального штаба. Колоссальный рост численности армии и офицерского корпуса приводил к тому, что «академики» попросту растворялись в массе командного состава. Напомним, что на апрель 1914 г. из 1574 генералов академию окончили 56,8%². Если принять во внимание, что к январю 1917 г. генералов-генштабистов было 630 человек, а всего по самым общим подсчетам в годы Первой мировой войны генеральские погоны носили около 3500 человек³, получается, что генштабисты в русском генералитете к концу

¹ Буравченков А. О. Офіцерський корпус російської армії в роки Першої світової війни. Київ, 2011. С. 72; Волков С. В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института (Москва). 2011. Вып. 1 (38). С. 115. Подсчеты С. В. Волкова как завышенные оспаривает К. Б. Назаренко (Назаренко К. Б. Закат царского флота. С. 130–132).

² Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 33. Данные уточнены. По сведениям Дж. Стейнберга, 34 % (Steinberg J. W. All the Tsar's Men. P. 282).

³ Гущин Ф. А. Жертвы сталинских гроз. С. 442, 514.

войны составляли порядка 18 %. Таким образом, процент генералитета с академическим образованием за военные годы упал примерно втрое, откатившись на уровень конца XIX — начала XX в. Однако можно согласиться с оценкой британского военного представителя при русской армии генерала А. Нокса, по компетентному мнению которого «офицеры Генерального штаба сумели продемонстрировать во время войны, что действительно являются элитой армии»¹.

Первая мировая война стала серьезной проверкой для русского Генерального штаба. В ходе войны облик корпорации существенно изменился за счет ускоренной подготовки офицеров. В результате в среду лиц с высшим военным образованием попали сотни фронтовых офицеров, что поменяло и социальный состав Генштаба, и его мировосприятие. Тем не менее выпускники ускоренных курсов (курсовики) в старой армии в массе своей еще не достигли руководящих постов. Их время пришло в годы Гражданской войны, прежде всего на службе в Красной армии.

Проверка войной Генеральным штабом была пройдена, хотя и не блестяще. Война выявила среди выпускников академии (в том числе и среди тех, кто не попал в Генштаб) как выдающихся военных администраторов в лице генералов М. В. Алексеева и В. И. Гурко, так и блестящих полководцев, например, А. И. Деникина, В. И. Селивачева, Н. Н. Юденича, В. Е. Флуга и др. Выявила война и бездарных генштабистов.

Взаимодействие генштабистов в военное время стало неоценимым фактором их сближения. Именно тогда сформировались некоторые будущие устойчивые штабные коллективы. Например, коллектив генштабистов, позднее вставших во главе Добровольческой армии, в который входили Л. Г. Корнилов, И. П. Романовский, Ю. Н. Плющевский-Плющик и другие офицеры.

Проблемой поздней Российской империи было то, что практический опыт не становился основой для отсева негодных элементов военной элиты. Многие бездарности, если они не становились одиозными в общественном мнении, продолжали занимать высокие административные посты, несмотря ни на что. Кадровая политика последних лет Российской империи в отношении военной элиты оставляла желать лучшего. Косность и бюрократизм военно-административного аппарата также отрицательно влияли на решение насущных вопросов. Подобные явления порождали возмущение в среде наиболее развитых, передовых военных деятелей, острую потребность в переменах, поиски справедливости. Наряду со многими другими отрицательными явлениями эти особенности привели военное руководство страны (в частности, генерала М. В. Алексеева и его единомышленников) к идее отстранения императора от власти. Опасность подобных перемен в воюющей стране не была принята во внимание.

§ 3. Генштабисты от Февраля к Октябрю 1917 г.

Февральская революция произошла в разгар Первой мировой войны и была бы невозможна без поддержки или пассивного наблюдения со стороны армии. И если нижние чины выступили в качестве движущей силы революционных

¹ Нокс А. Вместе с русской армией. С. 22.

событий в Петрограде, то ключевое решение об отречении императора Николая II от престола принималось вне сферы их прямого воздействия, но под давлением армейского руководства. Исключительную роль в падении российской монархии сыграла небольшая группа генштабистов.

Императора Николая II, по многочисленным свидетельствам лично знавших его современников, трудно было отнести к интеллектуалам или волевым, сильным и последовательным правителям¹. Подобный багаж верховного вождя русской армии в военное время неизбежно вступал в противоречие с набиравшей обороты профессионализацией военного дела и с интеллектуальной частью офицерского корпуса в лице наиболее развитых представителей Генерального штаба. В том числе в силу этих причин выпускники Императорской Николаевской военной академии сыграли такую заметную роль в февральско-мартовской смене власти².

Одним из базовых принципов устройства корпуса офицеров Генерального штаба считалось единство доктрины, т.е. взглядов на специальные военные вопросы, тактику и стратегию, единство работы штабов³. Этот принцип необходим для того, чтобы в любых сложных ситуациях на войне даже незнакомые друг с другом офицеры разных штабов, разделенные сотнями километров, могли независимо друг от друга вырабатывать взаимоприемлемые планы действий, которые бы приводили к успеху. В этих целях генштабисты получали одинаковую подготовку, проходили схожий служебный путь и, как следствие, обладали схожим корпоративным мировоззрением. Можно спорить о том, было ли и в какой мере достигнуто подобное единство в отечественном Генштабе. Тем не менее, на наш взгляд, в условиях политического кризиса 1916–1917 гг. подобное корпоративное единство взглядов приобрело черты политической программы наиболее активной части Генштаба.

К 1916–1917 гг. в элитах империи накопилось серьезное недовольство неспособным эффективно управлять воюющей державой императором и его окружением. Империя с трудом справлялась с напряжением, вызванным войной, тыл разъедали острейшие проблемы, которые практически невозможно было решить в рамках устоявшейся системы управления, в 1916 – начале 1917 г. наблюдался очевидный политический кризис⁴. Императорская семья стала объектом дискредитирующих слухов, которым верили даже представители военного руководства страны⁵. «Распутинщина» лишь усугубила циркулировавшие слухи. В силу

¹ Юдин Е. Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 99–132.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: Сб. докладов междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 208–264.

³ См., напр.: Головин Н. Н. Служба Генерального штаба. С. 44.

⁴ См., напр.: Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962; Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. Т. 2. С. 532–545; Петров Ю. А. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 52–64; Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917: Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 364–366; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; и др.

⁵ Подробнее см.: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

политической наивности офицерства и традиционной чувствительности фронта к любым, даже косвенным, проявлениям неустойчивости тыла (тем более к слухам о прямой измене в высших эшелонах власти), все, даже самые нелепые, слухи воспринимались офицерством (в том числе высшим генералитетом) очень болезненно и с огромной тревогой. Солидарное неприятие сложившейся при дворе обстановки демонстрировали представители самых разных по своему должностному положению и политическим взглядам групп генштабистов.

В армии вследствие насаждавшейся самой властью атмосферы шпиономании получили широчайшее распространение слухи о том, что императрица Александра Федоровна являлась германской шпионкой. Даже высокообразованные выпускники Военной академии, представители высшего командного состава и военной элиты, наделенные правами принятия важнейших решений, не в полной мере обладали критическим и аналитическим мышлением. В частности, слухам об императрице был склонен придавать значение генерал В.И. Селивачев¹. Генерал И.П. Романовский позднее, в декабре 1917 г., всерьез размышлял о еще более абсурдных слухах – о том, что немцы во главе с Л.Д. Троцким хотят восстановить монархию и возвести на престол цесаревича Алексея².

Генерал С.Г. Лукирский отмечал впоследствии, что «накануне революции февральской 1917 года в среде офицеров Генерального штаба старой армии определенно сложилось недовольство монархическим строем: крайняя неудачливость войны; экономический развал страны; внутренние волнения; призыв на высшие посты в государственном аппарате лиц явно несостоятельных, не заслуживающих общественного доверия; наконец, крайне возмутительное подпадание царя под влияние проходимца (Григ[ория] Распутина) и разрастание интриг при дворе и в высших государственных сферах. Поэтому Февральская революция была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства вообще»³. Аналогичные чувства испытывал и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов (негенштабист)⁴.

Подполковник (впоследствии – генерал) А.И. Верховский отмечал 24 февраля 1917 г. в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самостоятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава»⁵.

При заметном консенсусе в отношении необходимости перемен вокруг трона у части генералитета, в ней не могло быть единства взглядов относительно путей выхода из кризиса и способов устранения «темных сил». В общественном мнении альтернативу власти представляли боровшиеся с ней общественные деятели,

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 50об.–51; Из дневника ген. В. И. Селивачева / публ. Н. Е. Какурина // Красный архив (Москва; Ленинград). 1925. Т. 2 (9). С. 108, 110–111; Селивачев В. И. Дневники. Сентябрь 1916 г. – сентябрь 1917 г. / ред.-сост. О. Н. Хлестов. М., 2021. С. 377; Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 114.

² Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 219.

³ Цит. по: Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 44.

⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 183.

⁵ Верховский А. И. Россия на Голгофе. С. 66.

одним из лидеров которых был председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков.

По оценке Г.М. Каткова, отдельные представители высшего командного состава под влиянием Гучкова выступили в качестве группы давления на императора^I. Это сотрудничество привело к их вовлечению в заговор против императора и последовавший переворот. Сам Гучков, рассуждая впоследствии о Ставке и возможном участии ее работников в предполагавшемся захвате императора, отмечал: «Не хотелось вводить этих лиц в состав заговора по многим причинам. Не только потому, что мы не были совсем уверены, найдем ли там сотрудников, но мы не хотели, чтобы эти лица, которые после переворота будут возглавлять русскую армию, чтобы они участвовали в самом перевороте»^{II}. Позднее, очевидно, сложилась иная комбинация, в результате чего некоторые руководящие работники Ставки (генералы П.К. Кондзеровский, А.С. Лукомский) и главнокомандующие армиями фронтов (генералы великий князь Николай Николаевич-младший, Н.В. Рузский, В.В. Сахаров (фактический главнокомандующий), А.Е. Эверт) после переворота лишились своих постов.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего и фактически человек, руководивший всей русской армией, генерал М.В. Алексеев примерно за полтора года совместной работы смог близко узнать императора Николая II. Знакомство сопровождалось сильнейшим разочарованием в умственных способностях императора. Чего стоит эпизод с докладом Алексеева Николаю II в конце декабря 1915 г. о потерях в десятки тысяч человек в результате неудачного наступления на реке Стрыпе, когда «Алексеев докладывал эти цифры Николаю со слезами на глазах и дрожью в голосе, а идиот рассматривал в это время какую-то карикатуру и затем, как ни в чем не бывало, стал расспрашивать о всяком вздоре»^{III}. Вполне естественно, у Алексеева сложилось стойкое убеждение в неспособности императора руководить воюющей страной. По одному из свидетельств, Алексеев говорил: «Я не монархист, я слишком хорошо знаю монархию, чтобы быть монархистом»^{IV}. Подтверждает это свидетельство и введенная в научный оборот О.Р. Айрапетовым уничтожающая характеристика, данная Алексеевым императору Николаю II весной-летом 1917 г., в которой есть и такие строки: «N человек пассивных качеств и лишенный энергии... неискрен[ность] развивалась все больше, пока не сделалась господствующей чертой [его] характера... Ему не хватает силы ума... Его доброта вырождается в слабость... Он был лишен и характера, и настоящего темперамента... Душевные силы охотно устремляет на мелкое... Любил лести, помнил зло и обиды»^V. Схожие оценки в разговоре с Алексеевым 30 октября 1916 г. услышал протопресвитер Г. Шавельский^{VI}. Неприязнь Алексеева

^I Катков Г. М. Февральская революция. М., 2006. С. 266.

^{II} Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 18.

^{III} Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. С. 432.

^{IV} BAR. Memories of V. N. Kasatkin. Folder 1.

^V Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 201–203. Сверено с рукописью: ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 1. Д. 10. Л. 1об.–2.

^{VI} Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 201.

к Г.Е. Распутину, А.А. Вырубовой, императрице и другим лицам того же круга, проявившуюся в разговоре весной 1916 г., подтверждал генерал Н.И. Иванов^I.

Алексеев посчитал возможным пойти на сотрудничество с представителями либеральной оппозиции, хотя любые контакты с ними чрезвычайно компрометировали генерала. С осени 1916 г. он участвовал в переговорах с Гучковым, которого знал с довоенного времени. К январю и августу 1916 г. относятся свидетельства о наличии между Алексеевым, Гучковым и М.В. Родзянко переписки^{II}, хотя отношения между Алексеевым и Гучковым не были близкими. Дворцовый комендант В.Н. Воейков также обратил внимание на то, что «общественные деятели выказывали большую симпатию офицерам Генерального штаба»^{III}.

Вовлечен в закулисные комбинации оказался и либерально настроенный генерал В.И. Гурко, замещавший Алексеева в период его болезни, знавший Гучкова на протяжении полутора десятилетий и тесно с ним сотрудничавший. Кандидатуру Гурко предложил Алексеев. Именно при Гурко по Ставке поползли слухи о возможности принятия каких-либо решительных мер в отношении императора^{IV}. Сам император и его приближенные считали, что Гурко подпал под влияние Гучкова^V. Предполагалось, что страна может быть выведена из кризиса и придет к победоносному завершению войны при установлении диктатуры Алексеева в контакте с представителями Государственной думы^{VI}.

Летом 1917 г. Гучков в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства не скрывал своих действий: «Нужно было стать на путь государственного переворота», — говорил он^{VII}. Не без самодовольства он отмечал: «Я пульс армии нащупал. Я знал, как она исстрадалась от условий, в которые она была поставлена до переворота... Я был убежден, что армия, как один человек, за малыми исключениями, станет на сторону переворота. Я должен сказать (а я ведь не только платонически сочувствовал этим действиям, я принимал активные меры), что провести это было трудно технически... требовалась с нашей стороны известная осторожность, потому что преждевременное раскрытие могло бы сделать этот шаг совершенно не возможным... надо было технически организовать, надо было толкнуть людей на этот решительный шаг... резкое, отрицательное, враждебное отношение к тому порядку, который установился у нас до переворота, было общее, за какими-нибудь ничтожными, единичными исключениями, как в офицерской среде, так даже и в высшем командном составе...»^{VIII}

^I Допрос ген. Н. И. Иванова // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 329.

^{II} Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 177; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 31. См. письмо Гучкова Алексееву от 18 августа 1916 г.: ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 698.

^{III} Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 189.

^{IV} Бубнов А. Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 202.

^V Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 213.

^{VI} Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 191–226.

^{VII} Допрос А. И. Гучкова // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 260.

^{VIII} Там же. С. 278–280.

О характере готовившегося верхушечного переворота в армии Гучков заявил прямо: «Все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс»^I. В эмиграции Гучков признал факт складывания заговора и разработки конкретных планов захвата императора и даже его возможной ликвидации уже осенью 1916 г.^{II}

У Гучкова задолго до Февраля 1917 г. установились связи с достаточно широким кругом офицеров, прежде всего генштабистов. Помимо названных ранее — с А.И. Андогским, В.Л. Барановским, А.И. Верховским, П.И. Залесским, А.А. Поливановым, А.А. Свечиным, Б.А. Энгельгардтом^{III}. Связи Гучкова простирались на Румынский и Северный фронты^{IV}. Генерал П.И. Аверьянов за время Первой мировой войны тесно сработался и сдружился с князем Г.Е. Львовым и А.И. Шингаревым. По собственному признанию генерала, «с князем Львовым и А.И. Шингаревым у меня установились добрые и взаимно доверчивые отношения»^V.

Выдвиженцем Алексева и Гурко, вовлеченным в политические события, был командующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов (назначен 5 февраля 1917 г.)^{VI}, проявивший себя в период беспорядков в Петрограде абсолютно пассивно и в качестве противника применения силы. Сотрудником Гучкова являлся и состоявший в распоряжении начальника Генерального штаба полковник Ф.И. Балабин, взаимодействовавший в период революционных событий с Хабаловым и Энгельгардтом. Работал с Гучковым полковник П.А. Половцов. Еще с довоенных времен сотрудничал с Гучковым и д. генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал М.И. Занкевич^{VII}. Генерал был настолько близок Гучкову, что в прежние времена делился с ним секретными данными^{VIII}. Днем 27 февраля Занкевич был назначен начальником войсковой охраны Петрограда и помощником Хабалова^{IX}. Он тоже старался держаться пассивно в отношении подавления беспорядков (под предлогом отсутствия надежных войск). Уже 28 февраля Занкевич и его сотрудники установили связь с думской военной комиссией^X. Также любопытно, что 2 марта по приказанию председателя Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко Занкевич связывался со Ставкой^{XI}.

^I Там же. С. 279.

^{II} Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 18.

^{III} Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 247 // HIA. Vrangeli family papers. Box 6. Folder 4; Его же. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 121; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 138. Л. 1об.; Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 64; Залесский П. И. Возмездие. С. 102; Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 207; Ученый с мировым именем (о военном историке и теоретике А. А. Свечине) / публ. И. В. Успенского // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 75. Материалы переписки некоторых офицеров с Гучковым сохранились в личном фонде последнего в ГА РФ (Ф. 555).

^{IV} Допрос А. И. Гучкова. С. 278.

^V ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 148об.

^{VI} Бубнов А. Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. С. 214; Куликов С. В. Петроградское офицерство 23–28 февраля 1917 г. Настроения и поведение // Новый Часовой (СПб.). 2006. № 17–18. С. 101.

^{VII} Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 93.

^{VIII} Там же. С. 61; Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 58.

^{IX} Мартынов Е. И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 104.

^X Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 147.

^{XI} Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (окончание) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 92; Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 59.

Именно Занкевич направил 1 марта к генералу Н.И. Иванову, руководившему карательной экспедицией на Петроград, полковника В.Н. Доманевского на должность начальника штаба с предписанием уговорить Иванова заключить соглашение с Временным комитетом Государственной думы^I. При этом из Ставки в качестве начальника штаба (по формулировке Иванова – адъютанта^{II}) к Иванову изначально был прикомандирован подполковник Н.Я. Капустин^{III} – «совсем безынициативный и нерешительный человек. Помочь генералу Иванову советом он не был в состоянии»^{IV}. Интересно, что Доманевский перед своей миссией заехал в Таврический дворец, где обсуждал предстоящую задачу с председателем думской военной комиссии Б.А. Энгельгардтом^V. Офицеры договорились, что Иванов должен будет признать власть Временного комитета Государственной думы. От думцев с Доманевским на переговоры к Иванову отправился и сотрудник Гучкова генштабист подполковник Н.Н. Тилли, который был известен Иванову по Юго-Западному фронту^{VI}. Насколько можно судить, представители Временного комитета Государственной думы сочли полезным участие отряда Иванова в наведении порядка в столице. Прибытие двух человек от ГУГШ подтверждал и Иванов^{VII}. Позднее Балабин и Занкевич, возможно, в благодарность получили от новой власти высокие назначения (первый – начальником штаба Петроградского военного округа, второй – представителем при французской армии).

Среди петроградских генштабистов были и другие сотрудники Гучкова, не занимавшие до революции высоких постов. В частности, полковник Б.А. Энгельгардт и прибывший с Румынского фронта подполковник А.И. Верховский. Последний вспоминал, что «надеялся найти в лице Гучкова, в его друзьях точку опоры для реформ (и не только реформ) в армии»^{VIII}. В начале 1917 г. они встречались с людьми из окружения Гучкова. В беседах обсуждались варианты выхода из кризиса, не исключая и цареубийство.

Беспорядки в Петрограде на почве продовольственного кризиса стали катализатором революции. 27 февраля начался мятеж в войсках петроградского гарнизона, что привело к перелому обстановки. Эти события обусловили более активный переход офицерства на сторону мятежных войск. Попытки военного министра генерала М.А. Беляева организовать подавление успехом не увенчались, прежде всего, вследствие нежелания его подчиненных исполнять такие приказы.

^I Блок А. А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 98; Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 267; Куликов С. В. Петроградское офицерство... С. 123.

^{II} Допрос ген. Н. И. Иванова. С. 316.

^{III} Пронин В. М. Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Бубнов А. Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. С. 268.

^{IV} Сергиевский Б. Н. Отречение 1917 // Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 1985. № 38. Март. С. 6.

^V Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 54–55; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 360.

^{VI} Блок А. А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 50; Мстиславский С. [Масловский С. Д.] Пять дней: Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 42; Допрос ген. Н. И. Иванова. С. 323–324; Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2008. С. 159–160; Мартынов Е. И. Царская армия в февральском перевороте. С. 146; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 300.

^{VII} Допрос ген. Н. И. Иванова. С. 323.

^{VIII} Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 143; Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 204.

По оценке и.д. начальника Генерального штаба генерала П.И. Аверьянова, до 2 марта 1917 г. с представителями Государственной думы в Петрограде сотрудничали лишь отдельные генштабисты. Военную комиссию Временного комитета Государственной думы, созданную днем 27 февраля, по предложению князя Г.Е. Львова^I возглавил полковник Б.А. Энгельгардт, включенный 13-м в состав самого Временного комитета. По телефону он пригласил для содействия в Таврический дворец своих знакомых офицеров^{II}. Помощниками председателя комиссии (по всей видимости, с утра 28 февраля) стали знакомые Энгельгардта – полковники Л.С. Туган-Барановский, князь Г.Н. Туманов (также руководил регистрационным отделом комиссии) и Г.А. Якубович. Впоследствии они играли видную роль в Военном министерстве (Якубович и Туманов стали помощниками министра при А.Ф. Керенском, а Туган-Барановский возглавил канцелярию министерства). Как отмечал граф Э.П. Беннигсен, в Думе «работали в этом хаосе несколько офицеров из Главного управления Ген. штаба, уже в первый день революции согласившихся помогать Энгельгардту, их товарищу по академии. В награду за это они получили через несколько дней видные назначения в Военном министерстве, из делопроизводителей попали в товарищи министра или начальники отделов»^{III}.

В работе комиссии с 28 февраля 1917 г. принимали участие полковник П.А. Половцов, генерал-майор Г.Д. Романовский, полковник У.И. Самсон-фон-Гиммельшерн (с 1 марта занимался созданием общественного градоначальства, являлся помощником общественного градоначальника), с 1 марта – сотрудники Гучкова подполковник В.П. Гильбих (в апреле – мае 1917 г. возглавлявший комиссию) и генерал-майор А.С. Потапов^{IV}. Еще одним членом комиссии стал подполковник В.Л. Барановский^V. 1 марта комиссию возглавил А.И. Гучков при помощнике генерал-майоре А.С. Потапове^{VI}. С 4 марта комиссией руководил А.А. Поливанов.

Находившийся в Таврическом дворце С.Д. Масловский (Мстиславский) вспоминал: «Энгельгардт сидел за “моим” столом, окруженный целой плеядой офицеров Ген. штаба – того же гвардейского корня, что и он сам: князь Туманов, Самсон-фон-Гиммельшерн, грузный “георгиевец” Якубович, Романовский (помнится...) и другие... Разговор шел о фактическом восстановлении штаба Петроградского военного округа, – впредь до того, как выяснится судьба “настоящего” штаба, – 27 февраля забившегося в щели и все еще не решавшегося показаться на свет Божий. Временный штаб этот постановлено именовать “Военной комиссией при Временном комитете Госуд[арственной] Думы”. По штабному шаблону уже разверстаны были отделы, шло распределение должностей...»^{VII} Костяк первых революционных

^I Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 46; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 303.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 155. Аверьянов ошибочно считал, что это произошло утром 26 февраля, между тем военная комиссия возникла только 27 февраля.

^{III} Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). М., 2018. С. 21.

^{IV} Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 53; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 313; Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 251–255. Подробнее об А. С. Потапове и его исканиях в революционную эпоху см.: Дамье В. В. Русский генерал и китайские радикалы // Россия и современный мир (Москва). 2018. № 3 (100). С. 30–51.

^V Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 251. Наиболее полные данные о составе комиссии см.: Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2017. Т. 2. С. 270–349.

^{VI} Мартынов Е. И. Царская армия в февральском перевороте. С. 136.

^{VII} Мстиславский С. Пять дней. С. 44.

офицеров, пожалуй, кроме Потапова, генерал П.И. Аверьянов считал энергичнейшими и выдающимися по своим способностям генштабистами, которые стремились работать на благо страны^I.

Как показывал на допросе А.И. Гучков, Временный комитет Государственной думы встретил «самую горячую поддержку со стороны командного состава. Хотя для многих в то время положение еще не выяснилось, т.е. еще не было ясно, победило ли движение. Но и тогда они всецело присоединились к нам»^{II}. Петроградские генштабисты контролировали переговоры императора с императрицей^{III}. По некоторым данным, связь Ставки с Царским Селом 1 марта была прервана по распоряжению Б.А. Энгельгардта, теперь связь Ставки должна была осуществляться с Государственной думой, в которой установили аппарат Юза^{IV}. Радиостанция Царского Села также перестала отвечать на сигналы Ставки. Энгельгардт участвовал в подготовке приказа о наведении порядка в городе, что способствовало переходу офицеров на сторону революции, назначил комендантов в разные части Петрограда, офицеры вели переговоры с колеблющимися начальниками. По приказу военной комиссии был осуществлен захват Адмиралтейства, чему помогли распоряжения М.И. Занкевича^V. Сам Энгельгардт по приказу М.В. Родзянко выезжал агитировать в казармы лейб-гвардии Преображенского полка на Миллионной улице^{VI}.

После ареста 28 февраля генерала С.С. Хабалова вр.и.д. главнокомандующего Петроградским военным округом стал генерал Н.С. Аносов, получивший назначение 2 марта по приказу М.В. Родзянко^{VII}. Утром 1 марта в Собрании армии и флота прошел митинг офицеров петроградского гарнизона под руководством еще одного генштабиста полковника И.И. Защука. Было вынесено постановление «идти рука об руку с народом». Резолюцию офицерская делегация доставила в Таврический дворец^{VIII}.

Помимо представителей старого Генштаба на сотрудничество с Государственной думой пошли некоторые слушатели ускоренных курсов Николаевской академии (курсовики). В связи с нехваткой офицеров через правителя дел академии полковника А.И. Андогского в расположенный в непосредственной близости от академии Таврический дворец 2 марта были вызваны 20 офицеров^{IX}, а на следующий день — еще 16 человек^X. Прибывшие слушатели сыграли организующую роль. Семь человек 27 февраля 1917 г. отправились в Таврический дворец, где изъявили желание работать вместе с представителями Государственной думы и поступили в распоряжение полковника Б.А. Энгельгардта^{XI}, назначенного председателем

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 160об.

^{II} Допрос А. И. Гучкова. С. 280.

^{III} Половцов П. А. Дни затмения. М., 1999. С. 27; Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2015. Т. 4: 1917 год. Распад. С. 119.

^{IV} Пронин В. М. Последние дни царской Ставки. С. 270.

^V Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 101–102.

^{VI} Там же. С. 112.

^{VII} Там же. С. 119.

^{VIII} Мартынов Е. И. Царская армия в февральском перевороте. С. 135.

^{IX} Половцов П. А. Дни затмения. С. 28.

^X Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции. С. 127.

^{XI} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 72.

военной комиссии. Энгельгардт вечером 27 февраля был включен в состав Временного комитета Государственной думы, назначен комендантом Таврического дворца (пробыл в этой должности до утра 28-го), а затем ему поручили руководить петроградским гарнизоном.

О настроениях слушателей свидетельствовал курсовик И.Д. Чинтулов в показаниях по делу «Весна»: «Когда я в феврале 1917 г. очутился в Петербургеⁱ, в Военной академии, куда я был вызван для продолжения военного образования, и оказался свидетелем Февральской революции, мне не показалось трудным нарушить присягу. Я видел вокруг себя только единомышленников. Академия казалась целиком на стороне восставших. Во всяком случае, никто не взялся за оружие, чтобы бороться за царизм. Последующие события в Питере до июня месяца протекали на моих глазах. Множество партий не давало возможности, за делом, приглядеться к ним пристальнее. Шумели больше всех кадеты и большевики. На мой взгляд, события не сулили умиротворения. Большевики грозили разложением и упразднением армии, но было ясно, что им без вооруженной силы не обойтисьⁱⁱ». О том, что академия была важна для новых петроградских властей, свидетельствует факт выступления нового военного министра А.И. Гучкова в первые послереволюционные дни, уже 6 марта 1917 г., перед слушателями академии с призывом быстрее овладевать знаниями, дабы влить свежую струю в военное руководствоⁱⁱⁱ.

Смена власти была отмечена многочисленными актами насилия в отношении офицеров. Наиболее масштабные, массовые убийства офицеров произошли на Балтийском флоте, но и в самом Петрограде было небезопасно. По всей столице прокатилась волна обысков. Толпы солдат искали офицеров и оружие по квартирам, грабили, творили насилие. Показаться на улице офицеру становилось рискованно. В дни революции, в феврале – начале марта 1917 г., пропал без вести слушатель старшего класса академии штабс-капитан 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка С.И. Матвеев-Рогов^{iv}. До конца апреля поиски ни к чему не привели^v. Граф Э.П. Беннигсен свидетельствовал: «В доме, где жила моя сестра, был арестован и уведен офицер, обучавшийся в академии. Следов его после этого найти не удалось. Предполагали, что он был убит и труп его бросили в Неву»^{vi}. Возможно, речь шла о Матвееве-Рогове. У ряда слушателей ускоренных курсов академии бесчинствующие солдатские толпы в конце февраля – марте 1917 г. отбирали оружие, в том числе врываясь в их квартиры^{vii}. Генштабист Г.П. Апрелев вспоминал: «В эти дни выходить на улицы было неприятно, особенно в погонах

ⁱ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 239.

ⁱⁱ Правильно — в Петрограде.

ⁱⁱⁱ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 6–6об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.

^{iv} Февральская революция 1917 года... (окончание). С. 39; Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 113.

^v РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2056. Л. 41.

^{vi} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1535. Л. 66.

^{vii} Беннигсен Э. П. Записки. С. 19.

^{viii} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 112, 113, 134, 184, 223об., 224, 227–228, 230, 232, 234, 236, 307, 429.

и при оружии»^I. Сводка военной цензуры за апрель 1917 г. цитировала одно из писем с фронта: «Теперь выгоднее быть солдатом, нежели офицером»^{II}.

Активное сотрудничество ГУГШ с новыми властями началось 2 марта 1917 г. Тем же утром состоялось совещание начальников Генерального штаба П.И. Аверьянова, Морского Генерального штаба А.И. Русина, Главного штаба Н.П. Михневича и дежурного генерала Главного штаба А.П. Архангельского, которые затем поехали в Таврический дворец, где провели переговоры с представителями Временного комитета Государственной думы. По воспоминаниям генерала Аверьянова, во дворце уже находились подполковники Туган-Барановский и князь Туманов, причем «названные офицеры Генерального штаба, как проводившие в Государств[енной] Думе все время с 26 февраля»^{III}, являлись «своими людьми» в том неопишемом хаосе, который царил во всех помещениях дворца; к ним обращались, им даже повиновались в этой разнузданной толпе»^{IV}. В тот же день вслед за М.В. Родзянко Аверьянов направил в Ставку телеграмму о необходимости назначения генерала Л.Г. Корнилова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа «для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному комитету, спасающему монархический строй»^V.

Важнейшую роль в событиях отречения Николая II от престола сыграла Ставка. Генерал М.В. Алексеев вернулся в Ставку после лечения 17–18 февраля, всего за неделю до начала беспорядков в Петрограде. По его просьбе в Ставку из Царского Села 22 февраля выехал, а 23-го прибыл император^{VI}. За этим последовали решающие события. Как отмечал состоявший тогда при императоре генерал Д.Н. Дубенский, «генерал Алексеев пользовался в это время самой широкой популярностью в кругах Государственной Думы, с которой находился в полной связи»^{VII}. 26 февраля датирована тревожная телеграмма М.В. Родзянко Алексею о событиях в Петрограде, содержащая требование смены правительства на формируемое Думой. В телеграмме были и следующие строки: «Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение»^{VIII}. По свидетельству Дубенского, Алексеев был очень встревожен^{IX} и вечером 27 февраля согласовывал вопросы отправки на Петроград карательной экспедиции генерала Н.И. Иванова, назначенного главнокомандующим Петроградским военным округом вместо Хабалова.

В этот период генералитет уже приступил к давлению на императора в целях реализации предложений, поступавших из Петрограда. В частности,

^I BAR. Iu. P. Aprelev manuscripts.

^{II} Ставка и революция: Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года: По документам Российского государственного военно-исторического архива: Сб. док.: в 2 т. М., 2019. Т. 1: 18 февраля – 18 июня 1917 г. С. 884.

^{III} Правильно – с 27–28 февраля.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.

^V Февральская революция 1917 года... (окончание). С. 7.

^{VI} Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 284; Катков Г.М. Февральская революция. С. 267–268.

^{VII} Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 36.

^{VIII} Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало) // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 6.

^{IX} Отречение Николая II. С. 41.

главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н.В. Рузский телеграфировал императору о том, что карательные меры в сложившейся ситуации могут лишь обострить ситуацию^I. На следующий день за необходимость переговоров с Петроградом высказался и Алексеев^{II}.

Фактически к началу марта император Николай II в том числе в результате действий генералитета оказался в изоляции и выпустил из рук рычаги управления армией. Давление на него с разных сторон возрастало. Важнейшими факторами, способствовавшими падению монархии, являлись отсутствие императора в столице, оторванность его от собственной семьи в Царском Селе (что дало повод для шантажа и давления), наличие на ключевых военно-административных постах в Петрограде лиц, вовлеченных в переворот. По свидетельству А.И. Гучкова, из всех вариантов устранения монарха заговорщики остановились на идее захвата императора с помощью верных офицеров во время его нахождения в пути между Ставкой и Петроградом^{III}. Нечто подобное и было реализовано в итоге.

Вопрос о безопасности императорской семьи оказался краеугольным камнем всего отречения. Не случайно флигель-адъютант А.А. Мордвинов отметил, что, если бы императрица была рядом с Николаем II, отречения бы не было^{IV}. Рано утром 28 февраля император выехал из Могилева в направлении Царского Села, однако проехать туда не удалось и было решено остановиться в Пскове, куда императорский поезд прибыл около 20 часов 1 марта. Отъезд императора из Ставки спровоцировал последующие события, включая и действия генералитета.

2 марта 1917 г. генерал М.В. Алексеев в инициативном порядке разослал главнокомандующим армиями фронтов телеграмму с пожеланием спешно поддержать его мнение о необходимости отречения императора. Из Ставки же был получен проект манифеста об отречении, составлявшийся еще ночью^V. В подготовке манифеста по поручению Алексеева участвовали генерал А.С. Лукомский и директор дипломатической канцелярии Ставки Н.А. Базили, а Алексеев редактировал текст. При этом Ставке никто не поручал заниматься составлением подобного документа.

Генералы-генштабисты, стоявшие во главе фронтов (А.Е. Эверт (Западный фронт), В.В. Сахаров (Румынский фронт, помощник командующего), великий князь Николай Николаевич-младший (Кавказский фронт)), поддержали Алексеева. Отстранение монарха разочарованная военная элита считала важным шагом на пути к победному завершению войны. Поддержал отречение и генерал А.А. Брусилов (Юго-Западный фронт), не относившийся к генштабистам, а вечером того же дня и командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин, ставший первой жертвой отречения буквально через день (убит в Гельсингфорсе 4 марта).

Нарушавшее присягу коллективное мнение командующих фронтами с собственным настоянием Алексеева было передано императору в 14.30. Главнокомандующие проявили удивительное единодушие, причем никто даже не усомнился

^I Мартынов Е. И. Царская армия в февральском перевороте. С. 91.

^{II} Отречение Николая II. С. 238–239.

^{III} Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 18.

^{IV} Мордвинов А. А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. М., 2014.

Т. 2. С. 64.

^V Отречение Николая II. С. 59; Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 124–125.

в своей правомочности решать поставленный вопрос, что косвенно свидетельствует об определенной подготовительной работе. О том, что такая работа со стороны «общественных деятелей» велась, свидетельствовал со слов М.В. Алексеева и генерал А.И. Деникин^I. По имеющимся данным, представители Государственной думы вели переговоры с великим князем Николаем Николаевичем-младшим, М.В. Алексеевым, Н.В. Рузским и А.А. Брусиловым^{II}. Более широкие круги военной элиты (командующие армиями и т.д.), в среде которых была возможна разногласия, намеренно не посвящались в события. При повторной встрече с императором около 14.30 за отречение вновь высказался генерал Н.В. Рузский, а также взятые им для поддержки^{III} генштабисты – начальник штаба фронта генерал Ю.Н. Данилов и начальник снабжения генерал С.С. Саввич.

Пять генерал-адъютантов, включая великого князя, а также еще три генерала потребовали от императора отречься от престола, что произвело колоссальное впечатление на монарха. Высший генералитет сумел внушить Николаю II мысль о том, что победа в войне возможна только в этом случае. Под давлением с разных сторон император был вынужден сделать свой выбор и отречься от престола. Пост Верховного главнокомандующего передавался великому князю Николаю Николаевичу-младшему.

В неопубликованных мемуарах подполковника Д.Н. Тихобразова содержится любопытное высказывание: «Не повлияй Алексеев на главнокомандующих и не отрекись государь “добровольно”, можно было ожидать повторения событий 1801 года, ибо дворцовый переворот был назначен на середину марта»^{IV}. Последствий случившегося участники свержения императора не ожидали. В Ставке откровенно радовались отречению^V. Большевик А.Г. Шляпников отмечал, что «верхи командного состава выражали явное намерение возглавить революционное движение, оседлать его, умерить и ввести в “законные рамки”»^{VI}.

Уже 3 марта Алексеев оказался встревожен явной неискренностью сообщений Родзянко о положении столицы^{VII}. Попытка Алексеева созвать совещание главнокомандующих, что могло привести к перехвату власти генералитетом, оказалась запоздалой и не была поддержана Рузским. Затем последовало не ожидавшееся генералитетом отречение великого князя Михаила Александровича, переговоры о котором были скрыты от генералитета. Стало ясно, что думские деятели просто использовали генералов в целях прихода к власти. В разговоре Алексеева с Брусиловым первый прямо заявил о том, что в новом правительстве «крайние элементы берут верх и разнузданность приобретает права гражданства»^{VIII}, а в разговорах

^I Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 1. С. 139.

^{II} Оськин М. В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016. С. 87–88.

^{III} Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 307; Его же. Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 230; Отречение Николая II. С. 195.

^{IV} Тихобразов Д. Н. Ставка и революция. С. 43 // BAR. D. N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

^V Там же. С. 33; Борисов В. Е. Генерал М. В. Алексеев. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в войну 1914–1915 годов (из воспоминаний генерала В. Борисова) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922. Кн. 2. С. 18.

^{VI} Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2: Март. С. 62.

^{VII} Отречение Николая II. С. 284.

^{VIII} Февральская революция 1917 года... (окончание). С. 33.

с сотрудниками Ставки Алексеев сожалел, что поверил в искренность некоторых людей, вследствие чего и произошли события 2 марта^I.

Показательны высказывания генерала М. В. Алексеева, а также некоторых главнокомандующих армиями фронтов на совещании с представителями Временного правительства и Петросовета 4 мая 1917 г. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал А. М. Драгомиров тогда заявил: «Ужасное слово “приверженец старого режима” выбросило из армии лучших офицеров. Мы все желали переворота, а между тем много хороших офицеров, составляющих гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала или же не умели приспособиться»^{II}. Подводя итог выступлениям главнокомандующих армиями фронтов генералов А. А. Брусилова, В. И. Гурко, А. М. Драгомирова, Д. Г. Щербачева и своему собственному, генерал М. В. Алексеев сказал, обращаясь к политикам: «Не думайте, что 5 человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренно присоединились и зовем вас к совместной работе»^{III}. Неудивительно, что в ночь со 2 на 3 марта 1917 г. Николай II сделал в своем дневнике самую известную ныне запись: «Кругом измена и трусость, и обман!»^{IV}

Отречение императора было воспринято в среде офицеров Генерального штаба неоднозначно. Для основной массы генштабистов, не приближенных к власти, как и для большинства кадровых офицеров, произошедшее оказалось полной неожиданностью и серьезным ударом. Армию поставили перед свершившимся фактом. Генералы А. Г. Винекен и М. И. Гончаренко, а также капитан П. П. Невежин с супругой вследствие событий Февральской революции покончили с собой^V. Отречение императора оказалось ударом и для выдающегося военного ученого генерала А. Е. Снесарева. Будущий белый генерал П. П. Петров сознательно уклонился от присяги Временному правительству, воспользовавшись вызовом на телеграф для разговора с корпусами^{VI}.

Печально известный приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа от 1 марта 1917 г. положил начало повсеместному формированию солдатских комитетов в армии и привел к утрате офицерами всякого авторитета, власти и рычагов управления солдатской массой. Был нарушен основной принцип построения любой армии — единоначалие. Кроме того, в жизнь армии была привнесена политика. Тем не менее гибельные последствия приказа стали очевидны позднее. В результате в полной мере проявились инстинкты крестьянской солдатской массы — нежелание воевать за непонятные интересы и склонность к анархизму. Вместо появления политически сознательной вооруженной силы в армии началась анархия, получили распространение братания с противником (использовавшиеся

^I Тихобразов Д. Н. Ставка и революция. С. 43 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3; Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1. С. 213.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.

^{III} Там же. Л. 25.

^{IV} Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2: 1905–1918, ч. 2: 1914–1918. С. 296.

^V BAR. Iu. P. Aprelev manuscripts; Забелин А. Ф. Мои воспоминания // Бюллетень объединения Лейб-гвардии Московского полка (Париж). 1960. № 151. С. 8–9; Воинский некрополь Смоленского православного кладбища Петрограда (1917–1918 годы) / публ. Н. В. Родина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 2012. Кн. 12. С. 338; Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. 2. С. 168.

^{VI} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 72.

германским командованием в своих целях), массовый характер приобрело дезертирство (по сути, стихийная демобилизация). Начались бесконечные митинги, выборы, заседания комитетов. Значительная часть опытного кадрового офицерства погибла на фронте, а недавние прапорщики военного времени не могли справиться с солдатскими массами и скорее шли на поводу у них, чем пытались их обуздать. Офицеры стали подвергаться гонениям, издевательствам и насилию. Прифронтовая полоса оказалась терроризирована солдатскими бандами, причем летом 1917 г. уже доходило до настоящих сражений с верными присяге войсками с применением пулеметов и артиллерии¹.

Пока же многие выпускники академии, в том числе оказавшиеся в будущем в рядах белых армий, искренне приветствовали свержение монархии. 8 марта 1917 г. новый главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал Л.Г. Корнилов (впоследствии вождь Белого движения) арестовал бывшую императрицу в Царском Селе и наградил руководителя бунта в запасном батальоне лейб-гвардии Волынского полка, первой воинской части, перешедшей на сторону революции в Петрограде 27 февраля 1917 г., унтер-офицера Т.И. Кирпичникова боевой наградой – Георгиевским крестом (в ходе беспорядков был убит начальник учебной команды полка штабс-капитан И.С. Лашкевич). Будущий оренбургский атаман А.И. Дутов на Общеказачьем съезде 28 марта 1917 г. заявил: «Мы предъявляем иск к старому режиму»². Подполковник Л.В. Костанди занял пост председателя военной секции исполкома Ревельского комитета рабочих и солдатских депутатов и в телеграмме от 17 марта 1917 г. вместе с председателем исполкома приветствовал «доблестные войска славного генерала Рузского, в штабе которого произошел великого значения акт отречения от престола государя Николая Второго»³. Приветствовал отречение и туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютант А.Н. Куропаткин⁴. Будущий врангелевский генерал, а на 1917 г. – капитан – Г.И. Коновалов свидетельствовал в сентябре 1917 г.: «Еще в начале марта [1917 г.] в письменной форме на имя начальника штаба 7[-го] корпуса я предлагал всем офицерам Генерального штаба открыто заявить, что они восторженно приветствуют свержение прогнившего царизма»⁵.

Некоторые генштабисты восторгались теми политиками, которых позднее стали проклинать. Например, будущий начальник штаба Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России генерал-майор И.П. Романовский в таком духе писал жене 27 мая 1917 г. о назначении А.Ф. Керенского военным министром⁶. Подобные отзывы не свидетельствуют о проницательности и политическом кругозоре военной элиты (и, в частности, одного из будущих белых руководителей, каким стал Романовский). Надежды генштабистов на Временное правительство

¹ См., напр.: Ганин А. В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 599.

² Труды Общеказачьего съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде / обраб. под ред. И. Г. Харламова. Пг., 1917. С. 84.

³ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 105. Л. 85об.

⁴ Из дневника А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. Т. 20. С. 61.

⁵ BAR. R. R. Raupakh collection. Box 1. T. 1. Л. 85.

⁶ Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 197.

впоследствии емко обрисовал относивший себя к конституционным монархистам полковник В.Р. Канненберг: «Думалось, что народные представители: промышленники, помещики и военные, вообще лучшие люди, выведут страну из тупика и доведут войну до победного конца»^I. Сразу после отречения ряд генералов (великий князь Николай Николаевич-младший, А.М. Драгомиров, Р.Д. Радко-Дмитриев, А.Е. Эверт, не относившиеся к генштабистам А.А. Брусилов, В.Н. Горбатовский) выпустили воззвания к армии с призывом к спокойствию, сохранению дисциплины, неослабной борьбе с врагом^{II}. «Пример Ставки, принявшей революцию, был принят по команде до самого низу», — писал большевик А.Г. Шляпников^{III}.

Сами участники отречения очень скоро ощутили на себе последствия своих действий. Уже через несколько дней, 6 марта, генерал Н.В. Рузский жаловался генералу М.В. Алексееву на прогрессирующий развал армии: «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, несмотря на признание всеми нового государственного строя, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение»^{IV}. 16 апреля и сам генерал Алексеев, ставший Верховным главнокомандующим, писал военному министру А.И. Гучкову, что «положение в армии с каждым днем ухудшается; поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению»^V.

В целом военная элита приняла Временное правительство, но выступала против практиковавшихся методов демократизации армии, арестов командного состава^{VI}. Генерал А.Е. Снесарев уже 11 марта 1917 г. направил военному министру А.И. Гучкову письмо с протестом против несвоевременных реформ в армии^{VII}. В дальнейшем генштабисты приспособились к работе в «демократических» условиях. В Петрограде находились около 50 генштабистов в составе ГУГШ, Николаевской академии и других учреждений. Генерал Л.Г. Корнилов по поручению А.И. Гучкова занялся приведением в порядок петроградского гарнизона, причем ставилась задача создать гарнизон, лояльный Временному правительству и способный при необходимости его защитить^{VIII}. Генерал М.В. Алексеев с 11 марта стал вр.и.д. Верховного главнокомандующего^{IX}.

Революция подняла на поверхность и низменные проявления, которые не были чужды офицерству. Активно себя проявили карьеристы, стремившиеся улучшить свое положение, играя по новоявленным «революционным» правилам. Перекрасившиеся приспособленцы, демагоги, «ловчицы», заигрывавшие с солдатами, вызвали возмущение товарищей по службе и современников.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 132 (186). Л. 155.

^{II} Шляпников А. Г. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 62–63.

^{III} Там же. С. 61.

^{IV} Ставка и революция. Т. 1. С. 485.

^V Там же. С. 797.

^{VI} Февральская революция 1917 года... (окончание). С. 51, 52, 57.

^{VII} Снесарев А. Е. Дневник 1916–1917. М., 2014. С. 350.

^{VIII} Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 72.

^{IX} М. В. Родзянко в письме Г. Е. Львову от 18 марта 1917 г. протестовал против этого назначения, считая Алексеева сторонником военной диктатуры. Альтернативными кандидатами Родзянко видел А. А. Брусилова и А. А. Поливанова с придачей им в качестве помощников В. Н. Клембовского и А. С. Лукомского (Ген. Алексеев и Времен[ный] комитет Государственной Думы // Красный архив. 1923. Т. 2. С. 284–285).

Генерал П.Н. Врангель с раздражением вспоминал о своем товарище по академии подполковнике А.Ф. Гущине, который преподавал в академии и пришел на лекцию в один из первых революционных дней с красным бантом, публично заявив слушателям с кафедры: «Маска снята, перед вами офицер-республиканец»¹. Этот эпизод запомнился и некоторым другим офицерам². В дальнейшем Гущин проявил себя как председатель исполнительного комитета Совета офицерских депутатов города Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и Отдельного корпуса пограничной стражи³. На этом посту он занимался созывом Всероссийского съезда офицерских депутатов, военных врачей и чиновников. 14 марта 1917 г. группа офицеров от имени Совета офицерских депутатов приветствовала исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов⁴.

Эсер А.А. Дикгоф-Деренталь вспоминал о Ставке в Могилеве осенью 1917 г.: «Вначале моего пребывания в Ставке эсеры еще оставались в моде. Трогательно было видеть почтенных полковников Генерального штаба, с волнением сообщающих, как они страдали под гнетом царского режима и как “сочувствовали всегда эсерам”, чуть ли не с детских лет... В школе “доброе старое времени” воспитывались такие “верные слуги Царевы”, которые могли и могут еще служить кому угодно и как угодно, лишь бы служить»⁵.

Главкомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт на солдатском митинге в правительственном здании в Минске уверял присутствующих, что всегда выступал за революцию, а когда толпа в его присутствии сорвала имперский герб со стены и начала его топтать и рубить, Эверт этому аплодировал⁶. Командующий 3-й армией генерал Л.В. Леш на митинге заявил опешившим солдатам, что он сам старый революционер⁷. Бывший начальник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов, назначенный на Кавказ, по свидетельству П.Н. Шатилова, «вполне воспринял поклонение перед “великой и бескровной” и перед некоторыми революционными деятелями. В частности, он преклонялся перед Керенским, искренно или нет, не знаю, и называл его “светлым юношей”»⁸. Главкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.Е. Гутор обшил воротник, обшлага и прорезь на груди защитной рубахи широкими красными полосами, а часовые у его дома тоже щеголяли в похожей униформе⁹. Революционный карьеризм

¹ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 44.

² АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 210; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 257.

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 1. С. 428; Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990. С. 144. Яркую характеристику А. Ф. Гущина оставил генерал А. С. Лукомский: «После мартовской революции 1917 года в Петербурге (так в документе. — А. Г.) нашлось несколько офицеров русского Генерального штаба, которые стали усердно работать совместно с образовавшимся советом рабочих и солдатских депутатов для развала русской армии и для “углубления” революции. Среди них особенно выделялся своей демагогической деятельностью полковник Гущин. После захвата власти большевиками (ноябрь 1917 г.) полковник Гущин стал одним из наиболее усердных большевистских работников» (ГА РФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 93).

⁴ Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России... С. 167.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 297. Л. 2–3.

⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 102.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 232.

⁸ Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 563 // HIA. Vrangeli family papers. Box 7. Folder 1; Ero же. Записки. Т. 1. С. 240.

⁹ Епанчин Н. А. На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 475.

командного состава усугублял разложение армии. Работала на это и кадровая политика Временного правительства. Революционная армия шла к своему закономерному финалу.

Военный министр Временного правительства А.И. Гучков наметил «революционную» чистку командного состава армии от реакционных элементов. Эта акция также являлась формой популистского заигрывания с солдатскими массами. Чистки были направлены и против популярных военных руководителей. Из переговоров по прямому проводу между военным министром А.И. Гучковым и Верховным главнокомандующим генералом М.В. Алексеевым 23 марта 1917 г. следует, что программа обновления командного состава, приведшая к так называемым гучковским чисткам, была разработана Гучковым и Алексеевым совместно^I. Разумеется, не все кадровые предложения Гучкова вызывали согласие Алексеева (в частности, Алексеев протестовал против отчисления от должности начальника дивизии генерала К.Л. Гильчевского, считая его достойным повышения до командира корпуса^{II}). В осуществлении кадровых чисток принимал участие другой будущий лидер белых – вр.и.д. начальника штаба Ставки генерал А.И. Деникин^{III}.

При содействии дежурного генерала Ставки П.К. Кондзеровского составлялись списки старших начальников с аттестациями. Анонимные аттестации давали различные конфидененты Гучкова, в том числе генералы П.И. Аверьянов и Д.В. Филатьев. Нелояльных увольняли из армии^{IV}. Разумеется, оказывались среди них и генштабисты. Чистка состоялась в основном в марте – апреле 1917 г. Был уволен бывший военный министр генерал М.А. Беляев, причастный к подавлению беспорядков в Петрограде в феврале 1917 г. Командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант С.С. Хабалов был не только уволен из армии, но и арестован, причем вплоть до октября 1917 г. находился под арестом. Увольнялись выпускники академии, принадлежавшие к семье последнего императора (в частности, великий князь Николай Николаевич-младший). Уволены были такие генералы, как Н.В. Рузский, А.Е. Эверт, Н.Н. Янушкевич. В общей сложности в разгар войны уволены из армии оказались порядка 100 старших офицеров, включая 8 главнокомандующих фронтами и командующих армиями, 35 из 68 командиров корпусов, 75 из 240 начальников дивизий^V. Среди уволенных оказались и талантливые военные деятели генералы В.М. Драгомиров и А.М. Зайончковский.

Со сменой главы Военного министерства, несмотря на противоречия между Гучковым и его преемником А.Ф. Керенским, политика в отношении офицерства осталась прежней и в целом сводилась к формуле «революция не знает врагов слева», по которой под подозрение автоматически попадал кадровый офицерский корпус.

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, по 10 августа 1917 г. включительно были сняты с должностей 140 генералов, в том числе два Верховных главнокомандующих

^I Ставка и революция. Т. 1. С. 678.

^{II} Там же. С. 681.

^{III} Там же. С. 764–765.

^{IV} Подробнее см.: Павлов Ю. А. Гучковская «чистка» армии (март – апрель 1917 г.) // Россия в войнах начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 215–228.

^V Список из 70 уволенных начальников пехотных, стрелковых, кавалерийских и казачьих дивизий см.: ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.

(М.В. Алексеев и А.А. Брусилов), пять главнокомандующих армиями фронтов (В.И. Гурко, А.Е. Гутор, Н.В. Рузский, В.В. Сахаров, Н.Н. Юденич), семь командующих армиями (Л.Н. Белькович, А.А. Веселовский, М.Ф. Квецинский, Н.М. Киселевский, Л.П. Леш, Р.Д. Радко-Дмитриев, Г.В. Ступин), шесть главнокомандующих, командующих и главных начальников военных округов (Д.П. Зуев, А.З. Мышлаевский, П.А. Половцов, Е.А. Рауш фон Траубенберг, Н.А. Ходорович, М.И. Эбелов), 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных дивизий, 13 начальников кавалерийских и казачьих дивизий, инспектор артиллерии армии, 11 инспекторов артиллерии корпусов, 13 командиров артиллерийских бригад. 16 генералов из этого количества были сняты с должностей по служебному несоответствию, 74 по болезни и 33 «по обстоятельствам настоящего времени». Прежняя система назначений Гучковым оказалась разрушена. На руководящие посты нередко стали попадать те, кто по прежним правилам ни по своему опыту, ни по чинам не мог туда проникнуть, но отличался преданностью новым властителям. По свидетельству комиссара Временного правительства В.Б. Станкевича, «сознание непрочности своего положения после “чистки”, устроенной на фронте Гучковым, и при постоянных сменах наверху было духовной атмосферой генералитета и, конечно, очень вредно отражалось на деле, отнимало у них последние остатки мужества и энергии»¹.

При Временном правительстве на руководящие военные посты стали выдвигаться офицеры, зарекомендовавшие себя в качестве лояльных новой власти. Интересно, что военный министр А.И. Гучков в письме Верховному главнокомандующему генералу М.В. Алексею от 19 марта 1917 г. упомянул о желательности выдвижения на должности главнокомандующих фронтами генералов А.И. Деникина и Л.Г. Корнилова и некоторых других, причем Деникин предлагался и на пост начальника штаба Ставки². К кандидатуре Деникина на этот пост Гучков вернулся в письме Алексею от 25 марта³.

Примечательна головокружительная революционная карьера подполковника (с 1916 г.) А.И. Верховского, стремительно произведенного в апреле 1917 г. в полковники и в мае назначенного командующим войсками Московского военного округа. 30 августа 1917 г. продемонстрировавший верность правительству в период выступления генерала Л.Г. Корнилова Верховский стал военным министром и был произведен в генерал-майоры. Верховский имел достаточно определенные либерально-социалистические взгляды, которые прослеживаются с дореволюционных времен. Отметим, что Первую мировую войну Верховский начал капитаном, а почти все его товарищи по выпуску 1911 г. из академии к началу Гражданской войны находились в чинах от капитана до полковника.

В революционных традициях Гучков устроил телеграфный опрос командующих армиями и фронтами по кандидатуре Верховного главнокомандующего⁴. В начале апреля 1917 г. по итогам опроса этот пост занял генерал М.В. Алексеев,

¹ Кавтарадзе А. Г. Примечания // Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 505.

² Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 178.

³ Ставка и революция. Т. 1. С. 646.

⁴ Там же. С. 695.

⁵ Половцов П. А. Дни затмения. С. 54.

начальником штаба при нем стал генерал А.И. Деникин, генерал-квартирмейстером Ставки – друг и соратник Деникина генерал С.Л. Марков.

В разгар апрельского кризиса, 21 апреля 1917 г., генерал Л.Г. Корнилов отдал приказ вывести в центр Петрограда две батареи Михайловского артиллерийского училища. Однако комитет училища не подчинился, а исполком Петросовета отменил приказ, причем было заявлено, что без санкции Петросовета главнокомандующий войсками округа не может вызывать части на улицу^I. В результате Корнилову в конце апреля пришлось оставить пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа и возглавить 8-ю армию на Юго-Западном фронте.

Революционные события положили начало расколу Генерального штаба и его политизации. Первоначально это выражалось в спорах и дискуссиях^{II}. Не способствовали объединению и отдельные инициативы властей. Например, летом 1917 г. среди генштабистов были организованы выборы начальника Николаевской военной академии, приведшие к тому, что корпорация разделилась. По итогам голосования новый военный министр А.Ф. Керенский не посчитался с мнением большинства генштабистов и назначил начальником академии не лидера голосования генерала Н.Н. Головина, а малоизвестного в кругах Генштаба полковника А.И. Андогского, добившегося высоких результатов голосования посредством использования административного ресурса внутри академии^{III}.

Одни генштабисты в новых условиях терялись и пасовали^{IV}, другие смогли сориентироваться и приспособиться. Как отмечал А.И. Гучков, «офицеры Генерального штаба пользовались революционным временем в своих личных интересах»^V. Имевший репутацию карьериста и оппортуниста генерал М.Д. Бонч-Бруевич (ранее по взглядам он считался ультраправым и примыкал к «Союзу русского народа»^{VI}) даже стал членом исполнительного комитета Псковского совета рабочих и солдатских депутатов, где проводил многие часы^{VII}. Подполковник М.С. Свечников в декабре 1916 г. с гордостью писал о том, что произведен в следующий чин лично императором Николаем II^{VIII}, весной 1917 г. уже сотрудничал с эсерами, а затем примкнул к большевикам^{IX}.

Можно согласиться с историком-эмигрантом С.П. Мельгуновым, подвергшим впоследствии критике попытку генерала А.И. Деникина представить всех сторонников демократизации армии демагогами и оппортунистами^X. Целый ряд офицеров искренне считали, что приносят пользу стране и армии, работая в новых

^I Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 48.

^{II} Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 72–73.

^{III} Подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 76–103; Его же. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74.

^{IV} Снесарев А.Е. Дневник 1916–1917. С. 357–358.

^V Из воспоминаний А.И. Гучкова // Подвиг. Альманах. М., 1991. Вып. 38. С. 229.

^{VI} Подробнее см.: Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. С. 217.

^{VII} Станкевич В.Б. Воспоминания. С. 181.

^{VIII} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 218.

^{IX} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 20б. Подробнее о нем см.: Ганин А.В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 146–220.

^X Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С. 480.

условиях. При военном и морском министре было организовано Особое совещание по преобразованию армии, председателем которого стал товарищ министра, занимавшийся вопросами стратегии и личного состава, делами Главного штаба и ГУГШ генерал-лейтенант В. Ф. Новицкий, имевший еще в дореволюционном Генштабе репутацию человека левых убеждений^I.

Также была организована и комиссия под председательством бывшего военного министра генерала от инфантерии А. А. Поливанова (довоенного сотрудника Гучкова и человека, прежде пользовавшегося особенным нерасположением императрицы^{II}). В комиссию входили помимо Поливанова генералы П. И. Аверьянов, А. П. Архангельский, Н. П. Михневич, А. З. Мышлаевский, Ф. В. Рубец-Масальский и др. Сотрудничала с комиссией Поливанова и группа лояльных Гучкову генштабистов из возглавлявшейся им военной комиссии Временного комитета Государственной думы. По аналогии с предвоенным кружком Н. Н. Головина эта группа получила наименование «младотурки». Комиссия одобрила Декларацию прав солдата, что вызвало удивление самого Гучкова^{III}. Выдвинувшиеся на авансцену политической жизни офицеры придерживались либеральных или социалистических взглядов. Гучков видел предназначение «младотурок» в качестве посредников между правительством и высшим командованием.

Отдельные офицеры, пользовавшиеся авторитетом в войсках, сохранили свои должности и даже интегрировались в выборные комитеты. Занимавший в начале 1917 г. пост и. д. начальника штаба 51-й пехотной дивизии полковник К. И. Бесядовский впоследствии вспоминал: «На этой должности меня застала Февральская революция, которая протекала в дивизии сравнительно безболезненно. Мне удалось наладить жизнь дивизии в новых условиях благодаря тому, что я быстро схватывал обстановку и проводил мероприятия, которые затем с опозданием предписывались нам сверху (напр., солдатские комитеты в ротах). Мне все это было тем легче, что я был выбран тов[арищем] председателя д[ивизион]ного комитета^{IV}».

В целом же события 1917 г. быстро привели к разложению и развалу армии, к преследованию офицеров. Характерен инцидент, произошедший с будущим вождем Белого движения на Севере России генерал-лейтенантом Е. К. Миллером. 7 апреля 1917 г. командир XXVI армейского корпуса генерал Миллер вышел к прибывшим ротам пополнения и потребовал от них снять не установленные формой одежды красные банты, а также убрать красный флаг, солдаты отказывались подчиняться, после чего Миллер приказал одного из них арестовать за дерзкий ответ командиру корпуса. В результате начался солдатский бунт. Солдаты окружили Миллера, угрожали ему, ругались, сорвали шашку, погоны и поволокли генерала вдоль строя. Из толпы солдат выкрикивались предложения поднять Миллера на штыки, кричали, что он немец и предатель. Генерала стали избивать, в том числе его же шашкой в ножнах, разбили голову, толкнули в грязь, сорвали фуражку, разорвали пальто и едва не убили^V. Правда, раздавались и призывы не трогать

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 156об.

^{II} Там же. Л. 168.

^{III} Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 104–106.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 9.

^V Самим генералом были оставлены детальные показания о случившемся, которые хранятся в Гуверовском архиве в США (HIA. E. K. Miller collection. Box 1).

генерала. Миллер был арестован и посажен на гауптвахту, где просидел четыре дня, а в общей сложности с санкции корпусного съезда и военного министра под арестом провел три недели^I. Генералу М.В. Алексееву 8 мая 1917 г. Миллер написал: «Я своему сыну могу завещать в наследство лишь свою “немецкую” фамилию, которую я ни теперь, ни впредь не изменю ради угодничества перед толпой, и мое честное имя; меня хотят лишить последнего»^{II}. В итоге Миллер добился реабилитации. И хотя он был устранен от непосредственной службы в войсках, однако получил должность представителя Ставки при итальянской главной квартире. Возможно, именно этот тяжелый личный опыт толкнул Миллера в антибольшевистский лагерь в Гражданскую войну^{III}.

Миллер, испытывавший не самые приятные минуты, уцелел. Но, по меньшей мере, 11 выпускников и слушателей академии были убиты разбушевавшейся солдатской массой в 1917 г.^{IV} Количество раненых, испытывавших на себе, подобно Миллеру, побои, оскорбления и унижения, не поддается подсчету. Среда генштабистов лихорадили рассказы о драках и избиениях генштабистов солдатами^V.

Не все представители высшего командного состава осознавали происходившие перемены. Некоторые пытались действовать прежними методами, усугубляя озлобление солдат. Например, генерал А.М. Драгомиров в целях подтягивания дисциплины ездил по Пскову верхом и требовал от солдат гарнизона отдания чести, хотя оно вне строя и было отменено^{VI}.

В революционной России 1917 г. появилось множество союзов и объединений, имевших в том числе политические цели. Свою роль в создании ряда организаций сыграли офицеры-генштабисты. 17 марта 1917 г. в Петрограде был образован Союз увечных и раненых офицеров во главе с подполковником А.И. Кисловым. В апреле 1917 г. подполковники Д.А. Лебедев и В.М. Пронин выступили с инициативой создания Временного комитета Союза офицеров армии и флота^{VII}. Основной задачей комитета была подготовка созыва 1-го Всероссийского съезда офицеров армии и флота, состоявшегося при Ставке в Могилеве 7–22 мая 1917 г.

В работе съезда участвовали 298 делегатов, из которых 241 от фронтов и 57 от тыла (включая 40 от строевых частей тыла)^{VIII}. Присутствовали здесь генералы М.В. Алексеев и А.И. Деникин, представители иностранных военных миссий. На открытии съезда председательствовал подполковник Л.Н. Новосильцев при секретаре капитане В.Е. Роженко. Съезд утвердил устав, избрал 26 членов Главного комитета Союза офицеров армии и флота, а также 3 членов Ревизионной комиссии. Председателем Главного комитета стал Л.Н. Новосильцев, товарищами председателя — подполковники В.М. Пронин и В.И. Сидорин, секретарем — капитан С.Н. Ряснянский, почетными членами генералы М.В. Алексеев и А.И. Деникин.

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 15.

^{II} Там же. Л. 16–16об.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. Как становятся антибольшевиками? Генерал Е. К. Миллер и революционная армия в 1917 году // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 121–132.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 795–804.

^V Снесарев А. Е. Дневник 1916–1917. С. 358, 377.

^{VI} ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 421. Д. 9. Л. 51.

^{VII} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 1. С. 427.

^{VIII} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 5. Л. 13.

Союз, официально не ставивший перед собой политических целей, оказался одной из крупнейших политических организаций страны. Руководящую роль в нем играли офицеры Генерального штаба. Штаб-квартира союза находилась в Ставке, являвшейся, таким образом, базой организации. В дальнейшем руководители союза сыграли видную роль в событиях корниловского выступления.

Через союз некоторые офицеры пытались решать свои служебные проблемы в революционной армии. Субординация при этом не соблюдалась. Так, генерал Н.Л. Юнаков ходатайствовал перед капитаном Ряснянским, чтобы последний замолвил за него словечко в Ставке в связи с несправедливым отстранением от должности. Ряснянский вспоминал в связи с этим: «Стоя почтительно вытянувшись перед ним, я думал: до какого абсурда дошли порядки в нашей армии, что генерал ищет протекции у капитана»^I. Вместе с тем, по свидетельству Ряснянского, имели место только два-три случая, когда главный комитет вмешивался в назначения.

Параллельно с могилевским в Петрограде с 8 по 27 мая прошел альтернативный и более представительный офицерский съезд – Всероссийский съезд офицерских депутатов армии и флота, на котором председательствовал генштабист подполковник А.Ф. Гуцин, а участвовало 749 делегатов (в том числе 664 офицера^{II}).

25 марта 1917 г. генштабисты Особой армии провели свое собрание^{III}. В принятом тогда постановлении генштабисты выразили лояльность Временному правительству, однако выступили против непродуманных армейских преобразований, которые вели к разрушению армии, подвергли жесткой критике сложившееся в стране двоевластие в связи с деятельностью Петросовета, сеявшей рознь между офицерами и солдатами, выражали глубокую озабоченность падением дисциплины, введением в армии выборного начала, выходом солдат из подчинения офицерам, дезертирством.

К лету 1917 г. из всего Юго-Западного фронта организация генштабистов существовала только в Особой армии^{IV}. Однако генштабисты других армий вскоре последовали примеру своих товарищей, тем более что постановление собрания офицеров Генерального штаба Особой армии рассылалось в копиях на другие фронты^V. Из некоторых армий, корпусов и дивизий на это постановление в начале апреля 1917 г. были присланы восторженные отклики^{VI}.

Собрания генштабистов также прошли на Северном фронте, во 2, 5 и 12-й армиях. В последней 9 апреля прошло собрание по вопросу о создании Союза офицеров Генерального штаба. Особо обсуждался вопрос о принятии в такой союз причисленных к Генштабу и окончивших курсы академии. Постановили оставить вопрос открытым. Было принято название «Общество офицеров Генерального штаба 12-й армии»^{VII}. Вызывал вопросы и характер будущего общества – политический или профессиональный.

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 67.

^{II} Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России... С. 145.

^{III} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 46–48об.

^{IV} Там же. Л. 54.

^V См., напр.: РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 289. Л. 17.

^{VI} Там же. Л. 19–19об.

^{VII} РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1584. Л. 8.

В 12-й армии был даже разработан и 9 мая 1917 г. утвержден общим собранием членов устав Общества офицеров Генерального штаба. В документе отмечалось, что генштабисты 12-й армии составляют единое целое со всем офицерством и «объединяются с целью внести свой труд и знания в дело переустройства армии на новых началах и укрепления ее боеспособности для выполнения священного долга — защиты Родины и ее свободы от всяких посягательств»^I. Свою задачу видели в широкой просветительской работе, разработке улучшений в вопросах организации и быта армии, усовершенствований в области военного искусства и военной техники, в установлении тесной связи со строевыми офицерами и солдатами, в обсуждении и решении вопросов прохождения службы офицеров Генштаба, в борьбе с канцелярщиной, в стремлении перенести работу генштабистов в поле, в проведении в жизнь идеи объединения всех генштабистов в стране.

На собраниях должны были присутствовать от каждого штаба корпуса, от дивизии и крепости — не менее одного представителя, от штаба армии — не менее трех. Избрание новых членов и переизбрание старых осуществлялись при наличии $\frac{2}{3}$ голосов. Общие собрания должны были проводиться ежемесячно по требованию не менее четверти членов общества. На каждом заседании избирались председатель, его товарищ и секретарь. Во главе организации стоял исполнительный комитет.

Все сильнее наблюдался отход от лозунга «армия вне политики». Например, члены Общества офицеров Генерального штаба 12-й армии в июне — июле 1917 г. сообщали военному министру, в ГУГШ и в Военную академию, что устраниются от работы по повышению боеспособности армии^{II}.

16 апреля 1917 г. датировано постановление собрания офицеров Генерального штаба 5-й армии, в полосе которой находилась Ставка. Офицеры отмечали недопустимость вмешательства советов или комитетов в оперативные вопросы. Кроме того, предлагалось привлечь генштабистов в Совет рабочих и солдатских депутатов (не менее двух от каждого фронта). Также в постановлении содержалось требование проведения при Ставке съезда офицеров Генерального штаба (по два от каждой армии) для обсуждения текущего положения и составления общего заявления. Наконец, офицеры высказались за создание постоянного Комитета офицеров Генерального штаба при Ставке для рассмотрения возникающих вопросов^{III}. Фактически постановление провозглашало полную поддержку Временному правительству, но требовало учитывать интересы и мнение Генштаба. Таким образом, на май 1917 г. постановления были приняты в трех армиях: Особой, 12-й и 5-й.

Генштабисты 2-й армии также высказались за созыв съезда офицеров Генштаба «для борьбы с разлагающими влияниями в армии»^{IV}. Попытки организации такого съезда предпринимались только до выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., после чего стали невозможны.

Однако далеко не везде генштабисты продемонстрировали единство взглядов. Так, генштабисты штаба Северного фронта 27 апреля 1917 г. постановили,

^I Там же. Л. 20; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 58.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1509. Л. 155.

^{III} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 8. Л. 1–2.

^{IV} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 61.

что офицеры Генштаба могут выносить постановления только по своей службе и быту. По политическим и общим военным вопросам какие-либо постановления могли делать общие офицерские собрания. Для решения профессиональных вопросов допускалось собирать съезды офицеров в штабах армий и Ставке, образовав при штабах комитеты^I.

В мае 1917 г. в штабе Северного фронта обсуждался устав Общества офицеров Генерального штаба 12-й армии, причем предполагалось создать объединение всех офицеров-генштабистов фронта^{II}. Аналогичное обсуждение прошло и в Ставке. Инициатором создания объединения с политическими целями выступил штаб Северного фронта и непосредственно генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич, ставший впоследствии одним из руководителей Красной армии. По задумке Бонч-Бруевича, деятельность фронтовых объединений генштабистов должна была возглавлять такая же организация в Ставке, а в мирное время — в ГУГШ^{III}. Похоже, Бонч-Бруевич таким способом искал популярности среди офицеров Генштаба.

Кавказский фронт известил, что из-за разбросанности генштабистов и обширности театра военных действий там союз офицеров Генштаба создаваться не будет^{IV}.

На Северном фронте возникло свое общество офицеров Генштаба, устав которого был выработан 22 июня 1917 г. Председатель общего собрания офицеров Генерального штаба Северного фронта М. Д. Бонч-Бруевич 25 июня 1917 г. обратился в штабы фронтов, армий и в Ставку с предложением создать объединение всех генштабистов и разослал принятый на Северном фронте устав^V. Согласно уставу, Общество офицеров Генерального штаба Северного фронта создавалось «в целях: 1) товарищеской поддержки друг другу и 2) организованного выступления во всех соответствующих случаях военно-научной деятельности своей для внесения приобретенных ими знаний в дело переустройства армии на новых началах и укрепления ее боеспособности»^{VI}. Председателем общества стал не кто иной, как сам Бонч-Бруевич, секретарем — подполковник Н. М. Щербаков. В общество принимали как полноценных генштабистов, так и причисленных к Генштабу, тех, кто ранее состоял по Генштабу, отставных офицеров и даже тех, кто окончил два или три курса академии. Членами общества не могли быть только те, кто был удален из среды генштабистов по суду или за неблагоприятные поступки^{VII}. Предполагалось, что на постоянной основе в обществе будет работать исполком из пяти членов и двух кандидатов.

Бонч-Бруевич явно стремился в лидеры неформального сообщества генштабистов. Более того, в этот период на общих собраниях генштабистов обсуждалась кандидатура нового начальника академии Генерального штаба. Сложно сказать, какая роль больше привлекала Бонч-Бруевича — неформального лидера корпорации или начальника академии. Все планы корпоративного объединения генштабистов были сорваны событиями корниловского выступления.

^I РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1584. Л. 116.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 1.

^{III} Там же. Л. 4об.

^{IV} Там же. Л. 3.

^V РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 65–65об.

^{VI} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 49.

^{VII} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 5об.

Уже весной 1917 г. стала очевидна антиофицерская направленность происходивших в стране процессов. Убийства офицеров, побои, унижения, падение дисциплины и отказ солдат подчиняться — все это не могло не вызывать тревогу. На совещании с представителями Временного правительства и Петросовета 4 мая 1917 г. генерал М. В. Алексеев заявил, что армия утратила дисциплину, «офицерство угнетено, а между тем именно офицеры ведут массу в бой»¹. Ему вторил генерал А. А. Брусилов, назвавший офицеров париями революции и отметивший, что обретенная свобода должна касаться не только одних солдат². Деятели Временного правительства тогда заверили генералитет в том, что приложат все усилия для укрепления армии и недопущения дальнейшего развала. Однако последующие события показали, что политики выпустили вооруженную силу из-под контроля и разрушительные процессы стали необратимыми.

К лету 1917 г. в кругах Генштаба стало наблюдаться разочарование политикой Временного правительства, которое не доверяло офицерству и не защищало его от солдатского произвола. И хотя некоторые представители военной элиты еще выражали лояльность властям³, кредит доверия стремительно сокращался. Существовавшие в начале года надежды на то, что устранение «темных сил» и установление «демократических» порядков повысят обороноспособность страны, оказались иллюзиями. Некоторые генералы, наблюдая политическое бессилие Временного правительства, сожалели о том, что способствовали отречению Николая II и приходу к власти деструктивных элементов⁴. Нарастали тревожные ощущения близкого краха страны и охваченной разложением армии. Тревога сменялась возмущением, а возмущение служило стимулом для решительных действий, к которым боевое офицерство склонно по природе своей деятельности. Как отмечал голландский военный корреспондент Л. Грондейс, постфактум размышлявший о переменах в настроении офицерства весны 1917 г., «они бы не поверили, если бы кто-то им сказал, что настанет день, когда они единодушно объявят “великого Керенского”, “полубога”, “спасителя Отечества”, “штафиркой”, “предателем”, “ряженым адвокатишкой” и одного его сделают ответственным за конечную катастрофу»⁵.

В июне 1917 г. провалилось последнее наступление полуразложившейся русской армии⁶. Развал армии и революционный хаос многие генштабисты воспринимали как трагедию страны и свою личную драму. Опасность «керенщины», ведущей государство к гибели, была очевидной не только высшему командному составу, но даже младшим офицерам Генштаба.

В целях спасения воюющей страны, на фоне неудачи наступления на фронте и нестабильности внутри России необходимы были решительные меры. Занявший

¹ ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Ганин А. В. «Всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...»: Неизвестное письмо генерала С. Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107–109.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 18–18об.; Ганин А. В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53.

⁵ Грондейс Л. Война в России и Сибири. М., 2018. С. 92.

⁶ О роли Генерального штаба в подготовке операции см.: Feldman R. S. The Russian General Staff and the June 1917 Offensive // Soviet Studies. 1968. Vol. 19, № 4. P. 526–543. Также см.: Кавтарадзе А. Г. Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 111–117.

в ночь на 8 июля пост главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал Л.Г. Корнилов требовал суровых мер по отношению к дезертирам, причем сам применил смертную казнь в отношении 14 человек уже 9 июля 1917 г.¹ Корнилов фактически был инициатором введения смертной казни на фронте в целях укрепления дисциплины. Соответствующее постановление Временного правительства было принято 12 июля. Однако эта мера запоздала и вызывала озлобление солдатских масс, поскольку воспринималась как возврат к старым, отмененным Февральской революцией (отмена смертной казни произошла 12 марта 1917 г.), порядкам. Процесс разложения армии был давно запущен, и любые карательные меры казались одиозными. Более того, они, очевидно, усиливали антиофицерские настроения в солдатских массах. Вскоре после подавления корниловского выступления вынесение смертных приговоров было приостановлено, а отменена смертная казнь была 26 октября 1917 г. решением II Всероссийского съезда Советов. Отрицательные последствия для русской армии имело и инициированное генштабистами для оздоровления войск создание национальных частей. Нельзя признать успешным опыт формирования в тех же целях женских ударных батальонов.

16 июля в Ставке при участии высших чинов армии, министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, министра иностранных дел М.И. Терещенко, комиссара Юго-Западного фронта Б.В. Савинкова прошло совещание о мерах по восстановлению боеспособности армии². Генерал А.И. Деникин раскритиковал новую систему военного управления в лице комиссаров и комитетов, заявив, что не большевики, а другие силы разрушили армию³. Это был прямой выпад в адрес правительства. Генерал М.В. Алексеев также высказался об ответственности правительства за расшатывание армии. Генерал Н.В. Рузский заявил о том, что из армии «сделали орду баранов». Столкнувшись с солидарной позицией высшего командного состава, Керенский был вынужден оправдываться⁴. Подполковник В.К. Манакин разработал программу создания ударных батальонов⁵. Пользуясь доверием социалистических деятелей и правом на революционную инициативу, Манакин действовал в интересах укрепления армии⁶. Другим видным участником движения ударников был подполковник М.О. Неженцев, погибший в 1918 г. под Екатеринодаром в рядах Добровольческой армии.

В связи с июльским выступлением большевиков группа петроградских генштабистов, связанных с Временным правительством, предпринимала попытки ареста большевистских лидеров. В этой работе участвовали: главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-майор П.А. Половцов, начальник штаба округа полковник Ф.И. Балабин и генерал-квартирмейстер капитан Б.В. Никитин. Непоследовательность министра-председателя А.Ф. Керенского

¹ Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. М., 2010. С. 316.

² Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России... С. 210–215.

³ Речь Деникина см.: Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 1. С. 507–522.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 144. Л. 61, 67об., 69, 72.

⁵ Подробнее о Манакине см.: Посадский А. В. От Царицына до Сызрани: Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. С. 147–152; Его же. Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии // Труды III междунар. исторических чтений, посв. памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 года. СПб., 2013. С. 236–253.

⁶ Попов К. С. Воспоминания кавказского гренадера 1914–1920. М., 2007. С. 198.

не позволила довести дело до конца. Половцов, Балабин и Никитин под давлением общественности вскоре были сняты со своих постов. Даже среди сторонников правительства стало распространяться понимание его неспособности справиться с развалом страны и угрозой большевизма.

Вероятно, эти события послужили основанием для следующего высказывания В.И. Ленина в опубликованной им 6 июля статье «Где власть и где контрреволюция?»: «Закулисная контрреволюция – вот она, как на ладони: это – кадеты, известные круги Генерального штаба (“командных верхов армии”, как сказано в резолюции нашей партии) и подозрительная, получерносотенная пресса. Вот кто не бездействует, вот кто “работает” дружно вместе; вот та среда, из которой питается обстановка погромов, попытки погромов, выстрелы в манифестантов и так далее и так далее»¹. Эти же оценки были повторены Лениным 10 июля в тезисах о политическом положении². Таким образом, офицеры Генерального штаба в глазах лидера большевиков прочно ассоциировались с негласным руководством контрреволюцией.

Наиболее реалистичным части командного состава армии казался силовой вариант выхода из кризиса. Предпринимались попытки самоорганизации офицерства, в том числе тайной, для спасения страны³. В Петрограде возникла организация «Республиканский центр», военной секцией которого руководили генштабисты полковники В.Н. Доманевский и Л.П. Дюсиметьер. Сотрудничал с секцией и Б.А. Энгельгардт. В Ставке организационную работу вел сослуживец Корнилова по 8-й армии 1-й генерал-квартирмейстер генерал И.П. Романовский, в августе к этой работе подключился и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал А.С. Лукомский⁴.

Безусловным лидером генералитета являлся назначенный 18 июля 1917 г. Верховным главнокомандующим генерал Л.Г. Корнилов, воспринимавшийся как сторонник твердой власти и потенциальный диктатор. Это был храбрый генерал, не имевший, однако, больших полководческих заслуг. Его популярность в армии (прежде всего в офицерской среде) зиждилась на успешном побеге из плена⁵. Корнилов не обладал и политическим опытом. Как отмечал генерал Е.И. Мартынов, «в области политики Корнилов являлся совершенным профаном. До своего неожиданного вмешательства в государственные дела он был узким военным специалистом, мало интересовавшимся общими вопросами. В революционном водовороте, охватившем Россию, он даже не замечал господствовавшего течения – борьбы классов, а видел лишь слабость правительственной власти и происходившую от этого распушенность народных масс. Он весьма плохо разбирался в скрещивавшихся интересах различных слоев русского общества, не знал ни партийных группировок, ни отдельных общественных деятелей. Выступая на историческую сцену

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 32. С. 416.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 1.

³ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 45–47; Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 26–30.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 39–40, 93.

⁵ Подробнее см.: Солнцев-Засекин А. Побег генерала Корнилова из австрийского плена: Составлено по личным воспоминаниям, рассказам и запискам других участников побега и самого генерала Корнилова. М., 2014.

со столь легким политическим багажом, Корнилов, очевидно, нуждался в чьем-либо руководстве^I. Как полководец, он также не имел на своем счету крупных побед. Негативными факторами, отмечавшимися современниками, были склонность Корнилова подпадать под влияние окружающих, неспособность разбираться в людях, наивная доверчивость и огромное честолюбие^{II}. Для солдат это была одиозная фигура, с которой было связано восстановление в июле 1917 г. уже забытой в революционной России смертной казни на фронте. Разумеется, все эти качества делали Корнилова никудышным политическим лидером и заведомо лишали его поддержки широких масс. Генерал А.А. Брусилов отзывался о нем как о человеке с львиным сердцем и бараньей головой^{III}. Схожий отзыв приписывают и генералу М.В. Алексееву. Впрочем, в среде генералитета и части офицерства Корнилов мог рассчитывать на поддержку и нашел ее.

11 августа 1917 г. в Москве открылось Государственное совещание. В форуме участвовали и выпускники Николаевской военной академии. В частности, сам генерал Корнилов, генерал А.М. Каледин, войсковой старшина А.И. Дутов, полковник К.В. Сахаров. На совещании была озвучена политическая программа Корнилова.

Существуют различные трактовки причин корниловского выступления. К сожалению, иногда исследователи оценивают эти события превратно и в русле устаревших концепций. Порой упускается из вида^{IV}, что корниловское выступление было инициировано А.Ф. Керенским и использовано им в целях дискредитации Корнилова и его сторонников, т.е. речь не шла о заговоре против Керенского, который в действительности был посвящен в подготовку этого выступления. Об этом, в частности, писал генерал М.В. Алексеев лидеру кадетской партии П.Н. Милюкову 12 сентября 1917 г.: «Выступление Корнилова не было тайно от членов правительства, вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко и через них с Керенским... Участие Керенского бесспорно. Почему все эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались они от своих слов? Я сказать не умею... Движение дивизии 3-го конного корпуса к Петрограду совершалось по указанию Керенского, переданному Савинковым»^V. О существовании сговора Керенского и Корнилова писал и Л.Д. Троцкий в статье «На чистую воду!», опубликованной 8 сентября 1917 г.^{VI} Таким образом, антиправительственного заговора существовать не могло, коль скоро распоряжения военных были санкционированы и спровоцированы непосредственно главой Временного правительства^{VII}. Впрочем, в Ставке было свое видение будущей структуры власти. Последующие действия Керенского явились результатом двойной игры с не искушенными в политике генералами. Чрезвычайная следственная комиссия по итогам допросов участников событий пришла к выводу, что существование антиправительственного заговора в Ставке

^I Мартынов Е. И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 286.

^{II} Там же. С. 288.

^{III} Половцов П. А. Дни затмения. С. 194.

^{IV} Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 361.

^V Цит. по: Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах Русской императорской армии. С. 599.

^{VI} Троцкий Л. Д. Сочинения. М., 1924. Т. 3, ч. 1. С. 270–274.

^{VII} Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 444. Также см. позднейшее свидетельство активного участника событий В. Н. Львова: Скитания русского офицера. С. 328.

как до разрыва Корнилова с Керенским, так и после не доказано¹. Следует отметить, что попытки доказать существование антиправительственного заговора стали для Керенского в дальнейшем настоящей идеей фикс².

Обстановка в столице обострилась во второй половине августа. Стали распространяться слухи, что к полугодичному юбилею февральских событий в Петрограде ожидается выступление большевиков³. Сейчас трудно установить источник этих слухов. Постфактум стороны конфликта обвиняли в случившемся друг друга. Для пресечения ожидавшегося мятежа Временное правительство вызвало с фронта войска. На столицу был направлен III конный корпус генерала А.М. Крымова (начальник штаба — генерал-майор М.К. Дитерихс). Однако Керенский 27 августа пошел на разрыв со Ставкой — он приказал Корнилову сдать должность, объявил его изменником и начал вооружать петроградских рабочих.

Игра министра-председателя, решившего устранить конкурента, сопровождалась прямыми мистификациями Корнилова⁴. Нужно было найти повод вывести популярного генерала из игры, и он был найден в «предложениях» Корнилова, привезенных в Петроград посредничавшим на переговорах В.Н. Львовым. В Ставке телеграмме Керенского об отстранении Корнилова первоначально даже не поверили, сочтя ее германской провокацией. Однако вскоре было получено подтверждение. Действия Керенского Корниловым были расценены как провокационные.

В последующем Корнилов проявил серьезные колебания. С одной стороны, Временное правительство им объявлялось безответственным, генерал сообщал о неподчинении и походе против правительства, но, с другой стороны, члены правительства приглашались на переговоры о новом составе правительства в Ставку.

28 августа Корнилов принял решение об открытом выступлении против Временного правительства, ведшего страну к гибели. Руководителями выступления Корнилова и его активными участниками являлись почти исключительно выпускники Николаевской академии⁵, часть которых также относилась и к гвардейскому офицерству. Корниловцы в дальнейшем приняли участие в Гражданской войне, в основном в рядах белых армий. Ставка выступала за оздоровление армии и тыла, войну до победного конца, создание твердой власти для спасения страны и за предотвращение возможной гражданской войны. В Ставке группы офицеров-корниловцев, вызванных в Могилев под предлогом ознакомления с новыми образцами минометов и бомбометов, организовывали генштабисты из Союза офицеров армии и флота: подполковник В.М. Пронин и капитан В.Е. Роженко. Содействовали движению полковник Д.А. Лебедев, подполковник Л.Н. Новосильцев (негенштабист), капитан С.Н. Ряснянский. 28 августа 1917 г. Союз офицеров армии и флота выпустил воззвание в поддержку Корнилова. В Петрограде работали

¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках: Август 1917 г. — июнь 1918 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 125–126.

² Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 144.

³ Греков А. Н. Союз казачьих войск в Петрограде в 1917 году // Донская летопись. Сборник материалов по новейшей истории донского казачества со времени русской революции 1917 года. Вена, 1923. № 2. С. 261; Миллюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 331.

⁴ Иоффе Г. З. Семнадцатый год. С. 130–131.

⁵ Wildman A. Officers of the General Staff and the Kornilov Movement // Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge, 1992. P. 83.

генштабисты: полковники Л.П. Дюсиметьер и В.И. Сидорин (начальник штаба организации Крымова, по свидетельству С.Н. Ряснянского). Петроградские корниловцы должны были имитировать выступление большевиков, чтобы дать военным карт-бланш на ликвидацию большевизма".

Корнилова поддержал главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.И. Деникин, направивший 27 августа телеграмму Керенскому, Корнилову и главнокомандующим фронтами^{III}. К этой телеграмме присоединились некоторые другие военачальники.

Трое других главнокомандующих армиями фронтов (Северного – генерал В.Н. Клембовский, Западного – генерал П.С. Балувев, Румынского – генерал Д.Г. Щербачев) заняли выжидательную позицию – они не выступали против Временного правительства, но высказались за сохранение Корнилова на своем посту. Позиция штаба Кавказского фронта относительно выступления Корнилова оказалась неоднозначной^{IV}. Генерал-квартирмейстер штаба генерал Е.В. Масловский и его помощник генерал П.Н. Шатилов активно поддерживали корниловцев, вели агитацию в штабе, рассылали телеграммы сторонников Корнилова в корпуса и учреждения, задержали телеграмму А.Ф. Керенского. Однако главнокомандующий, генерал М.А. Пржевальский, который сначала высказывал симпатии к Корнилову, под влиянием генерала П.И. Аверьянова занял более осторожную позицию и заявил, что не верит в успех выступления, а позднее высказался против раскола армии и объявил о верности правительству^V.

Движение войск Крымова на Петроград закончилось неудачей. Войска оказались разбросаны на огромном пространстве между Ревелем и Лугой, продвижение шло медленно, встречая сопротивление на железных дорогах и мощную контрпропаганду, приказы доходили до эшелонов с большим трудом. На переговоры с Крымовым Керенский направил другого генштабиста – помощника начальника своего кабинета и друга Крымова полковника С.Н. Самарина (на всякий случай Керенским Самарину был выдан ордер на арест Крымова^{VI}), который убедил Крымова выехать от войск в Петроград, что, по сути, обезглавило и без того плохо управляемый корпус. Но одну из ключевых ролей в организации отпора корниловцам сыграли большевики, что резко усилило их популярность в народе.

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 77.

^{II} Вакар Н. П. Генерал Л. Г. Корнилов и А. Ф. Керенский. Беседа с П. Н. Финисовым // Последние новости (Париж). 1937. 06.03. № 5825. С. 3.

^{III} РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 13–13об.; «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...»: Документы по делу об участниках выступления генерала Л. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3–34; Ганин А. В. «Не могу утверждать, что это был определенный контрреволюционный заговор»: Следственные материалы по делу сторонников генерала Л. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 22–30; Еро же. «Все пережитое за период командования армией... подействовало на мое здоровье»: Генерал В. И. Селивачев и дело генерала Л. Г. Корнилова. Август – сентябрь 1917 г. // Селивачев В. И. Дневники. С. 711–743; Гагуев Р. Г. Бердичевские узники: арест генерала А. И. Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в дни Корниловского выступления (август – сентябрь 1917 г.) // Новейшая история России (СПб.). 2019. Т. 9, № 2. С. 312–339.

^{IV} В советской историографии складывалась несколько искаженная картина роли Кавказского фронта в тех событиях (Стеклов А. Борьба солдатских масс Кавказского фронта против корниловщины (к 50-летию разгрома корниловщины) // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 121–125).

^V Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 561, 565 // HIA. Vrangeli family papers. Box 7. Folder 1; Еро же. Записки. Т. 1. С. 240–241.

^{VI} Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 308.

30 августа генерал А.М. Крымов приехал в Петроград, где после беседы с Керенским, происходившей в присутствии помощника военного министра генерал-майора Г.А. Якубовича, полковника С.Н. Самарина, генерал-майора М.К. Дитерихса и других лиц, застрелился. Перед самоубийством Крымов написал письмо Корнилову. По свидетельству Самарина, речь шла о записке следующего содержания: «Простите, дорогие. Не могу перенести позора суда!» Похороны Крымова во избежание демонстраций протеста были проведены скрытно.

Корнилов и его сторонники были смещены со своих постов и арестованы (впрочем, лидер большевиков В.И. Ленин считал, что основная их масса осталась на своих должностях, хотя армия и ненавидела Ставку¹). За поддержку выступления Корнилова в сентябре 1917 г. был распущен Союз офицеров армии и флота, члены Главного комитета по требованию министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского арестованы, а отделения союза на местах упразднены. Впоследствии Керенский, чтобы снять с себя ответственность, утверждал, что причиной выступления Корнилова являлся заговор правых.

Среди 30 человек, содержащихся под арестом в городе Быхове (неподалеку от Ставки в Могилеве) по делу о выступлении Корнилова, было 14 генштабистов: генералы Л.Г. Корнилов, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, А.И. Деникин, Е.Ф. Эльснер, И.Г. Эрдели, Г.М. Ванновский, С.Л. Марков, М.И. Орлов, В.Н. Кисляков, подполковники В.М. Пронин и И.Г. Соотс, капитаны В.Е. Роженко и С.Н. Ряснянский. Почти все они в дальнейшем оказались в руководстве Белого движения на Юге России.

Быховские узники были товарищами по прежней службе, единомышленниками и будущими соратниками по борьбе. Совместное пребывание под арестом в сравнительно комфортных условиях оказало на них большое влияние, создав настроенный против недееспособного Временного правительства готовый к самостоятельным действиям сплоченный костяк руководителей антибольшевистского сопротивления, что во многом привело к зарождению Белого движения на Юге России. Активные представители Генштаба все сильнее ощущали свою ответственность за судьбу страны и армии, не видя здоровых сил ни во Временном правительстве, ни в стремившихся к захвату власти большевиках. Неудача выступления Корнилова, с одной стороны, лишила офицерство политически активных и сколько-нибудь известных лидеров, оказавшихся отстраненными от военного управления, а с другой, толкнула отдельных представителей высшего командного состава на путь самостоятельных действий в военно-политической сфере, в том числе в области подготовки будущих вооруженных формирований.

Провал корниловского выступления, близкого устремлениям немалой части военной элиты как силовой вариант выведения страны из затяжного общественно-политического кризиса, вызвал растерянность фронтового офицерства, разочарование генералитета и генштабистов, усилил антиофицерские настроения в солдатской среде².

¹ BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 6.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 147.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 8.

Возобновились самосуды над офицерами, жертвами которых становились и отдельные генштабисты. Наиболее известный инцидент произошел в Выборге, где солдатами были убиты бывший командир XLII армейского корпуса генерал от кавалерии В. А. Орановский, комендант Выборгской крепости генерал-майор Ф. В. Степанов и обер-квартирмейстер XLII армейского корпуса генерал-майор В. Н. Васильев, а также негенштабист полковник Э. К. Кюренюс. Всего погибло от 12 до 22 человек.

Временное правительство лишилось поддержки военных верхов. Реальной силой оставались только большевики, авторитет которых в результате разгрома корниловцев значительно возрос, в том числе и в армии, что проявилось в стремительной большевизации солдатских комитетов. Приход большевиков к власти становился лишь вопросом времени. С другой стороны, движение Корнилова стало основой возникновения Белого движения. Таким образом, выступление Корнилова явилось отправной точкой на пути к Гражданской войне, сделало ее неизбежной.

Офицерский корпус, как и Генштаб, раскололся на корниловцев и «демократическое офицерство». Выступление Корнилова со стороны могло восприниматься как попытка Генерального штаба взять власть в свои руки, сыграть более значимую роль в спасении страны¹. Один из работников ГУГШ в своих воспоминаниях отметил: «Наблюдая офицеров Генштаба в этом (корниловском. — А. Г.) движении, я перестал верить в Россию»². По авторитету генштабистов в обществе самым фактом провала выступления был нанесен серьезный удар. Участники движения оказались выставлены контрреволюционерами и реставраторами, даже обвинялись в открытии фронта немцам³.

Положение левых организаций окрепло. В радикальной декларации исполкома Петергофского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 августа 1917 г. Генеральный штаб был изображен в качестве прямого виновника движения Корнилова и содержался призыв к немедленной замене офицеров-генштабистов на всех постах: «Предательское корниловское выступление доказало всему российскому народу, какая угрожала и угрожает опасность в старом Генеральном штабе — гнезде контрреволюции, который составил заговор для подавления революции и уничтожения всех революционных организаций, защищающих интересы трудового народа. Офицеры Генерального штаба стремятся к уничтожению свободной революционной дисциплины армии, желая передать всю полноту власти в руки лишь олигархии Генерального штаба, тормозят демократизацию армии и не дают дороги строевому офицерству, почему исполнительный комитет находит:

1) что организация Генерального штаба есть источник всех возможных контрреволюционных движений в армии;

2) что заговор Корнилова есть результат контрреволюционной работы офицеров Генерального штаба;

3) что лица, участие которых в заговоре может считаться вполне установленным, — генералы Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Марков, Орлов, Эрдели,

¹ Об участии генштабистов в корниловском движении см.: *Wildman A. Officers of the General Staff and the Kornilov Movement*. P. 76–101.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 101.

³ Никитин Б. В. Роковые годы: новые показания участника. М., 2007. С. 248.

Романовский, Саттеруп, Кисляков, Крымов, Клембовский, Оболенев, Эльснер, Волков, полковник Клерже – все офицеры Генерального штаба;

4) что судебное расследование установит еще целые ряды соучастников – офицеров Генерального штаба;

5) что контрреволюционные организации – Союз офицеров армии и флота и Военная лига – созданы при ближайшем участии офицеров Генерального штаба;

6) что вся военная власть сосредоточена в замкнутой корпорации Генерального штаба;

7) что спешная радикальная реорганизация этого корпуса не может быть более оттягиваема, – приходит к заключению, что все должности, предоставляющие узлы Военного управления, как то: а) помощники военного министра, б) начальник Главного управления Генерального штаба, в) начальник кабинета военного министра, г) начальник Политического управления Военного министерства, д) начальник канцелярии военного министра, е) начальник Главного штаба, ж) дежурный генерал Главного штаба, з) начальник бюро военной прессы, – должны быть теперь же заполнены лицами, не входящими в состав корпуса Генерального штаба и политическая физиономия которых не возбуждает сомнений; и что к реорганизации корпуса должно быть приступлено немедленно же.

О сем доводим до сведения Временного правительства и Центрального исполнительного комитета Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Если не будет реорганизован корпус офицеров Генерального штаба и если не будут все посты заменены лицами, к которым питает полное доверие армия, исполнительный комитет Петергофского совета р[абочих], с[олдатских] и кр[естьянских] д[епутатов] заявляет, что приказы, исходящие из очага контрреволюционного заговора – Генерального штаба и лиц, причастных к военному корниловскому мятежу, угрожают целым рядом конфликтов армии с Генеральным штабом, поражением наших войск на фронтах и глубокими осложнениями внутри страны¹. К этой декларации присоединились революционные организации Петрограда, Кронштадта и других центров².

Как справедливо отмечал генерал М. Д. Бонч-Бруевич, «“Корниловское выступление” все опрокинуло и громче всех других печальных событий подало мысль: “Долой всякое начальство! Бей офицеров”... Армия впоследствии, благодаря этим настроениям, не просто разошлась по домам, а бросилась назад, избивая попутно своих генералов и офицеров»³.

Командующий войсками Московского военного округа полковник А. И. Верховский, сторонник социалистических взглядов, активно противостоял корниловцам и выступал за их аресты. 30 августа за поддержку Временного правительства он был назначен министром-председателем А. Ф. Керенским на пост военного министра. На новой должности он стремился сохранить армию и поддерживал замену старых офицеров, особенно связанных с выступлением Корнилова, на руководящих

¹ Революционное движение в августе 1917 г.; Разгром корниловского мятежа. М., 1959. (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы). С. 532–533.

² Там же. С. 633.

³ ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 421. Д. 9. Л. 43.

постах молодыми выдвиженцами. Резко против корниловского движения выступал генерал М. Д. Бонч-Бруевич^I. Впрочем, активных сторонников Керенского в военной элите было сравнительно немного. Как свидетельствовал брат знаменитого революционера-террориста Б. В. Савинкова В. В. Савинков, «штабное офицерство, бывшее целиком на стороне Корнилова, чрезвычайно быстро смирилось и вообще отнеслось к событию совершенно пассивно»^{II}, причем якобы «после того, как окончательно выяснилось, что игра Корнилова проиграна, большинство офицеров Генерального штаба начало относиться к быв[шему] верховному главнокомандующему с осуждением»^{III}.

А. И. Верховский с горечью писал 29 августа 1917 г. в дневнике о последствиях дела Корнилова: «Как примирить те 2 силы, союз которых был необходим для поддержания боеспособности армии. Но выхода этого не было. События зашли слишком далеко. Единственное, о чем можно было мечтать... это предотвратить Гражданскую войну, предотвратить убийство офицеров»^{IV}. По его мнению, доверие солдат к офицерам теперь восстановить было невозможно.

30 августа 1917 г., в день назначения Верховского военным министром, М. В. Алексеев дал согласие занять пост начальника штаба Ставки. Свое назначение он считал необходимым сопроводить рядом условий, среди которых было осуждение корниловцев по суду, осуществление ряда мер Корнилова, установление полной оперативной свободы военачальников, освобождение от преследований младшего командного состава. Алексеев арестовал Корнилова и его соратников, но ему удалось максимально облегчить положение арестованных. Выступление Корнилова Алексеев считал протестом против безвластия и тяжелого положения армии^V. Сам Корнилов был склонен верить нелепым слухам об участии Алексеева в подготовке обороны Петрограда от корпуса Крымова и заявлял, что никогда не забудет этого^{VI}. Наряду с межличностными противоречиями данное обстоятельство существенно осложнило дальнейшую совместную работу двух генералов по организации антибольшевистской борьбы.

Анализируя роль генштабистов в событиях февраля – октября 1917 г., нельзя не сделать ряд наблюдений. Прежде всего, к началу 1917 г. в части военно-политической элиты страны наблюдался определенный консенсус по вопросу о том, что император в силу своих личных качеств, родственных связей, окружения препятствует успешному завершению войны. Разумеется, не приходится говорить о полном единстве генералитета и корпуса офицеров Генерального штаба, а недовольство императором нередко оказывалось ситуативным. Генералитет беспокоили и возмущали распространявшиеся сведения о связях императрицы с противником и о предательстве на самом верху, слухи и достоверные факты о «темных силах», концентрировавшихся вокруг трона. Альтернативой дискредитированным чиновникам считались представители «общественности» в лице думских

^I РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 65. Л. 290.

^{II} Три брата (То, что было). С. 502.

^{III} Там же. С. 503.

^{IV} Верховский А. И. Россия на Голгофе. С. 111.

^V Алексеев М. В. Записная книжка 1917–1918 гг. / публ. Л. Ф. Павликовой // Записки отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 365.

^{VI} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 57.

деятелей. Именно их допуск к власти и устранение вредных элементов воспринимались армейским руководством как качественное изменение ситуации в государственном управлении и способ оздоровить монархию. Устранение же признававшегося вредным влияния императрицы на Николая II было возможно только при смене самого монарха.

Ход событий подстегнули февральские беспорядки в Петрограде, то обстоятельство, что царская семья оказалась на территории, по существу подконтрольной восставшим, далеко от императора, а также отъезд Николая II из Ставки. Совокупность этих факторов позволила генералам и представителям Временного комитета Государственной думы 1–2 марта 1917 г. манипулировать информацией и шантажировать императора, добиваясь тех решений, которые они считали необходимыми. Обращает на себя внимание то, что в процессе смены власти ведущую роль в офицерской среде сыграли именно генштабисты. Причем происходило это не только в Ставке и фронтовых штабах, где их преимущественное присутствие являлось вполне естественным, но и в Петрограде.

Исключительную роль в отречении Николая II от престола сыграл генерал М.В. Алексеев, в значительной степени определявший вектор развития событий 2 марта 1917 г., а также его ближайшие сотрудники по Ставке. Действия работников Ставки 2 марта носили скоординированный характер. До сих пор неизвестно, по какой причине достаточным основанием для смены правителя был сочтен опрос мнений главнокомандующих, проведенный М.В. Алексеевым. Опрос этот не был объективным, поскольку исходная телеграмма Алексеева содержала призыв поддержать его позицию. При этом уже утром 2 марта Ставка настаивала на отречении императора, а к навязыванию императору требований Петрограда руководящие работники Ставки перешли еще ранее. Генералы считали свои действия необходимыми для спасения страны, однако понимания последствий у них не было.

Для участников отречения императора мартовские дни оказались чрезвычайно тяжелыми в моральном отношении, а финал событий стал неожиданностью. В подготовке отречения участвовали видные в будущем деятели Белого движения (прежде всего, М.В. Алексеев и А.С. Лукомский). Впоследствии это явилось причиной умолчаний и искажений в эмигрантской мемуаристике, целый пласт которой был создан работниками Ставки разных уровней, стремившимися оградить основоположника Белого движения генерала Алексеева от каких бы то ни было подозрений.

Петроградские генштабисты внесли свой вклад в переход столицы под контроль революционных сил, что и произошло к 1 марта. В этих целях отдавались дезорганизаторские и пораженческие приказы, под предлогом отсутствия надежных войск проявлялось пассивное потворство революционерам. Серьезную организационную помощь военной комиссии Временного комитета Государственной думы оказала Николаевская академия, командировавшая в Таврический дворец 2–3 марта 1917 г. не менее 36 слушателей. Подобные распоряжения академического начальства и непосредственно будущего начальника академии (в рассматриваемый период ее правителя дел) полковника А.И. Андогского, неплохо чувствовавшего политическую конъюнктуру, до отречения императора являлись очевидным нарушением присяги.

Генералы – участники свержения императора просчитались, решив, что политические перемены не затронут армию, а также институт монархии и, наоборот, благотворно скажутся на положении фронта. Буквально на следующий день после отречения Николая II генерал Алексеев понял, что оказался обманут своими петроградскими партнерами. Но было уже поздно. Политики, как это нередко бывает, переиграли военных. Страна катилась к хаосу.

Последующие события привели к политизации генштабистов и к началу раскола Генерального штаба, что стало проявляться еще до октября 1917 г. Среди офицеров нашлись как те, кто приспособился к новым условиям и стал делать карьеру, так и те, кто оказался изгнан из армии или пострадал от разложения солдатских масс. Все эти факторы влияли на последующий выбор офицеров-генштабистов в период Гражданской войны. Временное правительство не пользовалось широкой популярностью среди генштабистов. Уже летом – осенью 1917 г. ярко проявились разногласия среди офицерства по политическим вопросам, началась кристаллизация сторон предстоящей борьбы. Катализатором последовавшего раскола стало выступление генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., в котором генштабисты также сыграли исключительную роль. Провал выступления подорвал авторитет командного состава, офицерство было дезориентировано, а глава Временного правительства А.Ф. Керенский избавился от своего политического конкурента в лице Корнилова, однако при этом утратил поддержку справа. Вынужденный опереться на Советы, он не приобрел и поддержки слева, столкнувшись с ростом влияния большевиков и по сути открыв им дорогу к захвату власти.

§ 4. Генштабисты и Октябрьский переворот

После неудачи корниловского выступления разложение и развал русской армии лишь прогрессировали, положение офицерства значительно ухудшилось, страхи советов депутатов и левых партий в отношении угрозы контрреволюции в какой-то степени оправдывались, а в армии начало возрастать влияние большевиков.

Генерал И.П. Романовский 5 сентября 1917 г. писал супруге: «Я все думаю, неужели мы заслужили эту ненависть. Ведь вот, видит Бог, я всегда любил солдата, да и разве я один; все те, которые сейчас заключены: Деникин, Марков, Плющевский – разве тоже не были привязаны душой к нему? Неужели такая глубокая пропасть между нами и ими? Ведь при этих условиях нет спасения России: они, может быть, и здоровая, но темная масса, не могут вести государство без интеллигенции, но ведь и интеллигенция не может идти, не опираясь на народ. Тяжело это все...»¹

По воспоминаниям полковника И.Ф. Патронова, после неудачи выступления Корнилова офицеры не могли нормально работать: «Штабная машина работает по-прежнему. Все так же пишутся приказы, сводки, срочные донесения. Пришлось

¹ Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. С. 207–208.

мне составить новый план действий на случай немецкого наступления с обозначением новых рубежей, с новой перегруппировкой войск в том или другом случае. Работа серьезная, прямая специальность Генерального штаба. Ныне невозможно заставить себя отнестись к ней серьезно. Все сознают, что работа штаба напоминает работу мотора на холостом ходу. Все останется на бумаге и не будет исполнено»^I. Подполковник К.З. Ахаткин свидетельствовал о том, что в июле – августе 1917 г. «интерес к войне пропал, и люди более или менее добросовестно исполняли номер»^{II}. По свидетельству генерала П.Н. Врангеля, в сентябре 1917 г. ему «с каждым днем становилось яснее, что ежедневно увеличивающийся в армии развал уже остановить нельзя»^{III}. Друг Врангеля, П.Н. Шатилов, отметил, что с ликвидацией выступления Корнилова «последняя надежда на укрепление фронта рухнула»^{IV}.

В среде генштабистов и даже слушателей академии распространились тревожные настроения относительно судьбы страны. Служивший в Ставке подполковник Д.Н. Тихобразов вспоминал: «Всеми чувствовалось, что страна быстрее прежнего катится к пропасти»^V. Курсовик В.М. Цейтлин записал в дневнике 10 октября 1917 г.: «В сущности, если вдуматься сейчас в положение России... то оно безнадежно и нет никаких оснований на что-либо надеяться»^{VI}. Генерал М.К. Дитерихс в письме генералу М.В. Алексееву от 20 сентября 1917 г. прямо указал: «Крупными, неудержимыми шагами мы идем к страшной национальной катастрофе. Порой мне кажется, что вся моя оперативная работа для данного времени есть кукольная комедия, стремящаяся позабавить и надуть кого-то также и, прежде всего, самого себя»^{VII}.

М.В. Алексеев пробыл на посту начальника штаба Ставки до 10 сентября 1917 г. и оставил должность, подав в отставку. Его сменил генерал-лейтенант Н.Н. Духодин при генерал-квартирмейстере генерал-майоре М.К. Дитерихсе. Обновленная Ставка занялась разработкой коренной реорганизации армии. Генерал Алексеев, осознававший скорую необходимость возобновления борьбы за страну и армию, создал «Алексеевскую организацию» – подпольное офицерское объединение, ставшее впоследствии основой Добровольческой армии – вооруженного формирования, ставившего задачей борьбу с большевиками.

Дитерихс к середине октября 1917 г. разработал и попытался реализовать программу создания в тылу к весне 1918 г. морально здоровой территориальной армии численностью до 400 000 штыков^{VIII}. Для этого в глубокий тыл выводились здоровые части, а также кадры добровольцев (офицеров и солдат). К разработке проекта был причастен и генерал П.Н. Врангель^{IX}, но в условиях развала претворить намеченное в жизнь не удалось.

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 8.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 42об.

^{III} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 75.

^{IV} Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 584 // НИА. Vrangeli family papers. Box 7. Folder 1; Его же. Записки. Т. 1. С. 247.

^V BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3. Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава X. С. 116.

^{VI} АВИАМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 248; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 292.

^{VII} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 43. Л. 1; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 10.

^{VIII} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 43. Л. 3; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». С. 10.

^{IX} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 76–77.

Можно согласиться с тезисом о том, что большевистский переворот стал первым крупным военно-политическим событием 1917 г., прошедшим, в отличие от Февральской революции и выступления Корнилова, практически без участия генштабистов^I. В нашем распоряжении есть лишь данные о том, что курсовик Б.А. Шехаев участвовал в формировании в Петрограде красногвардейских отрядов^{II}. Однако практически вся армия выступила пассивным наблюдателем происходящего. Известно, например, что 34-летний главный начальник Петроградского военного округа полковник Г.П. Полковников был даже снят с должности за нерешительность непосредственно 25 октября 1917 г. Впрочем, в дальнейшем он оказался одним из организаторов юнкерского восстания в столице, а позднее служил в Добровольческой армии и был казнен, попав в плен к красным в марте 1918 г. В целом, преобладающей позицией командного состава стало невмешательство в политику для удержания фронта.

Захвату власти большевиками первоначально большого значения генштабисты не придавали, считая, что новая власть долго не продержится. Переворот был воспринят офицерами Генерального штаба неоднозначно, но в основном негативно – как новый шаг к окончательной гибели армии и страны, погружавшейся в хаос. А.И. Верховский записал в дневнике 29 октября 1917 г.: «Появилась как бы действительно “народная власть”, обещающая срочно решить все мечты и чаяния народа. Вопрос о мире, как лампочка Алад[д]ина: кто ее взял, тому служат духи, тому дается власть в руки. Теперь мы, русские, должны будем испить горькую чашу унижения и позора, кару, заслуженную нами, а Россия заплатит всю страшную цену за свою темноту, за поддержку, оказанную тем, кто поведет ее к позорному миру. Выйдя впервые к большой государственной работе, русское общество, сменившее царское правительство, оказалось неподготовленным к принятию власти, к большим решениям. За все время революции мне пришлось убедиться в этом... Теперь пришли другие люди, которые не будут разговаривать. Они будут действовать...»^{III} 14 ноября 1917 г. он написал о большевиках: «Эти люди, которые обещают все, не дадут ничего: вместо мира – гражданскую войну, вместо хлеба – голод, вместо свободы – грабежи, анархию и убийства»^{IV}.

По мнению слушателя академии В.М. Цейтлина, изложенному в его дневниковой записи за 24 октября 1917 г., «разбирая вопрос со шкурной точки зрения, страшен не захват власти Лениным, Троцким и др[угими] идейными культурными большевиками, а страшны произвол, грабежи и убийства разнузданной пьяной солдатской массы, которые, очевидно, сегодня начнутся, а может быть, и уже начались. Особенное озлобление, конечно, будет, как всегда, против нас»^V.

Отдельные офицеры, наоборот, одобряли произошедшее, поскольку наконец было свергнуто ненавистное Временное правительство. Генерал Н.Д. Зарин отметил в дневнике 26 октября 1917 г.: «Керенский и правительство свергнуты... очевидно большевиками. Не знаю – радоваться ли! Что выбросили эту сволочь

^I Mayzel M. Generals and Revolutionaries... P. 173.

^{II} Буравченков А. А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. С. 37.

^{III} Верховский А. И. Россия на Голгофе. С. 139.

^{IV} Цит. по: Нокс А. Вместе с русской армией. С. 647.

^V АВИМАИВИНС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 258; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 301.

Керенского – отлично, но что будет дальше! Пожалуй, чем хуже, тем лучше!! – скорее дойдем до порядка. Вечером много и горячо спорили с Сашей¹ – он считает, что Родины у него нет, и готов, очевидно, принять немцев как освободителей. Я резко упрекал его – наше царское правительство довело Россию до всего, что она переживает, давно можно и должно было предпринять революцию, а то вечное шатание – то вправо, то влево!»² Как видим, отношение ко многим принципиально важным для страны вопросам – заключению мира, организации власти и борьбе за нее – разделило генштабистов. В дальнейшем раскол только углублялся.

Часть генштабистов оказалась вовлечена в события военно-политического противоборства тех дней. В день большевистского переворота, 25 октября 1917 г., Керенский уехал из Петрограда в штаб Северного фронта для того, чтобы заручиться поддержкой войск. Очевидно, он рассчитывал на своего шурина – генерал-майора В.Л. Барановского, занимавшего пост генерал-квартирмейстера штаба фронта. Однако главнокомандующий армиями фронта генерал от инфантерии В.А. Черемисов не оказал поддержки Керенскому, заняв нейтральную позицию и даже приостановив посылку войск на Петроград. По всей видимости, генерал опасался возможного прорыва немцев на фронте и не хотел втягивать войска во внутригосударственный конфликт³.

В тот же день Керенский в Пскове выпустил приказ Верховного главнокомандующего № 314, в котором призвал всех должностных лиц оставаться на своих постах и исполнять свой долг перед родиной. В соответствии с этим приказом в районе Петрограда на подавление восстания большевиков выступили части III конного (с 10 ноября – казачьего) корпуса под командованием генерал-майора П.Н. Краснова (так называемый поход Керенского – Краснова). Движение корпуса Краснова на Петроград было крайне нерешительным и осуществлялось в основном путем переговоров с представителями большевиков. Единственное боевое столкновение произошло в районе Пулкова, однако сил корпуса было явно недостаточно для занятия Петрограда, в котором находился огромный большевизированный гарнизон. После этого части корпуса отошли в Царское Село и далее в Гатчину, откуда Керенский был вынужден бежать, а генерал Краснов был взят в плен и отпущен под честное слово не участвовать в Гражданской войне. Эти события были лишь первыми столкновениями зарождавшегося конфликта внутри страны.

В то время были возможны различные парадоксальные коллизии. В частности, контакты между будущими руководителями противоборствующих армий Гражданской войны. Например, будущий лидер Белого движения на Юге России генерал П.Н. Краснов 10 декабря 1917 г. обратился к начальнику штаба советизированной Ставки М.Д. Бонч-Бруевичу в связи с вопросами демобилизации корпуса, сообщив: «Вы изволили убедиться, что я умею честно держать свое слово и, как старый солдат, никогда ему не изменяю. В этом имел случай убедиться и новый

¹ Брат генерала.

² HIA. N. D. Zarin collection. Box 1.

³ Подробнее о действиях Черемисова см.: Иоффе Г. З. Керенщина и черемисовщина // Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 272–281; Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года; «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2005. С. 211–227.

Верховный главнокомандующий Крыленко и комиссары в Смольном институте, вследствие чего Вы можете, Ваше превосходительство, смело заверить Военно-революционный комитет и поручиться за меня и остаток моего штаба, что мы не преследуем никаких целей, но стремимся только к порядку и к тому, чтобы штаб корпуса не был бесполезным бременем для государства»¹. 23 декабря Краснов сообщил, что не мог уехать из Великих Лук в Кисловодск на лечение, так как «не считал себя вправе покинуть корпус и еще потому, что это было в сильный разгар Гражданской войны на Дону, и я не хотел, чтобы Н.В. Крыленко подумал, что я нарушил данное ему слово не принимать участия в Гражданской войне»².

Отдельные генштабисты уже становились жертвами произвола. Так, в ходе переворота в Петрограде был заколот штыками и брошен в Мойку генерал-майор князь Г.Н. Туманов³. Реальной силы для противодействия большевикам в центре страны не было, а консолидация их противников еще только начиналась.

Однако были и генштабисты, поддержавшие смену власти. 25 октября 1917 г. командующий 106-й пехотной дивизией полковник М.С. Свечников сообщал командиру XLII армейского корпуса генерал-лейтенанту Д.Н. Надежному: «Все полки надежны в боевом отношении. Настроение всецело поддерживается в духе необходимости защищать Совет рабочих и солдатских депутатов, за передачу ему власти в России. Единение между командным составом и солдатами полное ввиду демократизации дивизии»⁴. В тот же день в 12.50 Свечников телеграфировал в Финляндский областной комитет, в полки и все учреждения дивизии о готовности дивизии выступить в поддержку большевиков: «Вся 106[-я] пехотная дивизия во главе с командным составом готова во всякое время выступить в защиту Советов и стоять на страже демократии. Начдив 106[-й] полковник Свечников. Председатель дивизионного комитета Пискунов»⁵. Части дивизии были направлены на усиление революционных частей Петрограда.

Подполковник К.К. Акинтьевский емко охарактеризовал взгляды генштабистов в те дни: «В высших военных кругах, так или иначе возглавляемых Алексеевым, никакого единства и никаких определенных планов, несмотря на давно ожидаемый большевистский переворот, не было. По-прежнему вожди носились с идиотской формулой защиты Отечества в союзе с союзницами, по-прежнему не решались признать, что конец войны неизбежен, и из-за этих основных положений не решались спасти офицерство из лап солдат и организовывать гражданский фронт против большевиков. Корниловский переворот погрузил востроителей в протрацию, и они заблудились в трех соснах: Отечестве, рабьем страхе и собственных интересах... Геройская смерть Духонина, Крымова, Скалона и др. — это их личное дело, делавшее им честь, но бездействие Ставки и высшего командования в сентябрьские

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 304об. — 305.

² Там же. Л. 324.

³ О гибели Туманова см.: *Тихобразов Д. Н.* Воспоминания. Глава XI. С. 20–25, 40–41 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Вых 3.

⁴ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г.: Сб. док. М., 1973. С. 16.

⁵ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 137. Л. 324; Д. 237. Л. 440об. Также см.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сб. док. М., 1957. С. 374; Из истории создания Рабоче-Крестьянской Красной армии / публ. М. А. Молодцыгина, В. М. Михалевой // Военно-исторический журнал. 1988. № 2. С. 43; *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 56; *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М., 2014. С. 228.

и октябрьские дни, когда сомнения в провале “улыбающегося февраля” не могло быть никакого и приход к власти большевиков был неминуем, — это величайшее преступление против России, подобное февральскому предательству своего царя»^I.

К осени 1917 г. разложение коснулось и отдельных генштабистов. К примеру, и.д. старшего адъютанта 11-й Сибирской стрелковой дивизии капитан Зуев в октябре 1917 г. «позволил себе напиться до того, что не владел собою, кроме того, произнес неуместный тост, вызвавший в полку беспорядок и тяжелое нарушение дисциплины. Командарм X признает, что капитан Зуев, как не умеющий управлять собою, не может нести службу Ген. штаба, где помимо специальных знаний требуется особая выдержка и такт»^{II}. Генерал В.Н. Доманевский по причине пьянства не был даже аттестован^{III}.

Ориентируясь на солдатские массы, большевики все же стремились заручиться поддержкой генералитета и генштабистов. К октябрю 1917 г. с РСДРП(б) сотрудничали лишь отдельные генштабисты. М.Д. Бонч-Бруевич, А.М. Мочульский, С.И. Одинцов, Н.М. Потапов, А.А. фон Таубе оказались в числе первых красных генералов из выпускников Николаевской академии. Поддерживал Советы как народную власть и полковник М.С. Свечников, командовавший 106-й пехотной дивизией, дислоцированной в Финляндии^{IV}.

Генерал-лейтенант Н.М. Потапов, не называя имени собеседника, свидетельствовал о произошедшей после июльских событий 1917 г. беседе со своим родственником и многолетним другом, видным большевиком М.С. Кедровым. Последний заявил: «Вскоре мы, большевики, выступим против Керенского и первое, что мы сделаем — это вдребезги разобьем ваш Генеральный штаб»^V. Причина была в том, что контрразведка, которой занимались генштабисты, осуществляла политический сыск. Потапов через день встретился с «приятелем» и другим видным большевиком Н.И. Подвойским и беседовал с ними около двух часов. По одной из версий, генерал якобы даже предложил свои услуги военной организации большевиков, которой руководил Подвойский.

Документально известно, что в июле — августе 1917 г. Потапов по долгу службы курировал контрразведывательную работу ГУГШ в отношении большевиков^{VI}. Один из руководителей военной организации при Петроградском комитете РСДРП(б) В.И. Невский вспоминал об июльских событиях, что «в тот момент, когда двинулся пулеметный полк к Таврическому дворцу, чтобы в мирной форме предъявить правительству Керенского требования о передаче власти в руки Советов, мы получили известие, что против этого выступления готовятся войска. У нас были получены сведения от начальника контрразведки, генерала, поддерживавшего с нами связь через одного своего родственника большевика. Сведения получались точные. Мы знали, когда следят за Военной организацией и когда

^I BAR. K. K. Akintievskii papers. Box 1.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 230.

^{III} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1298. Л. 274.

^{IV} Ганин А. В. Военспецы. С. 176–177.

^V Потапов Н. М. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 62.

^{VI} См., напр.: Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль — октябрь 1917 г.: Сб. док.: в 2 кн. М., 2012. Кн. 2: в 2 ч. Ч. 1. С. 150, 187; Ч. 2. С. 138.

именно следят. Были времена, когда нас предупреждали не оставаться во дворце [Кшесинской], нам сообщали, что готовится нападение, и мы заранее уходили. Генерал перешел на службу к нам незадолго до Октябрьской революции. Первоначально об этой связи ЦК оставалось неизвестным, лишь потом он узнал об этой связи, связь была одобрена, и мы продолжали действовать в этом направлении. В то же время об этой связи знали лишь три члена Военной организации^I. Очевидно, речь шла о Потапове и его кузене Кедрове.

Кедров отмечал, что «после июльских дней генерал Потапов Н.М., помощник начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстер, предложил через меня свои услуги военной организации большевиков (и оказывал их)»^{II}. Но Кедров неточно указал должность Потапова, являвшегося генерал-квартирмейстером ГУГШ. Потапов же свидетельствовал, что «в результате [встречи с Кедровым и Подвойским] Октябрьские дни протекли совершенно безболезненно не только для Генерального штаба, но и для других центральных управлений и учреждений»^{III}. Тем не менее Кедров сохранил негативное отношение к генштабистам и прославился достаточно суровым с ними обращением и в Гражданскую войну, когда он возглавил Особый отдел ВЧК, занимавшийся борьбой с контрреволюцией в армии.

В контексте деятельности Потапова представляются не случайными слова одного из видных большевистских военных работников, К. А. Мехоношина, который вспоминал, что «в деле овладения центральными военными учреждениями особенно полезным оказалось именно наличие и в них некоторого актива нашей военной партийной организации. Впоследствии мы имели возможность неоднократно убедиться в исключительной важности того, что военная организация сумела проникнуть своими щупальцами не только в войсковые части и на военные склады, но и в такие учреждения, как Генеральный и Главный штабы. В других центральных управлениях — интендантском, квартирном и особенно в ГАУ мы имели не только единичных товарищей, но даже целые ячейки, члены которых в дальнейшем сыграли чрезвычайно большую роль. Нужно сказать, что работники военного отдела питерского Совета, в свою очередь, уже по линии чисто советской также были связаны со многими из центральных органов военного министерства и штаба военного округа. Сейчас нет под рукой материалов, но я думаю, что... именно этот кадр в значительной степени обеспечил сравнительно безболезненный процесс овладения руководящими органами военного министерства»^{IV}.

Развал армии в 1917 г. не мог не затронуть офицеров Генерального штаба, которым, как и остальной массе офицеров, пришлось претерпеть немалые унижения. Генерал-майор И. А. Поляков вспоминал о деятельности армейского комитета 9-й армии Румынского фронта: «Это детище революции, созданное с очевидной целью подорвать престиж офицерского состава и тем ускорить развал армии, косо

^I «Мы имели тогда полнейшую возможность захватить власть в свои руки». Воспоминания В. И. Невского об июльских днях 1917 г. в Петрограде / публ. А. В. Писарева // Исторический архив. 2017. № 3. С. 35–36. Выражаю благодарность к.и.н. К. А. Тарасову (СПб.) за указание на этот источник.

^{II} От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957. С. 174.

^{III} Потапов Н. М. Записки... С. 63.

^{IV} Мехоношин К. А. От захвата власти к овладению аппаратом (воспоминания о первом периоде Наркомвоен) // Война и революция (Москва). 1928. Кн. 2. С. 34.

смотрело на нас, расценивая офицеров штаба вообще, а особенно офицеров Генерального штаба, как определенных и закоренелых контрреволюционеров». После корниловского выступления такой взгляд был во многом оправдан, поскольку значительная часть генштабистов не принимала ни большевистский режим, ни власть Временного правительства.

Некоторые офицеры считали за благо, если бы большевики и сторонники Керенского истребили друг друга. Любопытное свидетельство об этом оставил начальник штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии полковник Б.А. Штейфон, дивизия которого была направлена на Петроград для подавления большевистского выступления. Штейфон вспоминал: «И начальник дивизии, и я, и вообще старший командный состав переживали глубокую моральную драму. Большевики представлялись нам злом абсолютным. И борьба с ними отвечала всем нашим желаниям. В то же время в случае успеха мы укрепляли положение Керенского, чья деятельность во главе правительства воспринималась нами как бесконечно вредная интересам национальной России и армии. В доверительных беседах с моим начальником дивизии, доблестным и высоко благородным генералом [П.А.] Габаевым, было решено, что в случае успешного подавления большевистского восстания в Петербурге¹ мы арестуем Керенского и его безвольное, бездарное правительство. Лично нам — ген. Габаеву и мне [—] не приходило в голову претендовать на какую-либо политическую роль. Мы были только солдаты и всей душою стремились закончить войну победно»². План не удался — дивизия была задержана под Петроградом и подверглась разложению, Штейфон уехал на Украину, где принял участие в организации офицерского антибольшевистского подполья в Харькове.

Ставка Верховного главнокомандующего являлась важнейшим органом высшего военного управления в стране в период Первой мировой войны. Ко времени большевистского переворота она располагалась в городе Могилеве. Наряду с захватом военных учреждений Петрограда взятие под контроль Ставки должно было предопределить успех взятия власти большевиками. Несмотря на разложение армии, хаос и разруху осенью 1917 г., Ставка продолжала по инерции играть ключевую роль в управлении армиями русского фронта Первой мировой³. Более того, именно Ставка стала одним из первых центров сопротивления новой власти.

Начальнику штаба Ставки генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину было тогда 40 лет, он был учеником знаменитого русского военного ученого Н.Н. Головина по академии. Политического багажа Духонин не имел, но поддержал свержение монархии, а в период корниловского выступления занял выжидательную позицию. Осенью 1917 г. при внешней лояльности Временному правительству⁴ Духонин помогал арестованным корниловцам. Духонин был храбрым и энергичным офицером, имел репутацию способного генштабиста. Именно он в чрезвычайных условиях

¹ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 29.

² Так в документе.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 4–5. С некоторыми неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник (Москва). 2019. Т. 27. С. 24.

⁴ О Ставке в дни большевистского переворота см.: Ставка 25–26 октября 1917 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 279–320.

⁵ Не случайно восторженную оценку Духонину как широко мыслящему офицеру дал Керенский (Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 406–407).

революционного развала разработал программу по поднятию боеспособности армии путем сокращения ее численности и увольнения в запас молодежи. Одной из составляющих этой программы было формирование национальных частей. Еще 17 октября 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки генерал М.К. Дитерихс писал генералу М.В. Алексееву, что они с Духониным готовы покинуть Ставку, если это с точки зрения Алексеева необходимо¹.

После падения власти Временного правительства Духонин 1 ноября 1917 г. принял на себя временное исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего, начальником штаба с 3 ноября стал генерал М.К. Дитерихс. Когда возник вопрос о мирных переговорах с немцами и о контактах с СНК, Ставка попыталась от этого уклониться.

Начальник связи Ставки полковник Б.Н. Сергеевский писал генералу А.И. Деникину в июне 1923 г.: «Я был свидетелем совершенно непонятной нерешительности ген. Духонина. 7-го [ноября] днем было получено радио от Совета нар[одных] комиссаров с приказанием начать мирные переговоры с германским командованием. Кажется, в этот же вечер, м[ожет] б[ыть] вечером 8-го – в 20 ч 25 м[ин]. я был спешно вызван в аппаратную. Аппарат штасева² оказался соединенным с Двинском (штаб 5[-й] армии) и оттуда требовал к аппарату “Верховного главнокомандующего ген. Духонина – Владимир Ленин-Ульянов”. Приказав отвечать Ленину только от имени дежурного чиновника, но отнюдь не от моего и даже не от имени дежурного офицера, я лично пошел к ген. Духонину. Последний до 24 час. не мог ни на что решиться. Я был у него дважды, раза три посылал офицеров, ибо Ленин упорно добивался, подойдет ли к аппарату “Верховный”, сообщили ли ему о просьбе Ленина и т.д. Я, разговаривая с ген. Духониным с глазу на глаз, предлагал ему разные выходы: ответить, что не подойдет, ответить от моего имени отказом вести какие-либо сношения, выключить аппарат, лично перерезать провод... Ген. Духонин ни на что не согласился, мучился и, наконец, после полуночи приказал передать провод на специальный аппарат в его кабинет, где, как мне рассказал чиновник-телеграфист, с Лениным разговаривал, не называя себя, ген. Дитерихс, все время уходя советоваться с Духониным. Разговор этот, дословно напечатанный большевиками в газетах (я читал его на ленте и в газетах), представлял из себя со стороны Ставки позорнейшее виляние, полное недомолвок, неясностей и неопределенных ответов. На него немедленно (через 1/4 часа) последовал приказ, подписанный “председатель Совнаркома Ленин и комиссар по военным делам Подвойский” об отрешении ген. Духонина и назначении прап[орщика] Крыленко.

Странно было в эти дни и поведение Дитерихса. 6 ноября он отдал управлению ген[ерал]-кварт[ирмейстер]а такой приказ: “Отъезжая в распоряжение начальника штаба Кавказского фронта, приказываю в исполнение должности ген[ерал]-кварт[ирмейстер]а вступить ген.-м[айору В.Е.] Скалону” (фактически вступил полк[овник П.А.] Кусонский, т.к. ген. Скалон и [П.А.] Базаров не желали вступить). Сам же ген. Дитерихс тайно перешел в комнаты ген. Духонина

¹ ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 43. Л. 6–6об.; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». С. 11.

² Штаба Северного фронта.

и продолжал оставаться каким-то тайным и безответственным советником последнего»^I.

Духонин и комиссар Ставки В.Б. Станкевич не считали, что Ставка должна подчиняться СНК, который признавали только три армии из пятнадцати^{II}. В переговорах с назначенным 9 ноября Верховным главнокомандующим прапорщиком Н.В. Крыленко Станкевич обрисовал чудовищную картину развала армии: «На каком же основании Ставка должна подчиняться вашим распоряжениям, тем более что эти распоряжения толкают явно Россию к гибели. Например, распоряжение о заключении перемирия отдельными полками — это или чистейшая демагогия, или безумие, или предательство. Ставка в настоящее время свою деятельность ограничивает чисто технической работой, и если есть какие-либо заботы вне этого, то лишь создание условий, дающих возможность окончить войну [в] государственных формах, а не путем отдачи России, безоружной и разваливающейся, на милость торжествующего противника, как сознательно или бессознательно делаете это вы. За неисполнение ваших распоряжений ответственность беру на себя, так как не сочту себя вправе даже передавать их главноверху Духонину повторно. Делаю это потому, что я знаю, что если бы генерал Духонин захотел исполнить ваше распоряжение, то три фронта: Румынский, Юго-Западный и Кавказский не исполнили бы этого приказа, на Западном фронте некому исполнять приказаний, так как ваши товарищи разрушили технический аппарат фронта, а Северный разрушается вашим присутствием в нем. Комиссарверх Станкевич»^{III}.

Духонин вел переписку с Б.В. Савинковым по вопросу организации похода на Петроград и с этой целью стягивал войска к столице. Кроме того, он отказался исполнять директиву СНК о переговорах с противником для заключения перемирия и 9 ноября был отстранен от должности. При этом Духонин должен был нести службу до прибытия в Могилев нового главноверха. Главнокомандующие армиями трех фронтов (Юго-Западного, Румынского и Кавказского — Н.Г. Володченко, Д.Г. Щербачев и М.А. Пржевальский соответственно) из пяти поддержали его действия^{IV}. Поддержал его и общеоармейский солдатский комитет при Ставке.

Духонин в ноябре 1917 г. пытался проводить собственную линию, направленную на автономизацию управления армией от петроградских властей. При этом он предпринял попытку опереться на общественные организации и даже, по некоторым данным, создать при Ставке общенациональное правительство^V. Однако свои силы генерал не рассчитал. По свидетельству генерала М.К. Дитерихса, датированному 11 ноября, «Духонин совершенно разболелся сердцем и едва ли кончит благополучно... его положение и состояние невероятно тяжелы»^{VI}. 13 ноября Духонин отправил из Ставки призыв «Всем, всем», адресованный демократическим

^I BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 6.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 270. Л. 36.

^{III} Там же. Л. 36–36об.

^{IV} Базанов С. Н. Великая война: как погибала русская армия. М., 2014. С. 136.

^V Селезнев Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017. С. 142, 175.

^{VI} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 43. Л. 7об.; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». С. 12.

организациям, политическим партиям, земским, городским и крестьянским союзам, об объединении во имя спасения России, закончив телеграмму недвусмысленной фразой: «Армия ждет вашего слова»^I. Духонин рассчитывал повести борьбу с большевиками, однако поддержки не встретил. Реакция Петрограда была предельно жесткой. Уже на следующий день приказом по армии и флоту Духонин был объявлен врагом народа «за упорное противодействие исполнению приказа о смещении и преступные действия, ведущие к новому взрыву Гражданской войны»^{II}. Разумеется, после этих событий большевики не могли воспринимать Духонина иначе как контрреволюционера, что было недалеко от действительности. Его ближайший соратник генерал Дитерихс в письме формируемому тогда в Новочеркасске Добровольческую армию генералу М.В. Алексееву от 16 ноября 1917 г. прямо отметил: «При первой возможности, если только останусь жив, буду у Вас»^{III}. Дитерихс скрылся из Ставки, переодевшись во французской военной миссии в форму французского солдата, и уехал в Киев, где принял должность начальника штаба Чехословацкого корпуса^{IV}. По совокупности полученных сведений генерал Алексеев к 20 ноября пришел к выводу о полной растерянности в Ставке^V.

По ряду свидетельств, Духонин предпринял попытку уехать из Могилева. 17 ноября он обратился к украинской Центральной раде с предложением перевести Ставку в Киев, на что днем позже был получен уклончивый ответ^{VI}. Вечером 18 ноября на совещании Духонина и представителей Общеармейского комитета при Ставке было решено эвакуироваться в Киев. Тем не менее Духонин остался^{VII}.

18 ноября (по другим данным, 19-го) в Ставку приехал личный друг Духонина и его однокашник по академии генерал С.И. Одинцов, повлиявший, как свидетельствовал генштабист А.М. Шкеленко, на решение Духонина не оказывать сопротивления^{VIII}. По свидетельству Д.Н. Тихобразова, одним из последних приказов Духонина верховное главнокомандование было передано генералу Д.Г. Щербачеву^{IX}.

Важнейшим распоряжением Духонина, повлиявшим на дальнейшее развитие событий в стране, считается освобождение 19 ноября организаторов корниловского

^I РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 270. Л. 39.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 271. Л. 14.

^{III} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 43. Л. 9; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». С. 12.

^{IV} Бубнов А. Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. С. 242; Цветков В. Ж. Генерал Дитерихс, последний защитник империи // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 30.

^V Алексеев М. В. Записная книжка 1917–1918 гг. С. 330.

^{VI} Михутина И. В. Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 44.

^{VII} BAR. Anton and Kseniia Denikin collection. Box 27; Мордвинов А. А. Из пережитого. Т. 2. С. 258.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 227. Л. 7, 18. Также см.: ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 32. Л. 12. Накануне гибели Духонин якобы отдал распоряжение ударному отряду, охранявшему Ставку (впрочем, текст скорее производит впечатление апокрифа): «Власть большевиков я не признаю, поста главнокомандующего не покину. Хотя я объявлен арестованным Могилевским революционным комитетом, я имел и имею тысячу возможностей скрыться, но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня и расстреляют, но это смерть солдатская. Меня страшит лишь самосуд толпы; я боюсь превратиться в кусок мяса. Прошу передать ударникам меня не защищать. Я не хочу братоубийственной войны. Тысячи наших жизней нужны будут родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать родину от врага и Учредительное собрание от разгона» (Там же. Л. 7об.). Схожее свидетельство о роли Одинцова содержится в воспоминаниях Крыленко (Крыленко Н. В. Смерть старой армии // Военно-исторический журнал. 1964. № 11. С. 59).

^{IX} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XII. С. 7, 23, 41 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

выступления, находившихся под арестом в Быхове, неподалеку от Могилева. Там оставались еще генералы Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, И.П. Романовский, А.С. Лукомский и С.Л. Марков. Ранее и Керенский, и представители совдепов предпринимали попытки устроить стихийную расправу над заключенными путем вывода из Быхова сохранивших дисциплину польских войск либо путем перевода узников из Быхова в другой пункт¹. Однако эти попытки успехом не увенчались. Теперь же к Быхову приближался большевистский отряд.

С приказом освободить арестованных в Быхов на паровозе был командирован полковник П.А. Кусонский. Вечером того же дня все заключенные покинули Быхов, договорившись различными маршрутами (некоторые – изменив внешность) пробраться на Дон, в Новочеркасск, где формировалась антибольшевистская Добровольческая армия.

Генералы Корнилов и Деникин (в особенности первый) обладали к тому времени определенным военно-административным опытом и известностью. Освобождение быховцев и последовавшее их становление во главе борьбы с большевиками дали белым сразу же неоспоримое преимущество. Окажись быховцы в руках красных, последствия для них могли быть самыми печальными.

На следующий день о бегстве Корнилова уже стало известно, Могилев был занят советскими отрядами, а генерал Духонин был убит толпой солдат и матросов на станции Могилев у вагона нового главковерха Н.В. Крыленко, несмотря на протесты последнего². Над телом генерала надругались (оно было установлено в сидячем положении у вокзального фонаря с папиросой в зубах)³. Причины того, что Духонин остался ожидать прибытия Крыленко, в точности неизвестны.

Несколько иную картину рисует свидетельство полковника Б.Н. Сергеевского из письма генералу А.И. Деникину: «Странным безволием поражал ген. Духонин и в последние сутки небольшевистской Ставки. Около 20 час. 17-го [ноября] полк[овник] Кусонский, собрав офицеров, объявил, что Ставка переходит в Киев и что надо немедленно грузиться, что через 15–20 мин. последует об этом распоряжение ген. Духонина. Как говорил мне тот же Кусонский, в ту ночь все, включая и комитет, уговаривали его на этот шаг, но он на него решился только в 7 ч утра 18-го (всю ночь шли уговоры Верховного)...

Когда грузовик с важнейшими делами Ставки (нагружаемый под моим руководством офицерами, ибо солдаты 18-го на службу не явились) был готов к отправлению (около 10 час.), группа солдат без оружия закрыла ворота в решетке около управл[ения] ген[ерал]-кварт[ирмейстер]а, заявив, что “начальник гарнизона (ген. Бонч-Бруевич) приказал не выпускать Ставки”.

Я доложил об этом Кусонскому, а последний при мне докладывал по телефону ген. Духонину, подчеркивая, что солдаты без оружия и их человек 10–12. Ген. Духонин ответил: “Мы не поедем, разгрузите автомобиль” и как бы в оправдание

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 46.

² Особой комиссией по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем ВСЮР, в 1919 г. было проведено расследование по этому вопросу, материалы которого сохранились (ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 227). Среди прочих лиц свидетельские показания дал служивший во ВСЮР полковник А. М. Шкеленко, бывший помощник начальника оперативного отделения Ставки.

³ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XII. С. 42 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

добавил, что ему только что кто-то передал, будто итальянская миссия получила только что сообщение, что Антанта разрешила России вступить в отдельные мирные переговоры и поэтому появляется возможность исполнить желание Совнаркома.

Затем я увидел полк[овника] Кусонского только в 1½ ч ночи на 19[-е], когда он вернулся из Быхова. Он, подписывая мне отпускной билет (т.к. я не хотел оставаться в Ставке), рассказал, что ездил в Быхов отменять по приказанию ген. Духонина перевозку быховцев на Украину и что он сейчас пойдет к нему и будет “на коленях” просить об отмене оставления быховцев в тюрьме, а если это не может, то придется действовать уже без Духонина.

20 ноября утром мы с ним встретились в Бахмаче, где он мне рассказал подробности Вашего¹ освобождения, и я его понял так, что это освобождение состоялось без желания Духонина.

Тогда же он рассказал мне, а на другой день в Киеве мне это подтвердил и ген. Левицкий, что в 7 ч утра 19 ноября Духонин подписал приказ об отъезде своем на фронт и передал верховное командование ген. [К.И.] Величко, после чего был уведен в шинели прапорщика в сад для скрытия его в одном из домов (в это время Кусонский покинул дворец Верх[овного] главноком[андующе]го и уехал в Быхов), но через несколько минут вернулся, говоря: “Нет, я на это не могу решиться”².

Свидетельство о том, что быховские узники были освобождены не Духониным, находит подтверждение и в документах члена Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове полковника Р.Р. фон Раупаха. По свидетельству последнего, он по просьбе генерала Л.Г. Корнилова напечатал предписание быховскому коменданту освободить арестованных Корнилова и других как внесших денежный залог. Документ заверяли печать Чрезвычайной комиссии и поддельная подпись ее председателя И.С. Шабловского. В итоге генералы спаслись, а сам Шабловский открестился от поддельного документа³.

Захват Ставки 20 ноября прошел для большевиков в целом безболезненно, хотя далеко не все сотрудники этого органа разделяли идеологию новой власти. Приезд Крыленко и смена власти в Ставке запомнились современникам и поведением офицеров. Эсер А.А. Дикгоф-Деренталь вспоминал, что в день гибели

¹ Т.е. А. И. Деникина и других арестованных.

² BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 6.

³ «В ноябре 1917 г. ... ген. Корнилов прислал мне как вступившему в обязанности председателя [Чрезвычайной комиссии] с шт[абс]-кап[итаном] Г.Л.] Чунихиным письмо, настоятельно требовавшее принятия самых решительных мер к ограждению заключенных генералов от неизбежного самосуда со стороны возвращавшихся с фронта солдатских банд.

Какие меры я мог принять, да и мыслимы ли были вообще в те дни какие-нибудь законные меры. Спасти узников от самосуда могло только освобождение их и побег.

Но такое распоряжение было равносильно смертному приговору над самим собою.

Я решил использовать отсутствие Шабловского и, взяв его официальный бланк, напечатал на машине своего родственника предписание быховскому коменданту освободить из-под ареста Корнилова и прочих заключенных как внесших денежный залог и об исполнении донести. Приложив к этому предписанию печать комиссии, я предложил шт[абс]-кап[итану] Чунихину подделать по данным мной образцам подписи Шабловского и мою (скрепа) и найти способ доставить пакет коменданту. Подделка вышла грубой, но это обстоятельство, впоследствии оказавшее мне значительную услугу, не помешало делу, об успешном выполнении которого два дня спустя я узнал из “Известий” (BAR. R. R. Raupakh collection. Box 1). Публикацию документа см.: «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...». С. 7.

Духонина «утром я присутствовал при том, как офицеры Генерального штаба и просто офицеры Ставки поспешно снимали с себя погоны и ленточки орденов, превращаясь в товарищей. Сейчас некоторые из них уже каким-то чудом оказались при победителях»^I.

Бывший генерал М.М. Загю в автобиографии 1939 г. вспоминал: «В ряды Красной гвардии, а потом и Красной армии вступил добровольно, со дня вступления в г. Могилев отряда Красной гвардии, прибывшего из Смольного вместе с назначенным советской властью Верховным главнокомандующим. По предложению Верховного главнокомандующего я, как и все прочие офицеры, оставшиеся в Могилеве, изъявил согласие на продолжение службы в Красной гвардии (книжка № 15327), и все мы были оставлены в занимаемых нами должностях (я в должности пом[ощника] начальника военных сообщений на театре военных действий)»^{II}.

Назначение главковерхом Крыленко воспринималось некоторыми генштабистами как вершина позора, а сам назначенец иронически именовался Верхопрапом (Верховным прапорщиком)^{III}. Командование Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов отказалось признавать новое военное руководство^{IV}. Однако в среде старой военной элиты нашлись и те, кто согласился занять ключевые посты во главе большевизированных вооруженных сил. Некоторые работники Ставки (например, генерал-майор Н.А. Сулейман) выступили за сохранение военного аппарата и после смены власти^V. Уже 20 ноября 1917 г. новым начальником штаба Ставки СНК назначил начальника гарнизона Могилева генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича — родного брата старого большевика и соратника В.И. Ленина В.Д. Бонч-Бруевича^{VI}. На личности и деятельности этого генерала, одного из создателей Красной армии, необходимо остановиться подробнее^{VII}.

В своих показаниях по делу «Весна» М.Д. Бонч-Бруевич впоследствии отмечал: «В момент Октябрьской революции я находился в Ставке, по приказам считался состоящим в распоряжении Верховного главнокомандующего; фактически я просто жил в г. Могилеве в отведенном мне № гостиницы “Франция”. 20 ноября 1917 г. в Ставку прибыл т. Крыленко и предложил мне от имени советской власти вступить в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего с тем, чтобы ликвидировать царскую армию и Ставку, на что назначается примерно три месяца. Я ответил, что целиком подчиняюсь советской власти и принимаю назначение. Т. Крыленко сказал: “Действуйте!” Утром 21 ноября, по указанию т. Крыленко, я собрал старших начальников Ставки; и к ним пришел т. Крыленко и вел с ними, в моем присутствии, продолжительную беседу о задачах советской

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 297. Л. 5.

^{II} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 7.

^{III} Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 226, 260, 263.

^{IV} Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 84.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 297. Л. 4.

^{VI} Есть данные о том, что по этой линии в годы Первой мировой войны Ленин получал русские секретные документы (Катков Г. М. Февральская революция. С. 151).

^{VII} Также см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 32–49.

власти. По окончании беседы я спросил: “Все ли остаются на службе?” Помню, что 2 человека заявили, что уходят в отставку...»^I

О своем отношении к советской власти Бонч-Бруевич заявил: «Общее мое настроение заключается в том, что я с самого начала Октябрьской революции вполне понял и признал для себя обязательными те основания, на которых советская власть строит социалистическое государство. Став на такую точку зрения, я руководствовался ею во всех своих действиях и суждениях, исполняя все обязанности, порою весьма сложные, которые на меня возлагала советская власть, как в мирное, так и в военное время... теперь и отношения к старой военной среде несколько сгладились, потому что всем теперь ясно, что я был прав, ставши на точку зрения советской власти»^{II}.

До революции Бонч-Бруевич придерживался монархических, крайне правых, черносотенных и антисемитских взглядов (по характеристике генерала А.С. Лукомского, был «правее правых»), а в Первую русскую революцию даже призывал уничтожать революционеров без суда и следствия (что странно сочеталось с деятельностью его родного брата – старого большевика)^{III}. В 1917 г. и позднее с ним произошла резкая перемена. Неудивительно, что он прижился в новых условиях, стал сотрудничать с Л.Д. Троцким и даже, избежав репрессий, сравнительно благополучно дожил в СССР до глубокой старости^{IV}. Кстати, группа партийных работников во главе с А.Г. Шляпниковым в ноябре 1917 г. выразила решительный протест в связи с назначением Бонч-Бруевича как «отъявленного черносотенца»^V. Однако протест ни на что не повлиял.

Как ученик видного военного мыслителя генерала М.И. Драгомирова, Бонч-Бруевич пользовался определенным влиянием в военных кругах, но отношение ряда генштабистов к нему было презрительным: его считали грубым и недалеким интриганом. Именно он был причастен к разгону кружка Н.Н. Головина в предвоенной академии и к фабрикации печально известного дела С.Н. Мясоедова в годы Первой мировой войны^{VI}. Современникам в его действиях виделись «властность, упорство, настойчивость, а также некоторая озлобленность»^{VII}. При этом нужно учитывать, что усилению критических оценок в эмигрантских воспоминаниях способствовала очевидная неприязнь недавних белых к своему большевизировавшемуся сослуживцу. Осенью 1917 г. генштабисты из Ставки даже решили не подавать ему руки^{VIII}. Генерал А.П. Будберг именовал его «мерзейшей памяти “Маскоттой”»^{IX}

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (249). Л. 45–45об.

^{II} Там же. Л. 5–5об.

^{III} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава X. С. 133 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3; Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 96; Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. С. 174 (к сожалению, работа Лукомского вошла в это издание с произвольными купюрами, коснувшимися в том числе характеристики Бонч-Бруевича, полную характеристику см.: Лукомский А. С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 101–102); Снесарев А. Е. «Вся Россия — больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 38.

^{IV} Подробнее о Бонч-Бруевиче см.: Новиков П. Лицо неотвественное. Победы генерала Бонч-Бруевича // Родина. 2009. № 12. С. 129–132.

^V РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 2.

^{VI} Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. Т. 2: 1915 год. Апогей. С. 37–44, 56–59.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 48. Л. 45.

^{VIII} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава X. С. 133 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{IX} Маскотта — талисман (итал. mascotte).

старичка Рузского»^I. Быховские арестанты осенью 1917 г. даже отправили Могилевскому совету книгу Бонч-Бруевича с саркастической надписью «Дорогому Могилевскому совету от преданного автора»^I.

Полковник Б.Н. Сергеевский писал в эмиграции вдове генерала А.И. Деникина о Бонч-Бруевиче: «Мое мнение о нем было и осталось — это самый отвратительный из отрицательных наших генералов, как с точки зрения вопроса о генеральской годности, так и с общечеловеческой точки зрения.

По своим взглядам на военное дело — это один из наиболее тупых и бесталаных сторонников нашей школы 19 века, притом совершенно бессовестный.

Человек, совершенно не терпящий каких-либо противоречий со стороны младших, даже если они стараются ему помочь...»^{II}

Генерал П.С. Махров вспоминал: «Бонч-Бруевич был довольно способный офицер Генерального штаба и очень ловкий оппортунист, стремившийся к карьере. Сначала его видели в монархических кругах, потом “в салоне графини И.”, потом, когда подул “гучковский” ветер, там, где поносилось имя царской семьи. После Февральской революции он стал сам революционером, передовым человеком и не брезгал передней Александра Федоровича Керенского. А когда Керенского защищали женские легионы, Бонч-Бруевич, не защищая даже своей чести и совести, уже шмыгал возле Смольного, где служил его родной брат — большевик»^{VI}.

Сослуживцы Бонч-Бруевича по Генштабу не верили в его идейность, утверждая, что такие, как он, «предадут брата родного... и довольно дешево»^{VII}. Среди таких же, готовых предать даже брата, упоминался и бывший генерал Л.М. Болховитинов, позднее перешедший к белым.

Именно Бонч-Бруевич через свои родственные связи стал связующим звеном, которое соединило большевиков и генштабистов. Генерал П.И. Аверьянов вспоминал о своем восприятии Бонч-Бруевича осенью 1917 г.: «Все же мой коллега... который хотя и служил уже большевикам, но, думалось мне, не утратил же еще “общего языка” с нами и мог нас понимать»^{VIII}. Следует также отметить, что Бонч-Бруевич отличался исполнительностью и заботой о близких ему офицерах, даже в трудных условиях Советской России. О том, что Бонч-Бруевич стал знаменем для части генштабистов, свидетельствовал его близкий сотрудник еще по Первой мировой войне, бывший генерал С.Г. Лукирский: «М.Д. Бонч-Бруевич многократно и на долгие периоды являлся моим прямым начальником по службе в старой армии во время мировой войны, а также в Ставке Верховного главнокомандующего после Октябрьской революции и в Высшем военном совете (председатель Л.Д. Троцкий) в 1918 году.

М.Д. на меня всегда производил впечатление деятеля кипучей энергии, крайне инициативного, решительного, обладающего необычайною работоспособностью.

^I Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 270.

^{II} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 96.

^{III} Б. Н. Сергеевский — К. В. Деникиной. 20.10.1965 // BAR. Anton and Kseniia Denikin collection. Box 27.

^V Графини Игнатьевой (примеч. П. С. Махрова).

^{VI} Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 415–416 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

^{VII} Снесарев А. Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 362.

Ему всегда была свойственна какая-то особая жажда живой деятельности: работе он отдавался всецело и вне ее, как-то, совсем не имел интересов.

Очень религиозен.

Способен к резким, грубоватым нападкам на подчиненных, допустивших действия, не одобренные М.Д. ...М.Д. являлся среди нас, б[ывших] офицеров Генер[ального] штаба, очень крупной фигурой, благодаря свойствам своего характера и тому высокому положению служебному, которое он занимал во время Мировой войны и после Октябрьской революции, и, может быть, объединяющим лицом крупной части б[ывших] офицеров Генерального штаба^I.

По свидетельству курсовика А.А. Бурова, Бонч-Бруевич «в старое время... монархист, после революции – один из первых организаторов Красной армии. Человек огромной энергии и трудоспособности, бюрократического склада, слабо ориентирован в вопросах современного военного искусства, ввиду плохого знакомства с современной военной техникой»^{II}.

Генерал П.С. Махров дал следующую характеристику Бонч-Бруевичу: «Он был ловкий оппортунист, карьерист, стремившийся быть замеченным и отмеченным как ученый и передовой человек, но по существу дела он ни тем, ни другим не оказался. Творческого ума и ораторства лектора у него не было»^{III}.

По оценке А.Е. Снесарева, «политическое лицо Бонч-Бруевича такое: близкий когда-то подсобник ген. Драгомирова, всегда “густо черный”, занимавший в акад[емии] Ген. штаба правое крыло, он может быть только ярым и крайним монархистом, что подтверждается и его религиозностью, спускающейся до формальной церковности»^{IV}. Как человек властный и упорный, к тому же располагающий широкой базой подчиненных, он имеет самые широкие возможности для организации такого кружка или даже общества, которые выполняют всякие его указания, подсказанные Бонч-Бруевичу и его политическими взглядами, и яркой враждебностью его настроений»^V. В Ставке о Бонч-Бруевиче отзывались «как о человеке, совершенно невоспитанном, крикуне, дерзком, не пользующемся репутацией умного человека»^{VI}.

По всей видимости, наиболее точно о Бонч-Бруевиче отзывался полковник Д.Н. Тихобразов: «Судьба его не баловала. Никто его не любил. “Белые” считали его “красным”; “красные” видели в нем “белого”. Передовые старого режима окрестили его “черносотенцем”. Многие офицеры Генер[ального] штаба высказывались о нем как о “с.с.”»^{VII}.

При этом Бонч-Бруевич стал выступать в качестве защитника бывших офицеров в новых условиях. Характерно как с точки зрения адресата, так и в плане описываемых реалий письмо арестованного бывшего полковника А.В. Косматова

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 67–68.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (249). Л. 65.

^{III} Махров П. С. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 242 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 2.

^{IV} Подчеркнуто красным карандашом.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (249). Л. 112–113.

^{VI} Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. С. 230.

^{VII} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. С. 67 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

Бонч-Бруевичу, написанное в декабре 1917 г.: «Глубокоуважаемый Михаил Дмитриевич! В тяжелую пору своей жизни обращаюсь я к Вам, своему бывшему учителю, давшему мне всю основу для последующей работы на пользу родины и во славу армии. Я начальник разведыв[ательного] отделения штаба 12^й армии, б[ыв-]ший) Ген. шт[аба] полковн[ик] Косматов. После первой революции работал в полнейшем контакте с армейским исполнит[ельным] органом и комиссарами. После Октябрьской революции также твердо остался на своем посту и, прежде всего, поспешил войти в контакт с в[оенно]-рев[олюционн]ым комитетом, а затем новым Искосолом^I, которые и благословили меня на продолжение дела разведки впредь до распоряжения. Само собою разумеется, новую власть признал без колебаний... Меня даже, еще во времена Беляева, держали подальше от к[онтр]р[аз-]ведки], ввиду моей постоянной оппозиции тех безобразий, какие происходили под флагом к[онтр]разв[едки], и у Беляева я был непрерывно в опале... В остальном, нет ни у кого и никаких оснований обвинять меня в к[онтр]рев[олюции]. Всегда, насколько было возможно при старом режиме, был левее всех окружающих; сам я вышел из народа и не мне изменять народу! Выхожу, без вины виноватым, правильнее – обвиняемым! К Вашему заступничеству обращаюсь я»^{II}. Бонч-Бруевич просил ускорить расследование^{III}.

Постепенно большевики завоевали симпатии некоторых представителей старой военной элиты. 22 декабря 1917 г. В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.И. Подвойский, П.Е. Дыбенко, К.А. Мехоношин и Э.М. Склянский встретились с представителями Военного министерства и ГУГШ. Управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов был поражен простотой Ленина и деловитостью: «Неотразимое впечатление произвела обаятельная личность Владимира Ильича, его приветливое дружеское отношение к окружающим, его быстрое схватывание сущности вопросов, его краткие и меткие замечания. Мне чрезвычайно импонировала именно скромность, простота и в то же время исключительная деловитость всей обстановки»^{IV}.

Слушатель академии В.М. Цейтлин записал 12 ноября в дневнике: «Заходил товарищ и возмущался, что прап[орщик] Крыленко назначен Верх[овным] главнокомандующим, я не большевик, но смотрю здраво на вещи... чему, в сущности, удивляться. И Крыленко, по-моему, более нормально главноверх, чем Керенский.

Почему же бесхарактерного присяжного поверенного можно назначать, а Крыленко нет. А если Керенский мог... [снять] Брусилова, Алексеева, арестовать Корнилова, то подавно Сов[ет] нар[одных] комис[саров] – сиречь Ленин, Троцкий имеют полное право подавно [снять] Духонина. Все равно, как и тогда, так и теперь народ безмолвствует, интеллигенция боится.

Как сильными людьми Лениным и Троцким можно восхищаться. Можно их ненавидеть, не соглашаться, но это дела не меняет.

^I В документе — Испосолом. Искосол — Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов 12-й армии Северного фронта.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1381. Л. 232–232об.

^{III} Там же. Л. 234.

^{IV} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 170. Л. 50.

Определенно, открыто, от самого начала и до конца идут к своей цели, иногда, быть может, и не стесняясь средствами.

Ну разве они одни только считают, что цель оправдывает средства. А в общем, власть их — безусловная сила^I. Стоявший на резко антибольшевистских позициях офицер постепенно менял свои взгляды, увидев в новой власти силу, способную прекратить хаос в стране. Импонировали ему и некоторые разумные инициативы новых властей — например, введение института гражданского бракосочетания вместо церковного^{II}. Хотя утопизм и идеализм большевиков вызывали иронию. В частности, в связи с их заявлениями о том, что немецкие солдаты вскоре повернут штыки против своих^{III}.

Большевики находили сознательную поддержку генштабистов и на местах. В Иркутске к красным примкнул генерал-лейтенант А.А. фон Таубе, вскоре принявший участие в разработке проекта «Положения» о Красной армии^{IV}. В начале апреля 1918 г. он был избран временным начальником штаба Сибирского военного комиссариата — органа, в задачу которого входило руководство всей военной работой в Сибири.

Основная масса генштабистов в силу инерции и по привычке исполнять приказы и добросовестно служить просто оставалась на прежних местах службы или выполняла те же поручения, что и до 25 октября 1917 г. Генерал И.А. Поляков вспоминал о штабе 9-й армии Румынского фронта в конце 1917 г.: «Работа штаба в это время вообще, а в частности генерал-квартирмейстерского отдела почти совсем прекратилась. По старой привычке мы продолжали посещать штаб, где коротали время за игрой в шахматы, шашки, в злободневных разговорах и в обсуждении назревающих событий, стараясь, подняв завесу, заглянуть в будущее»^V.

Характерен пример деятельности в конце 1917 — начале 1918 г. полковника И.Г. Пехливанова. 20 октября он был назначен командующим войсками Приамурского военного округа. 25 октября Пехливанов отправился на Дальний Восток. Принимать должность он был вынужден в обстановке революционной анархии и после утраты власти Временного правительства, назначившего офицера на новый пост, что ставило под вопрос легитимность назначения. Полномочия нового назначенца были подтверждены в ноябре 1917 г. СНК, в связи с чем 3-й съезд Советов Дальнего Востока, проходивший 11–20 декабря 1917 г. и провозгласивший 14 декабря установление в крае советской власти, воздержался от выборов нового командующего войсками^{VI}. Таким образом, прежние назначения в некоторых местах подтверждались новыми органами власти, а назначенцы продолжали служить на ранее отведенных им постах. Более того, представители новой власти в этот период неоднократно заявляли, что отношение офицеров к советской власти и даже признание ее им не важны, а важна лишь честная и деловая работа^{VII}. Об этом было заявлено и на совещании в Петрограде, организованном

^I АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 270–271; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 312–313.

^{II} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 272; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 314.

^{III} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 275; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 316.

^{IV} Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 78.

^V Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 29.

^{VI} РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 2. Подробнее о Пехливанове см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 84–145.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 229. Л. 3.

большевистскими военными работниками Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойским 9 ноября 1917 г., на которое были приглашены выборные представители всех главных управлений Военного министерства^I.

Еще 30 октября 1917 г. временно управляющий Военным министерством генерал от артиллерии А.А. Маниковский (негенштабист) издал приказ, в котором отмечалось, что работа должна вестись вне политики и партий^{II}. Крыленко и Подвойский посчитали такой приказ приемлемым.

Впоследствии Подвойский вспоминал: «Выработав положения, которые в принципе были одобрены Советом народных комиссаров по военным делам, я приступил к тому, чтобы весь аппарат, мозг старой армии, заставить работать согласно этим новым принципам и дать нам программу и план, технически разработанный и научно в военном отношении обоснованный, создания новой армии»^{III}. Большевики стали знакомить руководство Генштаба со своим видением будущих конфликтов как классовых, а не империалистических.

Несмотря на сокращение штатов, центральный аппарат военного управления сохранялся. Побывавший 18 ноября в ГУГШ генерал А.П. Будберг записал: «Старшие чины сидят в постоянном ожидании ареста, однако работа идет по прежнему руслу»^{IV}. Впрочем, генерал обратил внимание и на попытки руководства ГУГШ влиять на большевистскую политику в армии ради того, чтобы задержать разрушительную работу новой власти: «Все надеются на то, что большевизм долго не продержится, и стараются сохранить старые учреждения и всю систему для будущего»^V. В этой связи Будберг провидчески отметил: «Я не разделяю здешнего оптимизма... по всей же системе, принятой комиссарами, для меня ясно, что сейчас они выбирают тех, кто пойдет к ним служить, и налаживают свои аппараты военного управления; когда последние будут готовы, то они разобьют все старое и вышвырнут всех тех, кто не будет с ними»^{VI}. У того же Будберга ГУГШ, сидевшее между двух стульев (союзники по Антанте и большевики), вызывало неприязнь, причем генерал даже брезговал в декабре 1917 г. принимать назначения от подобного органа^{VII}. Вместе с тем, Будберг отдавал должное смельчакам, пытавшимся сохранить военно-административный аппарат в советских условиях. Он считал, что это «те, кто, попав в красный плен, своим телом, кровью и переживаемым ужасом тормозит, сколько может, поступательное движение большевизма и, находясь под постоянным страхом мучений, издевательств и смерти, напрягает невероятные усилия, чтобы выиграть время, пока придет помощь»^{VIII}. Помощь, разумеется, ожидалась со стороны союзников.

Попытки спасти армию, сохранив контроль над ней, были довольно распространены. Действительно, своей основной задачей в сложившихся условиях многие представители военной элиты считали максимально возможное поддержание

^I ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232. Л. 60б.

^{II} Там же.

^{III} Подвойский Н. И. Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 69.

^{IV} Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 254.

^V Там же.

^{VI} Там же. С. 254–255.

^{VII} Там же. С. 263.

^{VIII} Там же. С. 286.

боеспособности армии. Но в условиях всеобщего развала, массового дезертирства, отсутствия дисциплины и разгула произвола в стране и на фронте сделать это было практически невозможно. Тем не менее такие попытки предпринимались. Рецепты наведения порядка были различными. Одним из наиболее действенных казалась национализация частей. Начальник штаба 31-й пехотной дивизии Генштаба подполковник К.З. Ахаткин отмечал, что проведение украинизации «давало нам возможность удерживать дивизию от большевизма, противопоставляя ему национализм. Дивизия кой-как держалась». Генерал Маниковский запретил без его ведома увольнять сотрудников: «Никто не может быть отстранен от должности без моего ведома и согласия»^I. По мнению генерала Н.М. Потапова, речь шла только о технической стороне дела, чтобы не расстраивать налаженную систему и чтобы люди были уверены в своей личной безопасности.

Неудивительно, что попытки проведения своей линии генералитетом были очень скоро пресечены новой властью. Уже утром 20 ноября 1917 г. начальник Генерального штаба генерал-майор В.В. Марушевский и временно управляющий Военным министерством генерал А.А. Маниковский были арестованы по составленному накануне председателем СНК В.И. Лениным постановлению как саботажники и контрреволюционеры^{II}. Содержались они в тюрьме «Кресты»^{IV}. Непосредственной причиной ареста стали переговоры Марушевского по прямому проводу с генералом Н.Н. Духониным после его отстранения СНК от должности и попытка срыва посылки делегации на мирные переговоры. Нюанс заключался в том, что СНК вменил в обязанность Духонину сохранить за собой руководство оперативной и технической частью фронта даже после отстранения с поста главноверха, а в Петрограде переговоры велись на аппарате Юза в присутствии представителя СНК^V.

В ходе переговоров, состоявшихся 17 ноября 1917 г. в 23.30, Духонин просил, чтобы его ориентировали в петроградской обстановке, жаловался на хаотичное введение выборного начала на Западном фронте, при котором «опыт и знания в расчет не принимаются»^{VI}. Марушевский же пытался отговорить большевистское руководство от силового воздействия на Ставку. Духонин, в свою очередь, рассчитывал на приезд в Могилев генерала С.И. Одинцова, а не большевистских отрядов. Из разговора Духонина и Марушевского следовало, что они пытались вести переговоры с союзниками.

Обвинение Марушевского в отказе предоставить офицеров Генштаба для мирных переговоров сам он считал несостоятельным. Как выяснилось, Марушевский никаких предписаний не получал, а как только они были получены, вопрос решился за несколько минут. Соответствующее обращение к Марушевскому было сделано 18 ноября 1917 г. около 15–15.30. У него попросили прислать двух офицеров Генштаба для переговоров с немцами. Свой ответ Марушевский изложил следующим образом: «Мною разъяснено, что я не имею подготовленных для сего

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 49об.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 229. Л. 10–10об.

^{III} Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 23.

^{IV} РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 17об., 20об.

^V ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232. Л. 6.

^{VI} Там же. Л. 7об.

офицеров, т.к. Гл[авное] упр[авление] Генерального штаба есть учреждение “тыловое”, не подчиненное фронту и не имеющее офицеров, в подробностях ознакомленных с местными условиями»^I. Фактически это было попыткой уклониться от исполнения поручения. Тогда Н.И. Подвойский начал настаивать, и распоряжение было сделано.

21 ноября СНК принял резолюцию наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого о том, что «замаскированная и выжидательная контрреволюционная политика генерала Маниковского, Марушевского и др[угих] пр[очих] – попустительство со стороны советской власти – вызывает колебание и смуту в рядах командного состава и частей армии (ударников, казаков и пр.) и крайнее раздражение революционных масс, что, в свою очередь, ведет к вспышкам Гражданской войны (Ставка, Жлобин и пр.), к самосудам»^{II}, поэтому СНК отклонил предложение об освобождении Маниковского и назначении его на ответственный пост.

После арестов управление военным ведомством перешло к коллегии народных комиссаров^{III}, а и.о. начальника Генерального штаба и помощником управляющего Военным министерством стал лояльный большевикам генерал Н.М. Потапов (ранее генерал-квартирмейстер ГУГШ). По мнению генерала В.Н. Минута, Потапов остался на службе, потому что ему не хотелось трогаться с места и «было почти безразлично, кто им верховодит»^{IV}. 30 ноября арестованные генералы были освобождены, но следствие в их отношении прекратилось только 28 июля 1918 г.^V

Как вспоминал позднее Потапов, Марушевский убедил его добиться у Н.И. Подвойского разрешения на двухмесячный отпуск в Финляндии для поправления здоровья после ареста, дав Потапову честное слово не оставаться в Финляндии ни дня сверх срока и вернуться^{VI}, однако в итоге в Советскую Россию не возвратился и впоследствии занял руководящий пост в антибольшевистских силах на Севере России. В советской историографии этот сюжет впоследствии преподносился как нарушение генералом «честного слова» не воевать против советской власти^{VII}. Отметим, что в следственном деле Марушевского документ о признании власти СНК подписи не имеет^{VIII}.

В обстановке безвластия и неопределенности, развала армии и прежних органов государственного управления Н.М. Потапов пытался «сохранить офицеров Генштаба и не дать им рассеяться так, что потом и не соберешь»^{IX}. Для этого, например, создавалась военно-историческая комиссия.

^I Там же. Л. 11.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 1. Л. 12. С неточностью опубл. в: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С. 41.

^{III} В Совет, комитет или коллегию Народного комиссариата по военным делам в разное время входили до десяти комиссаров – Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, К. А. Мехоношин, В. А. Антонов-Овсеенко, П. Е. Дыбенко, Э. М. Скланский, П. Е. Лазимир, К. С. Еремеев, И. Л. Дзевалтовский, М. С. Кедров, В. А. Трифонов, К. К. Юренев, В. Н. Васильевский, Б. В. Легран, А. Ф. Ильин-Женевский.

^{IV} Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 86.

^V ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 229. Л. 1; Д. 232. Л. 1.

^{VI} Потапов Н. М. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 65. К сожалению, этот документ, видимо в постсоветское время, исчез из НА ИРИ РАН, как и большая часть архива генерала Н. М. Потапова.

^{VII} Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 70.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232. Л. 3.

^{IX} Минут В. Н. Под большевистским игом. С. 86.

В условиях управления военным ведомством коллегией неподготовленных лиц роль Генерального штаба возросла. По оценкам некоторых бывших офицеров, Потапов фактически играл роль военного министра¹. К декабрю 1917 г. разделение полномочий было следующим – В.А. Антонов-Овсеенко должен был ликвидировать контрреволюционные выступления по всей республике, Н.В. Крыленко для руководства войсками отправился на фронт, а Н.И. Подвойский управлял военным аппаратом из Петрограда.

В конце декабря 1917 г. генерал А.П. Будберг в дневнике выразил свое отношение к офицерам, оставшимся при большевиках в органах центрального военного управления: «Не завидую я всем, застигнутым большевизией на петроградских постах и вынужденным продолжать работу и тянуть ставшую каторжной лямку в надежде, что случится какое-то чудо; это не служба, а какой-то мрачный и невыносимый винегрет из уступок собственной совести, компромиссов, ухищрений, выторговываний, подделываний под тон комиссаров в надежде спасти хоть какие-нибудь осколки здорового старого»².

В это время новой власти уже помогали (помимо ранее примкнувших к ним видных генштабистов) генералы В.Е. Борисов и А.А. Балтийский, полковники В.П. Гильбих и У.И. Самсон-фон-Гиммельшерн. Этих интеллектуальных сил хватало для организации работы на первых порах.

Остро стоял вопрос о том, какой будет новая армия. Как вспоминал Н.И. Подвойский, «мною было предложено начальнику Генерального штаба Потапову разработать в основных положениях, в эскизах, такую программу и представить план, расчеты и средства, набросать конструкцию аппарата, который мог бы осуществить создание новой армии... Это, пожалуй, были самые трудные шаги... От нас Генеральный штаб требовал точно указать, будет ли наша система милиционной, или мы будем иметь смешанную систему регулярной армии и всеобщей трудовой милиции, или, наконец, мы превратим весь вооруженный трудовой класс в армию регулярную, постоянного типа, с определенными кадрами, в постоянном составе... Во-вторых, от нас требовали, чтобы мы указали принципы, на которых при первых шагах построения армии будет базироваться дисциплина и т.д.»³.

Ответить на эти вопросы неподготовленным большевистским военным деятелям было сложно. Подвойский прямо писал: «И, естественно, не обладая основательно военным образованием и не имея военных консультантов, за исключением Одинцова, Потапова и Мочульского, на которых мы могли бы базироваться, с которыми мы могли бы всесторонне в беседе выяснить то, что необходимо было для работы Генерального штаба, при полнейшей невозможности заняться изучением тех трудов по военным вопросам, которые помогли бы нам сформулировать нашу точку зрения с военно-технической стороны, помогли бы нам нащупать наиболее отвечающий нашим требованиям переходный тип армии, мы в силу всего этого не могли удовлетворительно ответить на все вопросы, которые ставил нам Генеральный штаб... Своих заданий и своих целей войны мы, пожалуй, не разъяснили и не способствовали уяснению генштабистами тех принципов, которые должны

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 16–17.

² Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 265.

³ Подвойский Н. И. Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 69.

быть положены в основу строительства армии, а, наоборот, оставили их с обычными мыслями^I. Под «обычными мыслями» Подвойский подразумевал базовые принципы военного строительства, к которым большевики позднее все равно вернулись.

По поручению Народного комиссариата по военным делам А.М. Мочульский подготовил в ноябре – декабре 1917 г. и представил Потапову предложения по переходу к милиционной системе комплектования армии на добровольной основе. Эти предложения обсуждались на совещаниях Н.И. Подвойского, Н.В. Крыленко, Э.М. Склянского и Б.В. Лиганова с офицерами (по воспоминаниям Подвойского, в них из числа генштабистов участвовали Потапов, Мочульский, Одинцов, Гильбих и Самсон-фон-Гиммельшерн^{II}) и на заседании СНК 16 декабря 1917 г.

Консерватизм взглядов, неспособность подняться над собственным традиционализмом и рутинной делали генштабистов противниками слома старой армии, к которому шли большевики. Не случайно полковник В.В. Далер в докладе на совещании по демобилизации армии, созванном Наркоматом по военным делам 28 ноября 1917 г., отстаивал необходимость сохранить старую армию и на ее основе создавать вооруженные силы Советской России^{III}. Генерал М.А. Иностранцев, служивший тогда в Военной академии, отмечал, что «начавшаяся ломка всей привычной и дорогой нам старины настолько поражала многих, настолько не соответствовала всему их прочно сложившемуся мировоззрению, что происходили характерные и курьезные факты, с особенной очевидностью доказывающие, что люди, в особенности старые, совершенно не могут и не хотят понять условий вновь сложившейся жизни и не в состоянии не только с нею примириться, но даже и к ней хоть сколько-нибудь приноровиться»^{IV}.

В условиях развала армии генштабисты нередко изгонялись солдатскими комитетами или комиссарами со своих постов. Так, подполковник С.К. Бородин 17 ноября 1917 г. был смещен с должности начальника штаба 183-й пехотной дивизии по решению дивизионного комитета и назначен младшим офицером в один из полков. Разумеется, на такой должности он служить не собирался и был командирован в другую дивизию^V. Новым главнокомандующим армиями Северного фронта генерал В.А. Черемисов. 12 ноября 1917 г. за отказ подчиниться был арестован командующий 5-й армией генерал В.Г. Болдырев.

Еще более громкий инцидент в связи с мирными переговорами произошел с командующим 3-й армией генералом Д.П. Парским. В ноябре 1917 г. Парский был арестован за отказ подчиниться Совету народных комиссаров и исполнить приказание военно-революционного комитета Западного фронта и вр.и.д. главнокомандующего армиями Западного фронта большевика подполковника В.В. Каменщикова о принятии мер к ведению мирных переговоров с противником. 18 ноября 1917 г. Парский без обиняков заявил Каменщикову по прямому проводу, что

^I Там же.

^{II} Там же. С. 71.

^{III} Кляцкин С. М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 72.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 246; Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 520.

^V РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 314.

находит ведение переговоров «противоречащим моим внутренним убеждениям и совести». Кроме того, Парский отказал представителям военно-революционного комитета в выдаче мандата на переговоры (впрочем, немцы не обратили внимания на мандат без подписи командарма¹⁾). Упреждая обвинения в контрреволюционности, Парский отмечал: «Я оставался все время на своем месте, считая неудобным покинуть армию в такое тяжелое время, и до тех пор, пока это было возможно, в полной мере шел навстречу нашим демократическим организациям...»²⁾

Парский по предписанию Каменщикова сдал должность командующего армией председателю армейского комитета большевику подпоручику С. А. Анучину и отправился в распоряжение Совнаркома. При этом он был арестован и препровожден в Петроград в распоряжение ВРК, не оказав сопротивления. В биографических статьях о Парском его арест осенью 1917 г. никогда не упоминался (впрочем, как и второй его арест осенью 1918 г.). Парский не был готов идти на переговоры с врагом, что объясняет его стремление возобновить борьбу с немцами в феврале 1918 г.

На следующий день генерала отрешили от командования. Вынужденно оставляя свой пост, Парский просил бывших подчиненных оставаться на позициях и соблюдать порядок: «Отъезжая от армии, я рекомендую всему командному составу и прошу всех товарищей в целях сохранения порядка и боевой крепости армии оставаться на своих местах, неуклонно работать рука об руку с комитетами, руководствуясь указаниями своей совести и понятиями о долге военной службы, о чести и свободе России и народа. Я оставался на своем посту, пока мог»³⁾.

Сменивший Парского председатель армейского комитета 3-й армии и вр.и.д. командующего армией подпоручик Анучин дал высокую оценку работе Парского: «Генерал Парский в дореволюционный период пользовался большими симпатиями солдат, подходя к ним не как к солдату, а как к человеку, за что подвергался репрессиям со стороны начальства. В тот же период ему солдатами был поднесен Георгиевский крест. В революционный период он все время работал рука об руку с организациями и в самые трудные минуты фронта, когда солдатские массы не слушались даже своих выборных организаций, г[енерал] Парский умел успокоить массу. После Октябрьской революции г[енерал] Парский также шел навстречу организациям и стал работать в контакте с ВРК III армии, о чем можно видеть из прилагаемой здесь копии телеграммы. Но, видимо, в нем происходила внутренняя борьба, и когда ему было предложено подписать мандаты парламентарам, он честно и открыто заявил, что не может этого сделать, т.к. это противоречит его внутреннему убеждению. После этого от главкозапа⁴⁾ подполковника Каменщикова последовал приказ о его арестовании.

Для выполнения ареста явились три члена ВРК, причем г[енерал] Парский спокойно выслушал приказ ВРК как необходимое после его отказа – им,

¹⁾ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 4.

²⁾ Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии. С. 155.

³⁾ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 4.

⁴⁾ Там же. Л. 7.

⁵⁾ Главнокомандующего армиями Западного фронта.

конечно, не было оказано ни малейшего сопротивления при аресте. Произошло это в 2 часа ночи.

Из всего вышеизложенного я нахожу, что г[енерал] Парский не является ярким контрреволюционером и не представляется необходимым заключать его в Петропавловскую крепость и совершенно можно быть спокойным, если г[енерал] Парский будет находиться под домашним арестом — и если это возможно, то я просил бы не применять к нему крепости.

Если же почему-либо правительство народных комиссаров найдет необходимым применить к ген. Парскому как меру пресечения содержание в крепости, то передаю убедительную просьбу гражданской жены г[енерала] Парского — Елены Григорьевны Белановской [—] дать ей возможность находиться подле мужа, т.е. заключив и ее в крепость.

Мое мнение и просьбу Е.Г. Белановской передаю на Ваше усмотрение^I.

20 ноября Парского доставили в Петроград, а на следующий день допросили относительно произошедшего. В своих показаниях он отметил, что переговоры с противником на фронте считал вредными для родины и народа, «идти против своей совести и убеждения я не мог»^{II}. Нужно было обладать немалым гражданским мужеством, чтобы так искренне и откровенно рассуждать под арестом.

Было бы неверно считать генерала Парского наивным идеалистом. Для страховки он представил следственной комиссии документы о своих отношениях с солдатами после Февральской революции, причем просил их вернуть по миновании надобности, надеясь, что они сослужат службу и в дальнейшем^{III}. После допроса генерал был освобожден под подписку о невыезде, причем дал слово офицера явиться в следственную комиссию по первому требованию. Вплоть до января 1918 г. Парский уведомлял следственную комиссию о переменах своих петроградских адресов, позднее надобность в этом миновала, к тому же сам бывший генерал поступил в Красную армию.

С другой стороны, ряд генштабистов сохранили свои посты или даже были избраны на те или иные должности. Так, в декабре 1917 г. в 8-й армии Юго-Западного фронта К.А. Людсканов-Цанков был избран начальником штаба II конного корпуса вместо А.П. Ревизишина, а ревком XXIII армейского корпуса постановил оставить на своих постах командира корпуса К.К. Литовцева (Шильдбаха) и начальника штаба корпуса М.И. Изергина до нового корпусного съезда^{IV}.

В приказе Верховного главнокомандующего № 1006 от 29 декабря 1917 г. было объявлено Положение о назначении на должности Генерального штаба в Действующей армии. На командные посты генштабисты могли избираться на общих основаниях. Иной порядок относился к штабным должностям. Начальники штабов теперь не назначались, а избирались, однако выбирать кандидатов разрешалось только из числа генштабистов. Далее они выбирали кандидатов на нижестоящие штабные должности. Выборы проводились комитетами по списку. Сведения о подозреваемых в контрреволюции генштабистах направлялись в управление

^I ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 9об. — 10об.

^{II} Там же. Л. 11.

^{III} Там же. Л. 13, 14об.

^{IV} Приказ по 8-й армии. 1917. 30.12. № 3420.

генерал-квартирмейстера Ставки, а сами заподозренные в контрреволюции генштабисты переводились в строй^I. В военно-административном аппарате вводилось коллегиальное управление.

Приказ был призван упорядочить порочную практику избрания на должности Генерального штаба совершенно не подходивших лиц. Сложившуюся к декабрю картину полного упадка в управлении войсками рисует доклад начальника штаба Западного фронта полковника Н.В. Соллогуба главнокомандующему армиями фронта, составленный 25 ноября 1917 г. Соллогуб справедливо отмечал, что офицеры Генерального штаба «в силу своей специальной подготовленности и познаний в военно-научном деле, в силу особой сложности и трудности этого дела, естественно, стоят официально или фактически во главе войск, руководя их операциями, управляя ими. Без указанных офицеров, не рискуя лишить нашу армию боеспособности, обойтись нельзя»^{II}. Однако введение выборного начала приводило к тому, что вместо генштабистов в дивизиях начальниками штабов избирались штабные писари, а генштабисты, наоборот, смещались на писарские и солдатские должности. Соллогуб пускался в разъяснения, казалось бы, очевидных вещей: «Далеко не все солдаты знакомы со службой Генерального штаба настолько, чтобы иметь правильный критерий в вопросах соответствия каждого лица Генерального штаба занимаемой им должности. Здесь важен лишь вопрос о том, отвечает ли каждый офицер Генерального штаба настоящему политическому моменту, хотя бы в такой степени, чтобы нахождение его на должности не приносило ущерба делу, а действия его не были контрреволюционными»^{III}.

Помощник генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта В.И. Оберюхтин 25 декабря 1917 г. представил генерал-квартирмейстеру Ставки данные о кадрах Генштаба, остававшихся на фронте. В сопроводительном письме он отмечал: «Выборное начало проведено не везде и не полностью, а в некоторых частях проводится и в настоящее время... Прошу разъяснений, подлежат ли каким-либо утверждениям, опубликованиям в приказах и пр. все произведенные выборы лиц Генштаба, а также какой вообще порядок назначений по Генштабу с технической стороны установлен в связи с опубликованием положения о демократизации армии»^{IV}. По данным Оберюхтина, на фронте не хватало 43,08 % генштабистов, 8,5 % должностей занимали курсовики и 26,1 % – офицеры и даже нижние чины из строя.

16 декабря 1917 г., когда СНК обсуждал военные вопросы, был принят декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», по которому было отменено ношение погон и упразднены воинские чины. Этот декрет оказался морально тяжелым для офицерства, поскольку погоны являлись символом офицерской чести и принадлежности к корпорации. До революции их срезали только с провинившихся. Тем оскорбительнее была эта мера. Генерал И.А. Поляков вспоминал о своих переживаниях после снятия погон в штабе 9-й армии Румынского фронта: «Помню, как, встречаясь друг с другом, мы избегали смотреть в глаза, будто бы каждый

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1388. Л. 22–23.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 81.

^{III} Там же. Л. 85об.

^{IV} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 341.

из нас совершил что-то постыдное, нехорошее»^I. Преподававший в Военной академии В.Н. Касаткин свидетельствовал: «Ген. А.И. Андогский (начальник академии. — А.Г.) объявил этот приказ и приказал снять погоны. Пошел домой, срезал погоны на кителе и снял погоны на мундире.

Невольно вспомнилась сцена... как каптенармус Ерохин срезал у кадета, виновного, несомненно, в каких-то тяжелых поступках, погоны — символ “*esprit du corps*” — духа чести по-русски, честь мундира. И вот этой чести мундира меня лишили. За что? За какое тяжелое преступление? За измену своему Царю — говорил я себе. И моя жена, моя совесть, сказала: “И тебе не стыдно, Вася?” и не разговаривала весь день... Мне было действительно стыдно. Но потом еще одна капля горечи упала в мою чашу стыда. Утром следующего дня я, взяв свою шашку — Георгиевское золотое оружие, прошел на Неву и против памятника Петру Великому бросил шашку в Неву»^{II}. По свидетельству Касаткина, как оскорбление воспринималось и обращение к офицерам «фабричным словом “товарищ”» взамен прежнего титулования. Касаткин отмечал, что позднее в Белой армии «получил обратно свои погоны и возможность своей борьбой с красным врагом заглавить свое темное прошлое»^{III}. У белых Касаткину вернулось и прежнее титулование, сумел он восстановить и Георгиевское оружие. Профессор М.А. Иностранцев считал упразднение погон «актом чисто внешнего свойства», однако, как и другие, воспринимал эту меру как преднамеренное унижение и оскорбление офицерства новой властью^{IV}. В знак протеста преподаватели академии переоделись в гражданскую одежду, чтобы, таким образом, не носить форму без погон. Пожилой профессор геодезии генерал В.В. Витковский продолжил носить погоны и в 1918 г., причем протестовал своеобразно: весной, обливаясь потом, ходил в шинели, чтобы на улице не видели его погон на кителе (на шинели погоны не полагались)^V.

Страна постепенно втягивалась в Гражданскую войну. Начавшись в столицах, она перенеслась затем на окраины. Уже в первых столкновениях видную роль сыграли офицеры Генерального штаба и лица, обучавшиеся в академии, прежде всего лидеры казачества. Сразу после захвата власти большевиками 25 октября 1917 г. министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский в Пскове выпустил приказ Верховного главнокомандующего № 314, в котором призвал всех должностных лиц оставаться на своих постах и исполнять свой долг перед Родиной^{VI}. В соответствии с этим приказом в районе Петрограда на подавление выступления большевиков выступили части III казачьего корпуса под командованием генерал-майора П.Н. Краснова. Другой выпускник академии, Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска полковник А.И. Дутов, 26 октября 1917 г. вернулся из Петрограда в Оренбург и в тот же день подписал приказ по войску № 816 о непризнании насильственного захвата власти большевиками в Петрограде^{VII}. С 27 октября в Оренбурге было введено военное положение. Дутов первым

^I Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 32.

^{II} BAR. Memories of V. N. Kasatkin. Folder 1.

^{III} Ibid.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 245–246; Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 518–519.

^V ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 249; Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 520–522.

^{VI} РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 171.

^{VII} Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917. 27.10. № 63. С. 1.

в России и первым на Востоке страны начал вооруженную борьбу с большевиками, создав свой неподконтрольный красным антибольшевистский центр.

На Юг России, где собирались противники большевиков, стали пробиваться офицеры и те, кто шел за ними. В частности, из Ставки в Могилеве на Дон по приказу генерала Н.Н. Духонина выступил отряд ударных частей численностью несколько тысяч человек. Одним из организаторов похода являлся выпускник академии подполковник В.К. Манакин. В случае успеха предприятия эти силы могли существенно усилить Добровольческую армию и даже изменить расстановку сил на Дону¹. Однако под Белгородом в конце ноября – начале декабря 1917 г. отряд был рассеян красногвардейцами, матросами и Польским революционным полком, а его остатки распущены с обязательством пробираться на Дон одиночным порядком². Таким образом, генштабисты имели непосредственное отношение к первым боевым столкновениям Гражданской войны.

Наиболее опасный для большевиков очаг сопротивления сложился на Дону. Там генерал М.В. Алексеев формировал для борьбы с большевиками Добровольческую армию. Сознывая серьезность грядущих событий, Алексеев решил перевезти в Новочеркасск семью. Он телеграфировал в Ставку для передачи супруге в Смоленск через генерала М.К. Дитерихса: «Прошу Михаила Константиновича передать [по] телефону [в] Смоленск Анне Николаевне следующее: говорил сегодня по аппарату [с] Колей³»; прихожу [к] убеждению, что лучше нам собраться здесь на юге, как-либо пробивакируем, взять [с] собою, что можно... Все равно лично мне пока в центр приезжать не следует, жить всем вам [в] Смоленске, [в]виду грядущих событий, нежелательно»⁴.

Наряду с добровольческими на Дону создавались и казачьи партизанские отряды для борьбы с красными. Большую работу в этом направлении вел донской атаман генерал от кавалерии А.М. Каледин.

На собрании офицеров московского гарнизона, проходившем 27 октября 1917 г. в здании Александровского военного училища, выступил полковник К.К. Дорофеев, который своим выступлением буквально наэлектризовал присутствовавших и сумел их возглавить. Как вспоминал С.Я. Эфрон, «на трибуну, минуя председателя, всходит полковник Генштаба. Небольшого роста, с быстрыми решительными движениями, лицо прорезано несколькими прямыми глубокими морщинами, острые стрелки усов, эспаньолка, горящие холодным огоньком глаза под туго-сдвинутыми бровями. С минуту молчит. Потом, покрывая шум, властно:

– Если передо мною стадо – я уйду. Если офицеры – я прошу меня выслушать! Все стихает.

– Господа офицеры! Говорить больше не о чем. Все ясно. Мы окружены предательством. Уже льется кровь мальчиков и женщин. Я слышал сейчас крики: в бой! за оружие! – Это единственный ответ, который может быть. Итак, за оружие! Но необходимо это оружие достать. Кроме того, необходимо сплотиться

¹ Гагуев Р. Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 78.

² Подробнее см.: Поликарпов В. Д. Разгром белогвардейских ударных батальонов под Белгородом в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1963. № 1. С. 103–109.

³ Сын генерала – Н. М. Алексеев.

⁴ ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 6. Л. 1.

в военную силу. Нужен начальник, которому мы бы все беспрекословно подчинились. Командующий – изменник! Я предлагаю тут же, не теряя времени, выбрать начальника. Всем присутствующим построиться в роты, разобрать винтовки и начать боевую работу. Сегодня я должен был возвращаться на фронт. Я не поеду, ибо судьба войны и судьба России решается здесь – в Москве. Я кончил. Предлагаю приступить немедленно к выбору начальника!

Громовые аплодисменты. Крики:

– Как ваша фамилия?

Ответ:

– Я полковник Дорофеев.

Председателю ничего не остается, как приступить к выборам. Выставляет несколько кандидатур. Выбирается почти единогласно никому не известный, но всех взявший полковник Дорофеев¹. Дорофеев был заметной фигурой среди политизировавшихся генштабистов – член центрального правления Союза георгиевских кавалеров, он взял на себя руководство штабом Московского военного округа в период боев с большевиками, а после неудачи уехал на Дон, где играл видную роль в Алексеевской организации – предтече Добровольческой армии. Руководящую роль в событиях «московской недели» сыграл полковник К.И. Рябцев. Впрочем, генерал М.В. Алексеев предполагал, что именно из-за Рябцева борьба в Москве не увенчалась успехом².

Первые очаги сопротивления периода конца 1917 – начала 1918 г. были большевиками сравнительно легко подавлены. Атаман А.М. Каледин провозгласил независимость Дона, а 22 ноября 1917 г. ввел на подконтрольной территории военное положение. При содействии добровольцев был ликвидирован мятеж в Ростове-на-Дону, в ходе которого городом на неделю (26 ноября – 2 декабря) овладели местные большевики. После этого в Донской области на непродолжительное время наступило успокоение. Однако уже 1 января 1918 г. СНК принял постановление о борьбе против Каледина, и во второй половине января 1918 г. положение белых резко ухудшилось. В начале января началось наступление на Дон красногвардейских отрядов, в результате неудач на фронте и апатии казачества атаман Каледин 29 января покончил с собой, и в начале февраля красные вступили на территорию области³. Новым атаманом стал генерал-майор А.М. Назаров. Однако уже началась агония казачьей власти. 23 февраля пал Ростов-на-Дону, а 25 февраля части красных заняли донскую столицу – город Новочеркасск. 3 марта атаман Назаров был расстрелян. В связи с падением Новочеркасска Добровольческая армия с Дона ушла на Кубань в поход, позднее получивший название 1-го Кубанского. Донские казаки во главе с походным атаманом генерал-майором П.Х. Поповым в день падения Новочеркасска выступили в Степной поход в глухой район на востоке Донской области, где провели два месяца.

Среди тех, кто выступил против красных на Кубани, был полковник Н.П. Левицкий, сформировавший собственный отряд. Однако в той обстановке

¹ Эфрон С. Я. Записки добровольца. М., 1998. С. 75.

² Письмо генерала от инфантерии М. В. Алексеева к генерал-лейтенанту М. К. Дидерихсу // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Кн. 1. С. 79.

³ Подробнее о Каледине см.: Кручинин А. С. Генерал от кавалерии А. М. Каледин // Белое движение. Исторические портреты / сост. А. С. Кручинин. М., 2011. С. 96–139.

у противников большевиков на Кубани не было шансов на успех — через регион проходил маршрут возвращения на родину огромной массы солдат Кавказского фронта. Эта лавина неизбежно должна была смести все преграды на своем пути, и прежде всего немногочисленные отряды добровольцев. Именно фронтовики позднее составили основу во многом анархических и недисциплинированных, но все же сильных советских вооруженных формирований Северного Кавказа, сковавших Добровольческую армию вплоть до поздней осени 1918 г.

Не увенчалось успехом и выступление оренбургского атамана А.И. Дутова. В ночь на 25 декабря 1917 г. большевиками был занят город Троицк — центр 3-го военного округа Оренбургского войска, одновременно с этим они повели новое наступление на Оренбург. Против красных Дутов сумел выставить не более двух тысяч человек, включая стариков и молодежь. Большинство боеспособных казаков еще не вернулось с фронта Первой мировой войны, а возвращавшиеся не хотели снова браться за оружие, так как новая власть еще не успела проявить себя и воевать вроде бы было не за что. В результате 18 января 1918 г. Оренбург пал, добровольческие отряды было решено распустить. Те, кто не пожелал сложить оружие, отступили по двум направлениям: на Уральск (во главе с генерал-майором К.М. Слесаревым) и на Верхнеуральск или временно укрылись по станицам. Самому атаману пришлось спешно покинуть войсковую столицу в сопровождении шести офицеров, вместе с которыми он вывез из города войсковые регалии и часть оружия. Несмотря на требования большевиков задержать Дутова, обещание вознаграждения за его поимку и почти полное отсутствие у него охраны, ни одна из станиц не выдала Войскового атамана¹. Дутов решил не покидать территорию войска и отправился в Верхнеуральск, находившийся вдали от крупных дорог и дававший возможность сформировать новые силы против большевиков, не теряя управления войском. На территории 2-го (Верхнеуральского) военного округа отряды Дутова продержались до середины апреля, когда казаки были вынуждены под ударами превосходящих сил красных под командованием В.К. Блюхера уйти с территории войска вместе с семьями в шестисотверстный поход на юго-восток, в Тургайские степи. Лишь в начале июля 1918 г. на волне восстания чехословаков и казаков небольшой отряд Дутова вернулся в войско. Тургайский поход оренбургских казаков фактически стал аналогом Степного похода донских казаков.

В Семиречье 1 ноября 1917 г. было образовано Войсковое правительство, заявившее о непризнании власти большевиков. Однако область была сильно большевизирована. Кроме того, Семиречье было изолировано соседними регионами, признавшими новую власть, — прервана связь и прекращен подвоз продуктов. В начале 1918 г. был зверски убит бывший Войсковой атаман Генштаба генерал-лейтенант А.И. Кияшко, незадолго до этого сдавший свой пост полковнику Н.С. Щербакову. 13 (26) февраля Войсковым атаманом был избран полковник А.М. Ионов, однако в ночь на 3 марта нового стиля город Верный в результате внутреннего восстания оказался под контролем местного ВРК. Казаки-фронтовики заняли такую же позицию, как и в других войсках.

¹ Подробнее о Дутове см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов.

Самовольно оставить службу, нарушив устав, многие офицеры, несмотря на прогрессирующий развал фронта, не могли. Слепая вера в законы и следование устаревшим правилам резко ограничивали возможности штабистов в сложной ситуации. Поступивший в Алексеевскую организацию полковник С.М. Трухачев оставил, наверное, самое удивительное свидетельство на этот счет: «Очутившись в “организации”, несмотря на то, что я не был вовлечен в нее случайно, а пошел сам по собственному убеждению, я испытывал двойственное состояние. С одной стороны, я был рад, что достиг своей цели и попал в ту среду, которая стремится к восстановлению Родины и ее славной армии. Но с другой стороны, меня сильно смущало мое личное положение, так как отпуск мой кончался 2 декабря и я должен был куда-то явиться по окончании его, сам в то время не зная куда. Прошло или нет мое назначение на Кавказ, я не знал, и узнать было трудно, так как в это время завершалась медленная блокада Дона большевиками. Ехать на Кавказ, не будучи убежденным, что назначение состоялось, не имело никакого смысла, особенно принимая во внимание, что я, не получая ниоткуда денежного содержания, абсолютно не имел средств в своем распоряжении.

Возвращаться в Ставку, откуда мне был выдан отпускной билет, значило бы ехать добровольно на службу к большевикам, что было не только небезопасно, имея в прошлом Киев и жизнь на Дону, но и чудовищно по степени глубокого падения.

Оставалось одно — оставаться в Новочеркасске, то есть не возвращаться из отпуска, другими словами — дезертировать из армии, что как-то противоречило всем моим воспринятым еще с корпусной скамьи понятиям и составляло для меня ту драму нарушения законности, о которой я упоминал выше.

Не знаю, пришлось ли кому переживать эту драму так, как мне, или большинство попало в армию “белых” в более определенной обстановке, когда война против “красных” и на срок весьма продолжительный выявилась в более определенной форме, или, быть может, попадая к белым, хотя бы и в начале Гражданской войны, у них не было возможности возврата в армию, но мне, имевшему эту возможность и обязанному явиться в армию, стоявшую в то время против внешнего врага, эта неявка в срок представлялась не только чудовищным преступлением, но и разрывом со всем прежним.

Я пробовал обращаться со своими сомнениями к некоторым из окружающих меня лиц, но попадал либо на “быховцев”, либо на участников московского восстания, и всегда получал ответ: “Да зачем я пойду в армию, чтобы меня повесили?” Тогда я решил как-нибудь отсрочить решение этого вопроса и послал рапорт в Бердичев, в коем изложил, что, будучи командирован 7 ноября в Могилев, я прошу Юго-Западный фронт продлить мне отпуск, так как в сущности я по последней должности состоял в их распоряжении.

Отпуск был продлен, о чем я получил извещение от генерала Махрова, но события ближайших дней показали, как наивны были мои волнения и что возврата в армию больше нет.

Повторяю, у меня не было никаких сомнений — быть ли в стане белых или красных, но меня мучило то обстоятельство, что я дезертирую из армии. Может быть, теперь это покажется смешно, но тогда это пережить было очень тяжело, и вот почему я воздерживаюсь от обвинения тех лиц, которые попали к большевикам

автоматически и не проявили себя с отрицательной стороны своим особым рвением на советской службе»¹.

Свидетельство Трухачева о его сомнениях конца 1917 г. наиболее яркое, но далеко не единичное. Полковник И. Ф. Патронов пытался законно уволиться из армии по причине непризнания большевистского Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, однако из этого ничего не вышло². Лишь в конце 1917 г. он смог покинуть старую армию. Как вспоминал он сам, «наконец, наступил давно желанный случай уйти на законном основании (законность еще крепко сидела тогда в нашем сознании) из давно умершей и разлагающейся старой армии. Пора создавать новую армию!»³ После этого Патронов отправился на белый Юг, причем уехать на Дон смог легально, получив товарный вагон от отдела военных сообщений⁴. Законопослушность офицеров и отсутствие в их жизни общественного начала считал серьезным препятствием для организации сопротивления большевикам полковник Б. А. Штейфон⁵.

Подполковник К. З. Ахаткин, находившийся в конце 1917 г. в отпуске в Екатеринославе, отмечал: «Пора было возвращаться на фронт, но с фронта шли сведения о полном развале.

Еще раньше у меня была мысль не ехать на фронт, а ехать в Ростов, где Алексеев собирал Добровольческую армию, но чувство долга заставляло вернуться в дивизию»⁶. В итоге офицер совершил крайне рискованное в условиях стихийного антиофицерского террора и совершенно бессмысленное путешествие на развалившийся фронт.

Ахаткин вспоминал, что от рассказов об убийствах офицеров «было жутко», тем более что «расстреливали просто за то, что офицер, других обвинений и не искали»⁷. Полковник Н. В. Покровский, командовавший полком в Риге в революционные дни, рассказывал своему однокашнику по академии З. А. Алферову, что «у него в полку такое творится, что утром он благодарит Бога за то, что уцелел от своих солдат в течение ночи, а вечером благодарит, что остался целым за день»⁸.

По свидетельству генерала А. П. Будберга, «массы... сорганизовались... почувствовали, что сила на их стороне, что грозное когда-то начальство — бессильное чучело, и напрактиковались не только в том, чтобы плевать на все его распоряжения, но и рвать его в клочья, разбивать ему головы и избавляться от него всякими мясницкими способами»⁹. Остатки армии Будберг в начале ноября 1917 г. называл прогнившей и засмердевшей ордой¹⁰. Понятно, что как вооруженная сила она перестала существовать и управляться и могла быть только распущена по домам. Революционные матросы и красногвардейцы у офицеров-генштабистов вызывали ужас и отвращение. Генерал П. Н. Врангель, увидевший их впервые на вокзале

¹ ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 67–68; Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М., 2018. С. 100–101.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 23.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 9.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 50об.

⁷ Там же. Л. 51, 60об.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 209. Л. 166.

⁹ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 231.

¹⁰ Там же. С. 239.

в Мелитополе на рубеже 1917–1918 гг., вспоминал: «С наглыми зверскими лицами, обвешанные пулеметными лентами и с ручными гранатами у пояса, они беспорядочными кучками пробирались в Севастополь, врываясь в пассажирские вагоны, выбрасывая женщин и детей и избивая станционных служащих»^I.

С точки зрения личной безопасности офицеров по всей России период безвластия конца 1917 – начала 1918 г., сопряженный с самосудами и кровавыми расправами, был, возможно, одним из самых тяжелых за все годы Гражданской войны. По этим причинам некоторые офицеры в это время предпочли изменить внешность и скрываться (например, так поступил бывший главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант П.А. Половцов^{II}).

Полковник А.П. Перхуров, окончивший академию по 2-му разряду, вспоминал, что ехал в январе 1918 г. через Петроград и Москву к семье в Екатеринославскую губернию «по официальным документам как солдат, но остатки офицерской одежды, бывшей на мне, сразу же показывали каждому, что я “солдат из офицеров”.

А этого было вполне достаточно, чтобы во многих случаях подвергнуться неприятностям до лишения жизни включительно»^{III}.

Далеко не всем удавалось покинуть территорию Советской России и пробраться к белым. Анонимный офицер, оставшийся в РККА, отмечал: «Летом [19]18 года я, обладая настоящим советским документом и мандатом, пробирался с семьей на П[ско?ль]в и за две станции до немецкой линии засыпался самым постыдным образом, исключительно благодаря своей неловкости... А подыматься в другой раз – каюсь – порошу больше не хватило»^{IV}.

Развал армии воспринимался государственно мыслящими офицерами как личная драма. Полковник А.П. Перхуров записал в воспоминаниях: «Слишком тяжелы были моральные переживания в конце 1917 года, чтобы можно было выразить их словами на бумаге. Все происходившее казалось настолько сумбурным, настолько не укладывалось в понимание, что являлась потребность отойти в сторону и оглядеться»^V. Это свидетельство перекликается с как всегда желчной оценкой А.А. Керсновского: «Школа Жомини (академия. – А.Г.), готовя из своих питомцев образцовых и исполнительных столоначальников, не сообщала им широкого философского кругозора, не прививала им творческих инстинктов. Привыкнув действовать и мыслить только по усвоенному раз навсегда трафарету, они растерялись и потерялись, когда эти трафареты вдруг перестали годиться»^{VI}. В связи с демобилизацией старой армии к 20 января 1918 г. в Ставке стали собирать сведения о генштабистах^{VII}, поскольку такие офицеры могли оставить службу и разъехаться по домам. Итоги этой работы, к сожалению, неизвестны.

Выпускники академии практически не участвовали в приходе большевиков к власти. Тем не менее большинство по долгу службы и по инерции оставались в армии и после этого, подчинившись новым властям. Пассивно сопротивлявшиеся

^I Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 81.

^{II} Половцов П. А. Дни затмения. С. 215.

^{III} Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 5.

^{IV} Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 3.

^V Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. С. 5.

^{VI} Керсновский А. А. История русской армии. М., 1994. Т. 4: 1915–1917 гг. С. 323.

^{VII} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 215.

(как, например, генерал Н.Н. Духонин) были устранены, с теми, кто пошел на активное сопротивление, велась ожесточенная борьба (как, например, с казачьими атаманами А.И. Дутовым и А.М. Калединым). Из-под ареста, чтобы избежать уничтожения, бежали быховские узники, затем возглавившие Белое движение на Юге России. Некоторые другие офицеры покинули армию до демобилизации, чтобы принять участие в создании антибольшевистских вооруженных формирований. С другой стороны, несколько генштабистов изначально активно помогали большевикам. Среди них были генералы М.Д. Бонч-Бруевич и Н.М. Потапов, связанные с членами партии родственными узами. Таким образом, раскол Генштаба произошел уже осенью 1917 г. и далее расширялся по мере эскалации Гражданской войны.

§ 5. Генштабисты и Брестский мир

Серьезные противоречия в кругу генштабистов в конце 1917 – начале 1918 г. вызвал вопрос о выходе России из Первой мировой войны и о сепаратном мире. Многие считали такие действия неприемлемыми по отношению к союзникам по Антанте. Впрочем, были и те, кто понимал, что без выхода из войны страна обречена. Разные мнения существовали и в гражданской элите страны¹.

Во главе Военного министерства осенью 1917 г. находился генерал А.И. Верховский, придерживавшийся идеи заключения мира с немцами и выступавший за реорганизацию армии. Подобные взгляды шокировали его коллег. Вот что писал сослуживец Верховского донской офицер-генштабист И.А. Поляков: «Не верилось, что все это исходит от А. Верховского, который в течение более года был среди нас в штабе IX армии, обращая на себя внимание большой трудоспособностью и скромностью. Работая с ним долгое время в оперативном отделении штаба армии, проводя вместе целые дни, будучи, наконец, в добрых и приятельских с ним отношениях, я никогда не замечал, чтобы он был одержим болезнью социализма, да еще в такой острой форме, как то выявилось в начале революции и в конечном результате увенчалось его службой у большевиков. Я знал, что в молодые годы его жизни с ним произошел случай, показавший его неуравновешенность и ложное понимание воинского долга², но затем вся его дальнейшая служба давно искупила этот грех молодости и, казалось, навсегда изгладила его из памяти, не говоря уже и о суровом наказании, понесенном им. Трудно было объяснить и понять, как мог блестящий офицер Генерального штаба, кавалер двух Георгиевских крестов – солдатского и офицерского (первый – в Русско-японскую войну, второй – в Великую), а также и золотого оружия, отлично воспитанный, хорошо владевший иностранными языками, человек большой работоспособности, в жизни очень скромный и застенчивый, вдруг сразу стать не только на ложный, но и преступный путь перед своей родиной»³.

¹ Подробнее см.: Селезнев Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит...

² Речь идет о политических разговорах А. И. Верховского с вольнонаемными вестовыми манежа Пажеского корпуса в 1905 г., где он учился. За это Верховский был исключен из корпуса и отправлен унтер-офицером в Маньчжурию.

³ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 45–46.

В среде офицеров Генерального штаба имелись сторонники заключения мира, понимавшие абсурдность и гибельность продолжения войны силами развалившейся армии. Генерал А.П. Будберг в своем дневнике прямо написал: «С точки зрения верности слову предложение, конечно, коварное, ну а с точки зрения эгоистических интересов России, быть может, единственное, дающее надежду на спасительный исход»^I. Ему вторил генерал В.А. Замбржицкий, по мнению которого на сентябрь 1917 г. немедленный мир был единственным спасением для страны, но старая власть, в том числе военная, не имела мужества признать данный факт^{II}. Однако подобным мужеством обладали большевики. И, как можно понять из приведенных выше свидетельств и из позиции самого Верховского, вопрос о сепаратном мире, по крайней мере, у некоторой части старой военной элиты не вызывал. Слушатель академии штабс-капитан В.М. Цейтлин записал в дневнике 22 октября 1917 г.: «Мои взгляды о необходимости заключения сепаратного мира, но открыто и заранее заявив об этом союзникам, разделяются в академии лишь небольшой группой. Большинство за “союзников” до конца. И я был таким, но теперь либо прозрел, либо поглупел»^{III}. С другой стороны, среди слушателей академии нашлись и те, кто весной 1918 г. ждал прихода немцев как избавителей от большевиков^{IV}. Как острили тогда в печати, «последнее зверство немцев – до сих пор не берут Петрограда»^V. Размышляя о том, что лучше для страны, Цейтлин пришел к выводу, что на долгую перспективу важнее сохранить территориальную целостность, пусть даже под большевиками.

Начальник Генерального штаба генерал В.В. Марушевский позиционировал себя в качестве сторонника мира, но не сепаратного. Он писал в рапорте управляющему Военным министерством 15 ноября 1917 г.: «За два месяца исполнения мною должности начальника Генерального штаба я неуклонно стремился в своих начинаниях к заключению мира на почетных и выгоднейших условиях.

Я сознаю, что мир необходим, и громко заявлял об этом на совещании у военного министра с главнейшими представителями финансов и довольствующих учреждений в 20^х числах октября, в Вашем, г[осподин] генерал, присутствии.

Но как и тогда, так и теперь я желал и шел твердо к тому, чтобы не только не идти на разрыв со всею Европою, но, наоборот, еще теснее спаять узы, связывающие нас с союзниками.

Наше самостоятельное выступление, невзирая на протесты Франции, Англии и Америки, развязывает руки нашим врагам и предрешает участь Сербии, Черногории и Бельгии, а также всего славянского вопроса на Балканах.

Мне ясна захватная политика Германии, и я считаю, что наши шаги в пользу мира могут противодействовать ей только при условии сохранения наших союзных обязательств.

События последних дней убеждают меня в том, что наши союзные отношения уже подорваны и самый ход этих событий будет иметь следствием крайне тяжелое политическое и экономическое положение России.

^I Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 226.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 4. Л. 76.

^{III} АВИМАИВИНС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 255; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 299.

^{IV} АВИМАИВИНС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 283; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 323.

^V Минут В. Н. Под большевистским игом. С. 88.

По своей совести и разумению не считаю себя вправе занимать далее пост начальника Генерального штаба и принимать участие в работах по создававшемуся положению вещей.

Испрашиваю распоряжения о командировании меня в распоряжение наштаверха с освобождением от моих обязанностей»^I.

Генштабисты приняли активное участие в мирных переговорах в Брест-Литовске. Отправка военных экспертов на переговоры сопровождалась немалыми сложностями, поскольку офицеры оставались верны своему взгляду на происходившее как на позор и предательство. Как вспоминал генерал Г.И. Клерже, «добровольно ехать в эту “командировку”, естественно, никто из находившихся тогда в Петрограде, да и в Ставке Верховного главнокомандующего, не хотел»^{II}. Действительно, ряд офицеров отказались участвовать в переговорах. В частности, профессора Военной академии М.А. Иностранцев и Г.Г. Христиани^{III}. Нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий якобы даже пригрозил и.д. начальника Генерального штаба генералу В.В. Марушевскому репрессиями, если генштабисты не будут командированы на переговоры^{IV}.

На разных этапах состав военных специалистов менялся. Вместе с первой советской делегацией в Брест-Литовск отправились контр-адмирал В.М. Альтфатер, генерал-майор В.Е. Скалон (как представитель Ставки)^V, капитан 1-го ранга Б.И. Доливо-Добровольский, подполковники Д.Г. Фокке^{VI} и И.Я. Цеплит, капитан

^I ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232. Л. 13–13об.

^{II} Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадкова. Новосибирск, 2012. С. 127.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 254. С. Н. Полторак, составивший первый полный список консультантов на мирных переговорах, ошибочно включил в него и отказавшегося Г. Г. Христиани (Полторак С. Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018. С. 244). Подробнее о поведении Христиани в связи с вопросом о переговорах см.: Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 526–527; Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 136.

^{IV} Письмо в редакцию // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 342; Нокс А. Вместе с русской армией. С. 655.

^V 25 ноября 1917 г. М. Д. Бонч-Бруевич предписал Скалону «отправиться в город Петроград для составления редакции проекта договора о перемирии» (ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 3211. Л. 7). О направленном им в Брест-Литовск кандидате сам Бонч-Бруевич впоследствии сообщал следующее: «Выбор мой мог показаться парадоксальным — офицер лейб-гвардии Семеновского полка Скалон был известен в Ставке как ярый монархист. Но работал он в разведывательном управлении, был серьезным и отлично знающим военное дело офицером и с этой точки зрения имел безупречную репутацию. К тому же мне казалось, что непримиримое его отношение ко всему, что хоть чуть-чуть было левее абсолютной монархии, должно было заставить его с особой остротой относиться к переговорам о перемирии и потому отлично выполнить мое поручение — подробно и тщательно осведомлять Ставку о ходе переговоров» (Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 224). Полковник Д. Н. Тихобразов со слов очевидца вспоминал иное: «Бонч объявил Скалону его назначение... Бывший офицер л[ейб]-гв[ардии] Семеновского полка и ревностный монархист, Скалон, отказавшись, стал на дыбы. Его совесть, сказал он наштаверху, восстает против сепаратного мира, его честь не позволяет ему порвать обязательства, торжественно подписанные Россией. Бонч-Бруевич рассердился: “Никто не спрашивает вашего личного мнения. Высшие интересы государства требуют прекращения военных действий. Таково и решение Правительства, и не нам его обсуждать. Вы — человек подходящий для задачи, и ваш долг ее выполнить: Россия требует от вас жертвы”. Скалон поехал» (Из воспоминаний Д. Н. Тихобразова. Мое радиосотрудничество. Л. 66 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 2).

^{VI} С. Н. Полторак выдвинул ошибочное предположение, что включение сослуживцев по штабу 1-й армии и штабу Приволжского военного округа К. Ю. Берендса и Д. Г. Фокке в состав экспертов обусловлено их знакомством с видным военным работником РКП(б) Н. И. Подвойским, инспектировавшим в Самаре работу штаба Приволжского военного округа (Полторак С. Н. Брест-Литовск. С. 243). В действительности эти события относятся к июню 1918 г. — существенно более позднему периоду по отношению ко времени мирных переговоров в Брест-Литовске (подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 222).

В.В. Липский. Кроме моряков Альтфатера и Доливо-Добровольского остальные являлись выпускниками Военной академии. Цеплит и Липский участвовали как представители Юго-Западного и Западного фронтов соответственно¹. Позднее в российскую делегацию из генштабистов входили генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов («черный»), генерал-майоры А.И. Андогский и А.А. Самойло, полковники А.В. Станиславский и В.И. Шишкин, подполковники К.Ю. Берендс, Ф.А. Мороз, В.Г. Сухов². Были и другие военные эксперты из числа выпускников и слушателей академии: телеграфист (юзист) полковник В.П. Иванов³, подполковник А.Н. Вагин, командированный в состав мирной делегации с 11 декабря 1917 г.⁴, и штабс-капитан И.А. Морозевич⁵. Всего не менее 15 офицеров. По некоторым данным, Станиславский и Шишкин были направлены на переговоры генералом Марушевским под угрозой ареста⁶. Также на переговорах присутствовал А.И. Геккер, появлявшийся там с огромным красным бантом, что вызывало усмешки немецкой делегации⁷.

Как вспоминал подполковник Фокке, «все мы получили прямое предписание от нашего прямого начальства из штабов, сохранявших техническое руководство русской армией, хотя бы и в корне изъеденной красной ржавчиной большевизма, но законных в старом смысле этого слова, хранивших преемственность еще с царского времени»⁸. Здесь, безусловно, присутствует элемент самооправдания перед эмигрантским читателем, на которого были ориентированы мемуары, но в целом отражена позиция тех офицеров, которые по инерции остались в армии и при большевиках, но не были их идейными сторонниками.

Некоторые военные эксперты, участвовавшие в переговорах, позднее были вынуждены оправдываться, оказавшись под градом упреков со стороны участников Белого движения и эмигрантов. В частности, преследованиям со стороны белых на этой почве подвергся генерал А.И. Андогский. Генерал А.С. Лукомский в эмиграции писал о его возможной роли в будущей войне с большевиками: «Участие его в Брест-Литовском договоре все время отражалось на отношении к нему офицеров “белых армий”, и ему неоднократно приходилось давать объяснения о роли, которую он играл. И еще теперь, в офицерской массе, отношение к нему отрицательное и многие считают его ненадежным и имеющим какие-то связи с большевиками. Но последнее совершенно не верно. Он, безусловно, против большевиков и будет всячески стараться себя реабилитировать в прежних прегрешениях.

¹ Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Архив русской революции. Берлин, 1930. Т. 20. С. 68.

² Там же. С. 18; Письмо в редакцию // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 342. Один из мемуаристов отмечал, что Скалон и Станиславский направлены были в Брест-Литовск Бонч-Бруевичем под конвоем под угрозой расстрела семьи (Самоубийство генерал-майора Владимира Евстафиевича Скалона 12 декабря 1917 года в Брест-Литовске // BAR. Semenovskii Polk papers. Box 5), впрочем, это белоэмигрантская легенда, не подтвержденная документально.

³ Proceedings of the Brest-Litovsk Peace Conference. The Peace Negotiations between Russia and the Central Powers. 21 November 1917 – 3 March 1918. Washington, DC, 1918. P. 13; Полторак С. Н. Брест-Литовск. С. 235.

⁴ Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 144.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 346.

⁶ Михутина И. В. Украинский Брестский мир. С. 14.

⁷ Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 216.

⁸ Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии... С. 68.

Будучи умным, знающим и очень работоспособным, он, в будущем, будет полезен; но в первый период выступления ему лучше никаких ответственных назначений не давать, чтобы не возбуждать страсти»¹.

В отношении В.В. Липского, впоследствии оказавшего у белых, проводились длительные разбирательства. Полковник А.В. Алатырцев писал генералу Е.К. Миллеру в начале 1920-х гг., уже в эмиграции: «В. Липский действительно окончил академию вместе со мною. Куда он был назначен по окончании академии, я не знаю, но вскоре после переворота 25 октября мне, находившемуся на фронте, стало известно, что он оказался в Петрограде в [Главном] управлении Генерального штаба, где он продолжал служить при большевиках и в дальнейшем. Как он себя там вел, мне также ничего не известно. Затем в армии точно стало известно, что он был командирован в состав комиссии в Брест-Литовск и принимал участие в переговорах и работах ее при заключении Брест-Литовского мира.

Когда мы были в Екатеринодаре, то в витринах некоторых магазинов были выставлены фотографии, перепечатанные с какого-то немецкого журнала, где В. Липский был снят в числе других делегатов, кажется, даже вместе с Троцким. Затем были получены уже в Екатеринодаре сведения о том, что он находится в составе большевизской военной агентуры в Берлине, откуда он и прибыл на юг России.

Отношение к нему было по приезду его туда совершенно отрицательное, и в общем порядке он должен был быть реабилитирован комиссией ген. Болотова.

Комиссия работала очень долго и вынесла постановление, содержание которого я не знаю, но в том смысле, что прием его на службу во В[ооруженные]С[илы] на Ю[ге]Р[оссии] признается возможным.

Это было уже в самые последние дни Екатеринодара перед эвакуацией Новороссийска, почему к решению этой комиссии следует отнести с известной оценкой.

После этого В. Липский был назначен в распоряжение командующего Донской армией, но к месту службы не отправился, а исчез из Екатеринодара, и следов о нем не осталось никаких. Только, когда армия была уже в Крыму, были получены сведения, что его видели в Константинополе.

Насколько я помню, приказа главнокомандующего о приеме его на службу не последовало, поэтому и в крымский период его не считали на службе в армии, так как иначе он за самовольный отъезд за границу из действующей армии был бы исключен со службы на основании существовавших на этот предмет приказов главнокомандующего.

Теперь о его чинах. Он не полковник, а капитан, так как до 25 октября 1918 года² он не мог быть произведен в подполковники, а после этого во время его службы у большевиков он получить чин подполковника не мог. В дальнейшем же его ни в подполковники, ни в полковники никто не производил.

Всю реабилитацию он основывал исключительно на удостоверениях, полученных им от некоторых из французских военных представителей, находившихся первое время после большевизского переворота в Петрограде,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 72.

² Так в документе. Очевидно, имеется в виду 25 октября 1917 г.

засвидетельствовавших, что во время его службы у большевиков он им был полезен, так как постоянно сообщал им какие-то сведения о большевицкой работе. Насколько это было серьезно и верно, я судить не могу, и, по-моему, это только свидетельствует о гибкости его натуры, а не о преданности его национальному делу.

Насколько искренно его влекло в белые армии, не знаю, но его внезапный отъезд из Екатеринодара по окончании реабилитации в самое тяжелое время заставляет в этом сильно сомневаться».

Белый генштабист А.А. фон Лампе уже в эмиграции в 1921 г. записал свои впечатления в дневнике в связи с брестскими переговорами: «А в то время, как эти “офицеры” Генерального штаба в погонах и в форме там продавали Россию – мы не верили в реальность мирных переговоров!»^I

Советская делегация во главе с А.А. Иоффе прибыла в Брест-Литовск на переговоры по перемирию 20 ноября 1917 г. 22 ноября было заключено перемирие на 10-дневный срок с 24 ноября по 4 декабря. Проект соглашения о прекращении боевых действий готовили с советской стороны Ф.А. Мороз и Д.Г. Фокке. Вечером делегация покинула Брест-Литовск, но остались секретарь Л.М. Карахан с военными консультантами полковником В.И. Шишкиным и подполковником Д.Г. Фокке, которые участвовали совместно с представителями Четверного союза в составлении протокола обсуждения условий перемирия^{II}.

По мнению В.И. Ленина, изложенному в телеграмме Верховному главнокомандующему Н.В. Крыленко, старшим представителем от армии на дальнейших переговорах должен был быть генерал-майор П.А. Базаров или генерал-майор В.Е. Скалон, кроме того, военными экспертами должны были являться представители каждого из четырех европейских фронтов, причем от Северного фронта – подполковник Ф.А. Мороз^{III}.

Переговоры возобновились 29 ноября. Советская делегация во главе с А.А. Иоффе отправилась в Брест-Литовск из Петрограда. Но буквально через несколько часов после прибытия на переговоры произошло чрезвычайное событие. Во время заседания по вопросу о пункте демаркационной комиссии для Юго-Западного фронта генерал В.Е. Скалон вышел за картой и между 15.50 и 16.02 застрелился^{IV}. Вечернее заседание делегаций в связи со случившимся было отменено. Считалось, что генерал (крупнейший специалист по германской армии) не вынес позора секретных переговоров, на которые был направлен Бонч-Бруевичем^V. Погибшего

^I HIA. Vranghel collection. Box 113. Folder 13.

^{II} Алексей фон Лампе — военный агент барона Врангеля в Венгрии: Сб. док. М., 2012. С. 42.

^{III} Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сб. док. М., 2022. С. 666.

^{IV} Там же. С. 38.

^V РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1379. Л. 55. Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 146–157.

^{VI} Накануне Скалон не высказывал никаких соображений о переговорах, принимал деятельное участие в обсуждении вопросов и собственноручно составил проект отдельных пунктов предложений. Причину самоубийства отнесли к нервному расстройству. В предсмертной записке генерал написал супруге: «Могилев. Анне Львовне Скалон. Прощай дорогая, ненаглядная Аня, не суди меня, прости, я больше жить не могу, благословляю тебя и Надюшу твой до гроба Володя» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 183). Участник переговоров подполковник Д. Г. Фокке считал, что решение о самоубийстве возникло спонтанно. Другой их участник, генерал-майор А. А. Самойло, указал на якобы обнаружение в бумагах Скалона сообщения о распутном поведении его супруги (они поженились в 1915 г.), что, возможно, стало основной причиной (*Самойло А. А. Две жизни*. С. 188). Однако, скорее всего, это клевета. Тем более что

Скалона сменил, как писал британский военный атташе генерал А. Нокс, «его более легкомысленный друг»¹ бывший генерал А.А. Самойло.

Своеобразно повел себя Д.Г. Фокке. Начальник Генштаба Н.М. Потапов общал начальнику штаба Ставки М.Д. Бонч-Бруевичу 28 февраля 1918 г.: «Согласно официальному сообщению заместителя председателя мирной делегации А. Иоффе, на обратном пути из Бреста, когда поезд, в котором следовали секретарь народного комиссара по иностранным делам и консультант по военным делам при мирной делегации, штаб-офицер для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии Генерального штаба И.² Фокке, подошел к станции Вильна, то Генерального штаба И. Фокке вышел на вокзал, сказал, что

супруга Скалона была беременной (21 января 1918 г. у нее родилась дочь Нина) и имела на руках двухлетнюю дочь Надежду (родилась 1 декабря 1915 г.) (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 179858. Л. 2, 8; выражаю благодарность Е. В. Скалон за любезно предоставленные копии документов).

В связи с инцидентом немцы оказывали знаки внимания – выставили у тела генерала почетный караул, направили в Брест-Литовск православного священника, диакона и церковный хор. Была устроена торжественная церемония прощания с залпами салюта. Свои соболезнования 30 ноября выразил генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский. Педантичные немцы запечатлели прощание даже в кинохронике. Новая власть, надо отдать ей должное, не осталась безучастной к трагедии. При содействии главковерха Н. В. Крыленко и начальника его штаба М. Д. Бонч-Бруевича было направлено ходатайство в СНК о выделении участка для могилы в Александро-Невской лавре (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 208). Планировалось доставить тело Скалона для прощания в Ставку, но позднее это решение было отменено. Вдове генерала советским правительством были выражены соболезнования.

В 1920-е гг. генералу была посмертно назначена персональная пенсия «за заслуги по службе в РККА», в которой он не прослужил ни дня. Эту пенсию в размере 30 руб. в 1920–1930-е гг. получала дочь Скалона Надежда (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 164). В 1925 г. вдова генерала после развода со вторым мужем П. И. Григорьевым обратилась к видному советскому дипломату Л. М. Карахану, а тот адресовал ее просьбу заместителю председателя РВС СССР И. С. Уншлихту, сообщив, что вдова «с дочерью сейчас не имеет никаких средств к существованию и страшно нуждается и просит установить какую-либо пенсию» (ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 3211. Л. 5). При этом Карахан добавил: «К сведению сообщая, что Скалон вел себя совершенно лояльно и корректно, что в то время не было обычным для военспецов» (Там же). Поддержал ходатайство и бывший главковерх, а в тот период прокурор РСФСР Н. В. Крыленко, писавший в РВС СССР 6 октября 1925 г.: «В момент занятия ставки в октябре (так в документе, правильно – в ноябре. — А. Г.) 1917 года среди тех немногих, насчитывавшихся единицами, работников ставки старой царской армии, перешедших на сторону новой советской власти, был упомянутый генерал Владимир Евстафьевич Скалон, который и был послан по распоряжению советской власти в Брест для переговоров с немцами об условиях заключения перемирия и мира вместе с адмиралом Альфатером.

Генерал Скалон в те времена был единственным военным специалистом, которому можно было поручить ведение ответственных переговоров и разрешение ряда технических вопросов, связанных с переговорами. Как это явствует из телеграммы Альфатера, генерал Скалон принимал ближайшее и деятельное участие в обсуждении вопросов и отдельных решений, составлял проекты отдельных пунктов предложений, которые принимались немцами в его формулировке. Отсюда ясно, что без помощи генерала Скалона мирная делегация едва ли была бы в состоянии настоящим образом защитить интересы молодой Советской республики.

Самая смерть генерала Скалона, объяснявшаяся его тяжелым угнетенным моральным состоянием, как человека, вынужденного своими руками подписывать и определять тяжелые для РСФСР условия, диктуемые немцами, показывает, как близко он принимал к сердцу интересы страны, изменить которым не захотел и тогда, когда все остальные предпочитали прямое предательство и прямое поражение революции ее защите.

Полагаю, соответственное обеспечение семьи генерала Скалона сможет сыграть и определенную политическую роль в отношении массы военных специалистов, как доказательство соответствующей оценки со стороны Советского правительства поведения тех из них, кто в тяжелые минуты не колеблется предоставить к ее услугам свои знания и силы» (Там же. Л. 4–4об.). В другом документе, исходившем от РВС СССР, в 1928 г. отмечалось, что «Предлагавшиеся Германией тяжелые условия для Советской России, очевидно, подействовали на тов. Скалон[а] угнетающе и на почве этого он покончил жизнь самоубийством в Бресте» (Там же. Л. 2). Пенсия была назначена с ноября 1925 г. и выплачивалась до конца 1937 г. (Там же. Л. 1об.).

¹ Нокс А. Вместе с русской армией. С. 660.

² Здесь и далее – так в документе.

у него имеется разрешение от германских властей на свидание с сестрой, живущей в городе Вильна.

По имеющимся сведениям, Генерального штаба И. Фокке пробыл в г. Вильна почти неделю, после чего выехал из Петрограда, но в Двинске был арестован и под конвоем препровожден в распоряжение революционного трибунала.

В настоящее время Генерального штаба Фокке находится на свободе, в Петрограде, но с него взята подписка о невыезде.

Считая, что поступок И. Фокке, позволившего себе вступить в сношения, во время войны, с германскими властями и получившего от них разрешение на осуществление своих частных дел, свидетельствует о полном отсутствии у него сознания недопустимости таковых сношений для каждого военнослужащего, а тем более для лица, служащего в корпусе Генерального штаба, я не нахожу возможным дальнейшее оставление И. Фокке в Генеральном штабе и прошу меня уведомить, не встречается ли к этому с Вашей стороны каких-либо особых препятствий^I. Бонч-Бруевич также считал, что такому офицеру не место в Генштабе. По другим данным, в ходе переговоров Фокке, вопреки запрету председателя делегации А.А. Иоффе, вел личные переговоры с немцами, вероятно, по своим делам без разрешения ездил в занятую немцами Ригу и предъявил германскому офицеру какую-то бумагу от германского командования. По совокупности проступков он был по распоряжению Иоффе арестован и предан суду^{II}.

В день заключения мирного договора 3 марта 1918 г. Ю.Н. Данилов, В.М. Альтфатер, А.И. Андогский и В.В. Липский подписали обращение к председателю советской делегации о необходимости использовать мирную передышку для создания мощных вооруженных сил с целью занятия страной выгодных позиций на будущей мирной конференции при заключении всеобщего мира^{III}.

Унизительный Брестский мир, сопряженный с добровольной сдачей врагу огромных территорий, больно ударил по чувствам военных профессионалов и стал побудительным мотивом для многих из них включиться в борьбу с большевиками. Ведь последние, казалось, подтвердили свою репутацию агентов кайзера. К примеру, на почве неприятия Брестского мира сошлись эсер-террорист Б.В. Савинков и противник эсеров полковник А.П. Перхуров, которые в первой половине 1918 г. в Центральной России создали подпольную антибольшевистскую организацию «Союз защиты Родины и Свободы»^{IV}. В дальнейшем, однако, стало ясно, что германскими агентами большевики не являлись, а, наоборот, сами пытались революционизировать противника, что, в конце концов, удалось в ноябре 1918 г. и привело к выходу Германии из войны. Тогда же большевики денонсировали Брестский мир.

События Первой мировой войны продолжали влиять на поведение военной элиты и после заключения Брестского мира, отражаясь на внешнеполитической ориентации офицеров на Антанту или на Центральные державы. В нарушение Брестского мира австро-германские войска стали наступать вглубь России, оккупировав

^I РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 140–140об.

^{II} Михутина И. В. Украинский Брестский мир. С. 108.

^{III} Брестский мир. С. 271–272.

^{IV} Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. С. 6.

весной – летом 1918 г. Крым, Донбасс, часть Воронежской и Курской губерний, некоторые районы Дона, Кубани, Закавказья.

Как сам Брестский мир, так и дальнейшее германское наступление вызывали возмущение многих офицеров. Некоторые, даже попав в плен к красным, не боялись прямо заявлять о своем отношении к этому вопросу. Так, бывший белый офицер полковник Л.В. Костанди летом 1920 г. сказал на допросе, что надеялся «при восстановлении Восточного фронта вновь принять участие в борьбе с Германией и тем самым ликвидировать позор Брестского мира, к которому я относился совершенно отрицательно»¹.

Служивший в ВВС бывший генерал-майор Н.А. Сулейман в докладе о неизбежности продолжения войны с Германией, составленном 21 апреля 1918 г., писал: «Стремление германского империализма, в сторону наименьшего сопротивления на восток связано с такими для германцев экономическими возможностями, что мы не можем не считаться с грозящей нам реальной опасностью со стороны обнаглевшего прусского юнкерства – в самое ближайшее время, может быть даже в ближайшие недели.

Практическое осуществление хищнических требований, положенных в основу вырванного у нас мирного договора, вызовет с нашей стороны противодействие, которое вполне естественно проявит народ ради чувства самосохранения.

Великий и гуманный русский народ, ставший в авангарде осуществления и проведения в жизнь лозунгов социализма, не может остаться спокойным зрителем гибели своих надежд, своего экономического и духовного возрождения...»² И далее: «Нам известно, что взгляды правительства отвечают необходимости парировать неизбежный удар со стороны Германии, а раз это так, то мы должны быть готовы к продолжительной и упорной борьбе и, не откладывая ни одной минуты, принять определенное решение к созданию вооруженной силы и соответственно развертывания ее для того, чтобы не позволить врагу регламентировать нашу жизнь противно нашим интересам»³.

Участвовавший в мирных переговорах на Украине бывший генерал С.И. Одинцов писал управляющему делами Народного комиссариата по военным делам другому бывшему генералу Н.М. Потапову 29 мая 1918 г. из Киева: «С немцами официально у нас мир, а фактически – война. Что же это такое за небывалое положение.

Выходит, мы сознательно закрываем глаза или разыгрываем дурачков. Немцы глубоко охватили наш левый фланг, заняли все хлебные местности, эксплуатируют их вовсю и готовятся к дальнейшему походу на Великороссию. Полагаю, что на днях они займут все белорусские губернии.

Кроме того, очень симптоматично следующее заявление украинского Генштаба, что они оставляют за собою право продвигаться вперед до тех пор, пока не встретят советских войск (об этом было сказано, когда шла речь о районе южнее Богучара), т.е. бесконечное движение на восток и выход в тыл на Волгу.

Одним словом, нельзя дремать ни минуты и надо готовить армию, если есть искреннее намерение спасти Великороссию от вторжения немцев.

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 3об.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

³ Там же. Л. 2–2об.

Не следует закрывать глаза на то, что фактически Малороссия оккупирована немцами и австрийцами. Все последствия оккупации налицо.

Необходимо, чтобы наше общество и народ поняли это^I. Необходимо, чтобы советская власть перестала сумасбродничать, бросая неисполнимые лозунги в народные массы, а дала возможность всем честным русским людям приступить к планомерной работе. Пора перестать искать всюду контрреволюцию, а надо стремиться всеми мерами водворить во что бы то ни стоило внутренний порядок в стране»^{II}. Любопытный штрих – письмо было написано на дорогой бумаге с золоченым гербом дворянского рода Одинцовых.

Неудивительно, что некоторые офицеры были готовы в борьбе с внешним врагом сотрудничать как с красными, так и с белыми. Например, так действовал весной 1918 г. полковник Я.А. Слащев – в дальнейшем видный белый военачальник.

В белых армиях господствовала проантантовская ориентация, причем абстрактная верность союзническому долгу являлась одним из мировоззренческих принципов белого офицерства. Многие стремились слепо, несмотря на революционную катастрофу 1917 г., следовать идеалу верности союзникам по Первой мировой войне, пытаясь в 1918 г. восстановить Восточный фронт против немцев. Когда немецкое командование на Украине через генштабиста С.Н. Ряснянского, представлявшего командование Добровольческой армии, сделало генералу А.И. Деникину предложение заключить союз, Деникин попросил Ряснянского не «передавать всякую дрянь»^{III}. Думается, подобное предложение нуждалось как минимум в серьезном рассмотрении, а не в эмоциональном и непродуманном ответе.

В целом же, на белом Юге возобладали наивно-идеалистический подход к приверженцам германской ориентации. Подозревавшихся в сотрудничестве с немцами старались даже не принимать в Добровольческую армию. Такие подозрения, например, не позволили попасть в армию генералу В.Н. фон Дрейеру^{IV}. Многие надеялись, что союзники помогут победить большевиков.

Находились и германофилы, рассматривавшие Первую мировую войну как недоразумение, спровоцированное интересами Великобритании и Франции, считавшие Германию естественным союзником России. Ярыми германофилами были генералы П.Н. Краснов и К.В. Сахаров. Причем в случае Краснова в период его пребывания на посту донского атамана его убеждения находили прямое продолжение

^I Далее и до конца абзаца текст зачеркнут Н. М. Потаповым карандашом.

^{II} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 23. Л. 108–109.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 77.

^{IV} По свидетельству генерала П. Н. Шатилова, Дрейер «был очень храбрый офицер Генерального штаба, безусловно, очень одаренный, но необычайно резкий. Служить с ним тем не менее было очень приятно. Его резкость создала ему много врагов, и в конце [19]14 года против него было возбуждено дело, сущность которого мне не была ясна... Судебное дело о нем было прекращено, но все же он был административным порядком исключен из Генерального штаба и продолжал службу в пехоте. Он отличился своим мужеством в боях [19]15 года в Августовских лесах, и, насколько помню, был под конец войны переведен обратно в Ген. штаб с производством в генералы... Ген. Деникин ставил препятствия к его принятию в армию, и он работал в качестве военного корреспондента. Связанный службой по Великой войне с Врангелем, который его очень ценил, Дрейер часто бывал у него в армии. Он был также с нами в Крыму. Ему были сделаны Врангелем предложения занять боевые должности, но Дрейер предпочел заняться военным писательством, к чему у него, несомненно, были дарования» (*Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 353–354 // НИА. Vrangeli' family papers. Box 6. Folder 5; с некоторыми неточностями опубл. в: Его же. Записки. Т. 1. С. 161*).

в проводимой им прогерманской политике. Как правило, германофильство сочеталось с крайне правыми воззрениями и приверженностью монархизму. На Германию ориентировались и часть офицеров, оказавшихся в донских казачьих формированиях при Краснове, а также те, кто находился на Украине.

В некоторых национальных армиях выходцам из русской армии приходилось служить вместе со своими недавними врагами – австрийскими или германскими офицерами. Например, основу старшего и высшего командного состава Украинской Галицкой армии составляли кадровые офицеры прежней австро-венгерской армии. Только младший и средний комсостав был представлен украинцами и галичанами. Вместе с австро-германскими офицерами выходцы из русской армии служили в Польше, вместе с германцами служили они и в Финляндии.

Гражданская война и безвременье вели к тому, что в немцах начинали видеть спасителей даже те, кто считал себя их противниками. Служивший в Добровольческой армии генерал И.Г. Эрдели записал в дневнике в апреле 1918 г.: «Скорее бы хоть немцы пришли – в них и у них искать спасения и помощи. Я ли это говорю? Да, я, служить не стану, с ними против своих не пойду, но помощи их жажду, скорее бы»^I. И на следующий день: «Я невольно как гражданин покоренной страны должен буду подчиниться силе, но увеличивать военные ряды немцев собой, хотя бы для уничтожения большевиков, немыслимо, конечно. И в душе буду благодарен врагам своим за прекращение Гражданской войны и за то, что буду хоть и в покоренной стране, но иметь право на жизнь, а не на расстрел, как теперь»^{II}.

Служивший в Донской армии полковник В.А. Замбржицкий записал в дневнике в сентябре 1918 г.: «Я согласен с направлением политики Краснова как единственно благоразумной в настоящий момент. В самом деле, во-первых, кто для нас больший враг, большевики или немцы? Двух мнений быть не может, конечно, большевики, ибо они душат государственность. Во-вторых, в состоянии ли мы сейчас воевать с немцами? Не имея ни снарядов, ни оружия, окруженные большевиками с 3 сторон, да разве мы можем хоть одну минуту сомневаться, что мы будем смяты и уничтожены ими?»^{III} По мнению Замбржицкого, при благоприятных условиях в перспективе Краснов мог бы выступить против немцев.

За привлечение на свою сторону колеблющихся развернулась настоящая борьба. Генерал А.С. Лукомский писал начальнику штаба Добровольческой армии генералу И.П. Романовскому 11 (24) мая 1918 г.: «Посылаю Вам список офицеров Ген. шт[аба]^{IV}, находящихся в Киеве и которые, будучи русской ориентации и сторонники дальнейшей работы с союзниками, а не немцами, отказались работать с украинцами. Полагаю, что Вам следует создать организационный орган, который мог бы заняться работою по подготовке будущего воен[ного] упр[авления] и создания армии. Работа крупная, и ее надо скорей начать, дабы были подготовлены мероприятия, которые надо будет проводить в жизнь в районах, очищаемых от большевиков.

^I ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 10. С отличиями по другому оригиналу опубл. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 155.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 20; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 155

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 80б.

^{IV} Карандашная пометка на документе – «у г[енерала] Алексева».

Пожалуй, дабы не обременять работу Вашего штаба, это лучше было бы создать при ген. Алексееве.

Срочно сообщите, кого из перечислен[ных] оф[ицеров] надо направить на Дон»^I.

Борьба с интервентами пробуждала в некоторых военспецах патриотические чувства. Так, начальник штаба 6-й армии бывший генерал А.А. Самойло, подписав за командарма приказ № 301 от 30 октября 1918 г., упомянул в документе о красноармейцах, «находящихся на фронте и своей грудью отстаивающих Родину, свободу и революцию от поползновения иноземных насильников и врагов народа»^{II}.

Фактор Первой мировой войны воспринимался некоторыми генштабистами как более значимый, чем разраставшийся конфликт внутри страны. Так, упоминавшийся выше полковник В.А. Замбржицкий в сентябре 1918 г. наивно полагал, что живучесть большевиков «идет с запада, от немцев, и, следовательно, развязку трагедии России надо ждать не у себя, а на полях Франции»^{III}.

Внешнеполитическая ориентация вела часть офицерства в подпольные организации на советской территории, других – в различные антибольшевистские армии. В конце концов, она стала одним из факторов, влиявших на выбор офицеров в разгоравшейся Гражданской войне, а следовательно, и на их судьбы.

Союзнический долг воспринимался многими представителями военной элиты как нечто незыблемое, а к случаям его нарушения относились болезненно. Когда чехословаки в конце 1919 г. в белой Сибири сняли с себя все обязательства в отношении белых и, пользуясь бессилием последних, повели себя как в завоеванной стране (отбирали у беженцев исправные паровозы и эшелоны, причем взяли в Красноярске даже два паровоза из эшелона самого адмирала А.В. Колчака^{IV}), генерал В.О. Каппель вызвал командующего чехословацкими войсками генерала Я. Сырового на дуэль, однако ответа не последовало. Разочарование в союзниках, обвинения в их адрес в отсутствии или недостатке помощи были свойственны многим белым генштабистам. По окончании в ноябре 1918 г. Первой мировой войны иностранный фактор начал работать в ущерб репутации белых, получавших поддержку из-за рубежа.

Вопрос о выходе России из Первой мировой войны, условиях и последствиях этого выхода оказался весомым фактором Гражданской войны. Отношение к этой проблеме влияло на служебный и жизненный выбор части военной элиты страны. Осенью 1917 г. отдельные мыслящие генштабисты пришли к пониманию того, что стране необходим мир. Понимание условий такого мира было различным. При этом большинство генштабистов, по-видимому, придерживалось идеи войны до победного конца и верности союзническому долгу. Неудивительно, что сепаратные переговоры о мире были восприняты такими офицерами как измена союзникам и попытка реализации большевиками интересов Германии, что вполне логично следовало из представлений о большевиках как о германских агентах. В силу этого часть генштабистов, которых большевики пытались привлечь в качестве военных экспертов на переговоры, пытались уклониться от участия

^I РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 36.

^{II} ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 10. Д. 58. Л. 117.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.

^{IV} Вырыпаев В. О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 321.

в столь позорном, в их понимании, деле. Кого-то новая власть смогла заставить отправиться в Брест-Литовск, некоторые отказывались, а генерал В.Е. Скалон, направленный на переговоры, даже покончил с собой. Позднее белые преследовали участников переговоров, считая их предателями. Заключение унижительного Брестского мира и германская оккупация ряда регионов страны привели к всплеску антигерманских настроений среди генштабистов. Некоторые были готовы сотрудничать с кем угодно (и с красными, и с белыми), лишь бы бороться с врагом. Другим явлением, проявившимся после Брестского мира, стало возникновение прогерманских государственных образований и организаций, вовлеченных в Гражданскую войну. Часть офицеров в связи с завершением Первой мировой войны тяжело переживала утрату Россией великодержавного статуса. Борьбу за возвращение стране былого величия многие повели как в Красной, так и в белых армиях.

В связи с усложнением военного дела к концу XIX в. в Российской империи важнейшую роль в управлении войсками стали играть представители образованной технократической военной элиты – корпуса офицеров Генерального штаба. Генштабисты обладали не только высоким образовательным уровнем и могли продвигаться по службе быстрее прочих офицеров, они отличались значительной корпоративной сплоченностью, что способствовало их карьерному росту, а также могло сделать их потенциально значимой политической силой. И хотя до 1917 г. офицеры не могли легально участвовать в политической жизни, именно с генштабистами налаживали связи лидеры либеральной оппозиции трону.

Первая мировая война поменяла состав всего русского офицерского корпуса. Не стали исключением и выпускники академии, среди которых появились своего рода генштабисты военного времени – офицеры, прошедшие краткосрочные академические курсы. Фактически специалисты Генерального штаба оказались разделены на две категории – выпускников довоенной академии, прошедших полноценное обучение, и курсовиков. Такое разделение порождало конфликты и в дальнейшем стало заметным фактором и в период Гражданской войны. Кроме того, в результате Первой мировой войны и резкого роста численности офицерского корпуса произошло обвальное снижение процента лиц с высшим военным образованием.

В 1917 г. Генеральный штаб впервые выступил как заметная политическая сила в воюющей стране. В период Февральской революции солидарная позиция небольшой группы генералов-генштабистов привела к отречению императора Николая II от престола и изменила ход истории России. Целью этих действий генералов было скорейшее достижение победы в войне. Лиц, готовых бороться за монархию, в стране практически не оказалось. При этом военная элита, осуществившая совместно с представителями либеральной оппозиции государственный переворот в феврале – марте 1917 г., очень скоро столкнулась с губительными для страны и армии последствиями своих действий. Генерал М.В. Алексеев и его сторонники рассчитывали остаться у руля вооруженных сил, но просчитались. Власть и влияние высшего командного состава в сравнении с дофевральским периодом значительно уменьшились. Приведенные генералами к власти политики не собирались

делиться с ними своими полномочиями и оставляли за собой право принимать кадровые решения касательно высшего командного состава вплоть до увольнений. Армейское командование оказалось в подчиненном положении. Партнерских отношений генерала М.В. Алексева с военным и морским министром Временного правительства А.И. Гучковым не сложилось. Ситуация снизу также вышла из-под контроля в связи с изданием приказа № 1 и последовавшим за этим повсеместным возникновением комитетов в воинских частях, учреждениях, соединениях и объединениях. Солдаты переставали исполнять приказы, авторитет офицерского состава был подорван, армия начала разваливаться.

В 1917 г. перед военной элитой был остро поставлен вопрос политической лояльности новым властям. Временное правительство не без оснований опасалось генералитета, имевшего свои представления о путях развития страны. Опорой Гучкова в руководстве вооруженными силами стал коллектив генштабистов, известных ему лично с дореволюционных времен, — кружок «младотурок». Именно на их мнение министр опирался в своих решениях. В целях насаждения революционного порядка и изгнания нелояльных Гучков осуществил масштабную чистку командного состава армии, в результате которой свыше сотни высших начальников были смещены со своих постов, среди них было немало способных офицеров, чем-либо не угодивших новому политическому руководству. Сменивший Гучкова А.Ф. Керенский также сотрудничал с отдельными представителями Генштаба, но в целом относился к командному составу с недоверием.

Слабость власти, ее неспособность провести в жизнь даже собственные решения (например, в отношении арестов лидеров большевиков после их неудавшейся попытки захватить власть в июле 1917 г.) вызывала возмущение генштабистов, лишь усиливавшееся от реалий разложения, происходившего в армии. Некоторые из этих государственно мыслящих, патриотически настроенных, но далеких от политики людей считали единственным выходом из ситуации установление военной диктатуры.

Наиболее популярным военным деятелем середины 1917 г. был Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов — храбрый и талантливый офицер, но, как и другие генштабисты, человек, плохо разбиравшийся в политике. После июльского выступления большевиков маятник качнулся в противоположную сторону — была предпринята попытка правого переворота.

Именно Корнилов воспринимался всеми политическими деятелями того времени как лидер правых. До сих пор остаются неизвестными скрытые пружины его выступления против Временного правительства в конце августа 1917 г. Многие в тех событиях выглядят неоднозначно — и роль министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, так или иначе причастного к выступлению Корнилова, и роль гражданских деятелей правого направления, и роль офицерства в Ставке и Петрограде, а также степень осведомленности самого Корнилова о планах его окружения.

Группа генштабистов, впоследствии возглавивших Белое движение, сыграла заметную роль в организации корниловского выступления. Однако это выступление как попытка спасти страну провалилось. После этого реванш взял Керенский, арестовавший корниловцев и заменивший военное руководство. В сложившихся условиях Временное правительство оказалось дискредитировано, вызывая

ненависть со всех сторон. В результате захват власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 г. прошел практически беспрепятственно.

События 1917 г. привели к расколу Генерального штаба по многим признакам. Помимо разделения на сторонников и противников большевиков, откололись национальные кадры генштабистов, которые стремились участвовать в строительстве своих армий.

Часть офицерства занимала пассивную позицию. Однако многими представителями военной элиты большевистский переворот был воспринят как приход к власти врагов России, германских шпионов (не являлось секретом, что лидеры большевиков были специально пропущены германскими властями в Россию через свою территорию).

Серьезные разногласия в военной элите вызвал вопрос о выходе страны из Первой мировой войны, а затем фактор внешнеполитической ориентации на Антанту или на Центральные державы влиял на выбор и службу офицеров в тех или иных армиях и подпольных организациях в Гражданскую войну. У незначительной части генштабистов сложилось понимание необходимости вывода страны из войны. Однако большевистский Декрет о мире, последовавшие перемирие, мирные переговоры и тяжелый для страны Брестский мир были восприняты многими представителями военной элиты не как вынужденная необходимость, а как исполнение распоряжений германского Генштаба. Одну из первых попыток организованного противодействия армии новым властям предпринял в ноябре 1917 г. генерал Н.Н. Духонин, но его действия не получили поддержки ни в армии, ни у общественных организаций, к которым апеллировал генерал.

Своим долгом многие государственно мыслящие люди посчитали борьбу с узурпаторами власти и разрушителями страны. Закономерным стало возникновение очагов сопротивления большевикам в крупных городах и в казачьих областях. Арестованные лидеры корниловцев смогли выработать собственную политическую программу, которая затем была положена в основу идеологии и программы Белого движения. Осенью 1917 г. эта же группа генштабистов, бежав из-под ареста на Дон, стала у истоков создания Добровольческой армии — главной антибольшевистской вооруженной силы того периода.

Генштабисты, возглавившие Белое движение, были вынуждены начинать работу по созданию армии и обеспечению ее всем необходимым с чистого листа, тогда как еще летом 1917 г. у них были необходимые административные полномочия для того, чтобы подготовить создание такой вооруженной силы и обеспечить ее по максимуму.

Первый начальник российского Генерального штаба генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын, находясь в эмиграции, отметил, что «своею невдумчивостью и неумелою работою Ген. штаб подготовил революцию и матерьял для революции. Меня бы закидали камнями, если бы я выступил с подобным обвинением, тем более что я, в сущности, первый и последний нач[альник] Ген. штаба, остался в стороне событий... Я никого не обвиняю, а лишь отмечаю и размышляю. Я не говорю, что повел бы и сделал бы лучше. Может быть, было бы еще хуже. Но не констатировать это не могу».

¹ Палицын Ф. Ф. Записки. Ч. 2. С. 144 // НИА. F. F. Palitsyn memories. Box 1. Этот фрагмент по неизвестным причинам был опущен публикаторами дневника Ф. Ф. Палицына (Палицын Ф. Ф. Записки. Франция (1916–1921). М., 2014. Т. 2. С. 103).

Ему вторил другой начальник Генерального штаба генерал-лейтенант П.И. Аверьянов, писавший в эмиграции: «Я сам считал верхи Генерального штаба виновными в том гибельном для России направлении, которое приняла наша революция после вынужденного отречения государя от престола. И это независимо от моего личного отношения к самой революции... я не могу не сознавать, что вышеуказанные верхи Генерального штаба поработали на пользу революции несоизмеримо больше, нежели та мелкота Генерального штаба, которая приобрела одиозные имена»¹.

Генерал В.М. Драгомиров, наоборот, полагал, что «несколько офицеров Ген. штаба, карьеры ради, действительно играло в руку революционерам... Компания этих господ вела вредную политику с “товарищами”, остальные терпели и посылно боролись, но с общим полоумным настроением справиться не могли, т.к. бороться надо было только крутыми мерами, а для этого надо было опираться на какую-либо силу. Но никакой силы не было, приходилось говорить с опьяненными людьми, что раньше запрещалось даже дисциплинарным уставом. Следовательно, они ничего не могли сделать, хотя и пытались бороться. Ставить их на одну доску с несколькими крикунами, забывшими свой долг, значит обобщать единичные явления и искажать общий фон картины»². В.И. Гурко прямо писал: «Спрашивается, кто же составляет ядро Красной армии, кто первый пошел на зов большевиков поступить к ним на службу, как не те же офицеры Генерального штаба»³.

Слова опытных генералов-генштабистов и осведомленных современников как нельзя лучше показывают исключительную значимость Генерального штаба и его представителей в событиях предреволюционного и революционного периода истории России. Важнейшую роль сыграл Генеральный штаб и в начавшейся вслед за этим на огромных пространствах бывшей Российской империи Гражданской войне.

¹ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 49–49об.

² ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 214об.–215.

³ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917–1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11.

Глава II.

Раскол Генерального штаба

§ 1. Причины размежевания офицеров-генштабистов

Раскол армии и ее командного состава — одно из опаснейших явлений внутренней жизни страны, способное привести к гражданской войне. Те же события в воюющей армии влекут еще более непредсказуемые последствия. Последний год Первой мировой войны стал как раз годом такого раскола в России и временем оформления противоборствующих лагерей Гражданской войны. Подобное развитие событий оказалось возможным вследствие захвата власти большевиками и возникновения альтернативных форм антибольшевистской государственности, когда в общественном сознании произошло разделение понятий «страна» и «режим» (возникло много режимов, ни один из которых не мог считаться в полной мере легитимным), а также появилась возможность выбора, кому служить в новых условиях. В той ситуации многое зависело от выбора профессиональных военных — представителей командного состава и военной элиты — офицеров Генерального штаба. Тем более что офицеры в силу специфики их службы являлись патриотами и государственниками, оплотом законности и порядка.

У раскола офицерства были социальные причины, усугублявшиеся политическим и мировоззренческим разделением. По новейшим оценкам специалистов, к октябрю 1917 г. в русской армии насчитывалось от 307 до 320 тыс. офицеров, среди которых до 260 тыс. составляли офицеры военного времени. Многие из них впервые взяли в руки оружие лишь в годы Первой мировой войны¹. В пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917 г. оставалось только 4 % кадровых офицеров². Для сравнения, среди офицеров морского ведомства кадровые составляли около 60 %³. Кадровый офицерский состав в значительной степени сохранили

¹ Первоначально С. В. Волков оценивал численность офицерства к осени 1917 г. в 276 тыс. человек (Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 10). Позднее он провел пересчет численности офицерского корпуса периода Первой мировой войны, определив количество офицеров, оставшихся в живых к октябрю 1917 г., в 320 тыс. человек (Волков С. В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института (Москва). 2011. Вып. 1 (38). С. 115). Расчеты С. В. Волкова как завышенные оспаривает К. Б. Назаренко (Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 130–132). К цифре в 307 тыс. офицеров на осень 1917 г. по итогам многолетних исследований пришел А. А. Буравченков (Буравченков А. О. Офицерський корпус російської армії в роки Першої світової війни. Київ, 2011. С. 72).

² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 27–28, 52.

³ Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 61.

и казацкой войска. Генштабисты относились к кадровому офицерству и также в основном сохранили свой состав за войну.

Между кадровыми офицерами и офицерами военного времени существовала колоссальная разница. Кадровое офицерство было замкнутой привилегированной кастой. Это были люди, целиком посвятившие себя военной службе, военные профессионалы, нередко происходившие из офицерских династий, где, поколение за поколением, представители рода избирали своей профессией военную службу. Часть кадровых офицеров обладала высшим военным образованием, как общим, так и специальным (артиллерийским, инженерным и т.д.). В кадровом офицерстве были сильны корпоративные традиции. Многие кадровые офицеры были выходцами из дворян. Однако на рубеже XIX–XX вв. как в русской, так и в других европейских армиях шел процесс расширения социальной базы офицерской корпорации, в которую все активнее проникали представители других сословий и даже делали блестящую карьеру.

Кадровые офицеры в массе своей были традиционно чужды политической жизни, не знали и не понимали значения партийной борьбы и идеологии, воспитывались на идеалах приверженности императору. Однако в офицерской среде все чаще появлялись политически активные люди, в том числе сторонники конституционной монархии или республиканского строя. Кадровыми офицерами были крупнейшие деятели контрреволюционного лагеря Гражданской войны (например, генералы Е. К. Миллер и Н. Н. Юденич, адмирал А. В. Колчак) и многие видные военные работники Советской России (бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич, бывшие полковники И. И. Вацетис, С. С. Каменев и Б. М. Шапошников, бывший подпоручик М. Н. Тухачевский).

Офицеры военного времени представляли собой совсем иную среду. Источники производства в офицерские чины этой категории лиц были крайне разнообразны. Офицером военного времени мог стать не нюхавший пороха выпускник университета или, например, участвовавший во многих кампаниях простой необразованный казак, выслуживший унтер-офицерское звание, а затем за боевое отличие произведенный в офицеры. Социальный состав офицерства военного времени был очень широк и демократичен. Существенно различались квалификация и уровень подготовки этих людей. Многие из них не связывали свою жизнь с военной службой. Фактически эта категория офицеров представляла собой срез всего русского общества и в большей степени отражала не офицерское мировоззрение, а мировоззрение тех слоев населения, из которого такие офицеры происходили. Они были гораздо хуже подготовлены к управлению войсками, чем кадровые офицеры, обычно занимали младшие офицерские должности и их сложнее отнести к военным профессионалам. Но, вполне естественно, эта среда была ближе солдатским массам, а среди офицеров военного времени закономерно было множество сторонников народнических взглядов, приверженцев левых политических течений (например, первый советский Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко, С. Г. Лазо, М. К. Тер-Арутюнянц, И. Ф. Федько, Н. А. Щорс и др.). И конечно, такие офицеры приняли как Февральскую, так и Октябрьскую революции и активно поддерживали большевиков. В период Гражданской войны появились новые категории офицеров – лица, произведенные в соответствующие чины в белых и национальных армиях.

Февральская революция 1917 г. не повлекла за собой раскола офицерской корпорации, хотя и привела к выходу солдатских масс из подчинения офицерам и к серьезной дестабилизации обстановки. Настоящий раскол офицерского корпуса начался в августе – сентябре 1917 г. в связи с выступлением генерала Л.Г. Корнилова. Среди генштабистов оказались те, кто активно поддержал Корнилова, те, кто сочувствовал ему, но не решался выступать активно, те, кто считал его выступление вредным, и даже те, кто, сотрудничая с Временным правительством, активно противостоял выступлению Корнилова. Определенную роль в разделении некогда единого офицерского корпуса сыграло инициированное генштабистами для оздоровления армии формирование национальных частей. Октябрьский переворот и последовавшие события только усугубили эти процессы.

Колоссальную роль в деле кристаллизации сторон будущей Гражданской войны сыграли разложение армии, неподчинение солдат приказам, засилье комитетов и многочисленные митинги, появление во главе соединений младших офицеров или даже нижних чинов, в том числе инородцев (неприязненным было отношение кадрового офицерства к занятию руководящих постов евреями¹), которые порой вели себя абсолютно бесцеремонно по отношению к заслуженным боевым генералам. Часть офицерства, возмущенная этими явлениями, уволилась из армии, другая пошла по пути вооруженного сопротивления развалу, а многие просто плыли по течению. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. сделал раскол офицерства необратимым.

Глубинных причин размежевания офицеров-генштабистов коснулся один из лидеров Белого движения, генерал А.И. Деникин, по оценке которого в этом отчасти виновата система воспитания, принятая в Николаевской военной академии: «Всем своим укладом академия не могла воспитывать в своих питомцах сильной воли и твердого характера. Эти качества, придавленные школой, могли коваться только вне ее стен, в горниле жизни. Академия того времени приучала к прекращиванию в защитные цвета. И не это ли обстоятельство сыграло известную роль в весьма пестром распределении офицеров Генерального штаба по всем фронтам Гражданской войны, по всем станам, и в особенности в легком восприятии многими большевицкой власти»². Понятно, что в Деникине говорило неприятие большевизма, однако указанный им фактор приспособленчества генштабистов не приходится сбрасывать со счетов.

Деникину вторил и журналист Г.В. Немирович-Данченко, отметивший, что «трехлетняя Гражданская война на Юге, дав нам незабвенные образы героев духа, вписавших свои имена в летописи бессмертия, выработала, однако, целое поколение молодых офицеров Генерального штаба, вздумавших в обстановке братоубийства продолжать прерванную в начале 1918 года штабную карьеру... наши “военспецы” сохранили строгую корпоративность при всех перипетиях борьбы белых с красными, поддерживая друг друга в трудные минуты. Можно было бы привести целый ряд примеров, когда, при взятии в плен какой-либо части и поголовном истреблении победителями строевых офицеров и добровольцев

¹ См., напр.: Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. С. 175.

² Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 150.

(а в соответствующих случаях коммунистов), офицеры Генерального штаба избегали этой участи, благодаря привилегированному положению, в какое ставило их специальное военное образование. В офицерах Генерального штаба нуждались и красные, и белые, а при таких условиях эти офицеры, быстро оценив свои преимущества, служили одинаково неискренно и тем и другим и в значительной степени способствовали тому, что Гражданская война на Юге России приняла такой затяжной вр.и.д. характер¹.

Гражданская война стала одним из сложнейших жизненных испытаний для офицеров старой русской армии, в том числе для специалистов Генерального штаба. Как и все население бывшей Российской империи, офицерство оказалось между красными, белыми и сторонниками национальных государств. Активное выражение собственной гражданской позиции — удел меньшинства в любом обществе. Не являлось исключением и русское офицерство. Немалая часть офицеров предпочла уклониться от вовлечения в братоубийственную войну и заняла нейтральную позицию. Как справедливо отмечал один из генштабистов, «после демобилизации старой армии много лиц Генерального штаба, оставшись без назначения, ушло с военной службы; много разъехалось по окраинам России, и теперь, когда они все нужны, многих недосчитываются»².

Период 1917–1918 гг. за все время Гражданской войны был, пожалуй, наиболее трудным и противоречивым для офицеров старой армии. Сложность заключалась, прежде всего, в отсутствии выбора. Как отмечал подполковник К. З. Ахаткин, «я не могу при всей подходящей обстановке в начале революции делать карьеру на этой революции»³.

Старый режим обанкротился и дискредитировал сам себя, причем как в лице императорской власти («проклятого царизма»), так и в лице Временного правительства, лишь усугубившего ситуацию в стране. Идеи народовластия и торжества социальной справедливости опьяняли массы. Проникали они и в среду генштабистов. Так, генерал Е. З. Барсуков вспоминал, что вместе с генералом Н. Н. Стоговым в ноябре 1917 г. «мы пришли к заключению, что должны быть на своей Родине и честно служить своему русскому народу, к которому мы принадлежали, и тому правительству, какое наш русский народ изберет править собой»⁴.

Среди символов темного прошлого оказались все, кто прежде пользовался какими-либо привилегиями, в том числе офицеры-«золотопогонники». Солдатские массы в обстановке безвластия жаждали крови тех, кого считали своими угнетателями. Офицеры не могли спокойно появиться на улице в мундире. В то время революционными лозунгами стали прикрываться даже уголовные элементы.

Сразу после своего прихода к власти новые хозяева России осознали, что без привлечения на свою сторону квалифицированных командных кадров из бывших офицеров им новой армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего

¹ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 27–28.

² Старый академик. К открытию академии Генер[ального] штаба // Военное дело. 1918. 11.10. № 19. С. 20.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 66об.

⁴ Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954 гг. Смоленск, 2018. С. 557. С некоторыми отличиями опублик. в: Барсуков Е. З. В те дни. Воспоминания // Литературный Смоленск. Альманах. Смоленск, 1957. Кн. 16. С. 276.

режима от многочисленных врагов. Между тем вопрос привлечения офицерства на сторону советской власти был непростым, так как большевики и их союзники — левые эсеры взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров. Придя к власти, они первоначально проводили курс, который отталкивал офицеров. Было отменено ношение погон, упразднены воинские чины. Само слово «офицер» уже вызывало подозрения в контрреволюционности, и в Красной армии вместо него был введен в обиход эвфемизм «военный специалист» («военспец»).

В.И. Ленин и большевики для значительной части генштабистов казались неприемлемыми. В среде патриотически настроенного офицерства был распространен взгляд на них как на врагов России, предателей, прямых наймитов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших позорный сепаратный мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Этот взгляд был не далек от действительности и служил одной из причин перехода офицеров на сторону антибольшевистских сил. Свою роль играл и фактор антисемитизма, являвшийся одной из составляющих мировоззрения дореволюционного офицерства. Он был обусловлен немыслимой для старой России ролью евреев в большевистском руководстве и вытекавшими отсюда конспирологическими построениями возможного развития событий и миссии большевизма.

Сильное влияние на выбор офицеров оказывали внешние проявления новых порядков — упразднение чинов, оскорбительное для кадровых военных требование снять заслуженные погоны и кровью погоны, изъятие оружия, в том числе наградного. В восприятии офицеров с большевизмом ассоциировались и солдатские банды, поэтому идти в Красную армию многие опасались. Подтверждалось это и усугублялось убийствами офицеров, началом красного антиофицерского террора.

Но картина восприятия большевиков офицерами не могла быть однозначной. Так, в феврале — марте 1918 г. именно ненавистные офицерам большевики, воспринимавшиеся как немецкие агенты, возглавили защиту страны от германского нашествия, тогда как деклариовавшие верность союзникам белые сил для такой борьбы еще не имели и своими партизанскими действиями только затрудняли оборону страны красным.

Противостоявшая большевикам сторона, прежде всего лидеры зародившегося на Юге России Белого движения, также не выглядела особенно привлекательно, хотя и боролась за интересы офицерской корпорации. Генерал Л.Г. Корнилов потерпел неудачу в августе 1917 г., когда имел в своих руках рычаги управления армией. Это не прибавляло веры в успех его нового начинания, когда Добровольческую армию приходилось создавать с нуля. К тому же генералы Алексеев и Корнилов принимали самое деятельное участие в свержении монархии, что не добавляло им популярности.

Любопытно обсуждение дальнейших действий в штабе Юго-Западного фронта в конце декабря 1917 г. Тогда у главнокомандующего армиями фронта генерала Н.Н. Стогова собрались двое друзей, однокашников по академии: и.д. начальника штаба фронта генерал П.С. Махров и и.д. генерал-квартирмейстера полковник Н.Н. Петин. Обсуждали приход к власти большевиков и развернувшуюся украинизацию фронта. На вопрос Стогова, что делать, будущий военспец

РККА Петин, не задумываясь, ответил, что «нужно идти со своим народом»^I. Стогов, также пошедший в РККА, но ставший крупным белым агентом, с этим согласился: «Вот так думаю и я, надо идти с нашим[и] православными»^{II}. Будущий белый генерал Махров не дал однозначного ответа: «Я думаю, что пока я не вижу ни “православных”, ни “народа” и за большевиками не пойду... И за вильну Украину сражаться не буду...»^{III} После этого Стогов добавил: «Ну, братец мой, ты задумал уж что-то мудреное»^{IV}.

При расформировании штабов и управлений старой армии в начале 1918 г. бывшие офицеры Генерального штаба подлежали увольнению на общих основаниях и никуда не командировались^V. В результате значительное количество выпускников академии оказалось не у дел и без средств к существованию. Не только политическая обстановка в стране, но даже и собственное будущее для них оставались совершенно неясными. В такой обстановке началось австро-германское наступление на востоке.

Как показал на следствии по делу «Весна» бывший полковник Н.Е. Какурин, в Киеве в революционные дни «я первое время ходил как в тумане. Так же ходили и некоторые сослуживцы. Помню, однажды один из них пригласил собраться у него на квартире обменяться мнениями и потолковать. Пошел. Собралось человек 10. Пришел генерал Абрам Драгомиров. Говорил о верности обязательствам к Антанте, о необходимости восстановить фронт и продолжать войну до победного конца, о том, что с Дона должно прийти спасение в лице Добровольческой армии, и т.д. Мне не понравилось все это. Тогда уже до очевидности ясно у меня было, что этого-то, т.е. войны^{VI} в союзе с Антантой до победного конца, русский народ как раз и не хочет, а значит, из кого же будет состоять армия – преимущественно из офицеров; значит, нечто кастовое. А отсюда вспоминалась история армии Кондэ первой французской революции и ее судьба. На этом деле решил поставить крест»^{VII}.

По свидетельству Какурина, «приход армии [М.А.] Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение»^{VIII}.

^I Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 428 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Оpubл. в: Ганин А. В. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...»: Воспоминания генерала П. С. Махрова о Юго-Западном фронте в сентябре – декабре 1917 г. // ЖРВИИ. 2022. № 2 (29). С. 228.

^{II} Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 428 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Оpubл. в: Ганин А. В. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...». С. 228.

^{III} Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 429 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Оpubл. в: Ганин А. В. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...». С. 229.

^{IV} Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 429 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Оpubл. в: Ганин А. В. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...». С. 229.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 51.

^{VI} В документе – до войны.

^{VII} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 20.

^{VIII} Там же. Л. 20–20об.

Поляризация и кристаллизация сторон еще только начинались, но братоубийственная война уже развернулась, причем из каждого лагеря раздавались требования присоединиться к ним при отрицании возможности иного выбора. Служба в противоположном лагере воспринималась как самое тяжелое преступление, заслуживающее суровой кары. Для белых военспецы были ренегатами, предавшими офицерскую корпорацию и недостойными даже именоваться офицерами. В восприятии красных белые офицеры были идейным костяком противоположного лагеря и подлежали истреблению.

Безусловно, важную роль в выборе того или иного лагеря играли личные мотивы, индивидуальные психологические особенности офицеров, субъективный персональный опыт, в том числе опыт взаимодействия с солдатскими и матросскими массами (как позитивный, так и негативный). Эксцессы могли не иметь отношения к большевикам¹, но общественностью (в том числе офицерами) ассоциировались именно с ними. Как известно, едва не были растерзаны солдатами арестованные в Быхове сторонники генерала Л.Г. Корнилова. Чудом избежали самосуда видные в будущем лидеры Белого движения генералы Е.К. Миллер весной 1917 г. и П.Н. Врангель в начале 1918 г. Террор и репрессии только увеличивали число противников большевиков. Полковник Б.А. Энгельгардт так описывал причины своего перехода на сторону белых осенью 1918 г.: «Все, что мне пришлось пережить за последнее время, начиная с появления чинов ЧК у меня на квартире, потом постоянная угроза ареста, прятание по чужим квартирам, наконец, этот переезд через границу (Украины. — А.Г.), полный трагических переживаний, — все это вооружало меня против советской власти. Эта власть не только лишала меня моего имущества, она угрожала моей свободе, даже, может быть, моей жизни. В прочность этой власти я тогда не верил и вступил на территорию Украины с твердым решением принять активное участие в борьбе с Советами»². Советский генерал А.В. Горбатов в своих воспоминаниях размышлял о выборе, сделанном Энгельгардтом: «После Октябрьской революции к царскому полковнику Генерального штаба, аристократу, помещику, да еще и “октябристу” (впрочем, довольно случайному), отнеслись с вполне понятным недоверием. Когда же после убийства Урицкого в Петрограде начались аресты подозрительных “бывших”, он бежал на юг, к белым, и возглавил пропагандистский аппарат в деникинской армии. Убеждал Деникина и его “правительство” отдать землю крестьянам, но, разумеется, на такой шаг помещики не согласились... Можно с уверенностью сказать, что, если бы Б.А. Энгельгардту оказали доверие в 1918 году, он был бы таким же честным советским работником... и принес бы еще больше пользы нашему

¹ В частности, главноверх Н. В. Крыленко в своем приказе осудил расправу над генералом Н. Н. Духониным (*Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.)*. М., 2003. С. 81), а в контролировавшемся большевиками ГУГШ по Духонину прошла панихида (*ВАР. К. К. Akintievskii papers. Vox 1*). Попытки отдельных авторов (*Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918*. Мюнхен, 1978. С. 664) возложить вину за расправу над Духониным на В. И. Ленина и Н. В. Крыленко представляются несостоятельными. И Ленин, и Крыленко как раз требовали от солдат избегать «недостойных революционной армии самосудов» (см. радиogramму Ленина и Крыленко от 9 ноября 1917 г., адресованную всем комитетам, солдатам и матросам: *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1974. Т. 35. С. 82).

² Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020. С. 473. С отличиями опубл. в: *Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*. Рига, 2004. Т. 8. С. 177–178.

коневождению и армии, так как обладал глубокими знаниями, трудолюбием, энергией, был человеком правдивым и искренним»¹.

На проблему выбора сторон накладывались незавершенность мировой войны и продолжавшееся на территории России противоборство Антанты и центральных держав. Революция и Гражданская война своим масштабом и результатами впоследствии заслонили в истории и историографии события мировой войны, но в то время многие генштабисты воспринимали мировую войну как фактор, более значимый, чем внутрироссийские процессы.

Громадное большинство офицеров представляло собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху, продолжала оставаться на своих местах после захвата власти большевиками и тянуть лямку. На протяжении нескольких последующих месяцев служба офицеров не претерпела существенных перемен.

Важнейшее значение для выбора офицеров имел географический фактор. Часть офицерства при демобилизации разъехалась по домам или отправилась за имуществом по местам довоенной службы. И уже там примыкала к той или иной стороне разгоравшейся Гражданской войны. Поскольку большевики взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также в значительной степени прифронтовую полосу нескольких фронтов и Ставку, немалая часть офицерства таким путем, как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в те же, но видоизмененные органы новой, Красной армии. Кроме того, в центре страны, где располагались центральные органы военного управления, проживали многие офицеры с высшим образованием.

Большинство работников Ставки Верховного главнокомандующего русской армией, как и множество работников центральных органов военного управления, остались на своих местах после смены власти, причем некоторая часть (например, сотрудники ГУГШ) несла прежнюю службу вплоть до мая 1918 г.

Генерал В.Е. Флуг справедливо писал: «Вообще в первое время после 25 октября 1917 г. новой власти пассивно подчинились все центральные военные управления (Главный штаб, Главное управление Ген. штаба и пр.), так и войска на фронте»². Фактически резкого слома структур старой армии не произошло, а имела место их трансформация в новые, причем с частичным сохранением прежнего кадрового состава (одним из казусов было, например, существование бывшего лейб-гвардии Семеновского полка, переформированного в полк внутренней охраны Петрограда).

Если проводить параллели, то ситуация, сложившаяся в органах управления русской армии в 1917–1918 гг., напоминает движение экстренно тормозящего поезда, который какое-то время не может остановиться. В этой связи целесообразно введение понятия «инерционный период», обозначающего переход от структур старой армии к структурам РККА³. Введение данного понятия позволяет выделить

¹ Горбатов А. В. Годы и войны: Записки командарма. 1941–1945. М., 2008. С. 155–156.

² HIA. Michael Blinov collection. Box 3. Folder 5.

³ Впервые предложено и обосновано нами в 2009 г. (Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 49–50). Дальнейшая разработка проблемы подтвердила необходимость введения этого понятия в рамках изучения эволюции армейских структур в 1917–1918 гг. (также см.: Ганин А. В. Инерционный период // Россия в Первой

все спорные случаи службы офицеров-генштабистов в переходных структурах в особую категорию. В зависимости от сроков реорганизации того или иного штаба или учреждения старой армии период охватывает события с 25 октября 1917 по осень 1918 г.¹ Принадлежность ряда переходных структур к Красной армии была формальной, а их личный состав попал на службу в Красную армию просто по инерции². Как только это стало очевидным, начались массовые переходы служащих на сторону антибольшевистских сил. Некоторые офицеры вынашивали планы удержания контроля над военным аппаратом в своих руках, несмотря на наличие формального большевистского руководства. Фактически до мая 1918 г. в Советской России продолжало работать прежнее ГУГШ, преобразованное 8 мая 1918 г. в ВГШ. Сохранялся резерв чинов при начальнике Генерального штаба, в котором состояли десятки бывших офицеров, позднее оказавшихся в руководстве противников большевиков. Не претерпела практически никаких изменений организация Военной академии, позднее в полном составе перешедшей на сторону антибольшевистских сил. Сохранялся институт военных агентов, которые находились за рубежом и, по сути, были свободны в своем выборе сотрудничать или не сотрудничать с советской властью. Понятие «инерционный период» позволяет давать более точную характеристику различным переходным структурам и точнее оценивать настроения офицерства в 1917–1918 гг.

Некоторые выпускники академии старались не менять места службы, даже несмотря на смену режимов. В центре страны, контролировавшемся красными, в этом отношении было проще, на окраинах – сложнее. Попытка устранившись от вовлечения в гражданскую войну как преходящее временное зло, подняться над сторонами, в том числе в целях сбережения достояния страны для будущего развития, вызывала репрессии со всех сторон. Для следования этому выбору требовалась смелость, а порой и изворотливость. Так было, например, с Военной академией, которая за период Гражданской войны работала в составе РККА, антибольшевистских сил Востока России и вновь оказалась у красных. Это уникальное учреждение ценой самоотверженной работы его сотрудников в итоге было спасено³.

мировой войне 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М., 2014. Т. 1: А–Й. С. 804). Опираясь этим понятием, автор отнюдь не навязывает его другим исследователям.

¹ Более четкий, нежели осень 1918 г., критерий завершения инерционного периода дать затруднительно, поскольку речь идет о разных событиях и процессах, связанных с одновременным реформированием дореволюционных структур в новые. Один из последних приказов, касавшихся дореволюционных структур, – приказ народного комиссара по военным делам от 2 сентября 1918 г. о массовом увольнении и вызове в Россию военных агентов прежнего правительства. В этом приказе упомянут и будущий лидер антибольшевистского движения на Севере России генерал Е. К. Миллер, состоявший представителем при итальянской главной квартире. Его случай – это квинтэссенция того, зачем вообще нужно понятие «инерционный период». Миллер лично пострадал в 1917 г. от солдатских масс и едва не погиб, он был ярким противником большевиков, однако формально до сентября 1918 г. числился на службе новой власти. Без понятия «инерционный период», объясняющего всю неоднозначность его положения, логичное объяснение того, кому же он тогда служил, дать невозможно.

² О том, что старый аппарат управления военным ведомством продолжал работать по инерции, говорилось в отчете о деятельности РВСР в 1918–1919 гг. (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 5). Ср. с положением морских офицеров на Балтике в первой половине 1918 г. в оценке командующего Балтийским флотом А. М. Щастного: «Флот является распушенным, офицеры уходят, ни один за 4 месяца не записался в Красный флот, офицеры служат по инерции, уходят из флота...» (Дело командующего Балтийским флотом А. М. Щастного. М., 2013. С. 121).

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

Индивидуальные примеры в этой области смотрятся еще рельефнее. К примеру, полковник (позднее — генерал) В.А. Афанасьев с 1908 г. длительное время до Первой мировой войны и частично в военные годы служил заведующим передвижением войск по отдельным группам железных дорог и водяных сообщений Московско-Смоленского района. В Красной армии он занял пост начальника военных сообщений Московского военного округа, где ведал уже давно знакомыми ему вопросами. 7 июля 1918 г. начальник ЦУПВОСО М.М. Загю телеграфировал Л.Д. Троцкому, что «забота о разгрузке московского ж[елезно]д[орожного] узла была особо[й] заботой В.А. Афанасьева еще в первые два года войны, когда он состоял заведывающим передвижением войск Московско-Смоленского района, в каковом направлении он настойчиво работал и с августа прошлого года вступил в исполнение ныне занимаемой должности»¹.

Сильное впечатление производит подвижнический поступок выпускника академии бывшего полковника А.С. Карпенко. Этот офицер значительную часть жизни связал с Елисаветградским кавалерийским училищем, в котором прослужил порядка 17 лет, был преподавателем военных наук и помощником инспектора классов. Стараниями Карпенко была организована учебная часть училища. В феврале 1918 г. училище было закрыто, однако Карпенко решил, что на фоне разгоравшейся Гражданской войны бросить уникальную материально-техническую базу славной «Южной школы» на разграбление преступно. Карпенко взял на себя риск заведовать зданием и имуществом училища, которое охранял с февраля 1918 по апрель 1919 г.

Вот как описывал свои действия сам Карпенко в рапорте от 14 апреля 1923 г.: «По расформировании б[ывшего] Елисаветградского кавалерийского училища, я, прослуживший много лет в учебной части этого училища и создавший ее, как б[ывший] инспектор классов, своими трудами, взял на себя труд и уговорил других сотрудников охранять здание классного флигеля (№ 10) и его богатое учебное имущество. Это здание и учебные пособия я сдал в большой сохранности весною 1919 г. вновь сформированным из прибывшего из г. Твери эскадрона и административного состава 1-м Елисаветградским советским командным курсам, в коих я занял должность штатного преподавателя тактики»².

В августе 1919 г. город захватили повстанцы, а затем белые. Бывшему офицеру пришлось отвечать за службу в РККА перед деникинской следственной комиссией. Заболевание тифом спасло Карпенко от репрессий, он дождался прихода РККА. Оказавшись у красных, в 1920 г. Карпенко продолжил службу теперь уже на 15-х Елисаветградских кавалерийских курсах, а после их переименования — в 5-й Елисаветградской кавалерийской школе, где служил и после окончания Гражданской войны. Однако красные также отнесли к Карпенко с недоверием и держали его на особом учете как бывшего белогвардейца³.

Многие попавшие в новую армию считали, что служат своей стране безотносительно правящего режима. Лояльным монархии, а позднее советской власти был,

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 467. Л. 150.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Хранитель «славной Южной школы». Полковник А. С. Карпенко и судьба Елисаветградского кавалерийского училища в период Гражданской войны на Украине // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 3–4. С. 213–225.

к примеру, видный советский военачальник А.И. Корк¹. Генерал-майор А.А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг Отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая не для них, а для пользы Родины. Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей Родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти»². Подобная позиция была достаточно распространена³.

Уже находясь в заключении в Свирлаге весной 1932 г., Балтийский рассуждал о сделанном выборе: «Николай отрекся от престола и освободил все офицерство от присяги. Каждый имел нравственное право поступать в ту армию, политическим идеям которой он сочувствует. Это формально так. Я же... смотрю так, раз народ, которому я служу, выдвинул правительство из партии большевиков, значит, и я должен быть с ними. Поэтому и вся разумная часть интеллигенции и офицерства должны быть вместе с народом. Пусть большевики неграмотны, но мы должны им помочь. Они тверды и решительны, и в современной обстановке только они одни и могут привести все в порядок. К нам, военным специалистам, относятся хорошо, нас ценят, и я считаю, что мы должны слиться с этим народом, строящим новую жизнь, и нам плохо не будет. Я говорил так с покойным Мих[аилом] Вас[ильевичем] Фрунзе и нисколько не стеснялся, и он меня понимал»⁴.

Бывший полковник Н.В. Соллогуб говорил председателю Высшей военной инспекции Н.И. Подвойскому в августе 1918 г. о своих мотивах: «Лично я имел возможность проехать на Украину, но я туда не поехал, потому что сейчас есть здесь работа, потому что у данного правительства представление о России одинаково с моим. Как этому правительству нужна армия, так и России, по моему представлению, нужна армия. Если бы я думал иначе, я бы не разговаривал с вами в вагоне, а был бы у французов, или на Мурмане, или у чехословаков. С такой точкой зрения можно довольно много найти людей, которые будут понимать необходимость создания армии в России, чтобы отбиться от этого вторжения со всех сторон»⁵.

Полковник К.В. Алексеев в автобиографии, подготовленной для следственной комиссии белых в начале 1919 г., свидетельствовал о причинах поступления в РККА весной 1918 г.: «Полагая, что советская власть не может долго продержаться, так

¹ Ганин А. В. «Я имел счастье впервые видеть государя...». Известное письмо прославленного советского военачальника Августа Корка о встрече с императором Николаем II // Родина. 2017. № 10. С. 124–125.

² Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 420.

³ Такой взгляд напоминает суждение другого военспеца — бывшего генерала (негенштабиста) А. П. Николаева, попавшего в плен к белым. На присутствовавших произвели сильное впечатление слова Николаева перед казнью: «Вы все — преступники, вы идете на Русь с самозванными генералами, а мы, как военные, подчинены правительству; законно или незаконно оно — не наше солдатское дело» (Маргулис М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 171).

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 69–70.

⁵ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 16.

как движение с окраин против нее уже началось, а армия нужна будет России, чтобы иметь какой-нибудь голос при заключении мира и вообще при международных отношениях, и что легче влить солдат в образованные кадры, чем создавать армию вновь, я принял предложение»¹.

А вот безупречная по логике позиция бывшего генерал-майора С.И. Одинцова, храброго офицера, одного из пионеров воздухоплавания и интеллектуала, пошедшего на службу к большевикам. В 1918 г. он был командирован в составе советской делегации Х.Г. Раковского и И.П. Сытина в Киев для решения вопросов пограничного урегулирования с Украиной. В Киеве Одинцов встретился со своими старыми сослуживцами — генералами П.Н. Врангелем и М.А. Свечиным. Врангель, зная о карьере Одинцова у большевиков, не подал ему руки. Желая произвести благоприятное впечатление на Врангеля, Одинцов заявил о готовности пожертвовать жизнью за родину. Рассуждая о своей жертвенности, он заметил: «Я был и остаюсь монархистом. Таких, как я, у большевиков сейчас много. По нашему убеждению, исход один — от анархии прямо к монархии... в политике не может быть сантиментальностей и цель оправдывает средства»². Каким образом Одинцов собирался привести Советскую Россию к монархии, Врангель не написал.

Встреча с М.А. Свечиным, однокашником Одинцова по училищу и академии, повлекла не меньшие переживания. О мотивах своей службы красным Одинцов рассказывал с большим смущением: «Нужно защищать интересы России... нельзя быть праздным зрителем! Нужно действовать, я через Троцкого и устроился в разграничительную делегацию, как военный эксперт для защиты интересов России»³. Такое заявление вызвало гневную отповедь Свечина, представлявшего тогда донское командование на Украине. Свечин ответил, что Одинцов служит убийцам России и преступникам, упрекнув того в пособничестве гибели генерала Н.Н. Духонина осенью 1917 г. Одинцов оправдывался: «Да, ошибся, не отрицаю, но пошел с добрыми намерениями, чтобы не допустить до зверской расправы, а защитить»⁴. На это Свечин ответил, что теперь таким же образом Одинцов, очевидно, защитит и русские интересы, и посоветовал бежать к белым из своего поезда. Однако Одинцов отказался: «Не могу... раз взялся, по своей совести, должен докончить, какова ни оказалась бы моя доля»⁵. Обнявшиеся при встрече старые товарищи расстались сухо и расстроенные. По всей видимости, груз переживаний оказался столь тяжелым, что в сентябре 1920 г. Одинцов в возрасте 46 лет умер от разрыва сердца.

О том, что Одинцов, вероятно, зондировал почву для перехода к белым, писал генералу И.П. Романовскому генерал А.С. Лукомский 23 мая 1918 г. из Киева: «Сюда приехала депутация от большевиков заключать мир. В составе деп[утации] мерзавец ген. Одинцов. Мне передавали, что он хочет повидать Аб[рама] Драгомирова и меня. Если сие случится, то его не поздравляю; получит должное.

Судя по некот[орым] данным, Одинцов, Б[онч]-Бр[уевич] и подобная им сволочь, предвидя падение советского правит[ельства], уже готовится к перемене

¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

² Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 105–106.

³ Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 172.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 173.

фронта и объясняют свою работу с большевиками “стремлением спасти Россию”. “История покажет, что мы были правы!” Прохвосты!» К этому можно добавить, что Одинцов был одним из наиболее богатых офицеров своего круга¹.

Служивший в Ставке и затем пошедший в РККА бывший генерал-генштабист Л.К. Александров, обсуждая в феврале 1918 г. будущее со стремившимся к белым на Юг России сослуживцем Д.Н. Тихобразовым, заявлял: «Я вас отлично понимаю. У вас жена на юге, и вас тянет на юг, к солнцу. Это больше отвечает вашим наклонностям, да и климат там лучше. Моя же жена живет в Могилеве² и на юг не собирается. Вот я и остаюсь в Могилеве. Что же касается до политики, то этот вопрос тоже особого значения не имеет. Подумайте только, после Государя какой только сволочи мы не служили! Одной степенью больше, одной меньше... разница невелика! И еще вопрос, кто из них хуже: Керенский или теперешние!»³

Можно согласиться с тезисом о том, что на 1917 г. большинство кадровых офицеров еще не могли сделать осознанный политический выбор⁴. Однако нельзя отказывать старому офицерству в способности осуществить такой выбор вообще. В особенности если речь об элите армии — офицерах Генерального штаба. К этому стоит добавить, что к выбору той или иной стороны бывших офицеров подталкивали сами события 1917–1918 гг., личный опыт взаимодействия с солдатскими массами, комитетами и комиссарами. В итоге кристаллизация сторон и их военных элит (в том числе из старых офицеров) все-таки произошла.

В обстановке разрухи в стране, стихийного антиофицерского террора, ответственность за который часто возлагалась обществом на новую власть (далеко не всегда обоснованно), упразднения всех прежних привилегий и знаков отличия (в том числе значимых для офицеров чинов, наград, погон), заключения «похабного» Брестского мира, подтверждавшего слухи о том, что большевики являлись агентами врага, на добровольное сотрудничество с такой властью (в том числе по идейным причинам) решались пойти немногие. Тем не менее такие люди были.

На выбор некоторых выпускников академии влияли их происхождение и непростой личный опыт. Так, советский главком И.И. Вацетис родился в семье батрака и знал о бедности и тяжелой жизни не понаслышке. Неудивительно, что он активно поддержал революцию. Его адъютант С.С. Дылан свидетельствовал в 1919 г.: «Могу сказать, что в бывшем главкоме Вацетисе я видел человека, всецело преданного советской власти, человека, который болел душой, когда на фронтах дело усложнялось. Тем более что происходит он из бедной семьи — рабочих. Он часто говорил, что он теперь очень рад, что приходится бороться за то, о чем он давно мечтал, — за дело освобождения того класса, который при антисоветском строе представлял из себя не больше как загнанную скотину, которая хороша была лишь до тех пор, пока ее трудами можно было загребать жар»⁵.

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 35об.

² Марушевский В. В. Два месяца на посту начальника Генерального штаба (сентябрь — октябрь 1917 г.). Л. 18 // НДА. HR-HAD-810. К. 1.

³ Александров женился во время войны на могилевской жительнице (примеч. Д. Н. Тихобразова).

⁴ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XIV. Л. 10 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Вох 3.

⁵ Назаренко К. Б. К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2007. Вып. 4. С. 115.

⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 142об.

С марта 1917 г. сотрудничал с большевиками начальник штаба Омского военного округа генерал А.А. Таубе, позднее организовывавший формирования красногвардейцев. Слушатель ускоренных курсов 3-й очереди Военной академии Б.А. Шехаев участвовал в организации красногвардейских отрядов в Петрограде¹.

Генерал А.А. Брусилов вспоминал о выборе сослуживца, генерала Н.И. Раттэля – видного советского военного работника: «Н.И. Раттэль одним из первых поступил на службу к большевикам. Это меня несколько тогда не удивило, т.к. я давно в нем чуял протестанта и человека очень левого направления. Во всяком случае, я отношусь к нему с большим уважением, ибо знаю, скольким людям впоследствии этот благородный и добрый человек облегчал, а иногда и спасал жизнь»². Подтверждается это и дневниковой записью штабс-капитана И.С. Ильина от 15 марта 1917 г. о приезде Н.И. Раттэля в 1-ю школу прапорщиков Юго-Западного фронта. Тогда генерал агитировал собравшихся: «Господа, произошла революция. Царя нету. Имейте в виду, что его нету навсегда, и потому те из вас, кто еще сохранил веру в то, что возможно восстановление монархии, – глубоко заблуждаются, и пускай это заблуждение выбросят из головы раз и навсегда. Никаких монархических принципов больше не должно существовать, а у кого они остались, выбросьте их – другого быть не может!»³ Вместе с тем абсолютное меньшинство бывших генштабистов вступило в большевистскую партию.

Крупный большевистский военный работник Н.И. Подвойский вспоминал: «Все лучшие военные работники из Генерального штаба не саботировали и старались всеми путями оказать содействие нам в построении армии не из-за политических симпатий, не из-за персональных каких-либо соображений, а потому, что многие из них действительно были служителями государства и нашему новому режиму отдавали то, что считали необходимым отдать. Несомненно, следовало бы отметить Потапова, Мочульского, Самсона⁴, Одинцова, Борисова, Балтийского и других... Они уверились, что, взяв власть в свои руки, мы не бросили войны, не отдали Россию на растерзание Германии, но что мы продолжаем войну до тех пор, пока не будет заключен мир, что мы приступили к заключению мира... Следовательно, аполитичность, отсутствие классовой точки зрения у некоторых из генштабистов и свойственная им ненависть к Германии позволили нам все же образовать около себя некоторую компактную добросовестную и знающую группу генштабистов, которая помогала в первое время строительства Красной армии самым реальным образом. Здесь следует отметить, что душой и организатором этой группы был начальник Генерального штаба Потапов, и, пожалуй, только благодаря ему мы были хотя бы обеспечены с точки зрения военно-технической...»⁵

Интересное объяснение причин своего перехода к большевикам привел И.В. Высоцкий, отметивший в показаниях по делу «Весна», что перешел на сторону советской власти «не в силу понимания советской системы, а в силу уверенности

¹ Буравченков А. А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. С. 37.

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 289. Отметим, что в считающемся более полным и точным издании 2004 г. эти строки отсутствуют (Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 271).

³ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 197.

⁴ Речь идет о полковнике У. И. Самсоне-фон-Гиммельшерне.

⁵ Подвойский Н. Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 70.

в жесткости этой власти в отличие от мягкотелости Керенского, а также и вследствие призыва офицеров на службу в Красной армии»^I.

Идея твердой руки для наведения порядка в стране была популярна у многих офицеров Генерального штаба поздней Российской империи. К примеру, генерал Н.Д. Зарин в дневнике записал 8 мая 1915 г.: «Обман, личный интерес, карьеризм, протекционизм – Боже, как нам нужен Петр Великий и его дубинка, а без этого вряд ли хорошо будет»^{II}. Бывший военный министр генерал В.А. Сухомлинов в эмиграции достаточно комплиментарно рассуждал о большевиках, отметив, что «Россия и населяющее русскую землю смешение народов нуждается в особо твердой руке»^{III}.

Бывший полковник С.Д. Харламов свидетельствовал: «Мне представлялось, что “все погибло”».

С началом же проявления твердой руки пролетарского управления, с началом создания своей новой Кр[асной] армии (где и мне, грешному, будет отведено хоть какое-нибудь место), я увидел, что Октябрьская революция не только разрушает, но она и создает что-то, причем это что-то имеет свои политические плюсы. Тут уже пробудилась и патриотическая нотка – хорошо сделал, что пошел служить, что никуда не дезертировал»^{IV}.

Не случайно к Красной армии добровольно примкнули некоторые прежде консервативно настроенные представители старой военной элиты, ранее имевшие репутацию крайне правых и жаждавшие твердой власти, – например, генералы М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Самойло и др.^V Крайними монархистами считали генералов Ф.В. Костяева и А.М. Мочульского, внесших большой вклад в создание РККА^{VI}. В своих воспоминаниях Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...»^{VII} Впрочем, поведение носителей таких взглядов может трактоваться и как форма казенного патриотизма, при котором взгляды меняются вместе со сменой власти. В этом ряду примечательна личность генерал-майора В.Л. Попова. Выходец из деревни, коренной сибиряк из-под Иркутска и патриот Сибири, он сумел дослужиться до генеральского чина и проявить себя как исследователь Сибири. В 1906 г. в Иркутске он был активным деятелем местного отдела «Союза русского народа», имел репутацию черносотенца, а в 1918 г. в числе первых сибирских генштабистов примкнул к большевикам^{VIII}. За такой «багаж» его не любили в белом лагере (куда он попал в том же 1918 г.) как либеральные сибирские политики, которых Попов преследовал до революции, так и те, кто вменял ему в вину работу

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 73 (95). Л. 11.

^{II} НИА. N. D. Zarin collection. Box 1.

^{III} Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 409. Примечательно, что это предложение в советском переиздании воспоминаний Сухомлинова оказалось цензурировано (Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 332).

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 14.

^V Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 217; Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 174; Нокс А. Вместе с русской армией: Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014. С. 34; Снесарев А. Е. «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 38; Knox A. With the Russian Army 1914–1917. London, 1921. P. 42.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 136.

^{VII} Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 226.

^{VIII} Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 2. Л. 97 // НИА. I. I. Serebrennikov collection. Box 10. Folder 19.

у красных. В итоге Попову пришлось уйти из Сибирской армии на гражданскую службу. В 1920 г. он попал в плен и продолжил служить в РККА.

Некоторые офицеры из чувства самосохранения заискивали перед революционными властями еще в 1917 г., пытались подделываться под новые веяния – пожимали руки солдатам, ездили на заседания комитетов. Например, так себя держал генерал Ф.Е. Огородников¹, позднее попавший в Красную армию.

Ряд бывших офицеров добровольно поступили в Красную армию по патриотическим соображениям, чтобы продолжать воевать с немцами, которые теперь угрожали Петрограду. По свидетельству начальника штаба Верховного главнокомандующего бывшего генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича, возглавившего оборону Советской России, к нему в феврале 1918 г. обратился бывший генерал-лейтенант Д.П. Парский со следующими словами: «Михаил Дмитриевич... я мучительно и долго размышлял о том, вправе или не вправе сидеть, сложа руки, когда немцы угрожают Питеру. Вы знаете, я далек от социализма, который проповедуют ваши большевики. Но я готов честно работать не только с ними, но с кем угодно, хоть с чертом и дьяволом, лишь бы спасти Россию от немецкого закабаления»². Присутствие такой мотивации подтвердил и сам Парский: «Проживая в это время в Петрограде, я чутко прислушивался к происходящему и с болью переживал его; каждое газетное известие будило старые струны, взор лихорадочно следил за всеми передвижениями немцев, которые подходили все ближе и ближе... сознание, что старый враг вновь грозит поверженной в прах родине, быстро заставило забыть всю горечь перенесенного, всю усталость; дух мой загорелся с прежнею силой и стал неумолчно звать меня туда, откуда приближался рокот боевой грозы. Я не выдержал и в последних числах февраля бросился в штаб Верховного главн[окомандующего], а затем и в Смольный, где и заявил о желании служить на фронте в этот ответственный момент. Через два дня я получил назначение ехать к Нарве и объединить командование войсками, действовавшими в районе р[еки] Наровы и Чудского озера»³. Парский стал одним из первых старых генералов, поступивших на службу в новую армию⁴. Отметим, что в письме Парского к Бонч-Бруевичу от 22 июля 1918 г. не говорилось о советской власти, а звучали совсем иные доводы: «Я просил времени подумать и на другой день, явившись к Вам, доложил, что ввиду исключительно трудного положения Отечества и новой армии я готов и на этот раз отдать остаток своих сил...»⁵

Некоторые генштабисты уезжали в советский центр, чтобы не попасть под германскую оккупацию и не оказаться в плену. Так поступили, например, бывшие генералы З.И. Зайченко⁶ и А.Л. Носович⁷, уехавшие с Украины. В дальнейшем они оказались на службе в РККА.

¹ Скитания русского офицера. С. 225.

² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 257–258.

³ Парский Д. П. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте – апреле 1918 г. (Составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям) // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. М., 1919. Вып. 2. С. 196.

⁴ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 21–83.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 122об.

⁶ Там же. Л. 295.

⁷ Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А. В. Ганина. М.; СПб., 2021. С. 420.

Показания некоторых бывших офицеров Генерального штаба, проходивших в 1930–1931 гг. по делу «Весна», свидетельствуют о том, что при поступлении на службу к большевикам ими двигало стремление защитить Россию от внешнего врага. Значительное количество высших офицеров Генштаба добровольно поступили на службу в войска завесы, созданные большевиками специально для защиты от германцев и впоследствии ставшие кадрами для развертывания массовой Красной армии^I. По этой причине, например, в РККА пошли бывший генерал-лейтенант Е. А. Искрицкий, видный военный ученый бывший генерал-майор А. А. Свечин, полковник С. С. Каменев и др. В показаниях по делу «Весна» 22 февраля 1931 г. Свечин прямо заявил: «Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги советской власти»^{II}. В другом месте он отметил: «Я отдался целиком делу, питаемый своими националистическими настроениями и готовясь к продолжению войны с Германией»^{III}. При этом Свечин не особенно верил в перспективы большевиков. «Я по-прежнему считал экономическую программу, выдвинутую Октябрем, практически неосуществимой и полагал, что естественная эволюция приведет к коренному ее изменению, причем всякие насильственные акты могут задержать и помешать этому процессу», — отмечал он впоследствии^{IV}.

К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города^V. По некоторым данным, более 8000 бывших офицеров в период немецкого наступления добровольно вступили в Красную армию^{VI}. Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий. Впрочем, эта цифра вызывает сомнения.

Немецкий фактор стимулировал и антибольшевистскую патриотическую активность. Полковник К. Л. Капнин позднее вспоминал о пребывании в Белгороде летом 1918 г.: «Немцы в глубине России, в нашем тихом, патриархальном городке... Не выдержал и разрыдался, как ребенок, ощущая все большую ненависть к большевикам, так унизившим всю Россию»^{VII}. Красноречиво свидетельство полковника Б. А. Штейфона о вступлении немецких войск в Харьков весной 1918 г.: «Как офицеру, мне было непереносимо смотреть на эти отличные, с военной точки зрения, войска и сознавать, что моей армии более нет, а я — я только обломков кораблекрушения... Что нет уже России, моей прекрасной Родины, ибо если была бы Россия, то Харьков не мог видеть немцев... В душе горела горечь национальной обиды, вспоминался весь позор, пережитый с первого дня революции»^{VIII}. Схожие чувства испытывал в Киеве и бывший генерал А. Л. Носович («я не вынес

^I Стрекалов И. И. Создание войск завесы: (февраль — май 1918 года): Исторический очерк. М., 2001. С. 23.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 10.

^{III} Там же. Л. 14.

^{IV} Там же.

^V Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.

^{VI} Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 70.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 51.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 40; с некоторыми неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник. 2019. Т. 27. С. 60–61.

вида гордых и наглых победителей»^I), впоследствии перешедший на сторону белых. Носович отмечал, что им «было принято решение ехать в Москву на предмет ориентировки в обстановке. Основанием такого решения была главным образом уверенность в том, что продвижение неприятеля в глубь России и предательство Рады^{II} вызовут взрыв патриотизма во всех частях [населения] и новая война неизбежна. Мое решение ехать немедленно в Москву было одобрено генер[алом] [А.М.] Драгомировым... Я ехал драться против общего врага, и в данное время для меня являлось не столь важным, кто сражается против немцев и продавшихся им украинцев»^{III}. Генерал А.К. Келчевский, побывавший в Киеве в октябре 1918 г., вспоминал: «Всюду господствовали немцы. Вид немецких патрулей и пехотных частей, грузно шагавших по улицам Одессы и матери российских городов – Киеву, навевал мучительно тяжелые мысли»^{IV}.

На патриотической платформе объединялись порой даже враждебные силы. Так, антибольшевистски настроенный полковник Я.А. Слащев в начале 1918 г. примкнул к Добровольческой армии и был направлен на Северный Кавказ для создания офицерских организаций в районе Кавказских Минеральных Вод, где участвовал в кратковременном захвате офицерской организацией города Ессентуки 25 марта 1918 г. Затем с конца апреля по конец мая он вместе с кубанским казачьим офицером полковником А.Г. Шкурой (Шкуро) примкнул к Красной армии Северного Кавказа бывшего хорунжего А.И. Автономова, чтобы бороться с немцами. О сотрудничестве, по свидетельству Слащева, они сговорились буквально с полуслова: «Меня привели на вокзал в поезд Автономова, и там же я застал и Шкуру. Автономов осведомился: действительно ли я компания старой армии и академик Генштаба. После моего утвердительного ответа он заявил мне, что немцы стоят у границы Кавказа и что сейчас надо бросить всякие разногласия и защищать Родину, с этим же он обратился и к Шкуре. Возражений не могло быть. Автономов подошел ко мне с точки зрения моей идеологии, под которой я был воспитан»^V. Выступая на митинге в Ессентуках, Автономов привел схожие аргументы: «Он призывал казачество к борьбе с немцами и буквально заявил: “Теперь не может быть ни красной, ни белой армии, а может быть только армия спасения родины”. Что это было – умышленное уклонение от большевизма, или он также был нетверд в классовой борьбе – я не знаю, – но на лиц, вроде меня, ничего в то время не смысливших в борьбе классов и в глаза не выдавших сочинений Ленина и Маркса, – это произвело сильное впечатление»^{VI}. На том же митинге уже сам Слащев взывал к тому, что «все жалобы могут быть разрешены потом, а сейчас каждый русский должен идти в армию и защищать свою родину»^{VII}.

^I Носович А. Л. Белый агент в Красной армии. С. 142.

^{II} Имеется в виду Брест-Литовское соглашение украинской Центральной рады с Четверным союзом, заключенное 27 января 1918 г., в результате которого австро-германские войска оккупировали Украину.

^{III} Носович А. Л. Белый агент в Красной армии. С. 420.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 30б.

^V Слащев Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть I / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2015. № 3 (14). С. 206.

^{VI} Там же.

^{VII} Там же.

Генерал-майор М.В. Фастыковский позднее свидетельствовал о том, как принимал непростое решение, к кому примкнуть в начале 1919 г.: «Остаться в стороне от Гражданской войны, как делал до этого я, становилось уже невозможным. Надо становиться либо на одну сторону, либо на другую, и лучше, конечно, продумать все и прочувствовать, чтобы принять участие в борьбе на той стороне, которую укажет продуманное решение, а то иначе может захлестнуть слепой случай. И я задумался.

Разум говорил за то, что неминуемым победителем в борьбе должны быть большевики, ибо за ними вся толща народных масс, тогда как на стороне белых может быть лишь имущественная верхушка крестьян да значительная часть интеллигенции... Много-много доводов возникало у меня в мозгу в пользу того, что красная сторона – великан, а белая – лилипут. Исход борьбы при таких условиях был совершенно ясным.

Но чувства и привычки, выработавшиеся за время последних 20-ти лет моей жизни, подсказывали другое: на стороне белых была масса моих сослуживцев по старой армии (в ту пору я в моем представлении сильно приуменьшал численность офицеров, находившихся в Красной армии, не знал истинного положения дел), среди которых много людей близких мне, с которыми я в прошлом привык считать себя единомышленником, т. к. в этом прошлом никогда не возникало таких вопросов, которые выдвинуты революцией сейчас. Какой-то голос задавал вопрос: неужели тебе не будет жаль разить этих людей, если ты станешь на сторону красных?

Но по мере обдумывания и взвешивания чаша весов все больше и больше клонилась в пользу красных. Возникли и такие вопросы: а как ты будешь чувствовать себя, если, став на сторону белых, тебе придется разить борющихся на стороне красных твоих двоюродных братьев-рабочих, тоже Фастыковских?

Результатом этих обдумываний было решение стать на сторону красных... Но все же нельзя сказать, чтобы червяк, могущий подтачивать и ставить под сомнение правильность принятого решения, был во мне окончательно вытравлен¹. Генерал М.В. Фастыковский делал свой выбор уже тогда, когда картина событий начала проясняться. Однако в начале 1918 г. все было куда запутаннее.

О том, насколько не просто порой давался старым офицерам выбор в пользу большевиков, свидетельствуют страницы дневника крупного военного ученого, бывшего генерала А.Е. Снесарева. Он проживал на своей малой родине в Острогжске Воронежской губернии и был приглашен в Москву военруком ВВС М.Д. Бонч-Бруевичем в апреле 1918 г. Бывший генерал согласился приехать, видимо, чтобы узнать обстановку. По приезду стало ясно, что отказаться от службы в РККА не получится. 7 мая 1918 г. Снесарев в связи с полученным распоряжением ехать в Царицын записал: «На душе неважно, втянулся в историю, несомненно... хорошие решения приходят при хорошей обстановке, а у меня что-то в машине “сошло с шурупов”»². Пытаясь избежать вовлечения в братоубийственную войну, Снесарев в мае 1918 г. обратился с письмом к Бонч-Бруевичу, однако ожидаемого результата это письмо

¹ Цит. по: Голдин В. И. Лихолетье: Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 174–175. Сверено с оригиналом: Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-14080. Фастыковский М. В. Л. 16об. – 17об.

² Снесарев А. Е. Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 2. С. 54.

не принесло¹. В связи с отъездом в Царицын 22 мая в дневнике Снесарева появилась не менее значимая для оценки его взглядов того периода запись: «Тоска страшная, так и сосет. Правильно ли я делаю, на верный ли я стал путь? Я полон сомнений и хожу из угла в угол; мысли нервны и кружатся бестолковым ходом. Ехать не хочется»².

Являясь государственным, по взглядам Снесарев был близок руководителям белых армий и при ином стечении обстоятельств вполне мог оказаться в рядах противников большевиков. Он дружил с генералом Л.Г. Корниловым (последний был крестным сыном Снесарева Александра и Георгия) и был возмущен германской оккупацией Украины. Анализ дневников Снесарева свидетельствует о том, что ему, как и многим бывшим офицерам, был присущ антисемитизм, что само по себе до некоторой степени препятствовало его работе с Л.Д. Троцким и некоторыми другими комиссарами.

Показательны рассуждения бывшего полковника К.И. Бесядовского на допросе по делу «Весна». Несмотря на обстановку допроса, 25 февраля 1931 г. он честно описал свои сомнения и мотивы в период поступления в РККА: «Надо сказать, что поступление в Высший военный совет на службу “к большевикам” было сделано не без трудных внутренних переживаний: большинство офицеров, которые тогда на службу призваны не были и не считали возможным служить, отворачивались от нас — добровольцев. Я же считал, что в создавшейся обстановке, когда немцы хозяйничали в наших пределах, нельзя оставаться посторонним зрителем, и потому и стал на работу. Период Гражданской войны внутренне я переживал нелегко: с одной стороны, я понимал необходимость этой серии “претендентов” из белогвардейских главарей, а с другой — тягостно было сознавать, что врагами нашими являются люди, которые еще недавно были нашей, близкой нам средой. Но я ломал себя и работал»³.

Отдельные офицеры стремились попасть в новую армию и сходу предлагали свои идеи по ее укреплению. Бывший полковник Б.А. Никулищев 19 апреля 1918 г. обратился к видному большевику М.С. Кедрову с пространной просьбой о принятии его в ряды РККА и конкретными предложениями по вопросам реорганизации: «Не откажите в Вашем содействии по вопросу об организации Красной армии, как Вашего детища. При современной постановке этого вопроса мне кажутся безуспешными те способы, которые применяются теперь, как то: агитация, воззвания, административное деление, постановка службы, материальные средства привлечения на службу и пр. Часть этих средств может быть сделана вспомогательной данной, но отнюдь не главной, так как главное должно заключаться в другом. В кратких чертах, как бы в черновом виде, я наметил эти данные и писал об них комиссарам Троцкому и Подвойскому, но ответа от них не получил, и не знаю даже, читали ли они мои предположения, а ведь время не терпит.

Прослужив долгое время на военной службе в разнообразных должностях, а особенно по строю, я отлично знаком с военной службой. Не говоря об образовательном моем цензе — академии Генерального штаба, — я лично всегда стремился

¹ То же // Московский журнал. 1996. № 3. С. 44.

² Там же.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 14об.

к самоусовершенствованию в военном отношении и много выдержал неприятностей по службе, борясь со схоластикой, беспорядками, шаблонностью, отсутствием знания и справедливости в армии. Мой опыт и знания я бы желал теперь применить на организацию Красной армии на благо народа, который всегда был предметом моего почитания и за который я трудился и сражался в текущей кампании.

По моим взглядам, Красная армия, будучи необходимо малочисленной, должна взамен этого отличаться какими-нибудь другими данными, делающими ее сильной. Эти данные могут быть двоякого вида: 1) или что-нибудь особенное, выдающееся, невиданное до сих пор, что создало бы для нас положение превосходства подобно тому, как немцы в текущую войну удивляют нас своей техникой, организацией, духом народа, или 2) идеальным совершенством в военном отношении по опыту текущей кампании с прибавкой к этому моральных революционных данных, выдвинутых революцией.

К сожалению, для первого нужны время и деньги, которых у нас нет, хотя в этом отношении и можно было бы кое-что придумать. Поэтому поневоле приходится обратиться ко второму. Образованная по второму способу Красная армия хотя и не будет в состоянии отличаться своим абсолютным превосходством, но относительным — всегда и безусловно при современной политической конъюнктуре. Поэтому я остановился на вопросе, как образовать малочисленную, но храбрую, сильную, хорошо организованную, сильную технически и духом Красную армию?

Мысли мои по этому предмету в общих чертах далеко не разработанные и были представлены народному комиссару Троцкому и его товарищу Подвойскому. Изложить их в этом письме письменно — невозможно, поэтому прошу Вас, если возможно, ознакомиться с моими докладами у этих лиц или разрешить мне сделать Вам изустный доклад лично.

В общих чертах дело сводится к тому, чтобы 1) привлечь как можно более желающих, 2) заставить их заинтересоваться службой в армии, 3) сделать из них выбор, надежных в военном отношении отделить от ненадежных, 4) поставить службу в армии так, чтобы сделать ее сплоченной и основанной на демократических началах, не поступаясь специально военными, 5) сделать так, чтобы каждый доволен был правительством, не стремясь к прежним, и не было [бы] контрреволюционеров, 6) сделать армию технически сильной. Считаясь с современным положением — недостатком хороших офицеров и малой развитости народа, — армия будет носить характер весьма сильной ударной массы, так как другой характер, как бы он ни был заманчив, — не отвечает настоящим политическим и военным условиям и приведет все значение армии к нулю.

Прошу Вас не отказать в принятии меня на службу по организации Красной армии, если и не на этих основаниях, то на других, так как во всяком случае — я был бы в состоянии принести пользу ей, хотя, может быть, и не такую, как при осуществлении моих вышеуказанных мыслей и при ближайшем содействии и руководстве Вашем¹.

Поддержали большевиков и некоторые генштабисты, находившиеся за рубежом. Так, состоявший при российском посольстве в Северо-Американских

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 42–42а об.

Соединенных Штатах полковник И.И. Чубаков 5–6 февраля 1918 г. опубликовал в газете «The Evening Star» обращение к американскому народу «О признании советской власти». Позднее, по прибытии во Владивосток, он был арестован за это белыми и предан суду. Однако суд так и не состоялся из-за покровительства Чубакову со стороны белого командования^I. Тем не менее Чубаков оказался «Колчаком лишен чина и мундира за приверженность советской власти» и сослан в Тобольск^{II}. Впоследствии офицер перешел к красным, где подробно рассказывал о своих «страданиях» у белых. В результате ему удалось избежать преследований и поступить на службу в РККА^{III}.

В большевистской пропаганде в период службы в Персии обвиняли и начальника Персидской казачьей дивизии полковника Г.И. Клерже, отстраненного от должности 2 февраля 1918 г. при активном участии офицера дивизии полковника Реза-хана (основателя династии Пехлеви) с подачи англичан^{IV}, но позднее оказавшегося у белых на Востоке России. Соответствующую информацию белое командование получило от британского командования в Месопотамии. Обвинения осложнили карьеру офицера у белых, но тем не менее он смог продолжить службу и даже руководил осведомительным отделом колчаковской Ставки, а затем получил производство в генералы.

Некоторые генштабисты, понимая риск быть втянутыми в братоубийство, ставили условием своей службы у красных привлечение их только на борьбу с внешним врагом. Бывший командующий 1-й армией генерал В.В. фон Нотбек был готов бороться против немцев при условии «полного изъятия Гражданской войны»^V. Бывший капитан Ф.Л. Григорьев, пытаясь устроиться на военную службу, 4 апреля 1918 г. писал в Москву: «В случае потребности в офицерах Генштаба для будущих формирований постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним врагом, прошу о зачислении меня кандидатом на какую-либо должность Генерального штаба»^{VI}. Ответ на такие обращения был стандартным: «Вы взяты на учет Генерального штаба для предстоящих формирований постоянной армии для борьбы с австро-германцами»^{VII}. Б.Н. Ковалевский (Ковалевский-Русский) телеграфировал М.Д. Бонч-Бруевичу из Ржева 13 июля 1918 г.: «Если предполагаемые формирования всенародного характера, а не классовые, и политиканство из них будет выгнано, то я готов вновь служить России и желал бы выставить свою кандидатуру на конный полк или воен[ного] руков[одителя]»^{VIII}. Бывший подполковник А.Д. Тарановский на допросе по делу «Весна» в 1931 г. показал, что в Гражданскую войну в среде офицерства «желающих идти на какой-нибудь внешний фронт (на Кавказский против германо-турок, на Польский и т.д.) было много и, наоборот, желающих идти на внутренний гражданский фронт было очень незначительное количество. Объясняли это нежеланием драться со своими»^{IX}.

^I BAR. K. K. Akintievskii papers. Box 1.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141об.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. Американская история полковника Чубакова // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2017. Т. 13, № 1. С. 95–117.

^{IV} Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012. С. 258–259.

^V ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 21. Л. 30об.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 62об.

^{VII} Там же. Л. 63, 65.

^{VIII} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 120.

^{IX} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26; Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-14750. Л. 42.

Бывший генерал В.В. фон Нотбек представил белому следствию целый список причин, по которым он вместе со штабом согласился весной 1918 г. продолжить службу при большевиках:

«1) Другого правительства в России, к которому мы могли бы примкнуть, не было.

2) Германское насилие продолжало висеть над Россией.

3) Союзники вели себя в отношении Совнаркома двусмысленно, и на помощь их против большевиков тогда рассчитывать было невозможно.

4) Украина и Дон приняли германскую ориентацию.

5) От генералов Алексеева и Деникина тогда никаких сведений не было.

6) Куда пробраться и как пробраться при очевидном тайном надзоре за нами, для нас являлось вопросом неразрешимым.

7) На моей совести лежала еще участь около 200 человек штаба 1[-й] армии, моих близких сотрудников в уже пережитые тяжелые дни.

8) Большевизм есть историческое следствие неурядицы, которая создалась немелкими, бездарными и безвольными правителями вроде Керенского и К^о.

9) Большевизм по самому существу своему недолговечен, и мы должны не бездействовать, а стремиться к ускорению его падения.

10) Если пока у нас нет сил бороться с ним революционным путем, то надо применить пока способ эволюционный.

11) Настоящее положение, т.е. сознание большевиками своего бессилия и необходимости сотрудничества интеллигенции и право избрания сотрудников по своему выбору, даст нам возможность сорганизоваться, подготавливая ту минуту, в которую мы уже открыто можем сказать большевикам: “довольно”.

12) Являсь на место, мы можем послужить опорой всему здравомыслящему и искоренителями терроризировавших население банд, тогда как перейдя в нелегальное положение и действуя врозь, это будет для нас невозможно»¹.

Противники вовлечения военспецов в Гражданскую войну были не только в среде последних, но и в рядах большевиков. Не случайно один из представителей новой власти писал в газете «Правда» в конце 1918 г., что «послать какого-нибудь генерала вести войну против однокашника генерала Краснова – это все равно что поставить охранять овец от бурого медведя серого волка и, пожалуй, хуже, ибо медведь – волку в некоторой степени враг, чего нельзя сказать в отношении одного контрреволюционера к другому»². Это высказывание перекликается с недоумением бывшего генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова в отношении другого бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева: «Как же это вы будете воевать против Петра Харитоновича[?]»³ Имелся в виду один из лидеров донской контрреволюции, однокашник Снесарева по академии генерал П.Х. Попов. Тем не менее воевать стали, причем начавшееся противоборство для генштабистов могло приобретать характер личного соперничества – кто из бывших «академиков» кого переиграет.

¹ ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 21. Л. 32–32об.

² Каменский А. З. Давно пора // Правда. 1918. 25.12. № 281. С. 2.

³ Снесарев А. Е. Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 44.

Военрук Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесарев, не желавший участвовать в Гражданской войне и сильно переживавший по поводу своего назначения, стал спокойнее относиться к службе, придя к выводу, что борется против немцев. 30 мая 1918 г. он писал супруге: «На фронте к северу отсюда все отряды и банды, несомненно, инспирированы немцами, а в районе нижнего Дона они же прямо создают угрозу; налицо несомненный внешний враг, что ставит наше участие и неизбежным, и спокойным»^I.

Большевики первоначально считали приемлемым использовать офицеров только против внешнего врага^{II}, но летом 1918 г. в связи с эскалацией Гражданской войны и переходом к мобилизациям с подобными требованиями они перестали считаться. 13 июня был издан приказ наркома по военным и морским делам и председателя ВВС Л. Д. Троцкого о том, что советская власть не потерпит никаких уклонений и рассуждений со стороны военнослужащих, в том числе и в связи с их нежеланием участвовать в Гражданской войне^{III}. Таким образом, эта категория офицеров оказалась обманом втянута во внутреннюю войну на стороне красных. Бывший командующий Восточным фронтом красных и советский главком И. И. Вацетис вспоминал, что «лица старого Генерального штаба шли на фронты Гражданской войны крайне неохотно, в особенности на Восточный фронт, где в главной роли выступали чехословаки. Восточный фронт считали наиболее сугубым фронтом братоубийственной войны. Принимались все меры, чтобы не попасть на этот фронт. Изобретались все возможные поводы и причины, чтобы только не попасть на Восточный фронт. Все получившие назначение на Восточный фронт генштабисты приезжали ко мне (штаб был тогда^{IV} в Арзамасе) и просили освободить их бога ради, некоторые даже плакали»^V.

Одним из таких специалистов, не желавших идти на внутренний фронт, оказался будущий советский главком С. С. Каменев. Долгое время он служил в войсках завесы, защищавших демаркационную линию от немцев, однако осенью 1918 г.

^I Архив семьи Снесаревых (Москва).

^{II} РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 81.

^{III} «Восстание чехословаков, расстраивающее транспорт и продовольствие и вселяющее ложные надежды в сердца внешних и внутренних врагов Советской республики, должно быть раздавлено в кратчайший срок.

Между тем в среде военных специалистов, бывших офицеров, состоящих на службе в Советской республике, наряду с честным выполнением воинского долга, наблюдалось несколько случаев уклонения от выполнения приказаний, вызывавшихся задачами борьбы с чехословацким мятежом. Уклоняющиеся пытаются ссылаться на то, что они не призваны вести "Гражданскую" войну.

Чехословаки, в большинстве своем, наши военнопленные. Находясь на территории Российской республики, они получали жалование от одного из иностранных правительств. Путем обмана они сохранили, а затем, путем мятежа, они захватили оружие, которого не должно было быть в их руках. Они стремятся овладеть Сибирской железной дорогой — важнейшей продовольственной артерией страны. Они пытаются соединиться с Владивостоком, откуда нам угрожает десант чужестранных империалистов. Чехословацкие мятежники являются, таким образом, орудием чужестранной оккупации и порабощения Российской республики. При этих условиях прятаться за фразу о "Гражданской войне" могут только изменники и пособники иностранных захватчиков.

Объявляю: Советская власть не потерпит никаких уклонений и рассуждений со стороны военнослужащих перед лицом врага. Все негодные и гнилые элементы, которые без возмущения и негодования относятся к мятежу военнопленных чужеземных наемников против свободы и независимости рабочей и крестьянской России, будут низвергнуты, виновные в противодействии будут раздавлены.

Настоящее предупреждение является первым и последним» (Известия ВЦИК. 1918. 15.06. № 121 (385). С. 3).

^{IV} В документе ошибочно — иногда.

^V ЛВА РА. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 188–188об.

получил назначение командующим Восточным фронтом вместо И.И. Вацетиса. Белый агент в Красной армии генерал А.Л. Носович вспоминал: «В приемной нас было только двое. Каменев не находил себе места. Его нервное напряжение, казалось, было у предела истерии. Каменев сыпал такого рода фразами: “Нет, скажите, что мне делать... Они мне предлагают в командование Восточный фронт... Поймите, я же не могу идти против белых патриотов... Я же не могу быть заодно с большевиками... Я не могу командовать войсками против белых... Нет, я сойду с ума... Я уже сумасшедший...” Я начал его успокаивать как мог»¹.

Это свидетельство подтверждается и показаниями бывшего начальника ВГШ А.А. Свечина по делу «Весна». Свечин отметил, что «в 1918 году в сентябре или октябре месяце ко мне, как к начальнику Всероссийского главного штаба, поступил приказ от Троцкого выбрать наиболее пригодного офицера Генерального штаба для назначения на должность командующего Восточным фронтом. Я оставился на выборе С.С. Каменева, который был известен мне как дельный работник оперативного отделения штаба Виленского военного округа и штаба I армии в мировую войну, а в службе завесы Западного фронта² выделился как дельный руководитель Невельского участка... В то время все офицеры старой армии, поступившие на службу в Красную армию, считали, что они приняли обязательство сражаться против внешнего врага на Западном фронте, и более чем неохотно смотрели на какое-либо использование их в связи с Гражданской войной... Под этим настроением С.С. Каменев расценил назначение его на Восточный фронт как незаслуженную обиду... Эту оценку он выразил в жалобах, посланных по телеграфу Троцкому и [Э.М.] Склянскому на меня. С моими объяснениями Склянскому, что в назначении Каменева я пользовался только соображениями целесообразности, последний согласился и подтвердил приказ Каменеву ехать на Восточный фронт.

Со мной С.С. Каменев помирился лишь года через 3–4»³. В других показаниях Свечин отметил, что Каменев, «ценя свое место на Западном фронте в Смоленске, счел свое назначение на фронт гражданской войны актом личной мести с моей стороны и жаловался Троцкому и Склянскому. На этой почве сложились между мной и Каменевым враждебные отношения, продолжавшиеся 4–5 лет»⁴.

История назначения Каменева не являлась секретом в среде военспецов. Ее отголоски прослеживаются даже в советской авторизованной биографии Каменева: «Не без опасений и внутренних переживаний принял К[аменев] Восточный фронт: условия работы, сумбурность всего фронта были таковы, что поневоле приходилось думать – каким порядком можно управлять войсками фронта»⁵. Другой советский главком, И.И. Вацетис, соперничавший и конфликтовавший с Каменевым, вспоминал: «С. Каменев был вызван мною в числе 18-ти человек, назначенных мною на Восточный фронт, и по прибытии в Арзамас заявил официально

¹ Носович А. Л. Белый агент в Красной армии. С. 320–321.

² Западного фронта тогда еще не было. Каменев занимал пост помощника военного руководителя Западной завесы и военрука Смоленского района.

³ Ганин А. В. Архивно-следственное дело военного ученого А. А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 3 (127). С. 267–268.

⁴ То же // Вестник архивиста. 2014. № 2 (126). С. 268.

⁵ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 433.

претензию о том, что он был неправильно назначен на Восточный фронт; было назначено официальное расследование. С меня С. Каменев взял честное слово, что я найду ему заместителя, а его верну обратно в Смоленск»¹.

Вацетис сполна поиронизировал по поводу поведения Каменева: «Теперь рассказанные истории покажутся немного забавными. Отказываться от поста комфронта! В старой армии в погоне за такой должностью генштабисты ломали друг другу шею. Но дело в том, что тогда, осенью 1918 года, Восточный фронт (чехословацкий) считался “братоубийственным”, и среди лиц старого Генерального штаба было трудно найти человека, отправлявшегося туда беспрекословно»². Впоследствии Каменев смирился и служил добросовестно.

Сохранились важные свидетельства о привлечении генштабистов к службе на внутренних фронтах. Генерал-майор Б.И. Казанович, побывавший по заданию командования Добровольческой армии с тайной разведывательной миссией в Москве в июне 1918 г., вспоминал об одной московской встрече, грозившей ему разоблачением: «Меня на Арбате неожиданно взял под руку знакомый офицер Генерального штаба и стал громко выражать свое удовольствие, что видит меня целым и невредимым, так как считал меня расстрелянным, а затем стал жаловаться на свою судьбу: “Я служу по передвижению войск, но теперь нас начинают хватать и отправлять, хочешь не хочешь, в штабы на внутренний фронт. Как вы думаете поступить?” Очевидно, он считал и меня состоящим на службе у большевиков. Я поспешил отделаться от него под каким-то предлогом»³.

Среди старших офицеров, продолжавших служить на прежних местах при новой власти, было распространено заблуждение, что, оставшись на старых должностях, можно сохранить контроль над армией в новых условиях и не отдавать ее в руки большевиков. Ветеран Белого движения на Востоке России полковник К.Г. Язвин писал генералу А.С. Лукомскому 5 февраля 1927 г. из Филадельфии: «В 1918 году в Казани в июне месяце, в щетинкинских номерах, где помещался штаб главноком[андующего] Восточным фронтом Муравьева, Генерального штаба полковник [Н.В.] Соллогуб (кажется, эта фамилия правильна – помню его в должности дежурного генерала в штабе Особой армии генерала [П.С.] Балужева в 1917 г.) приглашал меня на службу к большевикам и в беседе глаз на глаз сказал мне: “Наша цель – прибрать армию к рукам, а эти уличные бои социалистов и коммунистов и прочей... для нас смешны”. Теперь прошло почти 10 лет, многое изменилось и разъяснилось, я готов ответить ему отсюда, что они никогда армии не приберут к рукам, ибо сами стали рабами и находятся в стальных клещах интернационала, могущего расправиться с ними в любую минуту... Единственное спасение их собственное и всего народа – это откровенно сознаться в своих прежних ошибках и в будущем не поддаваться соблазнам. Их видимое настоящее благополучие ничего

¹ LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 188об.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 800. Возможно, именно о Каменеве шла речь в документах французской военной разведки, согласно которым французами осенью 1918 г. был завербован в Смоленске некий бывший полковник, отправлявшийся на Восточный фронт командовать Красной армией. Военспец получил назначение и заверил французов в том, что будет передавать им оперативные планы и оказывать любую другую помощь (Галкина Ю. М. К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон? // Клио (СПб.). 2018. № 3. С. 182).

³ Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май – июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 190.

не стоит. Переход русских генералов и офицеров к красным я понимаю теперь как сущее преступление. Чтобы убедиться в правдивости этого, повторяю, пусть они приедут сюда, хотя [бы] на короткое время (особенно это было бы необходимо бывш[им] ген[ералам]-теоретикам Свечину, Бонч-Бруевичу, Сурину^I и др.). Тогда бы они поняли, что весь этот пожар классовой борьбы — это игрушка в руках интернационала, играющего на низменных инстинктах человечества»^{II}.

Не относившийся к генштабистам генерал от кавалерии А. А. Брусилов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти годы (1917–1920. — А.Г.) страдая развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями»^{III}. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один»^{IV}. Однако Брусилов и те, кто мыслил так же, не ошиблись в том, что большевики довольно быстро смогли на новых началах восстановить армию и наладить строгую дисциплину. Эти меры не могли не импонировать офицерам, увидевшим в новом режиме сильную власть, способную справиться с анархией в стране.

Подобная мотивация была характерна и для других военспецов, в том числе генштабистов. Генерал Н. И. Раттэль впоследствии говорил вдове генерала А. Е. Эверта, осуждая отказ ее мужа служить в РККА: «Согласитесь, что если бы никто не бежал из России и не отказывался бы от службы при современных условиях, как бы тяжелы они ни казались, — фактически правили бы Россией мы»^V. Вдова Эверта вспоминала о событиях весны 1918 г.: «В Москве, после освобождения мужа из Таганской тюрьмы... нас часто навещали бывш[ие] военные знакомые, а также и б[ывшие] сослуживцы мужа, как, напр[имер], Гутор^{VI}; кроме того, при встрече на улице к мужу часто подходили не бывавшие у нас, но знавшие мужа бывш[ие] военные, и при этом как первые, так и вторые как бы спешили заявить о своем намерении вступить в ряды Красной армии “с целью восстановления русской армии”. Муж относился скептически к этим заявлениям и всегда говорил: “Они как будто оправдываются передо мною, ссылаясь на восстановление армии, но куда же им, бедным, деваться — или к белым, или к красным — ведь другого выбора нет”»^{VII}. Н. И. Эверт позднее комментировала это следующим образом: «Сопоставляя заявления этих военных со словами Раттэля и наблюдая как в его действиях, так и многих других большую самостоятельность, я прихожу к мысли, что идея о восстановлении Русск[ой] армии действительно многими руководила. Не отрицая того, что между б[ывшими] военными, оставшимися в Советской России, были и есть ищущие лишь материального благополучия, я все же настойчиво утверждаю, что таковые в меньшинстве, а большинство работает, имея целью будущую Россию»^{VIII}.

^I Автор неточен, генерал В. И. Сурин был участником Белого движения и умер в эмиграции.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 126. Л. 20–20об.

^{III} Убежден, что многие помогавшие Троцкому воссоздать русскую армию, хотя бы и называлась она «Красной», думали так же, как и я (примеч. А. А. Брусилова).

^{IV} Брусилов А. А. Мои воспоминания. 2004. С. 278.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 761. Л. 6об.

^{VI} Братья-генералы Александр и Алексей Евгеньевичи Гуторы с 1918 г. служили в Красной армии.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 761. Л. 7–7об.

^{VIII} Там же. Л. 7об.

Любопытны показания бывшего генерал-майора С. Г. Лукирского, данные во время следствия по делу «Весна» в январе 1931 г.: «Наступившая Октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение (Лукирский не указывает, кем. — А. Г.) идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»¹

О расколе офицерства Лукирский писал: «Уход другой части офицерства на враждебную большевикам сторону, естественно, поставил оставшихся с большевиками в неприязненные с белогвардейцами отношения, еще и потому, что порождал среди большевиков недоверие и к оставшимся с ними, а при победе белых грозил местью белогвардейцев.

Кроме того, победа большевиков несла с собою вторжение иноземцев, деление России на части и угрожала закабалением нашей страны иностранцами. На стороне белогвардейцев не видели и базы, обеспечивающей им симпатии народных масс»².

В прочность большевистского режима многие не верили. По свидетельству генштабиста П. П. Петрова, служившего в 1918 г. в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта, переформировывавшейся в штаб Приволжского военного округа: «Все мы тогда плохо знали или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что в интересах русского дела надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат. Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...»³ Однако действительность оказалась более суровой: в полной мере сохранить в своих руках военное управление бывшим офицерам не позволили, взяв под плотный партийный надзор. Осознав невозможность осуществить задуманное в советских условиях, приверженцы подобной тактики или переходили на сторону антибольшевистских сил, или ввязывались в крайне рискованную подпольную работу.

В надежде на непрочность и непопулярность большевиков некоторые офицеры их поддерживали лишь для того, чтобы добиться свержения деструктивного Временного правительства. После этого большевиков должна была сменить другая, более приемлемая для офицерского мировоззрения, власть. Однако такие расчеты не оправдались.

Поступление в новую армию могло защитить от произвола бандитской стихии на местах, из-за чего в 1917–1918 гг. погибли сотни офицеров. На фоне широко практиковавшихся в Гражданскую войну дискриминации, арестов, взятия в заложники «буржуев», «бывших», представителей «эксплуататорских классов» (к каковым, конечно, относили и офицеров) лояльная служба в Красной армии могла восприниматься как возможность избежать красного террора (как показало развитие событий, подобные взгляды оказались иллюзорными) и даже обеспечить себе относительно спокойную жизнь.

Свою роль в выборе дореволюционной военной элиты играл и материальный фактор. Как отмечал очевидец, весной 1918 г. в Москве тысячи бывших офицеров и военных чиновников оказались не у дел. «В одиночку или небольшими группами

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 40.

² Там же. Л. 41.

³ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 260.

они ходили по городу голодные, холодные и грязные, часто не имели пристанища, в котором можно было приткнуться и как-то легализоваться¹. Какая-либо служба давала средства к существованию. Как указал бывший подполковник А.Д. Тарановский на допросе по делу «Весна», «офицерство в большей своей части еще не верило в прочность советской власти, а потому оно находилось в периоде ожидания результатов борьбы, в периоде искания точки приложения своих сил; ничего определенного оно еще не видело, а потому в большей своей части стояло на распутье и не знало, что предпринять. Но так как надо было жить и есть, то многие из них... пошли устраиваться на службу, кто куда мог»². В начале мая 1918 г. группа «лиц Генштаба» из Киева прислала официальное заявление начальнику Генерального штаба в Москву, что все они прибудут в Россию одиночным порядком, вступят в РККА и просят о материальной помощи, так как «они бедствуют, не имея никаких средств»³.

В условиях политики «военного коммунизма» бывшим офицерам Генштаба приходилось поступать в Красную армию, чтобы спасти себя вместе с семьями от голодного существования⁴. Поступление в Красную армию давало жалование и продовольственный паек, позволявшие выжить в условиях хаоса и разрухи. К тому же многие офицеры не владели другими профессиями и выбирали привычное ремесло. Но не следует преувеличивать, как это иногда делается, значение материального фактора в острейшем идеологическом противостоянии, расколовшем страну и Генеральный штаб — элиту армии. О том, что материальные проблемы и собственное положение для некоторых генштабистов были не главными, свидетельствовал в своем дневнике Генштаба генерал-лейтенант А.П. Будберг, который прямо написал: «Омский период украл у меня будущее, разбил последние иллюзии, лишил всяких надежд, что я доживу до восстановления России — России, а не своих потерянных прав, которые я похоронил безвозвратно и воспоминание о которых меня даже не тревожит»⁵.

Для кадровых офицеров военная служба была единственным занятием. Вне армии и в отрыве от любимого дела они себя не представляли, поэтому среди многих получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любому режиму, нуждающемуся в их услугах⁶, лишь бы платили деньги. А.А. Свечин в показаниях по делу «Весна» свидетельствовал о «ландскнехтских беспечности и беззаботности, характерных для старых военных специалистов, делавших свое дело и оставлявших истории ответы на вопросы, куда, зачем и для чего»⁷. Впрочем, лояльность тех, кто готов был служить кому угодно за жалование и паек, была довольно зыбкой. Как говорил бывшему генералу А.И. Верховскому другой

¹ Клементьев В. Ф. В большевической Москве (1918–1920). М., 1998. С. 161.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26; Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-14750. Л. 42.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 293об.

⁴ См., например, ряд свидетельств о затруднительном материальном положении генштабистов после демобилизации старой армии в начале 1918 г. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 24, 32об., 39, 66).

⁵ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 344.

⁶ Характерный пример рассуждений взятого белыми в плен советского штабного работника — бывшего офицера, которому все равно, у кого служить, см.: Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 25. Любопытный анализ мировоззрения офицеров разных типов армий см.: Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России. С. 18–46.

⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 38об.

бывший генерал А. А. Балтийский, «многие пришли к советской власти только потому, что “кушать” нечего. Они продают свои знания за деньги, тая глухую ненависть к строю, который лишил их чинов, орденов и даже куска хлеба»¹. Другой носитель подобных взглядов рассуждал так: «Я служу добросовестно за то жалование, которое мне платят. Мне платят мало — я мало работаю. Но работаю, как хорошая пишущая машинка. Что большевики ударят по мне, то я и выстукиваю. Ударят верную букву — я верную букву отобью. Ударят неверную — мне наплевать! Я и неверную отстукаю; не я решаю, не я и отвечаю. Но свое дело делаю»².

Характерно высказывание А. А. Свечина, который писал в 1919 г., что «армия может быть и белой, и серой, и красной, в зависимости от вкусов строителей армии, причем, однако, прочность и добротность окраски зависит исключительно от того, насколько казарма, пропускающая через свои стены новобранцев, действительно казарма, а не богоугодное заведение»³.

Поступление в новую армию давало возможность продвинуться по службе и тем, кто по каким-то причинам не мог на это рассчитывать в старой армии. Так, антибольшевистски настроенный генерал И. А. Данилов (негенштабист), видимо не без определенных оснований (хотя и с рядом неточностей и преувеличений), отмечал наличие в 1920 г. в РККА группы «молодых офицеров старого Генерального штаба, окончивших курс академии в 1910–[19]14 [г]г. и произведенных во время германской войны в подполковники и полковники. Эти офицеры, занимавшие до войны должности старших адъютантов в штабах округов и перешедшие на соответствующие должности в начале войны в штабы армий и фронтов, где они играли громадную, но скрытую роль, и так как условия прохождения службы не позволяли им еще занять высшие должности, к чему они в своих честолюбивых помыслах стремились, ибо, надо правду сказать, что тип прежнего офицера Генерального штаба почти всегда совмещал в себе и тип карьериста, — они-то теперь в Красной армии получили, наконец, возможность протянуть руку к фельдмаршальскому жезлу, минуя все преграды цензовых условий прежней службы. Без принуждения, угроз и мобилизации они сами добровольно предложили советской власти свои услуги и, даже не будучи коммунистами, заняли высшие командные должности в Красной армии, что было сравнительно легко сделать при том безлюдьи в военспехах, которое существовало в то время.

Научный военный ценз им дала старая академия, и им не надо было быть только “контрреволюционерами”, чтобы получить удовлетворение своим честолюбивым помыслам и условия отличной материальной жизни, как для самих себя, так и для их семей. Придется ли впоследствии держать им за это ответ, я думаю, вопрос этот их мало интересует, так как примеры из истории революций им указывали, что люди ловкие и смелые, не теряющиеся в обстановке, выходили сухими из воды при самых тяжелых условиях.

Вот к числу этих лиц и принадлежали командующие красными армиями, бывшие офицеры Генштаба, как польской, так и Гражданской войны. Впоследствии

¹ Верховский А. И. На трудном перевале. С. 421.

² Там же. С. 422.

³ Свечин А. А. Милиция как идеал. Критика тезисов Л. Троцкого // Военное дело. 1919. 07.04. № 11–12. С. 438.

некоторые из них, уже распоясавшись, перешли в коммунисты и, благодаря этому, получили доверие советской власти и полное удовлетворение своего честолюбия. Командующий 4-й армией, бывший подполковник Генерального штаба [В.С.] Лазаревич в начале 1921 года был назначен главнокомандующим Туркестанским фронтом, где находится и в настоящее время, представляя из себя, собственно говоря, вице-короля этой области. Как коммунист^I, он, конечно, пользуется такими благами жизни от советской власти, о которых он, вероятно, и не мечтал, будучи скромным слушателем академии. Характерно то обстоятельство, что наибольшее число деятелей этого типа дал бывший штаб Виленского военного округа; оттуда вышли Лазаревич, [А.С.] Белой, [Ф.П.] Шафалович и другие»^{II}.

Арестованный военспец-генштабист бывший полковник И.И. Щолоков в тюремном разговоре с белым подпольщиком в 1920 г., возмущаясь несправедливостью ареста, изложил мотивы своего поступления в РККА: «С самого начала революции... я поставил ставку на красных. По моим расчетам, “белое дело” — безнадежно. К чему делать ставку на безнадежную лошадь? Я не ждал призыва в Красную армию, я *сам* в нее пошел и решил сделать в ней карьеру. Во время *ваших* удач (Щолоков подчеркнул слово “ваших”) и наших неудач я работал с двойной энергией: кроме моей карьеры дело шло и о моей голове! И вот теперь, когда наш полный успех уже почти достигнут, меня вдруг арестовывают по какому-то идиотскому доносу о контрреволюционных тенденциях! Это меня, *меня* обвиняют в контрреволюции, [—] подымал голос Щолоков, — когда я полностью поставил свою ставку именно на революцию! Если бы ваши пришли в Москву и меня расстреляли, даже повесили, я счел бы это нормальным, но то, что меня арестовывают *красные*, — это я считаю просто возмутительным: я связал с ними свою судьбу, и я не такой дурак, чтобы какими-то “контрреволюционными тенденциями” ставить под вопрос всю свою карьеру. Надеюсь, впрочем, что на верхах это поймут»^{III}.

Сохранился ряд свидетельств того, что в РККА добровольно поступали люди, пострадавшие или запятнавшие себя при старом режиме, лица, стремившиеся реализовать свой не востребовавшийся потенциал. Видимо, таковы мотивы поступления в РККА генерал-майора В.А. Ольдерогге^{IV}. В 1918 г. этот офицер добровольно

^I На самом деле в тот период В. С. Лазаревич оставался беспартийным.

^{II} У Данилова ошибочно — Белый, Шафалович (Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 97–98).

^{III} Трубецкой С. Е. Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 320.

^{IV} РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 80б. В период Русско-японской войны Ольдерогге в чине подполковника служил в штабе Маньчжурских армий в должности правителя канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений. По свидетельству генерала С. А. Щепихина, он получал взятки за поставку гнилых шпал (ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 20об.). По материалам ревизии учреждений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов, проведенной в 1910 г. сенатором А. А. Гиляшинским, Ольдерогге был обвинен во взяточничестве за выдачу нарядов на вагоны для коммерческих грузов (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 50б., 80б.). К этому времени он занимал пост заведующего передвижением войск по отдельным группам железных дорог и водяных сообщений Омского района. Отмечалось, что непосредственно Ольдерогге получил взятку за выдачу нарядов на вагоны из Владивостока в размере 3600 руб. (по 600 руб. за вагон). Но наряды оказались неправильно составлены, и коммерсанты стали требовать деньги назад (Там же. Л. 9). Возможно, по этой причине афера вскрылась. Сам Ольдерогге был азартным игроком и нуждался в крупных денежных суммах. По одному из свидетельств, «Ольдерогге вел в Харбине очень широкий образ жизни, играл в азартные игры, проигрывая в один прием по несколько тысяч рублей, и имел связи с дорогими кокотками» (Там же. Л. 9об.). Сам Ольдерогге писал в рапорте начальнику штаба Омского военного округа 24 октября 1911 г., что все это ложь, хотя признал, что проигрывал деньги в карты и поэтому был вынужден устроить заем

поступил на службу в РККА, где, конечно, смог вновь служить по Генеральному штабу, и проявил себя в основном как квалифицированный военный администратор и исполнитель¹. С августа 1919 по январь 1920 г. Ольдерогге командовал советским Восточным фронтом и награжден орденом Красного Знамени за разгром Колчака. Показательно, что супруга Ольдерогге, по агентурным наблюдениям середины 1920-х гг., неприязненно относилась к тому, что бывшие офицеры служили «каким-то жидом, лишившись того светлого, что их ожидало»².

Однокашник генерала А.И. Деникина по юнкерскому училищу и академии (выпуск 1899 г.) генерал П.П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. По свидетельству Деникина, Сытин подрабатывал карточной игрой, причем спаивал товарищей, после чего выигрывал крупные суммы³. Недоброжелатели Сытина из числа участников Белого движения утверждали, что он имел проблемы по службе из-за карточного шулерства⁴. Генерал А.В. Герау отзывался о нем как о царском генерале «с замаранным личным прошлым»⁵ и характеризовал следующим образом: «С внешностью и содержанием гоголевского героя-шулера, знаменитого Ноздрева, в молодости исключенный из Генерального штаба за нечистую карточную игру, переведенный за это “в наказание” в артиллерию... во время Великой войны добрался до должности начальника дивизии... Когда случился большевистский переворот в Петрограде, Сытин... послал телеграмму с выражением строгого порицания большевикам и своей преданности правительству Керенского. Но через несколько дней, когда сверх общего ожидания обнаружилось полное банкротство последнего и вырисовалось возможное окончательное торжество большевиков, Сытин отправил телеграмму с выражением своей преданности Советам. При этом из солдатских комитетов он не вылезал... После уничтожения Ставки и водворения на развалинах ее пресловутого нового главковерха обозного прапорщика Крыленко, он отправил к нему своего доверенного тайного посла, одного своего офицера Зарембу, который привез от Крыленко предписание “устранить корпусного командира и начальника штаба корпуса”. Это и было верхом

(Там же. Л. 15). И хотя документальных оснований для обвинения найдено не было, военный министр, «принимая во внимание, что представленные названным штаб-офицером (Ольдерогге. — А. Г.) объяснения не могут считаться вполне удовлетворительными и что неблагоприятные показания против него устанавливают его не вполне корректное поведение, приказал перевести полковника фон Ольдерогге из Генерального штаба в строй» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106об.-107). Перевод произошел в январе 1916 г. Несколько его ходатайств о возвращении в Генеральный штаб были отклонены в сентябре 1916 г. и в мае 1917 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1298. Л. 175; Д. 1352. Л. 105). Таким образом, в старой армии (как и в сохранявшем прежние порядки белом лагере) Ольдерогге служить по Генеральному штабу не мог и пошел на службу к большевикам, которым прошлые грехи военспеца были безразличны. В то же время другой фигурант этого дела генштабист А. Н. Алексеев в годы Гражданской войны оказался в белом лагере.

¹ Об одном из неудачных эпизодов его деятельности см.: Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский: Мозаика разбитого зеркала. М., 2014. С. 40–330.

² ГАСБУ. Ф. 65. Д. С-4526. Т. 40. Л. 77. Подробнее см.: Ганин А. В. «В настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было рискованно»: Военспецы Киевской объединенной школы командиров РККА имени С. С. Каменева под надзором органов госбезопасности в 1924–1926 гг. // Славянский альманах. М., 2019. Вып. 1–2. С. 134–155.

³ Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской Смуты». С. 6 // BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Folder 1.

⁴ Герау А. В. Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 186.

⁵ Герау А. В. Полчища. София, 1923. С. 302.

желаний честолюбца Сытина, мечтавшего о poste корпусного командира. Но тут произошел неожиданный эпизод. Солдатский комитет, за которым он так ухаживал, назначил на эту должность солдата, приставив к последнему Сытина в качестве начальника штаба корпуса. Таким образом, честолюбие было больно уязвлено назначением на низшую должность.

Вскоре, однако, взбунтовав два корпуса, Сытин сделался как бы начальником штаба маленькой армии и объявил поход на Яссы, где в то время размещалась королевская главная квартира и штаб русского командования. Этот поход потерпел полное фиаско... и Сытин на нескольких десятках автомобилей со своими приверженцами, членами большевистских комитетов и денежными кассами уехал к австрийцам, а затем через их расположение к большевикам¹. Впрочем, есть основания усомниться в достоверности и беспристрастности подобных дискредитирующих заявлений. Как бы то ни было, Сытин получил генеральский чин лишь в 1917 г.² Карьерные затруднения могли побудить его пойти на службу в новую армию, в которой он неплохо себя проявил в сфере военного управления и военной разведки.

Оказался в РККА и генерал А. А. Балтийский, о котором современник отозвался следующим образом: «Правая рука» Троцкого... но только по сравнению с Брусиловым, он, конечно, всегда плавал более мелко. Слишком искательный и угодливый перед бывшим военным министром Сухомлиновым, он был за это с началом революции отставлен от активной службы. С пришествием большевиков он, недолго думая, предложил свою помощь Троцкому, с которым сделался неразлучен»³.

Попадали в РККА и противники большевиков, мотивация которых не всегда понятна. Именно такой случай описал в своих эмигрантских воспоминаниях полковник Н. К. Леонтьев (негенштабист), сохранивший подробное свидетельство о поступлении в РККА своего товарища полковника-генштабиста Л. Н. Ростова: «На другой день... мне было опять передано командиром полка Бондаренко приказание отправиться в штаб округа к начальнику административного отдела.

Вошедши в кабинет нач[альника] адм[инистративного] отдела, я был очень удивлен, увидевши в качестве такового своего бывшего однокашника по Александровскому кадетскому корпусу, в котором я был до поступления в Пажеский Е[го] И[мператорского] В[еличества] корпус, и приятеля полковника Генерального штаба Ростова (настоящая его фамилия была Борхсениус, он ее переменял на русскую в начале революции⁴, когда среди наших солдат распространилось недоверие к офицерам с немецкими фамилиями), так как месяца два тому назад до этой моей с ним встречи он мне говорил, что служить у большевиков не желает и что он не регистрировался, если не ошибаюсь, в мае 1918 года, когда большевики произвели регистрацию всех офицеров Генерального штаба и потом вскоре призвали их на военную службу. Видимо, Ростов имел важные причины, побудившие его изменить свое решение, и пошел к большевикам на службу сам, а жену

¹ Там же. С. 305–307.

² Трамбицкий Ю. А. Генерал-лейтенант А. И. Деникин // Белое движение. Исторические портреты / сост. А. С. Кручинин. М., 2011. С. 143–144.

³ Геруа А. В. Полчища. С. 304.

⁴ В действительности, Л. Н. Борхсениусу смена фамилии была высочайше разрешена 31 марта 1916 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1353. Л. 264).

и сестру жены устроил также служить в канцелярии штаба округа. Поздоровавшись со мною, полковник Ростов сказал мне: “Я вызвал тебя, узнав, что ты отказался от какого-либо назначения, хочу поговорить с тобой откровенно и думаю, что ты изменишь свое решение. Дело в том, что большевистской власти на наш с тобою век хватит, большевики все время укрепляются, поэтому, считаясь с создавшимся положением вещей, надо его использовать как можно для себя выгоднее. Я предлагаю тебе, — сказал он, подавая мне списки должностей, — выбрать себе назначение, наилучшее оплачиваемое”.

Я ответил, что вообще служить в Красной армии не желаю, так как это, по-моему, значит помогать большевикам активно, и что если я служу сейчас в полку по охране Петрограда, то только для того, чтобы укрыться от службы в Красной армии, и благодаря особым условиям службы в этом полку. Выслушав меня, Ростов заметил: “Я предлагаю тебе лучше самому выбрать себе назначение, так как иначе мы дадим тебе должность, если же будешь продолжать отказываться, то дело может кончиться для тебя плохо, подумай хорошенько и приходи ко мне завтра”. Полковник Ростов так же, как и некоторые русские офицеры, попав на военную службу к большевикам, связали в большей или меньшей степени свою судьбу с их судьбой.

Я часто во время зимы 1918–19 года встречал полковника Ростова у нашего общего приятеля капитана Н. С., занимавшего должность начальника хозяйственной части финских коммунистических командных курсов, помещавшихся в здании 1го кадетского корпуса. Там мы разговаривали откровенно. Знаю, что Ростов, будучи по своим взглядам против большевистской власти, волновался, когда приходили какие-либо известия с фронтов, неблагоприятные для большевиков. С одной стороны, он был бы рад, если бы эта власть пала, с другой — он боялся ответственности перед новой властью, если бы они одержали (белые) верх, за свою службу у большевиков¹.

Генерал С. А. Щепихин в эмиграции размышлял о причинах и обстоятельствах поступления генштабистов в РККА: «Все, что было на виду, преимущественно чины штабов, не признавая власти большевиков, все же оставались на местах, веря в близкое падение новой власти; кроме того, присутствие врага на фронте, необходимость планомерно провести демобилизацию и спасти огромные запасы оружия и боевых припасов — все это удерживало наиболее сознательное офицерство на местах. Это был наиболее ценный материал — спецы, офицеры Генерального штаба по преимуществу.

Когда первая волна большевизма благополучно пролетела через их головы и головы остались целы, то, психологически естественно, они частично пошли на предложение большевиков работать с ними. Кто сказал “раз” — должен сказать “два”. Шаг за шагом спецы засасываются большевиками и становятся “попутчиками” по работе воссоздания армии.

В результате около 35 процентов офицеров Генштаба у большевиков служило не за страх, а за совесть — по долгу защиты Родины и создания для Родины армии; это, пока что, идейные противники большевизма, с нетерпением ожидавшие их падения.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 454. Л. 90б. — 100б.

Значительная часть рядового офицерства скрылась в подполье, выжидая»¹.

Ужесточение условий службы в Красной армии, переход к принудительным мобилизациям генштабистов и отправка их на внутренние фронты привели к массовому дезертирству военной элиты. На протяжении 1918–1919 гг. из Красной армии бежали свыше пятисот специалистов Генерального штаба.

Рассуждая о расколе российского Генштаба и его причинах, нельзя не коснуться проблемы офицерских семей, расколотых или разделенных фронтами Гражданской войны. Показательно, что в большинстве случаев речь не шла об идейном расколе между близкими родственниками. Как правило, члены этих семей сочувствовали противникам большевиков и лишь в силу обстоятельств оказывались по разные стороны фронта. Фронты Гражданской войны разъединили братьев Баиовых (Алексея, Владимира и Константина Константиновичей), Махровых (Василия, Николая и Петра Семеновичей), Новицких (Василия, Евгения и Федора Федоровичей), Свечиных (Александра и Михаила Андреевичей), Сытиных (Ивана и Павла Павловичей) и множество других семей². Но документы, как правило, не свидетельствуют о существенной разнице в мировоззрении кого-либо из этих братьев, служивших различным режимам. На выбор влияла совокупность различных факторов и обстоятельств. Генерал А.А. Свечин пошел в Красную армию по патриотическим соображениям, а его родной брат, генерал М.А. Свечин, резко отрицательно относился к большевикам и уехал к семье на Дон, оказавшись, таким образом, у белых.

Если существовала возможность уйти к белым и воссоединиться с близкими, те, кто находился на советской территории, ею нередко пользовались. Так, при занятии белыми Гатчины к ним перебежал служивший в РККА бывший генерал А.К. Баиов. Хотел бежать от красных к брату и Н.С. Махров, но не смог этого сделать.

Петр Махров вспоминал о волнующем моменте получения вестей от брата Николая через фронт в конце августа 1919 г., когда войска Деникина рвались к красной Москве: «В один из последних дней августа мне доложили, что меня хочет видеть по личному делу какой-то военный врач. Я приказал просить. Ко мне вошел небольшого роста тщедушный блондин с симпатичным лицом, с маленькими светлыми усиками и спокойно глядящими глазами. Он представился мне, назвав себя военным врачом, несколько дней тому назад попавшим в плен в нашу армию и поступившим на службу в армию генерала Врангеля.

Я пригласил его сесть, ожидая, что он мне скажет по его личному делу. Он начал вполголоса: “Я привез вам привет от вашего брата Николая Семеновича. Он просил передать вам, что он душой всегда с вами, что он очень страдает, не имея возможности перейти на сторону белых...” Я прервал доктора и спросил его, а где же мой брат. “Он командует бригадой в 28[-й] стр[елковой] дивизии, которая действует на севере под Царицыном против армии генерала Врангеля. В одном из последних боев я предупредил Николая Семеновича, что решил перейти на сторону

¹ Щепихин С. А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 179.

² Разумеется, существенно больше оказалось расколотых семей, лишь один из представителей которых был генштабистом. Например, генерал В. Н. Клембовский стал военспецом РККА, а его сын Г. В. Клембовский служил у белых на Севере (ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 94).

белых. Вот он и дал мне поручение передать вам и вашему брату Василию Семеновичу свой привет и сказать, что он сам перейти не может, т.к. его жена Наталия Даниловна и дочь Тамара объявлены заложницами. Мы с Николаем Семеновичем большие друзья. Несчастный он человек! Им пользуются как хорошим 'спецом' и к нему приставлен комиссар, который следит за каждым его шагом".

Меня эта весть очень взволновала. Я вспомнил, как 26 июля мне сказал старик, сидевший у маленькой церковки на утесе, на берегу Волги: "Брат на брата пошел... Светопреставление!" В данное время нас отделяло пространство в 50 верст. Мы были два брата, всем сердцем любившие друг друга, и судьбой вынуждены были идти один против другого, как враги...

Только теперь, в августовских боях под Царицыном, через 2 года после нашей разлуки, он откликнулся и прислал мне через доктора привет. И я не думал, что этот привет будет последним¹. Генерал Н.М. Тихменев, брат которого также служил в РККА, сопереживал П.С. Махрову: «Да, Петр Семенович, — печально сказал Н.М. Тихменев, — брат на брата пошел! Одно было утешение, что наши братья оказались против нас поневоле»².

Удалось документально установить 39 разделенных семей генштабистов (табл. 12).

Таблица 12

Семьи офицеров-генштабистов, разделенные фронтами Гражданской войны³

Семья	В РККА	В белых армиях	В национальных армиях
Акинтьевские	Г. К. Акинтьевский	Г. К. Акинтьевский (перешел из РККА) В. К. Акинтьевский (перешел из украинской армии) К. К. Акинтьевский	В. К. Акинтьевский
Баиовы	А. К. Баиов К. К. Баиов	А. К. Баиов (перешел из РККА) В. К. Баиов	
Барановские	В. Л. Барановский	Л. С. Барановский	
Баташевы	М. Н. Баташев	Н. М. Баташев (перешел из украинской армии)	Н. М. Баташев

¹ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 4. С. 290–293 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. С искажениями опубл. в: *Его же. В белой армии генерала Деникина*. С. 88–89.

² Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 1. С. 88 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

³ Составлено на основе подготовленной нами базы данных по кадрам Генерального штаба. Учитывались только служившие в различных армиях прямые родственники (отцы, сыновья и братья), каждый из которых был выпускником Николаевской военной академии. Случаи, когда родство однофамильцев достоверно неизвестно, не учитывались. Поскольку мы не располагаем точными датами всех переходов из армии в армию, в таблице могут оказаться отдельные родственники, переходившие из одного лагеря в другой синхронно и, таким образом, не являвшиеся представителями разделенных фронтами семей. Например, такая ситуация могла быть в семье князей Гедеванишвили, попавших в РККА из грузинской армии. Возможно, дальнейшие исследования прояснят данный вопрос. Авторскую реконструкцию полного списка генштабистов — участников Гражданской войны см. в: *Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба...* С. 148–389.

Семья	В РККА	В белых армиях	В национальных армиях
фон Баумгартены	В.К. фон Баумгартен	Р.К. фон Баумгартен (перешел из украинской армии) В.К. фон Баумгартен (перешел из РККА)	Р.К. фон Баумгартен
Бафталовские	Н. А. Бафталовский	И. А. Бафталовский Н. А. Бафталовский (перешел из РККА)	
Берманы	Н. Н. Берман Е. Н. Берман (перешел из белой армии)	Е. Н. Берман	
Болецкие		Э. Б. Болецкий	К. Б. Болецкий
Бугай	К. Я. Бугай (перешел из украинской армии) П. Я. Бугай (перешел из украинской армии)	К. Я. Бугай (перешел из РККА) П. Я. Бугай (перешел из РККА)	К. Я. Бугай П. Я. Бугай
князя Гедеванишвили (Гедевановы)	А. К. Гедеванишвили (перешел из грузинской армии) Н. К. Гедеванишвили (перешел из грузинской армии)		А. К. Гедеванишвили И. К. Гедеванишвили Н. К. Гедеванишвили
Геруа	А. В. Геруа Б. В. Геруа	А. В. Геруа (перешел из РККА) Б. В. Геруа (перешел из РККА)	
Десино	К. Н. Десино Н. Н. Десино (перешел из украинской армии)	К. Н. Десино (перешел из РККА)	Н. Н. Десино
Жихоры	К. И. Жихор	М. И. Жихор	
Забелины	П. Ф. Забелин (перешел из украинской армии)	А. Ф. Забелин П. Ф. Забелин (перешел из РККА)	П. Ф. Забелин
Загю	М. М. Загю	Н. М. Загю	
Замбржицкие	В. А. Замбржицкий	Б. А. Замбржицкий В. А. Замбржицкий (перешел из РККА)	
Кривцовы	Н. Г. Кривцов	Б. Г. Кривцов Н. Г. Кривцов (перешел из РККА)	

Семья	В РККА	В белых армиях	В национальных армиях
Мандрыки	Г. А. Мандрыка (перешел из белой армии)	Г. А. Мандрыка (перешел из украинской армии) И. А. Мандрыка	Г. А. Мандрыка
Матковские	А. Ф. Матковский	М. Ф. Матковский А. Ф. Матковский (перешел из РККА)	
Махровы	Н. С. Махров	В. С. Махров (перешел из украинской армии) П. С. Махров (перешел из украинской армии)	В. С. Махров П. С. Махров
Моторные	Виктор И. Моторный Владимир И. Моторный (перешел из белой армии)	Владимир И. Моторный	
князя Мурузи	Александр А. Мурузи Алексей А. Мурузи	Александр А. Мурузи (перешел из РККА) Алексей А. Мурузи (перешел из РККА)	
Новицкие	В. Ф. Новицкий Ф. Ф. Новицкий	Е. Ф. Новицкий	
Пестряковы	М. Н. Пестряков В. Н. Пестряков (перешел из белой армии)	В. Н. Пестряков М. Н. Пестряков (перешел из РККА)	
Подгурские	Ф. А. Подгурский С. Ф. Подгурский (перешел из белой армии)	С. Ф. Подгурский (перешел из украинской армии)	С. Ф. Подгурский
Ронжины	Г. А. Ронжин	С. А. Ронжин (перешел из украинской армии)	С. А. Ронжин
Свечины	А. А. Свечин	М. А. Свечин	
Сотниковы	А. Е. Сотников	В. Е. Сотников А. Е. Сотников (перешел из РККА)	
Ставровичи	В. Н. Ставрович	Б. Н. Ставрович (перешел из украинской армии) В. Н. Ставрович (перешел из украинской армии) Н. Г. Ставрович (перешел из украинской армии)	Б. Н. Ставрович В. Н. Ставрович (перешел из РККА) Н. Г. Ставрович

Семья	В РККА	В белых армиях	В национальных армиях
Суворовы	А. Н. Суворов М. Н. Суворов	М. Н. Суворов (перешел из РККА)	
Сытины	И. П. Сытин П. П. Сытин	И. П. Сытин (перешел из РККА)	
бароны фон Таубе	А.А. фон Таубе	Б.А. фон Таубе	
Терванды (Тырванды)	И. И. Смольнин-Терванд	И. И. Смольнин-Терванд (перешел из РККА) И. И. Терванд (Тырванд)	И. И. Терванд (Тырванд) (перешел от белых)
Тихменевы	Г. М. Тихменев	Н. М. Тихменев	
Томилины	С. В. Томилин	В. В. Томилин	
Туношенские	Н. В. Туношенский		Г. В. Туношенский
Церетели	З. Ф. Церетели	З. Ф. Церетели (перешел из РККА) И. Ф. Церетели (перешел из украинской армии)	И. Ф. Церетели
Шукевичи	И. Л. Шукевич	Н. Л. Шукевич	
Эльснеры	И. Е. Эльснер	Е. Ф. Эльснер И. Е. Эльснер (перешел из РККА)	

Во многих случаях оказавшиеся по разные стороны баррикад родственники активно пытались воссоединиться друг с другом, что видно из сведений о переходах из армии в армию. Таким образом, в Гражданскую войну многие генштабисты, даже по разные стороны фронта, не испытывали к тем, кто находился в лагере противника, никакой личной неприязни или враждебности. Расколотые семьи создавали благоприятную почву и для шпионажа¹.

Ряд близких родственников-генштабистов на протяжении Гражданской войны служили в одних и тех же армиях или лагерях. Например, на белом Юге служили братья Н.Э. и Ф.Э. Бредовы, В.В. и Л.В. де Витты, К.И. и Н.И. Глобачевы, Александр и Алексей А. фон Гоерцы, А.М. и В.М. Драгомировы, В.А. и П.А. Карцовы (Карцевы), А.Г. и В.Г. Ласточкины, Д.Н. и С.Н. Потоцкие (последний некоторое время формально числился в РККА). В колчаковской армии служил Александр Владимирович Иванов-Дивов, а в деникинской – его брат Анатолий Владимирович.

¹ К примеру, корнет Зундблад 25 апреля 1921 г. обратился в Российский эвакуационный комитет в Польше с просьбой оказать содействие в поездке в Советскую Россию, поскольку его отец, Генштаба генерал-майор А. О. Зундблад, занимал в РККА высокий пост начальника штаба армии и мог быть полезен для передачи сведений о военной политике большевиков лидерам антибольшевистских сил в Польше (Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013. С. 154).

Таковыми же были места службы братьев Г.Ф. и Ф.Ф. Одноглазковых соответственно. В Северо-Западной армии белых служили братья К.А. и О.А. фон Крузенштерны. Однако и в РККА некоторые генштабисты оказывались целыми семьями. Так, в РККА состояли братья Л.П. и И.П. Войшин-Мурдас-Жилинские, А.Н. и В.Н. Гатовские, А.С. и В.С. Гришинские, Александр и Алексей Е. Гуторы, М.А. и С.А. Довгирды, Н.Н. и П.Н. Жданко, А.И. и И.И. Кабаловы, И.И. и Н.И. Раттэли, В.А. и М.А. Соковнины, Г.М. и С.М. Шейдемань, отец и сын В.И. и Н.В. Пневские, отец и сын Д.С. и А.Д. Шуваевы.

Трагедия Гражданской войны и связанные с ней лишения, расставания с родными и их гибель так или иначе затронули практически каждого офицера-генштабиста, даже если его близкие вообще не служили в армии. Например, известный колчаковский генерал-генштабист М.А. Иностранцев был сыном крупного ученого, члена-корреспондента Академии наук, профессора, геолога и археолога А.А. Иностранцева. В связи с разгромом белых на Восточном фронте М.А. Иностранцев был вынужден покинуть Россию и больше никогда не видел родителей. Его отец остался в Петрограде и, по некоторым данным, покончил с собой, не вынеся лишений. Мать скончалась в 1922 г. В Петрограде остался и младший брат Константин, крупный востоковед, подвергавшийся всяческим преследованиям и в итоге сошедший с ума¹. Список похожих судеб можно продолжать.

Немало было разделенных семей, где в разных армиях служили братья-офицеры, но не все принадлежали к выпускникам академии. Разумеется, отследить такие родственные связи намного труднее. Одной из таких семей были Раттэли. Николай и Иван Иосифовичи, как уже отмечалось, служили в РККА, причем занимали высокие посты, однако их младший брат Евгений (негенштабист) – полковник, успел дважды послужить в РККА в начале и в конце Гражданской войны, а на ее пике служил в войсках Деникина². Родство с высокопоставленными военспецами стало аргументом в том, чтобы снять его с особого учета бывших белых офицеров. Родной брат видного советского военного специалиста, начальника ПШ РВСР и Штаба РККА бывшего генерал-майора Павла Павловича Лебедева генерал-майор Сергей Павлович Лебедев служил в годы Гражданской войны на белом Юге и погиб в 1919 г.

Характерна судьба георгиевских кавалеров братьев Цветковых. Сергей Иванович Цветков в 1919 г. в чине капитана окончил курсы Военной академии в Томске, участвовал в Белом движении на Востоке России в 1918–1922 гг., в эмиграции жил в Китае, в 1945 г. арестован и вывезен в СССР, где осужден на двадцать лет лагерей, освобожден в 1956 г., жил в Бийске, где и умер. Его брат Алексей Иванович с октября 1919 г. служил в РККА (предыдущая служба неизвестна), позднее участвовал в Великой Отечественной войне, стал подполковником, награжден орденом «Знак почета», двумя орденами Красного Знамени, орденом Ленина.

Раскол целых семей, когда люди одинакового происхождения, образования, круга, образа жизни, имущественного положения оказывались по разные стороны баррикад, ярче всего подтверждает тезис о том, что социальное происхождение

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 74. Л. 8–8об.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 109–109об.

почти не сыграло роли в выборе представителей военной элиты. Как уже отмечалось, непримиримые противники большевиков, вожди Белого движения генералы М.В. Алексеев (сын солдата), А.И. Деникин (сын бывшего крепостного), Л.Г. Корнилов (сын младшего казачьего офицера) происходили из низов. В то же время в Красной армии оказались некоторые генштабисты – представители старшей родовой титулованной знати. Например, князя А.С. Андронников, В.А. Вадбольский, светлейший князь И.Г. Грузинский, бароны Н.А. фон Дистерло, В.Н. фон Майдель, Е.О. де Монфор, А.А. и С.Ф. фон Таубе. И хотя представителей титулованных дворянских родов было намного больше у белых, это не отменяет факта службы некоторой их части в Красной армии.

Родственные связи нередко предопределяли выбор того или иного офицера. Например, один из первых генштабистов, присоединившихся к новой власти, генерал М.Д. Бонч-Бруевич, был тесно связан с большевистским руководством через своего родного брата В.Д. Бонч-Бруевича – соратника В.И. Ульянова (Ленина) и социал-демократа с 1895 г., на квартире которого Ленин даже ночевал¹. Неясно, однако, каким образом М.Д. Бонч-Бруевич мог состоять в близком родстве с видным деятелем радикальной революционной партии и не иметь в этой связи проблем с продвижением на высокие посты в старой армии.

После июльских событий 1917 г. с военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-лейтенант Н.М. Потапов. В его выборе также прослеживается влияние родственных связей. По сообщению представителя семьи Потаповых профессора В.В. Плошкина, мать генерала, Надежда Александровна, приходилась родной сестрой отцу старого большевика М.С. Кедрова – Сергею Александровичу². Таким образом, Потапов и Кедров являлись двоюродными братьями, а дружили с 1890-х гг. Соответственно Потапов был связан и с руководителем так называемой «военки» – военной организации большевиков Н.И. Подвойским³ (Подвойский и Кедров являлись свояками – были женаты на родных сестрах Дидрикиль). Кедров был личным другом В.И. Ленина и одним из создателей ВЧК. Первые контакты Потапова с большевистской военной организацией как раз состоялись летом 1917 г. через Кедрова. По свидетельству Кедрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги»⁴.

По разные стороны баррикад оказывались не только родственники, но и друзья и сослуживцы. К примеру, друзьями были генералы А.А. Незнамов и С.Л. Марков⁵. В Гражданскую войну первый оказался в РККА, а второй стал одним из видных деятелей Белого движения на Юге России (интересно, что племянник Незнамова служил в марковских частях). Дружны были до революции однокашники по академии генерал П.С. Махров и полковник Н.Н. Петин. Первый занимал ряд

¹ Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 79.

² Письмо представителя семьи Потаповых профессора В. В. Плошкина автору от 26 октября 2012 г. (Архив автора). Также см.: Островский А. В. Генерал Н. М. Потапов и большевик М. С. Кедров (к вопросу о подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. статей. СПб., 2014. С. 68–76.

³ Городецкий Е. Н. О записках Н. М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 59.

⁴ Кедров М. С. За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 86.

⁵ Марков и марковцы. М., 2001. С. 36–38.

крупных постов в белых формированиях Юга России, а второй — в РККА. Вождь Белого движения на Юге России генерал Л.Г. Корнилов был крестным детей видного военспеца А.Е. Снесарева. Капитан Н.И. Шилов стал военспецом, а крестный его дочери капитан А.К. Фартушный служил в гетманской армии и на белом Юге.

Раскол общества влиял на поведение генштабистов. Например, донской казак по происхождению бывший подъесаул Г.Я. Кутырев, служивший в РККА, не желая драться со своими близкими, был против службы на Южном фронте. В связи с назначением туда он сообщал своему однокашнику по прямому проводу: «Сия комбинация меня совершенно не устраивает и по очень серьезным мотивам — не могу же я драться на Южном фронте против дядюшек и тетюшек и тому подобное. Это было, видимо, учтено высшим командованием, почему есть такое распоряжение главкома, прошу вас, если возможно, отправить меня на Восточный фронт, хотя бы уборщиком, не назначать в 14-ю армию»¹. В итоге генштабист осенью 1919 г. отправился на Восточный фронт.

Интересно, что этот фактор мог играть роль даже на завершающем этапе Гражданской войны. Так, бывший подполковник И.П. Орешкин, донской казак по происхождению, 24 сентября 1920 г. жаловался начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву, прося о переводе с Кавказского фронта в Академию Генштаба РККА: «Дело в том, что в последнее время создались для меня невозможные условия для работы: с одной стороны, ужасное отношение родных и вообще казаков якобы за предательство и “измену” “казачьему делу”, с другой — недоверие, которое я встречаю как казак по происхождению. К тому же меня можно откомандировать без ущерба делу, ибо я занимаю должность начальника исторического отделения шта[ба] фронта»².

Порой генштабисты не желали воевать и против своих прежних сослуживцев. Бывший генерал-майор Н.П. Сапожников в показаниях по делу «Весна» в январе 1931 г. не побоялся заявить: «Гражданской войне, как войне братоубийственной, вызывавшей разруху, я не сочувствовал и с нетерпением ждал ее конца. Поэтому фронтовую службу до начала белопольской войны я нес без внутреннего удовлетворения (был случай, когда я просил не назначать меня на Сев[ерный] фронт, где белыми командовал Миллер, к которому я относился с уважением в бытность его моим начальником)...»³ Впрочем, подобные «контрреволюционные» заявления могли дорого обойтись неосторожному военспецу.

Сохранились данные о расколе высшего законосовещательного органа военного управления дореволюционной России — Военного совета. В 1917–1918 гг. его члены, в основном пожилые генералы, оказались перед выбором, с кем быть. Совет был упразднен 21 марта 1918 г. приказом наркома по военным делам за № 223. По указанию управделами Наркомата по военным делам Н.М. Потапова его членов запрашивали относительно их желания служить в новой армии. Из 27 членов совета выпускниками академии были 19. В РККА из них пожелали служить семоро (А.В. Брилевиц, П.А. Гейсман, А.Ф. Добрышин, В.Н. Клембовский, Е.А. Радкевич, Д.В. Филатьев, В.Т. Чернявский), в том числе два негенштабиста. 11 (в том числе 4 негенштабиста) пожелали выйти в отставку (Н.Д. Артамонов, А.А. Веденяпин

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394–394об.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 225.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 60 (80). Л. 3.

А. А. Гернгросс, В. Г. Глазов, П. О. Щербов-Нефедович, П. К. Кондзеровский, Д. Д. Кузьмин-Караваев, И. А. Романенко, П. С. Саввич, Ф. И. фон Торклус, В. И. Троцкий). Находились в отпуску и не дали ответа 5 человек (Н. П. фон Ашеберг, В. В. Смирнов, К. Н. Ставровский, Н. Е. Туманов, П. А. Фролов), в том числе 2 негенштабиста, один из которых (Туманов) просил об отставке еще в ноябре 1917 г. Не были разысканы 2 человека (Н. Ф. фон Крузенштерн и Г. А. Якубович). Еще один, Д. С. Шуваев, служил в РККА в 1918 г., а Н. В. Рузский не дал ответа¹. В итоге в Красной армии и на учете РККА оказались восемь генштабистов, один из которых вскоре бежал в антибольшевистский лагерь. В белых армиях служили трое. Казнены красными трое. Остальные от участия в Гражданской войне уклонились.

Рассмотрим классификацию причин поступления генштабистов в Красную армию, которую предлагали сами офицеры Генштаба. Сохранилось несколько подобных классификаций, составленных А. Л. Носовичем, Я. М. Лисовым и А. И. Андогским.

Широко осведомленный о положении в Красной армии автор, публиковавшийся в белой печати под псевдонимом А. Черноморцев (им был крупный белый агент в Красной армии генерал А. Л. Носович, впоследствии перебежавший к белым), разделял военспецов Красной армии на шесть категорий. «Первая – наиболее развитая и с наибольшим процентом офицеров Генерального штаба, добровольно пошедшие на службу в советские войска в марте, апреле и мае 1918 г. Большинство из них шло во имя идеи: “сопротивление германцам во что бы то ни стало”. Эти офицеры шли в армию на вольнонаемных условиях. Многие из них ставили непременно условием отправление на фронт против наступавших немцев и неупотребление частей, в коих они служат, в Гражданской войне.

Таковые условия “совдепцами” принимались, но уже в конце мая все офицеры, ставившие таковые условия, были взяты на учет и посланы на различные внутренние фронты. Многие из числа этой группы поплатились своей головой за свое доверие к большевикам и за свою слепую любовь к Родине. Они шли тогда в Красную армию на муку и унижение. Эти мученики за идею шли командовать туда, где их поносили, избивали и издевались над ними. В конце же концов они были поставлены перед необходимостью идти против тех, на кого не поднималась у них их рука²”. Многие офицеры из этой категории бежали на белый Юг. Ко второй категории Носович относил «офицеров более слабых, как в нравственном, так, вероятно, и в умственном отношении. Это люди, принужденные к таковой службе голодом, нищетой и прочими условиями советской жизни. Но в некоторое их оправдание надо сказать, что все они были оставлены без всякой нравственной поддержки извне. Это та середина, для которой необходим не только временный пример, но и постоянное наблюдение³”. К этой группе принадлежали и семейные офицеры. В третью группу Носович определил тех, кто пошел в Красную армию для ведения подпольной антибольшевистской работы. К четвертой группе относились офицеры, выжидавшие, чья возьмет. Пятая группа состояла из идейных большевиков, а шестая – из намеренно изменивших долгу

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 27–27об., 30–30об.

² Черноморцев А. [Носович А. Л.] Бывшие офицеры // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. 21.04 [04.05]. № 17 (45). С. 10.

³ Там же.

карьеристов и приспособленцев. При этом, как справедливо отмечал автор этой классификации, существовало множество переходных типов.

Генерал А.И. Андогский без указания на источник заимствовал эту классификацию в своей работе, однако шестую группу в соответствии со своими личными переживаниями (самого Андогского, метавшегося во главе Военной академии между красными и белыми, обвиняли в карьеризме и приспособленчестве) постарался сделать более привлекательной в глазах белых. По его определению, к ней относились «офицеры, служащие в советских войсках из сознания долга содействовать образованию военной силы России и отнюдь не связанные с большевиками никакими идейными политическими принципами. Таких очень много. Они не мирятся с засильем иностранцев и разрушением России и, будучи против большевиков и веря в их неизбежный крах в ближайшем – работают по укреплению военной мощи России, дабы не отдать свою Родину на расхищение иностранцам, – в особенности в тот критический период, который наступит непосредственно после крушения большевизма в России и когда нужно будет объединять всю ее на почве истинно-демократического государственного строительства. Эта группа офицеров увеличивается и ныне, видя, как последовательно разрушились все русские противобольшевистские организации, несмотря на могучую иностранную материальную помощь. Эта группа офицеров обрекает себя на тяжелую и ответственную работу **в надежде, что русский народный организм постепенно оздоравливается и создаст народную демократическую власть своими изнутри нарастающими силами, а не при посредстве какого-либо иностранного вмешательства**, за которое неизбежно придется расплачиваться тяжелыми компенсациями»¹. Но, вследствие самооправдания Андогского, эта категория мало чем отличалась от первой группы, выделенной Носовичем.

Расширенную классификацию причин перехода генштабистов на сторону РККА привел еще в феврале 1919 г. полковник Я.М. Лисовой – осведомленный офицер Добровольческой армии, служивший в 1918 г. в военно-политическом отделе при генерале от инфантерии М.В. Алексееве. По его мнению, основными причинами этого явления были:

- «1) Тяжелое, безвыходное материальное положение, многочисленная семья и в связи с этим невозможность своевременного выезда (из Советской России. – А.Г.),
- 2) насильственное привлечение советскими властями к исполнению обязанностей офицеров Генерального штаба под угрозой расстрела,
- 3) чрезвычайное строгое наблюдение, сковывающее каждый шаг и почти лишающее какой бы то ни было возможности покинуть ряды советской армии,
- 4) чествование и карьеризм некоторой части из них (генштабистов. – А.Г.),
- 5) широкое материальное обеспечение,
- 6) в корпусе офицеров Генерального штаба прежнего состава были, конечно, и отрицательные стороны – преувеличение значения последних отчасти также послужило одной из побудительных причин вступления в советские войска,
- 7) соответствие во взглядах и убеждениях с представителями советской власти,
- 8) наконец, на этот путь многие из них (генштабистов. – А.Г.) пошли сознательно во имя идейной стороны работы – в самом лучшем, конечно, значении

¹ Андогский А. И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная армия Советской России (Уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921. С. 28–29.

этого слова, [—] о которой по весьма понятным причинам распространяться еще рано»¹.

И Носович, и Андогский успели послужить в РККА в 1918 г., поэтому знали о причинах поступления офицеров в Красную армию не понаслышке. Лисовой, занимавшийся разведывательной работой, также был вполне осведомлен в этом вопросе, поэтому предложенные классификации могут считаться достоверными.

Вероятно, анонимный генштабист из РККА — знакомый генерала А.И. Деникина писал ему в эмиграцию в конце 1920-х гг.: «Революция внесла большую потерянность в нашу среду. Собственно, ни на одной категории русских граждан она не отозвалась так тяжело и нигде не вызвала таких противоречий между пониманием долга и практикой, как среди офицеров. И хотя бы кто пришел нам на помощь в нашем бездорожье и отчужденности. Да что говорить об этом Вам, когда Вы сами в одной из Ваших книг, которую я не без труда раздобыл, писали, что в дни революции “офицерство бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия и боязливо отвернулась от него либеральная”... Удивительно ли, что мы с большой оглядкой отнеслись к активным начинаниям общественных организаций в Москве и Петербурге, к формированиям Дв. и Др.² (офицерство их было ведь предано немцам), к агитации Савинкова, лево-эсеров и др.

Оставались пути к Вам или на Волгу... Так неужели Вы считали серьезно возможным массовое течение офицеров к перифериям, в очаги восстаний? Это — сквозь бушующие, озверелые массы солдат и народа, через сотни препятствий, лишенные средств и возможности избавить свои остающиеся семьи от голода и насилий. Без того офицерское звание стало тогда ненавистным и достаточным поводом для кровавых эксцессов. А при обнаружении массового ухода не обратились ли бы они в поголовное истребление? То количество офицеров, которое перешло на белую сторону, не есть ли это максимум того, что по техническим условиям тогдашней обстановки могло перейти?..

Остались не только худшие, но и просто менее везучие.

Некоторые из нас пошли с места на службу к новой власти. Одни — потому, что были беспринципны, и таких вначале было не очень много. Другие — видя в том свой долг перед лицом немецкого нашествия. Третьи, из старших, для того, чтоб как-нибудь выручить офицерство. Ведь, например, А., К., С., С.³ и многие другие оставались на службе с ведома Вашего и Алексеева... Часть их вернулась к Вам, другие ведь расстреляны.

В общем, только небольшая часть офицерства перешла вначале к большевикам. Масса его саботировала новую власть, так же как буржуазия, чиновники, вообще интеллигенция. Но сопротивление было сломлено. Почему, об этом говорить

¹ Лисовой Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // Донская волна. 1919. 24.02 [09.03]. № 9 (37). С. 14. Публикацию этой статьи, включая восстановленные по черновику Лисового фрагменты, см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 808–815.

² Дв. — возможно, сокращение фамилии генерала С. А. Довгирда — руководителя антибольшевистской подпольной организации в Москве, ориентировавшейся на Германию. Др. — возможно, сокращение фамилии другого белого подпольщика генерала В.Н. фон Дрейера.

³ Возможно, имеются в виду видные белые агенты в РККА генералы А. П. Архангельский, С. А. Кузнецов, В. И. Соколов, Н. Н. Стогов. Архангельский и Стогов смогли бежать к белым, Кузнецов и Соколов были расстреляны.

долго. Но мы ведь разделили только общую участь всей русской интеллигенции: не хватило порохи... Так что, когда нам предложили на выбор — стенку или службу, мы выбрали службу, ставши невольными работниками советского аппарата»¹.

Свою классификацию офицерства уже в июле 1918 г. предложил и вождь РККА Л.Д. Троцкий в статье «Офицерский вопрос», опубликованной в «Известиях ВЦИК». Троцкий подразделил офицеров на примазавшихся и перекарасившихся, которые подлежали искоренению; на тех, кто понял смысл революции и дух новой эпохи; на непримечательных службистов; на боевых контрреволюционеров, подлежавших истреблению, и на трусливо выжидающих обывателей-шкурников, безразличных к судьбам страны (Троцкий считал их резервом контрреволюции)².

На ту же тему рассуждал и генерал А.И. Деникин, по мнению которого причинами поступления офицеров в РККА были «инертность, слабоволие, беспринципность, семья, “профессиональная привычка”»³.

Наконец, еще одной причиной поступления в Красную армию были протестные настроения или неприятие того, что творилось в прифронтовой полосе и на окраинах развалившейся империи. Об этом впоследствии вспоминал полковник А.В. Черныш, служивший к началу 1918 г. в XXXII армейском корпусе на Юго-Западном фронте: «Первая группа моих подчиненных уехала в марте [1918 г.], не вынеся обстановки “украинизации”. Это именно озлобило прекрасных офицеров этой группы... и они, унося злобу, а нередко и просто ненависть к гражданам, вернее, агентам ее власти, “новой державы”, поспешили уехать, и не на Юг, где зарождалось движение против большевизма, а на Север, к этим последним, но отнюдь не из симпатии к ним, а чтобы не быть с “украинцами”».

В начале мая и я с остальными офицерами двух штабов (105-й дивизии и 32-го корпуса) направился в Киев. Отсюда мы разделились. Часть поехала на Север, часть на Юг: все по месту жительства своих семей, родных, близких. Это было так естественно в заливавшем все шире Россию пожаре»⁴.

Сопоставление классификации, предложенной самими генштабистами и Троцким, с тем, что известно по документальным материалам, позволяет вскрыть практически весь спектр мотивов поступления офицеров Генштаба в Красную армию до массовых мобилизаций. Мотивы эти были как рациональными, так и эмоциональными (например, связанными с представлениями о справедливости, долге и чести, с реакцией на текущие события), могли переплетаться между собой, а в целом сводятся к следующим:

- продолжение службы по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы Красной армии;
- стремление к профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить Родине) безотносительно правящего режима (службисты);
- патриотический порыв в связи с наступлением немцев на Восточном фронте в феврале — марте 1918 г.;

¹ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 2–3.

² Троцкий Л. Д. Офицерский вопрос // Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 145.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 240.

⁴ Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 189.

- вера в твердую центральную власть;
- стремление удержать контроль над армией в руках офицеров-патриотов, поступление в армию для ведения подпольной антибольшевистской борьбы, содействия офицерству в советских условиях;
- отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи;
- карьеризм и приспособленчество, желание обезопасить себя от репрессий;
- проживание, служба, родственные связи в регионах, контролировавшихся большевиками;
- приверженность большевистской идеологии;
- протестные настроения.

Однако служба большевикам была приемлемой не для всех. Генерал Н. Д. Зарин 18 ноября 1917 г. записал в дневнике: «Надо выждать событий, если советская власть останется, то, конечно, никуда к ним не пойду»¹. Размышляя о перспективах дальнейшего существования, Зарин писал, что лучше пойти по миру или выполнять какую угодно работу, чем служить большевикам. Впоследствии Зарин попытался пробраться к белым, но был казнен.

Генерал-майор П. П. Дьяконов на страницах газеты «Общее дело» в 1920 г. с возмущением вспоминал о своих товарищах по выпуску 1905 г. из академии Ф. В. Костяеве и А. М. Мочульском, которые пошли в РККА: «Мне особенно тяжело говорить здесь про Мочульского и Костяева, которых я хорошо знал, проведя вместе с ними 3 года в академии Генерального штаба, а затем неся вместе службу и в Главном управлении Генерального штаба. И тем не менее я считаю своей обязанностью указать особенно на преступность их поведения. Оба холостые, не связаны семьями, а потому не могут оправдываться и необходимостью службы у большевиков, чтобы спасти своих близких. Мочульский, кроме того, украинец по происхождению, а потому имел полную возможность еще в 1918 г. «самоопределиться» и уехать на Украину. Наконец, не могу признать их службу у Ленина и Троцкого за идейную работу, так как до революции оба всегда высказывали, что по убеждениям своим принадлежат к крайним монархическим партиям»². Таким образом, генерал попросту не верил в то, что красным можно было служить по своей воле.

Офицерство выступило в качестве движущей силы Белого движения. В белые армии, в которых в основном сохранялись нормы старой императорской армии, шли те, кто уверенно продвигался по служебной лестнице до 1917 г. и имел для этого достаточные знания и навыки работы. Более того, сама по себе служба в антибольшевистских формированиях для значительной части бывших офицеров Русской императорской армии, в том числе и для генштабистов, при их традиционной системе мировоззрения, носила в гораздо большей степени идейный характер, чем их служба в РККА, и вдобавок, она не являлась принудительной. Иными словами, в антибольшевистских армиях, в отличие от РККА, для деятельности генштабистов объективно существовали более приемлемые условия.

В ряды белых армий шли патриотически настроенные офицеры, которые ощущали резкое неприятие разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества,

¹ Зарин Н. Д. Дневник. Кн. 8. Л. 97об. // НИА. N. D. Zarin collection. Box 1.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 136.

пропаганды классовой и сословной розни, которую вели большевики. Для многих из них большевики ассоциировались с германским шпионажем и олицетворяли внешнего врага. Приход их к власти в стране казался предвестником окончательной гибели государства. Противники большевиков, жаждавшие активной борьбы, ехали на Дон, где генерал М.В. Алексеев формировал Добровольческую армию. Руководство этой армии составили почти исключительно участники неудавшегося выступления генерала Л.Г. Корнилова, арестованные в Быхове и бежавшие оттуда в ноябре 1917 г. на Юг. В белые армии попадали и офицеры, проживавшие на окраинах страны, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами. Армии социалистической (Народная армия Комуча) или монархической (Южная и Астраханская армии) ориентации привлекали приверженцев соответствующих течений. В ряды белых армий Юга России проще было попасть тем, кто служил на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах Первой мировой войны.

Полковник Б.А. Штейфон так описывал свои переживания рубежа 1917–1918 гг. и причины перехода к борьбе с большевиками: «В душе горело не замирающее чувство национальной обиды. Чувство и рассудок не могли примириться с создавшимся положением и подсказывали, что надо что-то делать. О Добровольческой армии я ничего не знал. Мысль лихорадочно работала в одном и том же направлении: почему анархическая солдатская масса осилила элементы порядка? Почему зверь победил человека? Трудно, да и невозможно было в те дни разобраться в причинах русской трагедии. Ясно стало только одно: зверь победил потому, что действовал скопом, а человек – разрозненно. Следовательно, необходимо было прежде всего или создать какую-то организацию, или, если таковая уже имелась в Харькове, – вступить в ее состав...

Лик революции всегда отвратителен. Российская революция, вызвавшая высокие лозунги, принесла, прежде всего, полное забвение права и полную переоценку решительно всех духовных ценностей. Никогда, даже в самые черные дни опричнины или биро[но]вщины, насилие и произвол не владели нашей несчастной Родиной так, как в эпоху революции. Ужасы Свеаборга, Кронштадта, Севастополя, бесчисленные насилия над офицерами на фронте, воспоминания о собственных тяжелых переживаниях, все это обостряло мою гордость и упрочивало сознание, что невозможно, недопустимо покоряться тому циничному злу, какое совершалось именем революции. Что позорно ожидать с покорностью и с непотворением своей очереди, когда явятся людозвери и уничтожат меня, как беспомощного слепого щенка.

Подобные настроения диктовали и программу действий: мне представлялось необходимым организовать самозащиту, доказать морально приниженному, запуганному офицерству, что мы можем быть силою, если объединимся, если наша воля пожелает отвечать на насилие насилием. Ибо слова, убеждения, все воздействие подлинной культуры не производили никакого впечатления на большевиков. Сила, грубая физическая сила являлась фактором, единственно убедительным для них»¹.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 7–8. Также см.: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. С. 26–28.

Путь к белым с фронта или из центра Советской России, где в основном находились генштабисты, был сопряжен с колоссальным риском, что, надо полагать, влияло на сокращение потока желающих попасть к белым, так как само по себе воплощение решения присоединиться к противникам большевиков требовало большого личного мужества. В конце 1917 — начале 1918 г. офицеры были, пожалуй, самой бесправной категорией населения рухнувшей империи, их можно было безнаказанно ограбить и убить при одобрении и попустительстве возвращавшейся с фронта разложившейся солдатской массы. Сохранились десятки потрясающих воображение мемуарных свидетельств о том, как офицеры, в том числе генштабисты, ехали на белый Юг, в Добровольческую армию. Чтобы не быть казненными просто за офицерские погоны, эти люди переодевались рядовыми, беженцами, гражданскими, прятались в эшелонах, пробирались к месту назначения окольными путями, избегая железных дорог^I. Множество офицеров при этом было бессудно убито. Постепенно красные ужесточали пропуск пассажиров на Юг, в результате чего этот источник комплектования Добровольческой армии офицерами фактически иссяк.

Однако прием, ожидавший после всех мытарств опытных генштабистов на белом Юге, не мог не разочаровывать. Зарождавшаяся Добровольческая армия больше нуждалась в рядовом составе, чем в военной элите, которой было в избытке, поэтому к приезжавшим офицерам Генштаба относились прохладно. Полковник И. Ф. Патронов вспоминал о своей беседе с генералом С. Л. Марковым по прибытии в штаб армии: «Узнав, кто я, он разочарованно сказал мне: “Старшие чины, как вы, нам в сущности не нужны; должностей и окладов у нас нет; нам, прежде всего, нужны рядовые бойцы”.

— “Напрасно думаете, что я прибыл к вам за должностями и окладами”, — возразил я.

— “Все равно не можем мы полковников Ген. штаба ставить рядовыми бойцами, хотя бы они и были на то согласны. Конечно, в этом может оказаться надобность и к этому вы должны быть готовы, а пока идите в штаб ген. Корнилова”.

Я раскланялся и ушел, весьма разочарованный первым приемом^{II}.

Генерал М. В. Алексеев предлагал привлекать офицеров Генерального штаба к обязательному ведению занятий и чтению лекций, «иначе существование бесцельное»^{III}.

Впрочем, измученные произволом офицеры были рады укрыться в Добровольческой армии. Полковник Б. А. Штейфон впоследствии вспоминал, что, оказавшись в Добрармии, «впервые после революции я, как офицер, дышал свободно, где все было мне близко и понятно. Где я мог бы заняться привычным мне делом и перестать быть конспиратором»^{IV}.

Причины поступления генштабистов в белые армии (помимо стечения обстоятельств и мобилизации) были в основном следующими:

^I См., напр.: Клементьев В. Ф. В большевизмской Москве (1918–1920). М., 1998. С. 5–11.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 42.

^{III} Алексеев М. В. Записная книжка 1917–1918 гг. // Записки отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 346.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 105–106; Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. С. 133.

- патриотический порыв, стремление навести порядок в стране и армии, неприятие большевизма и нерусских национальных движений, террористических методов управления, разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классовой и сословной розни;
- стремление блюсти верность союзникам России по Первой мировой войне, продолжать войну с немцами до победного конца, восстановить Восточный фронт и территориальную целостность страны;
- потребность в профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить родине) безотносительно правящего режима;
- влияние призывов авторитетных для генштабистов генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова, принадлежность к участникам движения генерала Л.Г. Корнилова и к его сторонникам;
- корпоративизм офицерства — стремление защитить права офицеров, объединиться перед угрозой террора и преследований офицерства по всей стране;
- продолжение службы по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы белых армий (например, в администрации казачьих войск);
- проживание, служба, родственные связи в регионах, контролировавшихся белыми;
- стремление укрыться от террора;
- отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи, материальные интересы.

По всей видимости, карьеризм не играл значимой роли среди причин перехода генштабистов на сторону белых. Слишком туманны были перспективы Белого движения на этапе его зарождения. Имели место и разнообразные сочетания причин и мотивов. Например, если офицер испытывал потребность в профессиональной самореализации по службе Генштаба, но при этом негативно относился к большевикам.

На начальном этапе Гражданской войны у перехода на сторону белых было гораздо больше минусов и рисков для офицера, чем в случае занятия выжидательной позиции и пребывания по инерции на месте прежней службы. Шансы на успех всего дела были не очевидны, а перспективы карьерного роста более чем сомнительны. В такой обстановке среди причин поступления к белым на протяжении 1917–1918 гг. преобладал идейный антибольшевизм. К тому времени, когда белые смогли развернуться и действительно стали выглядеть заманчиво в карьерном плане как возможные победители в Гражданской войне (т.е. на протяжении части 1919 г.), большинство генштабистов уже сделали свой выбор в ту или иную сторону. Перебежчики из Красной армии вряд ли могли рассчитывать не только на серьезное карьерное продвижение у белых, но даже на забвение их прежней службы большевикам.

Полковник А.В. Черныш вспоминал о мотивах своего решения присоединиться к белым в мае 1918 г.: «До Киева я медлил с окончательным решением — куда ехать? На севере, в центре большевизма, в г. Орле была моя горячо любимая семья, жена и четверо детей. Несколько месяцев я не знал о ней ничего. Судьба ее меня до крайности волновала, тревожила. Но ехать в Орел — это значит проходить через большевистский фронт... рисковать жизнью и, в лучшем случае, стать, значит, на сторону большевиков, чтобы сохранить себя для семьи.

Другой выход был — ехать на юг, где что-то делалось — как, в каком размере, не было известно нам толком, — но факт был без сомнения. Поехать и стать в ряды поднявших меч за честь и самое существование Отечества — только во имя этого можно было пожертвовать всем и даже своей семьей. В крайности, при неудаче и этого намерения, пробраться к своим родным, отцу и матери, жившим в г. Ейске, на Кубани, и там осмотреться и выждать более подходящей обстановки для сношения с семьей или поездок туда»^I.

Существует точка зрения, что кадровые офицеры, и особенно генштабисты, больше ценили реальные должности, полагавшиеся им у красных, чем чины, которые могли предложить белые^{II}. Однако этот тезис не может быть научно доказан, поскольку едва ли офицер имел возможность сравнивать и выбирать предпочтительные условия службы в объятной хаосом стране. Думается, в обстановке идейного раскола и братоубийства, при необходимости выживать, вопрос о привилегиях и наградах был отнюдь не приоритетным.

На выбор в пользу белых армий, очевидно, влиял фактор красного террора, произвол на местах, ассоциировавшийся с большевиками (хотя они не всегда были за это ответственны, особенно в период 1917 — первой половины 1918 г.). Ротмистр А. Л. Марков (негенштабист) размышлял о мотивах участников Белого движения: «Обиды, грабеж, унижение и террор военного коммунизма 1917–[19]18 годов коснулись в огромном большинстве не простого народа, а главным образом имущих классов, и в особенности офицерства. Незаслуженно оскорбленное, униженное и перетерпевшее подчас нечеловеческие муки, офицерство почти исключительно составило в 1918 году кадры всех антибольшевистских движений. Кровавые раны и тяжкие обиды, нанесенные ему, были настолько свежи и так болели, что мы не могли в то время всецело отдаться идее борьбы за Россию, откинув от себя элемент личной мести. У меньшинства это чувство только существовало, у большинства оно преобладало над идеей, а в некоторых случаях являлось единственной причиной того, что человек стал в ряды Белого движения»^{III}.

От террора и произвола страдали как сами офицеры, так и их семьи. К примеру, в 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии была убита и сожжена Елена Константиновна Дитерихс — родная сестра видного военачальника, в будущем одного из лидеров Белого движения генерала М. К. Дитерихса^{IV}. У полковника К. Л. Капнина в начале 1918 г. красными были убиты дядя и двоюродные братья, сам офицер вместе с братом был вынужден скитаться по горам, сидел в новороссийской тюрьме и едва не погиб^V. Как он позднее вспоминал, «чувство долга офицера и гражданина звало туда на поля битв в ряды добровольцев, дерущихся за Родину»^{VI}. В дальнейшем Капнин оказался среди белых. Ненависть таких офицеров к большевикам приобретала личный мотив.

^I Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 189–190.

^{II} Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 134.

^{III} Марков А. Л. Записки о прошлом (1893–1920). М., 2014. С. 783.

^{IV} Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 19.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 35, 45.

^{VI} Там же. Л. 54об.

Не только личная месть за погибших близких, но и страх перед возможными расправами также способствовал поступлению в белые армии и самоорганизации офицерства. Капитан В.Е. Милоданович в Кисловодске в ноябре 1917 г. угрожал своего отца (генерала-генштабиста) переговорить со знаменитым генералом Н.В. Рузским на предмет объединения местного офицерства и создания антибольшевистской воинской части: «Тут будут резать, и – очень скоро, а потому в первую очередь надо спасать собственную шкуру и не дать себя перестрелять поодиночке»¹. Рузский тогда отказался и впоследствии был казнен красными.

Во взглядах ряда офицеров еще недавно единой русской армии, оказавшихся по разные стороны баррикад, было довольно много общего. В этом отношении показательно сопоставление выбора и убеждений двух знаковых фигур российской Гражданской войны – А.И. Деникина и Б.М. Шапошникова, первый из которых возглавил Белое движение на Юге России, а второй стал видным работником РККА, а впоследствии руководил советским Генеральным штабом. И Деникин и Шапошников по своим взглядам были патриотами и государственниками. И тот и другой происходили из непривилегированных слоев населения, оба до революции придерживались либеральных убеждений, добивались служебных высот собственным каждодневным упорным трудом, критически воспринимали состояние старой русской армии и стремились по мере возможности исправить ситуацию, проявили мужество на полях сражений Первой мировой.

В отличие от ставшего в 1917 г. политиком Деникина, Шапошников строго держался военной линии и не оставил свидетельств о своем отношении к событиям развала армии, но, думается, отношение это не могло быть позитивным. В выборе Деникина определяющую роль играло резкое неприятие разложения армии, пораженчества, пропаганды классовой и сословной розни, которую вели большевики, к тому же ассоциировавшиеся с германским шпионажем. Важным этапом становления Деникина как политика стала поддержка им выступления генерала Л.Г. Корнилова летом 1917 г. Большое влияние на последующий выбор оказало совместное пребывание с руководителями этого выступления в полуторамесячном заключении в Быхове. Быховские узники были товарищами по прежней службе, единомышленниками и будущими соратниками по борьбе. Свою судьбу Деникин связал именно с ними. Деникин обоснованно считал, что дороги в Советскую Россию, где развернулся стихийный террор против офицерства, ему – одному из генералов-корниловцев – просто не было. В результате в конце 1917 г. он оказался на Дону в руководстве антибольшевистской Добровольческой армии.

Выбор Шапошникова был в большей степени ситуативным. Его предопределили привычное для офицера невмешательство в политику и некоторая близость к солдатским массам. В революционное время одни командиры подвергались избиениям и казням со стороны вкисивших вседозволенности солдатских масс, а другие, наоборот, избирались на руководящие посты. Шапошников избежал самосуда, а в декабре 1917 г. его, командира 16-го гренадерского Мингрельского полка, съезд делегатов солдатских комитетов избрал начальником Кавказской гренадерской дивизии. Возможно, это событие, как и воспоминания о беспросветности

¹ Милоданович В. Е. Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919. М., 2020. С. 17.

прежней армейской службы, сыграло свою роль в последующем выборе в пользу большевиков.

В январе 1918 г. Шапошников демобилизовался по болезни и уехал домой. В апреле устроился секретарем народного суда в Казани. Необходимо было позаботиться о семье в связи с грядущим пополнением (сын Игорь, впоследствии генерал-лейтенант Советской армии, родился у Шапошниковых в декабре того же года). Но 35-летнего офицера, который отдал армии 17 лет жизни и по старым правилам рассчитывал на генеральский чин после командования полком, едва ли привлекала перспектива провести дальнейшую жизнь в бумажной работе на судебных заседаниях. Как нельзя кстати в газетах попало объявление о том, что формируется новая армия, где будут восстановлены привычные структуры, в том числе военные округа. Документы этого периода свидетельствуют, что Шапошников стремился продолжить военную службу в новой армии, сохранив прежнее положение¹.

Некоторые офицеры на протяжении Гражданской войны постоянно размышляли о сделанном выборе. Полковник А. А. фон Лампе записал в дневнике в мае 1920 г.: «Как-то невольно задумываешься на тему, кто правильнее поступил — мы ли с Добрармией, наши ли противники с внутренним разложением большевиков... Я допускаю оба решения, но когда я оба их прикладываю к себе, мне становится ясным, что я мог избрать только то, которое выбрал я. Служить убийцам, служить черни я, пожалуй, не смог бы даже и во имя чистой идеи...

Следовательно, я взял единственный выход, который мог взять. Я помню, когда я ехал в армию, Кардашенко сказал мне: “Я думаю, что мы верно выбрали сторону, к которой примкнули”, — хотя это было 24 августа 1918 года, я до сих пор помню этот вопрос — он мне показался очень странным — я не мог органически выбирать иначе, чем выбрал.

А потому в строительстве России, если оно пойдет через разложение большевизма изнутри, — мне не найдется места, придется стоять в стороне и жить на чужбине.

Грустно сознавать это, но другого выхода для меня не было. Я мог бороться за Россию только на этой стороне, на стороне белых, это ясно!»² Полковник А. Н. Кардашенко, примкнувший к белым вместе с фон Лампе и обсуждавший правильность выбора, был зарублен красными конниками под Ростовом-на-Дону в 1920 г.

Раскол Генштаба происходил не только по линии «белые — красные» — некоторая часть офицеров поступила на службу в национальные армии.

В 1917 г. наряду со многими новыми явлениями российской жизни на развалинах империи стартовал процесс образования независимых национальных государств. Разумеется, в этот процесс не могли не быть вовлечены тысячи офицеров и солдат, происходивших из губерний, отошедших к новообразованным

¹ До революции Шапошников начал прохождение ценза командования полком, что являлось необходимым условием для получения офицером Генерального штаба первого генеральского чина (генерал-майора). Это важное с точки зрения нового назначения обстоятельство он не забыл дважды упомянуть в своем письме начальнику штаба Приволжского военного округа Н. В. Пневскому от 23 апреля 1918 г., по итогам рассмотрения которого оказался на службе в Красной армии (РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1520. Л. 24–25об.; Военно-исторический журнал. 1967. № 6. С. 79; Василевский А. М. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сб. М., 1979. Вып. 2. С. 10).

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 122–123.

государствам или принадлежавших к доминировавшим там национальностям. Волна националистических настроений захлестнула русскую армию. Стали появляться разнообразные национальные формирования – польские, украинские, прибалтийские и закавказские. Порой национальные армии выбирали даже офицеры, слабо знавшие или вовсе не знавшие свои национальные языки. Как массовое явление это было характерно для генштабистов украинских армий, однако можно привести примеры и из других армий. Например, один из мемуаристов отмечал, что знаменитый польский генерал И.Р. Довбор-Мусницкий довольно слабо владел польским языком, делал ошибки, поэтому в начале 1918 г. порой общался по-русски¹.

Офицеры поступали в национальные формирования по самым разным причинам. В основном по этому пути шли те, кто был связан рождением, родством, службой или имуществом с самоопределившимися территориями.

В украинские армии проще было попасть тем, кто служил на Юго-Западном и Румынском фронтах Первой мировой войны. Отдельные офицеры «национализировались» подчас при откровенно комических обстоятельствах. Так, например, заключенные в Быхове сторонники генерала Корнилова осенью 1917 г. убедили подполковника И.Г. Соотса в том, что для освобождения ему следует «самоопределиваться» как эстонцу. Соотс подал такое заявление, причем воспринимал все это как шутку и не думал о самоопределении. Тем не менее впоследствии он стал эстонским военным министром. Находившийся там же капитан С.Н. Ряснянский позднее отметил в воспоминаниях: «Составляя в то время это прошение, никто из нас и не подозревал, что автор его будет действительно “самоопределившийся” министр. Сам [подполковник] Соотс придавал своей просьбе только значение шутки, могущей способствовать его скорейшему освобождению, но никак не “самоопределению”, о чем он, по-видимому, тогда и не думал». Когда в 1927 г. в альманахе «Белое дело» генерал А.А. фон Лампе издал «Быховский альбом» с автографом Соотса как русского патриота², это использовали эстонские социал-демократы против последнего³.

Разумеется, в национальные армии шли приверженцы той или иной национальной идеологии, хотя таких генштабистов было немного. Национализм был присущ военной элите старой России, поэтому неудивительно, что среди выпускников академии оказались не только русские националисты. В частности, бывший украинский генерал А.П. Греков показал на допросе в конце 1940-х гг., что не разделял идей большевизма, но симпатизировал украинскому национальному движению: «В тот период я твердо решил вести борьбу против большевиков за создание самостийной соборной Украины»⁴.

¹ Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004. С. 205.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 49. Также см.: Дело генерала Л. Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках: Август 1917 г. – июнь 1918 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 429–430.

³ Соотс писал тогда: «Не надо быть гениальным, не надо быть пророком, а просто нужно иметь рассудок и немного здравого смысла, чтобы видеть, кто ведет армию к позору и Родину к позору и кто их сумел бы вести к славе... И что бы ни случилось, пусть сознание долга удесятит силы “корниловцев”, дабы вывести армию и страну из анархии к светлой будущности» (Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 539).

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 34.

⁵ ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 62149. Л. 34.

Красноречивое свидетельство о ходе украинизации Генерального штаба оставил подполковник К.З. Ахаткин. Офицер вспоминал, что в начале марта в его дивизии «узнали о существовании приказа о расформировании всей старой армии, а на замену ей в Большевицком формировались красноармейцы, в Украине – гайдамаки, запорожцы и т.п. сволочь...

Решили хлопотать о сохранении дивизии, раз воссоздается какая-то армия. Я помню насчет этого вопроса и того, имеем ли право мы – русские офицеры – оставаться на службе в Украине, объявившей себя самостоятельной, у меня с ген. [М.Н.] Волховским было много споров.

Я отстаивал ту точку зрения, что это измена Родине – Великой России. Он доказывал, что нет, что мы сохраним хотя бы здесь армию, и армию по убеждениям не самостоятельную, выгоним потом немцев и самостоятельных.

Раз как-то спор этот кончился серьезной размолвкой. Генерал сердито ушел куда-то, я ушел в канцелярию... Он уже успокоился и говорит мне, что в г. Умани живет его бывший начальник ген. [А.Ф.] Рогоза, что это честнейший человек и вот он хочет сейчас же поехать к Рогозе и узнать его на это дело взгляд, и если тот ответит положительно, то можно уже без сомнений стать на этот путь.

В тот же день он уехал. До Умани было недалеко, и генерал дня через 3 вернулся сияющий и сообщил, что ген. Рогоза не только одобрил его желание, но даже сам выразил желание служить, если ему предложат соответствующий пост.

Видимо, у Волховского после этого не осталось больше сомнений, меня же это убедить не могло, и сомнения по-прежнему мучили¹. Так начиналась украинизация Генерального штаба.

Спустя несколько недель Ахаткин побывал в Киеве, где рассеял свои сомнения: «В этот день я встретил полковника А.И. Прохоровича, которому украинское правительство предлагало должность обер-квартирмейстера в Главном управлении Ген. штаба. Он колебался, принять ли. Я доказывал ему необходимость согласиться, напоминая на то, что в противном случае должности главные попадут в руки самостоятельных, что повредит русскому делу.

Для себя же считал все-таки неприемлемым служить в украинской армии, т.к. никакого касательства к Украине не имел ни по рождению (исключая древнего происхождения), ни, и это главное, по воспитанию и убеждениям.

Здесь уже Прохорович мне доказывал, что, несмотря на отсутствие во мне элементов украинства, я могу все же служить, встав, как и он, в ряды федералистов².

Ахаткин добавил: «Все еще не решив, останусь я в украинской армии или нет, по инерции я еще оставался, и, думаю, далеко не маловажную роль играло в это время отсутствие у меня денег»³.

Сложная обстановка складывалась на Кавказском фронте, где национализация началась в разгар боевых операций. Первоначально этот процесс проходил в рамках старой армии.

Не все начальники были готовы продолжать службу в условиях развала армии. Начальник штаба Армянского корпуса полковник Н.А. Морозов 23 января 1918 г.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 61–61об.

² Там же. Л. 63.

³ Там же. Л. 64.

писал в рапорте командующему корпусом генерал-майору Ф.И. Назарбекову: «Письменный доклад мой более месяца тому назад был внесен Вами на рассмотрение национального и военного советов, до сих пор не давших ответа на этот доклад. Находят ли советы несущественными затронутые вопросы или не могут разрешить их ввиду неудовлетворительного настроения солдатской массы, но факт остается фактом: необходимые основы создания войсковых частей в жизнь не вводятся или при теперешнем положении не могут быть введены, время уже в значительной части упущено, офицеры и командный состав стеснены в работе и бессильны в борьбе с преступным элементом, почему части скорее разваливаются, чем создаются. Следовательно, вести дело формирования далее нельзя.

Мало того, военный совет одновременно своей деятельностью и вмешательством в работу и жизнь войск стесняет войсковых начальников и подрывает авторитет командного состава, позволяя себе даже отдавать приказания частям, минуя командный состав.

Вчера капитан Абазов позволил себе передать мне через офицера штаба, что предполагает сегодня пересмотреть состав офицеров штаба корпуса для удаления уклоняющихся от строевой службы. И сегодня, явившись в штаб, означенный капитан позволил себе наводить справки помимо меня во вверенном мне штабе.

При таких условиях я, как специалист военного дела, вижу, что формирование корпуса — есть дело заведомо безнадежное, и отчетливо сознаю, что работа моя пойдет дальше не на создание армии, а на создание силы, опасной лишь своим гражданам и безвредной врагу.

Вести такую работу было бы сознательным преступлением с моей стороны, на что я по своей совести идти не могу.

Категорически докладываю поэтому, что если, как я вижу, национальный и военный советы по бессилию или нежеланию не могут ввести в армии правильных основ дисциплины и порядка, а военный совет не желает устранить себя от вмешательства в дело жизни войск, управления, назначения и командования частями, то оставаться в рядах Армянского корпуса я не считаю для себя допустимым и прошу о немедленном отчислении меня от должности в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта, где я состоял до назначения меня на нынешнюю должность»¹.

На фоне разложения старой армии развернулась борьба за ценные кадры генштабистов. Так, представители украинской Войсковой рады Кавказского фронта пытались переманивать офицеров к себе, но этот процесс шел не особенно успешно. Например, капитан А.Ф. Запорожец отказался переходить на службу в украинские войска из-за введения выборного начала. Кроме того, его не хотели отпустить со службы из-за дефицита кадров².

Характерна телеграмма и.д. генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта полковника П.Н. Шатилова от 31 января 1918 г. в Эрзерум начальнику штаба Кавказской армии и начальникам штабов корпусов в Хамадан и Урмию: «[В] скором времени предстоит расформирование ряда штабов. Между тем для национальных формирований настоятельно необходимы офицеры Генштаба. Прошу

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 441. Л. 76об. — 77об.

² Там же. Л. 6об.

предложить офицерам Генштаба и замещающим их должности наметить себе места в национальных формированиях и списки прислать [в] кратчайший срок [в] штаб[б] фронт[а], иначе места Генштаба будут предоставлены строевым офицерам, которых впоследствии сместить не будет возможным»^I.

Неудивительна растерянность офицеров в такой обстановке. Один из них, подполковник А.Н. Дульцев, писал Шатилову 9 января 1918 г.: «Дорогой Павел Николаевич!

Сию в станице совершенно отрезанный от всего внешнего мира и не знаю, что теперь у нас делается в Кавказской армии – существует ли она или благополучно расплзается? И в каком положении оказываемся мы еще или уже и нам надлежит искать себе “подходящее занятие” как вышедшим за штат и не нужным русскому народу, у которого не существует армии? И что наш “Отд[ельный] корпус”, в Персии он или тоже ушел. Я совершенно не знаю – там ли наш штаб?

Я теперь вишу в воздухе и ожидаю указаний от тебя: куда мне ехать или же совсем никуда не ехать? Но не во мне дело.

Главным образом, мне надо знать, что мы вообще представляем из себя, мы – офицеры Генштаба?

Думаю, ты не поленишься ответить мне, так как от этого будет зависеть дальнейшая моя “ориентация”. Хотя бы телеграфом, если не захочешь писать или некогда. Конечно, было б лучше, если б ты хотя бы телеграфным стилем, но написал бы мне»^{II}.

Далеко не все были готовы служить в чуждых им армиях. О такой солидарной позиции свидетельствуют рапорты нескольких генштабистов Кавказского фронта. Начальник оперативного отделения штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта подполковник А.И. Готовцев 10 апреля 1918 г. сообщал в рапорте генерал-квартирмейстеру штаба фронта: «Ввиду объявления Закавказьем самостоятельности без всякого указания отношения к России, я, как русский подданный, ходатайствую об отчислении меня от должности»^{III}. Аналогичный рапорт на следующий день подал начальник общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта подполковник С.Н. Люпов: «Ввиду состоявшегося объявления Закавказской республикой самостоятельности и фактического отделения ее от России, я как российский подданный, ходатайствую об отчислении меня от должности начальника общего отделения и начальника связи штаба фронта»^{IV}. Генерал С.Я. Гребенщиков вспоминал, что «не хотел служить в украинской, хотя и гетманской армии, ибо административная служба меня гораздо менее обязывала, чем военная. Первую я мог бросить, когда угодно, вполне легко, а вторая могла поставить меня в какое-либо гнусное положение по отношению к Русской армии, чего я, конечно, допустить не мог и что могло бы вызвать крупные осложнения, особенно в случае перемены курса гетманского правительства»^V.

^I РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 20.

^{II} Там же. Л. 37–37об.

^{III} Там же. Л. 179об.

^{IV} Там же. Л. 181об.

^V Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 236.

Как и в случае с поступлением в Красную армию, в национальные формирования шли не сумевшие себя ранее реализовать в карьерном плане офицеры, ожидавшие теперь быстрого взлета. Это одна из причин, но не самая значительная. Сюда же поступали противники большевиков, надеявшиеся в рядах этих армий принять участие в борьбе с ними или же переждать Гражданскую войну, избежать репрессий. Среди других причин – стремление удержать контроль над частями бывшей русской армии, пошедшими по пути национализации. Например, некоторые генштабисты всерьез считали, что, расставив своих людей в руководстве украинской армии, смогут уберечь войска от влияния самостийных идей, поддерживавшихся германским Генштабом¹.

Интересны рассуждения полковника Н. Е. Какурина о причинах перехода на службу в украинскую армию в 1918 г.: «Начал думать, что украинское движение в оформлении и возглавлении тогда [Украинской Центральной] Рады и представляет какое-то народное движение. Правда, Рада выбросила лозунг самостийности, но мыслилось, что в конце концов этот лозунг отживет, как одно из конъюнктурных исторических явлений, мыслилось, что и Советская Россия как-то трансформируется – возникнет из всего хаоса какая-то общая демократическая власть»². Якобы он согласился служить при условии пребывания «на такой работе, которая избавит меня от необходимости участвовать в войне между братскими народами, к которой тогда у меня было сильное отвращение еще даже подсознательное»³. Таким образом, речь шла о стремлении переждать трудные времена и избежать втягивания в братоубийственную войну в надежде на то, что в России установится демократия.

Действительно, на гетманской Украине в 1918 г. под защитой германских штыков можно было спокойно переждать Русскую Смуту. По этой причине сотни офицеров, даже не знавших украинского языка и подчас отказывавших Украине в праве на собственную государственность, устремились туда. Подполковник К. З. Ахаткин писал о жизни в гетманском Киеве: «Оглядываясь на прошлое и вспоминая жизнь в Киеве, я считаю это время после моей жизни в Тифлисе лучшим временем жизни за все время войны и революции»⁴. Благополучие было таково, что тот же офицер раздумывал о приобретении дачного участка в Крыму. Русские генералы даже поднимали бокалы за здоровье гетмана П. П. Скоропадского, благодаря которому получили полугодовой отдых⁵.

Переживавшие Гражданскую войну на Украине офицеры не спешили присоединяться к какому-либо лагерю. Подполковник С. Н. Ряснянский, старавшийся сагитировать таких людей во время своей разведывательной поездки в Киев в 1918 г., вспоминал: «Я попытался тогда заполучить несколько помощников среди офицеров Генерального штаба, не пошедших на службу к гетману или немцам. В один из ближайших дней в частном доме было организовано небольшое собрание. Пришло человек 10–12 штаб-офицеров и генералов Г[енерального] шт[аба]

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 63.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 20об.

³ Там же.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 65об.

⁵ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 7. С. 602 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

(из более молодых). Я рассказал им о начале Добров[ольческой] армии, о Кубанском походе, о силе армии и планах добровольческого командования. Когда я назвал цифру чинов армии, то я заметил, как вытянулись лица моих слушателей. Оказывается, они предполагали, что Добр[овольческая] армия имеет по крайней мере десятка полтора-два тысяч штыков и сабель. Расчеты армии на помощь кубанцев, постепенно восстающих против большевиков, тоже показались им неправильными. Они, так же как и г[енерал] Драгомиров, были убеждены, что или немцы разоружат армию, или она сама рассыпется при дальнейшей неравной борьбе. На мой призыв о помощи отозвалось только два-три полковника, два из которых все время работали против большевиков, как до прихода немцев, так и после их ухода. К сожалению, я сейчас забыл их фамилии. Помогал мне также и п[олковник] Кусонский, хотя в армию первоначально и отказавшийся ехать. Таким образом, и здесь я встретил холодное отношение (за исключением немногих, как п[олковник] А. Т.] Гаевский и особенно п[олковник] Н. В.] Ерарский)¹. В донесении начальнику штаба Добровольческой армии генералу И. П. Романовскому Ряснянский 31 мая (13 июня) 1918 г. отметил, что «из офицеров Ген. ш[таба] пока никто не пожелал ехать, здесь же работать охотно соглашаются»².

Сторонники белых относились к национализировавшимся офицерам с презрением и неприязнью. Полковник Б. А. Штейфон вспоминал о своем профессоре в академии генерале Н. Л. Юнакове, пошедшем на украинскую службу. По мнению Штейфона, «Юнаков... открыто вступил на путь сделок со своей совестью и, постепенно катясь вниз, дошел до левого крыла петлюровцев, отдавая все силы своего ума идее самостийной Украины... Сепаратистические тенденции Юнакова являлись тем более непонятными, что как по рождению (дворянин Петербургской губернии), так и по воспитанию (офицер л[ейб]-гв[ардии] Семеновского полка) профессор Юнаков ничего общего с украинцами не имел и воспринял украинскую идею исключительно по соображениям выгоды. Он воистину продал свое первородство за чечевичную похлебку»³.

Выбор русских офицеров в пользу национальных армий воспринимался кадровыми офицерами белых армий (а вероятно, и красными военспецами из кадровых офицеров) как нечто противоестественное или анекдотическое. В особенности это относилось к украинской службе, переход на которую носил массовый характер. Тот же Штейфон вспоминал: «В течение всего гетманского периода я только один раз слышал украинскую речь в приемной харьковского губерниального старосты. Однажды при мне вошел в приемную вновь назначенный начальник украинской дивизии генерал [Л. В.] Федяй. Я знал его по своей службе в Туркестане, где Федяй был генерал-квартирмейстером штаба Туркестанского округа.

Федяй, услышав, что дежурный офицер назвал меня “г[осподи]н полковник”, обратился ко мне с вопросом на мове. Я вспыхнул, ответил, что не понимаю мовы, и высказал сожаление, что генерал русского Генерального штаба так скоро “забыл”

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 27.

² Там же. Л. 34.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 23. С неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. С. 44.

русский язык. Федяй покраснел, сконфузился и стал путано оправдываться. Уже на русском языке!

Когда офицеры поступали на украинскую службу ради куска хлеба, это имело известное оправдание. Но когда генералы делали на украинстве карьеру, то подобное явление представлялось и пошлым, и изменническим.

Среди вольных и невольных перелетов чувство особо острого осуждения вызывали помощник военного министра генерал [А.Г.] Лигнау и помощник начальника Генерального штаба полковник Какурин.

Обоих я знал хорошо, с обоими у меня были в прошлом хорошие отношения. Оба они ничего общего с украинством не имели и являлись типичными перелетами-карьеристами. Узнав, что оба они в Киеве служат не за страх, а за совесть и считаются носителями украинской идеи, я написал обоим резкие письма, осуждая их измену общерусскому делу. Конечно, подобный мой поступок был не более как донкихотством, но моя совесть всегда требовала активных протестов»¹.

Генерал Г.И. Гончаренко (впоследствии эмигрантский писатель Ю. Галич), служивший в гетманской армии, вспоминал о том периоде украинской истории: «Это был политический фарс с необходимою игрою в самостийность, с борьбою политических коммивояжеров, со сменами кабинетов, с невинным балаканьем на “мове”, с державною “працей” в министерствах, с ясным сознанием непрочности всей затеи. С горечью в душе пришлось наблюдать попытки иноземных врагов и собственных ренегатов расколоть на части две сросшиеся ветви великого русского народа»².

Отношение некоторых военспецов также было ироничным. И.И. Вацетис, например, подобным образом отзывался об украинизации географических названий: «Харьков в то время назывался Харьков, однако до сих пор в Великороссии упорно не желают легализировать это название за названным городом, т.к. везде на русском языке сохраняется за ним прежнее не украинизированное название... Прежний русификаторский дух сидит глубоко. Лично сам я, когда прочитал на вокзале на аншлаге Харькив, почему-то улыбнулся»³.

После ухода немцев в конце 1918 г., крушения режима гетмана П.П. Скоропадского и прихода к власти радикальных украинских националистов бывшие гетманские генштабисты с легкостью бросили Украину, устремившись к белым или к красным. Некоторые разочаровались в гетманском режиме еще раньше. По свидетельству К.З. Ахаткина, «симпатии, зародившиеся было к гетману, у меня лично стали быстро исчезать под влиянием дальнейших событий. Казалось, что Украина, наведя у себя порядок, примется искоренять большевиков в остальной России. Ничуть не бывало: с большевистским правительством шли мирные переговоры, устанавливались границы и т.п. В своих речах и во внутренней политике Гетман проводил все более и более самостийническую политику.

Желание уйти из этой армии в Добровольческую, на стороне коей были все мои симпатии, не умирало во мне никогда и теперь возросло с новой силой. Пока

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 71–72. С неточностями опубликовано в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. С. 94–97.

² Галич Ю. Красный хоровод // Галич Ю., Попов К. С. Красный хоровод. М., 2008. С. 146.

³ LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 160об.

меня удерживало желание устроить жену»¹. Лишь в конце октября 1918 г. Ахаткин смог поступить в Добровольческую армию.

Переход офицеров в национальные армии отнюдь не означал, что они являлись приверженцами националистических и антироссийских взглядов. Из условно выделяемых нами далее одиннадцати возможных причин поступления генштабистов в эти армии лишь две относятся к национализму и русофобии, тогда как остальные связаны с антибольшевизмом и местным патриотизмом, с пребыванием на одном и том же месте по инерции, с карьерными и профессиональными потребностями или с социально-экономическими проблемами. Причем антироссийски настроенные офицеры появлялись не только среди тех, кто относил себя к националистам, но и в группе карьеристов-приспособленцев, подстраивавшихся под то, чего от них хотели власти. Таким образом, можно говорить о том, что часть офицеров стали носителями русофобии уже после 1917 г. Нельзя исключать, что на формирование таких взглядов влияла атмосфера национализма и шовинизма, присущая офицерам русской армии. В армии УНР лояльность офицера определялась отсутствием контактов с Россией, неиспользованием русского языка, презрительным отношением к «москалям» (как во многих украинских документах того времени именовались русские).

Отношение русофобски настроенных офицеров к белым было неприязненным. По свидетельству британского генерала У. Айронсайда, глава польской военной миссии на Мурмане бывший подполковник граф С.И. Соллогуб-де-Война (выпускник академии 1912 г.) был настроен по отношению к русским высокомерно и якобы даже говорил: «Русские никуда не годны. Справиться с такими людьми проще простого»². Это заявлял офицер, двумя годами ранее служивший в русской армии и получивший в России воспитание и высшее военное образование. Для приверженцев подобных взглядов раскол российского Генерального штаба и отпадение от России окраин в 1917 г. были явлениями необратимыми. Многие офицеры, поступившие в национальные армии, не желая афишировать службу в русской армии (это могло помешать служебному росту), перестали носить русские дореволюционные награды и академические знаки. Продемонстрировать неприятие всего русского любил украинский генерал В.Н. Петров, потомок шведов и норвежцев (немаловажный факт, так как выслуживаться за счет демонстративного презрения к своей прежней жизни порой старались люди, не связанные происхождением с национальными государствами), а в недавнем прошлом русский генштабист и гвардейский офицер, написавший в 1941 г.: «Москва, сунувшаяся в Европу после победы под Полтавой над северным вождем Карлом XII и его союзником нашим гетманом Мазепой, ныне отброшена фюрером Великой Германии далеко от влияния на европейскую жизнь, и нужно верить, что навсегда»³. Бывший курсовик, а позднее украинский генерал А.И. Удовиченко с одинаковой враждебностью писал в эмиграции как о белых, так и о красных «москалях»⁴. Ге-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 67–67об.

² Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919 // Зброшенні в небуття. Інтервенція на Руському Севері (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 352.

³ Петрів В. Військово-історичні праці: Листи. Київ, 2004. С. 172 (перевод наш).

⁴ Удовиченко О. І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. Київ, 1995. С. 127–128.

нерал А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг, бывший русский генштабист, возглавивший финский Генштаб, в 1919 г. подписал приказ об организации актов саботажа на востоке, предусматривавший осуществление диверсий и терактов на Северо-Западе России, в том числе в Петрограде¹. Возникает вопрос, как такой офицер мог всего за два года до этого представлять военную элиту России. Курсовик Н.А. Реек, ставший в эстонской армии начальником штаба Вирусского фронта, заявил в 1919–1920 гг. о страдавших от эпидемий солдатах армии Н.Н. Юденича, отступивших в Эстонию: «Если зараза среди них распространится, нам не будет слишком больно и даже слишком жалко, если количество русских в Причудье немного уменьшится»². Отметим, что из-за эпидемии тифа на территории Эстонии в конце 1919 – начале 1920 г. скончались не менее 8500 ветеранов белой Северо-Западной армии. Сторонники белых возлагают ответственность за столь значительное число жертв на политику эстонских властей³.

Разрыв связей некоторых национализировавшихся офицеров с Россией, прежним кругом общения, стремление любым способом инкорпорироваться в новую военно-политическую среду для успешного продвижения по карьерной лестнице вели их по пути ненависти к стране, давшей им воспитание, образование и высокое общественное положение. Приведенные выше примеры затрагивают проблему отбора кадров военной элиты старой России, в которую попадали русофобски настроенные офицеры из представителей нерусских народов, в том числе беспринципные карьеристы. В то же время процент офицеров, пошедших в национальные армии и являвшихся потенциальными носителями такого рода взглядов, был невелик, а основной раскол внутри корпорации пришелся на красных и белых.

В целом, причины перехода генштабистов в национальный лагерь были следующими:

- стремление бороться за национальную идею, национализм;
- русофобия;
- антибольшевизм;
- местный патриотизм, стремление навести порядок в своем регионе, помочь своему народу;
- продолжение службы по инерции в национализировавшихся частях старой армии;
- потребность в профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить родине) безотносительно правящего режима;
- стремление удержать контроль над армией в руках офицеров-патриотов великорусской направленности, создать кадр будущей русской армии;
- территориальная близость к фронтам Первой мировой войны, невозможность уехать на родину;
- карьеризм и приспособленчество, в том числе стремление переждать Гражданскую войну;

¹ Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // Русский сборник (Москва). 2012. Т. 13. С. 129.

² Зирин С. Г. «Русский патриот до глубины души»: Генрих Иванович Гроссен // Михайлов день 2-й. Журнал исторической России. СПб., 2010. С. 347.

³ Подробнее см.: Зирин С. Г. Голгофа Северо-Западной армии 1919–1920 гг. СПб., 2011.

- проживание, служба, родственные связи, имущество в регионах, объявивших о своей независимости;
- отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи.

Мотивы могли сочетаться. Ветеран Белого движения на Юге России генерал Б. А. Штейфон вспоминал о своем преподавателе в академии Н. Л. Юнакове, ставшем украинским генералом: «В 1920 г., находясь после Бредовского похода в Варшаве, я случайно встретился с Юнаковым. Я был “белым” и в военной форме. Он ярый петлюровец и в штатском. Враги! Мы узнали друг друга, но разошлись даже не поклонившись. Это была одна из тяжелых встреч в моей жизни. Впрочем, Н. Л. Юнаков уже скончался, и пусть Господь судит его земные дела»¹.

Положение русских генштабистов на Украине было неблагоприятным. Подполковник Ахаткин отмечал: «Мы в Киеве являлись до некоторой степени париями, ибо на нас смотрели как на москалей и некоторые власть имеющие лица... Мы упорно отстаивали свои права»². С другой стороны, генерал А. Г. Лигнау заявлял: «Что же касается моей службы в украинской армии, то, служа в ней, я служил России. Может быть, ошибался. Во всяком случае, приняв на себя обязательства перед гетманом, я выполнял их честно. Сейчас моя служба фактически закончилась, и я могу поступать так, как подсказывает моя совесть»³. Узнав о том, что у белых его украинская служба подлежит порицанию, Лигнау сказал: «Я не рассчитываю на ласковый прием у ген. Деникина и не претендую ни на какие должности. Хотя должен сказать, что мои украинские симпатии сильно преувеличены»⁴.

Любопытные наблюдения о поведении генштабистов в Гражданскую войну содержатся в показаниях того же А. Г. Лигнау по делу «Весна» 17–18 января 1931 г., хотя в документе и чувствуется направляющая рука следователя. Лигнау отмечал: «Октябрьская революция на фронте, ликвидировавшая офицерство как класс, сразу же вызвала с его стороны ярко враждебное к ней отношение.

Офицерство было лишено того привилегированного служебного положения, в котором находилось, лишено действительной неограниченной власти над солдатской массой и лишено тех материальных перспектив, которые предвиделись по окончании войны.

Особенно остро чувствовали вновь создавшееся положение мы, офицеры Генштаба, занимавшие исключительно выгодное служебное положение, обеспечивавшее нам блестящую будущность.

Офицерский состав по своему отношению к большевизму разделился на две основных категории.

Первая, сразу же ставшая по внешним проявлениям на сторону большевиков, всецело отдалась во власть солдатской массы, стремясь всемерно доказать ей свою глубокую приверженность новому политическому течению, для чего принимала

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 23. С неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. С. 44.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 64.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 128. С неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. С. 150.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 130. Также см.: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. С. 152.

самое широкое участие в митингах, шла навстречу и даже предупреждала стремления солдатской массы “кончать войну” и расходиться по домам.

Другая же часть, недостаточно гибкая и не оставившая еще прочно укоренившегося в ней чувства “офицерского долга”, не желавшая идти на компромиссы со своей “монархической совестью”, стремилась всеми силами уйти с фронта в тыл и там ожидать дальнейших событий. К этой части относилась и большая доля офицеров Генштаба, как находившихся в штабах и не связанная непосредственно со строевыми частями, т.е. с солдатской массой.

Как та, так и другая категория офицерства в общем затаила в себе непримиримо враждебное отношение к большевизму как к политической системе, ликвидировавшей офицерство как класс, и к большевикам, как к людям, создавшим и проводившим эту систему в массы, влияние над которыми¹ они быстро приобретали.

По ликвидации империалистического фронта до начала Гражданской войны наиболее активная и энергичная часть офицерства стремится в районы, не охваченные еще в полной мере большевизмом, и здесь под руководством офицеров Генштаба организует активную борьбу с большевиками.

Эти более агрессивные группы, опираясь на кулацки настроенные массы, как, например, казачество, украинских хуторян, сибирское крестьянство — достаточно окрепшие, входят в договорные отношения с правительствами капиталистических стран и во имя борьбы с большевизмом становятся послушным орудием капитализма, стремящегося возратить себе утраченное экономическое влияние на территории России.

Интервенция, как полное экономическое порабощение России, не смущает глубоких патриотических чувств руководителей борьбы с большевиками в лице нас, бывших офицеров Генштаба, — наша цель [—] уничтожение большевизма как политического фактора, какой угодно ценой.

Я лично сначала работаю в роли помощника воен[ного] министра в правительстве гетмана Скоропадского, а после его падения в армии Колчака.

Начинается Гражданская война.

Мы, офицеры Генштаба, оставшиеся на территории, не захваченной контрреволюционными группировками, втягиваемся помимо нашей доброй воли в круговорот политической жизни и, став перед необходимостью дать прямой ответ на формулу “кто не с нами, тот против нас”, идем работать с большевиками.

Оставаясь по-прежнему враждебно настроенными против сов[етской] власти, при неуверенности в исходе Гражданской войны и в расчете все же на падение сов[етской] власти при помощи интервенции, значительно большая часть из нас, принимая призыв сов[етской] власти к совместной работе, стремятся занять положение, но менее одиозное в глазах будущих победителей-интервентов: центральные учреждения, военные учебные заведения и т.п.

Приглашения к непосредственному участию в Гражданской войне в рядах Красной армии и в действующих прифронтовых штабах встречают пассивное сопротивление в виде отводов под благовидными предлогами: неподготовленность

¹ В документе ошибочно — которой.

к командованию крупными соединениями, незнание с методами Гражданской войны, состояние здоровья, семейное положение и т.д.

В этих стремлениях мы, бывш[ие] офицеры Генштаба, встречаем широкое сочувствие и поддержку со стороны наших товарищей, занимающих ответственные должности, связанные с распределением генштабистов, и при помощи этих товарищей мы устраиваемся на “нейтральные” места.

Занимая те или иные должности, мы не можем отказаться от мысли о необходимости перестраховки себя на будущее, если исход Гражданской войны окажется неудачным для большевиков.

Значительная часть у нас, бывш[их] офицеров Генштаба, в ожидании конца Гражданской войны, стремится уйти в подполье, либо прозябая в качестве “бывших людей” на положении кустарей (портные, сапожники, игрушечники и т.п.), либо стремится устроиться на легкие должности в гражданских правительственных учреждениях, либо живя без определенных занятий на остатки своих сбережений и продаж своего имущества.

Основное побуждение всех нас сохранить себя в глазах возможных победителей на случай падения сов[етской] власти наименее скомпрометированными и, таким образом, получить больше шансов на восстановление своих утраченных прав и преимуществ.

Более экспансивные натуры, желающие предупредить события и в наибольшей мере себя перестраховать, идут на измену, передаваясь на белую сторону (Иван Павлович Сытин, Болховитинов, Андогский, Богословский и др.) и пытаются даже поднять восстание, как, напр[имер], Перхуров в Ярославле.

Война с белополяками знаменуется призывом Брусилова ко всем офицерам и к их патриотическому чувству.

Этот призыв воспринимается под углом зрения наших общих настроений. Мы призыв Брусилова объединиться для защиты Родины трактуем как призыв к защите Родины в нашем представлении, а не для защиты сов[етской] власти.

Конец Гражданской войны создал психологию, крайне для нас неблагоприятную, под непосредственным воздействием следующих фактов:

1. Белые армии, многочисленные и технически хорошо снабженные при широкой материальной помощи Антанты, разбиты слабой, хуже организованной и технически отсталой Кр[асной] армией.

2. Иностранные войска, действовавшие совместно с белыми, оказались неспособными, подверглись быстрому разложению под влиянием большевистской агитации.

Мы под влиянием исхода Гражданской войны и неудачи первой интервенции временно находились в состоянии своего рода психической депрессии.

Мы пришли к выводу, что расчеты на свержение сов[етской] власти рухнули, [пришлось] склонить головы перед неизбежным злом и обеспечить себе наиболее сытое существование, затаив в себе мечты о возвращении прежних “прав” и “преимуществ”, прикрыв свою политическую сущность под маской внешней лояльности.

Мы, бывшие офицеры Генштаба, переходили на вынужденную добросовестную работу, стремясь занять наиболее ответственные места, делая уже карьеру на советской службе.

Мы, хотя и связаны между собой единым мировоззрением и единым классовым сознанием, работаем пока каждый сам по себе, вступая даже во взаимную конкуренцию и интригу друг против друга во имя личного благополучия.

Этот период является периодом наибольшего насыщения нами (бывш[ими] генштабистами) центральных и правительственных учреждений и военно-учебных заведений: Штаб РККА со всеми отделами, ГУВУЗ, штабы военных округов, различные военные академии и особенно Военная академия РККА, КУВНАС, Воздушная военная академия, КУВНАС стр[атегических?] окр[угов], П[одготовка?] С[остава?], Выстрел¹, провинциальные нормальные школы и т.п.

Внешне лояльно, но по существу идеологически враждебно сов[етской] власти, мы, бывшие офицеры Генштаба, на досуге анализируем минувшие события, стремясь выяснить причины неуспеха белых армий и интервентов.

Анализ нас приводит к выводам, что основные причины победы сов[етской] власти заключаются в следующем:

1. Явно враждебное отношение к белым и интервентам со стороны преобладающей массы крестьянства, воспринявшего большевизм полностью, жившего с сов[етской] властью одними интересами и ждавшей² только от нее осуществления всех своих интересов, особенно резко чувствовавшего власть белых после занятия ими территорий, оставленных большевиками.

2. Революционный энтузиазм и безусловная преданность сов[етской] власти красных войск периода Гражданской войны, постоянно поддерживаемые крепко сплоченной партией, умевшей создавать решительный перелом в пользу сов[етской] власти в критические моменты на фронте.

3. Неорганизованность и неподготовленность антисоветских элементов в тылу.

4. Отсутствие согласованности в действиях белых армий.

Как общее заключение, если бы обстановка сложилась иначе, сов[етская] власть неизбежно была бы ликвидирована.

Сделанные выводы учитываются как урок на будущее время.

Период, непосредственно следующий за окончанием Гражданской войны, с возникшей хозяйственной разрухой дает нам первые проблески надежды на внутреннее осложнение.

В связи с этим, учтя сделанные выше выводы, мы, уже объединенные первым призывом Брусилова и общими настроениями, проявляем стремления подготовиться к будущим событиям, не повторяя допущенных ошибок.

Основным вопросом пока у нас является более прочное объединение бывших офицеров вообще и офицеров Генштаба в первую очередь, как предназначенных на руководящую роль»³.

Не последнее место среди мотивов поступления на военную службу занимала потребность генштабистов в профессиональной самореализации. Об этом, например, свидетельствует обращение курсовика полковника А.А. Окаимова ко 2-му генерал-квартирмейстеру украинского ГУГШ в сентябре 1918 г.: «Когда германцы

¹ Речь идет о стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна «Выстрел».

² Так в документе.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 59 (77). Л. 70–75.

заняли Луцк и Киев, я остался без места, и меня знакомые устроили в Одесскую пограничную бригаду, — где я нахожусь до сих пор. Служба легкая и хорошая, но все же я хочу перейти на свою прямую дорогу в Генеральный штаб. Неужели же я столько времени даром учился...»¹

К концу 1918 г. стороны Гражданской войны кристаллизировались и организовались. Большая часть генштабистов оказалась среди противников большевиков. С другой стороны, красные смогли поставить себе на службу такое количество генштабистов, которое пусть и по минимуму, но позволяло им решать военные задачи. Однако антибольшевистские силы, в отличие от Советской России, так и не стали единым военным лагерем, что и предопределило их разгром.

Выпускник академии А. Д. Тарановский рассуждал о периоде 1918–1919 гг. в жизни военспецов-генштабистов в Советской России как о времени «еще не веры в ее (советской власти. — А. Г.) прочность, как период неустойчивого еще блуждания и искания своей, быть может, новой идеологии, благодаря изменившимся условиям»². К. Л. Капнин свидетельствовал, что весной — летом 1918 г. в Новороссийске при красных для него «жизнь была тяжела с моральной стороны, и чем дальше, тем становилось тревожнее и напряженнее»³.

По мнению еще одного военспеца-генштабиста Д. Н. Надежного, «значительную часть командного состава, в том числе и Генерального штаба, после Октябрьской революции толкнуло в ряды контрреволюции: с одной стороны, потеря служебных привилегий, а с другой стороны — недовольство развалом фронта, влекущим за собой позорное окончание войны. Организация новой армии и связанная с ней мобилизация дали возможность проникнуть в ее ряды контрреволюционно настроенному офицерству, которое в достаточной мере ее разлагало и приводило к измен[ни]ческим деяниям.

В отношении бывш[их] офицеров Ген. штаба нужно отметить две группировки: лиц, желавших обеспечить себя, на всякий случай, как бы нейтральной позицией в развивающихся событиях, которые постарались занять должности по учебному ведомству, и других, которые безоговорочно пошли на службу в ряды армии. Были и такие, которые попали в ряды армии по назначению. Те, которые пошли по учебному ведомству, стремились избежать активного участия в Гражданской войне, тем самым имели возможность в случае изменений политической обстановки объяснить свое пребывание на службе в Красной армии как не идущее вразрез со старыми идеалами»⁴.

Бывший генерал-лейтенант Е. А. Искрицкий на следствии по делу «Весна» сообщил: «Октябрьскую революцию я встретил не сочувственно, так как я ее не понимал и считал ее (событием. — А. Г.), не отвечающим интересам русского народа. Главными причинами, побудившими меня к этому, были знаменитый приказ № 1, который я понимал как стремление безответственных элементов разложить армию во время войны, затем сильное впечатление произвело на меня убийство моих родных и близких.

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 828об.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26–26об.; Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-14750. Л. 42.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 46об.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37 (3149). Л. 11.

Вместе с тем для меня было очевидно, что процесс большевизации России будет очень затяжной и что мы, представители старого режима, будем страдающей стороной, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Приемлемой формой русской государственности в противовес большевизму, мне казалось, будет та, которую признает действительной Учредительное собрание.

Когда я поступил работать в Красную армию, еще не был ликвидирован германский фронт, и поэтому я считал возможным продолжать борьбу с немцами далее в рядах Красной армии.

Только после того, когда война приняла гражданский характер и на участие мной сформированной армии моими противниками с белой стороны оказались люди, с которыми я рос, воспитывался и служил при старом режиме и которых я не мог считать своими врагами, я понял, что не могу как командующий быть водителем красных войск и предлагал уйти со строевой работы на чисто академически-научную. Привходящими обстоятельствами служили смерть моей жены¹ и моя болезнь.

Этот период своей жизни и работы в Красной армии я могу охарактеризовать как наиболее рельефный в моей деятельности, в том отношении, что это было время, когда я был реакционен в своем отношении к сов[етской] власти.

Хочу отметить, что это были чисто субъективные переживания, не воплощавшиеся в конкретные практические мероприятия, направленные во вред армии.

В дальнейшем мои политические взгляды постепенно изменялись, поскольку я понял, что революция немыслима без искупительных жертв, однако до последнего времени переживал и страдал от подчиненно-, подчас унижительного положения быв[шего] кадрового офицерства, которое я считал обидным и незаслуженным. Эти мои переживания следует отнести не только за счет угнетения быв[шего] офицерства, но и вообще всех быв[ших] людей, которым после революции были отведены второстепенные роли. Это вытекало еще из того, что я понимал и видел, что нам, быв[шим] людям, становится все теснее и что мы ограничиваемся во всех областях до минимума»².

Немалую роль в том, где оказывался тот или иной офицер в Гражданскую войну, играл фактор случайности. Даже далекие от раскола офицерства современники понимали поворотный характер тех или иных обстоятельств для судьбы человека в то сложное время. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков очень точно высказался на этот счет в беседе с писателем К.М. Симоновым: «В тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это тоже не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, если бы кончил школу прапорщиков, отличился в боях, получил бы уже другие офицерские чины и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции?»³ Как отмечал один из флотских офицеров, «в нормальное время не играет никакой роли, в какую сторону вы пойдете, выйдя из дома. Во времена крупных событий это может иметь решающее

¹ Супруга Искрицкого Е. А. Искрицкая (урожденная фон Кнорринг) скончалась осенью 1918 г.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 240 (3159). Л. 86–87об.

³ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1990. С. 335.

значение. Вся ваша дальнейшая жизнь может измениться в зависимости от того, кого вы встретили, пойдя направо, а не налево»¹.

Характерен случай, произошедший весной — летом 1918 г. со слушателем Военной академии в Екатеринбурге бывшим полковником А.Г. Слефогтом, у которого была ампутирована нога. Офицер решил навестить содержащуюся в заключении бывшую императрицу, ухаживавшую за ним в лазарете в качестве сестры милосердия в Первую мировую войну. Однако ему не только отказали в просьбе, но и сам он был арестован². В результате, когда вся академия перешла к противникам большевиков, разделив участь белых армий, Слефогт, несмотря на свои монархические симпатии и очевидные антибольшевистские взгляды, остался в Красной армии, где и прослужил всю Гражданскую войну.

Стечением обстоятельств оказался предопределен путь подполковника В.П. Сальского, ставшего военным министром УНР. Незадолго до большевистского переворота он обратился к начальнику Военной академии полковнику А.И. Андогскому с просьбой устроить его в академию курсовым штаб-офицером или преподавателем³. Обращение Сальского не увенчалось успехом, в результате чего он пошел по пути украинизации⁴. Как бы ни оценивались последующие действия Сальского (например, в августе 1919 г. при одновременном занятии Киева белыми и украинцами он приказал сорвать российский флаг, который бросили под копыта его коня⁵), его принятие в академию накануне Гражданской войны с большой долей вероятности привело бы к тому, что он стал бы не петлюровским, а колчаковским генералом. То время дает немало примеров подобных случайностей, влиявших на жизни и судьбы.

Здесь надлежит упомянуть и еще об одной группе офицеров-генштабистов. О тех, кто устранился от участия в Гражданской войне. Причины уклонения, по классификации полковника Я.М. Лисового, были следующими: окончание военной службы; наличие большой семьи и необходимость зарабатывать частной службой; болезнь или ранение; стремление выждать время до прояснения обстановки⁶. Разумеется, этот перечень не учитывает все возможные варианты. Среди генштабистов встречались обеспеченные люди, обладавшие крупной собственностью за рубежом, что позволяло им покинуть охваченную внутренней войной и хаосом Россию и спокойно жить за границей. Например, генерал П.А. Половцов весной 1918 г. через Иран и Ирак уехал в Британскую Восточную Африку, поскольку владел кофейными плантациями на острове Занзибар. Около года он прожил на плантации, после чего переехал во Францию, а затем на семейную виллу в Монако⁷.

¹ Бьеркелунд Б. В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 107.

² Семчевский К. В. В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Калифорния). 1978. № 371. Июль — август. С. 6. Когда о случившемся стало известно, начальник академии А. И. Андогский собрал слушателей и прочел им лекцию о недопустимости подобных поступков, создающих угрозу всему составу академии. Помощи от опасавшегося вмешаться академического начальства Слефогт не получил (HIA. P. P. Petrov collection. Box 1. Folder 3).

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1580. Л. 4–5.

⁴ Подробнее см.: Як майбутній український генерал В. Сальський ледь не став колчаківським офіцером / публ. А. Ганина // Військово-історичний альманах (Київ). 2013. № 1–2 (25–26). С. 102–103.

⁵ Подробнее см.: Машкевич С. В. Два дня из истории Киева (30–31 августа 1919 года). Киев, 2010. С. 123–125.

⁶ Лисовой Я. М. Генеральный штаб. С. 14.

⁷ Гунгер Ю. В. Вехи жизни генерал-лейтенанта П. А. Половцова. Сентябрь 1917 — апрель 1918 гг. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2022. № 29. С. 107.

Пассивные участники были и в рядах воюющих армий. Развал государства и армии был воспринят многими офицерами Генштаба как личная трагедия. Часть офицерства пребывала в апатии. Отставной генерал В.А. Олохов, числившийся в РККА, но по состоянию здоровья едва способный нести какую-либо службу, утратил желание служить и говорил супруге: «Россия погибла, армия, дорогая армия обратилась в беспорядочную толпу»^I. Такие офицеры стремились всячески уклониться от отправки на фронт, закрепиться на преподавательской или военно-научной работе, а если все же приходилось участвовать в войне, ограничивались простым исполнением приказов сверху без какой-либо инициативы. Полковник Л.В. Костанди отмечал, что, оказавшись в 1918 г. на территории Советской России, «предпочел службу в чисто научном учреждении, а не в строевой части армии»^{II}.

Видный деятель Белого движения генерал И.Г. Эрдели писал любимой женщине М.К. Свербеевой 2 (15) мая 1918 г. почти в духе гоголевского Андрия Бульбы: «Черт с ней, с этой родиной, дряблой и прогнившей, мне нужна ты, если ты жива и цела, тогда все есть, и родина, и солнце, и свет, и радость, и жизнь, а нет тебя – никого нет и ничего нет, пустота и бессмысленность»^{III}. И в другом месте, через несколько дней: «Зачем мне Добровольческая армия, Россия, идея? Все мелочь и пустые забавы. Не мелочь – собственная душа и смерть – вот, что остается главным»^{IV}. Эрдели также писал о стремлении уклониться от службы, лишь бы быть рядом с возлюбленной, хотя и отмечал, что все его мысли на фронте^V.

Бывший генерал П.П. Лебедев в начале Гражданской войны вместе с большой семьей перебрался в Ейск, где завел двух коров и занялся огородничеством^{VI}. Лебедева приглашал в Добровольческую армию генерал М.В. Алексеев, но ответа не последовало, затем пришло приглашение в Красную армию от бывшего генерала А.О. Зундблада, Лебедев не ответил и на него. После того как весной 1918 г. Лебедева арестовали, его спасла как раз телеграмма с приглашением в Красную армию. Далее уже выбора не оставалось, и Лебедев пошел на службу в РККА, где вскоре занял высшие посты, став начальником ПШ РВСР, а позднее и Штаба РККА. Разумеется, о добровольности вступления в новую армию^{VII} при таких обстоятельствах можно говорить лишь условно.

Генерал В.И. Стойкин после службы в украинской армии в 1918 г. устроился директором-распорядителем торговой фирмы, затем был театральным актером, после чего генштабиста мобилизовали в РККА^{VIII}.

В группе устранившихся были также те офицеры, которые находились в 1917 г. за пределами России и не пожелали с началом Гражданской войны вернуться

^I Олохова О. И. Мы служили Отечеству: Воспоминания. СПб., 2012. С. 244.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 30б.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 52. С отличиями по другому оригиналу опубли. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 10–11.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 59; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 10–11.

^V Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 102–103.

^{VI} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев – первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 32–33; Каменева Н. С. Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982. С. 55.

^{VII} На службе в Красной армии: Документы и материалы о деятельности П. П. Лебедева. Чебоксары, 1991. С. 10.

^{VIII} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3065 (1919). Л. 11–110б.

в охваченную смутой страну, и те, кто уехал из России, спасая себя и своих близких и не желая втягиваться в братоубийство. Были здесь и те, кто переехал или остался жить на бывших национальных окраинах империи (Польша, Финляндия, Прибалтика). За рубежом находились многочисленные военные представители противоборствующих сторон, выполнявшие служебные поручения. Впрочем, последних нельзя считать уклонившимися от участия в Гражданской войне.

Определить численность уклонившихся затруднительно, тем не менее попытаемся это сделать, сопоставив официальные сведения о выпусках академии и материалы нашей базы данных (табл. 13).

Таблица 13

Выпуски академии (по годам) и их участие в Гражданской войне¹

Год выпуска из академии	Количество офицеров в выпуске	Количество выпускников в Генштабе (на 03.01.1917 г.)	Выпускники всех категорий, участвовавшие в Гражданской войне
1864	48	1	1
1865	15		
1866	10	1	
1867	22		
1868	26		1
1869	выпуска не было		
1870	23	1	
1871	24	2	
1872	15	2	
1873	17	1	
1874	23	4	3
1875	21		
1876	24	4	5
1877	25	4	
1878	55	12	9
1879	выпуск состоялся в 1878 г.	1	
1880	13	4	4
1881	51	9	8
1882	51	12	12
1883	69	14	11
1884	57	13	10
1885	58	15	17
1886	62	16	13

¹ Данные о количестве выпускников приведены по: Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в цифрах, фактах, документах, лицах. 190 лет. М., 2022. Данные на 3 января 1917 г. приведены по: Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 года (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. Данные по участию в Гражданской войне приведены по нашей базе.

Год выпуска из академии	Количество офицеров в выпуске	Количество выпускников в Генштабе (на 03.01.1917 г.)	Выпускники всех категорий, участвовавшие в Гражданской войне
1887	65	22	22
1888	36	17	20
1889	46	18	18
1890	49	14	15
1891	61	29	32
1892	67	27	35
1893	69	35	33
1894	57	29	50
1895	58	22	42
1896	69	22	34
1897	59	32	47
1898	91	47	62
1899	153	55	83
1900	103	48	65
1901	110	43	51
1902	103	58	76
1903	105	60	78
1904	96	60	70
1905	78	51	60
1906	70	42	56
1907	108	61	72
1908	83	54	72
1909	76	49	68
1910	74	47	61
1911	91	68	77
1912	112	93	103
1913	89	73	84
1914	76	69	70
1915	не менее 105	88	106
Всего	не менее 3068	1449	1756

В таблицу включены выпуски начиная с 1864 г., поскольку в Гражданской войне участвовал один из офицеров столь раннего года окончания академии. Не учтены пленные, без вести пропавшие и те, кто был определен на службу из отставки и запаса. В Гражданской войне также участвовали выпускники ускоренных курсов, о которых речь пойдет отдельно, офицеры, окончившие академию неудачно и недоучившиеся, те, кто вернулся из плена или поступил на службу из отставки. Поэтому из многих выпусков в Гражданской войне участвовало значительно больше офицеров, чем числилось в Генштабе. Также следует учитывать, что часть

офицеров погибли или скончались в 1917–1918 гг., следовательно, о количестве уклонившихся от войны можно говорить лишь приблизительно.

Российская Гражданская война традиционно изучается с позиций приоритета партийно-политической борьбы. С точки зрения внутрикорпоративного противостояния дореволюционной военной элиты события 1917–1922 гг. еще не рассматривались. Между тем этот фактор, несомненно, присутствовал – исследователям лишь нужно определить его реальное значение. Мы, например, твердо не знаем, что доминировало в выборе командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина – идейные установки, вынужденное сотрудничество с большевиками или же стремление помериться силами и доказать своим более удачливым до революции однокашникам и сослуживцам, оказавшимся по другую сторону фронта, в антибольшевистском лагере, что он как военный профессионал тоже чего-то стоит.

Возможно, не так далек от истины, как может показаться на первый взгляд, видный кадетский деятель Н.И. Астров, писавший в эмиграции генералу А.И. Деникину о том, что «офицеры Генерального штаба поделили Россию на белую и красную и вели на ней поединок...»¹ Другой представитель антибольшевистского лагеря, судебный деятель и журналист Н.Н. Чебышев, отмечал, что «Россию погубили офицеры Генерального штаба, так как это они создали Красную армию»². В теории, если бы представители военной элиты сохранили монолитность корпорации и избежали поступления (добровольного или вынужденного) в тот или иной лагерь Гражданской войны, военный разгром такого лагеря, лишенного квалифицированных командных кадров (а следовательно, самой возможности создать регулярную вооруженную силу), не представлял бы особой сложности. Именно так произошло с плохо организованными повстанцами-«зелеными»³. Однако никакого корпоративного единства, несмотря на множество самых разных связей между офицерами (родственных, дружеских, служебных), не было. Не было и возможности уклоняться от мобилизаций. Поэтому высказывание Чебышева остается хлестким и эмоциональным, но все-таки оторванным от реальности.

§ 2. Привлечение на службу и системы учета кадров Генерального штаба в противоборствующих лагерях

Развал единых вооруженных сил России в 1917–1918 гг., создание РККА и антибольшевистских формирований, а также появление новых национальных государств со своими армиями поставили на повестку дня вопрос об учете и использовании лиц с высшим военным образованием как наиболее квалифицированных офицерских кадров, без активного участия которых было невозможно осуществлять военное строительство. В связи с особой ролью кадров Генштаба только лица с высшим военным образованием и слушатели академии стали объектом

¹ ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 101. Л. 189.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.

³ Подробнее см.: Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018.

самого тщательного персонального учета в армиях воюющих сторон эпохи Гражданской войны.

В вооруженных формированиях противоборствующих сторон этот вопрос решался по-разному и с разной степенью эффективности. До наших дней сохранились списки выпускников академии Генерального штаба, составленные в РККА, у белых на Восточном и Южном фронтах, а также на Украине, сохранились и списки офицеров Генштаба, оказавшихся в эмиграции. Эти списки являются одним из основных исторических источников по проблеме участия офицеров Генерального штаба в Гражданской войне.

Сравнение этих списков, а также обстоятельств их подготовки представляет значительный интерес, поскольку позволяет установить, по каким принципам осуществлялся учет генштабистов в том или ином лагере, какая информация в их отношении считалась значимой, а какая – нет, какова была численность генштабистов и как она изменялась во время войны, а также насколько эффективно и точно осуществлялся учет, а следовательно, и использование этих высококвалифицированных кадров. Наконец, проблема учета напрямую связана с не менее острой проблемой распределения кадров Генштаба в Гражданскую войну между лагерями красных, белых и националистов (этим определением мы условно обозначаем национальные вооруженные силы государств, возникших на окраинах бывшей Российской империи).

Интереснейшие материалы кадрового учета генштабистов в РККА и в антибольшевистских армиях, хранящиеся в РГВА, до наших публикаций систематически не изучались. Так, оставалось неизвестным существование параллельного учета кадров Генштаба не только в ВГШ, но и в ПШ РВСР. Подобные пробелы в изучении организационной структуры РККА даже на уровне высших штабов ставят под вопрос адекватность современной историографии первых лет истории Красной армии. Соответственно оставались неизвестными все списки генштабистов, составленные ПШ РВСР. Кроме того, нами обнаружены, проанализированы и впервые введены в научный оборот материалы общих списков Генштаба РККА на начало и конец 1918 г., весну и осень 1919 г., а также на 1921 и 1922 гг., не говоря уже о включенных в базу данных частных списках, количество которых вообще не поддается учету. Точно так же, несмотря на публикацию отдельных разрозненных материалов, до наших работ не было попыток анализа списков Генштаба украинских формирований.

До революции учетом кадров Генерального штаба ведало делопроизводство по службе Генштаба отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ. Эти же функции оно сохранило и в выделяемый нами инерционный период в 1918 г. (когда уже при большевиках по инерции продолжали функционировать органы военного управления старой России). Большевики, унаследовав весь центральный аппарат управления старой армии, включая регистрационный аппарат ГУГШ, получили существенное преимущество перед своими оппонентами. В результате первые списки генштабистов в период Гражданской войны были составлены именно в Советской России. В дальнейшем в РККА сформировалась, на наш взгляд, наиболее совершенная система учета генштабистов. Это подтверждается не только значительной точностью списков и все возрастающей их полнотой, но также и тем, что РККА в 1918–1922 гг. безусловно и с большим отрывом лидировала по количеству

составленных списков Генерального штаба. Фактически начиная с 1918 г. ежегодно составлялось по одному-два больших общих списка, не считая множества мелких. На втором месте по этому показателю находились колчаковские вооруженные силы, в которых в 1919 г. также было составлено два общих списка, однако по своему объему эти списки не идут ни в какое сравнение с теми, что велись у красных.

Именно в красном лагере военспецами в качестве дополнения к печатному списку Генштаба на 1917 г. (по 3 января 1917 г. с изменениями по 8 февраля) был составлен самый первый список Генштаба периода Гражданской войны. Список по состоянию на 1 марта 1918 г. был подготовлен в Оперативном управлении ВГШ и, следовательно, датируется периодом не ранее 8 мая 1918 г., когда и был создан ВГШ. Единственный известный его экземпляр хранится в библиотеке РГВИА (инвентарный № 9923) в виде подклеенных к списку 1917 г. машинописных страниц с угасающим текстом, причем нумерация страниц совпадает с нумерацией списка 1917 г.

В примечании к списку было отмечено, что он, «являясь дополнением к списку Генерального штаба издания 1917 года (печатное), указывает последнюю должность и старшинство в чине каждого, объявленные в приказах армии и флоту по 15-XII-1917 включительно (когда прекратился выход этих приказов) или в приказах по Генеральному штабу после 15 декабря 1917 года... В список включены лица Генерального штаба выпуска 1916 года, переведенные в Генеральный штаб приказом армии и флоту 14 сентября 1917 года, и выпуск 1917 года, причисленный к Генеральному штабу приказом по Генеральному штабу 23 марта 1918 г. № 22... Настоящим списком можно пользоваться как отдельной книгой, так и подклеив отдельные страницы к соответствующим страницам списка Генерального штаба издания 1917 года... О всех замеченных неточностях и опечатках просят сообщить в отделение по службе Генерального штаба Оперативного управления Всероссийского главного штаба (Москва, Арбат № 37), прилагая в необходимых случаях копии приказов и документов»¹.

Фактически список показывал состояние корпуса офицеров Генерального штаба и изменения в нем на 1917 — начало 1918 г. Конечно, не обошлось без неточностей, связанных с тем, что часть генштабистов уже не занимали указанных должностей в старой армии, а находились в антибольшевистском лагере. По сути, список отразил лишь формальные назначения генштабистов по приказам, а не реальное положение вещей. Небезынтересно, что в некоторых случаях в списке отмечались факты нахождения генштабистов в рядах белых. Тогда персональные данные сопровождала отметка: «У белых». Подобной отметки удостоились почему-то лишь несколько офицеров, причем находившихся в белом лагере отнюдь не на первых ролях (И. Ф. Патронов, Л. А. Текелин, А. Д. Сыромятников). Указывалось, что А. М. Каледин и Н. Н. Янушкевич умерли. Кроме того, сведения о части генштабистов, вероятно, в связи с отсутствием данных об их службе, не вошли в список.

¹ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. Дополнение к списку Генерального штаба изд. 1917 г. М., 1918 // Библиотека РГВИА. Инв. № 9923. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 416–484.

Если в список Генштаба на 1917 г. включено, по подсчетам А. К. Баиова, 1517 генштабистов и 24 причисленных к Генштабу¹, а общая численность офицеров Генштаба к концу 1917 г., по данным генерал-лейтенанта В. Е. Борисова, составляла 1613 человек (к сожалению, источник этих данных нам неизвестен)², то в новом списке отражено существенно меньшее количество офицеров, прежде всего из-за отсутствия данных об их местонахождении. Всего в список включено 1335 человек, в том числе 15 плененных или пропавших без вести, 14 определенных на службу из отставки или запаса, 16 причисленных к Генштабу и переведенных в него и собственно 1290 полноценных генштабистов. Среди 1290 человек числились 87 генералов, 190 генерал-лейтенантов, 404 генерал-майора, 283 полковника, 264 подполковника и 62 капитана. Из них 23 значились умершими, 67 по разным причинам уволенными от службы. Среди 16 переведенных в Генштаб было 6 подполковников и 10 капитанов. В числе 14 определенных на службу из отставки и запаса было 4 генерала от инфантерии (1 уволен), 3 генерал-лейтенанта, 4 генерал-майора, 1 подполковник (уволен) и 2 капитана. Таким образом, на службе из них находились к концу 1917 г. только 12 человек.

В общей сложности, по данным списка, на службе состояли 1200 генштабистов, 16 переведенных в Генштаб и 12 определенных на службу и не уволенных с нее на конец 1917 г. Итого 1228 офицеров (трое из них упомянуты как находившиеся у белых). Кроме того, не вернулись из плена или числились пропавшими без вести еще 15 офицеров (среди них один умер и один, по данным списка, вернулся в Россию летом 1918 г.). При этом список не включал выпускников ускоренных курсов.

Нельзя не отметить, что этот список, будучи лишь дополнением списка 1917 г., мало что давал красным в плане использования указанных в нем лиц. Перемены, произошедшие с началом революции и Гражданской войны, с демобилизацией старой армии и образованием новых независимых государств (прежде всего Украины), были столь значительны, что вскоре учет генштабистов пришлось начинать буквально с нуля.

Параллельно велся учет выпускников ускоренных курсов академии, пополнявших ряды Генерального штаба. Приказом по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. к нему были причислены 165 выпускников двух академических курсов военного времени 1917 г.³ Приказом по ВГШ № 18 от 27 июня 1918 г. в Генштаб были переведены 133 выпускника старшего класса 2-й очереди, причисленные к Генштабу приказом № 22⁴. Перевод осуществлялся на условиях и правах выпускников

¹ Баиов А. К. Генеральный штаб во время Гражданской войны // Часовой (Париж). 1932. 15.07. № 84. С. 3.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 18.

³ Среди них 158 ранее окончили младший класс 2-й очереди, 5 — младший класс 1-й очереди (штабс-капитаны С. И. Вецкий и Васильковский (в списке выпускников не значится), есаул И. В. Дорофеев, капитан А. А. Мартягин, подесаул Г. П. Орешкин) и двое — младший класс академии до 1914 г. (капитаны И. И. Граужис и В. В. Селенинов).

⁴ Список переведенных: П. Т. Акутин, В. Л. Баранович, И. И. Бартельс, Л. С. Безладнов, В. В. Белецкий, И. М. Биркан, В. И. Боголепов, В. В. Божко, Ф. Н. Боровский, Н. Е. Варфоломеев, А. Ф. Васильев, Н. П. Величкин, А. Н. Виноградов, А. П. Вохмин, С. Н. Вышемирский, Е. М. Гарабурда, Е. М. Голицын, С. Н. Голубев, И. И. Граужис, Ю. И. Григорьев, Ф. Н. Гришин, Н. В. Громов, Х. В. Гуртовенко, А. С. Дзагания, Н. Н. Долинский, Н. Н. Доможиров, Н. И. Дроздовский, Т. Д. Дубинин, М. А. Дулов, Г. С. Дьяков, А. Ф. Ефремов, Н. Я. Забегалов, П. А. Захаров, В. Г. Зиверт, Г. К. Иванов, Н. В. Иванов, Я. К. Ивасиов, Е. П. Ильин, Е. И. Исаев, Н. И. Кадников, Н. И. Камкин, Н. А. Карганов, А. В. Кирпичников, Н. А. Киселев, А. К. Климовецкий, Т. С. Косач,

1915 и 1916 гг., объявленных в приказе по Генеральному штабу № 14 от 14 августа 1916 г. В силу обстоятельств у красных должна была оказаться большая часть выпускников старшего класса 2-й очереди, тогда как аналогичный выпуск 3-й очереди оказался в основном у белых.

Одним из факторов, затруднявших учет, было то, что при осуществлении выборного начала в армии в 1917 г. часть генштабистов не были избраны на свои прежние должности и оказались не у дел. В связи с этим начальник штаба Верховного главнокомандующего 11 декабря 1917 г. возбудил ходатайство о разработке правительственного распоряжения по вопросу назначения специалистов Генерального штаба, но окончательного решения по данному вопросу не последовало¹. Изменения в служебном положении генштабистов отражались в приказах по армии и флоту до 15 декабря 1917 г. и в приказах по Генеральному штабу с 1 января 1918 г. В связи с демобилизацией армии после 16 февраля 1918 г., когда началось немецкое наступление, многие штабы и управления, включая Ставку, были расформированы, а состоявшие в них генштабисты разъехались по стране, получив документы об увольнении в длительные отпуска. Адресов уехавших в ГУГШ не имелось. Кроме того, штабы Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов вообще оказались отрезаны от Центральной России. Сведения из этих штабов поступали в ГУГШ крайне редко. Сравнительно полные данные были лишь по Северному фронту и некоторой части Западного. Часть офицеров-генштабистов, не зная обстановки и условий приема в новую армию, после демобилизации заняла выжидательную позицию.

В условиях дезинтеграции страны, существования внутренних фронтов и разрухи единый централизованный учет генштабистов, который велся прежде, оказался затруднен до предела. Однако первыми его восстановлением занялись красные. К весне — лету 1918 г. относятся их первые попытки провести, пока еще на добровольных началах, регистрацию выпускников академии.

Выдвигались различные предложения о том, как следует привлекать специалистов в новую армию. Один из проектов под названием «О привлечении в ряды

П. А. Кривченко, Б. И. Кузнецов, А. И. Кук, П. В. Куликов, Г. Я. Кутырев, Б. П. Лапшин, В. Д. Латынин, А. Ф. Легин, А. Н. Леонов, Н. Д. Либус (Либусь), Э. К. Лус (Лусь), С. С. Любинский, А. Д. Лютов, П. И. Ляшко, П. М. Майгур, А. К. Македонский, В. И. Максимов, А. И. Макулович, А. К. Малышев, В. Н. Маслов, Г. О. Маттис, А. Н. Машин, А. И. Медель, П. А. Мей, И. Д. Моденов, М. В. Молкочанов, А. Н. Николаев, Н. А. Никольский, П. И. Олейников, И. Ф. Ораевский, А. П. Панкратьев, А. Г. Пахомов, В. М. Пегушин, С. И. Петров, С. В. Пирог, С. Г. Плюто, А. И. Побыванец, М. А. Поликарпов, И. Н. Полковников, И. Н. Полозов, В. З. Полюшкин, В. Л. Пятницкий, В. Ф. Ржецкий, Н. Н. Розанов, В. Г. Розенберг, И. И. Рославцев, М. Я. Савич, Г. Б. Салимов, В. И. Самуйлов, С. К. Сахаров, В. В. Селенинов, С. К. Сидорович, А. Л. Симонов, Б. Н. Скворцов, Н. И. Сластенок-Сластенко, П. П. Слицкоухов, М. К. Соломахин, В. А. Срывагин, В. Е. Стасевич, Р. Е. Стокальский, П. М. Стрыхарь, В. Ю. Стульба, Е. В. Сысоев, В. И. Тарасов, В. Ф. Тарасов, Г. И. Теодори, К. П. Тераевич, В. Э. Томме, М. Н. Третьяков, В. В. Трофимов, Я. С. Туров, Б. Н. Тюренков, И. И. Фалилеев, И. М. Финицкий, К. С. Хитрово, В. В. Хрулев, И. А. Хрыпов, В. М. Цейтлин, Б. Ф. Черниговский-Сокол, А. С. Чернышев, И. Г. Чечелашвили, И. Д. Чинтулов, Н. И. Шило, Н. В. Энглер, А. П. фон Энден, Я. Я. Юршевский, Н. В. Яковский (см.: РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 23–25; Оп. 5. Д. 1123. Л. 142. Список опубликован в: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 530–534).

¹ Удалось лишь добиться признания генштабистов специалистами, что давало им соответствующее содержание (телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего № 225 от 21 января 1918 г.), генштабисты на фронтах должны были назначаться на должности Генерального штаба, не занимавшим должностей выплачивалось жалование по последней должности, но в соответствии с приказом по военному ведомству № 5 за 1918 г. находившиеся в резерве чинов увольнению не подлежали (кроме как по собственному желанию), а направлялись в распоряжение начальников фронтовых штабов, что привело к созданию запасов лиц Генштаба при штабах фронтов (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 314–314об.).

новой армии бывш[их] офицеров Генерального штаба» был выработан в штабе Военного совета Северного участка и Петроградского района в апреле 1918 г. и сохранился в виде черновика. Документ должен был быть направлен в ВВС. В проекте отмечалось, что «исключительно трудные условия воссоздания новой армии требуют принятия самых энергичных мер для привлечения к этой работе опытных специалистов военного дела, обладающих высшим образованием и большим опытом»^I.

Составители констатировали, что в органах управления района ощущался недостаток опытных работников – бывших офицеров Генштаба. Объяснение этому давалось следующее: «Сравнительно меньший приток чинов, обладающих высшим военным образованием, объясняется общей неуверенностью в прочности нового дела и, главным образом, большей возможностью означенным чинам найти хорошо оплачиваемую частную службу»^{II}. Выпускники ускоренных курсов «хотя и представляют очень ценный материал, являясь молодыми и энергичными работниками, прошедшими хорошую боевую школу, но все же не могут восполнить недостаток в опытных офицерах Генерального штаба»^{III}, необходимых для замещения старших, ответственных должностей»^{IV}.

В документе предлагалось следующее: «Для привлечения старых офицеров Генерального штаба»^V, обладающих качествами, столь необходимыми для участия в деле строительства вооруженных сил республики, должны быть приняты срочные меры.

Следовало бы обратиться с особым воззванием к Генеральному штабу, указав на ответственность их перед Родиной за успешное воссоздание мощной российской армии, и увеличить содержание всем чинам, получившим специальное (высшее) военное образование (в виде %-й прибавки к жалованью, может быть, установив известные градации процентной нормы»^{VI} особых суточных в командировках и пр.).

Мнения. На основании изложенного полагал бы:

1) Опубликовать воззвание к Генеральному штабу с призывом прийти в народную армию.

2) Произвести регистрацию Генерального штаба по районам»^{VII}.

3) Увеличить содержание военнослужащим народной армии, получившим»^{VIII} специальное военное образование.

С[о] своей стороны немедленно приступаю к регистрации всех бывш[их] офицеров Генерального штаба, уволенных от службы и проживающих в пределах Северного участка и Петроградского района»^{IX}.

Однако понимание необходимости привлечения генштабистов в новую армию сложилось и в центре. Служивший в Оперативном управлении ВГШ С.Д. Харламов

^I РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 72. Л. 40.

^{II} Там же.

^{III} Далее вписано «и иных специалистах».

^{IV} РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 72. Л. 40.

^V Слова «Генерального штаба» исправлены на «академиков».

^{VI} Со слов «может быть» до «нормы» вычеркнуто. Вписано «и».

^{VII} Вычеркнуто.

^{VIII} Далее вписано: «высшее». Пункт изменен на 2.

^{IX} РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 72. Л. 40–40об.

вспоминал: «Я ведал отделением службы Генерального штаба. В начале [19]19 г.¹ у нас была потребность в командн[ом] составе на 2 фронтах — Восточном и Южном. Приходилось чуть не ежедневно через посредство милиции выуживать генштабистов для пополнения фронтов. Учета их не было. Вначале приходилось просто по памяти, что где-то в Москве встретил, или по далеко не полным сведениям, полученным из милиции, делать выборки. Это, конечно, не нравилось им, и я получил звание “гицеля” (ловитель бродячих собак).

По мере организации на местах военкоматов ко мне начинали поступать учетные сведения на лиц, окончивших академию, и я приступил к составлению и печатанию списка Генер[ального] штаба”.

С одной стороны, дело осложнялось тем, что после демобилизации в начале 1918 г. генштабисты стали возвращаться по домам и разъехались по всей стране. Но, с другой, после короткого отдыха многие из них, оставшись не у дел и лишившись жалованья, начали писать в феврале — апреле 1918 г. в органы военного управления в Москву запросы, пытаясь выяснить, не предполагаются ли новые назначения и каково положение бывших офицеров Генштаба. Таким образом, эти прошения стали документальной основой начавшейся вскоре регистрации кадров Генштаба.

Некоторые прошения содержали едва сдерживаемую обиду: «Если Генеральный штаб Российской республике больше не нужен, то прошу выслать мне документ о моей отставке...» — писал начальнику Генштаба 29 марта 1918 г. подполковник А. Н. Дульцев^{III}.

Показательно письмо подполковника И. И. Терванда (впоследствии известного белого генерала И. И. Смольнина-Терванда), написанное 16 мая 1918 г. в городе Петровске Саратовской губернии: «М[илостивый] г[осударь]. Не зная, кто ведает в Главном управлении в настоящее время делопроизводством по службе офицеров Генерального штаба, обращаюсь этим письмом на имя указанного делопроизводства. Очень был бы благодарен за краткое сообщение, каково положение нас, б[ывших] офицеров Генерального штаба, после расформирования прежней армии, будут ли нам предлагаться какие-либо должности в[о] вновь формируемых штабах, каким порядком производится замещение этих должностей, имеются ли вообще какие-либо указания высших властей военного ведомства, так или иначе определяющие наше положение? Рапортом № 667 от 25 апреля я донес начальнику Генерального штаба, что освободился от последней занимаемой должности (наштакора^{IV} 49[-го] арм[ейского]), и просил о предоставлении какой-либо другой во вновь формируемых штабах. Если окажется возможным, прошу не отказать сообщить также мне результаты этого ходатайства...»^V Терванд получил назначение в штаб Северо-Кавказского военного округа, но уже в августе 1918 г. перешел на сторону белых.

Подобные письма, которых было немало, связаны как с традициями воинской дисциплины, так и с потребностью генштабистов материально обеспечивать свои

^I Судя по контексту, речь идет о 1918 г.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 231 (172). Л. 15.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 66об.

^{IV} Начальника штаба корпуса.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 142–142об.

семьи. Дело в том, что при расформировании штабов и управлений старой армии в начале 1918 г. бывшие офицеры Генерального штаба подлежали увольнению на общих основаниях и никуда не командировались^I. В результате множество выпускников академии оказались не только не у дел, но и без средств к существованию. К концу марта некоторые уже четвертый месяц не получали содержания. Не только политическая обстановка в стране, но даже и собственное будущее для них оставались совершенно неясными. В не менее сложном положении оказались многие выпускники ускоренных курсов академии, порой сталкивавшиеся даже с угрозой голода^{II}.

12 апреля 1918 г. ВВС был утвержден доклад военрука М.Д. Бонч-Бруевича № 731^{III}, возлагавшего на начальников главных управлений Народного комиссариата по военным делам организацию учета лиц со специальной военной подготовкой и на начальника Генерального штаба – организацию учета бывших офицеров Генштаба. В докладе говорилось: «При проведении в жизнь военно-окружной реформы, для предстоящих новых формирований постоянной армии, а также для службы в частях завесы нужны офицеры Генерального штаба. В настоящее время правильный учет названных офицеров не ведется, без чего нельзя соответственно использовать имеющийся запас лиц с[о] специальной подготовкой. Полагаю необходимым поручить начальнику Генерального штаба незамедлительно установить и дальше вести учет всех офицеров Генерального штаба. Точно так же необходимо поручить всем начальникам главных управлений Народного комиссариата по военным делам установить и вести учет всем офицерам и военным чиновникам по всем соответствующим военным специальностям. Все учетные списки в копии должны сообщаться в Аттестационную комиссию, образованную на основании приказа Народного комиссариата по военным делам № 268, от 5 апреля сего 1918 года. М. Бонч-Бруевич»^{IV}.

На докладе имелись резолюции Н.И. Подвойского, Л.Д. Троцкого и других руководителей советского военного ведомства. Суть резолюций сводилась к конкретным предложениям по организации учетного дела, в том числе к тому, что необходимо срочно разработать основания для организации учета, обязать все довольствующие главные управления организовать подобный учет, передать доклад Н.М. Потапову для направления бывших офицеров по специальностям и т.д. Важно отметить, что одним из оснований учета было нахождение специалиста на довольствии, что, конечно, позволяло сравнительно легко зарегистрировать такого человека. Другое дело, что огромная масса бывших офицеров к этому времени на довольствии уже не состояла и разъехалась по стране. Регистрация этой категории офицеров и представляла наибольшую трудность.

Вслед за утверждением доклада было издано постановление ВВС «об установлении регистрации во всей стране всех без исключения бывших офицеров Генерального штаба»^V. После этого в том числе на основе цитировавшихся выше писем,

^I Там же. Л. 51.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 24.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 313.

^{IV} Там же.

^V РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

которые аккуратно подшивались в дела по учету выпускников академии, началось составление секретных списков генштабистов, желавших служить в новой армии^I.

При демобилизации старой армии ряд генштабистов были назначены в распоряжение начальника Генштаба, что позволяло их сохранить для дальнейшей службы. Позднее, когда стала формироваться Красная армия, резервистов было удобно запрашивать по списку на предмет их желания получить назначение^{II}. Если ответа до 1 июня 1918 г. не поступало, по предложению управляющего делами Наркома-та по военным делам Н.М. Потапова таких лиц следовало увольнять со службы^{III}.

Еще одним источником сведений о генштабистах стали их непосредственные обращения в делопроизводство по службе Генерального штаба. По имеющимся данным, лично явились предложить свои услуги и высказать пожелания в отношении места предстоявшего назначения порядка 430 человек^{IV}. Среди них будущие участники Белого движения, видные деятели национальных армий, такие как будущий эстонский генерал И.Я. Лайдонер, известные впоследствии деятели антибольшевистского лагеря генералы Б.П. Богословский, В.Г. Болдырев, Б.В. Геруа, В.Н. фон Дрейер, В.Д. Космин, С.Н. Люпов, Алексей А. Мурузи, П.П. Петров, И.В. Тонких и многие другие. Визитеры вносились в списки (№ 5–17, подробнее см. ниже). Исходя из наличия среди предлагавших свои услуги многих известных перебежчиков, можно сделать вывод о том, что эти посещения имели место весной – летом 1918 г., предположительно начиная с апреля – мая, но не позднее июля. Кроме того, внесение некоторых посетителей в списки, датированные лишь сентябрем 1918 г. (когда многие уже оказались по другую сторону фронта), свидетельствует о запаздывании в деле подготовки и публикации списков на два-три месяца, а возможно, и на более продолжительное время.

Первые списки (№ 1 и 2) генштабистов были составлены в делопроизводстве по службе Генерального штаба отдела первого генерал-квартирмейстера ГУГШ (Москва, ул. Большая Дмитровка, 15) во второй половине апреля 1918 г.^V Самый ранний из них датирован 17 апреля 1918 г. (т.е. пятью днями позже утверждения доклада ГУГШ), что не может не свидетельствовать о том, что к середине апреля в ГУГШ имелись в подготовленном виде первые списки. О планомерной работе свидетельствует, в частности, тот факт, что автор цитированного ранее прошения от 4 апреля, Ф.Л. Григорьев, был учтен во втором списке, датированном 23 апреля. Бывший генерал-майор А.О. фон Штубендорф, подавший прошение 11 апреля, был учтен также уже во втором списке. Для ориентировки бывших офицеров Генштаба телеграммы с предложениями сообщать свои адреса предполагалось разослать во все столичные и провинциальные газеты через бюро печати^{VI}.

^I А. Г. Кавтарадзе в своей работе ошибочно писал, что списки были присланы (без указания откуда и с какой целью) в делопроизводство по службе Генерального штаба (Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 191), однако на самом деле они там составлялись на основе поступающих исходных данных.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117. Л. 53об., 68.

^{III} Там же. Л. 72об.

^{IV} Подсчитано по: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 557–582. Впрочем, полной уверенности в том, что все указанные в списке побывали в делопроизводстве лично, быть не может. Тем более что в списке встречаются ошибки даже в именах-отчествах отдельных выпускников академии.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 74.

^{VI} Там же. Л. 305.

В дальнейшем учетная работа была сосредоточена в отделении по службе Генерального штаба Оперативного управления ВГШ. Система учета кадров Генштаба, сложившаяся в РККА к середине 1918 г. в результате создания этих списков, представлена ниже (табл. 14; в примечаниях генштабисты указаны поименно в той же последовательности, что и в списках).

Таблица 14

**Система учета кадров Генштаба РККА в апреле — июле 1918 г.
по спискам ВГШ¹**

№ списка	Дата составления	Количество зарегистрированных генштабистов
№ 1	17.04.1918	29 (28) ^{II}
№ 2	23.04.1918	11 ^{III}
№ 3	30.04.1918	14 ^{IV}
№ 4	09.05.1918	7 ^V
№ 5	21.05.1918	13 ^{VI}
№ 6	27.05.1918	11 ^{VII}
№ 7	01.06.1918	14 ^{VIII}
№ 8	07.06.1918	37 ^{IX}
№ 9	16.06.1918	75 (74) ^X

¹ Сост. по: РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36.

^{II} Г. К. Корольков, В. А. Соковнин, В. В. Ступин, В. А. Вишневский, Н. В. Пневский, Г. Д. Перлик, Н. Н. Лео, П. И. Поляков, Г. А. Плющевский-Плющик, В. Е. Медиокритский, И. Х. Паука, В. Н. Гущинский, В. Н. Свяцкий, А. В. Косматов, В. К. Гершельман, Е. Э. Гегстрем, Н. М. Щербаков, В. В. Шестун, В. М. Мельницкий, Н. А. Петров, А. Г. Оранский, К. В. Ивановский (на самом деле, видимо, В. А. Ивановский), К. В. Иванов, И. И. Терванд, Л. А. Шумов, Н. Е. Щепетов, Н. Н. Гурко-Омелянский, В. П. Сияльский, М. Н. Земцов (в других экземплярах списка отсутствует).

^{III} Ф. Е. Огородников, А. И. Федотов, П. И. Соловкин, А. К. Андерс, В. А. Косяков, Ф. Л. Григорьев, А. О. Штубендорф, С. М. Шейдеман, П. В. Чеснаков, А. А. Герарди, В. Н. Майдель.

^{IV} И. С. Калужный, С. К. Сегеркранц, В. Н. Сухорский, А. Н. Цурпалев, С. А. Зубов, В. П. Глаголев, И. К. Серебrenников, Н. Н. Тарбеевский, А. А. Яковлев, Н. П. Сапожников, А. И. Нестеровский, А. Л. Чайков, К. П. Артемьев, Г. К. Ерофеев.

^V В. О. Каппель, И. П. Орешкин, Н. Н. Максимовский, А. Я. Нарышкин, В. С. Михеев, П. А. Ситников, И. И. Щолоков.

^{VI} С. Н. Гальслебен, С. А. Баранов, А. И. Сандер, Н. К. Раша, С. Н. Драновский, М. М. Махов, Г. А. Армадеров, В. Н. Сухорский (указан в списке № 3), А. Н. Гатовский, Н. И. Попов, Е. Н. Ригельман, В. Н. Ставрович, М. А. Орлов.

^{VII} А. К. Македонский, Я. К. Ивасиов, А. Н. Николаев, Н. А. Лащилин, И. В. Тонких, А. К. Фрейман, П. Д. Скрябин, В. В. Новиков, К. Н. Андрусов, С. И. Одинцов, Г. А. Шпилько.

^{VIII} А. А. Душкевич, Л. Л. Ключев, Н. В. Туношенский, С. И. Верховский, А. И. Жнов, И. И. Защук, А. Л. Певнев, А. Т. Антонович, В. А. Леонтьев, И. В. Высоцкий, Н. В. Соллогуб, В. Н. Соколов, Н. К. Боровский, М. А. Баторский.

^{IX} О. Г. Дитц, Н. Н. Мартынов, Р.-К. Ф. Вальтер, В. А. Липский, А. Д. Тарановский, С. Н. Розанов, А. Ф. Кадошников, А. С. Преображенский, Н. Н. Максимовский (уже упоминался в списке № 4), В. В. Далер, А. И. Беляев, А. А. Самойло, А. С. Гришинский, Г. М. Тихменев, З. И. Зайченко, А. И. Кабалов, Г. Н. Хвоцинский, В. Н. Чернышев, Р. И. Дубинин, Н. Э. Борицкий, Н. Т. Раздоров, А. А. Сурнин, П. М. Васильев, К. Ю. Берендс, П. П. Петров, А. И. Крюгер, Г. К. Акинтьевский, Л. А. Текелин, Н. Д. Ливенцев, В. В. фон Нотбек, Д. Н. Надежный, В. П. Широков, С. К. Гиндце, И. Н. Полковников, В. П. Глаголев (упоминался в списке № 3), А. Н. Ковалевский, Ф. Е. Махин.

^X Г. Н. Дмитриев, Е. Е. Шишковский, В. М. Смирнов, Н. В. Лисовский, Н. Н. Петин, М. Н. Земцов (также указан в одном из вариантов списка № 1), В. П. Ульянин, Е. И. Новаков, А. В. Панов, Ф. П. Шафалович, Д. П. Парский, И. Г. Пехливанов, Б. В. Малютин, З. Ф. Церетели, П. Н. Буров, С. С. Каменев, А. К. Коленковский, И. А. Хрыпов, А. И. Медель, Н. С. Елизаров, А. А. Свечин, В. Л. Баранович, А. И. Кук, В. Д. Латынин, А. Ф. Васильев, Г. С. Дьяков, И. Р. Гетманцев, К. Н. Зильберман, Г. Б. Салимов,

№ списка	Дата составления	Количество зарегистрированных генштабистов
№ 10	20.06.1918	21 ^I
№ 11	30.06.1918	85 ^{II}
№ 12	06.07.1918	21 ^{xiii}

Первоначально списки включали небольшое количество военспецов, однако со временем ситуация кардинально изменилась. Так, список № 11 к 30 июня включал уже 85 человек и оказался самым большим. В общей сложности 12 списков содержали сведения о 330 бывших офицерах-генштабистах или причисленных к Генеральному штабу (один человек в списке № 9 был пропущен, еще семеро в различных списках указаны дважды). Учет не всегда велся достаточно тщательно, поскольку в списках не у всех зарегистрированных указывались имена и отчества, случались и ошибки. Регистрационная работа шла сравнительно медленно, поскольку Оперативное управление не могло поддерживать связь со всеми новыми формированиями, а назначения генштабистов часто шли в обход управления, осуществлялись непосредственно командирами, причем без уведомления учетных органов. Подробные персональные сведения теперь стали в основном указываться в учетных карточках, частично сменивших прежние послужные списки и краткие записки о службе.

Задачей составителей списков было установить пожелания генштабистов в отношении назначений (в какие округа и на какие должности они стремились попасть), чтобы в дальнейшем предложить им соответствующие вакансии. Первые два списка были разосланы военным руководителям военных округов, районов

И. Ф. Ораевский, П. М. Стрыхарь, П. И. Олейников, И. М. Финицкий, В. В. Хрулев, К. В. Алексеев, Н. С. Махров, А. Н. Ягода, В. В. Божко, Н. И. Сластинок-Сластенко, Н. И. Камкин, Ф. Ф. Новицкий, А. В. Смирнов, В. В. Сергеев, А. М. Перемытов, М. В. Молочанов, И. Н. Полозов, С. К. Сидоровнин, А. В. Кирпичников, Н. Я. Забегалов, В. М. Цейтлин, А. П. Панкратьев, В. Н. Егорьев (указан с ошибочным именем), Е. П. Ильин, И. Е. Поливанов, Р. Е. Стокальский, М. А. Дулов, К. К. Баиов, Л. А. Радус-Зенкович, Н. Г. Семенов, В. Э. Томме, А. Н. Виноградов, Г. Я. Кутырев, А. Н. Суворов, В. Е. Волков, Я. С. Туров, И. И. Граужис, Н. А. Никольский, Н. Н. Хворостанский, Ф. М. Дробыш-Дробышевский, Г. Д. Суходольский, Б. В. Гонтарев, А. А. Лауриц, М. Я. Савич, А. Е. Снесарев. Один из военспецов в списке пропущен.

^I С. И. Богданович, С. А. Пугачев, М. Е. Солнышкин, П. А. Кривченко, Л. М. Болховитинов, М. Д. Бонч-Бруевич, К. И. Бесядовский, И. А. Войтына, Ф. Н. Гришин, Н. Н. Долинский, Димов (?), возможно, А. Д. Диков), Г. С. Дьяков (упоминался в списке № 9), С. Г. Лукирский, А. П. Медведев, В. И. Михайлов, Г. А. Муханов, Ф. А. Подгурский, М. А. Поликарпов, Н. А. Сулейман, Б. М. Шапошников, Н. Е. Щепетов (указан в списке № 1).

^{II} А. И. Анисимов, И. А. Бардинский, Н. П. Борисов, М. А. Беляев, В. А. Брендель, А. М. Валуев, Б. В. Геруа, В. Ф. Голубев, П. Н. Гусаковский, П. И. Ермолин, С. П. Илинский, В. Г. Козаков, А. Г. Кузьмин, П. А. фон Лайминг, М. Е. Леонтьев, П. П. Любомиров, А. А. Мурузи, В. В. Сахаров, С. А. Сухомлин, Н. Н. Усов, А. Д. Шеманский, А. А. Якимович, Л. К. Александров, А. А. Бармин, Н. Н. Берман, В. П. Гильбих, А. Ф. Добрышин, Н. А. Дистерло, А. Г. Кеппен, В. В. Костяев, В. А. Ольдерогге, Е. Б. Плотников, Б. П. Поляков, В. В. Салов, Д. П. Стихий, Л. Ф. Суров, К. А. Умнов, М. В. Цыгальский, Б. Н. Шавров, В. И. Шишкин, Н. В. Громов, Х. В. Гуртовенко, Н. Н. Доможиров, Н. И. Дроздовский, А. Ф. Ефремов, П. А. Захаров, В. Г. Зиверт, Е. И. Исаев, Н. И. Кадников, С. М. Казаков, Т. С. Косач, Э. К. Лус, А. Д. Лютов, А. И. Макулович, А. К. Малышев, В. Н. Маслов, М. И. Матянов, А. Н. Машин, П. А. Мей, М. А. Михайлов, И. Д. Моденов, С. Г. Плютю, А. И. Побыванец, В. З. Полюшкин, И. И. Попов, Полковников (ранее указанный в списке № 8 И. Н. Полковников), В. Ф. Ржежицкий, Н. Н. Розанов, В. Г. Розенберг, А. С. Ролько, С. К. Сахаров, П. А. Сверчков, Б. Н. Скворцов, П. П. Слицоухов, В. А. Срывагин, В. Е. Стасевич, В. Ю. Стульба, Е. В. Сысоев, В. В. Трофимов, К. С. Хитрово, И. Д. Чинтулов, Н. И. Шило, Н. В. Энглер, Я. Я. Юршевский, Н. В. Яковский.

^{xiii} А. Н. Апухтин, А. В. Афанасьев, О. А. Бертельс (Бертов), П. С. Максимович, Г. И. Ностиц, А. Ф. Паннаш, В. Я. Пиковский, С. В. Покатов, П. М. Смоляк, П. П. Сытин, М. Н. Суворов, С. В. Томилин, Л. С. Туган-Барановский, Н. В. Хенриксон, А. И. Черепеников, П. Ф. Шнабель, П. Н. Шифрин, Е. А. Шиловский, С. Н. Люпов, Л. И. Дубов, А. Н. Гадзяцкий.

и отрядов, а также в ВВС^I. В штабах данные списков проверялись, отмечались неточности, вносились дополнения на основе местных сведений, согласовывались вопросы назначений генштабистов на местах и присылались заявки на военспецов. Списки также направлялись в Высшую аттестационную комиссию. Дополнения по спискам с мест активно шли в центр до августа 1918 г. После этого, видимо, централизованная система учета стала достаточно самостоятельной. Разумеется, эти списки еще нельзя рассматривать как перечень военспецов, служивших в РККА. Лишь в некоторых из них содержались сведения о генштабистах, уже получивших назначения, но прежде всего речь шла только о пожеланиях тех или иных бывших офицеров.

В те месяцы буквально случайное стечение обстоятельств могло изменить судьбу человека и даже стоять ему жизни. Например, выпускник академии подполковник А. Н. Дульцев трижды (10 и 29 марта, а также 17 апреля 1918 г.) безуспешно обращался с просьбами о зачислении его на службу в РККА. Однако посылавшиеся ему ответы возвращались, поскольку сообщение с Кубанской областью, где жил заявитель, было прервано^{II}. Нельзя исключать того, что офицер в дальнейшем оказался в антибольшевистском лагере, тем более что происходил из кубанских казаков.

Проследим изменение названий списков на протяжении их составления, свидетельствующее и об изменении отношения к осуществляемой учетной работе. Так, первый список был озаглавлен «Список офицеров Генерального штаба, заявивших о своем желании получить назначения на соответствующие должности при предстоящих новых формированиях постоянной армии». Начиная с 8-го списка формулировка меняется. Теперь это «Список бывших офицеров Генерального штаба, зарегистрированных в отделении по службе Генерального штаба Всероссийского главного штаба на основании постановления Высшего военного совета для назначения на соответствующие должности при предстоящих новых формированиях постоянной армии»^{III}. Между этими двумя заголовками принципиальная разница. Офицеры теперь обозначены как «бывшие», а прежнее указание на добровольность учета исчезло. В списке № 10 вновь частично использована старая формулировка «Список офицеров Генерального штаба, заявивших о своем желании получить назначения на соответствующие должности при предстоящих новых формированиях постоянной армии, а также и получивших уже назначения». Такая формулировка сохранялась до 12-го списка.

Помимо регистрации генштабистов в ГУГШ и в ВГШ регистрации производились и в штабах войск завесы^{IV}. Учет на местах нередко осуществлялся путем личных опросов бывших офицеров^V. Кроме того, с 7 мая 1918 г. в РККА по решению Наркомата по военным делам появились учетные карточки, в том числе на генштабистов^{VI}.

Военрук ВВС М. Д. Бонч-Бруевич считал необходимым зарегистрировать офицеров Генштаба, после чего перейти к системе обязательных назначений

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 74.

^{II} Там же. Л. 155об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916. Л. 9–9об.

^V РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 48.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 235. Л. 174.

зарегистрированных по их специальности^I. Именно в этом направлении и стал развиваться учет кадров Генштаба в Советской России. Переход от добровольной к добровольно-принудительной регистрации был постепенным, и изменившаяся формулировка названия списка лишь обозначила вектор предстоявших кардинальных изменений. Регистрация по постановлению ВВС № 8/8, принятому на заседании 11 июня и подписанному Л.Д. Троцким, Э.М. Склянским и В.А. Антоновым-Овсеенко, проводилась до 1 августа. В некоторых документах указывается на обязательный характер данной регистрации, касавшейся всех «лиц Генштаба»^{II}, однако это неверно, так как постановление начиналось со слова «предложить»^{III}. Постановление было напечатано в газетах и гласило:

«1) Предложить в течение определенного, по возможности короткого срока всем служившим в Генеральном штабе лицам, не имеющим в настоящее время должностей, зарегистрироваться в оперативном отделе (в делопроизводстве по службе Генерального штаба) Всероссийского главного штаба.

2) Все не зарегистрировавшиеся будут считаться не желающими продолжать далее службу и потому уволенными навсегда от службы в Генеральном штабе.

3) Из числа зарегистрировавшихся предлагать вакансии по мере их открытия; отказавшиеся от 2-х предложений считаются отказавшимися от дальнейшей службы в Генеральном штабе»^{IV}.

Главная угроза постановления (увольнение навсегда от службы в Генштабе в случае непрохождения регистрации) в обстановке неизвестности, характерной для первой половины 1918 г., звучала достаточно весомо. Как видно из документа, допускалось не более двух отказов от предлагавшихся должностей, в противном случае генштабисты также подлежали увольнению.

Во исполнение этого постановления начальник ВГШ Н.Н. Стогов предлагал зарегистрироваться всем ранее служившим в Генштабе лицам, до сих пор не занимавшим должностей. Регистрация должна была осуществляться по месту жительства. Начальники штабов военных округов, управлений, инспекций формирования, штабов дивизий и отрядов были обязаны представить в Оперативное управление ВГШ списки зарегистрированных лиц Генштаба, а также списки всех генштабистов, получивших назначения, и перечень вакантных должностей Генерального штаба. Для не имевших назначений предлагалось сообщать фамилию, имя, отчество, прежний чин, год выпуска из академии и последнюю должность, подробный адрес и в примечании то, какую должность желал бы получить генштабист. Получившие назначения должны были указывать фамилию, имя, отчество, прежний чин, год выпуска из академии, занимаемую должность и размер месячного содержания. Особо указывалось, относилась ли занимаемая должность к Генштабу и по каким штатам был сформирован штаб^V.

По мере заполнения вакансий предполагалось замещать должности причисленными с переводом их в Генштаб. Между тем из 165 причисленных к Генштабу

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 55.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 67об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 296.

^{IV} Там же.

^V Там же. Л. 318об.

135 уже имели назначения. В это время существовало 158 вакансий (20 — в штабах районов и отрядов завесы, 13 — в штабах военных округов, 103 — во вновь формирующихся дивизиях и 22 — в военных комиссариатах), тогда как число кандидатов было в семь раз меньшим. До 15 июня было зарегистрировано 245 генштабистов, не считая служащих центральных управлений и преподавателей академии, в том числе 224 получили назначения, а 21 сделаны предложения о назначениях^I. Эти сведения в целом соответствуют имевшимся в штабе Добровольческой армии разведанным о том, что в РККА в июне 1918 г. (по всей видимости, речь идет о периоде до 15 июня) числилось 447 выпускников академии и ускоренных курсов^{II}.

Политика в отношении бывших офицеров постепенно ужесточалась. 4 июля 1918 г. распоряжением наркома социального обеспечения комиссару Московской казенной палаты и казначейства было предписано прекратить выдачу пенсий бывшим офицерам. Эта мера серьезно ударяла по положению офицерства и вынуждала поступать на службу большевикам по экономическим причинам. Впрочем, неизвестно, получило ли данное распоряжение сколько-нибудь широкое практическое воплощение и не было ли ограничено только Москвой. Уже 24 июля Троцкий потребовал вернуть пенсии^{III}.

Процесс массового привлечения офицеров на советскую службу начался с регистраций. В результате аттестации бывших офицеров по благонадежности и знаниям в РККА было принято лишь 765 человек^{IV}. По приказу Наркомата по военным и морским делам № 324 от 7 мая 1918 г. началась регистрация бывших офицеров-специалистов в уездных военных комиссариатах. Первоначально регистрации были добровольными, но постепенно правила ужесточались, происходил переход к добровольно-принудительным (например, под угрозой невозможности дальнейшей службы по профессии, как в случае с офицерами Генерального штаба) и прямо принудительным формам. Летом 1918 г. уже осуществлялись мобилизации офицеров, ставшие единственным способом привлечь массу бывших офицеров на жизненно важные для большевиков внутренние фронты.

29 июля 1918 г. был издан декрет СНК о призыве бывших офицеров 1892–1897 гг. рождения. Мобилизации проводились в Москве, Петрограде и в семи губерниях — Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Пермской, а также в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. Призыв офицеров оказался сопряжен с немалыми трудностями, которые порождали волну недовольства.

Мобилизация бывших офицеров в Москве сопровождалась массовыми арестами и произволом. В докладной записке по ВГШ в коллегию наркомов по военным делам в августе 1918 г. в связи с этим отмечалось, что «в главнейших центрах республики, в Москве и Петрограде, проводятся какие-то мероприятия, назначение которых Всероссийскому главному штабу неизвестно, но в результате которых является массовое задержание бывших офицеров всех возрастов, до 60 лет включительно.

^I Там же. Л. 293.

^{II} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 53об.

^{III} РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 46, 46а, 50об.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.

Ясное понимание того, что без соответственного командного состава нельзя создать сильной армии, привело правительство к определенному решению призвать в ряды Красной армии бывших офицеров. Но казалось бы не менее ясным, что для создания армии необходимо не только заполнить штаты формируемых частей потребным количеством начальников, но и в еще большей степени необходимо, чтобы начальники эти отвечали своему назначению... что немыслимо без доверия к ним, без авторитета в среде подчиненных. Все это имеет особо серьезное значение при существующих условиях внутренней жизни страны... исторический опыт учит, что следствием исключительных репрессий неизбежно является стремление гонимых групп населения уйти, укрыться от них всеми возможными способами. Поэтому и проводимые ныне меры неизбежно приведут к тому, что офицеры будут стараться уйти из страны или раствориться в ней так, чтобы вполне уберечь себя от тяжелых последствий¹.

В документе прямо говорилось, что «проводимые ныне в отношении офицеров меры являются актами даже не классовой борьбы, а борьбы с профессией, и притом с такой, которая необходима для государства при всяких условиях его жизни.

По всем данным, подтвержденным многочисленными регистрациями офицеров, число их в стране очень велико. Отсюда видно, что призыв офицеров во враждебные правительству лагеря (прокламации Алексеева и др.) не имели в их среде заметного успеха. Огромная масса офицеров оставалась донине нейтральной, а не враждебной правительству. Но настоящие исключительные репрессии, не вызванные активным проявлением офицеров, делая их положение безвыходным, не могут не толкать их на открытую вражду, на переход на сторону ведущих борьбу с правительством.

При этом врагами делается лучшая, более энергичная и нравственно чистая часть офицеров. Среди же прочих эти репрессии только разовьют «офицерскую проституцию», то есть показную верность ради шкурных благ с затаенной готовностью проявить истинное настроение при первой возможности. Открыто стоящее ныне офицерство загоняется в подполье со всеми последствиями такого положения вещей.

Нельзя упускать из вида и того, что доведенное до пределов гонение офицеров не может не отразиться крайне вредно и на положении офицеров, добровольно вступивших на службу до настоящего времени. Положение их, и без того весьма трудное, несомненно еще более ухудшится обостряемым недоверием солдат и партийных работников. Кроме того, и их душевное равновесие не может не колебаться при известиях о тяжелой участи тысяч их товарищей, не говоря уже о том, что у них пропадает уверенность и в своем завтрашнем дне. ...Все изложенные обстоятельства приводят Всероссийский главный штаб к мысли, что в целях государственной пользы необходима полная отмена начатых мер, роспуск задержанных офицеров и запрещение подобных репрессий на будущее².

Для организации призыва нужна была регистрация бывших офицеров, которая и начала незамедлительно осуществляться. Генштабисты не могли остаться в стороне от регистраций бывших офицеров, проходивших в августе в Москве и Петрограде и сопровождавшихся многочисленными арестами и ущемлением прав офицерства. Печально известна история регистрации офицеров до 60 лет,

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 75–75об.

² Там же. Л. 76–76об.

прошедшая в Москве в августе 1918 г. и организованная командующим Московским военным округом Н.И. Мураловым. Тогда тысячи людей оказались согнаны в манеж Алексеевского военного училища и задержаны там под охраной двух рот китайцев^I. Несчастные провели несколько дней в период с 6 по 13 августа 1918 г. без еды и в антисанитарных условиях, в результате чего у некоторых начались желудочно-кишечные заболевания^{II}. Офицеры не были обеспечены самым необходимым – кипяченой водой и кипятком, горячей пищей, соломой для того, чтобы на ней спать. Военный руководитель ВВС М.Д. Бонч-Бруевич писал начальнику ВГШ А.А. Свечину 14 августа 1918 г.: «Происходящая в Москве регистрация бывших офицеров с массовыми арестами, производя гнетущее впечатление на всю корпорацию бывшего командного состава, еще более ухудшает вопрос возможности добровольного поступления военных специалистов в войска»^{III}.

Действие рождало противодействие. Такой подход лишь способствовал оттоку генштабистов и других категорий офицеров из Советской России. В обстановке внутреннего противоборства с развертыванием в конце весны 1918 г. полномасштабной Гражданской войны началось бегство оказавшихся в Красной армии бывших офицеров в антибольшевистские армии. За период 1918–1920 гг. из Красной армии бежали свыше 500 одних только генштабистов – представителей сравнительно узкой и немногочисленной группы внутри офицерства. Количество перебежчиков из других категорий офицерства исчислялось тысячами. К белым перелетали целые авиаотряды, переходили высокопоставленные военспецы до уровня командующих армиями включительно.

Летом 1918 г. датирован первый алфавитный список генштабистов новой армии, получивший название «Список лиц Генерального штаба, состоящих на службе в штабах отрядов, участков завесы и Высшего военного совета». В этот список вошли данные на 92 человек, некоторые были вычеркнуты из списка, имелись неточности и рукописные вставки. Список содержал данные о фамилии, имени и отчестве, годе окончания академии и занимаемой должности и был подготовлен на основе присланных в ВГШ списков от штабов, учреждений и формирований^{IV}.

Осенью 1918 г. в связи с началом активного военного строительства и переходом к массовой Красной армии учет генштабистов стал полностью обязательным. 31 августа приказом Наркомвоена № 791 была введена обязательная регистрация всех «лиц Генерального штаба»^V. Для реализации этой меры штабы и комиссариаты должны были сообщить в ВГШ сведения обо всех «лицах Генерального штаба». ВГШ должен был в свою очередь составить список генштабистов, не занявших к 15 сентября должностей, чтобы отдать приказ об их отчислении от Генштаба. Судя по всему, такой приказ в итоге отдан не был. В общей сложности к ноябрю было составлено 17 списков бывших генштабистов. Данные о новых списках представлены в табл. 15 (в примечаниях указаны поименно в той же последовательности, что и в списках).

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 74.

^{II} РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 28; Николай Муралов. М., 1990. С. 93–94.

^{III} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 276об.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 368–371.

^V Там же. Л. 185, 199.

**Система учета кадров Генштаба РККА в июле — сентябре 1918 г.
по спискам ВГШ^I**

№ списка	Дата составления	Количество зарегистрированных генштабистов
№ 13	22.07.1918	34 ^{II}
№ 14	05.08.1918	13 ^{III}
№ 15	20.08.1918	21 ^{IV}
№ 16	15.09.1918	14 ^V
№ 17	?	не менее 16 ^{VI}

Последний 17-й список до сих пор исследователями не обнаружен, несмотря на наличие косвенных данных о его существовании. Отметим, что этот список не удалось отыскать ни в документации центральных учреждений РККА, ни в соответствующих делах по службе Генерального штаба окружных штабов (более ранние списки там сохранились). Полностью нельзя исключать того, что этот список так и не был подготовлен в окончательном виде. Таким образом, к концу сентября 1918 г. (по неполным данным списков за вычетом повторов и ошибок) через учет в РККА прошло в общей сложности не менее 425 выпускников академии, однако часть из них уже к концу года оказалась в антибольшевистском лагере.

Давно замечено, что «у победы сто отцов, только поражение — сирота». Разумеется, было немало желающих приписать себе успех регистрации генштабистов в РККА. Так, бывший начальник штаба оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (Оперода) выпускник ускоренных курсов Николаевской военной академии Г.И. Теодори^{VII} писал Ф.Э. Дзержинскому 30 декабря 1919 г.: «В начале сентября 1918 г. попутно с организацией побед на Восточном фронте

^I Списки № 13–15 — см.: РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 60–61, 63–63об., 65–65об.; список № 16 — см.: РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 447. Л. 3–3об.; Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 28–28об.

^{II} В. Н. Егорьев (повтор, см. список № 9), И. И. Бартельс, Н. Е. Варфоломеев, П. А. Гейсман, С. Н. Голубев, Ю. И. Григорьев, Н. Н. Ермолов, И. А. Захаров, В. Н. Клембовский, П. К. Кондзеровский, Л. В. Костанди, Н. А. Киселев, Б. И. Кузнецов, Г. Г. Лицинталь, В. И. Максимов, Г. О. Маттис, А. Д. Окунев, Г. И. Петрановский-Белаш, А. Ю. Пархомов (среди выпускников академии не значится), В. Г. Сухов, А. Л. Симонов, И. П. Сытин, М. П. Строев, Ф. И. фон Торклус, В. Ф. Тарасов, Г. И. Теодори, М. И. Фомичев, Б. Ф. Черниговский-Сокол, Г. К. Иванов, А. С. Ролько (упоминался в списке № 11), В. И. Скалон, К. И. Серинович, И. А. Никулин, П. М. Майгур.

^{III} В. Л. Барановский, К. Л. Евреинов, Н. А. Жданов, А. А. Зальф, В. А. Замбрицкий, В. Д. Космин, А. К. Климовецкий, Н. Н. Максимовский (упоминался в списках № 4 и № 8), С. А. Меженинов, П. Н. Петрасевич, В. И. Самуйлов, В. М. Хитрово, И. В. Яцко.

^{IV} Н. С. Беляев, В. И. Боголепов, Е. М. Голицын, Т. Д. Дубинин, А. Д. Загребин, А. А. Клеменц, К. А. Людсканов-Цанков, В. П. Муратов, М. А. Стугин, К. П. Тераевич, Я. И. Якушов, А. Г. Елчанинов, Н. П. Михневич, Е. Н. Сергеев, В. И. Тарасов, Ф. Э. Чарноцкий, Б. И. Волков, Б. А. Энгельгардт, П. И. Измествей, Д. А. Мельников, Ю. В. Скворцов.

^V К. И. Рыльский, Б. П. Богословский, Д. И. Андриевский, В. И. Соколов (на замену значащегося в списке № 13 под № 31 В. И. Скалона), И. И. Раттэль, Г. М. Ладыженский, С. Ф. Таубе, С. В. Пирог, А. Н. Леонов, Н. Н. Обошешев, С. Г. Сакварелидзе-Бежанов, Ф. Ф. Фешот, В. Я. Карклин, Д. А. Долгов.

^{VI} Так как 17-й список не обнаружен, о его содержании можно судить лишь по косвенным данным, а именно по указаниям на внесение в список № 17 данных о следующих лицах, лично явившихся в делопроизводство по службе Генерального штаба: Л. Н. Ростов, А. Н. Ситников, В. К. Затеplinский, Д. И. Холодовский, А. И. Давыдов, И. Л. Шукевич, П. В. Черкасов, В. Ф. Попов, С. Н. Самарин, М. В. Медведев, Н. А. Бабилов, П. М. Кусонский, В. А. Афанасьев, В. Г. Болдырев, В. Л. Безладнов, Н. Г. Мыслицкий (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 581–581об.).

^{VII} Подробнее о Теодори см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 241–304.

я лично провел (это моя третья важная заслуга, вызвавшая страшную ненависть ко мне в Генерал[ьном] штабе), вопреки противодействию и желанию начальника Всероглаштаба г[р]ажданина А. А. Свечина^I, убедившего даже тов. Склянского^{II}, 5 сентября 1918 года регистрацию специалистов Генштаба под контролем Оперода (военный контроль – т. [М. Г.] Тракман^{III}). Это остановило незаметную (в пылу огромной работы и тяжелых наших испытаний), но огромную утечку генштабистов в лагерь контрреволюции. Что генералы бежали – полбеды: они бездарны и с малоповоротливыми мозгами, но с ними уходила и весьма ценная боевая молодежь выпусков 13, 14, 15, 16 г. и гвардейская часть 1917 года. Часть последних выпусков и часть профессуры мы сумели задержать, и теперь они отлично работают»^{IV}.

Нельзя не признать это утверждение значительным преувеличением заслуг его автора. В действительности регистрация не остановила переходы, прежде всего потому, что эффективной системы учета семейного положения военспецов, несмотря на соответствующие указания большевистского руководства, создано не было, как и не было, вопреки позднейшим мифам, сколько-нибудь масштабных репрессий в отношении членов семей бывших офицеров. Измены, бегства, переходы и даже перелеты, в том числе коллективные, продолжались и после сентября 1918 г. Только в 1919 г. на сторону противника перешло, по установленным нами данным, не менее 150 выпускников Николаевской академии Генерального штаба, не говоря уже о массовых изменах других категорий офицеров. Кроме того, в сентябре 1918 г. полноценной регистрации проведено еще не было.

В то же время сведения Теодори содержат некоторую новую информацию. В частности, он вспоминал, что продемонстрировал заместителю народного комиссара по военным делам Э. М. Склянскому диаграмму утечки кадров Генштаба на Украину, Кубань и в Сибирь, которая настолько впечатлила Склянского, что в положительном смысле был решен вопрос о регистрации^V.

Гражданская война и острая нехватка лиц с высшим военным образованием, необходимых для развертывания многомиллионной Красной армии, привели к необходимости вести учет не только полноценных генштабистов, но, наряду с ними, и выпускников академии, окончивших ее без причисления к Генеральному штабу, по 2-му разряду или прослушавших неполный курс. Впрочем, такие военспецы начали фиксироваться в списках Генштаба отнюдь не сразу.

Мобилизация к сентябрю 1918 г. дала только 4237 военных специалистов. По другим данным, призывы по декретам от 29 июля, 2 и 29 августа и 3 сентября дали РККА к 7 октября 1918 г. 9901 бывшего офицера, 15 695 бывших унтер-офицеров, 303 врачей, 2446 фармацевтов и фельдшеров, 481 бывшего чиновника^{VI}. 1 октября 1918 г. был опубликован новый декрет СНК о призыве бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к 1 января 1918 г. 40 лет. Среди прочего декрет предписывал призвать на действительную военную службу «бывших офицеров

^I Речь идет о видном генштабисте А. А. Свечине.

^{II} Имеется в виду заместитель народного комиссара по военным делам Э. М. Склянский.

^{III} Имеется в виду начальник отделения военного контроля оперативного отдела Наркомвоен М. Г. Тракман.

^{IV} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.

^V Там же. Л. 23.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 50. Л. 16; то же: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 667. Л. 2.

и военных чиновников, получивших высшее военное образование, в том числе и окончивших высшие военно-учебные заведения по 2-му разряду, а также прослушавших два первых курса, но не окончивших их вследствие войны... От явки по призыву никто не освобождается, кроме: а) имеющих очевидные наружные признаки негодности к военной службе (калеки) и одержимых тяжкими болезнями, препятствующими личной явке и удостоверенными надлежащими медицинскими свидетельствами, б) состоящих на службе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных Народному комиссариату по военным делам¹, т. е. руководители большевиков планировали осуществить массовый призыв всех лиц с высшим военным образованием, находившихся на территории Советской России, и даже тех офицеров, которые не смогли пройти весь академический курс. Уклонявшиеся от призыва подлежали суду революционного трибунала. Списки «лиц Генштаба» собирались к 15 октября².

14 ноября 1918 г. было издано постановление РВСР (объявлено в приказе РВСР № 228 от 14 ноября 1918 г.) о призыве на действительную военную службу всех бывших офицеров, не достигших к 1 января 1918 г. 40-летнего возраста³. Бывшие офицеры-генштабисты подпадали и под действие других мобилизационных документов: приказа РВСР № 4 от 11 сентября 1918 г. о призыве бывших офицеров 1890–1897 гг. рождения, приказа РВСР № 275 от 23 ноября 1918 г. о призыве с 25 ноября по 15 декабря на военную службу всех бывших обер-офицеров до 50 лет, бывших штаб-офицеров до 55 лет и бывших генералов до 60 лет, тогда же был издан и аналогичный декрет СНК), постановления Совета рабоче-крестьянской обороны от 15 февраля 1919 г. о призыве бывших офицеров из высших учебных заведений, в том числе учившихся, но не призванных или получивших отсрочки, постановления Совета рабоче-крестьянской обороны от 3 марта 1919 г. о призыве окончивших интендантскую академию, постановления Совета рабоче-крестьянской обороны от 29 апреля 1919 г. о призыве бывших офицеров ранее призванных возрастов, возвращавшихся из плена⁴. Таким образом, выпускникам академии в Советской России уже нельзя было на законном основании уклониться от службы в РККА, а немногочисленные исключения лишь подтверждали правило. Эти меры привели к существенному росту численности военспецов РККА к концу 1918 г. Призывы дали Красной армии свыше 50 000 военспецов, а также 9000 лиц административно-хозяйственного состава⁵.

Проблемой была размытость критериев для отнесения тех или иных лиц к специалистам Генштаба. К примеру, курсовик бывший гвардии капитан Г.А. Армадеров, одним из первых кадровых офицеров ставший на сторону советской власти⁶, не доучился на курсах 3-й очереди Военной академии. В ВГШ полагали, что он не должен состоять на учете кадров Генштаба⁷. В этой связи Армадеров не фигурировал в списках Генштаба. Впрочем, быть может, такая позиция начальника

¹ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 383–384.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120. Л. 74.

³ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 114–115.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9. Л. 29–30.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 439.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 218–219.

Оперативного управления ВГШ С. А. Кузнецова связана с идейной неприязнью — Кузнецов тайно работал на белых, а Армадеров был явным сторонником большевиков, что в то время представлялось нехарактерным для гвардейского офицера. Лишь в 1920 г. его причислили, а на следующий год перевели в Генштаб.

Быстро организовать учет всех категорий выпускников академии не удалось. Многие второразрядники в 1918–1919 гг. состояли на службе в РККА, но не проходили ни по одному из известных нам списков «лиц Генштаба». Только к 1920 г. учет охватил все категории бывших офицеров, имевших хоть какое-нибудь отношение к старой академии.

Регистрация «лиц Генштаба», издание приказов по кадрам Генштаба, укомплектование ими полевых штабов действующей армии и издание списков Генштаба РККА были важнейшими задачами отделения по службе Генерального штаба Оперативного (позднее — Организационного) управления ВГШ, располагавшегося по адресу: Арбат, 37. Эта работа была не такой легкой, как может показаться на первый взгляд.

В материалах по инспектированию ВГШ в конце 1918 г. отмечено, что «обстановка оказалась обставленной столь тяжелыми условиями, что со стороны отделения по службе Генерального штаба понадобилось напряжение до крайности всех сил, чтобы постепенно достигать правильного течения в сфере, затрагивающей службу Генерального штаба.

Так, например, вопрос об регистрации, казалось бы простой по существу, стал сложным до такой степени, что вызвал ряд докладов, постоянных вопросов и привел к приказу Реввоенсовета об однодневной переписи лиц Генштаба за ответственностью лиц и учреждений.

Требование положительных военных познаний и большого такта от начальника отделения обуславливают, и тем более при настоящей обстановке, желательность непрерывности в его работе.

Эта работа становится тем более сложной в настоящее время постоянных формирований: необходимо твердое знание военного механизма, ясное понимание взаимоотношений командных инстанций, знакомств со служебными и общими качествами многих лиц, чтобы соответственным подбором обеспечить наилучший успех назначений.

Кроме того, отделению приходится вести весь учет и тех, кои кончили академию, но не служили в Генеральном штабе.

Громадный спрос на военных специалистов и все разнообразие военных условий требуют крайне напряженного внимания по посильному удовлетворению запросов»¹.

Вопрос об однодневной регистрации заслуживает специального рассмотрения. Идея такой регистрации родилась не от хорошей жизни, став крайней мерой в условиях невозможности быстрого сбора сведений о генштабистах иными способами. Предполагалось провести такую перепись к 1 ноября под угрозой сурового наказания военного времени². В дальнейшем эти сведения должны были дополнять регулярные донесения из различных штабов о движении генштабистов.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 25. Л. 7–7об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 60об.

В записке о «лицах Генштаба», подготовленной отделением по службе Генштаба Оперативного управления ВГШ и датированной 30 октября 1918 г., отмечалось: «По мере новых формирований армий растет потребность в лицах Генерального штаба. Особенно большую потребность предъявляют формирования на фронтах. С требованиями о командировании обращаются в Оперативное управление, но последнее не в состоянии удовлетворить полностью эти требования. Причиной этого является, во-первых, очень ограниченное количество лиц Генерального штаба, оставшихся в пределах республики, во-вторых, оставление по особым ходатайствам лиц Генерального штаба на должностях не Генерального штаба и, в-третьих, в особенности, неудовлетворительная регистрация.

Первая причина неустранима.

Вторую можно было бы устранить лишь установлением штатов должностей, кои должны быть замещаемы лицами Генерального штаба. Вне этих должностей лица Генерального штаба не должны быть назначаемы.

Что же касается третьей причины, то для устранения ее Оперативным управлением с первых же дней воссоздания новой армии были приняты все меры к зарегистрированию всех лиц Генерального штаба.

Регистрация эта шла очень медленно, т.к. Оперативное управление не имело возможности планомерно держать связь со всеми вновь формируемыми частями, учреждениями и, главное, назначение лиц Генерального штаба на различные должности проводилось не через Оперативное управление, а непосредственно лицами, стоящими во главе организуемой части или учреждения. При этом организаторы эти не считали нужным уведомлять Оперативное управление о назначении лиц Генерального штаба. Таким образом, вести правильно регистрацию и учет лиц Генерального штаба Оперативное управление не могло совершенно, приходилось путем расспросов и частных разговоров и сведений составлять не всегда верные списки.

Из случайных переписок приходится узнавать, что в некоторых штабах содержатся лишние лица, сверх штата, такие есть еще на должностях, ничего общего не имеющих не только с Генеральным штабом, но даже и с военным ведомством.

Дабы положить этому предел и иметь точные сведения о всех лицах Генерального штаба и должностях, ими занимаемых, необходимо произвести однодневную перепись всех лиц Генерального штаба...» Если назначения шли через Оперативное управление ВГШ, данные о них имелись в наличии, если же назначения производились другими инстанциями, этих данных могло и не быть¹.

Судя по всему, к 1 ноября никакой переписи организовать не удалось. Однако в это время наблюдается ужесточение требований к регистрации военспецов. 13 ноября появился приказ РВСР № 208 за подписью Л.Д. Троцкого, И.И. Вацетиса и Э.М. Скланского, гласивший: «1) Всем частям войск, штабам, управлениям, учреждениям, заведениям и комиссариатам, в коих к 10 ноября сего года состояли на службе или на учете лица Генерального штаба и окончившие академию Генерального штаба, но не переведенные в Генеральный штаб, донести по телеграфу в Оперативное управление Всероссийского главного штаба (Москва, Арбат, 37).

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 28–28об.; Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 60–60об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 41–42об.

В донесении, сославшись на номер настоящего приказа, указать имя, отчество, фамилию и занимаемую должность. Про должность указать, штатная ли она для Генерального штаба или нет.

2) Все лица Генерального штаба обязаны лично удостовериться, что о них донесение сделано.

3) Лица Генерального штаба, не зарегистрировавшиеся по настоящему приказу, а равно и должностные лица, не донесшие о состоящих у них лиц[ах] Генерального штаба или донесшие неправильно, будут, невзирая на положение, ими занимаемое, подвержены строжайшим наказаниям военного времени.

4) Приказ этот подлежит исполнению по телеграфу¹.

Небезынтересно, что сотрудники Оперативного управления ПШ РВСР вслед за этим 19 ноября просили ведавшего учетом генштабистов начальника Оперативного управления ВГШ С. А. Кузнецова пересылать все получаемые сведения и им^{II}.

Местные органы не отставали от центра. В одном из приказов РВС Северного фронта в ноябре 1918 г. было отмечено: «В целях соответственного использования лиц, получивших в свое время за счет государства (какого именно государства, в документе дипломатично не уточнялось. — А. Г.) основательную военную подготовку, предписывается всем бывшим офицерам, окончившим академию Генерального штаба по 2-му разряду, немедленно зарегистрироваться... Не зарегистрировавшиеся в недельный срок со дня опубликования настоящего приказа подлежат ответственности по законам военного времени»^{III}. Таким образом, суровые меры были распространены и на второразрядников.

При этом проводившиеся сверху строгие распоряжения неизбежно смягчались при исполнении в силу того, что работой по регистрации генштабистов в РККА в центре и на местах руководили сами же генштабисты. В частности, отделение по службе Генштаба Оперативного управления ВГШ возглавляли бывшие полковники С. Д. Харламов и А. С. Белой, подполковник Ф. П. Шафалович. Отделение (по данным на лето 1919 г.) ведало разработкой общих вопросов службы Генштаба, регистрацией бывших офицеров Генштаба, составлением общего списка «лиц Генштаба», укомплектованием штабов и управлений, а также новых формируемых штабов лицами Генштаба, составлением приказов о назначениях таких лиц и текущей перепиской^{IV}.

После этого дело учета наконец сдвинулось с мертвой точки. К 22 ноября 1918 г. (еще по старым данным) был составлен предварительный список, включавший 484 человека (в том числе уже умершего П. А. Режепо)^V. Этот список рассылался на места в начале декабря 1918 г., возможно, также для внесения исправлений и дополнений, однако уже несколькими днями позже увидел свет более полный его вариант. К 28 ноября 1918 г. был завершен сбор данных и подготовлен список лиц Генерального штаба, зарегистрированных отделением по службе Генерального штаба Оперативного управления ВГШ с 17 апреля 1918 г., т. е. за все время

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 29; Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 51-6.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 30.

^{III} РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 58.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 66. Л. 8; Д. 1001. Л. 24.

^V РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 76.

проведения регистрации^I. Судя по всему, типографским способом список не издавался, а распространялся в виде машинописных копий. Фактически этот список является первым полным списком выпускников академии, поступивших на службу красным. Всего в нем учтено 486 человек, в том числе 134 курсовика (таким образом, прошедших полный курс обучения (или его часть) было 352, в том числе двое умерших), причем первый опыт составления списка был не очень удачным. По всей видимости, составители просто объединили ранее составленные разрозненные списки в один, добавив также данные новой регистрации. В результате у них получился список лиц, прошедших на протяжении 1918 г. через регистрацию в РККА, но далеко не всегда служивших в армии ко времени выхода списка. К примеру, в нем указаны такие известные перебежчики, как Б.П. Богословский, В.О. Каппель, Ф.Е. Махин и др., покинувшие РККА еще летом 1918 г. В списке появились графы: фамилия, имя, отчество, бывший чин, год окончания академии и занимаемая должность. Однако не по всем военспецам имелись сведения о занимаемых должностях. Составители просили присылать им дополнения и исправления. Первый список не получил широкого распространения. Сохранились данные о том, что в штабе Южного фронта в январе 1919 г. имелся лишь один экземпляр нового списка Генштаба^{II}. По-видимому, речь шла именно об этом списке.

По имеющимся сведениям, отделением по службе Генерального штаба Оперативного управления ВГШ было зарегистрировано 486 человек, но из них многие выехали за пределы Советской России и к январю 1919 г. оставалось 323 человека^{III} — выпускники и слушатели академии всех категорий. Уже в ноябре 1918 г. РВСР под угрозой наказаний военного времени, «невзирая на положение, ими занимаемое», настоятельно требовал сообщать о наличии состоящих на службе бывших офицеров Генштаба^{IV}.

Централизованная система назначения генштабистов в тот период еще окончательно не оформилась. Для устранения сохранявшихся проблем 7 декабря 1918 г. на утверждение Совета ВГШ отделением по службе Генштаба был представлен документ о том, что поскольку ВГШ ведет учет и все назначения на должности «лиц Генштаба», то «никакие назначения низшими инстанциями не должны быть производимы без санкции Всероссийского главного штаба, — иначе теряется весь смысл учета и назначений центральной властью. Между тем до сих пор штабы округов и фронтов делают различные перемещения лиц Генерального штаба, и [в] последнее время начали учащаться случаи назначения даже после того, как Всероссийский главный штаб затребует кого-либо из лиц Генерального штаба на другой фронт (телеграммы наштасев^V за № 768 и 790). Благодаря этому зачастую вызовы на Южный фронт остаются не исполненными, что, конечно, вызвало справедливое

^I РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 2–15; Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 539–562.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 227.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 18. См. публикацию этого документа: Катастрофическое состояние Генерального штаба в 1919 г. Записка генерала В. Е. Борисова / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 550–559.

^{IV} РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 29.

^V Начальника штаба Северного фронта.

сетование штаба Южного фронта...»^I Сотрудники отделения полагали, что штабы фронтов и округов могут перемещать «лиц Генштаба», но при условии извещения об этом ВГШ. При этом они требовали, чтобы после вызова тех или иных военспецов ВГШ никаких перемещений в их отношении местными органами не допускалось.

Насущная необходимость требовала постоянного учета генштабистов и тщательного отслеживания изменений в их составе, поэтому велась работа по совершенствованию системы учета. Постепенно в Советской России выстраивалась сложная, но жизнеспособная и весьма эффективная система регистрации. Списки «лиц Генштаба» составлялись не только в центре, но и на местах. Штабы фронтов в 1919 г. должны были докладывать о состоянии «лиц Генштаба» ежемесячно^{II}. Для вновь зарегистрированных среди прочего указывалась последняя должность в старой армии. Регистрация на местах была организована также через отделы по личному составу административных управлений штабов военных округов, которые получали сведения об этом от учетных отделов губвоенкоматов, губернских и уездных комиссаров по военным делам. Сведения о зарегистрированных периодически сообщались в отделение^{III}.

Составление донесений было сопряжено с определенными затруднениями, поскольку во многих штабах о генштабистах даже не слышали и вынуждены были постоянно писать донесения об их отсутствии, что порождало бессмысленный документооборот и отвлекало от действительно важной работы. Тем не менее из центра требовали неукоснительно соблюдать это предписание.

5 октября 1919 г. появилась гневная циркулярная телеграмма начальника ПШ РВСР № 2223/общ. начальникам штабов всех фронтов и 6-й армии (имевшей статус отдельной), начальнику ВГШ и начальнику ЦУПВОСО: «Несмотря на неоднократные подтверждения о доставлении тщательно проверенных установленных срочных донесений о лицах Генштаба для необходимого точного учета, штабы фронтов, округов и учреждений до сего времени это не исполняют, а присылают повторение устарелых сведений, составленных несколько месяцев назад и с большим опозданием. Кроме того, о всех происшедших изменениях по службе лиц Генштаба не всегда доносится, ввиду чего своевременный точный учет лиц Генштаба не представляется возможным. Прошу распоряжения указанное донесение представлять к установленному сроку и тщательно проверенное под ответственностью соответствующего начальника»^{IV}.

Центр требовал присылки дважды в месяц полных сводок, а не только данных о произошедших изменениях. Такие сводки действительно посылались, но на местах допускались послабления. Так, в марте 1920 г. начальник штаба 6-й армии разрешил не доносить дважды в месяц (к 1-му и к 15-му числам) об отсутствовавших генштабистах, как было установлено ранее (и множило ненужные бумаги), а лишь информировать штаб армии в случае появления таковых в той или иной дивизии^V.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 4.

^{II} РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 244.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 24; Д. 998. Л. 13.

^{IV} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 349.

^V РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 110.

Перемещением «лиц Генштаба» в действующей армии ведал ПШ РВСР, который для пополнения этих лиц давал наряды ВГШ^I. В совместной работе двух штабов с похожими функциями и недостаточно четко разграниченными полномочиями происходили накладки. Так, в ноябре – декабре 1918 г. группа генштабистов (Б.И. Волков, В.В. Хрулев и М.В. Цыгальский) была направлена ВГШ по одним назначениям – в Козлов, Москву и Самару соответственно, тогда как главком и штаб Северного фронта отдали другие распоряжения. В итоге ПШ РВСР потребовал от начальника ВГШ отмены ранее отданных распоряжений^{II}.

Такого рода накладки были пока еще не редкими, поскольку система назначений не была достаточно отлажена. В ноябре 1918 г. генштабист Н.Н. Берман был назначен начальником штаба 20-й пехотной дивизии, но за месяц так и не прибыл к месту назначения, поскольку был возбужден вопрос о его назначении на Костромские командные советские курсы. В результате первое назначение было задержано, но замены не последовало. Начальник штаба Приволжского военного округа И.Н. Полковников 21 декабря 1918 г. в связи с этим с возмущением телеграфировал в Совет ВГШ: «Полагал бы, что такие явления [в] корне противоречат приказаниям спешных формирований, как можно спешно формировать 20[ую] дивизию, когда штаокр не имеет на месте специалистов и взять их неоткуда. Казалось бы, если нельзя Берману, нужно назначить другого. Кроме того, штаокр Приволжского не имеет генштабистов и телеграммой моей [от] 2 декабря [№] 2180 я обрисовал картину службы штаба, но до сих пор ответа нет»^{III}.

Вопрос о недостатках учета и распределения генштабистов поднимался на заседании РВСР 2 декабря 1918 г. В телеграмме РВСР от 2 декабря 1918 г., направленной в Кремль, в Совет обороны и в ВГШ, отмечалось: «Реввоенсовет республики снова констатирует крайний недостаток лиц командного состава, особенно на более высокие командные посты, как командиров бригад, дивизий и прочие. Между тем в советских учреждениях сплошь да рядом на различных канцелярских постах заседают кадровые офицеры, и в том числе офицеры Генерального штаба. Представляется совершенно неотложным принять экстренные меры по мобилизации всех лиц, пригодных к занятию командных должностей, с передачей их в Револуционный военный совет республики...»^{IV} Речь шла о пребывании военспецов на службе в гражданских учреждениях. В результате спустя пять дней появился декрет СНК «О порядке призыва на действительную военную службу всех бывших офицеров», согласно которому в правительственных учреждениях и управлениях могли оставаться на службе не более 10% призываемых бывших офицеров^V.

В феврале 1919 г. на новую должность ушел начальник отделения по службе Генштаба, достаточно острым стал некомплект сотрудников (делопроизводителей). Только с 1 января по 1 июня 1919 г. документооборот отделения составил 1382 входящие бумаги и 1090 исходящих, не считая приказов. Несмотря на все сложности, в 1919 г. система учета генштабистов вышла на новый уровень. Через

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 65.

^{II} Там же. Л. 68.

^{III} РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 85.

^{IV} Реввоенсовет Республики. 1918–1919. С. 127–128.

^V Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 161.

местные органы Наркомвоенотделение осуществило регистрацию на местах всех «лиц Генштаба», находившихся на территории Советской республики. На основании этих данных в конце августа 1919 г. был издан новый список Генштаба.

Списки постоянно дополнялись и исправлялись. Кроме того, ввиду острого недостатка в специалистах, получивших образование в академии Генштаба, на особый учет в отделении по службе Генштаба были взяты лица, окончившие полный курс академии, но в Генштаб не переведенные и должностей Генштаба не занимавшие. Учитывались также офицеры, окончившие академию по 2-му разряду, и слушатели академии 1914–1917 гг., не окончившие ее. Начальник Оперативного управления ВГШ С.А. Кузнецов писал в ноябре 1918 г.: «В армии огромный недостаток лиц Генерального штаба, и всякое увеличение кадра этих лиц является желательным»¹.

Параллельный ВГШ учет генштабистов велся в общем отделении Оперативного управления ПШ РВСР. До выхода нашего справочника по кадрам Генштаба в работах исследователей этот факт отражен не был, а списки ПШ РВСР никем не использовались. Думается, такой параллелизм, несмотря на отдельные негативные моменты, давал возможность взаимной проверки данных и повышал общую точность учета кадров Генштаба РККА. Добавим, что ничего подобного такой постановке дела в антибольшевистских армиях не наблюдалось даже близко. Отделение «унаследовало» материалы по учету генштабистов от упраздненного в начале сентября 1918 г. ВВС. Судя по всему, работа по учету кадров Генштаба здесь началась лишь в ноябре 1918 г., в силу чего собранные до сентября ВВС данные устарели (почему учетная деятельность не велась с сентября по ноябрь, неясно), но очень скоро эта работа, на наш взгляд, превзошла по эффективности и точности учет ВГШ. Как уже было отмечено, ВГШ должен был направлять в ПШ РВСР имевшиеся материалы учета. О том, существовал ли обратный обмен сведениями, данных нет. Первоначально ситуация с учетом, как и в ВГШ, была плачевной.

Курсовик бывший капитан И.Д. Моденов, ставший начальником общего отделения Оперативного управления ПШ РВСР, писал 24 ноября 1918 г. в докладе по поводу списков Генштаба: «В принятых от Высшего военного совета делах списки и сведения о лицах Генерального штаба значительно устарели; многих сведений по армиям и округам совершенно не имеется: списков лиц, состоящих в центральных учреждениях, не имеется; дела не систематизированы. В данное время весь имеющийся скромный материал систематизирован и дополняется из текущей переписки и из списков, имеющихся в организационно-учетном отделении; затребованы списки генштабов (т.е. генштабистов. — А.Г.) из штабов фронтов, Всероссийского главного штаба и штабов округов и [в] состоящих в их ведении военных организациях и учреждениях и установлены срочные донесения к 1-му числу каждого месяца. Списки командного состава и комиссаров совершенно не велись. Затребованы списки из фронтов, Главного штаба и округов и установлены срочные донесения к 1-му числу каждого месяца. Все поступающие списки генштабов, командного состава и комиссаров будут заноситься в отдельные книги с разделением по фронтам и округам. По имеющемуся материалу... считаю, что

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 148.

общему отделению приходится создавать всю работу вновь...»^I По-видимому, ситуация со сбором данных была действительно сложной.

Вскоре здесь был подготовлен «Список генштабов Полевого штаба РВСР, фронтов и армий», в котором содержались сведения о 162 выпускниках академии (в том числе не менее чем о 54 курсовиках). К сожалению, этот документ не имеет датировки, хотя, по всей видимости, относится к концу 1918 – началу 1919 г.^{II} Этим, пока еще неполным списком, насколько можно судить, было положено начало учету генштабистов в ПШ РВСР. Следующий список, подготовленный ПШ РВСР, датирован 15 апреля 1919 г. Это уже был полноценный общий список, рассылавшийся на места (в частности, в штабы округов). На обложке списка было указано: «Ввиду трудных условий получить точных сведений желательно, чтобы штабы и отдельные лица Генерального штаба сообщили в Полевой штаб о всех ошибках и неточностях, вкравшихся в список, дабы дать возможность при печатании следующего списка иметь точные сведения о лицах Генерального штаба»^{III}. В этом списке содержались данные о 444 военспецах, включая 109 курсовиков и 2 второразрядников. Таким образом, среди включенных в список офицерами Генштаба, по всей видимости, были не более 333 человек. Из-за проблем со сбором учетных данных в список было включено немало перебежчиков, а также пропавших без вести и умерших.

Учетная работа продолжалась и в ВГШ. Причем руководство требовало постоянного контроля качества учета. Так, 7 января 1919 г. был издан резкий приказ ВГШ № 3 о недостатках учета: «Не раз указывалось отделению по службе Генерального штаба, что работа его недостаточно аккуратна и сведения, им представляемые, страдают погрешностями исключительно по недостатку внимания составителей.

Однако несмотря на это, когда от отчетно-организационного отдела был потребован план укомплектования полевых штабов лицами Генерального штаба, отделением по службе Генерального штаба было составлено несколько списков Генштаба, из которых в списке лиц Генерального штаба, местонахождение коих Всероглавштабу неизвестно, было помещено 12–16 человек, занимающих определенные должности, согласно одновременно представленных списков, составленных тем же отделением.

Такая небрежность в исполнении заданий работы недопустима.

Непосредственно ответственным за такую работу является начальник отделения Генерального штаба Харламов, которому и ставится это для первого раза на вид.

Нельзя не упомянуть, что одновременно является виновным и его ближайший начальник — начальник отчетно-организационного отдела»^{IV}.

Организация работы по составлению и выпуску списков Генштаба представляет значительный интерес. Готовя в 1919 г. очередной список, сотрудники ВГШ планировали разослать его для практического использования во все штабы до уровня дивизионных. На март 1919 г., когда этот вопрос только разрабатывался, в РККА

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1106. Л. 3.

^{II} Там же. Л. 10–12.

^{III} РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 95.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 26.

было 15 армий и 55 дивизий, 7 внутренних военных округов. Всех их, а тем более центральные учреждения, планировалось обеспечить списками. Тираж списка должен был составить не менее 500 экземпляров^I. Список планировалось напечатать в типографии И. Д. Сытина, но впоследствии типографию пришлось сменить.

Начальник ВГШ Н. И. Раттэль рекомендовал дополнить список данными о прохождении службы, как было в списках до 1915 г. Сложность такой работы заключалась в том, что необходимо было делать выборки из списков 1914–1917 гг. Между тем даже с наличием этих списков были значительные трудности. В частности, списки 1915 и 1916 гг. были изданы очень незначительным тиражом, и достаточного их количества для быстрой работы в отделении по службе Генштаба просто не было (имелось только по одному экземпляру каждого)^{II}. Кроме того, отсутствовали подробные сведения о курсовиках. Осенью 1918 г. у них были запрошены сведения о службе, но получены далеко не ото всех. Не было также данных о службе генштабистов после 3 января 1917 г. (дата издания списка Генштаба 1917 г.)^{III}.

Сохранились данные о трудозатратах, которые требовались на подготовку материалов списка. Сведения эти на сегодняшний день могут показаться невероятными. Так, составление списка на 9 лиц требовало целого рабочего дня с 10 до 17 часов у двух сотрудников. Всего же в списке должно было числиться 430 человек, что требовало 48-дневной работы. Для ускорения процесса составители испрашивали разрешение на издание краткого списка с указанием одних только должностей, занимавшихся «лицами Генштаба» в РККА. Обязанности начальника отделения по службе Генштаба в тот период временно исполнял бывший генерал А. М. Мочульский^{IV}, под руководством которого и велась учетная работа.

14–21 апреля 1919 г. был составлен в черновом и непроверенном виде список на 70 человек. В период с 28 апреля по 5 мая подготовили список еще на 80 человек. В общей сложности были собраны данные на 300 человек. Работа по составлению списка завершилась 13 мая, после чего началась проверка данных. В период с 16 по 21 мая проверено 125 персоналий, а к 30 мая проверка списка была завершена^V. По всей видимости, в мае было принято решение об издании списка не в типографии Сытина, а в типографии Военно-топографического управления ВГШ^{VI}. К 13 июня был завершен набор списка на машинке, а сам список датирован 15 июня 1919 г. Стандартная формулировка в его начале гласила: «О всех ошибках и неточностях, вкравшихся в список, штабы, управления и отдельные лица Генерального штаба приглашаются сообщить, по возможности безотлагательно, в Организационное управление Всероссийского главного штаба»^{VII}.

При подготовке к печати этого списка возникла проблема быстрого устаревания собранной информации. Дело в том, что работа по составлению списка, его исправлению и изданию требовала не менее трех-четырех месяцев напряженного труда. За этот период неизбежно появлялись новые данные, которые также

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1008. Л. 1.

^{II} Там же. Л. 73.

^{III} Там же. Л. 7, 10.

^{IV} Там же. Л. 7об.

^V Там же. Л. 11–14, 17.

^{VI} Там же. Л. 16.

^{VII} Там же. Л. 23.

требовалось учитывать. По сути, эта работа имела постоянный и бесконечный характер. Важно было вовремя остановиться и все же напечатать список. В частности, как раз после завершения подготовки списка к печати возникла проблема с включением в него большого количества генштабистов, зарегистрированных на Украине. Первоначально там был учтен 131 генштабист. На 22 июня 1919 г. этот список находился на просмотре в Организационном управлении ВГШ. Очевидно, решался вопрос о том, стоит ли дополнять уже собранные данные сведениями из этого списка или же издать все, что наработано ранее, без изменений. Сложность заключалась еще и в том, что свободных сотрудников для этого не было^I. Как справедливо отмечалось в одном из документов, «в настоящее время список лиц Генерального штаба будет все время нуждаться в исправлениях и дополнениях в связи с быстрым ходом событий и в связи с ведущейся войной, почему законченный сейчас список через 2–3 недели, пока будут вписываться находящиеся на Украине, — будет уже негоден для печатания без коренной переработки его, как из-за перемен должностей, так и из-за могущих быть новых территориальных присоединений, что связано с регистрацией новых лиц Генерального штаба»^{II}.

В конце концов, датировка этого списка была изменена на 15 июля 1919 г., что было указано на титульном листе (при этом далее в начале списка почему-то указывалась другая датировка — к 1 июля 1919 г.). В таком виде этот список увидел свет^{III}. Изданием списка занимался отчетно-организационный отдел Организационного управления ВГШ. На обложке содержалась прежняя просьба сообщать о неточностях в Организационное управление ВГШ^{IV}. Всего в списке в алфавитном порядке были указаны 417 человек, в том числе 288 генштабистов выпуска до 1914 г. включительно, 98 курсовиков и 31 окончивший неполный курс (в связи с началом Первой мировой войны или иными причинами) академии или окончивший ее неудачно. Этот список был точнее аналогичного, подготовленного в ПШ РВСР также к 15 июля. Приводились данные о прежнем чине, выпуске из академии, годе рождения, занимаемой должности и подробные сведения о прежней службе. Из списка, по возможности, удалили многочисленных перебежчиков. Но ошибок и лакун все равно избежать не удалось. В частности, необоснованно были включены бежавшие к белым Б.П. Богословский, Н.Д. Всеволодов, К.-Р.-Г.К. Карлсон. Не у всех выпускников академии в списке указаны прежние чины и года рождения. В списке, по подсчетам советского историка Л.М. Спирина, значатся 178 бывших генералов (9 полных генералов, 42 генерал-лейтенанта и 127 генерал-майоров), 130 штаб-офицеров и 109 обер-офицеров. На фронте находились 37 генералов (21 % от этой категории), 54 штаб-офицера (41 %) и 65 обер-офицеров (60 %), остальные служили в тылу^V. По степени детализации этот список был похож на последний подробный дореволюционный список Генштаба на 1914 г., а кроме того, являлся первым подробным списком Генерального штаба периода Гражданской войны.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 57.

^{II} Там же. Л. 57об.

^{III} Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в Организационном управлении Всероссийского главного штаба к 15 июля 1919 года // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609.

^{IV} Там же.

^V Спирин Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 15–16.

По всей видимости, определенную роль в направлении генштабистов на службу в РККА сыграли и Особые комиссии по учету бывших офицеров, функционировавшие при РВСР в 1919–1920 гг.ⁱ В частности, на фронт был направлен бывший генерал А.М. Зайончковскийⁱⁱ, ранее занимавшийся архивной работойⁱⁱⁱ.

С занятием красными территории Украины, через органы Наркомвоена Украины отделение по службе Генштаба Оперативного управления ВГШ провело регистрацию «лиц Генштаба», находившихся на территории УССР. Работа началась одновременно с образованием украинского Наркомвоена. Приказом Наркомвоена УССР № 174 от 26 марта 1919 г. все бывшие офицеры Генштаба до 55 лет были призваны на военную службу^{iv}. К 20 февраля здесь было зарегистрировано лишь 7 человек, к 20 марта, после занятия красными Киева, — уже 70, к 20 апреля, после взятия Одессы, — 105 человек, к 1 июня — 146, а к 20 июня — 154 генштабиста^v. Приказом Наркомвоена УССР № 288 при штабе наркомата был образован резерв лиц Генерального штаба. Были объявлены правила о назначении на должности Генштаба. Ежемесячно 1-го числа данные об изменениях в службе генштабистов докладывались в РВСР. Данные о зарегистрированных в Харьковском, Киевском и Одесском военных округах сводились в общий список, но работа по учету кадров Генштаба на Украине тормозилась нехваткой сотрудников.

Учет украинских генштабистов велся и в Москве, в отделении по службе Генштаба ВГШ. По итогам призыва здесь был составлен отдельный дополнительный список по данным на 30 июля 1919 г. Список составлялся на основе анкет и послужных списков генштабистов, зарегистрированных на Украине, так как летом 1919 г. Наркомвоеном УССР в ВГШ было передано 90 таких анкет и 35 послужных списков^{vi}. При том что на Украине было зарегистрировано 162 выпускника академии, в дополнительный список вошли лишь 69. Из списка были исключены уже помещенные в составленный ранее список, зарегистрированные, но показанные не прибывшими на вызов и находящимися в занятой противником местности, а также слушатели и не переведенные в Генштаб выпускники академии, ошибочно внесенные в число «лиц Генштаба»^{vii}. Дополнительный список по данным к 1 сентября 1919 г. был издан к 25 октября 1919 г. К сожалению, обнаружить эти списки в РГВА не удалось.

Общий список Генштаба увидел свет к концу августа 1919 г. тиражом 500 экземпляров. В обстановке Гражданской войны издание такого масштабного списка было удивительным. Список рассылался по разнарядке: для штаба фронта 10 экземпляров, для штаба армии и штаба военного округа по 5 экземпляров, для штаба дивизии и отдельной бригады по 2 экземпляра^{viii}.

ⁱ Подробнее см.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 132–160.

ⁱⁱ Там же. С. 134.

ⁱⁱⁱ Подробнее о деятельности А. М. Зайончковского в 1918–1920 гг. см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 635–641, 704–714; Его же. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 145–146.

^{iv} РГВА. Ф. 25860. Оп. 1. Д. 60. Л. 11.

^v Украинская Социалистическ[ая] Советск[ая] Республика. Отчет о деятельности Народного комиссариата по военным делам. Март — май 1919 г. Киев, июнь 1919. С. VIII, 8.

^{vi} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1008. Л. 31.

^{vii} Там же. Л. 46.

^{viii} Там же. Л. 35, 43.

Данные о количестве отправляемых экземпляров на 5 сентября 1919 г. дают определенное представление об удельном весе фронтов и армий в этот период (см. табл. 16).

Таблица 16

Распределение экземпляров списка Генштаба на 5 сентября 1919 г.¹

Адресат	Количество экземпляров
Западный фронт	45
Южный фронт	96
Восточный фронт	38
Туркестанский фронт	43
6-я армия	11
12-я армия	21
ПШ РВСР	10
Академия Генерального штаба РККА	2

Списки постоянно дополнялись и исправлялись. В частности, в них вносились данные из приказов РВСР по личному составу. Все экземпляры отпечатанных списков были пронумерованы. В экземпляры № 477 и 498 изменения вносились непосредственно в отделении. Экземпляры № 475–500 имели страницы с проложенными между ними листами плотной бумаги для внесения дополнений¹.

Ввиду острого недостатка в лицах, получивших академическое образование, в отделении были взяты на особый учет все категории выпускников и слушателей академии: лица, окончившие полный курс академии, но в Генштаб не переведенные и должностей Генштаба не занимавшие, а также лица, окончившие академию по 2-му разряду, и слушатели академии 1914–1917 гг., не окончившие ее².

К 25 октября был отпечатан дополнительный список Генштаба. Тираж остался прежним. Некоторые экземпляры также имели прокладные листы для дополнений. Такой подход, вопреки мифам из антибольшевистского лагеря, свидетельствует о формировании в РККА определенной штабной культуры.

Летом 1919 г. ПШ РВСР подготовил «Список лиц Генерального штаба, зарегистрированных общим отделением Оперативного управления Полевого штаба РВСР к 15 июля 1919 года», в котором содержались сведения о 538 выпускниках академии, в том числе о 115 курсовиках и 30 окончивших академию неудачно (20 второ-разрядниках, 8 не переведенных или не причисленных к Генштабу и 2 окончивших два класса академии)³. Таким образом, офицерами Генштаба были 393 человека. В список были включены многие перебежчики, пленные, умершие и больные. Таким образом, на лето 1919 г. учет ПШ РВСР еще отставал от аналогичного учета ВГШ. К тому же по степени детализации сведений эти два списка несопоставимы. О том, что в постановке учетного дела были свои недостатки, неизбежные

¹ Там же. Л. 36, 38, 66.

² Там же. Л. 47, 54.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 25–25об.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 914; Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 110–126об.

при таком количестве генштабистов, свидетельствует переписка этого периода. Задачей-максимум было «иметь постоянно точные сведения о должностях, занимаемых в данный момент всеми лицами Генерального штаба». Однако на такой уровень, по всей видимости, учет так и не вышел, хотя и приблизился к нему довольно сильно уже летом – осенью 1919 г.

В фонде Главного управления РККА из собрания РГВА нам удалось обнаружить три объемные «амбарные книги», представляющие интерес в рамках данной темы. Две из них являются книгами алфавитного учета начальствующего состава Генерального штаба (с номерами 1 и 2), а третья – книгой учета слушателей академии (на ее обложке указан номер 3)^I. Однако по каким-то причинам эти документы, безусловно составляющие единый комплекс, не хранятся вместе. Все они датированы 1919–1921 гг. В книгах имеются буквенные разделители, однако под каждой буквой сведения о выпускниках и слушателях академии располагаются не по алфавиту, а по порядку их учета. В эти «гроссбухи» заносились данные о фамилиях, именах, отчествах, занимаемых должностях, годах выпуска из академии, перемещениях, а также примечания. Нередко присутствовали отсылки к каким-то страницам (возможно, других списков), назначение которых нами не установлено. Устаревшие сведения перечеркивались, заменялись более новыми, что свидетельствует о ведении этих книг на протяжении длительного времени, а также о кропотливой регистрационной работе. Сверка с нашей базой данных показала, что первая книга в наибольшей степени соответствует данным списка ПШ РВСР на 15 июля 1919 г. Таким образом, удалось установить, что эти книги велись в ПШ РВСР. По всей видимости, они также являлись черновиками для подготовки списков Генерального штаба.

Вторая книга содержит данные с учетом изменений на 1920 г. Третий том, посвященный слушателям академии, составлен несколько позднее – в начале 1920-х гг. В нем содержатся данные о тех военспецах, кто не прослушал весь курс академии или окончил ее неудачно, а также сведения о курсовиках (в том числе выпускниках колчаковской академии в Томске) и слушателях Академии Генштаба РККА.

Некоторые генштабисты безуспешно разыскивались на протяжении длительного времени. Фронты и армии не всегда в срок сообщали о перемещениях кадров Генштаба, а ВГШ и ПШ РВСР, в свою очередь, не посылали в срок на фронты данные о перемещениях генштабистов по окружным штабам^{II}. Непросто было выявить выпускников академии, служивших не в военном ведомстве (до февраля 1919 г. такой работы не велось^{IV}) или вообще не учтенных ранее. Особой проблемой был учет перебежчиков, поскольку данные о них нередко поступали в ПШ РВСР со значительным опозданием. В поисках участвовало Регистрационное управление ПШ РВСР. Как правило, инициатива в поиске перебежчиков исходила от ПШ РВСР, тогда как ВГШ обычно такой инициативы не проявлял. Объяснения этому пока нет, поскольку еще не полностью изучен комплекс учетных документов обоих органов. Ясно лишь то, что в данном вопросе полномочия не были достаточно

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 999. Л. 6.

^{II} РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 29, 386, 387.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 101.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 13.

четко разделены между ПШ РВСР и ВГШ. Первый занимался перемещением «лиц Генштаба», а второй – их учетом, что нередко вело к несогласованности, дублированию работы (имевшему как положительные, так и отрицательные стороны) и ведомственным противоречиям. Можно только предполагать, что ВГШ не был достаточно осведомлен о движении генштабистов на фронте. Вина за это ложится на ПШ РВСР. Кроме того, нельзя полностью исключать, что ВГШ покрывал перебежчиков (учетом генштабистов там долгое время ведал работавший на белых С.А. Кузнецов, расстрелянный по делу «Национального центра»), однако это лишь предположение.

К 15 ноября 1919 г. ПШ РВСР был подготовлен новый список лиц Генерального штаба. Список предваряло указание о том, что «Ввиду трудных условий в получении точных сведений желательно, чтобы штабы и отдельные лица Генерального штаба сообщили в Полевой штаб о всех ошибках и неточностях, вкравшихся в список, дабы дать возможность при печатании следующего списка иметь точные сведения о лицах Генерального штаба»¹. Список включал сведения о 426 генштабистах, в том числе о 13 не причисленных и не значащихся в списках Генштаба, 25 второразрядниках и 91 курсовике (в том числе одном слушателе Академии Генштаба РККА, включенном в число курсовиков по ошибке). В списке были указаны 6 арестованных военспецов, 2 уволенных от военной службы выпускника академии и 1 умерший курсовик. Таким образом, полноценных генштабистов насчитывалось 297, в том числе один уволенный со службы. Список был тщательно подготовлен и содержал достаточно точную информацию.

В кратком отчете о деятельности ПШ РВСР в 1918–1919 гг. было указано, что за период 1918–1919 гг. делопроизводством по службе Генерального штаба общего отделения Оперативного управления было зарегистрировано 514 человек и издано три списка с данными об их служебном стаже в старой армии и ныне занимаемых должностях. 60 «лиц Генштаба» и 130 слушателей было откомандировано на фронт².

В связи с возвращением на учебу в академию осенью 1919 г. многих слушателей, командированных ранее на фронты, возникла необходимость тщательного учета выпускников академии, не переведенных в Генштаб и не состоявших в связи с этим на учете. Об этом еще 30 августа 1919 г. вр.и.д. начальника Организационного управления ВГШ писал начальнику Оперативного управления ПШ РВСР. В этом же документе отмечалось, что «является настоятельно необходимым использовать для несения специальной службы Генерального штаба тех лиц, которые хотя и окончили академию Генерального штаба, но не были переведены в Генеральный штаб, почему и не состояли на особом учете. Часть таких лиц уже несет ныне службу Генерального штаба, но нет уверенности, что все такие лица использованы как специалисты. Вот почему, в целях проверки имеющейся уже регистрации этих лиц, необходимо издать декрет или хотя бы объявить в приказе Революционного военного совета республики о срочной высылке в Организационное управление Всероссийского главного штаба учетных карточек на всех

¹ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 349. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 620–640.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 91. Л. 9об.

означенных лиц»^I. Проект декрета предусматривал сбор карточек с обязательным указанием года выпуска из академии и разряда в трехдневный срок.

С 1919 г. в РККА после длительного перерыва (с 27 июня 1918 г.) вновь стали осуществляться причисления к Генштабу и переводы в него. Приказом РВСР № 1944 от 19 ноября 1919 г. «слушатели 1914–1918 гг. бывшей Николаевской военной академии и академии Генерального штаба, занимающие ныне в готовых войсковых штабах действующей армии ответственные должности Генерального штаба, кои по свидетельству соответствующих штабов фронтов или отдельных армий признаются вполне соответствующими для службы в Генеральном штабе, отличились в боях, а равно и имеют особые служебные заслуги, допускаются к причислению к Генеральному штабу. Мотивированные представления о причислении удаостаиваемых лиц к Генеральному штабу должны направляться через подлежащие революционные советы фронтов и отдельных армий в Революционный военный совет республики»^{II}.

Проект Положения о причислении к Генштабу в августе 1919 г. стала готовить Академия Генштаба РККА^{III}. На заседании РВСР 3 октября 1919 г. был утвержден проект ВГШ о досрочном причислении к Генштабу слушателей основного курса Академии Генштаба РККА, окончивших младший курс, занимавших ответственные должности в штабах РККА, признанных соответствующими и имевших особые служебные заслуги^{IV}.

О причислении выпускников старой академии к Генштабу ходатайствовали штабы и РВС фронтов и армий, далее отделение по службе Генштаба готовило доклад в Совет ВГШ об обоснованности причисления и, если для этого были надежные основания, проект приказа РВСР о причислении к Генштабу, после чего принималось окончательное решение. При необходимости заявителями представлялись послужные списки и аттестации. Иногда запрашивались дополнительные заключения, например, в Политическом управлении РВСР или в ПШ РВСР.

ПШ РВСР в телеграмме от 24 июня 1920 г. указывал: «Лица, окончившие полный курс Академии Генштаба, но [в] свое время почему-либо [к] Генштабу не причисленные и службы Генштаба не несшие, равно лица, окончившие двухгодичный курс [по] первому, второму разряду, состоят [на] особом учете Организационного управления Всероглавштаба для замещения ими вакантных должностей Генштаба. Те из них, кои обладают достаточным стажем службы на должностях Генштаба, могут быть представляемы [к] причислению [к] Генштабу; [к] представлениям должны быть прилагаемы аттестации о прохождении каждой [из] занимающихся ими должностей»^V.

Причисление к Генштабу курсовика С.С. Ивановского создало определенный прецедент, поскольку этот бывший офицер окончил только младший класс академии, между тем большинство его однокашников затем было откомандировано в старший класс, а «оставшиеся же на фронтах, как это видно из донесений штабов фронтов и армий, ответственных должностей Генштаба там не занимают»^{VI}.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 999. Л. 2.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 996. Л. 24.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 492.

^{IV} РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 284; Реввоенсовет Республики. 1918–1919. С. 423.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 183.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 334.

Бывший поручик П.М. Шарангович, командированный в академию лишь 12 июля 1918 г. (за две недели до ее перехода к белым) и фактически в ней не учившийся, пытался также претендовать на причисление к Генштабу. 10 июня 1920 г. он получил отказ Оперативного управления ПШ РВСР, поскольку, как сообщалось, «слушатели, не окончившие курса в старой академии, имеют возможность закончить свое военное образование в Академии Генерального штаба Красной армии; изъятия из этого могут быть допущены в крайнем случае, при наличии особых боевых или научных заслуг»^I.

Тем не менее в революционную эпоху были возможны и не такие превращения. В частности, А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и М.В. Фрунзе были переведены в 1920–1922 гг. в Генеральный штаб, не проучившись в академии ни дня. В приказе РВСР № 2883 от 30 декабря 1920 г. перевод командующего Юго-Западным фронтом Егорова в Генштаб обосновывался тем, что последний «обнаружил солидные теоретические познания военного дела, которые продолжал непрерывно расширять среди боевой обстановки»^{II}. В приказе № 2882 о М.В. Фрунзе было отмечено, что он «блестяще выказал на деле свои крупные природные военные дарования. Приобретая непрерывно теоретические познания, он с большим успехом применял их на опыте, давая Советской Республике победы над ее врагами на Востоке, [в] Туркестане, особенно на юге, где им была разбита наголову армия Врангеля и тем вписано в историю обороны Советской России много славных страниц. Оценивая такую деятельность командующего Южфронтом товарища Фрунзе[-]Михайлова, Реввоенсовresp^{III} переводит Фрунзе в Генштаб»^{IV}. Небезынтересно, что в проекте приказа говорилось о «крупных» победах Фрунзе^V, тогда как в итоговом варианте этот эпитет был почему-то убран. Если в целом процедура причисления к Генштабу и перевода в него выпускников или слушателей академии была сугубо технической, хотя и с оттенком поощрения за заслуги, то применительно к не имевшим высшего военного образования Егорову, Тухачевскому, Уборевичу и Фрунзе это было явной наградой. Принадлежность к Генеральному штабу становилась элементом престижа крупного военачальника РККА. Вместе с тем подобные казусы были абсурдны не только с точки зрения традиционных служебных принципов, но даже исходя из приказа РВСР № 1944, в котором прямо говорилось о выпускниках Николаевской военной академии и Академии Генштаба РККА (к слову, в приказе шла речь не о переводе в Генштаб, а только о причислении к нему, что делало подобные «революционные переводы» не только абсурдными, но и незаконными).

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, в соответствии с приказом № 1944 в 1919–1922 гг. были причислены к Генштабу 23 командира^{VI}, в том числе 19 военспецов, затем

^I Там же. Л. 435.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 123.

^{III} Т.е. РВСР.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 125.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 92.

^{VI} М. И. Алафузо, П. Н. Алексеев, Г. А. Армадеров, А. А. Бобрищев, Б. А. Буренин, А. И. Геккер, И. И. Глудин, П. Н. Грекулов, А. И. Егоров, И. Н. Захаров, С. С. Ивановский, И. И. Кабалов, К. К. Калашников, П. П. Каратыгин, Н. И. Косоголов, Н. А. Мульков, А. И. Мялковский, К. П. Невежин, В. В. Сковрцов, И. А. Троицкий, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич-Губоревич, М. В. Фрунзе-Михайлов.

10 человек из числа ранее причисленных¹ были переведены в Генштаб². На самом деле военспецами были все причисленные и переведенные, за исключением М.В. Фрунзе, однако четверо из двадцати трех не имели отношения к обучению в академии Генштаба (вышеупомянутые Егоров, Тухачевский, Уборевич и Фрунзе, причем последние трое были сразу переведены в Генштаб даже без предварительного причисления). Кроме того, пропущены причисленный к Генштабу Г.Б. Карягин, причисленный и переведенный в Генштаб В.В. Лучинин, переведенный в Генштаб С.И. Одинцов, не упомянуты переводы в Генштаб А.И. Геккера, И.И. Глудина, А.И. Мялковского. Неточные данные по этому вопросу содержались в монографии С.Т. Минакова³. Сложности с подсчетами обусловлены в том числе и тем, что некоторые документы РККА не отличались полнотой⁴.

В случае с В.В. Лучининым произошел любопытный бюрократический казус, отражающий отрицательные стороны системы учета в РККА. Бывший полковник Лучинин окончил академию в 1899 г., но к Генеральному штабу причислен не был. В РККА он служил с сентября 1918 г. Приказом РВСР № 40 от 26 апреля 1919 г. он был переведен в Генштаб по проекту Центрального управления снабжения, препровожденному в управление по командному составу, минуя Организационное управление ВГШ. Парадоксальность ситуации усиливалась тем, что переводов в Генштаб с лета 1918 г. в РККА не практиковалось, а до ноябрьского приказа РВСР 1919 г. № 1944 было еще далеко. 20 августа 1919 г. в ВГШ был подготовлен доклад с резким протестом по этому поводу, в котором, между прочим, отмечалось, что «перевод в Генеральный штаб Лучинина состоялся помимо специального органа, ведающего службою Генерального штаба, причем переведено в Генеральный штаб лицо, состоящее на должности, ничего общего со службою Генерального штаба не имеющее»⁵. Первоначально возникла идея отменить соответствующий приказ, однако это признали неудобным и издали новый, согласно которому назначение Лучинина на должность помощника начальника отдела военного имущества Центрального управления снабжения осуществлялось без его перевода в Генштаб. При этом предыдущий аналогичный приказ, содержащий упоминание о переводе, отменен не был⁶. 20 февраля 1920 г. Лучинин возбудил ходатайство о своем обратном переводе в Генштаб. Ему пошли навстречу, и приказом РВСР по личному составу армии № 229 от 7 мая 1920 г. он был с 10 апреля 1920 г. причислен к Генштабу. В итоге Лучинин оказался, вероятно, единственным генштабистом в истории, который был сначала переведен в Генштаб, а только затем к нему причислен, а не наоборот, как все остальные. К сожалению, у нас нет

¹ Алафузо, Алексеев, Армадеров, Бобрищев, Егоров, Захаров, Троицкий, Тухачевский, Уборевич-Губоревич, Фрунзе-Михайлов.

² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 192–193.

³ По утверждению Минакова, в 1920–1922 гг. к Генштабу было причислено только 13 человек, что неверно, кроме того, он отрицал наличие академического образования у трех курсовиков и одного выпускника старой академии, не причисленного к Генштабу, и утверждал, что они якобы оказались причисленными к Генштабу «по выслуге лет» (Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 237–238).

⁴ См., напр.: Список лиц, переведенных и причисленных к Генеральному штабу приказами Революционного военного совета республики. 13 мая 1922 г. // РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 90–91об.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 124–124об.

⁶ Там же. Л. 139.

данных о том, было ли в дальнейшем засчитано его причисление 1919 г. или оно так и осталось бюрократическим курьезом.

Таким образом, всего причисленных и переведенных в 1919–1921 гг. было не менее 25 (в том числе 24 военспеца), не менее 15 командиров были переведены в Генштаб. Аналогичная практика причислений и переводов существовала и в антибольшевистском лагере, однако там человек без высшего военного образования (хотя бы в сокращенном виде ускоренных курсов) безотносительно масштаба своих заслуг ни при каких обстоятельствах не мог быть причислен к Генштабу или переведен в него.

Участник Белого движения на Севере России генерал И. А. Данилов, попавший в плен к красным, обратил внимание на то, что большевики не стеснялись переводить в Генеральный штаб неподготовленных лиц, «вероятно потому, что фармацевтам, которые теперь распоряжаются в России, не известно, что принадлежность к Генеральному штабу не есть чин или звание, а есть ученая степень. Поэтому встречаются курьезы вроде как с Тухачевским»^I. Курьезным казалось Данилову и то, что «все бывшие офицеры, прошедшие сокращенный курс академии во время германской войны и служащие добросовестно советской власти, числятся теперь по Генеральному штабу, как, например, помкоманзапа» [И. Н.] Захаров, в настоящее время профессор красной академии Генштаба, а в прошлом — штабс-капитан 10-го Финляндского стрелкового полка, старший адъютант по хозяйственной части штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады, командированный перед революцией в академию и пробывший там 8 месяцев, откуда вернувшись в штаб дивизии во времена Керенского, занял, за неимением офицеров Генерального штаба, должность старшего адъютанта штаба дивизии по строевой части. Этого ценза в Советской России достаточно для занятия должности не только генштабиста, но даже и профессора академии при условии полной лояльности к советской власти»^{II}.

Рассуждения генерала Данилова характерны для менталитета представителей командного состава белых армий, для которых и в новых условиях прежний формализм был важнее пользы дела. Большевистские лидеры не принимали во внимание подобные архаичные условности, чем весьма способствовали укреплению РККА: курсовикам был дан желаемый статус генштабистов, за счет чего повышался моральный дух военспецов, подкреплялась их готовность служить новой власти (особенно на фоне того, что бюрократы-казуисты в белом лагере статуса полноценных генштабистов курсовикам не предоставляли).

Наряду с причислениями практиковались и отчисления от Генштаба. Так, в 1920 г. был отчислен от Генштаба начальник разведывательного отделения штаба армии Западного фронта В. Е. Стасевич как приговоренный Реввоен трибуналом при РВС фронта к тюремному заключению на год^{IV}. Исключен из службы Генштаба был и начальник Административно-учетного управления ПШ РВСР В. В. Далер^V.

^I Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 97.

^{II} Помощник командующего Западным фронтом.

^{III} Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 97.

^{IV} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 11.02. № 83.

^V Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 21.03. № 163.

В связи с занятием частями РККА в конце 1919 г. обширных территорий, включая крупные города (Киев, Харьков и Полтаву), РВС Южного фронта и РВСР 20 декабря 1919 г. поставили задачу в трехдневный срок провести там регистрацию «лиц Генштаба» и отправить их в распоряжение начальника ВГШ¹.

Начальник общего отделения Оперативного управления ПШ РВСР И.Д. Моденов сообщал 5 января 1920 г. начальнику общего отделения штаба Западного фронта: «Руководящих распоряжений по службе Генерального штаба нет. Порядок работы, установленный в общем отделении Оперативного управления Полевого штаба, следующий: для точного учета лиц Генерального штаба, состоящих на фронте и в тыловых учреждениях, установлено приказом Реввоенсовета республики ежемесячное срочное донесение, по получении которых указанные сведения заносятся в книги 1) по алфавиту и 2) по фронтам, с указанием года выпуска из Академии Генштаба и занимаемая должность² с отметкой оснований (приказ или поступившее срочное донесение); об окончивших по 2-му разряду или по 1-му разряду, но не причисленных к Генштабу, делаются соответствующие отметки в примечании книг. Получаемые срочные донесения сверяются с предыдущими срочными донесениями и книгами и о всех лицах, не указанных в новых донесениях или в случае каких-либо сомнений, немедленно запрашивается соответствующий фронт.

В отношении занятия должностей лицами Генштаба — установлено неперенным условием службы в Генеральном штабе занятие исключительно только тех должностей, которые штатами установлены для специалистов Генерального штаба. Ввиду этого отделением проверяются соответствие занимаемых должностей лицами Генерального штаба, и если выясняется, что лица Генштаба занимают несоответствующие должности, то делается доклад начальнику штаба, с целью привлечения таких лиц или для работы на фронте, или на специальные должности Генштаба.

Для более полной регистрации лиц Генерального штаба желательно, чтобы штабы фронтов вели регистрацию лиц Генштаба, не только состоящих на должностях в штабах, частях и управлениях армий фронта, но и тех, кои находятся в районе фронта, о которых немедленно сообщать в Полевой штаб со всеми требующимися сведениями, дабы использовать их по своей специальности.

Кроме строчных донесений, несмотря на неоднократные подтверждения, желательно получать сведения о переменах по службе немедленно, не ожидая времени срочного донесения, что в значительной степени облегчит справочную часть и выбор кандидатов³».

До 1 февраля 1920 г. отделению по службе Генштаба ВГШ было поручено подготовить новый список Генерального штаба. Исправления в прежнее издание вносили старшие делопроизводители В.М. Лапин, ставший во главе отделения, и Егоров. Отметим, что к Генеральному штабу, в отличие от своих предшественников, Лапин отношения не имел — сказывался кадровый голод в РККА. Но к такой перестановке в учетной работе привела не только нехватка кадров, но и допустимость

¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 138. Л. 48; Ф. 198. Оп. 3. Д. 781. Л. 425, 426.

² Так в документе.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 71–71об.

ведения уже налаженной регистрационной работы человеком без академического образования. Обстановка в отделении, по данным на конец апреля 1920 г., была скромной: имелось две лампочки, две пишущих машинки (причем одна неисправная), пять столов, шесть стульев и две скамейки^I.

На 11 мая 1920 г. во всем отчетном отделе (ранее – отчетно-организационном), куда теперь входило отделение по службе Генштаба Организационного управления, вместо 54 штатных сотрудников в наличии было только 35, с учетом командировочных некомплект достигал 43%, при этом квалифицированных работников было лишь 15 из 32, таким образом, некомплект в этом отношении доходил до 53%, а из 16 штатных «лиц Генштаба» имелись в наличии лишь 3 (81% некомплекта!)^{II}. В таких условиях тем не менее продолжалась регистрационная работа.

По причине отсутствия кадров и перегрузки имевшихся сотрудников возможности уложиться в установленный срок со сдачей нового списка не было^{III}. После этого срока в период с 1 по 15 февраля сотрудники отделения занимались исправлением списка Генштаба, составлением списка окончивших академию по 1-му и 2-му разрядам, которые не были переведены в Генштаб, а также готовили к изданию новый, исправленный и дополненный, список Генштаба, наконец, занимались укомплектованием штабов и управлений фронтов «лицами Генштаба» и вели текущую переписку^{IV}.

Следующий список датирован 15 мая 1920 г. и был составлен в Организационном управлении ВГШ^V. Мы пользовались копией этого списка, снятой с его корректуры от 24 мая 1920 г. и попавшей несколько лет спустя к белым. К сожалению, в документе из-за его столь драматичной судьбы (по всей видимости, он был переписан вручную, а затем набран на машинке, а не скопирован более точным техническим способом) содержится немало неточностей. Тем не менее список является достоверным. Его предваряет стандартная формулировка: «О всех ошибках и неточностях, вкравшихся в список, штабы, управления и отдельные лица Генерального штаба приглашаются сообщить, по возможности безотлагательно, в Организационное управление Всероссийского главного штаба»^{VI}. В списке указаны 387 человек. Среди них 302 слушателя и выпускника старой академии (в том числе 23 окончивших неудачно, что, судя по предыдущим спискам, существенно меньше реальной цифры), 84 курсовика, а также М.Н. Тухачевский, переведенный в Генштаб за революционные заслуги без окончания академии. По прежним чинам распределение было следующим: 16 генералов, 36 генерал-лейтенантов (в том числе уже бежавший к белым Н.Н. Стогов), 119 генерал-майоров, 74 полковника, 45 подполковников, 50 капитанов, ротмистров и есаулов, 4 штабс-капитана и 43 неизвестных чина (в том числе в этой категории М.Н. Тухачевский). Таким образом, к концу Гражданской войны в РККА довольно значительным было присутствие генштабистов, имевших к 1917 г. старшие чины (в частности, свыше 170 бывших генералов-генштабистов).

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 34.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 60, 62.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 2.

^{IV} Там же. Л. 20.

^V ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–81, 85–96. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 647–666.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.

В январе 1920 г. был составлен список пропавших «лиц Генштаба», в который вошли 18 человек (в том числе В.Е. Борисов, Н.Д. Всеволодов и др.), в основном исчезнувших в кампанию 1919 г. Между прочим, в документе было отмечено: «Ввиду того, что полной документальной уверенности в окончательном исчезновении лиц Генштаба, поименованных в прилагаемом при сем списке, нет, — исключение последних из списков Генерального штаба, согласно резолюции начальника Всероссийского главного штаба, статьями приказа Реввоенсовета республики проведено не будет»¹. Кроме того, сохранился еще один список «лиц Генштаба», исключенных из нового списка Генштаба без вести пропавшими. В этом списке, также относящемся к 1920 г., значатся 47 человек, из которых 45 пропали без вести или перешли к противнику, в том числе некоторые известные перебежчики². Таким образом, красные продолжали рассчитывать на военспецов, многие из которых уже около года служили у белых.

19 июня 1920 г. бюро фракции РКП(б) Академии Генштаба РККА обратилось в Совет ВГШ в связи с тем, что учет кадров Генштаба не вполне налажен. Слушатели (красные генштабисты) беспокоились за свой статус по итогам летних командировок в 1919 и 1920 гг. в войска. Выяснив позицию РВСР, который стремился к объединению старых и новых генштабистов, представители бюро предложили ввести в Организационное и Командное управления ВГШ 2–3 слушателей академии, которые бы отслеживали правильность использования молодых работников Генштаба³. Итоги этого обращения неизвестны.

В нашем распоряжении есть данные об общем количестве «лиц Генштаба», учтенных на 23 июля 1920 г. в отделении по службе Генштаба ВГШ. Речь идет о 377 специалистах, 173 из которых значились в подчинении ВГШ и 204 — в подчинении ПШ РВСР. Также некоторое количество было причислено к Генштабу или находилось в ведении ВЧК⁴.

Еще один общий список, составленный отчетным отделом Организационного управления ВГШ, относится к 7 августа 1920 г. Таким образом, можно говорить о регулярном издании в этот период списков Генерального штаба РККА. На титульном листе содержалась стандартная просьба сообщать обо всех ошибках и неточностях. Список был отпечатан в военной типографии. Это издание продолжало линию ВГШ на выпуск детальных списков, тогда как ПШ РВСР издавал лишь краткие. В списке указаны 407 человек, в том числе 282 генштабиста, 88 курсовиков, 36 прослушавших неполный курс или неудачно окончивших и не учившийся в академии М.Н. Тухачевский. Нельзя не отметить, что в список вошли сведения, относившиеся также к периоду после 7 августа, в частности, там содержатся данные о некоторых назначениях в сентябре 1920 г.⁵

В 1920 г. анкеты генштабистов стали более детальными, чем ранее. Так, в сентябре 1920 г. на местах требовалось составлять списки окончивших академию, а также не причисленных и состоявших слушателями. В этих списках нужно было

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 48.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 641–644.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 27–27об.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 116.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1649.

указывать фамилию, имя, отчество, бывший чин, сообщать, когда и какую академию (старую, сибирского правительства или красную) окончил специалист, когда и из какого класса (курса) выбыл. Если прослушал менее одного курса, то следовало указать, сколько месяцев состоял слушателем, в каком году, сколько классов и по какому разряду окончил, сообщить занимаемую должность на момент анкетирования, указать, с какого времени в ней состоял и с какой должности на нее прибыл, изложить прохождение службы в старой армии, а также какие, с какого и по какое время занимал должности со дня Октябрьской революции. К этому внушительному перечню в качестве примечания можно было добавить любые другие сведения. При последующих донесениях разрешалось сообщать подробно лишь о вновь прибывших, а об уже указанных сообщать лишь краткие данные¹.

В годы Гражданской войны в РККА служили и отдельные выпускники иностранных военных академий (кроме того, из армий Гражданской войны выпускники зарубежных академий служили в польской и в Украинской Галицкой армии). Так, начальником штаба 1-й армии М.Н. Тухачевского в июне – июле 1918 г. значился офицер румынского Генерального штаба Рудольф Шимунич², затем перешедший к противнику. В Иркутске служил пленный австрийский генштабист Ганс Гербертович Димма³. Французскую академию окончил П.Н. Рябов. Также в 1918 г. при регистрации бывших офицеров был учтен французский генштабист Димонд Пьеро Персан (в других написаниях – Дюмон или Димонд Пиеро Пиерсан), окончивший академию в Париже в 1913 г. и плохо владевший русским языком, но на службу его брать не стали⁴. На 1920 г. он значился во 2-й Конной армии⁵. В 1919 г. на севере подвизался капитан Генштаба французской и итальянской армий Артур Цироне (Цирони)⁶. Он был прикомандирован к ВГШ, но в октябре 1919 г. исключен как безвестно отсутствующий⁷. По данным на ноябрь 1919 – январь 1921 г., в РККА служил выпускник румынской военной академии (выпуск 1915 г.) капитан Ромиро (Владимир) Иванович Попович. В 1920–1921 гг. в РККА был учтен германский генштабист подполковник (полковник) Иван Иванович Лелль (Делль)⁸. Кроме того, в РККА с 1921 г. служил выпускник германской академии Вильгельм Вильгельмович Лобковиц⁹. Некоторые из этих «ландскнехтов» разделили судьбы военспецов. В частности, Цироне и Лелль были арестованы, Лобковица впоследствии расстреляли. Кроме того, таких людей, как правило, до конца Гражданской войны не регистрировали в качестве специалистов Генерального штаба, видимо, потому что старые военспецы, ведавшие учетом в РККА, не считали этих иностранных генштабистов подходящим ресурсом.

¹ РГВА. Ф. 1075. Оп. 3. Д. 413. Л. 8–9об.; Ф. 931. Оп. 1. Д. 121. Л. 20.

² ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 391.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 168. Подробнее о нем см.: Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 279–280.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 140, 209; Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 75.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 3, 6.

⁶ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 121, 123, 124–124об.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 279.

⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 26об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 25об.

⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 365. Л. 141; Д. 412. Л. 2, 22; Ф. 33988. Оп. 3а. Д. 41. Л. 194, 196. Подробнее о нем см.: Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. С. 480–481.

Несмотря на тщательный учет, не все специалисты Генерального штаба в период Гражданской войны служили в Красной армии по специальности. Некоторые должности, которые они занимали, подчас довольно необычны. В особенности это характерно для начального периода Гражданской войны, когда учет кадров Генштаба еще только налаживался. К примеру, бывший капитан С.А. Пугачев в первой половине 1918 г. работал помощником кассира Сызрано-Вяземской железной дороги^I. На конец июня 1918 г. бывший полковник А.А. Веселаго заведовал статистическим отделом Костромского губернского комиссариата земледелия, а бывший полковник И.Е. Григорьев служил секретарем текстильного отдела Костромского совнархоза^{II}. Выпускник академии 1899 г. Н.М. Глазунов, являвшийся в старой армии начальником штаба 53-й пехотной дивизии, в 1918 г. занимал не соответствовавшую его квалификации должность инструктора топливного отдела Саратовского совнархоза^{III}. Бывший полковник А.А. Постников, по данным на июль 1919 г., был командиром 2-й Мариинской сводной бригады судоохраны, занимающейся охраной речных судов в советском тылу, на Мариинской водной системе. Бывший подполковник Л.В. Костанди был в июле 1918 г. командирован из Гатчины в Гидрографическую экспедицию Западно-Сибирского района Северного Ледовитого океана^{IV}. Бывший генерал-майор П.И. Дмитриевский жил с семьей в Воронеже и «при отсутствии средств к существованию занимался выделкой сапожных колодок и торговлей мылом»^V. Бывший генерал-майор М.П. Каменский в конце 1918 г. занимался снабжением железных дорог Северной области^{VI}. Бывший генерал-лейтенант В.И. Селивачев после увольнения в отставку в июне 1918 г. жил в Петрограде. В поисках заработка он хватался за любую черную работу – занимался перетаскиванием досок и бочек, работал поденщиком на заводе^{VII}. Необходимо было содержать большую семью (жена и шестеро детей), в которой помимо несовершеннолетних детей была и неработоспособная дочь. Но по каким-то причинам возвращаться на военную службу и служить в РККА в этот период он не стремился. Затем Селивачев перешел на работу в архивное ведомство и лишь в декабре 1918 г. попал в Красную армию. Бывший подполковник Б.Э. Борисов, в прошлом преподаватель Чугуевского военного училища, на январь 1919 г. работал землемером в Тутаевском уездном земотделе Ярославской губернии^{VIII}. Бывший полковник П.Н. Аршеневский по эвакуации с фронта по болезни с июля 1918 г. работал в Моссовете инструктором по народному театру, затем с февраля 1919 г. трудился в театральном отделе Наркомпроса, а с сентября 1919 г. стал актером в Государственном показательном театре, при том, что с 1919 г. находился на учете как выпускник академии^{IX}. Комиссия по учету бывших офицеров

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 411.

^{II} РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 50.

^{III} РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 121.

^{IV} РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 60; Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 577об.

^V ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 76. Л. 66.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 85.

^{VII} РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 76; Автократов В. Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 70.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 67.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 53; Д. 1010. Л. 112.

оставила его на прежнем месте службы^I. Аршеневский ездил на фронт с театральной труппой, а по возвращении представил справку Наркомпроса, что является незаменимым работником. Впрочем, переписка о причинах пребывания Аршеневского в театре была довольно объемной^{II}. Существовали разные взгляды на то, кого учитывать в качестве специалистов Генштаба. Так, например, Л.П. Войшин-Мурдас-Жилинского в 1920 г. не включали в донесения, поскольку он состоял на службе по ГУВУЗу, тогда как РВСР считал учет такого специалиста необходимым^{III}. Бывший подполковник С.Н. Драновский осенью 1919 г. подал прошение об исключении его из списков Генштаба в связи с переходом на службу в Главное военно-хозяйственное управление^{IV}. Бывший генерал Л.К. Артамонов, 1859 г. рождения, в 1917 г. был уволен из армии и в 1918–1924 гг. работал в статистическом отделе Моссовета, инженером в Московском комитете государственных сооружений и в Московском военно-инженерном управлении. Консультировавший большевиков в начале 1918 г. бывший генерал Э.А. Верцинский в мае 1918 г. открыл в Петрограде табачную лавочку, при этом находился в распоряжении начальника Генштаба, а в июле вышел в отставку^V.

В некоторых случаях генштабистов, служивших не по специальности, соответствующие ведомства отпускать в армию не хотели. Например, обсуждение службы бывшего полковника И.В. Яцко в канцелярии отдела петроградских государственных театров породило целую переписку. 19 сентября 1918 г. народной комиссар просвещения А.В. Луначарский телеграфировал в Наркомат по военным делам Э.М. Склянскому: «[Во] вверенном мне отделе состоит [на] службе бывший полковник Генштаба Яцко, зарекомендовавший себя полезным работником, политически вполне благонадежным, усиленно ходатайствую [об] оставлении его [во] вверенном мне отделе и [в] списках Генштаба. Подробное мотивированное ходатайство высылается почтой»^{VI}.

В тот же день Луначарский обратился к Л.Д. Троцкому: «Согласно Вашему приказу № 791, объявленному в газете “Северная Коммуна” от 14 сего сентября, всем бывшим офицерам Генерального штаба, зарегистрированным при штабах и комиссариатах, но не состоящим на военной службе, предлагается поступить на таковую в двухнедельный срок, в противном случае они подлежат отчислению от Генерального штаба с опубликованием фамилий их в “Известиях Народного комиссариата по военным делам”. Ввиду того, что во вверенном мне отделе петроградских государственных театров, в канцелярии отдела состоит на службе в должности делопроизводителя бывший офицер Генерального штаба Иван Васильевич Яцко, который, по свидетельству его ближайших начальников, как это видно из прилагаемой переписки, не только добровольно, более месяца тому назад, изъявил желание поступить на советскую службу, но и зарекомендовал себя в короткое время отличным и исполнительным работником, я усиленно прошу

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 111.

^{II} РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 1165.

^{III} РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1591. Л. 242.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 59; Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 12.12. № 358.

^V Верцинский Э. А. Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года.

Таллин, 1929. С. 60.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 133. Л. 2.

об оставлении его на службе во вверенном мне комиссариате, хотя бы временно, и не вычеркивать его из списков Генерального штаба. Полагаю, что полезные и ценные работники для пользы общего дела не менее нужны и в комиссариате народного просвещения. По личному докладу мне заведующего отделом петроградских государственных театров, замена лиц служебного персонала в данное время может крайне вредно отразиться на ходе работ, а потому оставление на службе в канцелярии отдела И.В. Яцко является настоятельно необходимым. О последующем Вашем решении прошу меня уведомить, если возможно, по телеграфу»^I.

Сам Яцко еще 16 сентября писал в рапорте управляющему канцелярией петроградских академических театров: «Так как я бывший офицер Генерального штаба, то считаю долгом заявить и донести о следующем: ни по своим политическим, ни по внутренним убеждениям я никогда не принадлежал и не принадлежу к числу лиц, саботирующих советскую власть, и всегда считал своим нравственным долгом работать и трудиться для общего блага во всякое время, пока есть силы и позволяет здоровье.

Около полутора месяцев тому назад, в начале августа, я заявил в штабе Северного участка о своем желании поступить на службу, но не был зачислен за неимением вакансий в Петрограде. Прождав некоторое время, я решил, что, работая, могу быть полезен и на всяком другом поприще, после чего при Вашем содействии был принят и зачислен на должность делопроизводителя вверенной Вам канцелярии с 17 августа с.г. Таким образом, я около месяца состою на советской службе, в Комиссариате народного просвещения, ознакомился со своим новым делом, люблю его и желал бы на этом месте и остаться»^{II}. При этом в рапорте на имя начальника штаба Северного участка и Петроградского района от 17 сентября Яцко указал: «Я не хочу принадлежать к числу лиц, отказывающихся служить, не хочу порывать связи со своей корпорацией и лишь временно, в силу семейных причин и неполного восстановления своего здоровья, не могу принять, а главное, успешно выполнить любое назначение по Генеральному штабу»^{III}. Однако в театральном ведомстве Яцко остаться не позволили. Уже в октябре 1918 г. он был срочно командирован на Южный фронт и в дальнейшем всю Гражданскую войну прослужил в РККА. Так или иначе, подобные случаи были исключительными, что свидетельствует в пользу тщательности учета кадров Генштаба в Советской России.

Отдельные генштабисты, взятые на учет, не подходили по возрасту или состоянию здоровья. Например, бывший полковник М.П. Осипов, 1859 г. рождения, в июне 1919 г. был зарегистрирован в Херсоне, но оставлен «вследствие дряхлости без службы»^{IV}.

В связи с первым выпуском Академии Генерального штаба РККА в 1921 г., по всей видимости, молодыми выпускниками, которые противопоставляли себя старым и «контрреволюционным», была выдвинута идея создания особого органа учета и распределения красных генштабистов, отдельного от соответствующих органов, ведавших учетом выпускников Николаевской академии^V. Судя по всему, эта

^I Там же. Л. 4–4об.

^{II} Там же. Л. 7–7об.

^{III} РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 128об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 71.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 102.

идея, ведшая напрямую к расколу в Генеральном штабе (и без того раздираемом противоречиями и конфликтами), поддержки не получила.

В январе 1921 г. для Рабоче-крестьянской инспекции была подготовлена краткая история отделения по службе Генштаба отчетного отдела Организационного управления ВГШ. В документе отмечалось: «Основное назначение означенного отделения – разработка общих вопросов по службе Генштаба, укомплектование лицами Генштаба полевых штабов действующей армии и замещение ими штатных должностей Генштаба; составление приказов по личному составу Генштаба; причисление к Генштабу и перевод в него.

Ввиду того, что особый учет лиц Генштаба после демобилизации старой армии был совершенно оборван, отделению, для выполнения возложенных на него задач, пришлось означенный учет возобновить и восстановить.

Для этой цели отделением, через местные органы Наркомвоенна, была произведена регистрация на местах всех лиц Генштаба, находящихся на территории Советской республики.

На основании полученных данных отделением было предпринято составление “Списка Генерального штаба”, в который были помещены все находящиеся в Республике лица Генштаба, причем в означенном списке были собраны все тщательно проверенные сведения о прохождении ими специальной службы Генштаба как в прежней армии, так и за время по демобилизации старой армии. Список этот был издан и вышел из печати в конце августа 1919 года.

В 1920 г. ввиду больших изменений, происшедших со времени издания списка лиц Генштаба, как в самом корпусе лиц Генштаба, так и в прохождении службы лицами корпуса, отделением было предпринято новое, исправленное и дополненное, издание списка, каковое вышло из печати в ноябре 1920 года.

На основании “Списка Генерального штаба” отделением ведется учет прохождения службы лицами Генштаба, и сообразно с этим в списке при этом производятся необходимые исправления, дополнения и изменения.

Ввиду острого недостатка в лицах, получивших образование в академии Генштаба, отделение[м], кроме лиц Генштаба, взяты на особый учет: 1) лица, в свое время окончившие полный курс академии Генштаба, но в Генштаб не переведенные и должностей Генштаба, за время прохождения службы, не занимавшие, 2) лица, окончившие академию Генштаба по 2-му разряду, и, наконец, 3) слушатели академии 1914 и 1917 гг., не окончившие академии.

На этих лиц ведется особый список, и ими занимаются должности Генштаба при отсутствии кандидатов из лиц Генштаба¹.

Создание этой справки было связано с предстоявшим слиянием управлений ВГШ и ПШ РВСР. 10 февраля 1921 г. в результате такого слияния возник Штаб РККА. Именно в нем продолжалась дальнейшая работа по учету специалистов Генштаба. Однако сложившаяся система учета не исключала возможности отдельных пропусков и недостатков.

В 1921 г. был составлен новый общий список «лиц Генерального штаба» – «Список лиц Генерального штаба, состоящих на службе на фронтах, центральных

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 917. Л. 1–1об.

и тыловых учреждениях». Список был составлен в отделении службы Генерального штаба Оперативного управления Штаба РККА по сведениям на 12 апреля 1921 г. Этот список отличался от прочих тем, что был построен не по алфавиту фамилий генштабистов, а по местам их службы. Такое построение дает возможность судить о том, кто из генштабистов с кем в этот период работал, сталкивался по службе, уточнить численность генштабистов в тех или иных штабах и учреждениях. Однако новый формат списка не позволил его составителям избежать неточностей в именах и отчествах военспецов, а также в некоторых других сведениях. Тем не менее он является весьма ценным документом. По нумерации списка в нем указано 562 человека, однако за вычетом дублирующихся персоналий реальное число указанных составляет 557. В список включены 18 перворазрядников, окончивших два класса академии и не причисленных к Генштабу, 70 второразрядников, 9 выпускников, не значившихся в списках дореволюционного Генштаба, 111 курсовиков и даже один выпускник германской академии Генштаба (И.И. Лелль), а также трое никогда не учившихся в академии. 23 специалиста находились под арестом. Отметим, что 15 человек из списка причислены или переведены в Генштаб уже приказами РВСР, 11 из них окончили ускоренные курсы академии, один — академию до Первой мировой, а М.Н. Тухачевский, М.В. Фрунзе и А.И. Егоров в академии не учились и в Генштаб попали за революционные заслуги. Таким образом, полноценных генштабистов в этом обширном списке должно быть 345¹.

Кроме того, в 1921 г. составлялись многочисленные и разнообразные списки выпускников академии, отражавшие разные их качества. В частности, появились списки находящихся на малоответственных должностях для последующих переназначений; списки владеющих иностранными языками и могущих быть представителями в иностранных государствах². Тем не менее, как отмечал начальник статистического отделения штаба Московского военного округа Изяславский в рапорте начальнику оперативно-разведывательного отдела от 11 августа 1921 г., сведения о кадрах Генштаба «исчерпывающе полными назвать нельзя, ибо из рассмотрения принятых дел видно, что о состоящих на службе и учете лицах Генштаба запрашивались только губвоенкоматы и некоторые другие воинские учреждения, но не войсковые части (дивизии, бригады и т.д.), тогда как в этих последних лица Генштаба могут состоять на службе на должности начальников штабов, командиров бригад, полков и т.д.

Кроме того, 4[-е] отделение командного отдела ведает особым учетом лиц Генштаба, служивших в белой армии, передать это дело без специального приказа мне не сочли возможным...»³

С 10 августа 1922 г. генштабистов в РККА стали именовать лицами с высшим общим военным образованием, а с 23 ноября 1923 г. — лицами с высшим военным образованием. Учет всех лиц с таким образованием, а также переведенных и причисленных к Генштабу был сосредоточен в Штабе РККА. В этой связи

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–26об. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 673–708.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916. Л. 20.

³ РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 1263. Л. 1.

возник непростой вопрос, как быть с переведенными в Генштаб без окончания академии героями Гражданской войны Фрунзе, Уборевичем, Тухачевским и Егоровым. Формально лицами с высшим военным образованием они, естественно, не являлись. Выход был найден в том, что ранее причисленных признали также относящимися к этой категории^I.

Привлекая на службу генштабистов, большевики вели тщательный учет и пленным белым, и тем, кто окончил академию неудачно, и даже тем, кто почти не учился в академии. Иногда эта ситуация доходила до абсурда, когда в качестве специалистов Генштаба учитывались лица, обучение которых в академии ограничивалось лишь несколькими неделями. К примеру, ПШ РВСР запрашивал Организационное управление ВГШ, а последний запрашивал Совет ВГШ, надлежало ли считать слушателями академии лиц, зачисленных в нее, но по обстоятельствам военного времени курса не слушавших, а также пробывших в ней один-два месяца. Вопрос касался слушателей по сути так и не состоявшихся подготовительных курсов 4-й очереди 1918 г. (не путать с 4-й очередью академии в Томске в 1919 г.), которые «вследствие ликвидации академии из-за захвата ее белыми вынуждены были окончить прохождение курса»^{II}. Отмечалось, что «установить с достоверностью пребывание лиц этой группы в академии, степень его продолжительности не представляется возможным, т.к. вследствие захвата всех дел академии белыми базироваться приходится исключительно на личных показаниях самих слушателей»^{III}. Как оказалось, слушатели этой категории также состояли на учете Организационного управления, причем продолжительность их пребывания в академии была оценена с явным преувеличением в 2,5–3 месяца (реально никто из них не проучился больше двух месяцев, а фактически основная масса – не более месяца). На учет не брали лиц, зачисленных в академию, но не проходивших курса^{IV}. При этом на учет принимались «все когда-либо обучавшиеся в академии Генштаба лица, хотя бы и не закончившие курса» (телеграмма ВГШ в штаб Беломорского военного округа от 13 октября 1920 г.)^V.

Особенно труден был на протяжении всей Гражданской войны учет выпускников ускоренных курсов академии. Связано это было с переходом академии летом 1918 г. к белым, в результате чего проблематично было установить даже списочный состав слушателей и проверить, действительно ли тот или иной специалист учился в академии. Выборными от слушателей старшего класса 3-й очереди, оставшихся на советской территории, после захвата академии белыми был составлен список лиц, обучавшихся в этом классе, заверенные экземпляры выданы на руки всем слушателям, оставшимся у красных (таковых было немного). В наиболее тяжелом положении оказались те, кто прослушал только часть курса и о ком не было упомянуто в соответствующем приказе^{VI}.

В 1922 г. управлением по командному составу Штаба РККА был подготовлен новый «Список лиц с высшим общим военным образованием» по данным

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 32.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 101.

^{III} Там же.

^{IV} Там же. Л. 102.

^V Там же. Л. 166.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 371.

на 1 августа 1922 г. Как и в других списках, на титульной странице было указано: «О всех ошибках и неточностях, вкравшихся в список, штабы, управления, отдельные лица с высшим общим военным образованием приглашаются сообщить, по возможности безотлагательно, в управление по командному составу Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии»¹. Сведения о генштабистах в этом списке были довольно подробными, включая фамилию, имя, отчество, год рождения, последний чин, год окончания академии и в ряде случаев его обстоятельства, занимаемую должность и дату вступления в нее, подробные данные о прежней службе в старой армии и в РККА. В списке дана ошибочная нумерация, и вместо указанных 577 человек содержатся сведения о 582.

Среди них 271 полноценный генштабист выпуска до 1914 г. включительно, 103 окончивших академию неудачно или прослушавших курс не в полном объеме (73 по 2-му разряду (в том числе два класса), по 1-му разряду, но без причисления, или два класса по 1-му разряду, 3 представителя выпуска 1915 г. и 27 причисленных к Генштабу в 1911 и в 1914–1915 гг.), 86 курсовиков, 99 выпускников красной академии выпуска 1921 г., 22 переведенных и причисленных к Генштабу приказами РВСР, в том числе без обучения в академии, и один причисленный приказом ВГШ. Отметим и некоторые недостатки списка. В частности, детали окончания академии (разряд, количество классов, причисление или непричисление к Генштабу) в этом списке указывались далеко не всегда, что свидетельствует о падении значения этого фактора, в особенности в условиях массового выпуска специалистов из красной академии, где таких градаций не было. Вместе с тем отсутствие этих важных для нас данных ведет к искажению расчетов по этому списку (в то же время корректная информация в этом отношении собрана в подготовленной нами базе данных по кадрам Генштаба в Гражданскую войну, в которой учтены соответствующие действительности данные списка 1922 г.). Кроме того, точные даты нахождения на тех или иных постах теперь стали чаще всего заменяться указаниями на продолжительность пребывания на той или иной должности по годам и месяцам. Не давались в списке и сведения о службе в антибольшевистских формированиях, а в некоторых случаях вместо умолчания о местонахождении офицера-белогвардейца в разгар Гражданской войны даже приводились вымышленные данные о его службе в РККА. Не обо всех военспецах у составителей имелись полные сведения: у некоторых отсутствовали данные о годе рождения, у кого-то ничего не говорилось о службе в старой армии (особенно это касалось тех, кто не служил тогда по Генштабу), информация о службе некоторых в РККА также отличалась чрезмерной лапидарностью, не отмечались сведения об арестах, что практиковалось ранее, часть военспецов была указана не по алфавиту, у некоторых ошибочно приводились фамилии, имена, отчества, годы рождения и окончания академии. Список был набран на машинке и растиражирован.

Одним из наиболее объемных списков Генштаба стал «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии», содержащий сведения на 1 марта 1923 г. Этот список, в отличие

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 576. Л. 1.

от многих других, был в 1923 г. издан отдельной книгой. Как и прежде, на титульном листе было указано: «Все лица с высшим общим военным образованием о замеченных ими неточностях в служебных сведениях, помещенных о них в настоящем списке, сообщают непосредственно от себя в отдел по командному составу Штаба РККА для соответствующих исправлений и дополнений». Таким образом, список был составлен отделом по командному составу Штаба РККА. В списке указывались фамилия, имя, отчество, год рождения, последний чин в старой армии, занимаемая должность, а также основные посты в старой армии и в РККА за предшествующий период с указанием дат назначения или продолжительности пребывания в той или иной должности. Для выпускников Военной академии РККА приводились итоги окончания учебы.

В этом издании указаны 698 человек. Среди них 284 офицера Генерального штаба, 92 слушателя и выпускника академии, окончивших два класса либо полный курс по 1-му и 2-му разрядам и не причисленных к Генштабу, 97 слушателей и выпускников ускоренных курсов 1916–1918 гг., 221 выпускник Военной академии РККА (93 – выпуска 1921 г. и 128 – 1922 г.), а также четверо переведенных в Генштаб без окончания академии (упоминавшиеся выше Тухачевский, Фрунзе, Егоров, Уборевич)^I. По некоторым данным, в список включены 93 генштабиста, вступивших в РККА после службы в Белой или национальных армиях^{II}, т.е. либо те «лица Генштаба», которые попали в плен в ходе Гражданской войны и затем поступили на службу в РККА (например, А.Г. Лигнау^{III}), либо офицеры, которые вернулись в начале 1920-х гг. из эмиграции, но в период гражданского противостояния состояли на службе в антибольшевистских армиях (например, Я.А. Слащев).

Важно отметить, что помимо проанализированных выше общих списков «лиц Генштаба» в РККА было составлено немало частных списков, что также не получило распространения в антибольшевистском лагере. Имеет смысл кратко остановиться на принципах составления этих списков. Готовились частные списки «лиц Генерального штаба», находившихся на фронтах^{IV} или в определенных регионах (например, на Украине^V, в Сибири^{VI}), списки курсовиков^{VII}, отдельные списки по выпускам^{VIII} или по местам службы (например, в системе военно-учебных

^I Наш расчет по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923. Указания на окончание академии в 1915 г. обозначают предполагавшийся выпуск 1915 г., который завершил обучение в связи с началом Первой мировой войны в 1914 г.

^{II} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 110.

^{III} Подробнее о нем: Зуев В. Н. Генерал А. Г. Лигнау: страницы жизни // История белой Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 61–64.

^{IV} См., напр.: Список лиц Генерального штаба, находящихся на фронтах // РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97; Список лиц, окончивших академию, но не состоящих в Генштабе, и слушателей академии, находящихся в распоряжении Южного фронта // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609.

^V Список лиц Генерального штаба, состоящих на службе в Киевском военном округе и войсках Украины на 16.02.1921 // РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916.

^{VI} Список лиц Генштаба по состоянию на 1 ноября 1920 г., находящихся в частях и учреждениях Сибири // РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 3–Зоб.

^{VII} См., напр.: Список выпускников ускоренных курсов и слушателей академии Генштаба в РККА // РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 172.

^{VIII} См., напр.: Список лиц Генерального штаба выпуска 1917 года с указанием должностей. По состоянию к 20 апреля 1919 г. // РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 905.

заведений¹), были даже составлены списки «лиц Генштаба», пропавших без вести², а также список выпускников академии, занимавших малоответственные должности³, и многие другие списки частного характера⁴. Такая кропотливая учетно-регистрационная работа позволяла устранять многие недочеты, возникавшие в деле военного управления в годы Гражданской войны, и использовать ресурс специалистов Генерального штаба более эффективно.

Следует упомянуть о том неизгладимом впечатлении, которое производила на современников массовость поступления бывших офицеров Генерального штаба в Красную армию. Впечатление это было настолько сильным, что журналист Г.В. Немирович-Данченко в 1922 г. в Берлине писал о 75 % бывших офицеров Генштаба, служивших большевикам⁵. Подобные оценки разделяли и генштабисты, стоявшие в руководстве Белого движения. Так, генерал А.И. Деникин отмечал, что особенно широко у красных был представлен Генеральный штаб⁶. Участник Белого движения на Востоке России, соратник атамана А.И. Дутова генерал-генштабист И.Г. Акулинин отмечал, что «успехами в боевых операциях красные комиссары обязаны, главным образом, военным «спецам», которых им удалось на вербовать из рядов старой армии и среди которых были офицеры Генерального штаба с крупными именами»⁷.

Схожие оценки оставляли и обыватели. Участник Белого движения на Юге России Г.А. Орлов записал в дневнике 13 (26) января 1919 г.: «Довольно много все-таки русских генералов перешло на сторону большевиков. Из принимавших участие в боях против нас и донцов я уже знаю генералов Болховитинова, Снесарева, Королькова, Гутора, Сытина. Офицеров Генерального штаба у большевиков прямо тьма, и вообще офицеров у них не так уж мало, как некоторые думают. Понятно, что красные не могли бы столько времени держаться, организовать такую армию и вести такие сложные операции, какие они теперь ведут на нескольких фронтах, если бы у них не было опытных и умелых руководителей из знатоков военного дела. Мне только непонятно, что думают, на что надеются и рассчитывают все эти бывшие офицеры, как они рисуют себе весьма недалекое и весьма печальное для них будущее. И что, собственно, могло их заставить руководить подонками общества и отбросами человеческого рода, толпой негодяев и убийц против бывших своих товарищей и сослуживцев»⁸.

¹ Список лиц, окончивших академию Генерального штаба, но к Генштабу не причисленных, состоящих на службе в военно-учебных заведениях республики (12.1920) // РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 21–23; Список лиц, не окончивших академию Генштаба (слушателей), состоящих на службе в военно-учебных заведениях республики (12.1920) // Там же. Л. 24–30; Список лиц Генерального штаба, состоящих на службе в ГУВУЗе и предназначаемых в особый резерв кандидатов для замещения фронтовых должностей (02.1921) // РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916.

² Список лиц Генштаба, исключенных из нового списка Генштаба без вести пропавшими // РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.; Список лиц Генштаба, без вести пропавших. Составлен на 15.01.1920 // РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47–47об.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916.

⁴ Разрозненные списки лиц Генштаба РККА за 1918–1920 гг. см.: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 908, 909, 910, 912, 914, 917; Ф. 7. Оп. 8. Д. 178, 187, 263, 340, 341; Ф. 11. Оп. 5. Д. 97, 157, 930, 980, 992, 996, 997, 1003, 1004, 1005, 1006, 1007, 1009, 1010, 1011, 1012, 1013, 1120, 1121, 1123, 1124; Ф. 105. Оп. 1. Д. 166.

⁵ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. С. 27.

⁶ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 547.

⁷ Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 173.

⁸ Орлов Г. А. Дневник добровольца: Хроника Гражданской войны. 1918–1921. М., 2019. С. 90–91.

14-летний доброволец Алексеевского полка Б.А. Павлов (Пылин) впоследствии написал: «Как это ни странно, высшее офицерство русской армии, в своем большинстве, не проявило большой стойкости и пошло, то ли под угрозой террора, то ли из материальных выгод и карьеры, на службу к большевикам. Возможно, среди них были и такие, которые чистосердечно считали, что в начавшейся войне с Польшей большевики стали как бы защитниками целостности нашего государства, а потому о политических разногласиях с ними нужно на время забыть и их нужно поддержать».

Обо всем этом я упоминаю не для того, чтобы лишний раз бросить им обвинение и подчеркнуть их ошибки (для этого я недостаточно компетентен), а чтобы напомнить об одном из факторов, повлиявших на исход борьбы Добровольческой армии.

В то тяжелое и ответственное время, когда решалось, по какому пути пойдет дальше Россия, больше половины офицеров Генерального штаба — ученых специалистов и профессионалов военного дела — оказались по тем или другим соображениям, вольно или невольно в стане большевиков и помогли им создать сильную Красную армию.

Борьба же с большевиками всей своей тяжестью легла на плечи рядового офицерства; даже не кадрового, таковое было выбито во время Мировой войны, а тех, кто пошел на войну из школ прапорщиков, т.е. вышедших в своей массе из рядов русской интеллигенции, которую обвинить в реакционности было бы трудно^I.

Журналист А.А. Валентинов в штабе Врангеля 30 мая (12 июня) 1920 г. узнал, что красным служат свыше 80% генштабистов^{II}. Разумеется, эти данные являлись значительным преувеличением. Однако они дают интересный материал для изучения представлений белого командования о противнике. Видимо, столь сильным было впечатление от концентрации кадров Генерального штаба в РККА. К тому же причины собственных неудач белым было проще объяснить массовостью Красной армии и более значительным, чем у них, представительством генштабистов в РККА, чем системными просчетами собственного командования. С этим же мифом уже в эмиграции боролся полковник А.А. Зайцов^{III}.

Бывший советский главком И.И. Вацетис в своих воспоминаниях изложил противоположную оценку: «Что касается командного состава, на стороне наших противников находится большинство старого опытного боевого офицерства, и командный состав у них находится на высоте своего положения. Большая часть Генерального штаба находится на стороне наших противников»^{IV}. Новейшие расчеты распределения офицерских кадров и кадров Генштаба подтверждают правоту Вацетиса.

Сведения о генштабистах в противоположном лагере оставались довольно отрывочными и смутными. Так, к докладу начальника разведывательного отделения штаба главкома ВСЮР полковника В.Д. Хартулари от 6 (19) июня 1919 г.

^I Павлов Б. Первые четырнадцать лет. М., 1997. С. 98–99.

^{II} Валентинов А. А. Крымская эпопея. С. 16.

^{III} Зайцов А. А. Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны // Русский инвалид (Париж). 1932. 07.03. № 36. С. 6–7; 22.03. № 37. С. 5–6. Оpubл. в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 816–823.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 208–209.

прилагался «Список офицеров Генерального штаба, состоящих на службе у красных», в котором содержались не всегда точные сведения всего на 16 человек. Белые разведчики-генштабисты не могли преодолеть стойкой неприязни к «ренегатам», пошедшим к большевикам. Поэтому на перечисленных военспецов давались, как правило, весьма нелицеприятные характеристики. Главком И.И. Вацетис — «Челов[ек] недалекий, угрюмый, вспыльчив, много способствовал общим неудачам, вследствие тяготения к латышам назначал их на ответст[венные] посты»^I. Начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев — «Эгоист, черствый, двуличный. Советский работник от души»^{II}. Начальник штаба Южного фронта В.Ф. Тарасов — «неутомимый советский работник. Гнетет подчиненных ему генштабов»^{III}. О потенциальных антибольшевиках говорилось в другом тоне. Помощник Костяева Г.Н. Хвоцинский «работает по принуждению. Является простым исполнителем приказов Костяева. Советской власти не сочувствует»^{IV}. Начальник штаба 9-й армии Н.Н. Карепов «был арестован. Сидел на барже, насильно вытянут на фронт, хотел бежать к нам, но не удалось. За нерадивое отношение к службе был смещен. При первом удобном случае перебежит»^V. Интересно, что Карепов действительно бежал к белым в 1919 г. Среди сочувствующих белым, работающих по принуждению и саботирующих приказы, отмечались: И.И. Защук, Г.Д. Суходольский, П.Н. Петрасевич, А.Ф. Кадошников. Вместе с тем отмечались и выдающиеся военспецы, ревностно служившие советской власти: А.И. Геккер, Н.В. Пневский, А.М. Перемытов, Н.Д. Либус, В.В. Любимов, Л.Л. Ключев, В.И. Преображенский. Например, о командующем 10-й советской армией Ключеве сообщалось: «Ревност[ный] сов[етский] работник. Отчаянное сопротивление, оказанное 10[-й] арм[ией] у Царицына, надо приписать его личному руководству»^{VI}. В качестве вывода составитель списка отмечал: «Троцкий к офицерам Генерального штаба относится очень хорошо и на них строит всю надежду на будущее. В последнее время по его настоянию все ответственные командные посты, особенно командармов, решено передать генштабам»^{VII}. Белыми также был составлен «Список б[ывших] офицеров Генерального штаба, состоящих на службе в Советской России, зарегистрированных разведывательным отделением штаба главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России», включавший 115 человек^{VIII}. В списке были указаны фамилии, имена, отчества, а также занимаемые должности. Впрочем, документ был составлен довольно неряшливо. В частности, в него почему-то попали по одному офицеру грузинской и украинской армий. По-видимому, уже в эмиграции белые смогли раздобыть типографскую корректуру советского списка Генштаба, составленного ВГШ к 15 мая 1920 г.^{IX} Судя по всему, белая разведка обладала более полной информацией о военспецах-генштабистах, чем красная — об их белых оппонентах.

^I HIA. Vrangal collection. Box 39. Folder 10.

^{II} Ibid.

^{III} Ibid.

^{IV} Ibid.

^V Ibid.

^{VI} Ibid.

^{VII} Ibid.

^{VIII} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 37. Л. 15–18об.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–81, 85–96. Документ опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 647–666.

Белое командование, в целом, скептически относилось к военспецам-генштабистам. Такая оценка, например, была присуща главнокомандующему ВСЮР генералу А. И. Деникину: «Все эти капитаны Каменевы, полковники Егоровы¹ — офицеры самые заурядные. Но у большевиков выдвинулись, видимо, свои люди, волевые, которым поначалу, может быть, не хватало технической подготовки»². Далее упоминались С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и М. В. Фрунзе.

Разумеется, в среде военспецов-генштабистов также существовал большой интерес к положению их прежних товарищей по корпорации у белых. Однако в силу подчиненного положения военспецов в Советской России удовлетворить такой интерес было непросто. Чаще всего военспецам попадались какие-то отрывочные сведения. Например, известно, что в ПШ РВСР на генштабистов из окружения главкома И. И. Вацетиса сильное впечатление произвела уже упоминавшаяся статья полковника Я. М. Лисового о распределении генштабистов между противоборствующими сторонами, напечатанная в журнале «Донская волна» на белом Юге³. Вскоре в советской печати появился ответ. В газете «Известия Народного комиссариата по военным делам» автор под псевдонимом Лопатин писал, что «для нас материал этой статьи является очень интересным, так как в нем мы находим характеристику нашего Генштаба и Генштаба противных нам армий белых»⁴. Автор обратил внимание на огульную оценку Генштаба Лисовым как органа реакционного, а также на то, что при описании событий 1917 г. Лисовому пришлось признать наличие в Генштабе и иных направлений, но к красным генштабистам Лисовой относился резко негативно. «Конечно, Лисовой не мог обойтись при упоминании об этих (красных. — А. Г.) генштабистах без пустых угроз и ни к чему не ведущих запугиваний»⁵.

Противники большевиков выстраивали собственную систему учета, в которой сохранялись все дореволюционные особенности службы Генштаба, включая множество условностей и анахронизмов, таких как, например, старшинство в чинах, причисление или перевод в Генеральный штаб. В то же время в их системе было немало общего с той, что сложилась в РККА. Точно так же обязательно учитывались год выпуска из академии, разряд, занимаемая должность. Однако в целом система учета, сложившаяся в антибольшевистских формированиях, была менее развитой, а следовательно, менее точной и эффективной в сравнении с аналогичной системой в РККА.

Наиболее развитая система учета кадров Генштаба сложилась у белых не на юге, где возник самый крупный центр антибольшевистского движения, а на востоке России (разумеется, нельзя исключать того, что отдельные документы учета кадров Генштаба на белом Юге могли быть утрачены или вывезены за границу и поэтому неизвестны исследователям). Вероятно, причиной такого явления стал переход на сторону антибольшевистских сил летом 1918 г. на этом фронте Военной академии, в которой велся учет слушателей и выпускников ускоренных курсов,

¹ В действительности С. С. Каменев являлся бывшим полковником, а А. И. Егоров не имел отношения к генштабистам.

² Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 264; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 570.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 188об., 472об.; Т. 2. Л. 40.

⁴ Лопатин. Генеральный штаб // ИН. 1919. 01.06. № 115. С. 2.

⁵ Там же.

а также имелась необходимая справочная информация о других категориях бывших питомцев этого военно-учебного заведения.

18 ноября 1918 г. датирован список выпускников подготовительных курсов 3-й очереди академии с указанием их новых мест службы в антибольшевистских формированиях (а иногда данных о том, что отдельные выпускники остались на советской территории)¹. Однако списков старых генштабистов за этот период обнаружить не удалось.

24 февраля 1919 г. датированы сразу два списка выпускников академии, составленные в отделении службы офицеров Генерального штаба общего отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. Составителем обоих документов был начальник отделения штабс-капитан М.Я. Савич. В первом списке были указаны офицеры Генерального штаба и причисленные, находящиеся «на территории, освобожденной от большевиков». Второй список включал выпускников подготовительных курсов первых трех очередей, зарегистрированных на той же территории². Названия списков были заведомо некорректны, поскольку в них, вопреки заголовкам, указывались сведения не обо всех антибольшевистских фронтах, а только о Восточном.

В первом списке были указаны 97 генштабистов (генерал от кавалерии, 14 генерал-лейтенантов, 37 генерал-майоров, 28 полковников, 15 подполковников и 2 капитана), 3 окончивших по 2-му разряду (генерал-майор и 2 подполковника) и 13 причисленных к Генштабу курсовиков выпуска 1917 г. (2 подполковника, 8 капитанов и есаулов, 3 штабс-капитана и подьесаула). Всего 113 офицеров.

Во второй список были включены сведения о 178 выпускниках ускоренных курсов. Среди этих офицеров значились 5 полковников, 23 подполковника, войсковой старшина, 109 капитанов, ротмистров и есаулов, 36 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подьесаулов и 4 поручика.

Оба списка были достаточно подробными. Первый включал данные о чине, старшинстве в нем, занимаемой должности и годе выпуска из академии. Второй — о чине и старшинстве в нем, занимаемой должности, очереди окончания академии, старшинстве в первом офицерском чине и среднем балле по окончании подготовительного курса академии. Впрочем, в списках были и недочеты. Так, данные о старшинстве в текущем чине были заполнены лишь у 44 курсовиков из 178, а в списке генштабистов лишь у 8 из 113 офицеров. В списках не приводились имена и отчества, что могло при наличии однофамильцев вести к путанице, не у всех генштабистов были указаны годы окончания академии. Списки печатались на машинке.

По дореволюционной традиции для белых сохраняли значение вопросы старшинства в чинах, выпуска из академии и его обстоятельств. В то же время первостепенными при чинопроизводстве в условиях Гражданской войны, когда прежние правила уже не соблюдались, все чаще становились стаж пребывания офицеров в антибольшевистских формированиях и конкретные заслуги, причем не только

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–7. Список с дополнениями опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 508–519.

² РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 214. Л. 1–4об., 14–16. Списки опубликованы в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 563–575.

на фронте. Немалое значение для карьерного роста имел фактор вовлечения офицеров в политическую борьбу, а также личные взаимоотношения с начальством^I.

Разумеется, после выпуска из академии Генерального штаба в Томске слушателей ускоренных курсов 4-й очереди в начале мая 1919 г., так же как и прежде, в академии был составлен список 154 выпускников с указанием данных о местах их службы^{II}. В список вошли обучавшиеся в академии сербские, польские и чехословацкие офицеры, но не были включены 22 офицера, отчисленные ранее.

На 10 июня 1919 г. был составлен новый список Генерального штаба, в который вошли 139 офицеров, в том числе 17 окончивших два класса академии и 3 причисленных^{III}. 25 октября 1919 г. датирован «Список офицеров Генерального штаба, причисленных к Генеральному штабу и окончивших 2 класса академии, находящихся на территории освобожденной от большевиков Сибири» по данным к 10 октября того же года^{IV}. Составителем был тот же М.Я. Савич, уже дослужившийся до подполковника. Отделение, которым он руководил, теперь называлось «Отделение личного состава офицеров Генерального штаба». Список сохранился среди трофеев 5-й Красной армии и использовался органами ВЧК при поиске белых генштабистов.

Список включал сведения о 159 офицерах, служивших в колчаковской армии по состоянию на 10 октября 1919 г., и был изготовлен типографским способом. В списке были указаны 131 офицер Генштаба (генерал от кавалерии, 25 генерал-лейтенантов, 58 генерал-майоров, 27 полковников, 17 подполковников, 3 капитана), 3 причисленных (полковник, есаул и штабс-капитан), а также 25 офицеров (9 генерал-майоров, 13 полковников, 3 подполковника), окончивших академию по 1-му или 2-му разрядам, но не переведенных в Генеральный штаб. Графы списка остались прежними, но качество составления несколько повысилось. В частности, у абсолютного большинства офицеров было указано старшинство в чине, однако не было имен и отчеств, а также у некоторых не хватало данных о занимаемых должностях.

Документами, которые с небольшой натяжкой можно отнести к спискам Генштаба Востока России, были приказы главнокомандующего всеми Вооруженными силами Российской Восточной окраины генерал-лейтенанта Г.М. Семенова от 2 апреля 1920 г. № 261 и 262. В первом приказе говорилось о причислении к Генштабу сразу 60 курсовиков как пробывших «установленный срок на штатных должностях Генерального штаба в штабах частей, действующих на фронте»^V, а во втором — о переводе 18 курсовиков, включая большинство кандидатур из предшествующего приказа, с 12 февраля 1920 г. в Генштаб. В последнем случае отмечалось, что «нижепоименованные офицеры, окончившие ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба, в настоящую тяжелую войну за благо и спасение чести

^I Подробнее об этом на конкретных примерах служебного пути колчаковских генштабистов см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 96–138.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 44–46, 112–114. Список с дополнениями опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 576–582.

^{III} РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 439. Л. 444об.

^{IV} РГВА. Ф. 40840. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–9. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 611–619.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

и единства России, занимая ответственные должности Генерального штаба, проявили безграничную преданность и любовь к России и выказали вполне достаточную как теоретическую подготовку, так и тот практический опыт, который особенно необходим боевому офицеру Генерального штаба. Совершив беспримерный поход от Иртыша до Байкала^I, неся наравне с рядовыми бойцами все лишения походной жизни, сильнейшие духом из них ныне прибыли в Забайкалье и, невзирая на усталость, готовы продолжать борьбу с врагами родины. В воздаяние отличных заслуг названные офицеры в силу предоставленной мне власти переводятся с 12 февраля 1920 года в Генеральный штаб, с присвоением каждому из них всех прав и преимуществ, по службе в Генеральном штабе положенных»^{II}. Не исключено, что это были последние списки Генштаба, составленные на белом Востоке России. На Юге России также практиковались причисления к Генштабу, находившие отражение в приказах, но такой массовости причисленных там не было.

Списки Генштаба Севера и Северо-Запада России неизвестны. Возможно, их просто не существовало, что связано с малочисленностью находившихся на этих фронтах генштабистов (несколько десятков человек) и отсутствием необходимости в подобном учете. Известно, что, например, Северо-Западная армия испытывала острую нехватку кадров Генштаба, вследствие чего недавние курсовики назначались там на должности начальников дивизионных штабов^{III}.

Документов учета кадров Генерального штаба на белом Юге сохранилось крайне мало, поэтому сложно сказать, когда здесь начал вестись такой учет. Судя по всему, первые попытки ведения учета генштабистов были предприняты летом 1918 г. на Дону. Известно, по крайней мере, три списка офицеров Генштаба Донского войска и курсовиков Донской армии, датированных 1918 г. – к 25 июня (8 июля; 2 списка) и 20 ноября (3 декабря). В первом списке значилось всего 38 офицеров (3 генерал-лейтенанта, 11 генерал-майоров, 11 полковников, 11 подполковников и 2 капитана)^{IV}. Во втором на ту же дату (список причисленных к Генеральному штабу и окончивших подготовительные курсы академии) – 21 офицер, в том числе 2 подполковника (войсковых старшины), 7 капитанов (ротмистров, есаулов) и 12 штабс-капитанов (штабс-ротмистров, подьесаулов)^V. Таким образом, в Донском войске и армии на 25 июня 1918 г. числились 59 выпускников и слушателей Военной академии. Наконец, в третьем списке на 20 ноября (3 декабря) значился 51 офицер (8 генерал-лейтенантов, 17 генерал-майоров, 16 полковников, 7 подполковников, 3 капитана)^{VI}, и еще 6 (генерал-лейтенант, 3 генерал-майора, полковник и подполковник) были добавлены как не занимавшие должностей к 7 (20) декабря 1918 г.^{VII}

^I Речь идет о Сибирском Ледяном походе.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

^{III} РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 67. Л. 417об.

^{IV} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 471–472. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 525–527.

^V РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 475–475об. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 528–529.

^{VI} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–2об.

^{VII} Там же. Л. 3.

По данным полковника Я.М. Лисового, с августа по ноябрь 1918 г. в Добровольческую армию прибыло 80% генштабистов, состоявших в ней к 1 декабря 1918 г. Судя по графику из его очерка в журнале «Донская волна», к началу октября в армии было лишь 48, а к началу ноября – около 60 офицеров Генерального штаба^I. К началу декабря среди генштабистов в армии 28% составляли генералы, 55% – штаб-офицеры и 17% – обер-офицеры. Количество генштабистов в Добрармии Лисовой оценивал к 1 декабря 1918 г. в 10% старого Генштаба. Однако, судя по приведенным самим же Лисовым данным, эта цифра сильно завышена. В Донской армии к 1 декабря, по тем же данным, среди генштабистов 50% составляли генералы, 46% – штаб-офицеры и 4% – обер-офицеры. Впрочем, если сравнить данные Лисового и упомянутого выше списка Генштаба Донского войска на 20 ноября 1918 г., получатся несколько более точные сведения, что генералы составляли 49%, штаб-офицеры – 45% и обер-офицеры – 6% (с учетом дополнений на 7 декабря – 51%, 44% и 5,3% соответственно). По мнению Лисового, в Донской армии служили 3% офицеров прежнего Генштаба. Лисовой полагал, что до 1 декабря 1918 г. погибли и умерли 10% офицеров Генерального штаба – это, на наш взгляд, является завышенной цифрой. 20% офицеров Генштаба, по мнению Лисового, уклонялись от участия в Гражданской войне, и до 35% служили в РККА. Таким образом, оставались 32%, о которых у Лисового ничего не сказано, за исключением графического изображения на диаграмме, судя по которой численность генштабистов в украинской армии Лисовым оценивалась несколько выше соответствующего показателя по армии А.И. Деникина, а генштабистов в других национальных армиях, по мнению Лисового, было больше, чем в Донской армии, но меньше, чем в Добровольческой^{II}.

Полковник А.А. фон Лампе 25 августа (7 сентября) 1919 г. записал в дневнике: «Ровно год тому назад я явился [к] генералу Алексееву, прибыв в Добровольческую армию. Я был 62-м офицером Генерального штаба – как теперь все изменилось!»^{III} Это свидетельство подтверждают кадровые документы Добровольческой армии, относящиеся к осени 1918 г.

2 (15) октября 1918 г. датирован список офицеров Генштаба Добровольческой армии для выборов в суд чести. В этом списке указано 86 человек, из которых 45 находились на штатных должностях, 8 – на нештатных (в распоряжении различных начальников), 17 числились в резерве чинов (из них 5 получили должности, что было вписано дополнительно) и 16 значились как вновь прибывшие (не проведенные по приказам, в том числе 2 офицера, получившие назначения)^{IV}. Таким образом, в это время в армии уже ощущался переизбыток кадров Генштаба.

В период успешного наступления войск А.И. Деникина на Москву летом 1919 г. был составлен «Алфавитный список генералов, штаб- и обер-офицеров Генерального штаба Вооруженных сил на Юге России» по состоянию на 15 (28) июня 1919 г.,

^I Лисовой Я. М. Генеральный штаб. С. 12.

^{II} Там же. С. 14.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021. С. 73.

^{IV} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178об.–179. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 535–538.

копия которого была мне прислана известным исследователем русских наград и коллекционером А.И. Рудиченко из США¹.

Список этот отпечатан типографским способом, что свидетельствует о наличии определенного тиража, тогда как первые списки РККА печатались на машинке, впрочем, они каким-то способом затем размножались. К сожалению, документ не заверен, а потому невозможно установить, какой именно орган занимался его составлением. Скорее всего, речь идет об отделе Генерального штаба Военного управления штаба главнокомандующего ВСЮР. Список содержал графы: порядковый номер, чин, фамилия, имя и отчество, должность, год выпуска из академии — и пустую колонку для каких-либо отметок. В нем приводятся сведения о службе 10 генералов, 49 генерал-лейтенантов, 110 генерал-майоров, 198 полковников, 7 подполковников (на белом Юге такой чин для уравнивания гвардейских и армейских офицеров был в октябре 1918 г. упразднен, подполковников переименовали в полковники), 20 капитанов — итого 394 человека. Кроме того, отдельно были указаны офицеры, прослушавшие полный курс академии или часть его, но не переведенные в Генштаб. Среди них было 13 полковников, подполковник, капитан и 2 штабс-капитана — всего 17 офицеров. Также в отдельную категорию были выделены выпускники подготовительных курсов академии, допущенные к исполнению должностей Генерального штаба. Среди них 14 полковников, 9 подполковников и войсковых старшин, 50 капитанов, ротмистров и есаулов, 27 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подьесаулов, а также подпоручик — итого 101 человек. Наконец, отдельно были указаны полковник, 3 подполковника и войсковых старшины, 4 капитана и есаула, штабс-капитан, окончившие младший курс 3-й очереди академии, не пользовавшиеся правами окончивших, но допущенные к исполнению должностей Генштаба как строевые офицеры. Представителей этой категории было, таким образом, 9. Всего же в списке указан 521 офицер.

В перечне изменений, происшедших во время печатания списка до 15 (28) августа 1919 г., указаны 58 офицеров, причем среди них 20 ранее не упоминавшихся, в том числе генерал, 2 генерал-лейтенанта, 7 генерал-майоров, 7 полковников и по одному подполковнику, капитану и есаулу. Всего, таким образом, в список включены 541 выпускник и слушатель Николаевской академии, включая 20 вновь учтенных за два последовавших за составлением списка месяца. Данные списка вполне подтверждают тезис о том, что наибольшее количество генштабистов из состава белых армий в годы Гражданской войны оказалось в антибольшевистских формированиях Юга России. Можно согласиться и с очевидным тезисом о том, что кадры генштабистов растворялись в офицерской массе Добровольческой армии и ВСЮР². Это явление было характерно для всех лагерей Гражданской войны. Однако оно не означает, что генштабисты играли второстепенную роль в происходивших событиях, а, наоборот, служит подтверждением их принадлежности к военной элите.

Обращает на себя внимание громоздкость градаций списка, доставшаяся белым по наследству от старой армии, тогда как у красных столь строгого разделения на категории выпускников академии не существовало (учитывались лишь

¹ Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 583–610.

² Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии. С. 92.

разряды, и то нередко достаточно формально). При этом в списке содержится немало пропусков и неточностей, включая отсутствующие у некоторых или неверные имена и отчества, что свидетельствует о недостаточной отработке системы учета, поскольку, если бы списки издавались регулярно, явные ошибки были бы устранены.

В этой главе мы не рассматриваем частные списки Генштаба, которые также составлялись. Например, списки офицеров Донского войска после его подчинения ВСЮР. Такие списки будут проанализированы на предмет особенностей кадровой политики в следующей главе. Сохранились и составлявшиеся в 1920 г. на белом Юге кандидатские списки офицеров Генштаба на должности командиров батальонов, кавалерийских и казачьих дивизионов. В них указаны несколько десятков офицеров^I. Но, конечно, обобщающего характера эти списки не имели.

На белом Юге практиковались причисления к Генштабу слушателей ускоренных курсов академии. Известно, что приказом главнокомандующего ВСЮР № 2303 от 13 (26) сентября 1919 г. были причислены 13 офицеров, обучавшихся в младшем классе курсов 1-й и 2-й очереди^{II}.

В архиве Гуверовского института сохранился список офицеров Генерального штаба Русской армии барона П.Н. Врангеля, датированный 5 (18) октября 1920 г.^{III} Судя по дате, этот список был последним списком Генштаба антибольшевистских сил Юга России периода Гражданской войны, поскольку вскоре Русская армия была разгромлена и уже в ноябре 1920 г. вынуждена эвакуироваться в Турцию. Подтверждением этого предположения служат исправления в списке, содержащие сведения за более поздний период — например, данные о тех офицерах, которые не эвакуировались вместе с врангелевцами из Крыма, или о тех, кто скончался перед эвакуацией (из списка в этой связи вычеркнут генерал В.З. Май-Маевский).

Два предыдущих общих списка генштабистов белого Юга (на 1918 и на 1919 гг.) были опубликованы в нашем справочнике по кадрам Генерального штаба в Гражданскую войну^{IV}. С введением в научный оборот третьего списка картина перемещений кадров Генштаба на белом Юге приобрела заверченный характер, а наши представления о составе и численности генштабистов на этом фронте, их служебной занятости были скорректированы. В частности, только из списка удалось установить факт перехода нескольких офицеров к белым из рядов РККА или украинских национальных формирований.

Список хранится в виде машинописного текста в коллекции П.Н. Врангеля. В нем приведены сведения об офицерах, находившихся как в белом Крыму, так и за его пределами — за границей (в командировках либо в качестве военных агентов) или на других неподконтрольных большевикам территориях, например в Закавказье и даже в Сибири. В документе упомянуты отдельные офицеры, оставшиеся на территории, занятой красными. Список содержит три алфавита персоналий — генералы; штаб- и обер-офицеры; штаб- и обер-офицеры, не переведенные

^I РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 335–338.

^{II} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 137. Л. 36–36об.

^{III} НИА. Vranghel collection. Box 113. Folder 14. Список опубликован в: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 716–747.

^{IV} Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 535–538, 583–610.

в Генеральный штаб. Список не имеет сплошной нумерации: данные об офицерах на каждую букву снабжены отдельной нумерацией. Документ дает достаточно полные сведения об организационной структуре органов военного управления белого Крыма и о сложившейся на белом Юге при Врангеле военной иерархии.

Следует обратить внимание на запись «сведений нет» в графе «Занимаемая должность», которая означает, что местонахождение офицера неизвестно. Такая запись содержится в данных о тех, кто ранее состоял на службе во ВСЮР, но по каким-то причинам к октябрю 1920 г. в Русской армии уже не числился. Такие офицеры, как правило, остались на Кавказе или в Закавказье при эвакуации белых, попали в плен к красным или находились за границей. Эти сведения позволяют отслеживать изменения в кадрах Генштаба белого Юга в динамике.

Общая численность выпускников академии, служивших у Врангеля, должна рассчитываться по этому списку, исключительно из офицеров, которые состояли в Русской армии налицо и указаны по должностям. Всего в список включены данные о 222 генералах, 226 штаб- и обер-офицерах, а также о 157 штаб- и обер-офицерах, не переведенных в Генштаб. Таким образом, в общей сложности на учете кадров Генштаба белого Юга к октябрю 1920 г. состояли 605 выпускников и слушателей академии. Из включенных в список довоенную академию окончили 432 офицера, а ускоренные курсы 1916–1919 гг. – 173. Один из слушателей, штабс-ротмистр Фельдман, успел даже окончить Военную академию в белой Сибири в 1919 г., а позднее перебрался на белый Юг. Если исключить из списка всех офицеров, не находившихся в Крыму и Северной Таврии, а также военных агентов и командированных либо находящихся по другим причинам за границей и тех, чье местонахождение было неизвестно и сведений о ком не было, то получается, что к концу своей борьбы Врангель располагал 173 генералами, 170 штаб- и обер-офицерами, 99 штаб- и обер-офицерами, не переведенными в Генштаб. Следовательно, белые на Юге могли использовать потенциал не менее чем 442 офицеров, окончивших академию Генштаба. Помимо них на белых работали военные агенты за границей (13 офицеров) и командированные (17 офицеров), что давало еще 30 специалистов. С учетом этих офицеров Врангель мог рассчитывать на 472 генштабистов и выпускников академии. Ни много, ни мало 133 офицера находились на территориях, которые белыми не контролировались. По всей видимости, ряды ВСЮР и Русской армии они покинули в течение 1920 г.

При сравнении с предыдущим списком Генерального штаба белого Юга, подготовленным летом 1919 г., видно, что численность кадров Генштаба во ВСЮР возросла (она должна соответствовать общей численности офицеров, включенных в список) с 541 до 605. Пополнение произошло за счет многочисленных пленных и перебежчиков, которые устремились на белый Юг на фоне успехов наступления А.И. Деникина на Москву осенью 1919 г. Установленная нами реальная численность врангелевских генштабистов на осень 1920 г. (472) отражает снижение их количества у белых в результате неудач конца 1919–1920 гг., прежде всего оставления Украины и эвакуации с Северного Кавказа. Разочаровавшиеся в перспективах продолжения борьбы офицеры либо перебирались за границу, либо сдавались красным.

В список, учитывая сложную обстановку Гражданской войны, вкралось некоторое количество ошибок касательно личных данных генштабистов – времени

окончания ими академии (иногда эти данные искажены или пропущены), воинских чинов и других сведений.

Рассмотрим систему учета кадров Генштаба в национальных армиях. Наиболее серьезная в сравнении с белым Югом система учета офицеров Генштаба, соперничавшая по своему качеству и детализации с системой учета РККА, сформировалась в 1918 г. на Украине, где находилось огромное количество генштабистов, переживавших в спокойной обстановке «Русскую Смуту». Касательно украинских генштабистов важно разобраться, насколько искренне они разделяли националистические установки. Реконструировать сознание каждого офицера мы сейчас не можем, но на выручку приходят списки офицеров Генштаба, из которых можно узнать целый ряд интереснейших данных.

По всей видимости, наиболее ранним украинским списком Генштаба является составленный 24 мая 1918 г. список офицеров Генштаба до полковников включительно, которые еще не были назначены на должности¹. В этом списке первоначально содержались данные о 51 офицере, но постепенно, видимо в связи с назначениями и с иными обстоятельствами, сведения о части офицеров были вычеркнуты. Всего указано 8 генерал-лейтенантов, 31 генерал-майор и 12 полковников.

Весьма значительным и подробным был общий список офицеров Генерального штаба Украинской державы на 21 ноября 1918 г.² Ключевое значение в этом документе, на наш взгляд, имеют конкретные даты взятия на учет генштабистов на Украине, а не общая датировка составления списка. Между тем в ряде работ последнего времени ошибочно указывается именно эта последняя (21 ноября 1918 г.). Однако анализ материалов списка со всей очевидностью свидетельствует, что на эту дату далеко не все перечисленные в нем офицеры продолжали службу в армии Скоропадского. Например, генералы В.З. Савельев и А.М. Диденко к этому времени уже находились в войсках А.И. Деникина, сотник (капитан) Д.Р. Ветренко — в антибольшевистских формированиях на Северо-Западе России и т.д. Таким образом, дата составления этого списка вовсе не означала факта службы того или иного генштабиста в украинской армии на указанное число. К сожалению, точные датировки окончания службы в украинской армии и перехода в другие армии известны лишь в отношении немногих перечисленных в списке офицеров, так что указание даты 21 ноября как даты нахождения того или иного генштабиста в армии Украинской державы лишь запутывает ситуацию.

В списке содержатся данные о 305 выпускниках академии, среди которых 20 генералов (полных генералов и генерал-лейтенантов), 81 генеральный хорунжий³ (генерал-майор), 39 полковников, 83 войсковых старшины и подполковника (в том числе 3 курсовика), 13 переведенных в Генштаб сотников-курсников (т.е. капитанов). Кроме того, в списке значились 14 причисленных к Генштабу сотников

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 466–469.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 39–59. Опубл. в: *Тинченко Я. Ю.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 520–535. При публикации не получили комментариев многочисленные неточности, содержащиеся в этом документе. Во втором томе своего справочника Тинченко ошибся на 99 человек при подсчете общего количества офицеров из этого списка (То же. 2011. Кн. 2. С. 110).

³ Чин генерального хорунжего, существовавший при гетмане П. П. Скоропадском, в армии УНР был изменен на генерал-хорунжего.

и значковых-курсовиков, а также 55 — не причисленных^I. Сведения включали последнюю должность в старой армии, год окончания академии и разряд, участие в войнах, награды и ранения, место и год рождения, связь с Украиной, знание украинского и иностранных языков, текущую должность, дату регистрации и адрес. Наравне с некоторыми списками РККА, это один из наиболее подробных списков Генерального штаба периода Гражданской войны.

Интересен список офицеров, которых предполагалось командировать в украинскую военную академию по сведениям на 21 октября 1918 г. В списке были указаны выпускники ускоренных курсов Николаевской военной академии, надеявшиеся на продолжение своего военного образования уже в украинском высшем военно-учебном заведении^{II}. Впрочем, этой академии так и не суждено было открыться в то время.

Нет ничего удивительного в том, что украинские списки Генштаба, относящиеся к концу Гражданской войны, оказались намного короче тех, что издавались в 1918 г. Список украинских генштабистов (офицеров армии УНР), составленный украинским Главным управлением Генштаба, относится к концу Гражданской войны и датирован 3 февраля 1921 г. Список этот небольшой. В нем приведены минимальные сведения (чин, фамилия, имя, отчество) о 37 офицерах, в том числе 4 генерал-поручиках (генерал-лейтенантах), 15 генерал-хорунжих (генерал-майорах), 2 полковниках, 13 подполковниках и 3 сотниках (капитанах)^{III}. В другой редакции этого же списка добавлены еще один подполковник и два сотника^{IV}. Кроме того, есть основания полагать, что в списке имеются и другие пропуски.

Когда в эмиграции в украинском беженском лагере Калиш на территории Польши в 1921 г. открылись ускоренные курсы подготовки офицеров для работы в оперативных штабах армии УНР, были составлены списки их слушателей и выпускников^V. Всего было осуществлено два выпуска. В выпуске 1922 г. значилось 27 офицеров^{VI}, во втором выпуске в 1924 г. было лишь 12 человек^{VII}. Списки слушателей (включая отчисленных) и выпускников в разрозненном виде сохранились среди делопроизводственной документации курсов. Вероятно, один из самых поздних списков офицеров Генштаба УНР датируется 1 августа 1927 г. и содержит краткие сведения о 23 украинских офицерах-генштабистах в эмиграции^{VIII}. Судя по всему, список этот также неполон, но тем не менее отражает общую тенденцию снижения численности представителей дореволюционной военной элиты, сохранивших верность украинской национальной идее. Таким образом, идеология украинского национализма стала достоянием абсолютного меньшинства офицеров Генерального штаба, при этом большая часть выпускников академии оказалась в украинских армиях вовсе не по идейным соображениям. Гораздо более приемлемым для вышедших из русской армии генштабистов украинского

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 58об.

^{II} Там же. Л. 32.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 1–1об. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 671–672.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 5. Д. 6. Л. 6об. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 671–672.

^V Списки опубликованы в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 746–750.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 29–95, 119; САУ. I.380.7.2.

^{VII} САУ. I.380.7.10.

^{VIII} САУ. I.380.2.61. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 751–752.

происхождения был сравнительно умеренный в национальном вопросе режим, установленный на Украине гетманом П.П. Скоропадским.

Списки Генштаба за период Гражданской войны являются важнейшим источником по изучаемой теме, позволяют оценить численность и качественный состав генштабистов противоборствующих сторон, изменения их состава в динамике (при сравнительном анализе можно выявить сведения об изменах генштабистов) и дать ответ на остававшийся неразрешенным почти столетие вопрос о том, как распределились кадры Генерального штаба в Гражданскую войну.

Развитые системы учета кадров Генерального штаба, сложившиеся в противоборствующих лагерях, отражали значимость вопроса о кадрах генштабистов в период Гражданской войны. В этом вопросе, как и во многих других, мы видим значительное превосходство Советской России, где уже к лету 1919 г. был налажен детальный учет генштабистов, не уступавший дореволюционному. Не случайно большевистский вождь В.И. Ленин постоянно говорил о том, что сущность социализма составляют учет и контроль¹. В данном вопросе слова не расходились с делом. Этот, казалось бы, незначительный штрих свидетельствует о системности и продуманности большевистской политики по привлечению бывших офицеров Генерального штаба, превосходстве советского делопроизводства над документооборотом антибольшевистских формирований, что, в свою очередь, влияло и на качество принимаемых кадровых решений.

§ 3. Распределение кадров Генерального штаба в годы Гражданской войны

После обзора различных по своей эффективности систем, по которым велся учет кадров Генштаба во время Гражданской войны, перейдем к рассмотрению базового вопроса, на который призвана дать ответ проведенная нами обширная работа со списками, – вопроса распределения кадров Генштаба и соотношения выпускников академии в различных лагерях Гражданской войны. Этот вопрос имеет не только научное, но и большое общественное значение и тесно связан с более общим вопросом распределения офицерских кадров всех категорий между лагерями Гражданской войны.

В исторической литературе нередко встречаются различные манипуляции с показателями численности офицеров на той или иной стороне. Под это подводится идейное обоснование либо в форме утверждений о всеобщем антибольшевизме офицерства, либо, наоборот, в виде утверждений о всеобщей лояльности офицеров большевикам. Очевидно, что тот и другой тезисы далеки от реальности.

Еще в годы Гражданской войны сами офицеры-генштабисты пытались разобраться в том, какова их роль в происходящем, причем одним из основных вопросов, волновавших современников и потомков, было определение того, на чьей

¹ См., напр.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 35. С. 188, 199–200; 1969. Т. 36. С. 133, 179.

стороне выступил старый Генеральный штаб и по каким причинам. При этом в работах участников Гражданской войны вопрос неизбежно политизировался.

Одной из первых работ такого плана была уже упоминавшаяся статья участника Белого движения на Юге России полковника Я.М. Лисового в журнале «Донская волна»¹. Ее автор попытался определить примерную численность генштабистов в армиях противоборствующих сторон и ее изменения (в ряде случаев Лисовой пробовал дать объяснения этим изменениям), а также причины перехода генштабистов на сторону красных. По оценке Лисового, общее распределение кадров Генштаба на 1 декабря 1918 г. было следующим: в Добровольческой армии служили 10% старого Генштаба, в Донской – 3%, в РККА – 30–35%, 20% от Гражданской войны уклонились и 10% погибли или умерли. Остаточный процент (22%) распределялся между другими антибольшевистскими и национальными армиями, однако точных данных у Лисового, судя по всему, не было. Источники его информации нам также не известны. К тому же абсолютных цифр он, исходя из каких-то соображений (возможно, по причине секретности), практически не привел. В статье прямо отмечалось, что ушедшие к красным являлись предателями и подлежат осуждению за затягивание Гражданской войны. Характерно, что Лисовой даже не считал необходимым описывать аналогичные причины выступления офицеров на стороне белых, рассматривая службу белым как естественный путь для порядочного офицера.

На эту статью откликнулся советский автор под псевдонимом Лопатин, который кратко пересказал материал Лисового, сделав свои выводы о том, что за вычетом нигде не служивших (20%) и умерших (10%) служащие генштабисты распределились между красными и их противниками поровну (по 35%). Таким образом, даже по данным белого генштабиста Лисового выходило, что Генштаб раскололся буквально ровно пополам².

«Лопатин» заключал: «Таковы сведения белых, а им нет основания переоценивать наш Генштаб, и уж если они ошибаются, то вернее в сторону уменьшения его численности.

Возможно, что большая часть тех 20%, о которых говорит Лисовой как о нигде в армии не служащих, добросовестно работают в рядах Красной армии»³.

О выборе офицеров Генерального штаба и об истории Военной академии в Гражданскую войну писал начальник академии генерал А.И. Андогский в своих брошюрах, издававшихся на Востоке России⁴. В брошюре Андогского, изданной в 1921 г. во Владивостоке, приводились данные о том, что в РККА поступили 35% офицеров Генерального штаба, или 460 офицеров из 1200, имевшихся к концу мировой войны⁵.

Заложенная в Гражданскую войну исследовательская традиция нашла продолжение в эмигрантских статьях, подготовленных генштабистами-эмигрантами

¹ Лисовой Я. М. Генеральный штаб. С. 11–14. Публикацию этой статьи, включая восстановленные по черновику Лисового фрагменты, см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 808–815.

² Лопатин. Генеральный штаб // ИН. 1919. 01.06. № 115. С. 2.

³ Там же.

⁴ Андогский А. И. Академия Генерального штаба в 1917–18 гг. Омск, 1919; Андогский А. И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная армия Советской России.

⁵ Андогский А. И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная армия Советской России. С. 29–30.

А.А. Зайцовым и А.К. Баиовым¹. Они первыми поставили вопрос распределения кадров Генштаба в Гражданскую войну как самостоятельную научную проблему и попытались ее решить на основе доступных им материалов. Оба автора были выпускниками Николаевской академии и ветеранами Белого движения. За небольшим исключением, их статьи долгое время оставались единственными работами, освещавшими участие офицеров Генерального штаба в Белом движении.

Между Зайцовым и Баиовым на страницах эмигрантских периодических изданий развернулась жесткая полемика по вопросу о соотношении кадров Генштаба в противоборствующих лагерях. Этот вопрос приобрел довольно острое общественное звучание именно в среде эмиграции первой волны, представители которой пытались возложить вину за поражение белых на Генштаб. Впрочем, эту дискуссию нельзя назвать удачной, поскольку эмигранты не имели ни достаточного количества данных для таких расчетов, ни возможности объективно оценить участие сторон в Гражданской войне. Авторы были ветеранами антибольшевистской борьбы, ярыми противниками большевиков, поэтому в своих исследованиях пытались показать, что большинство генштабистов за большевиками не пошло. Кратко изложим основные факты и выводы, приведенные в этих работах.

Первым к данной теме обратился полковник А.А. Зайцов, выступивший со статьей «Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны» на страницах парижской военной газеты «Русский инвалид» в марте 1932 г.² По всей видимости, целью статьи являлось опровержение распространившегося в эмигрантской среде тезиса о том, что «наш Генеральный штаб во время Гражданской войны оказался по ту сторону рубежа и что ему именно и обязана своей организацией Красная армия»³.

За основу в своих расчетах Зайцов принял довоенный «Список Генерального штаба» на 1913 г., подсчитав, что в Генеральном штабе в то время состояло 1396 офицеров (424 генерала, 546 штаб-офицеров, 241 обер-офицер и 185 причисленных обер-офицеров). Далее Зайцов перешел из области фактов к предположениям. Не имея точных данных о последующих выпусках из Николаевской академии, он утверждал, что в 1914, 1915 и 1916 гг. ее окончили 250–300 офицеров. Суммируя эти данные, Зайцов получил предполагаемую цифру в 1696 офицеров, окончивших академию к 1917 г. Далее предположения Зайцова лишь усугубились, что отдалило его от реальных фактов еще больше. Он решил, что потери Генерального штаба в годы Первой мировой войны и революции нивелируют предположенную им цифру пополнений, и вновь вернулся к цифре в 1396 человек, которую считал приуменьшенной. Именно такой казалась Зайцову численность корпуса офицеров Генерального штаба к началу 1918 г. Разумеется, это число, основанное на двух вымышленных цифровых показателях, не могло быть точным и предопределило заведомую ошибочность всех дальнейших построений Зайцова.

Свои расчеты численности генштабистов в РККА Зайцов строил на данных списка «лиц Генерального штаба» РККА к 15 мая 1920 г. Не зная реальных фактов о состоянии системы учета генштабистов в РККА, Зайцов голословно утверждал

¹ Зайцов А. А. Где был наш Генеральный штаб...; Баиов А. К. Генеральный штаб во время Гражданской войны. С. 3–5. Комментированную публикацию этих статей см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 816–827.

² Зайцов А. А. Где был наш Генеральный штаб...

³ То же // Русский инвалид. 1932. 07.03. № 36. С. 6.

в качестве обоснования выбора этого списка, что «в разрухе 1918 и 1919 гг. список при советских порядках, естественно, был бы неполным, но к концу Гражданской войны “Всероссийский главный штаб”, конечно, уже не мог просчитаться более чем на единицы в своих подсчетах офицеров Генерального штаба, служивших в Красной армии»¹. Однако и здесь Зайцов допустил ряд неточностей. Как мы уже отмечали, в этом списке перечислены 302 выпускника старой академии без учета курсовиков, тогда как Зайцов насчитал только 282, причем с учетом выпуска 1916 г. Таким образом, расчеты вновь оказались неточны. После этого он рассчитал процент генштабистов в РККА от им же необоснованно предложенной цифры в 1396 человек, получив 20,3 %. За этим следовало утверждение о том, что против красных было якобы 80 % Генштаба. Затем Зайцов обратился к списку лиц с высшим общим военным образованием на 1923 г., насчитав в нем лишь 265 выпускников старой академии, тогда как их на самом деле в этом списке 284, не считая выпускников, окончивших академию неудачно. К сожалению, не зная методики подсчетов Зайцова и степени сохранности оказавшихся в его распоряжении списков, невозможно установить причины получения им таких данных. Судя по всему, в свои подсчеты он включал сведения о курсовиках 1-й очереди (так называемый выпуск 1916 г.). В этом случае допущенная им ошибка в расчетах еще значительнее. С мая 1920 г., по расчетам Зайцова, из РККА убыли 75 генштабистов и поступили 57. Далее Зайцов прибавляет эту цифру к 282 генштабистам, ошибочно рассчитанным им по списку 1920 г. В итоге получается цифра в 339 офицеров Генштаба, или, по мнению Зайцова, 24 % генштабистов.

Далее Зайцов предпринял откровенно неудачную попытку перечислить генштабистов в РККА по выпускам, допустив в своем перечислении множество ошибок и еще большее количество пропусков. Про некоторые выпуски из академии (в частности, о выпуске генерала М.В. Алексеева в 1890 г., а также о выпусках 1879–1881 гг.) он написал, что в РККА из них не пошел никто, однако проверка этих данных опровергает столь громкие заявления. После именного списка следовала таблица, в которой содержались данные о численности всех выпусков на 1913 г. (по данным «Списка Генерального штаба» на 1913 г.) и статистика распределения выпускников в Гражданскую войну. Отметим, что такой метод подсчетов весьма неплох, однако он не позволяет сделать расчеты в отношении многих генштабистов, успевших за годы Гражданской войны послужить сразу в нескольких противоборствовавших армиях, а также совершенно не учитывает выпускников академии, не попавших в Генеральный штаб к 1913 г. Что касается расчетов Зайцова, то о его систематических ошибках уже подробно сказано выше, в связи с чем о серьезности приведенных им выкладок говорить не приходится.

Затем Зайцов сделал вывод о том, какие выпуски дали наибольшее число военспецов РККА. По его мнению, это выпуски 1904, 1905 и 1903 гг., а также 1911 и 1912 гг. Меньше всего, как полагал Зайцов, красным дали выпуски 1892 и 1896 гг., а 1890 г. якобы не дал ни одного генштабиста. Добавим, что учет второразрядников Зайцов проверить, по его собственным словам, не мог, что также вело к искажению общей картины. В итоге он решил, что основную массу военспецов-генштабистов (более

¹ Там же.

половины) составляли выпускники 1898–1904 гг. и 1909–1912 гг., находившиеся перед Первой мировой войной в чинах полковников, подполковников и капитанов. При этом Зайцов обратил внимание на действительно имевшие место особенности красного Генштаба – большой процент бывших генералов (по его расчетам, более половины всего состава, что, однако, не соответствует действительности) и незначительный процент выходцев из казачьей среды. Эти отмеченные Зайцовым особенности (за исключением недостоверных цифровых выкладок) вполне соответствуют историческим фактам.

Многочисленные неточности, допущенные Зайцовым, были замечены уже вскоре после выхода его материала. Примерно через четыре месяца в журнале «Часовой» вышла ответная статья Генштаба генерал-лейтенанта, профессора А. К. Баиова «Генеральный штаб во время Гражданской войны»¹. Баиов подверг критике многие положения статьи Зайцова. Прежде всего, он обратил внимание на ошибочность использования в расчетах «Списка» 1913 г., когда имелся более новый «Список Генерального штаба» на 1917 г., изданный в канун Февральской революции. По ошибочным подсчетам Баиова, в этом списке были указаны 1517 офицеров Генерального штаба (по подсчету А. Г. Кавтарадзе – 1528; в действительности 1452, кроме них 56 пленных или пропавших без вести, а также 19 причисленных к Генштабу). Баиов обратил внимание на то, что выпусков из академии в 1915 и 1916 гг. в нормальном понимании не было (выпуском 1915 г. считались офицеры, не доучившиеся в академии в связи с началом Первой мировой войны, выпуск которых должен был прийти на 1915 г., а выпуском 1916 г. считались ускоренные курсы 1-й очереди). Судя по всему, Баиов был лучше Зайцова осведомлен о тонкостях подготовки кадров Генштаба в Первую мировую войну. В отдельные категории он выделил 78 офицеров, окончивших академию по 2-му разряду и переведенных в Генштаб в период Первой мировой, а также 78 второразрядников выпуска 1914 г., переведенных в Генштаб в 1915 г. Кроме того, он отметил, что в список вошли 15 офицеров, поступивших на службу из отставки, а также 49 пленных.

По мнению Баиова, невозможно точно определить численность Генштаба к моменту большевистского переворота, поскольку трудно рассчитать потери за 1917 г. Кроме того, Баиов считал, что курсовики 1-й очереди в Генштаб переведены не были, и полагал, что полученную ими подготовку нельзя приравнять по качеству к полноценному учебному курсу академии. Исходя из возможных потерь кадров Генштаба, Баиов утверждал, что в Генеральном штабе к 25 октября 1917 г. должны были числиться несколько менее 1500 офицеров. Эта цифра более приближена к действительности.

В качестве источника данных о генштабистах в РККА Баиов использовал список ВГШ на 15 июля 1919 г. В списке содержались данные на 417 человек, из которых он вычел 96 курсовиков, а также двух не служивших в Генштабе. В итоге осталось 319 генштабистов, или, по расчетам Баиова, 21 %. Среди них 178 генералов (9 полных генералов, 41 генерал-лейтенант, 128 генерал-майоров), 125 штаб-офицеров (75 полковников и 50 подполковников) и 16 обер-офицеров (капитанов). Далее следовал вывод, что РККА была сформирована в основном выпусками

¹ Часовой (Париж). 1932. 15.07. № 84. С. 3–5.

1898–1914 гг. Такое утверждение представляется вполне логичным хотя бы в силу возраста выпускников. Баиов привел данные о распределении 247 выпускников академии в Гражданскую войну. Как и у Зайцова, эти данные были выстроены по выпускам. Особенно большой процент генштабистов красным, как считал Баиов, дали выпуски 1904 и 1914 гг.

Далее Баиов необоснованно связал значительные изменения в численности генштабистов в 1919, 1920 и 1923 гг. (данные 1920 и 1923 гг. он заимствовал из статьи Зайцова) с недостатками системы учета в РККА. Затем к вычисленным им 319 военспецам прибавил указанных Зайцовым 57 генштабистов, поступивших в РККА в период 1920–1923 гг. В итоге получилось 376 генштабистов, или 25,1 % старого Генштаба. При этом и Зайцов и Баиов полагали, что эти вновь поступившие на службу не успели принять участия в Гражданской войне на стороне РККА. В остальном же Баиов солидаризировался с Зайцовым, внося лишь некоторые коррективы в расчеты своего предшественника. Удивительно, однако, что Зайцов не учел основанную критику своей статьи Баиовым и спустя два года практически дословно повторил все свои старые тезисы в книге «1918 год»¹.

По мотивам этих публикаций выходили и другие эмигрантские статьи, носившие уже вторичный характер (названия характерны – например, «Все ли генштабисты изменили России?»²). Эмигрантским публикациям в целом присущи почти те же недостатки, что и вышеупомянутым работам периода Гражданской войны. Тем не менее значение этих статей для изучения проблемы участия генштабистов в Гражданской войне трудно переоценить. Необходимо признать скрупулезность эмигрантских авторов, пытавшихся, несмотря на тяжелые жизненные условия, вести научную работу и осуществлять подобные расчеты. Отметим, что генштабистам-эмигрантам к 1932 г. оказались доступны сразу три списка генштабистов РККА на 1919, 1920 и 1923 гг. Однако эти данные были отрывочными, и расчеты эмигрантов содержали множество неточностей.

Советские историки также обращались к проблеме распределения кадров Генштаба. Г.Х. Эйхе в работе «Уфимская авантюра Колчака» кратко упомянул о проблеме учета кадров Генерального штаба, отметив, что из 1600 офицеров службы Генштаба к концу 1917 г. красными было взято на учет около 460 человек, а фактически работали 323, из которых только 131 в действующей армии, тогда как остальные оказались на стороне антибольшевистских сил³. Однако понять, что конкретно он имел в виду, невозможно, так как система учета на описываемый им момент у красных еще не функционировала. Кроме того, отсутствие указания на источник этих данных не позволяет считать их достоверными. Скорее всего, Эйхе ошибочно отнес более поздние данные к периоду конца 1917 г.

По всей видимости, первым серьезное внимание на проблему распределения кадров Генштаба в советской литературе обратил Л.М. Спирин⁴. Однако в его обзорной статье вопрос о кадрах Генштаба был затронут лишь в незначительной

¹ Зайцов А. А. 1918 год: Очерки по истории русской Гражданской войны. Б.м., 1934. С. 184–187.

² Все ли генштабисты изменили России? // Наш путь (Харбин). 1937. 07.06. № 147 (1255). С. 2.

³ Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака (Март – апрель 1919 г.): Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М., 1960. С. 292.

⁴ Спирин Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3–16.

степени и к тому же с целым рядом ошибок и неточностей. Основываясь на данных списка Генштаба 1917 г., он полагал, что в Генштабе к осени 1917 г. состояли 1350 офицеров (около 500 генералов, 580 штаб-офицеров и 270 обер-офицеров). Кроме того, к этой цифре он почему-то прибавил 100 выпускников ускоренных курсов, получив 1450 генштабистов на начало 1918 г.^I Далее он привел отдельные и не всегда точные данные о численности генштабистов в РККА на протяжении 1918 г. (в частности, он полагал, что к 30 июня 1918 г. заявили о своей готовности служить в РККА только 232 генштабиста^{II}, хотя на самом деле таковых было уже значительно больше), в том числе каким-то образом установил, что осенью 1918 г. в РККА было 526 генштабистов, включая 160 генералов, 200 штаб-офицеров и 166 обер-офицеров (в анализируемом Спириным единственным архивном деле ЦГАСА (Центрального государственного архива Советской армии, ныне – РГВА) по этому вопросу таких данных не содержится)^{III}, после чего перешел к анализу материалов двух известных ему списков ВГШ на 15 июля 1919 г. и на 7 августа 1920 г., привел распределение генштабистов в этих списках по чинам, а также проанализировал по списку 1919 г. процентное соотношение генштабистов на фронте и в тылу.

Собственные расчеты распределения кадров Генштаба предложил А.Г. Кавтарадзе^{IV}. По его оценкам, в Генеральном штабе к 25 октября 1917 г. состояло 1494 человека^V. Кавтарадзе справедливо отметил, что использованные эмигрантами списки содержали немало пропусков и не давали полной картины службы генштабистов в РККА. Однако, критикуя авторов-эмигрантов, Кавтарадзе тем не менее пошел по их же пути – взял за основу лишь один список Генштаба, на основе данных которого стал проводить дальнейшие расчеты. Он опирался на список к 7 августа 1920 г., который ошибочно посчитал последним списком Генштаба, изданным в РККА. Из этого списка Кавтарадзе исключил 21 человека, не состоявшего в корпусе офицеров Генштаба, добавил 70 лиц, значившихся в списке на 15 июля 1919 г., и 59 человек из дополнительного списка УССР к 1 сентября 1919 г., а также 124 известных ему генштабистов, не значившихся в использованных трех списках. По расчетам Кавтарадзе, в РККА служили 639 «лиц Генштаба», в том числе 252 генерала, 239 штаб-офицеров и 148 обер-офицеров. Разумеется, в связи с недостаточностью исходных данных расчет не мог быть точным. Из этих военспецов, по мнению Кавтарадзе, честно служили советской власти 475 человек (по нашим данным, существенно больше).

В это число Кавтарадзе включил и выпускников ускоренных курсов, чего не делали авторы-эмигранты. Ряд неточностей был допущен им при расчете выпуска из академии Генштаба в белой Сибири. По мнению Кавтарадзе, всего ускоренные курсы в Сибири окончили 305 человек, причем 217 из них были переведены в Генштаб в ноябре 1918 г. и 88 – в мае 1919 г. Общая цифра генштабистов, таким образом, составляла 1932 офицера, из которых, по расчету Кавтарадзе, 33 %

^I Там же. С. 12.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 194–197.

^V Обоснование этой цифры см.: Там же. С. 186.

служили в РККА. Здесь налицо явная методологическая ошибка. Критикуя генштабистов-эмигрантов и стремясь показать, что в РККА служил больший, чем утверждали эмигранты, процент генштабистов, Кавтарадзе не отметил существенной разницы в их подходах к расчетам. Эмигрантские авторы не включали в общий подсчет выпускников ускоренных курсов, тогда как их включение существенно увеличивало все показатели. На наш взгляд, соответствующие расчеты должны вестись отдельно по всем категориям выпускников и слушателей академии. Кроме того, для расчетов Кавтарадзе определяющее значение имел факт формального перевода выпускника академии в Генштаб, который в Гражданскую войну часто не играл важной роли. Еще одной ошибкой Кавтарадзе стало то, что многочисленных перебежчиков он учел лишь в статистике РККА, но не отметил, что они должны быть также учтены и в статистике антибольшевистских формирований, куда они в основном и переходили. В результате получилась в значительной степени искаженная картина участия выпускников академии в Гражданской войне.

Кавтарадзе признавал недостатки своих расчетов в том отношении, что он не был знаком со списками Генерального штаба антибольшевистских формирований, однако предположил, что в этих формированиях служили 750 генштабистов, 225 человек эмигрировали, и данными о 275 генштабистах он не располагал. Отметим, что Кавтарадзе не был знаком со многими (в том числе общими) списками Генштаба, которые велись в РККА, и также не дал окончательного статистического расчета участия бывших офицеров Генерального штаба в Гражданской войне.

Израильский историк М. Майзель, занимавшийся этой проблематикой в 1970-е гг., справедливо отмечал, что только по опубликованным материалам невозможно оценить численность генштабистов, оказавшихся в РККА, период их пребывания на службе и занимаемые должности. По опубликованным источникам Майзель выявил более 600 военспецов-генштабистов и, основываясь на эмигрантском списке Генштаба на 1922 г., утверждал, что менее половины генштабистов оказались у белых¹. Разумеется, эти подсчеты были очень приблизительными.

Уже в постсоветский период свою версию распределения кадров Генштаба предложил и С. В. Волков, хотя полуторастраничный раздел о генштабистах в его книге явно носит компилятивный характер². В основном он следует за расчетами Кавтарадзе, иногда пытаясь их корректировать. Однако, не разбираясь в этой проблематике, Волков во многом лишь запутывает неподготовленного читателя большим количеством разнообразных и нередко недостоверных цифр, приводимых различными авторами, и даже добавляет к ним собственные ошибки в расчетах и цитировании. В частности, используя цифру Кавтарадзе в 1494 генштабиста на 25 октября 1917 г., он обоснованно отрицает вычитание из нее 90 уволенных на протяжении 1917 г., но почему-то, суммируя 1494 и 90, получает 1594, а не 1584, как должно быть при правильном счете. При проверке не подтверждается приводимая Волковым ссылка на страницу работы Г. Х. Эйхе «Уфимская авантюра Колчака», равно как и искажены приведенные в этой книге данные об общем количестве учтенных генштабистов в РККА (вместо 460, как у Эйхе, Волков со ссылкой

¹ *Mayzel M. Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979. P. 266.*

² *Волков С. В. Трагедия русского офицерства. С. 322–323.*

на него приводит цифру «около 400»). На веру Волков принимает и неточные данные Я.М. Лисового о погибших генштабистах. По мнению Волкова, в годы Гражданской войны в Генштабе находились 2022 человека, из которых у красных служили 31,6%, в том числе 23,5% (475 человек) честно^I.

В посвященном военной элите белых армий Юга России биографическом справочнике Н.Н. Рутыча (Рутченко) также была предпринята попытка проанализировать распределение кадров Генштаба в Гражданскую войну. Однако Рутыч не только неточно процитировал работу А.Г. Кавтарадзе, допустив опечатку в цифрах, но и, не разобравшись в его тексте, написал, что якобы, по мнению Кавтарадзе, в число 639 генштабистов РККА в 1918–1920 гг. входили также выпускники ускоренных курсов сибирской (колчаковской) академии. Разумеется, подобной нелепости в работе Кавтарадзе нет. Рутыч на этом не остановился и вычел общее количество курсовиков-колчаковцев из числа генштабистов РККА^{II}. В итоге подсчет и полученный результат не имели ничего общего с действительностью. В отношении численности генштабистов в белом лагере Рутыч предположил, что таких могло быть не менее 750 человек^{III}, но это лишь предположение, заимствованное у Кавтарадзе.

В начале 2000-х гг. свои подсчеты опубликовал В.В. Каминский, по мнению которого в 1918 г. в РККА служили 679 генштабистов (42–45% всех офицеров Генштаба), в армии адмирала А.В. Колчака (на 24 февраля 1919 г.) – 289 генштабистов, на белом Юге – не более 300 генштабистов (включая выпуски 1917–1918 гг.), по другим армиям и фронтам он сведений не имел, а всего, по его предположениям, в белых армиях состояли примерно 648 выпускников академии Генштаба. На основе этих данных Каминский пришел к не проистекавшему из них выводу о том, что на службе в Красной армии было «значительно больше “лиц Генерального штаба”», чем у белых^{IV}. В другой статье Каминский указал, что в войсках Колчака служили только 211 офицеров Генштаба и 176 генштабистов – у Деникина, а в РККА в 1918 г. – 556 бывших офицеров Генштаба^V. В еще одной работе он выдвигал тезис о семикратном превосходстве РККА в генштабистах над белыми на Востоке России и приводил иную трактовку цифровых данных: 422 офицера Генштаба (выпуска до 1917 г.), служивших в 1918 г. в РККА, и лишь 61 выпускник академии в войсках белого Восточного фронта^{VI}. Наконец, в 2011 г. Каминский опубликовал книгу, содержащую четвертый вариант подсчетов. Теперь он утверждал, что в РККА служили 703 военспеца-генштабиста, в войсках Колчака по-прежнему 289, а в армиях Деникина не более 300^{VII}. Представлены были и подсчеты

^I Там же. С. 323.

^{II} Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 9.

^{III} Там же. С. 10.

^{IV} Каминский В. В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 48.

^V Каминский В. В. Выпускники академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 55–56.

^{VI} Каминский В. В. Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917–1918 гг.). СПб., 2000. С. 7.

^{VII} Каминский В. В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011. С. 12, 223, 340, 419.

распределения выпускников ускоренных курсов. По Каминскому, через ускоренные курсы 1–3-й очередей якобы прошли 709 офицеров, из которых в РККА были 194 офицера (в другом месте приведена и другая цифра – 174 офицера), а в белых армиях – 205, причем на Юге России единственным (!) курсовиком якобы был Е.Э. Месснер, тогда как остальные 204 были на Восточном антибольшевистском фронте, а еще 285 офицеров якобы оставались «нейтральными» (на самом деле Каминский не знал, где они находились)^I. Представленные выкладки содержали грубейшие фактические и арифметические ошибки. Так, в списке ВГШ на 28 ноября 1918 г. значатся 486 человек^{II}, но Каминский насчитал 555 человек; в списке ВГШ на 15 июля 1919 г. по нумерации значатся 417 человек^{III} (всего 418 – двое учтены под одинаковыми номерами), но Каминский насчитал 455^{IV}. Выкладки по деникинским войскам Каминский строил не по архивным данным, а по справочнику Н.Н. Рутыча и опубликованным боевым расписаниям, не претендовавшим на полноту в этом вопросе. Полученные данные как по РККА, так и по ее противникам оказались далекими от реальности. Результатом стали ошибочные выводы о скудности корпуса генштабистов антибольшевистских армий и превосходстве большевиков над ним^V. По основным параметрам фактические данные были искажены Каминским в 2–7 раз, а по выпускникам ускоренных курсов на белом Юге искажение достигло парадоксальной величины в 242 раза^{VI}. Увы, эти недостоверные данные и, прежде всего, утверждения о том, что к красным примкнуло большинство генштабистов, получили некоторое распространение в публикациях далеких от этой проблематики авторов.

Таким образом, после почти столетних попыток приблизиться к истине в вопросе соотношения кадров Генштаба в Гражданскую войну изучение проблемы зашло в тупик, причиной которого стало отсутствие знакомства исследователей с базовыми документами учета кадров Генштаба и, как следствие, отсутствие точных данных по этой проблеме.

Возможности подготовленной нами базы данных по всем выпускникам академии, участвовавшим в Гражданской войне, позволили решить эту задачу. Первоначально материалы базы данных вошли в справочник по кадрам Генерального штаба^{VII}. Впервые были опубликованы принципиально новые для историографии проблемы статистические данные. Тогда удалось установить, что через ряды РККА прошли 1538 офицеров, через белые армии Юга России – 1012, через белые армии Востока России – 630, через украинские армии – 430, через Северо-Западный фронт белых – 31 офицер, через Северный антибольшевистский фронт – 27. Проценты рассчитывались, исходя из мест службы офицеров. РККА составляла 40,7%, Южный фронт белых – 26,8%, Восточный фронт белых – 16,7%, украинские армии – 11,4%, Северо-Западный фронт белых – 0,8%, Северный фронт белых – 0,7%, прочие белые армии, белое подполье вне РККА и бои с большевиками вне

^I Там же. С. 13, 195.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 55.

^{III} Подробнее см.: Там же. С. 64.

^{IV} Каминский В. В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба... С. 91.

^V Там же. С. 12, 340.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 813–816.

^{VII} Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба...

антибольшевистских фронтов – 0,6%, прочие (кроме украинской) национальные армии – 2,3%¹. Позднее база данных была дополнена и скорректирована на основе новых архивных материалов.

Анализ распределения кадров Генштаба в Гражданскую войну необходимо предварить общими данными о численности и размежевании офицерского корпуса в целом.

В статистических данных о численности бывших офицеров и военных чиновников в Красной армии в 1918–1920 гг. еще со времен Гражданской войны существуют серьезные разночтения. Так, в официальных отчетах отмечалось, что в 1918 г. в РККА было зачислено 23 900 офицеров и чиновников, в 1919 г. – 80 000 и в 1920 г. – 18 400². Итого 122 300 человек. По документам учета бывших белых офицеров советскими органами госбезопасности, военные чиновники составляли до трети от общего числа зарегистрированных³. Однако для Гражданской войны характерно другое соотношение офицеров и чиновников. Так, по данным о составе антибольшевистских формирований Северо-Запада России в конце 1918 г., количество чиновников в 7–8 раз меньше количества офицеров. Соответственно, из 122 300 офицеров и чиновников могло быть около 108 000 бывших офицеров. Но, возможно, в эту статистику включались и унтер-офицеры, что осложняет расчеты. По другим данным, с марта 1918 по 15 июня 1920 г. на укомплектование комсоставом РККА было направлено 154 923 человека, в том числе 22 869 красных командиров (краскомов)⁴. Понятно, что в июне 1920 г. этот процесс не прекратился. За вычетом краскомов остальные 132 054 человека представляли собой бывших офицеров, военных чиновников и унтер-офицеров (до 22 000 человек). За вычетом унтер-офицеров, бывших офицеров и чиновников остается около 110 000 человек. Таким образом, только бывших офицеров могло быть порядка 98 000 человек. Разумеется, среди них могли быть те, кто служил в РККА неоднократно с перерывом на службу в антибольшевистских армиях, что ведет к удвоению статистических показателей и дает погрешность в данных о реальном количестве бывших офицеров, служивших у красных. К сожалению, учесть таких лиц практически невозможно. Очевидно, что на стороне красных оказалось весьма значительное количество офицеров.

В исторической литературе не сложилось единого взгляда на распределение офицерского корпуса в Гражданскую войну. Причины этого кроются как в отсутствии достаточной источниковой базы для таких расчетов в связи с многочисленностью офицерства, так и в идеологических пристрастиях ряда авторов, изучающих этот вопрос. По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, с учетом пленных белых офицеров общая численность военных специалистов РККА оценивается в 75 000–78 000 человек, или около 30% офицерского корпуса на осень 1917 г., в том числе свыше 65 000 офицеров военного времени⁵. По мнению С. В. Волкова, в 75 000 военных

¹ Там же. С. 119–135.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 67.

³ Книга учета лиц состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1. С. 11.

⁴ Отчет ВГШ за 1918–1920 гг. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 107. По данным А. Г. Кавтарадзе, краскомов к декабрю 1920 г. было 39 914 человек (Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 176).

⁵ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 222.

специалистов должны быть включены и военные чиновники^I. Волков предпринял попытку занизить численность военных специалистов РККА и завысить этот показатель по белым армиям, но противоречит сам себе, то утверждая, что в РККА могло служить не более 68 000 офицеров, то, что их было примерно 50 000 (так как в состав 75 000 военспецов якобы входят еще 24 000 врачей и военных чиновников), то, что офицеров было 55 000–58 000^{II}.

Кавтарадзе предположил, что в антибольшевистских армиях могло служить 40 % офицерства и остающиеся 30 % уклонились от участия в войне или погибли^{III}. По оценке Волкова, во многом следующего за Кавтарадзе, но пытающегося оспаривать его данные, за период Гражданской войны погибли 85 000–90 000 офицеров, 28 000–30 000 офицеров, или 10 %, уклонились от участия в Гражданской войне (по предположению Волкова, $\frac{2}{3}$ из них были репрессированы), в национальные армии перешли до 15 000 офицеров (по нашим подсчетам, этот показатель Волковым приуменьшен), или 5–6 %, а в Белом движении участвовали порядка 170 000 офицеров (проверка расчетов Волкова по его же материалам дает цифру около 160 000 без участников белого подполья), или 62 % офицеров, Красной армии Волков отводит лишь 55 000–58 000 офицеров, или 19–20 %. Около 70 000 офицеров эмигрировали, а 110 000 остались в Советской России^{IV}. Разумеется, эти подсчеты весьма приблизительны и не учитывают, например, такой значимый фактор, как переходы офицеров из армии в армию, когда один офицер сменял за Гражданскую войну несколько враждующих армий, что не было редкостью.

Отдельные категории бывших офицеров практически не были представлены в Красной армии. Прежде всего, речь идет о сохранившем за годы Первой мировой войны свой кадровый состав казачьем офицерстве, которое почти целиком перешло на сторону антибольшевистских сил. Тем более что казацкие области находились на окраинах, где власть большевиков была слабее, чем в центре, и откуда началось активное сопротивление большевикам по всей России.

Отметим те особенности, которые отличают распределение генштабистов от распределения всей офицерской массы. Во-первых, генштабисты были в большей степени сосредоточены в центре страны, в крупных городах (особенно много их оказалось в начале 1918 г. в центрах некоторых военных округов – Петрограде, Москве, Киеве, Минске, Одессе) и в штабах, т. е., в значительной степени, на подконтрольных большевикам территориях, тогда как офицерство вообще было разбросано по стране. Соответственно, в силу обстоятельств генштабисты с большей вероятностью могли оказаться у красных. Во-вторых, из удаленных от передовой штабов было сложнее бежать к белым (тем не менее переходы на сторону противника были обычной практикой поведения генштабистов в Гражданскую войну). В-третьих, офицерам военного времени, обладавшим гражданскими специальностями и не связывавшим свою жизнь с военной службой, было проще уклониться от военной службы, чем не имевшим другой профессии, находившимся на виду и высоко ценившимся всеми воюющими сторонами

^I Волков С. В. Трагедия русского офицерства. С. 317.

^{II} Там же. С. 398.

^{III} Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 177.

^{IV} Волков С. В. Трагедия русского офицерства. С. 292–293, 398.

кадровым офицерам-генштабистам. В этой связи при общих расчетах процент уклонившихся от участия в Гражданской войне офицеров должен быть существенно выше процента уклонившихся среди военной элиты. В-четвертых, белые генштабисты, попадая в плен к красным, из-за нехватки высококвалифицированных кадров, как правило, зачислялись в РККА, тогда как белые офицеры без высшего образования попадали в Красную армию намного реже. Следовательно, процент генштабистов, служивших в антибольшевистских армиях, будет ближе к проценту офицеров всех категорий, участвовавших в борьбе с большевиками, чем аналогичный процент генштабистов Красной армии к общему проценту военспецов.

Начнем анализ распределения генштабистов по армиям Гражданской войны с итоговых данных выявленных нами общих списков Генштаба. Эти данные сведены в таблицу 17, показывающую динамику изменений численности генштабистов в различные периоды Гражданской войны в армиях противоборствующих сторон (приведены данные списков и наши выводы о числе офицеров Генштаба на их основе).

Таблица 17

**Динамика численности генштабистов в армиях Гражданской войны
по материалам общих списков**

Год	Старый Генеральный штаб / красные	Южный фронт белых	Восточный фронт белых	Украина
1918	1228, в том числе 3 указаны как находящиеся у белых (начало 1918 г.) 507 (на 23.07.1918) 486, в том числе 134 курсовика и 2 умерших (28.11.1918) 352 (?) офицера Генштаба	Добровольческая армия: 86 (на 02(15).10.1918) Донская армия: 59 (на 25.06 (08.07).1918) 57 (на 20.11 (03.12).1918 с дополнениями по 07 (20).12.1918)	Списочных данных нет	305 офицеров, в том числе 16 переведенных в Генштаб курсовиков и 14 причисленных к Генштабу, 55 – не причисленных (на 21.11.1918) 220 офицеров Генштаба
1919	323 выпускника академии, включая курсовиков (на 01.1919)	541, в том числе 17 не переведенных в Генштаб, 110 курсовиков (до 15(28).08.1919) 414 офицеров Генштаба	113, в том числе 3 окончивших по 2-му разряду, 13 причисленных к Генштабу курсовиков;	Списочных данных нет

Год	Старый Генеральный штаб / красные	Южный фронт белых	Восточный фронт белых	Украина
1919	444 выпускника, включая 109 курсовиков и 2 второразрядников (15.04.1919) до 333 офицеров Генштаба 417, в том числе 98 курсовиков и 31 окончивший неполный курс (список ВГШ на 15.07.1919) 288 офицеров Генштаба 538, в том числе 115 курсовиков, 20 второразрядников, 8 не переведенных или не причисленных к Генштабу, 2 окончивших 2 класса (список ПШ РВСР на 15.07.1919) 393 офицера Генштаба 426, в том числе 13 не причисленных, 25 окончивших по 2-му разряду, 91 курсовик (включая 1 умершего и 1 ошибочно включенного слушателя красной академии) (на 15.11.1919) 297 офицеров Генштаба		+ 178 курсовиков, не причисленных к Генштабу (на 24.02.1919) 97 офицеров Генштаба 139 офицеров, в том числе 17 окончивших 2 класса академии и 3 причисленных (на 10.06.1919) 119 офицеров Генштаба 159, в том числе 3 причисленных и 25 не переведенных в Генштаб (на 25.10.1919) 131 офицер Генштаба	
1920	387, в том числе 23 неудачно окончивших, 84 курсовика и М. Н. Тухачевский (на 15.05.1920) 279 офицеров Генштаба 377 (на 23.07.1920)	605, в том числе 173 курсовика (также в списке указаны 133 офицера, находившихся на неподконтрольных белым территориях, реально белые располагали 472 офицерами) (на 05(18).10.1920) 432 офицера Генштаба	Списочных данных нет	Списочных данных нет

Год	Старый Генеральный штаб / красные	Южный фронт белых	Восточный фронт белых	Украина
1920	407, в том числе 88 курсовиков, 36 прослушавших неполный курс или неудачно окончивших и не учившийся в академии М. Н. Тухачевский (на 07.08.1920) 282 офицера Генштаба			
1921	557, в том числе 18 окончивших по 1-му разряду без причисления, 70 – по 2-му разряду, 9 не значившихся в списках Генштаба, 111 курсовиков, 1 выпускник германской академии Генштаба, 3 не учившихся в академии (на 12.04.1921) 345 офицеров Генштаба		Списочных данных нет	37 (на 03.02.1921, в эмиграции)
1922	582, в том числе 103 окончивших академию неудачно или прослушавших курс не в полном объеме (73 по 2-му разряду (в том числе 2 класса), по 1-му разряду, но без причисления, или 2 класса по 1-му разряду, 3 представителя выпуска 1915 г. и 27 причисленных к Генштабу в 1911 и в 1914–1915 гг.), 86 курсовиков, 99 выпускников Военной академии РККА выпуска 1921 г., 22 переведенных и причисленных к Генштабу приказами РВСР, в том числе без обучения в академии,		19 (на 01.08.1922)	

Год	Старый Генеральный штаб / красные	Южный фронт белых	Восточный фронт белых	Украина
1922	и 1 причисленный приказом ВГШ (на 01.08.1922) 271 офицер Генштаба			
1923	698, в том числе 92 по 1-му или 2-му разряду без причисления, 97 курсовиков, 221 выпускник Военной академии РККА и 4 не учившихся в академии (на 01.03.1923) 284 офицера Генштаба			

Эта таблица не отражает полной картины распределения кадров Генштаба как в силу недостаточного количества списков, так и в связи с неполнотой данных учета того времени (особенно в антибольшевистском лагере, где, как правило, не учитывались офицеры, окончившие академию по 2-му разряду и недоучившиеся, тогда как в РККА эти категории учитывались как специалисты по службе Генштаба) и достаточно интенсивными служебными изменениями у генштабистов (прежде всего, нередкими переходами из армии в армию). Но, к примеру, на ее основе несложно рассчитать среднюю численность генштабистов РККА в Гражданскую войну. Основываясь на данных десяти списков, в которых имеется четкое разделение выпускников академии по категориям, можно подсчитать, что эта цифра включает 312 полноценных генштабистов и 101 курсовика. По всем категориям выпускников старой академии (за вычетом выпускников Военной академии РККА и причисленных за революционные заслуги) средний показатель составит 461 человек. Однако, поскольку в списках всегда имелись пропуски и неточности, немало выпускников академии в годы Гражданской войны перешли на сторону противника или погибли, а многие не учитывались в общих списках, численность генштабистов, одновременно служивших в РККА, будет несколько выше.

Оценка распределения кадров Генштаба в годы Гражданской войны содержит множество методологических сложностей, которые не исчезают даже при наличии сравнительно полных персональных данных обо всех выпускниках Николаевской академии Генерального штаба, принимавших участие в этой войне.

Очевидной проблемой является отсутствие точных данных о корпусе офицеров Генерального штаба на 25 октября 1917 г. Отсутствие этих сведений не дает возможности точно оценить процент генштабистов, участвовавших затем в Гражданской войне в том или ином лагере. Следующее неизвестное – количество генштабистов, уклонившихся от участия в Гражданской войне. При расчетах такие офицеры нами не учитываются.

Что касается участников войны, то в их отношении тоже возникает масса проблем. Нет и не может быть однозначного ответа на вопрос о том, кого считать генштабистами применительно к событиям 1917–1922 гг. В этот период и у красных и у белых должности Генерального штаба занимали и проходили по учетным материалам в качестве кадров Генерального штаба не только полноценные генштабисты, переведенные в Генштаб вскоре после выпуска из академии, но и все остальные категории выпускников, включая откровенных неудачников и даже нередко тех, для кого учеба в академии была лишь случайным эпизодом биографии и длилась всего несколько недель. Непосредственно в период Гражданской войны велась подготовка новых кадров Генштаба как на территории Советской России, так, в частности, и в белой Сибири. Некоторая часть курсовиков была причислена к Генштабу и переведена в него, однако эти факты не стоит абсолютизировать, отбрасывая не причисленных и не переведенных, поскольку переводы и причисления были во многом лишь формальностью, тогда как в качестве специалистов Генштаба выпускники и слушатели академии работали и без этого.

Сибирская академия рассматривается нами как правопреемница Николаевской, что обоснованно, учитывая переход ее практически в полном составе к белым, сохранение в ней прежнего преподавательского и административно-хозяйственного состава, программ, библиотеки и архива, ранее заведенного порядка работы. Созданная с нуля в конце 1918 г. Академия Генерального штаба РККА выпадает из этой линии правопреемства, поэтому подготовленные ею кадры в общих расчетах нами не учитываются. Точно так же нами не учитываются в общих расчетах слушатели ускоренных академических курсов армии УНР, функционировавших уже в эмиграции.

Этим методологические трудности не исчерпываются. Нельзя забывать о том, что сотни генштабистов за время Гражданской войны успели послужить не в одном, а в двух, а подчас даже в трех или четырех противоборствовавших лагерях. Даже в рамках антибольшевистского лагеря они нередко перемещались с одного фронта на другой, что, конечно, также требует особого учета.

Совокупность перечисленных сложностей предполагает выработку особой системы учета участия кадров Генштаба в Гражданской войне. Системы, которая могла бы дать ответ на любой возможный вопрос статистического характера. Именно такая попытка на основе комплексного анализа всей совокупности известных нам учетных документов по кадрам Генерального штаба в 1917–1922 гг. предпринята ниже.

На осень 1917 г. по Генштабу числились 1459 офицеров, но эта цифра носит формальный характер и неприемлема для расчетов соотношения кадров в Гражданской войне. Для таких расчетов первостепенное значение имеет факт приобретения офицерами высшего военного образования. Тем более что часть генштабистов была уволена из армии по политическим причинам в 1917 г., а некоторые выпускники академии не были переведены в Генштаб. Многие офицеры из этих категорий приняли участие в Гражданской войне в качестве специалистов Генштаба. Кроме того, в расчетах необходимо учитывать ускоренные выпуски академии 1918 и 1919 гг., происходившие уже во время Гражданской войны.

В связи с множеством градаций в выпуске из академии, служебными и жизненными перипетиями генштабистов, а также со сложной внутривнутриполитической ситуацией осени 1917 г. общее количество лиц, окончивших академию Генштаба,

по состоянию на 25 октября 1917 г. установить практически невозможно. Следовательно, любые связанные с этой цифрой процентные расчеты соотношения генштабистов в том или ином лагере Гражданской войны будут заведомо неверны.

Поэтому нами выработан принципиально иной подход к решению проблемы. На основе сплошного просмотра комплекса сохранившихся учетных документов РККА и ее противников по кадрам Генштаба за Гражданскую войну нами составлена близкая к полной база данных о выпускниках академии, участвовавших в Гражданской войне (или состоявших на учете в воюющих армиях). Выпускники академии, не участвовавшие в войне и не проходившие в ее период по учетным документам, нами не принимаются в расчет, что снимает сложную проблему поиска данных о тех, кто никак не проявил себя в этот период (например, о пожилых генштабистах, находившихся не у дел). Соответственно, за 100% численности выпускников академии – участников Гражданской войны принимается их общее количество в базе данных, после чего выявляются сведения о выпускниках в том или ином лагере, в том числе и процентные соотношения.

Нами установлено, что в Гражданской войне так или иначе принимали участие не менее 2859 выпускников и слушателей академии, включая ускоренные курсы. Не менее 1832 из них являлись выпускниками и слушателями довоенной академии (включая и так называемый выпуск 1915 г., как именовались окончившие два класса академии в 1914 г., завершение обучения которых после несостоявшегося дополнительного курса должно было прийти на 1915 г.). Следует отметить, что часть курсовиков окончили младший класс академии еще в мирное время, но они для упрощения расчетов отнесены нами к выпускникам ускоренных курсов. Курсовиков среди участников Гражданской войны оказалось не менее 956, в том числе 176 из них обучались в академии в Томске¹. В отношении 71 офицера точные данные о категории выпуска из академии неизвестны.

Особенностью обновленных данных стал не только пересчет ранее опубликованных сведений по местам службы офицеров за всю Гражданскую войну, но и детализация статистики по ключевым периодам войны. В этих целях нами были выбраны удобные для сопоставления и изучения динамики семь временных срезов: октябрь 1918 г., март, август и октябрь 1919 г., март и октябрь 1920 г., а также период 1921–1922 гг.

Разумеется, не всегда известно, где находился тот или иной офицер в конкретный срез времени. Основу нашей базы данных составляют списки Генштаба, дающие представление о должностном положении и местонахождении офицеров на тот или иной период. Соответственно в промежутках между датами списков и при наличии лакун местонахождение офицера не всегда точно известно. Однако поведение офицеров в остающиеся не документированными периоды зачастую можно реконструировать. Например, типичным был переход в начале 1919 г. из украинской армии в РККА, а затем летом – осенью 1919 г. в войска А.И. Деникина. Если тот или иной офицер одновременно проходит по украинским спискам 1918 г., по украинскому списку РККА 1919 г. и по врангелевскому списку на октябрь 1920 г., можно сделать вывод о том, что с высокой степенью вероятности

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 11, 33, 38, 62.

у белых он оказался при занятии ими Украины летом – осенью 1919 г. Таким образом, оправданным будет указание его на белом Юге на октябрь 1919 и март 1920 г. Реконструируемые по такой методике данные будут содержать некоторую погрешность. К примеру, по белому Югу не удалось обнаружить списков Генштаба за осень 1919 и весну 1920 г. В результате прослеживаемые изменения численности курсовиков не вполне логичны: осенью 1919 и весной 1920 г. их меньше, чем осенью 1920 г., хотя по логике событий должно быть наоборот. Тем не менее, поскольку в основе расчетов лежит персональный учет кадров, статистический обзор, несмотря на свою неизбежную неполноту, будет давать сравнительно точное представление о поведении генштабистов.

Используемые понятия «Южный фронт белых», «Восточный фронт белых» для отдельных периодов (например, Южный фронт на октябрь 1918 г.) в определенной степени условны и включают в себя разнородные и не всегда единые силы белых (например, Донская и Добровольческая армии в 1918 г.). Тем не менее их применение для систематизации местоположения офицеров представляется оправданным. Смысловым аналогом этого понятия может служить, например, «белые армии Юга России».

Общая динамика численности генштабистов по ключевым периодам Гражданской войны выглядит следующим образом (табл. 18).

Таблица 18

**Динамика численности генштабистов противоборствующих сторон
по ключевым периодам Гражданской войны¹**

Фронт / Период	Октябрь 1918 г.	Март 1919 г.	Август 1919 г.	Октябрь 1919 г.	Март 1920 г.	Октябрь 1920 г.	1921– 1922 гг.
РККА	695	671	655	586	638	768	811
Южный фронт белых	343	618	812	819	755	716	
Восточный фронт белых	335	401	592	596	208	115	93
Украинские армии	335	80	69	55	46	45	45
Северо-Западный фронт белых	7	19	26	29	2		
Северный фронт белых	10	15	26	24	2		
Латвийская армия	5	8	9	11	14	16	20
Польская армия	5	9	9	9	11	12	15
Грузинская армия	20	18	16	16	17	17	16
Эстонская армия	5	8	7	7	8	9	15
Армянская армия	16	18	15	15	11	11	
Азербайджанская армия	2	6	8	7	7		
Литовская армия			1	1	5	5	8
Финская армия	7	6	7	7	6	6	6
Белоруссия	1	2	2	2	2		
Прочие антибольшевистские армии, фронты и восстания	16	5	7	8	2	3	2

¹ Подсчеты 2016 г. с отдельными уточнениями.

Те же данные с разделением на категории выпуска (довоенные выпуски академии / курсовики / данные о выпуске неизвестны) приводятся в табл. 19.

Таблица 19

**Динамика численности генштабистов противоборствующих сторон
по ключевым периодам Гражданской войны и по категориям выпуска**

Фронт / Период	Октябрь 1918 г.	Март 1919 г.	Август 1919 г.	Октябрь 1919 г.	Март 1920 г.	Октябрь 1920 г.	1921– 1922 гг.
РККА	483/205/7	488/181/2	480/173/2	433/151/2	454/184/0	520/248/0	549/259/3
Южный фронт белых	277/60/6	512/99/7	622/184/6	646/166/7	588/163/4	539/174/3	
Восточный фронт белых	126/205/4	171/226/4	202/388/2	206/386/4	88/117/3	50/64/1	43/50/0
Украинские армии	239/92/4	59/21/0	51/18/0	41/14/0	33/12/1	32/13/0	30/15/0
Северо- Западный фронт белых	4/3/0	14/4/1	20/4/2	22/4/3	2/0/0		
Северный фронт белых	9/1/0	12/3/0	21/5/0	18/6/0	1/1/0		
Латвийская армия	3/2/0	6/2/0	7/2/0	9/2/0	11/3/0	13/3/0	14/6/0
Польская армия	3/2/0	4/5/0	3/6/0	3/6/0	4/7/0	4/8/0	6/9/0
Грузинская армия	15/4/1	14/3/1	12/3/1	12/3/1	12/4/1	12/4/1	12/3/1
Эстонская армия	4/1/0	6/2/0	5/2/0	5/2/0	7/1/0	7/2/0	12/3/0
Армянская армия	11/5/0	10/8/0	9/6/0	9/6/0	7/4/0	7/4/0	
Азербайд- жанская армия	0/2/0	2/3/1	3/4/1	2/4/1	3/3/1		
Литовская армия			1/0/0	1/0/0	5/0/0	5/0/0	7/1/0
Финская армия	7/0/0	6/0/0	7/0/0	7/0/0	6/0/0	6/0/0	6/0/0
Бело- руссия	1/0/0	2/0/0	2/0/0	2/0/0	2/0/0		
Прочие антиболь- шевистские армии, фронты и восстания	14/2/0	4/0/1	5/1/1	6/1/1	2/0/0	2/1/0	2/0/0

Отметим особенности представленных данных. Как уже отмечалось, на Востоке России велась подготовка кадров Генштаба (выпуск состоялся в мае 1919 г.), соответственно, выпускники включены нами в статистику избранных временных срезов начиная с ближайшего после выпуска — т.е. с августа 1919 г. (их перемещения до получения академического образования не учитывались).

На октябрь 1918 г. стартовые условия по численности генштабистов на двух антибольшевистских фронтах и в армии Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского были практически равными, тогда как в Советской России (в том числе формально) на учете состояло примерно вдвое больше генштабистов, чем в каждом из белых лагерей или в сравнении с украинской армией.

В графическом выражении динамика численности генштабистов всех категорий по периодами представляется следующей (см. рис. 2).

Динамика численности генштабистов основных армий и фронтов только по довоенным выпускам следующая (см. рис. 3).

Динамика численности курсовиков существенно отличается от общей при сохранении тех же магистральных тенденций (см. рис. 4).

Сколько-нибудь значительные контингенты генштабистов имелись только в РККА, на Южном и Восточном антибольшевистских фронтах и в украинских армиях. Прочие белые и национальные армии и фронты располагали минимальным количеством выпускников академии. Диаграмма (рис. 4) отражает прямую связь численности генштабистов в противоборствующих армиях с обстановкой на фронте. При успехах число генштабистов росло, при неудачах начиналась убыль. Так, пик численности генштабистов на белом Юге приходится на лето и осень 1919 г., когда деникинские войска успешно наступали на Москву. На Восточном фронте белых пик пришелся также на этот период. Здесь всплеск лета 1919 г. связан с выпуском ускоренных курсов академии в Томске (перемещения выпускников до получения академического образования не учитывались). Пик численности генштабистов РККА пришелся на конец Гражданской войны — 1921–1922 гг.

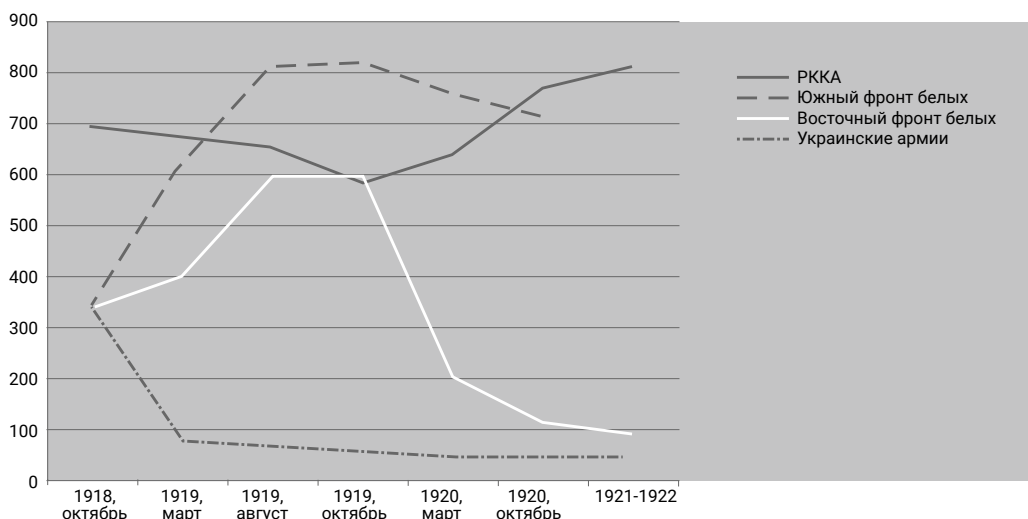

Рисунок 2. Динамика численности генштабистов противоборствующих сторон по ключевым периодам Гражданской войны

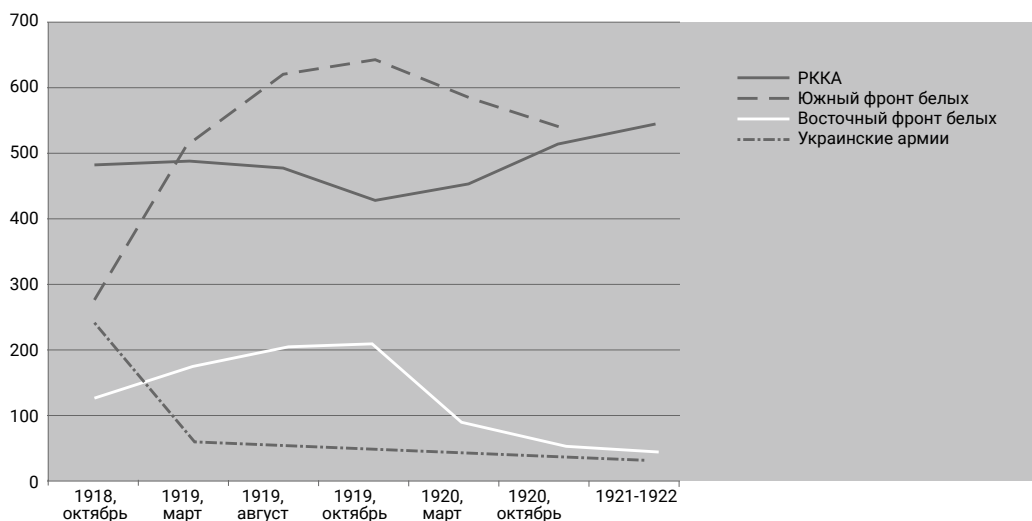

Рисунок 3. Динамика численности выпускников академии до 1915 г. по ключевым периодам Гражданской войны

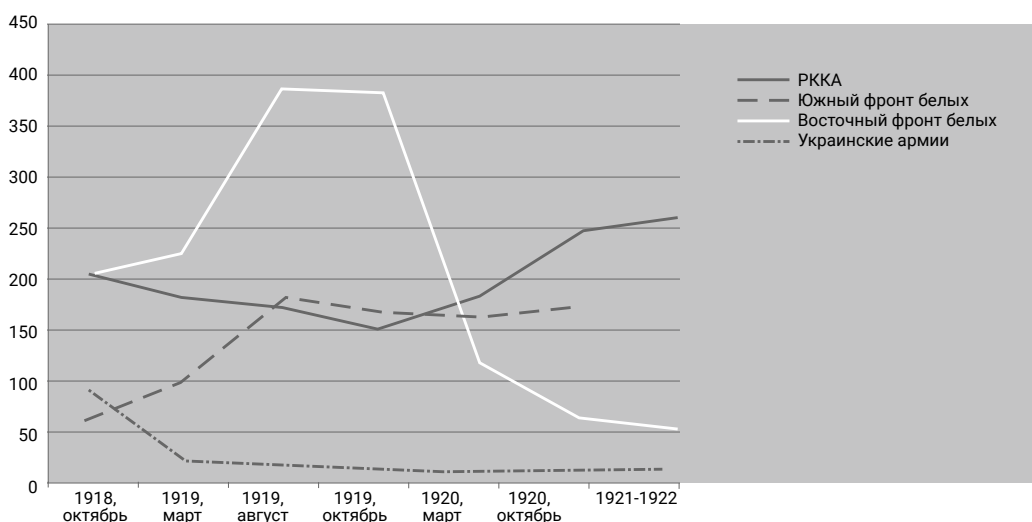

Рисунок 4. Динамика численности выпускников ускоренных курсов академии по ключевым периодам Гражданской войны

Показательно и некоторое увеличение контингентов генштабистов армий тех государств, которые сохранили свою независимость к концу Гражданской войны (Прибалтика, Польша).

С осени 1919 г. на Восточном антибольшевистском фронте началась убыль офицеров. Можно сказать, до этого они верили в А.В. Колчака. Минимальные значения численности генштабистов на белом Востоке приходится на 1921–1922 гг. На Юге России убыль началась с рубежа 1919–1920 гг. Если убыль колчаковских

генштабистов в начале 1920 г. была обвальная, то на Юге России, несмотря на неудачи конца 1919 – 1920 г., идейное ядро офицеров сохранилось вплоть до эвакуации белых из России и численность хотя и сократилась, но не существенно. Обвальным был отток генштабистов и из украинских армий после падения гетманской власти в конце 1918 г. Интересно, что Красная армия в рассматриваемые временные срезы не знала таких катастрофических обвалов численности генштабистов, как ее противники. Даже в тяжелый период лета – осени 1919 г. снижение было не слишком большим. Это объяснимо, поскольку в Советской России не было резкой смены режимов, как на Украине, или стремительной потери территории, как у белых на Юге и Востоке. При этом красные почти во все периоды обладали превосходством в кадрах Генштаба над Восточным антибольшевистским фронтом, но почти всегда уступали белому Югу. В итоге красные одержали победу и в битве за кадры Генштаба, превзойдя к концу войны по численности генштабистов крупнейший белый лагерь на Юге России.

Интересно представить соотношение генштабистов РККА и антибольшевистского лагеря (рис. 5).

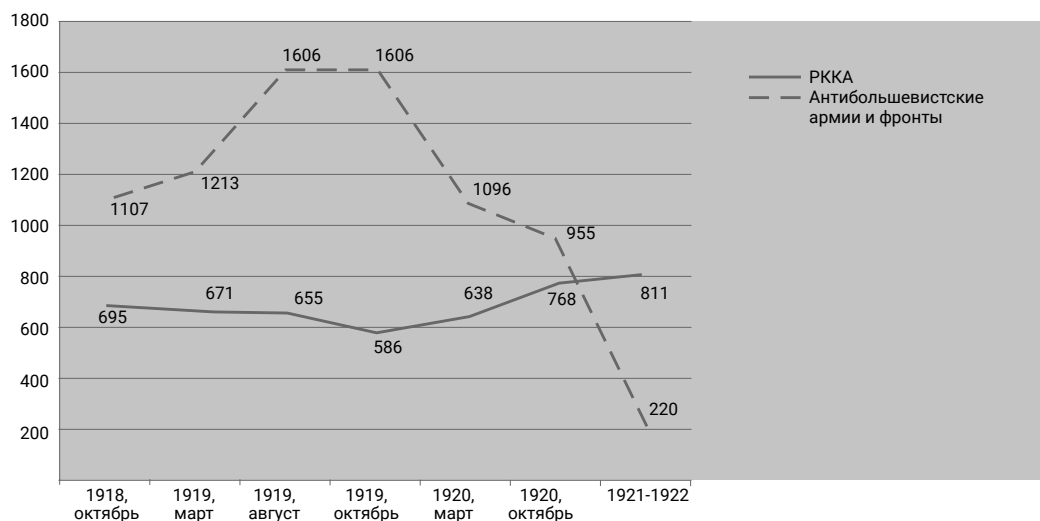

Рисунок 5. Соотношение генштабистов РККА и антибольшевистского лагеря по ключевым периодам Гражданской войны

Как видим, совокупно антибольшевистские фронты вплоть до конца широкомасштабной Гражданской войны значительно превосходили РККА по кадрам Генштаба.

Общие данные о численности выпускников академии, не переходивших из одной армии в другую во время Гражданской войны, следующие (табл. 20).

Распределение генштабистов, не переходивших из лагеря в лагерь в 1917–1922 гг.¹

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
РККА	604	224	14	842
Южный фронт белых	424	106	19	549
Восточный фронт белых	78	153	11	242
Украинские армии	54	25	11	90
Северо-Западный фронт белых	11	1	3	15
Северный фронт белых	11	2		13
Латвийская армия	6	3		9
Армянская армия	6	3	1	10
Эстонская армия	5	2		7
Финская армия	6			6
Грузинская армия	5		1	6
Польская армия	3	2		5
Бои с красными в Москве, Петрограде, Ташкенте, Персии	4			4
Белое подполье в Советской России (вне РККА)	3			3
Азербайджанская армия		1	2	3
Западная армия П. Р. Бермондта-Авалова	1			1
Астраханское восстание	1			1
Кронштадтское антибольшевистское восстание			1	1
Северная армия Ф. А. Келлера	1			1
Белоруссия	1			1
Формирования Л. Ф. Бичерахова (Азербайджан)	1			1
Неизвестный антибольшевистский фронт			1	1
Итого	1225	522	64	1811

Без учета сотен перебежчиков статистика будет неполной, хотя это самый простой и очевидный путь первоначальных подсчетов. По этим данным, 842 выпускникам академии, служившим у красных, противостояли 833 выпускника у белых, а также 137 выпускников, оказавшихся в национальных армиях. Всего же не переходили из одной армии в другую 1811 выпускников академии. 1048 офицеров,

¹ Пересчет 2023 г.

переходивших из одного лагеря в другой, остаются наиболее сложным для учета кадров Генштаба показателем. Эта представительная выборка позволяет рассчитать процентное соотношение выпускников академии в различных лагерях. В РККА по этому показателю служили 46,5% офицеров, на белом Юге – 30,3%, на белом Востоке – 13,4%, в украинских армиях – 5%, на Северо-Западном и Северном белых фронтах – по 0,8 и 0,7% соответственно, в прочих белых армиях, белом подполье вне РККА и в боях с большевиками вне антибольшевистских фронтов и в восстаниях – 0,7%, в прочих (кроме украинской) национальных армиях – только 2,6%. Обращает на себя внимание то, что суммарно белые фронты имели в своем составе практически столько же выпускников и слушателей академии, сколько и красные: 46,5% у красных против 45,9% у белых; национальные армии, также антибольшевистские по своему характеру, получили примерно 7,6% выпускников.

Если же рассчитать процентное соотношение только по выпускникам довоенной академии, то в РККА будет 49,3%, у белых на Южном фронте – 34,6%, на Восточном – 6,4%, на Северо-Западном и Северном – по 0,9%, в прочих белых формированиях – 0,9%. В украинских армиях – 4,4%, в прочих национальных армиях – 2,6%. Таким образом, примерно 43,7% выпускников довоенной академии, не переходивших в другие армии, оказались у белых, 7% – в национальных армиях и 49,3% – у красных. Красные, несколько превосходя белых по выпускникам довоенной академии, уступали в курсовиках. Связано это с тем, что на Востоке России в 1919 г. подготовка курсовиков была продолжена. Офицеры, не переходившие из лагеря в лагерь, могут, в отличие от перебежчиков (тем более неоднократных), формально считаться преданными тем идеям, за которые они боролись в рядах соответствующих вооруженных формирований.

Однако путь многих офицеров по разным причинам оказался извилистым и пролегал через службу в нескольких армиях или даже противоборствующих лагерях. Эти данные сведены в таблицу 21.

Таблица 21

Перемещения генштабистов в 1917–1922 гг.¹

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Азербайджанская армия – РККА	1			1
Азербайджанская армия – грузинская армия – РККА	1			1
Армянская армия – грузинская армия	1			1
Армянская армия – РККА	2	3		5
Армянская армия – РККА – Северный фронт белых		1		1

¹ Пересчет 2023 г.

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Армянская армия — украинские армии — Южный фронт белых	1			1
Армянская армия — Южный фронт белых	3	2		5
Армянская армия — Южный фронт белых — РККА	2	1		3
Белое подполье — Восточный фронт белых	6			6
Белое подполье — РККА	1	1		2
Белое подполье — РККА — Западная армия	1			1
Белое подполье — РККА — Южный фронт белых	3			3
Белое подполье — РККА — украинские армии — Южный фронт белых	1			1
Белое подполье — украинские армии — Южный фронт белых	1			1
Белое подполье — украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых	1			1
Белое подполье — Южный фронт белых	20	1		21
Белоруссия — литовская армия	2			2
Восточный фронт белых — РККА	28	53		81
Восточный фронт белых — Южный фронт белых	4	2		6
Грузинская армия — РККА	6	1		7
Грузинская армия — Южный фронт белых	2			2
Грузинская армия — Южный фронт белых — РККА	1			1
Западная армия — литовская армия			1	1
Западная армия — Южный фронт белых	1			1
Крымское краевое правительство — азербайджанская армия	1			1

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Крымское краевое правительство — Южный фронт белых	1			1
Неизвестный антибольшевистский фронт — РККА	1	1	1	3
Польская армия — литовская армия	1			1
РККА — азербайджанская армия		1		1
РККА — азербайджанская армия — РККА	1	2		3
РККА — Белое подполье — Южный фронт белых	1	1		2
РККА — Восточный фронт белых	49	134	1	184
РККА — Восточный фронт белых — польская армия		3		3
РККА — Восточный фронт белых — РККА	16	55		71
РККА — Восточный фронт белых — РККА — латвийская армия		1		1
РККА — Восточный фронт белых — РККА — эстонская армия		1		1
РККА — Восточный фронт белых — Северный фронт белых		1		1
РККА — Восточный фронт белых — Южный фронт белых	2	3		5
РККА — грузинская армия		2		2
РККА — грузинская армия — РККА		2		2
РККА — Западная армия — латвийская армия	1			1
РККА — Кронштадтское восстание	1			1
РККА — латвийская армия	1	2	1	4
РККА — литовская армия	1			1
РККА — польская армия		2		2
РККА — Северный фронт белых	2	1		3
РККА — Северный фронт белых — РККА	1			1
РККА — Северный фронт белых — Северо-Западный фронт белых	1			1

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
РККА – Северо-Западный фронт белых	7	1		8
РККА – Северо-Западный фронт белых – Южный фронт белых	1			1
РККА – украинские армии	1	6		7
РККА – украинские армии – Восточный фронт белых	2			2
РККА – украинские армии – Западная армия – формирования С. Н. Булак-Балаховича		1		1
РККА – украинские армии – польская армия		1		1
РККА – украинские армии – РККА	6	3		9
РККА – украинские армии – РККА – украинские армии		1		1
РККА – украинские армии – РККА – Южный фронт белых	2			2
РККА – украинские армии – РККА – Южный фронт белых – Восточный фронт белых	1			1
РККА – украинские армии – РККА – Южный фронт белых – РККА	1			1
РККА – украинские армии – РККА – Южный фронт белых – украинские армии		1		1
РККА – украинские армии – Северный фронт белых		1		1
РККА – украинские армии – Южный фронт белых	15	13		28
РККА – украинские армии – Южный фронт белых – Восточный фронт белых	1			1
РККА – украинские армии – Южный фронт белых – Восточный фронт белых – РККА	1			1
РККА – украинские армии – Южный фронт белых – эстонская армия	1			1

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
РККА — эстонская армия	1	1		2
РККА — эстонская армия — латвийская армия — литовская армия	1			1
РККА — формирования Л. Ф. Бичерахова (Азербайджан) — Южный фронт белых		1		1
РККА — Южная армия — Южный фронт белых	1			1
РККА — Южный фронт белых	77	51		128
РККА — Южный фронт белых — Восточный фронт белых	1			1
РККА — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — Южный фронт белых	1			1
РККА — Южный фронт белых — грузинская армия — РККА		1		1
РККА — Южный фронт белых — латвийская армия	1			1
РККА — Южный фронт белых — РККА	18	14		32
Северный фронт белых — латвийская армия	1			1
Северный фронт белых — РККА	1			1
Северо-Западный фронт белых — литовская армия		1		1
Северо-Западный фронт белых — Южный фронт белых	1			1
Украинские армии — Восточный фронт белых	5			5
Украинские армии — Западная армия	2			2
Украинские армии — Западная армия — литовская армия	1			1
Украинские армии — латвийская армия	2			2
Украинские армии — польская армия	1	1		2
Украинские армии — РККА	24	13	1	38

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Украинские армии – РККА – Восточный фронт белых – Южный фронт белых	1			1
Украинские армии – РККА – украинские армии – Южный фронт белых	1			1
Украинские армии – РККА – Южный фронт белых	16	3		19
Украинские армии – РККА – Южный фронт белых – 3-я Русская армия	1			1
Украинские армии – РККА – Южный фронт белых – Восточный фронт белых	1			1
Украинские армии – РККА – Южный фронт белых – РККА	4	1		5
Украинские армии – РККА – Южный фронт белых – эстонская армия	1			1
Украинские армии – Северный фронт белых	3			3
Украинские армии – Северо- Западный фронт белых	1	1		2
Украинские армии – Северо- Западный фронт белых – 3-я Русская армия	1			1
Украинские армии – Северо- Западный фронт белых – эстонская армия	1			1
Украинские армии – Белое подполье	1			1
Украинские армии – Южная армия – РККА – Южный фронт белых – РККА	1			1
Украинские армии – Южный фронт белых	136	26	2	164
Украинские армии – Южный фронт белых – Восточный фронт белых	1			1

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — польская армия	1			1
Украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — РККА	2			2
Украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — Южный фронт белых	2			2
Украинские армии — Южный фронт белых — латвийская армия	2			2
Украинские армии — Южный фронт белых — РККА	11	1		12
Украинские армии — Южный фронт белых — РККА — украинские армии — РККА	1			1
Украинские армии — Южный фронт белых — РККА — Южный фронт белых	2			2
Украинские армии — Южный фронт белых — украинские армии	2	1		3
Украинские армии — Южный фронт белых — украинские армии — РККА	1			1
Эстонская армия — РККА — Северный фронт белых	1			1
Эстонская армия — РККА — эстонская армия	1			1
Южная армия — Восточный фронт белых	1			1
Южная армия — Северный фронт белых	1			1
Южная армия — Южный фронт белых	1			1
Южный фронт белых — армянская армия — Южный фронт белых	3			3
Южный фронт белых — Восточный фронт белых	8	2		10
Южный фронт белых — Восточный фронт белых — РККА	1			1

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Южный фронт белых – Восточный фронт белых – Южный фронт белых	8			8
Южный фронт белых – грузинская армия – азербайджанская армия – РККА	1			1
Южный фронт белых – латвийская армия	1			1
Южный фронт белых – Белое подполье – Восточный фронт белых – РККА	1			1
Южный фронт белых – польская армия	1			1
Южный фронт белых – РККА	20	5		25
Южный фронт белых – РККА – Восточный фронт белых	1	1		2
Южный фронт белых – РККА – Южный фронт белых	2			2
Южный фронт белых – Северный фронт белых	1			1
Южный фронт белых – Северо-Западный фронт белых	1			1
Южный фронт белых – украинские армии	1			1
Южный фронт белых – украинские армии – Южный фронт белых	3	3		6
Южный фронт белых – финская армия	1			1
Южный фронт белых – эстонская армия	2			2
Южный фронт белых – армянская армия		1		1
Южный фронт белых – РККА – Южный фронт белых – финская армия	1			1
Южный фронт белых – Формирования Л. Ф. Бичерахова (Азербайджан)		1		1

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Южный фронт белых – Южная армия – Южный фронт белых	2			2
Южный фронт белых – Южная армия – Южный фронт белых – Восточный фронт белых	1			1

Формализованные данные не передают всех деталей (например, невозможно было показать членство военспецов в антибольшевистских подпольных организациях). Тем не менее эта систематизированная информация о перемещениях генштабистов может быть сведена в таблицу 22, обобщающую данные о местах службы офицеров. Для учета данных о перебежчиках и плененных нами выработана особая методика. Основу подсчетов составляют указанные в таблице 21 маршруты перемещений офицеров. В таблице 22 суммированы данные о прошедших через все армии, причем перебежчики и пленные включались в каждую из армий, в которых им довелось послужить, как в отдельное место службы, но без дублирования одинаковых формирований (например, офицер, успевший послужить дважды в РККА и один раз на белом Юге, будет учтен единожды в графе «Южный фронт белых» и единожды в графе «РККА»).

Таблица 22

Места службы генштабистов в 1917–1922 гг.¹

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
РККА	966	616	18	1600
Южный фронт белых	839	242	21	1102
Восточный фронт белых	225	409	12	646
Украинские армии	322	102	14	438
Белое подполье в Советской России (вне РККА)	40	3		43
Северо-Западный фронт белых	25	4	3	32
Северный фронт белых	23	6		29
Армянская армия	18	11	1	30
Латвийская армия	16	6	1	23
Грузинская армия	17	6	1	24
Эстонская армия	14	4		18
Польская армия	7	9		16
Азербайджанская армия	5	4	2	11

¹ Пересчет 2023 г.

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Западная армия П. Р. Бермондта-Авалова	7	1	1	9
Южная армия	8			8
Литовская армия	6	1	1	8
Финская армия	8			8
Бои с красными в Москве, Петрограде, Ташкенте, Персии	4			4
Белоруссия	3			3
Крымское краевое правительство	2			2
3-я Русская армия	2			2
Кронштадтское антибольшевистское восстание	1		1	2
Формирования Л. Ф. Бичерахова (Азербайджан)	1	2		3
Астраханское восстание	1			1
Северная армия Ф. А. Келлера	1			1
Формирования С. Н. Булак- Балаховича		1		1
Неизвестный антибольшевистский фронт	1	1	2	4
Сумма всех мест службы	2562	1428	78	4068

Полученные статистические данные позволяют рассчитать итоговое распределение мест службы кадров Генштаба в Гражданскую войну с учетом всех их перемещений: РККА – 39,3%, Южный фронт белых – 27,1%, Восточный фронт белых – 15,9%, украинские армии – 10,8%, Северо-Западный фронт белых – 0,8%, Северный фронт белых – 0,7%, прочие белые армии, белое подполье вне РККА и бои с большевиками вне антибольшевистских фронтов – 1,9%, прочие (кроме украинской) национальные армии – 3,5% (см. рис. 6).

Внесение данных о перебежчиках уменьшило процент выпускников у красных с 46,5 до 39,3%, но увеличило показатели Восточного фронта белых с 13,4 до 15,9% и украинских армий с 5 до 10,8%, что свидетельствует о наличии в рядах этих армий значительного процента перебежчиков и даже о частичном комплектовании за их счет (особенно это касается Восточного фронта).

Расчет процентного соотношения только по выпускникам довоенной академии дает в РККА 37,7%, у белых на Южном фронте – 32,7%, на Восточном – 8,8%, на Северо-Западном и Северном – 1 и 0,9% соответственно, в прочих белых формированиях – 2,6%, в украинских армиях – 12,6%, в прочих национальных армиях – 3,7%. Таким образом, примерно 46,1% выпускников довоенной академии успели послужить у белых, 16,3% – в национальных армиях и 37,7% – у красных. Для оценки

корпоративных взглядов генштабистов и корпоративного единства показательно, что выбор довоенных выпускников академии мало отличался от выбора курсовиков.

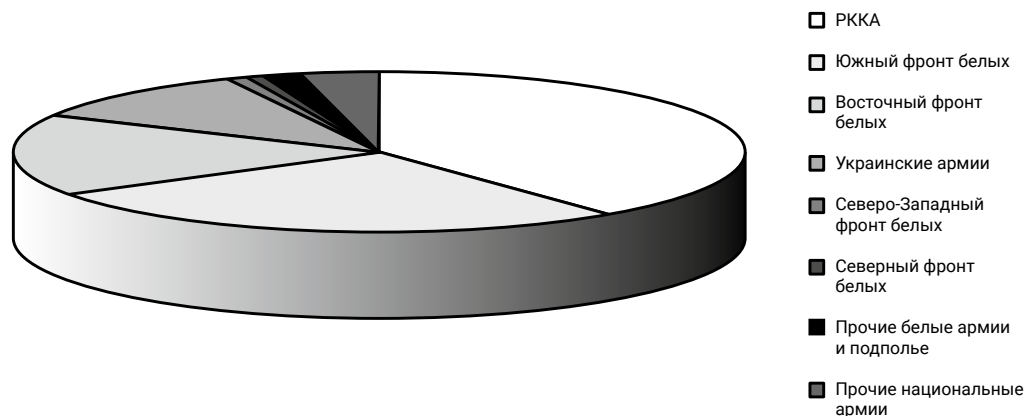

Рисунок 6. Распределение генштабистов — участников Гражданской войны (подсчет по местам службы)

Итак, суммарно белые фронты дают 46,4% мест службы по всем категориям выпускников, превосходя соответствующий показатель в 39,3% у красных. Таким образом, через ряды белых армий прошло несколько больше выпускников и слушателей академии, чем через РККА. Свою роль в этом сыграло наличие у белых старой академии Генерального штаба, осуществившей в 1919 г. ускоренный выпуск слушателей, хотя часть из них позднее и оказалась у красных¹. Однако некоторое превосходство в количестве выпускников академии не принесло белым победы, тем более что превосходство это было невелико. В то же время РККА по кадрам Генштаба существенно превосходила любой из антибольшевистских фронтов (впрочем, в конкретные периоды Гражданской войны красные могли уступать по этому показателю белому Югу). Даже через самый мощный из них — Южный, являвшийся настоящим оплотом контрреволюции, — по совокупности прошли почти в полтора раза меньше выпускников академии, чем через ряды РККА. Отсутствие должной координации и противоречия между антибольшевистскими фронтами и армиями лишили противников новой власти возможности воспользоваться преимуществом в кадрах Генштаба (60,7% мест службы при сложении данных по белым и национальным армиям) и стали одним из факторов, приведших противников большевиков к поражению (см. рис. 7).

Национальные армии получили 14,3% «академиков». Впрочем, столь высокий показатель достигнут исключительно за счет гетманской армии П.П. Скоропадского, которая считалась украинской национальной лишь формально и приняла в свои ряды буквально сотни выпускников академии. За вычетом этих данных процент выпускников академии в национальных формированиях остается крайне незначительным.

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии...

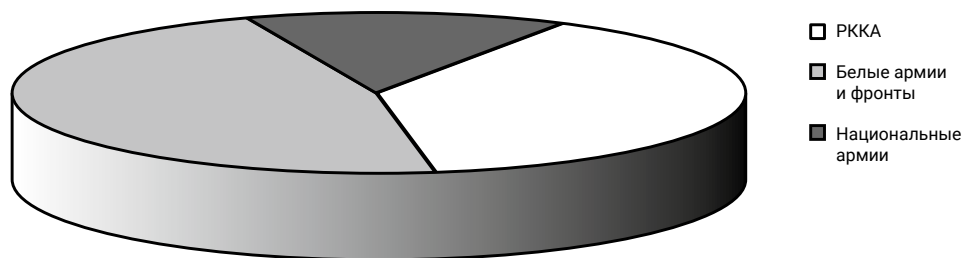

Рисунок 7. Распределение генштабистов по лагерям Гражданской войны (подсчет по местам службы)

Таково фактическое распределение кадров Генштаба на Гражданскую войну, тогда как выяснение вопроса о том, как распределились так называемые полноценные выпускники академии, числившиеся в Генштабе на 25 октября 1917 г., отражает лишь формальные показатели, но никак не интеллектуальный потенциал сторон в Гражданской войне или реальное размежевание Генерального штаба.

По формальному критерию службы только в одной армии можно сказать, что не менее 52,6% прошедших через РККА служили новой власти честно. То же касалось 49,8% служивших на белом Юге, 44,8% служивших на Севере, 46,8% служивших на Северо-Западе, 37,5% служивших у белых на Восточном фронте и только 20,5% прошедших украинские формирования. Таким образом, красные, наряду с белым Югом, занимают лидирующее положение по процентному соотношению верно служивших им выпускников академии (не служивших в других армиях).

Полученные данные свидетельствуют о том, что основной раскол в среде выпускников и слушателей академии произошел, конечно же, между красными и белыми. В белом лагере наиболее насыщенным кадрами Генштаба был Южный антибольшевистский фронт, затем – Восточный, примерно равным было количество «академиков» в антибольшевистских формированиях на Севере и Северо-Западе, хотя на Северо-Западе данный показатель был несколько выше, что связано и с более важным значением этого фронта. Национальные армии за исключением украинских формирований насчитывали буквально единицы генштабистов. Несколько больше остальных их было в армянской, латвийской и грузинской армиях.

Внутри корпорации выпускников академии существовали определенные группы, которые разделились в эпоху 1917–1922 гг. иным образом в зависимости от тех или иных обстоятельств. Рассмотрим это на примере корпуса военных топографов, в котором служил ряд генштабистов.

Корпус военных топографов слабо затронули революционные перемены. Несмотря на захват власти большевиками, руководство корпуса осталось прежним, что объясняется редкостью представителей этой военной специальности, которых были буквально единицы. В основном это были генералы и штаб-офицеры, которые прекрасно друг друга знали.

Всего таких специалистов, по выявленным нами данным, было 37 человек, в том числе 24 полноценных генштабиста¹ и 13 не доучившихся в академии, неудачно ее окончивших, не причисленных к Генштабу, а также выпускников ускоренных курсов, прошедших сокращенную подготовку². Бывших генералов среди генштабистов-топографов к началу Гражданской войны насчитывалось 16. Штаб-офицеры составляли 15 человек. Обер-офицеров было пятеро. Чин одного офицера не установлен.

В антибольшевистских армиях за Гражданскую войну из этой группы генералами стали четверо. Только в РККА всю Гражданскую войну прослужили 23 человека, только на белом Юге — 3 и по одному только в грузинской и украинской армиях. Остальные циркулировали между противоборствующими лагерями. Н.П. Абакумов служил в украинской армии и на белом Юге, Н.П. Корзун и К.М. Махвиладзе (Михвиладзе) — на белом Восточном фронте, а затем в РККА, М.П. Никитин — в РККА и на Восточном фронте белых, И.С. Свищев — в РККА и на белом Юге, П.В. Кремляков — в грузинской армии и в РККА, Н.Д. Павлов и А.Л. Тхоржевский — на Восточном фронте белых, а до и после этого — в РККА, Н.И. Щеткин — в РККА, затем в грузинской армии, затем опять в РККА. Исходя из 46 мест службы генштабистов-топографов за время Гражданской войны, их распределение представляется следующим (табл. 23).

Таблица 23

Распределение генштабистов-топографов в годы Гражданской войны

Армия (противоборствующий лагерь)	Количество генштабистов-топографов
РККА	31
Белый Юг	5
Белый Восток	5
Грузинская армия	3
Украинская армия	2

Соответственно, на РККА приходилось 67,4% мест службы генштабистов-топографов, по 10,9% на Южный и Восточный фронты белых, 6,5% на грузинскую армию и 4,3% на украинскую армию. Подобное распределение, отличающееся от распределения основной массы генштабистов, очевидно, обусловлено нахождением подавляющего большинства военных топографов в центральных органах военного управления, взятых под контроль большевиками. Тем не менее показательно, что и по этой специальности количественный приоритет был у красных.

Распределение кадров Генштаба между противоборствующими сторонами могло различаться и в зависимости от академического выпуска. Рассмотрим это на примере судьбы последнего предвоенного выпуска академии 1914 г.³ На допол-

¹ А. Г. Авсюк, П. П. Аксенов, Я. И. Алексеев, Н. Д. Артамонов, А. И. Аузан, М. Л. Бачинский, А. Г. Безруков, Н. С. Беляев, А. М. Бенашвили (Бенаев), М. Д. Бонч-Бруевич, В. В. Витковский, А. Д. Давыдов, О. Г. Дитц, Н. А. Коваль-Медзвецкий, С.Р. К. С. Козловский, Н. П. Корзун, П. В. Кремляков, А. Н. Максимович, М. П. Никитин, Н. Д. Павлов, И. С. Свищев, И. И. Селиверстов, Л. Ф. Тигранов, Н. И. Щеткин.

² Н. П. Абакумов, И. И. Герасимов, А. В. Кожевников, И. К. Ладнов, Д. М. Левшин, А. А. Мартягин, К. М. Махвиладзе (Михвиладзе), Г. П. Орешкин, В. В. Остапович, К.-В. Я. Рамат, А. Д. Тарановский, А. Л. Тхоржевский, А. М. Юзефович

³ Расчеты проведены по материалам семейного архива Ю. М. Строева — внука генерала М. П. Строева (Рихтера).

нительном курсе в 1913/14 г. учились 86 офицеров, включая пятерых офицеров болгарской службы. Четверо болгар вернулись на родину, один остался служить в России. Следы 12 офицеров затерялись, однако судьбы 70 человек проследить удалось. Не все окончили академию благополучно. 18 марта 1915 г. император повелел перевести в Генеральный штаб только 61 офицера¹. В период Первой мировой войны погибли четыре выпускника. Не менее 64 человек приняли участие в Гражданской войне. Как минимум двое от участия в ней уклонились — их следы обнаруживаются в эмиграции. Выпуск дал много офицеров в белые и в украинские армии. У белых, а также в белом подполье на советской территории состояли 53 офицера (83% участвовавших в Гражданской войне), через службу в Красной армии прошли 27 (42,2%), в украинских формированиях оказались 17 человек (26,6%), двое прошли через другие национальные армии. Подсчет по местам службы (армиям) дает следующие результаты. 64 выпускника, чье участие в Гражданской войне известно по документам, прошли через 99 мест службы. На белые армии приходится 53,5% всех мест службы, пройденных этой группой, на Красную армию — 27,3%, на украинские армии — 17,2% и на прочие национальные армии — 2%. Не менее 36 офицеров умерли в эмиграции. 11 человек были расстреляны или умерли в заключении. Умерли в СССР своей смертью только четверо. Судьбы остальных еще предстоит установить².

Попробуем экстраполировать полученные данные об участии генштабистов в Гражданской войне, считая их репрезентативной выборкой, на всю офицерскую корпорацию³. Понятно, что распределение всей массы офицерства будет отличаться от распределения лиц с высшим общим военным образованием (основные различия были обозначены выше). Однако возможность экстраполяции данных о генштабистах на всех офицеров подтверждается совпадением известных фактов. В частности, подсчет численности всех бывших офицеров русской армии

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1337. Л. 5.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Свои среди чужих, чужие среди своих // Родина. 2015. № 8. С. 48–53.

³ К настоящему времени известны достаточно точные данные о размежевании 219 доживших до начала Гражданской войны авиаторов — георгиевских кавалеров Первой мировой войны: 89 из них служили в белых армиях (в том числе 14 позднее сдались РККА и служили в ней, один остался в России, но скрывался под чужой фамилией), 65 — в РККА (в том числе из РККА 7 перешли в белые и 2 — в национальные армии, а также 1 — к «зеленым»), 3 — в национальных армиях и 10 уклонились от участия в Гражданской войне. Судьбы 52 летчиков не установлены (Нешкин М. С., Шабанов В. М. Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 12–15). С учетом перебежчиков в РККА успели послужить 79 человек (36%), в белых армиях — 96 (43,8%), в национальных — 5 (2,28%) и 1 у «зеленых». По нашей методике, при расчете распределения только известных участников войны от прошедших через все армии красные летчики составляют 43,6%, белые — 53%, национальные — 2,8%. Также поименно известны данные о размежевании 61 кавалера ордена Св. Георгия 2-й и 3-й степени — в основном представителей высшего командного состава. Из них через РККА прошли только 7 человек (14,6% от суммы прошедших через все армии), через белые армии — 32 (66,7%, в том числе один перешел в национальную армию), через национальные армии — 9 (18,75%, в том числе четверо перешли к белым), 16 уклонились от службы и роль еще 2 неизвестна (Егоров Н., Жебровский С. «Ни пяди земли, даже для погребения, не имею...»: Судьбы георгиевских кавалеров Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 76–79). Можно вывести определенную закономерность — чем выше был должностной и образовательный статус офицеров, тем больше их оказывалось в рядах белых и национальных армий.

в национальных армиях дает примерно 8% от общей численности русского офицерства в конце 1917 г., что недалеко от 14,3% генштабистов, пошедших в национальные армии. Не участвовавших в Гражданской войне бывших офицеров с учетом антиофицерского террора, уклонения от войны на территории России и эмиграции могло быть значительно больше 30 тыс., предположенных С.В. Волковым, и, возможно, не менее 75 тыс., предположенных А.Г. Кавтарадзе. Если взять оптимальную среднюю оценку не участвовавших, то, по всей видимости, в Гражданской войне участвовали не менее 200 тыс. офицеров старой армии. Так или иначе, уклонисты оказались в меньшинстве.

При наложении известного распределения генштабистов на всю офицерскую корпорацию расчеты Кавтарадзе в целом подтверждаются. С учетом потерь, ротации кадров и многочисленных переходов офицеров из лагеря в лагерь через Красную армию могло пройти около 100 тыс. бывших офицеров. Через белые армии могли пройти от 110 до 130 тыс. офицеров (в том числе 70–90 тыс. через белые армии Юга России, порядка 30 тыс. через Восточный антибольшевистский фронт и не более 10 тыс. через прочие фронты), и не менее 27 тыс. офицеров прошли через национальные армии¹. Немалая часть офицеров каждого лагеря перетекала в остальные в качестве пленных и перебежчиков, поэтому дать окончательный ответ на соотношение офицеров в противоборствующих лагерях может только более глубокий анализ делопроизводства РККА и антибольшевистских формирований.

Раскол общества в период революционных потрясений не мог не затронуть элиту старой армии – корпус офицеров Генерального штаба. Истоки раскола военной элиты следует искать в событиях 1917 г. и Первой мировой войны. Генштабисты, как правило, не обладавшие каким-либо политическим кругозором, оказались перед трудным выбором – с кем быть в условиях развала страны и армии. В обстановке неопределенности многие продолжали по инерции служить на прежних местах, некоторые заняли выжидательную позицию. Активный идейный выбор в пользу каждого из лагерей был уделом меньшинства. Он принадлежал либо офицерам, связанным родственными узами с руководством того или иного лагеря (например, с большевистским руководством, как в случае с генералами М.Д. Бонч-Бруевичем и Н.М. Потаповым) или общностью прежней борьбы (как в случае с быховскими узниками, объединявшимися вокруг генерала Л.Г. Корнилова), либо офицерам с ярко выраженными националистическими устремлениями, возглавившими национальные армии. В дальнейшем поляризация и кристаллизация сторон только усиливались.

Военная элита разделилась на три борющихся друг с другом лагеря – красных, белых и сторонников национальных государств. Еще одной группой являлись уклонившиеся. Причины размежевания офицеров и их перехода в тот или иной лагерь были во многом схожими, хотя и имели свои особенности. Интересно, что многие генштабисты отнюдь не испытывали враждебности к прежним сослуживцам, оказавшимся по другую сторону баррикад. Тем более что разделены оказались и семьи, а переходы из лагеря в лагерь стали массовым явлением.

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров: 1917–1922 гг. М., 2019. С. 40–51.

Кадровое офицерство традиционно воспринимало себя в роли носителя государственного начала. Не случайно многие представители военной элиты остро переживали революционные события и воспринимали их как угрозу гибели страны. Такое восприятие происходящего способствовало активному идейному выбору государственно мыслящих офицеров, поддерживавших, прежде всего, красных или белых.

Катализатором притока генштабистов в Красную армию стала защита Советской России от германского наступления в феврале – марте 1918 г. Тогда к большевикам примкнули десятки офицеров Генштаба. Однако спектр мотивов добровольного поступления в РККА существенно шире. Последующий период развития Красной армии отмечен началом процесса учета кадров Генерального штаба. Привлечение генштабистов в РККА первоначально базировалось на принципе добровольности, летом 1918 г. на добровольно-принудительных началах (угроза невозможности будущей службы по специальности при непоступлении в армию в этот период) и уже с осени 1918 г. стало принудительным.

Служба генштабистов в антибольшевистских армиях являлась добровольной. Основной причиной перехода в белый лагерь на начальном этапе Гражданской войны было неприятие большевизма и восприятие большевиков как германских агентов. Большое влияние оказывал персональный опыт представителей военной элиты в 1917 г., в особенности во взаимоотношениях с солдатскими массами. Приток генштабистов в эти армии во многом оказался обусловлен событиями Гражданской войны – развалом армии, массовым антиофицерским террором, предательской, с точки зрения традиционного офицерского мировоззрения, политикой большевиков, наличием в их рядах немыслимого для властных структур старой России процента инородцев, в том числе тех, кто до 1917 г. был лишен ряда политических прав, – например, евреев. Свою роль в выборе сторон играли корпоративные связи генштабистов, фактор прежней совместной службы офицеров в старой армии, карьерные устремления. Социальное происхождение, как правило, особой роли в выборе не играло, так как во всех лагерях среди бывших офицеров были представители титулованной знати, равно как и выходцы из низов. Подкрепляется это примерами расколотых семей генштабистов, в которых братья, пошедшие в разные армии, явно обладали примерно одинаковым уровнем подготовки и схожим мировоззрением. Таким образом, генштабисты примерно равной квалификации и похожих взглядов оказались в каждом лагере, что, несомненно, способствовало затягиванию и расширению масштабов Гражданской войны.

В системах учета кадров Генерального штаба уже проявились особенности организации противоборствующих сторон. Так, наиболее качественные и развитые системы учета генштабистов были созданы в Советской России, что свидетельствует о лучшей организации делопроизводства и учреждений военного ведомства в сравнении с противниками большевиков. Как нам удалось установить, в Советской России существовало даже два параллельных органа учета кадров Генштаба в ВГШ и в ПШ РВСР. Подготовленные этими органами списки дополняли и уточняли друг друга. Уже к 1919 г. учет кадров Генштаба в Советской России вышел по своей основательности на уровень учета последнего предвоенного списка Генерального штаба 1914 г. Высокая степень детализации данных о военспецах-генштабистах позволяла осуществлять назначения с учетом прежней дореволюционной

службы кандидатов. В дальнейшем качество и детализация лишь возрастали. Антибольшевистский лагерь ничем похожим похвастаться не мог. Между тем от эффективности учета зависела и эффективность использования кадров Генштаба. Впрочем, в сравнительно небольших по численности белых армиях, в особенности на Юге, наблюдался в основном переизбыток генштабистов.

Важнейшей составляющей оценки выбора военной элиты является точный подсчет распределения кадров Генерального штаба между всеми противоборствующими сторонами. Для выполнения такого подсчета нами была составлена по всей совокупности изученных опубликованных и архивных материалов из архивов России, ближнего и дальнего зарубежья база данных обо всех выпускниках Николаевской военной академии, принимавших участие в Гражданской войне в России. Материалы базы, вошедшие в ранее опубликованный справочник, позволили не только установить точное распределение кадров Генерального штаба между воюющими сторонами, но и учесть многочисленные перемещения офицеров в годы войны, оценить образовательный уровень военной элиты сторон.

Контингент генштабистов в противоборствующих армиях на протяжении всей Гражданской войны постоянно менялся, в том числе за счет перебежчиков и пленных. К примеру, на октябрь 1918 г. в РККА служили 695 выпускников академии, на белом Юге — 343, на Восточном антибольшевистском фронте — 335 и ровно столько же в украинской армии гетмана П.П. Скоропадского. Через год, в октябре 1919 г., на пике успехов белых, в РККА служили 586 выпускников, на белом Юге — 819, на Восточном антибольшевистском фронте — 596 и в украинских армиях только 55.

Анализ списков Генерального штаба за период Гражданской войны, проведенное нами выявление биографических сведений обо всех выпускниках и слушателях Николаевской военной академии, принимавших участие в Гражданской войне, учет всех их перемещений позволяют прийти к выводу о том, что распределение элиты было примерно равным между красными и белыми с некоторым перевесом в пользу белых, обусловленным вполне естественным стремлением к ним значительной части генштабистов в связи с традиционным жизненным и служебным укладом офицерства белых армий, заимствованным почти без изменений из старой армии. Свою роль сыграло наличие у белых старой академии Генерального штаба, осуществившей в 1919 г. ускоренный выпуск слушателей, хотя часть из них позднее также оказалась у красных¹. Разница усугублялась и колоссальной численностью Красной армии, в которой дефицит генштабистов неизбежно чувствовался намного острее (к примеру, в РККА на одного генштабиста на август 1920 г. приходилось около 1215 красноармейцев боевого состава, тогда как в Русской армии генерала П.Н. Врангеля на сентябрь — октябрь 1920 г. — примерно 65 солдат — в 18 раз меньше).

Почти 40% выпускников и слушателей академии оказались в Красной армии, но для многомиллионной Красной армии наличных генштабистов было недостаточно, что ярко видно из сравнения выше. Однако превосходство в количестве выпускников академии не принесло белым победы. С одной стороны,

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии...

в абсолютных цифрах оно было невелико. С другой, белые и представители национального лагеря были разрозненны, а высокий процент специалистов, ушедших к большевикам, дал возможность последним пусть по минимуму, но все же обеспечить свою многомиллионную армию штабными работниками. Кроме того, в отличие от их противников красные проявили значительную гибкость в кадровой политике во имя конечного результата – победы. Они достаточно демократично относились к привлечению на службу пленных белых генштабистов и даже тех, что прошли подготовку во враждебном лагере, например, окончили колчаковскую академию Генштаба. Для белых, в особенности на Юге России, такой подход был неприемлем. Формальная «чистота риз» – незапятнанность офицера сотрудничеством с большевиками – была для них гораздо важнее его профессиональных качеств. В итоге конечный результат приносился в жертву абстрактной добродетели (особенно если учесть случайный или вынужденный характер поступления многих военспецов на службу красным). В РККА в качестве генштабистов использовались все категории выпускников академии, не исключая и неудачно окончивших. На красных работало и то, что они отправляли на практику в войска на период каникул слушателей Академии Генштаба РККА, занимавших на летний период в 1919 и в 1920 гг. младшие штабные должности. Эта практика была полезна для будущих советских генштабистов, а кроме того, значительно увеличивала интеллектуальный потенциал и эффективность работы штабов, их оперативные и иные возможности, поскольку разгружала кадры «старого» Генштаба от рутины, позволяя профессионалам сосредоточиться на действительно важных вопросах. Работало на красных и то, что они создали специальные школы для подготовки младших штабных работников, слушатели которых получали минимально необходимые знания для несения простейших обязанностей в штабе. Таким образом, подход к кадрам Генштаба в Советской России был дифференцированным. Немалую роль играло и то, что, несмотря на дефицит квалифицированных командных кадров, РККА организационно и численно значительно превосходила антибольшевистские армии.

Как следствие, некоторое количественное превосходство белых и национальных армий в кадрах Генштаба не сыграло особой роли в Гражданской войне по причине единства советского лагеря и разрозненности его врагов, а также в связи с более эффективным и ориентированным на результат применением ценнейших кадров Генерального штаба у красных.

Глава III.

Специалисты Генерального штаба в Рабоче-крестьянской Красной армии

§ 1. Кадры Генштаба и организация Вооруженных сил Советской России

15 января 1918 г. СНК был издан декрет о создании Красной армии, которая начинала строиться как добровольческая. В то время в руководстве большевистской партии существовали значительные расхождения относительно базовых принципов создания будущей вооруженной силы (добровольность или принудительность комплектования, допустимость использования бывших офицеров, массовая и централизованная или территориально-милиционная армия) и даже самой ее необходимости.

Народный комиссариат по военным делам смог опереться на аппарат старого Военного министерства. Не случайно один из первых генералов, перешедших на сторону новой власти, Н.М. Потапов, озаглавил свой очерк о тех событиях: «Как царское Военное министерство стало Народным комиссариатом по военным делам», за что удостоился критического замечания от советского публикатора этого документа, произвольно его переименовавшего¹. О том, что подобная эволюция действительно имела место, еще ранее заявлял вождь Красной армии, нарком по военным делам Л.Д. Троцкий, который отметил на заседании ЦИК 22 апреля 1918 г.: «Старое Военное министерство после Октябрьского переворота было формально переименовано в Народный комиссариат по военным делам. Но этот Народный комиссариат по военным делам фактически опирался и не мог не опираться на тот организм, военный, который был получен из рук предшествовавшей эпохи... Народный комиссариат по военным делам опирался на эту огромную организацию (старую армию. — А.Г.), на ее человеческий состав и на ее материальный аппарат, и в то же время в предвидении неизбежного крушения этой организации, он, Народный комиссариат по военным делам, создавал зародыш, эмбрион новой армии, которая должна была в большей или меньшей степени в этот переходный период отражать структуру советского режима, ему соответствовать...»²

Лидеры большевиков, порой не без оснований, исходили из презумпции нелояльности старого офицерства. Само слово «офицер» стало символом классового врага, вызывало подозрения в контрреволюционности, и в Красной армии вместо него был введен в обиход эвфемизм «военный специалист» («военспец»). Как

¹ Потапов Н. М. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 61.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 132.

писал, по-видимому, бывший полковник К. И. Бесядовский в историческом очерке организации Красной армии, «к сожалению, вступавшие в ряды Красной армии офицеры не встретили достаточного доверия: страсти классовой борьбы только еще разгорались; натравливание солдат на офицеров еще не было изжито, начались аресты, обыски, причем арестовывались офицеры целых штабов и частей войск. И по мере того, как выявлялась более резко нетерпимость к старому офицерству и классовые основы армии, приток офицеров, душою преданных военному делу, значительно сократился, а этим самым был нанесен ущерб делу подбора знающего и опытного командного состава»^I.

Как бы то ни было, генштабисты пытались встраиваться в новую систему. Одним из базовых вопросов было то, относились ли они к категории военных специалистов. Коллегия при штабе Верховного главнокомандующего в январе 1918 г. разъяснила, что все лица, окончившие Военную академию, называвшуюся ранее академией Генерального штаба, считаются специалистами^{II}. Таким образом, изначально в основу кадровой политики красных в отношении выпускников академии был положен принцип широкого понимания всех окончивших это военное учебное заведение как генштабистов. Для сравнения, в антибольшевистских армиях сохранялись дореволюционные принципы отнесения к генштабистам лишь полноценных выпускников — после выпуска из академии причисленных к Генштабу и переведенных в него. Прагматизм сыграл важнейшую роль в эффективности использования этих кадров в Советской России.

Демократизация армии в конце 1917 — начале 1918 г. проводилась с учетом специфики службы генштабистов. В частности, «лица Генерального штаба» на командные и строевые должности назначались по правилам выборного начала на общем основании, а на специальные штабные должности — путем особого выборного порядка. В каждой строевой части начальник штаба выбирался на общем основании из «лиц Генерального штаба». Каждый начальник штаба выбирал кандидатов на непосредственно ему подчиненные должности в штабе. Устранение «лиц Генштаба» от должностей производилось как начальниками, так и комитетами с зачислением удаляемых в распоряжение фронтовых штабов. Все назначения производились и утверждались комитетами, представлялись в Ставку и объявлялись в приказе армии и флоту. Все «лица Генштаба» должны были числиться на особом учете в штабах фронтов. Лица, отстраненные по подозрению в контрреволюционности, переводились в строй^{III}.

Важно понять, как был организован транзит генштабистов из старой армии в РККА. Бывшие офицеры Генерального штаба, не избранные на должности Генштаба и не приобретшие права на увольнение от службы Генштаба, зачислялись в распоряжение начальников штабов фронтов. Требовалось обмениваться списками лиц, состоящих в распоряжении начальников фронтовых штабов, между штабами и сообщать эти данные вышестоящему начальству^{IV}. Оклады не состоящим на должностях Генерального штаба исчислялись по последней должности.

^I РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 206. Л. 7.

^{II} РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1130. Л. 30.

^{III} Там же. Л. 42–44.

^{IV} Там же. Л. 31.

Такую меру можно расценить как проявление определенной заботы о бывших офицерах. Кроме того, Ставка пыталась сохранить в поле своего зрения ценные кадры Генштаба. В этой связи ввиду упразднения резерва чинов «лица Генштаба», состоявшие в резерве как специалисты с высшим военным образованием, увольнению в отставку не подлежали, а должны были командироваться в распоряжение начальников штабов Северного, Кавказского или Западного фронтов по желанию командированных¹.

Видный военный работник большевистской партии Н.И. Подвойский вспоминал о тяжелом состоянии высших органов военного управления в начале 1918 г.: «Отсутствие налаженных аппаратов – информационного аппарата связи, Главного штаба и невозможность использовать старый Генеральный штаб, почти уничтоженная Ставка»². Однако он был не вполне прав.

Как справедливо отмечал выдающийся военный ученый А.А. Свечин, «существенным признаком гражданских войн является отсутствие систематической подготовки к действиям на вооруженном фронте в широком масштабе... Гражданская война принципиально ведется на развалинах общегосударственной военной подготовки... только постепенно, в процессе самой гражданской войны, складываются вооруженные силы сторон»³. Однако в российской Гражданской войне стороны оказались не в равном положении в отношении ресурсов старой армии.

Важнейшим преимуществом большевиков над их противниками стала возможность опереться на дореволюционный аппарат военного управления, в частности на центральные штабы и учреждения, которые по наследству достались Советской России. Прежняя Ставка сохранялась в Могилеве до февраля 1918 г., пока шла демобилизация старой армии. Тем временем после срыва советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске 18 февраля 1918 г. началось немецкое наступление на Восточном фронте (операция «Фаустшлаг» – «Удар кулаком»), что интенсифицировало процессы военного строительства в Советской России.

19 февраля 1918 г. начальник Генерального штаба Н.М. Потапов сообщил начальнику штаба Ставки М.Д. Бонч-Бруевичу, что временно оперативную часть Ставки необходимо передислоцировать в Петроград⁴. Решение на этот счет было принято председателем СНК В.И. Лениным, выступавшим в качестве сторонника привлечения военных профессионалов к созданию новой армии. На военном совете в вагоне Н.В. Крыленко перед его отъездом в Петроград было решено расформировать Ставку и предоставить руководство войсками фронтам⁵.

В беседе Бонч-Бруевича с Потаповым были озвучены некоторые важные мысли относительно трансформации органов управления старой армии в органы управления РККА. Бонч-Бруевич сообщал, в частности: «Никакого фактического воздействия на фронты Ставка теперь уже не имеет и тем более не влияет ни на Юго-Западный, ни [на] Румынский, ни [на] Кавказский фронты. Расформирование Ставки находится в самой последней стадии... Лично я с остающимися в Ставке

¹ Там же. Л. 33.

² Подвойский Н. И. Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 77.

³ Свечин А. А. Стратегия. М.; СПб., 2003. С. 255, 257.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4.

лицами всецело завяз в ликвидации Ставки, которая является делом нелегким ввиду ее с лишком трехлетнего существования при разных режимах»^I.

Видение дальнейшей конструкции органов высшего военного управления было различным. Потапов 19 февраля сообщал Бонч-Бруевичу, что из-за возможной активизации немцев на фронте желательно иметь при Верховном главнокомандующем «если не вполне организованный штаб, то по крайней мере несколько лиц, которые бы специально следили за событиями на фронтах и сообщали главнокомандующим [фронтами] указания главковерх»^{II}.

Бонч-Бруевич не без оснований указывал: «Что касается фронтов, то обязуюсь сообщить, что в боевом смысле их не существует, ибо войска самочинно бросают свои позиции и разбегаются, потому что им совершенно твердо внушено, что войны больше никакой не будет, почему они и впали в панику, когда раздались орудийные выстрелы немцев, остановить панику некому, так как комитеты и теперешние начальники потеряли всякий авторитет в войсках, никто их не слушает, о чем отовсюду поступают донесения. Все, что происходит, случайностью не является, об изложенном я докладывал и доносил во все инстанции заблаговременно, когда кое-что еще можно было сделать»^{III}. По мнению Бонч-Бруевича, руководство военным делом после ликвидации Ставки должно было сосредоточиться у начальника Генерального штаба.

Потапов на это возражал, так как ГУГШ не был приспособлен для такой задачи, не был осведомлен об оперативных действиях Ставки и не имел никакого оперативного аппарата: «К сожалению, дорогой Михаил Дмитриевич, аппарат ГУГШ отнюдь не может считаться приспособленным для выполнения той задачи, какую вы намечаете, ибо за время войны ГУГШ комплектовался совершенно случайным элементом и притом в оперативных действиях Ставки был осведомлен лишь немногим подробнее, чем печать, сообщения для которой поступали ежедневно из Ставки, можно найти отдельных лиц, но аппарата, и в частности оперативного, в ГУГШ вовсе не имеется»^{IV}.

По мнению Бонч-Бруевича, кроме ГУГШ в стране уже не оставалось ни одного военного органа: «Николай Михайлович, я назвал Северный фронт, собственно его штаб организованным аппаратом, прошу понимать меня в том смысле, что он сохранил внешний облик организованного штаба, но лица, входящие в состав штаба, или очень юные неопытные офицеры, или совершенно штатские люди, быть может, пригодные для политической деятельности, но никак [не] для боевой. При таком условии Главное управление Генерального штаба из оставшихся еще штабов является после расформирования Ставки единственным во всем государстве военным органом, и если пополнить его теми лицами, которые остаются без дела после расформирования Ставки и о которых я просил письмом начальника Генерального штаба, то для надобности общего руководства управление Генерального штаба будет достаточно. Должен теперь же твердо выразить, что возвращение уходящих из Ставки лиц, нужных для боевого дела, равно как и всяких других,

^I Там же. Л. 5–6.

^{II} Там же. Л. 6–6об.

^{III} Там же. Л. 7об.–8.

^{IV} Там же. Л. 8.

служивших в действующей армии, вновь к боевому делу возможно только при создании для них материальной и всякой другой возможности войти вновь в дело. Не могу скрыть, что бывшие офицеры, благодаря ничтожным окладам при дороговизне жизни, бедствуют, потому, конечно, бросились искать заработка, обеспечивающего существование их семей»^I.

20 февраля 1918 г. Бонч-Бруевич с сотрудниками Ставки, включая бывших генералов-генштабистов А. С. Гришинского, С. Г. Лукирского, Н. И. Раттэля и Н. А. Сулеймана, по вызову В. И. Ленина выехали из Могилева в Петроград. В тот же день в Петрограде в здании Военного министерства (Мойка, 67) состоялось совещание большевистского руководства (П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, Ф. Ф. Раскольников, Э. М. Склянский) и военных специалистов (В. М. Альтфатер, А. И. Андогский, В. Е. Борисов, Г. Г. Гиссер, Э. А. Верцинский, М. П. Каменский, В. Ф. Новицкий, И. Г. Пехливанов, Н. М. Потапов, В. А. Черемисов). Совещание было созвано в связи с наступлением германских войск и должно было решить вопрос об организации обороны^{II}. 21 февраля был создан Комитет революционной обороны Петрограда во главе с Я. М. Свердловым. В этот же день был подписан, а на следующий день опубликован декрет-воззвание СНК «Социалистическое отечество в опасности!».

Вечером 22 февраля в Петроград прибыл Бонч-Бруевич со своими сотрудниками. Бывший генерал фактически возглавил оборону Советской России от внешнего врага в феврале — марте 1918 г. После совещания с Лениным и другими представителями власти Бонч-Бруевич приступил к работе в Смольном, где разместился в комнате по соседству с кабинетом Ленина. 25 февраля Бонч-Бруевич в качестве военного специалиста вошел в Бюро Комитета революционной обороны Петрограда, руководившего обороной столицы от немцев. Позднее под его руководством на западе страны по демаркационной линии соприкосновения с германцами была создана система завесы^{III}.

Помимо Бонч-Бруевича обороной страны от немцев руководили и другие генштабисты. Ближайшим помощником Бонч-Бруевича был генерал-квартирмейстер Ставки бывший генерал-майор Н. А. Сулейман. Участвовали в работе генералы-генштабисты С. Г. Лукирский, Н. И. Раттэль, А. С. Гришинский, М. М. Загю (всего с Бонч-Бруевичем из могилевской Ставки в Петроград приехали 12 генштабистов^{IV}). На псковском направлении держались отряды бывшего полковника И. Г. Пехливанова, Финляндский район обороняли отряды под командованием бывшего генерал-лейтенанта Д. Н. Надежного, в районе Нарвы и Ямбурга сражались войска бывшего генерал-лейтенанта Д. П. Парского, в районе Дно — бывшего

^I Там же. Л. 8–9.

^{II} Верцинский Э. А. Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 50–56. Э. А. Верцинский по поручению начальника Генерального штаба Н. М. Потапова вел стенограмму заседания. На следующий день после совещания запись была представлена помощнику Потапова М. П. Каменскому, рукой которого были сделаны заметки на полях документа (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 256. Л. 1–7). В работе А. Г. Кавтарадзе приведены неточные данные о дате, причинах и составе участников совещания (Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 67).

^{III} Подробнее см.: Стрекалов И. И. Создание войск завесы: (февраль — май 1918 г.): Исторический очерк. М., 2001.

^{IV} Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 244–245; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 68.

генерал-лейтенанта Ф.А. Подгурского¹. Генштабисты играли ключевую роль в формировании войск завесы.

Очевидец вспоминал о приезде молодых курсовиков на псковский участок, где начинали формироваться войска завесы: «Еще через день или два, проснувшись утром, я увидел из окна вагона какой-то состав из новеньких вагонов на запасном пути рядом с нашим поездом. Была весна уже, окна вагонов были открыты. В окна были видны хорошо одетые, в новеньких френчах и гимнастерках, люди с очень интеллигентными лицами, с аксельбантами на плечах, на которых не было погон. Я спросил, кто это такие. Мне ответили, что это офицеры Генерального штаба, приехавшие формировать армию. Все будет по-старому, только вместо “командира” будет “руководитель”, вместо “дивизии” – “район”, вместо “бригады” – “участок”, вместо “полка” – “отдел”. Все эти части вместо номеров будут носить названия по географическим пунктам формирования, а корпусов не будет, но будут все же военные округа. Глядя на приехавших, я поверил, что все будет по-старому, если им только дадут сделать это дело до конца”. Так или иначе, Советская Россия тогда смогла избежать военного поражения.

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мирный договор. Россия вышла из Первой мировой войны. Этот день был насыщен и другими важными событиями. В тот же день решением Комитета революционной обороны Петрограда были ликвидированы штабы Северного и Западного фронтов, вместо которых для защиты центра страны от потенциального немецкого наступления стала создаваться завеса². Тогда же СНК принял решение, а на следующий день издал декрет о создании нового центрального органа военного управления – ВВС, который должен был руководить всеми операциями на фронтах, а также заниматься вопросами формирования Красной армии. ВВС был создан на основе прежней Ставки, причем часть руководящих работников Ставки оказалась в руководстве ВВС на прежних должностях. В связи с окончанием войны должность Верховного главнокомандующего была упразднена. По свидетельству управляющего делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапова, ВВС занимался созданием новой армии, а наркомат работал над ликвидацией старой³.

Посредством этого нового органа впервые во главе Красной армии были поставлены военные специалисты, что вызвало волну возмущения в партийных кругах и в революционных войсках. Тем более что ВВС формировался как орган, полномочия которого превышали власть коллегий наркоматов по военным и морским делам. Например, на Западном фронте заявляли, что «лягут костями, но не подчинятся бывшим царским генералам, которые за свои действия были исключены из армии с демократизацией армии», и требовали от расформированного

¹ Подробнее о действиях формирований Парского и Пехливанова см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 21–145.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 281. Л. 17–18.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 83–84. Вплоть до осени 1918 г. немцы готовили вторжение через территорию Финляндии и захват Петрограда (операция «Завершение»), опасаясь, что страны Антанты займут город раньше (подробнее см.: Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // Русский сборник (Москва). 2013. Т. 13. С. 125). Разработкой планов противодействия немцам занимался бывший генерал Д. П. Парский, возможно даже преувеличивавший степень угрозы вторжения из Финляндии.

⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 3.

революционного ПШ при бывшей Ставке взять управление фронтом на себя¹. Тем не менее ВВС продолжил свою работу, а протесты со временем улеглись.

Военным руководителем ВВС с правом прямого обращения к Ленину стал Бонч-Бруевич. Его помощником был назначен бывший генерал С.Г. Лукирский. Политическими комиссарами стали П.П. Прошьян от левых эсеров и К.И. Шутко от большевиков. Для укрепления авторитета ВВС (наличие в его руководстве генерала старой армии воспринималось революционерами крайне негативно) 19 марта его председателем стал Л.Д. Троцкий, занявший также пост народного комиссара по военным делам. В ВВС вошли Э.М. Склянский как заместитель Троцкого, Н.И. Подвойский и его заместитель К.А. Мехоношин, а затем В.А. Антонов-Овсеенко. Начальником штаба ВВС (ранее должность помощника военрука) в июне 1918 г. стал бывший генерал-майор Н.И. Раттэль. С 14 мая 1918 г. по новым штатам в ВВС появились оперативное и организационное управления, отделы военных сообщений, военно-хозяйственного инспектора, полевого инженера, инспекторов артиллерии и санитарной части. Почти все посты в ВВС занимали бывшие офицеры, в том числе генштабисты.

Помимо военрука и его помощника в ВВС были должности генерал-квартирмейстера с двумя помощниками по оперативной и разведывательной части, начальника военных сообщений, полевого инспектора артиллерии, полевого инженера, полевого интенданта, инспектора санитарной части. Кроме того, существовал отдел по формированию. С 14 мая 1918 г. отдел стал организационным управлением, было создано оперативное управление, полевой интендант стал именоваться военно-хозяйственным инспектором. 20 июня вместо помощника военрука была введена должность начальника штаба с подчинением ему управлений. В непосредственном подчинении военрука оставались инспекторы, которые затем также были подчинены штабу.

Бывшие сотрудники Ставки вошли в состав оперативно-организационного отдела ВВС. В марте – апреле 1918 г. аппарат Наркомата по военным делам был переведен из Петрограда в Москву, куда переехал и ВВС. После заключения Брестского мира многие красногвардейцы решили, что их миссия закончена, и стремились разойтись по домам. Бонч-Бруевич 16 марта направил доклад Ленину, в котором указал на необходимость сохранения завесы до замены ее отрядов частями регулярной армии².

Наиболее дальновидные представители советского военно-политического руководства понимали, что на добровольных началах и путем импровизаций массовой армии не построить. К тому же многие офицеры, поступившие в новую армию, отнюдь не горели желанием участвовать в разворачивавшейся в России братоубийственной войне. Важным шагом по укреплению Красной армии и по привлечению в нее бывших офицеров стал приказ ВВС от 21 марта 1918 г., отменивший выборное начало. До массовых регистраций и мобилизации офицеров было решено «вылавливать единичных работников-специалистов и держать их на случай, когда будет армия, для формирования штабов»³. Для перехода от добровольческого

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 78.

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 248.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 85.

принципа комплектования армии ко всеобщей воинской повинности был необходим военно-административный аппарат, который удалось создать в Советской России весной 1918 г. Важным преимуществом большевиков над их противниками стала возможность опереться на готовый аппарат управления старой армией. Как уже отмечалось, штаб ВВС отчасти был создан на основе прежней Ставки Верховного главнокомандующего, позднее на основе штаба совета возник Штаб РВСР, а затем ПШ РВСР. Однако и на местном уровне наличие готовых штабов старой армии сыграло свою роль.

Видный военспец бывший генерал Д. П. Парский критически оценивал комсостав зарождавшейся Красной армии: «Подобранный в большинстве совершенно случайно, под влиянием крайней необходимости, он состоял частью из бывших офицеров, обыкновенно самого младшего возраста, часто далеко не из лучших, нередко малоопытных, а также из солдат и людей не военных»¹.

Некоторых бывших офицеров порядки в новой армии оттолкнули практически сразу. Так, бывший генерал В. Н. Минут поступил на службу в штаб Северного участка и Петроградского района, но, столкнувшись с постреволюционными реалиями, вскоре потребовал увольнения: «Более полугода ломал себя, добросовестно стараясь приспособиться к новому строю армии, более полугода выносил мелочный контроль и самое бессмысленное и нахальное вмешательство в мои распоряжения совершенно не сведущих в военном деле людей, большей частью евреев и других инородцев; долее выносить этого не в силах, тем более что уверен в том, что пользы от моей работы не будет никакой»².

Предпринимались шаги по улучшению отношения к военспецам в новой армии. Военный руководитель ВВС М. Д. Бонч-Бруевич писал председателю совета Л. Д. Троцкому 31 мая 1918 г.: «В воззваниях правительства к народу часто упоминается о контрреволюционных генералах и офицерах», и, таким образом, народ естественно восстанавливается огульно против всех, вообще, бывших генералов и офицеров. В результате, опасаясь самосудов и расправы, б[ывшие] генералы и офицеры, даже такие, которые вполне искренне желают служить в новой армии, — вынуждены отказываться от таковой службы. Между тем настало время, когда для всех очевидно, что без боеспособной армии с опытным и научно-подготовленным командным составом Российская республика существовать не может, потому что она не в состоянии без такой армии отбиться от врагов, уже нападающих на нее со всех сторон.

Вполне признавая, что упоминание о контрреволюционных генералах и офицерах в воззваниях правительства имеет свои основания, тем не менее для пользы дела формирования необходимой армии ходатайствую о том, чтобы правительство разъяснило народу, что наряду с контрреволюционными генералами и офицерами, изменниками вроде Скоропадского и Краснова, существуют и самостоятельно работают над созданием армии бывшие генералы и офицеры другого типа,

¹ Парский Д. П. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте — апреле 1918 г. (Составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям) // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. г. М., 1919. Вып. 2. С. 210–211.

² Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 92.

вполне преданные России и русскому народу, достойные не порицания, а всесторонней признательности и похвалы.

Докладываю, что без такого подразделения, оповещенного самим правительством, не удастся сформировать дивизий, необходимых нам для защиты от наседавших на нас германцев, явно стремящихся утвердить в России всюду уже начавшееся германское рабство»^I. ВВС в лице В.А. Антонова-Овсеенко и Е.А. Беренса в этой связи вынес резолюцию: «Огульное безоговорочное упоминание о контрреволюционном офицерстве, безусловно, крайне вредно для дела формирования новой армии, и заявление правительства было бы желательно в указанном смысле»^{II}.

Практически о том же бывшему генералу Н.М. Потапову писал другой бывший генерал на советской службе С.И. Одинцов 29 мая 1918 г.: «Не следует закрывать глаза на то, что фактически Малороссия оккупирована немцами и австрийцами. Все последствия оккупации налицо.

Необходимо, чтобы наше общество и народ поняли это. Необходимо, чтобы советская власть перестала сумасбродничать, бросая неисполнимые лозунги в народные массы, а дала возможность всем честным русским людям приступить к планомерной работе. Пора перестать искать всюду контрреволюцию, а надо стремиться всеми мерами водворить во что бы то ни стоило внутренний порядок в стране»^{III}.

Программа военного строительства в Советской России весной 1918 г. разрабатывалась ВВС с учетом указаний председателя СНК В.И. Ленина. Было намечено создание постоянной регулярной армии из всех родов оружия (пехота, конница, артиллерия, вспомогательные войска). Планы развертывания армии постоянно менялись. Так, первоначально существовал план формирования 38–40 пехотных дивизий 4-полкового состава для создания девяти армий. Кроме того, намечалось формирование 6–8 дивизий 2-й очереди^{IV}. Затем этот план был изменен. Декретом от 29 апреля 1918 г. была отменена выборность командного состава, что стало действенной мерой укрепления дисциплины. Твердо установленный план военного строительства был принят РВСР 11 сентября 1918 г.^V

Н.И. Подвойский осенью 1918 г. вспоминал об особенностях работы ВВС и других центральных органов военного управления: «Массовая организация требует, чтобы каждый мог контролироваться и корректировать своим давлением те учреждения, которые представляют его. Я утверждаю, что в конституции такой § есть, а если бы его не было, то это диктуется самим духом нового строя, а дух пора, товарищи, знать. По духу всей Республики мы должны дойти до последней стадии. И т. Сулейман хорошо знает, что и он и Бонч-Бруевич не раз доходили до Ленина, и [Г.М.?] Шейдеман тоже хорошо это знает. Значит, эта отговорка законна — это нерадение улитки. Пусть бы попробовал вам начальник фронта сказать, что я вам не дам сведений, да вы в тот же день были у т. Ленина, как это делал

^I РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 167–167об.; РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 43. Л. 38–38об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 81–81об.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 43. Л. 38.

^{III} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 23. Л. 109.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

^V РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

Раттэль, который наспигует Бонч-Бруевича и тот тридцать раз ночью звонит по пустому делу»¹.

В апреле 1918 г. под руководством ВВС развернулось формирование органов местного военного управления, в том числе военных округов (Беломорского, Московского, Орловского, Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Ярославского), а также нижестоящих комиссариатов по военным делам. По декрету СНК от 4 мая 1918 г. учреждалось 11 военных округов. К прежним добавились Западно-Сибирский, Средне-Сибирский, Восточно-Сибирский и Туркестанский. Прежние военные округа, исключая Петроградский, были упразднены. Новые формировались, объединяя губернии по составу населения. При создании военно-окружной системы большевиками использовались фронтовые и армейские штабы старой армии, прежние корпусные штабы сыграли роль в формировании штабов войск завесы². Военрук ВВС М.Д. Бонч-Бруевич отмечал 23 марта 1918 г., что система военных округов проистекала из плана стратегического развертывания на случай войны³. У истоков советской военно-окружной системы стоял бывший генерал Л.М. Болховитинов⁴. Ключевую роль в руководстве военных округов играли специалисты старого Генерального штаба. Военруками новых округов стали бывшие генералы-генштабисты: Ф.Д. Иозефович (Московский военный округ), Н.Д. Ливенцев (Ярославский военный округ), Д.Н. Надежный (Приуральский военный округ), В.В. фон Нотбек (Приволжский военный округ), Ф.Е. Огородников (Беломорский военный округ), А.Е. Снесарев (Северо-Кавказский военный округ), В.П. Широков (Орловский военный округ). На протяжении 1918–1922 гг. было сформировано или восстановлено (после захвата белыми или ликвидации) 27 военных округов⁵. Округа сыграли важнейшую роль в формировании Красной армии. Тыловые округа подчинялись ВГШ, прифронтовые – ПШ РВСР, РВС фронтов и армий. На местах была создана сеть губернских, уездных и волостных военных комиссариатов. К концу Гражданской войны имелось 88 губернских и 617 уездных военкоматов. Численность волостных военкоматов измерялась тысячами. Генштабисты служили как в окружных штабах, так и в губернских и даже уездных военкоматах.

В штабах округов создавались мобилизационное, административное, артиллерийское, инженерное и политическо-просветительское управления. Мобилизационное управление включало отделы: мобилизационный, оперативный, разведывательный, статистический, воинских перевозок. В административном управлении отделы: формирования и устройства войск, подготовки войск, службы войск,

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 57.

² Например, основой формирования штаба Беломорского военного округа послужили кадры штаба Юго-Западного фронта старой армии (в Архангельск прибыли 57 человек во главе с бывшим вр.и.д. начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта бывшим полковником Н. Н. Петиным – РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 20). Штаб 1-й армии Северного фронта переформировывался в Самаре в штаб Приволжского военного округа (Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 260). Работники штаба XLIII армейского корпуса, расформировывавшегося в Калуге, поступили там же на службу в штаб Западного участка отрядов завесы.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

⁴ Бонч-Бруевич М. Д. Первые дни Красной армии (воспоминания) // Война и революция (Москва). 1929. Кн. 2. С. 49.

⁵ Тархова Н. С. «Без военкома мы не имели бы Красной армии...» // Родина. 2011. № 2. С. 30.

личного состава^I. По штату в штабе округа полагалось иметь 6 «лиц Генштаба» (начальник штаба, начальники административного и мобилизационного управлений, заведующие разведывательным, оперативным и статистическим отделами), кроме того, было 14 должностей «могут быть Генерального штаба». В условиях дефицита кадров должности второй категории порой оставались не замещенными выпускниками академии. Структура окружных штабов постепенно менялась. Так, на декабрь 1920 г. в штабе Киевского военного округа были: оперативное управление (отделы: оперативный, разведывательный, специальной службы), мобилизационно-учетное (отделы: мобилизационный, учетный, журнальная часть), организационное (отделы: устройства вооруженной силы, укомплектования и формирования, командный, журнальная часть), административно-хозяйственное (отделы: административный, комендантский, хозяйственный)^{II}.

Бонч-Бруевич требовал организации местного военного аппарата на регулярных началах. 12 июня 1918 г. он телеграфировал всем военрукам и комиссарам Северо-Кавказского военного округа, на территории которого разгоралась Гражданская война и шла борьба с австро-германскими интервентами: «Категорически заявляю [о] необходимости работы Генерального штаба. Безграмотные распоряжения самочинных полководцев должны быть рассматриваемы как преступления и ослушники боевых приказов должны быть отрешаемы от командования и предаваемы революционному трибуналу на суд. Положение очень серьезное. Недопустимо теперь учиться на судьбах боевых столкновений»^{III}.

На местах положение порой было очень сложным. Штаб Северо-Кавказского военного округа сообщал в ВВС из Царицына 29 мая 1918 г.: «Командный состав, за весьма редкими исключениями, совершенно не подготовлен к выполнению даже самых простых задач... Штабы в сущности также не организованы; как штабная служба вообще, так в особенности вопросы разведки и прочной связи или совсем не разрешены, или разрешены крайне неудовлетворительно... Вообще служба охранения и в особенности разведка поставлена крайне слабо. О прочности связи и о ее налаженности говорить не приходится: прочной, надежной связи не было»^{IV}. По данным на июль 1918 г., в штабе округа были замещены все шесть штатных должностей Генштаба, а 14 должностей «могут быть Генштаба» замещены не были. При этом начальником штаба являлся белый агент бывший генерал А.Л. Носович. На 1 июля 1918 г. военруку А.Е. Снесареву требовались семь генштабистов^V. По данным на 3 июля, требовались заведующие статистическим, мобилизационным и разведывательным отделами мобилизационного управления, а также два сотрудника для поручений при начальнике штаба СКВО, два делопроизводителя оперативного отдела и два генштабиста для поручений^{VI}. Предполагалось формирование в округе трех отрядов завесы, для чего «лицам Генштаба» делались предложения о назначениях. На 18 вакансий в связи с дефицитом кадров были сделаны предложения лишь четырём специалистам^{VII}.

^I РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 81. Ч. 1. Л. 7, 11.

^{II} Калужный Р. Г. Красная армия 1918–1934: Структура и организация: Справочник. М., 2019. С. 323.

^{III} РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 89. Л. 4.

^{IV} РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 82. Л. 6–6об. Также см.: ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 250–251.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 162.

^{VI} Там же. Л. 163.

^{VII} Там же. Л. 174об.–175.

В штабе Беломорского военного округа летом 1918 г. сложилась похожая ситуация. 6 должностей Генштаба были замещены, но 14 должностей «могут быть Генштаба» замещены не были^I. Однако затем один из назначенных подал в отставку, второй получил перевод, а третий был откомандирован в другой штаб. В итоге не хватало трех специалистов, а прибытия новых не предвиделось. Три формировавшиеся в округе дивизии также были обеспечены генштабистами лишь частично. В Петрозаводской и Вологодской дивизиях служили по два специалиста, а во 2-й Вологодской — не имелось ни одного.

Но хуже всего для красных сложилась обстановка в штабе Приволжского военного округа. Штаб был сформирован из прежнего штаба 1-й армии Северного фронта, что позволило заместить все шесть штатных должностей Генштаба и две из 14 должностей категории «могут быть Генштаба». В округе намечалось формирование семи пехотных дивизий, однако захват Самары чехословаками в июне 1918 г. сорвал эти планы: штаб почти в полном составе перешел на сторону антибольшевистских сил. После этого его пришлось восстанавливать в Москве^{II}.

Высокая ценность генштабистов в военно-окружном аппарате отмечалась с первых дней существования новой системы. В отчете о деятельности Уральского окружного военного комиссариата за май — июнь 1918 г. их значение было подчеркнуто особо, в специальном разделе отчета. Там, в частности, говорилось о том, что «приезд с окружным штабом специалистов Генштаба значительно облегчил работу областного военного комиссариата: так, военный руководитель Надежный явился военным советчиком в работе областного комиссариата, несколько специалистов Генштаба ([А.Л.] Симонов, [К.П.] Артемьев и др.) были командированы для производства рекогносцировок местности, несколько были заняты штабной работой, составлением оперативных сводок и проч. ([В.Н.] Чернышев, [И.И.] Бартельс, [А.Г.] Пахомов и др.)... Таким образом, приехавшие специалисты Генштаба были привлечены в работу по борьбе с чехословаками еще до организации окружного военного комиссариата»^{III}.

Помимо готовых центральных органов военного управления большевики могли опираться и на различные готовые штабы армейского и корпусного звена. Так, Н.И. Подвойский сообщал в Петроград и в военные комиссариаты в апреле 1918 г. о наличии в его распоряжении готового штаба 12-й армии: «На учете у меня состоит и может быть использован штаб 12[-й] с отличным персоналом и имуществом, могущий начать функционировать [в] любой момент. Может быть развернут как штаб округа, района или действующий полевой. Срочно сообщите, встречается ли в таковом надобность. Личный состав главных руководителей штаба: наштарм Генштаба [Б.В.] Гонтарев, генквар Генштаба [А.А.] Лауриц, дегенарм^{IV} Савелов, инсартарм^V Радкевич, нэхо^{VI} Генштаба [Н.Н.] Хворостанский, зинч^{VII} Геринг и позач^{VIII}

^I Там же. Л. 174об.

^{II} Там же. Л. 179.

^{III} Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 347–348

^{IV} Дежурный генерал.

^V Инспектор артиллерии армии.

^{VI} Начальник этапно-хозяйственного отдела.

^{VII} Заведующий инженерной частью.

^{VIII} Предположительно, помощник заведующего частью.

Мартсон»¹. Расформирование отделов штаба и ликвидация имущества проходили в Рыбинске. Корпусные штабы той же армии расформировывались в других городах на территории Советской России. Штаб II Сибирского армейского корпуса — в Ярославле, штаб VI Сибирского армейского корпуса — в Камышлове Пермской губернии, штаб XIII корпуса — в Твери, штаб XLIII корпуса — в Новгороде². Работники штаба XLIII армейского корпуса, расформировывавшегося в итоге в Калуге, поступили там же в службу штаба Западного участка отрядов завесы.

Важную роль в первый год существования Красной армии играл оперативный отдел Наркомата по военным делам, или Оперод. Фактически параллельно с оперативным центром в Петрограде (Наркомат по военным делам, Комитет революционной обороны, ВВС) в феврале — марте 1918 г. свой оперативный центр сформировался и в Москве. Впервые это учреждение заявило о себе еще накануне Брестского мира как организация, занимавшаяся созданием и руководством партизанскими отрядами под названием «Отдел формирования отрядов», затем фронтовой и оперативный отдел штаба Московского военного округа, а позднее Оперод Наркомвоена. С переездом в Москву военных учреждений Оперод свою деятельность не только не прекратил (хотя существовал параллельно с Оперативным управлением ВВС), но, наоборот, расширялся и приобретал новые функции. Приказом народного комиссара по военным делам № 357 от 11 мая 1918 г. Оперод из ведения Московского военного округа перешел в ведение наркомата³. В связи с реорганизацией в отдел были приглашены два специалиста Генерального штаба, а с конца мая началось создание отделений (оперативное, военного контроля, связи, учетное, передвижения и общее; позднее были созданы разведывательное, военно-топографическое, военно-политическое и военно-цензурное). Оперод также вобрал в себя органы военной разведки и контрразведки. Заметную роль в Опероде играли выпускники ускоренных курсов академии.

8 мая 1918 г. на базе ГУГШ (т.е. Генерального штаба) и Главного штаба был создан ВГШ. При реорганизации стремились, очевидно, избежать термина «Генеральный штаб» как буржуазного. Поскольку Всероссийская коллегия по формированию Красной армии со своей задачей в короткий срок не справилась, она также была включена в состав ВГШ⁴. Новый орган был подчинен Наркомату по военным делам, но получился громоздким. Во главе штаба находился Совет из начальника штаба и двух (позднее — трех) комиссаров. Структура ВГШ неоднократно менялась. В составе ВГШ в разное время находились управления: Оперативное (отделы: оперативный, военно-статистический, военно-историческая часть); Организационное (с отделами: общеорганизационным (затем — отчетным или отчетно-организационным); по устройству и боевой подготовке войск; военно-историческим; мобилизационным, по снабжению армии конским составом — два последних позднее выделены в управления⁵); Мобилизационное (с осени 1918 г.; отделы: мобилизационный; обязательной военной службы); по командному составу армии (отделы:

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 3.

² Там же. Л. 706. — 8.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 5.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 173об.

⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 9. Л. 65.

военно-административный; общий; отделение по сбору сведений о потерях РККА; пенсионный; эмеритальная часть; служба внешней связи; особое делопроизводство по предоставлению солдатам сверхсрочной службы должностей; делопроизводство о пособиях; казачий отдел; азиатская часть; этапно-пересыльная часть); военных сообщений (канцелярия, 1, 2 и 3-й отделы; затем вошло в ПШ РВСР) и Военно-топографическое (инспекция работ; геодезический и картографический отделы, северный топографический отдел, юго-западный топографический отдел, западный топографический отдел, среднеазиатский топографический отдел, дальневосточный топографический отдел), а также Военно-учебное управление (политическое отделение, учебная часть, отдел военно-учебных заведений, отдел всеобщего обучения; позднее – Главное управление военно-учебных заведений), управления по всеобщему военному обучению и по ремонту армии (с осени 1918 г.). Кроме того, ВГШ подчинялись Академия Генерального штаба, Центральный военный склад учебных пособий и приборов, а также Военно-историческая комиссия для исследования и использования опыта войны 1914–1918 гг. и для изучения и описания действий Красной армии¹. ВГШ руководили бывшие генералы-генштабисты Н.Н. Стогов, А.А. Свечин, Н.И. Раттэль, А.А. Самойло.

Если ВВС занимался подготовкой к войне с внешним врагом, созданием регулярной армии, то Наркомат по военным делам с Оперодом (заведующий – С.И. Аралов) – преимущественно вопросами борьбы с внутренней контрреволюцией, тогда еще осуществлявшейся партизанскими методами. Деятельность всех этих органов объединял в своем лице Л.Д. Троцкий как председатель ВВС и нарком.

ВГШ решал вопросы организации армии, формирования новых частей и обеспечения армии в административном, организационном и строевом отношении. Оперативное управление ВГШ разрабатывало план обороны страны и развертывания армии, а также основные положения, на которых должны были базироваться создание армии и ее подготовка, исследовало стратегическое положение государства и вело работу по военно-статистическому описанию округов². Управление также систематизировало сведения о численности и дислокации вооруженных сил и об инженерной обороне государства, ведало устройством тыла, занималось переработкой «Положения о полевом управлении войск в военное время», изучением вооруженных сил «новых территориальных единиц, образовавшихся из бывших окраин России», а также изучением иностранных государств в политическом и военно-экономическом отношении³. В связи с созданием ПШ РВСР, где имелось собственное Оперативное управление, в ноябре 1918 г. Организационное и Оперативное управления ВГШ были соединены в одно⁴. Мобилизационное управление ВГШ по утвержденному в сентябре 1919 г. временному положению состояло из двух отделов – мобилизационного и по призывам на военную службу. Управление ведало разработкой мобилизационных планов и призывом, вело учет военнообязанных, состава войск, запасных и конского состава, занималось составлением распоряжений по подготовке призыва, ведало вопросами

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 51. Л. 1; Д. 959. Л. 2; Ф. 6. Оп. 4. Д. 895. Л. 101.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 25. Л. 2.

³ Там же. Л. 2об.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 428.

освобождения и льгот, собирало данные о результатах мобилизации, составляло положения и штаты военкоматов¹. Именно под руководством ВГШ была проведена успешная мобилизация в РККА, давшая к концу Гражданской войны порядка 5,5 млн человек.

Отношения между возникшими в РККА структурами и их руководством складывались непросто. Свою роль играли как ведомственные противоречия, так и личная неприязнь. Конфликты возникали между Наркомвоенном и ВВС, между работниками Оперода и ВГШ (первые позиционировали себя как активных советских работников, считая, что в ВГШ концентрировались саботажники и контрреволюционеры)². В то же время Оперод стал прибежищем для множества сомнительных личностей, в том числе и для агентов антибольшевистских сил. Наконец, глубокий личный конфликт существовал между военным руководителем ВВС Бонч-Бруевичем и И.И. Вацетисом, который в июле 1918 г. возглавил первый фронт Советской России – Восточный³.

Эти противоречия как во время, так и после Гражданской войны выплеснулись на страницы мемуаров и исследований. В советский период подлинная роль и значение каждого из высших органов военного управления РСФСР эпохи Гражданской войны подвергались самому серьезному искажению. Прежде всего, исследователи и мемуаристы стремились принизить роль Л.Д. Троцкого в создании этих органов, поскольку его фигура была фактически исключена из исторического процесса в сталинской интерпретации истории Гражданской войны и упоминалась лишь в крайне негативных выражениях. Уцелевшие ветераны Гражданской войны всячески преувеличивали значение тех учреждений, у истоков которых стояли. Бонч-Бруевич в своих мемуарах рисовал огромное значение ВВС, главком Вацетис, наоборот, принижал и ругал ВВС, но выпячивал роль главного командования, заведующий Оперодом С.И. Аралов и его начальник штаба Г.И. Теодори выделяли значение своей структуры, а их оппоненты считали, что роль Оперода была невелика. Например, сохранились критические суждения участников событий о мемуарах Аралова: «Аралов страшно преувеличивает роль и значение Оперода. По Аралову Оперод являлся главным мозговым, стратегическим оперативным центром страны и штабом по руководству Красной армией. По рассказам Аралова, в Оперод обращались сотни людей, важнейших деятелей нашей партии, государства, Красной армии...»⁴ Несмотря на противоречия, так или иначе все эти органы работали на общее дело укрепления обороноспособности Советской России.

ВВС организовал учет воинских частей, соединил их в отряды завесы под руководством опытных военных руководителей. Силы завесы были сгруппированы на наиболее важных направлениях (Северный участок и Петроградский район завесы, Западный участок и Московский район обороны, позднее постановлением ВВС от 4 августа 1918 г. на основе Воронежского района Западного участка завесы

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 216.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254.

³ Подробнее об их взаимоотношениях: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 79–114.

⁴ ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 21. Л. 47.

был сформирован Южный участок завесы, а 6 августа для обороны от интервентов и белых на Севере был создан Северо-Восточный участок завесы).

Во главе участков стояли военные советы в составе военного руководителя из генералов или штаб-офицеров старой армии и двух комиссаров. В подчинении участков и районов находились отряды завесы, состоявшие из красноармейских, красногвардейских, партизанских формирований. Выпускник ускоренных курсов Николаевской академии В.М. Цейтлин, оказавшийся в штабе военного руководителя Московского района, 20 марта 1918 г. изложил в дневнике свои впечатления от штаба: «Вчера был в штабе военного руководителя Московского района генерала Баиова, не могу сказать, чтобы мне там понравилось. Во-первых, сплошной хаос, но, конечно, это извинительно — самое [начало?], во-вторых, набралось много всякой старой завали Генерального штаба для получения денег, ходят из комнаты в комнату, торгуются из-за мест, — лавочка, да и только»^I.

3 мая 1918 г. был издан приказ ВВС № 37 о развертывании отрядов завесы в территориальные дивизии, получившие наименования по названиям соответствующих губерний, причем предписывалось «ни одной дивизии не формировать из кадров частей бывшей армии»^{II}. Было намечено формирование 28 дивизий (в том числе первоначально 21, а позднее 15 — в завесе^{III}), но в дальнейшем план сократили до 9 дивизий. Военруки отрядов переименовывались в начдивов.

Поначалу в войсках генштабистов практически не было. В докладе о состоянии Воронежского района в первой половине июня 1918 г. отмечалось, что в наличии имелись импровизированные и недисциплинированные отряды, временно увеличивавшиеся в период выдачи жалованья и обмундирования, с неподготовленным командным составом, который не желал никому подчиняться^{IV}. Штабы участков формировались по штатам штабов бригад пехотных дивизий, но при этом имели протяженность в 120 верст по фронту. Кроме того, как писал автор доклада, «обращает внимание полное отсутствие в штабах участков специалистов Генерального штаба, что весьма вредно отражается на элементарной работе штабов»^V.

Помощник военрука Западного участка отрядов завесы бывший генерал Е.З. Барсуков вспоминал, что «требовалось много энергии и больших усилий, чтобы бороться с “партизанщиной” отрядов завесы и придать им организационную форму дисциплинированных воинских частей и чтобы объединить управление отряда в руках командования штаба в Калуге, которого первое время не признавали не только командиры и комиссары из политических работников, но даже и военные руководители из бывших офицеров и генералов Генерального штаба»^{VI}.

22 мая 1918 г. начальник оперативного отдела штаба Западного участка отрядов завесы бывший подполковник А.Н. де Лазари писал начальнику штаба

^I АВИМАИВВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 288; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 328.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 139. Л. 6.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 88, 95.

^{IV} РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

^V Там же. Л. 2об.

^{VI} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954. Смоленск, 2018. С. 576.

по поводу укомплектования кадрами Генштаба: «Есть основание предполагать, что во всех штабах, кроме штаба Смоленского района, работа не налажена, что объясняется недостатком в их составе опытных работников со специальной подготовкой к службе Генерального штаба... некомплект в служащих Генштаба настолько велик, что, если не будут немедленно приняты меры к пополнению его, трудно будет рассчитывать на вполне исправное несение службы Генштаба»¹. Принудительный способ комплектования считался нежелательным, целесообразнее, по мнению автора документа, было сделать службу заманчивой в материальном отношении². Впрочем, от идеи привлечения специалистов окладами решили отказаться.

Войска завесы стали постепенно насыщаться кадрами Генерального штаба. Так, по данным на июнь 1918 г., на Западном участке отрядов завесы генштабисты занимали следующие должности (табл. 24).

Таблица 24

Кадры Генштаба в руководстве Западной завесы (июнь 1918 г.)³

Должность	Участок или отряд										
	Западный участок отрядов завесы	Невельский отряд	Витебский отряд	Смоленский район	Рославльский отряд	Брянский район	Курский отряд	Московский район	Тверской отряд	Ржевский отряд	Вяземский отряд
Военрук	В. Н. Егорьев	С. С. Каменев	Н. А. Жданов (Оршанский отряд) Н. С. Елизаров (Витебский отряд)	А. А. Свечин	Г. К. Ерофеев	П. П. Сытин	В. П. Глаголев	К. К. Баиов	Н. С. Триковский (не ГШ)	К. Н. Алянчиков (не ГШ)	П. Н. Буров
Помощник	Е. З. Барсуков			В. А. Вишневецкий				Л. А. Радус-Зенкович	И. И. Сулимов (не ГШ)		А. В. Смирнов
											А. Н. Суворов
											С. М. Шейдеман

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 55.

² Там же. Л. 55об.

³ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 83. Л. 438.

Должность	Участок или отряд	
	Западный участок отрядов завесы	Невельский отряд
Начальник штаба		А. К. Коленковский
Инспектор артиллерии	Е. З. Барсуков	И. Е. Поливанов (Орша), Н. А. Петров (Витебск)
Для поручений при военруке		В. В. Ступин
Инспектор формирований		П. М. Смоляк, В. В. Шестун
Начальник отдела	А. Н. де Лазари	А. Г. Нацвалов (не ГШ)
		В. Д. Латынин
		К. Н. Зильберман
		Н. Г. Семенов
		П. И. Поляков
		И. К. Серебренников
		Н. С. Махров
		В. В. Сергеев
		Г. Н. Хвощинский
		А. В. Кирпичников, С. К. Сидоровнин

Генштабисты в дивизиях Западной завесы (июнь 1918 г.)¹

Штаб Должность	Штаб Западного участка отрядов завесы	1-я Смоленская дивизия	2-я Смоленская дивизия, штаб Смоленского района	Могилевская дивизия	1-я Орловская дивизия	2-я Орловская дивизия	1-я Курская дивизия	Тульская дивизия	Калужская дивизия	2-я Московская дивизия	Витебская дивизия
Начальник штаба		Н. А. Петров	А. Н. де Лазари	И. Е. Поливанов		В. Д. Латынин	К. Н. Зильберман	В. Е. Волков	В. В. Сергеев	Е. А. Э. Гегстрем	А. К. Коленковский
Для поручений при военном руководителе			В. В. Шестун, П. М. Смоляк								
Начальник отделения	Р. Е. Стокальский, М. А. Дулов, А. Ф. Васильев		В. Л. Баранович, А. И. Кук								
Помощник начальника штаба дивизии по оперативной части		В. Я. Карклин, И. М. Биркан				С. С. Ивановский, С. С. Дьяков		Н. А. Никольский, Л. А. Эверсман (не ГШ)	М. В. Молочанов, И. Н. Полозов	Н. И. Камкин	И. А. Хрыпов
Начальник связи									А. М. Перемытов	Л. И. Дубов	
Заведующий оперативной частью в штабе пехотной бригады						Г. С. Дьяков, И. Р. Гетманцев					

¹ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 83. Л. 564об.-565.

Завеса сыграла важную роль в обеспечении безопасности западных границ Советской России после заключения Брестского мира. Отряды завесы стали одной из составляющих развертывания массовой регулярной Красной армии. Процесс развертывания армии существенно обострил потребность в квалифицированных работниках.

К концу июня 1918 г., как отмечалось в кратком отчете о деятельности РВСР, «армия находилась в периоде организации и представляла собой конгломерат случайных, импровизированных отрядов, не объединенных высшим командованием, она обладала небольшой боеспособностью и была мало пригодна для операций более или менее значительных»¹.

Весной – летом 1918 г. административные полномочия военных властей и комиссаров еще не были в должной степени отрегулированы, что порождало конфликты. В частности, когда нарком советской ревизии М.С. Кедров снял с должности в июне 1918 г. военрука Ярославского округа Н.Д. Ливенцева, это вызвало вопросы со стороны военрука ВВС М.Д. Бонч-Бруевича относительно таких прав Кедрова².

Многие революционные командиры не собирались подчиняться старым офицерам и соблюдать дисциплину. Тем более что старорежимный облик приставленных к таким начальникам генштабистов порой вызывал раздражение. Так, в Рославльский отряд, которым командовал матрос Л.Я. Угрюмов, прислали из Москвы военрука, который появился «в офицерском кителе без погон, но с офицерским Георгиевским крестом в петлице и серебряным академическим значком (двуглавый орел в венке из лавровой и дубовой веток)... Он (Угрюмов. – А.Г.) согласился принять к себе военного руководителя, но просил назначить другого, так как прибывший к нему из Москвы держал себя вызывающе, бравирюя своим орденом Георгия и академическим значком. Этот офицер, уехавший из Рославля, в Москву не возвратился: по одним данным, он убежал на Дон к Деникину, по другим – был убит в поезде по дороге в Москву»³. Речь шла о Г.К. Ерофееве, который действительно бежал к белым.

В некоторых случаях неподчинение проявляли даже генштабисты, а центр проводил назначения в обход непосредственного начальства. Военрук Западного участка отрядов завесы бывший генерал В.Н. Егорьев сообщал о подобных явлениях в телеграмме Бонч-Бруевичу от 8 августа 1918 г.: «Неоднократно словесно [и] письменно я докладывал, что назначение[а] также перемещение старших начальников фронта без моего ведома, тем более вопреки моим протестам лишает меня последней возможности управлять фронтом, кроме того, вносит такой подрыв моего авторитета, что уже были неоднократные случаи [со] стороны некоторых начальников полного несчитания [с] моими приказами. После чрезвычайно вредного для Оршанской дивизии и всех дивизий, расположенных [на] территории Мос[ковско] округа, назначения Жданова военруком московским Вы обещали мне установить [в] вопросе перемещения старших начальников фронта надлежащий порядок.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 26.

³ Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 577.

Между тем приказом наркомвоен 605 Свечин назначен начглавштабом^I, Сытин — военруксмолом^{II}. Эти назначения ясно доказывают, что наркомвоен совершенно не считается [с] моими докладами, не столько [в] смысле личного [ко] мне уважения, сколько [с] условиями, только при наличии коих я могу продолжать нести ответственность [за] жизнь [и] работу фронта. [В] данном случае назначение Свечина признаю отвечающим пользе службы, но освободить его [от] обязанности могу не раньше как [по] прибытии заместителя, сим последним из начдивов фронта могу назначить лишь Каменева при условии, [что] его штаб Коленковский будет назначен начдивом Витебской. Назначение Сытина прошу немедленно отменить, Сытин едва управляется [со] второй Орловской дивизией, и Вам известно, что я уже возбуждал вопрос [об] отчислении его даже [с] его настоящей должности. Назначение его [в] Смоленск, когда там надо пока руководить 4 дивизиями, ему не под силу и принесет такой вред службе, что для меня явится невозможным нести дальнейшую ответственность за этот район. Прошу Вас или настоять [на] немедленной отмене назначения Сытина, или освободить меня, как я прошу уже пятый раз, [от] исполнения моей должности, ибо и без того трудные условия управления фронтом [с] назначением мне помощников, могущих внести только путаницу [в] это управление, делают его для меня абсолютно непосильным. После всех моих докладов Вам [и] Потапову приказ 605 считаю открытым предложением мне уйти немедленно. Уверен, что на сей раз ни Вы лично, ни Вышвоенсовет^{III} не станете меня удерживать, ибо это было бы не только персональным насилием надо мной, но практически вредным [для] препорученного мне дела. Привыкши отдавать все силы ума и воли общественному делу, я в то же время привык находить нравственную поддержку не только [в] доверии, но и [в] уважении высших инстанций, и, определенно лишенный ныне их, я могу дать только заурядную работу без сердца и увлечения. Работа же требуется титаническая. [Из] известных мне лиц меня могут заместить Каменев, Баиов, начдив Калужской [А. В.] Новиков. По увольнении меня [в] отставку даю слово не служить [в] иностранных армиях, [в] том числе [в] Украинской, Донской, Сибирской, против Российской Советской республики, также не принимать активного [или] пассивного участия против основ существующего [в] сей республике порядка»^{IV}.

Замещение должностей Генштаба в войсковых штабах (отряды завесы и дивизии) вызывало большие трудности. До перехода к мобилизации генштабистов их некомплект в РККА был весьма значительным (а когда начались мобилизации, многие из специалистов уже находились в антибольшевистском лагере). По данным на 23 июля 1918 г., из 128 штатных должностей в 20 штабах районов и отрядов завесы были замещены только 66^V. По другим данным общее число замещенных и вакантных должностей Генштаба в РККА было следующим (табл. 26).

^I Начальником ВГШ.

^{II} Смоленским военруком.

^{III} ВВС.

^{IV} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 214–219.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175.

Кадры Генштаба РККА на 23 июля 1918 г.¹

	По штату положено должностей Генштаба	«Могут быть Генштаба»	Замещено	Некомплект
В штабах военных округов	42	98	80	60
В дивизиях и отрядах завесы	422		279	143
В штабах районов завесы	26		20	6
В штабе Восточного фронта	6–10		2	4–8
В оперативном отделе Наркомвоена	12		10	2
В ВВС	11		11	
В Высшей аттестационной комиссии	2		2	
В ВГШ	112		55	57
В Военной академии	65		30	35
В управлении военно- воздушного флота	3			3
Итого	701–705	98	489	В зависимости от методики подсчета 212–216 (исключая категорию «Могут быть Генерального штаба») – 310–314

Таким образом, в некоторых штабах и управлениях некомплект генштабистов доходил до 50–90% штатных должностей. При этом к 24 июля зарегистрированных, но не получивших назначений «лиц Генштаба» было только 18. Преодолеть кадровый голод можно было путем отказа от назначений генштабистов на посты из категории «могут быть Генштаба» и перевода с них генштабистов на должности, замещение которых выпускниками академии было обязательным.

Просьбы о присылке генштабистов в войска завесы напоминали крики отчаяния. В августе 1918 г. А.М. Перемытов из Калужской дивизии просил «несколько человек Ген. штаба, хотя бы из молодых, но энергичных, иначе дело станет»¹, а военрук Калужского района завесы Ф.Ф. Новицкий жаловался: «Я сейчас буквально один»².

Первый призыв в Красную армию прошел 12 июня 1918 г. ВВС наметил план формирования 30 дивизий. Как отмечалось в одном из официальных отчетов, «всеми этими мерами был положен конец произволу и кустарничеству в деле

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 70; Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175об. Таблица с небольшим отличием в итоге опубликована в: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 190.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 128.

³ Там же.

формирования; до того времени формирования новых частей носили беспорядочный и случайный характер, завися в своем успехе от инициативы и изобретательности отдельных лиц, которым эти формирования поручались»^I.

Войска завесы реорганизовались в регулярные части и были расформированы осенью 1918 г. с созданием фронтов и армий. В сентябре 1918 г. были созданы Северный (командующий — Д. П. Парский) и Южный (командующий — П. П. Сытин) фронты, а также Западный район обороны (начальник — А. Е. Снесарев), 15 ноября преобразованный в Западную армию (находилась в распоряжении главкома, в дальнейшем переименована в Литовско-Белорусскую, а затем в 16-ю армию). 8 декабря 1918 г. был создан Каспийско-Кавказский фронт (командующий — М. С. Свечников). Все первые командующие созданными во второй половине 1918 г. советскими фронтами являлись генштабистами.

На плечи бывших офицеров легла вся техническая работа по формированию новой армии. По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, военспецы составляли 85 % командующих фронтами, 100 % начальников фронтовых штабов, 82 % командармов, не менее 91 % начальников армейских штабов, до 70 % начальников дивизий и свыше 50 % начальников штабов дивизий, более 90 % преподавательского состава военно-учебных заведений периода Гражданской войны^{II}, что свидетельствует об их решающем вкладе в дело создания РККА.

Рост численности РККА в результате начавшихся мобилизаций, в свою очередь, требовал большего числа генштабистов. По данным на август 1918 г., комплект генштабистов в штабах РККА был критическим и даже безвыходным. В войсках завесы, по данным В. Н. Егорьева, изложенным в письме председателю Высшей аттестационной комиссии от 13 августа 1918 г., не хватало 65 % сотрудников Генштаба. «И все это по той причине, — писал Егорьев, — что центральные и окружные управления не только отняли в свое время работников от фронта, но и интенсивно продолжают вычерпывать их в настоящем. А между тем на завету возлагаются все новые и новые задачи...»^{III}

В связи с восстанием Чехословацкого корпуса для защиты от интервентов и белогвардейцев постановлением СНК от 13 июня 1918 г. был образован Восточный фронт, на котором к концу августа действовали уже пять армий. С образованием фронта возникла срочная потребность в пополнении его кадрами Генштаба. Впрочем, можно было рассчитывать не на всех. Находившаяся в Екатеринбурге, а позднее в Казани в эвакуации Военная академия оттягивала на себя немало специалистов Генштаба. Штатный профессорско-преподавательский состав ее достигал 65 человек, хотя замещено было 30 должностей. Штат слушателей был увеличен до 450 человек. Академию пытались использовать в качестве источника пополнения штабов кадрами. Согласно приказу народного комиссара по военным делам от 16 июля 1918 г. от академии требовалось откомандировать 80 слушателей в распоряжение Вацетиса для особых поручений^{IV}, но это высшее военно-учебное заведение в июле — августе 1918 г. перешло на сторону антибольшевистских сил,

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 30б.

^{II} Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 198, 208, 210.

^{III} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 269–269об.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 37.

поэтому в полной мере воспользоваться кадрами слушателей, не говоря о преподавательском составе, не удалось. Вацетис вспоминал, что прибывшая в Казань часть академии заняла «если не враждебную, то, во всяком случае, выжидательную позицию. Среди профессуры тоже не нашлось желающих стать в ряды Красной армии»^I.

Главкомандующий фронтом И.И. Вацетис 27 июля 1918 г. телеграфировал председателю ВВС Л.Д. Троцкому: «Прошу командировать в штаб фронта шесть лиц Генштаба, работы очень много, а нас всего три человека»^{II}. Однако ничего сделано не было. 2 августа Вацетис направил возмущенную телеграмму военруку ВВС М.Д. Бонч-Бруевичу с копиями Троцкому и С.И. Аралову: «Я просил прислать мне шесть лиц Генерального штаба и четырех военных инженеров. Вы только теперь, т.е. семь дней спустя после моего заявления о высылке мне вышеозначенных специалистов, снова запрашиваете, каких специалистов мне надо. Проволочка в столь критическое и требующее чрезвычайного напряжения всей наличной энергии время недопустима...»^{III}

Впоследствии Вацетис писал: «Во главе армий стояли совершенно неопытные люди, так что мне приходилось руководить не только армиями, но и их отдельными боевыми участками. Мною были затребованы через военрук[а] Высшего военного совета шесть опытных Генерального штаба и четыре военных инженера для укрепления Казани. Но ни те, ни другие на фронт не прибыли»^{IV}.

Добиться присылки дефицитных генштабистов не мог не только Вацетис, но и сам нарком Троцкий, который 26 августа 1918 г. телеграфировал своему заместителю Э.М. Склянскому из штаба 5-й армии: «Я распорядился уже две недели тому назад выслать в мое распоряжение несколько генштабов, в частности предлагая не менее трех из состава Вывоенсовета»^V. На это я никакого ответа не получил, между тем кризис командного состава во всей своей силе. Предлагаю Вам принять самые энергичные, если нужно, суровые меры, доставить в Арзамас необходимое количество генштабов»^{VI}.

Ближайшим помощником Вацетиса являлся бывший капитан-курсовик П.М. Майгур, служивший начальником оперативного отдела штаба 3-й армии и ставший, несмотря на неопытность, начальником штаба Восточного фронта, а затем на короткий срок и начальником Штаба РВСР. Как вспоминал Вацетис, «впоследствии я несколько не жалел об этом своем выборе. Тов. Майгур явился для меня тем честным и добросовестным помощником, который так необходим главнокомандующему в его разнообразной и трудной работе. Правильно понимая работу Генерального штаба в боевой обстановке, тов. Майгур не обладал кичливым самолюбием, и если разработанные им планы боевых действий или организационных мероприятий не отвечали моим намерениям, а приводимые им доводы не убеждали меня и я продолжал оставаться при своем решении — он без всякого оскорбленного самолюбия откладывал свой разработанный план

^I РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 399.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 26.

^{III} Там же. Л. 44.

^{IV} РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153. Л. 9об.

^V ВВС.

^{VI} РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 38. Л. 293.

в сторону и с неменьшей энергией и добросовестностью принимался за разработку нового плана, согласно моих указаний. Это – великая черта отличного генштабиста. Благодаря этому мы всегда легко находили и общий язык, и быстрое понимание друг друга»^I.

Выпускники ускоренных курсов академии сыграли заметную роль в боях под Казанью. Видный партийный военный работник К. А. Мехоношин сообщал В. И. Ленину 11 августа 1918 г. в связи с падением Казани: «Молодые генштаба и командный состав доблестно сражались в рядах Красной армии»^{II}. В тот же день Л. Д. Троцкий издал приказ по Красной армии и Красному флоту № 21: «В полученных мною донесениях указывается, что многие молодые генштабы (т. е. “офицеры Генерального штаба” последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались геройски. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых “генштабов” немало таких, которых революция связала с рабочим народом и советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и Крестьянскую Красную армию возрожденной России»^{III}.

По данным на август 1918 г., в штабе Восточного фронта имелись только 4 генштабиста и 1 слушатель академии, в штабе 1-й армии – 2 слушателя, в штабе 5-й армии – 7 слушателей, в штабе 2-й армии вообще не было ни одного генштабиста или слушателя академии^{IV}. Боевым опытом обладали лишь четверо генштабистов, причем все они служили в штабе фронта. На сентябрь 1918 г. имевшиеся в 3-й армии генштабисты были «до смерти измучены»^V.

Бывший полковник Н. В. Соллогуб в беседе с председателем Высшей военной инспекции Н. И. Подвойским 14 августа 1918 г. сообщил: «Должен сказать, что в Казани, когда я приехал, из лиц Генерального штаба в штабе фронта был я один и положение было таково, что там не имели сведений ни о том, где наши войска, ни где войска противника, и для того, чтобы поставить штаб фронта на должную высоту, я предложил разрешить пригласить бывших офицеров, как интеллигентных работников, которые сколько-нибудь знают работу, причем я оговорил, что так как не желаю, чтобы меня обвиняли в сепаратных стремлениях, то всех офицеров я провожу через губернский комиссариат, который дает справку, насколько они замешаны или не замешаны в каких-нибудь организациях. Я так сделал и получил, в конце концов, более или менее организованный штаб»^{VI}.

25 августа главнокомандующий Восточным фронтом Вацетис телеграфировал начальнику ВГШ А. А. Свечину с копиями Троцкому и Аралову: «В опытных работниках на фронте ощущается острый недостаток, и вся работа держится на нескольких слушателях академии. Генштабистов [с] боевым опытом имеется всего четыре человека, которые все работают [в] штабе фронта, в армиях же таковых

^I РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 338.

^{II} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 160. Л. 64.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 23. Л. 29. Также см.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 35. Л. 26–26об.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 94.

^V Там же. Л. 163.

^{VI} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 2–3.

совершенно нет... Опытных генштабистов в армиях совершенно нет, отчего сильно страдает управление войсками, ибо его поневоле приходится отдавать в руки неопытных людей. Несмотря на мои многократные просьбы о командировании на фронт генштабистов, я не только не получаю таковых, но даже сформированные бригады и дивизии прибывают на фронт без своих штабов, которые почему-то остаются в тылу на местах, и войска здесь попадают под руководство совершенно чуждых им начальников. Убедительно прошу войти в тяжелое положение армий фронта и командировать достаточное число опытных генштабистов для работы во всех армиях по оперативным вопросам и по управлению войсками»¹. Вацетис просил прислать ему 16 генштабистов выпусков 1906–1912 гг., так как, по его мнению, последние выпуски академии «обладают большим опытом [и] знанием»², а также пять старых генштабистов³.

Еще в августе 1918 г. большевистское руководство озаботилось вопросом рационального использования специалистов Генерального штаба. 16 августа отделение по службе Генштаба ВГШ обратилось в Наркомат по военным делам по поводу того, что назначения на должности Генштаба происходили без ведома начальника ВГШ. «Такой порядок следует признать крайне нежелательным, так как при постоянно поступающих требованиях экстренных командирований специалистов Генерального штаба обыкновенно посылаются срочные телеграфные запросы тем из лиц Генерального штаба, кои зарегистрированы в Оперативном управлении как не получившие назначения, между тем очень часто выясняется, что указанные выше лица Генерального штаба уже состоят на службе, причем ни штаб, ни учреждение, в котором они получили назначения, ни они сами не поставили об этом в известность Оперативное управление, где ведется учет всем специалистам Генерального штаба. Такое положение дела сильно тормозит срочность назначений специалистов Генерального штаба на разного рода должности и экстренные командировки.

Кроме того, многие штабы, преследуя свои местные личные интересы, самостоятельно принимают специалистов Генерального штаба и на должности не Генерального штаба (на которых, согласно штатам, “может быть Генерального штаба”), причем в этих же штабах низшие должности Генерального штаба с небольшим окладом содержания часто остаются незамещенными.

В то же время существуют штабы, где число незамещенных должностей достигает 90 %. Такое неравномерное распределение по штабам и учреждениям специалистов Генерального штаба крайне нежелательно, но неизбежно при существующей постановке вопроса.

Вследствие изложенного, представляется, казалось бы, необходимым сосредоточить назначения на должности и перемещения специалистов Генерального штаба в одном месте, с тем, чтобы должности Генерального штаба в военных штабах и управлениях замещались только из числа лиц Генерального штаба, зарегистрированных, согласно постановления Высшего военного совета от 11 июля сего года, в Оперативном управлении Всероссийского главного штаба, и при согласии

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 94–95.

² Там же. Л. 108.

³ Там же. Л. 106.

на таковое замещение начальника Всероссийского главного штаба. Только при этом условии можно будет произвести равномерное распределение лиц Генерального штаба по штабам и должностям и провести последовательное перемещение специалистов Генерального штаба с должностей, могущих быть занятыми лицами не Генерального штаба, на должности, подлежащие обязательному замещению лицами Генерального штаба»^I.

В результате этого обращения 21 августа 1918 г. был издан приказ Наркомата по военным делам № 721, в котором «в целях равномерного распределения лиц Генерального штаба по всем штабам и управлениям» публиковались правила о назначениях на должности Генерального штаба. Правила подлежали срочному исполнению, «для чего все военные руководители, начальники штабов и управлений незамедлительно обязаны приступить к постепенному переводу лиц Генерального штаба и тех, кои могут замещаться лицами Генерального штаба, на должности, подлежащие, согласно штатов, обязательному замещению лицами Генерального штаба»^{II}.

Правила были следующими:

«1) Должности Генерального штаба во всех штабах и управлениях замещаются исключительно из числа лиц Генерального штаба, зарегистрировавшихся в Оперативном управлении Всероссийского главного штаба согласно постановления Высшего военного совета от 11 июля с.г.

2) Назначения, перемещения и увольнения лиц Генерального штаба происходят только с согласия и ведома начальника Всероссийского главного штаба.

3) В целях правильного и равномерного распределения лиц Генерального штаба, таковые могут назначаться только на должности, которые по штатам подлежат обязательному замещению лицами Генерального штаба, причем должности, на которых могут быть лица Генерального штаба, подлежат замещению лицами не Генерального штаба впредь до замещения всех должностей Генерального штаба.

4) О назначениях, перемещениях и увольнениях лиц Генерального штаба в Оперативное управление Всероссийского главного штаба должны поступать от штабов военных округов, штабов военных советов участков завесы и главных управлений соответствующие сношения или телеграммы, содержащие все данные, необходимые для составления статей проекта приказа Народного комиссариата по военным делам, согласно приказа Народного комиссариата по военным делам от 24 июня сего года № 475»^{III}.

Тем же приказом при ВГШ 21 августа 1918 г. был учрежден резерв чинов Генерального штаба на 50 человек, в который зачислялись, ожидая назначения на должность, все попадавшие на учет бывшие офицеры Генштаба. В распоряжении начальника ВГШ можно было находиться до двух месяцев, в течение которых специалисты по заключению аттестационной комиссии должны были получить назначение. Этот резерв продолжал существовать и в 1919 г., однако в связи с острой потребностью в генштабистах он был необходим лишь для немногих бывших офицеров, находившихся не у дел^{IV}. Резерв этот являлся прямым наследником

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 90. Л. 6–6об.

^{II} Там же. Л. 5.

^{III} Там же. Л. 5об. Также см.: Военное дело (Москва). 1918. 06.09. № 14. С. 15.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 4; Д. 1124. Л. 19.

резерва чинов при начальнике Генерального штаба, существовавшего в Советской России вплоть до лета 1918 г. Было бы упрощением отнести его к РККА. Прежний резерв был создан для «образования запаса лиц Генерального штаба из числа оставивших должность в действующей армии для различных поручений, вызываемых обстоятельствами военного времени»¹. В качестве обоснования потребности в резерве чинов при ВГШ отмечалась необходимость обеспечить формирование новых штабов, выполнение разного рода поручений и назначений. «Так, в последнее время в самом срочном порядке требовались назначения: в Псков — для участия в работах русско-германской пограничной комиссии, в Берлин — для участия в мирных переговорах с Финляндией, в Архангельск — для работ с народным комиссаром М. Кедровым, во вновь формируемый штаб главнокомандующего Восточным чехословацким фронтом, руководителей полевых рекогносцировок в районе Москвы, в штабы районов и отрядов, в междуведомственные комиссии и т.д. ... Отвлечение для этих целей лиц Генерального штаба, занимающих штатные должности в центральных управлениях или в войсковых штабах, является нежелательным, ввиду явного ущерба от этих командировок для порученного им прямого дела, а часто даже и невозможным, так как теперь самые ответственные функции выполняются одним лицом Генерального штаба, не имеющим себе заместителя — помощника, ввиду большого некомплекта лиц Генерального штаба во всех штабах и управлениях»².

Офицеры, состоявшие в таком резерве, значились в документах как находившиеся в распоряжении начальника Генерального штаба. До большевиков их учетом ведала канцелярия отдела по устройству и службе войск ГУГШ. Однако по инерции решение связанных с резервом Генштаба вопросов даже в конце весны — летом 1918 г. продолжалось через прежнюю канцелярию, хотя новой властью 8 мая 1918 г. был создан альтернативный орган управления — ВГШ, в состав которого вошло и прежнее ГУГШ. Список «лиц Генштаба», состоявших на лето и даже осень 1918 г. «в распоряжении начальника Генерального штаба», включал знаковые фигуры российской Гражданской войны — генералов Н.Н. Головина, М.И. Занкевича, Е.К. Миллера, С.Н. Розанова, Г.Д. Романовского. Все они вскоре выдвинулись на первый план в антибольшевистском лагере. Были в этой категории и офицеры, некоторое время в 1918 г. действительно служившие большевикам. Тем не менее фактически этот резерв (до 50 военспецов) не имел прямого отношения к РККА, а являлся рудиментом прежней армии, в котором по инерции продолжали состоять ранее числившиеся там офицеры (кто-то находился при этом даже за пределами России), кстати, в основном противники большевиков. Нельзя не отметить затруднительность точного учета тех, кто, к примеру, служил у красных, но не числился в списках Генштаба, и тех, кто в этих списках числился, но по факту у красных не служил.

Горячее обсуждение вызвал вопрос о необходимости создания в Красной армии Генерального штаба. По воспоминаниям Н.М. Потапова, «раздавались иногда любопытные замечания. Так, когда был поднят вопрос о том, что наряду с Главным штабом, ведающим, главным образом, вопросами комплектования и службы

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117. Л. 68.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 66–66об.

комсостава, нужно иметь еще для военно-оперативной работы Генеральный штаб, раздавались замечания: «Мы ликвидировали генералов, а хотим оставить Генеральный штаб!»... Быть может, это замечание и не оказало никакого влияния на решение данного вопроса, но все же в результате голосования было принято, вместо двух органов, создание одного тяжеловесного и громоздкого аппарата, в виде Всероссийского главного штаба»¹.

Утопическая идея мощного независимого Генерального штаба, вдохновленная примерами Германии и Австро-Венгрии, была мечтой многих русских генштабистов первой четверти XX в. Считалось, что такая система позволит сделать военное управление более эффективным, даст возможность Генштабу контролировать разные сферы жизни государства и сообщать свои взгляды напрямую высшему руководству страны. Однако этот вопрос носил политический характер, сводясь к проблеме доверия специалистам со стороны власти. В годы Гражданской войны эта проблема стояла особенно остро, поэтому создание сильного Генерального штаба в Советской России в условиях однопартийной диктатуры было невозможно. Возникновение такого органа могло привести к перехвату власти у РКП(б) военспецами-генштабистами, чего партийное руководство позволить не могло. Тем не менее обсуждения этой темы на страницах военной печати не прекращались, а различные проекты такого рода затрагивались в докладах, поступавших к председателю РВСР Л.Д. Троцкому.

С возникновением ВГШ обсуждение вопроса о создании Генерального штаба не прекратилось. Целая серия статей на эту тему вышла в 1918–1920 гг. в журнале «Военное дело». Странником мощного Генштаба был видный военный ученый бывший генерал А.А. Свечин. В докладе на Первом Всероссийском съезде представителей советских командных курсов в 1918 г. он заявил: «Мы, пережившие опыт революции, должны следить, чтобы в этой революции не было постоянного хаоса из-за постоянного изменения техники, а для этого нужно, чтобы у революции был свой Генеральный штаб. И каждая революция, как вам известно, имеет свой штаб и свою партию. Так вот Генеральный штаб и является партией и штабом постоянной революции в военном искусстве... Если бы меня в 1903 г. начали учить только ремесленной стороне Генерального штаба, то, очевидно, меня пришлось бы сдать давным-давно в архив... Если я могу действовать, если я являюсь деятелем революции военного искусства, то это потому, что я знаком был не только с техникой и ремесленной частью Генерального штаба... У нас революция столкнулась с вопросом о Генеральном штабе. Кто у нас сейчас Генеральный штаб? Я лично думаю, что те творческие силы в революции, кто ведает реформой армии, кто изыскивает на полях сражения новые способы, кто организует армию по-своему. У нас Генеральный штаб — это комиссары. Прежде всего, Троцкий представляет собою начальника Генерального штаба. Еще т. [И.Л.] Дзевялтовский, т. Склянский, т. Подвойский, которые, в сущности говоря, люди, имеющие власть, которые организованы между собою и которые держат все нити, которые часть специальной работы штаба взяли на себя»². Подобные лестные для большевистского руководства высказывания были отчасти справедливы. Можно только

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.

² Постигание военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М., 2000. С. 219–222.

удивляться проницательности Троцкого и других партийных руководителей РККА в организационных и административных вопросах. Нельзя не отметить, что их способности получили признание и в лагере противника¹.

Отдельные военспецы понимали вопрос о Генеральном штабе буквально доктринерски. Ярким выразителем такого взгляда являлся бывший генерал В.Е. Борисов, в прошлом сподвижник генерала М.В. Алексева. Борисов рьяно отстаивал необходимость создания мощного самостоятельного Генерального штаба, хотя в условиях Гражданской войны в Советской России сложилась оптимальная система органов центрального военного управления, вполне справившаяся с поставленными перед ней задачами.

Борисов и бывший генерал-майор Д.К. Лебедев в докладе председателю Высшей военной инспекции от 10 декабря 1918 г. о ВГШ сообщали, что деятельность управлений штаба не была никем объединена, а начальник ВГШ был из-за разнобразия и разнородности подчиненных управлений лишь «механическим» управляющим, а не «начальником», объединяющим порученное ему дело по идее².

Авторы отметили немало недостатков советской военно-административной системы. В частности, то, что «совершенно разнородные и крайне сложные деятельности Главного и Генерального штабов, одна чисто административная, другая – чисто идейная, слиты вместе и перемешаны между собою вопреки всем опытам военных управлений иностранных армий, вопреки опыту военной истории. Опыт указывает, что при слиянии в одном лице, в одном управлении, в одной канцелярии деятельно[сте]й административной, хозяйственной и идейной первые две тотчас же подавляют третью, которая попадает в подчиненное им положение и понемногу атрофируется. Но зато и административная и хозяйственная, разрастаясь, разбухая, мало-помалу, не руководимые идеей, утрачивают понимание своей работы и превращаются в то, что принято характеризовать “канцелярщиною”, где переписка ведется не ради дела, а ради исполнения номеров и аккуратного пребывания в канцелярии. Это не “саботаж”, а бездушная работа, именно из-за утраты идеи, а с ней и руководящих начал»³. Мысль о необходимости создания Генерального штаба Борисов продвигал и далее, подготовив 5 января 1919 г. специальную записку на имя Троцкого под кричащим названием «Катастрофическое состояние нашего Генерального штаба»⁴.

3 января 1919 г. Борисов писал управляющему делами Высшей военной инспекции о «той бездеятельности Генерального штаба, которая теперь поражает всех тех, кто знает и понимает, что может дать работающий и правильно веденный Генеральный штаб. Функции Генерального штаба настолько важны для боевого организма, что все великие полководцы, как великие мастера военного дела, всегда начинали создание боевого организма (“машины для побед”) с организации Генерального штаба, как непосредственного помощника в работе полководца,

¹ Высоко оценивал организационные способности Троцкого генерал В. З. Май-Маевский, видевший в них одну из причин неудачи вверенной ему Добровольческой армии осенью 1919 г. (Ненюков Д. В. От мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920. М., 2014. С. 420).

² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 217.

³ Там же. Л. 217об.–218.

⁴ Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 550–559.

и Генеральный штаб, нося то или иное название (ордонансовых офицеров, квартирмейстеров, окольных, есаулов и т.п.), существовал во всякой правильно веденной армии. Наполеон называл его “существенным нервом организации большой армии”.

У нас же творится что-то непонятное с высказанной точки зрения: идет последовательная, упорная замена этого “существенного нерва” составом, который, по меткому выражению Драгомирова (на вопрос – может ли ген. Н. сидеть в Военном совете), – “сидеть может, но советов давать не может”. Мы соединили две совершенно различные деятельности, Главный штаб с Генеральным, возложили сложнейшие обязанности начальника Главного штаба и еще более сложные обязанности начальника Генерального штаба на одно и то же лицо, что физически невыполнимо. Стоит зайти на минуту в кабинет начальника Всероссийского главного штаба, чтобы понять, что та масса работы, которую он выполняет по текущей жизни у стола и телефона, делает невозможной идейную работу начальника Генерального штаба. Это один удар, который мы нанесли Генеральному штабу, оставив его как оркестр без капельмейстера. Оркестр же, составленный хотя бы из талантливейших музыкантов, без капельмейстера будет лишенным души. Второй удар мы нанесли очень недавно: 13 ноября. Мы, лишив оркестр капельмейстера, присоединили этот оркестр к кузнице, причем уничтожили даже название: “оркестр”, а называли “счетоводство”. Штатом 13 ноября мы присоединили Оперативное управление Генерального штаба к Организационному и назвали его “Отчетным”. Если меня, офицера Генерального штаба, назвать попом и окружить священными книгами, то странно претендовать на отсутствие с моей стороны деятельности Генерального штаба.

Так Генеральный штаб лишен руководителя и загнан в подвал. Это живо отзывается ежеминутно (в признании “ежеминутности” нет утрировки, невыгоды для армии даже “ежесекундны”, как всегда в деле выработки идей) на всем организме армии. Мольтке, в критический момент операций, созывал к себе Генеральный штаб всех войсковых штабов, давал словесные разъяснения, и эти “нервы” сейчас разъезжались и моментально направляли работу всех штабов к единой боевой цели. При нашей разрухе это необходимо еще в большей степени – это механизм, действующий мгновенно и с полным знанием дела военного во всех его разветвлениях¹. В итоге Борисова освободили от председательствования в комиссии по инспекторанию ВГШ.

В речи на совещании редакторов и сотрудников военных изданий в феврале 1919 г. вождь Красной армии Троцкий откровенно посмеялся над доктринерством бывшего генерала: «Тут один из сотрудников журнала», В. Борисов, категорически заявил нам, что сколько бы мы ни мудрили, но без начальника Генерального штаба все равно ничего не выйдет... Но что есть начальник Генерального штаба? Это, видите ли, некий индивидуум, который должен все учесть, проверить, распределить, всему указать место и значение... Простите, пожалуйста, но от такой философии истории можно прийти в полное уныние. Откуда же взяться этому провиденциальному начальнику Генерального штаба, ежели у вас нет идей Генерального

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 373–373об.

² «Военное дело».

штаба или, вернее, основных руководящих идей формирования армии и ее применения к действию? Вы ко всем вопросам фактической жизни нашей армии — той, которая ныне существует и растет, — стоите спиной. Воздыхания во славу грядущего спасительного начальника Генерального штаба только выражают идейную беспомощность: это пассивный бонапартизм крайне растерявшихся людей. Повторяю: можно, кому это нравится, сидеть в келье под елью, выжидая появления начальника Генерального штаба. Но человек, сидящий под елью, не может руководить военным журналом»¹. Не случайно о военспецах типа Борисова Троцкий сказал: «Безжизненные педанты, которые показывают истории спину и выжидают пришествия мессии от Генерального штаба»². И действительно, между Борисовым и Троцким существовала огромная мировоззренческая пропасть.

И у Л. Д. Троцкого, и у В. И. Ленина к концу 1918 г. уже сложилось свое видение структуры высших органов военного управления, вполне сформировавшихся к этому времени в их окончательном виде на период Гражданской войны. Любое радикальное преобразование, тем более исходившее от военспецов, нарушало только что выстроенную с немалым трудом систему. И в виде наиболее негативных последствий было чревато неудачами на фронте и выходом армии из-под контроля. К тому же при реализации предложения Борисова в Советской России возникал мощный Генеральный штаб, во главе которого подразумевалось наличие военного специалиста, что могло привести к техническому захвату военного управления «бывшими» или к развитию событий по бонапартистскому сценарию. Искушенные в политической борьбе большевистские вожди должны были оценивать любые проекты военных реформ в первую очередь с точки зрения их рисков для созданного ими режима, а уже затем с точки зрения практической целесообразности. Следовательно, подобные предложения были заведомо обречены на провал. Рупором идеи создания Большого Генерального штаба как паицеи от всех трудностей военного строительства был журнал «Военное дело».

Критик этих идей констатировал: «Больной мозг старого Генерального штаба, продукт работы которого в виде идей постепенно заполняет черепную коробку нового Генштаба... совершенно не отдает себе отчета в том, что болезнь его органическая, неизлечимая, и что он, этот мозг, должен умереть той же бесславной смертью, которой умер ряд других органов старого военного организма... Наблюдающаяся картина борьбы умирающего мозга за самосохранение настолько рельефно выражена и настолько понятна сама по себе трезвому взгляду, что не требует пояснений»³.

В своей работе «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» Л. Д. Троцкий не без ехидства отметил: «Читая статью Соломина⁴, невольно

¹ Троцкий Л. Д. Какой военный журнал нам нужен? // Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. С. 155.

² Там же. С. 156.

³ Батенин Э. С. Генеральный штаб // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1. Сентябрь. С. 73–74.

⁴ Речь идет о статье: Соломин С. К вопросу о реорганизации Красной армии // Военная наука и революция. Военно-научный журнал (Москва). 1921. Кн. 1. Июль — август. С. 18–22. Под псевдонимом Соломин скрывался видный большевистский военно-политический деятель С. И. Гусев — см.: Дневник А. Е. Снесарева. 1921 г. Л. 1170 (Архив семьи Снесаревых (Москва)). Сам Гусев также не скрывал авторства (Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 130). Статья стала предметом специального разбирательства на заседании РВСР 22 ноября 1921 г. (Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923: Сб. док. М., 2000. С. 254–255).

вспоминаю юмористическую фигуру начетчика военной доктрины, генерала Генерального штаба Борисова. Какой бы вопрос ни обсуждался, Борисов неизменно поднимал два пальца, чтобы иметь возможность сказать: “Вопрос этот может быть разрешен только в кругу других вопросов военной доктрины, а посему прежде всего надо установить должность начальника Генерального штаба”. Из чрева этого начальника Генерального штаба должно произрасти древо военной доктрины и принести все необходимые плоды, примерно как это произошло в древности с дочерью восточного царя. Соломин, подобно Борисову, воздыхает, в сущности, об утерянном рае устойчивых предпосылок “военной доктрины”, когда известно было за десять, за двадцать лет, какие враги, откуда и как угрожают. Соломину, как и Борисову, нужен универсальный начальник Генерального штаба, который собрал бы воедино черепки разбитой посуды, поставил на полку и наклеил ярлыки: вариант “и”, вариант “р” и пр., и пр.»¹. Борисов был продуктом своей эпохи. И то, что казалось забавным и архаичным Троцкому как формализм и шаблонность, генералом М. В. Алексеевым, например, воспринималось серьезно. В конечном счете, большевистские лидеры продемонстрировали бóльшую дальновидность в магистральных вопросах организации регулярной армии, чем их оппоненты из белого лагеря.

Еще один проект создания Всероссийского Генерального штаба принадлежал бывшему генералу М. Д. Бонч-Бруевичу². Последний видел себя на посту начальника Генштаба, что и порождало подобное конъюнктурное прожектерство. 21 декабря 1919 г. он составил доклад на эту тему, направленный В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому. В документе отмечалось, что «в настоящее время главнокомандующий самостоятельно руководит действиями Красной армии против неприятеля на фронтах и, кроме того, входя членом в Реввоенсовет, — как будто принимает участие в идейной работе военного строительства. На самом деле работа главнокомандующего по управлению фронтами столь обширна, что главному даже недюжинных военных способностей и с обширной боевой практикой очень трудно справиться с таким делом. Ввиду этого участие главнокома в военном строительстве следует признать фиктивным; главному едва хватит времени только на то, чтобы дать свое заключение по некоторым наиболее важным проектам, поступающим в Реввоенсовет, и это он исполнит несомненно с явным ущербом для руководства ведением полевых операций фронтами и отдельными армиями. Именно недостатком управления со стороны главнокома и объясняются наши неискusstvenные действия под Вильно и Минском; по причине поверхностного руководства главнокома Южным фронтом этот фронт подвергся разгрому со стороны Деникина; неблагоприятие под Петроградом также создалось как следствие недостаточного руководства со стороны высшего командования»³.

Бонч-Бруевич раскритиковал не только главнокома, но и ВГШ: «Главный штаб как орган исполнительный целиком поглощен текущими делами и в идейном отношении

¹ Троцкий Л. Д. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство // Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1925. Т. 3, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы. С. 234.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 241–242об., 304–311об.; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 7–14; ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 423. Д. 2. Л. 1–8.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 305–305об.

являет лишь случайное творчество, вытекающее из его собственного частного почина или возникающее по заказу свыше. Кроме того, личный состав Главного штаба подобран в соответствии с исполнительно-административной деятельностью, а потому к творческой работе по обороне страны он вовсе не пригоден»^I.

Бонч-Бруевич выступал за создание органа, который бы занимался разработкой оснований развития и пополнения армии, общего плана обороны страны, мер повышения качества войск и командного состава, изучал материалы НКВД, руководил работой военной разведки и контрразведки, объединял службу «лиц Генштаба», руководил Академией Генштаба, направлял деятельность комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.^{II} К проекту прилагалось подготовленное положение о начальнике Всероссийского Генерального штаба, а также штат управления. Позднее Бонч-Бруевич даже выступил на эту тему в печати^{III}, но своего не добился.

Вопрос о необходимости начальника Генерального штаба оказался среди ключевых пунктов обсуждения в 1920 г. Отголоски дискуссии попали на страницы военно-научных изданий^{IV}. Автор, пожелавший остаться неизвестным, писал: «У нас есть отдельная каста, есть генштабисты, есть военспецы и т.д., но нет Генштаба в полном смысле этого слова, а он должен быть создан... До настоящего времени не было и нет у нас определенного, установившегося взгляда на специальную службу Генштаба; в результате генштабист — это какой-то ходячий диплом, удостоверение на какую-то универсальность, равнопригодность по всем специальностям»^V.

Положение бывших офицеров в новой армии было непростым. Комиссары и красноармейская масса относились к ним с недоверием, как к заведомым врагам и контрреволюционерам. Красные командиры, окончившие военно-учебные заведения в Советской России, считали бывших офицеров своими конкурентами в борьбе за командные посты, относились к ним враждебно, интриговали против них, пользуясь своей близостью к власти и партийными связями. Видный военспец А. А. Свечин сообщил в показаниях по делу «Весна»: «С самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне, как к бывшему генералу, отчего возникало известное расхолаживание в сознании бесплодности моих усилий»^{VI}. Свидетельствовал об этом и бывший генерал М. В. Фастыковский, рассуждавший в показаниях в 1937 г. о событиях лета 1919 г. на Украине: «Высшие командные и военно-административные должности занимались везде людьми, или совершенно не знакомыми с военным делом, или знакомыми с ним весьма мало. Грамотные в военном деле лица занимали незначительные сравнительно должности и не пользовались ни доверием, ни авторитетом. Результатом этого были грубые ошибки на фронте и сопряженная с потерей времени и средств отсебятина в тылу, в военкоматах»^{VII}.

^I Там же. Л. 305об.

^{II} Там же. Л. 306–306об.

^{III} Бонч-Бруевич М. Д. Нужен ли начальник Генерального штаба во время войны? // Военное дело. 1920. 01.03. № 1 (65). Стб. 5–7.

^{IV} Военное дело. 1920. № 1, 3, 7.

^V В. Ц. Еще о начальнике Генерального штаба // Военное дело. 1920. 10.04. № 7 (71). Стб. 199.

^{VI} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 10.

^{VII} Цит. по: Голдин В. И. Лихолетье: Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 178. Сверено с оригиналом: Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-14080. Фастыковский М. В. Л. 18об.–19.

Для понимания положения генштабистов в советских штабах показательным полуграмотное заявление сотрудников всех отделов штаба 9-й армии помощнику командующего армией П.Е. Княгницкому (негенштабисту) от 13 ноября 1918 г. против буржуазных специалистов (сохранены орфография и пунктуация оригинала): «Товарищ Княгницкий, мы к вам обращаемся как к дорогому нашему товарищу, который стоял и стоит на нашей стороне и защищает наши права и улучшает наше положение. Просим Вас избавит нас от того, на что мы все товарищи сотрудники штаба 9-й армии не можем смотреть и работать с такими лицами, которые неизвестно каким случаем попали в число нас, трудящихся пролетариатного класса и военнообязанных сотрудников, класс буржуазный, который вечно эксплуатировал наш труд и ненавидит нас за то, что мы им сказали: долой эксплуататор, мы и без вас управимся, нет вам места среди нас. А теперь наши товарищи без ведома нас и не зная почему, принимают их в те учреждения, где ведется и имеется секрет наших действий против контрреволюции.

Мы этим даем возможность контрреволюции узнавать через них то, что у нас делается в штабе. Мы думаем не место в таких учреждениях буржуазному классу и просим Вас поспособствовать в том, чтобы принять в этом самые решительные меры, устранить таковых от должностей военных и впредь не принимать, чем и облегчите нас от тех, которые всегда хотят создать нам вред, а не пользу^I.

Важнейшей задачей большевиков было выстраивание мощной армии, в которой, несмотря на приоритетное положение партии, должен был все-таки существовать некий баланс интересов комиссаров и военспецов (при том, что буйные головы встречались как среди одних, так и среди других), поскольку было ясно, что одним принуждением эффективную армию не построить. При этом многие бывшие офицеры служили в Красной армии отнюдь не из-под палки.

Военрук Северо-Кавказского военного округа бывший генерал А.Е. Снесарев писал супруге 7 июля 1918 г. из Царицына: «Мое настроение – среднее, но ближе к спокойному: работы очень много и пробуешь сделать что-либо доброе, но много трений, условностей, препон. Прежнее недоверие к нам, по-видимому, совершенно исчезло и спряталось где-то внизу в тайниках совершенно темного люда, но все же во многих отношениях мы остаемся чужими людьми, которые не понимают других и не понимаемы этими другими. При нашей интеллигентности и искреннем желании помочь, мы многие из трений удаляем легко»^{II}.

Вопросы несения службы работниками высших штабов (от Ставки до штабов дивизий включительно) в старой и белых армиях регулировались «Положением о полевом управлении войск в военное время», изданным в 1914 г.^{III} Этот документ сохранял значение и в РККА. В начале сентября 1918 г. Наркоматом по военным делам было издано распоряжение о его переработке^{IV} с учетом изменившихся условий. Над новым положением работала специально созданная комиссия, в которую вошли военспецы-генштабисты (в частности, Н.С. Елизаров). Аналогичное

^I РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 12. Л. 12.

^{II} Архив семьи Снесаревых.

^{III} Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

^{IV} Полов В. И. Справочник-указатель декретов, постановлений, приказов и др. распоряжений по Красной армии. Саратов, 1920. С. 647. Выражаю благодарность к. и. н. А. А. Симонову за предоставленную копию данного издания.

«Положение» для РККА было утверждено РВСР 26 декабря 1918 г. и увидело свет в Петрограде в 1919 г.^I В новом «Положении» был устранен ряд недостатков до-революционного аналога. Во главе фронтов находились реввоенсоветы в составе командующего и двух комиссаров. В подчинении РВС находились штаб фронта, трибунал, политотдел, военный контроль, начальники снабжения и санитарной части, управления инспекторов родов войск. В штабах фронтов создавались управления: оперативное (в составе отделений: оперативного, разведывательного, общего и связи, морского, топографического, начальника авиации и воздухоплавания), административное (отделения: инспекторское, организационное, по укомплектованию, канцелярия, журнальная и комендантская части, типография, литография), начальника военных сообщений^{II}.

Полевые управления армий были организованы аналогичным образом, но вместо управлений в них были отделы. Имелись и свои особенности. Так, в штабе созданной в августе 1919 г. Запасной армии республики, которая занималась подготовкой пополнений для РККА, были отделения: оперативное и оперативно-трудовое, но при этом административно-учетное управление, управления пехоты, инженерное, комендантское, военных сообщений и отделы: артиллерийский, кавалерийский, связи^{III}.

Централизация военного управления набирала обороты. Еще в начале августа 1918 г. Н.И. Подвойским был поднят вопрос о создании советской Ставки^{IV}. 2 сентября 1918 г. постановлением ВЦИК по инициативе Троцкого и председателя ВЦИК Я.М. Свердлова был создан РВСР^V, к которому отошли функции ВВС, оперативного и военно-статистического отделов ВГШ и Наркомата по военным делам. Состав нового органа был следующим: председатель Л.Д. Троцкий, члены: К.Х. Данишевский, П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин, Ф.Ф. Раскольников, А.П. Розенгольц, И.Н. Смирнов и главнокомандующий всеми вооруженными силами республики (И.И. Вацетис). Штаб ВВС был преобразован в Штаб РВСР. Начальником последнего стал Н.И. Раттэль, ранее стоявший во главе штаба ВВС. Несколько бывших офицеров стали членами высшего органа советского военного управления — РВСР. Среди них были бывшие полковники И.И. Вацетис и С.С. Каменев, бывший контр-адмирал В.М. Альтфатер, бывший подпоручик В.А. Антонов-Овсенко, бывший штабс-капитан С.И. Аралов, бывший прапорщик Д.И. Курский,

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 51.

^{II} Кляцкин С. М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 263–264; Калужный Р. Г. Красная армия 1918–1934. С. 317.

^{III} РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 190. Ч. 1. Л. 206.

^{IV} The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1. P. 66.

^V Идея реорганизации и централизации высшего военного управления в тот период стояла на повестке дня. Различные предложения о создании советской Ставки, поста главкома, централизации органов военного управления поступали В. И. Ленину и другим партийным руководителям еще в августе 1918 г. Известно, что Ленин уже тогда считал возможной их реализацию (в частности, сделал конкретные предложения относительно кандидатуры главкома). Так, еще 26 августа 1918 г. К. А. Мехоношин обратился к Ленину с предложением упразднить ВВС, Оперод, устранить параллелизм структур в целях централизации военного управления и подчинения всех структур Наркомату по военным делам (РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 17. Л. 107–107об.). Таким образом, конспирологические утверждения о том, что военные преобразования осуществлялись Троцким без ведома и в обход раненого Ленина ради реализации неких бонапартистских устремлений (Войтиков С. С. Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 218–219), не заслуживают внимания.

бывший мичман Ф. Ф. Раскольников. Таким образом, в числе 23 членов РВСР было 7 военспецов (хотя к дезертировавшему еще в Русско-японскую войну Антонову-Овсеенко термин «военспец» может относиться весьма условно), или 30,4 % всех членов РВСР, причем Вацетис, Каменев и Альтфатер, которые единственные были действительно квалифицированными военспецами, в партии не состояли.

РВСР постепенно были подчинены практически все органы военного управления: главнокомандующий (его приказы должны были скрепляться одним из членов РВСР), Высшая военная инспекция, Военно-законодательный совет, Всероссийское бюро военных комиссаров (упразднено в 1919 г., функции отошли к Политотделу, позднее преобразованному в Политическое управление РВСР), управление делами РВСР, ПШ РВСР, ВГШ, Революционный военный трибунал республики, Центральное управление по снабжению армии, Высшая аттестационная комиссия, Главное военно-санитарное управление^I. Фактически РВСР поглотил Наркомат по военным делам, тем более что ключевые посты в этих двух органах занимали одни и те же лица – нарком по военным делам Л. Д. Троцкий, он же – председатель РВСР, и его заместитель в обоих органах Э. М. Складанский. Таким образом, на РВСР было возложено решение важнейших вопросов обороны страны. Председатель РВСР утверждался ВЦИК, а члены РВСР, включая главнокома, утверждались СНК^{II}. Даже в антибольшевистском лагере отмечался высокий уровень организации РККА. В частности, такую оценку дал начальник украинского Генерального штаба полковник А. В. Сливинский^{III}.

В результате преобразований РВСР стал высшим органом военного управления Советской России. По замыслу своих создателей он являлся коллегиальным, однако реалии Гражданской войны привели к тому, что при фиктивном наличии большого числа членов реально участвовали в заседаниях немногие, и работа РВСР сосредоточилась в руках находившегося в Москве Складанского, тогда как Троцкий самое горячее время Гражданской войны провел в разъездах по фронтам, организуя военное управление на местах.

Постепенно возрастала бюрократизация органов военного управления Советской России. Так, в конце июня 1918 г. управляющий делами Народного комиссариата по военным делам ежедневно получал до 800 служебных бумаг. 30–40 % из них передавалось на исполнение, а остальные пересылались нижестоящим учреждениям, что замедляло решение вопросов^{IV}. Для обработки такого объема документации требовался обширный штат специалистов, в том числе Генштаба. Для сравнения, в отчетном отделе ВГШ за 1920 г. было зарегистрировано свыше 15 000 входящих и столько же исходящих бумаг, а также более 5000 секретных входящих бумаг и столько же исходящих^V. В штабе 12-й армии в начале 1919 г. сложилась чудовищная волокита. Документ стратегического значения от управляющего делами до начальника штаба путешествовал сутки, а от последнего до начальника оперативного отделения еще двое суток, далее до начальника разведывательного

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 51. Л. 2.

^{II} РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 49. Л. 110.

^{III} Военное дело. 1918. 25.10. № 21. С. 24.

^{IV} РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 24об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 211.

отделения еще полутора суток. В рапорте начальника разведывательного отделения от 12 марта 1919 г. отмечалось, что «этот канцелярский онанизм подрывает желание работы, а эти товарищеские отношения создают только какую-то странную диффузию попустительства и лени»¹.

Пост главнокомандующего всеми вооруженными силами республики был введен в Советской России постановлением Президиума ВЦИК 2 сентября 1918 г. Идея создания такой должности связана с письмом председателя Высшей аттестационной комиссии А. И. Егорова Ленину, Троцкому и Подвойскому от 20 августа 1918 г. Егоров критиковал наличие нескольких слабо связанных друг с другом органов военного управления (Оперода и ВВС) и предлагал установить в РСФСР пост главнокомандующего. В качестве резолюции Ленин посоветовал Троцкому подумать над кандидатурой И. И. Вацетиса².

Первым главкомом был назначен главнокомандующий Восточным фронтом бывший полковник И. И. Вацетис. В связи с повышением Вацетиса во главе фронта его сменил С. С. Каменев, позже ставший преемником Вацетиса и на посту главкома. Выбор Вацетиса оказался удачным для большевиков – на главкома можно было положиться. Он уже неоднократно доказал свою преданность новой власти. Кроме того, будучи чужаком и для общей массы военспецов (как латыш по происхождению), и для генералитета (как бывший полковник), и для генштабистов (как не служивший по Генеральному штабу), он едва ли мог быстро создать круг единомышленников и попытаться поднять мятеж (как поступил его предшественник на Восточном фронте М. А. Муравьев). Заслугой Вацетиса стали, прежде всего, успехи Красной армии на Восточном фронте в 1918–1919 гг. Кроме того, именно он в 1919 г. инициировал подготовку декрета ВЦИК о военном единстве советских республик³, что имело большое значение для укрепления Красной армии.

Первый главком был неоднозначной личностью. По характеристике другого видного военспеца, бывшего генерал-лейтенанта А. Е. Снесарева, встречавшегося с Вацетисом 23 сентября 1918 г., «у него (Вацетиса. – А. Г.) просто, он одет граждански, толстый, жирный. По акценту скорее напоминает чухну. Кругом него только латыши... русским духом не пахнет. Он держит себя уверенно, резонирует много, повторяет несколько раз любимые фразы, например: “Если вы умнее меня, то вам и карты в руки. Я уступлю свое место”. Он ординарен до крайности, мысли его простоваты, разумны, если угодно, но и только. Если он талантлив, то это 1-й латыш из виденных мною, но едва ли он исключение... упрям он несомненно... О русском народе он говорит с худо скрытым презрением и повторяет, что ему нужна палка... Его мысль – не отводить войска в тыл или чуть, а практиковать их боем. Словом, ловкий инородец, взобравшийся наверх среди русского кладбища, ловко потрафивший власть имущим... В области Ген. штаба в нем виден недоучка, а потому и дилетант, а еще более фантазер... На мой вопрос, сколько Красной армии, он отвечает незнанием, но прибавляет, что к весне будет втрое больше, чем теперь. Что делается на Дал[ьнем] Востоке, он не знает и спрашивает об этом Парского... “Теперь прежней разведки

¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 19.

² The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 92–96.

³ Кляцкин С. М. На защите Октября. С. 387.

нет"... И этот неготовый, полуиспеченный специалист, вдобавок фантазер, стоит во главе всего дела. Какие же шансы?.. А слова его и надежды — или полная неспособность реальной оценки обстановки, или дурачение нас... но кого и за чем?»¹ Как бы то ни было, именно при Вацетисе Красная армия была создана, окрепла и одержала свои первые победы.

Вацетис окончил академию Генштаба в 1909 г. без причисления к Генеральному штабу (был лишь 52-м из 53-х выпускников 1909 г.), т.е. по дореволюционным правилам генштабистом не считался. Академическая неудача повлияла на него: в своих назначениях главком старался избегать старых генштабистов и опирался на менее квалифицированные, чем он сам, кадры выпускников ускоренных курсов. Как впоследствии отмечал сам Вацетис, если в центре опирались на кадры верхушки довоенных генштабистов, то он решил сделать ставку на средние слои Генштаба и на выпускников ускоренных курсов академии. Вацетис вспоминал: «В общем и целом Л. Троцкий устроил так, что прежний его аппарат из верхушки старого Генерального штаба снова остался на верхах военного управления, что не отвечало моим расчетам, так как я полагал базироваться на середняка старого Генерального штаба и, в особенности, на выпуск революционного влияния (1917 г.), переведенных в Генеральный штаб в июне 1918 г.»². Делая поправку на демонстративный и вынужденный антитроцкизм, отметим определенное неприятие Вацетисом старого Генштаба, усугублявшееся антагонизмом с военным руководителем ВВС М.Д. Бонч-Бруевичем. Добавим, что Троцкий никакой неприязни к молодым генштабистам не испытывал (в частности, 11 августа издал особый приказ, в котором отметил героизм генштабовской молодежи на Восточном фронте³).

Летом 1918 г., вероятно, с целью укрепить положение Вацетиса и поощрить своего главного военспеца в болезненном и значимом для него вопросе, большевики, вопреки всем правилам, перевели его в Генеральный штаб. Перевод состоялся 30 августа 1918 г. по решению заместителя наркома по военным делам Э.М. Склянского⁴. Интересно, что еще 20 августа 1918 г. делопроизводство по службе Генштаба ВГШ составило справку, в которой обосновывалась невозможность такого перевода: должность главкома не принадлежала к относящимся к Генштабу, а сам Вацетис после выпуска из академии был отчислен в строй и в дальнейшем служил в строевых частях⁵. Документ подписал начальник Оперативного управления ВГШ С.А. Кузнецов.

Даже главнокомандующий в советских условиях легко мог стать разменной монетой в политических комбинациях. В частности, 30 августа 1918 г., незадолго до назначения Вацетиса главкомом, Ленин в телеграмме Троцкому предлагал его расстрелять⁶, а летом 1919 г. Вацетис был снят с должности и арестован по обвинению в причастности к контрреволюционному заговору, но вскоре освобожден и продолжил службу. Новым главкомом стал бывший полковник С.С. Каменев.

¹ Снесарев А. Е. «Вся Россия — больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–38. Текст уточнен по оригиналу дневника.

² LVA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 33. Л. 247.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 20. Л. 106, 110.

⁵ Там же. Л. 110–110об.

⁶ HIA. Trotsky collection. Box 3. Folder 13.

Как и Вацетис, Каменев до назначения на пост главкома руководил Восточным фронтом. Эта фигура, как и фигура его предшественника, тоже получила неоднозначную оценку современников и потомков. Недоброжелатели отзывались о Каменеве как о «человеке с большими усами и маленькими способностями»^I. Важную характеристику Каменева дал Троцкий. По его мнению, Каменев «отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки, не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления. Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен... Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным советом (РВСР. — А.Г.) и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу... Трудно сказать, кто из двух полковников (Вацетиса и Каменева. — А.Г.) был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, свое нравнее и поддавался несомненно влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... С.С. Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения: «Ответ глупый и местами неграмотный»»^{II}. Тем не менее именно при Каменеве Красная армия одержала победу в Гражданской войне.

Можно отметить, что в период решающих операций против белых на Южном фронте в октябре 1919 г. Каменев потребовал от СНК предоставить ему право экспертной оценки правительственных директив по военным вопросам: «Имея же в виду, что военная обстановка во всем ее объеме и глубине наиболее известна главнокомандующему, я считаю необходимым, чтобы всякая директива правительства, предварительно облечения ее в формулу решения правительства, сообщалась в проекте на заключение главнокомандования.

Если затем правительство все же признает необходимым дать директиву, не согласованную с заключением главнокомандования, то последнее, приняв ее к исполнению, обязуется представить правительству в письменном виде свои заключения о несоответствии полученной директивы»^{III}. Председатель СНК В.И. Ленин 22 октября поддержал это требование^{IV}.

^I Галич Ю. Красный хоровод // Галич Ю., Попов К. С. Красный хоровод. М., 2008. С. 237.

^{II} Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 104–107.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 164об.

^{IV} Там же. Л. 168.

Штаб РВСР, возникший 6 сентября 1918 г., был развернут в ПШ РВСР, фактически ставший советской Ставкой эпохи Гражданской войны и важнейшим органом военного управления. Во главе штаба стояли опытные бывшие генералы-генштабисты Н.И. Раттэль, Ф.В. Костяев, М.Д. Бонч-Бруевич и П.П. Лебедев. Если Раттэль и Бонч-Бруевич занимали этот пост короткий промежуток времени, то Костяев и особенно Лебедев возглавляли штаб достаточно долго.

ПШ РВСР непосредственно подчинялся главкому. В состав ПШ РВСР был включен и Оперод Наркомата по военным делам. Структура ПШ РВСР включала отделы: оперативный (отделения: 1-е и 2-е оперативные, общее, картографическое, служба связи и журнальная часть), разведывательный (отделения: 1-е (войсковая разведка) и 2-е (агентурная разведка) разведывательные отделения, общее отделение и журнальная часть), отчетный (дежурство) (отделения: учетное (инспекторское), общее, хозяйственное) и военно-политический^I. Как и в ВГШ, структура менялась. Были созданы управления: Оперативное (вместо расформированного в составе ВГШ; отделения: оперативное, общее, разведывательное, служба связи); Организационное (учетно-организационное отделение; позднее – Административно-учетное управление с учетно-организационным отделением); Регистрационное (агентурный отдел, агентурное отделение); военный контроль; ЦУПВОСО и Полевое управление воздушного флота. Важным достижением советского военного строительства было то, что наконец воплотилась в жизнь мечта многих генштабистов старой школы: ПШ РВСР был освобожден от организационных и снабженческих вопросов и мог сосредоточиться на оперативной работе. Наконец, ПШ РВСР занимался перемещением «лиц Генштаба» в действующей армии и давал наряды ВГШ для пополнения кадров на фронте. ПШ РВСР с ноября 1918 г. расположился в Серпухове, где имела радиостанция мощностью 5 кВт с дальностью передачи до 500 верст^{II}.

Ближайший сотрудник главкома Вацетиса курсовик П.М. Майгур был сочтен не подходящим на должность начальника ПШ РВСР и заменен бывшим генералом Ф.В. Костяевым, тем не менее он оставался при Вацетисе. Последний 14 октября 1918 г. телеграфировал Троцкому с копиями С.И. Аралову, Н.И. Раттэлю и Д.П. Парскому: «Вследствие болезненного состояния тов. Майгура и его неопытности и недостатка знаний для большой ответственной должности главкомом избран на должность начштаба главкома Генштаба Костяев, который вчера срочно вызван [в] Арзамас для получения указаний. Реввоенсовет республики, обсудив решение главкома, согласился с ним и всецело присоединился к этому решению, преследуя общую пользу делу. Ожидается Ваше согласие»^{III}. По характеристике генерала В.Ф. Джунковского, служившего с Костяевым в годы Первой мировой войны, «это был заурядный офицер Генерального штаба, большой рекламист, умевший очень ловко втирать очки, доверия большого не заслуживал, как боевой офицер был из средних, в серьезные минуты не терялся и потому был мне действительным помощником во время этих страдных боевых дней»^{IV}.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 895. Л. 8–8об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 214об.

^{III} РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 159.

^{IV} Джунковский В. Ф. Воспоминания (1915–1917). М., 2015. Т. 3. С. 234.

30 сентября 1918 г. был создан Совет рабочей и крестьянской обороны под председательством В.И. Ленина, призванный координировать решение военных вопросов с гражданскими ведомствами, а также сдерживать ставшую практически неограниченной власть председателя РСФСР Троцкого.

Главком И.И. Вацетис впоследствии вспоминал: «Полевой штаб, сформированный мною в Серпухове, являлся рабочим органом главнокомандующего. В Полевом штабе были собраны мною генштабисты, наиболее известные своею преданностью большевикам. Конечно, всем в душу влезть я не мог, но последующие события подтвердили, что выбор мой был правильный. В Полевом штабе была сосредоточена вся оперативная и организационно-административная работа РККА. Полевой штаб работал много и сделал все, что от него требовалось. Полевой штаб работал без шума, но вся страна знала, что он является маховым колесом обороны РСФСР. В.И. Ленин очень высоко ценил Полевой штаб, и так как Совет обороны своего штаба не имел, то он (Ленин) пользовался услугами Полевого штаба. Между Кремлем и Серпуховым были тесные деловые отношения по вопросам обороны РСФСР. Полевой штаб являлся проводником в жизнь всех указаний В.И. Ленина»¹.

В результате изменений структуры РККА произошла реорганизация ВГШ, в котором было сначала объединено с Организационным, а затем расформировано Оперативное управление, а все оперативные вопросы были переданы в ПШ РСФСР. Из Организационного управления был выделен мобилизационный отдел, ставший в ноябре 1918 г. самостоятельным управлением. Было выделено и управление военных сообщений, вошедшее в ПШ РСФСР. Управление военно-учебных заведений стало главным управлением, в самостоятельное управление был выделен отдел всеобщего воинского обучения, в непосредственное подчинение Совету ВГШ перешла Академия Генштаба. ВГШ был придан центральный военный склад пособий и приборов по снабжению Красной армии, причем создано особое управление, заведующее этим складом. Переданное в Центральное управление снабжения управление по ремонту армии было возвращено ВГШ в декабре 1918 г. Кроме того, в ВГШ вошла Военно-историческая комиссия для исследования и использования опыта войны 1914–1918 гг. и для изучения и описания действий Красной армии. В июле 1920 г. был учрежден хозяйственный совет ВГШ с хозяйственной базой².

Структура полевого управления фронта была следующей. Во главе фронта стоял Революционный военный совет (РВС), которому подчинялись штаб фронта, ревтрибунал, политотдел, военный контроль (контрразведка), и управление начальника снабжений армий фронта. Штаб включал управления: оперативное (отделения: оперативное, разведывательное, общее, связи, морское, топографическое), административное и военных сообщений, инспекции пехоты, артиллерии, кавалерии, инженеров, управление начальника авиации и воздухоплавания³.

В годы Гражданской войны было создано 11 основных фронтов Красной армии (Восточный 13 июня 1918 – 15 января 1920 г.; Западный 19 февраля 1919 – 8 апреля 1924 г.; Кавказский 16 января 1920 – 29 мая 1921 г.; Каспийско-Кавказский 8 декабря

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 49–50.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 1–2об.

³ Схемы организационного строения. Январь 1919 г. // РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1112.

1918 – 13 марта 1919 г.; Северный 11 сентября 1918 – 19 февраля 1919 г.; Туркестанский 14 августа 1919 – июнь 1926 г.; Украинский 4 января – 15 июня 1919 г.; Юго-Восточный 1 октября 1919 – 6 января 1920 г.; Юго-Западный 10 января – 31 декабря 1920 г.; Южный 11 сентября 1918 – 10 января 1920 г.; Южный (второго формирования) 21 сентября – 10 декабря 1920 г.). Фронты объединяли от двух до шести армий.

Первое время управление армиями через штабы фронтов не было вполне налажено, в связи с чем командующие армиями нередко обращались к главному, минуя фронтовые штабы. Для установления должного порядка Вацетис в октябре 1918 г. пригрозил судить тех, кто не будет соблюдать субординациюⁱ. Командующий советским Южным фронтом бывший генерал П.П. Сытин позднее отметил, что «главными причинами для Советской армии перелома военных действий в конце 1918 г. надо считать переход “кустарнического способа” ведения операции к организационному и планомерному ведению их. Был организован Южный фронт с единым военным командованием, был организован и тыл фронта»ⁱⁱ.

За период Гражданской войны в РККА было создано 33 регулярные армии, в том числе две конные. Армии, кроме отдельных, входили в состав фронтов и включали от 3 до 12 дивизий. Полевое управление армий составляли: РВС, штаб с отделами: оперативным, административным, военных сообщений и инспекторами пехоты, кавалерии, инженеров, политический отдел, ревтрибунал, Особый отдел. В оперативном отделе имелись отделения: разведывательное, связи, авиации и воздухоплавания. Командующий армией был членом РВС. Назначения в РВС фронтов и армий осуществлял РВСР. Важнейшую функцию выполняли запасные армии, дававшие фронту готовые пополнения. Советский главнокомандующий С.С. Каменев метко назвал такой способ комплектования войск фабричным. По данным Каменева, запасные армии дали фронту 34% пополненийⁱⁱⁱ.

Целый ряд генштабистов командовали фронтами и армиями. Так, по данным списка «лиц Генштаба» ПШ РВСР к 15 апреля 1919 г., Д.Н. Надежный командовал Западным фронтом, а В.Н. Егорьев – Южным; армиями командовали В.П. Глаголев (16-я), Л.Л. Ключев (10-я), А.И. Корк (15-я), В.С. Лазаревич (4-я), В.В. Любимов (8-я), С.А. Меженинов (3-я), А.А. Самойло (6-я), Н.Г. Семенов (12-я), С.Д. Харламов (временно, 15-я). Харламов впоследствии гордился, что белые объявили за его голову премию в 10 000 руб.^{iv}

Отметим некоторые особенности рекрутирования кадров в советскую военную элиту периода Гражданской войны. Из 21 командующего фронтами не имели отношения к Николаевской академии 10 человек (В.А. Антонов-Овсеенко, Р.И. Берзин, В.М. Гиттис, А.И. Егоров, М.А. Муравьев, П.А. Славен, И.Т. Смилга, М.Н. Тухачевский, М.В. Фрунзе, В.И. Шорин). Некоторые из них были руководящими партийными работниками (Антонов-Овсеенко, Смилга, Фрунзе), другие считались близкими к большевистскому руководству или ценились как полководцы (Тухачевский). И если выпускники Николаевской академии редко занимали по несколько высших

ⁱ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 166; РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 467. Л. 186.

ⁱⁱ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 151. Л. 307–308.

ⁱⁱⁱ Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963. С. 73.

^{iv} НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 5. Д. 405. Л. 3.

постов (командующим двумя фронтами был только Д. Н. Надежный), то среди негенштабистов, близких партийному руководству, обилие подобных руководителей обращает на себя внимание. Так, В. М. Гиттис, А. И. Егоров и М. В. Фрунзе командовали тремя фронтами, М. Н. Тухачевский и В. И. Шорин – двумя. Эта особенность снижает процент генштабистов на руководящих постах. Если считать, что из 21 командующего фронтами негенштабистов было только 10 человек, то получается, что генштабисты составляли 52,4% в этой категории. Если же считать, что по факту 21 командующий занимал 30 постов, причем 18 из них принадлежали негенштабистам, то старый Генштаб получает 40% постов командующих фронтами. На уровне начальников дивизий и начальников штабов дивизий представителей дореволюционного Генштаба было существенно меньше¹.

Чем ниже был уровень должностей, тем меньше на них было генштабистов (исключение составляла крайне малочисленная категория начальников штабов армейских групп). Другой особенностью являлось то, что на штабных должностях процент генштабистов был намного выше, чем на командных того же уровня, что обусловлено спецификой службы Генштаба. Например, генштабисты среди командармов составляли 40%, а среди начальников армейских штабов 71–73%. В условиях катастрофической нехватки кадров такой подход представляется оправданным, хотя, очевидно, имела место и противоположная тенденция к назначению на высшие должности наиболее образованных и квалифицированных работников. Не меньшую роль играл фактор лояльности командиров высшего звена.

О том, с чего могло начаться формирование армии в революционную эпоху, начальник Штаба РВСР Н. И. Раттэль сообщал 15 октября 1918 г. начальнику ВГШ: «Главный комиссар Продовольственной армии [Г. М.] Зусманович явился ко мне по поручению главком[а] Вацетиса и заявил, что ему поручено организовать 10-тысячную армию на границе с Украиной и поэтому ему необходимы лица Генерального штаба для работ по организации этой армии и что главком предложил ему с этим обратиться ко мне». Раттэль просил для этих целей двух «лиц Генштаба» с опытом не ниже начальника штаба дивизии, причем можно было прислать окончивших академию по 2-му разряду.

22–23 марта 1918 г. на совещании ВВС под председательством помощника военного руководителя С. Г. Лукирского было принято решение о том, что основным соединением РККА станет дивизия. В итоге был выработан штат стрелковой дивизии, организованной по троичной схеме – из трех бригад по три полка в каждой. Полки состояли из трех батальонов, в батальоне было три роты. По опубликованному 18 ноября 1918 г. новому штату (№ 220)² численность дивизии составляла около 58 000 человек при 470 пулеметах и 116 орудиях. В основу такого штатного

¹ По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, в 1918–1920 гг. на должностях начальников дивизий находилось 35 бывших офицеров Генерального штаба. Всего же начдивов было 485. Из 524 начальников штабов дивизий генштабистами были 24 (Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 209). Следовательно, генштабисты составляли только 7,2% начальников дивизий и 4,6% начальников штабов дивизий. Эти данные нуждаются в корректировке, осложняющейся отсутствием точных сведений о составе этого уровня и необходимостью систематизации большого массива списочных данных.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 360.

³ Подробнее см.: *Калужный Р. Г. Красная армия 1918–1934. С. 381–382.*

расписания был положен штат армейского корпуса старой армии¹. По штату в дивизии полагалось иметь 9 артдивизионов, автоброневой отряд, авиадивизион (18 самолетов), 4 кавалерийских дивизиона и другие части. Эта организационно-штатная структура сохранялась до конца Гражданской войны. Предполагалось, что громоздкие штаты помогут дивизии в условиях разрухи решать вопросы снабжения самостоятельно. Кроме того, бригады на время боев получали от дивизии мощное усиление — конницу, артиллерию, инженерные войска, средства связи, тыловые учреждения. Однако в маневренной войне такой штат лишал дивизию как единое целое какой-либо гибкости. Поскольку дивизии такой численности оказались невозможны, реальной могла быть численность дивизии до 15–20 тыс. человек, из которых около половины в боевом составе (такая численность соответствовала корпусу у белых). Таким образом, боевой состав достигал 20–30 % штатного². Дивизия могла иметь до 350 пулеметов и до 40 орудий³. Поскольку штаты не соблюдались, состав дивизий сильно различался. Как отмечалось в отчете начальника ВГШ к 1 сентября 1920 г., дивизии представляли собой «мощные войсковые единицы из соединения всех родов войск и численно значительно сильнее намечавшихся к формированию ранее»⁴. К концу 1918 г. в РККА было сформировано 42 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии. Генштабисты встречались и на постах начальников дивизий и командиров бригад, а также начальников штабов. Впрочем, из-за дефицита кадров во многих дивизиях должность начальника штаба вообще не была замещена.

Генштабисты принимали участие в создании РККА с самого начала. Большевикам по наследству от Временного правительства достались практически целиком органы центрального военного управления, множество штабов от фронтовых до дивизионных, а также значительное количество генштабистов, служивших на взятых под контроль большевиками фронтах либо в тыловых штабах и учреждениях или проживавших в Центральной России, т.е. также на советской территории. Это давало новой власти огромное преимущество над ее противниками — сразу позволило большевикам опереться на готовые аппараты военного управления, использовать в своих интересах уже сложившиеся штабы и наполнить новую армию большим количеством квалифицированных генштабистов.

Кадры старого Генштаба провели большую организационную работу по трансформации органов управления старой армией в новые и создали под руководством комиссаров центральный и местный военный аппарат РККА, который со временем превратился в стройную систему, доказавшую свою высокую эффективность результатами на фронтах Гражданской войны. Генштабистами на протяжении 1918 г. были созданы аппараты ВВС, военных округов, Штаба РВСР, а затем ПШ

¹ Никонов Ф. П. Главнейшие моменты организации Красной армии // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 60.

² Там же. С. 70.

³ История военной стратегии России. М., 2000. С. 134.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 4.

РВСР, штабы армий, фронтов и дивизий. Строительство советской военной системы базировалось на принципе централизации. И хотя строгой вертикали органов военного управления достичь не удалось из-за параллелизма ряда структур, тем не менее к ней стремились. ПШ РВСР и ВГШ сосредоточили в своих руках непосредственную работу по организации вооруженных сил.

Создание РККА проходило на фоне постоянных дискуссий о структуре новой армии. Выпускники Николаевской академии принимали самое активное участие в обсуждении этих вопросов. Одной из острых тем была необходимость сильного Генерального штаба и его начальника в Советской России. Многие генштабисты придерживались утопической идеи о том, что мощный Генштаб повысит эффективность управления вооруженными силами и подчинит военным нуждам все сферы государства. Однако последнее было осуществлено большевиками без предоставления власти генштабистам. Последние же были крайне наивны, предполагая, что при диктатуре РКП(б) военные смогут добиться широких властных полномочий.

Разумеется, никакой самостоятельной власти генштабисты не получили. Тем не менее под контролем военных комиссаров они включились в интенсивную работу по формированию и укреплению новой армии, взяли на себя руководство боевыми операциями. Выпускниками старой академии являлись оба советских главкома эпохи Гражданской войны – И.И. Вацетис и С.С. Каменев. Целая плеяда генштабистов старой школы возглавила советские фронты и армии. Роль военспецов со временем оценил и лидер большевиков В.И. Ленин, первоначально относившийся к ним настороженно. Весной 1920 г. он прямо заявил, что без офицеров Советская Россия имела бы не Красную армию, а многомиллионную массу штыков без единой дивизии, которая не могла бы противостоять ничтожным, но регулярным силам белых¹.

§ 2. Комплектование РККА специалистами Генштаба

6 августа 1918 г. военрук ВВС М.Д. Бонч-Бруевич телеграфировал начальнику ВГШ: «Прошу принять меры к успешному сосредоточению и назначению на должности лиц командного состава, что до настоящего времени не удавалось исполнить»². Понять беспокойство Бонч-Бруевича можно – до перехода к мобилизации генштабистов в Советской России лишь часть из них стремилась служить в новой армии. Это прослеживается по документам. Так, в Северном участке отрядов завесы и в Петроградском районе на сентябрь 1918 г. был зарегистрирован 61 офицер Генштаба, из которых отказались служить по состоянию здоровья, не могли нести службу постоянно или временно либо находились в отставке 29 человек (в том числе один получил должность); уже служили или стремились на преподавательскую работу трое; желали устроиться

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 218.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 23.

на гражданскую административную работу двое^I. Таким образом, свыше половины кадров не пожелали добровольно служить новой власти или уклонялись от вовлечения в Гражданскую войну (выбор в пользу преподавания). Например, в отношении бывшего генерал-лейтенанта А.Н. Апухтина имелись следующие сведения: «В отставке. Ранен, болен, никакой должности нигде занять не может и не хочет»^{II}. В дальнейшем тот же Апухтин был зачислен в РККА, где прослужил всю Гражданскую войну, а впоследствии получал в СССР пенсию.

Когда в сентябре 1918 г. в распоряжение главнокомандующего всеми вооруженными силами И.И. Вацетиса требовалось направить 21 специалиста Генштаба, ситуация повторилась. Два человека сказались больными, назначение третьего было отменено, четвертый уже получил назначение, еще один выехал за границу, другой отказался как грузинский подданный, от четырех человек не были получены ответы, еще один ходатайствовал об освобождении по болезни^{III}.

Пополнения предполагалось брать из ВГШ, но затребованные специалисты составляли четверть всех кадров, имевшихся там, что могло привести к остановке работы штаба, при том что и до этого некомплект генштабистов в отдельных управлениях был довольно значительным. В частности, в Оперативном управлении недоставало 47% таких специалистов^{IV}. Вдобавок к этому двое сотрудников увольнялись, а некоторые другие были не в состоянии переносить тяготы походной жизни. Из-за дефицита кадров Оперативное управление ВГШ комплектовалось ранеными и больными тяжелыми хроническими болезнями, которые препятствовали службе таких лиц в полевых штабах^V. Начальник управления С.А. Кузнецов отмечал 14 сентября 1918 г., что «свободных специалистов Генерального штаба на учете в Оперативном управлении нет, вследствие большого числа назначений на Восточный фронт»^{VI}. Таким образом, огромный некомплект существовал как на фронте, так и в тылу.

В материалах по инспектированию ВГШ отмечалось, что «вследствие откомандирования нескольких лиц Генштаба на фронт, пришлось произвести перетасовку личного состава, дабы не нарушить текущую работу в отделениях. Последняя реорганизация управления вызвала такую перетасовку служащих, что потребует от них длительной работы по ознакомлению с материалами перешедших к ним отделений... Вследствие вызова на фронт, специалистов Ген. штаба осталось в управлении столько, сколько имеется отделений; таким образом, заместителей у начальников отделений нет.

Поэтому при частых командировках начальников отделений в разные комиссии их отделениям приходится прекращать всякую работу и даже невозможно получить из них справки.

Как пример, между прочим, [укажем] на то трудное положение, в котором находится германское отделение (один только военный специалист); начальник отделения помимо текущей работы, слежки за прессой и военной литературой должен

^I РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 100–103об.

^{II} Там же. Л. 103.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 13–13об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 41.

^V Там же. Л. 35–35об.; Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 57об.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916. Л. 1.

заняться сбором необходимых материалов для будущей комиссии по установлению границ с Финляндией. Последняя работа, несмотря на ее важность, находится в периоде пожелания¹. Чтобы выйти из положения, к главному направляли тех, кто состоял на должностях не Генерального штаба².

12 сентября 1918 г. Свечин телеграфировал в Арзамас Вацетису: «Дальнейшее командирование лиц Генштаба [из] состава Все[ро]главштаба, увеличивая общий некомплект Генштаба некоторых управлений до шестидесяти процентов, доводит работу Генштаба этих управлений до полного напряжения и приведет к сокращению компетенции Все[ро]главштаба»³. В итоге только из Оперативного управления ВГШ было назначено к командированию 11 генштабистов – оба помощника начальника оперативного отдела, начальник разведывательной части, семь начальников отделений и делопроизводитель. Начальник управления констатировал, что в результате «деятельность управления будет лишена правильного функционирования и обрекается на уничтожение, т.к. рушится преемственность и налаженность работы»⁴. Начальник ВГШ А. А. Свечин был готов назначить уже любых специалистов из Военно-учебного управления, если необходимые генштабисты не вызовутся сами к 15.00 19 сентября⁵.

Чтобы не идти на фронт, некоторые генштабисты писали пространные объяснительные. Так, начальник мобилизационного управления штаба Уральского военного округа бывший полковник В. Н. Чернышев писал 28 июля 1918 г. в рапорте начальнику штаба округа бывшему генералу Г. М. Тихменеву: «Сего числа Вы сообщили мне, что окружным комиссариатом по военным делам было предположено назначить меня начальником штаба одной из действующих армий.

По Вашим словам, это назначение, возможно, не состоится в силу Вашего заявления о необходимости моего наличия в штабе. Так как нет данных отрицать в будущем возможность такого назначения, я считаю себя обязанным доложить, что таковое может состояться против моего желания и не в соответствии с моими способностями, следовательно, не для пользы делу.

Должность начальника штаба весьма ответственная и серьезная, особенно в настоящее трудное время. Посему выбор лиц для ее замещения должен быть произведен с особою тщательностью, что толку ставить на нее автомата без души.

Будучи убежденным противником саботажа, я добровольно, в числе первых, пошел на службу, хотя имел и право, и материальную возможность не служить. Поступив на службу, я считал своей нравственной обязанностью работать честно, по совершенно определенным убеждениям я нахожу совершенно недопустимым только делать вид, что работаешь.

Я всегда любил кабинетный труд и предпочитал его всякому другому; только война принудила меня делать то, к чему я не имел склонности. Определяя во время войны свою будущую карьеру, я в свое время отказался от командования полком. К порученной мне в настоящее время работе я чувствую склонность, что

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 25. Л. 5–5об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 65–66.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 31.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 54–54об.

⁵ Там же. Л. 22.

является, по моему мнению, и залогом продуктивности; есть такая или нет, судить не мне, — совесть моя, во всяком случае, покойна. К должности начальника полевого штаба я не чувствую никакой склонности, — будет ли продуктивна работа по принуждению.

Во внимание к изложенному я усиленно прошу Вашего ходатайства вычеркнуть меня навсегда из кандидатов на командные должности и в полевые штабы. О последующем решении прошу не отказать поставить меня в известность»^I.

Тихменев просил военрука округа бывшего генерала Д.Н. Надежного не лишать его «единственного и с опытом работника Генштаба в мобилизационном управлении»^{II}, ссылаясь на то, что Чернышев и на Северном фронте в Первую мировую войну также отказывался от командных должностей. С этим согласились как военрук, так и комиссары С.А. Анучин и Ф.И. Голощекин (известный как один из организаторов расстрела царской семьи в Екатеринбурге). Позднее с этим согласились и в ВГШ.

Впрочем, Штаб РВСР 23 сентября приказал провести расследование. Чернышеву пришлось давать объяснения: «Считаю необходимым доложить, что при желании искать скрытое между строк таковое можно найти в любом писании, но — вопрос: будет ли найденное отвечать истине. Я в своем рапорте был искренен и задних целей не имел... С другой стороны, подавая рапорт, я полагал, что те времена, когда окончание учебного заведения давало ярлык или патент на любую деятельность, уже миновали, и не думал, что честное, открытое (быть может, в материальный и служебный ущерб себе же) заявление о своей неспособности к одному делу и уменье в другом может быть истолковано как повод для особого расследования.

В заключение позволяю себе доложить, что после демобилизации я пошел на службу не по принуждению, а добровольно, хотя в то время я имел и материальную, и законную возможность не служить; считаю своим долгом служить и теперь, хотя имею возможность перейти в украинское подданство»^{III}. На фоне ужесточения политики в отношении военспецов осенью 1918 г. угроза перейти в украинское подданство выглядела наивно. Тем не менее выяснилось, что Чернышев добросовестно работал в РККА — в частности, в августе 1918 г. ездил в командировку в Вятскую губернию для проведения мобилизации и в штаб 3-й армии в Пермь, по итогам которой Военный совет 3-й армии выразил ему благодарность за организацию штаба армии и его отделов^{IV}. По-видимому, инцидент был исчерпан, в штабе округа военспец проработал до 1919 г., но затем ему все же пришлось занять пост начальника штаба армии.

В августе 1918 г. генштабистов назначали на Восточный фронт даже по жеребьевке, что, впрочем, не исключало уклонения от отправки на фронт тех, кому выпал жребий. Особенно заметным было уклонение старших выпусков академии. Л.Д. Троцкий

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 230.

^{II} Там же. Л. 230об.

^{III} Там же. Л. 234об. — 235.

^{IV} Там же. Л. 236, 237об.

потребовал прекратить жеребьевку среди генштабистов как недопустимое явление^I. Уклонистов предписывалось под конвоем препровождать к наркому в Свияжск.

С отказом от добровольных принципов комплектования ситуация изменилась. Выпускники академии занимали все ключевые посты в руководстве РККА — должности военных руководителей ВВС, главкомов, начальников Штаба РВСР, ПШ РВСР, Штаба РККА, ВГШ. Немало генштабистов служили в центральном военном аппарате: ВВС, ВГШ, ПШ РВСР, а также в Высшей военной инспекции и других учреждениях, состояли в различных советах (например, Военно-законодательном), комиссиях (например, демаркационных или военно-исторической) и комитетах (например, Военно-историческом комитете ВГШ). Они занимали должности начальников штабов, управлений, отделов, отделений, помощников начальников, делопроизводителей, инспекторов, должности «для поручений», находились в распоряжении или прикомандировании и др. Генштабисты служили и в местных органах военного управления — в штабах военных округов, губернских и даже уездных военных комиссариатах. Генштабисты занимались военно-административной работой, были задействованы в службе военных сообщений, в корпусе военных топографов, в органах снабжения РККА, в системе Всевобуча, в военно-учебных заведениях и в военно-научных учреждениях. Выпускники академии были широко представлены и на фронте. Многие служили в штабах фронтов, армий, групп и дивизий или на командных должностях. На ноябрь 1918 г. на Восточном фронте находились 34 специалиста Генштаба, на Южном — 45, на Северном — 30, в Западном районе обороны — 10^{II}.

В связи с колоссальным дефицитом кадров генштабистов направляли в командировки «с возвратом». Так, 16 августа 1918 г. Л.Д. Троцкому сообщали из Нижегородского губернского военкомата, что помощник военрука Б.Л. Негродов командирован в распоряжение наркома с просьбой вернуть его по миновании надобности «ввиду массы работы в связи с происходящей в губернии мобилизацией, [для] формирования частей и укрепления позиций, а также [из-за] недостатка в опытных работниках — специалистах»^{III}.

Замещение вакантных должностей осуществлялось через перемещение более молодых «лиц Генштаба» из тыловых учреждений и управлений на фронты с заменой их лицами, не могущими по возрасту и состоянию здоровья нести полевую службу. По исчерпании этого источника дальнейшее укомплектование предполагалось осуществлять за счет выпускников Академии Генштаба РККА, открывшейся в конце 1918 г.^{IV}

На фронт отправляли и преподавателей и других тыловых работников, что стало вынужденной мерой и было санкционировано председателем РВСР Л.Д. Троцким в связи с исчерпанием иных кадровых ресурсов^V. Это создавало определенные сложности, поскольку в некоторых случаях на то или иное военно-учебное заведение приходился лишь один выпускник академии^{VI}. Кадровый голод пытались

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 32; Оп. 6. Д. 132. Л. 105.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 41–42об.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 24–24об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 75.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 218.

преодолеть сокращением присутствия генштабистов в различных комиссиях^I. Однако командировки на фронт даже с малозначительных должностей вредно отражались на работе. Например, так случилось с направлением на фронт Н.С. Елизарова, являвшегося председателем комиссии по переработке «Положения о полевом управлении войск в военное время» при ВГШ и членом комиссии по выработке «Положения о полевом управлении войск в военное время»^{II}. Насколько можно судить, существовали неписанные правила о направлении на фронт тех, кто там еще не был, тогда как Елизаров уже успел побывать на фронте ранее.

В связи с выкачкой кадров на фронт в военных округах в 1919 г. оставалось не более 20 % штатных специалистов Генштаба^{III}. РВСР в марте 1919 г. считал нежелательным посылать на фронт генштабистов «очень старых выпусков» до 1900 г.^{IV}, а штаб Южного фронта, даже несмотря на нехватку кадров, просил присылать генштабистов не старше 45–50 лет^V.

По штату в ПШ РВСР на январь 1919 г. требовались 23 специалиста Генштаба^{VI}. В то же время бывший генерал В.Е. Борисов критически отзывался о переизбытке генштабистов в центральном аппарате РККА. Он отмечал, что в Ставке в Первую мировую войну оперативными вопросами занимались всего четыре офицера, а если это число для ПШ РВСР удвоить, то работа будет отлично поставлена и нетрудна^{VII}.

Штаты менялись. Так, в штабе фронта в 1918 г. полагалось иметь 12 «лиц Генштаба»^{VIII}, а в 1919 г. штат предусматривал уже 25 должностей: для особых поручений при командующем фронтом; начальник штаба; для особых поручений при начальнике штаба; начальник оперативного управления; начальник оперативного отделения и четыре помощника; начальник разведывательного отделения и три помощника; начальник общего отделения и два помощника; начальник связи; начальник организационного отделения административного отдела; начальник управления военных сообщений; начальник административно-хозяйственного отдела; начальник военно-эксплуатационного отдела; начальник отделения воинских перевозок; начальник отдела по устройству воинских дорог и его помощник; начальник этапно-транспортного отделения и отделения по устройству баз^{IX}. Интересно, что в переписке ноября 1918 г. главком Вацетис счел наличие только четырех генштабистов в штабе Северного фронта из двух армий вполне достаточным^X.

В штабе армии должностей Генштаба было 13: для поручений при командующем армией; начальник штаба; две должности для поручений при начальнике штаба; начальник оперативного отдела; начальник оперативного отделения; начальник разведывательного отдела и два его помощника; начальник общего отделения, начальник отделения связи, начальник организационного отделения

^I Там же. Л. 265.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 92.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 19.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 124. Л. 35.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 208.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 157. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 18об.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186.

^{IX} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916. Л. 8–8об.

^X РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 48.

административного отдела; заведующий воинскими перевозками^I. В штабе дивизии на 1918 г. имелись две должности Генштаба: начальник штаба и его помощник по оперативной части. Однако на 1919 г. требовались 5 специалистов Генштаба, а штабу бригады – 3.

Представление о распределении 323 специалистов Генштаба РККА на конец 1918 – начало 1919 г. дает таблица 27.

Таблица 27

**Распределение специалистов Генштаба РККА
в конце 1918 – начале 1919 г.^{II}**

Учреждение	Число «лиц Генштаба»	Учреждение	Число «лиц Генштаба»
ПШ РВСР	23	ВГШ	55
Штабы 4 фронтов	51	Центральные управления и комиссии	20
Штабы 11 армий	37	Разные комиссии	10
Штабы действующих армий	18	Командные курсы	19
Фронтвые комиссии	2	Арестовано	12
Штабы округов	44	Не военного ведомства	2

По данным на 20 декабря 1918 г., в штабе Южного фронта не было начальника оперативного отдела и сотрудника для поручений при нем, не имелось одного из помощников начальника оперативного отделения (должность замещал слушатель академии), а также начальника разведывательного отделения и его помощников^{III}. В армиях фронта кадровая ситуация также была тяжелой. В 10-й армии не было начальников оперативного отдела, оперативного и разведывательного отделений, начальников штабов шести дивизий^{IV}. Всего же на фронте требовались 76 штатных специалистов Генштаба, тогда как в наличии имелись только 14. Неудивительно, что специалисты были чрезвычайно перегружены. Кадровый голод порождал различные проекты его устранения. Например, возникла идея обмена генштабистами между тылом и фронтом «для облегчения их работ, буквально непосильных в данное время на фронте»^V.

Похожая ситуация была и на других фронтах. Так, на Северном фронте в конце 1918 – начале 1919 г. из 94 должностей была замещена 31^{VI}. Тульский губернский военный комиссар Д.П. Оськин вспоминал, что бывших офицеров с высшим военным образованием было «очень немного, они в большинстве случаев занимают службу в аппарате военных комиссаров»^{VII}. По оценке Оськина, «группа генштабистов

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916. Л. 7.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 18. См. публикацию этого документа: Катастрофическое состояние Генерального штаба в 1919 г. Записка генерала В. Е. Борисова / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 550–559.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186.

^{IV} Там же. Л. 186об.

^V Там же. Л. 205.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 13.

^{VII} Оськин Д. П. Записки военкома. М., 1931. С. 117.

крайне незначительна. Генштабисты – прекрасные технические работники в области составления всякого рода планов, программ и т.п. Политически они значительно грамотнее всех остальных групп офицерства. В них существует стремление к широким масштабам работы. Тот размах, который принимает сейчас организация Красной армии, многих из них увлекает целиком, и они работают не покладая рук»¹.

Главком И.И. Вацетис докладывал В.И. Ленину 18 апреля 1919 г.: «В штабах не хватает опытных работников с военно-научной подготовкой. У нас на штатных должностях не хватает больше 70-ти процентов Генерального штаба, а процент некомплекта на фронте достигает 82. Таким образом, вся тяжесть работы, требующей военно-научной подготовки и знания специальности, в штабах ложится на 15–35 процентов наличных работников, почему и получается перегрузка лиц Генерального штаба работой, особенно на фронте, доводящей их до крайнего переутомления и значительного процента заболеваемости среди этих первоклассных работников. Вообще должен свидетельствовать, что лица Генерального штаба, являясь руководителями операций, исполняют свою работу в высшей степени добросовестно, честно и с гораздо большей затратой энергии, чем это делалось и требовалось условиями службы старой императорской армии. Эти лица Генерального штаба исполняют свою тяжелую работу не ропща, не жалуясь, отказываясь даже от всякой личной жизни»².

В предыдущей главе мы анализировали материалы общих списков Генштаба за период Гражданской войны на предмет установления контингентов генштабистов в противоборствующих армиях. Этот источник не исчерпывается общими данными и позволяет исследовать особенности замещения должностей специалистами Генштаба. Проанализируем под этим углом список лиц Генштаба, зарегистрированных ВГШ с 17 апреля 1918 по ноябрь того же года³. В нем указаны 486 человек. Из них 133 числились в центральных органах военного управления (в том числе 71 в ВГШ и 21 в РВСР), 49 – в штабах фронтов, 48 – в штабах военных округов, 35 – в штабах армий, 39 – в штабах дивизий, по 12 – в штабах бригад, в военно-учебных заведениях и в различных местных органах военного управления (ниже окружного уровня), 19 – в войсках завесы. Кроме того, 14 специалистов служили в различных военно-дипломатических миссиях, состояли в демаркационных и пограничных комиссиях и т.д. 8 фигурантов списка из занимавших те или иные посты находились под арестом. Часть персоналий в документе была указана без должностей.

Данные этого списка к концу 1918 г. уже значительно устарели, многие его фигуранты к тому времени успели перейти к противнику и находились в рядах антибольшевистских армий, некоторые болели, а двое умерли. Более показательны готовые выкладки насыщения советского военно-административного аппарата кадрами Генштаба на определенные периоды.

По неполным данным, к началу 1919 г. «лица Генштаба» были задействованы в РККА следующим образом (табл. 28).

¹ Там же. С. 118.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 6–6об. Опубликовано в: *Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 85.*

³ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 2–15; Список опубликован в: *Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 539–562.*

Использование «лиц Генштаба» РККА к началу 1919 г.¹

Место службы	По штату	Налицо	% некомплекта	Примечание
ПШ РВСР без ЦУПВОСО	25	23	8	
Штаб Северного фронта	25	19	24	
6-я армия (дивизия)	18	10	44	
7-я армия (три дивизии, бригада)	31	13	41	Штаб армии и две дивизии, об остальных сведений не имеется
Итого	99	65	29	
Штаб Западной армии				
Западная армия (четыре дивизии)	33	20	39	
Штаб Южного фронта	25	13	48	
Группа И. С. Кожевникова (четыре дивизии)	33	1	92	Штаб группы
8-я армия (три дивизии)	28	11	54	Штаб армии и две дивизии
9-я армия (шесть дивизий)	43	2	88	Штаб армии и дивизия
10-я армия (шесть дивизий)	43	3	75	Штаб армии, о дивизии сведений не имеется
Итого	172	30	71,5	
Штаб Каспийско-Кавказского фронта	25	—	100	
11-я армия (четыре дивизии)	33	1	93	Штаб армии, о дивизиях сведений не имеется
12-я армия (две дивизии)	23	Сведений нет		
Итого	81	1	96,5	
Штаб Восточного фронта	25	13	48	
1-я армия (две дивизии, бригада)	26	2	84	Только штабы армий, о дивизиях сведений не имеется

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 6–60б. Проценты рассчитаны по штатам штабов.

Место службы	По штату	Налицо	% некомплекта	Примечание
2-я армия (две дивизии)	23	2	84	
3-я армия (две дивизии, две бригады)	26	4	69	
4-я армия (дивизия, бригада)	21	2	84	
5-я армия (две дивизии, две бригады)	29	2	84	
Туркестанская армия (две дивизии)	28	Сведений нет		
Итого	178	25	74	
Латышская армия (три дивизии)	28	6	66	Штаб армии и дивизия
Штаб Украинского фронта				
Украинская армия (три дивизии и бригада)	31	4	74	
Всего	622	151	64	

Несмотря на большое количество генштабистов в РККА, кадровый голод все равно сохранялся, так как наличное количество спецов с высшим военным образованием не покрывало потребностей созданной большевиками массовой армии. Л. Д. Троцкий принимал личное участие в решении этого вопроса. В частности, он предлагал преодолевать некомплект следующим способом (телеграмма в штаб 2-й стрелковой дивизии в Рязани и в ВГШ от 1 января 1919 г.): «Недостаток офицер[ов] Генерального штаба не позволяет сосредоточить их в отдельных дивизиях[,] при крайней нужде фронта предлагаю комбинировать генштабов, бывших кадровых офицеров, бывших унтер-офицеров и новых красных офицеров в такой пропорции, чтобы командный состав не впадал в тупик, а был проникнут боевым революционным духом»¹. Тем не менее такой подход не мог решить проблему.

17 февраля 1919 г. в ВГШ из штаба Северного фронта была направлена телеграмма о том, что «некомплект генштабов шестой армии достигает 70 %. Начтареввоенсовет^{II} просит вашего распоряжения командировать [в] эту армию 3 генштабов...»^{III}. На это пришел ответ, что «ввиду общего некомплекта скорого разрешения вопроса ожидать трудно»^{IV}. Поскольку штабы были заинтересованы в получении дефицитных специалистов, они шли на различные ухищрения. Так, штаб 6-й армии, ставшей отдельной, весной 1919 г. сообщал, что нуждается в специалистах в связи со срочной необходимостью разработки «особо сложных оперативных вопросов»^V. Но, как оказалось позднее, речь шла о составлении военно-

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 73.

^{II} Начальник штаба РВС.

^{III} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 48–49.

^{IV} РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 16.

^V РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 94.

географических и военно-статистических описаний района армии, оперативных инструкций по атаке укреплений, по совместным боевым действиям сухопутных войск с речной флотилией, а также разработке вопросов эвакуации^I. При этом ряд специалистов занимали не соответствовавшие их квалификации посты. Например, генштабист Попов служил начальником первого военного транспорта инженерных работ Северного фронта (штаб позднее не подтвердил этот факт)^{II}.

Высвобождали кадры за счет замещения менее значимых должностей лицами без академического образования. Например, малоответственными считались должности для поручений, и приказом главкома их следовало замещать больными генштабистами или знакомыми со службой штабов военнослужащими не Генштаба. Штабы, в свою очередь, не желали расставаться с генштабистами, занимавшими эти должности, что порой приводило к борьбе буквально за каждого специалиста.

Например, в штабе 6-й армии такая борьба развернулась за бывшего подполковника В.И. Преображенского. Обосновывая необходимость наличия в штабе армии Преображенского в должности для особых поручений, командарм А.А. Самойло писал 19 апреля 1919 г.: «Назначение на должность для особых поручений при мне бывшего начоперупра штарма 6[-й] Генштаба Преображенского вызвано крайне[й] необходимостью в срочной разработке многих специальных вопросов именно оперативного характера: Первое. Район армии никогда до сего времени не был театром военных действий и, по-видимому, не предполагался как таковой, почему ни военно-географических, ни военно-статистических описаний его совершенно не имеется, штармом давно приняты меры по сбору необходимых материалов и теперь ведется систематизация их и составляется описание. Второе. Отсутствие необходимых оперативных инструкций требует разработки таких, в частности, по атаке укреплений и совместных боевых действий^{III} сухопутных войск с речной флотилией[,] все в условиях ведения борьбы на своеобразном участке 6[-й] армии[,] и третье. Разработка вопросов эвакуации. Какому-либо больному генштабисту было бы не под силу справиться с этими большими срочными заданиями, не терпящими по обстановке отлагательств, почему я и просил согласия на назначение Генштаба Преображенского...»^{IV} Однако ПШ РВСР 22 апреля ответил, что эти вопросы могут разрабатываться в общем и оперативном отделении штаба, почему нет необходимости в назначении для поручений генштабиста^V.

В апреле 1919 г. возник вопрос о зачислении в 6-ю армию капитана Генштаба французской и итальянской армий А. Цироне (Цирони). Этот «ландскнехт революции» стремился попасть на Архангельский фронт для работы против англичан. 25 марта 1919 г. он встретился с главкомом И.И. Вацетисом, который признал его энергичным офицером. Цироне прочили на пост командира бригады, но в 3-й армии ему предложили лишь полк. Возмущению интернационалиста не было предела. Он писал из Вятки, что всей душой предан делу революции, спас красных под Зальцбургом, под Верденом ему было подчинено 24 000 человек, а здесь

^I Там же. Л. 95–95об.

^{II} Там же. Л. 57, 103.

^{III} Так в документе.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 31–31об.

^V Там же. Л. 32.

столкнулся с недоверием, и угрожал пожаловаться Вацетису¹. И хотя перечисление революционных заслуг Цироне кажется неправдоподобным^{II}, свою угрозу он, видимо, осуществил. В конце апреля Цироне просил доложить Вацетису, что он был вызван комиссаром Н.Н. Кузьминым в Вятку, на Пермский фронт, где для него не оказалось работы, он вернулся в Вологду и теперь хотел остаться на Архангельском фронте работать против англичан. Однако избавиться от итальянца стремился командующий 6-й армией А.А. Самойло, который сообщал: «Исполняя просьбу Цирони, я все же [со] своей стороны оставить его [в] 6[-й] армии не желал бы и поэтому предложил Цирони отправиться [в] распоряжение главштаба...»^{III} Вскоре проблему с неугомонным итальянцем большевики решили радикально – с 10 мая 1919 г. он оказался в заключении в Бутырской тюрьме^{IV}.

Рассмотрим ротацию кадров Генштаба на примере штаба 6-й отдельной армии в 1919–1920 гг. (штат отдельной армии имел свои особенности) (табл. 29).

Таблица 29

Ротация кадров Генштаба в штабе 6-й армии в 1919–1920 гг.

Должность	01-02.1919	03-04.1919	05-06.1919	07-08.1919	09-10.1919	11-12.1919	01-02.1920	03-04.1920
Командарм	А. А. Самойло (до 02.05.1919, с 25.05.1919) В. П. Глаголев (02–25.05.1919, фактически и на 06.1919)							
Начальник штаба армии	Н. Н. Петин (до 23.05.1919)		И. В. Яцко (с 23.05.1919, вр.и.д.)		Н. В. Лисовский (с 27.10.1919, фактически с 02.01.1920, и.д.) И. В. Яцко (15.11–15.12.1919, вр.и.д.)			
Для особых поручений при командарме			В. И. Преображенский (01.04–31.05.1919)		К. Л. Евреинов (с 16.02.1920)			

^I РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 121, 123, 124–124об.

^{II} Подчинение капитану 24 000 человек вряд ли было возможно. Что касается событий в Австрии, речь могла идти о сдаче австрийских частей итальянцам в ноябре 1918 г. Автор выражает благодарность д. и. н. Л. В. Ланнику за консультацию.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 96.

^{IV} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 108.

Должность	01-02.1919	03-04.1919	05-06.1919	07-08.1919	09-10.1919	11-12.1919	01-02.1920	03-04.1920
Для особых поручений при начальнике штаба армии				А. Н. Леонов (19.07-17.08.1919)				
Начальник оперативного управления (до выделения в отдельную армию — отдела)	Г. Д. Суходольский (в отпуску)	В. И. Преображенский (16.01 – 01.04.1919)	И. В. Яцко (с 01.04.1919, на 06.1919, с 27.10.1919) А. Н. Машин (с 23.09.1919, вр.и.д.)					
Начальник административного управления (до выделения в отдельную армию — отдела)	А. А. Корелов (с 16.01.1919)							
Начальник оперативного отделения	Б. А. Буренин (с 16.01.1919, с 27.10.1919 – помощник) А. Н. Машин (с 27.10.1919, и.д.)							
Начальник разведывательного отделения			А. С. Ролько (16.04-17.08.1919)		А. Н. Леонов (с 17.08.1919)			
Начальник мобилизационного отделения						А. Н. Машин (с 16.12.1919)		
Начальник информационно-исторического отделения							А. Н. Машин (с 12.01.1920)	

Из таблицы 29 видны перемещения сотрудников между должностями. Можно отметить, что прибывавших в штаб генштабистов при отсутствии вакансий назначали на необязательные должности для поручений при командарме или его начальнике штаба. На протяжении года практически не было ротации на уровне начальников отделений, тогда как наиболее сильные изменения происходили в звене «начальник штаба армии – начальник оперативного управления», т.е. на ключевых постах, связанных с разработкой оперативных документов.

Обращает на себя внимание интенсивная ротация кадров Генштаба в Красной армии. Например, в 25-й стрелковой дивизии за Гражданскую войну сменились 11 начдивов и 14 начальников штаба, в 10-й стрелковой дивизии – 16 начдивов и столько же начальников штаба, в 9-й Кубанской армии – 10 командующих и 14 начальников штаба¹. Полный список командиров и начальников штабов РККА до дивизий включительно насчитывает более 1200 человек.

Постоянно возникали те или иные кадровые проблемы. Командующий армией Советской Латвии П.А. Славен жаловался главкому И.И. Вацетису по телеграфу 18 марта 1919 г.: «Несмотря на наши многочисленные просьбы и требования, с момента формирования штарма мы ни одного такого (опытного. – А.Г.) работника не получили. Вами были обещаны нам генштабисты, но до сего времени ни один таковой в армию не прибыл, а между тем в первой дивизии нет ни одного генштабиста, во второй дивизии только один генштабист, начштаба [С.Н.] Беляев², и в штарме два [– К.И.] Эзеринг и [П.М.] Майгур, которые завалены работой не по силам и ввиду отсутствия опытных работников принуждены работать во всех областях военного дела, что, конечно, отражается на продуктивности работ, что касается других специалистов, то мы и в этом вопросе находимся в таком же положении, т.е., несмотря на многочисленные просьбы, не можем получить ни одного специалиста, например, УПВОСО³ армии до сего времени не может правильно поставить свою работу, ибо из центра ему не дают ни одного специалиста⁴. 30 марта 1919 г. эту же проблему обсуждали по прямому проводу начальник штаба Западного фронта Н.Н. Доможиров и состоявший для особых поручений при начальнике ПШ РВСР А.К. Малышев. В ходе разговора, видимо, Доможиров отметил: «Мое мнение, Майгуру, конечно, тяжело работать и поставить дело, ибо у него нет совершенно генштабов не только в штабе армии, но и в дивизии, а все просьбы мои в этом отношении остаются невыполненными»⁵. Речь шла о начальнике штаба армии Советской Латвии П.М. Майгуре – однокашнике Доможирова и Малышева по ускоренным курсам академии.

Армия Советской Латвии в июне 1919 г. была преобразована в 15-ю, но в ее управлении мало что изменилось. Опытных специалистов Генштаба практически не было. Более того, дефицитные кадры были вынуждены заниматься несвойственной

¹ Каряева Т. Ф. За строкой директивы главкома. М., 1980. С. 63.

² Инициалы приведены по: ДКФКА. М., 1978. Т. 4. С. 552. Выпускника академии с такими инициалами идентифицировать не удалось.

³ Управление военных сообщений.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 221.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 46.

им работой. К примеру, начальник штаба периодически выполнял обязанности курьера. Оперативные вопросы решались без должного их обсуждения^I.

У военспецов периодически возникало ощущение того, что их используют. Бывший капитан Б. Ф. Черниговский-Сокол с горечью писал об этом своему товарищу по курсам академии Г. И. Теодори, рассказывая о судьбе полевого штаба 14-й армии, попавшего в плен к белым в Екатеринославе летом 1919 г.: «На нас, бывших офицеров, смотрят как на материал, который, используя, можно и бросить»^{II}.

Довольно острой была проблема недоверия к генштабистам. Например, 15 марта 1919 г. РВСР предложил командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсененко на должность его помощника бывшего военного министра Временного правительства генерала А. И. Верховского, который ранее несколько раз арестовывался и был связан с антибольшевистским подпольем. Антонов-Овсененко на это ответил в согласии с наркомвоенмором Украинской ССР Н. И. Подвойским: «Полагаю, что следовало бы Верховскому зарекомендовать себя на менее ответственном посту как сторонника советской власти»^{III}. Тем не менее центр продолжал настаивать. Назначение не состоялось лишь из-за нового ареста Верховского.

Некоторые назначения не вполне соответствовали квалификации специалистов. К примеру, генштабист А. М. Перемытов в августе 1918 г. значился командиром батальона связи Калужской дивизии^{IV}. Бывший генерал Е. З. Барсуков, окончивший два класса академии, в 1918 г. был назначен на должность помощника (т. е. заместителя) военного руководителя Западного участка отрядов завесы, хотя являлся крупнейшим специалистом в области артиллерии^V. Этот вопрос специально рассматривался Высшей аттестационной комиссией, но военспецу некоторое время пришлось прослужить на военно-административных постах, прежде чем он вернулся к своей специализации.

Военрук В. Н. Егорьев 13 августа 1918 г. объяснил причины назначения Барсукова, указав, что тот «не только ценный специалист артиллерийского дела, но и гораздо больший специалист организационного дела и сверх того офицер Генерального штаба.

Я имел удовольствие в бытность мою делопроизводителем особого совещания под председательством Поливанова и делопроизводителем организационно-мобилизационной части управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба много лет работать с ним совместно, и понятно, что в настоящей своей должности я считал себя обязанным уговорить Евгения Захарьевича оказать во имя прежней совместной работы мне личное одолжение и разделить со мной мой чрезвычайно ответственный и грандиозный по объему труд по управлению, организации и формированию войск завесы.

В частности, ему поручено руководство жизнью и формированием частей: авио, радио, артиллерии, инженерных и общее руководство формированием всех прочих родов войск и учреждений. Кроме того, на него возлагаются и отдельные поручения столь же крупного значения.

^I Там же. Л. 337об.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 141об.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 249.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 128.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 244.

Я должен сообщить вам, что все управление завесой с ее огромным фронтом и плохой телеграфной и железнодорожной связью держится, в области специально военных вопросов, помимо меня, на Е.З. Барсукове и А.В. Новикове, исполняющем одновременно три должности: моего второго помощника, начальника штаба завесы и начальника первой Калужской дивизии. Вакансии более младших сотрудников или хронически вакантны, или замещены лицами, в силу давящей необходимости, не совсем к ним подготовленными. В семи фронтовых дивизиях в четырех нет начальников дивизий, в двух они в командировке, из трех тыловых дивизий в одной нет начальника дивизии, а в другой он несет сверх того и другие важные обязанности. Половина начальников штабов дивизий или не замещены вовсе, или недостаточно опытни. Вообще сотрудников Генерального штаба не хватает 65 процентов.

И все это по той причине, что центральные и окружные управления не только отняли в свое время работников от фронта, но и интенсивно продолжают вычерпывать их в настоящем. А между тем на завесу возлагаются все новые и новые задачи»^I.

Параллельно Барсуков трудился в комиссии по организации Красной армии. Как вспоминал он сам, «у меня, как заместителя военного руководителя, было много работы организационно-административного характера по устройству завесы, по приведению в порядок и по охране находящихся в ее обширном районе разных военных складов и учреждений, по обороне демаркационной линии на случай нападения немцев... по организации борьбы с контрреволюцией»^{II}. Бывшего генерала Ф.Е. Огородникова летом 1919 г. назначили заведующим библиотекой и складом учебных пособий школы штабной службы Западного фронта»^{III}.

Иногда, наоборот, в штабы присылали негодных работников. Так, в штаб 8-й армии весной 1919 г. направили бывшего поручика А.Н. Коновалова, которого прикомандировали к оперативному отделу. Как оказалось, это был слушатель старой академии, пробывший в ней в Екатеринбурге всего несколько дней. По оценке начальника штаба армии, этот сотрудник «абсолютно не пригоден к работе в оперативном отделе, вряд ли он может работать по оперативной части в штабах дивизий и бригад»^{IV}. Тем не менее непригодный работник в сентябре 1919 г. даже временно исполнял должность начальника штаба армии.

Работники РВС 11-й армии весной 1919 г. были возмущены командующим — бывшим генералом Н.А. Ждановым. Председатель РВС К.А. Мехоношин телеграфировал 1 апреля 1919 г. главному Вацетису с копией Троцкому: «Жданов совершенно не справляется [с] работой, его решения и планы меняются каждый день, противоречат один другому, вмешиваясь в мелочи формирования дивизий, он мешает работать начдиву 33[-й] дивизии»^V [П.К.] Мармузову, опытному военному специалисту, и упускает организацию армейских органов и самого штаба. Совершенно нельзя допустить Жданова, слишком безличного, хотя и весьма преданного и честнейшего человека, к управлению отдельной армией. Под чьим-либо непосредственным

^I РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 84. Л. 420–420об.

^{II} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 574.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 53.

^{IV} РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 74. Л. 6.

^V Так в документе.

руководством он, быть может, сможет командовать одной из армий фронта, имея частые и точные директивы, как исполнитель Жданов окажется удовлетворителен»¹. Впоследствии Жданов перешел на сторону белых, но вел ли он намеренную подрывную работу на посту командарма или же речь шла о череде промахов и неудач, определить невозможно².

Военный комиссар при начальнике гарнизона Екатеринодара жаловался в штаб 9-й Кубанской армии 27 июля 1920 г.: «Присланный из штарма 9[-й] в наше распоряжение нач[альник] штаба т. Семенов с первого же дня своего вступления в должность показал всю свою непригодность к работе в качестве н[ачальни]ка штаба. Может, теоретически подготовленный академией, тов. Семенов кое-что знает, но как показала его работа, то он совершенно ее не понимает и не хочет понять, что она рознится как практика с теорией Генер[ального штаба] академии.

Упрямство или, короче говоря, нежелание работать так, как это говорит практика, а не генеральная теория, создали полную непродуктивность работы штаба. Бумаги поздно выполняются, иные по неумению накладывать резолюции прямо подшиваются к делу, и вся штабная работа со времени вступления на должность т. Семенова как-то стала.

Кроме того, наблюдается неумение тов. Семенова составлять как оперативные, так и остальные приказы, схемы и план которых дается комендантом.

Излагая все это, прошу Вашего распоряжения об откомандировании тов. Семенова»³. Возможно, речь шла о курсовике А.К. Семенове.

Комендант Екатеринодарского укрепрайона также жаловался на неподготовленность Семенова, который «совершенно не имеет понятия о штабной работе, так, мне пришлось давать ему указания, как распределять доклад и каковы его обязанности как нач[альника] штаба, но, несмотря на данные мной указания, я вынужден был по требованию военкома т. Меренко после начальника штаба просматривать весь доклад и в результате вынужден был класть совершенно противоположные резолюции. В это время я пробовал дать ему написать боевой приказ или приказание по войскам, но как то, так и другое выполнялось ниже всякой критики.

Я приказал начальнику штаба привести штаб в тот вид, чтобы он точно исполнял мои приказания, в результате 25 июля я выяснил, что некоторые мои резолюции совершенно не выполнялись, когда при нем я делал выговор помощнику начальника штаба по администр[ативной] части, то им к прекращению такого халатного отношения ничего предпринято не было.

25го с[е]н[т]яб[р]я июля с целью сделать экзамен своему начальнику штаба я поручил ему составить воззвание к зеленым в противовес полученным нами их воззваниям, а также составить согласно приказа по армии № 59 план ликвидации зеленых банд. Вечером 25го я заболел и по телеграфу предложил начальнику штаба разобрать донесения совместно с военкомом. В ответ получил лишь трогательную заботу прислать мне врача. Утром 26го, прибыв в 11 часов в штаб и узнав, что

¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 442.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 671–760.

³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 24. Л. 21–21об.

начальника штаба нет, я подумал, что он работал всю ночь, устал и не мог прийти, доклад принял от его помощника т. Ивасюка, а только уже в 6 часов вечера узнал, что т. Семенов провел все время в штабе армии, где делал командарму доклад о[бо] мне и военкоме. Сегодня я потребовал объяснения от т. Семенова, почему он не был вчера в штабе, и он доложил мне, что был вызван командармом, на мое указание, что он должен был мне это доложить и что в следующий раз я посажу его за такое отношение к делу на гауптвахту, что я с ним работать не могу, он ответил, что это он доложил команд[ар]му, что со мной работать не может. Я приказал подать ему рапорт с объяснением причин, почему он не исполнил мой приказ приготовить доклад, в результате [–] известный Вам мой рапорт командарму и его – мне.

По возвращении из штаба я заявил ему... чтобы в штабе никаких интриг не было, по крайней мере, в мое отсутствие. Т. Семенов оскорбился и потребовал от меня корректного обращения с ним, угрожая, что он член партии.

На это я предложил ему помнить, что я его непосредственный начальник. Арестовать его сейчас я не желал, так как арест может быть объяснен личными счетами¹. В итоге автор доклада боялся покинуть Екатеринодар, оставив службу на такого начальника штаба, и был вынужден терпеть неквалифицированно работника, так как других не было.

Несмотря на издержки, в целях наилучшего использования соответствующих специалистов командование старалось применять индивидуальный подход, учитывать дореволюционную специализацию и прежний служебный опыт кандидатов. К примеру, бывший генерал М. С. Тюлин, получивший известность в годы Первой мировой войны как кавалерийский начальник, служил в РККА в комиссии по разработке кавалерийских уставов. Один из ярких примеров относится к январю 1919 г. Начальник 4-го отделения Главного артиллерийского управления Н. А. Фриде был командирован на Каспийско-Кавказский фронт по службе Генштаба. Между тем он ведал заготовкой и снабжением материальной части всей полевой трехдюймовой артиллерии (занимался этим с 1909 г. и считался серьезным специалистом). Чтобы сохранить Фриде в Главном артиллерийском управлении, была дана телефограмма о том, что «уход его вызовет неминуемо расстройство налаженного дела, между тем как использование его для работ по Генеральному штабу не даст результатов ввиду того, что он кончил только два курса Академии Генерального штаба в 1906 году по II разряду, по Генеральному штабу никогда не служил и совершенно не имеет ни опыта, ни знакомства с такой работой»². Результатом стало вмешательство в вопрос заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского, который разрешил отменить несоответствующее назначение. В некоторых случаях сами военспецы просили не назначать их на должности, которым они не соответствовали. К примеру, бывший подполковник М. М. Петров обращался в сентябре 1920 г. к начальнику ПШ РВСР П. П. Лебедеву с просьбой не назначать его начальником дивизии, так как он не уверен в своих силах и за полтора года тыловой службы отстал от фронтовой обстановки³.

¹ Там же. Л. 22об. – 24.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 64.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 2.

Бывало и так, что военспецы, не считавшиеся полноправными генштабистами в старой армии, прекрасно себя зарекомендовывали в РККА. Например, так себя проявил бывший штабс-капитан В.Г. Радищев, за плечами которого было отчисление с дополнительного курса старой академии в 1913 г. В марте 1920 г. начальник штаба 8-й армии дал Радищеву блестящую аттестацию: «Тов. Радищев, являясь прекрасным добросовестным исполнительным работником, проявил выдающиеся способности как генштаб, имея в специальной работе огромный опыт, большие знания и умение разбираться и ориентироваться в любой обстановке. В течение долгого времени т. Радищев на своих плечах выносил всю тяжесть оперативной работы армии, временами исполняя самостоятельно должность наштаба больших войсковых соединений (наштаб войск т. [М.М.] Лашевича, действующих против [К.К.] Мамонтова). Ввиду изложенного и на основании приказа Реввоенсовета республики от 19 ноября 1919 г. № 1944 усердно ходатайствую о переводе Радищева во внеочередном порядке [в] Генштаб, считая своим долгом доложить, что Генштаб в его лице приобретет выдающегося способного [с] широким образованием знающего работника и таковой перевод послужит некоторым нравственным удовлетворением т. Радищеву за пять лет его плена в Германии, благодаря которому он до сего времени лишен был возможности занять свое место в ряду генштабов, на которое имеет полное и заслуженное право»^I.

Главком И.И. Вацетис отмечал в конце февраля 1919 г., что «ощущается большой недостаток (40–80 %) в специалистах Генерального штаба, инженеров, артиллеристов, техников разного рода. Этот недостаток тяжело отзывается на всей работе, лишая ее должной планомерности и продуктивности»^{II}.

По-видимому, в 1919 г. стали жестче относиться к генштабистам, пытавшимся избежать службы. Так, начальник ВГШ Н.И. Раттэль 23 апреля 1919 г. сообщал начальнику штаба Петроградского военного округа, что «генштаба [В.С.] Михеева, несмотря на освобождающие от службы свидетельства, надлежит немедленно командировать [в] распоряжение наштаба»^{III}. Бывший генерал Е.-А.Э. Гегстрем считал себя финляндским подданным и, следовательно, невоеннообязанным^V, но с этим не стали считаться. В результате почти всю Гражданскую войну он прослужил в РККА и лишь в 1921 г. смог выехать в Финляндию. При этом начальство было готово зачислять на службу даже лиц, не вполне годных по состоянию здоровья. В частности, в апреле 1919 г. прошение о зачислении в РККА подал бывший генерал И.Н. Львов, окончивший академию еще в 1886 г., находившийся ранее в германском плену и проживавший в Двинске. У претендента была сломана нога, но его взяли на преподавательскую работу^{VI}. Впрочем, уже в 1920 г. Львов выехал из Советской России.

На 27 мая 1919 г. на Восточном фронте по штату было 319 должностей, которые требовали специалистов Генерального штаба. Из них лишь 39 были замещены генштабистами и 18 – слушателями старшего курса академии, а 200 должностей

^I РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 138. Л. 25.

^{II} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 409. Л. 9об.

^{III} Начальника штаба Западного фронта.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1007. Л. 30.

^V Там же. Л. 32; Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 69.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 1.

(около 82%) оставались вакантными^I. На Северном фронте некомплект генштабистов к концу января 1919 г. достигал 67%^{II}. Острая нехватка кадров на считавшемся второстепенным фронтом Севере продолжала сохраняться до конца Гражданской войны. На Южном фронте в декабре 1918 г. наличествовало лишь 14 генштабистов из положенных по штату 76, некомплект превышал 81%^{III}. К 6 марта ситуация с кадровым дефицитом почти не поменялась – в процентном отношении некомплект генштабистов в масштабах фронта превышал 77% (табл. 30).

Таблица 30

Кадры Генерального штаба на Южном фронте к 6 марта 1919 г.^{IV}

Категория	По штату	Состоит	Некомплект
Штаб фронта	27	11	16
Штаб 8-й армии	13	3	10
Дивизии 8-й армии	6	2	4
Штаб 9-й армии	13	3	10
Дивизии 9-й армии	8		8
Штаб 10-й армии	13	2	11
Дивизии 10-й армии	8		8
Штаб 13-й армии	13	3	10
Дивизии 13-й армии	4		4
Итого	105	24	81

Начальник общего отделения Оперативного управления ПШ РВСР И.Д. Моденов сообщал начальнику ПШ РВСР о недочетах в использовании кадров Генштаба в апреле 1919 г.: «Из общего списка лиц Генерального штаба усматривается, что многие лица Генштаба занимают должности, не имеющие ничего общего с[о] службой Генерального штаба, и преимущественно в тыловых учреждениях. Как видно из прилагаемого списка, 26 из указанных должностей занимаются лицами Генштаба молодых выпусков (моложе 1900 года), которые свою специальность могли бы с пользой применить для оперативной работы на фронтах.

Принимая во внимание громадный некомплект лиц Генштаба в действующей армии, особенно в низших штабах, настоятельно необходимо всех указанных в списке лиц Генштаба или хотя бы молодых выпусков командировать в распоряжение штабов фронтов для назначения на должности специально Генерального штаба. Освобождающиеся вакансии без всякого ущерба могут быть замещены лицами административной службы или командного состава.

Из списков лиц Генерального штаба, представляемых штабами фронтов, обращает внимание большее количество лиц Генштаба, занимающих должности для поручений при командующих фронтами и армиями, при наштабах и т.д. Должности для поручений большею частью мало ответственные и почти не требуют специальных

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 87.

^{II} РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 21.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186об.

^{IV} РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 222. Л. 13.

знаний Генштаба. В то же время наблюдается громадный некомплект лиц Генштаба на специально оперативных должностях и особенно в низших штабах.

Ввиду изложенного необходимо всех лиц Генштаба, занимающих должности “для поручений”, переместить на специально оперативные должности, а освобождающиеся должности “для поручений” заместить больными Генштабами или военнослужащими не Генштаба, которые знакомы со службой в штабах.

Командирование и перемещение тех и других лиц даст около 45-ти лиц Генерального штаба, что отчасти покроет громадный некомплект лиц Генерального штаба в действующей армии и особенно в низших штабах»¹.

Моденов продолжал поднимать вопрос о более эффективном использовании генштабистов и позднее. В докладе начальнику ПШ РВСР от 10 июня 1919 г. он отмечал: «С фронтов поступают заявления, что много специалистов Генерального штаба занимают не соответствующие должности или занимают должности, вполне заменимые другими лицами, в то время когда даже штабы армий не имеют на оперативной работе специалистов Генерального штаба.

Заявление это справедливо. В тылу продолжает оставаться большое количество лиц Генерального штаба на должностях, не требующих специальности Генерального штаба, как то: по снабжению войск, на инструкторских курсах, при губернских комиссариатах и даже при ком-то там для поручений, делопроизводителями в Главном штабе² и [в] штабах округов и т. п. При такой постановке дела тыл без особой надобности снабжен специалистами Генерального штаба гораздо лучше, чем фронт, где некомплект доходит до 80 %.

Ввиду крайней необходимости хотя отчасти пополнить некомплект специалистов Генерального штаба на фронте и хотя бы в особо нуждающихся штабах, желательно командировать часть лиц Генерального штаба, невзирая на всевозможные отговорки тыловых учреждений.

При сем прилагаю список лиц Генерального штаба, занимающих должности в тыловых учреждениях и на фронте, не соответствующие специальности, на которые могут быть командированы хотя бы молодые выпуски, что в значительной мере покрыло бы существующий на фронте некомплект»³.

Заметную роль среди военспецов-генштабистов играл выпуск ускоренных курсов 2-й очереди, почти в полном составе попавший в РККА. Среди курсовиков оказалось немало энергичных специалистов, развернувших кипучую работу в новой армии. Один из лидеров выпуска Г.И. Теодори не без преувеличений и искажений сообщал в начале 1919 г. Л.Д. Троцкому, что «весь напряженный период борьбы с наступающими немцами, руководство мелкими отрядами типа “Волчьей стаи”, улаживание инцидентов с отрядами, идущими из Украины с настроением различных оттенков и т. п., а также борьба на внутреннем фронте легла на плечи только что выпущенных генштабистов [19]17-го года, и за первый период случайно в стихийной борьбе были расстреляны Акутин⁴ и Бернов (в Финляндии)⁵,

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 23–23об.

² Карандашом на полях комментариев начальника ПШ РВСР Ф. В. Костяева: «Это должн[ость] Генштаба».

³ Там же. Л. 236–236об.

⁴ Эти данные не подтверждаются. Капитан П. Т. Акутин перешел на сторону белых на Севере России, дослужился до полковника и умер уже в эмиграции.

⁵ Эти данные также не подтверждаются. Подполковник А. В. Бернов служил на белом Севере.

Андросов¹ и Куновский (в Брянском районе). При падении Екатеринбурга, по словам Берзина, погибли Симонов² и без вести пропал Иванов (лично известный тов. Аралову как политический честный работник)³, осужден на 5 лет тюремного заключения [Е.М.] Голицын за сбор статистических сведений (обвинение не доказано), командированные в Харьков Томме, Туров и Энден по сведениям, требующим подтверждения, расстреляны⁴.

К настоящему времени на работе числится 104 генштабиста выпуска [19]17-го года, из коих во время работы от ран, полученных в войне, и напряженного труда разбит параличом [Н.Н.] Долинский и умирает в чахотке [Н.И. Сластинок-]Сластенко и [К.С.] Хитрово, ввиду наступления, переброски частей и целого ряда перестроений точные сведения имеются на 96 человек⁵. По нашим данным, на лето 1919 г. в РККА состояло не менее 92 курсовиков 2-й очереди. Если исходить из того, что тогда в РККА служили всего 655 выпускников академии, получается, примерно каждый 7-й военспец-генштабист принадлежал к этому выпуску.

11 апреля 1919 г. начальник штаба Южного фронта В.Ф. Тарасов телеграфировал начальнику ПШ РВСР и начальнику ВГШ: «Текущий напряженный период активных операций Юж[ного] фронта повелительно требует энергичной работы Генштаба, перегружая до крайних пределов работой весьма незначительное наличное число специалистов»⁶. В июне 1919 г. на Южном фронте все еще не было и половины необходимого числа «лиц Генштаба». Начальник штаба фронта Н.В. Пневский телеграфировал начальнику ПШ РВСР 22 июня 1919 г., что «оперативная работа штабных в связи с переживаемым Юж[ным] фронтом тяжелым положением протекает в крайне напряженных условиях и настоятельно требует немедленно присылки опытных работников Генштаба. За неимением таковых, хотя бы в половинном количестве, наличное в армиях незначительное число сотрудников Генштаба перегружено работой до крайности и совершенно не в силах справляться успешно со своими обязанностями»⁷. Особенно тяжелой была ситуация в 14-й и во 2-й армиях.

Аналогичные сообщения поступали с Восточного фронта, где сложилась буквально критическая ситуация. На 27 мая 1919 г. на Восточном фронте из положенных по штату 319 должностей Генштаба только 39 были замещены «лицами Генштаба» и 18 — слушателями академии⁸. 8 июня 1919 г. из штаба 5-й армии в ПШ РВСР сообщали, что во всей армии лишь два генштабиста, причем «отсутствие их отражается как на разработке операции, так и [на] налаживании штабной оперативной работы, благодаря чему высшие инстанции, зачастую неправильно ориентированные во время хода операции, вынуждены иногда ставить задачи частям, не соответствующие обстановке. Давно чувствовалось неправильное и неравномерное

¹ Капитан С. А. Андросов также не был расстрелян, а умер в эмиграции в 1957 г.

² В действительности капитан А. Л. Симонов перешел к белым.

³ Поскольку курсовиков Ивановых в этом выпуске было четверо, трудно установить, о ком из них идет речь.

⁴ В. Э. Томме и А.П. фон Энден расстреляны не были, а перешли в антибольшевистский лагерь, причем фон Энден скончался в эмиграции в ноябре 1980 г. Подполковник Я. С. Туров был расстрелян позднее — в конце 1920 г. в Крыму.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 7–7об.

⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 22; Ф. 11. Оп. 5. Д. 124. Л. 99.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 87.

распределение генштабистов по армиям, теперь же с получением списка генштабистов из Полевого штаба республики это подтвердилось, из ознакомления со списком генштабистов видно, что в то время, когда в армии нет генштабиста даже на должности начальника оперативного отделения штаба, они в других армиях не только занимают должности помнаштадивов^I, но нашли себе применение по снабжению и даже младших помощников по делопроизводству в инспекциях... Убедительно просим в ущерб роскоши в других армиях немедленно командировать не менее трех генштабистов в 5[-ю] армию, где их почти совершенно нет»^{II}. Несмотря на сильнейший кадровый голод, Восточный фронт тогда смог одержать решающие победы над белыми.

На Западном фронте были те же проблемы. 3 апреля 1919 г. оттуда сообщали в ПШ РВСР: «На фронте нужда в генштабистах крайняя и настоятельная»^{III}. В июле 1919 г. бывший начальник штаба фронта Н.Н. Доможиров вспоминал в докладе главкому И.И. Вацетису о своей службе в штабе фронта: «Я просил из округа выслать поименно двух, затем четырех отличных офицеров Генштаба; вместо них прислали двух больных, малопригодных к службе в настоящих условиях, чем, конечно, лишь повредили оперативной работе»^{IV}.

Всех, кого возможно, направляли на фронты, поэтому в тылу кадровый вопрос также стоял остро. В частности, к концу августа 1919 г. в Академии Генштаба РККА комплект достиг 90 % штатных преподавателей^V. Красноречива телеграмма начальника штаба Приволжского военного округа И.Н. Полковникова от 2 декабря 1918 г. в ВГШ: «[В] Приволжском воен[ном] округе имеется из Генштаба я один, между тем срочность и важность работы [во] всех округах одинакова, а в отношении величины округа и связи нахождения пяти армий [в] пределах округа работы больше. Ввиду же малоопытности служащих, так как штаб до сих пор не сформирован, то можно судить, какую работу приходится делать мне одному. Если задержка командирования офицеров Генштаба происходит из-за нежелания идти ко мне как [к] молодому генштабисту, то я, как заявлял и заявляю, могу уступить свою должность и быть подчиненным и [за] первенством не гонюсь. Полагал бы, что двух генштабистов из Ярославского, где их семь человек, свободно можно взять, как то [Н.Н.] Гурко-Омельянского и [И.Х.] Пауко»^{VI}, кои заявили желание служить [в] Приволжском штаокре»^{VII}.

Из 417 специалистов, указанных в списке Генштаба к 1 июля 1919 г.^{VIII}, в центральных органах военного управления служили 120 человек, в штабах округов — 42 человека, в штабах фронтов — 57 человек, в штабах армий — 70 человек, в дивизионных и бригадных штабах — 25 и 5 человек соответственно, в военно-учебных заведениях — 54 человека, в центральном военном аппарате союзных республик (Украинская ССР, Литовско-Белорусская ССР) — 9 специалистов, в органах местного

^I Помощников начальников штабов дивизий.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 237–237об.

^{III} Там же. Л. 51.

^{IV} Там же. Л. 337.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 13.

^{VI} Правильно — Паука.

^{VII} РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 86.

^{VIII} РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 1–48об.

военного управления (кроме округов) – 12 человек. Следует отметить, что этот список содержал определенные неточности и устаревшие сведения.

По другим данным, ПШ РВСР к 1 июля 1919 г. зарегистрировал 526 специалистов, которые распределялись следующим образом (табл. 31).

Таблица 31

**Распределение «лиц Генерального штаба» РККА к 1 июля 1919 г.
по данным ПШ РВСР¹**

Место службы	Специалистов
ПШ РВСР (в том числе в распоряжении главкома и начальника ПШ РВСР)	29
ЦУПВОСО	12
Восточный фронт	47
Южный фронт	51
Западный фронт	64
6-я отдельная армия	8
Тыловые учреждения	315 (в том числе 68 на Украине)

Дефицит кадров, естественно, сказывался на качестве управления. Например, на 5 июля 1919 г. существовали проблемы с замещением должностей начальников ВОСО сразу в нескольких армиях. В 4-й и 8-й армиях эти должности были вакантны, а в 1, 2, 3 и 9-й их занимали лица без специальной подготовки, не являвшиеся ни генштабистами, ни передвиженцами (т.е. специалистами ВОСО)^{II}.

Несмотря на все усилия, кадровый голод преодолеть так и не удалось. К 18 июля 1919 г. на Южном фронте генштабисты распределялись следующим образом (табл. 32).

Таблица 32

**Распределение «лиц Генерального штаба» на Южном фронте по состоянию
на 18 июля 1919 г.^{III}**

Наименование частей	По штату	Состоит в Генштабе / слушателей	В том числе «лиц Генштаба» на должностях не Генштаба	Недостает до штата, не считая показанного в 4-й графе
Штаб фронта	19	11 / 8	3	11 – 58 %
Начальник военных сообщений	8	4 / 0	0	4 – 50 %
Итого	27	15 / 8	3	15 – 56 %
8-я армия Штаб армии	13	6 / 6	2	9 – 70 %

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 96.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 62.

^{III} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 86–87. Графа «Примечание» вынесена в сноски.

Наименование частей	По штату	Состоит в Генштабе / слушателей	В том числе «лиц Генштаба» на должностях не Генштаба	Недостает до штата, не считая показанного в 4-й графе
Дивизии: (12, 13, 15, 16, 33-я, 1-я особая, 31-я)				
а) Штабы дивизий	35	0 / 8		35 ^I — 100 %
б) Штабы бригад	63	0 / 2		63 ^{II} — 100 %
Итого в частях	98	0 / 10		98 — 100 %
Всего в армии	111	6 / 16	2	107 ^{III} — 96 %
9-я армия Штаб армии	13	2 / 5	0	4 — 85 % ^{IV}
Дивизии: 14-я, 23-я, 2-я особая, 56-я				
а) Штабы дивизий	20 ^V	0 / 7		20 — 100 %
б) Штабы бригад	36 ^{VI}	0 / 1		36 — 100 %
Итого в частях	56 ^{VII}	0 / 8		56 — 100 %
Всего в армии	69	2 / 13		67 — 97 %
10-я армия Штаб армии	13	2 / 3	1	12 — 92 %
Дивизии: (32, 37, 38, 39-я, 4-я кавалерийская, 6-я кавалерийская)				
а) Штабы дивизий	30 ^{VIII}	0 / 8		30 — 100 %
б) Штабы бригад	54 ^{IX}	0 / 2		54 — 100 %
Итого в частях	84 ^X	0 / 10		84 — 100 %
Всего в армии	97	2 / 13	1	96 — 99 %
13-я армия Штаб армии	13	3 / 3	1	11 — 85 %

^I Из них 21 (по 3 на дивизию) при недостатке лиц Генштаба могут быть заменены лицами не Генштаба.

^{II} Из них при недостатке лиц Генштаба все могут быть заменены лицами не Генштаба.

^{III} Из них 84 при недостатке лиц Генштаба могут быть заменены лицами не Генштаба.

^{IV} Исключен В. И. Преображенский.

^V Из них 12 (по три на дивизию) при недостатке лиц Генштаба могут быть заменены лицами не Генштаба.

^{VI} Все могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^{VII} Из них 48 могут быть заменены лицами не Генштаба.

^{VIII} Из них 18 (по три на дивизию) при недостатке лиц Генштаба могут быть заменены не Генштабами.

^{IX} Все могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^X Из них 72 могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

Наименование частей	По штату	Состоит в Генштабе / слушателей	В том числе «лиц Генштаба» на должностях не Генштаба	Недостает до штата, не считая показанного в 4-й графе
Дивизии: (9, 42, 3-я)				
а) Штабы дивизий	15 ^I	4 / 3	1	12 – 80 %
б) Штабы бригад		1 / 5		26 ^{II} – 96 %
Итого в частях	42 ^{III}	5 / 8	1	38 – 90 %
Всего в армии	53 (55?)	8 / 11	2	40 – 89 %
14-я армия				
Штаб армии	13	1 / 5		12 – 92 %
12-я армия				
Штаб армии	13	2 / 0	1	12 – 92 %
Особый корпус		3 / 5		
Группа Сумского направления		2 / 6		
Аткарско-Ртищевский укрепленный район		1 / 0		
Курский укрепленный район		2 / 0		
36-я дивизия				
Штаб дивизии	5 ^{IV}	0 / 1		5 – 100 %
Штабы бригад	9 ^V	0 / 0		9 – 100 %
2-я кавалерийская дивизия				
Штаб дивизии	5 ^{VI}	1 / 0		4 – 80 %
Штабы бригад	9 ^{VII}	0 / 0		9 – 100 %
Недостает «лиц Генштаба» на Южном фронте:				
Штаб фронта (с управлением военных сообщений)				15 – 56 %

^I Из них 9 могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^{II} Все могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^{III} Из них 36 могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^{IV} Из них 3 могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^V Все могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^{VI} Из них 3 могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

^{VII} Все могут быть заменены лицами не Генштаба при недостатке последних.

Наименование частей	По штату	Состоит в Генштабе / слушателей	В том числе «лиц Генштаба» на должностях не Генштаба	Недостает до штата, не считая показанного в 4-й графе
8-я армия				107 – 96 %
9-я армия				66 – 96 %
10-я армия				96 – 99 %
13-я армия				49 – 89 %
Штаб 14-й армии				12 – 92 %
Штаб 12-й армии				12 – 92 %

Таким образом, в среднем некомплект кадров Генштаба на Южном фронте достигал 89,6 %. На других фронтах ситуация была ничуть не лучше. Командующий 6-й отдельной армией А.А. Самойло 26 июля 1919 г. телеграфировал в ПШ РВСР: «Вопрос с генштабами во вверенной мне армии стоит по-прежнему чрезвычайно остро. В штабах районов имеется только один Генштаба, а в штарме по списку хотя четверо, но фактически только двое, а именно: начоперупр Генштаба [И.В.] Яцко и нач[альник] адм[инистративного] упр[авления] Генштаба [А.А.] Корелов, другие два Генштаба [А.С.] Ролько и [А.Н.] Леонов совершенно больны и к усиленной работе по состоянию своего здоровья не пригодны... Должность наштарма до сих пор не замещена. Я уже неоднократно просил о присылке кого-либо из опытных генштабов для замещения должности наштарма, так как исполняющего ныне эту должность Генштаба Яцко необходимо сохранить [в] качестве начальника оперативного управления...»¹ По данным к 5 августа, в 6-й армии из расчета в три дивизии полагалось по штату 46 специалистов Генерального штаба, тогда как имелось лишь 6. Некомплект достигал 87 %².

К 5 августа 1919 г. распределение «лиц Генштаба» РККА по фронтам, по данным общего отделения Оперативного управления ПШ РВСР, было следующим (без учета командированных с Украины) (табл. 33).

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 265.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 402.

Распределение «лиц Генштаба» РККА по фронтам к 5 августа 1919 г.¹

Фронт / отдельная армия	«Лиц Генштаба» положено по штату	Замещено	Свободно	% некомплекта
6-я отдельная армия (3 дивизии)	46	6	40	87
Западный фронт (3 армии, 10 дивизий)	174	58	116	67
12-я отдельная армия (6 дивизий, бригада)	82	12	70	85
Южный фронт (5 армий, 25 дивизий, 2 бригады)	371	47	324	87
Восточный фронт (5 армий, 13 дивизий, 3 бригады)	242	43	199	82
Итого	915	166	749	82

Очевиден акцент в кадрах Генштаба на наиболее значимом для красных Южном фронте, где в те дни намечалось советское контрнаступление. Также высокая концентрация дефицитных кадров генштабистов наблюдается на Западном фронте, через который намечался экспорт революции в зарубежные страны².

Квалификация некоторых специалистов, видимо, настолько сильно оставляла желать лучшего, что на это обращали внимание даже не имевшие военного образования комиссары. Так, член РВС 7-й армии А.П. Розенгольц телеграфировал заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому 23 августа 1919 г.: «Перевод [А.Д.] Лютова на Вост[очный] фронт, к чему он стремится давно разными путями,

¹ Там же.

² Идея мировой революции, истоки которой восходят к работам К. Маркса и Ф. Энгельса, была мечтой многих видных большевиков, в том числе В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. 1919 г. в этом смысле был связан с особыми надеждами. Одна за другой в Европе возникали социалистические республики, существование которых оказалось очень непродолжительным. В мае 1919 г. была разгромлена Баварская советская республика. 6 августа 1919 г. вступлением румынских войск в Будапешт закончила свое существование Венгерская советская республика, поддержать которую большевики так и не успели, хотя эти вопросы серьезно рассматривались и даже стали предметом манипуляции белых агентов в украинских советских штабах, призывавших направить все военные усилия на помощь венграм, что облегчало задачу наступления Деникину (подробнее см.: Двигубский А. М. Отчет о деятельности харьковского разведывательного центра. Харьков, 2007. С. 15). Накануне, 5 августа 1919 г., Троцкий отмечал в секретном письме в ЦК: «Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию... путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии... европейская революция как будто отодвинулась... Из этой перемены обстановки вытекает необходимость перемены ориентации» (The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 622, 624, 626). Речь шла о переориентации в вопросе экспорта революции на Восток (тогда на Восточном фронте белые были отброшены на Урал), и написано это было в том числе в связи с неудачами в Европе. Общее положение в августе было тяжелейшим. Части РККА готовились наступать, прежде всего, на Южном фронте. Но концепция экспорта революции продолжала существовать вне зависимости от этих событий. Очевидно, что до августа 1919 г. большевики ориентировались на поддержку европейского революционного движения. В этой связи не может не обращать на себя внимание значительно более высокий процент представительства генштабистов на Западном фронте в сравнении с остальными. Другим возможным вариантом объяснения такой концентрации является серьезность ожидавшихся военных угроз с запада.

продиктован не интересами службы, а устройством личных дел Лютова. В 7[-й] армии все генштабисты за исключением начоперота^I Лютова – полнейшая бездарность. Некоторые из них, как, например, [Н.И.] Кадников, за полной непригодностью откомандированы из армии. Можем откомандировать еще и других в этом роде»^{II}.

Серьезные недостатки существовали на Украинском фронте. Этот фронт был создан в начале 1919 г. под командованием большевика В.А. Антонова-Овсеенко. Фронту было передано управление резервной армии, которой руководил бывший полковник В.П. Глаголев^{III}, занявший пост начальника штаба фронта. Ставилась задача разработки плана завоевания Украины^{IV} с целью занять Киев.

Назначение Глаголева поддерживал Троцкий. 7 января 1919 г. он телеграфировал Антонову-Овсеенко, Ленину и Свердлову: «Поскольку представляется политически неудобным назначить Глаголева командующим Украинской армией, я могу согласиться на назначение другого лица (например, т. Антонова) при условии его работы рука об руку с хорошо организованным штабом из опытных и серьезных специалистов и непосредственной ответственности перед главнокомандующим и Реввоенсоветом республики. Такую работу, понимание в военном деле научно поставленных организаций – т. Ворошилов все это отрицает. Повторять царицынские эксперименты на украинской территории ввиду возможности столкновения с серьезным врагом – на это мы, разумеется, не пойдем»^V. Под серьезным врагом Троцкий подразумевал вероятность возникновения на Украине фронта против Великобритании и Франции. Если украинское правительство было бы против назначения Антонова, «то мы можем сговориться на другом кандидате, который был бы способен работать рука об руку с Глаголевым и выполнять указания центра»^{VI}.

Антонова-Овсеенко кандидатура Глаголева поначалу устраивала. 7 января 1919 г. он писал в ЦК: «Вот что верно – нужно сочетание революционного почина, дерзания и холодного расчета и полноты технических знаний. Лев Давидович это понял и предложил сочетание меня и Глаголева. Должен сказать – я рад этому решению – меня беспокоил “тыл”, т.е. вопрос о закреплении и о формировании резервов – стальных полков революции. С Глаголевым я чувствую себя прочнее. И только прошу – дайте нам таких специалистов. Будут использованы вовсю и прекрасно сработаются с нами, с теми, кто дело ставит выше всего»^{VII}.

3 января 1919 г. красные заняли Харьков, 6 января было провозглашено образование УССР. 12 января был взят Чернигов, 19 января – Полтава, 27 января – Екатеринослав, а 5 февраля – Киев. В результате наступления красные овладели почти всей Лево- и Правобережной Украиной, Северной Таврией, большей частью Крымского полуострова и частью Донбасса. Как уже отмечалось, вынашивались амбициозные планы похода в Европу на поддержку Венгерской советской республики и для осуществления замыслов мировой революции. Однако сил для

^I Начальника оперативного отдела.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 287.

^{III} РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 72. Л. 8.

^{IV} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 396. Л. 50б.

^V РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 12. Л. 71.

^{VI} Там же.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 77.

закрепления занятых территорий не хватило. В результате белые смогли прорвать фронт, овладеть Донбассом и выбить красных из Крыма.

Отношения внутри командного состава украинских советских формирований трудно назвать нормальными. Фактически шла «война всех против всех». С самого начала проявились организационные сложности, заключавшиеся в трениях между Глаголевым и Антоновым-Овсеенко. Вмешательство главкома И.И. Вацетиса еще более запутывало ситуацию. Нарком по военным и морским делам УССР Н.И. Подвойский конфликтовал с командующим Украинским фронтом В.А. Антоновым-Овсеенко. Антонов-Овсеенко конфликтовал с командующим Южным фронтом РСФСР В.М. Гиттисом и не признавал некоторых военспецов, присланных Москвой. Украинским руководством были недовольны В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, причем последний находился с Антоновым-Овсеенко в неприязненных отношениях еще с 1918 г. Военспецы также оказались вовлечены в это противостояние партийных руководителей. Кроме того, эти противоречия умело использовала белая агентура, успешно проникнувшая в украинские советские штабы. В своих воспоминаниях Антонов-Овсеенко написал об этом прямым текстом: «Командукр (т.е. сам Антонов-Овсеенко. — А.Г.) не доверял штабу, сформированному Глаголевым, зачастую скрывал от этого штаба свои оперативные планы, отдавал свои распоряжения через небольшой полевой “штаб”, всегда сопровождавший его в почти беспрестанных поездках по фронту. Сведения о численном составе и т.п. сосредоточивались у особо доверенных лиц»¹.

18 июля 1919 г. бывший командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко написал в ЦК РКП(б) большое оправдательное письмо, в котором подробно изложил основные проблемы украинского военного строительства, трудности взаимодействия с советским центром и с командованием Южного фронта, борьбы с бандитизмом, отхода от партизанских методов ведения войны, а также критически отозвался о своем начальнике штаба. Автор документа отмечал: «В своей организационной работе я почти был без помощников. До признания Укр[аинско-го] фронта я не получал от главкома (за исключением недоучившегося генштаба [И.М.] Виттоля, оказавшегося негодным ни на одном из порученных ему постов) ни одного генштаба. Лишь любезностью тов. [Н.И.] Муралова я обязан тому, что вообще мог сколотить какое-либо подобие штаба. Этот бойкот, возможность которого со стороны Вацетиса вы воспитали, был, казалось, нарушен с передачей Укрфронту аппарата резервной армии Глаголева. Но вопреки всем ожиданиям Глаголев проявил мало состоятельности в непосредственной организационной работе, когда был оставлен мною в Киеве на три недели для руководства переорганизацией частей первой армии и наблюдением за ее операциями. Все же, даже по свидетельству Высшей военной инспекции, штабная работа 1, 2 и 3[-й] наших дивизий поставлена была (с марта) образцово, постепенно начинала налаживаться и работа снабжающих органов, поскольку армиям удавалось спасти от воензагов и снабрмов² организованные собственными усилиями ремонтные мастерские и заготовочные комиссии»³.

¹ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М., 1933. Т. 4. С. 88.

² Отделов военных заготовок и управления снабжения армии.

³ РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Д. 3. Л. 207об. — 208.

Антонов писал о работе штаба Украинского фронта: «За все время моей работы я не имел вполне налаженного штаба. И это отнюдь не потому, чтоб я органически тянулся к бесштабани^I.

Вначале, до назначения наштаукр^{II} Глаголева, я лишен был опытных штабных работников и вынужден был инструктировать в этой работе весь свой штаб. С назначением Глаголева дело пошло лучше, но 1) сам Глаголев оказался и в оперативном отношении мало подготовленным для нашей нынешней войны (он упорно не решался выдвинуть 9[-ю] дивизию из Курска, не веря в прочность нашего положения в Харькове и стараясь прикрыть Курск от возможного контрудара противника; воспитанный на позиционной войне, он, будучи оставлен мною в Киеве для наблюдения за проведением первой армией операций против войск Петлюры, так медленно методически организовывал движение нашей кавалерии, что допустил войска Директории в главной массе уйти из-под удара); 2) штаб, набранный Глаголевым, не внушал мне достаточного доверия (в марте нач[альником] Особого отдела т. Разсудовским была обнаружена связь нашего штаба с белыми – у белых найден разработанный нами план укреплений Орла и Курска; сам Глаголев усиленно проводил в штаб некоего генштаба [М.В.] Баскова, оказавшегося заведомым контрреволюционером, состоявшим по особым поручениям при Скоропадском; штаб был заполнен родичами Глаголева и его близких); 3) оперативная работа отдельных армий Укр[аинского] фронта была настолько слаба, что требовала моего личного над нею наблюдения (мне пришлось непосредственно наблюдать и руководить при занятии Харькова и Киева, при организации нашего отпора последнему наступлению Петлюры на Коростень и Бердичев)»^{III}.

Главком И.И. Вацетис и член РВСР С.И. Аралов 7 мая 1919 г. составили доклад о состоянии Украинского фронта, направив его В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому. В документе обращалось внимание на то, что при 40 миллионах населения на Украине удалось сформировать только около трех дивизий, причем точных сведений о формированиях добиться было невозможно. Констатировался факт того, что украинские советские работники регулярной армии не создадут и разумнее было бы получать с Украины призывников для пополнения дивизий РККА до штаба, а не ждать самостоятельных украинских формирований^{IV}. Помимо этого отмечалась необходимость назначения в регион для руководства операциями опытного генштабиста: «Ввиду того, что на Украинском фронте командование вряд ли в состоянии справиться с задачей продвижения к Будапешту, а равно ввиду необходимости считаться с возможностью выступления Румынии вследствие предъявленного ей ультиматума и с наступлением Петлюры со стороны Галиции, я предлагал бы необходимым назначить командующему Украинским фронтом Антонову помощника, дав ему для этой цели опытного и во всех отношениях приготовленного для широкой, стратегической, организационной и мобилизационной работы гражданина Генерального штаба. То, что в настоящее время делается на Украине, ни в коем случае не может считаться удовлетворительным, так как управление

^I Так в документе.

^{II} Начальником штаба Украинского фронта.

^{III} РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Д. 3. Л. 208.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 13–14.

войсками Украинского фронта настолько вышло из рук командующего, что он не может даже своевременно оказать крайне необходимой помощи Южному фронту выделением четырех бригад. В настоящее время, когда боевое напряжение на Дону и на Восточном фронте потребовало все наши резервы, когда внутри страны у нас готовых резервов нет, такое бессилие командования Украинского фронта может иметь весьма роковые последствия для нашей Гражданской войны»¹. Таким назначенцем стал бывший генерал Н.Г. Семенов, которому было поручено реорганизовать Красную армию на Украине и привести ее к общероссийским стандартам. 15 июня 1919 г. Украинский фронт был расформирован, а его управление обращено на формирование штаба 12-й армии Западного фронта, которую и возглавил Семенов. Фронт этой армии простирался на тысячу километров от Речицы до Запорожья, Екатеринослава и Полтавы.

В сохранявших партизанский характер украинских советских войсках проблема правильной организации штабов и насыщения их кадрами Генштаба стояла остро. По данным на 1 июня 1919 г., в УССР были зарегистрированы 146 генштабистов, из которых 64 занимали должности Генштаба (42 в войсках и 22 – в учреждениях), в резерве состояли 17, 52 человека были на должностях не Генштаба, 13 человек не состояли на военной службе, в том числе по болезни и из-за старости, в неизвестной отлучке пребывали 2 человека. Из числа состоявших в резерве в распоряжение ВГШ были командированы: на Восточный фронт, в штаб армии в Симбирске, – 8 человек, в распоряжение штаба армии Украинского фронта – 9 человек.

Из 154 генштабистов, зарегистрированных в УССР на 20 июня 1919 г., 69 состояли на должностях Генштаба, 49 – на прочих должностях, на Восточный фронт было командировано 8 человек, на Украинский – 9, на Южный – 5, по различным причинам не служили 14 генштабистов². По другим данным на 20 июня было зарегистрировано 144 специалиста.

Украинское командование проявляло определенный сепаратизм в кадровых вопросах, пытаясь удержать у себя генштабистов. Из 144 «лиц Генштаба», зарегистрированных в УССР к 20 июня 1919 г., ПШ РВСР отобрал 34 человека для направления на Западный и Южный фронты, однако наркомвоен Украины из отобранных назначил 14, а 19 человек добавил по своему усмотрению, включая шесть слушателей младшего класса, которые не считались полноценными генштабистами. В дальнейшем оказалось, что из 33 человек 11 освобождены от военной службы или больны, а 12 не могли быть командированы. В итоге командировали только 10 человек, недостающих восполнили 10 «лицами Генштаба», а остальные оказались или слушателями младшего класса, или и вовсе не имели отношения к Генштабу³.

В докладе начальника общего отделения Оперативного управления ПШ РВСР И.Д. Моденова начальнику управления от 3 августа 1919 г. отмечалось: «Перемены нарядов, указывающие на полную неосведомленность Наркомвоен Украины о лицах Генштаба и желание удержать по тем или иным соображениям побольше

¹ Там же. Л. 14.

² Украинская Социалистическ[ая] Советск[ая] Республика. Отчет о деятельности Народного комиссариата по военным делам. Март – май 1919 г. Киев, июнь 1919. С. VIII, 8.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 59.

генштабов у себя, повели к тому, что из числа 109 на фронты командируются только 20 специалистов, а остальное число дополняется произвольно неспециалистами.

Желательно было бы весь список лиц Генштаба, зарегистрированных на Украине... пересмотреть и тех лиц Генштаба, кои могут быть замещены лицами не Генштаба, командировать на фронты, а кроме того, командировать на фронт всех оставшихся слушателей младшего курса академии... для замещения должностей в низших штабах»¹.

Ценные данные содержат результаты инспектирования 3-й Украинской советской Красной армии в июне – июле 1919 г. Высшей военной инспекцией. В отчете инспекции отмечалось, что в штабе армии практически не было подготовленных специалистов.

Единственным работником с высшим военным образованием был начальник оперативного отдела Д. Т. Савинов, который «окончил в 1914 году 2 курса Военной академии; на войне в течение года исполнял обязанности начальника разведывательного отделения Новогеоргиевского укрепленного района; в 1915 году попал в плен, где пробыл до января сего (1919. – А. Г.) года. Настоящую свою должность он исполняет с 22 апреля. Таким образом, если теоретическую подготовку т. Савинов и получил (без дополнительного курса академии), зато опыта для этой деятельности у него нет.

Роль начальника оперативного отделения (в данном случае правильно – отдела. – А. Г.) равняется в сущности той роли, которую в старой армии выполнял генерал-квартирмейстер. Естественно, на этой должности должно быть лицо с соответствующей подготовкой и широким служебным опытом.

Наличие теоретической подготовки у т. Савинова дает ему возможность справляться с работой настолько, чтобы не делать резких промахов в технической стороне дела, а также в разрешении оперативных вопросов сравнительно мелкого масштаба; отсутствие же широкого опыта оказывается ощутительно на некоторых неудовлетворительно разрешенных вопросах, чего не было бы допущено лицом с соответствующим служебным опытом.

Недостаточная служебная опытность для своей должности у тов. Савинова сказывается тем ощутительнее, что как высшее его начальство, так и непосредственные его подчиненные не имеют должной теоретической и практической подготовки.

Т. Савинов был бы прекрасным помощником начальника оперативного отдела, а также на должности менее ответственной – начальника оперативного или разведывательного отделений; на его же место необходимо назначить начальника из числа Генштаба с гораздо бóльшим служебным опытом»¹.

Результатом отсутствия подготовленных штабных работников стали серьезные затруднения при подготовке наступления на Бессарабию и при подавлении мятежа [Н. А.] Григорьева. В отчете инспектировавшей армию комиссии отмечалось: «Для подготовки этого наступления, прежде, чем отдавать простой приказ, для его выполнения необходимы крупные подготовительные работы оперативного отдела: а) собрать все доступные сведения о противнике, его силах и группировке, настроении в войсках противника и среди населения; б) сведения о местности,

¹ Там же. Л. 59об.

¹¹ РГВА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 18. Л. 6об.–7.

на которой предстояло действовать; особенно тщательно разведать и наметить места переправы через Днестр и собрать средства для этой переправы; в) сведения о своих войсках, о количестве боевого снаряжения, продовольствия и фуража; г) о соседних наших армиях.

В зависимости от перечисленных данных должен быть выработан план действий III армии; выбраны главнейшие и второстепенные направления удара; время начала действий и проч.

Следов всей этой подготовительной работы нигде не найдено; не найдено также и указаний по сему со стороны начальника штаба. Здесь полный пробел.

Не исследована даже река Днестр, которую прежде всего предстояло форсировать; не намечены переправы. Начальник штаба заявил, что у Маяки заготовлен мост для переправы через Днестр, а на остальном участке средствами переправы должны служить лодки; сколько же и где они — сведений не имеется.

Данных о разведке Днестра и средствах переправы в отделе вообще не имеется; не заметно, чтобы отдавались и распоряжения по этим вопросам.

Наступление наше должно было состояться как бы по инерции, чтобы дать работу для войск; последние должны были идти как бы вслепую, на авось. Шансы за и против не выставлены и не взвешены. Наступление, назначенное на 1 мая, не состоялось, и, несомненно, к лучшему. Начальник 5[-й] дивизии упросил дать отсрочку до 6 мая вследствие неготовности дивизии к наступлению; кроме того, хотели вытянуть к указанному числу на фронт и Григорьевскую дивизию.

В итоге пришлось действовать не против румын, а против Григорьева. Не была учтена обстановка, отсюда пришлось принимать скороспелые решения без определенного плана в действиях...

Распоряжения для подавления григорьевского наступления носят характер растерянности, без всякой предварительной обдуманности и плана.

А между тем, судя по имевшимся в штабе сведениям, Григорьев со своей дивизией давно не внушал доверия; с первых чисел мая это особенно подтверждалось, несмотря на телеграммы комфронта^I Антонова, для которого Григорьев, по-видимому, еще не был достаточно ясен.

Можно было наметить заблаговременно план своих действий для быстрой ликвидации его авантюры. Но следов этой работы в отделе нет^{II}

В отношении операции против Григорьева был сделан вывод, что «если последняя благополучно для нас закончена, то не потому, что мы в вопросе управления хороши, а потому, что противник гораздо хуже нас»^{III}.

Итог комиссия подводила неутешительный: «Все перечисленные упущения и другой материал, имеющийся в делах, достаточно наглядно говорят, что как начальник штаба т. Пионтковский, так и его сотрудники оперативного отдела не имеют достаточного опыта и подготовки, чтобы с успехом руководить работами штарма и быть соответствующим помощником командарму в деле управления войсками. Начальник штаба полон энергии, много работает, но к широким

^I Командующего фронтом.

^{II} РГВА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 18. Л. 8об.—9об.

^{III} Там же. Л. 10.

рамкам настоящей должности, требующей лица с гораздо большим опытом и специальными познаниями, он не подготовлен»^I.

При отсутствии специалистов в армии должным образом не велась разведка, не было надлежащим образом организовано хранение секретных документов. Нормальной работе мешала и слабая дисциплина. К примеру, штаб, не получая сведений от войск, направил в части своего сотрудника на автомобиле для сбора сведений, однако в одной из частей у штабного работника автомобиль конфисковали^{II}.

В качестве вывода о работе штаба комиссия сообщала, что «обнаруженные недочеты и упущения в штабе, в оперативном его отделе, — отнюдь не являются результатом нерадения, небрежности или злой воли сотрудников.

Наоборот, как высший командный состав, так и все ответственные работники оперативного отделения отдаются своей работе, по-видимому, с полной энергией, почти круглые сутки за своей работой в штабе.

Красною чертою проходит везде одна главная причина означенных недочетов: отсутствие почти у всех должной теоретической подготовки и широкого служебного стажа, так необходимых для сложного и ответственного дела управления войсками.

Для того, чтобы штаб в оперативном отношении был бы на высоте своего положения, настоятельно необходимо изменение в его личном составе:

а) назначение на должности начальника штаба армии и начальника оперативного отдела лиц из числа военных специалистов, получивших хорошую подготовку и практику в оперативной штабной работе;

б) доставление в штаб не менее двух лиц из числа Генштаба на должности начальников самых важных и ответственных отделений: оперативного и разведывательного;

в) сосредоточить в разведывательном отделении агентурную разведку о противнике, придав сюда и топографическое отделение;

г) отпустить необходимые для штарма технические средства, так как без них управление войсками будет ненадежным»^{III}.

Председатель СНК УССР Х.Г. Раковский сообщал Троцкому в шифротелеграмме от 9 августа 1919 г.: «Время колебаний прошло, и я обязуюсь выжать из советских и партийных аппаратов все. Военные руководители здесь не на высоте. Изъятие из Реввоенсовета [Г.Я.] Кутырева, Фека (?)^{IV}, [А.Я.] Семашко, которые каждый в своей области работали хорошо, первые два очень хорошо, дезорганизовало аппарат. Подвойский, уезжая [в] Москву, забрал с собой всех хороших генштабистов»^V.

Сложная ситуация была в 14-й армии К.Е. Ворошилова, возникшей из 2-й Украинской советской армии в начале июня 1919 г. 2-й Украинской армией командовал А.Е. Скачко (негенштабист), которого Ворошилов характеризовал как расслабленного и больного человека, приютившего дармоедов в штабе^{VI}. Начальник штаба армии Н.А. Карташов (негенштабист) считался неспособным. Однако смена вывески

^I Там же. Л. 11.

^{II} Там же. Л. 14об.

^{III} Там же. Л. 14об. — 15.

^{IV} Так в документе.

^V РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 888.

^{VI} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 15.

и реорганизация улучшили ситуацию незначительно, тем более что состав армии, включавшей партизанские формирования махновцев и григорьевцев, оставлял желать лучшего. Начальником штаба по рекомендации Харьковского окружного военного комиссариата был назначен недоучившийся курсовик, кавалер Георгиевского оружия бывший капитан С. И. Шкляр-Олексюк (Шкляр-Алексюк). Его считали сочувствующим коммунистам, но для контроля приставили двух энергичных комиссаров. Прибыли и другие военспецы из Харьковского военкомата.

Отношения коммунистов и военспецов не сложились. На последних смотрели как на расходный материал^I. Еще в конце июня 1919 г. возмущенные спецами командарм Ворошилов и член РВС армии В. И. Межлаук телеграфировали командующему Южным фронтом В. М. Гиттису с копией Троцкому: «К сожалению, штаба Генштаба Шкляр-Алексюк и начоперод Генштаба [А. Н.] Ягода совершенно не справляются со своими обязанностями. Прошу не отказать в самой срочной высылке двух [специалистов] Генштаба для занятия подлежащих должностей»^{II}. Весомые основания для возмущения у партийных работников были. Например, Шкляр-Олексюк отличился тем, что издал приказ по армии без подписи и ведома командующего^{III}. Штабисты не владели оперативной обстановкой. На фоне успехов белых, которые 23 июня заняли Белгород, 24-го — Харьков, а 30-го — Екатеринослав, почти весь полевой штаб армии (в том числе Шкляр-Олексюк и Ягода) остался в последнем, перейдя на сторону противника.

После череды неудач Ворошилов и Межлаук постарались возложить ответственность за случившееся на «бывших». В подготовленных в середине августа 1919 г. развернутых объяснениях о причинах неудачи они писали: «Вскоре же выяснилось, что Генштаба Шкляр не соответствует своему назначению благодаря неразвитости, военному невежеству и полному неумению разбираться в обстановке»^{IV}. Не менее удручающую оценку получил начальник оперативного отдела А. Н. Ягода: «Начальник оперативного отдела Ягода, вместе со всеми другими начальниками отделений штаба перешедший впоследствии к белым... представлял собой вялого и бестолкового человека, не справлявшегося с задачами, несмотря на свою принадлежность к Генштабу. Его оперативные распоряжения свидетельствуют о полной неосведомленности об окружающей обстановке и неумении учить ни свои, ни противника силы»^V.

Но партийные работники также несли ответственность за поражения: тяжелейшее положение на фронте усугублялось антиспецовскими настроениями Ворошилова, в управлении войсками отсутствовала централизация, царила неразбериха, командарм неизвестно где находился, а почти все штабные автомобили забрали комиссары, в том числе для личного пользования. Случившееся отразилось на карьере Ворошилова, которого после оставления Харькова сняли с поста командующего и предали суду. Впрочем, никакого наказания не последовало.

^I ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 141об.

^{II} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 132.

^{III} Там же. Л. 86.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 17.

^V Там же. Л. 14.

По итогам Гражданской войны опыт службы специалистов Генштаба в украинских советских штабах оценивался невысоко. Так, в феврале 1920 г. велась переписка между ПШ РВСР и ВГШ по вопросу причисления к Генштабу курсовика В.А. Куприянова, в свое время не доучившегося на курсах академии. Начальник ПШ РВСР констатировал, что «Достаточных данных к причислению к Генеральному штабу тов. Куприянова нет.

Стаж его по службе Генерального штаба в Красной армии незначителен, так как служба в 1-й Украинской армии, которая в сущности была партизанской, не могла дать ему практики и опыта по службе Генерального штаба...»¹

От украинской советской кадровой политики вернемся к общесоветской. По данным на 1 сентября 1919 г., 515 генштабистов РККА распределялись следующим образом (табл. 34).

Таблица 34

Распределение «лиц Генштаба» в РККА к 1 сентября 1919 г.»

Место службы	Количество
ПШ РВСР (без ЦУПВОСО), включая состоящих в распоряжении главкома и начальника штаба	36
ЦУПВОСО	10
Западный фронт	72
Южный фронт	63
Восточный фронт	28
Туркестанский фронт	7
6-я армия	7
12-я армия	18
Московский военный округ	17
Петроградский военный округ	37
Орловский военный округ	10
Приволжский военный округ	5
Ярославский военный округ	8
Уральский военный округ	4
Западный военный округ	11
Центральные управления	103
На Украине	79

В июле 1919 г. на Восточном фронте к белым перешел командир 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии, член антибольшевистской подпольной организации бывший полковник В.В. Котомин. Сразу после дезертирства он подготовил для белого командования обстоятельный доклад о состоянии РККА. Вскоре этот документ оказался в Советской России, где с ним ознакомились В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, высоко оценившие содержание доклада.

¹ РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1591. Л. 139.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 3.

Некоторые разделы документа касались генштабистов (сам Котомин к ним не принадлежал и судил со стороны): «Командный состав Красной армии самый разнородный. Прежде всего, несколько слов об офицерах Генерального штаба. Их всего на территории Советской России около 300 человек¹. Надо полагать, что значительный % из них состоит в Союзе национального возрождения, но, безусловно, есть и такие, которые работают за совесть, оказывая огромную услугу большевизму. Хотя и знаю очень многих из офицеров Генштаба, работающих в Красной армии, но отнюдь не могу сказать об истинном характере их работы, что, несомненно, в будущем можно будет точно установить, т.к. сведения по этому самые точные имеются в Национальном центре². В общем можно сказать, что большинство старших офицеров Генштаба пристроились в тылу, только более молодые или добровольно, или по принуждению состоят на фронте»³.

Такая оценка не вполне точна, поскольку лишь несколько десятков генштабистов состояли в антибольшевистском подполье. Что касается замеченного перебежчиком преобладания выпускников академии до 1914 г. на тыловых должностях, то это явление действительно прослеживается по «Списку лиц Генерального штаба, зарегистрированных общим отделением Оперативного управления Полевого штаба РВСР к 15 июля 1919 г.»⁴. Но, разумеется, штабные должности в тылу тоже требовалось кем-то замещать. Немалая часть специалистов Генштаба концентрировалась в столице Советской России. По данным на 16 августа 1919 г., в Москве в центральных органах военного управления служили 124 генштабиста⁵.

Дефицит кадров провоцировал борьбу за них и перетягивание специалистов с фронта на фронт. 14 октября 1919 г. члены РВС Западного фронта обратились к председателю РВСР с просьбой не забирать начальника штаба фронта Н.Н. Петина и командующего 15-й армией А.И. Корка: «Вполне учитывая тяжелую обстановку Южного фронта, мы дали не только реальную силу для него, но дали и ряд лучших и ответственных работников, но окончательно обескровить фронт, лишить всех более-менее видных военспециалистов — значит окончательно подорвать устои фронта и тем самым подготовить серьезное осложнение и на Зап[адном] фронте, где еще возможна серьезная работа, и для Юж[ного] фронта. Ничуть не защищаем Зап[адный] фронт из каких-либо местных интересов, интересов местной колокольни, но именно исходя только из общих соображений, [в] общесфронтовом масштабе, в данное время, когда дрогнул правый фланг Зап[адного]

¹ В. В. Котомин, вероятно, основывался на данных официальных списков Генштаба, в которых на июль 1919 г. в рядах РККА зафиксированы от 288 до 393 бывших офицеров Генерального штаба, всего же в них фигурировали от 417 до 538 выпускников Военной академии различных категорий. По установленным нами персональным данным, на август 1919 г. в РККА служили 655 выпускников Военной академии различных категорий, а всего через ряды РККА за годы Гражданской войны прошли не менее 1600 выпускников академии (подробнее см.: Ганин А. В. С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4–14; Его же. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 33–58).

² «Всероссийский Национальный центр» — подпольная антибольшевистская организация, созданная весной — летом 1918 г. в Советской России. Раскрыт ВЧК летом — осенью 1919 г.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 242об. Документ опубликован в: Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018. С. 229–270.

⁴ РГВА. Ф. 25892. Оп. 3. Д. 848. Л. 3–19об.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 38.

фронт[а] и пр[отивни]к занял Ямбург, Волосово [и] развивает свое наступление на Питер, одновременно началось сегодня наступление и со стороны Изборска на Псков». Корк считался лучшим командармом фронта. Его кандидатуру членам РВС удалось отстоять (этой армией Корк прокомандовал еще год), а Петина перевели на Южный фронт.

Порой командующие не могли добиться дефицитных генштабистов. Так, командующий 10-й армией в октябре 1919 г. писал: «Все мои заботы о привлечении генштабистов в армию остаются без последствий»^I.

В связи с дефицитом использовались любые специалисты, в том числе не всегда соответствовавшие занимаемым должностям. Характерен рапорт начальника штаба Орловского военного округа начальнику военной части того же округа от 24 ноября 1919 г. о 57-летнем бывшем генерал-лейтенанте А.И. Нестеровском: «Тов. Нестеровский, будучи в преклонных годах, не может уже нести той интенсивной работы, какая требуется теперь от ответственных работников.

Чтобы руководить в настоящее время работой, нужны, во-первых, знания не только по своей специальности и [необходимо] знать работу подчиненных, чтобы контролировать эту работу, а во-вторых, обладать инициативой, иначе работа застынет и результата ее не будет. Ни одним из этих данных т. Нестеровский не обладает, и в настоящее время работа т. Нестеровского сводится исключительно к подписыванию бумаг, какие ему дают, т.к. преклонные годы его ведут уже не к приобретению опыта, а наоборот – ослаблению, как умственных способностей, так и физических»^{II}. В 1920 г. Нестеровский скончался.

Кадровый голод не препятствовал, однако, устранению с ответственных постов тех военспецов, которые плохо себя показали в боевой обстановке. В октябре 1919 г. неудачи на Южном фронте привели к снятию с должности командующего бывшего генерала В.Н. Егорьева, которого заменил А.И. Егоров (негенштабист). Член РВС Южного фронта Л.П. Серебряков предлагал Ленину и Троцкому срочно снять Егорьева еще 28 сентября: «Отозвание командюжа^{IV} Егорьева необходимо в кратчайший срок. Растерянность и неуверенность Егорьева погубят любую операцию так же, как была загублена харьковская (приказ об отходе, когда наши разъезды были в 10 [верстах] от Харькова, путь перед двумя дивизиями на Харьков открыт, Волчанск прочно занят 12[-й] див[изией], и от Белгорода части 42[-й] див[изии] были в 3^х верстах).

Заменить Егорьева предлагаю нынешним командармом 10[-й] – Ключевым, который политически внушает полное доверие, а в смысле оперативных и административных способностей несомненно представляет незаурядную величину»^V.

По данным на 1 ноября 1919 г., в РККА состоял 491 специалист Генштаба, в течение месяца убыли 82, вновь зарегистрированы в ПШ РВСР 23 специалиста. К 1 декабря 1919 г. числились 426 человек и еще 48 не значились по списку Генштаба, но также служили в армии^{VI} (табл. 35).

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 66. Л. 336–336об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 124. Л. 428об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1008. Л. 88.

^{IV} Командующего Южным фронтом.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 160.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 1.

**Сведения о службе специалистов Генштаба РККА в ПШ РВСР и на фронтах
на 1 декабря 1919 г.^I**

Место службы	По штату	Налицо	Некомплект (%)
ПШ РВСР (без ЦУПВОСО)	28	39	
ЦУПВОСО		8	
6-я армия (3 дивизии)	55	6	89
Западный фронт (3 армии, 11 дивизий)	218	63	71
Южный фронт (4 армии, 28 дивизий)	469	46	90
Юго-Восточный фронт (3 армии, 18 дивизий)	316	18	94
Восточный фронт (2 армии, 9 дивизий)	177	18	90
Туркестанский фронт (2 армии, 3 дивизии)	90	20	79
Итого	1325	170	85

В тылу кадры Генштаба распределялись следующим образом (табл. 36).

Таблица 36

**Сведения о службе специалистов Генштаба РККА в тыловых учреждениях
на 1 декабря 1919 г.^{II}**

Место службы	Количество
Московский военный округ	12
Петроградский военный округ	54
Орловский военный округ	6
Приволжский военный округ	6
Ярославский военный округ	10
Уральский военный округ	2
Западный военный округ	8
Центральные учреждения	109
Войска Туркестанской республики	1
Итого	208

Выявление абсолютных показателей соотношения кадров Генштаба у красных и у их противников, безусловно, крайне важно, однако не менее значим процент заполнения должностей Генштаба соответствующими специалистами. Положение РККА на протяжении 1918–1919 гг. в этом вопросе оставалось стабильно тяжелым, о чем наглядно свидетельствует таблица распределения специалистов Генштаба РККА к 5 декабря 1919 г. (табл. 37).

^I Там же.

^{II} Там же.

Распределение «лиц Генштаба» РККА к 5 декабря 1919 г.¹

Место службы	По штату	Налицо	% некомплекта	Примечание
ПШ РВСР без ЦУПВОСО	28	33	11	Из них состоят в распоряжении ПШ РВСР 4; главкома – 4; Л. Д. Троцкого – 2; начальник службы связи РККА – 1. Итого: 11
6-я отдельная армия				
Штаб армии	13	6	54	
3 дивизии	42			
Итого	55	6	89	
Западный фронт				
Штаб	25	25		Из них: сотрудник для поручений при учебном архиве; начальник штаба тыла; начальник школы штабной службы; заведующий учебной частью школы штабной службы; заведующий библиотекой. Итого: 5
7-я армия				
Штаб армии	13	10	23	Из них: в Петроградском укрепрайоне 2; в штабе Кронштадтской крепости 1. Итого: 3
4 дивизии	56	2	97	
15-я армия				
Штаб армии	13	8	38	Из них: начальник командных курсов 1
5 дивизий	70	5	93	
16-я армия				
Штаб армии	13	9	31	Из них: помощник начальника курсов для младшего комсостава 1
2 дивизии	28	4	86	
Итого	218	63	71	

¹ Там же. Л. 4–5.

Место службы	По штату	Налицо	% некомплекта	Примечание
Южный фронт				
Штаб фронта	25	18	28	Из них: начальник отделения по укрепрайонам 1; в Орловском укрепрайоне 1; в особой авиагруппе 1; в Пензенском укрепрайоне 1; в Воронежском укрепрайоне 1; начальник бригады Курского укрепрайона 1. Итого: 6
8-я армия				
Штаб армии	13	3	77	Из них помощник командарма 1
8 дивизий	112		100	
12-я армия				
Штаб армии	13	5	89	
4 дивизии	56		100	
13-я армия				
Штаб армии	13	7	46	
8 дивизий	112	5	96	
14-я армия				
Штаб армии	13	4	69	
8 дивизий	112	4	97	
Итого	469	46	90	
Юго-Восточный фронт				
Штаб фронта	25	9	64	Из них в Тамбовском укрепрайоне 1
9-я армия				
Штаб армии	13	3	75	
7 дивизий	98	1	99	
10-я армия				
Штаб армии	13	4	69	Из них зав. особым делопроизводством 1
7 дивизий	98			
11-я армия				
Штаб армии	13	1	93	
4 дивизии	56		100	
Итого	316	18	94	

Место службы	По штату	Налицо	% некомплекта	Примечание
Восточный фронт				
Штаб фронта	25	7	72	Из них в Троицком укрепрайоне 1
3-я армия				
Штаб армии	13	2	85	
3 дивизии	42	2	95	
5-я армия				
Штаб армии	13	7	46	
6 дивизий	84		100	
Итого	177	18	90	
Туркестанский фронт				
Штаб фронта	25	13	48	Из них по учебной части при штабе фронта 6
1-я армия				
Штаб армии	13	3	75	
2 дивизии	28		100	
4-я армия				
Штаб армии	13	3	75	
1 дивизия	11		100	
Итого	90	19	79	
ВСЕГО	1353	203	85	

Судя по данным таблицы 37, средний некомплект генштабистов по Красной армии достигал чудовищного показателя в 85%. На дивизионном уровне некомплект нередко доходил до 100% (во всех дивизиях 1, 4, 5, 8, 11 и 12-й армий) или был близок к этому (в дивизиях 3, 7, 9, 13, 14-й армий), что обусловлено сосредоточением кадров Генштаба в вышестоящих (армейских и фронтовых) штабах. Некомплект армейских штабов был, как правило, значительно выше некомплекта фронтовых штабов. Так, в среднем некомплект фронтовых штабов (включая штаб 6-й отдельной армии) составлял 44,3%, тогда как некомплект армейских – 63,6%.

Из таблицы 37 видно, как советское военно-политическое руководство концентрировало кадры военной элиты на наиболее важных направлениях. Аналогичный подход практиковался и в отношении переброски и концентрации на угрожаемых фронтах войск, действий по внутренним операционным направлениям. Так, в декабре 1919 г. важнейшим был Южный фронт, некомплект генштабистов в штабе фронта составлял всего 28%. Показательно, что на Западном фронте, где завершался разгром Северо-Западной армии белых и существовала угроза обострения борьбы с Польшей, конфликтов с Прибалтикой и Финляндией, некомплекта генштабистов в штабе фронта вообще не наблюдалось. Армии Западного фронта были насыщены кадрами Генштаба существенно выше всех других армий. Из этого напрашивается вывод об особой значимости этого фронта для большевиков – возможно, в связи с популярными тогда идеями экспорта революции на Запад. Некомплект

штаба Туркестанского фронта в 48% связан с тем, что на этом направлении также продолжалась борьба с остатками белых Уральской и Оренбургской армий. Некомплект второстепенных участков – 6-й отдельной армии, Юго-Восточного и Восточного фронтов – существенно выше. В особенности некомплект штаба Восточного фронта (72%), поскольку победа над войсками А.В. Колчака казалась очевидной.

Об отсутствии перспективы снижения кадрового голода начальник ПШ РВСР П.П. Лебедев сообщал начальнику штаба Южного фронта 7 декабря 1919 г.: «Три самых важных и крупных фронта (Южный, Юго-Восточный и Восточный) и 6[-я] армия находятся в одинаково тяжелых условиях [с] укомплектованием лицами Генштаба, и некомплект на них достигает на Южном и Восточном 90 процентов, [на] Юго-Восточном – 94 и [в] 6[-й] армии – 89 процентов. Несколько [в] лучших условиях Зап[адный] фронт и Турк[естанский] фронт, где некомплект 71 и 74 процента, причем принимаются меры [к] укомплектованию за их счет вышеупомянутых фронтов. Из приведенного подсчета ясно, что запаса Генштаба нет, и улучшение можно ожидать только с выпуском со старшего класса академии, то есть не ранее лета 1920 года^I. Впрочем, летом 1920 г., как и летом 1919 г., слушатели Академии Генштаба РККА направлялись на фронты лишь временно, вплоть до возобновления занятий в академии осенью.

Поскольку кадровый голод в отношении генштабистов в многомиллионной армии лишь нарастал, пошли по пути повышения уровня должностей, на которые следовало назначать соответствующих специалистов. Так, в январе 1920 г. Организационное управление ВГШ сообщало, что за неимением свободных от должностей «лиц Генштаба» на должности начальников штабов бригад следовало назначать военспецов не Генштаба, которые в Первую мировую войну несли штабную службу по оперативной части^{II}. В дальнейшем начальниками бригадных штабов иногда назначали даже слушателей Академии Генштаба РККА. В основном же слушатели красной академии занимали должности помощников начальников дивизионных и бригадных штабов.

Отметим прагматизм советского командования. Когда Гражданская война на Европейском Севере России в феврале 1920 г. завершилась, из штаба 6-й отдельной армии были изъяты кадры Генштаба. Этих специалистов штаб отдавать не хотел, так как весной 1920 г. был воссоздан Беломорский военный округ, также нуждавшийся в кадрах^{III}. Тем не менее дефицитные генштабисты были переброшены на более ответственные места службы (в частности, на усиление 15-й армии Западного фронта^{IV} в связи с эскалацией Советско-польской войны).

При дефиците кадров и готовности принимать на различные должности любых выпускников академии кадровая политика в РККА все же проводилась. Сохранился отпуск записки П.П. Лебедева на имя начальника ВГШ от 12 сентября 1920 г.: «Несмотря на остро ощущаемую скудость в лицах Генерального штаба, использование их совершается крайне нерационально. Много молодежи оставляется в тылах или занимает на фронте второстепенные, по существу, почти тыловые должности.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 341.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 38.

^{III} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 112.

^{IV} РГВА. Ф. 25863. Оп. 2. Д. 317. Л. 31.

В списке таких лиц находятся Генштаба: Стульба В.Ю. и Максимов В.И., состоящие на курсах разведки при Регистрационном управлении Полевого штаба, первый — [в должности] заведывающего курсами и учебной частью курсов и второй — штатным лектором курсов.

Ввиду того, что работа молодых сил на фронте не только желательна для пользы дела, но и необходима им самим для служебного стажа, полагал бы необходимым предоставить этим лицам соответствующие должности на фронте.

Прошу сообщить, не встречается ли с Вашей стороны к этому препятствий».

Циркулярно рассылалась бумага похожего содержания, подготовленная общим отделением Оперативного управления ПШ РВСР: «Из списка слушателей и окончивших красную академию видно, что использование их совершается крайне не рационально. Многие оставляются в тыловых частях без определенных занятий или занимают на фронте должности, по существу, почти тыловые. Ввиду того, что работа молодых сил в боевой обстановке не только желательна для пользы дела, но и необходима им самим для служебного стажа, следует назначать их на должности полевого характера. Начальникам штабов фронтов и армий необходимо внимательно следить за прохождением службы молодых генштабистов и слушателей, наблюдая, чтобы таковые не засиживались подолгу в крупных штабах и тылах, на должностях, не соответствующихлевой службе Генерального штаба. Лучшим способом достижения этой цели является освежение личного состава старших и младших штабов путем своевременного взаимообмена, с выдвижением достойных на более ответственные должности, не задерживая их в младших штабах на работах вспомогательного характера»^I.

В марте 1920 г. Кавказский фронт настолько остро нуждался в генштабистах, что командующий фронтом М.Н. Тухачевский просил заместителя председателя РВСР прислать двух обещанных и трех-четырёх дополнительно, «хотя бы престарелых, и 50 человек кадровых офицеров как руководителей»^{II}.

Выпускники Николаевской академии сыграли видную роль в Советско-польской войне, причем служили как в рядах РККА, так и в противостоявших ей польской и союзных ей армиях.

Рассмотрим, как распределялись генштабисты внутри объединений РККА. Представляют интерес данные о составе кадров Генштаба Западного фронта в марте 1920 г. (табл. 38).

Таблица 38

**Распределение «лиц Генерального штаба» Западного фронта
по месту и роду службы в марте 1920 г.^{IV}**

Род службы / место службы	Полевое управление фронта	15-я армия	16-я армия	Всего
По оперативной части	13	7	8	28
По административной части	3	2		5

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 19–19об.

^{II} Там же. Л. 24.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 102.

^{IV} Сост. по: РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 183. Л. 14–19.

Род службы / место службы	Полевое управление фронта	15-я армия	16-я армия	Всего
По военным сообщениям	3	1	1	5
По военно-учебным заведениям	3	1	1	5
Прочие	2			2
Всего	24	11	10	45

По образовательному цензу распределение было следующим (табл. 39).

Таблица 39

Распределение «лиц Генерального штаба» Западного фронта в марте 1920 г. по результатам окончания ими Военной академии^I

Окончание академии / место службы	Полевое управление фронта	15-я армия	16-я армия	Всего
Довоенные выпуски	12	5	3	20
1915	2		1	3
1916	4		1	5
1917	6	6	4	16
Причисленные к Генштабу			1	1
Всего	24	11	10	45

Из таблиц 38 и 39 следует, что основные силы специалистов Генштаба были сосредоточены на оперативной работе, причем для пользы дела в штабе фронта концентрировались более квалифицированные довоенные выпускники академии, тогда как в армейских штабах большинство составляли курсовики.

Для нужд фронта генштабистов с начала мая 1920 г. стали направлять на Западный фронт и в его армии. Из-за дефицита кадров иногда возникали патовые ситуации. Начальник военной части Беломорского военного округа Н.В. Лисовский в июне 1920 г. отказывался от назначения начальником штаба 3-й армии, если ему не позволят взять с собой личный состав и имущество штаба округа, так как формировать новый штаб у него не было сил^{II}. Когда Лисовскому разрешили взять с собой пятерых сотрудников по его выбору^{III}, оказалось, что это может парализовать работу штаба округа, где и без того имелось только 45% штатных сотрудников^{IV}.

Бывший полковник П.Л. Бурков, окончивший два класса академии по 2-му разряду и служивший в РККА, возможно, в связи с событиями войны заявил, что как уроженец одной из польских губерний не подлежит военной службе согласно

^I Сост. по: Там же.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 280.

^{III} Там же. Л. 283.

^{IV} Там же. Л. 289.

приказу РВСР № 284 от 27 февраля 1920 г.^I Судя по всему, это заявление было принято во внимание, так как в дальнейшем Бурков не значился в списках «лиц Генштаба» РККА.

В связи с войной возросла нагрузка и в центре. В ВГШ не хватало «лиц Генштаба» даже на должностях начальников управлений^{II}. В отчетном отделе Организационного управления ВГШ вместо положенных по штату 16 «лиц Генштаба» состояли лишь трое (81 % некомплекта), причем один из них был всецело занят выработкой «Положения о полевом управлении войск», а другой являлся ответственным руководителем по составлению статистических и военно-географических описаний. Не замещена «лицом Генштаба» была даже должность начальника дислокационного отделения^{III}. Резервом пополнения кадров считались ГУВУЗ и Академия Генштаба РККА. Неудивительно, что, когда в РККА начали массово попадать пленные генштабисты антибольшевистских армий, командование, несмотря на возможные риски, ухватилось за этот ресурс (например, на 1 мая 1920 г. в штабе 5-й армии и нижестоящих штабах скопилось 47 бывших колчаковских генштабистов^{IV}).

Некоторые генштабисты рвались на польский фронт. Командовавший 12-й кавалерийской дивизией В.П. Глаголев писал главкому С.С. Каменеву: «Официально ходатайствовать не могу, но частным образом очень прошу со своей дивизией на польский фронт. Правда, дивизия маленькая, но и в настоящем своем виде вполне способна на хорошую работу, а если ее усилить необходимой техникой, то и на отличную.

Хвалиться не буду, а факты доложу. Прошли 2000 верст, из них 1200 зимой при морозах от 23 до 30 градусов; через Донскую область шли во время метелей, буквально пробиваясь в снегу, в колоннах по одному, меняя головные эскадроны через 5–6 верст. Ни опродкомов^V, ни других органов снабжений в Донской области не видели, но жителям платили за все, и на дивизию не только нет ни одной жалобы, но не раз к нам приходили благодарить за отсутствие того, что называется реквизициями.

Когда появился фураж и кое-какое снабжение, переходы стали веселые: из Великокняжеской в Тихорецкую (около 200 верст) 4 перехода, из Тихорецкой в Армавир 137 верст в 53 часа.

Люди дисциплинированы и обучены. С командным составом занимаюсь постоянно. Инспекция, присланная из 10[-й] армии, нашла только грязь на винтовках (два месяца не было даже керосину), а все остальное расхвалила.

Драться хотят и будут; здесь были только мелкие стычки, но в них кидались один на трех.

С пленными ведут себя хорошо; при опросе мною не только не было жалоб, но благодарили за корректное обращение и даже подарок поднесли командиру 68-го полка — две лошади с упряжью.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 178.

^{II} Там же. Л. 109.

^{III} Там же. Л. 60.

^{IV} Там же. Л. 74.

^V Особых продовольственных комиссий.

Горе одно — одеты плохо, в армии запасы малы, а в дивизии совсем нет; пополнения прибывают совершенно раздетые, а одеть не во что.

Теперь закупаем лошадей и велосипеды, чинимся после походов, чиним обоз, за которым буквально ныряли в р[еку] Маныч (дошли до Великокняжеской с санным обозом, а колесного не было), несли не то гарнизонную, не то экспедиционную службу и занимаемся усердно.

Больше не буду утруждать Вас. Если нужны, отправьте; если нужны здесь, рады служить, где прикажут. Если можно помочь чем-либо красивым вроде красных или синих штанов, помогите оборванцам, которые и голодали по 6–7 дней, но службу несли»^I.

В ходе Советско-польской войны некоторые выпускники академии оказались интернированы в Восточной Пруссии. Например, бывший генерал З.И. Зайченко вместе с 53-й пограничной дивизией, которая отступила туда после неудачи в Польше. Позднее военспец попал в Ганновер, откуда в сентябре 1920 г. писал начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву: «Я с дивизией интернирован в Германии, в Ганновере, в лагере военнопленных в Hammeln'e (дивизия 53-я погр[аничная]).

Меня очень и очень волнует вопрос о моей семье, проживающей в Киеве»^{II}. В итоге супруге интернированного выдали пособие в размере 2500 руб.^{III}

Еще одним интернированным являлся служивший начальником штаба III кавалерийского корпуса Г.Д. Гая (Бжишкяна), а затем начальником управления по ремонту корпуса бывший штабс-ротмистр А.К. Семенов, который окончил только младший класс 1-й очереди ускоренных курсов и при этом состоял в РКП(б). Из Германии он вернулся в ноябре 1920 г.^{IV} Интернирован оказался и другой начальник штаба корпуса Я.Я. Юршевский, затем перешедший на службу в латвийскую армию. Еще в мае 1919 г. в польский плен попал бывший полковник П.М. Смоляк, занимавший должность для поручений при командующем Белорусско-Литовской армией.

По свидетельству антибольшевистски настроенного бывшего генерала И.А. Данилова (негенштабиста), захваченного красными в плен, в 1920 г. «служба Генерального штаба в армиях, число которых было 16, неслась бывшими офицерами Генерального штаба, которых в Совдепии было 450 человек согласно списка, который я видел, но ввиду недостатка таковых должности Генерального штаба занимались преимущественно бывшими полковыми адъютантами, причем таковые встречались даже на посту начальника штаба армии»^V.

На 23 июля 1920 г. в отделении по службе Генштаба ВГШ значились на учете 377 «лиц Генштаба», включая 173 в подчинении ВГШ и 204 в подчинении ПШ РВСР. Также 14 человек находились в причислении к Генштабу, а в Особом отделе ВЧК — 8 человек^{VI}. В списке Генштаба к 7 августа 1920 г. были указаны 407 специалистов,

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 31.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 382.

^{III} Там же. Л. 383.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 642 (746). Л. 60.

^V Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 96.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 115.

включая не обучавшегося в академии М.Н. Тухачевского¹. Список отразил процесс завершения широкомасштабной Гражданской войны в стране. Кадры Генштаба теперь оказались распределены следующим образом. В центральном военном, а также гражданском аппарате трудились 90 специалистов, в округах – 50, на фронтах – 61, в армейских штабах – 60, в штабах дивизий – 8, в органах местного военного управления (кроме округов) – 28, на железных дорогах – 7, двое специалистов служили военными агентами за рубежом, по одному специалисту – в штабах крепостей и во флоте. В НРА ДВР значились два специалиста. В военно-учебных заведениях служили 82 специалиста, что свидетельствует о постепенном переходе выпускников академии на преподавательскую работу. Не имели назначений либо оно не было известно у 15 военспецов.

В период Советско-польской войны 1920 г. отмечалась «в области работы по организации штабов, особенно низших войсковых соединений (дивизий и бригад)... бедность их лицами со специальной подготовкой их к службе Генерального штаба и стремление проявить свое руководство войсками до самых мелких деталей указаниями, каким именно способом надлежало войскам разрешить ту или иную задачу. Последнее обстоятельство можно объяснить недостаточной тактической подготовкой и опытом многих войсковых начальников, являвшихся непосредственными исполнителями той или иной операции, за которую в целом нес ответственность штаб»².

В связи с дефицитом кадров на август 1920 г. «лица Генштаба» не могли быть выделены для неотложных нужд из ПШ РВСР. Между тем они требовались на съемки германской укрепленной полосы в районе Барановичей, для чего предлагалось использовать специалистов из военно-исторической комиссии или Академии Генштаба РККА³. В то же время не все кадровые решения выглядят в должной мере обоснованными. К примеру, бывший подполковник А.П. Медведев трудился начальником автобазы СНК, для чего вряд ли требовалось оканчивать академию.

В 1920 г. для восстановления хозяйства стали создаваться трудовые армии, в которые также привлекли специалистов Генштаба. В частности, начальником штаба трудовой армии служил бывший полковник С.Д. Харламов, которого в октябре 1920 г. командование не желало отдавать в Региструпр. Сохранилась соответствующая телеграмма председателя СНК Украинской ССР и командующего Украинской трудовой армией Х.Г. Раковского начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву с копиями главкому С.С. Каменеву и председателю РВСР Л.Д. Троцкому, поясняющая характер работы генштабиста: «Ваше предписание о взятии Харламова из трудармии в распоряжение заведующего Региструпром Ленсмана⁴ формально неправильно, а практически сводится к тормозу всей работы трудармии. Харламов был постановлением Реввоенсовета югзапфронта⁵ передан в распоряжение совтрудармии, и отсюда он не может быть снят без предварительного согласия этой последней. В данный момент на Харламове лежит вся работа по трудармии.

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1649. Л. 1а-54об.

² Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.; СПб., 2002. С. 84.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 108.

⁴ Правильно – Я. Д. Ленцмана.

⁵ Юго-Западного фронта.

Он является ее начштаба, а также заместителем командующего. Имевшийся в трудармии генштабист [В. А.] Ивановский вместе с другими офицерами был дан в распоряжение штаба Южного фронта. Таким образом, получилось полное обезлюдение. Я настаиваю на оставлении Харламова в трудармии, на которую возложены большие лесозаготовительные, продовольственные, погрузочные и другие хозяйственные задачи»¹. Харламов сумел наладить работу гражданских организаций в военное время, почему его и не хотели отпускать. В штабе 1-й трудовой армии на март 1920 г. заместителем командарма служил бывший полковник Б.Н. Шавров². Таким образом, генштабисты внесли вклад и в хозяйственное восстановление страны от разрухи.

Даже на ноябрь 1920 г. сохранялся крайний недостаток кадров Генштаба в РККА³. В таком непростом положении Красная армия подошла к окончанию широкомасштабной Гражданской войны, после чего началось сокращение вооруженных сил, а перед военным руководством возникли новые задачи иного характера.

Эскалация Гражданской войны и рост РККА привели к обострению дефицита кадров Генштаба. В РККА оказалось достаточно много генштабистов, но они буквально растворились в многомиллионной армии. На протяжении 1919–1920 гг. кадровый голод не снижался, дойдя до чудовищной цифры в 85 % некомплекта в конце 1919 г. Нехватка специалистов увеличивала нагрузку на имеющихся работников. Случалось, что на ответственные посты назначались неподходящие лица. При этом часть военспецов-генштабистов пытались устроиться на хорошие должности в тылу и не идти на фронт.

Объемы переписки различных структур РККА по кадровым вопросам колоссальны и наглядно свидетельствуют о ведении масштабной кадровой работы. Одной из составляющих такой работы был учет специалистов Генштаба разных категорий, а другой – комплектование штабов РККА этими кадрами, чем занимались специальные органы.

Способов покрытия дефицита было несколько. Прежде всего, генштабистов старались переводить на фронты с тыловых должностей. Шел интенсивный поиск тех, кто служил не по специальности или занимал малозначительные должности. Также повышали уровень должностей, подлежавших замещению генштабистами. В основном такие специалисты концентрировались в звене «армия – фронт», тогда как в дивизиях их практически не осталось. На завершающем этапе войны в армию стали брать пленных белых генштабистов. Несмотря на острейший дефицит, работа по комплектованию армии «лицами Генштаба» продемонстрировала свою высокую эффективность.

Благодаря централизации и высокому уровню такой работы (как и других сторон советского военного строительства) существовали возможности для оперативного насыщения генштабистами наиболее значимых в тот или иной период,

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 85.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 329. Л. 21.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 456.

исходя из боевой обстановки, фронтов. Антибольшевистские армии таких возможностей не имели и столь масштабной кадровой работы, насколько можно судить по сохранившимся документам, не вели.

§ 3. Особенности штабной службы

Как справедливо отметил председатель РВСР Л.Д. Троцкий в докладе командному и комиссарскому составу Москвы в октябре 1921 г., «плохо переписанный приказ — один из элементов, из которых подчас складывается поражение»¹. Действительно, эффективность управления войсками и успехи на фронте во многом зависели от слаженной работы штабов — технического аппарата. В советских условиях она приобрела свои особенности.

Штабы, части и соединения противоборствующих сторон создавались непосредственно в ходе Гражданской войны, а параллельно осуществлялось руководство операциями, что делало невозможной планомерную работу. Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал С.М. Штеменко писал о работе штаба: «Штаб проводит необходимую работу по подготовке и организации боя, сражения, операции и войны в целом. Он собирает сведения о противнике, своих войсках, местности, производит расчет времени, учитывает личный состав, вооружение и технику, анализирует полученные данные, делает из них выводы, докладывает их командующему (командиру) и, опираясь на анализ обстановки, предлагает возможный вариант решения. На основе решения, принятого командующим, штаб планирует бой и операцию, разрабатывает все необходимые документы (приказы, директивы, планы и т.п.), представляет их на утверждение и после этого доводит до исполнителей, а затем контролирует исполнение принятых командующим решений... без штаба не будет и полководца, творческая активность которого окажется подавленной потоком мелких текущих забот»². Так было и в Гражданскую войну.

В книге Штеменко есть и другое важное наблюдение: «Офицер штаба не производит материальных вещей, на которые существуют установленные стандарты и допуски. Он не создает и таких технических или духовных ценностей, как изобретение, инженерное сооружение или литературное произведение... Значительная часть, если не большинство офицеров крупного штаба даже не выдают командованию готовой продукции, а являются лишь участниками процесса составления того или иного документа, причем только по своей специальности. Окончательный же итог этой работе подводят лишь бой, сражение, другие практические дела, которые вершатся по документам, разработанным штабом»³.

Работа штаба, как правило, была малозаметна со стороны. Между тем она предполагала сбор и обработку возможно более полных данных об обстановке, перевод

¹ Цит. по: Шиловский Е. А. О технической стороне управления армией в Гражданскую войну // Военная наука и революция. 1922. Кн. 2. С. 13.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: Освобождение Европы. М., 2005. С. 237.

³ Там же. С. 254.

оперативных решений в форму распоряжений, передачу их войскам и контроль исполнения, а также согласование работы войск и различных служб ради достижения результата. Такая работа не была в полной мере налажена даже в старой армии, а в Красной армии эпохи Гражданской войны наладить ее было значительно сложнее в силу того, что в штабах оказывались самые разные люди – далеко не только квалифицированные генштабисты старой школы. Если в старой армии были распространены устные приказы, то в Красной армии необходимым условием исполнения распоряжений военного специалиста стало наличие санкции военного комиссара. Это предопределило письменный характер распоряжений.

Неподготовленность исполнителей создавала у командования неуверенность в том, что оперативная мысль будет верно понята и реализована. В результате армейское командование постоянно вмешивалось в работу начальников дивизий, порой указывая не только задачи, но и способы их исполнения. Такие приказы нарушали общие основания управления войсками, признанные прежде. Командующие армиями иногда брали на себя функции командиров бригад и даже полков. Возможности для этого сокращались из-за высокой маневренности боевых действий.

Командующие вмешивались и в работу штабов (техническую сторону управления). Это также связано с недоверием к способностям подчиненных, отсутствием единства военных взглядов, единства школы и продолжительной совместной службы, а также с медленной работой штабов. В отличие от командующих армиями до 1917 г., красные командармы были моложе, энергичнее, но менее опытные. В итоге командующие занимались как творческой, так и технической работой, что приводило к перегруженности.

В старой армии процесс штабной работы был организован следующим образом: директива командующего фронтом или донесения нижестоящих начальников попадали к генерал-квартирмейстеру. По ознакомлении, разобравшись в обстановке, генерал-квартирмейстер обсуждал решение с начальником штаба армии. Далее начальник штаба предлагал (возможно, вместе с генерал-квартирмейстером) решение командующему. Получив указания командующего, генштабисты осуществляли разработку документации. Директивы составляли генерал-квартирмейстер или начальник оперативного отделения. Затем распоряжения подписывались командующим и начальником штаба, после чего передавались в войска. Подобный стиль работы, по-видимому, сохранялся и в белых армиях¹.

В штабах РККА мог быть иной порядок. Многие в организации работы зависело от начальствующих лиц и различалось от штаба к штабу. Например, в одной из армий Западного фронта командующий лично получал директиву командующего фронтом, сам разрабатывал решение и писал приказ. Только после этого уже для подписания приказа приглашались начальник штаба и член РВС, которые, по сути, могли уже корректировать только отдельные детали. Командующий работал за себя, за начальника штаба и за начальника оперативного управления. Как писал Е. А. Шиловский, «положительное значение штабов уменьшилось, отрицательное же возросло, ибо штабы были мало самостоятельные, многочисленные,

¹ Шиловский Е. А. О технической стороне управления армией в Гражданскую войну. С. 24.

слабо организованные, медленно работающие и крайне громоздкие. Трудно было добиться осуществления основных требований для успеха всякой штабной деятельности: правильного разделения труда с точным определением круга ведения каждого отдела и по возможности даже каждого работника, знания и практической подготовленности личного состава штабов, наконец, строгой штабной дисциплины. Штабы в целом настолько медленно работали, что значительную часть срочных распоряжений, которые могли бы быть исполнены отделами штаба, начальник штаба армии должен был писать сам». Таким образом, начальник штаба армии работал и за начальников отделений. В РККА были переименованы прежние штабные должности. Так, дежурный генерал теперь именовался начальником административного управления, а генерал-квартирмейстер – начальником полевого управления.

Иногда бывало и наоборот – командующий мог оказаться не на своем месте, а всю работу несли штабные работники. Так, в штабе Северного фронта (затем реорганизованном в штаб Западного фронта) при командующем Д.Н. Надежном в начале 1919 г. работа была организована плохо. По свидетельству начальника штаба Н.Н. Доможирова, «работа в сильной степени тормозится самим Надежным, которому Бог не дал настолько ума, чтобы управлять фронтом, а не командовать, что он подолгу задерживает бумаги, т.к. не может в них быстро разбираться, что “из штаба он сделал лишь справочное бюро” (выражение Надежного), что Надежный лично сам пишет телеграммы, лично их посылает, и очень часто, благодаря этому, отдаешь распоряжение, а оно оказывается или лично отдано Надежным, или, наоборот, им отменено, причем штабу это неизвестно. По всем этим вопросам нач[альни]к операт[ивного] управл[ения П.Н.] Буров неоднократно имел крупные разговоры с Надежным (они были товарищами, кажется, по выпуску из академии и одновременно командовали полками в одной дивизии и были в близких отношениях, что и давало возможность Бурову говорить об этом прямо и резко)»^I.

Такой же оценки придерживался и другой начальник штаба фронта Н.Н. Петин: «В это время командующий Западным фронтом был быв[ший] генерал старой армии Надежный, которого часто называли “безнадежный”. Это был человек личной большой храбрости, но без большого оперативного кругозора, работник штаба командира бригады, самое большое – дивизии.

Это оценка с точки зрения его военной подготовки, политически же он был совершенно неподготовлен для того, чтобы организовать революционный фронт и руководить борьбой на таком участке, как западный, где в 1919 году все должно было строиться на мобилизации внутренних ресурсов с полным использованием всех местных сил и средств»^{II}. В итоге Надежный был смещен новым членом РВС фронта И.В. Сталиным.

Совершенно иное впечатление производил на сотрудников начальник штаба Западного фронта Н.Н. Петин. Начальник управления формирований И.А. Томашевич в Петине «не только чувствовал... начальника, но руководителя и учителя, который таких молодых и малоопытных сотрудников, каким я был в то время,

^I Там же. С. 24–25.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 174.

^{III} Сталин И. В. Труды. М., 2017. Т. 11. С. 470–471.

обучал работе в широком масштабе, заставляя критически относиться к своим действиям и мероприятиям; как я чувствовал в процессе самой работы, Петин умело руководил громадным фронтовым аппаратом, подтягивая где нужно личный состав штаба, особенно из прежних офицеров Генерального штаба»¹.

В Гражданскую войну нередко на практике не соблюдались те или иные штаты, не хватало средств, войска и штабы порой оказывались оторваны от центра. Все это вынуждало командование действовать по ситуации, исходя из имевшихся ресурсов и сложившихся условий. Сказывалось это и на штабной работе. Как отмечал бывший капитан Е. А. Шиловский, «в области штабной работы, где точное определение круга ведения каждого отдела, установление определенных приемов и даже шаблонов работы существенно необходимы – получилось большое разнообразие и неустройство. Каждый штаб работал по-своему. Даже опытный штабной работник, попадая из одной армии в другую, не мог сразу ориентироваться и дать всю ту полезную работу, на которую он был способен, так как в новом штабе были новые требования, новые распорядки, новые формы и приемы»². Шиловский вспоминал одного молодого генштабиста, который более года работал в одном штабе, а в 1920 г. перешел в другой на том же фронте и в течение двух недель не мог разобраться в сфере деятельности отделов. Например, там было заведено, что сапоги для частей связи получали через управление связи, а телефонное имущество – в отделе инженерного снабжения управления начальника снабжения.

В штабе Каспийско-Кавказского фронта в марте 1919 г., по свидетельству начальника оперативного управления бывшего полковника Е. Н. Ригельмана, работа была организована следующим образом: «Во вверенном мне управлении из четырнадцати положенных по штату специалистов Генштаба состою на службе только один я.

Работниками в управлении за исключением недавно назначенных начальника разведывательного отделения т. [К.Я.] Грасиса и начальника связи т. Розенфельда, в достаточной мере знакомых с делом, остальные как по своей подготовке, так и по служебному опыту далеко не соответствуют занимаемым должностям, в особенности письмоводители, коими в большинстве своем состоят совершенно незнакомые с военным письмоводством женщины. При таких условиях мне приходится затрачивать массу времени на разрешение всевозможных мелочных вопросов, обучать начальников отделения системе сортировки и подшивки бумаг, исправлять редакции почти каждой исходящей бумаги и т.д., что же касается таких работ, как составление ведомостей боевого состава войск фронта и черчения схем, составляющих работу начальника оперативного отделения, то эти работы принужден был составлять сам уже четвертый раз.

Занимаясь в канцелярии с 10 часов почти всегда до 3 и с пяти до 10–11 часов вечера, я едва справляюсь с текущей перепиской, требующей срочного исполнения почти каждой бумаги.

В настоящее время кроме текущей переписки на меня возложено:

¹ Сталин И. В. Труды. М., 2018. Т. 12. С. 544.

² Шиловский Е. А. О технической стороне управления армией в Гражданскую войну. С. 16.

1) ведение журнала военных действий (за недостатком опытных помощников эту работу я должен исполнять сам);

2) составление обзора деятельности штаба фронта за все время. Эту работу я должен также принять на себя;

3) составление военно-географического описания всего района фронта к 1 апреля.

Для исполнения всех означенных работ, в особенности последней, для которой надо, так сказать, из-под земли доставать материалы, ибо вряд ли в Астрахани найдутся необходимые источники, я должен совершенно уйти от текущей штабной работы, что, полагаю, совершенно невозможно.

При создавшемся положении исполнение мною означенных выше работ возможно лишь при условии, не определяя срока их окончания, предоставить мне право исполнять эти работы постолько, поскольку будет возможно.

Кроме того, прошу не давать для исполнения в оперативное управление работ по формированию войск, хозяйственного характера и других, которые в настоящее время для быстроты исполнения проходят через вверенное мне управление, не имея к нему прямого отношения.

Прошу также о выписке хотя бы некоторого количества лиц Генштаба¹.

Планы фронтовых операций должен был разрабатывать начальник штаба фронта совместно с командующим. Когда в июне 1919 г. на директивах Восточного фронта не оказалось подписи начальника штаба (что противоречило требованиям Полевого устава), главком И.И. Вацетис отчитал командующего фронтом С.С. Каменева: «Если начальник штаба Вост[очного] фронта не согласен с Вашим планом действий, то он должен прислать мне мотивированное возражение; если же на Восточном фронте вошло в практику держать начальника штаба далеко от оперативной работы, то это в дальнейшем недопустимо, так как разработка плана операции является его прямой обязанностью. Элементарное правило вожделения войск требует, чтобы начальник штаба фронта был не только в курсе дела, но чтобы он был идейно заодно с планом действий командующего. Только при этом условии начальник штаба фронта может иметь возможность отдавать распоряжения от имени командующего фронтом как командармам, так равно и подчиненным ему начальникам штабов; идейное единение во взглядах на проводимый план операции между командующим фронтом и начальником штаба фронта в общем и целом должно быть полное. Командующий фронтом и начальник штаба фронта должны работать в полном контакте; только лишь при этих условиях удастся Восточному фронту использовать все творческие силы и средства штаба на пользу окончательного разгрома Колчака»².

В начальный период Гражданской войны, в 1918 г., штабы могли быть очень скромными по составу. Порой армии уже существовали, а штабов еще не было. Такая ситуация сложилась, например, в 1-й армии Восточного фронта в июне 1918 г.³ Прибытие ценных специалистов нередко задерживалось. В результате наличные

¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 126–127об.

² Цит. по: Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2: 1919–1920 гг. С. 374.

³ Наумов Е. О. Организация работы в штабных учреждениях армий Восточного фронта во второй половине 1918 г. // История повседневности (СПб.). 2018. № 3. С. 26.

работники выполняли обязанности и за тех, кто отсутствовал. Например, начальник оперативного отдела штаба 1-й армии помимо прямых обязанностей занимался распределением обмундирования и продуктов, организовывал разведку. Не хватало и канцелярских служащих, в результате чего работники мобилизационного отдела сами переписывали бумаги и носили их на телеграф. Бывало и наоборот, когда переписчик штаба 1-й Сводной Симбирской Железной дивизии, например, исполнял обязанности начальника оперативного и разведывательного отделов — готовил сводки из поступавших донесений, делал выкопировку боевых участков на картах и кроки¹. Постепенно, конечно, таких работников заменяли более квалифицированными. Тем не менее нередко на должностях Генштаба оставались лица без академической подготовки. Характерно свидетельство члена РКП(б), бывшего поручика Н.И. Корицкого (негенштабиста), назначенного в конце июля 1918 г. и.о. начальника штаба 1-й армии Восточного фронта: «С большим внутренним волнением вступил я на столь высокий пост. Строевой офицер в прошлом, я только в общих чертах представлял себе работу такого крупного штаба, как штаб армии. Вместе с тем я испытывал и большую радость, что мне оказано в Красной армии такое высокое доверие, главным образом, доверие политическое»². Помимо дефицита кадров в условиях Гражданской войны остро ощущалась нехватка техники (автомобилей, средств связи, пишущих машин) и канцелярских принадлежностей (карандашей, резинок, перочинных ножей, линейек, туши, компасов, рулеток, полевых книжек, бумаги). Не хватало карт, уставов и наставлений. Не всегда удавалось подыскать подходящие помещения для штабов, в результате нередко работать приходилось в эшелонах, где штабисты и жили.

Свидетельств о том, в какой обстановке и как работали первые советские генштабисты, сохранилось немного. В 1931 г. на вечере воспоминаний землячества 5-й армии о своей службе на Восточном фронте летом 1918 г. рассказал курсовик бывший подполковник Б.Л. Негродов: «Я прибыл под Казань 6 августа. Я был в вагоне Троцкого. Затем был направлен в Реввоенсовет 5-й армии. Реввоенсовет 5-й армии находился тут же. Так что мне пришлось из одного состава поезда перейти в другой. По распоряжению Реввоенсовета, я явился к тов. [А.П.] Розенгольцу. Я был поставлен в штаб 5-й армии. Фактически штаба 5-й армии не было. Начальником штаба был тов. [А.Х.] Андерсон. Тов. Андерсон помещался в одной комнате, где стоял целый хвост³. Я принимал участие в формировании отрядов 5-й армии. Прежде всего, мероприятия сводились к тому, что нужно было отделить оперативную часть от снабженческой части, потому что в штаб армии входили все и по оперативным вопросам, и по снабженческим. Поэтому, прежде всего, нужно было сделать такое разграничение. Это разграничение было сделано. Было организовано управление дежурств 5-й армии, которое ведало всем личным составом, и оперативный отдел при штабе армии. Дело формирования штаба продолжалось до 26–27 августа»⁴.

¹ Уральцев А. М. В боях и в пороховом дыму рожденная // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сб. воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 252.

² Корицкий Н. И. Создание 1 армии и освобождение Симбирска // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. С. 53.

³ Т.е. очередь

⁴ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 909. Л. 17.

Постепенно штабы стали разбухать. Работа велась медленно из-за отсутствия квалифицированных кадров, неподготовленности многих работников, дефицита материалов и возросшей переписки. Рост централизации управления также вел к увеличению документооборота, так как подчиненные инстанции, не будучи уверены в своих правах и обязанностях, были вынуждены запрашивать руководство по многим вопросам.

Документооборот штаба был следующим: начальник штаба ежедневно утром получал множество бумаг, на наиболее важные он накладывал резолюции и отправлял комиссару. Тот также делал пометки. Затем бумаги регистрировали в журнале в секретариате начальника штаба и направляли начальнику оперативного управления. От него наиболее важные документы направлялись на исполнение, часть передавалась комиссару, от того – секретарю и далее – начальнику оперативного отделения, где они также регистрировались и исполнялись. Один документ мог пройти через пять-семь лиц и несколько журналов, в результате чего доходил до исполнителей иногда на второй день. Для исполнения документов также требовалось время, в результате оно порой осуществлялось, когда обстановка изменилась, а решения не соответствовали новым условиям. Для передачи оперативных данных использовались телеграммы и переговоры по прямому проводу.

Распространенной практикой стало выделение полевых штабов, в которые входили помощник начальника штаба и ряд технических работников. Такие штабы становились первоначальным оперативным аппаратом командования для управления войсками в боевой обстановке, тогда как основной штаб занимался длительной разработкой операций, организацией тыла и административной работой¹. Другой особенностью стало быстрое создание временных штабов групп.

По воспоминаниям попавшего к красным в плен генерала И. А. Данилова, штаб 4-й советской армии Западного фронта в 1920 г. выглядел следующим образом: «Во главе штаба армии стоит начальник основного штаба и, временно при операциях, начальник полевого штаба армии, которому подчинялось оперативное отделение штаба и который присутствует вместе с начальником штаба при операционных докладах Реввоенсовету и является как бы его помощником, выходя из его подчинения и действуя самостоятельно, когда он в отъезде, в поле. Как при том, так и при другом состоит комиссар, без ведома которого он не может отдать никакого распоряжения и приказа, а также и исходящие бумаги не действительны без подписи комиссара... Печать учреждения находится у комиссара, и он собственноручно ее прикладывает. Штаб делится на административное, хозяйственное, операционное, организационное и др. отделения (правильно – отделы. – А.Г.). К штабу принадлежат и инспекции...»²

По оценке видного советского военного деятеля А.И. Егорова, «отрицательным фактором в управлении являлась громоздкость всех наших штабных аппаратов, начиная со штабов бригад и кончая фронтовыми управлениями; впрочем, это обстоятельство в значительной мере сглаживалось стремлением командования всех степеней стать ближе к войскам и к их боевой работе, минуя штабные аппараты, принимая во внимание организационную неслаженность и техническую

¹ Прокофьев. Штабы в Гражданскую войну // Война и революция. 1927. Кн. 9. С. 25.

² Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 94.

неустойчивость последних. Это выражалось в разговорах по телеграфу или по телефону с командирами частей и соединений, равно как и в выделении особых полевых органов управления – полевых штабов. Оба эти метода управления мы должны признать не отвечающими в полной мере технике штабной службы. Тем не менее положительное значение их огромно, и в будущем оба метода, по всей вероятности, найдут свое применение, но, конечно, в улучшенной и усовершенствованной форме»¹.

На особенности работы советской Ставки – ПШ РВСР – проливает свет объемный приказ его начальника Ф.В. Костяева № 78 от 12 декабря 1918 г.: «С формированием Штаба Революционного военного совета республики и Оперативного отдела Наркомвоен в Полевой штаб, обращаю внимание всех чинов штаба на необходимость дружной работы по всем управлениям, входящим в состав Полевого штаба. Работа должна распределяться равномерно между всеми чинами и исполняться в кратчайший срок. В этом отношении я должен указать на то, что со стороны даже лиц, непосредственно мне подчиненных, до сих пор есть привычка со всяким маловажным вопросом входить с докладом в Высшую инспекцию, особенно это относится к службе связи и к довольствующим учреждениям, результатом чего является, что мне, как начальнику штаба, приходится целые часы терять на разрешение разных вопросов по высылке автомобилей, по их починке, по отпуску пайков, по получению горячей пищи. Все эти вопросы могли быть разрешены соответствующими органами, если бы между ними была связь и больше желания помочь друг другу, но отнюдь не формальное отношение к делу.

Наряду с такой боязнью ответственности за каждую мелочь я наблюдаю в некоторых управлениях нерадение и даже неисполнение моих приказов. Это касается не только выполнения каких-либо распоряжений служебного характера, но также и бытового. Должен отметить для подтверждения этого несколько реальных случаев: 1) До настоящего времени не все чины штаба размещены и имеют квартиры, на что ко мне каждый день поступают жалобы.

Комендантское управление в этом вопросе не проявило должной энергии и внимания к своим сослуживцам. 2) Было несколько случаев формального нарушения порядка подчиненности, когда некоторые лица обращались с рапортами не по команде, минуя все инстанции, и передавали определенные решения, нарушая тем не только известные правила военной этики, но вводя этим в заблуждение то лицо, именем которого они отдавали распоряжение.

Дело дошло до того, что недавно была произведена без моего ведома выдача большой суммы денег, причем расход был произведен не по назначению. Об этом я узнал лишь случайно, и объяснениями, которые мне были даны лицами, производившими выдачу денег, я ни коим образом не мог удовлетвориться. 3) Чьим-то распоряжением в службу связи было прикомандировано несколько лиц, совершенно не годных в отношении связи. С таким порядком в Полевом штабе я никоим образом мириться не могу, и я требую от всех подчиненных мне управлений проявления разумной инициативы и дружной работы и строго буду преследовать всякие

¹ Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб., 2003. С. 364–365.

самочинные выступления, нарушающие элементарные правила военной этики, включительно до привлечения виновных к законной судебной ответственности.

Вместе с сим должен обратить внимание на характер работы в Полевом штабе.

До настоящего времени некоторые управления страдают крайним бюрократизмом, бумаги залеживаются по несколько дней; приказания исполняются, самые спешные, настолько медленно, что совершенно не успевают за жизнью.

Бывали случаи, когда мне подавали на подпись телеграммы, по которым было уже все исполнено и проведено в жизнь, а лицо, ведающее этим делом, даже об этом ничего не знало.

Проведение в жизнь самых простых фактов, как, например, выписка газет, потребовало от меня особых распоряжений и усилий, и только после четвертого приказания газеты были получены в первый раз в штабе.

Доклады по капитальным вопросам мне представляются в большинстве случаев в необработанном виде, без должных справок: часто докладчик прочитывает лишь мои резолюции и обменивается мнением, не исполнивши по этим резолюциям решительно ничего. Многие не умеют отличать вопросы главные от второстепенных и вопросы капитальные, имеющие значение для устройства наших вооруженных сил, от вопросов совершенно мелочных.

Между тем любой вопрос, который возбуждается, настолько запущен и настолько важен, что каждому из докладчиков представляется полная возможность проявить свои энергии и знания в деле создания вооруженной силы республики.

Прошу всех начальников управлений и всех чинов штаба обратить на работу штаба должное внимание и требую, чтобы доклады делались по важнейшим вопросам обстоятельные, имели исчерпывающий характер и со всеми справками.

Все мелочи должны быть отброшены, решение их должно следовать из существа дела.

Для уничтожения существующего бюрократизма необходимо, чтобы во всех управлениях были лица, ответственные за исполнение распоряжений, причем на этих лиц должно быть возложено следить не только за исполнением бумаг, но также и за проведением распоряжений в жизнь.

Я не могу допустить, чтобы лицо, которому поручено какое-либо дело, не знало в любую минуту положения этого дела.

Обращаясь к порядкам, существующим в штабе, я должен отметить, что в некоторых отделениях и управлениях часто работа не спорится вследствие того, что им мешают посторонние, приходящие в отделения не по делу и лишь мешающие сосредоточенной работе.

В заключение должен отметить, что часто как от моего имени, так и от имени военного комиссара штаба Аралова отдаются распоряжения, которые фактически нами не были даны.

Предупреждаю, что впредь по обнаружении такого факта будет производиться расследование, а виновные привлекаться к ответственности¹.

ПШ РВСР вел сбор и анализ сведений об обстановке на фронтах, чем занимались работники Оперативного и Регистрационного управлений. Оперативное

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 121–122.

управление получало срочные донесения от штабов фронтов и отдельных армий¹. За сбор сведений, связь с войсками, контроль вручения директив отвечали «ведущие сотрудники» штаба или направленные, которых закрепляли за каждым фронтом или отдельной армией. Они вели рабочие карты, на которые наносили обстановку, запрашивали недостающие сведения, анализировали данные, составляли сводки для доклада главному и РВСР².

Использовались распорядительный (параллельный) и последовательный методы работы. Суть первого заключалась в планировании операций как в ПШ РВСР, так и в штабах фронтов на основании предварительных распоряжений. Нижестоящие штабы вели работу по планированию, не дожидаясь ее завершения в ПШ РВСР. Реже использовался последовательный метод, при котором фронты и отдельные армии сначала получали директивы главного, а затем начинали собственную работу.

Главком и начальник ПШ РВСР выезжали на фронты для выработки планов операций. Главком С. С. Каменев выезжал на фронты 32 раза, а начальник ПШ РВСР П. П. Лебедев – более 20 раз. Главком ездил на фронт в специальном поезде из шести вагонов: телеграфного, салон-вагона, двух вагонов для сотрудников Оперативного управления, двух вагонов охраны. На любой станции можно было включиться в сеть связи, что позволяло не терять взаимодействие с фронтами³.

Иногда в ПШ РВСР для обсуждения оперативных вопросов вызывали командующих. После принятия главным решением ПШ РВСР разрабатывал план операции, отражая в нем группировку противника, соотношение сил, цель и замысел операции, направления главного и прочих ударов, задачи фронтам и отдельным армиям, оперативное построение войск, состав и дислокацию резервов, вопросы взаимодействия. Затем начальник ПШ РВСР доводил задачи до войск посредством письменных директив, которые разрабатывались Оперативным управлением и подписывались главным, а также членом РВСР или военкомом ПШ РВСР. Обратная связь осуществлялась посредством донесений командующих⁴. ПШ РВСР работал во взаимодействии с ВГШ.

Режим работы ПШ РВСР был следующим. С 10 до 11 утра дежурный по Оперативному управлению докладывал начальникам управлений новые данные об обстановке, поступившие за ночь. С 12 часов начальнику ПШ РВСР докладывали начальники управлений. При главкоме Каменеве было заведено делать ему доклады в 12 и 24 часа, причем ночной доклад мог затянуться до 3–5 утра. Суть доклада заключалась в зачитывании оперативных сводок над рабочей картой, разложенной на столе. На докладах присутствовали 10–12 человек (главком, 1–2 члена РВСР, начальник ПШ РВСР с комиссаром, начальник Оперативного управления с комиссаром, начальники оперативного и разведывательного отделений). Главком тут же отдавал необходимые распоряжения. ПШ РВСР готовил доклады и карты

¹ Зайончковский В. А. Оперативные документы Гражданской войны как исторический источник // Военно-исторический архив. 2011. № 11 (143). С. 59.

² Дайнес В. О. Организация и методы работы Полевого штаба Реввоенсовета Республики // Военно-исторический журнал. 1984. № 5. С. 84; Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М., 2006. С. 127.

³ Панов А. В. В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 71.

⁴ Дайнес В. О. Организация и методы работы Полевого штаба... С. 85.

с обстановкой на фронтах В.И. Ленину. В целом, работа ПШ РВСР может быть признана эффективной и обеспечившей победу РККА в Гражданской войне.

К 1919 г. в РККА сформировались устойчивые штабные коллективы, способные эффективно руководить войсками. Штаб прошедшей всю Сибирь 5-й армии в конце 1919 – начале 1920 г. возглавляли Я.К. Ивасиов, Г.Я. Кутырев, В.Е. Гарф. Во главе оперативного отдела стоял Н.В. Яковский¹. Разведкой руководил Н.Н. Берман. Начальником административного управления был А.В. Смирнов. Работали в штабе и другие генштабисты. Над могилой умершего от тифа в декабре 1919 г. начальника штаба армии Ивасиова его товарищи говорили: «Мы не забудем его в сердце нашем, и память о нем сохранится до тех пор, пока будет существовать Советская Россия», командование и РВС 5-й армии отмечали: «Ивасиов – незаурядный полководец и по праву займет почетное место не только в истории 5-й армии, но и в истории всех армий Советской России»².

Ряд критических замечаний по вопросу организации штабов высказали направленные летом 1919 г. для приобретения практического опыта на фронты слушатели Академии Генштаба РККА. У командированных в 1919 г. на фронты слушателей складывалось впечатление, что «штабы плохо организованы и за отсутствием не только в достаточном количестве опытных старых генштабистов, но и просто толковых людей...»³ Многие штабы представляли собой лишь походные канцелярии с низким уровнем штабной культуры, отсутствием надежной связи и систематического ведения разведки, с доведением распоряжений до войск по телефону, сумбурными приказами и сводками⁴.

Слушатель Ю.Ю. Аплук, взятый на должность младшего помощника начальника штаба 6-й стрелковой дивизии 7-й армии, отмечал, что в штабе обнаружил хаос (начальником штаба дивизии являлся курсовик бывший штабс-капитан Н.Н. Розанов). Там находилось много лишних работников, но не наблюдалось результата. В оперативном отделении значились 12 человек помимо начальника штаба, хотя достаточно было пяти. Начальник отделения не обладал опытом штабной работы, журнал военных действий не велся, не было составлено топографо-статистическое описание района боевых действий, не имелось плана действий на случай отхода и схемы тыла. Наблюдалась колоссальная порча карт, поскольку схемы на бумаге и кальке не чертили. Приказы в дивизии писали растянuto, разведки как войсковой, так и агентурной налажено не было. Штаб дивизии находился в зачаточном состоянии и не соответствовал штатам. Телеграфной связи подразделений не было, только телефонная⁵. Разумеется, слушатели были резко настроены по отношению к генштабистам дореволюционной школы, поэтому критические замечания были в определенной степени пристрастны.

Слушатель А.Г. Васильев, попавший также в 7-ю армию, отмечал: «Нас встретил и распределил по дивизиям Врид наштарм т. Валентинов, которого я знаю

¹ Подробнее о штабе армии см.: Тарасов Е. П. Краском Генрих Эйхе. М., 1975. С. 109–110.

² Цит. по: Шепелева В. Б. Ради будущего // Строитель (Омск). Орган парткома, профсоюзного комитета, комитета ВЛКСМ, совета трудового коллектива строительно-монтажного треста № 6. 1989. 02.11. С. 2. Материал любезно предоставлен д. и. н. В. Б. Шепелевой (Омск).

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 58. Л. 44об.–45.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 62.

⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 26–26об.

лично как хорошего коммуниста, но еще молодого человека (21 г[од]) и в военном деле понимающего столько, сколько понимает человек, никогда не бывавший в военной среде и боевой обстановке, хотя он и исполняет обязанности временно в течение нескольких недель^I, но я считаю такое явление недопустимым, принимая во внимание, что в это время в штабе фронта генштабом можно было пруд прудить, — там все должности помощников начальников отделений были замещены ими»^{II}.

В 1-й стрелковой дивизии, куда распределили Васильева, начальник штаба оказался негенштабистом, встретил прибывших натянуто. Как оказалось, в дивизии не была должным образом налажена оперативная и разведывательная часть (в штабе бригады никто, начиная с командира, не смог указать разграничительные линии с соседями), а части армии оказались перепутаны между собой — для затыкания дыр при прорывах полки были вырваны из дивизий и даже из бригад^{III}.

Начальником штаба бригады Васильева был командир пограничного полка, бывший поручик, который, по собственному признанию, ничего не понимал в штабной работе. До него эту должность занимал слушатель академии, отчисленный от нее по собственному желанию и впоследствии оказавшийся под арестом за несданный отчет о расходах на агентурную разведку. Затем начальником штаба бригады стал другой недоучившийся слушатель академии, при котором штабной работы вообще не велось.

Васильев получил назначение помощником начальника штаба бригады по разведывательной части. По его мнению, «это не больше не меньше как писарь по оперативной части при полковом адъютанте»^{IV}. Исполнение служебных обязанностей у него занимало десять минут в день, а в остальное время приходилось быть предоставленным самому себе. Васильев сравнивал этот опыт со своей службой в Первую мировую войну, когда приходилось составлять по восемь разведсводок в день, а теперь составлялась одна. «Работать так, в такой ответственный и острый момент, когда все наши силы напряжены до крайности, я не мог и чувствовал себя по отношению к революции и партии в полном смысле слова преступником и саботажником. Из этих слов, надеюсь, товарищи, поймете мое душевное состояние и ясно себе представите всю схему штабной работы в бригаде», — отмечал он^V.

Слушатель Г.А. Мануйлов 20 августа 1919 г. по итогам двух месяцев службы на фронте отмечал: «Что касается научных вопросов, то, как я сказал, их возникает здесь очень много. И это понятно потому, что у наших спецов есть манера вести всякую войну на основании “опыта” предшествующей войны. Смотрите же сами. Что за дикость получается, когда какой-нибудь военспецовский павлин, имея фронт в 45 верст и две с половиною [тысячи] штыков, начинает растягивать свои силы, как бусы на ниточке. Этаким вот неводом думают здесь взять врага в полон. “По опыту минувшей войны”.

^I Подчеркнуто красным карандашом.

^{II} Там же. Л. 31.

^{III} Там же. Л. 31об.

^{IV} Там же. Л. 32.

^V Там же.

Изучайте историю бурской, североамериканской и других войн, которые по своему характеру действительно соответствуют нашему революционному времени, когда единственно исключительно ведется маневренная война. И далее. “По опыту минувшей войны” наши павлины почти исключительно применяют огневую тактику. Правда, для того, чтобы красноармеец пошел в штыки, необходимо его заставить»^I.

Критических отзывов удостоились и штабы Южного фронта. Так, в 38-й стрелковой дивизии командиры бригад и начальник дивизии были сочтены неподготовленными и саботировали приказы, а начальник штаба дивизии был склонен к партизанщине^{II}.

Слушатель Н.В. Миронцев свидетельствовал: «В штабах дивизии нас не оставляли, а послали на должности не выше помощников по оперативной части начал[ьников] штабов бригад, и это в то время, когда у нас 90% должностей Генштаба вакантны и, кроме того, не только начальники штабов бригад, а подчас начальники штабов дивизий не только не генштабы, а подчас полуграмотные в отношении тактики и др. люди»^{III}.

Как уже отмечалось, некоторые штабы отличались громоздкостью. Тот же Миронцев писал: «Теперешний штаб армии гораздо громоздче старого штаба, для размещения его учреждений даже в Воронеже не хватает помещения, а еще штабы дивизии, бригад, полков, когда один оперативный отдел штаба при движении занимает 77 вагонов... При нашей бедности в военспецах такие громоздкие обслужные штабы слишком большая роскошь»^{IV}. За громоздкостью штабов слушатель подозревал злой умысел военспецов.

Порой в штабах творились поразительные вещи. Яркое свидетельство содержит телеграмма от 25 мая 1919 г. председателю РВСР Л.Д. Троцкому и главкому И.И. Вацетису от членов РВС 6-й отдельной армии, возмущенных действиями недавно назначенного командармом бывшего полковника В.П. Глаголева: «Реввоенсовет 6[-й армии] считает долгом обратить еще раз ваше внимание [на] нашу просьбу. Мы ежедневно убеждаемся [в] неспособности Глаголева справиться [с] порученными ему делами. Он бессистемно хватается [за] мелочи, носится [с] нелепыми проектами огородничества, собирания крапивы, ловли голубей, серьезно убежден^V [в] необходимости отступления, высчитывает, сколько дней наша армия может отступать, пока будет разбит Колчак. На доклады начштаба, начснабара, других ежедневно часами занимает неинтересными воспоминаниями, постоянно отвлекаясь от основного мелочами, своими путанными заданиями сбивая [с] толку сотрудников штаба. Чувствуется отсутствие головы армии, аппарат штаба работает [по] инерции, при малейшем затруднении [в] дальнейшем начнутся перебои, что грозит судьбе всей армии. К сожалению, это не наше только мнение, а общее мнение всех ответственных сотрудников армии, [с] таким мнением командарм Петин уехал отсюда, компетентное мнение которого мы особенно

^I Там же. Л. 20об.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 8, 9об.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 50об.

^{IV} Там же. Л. 52.

^V В документе несогласованно — убеждать.

ценили. Отступательное настроение Глаголева опускает руки лучших наших работников, может повлиять разлагающе на армию. Реввоенсовет считает революционным долгом своевременно предупредить [об] этом, чтобы не пришлось плакать по волосам, снявши голову. У нас нет крупных фактов [в] подтверждение нашего мнения, но именно [в] мелочах познается человек, вы [с] нами вполне согласитесь, [понаблюдав за?] Глаголевым 1 день, мы наблюдаем третью неделю, убеждаясь каждый день, что возложенная [на] него работа ему не по плечу: это сносный губвоенрук, но не командарм.

Наша убедительная просьба отозвать Глаголева [из] нашей армии, есть более способный человек, генштаб, бывший подполковник [Н.В.] Лисовский, человек боевой, хорошо знающий условия фронта, [на] котором он находится с самого начала комполком, его знает армия. Ждем срочного вашего ответа»¹.

Осенью 1920 г. Глаголева отстранили и от менее значимого поста начальника 19-й стрелковой дивизии. Причинами послужили «неопытность [в] строевом отношении, неспособность руководить боевыми действиями дивизии, вялость, излишняя осторожность, придававшая всем действиям дивизии нерешительность, доходящую временами как бы до робости, и неудачно подобранный им комсостав»².

Аналогичный резкий и подробный отзыв касался командующего 12-й армией бывшего генерала Н.Г. Семенова и содержался в шифротелеграмме РВС армии Троцкому от 22 августа 1919 г.: «Несмотря на критическое положение момента армии или, правильнее, этот момент заставляет нас доложить Реввоенсовету республики, что командарм 12[-й] Семенов – решительно негодный командарм. Он абсолютно не в состоянии привести армию в порядок. Какая причина этому – нежелание или неспособность, мы не касаемся. Это дело следствия, но одно знаем, что он непригоден. На фронте в данный момент дела поправились, и мы успешно перешли в наступление, возвращая отданные пункты. Положение Киева улучшилось, и полагаем, что мы оставим его за собой. Все это сделано, конечно, не усилием Семенова, а Реввоенсоветом. Семенов оставался и остается совершенно пассивен. Это наводит нас на размышление. Каждое распоряжение командующего было отдаваемо по настоятельным требованиям Реввоенсовета. Приходится указывать, как составлять приказы, чтобы они соответствовали своему назначению, а не были бы простыми бумажками. Наштаба и оперативный отдел не принимают участия в составлении приказов. Семенов теряется, у него нет воли командующего. Чтобы спасти армию, а тем более поставить ее на высоту боеспособности, Реввоенсовет 12[-й армии] предлагает немедленно Семенова отстранить от командования, поручив особо доверенному лицу или комиссии расследовать его деятельность. Временное командование армией [поручить] Ронову, командующему в настоящий момент бригадой курсантов. Мы присмотрелись за эти тревожные дни для Киева и армии к его работе и ручаемся, что под нашим неусыпным наблюдением он справится с возложенной на него задачей, и с чем просим его не сменять без нашего отзыва о нем. Одна из характерных черт отношения к командованию Семенова: сегодня в девятом часу была ему передана телеграмма тревожного содержания от командующего небольшим отрядом, и Семенов

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 157–157об.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 244

не принял никаких мер, пока мы его не позвали. Во имя дальнейшего успеха начавшегося наступления просим санкционировать наше предложение»¹. В начале сентября Семенов сняли с поста командующего армией. Напротив, член РВС армии С.И. Аралов дал высокую оценку работе Семенова, но также отметил его медлительность².

Курсовик Н.Н. Доможиров, назначенный командующим 15-й армией, описывал в докладе главкому И.И. Вацетису положение в штабе этой армии в июне 1919 г.: «Работников опытных в нем было очень мало; специалистов Генштаба насчитывалось всего лишь 3 человека, из коих в оперативном отделе один, и тот прибыл с должности уездного военрука — совершенно неопытный. Отсутствие людей сказывалось до того, что наштарм за неимением приличных курьеров вынужден был сам разносить бумаги по отделениям. Немало поразило меня и то обстоятельство, что все доклады наштарма производились Ревсовету, причем вопросы оперативного характера решались без предварительного доклада их командарму — здесь же, на лету, что вызывало, конечно, долгие разговоры, споры, следствием чего решение вопроса всегда отличалось как бы слабостью; не было размаха, твердой единой воли, вдумчивости и продуманности распоряжений и ведения целых операций»³.

И.С. Кутяков анализировал работу штаба 4-й армии Восточного фронта в 1918–1919 гг. По его оценке, штаб «на протяжении всей осенней и зимней кампании весьма слабо влиял на успешность боевых действий подчиненных войсковых частей: с одной стороны, вследствие плохой технической связи, а с другой — по причинам недостаточной заинтересованности штарма IV в победоносном завершении борьбы Красной армии с уральским казачеством.

В самом деле, было бы просто смешно объяснять все недочеты работы штарма IV неопытностью или неработоспособностью основных оперативных его работников. Нельзя забывать, что почти весь состав был высоко квалифицирован. Во всяком случае, на руководящих оперативных должностях сидели бывшие офицеры Генерального штаба в чинах не ниже полковника»⁴. Разумеется, в рассуждения Кутякова о незаинтересованности штаба в победе нужно вносить поправку на написание этого материала в 1930-е гг. и его разоблачительную направленность.

Штаб 4-й армии управлял войсками посредством директив, что требовало осведомленности в обстановке, надежной связи и возможности контролировать исполнение, а всего этого не было.

Связь в РККА была узким местом. Как отмечалось в 1919 г., в РККА «и технические средства связи, и подготовка командного состава, и навык в добывании и передаче сведения⁵ уступают прежним, и запаздывание распоряжений и приказаний из штабов дивизий и бригад является неизбежным»⁶.

Е.А. Шиловский отмечал, что в Гражданскую войну в сравнении с Первой мировой сократилось использование штабных работников в полевой работе и живом общении с подчиненными по оперативным вопросам. Прежде всего,

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 965а.

² Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. М., 1989. С. 140.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 337об.

⁴ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 244. Л. 215.

⁵ Так в документе.

⁶ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 78. Л. 87.

в штабах было недостаточно «лиц Генштаба», они были перегружены бумажной работой, а средств передвижения не хватало. Кроме того, штабные работники теперь сами редко проявляли инициативу и самостоятельность¹. «По большей части они сидели в штабе, заваленные грудой переписки, увеличивая своим, зачастую весьма усердным, творчеством количество бумаг, находящихся в обращении. Кроме того, не все молодые генштабисты ускоренных выпусков были достаточно подготовлены к широкой полевой работе, а старых и опытных на фронте было мало»².

Встречались и исключения. Так, в период Советско-польской войны штабных работников направляли в войска в 16-й армии. При отступлении 16-й армии от Варшавы во второй половине августа 1920 г. и утрате связи с войсками сотрудники оперативного управления на автомобилях направлялись на поиски начальников дивизий для передачи им директивы об отходе за реку Буг. Один из сотрудников натолкнулся на противника, был ранен и пленен, но вскоре бежал.

В Гражданскую войну выросло значение переговоров по проводам как способ управления войсками. Переговоры вели командующие, начальники штабов и начальники оперативных управлений. Таким способом получались срочные данные о положении войск и давались необходимые указания. Затем начальник штаба или начальник оперативного управления на основе наклеенных на бумагу телеграфных лент переговоров составляли распоряжения.

Для обсуждения важнейших вопросов в штабах армий практиковались оперативные доклады. К определенному времени (например, через один-два часа после получения утренних сводок) в кабинете начальника оперативного управления собирались командующий армией, члены РВС, начальник штаба, все генштабисты, инспектора пехоты, артиллерии и кавалерии, начальник воздушного флота, начальник военных сообщений, начальник управления связи, начальник снабжения, начальник продовольственного снабжения, начальник санитарной части, начальник политотдела, начальник Особого отдела и председатель ревтрибунала. К докладу готовились карты с обозначением данных о расположении войск своих и противника из утренних разведывательной и оперативной сводок. Докладывать могли начальник оперативного управления, начальники оперативного, разведывательного и информационно-исторического отделений. Речь шла об обстановке на участке армии, а также на всех фронтах республики. Доклад продолжался 15–30 минут. Сотрудник оперативного управления вел запись указаний командующего во время доклада³.

Слаженность, взаимодействие и взаимопонимание начальников (командующих) и штабных работников имели важнейшее значение. Вопрос осложнялся разнообразностью командного состава РККА и порой сложным отношением командиров и комиссаров к генштабистам. Например, не имевший высшего военного образования М.Н. Тухачевский в целом пренебрежительно относился к специалистам Генштаба, что иллюстрирует его телеграмма главному С.С. Каменеву от 6 июля 1920 г.: «Ввиду отказа командировать ко мне Генштаба [С.Н.] Голубева прошу

¹ Шиловский Е. А. О технической стороне управления армией в Гражданскую войну. С. 18.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 22–23.

командировать кого-нибудь другого, способного быть понятливым генштабистом для особых поручений штаба...»^I

С другой стороны, с кем-то из спецов Тухачевский находил общий язык. Так, 26 января 1920 г. в переговорах по прямому проводу он просил начальника ПШ РВСР П.П. Лебедева дать ему на Кавказский фронт начальником штаба бывшего подполковника В.В. Любимова: «Я опять хочу обратиться с просьбой назначить на этот раз наштафронтом Генштаба Любимова. Я привык к его работе еще в 8[-й] армии, и на новом месте мне особенно хотелось иметь его около себя, к новым людям не так легко привыкнуть, и, кроме того, я редко с кем схожусь и начальником штаба не так легко со мной быть. Поэтому для важного дела я надеюсь, что вы отпустите ко мне Любимова. Кроме того, постараюсь сам уговорить Льва Давыдовича сверх вашего содействия, если такового могу ожидать»^{II}. Лебедев же считал, что «представляется особенно желательным при начале вашей деятельности не нарушать настроя штаба и перемену начальника штаба отложить на будущее»^{III}. Тухачевский на это ответил, что недели вполне достаточно, чтобы войти в курс дела и осуществить кадровую перестановку.

Помощник начальника штаба Кавказского фронта бывший полковник В.Н. Чернышев жаловался П.П. Лебедеву на командующего фронтом В.И. Шорина в январе 1920 г.: «Служба с Шориным — это сплошная пытка. Его хамские одергивания и ругательства создают условия, напоминающие времена Сандецкого, при которых люди не работают продуктивно, а ужимают и нервничают, нервничают без конца»^{IV}. Речь шла о сравнении с одиозным дореволюционным генералом-самодуром А.Г. Сандецким.

Летом 1918 г., когда в РККА еще не была изжита партизанщина, отмечалось, что в некоторые формирования назначать хороших начальников штаба бессмысленно. В частности, речь шла о дивизии В.И. Киквидзе на Южном фронте, поскольку Киквидзе не позволял никому вмешиваться в вопросы управления войсками, и начальник штаба при нем выполнял бы роль составителя сводок^V.

Командиры РККА из офицеров относились к генштабистам как и в старой армии. Бывший офицер военного времени А.И. Черепанов вспоминал о своей встрече с А.И. Корком в 1919 г.: «Разглядывая на шинели начальника штаба незнакомые петлички, я не утерпел и спросил, к какому роду войск они относятся. И, получив ответ, что он был офицером Генерального штаба, я с еще большим любопытством стал разглядывать нашего гостя. Мне в бытность командиром роты старой армии приходилось видеть офицеров Генерального штаба разве что издалека. В нашем представлении это были люди необыкновенные, своего рода жрецы военного искусства, владеющие какими-то особыми его тайнами, непостижимыми для нас, смертных офицеров военного времени.

Короткое общение с начальником штаба Эстляндской армии как бы подтверждало, что в своем суждении мы были правы, считая офицеров Генерального

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 322.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 926. Л. 110.

^{III} Там же. Л. 111.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 72об.

^V РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 134. Л. 30.

штаба большими специалистами военного дела. Не зря же, как мы знали, бело-гвардейские заправила объявили, что тем из офицеров Генерального штаба, кто будет служить в Красной армии, не избежать виселицы»¹.

Иным было отношение красных командиров, не имевших прежде офицерских чинов. Неприятный, но характерный инцидент произошел между начальником штаба 12-й армии бывшим генерал-майором В.К. Седачевым и начальником 25-й стрелковой дивизии И.С. Кутяковым летом 1920 г., в период Советско-польской войны. Последний вспоминал: «Считаем также небезынтересным отметить отношение бывших офицеров Генштаба царской армии к красному командному составу.

Примером может служить эпизод по штарму XII: 1 июня начдив 25[-й] т. Кутяков и военком т. Таль прибыли с головным эшелоном штаба дивизии на ст. Котоп, они немедленно пошли в штаб XII армии с целью получения сведений о противнике, его тактике и получения задачи и карт для дивизии. Командарм XII т. Меженинов и член РВС т. Муралов были на фронте к северу 80 км от Киева в районе переправы через Днепр у деревни Печки. Поэтому начдива 25[-й] приняли наштарм XII Генштаба т. Седачев и член РВС т. Аралов. Начдив 25[-й] подошел с рапортом и в дальнейшем осветил цель своего прибытия в штарм XII. Наштарм Генштаба Седачев вместо ответа на поставленные вопросы: 1) сведения о противнике, 2) о его тактике, 3) получение задачи для дивизии и 4) карты — стал задавать вопросы начдиву 25[-й] т. Кутякову. Вопрос: 1) Сколько вам лет? Ответ: 22 года; 2) Какой чин старой армии? Ответ: Унтер-офицер; 3) Численный состав вашей дивизии? Ответ: 13 тысяч бойцов. Резюме наштарма XII Генштаба Седачева: «В ваши годы и с вашим званием нужно командовать самое большее ротой или взводом». Начдив 25[-й] ответил на это: «Я в 1919 г. ликвидировал Уральский белый фронт и все время бил 50–60-летних белых генералов». Наштарм XII Генштаба Седачев встал и заметно побледнел, у него затряслись мускулы на лице. Начдив 25[-й] также встал и потребовал ответа по существу на поставленные вопросы. Наштарм XII Генштаба Седачев начал говорить резкости. Начдив 25[-й] не выдержал, крепко выразился и вышел из кабинета.

Член РВС т. Аралов вышел вслед за начдивом 25[-й] и попросил его в свой кабинет. Беседа продолжалась около часа и приняла товарищеский характер. Начдив 25[-й] и военком т. Таль получили сведения о положении на фронте, о настроении войск XII армии. К этому же времени принесли около двух пудов весом карт 10-верст[ного] и 3-верст[ного] масштаба.

О тактике поляков и задаче дивизии т. Аралов ответить не мог, так как командир Меженинов был на фронте». На самом деле Кутякову было 23 года, а Седачеву — 47 лет.

Отношение краскомов к старому Генштабу наглядно прослеживается в дневниковых записях А.М. Коллонтай за 1919 г. о ее супруге, революционном матросе П.Е. Дыбенко, обучавшемся в академии: «А все отношения Павла [Дыбенко] к академикам, профессорам? Он их глубоко презирает. И в оценке их безтворчества в новой науке, науке военной, рожденной Гражданской войною, — он прав. Но он

¹ Черепанов А. И. Поле ратное мое. М., 1984. С. 93.

¹¹ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 382. Л. 251–254.

видит в них только “сволочь” и не допускает, что во многом у них есть и умственное превосходство в смысле знания, и духовная культура, до которой нашим надо еще дорасти, доразвиться. Так и чувствую эту коллизию двух миров: старый Генштаб, презирующий Дыбенко – “хама”, хотя и признающий, что он “способный, эта шельма”, и красный Генштаб... Хочется сказать нашим генштабистам: “Дорастите до них! И имея *свое*, то, что дает вам классовое творчество, классовое провидение – тогда уже критикуйте их. Перерастите их! Критикуйте, но не снизу, а сверху”. И когда наши этого не схватывают, я сержусь»¹.

А вот аналогичное мнение бывшего генерала А.И. Верховского о слушателях Казанских инженерных курсов из письма сестре от 7 февраля 1920 г.: «С радостью гляжу, как начинает у них светиться мысль, как просыпается самодеятельность, как они начинают самостоятельно относиться к тому, что делают. Но рядом с этим оборотная сторона медали. Вырванные из своей среды и выдвинутые в “баре”, они взяли чисто только худшую сторону барства и чрезмерную жажду “жить” и наслаждаться. А это тянет на то, чтобы делать мерзости, подлости и пр. Так что в жизни рядом с проблесками жизни лучшей, которая придет, столько грязи и тоски, что иногда задыхаешься и теряешь силы»². Для подобного описанному Верховским поведению коммунистов в Советской России появился даже специальный термин «комчанство» – коммунистическое чванство.

Бывшие офицеры-генштабисты в РККА должны были приноравливаться к существовавшим там порядкам. Характерно описание поведения одного из таких военспецов в 1920 г., оставленное пленным белым офицером: «Мой непосредственный начальник наштадив Кудрявцев, молодой человек 27–29 лет, окончивший перед войной одно из военных училищ и во время войны 6-месячные курсы Военной академии, – душой и телом военный. Одевался по форме и носил все, что полагалось по его должности и заслугам (на левом рукаве: знак Генштаба – вышитый лист, ромб и пр.). Ругался Кудрявцев невероятно, и с утра в штабе висел мат.

– “Эй, даешь связь 1^й бригады, так его, разэтак!” – кричит он или: “Ты что же (следует ругань), опаздываешь, сволочь!” и т.д. Но умел быстро ориентироваться и был прекрасным советчиком Дыбенко. Только последний редко позволял себе ругань, и если это происходило, значит, действительно вывели из равновесия начдива. Как я заметил, в то время без ругани трудно было расшевелить красноармейцев: связь, вестовых и пр., околачивающихся при штабах»³. Отметим, что курсовика Кудрявцева среди выпускников старой академии не было.

Даже в 1920 г. отношение к «бывшим» в РККА со стороны комиссаров и красных командиров оставалось не всегда доброжелательным. Разумеется, конфликты порой порождало поведение самих военспецов. Характерен резкий отзыв РВС 4-й армии Туркестанского фронта в РВС Западного фронта от 24 января 1920 г. о В.С. Лазаревиче – одном из выдающихся советских военных деятелей: «Лазаревич продолжительное время работал в 4-й армии и Турк[естанском] фронте. Он ценился как опытный, энергичный начальник штаба, который при надлежащих

¹ «Пишу о том, что видела сама, о тех людях и впечатлениях, которые вынесла лично». А. М. Коллонтай в годы Гражданской войны. 1919 г. / публ. И. М. Дажиной // Исторический архив. 2010. № 3. С. 175.

² Цит. по: Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. М., 2014. С. 420.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 5.

условиях может оказаться весьма полезным работником. Однако в силу своих индивидуальных качеств и вкоренившихся с прошлого времени замашек, воспитания, характера и склада ума совершенно не способен занимать ответственные самостоятельные посты, где требуется полное доверие советской власти. Он является типичным представителем старого офицерства. Вся его деятельность в Красной армии была окрашена стремлением во что бы то ни стало сделать карьеру и пробраться в верхи. Он страшно честолюбив и готов на все, лишь бы пользоваться внешними атрибутами власти... Во время продолжительной службы начальником штаба он относился крайне враждебно и пренебрежительно к комиссарскому составу, а также командному составу, вышедшему из низов и составлявшему нашу опору и наиболее надежную силу в армии, но, будучи начальником штаба, он себя в этом отношении широко проявить не мог, и дело ограничивалось мелкими инцидентами, но положение резко изменилось, когда Лазаревич стал командующим 4-й армией. Он открыто и настойчиво стал проводить политику эмансипации военспецов от комиссаров и послужил источником ряда конфликтов между комсоставом и комиссарами, чего до Лазаревича у нас в армии не замечалось. Наконец, Лазаревич совершенно серьезно пытался внушить подчиненным теорию, что Ревсовет как учреждение не существует, а есть только командарм и при нем два политических комиссара, которые-де должны следить, чтобы в действиях командарма не было контрреволюции. Это встретило надлежащий отпор, а попытка его провести эту теорию в жизнь отдачей распоряжений и приказов с требованием их исполнения даже без подписи одного из членов Ревсовета, которых он не считал нужным даже уведомлять, послужила основанием конфликтов с Реввоенсоветом, [кончилась] докладом Ревсовета во фронт и в результате его отзыв с поста командарма 4[-й].

Но особенно резко проявилось его отрицательное отношение к красному составу из бывших солдат-рядовых старой армии. Обращение, которое он усвоил себе по отношению к ним, граничило с тонким издевательством, язвительным экзаменом, стараясь выставить на вид их якобы невежество. Все это вызвало возмущение почти всех ответственных работников армии, как из красного состава, так и комиссаров. В Реввоенсовет поступал ряд протестов, писем, указаний, советов и пр., которые все сводились к тому, что Лазаревич разлагающе действует на армию. При еще не вполне изжитых остатках склонностей к партизанщине Реввоенсовету стоило огромных усилий сохранить равновесие. Что касается его отношения к советской власти, то полагаю весьма сомнительной искренность его — по его словам — “марксистских убеждений”, что, конечно, нисколько не исключает возможности использовать его как полезного и опытного работника, которого, однако, необходимо держать в руках и иметь над ним наблюдение. Особенно считаю нужным подчеркнуть мелкий характер Лазаревича, его настойчивость в преследовании намеченной цели, его беспринципность, что в сочетании позволяет ему для достижения мелких эгоистических устремлений не останавливаться ни перед чем. В общем считаем Лазаревича весьма полезным начальником штаба при условиях, указанных выше, и совершенно недопустимым командармом¹.

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 24–24об.

Комиссар штаба Западного фронта Р.А. Муклевич 9 марта 1920 г. согласился с такой характеристикой (Лазаревич занял должность начальника штаба фронта) и сообщал военкому ПШ РВСР, что «характеристика эта вполне сходится с моим мнением о Лазаревиче, составленным на основании наблюдений во время совместной работы с ним с 20 декабря 1919 года по 10 февраля 1920 года, с той только разницей, что Лазаревич в качестве начальника штаба никакой ценности для советской власти не представляет. В штабную работу, требующую системы и точности, он внес путаницу. Никаких руководящих указаний начальникам управлений не давал, предоставляя всех самим себе или загромождая их ненужной работой. Важничая, заставляя начальников управлений целыми часами ожидать приема у дверей своего кабинета, от работы отвиливал, мало ею интересовался, не будучи даже в состоянии делать доклады Реввоенсовету о текущих делах. Эти доклады делали непосредственно подчиненные наштабапу^I начальник[и] управлений. Учет личного состава штаба, сосредоточенный ранее в административном управлении, был им рассредоточен по всем управлениям, благодаря чему никогда нельзя было добиться путной справки о том или ином сотруднике.

С комиссаром работать определенно не хотел, постоянно создавая конфликты из-за мелочей.

Как специалист — ограниченный, упрямый и ленивый с необычайным самомнением. В политическом отношении заскорузлый обыватель, абсолютно чуждый духу советской власти и коммунистическому строительству.

Штемпель “Генерального штаба” следует считать в отношении его каким-то недоразумением.

Начальники управлений к нему относились иронически, и у них он никаким авторитетом не пользовался.

По настоянию Реввоенсовета фронта Лазаревич был отозван в распоряжение наштааресп^{II}». Отметим, что Лазаревич и в дальнейшем занимал ответственные посты в РККА и в числе трех военспецов-генштабистов был награжден двумя орденами Красного Знамени.

Противником старого Генштаба был талантливый советский военачальник М.Н. Тухачевский. Будучи командующим армиями советского Западного фронта, он писал начальнику штаба фронта бывшему генерал-майору Н.В. Соллогубу 17 ноября 1920 г.: «Рапорт Ваш № 872/н.ш. носит совершенно недопустимый характер.

Оставя в стороне то, что Вы позволяете себе официально критиковать резолюцию Вашего непосредственного начальника (Тухачевского. — А.Г.), в самом содержании рапорта заключается совершенно легкомысленная игра словами, изменяющая и самое содержание рапорта.

В приведенной Вами выдержке мною говорится определенно о Генеральном штабе как об известном институте, что даже подчеркивается второй фразой. Вы же играете понятием — лицо “старого” Генерального штаба, что совершенно не одно и то же.

^I Начальнику штаба Западного фронта.

^{II} Начальника ПШ РВСР.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 23–23об.

Именно путая эти понятия, Вы начинаете указывать на главнокомандующего, начальника его штаба и других лиц Генерального штаба, имеющих громадные заслуги перед республикой и отличающихся большими военными дарованиями.

Не надо забывать, что несколько перечисленных Вами лиц почти целиком исчерпывают способную часть нынешнего Генерального штаба и доказательством высокой подготовки Генерального штаба как такового — не являются.

Что касается до Вашего утверждения, что Генеральный штаб и в старой, и в Красной армии имеет много заслуг, то этого отрицать не приходится, но заслуги еще не означают высокой подготовки. Наш красный, зачастую безграмотный, командный состав имеет неисчислимые заслуги, но это не означает, чтобы он отвечал предъявляемым к нему требованиям.

В том самом докладе, на котором положена моя резолюция, имеется письмо наштаверха Генерального штаба Алексева, в котором он с глубокой горечью говорит о неподготовленности русского Генерального штаба и призывает его к работе и самоусовершенствованию. В том же самом докладе начальник Вуззап¹ Генерального штаба [К. А.] Умнов считает необходимым создать Генеральный штаб для Красной армии, ибо такового фактически нет.

Совершенно ясно, что каждое учреждение, каждый институт, каждое дело должны подвергаться критике, без чего никакое совершенствование невозможно, и критика известного института ни в коем случае не должна задевать отдельных его членов.

Я нарочно подробно разобрал этот вопрос, чтобы показать Вам всю непродуманность Вашего рапорта.

Этот рапорт указывает на недостаточную Вашу служебную дисциплинированность.

Ваша же просьба о пересмотре резолюции с угрозой подачи в отставку является полным нарушением дисциплины.

Требую раз навсегда прекратить служебную полемику, а подачу означенного рапорта, недопустимого по содержанию, на первый раз ставлю Вам на вид².

К сожалению, исходный рапорт Н. В. Соллогуба пока не обнаружен. Как курьез можно отметить, что именно Соллогуб в качестве командующего 16-й армией предъявил президенту Варшавы в августе 1920 г. ультиматум о сдаче города частям РККА без боя.

Вопрос о том, какие кадры Генерального штаба нужны Красной армии, оставался предметом перманентных споров. Прерогативы старого Генерального штаба всячески стремились оспаривать представители новой военной элиты, в том числе слушатели Академии Генштаба РККА — молодые большевики, жаждавшие активной работы на пользу советской власти. Один из слушателей летом 1919 г. справедливо написал о той системе назначений, которую пытались внедрять в Красной армии старые генштабисты: «Имеется одна дорога, но этой дорогой ходили только при царистской системе управления, когда люди ценились не по способностям, а по количеству просиженных стульев»³.

¹ Военно-учебных заведений Западного фронта.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 173–173об.

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 32.

Штабы РККА обладали целым рядом особенностей, отличавших их от старых штабов или штабов антибольшевистского лагеря. Прежде всего, обращала на себя внимание разношерстность штабных работников. В условиях нехватки высококвалифицированных генштабистов на ответственных постах нередко оказывались люди без должного образования и подготовки. В лучшем случае это могли быть выпускники ускоренных курсов старой академии или слушатели Академии Генштаба РККА, в худшем – простые переписчики и канцеляристы, как было на еще только создававшемся Восточном фронте летом 1918 г.

Генштабисты привнесли в новую армию старую штабную культуру и язык. Их переписка нередко многословна и обстоятельна, пестрит обращениями вроде «милостивый государь» и «благovolите». Вместе с тем высокообразованные бывшие офицеры способствовали повышению интеллектуального уровня командного состава РККА. Кадровая эклектика рождала противоречия. Красные командиры и комиссары с недоверием относились к спецам. Последние нередко свысока смотрели на случайно подобранных необразованных советских штабистов и даже на слушателей красной академии.

Необходимость визы комиссара на любом приказе спеца привела к тому, что прежний характер работы штабов изменился – всякий приказ нужно было фиксировать на бумаге, в связи с чем устные указания ушли в прошлое.

Отсутствие должной квалификации многих работников вело к тому, что командование вмешивалось в работу нижестоящих штабов, не доверяло подчиненным (в некоторых случаях командующие армиями пытались лично контролировать действия подчиненных вплоть до полкового уровня). Порой командующие брали на себя обязанности начальников штабов, но могло быть и наоборот, когда штаб работал за командующего.

По мере разрастания РККА росла и бюрократизация штабов, что вкупе с дефицитом квалифицированных кадров вело к замедлению работы. В условиях маневренной войны и быстро менявшейся обстановки оптимальным решением для оперативного реагирования на происходящее на фронте стало создание более мобильных полевых штабов, которые находились ближе к войскам и могли своевременно реагировать на перемены боевой обстановки. В целом, несмотря на все издержки, советские штабы доказали свою эффективность успехами на фронтах.

§ 4. Основные направления деятельности специалистов Генштаба РККА

Военный специалист РККА бывший генерал В.Е. Борисов писал в начале 1919 г.: «Исключительная специальность Генерального штаба – это деятельность оперативная; здесь офицер Генерального штаба никем не может быть заменен: плохой офицер Генерального штаба все же лучше всякого другого (офицера не Генерального штаба. – А.Г.), более развитого, более опытного, более здорового, ибо только академия Генерального штаба, только штабная деятельность Генерального

штаба вкладывают в мозг работника тот цикл познаний, который мы именуем «оперативным»^I.

Генштабисты вынесли на себе всю тяжесть **оперативной работы** в РККА периода Гражданской войны. Штабы разрабатывали планы операций и указания по их проведению, вели карты, составляли и передавали приказы, контролировали исполнение, генштабисты выезжали на рекогносцировки и съемки местности.

Материалы кадрового учета позволяют установить круг специалистов, которые руководили оперативной работой в РККА, в том числе в период решающих операций. Оперативное управление ПШ РВСР возглавляли бывший генерал В. И. Михайлов и бывший полковник Б. М. Шапошников. Должности командующих Восточным фронтом в период отражения наступления колчаковских армий занимали С. С. Каменев, А. А. Самойло, П. П. Лебедев, М. В. Фрунзе (негенштабист), В. А. Ольдерогге. Начальниками штаба фронта были А. К. Коленковский, В. Е. Гарф, П. П. Лебедев. Начальником оперативного управления был Н. Н. Шварц. Южный фронт в период отражения наступления ВСЮР возглавляли В. Н. Егорьев, А. И. Егоров (негенштабист). Начальниками штаба фронта были Н. В. Пневский и Н. Н. Петин. Начальниками оперативного управления – А. М. Перемытов, К. Ю. Берендс и А. Н. Гатовский. Эта группа специалистов, наряду с работниками ПШ РВСР и нижестоящих штабов групп и армий, внесла значимый вклад в организацию решающих побед РККА над белыми на Южном и Восточном фронтах. Отдельные генштабисты участвовали в разработке многих операций. Например, С. А. Пугачев, занимавший посты начальника штаба Особой группы Южного фронта, начальника штаба Юго-Восточного и Кавказского фронтов, разрабатывал планы многих операций, в том числе операции по разгрому колчаковцев на Северном и Среднем Урале, деникинцев на Северном Кавказе, по советизации Закавказья.

В некоторых документах давалась оценка роли тех или иных «лиц Генштаба» в оперативной работе. В частности, в рекомендации причислить к Генштабу начальника оперативного отделения штаба 13-й армии Н. А. Мулькова в конце 1919 г. отмечалось, что он «все время занимал ответственные штабные должности. Состоя начальником оперативного отделения с 1 сентября с.г. ... с присущей ему способностью быстро ориентироваться в обстановке, проявил серьезные военные познания и опыт в руководстве работой оперативного характера»^{II}. Тем не менее установить персональный вклад того или иного работника в операции РККА бывает затруднительно в связи с коллективным характером работы штабов.

Выдающийся отечественный военный мыслитель А. А. Свечин в одной из своих работ отметил, что «все содержание стратегии представляет по существу размышление над военной историей»^{III}. Гражданская война тесно увязывала политику и стратегию, причем политические решения доминировали над стратегической целесообразностью. Тот же Свечин считал, что тезис о господстве политики над стратегией имеет всемирно-исторический характер^{IV}.

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 18об.

^{II} РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 781. Л. 409об.

^{III} Свечин А. А. Стратегия. С. 67.

^{IV} Там же. С. 84.

Можно выделить ряд политических решений, предопределивших советскую стратегию Гражданской войны. К ним относятся решения об упорной обороне Петрограда от белых осенью 1919 г. или о наступлении РККА на юге осенью 1919 г. на Донбасс, минуя казачьи земли.

В советское время все успехи на фронтах Гражданской войны приписывались тем или иным партийным руководителям. Считалось, что Деникин был разбит благодаря планам В.И. Ленина и И.В. Сталина, Колчак и Врангель – по планам М.В. Фрунзе. В постсоветский период к этому добавились знания о том, что Юденич был остановлен под руководством Л.Д. Троцкого, который также внес вклад и в подготовку разгрома Деникина. Разумеется, при таком подходе места для военспецов не оставалось.

Борьба с белыми проходила под общим руководством большевистских вождей, которые внесли в нее значительный вклад. Однако штатские Ленин, Сталин, Троцкий и бывший вольноопределяющийся Фрунзе не владели техническими знаниями по подготовке и проведению боевых операций. К слову, по мнению Троцкого, Фрунзе «увлекали абстрактные схемы, он плохо разбирался в людях и легко поддавался под влияние специалистов, преимущественно второстепенных»^I. Ленин в военные вопросы глубоко не вникал, просто не имея на это времени. Основываясь на знании социальной природы Гражданской войны, большевистские лидеры могли предложить некую генеральную идею (например, Троцкий считал необходимым наступать на юге не через Донскую область, а в обход ее, расколов лагерь белых на две части и содействуя донецким шахтерам и украинским крестьянам), но выработка способов ее реализации неизбежно ложилась на плечи генштабистов.

Разработчиками планов наступления на Южном фронте в 1919 г. были И.И. Вацетис, С.С. Каменев и В.Н. Егорьев. В разработке плана контрудара по войскам Колчака на Восточном фронте участвовал Ф.Ф. Новицкий. Операции на Севере осуществлялись под руководством А.А. Самойло. Победа над Северо-Западной армией Юденича была одержана при активном участии Д.Н. Надежного, С.Д. Харламова и С.И. Одицова. Операция против Русской армии Врангеля с переходом через Сиваш была разработана коллективом штабных работников Южного фронта, сложившимся вокруг М.В. Фрунзе, причем непосредственное участие в подготовке операции принимали главнокомандующий С.С. Каменев и начальник ПШ РВСР П.П. Лебедев^{II}.

Иногда планы главного командования порождали серьезные разногласия. План разгрома войск Деникина, предложенный главкомом И.И. Вацетисом еще 22 июня 1919 г., предусматривал нанесение главного удара в районе Донской области и Украины^{III}. Сменивший Вацетиса на посту главкома С.С. Каменев разработал иной план (директива от 23 июля 1919 г.)^{IV}. Главный удар, по замыслу Каменева, нужно было наносить на Царицын и Донскую область.

План Каменева в конце июля 1919 г. был встречен командованием Южного фронта в лице командующего В.Н. Егорьева и начальника оперативного управления

^I Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 498.

^{II} См., напр.: Акулов М. Р., Петров В. П. 16 ноября 1920. М., 1989. С. 141, 146.

^{III} ДГК. С. 433.

^{IV} Там же. С. 438–439.

А. М. Перемытова без энтузиазма. Работники штаба фронта считали план неправильным, нерациональным и не рассчитывали на успех при его реализации. При этом генштабисты нашли поддержку у влиятельного партийного работника Г. Я. Сокольникова¹. Конфронтация была такова, что Троцкий обсуждал с Лениным возможность замены командования фронта.

3 августа 1919 г. уже сам Троцкий подверг резкой критике предложенное Каменевым направление главного удара предстоявшей наступательной операции. Троцкий был против наступления через Донскую область, так как обоснованно считал, что на казачьих территориях красные встретят наибольшее сопротивление². Идея Троцкого (возможно, до начала наступления еще не полностью оформившаяся) заключалась в том, чтобы разделить две опоры белых – добровольцев и казаков, отделив военную задачу разгрома Добровольческой армии от решения вопроса о казачестве. Такое разделение было возможно при наступлении по более короткому пути на Харьков и Каменноугольный бассейн (Донбасс). Вопрос о казачестве Троцкий считал в большей степени политическим, чем военным³. Однако красное командование явно недооценило значение харьковского направления для Деникина. Между тем именно оно для белых по факту являлось основным. Здесь же были сосредоточены лучшие части Добровольческой армии.

Каменев выстраивал этот план, базируясь на своем прежнем опыте командования Восточным фронтом. Доводы, которыми он мог руководствоваться, не кажутся убедительными. Так, утверждается, что план срывал возможность соединения Деникина и Колчака⁴. Этот довод считал несерьезным еще Троцкий, по мнению которого истоки плана Каменева лежали в стратегической ситуации мая 1919 г., когда действительно существовала угроза соединения Колчака и Деникина. Очевидно, Каменев стал заложником своих прежних опасений. Однако ко второй половине лета 1919 г. эти основания уже потеряли свою актуальность, поскольку в июле – августе 1919 г. основные силы колчаковских армий были отброшены на Урал и в Зауралье и соединение с Деникиным стало невозможным.

Экономия времени при переброске частей с Восточного фронта на левый фланг Южного фронта и необходимость обороны Средней Волги как района пополнения Красной армии также едва ли могут быть признаны решающими аргументами. Думается, вопрос расстояния для переброски частей был соображением второстепенного характера и давал лишь кратковременную выгоду, но отнюдь не должен был становиться определяющим при выборе направления главного удара, как оказалось у Каменева. Нельзя не признать и того, что центральные губернии имели не меньшее значение для пополнения РККА, чем Средняя Волга.

Существует точка зрения, что план Каменева оставлял стратегическую инициативу за красными и предусматривал полный разгром противника путем овладения базой Деникина на Северном Кавказе⁵. Но план Каменева отнюдь не означал, что красные будут лишены стратегической инициативы при ином выборе

¹ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 604.

² Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 207.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 442.

⁴ Mawdsley E. The Russian Civil War. Edinburgh, 2008. P. 244.

⁵ Ibid.

направления главного удара. Что касается Северного Кавказа, то он как база для антибольшевистских сил к середине 1919 г. был уже истощен неоднократными мобилизациями^I. В это время белое командование возлагало большие надежды на новые районы пополнения живой силы. Именно таким районом для Деникина была Украина, угроза потери которой крайне беспокоила Ленина (удивительно, что он при этом не требовал изменений в плане Каменева в сторону более активных действий в направлении Харькова, а не Царицына, и не поддержал Троцкого).

Еще одним аргументом сторонников оправдания Каменева является утверждение, что красным нужно было сковать крупные силы Донской армии, которые превышали даже численность Добровольческой армии^{II}. Но, во-первых, Добровольческая армия была стержнем ВСЮР и их главной ударной силой, отличавшейся не столько своей численностью, сколько качеством, стойкостью и высочайшим боевым духом личного состава из офицеров и добровольцев. По этим показателям Донская армия ей значительно уступала. Во-вторых, думается, пассивные сковывающие задачи в отношении Донской армии не требовали нанесения на ее участке главного удара. Более того, Каменев совершенно не учел психологию казачества, которое абсолютно не хотело воевать за крестьянские интересы за пределами войсковой территории, но на своей земле ожесточенно сопротивлялось^{III}. Наступление на казачьи области лишь способствовало притоку казаков в антибольшевистский лагерь. В этом отношении был всецело прав Троцкий, учитывавший при решении стратегических вопросов социальную природу Гражданской войны. В итоге ошибочный план привел к провалу, причем под угрозой оказалось само существование Советской России.

Каменев с упорством, достойным лучшего применения, на протяжении сентября 1919 г. продолжал считать свой июльский план правильным, полагая, что борьба на курско-воронежском направлении выгоднее для белых, тогда как красным более целесообразно наносить основной удар через Донскую область в направлении на Кубань, чтобы отрезать белых от основных районов пополнения их живой силы^{IV}.

В результате красные не только не овладели Северным Кавказом, но даже не смогли достичь перелома на направлении главного удара против Кавказской и Донской армий белых. На этом участке красным не удалось взять Царицын, не говоря уже о намечавшемся Каменевым проникновении на Кубань. По оценкам военных специалистов, достигнутые успехи имели лишь местное значение^V. В Донской области белые удержали линию Хопра. В то же время красные упустили развитие успеха противника на харьковском направлении, позволили Деникину создать на Украине плацдарм для дальнейшего наступления и к октябрю 1919 г. столкнулись со вполне реальной угрозой Орлу и Туле, а войска красных оказались измотаны тяжелыми боями.

^I Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 498.

^{II} Mawdsley E. The Russian Civil War. P. 244.

^{III} Обзор участия казачества в Гражданской войне см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 153–216.

^{IV} ДГК. С. 464–465.

^V Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. С. 264; Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. С. 361.

Августовское наступление центральной части советского Южного фронта не только провалилось в начале сентября, но затем в результате перехода инициативы к белым и активных действий их конницы в красных тылах (причем как в ходе рейда генерала К.К. Мамантова, так и позднее) превратилось в настоящую катастрофу, в особенности на фронте 8-й армии. Большевик Г.Я. Сокольников, назначенный в тот период командующим 8-й советской армией, писал в автобиографии: «Окруженная с трех сторон, а иногда и отрезанная со всех сторон, армия отходила от Волчанска к Воронежу, изредка с трудом сносясь с соседней 13-й армией и фронтовым командованием по радио и при помощи аэропланов. Налеты мамонтовских частей на тылы армии действовали дезорганизующе и деморализующе... Штаб армии кочевал с места на место, всегда рискуя быть захваченным врасплох; часть работников штаба дезертировала, а некоторые перебежали к белым»¹. Самое удивительное, что эта катастрофа в сентябре – начале октября 1919 г. так и не позволила белым достичь своей цели в виде захвата советского центра. Уже в октябре 1919 г. на Южном фронте произошел перелом в пользу Красной армии, позднее приведший к разгрому антибольшевистских сил Юга России.

В начале октября 1919 г. красные сменили командующего Южным фронтом, назначив вместо В.Н. Егорьева А.И. Егорова, а через несколько дней был заменен и начальник штаба фронта – вместо Н.В. Пневского им стал Н.Н. Петин. Командующим 8-й армией в целях ее спасения стал большевик Г.Я. Сокольников.

Бывший советский главком И.И. Вацетис в конце 1919 г. писал в своих неопубликованных мемуарах об отсутствии преемственности в советской стратегии после замены Вацетиса на Каменева в июле 1919 г.: «На своем кратковременном пребывании на посту новый главнокомандующий, очевидно, не успел войти в курс дела, не успел ознакомиться с общим положением республики, не успел нащупать особенностей обстановки на Южном фронте. По-видимому, он принял этот пост, имея наготове план действий, разработанный где-то заранее, на чисто схоластических началах и на предположениях, лишенных ясного представления о специфических особенностях не только Южного фронта, но и общей стратегической и политической обстановки нашего военного лагеря. Ничем иным нельзя объяснить направление главного удара на фронте донского казачества. Ничем иным нельзя объяснить игнорирование кавалерийского рейда генерала Мамантова, разрушившего базу Южного фронта в Тамбове, в то время, когда Южный фронт лишь начал выполнение составленного плана, имея у себя в тылу столь внушительные кавалерийские силы противника. В таком случае никоим образом уже составленный план не мог быть начат своим выполнением в прежнем своем виде»².

Таким образом, если логика Вацетиса верна, провал августовского наступления оказался одним из последствий резкой смены советского главного командования в июле 1919 г., произошедшей в результате арестов высших военных руководителей РККА по делу ПШ РВСР.

¹ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 686.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 46–47.

20 сентября 1919 г.¹ Троцкий написал в ЦК о том, что «особенно тяжелое положение создалось, однако, в отношении Южного фронта. Общестратегический план был ложен с самого начала. Мы пустили главные силы на самом отдаленном, самом трудном и самом протяженном направлении. Сейчас совершенно ясно, что те же и даже значительно меньшие силы, своевременно брошенные на направление Купянск – Харьков, дали бы несравненно большие результаты. Украина не была бы к настоящему моменту основным плацдармом Деникина, мы сохранили бы Курск, Туле не грозила бы непосредственная опасность.

Но хуже того: те поправки, какие могли и должны были вноситься ходом событий, хотя бы и с некоторой потерей темпа, не вносились даже тогда, когда необходимость их становилась очевидной. Причина тому в том, что оперативный план из временной и обусловленной рабочей программы командования превратился в знамя группы влиятельных товарищей, стал для них в некотором смысле вопросом чести. Большинство членов Политбюро Цека (два или [три] товарища) сочло даже возможным связать авторитет Цека партии не только [с] указанным обще-оперативным планом, но и с его отдельными изменениями. Это привело к такому положению, когда командование чувствовало себя и оказывалось вынужденным упорствовать в шагах, явно и очевидно нецелесообразных, иногда бессмысленных и прямо преступных...

Необходимые мероприятия:

1. Освобождение главкома от обязанностей по отношению к “царицынскому” плану.
2. Разъяснение главкому в той или другой форме, что его оперативные решения сами по себе не могут иметь поддержки Цека, который лишь ставит ему в известном порядке определенные задания; другими словами, что ответственность за операции не снимается с главкома лично ни при каких условиях². Лишь после этого, в том числе в силу обстоятельств, направлением главного удара стала линия Орел – Харьков, что и привело к успеху красных.

По всей видимости, советский главком С. С. Каменев был сторонником наступательной стратегии как единственно возможного способа ведения боевых действий в Гражданской войне³. Стратегические планы главного командования прослеживаются по ряду секретных записок Каменева, подготовленных на имя председателя РВСР Л. Д. Троцкого и председателя Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленина. Нами обнаружены три такие записки, датированные октябрем 1919 – январем 1920 г. Первая из них относится к периоду наибольшего напряжения борьбы на Южном фронте и под Петроградом и составлена 21 октября 1919 г. В ее основу легло решение РВСР от 15 октября 1919 г. Главной стратегической задачей РВСР считал удержание Тулы и ее военных заводов, а также Московского района и Петрограда. Для этого была необходима концентрация всех возможных сил и средств со всех фронтов. Допускалось даже сокращение

¹ Так этот документ, не приводя ссылки, датируют В. Г. Краснов и В. О. Дайнес (*Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. С. 227*). В обнаруженном нами варианте документа дата отсутствует. Сам Троцкий позднее отмечал, что его обращение в Политбюро относится к концу сентября 1919 г. (*Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 108*).

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 457–458.

³ *Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 2008. P. 198.*

территории, занимаемой Западным и Восточным фронтами (до Урала). Требовалось лишь сохранение сообщения с Туркестаном^I. К наступлению предполагалось подготовиться за зиму. Каменев критически отнесся к этим указаниям, считая их несогласованными с главнокомандованием и не вполне отвечающими реальной обстановке. Он полагал по опыту Гражданской войны, что отступать нельзя, так как «не разбитый противник собьет наши армии с любой оборонительной линии»^{II}. Ослаблять Западный и Восточный фронты главноком не считал возможным.

Вторая записка Каменева датирована 22 января 1920 г. и касалась завершения разгрома Деникина на Кавказском фронте. Свежие дивизии из Сибири и центра задерживались по причине забитости железнодорожных узлов и требований Наркомата путей сообщения и Наркомата продовольствия сократить оперативные перевозки в пользу хлебных грузов. То же происходило и с маршевыми пополнениями. Подобная ситуация была нетерпимой, особенно в связи с тем, что «главнокомандованию приходится требуемую на фронте массировку сил на ударных направлениях создавать путем подачи фронту свежих дивизий, а не путем перегруппировки действующих на фронте частей. Эта характерная особенность южных фронтов обуславливалась, с одной стороны, очень слабыми, как по качеству, так и по числу, кадрами южных дивизий и, с другой, значительно низкой подготовкой командного состава, для которого в большинстве случаев такого рода маневры были непосильны и приходилось мириться с простейшими видами маневра, где прямолинейность являлась основным приемом. Отсюда ясно, что прекращение перебросок равносильно прекращению всякого маневра на Кавказском фронте, быть может, в самый решительный момент»^{III}. Каменев отмечал, что в этой ситуации возможен лишь один выход — «не меняя настоящей группировки фронта, а внеся лишь в ней некоторые частные улучшения, задавить противника числом, что возможно, но для чего потребуются также перевезти на Кавказский фронт в первую очередь до 40 000 подготовленного пополнения и во вторую еще до 60 000, что опять-таки потребует усиленных перевозок»^{IV}.

27 января 1920 г. датирована еще одна записка Каменева, теперь уже Ленину через Троцкого (две предыдущие адресовались только Троцкому). Каменев был настроен сдержанно. Так, например, он сомневался в возможности усилить 6-ю армию, чтобы ликвидировать белых на Севере в короткий срок (на самом деле это произошло в течение месяца). На Западном фронте он ожидал крупных событий. Ожесточенное сопротивление ожидалось и на подступах к Крыму. Вызывала опасения передышка на Кавказском фронте, обусловленная разливом рек: благодаря ей белые смогли оправиться, находясь в районе своей базы, и подготовиться к упорной борьбе. Каменев отмечал готовность сопротивляться даже у женщин и детей^V. Не завершена борьба была также в Туркестане и в Сибири, где силы красных оказались растянуты, а управление ими нарушено при обширном неустроенном тыле. Общий вывод Каменева был такой, что «период вооруженного отстаивания

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 164.

^{II} Там же. Л. 165.

^{III} Там же. Л. 402.

^{IV} Там же.

^V Там же. Л. 414об.

существования Советской республики еще не прошел, что ослабление военного напряжения республики преждевременно¹. Необходимость напряжения сил, по мысли Каменева, требовалась до завершения разгрома главного врага — Деникина. С одной стороны, красные достигли больших успехов на фронтах. Но, с другой, сил для возможной новой серьезной борьбы Советская Россия уже не имела. Часть войск уже была привлечена к трудовой работе, в стране и армии начало создаваться демобилизационное настроение.

Стратегические реалии Гражданской войны существенно отличались от стратегии Первой мировой, а порой и от канонов академической науки. Так, кульминацией советского наступления на Севере в начале 1919 г. стала Шенкурская операция 6-й армии и красных партизан, проведенная 19–25 января 1919 г. Одним из разработчиков плана операции являлся видный военный специалист РККА Н.Н. Петин. Целью операции являлась ликвидация выступа, угрожавшего тылу. Как иронизировал командующий 6-й армией бывший генерал А.А. Самойло, «если бы такую операцию я представил профессору генералу [Н.А.] Орлову в академии Генерального штаба, то мне не видать бы Генерального штаба как своих ушей, так как мой план не только был труден и рискован, но вообще противоречил основному правилу военного искусства — не назначать соединения разрозненных частей, что называется, под носом у противника»². Самойло несколько лукавил, поскольку речь шла не о соединении войск под носом у противника, а лишь об одновременной атаке укрепленного пункта с разных сторон, но расчет командарма оправдался. Операция блестяще завершилась освобождением Шенкурска от белых и интервентов, причем противника отбросили на 90 км к северу от города, была предотвращена угроза соединения антибольшевистских сил Северного и Восточного фронтов, захвачено 15 орудий, 60 пулеметов, 2000 винтовок, 5000 снарядов, 3 млн патронов, обмундирование на 3000 человек и четырехмесячный запас продовольствия на 5000 человек.

В то же время белым удалось отступить, и план их окружения красными, а также выхода к устью реки Ваги осуществлен не был. Ответственность за эти неудачи Самойло возложил на члена РВС 6-й армии и военного комиссара Н.Н. Кузьмина, а также на начальника оперативного отделения, которым в то время являлся Б.А. Буренин. Самойло отметил, что от них «я был вправе ожидать проявления необходимой инициативы. Они же при создавшейся задержке в городе (Шенкурске. — А.Г.) оказались и лично слабыми и не сумели повлиять на начальников колонн»³. Однако это обвинение в некоторой степени противоречило блестящей аттестации Буренина, данной самим же Самойло, в которой особо отмечалась важная роль военспеца в разработке плана операции (правда, о реализации плана не говорилось)⁴. Кузьмин же в своих воспоминаниях, не называя имен, обвинил в неудаче армейское командование (т.е. того же Самойло), руководившее операцией из Вологды⁵. Тем не менее победа под Шенкурском стала самым крупным успехом красных на Севере.

¹ Там же. Л. 415.

² Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 239.

³ Там же. С. 241.

⁴ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 45об.

⁵ Кузьмин Н. Н. Борьба за Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 312.

Тот же Самойло, несмотря на опыт, нередко в Гражданскую войну оказывался в тупиковой ситуации и был вынужден осваиваться в непривычной для себя обстановке. Например, однажды он не знал, как распорядиться поступившими подкреплениями. В ответ на недоумение комиссара М. С. Кедрова Самойло ответил: «Поверьте, что в войне, которую мы в настоящее время ведем, и знания, приобретенные в академии, и весь опыт не применимы. Сплошного фронта нет, армия ничтожная; случайная переброска неприятельских сил может резко изменить картину фронта...»¹

Известно, что главком С. С. Каменев и начальник ПШ РВСР П. П. Лебедев разрабатывали план операций против Польши в 1920 г. и обсуждали его с В. И. Лениным, причем разрабатывались несколько вариантов действий. По свидетельству Каменева, «план... рождался не в пример всем остальным планам Гражданской войны в больших потугах»².

Не обходилось и без ошибок, ведущих к тяжелым последствиям. По оценке А. А. Свечина, в ходе Варшавской операции 1920 г. стратегические ошибки допускались на всех уровнях. Он приводил пример, как командование 16-й красной армии 15–18 августа 1920 г. пассивно наблюдало за разгромом своих дивизий поляками, тогда как еще 13 августа можно было разгадать замысел польского командования³.

Советский военачальник И. С. Кутяков в работе «Киевские Канны» критически переосмысливал опыт Советско-польской войны: «Все войска Юго-Западного фронта, их начальники, штабы и тылы не были ни оперативно, ни тактически подготовлены и не научены ведению такой сложной операции. И, самое главное, в дивизиях XII армии и других частях, участвующих в этой операции, не было единства в методах ведения боя с врагом, в ведении операции. Одни стремились к захвату больших и малых городов, другие — к захвату территории, а третьи — к уничтожению живой силы поляков.

В силу этого получалось, что одни истекали кровью и отдавали последние физические и нравственные силы с тем, чтобы уничтожить врага, другие, наоборот, «изнемогали» от безделья — стояли на месте и отдыхали, а третьи выжидали, когда поляки уйдут из города, чтобы первыми войти в этот город. Некоторые не только избегали решительного сражения с польскими частями, а просто уклонялись от всякого боя с врагом»⁴.

Рассмотрим вопрос о подготовке Перекопско-Чонгарской операции красных — последней крупной операции широкомасштабной Гражданской войны. Непосредственное участие в ее подготовке принимали главнокомандующий С. С. Каменев и начальник ПШ РВСР П. П. Лебедев. Начальником штаба Южного фронта в 1920 г. стал бывший подполковник И. Х. Паука, ранее командовавший 13-й армией на крымском направлении и прекрасно знавший театр военных действий⁵. Вместе с М. В. Фрунзе, возглавившим Южный фронт, на фронте оказалась целая группа генштабистов, ранее работавшая с ним на Восточном

¹ Кедров М. С. За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 135.

² Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 44.

³ Свечин А. А. Стратегия. С. 63.

⁴ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 58. Л. 133об.

⁵ М. В. Фрунзе: Военная и политическая деятельность. М., 1984. С. 129.

и Туркестанском фронтах. В короткий промежуток своего пребывания в Москве по возвращении из Туркестана в сентябре 1920 г. в ВГШ Фрунзе добился передачи на Южный фронт управления 4-й армии, но с новым командующим бывшим подполковником, лично ему известным В.С. Лазаревичем – ранее начальником штаба Южной группы Восточного фронта. Бывший полковник А.К. Андерс стал заместителем начальника штаба фронта (ранее – начальник штаба 4-й армии и и.д. начальника штаба Туркестанского фронта). Андерс в качестве военного советника сопровождал Фрунзе и в 1921 г. в поездке в Турцию. Слушатель ускоренных курсов академии П.П. Каратыгин, ранее отличившийся руководством оперативной работой при взятии Уфы (за что был награжден Фрунзе золотыми часами¹), занял пост начальника оперативного управления, а затем стал начальником полевого штаба фронта. В апреле 1920 г. Каратыгин был причислен к Генштабу, что, видимо, произошло также при содействии Фрунзе. Вместе с Фрунзе Каратыгин служил и в 1920–1923 гг. Вопросами снабжения войск занимался В.В. Фрейганг, бывший полковник, ранее окончивший два класса Николаевской академии Генерального штаба, а также интендантскую академию (Фрунзе знал его еще по Ярославскому военному округу). Фрейганг служил с Фрунзе также в 1920–1921 гг.

Помощником командующего фронтом стал новый для Фрунзе человек – бывший полковник С.Д. Харламов. Сложно сказать, можно ли верить мемуарному свидетельству Харламова о том, что некоторые военспецы, познакомившись с Фрунзе, были ошеломлены: «Они увидели, что этот человек, хотя и не прошел академического курса, стоит на несколько голов выше их в знании военных вопросов. Через два-три дня Михаил Васильевич знал положение на Южном фронте во много раз лучше нас, хотя мы здесь работали уже давно²». Еще одним подчиненным Фрунзе с 26 октября 1920 г. являлся А.И. Корк – бывший капитан, который возглавил 6-ю армию Южного фронта. Таким образом, вокруг Фрунзе сложилась мощная и, во многом, отлаженная прежней совместной службой группа высококвалифицированных генштабистов, обладавших опытом проведения крупных операций в условиях Гражданской войны. При таких обстоятельствах сам командующий фронтом мог не обладать какими-либо военными познаниями, поскольку проведение операции становилось делом техники, отработанной коллективом ранее.

Штабные работники приобретали определенную специализацию. Так, например в 9-й Кубанской армии в январе 1921 г. помощник начальника штаба Б.Н. Кондратьев, по аттестации начальника штаба, знал оперативное дело, но в административной работе разбирался недостаточно хорошо³.

Отдельные белые генштабисты еще летом – осенью 1918 г. обратили внимание на успехи красных в управлении войсками и организации армии⁴. Поначалу возможной причиной этого предполагали даже участие германского командования. Высокая оценка противника дорогого стоила. Есть все основания утверждать,

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 358об.

² М. В. Фрунзе: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 156.

³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1870. Л. 27.

⁴ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 91; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 142; Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 241, 246.

что организационно и стратегически красные переиграли белых. И это следует не только из факта военной победы Красной армии.

Превосходство красных проявилось в целом ряде операций, а также в системном подходе к военному строительству. Возможность долгосрочного стратегического планирования в вопросах военного строительства (элемент системности) стала одним из главнейших преимуществ большевиков. Фактически плановый подход практиковался красными не только в народном хозяйстве, но и в военном деле, что не могло не приносить результата. Как отмечал главком С. С. Каменев, «в войне современных больших армий для действительного разгрома противника нужна сумма непрерывных и планомерных побед на всем фронте борьбы, последовательно дополняющих одна другую и связанных между собою во времени... Наша 5-я армия была почти сведена на нет адмиралом Колчаком. Деникин произвел чуть ли не разгром всего правого фланга Южного фронта. Врангель расстрепал до последнего нашу 13-ю армию. И все же победа осталась не за Колчаком, не за Деникиным и не за Врангелем. Победила та сторона, которой удалось суммировать свои удары, нанося таковые непрерывно и тем самым не позволив противнику залечить свои раны»¹. Обращает на себя внимание чрезвычайная методичность добивания красными противника на внутренних фронтах. В некоторых случаях успех достигался численным превосходством над белыми, в других — умелым маневрированием.

Чрезвычайно выгодным было стратегическое положение Советской России, благодаря которому командование могло отражать удары белых последовательно, бить противника по частям, действовать по внутренним операционным направлениям и создавать ударные группировки на необходимых участках. При этом белые фронты не имели никаких возможностей для взаимодействия и быстрой переброски войск.

Белый генерал Е. И. Достовалов вспоминал: «У Орла, несмотря на огромную и богатую территорию в тылу, заключавшую в себе все необходимое для формирования крепкой и сильной армии, несмотря на многочисленное превосходство в технике, несмотря на угнетенное настроение беспрерывно отступавших красных, несмотря, наконец, на полную свободу для нашего военного творчества, мы (белые. — А. Г.) проиграли кампанию, столкнувшись с регулярными частями Красной армии и, главное, с лучшим, чем у нас, руководством войсками и лучшей стратегией»². По мнению Достовалова, «в косности и окаменелости военной мысли (белых. — А. Г.) и в быстром совершенствовании Красной армии отразилась вся сущность боровшихся обеих сторон. Одной, боровшейся за старое, всем складом своего ума боявшейся всякой новизны и неспособной к резким переменам, и другой, для которой в новых достижениях была цель и смысл существования, не боявшейся никакой ломки, не связанной никакими традициями, никакой рутинной.

И своевольное, дерзкое, новое, быстро меняющееся и быстро приспосабливающееся, смело и решительно отбрасывающее все, что проявило себя негодным, победило традицию, косность и рутинерство.

¹ Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 72.

² Достовалов Е. И. О белых и белом терроре / публ. Н. Сидорова, И. Кондаковой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 659.

Так было, так будет!»^I

Генштабисты находились на **строевых должностях**, занимались **административной, организационно-мобилизационной, разведывательной и контрразведывательной работой**^{II}.

Организационным управлением ВГШ в 1918 г. были составлены «Указания по формированию войск», разработаны штаты стрелковой дивизии РККА и других соединений и частей^{III}. Управление возглавлял бывший генерал А.М. Мочульский. Сотрудник Организационного управления А.Е. Флейшер, состоявший в белом подполье и арестованный в 1919 г. по делу военной организации «Национального центра», показал, что «А.М. Мочульский служит для Советской России, всеми силами работает за десять человек, и я удивляюсь его энергии и продуктивности работы в деле организации Красной армии, он служит не за страх, а за совесть, его одного работа является равной работе двух отделов Организационного управления, и, не будь во главе управления А.М. Мочульский, а кто-либо другой, дело организации Красной армии шло бы в десять раз хуже»^{IV}. Флейшер считал Мочульского талантливым офицером Генерального штаба, человеком «выдающегося ума, колоссальной энергии, громадных знаний военного дела»^V. По данным инспектирования управления в марте 1919 г., Мочульский, одновременно возглавлявший отдел по устройству и боевой подготовке войск, «перегружен работой, всецело предан делу, с раннего утра и до поздней ночи находится в работе на службе, опытный в штабном деле, энергичный и талантливый работник»^{VI}. Тем не менее в феврале 1920 г. Мочульский был арестован по подозрению в причастности к белому подполью, а на следующий год, по-видимому, расстрелян. Его сменил бывший подполковник А.А. Душкевич. После завершения широкомасштабной Гражданской войны Организационное управление Штаба РККА возглавил бывший генерал В.Л. Барановский. Серьезным специалистом, который «главным образом поднаторел по организационным вопросам» в 1920 г., по мнению видного военного специалиста Б.М. Шапошникова, являлся М.И. Алафузо^{VII}. Эффективность организационной работы позволила создать в Советской России мощную и регулярную вооруженную силу, сформировать 85 стрелковых и 27 кавалерийских дивизий; 39 отдельных стрелковых и 7 отдельных кавалерийских бригад; 464 артиллерийских дивизиона.

Мобилизационная работа в Советской России велась, прежде всего, в ГУГШ, ВГШ и в штабах военных округов. Сложившаяся в годы Гражданской войны система комплектования и пополнения РККА значительно превосходила аналоги, созданные белыми^{VIII}.

^I Там же. С. 661.

^{II} О последних двух сферах см. главу VIII.

^{III} Аллеев О. Е. Деятельность организационно-мобилизационных органов Советской России по созданию РККА в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Гражданская война в России (1918–1922 гг.). СПб., 2020. С. 285–287.

^{IV} Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 408.

^V Там же.

^{VI} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1336. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 944. Л. 63.

^{VIII} Безугольный А. Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945: Историко-статистическое исследование. М., 2021. С. 154.

Как отмечал главком С. С. Каменев, в советском военно-политическом руководстве существовало «твердое желание перейти в деле формирований от кустарных приемов к более организованным, скажем, “фабричным”». Иными словами, речь шла о постановке вопроса с пополнениями на поток. Такая задача была выполнена: с сентября 1918 по июнь 1920 г. было осуществлено 27 обязательных призывов, что дало РККА 3,8 млн человек. В марте 1919 г. в военных округах были сформированы управления запасных войск. В Поволжье в августе 1919 г. была развернута запасная армия, отправившая в действующую армию 2 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии, 26 стрелковых и 4 кавалерийские бригады, 3 стрелковых и 12 кавалерийских полков, 53 эскадрона, 20 артдивизионов, 15 батарей, свыше 200 маршевых батальонов, 12 пулеметных команд, авиаотряд, понтонный батальон и т.д. В среднем через запасную армию прошло до 800 000 человек, или 34% всех пополнений^I. Помимо подготовки запасных частей эта армия занималась также подавлением беспорядков в тылу^{II}. Запасные армии вскоре стали создаваться при фронтах (всего четыре). Другим способом восполнения убыли стала система управлений формирования (упраформов), возникших при фронтах и армиях и занимавшихся формированием и реорганизацией частей. В июле 1920 г. началось формирование запасных бригад. Белым до такой системности было очень далеко.

Наглядным показателем разницы в мобилизационной работе сторон было, например, то, что красные успешно проводили мобилизации в районах, оставленных белыми. Об этом с горечью писал в дневнике генштабист В. А. Замбржицкий, служивший в 1918 г. в Донской армии^{III}.

К 1 января 1920 г. РККА на фронте и в тылу насчитывала 3 млн человек. К ноябрю 1920 г. в РККА числились 5,4 млн человек. Впрочем, боевой состав был значительно меньше — лишь 0,8 млн^{IV}, а непосредственно на передовой находились 0,4–0,5 млн человек^V. Фактически за каждым штыком на фронте стояли 10 едоков в тылу^{VI}.

Показательно, что в 1919 г. средний ежемесячный прирост численности РККА (как боевого, так и небоевого состава) составил 183 000 человек^{VII}, что, к примеру, превосходило общую численность войск, имевшихся у белых на Восточном фронте. Неудивительно, что один из деникинских офицеров вспоминал о событиях февраля 1920 г.: «Несметные полчища конницы и пехоты начали атаковать наши позиции, и ввиду слабости наших сил и очень ограниченного количества бойцов нам пришлось отступать дальше»^{IX}. Речь не шла о необученных толпах в красноармейской форме — возрастало и качество войск, укреплялась дисциплина. Белый полковник М. В. Мезерницкий (негенштабист) вспоминал о летних боях 1920 г. с красными:

^I Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 73.

^{II} Там же. С. 73.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 559.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

^V ДКФКА. М., 1978. Т. 4. С. 227.

^{VI} Там же. С. 220–227.

^{VII} Какурин Н. Е., Ковтун Н. Н., Сухов В. Г. Военная история Гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004. С. 203.

^{VIII} Подсчитано по: Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 87.

^{IX} Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. М., 2010. С. 102.

«Почти год я не был на большевистском фронте, за исключением Крыма, но там условия были другие, и какая разница. До того мне ни разу не приходилось видеть в Красной армии, чтобы сбитая конной атакой пехота продолжала отстреливаться. А теперь я в продолжение 2-х часов четырежды атаковал пехоту, четырежды рубил ее и четырежды она отбивала меня. И это не матросы, не латыши, а обыкновенные пехотные полки»^I. Попавший в плен к красным осенью 1920 г. генерал Н.М. Морель, по дневниковому описанию секретаря РВС 1-й Конной армии С.Н. Орловского, «изумлялся дисциплинированности наших частей, говоря, что он имел совершенно другое о них представление, примерно как о банде вроде махновской армии. Бойцы иронически называли его “его превосходительством” и козыряли»^{II}.

Не умея рационально объяснить причины успехов РККА, некоторые белые офицеры обращались даже к древнегреческой мифологии. Полковник М.И. Изергин, воевавший против красных в составе ВСЮР и в рядах Уральской армии, писал: «Официальные сводки рисовали положение дел на фронте... в сентябре – октябре 1919 года очень радужными красками, но чувствовалось в них что-то не то недорисованное, не то перерисованное... Из донесений о рейде конницы генерала Мамонтова нельзя было сделать иного вывода, как тот, что в тылу противника не оставалось живого места. Казалось, что на путях к Москве препятствий нет. На деле, однако, оказывалось, что Красная армия была многоголовой Лернейской гидрой, у которой на месте каждой отрубленной головы вырастали две новые»^{III}.

Начальник Мобилизационного управления ВГШ, а позднее начальник ПШ РВСР бывший генерал П.П. Лебедев считался выдающимся генштабистом^{IV}. Об этом, например, свидетельствует телеграмма начальника ВГШ Н.И. Раттэля главному Вацетису, председателю РВСР Троцкому и его заместителю Склянскому от 12 апреля 1919 г.: «Обсудив детально возможность предполагаемого назначения т. Лебедева на фронт, считаю долгом совести и пользы порученного мне дела доложить, что заменить т. Лебедева абсолютно нечем, а дело, находящееся на его руках, слишком серьезно, слишком велико и ответственно. Подготовленного, хотя бы и слабее т. Лебедева, на Мобилизационное управление в республике у нас нет: всякое назначение на эту работу восполнит Лебедева едва ли на 25%»^V. По оценке бывшего полковника А.Г. Грундштрема, инспектировавшего ВГШ, Лебедев – это «человек с ясным взглядом, широким кругозором, с большим опытом в оперативных, организационных и мобилизационных вопросах, с чрезвычайной энергией, большой работоспособностью и инициативой. Несомненно, что та огромная работа, которая произведена в деле мобилизации армии, при чрезвычайно трудной обстановке, является в значительной степени результатом деятельности и заслугой лично П.П. Лебедева»^{VI}. Таким образом, речь шла об уникальном специалисте высочайшей квалификации.

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 140. Л. 271.

^{II} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 792. Л. 169–170.

^{III} Изергин М. И. Рейд на Лбищенск // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1989. № 151. С. 196–197. С незначительными отличиями: *Его же. Уральская катастрофа* (воспоминания полковника Генерального штаба). М., 2023. С. 45.

^{IV} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 402.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 5.

^{VI} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 262об.

Описание технической стороны мобилизационной работы сохранилось в материалах расследования деятельности штаба Уральского военного округа в начале 1919 г. Следствие пыталось разобраться с отправкой мобилизованных в несуществовавшие части, а также в другие города. При мобилизации не был продуман продовольственный и квартирный вопрос, что влекло массовое дезертирство. Не заботились об одежде и о фуражке. Часть мобилизованных пришлось даже распустить по домам, так как все было переполнено. Между тем центр требовал все новых формирований.

Сотрудники признали вину, сославшись на перегруженность работой и близость фронта. В протоколе допроса бывшего начальника мобилизационного управления штаба В.Н. Чернышева отмечалось: «Распоряжения, касающиеся мобилизации и направления мобилизованных, разрабатываются мобилизационным отделом... Заведующим отдела докладываются начальнику моб[илизационного] управления (к 14 ноября – Чернышев), этим – начальнику штаба (к 14 ноября – [Г.М.] Тихменев) и, наконец, окружному комиссариату. Каждый из начальников, получая снизу доклад, должен проверить сущность доклада и, безусловно, делая доклад выше, участвуют в ошибках и должны отвечать за его неправильность. Посылка людей в укомплектованную часть объясняется тем, что, во-первых, часть поздно доносила, что она уже в комплекте, и, во-вторых, технически было трудно остановить идущих людей, а составленную разверстку жизнь вычеркнула. В первых числах декабря был отдан приказ, чтобы из всех уездов должны направлять в запасные части (№ 323). Но части сверх комплекта не принимали»¹. В документах отмечалось, что условия «для производства мобилизации были неблагоприятны, ибо, прежде всего, на местах население не было учтено, хотя инструкции были своевременно разосланы»². Сотрудники должны были составлять мобилизационные соображения, не зная, сколько может дать та или иная губерния. Имея статистику 1914 г., они делали скидку в 30% на потери за Первую мировую войну на каждый возраст. Не хватало и опытных работников, как в штабе, так и на местах. «Приходилось работать не только за себя, но, во многом, и за губвоенкомиссариат, ибо время не ждало, а инструктирование работников губвоенкомиссариата затянуло бы самое дело»³.

В условиях нехватки кадров специалисты порой становились незаменимыми. Орловский окружной военный комиссар А.Я. Семашко писал начальнику ВГШ 21 октября 1918 г.: «В последнее время обозначился массовый уход в армию опытных работников из губернских комиссариатов, одной из побудительных причин служит лучшее материальное обеспечение, чем в комиссариатах.

Как пример должен указать хотя бы Воронежский губернский комиссариат, где окружной инспекцией, в состав коей входит М. Солнышкин, только что закончивший инспекцию в этом комиссариате, выяснен уход только за последние две недели 16 сотрудников во главе с военным руководителем, причем среди ушедших, главным образом, состоят ответственные руководители отделов, так, например, ушли заведывающие: инструкторским отделом, учетным и мобилизационным

¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 2. Л. 238об.–239.

² Там же. Л. 247.

³ Там же. Л. 247об.

и ряд делопроизводителей, заменить которых решительно нечем, вследствие чего на таких местах, где должны быть строго специалисты, — стоят люди мало компетентные в порученном деле, например, во главе отдела формирования стоит по цензу образования ветеринарный фельдшер...»^I Автор рапорта просил оставить на службе бывшего генерала М.Е. Солнышкина как незаменимого сотрудника.

Бывший полковник Г.А. Шпилько, служивший в Башкирском военкомате, в сентябре 1919 г. считался незаменимым. А.-З. Валидов, возглавлявший комиссариат, телеграфировал начальнику ПШ РВСР и другим адресатам: «Усиленно прошу об оставлении Шпилько в Башвоенкомате как опытного и незаменимого работника, к тому же знакомого с востоком по прежней службе [в] Туркестане»^{II}.

Незаменимым сотрудником в мобилизационных вопросах являлся бывший подполковник И.Х. Паука, служивший в 1918 г. в штабе Ярославского военного округа. Военрук Ф.Ф. Новицкий и комиссар М.В. Фрунзе не хотели его отпускать из штаба и писали в декабре в ВГШ, что «Генштаба Паука не может быть взят от ответственной работы без ущерба для дела мобилизации [в] округе»^{III}. В 1920 г. Н.Н. Петин в разговоре с Б.М. Шапошниковым характеризовал Пауку как специалиста, который «имеет основательную подготовку по службе Генерального штаба и скорее поможет мне в разработке коренных оперативных и мобилизационных соображений на случай весенней кампании»^{IV}.

Успех советской мобилизации ярко обрисовал Л.Д. Троцкий: «Пока у них, у Дутова, Колчака, Деникина, были партизанские отряды из наиболее квалифицированных офицерских и юнкерских элементов, до тех пор они развивали большую ударную силу по отношению к их числу, ибо, повторяю, это элемент большого опыта, высокой военной квалификации. Но когда тяжелая масса наших построенных на мобилизации полков, бригад, дивизий, армий вынудила их самих перейти к мобилизации крестьян, чтобы массу противопоставить массе, тут заработали законы классовой борьбы. И мобилизация превратилась у них во внутреннюю дезорганизацию, вызвала работу сил внутреннего разрушения. Чтобы это проявить, вскрыть на деле, понадобились только удары с нашей стороны»^V.

Некоторые генштабисты являлись крупными специалистами по родам войск. К примеру, в области организации и снабжения **артиллерии**. Таким специалистом являлся, в частности, бывший генерал Е.З. Барсуков. Бывший полковник А.А. Бобрищев, например, обладал «высокими познаниями по артиллерийской специальности и вообще по военному делу; с большим опытом мирного и военного времени. При большом уме, широких взглядах, большой личной инициативе и отличной ориентировке в современном политическом строе республики, является примером неутомимого, энергичного и спокойного работника, приносящего огромную пользу в трудном деле формирования и организации артиллерии Красной армии»^{VI}.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 25–25об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 393.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 427.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 944. Л. 61–61об.

^V Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. С. 5–6.

^{VI} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 86.

Бывший подполковник С.Г. Сакварелидзе-Бежанов был «одним из весьма немногих чинов Генштаба, детально знакомых с организацией, условиями работы и вопросами технического и артиллерийского снабжения частей тяжелой артиллерии. В штабе тяжелой артиллерии особого назначения С.Г. Сакварелидзе-Бежанов работает с первого дня формирования (около двух лет) и ныне является одним из главных работников по воссозданию ТАОНа. Им разработаны все планы настоящего формирования частей ТАОН, и, кроме того, он лично знает большинство командного состава частей ТАОН. Изъятие С.Г. Сакварелидзе-Бежанова из состава штаба ТАОНа в настоящий момент, когда пред штабом стоят столь ответственные, требующие срочного выполнения задачи по организации артиллерийской обороны республики, лишило бы штаб ТАОНа наиболее ценного работника и затруднило бы выполнение штабом стоящих пред ним заданий.

Ввиду сего ходатайствую о возможном содействии к оставлению С.Г. Сакварелидзе-Бежанова в составе штаба тяжелой артиллерии особого назначения^I. В качестве прикомандированного к управлению 1-го дивизиона ТАОН служил в ноябре 1918 г. бывший полковник В.В. Бойе^{II}.

Бывший капитан М.П. Строев (Рихтер) блестяще зарекомендовал себя как специалист в области **авиации**, являлся помощником начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при ПШ РВСР. Однако из-за возникших с руководством управления разногласий он был вынужден переменить место службы^{III} и попал на Южный фронт.

Генштабисты имели отношение и к руководству **инженерными войсками**. Бывший белый офицер полковник Н.Ю. Вержбицкий служил начальником строевой части военно-инженерного управления Отдельной Кавказской армии, причем, по отзыву начальника управления на декабрь 1922 г., «по своей должности руководителя войсковой службы инж[енерных] частей армии и их специального обучения тов. Вержбицкий совершенно незаменим»^{IV}.

Выпускников академии привлекали к работе по организации службы **связи**, без чего невозможно управление войсками. В частности, бывший штабс-капитан В.М. Цейтлин стал одним из крупных специалистов в области военной связи Красной армии в 1920-е гг. В период Советско-польской войны он служил помощником начальника управления связи штаба Западного фронта. Позднее работал в Управлении связи Красной армии. Командировался на Южный фронт для обследования связи в период решающих операций против Русской армии генерала П.Н. Врангеля в октябре 1920 г., а в 1921 г. руководил установкой связи в войсках, подавлявших крестьянское восстание в Тамбовской губернии.

Генштабисты служили даже в штабах **флотов**, в частности, в штабе Балтийского флота служили бывший генерал Н.В. Хенриксон и бывший подполковник В.Е. Медиокритский. Последний был арестован и расстрелян как белый подпольщик.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 103–103об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 133. Л. 89.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 146–146об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 14.

Бывший генерал А.Л. Певнев, тяжело раненный в Первую мировую войну, стоял у истоков системы советской **пограничной охраны**. Помощником начальника и начальником штаба 1-го округа пограничных войск в 1919 г. служил М.А. Баторский^I. В пограничной страже или пограничных дивизиях служили и другие выпускники академии (например, С.А. Баранов, П.А. Сверчков, В.Я. Тетеревятников).

Генштабисты служили в **органах военных сообщений** (ВОСО). Начальником военных сообщений ВВС с марта 1918 г. являлся бывший генерал Н.И. Раттэль. Летом 1918 г. целый ряд генштабистов получили назначения на руководящие посты службы ВОСО. Вр.и.д. начальника Управления ВОСО ВГШ являлся Л.И. Савченко-Маценко, назначенный 4 июля 1918 г. начальником ВОСО при Петроградском порайонном комитете (округе) путей сообщения. На аналогичную должность при Московском комитете был назначен В.А. Афанасьев, при Воронежском – И.И. Раттэль, при Ростовском – С.М. Волков, при Самарском – В.И. Кондратьев, при Дальневосточном – С.Я. Непенин^{II}. Управление ВОСО ВГШ вместо Савченко-Маценко временно возглавил К.М. Ушаков. По проекту штата управления в 1918 г. предполагалось восемь должностей Генштаба (начальники отделов и отделений, помощники, старшие делопроизводители)^{III}. Начальниками ЦУПВОСО являлись бывшие генералы М.М. Загю и С.М. Волков, в 1919 г. этот пост занял М.М. Аржанов (негенштабист).

Признанными специалистами в области ВОСО считались бывшие генералы И.А. Бармин и В.Г. Серебрянников. Последний аттестовался в 1919 г. как «глубокий теоретический знаток военных сообщений. Лучший из всех, кого мне удавалось наблюдать. Подходит к вопросам научно, серьезно, всегда с обстоятельной аргументацией, с большим размахом мысли, додумывает до конца, до деталей. Много писал по военным вопросам. Практический стаж значителен. Во время войны 1914–1918 г[г]. был начальником военных сообщений Румынского фронта»^{IV}. В РККА он занимал пост начальника ВОСО Западной, Белорусско-Литовской и 16-й армий.

Представители власти консультировались с генштабистами, специализировавшимися на службе ВОСО, по важным вопросам как с экспертами. Так, например, начальник ВОСО Штаба РВСР М.М. Загю 9 октября 1918 г. был приглашен в Кремль, в Управление делами СНК, для участия в заседании комиссии по вопросу о волжском транспорте^V. В органах ВОСО на протяжении Гражданской войны служило немало генштабистов (соответствующие структуры имелись как в центральном аппарате, так и на фронтах и в армиях). По данным на 1921 г., на такой службе состояли 14 генштабистов, а некомплект составлял 53 человека, или 79%^{VI}. Служили выпускники академии и в Штабе обороны и охраны железных дорог республики, а также военными представителями железных дорог при штабах фронтов. Железнодорожный маневр сыграл важную роль в победе РККА над белыми на Южном фронте, поскольку таким способом, например, в августе – сентябре

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 67. Л. 7.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 28.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 138–138об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 20.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 300.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 22–22об.

1919 г. был сосредоточен ударный кулак 13-й армии при переходе в наступление против ВСЮР^I.

Генштабисты занимались руководством **службой тыла и снабжением войск**. В Центральном управлении по снабжению армии генштабисты служили даже на должностях, не обязательных для замещения «лицами Генштаба», так как того требовала сложность поставленных перед этими специалистами задач^{II}. Начальником снабжений РККА некоторое время являлся бывший генерал Е.И. Мартынов.

В компетенции генштабистов находилась работа **по составлению и переработке уставов и по разработке штатов**. В новых условиях требовалось переработать уставы старой армии под требования РККА. Так, в конце августа 1918 г. была создана особая комиссия для пересмотра и разработки согласно требованиям нового устройства армии и современной военной техники существующего Устава полевой службы под председательством бывшего генерала А.Е. Гутора^{III}. Большинство членов комиссии являлись выпускниками академии. В работе комиссии из их числа участвовали К.К. Баиов, А.А. Незнамов, Н.К. Раша (находился под арестом и вскоре был расстрелян), П.С. Стаев, П.Я. Ягодкин. На работу комиссии отводилось два месяца. Состоявший в распоряжении начальника РВСР М.М. Загю и начальник отделения ВГШ А.С. Нечволодов в начале 1919 г. были включены в комиссию по разработке 3-й части Полевого устава «Указания по службе ближнего тыла»^{IV}. В той же комиссии состоял с конца 1918 г. бывший генерал Н.Н. Обошешев^V, а, по данным на 1919 г., также бывший генерал Ф.Е. Огородников^{VI}. Кроме того, в феврале – апреле 1919 г. Загю председательствовал в комиссии по пересмотру и разработке существующего «Положения о препровождении нештатных команд»^{VII}. В Главной уставной комиссии с марта 1919 г. состоял бывший полковник Виктор И. Моторный^{VIII}. В комиссии по разработке кавалерийских уставов в начале 1919 г. состоял бывший генерал М.С. Тюлин^{IX}. В августе 1919 г. разработкой сокращения штатов полевых войск занимался инспектор пехоты ПШ РВСР бывший генерал Д.Н. Надежный. Генштабисты участвовали в комиссии по переработке книг 3 и 4 дореволюционного «Свода военных постановлений» под председательством бывшего генерала А.К. Фреймана^X. Инспектор артиллерии ПШ РВСР Г.М. Шейдеман не позднее конца августа 1919 г. составил «Краткое наставление о стрельбе по танкам»^{XI}.

В редактировании Устава внутренней службы участвовали А.О. Зундблат, А.А. Свечин, Е.О. де Монфор, А.М. Мочульский. Устав гарнизонной службы редактировали Е.О. де Монфор, А.М. Мочульский, Н.И. Раттэль, В.В. Ступин^{XII}. Переработкой военных уставов старой армии для нужд РККА также занимался бывший

^I Свечин А. А. Стратегия. С. 391.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120. Л. 20.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 60.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 25, 31.

^V Там же. Л. 80.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 151.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 61.

^{VIII} Там же. Л. 74.

^{IX} Там же. Л. 30.

^X Там же. Л. 82.

^{XI} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 336.

^{XII} Там же. Л. 34.

генерал Д.П. Парский. Когда в начале 1919 г. вышли два новых воинских устава, выяснилось, что они не отвечают потребностям армии. Парский предложил тогда составить «Основной воинский устав Красной армии», который бы давал общие отправные данные для подготовки войск и боевой работы. Проект Парского прошел широкое обсуждение в штабах в начале 1921 г., однако вызвал серьезную критику и не был утвержден^I. За 1918–1920 гг. было разработано 29 уставов и еще 28 находились в работе^{II}.

Генштабисты состояли в Военно-законодательном совете и были востребованы в комиссиях по самым разным вопросам (тем более что во многих случаях для решения тех или иных задач требовались просто образованные люди). Например, уже упоминавшийся бывший генерал А.К. Фрейман в 1918 г. возглавлял комиссию по разбору непорядков в 10-м и 64-м стрелковых полках в Москве^{III}.

Генштабисты занимались сбором и систематизацией **военно-статистических данных** по военным округам и **военно-географическим описанием** фронтов. В частности, такая работа велась в Оперативном управлении ПШ РВСР^{IV}. К марту 1919 г. были составлены описания Северного, Западного, Украинского, Каспийско-Кавказского фронтов, Южного участка Восточного фронта, Донского участка Южного фронта. Готовые описания перед сдачей в печать находились на просмотре в ПШ РВСР^V. В этой работе участвовали А.Г. Грундштрем и А.М. Зайончковский. Служивший в ПШ РВСР И.Д. Моденов в 1919 г. составил «капитальный труд этнографического и исторического исследования всех советских республик, образовавшихся на территории бывшей Российской империи»^{VI}.

Важную роль генштабисты играли в **корпусе военных топографов**. Военно-топографический отдел существовал в России при ГУГШ, преобразованном в мае 1918 г. большевиками в ВГШ. Именно здесь были сосредоточены руководящие кадры военных топографов. Бывший отдел стал управлением, которое состояло из инспекции работ, геодезического и картографического отделов, части по организации работ и канцелярии^{VII}.

Бывший генерал-майор А.И. Аузан возглавлял корпус военных топографов и одновременно являлся начальником Военно-топографического управления ВГШ. Начальником части научных работ и издания научных трудов геодезического отдела управления значился бывший полковник О.Г. Дитц – ранее помощник начальника геодезического отделения военно-топографического отдела ГУГШ. На должностях в корпусе военных топографов значились восемь-девять генштабистов.

Свои услуги большевикам в апреле 1918 г. предложил опытный геодезист Н.Д. Артамонов, писавший в Наркомат по военным делам: «Я мог бы помочь, особенно во всех общих вопросах военно-топографических, картографических, съемочных и т.п. наших вооруженных сил, а также при устройстве, организации

^I Военная мысль. 1921. Кн. 1. Январь – апрель. С. 301–302.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 8об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 386.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1106. Л. 3–4.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 94–94об.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 229.

^{VII} РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 7. Л. 1об.

и направлении деятельности военно-топографической части в нашем Отечестве»¹. Однако в дальнейшем Артамонов предпочел уйти в отставку.

Топография была включена в программы советских военных школ. В Советской России были открыты топографическое училище и курсы в Петрограде. Однако ввиду неподготовленности значительной части комсостава РККА вопрос обеспечения огромной армии картами был непростым.

Корпус военных топографов РККА проявил себя в Гражданскую войну с лучшей стороны. Не случайно при инспектировании ВГШ комиссией Высшей военной инспекции военные топографы удостоились самых комплиментарных отзывов². Результативность работы топографов видна из простого факта. В феврале 1919 г. приход карт в управлении составил 490 387 листов, а расход — 652 826³. Осуществлять такой объем выпуска карт было непросто, даже при наличии в распоряжении управления своей типографии. Всего ВГШ в 1918–1919 гг. было издано 8 686 200 листов карт⁴.

¹ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 22.

² В докладе об итогах инспектирования отмечалось: «Все работы Военно-топографического управления по своей плановости, успешности и интенсивности в состоянии удовлетворить самые строгие требования. То спокойствие и та дружная работа, которые так наглядно замечаются при обзоре всех учреждений и отделов управления, ясно доказывают, с каким сознанием долга и серьезным пониманием относятся к своим обязанностям весь персонал служащих, а потому, попутно проводя параллель результатов работы с персональной индивидуальностью служащих, нельзя не прийти к заключению о тех положительных качествах работников, которые при таких исключительных затруднениях текущего момента помогли сохранить и спокойствие в работе, и высокую производительность общего труда в управлении, а также то нормальное отношение среди командного состава и всех прочих служащих. Почти без всяких трений проходит жизнь, полная вдумчивого труда всего служащего персонала. С ясной очевидностью, конечно, напрашивается вывод, что, прежде всего, в высокой мере, такому благотворному результату способствует лицо, стоящее во главе управления, т. е. его начальник.

Андрей Иванович Аузан, опытный и образованный работник, с большим кругозором в своей научной специальности, своим, видимо, настойчивым и энергичным характером, служебным тактом и широкой инициативой способствовал тому, что ни затруднения весьма сложной эвакуации всего громадного управления из Петрограда сначала в Нижний Новгород, затем в Москву, ни размещение и устройство на новой непригодной стоянке, ни общая, наконец, разруха и растерянность не повлияли отрицательно на полную плановость работы всего управления.

Андрей Иванович Аузан начальник корпуса военных топографов, он же начальник Военно-топографического управления, имеет 24-летний опыт службы в корпусе военных топографов. Окончив Топографическое училище и геодезическое отделение академии Генерального штаба, работал по своей специальности в Европейской России, на Дальнем Востоке и в Туркестане. Состоял 4½ года заведующим Ташкентской астрономической и физической обсерваторией. На войне командовал отдельным батальоном, полком и отдельной бригадой. За прорыв неприятельских позиций в 1916 году под Ригой награжден был орденом Георгия 4-й степени, а за январские бои в 1917 году чином генерал-майора.

С мая 1917 года непрерывно состоит начальником корпуса военных топографов и начальником военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба — ныне Военно-топографического управления Всероссийского главного штаба.

Выбор ответственных работников корпуса топографов приходится признать весьма удачным. Инспектор работ, он же помощник начальника управления Генерального штаба Алексеев Яков Иванович, 47 л[ет], окончил Топографическое училище и геодезическое отделение академии Генерального штаба, непрерывно служит в корпусе 26 лет, работал по своей специальности в Европейской России, в Сибири и на Дальнем Востоке; отлично знает свое дело, любит его и посвящает ему все свои силы. Он поистине является незаменимым помощником начальника управления, с которым дружно делит многосложные обязанности по управлению всем корпусом военных топографов.

Начальники: Западного военно-топографического отдела Козловский Степан Станиславович, геодезического отдела Дитц Отто Германович и начальник организационной части Военно-топографического управления Максимович Александр Николаевич, — все трое окончили геодезическое отделение академии Генерального штаба, служат в корпусе каждый не менее 20 лет, имеют большой служебный опыт, который успешно применяют к делу; Максимович и Дитц — люди молодые, Козловскому же хотя и 60 лет, все же он, благодаря крепкому здоровью, вполне работоспособен» (РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 148–148об.).

³ Там же. Л. 153.

⁴ Всероссийский главный штаб в Советской республике // ИН. 1919. 07.11. № 248. С. 2.

При взятии Омска в ноябре 1919 г. части Красной армии захватили часть колчаковского топографического отдела^I. В конце Гражданской войны в плен к красным попали некоторые генштабисты-топографы. Например, бывший генерал-майор Н.П. Корзун. В 1918–1920 гг. он служил в антибольшевистских формированиях Восточного фронта и был взят в плен в Иркутске в январе 1920 г. Корзуна арестовали, и вскоре он скончался. 19 июля 1921 г. он как начальник иркутской топографической части был исключен со службы умершим^{II}.

После Гражданской войны генштабисты-топографы также нашли себе применение. А.Г. Авсюк стал начальником топографической партии Военно-геодезического управления, А.В. Кожевников – инженером-геодезистом Высшего геодезического управления ВСНХ, Н.М. Глазунов – топографом при Саратовском военно-топографическом управлении, А.Н. Максимович – инспектором работ Высшего геодезического управления ВСНХ, А.Д. Тарановский с 1923 г. возглавил корпус военных топографов.

В качестве военных экспертов генштабисты принимали активное участие в различных **международных переговорах**. Так, в мае 1918 г. Н.Е. Варфоломеев, С.Н. Вышемирский и Н.Д. Либус были командированы в Псков для участия в работах русско-германской пограничной комиссии^{III}. Не всегда назначения были удачны. Например, когда осенью 1918 г. председателем постоянной конфликтной комиссии на станцию Локинская был назначен курсовик Н.Н. Доможиров, это вызвало нарекания. Военный совет 1-й Курской дивизии высказался против: «Как молодой специалист будет весьма полезен на должностях Генштаба в штабах. Должность председателя конфликтной комиссии требует дипломатического такта и житейского опыта, а потому прошу отменить назначение Доможирова и в дивизию его не командировать»^{IV}.

Бывший генерал-лейтенант Н.А. Зарубин, знавший пять иностранных языков, осенью 1918 г. исполнял должность председателя пограничной конфликтной комиссии № 5 в Унече. В октябре 1918 г. он составил рапорт в Оперативное управление ВГШ, в котором писал, что с 19 октября остался единственным работником комиссии, исправлявшим «должность свою Генштаба, секретаря, переводчика, представит[еля] М[инистерства] иностранных дел и фактически посыльного, а ныне еще и председателя; если я отправлюсь в Вятку, то комиссия в Унече de facto и de jure упраздняется до прибытия нового состава, что вряд ли будет скоро; до сих пор желающих занять вакансий нет. На 1 ноября с.г. назначено совместное свидание с немцами по ту сторону границы, отменить которое невыгодно для советской власти и республики. Так как я, бывший тайным военным агентом, попутно с[о] своими обязанностями делаю разведку (прилагаю добытые немецкие газеты). Несмотря на труднообразимые условия жизни в Унече (помещение для всего состава комиссии и канцелярии для занятия и жилья – 1 ½ кв. сажени, отсутствие свечей, лампы, – телеграф прекращает работу при наступлении темноты), невероятное количество клопов, блох, вшей и чрезвычайную дороговизну жизни (селедка – 7 рублей, коробка спичек – 1 руб.), я считаю, что я, будучи пригоден

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 111.

^{II} Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 19.07. № 220.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 16.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 301.

для службы в конфликтной комиссии, обязан в интересах советской власти доложить, что меня оставить в этом пункте полезно (не для меня лично)... прошу... а) снабдить меня какой-либо теплой одеждой (иначе могу прийти в негодность), сапогами или вообще обувью, б) выдать мне неполученное содержание за службу за этот месяц и какой-либо аванс для личного прокорма и прокорма семьи (старуха-жена и параличная, хромая коленом дочь...)»^I. В 1919 г. Зарубин, возможно, не выдержав такой жизни и службы, бежал из Советской России через Украину и уехал за рубеж.

Целый ряд генштабистов принимали участие в переговорах с Украиной. Бывший генерал В. Н. Егорьев как военный эксперт участвовал в переговорах с Украиной в Киеве в 1918 г.^{II} Также на переговорах с Украиной был задействован бывший генерал И. П. Сытин, но его привлечение к этой деятельности оказалось неудачным для советской стороны, так как военспец бежал к белым. Ездил на переговоры и бывший капитан Д. П. Турбин. Курсовик В. Ф. Тарасов в сентябре 1918 г. был назначен постоянным представителем при российском консульстве в Киеве^{III}. В апреле 1918 г. в качестве военного эксперта был командирован на мирную конференцию с Украиной бывший генерал С. И. Одинцов^{IV}.

Порой даже такие задания были сопряжены с риском. Одинцов телеграфировал Троцкому 1 июля 1918 г.: «На пропускном посту Жалобовка стоит небольшая воинская часть, окончательно потерявшая всякий воинский вид, занимающаяся ограблением проезжающих на Украину и открыто заявляющая, что не желает никакого мира, но требует немедленного наступления. При проезде нашем с Раковским раздавались громкие призывы не пропускать нас на Украину, а один хотел бросить ручную гранату в купе Раковского, но был удержан другим, советовавшим ему лучше вывести всех из вагонов и разорвать в клочки. Все это я сам лично видел и слышал...»^V Курсовик И. Д. Моденов как «человек исключительно добросовестный и преданный советской власти» осенью 1918 г. был направлен в опасную командировку на переговоры с повстанцами в нейтральной зоне на украинской границе^{VI}.

Бывший генерал А. А. Самойло, ранее участвовавший в мирных переговорах 1918 г. в Брест-Литовске, в апреле 1920 г. участвовал в качестве военного консультанта в мирной конференции с Финляндией^{VII}, а в 1921 г. — в переговорах с турецкими представителями^{VIII}. В. Н. Егорьев выступал в качестве военного эксперта на переговорах с Финляндией в Тарту в 1920 г., причем выработал обоснование стратегического значения области Печенги для России, а также критически анализировал финские предложения^{IX}. Бывший генерал Ф. Ф. Новицкий являлся советским

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 132.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 160.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 328.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 57.

^V РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 467. Л. 123.

^{VI} Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. С. 135.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 175.

^{VIII} Самойло А. А. Две жизни. С. 261.

^{IX} Россия и независимость Финляндии. 1899–1920 гг.: Сб. док.: в 3 т. М., 2021. Т. 3: От противостояния к миру. 1917–1920 гг. С. 692–693, 708–709, 725–729; Смолин А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020. С. 151, 153, 161–162.

военным представителем на мирных переговорах с Польшей в 1920 г.^I В них же, несмотря на тиф, участвовал и бывший генерал А. А. Поливанов. Он скончался непосредственно в ходе переговоров в Риге в сентябре 1920 г.^{II} Б. М. Шапошников как военный эксперт участвовал в работе Лозаннской конференции 1922–1923 гг. по вопросу о режиме Черноморских проливов^{III}. Бывший генерал Ф. В. Костяев периодически выступал консультантом НКВД по военным вопросам при различных международных переговорах, специализируясь на вопросах демаркации границ. В 1919 г. участвовал в переговорах с Эстонией, в 1921 г. – с Польшей, в 1925 г. – с Финляндией. Им же был подготовлен доклад по вопросу о разграничении с Румынией с изложением идеи важности удержания Бессарабии в составе России^{IV}.

Без привлечения генштабистов такие работы осуществить было невозможно, правда, порой потребность в квалифицированных кадрах наталкивалась на их неприятие политработниками. Так, в сентябре 1921 г. в НКВД Г. В. Чичерину и заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому поступила телеграмма председателя советской части комиссии по установлению границ с Польшей С. С. Пестковского о том, что двухмесячная деятельность Минско-Несвижской подкомиссии показала ее неподготовленность к пограничным работам. Просили командировать «опытного в пограничных работах специалиста генштабиста. Крайне желателен на это место Генштаба Бесядовский. Отсутствие на Белорусском участке опытного военного специалиста крайне вредно отражается на всей работе...»^V Речь шла о бывшем полковнике К. И. Бесядовском, являвшемся начальником учебной части Военной академии РККА. В ответ на это секретарь Бюро конференции академии направил секретное донесение о том, что «начальник учеб[ной] части Бесядовский является типичным спецом. Один из активных работников реакционной части академической профессуры. Безусловно, не желателен, быть может, даже опасен для пограничной работы»^{VI}.

Генштабисты активно привлекались и в **контролирующие органы**. Так, большая группа выпускников академии трудилась в Высшей военной инспекции – чрезвычайном контролирующем органе РККА, проверяя правильность внутреннего устройства армии. Сфера полномочий инспекции до сентября 1918 г. четко регламентирована не была^{VII}, но затрагивала практически все стороны строительства РККА (кроме оперативных вопросов) – прежде всего организацию, всеобщее военное обучение, боевую подготовку, снабжение, функционирование органов военного управления, соответствие должностных лиц. Инспекция должна была предотвращать ошибки в исполнении распоряжений центра на местах, исправлять различные проблемы и недочеты, решать споры^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 41.

^{II} Там же. Л. 112. Подробнее о нем см.: Бей Е. В. Военный министр А. А. Поливанов – «генерал от политики»; Поливанов А. А. Девять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. – 15 марта 1916 г.). М., 2020.

^{III} Смолин А. В. Евгений Андреевич Беренс (1876–1928). На службе России. СПб., 2023. С. 180.

^{IV} Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 695–703.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 194. Л. 15.

^{VI} Там же. Л. 19.

^{VII} Кляцкин С. М. На защите Октября. С. 174.

^{VIII} Подробнее см.: Левенштейн М. Н. Роль Высшей военной инспекции РККА в осуществлении военной политики Коммунистической партии в процессе строительства регулярной Красной армии (апрель

Неотъемлемой составляющей деятельности офицеров Генерального штаба являлась **военно-педагогическая и военно-научная работа**. Несмотря на перипетии Гражданской войны, эта работа велась генштабистами достаточно активно, и лидирующее положение в этой сфере занимали военспецы-генштабисты РККА, намного превосходившие своих прежних товарищей из антибольшевистского лагеря. Связано это, в первую очередь, с центральным положением Советской России. Именно в центре страны, в Москве и Петрограде, были сконцентрированы сохранившиеся от старой России военно-учебные заведения, главные военные библиотеки и архивы, существовала развитая полиграфическая база для издания научных трудов. При этом многие воспринимали научно-педагогическую деятельность как реальную возможность уклониться от прямого участия в братоубийственной войне и при этом приносить пользу стране.

Генштабисты стояли у истоков создания сети военно-учебных заведений Советской России. На август 1920 г. в стране действовало 117 различных военных курсов (пехотных, артиллерийских, пулеметных, кавалерийских, инженерных, специальных), а также пять школ^I, функционировали и военные академии. По оценкам исследователей, привлечение генштабистов к преподавательской работе на заурядных командных курсах было проявлением максимализма большевиков, стремившихся организовать свои военно-учебные заведения не по образцу школ прапорщиков, а по образцу военных училищ, и для ускоренной подготовки краскомов не требовалось^{II}. Неудивительно, что по мере расширения масштабов Гражданской войны и усугубления кадрового голода на ответственных постах генштабисты из таких военно-учебных заведений изымались и направлялись на фронты.

На ноябрь 1918 г. «лица Генштаба» требовались заведующими учебной частью на курсы в Астрахань, Борисоглебск, Владимир, Вологду, Елец, Иваново-Вознесенск, Казань, Могилев, Пензу, Пермь, Самару, Саратов, Симбирск, Тулу^{III}.

Некоторые выпускники академии работали ради сохранения военно-учебных заведений как государственного имущества. Например, упоминавшийся ранее полковник А. С. Карпенко, который самоотверженно охранял бывшее Елисаветградское кавалерийское училище в условиях неоднократных смен власти в 1918–1919 гг.^{IV}

Порой работники военно-учебных заведений из числа генштабистов становились незаменимыми на своих местах. Так, о бывшем генерале П. И. Измествева 31 октября 1919 г. перед начальником ПШ РВСР П. П. Лебедевым ходатайствовал известный финский коммунист Э. Рахья: «Военная организация Финляндской коммунистической партии ходатайствует об оставлении профессора Измествева заведующим учебной частью на 3-х советских пехотных Петроградских командных курсах в Петрограде. Военная организация основывает свое ходатайство на том,

1918 — сентябрь 1919 гг.): дис. ... к. и. н. М., 1978; *Его же. Важное звено военного управления* // Военно-исторический журнал. 1976. № 8. С. 84–88.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 90. Л. 70б.

^{II} Симонов А. А. Военное образование в первые годы советской власти. По опыту краткосрочных военно-учебных заведений в Саратовской губернии (1918–1923 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 22.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 56–56об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14. Подробнее см.: Ганин А. В. Хранитель «славной Южной школы». Полковник А. С. Карпенко и судьба Елисаветградского кавалерийского училища в период Гражданской войны на Украине // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 3–4. С. 213–225.

что тов. Измestьев незаменим для курсов. На курсах все финны, которым преподавание производится через переводчика и посему требуют большой подготовки, а тов. Измestьев уже год занимает должность заведующего учебной части и имеет большой опыт, добытый годовой практикой, кроме того, тов. Измestьев производит специальные военные работы и труды военной организации, которые оставить недоконченными было бы для общего дела в ущерб»^I.

По данным на ноябрь 1920 г., в военно-учебных заведениях Советской России служили 154 представителя старого Генштаба^{II}. Отметим, что значительный вклад в развитие военно-учебного дела в Советской России внесли бывшие белые генштабисты, попавшие в плен и затем принятые на службу в РККА. Так, курсовик-колчаковец Н.В. Соколов в 1924 г. удостоился высокой оценки начальника и комиссара 4-й пехотной Курской школы как зарекомендовавший себя «за 2 месяца службы с самой лучшей стороны. Преподаватель Соколов, как б[ывший] офицер постоянной службы и окончивший младший курс б[ывшей] Николаевской военной академии, обладает вполне достаточными знаниями для занятия должности штатного преподавателя. С новыми методами преподавания обнаруживает полное знакомство и желание проводить их в жизнь, не ожидая административного вмешательства. Все поручения по службе исполняет охотно и толково, принося несомненную пользу. Среди курсантов уже успел приобрести уважение и сумел заинтересовать преподаванием тактики и военной администрации.

Ввиду перехода части вверенной мне школы (младший класс) на учебный план курсов и крупного увеличения вследствие сего числа часов по военным предметам преп[одаватель] Соколов, имея недельную нагрузку в 30 часов, относится к делу добросовестно, отнюдь не манкируя службою.

Свидетельствуя изложенное, считаю преп[одавателя] Соколова ценным военно-педагогическим работником, уход коего из вверенной мне школы весьма нежелателен»^{III}.

Аналогичной была аттестация курсовика В.В. Белецкого, преподававшего на 1923 г. во 2-й Московской военно-инженерной школе командного состава им. III Коминтерна РККА: «По выявлении тов. Белецким широкого боевого опыта, знания военного дела, организаторских способностей и любви к военному делу, а также умения возбудить в слушателях живой интерес к военным наукам был назначен главруком по военным предметам в школе.

В то же время тов. Белецкий с первого дня службы в школе считается одним из самых ревностных и полезных деятелей военно-научного кружка.

Вообще тов. Белецкий является для школы необходимым работником»^{IV}.

Бывший генерал К.К. Литовцев (Шильдбах), по аттестации помощника комиссара Высшей военно-педагогической школы в 1923 г., «занял у нас место преподавателя незаметно, без внешнего апломба. Но скоро выделился среди остальных преподавателей добросовестным отношением к делу и знанием своего предмета. Отличительными качествами Шильдбаха-Литовцева являются — безупречная

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 138.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 80.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 24–24об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 299.

аккуратность, точность, большая начитанность и громадный боевой и педагогический стаж (опыт). В отличие от других преподавателей (не всех), Шильдбах всякие положения и сообщения из тактики скреплял примерами из опыта Гражданской войны и вообще по всем вопросам проводил современную точку зрения, до сих пор еще “не усвоенную” некоторыми старыми (по службе в Красной армии и “лояльной” жизни в Советской республике) военспецами. Живым участием к учебным нуждам слушателей т. Шильдбах снискал уважение и признательность их»^I.

Генштабисты играли роль и в системе **Всеобщего военного обучения** (Всевобуч). Ярославским окружным инспектором Всевобуча был курсовик Г.А. Армадеров. Комиссия В.Л. Барановского разработала проект создания территориальной системы подготовки военнообученных резервов для РККА, принятый Центральным управлением Всевобуча.

Военно-научная работа генштабистов в годы Гражданской войны была достаточно интенсивной. В июне 1918 г., еще до того как стать советским главкомом, И.И. Вацетис добился выпуска неофициального отдела «Известий Наркомата по военным делам», где бы публиковались военно-научные материалы^{II}.

В Москве в 1918–1920 гг. издавался военно-научный журнал «Военное дело», на страницах которого печатались статьи как по актуальным событиям Гражданской войны, так и на военно-теоретические и военно-исторические темы, обобщался опыт Первой мировой, предоставлялась возможность для ведения острых дискуссий. С конца июля 1919 г. редакция журнала была прикомандирована к Академии Генштаба РККА^{III}.

Выпуск журнала и развитие военной мысли в РККА активно поддерживал председатель РВСР Л.Д. Троцкий. Душой издания и его главным редактором являлся бывший генерал-майор Д.К. Лебедев. В числе его активных сотрудников – бывшие генералы-генштабисты М.Д. Бонч-Бруевич, В.Е. Борисов, В.Н. Клембовский, А.А. Незнамов, Ф.Ф. Новицкий, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, К.И. Рыльский и др.

Журнал пользовался популярностью в среде военной интеллигенции, прежде всего у самих военспецов-генштабистов и партийных военных работников. В обстановке дефицита военной литературы журнал с интересом читали и противники большевиков, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке^{IV}, что свидетельствует о несомненном успехе издания.

Дискуссии в журнале порой отличались немалой остротой. В одном случае публикацию полемической статьи даже сопровождал редакционный комментарий о том, что редакция не видит надобности «в “ожесточенных” выражениях при научных спорах (они не усиливают доказательности, а наоборот)»^V. Ожесточенно спорили военспецы по вопросу о военной доктрине. Так, жесткой критике подверглась «новая военная доктрина» бывшего подполковника В.Ф. Эксе, в пику которому известный писатель-большевик А.И. Тарасов-Родионов назвал свою статью «Экс-доктрина»^{VI}. Почву для конфронтации создавало неприятие

^I Там же. Л. 435.

^{II} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 12.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 54об.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

^V Тарасов-Родионов А. И. Экс-доктрина // Военное дело. 1918. 08.11. № 23–24. С. 1.

^{VI} Там же. С. 1–4.

некоторыми партийными военными работниками старых генштабистов. Не случайно статья Тарасова-Родионова содержит такие наивно-категоричные строки: «Но нет, не из Назарета, не от офицеров старого Генерального штаба узнаем мы новые методы новой войны. Самостоятельное, очищенное критикой самих заинтересованных широких масс, свободное творчество военных руководителей пролетариата, вышедших из раскаленного горнила *классовой борьбы*, сможет создать в самом процессе работы, на опыте своих ошибок и удач, схему нового, пролетарского военного искусства. А доморощенные казуисты из представителей вымирающей породы “Генштаба”, сколько бы ни отряхали они старый прах от своих ног^I и сколь искренне и пламенно ни желали бы они давать нам уроки, надев даже очки исторического материализма, — не дадут нам ни одной новой жизненной творческой мысли. Да и очки свои они наденут не туда, куда надо. Рожденный ползать...»^{II}

В другой статье тот же Тарасов-Родионов без обиняков заметил, что «генералы и генштабисты, поскольку пролетарской классовой политики они не понимают и не признают, а буржуазные методы военного дела считают аполитичными, внеклассовыми и единственно правильными — никакой пользы для Красной армии принести не могут и потому для Красной армии не нужны»^{III}. Подобные статьи, осуждавшие дореволюционную военную элиту (пусть и в формате дискуссии), были вынуждены печатать сами же военспецы-генштабисты.

Впрочем, недоброжелатели этого издания едко иронизировали по поводу старорежимных доктринеров, засевших в редакции. Один из критиков журнала констатировал: «Трагическая картина тупого мертвого переулка, в который попала русская военная мысль»^{IV}. Ирония заключалась в том, что адресом редакции значился московский Мертвый переулок.

Помимо дискуссии о военной доктрине в журнале активно обсуждалась возможная реорганизация органов высшего военного управления Советской России. С соответствующей статьей выступил В. Ф. Новицкий^V. Новицкий резко критиковал создание Совета рабоче-крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным, считая, что этот орган «является органом сверхведомственным... [который] лишь усложнит организацию нашего высшего военного управления и едва ли облегчит и ускорит разрешение основных вопросов нашей военной политики... все сводится, по-видимому, не к упрощению, объединению и уточнению в деле управления огромным военным аппаратом республики, а к усложнению, распылению и смешению компетенций, прав и усилий»^{VI}. Подобные высказывания могли быть выгодны Л. Д. Троцкому, но была ли эта статья инспирирована им, утверждать невозможно.

Беспартийные военспецы на страницах журнала могли свободно полемизировать с большевистскими лидерами. Например, известный военный ученый

^I Тарасов-Родионов в данном случае перефразирует русский текст «Марсельезы» («Отречемся от старого мира...»).

^{II} Тарасов-Родионов А. И. Экс-доктрина. С. 3–4.

^{III} Тарасов-Родионов А. И. Военное строительство (Тезисы) // Военное дело. 1919. 30.06. № 19 (48). Стб. 640.

^{IV} Батенин Э. С. Генеральный штаб // Военная мысль. 1920. Кн. 1. Сентябрь. С. 73.

^V Новицкий В. Ф. О переустройстве нашего высшего военного управления // Военное дело. 1918. 13.12. № 28. С. 23–26.

^{VI} Там же. С. 26.

А. А. Свечин в статье «Милиция как идеал» подверг критике самого Троцкого¹. Негативных последствий для Свечина такая публикация не имела, но Троцкий опубликовал в журнале свой ироничный ответ «Программа милиции и ее академический критик»². Трудно представить, чтобы офицер в Российской империи мог спорить в таком ключе с военным министром и не поплатиться карьерой. В этом отношении первые годы большевистской власти представляли куда большую свободу для творчества.

В Советской России издавались и другие военные журналы, в том числе ориентированные на менее взыскательную и подготовленную аудиторию – строевых командиров и рядовых красноармейцев.

Целая плеяда специалистов трудилась в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при ВГШ³. Первоначально комиссия была создана приказом Наркомата по военным делам № 688 от 13 августа 1918 г. как Военно-историческая комиссия по описанию войны 1914–1918 гг. во главе с В. Н. Клембовским при секретаре В. И. Самуйлове и правителе дел Д. К. Лебедеве. Помощниками председателя были Н. П. Михневич и В. А. Апушкин. Комиссия создавалась при военно-исторической части Оперативного управления ВГШ. В состав комиссии, несмотря на дефицит кадров, допускались почти исключительно «лица Генерального штаба». Ответственными руководителями отделов были: 1-й отдел (подготовка к войне) – М. П. Каменский, 2-й отдел (оперативный) – Д. П. Парский, 3-й отдел (военно-технический) – Д. А. Долгов, 4-й отдел (военное искусство) – Я. К. Цихович, 5-й отдел (издательство – картография) – А. А. Балтийский, 6-й отдел (заведующий материалами комиссии) – В. Е. Борисов. Комиссия начала работу 15 августа 1918 г. Штат комиссии был утвержден заместителем председателя РВСР Э. М. Склянским 17 сентября 1918 г. Перед комиссией ставилась задача изучения опыта Первой мировой войны. Н. П. Михневич отказался от работы, Д. П. Парский и А. А. Балтийский были назначены на фронт. Работа комиссии тормозилась тем, что СНК 1 октября 1918 г. отклонил ее финансирование, комиссия была преподчинена Наркомпросу, а разработка материалов по Первой мировой войне поручена Социалистической академии наук. 15 ноября 1918 г. комиссия была упразднена приказом РВСР № 258. После ходатайства начальника ВГШ Н. И. Раттэля перед РВСР в конце 1918 г. комиссия была реорганизована. Приказом РВСР № 355 от 10 декабря 1918 г. создавалась по новым штатам комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при военно-историческом отделе Организационного управления ВГШ. Комиссия считалась сформированной с 15 ноября 1918 г., первое заседание редколлегии состоялось 19 декабря 1918 г.

Вр.и.д. председателя комиссии стал известный военный специалист и ученый бывший генерал-майор А. А. Свечин (в итоге возглавлял комиссию до мая 1921 г.). Ответственными редакторами были В. Н. Клембовский, К. И. Рыльский, Д. П. Парский, Я. К. Цихович, Д. К. Лебедев. В состав комиссии также вошли сотрудники-составители: К. К. Баиов, В. Е. Борисов, А. С. Гришинский, Д. А. Долгов, Н. Г. Корсун,

¹ Военное дело. 1919. 07.04. № 11–12 (40–41). Стб. 436–438.

² Военное дело. 1919. 01.09. № 25 (54). Стб. 806–811.

³ Подробнее см.: Ростунов И. У истоков советской военной историографии // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 84–96.

А.А. Незнамов, А.Д. Окунев, Л.А. Радус-Зенкович, В.И. Селивачев, В.И. Соколов, А.Н. Суворов¹. Позднее присоединились: Л.Н. Белькович, С.М. Волков, А.Ф. Кадошников, С.А. Кузнецов, С.Г. Лукирский, Е.И. Мартынов, Н.М. Потапов, Н.А. Сулейман, П.В. Черкасов. Секретарем комиссии был В.В. Ступин, делопроизводителем — В.И. Самуйлов. Практиковалось совместительство. Привлекались и внештатные сотрудники, которыми были П.С. Балувев, В.Е. Белолипецкий, Алексей Е. Гутор, Н.Я. Капустин, А.А. Маниковский, Н.Н. Стогов, А.К. Фрейман, Б.М. Шапошников. Почетным членом комиссии и коллегии в январе 1919 г. был избран В.Н. Клембовский, также почетными членами стали В.Е. Борисов, Н.И. Раттэль и Д.Б. Рязанов.

Основной задачей комиссии было составление краткого стратегического очерка Первой мировой войны. Для этого ход войны был разделен на периоды и регионы и назначены составители по каждому периоду². Помимо стратегического очерка в конце 1918 г. был намечен перечень из 22 монографий по истории Первой мировой войны, которые требовалось подготовить в первую очередь, в дальнейшем план расширился до 44 книг³. Также был намечен список отдельных статей для публикации в сборниках комиссии. Планомерной работе над стратегическим очерком мешала разруха, плачевное состояние архивов. Отдельные монографии должны были стать основой общего очерка. Планировалось показать бескорыстность русской стратегии в сравнении «с эгоистическими и эксплуататорскими происками союзной стратегии — особенно английской и итальянской», опубликовать материалы совещаний русского и французского Генштаба до войны, протоколы совещаний верховного командования в Шантильи для усиления позиций советской дипломатии на переговорах и дополнения ранее опубликованных документов МИД.

За время работы комиссии были сданы в издательство 11 монографий, собран большой фактический материал. По другим данным, комиссия подготовила 39 работ по истории Первой мировой войны и 13 работ по истории Гражданской войны. В двух выпусках издан подготовленный В.Е. Борисовым «Краткий стратегический

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 173.

² С начала войны до середины ноября 1914 — Цихович, 15.11.1914–15.03.1915 — Незнамов, 15.03–01.09.1915 — Рыльский, позиционная война и прорыв на Юго-Западном фронте 09.1915–09.1916 — Клембовский, с сентября 1916 до начала Февральской революции и действий на Румынском фронте — Селивачев, революционный период от Февральского переворота до заключения Брестского договора — Парский, Кавказский театр военных действий — Корсун.

³ В том числе: Д.А. Долгов. Томашевская операция; С.Г. Лукирский. Лодзинская операция; А.Н. Суворов. Действия 4-й и 9-й армий в Галицийской битве; Л.А. Радус-Зенкович. Первое наступление в Восточную Пруссию; А.Ф. Кадошников (заменил В.И. Соколова). Бои 3-й и 8-й армий на Злочевских высотах, р. Золотой Липе и Гнилой Липе; Л.Н. Белькович. Военные действия в течение конца 1914 по май 1915 г. в Карпатах; В.Н. Муравьев. Сношение с союзниками по стратегическим вопросам во время войны; В.Е. Борисов. Исторический очерк работы Генерального штаба по созданию плана стратегического развертывания; Е.И. Мартынов, А.А. Маниковский, А.К. Овчинников. Снабжение: артиллерийское, инженерное, интендантское, санитарное и заграничное; Е.И. Мартынов. Действия 3-й армии на Дунайце; Н.М. Потапов. Рижская операция; намечены, но не распределены между сотрудниками следующие монографии: Переправа русских через Вислу на фронте Ивангород — Варшава; Наступление и гибель 2-й армии Самсонова (работа закончена Я.К. Циховичем); Перемышль; Бои на Бзуре и Равке; Зимняя операция в Мазурских озерах (гибель XX армейского корпуса); Бои у Прасныша; Ковно — Осовец — Новогеоргиевск — Гродно — Ивангород (борьба за крепости); Отход русских армий за Днестр в июне 1915 г.; Виленская операция; Луцкий прорыв 1916 года; Прорыв 9-й армии на Черновцы; Действия на Стоходе (Безобразова); О наших укрепленных позициях и различные взгляды на них; Действия при позиционной войне и ее особенности с характеристикой периодов окопного сидения; Моонзундская операция; Наступление 18 июня 1917 года.

очерк войны 1914–1918 гг. Русский фронт», содержащий обзор событий с начала войны по 11 ноября 1914 г. В 1920–1923 гг. в Москве в семи частях вышел «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» (ч. 1 — Я.К. Цихович; ч. 2 — Г.К. Корольков; ч. 3–4 — А.А. Незнамов; ч. 5 — В.Н. Клембовский; ч. 6–7 — А.М. Зайончковский). Подготовленная Ф.Н. Васильевым 8-я часть о Румынском фронте вышла в 1922 г. отдельно. Таким образом, свою основную задачу комиссия выполнила.

В мае 1919 г. был издан 1-й выпуск «Военно-исторического сборника» комиссии, экземпляры были направлены управляющему делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичу и председателю СНК В.И. Ленину. 2-й выпуск вышел в августе 1919 г. Всего до 1921 г. было издано четыре сборника (еще один подготовлен к печати). В 1919 г. комиссия распространила в комсоставе РККА анкету по вопросу о практическом использовании опыта войны. Почти все сотрудники (исключая технический персонал) в прошлом были офицерами Генштаба, многие являлись бывшими генералами. Военно-научную стезю, как и родственную ей работу в архивном ведомстве, нередко выбирали те, кто не желал участвовать в Гражданской войне.

Ряд сотрудников комиссии прошли через аресты (В.И. Селивачев) или даже были казнены (С.А. Кузнецов, В.И. Соколов), многие направлялись на фронты или получали ответственные назначения в РККА (Д.В. Баланин, Д.А. Долгов, П.И. Ермолин, А.Ф. Кадошников, В.С. Лазаревич, Д.К. Лебедев, П.В. Черкасов), В.Е. Борисов перешел на сторону белых. С ноября 1919 г. комиссия занималась популяризацией истории Первой мировой войны посредством организации публичных лекций и дискуссий. За период с ноября 1919 по май 1920 г. прошло 68 публичных заседаний, рассмотрено 57 докладов, включая 23 по истории Первой мировой войны. Выступали с докладами И.И. Вацетис, С.Г. Лукирский, А.А. Незнамов, Д.П. Парский, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Л.Д. Троцкий, Я.К. Цихович.

Новая реорганизация комиссии произошла в соответствии с приказом РВСР № 110 от 22 января 1920 г., с 27 января этот орган стал именоваться Военно-исторической комиссией. Председатель РВСР Л.Д. Троцкий возложил на комиссию помимо изучения истории Первой мировой войны составление истории РККА и стратегического очерка Гражданской войны. Комиссия также занималась разбором архивов войны. Штат комиссии на 1 апреля 1920 г. предусматривал 94 сотрудника, включая технический персонал, по списку и налицо имелось лишь 72. Редактором-правителем дел к этому времени был Д.К. Лебедев, ученым секретарем А.В. Колосов. По штату предусматривалось 9 редакторов (В.Н. Клембовский, Н.М. Лукин, А.А. Незнамов, Д.П. Парский, А.Е. Снесарев, С.М. Холодовский, Я.К. Цихович, при этом было 2 вакансии), 32 сотрудника-составителя (Д.В. Баланин, П.С. Балув, Л.Н. Белькович, М.Д. Бонч-Бруевич, Я.М. Букшпан, П.И. Ермолин, Е.И. Исаев, Н.Г. Корсун, С.А. Котляревский, В.С. Лазаревич, С.Г. Лукирский, Е.И. Мартынов, В.Н. Муравьев, А.А. Поливанов, Л.А. Радус-Зенкович, Л.И. Сазонов, Н.А. Сулейман, Е.Е. Уссаковский, П.В. Черкасов, 13 вакансий). В комиссии были секции: оперативная, по подготовке к войне и военному искусству, политическая, военно-морская. Штат предусматривал 4 должности начальников отделений (административного, двух архивных — по истории Первой мировой и по истории РККА и хозяйственного), военного картографа, 3 чертежников, 2 военных архивистов, 5 старших и 7 младших делопроизводителей и другие технические должности. В 1920 г. в комиссию вошли А.А. Брусилов (вскоре вышел из-за

перегруженности), Ф.Н. Васильев и пленный колчаковский генерал Г.В. Леонов. В апреле 1921 г. сотрудниками-составителями значились П.С. Балуев, Ф.Н. Васильев, А.А. Рябинин, Г.И. Теодори; редакторами состояли М.Д. Бонч-Бруевич, Д.П. Парский, Я.К. Цихович; военным картографом – А.С. Гришинский; в распоряжении комиссии находились А.Ф. Степанов и И.И. Чубаков. 30 апреля 1921 г. комиссия вошла в Штаб РККА. Переформирована в новую комиссию в июне 1921 г. приказом РВСР № 1148 от 29 мая 1921 г. С 19 декабря 1918 по 7 июня 1921 г. было проведено 114 заседаний редакционной коллегии. В сентябре 1921 г. восстановлена как Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и Гражданской войн и позднее вошла в состав Высшего военно-редакционного совета (создан 4 ноября 1921 г.), а с 15 апреля 1923 г. находилась при РВС СССР как военно-историческая комиссия. 15 апреля 1924 г. упразднена, на ее основе сформирован военно-исторический отдел Штаба РККА^I.

Центром военно-научной мысли постепенно становилась Академия Генерального штаба РККА, в которой преподавали многие видные военные ученые, в том числе сотрудничавшие в военно-исторической комиссии. Академия также осуществляла свою издательскую программу. Кроме того, в академии придавали большое значение пополнению библиотеки необходимой литературой.

В конце 1919 г., в период разгрома Колчака, начальник академии А.Е. Снесарев поднимал вопрос о передаче библиотеке Академии Генштаба РККА книг Николаевской военной академии. 10 декабря 1919 г. он писал начальнику ВГШ: «По полученным сведениям, в Омске осталась большая часть богатейшей библиотеки бывшей Николаевской академии Генерального штаба. Библиотека находится сейчас в распоряжении штаба 5-й красной армии. Прошу срочных Ваших распоряжений о сохранении в целости и неприкосновенности этой драгоценнейшей библиотеки республики для красной академии до прибытия приемщиков от академии»^{II}. В дело спасения библиотеки академии включился председатель РВСР Л.Д. Троцкий, вообще не равнодушный ко всякому значимому вопросу военно-научной жизни того времени. Однако поскольку белые в 1919 г. эвакуировали академию, из 5-й армии пришло сообщение, что о библиотеке ничего не знают^{III}. Лишь через три с лишним года библиотека возвратилась в Европейскую Россию.

По завершении Гражданской войны в Крыму Снесаревым была организована работа по сбору книг, о чем свидетельствует следующий рапорт от 11 декабря 1920 г.: «Академия Генерального штаба, крайне нуждаясь в военно-научной литературе и в военно-учебных пособиях и зная, что в Крыму находится значительное число военных библиотек бывших воинских частей и учреждений, предполагает командировать туда своих представителей для сбора их и вывоза в Москву, а потому просит снабдить ее, если это возможно, мандатами...»^{IV}

^I Подробнее см.: *Тархова Н. С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // *Последняя война Российской империи.* М., 2006. С. 27–38; *Кольтюков А. А.* Институт военной истории: вчера, сегодня, завтра // *Военно-исторический журнал.* 2006. № 10. С. 21–27.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 110.

^{III} Там же. Л. 111.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 908. Л. 18.

Даже в трудный период Гражданской войны военные специалисты находили возможности для изучения новейшей военной литературы, которую приобретали за рубежом. В условиях изоляции Советской России это было непросто. Тем не менее есть данные о том, что Организационное управление ВГШ в 1920 г. просило приобрести за границей ряд работ по истории Первой мировой войны для библиотеки ВГШ, что намечалось сделать в Эстонии¹.

В октябре 1920 г. при академии по инициативе слушателей возникло Военно-научное общество. Хотя общество представляло собой орган, призванный потеснить засилье военспецов в военной науке, последние все же сотрудничали и с этой организацией. Так, отделом военного искусства заведовал Л.Л. Ключев, а статистическим – И.А. Троицкий².

Несколько генштабистов состояли в Главной военно-научной редакции под председательством А.Е. Снесарева. На июнь 1920 г. в ней из выпускников академии работали: Н.Я. Капустин (секретарь по научной части), Д.К. Лебедев (редактор отдела военной техники), А.А. Незнамов (редактор отдела военного искусства), А.А. Поливанов (редактор отдела службы Генштаба), А.А. Свечин (редактор отдела военной истории) и С.А. Сухомлин (редактор отдела военной администрации)³.

Генштабисты пытались спасти от гибели в военное время **архивы и библиотеки**. Характерным штрихом для представлений о той эпохе служит рапорт начальника отчетного отдела Организационного управления ВГШ бывшего генерал-майора Н.Г. Корсуна в управление от 2 сентября 1920 г.: «Председатель Военно-исторической комиссии, Генерального штаба А.А. Свечин сообщил мне, что выдаваемые из Хозпродкома Организупра⁴ (Б. Молчановка, 20) сотрудникам на обед селедки заворачиваются в дела бывш[его] ГУГШ'а.

Еще в прошлом 1919 г. по представлению отчетного отдела от Хозпродкома были вытребованы из занимаемого им помещения все хранящиеся там дела бывш[его] ГУГШ'а, однако, как это явствует из упомянутого выше заявления А.А. Свечина, по-видимому, часть дел Хозпродкомом сдана не была.

Дела эти имеют громадный исторический интерес, почему ходатайствую о категорическом предписании Хозпродкому немедленно сдать все оставшиеся у него дела и книги бывш[его] ГУГШ'а в отчетный отдел»⁵.

В советском архивном ведомстве в период 1918–1922 гг. работали выпускники Николаевской военной академии А.Н. Апухтин, А.К. Баиов, А.И. Верховский, П.Н. Воронов, П.А. Гейсман, П.Н. Гусаковский, Н.А. Данилов, А.М. Зайончковский, П.И. Измestьев, М.П. Каменский, Д.К. Лебедев, Н.П. Михневич, В.А. Олохов, С.Ф. Розанов, В.И. Селивачев, Н.Н. Стогов, Н.В. Хенриксон.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 43–44.

² Поликарпов В. Д. Начальный этап Гражданской войны (история изучения). М., 1980. С. 154.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 110.

⁴ Хозяйственно-продовольственный комитет Организационного управления.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 123.

Вклад специалистов Генерального штаба в создание и укрепление РККА эпохи Гражданской войны невозможно переоценить. Они занимали строевые и штабные должности, вели оперативную, административную, организационно-мобилизационную работу, занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Будучи лицами с высшим общим военным образованием, генштабисты пригодились и в укреплении родов войск. Они участвовали в становлении советской артиллерии, инженерных войск, войск связи, авиации, флота, пограничной охраны, системы военных сообщений, курировали вопросы устройства тыла и снабжения.

Генштабисты принимали деятельное участие в разработке новых уставов и штатов Красной армии, составляли военно-географические и военно-статистические описания округов и фронтов, служили в корпусе военных топографов, обеспечивая РККА картографическим материалом. Кроме того, военспецы-генштабисты выступали военными экспертами на международных переговорах. Выпускники академии также служили в контролирующих органах, прежде всего в Высшей военной инспекции.

Весомым был вклад специалистов Генштаба в становление и развитие советской военной науки и военной педагогики. В частности, именно генштабисты создали первый советский военно-научный журнал «Военное дело», стояли у истоков Академии Генштаба РККА и многих военно-учебных заведений страны, вели военно-исторические и военно-теоретические исследования, упорядочивали и спасали от гибели военные архивы и библиотеки.

§ 5. Роль специалистов Генерального штаба в победе Красной армии

Тезис о том, что бывшие офицеры старой русской армии сыграли важнейшую роль в создании Красной армии и в ее победе в Гражданской войне, кажется, не нуждается в дополнительной аргументации. Однако вопрос о том, какую именно роль в этой победе сыграли кадры высшей квалификации – специалисты Генерального штаба, требует осмысления.

Выдающийся вклад дореволюционной военной элиты в создание новой армии казался очевидным уже осведомленным современникам. Еще в 1921 г. начальник бывшей Николаевской военной академии генерал А.И. Андогский справедливо отмечал, что «организация Красной армии и оперативное руководство ее боевыми операциями были выполнены **представителями старого Генерального штаба**, также в значительном количестве оставшимися на службе у большевиков... Таким образом, **старое офицерство, как строевое, так и Генерального штаба, сыграло видную и решающую роль в деле создания и в руководстве операциями советской Красной армии**»¹.

¹ Андогский А. И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная армия Советской России (уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921. С. 29–30.

Несмотря на впечатлявший современников приток генштабистов в Красную армию, существовали и противоположные тенденции, осложняющие ответ на вопрос о реальном вкладе этих специалистов в успехи красных. Во-первых, наряду с массовым привлечением генштабистов в Красную армию происходил и их массовый отток из РККА в форме дезертирства (каждый третий выпускник Николаевской военной академии в 1918–1920 гг. бежал из Красной армии в различные антибольшевистские вооруженные формирования). Сюда же можно добавить и генштабистов, сознательно работавших в рядах Красной армии на противника как индивидуально, так и в составе целых подпольных организаций. Во-вторых, определить конкретный вклад специалистов Генерального штаба в военное строительство непросто – не случайно в XX в. появилась фраза о том, что у офицеров Генерального штаба нет имен. В-третьих, штабную работу в Советской России вели лица с различной подготовкой. Наряду с опытными генштабистами довоенных выпусков Военной академии (некоторые из них, правда, уже находились в преклонном возрасте и не обладали ни требуемым для несения службы состоянием здоровья, ни современными эпохе военными знаниями), служили менее подготовленные, но более политизированные выпускники и слушатели ускоренных курсов академии периода Первой мировой войны, те, кто окончил академию неудачно и до революции к генштабистам не относился, слушатели Академии Генерального штаба РККА, продолжавшие свое обучение в период полномасштабной Гражданской войны, выпускники иностранных военных академий, а также выпускники различных школ и курсов. Очевидно, все эти специалисты, далеко не одинаковые по своему потенциалу, не могли в равной степени содействовать успехам Красной армии.

Каким был должностной статус генштабистов в РККА? Выпускники старой Военной академии занимали ключевые посты в руководстве Красной армии. Начальником штаба Верховного главнокомандующего с ноября 1917 г., а в 1918 г. военным руководителем ВВС являлся бывший генерал-генштабист М.Д. Бонч-Бруевич. С 27 августа временно исполнял эту должность Н.И. Раттэль.

Академию окончили оба советских главкома – И.И. Вацетис и С.С. Каменев. Им Красная армия во многом обязана своими победами, прежде всего на Восточном фронте. Бонч-Бруевич, Вацетис и Каменев вполне могут составить триумvirат ключевых для РККА военспецов эпохи Гражданской войны¹.

Начиная с осени 1918 г. должности начальника штаба РВСР, начальника ПШ РВСР (советской Ставки) и начальника Штаба РККА занимали исключительно бывшие офицеры Генерального штаба (Н.И. Раттэль, Ф.В. Костяев, П.П. Лебедев). То же самое касалось следующего по значимости поста – начальника ГУГШ и начальника ВГШ (преемника ГУГШ), который занимали Н.М. Потапов – в ГУГШ и Н.Н. Стогов, А.А. Свечин, Н.И. Раттэль, А.А. Самойло – в ВГШ. Таким образом, высшее советское военное руководство (уровень военных руководителей ВВС, главнокомандующих, начальников Штаба РВСР, ПШ РВСР, Штаба РККА и ВГШ) составляли исключительно военспецы-генштабисты. Основные руководящие должности в этих штабах также занимали выпускники Николаевской военной академии.

¹ Именно их портреты были вынесены на обложку монографии А. Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг.» (М., 1988).

Имевшие ключевое политическое значение посты наркома по военным и морским делам, председателя РВСР, его заместителя и членов РВСР занимали в основном деятели большевистской партии. Генштабистов, за исключением главкомов Вацетиса и Каменева, на этом уровне не было. Подобное распределение кадров Генштаба свидетельствует о том, что им отводилась важнейшая, но техническая роль, а руководящие решения закономерно оставались за партийной элитой.

О важнейшей роли генштабистов свидетельствует широта их присутствия на следующих ступенях командно-штабной иерархии РККА – постах командующих и начальников штабов фронтов, групп армий и армий. На этих уровнях генштабисты занимали от 40 до 100 % руководящих постов (см. табл. 40).

Таблица 40

Выпускники Николаевской военной академии в руководстве РККА в 1918–1922 гг.¹

Должность (фронты и армии РСФСР и Украинский фронт)	Общее количество лиц, занимавших должность	Из них выпускников Николаевской военной академии	Процент выпускников Николаевской военной академии
Центральный аппарат военного управления			
Военные руководители ВВС	2	2	100
Главкомандующие всеми вооруженными силами республики	2	2	100
Начальники Штаба РВСР, ПШ РВСР, Штаба РККА	4	4	100
Начальники ВГШ	4	4	100
Штабы фронтов, армейских групп, армий			
Командующие фронтами (с учетом Северо-Урало-Сибирского фронта)	21 (30 должностей)	11 (12 должностей)	52,4 (40)
Начальники штабов фронтов	30 (37 должностей)	28 (35 должностей)	93,3 (94,6)
Командующие группами армий	4 (5 должностей)	2 (2 должности)	50 (40)
Начальники штабов групп армий	4 (5 должностей)	4 (5 должностей)	100
Командующие армиями (с июня 1918 г.)	106 (155 должностей)	43 (62 должности)	40,6 (40)
Начальники штабов армий (с июня 1918 г.)	148 (178 должностей)	105 (130 должностей)	71 (73)

Например, в разгроме ВСЮР в 1919–1920 гг. заметную роль сыграли выпускники академии, командовавшие армиями (М. И. Василенко, А. И. Геккер, С. А. Меженинов),

¹ Подсчитано по: ДКФКА. Т. 4. С. 529–545; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. Сведения исправлены и дополнены по собственным архивным изысканиям.

начальники фронтовых (Ф.М. Афанасьев, Н.Н. Петин, С.А. Пугачев) и армейских (А.А. Душкевич, А.М. Зайончковский, А.К. Ремезов, В.К. Седачев, В.Н. Чернышев) штабов^I.

Генштабисты были широко представлены и в штабах военных округов. Так, к 1 сентября 1919 г. в Московском военном округе служили 17 генштабистов, в Петроградском — 37, в Орловском — 10, в Приволжском — 5, в Ярославском — 8, в Уральском — 4, в Западном — 11^{II}. Из 6 военных руководителей и командующих войсками Петроградского военного округа (7 должностей, так как В.М. Гиттис занимал этот пост дважды) в 1918–1922 гг. окончили Николаевскую академию двое, причем А.А. Бобрищев состоял на этом посту с ноября 1918 по февраль 1920 г., а сменивший его генштабист И.В. Яцко — до ноября 1920 г. Таким образом, в наиболее острый период Гражданской войны округ возглавляли именно генштабисты старой школы. Начальниками штаба округа в 1918–1922 гг. были четыре человека, в том числе Л.К. Александров — дважды, и все они были выпускниками академии. Из пяти начальников штаба Приволжского военного округа периода 1918–1922 гг. академию окончили четверо. Интересно, что выпускники старой академии находились на этом посту и далее (с коротким перерывом во второй половине 1926 г.), вплоть до весны 1938 г., когда по известным причинам произошла ротация кадров и смена поколений комсостава РККА.

Сами генштабисты признавали, что наличие нескольких сотен специалистов с высшим военным образованием «дало возможность советскому командованию сформировать управление и штабы армий, чего без наличия этих кадров сделать вряд ли удалось бы»^{III}.

Сочетание непреклонной политической воли большевистских вождей и высокой квалификации технократов-генштабистов неизбежно давало положительный результат — например, при обороне Петрограда от войск Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича осенью 1919 г. Душой обороны города стал председатель РВСР Л.Д. Троцкий, опиравшийся в том числе на опытных генштабистов. 17 октября, в день своего прибытия в Петроград, Троцкий сменил командование 7-й армии, назначив командующим вместо бывшего полковника С.Д. Харламова более опытного бывшего генерал-лейтенанта Д.Н. Надежного^{IV}. В моральном плане было немаловажно, что при понижении этих лиц в должностях (Надежный ранее командовал фронтом, а Харламов вместо армии получил в командование группу войск) им сохранялось прежнее денежное содержание^V.

Начальником штаба армии вместо временно исполнявшего должность менее подготовленного курсовика бывшего капитана А.Д. Лютова стал бывший генерал-майор Л.К. Александров. Для достижения успеха Троцкий затребовал от высшего руководства страны присылки значительного имущества (19 октября 1919 г. — 3 бронепоезда, 125 пулеметов, миллион патронов) и подкреплений.

^I Агурьев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 — март 1920 года). М., 1961. С. 213.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 3.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1755 (2085). Л. 12.

^{IV} РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1375. Л. 47.

^V Там же.

Для усиления карательных органов Троцкий просил прислать известного чекиста Я.Х. Петерса. Боевой дух защитников города подкреплялся направлением в части коммунистов.

Красные сумели принять экстренные меры по обороне Петрограда. Часть войск была взята из резерва Южного фронта и с других фронтов. Скорость перемещения эшелонов достигала 500 км в сутки, что стало небывалым явлением для Гражданской войны^I. 21 октября на фронте произошел перелом в пользу РККА. Южная группа Харламова должна была нанести главный удар со стороны Колпино во фланг гатчинской группы белых. Важную роль в разгроме белых сыграла и Северная группа под командованием бывшего генерал-майора С.И. Одинцова, который, как отмечалось в статье его памяти, «обнаружил глубокое знание военного дела и солидный опыт. Отражая удары, он сумел захватить в свои руки инициативу и, широко используя удобный момент, выбил белогвардейцев из [города] Гатчины, что послужило началом изменения обстановки в нашу пользу. За это т. Одинцов был награжден орденом Красного Знамени»^{II}.

Троцкий взял на себя организационную работу по обеспечению защитников Петрограда всем необходимым (с чем в революционных условиях не могли справиться старые специалисты, сосредоточившиеся теперь на командно-штабной работе), своим авторитетом добивался присылки дефицитных пополнений и имущества для оборонявшей «колыбель революции» 7-й армии. Председатель РВСР занимался кадровыми вопросами и вопросами стратегического планирования (например, выдвинул весьма дельные предложения по превращению Петрограда в неприступную крепость^{III} и заблаговременно поднял вопрос о перспективах отношений с эстонцами при разгроме армии Юденича и отходе ее в Эстонию). Троцкий взял на себя и общее верховное управление, наставлял местное военное и политическое руководство и, как отмечал он сам, давал «толчок инициативе фронта и ближайшего тыла»^{IV}. Председатель РВСР требовал применения самых жестких мер, вплоть до расстрелов паникеров из комсостава, со свойственной ему кипучей энергией проводил митинги, произносил речи, писал статьи. Польза от его присутствия в Петрограде была несомненной.

^I Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 223.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 57.

^{III} Троцкий писал 16 октября 1919 года командующему 7-й армией Д. Н. Надежному: «При таких условиях представляется безусловно необходимым организовать внутреннюю оборону Петрограда. Если вспомнить, что адмиралу Думбадзе (на самом деле адмиралу Ф. В. Дубасову. — А. Г.) понадобилась чуть ли не целая неделя, чтобы усмирить Москву в декабре 1905 года, хотя во всей Москве было едва ли более тысячи вооруженных революционеров, занявших ряд важных зданий, то совершенно очевидно, что не сколько тысяч прорвавшихся белогвардейских войск будут совершенно загнаны, измотаны, затравлены и уничтожены в Петрограде при сколько-нибудь разумной организации внутренней обороны в течение одного-двух дней, а за это время успеют подойти достаточные подкрепления извне... Если бы белые прорвались в город, они бы здесь испарились и исчезли, как брызги воды на накалированной плите» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446–447). Начальником внутренней обороны Петрограда стал Д. Н. Авров при начальниках штаба, выпускниках Военной академии Л. Н. Ростове и А. А. Бобрищеве. Советский чиновник-невозвращенец Г. А. Соломон, резко критически настроенный в отношении Троцкого, подверг этот приказ устам большевика Л. Б. Красина критике, как «верх растерянности и глупости» (Соломон Г. А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 195, 343). Думается, эта критика несостоятельна и основана на преувеличении сил и возможностей Северо-Западной армии белых, которая бы погибла в Петрограде в условиях тактики выжженной земли, предложенной Троцким.

^{IV} Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 407.

Троцкий писал о достижениях первых дней под Петроградом: «Командный состав, втянувшийся в неудачи, пришлось перетряхнуть, освежить, обновить. Еще большие перемены произведены были в комиссарском составе. Все части укреплялись изнутри коммунистами. Прибывали и отдельные свежие части. На передовые позиции выброшены были военные школы. В два-три дня удалось подтянуть совсем опустившийся аппарат снабжения. Красноармеец плотнее поел, сменил белье, переобулся, выслушал речь, встряхнулся, подтянулся и – стал другим»^I. Уже в это время Троцкий выработал универсальную формулу побед в Гражданской войне. 16 октября 1919 года он писал командующему 7-й армией бывшему генералу Д. Н. Надежному: «Как всегда в подобных случаях, мы и на этот раз достигнем необходимого перелома при помощи мер организационного, агитационного и карательного характера»^{II}.

Одним из определяющих факторов победы красных под Петроградом стало трехкратное численное превосходство сил 7-й и 15-й армий, действовавших против белых^{III}. При этом среди причин поражения белых под Петроградом, по свидетельству участника событий с белой стороны, была безответственность командования, не опасавшегося серьезных наказаний за неисполнение приказов и неудачи на фронте^{IV}. Не способствовали успехам белых неналаженность тыла и снабжения и безынициативность командного состава, не подталкивавшегося к активной работе комиссарами.

В составленной по материалам ПШ РВСР книге «Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 года» отмечалось, что «спор^V о том, которая из двух армий, оборонявших Петроград, 7-я или 15-я, победила армию Юденича и защитила колыбель революции, которой из них принадлежит пальма первенства, – следует признать пережитком, старым царским наследием, неспособностью отрешиться от личного интереса в целях общего интереса. Юденича победил коллективизм, а не тот или иной военный специалист»^{VI}.

Индивидуальные примеры выглядят особенно ярко. 34-летний георгиевский кавалер бывший подполковник (по другим данным, полковник) Ф. М. Афанасьев поступил в Красную армию практически в период ее возникновения, в феврале 1918 г. Служил помощником начальника оперативного отделения ГУГШ, а затем начальником общего отделения оперативного отдела ВГШ. Осенью 1918 г. получил назначение на фронт. Занимал должности начальника связи, начальника штаба и временно командующего (в период болезни В. И. Шорина) 2-й армией, начальника штаба Юго-Восточного и Кавказского фронтов, командующего Кавказским фронтом, начальника штаба помощника главкома по Сибири, вр.и.д. помощника главкома по Сибири и командующего войсками Сибири. Во 2-й армии, на Юго-Восточном и Кавказском фронтах, а также в Сибири Афанасьев служил

^I Там же. С. 419.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446.

^{III} Наш расчет по: ДКФКА. Т. 4. С. 107; Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 638.

^{IV} РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 84. Л. 55.

^V А такой спор, к сожалению, затеялся и даже проник в стены Красной академии Генерального штаба (примеч. издания).

^{VI} Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 года. М., 1921. С. 105.

при командующем В.И. Шорине, вместе с которым переходил на новые места службы. Осенью 1918 г. Афанасьев был одним из организаторов 2-й армии Восточного фронта, позднее организовывал штабы Юго-Восточного и Кавказского фронтов, на которых были достигнуты крупные успехи в операциях против ВСЮР, в дальнейшем реорганизовывал аппарат советского военного управления в Сибири. Афанасьев участвовал в разработке и реализации целого ряда успешных операций против белых на Востоке и Юге. Один из его сослуживцев отмечал, что в РККА Афанасьеву удалось «развернуть свои большие способности организатора, оператора и крупного руководящего военного деятеля»^I. Мемуарист свидетельствовал, что «не переставал удивляться и восхищаться его необыкновенной эрудицией, находчивостью, выдержкой и спокойствием в самых сложных боевых условиях... Служить с Ф.М. Афанасьевым было поучительно и интересно, так как пополняло теоретический и практический военный “багаж” каждого строевого и штабного командира»^{II}. Уральский революционер, в прошлом – простой рабочий А.М. Чеверев восхищался Афанасьевым: «Вот это – башка! Недаром и голова-то у него – во какая!»^{III} В 1921 г. Афанасьев был награжден орденом Красного Знамени. После Гражданской войны был заместителем начальника Военной академии РККА. Уйдя с военной службы, Афанасьев работал заместителем заведующего экономическим бюро Всероссийского кожного синдиката. Умер он в 1935 г.

Помимо командно-штабной службы специалисты Генерального штаба были задействованы во многих других сферах, обеспечивавших победы Красной армии. Распределение советских генштабистов в наиболее напряженный период Гражданской войны, по данным на 1 сентября 1919 г., было следующим. В статистический обзор вошли 515 военспецов. Из них в центральных управлениях (включая ЦУПВОСО) служили 21,9%; в военных округах – 17,9%; в ПШ РВСР – 7%; на Украине – 15,3%; на Западном фронте – 14%; на Южном фронте – 12,2%; на Восточном фронте – 5,4%; на Туркестанском фронте – 1,4%; в 6-й отдельной армии – 1,4%; в 12-й отдельной армии – 3,5%^{IV}. Таким образом, чуть менее половины всех генштабистов находились в тылу.

Эта выкладка позволяет оценить значимость того или иного фронта в этот период. Максимальные силы генштабистов на фронте были сосредоточены против Юденича, Петлюры, поляков и Деникина. Возможность быстрой концентрации кадров высшей квалификации на угрожаемых направлениях (как и аналогичная возможность в отношении переброски дивизий РККА с фронта на фронт, действий по внутренним операционным направлениям) была обусловлена единством территории и центральным положением Советской России относительно своих противников. В условиях Гражданской войны это преимущество являлось неоспоримым, тем более что большевикам требовалось преодолеть колоссальный дефицит подготовленных командно-штабных кадров для массовой армии. Например, если принять во внимание, что против Деникина работали генштабисты,

^I НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 5. Д. 39. Л. 2.

^{II} Там же. Л. 2–3.

^{III} Там же. Л. 10.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 3.

находившиеся на Украине, на Южном фронте и в 12-й армии, получается, что здесь был сконцентрирован 31 % всех кадров Генштаба РСФСР (160 военспецов высшей квалификации). Разумеется, помимо них подготовкой и проведением операций на Южном фронте занимались многочисленные работники центрального аппарата, прежде всего ПШ РВСР.

К концу Гражданской войны (на апрель 1921 г.) полноценные генштабисты занимали до 12,6 % должностей начальников штабов дивизий и отдельных бригад, слушатели старой академии на том же уровне составляли еще 7 % и слушатели Академии Генштаба РККА – 5,6%¹. Суммирование первых двух категорий дает 19,6 % выпускников и слушателей старой академии на этом уровне.

Как было установлено нами ранее, Генеральный штаб в Гражданскую войну раскололся почти ровно пополам с некоторым перевесом в сторону антибольшевистского лагеря². Однако численность противоборствующих армий была неодинаковой. Чем выше она была, тем сильнее ощущалась нехватка квалифицированных кадров. Например, в огромной по численности РККА генштабисты попросту растворялись. Следовательно, важно знать не только, какое количество генштабистов оказалось на той или иной стороне, но и то, насколько это количество покрывало потребность в таких кадрах.

Главком И.И. Вацетис в конце февраля 1919 г. докладывал В.И. Ленину об острой нехватке 40–80 % специалистов Генштаба, что тяжело сказывалось на военной работе, «лишая ее должной планомерности и продуктивности»³. Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский в 1920 г. жаловался сменившему Вацетиса главкому С.С. Каменеву на нехватку 80 % генштабистов до штатного количества⁴.

Рассмотрим, какова была насыщенность противоборствующих армий кадрами Генштаба. Сопоставление общих показателей численности генштабистов в том или ином лагере с максимальной численностью соответствующих армий даст искаженный результат, так как на каждый период войны численность генштабистов и численность войск порой существенно различались. Соответственно, попытаемся сравнить численность армий (исключив небоевой элемент) в определенные периоды с официальными списочными данными о генштабистах на близкие к этим периодам даты. Для наглядности эти данные сведены в таблицу 41.

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 31об.

² Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 119–135; *Его же*. Раскол Генерального штаба // Дилетант. 2012. № 5. Май. С. 12–15; *Его же*. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России...; *Его же*. С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны...

³ ДГК. С. 167.

⁴ Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России. С. 77.

**Насыщенность основных противоборствующих армий Гражданской войны
кадрами Генерального штаба (1919–1920 гг.)¹**

Армия	Численность (боевой состав)	Специалисты Генштаба всех категорий по данным официальных списков	Военно- служащих на одного специалиста Генштаба
РККА	383 260 (боевой состав к 15 февраля 1919 г.)	444 (к 15 апреля 1919 г.)	863,2
	397 569 (боевой состав на вторую половину июня 1919 г.)	538 (к 15 июля 1919 г.)	739
	409 931 (боевой состав к 1 ноября 1919 г.)	424 (к 15 ноября 1919 г.)	966,8
	494 572 (боевой состав к 1 августа 1920 г.)	407 (к 7 августа 1920 г.)	1215,2
Российская армия адмирала А. В. Колчака	120 111 (состав армий фронта по данным на март — апрель 1919 г. без Отдельной Уральской армии)	291 (к 24 февраля 1919 г.)	412,7
ВСЮР	154 993 (боевой состав к 5 (18) августа 1919 г.)	541 (к 15 (28) августа 1919 г.)	286,5
Русская армия генерала П. Н. Врангеля	30 773 (боевой состав к 1 (14) сентября 1920 г.)	472 (к 5 (18) октября 1920 г.)	65,2

Из этого сравнения видно, что Красная армия ввиду большой численности была насыщена кадрами Генштаба существенно ниже своих противников. Особенно разительный контраст составляет сравнение по 1920 г., когда в Русской армии генерала П. Н. Врангеля на одного генштабиста приходилось только 65 бойцов, а в РККА — 1215, т. е. в 18 раз больше. В среднем же получается, что РККА была насыщена кадрами старого Генштаба примерно вдвое ниже колчаковских армий и в три-четыре раза ниже деникинских. Если же учесть, что колчаковские войска считались по своему офицерскому составу слабыми, можно представить, какие колоссальные трудности испытывала РККА. Следовательно, красным для достижения успеха необходимо было использовать имевшийся кадровый потенциал максимально эффективно, что им и удалось. На результаты обратили внимание даже

¹ Боевой состав армий подсчитан по: РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34; 35; Ф. 39624. Оп. 1. Д. 13. Л. 68–69; Д. 87. Л. 110б. –12; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3; Боевой состав Вооруженных сил на Юге России (так в документе, правильно — Русской армии. — А. Г.) к 1 сентября 1920 г. // НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 2; ДКФКА. Т. 4. С. 55–56, 70–71, 106–111; Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии (исторический очерк). М., 1926. С. 229. Также см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 116–117.

в белом лагере. Так, по наблюдению белого генерала Е.И. Достовалова, «Красная армия вырастала на наших глазах и перегнала нас в своем росте. И это несмотря на то, что у нас даже в рядах простых бойцов служили офицеры, несмотря на полную свободу военного творчества, на большое количество офицеров Генерального штаба и специалистов всякого рода... в Крыму они победили нас не столько своим численным превосходством, сколько выучкой, организацией и лучшим нашим управлением войсками... мы были загипнотизированы мыслью о несовместимости свободного военного творчества с большевистским режимом».

На советских генштабистов ложился намного больший объем работы, чем на деникинских (не случайно многие из последних числились в резерве чинов и даже не использовались белыми) или даже на колчаковских. Кроме того, если рассчитывать соотношение военнослужащих к одному генштабисту из общей численности Красной армии (с учетом небоевого состава) в 5 млн человек, пропорция окажется для красных просто катастрофической. Большая численность стала важнейшим преимуществом Красной армии и одним из решающих факторов победы при отсутствии превосходства в командных кадрах.

Но сводить преимущества большевиков только к численности армии ошибочно. Одним из ключевых факторов победы красных стала их удивительная гибкость и организованность. Этот аспект в полной мере касался и кадров Генерального штаба. Создание массовой Красной армии потребовало широкомасштабного привлечения на службу генштабистов. Как уже отмечено, требуемого для удовлетворения нужд массовой армии количества специалистов Генштаба в Советской России не было. Но нехватка кадров привела к их более рациональному использованию. Советское руководство в этом вопросе проявило поразительную изобретательность, применяя все возможные способы. Активно использовались бывшие офицеры, неудачно окончившие академию или недоучившиеся, но часто обладавшие не меньшим, чем патентованные офицеры Генштаба, багажом знаний и опытом, привлекались на службу выпускники ускоренных курсов периода Первой мировой и Гражданской войн и даже выпускники иностранных военных академий. В Советской России возникла дифференцированная и продуманная система подготовки собственных штабных кадров. С конца 1918 г. начала работу Академия Генштаба РККА (старая академия летом 1918 г. практически в полном составе перешла на сторону антибольшевистских сил). Для подготовки младших штабных работников были открыты школы штабной службы, а позднее и академические курсы. Выпускники таких школ назначались в штабы для выполнения простейшей канцелярской и низовой штабной работы. В войска на период летних каникул командировались слушатели Академии Генштаба РККА, первый выпуск которой должен был состояться только в 1921 г. Все это высвобождало время и силы более квалифицированных работников. Несмотря на враждебность в отношении белых, на завершающем этапе войны на службу в РККА стали массово привлекаться пленные генштабисты антибольшевистских армий, в том числе подготовленные непосредственно в лагере противников красных (например, на курсах академии в Томске).

¹ Достовалов Е. И. О белых и белом терроре. С. 660.

Верхом прагматического отношения к генштабистам стало освобождение отдельных военспецов из-под ареста на время следствия и использование подследственных на службе в РККА. Например, таким подследственным, оставшимся на действительной службе, был крупный специалист по организации тыла бывший генерал М.М. Загю¹. О своем участии в оперативной работе в период ареста в 1919 г. рассказывал бывший главком И.И. Вацетис². Впрочем, подобный подход был сопряжен с большим риском в отношении возможных измен и диверсий репрессированных. В частности, проходивший по одному делу с Загю бывший генерал С.М. Языков, также освобожденный из тюрьмы и назначенный на службу, решил не искушать судьбу и летом 1919 г., не дожидаясь окончания следствия, бежал к белым. Все это не исключало необоснованных репрессий.

Политика большевиков в отношении кадров Генштаба отличалась предельным рационализмом (насколько он возможен в условиях революционной смуты) и системностью. Способствовал этому и развитый учет кадров Генштаба в Советской России, складывавшийся с весны 1918 г., а к лету 1919 г. достигший высокой степени точности и детализации. Эта система существенно превосходила аналогичную практику противников большевиков. Хорошо поставленный учет позволял добиваться и качественного распределения кадров по должностям. Все эти меры позволили красным существенно снизить имевшийся дефицит генштабистов и использовать немногочисленных квалифицированных специалистов более эффективно, чем противник.

Как справедливо отмечали некоторые большевистские руководители, советское военное строительство было ориентировано на длительную перспективу, тогда как белые, несмотря на имевшиеся у них опыт и квалификацию, действовали во многом бессистемно³.

Такой подход привел к росту как численности, так и качества Красной армии. Бывший офицер Н.В. Воронович вспоминал о событиях 1920 г. в районе Сочи: «Впервые после 1918 года я увидел красноармейцев и был поражен их дисциплинированностью и военной выправкой, так резко отличавшей их от прежних разнужданных, необученных и наводивших страх даже на самих комиссаров солдат красной гвардии.

Через некоторое время по приезде в Сочи я имел возможность еще более убедиться в коренной реорганизации Красной армии, которая несколько не отличалась, а в некоторых отношениях была даже лучше организована, чем прежняя до-революционная русская армия»⁴.

Достаточно взвешенную оценку состоянию Красной армии в конце 1918 г. в пересказе его товарища, историка Ю.В. Готье, дал видный военспец, бывший генерал Н.Г. Семенов: «Ее достоинство невелико; с командным составом из бывших офицеров нет никакой внутренней связи, но среди командиров новой формации,

¹ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 114. Л. 10. Подробнее см.: Ганин А. В. Хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста (Москва). 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 340.

³ Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия. С. 56.

⁴ Воронович Н. Меж двух огней (Записки зеленого) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 172.

из красноармейцев, есть такие, которые пользуются авторитетом; они запанибрата с солдатами, но умеют им внушить иногда и доверие. Уничтожить эту армию трудно, потому что части рассеянные, разбегаясь, вербуют из местных жителей бывших солдат, и бывали случаи, что некоторое время спустя они собирались вновь даже в большем числе. Припасов огнестрельных у них больше, чем у противников, и это создает им перевес. Противник еще слабее их. Ядро — чехословаки, к которым присоединяются части, формируемые Сибирским правительством; солдаты там получают мало, припасов у них мало; офицерство ничему не научилось, поскольку дело касается обращения с солдатами и отношения к ним. Они, кроме того, деморализуются пропагандой большевиков. Стоит, однако, прийти настоящей вооруженной силе, сильно организованной и оборудованной технически, и перевес легко окажется на ее стороне. В настоящее время военная опасность для РСФСР не на Восточном, а на Южном фронте¹. Такая характеристика подтвердилась как событиями Гражданской войны, так и Советско-польской войной.

Сравнение с белыми особенно рельефно показывает преимущества советской военной организации. Белое движение началось с немногочисленных добровольческих партизанских отрядов, которые к лету 1918 г. на Юге и Востоке страны росли и объединялись в более серьезные вооруженные формирования. Крупнейшие белые фронты возникли на Юге и на Востоке России. Фронты на Севере и Северо-Западе являлись второстепенными. На различных фронтах белые практиковали разные подходы к комплектованию своих армий. ВСЮР так и не стали сопоставимой с РККА массовой армией, оставаясь сравнительно немногочисленными. Это позволило сохранить высокие боевые качества части войск, но не дало возможности развить успех. Боеспособность белых сил на других фронтах была неоднородной. В целом же белые совокупно уступали по численности Красной армии.

В отличие от красных, белые не смогли в полной мере создать регулярные армии, сформированные по единым штатам, отойти от партизанских формирований. Проблема заключалась в слабости мобилизационного и карательного аппаратов белых. Результатом стала невозможность эффективно провести мобилизационные мероприятия, создать массовые армии, решить дисциплинарные проблемы. Например, в различных местностях Юга России белые проводили мобилизации разных возрастов, тогда как общей мобилизации проведено не было.

Во главе белых армий стояли в основном старшие офицеры и генералитет старой армии. Красные тоже сумели привлечь в свои ряды дореволюционный командный состав, однако обоснованно никогда ему не доверяли всей полноты военной власти, не говоря о власти политической. Военной политикой Советской России руководили сами большевики, а не их военные специалисты. Как показала практика Гражданской войны, большевики оказались лучшими организаторами по сравнению со старым офицерством, которому традиционно были присущи отсутствие инициативы, инертность и следование шаблонам. Генштабист полковник А.А. фон Лампе писал о генерале А.И. Деникине: «Хотя Деникин и очень порядочный человек, но несомненно узкий и никакого государственного масштаба не имеет... это не диктатор и не повелитель, это честный исполнитель, хотя бы

¹ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 201.

и своих собственных решений, но и только»¹. В Красной армии над такими честными исполнителями, даже на уровне высшего комсостава, стояло более чем энергичное политическое руководство, которое успешно занималось координацией политических и военных задач и подталкивало военспецов к активной работе. Политическое руководство белого лагеря было представлено деятелями либерального и эсеровского толка, оказавшимися еще по опыту 1917 г. неспособными к созидательной государственной работе в условиях кризиса и обладавшими сомнительной репутацией в глазах офицерского корпуса².

По итогам Гражданской войны даже наиболее мыслящие белые офицеры признали выдающиеся качества большевистских лидеров. Интересно наблюдение из дневника противника большевиков полковника А.А. фон Лампе от 18 (31) мая 1920 г.: «В Трапезунде кричат: “Да здравствует Ленин, Энвер и Талаат!” Люди сумели распространить свое влияние и на Азию! Я нахожу, что в интенсивности работы мы, старый господствующий класс, оказались совершенно неспособными!»³ Такое признание со стороны врага дорогого стоит!

Военспецы также проникались уважением к вождям РКП(б) и комиссарам. Советский главком бывший полковник С.С. Каменев дал следующую оценку высшего звена политработников РККА периода Гражданской войны: «Исключительный подбор членов РВС фронтов, армий и комиссаров дивизий и частей положительно бросался в глаза. Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной армии, и Владимир Ильич знал каждого из них.

Ближе я знал членов РВС фронта и армий, почему мои впечатления складывались главным образом по этим товарищам. Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искушенного в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекалистости – они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Можно было бы привести тысячи примеров, подтверждающих сказанное. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позднее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками. Очень многие комиссары частей заняли посты командиров этих частей и были прекрасными командирами»⁴. И хотя за этой высокой оценкой вполне могло скрываться стремление польстить большевистскому руководству, факт остается фактом.

Удивительно похожую оценку командовавшему войсками Московского военного округа большевику Н.И. Муралову дал бывший генерал-майор В.К. Гондель (негенштабист): «Как в первый, так и во все последующие мои доклады Муралову я удивлялся, как этот совершенно не военный человек быстро разбирался

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 130.

² Подробнее см.: *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.

³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 128.

⁴ *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 35.

в специально хозяйственно-административных вопросах, быстро давал им правильную оценку и делал краткое, энергичное и верное резюме».

Аналогично выглядит характеристика М.В. Фрунзе его многолетним соратником бывшим генерал-майором Ф.Ф. Новицким. По мнению Новицкого, Фрунзе «обладал удивительной способностью быстро разбираться в самых сложных и новых для него вопросах, отделять в них существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями каждого. Он умел и подбирать людей, как бы чутьем угадывая, кто на что способен...»¹ Эти свидетельства не могут не привести к выводу о выдающихся организационных способностях и серьезном интеллектуальном потенциале ряда представителей большевистского военно-политического руководства.

Немалую роль в подталкивании военспецов к более активной работе сыграла угроза репрессий. Однако этот фактор неоднозначен. С одной стороны, репрессии или их угроза вынуждали военспецов работать более ответственно, но, с другой, создавали атмосферу недоверия. Частые и, как правило, необоснованные аресты и расстрелы военспецов не приносили пользы РККА, снижали эффективность использования генштабистов, сеяли страх и безынициативность, способствовали изменам. Стоит отметить, что большевистские лидеры, в том числе В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Э.М. Склянский и др., несмотря на огромный объем выполняемой работы, находили время иногда лично заступаться за арестованных и добиваться их освобождения. При этом, как позднее отмечал Троцкий, угроза репрессиями была одним из способов «военного нажима», применявшимся им и другими партийными лидерами для быстрого достижения нужных результатов в военной обстановке.

Многообразие способов покрытия кадрового дефицита красными демонстрировало ориентацию на результат, а также поразительную изобретательность большевистского военно-политического руководства. Неудивительно, что иностранный наблюдатель, оказавшийся в белой Сибири, писал: «Многочисленными армиями противника командовали опытные стратеги»². Как следствие, большевики в использовании кадров Генштаба сумели организационно превзойти своих противников — военных профессионалов старой школы. Подобный итог закономерен. Он обусловлен консерватизмом, глубочайшим традиционализмом, рутинерством, безынициативностью и косностью дореволюционной военной элиты, стоявшей во главе антибольшевистского движения. Таким образом, недочеты военно-административной практики белых тоже сыграли роль в победе РККА.

Белые с недоверием относились к генштабистам, переходившим из Красной армии. Руководствуясь дореволюционными критериями, они не относили к настоящим специалистам Генштаба и постоянно ограничивали в правах многочисленных выпускников ускоренных курсов и тех, кто окончил академию неудачно. Кроме того, у белых, прежде всего на Юге, оказалось сконцентрировано такое количество генштабистов, которое им просто не требовалось для управления своими малочисленными армиями. Очевидно, что на каждые 65 бойцов Врангелю

¹ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.

² М. В. Фрунзе: Воспоминания друзей и соратников. С. 74.

³ Грондейс Л. Война в России и Сибири. М., 2018. С. 272.

отнюдь не был нужен офицер Генерального штаба — достаточно было взводного или ротного командира. В то же время белые армии из-за дезорганизации мобилизационного и карательного аппарата катастрофически страдали от нехватки рядового, а не командного состава, тем более старшего. На фронте не доставало младших офицеров, в связи с чем практиковалось производство в офицеры подпрапорщиков и унтер-офицеров¹.

Наряду с уклонением от активной службы в РККА имела место и противоположная тенденция: множество генштабистов отдавали новой армии все свои силы и знания. Сохранилось немало свидетельств фанатичного исполнения ими своих обязанностей, когда люди трудились порой по 18 часов в сутки, практически без сна и отдыха².

Деятельность генштабистов РККА в частности и военспецов в целом вполне наглядно обрисовал видный партийный деятель, член РВСР С.И. Гусев: «Мне пришлось работать в двух армиях и в трех штабах, начиная с августа 1918 года, я перевидал несколько сот офицеров, как кадровых, так и военного времени, как опытных и знающих, так и малоопытных и малознающих, как талантливых, так и не блестящих талантами, как усердных, так и с “ленцой”, но все работали, каждый по своим способностям. А многие работали, не покладая рук, недосыпали, недоедали, многие вместе с[о] своими частями переносили невзгоды боевой жизни, героически сражались и героически умирали»³.

Большевистский лидер В.И. Ленин летом 1919 г. отмечал: «У нас работают систематически тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы...»⁴ Особое место среди военспецов занимали специалисты с академическим образованием.

С высказыванием Ленина перекликалась мысль вождя Белого движения на Юге России генерала А.И. Деникина: «Красная армия строилась исключительно умом и опытом “старых царских генералов”»⁵. Такое утверждение, однако, не объясняло причины неудачи белых, армии которых также строились прежней военной элитой. Возможно, поэтому Деникин отметил и роль комиссаров, указав, что военспецы дали новой армии разум, а комиссары — волю. Некоторые другие участники Белого движения также были склонны объяснять победу РККА усилиями старой военной элиты. Так, полковник А.С. Гершельман (негенштабист) писал: «Красная армия, очень слабая в тактическом отношении, обладала все же стройной системой, организованной бывшими офицерами русского Генерального штаба. Не то Троцкий, не то Аралов будто бы говорили: “Для меня, как неспециалиста, дважды

¹ Гагуев Р. Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 518.

² Подробнее см. в главе IX.

³ Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия. С. 38.

⁴ Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным! // В. И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 421.

⁵ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 547.

два может быть 5 или 6, иногда 4, а для “спеца”, при всем его желании саботировать, **всегда** дважды два равняется четырем”¹. Конечно, подобные объяснения успехов красных являлись упрощением.

Взяв под контроль густонаселенный, развитый в культурном, промышленном, транспортном отношении центр страны и прифронтовую полосу, большевики оказались хозяевами территории с наилучшей на пространствах бывшей Российской империи инфраструктурой и огромным кадровым потенциалом. Наряду с прочими высококвалифицированными специалистами здесь служили и проживали многие генштабисты. Значительная их часть в силу географической привязки к подконтрольным красным регионам оказалась на службе в Красной армии и сыграла важнейшую роль в ее становлении и укреплении. Благодаря этим кадрам была осуществлена трансформация структур старой армии в структуры РККА при сохранении определенной преемственности.

Центр страны дал большевикам и колоссальное превосходство в сети железнодорожных коммуникаций. В условиях войны на несколько фронтов при разновременности наступательных усилий противника такое преимущество становилось залогом победы, позволяя быстро перебрасывать и концентрировать силы на угрожаемых участках или там, где готовилось собственное наступление. В полной мере это касалось и возможностей концентрации кадров Генштаба на тех или иных фронтах в период важнейших операций.

Еще одним важным преимуществом большевиков, также следовавшим из центрального положения Советской России, стала возможность опереться на готовый аппарат управления старой армии. Например, штаб ВВС активно пополняли бывшие чины Ставки Верховного главнокомандующего, а позднее на основе штаба совета возник ПШ РВСР. Прежние фронтовые и армейские штабы использовались новой властью при формировании управлений военных округов.

Исходя из практической целесообразности, большевики отказались от строгого следования дореволюционным принципам в отношении кадров Генштаба. В качестве генштабистов они стали использовать максимум лиц, которые имели хотя бы малейшее отношение к учебе в академии Генштаба, не исключая кадры, подготовленные в лагере противника. При катастрофической нехватке специалистов такой подход, несмотря на очевидные издержки, себя полностью оправдал.

Выпускники старой академии занимали практически все значимые посты в РККА, на которых требовались их профессиональные навыки. Генштабисты создали органы центрального и местного военного управления, фронтовые штабы, проявили себя в операциях Гражданской войны на командно-штабных должностях. Во многом благодаря этим специалистам удалось провести массовую мобилизацию в РККА, осуществлять управление войсками и тылом, армия была обеспечена уставами, штатами, картографическим материалом. Генштабисты готовили командно-штабные кадры для новой армии, стояли у истоков системы советских военно-учебных заведений, выступали экспертами на международных переговорах, были задействованы во многих других вопросах.

¹ Гершельман А. С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1998. Кн. 2. С. 88.

Можно согласиться с оценкой советского главкома С.С. Каменева, отметившего, что «четырёхлетняя история Красной армии, по существу, может быть признана историей непостижимых достижений и превращений в области военного строительства»¹. Именно красные, несмотря на то что высшие партийные военные руководители не обладали военным образованием, сумели создать наиболее успешную, самую многочисленную, дисциплинированную и гибкую вооруженную силу эпохи Гражданской войны.

В связи с колоссальным дефицитом соответствующих кадров для массовой армии (до 85 % некомплекта на пике Гражданской войны), нагрузка, ложившаяся на плечи генштабистов РККА, была чрезвычайно высока. Состав штабов был очень пестрым, что иногда порождало конфликты. Кроме того, генштабистам приходилось служить в тяжелой для себя обстановке — при недоверии комиссарского состава и чекистов, под постоянной угрозой ареста или расстрела, обоснованность которых мало кого беспокоила. С другой стороны, сами генштабисты в той напряженной обстановке не всегда демонстрировали лояльность — некоторые участвовали в работе белого подполья или переходили на сторону противника. Все это вело к эскалации репрессий.

Тем не менее есть основания считать, что не вполне доверявшие старым спеццам большевики сумели использовать генштабистов эффективнее, чем их основные противники. Это представляется несомненным историческим парадоксом, поскольку белый лагерь для старой военной элиты являлся фактически своим и возглавлялся такими же генштабистами. Работа с кадрами Генштаба в РККА, несмотря на ошибки, отличалась прагматизмом и определенной гибкостью. Превосходство Красной армии подтверждают и статистические данные, согласно которым через ряды РККА прошло существенно больше выпускников академии, чем через любую из противостоявших ей антибольшевистских армий (лишь суммарно все белые армии превосходили РККА по этому показателю). Организаторами побед РККА выступили сами большевики, но практически все, что могли им предоставить военные профессионалы старой армии — генштабисты, было от этих специалистов взято.

¹ Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 171.

Глава IV.

Генштабисты в антибольшевистских армиях

§ 1. Генштабисты в белых армиях Юга России

Председатель Центрального правления Общества русских офицеров Генерального штаба, ветеран Белого движения на Юге России генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, обращаясь в мае 1938 г. к генштабистам-эмигрантам, входившим в состав РОВС, писал: «Уже минувшая наша история последних 20 лет ярко выдвинула роль и значение нашего корпуса офицеров Генерального штаба в ту трагическую минуту, какую пережило наше Отечество, когда самое бытие России, как национального государства, с тысячелетней христианской традицией, было поставлено под вопросом.

Не случайно, что знамя белой борьбы против коммунистического интернационала было впервые поднято офицерами Генерального штаба — генералами Алексеевым и Корниловым. Не случайным было и то, что на главнейших командных постах во время Гражданской войны стояли самые видные представители нашего Генерального штаба. Достаточно упомянуть имена генералов Юденича, Деникина, Врангеля, Миллера, Дитерихса, Каппеля, Маркова, Дроздовского, адмирала Колчака (офицера Морского Генерального штаба) и многих других, имена коих навеки связаны с нашей белой борьбой и заветы которых и поныне являются яркими маяками, освещающими нам путь, которым мы должны следовать¹. В самом деле, вклад генштабистов в создание белых армий трудно переоценить.

Добровольческая армия

Добровольческая армия, ставшая основой антибольшевистских формирований Юга России, была создана несколькими группами офицеров Генерального штаба. Ветеран Белого движения на Юге России полковник С. Н. Ряснянский вспоминал о первых добровольцах, что «лишь офицеры Генерального штаба знали друг друга еще раньше, кто по академии, кто и по службе во время Великой войны»². Другой мемуарист отметил, что это были прежние офицеры Генштаба, «не изменившие даже своего внешнего облика»³. Основу армии составила организация генерала

¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 50.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 102.

М.В. Алексеева, прибывшего в Новочеркасск 2 ноября 1917 г., в том числе в сопровождении выпускника академии полковника П.А. Веденяпина¹.

Участники Алексеевской организации съезжались на Дон, в Новочеркасск. Генштабист Г.П. Апрелев писал об этом брату в конце 1917 г.: «Новочеркасск походил на военный лагерь. Всюду видны были погоны офицеров, юнкеров, кадет и казаков. Многие были вооружены, и все это производило бодрящее и радостное впечатление. Правда, несколько излишняя утрировка в вооружении, слишком заломленные фуражки и папахи и др[угие] дефекты бросались в глаза всякому военному и показывали, что и здесь идет импровизация, что нашей старой дисциплинированной армии больше нет, но все же общее впечатление после грязи и разнузданности Малороссии было прекрасное»².

Другой составляющей была группа офицеров – участников выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., позднее оказавшихся в заключении в городе Быхове и выпущенных оттуда по приказу генерала Н.Н. Духонина. Разными путями они пробрались из Быхова в Новочеркасск, где с ноября 1917 г. под прикрытием донской казачьей власти во главе с атаманом генералом А.М. Калединым начали формировать новую армию против большевиков. Каледин, Алексеев и Корнилов образовали своеобразный триумвират вождей, руководивших антибольшевистским движением на Юге России в конце 1917 – начале 1918 г. Расчет М.В. Алексеева на возможность развертывания успешной борьбы с Дона и Кубани оказался верным – именно на Юге России сложился наиболее мощный центр Белого движения.

Непосредственно во главе Добровольческой армии с самого ее основания стояли генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин. Все трое были выдающимися офицерами Генерального штаба, но каждый обладал своими особенностями. Так, Алексеев был крупнейшим стратегом и военным администратором России, но для многих являлся фигурой одиозной, ассоциировавшейся с вынужденным отречением от престола императора Николая II, произошедшим, по сути, благодаря позиции Алексеева. Не случайно на могиле Алексеева в Белграде во избежание осквернения ее монархистами долгое время было выбито только его имя «Михаил» без фамилии. С другой стороны, многие офицеры ехали на Дон, ориентируясь на присутствие там авторитетного Алексеева.

Алексеев обладал сложным характером, из-за чего не все могли с ним сражаться. Проводив в 1912 г. своего начальника штаба Алексеева в Смоленск на должность командира XIII армейского корпуса, командующий войсками Киевского военного округа генерал Н.И. Иванов вошел в кабинет, перекрестился на образа и сказал: «Слава Богу, избавился от профессора! Поверьте мне, как мне было тяжело работать: он все время учил меня, почти ни с одним моим предложением не соглашался, а обидчив до крайности; чуть-что не по его, он переходит на тон “как изволите приказать”. Просто неумоготу было с ним работать; ну, теперь, слава Богу, будет легче, Владимир Михайлович (Драгомиров) совсем другой

¹ Шапрон дю Ларре А. Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году / публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 157.

² BAR. Iu. P. Aprelev manuscripts.

человек»^I. По оценке генерала Б. С. Стеллецкого, «ген. Алексеев был оригинальный тип. Он за целую жизнь не написал ничего; армейский офицер, не знающий ни одного иностранного языка, совершенно лишенный ораторского таланта, он питался идеями своего полкового товарища ген. Борисова – полусумасшедшего аскета, Алексеев не выносил людей с личным “я” и по силе возможности их старался удалить»^{II}. К концу 1917 г. состояние здоровья 60-летнего Алексеева, видимо, было не лучшим. Во всяком случае, по пути на Дон он вел себя крайне странно в отношении конспирации, отправил семье из Курска телеграмму и несколько раз едва не был разоблачен^{III}, а на Дону его воспринимали как старика^{IV}. Как впоследствии отмечал Б. А. Энгельгардт, «Алексеев не мог себе представить, что большевики, в которых он видел главных виновников разрушения армии, смогут построить новую, еще более совершенную армию»^V.

Другим вождем Добровольческой армии являлся Корнилов – талантливый генштабист, прекрасный знаток Азии, храбрый и решительный офицер. Его восхождение на всероссийский Олимп произошло на волне популярности в связи с побегом из австрийского плена. В 1917 г. Корнилов проявил себя как рьяный противник монархии. Не чужд он был, видимо, тщеславия. С другой стороны, из всех троих отцов-основателей Добрармии именно Корнилов представляется безусловным лидером, способным соперничать в харизме с большевистским вождем Лениным и поднять массы на борьбу. Корнилова считали более демократичным генералом, чем Алексеева. Важным фактором начального периода Белого движения на Юге России стали натянутые отношения между Корниловым и Алексеевым. Сторонники Алексеева считали, что провал дела Корнилова в 1917 г. по причине плохой подготовки не давал «уверенности в строгом расчете всех действий генерала Корнилова и в его умении не поддаваться на авантюру»^{VI}. Генерал С. М. Трухачев вспоминал о заигрывании Корнилова с армией: «Лично я считал и теперь продолжаю считать, что Корнилов принадлежал к той категории начальников, которые, зная обычное нерасположение строевых частей к штабам, стараются держать свой штаб в черном теле, чтобы создать впечатление в войсках, что их штабы выполняют только их предначертания и которые они лишь терпят как неизбежное зло. Я заметил, что особенно велик процент таких начальников из офицеров Генерального штаба, да это и понятно – их легче всего могут обвинить в излишнем расположении к штабу»^{VII}.

Деникин в отличие от Алексеева и Корнилова политического опыта и веса не имел. Он являлся, прежде всего, опытным военачальником, более склонным к строевой, чем к штабной службе. Некоторые мемуаристы из числа офицеров Генштаба были склонны скептически оценивать его служебные качества. Так,

^I ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 3. Л. 18об.

^{II} Там же.

^{III} Шапрон дю Ларре А. Г. Воспоминания о выезде из Петрограда... С. 156–157.

^{IV} Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 619.

^V Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020. С. 391.

^{VI} ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 76; Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М., 2018. С. 109.

^{VII} ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 147; Первые начавшие. С. 180.

генерал В.Е. Флут писал о нем в 1937 г. генералу В.В. Чернавину: «Я склонен думать, что в чисто военном отношении он не лишен способности быть отличным корпусным командиром и даже неплохим к[омандую]щим армией. Для поста главн[ок]омандующего его способностей, по-моему, не хватает, а тем более для главного начальника или диктатора обширного края»¹.

По поручению Алексеева штаб Алексеевской организации, позднее превратившейся в Добровольческую армию, в ноябре 1917 г. формировал генерал И.Г. Эрдели. Штаб располагался в Новочеркасске, вдали от центра города, в небольшом двухэтажном доме на улице Барочной, 36 и первоначально состоял из четырех отделений: укомплектований (полковник К.К. Дорофеев), формирований (полковник (впоследствии генерал) С.М. Трухачев), инспекторского (полковник князь А.А. Гагарин (негенштабист), затем – начальник общего отдела) и по выработке уставов и наставлений (полковник П.А. Веденяпин – негенштабист). Более законспирированным оставался штаб самого генерала Алексеева, располагавшийся в банке на улице Комитетской и сосредоточивший оперативные, разведывательные и политические функции.

К 15 ноября 1917 г. Алексеевская организация в Новочеркасске имела следующую структуру (табл. 42).

Таблица 42

Схема организации кадров по воссозданию русской армии к 15 ноября 1917 г. в Новочеркасске¹

Глава организации генерал М. В. Алексеев					
Хозяйственная часть генерал Е. Ф. Эльснер, Л. В. Половцев	Строевая часть полковник П. А. Веденяпин, капитан Шатилов Бюро записи	Разведка / контр- разведка полковник Д. А. Лебедев	Связь с донским атаманом подполковник Я. М. Лисовой	Секретарь- адъютант ротмистр А. Г. Шапрон дю Ларрэ	Наблюда- ющий генерал И. Г. Эрдели

С прибытием 6 декабря 1917 г. в Новочеркасск генерала Л.Г. Корнилова организация вышла из подполья, штабы Алексеева и Эрдели были расформированы, а вместо них возник единый штаб Добровольческой армии. Объединение Алексеева, Корнилова и Каледина произошло под давлением со стороны московских общественных деятелей, обещавших поддержку лишь при условии совместной работы генералов². Поначалу штаб состоял из двух отделов – строевого и снабжений. Строевой отдел, которым руководил И.П. Романовский, включал 9 отделений: оперативное (ротмистр Г.П. Апрелев, полковник В.П. Барцевич); разведывательное (подполковник В.П. Баркалов – негенштабист); контрразведывательное (корнет Гладкий, капитан Капелька – негенштабисты); морское (старший лейтенант

¹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 104.

² РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 90.

³ «Оттянуть Гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 18; Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 280.

Н. Л. Поздеев – негенштабист); связи (полковник Л. Н. Трескин – негенштабист); формирований (генерал С. М. Трухачев); укомплектований (полковник И. Ф. Патронов); инспекторское (полковник князь А. А. Гагарин – негенштабист); судное (полковник Л. И. Сазонов, генерал И. А. Ронжин – негенштабисты). Комендантом штаба был полковник Е. М. Дейло (негенштабист). Отделом снабжений руководил генерал Е. Ф. Эльснер.

Полковник И. Ф. Патронов вспоминал о своем приезде в Добровольческую армию: «После обычного представления Корнилов, подавая мне руку, еще раз переспросил мою фамилию, повторил ее и, обращаясь к ген. Романовскому, сказал: “Ну, вот видите, к нам начинают прибывать и офицеры Ген. штаба, все будет как полагается”»¹. Таким образом, Корнилов воспринимал немногочисленных пока еще генштабистов в рядах добровольцев как неотъемлемую часть полноценной будущей армии. Позднее, когда стал ощущаться переизбыток старших офицеров при нехватке рядовых, отношение к поступавшим в Добрармию генштабистам стало меняться в худшую сторону.

Создатели Добровольческой армии рассчитывали сформировать 6–10 пехотных дивизий², однако для этого не имелось ни сил, ни средств. Из-за невозможности доверять революционизированным солдатам все младшие командные должности замещали офицеры.

Несмотря на выход из подполья, штаб армии продолжал формироваться конспиративно. Даже начальники отделений не знали, кто будет начальником строевого отдела и начальником штаба армии. Старшие начальники жили на нелегальном положении, а на службе появлялись только начальники отделов.

Почти одновременно с реорганизацией штаб переместился в новое помещение на углу Платовского проспекта и Атаманской улицы – в бывший Промышленный комитет возле Атаманского дворца. Это было двухэтажное обширное здание. Внизу разместился отдел снабжений, а наверху через лестницу в полу – строевой. По воспоминаниям генерала С. М. Трухачева, «вдруг, в один прекрасный день, когда мы сидели за своей работой, из щели в полу появился генерал Алексеев и за ним 5–6 неизвестных фигур в штатском... Среди них был невысокий человек в черном зимнем пальто с большим воротником, поднятым до самых глаз. На человеке была мягкая шапка, нахлобученная до бровей. Лица этого человека видно не было. Другое лицо было вроде англичанина, как его изображают на картинках для детей, оно было в зеленовато-сером клетчатом костюме и в бакенбардах. Далее были: какой-то юркий человек в костюме слесаря или железнодорожного рабочего, невысокого роста полный брюнет с бритой головой и генерал Романовский в военном полушубке без погон, но последнего мы уже встречали раньше, он иногда заходил в штаб Эрдели. Все эти люди уединились с генералом Алексеевым и о чем-то долго совещались, а через часа полтора-два так же безмолвно удалились в том же порядке.

¹ ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 73; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 14.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 44.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 14.

Мы были очень заинтересованы этим маскарадом и долго разгадывали, кто под ним скрывался. Первым был опознан генерал [С.Л.] Марков (костюм слесаря). Остальные были не узнаны.

Только на другой день, когда мы узнали, что командующим армией будет генерал Корнилов (тщательно скрывавший лицо), начальником штаба – генерал [А.С.] Лукомский (“англичанин”) и начальником строевого отдела – генерал Романовский, мы угадали первых двух из трех только что названных. Оставалось еще одно лицо, но и его мы скоро узнали – это был генерал Деникин^I.

В офицерской по своему характеру армии некоторые генштабисты поначалу не имели работы. Генерал М.В. Алексеев пытался их чем-либо занять. Не случайно в его записной книжке отмечено: «Офицерам Ген. шт[аба] вести также занятия и читать лекции. Сделать обязательным, а не спорадическим. Иначе существование бесцельное»^{II}. К сожалению, данных о том, было ли что-то в этом направлении сделано, в нашем распоряжении нет.

Не подлежат сомнению высокая профессиональная компетентность и военно-административный опыт основоположников Добровольческой армии. Генералы М.В. Алексеев, А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, А.С. Лукомский обладали опытом работы на высших военно-административных постах в старой армии, в том числе в должностях Верховного главнокомандующего (Алексеев, Корнилов) и начальника штаба Верховного главнокомандующего (Алексеев, Деникин, Лукомский). Тем не менее слабым местом новой армии являлось стремление генштабистов работать по-старому. Как писал князь Г.Н. Трубецкой, «организация разведки и штабов была совершенно неудовлетворительна. Наши генералы и офицеры Генерального штаба не привыкли мыслить организационно иначе, как в рамках старой армии, в которой насчитывались миллионы людей. Вся Добровольческая армия, которая далеко не дошла до размеров полного боевого состава одного пехотного полка, имела штаб в 150 человек. Во главе штаба стоял такой умный человек, как Лукомский, но и он не мог отрешиться от привычных ему масштабов»^{III}. Когда генерал Л.Г. Корнилов потребовал сократить штаб на четверть, Лукомский был в отчаянии.

14 января 1918 г. штаб Добровольческой армии переехал из Новочеркасска в Ростов-на-Дону, где расположился в особняке Н.Е. Парамонова. Полковник И.Ф. Патронов вспоминал о первых шагах штаба Добровольческой армии после переезда в Ростов: «Мы же составляли в сущности большой штаб не столько боевого, сколько административного и организационного характера. Как и все новые штабы, он имеет тенденцию быстро расширяться. В начале в моем 1^м отделении, т[ак] наз[ываемых] укомплектований, был я и 1 помощник. Ныне у меня 2 помощника (Ген. шт[аба] подполк[овник] Д.Н.] Сальников и артиллерии подполк[овник] Г.И.] Гринкевич-Судник), 2 обер-офицера и машинист. Каждый день возрастает количество работы»^{IV}.

^I ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 73–74; Первые начавшие. С. 107.

^{II} Алексеев М. В. Записная книжка 1917–1918 гг. / публ. Л. Ф. Павликовой // Записки отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 346.

^{III} Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд (1917–1919) // Князья Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 62.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 54.

По некоторым данным, германская агентура и большевики вели наблюдение за штабом^I. Численность армии к этому времени составляла около 5000 человек. При этом в Ростове-на-Дону находилось до 15 000 офицеров, не желавших идти в Добровольческую армию. Там же располагался штаб генерала Деникина, занимавшийся уже сформированными частями и операциями на фронте, т.е. выполнявший функции полевого штаба. При встрече с известным ученым и политиком П.Б. Струве в начале февраля 1918 г. Деникин сказал: «Если мне дадут 30 тысяч таких бойцов, какие теперь сражаются под Таганрогом, я с ними завоюю всю Россию»^{II}. Разумеется, таких кадров белые не имели, а по мере роста численности Добровольческой армии стало падать качество личного состава.

Начальником штаба армии был генерал А.С. Лукомский, которого 2 февраля 1918 г. сменил товарищ Деникина – генерал И.П. Романовский, ранее начальник строевого отдела штаба. Этот отдел долгое время заменял в штабе армии отсутствовавший отдел генерал-квартирмейстера. Лукомский стал представителем армии при донском атамане. Должность начальника штаба первое время тяготила Романовского, тем более что стали ухудшаться его отношения с Корниловым^{III}.

Начальником строевого отдела штаба вместо пошедшего на повышение Романовского стал генерал-майор С.М. Трухачев. Возникший при реорганизации оперативный отдел возглавил подполковник Д.Н. Сальников. Отделом формирования руководил полковник В.П. Барцевич, контрразведывательным отделом – подполковник С.Н. Ряснянский. Штаб-офицерами для поручений служили полковник И.Ф. Патронов и подполковник А.А. Колчинский. Всего в штабе армии, включая командование, значились десять генштабистов^{IV}. По данным А.Г. Кавтарадзе, в 1-й Кубанский (Ледяной) поход в составе Добровольческой армии выступили только 24 офицера Генштаба^V.

Создатели Добровольческой армии при ее формировании столкнулись с немалыми трудностями. Достаточно отметить, что в январе 1918 г. до четверти всего состава пятитысячной армии составляли служащие штабов и тыловых учреждений^{VI}. По свидетельству полковника И.Ф. Патронова, «от 8 до 2^х я работаю в какой-то сутолоке: то давай справки начштабу, генкварму, то разговаривай с просителями, то отправляй агентов. Около 3^х час. мы обедаем по-юнкерски, даже и меню весьма похожие, а в 5 опять идешь в штаб, где уже при спокойной обстановке (нет просителей и вообще посторонних) работаешь до 8–9 веч[ера] (ген. Корнилов и Романовский заняты с утра до ночи). Работа наша все же движается медленно».

Дело в том, что масштаб наш велик, а жизнь идет быстрым темпом и требует ответов немедленно. Как самые простые, так и самые сложные вопросы по укомплектованию

^I ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 83–84.

^{II} Струве П. Б. «Русская свобода и Великая Россия»: Публицистика 1917–1920 гг. М., 2020. С. 253.

^{III} Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 232.

^{IV} Первые начавшие. С. 364–365.

^V Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 35, 227–230.

^{VI} Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 53

армии, возникающие в моем отделении, докладываются сначала генкварму ген. Романовскому, потом нач[альнику] штаба ген. Лукомскому и, наконец, ген. Корнилову. Бывает — наоборот, идут от Корнилова по тем же инстанциям и доходят до моего отделения для разработки и составления доклада. Проходят дни, иногда неделя, и нет ответа, нет решения, а тут возникают новые вопросы и т.д.

Ген. Романовский — человек идейный, честный и бесконечный труженик — обладал крупным недостатком, свойственным средним людям на больших постах. Он хотел все делать сам, обращая своих помощников в простых исполнителей и не давая им никакой инициативы. Этим он крайне тормозил работу, а сам все, естественно, сделать не мог. Я не был в состоянии подвинуть многих спешных дел и добиться своевременного ответа. Вскоре (в конце января) ген. Лукомский ушел: его заменил ген. Романовский без замещения должности генкварма. Стало быть, одна инстанция отпала, но и тогда было не легче^I. Таким образом, в новой армии стала возрождаться прежняя бюрократизация.

Романовский 27 января 1918 г. писал супруге о своем положении в армии: «Исчезнуть самому — это нетрудно, но когда на плечах несешь обязательства перед массой юнцов, то положение становится много хуже... стыдно сейчас сидеть сложа руки, когда Россия гибнет»^{II}.

Снабжение армии оставляло желать лучшего, что связывали также с привычкой снабженцев работать в дореволюционных рамках. Патронов вспоминал о начальнике снабжений генерале Е.Ф. Эльснере: «Это честнейший и благороднейший человек. Но он привык работать по распределению уже готового, заготовленного на местах особыми органами, когда аппарат до революции работал удовлетворительно. Ныне же требуется, главным образом, достать, а достать негде. И денег мало, и нужных предметов нет. В результате наши бойцы на фронте не получают регулярно горячей пищи, плохо одеты и обуты, когда в поле морозы доходят до 10° при сильном ветре. Раненые обмораживаются или простуживаются и по дороге умирают. Их привозят на вокзал, а кормить нечем. Только на днях ростовские дамы догадались организовать на вокзале питательный пункт. Еще хуже в лазаретах, где не топят (нет дров), не хватает медикаментов и не налажено довольствие...»^{III}

Развернуть масштабную армию не удалось. Казачество, в большинстве своем, не хотело воевать. Чувство одиночества в борьбе привело донского атамана А.М. Каледина к самоубийству 29 января 1918 г. В связи с неудачей борьбы с красными на Дону Добровольческая армия была вынуждена покинуть Ростов и уйти на Кубань — в 1-й Кубанский поход. Генерал Романовский был против ухода армии на Кубань и предлагал выждать в Донской области. Перед уходом на Кубань в штабе армии во избежание утечки информации уничтожали документы. Вспоминая об уходе на Кубань, Д.Н. Сальников писал: «Куда мы идем, надолго ли уходим — об этом никто не знал и не заикался. Как будто было неловко касаться этого вопроса»^{IV}. Об этом писал не прапорщик, а один из ответственных оперативных работников штаба армии.

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 56–57.

^{II} Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. С. 230–231.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 72.

^{IV} ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 92; Первые начавшие. С. 126.

Как справедливо отмечал генерал Н.Н. Головин, перефразируя известное высказывание Деникина о походе армии «за синей птицей»: «Стратегия “погони за синей птицей” — плохая стратегия; в крайней своей форме она напоминает Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами»^I.

Определенного плана действий в штабе армии не было, разведка организована не была, информации о внешнем мире практически не имелось, руководство в своих решениях нередко основывалось на слухах, подробная карта имела только у самого Корнилова, причем ежедневно вечером с нее перечерчивалось 15–20 схем на ближайший период, которые рассылались частям вместе с приказами. Лишние копии оставлялись для штаба^{II}. До штурма Екатеринодара в штабе армии не имелось ни одного телефонного аппарата, не было писарей и пишущих машин.

Существовали фантастические предположения о захвате Кубани и соединении с мифическими отрядами генерала И.Г. Эрдели (генерал там находился только в роли наблюдателя и отрядов не формировал), о наступлении на Кубань в эшелонах, всерьез обсуждалось предложение отсидеться на Кубани около месяца, пока большевизм не исчезнет сам собой, и т.д. На самом деле вопрос стоял только о сохранении ценнейшего кадра из тех нескольких тысяч офицеров-добровольцев, которые по идейным соображениям поступили в армию. Кубань давала выход к Черному морю, связь с союзниками и опору на кубанское казачество. Лишь в отдаленной перспективе белые стратеги надеялись создать более мощную вооруженную силу, и эти надежды оправдались.

Удивительные картины представлял собой Ледяной поход Добровольческой армии. В условиях нехватки нижних чинов и переизбытка офицеров последние выполняли несвойственные им функции. Например, обычным делом было отправить в дозор офицеров Генерального штаба^{III}. Полковник В.П. Барцевич случайно наткнулся на красных и от неожиданности ударил одного из них стеком, а остальные убежали^{IV}. Генштабисты лично проводили рекогносцировки, проверяли проходимость рек^V. Результатом такого применения кадров стали многочисленные ранения и гибель представителей военной элиты. Из генштабистов в период Кубанского похода был убит генерал Корнилов, ранены генералы Романовский (в ногу, остался в строю) и Б.И. Казанович (в плечо, пробита лопатка), полковник И.Ф. Патронов (при докладе Корнилову ранен в голову, потерял глаз).

В станице Ольгинской штаб армии был сокращен. По-прежнему сохранялись строевой отдел и отдел снабжений. Штаб армии обычно работал до часа ночи, вставали в 5–5.30 утра, по занятии каждой станицы «все начальствующие лица собирались в правлении, здесь разбирались по своим районам, докладывалось о происшествиях дня, и отдавались распоряжения на ближайшее будущее»^{VI}. Штаб был небольшим: 5–6 генштабистов выезжали в строй, еще 3–4 ездили в обозе, занимались бумажной работой и выполнением чертежей. Ежедневно двое генштабистов отвлекались для квартирмейстерской службы, еще один-два получали особые

^I Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М., 2011. Т. 1. С. 480.

^{II} ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 126.

^{III} Там же. Л. 114.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 557. Л. 25.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 107.

^{VI} ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 134; Первые начавшие. С. 167.

задания — рекогносцировки, объезды охранения и т.п.^I По мнению полковника Трухачева, «люди все были очень скромные и чуждые стремлений к каким-либо влияниям. К тому же штаб был все время занят»^{II}. Вечером заготавливались распоряжения на следующий день, вручную копировали в 12–15 экземплярах.

Армию, на две трети состоявшую из офицеров, отличал высокий боевой дух. 1-й Кубанский поход дает множество примеров героизма личного состава армии. Стратегические разногласия в руководстве армии проявились по вопросу о необходимости штурмовать Екатеринодар. Взятие столицы Кубани, по мнению генерала Романовского, давало возможность провести успешную мобилизацию казаков, прибавляло армии авторитет. С другой стороны, для штурма требовались значительные силы, а сам штурм мог быть сопряжен с серьезными потерями, опасными ввиду малочисленности Добровольческой армии. И действительно, штурм окончился неудачей. К тому же в бою погиб командующий армией генерал Л.Г. Корнилов, которого сменил генерал А.И. Деникин. Генерал И.Г. Эрдели записал в дневнике в конце похода: «Самое плохое то, что в самом штабе у Деникина половина удрала. После Корнилова к Деникину не стало ни привлекательности, ни преданности»^{III}. Бывший гвардейский кавалерист Эрдели был настроен против армейца Деникина, которого считал «грубым хамом, малокультурным и эгоистичным до крайности», хотя и признавал его военные способности^{IV}.

Организационно армия перед штурмом Екатеринодара состояла из двух пехотных и одной конной бригад^V. Всего за время 1-го Кубанского похода с 9 (22) февраля по 23 апреля (6 мая) 1918 г. штаб армии сделал 907 верст в 33 перехода, проведя в походе 74 дня, из которых 42 в боях^{VI}. Всей армией за 80 дней было сделано 1050 верст, а бои велись 44 дня^{VII}. Потери достигали 40% первоначального состава. Известие о том, что на Дону готовится антибольшевистское восстание, привез в армию полковник В.П. Барцевич.

Антибольшевистские формирования на Румынском фронте стали создаваться после совещания офицеров Генерального штаба с участием полковника М.Г. Дроздовского в ноябре 1917 г. В марте — мае 1918 г. отряд добровольцев под командованием Дроздовского (более 3000 человек) совершил 1200-верстный поход Яссы — Дон, соединившись в результате с Добровольческой армией и значительно усилив последнюю. Генштабисты играли важную роль в походе. Среди них сам Дроздовский (командир отряда), полковник М.К. Войналович (начальник штаба отряда, погибший в конце похода, во время боя за Ростов-на-Дону), полковник Г.Д. Лесли (помощник начальника штаба и начальник штаба отряда), капитан П.В. Колтышев (оперативный адъютант отряда). В связи с приходом на Дон отряда Дроздовского

^I ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 148; Первые начавшие. С. 181.

^{II} ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 147; Первые начавшие. С. 181.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 42; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 137.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 36.

^V Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1. С. 59.

^{VI} ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 158; Первые начавшие. С. 192.

^{VII} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 340; Скидан Н. В. Список участников Первого Кубанского генерала Корнилова похода. Нью-Йорк, 1971. С. XI // HIA. Kornilovskii udarnyi polk. Box 1. Folder 7; Бортневский В. Г. Избранные труды. СПб., 1999. С. 349.

и победой казачьего восстания на Дону положение Добровольческой армии улучшилось. Однако белому командованию оказалось затруднительно найти общий язык со своими союзниками по борьбе.

На Кубани в конце 1917 г. возник свой очаг антибольшевистского сопротивления. Здесь функционировал Войсковой штаб Кубанского казачьего войска во главе с полковником Н.М. Успенским. Борьба с большевиками велась под руководством штаба главнокомандующего вооруженными силами Кубанского края подполковника В.Г. Науменко при главнокомандующем генерал-майоре К.К. Черном. Позднее этот пост занимали генералы Н.А. Букретов и И.Е. Гулыга. В штабе функционировали отделения: оперативное (полковник И.А. Ребдев), разведывательное (полковник Н.П. Лесевицкий), общее. Заведующим передвижением войск Кубанского края с декабря 1917 г. являлся капитан К.Л. Капнин¹. В начале 1918 г. кубанские генштабисты в основном присоединились к Добровольческой армии. По данным на середину 1918 г., представители Кубани, в частности Л.Л. Быч, по мере возможности агитировали уроженцев региона из числа генштабистов поступать на службу в кубанские части ввиду намечавшегося создания особой Кубанской армии². Н.П. Лесевицкий возглавил отряд «Спасения Кубани», боровшийся с красными.

По свидетельству генштабиста С.Н. Ряснянского, после 1-го Кубанского похода было решено отдохнуть, чтобы позднее при первой возможности продолжить борьбу с большевиками, причем офицер прямо отметил: «Плана боевых действий пока не намечалось»³. В мае 1918 г. в Добровольческой армии имелись две пехотные (под командованием генералов С.Л. Маркова и А.А. Боровского) и две конные (под командованием генералов И.Г. Эрдели и В.Л. Покровского — негенштабиста) бригады, в июне — уже три пехотные (под командованием генералов Маркова и Боровского, а также полковника Дроздовского) и одна кавалерийская (под командованием генерала Эрдели) дивизии, общая численность войск достигала 9000 человек.

В первой половине 1918 г. офицеры составляли в Добровольческой армии 50–60 %⁴. Армия пополнялась благодаря сети центров и вербовочных бюро, расположенных в разных городах Юга России, в том числе на территории, которую белые не контролировали. Армейское руководство и лично генерал М.В. Алексеев разрабатывали планы переноса боевых действий за Волгу для восстановления Восточного фронта против большевиков и немцев, однако эти планы так и остались на бумаге.

В обстановке конфронтации с казачьими лидерами Дона и ощутимого немецкого присутствия поблизости Добровольческая армия ушла во 2-й Кубанский поход. Конфликтовавшее с Доном и враждебно относившееся к германцам добровольческое командование получало оружие (орудия, пулеметы) и боеприпасы с Дона, куда они поступали с санкции немцев с Украины⁵. Однажды в этой связи командующий Донской армией генерал С.В. Денисов, узнав, что его армию

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 12об. — 13об.

² Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 195.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 4.

⁴ Гагкуев Р. Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917–1922 гг.): дис. ... д. и. н. М., 2013. С. 247.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 39.

в штабе Добровольческой называли проституткой, заявил: «Если Донская армия — проститутка, то Добровольческая армия — сутенер, который пользуется ее заработками и живет у нее на содержании»^I.

Положение с кадрами Генштаба в Добровольческой армии постепенно улучшалось. Как вспоминал знаменитый генерал Я.А. Слащев о событиях лета 1918 г., когда ему пришлось занимать должность начальника штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, «штабной службы я никогда не любил, но тут должен был ее принять за отсутствием в Добр[овольческой] армии офицеров Генштаба, теперь же в связи с ее успехами и расширением района генштабисты стали прибывать, и мне явилась смена»^{II}.

Структура штаба Добровольческой армии усложнялась, приходя к виду структуры штаба армии, установленной «Положением о полевом управлении войск в военное время». Этот процесс шел на протяжении всего 1918 г. Сохранилось описание штаба Добровольческой армии в июне 1918 г. в станице Мечетинской, оставленное генштабистом А.В. Чернышом: «Если бы я не знал, что в станице штаб Добровольческой армии и часть ее самой, то по внешнему виду нельзя было и подумать, что все это тут. Ни особого движения, ни многолюдства, так свойственных средоточию таких центров, как высшее управление армией, ставка. Лишь на главной улице, на площади я увидел трехцветный русский флаг у здания Ставки командующего, почетных часовых, группки воинских чинов, офицеров, казаков, группки обозов... в штабе та же скромность, бедность, малолюдность. Всего три офицера Генерального штаба. Штат штаба сокращенный, слабо напоминавший нормальную организацию такового в минувшую Великую войну. Ни телефонов, ни телеграфов, ни вестовых, ни ординарцев — обычных атрибутов внешности штаба — ничего этого не было, а если и было где, то не было заметно, не бросалось в глаза. Все вмещалось в одном домике. В настроении лиц штаба замечалась какая-то тихая, не кричащая решимость борьбы и сильная вера в то, что большевики, по крайней мере в предстоящей операции, будут жестоко биты»^{III}.

Взаимодействие генералов, стоявших во главе Добровольческой армии, оставляло желать лучшего. Так, в мае 1918 г. (по старому стилю) А.И. Деникин направил генералу М.В. Алексееву на утверждение штаты управления армии и других структур, однако вплоть до 20 июля (2 августа) 1918 г. эти документы оставались не утвержденными. По этой причине офицеры и солдаты не могли получить деньги^{IV}. Подобная ситуация потребовала повторного обращения к Алексееву.

С самого начала Гражданской войны в руководстве Белого движения на Юге России стала складываться своеобразная иерархия. Определяющее значение для расстановки кадров и карьерного роста офицеров играли стаж их службы в Добровольческой армии и факт участия или не участия в 1-м Кубанском походе. Генерал А.К. Келчевский отмечал, что командный состав оказался разделен на «князей», «княжат» и «прочих». Под «князьями» понимались быховские узники — ближайшее

^I Чеботарев Г. Правда о России. М., 2007. С. 278. Также см.: Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 419.

^{II} Слащев Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть II / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2016. № 1 (15). С. 240.

^{III} Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 201–202.

^{IV} Лодыженский А. А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 132–133.

окружение генерала Л. Г. Корнилова, под «княжатами» — участники 1-го Кубанского похода (первопоходники), «прочими» же были остальные офицеры¹. Штаб армии был сформирован в основном из первопоходников. Присоединившиеся к армии позднее могли выдвинуться на руководящие посты с большим трудом безотносительно их квалификации.

Келчевскому вторил генерал Н. А. Обручев, слова которого изложил в своих воспоминаниях генерал П. И. Аверьянов: «В очень сдержанных выражениях, без малейшего желания кого-либо критиковать или осуждать, генерал Обручев так охарактеризовал общее положение и объяснил причины своего вынужденного бездействия: пока еще Добрармия не велика и не может вместить всех нас для активной работы; вполне естественно, что верхи ее подбирают своих людей, которым верят, которых знают, Добровольческая армия только и может быть крепка полным взаимным доверием; а потому в ней занимают ответственные посты “быховцы”, т. е. сидевшие с Корниловым и Деникиным в Быховской тюрьме, затем, на строевых командных должностях, участники “Ледяного похода”, т. е. первого Кубанского похода, наконец, лица, которые лично симпатичны Деникину и Романовскому, с которыми эти два вершителя судеб Добрармии имеют общие взгляды, общее мировоззрение, с которыми им легче работать и легче столкнуться; я исполнил свой долг и предложил себя в полное распоряжение Добрармии, но активной роли для меня не нашлось, а прикармливаться на счет нищей Добрармии, состоя в резерве ее чинов, я не считаю удобным...”² Те же оценки разделял генерал Д. Н. Воронец³.

Аналогичное свидетельство оставил генерал Е. В. Масловский: «С первых же дней прибытия в Добровольческую армию я очень скоро подметил, что во главе армии стоят люди не широкого государственного и военного кругозора, — люди, замкнувшиеся в небольшую, поставленную в привилегированное положение, группу лиц, — лиц, которые, арестованные при корниловском выступлении, сидели, арестованные, вместе с генералами Корниловым и Деникиным некоторое время в Быховской тюрьме, правда, в условиях не стеснительных, как я, сидевший за то же в одиночном заключении, — или которые участвовали в первом, неудачном, походе на Екатеринодар, под командой генерала Корнилова. Лица, принадлежавшие к этой группе, пользовались исключительными преимуществами; из их среды стремились выдвигать людей на все возможные командные должности, хотя бы выдвигаемые не обладали никаким командным стажем и опытом, никакими знаниями и были даже зачастую не кадровыми офицерами, а офицерами военного времени с маленьким военно-учебным багажом. Достаточно было принадлежать к этой категории лиц, чтобы быть выдвинутым на командные должности. И если это могло быть оправдано в самый первоначальный период, когда группа патриотов-добровольцев, весьма небольшая и не могущая быть названной армией, состояла в значительной мере из бывших кадет, гимназистов, студентов и простых казаков и солдат, а также молодых офицеров, несших службу рядовых, — то когда

¹ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 53.

² ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 103.

³ Там же. Л. 103об.

расширился несколько круг деятельности добровольцев, когда весть о начавшемся патриотическом движении против большевиков распространилась, и в район действий этой зачаточной Добровольческой армии устремились со всех концов офицеры всех степеней, возрастов, опыта и родов оружия, — такой порядок узкого преторианства был недопустим. Недопустим и вреден по многим причинам.

Прежде всего, не использовались должным образом квалифицированные начальники всех степеней, воспитанные в Русской императорской армии, традиции и национальные особенности которой создались славной двухсотлетней боевой деятельностью, — получившие громадный опыт в только что окончившейся большой внешней войне и которые только и могли внести должную организацию в случайные временные добровольческие образования.

Затем игнорирование при назначении на командные должности и, начиная с самых малых, служебного стажа, и достигнутого соответствующей службой чина нарушало основной принцип подчиненности всякой армии. Существовавший же порядок, по существу, был той же системой, которую применяли большевики.

Кроме того, игнорирование принципа служебного стажа и чинопочитания разрушало требующуюся во всякой армии дисциплину.

Наконец, эти все обстоятельства расхолаживали настоящий кадровый опытный офицерский состав в желании принять участие в этом патриотическом деле, где требовалась военная жертвенность, но где принижалось военное звание^I.

Подобные суждения рождались не на пустом месте. Вождизм был присущ мировоззрению белого офицерства и общества того времени. Подтверждение привилегий и иерархичности комсостава Добровольческой армии не по чинам, а по стажу находим в еще одном документе, автор которого, один из лидеров Белого движения на Юге России полковник М. Г. Дроздовский, сетовал на засилье первопоходников в армейском руководстве, тогда как «почти всех позже пришедших считали чем-то вроде париев. Их не назначали на ответственные должности, а или предлагали идти в строй рядовыми бойцами, или держали в резерве армии»^{II}. Он же отмечал, что в Добровольческой армии «встречали бездарных мальчиков на ответственных постах, замечательных только тем, что они первопоходники. Я думаю, что теперь в историческом освещении уже всем ясно, что пребывание на посту генерал-квартирмейстера полковника Сальникова, а на посту начальника санитарной части — [М. В.] Родзянко дорого стоили Добровольческой армии»^{III}.

Келчевскому, несколько дней ждавшему аудиенции в Екатеринодаре, Деникин отказал в приеме в Добровольческую армию в связи с его службой на гетманской Украине, «определенно дав мне понять, что я им неугоден и могу убраться на все четыре стороны», — рассказывал Келчевский генералу И. А. Полякову^{IV}. Нанесенная обида не забылась и в 1919 г., когда Келчевский стал одним из руководителей Донской армии и должен был взаимодействовать с деникинской ставкой. Очевидно, взаимная неприязнь отрицательно влияла на этот процесс.

^I Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1273–1274 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

^{II} РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

^{III} Там же. Л. 9–10.

^{IV} Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 428.

Келчевский критически отзывался о пребывании в Екатеринодаре осенью 1918 г.: «Впечатления, полученные мною от ориентировки, из опроса друзей, знакомых офицеров Генерального штаба (большая часть коих — мои бывшие ученики по Военной академии) и от всего, что я видел и слышал в Екатеринодаре, были неудовлетворительные.

Прежде всего, бросалось в глаза, что исполнение не соответствовало широте замысла. Был хаос, чеканка в отделке отсутствовала. Названия не соответствовали действительности, не было продуманности и точного расчета. Все производило впечатление какой-то игры в солдатики, а не серьезного дела. Твердая власть отсутствовала. Творчество было втиснуто в старые отжившие рамки и вместо широкого полета получались кургузые прыжки... Прием, сделанный мне — лицу, занимавшему один из высших постов в армии в период Европейской войны, мне, прибывшему в центр борьбы с большевиками и с открытой душой стремившемуся принять в этой борьбе посильное участие, огорчил меня до крайности. Огорчил, конечно, не в смысле уязвления самолюбия, нет, я был далек от того, чтобы ожидать какой-либо особой встречи, почета и знаков уважения. Но я вправе был ожидать теплоты и хотя бы участливого отношения к себе. Я думал, что если меня, бывшего командующего армией, имевшего за собою некоторый след от своей боевой и научной работы, встретили так неприветливо, или, выражаясь кадетским языком, — “мордую об стол”, то каковой же встречи могут ожидать те неизвестные труженики военного дела, которые, нося малый чин, но воодушевленные горячим желанием бороться за поруганную честь Родины, появлялись на екатеринодарском горизонте.

“Да,— говорили мне друзья,— здесь теплоты и радушия не жди. Здесь, а особенно в твоих чинах, будут смотреть на тебя как на врага или, вернее, как на человека, прибывшего чужими руками загребать жар”.

Я сперва не мог понять и найти причины столь недружелюбного отношения ко вновь прибывающим. Я с ужасом думал, неужели же и здесь, в этом святом и грозном деле, проявляет себя наша пагубная славянская черта — нелюбовь к единению. И я не ошибся. Как я уже писал, один молодой друг мой, занимавший в то время большой пост в Добровольческой армии, дал мне следующую характеристику армии и ее командного состава: “Здесь есть князья, княжата и прочая сволочь!”

“Князья — это бывшие узники Быхова, княжата — те, кто совершил 1^й Кубанский поход”, а прочая “сволочь” — все остальные”.

Горделиво относясь к пережитым нравственным и физическим мукам в Быхове и в Ледяном походе, сознавая свое нравственное первородство, они подозрительно и с недоверием относились ко всем остальным.

Указанные причины были главным основанием установившейся потом системы приема в Добровольческую армию вновь прибывающих из разных мест России офицеров. Все они должны были пройти через чистилище так называемого суда чести. На суде каждый должен был доказать, что он не верблюд и не заяц, а что такой же человек, как и все прочие, и что не только нужда, но и искреннее

¹ См. «Страничка из гражданской войны на Юге России» (примеч. А. К. Келчевского).

желание бороться против изуверов-большевиков заставляло их ценою подчас огромных испытаний пробираться в Добровольческую армию.

Я помню, с какою мучительной тоскою оскорбленного самолюбия, а подчас с каким раздражением говорили мне и другим знакомым генералы, штаб- и обер-офицеры о том издевательстве над личностью, которое они испытывали в этом так называемом чистилище. Не знаю на основании каких данных, но этот способ проверки нравственного облика офицерского состава приписывали творчеству начальника штаба ген. Романовского, и убежденность в этом была одной из главных причин той нелюбви, более того, той ненависти, которой пользовался покойный среди офицерского состава.

Наряду с указанной системой встречи вновь прибывающих бросалось в глаза и другое зло. Все хорошо знали, что большинство из прибывающих офицеров были в буквальном смысле слова нищие, потратившие нередко последние гроши, чтобы добраться до места, а между тем заботливость об их первоначальном устройстве отсутствовала¹.

Генерал А. И. Деникин впоследствии отметил, что Келчевский в связи с его деятельностью на Румынском фронте «был встречен в Екатеринодаре холодно: тотчас же уехал на Дон и стал вскоре нач[альником] шт[аба] Донской армии; но обиду затаил. Это сказывалось потом, помимо прочих причин, на отношениях между штабом армии и Ставкой. Фактически вел Донскую армию Келчевский»².

Генерал Е. В. Масловский испытывал похожие чувства, что и Келчевский: «Я уже подметил нездоровую атмосферу, царившую в Екатеринодаре, где главнокомандующий и его начальник штаба совершенно не стремились использовать старших начальников с прекрасным боевым опытом и репутацией, тогда уже начавших прибывать в район Добровольческой армии»³.

Опытный генерал Я. Ф. Шкинский также столкнулся с непониманием и безразличием в штабе Деникина. Он писал своему товарищу генералу П. И. Аверьянову 29 апреля 1923 г.: «После прихода Добровольческой армии предлагал свои знания и боевой опыт Деникину, предполагая, что Добровольческая армия нуждается в людях с большим военным опытом и честными взглядами, тем более что у меня были определенные сведения от моих бывших многочисленных сослуживцев и подчиненных, что в Добров[ольческой] армии командный состав был ниже всякой критики. По настойчивым убеждениям этих лиц я обратился к Деникину с предложением себя на пользу общего дела, предупредив, что не ищу никаких выгод, в доказательство чего просил отнюдь не назначать в резерв чинов, а если моя служба будет признана желательною, то дать назначение непосредственно. При этом я выразил желание служить в строю, а не по военной администрации. Деникин очень любезно согласился при предстоявшем развертывании армии воспользоваться моим предложением, но, конечно, из этого ничего не вышло, т. к. его злой гений, не тем будь помянут, Ром[ановск]ий, отклонял всякое участие людей знаний и опыта в столь

¹ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–17об.

² Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской Смуты». С. 28 // BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Folder 1.

³ Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1336 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

великом и ответственном деле, как спасение Отечества, считая это дело, очевидно, своим делом, а также, что в новые мехи нельзя вливать вина старого. Он забывал, что предложения со стороны некоторых лиц были совершенно бескорыстные. Я, напр[имер], не искал ни славы, ни почести, ибо моя репутация в армии царской была прочно укоренившеюся. Предлагая себя на служение святому делу, я сознательно брал на себя тяжелый крест и кроме терний ничего не мог ожидать на своем пути. Единственным тогдашним моим побуждением было сознание долга перед погибавшей родиной. Но обуявшая злого гения непомерная гордыня заставляла его отталкивать и не допускать до армии ничего порядочного старого (кроме обреченного на бездействие резерва чинов), чтобы избави Бог не смогли впоследствии сказать, что успех был достигнут благодаря опыту и трудам старого состава, а не гению их – новых выскочек и молодым, ничего не знавшим и ничего как следует не разумевающим сотрудникам. Что же могло от этого выйти хорошего, кроме развала и поражения армии?!! Ведь командный состав представлял собою полнейшее военное невежество, неуравновешенность, низкий нравственный уровень при необыкновенном самомнении. Немудрено, что кроме полного краха нельзя было ни на что надеяться. Мне это скоро сделалось вполне ясно!»¹

Иное свидетельство оставил курсовик полковник Е. Э. Месснер, по мнению которого «при генерале Деникине ответственные должности в армейских корпусах и дивизиях получали преимущественно кадровые офицеры (только в “цветных” дивизиях назначение шло обычно по собственной для каждой дивизии линии старшинства). Генерал Врангель считал, что офицеры старой выучки, вообще говоря, мало пригодны для командных должностей в войсках Гражданской войны: не только возраст, не только старые ранения делали их мало способными для предельно подвижной войны, но и полученное ими образование и приобретенные на внешней войне боевые и походные навыки мало годились для междоусобицы. Только особо талантливые из старых генералов и полковников могли приспособиться к новым условиям, к новой и “неправильной” обстановке военных действий. По той же причине должности Генерального штаба занимали, в большинстве случаев, мы, подростки этого “цеха”»².

В июле 1918 г. строевой отдел штаба Добровольческой армии был разделен на управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Генерал-квартирмейстером был назначен полковник Д. Н. Сальников, дежурным генералом – прежний начальник строевого отдела генерал С. М. Трухачев³. Начальником штаба армии оставался И. П. Романовский. Структура штаба стала упрощенно копировать устройство штаба неотдельной армии периода Первой мировой войны⁴. Назначениями генштабистов в Добровольческой армии ведал генерал-квартирмейстер.

Из-за ошибочной кадровой политики белый тыл оказался наводнен опытнейшими генералами, не получившими должностей и состоявшими в резерве чинов,

¹ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 206–206об.

² Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. С. 366 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3.

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 552.

⁴ Агеев С. А. Строительство аппарата военного управления Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). 2014. № 4 (42). С. 92.

а на руководящих постах зачастую оставались неподготовленные молодые офицеры, единственным достоинством которых было то, что они имели больший стаж службы у белых^I. К примеру, генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии полковник Д.Н. Сальников считался алкоголиком^{II}. По другой характеристике, Сальников — «весьма посредственный офицер Генерального штаба и вообще, выражаясь мягко, личность самая заурядная»^{III}.

Генерал Е.В. Масловский вспоминал: «В управление генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии я зашел лишь один раз и больше уже никогда не приходил. Посещение этого управления произвело на меня положительно гнетущее впечатление. Должность генерал-квартирмейстера, самую важную и ответственную в деле оперативного управления армией, исполнял полковник Сальников, как участник “Ледяного похода”, когда, по-видимому, не было ни одного опытного офицера Генерального штаба. Он не был настоящим офицером Генерального штаба, окончил во время войны ускоренные курсы при академии Генерального штаба для заполнения младших должностей Генерального штаба в низших войсковых штабах, не имел никакого служебного стажа, не имел никакого опыта службы большого штаба и к тому же имел чрезмерную слабость к употреблению спиртных напитков. И случайным обстоятельством участия в первом неудачном Кубанском походе на переломе 1917–[19]18 гг. оказался во главе такого ответственного управления и то лишь благодаря какому-то необъяснимому решению генералов Деникина и Романовского»^{IV}. Масловский не вполне точен в оценках (в частности, Сальников окончил полный курс академии мирного времени в 1912 г.), тем не менее ряд мемуаристов сходятся в критическом взгляде на Сальникова. В итоге этот офицер был снят со своей должности. Позднее он оказался у белых на Восточном фронте, где по колчаковской традиции назначать прибывших с Юга России на высшие посты занял должность начальника штаба фронта, но, как говорили, не принес пользы.

На смену Сальникову в ноябре 1918 г. пришел полковник Ю.Н. Плющевский-Плющик, добросовестный офицер со средними способностями, хотя и обладавший опытом работы 2-м генерал-квартирмейстером Ставки в 1917 г. Генерал В.В. Чернавин в этой связи констатировал, что «была же у Деникина полная возможность подобрать к себе в Ставку выдающихся офицеров Ген. штаба, талантливых, добросовестных, опытных. Выбор у него был большой, но нужны были “свои”. Вообще я пришел к заключению, что большим даром является умение выбирать помощников и сотрудников, нет, этим даром ни Деникин, ни Романовский не обладали»^V.

Оперативным отделением, входившим в управление генерал-квартирмейстера, руководил знавший Сальникова еще по академии полковник А.Л. Нелидов — «более способный и одаренный... но с преобладанием кавалерийской складки»^{VI}. В 1919 г. Нелидов перевелся в строй и вскоре неожиданно скончался.

^I РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 7об.

^{III} Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 221.

^{IV} Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1328–1329 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

^V ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 7об.–8.

^{VI} Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 221.

Генерал А. С. Лукомский писал начальнику штаба Добровольческой армии генералу И. П. Романовскому 10 (23) мая 1918 г. из Киева: «Если Добр[овольческая] армия способна к дальнейшей работе, то надо заняться и организаторской работой. В ближайшие дни (с [В. И.] Сидориным) пришлю список оф[ицеров] Ген. шт[аба], здесь имеющихся, дабы вы могли выбрать работников. Но надо иметь в виду, что надо в матер[иальном] отношении обеспечить существование семейств; если это не сделаете, то многие не пойдут»¹.

Генерал А. К. Келчевский критически писал об устройстве Добровольческой армии: «В этот, можно сказать, начальный период образования Добровольческой армии она представляла собою уродца с большой головой и животом и с малыми прочими членами организма.

Едва насчитывая в своем составе 10 тыс. человек, она обслуживалась огромными штабами, обозами, тыловыми управлениями, учреждениями и заведениями.

Получалось впечатление, что стремились возможно скорее образовать все органы управления для будущей грандиозной армии. Чувство действительности отсутствовало. Занимались самообманом.

Образовывали то, что легче всего организовать – штабы, управления и пр. Недостатка в офицерском составе для заполнения этих учреждений, конечно, не только не наблюдалось, но был огромный излишек.

Не подумав о том, как иначе использовать праздношатающийся штабной элемент, по шаблончику создавали совершенно не нужные и вредные для дела учреждения.

Творчество отсутствовало, да оно и не могло родиться, т. к. все дело находилось в руках отживших, не соприкасавшихся с быстротекущей жизнью военных чиновников.

Все их творчество свелось, в конце концов, к тому, что они сумели с особой яркостью осуществить на деле слова блаженной памяти Ру-Фузиляка: “Большие штабы, малые армии, большие обозы, малые способности... – большие поражения”.

И действительно, к началу 1920 года смысл этих слов средневекового писателя, осуществленных на деле нашими военными чиновниками, оправдался, приведя армию Юга России к той великой драме, последний акт которой разыгрался в Новороссийске»².

Свой стратегический план Деникин кратко изложил в письме генералу Н. А. Степанову в Сибирь от 8 (21) декабря 1918 г.: «Намеченный Добровольческой армией план будущих действий сводится к тому, чтобы под прикрытием союзнических сил, которые должны будут занять линию примерно севернее Киева – Чернигов – сев[ернее] Харькова (бывшая демаркационная линия Украины и Совдепии), произвести в течение зимы и весны 1918–1919 годов мобилизацию армии силою в 400 000 бойцов и совместно с Доном и другими силами, борющимися за идею единой, неделимой России, начать к концу весны 1919 года соединенное наступление на большевистские силы, имея конечной целью овладение Москвой для освобождения ее, а с нею и России, от кошмарной власти безумцев, разрушителей всего

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 34об.

² Ру-Фузиляк – французский военный писатель и переводчик.

³ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 17об. – 19об.

святого»^I. Главнокомандующий Добровольческой армией рассчитывал на взаимодействие с антибольшевистскими армиями Востока России и просил Степанова «при всякой возможности прилагать все усилия к объединению сил Сибири и Добровольческой армии»^{II}.

Показательно обсуждение Деникиным и Романовским кандидатуры генерала П. Н. Врангеля, которого уже после создания ВСЮР в начале 1919 г. хотели назначить командующим Добровольческой армией. Врангель присоединился к белым сравнительно поздно, но был выдающимся военачальником. Тем не менее его высокое назначение могло вызвать обиды, которых больше всего боялись белые вожди. В конце концов, Врангель все же был назначен командующим Кавказской Добровольческой армией. В результате в отставку ушел опытный военачальник, командовавший корпусом генерал Б. И. Казанович, другие, как писал Деникин, «поворчали, но подчинились»^{III}. Трудно представить, сколько талантливых офицеров не могли получить продвижения у белых из-за подобного «местничества». О невозможности аналогичных «обид» в большевистском лагере, где военспецов оценивали по их способностям и выдвигали представители политического руководства, а не сами военспецы, не приходится даже говорить.

Армия по-прежнему несла ничем не оправданные и не компенсируемые потери в высшем командном составе. Прежде всего, в тех людях, которые были фанатичными приверженцами идеалов Белого движения и делали все возможное для победы над большевиками. Летом 1918 г. погиб генерал С. Л. Марков, в конце 1918 г. был смертельно ранен и позднее скончался генерал М. Г. Дроздовский.

По свидетельству генерала В. А. Замбржицкого, служившего на белом Юге, подбор кадров Генштаба у белых не отличался продуманностью: «Мы вообще грешили в назначениях, но это отчасти происходило именно потому, что в Гражданской войне не всегда имелась возможность знать или собрать сведения о подходящих кандидатах. Прежняя система аттестаций сама собою рухнула, и если теперь не находилось человека, который мог бы замолвить словечко, то приходилось сидеть в тени и ждать у моря погоды»^{IV}.

Отдельные штабные офицеры поражали своей некомпетентностью. Так, по свидетельству генерала И. А. Полякова, полковник С. К. Бородин, начальник отдела связи Войскового штаба Донского войска, но при этом депутат Войскового Круга и председатель военной комиссии Круга, пользуясь депутатским статусом, пытался отдавать распоряжения вышестоящему начальнику – 1-му генерал-квартирмейстеру штаба. При этом для него «непосильной задачей являлось составление схемы телефонных и телеграфных линий, которые необходимо было построить, дабы обеспечить на Дону полную и надежную связь как штаба с фронтом, так и последних между собою, конечно, с наименьшими затратами средств и времени. Вместо этого он каждый раз представлял схему существующей связи»^V.

^I РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–4об.

^{II} Там же. Л. 4об.

^{III} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 117.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

^V Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 461.

Не имевший высшего военного образования лихой кавалерийский начальник генерал А.Г. Шкуро с уважением относился к генштабистам. По мнению генерала В.А. Замбржицкого, Шкуро трезво оценивал свои способности, полагаясь в оперативных вопросах на начальника штаба. Шкуро «никогда и не скрывал, что сам себя он расценивает не высоко. Мне лично приходилось слышать, когда начальник штаба тянул его с оперативным докладом к карте, Шкуро упирался, отбояриваясь словами: “Хера ли мне в вашей карте. Это дело ваше, господ моментов, смотреть в карту и заниматься писаниной, на то вы и офицеры Генерального штаба. Что нужно, то строчите, я подмахну, потому, я в этом деле ни хера (он говорил круче) не понимаю. Мое дело какое? Шашки выдержай и марш-марш в атаку. Вот это я умею, а карты?” Он не договаривал, но было ясно, что он питает и к картам, и к науке одновременно и уважение, и отвращение, и небрежение...»^I

Гражданская война позволила выдвинуться многим способным молодым офицерам, которые в условиях мирного времени или при соблюдении дореволюционных норм не могли рассчитывать на столь быстрый карьерный рост. Генерал В.Н. фон Дрейер справедливо отмечал, что в революционный период «законы были не писаны, и на высокие посты попадали вместе с очень способными офицерами молодые мальчишки, недавно выпущенные из академии»^{II}.

Как считал В.А. Замбржицкий, «даровитым офицерам Генерального штаба молодость не только не служила препойой, но, напротив, являлась источником бешеной энергии и сил, преодолевавшей все препятствия. Эти офицеры или гибли, или добивались своего. Гражданская война открывала такие перспективы молодым талантам, каких в Мировой войне не встретишь; естественно, что всякий, кто только чувствовал в себе хоть каплю военных дарований, стремился воспользоваться случаем и выявить себя»^{III}.

Наряду с этим встречались и впечатляющие исключения. Например, вместе с Замбржицким в академии учился гвардейский офицер В.К. Головкин, который был на два года старше Замбржицкого и окончил академию по 1-му разряду, но без причисления к Генштабу. Однако если к моменту их встречи весной 1920 г. Замбржицкий был уже почти два года генерал-майором, то Головкин дослужился лишь до капитана. По воспоминаниям генерала, ему было дико видеть своего товарища по академии в капитанском чине^{IV}. Нельзя в полной мере исключать того, что именно из-за такого «затирия» по службе у белых Головкин в том же 1920 г. оказался в Красной армии.

Другой отрицательной чертой кадровой политики белых было нерациональное наивно-идеалистическое стремление к «чистоте риз». Офицеры, переходившие из Красной или национальных армий, подвергались преследованиям, разжаловались в рядовые, были вынуждены проходить унижительные проверки и опросы об их отношении к белым и причинах позднего вступления в армию. Капитан К.Л. Капнин, прошедший через такой опрос летом 1918 г., отмечал: «Казалось бы, что здесь, где каждый человек на счету, не могло быть места высокомерию

^I ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

^{II} Дрейер В. Н., фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 149.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

^{IV} Там же. Л. 141–142.

и надменности. На самом деле было наоборот... Радостное настроение, с которым я ехал сюда, значительно померкло»^I.

Служившие у красных попадали под следствие. Абсурдность ситуации заключалась в том, что многие перебежчики искренне сочувствовали белым и стремились служить им верой и правдой, однако холодный прием пробуждал иные чувства. Наиболее известен случай с генералом Л.М. Болховитиновым – видным военным ученым и крупным администратором (в Первую мировую – начальник штаба Кавказской армии), разжалованным у белых за службу в Красной армии и вынужденным долгое время служить рядовым. Профессиональная квалификация Болховитинова оказалась невостребованной и была принесена в жертву абстрактным идеалам.

Дисциплинарные проступки и конфликты возникали часто на ровном месте. В ноябре 1918 г. при взятии Ставрополя I конным корпусом генерала П.Н. Врангеля и 1-й пехотной дивизией генерала Б.И. Казановича командиры не поделили трофейные автомобили, один из которых забрал себе штаб пехотной дивизии. Врангель направил Деникину и и.д. начальника штаба дивизии капитану К.Л. Капнину резкую телеграмму: «Удивляться грабёжам диких черкесов не приходится, когда офицеры, носящие мундир Генерального штаба, позволяют себе то же. Прошу главнокомандующего о предании Вас военно-полевому суду, как пример прочим, за присвоение принадлежащего мне автомобиля»^{II}. Капнин не сдержался и ответил старшему по чину не менее резко: «До сих пор радиотелеграф служил и, надеюсь, впредь будет служить средством для ориентирования в обстановке и для посылки приказаний и донесений, но не для посылки ругательств и угроз, как это было в Ваших радиотелеграммах...»^{III} К пикировке подключился и генерал Казанович, телеграфировавший Врангелю с копией Деникину: «Ввиду полного неприличия Ваших радиотелеграмм не нахожу возможным разбирать дела даже по существу»^{IV}. Врангель и Казанович даже ездили к Деникину, чтобы урегулировать конфликт. К обвинениям в захвате имущества прибавились обвинения в оскорблении, требования извинений и т.д. Впоследствии эта нелепая конфронтация привела к уходу из армии ценного для нее военачальника – генерала Казановича и к преследованиям по службе капитана Капнина.

Со взятием Екатеринодара, с августа 1918 г. резко возрос приток в Добровольческую армию офицеров Генерального штаба, что связано с общим расширением масштабов военного строительства белых. Среди поступавших в армию было особенно много генералов. В связи с переизбытком кадров начальник штаба армии генерал И.П. Романовский инструктировал представителей армии 20 сентября (3 октября) 1918 г.: «1) Необходимо направлять в армию обер-офицеров и солдат; из штаб-офицеров отправлять лишь тех, кои согласятся первое время быть на должностях младших офицеров; отправляемые штаб- и обер-офицеры должны иметь не свыше 40 лет от роду (имеющих свыше 40 лет брать с особым разбором); генералов, кроме получивших именные приглашения, вовсе не отправлять.

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 57об.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 385. Л. 3об.

^{III} Там же.

^{IV} Там же. Л. 4.

Штаб-офицеров Генерального штаба, если они не пожелают служить в строю (на должности помощника командира полка), также не направлять.

2) Офицеры Генерального штаба, служившие в украинской армии, лишаются раз навсегда мундира русского Генерального штаба; в случае прибытия таких офицеров в армию они могут поступать лишь на должности рядовых (сохраняя свои офицерские чины); то же относится и ко всем генералам (не только Генерального штаба), служившим в украинской армии после прихода немцев на Украину¹.

По данным списка офицеров Генштаба Добровольческой армии для выборов в суд чести, датированного 2 (15) октября 1918 г., в армии числились 86 офицеров². 48 офицеров состояли на должностях и 12 находились в распоряжении начальствующих лиц. На военно-административных и строевых должностях числились 11 офицеров (главнокомандующий, начальники дивизий, командиры бригад, полков и батальонов), на штабных — 35 офицеров (начальниками штабов дивизий служили 4 офицера, начальниками штабов бригад — 2 офицера; 22 офицера служили в штабе армии и в органах центрального военного управления, не считая состоявших в распоряжении; по специализации помимо оперативных работников: по разведке и контрразведке служили 5 офицеров, по связи и военным сообщениям — 2 офицера, по снабжению — 2 офицера), по одному офицеру находилось в военно-учебных заведениях и на гражданской административной службе.

Офицеры-добровольцы заключали четырехмесячные контракты, что представлялось крайне ненадежным способом удержать людей в армии. Тем более что Гражданская война затянулась, а красные с лета 1918 г. перешли к мобилизации бывших офицеров. В ноябре 1918 г. началась мобилизация всех штаб- и обер-офицеров до 40 лет. В декабре были отменены и четырехмесячные контракты. Позднее белыми предпринимались частичные мобилизации. Так, в январе 1919 г. такая мобилизация офицеров до 40 лет прошла в Крыму³. Однако множество офицеров от мобилизации уклонились.

После смерти генерала М.В. Алексеева 25 сентября (8 октября) 1918 г. структура военного управления Добровольческой армии стала следующей. Главнокомандующий — А.И. Деникин. Помощники — генералы А.М. Драгомиров (председатель Особого совещания (правительства)) и А.С. Лукомский (начальник военного управления). Начальником штаба оставался генерал И.П. Романовский. В качестве генерала для поручений при Деникине состоял полковник П.А. Кусонский. Штаб Добровольческой армии включал управления генерал-квартирмейстера (отделения: оперативное, разведывательное, контрразведывательное, военно-топографическое) и дежурного генерала (отделения: укомплектований, инспекторское, общее, наградное и судное⁴), инспекторов артиллерии, авиации и формирований. Вопросами обеспечения войск ведал главный начальник снабжений.

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

² РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178об.–179. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 535–538.

³ Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. Кн. 1. С. 15.

⁴ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.

К этому времени штаб Добровольческой армии уже был достаточно бюрократизирован^I. Как вспоминал служивший в нем полковник К.З. Ахаткин, работники штаба держались за свои «теплые» места и «желающих ехать на фронт из числа пристроившихся к штабу армии не было»^{II}. Получил распространение протекционизм при назначениях на руководящие посты. Ахаткину поначалу не досталось должности, и он служил рядовым в 1-м конном полку. Затем, устроившись в штаб Добровольческой армии, стал вести там журнал военных действий. «Работа была скучная, по старым сводкам восстанавливать прошлые действия мне совершенно не по характеру»^{III}. Также дежурил по оперативной части, но и эта работа его не удовлетворяла. Это свидетельство перекликается с наблюдениями ротмистра А.Л. Маркова (негенштабиста), который вспоминал о Добровольческой армии второй половины 1918 г., что «в расплотившихся, как грибы, штабах и управлениях сотнями засели офицеры Генерального штаба, о которых в тяжелых боях первого периода совсем не было слышно. Все это была публика с крупными аппетитами, отнюдь не склонная жертвовать собственными интересами в пользу общего дела»^{IV}.

По мере расширения подконтрольной белым территории создавались новые органы военного управления. Так, в декабре 1918 г. путем формирования управления начальника военных сообщений была создана служба военных сообщений Добровольческой армии^V, которую возглавил генерал Н.М. Тихменев — опытный администратор в этой области, занимавший до революции пост главного начальника военных сообщений Ставки.

Новые формирования страдали недугами старой армии. Организация штабов и атмосфера в них существенно различалась в зависимости от служивших там офицеров. Капитан К.Л. Капнин вспоминал о штабе 3-й пехотной дивизии: «Работы я никогда и нигде не боялся, но работать постоянно в атмосфере нервной и нетерпеливой было выше моих сил. Итак, первый мой блин в Добровольческой армии в рядах 3[-й] пех[отной] дивизии оказался большим комом»^{VI}. Резко контрастировал с предыдущим штаб 1-й пехотной дивизии, причем офицер осенью 1918 г. «сразу же был покорен царящей в нем атмосферой простоты и благожелательности, созданной начальником штаба, симпатичнейшим полковником Генерального штаба [К.И.] Гейдеманом, так трагически погибшим не далее как через месяц за Ставрополем. Начальником дивизии был благороднейший и прямой генерал Казанович, всеми подчиненными глубоко уважаемый и любимый. Все понимали, что под внешней грубоватостью скрывается в сущности золотое сердце. Понятие “долг” в высшем значении этого слова было для него не пустым звуком, а самым существом его натуры»^{VII}. Служил там и полковник А.Н. Кардашенко^{VIII},

^I Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 112.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 72.

^{III} Там же.

^{IV} Марков А. Л. Записки о прошлом (1893–1920). М., 2014. С. 613.

^V Гаврилов А. В. Неизвестная история. Служба военных сообщений белой армии в годы Гражданской войны. Саратов, 2021. С. 149–150.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 6.

^{VII} Там же. Л. 60б.

^{VIII} По характеристике К. Л. Капнина, «человек необычайной доблести, высокой культуры и доброты» (Там же. Л. 9). Кардашенко был «полным порывов, романтики и благородного честолюбия. Он обладал колоссальнейшей памятью и часто по вечерам в полутемной комнате передавал нам по памяти

причем Б.И. Казанович, Капнин и Кардашенко были знакомы по штабу 31-й пехотной дивизии в Первую мировую войну, «что еще больше упрощало наши отношения и служило залогом успеха работы»¹.

Полковник А.В. Черныш вспоминал о штабе 3-й пехотной дивизии осени 1918 г. (он служил помощником начальника штаба дивизии): «В штабе дивизии жизнь протекала тихо, праздну, только и было работы, что посылка 2–3 срочных донесений в штабе армии в несколько фраз, вроде: “На фронте 3-й дивизии спокойно” или “В 3-й дивизии без перемен”. Питались мы, офицеры штаба, отлично. Чудный кубанский пшеничный хлеб, сколько угодно мяса самого отличного качества, овощей, арбузов, дынь — тьма; при желании выпить — было сколько угодно спирта отличного качества»². В управлении дивизии было немало генштабистов — начальник дивизии М.Г. Дроздовский, начальник штаба Чайковский, его помощник А.В. Черныш и В.С. Махров. Однако дивизия держалась пассивно, что вызывало недовольство соседних начальников, в том числе не оканчивавших академий³. Замкнутый характер начальника дивизии М.Г. Дроздовского отражался и на стиле управления — даже начальник штаба не был осведомлен о его планах⁴. Белые генштабисты лично производили разведки и рекогносцировки, часто с большим риском для жизни.

30 ноября (13 декабря) 1918 г. была создана комиссия для рассмотрения проекта новой организации Добровольческой армии. 9 из 25 мест в комиссии были выделены генштабистам, в том числе посты председателя и делопроизводителя⁵. Армия разворачивалась. В ноябре 1918 г. в ее составе появились первые корпуса (к началу 1919 г. — пять корпусов), хотя их численность не соответствовала громким наименованиям. Полковник К.Л. Капнин впоследствии вспоминал: «Бумажные названия! Кого этим обманывал штаб генерала Деникина? Противника или себя?

Ведь мы не получили в состав 1[-го] арм[ейского] корпуса ничего, кроме 1[-й] пехотной дивизии, да и то дивизии только на бумаге»⁶. Должного единообразия частей и соединений достичь не удалось.

Бюрократизм захлестнул белые армии Юга России. Служба в штабе Одесской стрелковой бригады, по свидетельству офицера штаба К.Л. Капнина, имела «характер бумажной войны со штабом главнокомандующего Юго-Западным краем. Явление столь характерное для Гражданской войны»⁷. Войск практически не было, но штаб главнокомандующего уже был сформирован по штатам штаба

произведения любимых авторов. В особенности ему удавались произведения Чехова, которые он знал буквально наизусть. Его всегдашней мечтой была женитьба, но всю жизнь мешала этому служба, которой он отдавал себя целиком, будучи прекрасным строевым и штабным офицером. Теперь он считал себя безнадежным старым холостяком, не подозревая, что не далее как через месяц его мечта совершенно неожиданно осуществится в Екатеринодаре, куда он поехал в отпуск на несколько дней. Не знал, счастлив ли он был в своем коротком браке? Почти ровно через год он пал, зарубленный большевистской конницей под Ростовом, будучи командиром Черноморского стрелкового полка, на который он променял добровольно спокойное и безопасное место начальника штаба Черноморского военного губернатора» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л. 50б. — 6).

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 90б.

² Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 224.

³ Там же. С. 235.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Л. 91–91об.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 90б.

главнокомандующего фронтом. Вскоре штабные работники первыми бежали, бросив имевшиеся войска на произвол судьбы^I. Капнин вспоминал: «На меня царящая в нем (в вышестоящем штабе. — А.Г.) рутина производила самое угнетающее впечатление. Мы просили о вооружении, обмундировании — штаб только отписывался или отмалчивался»^{II}.

Генерал А.С. Лукомский справедливо сетовал на объективные сложности создания армии: «Вести правильно работу по формированию и организации армии в условиях Гражданской войны, не имея устроенного тыла и не будучи хозяевами на территории казачьих войск, было крайне трудно. В этой области ошибок было, конечно, много...»^{III} Уже летом 1918 г. белые стали проводить принудительные мобилизации в Кубанской области и в других районах, однако несовершенство аппарата управления приводило к тому, что 20–30% подлежащих призыву уклонялись или дезертировали^{IV}.

Использовался смешанный способ комплектования. Новые формирования создавались в тылу или прямо на фронте. В качестве пополнений использовались и военнопленные красноармейцы. Армия пополнилась в том числе нелояльным ей элементом, ухудшив качественный состав. Этому же способствовала и массовая гибель идейного костяка белых — офицеров и юнкеров, пошедших в Добровольческую армию с самого начала в 1917–1918 гг.

Белые обладали преимуществом в виде мобильной и подготовленной казачьей конницы, которой не было у красных. Однако в полной мере для решения стратегических задач воспользоваться этим не смогли, поскольку регулярную кавалерию на Юге России стали активно создавать лишь с лета 1919 г. Полковник А.А. фон Лампе, служивший в Кавказской армии белых, записал 31 июля (13 августа) 1919 г. в дневнике: «У нас в армии плохо. Конница Буденного, которая, по словам нашего недавнего сообщения, вышедшего из-под пера главноверхов, нами разбита, — настолько нас потрепала, что на военном совете в Камышине, где были собраны командиры корпусов, было решено, что армия бессильна и дальше наступать не может, необходимо подкрепить 6-й дивизией (полуоборванной) из тыла и ждать пополнений»^V.

В конце 1918 г. даже некоторые генералы Добровольческой армии сомневались в успехе борьбы. Генерал И.Г. Эрдели с тревогой записал в дневнике: «Если с нашей армией будет плохо, то тогда и нам умирать вместе с ней надо. Но не верю этому. Мы, наша горсть, спастись должны. Неужели все рухнет. А картина тяжкая: теперь кругом Дона и нас — море большевизма. Опять страшная борьба, и людей взять неоткуда. Дон и Кубань дали все, что могли. Если союзники и дадут снабжение, то нас мало слишком все-таки, хотя бы и с танками и аэропланами и прочими прелестями»^{VI}.

При всех сложностях, партизанском характере формирований и дефиците всего необходимого Добровольческая армия сумела продержаться до конца 1918 г.

^I Там же. Л. 15об.

^{II} Там же. Л. 9об.

^{III} Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. 1922. Т. 2. С. 200.

^{IV} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 118.

^V ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–28. С неточностями опубл. в: Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919.

Пути верных. М., 2021. С. 62.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 183.

и расширить свою территорию – в результате 2-го Кубанского похода белые взяли под свой контроль Кубань. Важнейшей военно-политической задачей командования белых на Юге России стало создание единого антибольшевистского фронта. Прежде всего, подчинение казачьих формирований. Решению этой задачи способствовали перемены в стратегической обстановке – в первую очередь поражение поддерживавшей донское командование Германии в Первой мировой войне, а также неудачи Донской армии в операциях против советского Южного фронта. В результате задача объединения командованием Добровольческой армии была решена на рубеже 1918–1919 гг. путем создания ВСЮР.

Донская армия

Донские офицеры, в том числе выпускники и слушатели Военной академии, не желавшие служить большевикам, в конце 1917 – начале 1918 г. пробирались на Дон, где формировался очаг сопротивления новой власти. Например, есаул М. С. Ушаков, учившийся на курсах 3-й очереди академии, вспоминал в 1919 г., когда занимал пост начальника штаба 7-й Донской пластунской бригады: «Курсы не были закончены мною, т.к. начались беспорядки в Петрограде и намечалось назначение курсистов в Советскую армию. 18–20 января [1918 г.] выехал из Петрограда и прибыл в Донскую область в первых числах февраля»^I.

В начале 1918 г. на Дону фактически действовали два казачьих штаба – штаб Походного атамана во главе с полковником В. И. Сидориным и Войсковой штаб во главе с полковником А. И. Бабкиным, между которыми происходили трения. Войсковой старшина З. А. Алферов вспоминал: «В штабе Походного атамана... сидело в одной большой комнате здания духовной семинарии пять (или шесть) “генерал-квартирмейстеров” – все в чинах капитана Генерального штаба. Это были [В. Е.] Роженко, [И. А.] Поляков, [Л. И.] Кирьянов, [А. В.] Говоров, [С. Н.] Ряснянский. Работа пошла складно, успешно, напряженным темпом»^{II}. В действительности чины этих офицеров различались. По воспоминаниям генерала И. А. Полякова (тогда – подполковника), назначенного начальником службы связи и начальником общего отделения штаба Походного атамана, в последнем «работа точно распределена не была. Отделы были необычайно многолюдны, в полном несоответствии с наличным количеством бойцов, и, как всегда при этом бывает, давали минимум полезной работы: каждый рассчитывал на соседа. Определенно никто не знал круга своей деятельности. Во многом сказывалась полная импровизация... во всем царил изрядный хаос и постепенно накапливалась масса нерешенных дел»^{III}. В оперативном отделении, например, «не знали ни количества войск, ни их точного расположения, ни их боеспособности, ни их нужд. События на фронте, боевые столкновения... – все развивалось и шло само собой независимо от влияния штаба, а скорее, по милости случая и счастья»^{IV}. В связи с занятием Донской области красными работа антибольшевистских казачьих штабов на несколько месяцев прервалась. Часть донских генштабистов ушла в Первый Кубанский и Степной

^I РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 221.

^{II} Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 144–145.

^{III} Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 152.

^{IV} Там же. С. 154.

походы. В Первом Кубанском походе участвовали неказачьи капитаны В.Е. Роженко и С.Н. Ряснянский. В Степной поход отправились генерал П.Х. Попов, полковники А.И. Бабкин, А.Ф. Гущин и В.И. Сидорин. Некоторые (например, войсковой старшина З.А. Алферов и подполковник И.А. Поляков) остались на Дону.

Весной 1918 г. началось восстание донских казаков. В нем принимали участие выпускники академии – генералы С.К. Бородин, Н.П. Калинин и А.В. Черячукин, полковник С.В. Денисов, подполковники П.И. Коновалов, В.К. Манакин, И.А. Поляков и Г.С. Рытиков, войсковой старшина З.А. Алферов. Поначалу в штабе составших во временно занятом ими Новочеркасске «не было даже клочка бумаги, карандашей, перьев, чернил, не говоря уже о картах, телефонных и телеграфных аппаратах»^I. В результате восстания, наступления германских войск и белых добровольцев полковника М.Г. Дроздовского красные оставили Новочеркасск и Ростов-на-Дону. Стали возрождаться казачьи органы власти, в том числе военное управление. Новым атаманом П.Н. Красновым с мая 1918 г. формировалась казачья армия. Ее основой послужили повстанческие казачьи дружины, выступившие против большевиков весной 1918 г.

Генштабисты в донских формированиях первоначально были единичны. И хотя специалисты Генштаба, присоединившиеся к повстанцам, активно взялись за формирование армии, поначалу для многих попросту не было работы. Симптоматично, что, например, генерал-лейтенант М.А. Свечин, не желавший занимать какую-либо должность, вначале исполнял в донском штабе обязанности писаря^{II}.

12 (25) мая 1918 г. штаб Донской армии был организован на регулярной основе. Войсковой штаб и штаб армии были объединены. Штаб включал управления 1-го (отделения: оперативное, разведывательное, топографическое, связи) и 2-го (отделения: организационное, строевое, техническое) генерал-квартирмейстеров и дежурного генерала (отделения: мобилизационное, 1-е и 2-е инспекторские, хозяйственное, судное, комендант штаб-квартиры). При штабе существовали управления начальника военных сообщений, начальника военных инженеров, интенданта, военно-техническое, военно-санитарное и военно-ветеринарное, артиллерии, военный суд и ликвидационная военная комиссия. Позднее управление 2-го генерал-квартирмейстера было упразднено с передачей структурных подразделений в другие управления.

1-м генерал-квартирмейстером был назначен подполковник Г.Я. Кислов, 2-м – генерал-майор М.Д. Райский (позднее – 2-м генерал-квартирмейстером стал генерал-майор Н.Н. Епихов, а Райский был назначен помощником начальника штаба армии). Дежурным генералом стал полковник Бондарев. Позднее получили назначения и начальники отделов. Командующим армией был назначен генерал-майор С.В. Денисов. Начальником штаба стал подполковник И.А. Поляков (впоследствии – генерал). Последний отмечал в воспоминаниях: «Приступив к формированию Войскового штаба, я встретил много труднопреодолимых препятствий. Главное затруднение состояло в том, что не было достаточно ни офицеров Генерального штаба, ни опытных штабных работников, а между тем обстановка была такова, что нужно было во что бы то ни стало не только организовать

^I Там же. С. 256.

^{II} Там же. С. 294.

штаб, но организовать его в кратчайший срок, и при этом так, чтобы его будущая конструкция отвечала бы всем задачам, могущим в соответствии с переживаемым моментом выпасть на штаб. Для этого требовались люди с большим опытом, энергией и личной инициативой, а таковых-то в тот момент на месте было очень мало. Приходилось довольствоваться тем, что можно было найти в то время в Новочеркасске^I. В новой армии было упразднено прежнее титулование офицеров, теперь Дисциплинарный устав предписывал обращаться со слова «господин», прибавляя к нему чин адресата.

Командовавший Северным Донским фронтом генерал-майор З.А. Алферов оставил подробное описание стиля управления войсками на Дону со стороны штаба армии в 1918 г.: «Было много “бумаги”. Бросалось в глаза обилие директив.

Командование наше, видимо, совершенно не учитывало, что управлять из Новочеркасска фронтами, растянутыми на сотни верст, было дело нелегкое и не искупалось обилием многочисленных и весьма пространных, подробных до мелочей, директив.

Фронтами можно было руководить лишь путем указаний, даваемых на известные периоды времени, охватывающие определенную операцию, или даже — целый период операций, и носящих название директив. При этом очевидно, подобные директивы могли появляться сравнительно редко. Они должны были лишь знакомить исполнителей с общей идеей операции, освещать исполнителям обстановку и отнюдь не указывать способов действия и частных целей отдельным фронтам, так как эти цели на тот промежуток времени, на который длится директива, могут меняться... Директивы же штаба Донской армии не были ясными, краткими, не были составлены в общих выражениях, а, напротив, были многословны, занимали подчас по несколько страниц и представляли собою весьма сложные приказы с часто непродуманными и фантастическими распоряжениями... командование Донской армией, в сущности, не только не управляло войсками, а наоборот, часто мешало им, связывая их инициативу. В конце концов, из обилия указанных директив нами бралось только главное и соответствующее обстановке и отмечалось все второстепенное. И это наблюдалось на всех донских фронтах^{II}.

Штабы командующих фронтами Донской армии могли включать оперативный и разведывательный отделы; строевую, инспекторскую, хозяйственную, санитарную и инженерную части, службу связи и топографическое отделение. Насколько можно судить, единообразия в их организационной структуре не было. Кроме того, взаимоотношения фронтов со штабом армии не всегда складывались конструктивно. Командовавший Северным Донским фронтом генерал З.А. Алферов впоследствии вспоминал о том, что со стороны штаба армии «много раз наблюдались придирки, задержки, отказы в моих законных представлениях и т.п.; и это, конечно, весьма вредно отражалось на общем деле борьбы с большевиками»^{III}. Штаб армии был слабо информирован о положении на фронтах^{IV}.

Вплоть до осени 1918 г. Донская армия оставалась наиболее крупной противобольшевистской вооруженной силой на Юге России. На Дону остро не хватало

^I Там же. С. 356.

^{II} Алферов З. А. Воспоминания. С. 269–271.

^{III} Там же. С. 269.

^{IV} Там же. С. 272.

кадровых офицеров, но, по-видимому, материальная сторона организации армии была на должной высоте. Атаман П.Н. Краснов вспоминал, что «штаб Донской армии, богато снабженный и блестяще оборудованный, щеголял точностью донесений, красотой исполнения схем, аккуратностью работы, чего нельзя было сказать про штаб Добровольческой армии»¹.

Проанализируем состояние кадров Генерального штаба Донской армии в 1918–1920 гг. Важные свидетельства об этом оставили офицеры штаба армии. Так, полковник В.В. Добрынин (в 1918–1920 гг. — начальник разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии) в целом невысоко оценивал уровень донских генштабистов. В письме генерал-лейтенанту А.К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. он отметил: «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило. Я увидел, что война дала так мало, что мне стало больно. Кроме кордонной стратегии, отсутствия тактики, я обнаружил и отсутствие азов службы Генерального штаба в высшем штабе. Ничего не знали о положении мировой войны, о соседних фронтах. Я уже не говорю о политических переживаниях мира. Ну, кой-что удалось в этой области наладить. Обидно было только то, что наши юные наполеоны не умели использовать работы подчиненных. Дело доходило до того, как мне говорил Г.Я. Кислов, что интересные доклады в области иностранной политики не попадали в мин[истерство] и[ностранных] д[ел] Дона, т.к. мальчик [И.А.] Поляков не ладил с г[енералом А.П.] Богаевским. Это ли не преступление?! То, что я пишу о службе штаба этого времени, я говорил бывшему у меня г[енералу С.В.] Денисову. Этот юнец (Поляков) выдерживал часами старых генералов в приемной. В области военного дела он оказался полным невеждой.

В этом я убедился на совещании в Торговой 1918 г. (объединение командования)². Здесь я увидел ясно одно: против военных реакционных голов, бывших в ставке, наши тоже реакционные головы штаба не годятся и в подметки. Я видел, что люди, руководящие Донской армией, не знали самых азов о том, что д[олжны] б[ыли] знать и что кропотливо днями и ночами разрабатывалось мелкими чинами квартирмейстерской части. Здесь же я увидел и до сих пор остаюсь при этом убеждении, что г[енерал] Краснов являлся лицом, стоящим на голову выше всех деятелей Юга России. Так я больше конкурентов ему и не видел. Слабая сторона его была — неуклонное стремление к восстановлению старого и плохой подбор сотрудников»³.

Группа генштабистов, возглавивших Добровольческую армию, представляла собой относительно устойчивый коллектив еще до начала Гражданской войны. Похожая ситуация складывалась и у генштабистов-казаков. Несмотря на кадровый голод, в их среде доминировали фактор землячества и войсковой сословный

¹ Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 205.

² Речь идет о переговорах между командованием Добровольческой армии и руководством Донского казачьего войска об объединении, происходивших на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.). В результате достигнутых договоренностей были созданы ВСЮР под командованием генерала А. И. Деникина.

³ Цит. по: Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило»: Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 65–66.

корпоративизм. Немаловажно, что из-за разногласий сколько-нибудь серьезно взаимодействия и обмена квалифицированными кадрами специалистов Генерального штаба между двумя союзными армиями не происходило.

Генерал И. А. Поляков подчеркивал острую нехватку кадров Генштаба на Дону: «Еще острее стоял вопрос с офицерами Генерального штаба. Нередко бывало, что во всем моем штабе, ведавшем сначала двумя, а затем тремя армиями, включая меня и генерал-квартирмейстеров, было 4–5 офицеров Генерального штаба. Остальные, в числе 3–4, среди них даже и начальник оперативного отделения полковник [К. Т.] Калиновский, были командированы на фронт замещать должности начальников штабов при начавшихся серьезных военных операциях. Полагаю, что такая потрясающе жуткая картина нужды в офицерах Генерального штаба не требует никаких особых пояснений»^I.

В условиях кадрового голода во главе армии оказались не вполне подходящие лица. По оценке генерала З. А. Алферова, командующий Донской армией Денисов «фактически армией не мог командовать, так как, никому не доверяя, всюду видя измену и революцию, в особенности в делах гражданских, ген. Денисов постарался захватить в свои руки почти всю власть на Дону, принимая без конца посетителей (особенно его осаждали со всякими просьбами дамы), военных чинов и агентов гражданской власти, и на его главное, прямое дело — командование Донской армией — у ген. Денисова просто не хватало времени. Донская армия фактически оставалась без возглавления. Последствия такого печального факта сами собой понятны»^{II}. Тем не менее именно на Денисова как на лично преданного человека атаман Краснов возложил всю оперативную работу^{III}. Более того, Денисов приобрел почти диктаторские полномочия^{IV}. Алферов считал, что генерал Денисов управление армией по сути передал своему недостаточно опытному начальнику штаба И. А. Полякову^V, и даже поражался, «в руках какого “троечника” находится такое ответственное дело руководства операциями Донской армии»^{VI}.

Полковник В. В. Добрынин отмечал слабость донского командования эпохи атамана Краснова, когда «работали люди без всякого опыта на высших командных должностях. Командующий армией лишь отбыл стаж командира полка, начальник штаба армии (и войска) попал на эту должность со скромной должности капитана штаба армии (мировой войны), заведывающего автомобильным делом. Оба они больше интересовались тыловыми делами, интригами и сплетнями. Оперативная часть штаба отягощалась ими вечными сборами данных, служащих оправдательными документами их неудачных стратегических шагов, разоблачаемых постоянно в Круге офицерами Генерального штаба — недругами командующего армией и его начальника штаба.

Если у командования не хватало стратегических способностей, зато оно обладало избытком бюрократической важности, напыщенности, недоступности. Этим особенно отличался юный начальник штаба. Обычным правилом его было

^I Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 426.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 209. Л. 37.

^{III} Алферов З. А. Воспоминания. С. 262.

^{IV} Там же. С. 269.

^V Там же. С. 269, 284.

^{VI} Там же. С. 272.

выдерживать посетителей в приемной, особенно если это было лицо старше его по летам и чинопроизводству.

Фронтом командование не интересовалось, в армии никогда не бывало»^I.

В штабе армии выделялся генерал-квартирмейстер генерал Г.Я. Кислов, которого сослуживцы ценили как «человека серьезного, знающего и вообще положительного, без всяких фантазий и очковтирательства»^{II}. По оценке В.В. Добрынина, «как известно, на генкварме лежит вся главная тяжесть работы по оперативной части. Ген. Кислов это сознавал и работал очень добросовестно. Несчастье его заключалось в отсутствии служебного опыта. Молодой офицер Генерального штаба, выпуска 1914 года, он даже не командовал сотней. Кроме того, он не обладал ни начитанностью, ни образованностью, ни широтой взглядов. Все это создало у него весьма узкие рамки кругозора, совершенно недостаточного для должности генкварма. Обладая, очевидно, природными военными способностями, он умело схватывал обстановку, делал правильную оценку общего положения и давал правильные решения задач. Однако всего этого было мало. Для фронтового начальства, отлично знавшего Кислова, он являлся скромным сотником донского полка, не обладающим ни опытом, ни цензом, ни кругозором, а не авторитетным начальством. Так же на него смотрели и коллеги по службе. Вот почему всякие указания Кислова принимались фронтом, конечно, с определенным критическим взглядом»^{III}. К этому добавлялась неприязнь фронта к тылу и штабам.

По совокупности свидетельств участников событий едва ли можно согласиться с мнением о том, что штабная работа в Донской армии находилась на высоком уровне^{IV}.

Нехватка специалистов вела к импровизациям и к привлечению для штабной работы офицеров, ранее такими вопросами не занимавшихся. Как отмечал служивший на Дону генштабист В.А. Замбрицкий, «в условиях Гражданской войны, за неимением людей, приходится комплектовать и оперативный кадр, что называется, с бору да с сосенки, стало быть, невозможно предъявлять большие требования и подручным; где уж тут искать академиков-специалистов или хотя бы кадровых офицеров? Хватаешь то, что под руки попало, но по собственному опыту на Дону, где я по отзывам начальства вполне успешно справился с[о] сложной работой армейских и корпусных штабов, не имея ни одного подготовленного специалиста, я знаю, что из окружающей среды, а тем более такой богатой воинскими качествами, как казачья, всегда можно найти неоценимых помощников, кои блистательно справятся с возложенной задачей. Я с глубокой благодарностью вспоминаю своих незаметных и безвестных, скромных героев-тружеников, сотрудников по штабу Северного фронта и 2-й Донской армии, войскового старшину Попова, подъесаула Стефанова, сотника Сухарева и иных, кои, будучи людьми штатскими и никогда дотоле не бравшими в руки не только оперативно-го, но просто военного пера, проявили себя блестящими офицерами Генерального штаба, которые бы составили честь и гордость специалистов этой профессии»^V.

^I ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 22.

^{II} Алферов З. А. Воспоминания. С. 271–272.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 23–24.

^{IV} Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 296.

^V ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

Обязанности самого Замбржицкого по должности начальника штаба командующего войсками Северо-Западного района Донской армии были весьма обширны. Об этом, а также о взаимодействии штабов свидетельствовала телеграмма Замбржицкого начальнику штаба армии генералу И. А. Полякову в сентябре 1918 г.: «Вчера около 21 часа меня Вашим именем вызвал к аппарату хорунжий Казинцев. Предполагая что-либо особо важное, я бросил срочную оперативную работу и немедленно пошел на телеграф. Оказалось, что хорунжий Казинцев позвал меня к аппарату только для того, чтобы спросить, какие и какого типа автомобили у нас имеются. Вашему превосходительству известно, в каких тяжелых условиях мне здесь приходится работать. Здесь я один офицер Генштаба, и вся сложная оперативная работа лежит исключительно на мне. Одновременно мне приходится налаживать штабную работу по всем остальным отраслям, и работа эта только теперь налаживается. По связи приходится входить в мельчайшие подробности, составлять самому инструкции, так как этот вопрос был совершенно не затронут и до моего приезда висел в воздухе. Мне также приходится разрабатывать вопросы, не имеющие никакого отношения к моей прямой деятельности, как то вопросы этапно-транспортной службы и другие, за неимением лиц, могущих взять это дело на себя. При таких условиях у меня едва остается время на чай, обед и ужин, особенно сейчас, когда испанская болезнь оставила мне только двух здоровых работников – остальные все, в том числе и писаря, больны. Ввиду изложенного, в интересах службы и пользы дела прошу Вашего распоряжения, чтобы меня вызывали лишь в случаях действительной и срочной необходимости»^I.

Тот же Замбржицкий записал в сентябре 1918 г. в дневнике о своем штабе командующего войсками Северо-Западного района Донской армии: «Штабная служба у нас совершенно не налажена. Впрочем, и то сказать, прежний начальник штаба, подполковник В. А. Зимин, больше, кажется, интересовался ходить смотреть купанье, чем заниматься штабными делами. А купанье здесь действительно совершается попросту: по одну сторону моста купаются мужчины, по другую – женщины, совершенно открыто, без всяких купален. И это здесь дело настолько обычное, что никто не обращает никакого внимания»^{II}. Эта оценка совпадает со свидетельством командующего войсками генерала З. А. Алферова, по мнению которого Зимин – «форменный лентяй, ничего не делавший по штабу в мое отсутствие»^{III}.

Донская армия не имела даже самого необходимого. Замбржицкий писал в дневнике в сентябре 1918 г. об обеспечении войск картами и прочим имуществом: «Сегодня приехал мой топограф... привез прибор для печатания карт... Теперь мы можем отпечатать карты и разослать войскам, а то ведь нет их совсем! Я не понимаю, как войска дерутся, как они без карт обходятся! Мы имеем только 2 экз. десятиверстки, и больше нет, а в штабе войска осталось только 4 экз. Спрашивается, почему их не печатают?

Да и вообще, за что ни возьмешься, ничего нет: ни телефонов, ни телеграфных аппаратов, ни инструментов для проводки линии!»^{IV}

^I ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 16об.

^{II} Там же. Л. 7–7об.

^{III} Алферов З. А. Воспоминания. С. 245.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 9об.

Генерал А.К. Келчевский вспоминал об устройстве Донской армии в конце 1918 г.: «Большого сумбура и отступлений от нормальной, наукой освещенной организации нельзя было и представить.

Я не мог понять, да, признаться, и сейчас не понимаю, что могло заставить и чем руководствовались высшие представители донского командования, допуская подобный сумбур в организации и тот конгломерат частей, названий и распределение их по боевым и тактическим единицам, который существовал тогда во всей Донской армии вообще и в частности в войсках Вост[очного] фронта.

Удивительнее всего то, что в основу организации была вложена правильная и вполне жизненная идея территориальной системы укомплектований... Но Бог знает, во что все это вылилось. Система отсутствовала... Военная наука и все, чему она учила, были забыты. Эту дикость старались объяснить особенностями гражданской войны. Особенности гражданской войны существовали, но выражались они кое в чем другом, но никак не в том, чтобы оправдывать организационные абсурды^I.

В сообщении разведывательной организации «Азбука» весной 1919 г. о П.Н. Краснове отмечалось, что «этот политический авантюрист в область командования и ведения войны полностью перенес ту атмосферу мелкого политиканства и интриги, которая составляла все содержание его политики на Дону. Формально признанное им единство командования и подчинение генералу Деникину оставались на бумаге. Распоряжения Ставки искажались, назначения на командные должности определялись в Донской армии политическими соображениями, выдвигались бездарности, устранялось все даровитое, честное и талантливое. Оперативные действия Донского штаба сводились к системе подсиживания тех, кто мог затмить блеск и славу атамана. В отношении казаков велась политика демагогии и обмана»^{II}.

Квалификация некоторых донских генштабистов оставляла желать лучшего. Так, В.В. Добрынин отмечал, что на Большом Войсковом Круге в 1919 г. «в числе оппозиции выступали из состава Круга и некоторые офицеры Генерального штаба. Одна часть их обвинений обращала на себя особое внимание. В упрек командованию между прочим было поставлено, что им не были приняты необходимые меры по укреплению границы области. В частности, было указано на отсутствие “узлов сопротивления”, подготовленных для закрепления на них отходящих войск.

Странно было слышать эти обвинения от специалистов военного дела, которые из опыта Гражданской войны должны бы были уже вывести заключение, что в Гражданской войне в момент развала никакие “узлы сопротивления” не играют решающего значения»^{III}.

На встрече донского атамана П.Н. Краснова с командованием Добровольческой армии на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.), когда решался вопрос об объединении, генерал А.И. Деникин заявил: «Назначения на высшие

^I ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 37об. – 38об.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 300. Л. 6.

^{III} Добрынин В. В. Дон в борьбе с Коммуной. На Донце и Маныче (февраль — май 1919 г.) // Военный сборник (Белград). 1922. Кн. 2. С. 98.

командные должности должны делаться донским атаманом по соглашению с главнокомандующим и из тех кандидатов, которые будут названы донским атаманом; за главнокомандующим я разумел только право отвода этих кандидатов. Генеральный штаб у нас есть; в нем даже избыток. Вопрос об офицерах Генерального штаба у нас централизован у генерал-квартирмейстера. Использование офицеров Генерального штаба есть вопрос доверия между главнокомандующим и донским атаманом»^I.

У Краснова была своя позиция, учитывавшая настроения казачества: «Если теперь поставить во главе Донской армии русского генерала, то скажут, что казаков хотят вести на Москву»^{II}. Кроме того, Краснов затронул вопрос о назначениях генштабистов: «Назначения в Донскую армию со стороны недопустимы. Это закроет дорогу казаку и вызовет ропот. У нас не хватает офицеров Генерального штаба, и мы стоим перед вопросом об открытии собственной школы колонновожатых»^{III}. Имеющимися офицерами Генерального штаба мы дорожим — они нужны для нас в высшие штабы и как преподаватели-профессора. Курсистов мы не можем считать за офицеров Генерального штаба — это суррогат»^{IV}. Тем не менее школа колонновожатых так и не открылась.

В феврале 1919 г. Большой Войсковой Круг Всевеликого войска Донского потребовал ухода со своих постов руководителей Донской армии — командующего генерала С.В. Денисова и его начальника штаба генерала И.А. Полякова (превратившегося в 1917–1918 гг. за год из капитанов в генералы). После этого подал в отставку и атаман генерал П.Н. Краснов. Всем троим не нашлось места во ВСЮР, и они убыли за границу.

Донское правительство предлагало доверить армию опытному генералу Ф.Ф. Абрамову при начальнике штаба генерале М.Д. Райском, на что главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин дал согласие. В период перестановок во власти Абрамов командовал армией двое суток, затем командование поменялось.

Вместо генерала П.Н. Краснова донским атаманом избрали генерала А.П. Богаевского, ориентировавшегося на более тесное объединение с добровольцами. Новый атаман ходатайствовал перед Деникиным о назначении командующим армией генерала В.И. Сидорина (храброго офицера, в прошлом летчика-наблюдателя и участника корниловского движения) и начальником штаба опытного генерала А.К. Келчевского. Как писал Деникин, «первого, очевидно, по соображениям политическим (видный член оппозиции), второго — по военным. Так как военные познания и опыт Кельчевского компенсировали отсутствие командного стажа у Сидорина, я согласился и на эти назначения»^V. Деникин был доволен уже самим фактом поступившего к нему запроса, поскольку заключенный в начале 1919 г. на станции Торговая договор с донским руководством не предусматривал утверждений командного состава Донской армии главкомом. В управлении генерал-квартирмейстера штаба главкома ВСЮР была с 17 февраля (2 марта) 1919 г.

^I РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

^{II} Там же. Л. 4об.

^{III} Училища колонновожатых — военно-учебные заведения первой четверти XIX в., ставшие предшественниками Николаевской академии Генерального штаба.

^{IV} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 45. Л. 3об.

^V Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 114.

введена должность штаб-офицера Генерального штаба для связи со штабом Все-великого войска Донского^I.

Генерал В.И. Сидорин, возглавивший Донскую армию в феврале 1919 г., был связан с корниловцами еще по 1917 г. В период выступления Корнилова он должен был поднять восстание в Петрограде. Атаман Краснов считал его нечестным человеком, интриганом и алкоголиком^{II}. Сторонник Краснова генерал И.А. Поляков также дал негативную характеристику: «Эта была моя первая встреча с полк[овником] Сидориным, и, признаюсь, она не произвела на меня благоприятного впечатления. Быть может, имела значение и та отрицательная характеристика, которую я слышал о нем еще раньше, как о человеке не особенно талантливом, без достаточного опыта и авторитета, чрезвычайно склонном^{III} к спиртному и наряду с этим с большой долей самомнения и особого умения использовать обстоятельства в личных целях и выгодах. Была подозрительна и его темная деятельность в дни Корниловского выступления, о чем упорно ходили нелестные для него слухи»^{IV}.

В июле 1919 г. штаб Всевеликого войска Донского и штаб Донской армии были разделены. В состав последнего вошли канцелярия командующего, управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Управление генерал-квартирмейстера включало отделения: оперативное, разведывательное, контрразведывательное, общее, военно-топографическое, печати, по сбору и систематизации документов войны. Управление дежурного генерала включало отделения: организационное, мобилизационное, наградное, инспекторское, общее, судную часть и коменданта штаб-квартиры армии.

Донская армия в составе деникинских ВСЮР участвовала в наступательных операциях весны 1919 г., а затем и в «походе на Москву» летом — осенью 1919 г. Вскоре успехи сменились неудачами, белые от Орла и Воронежа откатились на Северный Кавказ. Поражения на фронте обострили ранее сглаживавшиеся противоречия между казаками и добровольцами.

Начальник штаба Донской армии генерал А.К. Келчевский не учел разруху на железных дорогах при переброске войск, в результате чего были сорваны оперативные планы, в другом случае не придавал значения обеспечению мостовых переправ через Дон для отступавших войск, что повлекло большие трудности для армии^V. В конечном итоге, по мнению полковника В.В. Добрынина, в период неудач он потерял самообладание и «ничего, кроме вреда, своей деятельностью не приносил»^{VI}.

В Донской армии и казачьем войске сложилась своеобразная система управления. По свидетельству очевидца, «атамана полагалось держать в курсе всех акций, но вскоре я пришел к выводу, что могущественный Сидорин делал все, что хотел, и советовался с более беззаботным Богаевским, когда ему это было удобно — что случалось не так часто. Тогда это не казалось необычным, потому что

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 84.

^{II} Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 600.

^{III} В документе несогласованно — склонного.

^{IV} Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 150–151.

^V ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 55.

^{VI} Там же. Л. 56.

почти в каждом городе имелось свое командование и практически самостоятельные армии, некоторыми командовали генералы, а некоторыми — полковники. Никто из них, вероятно, не подчинялся никому свыше¹.

Уровень мышления начальника штаба армии Келчевского характеризуют материалы его интервью. На вопрос корреспондента о положении на Восточном фронте белых в декабре 1919 г. Келчевский заявил, что «у адм[ирала] Колчака операционная линия бесконечна; тыл у его армии так велик, что дает выигрыш времени и возможность реорганизовать армию и снова начать наступление на фронте. При таких условиях неудача является делом поправимым»². Даже с учетом пропагандистского характера высказывания, удивительно, что подобные мысли излагал опытный генерал-генштабист. В тот период колчаковский фронт уже агонизировал, а никакого полноценного фронта или тыла посреди тайги организовать было невозможно.

О штабе Донской армии при генерале Келчевском В.В. Добрынин писал тому же Келчевскому: «Если я в разговоре, быть может, говорил (не помню), что ты “злой гений”, как ты пишешь, то здесь, конечно, я иначе не мог понимать вопрос: я на тебя взирал с особой надеждой и пришлось в этом разочароваться; я думал, что ты вдохнешь в штаб душу, которой у него не хватало, и выведешь Дон на нужную дорогу. К сожалению, у тебя не хватило той энергии, с какой ты отстаивал “младотурецкую” позицию в академии. В этом смысле я мог дать понятие “злой гений”. На мой взгляд, твое положение как человека опыта и авторитета было более ответственно и тяжело, чем командующего. В твоей работе ты встретил бы самое честное сочувствие нас, генштабов, но надо считаться с тем, что в революционную эпоху люди служат не людям, а идее. Где же была работа командования в этом отношении? Делилось ли оно со своими ближайшими помощниками тем, чем должно делиться при такой работе? Оно хотело, чтобы все шло по мановению ока за ним — но для этого нужны особые данные. Кругом ближайшие подчиненные были не мальчики и, несмотря на ненормальность в этом отношении, работали от души, но отсутствие духовной связи все-таки было.

В деле проведения программ даже военного характера ты говоришь, что “взывал” к Кругу о создании конницы. Анатолий Киприанович — командование д[олжно] б[ыло] не взывать, а делать, это мы могли взывать, и мы это делали: припомни наши частые разговоры с Ковалевым у карты в Миллерово, когда мы указывали тебе, что давить надо с верхов, хотя бы, к примеру, начиная с Мержанова. И что же ты сделал в этом отношении[?]»

Таким образом, если в книге касаться вопроса личностей, то нельзя же обходить и этих вопросов, о которых я пишу»³. Речь шла о донских генштабистах полковниках М.А. Ковалеве (и.д. помощника начальника оперативного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Донской армии) и Б.А. Мержанове (состоял в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба Донской армии).

¹ Уильямсон Х. Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М., 2007. С. 54.

² Ген. Кельчевский о положении у адм[ирала] Колчака // Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919. 09.12. № 430. С. 3.

³ Цит. по: Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». С. 69–70.

По мнению британского офицера Х. Уильямсона, «в штабе Донской армии существовали мощные скрытые пронемецкие симпатии и творились жуткие интриги; и никогда нельзя было различить, кто во что верил по-настоящему»¹. Уильямсон оставил довольно меткую характеристику командного состава войск Деникина: «Командование на всех уровнях было действительно жутким... [деникинские военачальники] редко проявляли большое воображение. Ни один генерал не желал, чтобы им руководил кто-то другой, а так как у всех [у] них было слишком много власти, единства командования никогда не существовало. Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями либо ленью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно или оставаться абсолютно безразличными»². Эта оценка относится к армии Деникина, в распоряжении которого были лучшие по качеству командные кадры; что же тогда говорить о войсках Колчака, который не имел и таких офицеров!

В мае 1920 г. в Крыму штабы Донской армии и войска вновь были объединены под наименованием Войскового штаба Всевеликого войска Донского. Штаб включал отделы: оперативный и дежурного генерала.

Проанализируем использование кадров Генштаба в Донской армии и Донском войске. Основным источником в этом вопросе являются списки офицеров Генерального штаба. Если ранее эти списки анализировались нами на предмет общих статистических показателей, то теперь речь идет о распределении офицеров по должностям и особенностях кадровой политики.

В двух списках донских генштабистов на 25 июня (8 июля) 1918 г. указаны 59 офицеров³. Многие еще не имели должностей (17 человек), один находился за штатом, еще один — в отставке. В списках указаны начальник дивизии, 4 служивших по военно-учебным заведениям, 3 начальника штабов районов (корпусов), 10 сотрудников Войскового штаба, 5 начальников штабов дивизий, 4 старших адъютанта дивизионных штабов, 4 начальника штабов отрядов или группы, 2 сотрудника Войскового правительства, главный начальник снабжений и начальник военных сообщений Донского войска. Еще 4 офицера находились на разнообразных должностях — командир полка, окружной атаман, старший адъютант штаба бригады, офицер штаба отряда. Один из офицеров служил в Добровольческой армии. Таким образом, единой системы распределения кадров еще не было.

В списке офицеров Генштаба Донского войска к 20 ноября (3 декабря) 1918 г. указан 51 офицер⁴. Среди них 6 офицеров, работавших в Войсковом правительстве и его структурах, главный начальник снабжений и начальник военных сообщений Донского войска, 6 сотрудников Войскового штаба, 2 командира групп, 2 начальника дивизий, по 2 начальника штабов фронтов и групп, помощник начальника штаба фронта, 4 начальника штабов дивизий, 3 начальника штабов районов, 4 начальника штабов отрядов, 2 офицера на военно-дипломатических постах, 3 офицера из сферы

¹ Уильямсон Х. Прощание с Доном. С. 79.

² Там же. С. 85–86.

³ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 471–472, 475–475об. Списки опубликованы в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 525–529.

⁴ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–2об.

военно-учебных заведений, 8 офицеров без указания должностей, 2 начальника неуказанных штабов, командир отряда и командующий войсками района. Список отразил дальнейшее развитие органов управления вооруженными силами Дона.

За 1919 г. донские списки неизвестны. В «Списке офицерам Генерального штаба, причисленным к сему штабу и окончившим сокращенные подготовительные курсы Николаевской военной академии, находящимся на службе во Всевеликом войске Донском» на февраль 1920 г. указаны 98 офицеров¹. Среди прочих сведений указывались год выпуска из академии и старшинство в чине, поскольку этот вопрос был важен при дальнейшем чинопроизводстве. В списке из офицеров Генерального штаба 12 генерал-лейтенантов, 19 генерал-майоров, 32 полковника, 7 подполковников (войсковых старшин), 4 капитана (ротмистра, есаула). Кроме того, среди причисленных к Генштабу 2 полковника, 3 подполковника (войсковых старшины), капитан. Третьей категорией были курсовики (18 офицеров): 4 подполковника (войсковых старшины), 10 капитанов (ротмистров, есаулов), 2 штабс-капитана (штабс-ротмистра), а также двое командированных на курсы 3-й очереди в чинах полковника (курсы не прослушал из-за начала Гражданской войны) и есаула.

Как использовались эти кадры? Полковник, не окончивший ускоренные курсы, закономерно откомандировывался в строй, еще у двух офицеров должности не были указаны. В резерве офицеров Генштаба при управлении генерал-квартирмейстера Донской армии состояли 5 офицеров. На преподавательской и военно-учебной работе находились 6 офицеров. В штабе Донской армии служили 16 офицеров (к этой категории мы отнесли и командующего армией). Посты командиров корпусов и начальников дивизий занимали 2 и 6 офицеров соответственно. Командиров бригад — 4 офицера. 10 офицеров служили в Войсковом правительстве и штабе, а также при донском атамане (включая самого атамана). Один офицер занимал инспекторскую должность. Начальников штабов корпусов, дивизий и бригад было 4, 11 и 11 соответственно. Прочие должности в штабах корпусов (обер-квартирмейстеры, старшие адъютанты) занимали 12 офицеров. Прочие должности в штабах дивизий (помощники начальника штаба, старшие адъютанты) занимали 6 офицеров. Один офицер занимал пост помощника начальника бригады. 6 фигурантов списка из учтенных выше болели или находились в отпусках.

Генералы командовали Донской армией, корпусами, дивизиями и бригадами, служили в высших штабах (армии, войска), находились в распоряжении атамана или в резерве чинов, на преподавательских должностях. Начальниками дивизионных штабов, старшими адъютантами корпусных штабов чаще были штаб-офицеры, начальниками бригадных штабов — как штаб-, так и обер-офицеры. На должностях старших адъютантов в дивизиях и бригадах обычно находились капитаны.

Причисленные к Генштабу, а также выпускники ускоренных курсов академии, в большинстве своем, занимали должности с приставками и.д. — исполняющий должность, что подчеркивало их несоответствие этим постам или временный характер службы. Из шести причисленных подобные приставки имели все офицеры. Среди 18 выпускников и слушателей курсов — 11 офицеров (помимо них у одного офицера должность не была указана вовсе, а еще один был отчислен в строй).

¹ РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 396. Л. 1–3об.

Сохранился также «Список офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и окончивших подготовительные курсы Николаевской военной академии, кои прибыли в Крым»^I. Список был составлен штабом Донского корпуса и включал сведения о 51 офицере, однако точная его дата неизвестна. При составлении было допущено немало пропусков, в том числе среди старших офицеров и генералов. В списке также было множество градаций — окончившие академию и имевшие назначения, не окончившие полный курс и также имевшие назначения, окончившие академию, но не назначенные на должности. Среди имевших назначения значились 5 генерал-лейтенантов, 3 генерал-майора, 6 полковников, подполковник. Далее следовали причисленные к Генштабу: 2 полковника и войсковой старшина, 2 штабс-капитана и штабс-ротмистра, а также капитан, окончивший подготовительные курсы. Среди не имевших назначений были указаны 4 генерал-лейтенанта, 7 генерал-майоров, 9 полковников, подполковник. После этого в списке значатся причисленные без должностей: 3 войсковых старшины и подполковника, 3 ротмистра и капитана, штабс-капитан и 2 капитана, окончивших подготовительные курсы^{II}. Таким образом, большая часть донских офицеров не имела назначений.

В двух редакциях списка много исправлений, что затрудняет его анализ. Тем не менее проанализируем имеющиеся сведения. Один фигурант списка указан на посту атамана, один на должности командира корпуса, двое на постах начальников штаба корпуса (это является ошибкой составителей, так как должность была одна). Три офицера состояли в военно-учебных заведениях, один — в распоряжении атамана, еще четверо в распоряжении иных должностных лиц. В штабе корпуса служили пять офицеров. По одному офицеру служили в Войсковом штабе, были командированы за границу или занимали должность начальника штаба дивизии. Четыре офицера состояли старшими адъютантами дивизионных штабов, двое — помощниками начальников таких штабов. Шесть офицеров были указаны без каких-либо назначений. Наконец, 19 офицеров состояли в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса.

В близком по времени к предыдущему списку донских генштабистов на май 1920 г. 54 офицера, в том числе 7 генерал-лейтенантов, 12 генерал-майоров, 23 полковника, 5 подполковников и войсковых старшин, 4 капитана (ротмистра), 3 штабс-капитана (штабс-ротмистра)^{III}. К сожалению, должности у многих не указаны, что делает этот список не представительным для анализа. В списке к 1 (14) августа 1920 г. также 54 офицера^{IV}. В связи с многочисленными исправлениями проанализировать данные этого списка также затруднительно.

В списке к 31 августа (13 сентября) 1920 г. указан 51 офицер: 10 генерал-лейтенантов, 11 генерал-майоров, 16 полковников, 7 подполковников или войсковых старшин, 6 капитанов (ротмистров), штабс-ротмистр^V. В списке 34 офицера Генштаба, 13 причисленных к Генштабу и 4 курсовика.

^I РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 19–22. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 667–670.

^{II} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 21–22.

^{III} РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 396. Л. 46–7.

^{IV} Там же. Л. 12–13об.

^V Там же. Л. 16–17об.

Список отразил трансформацию донских частей в Крыму, сведенных в один корпус. Это выразилось в массовом сокращении должностей и переводе офицеров в резерв чинов Генштаба. Таких офицеров в списке 15, причем шесть из них были в отпусках или командировках, включая заграничные. Кроме того, трое находились в распоряжении донского атамана (в том числе один командирован за границу), а 2 офицера были указаны без должностей. На преподавательской работе и в военно-учебных заведениях числились 4 офицера. Посты командира корпуса и начальника штаба корпуса занимали по одному офицеру. В Войсковом штабе и при атамане состояли 8 офицеров (включен и сам атаман). В штабе Донского корпуса служили 7 офицеров. 3 офицера занимали посты начальников дивизионных штабов. 2 офицера занимали посты помощников начальников дивизионных штабов. Четверо состояли старшими адъютантами штабов дивизий. Один офицер являлся начальником штаба отряда.

Насколько можно судить, дискриминации в связи со стажем службы у белых донские генштабисты не испытывали. К такому выводу можно прийти на основе служебных данных офицеров, примкнувших к белым осенью 1919 г., а в 1920 г. уже допущенных на должности командиров полков¹.

В сентябре 1920 г. была предпринята попытка добиться прав офицеров Генштаба для выпускников созданной в 1918 г. Донской офицерской школы, поскольку в ряде случаев они замещали должности Генштаба. Разумеется, в удовлетворении такого необоснованного требования было отказано².

Контингент донских генштабистов в силу ограничения их социальной базы донским казачеством слабо менялся на протяжении всей Гражданской войны. Вместе с тем за период 1918–1920 гг. он вырос с 59 офицеров до 98, а после эвакуации белых в Крым в 1920 г. вновь снизился примерно до исходных показателей. Это объясняется как реорганизациями, так и неудачами белых.

ВСЮР и Русская армия

В начале 1919 г. белые на Юге России смогли объединить свои вооруженные формирования во ВСЮР под командованием генерала А.И. Деникина. Реорганизация далась непросто, поскольку стороны долгое время не могли достичь необходимого компромисса. В качестве одного из проектов, например, предлагалось создать единый Генеральный штаб для руководства операциями при сохранении независимости всех государственных образований³. Тем не менее реализован был проект полного объединения вооруженных сил, что позволило более равномерно распределить имевшиеся ограниченные ресурсы (рядовой состав, командные кадры, снабжение).

В начале 1919 г. Добровольческая армия была разделена на Крымско-Азовскую и Кавказскую добровольческие армии. Позднее проводились и другие реорганизации. По окончании 2-го Кубанского похода и взятии Кубани под контроль белых части ВСЮР приступили к Северо-Кавказской операции на Тереке, овладев в январе – феврале 1919 г. территорией Чечни, Ингушетии, Осетии и Дагестана.

¹ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 382.

² Там же. Л. 364–365.

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 93.

Штаб главнокомандующего ВСЮР был сформирован из аналогичного штаба Добровольческой армии. Структура штаба принципиальных изменений не претерпела. Организован он был по образцу фронтового штаба Первой мировой войны. Во главе стоял начальник, которому подчинялись начальник отдела Генерального штаба, генерал-квартирмейстер и дежурный генерал^I. Существовали должности начальника военных сообщений, инспекторов артиллерии, авиации, формирований, главного начальника снабжений. 27 июня (10 июля) 1919 г. при главном начальнике снабжений была учреждена должность штаб-офицера Генерального штаба для связи с союзными миссиями^{II}.

Сохранялся и прежний кадровый состав. Бессменным начальником штаба армии в деникинский период был генерал И.П. Романовский – ближайший соратник и личный друг главнокомандующего генерала А.И. Деникина. Характерно свидетельство последнего о Романовском: «Должность “начальника штаба” до известной степени обезличивает человека. Трудно разграничить даже и мне степень участия его в нашей идейной работе по направлению жизни и операций армии – при той интимной близости, которая существовала между нами, при том удивительном понимании друг друга и общности взглядов стратегических и политических»^{III}. Таким образом, точно оценить вклад того или иного штабного работника в общее дело не могли даже ближайшие сотрудники. Историкам сделать это еще сложнее. Известно, что работа штаба главнокомандующего вызывала серьезные нарекания. По мнению генерала П.Н. Врангеля, Романовский «видимо, не мог справиться с плохо налаженным аппаратом штаба»^{IV}. Наблюдение относилось ко второй половине сентября 1919 г. Генерал А.К. Келчевский в своих неопубликованных воспоминаниях характеризовал штаб Деникина следующим образом: «Царившие в штабе главнокомандующего и особенно в тыловых военных управлениях косность, рутинность, шаблон и бюрократизм исключали всякую живую мысль и возможность сдвинуть это дело с мертвой точки... Система отсутствовала»^V.

Генерал-квартирмейстером Добровольческой армии, а затем и ВСЮР был генерал Ю.Н. Плющевский-Плющик, ведавший в том числе кадровыми вопросами. Управление генерал-квартирмейстера включало оперативное, разведывательное, контрразведывательное, топографическое, общее отделения и отделение связи.

Полковник Д.Н. Тихобразов вспоминал о первом впечатлении от управления генерал-квартирмейстера ВСЮР: «В первый же день службы, когда я еще не разбирался в расположении комнат особняка управления генерал-квартирмейстера, я ошибся дверью и влетел в большую комнату, где натолкнулся на двух-трех женщин. Я ошеломлен. Кто-то из Генерального штаба, проходя перед открытой мной дверью, вывел меня из комнаты. “Мы туда проникать не должны. Задняя часть дома отведена для арестованных семей кубанцев, выехавших в Париж для

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 130. Л. 199.

^{II} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 133. Л. 40.

^{III} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 533.

^{IV} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 362.

^V ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 234.

хлопот по признанию независимости Кубани". Когда Плющевский-Плющик узнал об этом, он заметил, что им уже приняты меры для перевода арестованных в другое, более подходящее помещение.

На другой день комната уже пустовала.

Работа оперативного отделения протекала подобно тому, как это бывало в других подобных учреждениях.

Начальником его был полк[овник А.Л.] Нелидов, дельный офицер, пользовавшийся значительным авторитетом, что не мешало ему не чваниться и быть хорошим товарищем. Меня удивляла его дружба с генералом [А.Г.] Шкуро... Нелидов пробыл в штабе до начала июля [1919 г.], когда ушел в строй, получив в командование Сводно-Гусарский полк.

Этого офицера с молодой юношеской душой заменил педантичный и сухой полковник [Н.В.] Карпинский.

В оперативном отделении работали несколько полковников Генерального штаба. Подполковников не было: надо сказать, что Деникин, чтобы уничтожить привилегии гвардии, не знавшей подполковничьего чина, упразднил его и в армии. Сравнив гвардию с армией, он вызвал среди гвардейцев большое неудовольствие, и они главную вину сваливали на ген. Романовского, начальника штаба главнокомандующего, бывшего гвардейского артиллериста. Из фамилий полковников назову: [М.Х.] Полеводина, [А.Л.] ф[он] Нолькена, [И.И.] Терванда, [В.А.] Гольдгара, [А.А.] Подчерткова. Разведкой ведал [С.Н.] Ряснянский. Общим отделением — [Н.Л.] Щербицкий с [А.В.] Алатырцевым.

Оперативные работали в большой комнате, окнами выходящей на площадь; из нее выходила дверь в небольшую комнату генерал-квартирмейстера, куда ежедневно по утрам приходил Ген. штаба генерал-майор [Н.А.] Берг, подвижный и веселый, приставленный к иностранным агентам. За ним затворялась в обычное время открытая дверь, и эхо разговоров не проникало в нашу рабочую комнату. Иностранные офицеры к нам не проникали.

При Нелидове царил дружественная атмосфера; при Карпинском — более формальная. Но работа, как при том, так и при другом, велась с большим усердием.

Из начальствующих лиц других отделов многие были бывшие сослуживцы: дежурным генералом был [С.М.] Трухачев, на место которого в операт[ивном] отд[елении] Ставки был вызван я, инспектором артиллерии — [Н.А.] Илькевич, мой первый батарейный командир. В гражданском управлении начальствовали [А.М.] Драгомиров и затем [А.С.] Лукомский. Военными сообщениями [заведовал] — [Н.М.] Тихменев.

Благодаря тому, что большинство начальствующих лиц было мне знакомо по службе в Ставке, я чувствовал себя "как у себя дома". К службе я относился внимательно, работу выполнял добросовестно. Отчеты давал обстоятельные. Служебная оценка начальства меня удовлетворяла. Но мой веселый нрав и часто выявляемый юмор вредили мне, особенно в оценке товарищей, не понимавших, почему часто мне, а не им, отдается предпочтение. Некоторые свою зависть выражали мне открыто. Это меня мало трогало¹.

¹ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 8–12 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

В состав ВСЮР в 1919 г. входили Добровольческая, Донская и Кавказская армии, войска Новороссийской, Киевской и Харьковской областей, войска Северного Кавказа, войска Черноморского побережья, войска Закаспийской области.

Костяком антибольшевистских сил Юга России были созданные белым командованием регулярные формирования. То же касалось и кадров Генштаба, ядром которых была Добровольческая армия. При этом на казачьи и горские формирования в октябре 1919 г. приходилось более половины общей численности ВСЮР. В сентябре 1918 г. кубанцы составляли около 89% конницы, 44% пехоты и 33% артиллерии Добровольческой армии. По мнению генерала А.И. Деникина, кубанцев в армии было до 65%^I. С этим приходилось считаться. Исходя из этого, кубанские представители потребовали создать самостоятельную Кубанскую армию. Разумеется, такая армия, как и в случае с Донской армией формирования 1918 г., не пошла бы за пределы войска и не решала бы общегосударственных задач. Добровольцы лишились бы конницы и части пехоты, а кубанцы — опытного командного состава и артиллерии. Поэтому тогда такая армия создана не была.

На встрече с донским атаманом П.Н. Красновым на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) генерал А.И. Деникин критически высказался о кадрах Генштаба на Кубани: «Кубанцы не могут претендовать на крупные штабы, так как у них нет офицеров Генерального штаба. Из пяти корпусов тремя командуют неказаки, двумя казаки. Теперь на очереди стоит выделение особой Кубанской армии, и кубанцы с удовольствием оставили у себя многих неказаков, например барона Врангеля. В Кубанской армии, понятно, командующий или Походный атаман будет казак»^{II}.

Несмотря на заявления казачьих политиков, иррегулярные войска не имели возможностей для ведения самостоятельной борьбы с красными. По свидетельству генштабиста В.А. Замбржицкого, «среди казаков, а кубанских в особенности, не так много лиц с высшим военным образованием, поэтому все они там наперечет и ими весьма дорожат. [Генерал В.Г.] Науменко был одним из немногих счастливых, имевших академический значок Генерального штаба, так необходимый в эту исключительно бурную, боевую эпоху...»^{III}

А.А. фон Лампе записал в дневнике 3 (16) августа 1919 г., что откажется служить в Кубанской казачьей армии. На следующий день офицер он отметил: «Да эти нелепые самостийники могут думать о своей армии, не имея ни материальной части, ни технических войск, ни органов управления. А офицеров Генерального штаба у них, кажется, человек 5 — это желание подражать Дону, более богатому людьми, но все же страдающему от недостатка в офицерстве»^{IV}.

Важнейшую роль в структуре военного управления ВСЮР играл военный отдел при главкоме, которым руководил генерал А.С. Лукомский. Последний, по оценке генерала В.А. Энгельке, в отличие от Деникина, «и в силу личных свойств, и по своей бывшей службе воспринимал все не так сложно, быстро схватывал существо

^I Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 630–631.

^{II} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 66.

вопроса, не боялся цифр и давал свои определенные решения, считаясь и с обстановкой, и с жизнью»¹.

В состав отдела входили общая часть и часть Генерального штаба. Последняя включала мобилизационное, организационное, особое и картографическое отделения. В какой-то степени структура напоминала прежнюю организацию ГУГШ. Постепенно структура усложнялась. Функции отдела были определены временным положением, опубликованным в приказе главкома ВСЮР № 680 от 13 (26) апреля 1919 г. Тогда военный отдел был преобразован в управление, а часть Генштаба — в отдел Генштаба (прежние отделения стали именоваться частями — мобилизационной и военно-топографической). Во главе отдела Генерального штаба стоял генерал В.Е. Вязьмитинов. В ведении отдела находились разработка вопросов мобилизационного характера, руководство деятельностью соответствующих местных органов и запасных частей, решение вопросов о военнопленных, рассмотрение всех штатов и разработка плана организации армии, разработка вопросов о службе офицеров Генерального штаба, сбор статистических сведений об иностранных государствах, руководство деятельностью военных агентов за рубежом, разведка и контрразведка на территории ВСЮР, разработка военно-политических вопросов, разработка правил о цензуре печати, наблюдение за органами печати, составление, хранение и рассылка секретных ключей и шифров, руководство деятельностью комиссий при отделе Генерального штаба, руководство деятельностью корпуса военных топографов, заготовка всех видов картографического довольствия и обеспечение ими армии, руководство общим направлением съемочных работ². У начальника отдела имелись два помощника — начальники мобилизационной и военно-топографической частей.

Организационно белые на всех фронтах сохранили дореволюционную структуру вооруженных сил (полк, дивизия, корпус, армия). Дивизии на Юге России у белых были четырехполковыми с артиллерийскими дивизионами из трех 4-орудийных батарей и инженерной ротой³.

В подчинении начальника штаба армии находились отделы генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Отдел генерал-квартирмейстера включал отделения: оперативное, разведывательное, контрразведывательное, общее, службы связи и топографическое. Отдел дежурного генерала включал отделения: наградное, инспекторское, общее и судное. На протяжении Гражданской войны структура штабов могла меняться, различалась она и от армии к армии.

Во ВСЮР были созданы штабы командующих войсками областей. Штаб командующего войсками Киевской области, например, включал управления генерал-квартирмейстера (отделения: оперативное, разведывательное, контрразведывательное, мобилизационное, общее, топографическое, связи) и дежурного генерала (отделения: инспекторское, общее, судное), отдел снабжений, военно-санитарную часть и другие подразделения.

Штаб отдельного корпуса включал управления обер-квартирмейстера и дежурного генерала. В управление корпуса также входили: управление коменданта

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 70.

² РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 274об.

³ Егоров А. И. Разгром Деникина 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб., 2003. С. 89.

штаб-квартиры, инспектора артиллерии, корпусного инженера, интенданта, врача, ветеринарного врача, полевого казначея, военного следователя.

Во временном штате управления неотдельного корпуса предусматривались следующие должности Генштаба: начальник штаба (генерал-майор или полковник), старший адъютант по строевой и инспекторской части (обер-офицер), один штаб-офицер Генштаба, два обер-офицера Генштаба^I. Штаб корпуса во время операций передвигался в эшелоне из пяти классных и шести крытых вагонов, включая вагон командующего^{II}. Вне района действий корпуса поезд командующему не полагался. Поезд командующего армией должен был включать семь вагонов, в том числе салон-вагоны для командующего и начальника штаба. Чинам штаба предоставлялся один пульмановский вагон-микст 1-го или 2-го класса, а для занятых чинов штаба — пульмановский вагон 3-го класса^{III}. В штабах дивизий и бригад имелись должности начальников штабов и старших адъютантов.

8 (21) мая 1919 г. после взятия станицы Великокняжеской Кавказская добровольческая армия была разделена на Кавказскую и Добровольческую армии, действовавшие на разных направлениях. Последнюю возглавил генерал В.З. Май-Маевский.

Май-Маевский был храбрым боевым генералом, героем Первой мировой. Генерал любил бывать на передовой, шокируя окружающих отчаянной храбростью. Был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени — высшими боевыми наградами русской армии. В 1917 г. он отличился под Тернополем: 18 июня 1917 г. под деревней Конюхи участвовал в атаке в составе штурмовой роты, которая ворвалась в австрийские окопы, там генерал получил рваную рану ноги колючей проволокой^{IV}. За это дело Май-Маевский был удостоен необычной награды — солдатского Георгиевского креста 4-й степени с лавровой ветвью для офицеров. В Гражданскую, по воспоминаниям очевидцев, генерал мог пройтись во весь рост вдоль цепи своих бойцов, подбадривая их и не обращая никакого внимания на огонь красных (при этом известны случаи ранения и гибели ординарцев, шедших рядом^V).

В белой армии с именем Май-Маевского связан ряд блестящих побед. Но теперь генералу пришлось выполнять и не свойственные прежде обязанности: помимо руководства войсками он стал главноначальствующим Екатеринославской, Харьковской, Курской и Полтавской губерниями. В качестве гражданского администратора генерал оказался не на своем месте. Тыл белых находился в плачевном состоянии, а сфера гражданского управления отвлекала от управления войсками. Приходилось заниматься даже межнациональными конфликтами и вопросами образования. К примеру, Май-Маевский выпустил приказ о запрете украинизации государственного образования^{VI}.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 3.

^{II} Гаврилов А. В. Неизвестная история. С. 218.

^{III} Там же. С. 164.

^{IV} HIA. Vranghel collection. Box 119. Folder 18.

^V Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 222.

^{VI} Цветков В. Ж. Правда и вымыслы в истории Белого движения: генерал В. З. Май-Маевский — командующий Добровольческой армией (май — ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России (1917–1920): Известные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 52.

При всех достоинствах генерал имел пагубное пристрастие к алкоголю, негативно сказывавшееся на управлении войсками. Май-Маевский спаивал и свой штаб. Как бы то ни было, осенью 1919 г. генерал довел свою армию до Курска и Орла, но после отступления под ударами красных последовал закономерный финал – спивающийся и терпящий неудачи командующий был отстранен, его сменил знаменитый «черный барон», генерал П.Н. Врангель. В ноябре 1920 г., когда белые покидали Крым, 53-летний Май-Маевский, всеми забытый, умер в севастопольской гостинице.

Начальником штаба Добровольческой армии стал генерал Н.П. Ефимов – участник Китайского похода, Русско-японской и Первой мировой войн. На этом посту Ефимов никак себя не проявил и, по всей видимости, не соответствовал занимаемой должности. По отзыву генерала А.Н. Розеншильда фон Паулина, служившего с Ефимовым в Первую мировую, «это тип малоспособного, измывавшего на штабной работе офицера Генерального штаба, к тому же совершенно не полевого, с привычкой много спать и чрезмерно есть. Полевую службу Генштаба знал плохо, неохотно отрывался от канцелярии, был человек нерешительный и с развитым духом противоречия... стоило мне или кому другому лишь принять какое-нибудь решение, чтобы он тотчас не начал перечислять тысячи страхов, вследствие которых будто бы ничего не выйдет или все рухнет, но на замену со своей стороны ничего не предлагал. Бывало, в самую критическую минуту, когда требуется полное спокойствие, он начинал волновать неуместными опасениями и волнение это передавал чинам штаба, меня же заставлял делать большое усилие, чтобы сохранять беспристрастное отношение к делу. Говорил скоро, невнятным языком, что усугубляло плохое впечатление. Ни в каком деле он не разбирался авторитетно и обстоятельно и только неизменно очень удачно избирал места для тыловых учреждений дивизии. Организаторские способности были настолько слабы, что даже не всегда можно было понадеяться на его распоряжения по размещению штаба дивизии. Во всем надо было вечно самому отдавать приказания, применять понукания, проверять и проч[ее]»¹.

Процесс реорганизации протекал не без сложностей. Генерал Врангель, командовавший Кавказской добровольческой, а затем Кавказской армиями, был недоволен. Даже через три месяца после событий, 29 июля (11 августа) 1919 г., он припоминал Деникину, что весь штаб армии «во главе коей я ранее стоял, и, в частности, отдел снабжения были переданы генералу Май-Маевскому»².

Князь Г.Н. Трубецкой отмечал, что в Крыму «штабы были всегда одним из самых слабых мест в организации Д[обровольческой] армии. Из Екатеринодара назначали людей второго сорта. В Симферополе и в Севастополе образовались штабы, в которых сидела масса народа, уклонявшегося от фронтовой службы. Все эти условия в связи с возросшим антагонизмом между гвардией и армией привели к тому, что в серьезную минуту Крым оказался без настоящей военной силы»³. Трубецкому вторил полковник Е.Э. Месснер, описавший жизнь Севастополя в 1920 г.:

¹ Розеншильд фон Паулин А. Н. Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 2014. С. 26–27.

² HIA. Vranghel collection. Box 162. Folder 10.

³ Трубецкой Г. Н. Из дневника. Л. 63 // BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 2.

«Генералов, пожилых полковников, офицеров Генерального штаба в высоких чинах было несчетное множество — они не могли привыкнуть к тяжелым условиям фронтовой жизни и занимали должности в тылу: отличный боевой генерал [А.И.] Березовский (наш бывший командир 57-го Модлинского полка) заведовал распределением билетов на пароходы, курсировавшие между крымскими портами»¹.

Тыл белых отличался дезорганизацией и не был налажен ни в 1918, ни в 1919 г., что лишало армию планомерного снабжения и обеспечения всем необходимым, прежде всего пополнениями. Положение тыла не свидетельствовало в пользу эффективной работы генштабистов по его организации. Удивительно, но некоторые высокопоставленные штабные работники на белом Юге с трудом ориентировались в инфраструктуре собственного тыла. В этом плане показателен доклад генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР начальнику штаба, подготовленный в октябре 1919 г. В этом докладе генерал-майор Ю.Н. Плющевский-Плющик откровенно писал о собственной некомпетентности и нераспорядительности в связи с успехами украинских повстанцев Н.И. Махно: «Лично я был уверен, что главный артиллерийский склад у нас в Волновахе, на которую мною и было обращено все внимание. Признаю себя виновным в том, что не отдал распоряжения об эвакуации всех складов района после перехода Махно через Днепр, хотя убежден, что приказ этот был бы платоническим, ибо в период с 22 по 27 сентября при условии перерыва железнодорожного сообщения и бедности нашего морского транспорта задача эта была невыполнима»². Из этого документа следует, что третий человек в военном руководстве белого Юга толком не знал расположения важнейших артиллерийских складов армии в своем тылу (они располагались не только в Волновахе, но также в занятых махновцами Бердянске и Мариуполе).

6 мая 1919 г. красные на Каспийском море захватили бумаги генерала А.Н. Гришина-Алмазова, ехавшего на Восток России с белого Юга. Среди бумаг, направленных В.И. Ленину, оказалось письмо генералу Д.А. Лебедеву из Екатеринодара от 6 (19) апреля 1919 г., автором которого был, очевидно, другой офицер-генштабист: «Успехи ваших армий дают уверенность [в] скором изгнании большевиков из России; ваши блестящие операции начинают облегчать положение наших армий, попавших [в] очень тяжелые условия борьбы с колоссальными силами большевиков; причины неудач: разложение донских казаков, добровольцы, терцы, кубанцы дерутся отлично; однако глубоко верим [в] победу, [в] донских округах, большевиками начинаются восстания, приближение ваших армий [к] Саратову нервирует большевистское командование на нашем фронте; наш тыл работает из рук вон плохо, рутина, бюрократизм, хуже, чем при старом режиме, скопилось громадное число старых генералов, донельзя тормозящих работу, зависть, мелкое тщеславие, не чувствуется руководящей руки, политика дряблая и неопределенная; из “доблестных союзников” верными остались только пока англичане, французы занимались только спекуляцией и всячески тормозили работу по воссозданию России, французские войсковые части, остававшиеся [в] России, окончательно развалились; по вашим операциям видим большой и крупный размах

¹ Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. С. 304 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 17. Л. 266об.

задуманного стратегического плана. Нам думается, что первоначальная цель — занятие Волги, городов Казани, Самары, Саратова, не задерживайтесь долго на Волге, чтобы скорее выдвинуться [в] самое сердце большевиков, этим вы облегчите наше и генерала Юденича и поляков положение. Россия так исстрадалась, что беспокоиться за ваш тыл не приходится; торопитесь скорей занять Пензу, Саратов, это даст толчок Дону, и мы легко двинемся вперед рука об руку с вами; свет освобождения России придет с Востока, а не с Юга; огромное большинство, с кем мне приходилось говорить, приветствуют адмирала Колчака как будущего правителя России и верят в него. Здешние — не спасут. Деникин без сомнения признает власть Колчака, но есть и сильные, но низкие душонки»^I.

Критические отзывы о военном строительстве на белом Юге сохранились в личной переписке генерала Л.М. Болховитинова, по свидетельству близко знавших его людей, человека резкого и обладавшего сильным духом противоречия^{II}. 16 (29) декабря 1918 г. он писал жене о том, что Добровольческая армия — это «просто какая-то кочевая банда... И это новая армия!? Подумай только!!!.. Вы будете, вероятно, читать... “славословия” про здешние дела, но нас, старых воробьев, на мякине не проведешь»^{III}. Болховитинов действительно может быть отнесен к опытным генштабистам, которые могли дать объективную оценку уровню военно-административной работы белых. Критикуя порядки, установленные белыми, Болховитинов в своих письмах начала 1919 г. рассуждал о «генеральской сволочи», засевшей в тыловом Екатеринодаре, отмечал, что грабежи белых ничем не лучше лозунга красных «Грабь награбленное», что затягивание Гражданской войны может привести к взаимному истреблению народа и к скорейшей гибели страны. При этом, по его мнению, ответственность за прекращение братоубийственной бойни лежала на союзниках, обладавших для этого всеми возможностями^{IV}. Подобные оценки в отношении командного состава белого Юга к концу Гражданской войны у Болховитинова лишь укрепились. В письме протопресвитеру Г. Шавельскому от 15 сентября 1921 г. уже в эмиграции он писал: «С эвакуацией из Севастополя все рассыпалось, и началась новая стройка с новыми грубейшими ошибками, новыми демагогами, новыми “карьерерами”... Строить мы еще не научились, а разводить раздоры весьма горазды... Наше поколение свою песню спело»^V.

Плачевную ситуацию со снабжением белых армий Юга России отмечал сам главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин. По его свидетельству, «вместо компетентных работников, специалистов, подготовленных школой и большим опытом к работе снабжения армии, хорошо знакомых с организацией снабжения, промышленным миром и рынком, дело снабжения находится в руках исключительно офицеров Генерального штаба, не знакомых ни с рынком, ни с торгово-промышленным миром, ни с политической экономией, ни с классификацией товаров и продуктов»^{VI}. Удивительно, что Деникин констатировал факт, но не пытался поменять ситуацию. Еще удивительнее его откровенное признание в письме генералу

^I РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 83. Л. 47–50.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 264.

^{III} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 220об.–221.

^{IV} Там же. Л. 243, 251, 253об.

^V ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 146.

^{VI} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 124.

П.Н. Врангелю от 10 (23) августа 1919 г.: «Вопросы снабжения... действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостийности Кубани — выше моих сил»¹. Таким образом, Деникин просто констатировал факт невозможности наладить снабжение, полагая, что какие-либо особые усилия в этом отношении предпринять нельзя. Думается, если бы большевики рассуждали аналогичным образом, они вряд ли могли бы рассчитывать на победу. Коррупция и логистические проблемы не были устранены. Колоссальные по объему союзнические поставки хранились на складах, тогда как на фронте едва можно было встретить солдата в полном комплекте британского обмундирования».

Несмотря на расширение масштабов военного строительства на белом Юге в 1919 г., во ВСЮР не было организационно-штатного единства. Наоборот, по оценке Б.А. Штейфона, сохранялся «удельно-вечевой» период, при котором в каждой воинской части царили свои порядки, своя организационная структура и принципы военного строительства»².

В стратегическом отношении у белого командования после очищения от красных Северного Кавказа весной 1919 г. был выбор — наступать всеми силами на Царицын и далее за Волгу на соединение с Восточным антибольшевистским фронтом адмирала А.В. Колчака или же на Донецкий бассейн и далее на Украину, перенося туда базу снабжения армии и далее двигаясь на советский центр. Был выбран второй вариант. В то же время командование не отказывалось и от активных действий на других направлениях.

Генерал-квартирмейстер ВСЮР генерал Ю.Н. Плющевский-Плющик вспоминал, что перенос военных действий на Правобережную Украину и растягивание фронта до Киева в ущерб главному операционному направлению произошли помимо воли Деникина и были «результатом все тех же неустойчивости и недостатков в части организационной и политической»³. Вопреки приказу войсками генерала А.Г. Шкуро был взят Екатеринослав, что потребовало его удержания, следовательно, необходимо было взять Кременчуг, а затем Фастов и Киев.

Весной — летом 1919 г. выявились острые противоречия в руководстве ВСЮР по стратегическим вопросам. Вдохновителем идеи «похода на Москву» был сам главнокомандующий — генерал А.И. Деникин. Его оппонентом выступил командующий Кавказской армией (ранее — Кавказской добровольческой армией) генерал П.Н. Врангель, считавший приоритетной задачей соединение с Восточным антибольшевистским фронтом адмирала А.В. Колчака.

О том, что поход на Москву был запланирован руководством Добровольческой армии, скорее всего, даже до начала 1919 г., свидетельствует высказывание начальника штаба армии генерала И.П. Романовского на встрече с донским атаманом П.Н. Красновым на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.).

¹ Цит. по: Врангель П. Н. Воспоминания. Ч. 1. С. 327.

² Подробнее см. в секретном отчете британского военного представителя на Юге России генерал-майора Г. К. Хольмана от 8 октября 1919 г. (Report on the British military mission, South Russia. 8th October 1919). Выражаю благодарность Е. Н. Дурневу (Екатеринбург) за указание на этот источник.

³ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 62.

⁴ Плющевский-Плющик Ю. Н. 1918–1920 годы. Добровольческая армия // BAR. lu. N. Plushchetskii-Plushchik collection.

Тогда Романовский сказал, что поход на Москву является вопросом будущего¹. О движении на Москву высказался и генерал А.И. Деникин.

Еще 4 (17) апреля 1919 г. Врангель направил Деникину рапорт, в котором говорилось о необходимости движения на Царицын для того, чтобы затем установить связь с Колчаком. По мнению Врангеля, белые не имели сил для одновременно-го наступления по нескольким направлениям, на чрезмерно растянутом фронте требовалось избрать направление главного удара (с той же проблемой столкнулась и Ставка Колчака весной 1919 г.— если войска не наступали, то инициатива переходила к противнику и начинался отход, вопрос о том, возможно ли в маневренной Гражданской войне при низкой плотности войск и отсутствии сплошной линии фронта удерживать фронт и добиваться успеха, наступая только на одном направлении, остается открытым). Парадокс в том, что позднее Деникина критиковали как за отсутствие сосредоточения сил на одном направлении (активный сторонник Врангеля генерал В.Н. фон Дрейер впоследствии даже назвал «Московскую директиву» Деникина «безграмотной в военной отношении»²), так и за то, что на орловском направлении части Добровольческой армии оказались слишком выдвинуты вперед относительно остального фронта (т.е. сосредоточение сил все же имело место, как и очевидный выбор направления главного удара). Врангель отмечал приближение весенней распутицы, которая должна приостановить действия на востоке, в результате чего красные займутся переброской сил на юг. Однако Врангель серьезно просчитался. Распутица привела не к приостановке боев на колчаковском фронте, а к разгрому Колчака.

Примерно с середины лета 1919 г. события на Южном фронте приобрели определяющее значение для исхода Гражданской войны. Здесь развернулась ожесточенная борьба между частями Красной армии и наступавшими на советский центр формированиями ВСЮР. 20 июня (3 июля) 1919 г. Деникин в только что освобожденном от красных Царицыне издал приказ № 08878, более известный как «Московская директива». Согласно этому приказу конечной целью наступления армий было овладение Москвой. Части Добровольческой армии под командованием генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского наступали в направлении Курск — Орел — Тула, для обеспечения с запада войска должны были выдвинуться на линию Днепра и Десны, занять Киев и другие переправы от Екатеринослава до Брянска. Наступавшая восточнее Донская армия генерал-лейтенанта В.И. Сидорина должна была действовать на направлениях Воронеж — Козлов — Рязань и Новый Оскол — Елец — Кашира. Еще восточнее наступала Кавказская армия генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, задачами которой были выход на линию Саратов — Ртищево — Балашов, смена донских частей на этих направлениях и последующее движение на Пензу — Рузаевку — Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву³. «Поход на Москву», как позднее мемуаристы и исследователи стали называть это наступление, первоначально развивался крайне успешно для белых. Части ВСЮР летом 1919 г. овладели Харьковом, Белгородом, Полтавой,

¹ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 552.

² Дрейер В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918—1920 года. Берлин-Шарлоттенбург, 1921. С. 28.

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 487.

Екатеринославом, Киевем, продолжая безостановочно рваться к самому сердцу большевистской России.

Врангелевская идея соединения с Восточным фронтом, казавшаяся реалистичной в апреле 1919 г., к лету в связи с провалом колчаковского наступления стала несбыточной. Тем не менее Врангель, не считаясь с приказами главного командования, пытался реализовывать собственный план. На левый берег Волги был переброшен отряд генерала С. Д. Говорущенко (негенштабиста), что привело к ослаблению войск на главном операционном направлении. Об этом генерал Романовский прямо написал Врангелю 16 (29) июля 1919 г. Нечто подобное происходило и у красных (только инициативу проявляли начальники не на армейском уровне, а главное командование). По свидетельству советского военачальника А. И. Егорова, «в глазах главного командования красных возможность соединения армий Колчака и Деникина была тем стратегическим жупелом, который толкал на явно не соответствующие действительной обстановке операции»^I. Впрочем, это сопоставление свидетельствует в пользу большей дальновидности белого главного командования. В начале июля задачей Кавказской армии Врангеля был разгром остатков 10-й советской армии. Обстановка осложнялась тем, что тылу армии Врангеля угрожала Астрахань, которую прочно удерживали красные.

Между штабом Кавказской армии и штабом главнокомандующего шел беспрерывный торг относительно переброски Врангелю частей и передачи им ряда формирований в другие армии. Врангель требовал прислать 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду взамен переданной в Добровольческую армию 7-й пехотной дивизии, также ему был обещан, но не передан I Донской корпус. Из Кавказской армии была передана в Добровольческую и понесшая большие потери в боях 2-я Терская пластунская бригада. Однако обстановка на фронте Добровольческой армии была очень сложной и требовала наращивания сил. В частности, по сообщению Романовского, пластунская бригада составляла половину пехоты Добровольческой армии на 21 мая (3 июня) 1919 г., а 7-я пехотная дивизия не имела обозов и не могла быть переброшена на фронт. В то же время у Врангеля находился единственный тяжелый артиллерийский дивизион ВСЮР, английский авиадивизион и автобронедивизион. Для взятия Царицына Врангель располагал шестью английскими танками. Врангель отмечал 16 (29) июля 1919 г. в телеграмме генералам Романовскому и Сидорину, что перебрасывал части на левый берег Волги для того, чтобы организовать «скорейшее соединение с войсками Верховного Правителя... Отход уральцев на восток и намечаемая передача донцам вновь первого корпуса, задержание Доброармией второй пластунской бригады и приказание направить туда же терцев, конечно, в корне меняют положение. При этих условиях не только перебросить что-либо на левый берег Волги [в] районе Камышина не могу, но от всякой активности на северном направлении вынужден отказаться. Боевой состав армии... таков, что при указании действовать одновременно и на Астраханском и на Саратовском направлениях последнее направление могу лишь наблюдать»^{II}. После взятия Камышина Романовский потребовал передачи

^I HIA. Vrangeli collection. Box 162. Folder 8.

^{II} Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. С. 177.

^{III} HIA. Vrangeli collection. Box 162. Folder 8.

в Добровольческую армию 2-й Терской дивизии. Также 17 (30) июля 1919 г. Романовский требовал при первой возможности вернуть в состав Донской армии отряд полковника А.В. Голубинцева (негенштабиста). Таким образом, Кавказская армия после взятия Царицына планомерно ослаблялась. Положение ее было тяжелым. Врангель чуть ли не ежедневно в начале августа нового стиля требовал от Ставки присылки кубанской конницы. Из-за малочисленности ВСЮР командованию приходилось заниматься латанием дыр, что и приводило к конфликтам на фронте и обидам. Дело усугублялось плохим снабжением войск.

После взятия Царицына вновь возник вопрос о создании Кубанской армии. Атаман А.П. Филимонов писал об этом генералу А.И. Деникину¹. В ответ Деникин высказался в пользу централизации военного управления, резюмировав, что «ни стратегические, ни политические, ни технические условия, ни численное состояние кубанских частей, не позволяют мне согласиться на Вашу просьбу»². Интересна дневниковая запись полковника А.А. фон Лампе за 3 (16) августа 1919 г. по этому же вопросу: «[Генерал В.Л.] Покровский смело и открыто заявил, что Кубанская армия – это ерунда, т.к. никаких технических сил у нее нет, а я добавлю “и управления”, что есть только казаки и лошади, да и то первых самостийники сбивают с толку – значит, остаются одни лошади. Да это и верно. Подражая Дону, Кубань забывает, что там людей больше и там стонут от недостатка офицерства, а высший командный состав (наштарм – Келчевский) приходится брать извне»³.

Сохранились записи переговоров по прямому проводу командования Донской армии летом 1919 г., из которых можно сделать некоторые наблюдения о кадровой политике в отношении генштабистов. Генерал-квартирмейстер штаба Донской армии полковник Г.Я. Кислов сообщал своему однокашнику по выпуску из академии начальнику штаба III Донского конного корпуса полковнику А.В. Говорову 31 июля (13 августа) 1919 г. о курсовике войсковом старшине А.Д. Дикове: «Наштадив 2-й войсковой старшина Диков в свое время командировался ненадолго в дивизию, но затем, видимо, под давлением генерала Коновалова⁴, был закреплен за этой дивизией. Диков был очень ценным работником в разведывательном отделе штарма, в котором сейчас осталось всего два офицера вместо пяти, и работа останавливается. Кажется, Диков ничего не имеет против возвращения сюда, нужно согласие штакара 3[-го], причем предупреждаю, что [в] ближайшие дни мы получим некоторый запас офицеров для укомплектования должностей Генштаба. За отсутствием офицеров Генштаба решено использовать офицерскую школу в лице офицеров, заканчивающих курс обучения. По заявлению начальника школы и офицера Генштаба, ведущих занятия в школе, там найдется некоторое количество офицеров, несколько не уступающих курсистам. Несколько человек пошлем и вам [в] корпус.

¹ ГАКК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2.

² Там же. Л. 6. Полную публикацию документа см.: «...Выделение Кубанской армии в особую армию явилось бы полным крахом». Письмо главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 11-го июля 1919 года за № 10066 Войсковому атаману Кубанского казачьего войска / публ. О. В. Ратушняк // Казачество России в Белом движении. «Белая гвардия». Исторический альманах (Москва). 2005. № 8. С. 90–91.

³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 32; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 64–65.

⁴ Генерал П. И. Коновалов командовал 2-й Донской конной дивизией.

Не найдешь ли возможным должность наштадив[а] 2[-й] заместить временно кем-либо из наличных офицеров корпуса, а Дикова командировать теперь же в штармдон?»^I

Говоров на это ответил: «Я не понимаю, почему вы не хотите использовать этих способных офицеров из школы, а то где они могут работать под непосредственным руководством старших, а то вы упрекаете нас в малой активности и недостаточности энергии и в то же время забираете всех ценных работников, а нам присылаете офицеров, совершенно незнакомых с этим делом, между тем как им, благодаря громадному фронту, придется вполне самостоятельно руководить действиями частей, между тем [в] результате отсутствие надлежащих наштадивов и наштабригов все время чувствуется. Конечно, я командую Дикова, раз это нужно штармдону и главным образом потому, что сам он, по-видимому, смотрит в лес и приезжал сюда лишь на гастроли, но прошу очень вообще обратить внимание на надлежащий подбор наштадивов, так как считаю, что 70 % наших не особенно удачных действий зависит от этого»^{II}.

Кислов резюмировал: «Алексей Владимирович, напрасно ты упрекаешь нас [в] корыстных замыслах. Я до крайней возможности стою на защите интересов фронта. В вопросе Генштаба доказательства тому налицо – пустые оперативные и разведывательные отделения»^{III}. Таким образом, Донская армия испытывала серьезные проблемы с кадрами Генштаба. Дефицит приходилось покрывать неподготовленными слушателями офицерской школы. Вместе с тем имевшиеся кадры Генштаба на Дону использовались нерационально. Например, генштабистов вместо штабной службы направляли командовать полками, для чего велся кандидатский список^{IV}.

Как и в РККА, были заведены ежемесячные донесения о службе генштабистов, направлявшиеся генерал-квартирмейстеру при главнокомандующем ВСЮР^V. Штаб Донской армии контролировал дополнение послужных списков офицеров^{VI}. Рассматривались вопросы пригодности офицеров к службе Генерального штаба, анализировались ошибки в оперативной работе^{VII}. Например, летом 1919 г. в штабе армии возникли сомнения в пригодности отрешенного от должности начальника штаба 8-й Донской пластунской дивизии полковника Г.Н. Кузнецова. Генерал-квартирмейстер штаба армии просил генштабистов на фронте сообщить свои мнения о квалификации офицера.

Отдельные генштабисты в боевой обстановке действовали решительно. Начальник штаба IV Донского конного корпуса полковник К.Т. Калиновский неоднократно осенью 1919 г. летал с докладом на аэроплане для информирования штаба Донской армии о ходе знаменитого рейда генерала К.К. Мамантова (Мамонтова) по советским тылам^{IX}. Во время рейда штабу корпуса было особенно сложно управлять войсками, но у Калиновского был опыт ведения партизанских операций в тылу противника

^I РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 179об. Штармдон – штаб Донской армии.

^{II} Так в документе.

^{III} РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 179об.–180.

^{IV} Там же. Л. 180.

^V РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

^{VI} Там же. Л. 11, 189.

^{VII} Там же. Л. 14.

^{VIII} Там же. Л. 66–66об.

^{IX} РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Л. 132об., 136об.

еще в годы Первой мировой войны. По одному из свидетельств, Калиновский «как нельзя больше подходил к своему месту начальника штаба корпуса, и, может быть, не раз корпус, благодаря его искусству и военному чутью, избегал больших потерь»^I.

В приказе по Донской армии № 441 от 1 (14) октября 1919 г. отмечались недочеты по итогам инспектирования фронта атаманом А.П. Богаевским. В частности, критиковались методы управления войсками. Обращалось внимание на то, что «в одной из дивизий постоянной армии управление сводится к таким архаическим приемам: раздав участки и задачи командирам бригад, начальник дивизии на этом и заканчивает свою работу. Считаю долгом напомнить, что подобные тактические приемы даже и во время линейной тактики не приносили существенных результатов»^{II}. Критике подверглись и офицеры Генштаба.

Действия белого командования порой отличались тактической нелепостью. Так, главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин в августе 1919 г. прямо писал об этом командующему Донской армией: «Последние боевые действия третьего корпуса приводят меня в полное недоумение... правый фланг третьего корпуса остается пассивным... вижу постоянное вытягивание частей корпуса в прямую линию, маневра же никакого. Оставление направления на Купянск открытым является совершенно недопустимым и, вероятно, вызвано нежеланием перейти разграничительную линию. Такое толкование разграничительной линии корпусом тактически нелепо...»^{III}

Командующий Кавказской армией генерал П.Н. Врангель был также возмущен донским командованием и летом 1919 г. отмечал: «Вопреки желания донцов растопыренными пальцами наступать не могу»^{IV}.

Наступление белых армий Юга России на советский центр в сентябре – начале октября 1919 г. успешно развивалось. Фронт между Курском и Воронежем белыми был прорван. 20 сентября 1919 г. части Добровольческой армии взяли Курск, развивая успех в направлении Орла. 30 сентября генерал А.Г. Шкуро занял Воронеж. 13 октября белые вошли в Орел. Деникиным была захвачена огромная территория Юга России от Днестра до Волги, сил для удержания которой он не имел. Войска на фронте оказались растянуты, причем помимо антибольшевистского фронта необходимо было бороться с махновским движением в тылу и с бандитизмом на Северном Кавказе, что требовало отвлечения немалых сил. На пике наступления во ВСЮР входили 8 корпусов, 3 дивизии и 3 бригады, а также отдельные отряды и части^V.

Генерал-квартирмейстер ВСЮР Ю.Н. Плющевский-Плющик свидетельствовал: «Мы преследовали разбитого противника, и разве не был бы преступен тот полководец, который, разбив армию, отказался бы от преследования до полного ее уничтожения, и разве мы не могли рассчитывать на это уничтожение, если не у Орла, то у Тулы. Я утверждаю, что если бы большевики потеряли бы еще

^I Рейд 4-го Донского корпуса генерала К. К. Мамантова (август – сентябрь 1919 г.): Док. и мат. Подольск, 2018. С. 156.

^{II} РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 61об.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 9. Л. 354.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 10. Л. 70.

^V Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года / публ. Р. Г. Гагуева // Белая гвардия. Альманах (Москва). 1998. № 2. С. 69–96.

неделю-другую и не успели бы организовать корпус Буденного, то мы были бы в Туле, а через месяц, м[ожет] б[ыть], и в Москве, а если бы остановились после взятия в Харькове, то тоже через месяц потеряли бы и этот город, и Ростов. Господа штатские стратеги забыли, что мы вели Гражданскую войну, где порыв значит больше расчета^I, вели ее, имея армию, наспех сформированную из населения, уставшего, разболтанного и развращенного за два года революции, вели на театре, больном той же революционной эпидемией... У нас сорвалось, но не рискнуть мы не могли, да и вся обстановка говорила, что этот риск может увенчаться успехом»^{II}. Генерал полагал, что «в стратегическом отношении Деникин сделал все, что мог, памятуя основную цель Доб[ровольческой] армии разбить врага и занять сердце России – Москву. Деникин как г[лавногокомандую]щий упреков не заслуживает, Деникин как правитель, от которого зависело и состояние театра, и организация, и комплектование войск, и направление внутренней и внешней политики, подлежит критике, и критика подчас может быть и строгой»^{III}.

Гражданская война в отношении принципов ведения боевых действий разительно отличалась от Первой мировой. Участник Белого движения на Юге России генерал Б. А. Штейфон вспоминал: «Опыт Гражданской войны убеждал нас, что самые рискованные предприятия удавались, если они были ведены твердо и энергично. Мы надеялись на свои преимущества в маневре и знали, что если встретим сильное сопротивление красных, то найдем и немало сочувствующих на местах. Мы были убеждены, что по мере движения наши силы будут увеличиваться пополнениями»^{IV}. Однако наступление ВСЮР оказалось плохо обеспечено резервами, о чем свидетельствовали непосредственные участники событий^V. Известно, что на Юге России новобранцы пропускались через армейские или дивизионные запасные батальоны, в которых могли готовиться до полугода^{VI}. Анализирувавший причины неудач ВСЮР полковник А. А. фон Лампе также обратил внимание на отсутствие запасных частей и плохую работу Ставки и инспектора формирований генерала Н. М. Киселевского^{VII}. Как справедливо отмечал генерал А. В. Геруа, «Деникин был в это время везде равно слаб»^{VIII}. Ему вторил генерал А. К. Келчевский, сказавший в 1919 г. знакомому генералу: «Силенки у нас мало»^{IX}. Осенью 1919 г. белым едва хватило сил, чтобы защитить от махновцев Ставку Деникина в Таганроге (махновцы оказались в 100 верстах от города) и важнейшую артиллерийскую базу ВСЮР в Волновахе. Отвлечение войск на борьбу с отрядами

^I Окончание слова неразборчиво.

^{II} Плещевский-Плющик Ю. Н. 1918–1920 годы. Добровольческая армия // BAR. lu. N. Pliushchevskii-Pliushchik collection.

^{III} Там же.

^{IV} Штейфон Б. А. Бредовский поход // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 10: Бредовский поход. С. 46.

^V См., напр.: Трофимов П. М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года / под ред. Р. Г. Гагуева. М., 2018. С. 127, 193, 205. Подробнее см.: Гагуев Р. Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.

^{VI} Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. Кн. 1. С. 24.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 166; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 144.

^{VIII} Геруа А. В. Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 194.

^{IX} Епанчин Н. А. На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 488.

Махно уменьшало силы фронта против большевиков. Генерал А. В. Голубинцев (негенштабист) констатировал: «Резервов у нас почти никогда не было, а тылы были заполнены массой здоровых людей, ибо организации тыла не было»^I. Эти факторы, наряду с рядом других, привели к тому, что наступление белых захлебнулось.

Для успешного осуществления планов «похода на Москву» белым не хватило сил, причем настолько, что даже связанная с огромным риском и самопожертвованием помощь от их сторонников в советских штабах не смогла переломить эту ситуацию. Как писал начальник штаба главнокомандующего ВСЮР генерал И. П. Романовский командующему Кавказской армией генералу П. Н. Врангелю 5 (18) октября 1919 г., «если бы была какая-нибудь возможность Вас усилить пехотой, то будьте уверены, что это было бы сделано, к сожалению, у нас везде жидко и везде идет работа через силу, хотели последние дни вытянуть дивизию в тыл для наведения здесь порядка и не могли этого сделать вследствие слабости фронта»^{II}.

В целом, можно согласиться с Н. Е. Какуриным, по оценке которого «начиная с сентября 1919 г. стратегия белого командования уже не основывается на данных действительной обстановки и строгого учета сил, а является игрой азартного игрока, надеющегося одним ударом сорвать ставку крупной игры»^{III}. Однако надежды так и остались надеждами.

Генштабовская молодежь в Ставке Деникина понимала сложность положения ВСЮР. Как вспоминал генерал П. Н. Врангель, «в оперативном отделении видел я нескольких молодых офицеров Генерального штаба, старых моих знакомых, и убедился, что непрочность нашего стратегического положения им в полной мере ясна. Некоторые из них обращались ко мне с просьбой “обратить внимание главнокомандующего”, “повлиять на главнокомандующего...” Видно было, что вера в высшее командование среди ближайших сотрудников в значительной мере поколеблена»^{IV}.

Критически оценивал белую стратегию и белый генштабист А. А. фон Лампе, который рассуждал в дневнике 3 (16) октября 1919 г. о причинах неудач на фронте: «Я не сомневаюсь, что это результаты нашей авантюрной стратегии — идти как можно быстрее вперед по линии наименьшего сопротивления красных. В результате мы всюду слабее их... У них я все же вижу план — отход в центре и давление на фланги, а у нас решительно ничего — рви вперед и уверяй всех, что Красная армия, дающая контрудары в штыки, развалилась. Я понимаю, что в этом можно уверить массу, но зачем самим-то этому верить — в результате на моих глазах в поезде Селиванова происходит чуть ли не пари, когда овладеют Москвой, и наиболее скептически настроенные говорят, что к 1 декабря, а мое заявление, что никак не ранее весны, встречается недоверием. Ведь Красная армия распалась... Политика наша, а с ней и стратегия хромает — говорю это не под влиянием неудачи и огорчения — я и раньше всегда говорил, что у нас идет наступление стенкой, без всякого плана...»^V Схожие суждения принадлежат генералу А. В. Голубинцеву (негенштабисту): «Если судить по нашим операциям, особенно во второй

^I Голубинцев А. В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. Мюнхен, 1959. С. 205.

^{II} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.

^{III} Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2: 1919–1920 гг. С. 276.

^{IV} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 370.

^V ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–62; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 83–84.

половине Гражданской войны, можно безошибочно вывести заключение, что вообще у главного командования не было определенного или даже ясно осознанно-го плана ведения войны... Были, как бы случайные, частные успехи и поражения, но о причинах тех и других никто не думал... Не старались исправить ошибок или учесть опыт, дабы их не повторять. Все делалось как бы на "ура"^I.

Характерна еще одна запись фон Лампе: «Был в Ставке. Там по-прежнему бла-годушие и беспечность. Киевская катастрофа не расшевелила ее сна. По-видимо-му, она и не была серьезна...»^{II} По мере ухудшения обстановки на фронте мысли фон Лампе становились все критичнее. 27 ноября (10 декабря) 1919 г. он записал: «Не вижу смысла в том, что мы делаем. Единственное решение — сократиться на подходящем нам по масштабу пространстве и там набираться сил и порядка, а то наш теперешний масштаб нам совершенно не по карману, и мы на это толь-ко даром тратим силы и средства, которые бы нам еще очень и очень пригоди-лись. А все равно нам придется ликвидировать наши украинские дела»^{III}.

В декабре фронт белых уже разваливался. Фон Лампе записал в дневнике: «По общим отзывам отход ведется в кошмарных условиях. Войска не дерутся, а отходят без всякого нажима.... Дезертирство идет крупными шагами — у меня сбежали писаря. Люди пропадают каждый день, и это из штаба, где им было теп-ло, ну, а как же из строя — там и Бог велел.

Войска бегут — остаются штабы. На фронте Кавказской, Донской и Доброволь-ческой армий полный отход, по-видимому, в таких же условиях, что и у нас»^{IV}.

По оценке генерала Б. А. Штейфона, к катастрофе белых привело забвение прин-ципа «организация не терпит импровизации»^V. Как отмечал Штейфон в другой ра-боте: «Импровизация... в дальнейшем явилась одной из главных причин развала Вооруженных сил Юга России»^{VI}. Генерал П. И. Залесский, побывавший на фронте летом и осенью 1919 г., давал схожие оценки белым армиям Юга России: «Полное отсутствие организации и порядка. Все двигалось как-то ощупью, случайно, без продуманности и без предвидения; без знаний и без контроля сверху.

Я видел детей, игравших роли генералов и полковников и притом без основа-тельного знания своих ролей. Это была поистине печальная картина, обещавшая полный крах всего предприятия. Но, что особенно тяжело было наблюдать, это постоянное повторение старого, уже пройденного, уже испытанного и пережи-того. Опять легкомыслие, опять эгоизм, опять самомнение, ни на чем не основан-ное! Опять неуважение к знаниям и серьезному опыту; опять внешность и фор-ма, опять слова вместо дела!»^{VII}

По мнению Врангеля, изложенному в мемуарах, «было ясно, что чудесно воз-двигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке. Мы захватили огром-ное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном изо-гнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади

^I Голубинцев А. В. Русская Вандея. С. 203.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 64; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 85.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 151; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 130.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 165; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 143–144.

^V Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. С. 105.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 79.

^{VII} Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 239–240.

ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления. Между тем противник твердо придерживался принципа сосредоточения сил на главном направлении и действий против живой силы врага... Сосредотачивающейся новой крупной массе красных войск главнокомандующему нечего было противопоставить... В стране отсутствовал минимальный порядок. Слабая власть не умела заставить себе повиноваться»^I.

Рассмотрим должностное положение офицеров Генерального штаба на белом Юге. Это положение регулировалось целым рядом нормативных документов. 3 (16) июля 1919 г. был издан приказ главнокомандующего ВСЮР № 1416, согласно которому «в дополнение к приказам по в[оенному] в[едомству] 1917 года № 405 и 482 капитаны, окончившие общий ускоренный курс Николаевской военной академии, имеющие старшинство в чине капитана не менее 4-х лет и прослужившие на должностях Генерального штаба не менее 3-х лет, могут быть представляемы к производству в штаб-офицеры при условии, если они прослужили в составе Вооруженных сил Юга России на строевых должностях или в полевых штабах не менее 6 месяцев. Предоставить означенным офицерам право сокращения срока выслуги по Генеральному штабу, определенное ст. 1 приказа [по] в[оенному] в[едомству] 1916 года № 379, с зачетом времени службы в составе Вооруженных сил Юга России как в строю, так и в полевых штабах за службу в Генеральном штабе и с расчетом такового для участников Кубанского похода и похода отряда полковника Дроздовского по приказу Добровольческой армии 1918 года № 415»^{II}. В том же документе отмечалось, что «офицеры, окончившие общий курс Николаевской военной академии, по прослужении ими в составе Вооруженных сил Юга России не менее 6 месяцев по представлению подлежащего начальства причисляются к Генеральному штабу»^{III}. Таким образом, в основу продвижения по службе генштабистов ВСЮР была положена выслуга непосредственно в рядах ВСЮР, причем особой разницы между штабной и строевой службой не делалось.

Представления о причислении делались в наградном порядке с составлением в каждом случае наградного листа и краткой записки о службе, «в которой с возможной подробностью и точностью отмечать прохождения ускоренных курсов академии, чтобы не было никаких сомнений в праве представляемого на причисление к Генеральному штабу»^{IV}.

Приказом главкома ВСЮР № 1629 от 25 июля (7 августа) 1919 г. штабс-капитаны, окончившие ускоренный курс академии и состоявшие на должностях Генштаба, могли быть представлены к производству в капитаны по выслуге не менее двух лет в чине и не менее шести месяцев во ВСЮР с правом сокращения сроков выслуги в соответствии с приказом № 1416^V.

Телеграммой генерал-квартирмейстера ВСЮР № 1861 от 26 июля (8 августа) 1919 г. право причисления к Генштабу было предоставлено окончившим ускоренные

^I Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 365–366.

^{II} HIA. ROVS collection. Box 14. Folder 1.

^{III} Ibid.

^{IV} РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 191.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 134. Л. 104об.

курсы до 25 октября 1917 г.¹ Таким образом, курсовики 2-й и 3-й очередей были поражены в правах.

Приказом главкома ВСЮР № 2144 от 2 (15) сентября 1919 г. офицеры Генштаба подлежали отчислению от должностей через два месяца отсутствия в связи с эвакуацией, тогда как для обычных офицеров и солдат был установлен четырехмесячный срок. В документе отмечалось, что «столь продолжительное отсутствие от своих частей и должностей лиц командного состава и офицеров Генерального штаба крайне вредно отражается на боевой деятельности строевых частей и штабов»².

Статус курсовиков, в том числе окончивших обучение при красных, вызывал вопросы на белом Юге. Также необходимо было урегулировать вопросы старшинства их службы³. Приказом главнокомандующего ВСЮР № 2995 от 5 (18) апреля 1920 г. регулировалось положение курсовиков у белых: «Офицеры, окончившие два ускоренных курса Военной академии или один общий и прослужившие в составе Вооруженных сил Юга России не менее 6 месяцев, по представлению надлежащего начальства причисляются к Генеральному штабу», а «офицеры, окончившие два ускоренных курса, причисленные к Генеральному штабу и занимающие штатную должность Генерального штаба, по представлению надлежащего начальства переводятся в Генеральный штаб»⁴. Право на причисление к Генштабу получили окончившие младший класс 3-й очереди, ранее этого лишенные «как закончившие свои занятия после утверждения большевитской власти в России». Позднее приказом главкома ВСЮР № 3428 от 9 (22) июля 1920 г. в качестве условия перевода курсовиков в Генштаб было установлено отбытие трехмесячного строевого ценза⁵.

Вслед за многочисленными условностями старой армии в белых армиях сохранялись разнообразные ограничения в отношении службы по Генштабу выпускников и слушателей ускоренных курсов академии. Выпускник ускоренных курсов 2-й очереди полковник А.К. Македонский, уже оказавшись в эмиграции, с горечью писал 4 декабря 1921 г. своему бывшему преподавателю в академии генералу М.А. Иностранцеву: «В Добр[овольческой] армии наш выпуск держали в черном теле, упорно не переводили в Генер[альный] штаб, хотя причислили и дали права. Но эти же права давали и тем, кто, не держа экзамена в академию, прошел всего один 2-месячный ускоренный курс, тогда как в армии адм[ирала] Колчака мой выпуск был переведен. Когда же мы просили, если нас считают недостойными мундира Генерального штаба, откомандировать нас в строй, нам отказывали, т.к. тогда некому было бы занять младшие должности Ген. штаба. Выпуск 1916 г., т.е. те, кто прошли младший класс мирного времени, а курс старшего класса проходили в 1917 году и притом в гораздо более сокращенном объеме, чем мы, с гордостью носили полковничьи погоны Генер[ального] штаба, только потому, что их счастье было кончить академию при Керенском, а наше несчастье при Ленине, но ведь Вы знаете, Ваше превосходительство, что мы в стенах академии большевиков даже

¹ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 190.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 136. Л. 116.

³ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 45.

⁴ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 131.

⁵ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 250.

и не чувствовали, я даже не знаю, как смогла академия додержаться до окончания лекций, не будучи разогнана или переарестована.

Вот такое отношение к нам старших офицеров Генер[ального] штаба оставляло подчас горечь обиды и незаслуженности такого отношения (нас называли большевистским выпуском), тем сильнее была эта обида, что ведь как раз моего выпуска 4 или 5 офицеров были убиты в боях, фактически неся обязанности начальников штабов (шт[абс]-капитаны [К. С.] Хитрово и [М. Н.] Третьяков). Нам всегда казалось, что, будь Вы на юге, Вы сумели бы нас отстоять¹. Сохранение этих условностей, разумеется, отталкивало генштабовскую молодежь, провоцировало рознь и конфронтацию в Генеральном штабе.

Став помощником бухгалтера банка на Кипре, Македонский отмечал: «Вот насмешка судьбы. В одном я завидую своим однокурсникам по академии, оставшимся у большевиков, что они прошли хорошо стаж Генер[ального] штаба, что все же может пригодиться в будущем единой русской армии, в возрождение которой я, безусловно, верю, но все же не жалею, что не последовал их примеру, ибо считаю, что почетнее быть старшим адъютантом и даже рядовым в армии ген. Деникина, нежели начальником штаба в армии товарища Троцкого»².

Однокашник Македонского капитан К. А. Терлецкий писал 12 (25) августа 1920 г.: «До получения Вашей телеграммы я глубоко верил, что причисление уже состоялось, а в недалеком будущем состоится и перевод и производство в следующий чин, но оказалось, что еще нужно много и много времени и предстоит еще много нравственных страданий и лишь потому, что на долю моего выпуска из академии выпало слишком тяжелое время³, потеряв еще в Германскую войну все строевые цензы (с занятием должностей Генштаба в 1916 году) и не получив ничего по службе Генштаба до настоящего времени»⁴. Терлецкого предполагалось использовать на обер-офицерских и младших штаб-офицерских должностях Генштаба в полевых штабах, но не допускать до преподавательской работы как прошедшего ускоренную подготовку⁵.

Курсовик Е. Э. Месснер вспоминал о своем стремлении быть повторно причисленным к Генштабу уже в рядах деникинских войск: «Я был в 1917 г. (не в пример моим однокашникам по академии) причислен к Генеральному штабу; об этом была отметка в моем послужном списке, но не был указан номер приказа Ставки, или штаба фронта, или штаба армии (в революционное время небрежничали и писаря и адъютанты); поэтому я — для верности [—] просил полковника [Г. А.] Эверта снова представить меня к причислению, когда в начале августа 1919 г. пришло распоряжение генерала Деникина возбуждать ходатайства о причислении достойнейших из числа курсантов академии; полковник Эверт написал отличное представление и дал генералу Бредову для наложения на нем резолюции; бумага пролежала на генеральском столе две недели; тогда я во время обычного доклада обратился к генералу за разрешением проситься о переводе в другой штаб; “С чего

¹ Сведения о гибели М. Н. Третьякова не соответствуют действительности.

² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 162–162об.

³ Там же. Л. 161об.–162.

⁴ Подчеркнуто читателем.

⁵ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 245об.

⁶ Там же. Л. 268.

вдруг?” — изумился генерал. “Я вижу, что вы недовольны моей работой”. “Откуда вы это взяли?” “Предполагаю это потому, что вы не находите меня достойным причисления к Генеральному штабу и моему представлению не дали хода”. “Я его задержал, чтобы положить возможно более похвальную резолюцию, да все нет времени хорошенько обдумать ее... Вот ваше представление... Вот и резолюция на нем... Отдайте начальнику штаба и никуда от меня не уходите”. И нельзя было винить Бредова в таком невнимании к своему ближайшему сотруднику — генерал действительно изнемогал от избытка обязанностей»¹.

Сохранение у белых дореволюционной системы чиновничества и старшинства было миной замедленного действия под всей их кадровой политикой в армии. По мере развития белыми успехов на службу во ВСЮР поступали все более высокопоставленные генштабисты, а многие из тех, кто служил прежде, получали все менее значимые должности. Курсовик Е. Э. Месснер вспоминал о событиях конца 1918 — начала 1919 г. в Одессе: «По воле начальства и я не был в строю, а, впервые в моей жизни, служил в большом штабе. Моя карьера шла по снижающейся кривой: при генерале [Е. А.] Леонтовиче я был штаб-офицером для поручений; при генерале [А. Н.] Гришине-Алмазове я стал обер-офицером для поручений и начальником двух отделений штаба; при генерале [А. С.] Санникове между мною и начальником штаба оказалось две инстанции — генерал-квартирмейстер полковник [Н. З.] Неймирок и начальник строевого отделения полковник [В. А.] Ширяев, я же получил должность старшего адъютанта строевого отделения. Это было естественно: в первые дни формирования в Одессе лишь 3 капитана поступили в армию на должности Генерального штаба, а теперь в штаб войск Добровольческой армии Одесского района валом навалили генералы и полковники, одесситы и киевляне. Когда мною (по приказанию начальства) была при помощи газет объявлена регистрация в нашем штабе генералов и офицеров Генерального штаба, то откликнулось несколько десятков человек, нетерпеливо ждавших назначений на должности»². У красных подобную ситуацию представить едва ли возможно. Кроме того, поскольку генштабисты на белом Юге особо не ценились, некоторых переводили на строевые должности.

Делопроизводство белых армий также велось во многом по старинке. Анализ оперативных сводок белых свидетельствует о серьезных упущениях при их составлении. Ветеран Белого движения эмигрант Н. Трофимов, проанализировавший оперативные сводки за период решающего Орловско-Кромского сражения 1919 г., в конце 1926 г. в Праге даже составил «Замечания по поводу оперативных сводок штаба главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (сводки для начальства)». Этот важный документ необходимо привести целиком:

«Пользуясь для составления очерка о генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года оперативными сведениями, любезно предоставленными мне Русским заграничным архивом, считаю долгом сделать следующие замечания:

1. Сводки совершенно не создают правильной картины протекания событий. Сплошь и рядом отсутствуют вовсе или передаются в виде общих фраз сведения с наиболее важных участков и одновременно подробно излагаются маловажные и несущественные события.

¹ Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. С. 216 // BAR. E. E. Messner collection. Box 1.

² Там же. С. 111.

У меня сложилось впечатление, что у составителей отсутствовало понимание совершающихся событий (отсутствие масштаба событий).

2. Постоянно под общей датой сводки приводятся донесения с разных участков, по-видимому по мере поступления донесений в штаб, без ссылки на даты событий. В результате приходится констатировать, что с одних участков сведения помещены с опозданием на три-четыре дня, а с других – всего на один, причем в этих запаздываниях отсутствует постоянность. Т.е. с одного и того же участка в ряде сводок помещены сведения с опозданием на день (т.е. нормально), а затем идут сведения с запозданием в два – три – четыре дня. Часто запоздания происходят на участках, казалось бы, находящихся в наилучших условиях связи.

Сводки не дают правильной хронологии событий.

3. В силу этих условий исчезает всякая рельефность операций. Благодаря этим недостаткам регистрации событий, логика их иногда вовсе ускользает от внимания и без посторонних материалов невозможно выяснить даже общие контуры некоторых операций.

Существенное теряется в мелочах.

4. При донесениях части иногда, по-видимому, преувеличивали число номеров частей противника. Например, в районе восточнее жел[езной] дор[оги] Курск – Орел учитывается в боевых линиях в качестве полной формирующаяся 55[-я] сов[етская] стр[елковая] дивизия, которая в действительности, по-видимому, представляла всего лишь трехполковую бригаду. Несколько раз обращал внимание, что, по-видимому, учитываются части, о которых раньше сообщалось как о совершенно разгромленных.

В отдельных случаях обратил внимание на донесение о силах противника (числе номеров частей), вовсе не соответствующее действительности.

5. Наличие фантастических эпизодов. Мною установлен один. В начале октября в сводке имеется донесение об оставлении нами (т.е. белыми. – А.Г.) г[орода] Дмитриева, а через несколько дней об обратном его занятии.

В Дмитриеве в это время стоял штаб офицерской бригады нашей дивизии, с ним поддерживалась не прерывавшаяся проволочная связь; через Дмитриев шло питание нашего полка – наш полк базировался на Дмитриев – и я категорически могу утверждать, что в начале октября подобного эпизода не происходило». С учетом того, что сводки, начиная с дивизионного уровня, составлялись генштабистами, можно говорить об определенном системном недостатке штабной работы в белом лагере.

Работавшие по старинке белые штабы погрязли в бюрократизме в ущерб делу. Задержки и потери наградных и прочих документов вызывали озлобление у фронтовых офицеров, не исключая и самих генштабистов".

Белые сохраняли штаты штабов, во многом напоминая дореволюционные. Вводились и некоторые новации, в частности, генштабисты теперь служили и в военно-политических органах. Рассмотрим штат штаба командующего войсками Северного Кавказа. Генштабистами в нем должны были являться: начальник штаба (генерал-майор или генерал-лейтенант); в управлении

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 38. Л. 1–1об.

² Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на Юге России. С. 90.

генерал-квартирмейстера – генерал-квартирмейстер (генерал-майор) и штаб-офицер для поручений; в оперативном отделении – старший адъютант (полковник), два его помощника (штаб- и обер-офицеры); в разведывательном отделении – старший адъютант (полковник), два его помощника (штаб- и обер-офицеры); в военнополитическом отделении – старший адъютант (полковник); в мобилизационном отделении – старший адъютант (полковник), два его помощника (штаб- и обер-офицеры); в отделении связи – начальник связи (полковник Генштаба или инженерных войск)^I. Итого требовалось 14 генштабистов.

Особенностью штабной культуры эпохи Гражданской войны было создание оперативных или полевых штабов. Для непосредственного руководства войсками громоздкий штаб во всей своей полноте не требовался, поэтому многие военачальники предпочитали работать с небольшим штабным коллективом, находившимся в прифронтовой полосе. Такая практика существовала как у красных, так и у белых. Полевые штабы нередко функционировали параллельно с основными. Боевая обстановка была переменчивой, а с небольшой группой сотрудников можно было быстро менять место расположения и лучше следить за ситуацией. Например, такой мобильный штаб имелся в Кавказской армии генерала П.Н. Врангеля^{II}.

Важную роль в штабных коллективах играла слаженность взаимодействия. При правильной организации и нормальной атмосфере это позволяло достигать успеха. Между тем межличностные конфликты не были редкостью, а порой и осложняли работу. Начальник 7-й пехотной дивизии генерал Н.Э. Бредов, например, игнорировал собственного начальника штаба полковника Г.А. Эверта, поскольку не одобрял его образ жизни. Из других документов известно, что непростые взаимоотношения складывались у Бредова и с некоторыми строевыми командирами^{III}.

Рассмотрим вопрос служебной занятости генштабистов ВСЮР летом 1919 г. на основе «Алфавитного списка генералов, штаб- и обер-офицеров Генерального штаба Вооруженных сил на Юге России» по состоянию на 15 (28) июня 1919 г.^{IV} В списке указан 521 офицер.

Сравнительно велико было число генштабистов, находившихся в различных резервах чинов. К этой категории было отнесено сразу 66 человек, что не может не свидетельствовать о существенном избытке кадров Генштаба на белом Юге. В аналогичную категорию состоявших на учете вошел еще 31 офицер. Итого 97 офицеров. Иными словами, не были задействованы на службе 18,5% учтенных генштабистов, или почти пятая часть. Возможно, реально таковых было больше, поскольку еще 14 офицеров состояли в распоряжении тех или иных начальников или различных учреждений, а 68 числились прикомандированными к различным штабам и учреждениям.

Посты командующих армиями и начальников армейских штабов занимали по 3 офицера, начальников корпусных штабов – 10 офицеров, дивизионных штабов – 36 офицеров, бригадных штабов – 24 офицера, начальников штабов

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 134. Л. 134–135.

^{II} Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. С. 356.

^{III} «Якутцы не привыкли к поражениям...» (к истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну) / публ. А. С. Кручинина // Военная Быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 20–23.

^{IV} Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 583–610.

крепостей – 2 офицера. Корпусом командовал 1 офицер, дивизиями – 10 офицеров, бригадами (как отдельными, так и неотдельными) – 6 офицеров. Должности старших адъютантов штабов командующих войсками или губернаторов занимали 5 офицеров, штабов казачьих войск – 2 офицера, штабов крепостей – 1 офицер, армейских штабов – 8 офицеров, корпусных – 7 офицеров, дивизионных штабов – 25 офицеров, бригадных штабов – 7 офицеров. 2 офицера являлись обер-квартирмейстерами корпусов, 7 служили штаб-офицерами в корпусных штабах, 12 – обер-офицерами. Прикомандированы к корпусным штабам были 10 офицеров. Помощниками начальников штабов дивизий служили 5 офицеров, прикомандированными к штабам дивизий числились 8 офицеров, к штабам бригад – 1 офицер. Приставку и.д. – исполняющий должность – имели 27 офицеров, т.е. их назначения были не утверждены или временны. Разнобой в цифрах на уровнях армейских, корпусных, дивизионных и бригадных штабов, наличие десятков офицеров, не утвержденных в своих должностных правах, свидетельствуют о неупорядоченности кадровой работы и о том, что далеко не все штабы были укомплектованы надлежащими специалистами.

53 офицера служили в штабе главнокомандующего ВСЮР и различных его структурных подразделениях или имели к ним отношение. 26 офицеров служили в Военном управлении ВСЮР. 15 офицеров служили по военно-учебным заведениям, по связи и военным сообщениям – 12 офицеров, по разведке и контрразведке – 11 офицеров, столько же – по снабжению. Четыре офицера занимали должности командиров батальонов или их помощников, что вряд ли отвечало их квалификации.

Множество генштабистов служили или числились в различных казачьих формированиях, штабах или резервах. По нашим подсчетам, 95 офицеров – в донских, 41 – в кубанских, 27 – в терских и 4 – в астраханских формированиях, всего 167 офицеров, или 32 % от общего количества. В основном (но далеко не всегда) это были выходцы из соответствующих казачьих войск. Таким образом, даже по осторожным расчетам казачьи войска (и, прежде всего, Донское) поставили Деникину не менее четверти офицеров Генштаба. Можно добавить, что на учете управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем ВСЮР на август 1919 г. состояли 23 офицера Генштаба, находившиеся за границей¹.

Многие генштабисты у белых продемонстрировали самоотверженность и чудеса храбрости, сражаясь в строю или участвуя в рискованных подпольных операциях. Генерал Б.И. Казанович в период 1-го Кубанского похода сражался рядовым с винтовкой в руках, участвовал во всех атаках Партизанского полка. Заняв пост начальника 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, он осенью 1918 г. сутками находился на холоде и ветру². Поразительным мужеством отличались генералы М.Г. Дроздовский, В.З. Май-Маевский, С.Л. Марков и др. Генерал-лейтенант Г.Г. Джонсон летом 1919 г. до последнего отстреливался от наступающих красных под Борисоглебском, после чего последним патроном покончил с собой, чтобы избежать пленения³. Командир 2-го Терского казачьего полка полковник Г.Г. Колесников в августе 1919 г. погиб в бою, возглавляя конную атаку полка под Корочей. Храбрость не отменяла

¹ НИА. А.А. von Lampe collection. Box 3.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 385. Л. 1.

³ К-ый. Ген.-лейт[енант] Г.Г. Джонсон // Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919. 10.09. № 359. С. 3.

личных недостатков. В частности, упоминавшийся выше генерал Май-Маевский злоупотреблял спиртным, что негативно сказывалось на управлении войсками.

Командные кадры в связи с их переизбытком использовались крайне неэффективно. Множество офицеров осело в тылу, состоя на довольствии в различных резервах чинов и не стремясь на фронт. На Востоке России у белых существовал острый дефицит кадров, но сколько-нибудь масштабной переброски офицеров с Юга организовано не было. Если в Красной армии генштабисты, пусть и перегруженные работой, занимались своим делом, то в белых армиях их прежние сослуживцы использовались не по специальности. Одни служили в строю и даже сражались рядовыми (что было непозволительной тратой ценнейших кадров), другие помимо штабной работы были вынуждены отвлекаться на сферу гражданского управления. Генерал А.И. Деникин тратил на эти вопросы значительную часть своего времени, хотя не обладал соответствующим опытом. В результате страдали боевые операции, а вопросы гражданского управления также не получали правильного разрешения. Привлечение белыми генштабистов к административной или пропагандистской работе нередко влекло недовольство местного населения, поскольку крестьяне скептически относились к старому генералитету. Об этом, в частности, докладывал начальник харьковского разведывательного пункта начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР 28 октября (10 ноября) 1919 г.¹

Назначенцы не всегда соответствовали по своему опыту должностям. По воспоминаниям главного начальника снабжений ВСЮР генерал-майора В.А. Энгельке, его преемник генерал-майор Г.И. Кортацци не знал дело снабжения. «Он, не скрывая, говорил, что ничего в нем не понимает, удивлялся своему назначению, от которого якобы упорно отказывался и согласился лишь по настоянию генерала Лукомского»². В помощь Кортацци был назначен более опытный интендант генерал-лейтенант Н.И. Богатко. Но в условиях Гражданской войны работа по снабжению армии требовала особых способностей³. Кроме того, генштабисты на снабженческих должностях оказывались уязвимы, поскольку не были знакомы с рынком, не имели связей в торгово-промышленных кругах, не знали политической экономики и не разбирались в товарах и продуктах⁴.

Командование Донской армии только в оперативном отношении, а администрации казачьих войск — лишь формально подчинялись Деникину. На деле они нередко проводили свою линию, шедшую вразрез с линией главного командования. Современник отмечал, что командовавший Донской армией генерал В.И. Сидорин мог игнорировать приказы и Деникина, и донской администрации и «чувствовал себя маленьким царьком»⁵. Сложными были взаимоотношения главного командования с командующим Кавказской армией генералом бароном П.Н. Врангелем. Сохранялись и бывшие конфликты между строевиками и генштабистами. Так,

¹ Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского ОСВАГа / публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. 1991. Кн. 2. С. 346.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 144.

³ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 360.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 124.

⁵ Калинин И. М. Под знаменем Врангеля // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 12: Казачий исход. С. 28.

например, известный кавалерийский начальник генерал С.Г. Улагай не переносил офицеров Генштаба и специально создавал невыносимые условия для их работы^I.

Как справедливо отметил командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров, «постоянного и неусыпного контроля, немедленного исправления недочетов, реагирования на нужды и запросы боевых частей — со стороны белой ставки не было; то же наблюдалось и в армейских органах. А распушенность и самостоятельность старших войсковых начальников довершали отрицательную характеристику методов управления.

Красные армии в этом отношении находились в совершенно ином и, несомненно, более выгодном положении. Метод живого, постоянного руководства высшего командования, частое личное общение с подчиненными при своевременной постановке задач войскам не могли не способствовать успеху»^{II}.

Серьезной проблемой белых являлась плохая организация связи, когда из-за больших расстояний высшие штабы по несколько суток не имели сведений от полков, что сказывалось на управляемости войсками и координации^{III}. Командир 14-й Донской отдельной конной бригады генерал А.В. Голубинцев (негенштабист) вспоминал об особенностях работы штаба II Донского конного корпуса в конце 1919 г., в котором «не знают, где командир корпуса, где подчиненные корпусу дивизии, части не знают, кто правее, кто левее их, хотя и комкор, и начальник штаба — офицеры Генерального штаба»^{IV}. Корпусом временно командовал полковник И.Е. Поливанов, а где находился комкор генерал П.И. Коновалов, известно не было. Голубинцев отмечал неудовлетворительную постановку службы связи и разведки: «Что меня особенно поразило — это абсолютное отсутствие связи между штабом корпуса и подчиненными ему дивизиями, а также отсутствие связи между частями. О противнике также сведения были самые неопределенные и отрывочные»^V. Мемуарист сравнивал организацию связи донских корпусов, отмечая, что в I Донском конном корпусе «все было ясно, определено и точно; свodka получалась частями три раза в день; и три раза штабы бригад посылали срочные донесения в штаб корпуса: об обстановке на фронте, разведке и состоянии частей. Всякий маневр, всякое движение было рассчитано. Между частями непрерывная связь. Ничего не делается втемную. Каждый шаг противника отмечался. Все и всегда были в курсе обстановки»^{VI}.

Между тем деникинская Ставка пребывала в наивно-оптимистическом настроении. Как вспоминал видный политический деятель белого Юга Н.В. Савич, «положение наше было не из блестящих: Екатеринослав все еще в руках Махно, красная конница прорвалась в стык между Добрармией и донцами, Харьков окружен с трех сторон и спешно эвакуируется, Май-Маевский пьянствует, и разложение армии усиливается. Но в Ставке все веселы и бодры, о возможной катастрофе еще не думают, еще уверены, что удастся спасти кампанию, сделать надлежащие переброски и разбить противника по частям. Очевидно, что общая картина

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л. 34.

^{II} Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. С. 364.

^{III} Трофимов П. М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении... С. 56, 63–64, 79–80.

^{IV} Голубинцев А. В. Русская Вандея. С. 135.

^V Там же. С. 134–135.

^{VI} Там же. С. 135.

положения на фронте и в тылу им еще не ясна. Там думают демократическими уступками спасти полупроигранную кампанию, надеются привлечь на свою сторону солдата, мужика, рабочего»^I.

О катастрофическом состоянии военного управления ВСЮР свидетельствует то, что вступавший в должность командующего Добровольческой армией Врангель несколько дней разыскивал отдельные части штаба армии^{II}. Свидетелем развала армии был митрополит Евлогий (Георгиевский), который по пути из Ростова в Екатеринодар в конце декабря 1919 г. наблюдал следующую картину: «Всюду на станциях толпы солдат с винтовками и без винтовок — отряды в беспорядке отступающей нашей армии... Тучи беженцев... словом, общая картина разложения»^{III}.

В начале 1920 г. для спасения положения была создана Кубанская армия под командованием генерала А.Г. Шкуро. Еще летом Деникин считал, что создание Кубанской армии может привести к катастрофе, однако теперь он пошел на подобный шаг, что не предотвратило ранее спрогнозированного печального исхода. По свидетельству генерала В.В. Чернавина, «Кубанская армия, потерявшая связь с главным командованием и вышедшая из-под влияния и руководства его, оказалась в сущности обезглавленной. Ее настоящего, законного командующего армией, ген. Улагая, с его штабом при ней не было, а из наличных старших начальников никто безусловных данных на возглавление не имел»^{IV}. В результате даже в столь сложный для белых период отступления между командирами корпусов Кубанской армии развернулось соперничество^V. Как отмечал очевидец, «все видели нарастающий развал, видели неспособность начальников, занимавших ответственные должности... А положение становилось все более грозным, все понимали, что вопрос шел о голове каждого из участников Белого движения»^{VI}.

Генерал А.В. Голубинцев (негенштабист) писал, что в первые месяцы 1920 г. в Донской армии сложилась чудовищная ситуация с управлением войсками: «Штабы дивизий и бригад не получали никаких директив и приказов, ориентирующих их о цели, задачах, общей обстановке, противнике, своих войсках, и, таким образом, были поставлены в положение каких-то автоматов с завязанными глазами. Отсутствие связи и сведений о своих войсках часто бывали причиной неожиданных катастроф»^{VII}. Речь шла, в частности, о гибели I Кубанского корпуса под командованием генерала В.В. Крыжановского (негенштабиста) под Белой Глиной в феврале 1920 г.

В конце 1919 — начале 1920 г. белые армии Юга России оказались разгромлены, причем эта ситуация для белых была катастрофичной. Белые генштабисты тогда и позднее в своих письмах и воспоминаниях дали целый ряд оценок происходившим событиям. Ближайший соратник генерала П.Н. Врангеля генерал П.Н. Шатилов отмечал, что многие начальники «сознавали вполне, что как в стратегическом руководстве, так и в военно-административном отношении деятельность

^I Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 284.

^{II} Там же. С. 286.

^{III} Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 323. < F

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 37.

^V Там же. Л. 115.

^{VI} Савич Н. В. Воспоминания. С. 323.

^{VII} Голубинцев А. В. Русская Вандея. С. 203.

главного командования являлась неудовлетворительной. Лично я о беспорядках в тылах добровольцев узнал довольно поздно, и когда мне пришлось столкнуться с ними при вступлении в должность начальника штаба Добровольческой армии, то обнаруженное мной зло превосходило то, что я готов был встретить»¹.

Командующий войсками Киевской области генерал А.М. Драгомиров с тревогой писал Деникину 12 (25) декабря 1919 г.: «Мои войска оказались способными только на затыкание дыр и на позорное временами “непротивление злу” и оставление своих позиций даже без сопротивления от одного вида большевиков, идущих в атаку. Наиболее удручающим было то, что сами начальники сознавали, что красных не так уж много, что настроение у них неважное, что они босы, легко одеты, голодны, злы на своих комиссаров, что это, в сущности, “рвань”, против которой достаточно одного-двух хороших полков. И тем не менее мы все уходили от этой “рвани” и никакими силами нельзя было вызвать войска не только на смелые, активные решения, но и на самое элементарное упорство». Генерал констатировал: «У нас в сущности еще регулярной армии нет. Мы располагаем толпами совершенно не обученными, плохо одетыми, скупо вооруженными, живущими на средства населения, а иногда и просто как птицы небесные.

Офицерского корпуса, как корпорации, объединенной единством понятия о чести, авторитете перед подчиненными и проч[им], нет; есть только группа случайно собравшихся офицеров, плохо спаянная, постоянно смотрящая по сторонам в поисках, где лучше... и безопаснее (я говорю про значительное большинство шкурников). Невыплата им жалованья по 2–3 месяца окончательно деморализовывает эту группу, заставляет забывать интересы службы и искать заработка на стороне, не гнушаясь в средствах. Во всех, без исключения, грабежах и вымогательствах денег, в Киеве и окрестностях, участвовали офицеры»². Порядки в тылу ВСЮР характеризует инцидент между генералами П.С. Махровым и В.Л. Покровским (генштабистом), когда последний приказал повесить первого из-за непредоставления вагона его офицеру для тыловых спекуляций (Махров был начальником военных сообщений Кавказской армии)³. Махрову повезло избежать расправы.

Положение фронта усугублялось катастрофой тыла. Генерал Н.Н. Баратов видел причины неудачи в отсутствии теплой одежды и обуви, что породило дезертирство. Другой причиной он считал эпидемию тифа. Еще одной причиной был реакционный облик ВСЮР, однако главной, по его оценке, являлась деморализация командного состава⁴. «Бросалась также в глаза многочисленность и громоздкость всех штабов, начиная со штаба главкома, всех управлений, заведений и учреждений. Все они были по своим штатам, дополненным многочисленными прикомандированиями, рассчитаны на всероссийский масштаб и потребности, тогда как в действительности должны

¹ Шатилов П. Н. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 353.

² Ганин А. В. «У нас в сущности еще регулярной армии нет...»: Письмо командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2019. Т. 14, № 1–2. С. 250.

³ Там же. С. 252.

⁴ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVI. С. 56–57 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

⁵ Баратов Н. Н. Дневник. С. 3 // HIA. N. N. Baratov collection. Box 2.

были обслуживать только Юг России, т.е. одну ее часть... Ставка была, по-видимому, не меньше могилевской, а численность Добрармии была раз в 25–30 меньше»^I.

Плохую организацию тыла и отсутствие снабжения войск всем необходимым в числе причин поражения белого Юга рассматривал и генерал А.В. Голубинцев^{II}. По его мнению, никто и не помышлял об оборудовании тыловых сообщений, ремонте дорог, устройстве мостов и переправ, подготовке оборонительных рубежей, а тыла с военной точки зрения у белых практически не было. Склады в Новороссийске были заполнены английским обмундированием, но из-за плохо налаженного снабжения фронт его не получал, что провоцировало переход войск к грабежам и раздеванию пленных^{III}.

Британский офицер констатировал в отношении тыла ВСЮР: «На железных дорогах царил полнейший беспорядок»^{IV}. И действительно, работа службы военных сообщений ВСЮР оставляла желать лучшего. По мере наступления ВСЮР на советский центр увеличивалась протяженность подконтрольных белым железных дорог. Требовалось больше железнодорожных войск. Фронтовые начальники нередко нарушали работу военных сообщений, незаконно требуя отправки тех или иных поездов вне очереди, подачи экстренных поездов, прицепки вагонов. Не способствовали слаженной работе восстания в белом тылу (в частности, рейды Н.И. Махно). В конце 1919 г. некоторые линии оказывались настолько забиты составами, что поезда порой двигались со скоростью до трех верст в час^V.

Система органов ВОСО ВСЮР была организована следующим образом. Управления заведующих передвижением войск учреждались на каждой железной дороге, работу нескольких заведующих координировал начальник военных сообщений армии или области^{VI}. Работой последних руководил главный начальник ВОСО ВСЮР генерал Н.М. Тихменев, находившийся в непосредственном подчинении главкома. Тихменев помимо прямых обязанностей должен был заниматься решением межведомственных противоречий с управлением путей сообщения и управлением почтовой, телеграфной и телефонной частью.

Генерал В.А. Замбржицкий писал о своих впечатлениях начала марта 1920 г.: «Как офицер Генерального штаба, я, конечно, отлично понимал, что дела плохи, но все же истинных размеров бедствия, а тем более катастрофы, я себе еще не представлял, или, вернее сказать, не хотел и не имел мужества ясно себе представить, потому что это знаменовало смерть, а умирать в 35 лет, в расцвете энергии и сил, в кругу любимой семьи, уже раз вырванной из пасти красных, куда как не хотелось, и поэтому я невольно льстил себе более радужными надеждами, чем, может быть, была действительность»^{VII}. По свидетельству офицера, фронта как такового уже не было. Надежды же белых были стандартными – с наступлением весны справимся с красными. Подобное наивное ожидание «весеннего похода»

^I Там же. С. 10–11.

^{II} Голубинцев А. В. Русская Вандея. С. 203.

^{III} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXIII. С. 38–39 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{IV} Уильямсон Х. Прощание с Доном. С. 72.

^V Гаврилов А. В. Неизвестная история. С. 199.

^{VI} Там же. С. 184.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

на большевиков затем стало отличительной чертой первых лет эмигрантского существования ветеранов Белой борьбы.

Как писал один из деникинских офицеров, полковник Б.М. Жиров:

Генеральный же наш штаб
Оказался слишком слаб,
И весь план его мудреный
В пух и прах разбил Буденный.
Прихоть, знать, судьбы пестра:
Нас разбили вахмистра¹.

Эта незатейливая сатира небезосновательна, хотя она не указывает на многие причины поражения белых, в том числе и на наличие в РККА сотен бывших офицеров Генштаба, без помощи которых ни С.М. Буденный, ни другие стремительно выдвинувшиеся красные военачальники не смогли бы одержать победу над многочисленными противниками. С другой стороны, тот факт, что даже после тысячеверстного отступления белые были в состоянии оказывать сопротивление, свидетельствует об изначально высоких боевых качествах их войск.

Генерал В.Н. фон Дрейер оставил следующее описание штаба Деникина в марте 1920 г.: «В штабном вагоне его (Деникина. — А.Г.) поезда, стоявшего в постоянной готовности на путях в Екатеринодаре, офицеры Генерального штаба, измученные и издерганные от бессонницы и непосильной работы, еще пытались составить какой-то план. Но, не веря сами в возможность его осуществления, они доказывали главнокомандующему, что война на Кавказе проиграна безвозвратно и нужно лишь думать о планомерной эвакуации остаток² армии в Крым»³. По свидетельству одного из штабных работников, Деникин был убежден в том, что ситуация не так катастрофична и скоро наступит перелом. Впрочем, проверить достоверность этого свидетельства, учитывая явную антиденикинскую позицию мемуариста, не представляется возможным. Развал дошел до того, что нельзя было полагаться на войска, и работники штаба, включая генштабистов (например, полковника Д.Н. Тихобразова), брали винтовки со штыками и заступали в патрули, чтобы охранять по ночам домик А.И. Деникина в Екатеринодаре⁴.

Генерал В.В. Чернавин, комментируя воспоминания генерала П.С. Махрова, отмечал, что в начале 1920 г. «штабной аппарат ВСЮР был дезорганизован (это отмечает и сам ген. Махров). Связь Ставки с фронтом была неудовлетворительна, а с Кубанской армией с момента эвакуации Екатеринодара фактически порвалась. Отсутствие в Ставке правильного представления о состоянии фронта стало поэтому явлением обычным. Вполне возможно также, что к сведениям о восстановлении Кубанской армии (если такие сведения до Ставки доходили) не отнеслись

¹ Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. С. 18. Речь идет о Б. М. Думенко и С. М. Буденном — бывших унтер-офицерах старой армии.

² Так в документе.

³ Дрейер В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. С. 97.

⁴ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVII. С. 73 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

с должным вниманием. Здесь могла сказаться специфическая черта главного командования — его скептицизм и пессимизм^I.

Начальник штаба IV конного корпуса полковник А.И. Короваев в приказе по штабу корпуса № 1221 от 20 апреля (3 мая) 1920 г. описал свои переживания в период неудач белых: «Прибыв в штаб корпуса на должность штаб-офицера для поручений, мне волею судеб пришлось принять ответственную должность начальника штаба корпуса, ибо момент был тяжелый; несчастья подорвали дух и подчиненных и начальников. Силы падали, умные под благовидными предлогами уходили на службу в тыл; малодушные — просто бежали; обыкновенные — опускали руки и не могли работать; и только небольшая горсть честных и энергичных людей меня встретила в штабе и охотно пошла со мною для исполнения должностей различных “вридов”. Два месяца по отъезде в командировку полковника [Н.И.] Химича (для устройства своей семьи) я был также “вридом”, и только с 14 марта^{II}, когда кругом все разваливалось и никто не шел на должность наштактора, я принял эту должность как вакантную.

От Ставрополя через Туапсе и далее до Сочи я видел скромные труды моих помощников и ценю их очень высоко. Нашим уделом была работа при тяжелых условиях отхода упавших духом войск, иногда с потерей всяких надежд на лучшее будущее; изредка радостные лучи успехов освещали наш крестный путь. Многие из нас бросили там самое драгоценное в личной жизни — жен, детей, матерей [—] и самоотверженно шли без надежд, лишь свято выполняя долг честного борца и человека. Мы “заложили жен и детей” и выписали их в расход: они уже живут за счет Ленина и Троцкого. Но этого еще мало: мы должны идти дальше и выписать в расход и себя, ибо иначе мы не выкупим Отечества»^{III}. Приказ дает общее представление о работе штаба в условиях отступления.

С приходом к власти на белом Юге 22 марта (4 апреля) 1920 г. генерала П.Н. Врангеля начались реорганизация органов военного управления и упорядочение тыла. Как свидетельствовал современник, «с первых же шагов командования армией генералом Врангелем, несомненно, всеми и везде почувствовалось управление. Число свободных офицеров в тылу стало заметно уменьшаться, войсковые части, пополнялись, по[д]тягивались и в скором времени отправлялись на фронт, начали исчезать излюбленные до того “реквизиции”, якобы для надобностей армии в порядке “самоснабжения”, с которым генерал Деникин слишком мало боролся и что, однако, сильно вооружало население против Добрармии...”^{IV} Такое свидетельство не единично. По оценке генерала В.А. Замбржицкого, «после Деникина хаос и развал царили всюду, в верхах и в низах, но, главным образом, в верхах. Врангель сумел в короткий срок упорядочить все...”^V В армии возросла дисциплина.

Тем не менее базовые принципы, на которых строились белые армии, переменить Врангель не смог. Как отмечал генерал П.И. Залесский, «армия по существу оставалась прежняя, со всеми ее прежними недостатками... Те же “дивизии”

^I ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 34.

^{II} 27 марта нового стиля.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 348. Л. 1.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 221. Л. 69.

^V ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 142.

из 400 штыков, те же поручики на ролях генералов; те же “вундеркинды” всюду — и в военной и в гражданской администрации; тот же протекционизм, те же “свой” везде, та же “лавочка” всюду; то же служение лицам... младшие командовали старшими без всяких данных на такое предпочтение... Управление Генеральным штабом было вручено офицеру, который гораздо лучше знал жандармское, чем военное дело...»^I По свидетельству генерала П.И. Аверьянова, «к сожалению, приходится констатировать непреложный факт: все лица, бывшие у Деникина в опале или составлявшие ему оппозицию, находили у Врангеля благосклонное отношение к ним и получали назначения»^{II}. Тот же Аверьянов отмечал: «Видно, что ни тлетворный дух прежнего “Освага”, ни прежние “генеральские” интриги и распри не были изжиты Добрармией и продолжали разрушать ее великое дело и в Крыму»^{III}.

Приказом главнокомандующего ВСЮР № 2859 от 19 марта (1 апреля) 1920 г. штаб главкома ВСЮР подлежал сокращению. По новому штату он состоял из пяти управлений: 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров, дежурного генерала, начальника военных сообщений и инспектора артиллерии. Военное и морское управления были переформированы в единое военно-морское управление в составе: части Генерального штаба, части общей, части военно-судной, управления полевого санитарного инспектора, управления начальника снабжений^{IV}. Позднее из штаба были выведены контрразведывательные органы, переданные в ведение начальника Военного управления (приказ главнокомандующего ВСЮР № 3116 от 3 (16) мая 1920 г.), а отдел 2-го генерал-квартирмейстера тогда же был передан в отдел Генерального штаба Военного управления^V. 1 (14) июня при штабе был создан особый отдел. С 19 августа (1 сентября) 1920 г. штаб именовался штабом главнокомандующего Русской армией.

16 (29) марта 1920 г., еще за несколько дней до ухода Деникина, генерал И.П. Романовский оставил пост начальника штаба ВСЮР. Его сменил либерально настроенный генерал П.С. Махров, ранее занимавший пост генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР. Романовский стал помощником главнокомандующего, но после отставки Деникина вместе с последним уехал из Крыма за границу, а через несколько дней был убит в Константинополе.

Махров был, безусловно, выдающимся генштабистом, владевшим тремя иностранными языками, широко образованным и начитанным, публиковавшимся до революции в военных журналах^{VI}, обладавшим серьезным военно-административным опытом. Для понимания обстановки Гражданской войны следует отметить, что его родной брат являлся видным военным специалистом РККА. Взгляды генерала Махрова вызывали раздражение в штабе^{VII}, и летом 1920 г. его сменил близкий друг и сподвижник Врангеля генерал П.Н. Шатилов, прежде занимавший

^I Залесский П. И. Возмездие. С. 252–253. Возможно, речь идет об опытным контрразведчике и бывшем жандарме генерале Е. К. Климовиче, однако он не занимал должность начальника Генерального штаба.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 278об.

^{III} Там же. Л. 276об.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 45.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 112.

^{VI} Дрейер В. Н., фон. На закате империи. С. 174.

^{VII} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 28.

пост помощника Врангеля, а до того являвшийся начальником штаба Кавказской армии Врангеля. Шатилов был генералом сомнительных качеств и способностей. Однако, в отличие от генерала Романовского, о нем в офицерской среде отзывались без злобы, а скорее с юмором.

Врангель высоко ценил Шатилова. Вспоминая совместную службу в Кавказской армии, он отмечал, что «генерал Шатилов в должности начальника штаба армии оказался для меня совершенно незаменимым помощником. Блестящего ума, выдающихся способностей, обладая большим военным опытом и знаниями, он при огромной работоспособности умел работать с минимальной затратой времени. Дело у него буквально горело. Избавляя меня от многочисленных второстепенных вопросов и принимая на себя, когда того требовали обстоятельства, ответственные решения, он в то же время не посягал на свободу моих, составляя в этом случае редкое исключение среди наиболее способных офицеров нашего Генерального штаба. Помимо служебных, я был связан с Шатиловым и старыми дружескими отношениями»^I.

По оценке генерала В.Н. фон Дрейера, «такой молодой, сравнительно, человек, как Шатилов, если и был на месте в роли начальника штаба, как послушный исполнитель воли Врангеля, то для управления сложным административным аппаратом совершенно не годился. У него для этого не было ни опыта, ни знаний, ни достаточно эрудиции»^{II}. По оценке полковника Н.Н. Тилли, Шатилов «был незаурядным офицером, но как работник в кабинете или канцелярии был совершенно никуда не годен. Это был тип лихого кавалерийского офицера, к[оманди]ра не эскадрона даже, а партизанской сотни»^{III}. Репутация Шатилова была подмочена тем, что в Первую мировую войну, будучи дважды по ошибке награжден Георгиевским оружием за один и тот же подвиг, он попытался добиться замены второго награждения производством в следующий чин^{IV}. За этот проступок Шатилова едва не исключили из Генштаба — спасло вмешательство отца — члена Государственного совета. Вызывало серьезные вопросы также награждение Шатилова в период развала 1918 г. на Кавказском фронте столь высокой наградой, как орден Св. Георгия 3-й степени и производство в генеральский чин^V. Впоследствии над этим в фельетоне «Россия-Го» иронизировали советские сатирики И. Ильф и Е. Петров, а генерал А.И. Деникин в личной переписке в эмиграции именовал Шатилова прохвостом^{VI}.

Фон Дрейер отметил, вспоминая события Первой мировой войны, что «Врангель, очень храбрый и самостоятельный, в сущности, не нуждался в начальнике штаба; он все решал сам»^{VII}. 1-м генерал-квартирмейстером был полковник Г.И. Коновалов, 2-м — полковник П.Е. Дорман. Дежурным генералом был генерал-майор С.М. Трухачев, занимавший этот пост еще в деникинский период.

^I Там же. Ч. 1. С. 359.

^{II} Дрейер В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. С. 108.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 680. Л. 49.

^{IV} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1336. Л. 28.

^V BAR. ROVS collection. Box 164.

^{VI} Письма генерала А. И. Деникина. Ч. 1 (1922–1934) / публ. Н. Н. Рутыча и Н. М. Янова // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1983. № 128. С. 80.

^{VII} Дрейер В. Н., фон. На закате империи. С. 208.

Полковник А. А. фон Лампе записал в дневнике о новом составе Ставки: «Я говорил с Махровым. Его уговорили согласиться стать генквармглавом^I – Коновалов, Дорман, брат^{II}, [Т. А.] Аметистов и т. п. Весь подбор сделан ими, они сыгрались, работа начата, вся политическая часть и пропаганда лежит на Дормане, все они друг за друга держатся – Махров относится нервно ко всякому нажиму на свою комбинацию – я высказал Шатилову свой взгляд, что не следует без серьезных причин ломать настроенную организацию, и он не особенно охотно, но согласился со мною»^{III}. Симпатизант Врангеля фон Лампе отмечал: «Врангель и Шатилов напоминают мне два цветка, расцветших на полузавядших стеблях»^{IV}. Иные оценки давал полковник П. Е. Дорман в разговоре с генералом П. С. Махровым: «Мы с тобой очень много знаем о деятельности этой своры гвардейского окружения»^V.

Врангель наметил ограничить сферу компетенции штаба военными вопросами, изъяв политические. Кадровые перестановки Врангель планировал осуществлять постепенно, чтобы сделать их менее болезненными^{VI}. Армию было намечено свести в три корпуса – I и II армейские под командованием генералов А. П. Кутепова и Я. А. Слащева и Донской под командованием генерала Ф. Ф. Абрамова. Слащев и Абрамов были выпускниками Николаевской академии.

Реорганизация армии проводилась в соответствии с докладом генерала Махрова от 8 (21) апреля 1920 г., в котором признавалось превосходство РККА над белыми и содержалась программа переустройства армии на регулярной основе^{VII}. Среди предложений Махрова, поддержанных Врангелем, была идея военного союза с петлюровцами. Доклад Махрова подсказал Врангелю идею переименования ВСЮР в Русскую армию (у Махрова – Крымская русская армия). Махров предлагал всех боеспособных отправить на фронт, оставив минимальными аппараты управления и снабжения. Тем не менее сделать это не удалось. На сентябрь 1920 г. при общей численности врангелевских офицеров в 50 000 человек на фронте находилось только 19 000 (непосредственно боевого состава лишь 6000), остальные состояли в тыловых учреждениях. Таким образом, в тылу находилась большая часть офицеров Русской армии^{VIII}.

Донская армия сводилась в корпус. По штату должности Генштаба в нем были следующими: начальник штаба (генерал-лейтенант или генерал-майор), начальник оперативной части (полковник), три старших адъютанта (штаб-офицеры)^{IX}. В управлении Донской казачьей дивизии по штату полагались четыре должности Генштаба: начальник штаба, его помощник и два из трех старших адъютантов^X.

Ставка занялась упорядочением дел, в том числе в кадровом вопросе. 17 (30) мая 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР полковник Г. И. Коновалов запросил начальника штаба Сводного корпуса относительно

^I Генерал-квартирмейстером при главнокомандующем.

^{II} Т. е. полковник В. С. Махров.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 108.

^{IV} Там же. Л. 109.

^V Махров П. С. Ген. Врангель и Б. Савинков. Тетрадь 3. С. 179 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

^{VI} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 2. С. 29.

^{VII} Публикацию доклада см.: Секретный доклад генерала Махрова // Грани. 1982. № 124. С. 183–243.

^{VIII} Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. 1922. Т. 2. С. 235.

^{IX} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 86. Л. 69.

^X Там же. Л. 48; Д. 125. Л. 49.

назначений в штабе: «Прошу сообщить, почему должность штаб-офицера [для] поручений у вас занимает курсовик, тогда как [в] вашем распоряжении имеются Генштаба полковник[и А.И.] Парв и [Н.М.] Никифоровский. Полковник Липовский, не окончивший ни одного курса академии, не может занимать должностей Генштаба. Согласно только что разработанного Положения о службе офицеров Генштаба, на должности комбригов могут допускать[ся] офицеры Генштаба, откомандовавшие полками и до полков ротами, сотнями или батальонами или дивизионами, почему если полковник[и М.К.] Соломахин и Петров не имеют указанных цензов, то они должны быть возвращены на должности Генштаба, причем в первую очередь таковые должны быть замещены в штадивах. Соломахин и Петров могут занимать какие угодно должности по строю при условии, что они от службы в Генштабе отказываются»¹.

По данным на весну 1920 г., во ВСЮР были установлены ежемесячные срочные донесения о службе офицеров Генштаба к 15-му числу по почте, а к 1-му и 20-му числам требовалось сообщать телеграфом обо всех переменах².

Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего требовал от генштабистов соблюдения служебной дисциплины. В частности, 5 (18) мая 1920 г. в штабы рассылалась следующая телеграмма: «Мною замечено, что многие офицеры Генерального штаба и курсовики, получая предписание отправиться к месту нового назначения, долгое время не отбывают по месту службы. Всех офицеров, опаздывающих [к] месту службы без уважительных причин, прошу привлекать к законной ответственности»³.

Основополагающим документом, определявшим условия службы генштабистов в белом Крыму, стал подписанный генералом П. Н. Врангелем приказ главнокомандующего ВСЮР № 3428 от 9 (22) июля 1920 г. В приказе говорилось об урегулировании службы офицеров Генштаба на новых основаниях. Выпускники академии подчинялись начальнику штаба Врангеля, их назначения утверждал лично сам главнокомандующий по представлениям начальника штаба, Врангель приказывал восстановить прикомандирования генштабистов к строевым частям для командования ротами и батальонами (эскадронами, сотнями и дивизионами в коннице). Сроки прикомандирования для командования батальонами составляли три месяца. После прохождения этого ценза можно было получить назначение на должность начальника штаба дивизии и командира полка либо перевод в Генеральный штаб для причисленных ранее. От прикомандирований освобождались те, кто отбыл этот ценз в Первую мировую войну, командуя ротой (эскадронам, сотней) не менее четырех месяцев, кто до академии прослужил три года в пехоте или кавалерии и не менее года нес службу Генерального штаба в штабах дивизий.

Врангель также восстановил обязательный четырехмесячный ценз командования полком (к этому приравнивалось полугодичное командование бригадой в Гражданскую войну или полугодичное успешное командование полком в Первую мировую войну) для назначения офицеров Генерального штаба на генеральские должности. Из правил при необходимости допускались исключения. Назначения

¹ РГВА. Ф. 39674. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 38.

командирами полков должны были производиться в порядке выпусков из академии и по старшинству в чине в каждом выпуске. Генералы, не отбывшие ценз, должны были его пройти.

Через два года после командования полком для сближения со строем полковники и генерал-майоры Генштаба подлежали прикомандированию к строевым частям на четыре месяца на должности командиров бригад и помощников начальников дивизий. Как и в случае с цензом командования полками, дальнейшее продвижение по службе ставилось в зависимость от аттестаций по итогам ценза.

Вводились и другие новации. Так, для ознакомления выпускников академии с другими родами оружия они на месяц прикомандировывались к строевым частям кавалерии и артиллерии (но не чаще раза в год), а в дальнейшем – к бронепоездным и танковым дивизионам, автоброневым и авиационным частям, флоту. Таким образом, Врангель планировал подготовить высококлассных эрудированных специалистов с широким кругозором, однако времени воплотить эти рациональные идеи в жизнь история ему не отвела.

Приведем текст документа целиком:

«В целях урегулирования прохождения службы офицеров Генерального штаба, а также сближения их со строем, приказываю:

1) Всех офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и окончивших ускоренные курсы Николаевской военной академии, в отношении службы Генерального штаба подчинить начальнику моего штаба.

2) Назначения офицеров на должности Генерального штаба утверждаются мною по представлению начальника моего штаба, применительно к утвержденной мною 12 мая с.г. инструкции порядка разрешения и осуществления вопросов о прохождении службы офицерскими чинами Вооруженных сил Юга России.

3) Восстановить требование об обязательных прикомандированиях до назначения начальниками штабов дивизий и командирами полков офицеров Генерального штаба к строевым частям для командования ротами (эскадронами, сотнями) и батальонами (в коннице – дивизионами), заменив их, по условиям современной обстановки, прикомандированием к строевым частям на три месяца для командования батальоном (в кавалерии и казачьих частях дивизионом).

Офицеров Генерального штаба, не отбывших успешно это прикомандирование, не назначать на должности начальников штабов дивизий и командиров полков, а причисленных к Генеральному штабу – не переводить в сей штаб.

Офицеров Генерального штаба: а) отбывших полностью прикомандирование для цензового командования ротой (эскадроном, сотней) или б) прокомандовавших во время бывшей русско-германской войны непрерывно не менее четырех месяцев ротой (эскадроном, сотней), а также в) проходивших до поступления в академию в течение трех лет службу в пехоте или кавалерии и фактически исполнявших во время бывшей русско-германской войны и во время борьбы с большевиками в течение не менее одного

года в штабах дивизий службу Генерального штаба, — считать выполнившими указанное выше требование и от прикомандирования освободить.

4) Восстановить требование обязательного командования полком офицерами Генерального штаба до назначения их на генеральские строевые (командирами бригад и выше) и Генерального штаба должности (начальников штабов корпусов, генерал-квартирмейстеров и пр.), установив, по условиям современной обстановки, минимальный срок командования полком — четыре месяца.

Примечание 1. Офицеров Генерального штаба, не выполнивших правил цензового командования, указанных в §§ 3 и 4 настоящего приказа, и занимающих в настоящее время должности: начальников штабов дивизий и корпусов и вообще генеральские должности Генерального штаба, привлечь к отбытию цензов по выбытии их с ныне занимаемых должностей.

Примечание 2. Командование бригадой до выхода сих правил в течение не менее шести месяцев во время борьбы с большевиками приравнять к командованию полком.

Начальнику моего штаба предоставляется, в случае требования интересов службы, делать соответствующие назначения офицеров Генерального штаба, не подходящих к указанному выше п. 4 сих правил, каждый раз с моего личного согласия.

Штаб-офицеров Генерального штаба, командовавших успешно полками во время минувшей русско-германской войны не менее шести месяцев, считать откомандовавшими полками полные сроки.

Назначение на должности командиров полков производить в порядке постепенности выпусков из академии и по старшинству в чине в каждом выпуске.

Дальнейшее продвижение таких офицеров поставить в зависимости от их аттестаций по должности командиров полков.

Офицеры Генерального штаба, проходившие службу в кавалерии и отбывавшие строевые прикомандирования по кавалерийской линии, могут быть назначаемы, в виде изъятия, командирами пехотных полков, с тем, что дальнейшее их служебное движение будет проходить по пехотной линии.

Офицеры Генерального штаба, проходившие службу по казачьей линии, могут быть назначаемы, при условии отбытия строевых прикомандирований к кавалерии, командирами кавалерийских полков.

5) Допустить для приобретения права назначения на генеральские строевые и Генерального штаба должности в виде изъятия из предыдущей статьи генерал-майоров Генерального штаба, не откомандовавших ранее полками положенные сроки, или во время минувшей русско-германской войны в течение шести месяцев, или во время борьбы с большевиками трех месяцев, к назначению на должности командиров бригад или помощников начальников дивизий, с зачислением по соответствующим родам оружия, установив, по условиям современной обстановки, минимальным сроком командования шесть месяцев.

Дальнейшее служебное движение таких генералов поставить в зависимости от успешности командования ими бригадами и аттестации по этим должностям.

6) Для освежения строевых познаний и для сближения со строем полковников и генерал-майоров Генерального штаба, откомандовавших полками положенные статьей 4-й сего приказа сроки, прикомандировывать через два года по откомандовании полком к строевым частям на четыре месяца для исполнения должностей командиров бригад и помощников начальников дивизий.

Дальнейшее движение этих офицеров по строевой линии поставить в зависимости от полученных ими по указанным должностям аттестаций.

7) Для ознакомления офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и окончивших ускоренные курсы Николаевской военной академии, с другими родами оружия, во время занятия названными офицерами штаб- и обер-офицерских должностей Генерального штаба, прикомандировывать на месячный срок к строевым частям кавалерии и артиллерии, допуская в течение одного года не более одного такого прикомандирования. По прохождении прикомандирования к основным родам оружия прикомандировывать их в течение того же года, по мере возможности, на такой же срок к специальным родам оружия — бронепоездным и танковым дивизионам, автоброневым и авиационным частям, а также к флоту.

8) Ввиду производств в армии по сокращенным строевым цензам независимо от должностей, допускать производство в штаб-офицеры — офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и окончивших ускоренные курсы Николаевской военной академии, независимо от занятия ими штаб-офицерских должностей, при условиях выполнения ими всех прочих требуемых законом данных¹.

В тот же день Врангелем был подписан приказ № 3430, регулировавший привлечение лиц с высшим военным образованием на должности среднего командного состава. Согласно этому документу, офицеры Генштаба, причисленные и курсовики подлежали командированию в строевые части на три месяца для командования батальонами (в кавалерии и казачьих частях — дивизионами). Очередность командирований должен был установить начальник штаба главнокомандующего по согласованию с командирами корпусов. Также предписывалось командировать в распоряжение начальника штаба главнокомандующего генерал-майоров и полковников Генштаба для командования бригадами и исполнения должностей помощников начальников дивизий. Командируемые должны были иметь опыт командования полками (продолжительность — шесть месяцев в Первую мировую войну или четыре месяца против красных)². После прохождения такого командирования на эти должности направлялись последующие офицеры. Часть штаб- и обер-офицеров предписывалось командировать в кавалерийские и артиллерийские части,

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 148–149об.

² НИА. P. A. Koussonsky collection. Box 3. Folder 10.

а также в бронепоездные и танковые дивизионы, автоброневые и авиационные части и во флот на месячный срок для изучения службы этих родов оружия. Наконец, вакансии командиров пехотных и кавалерийских полков также должны были на $\frac{2}{5}$ замещаться полковниками Генерального штаба с тем, чтобы в перспективе до трети всех полков находилось бы под командованием таких офицеров. Для назначений генштабистов на должности (командиров полков, батальонов, дивизионов и т.д.) составлялись кандидатские списки. Позднее были сделаны дополнения. В частности, согласно приказу № 3625 от 9 (22) сентября 1920 г. на должности командиров полков и бригад генштабисты должны были назначаться в процентном отношении по старшинству выпусков¹. В случае отказа вакансия предлагалась следующему кандидату. Время выполнения строевого ценза (командования полком или бригадой) становилось определяющим для расчета старшинства офицеров.

Полковник А. А. фон Лампе, узнав о новых правилах службы Генштаба, записал в дневнике 7 (20) октября 1920 г.: «Сегодня совершенно случайно в крымском “Военном голосе” я прочел правила службы Генштаба.

Выходит так, что мне чуть ли не ротой надо командовать, иначе я не получу штадива или полка, а для производства в генералы надо 4 месяца командовать полком.

При этом засчитывается за командование ротой: три года в строю и год в штадиве! Ну, а 6 лет в строю, причем год на войне (1904–[19]05) и год командования ротой? Это не считается?

А впрочем, есть пункт, разрешающий наштаглаву назначать с согласия главкома офицеров Генерального штаба и на иные должности с его согласия, то есть главкома. Попробуем жить по этому пункту, а генеральских погон мне пока еще не надо! Проживу и без них, подожду еще, командовать полком не хочу — солдатам не верю и верить не буду»².

На генштабистов Врангелем возлагалась и политическая работа. Приказом главнокомандующего ВСЮР № 3470 от 27 июля (9 августа) 1920 г. ведение политической работы за границей, а также пропаганды среди красных войск было возложено на начальника отдела Генерального штаба через обер-квартирмейстера. Также при штабах групп, корпусов и дивизий для ведения такой работы должны были находиться специальные лица. Для этого в штаты штабов групп и корпусов вводилась должность штаб-офицера для поручений (Генерального штаба), обер-офицера и писаря. В штаты штабов дивизий — должность обер-офицера для поручений. В Ставке при генерал-квартирмейстере должен был служить штаб-офицер Генерального штаба в составе управления обер-квартирмейстера. Кроме того, при этом же управлении создавались курсы подготовки агентов-пропагандистов³.

28 июля (10 августа) 1920 г. начальник штаба Врангеля генерал П. Н. Шатилов утвердил «Временное положение о переводе в Генеральный штаб офицеров, причисленных к сему штабу», опубликованное в приказе главкома ВСЮР № 3512 от 31 июля (13 августа) 1920 г. На перевод имели право ранее причисленные к Генштабу «законной властью в старой русской армии или властью

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 104.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.

³ HIA. P. A. Koussonsky collection. Box 3. Folder 10.

главнокомандующего В[ооруженными] [силами] на Ю[ге] Р[оссии]»¹ офицеры. Таким образом, поражались в правах те, кто был причислен к Генштабу в Советской России или в других государственных образованиях. С другой стороны, курсовики 2-й очереди, выпустившиеся в Советской России весной 1918 г., переводились в Генштаб. Также переводились те офицеры, которые в 1908–1914 гг. окончили два класса академии, или те, кто в 1914 г. окончил младший класс, а старший – уже в рамках ускоренных курсов 1-й очереди.

Для перевода требовалось удовлетворять следующим условиям: прослужить во ВСЮР не менее девяти месяцев; пробыть причисленным к Генштабу не менее трех месяцев; отбыть строевой ценз по приказу № 3428; занимать штатную должность Генштаба не менее трех месяцев. Перевод осуществлялся властью главнокомандующего по представлению начальника штаба. О каждом переводимом предварительно запрашивался суд чести офицеров Генштаба на предмет обстоятельств, которые бы препятствовали такому переводу. Переведенные в Генштаб окончившие два курса академии до 1914 г. приравнивались в правах к выпуску 1915 г., выпускники старшего класса ускоренных курсов 1-й очереди – к выпуску 1916 г., а курсовики 2-й очереди – к выпуску 1917 г.

Немалые потери в кадрах Генштаба белые понесли при оставлении Северного Кавказа и уходе в Крым весной 1920 г. В этой связи был выпущен специальный приказ главнокомандующего Русской армией № 3593 от 31 августа (13 сентября) 1920 г., в котором отмечалось, что многие офицеры Генерального штаба остались на советской территории, на Кавказе, уехали или были командированы без согласования за границу, самовольно убыли из армии. При этом часть возвратилась и не понесла никакого наказания по службе. Документ должен был урегулировать положение возвращавшихся в армию, чтобы не ущемлять права тех, кто добросовестно служил у белых и никуда не уезжал. По возвращении ранее убывших офицеров в армию предписывалось расследовать обстоятельства оставления ими войск судом чести офицеров Генерального штаба. Самовольно оставивших ряды армии или не вернувшихся из командировок и отпусков в срок предписывалось исключать со службы. Командированных без согласования на неопределенные сроки также исключали, если они не вернулись через два месяца после отъезда. Эвакуированные по болезни или ранению считались законно убывшими в течение полугода, после чего исключались из списков, если не требовалось более длительное лечение. Вопрос о восстановлении на службе определялся для штаб- и обер-офицеров судом чести офицеров Генерального штаба, а для генералов – распоряжением начальника штаба главнокомандующего. Время пребывания вне армии без уважительных причин в счет старшинства службы не принималось. Приведем документ в полном объеме:

«При эвакуации частей Добровольческой армии с Северного Кавказа в Крым и в последующее время – большое количество офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков Николаевской военной академии выбыло из состава армии по различным причинам, как то:

а) остались в пределах, оставленных Добровольческой армией,

¹ Ibid.

б) остались за границей или в пределах государственных образований Кавказа, при проходе через них отходящих частей армии,

в) убыли по эвакуации за границу,

г) убыли за границу в отпуск для лечения болезней или по домашним обстоятельствам,

д) были командированы за границу непосредственными начальниками без утверждения этих командировок штабом главнокомандующего или Военным управлением,

е) убыли самовольно, без надлежащего разрешения.

Некоторые из этих офицеров впоследствии вернулись на службу в Русскую армию, остальные же продолжают до сего времени находиться вне пределов, ею занятых.

При возвращении таких офицеров на службу в состав армии, пребывание их, без законных на то оснований, вне службы несколько не отличало их в служебном отношении и в отношении старшинства службы в Русской армии от тех офицеров, которые, продолжая неизменно оставаться на службе, несли на себе все тяготы и труды ее боевой жизни.

В целях восстановления нарушаемой этим справедливости, а также для определения старшинства приказываю впредь установить нижеследующие основания исчисления службы и определения на службу всех офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и окончивших подготовительные курсы Николаевской военной академии и допущенных к исполнению должностей Генерального штаба, возвращающихся на службу после незаконного отсутствия из армии:

1) Всех офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков академии, допущенных к исполнению должностей Генерального штаба, *оставшихся в районах и областях, покинутых Добровольческой (Русской) армией*, исключать из списков как пропавших без вести, а в случае возвращения их вновь на службу определять лишь после расследования обстоятельств оставления ими армии судом чести офицеров Генерального штаба, с зачетом в случаях определения их вновь на службу времени, проведенного на территории, занятой армией противника, в службу как находящимся в плену.

2) Всех офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков академии, допущенных к исполнению должностей Генерального штаба, *кои самовольно остались за границей или в пределах государственных образований Кавказа при отходе частей Добровольческой (Русской) армии или кои самовольно убыли за границу*, исключать со службы со дня оставления ими своих частей и из списков офицеров Генерального штаба Русской армии.

3) Всех офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков академии, допущенных к исполнению должностей Генерального штаба, *кои убыли за границу по эвакуации за болезнью или ранением*, считать законно там находящимися для лечения *шесть* месяцев со дня эвакуации, по истечении коего срока означенные офицеры подлежат увольнению со службы и исключению из списков Генерального штаба

Русской армии, если ими не будут представлены законные документы, подтверждающие необходимость более длительного лечения.

4) Всех офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков академии, допущенных к исполнению должностей Генерального штаба, *кои были уволены в заграничный отпуск на определенный срок и не вернулись ко дню окончания отпуска на службу*, исключать со службы со дня окончания отпуска и из списков офицеров Генерального штаба Русской армии, если ими не будет представлено законных причин опоздания.

5) Всех офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков академии, допущенных к исполнению должностей Генерального штаба, *кои были командированы за границу непосредственными начальниками, без указания срока командировки и без утверждения этих командировок штабом главнокомандующего или Военным управлением, и не вернулись до сего времени*, исключать со службы со времени истечения двух месяцев со дня отъезда и из списков Генерального штаба Русской армии, если ими не будет представлено законных причин опоздания.

6) Законными основаниями, дающими право убовшим за границу офицерам оставаться там по истечении указанных выше сроков, признаются: медицинские свидетельства, утвержденные представителями главнокомандующего или военными агентами Русской армии, и удостоверения их, подтверждающие необходимость пребывания этих офицеров сверх установленного срока по службе.

7) В случае возвращения указанных в п.п. 2, 3, 4 и 5 офицеров в пределы Русской армии прием их на службу должен быть решен для штаб- и обер-офицеров судом чести офицеров Генерального штаба, а для генералов — распоряжением начальника штаба главнокомандующего, в обоих случаях с исключением их службы всего времени, незаконно проведенного за границей, как при определении из отставки, и незаконное пребывание за границей за службу в Русской армии не считать.

8) Приказ этот распространить и на прежнее время в случае возникновения аналогичных вопросов при определении старшинства службы общей и в Добровольческой армии офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков Николаевской военной академии, допущенных к исполнению должностей Генерального штаба.

9) Удовлетворение содержанием и прочими видами довольствия офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков академии, допущенных к исполнению должностей Генерального штаба, при применении этого приказа производить на основании общих по сему распоряжений¹.

Документ являлся актом борьбы за военную элиту и был призван уменьшить ее отток из армии.

Проводились и различные изменения штатов. Так, боевой опыт кампаний 1918–1920 гг. показал необходимость иметь в штабах дивизий и бригад помощников

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 73–74об.

начальника связи. Для этого можно было использовать офицеров Генштаба из резерва¹.

Общее представление о состоянии кадров Генштаба Русской армии дает список офицеров Генерального штаба Русской армии, датированный 5 (18) октября 1920 г.² Как уже отмечалось в предыдущей главе, в список вошли данные о 605 офицерах, из которых 133 лишь номинально числились в нем, но фактически находились на территориях, которые белыми не контролировались. Реально же Врангель мог рассчитывать на 472 офицера. Каким же было распределение офицеров по должностям?

В относительно малочисленной Русской армии наблюдался значительный переизбыток кадров Генштаба. Подтверждением этому служит пребывание множества офицеров в резервах чинов. В списке перечислены 54 генерала, 5 штаб-и обер-офицеров и 3 офицера, не переведенные в Генштаб и состоявшие в резерве чинов. Таким образом, менее всего Русская армия нуждалась в генералах-генштабистах, которые имелись в Крыму в большом количестве. На младшем и среднем уровне офицеры Генерального штаба были востребованы. Также отметим, что 108 офицеров находились в распоряжении различных начальников или штабов. 21 офицер состоял в прикомандировании к различным штабам и учреждениям.

В казачьих формированиях и штабах служили 78 офицеров, в том числе в донских – 54, кубанских – 17, терских и астраханских – 7. Если учесть, что некоторые из этих офицеров оказались за границей либо же их местонахождение было неизвестно, очевидно, что процент казачьего офицерства среди белых генштабистов на Юге России уменьшился более чем вдвое в сравнении с 1919 г. и составил менее 13%.

27 офицеров служили в штабе главнокомандующего (исключая состоявших там в распоряжении или в резерве чинов), 34 – в Военном управлении (исключая состоявших в распоряжении или в резерве чинов).

Армиями и корпусами командовали по одному офицеру из списка, дивизиями и бригадами – по три офицера. 3 офицера служили начальниками армейских штабов (включая штаб Армянской армии), 5 – начальниками корпусных, 12 – начальниками дивизионных и почему-то лишь один – начальником бригадного штаба.

Должности старших адъютантов армейских штабов занимали 6 офицеров, корпусных и дивизионных штабов – по 13 офицеров, бригадных штабов – 1 офицер. Помощниками старших адъютантов армейских и корпусных штабов служили 4 и 2 офицера соответственно.

37 офицеров служили по военно-учебным заведениям, 13 занимали должности военных агентов или представителей за рубежом, 9 состояли в различных комиссиях. 23 офицера служили по линии разведки.

На завершающем этапе Гражданской войны на белом Юге генштабисты начали выполнять функции, схожие с теми, что несли комиссары в РККА. В частности, Врангель 9 (22) августа 1920 г. приказал в штаты штабов включить по штаб-офицеру

¹ РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 296.

² HIA. Vrangeli collection. Box 113. Folder 14. Список опубликован в: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 716–747.

Генерального штаба для ведения пропаганды^I. В принципе, переизбыток генштабистов у Врангеля позволял использовать их подобным образом, т.е. не по прямому назначению. Политическая работа за рубежом велась начальником отдела Генерального штаба через обер-квартирмейстера.

Остатки ВСЮР, сосредоточенные в Крыму, не могли противостоять многократно их превосходившей Красной армии, а контролировавшиеся Врангелем пять-восемь уездов не могли бороться со всей страной, как в военном, так и в экономическом отношении. И хотя Врангелю удалось привести в относительный порядок потрепанные деникинские войска, неизбежно возникал вопрос о дальнейшей стратегии. Как и прежде, целью белых оставалось занятие Москвы, но, по свидетельству генерала В.А. Замбржицкого, «было ясно, что дальнейшее наступление на Москву прямо из Крыма нам не по силам»^{II}.

Белое командование понимало, что при пассивной стратегии ликвидация красными антибольшевистского центра в Крыму оставалась вопросом времени. Ввиду угрозы голода и опасности положения на фронте была предпринята попытка расширить белую территорию: были организованы наступление в Северной Таврии и десанты на Кубань и Дон, осуществлявшиеся летом 1920 г. в надежде на поддержку казачества, но в реальности приводившие к разбрасыванию сил.

Пользуясь обострением Советско-польской войны, белые перешли в наступление в Северной Таврии. В результате в июне красные отошли за Днепр на фронте от Каховки до устья реки, крупным успехом белых стал разгром сводной кавалерийской группы красных под командованием Д.П. Жлобы 15–20 июня (28 июня – 3 июля) 1920 г., пытавшейся отрезать наступавшие силы белых от крымских перешейков. Белые захватили свыше 40 орудий, около 200 пулеметов и до 2000 пленных. Среди пленных оказался и помощник начальника штаба 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии 13-й армии по оперативной части курсовик бывший капитан Д.И. Танский, захваченный в легковом автомобиле^{III}. Интересно, что он не только уцелел, но и продолжил в дальнейшем службу в РККА, причем участвовал и в Великой Отечественной войне, став генерал-майором технических войск.

Как свидетельствовал начальник штаба Врангеля генерал П.Н. Шатилов, «обстановка в этот период почти не касалась области стратегии, а ограничивалась только широкой тактикой... Русская армия в это время проявила и необычайную доблесть, и талантливое руководство Врангеля. Один разгром Жлобы – это шеф д’эвр^{IV} управления войсками в бою и его подготовки^V. В период операции против Жлобы штаб Врангеля работал круглосуточно. Генерал-квартирмейстер Г.И. Коновалов «даже не раздевался и, кажется, вовсе не спал»^{VI}.

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 185.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

^{III} Трофимов П. М. Из истории дроздовцев. Боевые действия Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период Гражданской войны (март – октябрь 1920 г.) / под ред. Р. Г. Гагкуева. М., 2022. С. 130.

^{IV} Chef-d’œuvre – шедевр (фр.).

^V Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 1734–1735 // HIA. Vrangeli family papers. Box 8. Folder 5. С некоторыми неточностями опубл. в: Его же. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 2. С. 353.

^{VI} Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 23.

Однако на этом успехи практически закончились. Бои за Каховку завершились для белых неудачей. Красные завладели стратегически важным плацдармом в непосредственной близости от Перекопа, создавая постоянную угрозу быть отрезанными от Крыма для врангелевских войск, действовавших в Северной Таврии. Неудачной оказалась попытка наступления на Каменноугольный бассейн (Донбасс). Генерал А.И. Деникин назвал наступательные действия Врангеля из Крыма «безумными операциями», стоившими большой крови^I.

Крахом завершилась и десантная операция на Кубань в августе – сентябре 1920 г., которая расценивалась врангелевским командованием как последняя надежда на возможный успех в борьбе с красными^{II}. Операция тщательно готовилась, но в считанные дни с треском провалилась, а надежды на массовые казачьи восстания не оправдались. Белые считали, что население Кубани встретит врангелевский десант с распростертыми объятиями, а на деле вышло наоборот. По мнению генерала В.А. Замбржицкого, белые штабы, «воспитанные в кастовом самомнении молодого Генерального штаба... не сумели подняться выше личных самолюбий и сойти с излюбленного пути нашептывания и интриг. Они забыли, что в той обстановке, в которой находилась Русская армия, когда с трех сторон было море, а с четвертой безжалостный враг, – эти привычки штабов большой войны должны были привести армию к катастрофе»^{III}. Подготовка десанта велась крайне легкомысленно. Никакой секретности не было. Как свидетельствовал генерал П.И. Аверьянов, «о подготовке Кубанской десантной операции в Феодосии шли разговоры с самого начала этой подготовки, об этой операции говорили и на базаре, и в чашках чая, и в магазинах, и просто на улицах»^{IV}. Разведка в отношении Кубани практически не была налажена (велась только кубанским Войсковым штабом), в результате при планировании десанта командование руководствовалось искаженными данными. Аверьянов, обладавший большим практическим опытом руководства военной разведкой, оценил добытые данные о Кубани «как “детскую болтовню” лиц, совершенно к разведке не способных и даже не понимающих, что от них требуется: сведения о расположении, составе и состоянии красных войсковых частей были ничтожны и противоречивы, сведений с характеристиками командного состава красных частей совершенно не было, не было достаточно полных сведений даже о настроении местного населения и о его желании и готовности продолжать борьбу с большевиками... Наиболее ценными данными, над которыми следовало задуматься, были данные о почти полном отсутствии оружия (ружей с патронами) у населения, особенно приморской полосы. В общем разведывательная деятельность Войскового штаба произвела на меня удручающее впечатление»^V. В результате плохого руководства, распыления сил, боязни оторваться от побережья, плохой работы флота и разведки при отлично поставленной советской разведке и сдержанности населения Кубани десант завершился неудачей. Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Коновалов

^I Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской Смуты». С. 58 // BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Folder 1.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.

^{III} Там же.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 281об.

^V Там же. Л. 283–283об.

предотвратил катастрофу, поскольку на аэроплане отправился на выручку десанта и лично руководил его отводом в Крым^I.

Как справедливо отмечал современник, «политика самообмана насчет взаимоотношения сил и средств своих и противника получила жестокий урок»^{II}. Врангель тяжело переживал неудачу. Даже спустя годы он записал: «Кубанская операция закончилась неудачей. Прижатые к морю на небольшом клочке русской земли, мы вынуждены были продолжать борьбу против врага, имевшего за собой необъятные пространства России. Наши силы таяли с каждым днем. Последние средства иссякали. Неудача, как тяжелый камень, давила душу. Невольно сотни раз задавал я себе вопрос, не я ли виновник происшедшего. Все ли было предусмотрено, верен ли был расчет»^{III}. Один из очевидцев отмечал, что у Врангеля «громадный полет „стратегической фантазии“, и когда действительность не сходится с оперативными директивами, главком выходит из себя. Тогда влетает всем, и часто поделом»^{IV}. Тем не менее в результате десанта армия Врангеля пополнилась кубанскими казаками, была сформирована 2-я Кубанская казачья дивизия, пополнены другие дивизии.

Одной из попыток спасти положение стала идея союза с различными повстанческими отрядами, наводнявшими в то время юг Украины. Однако повстанцы и белые резко контрастировали друг с другом. Приезжавшие на переговоры в штаб Врангеля повстанческие атаманы производили впечатление настоящих бандитов. Генштабисты всерьез обсуждали между собой вопрос о том, подавать ли им руку^V.

Для дальнейших операций силы Русской армии Врангеля были разделены на две армии — 1-ю (командующий — генерал А. П. Кутепов при начальнике штаба генерале Е. И. Достовалове) в составе I армейского и Донского корпусов и 2-ю (командующий — генерал Д. П. Драценко при начальнике штаба генерале Е. В. Масловском) в составе II и III армейских корпусов, а также Терско-Астраханской бригады. Вне этих армий действовал отдельный конный корпус. Врангель позднее отмечал, что «выбор генерала Драценко был крупной ошибкой»^{VI}. В крымский период Врангель не стеснялся в выражениях в адрес генштабистов, если на то были причины. Про генерала Г. Врангель заявил генерал-квартирмейстеру: «Это задница, а не офицер Генштаба... Не подпускайте его... к кавалерии ближе, чем на кавалерийский переход»^{VII}. Генерал был отстранен.

Тем не менее кадровые назначения оставляли желать лучшего. Генерал П. И. Аверьянов с горечью отмечал, что «великое и святое дело освобождения Отечества от красной большевистской нечисти велось неподходящими людьми...

^I По свидетельству генерала В. В. Чернавина, Г. И. Коновалов — «действительно выдающийся офицер Ген. штаба, головой выше всех иных, кого я знал из офицеров Ген. штаба ставок ген. Деникина и ген. Врангеля. Положение полк[овника] Коновалова у Врангеля было несколько своеобразным — ген. Врангель при вступлении своем в должность главнокомандующего был против него предубежден и склонен был не иметь его у себя в Ставке, однако, узнав его ближе, он увидел, что уход Коновалова был бы для Ставки трудно восполнимой потерей» (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 371. Л. 50б.). Подробнее о Коновалове см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 392–415.

^{II} Валентинов А. А. Крымская эпопея. С. 61.

^{III} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 2. С. 290.

^{IV} Валентинов А. А. Крымская эпопея. С. 47.

^V Там же. С. 33.

^{VI} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 2. С. 292.

^{VII} Валентинов А. А. Крымская эпопея. С. 36.

и сами вожди не вполне соответствовали идеалу вождя, а их окружение состояло из маленьких, ничтожных людишек, бездарных, но честолюбивых, среди которых были и бессребреники, и лица, алчные к наживе, но все одинаково преступные, т.к. ради своего честолюбия взялись за то дело, вести которое были неспособны»¹.

О ненормальной организации работы Ставки Врангеля свидетельствовал старший адъютант оперативного отделения полковник А.М. Шкеленко (записано генералом В.В. Чернавиным): «Ген. Врангель в качестве командующего армией показал несомненно наличие и военного таланта, и других качеств военачальника. Надо, однако, отметить, что в роли главнокомандующего в крымский период, когда он потерял непосредственную связь с войсками, его руководство армией в оперативной области стало менее определенным и твердым, и его решения в значительной степени принимались под давлением на него других лиц. В самом начале операций 1920 г. это замечалось меньше, но постепенно его уступчивость чужим влияниям возрастала.

Влияния эти очень осложняли деятельность оперативного отдела Ставки, который принужден был производить операции, продиктованные главнокомандующему извне.

Первоначально большим влиянием у Врангеля пользовался ген. Драценко, но постепенно все большее и большее влияние стал приобретать ген. Кутепов. Почти ни одна директива, отдававшаяся по инициативе ген[ерал]-квартирмейстерского отдела Ставки, не принималась ген. Кутеповым к исполнению без протеста. Обычно он по получении таких директив вызывал ген. Врангеля к прямому проводу и докладывал о необходимости тех или иных изменений или даже отмены директивы и замены ее другой, причем сообщал и основные смыслы этой другой директивы.

Из всех операций врангелевского периода в Крыму нормально, т.е. по планам, разработанным в оперативном отделе Ставки, было проведено лишь две операции: 1) форсирование перешейков и выход в Сев[ерную] Таврию и 2) операция против Жлобы.

Кубанская операция (десант на Кубань) разрабатывалась н[ачальни]ком штаба группы ген. Улагая ген. Драценко. Роль Ставки (отдела генквартиры) ограничивалась назначением и сосредоточением по требованиям ген. Улагая войск в десантный отряд, причем ген[ерал]-кв[артирмейстерский] отдел старался давать даже больше, чем требовалось, также старался отдел о том, чтобы в десантную операцию попали более подходящие исполнители (ген. [А.М.] Шифнер-Маркевич и др.).

Заднепровская операция, являвшаяся ярким примером авантюристической стратегии и не кончившаяся полной катастрофой лишь благодаря большой доблести принявших в ней участие частей, была предпринята после поездки ген. Врангеля в штаб Кутепова; в выработке ее отдел ген[ерал]-кв[артирмейстера] участия не принимал (во всяком случае поскольку дело идет об идейной стороне вопроса).

Сказалось влияние Кутепова на ведении операции и в заключительном акте борьбы за Крым. Местные условия района перешейков естественно указывали на оборону его двумя отдельными группами, одной на участке Чонгара, другой у Перекопа (Юшунь), с резервом у Джанкоя. Фактически весь фронт был передан

¹ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 346об. – 347.

Кутепову, и Ставка от руководства операцией устранилась. Представляют известный интерес с точки зрения условий оперативной деятельности Ставки ген. Врангеля обстоятельства, при которых разыгралась операция против Жлобы.

Сам ген. Врангель в начальный период операции был в Ялте, а в Ставке его замещал ген. Шатилов. Последний вообще в области оперативной разбирался слабо¹ и, несмотря на указания ген[ерал]-квартирмейстера полк[овника] Коновалова, наступлению конн[ого] корпуса Жлобы значения не придавал и не соглашался на переброску (по мнению опер[ативного] отдела совершенно необходимую) одной из добров[ольческих] дивизий (Корниловской или Дроздовской) из района низовьев Днепра на правый фланг армии. Разрешение на такую переброску (благодаря которой не только была ликвидирована угроза армии, но и достигнуто окружение красной конницы) было получено таким образом: после получения поздно ночью ст[аршим] адъютантом опер[ативного] отделения полк[овником] Шкеленко новых сведений о Жлобе он разбудил полк[овника] Коновалова и доложил ему о необходимости добиться разрешения на спешную переброску дивизии. Полк[овник] Коновалов разбудил ген. Шатилова и, изложив обстановку, указал, что на правом фланге несомненно развиваются решающие события и что если немедленно не будут переброшены туда части с низовьев Днепра, где противник, очевидно, лишь демонстрирует, то можно опасаться очень серьезных последствий. Ген. Шатилов не был переубежден, но все же дал, наконец, согласие на переброску, обозвав при этом опер[ативную] часть Ставки паникерами.

Полк[овник] Коновалов, учитывая серьезность положения, а также явное непонимание ген. Шатиловым обстановки, довел неофициально через ген[ерала] для поручений при главнокомандующем полк[овника] Туган-Барановского до сведения ген. Врангеля, что обстановка требует его присутствия в Ставке. Ген. Врангель приехал, хотя и выразив некоторое неудовольствие на то, что его оторвали от дела (политические совещания) без особой надобности. Однако он увидел сейчас же, что обстановка действительно очень серьезная. С приездом ген. Врангеля ген. Шатилов от руководства операциями, естественно, был отстранен и даже уехал из Ставки (был послан для того, чтобы заменить ген. Врангеля в политических совещаниях)².

Генерал Е. В. Масловский вспоминал о штабе Врангеля: «Я посетил штаб генерала Врангеля всего один раз, чтобы составить себе мнение о тех, обязанностью которых было разрабатывать и подготавливать операции большие и малые, а затем проводить их в жизнь; я хотел посмотреть, как поставлена эта наиболее ответственная служба, от правильного ведения которой зависит в значительной степени успех предпринятого военного действия.

Начальником штаба генерала Врангеля в это время был генерал Махров; не знаю, служил ли он в большом штабе и был ли он знаком по прежней своей службе с оперативной работой по управлению армией, но во всяком случае он был офицером Генерального штаба.

¹ В этом отношении был гораздо выше ген. Махров — первый н[ачальник] штаба у ген. Врангеля, который обладал и подготовкой к занятию этих должностей, и способностью правильно оценивать обстановку (примеч. В. В. Чернавина).

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 371. Л. 3–5об.

Генерал-квартирмейстером штаба был “генерал” Коновалов, генерал Гражданской войны, даже не кончивший академии Генерального штаба; он вообще не имел никакого служебного стажа и был совершенно незнаком с делом оперативного управления армией.

Немного поговорив с генералом Махровым, которого знал ранее, я прошелся по отделениям управления генерал-квартирмейстера, этого мозга управления. То, что я увидел там, привело меня в ужас: все отделения были полны посторонних людей, которые беспрепятственно ходили повсюду; оперативное отделение, доступ в которое вообще должен был быть воспрещен посторонним, кроме прямых начальников,— это святое святых оперативного управления армией, наиболее сокровенное место, в котором вынашивались и проводились в жизнь все оперативные предположения,— было похоже на клуб, в который входил и выходил всякий,— офицер и не офицер,— кто пожелал, и в котором громко обсуждались всякие военные вопросы, стоявшие на очереди.

Как раз, когда я подходил к нему, из него выходил никакого отношения к штабу не имевший какой-то доктор, громко обсуждавший с шедшим с ним также посторонним штатским лицом некоторые предположения о задуманной генералом Врангелем и его штабом серьезной десантной операции крупного отряда на Таманский полуостров; цель этой операции была, по внезапной высадке на территории Кубани, связавшись с кубанскими казаками, уже вкусившими горечь большевизма и готовыми примкнуть к десанту, снова начать борьбу широким фронтом против большевиков.

Этот доктор громко сообщал своему собеседнику разные подробности об этой предполагаемой операции задолго до осуществления ее. И об этом свободно говорили люди, никакого отношения не имеющие к наиболее ответственной службе оперативного управления армией, и разглашали его секреты^I.

Самого Масловского, назначенного начальником штаба 2-й армии, характеризовали как «“больного паникера и галлюцинатора”, который вечно волновался, опасаясь обходов и окружения, так как ему вечно мерещились и чудились то грохот орудий, то щелканье пулеметов, то топот конницы, то стук аэропланного мотора и т. п., вследствие чего один вид этого начальника штаба армии производил на войска удручающее впечатление»^{II}. В докладе генерала В. А. Замбржицкого главному П. Н. Врангелю от 8 (21) октября 1920 г. по итогам неудачной для белых переправы через Днепр отмечалось, что «начальник штаба, генерал Масловский, разбрасывался по мелочам, желая все знать и всем руководить, а фактически только мешал работе. Так, например, он отдавал непосредственные указания начальнику участка обороны [реки] Днепра полковнику Щепетильникову^{IV}, подчиненному мне, о которых я узнавал потом случайно, почему я был вынужден просить начальника штаба не давать ему приказаний помимо меня...»^V

^I Г. И. Коновалов окончил два класса академии в 1914 г., но из-за начала Первой мировой войны не прошел дополнительного курса. Такие офицеры считались выпускниками академии 1915 г.

^{II} Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1560–1562 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 345об.–346.

^{IV} Чин и фамилия зачеркнуты мемуаристом.

^V ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

Замбржицкий оставил отрицательную характеристику работы штаба этой армии: «Ненормальная работа штаба. Штаб 2^й армии работал в совершенно невозможных условиях. Прежде всего, он никак не мог остановиться на выборе подходящего места для штаба, где он мог бы в спокойных условиях заняться обдуманной, продуктивной работой подготовки операции. Вместо этого штаб скакал, подобно стрекозе, бросившись из Армянска в Серогозы, оттуда в Рогачик, оттуда в Уш-калку, вследствие чего штаб, находясь все время в движении, работал, что называется, на походе, урывками, в необычных для большого штаба условиях, не имея даже ни подходящего помещения, ни прочной связи с войсками.

В маленькой комнатухе толпились начальник штаба, оберквартирмейстер¹, начальник оперативного отделения, его помощники, начальник связи и всякого рода докладчики. Тут же, за круглым столом, на котором были наворочены карты, блокноты и ворох бумаг – приказания, донесения, принимались доклады и наспех отдавались приказания, часто прерываемые новым докладчиком.

Создавалось впечатление какой-то сумбурности, отсутствия должного порядка, бессистемности штабной службы, вина в дезорганизации которой заключалась в самом характере начальника штаба – беспокойном, суетливом, разбрасывающемся по мелочам... В результате все в штабе вертелось как белка в колесе, работая без отдыха непрерывно и днем, и ночью; одно и то же распоряжение отдавалось нескольким различным лицам и тут же забывалось; за мелочами упускалось главное»².

Заднепровская операция с попыткой захватить укрепленный красными Каховский плацдарм в октябре 1920 г. не удалась. Не помогло белым и массированное применение в бою 14 октября 12 английских танков, 7 из которых были подбиты и достались красным в качестве трофеев³. Начальник штаба Марковской дивизии полковник А. Г. Биттенбиндер с горечью вспоминал: «Сколько было положено трудов при выполнении всей этой операции, сколько понесено жертв и лишений, сколько было проявлено доблести, а для чего? – никто не мог ответить на этот вопрос. Но все чувствовали одно, что это была наша первая крупная неудача и что она знаменует собою нашу гибель... как участник этой небывалой по количеству положенных на нее трудов операции, как офицер Генерального штаба, могу засвидетельствовать, что в такой бессмысленной, лишенной всякой идеи операции мне еще никогда не приходилось участвовать»⁴. О том, что Генеральный штаб, плохо организовавший разведку и связь, ответственен за провал Таманской и Каховской операций белых в 1920 г., а также за беспорядочный отход в Крым, писал журналист Г. В. Немирович-Данченко⁵.

Решающее сражение развернулось в Северной Таврии. На следующий день после заключения перемирия между РСФСР и Польшей (12 октября 1920 г.) генерал-квартирмейстер штаба Русской армии генерал Г. И. Коновалов начал разрабатывать

¹ Обер-квартирмейстер, т. е. начальник оперативного отдела штаба армии (примеч. В. А. Замбржицкого).

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

³ Подробнее см.: Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С. Танки Гражданской войны. М., 1999. С. 26–27.

⁴ Биттенбиндер А. Г. Действия Марковской дивизии на правом берегу реки Днепра в районе западнее города Александровска в период с 24.09 по 01.10.1920 г. // Марков и марковцы. М., 2001. С. 373.

⁵ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 31–32.

план эвакуации армии из Крыма¹, так как становилось очевидным, что разгром остатков белых на Юге теперь являлся лишь вопросом времени. К тому же, как отмечал генерал В. А. Замбржицкий в своем докладе Врангелю, на конец сентября 1920 г. «укрепления Перекопского перешейка серьезной преграды не создают в том виде, в каком они находятся сейчас, и нужна немедленная большая работа, чтобы эти сравнительно жидкие укрепления создали бы для нас прочную опору, пока еще не поздно»². По оценке генштабиста, «на позиции нет ни воды, ни убежищ, ни жилищ, ни закрытий, а кругом на десятки верст голая степь, где ни укрыться, ни расположиться войскам нельзя. Что же они тут будут делать зимой?»³ Более того, белые сами разрушили позиции севернее Перекопа, на которых действовали в начале 1920 г. (в частности, снимали проволочные заграждения для использования в других местах). Понятно, что закрепиться на таких позициях было невозможно. И хотя красные не смогли отрезать остатки Русской армии от крымских перешейков и окружить их, кампания была проиграна. Белые отошли в Крым, откуда в ноябре 1920 г. на 126 судах эвакуировались в Турцию.

Южный фронт белых оказался наиболее мощным среди белых фронтов в Гражданскую войну и привлек наибольшее количество белых генштабистов. Было бы неверным считать, что генштабисты белого Юга никуда не годились. Это были представители той же школы, что и генштабисты РККА. Полковник Е. Э. Месснер свидетельствовал, что среди генштабистов было много способных офицеров (в основном он перечислял белых): «Мне довелось видеть так много отличных офицеров Генерального штаба, что меня не удивляют хорошие отзывы германских военных авторов, давших лестную оценку российскому Генеральному штабу в Великую войну. Помню полковника [С. А.] Кирпотенко, невозмутимейшего офицера, не проявлявшего ни нервности, ни торопливости в самые критические моменты боя, работавшего 20 часов в сутки и заставлявшего столько же часов “работать” свою трубку; 15-я пехотная дивизия знала, что при таком начальнике штаба не может быть тактических ошибок. Ему подобен полковник [В. Г.] Лебедев, начальник штаба Дроздовской дивизии,— под тяжелыми, суровыми бровями умно-приветливые глаза, позади детски-простодушной улыбки несокрушимая энергия воина. Полковник [Ф. Э.] Бредов (брат генерала), не побрезговавший после высоких должностей в Гражданскую войну стать полковым адъютантом в одном из полков Русского корпуса в Сербии; великан полковник [С. А.] Жуков, блестящей аттестацией которому служит тот факт, что он был офицером оперативного отделения в штабе генерала [А. П.] Кутепова; полковник [И. И.] Жолынский, принужденный состоянием своего здоровья быть вялым, как бы ленивым, но отлично выполнявший обязанности начальника штаба, хотя это и стоило ему больших усилий; [К. Л.] Капнин, выдержавший больше года на поистине героическом посту начальника штаба Корниловской ударной дивизии; умный, корректный кубанец [К. Г.] Булгаков; экспансивный, но предельно-добросовестный попович [Г. И.] Криволицкий; скромный, тихий, но энергичный [К. М.] Перевалов; не утративший кавалерийской лихости [В. К.] Фукс; смелый при действиях в боевом строе и смелый

¹ Дрейер В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. С. 116.

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

³ Там же.

в мыслях при штабной или военно-учебной работе [В.В.] Бальцар, не сохранивший ни одной чешской черты, которую мог бы иметь вследствие своего происхождения; [А.А.] фон Гоерц, ум и широта взглядов которого производили на всех большое впечатление... не перечесть всех мне лично известных офицеров Генерального штаба, которые своими знаниями, своей самоотверженной работой создавали заслуги Генерального штаба перед армией и родиной. А принято было говорить, что наш Генеральный штаб никуда не годился»^I. Однако будучи предоставлены самим себе во главе Белого движения, генштабисты, в отличие от противника, не смогли должным образом организовать, побороть внутренние разногласия и конфликты. Наряду с целым рядом других факторов, это также послужило причиной поражения белых.

§ 2. Восточный фронт белых и кадры Генштаба

Офицеры Генерального штаба принимали участие в антибольшевистском движении на Востоке России с самого начала. Как правило, это были люди, связанные с этим регионом жизнью или прежней службой. В частности, офицеры местных казачьих войск, а также те, кто служил здесь до Первой мировой войны. Военные структуры антибольшевистских сил Востока России зародились еще в конце 1917 г. в казачьих областях, ставших первыми очагами сопротивления красным. В их создании участвовали местные выпускники академии. В Оренбургском казачьем войске при власти атамана А.И. Дутова сохранялись прежние дореволюционные органы войскового управления, но постепенно стали формироваться и новые. Так, 11 декабря 1917 г. постановлением Войскового Круга, Комитета спасения Родины и Революции, башкирского и казахского съездов в границах Оренбургской губернии и Тургайской области был образован Оренбургский военный округ, командующим войсками которого стал сам оренбургский атаман, а начальником штаба был назначен полковник И.Г. Акулинин^{II}, избранный на Круге помощником Дутова. Среди причин образования округа было то, что военные учреждения Оренбурга после установления советской власти в Казани, центре Казанского военного округа, оказались лишены средств^{III}, а Казань не пропускала в Оренбург сукно на обмундирование^{IV}. До 1881 г. Оренбург уже обладал статусом центра военного округа, таким образом, можно было говорить о возрождении традиции. Создание округа повышало статус Оренбурга и расширяло полномочия Дутова, ставшего верховным военным руководителем белых на Южном Урале. Работа была поставлена на широкую ногу: в Оренбурге возникли штаб округа и собственные интендантское, инженерное и артиллерийское управления, а также военно-окружной суд. Округ возродился после восстановления в Оренбурге казачьей власти летом 1918 г.,

^I Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 6. С. 613 // BAR. E. E. Messner collection. Box 4.

^{II} РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

^{III} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 25; Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917. 10.12. № 98. С. 2.

^{IV} Оренбургский казачий вестник. 1917. 12.12. № 99. С. 3.

а позднее был признан колчаковским командованием и сохранялся до оставления белыми Южного Урала.

Не ранее конца января 1918 г. из Иркутска была отправлена телеграмма председателя комитета советских организаций Восточной Сибири Я.Д. Янсона и окружного комиссара по военным делам Т.М. Стремберга В.И. Ленину и Н.И. Подвойскому, в которой упоминалось о «причастности многих офицеров Генерального штаба к контрреволюции» и выражался протест против их оставления на службе. «Примером контрреволюционности бывших офицеров Генерального штаба может служить вступление бывшего генерала Потапова¹ в монголо-бурятский отряд под командой бывшего есаула [Г.М.] Семенова на станции Даурия, куда стекается офицерство. Отряд Семенова озаменовал себя расстрелами и поркой социалистов... Установлена связь этих отрядов и командующего Заамурским округом бывшего генерала Генерального штаба [М.К.] Самойлова... Бывший генерал-квартирмейстер штаба [В.И.] Марковский обнаружил свою солидарность с Самойловым»². И хотя в телеграмме генштабисты были перепутаны с негенштабистами, ряд фактов действительно касался первых. Возможно, именно этот документ позднее в историографии преподносился как донесение Сибирского военного комиссариата В.И. Ленину о том, что абсолютное большинство офицеров Генерального штаба приняли участие в организации антисоветских выступлений в Сибири³, хотя ничего подобного из телеграммы не следует.

В отличие от Юга России, куда офицеры стекались со всех концов страны, «в Сибирь... пробиралось и там оседало, главным образом, офицерство, имевшее какую-либо связь с этим обширным краем Российской Державы. Число офицеров, не связанных с Сибирью, попавших туда случайно, главным образом по причине стремления в отряды Дутова и Семенова, было в общем незначительным»⁴. Действительно, пробраться на Восток России, чтобы примкнуть к белым, с фронтов или из центра страны было значительно сложнее, чем на Юг. Тем более что после разгрома красными первых очагов сопротивления на Южном Урале и в Забайкалье примыкать здесь до восстания Чехословацкого корпуса было, по сути, не к кому. Не было здесь и ярких лидеров офицерства, какие имелись на белом Юге. Все это предопределило значительно меньшую численность офицеров в Белом движении на Востоке России.

Кадровых офицеров на Восточном антибольшевистском фронте оказалось немного — не более 6 % из имевшихся примерно 30 000, или порядка 1800 человек⁵. Однако контингент выпускников и слушателей Военной академии оказался сравнительно крупным из-за того, что на Урал и в Поволжье весной — летом 1918 г. красные эвакуировали это военно-учебное заведение, перешедшее практически в полном составе на сторону антибольшевистских сил. Как отмечал участник и летописец Белого движения поручик Б.Б. Филимонов, «видных работников Генерального штаба в Сибири также не было, хотя в Екатеринбурге в то время

¹ Личность не установлена.

² Подвиг Центросибири: Сб. док. Иркутск, 1986. С. 269.

³ Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972. С. 128.

⁴ Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. Поход степных полков лето 1918 года. Шанхай, 1934. С. 11.

⁵ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 221.

и находилась академия Генерального штаба во главе с ее начальником – генерал-майором Андогским. Состав ее в описываемое время, по вполне понятным причинам, был неполным»¹. Кроме того, в 1919 г. белые, благодаря наличию академии, организовали здесь собственную ускоренную подготовку кадров Генштаба.

Генштабисты состояли в подпольных организациях Востока России, которые после победы антибольшевистских сил стали кадрами белых военных формирований. В результате выступления Чехословацкого стрелкового корпуса в конце мая – июне 1918 г. антибольшевистские силы заняли обширную территорию от Волги до Тихого океана, на которой возникли правительства различного толка, создававшие свои армейские структуры. Несколько выпускников академии служили в Чехословацком корпусе (среди них командующий корпусом генерал В.Н. Шокоров и начальник штаба генерал М.К. Дитерихс, подполковники С.Н. Войцеховский и Б.Ф. Ушаков, капитан А.П. Степанов). Целый ряд офицеров при смене власти перешли на сторону белых из рядов РККА (например, работники штаба Приволжского военного округа). Среди них были и многие видные деятели Белого движения на Востоке России – А.И. Андогский, Б.П. Богословский, В.О. Каппель, А.Ф. Матковский, Ф.Е. Махин, П.П. Петров и др. Позднее ряд генштабистов приехали в Сибирь с Юга России (среди них генералы В.А. Карцов, Н.В. Лебедев, Н.В. Нагаев, Н.А. Степанов, полковники Д.А. Лебедев и Д.Н. Сальников). Как отмечал мемуарист, «существовал особый тип “странствующих белогвардейцев”, которые, несмотря на все трудности передвижения, благополучно совершали свои путешествия из одной армии в другую»². Некоторые офицеры переходили к белым из РККА уже в разгар Гражданской войны. Наконец, группа генштабистов приехала в белую Сибирь из-за границы (из Маньчжурии, где многие служили на КВЖД, а также из других стран). В этой группе были генералы Н.Н. Головин, М.И. Занкевич, В.И. Марковский, полковники А.Х. Базаревский, С.Д. Григорьев, М.А. Котович и В.В. Ракитин.

В июне 1918 г. в Среднем Поволжье началось формирование частей Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), отличавшейся своеобразием в ряду антибольшевистских армий того периода. Армия формировалась под контролем партии социалистов-революционеров первоначально на добровольческой основе, а с начала июля 1918 г. – по призыву. В Самаре был создан Военный штаб, переименованный затем в Главный штаб, а в конце июля – в военное ведомство Комуча. Все эти органы возглавлял полковник (затем – генерал) Н.А. Галкин. Военный штаб первоначально включал два отдела: оперативный, а также отдел формирования и устройства войск³.

По оценке генерала П.П. Петрова, на решении вопроса развертывания Народной армии негативно сказывалось «отсутствие во главе военного дела опытного, проныцательного, энергичного руководителя.

Ни начальник штаба, ни члены его не задумывались особенно над этим, да и не были совершенно подготовлены к такой работе.

¹ Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. С. 11.

² Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015. С. 64.

³ Каревский А. А. В. О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 593.

Ни работавшие на фронте полковники Каппель и Махин, ни чины штаба — большей частью молодежь, также не были достаточно опытны в разрешении этих вопросов, да кроме того, слишком далеко стояли от власти»¹.

После перехода в Казани 7 августа 1918 г. на сторону Народной армии Военной академии с большим количеством преподавателей и слушателей появилась возможность создать более разветвленный аппарат военного управления и назначать на руководящие посты генштабистов. Так, в августе в военном ведомстве Комуча было создано ГУГШ во главе с полковником А.П. Слижиковым. Главным начальником снабжений стал генерал В.И. Сурин, полковник Г.В. Леонов возглавил отдел формирований ГУГШ, подполковник А.Д. Сыромятников — оперативный отдел, полковник В.Н. Касаткин стал помощником начальника главного управления военных сообщений, а подполковник В.И. Оберюхтин — и.д. начальника канцелярии военного ведомства². Широко использовались и слушатели академии, которых в условиях кадрового дефицита считали практически готовыми офицерами Генштаба. На Самарский фронт были направлены 17 слушателей; в распоряжение капитана А.П. Степанова и в распоряжение подполковника В.О. Каппеля — по 14; в распоряжение генерал-лейтенанта В.В. Рычкова — 3; прикомандированы к ГУГШ — 28 слушателей³. Подполковник В.И. Оберюхтин писал 10 сентября 1918 г. начальнику академии генералу А.И. Андогскому о роли слушателей в Народной армии: «Курсовики старшего курса все распределены по должностям в штабах или центральных учреждениях. Курсовики младшего курса — в строевых частях самарского гарнизона. Несут службу хорошо. Некоторые из них взяты в штабы. «Историй» с ними не было... Повторяю, что работать нельзя, ибо все заведено для бутафории; штаты до сих пор не утверждены; кардинальные вопросы не решены, все тянется и переваливается, а в общем — застой, близкий к началу распада. Нужен сильный и энергичный военный министр вместо г[енерала Н.А.] Галкина, последний же не подходит к занимаемой роли»⁴. При участии генштабистов велась работа по изменению уставов и реорганизации армии.

Появление большой группы новоприбывших генштабистов не все их товарищи по корпорации, служившие в Народной армии ранее, восприняли положительно. Управляющий военным ведомством Комуча Н.А. Галкин, по-видимому, видел в них конкурентов. Впоследствии он вспоминал, что после взятия Казани «в аппарат военного ведомства влилось очень много кадрового офицерства, которое было взято в плен при взятии академии. Эта публика не одобрила ни одно из мероприятий, которые были проведены до их прихода. Андогский, Иностранцев, Сыромятников — целый ряд бывших офицеров перешли на сторону белых после взятия Казани. Они нашли, что мы неправильно построили армию, что у нас неправильный устав, что мы не сумеем создать дисциплинированную армию, и, конечно, оказывали известное влияние на меня. Это вполне было естественно, когда аппарат, на который опираешься, влияет на руководителя»⁵. По словам

¹ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 93.

² РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 439. Л. 1об.; Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 215.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 237–238. Сведения уточнены и дополнены по нашей базе данных.

⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 11–11об.

⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 27; Боевой восемнадцатый год: Сб. док. и воспоминаний. М., 2018. С. 93.

Галкина, в устав под влиянием представителей академии внесли изменение в отношении наименования «господин» вместо прежнего «гражданин». «Может быть, это и не имеет особого значения, но в тот период имело значение, потому что “гражданин полковник” или “гражданин капитан” звучит совершенно иначе, чем “господин полковник”»^I. По свидетельству Галкина, появление в Самаре кадровых офицеров из состава академии привело к перелому в военной политике Комуча: «С появлением мощной группы кадровых офицеров с Андогским во главе (академия Генштаба) эти элементы объединились и повели форменную атаку на все прежние более или менее демократические установки. Эту борьбу по линии оперативной работы штаба вел Сыромятников, а по устройству армии – дежурный генерал Леонов. Они взялись за пересмотр и исправление прежних положений и уставов Нар[одной] армии в духе старорежимных традиций. Всякий неуспех армии они объясняли этими якобы неудачными экспериментами, новшествами и требовали их отмены. Постепенно автор уступил их влиянию, вносились разные мелкие технические коррективы, которые постепенно стали извращать прежнее лицо Нар[одной] армии»^{II}.

В ГУГШ были созданы отделы: оперативный (подполковник П.П. Петров, с отделениями – оперативным и разведывательным), связи (подполковник Д.М. Супрунович), топографический, информационный и военно-цензурный, формирования (отделения: организационное, мобилизационное, строевое), военно-учебных заведений^{III}.

В общей сложности к середине августа 1918 г. были сформированы четыре стрелковые дивизии, формировались еще две. Силы армии были сведены в три группы под командованием полковника А.С. Бакича (негенштабиста), подполковника Ф.Е. Махина и капитана А.П. Степанова. Начальником полевого штаба Поволжского фронта Народной армии в середине августа стал полковник С.А. Щепихин при командующем чехословацком полковнике С. Чечеке. В полевом штабе были образованы отделы: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений, инспектора артиллерии, начальника инженеров, полевого интенданта и полевого контроля.

Бойцы Народной армии не носили погон, воевали под красным флагом. По одной из оценок, «части Народной армии ненадежны ни в боевом отношении, ни как опора власти. Замечается массовое дезертирство, чему способствует территориальная и национальная система пополнения: уходят по домам целыми деревнями. Блестящим исключением являются добровольческие части да казаки. Только они являются достойными соратниками чехословаков, и их доблести Россия обязана освобождением Симбирска и Казани»^{IV}. В конце августа 1918 г. была предпринята безуспешная попытка создать в Народной армии корпусную структуру. Началось формирование Самарского армейского корпуса под командованием генерала В.В. Артемьева. Также формировался Казанский отдельный корпус

^I РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 28; Боевой восемнадцатый год. С. 93.

^{II} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885. Л. 52–52об.; Боевой восемнадцатый год. С. 96.

^{III} Каревский А. А. В. О. Каппель и Народная армия. С. 629.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 10об.

под командованием генерала В.В. Рычкова. Однако неудачи на фронте и провал мобилизации не позволили этим планам реализоваться.

29 июля 1918 г. Восточный фронт постановлением ЦК РКП(б) был объявлен главным фронтом Советской России¹. Уже во второй половине августа 1918 г. здесь наметился перелом в пользу красных, в результате в октябре 1918 г. противники большевиков были отброшены на восток от Волги.

По своей политической ориентации коалиционное (от эсеров до монархистов, с преобладанием представителей правого крыла) Временное Сибирское правительство, возникшее в Омске, было значительно правее эсеровского Комуча, что являлось одной из причин острых разногласий между этими государственными образованиями. Под властью омского правительства формировалась Сибирская армия.

Штаб Западно-Сибирской (позднее – Сибирской) армии был создан в июне 1918 г. на базе штаба Западно-Сибирского военного округа. Начальником штаба округа, а затем и армии стал полковник П.А. Белов (Г.А. Виттекопф). В сентябре 1918 г. его сменил генерал И.И. Козлов. Командовал армией полковник А.Н. Гришин-Алмазов (негенштабист). Штаб включал управления генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, инспектора артиллерии, начальника инженеров. Генерал-квартирмейстерами были: капитан Н.В. Жиряков (временно), генералы В.Л. Попов, И.И. Козлов, полковник А.П. Попов. В управление генерал-квартирмейстера входили отделения: оперативное, разведывательное, военного контроля, общее и военно-топографическое. В управление дежурного генерала: инспекторское, общее, Главного штаба, военно-морское².

Началось формирование двух корпусов – Средне-Сибирского (штаб в Ново-никалаевске) и Степного Сибирского (штаб в Омске), позднее возник Уральский корпус со штабом в Челябинске. Штаб корпуса включал управления обер-квартирмейстера и дежурного штаб-офицера. Также в непосредственном подчинении командира корпуса находились управления: инспектора артиллерии, корпусного инженера, корпусного интенданта, корпусного врача, корпусного ветеринара, корпусного контролера и корпусной суд. Позднее корпуса получили номера: I Средне-Сибирский, II Степной Сибирский, III Уральский. Также формировались IV Восточно-Сибирский и V Приамурский.

Возобновилась работа штаба Западно-Сибирского (Омского) военного округа. Фактически штаб округа стал организационным аппаратом при главном начальнике снабжений. После занятия Иркутска был возрожден штаб Иркутского (Восточно-Сибирского) военного округа.

В Сибирской армии положение с офицерами Генштаба было не лучше, чем в Народной. Как вспоминал очевидец, «в нормальное время штабные должности замещаются лицами, специально подготовленными к таковой деятельности. В Гражданскую войну в этом отношении процветало “кумовство”. Конечно, вначале, когда начальнику не приходилось много разбираться, но брать то, что находилось под руками, заполнение штабов рядом лиц, мало пригодных для такой работы, было простительно, но с течением времени начальники должны были бы

¹ Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980. Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). С. 183.

² Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 100.

оглянуться вокруг и почистить личный состав [как] своих штабов, так и штабов и управлений, им подчиненных и подведомственных»¹.

Почти аналогично свидетельство полковника М.М. Манжетного (негенштабиста): «Первый период Гражданской войны 1918 г. был хоть и труден, но интересен по разнообразию задач. К тому же не было больших штабов. В доброе время, когда штабные должности замещались людьми, подготовленными к этой деятельности, получалась картина совершенно другая. В Гражданскую же войну в этом отношении процветало “кумовство”. Заполняли штабы людьми совершенно некомпетентными, которые творили, что хотели. Имею в виду Сибирскую армию, где офицеров было сравнительно немного, да и то, в подавляющем большинстве, случайный элемент, одевший офицерские погоны благодаря Германской войне... Все офицерство в 1918 г. устремилось на юг в Добровольческую армию. В Сибирь же попала самая незначительная часть. Таким образом, пехотой командовали артиллеристы, кавалеристы и даже моряки. Конечно, все это отражалось на успехах операций. Кроме того, офицеров Генерального штаба почти не было. На фронте, по крайней мере, я не видел. Были так называемые генштабисты – слушатели сокращенных курсов академии Генерального штаба, которые, конечно, мнили себя Наполеонами. Сидели в штабах, что-то писали и думали кустарным способом выиграть войну... Почти всегда противник превосходил нас количеством в три, четыре и больше раз. Но за спиной у них работал наш старый Генеральный штаб, который, невзирая на напор белых армий с юга и с востока, сумел красные банды превратить в армию»².

Уже в июне 1918 г. управление Военного министерства и штаб Степного корпуса поражали своими размерами, не соответствовавшими реальной численности войск. Наличие большого количества служащих создавало хаотическую и не подходящую для деловой работы обстановку. Сторонний наблюдатель был очевидцем откровенного ничегонеделания штабных. Штаб корпуса возглавлял молодой капитан Л.Д. Василенко, являвшийся «человеком, видимо, энергичным, но совершенно неопытным в порученном ему столь серьезном и ответственном деле, и притом крайне нервным, грубым, высокомерным и бестактным, возбудившим, благодаря этому, очень скоро против себя почти всеобщее негодование»³.

Одной из ключевых проблем для белых в 1918 г. являлся вопрос консолидации их сил. На белом Юге к этому пришли на рубеже 1918–1919 гг. с созданием ВСЮР, на Востоке – осенью 1918 г. с объединением Сибирской армии и Народной армии Комуча в единые вооруженные силы, а затем и с установлением диктатуры Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Интеграции в немалой степени способствовали сентябрьские неудачи на фронте в Поволжье, вынудившие противников большевиков забыть прежние противоречия.

По итогам Государственного совещания в Уфе в сентябре 1918 г. было осуществлено объединение вооруженных сил антибольшевистского лагеря на Востоке России. Главнокомандующим стал генерал-лейтенант В.Г. Болдырев при начальнике штаба генерал-лейтенанте С.Н. Розанове. Вр.и.д. помощника начальника штаба

¹ Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. С. 35.

² Манжетный М. М. Воспоминания русского полковника китайской армии. М., 2019. С. 179–180.

³ Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. С. 36.

Верховного главнокомандующего стал полковник А. П. Слижиков, вр.и.д. 1-го генерал-квартирмейстера — полковник А. Д. Сыромятников, вр.и.д. 2-го — полковник Г. В. Леонов¹. Первоначально Ставка разместилась в Уфе, а затем переехала в Омск. Создавались фронты Западный (командующий — чехословацкий генерал Я. Сыровы при начальнике штаба генерале М. К. Дитерихсе), Юго-Западный (Юго-Западная армия А. И. Дутова) и Сибирский (генерал П. П. Иванов-Ринов — негенштабист).

По свидетельству генерала М. А. Иностранцева, кадровый состав Ставки и ее устройство при Болдыреве оставляли желать лучшего: «Крупные должности в штабе были заняты молодыми сравнительно офицерами штаба, не имевшими ни опыта, ни надлежащих знаний, а тем более для занятия таких важных должностей, какие им достались, как, например, генерал-квартирмейстера, начальника военных сообщений и т. п. В силу этого в их деятельности наблюдались крупные ошибки [и] недосмотры, совершенно недопустимые при нормально устроенной службе штаба. Наконец, остальных работников составляла часть учеников-офицеров нашей академии, оторванных от нас также в Самаре тамошним правительством и лишенных возможности продолжать курс. Эта молодежь, при ее в общем прекрасном составе, тем не менее не была подготовлена окончательно к ее работе хотя бы просто потому, что не окончила полного курса академии и не имела достаточного количества практических занятий, дающих в нашем деле главную часть познания, не говоря уже про понятное у них почти полное отсутствие опыта.

При этом сразу же бросались в глаза несоразмерность штаба с величиной армии и стремление поставить все в таком же крупном масштабе, как будто это была русская армия до Великой войны с ее миллионами бойцов и громадными средствами. Если не ошибаюсь, в штабе главнокомандующего было около пятидесяти человек лишь на должностях офицеров Генерального штаба, не считая всякого рода адъютантов, ординарцев и прикомандированных офицеров, большей частью предпочитавших веселую и сравнительно комфортную жизнь в Омске. Все это вместе взятое не сулило веры в успех дела»². Капитан И. С. Ильин (негенштабист) записал в дневнике 17 октября 1918 г., что в Ставке «все места постепенно занимаются офицерами академии, которые назначаются на должности Ген. штаба, и офицерами Ген. штаба, бывшими при академии»³.

Структура органов военного управления у белых на Востоке России постоянно менялась. Очередные преобразования были связаны с приходом к власти в результате переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака. До переворота Колчак был военным министром Временного Всероссийского правительства. Его помощниками являлись генералы Н. А. Степанов (по организационно-инспекторской части), В. И. Сурин (по снабжению и техническим войскам) и Б. И. Хорошхин (негенштабист, по делам казачества).

После того как Колчак стал Верховным главнокомандующим, вр.и.о. военного министра стал В. И. Сурин, которого 3 января 1919 г. сменил Н. А. Степанов

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.

² Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред.

А. В. Ганина. М., 2017. С. 737–738.

³ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 333.

уже на постоянной основе. Колчаку была подчинена Ставка Верховного главнокомандующего. В подчинении Ставки находились штаб Верховного главнокомандующего, Военное и Морское министерства, а также Главное управление по делам казачьих войск. Штаб Верховного главнокомандующего (оперативный орган и рабочий аппарат Ставки) включал управления 1-го, 2-го, а с июля 1919 г. и 3-го генерал-квартирмейстеров, дежурного генерала, генерала для особых поручений, главного начальника военных сообщений, полевого инспектора артиллерии, полевого инспектора по технической части, полевого санитарного инспектора, полевое ветеринарное, заведующего военно-судной частью, главного полевого интенданта, а также канцелярию¹. 1-й генерал-квартирмейстер курировал оперативные вопросы, службу Генерального штаба, вопросы связи, обеспечения войск картами; 2-й – разведку и контрразведку, работу военных агентов за рубежом, сношения с иностранными миссиями, вопросы печати, осведомления и агитации; 3-й – выполнение воинской повинности, организационные и мобилизационные вопросы, укомплектование войск, выпуск уставов и наставлений, санитарно-эвакуационные мероприятия, комплектование, а также ремонт конницы. Дежурный генерал ведал назначениями и перемещениями по службе, награждениями, сбором сведений о потерях. Начальником штаба Верховного главнокомандующего являлся полковник (позднее – генерал-майор) Д. А. Лебедев, впоследствии его сменил генерал М. К. Дитерихс.

Пост военного министра занимали генералы В. И. Сурин, Н. А. Степанов, Д. А. Лебедев, М. К. Дитерихс, А. П. Будберг и М. В. Ханжин (негенштабист). У военного министра имелись четыре помощника (1-й, ведавший организационно-мобилизационными вопросами; 2-й, курировавший дела казачьих войск; 3-й по общей части; 4-й по снабжению и технической части). Военному министру подчинялись Главный штаб (создан 30 ноября 1918 г., начальник – генерал В. И. Марковский) и главные управления: Главное законодательно-финансовое управление, Главное инженерное управление, Главное артиллерийское управление, Главное интендантское управление, Главное военно-санитарное управление, Главное военно-ветеринарное управление, Главное управление военных сообщений, Военно-судная часть.

В Главном штабе к концу его существования имелись отделы: организационный, мобилизационный, квартирмейстерский, дежурного генерала, осведомительный, печати, военно-топографический². Однако вместо скоординированной работы Главный штаб боролся со Ставкой, а сотрудники каждого из учреждений составляли враждебные офицерские группировки³. Острые противоречия и конфликт возникли между начальником штаба Ставки Д. А. Лебедевым и военным министром Н. А. Степановым⁴. В итоге Лебедеву в мае 1919 г. удалось добиться смещения Степанова с должности. Пост военного министра занял тот же Лебедев, сохранив за собой и должность начальника штаба Ставки, что не улучшило систему военного управления. Кроме того, 25 мая 1919 г. был расформирован

¹ Париева Л. Р. Документирование деятельности военного управления антибольшевистских правительств России (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2019. С. 254.

² Там же. С. 255; А. В. Колчак, 1874–1920: Сб. док. СПб., 2021. Т. 2. С. 213.

³ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадскова. Новосибирск, 2012. С. 242.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 67.

Главный штаб. Его функции распределили между штабом Верховного главнокомандующего и Военным министерством.

На Востоке России при белых существовали военные округа, в которых готовились пополнения. Штабы округов отличались громоздкостью. После прихода к власти Колчака округа были реорганизованы. В декабре 1918 г. были созданы Западно-Сибирский, Средне-Сибирский и Дальневосточный округа, переименованные в январе 1919 г. в Омский, Иркутский и Приамурский соответственно. Тюменский, Курганский и Оренбургский военные округа на театре военных действий подчинялись командующим Сибирской, Западной и Отдельной Оренбургской армий соответственно. Главные начальники военных округов выполняли обязанности начальников снабжений армий. Впоследствии тыловые округа подчинялись Военному министерству. В качестве курьеза отметим, что должность главного начальника Оренбургского военного округа на театре военных действий, совмещенная с должностью помощника Войскового атамана Оренбургского казачьего войска, являлась выборной, а назначения осуществлялись по итогам голосования Войскового Круга Оренбургского казачьего войска.

В начале ноября 1918 г. Ставка в Омске предполагала к весне 1919 г. развернуть фронт из пяти армий (Северной, Камской, Самарской, Оренбургской и Южной) и 14 армейских корпусов (десяти Сибирских, включая шесть первоочередных, Уфимского, Каппеля, Оренбургского, Сводного). Также предполагалось иметь 11 казачьих и кавалерийских дивизий, одну кадровую из частей бывшей Народной армии и 14 кадровых (запасных) бригад^I. Реальность оказалась иной. В начале 1919 г. колчаковские армии включали в себя Сибирскую, Западную (создана на основе Камской под командованием генерала С.Н. Люпова и Самарской под командованием генерала С.Н. Войцеховского групп войск), Отдельную Оренбургскую и Отдельную Уральскую армии (последние две реорганизованы из бывшей Юго-Западной армии).

В войсках остро не хватало офицеров, а кадровые офицеры вообще были редкостью. В 63-тысячной Западной армии к середине апреля 1919 г. было лишь 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени^{II}. В Сибирской армии на 1 марта 1919 г. значилось 83 кадровых офицера и 3193 офицера военного времени^{III}. К 15 марта осталось 70 кадровых офицеров при 3009 офицерах военного времени^{IV}. В мае в Сибирской армии не хватало офицеров даже для укомплектования штабов двух армейских групп, которые комплектовались по штатам штабов неотдельных армий^V.

По некоторым данным, к началу 1919 г. некомплект офицеров у Колчака достигал 10 000 человек^{VI}. Тыл же, наоборот, был наводнен офицерством. Не способствовало исправлению ситуации и суровое отношение к бывшим офицерам, ранее служившим у красных и попадавшим в плен к белым. Командующий Северной группой Сибирской армии генерал А.Н. Пепеляев (негенштабист) писал

^I РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.

^{II} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11об. – 12.

^{III} РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

^{IV} Там же. Л. 57.

^V РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 56об.

^{VI} Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 148.

в июне 1919 г. командующему армией генералу Р. Гайде (также негенштабисту): «Всякая армия держится офицерами. У нас на фронте их мало, в тылу — много. Часть из них позорно уклоняется от исполнения долга, большая часть, что особенно обидно, стремится на фронт, готова бежать без разрешения, но удерживается на местах, иногда под угрозой предания суду “за дезертирство”. Между тем на фронте гибнет цвет офицерства, остаются худшие и полки слабеют. Постановка офицеров в строй из штабов должна относиться, прежде всего, не к войсковым штабам, где их немного, а к тыловым, где они преступно задерживаются. Наконец, это капля в море в сравнении с тем количеством офицеров, которое имеется в отрядах атамана Семенова и на Дальнем Востоке, которое необходимо привлечь на фронт прежде всего. У армии не остается теперь даже последнего ее офицерского резерва — офицеров, бегущих от красных, так как наши неудачи парализуют их стремление к переходу»^I.

Действительно, штабы и тыловые учреждения белых на Востоке России были раздуты и переполнены уклонявшимися от фронта офицерами. В Ставке Верховного главнокомандующего, управлении Восточным фронтом и управлениях армий фронта по штату к 1 июля 1919 г. значились 681 офицер и 660 военных чиновников, в 12 управлениях армейских корпусов — 396 офицеров и 132 чиновника^{II}. Реально же, как отмечал генерал-лейтенант А.П. Будберг, «Ставка разрослась в нечто чудовищное по своим размерам и совершенно не соответствовавшее той ничтожной положительной работе, которая там производилась. По наружности работали много, по-своему, усердно и добросовестно, но, по неопытности, с малыми практическими результатами. Продуктивнее других отделов работал отдел дежурного генерала, более определенный по своим функциям и подобравший большие кадры старых опытных работников. Оперативная работа сводилась к составлению сводок, к разного рода статистике и к мелочному вмешательству в действия армий, состояния которых Ставка не знала, в местности, описания которой в Ставке не было, и при условиях, которые ставочные младенцы и представить себе не могли, сидя в Омске»^{III}. Генерал В.А. Кислицын (негенштабист) вспоминал, что в Ставке «были забиты все коридоры толпившимся здесь офицерством... Штабные офицеры держали себя надменно. Они точно оказывали посетителям, таким же офицерам, как и они, честь и милость, разговаривая с ними»^{IV}. Безделье процветало и в некоторых войсковых штабах. Так, офицеры штаба II Степного Сибирского отдельного корпуса, расположенного в Семиречье, в апреле 1919 г. в связи с переизбытком свободного времени организовали охотничий и сценический кружки, а также кружок любителей конного спорта^V.

Генерал С.А. Щепихин вспоминал, как «сотни молодых офицеров наполняли широкие коридоры Ставки, десятки офицеров Генерального штаба грызли

^I «Россия погибнет в волнах новой анархии» / публ. Н. Д. Егорова и Н. В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 80–81.

^{II} Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / публ. А. А. Каревского и Р. Г. Гагуева // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2001. № 5. С. 156.

^{III} Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 342.

^{IV} Кислицын В. А. В огне Гражданской войны. М., 2016. С. 72–73.

^V Скитания русского офицера. С. 368.

от безделья карандаши в теплых кабинетах. А на фронте была нужда, и фронт вынужден был питаться суррогатом.

И если б в этом была жизненная необходимость!?

И если бы Ставка выполняла сносно свое назначение.

Я до тонкости знал, чем занята эта молодежь и многие из способных, подготовленных офицеров Генерального штаба!

Вся эта масса выполняла, быть может и весьма добросовестно, порученную ей работу, но кому это было нужно: все эти аккуратнейшие схемы, картограммы, графики, кроки, доклады и прочая, прочая...!?»¹

Необъятным, по мнению министра иностранных дел И.И. Сукина, было по численности Военное министерство, где «нашли себе приют офицеры, уклонявшиеся от службы в войсках»².

По данным на февраль 1919 г., в вооруженных силах адмирала А.В. Колчака состояли 18 генералов и 41 штаб-офицер, окончившие три класса академии (офицеры Генштаба); 12 человек, окончивших два класса академии (причисленные к Генштабу); 34 слушателя старшего класса академии 1-й очереди, 121 – 2-й очереди. Всего занимали должности Генштаба или были допущены к ним 226 офицеров³. На фронте в феврале 1919 г. существовала острая нужда в офицерах Генштаба, при этом некоторых офицеров не допускали на фронт, поскольку они ранее служили в РККА⁴.

Как свидетельствовал генерал М.А. Иностранцев, «в Сибири чувствовался вообще большой недостаток офицеров Генерального штаба, что при ответственной и требующей больших и специальных знаний работе созидания армии должно было очень серьезно давать себя чувствовать. На фронте действующих против большевиков войск недостаток тех же специалистов также был настолько силен, что многие ответственные должности в штабах были заняты совсем молодыми, не имеющими никакого опыта офицерами, зачастую имеющими и минимальное военное образование»⁵.

В связи с намеченным развертыванием колчаковских армий до 10 корпусов, сведенных в 2–3 армии, потребность в работниках Генштаба представлялась следующей (табл. 43).

Таким образом, имевшегося у белых на Востоке России количества генштабистов должно было с избытком хватить для развертывания армии. Более того, возможно было даже образовать резерв до 50 офицеров из слушателей академии, а в войска направить тех, кто обладал законченным академическим образованием. В материалах к заседаниям конференции Военной академии 1919 г. отмечалось,

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака / под ред. А. В. Ганина. М., 2022. С. 98.

² Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Док. и мат. М., 2005. С. 420.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 49.

⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 103. Л. 2.

⁵ Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 748–749.

**Предполагаемая потребность в кадрах Генштаба Российской армии адмирала
А. В. Колчака при развертывании весной 1919 г.¹**

Место службы	Необходимо специалистов Генштаба
Штаб Верховного главнокомандующего	23
Штабы трех армий	27 (по 9 на армию)
Десять корпусов	80 (по 8 на корпус)
Военное министерство и Главный штаб	12
Шесть военных округов (в том числе два временных округа)	30 (по 5 на округ)
На непредвиденные командировки	8
Всего	180

что должности начальников штабов корпусов и дивизий особенно ответственны, их исполнение «при ведении настоящей войны, сходственной по типу с малой войной (сопровождающей иногда отсутствие управления свыше), требует исключительной находчивости, широкого образования и большого опыта»¹. При этом признавалось, что малоответственные должности Генштаба (обер-офицеры для поручений и старшие адъютанты штабов корпусов и округов) могли замещаться строевыми офицерами, что позволяло высвободить порядка 40 слушателей академии.

Проанализируем замещение должностей колчаковскими генштабистами по спискам на 24 февраля 1919 г. В первом из них, в который были включены офицеры Генштаба и причисленные, указаны 113 офицеров, а во втором, куда вошли курсовики, — 178 офицеров². Показательно почти полное отсутствие офицеров в резервах чинов, что в сравнении с Югом России свидетельствует о дефиците кадров. По первому списку в Военном министерстве, штабе Верховного главнокомандующего, Главном штабе, при Верховном правителе служили 25 офицеров. В академии Генштаба — 13 офицеров. Должности командующих или главноначальствующих округами занимали 5 офицеров, начальниками штабов округов были 4 офицера. Помимо них в окружных штабах значились еще 8 офицеров. В списке указаны 4 начальника армейских штабов, 3 командира корпусов, 6 начальников корпусных штабов, 3 начдива и 8 начальников штабов дивизий. Кроме того, 6 офицеров значились в штабах армий. Часть офицеров находились за границей или были указаны без должностей. Во втором списке указаны: начальник

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 49–49об.

² Там же. Л. 49об.

³ РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 214. Л. 1–4об., 14–16. Списки опубликованы в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 563–575.

штаба округа, 29 сотрудников органов центрального военного управления, 3 начальника корпусных штабов, 16 начальников штабов дивизий, 6 начальников штабов бригад, 5 командиров полков или их помощников, 11 работников окружных штабов, 27 – армейских штабов, 23 – корпусных штабов, 22 – дивизионных и 2 – бригадных штабов, 5 работников военно-учебных заведений. Кроме того, 4 офицера указаны в штабе польских войск (в первом списке – 1). Таким образом, курсовики составляли основную массу работников бригадных, дивизионных, корпусных и армейских штабов.

Статус колчаковских генштабистов, в том числе курсовиков, регулировался целым рядом приказов. Так, согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего № 161 от 28 февраля 1919 г. с объявлением приказа по военному ведомству № 27 от 7 февраля 1919 г.:

«1) Всех офицеров, окончивших подготовительные курсы 1, 2 и 3[-й] очереди при Военной академии, исполняющих должности Генерального штаба на фронте, зачислить в строевые части действующей армии распоряжением начальников штабов армии и полагать в командировке от своих частей для исполнения тех вакантных должностей Генерального штаба, которые они фактически ныне занимают.

Список с указанием, кто и в какую часть назначен, прислать мне для объявления в приказе по военному ведомству.

2) Офицеров указанной категории, состоящих на службе во вверенном мне штабе, распоряжением генерал-квартирмейстера распределить между штабами армий (отдельного корпуса). Начальникам штабов армий (отдельного корпуса) назначить этих офицеров в строевые части и числить в постоянных командировках.

Списки с указанием, кто и куда будет назначен, сообщить мне.

3) Офицеров, указанных в п. 1 и 2, назначить на младшие должности Генерального штаба.

При отсутствии же офицеров Генерального штаба – разрешаю допускать к исполнению старших должностей, но исключительно с моего на каждый раз согласия. Офицеров, допущенных мною к исполнению старших должностей Генерального штаба, считать исполняющими эти должности»¹.

На практике отношение к курсовикам в штабах не всегда отличалось доброжелательностью. Так, те офицеры, которые окончили подготовительный курс 1-й очереди и поступили в старший класс 3-й очереди (обучение на котором было прервано перипетиями академии лета 1918 г.), воспринимались порой как недоучки. По одному из свидетельств, «практическая служба слушателей... продолжается уже третий год, но они, оторвавшись от строя и не пристав к офицерам Генштаба, считаются штабными париями, в строй не отпускаются и никаких преимуществ и даже осуществления своих законных прав офицера не получают. Слово “слушатель” на языке Генштаба стало синонимом “недоучки”, “недоноска” и т.д.»².

Критических оценок удостоились молодые генштабисты штаба Сибирской армии. Так, подполковник И.С. Ильин отметил в дневнике 16 июня 1919 г.: «Штаб Гайды произвел на меня плохое впечатление. Везде царил тоже Генеральный штаб новой формации, который отличается от старого тем, что быстро усвоил решительно

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 83–83об.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 50.

все самые худшие недостатки Генштаба, но не приобрел хотя бы сотой доли знаний. Штабс-капитан [Н.И.] Белоцерковский, с лицом, изъеденным оспой, занимался контрразведкой и был в роли жандарма-provокатора, который всюду втирался, лез и затем доносил»^I.

Весной 1919 г. Военная академия собирала отзывы о службе на фронте выпускников ускоренных курсов. Заключение поступало от начальников штабов армий через генерал-квартирмейстера Ставки. Эти материалы интересны для оценки результативности службы молодых генштабистов в белых армиях Востока России.

Из штаба Сибирской армии 15 марта 1919 г. пришло следующее заключение: «Офицеры-слушатели зарекомендовали себя на фронте отлично. Спрос с них огромный; они несут самую ответственную работу офицеров Генерального штаба. Поэтому я всецело присоединяюсь к идее причисления их к Генеральному штабу, но полагаю, что 3-месячный срок пребывания на фронте мал и надо его увеличить в зависимости от пребывания [в] тех или иных штабах, так, полагал бы, что для причисления необходимо пробыть: в штабе дивизии 4 месяца, в штабе корпуса 5 месяцев и в штабе армии 6 месяцев. Пребывание же в Ставке и в окружающих штабах в стаж не идет»^{II}.

Вр.и.д. начальника штаба Отдельной Оренбургской армии полковник Г.И. Петрановский-Белаш 12 марта 1919 г. сообщал: «1) Полагаю, что для поднятия авторитета слушателей академии безусловно желательно причисление их к Генштабу, но необходимо это известным образом обусловить. Вполне согласен с основным положением выдвижения на первое место практической подготовки, но последовательность требует, чтобы причисляемые к Генштабу офицеры обязательно отбыли бы боевой практический ценз службы в низших штабах не выше штакара. 2) Совершенно иначе должен рассматриваться вопрос о награждении академическим знаком. Последний, как научный диплом, может быть выдаваем лишь лицам, получившим более законченное высшее образование, а не только как оценку или награду за практическую деятельность. Окончание Военной академии требовало познаний, способностей и большого положительного напряженного труда, а потому знак Военной академии пользовался большим уважением не только в военных кругах, но и в обществе, а потому не следует умалять его значение»^{III}.

5 апреля 1919 г. помощник начальника Главного штаба писал начальнику академии, что «почти катастрофический недостаток офицеров корпуса Генерального штаба на фронте также требует спешного пополнения его наличного состава постоянным элементом, каковым слушатели старшего класса не являются»^{IV}. В этой связи был разработан проект «Временного положения о причислении к Генеральному штабу и о переводе в таковой офицеров, окончивших подготовительные курсы 1, 2 и 3-й очередей при Военной академии и перешедших на старший класс академии». По этому проекту все офицеры, окончившие подготовительные курсы и перешедшие в старший класс академии, успешно несущие службу Генштаба по заключениям соответствующих начальников, могли быть причислены к Генштабу,

^I Скитания русского офицера. С. 378.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

^{III} Там же. Л. 15об.

^{IV} Там же. Л. 16.

поскольку «на фронте ощущается крайняя нужда в офицерах Генерального штаба», а отозвать офицеров из полевых штабов для окончания старшего класса возможности не было^I. Обстановка войны привела к разработке планов дистанционного обучения. В частности, было предложено за три месяца готовить две темы (по службе Генштаба, по тактике и стратегии) без отрыва от службы. После этого офицеры переводились в Генштаб. Старшинство выпускников устанавливалось из баллов младшего класса, включая статистику, а также из среднего балла за темы^{II}. Окончившие подготовительные курсы имели право на ношение ученого знака. Причисленные имели право носить аксельбант и погоны Генштаба, но без красного канта. Но этот проект так и не был утвержден.

Качество офицерских кадров оставляло желать лучшего не только по своей подготовке. По свидетельству министра иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукина, «командный состав наших войск, без всяких сомнений, был крайне неудовлетворителен. Младшие офицеры представляли собой серую массу, недостаточно воспитанную, старшие же начальники были лишены дарований, дисциплины и настойчивости, которых требовали тяжести условий борьбы. В этом отношении Красная армия всегда имела над нами решающее преимущество, ибо ее командный состав был, с одной стороны, опытен, а с другой – вынужден подчиняться строжайшей дисциплине, которую большевики особенно применяли в отношении офицеров»^{III}.

Крайне неоднозначной была фигура генерал-майора Д.А. Лебедева – начальника штаба Ставки Колчака, оказавшегося на этом высоком посту в силу стечения обстоятельств. Как отмечал К.В. Сахаров, вся работа по созданию армии целиком легла на плечи Лебедева, которому «случалось вести работу иногда целые сутки, зачастую завтракая и обедая у себя в кабинете. Приходилось работать без усталости и без малейшего откладывания дела, ибо жизнь требовала быстрых решений, и каждый пропущенный день мог свалить все хрупкое тогда сооружение»^{IV}. В период с 23 мая по 12 августа 1919 г. Лебедев совмещал сразу два высших военных поста в белой Сибири, являясь одновременно начальником штаба Ставки и военным министром. При этом, как считал Сахаров, Лебедев «не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы»^V.

Один из лидеров Белого движения на Юге России генерал А.С. Лукомский вспоминал о Лебедеве в 1927 г.: «Лебедева я знаю еще по Ставке, откуда я хотел его выставить, но его спасла революция. Он тогда был чрезвычайно ленив и туп. Но в то же время с колоссальным самомнением и невероятным упрямством.

В январе 1925 г. я с ним говорил в Шанхае и убедился, что он не исправился, а все его качества лишь углубились и еще более обострились за время его могу- чей (? – неразборчиво. – А.Г.) деятельности.

Я определенно вынес впечатление, что его нельзя привлекать к ответственной работе»^{VI}.

^I Там же. Л. 17.

^{II} Там же. Л. 18.

^{III} Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 414–415.

^{IV} Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 49.

^V Там же. С. 54–55.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 143. Л. 202.

И.И. Сукин писал, что деятельность Ставки при Лебедеве «была вялой и сонной; никогда нельзя было получить точного ответа на вопросы; не проявлялось никаких признаков инициативы; господствовала какая-то косность и общая пассивность... в глазах фронта Ставка причислялась к сонму тыловых учреждений, которые лишь мешают и мало заботятся о потребностях передовых линий... Ее упрекали в том, что она находится в 800 верстах в тылу от фронта и не может поэтому чувствовать его настроений»^I.

Многие участники событий называли Лебедева основным виновником неудачи наступления армий Колчака весной 1919 г. По мнению Сукина, будь на месте Лебедева кто-то другой, «ему, быть может, удалось бы, несмотря на трудность обстановки, систематизировать военное дело и вывести фронт из хронического состояния анархии, в котором он находился»^{II}.

Генерал П.Ф. Рябиков вспоминал, что «постоянное недовольство армий фронта и Ставки тылом, а значит, Военным министерством и Главным штабом было основной причиной ряда выводов с теми или иными «реорганизациями» в военном управлении.

В этих «реорганизациях», как и во всяком человеческом деле, не обходилось, конечно, и без борьбы тех или иных личностей, для безжалостного прекращения которой у адмирала, повторяю, не хватало должных сил и энергии...

Приезд в мае 1919 года нас, нескольких членов конференции [Военной академии] в Омск, как раз и был вызван крупной реорганизацией высшего управления, которая подготавливалась в секрете от Военного министерства на ряде совещаний в мае месяце. Одной из причин и этой реорганизации было недовольство работой тылов, возглавляемой Военным министерством.

В это время было особенно сильно и заметно влияние на адмирала начальника его штаба генерала Лебедева, безусловно, честного и работоспособного^{III}, но излишне упрямого и властного, не любившего считаться с мнениями и советами старших и более опытных лиц. Выдающихся талантов, оправдывающих и молодость, широты военного кругозора, видимо, у ген. Лебедева не было. Человек малообщительный и замкнутый, но всегда сдержанно-корректный, генерал Лебедев не пользовался ни популярностью, ни должным авторитетом как начальник штаба Верховного главнокомандующего ни в военных, ни в гражданских кругах»^{IV}.

Знавшие Лебедева офицеры отмечали, что тот являлся азартным карточным игроком. Этот подход он, по-видимому, перенес и на управление войсками. Однокашник Лебедева по академии генерал В.А. Замбржицкий вспоминал о своем товарище: «Загадочный человек! Я до сих пор не могу с точностью уяснить себе, что он такое, — авантюрист ли, искатель сильных ощущений, идейный ли человек, донкихотствующий ли Печорин или попросту нахал? Или, может быть, смесь всего этого? Не знаю... Случайность, как игра, была потребностью его натуры. Игра была целью и средством всей его жизни. Он играл всем — жизнью, службой, мундиром, карьерой, наукой, любовью, дружбой. Он играл в прямом и переносном

^I Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 417.

^{II} Там же.

^{III} Во время войны Великой дошел в штабных должностях до чина подполковника (примеч. П. Ф. Рябикова). Правильно — полковника.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 7об.—8об.

смысле, играл всем и всегда, ибо вне игры для него жизни не существовало. Поставить ставку, рискнуть и выиграть составляло высшую степень его наслаждения, и чем рискованнее ставка, тем большее наслаждение испытывает он. Карты были лишь любимейшим его развлечением, как одно из наиболее острых средств игры. При том это не был игрок азартный, искавший утоления страсти в перипетиях игры, а игрок холодный, расчетливый, что называется, с подсидкой, которого игра только подзуживала и раззуживала к дальнейшим методическим ходам, чтобы вернее ухлопать своего противника.

Выдержка, апломб и дерзость при кажущемся глубокомыслии (хотя в действительности он был крайне легкомыслен) его замкнутой, насупленной физиономии не раз спасали его в критическом положении. Ну и кроме того, ему чертовски везло. На моих глазах было несколько случаев, когда, казалось, Лебедеву капут. Не тут-то было. Судьба явно ему благоволила¹.

Командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда 26 мая 1919 г. направил в Омск фактический ультиматум с требованием отправить в отставку Лебедева. После этого по поручению Колчака была образована комиссия для расследования деятельности Лебедева в составе трех опытных генералов-генштабистов М. К. Дитерихса, М. А. Иностранцева и А. Ф. Матковского. Один из членов комиссии, генерал Иностранцев, вспоминал: «Ознакомление наше с деятельностью Ставки и генерала Лебедева вообще и в частности с оперативными директивами убедили **всех нас трех членов комиссии**, что дело управления армией находится в совершенно не опытных до младенчества и невежественных, хотя и самоуверенных руках, что в вопросах организации царят полнейший произвол, хаос и импровизация²». Ставка и Военное министерство находились в Омске, удаленном от фронта на тысячу с лишним километров, что негативно сказывалось на управлении.

Конечно, вряд ли один человек, даже самый бесталанный, мог быть виновен в провале такого масштабного движения. Представляется, что Лебедев в общественном сознании стал «козлом отпущения» и был обвинен в том числе и в тех ошибках и неудачах, за которые ответственен не был. Но Лебедев не слишком сильно выделялся на фоне других колчаковских военных администраторов. Оренбургский атаман А. И. Дутов, к примеру, в обстановке эйфории от успехов весеннего наступления самоуверенно заявлял журналистам, что в августе 1919 г. белые будут уже в Москве³, тогда как в действительности они оказались отброшены в Западную Сибирь.

Серьезные проблемы с военным управлением в белой Сибири очевидны. Тот же М. А. Иностранцев писал о работе комиссии, расследовавшей деятельность Ставки: «Потребованные нами оперативные распоряжения, или директивы, убедили нас весьма скоро, что, в свою очередь, и управление армией из Ставки было в совершенно неопытных, образно выражаясь, как бы в младенческих, в военном отношении, руках.

Прежде всего, бросалось в глаза, что количество оперативных директив было так велико, что за какие-нибудь несколько месяцев операций их набралось целое

¹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 4. Л. 87–88.

² Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 875.

³ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

дело весьма внушительного размера. Из этого становилось ясным, что высшим командованием Колчака совершенно не было понято, что управлять армиями можно, лишь руководя ими путем указаний, даваемых на известные периоды времени, охватывающие определенную операцию или даже целый период операций, и носящих название директив. При этом, очевидно, эти директивы будут появляться в нормальной обстановке сравнительно редко и накопиться за несколько месяцев в виде целого дела никак не могут.

Что высшее управление армией Колчака совершенно не понимало смысла управления армией, раскинутой на сотни верст, свидетельствовало наглядно и изучение самих оперативных директив. Последние, по своей сущности, должны знакомить исполнителей лишь с общей идеей операции, осветить исполнителям обстановку, отнюдь не указывая не только способов действий частных начальников, но, как учит военная наука, даже не указывая частных целей отдельным армиям, так как эти цели на том большом промежутке времени, на которое дается директива, могут меняться, и частная инициатива исполнителей все равно будет вынуждена задаваться иными целями, заботясь лишь о том, чтобы цели эти соответствовали общей цели всех армий, почему лишь эта общая цель и указывается в директивах. Отсюда ясно, что директивы должны быть сравнительно краткими, составленными в общих выражениях, но весьма глубоко продуманными распоряжениями, указывающими как бы вехи для исполнения подчиненным.

Ничего подобного распоряжения высшего командования Колчака не представляли. Во-первых, это были документы чрезвычайно многословные, занимавшие иногда по несколько страниц и представлявшие собою весьма сложные приказы... В одной из директив мы, к удивлению своему, нашли указания, как следует действовать какому-то батальону, наступавшему вдоль берега Камы, и при этом подобные указания шли из Омска, удаленного от Камы на сотни верст, где совершенно не была известна, да и не могла быть известной, обстановка, в которой придется действовать этому батальону, так как директива давалась в то время, когда армия к Каме еще не подошла.

Одним словом, управляя подобным образом, высшее командование армии Колчака, в сущности, не только не управляло войсками, а, наоборот, мешало им, связывая их невыполнимыми приказами и сковывая их инициативу. ...Из распоряжений уже административно-хозяйственного характера для нас стало очевидным и великое неустройство тыла и снабжений армии. Слишком юные и потому мало опытные лица, поставленные во главе стратегии Сибирской армии, видимо, увлеклись чисто военной или, точнее говоря, чисто оперативной стороной и не придали своевременно должного внимания не менее важному вопросу снабжений армии всем необходимым. В области этого вопроса... царили полнейшая импровизация и неразлучный ее спутник — хаос. В результате, хотя запасов... и была масса, но армия была плохо одета, плохо обута, иногда прямо-таки голодала, а санитарные и медицинские средства подавались армии не вовремя или же совсем не доходили до нее»¹.

Генерал А. Н. Пепеляев обрисовал удручающую картину: «Начальство интриговало, свирепствовала разнузданная контрразведка, создавались роскошные штабы,

¹ Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 813–815.

офицерство пьянствовало»¹. Качество командного состава оставляло желать лучшего. Генерал С.Н. Розанов писал военному министру генералу Н.А. Степанову 16 марта 1919 г. о действиях против партизан: «Состав [наших] войск – сборный, надранные отовсюду роты и команды с младшими офицерами, чаще “ахвицерами”, без людей, которые могли бы управлять комбинированными действиями»².

Однажды в разговоре с генералом М.А. Иностранцевым Колчак заявил: «Вы скоро сами убедитесь, как мы бедны в данное время людьми, почему нам и приходится терпеть, даже на высоких постах, не исключая и постов министров, людей, далеко не соответствующих занимаемым ими местам, но это потому, что и заменить их нечем»³. Восточному фронту белых вообще не везло с руководителями. По сравнению с Югом здесь всегда существовала нехватка кадровых офицеров и опытных генштабистов. По мнению генерала С.А. Щепихина, «Уму не постижимо, удивлению подобно, до чего долготерпелив наш страстотерпец рядовой офицер и солдат. Каких только опытов с ним ни производили, какие при его пассивном участии кунштюки ни выкидывали наши “стратегические мальчики” – Костя (Сахаров) и Митька (Лебедев), – а чаша терпения все еще не переполнилась»⁴.

Генерал М.А. Иностранцев отмечал, что Лебедев перетягивал на себя решение тех вопросов, которые подлежали ведению военного министра. В частности, вопросы организации армии, для чего в Ставке была создана должность 3-го генерал-квартирмейстера, которая, по мнению Иностранцева, являлась вредной и избыточной⁵.

Подполковник И.С. Ильин записал в дневнике 6 июня 1919 г.: «Матковские, Марковские, Степановы, Лебедевы и пр. не могут и не должны быть у власти, ибо с ними дело возрождения России снова может погибнуть. Как это ни горько, но я оказываюсь прав. Что делали они, кроме интриг “мексиканщины”, грубой глупости? Что сделали они к моменту, когда оказались нужными резервы, новые готовые части, когда понадобилось полное напряжение сил для окончательной победы?

Солдаты не одеты, части, которые должны были быть готовы, оказались несформированными, а эти господа занимались интригами. Жалкие, ничтожные люди»⁶.

По-настоящему талантливых и опытных военачальников и штабистов у белых на Восточном фронте было крайне мало. Наиболее яркие имена выпускников академии можно пересчитать буквально по пальцам: генералы И.Г. Акулинин, В.Г. Болдырев, С.Н. Войцеховский, М.К. Дитерихс, В.О. Каппель, С.А. Щепихин. Но даже эти более чем скромные кадровые ресурсы использовались белым командованием нерационально. Например, приход к власти Колчака лишил белых такого талантливого военного руководителя, как прежний главком генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Именно о нем советский главком И.И. Вацетис написал

¹ Цит. по: Юзефович Л. А. Зимняя дорога: Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923. М., 2015. С. 25.

² Новые документы о разложении колчаковщины / публ. А. Л. Райхцаума // Исторический архив. 1960. № 4. С. 216.

³ Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 798.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 30б.

⁵ Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 877.

⁶ Скитания русского офицера. С. 375.

в мемуарах: «С появлением ген. Болдырева на горизонте Сибири мы должны были считаться особо»¹.

Генерал М.К. Дитерихс от решения военных вопросов долгое время был фактически отстранен и всю первую половину 1919 г. по поручению адмирала Колчака занимался расследованием убийства царской семьи, что могло быть с таким же успехом поручено гражданскому чиновнику. В.О. Каппель с января по начало мая 1919 г. также не участвовал в боевых операциях, занимаясь формированием своего корпуса в тылу.

Вместе с тем Каппель был типичным фронтовым командиром, стремившимся находиться на передовой, штабную и военно-административную работу, организацию тыла он не любил, с другими генштабистами не ладил и, возможно, даже намеренно окружал себя бездарностями. Наиболее успешно Каппель проявил себя в действиях партизанского характера в 1918 г., что соответствовало его характеру. Как отмечал знавший семью Каппеля полковник М.М. Манжетный (негенштабист), Каппель был далек от карьеры генштабиста и окончил академию лишь под нажимом супруги². По свидетельству генерала В.М. Молчанова (негенштабиста), Каппель «был хорошим полевым командиром, но у него не было времени (и он не хотел тратить время) на другие вещи. Но на такой высокой должности, как командир корпуса, нужно уделять много внимания и таким вопросам, как снабжение, транспорт и так далее, чего Каппель не любил делать. Он был прежде всего настоящим боевым начальником на передовой. Я понял также, что Каппель не любил держать около себя очень деятельных людей. Мне кажется, что он все время хотел быть в гуще событий и все хотел делать сам. Я думаю, что он в некоторой степени способствовал тому, чтобы в его ближайшем окружении были никчемные люди. Например, на совещании генералов, которое он устроил в своем штабе, он сказал своему начальнику штаба не беспокоиться насчет совещания, а лучше пойти позаботиться насчет какой-нибудь еды для нас. Это меня просто изумило, потому что, в конце концов, начальник штаба — это человек, который должен знать все, что у его командира на уме, и должен быть полностью информирован обо всех принимаемых решениях, а не использоваться в качестве ординарца.

Это сильно отличалось от того, как вел свои дела генерал Войцеховский. В штабе его корпуса все было организовано очень хорошо. Его штаб работал быстро. Он отдавал ясные, четкие распоряжения, и его приказы всегда точно соответствовали окружающей обстановке»³.

Командующие основных армий Колчака были подобраны крайне неудачно. Во главе Сибирской армии был поставлен 28-летний плохо управляемый генерал Р. Гайда, более других колчаковских генералов способствовавший своими действиями срыву весеннего наступления. В июле 1919 г. из-за конфликта со Ставкой Гайда был отстранен от должности и уволен из армии, а позднее даже лишен генеральского чина. Западную армию возглавлял генерал М.В. Ханжин — опытный офицер, но артиллерист по специальности, при том, что командарм должен

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 752.

² Манжетный М. М. Воспоминания русского полковника китайской армии. С. 51.

³ Молчанов В. В. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 127–128.

был решать не только вопросы артиллерийского дела. Командующий Отдельной Оренбургской армией атаман А.И. Дутов был скорее политиком, чем полководцем, поэтому значительную часть времени в первой половине 1919 г. его замещал начальник штаба генерал-майор А.Н. Вагин, на другие руководящие должности в казачьих частях выдвигались почти исключительно казаки по происхождению, иногда вопреки профессиональной пригодности.

Сам адмирал Колчак как морской офицер плохо разбирался в сухопутной тактике и стратегии, вследствие чего в своих решениях был вынужден полагаться на собственный штаб во главе с генералом Д. А. Лебедевым, и одной лишь «общей военной культуры»^I ему для успешного руководства оказалось недостаточно. Как отмечал генерал А.П. Будберг, «военного дела он не знает совершенно, даже хуже, ибо схватил только общие места и приобрел кое-какие теоретические сведения, дающие видимость знания, но крайне опасные в практическом применении»^{II}. Ни Лебедев, ни Колчак, в отличие от противостоявших им советских военных специалистов, не имели опыта управления крупными силами в Гражданскую войну. Существует точка зрения, что Колчак намеренно выдвигал Лебедева, поскольку на его фоне не так заметно было непонимание самим адмиралом основ сухопутной войны^{III}. В определенной степени это соответствует последующим кадровым предпочтениям Колчака, который оказывал поддержку, по мнению генерала М.А. Иностранцева, «мальчикам и авантюристам» — генералам П.А. Белову, К.В. Сахарову и др.^{IV}

По оценке Будберга, не имевший своего мнения по ряду ключевых вопросов Колчак был «больным идеалистом», «беспомощной игрушкой в руках тех, которые приобрели его доверие и овладели его волею»^V, «это мягкий воск, из которого можно лепить все, что угодно; горе в том, что присяжные и доверенные лепщики очень плохи»^{VI}. Между тем так называемые вундеркинды, оказавшиеся в военном руководстве белой Сибири и сумевшие подчинить своему влиянию Колчака, фатально недооценивали противника и его возможности.

Генерал Д.В. Филатьев писал 16 августа 1919 г. находившемуся тогда в Европе видному политическому деятелю А.И. Гучкову о положении колчаковских войск: «Генералов и офицеров там нет, руководители — зеленая молодежь, главнок[омандующий] Дит[е]рихс отличается, как Макдональд»^{VII}, поразительной незадачливостью во всех своих делах. Стратегия же и тактика и администрация не прощают забвения своих законов»^{VIII}. Такие оценки были во многом справедливы.

Капитан А.Л. Симонов писал генералу А.И. Андогскому 8 апреля 1919 г. из Омска: «Здесь сейчас такая обстановка. Адмирал как моряк волей или неволей опирается на Степанова и Лебедева. Они же создали около него нехорошую атмосферу.

^I См., напр.: Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2009. С. 380.

^{II} Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 332.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 106.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22.

^V Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 332.

^{VI} То же // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 332–333.

^{VII} Макдональд Этьен-Жак-Жозеф-Александр (17.11.1765–25.09.1840) — французский генерал (впоследствии маршал), разбитый А. В. Суворовым в 1799 г. в сражении при Треббии во время Итальянского похода.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

Ему многое не говорят или запугивают его, когда он принимает решение, не удобное их кругам.

Само же правительство тоже по своему составу, видимо, не на высоте. Скаывается молодость и недостаток широты мысли.

Все вместе послужило в результате причиной того, что укрепления власти нет. Мероприятия часто выходят очень неудачные... Военная же сторона вылилась в совершенно уродливые формы. Это огромное штабное царство, в котором все заблудилось и гибнет.

Организационной работы никакой. Учреждения, подчас совершенно мифические, впитали невероятное количество служащих в ущерб фронту.

Функции не разграничены. Поэтому ни один вопрос не решается одним; параллельная работа, бесконечная бумажная волокита, междуведомственные совещания и в результате — ничего не делается.

При этих условиях, даже если бы люди были идеальны, они обязательно перессорятся, а уж пользы-то не будет при всем желании.

Такая обстановка сознается положительно всеми. По привычке ищут стрелочников, не сознавая, что сама система плоха»^I.

Непросто складывались взаимоотношения в высшем военно-политическом руководстве белых сил на Востоке России. По свидетельству современника, «положение у Колчака было нелегкое... он не чувствовал поддержки высшего офицерства Ставки, т.е. генералов и ст[арших] офицеров Генштаба, — Колчак был моряк, и естественно все эти “генштабисты” не считали его авторитетом в военном деле, что Колчак прекрасно чувствовал»^{II}.

Дилетантский характер носило военное планирование, что, несомненно, связано с недостаточной квалификацией колчаковской военной администрации. Фактически продуманного плана весеннего наступления белых на Восточном фронте выработано не было. Совещание командующих армиями, их начальников штабов и адмирала А.В. Колчака 11 февраля 1919 г. в Челябинске, когда решался принципиальный вопрос о предстоящем наступлении, оказалось фарсом: не приехавший на него начальник штаба Ставки генерал Д.А. Лебедев давно уже имел собственный план, который Колчак должен был заставить принять всех командующих армиями, а последние также подготовили свои планы действий и руководствовались ими без должной координации с соседями^{III}. Генерал М.А. Иностранцев был поражен легкомыслием стратегического планирования в Омске: «Замыслы и решения принимались как бы при полном отсутствии противника, с которым, видимо, не считались и силу и боеспособность которого почти не признавали»^{IV}.

До сих пор был до конца не ясен вопрос о направлении главного удара белых. Весной 1919 г. он мог быть нанесен в двух направлениях: 1) Казань — Вятка — Котлас на соединение с войсками Северного фронта генерала Е.К. Миллера и союзниками и 2) Самара (Саратов) — Царицын на соединение с войсками

^I РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–106.

^{II} Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 73. С. 216.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78об.; Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 130–131.

^{IV} Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 779.

генерала А. И. Деникина, действовавшими на Юге России. Концентрация значительных сил в выпестованной белым командованием Западной армии и оперативная переписка^I, а также простейшая логика свидетельствуют в пользу главного удара в центре фронта — вдоль линии Самаро-Златоустовской железной дороги на уфимском направлении, являвшемся наиболее важным и перспективным, позволявшем кратчайшим путем выйти на соединение с Деникиным^{II}. Свидетельствуют об этом и прямые указания Колчака в начале наступления, когда он распорядился «подтвердить, что в предстоящих операциях главный удар возложен на Западную армию, в целях овладения уфимским районом, почему командармам Сибирской и Оренбургской принять все меры к способствованию Западной армии выполнить поставленную задачу ей и свои действия согласовать с ней»^{III}.

По разным причинам сконцентрировать все первоначально намеченные для нанесения удара войска в Западной армии, не растягивая их по фронту, и скоординировать наступление с соседними армейскими объединениями не удалось^{IV}. Правофланговая Сибирская армия была почти столь же мощной по своему составу, как и Западная, а ее действия в значительной степени были связаны именно с северным направлением наступления на соединение с союзниками в районе Архангельска. Сторонником этого пути был сам командарм генерал Р. Гайда, не скрывавший своих взглядов на этот счет даже от гражданских^V. Белые военачальники свидетельствовали, что из Сибирской армии всегда можно было взять одну-две дивизии^{VI}, а попытки Гайды действовать самостоятельно в северном направлении вместо поддержки наступления Западной армии ударами на Сарапул и Казань являлись серьезной стратегической ошибкой, сказавшейся на итогах операции. На этот существенный промах противника обратил внимание в своих мемуарах советский главнокомандующий И. И. Вацетис^{VII}.

Относительно весеннего наступления белого Восточного фронта, главной и очевидной стратегической перспективой для белых должно было стать соединение с деникинскими ВСЮР. В этом случае блокада Советской России действительно приобретала серьезный характер. Подобное соединение, возможное только в Нижнем Поволжье, отрезало красным выход к Каспийскому морю с запасами сырья этого региона, предоставляло белым Нижнюю Волгу в качестве коммуникации, а также позволяло взаимодействовать двум лагерям, осуществлять переброску сил и запасов, в том числе от союзников на Юге, не говоря уже о мощном подъеме боевого духа белых в результате таких успехов. Наконец, в результате соединения сокращался фронт и высвобождались силы для финального рывка к Москве.

^I РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

^{II} См. также: *Плотников И. Ф.* Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А. В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль — май 1919 г.) // *Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения.* Челябинск, 1999. С. 79–83.

^{III} РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.

^{IV} *Волков Е. В.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 128.

^V *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007. С. 393.

^{VI} *Молчанов В. М.* Борьба на востоке России и в Сибири // *Восточный фронт адмирала Колчака.* М., 2004. С. 423.

^{VII} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 746.

Однако такая стратегия сталкивалась с личными амбициями колчаковского генералитета – соединение с южнорусским лагерем было не в интересах Лебедева, который понимал, что в объединенной армии с массой опытных и высококвалифицированных штабных работников он, случайный человек на своем посту, не продержится и дня. Сам Деникин впоследствии недоумевал по поводу того, каким образом Лебедев был назначен на столь высокий пост (Лебедев оказался на этой должности «непостижимым образом, не имея никакого командного стажа»). В итоге Лебедев поставил личные амбиции выше общей пользы. Так же поступал и генерал Р. Гайда.

Еще 14 февраля 1919 г., до начала наступления, Деникин писал Колчаку: «Жаль, что главные силы сибирских войск, по-видимому, направлены на север. Соединенная операция на Саратов дала бы огромные преимущества: освобождение Уральской и Оренбургской областей, изоляцию Астрахани и Туркестана. И главное – возможность прямой, непосредственной связи Востока и Юга, которая привела бы к полному объединению всех здоровых сил России и к государственной работе в общерусском масштабе»ⁱ.

Руководство ВСЮР, вероятно, было в большей степени заинтересовано в соединении с Восточным фронтом, чем колчаковское командование. Деникин, летом 1919 г. обоснованно бросивший все силы на Москву (тогда возможность соединиться с Колчаком уже была сомнительной), весной 1919 г. еще выступал как горячий сторонник такого соединения. 9 апреля 1919 г. он писал Колчаку в связи с прибытием от него подполковника Егорова: «В предыдущем письме моем, которое теперь Вы, несомненно, получили, я высказывал свой взгляд на необходимость после нашего реального соединения установления единой власти, слив Восток и Юг. Мысль эта выражена была почти тождественно тому, как это сделано в последнем Вашем письме. Очень рад. Даст Бог – встретимся в Саратове и решим вопрос во благо Родине»ⁱⁱ.

Впоследствии белые стратеги подробно расписывали преимущества южного варианта наступления колчаковских войск, отмечая важность создания общего фронта с Деникиным, освобождения казачьих областей и других территорий с антибольшевистски настроенным населением (немецкие колонисты, поволжские крестьяне), захвата зерновых районов и районов угле- и нефтедобычи, а также Волги как важной коммуникационной линии, позволявшей осуществлять транспортировку этих ресурсовⁱⁱⁱ.

При этом неизбежно растягивались коммуникации Колчака, что до соединения с Деникиным могло привести к неудаче, но армия выходила в более развитый район, обладавший более густой, чем восточнее, железнодорожной сетью, к тому же сокращалась линия фронта и высвобождались резервы. Впрочем, до координации с белым Югом дело так и не дошло, поскольку наступления двух фронтов развивались в противофазе. Крупные успехи Деникина начались уже после того, как

ⁱ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 701.

ⁱⁱ ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 47. Л. 1 об. – 2.

ⁱⁱⁱ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 6. Л. 1.

^{iv} Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / под ред. В. Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 60; Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. С. 241; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. С. 280–281.

колчаковское наступление захлебнулось. Советский главком И.И. Вацетис вспоминал: «Предметом действий для всех контрреволюционных фронтов являлась Москва, куда все они устремились разными способами. Был ли общий план действий у Колчака, Деникина, Миллера? Едва ли. Мы знаем, что проект общего плана был выдвинут Деникиным и Колчаком, но он не выполнялся ни тем, ни другим, каждый действовал по-своему»¹.

О легкомыслии сибирских стратегов в вопросах военного планирования писал генерал А.П. Будберг, по словам которого «к зиме 1918 года перед Ставкой стояли грандиозные задачи и от умелого и успешного исполнения их зависел весь успех операций 1919 года, а с ним и всей начатой борьбы. Надо было провести новую организацию фронта и ввести в регулярные рамки тот конгломерат разных войсковых образований, которые родились в первый повстанческий и неорганизованный период борьбы.

Нужно было разработать полный план кампании 1919 года, разработать до последних мелочей, как по части операций и снабжений, так и самой тщательной подготовки всего тыла. Это требовало огромных знаний, огромного опыта и умения делать такую ответственную работу, которая и в меньших размерах была по плечу только лучшим офицерам Генерального штаба.

Ничего этого сделано не было. Я видел жалкий доклад, разбиравший преимущества северного и южного наступлений, и был поражен детскостью его содержания; в былые времена офицер Генерального штаба не рискнул бы выступить с такой работой, а если бы рискнул, то мог поплатиться переводом из Генерального штаба»².

Генерал В.Е. Флуг, ездивший с Юга России в Сибирь и обратно, вспоминал о своей беседе в конце 1918 г. с адмиралом А.В. Колчаком по поводу плана предстоящей кампании: «На мой вопрос о плане кампании на 1919 г., который я мотивировал необходимостью осведомить о нем главное командование Юга России, А.В. [Колчак] дал следующие сведения: В течение зимнего периода, исправив, насколько возможно, недочеты в организации и снабжении войск, будут подготовлены для действующих армий подкрепления, которые будут влиты в них к концу мая, с целью усиления, глав[ным] обр[азом], южной части Уральского фронта, для перехода затем в решительное наступление на участок среднего Поволжья Самара – Саратов. Для облегчения предполагаемой переброски войск в районе Оренбурга и Уральска производятся спешные работы по окончанию жел[езной] дороги Троицк – Орск – Оренбург и по оборудованию этапных линий. Хотя положение Оренбурга и внушает серьезные опасения и можно со дня на день ожидать его падения, все же, несмотря на это, главной стратегической задачей остается во всяком случае утверждение в среднем Поволжье с установлением там непосредственного соприкосновения с Добр[овольческой] армией. От последней ожидается, что она сосредоточит свои усилия в направлении Камышина и Царицына»³.

Если говорить о колчаковской стратегии и выборе между «северным» и «южным» вариантами наступления, то наиболее близко к действительности в свете

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 820.

² Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 340.

³ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 17. Л. 100–101.

группировки белых армий высказывание генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева, позднее служившего в Ставке Колчака: «Был еще один, третий вариант, кроме двух указанных: двинуться одновременно и на Вятку и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздρόбь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог бы позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитою сетью железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие – суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенности в себе полководца, поэтому такой вариант должен был быть отброшен из обсуждения, как ведущий неумолимо к полному успеху. Между тем он именно и был избран для сокрушения большевиков, что и привело Сибирские армии в конечном результате к краху. Положение большевиков весною 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий¹. Фактически из-за ошибок Ставки белое наступление, и без того слабо подготовленное и малочисленное, превратилось в удар растопыренными пальцами. Не получилось не только координации с Деникиным, но даже эффективного взаимодействия между самими колчаковскими армиями.

На это еще в первые дни наступления обращал внимание Ставки командующий Западной армией генерал М. В. Ханжин, который телеграфировал 2 марта 1919 г. в Омск: «Западная армия, наносящая главный удар, вправе рассчитывать не только на полную связь с ее действиями операций соседних армий, но и на полную поддержку с их стороны, даже поступаясь частными интересами этих армий в пользу главного удара... Сибирская армия составила свой план действий и вчера перешла к его выполнению, не заняв указанного ей исходного положения – до сих пор левофланговый участок этой армии от железной дороги Сарапул – Краснотурфимск до разграничительной линии с Западной армией не занят войсками Сибирской армии, и этот разрыв фронта я должен прикрывать полтора полками моего Уфимского корпуса, отвлекая эти силы на неопределенное время от выполнения поставленной корпусу задачи.

Оренбургская армия находится в том же состоянии полного разложения казачьих частей, как было под Оренбургом; разложение грозит перейти и на приданные этой армии пехотные части... Командование Оренбургской армии бессильно, как и под Оренбургом, восстановить порядок в своих рядах... Ясно, что такая армия не только не выполнит возложенной на нее общей директивой Ставки задачи, она не только не способна [к] наступлению, но у нее даже нет сил удерживать фронт и остановить стихийный отход и обнажение фланга и тыла ударной армии². Начальник штаба Ханжина генерал С. А. Щепихин писал об Оренбургской армии, что «по существу, Дутов со своей псевдо-армией – мыльный пузырь

¹ Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 53–54.

² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 11. Л. 31–31об.

и левый фланг Западной армии на весу»^I. Но положение самой Западной армии, где служил Щепихин, было немногим лучше. Эта армия, несмотря на стягивание в нее всевозможных пополнений, тем не менее испытывала общие для всех трех белых армий проблемы.

Весеннее наступление колчаковских армий началось в марте 1919 г. на фронте Западной армии. Конечной целью наступления являлось занятие Москвы, но намеченный план взаимодействия армий при наступлении был сорван практически сразу, а плана действий за Волгой не существовало вовсе^{II}.

Авантюрный характер колчаковской стратегии подтверждается делопроизводительной документацией белых. К примеру, в журнале военных действий Сибирской армии накануне наступления, 28 февраля, отмечалось, что в резерве армии нет ни одного батальона, левый фланг армии в поставленных задачах не совпадает с разграничительной линией между Сибирской и Западной армиями, а между двумя армиями имеется разрыв, пользуясь которым красные могут беспрепятственно наступать^{III}.

С самого начала наступление развивалось не по намеченному плану. Сибирская армия, например, столкнулась с ожесточенным сопротивлением частей РККА. В журнале военных действий армии за 6 марта 1919 г. отмечалось, что на Глазовском направлении «противник по всей линии оказывает упорное сопротивление и развивает ураганный артиллерийский, пулеметный и винтовочный огонь»^{IV}. Кроме того, «Комкор Средне-Сибирского доносит, что наступление наше на левом фланге его корпуса встречает небывалое до сих пор сопротивление красных, которые переходят сами в контратаки. Артиллерия противника и пулеметы наносят нам громадные потери. Барабинский полк за день боя под заводом Андреевским потерял всех пулеметчиков и во многих ротах всех офицеров... С офицерами дело критически. Длина фронта невозможна. Прошу два миллиона патронов и обеспечение левого фланга быстрым выдвижением частей третьего корпуса...»^V

Некоторые наиболее вопиющие ошибки и дезорганизация в управлении войсками были очевидны даже простым офицерам и солдатам и подрывали их веру в командование. Это и не удивительно, если учесть, что даже не во всех корпусных штабах было известно о замысле предстоявшего наступления^{VI}. Части Западной армии влезли в полосу наступления Сибирской армии, причем подразделения двух армий отказывались помогать друг другу – сразу наметилась проблема плохого взаимодействия соседних армий, усугублявшегося соперничеством военачальников. Командующий Отдельной Оренбургской армией генерал А. И. Дутов в ответ на просьбы о присылке двух казачьих полков в Сибирскую армию потребовал присылки взамен хорошо вооруженного пехотного полка с пулеметами^{VII}, т.е. фактически вместо помощи начал торговаться.

^I ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 66об.

^{II} Там же. Л. 78.

^{III} РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 57. Л. 156об.

^{IV} РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 22.

^V Там же. Л. 23.

^{VI} См., напр.: Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 130–131.

^{VII} РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 48.

Практически не было ни одного начальника дивизии, командира корпуса, командующего армией (например, Р. Гайда, А. Н. Пепеляев, А. И. Дутов), не говоря уже об атаманах, которые бы в условиях Гражданской войны не совершали дисциплинарных проступков. Военская дисциплина в ее правильном понимании, равно как и взаимодействие отсутствовали как таковые. По сути, любой сколько-нибудь значимый воинский начальник у белых в новых условиях являлся своеобразным атаманом для подчиненных. Начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии Западной армии георгиевский кавалер генерал-майор В. В. Ванюков (негенштабист) в июне 1919 г., например, отказался выполнить приказ о передислокации дивизии, так как обещал солдатам отдых, за что был отстранен от командования и попал под следствие^I. Сменивший генерала М. В. Ханжина на посту командующего Западной армией генерал-майор К. В. Сахаров без стеснения писал, что в его армии единственным эффективным способом командования являлось прямое управление войсками, поскольку «бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми... прежний способ приучил строевых начальников отписываться, смотреть на полученный приказ как на простой лоскут бумаги»^{II}. Интересы своей части, отряда, дивизии, корпуса, армии, войска ставились выше приказов сверху, которые исполнялись лишь по мере необходимости. Такой «атаман» для своих подчиненных был и царь, и бог. За ним они готовы были пойти куда угодно. Как отмечал современник, «в условиях Гражданской войны нет “устойчивости частей”, а все зиждется лишь на “устойчивости отдельных вожаков”»^{III}.

Между различными штабами были развиты дух соперничества и антагонизм, что особенно ярко проявилось в вопросах взаимодействия колчаковских армий в период весеннего наступления 1919 г. Когда на фронте Западной армии начались неудачи, командующий Сибирской армией и его штаб вместо оказания немедленной поддержки недалековидно радовались неудаче своего соседа слева^{IV}. Вскоре красные перебросили часть освободившихся при разгроме Западной армии войск против Сибирской армии, и ее командующий повторил печальную судьбу предшественника.

Колчаковскую армию трудно назвать единой воинской силой, сформированной по одному образцу, штату и т. д. «Каждую дивизию и корпус можно было определить по совершенно своеобразным настроениям и приемам, которые в них господствовали»^V. Все это не свидетельствовало в пользу «регулярства» этой армии, о котором иногда пишут, а скорее говорило о партизанском и импровизационном характере формирований. Обособленность и слабая дисциплина вели к противоречиям и конфликтам, не говоря о том, что сохранение партизанского характера армии лишало ее надежд на успех в борьбе с регулярными формированиями красных.

По штату штаба армии в составе фронта полагались следующие должности Генштаба^{VI}: начальник штаба (генерал-майор или генерал-лейтенант); в отделе

^I Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 103.

^{II} Там же. С. 111.

^{III} Сулавко А. В. Этюды по тактике в Гражданской войне. Никольск-Уссурийский, 1921. С. 19.

^{IV} Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. С. 235; Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 91.

^V Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 412.

^{VI} РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 24. Л. 452–452об.

генерал-квартирмейстера – генерал-квартирмейстер (полковник или генерал-майор), которому подчинялись оперативное, разведывательное, контрразведывательное, военно-цензурное и военно-топографическое отделения. В оперативном и разведывательном отделениях служили: старший адъютант (полковник), два помощника (штаб-офицеры, один из которых Генштаба), а также два помощника из обер-офицеров Генштаба. В контрразведывательном отделении служили старший адъютант и два его помощника, один из которых являлся штаб-офицером Генштаба, а второй штаб-офицером технических войск. Также имелись осведомительный отдел и отдел дежурного генерала. Дежурный генерал мог быть Генштаба в чинах полковника или генерал-майора. Его помощник должен был иметь чин полковника и также мог быть Генштаба. В отделе дежурного генерала имелись отделения: общее, инспекторское, наградное и военно-судное, управление коменданта штаб-квартиры и типография штаба. В штабе армии также было управление начальника снабжений армии во главе с Генштаба генерал-майором или генерал-лейтенантом. При нем состояли два штаб-офицера для поручений, один из которых мог быть Генштаба.

Основным соединением белых сил Востока России являлся армейский корпус. По штату 1920 г. в штабе отдельного корпуса имелись следующие должности Генштаба: начальник штаба, генерал-квартирмейстер, штаб-офицер для поручений, начальник оперативного отделения (штаб-офицер), его помощник (штаб-офицер), начальник разведывательного отделения (штаб-офицер), его помощник (штаб- или обер-офицер), начальник общего отделения и его помощник (он же – заведующий связью). Всего 9 офицеров.

Офицеры оперативного отделения следили за боевой деятельностью и группировкой своих войск и соседей, вели карты боевых действий и расположения войск, составляли схемы группировки с указанием численности войск, сводки о боевых действиях и расположении, а также сводку для оповещения частей о боевых действиях. Штаб-офицеры для поручений оперативного отделения вели учет численности и боеготовности войск, составляли боевые расписания, вели квартирное расписание частей, составляли схему расположения тыла, следили за готовностью войск – степенью их вооружения и снаряжения, а также за передвижениями^I. В штабе стрелковой дивизии генштабисты занимали должности начальника штаба, старшего адъютанта по оперативной и строевой части и заведующего разведкой^{II}.

Колчаковский министр иностранных дел И.И. Сукин писал, что белые штабы «разрослись до невероятных размеров, скопив в себе политиканствующий и недостаточно активный элемент. Штабы эти не пользовались в большинстве случаев доверием войсковых частей. Они, в сущности, лишь едва ими руководили, ибо служба связи была так скверно налажена, войска же растянуты на столь больших расстояниях, что директивы штабов имели второстепенное значение, и каждая часть действовала почти самостоятельно. Штабы, таким образом, скорее регистрировали развитие фактических событий, нежели ими управляли... Все это

^I РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 140об.

^{II} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 39. Л. 48–48об.

^{III} РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 195.

здание беспорядочной организации фронта увенчалось центральным учреждением — Ставкой Верховного главнокомандующего.

Последняя действовала весьма неудачно и вызывала постоянную критику как со стороны фронта, так и общественного мнения в тылу»¹.

Сохранилось любопытное, хотя и несколько восторженное, описание того, как функционировал штаб II Уфимского армейского корпуса колчаковской Западной армии в начале 1919 г., оставленное выпускником ускоренных курсов академии в описываемое время еще капитаном А.Г. Ефимовым: «Первые же дни дали представление о новом месте службы. У любившего порядок и добросовестное отношение к делу начальника штаба (подполковника Ф.А. Пучкова. — А.Г.) таков же был и подбор его помощников. Все знали свое дело, не было никакой суеты или нервности, все донесения, сводки, приказы заготавливались своевременно и посылались в срок.

В “святом-святых” штаба — в оперативном отделении — был образцовый порядок и редко нарушаемая тишина. Никто не приходил без дела и не мешал. По вечерам здесь собирались все старшие начальники разных отделов и выслушивали оперативные и разведывательные сводки. Доклады делались офицерами, которым были поручены эти отрасли, после чего бывали дополнительные разъяснения начальника штаба или обсуждение новых сведений. Все были обязаны быть в курсе событий, включая корпусного интенданта, корпусного врача и др.

Штаб работал как точно отрегулированная и хорошо управляемая машина. Надо отметить, что в штабе, кроме самого начальника штаба, подполк[овника] Пучкова, не было офицеров с полной подготовкой для службы в Генеральном штабе. Вместо четырех положенных по штату офицеров Генерального штаба были двое из окончивших ускоренные курсы и двое из строя, которых должен был обучить сам начальник штаба. Спокойно, скорее как бы советуясь, наставлял и обучал своих помощников подполковник Пучков. Никогда не приходилось слышать разносов или грубых выговоров.

Было бы очень полезно провести в этом штабе несколько месяцев и к знаниям, приобретенным на ускоренных курсах, добавить новые»².

Впрочем, известна и другая оценка, касавшаяся того же штаба. Генерал В.М. Молчанов вспоминал о сложностях в подборе штабных кадров во II Уфимском армейском корпусе в 1918–1919 г.: «Начальника штаба я не имел, так что фактически я исполнял все должности, вплоть до того, что сам писал сводки. Пробовал просить по начальству о присылке ко мне хотя бы одного офицера, знакомого со штабной службой, но мне ответили, что тыл беден так же, как и я. Это было не совсем так, как я увидел и узнал впоследствии, но не было такого человека, который мог бы окопать “окопавшихся”»³. Молчанов возмущался бездействием штабов, а также тем, что при наличии последних не было войск.

Образцовые штабы были редкостью. Начальнику Военной академии генералу А.И. Андогскому поступали письма, в которых описывались в том числе и недостатки по службе Генштаба в белых штабах. Так, 8 сентября 1918 г. вр.и.д.

¹ Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 416.

² Ефимов А. Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 172.

³ Молчанов В. М. Последний белый генерал. С. 227.

обер-квартирмейстера штаба Отдельного Уральского армейского корпуса капитан Е.Н. Сумароков сообщал о недочетах в работе штаба 6-й Уральской дивизии горных стрелков: «1) 3 сентября в 10 часов был вызван мной к аппарату старший адъютант оперативной части. Несмотря на неоднократные повторные вызовы, лишь в 15 часов явился к аппарату штабс-капитан Москвичев, старший адъютант по инспекторской части, не давший, конечно, определенного ответа на вопрос оперативный. Подпоручик Григорьев, и.д. старшего адъютанта оперативной части, подошел к аппарату только в 17 часов.

2) На другой день, несмотря на мою просьбу для оперативных разговоров подходить лишь лицам оперативной части, срочное оперативное сообщение по аппарату снова делал шт[абс]-капитан Москвичев.

3) Со дня прибытия своего в штакор (12 августа) не знаю случая, когда бы у аппарата появился подпоручик Григорьев или прапорщик Симонов (теперь его помощник), а всегда штабс-капитан Москвичев.

4) Оперативные сводки штадива, по меньшей мере, поражают своей неясностью»¹.

Некоторые корпуса создавались непосредственно в ходе боевых действий. Например, так был создан II Оренбургский казачий корпус Отдельной Оренбургской армии. 16 февраля 1919 г. командир IV Оренбургского армейского корпуса получил телеграмму командующего армией с приказом о формировании на базе своего соединения нового корпуса в составе 4-й и 5-й Оренбургских казачьих дивизий и о своем назначении командиром этого корпуса. Из штаба IV корпуса была выделена часть офицеров и чиновников на образование кадра штаба нового корпуса. В тот же день эти чины приступили к работе по управлению частями образованного соединения. К исполнению должности начальника штаба был допущен и.д. начальника штаба 4-й Оренбургской казачьей дивизии, прибывший в штаб корпуса 21 февраля, а на следующий день отправленный в штаб армии за директивами. На это время начальника штаба замещал начальник оперативного отделения. При разделе имущества двух корпусов II Оренбургский казачий корпус «не получил ни одного аршина телефонного и телеграфного провода, ввиду чего на установление технической связи надежды не было»². Штаб корпуса сформировался в ходе боев и состоял из четырех человек: начальника штаба, начальника оперативного отделения и двух старших адъютантов по оперативной и разведывательной части, все остальные должности заняты не были. Не было даже писарей. Особенно остро чувствовалась нехватка работников административного и хозяйственного отделений, за которых несли службу те же чины штаба. Фактически структура штаба корпуса и обязанности его чинов напоминали структуру штаба дивизии. Положительным явлением было то, что офицеры штаба, служившие вместе в IV армейском корпусе, были хотя бы знакомы друг с другом, что немаловажно в условиях боевых действий. Несмотря на трудности, корпус сложился во вполне боеспособное соединение, которое успешно действовало в ходе весеннего наступления белых³.

¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

² РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 2об.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. II Оренбургский казачий корпус (февраль — апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: Мат-лы науч. конф. в Челябинске 19–20 апреля 2002. М., 2003. С. 80–85.

По воспоминаниям генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, штаб Западной армии к концу мая 1919 г. «потерял управление и какой-либо престиж, самую тень доверия к себе; почти каждый начальник привык критиковать всякое распоряжение штаба, протестовать, а иногда и не исполнять. Вследствие этого отсутствовала согласованность действий и не было возможности провести целно какой бы то ни было план. Правда, некоторые основания этому были; даже самая техника работы армейского штаба вызывала такое к себе отношение, — связь с корпусами и отрядами не была обеспечена, военная тайна не охранялась, и доходило до того, что на оперативный телеграф мог прийти всякий, открыто печатались в литографии красивые цветные схемы боевого расположения наших войск с подробным перечислением частей; отдел генерал-квартирмейстера кишел весь день самой разнообразной публикой»¹. С приходом на должность начальника штаба армии Сахарова штаб работал с 7 до 22–23 часов.

Служба Генштаба в вооруженных формированиях оренбургского казачества имела свои особенности. Командующий Отдельной Оренбургской армией и Войсковой атаман генерал А.И. Дутов окончил академию без причисления к Генштабу, в результате чего у него сформировался субъективный взгляд на генштабистов. Его сокурсник по академии, впоследствии генерал-майор С.А. Щепихин вспоминал, что Дутов однажды в начале октября 1919 г. сказал ему: «Да, Сережа, вот тебе и Генеральный штаб. Меня не пожелали, выгнали, забраковали, а вот какие дела можно делать и без марки, штемпеля генштабиста! И заметь, все около меня бывшие — [А.Н.] Вагин, [И.М.] Зайцев, [Ф.Е.] Махин² — все это второразрядники, не чистый Генеральный штаб!»³ Конечно, академический балл, спустя годы после окончания академии, мог и не иметь большого значения для оценки способности ее выпускников руководить войсками, так как не учитывал их практического опыта, накопленного в Первую мировую и Гражданскую войны. Вполне вероятно, из-за собственного ущемленного в академии самолюбия Дутов в период Гражданской войны старался избегать назначений офицеров, окончивших академию лучше него, на высшие посты в Оренбургском казачьем войске и подчиненных Дутову антибольшевистских соединениях и объединениях.

Служба Генштаба в Отдельной Уральской армии и вовсе носила кустарный характер. Начальник штаба армии генерал-майор Владимир И. Моторный вспоминал: «Я никогда не располагался совместно со штабом армии. Всегда располагались так: войска, в следующем поселке штаб корпуса, в этом же поселке или на один поселок к югу атаман, я, два адъютанта атамана Юдин Петр Иванович и Буренин (имя забыл, но он, кажется, живет в Уральске) и телефонисты. Далее, верстах в 100, а то и больше, штаб.

Не было ни одного случая, чтобы ко мне приехал с докладом генерал-квартирмейстер или дежурный генерал. К ним я также не ездил. На мне лежала исключительно работа оперативная, которая при наличии очень маленькой армии (полагаю, что на всех вышеуказанных направлениях не более 20–25 тыс.), отсутствии

¹ Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 100.

² Дутов неточен: полковник Ф. Е. Махин был отчислен от старшего класса академии в 1910 г., затем вновь поступил в старший класс в 1911 г. и в 1913 г. окончил дополнительный курс по 1-му разряду с причислением к Генеральному штабу (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с № 243–230 (1917 г.). Л. 72–72 об.).

³ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 34об.–35.

сведений о красных войсках сводилась, главным образом, к тому, как использовать войска в ходе самого боя, если я там был, или же к предварительной разработке плана боя, учитывая, главным образом, местные условия. В своих предшествующих показаниях я уже говорил, что как иногородний не допускался к войсковым делам, а иногда и не пользовался доверием со стороны казаков. Нужно учесть, что целый ряд вопросов и не лежал на штабе армии, так как, помимо нас, имелся Войсковой штаб»¹.

По свидетельству генерала И.Г. Акулинина, «вообще, обстановка, в которой уральцы вели войну, приближалась к началу XIX века, когда не было ни железных дорог, ни телеграфов, ни массовых армий.

И воевали уральцы по-своему, по-домашнему...

Боевые операции задумывались и выполнялись попросту, без затей, как Бог на душу положит. Никаких великих замыслов и широких планов в штабе Уральской армии не строилось; все делалось по вдохновению, по наитию; почин в действиях принадлежал, главным образом, частным начальникам и рядовым казакам.

Да и разрабатывать большие стратегические планы, а тем более проводить их в жизнь на Урале – было некому.

Весь Генеральный штаб Уральской армии олицетворялся начальником штаба – полковником Моторным (не казак), ближайшим помощником которого, в должности генерал-квартирмейстера, состоял жандармский генерал [А.М.] Еремин»².

В связи с географической близостью Уральской армии к ВСЮР уральцам направляли на усиление офицеров, в том числе генштабистов. В частности, таким офицером был полковник М.И. Изергин, присланный из ВСЮР в качестве штаб-офицера связи (добираться пришлось через Каспийское море) и занявший летом 1919 г. пост начальника штаба, а затем командира I Уральского казачьего корпуса³. Изергин вспоминал: «Оперативная часть [штаба армии] в Бударине была представлена полковником Генерального штаба В.И. Моторным, двумя адъютантами и несколькими ординарцами, среди последних были велосипедисты и даже два мотоциклиста»⁴. Управление корпусом Изергина было организовано, как и во многих других местах, путем выделения полевого штаба для непосредственного руководства операциями.

Показательно свидетельство о восприятии генштабистов в Отдельной Уральской армии. По воспоминаниям есаула К.М. Жигалина (негенштабиста), отступавшего с отрядом уральского атамана генерала В.С. Толстова (негенштабиста) в Персию, от отряда отделилась группа генерала В.И. Моторного, которая «состояла исключительно из офицеров, преимущественно в штаб-офицерских чинах и Генерального штаба. Сам генерал – генштабист... “Моторновцы” [ехали]... в фурманках, которые то и дело ныряли по ямам и оврагам и сильно замедляли движение. Измотав таким образом своих верблюдов, “моторновцы” остановились, не доезжая

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 141 (195). Л. 158–158об.

² Акулинин И. Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 130–131. Стремясь подчеркнуть несовершенство системы военного управления уральцев и показать, что его деятельность не была оценена должным образом, Акулинин несколько приуменьшил численность генштабистов в Отдельной Уральской армии, хотя приведенная им оценка не так уж далека от реальности.

³ Изергин М. И. Рейд на Лбищенск // Грани. 1989. № 151. С. 170; Его же. Уральская катастрофа (воспоминания полковника Генерального штаба). М., 2023; Чельшев Е. П. Уральская катастрофа. М., 1996. С. 31.

⁴ Изергин М. И. Рейд на Лбищенск. С. 173; Его же. Уральская катастрофа... С. 27.

до Киндерли, и собирались здесь заночевать. Полковник [Т.И.] Сладков только развел руками, когда узнал об этом, а казаки расхохотались.

— У них всегда по-ученому! — проговорил один из них: — Все распишут, ну, а про ямы и овраги-то и забудут...

И потом добавил:

— Поди, сейчас выбирают командира, начальника штаба, адъютанта!..^I

В этих высказываниях прослеживается недоброжелательное отношение простых казаков и офицеров к генштабистам, далеким в их представлении от реальности, а также к неказакам, к которым многие из офицеров Генштаба принадлежали.

Начальник штаба Уральской армии генерал В.И. Моторный попал в плен. При сдаче остатков армии генштабисты заметно выделялись на фоне общей массы уральцев. Начальник разведывательного отделения оперативного управления штаба Туркестанского фронта доносил начальнику управления 6 июня 1920 г., что «Пленные представляют из себя “сливки” Уральской армии... За очень небольшим исключением (Моторный, Саламаха и два обер-офицера) пленные природные казаки и, несмотря на свои чины, являются людьми малоинтеллигентными и даже мало развитыми... Моторнов^{II}, быв[ший] дежурный генерал, полковник Саламаха, окончивший академию Генерального штаба (первый старую, второй в Сибири), резко отличаются от остальной “армейской среды”^{III}». При этом среди пленных были генерал, 6 штаб- и 13 обер-офицеров. Таким образом, даже окончание ускоренных курсов академии, как в случае с полковником К.Г. Соломахой, выделяло офицера по развитию на фоне основной массы.

Генерал Моторный в том же 1920 г. поступил на службу в РККА, работал начальником издательского отдела Главного управления военно-учебных заведений, преподавал в академии ВВС и Институте народного хозяйства им. Плеханова. 17 января 1931 г. он был арестован по делу «Весна» и, признав себя виновным в подготовке восстания, был осужден и расстрелян. Его родной брат Виктор, также офицер Генштаба, прошедший всю Гражданскую войну в рядах РККА, был осужден к высшей мере наказания, но взамен получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей и умер в ссылке 19 апреля 1949 г.^{IV}

В управлении казачьими формированиями белые столкнулись с немалыми сложностями. Прежде всего, казачьими частями и соединениями Ставка не могла свободно распоряжаться, не согласовав этот вопрос с администрациями казачьих войск. В результате белое командование нередко оказывалось сковано в своих решениях о переброске войск на тот или иной участок фронта. Проблемой было и нежелание казаков воевать за пределами территории своих войск. В целом, белым проблематично было перебросить войска, действовавшие в районах своего комплектования, на другие участки фронта. Нередко служба в таких районах приводила к тому, что казаки и солдаты просто расходились по домам в разгар боев.

^I Орлов Н. В. Поход уральцев и его герои. По воспоминаниям одного из них // Луч Азии (Харбин). 1940. № 66–2. С. 6.

^{II} Правильно — Моторный.

^{III} РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 36. Л. 21.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 466–467.

Управление войсками оставляло желать лучшего, что прослеживается в том числе по характеру распоряжений белого командования. К примеру, командующий Южной армией генерал П.А. Белов весной — летом 1919 г. выпускал пафосные многословные приказы по самым разным поводам. Так, в приказе войскам армии № 3 от 26 мая 1919 г. на протяжении целой страницы он рассуждал о недопустимости голода среди солдат^I. Корпуса получили телеграмму Белова с отсылками к русским военным традициям, деятельности средневековых полководцев и собственному опыту^{II}. В другом пространным приказе № 58 от 30 июня 1919 г. он сетовал на продажу солдатами казенного имущества и в качестве примера приводил случаи продажи ботинок и котелка^{III}. В приказе № 158 от 8 августа 1919 г. возмущался чрезмерным расходом консервов^{IV}. 9 июля 1919 г. он разослал по корпусам телеграмму, в которой пространно распекал неопределенный круг подчиненных за плохую организацию подготовки отдельных бойцов^V. Начальник 21-й Яицкой стрелковой дивизии генерал-майор К.Я. Гоппер (негенштабист) вспоминал о событиях осени 1919 г. «В дороге же получили несколько экземпляров приказа ген. Белова, изданного, кажется, еще в Тургае, который с начала до конца насыщен суворовскими цитатами с много раз повторенным словом “чудо-богатыри”. Приказ оставлял впечатление истеричного крика помешанного на своем величии человека; к сожалению, у меня не сохранилось ни одного экземпляра этого интересного документа, чтобы на досуге вернее определить, что это: крайняя ли демагогия или плод большого ума»^{VI}.

Тот же Гоппер отмечал, что в мае — июне 1919 г. «не было и речи о продолжении формирования или обучения. 1½ месяца мы провели в бессмысленных походах по горам, с остановками в больших центрах... Наконец, в конце июня мы прибыли в район реки Ик, где нам дали участок фронта в верстах 60 к северо-востоку от Оренбурга. Если бы мы выступили из Троицка одним месяцем позже, как мы об этом просили, и были бы сразу направлены в этот район, пользуясь частью железной дорогой, то мы в то же место могли бы прибыть даже несколькими днями раньше, но зато привели бы действительную боевую силу. Очевидно, тут-то и была “зарыта собака”, так как в расчеты героев Ставки и ген. Белова не входило, чтобы мы пришли на фронт с боевой силой»^{VII}. Гоппер резюмировал в другом месте своей книги: «Мне остались неизвестны широкие оперативные планы командующего Южной армией, поэтому не берусь судить его действия с этой стороны, но многие явления на фронте, имевшие место в течение июля и августа, заставляли все-таки с недоверием относиться к его распоряжениям»^{VIII}.

По свидетельству штабс-ротмистра Н.Л. Жадвойна, летом 1919 г. на фронте Сибирской армии происходил катастрофический развал: «В Екатеринбурге существует

^I РГВА. Ф. 40028. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

^{II} РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 42. Л. 186.

^{III} Орский вестник Южной армии. 1919. 09.07. № 8. С. 1.

^{IV} РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1474. Л. 121.

^V РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 104.

^{VI} Гоппер К. Я. Четыре катастрофы: Воспоминания. [Рига], [1920?]. С. 156.

^{VII} Там же. С. 140.

^{VIII} Там же. С. 143. Подробнее о Южной армии см.: Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака.

громоздкий штаб, штаб армии с многочисленными отделами и отделениями. Существуют штабы 3 групп, штабы корпусов и дивизий, средняя численность дивизии — 3000 штыков, т.е. не соответствует даже численности трех батальонов пехотного полка, между тем на это соединение существует штаб дивизии^I. Штаб Северной группы (численность группы — около 14 тыс. человек, или менее дивизии старой армии) занимал целый поезд, имел «своего генерал-квартирмейстера, начальника военных сообщений, огромный отдел снабжения и проч[ие] отделы, положенные для штаба армии. Точно боевого состава никто в штабе армии не знает... В штабе Северной группы особенно поражает неприязненное отношение к высшим штабам, причем начальник штаба, не стесняясь присутствием иностранного представителя, обвиняет старшие штабы в явной незаботливости по отношению войск и недоставлении им всего необходимого.

Связи и взаимной выручки между штабами не наблюдается, наоборот, каждый думает о себе и в случае неуспеха соседа принимает меры исключительно для сохранения собственной безопасности^{II}.

Военное искусство армейским командованием было прочно забыто: «Поражает полное отсутствие маневра. Современная война является по своему виду чем-то средним между позиционной и маневренной, т.е. кордонной, совершенно примитивной в военном искусстве формой ведения операций.

Многочисленные, но слабые своим боевым составом дивизии вытянуты в одну линию, которая при малейшем нажиме в каком-нибудь направлении рвется, отсюда получается паническая боязнь частей за свои фланги, а при отсутствии связи и быстрой передачи директив в части приводит к неминуемому равнению на соседей^{III}.

Характерным проявлением отсутствия гибкости мышления колчаковского командного состава является история бывшего командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии РККА полковника В.В. Котомина (негенштабиста), перешедшего к белым на Восточном фронте летом 1919 г. Котомин подготовил для белых подробный доклад о состоянии Красной армии. Однако в колчаковском лагере важные свидетельства перебежчика о колоссальных успехах военного строительства в Советской России, установлении там более строгой дисциплины, чем у белых, не были приняты всерьез и даже вызвали скандал, а сам Котомин приобрел репутацию большевика, хотя искренне желал победы белым. Для сравнения, доклад Котомина, позднее захваченный частями Красной армии, привлек к себе самое пристальное внимание высшего военно-политического руководства Советской России, в том числе В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского. Неудивительно, что победа осталась за теми лидерами, которые продемонстрировали большую дальновидность и готовность прислушиваться к разумной критике^{IV}.

^I А. В. Колчак, 1874–1920. Т. 2. С. 290.

^{II} Там же.

^{III} Там же. С. 291.

^{IV} Подробнее см.: Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 263; Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 161–162; Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. Кн. 1. С. 104–113; Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018. С. 229–270; Его же. 50 офицеров. С. 232–248.

Аналогичный доклад с тем же результатом представил полковник-генштабист Г.И. Клерже на рубеже 1918–1919 гг.¹

Белые попытались создать массовую армию, что было достигнуто за счет ее невысокой боеспособности. По социальному составу армия была преимущественно крестьянской. Мобилизованные крестьяне воевали неохотно, быстро разбежались, переходили к противнику, унося с собой оружие и открывая огонь по своим недавним товарищам. Имели место случаи массовой сдачи в плен. Всеобщая мобилизация от 18 до 43 лет белыми была объявлена сравнительно поздно, 2 сентября 1919 г., когда они уже отступили за Урал.

Подготовка пополнений осталась слабым местом и носила хаотический характер. С одной стороны, окраины, которые контролировались белыми, были заселены слабее советского центра. Но, с другой, белые не создали полноценной системы подготовки резервов. Такая подготовка велась по разным принципам. Практиковалось формирование в тылу частей и соединений. Дивизии отправлялись на фронт в сыром виде без должной подготовки и слаживания, солдаты не имели боевого опыта и, оказавшись на передовой, переходили к красным. Надежды, возлагавшиеся на пополнения, оказались напрасными. Кроме того, на Востоке России создавались четырехбатальонные кадровые полки и бригады, через которые пополнялись части и соединения, находившиеся на фронте, причем кадровые бригады подчинялись командирам корпусов на фронте.

В мемуарах одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России генерала К.В. Сахарова применительно к маю 1919 г. проскальзывает такая фраза: «Нечего было и думать о посылке на фронт на смену и поддержку выдохшимся бойцам свежих частей»². Поскольку мобилизационный аппарат белых не отличался эффективностью, еще одним вариантом комплектования стали мобилизации в прифронтовой полосе и постановка в строй пленных красноармейцев, которые не всегда горели желанием воевать. Не в пример тому, как этот вопрос был поставлен у красных, белыми пленные ставились в строй без какой-либо фильтрации и идеологической обработки. Солдаты нередко оказывались распропагандированными большевиками и на передовой массово переходили к красным.

К началу лета 1919 г. ситуация на фронте кардинально изменилась. Показательно донесение начальника штаба III Степного корпуса Сибирской армии в начале июня 1919 г. о том, что «после оставления нами Сарапуля, находясь все время на фронте и имея непосредственное соприкосновение с полками и дивизиями, он считает долгом доложить, что корпус ведет слишком неравные тяжелые бои, это сплошное геройство, полки, неся громадные потери до половины своего состава, морально поддерживаются своими славными делами и уступают слишком дорого каждую пядь земли... Корпус будет драться, и если надо, то он весь погибнет»³.

4 августа 1919 г. помощник начальника штаба Ставки генерал А.П. Будберг написал в дневнике: «Сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас, вместо прошлогодних совдепов и винегрета из красноармейской рвани, наступает регулярная

¹ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. С. 231–232.

² Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 76.

³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 128–128об.

Красная армия, не желающая, — вопреки всем донесениям нашей разведки, — разваливаться; напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способности сопротивляться и почти без боя катимся и катимся»^I.

Серьезные недостатки военной организации белой Сибири не исключали самотверженной работы отдельных генштабистов. Их вклад можно проследить по приказам. Так, приказом войскам 3-й армии № 757 от 22 сентября 1919 г. была выражена благодарность полковнику Д. М. Супруновичу. В документе отмечалось: «Генерального штаба полковник Супрунович за время пребывания своего в армии на должности начальника военных сообщений с 12 июня сего года по 25 августа сего года своей твердой настоятельной работой оказал армии громадную услугу, очистив железную дорогу от бесконечных поездов и вагонов, наладив транспорт, благодаря чему тяжелый период отходов и эвакуации всего ценнейшего имущества громадного района Западной армии прошел образцово, а эвакуационная железнодорожная работа — блестяще.

От имени великой России благодарю полковника Супруновича за его громадную твердую работу по военному сообщению Западной, ныне — 3-й, армии»^{II}.

В приказе № 759 от 21 сентября 1919 г. был отмечен полковник Петров: «Помощник начальника снабжений 3[-й] армии Генерального штаба полковник Петров вступил в эту должность в тяжелое время переустройства всего аппарата снабжения. Зная хорошо нужды строевых частей и обладая большим опытом, знаниями и энергией, полковник Петров, оставаясь все время с челябинских боев до последнего периода при оперативной части штаба армии, был моим ближайшим помощником, быстро, энергично и безотказно разрешая наиболее болезненные вопросы снабжения, руководствуясь постоянно одним желанием и стремлением удовлетворить наилучшим образом нужды фронта, дабы тем способствовать боевым успехам его.

От имени великой России и армии благодарю полковника Петрова за его большую плодотворную работу.

Уступая его давнишнему желанию перейти к строевой командной работе, горячо желаю полковнику Петрову блестящих успехов на новом ответственном боевом посту»^{III}.

Добросовестный труд отдельных офицеров не привел белых к победе. Министр иностранных дел И. И. Сукин отмечал, что в снабжении фронта «царил полный развал. Снабжение поступало случайно; его наперебой пытались отбить друг у друга отдельные начальники; распределение его было неравномерно»^{IV}. Иностраный наблюдатель свидетельствовал, что десятки тысяч комплектов обмундирования и сотни тысяч пар обуви, направлявшиеся на фронт, до передовой просто не доезжали, так как распродавались по пути^V.

Летом 1919 г. была предпринята попытка реорганизации военного управления в целях повышения его эффективности. Тогда квалифицированные представители Военной академии заняли ключевые руководящие посты в колчаковском

^I Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 256–257.

^{II} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 142. Л. 249.

^{III} Там же. Л. 250.

^{IV} Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 417.

^V Грондейс Л. Война в России и Сибири / под ред. Р. Г. Гагкуева. М., 2018. С. 282.

военно-административном аппарате: 1-м генерал-квартирмейстером Ставки стал генерал А.И. Андогский (с 18 июня 1919 г.), 2-м — генерал П.Ф. Рябиков (с 28 мая 1919 г.), 3-м — полковник А.Т. Антонович (и.д., с 28 мая 1919 г.). Генерал М.А. Иностранцев с 14 июня занял должность генерала для поручений при Верховном правителе и Верховном главнокомандующем. Задачей Андогского на посту 1-го генерал-квартирмейстера в августе 1919 г. стало объединение деятельности его управления с управлениями главного начальника военных сообщений, полевого инспектора технической части, полевого инспектора артиллерии, Военной академии и 2-го генерал-квартирмейстера¹. 12 августа он уже занял пост и.д. 1-го помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего. По этой должности Андогскому были предоставлены права командующего неотдельной армией. Несмотря на временные успехи на отдельных участках фронта, реорганизация не изменила стратегического положения.

Еще во второй половине июня была введена должность главнокомандующего армиями Восточного фронта, которым стал опытный генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Штаб главнокомандующего должен был стать центром управления боевыми операциями, прежняя Ставка подлежала упразднению (некоторое время существовал вредивший делу параллелизм). Начальником походного штаба при Дитерихсе длительное время был полковник Д.Н. Сальников, ценившийся коллегами невысоко². В середине июля 1919 г. белые Сибирская и Западная армии были реорганизованы в неотдельные: 1-ю (командующий — генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев) и 2-ю (генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий) — из Сибирской армии и 3-ю (генерал-майор К.В. Сахаров) — из Западной армии. В непосредственном подчинении Ставки оставалась Южная армия. Командующие были лишены полномочий по организации снабжения и комплектования войск, эти функции отходили штабу фронта. Также были образованы группы войск.

Были созданы должности первого и второго помощников начальника штаба Верховного главнокомандующего. Первый курировал работу штаба, второй являлся управляющим Военным министерством. Генерал М.А. Иностранцев удивлялся проводившимся реформам: «В особенности было характерным учреждение должности специального помощника для разработки организационных вопросов. Дело в том, что последние вопросы при нормально сложившейся организации армии всегда находятся в ведении тыловых учреждений, то есть Военного министерства, так как на театре военных действий, при ведении операций, нет времени заниматься вопросами организации армии, но, как уже сказано, в Сибири обстоятельства сложились так, что тыл был не в ладах со Ставкой, а потому и было принято компромиссное решение, что вопросы организации будут решаться якобы совместно Ставкой с Военным министерством, а так как начальник штаба, то есть Ставки, имел у Верховного правителя, как уже сказано, большее значение, чем военный министр, то и была создана такая должность в Ставке, которая давала бы возможность решать организационные вопросы по-своему. Другими словами, Ставка попросту узурпировала себе часть, и притом весьма важную, функций Военного министерства. Это было далеко не на пользу делу управления и отягощало всю

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 332об.

² Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. С. 217.

систему Ставки, бывшую и без того весьма громоздкой, а в то же время делало работу Военного министерства далеко не полной и урезанной в самой главной ее части». Вопросами обеспечения армии теперь занимался штаб главнокомандующего, тогда как армейское командование могло сосредоточиться на боевых операциях. Однако новая система оказалась слишком сложной, а тыл так и остался в хаотическом состоянии. И хотя белые в сентябре 1919 г. смогли добиться временных успехов в Тобольской операции, но закрепить и развить их не удалось.

Стиль штабной работы генерала Дитерихса с мелочной опекой подчиненных и стремлением все делать единолично напоминал стиль М. В. Алексева, с которым тот продолжительное время сотрудничал. По свидетельству начальника оперативного отдела штаба главнокомандующего Восточным фронтом капитана К. В. Семчевского, генерал-квартирмейстера в походном штабе Дитерихса не было, более того, Дитерихс даже не считал нужным обсуждать со своим начальником штаба полковником Д. Н. Сальниковым принципиальные вопросы реорганизации военного управления в армейском звене. Указания Дитерихса, основывавшиеся на не всегда актуальных данных, детально предписывали порядок действий войскам вплоть до полкового уровня, что лишало инициативы командиров корпусов и начальников дивизий.

Семчевский с некоторой обидой отмечал: «Вероятно, Дитерихс считал себя настолько выше Сальникова и меня по своему опыту, интеллекту и военным знаниям, что ему и в голову не приходило предложить нам участвовать в его работе.

Однако через некоторое время бессмысленность происходящего дошла как будто и до Дитерихса. Тогда он принял неожиданное и очень странное решение: перейти с оперативной частью штаба из вагонов на коней и, таким образом, стать ближе к войскам.

Три дня мы носились вдоль фронта, верней, по тылам фронта, не получив связи с войсками, но потеряв связь со штабами корпусов и со своим собственным штабом. Тогда Дитерихс, не давая нам никакого объяснения, решил вернуться в вагоны.

Помимо странного управления войсками, нас стала удивлять вся атмосфера, создававшаяся в штабе. Ходили рассказы, что жена Дитерихса становилась перед ним на колени и говорила: “Мика, ты святой, ты призван спасти Россию”, а он принимал это как должное¹. Таким образом, Дитерихс оказался неспособен наладить нормальную работу штаба. Семчевский в итоге попросил другое назначение, поскольку, как он вспоминал впоследствии, «первоначальное мое удовлетворение назначением в штаб Дитерихса сменилось чувством моей ненужности в штабе, где все решалось единолично Дитерихсом, а все чины, включая и начальника штаба, оказались без права голоса»².

Попытка Д. А. Лебедева и К. В. Сахарова в обход Дитерихса организовать сопротивление в районе Челябинска и даже завлечь наступавших красных в «мешок», устроив красным «Канны», провалилась, несмотря на то что северной и южной ударными группами руководили такие выдающиеся военачальники, как генералы

¹ Иностранцев М. А. Воспоминания. С. 786–787.

² Семчевский К. В. Воспоминания. Ч. 5. В белой Сибири. С. 8 // BAR. K. V. Semchevskii collection.

³ Там же. С. 11.

Войцеховский и Каппель¹. Прорыв красных по линии железной дороги разрезал колчаковские армии на две части. Отдельная Уральская и Южная армии остались без железнодорожной связи с Сибирью и лишились нормального снабжения. В результате им пришлось отступать в пустынные местности, что привело к трагическим последствиям и массовой гибели людей. Главные силы белых также отходили под угрозой постоянных фланговых обходов и окружения.

Неудачи на фронте привели к кадровым перестановкам в колчаковском военном руководстве. 10 и 12 августа 1919 г. соответственно был снят с постов начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра генерал Д.А. Лебедев. Обе должности перешли к Дитерихсу, сохранившему также пост главнокомандующего армиями Восточного фронта. Штаб фронта и штаб главнокомандующего оказались объединены. Была предпринята попытка уменьшить раздутость высших штабов. Сформированный во второй половине августа 1919 г. походный штаб главнокомандующего армиями фронта включал канцелярию, оперативный и разведывательный отделы, а также отдел связи. Военный министр с конца августа 1919 г. непосредственно подчинялся адмиралу А.В. Колчаку, хотя из ведения военного министра были изъяты тыловые округа, подчиненные главнокомандующему фронтом.

К руководству колчаковской военной машиной летом – осенью 1919 г. пришли, казалось бы, более опытные генштабисты, чем в предшествующий период: генерал-лейтенанты М.А. Иностранцев, Н.А. Лохвицкий, Д.В. Филатьев, генерал-майор А.И. Андогский. На непродолжительное время приехал генерал-лейтенант Н.Н. Головин, которого прочили в начальники штаба Колчака. У новых руководителей были свои недостатки. Генерал Иностранцев обладал небольшим боевым опытом и явно тяготел к преподавательской и административной работе. Головину, по одним данным, принадлежала разработка плана Тобольской наступательной операции, по другим – Головин ничего не стал делать, осознавая безнадежное положение фронта и не желая подрывать свой авторитет в военной среде.

Непрерывное длительное отступление вызвало падение боевого духа колчаковских войск, в результате продолжались дезертирство и переходы на сторону противника. Упадку духа способствовало впечатление от хорошей организации Красной армии и от ее успехов. Подобные настроения нашли отражение в переписке колчаковских солдат и фиксировались военной цензурой белых².

Главный интендант Военного министерства полковник И.И. Сторожев в рапорте на имя военного министра от 9 сентября 1919 г. с горечью писал: «Вместо правильной организации мы систематически импровизируем – начали с учреждения отдельных корпусов и армий и кончили последнее время “группами” и отдельными отрядами

Идея отдельных корпусов и армий при наличии общего сплошного фронта и общего тыла – не выдерживала и не выдерживает никакой критики. Все эти тенденции лишь способствуют развитию сепаратизма и, как мне думается,

¹ Подробнее см.: Купцов И. В. «Челябинск. Июль – август 1919 года» // Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Челябинск, 2002. Вып. 3. С. 241–333.

² См., напр.: Доклад начальника главного военного цензурно-контрольного бюро полковника Н. К. Павловского 2-му генерал-квартирмейстеру штаба Верховного главнокомандующего от 23 августа 1919 г. // Директория. Колчаковщина (из истории Гражданской война на Урале и в Сибири в 1918–1920 гг.). Тематический перечень документов РГВА.

исключительно имеют развитие и широкое применение у нас и только потому, что начальники и прочие чины управлений и штабов в таких случаях получают более высшие оклады, по сравнению с прочими отдельными корпусами и армиями, и стоит только уничтожить эту разницу, как и стремление к этим отдельным организациям значительно отпадает. По существу ведь только единственный 2[-й] Степной корпус, действительно, является отдельным, как действующий на самостоятельном направлении.

Система “отрядов” и “групп” осуждена давно историей, теорией и практикой.

В действительности, что такое “группа”: совершенно искусственное соединение без определенной организации управления и налаженного тыла: нет ни органов связи, ни интендантства, ни казначея группы и проч[его], а если эту роль и выполняли иногда до сих пор чины корпусных управлений, то с большим трудом и путаницей. Правильно понимать — правильно называть.

Есть, была и будет всем нам хорошо известная корпусная система, вполне гибкая и устойчивая»^I.

В рапорте отмечалось, что в колчаковских корпусах значилось от двух до девяти дивизий. Автор документа резюмировал: «Нельзя воевать в образе толпы, а наша армия близка к этому... Пренебрежение и игнорирование определенными принципами в деле организации влечет за собою потерю управления, дезорганизацию, боевые неудачи, т.е. все то, что мы видим теперь в нашей армии»^{II}. Нестабильность на фронте сопровождалась чехардой кадровых перестановок в центральных органах военного управления.

Венцом чудовищного состояния колчаковской военной машины был тыл, который белыми контролировался очень слабо. Во многих местах царили произвол и беззаконие, как со стороны властей, так и со стороны их противников. Капитан Г.С. Думбадзе, направленный по окончании ускоренного курса Военной академии в Красноярск — один из крупных центров Сибири, — вспоминал: «Прибыв в Красноярск, я впервые увидел огненное пламя партизанщины, охватившее всю губернию. Хождение по улицам Красноярска было сопряжено с большим риском. Банды красных и отдельные большевики под видом правительственных военнослужащих убивали офицеров, пользуясь покровом ночи. Никто не был уверен, кем он остановлен для проверки документов: настоящим законным патрулем или маскированными красными террористами. Поджигание складов и магазинов, перерезывание телефонных проводов и многие другие виды саботажа происходили буквально каждые сутки. Свет в домах не зажигался или окна завешивались темной материей, иначе ручная граната бросалась на свет в квартиры. Я помню, как мне приходилось ходить по улицам ночью, держа в кармане заряженный браунинг. Все это было буквально в сердце Белой Сибири»^{III}.

Проанализируем состояние колчаковских кадров Генштаба на основе списка к 10 октября 1919 г.^{IV} В списке указаны 159 офицеров. Среди них 43 офицера

^I РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 884. Л. 1–2.

^{II} Там же. Л. 3–4.

^{III} Думбадзе Г. С. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну / публ. А. И. Дерябина // Белая гвардия. Исторический альманах. 1997. № 1. С. 43.

^{IV} РГВА. Ф. 40840. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–9. Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 611–619.

центральных органов военного управления, 4 командующих войсками округов, 5 начальников окружных штабов, 16 работников тех же штабов, 2 командующих армиями, 5 начальников армейских штабов, 8 работников тех же штабов, 5 командиров корпусов, 10 начальников штабов и 4 прочих сотрудника тех же штабов, 6 начальников штабов дивизий, 2 прочих сотрудника штабов дивизий, 3 начальника штабов бригад, 6 офицеров из групп войск, 12 офицеров служивших по различным военно-учебным заведениям и 5 офицеров из академии Генштаба.

17 сентября 1919 г. адмирал А.В. Колчак распорядился в целях устранения дублирования расформировать Ставку Верховного главнокомандующего, а главнокомандующему фронтом сформировать штаб Верховного главнокомандующего и управления. Главнокомандующий армиями фронта исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего. По временному штату штаба создавались управления генерал-квартирмейстера (с отделами оперативным и разведывательным) и дежурного генерала (с отделами Генерального штаба, общим, инспекторским), а также управление коменданта главной квартиры. 1 октября 1919 г. из Ставки и походного штаба главнокомандующего фронтом были сформированы штаб и управления Восточного фронта. Пост начальника штаба фронта занял генерал П.Ф. Рябиков. Управление фронтом создавалось из штаба фронта (управления генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и начальника военных сообщений) и подчиненных непосредственно главнокомандующему управлений: военно-административного, полевого инспектора артиллерии, полевого инспектора инженеров, полевого инспектора интендантства, осведомительного и др. Управление генерал-квартирмейстера включало отделы: оперативный, разведывательный, общий, почтово-телеграфный, военно-цензурное бюро, военно-топографическую часть.

10 октября 1919 г. белыми была образована Московская группа армий во главе с генерал-лейтенантом К.В. Сахаровым (начальник штаба генерал-майор В.И. Оберухтин), в которую вошли 3-я и Оренбургская армии (последняя переименована из Южной армии 18 сентября 1919 г.¹), а также Степная группа². Однако громкое название не привело к успеху. Тем более что наступили холода, а войска не были обеспечены зимним обмундированием.

В начале ноября 1919 г. возникла угроза оставления столицы белой Сибири — Омска. Главнокомандующий армиями Восточного фронта генерал М.К. Дитерихс считал, что город удержать невозможно, но Колчак требовал этого по политическим причинам. План Дитерихса сводился к образованию в глубоком тылу (в районе Томска, Новониколаевска и Мариинска) крупных стратегических резервов при оставлении на фронте заслона из сильных арьергардов³ с тем, чтобы, укомплектовав резервы, нанести контрудар. Выполнимость подобного плана в условиях развала колчаковского фронта и тыла и небоеспособности войск была крайне сомнительной. Отвод в тыл частей 1-й армии привел к тому, что они попали под эсеровское влияние и разложились, а сил на фронте осталось еще меньше.

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.

² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 645.

³ Петров А. А. Эволюция планов командования белого Восточного фронта в сентябре — декабре 1919 года // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 308–309.

В результате разногласий Дитерихсу пришлось оставить пост главнокомандующего, эту должность получил генерал К. В. Сахаров, обещавший Колчаку удерживать столицу. Здесь в очередной раз проявилась порочность кадровой политики белых. В то время, когда разгром Белого движения в Сибири был фактически предпринят, Колчак беспокоился отнюдь не о назначении наиболее квалифицированного главнокомандующего, а о совсем других вопросах. В разговоре с министром И. И. Сукиным он отметил, что выше остальных ценил способности командующего Уфимской группой войск генерала С. Н. Войцеховского, однако его назначение не по старшинству могло вызвать недовольство других претендентов, в частности, занимавшего более высокий пост командующего армией Сахарова¹.

Сменились и другие представители высшего командного состава. 3-ю армию возглавил генерал В. О. Каппель, 2-ю – генерал С. Н. Войцеховский. Опытного генерал-майора П. Ф. Рябикова в должности начальника штаба главнокомандующего сменил сослуживец Сахарова генерал-майор В. И. Оберюхтин, по оценке генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева, «совершеннейший младенец»². Сам Филатьев стал помощником Сахарова по части снабжения. Сдача Омска, по мнению министра иностранных дел И. И. Сукина, обозначала конец конструктивного периода колчаковской эпопеи и переход к отчаянному спасению³.

14 ноября колчаковцы оставили Омск и начали отходить на Новониколаевск. Катастрофа Восточного фронта белых разрасталась. Из-за ошибок командования пострадали десятки тысяч солдат и офицеров. Опасаясь большевистских репрессий, с колчаковскими армиями отступали тысячи гражданских беженцев, в том числе члены семей офицеров и солдат.

Управление отступавшими остатками колчаковских армий было нарушено. Войска, пытаясь оторваться от преследовавших красных, передвигались в эшелонах, растянувшихся на десятки километров, боевые части смешались с тылом, из-за закупорки движения в районе Новониколаевска паровозы замерзали, отступавшие пересаживались на сани (главнокомандующий генерал Каппель со своим штабом пересел на сани 22 декабря), двигались верхом и пешком. После отъезда из Омска Колчак фактически утратил контроль над ситуацией, постоянно колебался в принятии тех или иных решений. Все это добавлялось к прежним упущениям. Как отмечал генерал С. А. Щепихин, комплектованию штаба 2-й армии, видимо, не было уделено необходимого внимания, подбор кадров носил случайный характер, «ни спайки, ни даже простого содружества в работе не было и в помине... все чины сидели по своим углам, не имея особого желания встречаться и общаться с другими работниками штаба»⁴.

¹ Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 508–509. С. А. Щепихин отмечал, что вопрос о назначении Сахарова в итоге был решен на совещании с участием Колчака, Каппеля, Войцеховского и Сахарова (Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Дневник генерала русской службы С. А. Щепихина — бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь. С. 7 // НИА. S. A. Shchepikhin collection. Box 1; Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020. С. 91). Похожее описание приводит и сам Сахаров, упоминая среди участников помимо себя Колчака и Дитерихса (Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 176–179).

² Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. С. 93.

³ Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 510.

⁴ Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Дневник генерала русской службы С. А. Щепихина — бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь. С. 28 // НИА. S. A. Shchepikhin collection. Box 1; Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход. С. 140.

О катастрофическом состоянии колчаковских армий свидетельствовал предшественник Щепихина на посту начальника штаба 2-й армии генерал-майор К.К. Акинтьевский. Он отмечал, описывая события сентября 1919 г. (с тех пор по мере отступления белых положение армии только ухудшалось), что «организация [2-й армии] по-прежнему оставалась самой безобразной. Армия силою в корпус — всего-то 27 000 бойцов — состояла из 85 отдельных частей. Целых 8 бу-тафорских дивизий и бригад силою от нормального батальона до трех... И всего 121 кадровый офицер на 1792 военного времени...

Эта уродливая организация с пышными титулами частей создавалась путем импровизации в порядке и условиях Гражданской войны и касаться ее сейчас не было ни времени, ни возможности. Приходилось брать вещи как они были, иного выхода не было.

1[-я] Сиб[ирская] армия, состоявшая из 2 “дивизий” (1[-й] Сиб[ирской] ген. [А.Г.] Укке-Уговец¹ (из чехов) и 2[-й] Сиб[ирской] ген. [Б.М.] Зиневича) и Егерской бригады, имела еще меньшую численность, чем наша армия, и не в пример худший по качествам состав, особенно офицерский, набранный в порядке партийной бело-зеленовицны.

3-я армия была самой лучшей по качествам и самой сильной по боевому составу. Численность ее превосходила нашу, по меньшей мере, раза в два. Большинство солдат были добровольцы, а офицерский состав имел много кадровых офицеров»².

Положение усугублялось произволом недавних союзников белых — чехословаков, ранее охранявших Транссибирскую железную дорогу. Чехословаки теперь сняли с себя все обязательства и задерживали русские эшелоны западнее станции Тайга, пропуская на восток только свои собственные. Протесты адмирала А.В. Колчака ничего не давали. В Красноярске был задержан даже поезд самого Верховного правителя. Армия не могла помочь своему Верховному главнокомандующему, оторвавшемуся от войск. В одночасье белые оказались отрезаны от своего тыла. Впрочем, никакой помощи от тыла нельзя было ожидать и без вмешательства чехословаков. Движение эшелонов по Транссибу осуществлялось «лентами» в одну сторону. Соответственно, в сторону фронта, если его так можно назвать, не могли двигаться ни эшелоны с пополнениями, ни с боеприпасами. К тому же ни тех, ни других не было. Тем не менее генерал Сахаров не оставлял беспочвенных прожектов перехода в контрнаступление, в частности, на Оби.

Темп отступления увеличивался. Если, по наблюдению генерал-майора Ф.А. Пучкова, от Тобола до Иртыша фронт отступал в среднем на 10 верст в сутки, то от Иртыша до Оби — на 12–13 верст, а от Оби до Томи — на 25–28 верст. Отдельные суточные переходы достигали 45 верст³. Разложение белых армий прогрессировало по мере ухудшения обстановки на фронте, затронув даже высший командный состав. Известно несколько случаев серьезных нарушений дисциплины колчаковскими генералами и штаб-офицерами в конце 1919 — начале 1920 г.

¹ В документе ошибочно — Уго-Уговец.

² Акинтьевский К. К. Гражданская война // BAR. К. К. Akindievskii papers. Box 1

³ Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Каппель и каппелевцы. 2007. С. 417.

Генштабисты принимали участие в Сибирском Ледяном походе, проходившем в тяжелейших условиях. В отступлении участвовали 2-я и 3-я армии белых, тогда как остатки 1-й армии, ранее отведенные в тыл, разложились во время начавшихся антиколчаковских восстаний в сибирских гарнизонах. Существовала возможность закрепиться на выходах из тайги, причем оборона была возможна незначительными силами при наличии пулеметов и запаса патронов. Это могло дать возможность приостановить безостановочное бегство колчаковцев и привести войска в относительный порядок. Однако приказ о защите выходов из тайги, подписанный Каппелем, не получили даже штабы корпусов 3-й армии^I. 2-я армия должна была отступать вдоль Сибирского тракта и железной дороги, тогда как 3-я армия белых, прикрывавшая направление на Бийск и Барнаул, должна была до 120 верст пройти по лесной просеке (переселенческому тракту) в Щегловской тайге (от района Томска до Алтая), где почти не было населенных пунктов. Просека была забита саянами с беженцами в три ряда, движение, несмотря на мороз, было крайне медленным^{II}. Обозы никем не управлялись, координации действий не было, приказы не выполнялись. Замерзали люди и лошади. Взаимопомощи не было. Помощник главнокомандующего фронтом по части снабжения генерал Д. В. Филатьев, придавленный упавшей лошадью, полчаса пролежал в сугробе. Мимо проехали сотни саней с солдатами, но никто не отозвался на крики о помощи. Впрочем, генералу повезло — он смог выбраться самостоятельно и не замерзнуть^{III}. Однако немало было аналогичных случаев с иным исходом.

При отступлении на узкой просеке были брошены артиллерия и несколько тысяч подвод, что на некоторое время заблокировало красным возможность преследования. Помощь частям РККА оказывали сибирские партизаны, совершавшие диверсии на железной дороге, устраивавшие засады и нападения на белых. 29 декабря 3-я армия вышла из тайги. У станции Минино, западнее Красноярска, 2-я и 3-я армии белых соединились. Однако на этом злостные колчаковцев не закончились, так как дальнейшее движение было немногим легче. К тому же красные продолжали активные действия. Никто не был застрахован от попадания в плен. Так, начальник штаба 3-й армии генерал-майор С. Н. Барышников едва не был захвачен красными при окружении штаба армии в районе станции Кемчуг.

В результате боев 4–7 января 1920 г. красные закрепились у Красноярска, где сдалось около 60 000 колчаковцев. Красным достались в качестве трофеев более 200 орудий. Солдаты устали от бесконечного бессмысленного отступления и в массовом порядке переходили на сторону красных.

Белое командование некоторое время не знало, на какие силы еще могло рассчитывать, и предпочло безостановочное бегство, хотя, как выяснилось, красные прекратили преследование^{IV}. Стихийный отход белых был слабо управляем. Как свидетельствовал генерал Филатьев, «то было уже не войско, а панически настроенная толпа, тупо, без всякой мысли, стихийно стремившаяся на восток в чаянии где-то, за каким-то рубежом оторваться от красных и почувствовать себя

^I Там же. С. 422.

^{II} Серебрянников И. И. Гражданская война: Великий отход. М., 2003. С. 56.

^{III} Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. С. 99.

^{IV} Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия... С. 441.

в безопасности. Наступил момент животного страха¹. Паника была столь велика, что колчаковцы предпочитали при звуке выстрелов бросать все, запрягать лошадей и убегать.

Остатки отступавших белых армий обошли Красноярск и вышли по Енисею к устью его притока – реке Кан. Основные силы двинулись по льду Кана в сторону Канска – к железной дороге. Во время отступления генерал Каппель провалился в полынью, в результате чего заболел двусторонним крупозным воспалением легких и гангреной нижних конечностей. 25 января 1920 г. Каппель передал командование генералу Войцеховскому, а на следующий день скончался. Адмирал Колчак в начале января передал полномочия Верховного правителя России генералу А.И. Деникину², в середине месяца был выдан чехословаками при потворстве союзников представителям иркутского Политцентра и заключен в тюрьму, а после перехода власти в Иркутске к большевикам его участь была предreshена.

В период Сибирского Ледяного похода и позднее некоторым генштабистам доводилось участвовать непосредственно в боевых столкновениях. Курсовик полковник К.В. Семчевский вспоминал о событиях февраля 1920 г. в штабе 3-й армии: «В феврале, уже в Забайкалье, недалеко от Петровского Завода штаб армии, ночевавший в бурятском улусе Коссоты, попал в полное окружение. Когда штаб в конном строю пытался выскочить из окружения – под ген. Сахаровым была убита лошадь, и он остался лежать в снегу. Красные конные кинулись, чтобы его схватить. Когда мы увидели, что с Сахаровым, – я с одним офицером и двумя казачками кинулись ему на выручку и из-под самого носа красных выхватили его. Когда же я увидел, что тем временем большая лава конных красных бурят обходит нас, чтобы перерезать единственный путь отхода, – я во главе конвойной сотни (человек 70) атаковал в конном строю бурят, которых было раз в 6–7 больше, чем нас, и обратил их в бегство»³.

По льду Байкала остатки разбитых колчаковских армий ушли в Забайкалье, контролировавшееся атаманом Г.М. Семеновым. 3000-километровый Сибирский Ледяной поход сразу после своего завершения стал одним из символов истории Белого движения, объединявшей его участников героической легендой. Именно офицеры Генштаба (С.Н. Войцеховский, В.О. Каппель, С.А. Щепихин и др.) руководили отступавшей армией и смогли вывести ее в Забайкалье. Вождем прошедшей поход армии считался умерший генерал В.О. Каппель, которому тем не менее ставили в заслугу вывод армии через тайгу. Подчиненные ему войска стали именовать себя каппелевцами. Эпопея колчаковского Восточного фронта завершилась, но Гражданская война на Востоке России еще продолжалась и закончилась лишь в 1922 г.

¹ Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. С. 102.

² Публикацию указа Колчака см.: Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 183.

³ МРК. Коллекция К. В. Семчевского. Box 1. Folder 28. Л. 11.

§ 3. Генштабисты в белых формированиях на Севере и Северо-Западе России

Свои особенности имела служба выпускников академии у белых на Севере и Северо-Западе России.

Белый Север

В ночь на 2 августа 1918 г. в Архангельске в связи с приближением союзных войск произошел антибольшевистский переворот, образовалось Верховное управление Северной области (ВУСО). Под руководством союзников началось создание антибольшевистских вооруженных сил. При ВУСО возникло военное управление (с ноября 1918 г. — штаб командующего войсками Северной области). Командующий русскими войсками капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин находился в оперативном подчинении главнокомандующего всеми союзными вооруженными силами в России генерал-майора Ф.К. Пуля^I.

При переезде штаба Беломорского военного округа красных в Вологду в Архангельске остались выпускник академии находившийся в командировке начальник мобилизационного управления бывший полковник князь А.А. Мурузи, а также и.д. заведующего топографическим отделом И.А. Годнев (негенштабист) и еще 13 служащих штаба, как правило, уволившихся, заболевших или не вернувшихся из отпусков^{II}. По некоторым данным, Мурузи служил у красных по принуждению и возглавлял подпольную антибольшевистскую офицерскую монархическую организацию «Белый крест» в Архангельске^{III}. Тем не менее факт его службы у красных вызвал недовольство офицерской молодежи в антибольшевистском лагере, и Мурузи не получил должности начальника штаба Северной области, на которую вполне мог рассчитывать и на которую его собирався назначить командующий Чаплин, в связи с его опытом и подготовленностью^{IV}.

Мурузи был яркой личностью. Храбрый офицер с самостоятельным и даже строптивым характером, но лишенный, по мнению генерала В.В. Марушевского, качеств, необходимых для начальника штаба, — он не был приспособлен к штабной работе и едва ли мог хорошо организовать работу штаба, а, кроме того, будучи ярким монархистом, был враждебно настроен к правительству Северной области^V. Он блестяще проявил себя как строевой командир — вполне усвоил тактику Гражданской войны, заботился о подчиненных, местном населении и пленных. Под его руководством белые заняли станцию Плесецкая. С появлением на Севере генерала Е.К. Миллера, разделявшего, как и Мурузи, правые взгляды, оппозиционность князя сошла на нет. Но позднее выяснилось, что дело было не во взглядах. Непростой, исключительно резкий характер Мурузи привел его со временем

^I Голдин В. И., Журавлев П. С., Соколова Ф. Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 88.

^{II} РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 280.

^{III} Тучков А. И. Исторический фон // Гражданская война на Севере России глазами британцев: Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 147; Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 52.

^{IV} Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере. С. 60.

^V Марушевский В. В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Вып. 1. С. 200; Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 27.

к конфликту и с Миллером. У Мурузи почти ежедневно возникали столкновения со штабом Миллера. Так, в своем противоборстве со штабом командующего вызвался он лично защищать в суде одного из своих офицеров, обвиненного в пьяном буйстве и оскорблении старших. Из-за этого впоследствии Мурузи был вынужден покинуть Северную область. Однако «это был до сих пор единственный военный начальник, действия которого были связаны с неизменным успехом там, где он находился. Несмотря на исключительно резкий характер, он, благодаря своей храбрости и искусству, пользовался большой любовью и уважением как среди офицеров, так и солдат. Уход его — большая потеря для области. Уезжает к Деникину»^I.

В начале августа был выработан штат штаба командующего вооруженными силами Северной области, включавший следующие должности Генштаба: начальник штаба, обер-офицер для поручений при нем, начальник оперативного отдела, старший адъютант оперативного отдела, обер-офицер для поручений при нем^{II}. Всего 5 офицеров. Штаб включал отделы: оперативный сухопутный, оперативный морской, формирований, интендантский, инженерный, ветеринарный, санитарный, общий и артиллерийский.

Начальником штаба при Чаплине с 7 августа стал перешедший от красных молодой выпускник ускоренных курсов академии подполковник В. Н. Маслов. Маслов был работоспособным офицером, но не имел необходимого опыта, считался эсером и впоследствии не оправдал доверия командующего, присвоив себе 50 000 рублей из средств штаба. За это офицера разжаловали в рядовые (через год восстановлен за боевые заслуги)^{III}. 21 августа 1918 г. получили назначения со следующего дня помощники управляющего военным отделом ВУСО генерал-майор С. Н. Самарин и прибывший из Лондона полковник Б. А. Дуров^{IV}. Они были однокашниками по Николаевской академии (выпуск 1910 г.) и, видимо, находились в хороших отношениях. 6 сентября Дуров был назначен начальником военного управления Северной области, в компетенции которого были вопросы мобилизации, формирования, снабжения и вооружения войск^V.

По одному из свидетельств, при Чаплине и Маслове «союзное командование находило, что дело организации армии нельзя поручить членам правительства, которые для такого дела не обладают необходимым опытом и способностями. По адресу нового правительства многими повторялось крылатое слово “керенщина”»^{VI}.

Б. А. Дуров 18 сентября занял пост командующего войсками и генерал-губернатора Северной области^{VII}, начальником штаба при нем стал генерал-майор С. Н. Самарин. Дуров занимался множеством вопросов — заведовал в правительстве отделами: военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфа^{VIII}.

^I ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.

^{II} РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 13.

^{III} Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере. С. 60–61.

^{IV} РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 184.

^V ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 323.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 129.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 327.

^{VIII} Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 93.

Разумеется, при таком многообразии сфер деятельности эффективность его работы оставляла желать лучшего.

Именно о Дурове и Самарине военный прокурор С.Ц. Добровольский (негенштабист) писал: «Высшая военная власть в лице полк[овника] Д. и ген. С. не обнаруживала никакой заботливости... части были предоставлены самим себе, а все распоряжения, приказы и уставы полк[овника] Д. носили на себе отпечаток того, что получило в армии меткое название “керенщины” и что характеризует собою отсутствие твердости, демагогическую болтовню и бессилие лишенного дисциплинарной власти командного состава. Нет никакого сомнения, что никакая армия в таких условиях существовать не может... Увы, в глазах лиц категории полк[овника] Д. и ген. С. всякое мероприятие, направленное к поднятию воинской дисциплины, вызывало опасение, как бы не прослыть контрреволюционером...»¹ По еще одному свидетельству, Дуров «стал на совершенно неправильную точку зрения, не учел того, что он командует войсками не в совдепии, что нужны строгие приказы, а не митинговые речи и заигрывание с командами. Первый же беспорядок в Архангелогородском полку показал его полную непригодность к занимаемой должности (беспорядки были ликвидированы лишь вмешательством командира полка, принявшего энергичные меры). Полк[овник] Дуров после этого инцидента был смещен...»² Причины такого курса полковника Дурова современники усматривали в том, что в 1917 г. он находился за границей, а по возвращении попал под влияние Самарина, который был одним из ближайших сотрудников А.Ф. Керенского. По мнению британского главнокомандующего генерала У. Айронсайда, эти офицеры были некомпетентны и за два месяца ничего не сделали, поэтому он потребовал их замены³.

В конце сентября 1918 г. из Архангельска была получена следующая характеристика Дурова и Самарина, составленная на английском языке, видимо, представителями командования союзников (перевод наш): «Полковник Дуров был назначен генерал-губернатором Верховного управления. Полковник Дуров не обладает знанием внутриполитического состояния страны, поскольку во время революции находился за границей. В качестве помощника генерал-губернатора назначен генерал Самарин. Последний являлся правой рукой Керенского в деле разрушения армии... Приведенные выше факты не могут создавать чувство уверенности и удовлетворения»⁴. По некоторым данным, офицеры Генерального штаба постановили исключить Самарина из своей среды «за деятельное участие в разложении русской армии»⁵.

По мнению полковника В.А. Жилинского, «полк[овнику] Дурову и ген. Самарину пришлось выполнить невыгодную роль “переходных ступеней”. Они раньше появились на сцене и раньше вынуждены были сойти с нее. Без полк[овника] Дурова и ген. Самарина много труднее было бы и ген. Марушевскому, и ген.

¹ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 23.

² ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

³ Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919 // Зброшенныя в небытц. Интервенцыя на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 240–242.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 84.

⁵ Там же. Л. 298.

Миллеру. Несчастье полк[овника] Дурова, что он выступил на сцену раньше, чем мог бы это сделать»^I.

По свидетельству очевидца, Дурова «вскоре после восстания, вспыхнувшего в одном из полков, пришлось отрешить от должности. Я был назначен одним из трех членов Следственной комиссии по обвинению Дурова и его начальника штаба генерала Самарина в бездействии власти. При расследовании выяснилось, что Дуров и Самарин, бывший раньше одним из ближайших сотрудников Керенского, хотели создать какую-то новую революционную дисциплину. Ничего путного в этой области они не придумали, а прежнюю дисциплину развалили, что и привело к восстанию, во время которого оба эти начальника проявили полную бездеятельность. Французы взяли обоих подследственных под свою защиту. Самарин поступил капитаном в их Иностранный легион, а Дуров уехал в Париж, где был назначен директором русской гимназии»^{II}. На самом деле Самарин остался служить на Севере, но уже не на должности Генерального штаба, а лишь в скромном качестве командира роты. По меткому замечанию генерала В.В. Марушевского, Дуров «попал в водоворот и правых, и левых течений и был именно тем козлом отпущения, на спине которого правительство убедилось в несовершенстве военных приемов Гучкова, Керенского и компании»^{III}. Сменивший его вскоре Марушевский мог в результате действовать гораздо свободнее, правительство народного социалиста Н.В. Чайковского ему препятствий не чинило.

Вмешательство англичан изменило ситуацию. 3 ноября Дурова менее чем на три недели сменил контр-адмирал Н.Э. Викорст, а Самарина — подполковник В.А. Жилинский.

1 ноября 1918 г. был объявлен штат управления командующего войсками Северной области, включавший канцелярию (общее и счетное отделения, нестроевую команду и типографию), часть Генерального штаба (отделения: Генерального штаба, строевое, военно-регистрационное), часть снабжения (отделения: артиллерийское, интендантское, инженерное и по квартирному довольствию); военно-санитарное, военно-ветеринарное и военно-судное отделения, а также инспектора формирований^{IV}.

В ноябре 1918 г. из Стокгольма прибыл генерал-майор В.В. Марушевский, который 20 ноября возглавил антибольшевистские вооруженные силы вместо неподготовленного к этому Викорста. Назначение было сделано, видимо, не без влияния союзников, которые знали Марушевского по службе на Западном фронте.

Марушевский занял должность вр.и.д. генерал-губернатора и командующего русскими войсками Северной области. 2 ноября предложение занять пост генерал-губернатора было направлено главой правительства Н.В. Чайковским генерал-лейтенанту Е.К. Миллеру, находившемуся в Италии. С приездом последнего Марушевский стал его помощником по военной части и начальником управления командующего войсками, а затем командующим. С самого начала Марушевский

^I ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 28об.

^{II} Вилькицкий Б. А. Когда, как и кому я служил под большевиками: Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. Архангельск, 2001. С. 17.

^{III} Марушевский В. В. Год на Севере. С. 192.

^{IV} Париева Л. Р. Документирование деятельности штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте (1918–1920 гг.) // История и архивы. 2016. № 2. С. 29.

был уведомлен о возможном прибытии Миллера и о том, что придется ему подчиниться. Марушевский не был готов к такому повороту событий и написал в мемуарах, что «по свойствам своего характера, я совершенно не подхожу к роли начальника штаба. Я полагал, что буду недурным организатором и командующим любыми войсковыми частями и из рук вон плохим исполнителем чужой воли, да еще в канцелярской работе, к которой у меня никогда не было склонности»¹. В воспоминаниях Марушевский указал, что известие о скором приезде «настоящего хозяина» Миллера его несколько не обрадовало, так как он сам хотел быть создателем новой армии. На продолжение своей работы по приезду Миллера Марушевский даже не рассчитывал, однако дальнейшие события получили иное развитие.

Марушевский был храбрым и опытным генералом. Он являлся последним начальником российского Генерального штаба (исполнял обязанности с 26 сентября 1917 г.) перед большевистским переворотом. По оценке генерала А. А. Свечина, служившего с Марушевским в годы Первой мировой, генерал был яркой личностью: «Очень способный офицер Генерального штаба, он в первый год войны был начальником штаба нашей дивизии и в качестве такового стяжал себе редкую популярность. Всегда обо всем осведомленный, он каждому в нужный момент давал правильную ориентировку, напоминал, объяснял — всегда с редким тактом, предвидел развитие действий и всегда заблаговременно подготавливал все нужное. Командиром полка он приехал на три недели позже меня. Он был умен и дальновиден по-прежнему, но нервы ему изменяли... он умел ладить с людьми, но не приказывать и не перевоспитывать их. Блестящий советник, но отнюдь не вождь»². Британский генерал У. Айронсайд вспоминал, что Марушевский «произвел... впечатление человека энергичного, твердо намеренного добиться, чтобы с союзниками дела шли в полном порядке»³. Один из народных социалистов — членов правительства Северной области писал, что Марушевский — «живой, подвижный, энергичный, он производил впечатление человека, в значительной мере понимавшего дух революции, сменивший самодержавную идеологию — иное было его отношение к солдату, к общественности, что не мешало ему впоследствии довольно близко подойти к правым кругам Архангельска...»⁴

В письме неустановленного лица из Архангельска от 30 ноября 1918 г. говорилось: «Приезд ген. Марушевского, я надеюсь, укрепит дело воссоздания армии, т. к. он обладает административными способностями и знанием военного дела. Но по должности ген[ерал]-губернатора он завален страшно работой, и приезд ожидаемого здесь генерала Миллера внесет возможность разделить труд»⁵. По мнению очевидца, «лишь только с приездом генерала Миллера и генерала Марушевского началась правильная работа. Генерал Марушевский хорошо справился с трудной задачей формирования войск в такой трудной обстановке. Будучи человеком большого ума и работоспособности, начал вводить очень энергично и твердо дисциплину. К несчастью, он скоро подорвал к себе уважение, ведя совершенно

¹ Марушевский В. В. Год на Севере. С. 196.

² Свечин А. А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 72–73.

³ Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919. С. 258.

⁴ Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Часть 1 // Белый Север. 1918–1920 гг. Вып. 1. С. 135.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 283.

непристойный для командующего войсками образ жизни»^I. Что подразумевалось в последнем случае, неизвестно.

Марушевский был достаточно авторитетен как профессионал своего дела и прекрасно знал корпорацию генштабистов, что позволяло ему более успешно проводить кадровую политику. По прежней совместной службе на Западном фронте Марушевский хорошо знал князя А. А. Мурузи, был ему также известен по Первой мировой курсовик капитан П. Т. Акутин, воевавший на Пинеге. Все они при Марушевском получили ответственные назначения и своей деятельностью принесли немалую пользу белым. И хотя в своей работе Марушевский столкнулся с вынужденной необходимостью полного подчинения союзникам и с их вмешательством в любые подведомственные ему сферы, тем не менее ему удалось за несколько месяцев заслужить доверие русского офицерства, правительства и союзников.

При Марушевском была проведена перерегистрация всех русских офицеров, осуществлено переиздание уставов, восстановлены дореволюционные награды, сокращено военное управление, началось введение основ дисциплины в войсках.

В штабной работе имелись серьезные недостатки. Например, в штабе Марушевского не было оперативного отделения, плохо была поставлена пропаганда, а вся работа сводилась «в сущности к назначениям и наградам личного состава одной дивизии»^{II}. Белое командование занималось порой поразительными вещами, отнюдь не свидетельствовавшими о государственном уме создателей тех или иных документов. Так, Марушевский выпустил специальный приказ русским войскам Северной области № 75 от 14 марта 1919 г., посвященный отсутствию должного погребения рядового команды инженерного склада^{III}. Британский генерал У. Айронсайд был поражен таким документом: «Это был самый экстравагантный приказ из всех, что мне доводилось читать... Я не мог понять, как он додумался сочинить такую бумагу. У меня не хватит духу ее комментировать»^{IV}. Другой удивительный приказ касался непринятия на военную службу знаменитой женщины-прапорщика М. Л. Бочкаревой. Издавались специальные приказы и о пьяных инцидентах в войсках. Айронсайд справедливо отмечал: «На фронте не хватало старших русских офицеров, а военное руководство, судя по всему, утонуло в бумагах. Нужно было обладать подлинным талантом, чтобы заводить переписку по любому мыслимому поводу и собирать бесполезные досье на всех»^V. Марушевский не всегда производил впечатление серьезного человека. К примеру, в разговоре с приехавшими на Север из Советской России через Мурман офицерами он предпочитал пожаловаться на невозможность достать шпоры для сапог, чем выслушать ценную информацию, которой располагали гости^{VI}.

Прибывший в Архангельск 13 января 1919 г. на должность командующего генерал Е. К. Миллер (официально его должность именовалась – генерал-губернатор Северной области), считавшийся одним из лучших генштабистов старой армии, был по духу администратором, а не лидером. На Севере он оказался в непростой

^I ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

^{II} Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 28.

^{III} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 40. Л. 83об.

^{IV} Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919. С. 331–332.

^V Там же. С. 311.

^{VI} Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 27.

ситуации. К этому времени генерал Марушевский за два месяца своей службы уже успел завоевать авторитет и в войсках, и в тылу, и у союзников. Заменять его Миллером было нежелательно. В итоге правительством был достигнут компромисс в разделении властных полномочий. Марушевский сохранил пост командующего войсками с подчинением в организационном (но не в оперативном) отношении Миллеру, получившему права командующего отдельной армией. В оперативном отношении Марушевский подчинялся английскому командованию. Если первоначально Миллер из деликатности все военные вопросы выяснял у Марушевского, то постепенно полномочия последнего были урезаны (например, непосредственно Миллеру подчинена полевая военная прокуратура), а его назначенцы заменены креатурами Миллера. 30 апреля 1919 г. генерал Миллер признал верховную власть адмирала А.В. Колчака.

Обстоятельства появления на Севере генерала Миллера достаточно интересны. Приглашение его на должность командующего было сделано, по одной из версий, с целью противопоставить авторитетного русского генерала нажиму на правительство союзного командования^I. Кандидатура Миллера была выбрана еще в начале сентября 1918 г., после того как в конце августа были получены списки русских генералов, проживавших за границей. Первоначально предлагалась кандидатура генерала от кавалерии В.И. Гурко, но союзники ее отклонили, считая Гурко слишком правым по взглядам. После этого командующий войсками капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин по согласованию с главой правительства Н.В. Чайковским остановился на кандидатуре Миллера, причем, по свидетельству Чаплина, «выбор этот был чистой лотереей, но на этот раз мне удалось вытащить исключительно удачный билет»^{II}. Также существовало мнение, что кандидатура Миллера была предложена британским правительством^{III}.

Офицеры Генерального штаба, оказавшиеся во главе противоборствующих сторон на Севере, были хорошо знакомы друг с другом. Е.К. Миллер и командующий 6-й армией красных А.А. Самойло вместе служили в Николаевском кавалерийском училище (в 1910–1912 гг. Миллер был начальником училища) и в ГУГШ, оба занимались разведывательной работой — являлись военными агентами. Все это не могло не придавать их деятельности элемент соперничества. Самойло, к примеру, особенно этого не скрывал, позлорадствовал на страницах воспоминаний над своим побежденным знакомым^{IV}. Ведь в годы Первой мировой, когда русские генштабисты были по одну сторону фронта, проверить, кто из них по своим профессиональным качествам лучше, было довольно трудно, тогда как Гражданская война позволяла удовлетворить и честолюбие, и спортивный интерес.

3 июня 1919 г. началась эвакуация союзников с Севера, что, как признавали белые, предопределило последующий разгром и их самих. Окончание эвакуации было намечено на ноябрь 1919 г. 10 июня по решению Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака Миллер был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами,

^I Там же. С. 24.

^{II} Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере. С. 68.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

^{IV} Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 233–234.

действовавшими против большевиков на Северном фронте. 12 июля правительство передало Миллеру всю полноту власти, но уже 2 августа отменило свое решение.

В июне 1919 г. генерал Марушевский был направлен на переговоры в Финляндию для организации взаимодействия с К.Г. Маннергеймом и генералом Н.Н. Юденичем, встречался с ними, однако какой-либо договоренности достичь не смог. В августе в руководстве антибольшевистскими вооруженными силами на Севере произошли серьезные кадровые перестановки, коснувшиеся, прежде всего, офицеров-генштабистов. 6 августа генерал-квартирмейстером был назначен генерал-лейтенант Н.А. Ключев. 7 августа начальником штаба главнокомандующего вместо В.А. Жилинского, занявшего пост дежурного генерала, стал генерал-лейтенант М.Ф. Квевинский, находившийся на этом посту до 21 февраля 1920 г. Начальником оперативного отделения с 9 августа стал Л.В. Костанди, начальником разведывательного отделения с того же числа — причисленный к Генштабу капитан А.П. фон Энден, полковник В.К. Баиов занял пост начальника службы связи и военно-цензурного отделения¹.

Несколько ранее произошли изменения и в руководстве антибольшевистских сил на Мурмане. В мае в Мурманск прибыли генерал-майор В.С. Скобельцын и полковник М.Н. Архипов, занявшие посты командующего войсками Мурманского района и начальника штаба соответственно. Любопытна характеристика Скобельцына, сохранившаяся в документах русского военно-морского агента в КСХС: «Занял должность с весны [19]19 года и сделал очень много по организации войск на Мурмане. Был в прекрасных отношениях с английским штабом и, предвидя заранее возможную эвакуацию союзников, организовал свой штаб таким образом, что каждому английскому офицеру штаба соответствовал таковой же русский в его штабе, и работа шла все время вместе. Незадолго до эвакуации всем делом начали руководить русские офицеры при помощи соответствующих английских, и потому оставление дела англичанами не произвело никакого влияния. Благодаря этой мере, штаб оказался очень большим, т. к. вообще английские штабы больше наших. Руководит операциями очень хорошо и спокойно, но подобрал себе офицеров, исключительно служивших ранее в Финляндии, среди которых много настоящих финляндцев. Вообще раз офицер служил в Финляндии, то, независимо от того, хорош ли он или плох, он получает место на Мурмане. К Финляндии вообще относится с большой симпатией. Руководит операциями почти совершенно самостоятельно, номинально только подчиняясь штабу главкосева»²³. Скобельцын осенью 1919 г. предложил финнам начать совместные действия против красных⁴, однако до реализации этих планов дело не дошло. Скобельцын считался способным офицером, а Архипов был хорошо известен генералу Марушевскому по прежней службе, причем последний не знал тому равных по работоспособности и доблести в боевой обстановке⁵.

Начальник штаба главнокомандующего вооруженными силами Северной области генерал М.Ф. Квевинский оказывал значительное влияние на Миллера

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 37. Л. 30б. — 5.

² Главнокомандующего Северным фронтом.

³ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 18. Л. 40.

⁵ Марушевский В. В. Год на Севере. С. 180, 297.

и принимавшиеся последним решения. По оценкам мемуаристов, он был исключительно кабинетным работником, привыкшим воевать по карте, слишком самоуверенным и далеким от жизни фронта и от понимания реалий Гражданской войны на Севере^I. Тем не менее он все же сумел хорошо организовать прием военного имущества, которое было оставлено на Севере англичанами. С фронтовиками Квецинский находился в конфликте и ни разу не побывал на фронте.

В документах русского военно-морского агента в КСХС сохранилась следующая характеристика Квецинского: «Бывший наштазап^{II}. Прибыл в [Северную] область в июле [19]19 г. из Германии, где, по рассказам, предлагал свои услуги сначала главковерху, затем — главкоюгу^{III}, потом — большевикам и, получив якобы всюду отказ, поехал на Север. Вскоре после этого прибыли из лагеря Нью-Маркет 400 офицеров, в большинстве из Украины и бежавшие потом в Германию. Все они отлично знали Квецинского и были почти единодушны в своей ненависти к нему. Назначение его наштасегом^{IV} вызвало взрыв отчаяния среди них. Многие говорили “ну теперь все потеряно”. Человек очень умный, хитрый, ради валюты готовый на все. Этим объясняется, что на военном совете, собранном для решения вопроса, оставлять ли Архангельский фронт или нет, он был единственным человеком, стоявшим за продолжение борьбы. Сумел завоевать доверие главкосева и сейчас имеет на него большое влияние. Удивительный интриган. От души ненавидит всех офицеров высших чинов, находящихся на фронте уже более года, и понемногу сплавляет их, заменяя своими клеветами из Украины и Германии. Политическая физиономия его не ясна, но имеет безусловные симпатии к Германии. Однако неплохой организатор и неутомимый работник»^V. Генерала обвиняли в предательстве офицеров в Киеве, когда в ночь на 1 ноября 1917 г. он, будучи командующим Киевским военным округом и возглавляя сопротивление большевикам, неожиданно покинул город, никого не уведомив, чем поставил военные учреждения в крайне тяжелое положение^{VI}.

Вину за неудачи на Белом Севере фронтовое офицерство также возлагало на Квецинского, которому, как утверждали, «своя рубашка ближе к телу»^{VII}. Некоторые офицеры, попавшие в плен к красным, собирались после освобождения отыскать Квецинского в эмиграции и убить его^{VIII}. Было распространено мнение, что, оказавшись Квецинский в плену с другими офицерами, его бы непременно убили свои же^{IX}, а расстреливаемые «на мхах» вокруг Архангельска пленные белые офицеры якобы даже «просили живых — клятвенно завещать передать миру, что Квецинский — палач и редко встречающийся негодяй»^X. Недовольство начальником

^I Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 55–56; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 48, 51–52.

^{II} Начальник штаба Западного фронта.

^{III} Видимо, главнокомандующему ВСЮР.

^{IV} Начальником штаба Северного фронта.

^V ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 78–79.

^{VI} 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928. С. 352.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 50б.

^{VIII} Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 69.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 98. Л. 14.

^X Там же. Л. 5–50б.

штаба было столь велико, что Миллер в угоду общественным настроениям был вынужден уволить Квецинского, хотя последний фактически продолжал выполнение обязанностей начальника штаба до самого падения Северной области.

Генерал-квартирмейстер генерал Н. А. Ключев, прибывший на Север вместе с Квецинским, считался талантливым и опытным генштабистом. Это был уже пожилой человек, попавший в годы Первой мировой войны в германский плен под Сольдау во время Восточно-Прусской операции. Высокое назначение его на Севере было, по-видимому, случайно. Летом 1919 г. генерал приехал из Германии, а его ходатайство о принятии на службу было, по некоторым данным, удовлетворено генералом Миллером лишь ввиду бедственного материального положения Ключева после плена^I. По воспоминаниям генерала Марушевского, «я увидел полубольного старика, на работу которого рассчитывать было трудно»^{II}. По другой оценке, Ключев – «бывший командир одного из корпусов самсоновской армии, пробывший в плену в Германии с [19]14 года. По прибытии своем в [Северную] область, объехал все фронты и только после этого был назначен на должность и весьма быстро для генерала его возраста и человека, почти не видевшего войны и совершенно не видевшего революции, освоился со своим положением. Начал сам нашу наступательную операцию на железной дороге и вел ее вполне удовлетворительно. Человек не глупый, бодрый и хорошо разбирается в обстановке. Как и все, ненавидит Квецинского»^{III}. Впоследствии он уехал из Северной области, как говорили злые языки, «получив весьма загадочную командировку и весьма реальный чек в несколько тысяч шведских крон»^{IV}. В действительности речь шла о командировке на переговоры с Временным правительством архангельской Карелии в Ухту в феврале 1920 г.^V Переговоры эти ничем не завершились. Однако по их окончании выяснилось, что белый фронт в Архангельске рухнул. Генералу Ключеву не оставалось ничего иного, как пробираться в Финляндию.

Генерал В. В. Марушевский летом 1919 г. ездил на переговоры в Финляндию. О самоотверженной преданности Марушевского своему делу свидетельствует избранный им для скорейшего возвращения обратный путь на Север пешком через болота и на лодке через речные пороги^{VI}.

На дальнейшее положение Марушевского на Севере негативно повлияло то, что накануне бунта в 5-м Северном стрелковом полку, произошедшего 20 июля 1919 г.^{VII}, он побывал в нем и затем объявил в приказе, что полк находится в блестящем состоянии^{VIII}. 6 августа 1919 г. штаб командующего войсками Северной области был переименован в штаб главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте, а Марушевский поступил в распоряжение Миллера. На этом завершилось длившееся восемь месяцев двоевластие.

^I Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 76.

^{II} Марушевский В. В. Год на Севере. С. 332.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

^{IV} Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 55.

^V Подробнее см.: Безбрежьев С. Миссия генерала Ключева // Север (Петрозаводск). 1993. № 7. С. 119–131.

^{VI} ГАМО. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 23. Л. 27; Возвращение генерала В. В. Марушевского // Мурманский вестник. 1919. 02.08. № 85. С. 3.

^{VII} Подробнее см.: Александрович В. К познанию характера Гражданской войны. Бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 года. Белград, 1926.

^{VIII} Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 46.

В дальнейшем, чтобы не стеснять Миллера и не быть вовлеченным, помимо своей воли, в конфликт с ним, Марушевский принял решение покинуть Север. С 23 августа он в виде своеобразной почетной отставки был направлен с особой миссией в Скандинавские страны. На Севере начали складываться элементы военной диктатуры Миллера, формирование которой было ускорено эвакуацией союзников и устранением Марушевского.

В штабе главнокомандующего в августе 1919 г. формировались отделы: оперативный (отделения: строевое и топографическое) и дежурного генерала (отделения: общее, инспекторское, наградное, военно-судное)^I. Позднее структура стала включать отделы генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений, снабжения и санитарно-ветеринарную часть. Отдел генерал-квартирмейстера включал отделения: оперативное, разведывательное, военно-топографическое, военно-цензурное, военной пропаганды; службу связи войск и военно-регистрационную службу. Отдел дежурного генерала включал отделения: инспекторское, наградное, общее, военно-судное и типографию^{II}.

По инициативе подполковника В.А. Жилинского и полковника в отставке К.Я. Витукевича (негенштабиста) в марте 1919 г. началось формирование Национального ополчения (по финскому образцу), численность которого к 1 февраля 1920 г. достигла 10 000 человек при 75 офицерах. Командующим ополчением с 14 сентября 1919 г. являлся генерал от инфантерии С.С. Саввич. Об этом генерале, который также заведовал всеми военными школами, говорили, что он параллельно «начал свою коммерческую карьеру и не хотел ею жертвовать для политической работы... на его энергичное сотрудничество рассчитывать было нельзя»^{III}. Начальником штаба ополчения 1 июля 1919 г. был назначен полковник барон Б.А. фон Таубе.

Весной — летом 1919 г. было сформировано шесть Северных стрелковых бригад (всего — 15 полков). Однако белые испытывали острую нехватку кадровых офицеров^{IV}. Для более эффективного управления войсками, в связи с их разобщенностью и дальностью расстояний, весной 1919 г. стали формироваться оперативные соединения — районы. Аналогичный территориальный подход к военному строительству в 1918 г. применяли на Севере красные. 3 июня 1919 г. началась эвакуация союзников с Севера, что, как признавали белые, предопределило последующий разгром и их самих. В начале августа 1919 г. в связи с эвакуацией союзников генерал Е.К. Миллер провел совещание офицеров Генерального штаба, на котором большинство высказалось за прекращение боевых действий, но под давлением общественности Миллер решил продолжать борьбу^V. В ответ на предложение эвакуировать русские войска вместе с англичанами Миллер и Квецинский заявили, что Северная область будет обороняться до последней капли крови. Окончательный ответ в этом ключе был дан британцам 12 августа.

^I Приказ по штабу главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте. 1919. 09.08. № 2.

^{II} *Париева Л. Р.* Документирование деятельности военного управления... С. 102, 259.

^{III} *Марушевский В. В.* Год на Севере. С. 200.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.

^V ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 6.

К числу способных генштабистов, служивших на белом Севере, относили генералов В.В. Марушевского, Е.К. Миллера, полковников В.А. Жилинского и Л.В. Костанди и некоторых других. Примечательна оценка противника. Так, по мнению военного комиссара 6-й отдельной армии РККА Н.Н. Кузьмина, «особенно трудный момент был осенью 1919 г., когда противник, состоявший уже исключительно из русских белогвардейцев, под умелым руководством полковника Генерального штаба Костанди, нанес нам поражение в районе железной дороги и захватил станцию Плесецкую...»^I

Полковник Л.В. Костанди происходил из семьи одесских греков, был образцовым офицером русской армии, ветераном Первой мировой, за храбрость награжденным Георгиевским оружием. На Север Костанди попал, будучи командирован 19 июля 1918 г. из Гатчины в Гидрографическую экспедицию Западно-Сибирского района Северного Ледовитого океана во главе с Б.А. Вилькицким^{II}. Среди задач экспедиции был вывоз хлебных запасов с Севера в советский центр. В конце июля 1918 г., накануне антибольшевистского переворота, Костанди был уже в Архангельске. До 26 сентября он числился в составе экспедиции, а в октябре перешел на службу в антибольшевистские формирования. По характеристике Марушевского, «несмотря на свою молодость, Костанди показал себя отличным и талантливым начальником, хотя и не мог поладить с англичанами, что, впрочем, было для меня уже явлением вполне нормальным»^{III}.

Большинство генштабистов, служивших на Севере, прежде не имели к этому региону никакого отношения. Не то что генштабисты, но офицеры вообще в Архангельской губернии были немногочисленны. Одним из немногих «северных» генштабистов, выходцев из этих мест, являлся подполковник В.А. Жилинский. Он окончил гимназию в Архангельске и обладал обширными связями среди местных жителей. По оценке генерала Марушевского, Жилинский «замкнутый, подчеркнуто-сдержанный, несколько крутой в своих отношениях с подчиненными, работник без отказа, и днем, и ночью, — Вячеслав Александрович, несмотря на свою молодость, оказался выдающимся начальником штаба во все время моей работы в Архангельске. Отдавая ему все должное, я с чувством глубокого удовлетворения говорю, что если мне тогда и удалось сделать что-либо, я обязан этим Вячеславу Александровичу»^{IV}.

Прощаясь с Жилинским уже в Норвегии после падения белого Севера, генерал Е.К. Миллер писал в приказе от 12 июня 1920 г.: «На этих днях полковник В.А. Жилинский заканчивает свою службу в войсках Северной области и [в] войсках Северной армии. С его именем неразрывно связана вся история создания Северной армии, с первых же дней после переворота 2 августа 1918 года он посвятил все свои силы, знание и умение делу воссоздания русской армии на далекой Северной окраине после разгрома ее стараниями революционеров и большевиков в 1917 и 1918 гг. В тяжелых муках рождалась молодая Северная армия, и не сразу

^I Кузьмин Н. Н. Борьба за Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 316.

^{II} РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 60; Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 577об.

^{III} Марушевский В. В. Год на Севере. С. 262.

^{IV} Там же. С. 201.

формирование ее пошло по правильному пути: начав с добровольческих отрядов, с партизанов, она лишь тогда стала на единственно верный путь своего создания, отбросив все революционные присказки, когда начальником штаба командующего войсками был назначен всегда твердый и определенный В.А. Жилинский. Он имел удовлетворение видеть результат своей работы: из нескольких рот в январе 1919 года армия к концу года доросла до 15 полков с многочисленной артиллерией и всеми необходимыми второстепенными частями; и полки эти доблестно и с успехом дрались с августа и до конца 1919 года. С глубокой благодарностью Северная область и Северная армия будут вспоминать светлую личность скромного, беззаветно преданного делу работника, несшего на своих плечах почти единолично всю тяжесть работы по формированию армии в исключительно трудных условиях совместной деятельности с Английским командованием почти до самого конца пребывания в Северной области союзных войск.

И еще более эти ценные и редкие качества В.А. Жилинского сказались во время нашего тяжелого плавания на ледоколе “Козьма Минин” и во время пребывания в лагере, где на нем лежала вся тяжесть ответственности за лагерь и его обитателей во всех отношениях. От лица службы, от себя и от имени всех беженцев Норвежского лагеря приношу полковнику Жилинскому сердечную благодарность за его работу на пользу армии сначала и на общую пользу беженцев затем и от души желаю ему скорее получить возможность воссоединиться со своей семьей, оставшейся в Северной области. Эта радостная для него минута будет радостной и для всех нас, ибо будет показателем, что Север снова освободился от большевиков¹.

Один из выпускников старой академии находился даже в войсках интервентов. Речь идет о бывшем подполковнике графе С.И. Соллогубе-де-Война, поступившем на службу в польскую армию и возглавившем польскую военную миссию на Мурмане. Соллогуб являлся однокашником по академии с Костанди (выпуск 1912 г.) и находился на Севере с августа 1918 г.² Впрочем, уже в декабре 1918 г. он был в Польше³. Однако в дальнейшем Соллогубу, видимо, пришлось вновь вернуться на Север и пробыть здесь до 20 сентября 1919 г. Способности Соллогуба признавало и английское командование⁴.

Белым на Севере России не хватало генштабистов. В связи с нехваткой кадров генерал В.В. Марушевский даже обратился к своему другу по Западному фронту французскому капитану Генштаба А. Лелонгу⁵. По нашим подсчетам, на Северном антибольшевистском фронте сражались 29 выпускников академии, в том числе 6 курсовиков. Из них только на Севере воевали 13 офицеров, остальные успели послужить и в других армиях периода Гражданской войны. Рассмотрим, какой была насыщенность кадрами Генштаба противоборствующих сил на Севере. На осень 1918 г. 10 служивших у белых выпускников академии приходились на 7156 человек личного состава. На Северном фронте красных имелись 40 выпускников

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

² *Bagiński H. Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 462.*

³ CAW. Koll. gen. 304. Stanislaw Dowoyno-Sollohub. Л. 180б.

⁴ Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919. С. 237.

⁵ Марушевский В. В. Год на Севере. С. 201.

академии на 20 000 штыков и сабель. На следующий год соотношение изменилось. На осень 1919 г. 22 служивших на тот момент у белых на Севере выпускника академии приходилось на 25 000 человек личного состава, а в противостоявшей здесь белым 6-й отдельной армии РККА при численности в 22 700 человек служили 7 выпускников академии. Таким образом, насыщенность войск кадрами Генштаба у белых стала примерно втрое выше. Соотношение несколько выравнялось в связи с тем, что белые генштабисты на Севере не только выполняли военные задачи, но занимались также и гражданским управлением.

Несмотря на кадровый голод, генштабисты на белом Севере встречались даже на строевых должностях. Так, выпускник ускоренных курсов академии полковник П. Т. Акутин был назначен командиром одного из полков^I. Между тем ранее этот способный офицер сумел организовать оборону на Пинеге и сформировать там вполне надежные силы, за что был произведен в подполковники, а позднее получил чин полковника^{II}. Однако с этого фронта Акутин был снят и отправлен командовать полком лишь потому, что англичане попросили назначить на Пинегу другого офицера, а генерал Марушевский считал, что по своему образовательному цензу и опыту Акутин не мог находиться в подчинении у нового назначенца. Выпускник академии генерал С. Н. Самарин и вовсе командовал ротой. Полковник А. А. Мурузи в знак протеста против левого курса ВУСО демонстративно поступил на службу в Славяно-британский легион рядовым^{III}. Такие демарши для антибольшевистских сил Севера были непозволительной роскошью. Неудивительно, что, по оценке полковника Л. В. Костанди, офицеры Генерального штаба на Севере использовались белым командованием нерационально^{IV}.

Для службы генштабистов на белом Севере были характерны общие для всех белых фронтов проблемы. Например, немалые затруднения вызывал вопрос старшинства в чинах. Генерал В. В. Марушевский особенно смущался по этому поводу и считал своим долгом затрагивать эту проблему в разговорах со всеми находившимися на Севере офицерами Генштаба, которые были старше его по выпуску из академии и которыми он должен был руководить. Вопросы их подготовленности или физического состояния такого значения не имели, даже если это были дряхлые старики или люди, устранившиеся от активной военной службы. В целом, белые генштабисты на Севере использовались не всегда эффективно, в том числе и потому, что белые, не введя практически ничего нового, сохранили у себя многие отрицательные особенности старой армии.

По мнению полковника В. А. Жилинского, «Северная область существовала настолько, насколько существовала военная сила»^V. Разгром Северного фронта белых был ускорен поражениями на других антибольшевистских фронтах. Уже в конце ноября 1919 г. генерал М. Ф. Квецинский поручил полковнику Н. А. Волкову провести рекогносцировку пути отхода от Архангельска в направлении на Онегу, чтобы в случае неудачи войска могли по этой непригодной местности уйти на Мурман^{VI}.

^I Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 68.

^{II} Марушевский В. В. Год на Севере. С. 263, 264.

^{III} Тучков А. И. Исторический фон. С. 172.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 208об.

^V ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

^{VI} Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 56.

Разработка плана отхода была поручена полковнику Костанди. Пинежский и Печерский фронты из-за дальности расстояний предполагалось предоставить собственной участи. Как выяснилось, отход на Онегу был невозможен из-за природных условий, поэтому в случае отступления Северный противобольшевистский фронт, имевший в своем тылу лишь Белое море, ждала неминуемая катастрофа.

Советское наступление на Севере в начале 1920 г., проходившее при 40-градусном морозе, сопровождалось полным развалом Северного фронта белых и массовыми сдачами в плен. 16 февраля из Архангельска в Мурманск был отправлен оперативный отдел штаба главкома. 19 февраля 1920 г. белые эвакуировали Северную область, отправившись на ледоколе «Козьма Минин» и паровой яхте «Ярославна» в изгнание. Эвакуация не была заранее подготовлена и скорее напоминала позорное бегство, а число желавших уехать существенно превышало количество мест на этих судах. В итоге тысячи солдат и офицеров были вынуждены остаться, а эвакуировались, прежде всего, чины штаба Миллера, родственники и знакомые белого командования, личная охрана Миллера из датских солдат, а также архангельские купцы и спекулянты, получившие места за взятки¹. Первоначально предполагалось высадиться в Мурманске, но в связи с его падением «Минин» направился в Норвегию (Тромсё). Среди эвакуировавшихся в Норвегию были генштабисты Е. К. Миллер (летом 1920 г. уехал в Париж), М. Ф. Квечинский и С. С. Савич². Гражданская война в регионе на этом в основном завершилась.

21 февраля 1920 г. части РККА вошли в Архангельск. 23 февраля, спустя два дня после восстания в Мурманске, завершившегося переходом города под власть большевиков, командующий войсками Мурманского района генерал В. С. Скобельцын со своим штабом бежал в Финляндию, причем свой багаж, по некоторым данным, переправил туда заранее³. Большая часть войск, как и в Архангельске, была брошена командованием. Скобельцын докладывал Миллеру, что «события, разыгравшиеся на архангельском фронте в середине февраля и приведшие к катастрофе, являлись неожиданными для Мурманского района, как результат недостаточной осведомленности. Чрезмерная разбросанность мурманских частей на огромные расстояния и переоценка некоторыми начальниками обстановки и степени надежности вверенных им солдат при вынужденной спешности ухода помешали спасти еще большее количество офицеров. По имеющимся сведениям, среди некоторых офицеров существовало мнение о возможности безболезненного перехода к новой, советской власти, что повлияло на решение части офицеров, склонявших и других остаться на месте добровольно»⁴.

В оправдательной статье Скобельцын писал о наличии планов отхода и своих попытках их реализации, но в то же время отмечал невозможность управления войсками в сложившейся ситуации, когда части одна за другой либо разбегались,

¹ Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 66.

² Голдин В. И., Тетеревлева Т. П., Цветнов Н. Н. Русская эмиграция в Норвегии. 1918–1940 // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 112.

³ Зеленов Н. П. Трагедия Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 233.

⁴ Северный фронт: Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на советском Севере (1918–1920): Док. М., 1961. С. 265.

либо переходили к красным^I. Оказались брошены и те участники антибольшевистской борьбы, которые с огромными трудностями после падения Архангельска пробивались на Мурман сухим путем, в надежде соединиться с мурманской группировкой. Войска, оставшись без командования, сдались большевикам, некоторая часть ушла в Финляндию, а 13 марта в Мурманск вступили части РККА. 26 февраля красные заняли город Онегу.

Тех, кто не успел эвакуироваться за границу, ждала тяжелая участь. После падения Северного противобольшевистского фронта многие офицеры, служившие у белых, попали в плен и подверглись репрессиям. Они обоснованно считали себя преданными штабом Миллера. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали для проведения регистрации офицеров (а затем еженедельных перерегистраций) и репрессий. Не обошли репрессии стороной и выпускников Николаевской академии. В феврале – марте были расстреляны Л.П. Червинский и П.М. Баранов, в сентябре – И.С. Кашуба, несколько позднее, после годичного пребывания под арестом, – Н.А. Волков и Л.В. Костанди. При попытке перебраться в Финляндию в районе Онеги была арестована и этапирована в Москву супруга генерала С.С. Саввича^{II}. Задержана была и супруга генерала Н.А. Ключева^{III} (в 1921 г. генерал сумел организовать ее побег из Советской России^{IV}).

Белый Северо-Запад

Основой формирования Северо-Западной армии белых послужил Отдельный Псковский добровольческий корпус Северной армии (Отдельный корпус Северной армии, Северный корпус, Северная армия), формировавшийся при германской поддержке осенью 1918 г. в Псковской губернии. Первоначально корпус возглавил выпускник академии генерал-майор А.Е. Вандам, известный своими публикациями в газете «Новое время», где рассуждал о союзе России и Германии против англосаксов, и, таким образом, имевший репутацию германофила.

«Человек довольно крупного роста, спокойный, сдержанный, производил впечатление всегда чем-то недовольного. Казалось, что ему совсем не по душе была вся история и он охотно предпочел бы более далекую от политики деятельность.

Генерал явился на совещание без погон, в весьма потертом кителе. Общий вид его был весьма демократический» – таким запомнился Вандам очевидцу в октябре 1918 г.^V По своим качествам он не подходил на командный пост, так как был кабинетным работником^{VI}.

Начальником штаба корпуса стал генерал-майор Б.С. Малявин. О последнем высоко отзывался в своих неопубликованных воспоминаниях генерал М.Д. Бонч-Бруевич. По его мнению, это «знающий свое дело офицер Генерального штаба,

^I Скобельцын [В. С.], генерал-майор. Последние дни Мурманского фронта // Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. 01.04. № 75. С. 3.

^{II} Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 89.

^{III} Там же. С. 64.

^{IV} Гущин Ф. А. Жертвы стальных гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. 1914–1917. М., 2020. С. 454.

^V Смирнов К. К. Начало Северо-Западной армии // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926.

Кн. 1. С. 124.

^{VI} Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 22.

вдумчивый, трудолюбивый, твердого характера»^I. По другой характеристике, Малявин – «Молодой еще человек, говорливый, франтоватый и манерный, несколько суебливый, казался типичным представителем Генерального штаба»^{II}. Обер-квартирмейстером штаба корпуса стал ротмистр В.Г. фон Розенберг. 1-ю стрелковую дивизию возглавил генерал П.Н. Симанский.

Поражение Германии в Первой мировой войне привело к тому, что генерал Вандам отказался от должности (с июля 1919 г. – начальник штаба Северо-Западной армии). В дальнейшем корпусом командовали негенштабисты. По свидетельству генерала П.А. Томилова, генералы Вандам и Малявин были устранены германским командованием и заменены более лояльными им полковником Г.Г. фон Нефом (негенштабистом) и ротмистром В.Г. фон Розенбергом^{III}. По другим данным, генерал Вандам оставил свой пост из-за недоверия к нему со стороны офицеров и внутренних трений в штабе корпуса^{IV}. Обстановка на фронте изменилась: вечером 26 ноября 1918 г. белые оставили Псков и отступили в Эстонию, в результате чего с декабря 1918 г. соединение было включено в состав эстонской армии.

Белое командование опасалось возможности создания на Северо-Западе прогерманских органов военного и гражданского управления^V, поэтому тех, кто считался сторонниками немцев, отстранили от должностей. Северный корпус 3 января 1919 г. возглавил полковник А.Ф. Дзержинский (негенштабист), назначенный на этот пост эстонским главнокомандующим И.Я. Лайдонером. Начальником штаба корпуса состоял полковник В.Г. фон Валь. По свидетельству участника событий, «Валь был вполне порядочным человеком и одним из немногих в корпусе, окончивших Академию Генштаба»^{VI}.

Корпус покинули генштабисты А.Е. Вандам, Б.С. Малявин, В.Г. фон Розенберг и П.Н. Симанский. Оставались только подполковник Д.Р. Ветренко и некий капитан А. Семенов, взявший псевдоним Смолин (данными о таком генштабисте мы не располагаем)^{VII}. В апреле 1919 г. фон Валя по приказу эстонского главнокомандующего генерала И.Я. Лайдонера сменил полковник О.А. фон Крузенштерн (в конце мая он стал главным начальником тыла Северного корпуса, а в конце августа – начальником канцелярии Военного министерства). Крузенштерн оставался в Ревеле и в оперативную работу не вмешивался. Обер-квартирмейстером штаба корпуса стал его младший брат К.А. фон Крузенштерн (летом 1919 г. он возглавил отдел внешних сношений Северо-Западной армии в Ревеле). Фактическое руководство корпусом осуществлял полковник А.П. Родзянко (негенштабист). В целом, у белых на Северо-Западе России находилось немного офицеров с высшим военным образованием. Лишь с середины 1919 г. в армию из-за границы стали прибывать новые офицеры Генштаба.

^I ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Д. 1. Л. 136.

^{II} Смирнов К. К. Начало Северо-Западной армии. С. 124.

^{III} Томилов П. А. Северо-Западный фронт Гражданской войны в России. 1919 г. С. 9 // НИА. Р. А. Tomilov collection. Box 1.

^{IV} Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 152; Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 69.

^V РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 7.

^{VI} Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). М., 2018. С. 173.

^{VII} Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 63.

Штаб корпуса включал управления обер-квартирмейстера (отделения: оперативное, общее, разведывательное, контрразведывательное, топографическое) и дежурного генерала (отделения: инспекторское, общее, мобилизационное), а также управление корпусного коменданта.

В мае 1919 г. Северный корпус (с 1 июня – Отдельный корпус Северной армии) совместно с эстонскими войсками перешел в наступление. Белые заняли Псков (26 мая), что значительно удлиняло линию фронта. Эстонское командование добилось стратегической цели – переноса боевых действий за пределы Эстонии^I. В командование корпусом временно вступил полковник (затем – генерал) А.П. Родзянко (это назначение 3 июня утвердил эстонский генерал Лайдонер^{II}). 2 июня 1919 г. была изменена структура штаба корпуса: упразднены должности начальника штаба и обер-квартирмейстера, но учреждена должность начальника полевого штаба корпуса. 19 июня корпус был развернут в Северную армию под командованием того же Родзянко и вышел из подчинения эстонского главного командования. Летом Красная армия перехватила инициативу и смогла отразить наступление белых, которые потеряли занятые ранее территории (5 августа красные взяли Ямбург, а 26 августа – Псков).

10 июня 1919 г. по решению Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака главнокомандующим русскими войсками на Северо-Западном фронте был назначен генерал Н.Н. Юденич^{III} – герой Кавказского фронта Первой мировой войны, которого знало население. Сам Юденич узнал об этом позднее и лишь 23 июня объявил в приказе. Юденич жил в Финляндии и с 1918 г. вел большую организационную работу по формированию антибольшевистского фронта на Северо-Западе России. Объехав во второй половине июня фронт и познакомившись с командованием, он вернулся в Гельсингфорс. Там генерал рассчитывал провести с финским руководством переговоры о создании совместного антибольшевистского фронта, но добиться такого объединения не удалось.

Северо-Западная армия была создана 1 июля 1919 г. из Северной армии. Командовал ею по-прежнему генерал Родзянко, который явно не справлялся со своими обязанностями. Не имея высшего военного образования, он окружал себя такими же офицерами без должной подготовки. Назначение генерала Юденича он воспринял без энтузиазма, поскольку за этим должны были последовать неизбежные кадровые перестановки.

На Северо-Западе России белые длительное время сохраняли добровольческий характер формирований. Войска состояли «из ряда партизанских отрядов с оттенком регулярной армии»^{IV}. Численность увеличить было невозможно, поскольку белые контролировали лишь очень небольшую территорию. Только в августе 1919 г. перед осенним наступлением на Петроград была проведена мобилизация в тех уездах Петроградской и Псковской губерний, которые оказались под контролем белых. Другим источником комплектования армии были военнопленные Первой мировой войны из Германии и Польши. Кроме того, в ходе наступления появились пленные

^I Там же. С. 172.

^{II} Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 143.

^{III} Там же. С. 160.

^{IV} Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. С. 51.

и перебежчики, что также послужило пополнению войск. Для пополнения армии были сформированы запасные полки при корпусах и запасные батальоны при дивизиях. Предпринимались попытки мобилизации русских офицеров и чиновников в иностранных государствах, но, разумеется, на успех рассчитывать не приходилось.

Штаб армии на осень 1919 г. включал отделы генерал-квартирмейстера (отделения: оперативное, разведывательное, контрразведывательное, общее, военнo-цензурное и литературное, военнo-топографическое), дежурного генерала (отделения: инспекторское, общее, мобилизационное, наградное, по сбору сведений об убитых, раненых и без вести пропавших, управление коменданта штаб-квартиры армии) и этапно-хозяйственный. При штабе имелись отделы военнo-санитарный, военнo-ветеринарный, военнoго духовенства.

Началось развертывание корпусов. I стрелковый корпус был создан на базе 2-й пехотной дивизии. В него вошли 2, 3 и 5-я пехотные дивизии. Во II корпус вошли 4-я и позднее 6-я пехотные дивизии. Не входила в состав корпусов 1-я пехотная дивизия. В октябре 1919 г. корпуса вместо стрелковых стали именоваться армейскими. Громкие названия не отвечали реальной численности, поскольку боевой состав Северо-Западной армии даже на пике ее успехов примерно соответствовал дореволюционной дивизии. Как отмечал генерал В.В. Марушевский, «состав армии был до крайности пестрый и какой-то случайный. Видно было, что все это нуждается в настойчивой, организационной работе, в огромных материальных средствах, в запасах обмундирования, обуви, теплой одежды.

Ничего этого не было»¹.

В руководство белых на Северо-Западе в июле 1919 г. вернулись генералы Вандам и Малявин. Генерал Вандам 21 июля стал начальником штаба армии. 23 ноября 1919 г., уже после поражения белых под Петроградом, его сменил генерал-майор С.Н. Самарин, а 21 января 1920 г. этот пост занял полковник М.Е. Лотов. Капитан К.И. Дыдоров писал из Нарвы светлейшему князю А.П. Ливену (негенштабисту) 22 июля 1919 г. по поводу Вандама: «Кто и что здесь генерал Вандам, я пока еще не знаю, но впечатление он производит вообще отталкивающее, а на меня сегодня — самое безотрадное. Если такое старье начнет играть роль в создании новой России, то я не знаю, будет ли от этого толк. Мне кажется, что такие люди будут далеки от жизни, а потому испортят то, что стараются сделать верующие и энергичные»².

Юденич прибыл в Нарву 26 июля. С конца июля и в августе 1919 г. происходила реорганизация штабов. В частности, органы штаба Северо-Западной армии реорганизовывались в органы штаба фронта, что лишь усложняло управление войсками, тогда как их численность не соответствовала фронтовой. Создавались управления главного начальника тыла и главного начальника снабжений³. Начальником штаба фронта стал генерал П.К. Кондзеровский (в Гражданскую войну пользовался псевдонимом Кондырев), мало подходивший на эту должность. Положение генерала Юденича было очень неустойчивым, так как прежнее армейское командование его не принимало.

¹ Марушевский В. В. Год на Севере. С. 314.

² Цит. по: Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 471.

³ НИА. N. N. Iudenich collection. Box 17. Folder 17.

Военный инженер армии Юденича отмечал, что «штаб фронта подчинил себе все тыловые учреждения и заведения, оставив фактически оперативную часть в руках того же штаба армии, так как оперативного отделения в полном смысле этого слова не существовало, если не считать разложенных карт боевого фронта и делаемых на ней отметок, и то по сводкам, получаемым от штаба армии. Можно было бы, пожалуй, даже допустить возможность существования этих двух штабов одновременно, но при условии полного разграничения их компетентности, предоставив штабу фронта исключительно упорядочение тыла и, главным образом, снабжения, а штабу армии исключительно оперативную часть и район боевой линии. Тогда, может быть, работа была бы более целесообразной... Но так как такого разделения не произошло и официально штаб фронта как бы тяготел над штабом армии, то с места в карьер произошло разделение на фронтовиков и штабных. Результатом чего и получались такие картины, что приказания, отдаваемые штабом фронта, игнорировались, зачастую не исполнялись и на лучший конец оспаривались штабом армии, отчего, конечно, дело только проигрывало»^I.

В.и.д. генерал-квартирмейстера с конца июля 1919 г. стал генерал Б.С. Малявин, которого 23 ноября сменил полковник Э.-Б.А. фон Прюссинг (ранее – начальник оперативного отделения). Малявин не разделял замысел генерала Юденича наступать на Петроград по кратчайшему направлению (стремительный 130-км бросок от Нарвы и Ямбурга через Красное Село и Гатчину) и вместе с генералом Родзянко отстаивал идею концентрации сил на псковском направлении для удара на станции Дно и Бологое, чтобы блокировать Петроград^{II}. Таким образом, в руководстве белого Северо-Запада существовал конфликт между главнокомандующим фронтом и командующим армией.

Генерал Юденич записал в дневнике 12 сентября 1919 г.: «Малявин второй раз грозит уходом, но не уходит и только других этим смущает, прихожу к убеждению, что от него больше вреда, чем пользы. Он же и до сих пор бредит Псковом и в занятии им видит спасение от всех зол и стеснений, чинимых нам эстами»^{III}.

Среди условий занятия должности Малявин в своем рапорте начальнику штаба от 18 августа 1919 г. ставил реорганизацию армии «на началах организации бывшей нашей армии до большевистского переворота», в том числе ликвидацию «всех отдельных и партизанских отрядов»^{IV}. По мнению Малявина, «это отнюдь не умаляет значения партизанских действий, каковые должны поощряться, но не иметь значения главных действий»^V. Малявин даже предлагал создать две армии. Кроме того, штаб армии, по его мнению, не должен был находиться в Эстонии: «Пребывание штаба в Нарве, даже вне фронта русских войск, очень неудобно в квартирном отношении и очень тягостно в моральном и финансовом отношениях ввиду безусловно недружелюбного отношения к нам эстонских властей и войск»^{VI}.

Непосредственное командование армией Юденич принял в октябре 1919 г., несмотря на недовольство командовавшего армией генерала А.П. Родзянко. Штаб

^I Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. С. 65–66.

^{II} HIA. N. N. Iudenich collection. Box 12. Folder 5.

^{III} ERA. 2124.3.294. С. 8–9.

^{IV} HIA. N. N. Iudenich collection. Box 12. Folder 5.

^V Ibid.

^{VI} Ibid.

армии стал именоваться штабом главнокомандующего армией. Родзянко стал помощником главнокомандующего. Не терпевший генштабистов генерал-майор Б. С. Пермикин конфликтовал с выпускником ускоренных курсов академии генерал-майором Д. Р. Ветренко, причем командование даже избегало дислоцировать подчиненные им части на соседних участках.

Как вспоминал генерал Б. С. Малявин, «в офицерском составе был большой недостаток, пополнить который не представлялось возможным... Отрицательной стороной организации армии было переполнение штабов и тыла офицерами, против чего в августе началась усиленная борьба, и к началу наступления все здоровые строевые офицеры были отправлены на фронт»¹. Офицеры Генштаба «были наперечет и в самом недостаточном количестве»².

Через ряды антибольшевистских сил Северо-Запада прошли 32 выпускника академии. О крайней бедности фронта кадрами Генштаба свидетельствует замещение высших командных и штабных должностей. Показательно, что первоначально должности начальников штабов обоих корпусов замещали лица, не имевшие высшего военного образования. И. д. начальника штаба I стрелкового корпуса был штабс-ротмистр В. К. Видякин, а начальником штаба II стрелкового корпуса — генерал-майор барон В. И. Велио, который в 1899 г. поступал в Николаевскую академию Генерального штаба, но не прошел по конкурсу. Оба командира корпусов генерал-майор граф А. П. фон дер Пален и генерал-лейтенант Е. К. Арсеньев также не имели высшего военного образования. Таким образом, корпусные штабы были организованы без генштабистов. Лишь осенью 1919 г. ситуация стала меняться и назначения получили генштабисты: начальником штаба I корпуса стал генерал С. Н. Самарин, а после него — полковник М. Е. Лотов; начальником штаба II корпуса стал полковник А. В. Кушелевский. На дивизионном уровне в период похода на Петроград высшее военное образование имели лишь трое из шести начальников дивизий: генералы Д. Р. Ветренко (3-я дивизия), князь А. Н. Долгоруков (4-я дивизия), подполковник К. И. Дыдоров (5-я дивизия). Среди начальников штабов дивизий на тот же период высшее военное образование имел только полковник А. А. Прокопович (2-я дивизия).

Характерна фигура упоминавшегося выше начальника штаба I стрелкового корпуса офицера военного времени В. К. Видякина, стремительно ставшего подполковником и не имевшего ни опыта, ни необходимой подготовки. Ранее Видякин служил в РККА и перешел на сторону белых. Вместо управления штабом корпуса он увлекался комендантскими обязанностями и контролировал своевременность выпуска газеты «Приневский край»³. Один из ветеранов Северо-Западной армии свидетельствовал, что Видякин «по мнению большинства не только кадровых, но и вообще порядочных офицеров, к должности начальника штаба отдельного отряда, а тем более корпуса, совершенно не подходил. В пор[учике] Видякине ярко вырисовывалось отсутствие военного образования, не говоря уже о военно-академическом; отсутствие служебного, боевого и жизненного опыта; абсолютное

¹ Малявин Б. С. Петроградская операция Северо-Западной армии в октябре — ноябре 1919 года и причины ее неудачи. С. 17 // BAR. ROVS collection. Box 88.

² Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. С. 126.

³ Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 94.

незнание уставов, военных принципов и традиций, хотя традиции партизанщины и им были усвоены в совершенстве.

Будучи некорректным, невоспитанным, бестактно-самонадеянным, подчас грубо-заносчивым, он вызывал ропот и недовольство... Потворство его, как начальника штаба, грабежам, а иногда и участие в них делало его отрицательной величиной... Белое движение было для Видякина выгодной авантюрой, давшей ему возможность после распада армии заняться в Эстонии торговыми и заводскими предприятиями^I. Видякин считался причастным к ограблению дворца в Гатчине. Возникал вопрос: чем руководствовался командовавший армией генерал Родзянко при назначении Видякина? Впрочем, ходили разговоры, что назначение состоялось по протекции из-за родства Видякина с начальником штаба армии генералом Вандамом^{II}. И хотя родство Видякина с Вандамом не установлено, тем не менее высокое и необоснованное назначение вызывало справедливое недовольство^{III}.

В то же время конфликтовавший с Видякиным подполковник К.И. Дыдоров, который окончил только младший класс 1-й очереди ускоренных курсов Военной академии, занимал командные, а не штабные должности, видимо, не считаясь полноценным генштабистом. В период похода на Петроград он был и.д. начальника 5-й пехотной дивизии. Окончивший два класса академии по 2-му разряду полковник Л.А. Бобошко и вовсе командовал полком, хотя, казалось бы, лица, даже частично прошедшие академическую подготовку, были бы намного полезнее в корпусных штабах или в штабе армии. Не служивший по Генштабу выпускник академии генерал князь А.Н. Долгоруков командовал 4-й пехотной дивизией.

Поразительно, но именно от Видякина зависела операция на Петроград. Генерал Юденич не принимал в управлении войсками непосредственного участия, о чем свидетельствует письмо ему из Гатчины генерала П.К. Кондзеровского от 22 октября 1919 г.: «Вам надо скорее приехать сюда, чтобы самому руководить решающими боями. Нельзя в такую важную минуту, чтобы все дело зависело от Видякина, а, между тем, все это так: все оперативные распоряжения этих решительнейших боев делаются им, все войска на фронте всецело и исключительно в его руках. Ведь это же ужасно!»^{IV} Видякина и генералов Пермикина и Вандама подозревали даже в сознательном срыве операции, чтобы заставить Юденича покинуть свой пост^V.

Действительно, в период решающих боев на подступах к Петрограду осенью 1919 г. командование лишилось связи с войсками^{VI}, а генерал Юденич устранился от руководства операцией. По свидетельству помощника главнокомандующего генерала А.П. Родзянко, «в штабе главнокомандующего начальник штаба ген. Вандам и генерал-квартирмейстер ген. Малявин рассказали мне, что никаких точных указаний и распоряжений от ген. Юденича добиться им не удастся. В результате в штабе царили полная растерянность и недоумение. Случайные, разноречивые

^I Цит. по: Там же. С. 477–478.

^{II} Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 218, 338.

^{III} Подробнее о Видякине см.: Васильев М. В. История полковника В. К. Видякина // Псков. 2019. № 50. С. 181–190.

^{IV} HIA. N. N. Iudenich collection. Box 18. Folder 15.

^V HIA. N. N. Iudenich collection. Box 22. Folder 13.

^{VI} Кирдецов Г. Л. У ворот Петрограда. М., 2016. С. 336.

приказания штаба армии, не связанные никакой общей идеей и планом, еще ухудшали безвыходное положение нашей бедной армии»^I.

Чтобы пополнить армию кадрами Генштаба, изыскивались различные способы. В частности, отдельных офицеров пытались командировать из Европы. Так, через военного представителя белых в Великобритании генерала И.А. Хольмсена была организована отправка на Северо-Запад полковника А.Ф. Пац-Помарнацкого, которая, как отмечал Хольмсен, «не только не встречает никаких препятствий, но даже является желательной ввиду отсутствия офицеров Генерального штаба на Северо-Западном фронте»^{II}. Однако переписка, начавшись в конце октября 1919 г., затянулась, и эта отправка запоздала, будучи санкционированной лишь во второй половине декабря 1919 г., когда эпопея Северо-Западной армии уже завершалась.

Всего в Северо-Западную армию в период наступления на Петроград входили два корпуса и дивизия^{III}. Армия была относительно малочисленной (боевой состав — 17 300 штыков и сабель, в том числе 1829 офицеров^{IV}, общая численность едоков достигала 50 000 человек). Основным преимуществом белых, по признанию противника, была подвижность^V. В значительной степени армия зависела от эстонских властей (до середины лета 1919 г. Эстония обеспечивала тыл армии и снабжала белых довольствием^{VI}, позднее снабжением занимались представители Антанты).

Несмотря на малочисленность, армия была плохо обмундирована и недостаточно снабжена. Например, к имевшимся в армии 47 орудиям почти не было лошадей, дистанционных трубок, телефонных аппаратов и проводов, шрапнели были на исходе^{VII}. По свидетельству сотрудника отдела агитации и печати при Юдениче Г.Л. Кирдецова, «царила подлинная вакханалия: всем распоряжались по усмотрению штабы, достойные представители которых через несколько месяцев в большом числе были преданы суду по обвинению в самом циничном казнокрадстве»^{VIII}. Главным начальником снабжений армии был немолодой генерал-майор Г.Д. Янов^{IX}. Один из участников комиссии по ревизии снабжения отметил: «Вакханалия злоупотреблений, хищничества и третирования отчетности царила всюду, начиная с высших центральных управлений и штабов и кончая ротными штабами и мастерскими. Спекуляция расцвела пышным цветом. Игра шла на страданиях несчастной армии»^X. В то же время хотя деятельность самого генерала Янова вызывала

^I Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 158.

^{II} НИА. N. N. Iudenich collection. Box 21. Folder 5.

^{III} Белая гвардия. Альманах. 2003. № 7: Белое движение на Северо-Западе России. С. 90. Также см. боевое расписание см.: Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 125–127. Уточненный вариант см.: Гершельман А. С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1997. Ч. 1. С. 79–81.

^{IV} НИА. N. N. Iudenich collection. Box 22. Folder 13.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1375. Л. 3.

^{VI} Томилов П. А. Северо-Западный фронт Гражданской войны в России. 1919 г. С. 90 // НИА. Р. А. Tomilov collection. Box 1.

^{VII} Там же. С. 215–216.

^{VIII} Кирдецов Г. Л. У ворот Петрограда (1919–1920). С. 181.

^{IX} Утверждения о том, что он был школьным товарищем Юденича (Горн В. Л. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 147), не соответствуют действительности, т. к. они учились в разных учебных заведениях, а академию окончили в разное время.

^X Цит. по: Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. С. 546.

нарекания^I, расследование показало, что злоупотреблений с его стороны не было, имело место лишь бездействие или «преувеличение власти»^{II}. В эмиграции генерал работал простым сторожем на заводе и едва сводил концы с концами.

По воспоминаниям одного из ближайших сотрудников Юденича генерала П. А. Томилова, план главнокомандующего заключался в нанесении «возможно сильного удара противнику и захвата»^{III} с налета Петрограда, несмотря на слабость сил Северо-Западной армии, ее материальное состояние и общую неподготовленность к серьезной операции. При нормальных условиях большой войны такое решение имело бы характер опасной и неразумной авантюры, здесь же все вызывало его полную необходимость, тем более что были серьезные основания предполагать, что некоторые чины и части VII советской армии сами окажут крупное содействие их белым противникам»^{IV}. Однако надежды на белых подпольщиков в советских штабах не оправдались, как не оправдались и надежды на захват Петрограда наскоком.

Белое командование недооценило противника. В итоге наступление на Петроград осенью 1919 г. завершилось поражением и отходом на территорию Эстонии. Несмотря на профессионализм Юденича, армия не имела налаженной базы и резервов, испытывала серьезные организационные и кадровые проблемы, в том числе в командном составе. Выбора кадров у Юденича не было. Командиры корпусов высшим военным образованием не обладали. Из шести начальников дивизий такое образование имели трое. Впрочем, это не гарантировало положительного результата. Так, начальник 3-й пехотной дивизии генерал Д. Р. Ветренко снискал печальную славу в рядах армии в разгар наступления на Петроград. Тогда по неизвестным причинам он не выполнил приказ командования от 15 октября 1919 г. перерезать Николаевскую железную дорогу в районе станции Тосно, чтобы взорвать мосты, прервать сообщение с Москвой и перекрыть присылку пополнений в «колыбель революции»^V. Два полка Ветренко направил на Павловск, планируя перерезать железную дорогу у Колпино. На Тосно была отправлена бригада. В итоге ни одна из групп не смогла прорваться к железной дороге»^{VI}.

По-видимому, генерал опасался оказаться не у дел при взятии Петрограда. Однако переоценивать действия Ветренко не следует. Оперировать в лесистом Тосненском районе было затруднительно. Кроме того, даже успешное выполнение задачи не вело к изоляции Петрограда, у которого сохранялось сообщение через Северную железную дорогу. Подкрепления, шедшие к «колыбели революции», также завязали бы бои с белыми на линии железной дороги»^{VII}. Наконец, малочисленность армии Юденича и ожесточенность намечавшегося на улицах города сопротивления едва ли могли принести успех белым.

^I Горн В. Л. Гражданская война в Северо-Западной России. С. 149–150; Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). С. 210–211.

^{II} Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 373.

^{III} Так в документе.

^{IV} Томилов П. А. Северо-Западный фронт Гражданской войны в России. 1919 г. С. 379–380 // ИА. Р. А. Tomilov collection. Box 1.

^V Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 197.

^{VI} Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 363.

^{VII} Геронимус А. Разгром Юденича. М.; Л., 1929. С. 71.

Когда через 2–3 дня (!) выяснилось, что приказ не выполнен, и командующий армией потребовал объяснений от Ветренко, тот ответил: «1) я не обязан исполнять абсурдные приказы, 2) я служу не Вам, а общему делу, 3) я больше Вас сражался с большевиками»^I. Таким образом, генералы даже не собирались подчиняться приказам командования. Начальник штаба армии генерал Вандам, видимо, в этой связи назвал генерала Ветренко не человеком, а мразью, но позднее предложил его себе в преемники^{II}. Аттестация генерала после провала наступления на Петроград была соответствующей: «Знающий и храбрый начальник. Хорошо разбирается в обстановке. Любит действовать самостоятельно, не принимая во внимание данные ему указания. Годен к занимаемой им должности»^{III}.

В анонимном докладе о состоянии армии, датированном 20 ноября 1919 г. и хранящемся в архиве генерала Н.Н. Юденича, отмечалось: «Нет в армии ни одного человека, кроме некоторых офицеров штаба, не озлобленного до последней степени против штаба армии, вернее, против нач[альника] штаба ген. Вандама и ген[ерал]-кварт[ирмейстера] ген. Малявина»^{IV}. Причины этого явления, по мнению автора доклада, были следующими: «Во время удачи, а равно и после, штаб армии стоял все время в Нарве, управляя войсками за 120 верст. Ни один приказ вовремя не доходил, т.к. телеграфно-телефонных линий было очень мало и они отвратительно действовали, а других средств связи почти не было. Бывали случаи, когда срочные распоряжения доходили до соответствующего штаба корпуса через 24 часа. Ген. Вандам и Малявин никогда не выезжали на фронт. Когда штаб армии приказал корпусу гр[афа] Палена отойти от Волосова на линию Веймарна, ком[андир] корпуса заявил, что выполнение этого приказа значит отдать Ямбург: на линии Веймарна держаться невозможно из-за отсутствия деревень, а люди в этот холод находиться в лесу не могут. Приказано было выполнить в точности. Отходили, пожимая плечами и со страшной злобой в душе.

Решения, принятые на совместном с ком[андирами] корпусов заседании, ген. Вандамом изменяются без необходимости^V к тому, ибо обстановка осталась той же»^{VI}. Озлобление вызывали и проблемы в снабжении. Прежде всего, отсутствие обмундирования, которое до фронта не доходило. Когда в ноябре обмундирование привезли в Нарву, его раздали офицерам штаба армии и случайно оказавшимся в городе офицерам строевых частей.

В том же докладе было указано, что «ненависть к ген[ералам] Вандаму и Малявину чрезвычайно серьезна. Многие говорят об измене. Во главе управления эти лица оставаться не могут – если они не уйдут, то со стороны строевых офицеров могут быть и наверное»^{VII} будут приняты самые серьезные и нежелательные шаги. Около 18-го [числа] ген. Малявина били офицеры Талабского полка. Ген. Юденич, с которым за последнее время примирились, стал абсолютно непопулярным. Никто не чувствует руки над собой, полное отсутствие воли и бесхарактерность.

^I Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 198.

^{II} Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 218.

^{III} НИА. N. N. Iudenich collection. Box 19. Folder 18.

^{IV} НИА. N. N. Iudenich collection. Box 22. Folder 13.

^V В документе ошибочно – без необходимости к необходимости.

^{VI} НИА. N. N. Iudenich collection. Box 22. Folder 13.

^{VII} В принятом в то время значении – наверняка.

Никаких мер против неисполнения приказа не принимается. Чрезвычайно порядочный и честный человек ген. Самарин, бывш[ий] нач[альник] военно-походной канцелярии ген. Юденича, назначен нач[альником] штаба I корпуса. Это вызвало чрезвычайное сожаление, ибо по общим отзывам Самарин был светлым пятном на фоне штаба армии. Преемником ген. Самарина называют ген. [А.К.] Баюва, только что перешедшего из Совдепии¹.

29 ноября 1919 г. из Ревеля в Иркутск капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный, руководивший разведкой и контрразведкой Северо-Западной армии, отправил телеграмму о состоянии армии, в которой сообщал: «Старый режим не в состоянии победить большевиков. Старый режим в смысле казенной мертвечины и бездушного службизма. Армия организовалась с полным пренебрежением к особенностям Гражданской войны и настоящей психологии масс. Армия не была живым организмом с единым сознанием, с телом. Ответственные посты были заняты разношерстной группой начальников, разнородно политически настроенных, разных ориентаций. Людей, непопулярных среди солдат и чуждых им, иногда ярых службистов»².

Помощник главнокомандующего генерал А.П. Родзянко возлагал ответственность за разгром Северо-Западной армии на Юденича, которого считал безвольным и упрямым: «Этот дряхлый старик не имел права брать на себя столь ответственную роль»³. По оценке генерала П.Н. Симанского, неудача произошла вследствие несогласованности действий начальников, неорганизованности и слабой сплоченности войск, наличия большого количества отдельных частей во главе с «атаманчиками», отсутствия дисциплины и авторитета командного состава, мягкости самого Юденича⁴. Генерал П.А. Томилов считал, что «с имевшимися силами и средствами, в сущности, вовсе нельзя было предпринимать такую серьезную операцию, как взятие Петрограда, что вполне сознавал Юденич, но вынужден был уступить давлению со всех сторон»⁵. Кроме того, он традиционно для белых возлагал вину за неудачу на союзников.

В период решающих боев красные превосходили белых на Северо-Западе по численности войск и артиллерии в 2–3 раза, превосходство имелось также в бронеавтомобилях и бронепоездах. Красные добились организационного превосходства над противником и лучше, чем белые, были обеспечены кадрами Генштаба. Советское командование умело использовало открытые фланги белых для нанесения контрудара. Все это предопределило успех операций против Юденича.

Для оценки состояния Северо-Западной армии на заключительном этапе ее существования процитируем телеграмму начальника штаба армии генерала С.Н. Самарина русскому военному представителю в Эстонии, датированную концом декабря 1919 г.: «Систематичное расхищение нашего имущества продолжается. У нас нет ни денег, ни обмундирования. Приказал выдать третьей дивизии последнее белье, снарядов хватает при нажиме красных на пять дней. Разгрузить Нарву от больных мы не можем, так как прилив превышает отлив, в лечебных заведениях

¹ НИА. N. N. Iudenich collection. Box 22. Folder 13.

² РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 261.

³ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 170.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. 125. Л. 1–2.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

люди валяются на полу, нельзя пройти, и часто умирают без медицинской помощи. С фронта люди уходят партиями, так как изверились, ожидая решения судьбы армии и не получая ответа^I. Армия прекратила свое существование в январе 1920 г. на территории Эстонии, куда отступила и где была разоружена после неудачного похода на Петроград. Существовали различные планы использовать остатки Северо-Западной армии на других белых фронтах – например, перебросить личный состав на белый Юг, – однако реализованы они не были.

Не менее девяти выпускников академии служили и в прогерманской Западной добровольческой армии генерал-майора князя П.Р. Бермондта-Авалова (негенштабиста), возникшей в начале 1919 г. Эта армия была создана на территории Латвии и Германии. В ее состав входили два корпуса, а также германские по составу дивизия и легион.

Начальником штаба армии был полковник П.П. Чайковский (окончил академию по 2-му разряду). По характеристике подполковника П.И. Олейникова, это был «старый кавалерийский офицер николаевского производства. Безусловно, не авантюристического склада. Человек очень скромный и как вообще кавал[ерийский] офицер имел очень много положительных качеств. В силу большой своей мягкости характера и будучи врагом всяких закулисных дряг при дворе пол[ковника] Бермондта он не пользовался тем влиянием, которое давала ему должность. Он оставался как бы в стороне. Он являлся безропотным исполнителем всех начинаний, как полков[ника] Бермондта, так и его приближенных. Власть его, если можно так выразиться, была разобрана многочисленными его помощниками. Ему было оставлено только право подписывать приказы. Своих мнений он очень редко высказывал, на всех военных заседаниях хранил глубокое молчание. Все дела, касающиеся его компетенции, разрешались или его помощниками, или самим полк[овником] Бермондтом. Он вообще принадлежал к типу тех людей, бесхарактерных людей, которые при всей своей честности и добросовестности, стоя во главе ответственного дела, приносят неизмеримо больше вреда, чем пользы»^{II}.

По штату в войсковой группе Бермондта-Авалова предусматривался отдел Генерального штаба во главе со штаб-офицером Генштаба. Эту должность занял полковник М.М. Григоров, ранее служивший в украинских войсках. При нем должны были состоять два помощника, заведующий разведкой и два обер-офицера для поручений, не считая технический персонал^{III}. Григоров в дальнейшем стал генерал-квартирмейстером штаба армии и временно исполнял должность начальника штаба. Он же стоял у истоков разработки плана наступления армии на Двинск и Великие Луки для содействия другим белым армиям^{IV}. По оценке подполковника П.И. Олейникова, Григоров – «человек, безусловно, честный и знающий военное дело, но, к сожалению, был чересчур скромный человек, вследствие чего не был настойчив в проведении всех своих начинаний. Дабы избежать всяких недоразумений и дряг, всегда всем и во всем уступал. Это скоро понял как сам пол[ковник] Бермондт, так и его сподвижники. Поэтому все его хорошие начинания и дельные

^I HIA. N. N. Iudenich Collection. Box 3. Folder 15.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 544. Л. 14об.–15.

^{III} РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

^{IV} РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 27. Л. 2–2об.

указания и доклады не получали должного разрешения и только в некоторых случаях пол[ковник] Бермондт, дабы не обидеть его, считался с тем или другим советом, и то лишь только для видимости. Благодаря своей мягкости и отсутствию надлежащего гражданского мужества, он своим соглашательством, безусловно, приносил большой вред нашему делу в Прибалтике. Будь на его месте другое лицо с более твердым характером, многим бы темным дельцам не удалось бы свить при полк[овнике] Бермондте теплых гнездышек и скомпрометировать так как самого командующего, так и вообще всю нашу армию»¹.

Армия испытывала дефицит кадров Генштаба. Подполковник П.И. Олейников вспоминал: «Старых опытных офицеров в армии было слишком мало, это были большей частью случайно попавшие люди... Что же касается офицеров Генерального штаба, то они не играли такого значения в армии, если же иногда и возвышался голос, то он оставался гласом вопиющего в пустыне. Это происходило по 2-м причинам. Заправила Западной добровольческой армии вообще были авантюристического склада мышления, и всякие военные авторитеты ими мало учитывались, а потому они с ними считались как с ярлыком для поддержания своего предприятия в глазах общественного мнения, что, мол, и у нас есть офицеры Генерального штаба, но считаться с ними они никогда и не думали, так как они на свое предприятие смотрели как на авантюру, где можно половить рыбку в мутной воде. Вторая причина — стоящий во главе офицеров Генерального штаба и лично руководивший операциями полковник Г. по своему характеру был человек очень мягкий и чересчур скромный... Поэтому всякие его благие начинания хотя и встречали сочувствие у полк[овника] Бермондта и его приближенных, но оставлялись им без всякого исполнения или проведения в жизнь»². Речь шла об упоминавшемся выше полковнике М.М. Григорове.

Из-за дефицита кадров Генштаба Бермондт-Авалов писал в рапорте главнокомандующему ВСЮР генералу А.И. Деникину 22 октября 1919 г.: «Принимая во внимание, что формирование Западной добровольческой армии продолжается безостановочно и в связи с этим штаб моей армии нуждается в офицерах Генерального штаба для организационных и оперативных работ, ходатайствую перед Вашим превосходительством о назначении в Западную добровольческую армию 2–3 офицеров Генерального штаба»³. Итоги этого рапорта неизвестны.

П.Р. Бермондт-Авалов снискал известность как политический авантюрист. Неудивительно, что он резко отрицательно отзывался о служивших с ним генштабистах. Его письмо генералу П.Н. Врангелю из Берлина от 24 октября 1920 г. содержит развернутые характеристики некоторых офицеров: «Ген. штаба генерал-майор [Л.Г.] Давыдов.

Будучи настроенным против моей деятельности, в начале формирования армии, приехал в армию по приказу генерала [В.В.] Бискупского для командования немецкими войсками (ген. Бискупский усиленно пытался “социализировать” в свою пользу мою армию). Увидав свое смешное положение, ген. Давыдов выразил свой восторг о постановке дела в армии и просил оставить его в армии. Ему была предложена должность генерала для поручений, так как на другую должность

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 544. Л. 15об. – 16.

² Там же. Л. 9–10об.

³ НИА. В. I. Nikolaevsky papers. Box 103. Folder 6. Выражаю благодарность доктору Э. Екабсону (Рига) за предоставленные сведения.

назначить его не мог ввиду его полной неработоспособности. Тут же ген. Давыдов выговорил себе наивысший оклад содержания. Заверив меня в своих знакомствах в армии ген. Деникина, с которым я неоднократно стремился установить связь, был мною командирован к ген. Деникину, причем генерал Давыдов выпросил себе на эту командировку 45 тысяч германских марок, тогда как поручик выполнил такую же командировку, израсходовав 8 тысяч марок. Перед отъездом генерал Давыдов устроил какую-то комбинацию с печатанием почтовых марок, за что получил от военного губернатора областей, занятых Западной добровольческой армией, 100 зацов¹ почтовых марок, что составляет по нынешним ценам сумму около 400 000 германских марок. Командировку свою не выполнил ввиду того, что занялся на Юге такими же комбинациями с покупкой и продажей марок и пьянством.

Прибыв обратно в Берлин, не счел своим долгом явиться ко мне и доложить о результатах своей поездки. Состоящий при мне штаб-офицер передал ему, что поступок его недостойн генерала Генерального штаба.

В настоящее время генерал Давыдов вместо какой-либо активной работы на пользу нашему общему делу спасения Родины занимается поездками в Швейцарию для более выгодной спекуляции почтовыми марками.

Ген. штаба полковник Дурново (Петр). Нечист на руку, питает большую слабость к казенным деньгам. Похитил огромную сумму денег, будучи всего лишь несколько дней генералом-квартирмейстером армии. Панический трус. Интриган и изменник. Офицеры ему не подавали руки. Опустился до того, что служил в контрразведке иностранного государства. Работоспособен и умен, но, к сожалению, ум направлен в сторону подлости и обмана. Также считаю своим долгом заметить, что начальник междусоюзнической миссии в Тильзите ген. [А.] Ниссель, зная полковника Дурново по Петербургу, высказал по его адресу следующее: ["Удивляюсь, как мог князь Авалов прислать для переговоров со мной такого субъекта"]; и приказал его арестовать в Тильзите, но полковник Дурново немедленно скрылся и приступил к разложению армии, с целью принятия командования армией генералом Бискупским, но это не увенчалось успехом, так же как и первая попытка наших русских патриотов. После бегства в Берлин полковник Дурново является ближайшим сотрудником ген. Бискупского, который отлично был осведомлен о его деятельности. Одновременно с сим полковник Дурново распространял в Берлине ложь о том, что он был в армии ранен и контужен (не выезжая никуда из штаба). За свою деятельность был исключен из списков армии. Жалею, что не приказал повесить.

Ген. штаба полковник [К.-Р.-Г.К.] Карлсон.

Трус. Изменник. Бежал из армии в тяжелую минуту. Будучи командирован во 2-й корпус, позорно дезертировал, ночью, из моей квартиры, куда приехал для доклада. Работоспособен и скромн².

Отдельно сохранилась характеристика Б.А. Энгельгардта: «Полковник барон Энгельгардт — бывший дежурный генерал штаба армии. Был нелюбим подчиненными, вследствие невероятно тяжелого характера. Сплетник. Трус. В тяжелую

¹ От нем. Satz — набор.

² РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

минуту отхода армии я вынужден был отпустить его в просимый им отпуск. (бывший) член Гос[ударственной] думы)»^I.

Подобные характеристики скорее производят впечатление способа борьбы с оппонентами, чем свидетельствуют о реальных злоупотреблениях. Но, по всей видимости, эти офицеры действительно беспокоили Бермондта-Авалова. В документах штаба Западной добровольческой армии сохранился доклад, датированный 29 октября 1919 г., в котором отмечено, что полковник П.П. Дурново был командирован в армию по инициативе генерала В.И. Гурко (про него почему-то писали, что именно он займет «верховенствующее место» после занятия белыми Петрограда и Москвы^{II}), и вновь обсуждаются качества этого офицера^{III}.

Частично состоявшие из германских добровольцев формирования Бермондта носили автономный характер относительно армии Юденича и не приняли участие в походе на Петроград, а в это время осаждали Ригу и боролись с латвийской армией. 11 октября 1919 г. Юденич отправил Бермондту телеграмму, что тот не исполнил его приказ о переходе в Нарву, исключается из рядов армии и объявляется изменником Родины. Бермондт же в ответ сообщил, что обеспечивает тылы армии^{IV}. Неподконтрольность этих вооруженных формирований белому командованию и невозможность привлечь их к решению общих задач стала еще одной из причин неудачи военных операций белых на Северо-Западе^V.

Существовали и иные планы создания антибольшевистских формирований на Северо-Западе и Западе. Так, бежавший из РККА генерал-майор М.Н. Суворов, входивший в окружение Н.Н. Юденича, еще в середине 1919 г. предложил польскому атташе в Гельсингфорсе план организации антибольшевистских формирований на территории Польши, но это предложение не получило поддержки^{VI}.

Белые фронты на Севере и Северо-Западе сыграли свою роль в блокаде Советской России, но в целом носили второстепенный характер. Белые здесь не обладали большой численностью войск и контролировали незначительную территорию. В итоге эти антибольшевистские фронты не оказали значительного влияния на ход Гражданской войны.

§ 4. Генштабисты в национальных армиях

Национальные армии стали еще одной помимо РККА и белых армий серьезной вооруженной силой, оказывавшей влияние на события Гражданской войны в России. В 1917 г. наряду со многими новыми явлениями российской жизни на развалинах империи стартовал процесс образования независимых национальных

^I РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

^{II} РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 34. Л. 2об.

^{III} Там же. Л. 3.

^{IV} РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 9. Л. 32об. – 33.

^V Подробнее о формированиях П. Р. Бермондта-Авалова см.: *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России; *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919 г.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 340–364.

^{VI} *Алексеев Д. Ю.* Западный театр военных действий в контексте Гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы VI Междунар. воен.-истор. конф. СПб., 2013. С. 332.

государств. Разумеется, в этот процесс не могли не быть вовлечены тысячи офицеров и солдат, происходивших из губерний, отошедших к новообразованным государствам, или принадлежавших к доминировавшим там национальностям. Волна националистических настроений захлестнула русскую армию. Стали появляться разнообразные национальные формирования – польские, украинские, прибалтийские и закавказские.

По своей антибольшевистской направленности армии национальных государств, возникших на развалинах Российской империи, тесно смыкались с белыми армиями. Политическое руководство некоторых государств находилось в руках эсеров (УНР) и меньшевиков (Грузия). Командный состав, как правило, составляли бывшие офицеры русской армии, лишь в отдельных государственных образованиях (Западно-Украинская народная республика – выходцы из австро-венгерской армии, Польша – выходцы из австро-венгерской и германской армий, Финляндия – выходцы из германской армии) разбавлявшиеся выходцами из армий других стран. Во многих из этих армий остро стоял национальный вопрос. Молодые национальные государства испытывали потребность в самоутверждении и консолидации, в выработке национальной идеи и национальной политики. Этот вопрос был достаточно сложен, в особенности когда речь шла о государствах без серьезных национальных устоев, коренное население которых подчас не владело национальным языком и серьезно различалось от региона к региону в самоидентификации. Сложность заключалась еще и в том, что квалифицированные командные кадры, оказавшиеся в этих государствах и их армиях, были тесно связаны с Россией. Подобная ситуация была типична для Украины.

Офицеры русской армии поступили на службу в вооруженные силы Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Грузии, Армении и Азербайджана. Пошедшие по пути национализации офицеры совершенно не обязательно были националистами. Пожалуй, только в армии Финляндии и Польши большинство офицеров перешли действительно по идейным соображениям. Поляки и финны обладали более глубокими традициями национальной идентичности и государственности, чем другие народы окраин бывшей Российской империи.

В обстановке Гражданской войны (в национальных государствах историки именуют ее иначе – освободительная война, война за независимость, война с Россией, война с большевиками и т.п.) национальным государственным образованиям требовалось быстро создать новую военную элиту, однако в ряде государств эта потребность вступала в противоречие с тем, что национальные командные кадры не имели высокой квалификации. В итоге военному и политическому руководству приходилось мириться со службой бывших русских офицеров, в том числе русских по своему происхождению. Если существовали альтернативные источники комплектования командного состава (например, в Польше и Финляндии), выходцы из России оказывались на вторых ролях.

Национализация части русской армии была тем политическим процессом, отдаленные последствия которого никто из высших военных деятелей в 1917 г. не мог себе представить. Первоначально такие формирования были санкционированы властями в целях оздоровления разлагавшейся революционной армии. Историческим парадоксом является тот факт, что этот «ящик Пандоры»

открыли отнюдь не радикалы-националисты, а те лица, которые в последующей антибольшевистской историографической традиции считались едва ли не единственными государственно мыслящими людьми России того времени. Речь идет, в частности, об одном из будущих вождей Белого движения генерале от инфантерии Л.Г. Корнилове. Гетман Украины П.П. Скоропадский, тогда командовавший XXXIV армейским корпусом, вспоминал, что летом 1917 г. украинизация осуществлялась в соответствии «с настоящим требованием бывшего главнокомандующего, Корнилова, теперь уже верховнокомандующего, который, наоборот, требовал полной украинизации вплоть до лазаретных команд»¹. Корнилов полагал, что украинизация позволит повысить боевой дух войск, однако жестоко просчитался. Самого Скоропадского, якобы предупреждавшего Корнилова о своем неблагоприятном впечатлении от Украинской Центральной рады, удивило легкомыслие, с которым тот относился к этому вопросу. Сторонниками украинизации как способа повышения боеспособности части вооруженных сил были генералы-генштабисты Н.Н. Духонин и А.Е. Гутор.

Вскоре стало понятно, что национальные формирования могут привести только к окончательному развалу и расколу армии. Точка зрения государственно мыслящих людей России на этот вопрос выражена командующим 7-й армией генерал-лейтенантом В.И. Селивачевым, который записал в дневнике 22 августа 1917 г.: «Вечером приехал генерал [П.П.] Скоропадский[,] все, конечно, со своими бесконечными жалобами и просьбами по вопросу украинизации. Пришлось крупно поговорить с ним, т.к. он стал доказывать, что в этой разрухе не он виноват, а те, кто согласился на украинизацию, намекая, конечно, в числе “тех” на меня. Я, не выдержав, резко ответил ему, что он с первых же шагов сделал неправильно, взяв с собой неукраинских офицеров, а теперь поставил их так, что, работая, они могут ожидать только своего ухода из дивизий, которые они обучают, ради каких-то “самостийных” идей, что, на мой взгляд, для России не только вредно, но просто преступно»². Противниками национализации армии были в будущем видные деятели Белого движения генералы М.В. Алексеев, А.И. Деникин и С.Л. Марков, однако последнее слово осталось не за ними.

Украинские армии

Один из лидеров Белого движения генерал А.И. Деникин отмечал, что в старой армии малорусского вопроса не существовало вовсе³, а «в военном быту отсутствовало совершенно понятие “украинец”, как нечто обособленное от рядового понятия “русский”»⁴. Действительно, к 1917 г. украинское национальное самосознание еще только начинало проникать в массы⁵. Революционные события открыли перед украинским национальным движением новые перспективы.

¹ Скоропадський П. П. Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 72.

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 12об.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Кн. 1. С. 452.

⁴ Деникин А. И. Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 262.

⁵ Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 32–33, 43; Марчуков А. В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 38; Михутин И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 252.

Как уже отмечалось, в 1917 г. начался процесс украинизации русской армии. К лету 1917 г. относятся первые просьбы генштабистов о переводе их в украинизирующиеся соединения. Например, подполковник Н. А. Капустянский, в будущем видный деятель армии УНР, просил о переводе его в одну из украинизированных дивизий начальником штаба. В принципе, командование было готово пойти на встречу такого рода просьбам при условии наличия соответствующего заместителя^I. Подобные перемещения, не будучи обусловлены военной необходимостью, нарушали сложившуюся систему управления войсками. 3 сентября Капустянский был назначен и.д. начальника штаба 104-й пехотной дивизии. Есть данные о переводе в конце 1917 г. начальника штаба 67-й пехотной дивизии полковника В. В. Кривенко на должность начальника штаба украинизированной 137-й пехотной дивизии и избрании его на эту должность в самой дивизии^{II}.

Летом 1917 г. украинизировался будущий начальник Генштаба при гетмане П. П. Скоропадском А. В. Сливинский. На II всеукраинском военном съезде, проходившем 5–10 июня 1917 г. в Киеве, он был избран в состав украинского генерального войскового комитета^{III}, председателем которого являлся украинский военно-политический деятель С. В. Петлюра.

Офицеры, служившие в Добровольческой армии, относились к украинизировавшимся неприязненно. Приехавший с секретной разведывательной миссией в Киев в 1918 г. подполковник С. Н. Ряснянский вспоминал о встрече со своим товарищем с детских лет Сливинским: «Он был на год моложе меня по Полтавскому кадетскому корпусу и тогда он носил фамилию: Слива. Кончил он корпус одним из первых и через 3 года пошел в академию Генерального штаба^{IV}, так что окончил ее раньше меня. Во время Великой войны он был в штабе 10[-й] кавалерийской дивизии, а позже в штабе 3[-го] конного корпуса в то время, когда этими частями командовал знаменитый граф [Ф. А.] Келлер. Выказал себя Сливинский, рожденный Слива, во время войны очень хорошо и заслужил не только орден Св. Георгия, но и уважение чинов дивизии, а позже и корпуса, но... ему захотелось занять высокое положение и удовлетворить честолюбие. Случай представился. В начале 1917 он был назначен в штаб Румынского фронта, и там же в начале революции был образован украинский комитет для самоопределения украинцев. Сливинский сразу же вошел в него и начал играть в нем значительную роль. Когда я упрекнул его при встрече в Яссах в том, что он занялся украинизацией, то он мне на это сказал, что его задача не дать захватить верх в комитете чистым самостийникам. Возможно, что в то время он и не думал о полной самостоятельности Малороссии, но уже несколько позже, когда он был выбран в Раду, его первоначальные взгляды изменились, и он стал самостийником»^V.

Участь русских офицеров в украинизированных формированиях белым казалась незавидной. По свидетельству генерала А. И. Деникина, старые офицеры подвергались издевательствам, оказавшись во власти «щирых» украинских

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 25.

^{II} Там же. Л. 349.

^{III} Skrukwa G. Formacje Wojskowe Ukraińskiej "Rewolucji Narodowej" 1914–1921. Toruń, 2008. S. 162–163.

^{IV} Мемуарист неточен, в академию можно было поступать через три года службы в офицерских чинах, т. е. после окончания военного училища, а не кадетского корпуса.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 16–17.

прапорщиков, поставленных над ними^I. Комитеты без опасений вступали в прямую конфронтацию с высшим командованием, поскольку были уверены в собственной безнаказанности. Командир XXXIX армейского корпуса генерал-лейтенант В.Н. Егорьев, вступивший в должность 9 сентября 1917 г., вспоминал: «Первый инцидент произошел с организацией корпусного украинского комитета... На организацию комитета я согласился, присутствовал на его открытии, дал из собственных средств 100 рублей на обучение украинскому языку (присутствовавшие говорили или по-русски, или на каком-то жаргоне), но в поддержке из казенных сумм и предоставлении прав официального комитета отказал. Как курьез могу отметить, что комитет начал сейчас же рассылать внутренние телефонограммы на украинском языке, что путало работу и что пришлось скоро прекратить. Это мое запрещение было доведено до Киева и послужило источником нападков на меня в украинской печати... За украинским сформировался корпусный польский комитет»^{II}.

Большевики, придя к власти, очень быстро свернули процесс национализации армии. Один из видных большевистских военных работников Э.М. Склянский сообщал главнокомандующему Н.В. Крыленко в ноябре 1917 г.: «Необходимо замедлить отправку украинских частей из Питера на Украину. Отсюда мы национальных частей не отправляем, избегаем сейчас по стратегическим соображениям формировать какие бы то ни было новые боевые национальные единицы, национализацию старых боевых единиц мы будем производить только [в] том случае, если за это выскажется референдум данной боевой единицы»^{III}.

По некоторым данным, офицеров украинского происхождения на 1917 г. могло быть до 60 000 человек^{IV}. В украинские армии поступило наибольшее количество бывших русских офицеров. По оценкам исследователей, 90% офицерского корпуса армии УНР составляли бывшие офицеры русской армии^V. Кроме того, на территории Украины проживали десятки тысяч офицеров. Разумеется, лишь меньшинство оказалось в украинских войсках. В армию гетмана Скоропадского было мобилизовано до 7000 офицеров. Украинизировавшиеся офицеры в редких случаях владели украинским языком, что было поводом для множества шуток, звучавших даже впоследствии, в годы эмиграции. После падения гетманской власти украинский офицерский корпус значительно сократился. В различные периоды 1919–1922 гг. численность офицерства колебалась в пределах 2414–3888 офицеров^{VI}, а по сведениям к 1 июня 1922 г., в армии УНР, интернированной на территории Польши, насчитывалось 2863 офицера^{VII}.

В ноябре 1917 г. украинские власти, озаботившись организацией собственных вооруженных сил, значительно активизировали работу по перетягиванию к себе офицеров Генерального штаба, без которых невозможно было создать

^I Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 1. С. 459.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 10.

^{III} РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 272. Л. 3.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2011. Кн. 2. С. 60, 158.

^V Там же. С. 158.

^{VI} Там же. С. 61; *Legieć J. Armia Ukraińskiej Republiki Ludowej w wojnie polsko-ukraińsko-bolszewickiej w 1920 g.* Toruń, 2002. S. 207.

^{VII} ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.

боеспособную армию. Председатель армейского украинского комитета Белецкий 14 ноября ходатайствовал о назначении начальником штаба украинизированного XXVI армейского корпуса Генштаба полковника А.А. Рябинина, командовавшего 169-м пехотным полком, спустя два дня к этой просьбе присоединился и генеральный секретарь военных дел Украинского генерального секретариата С.В. Петлюра^I. Это назначение состоялось, однако, лишь месяц спустя, 14 декабря 1917 г. Некоторое время прослужив в украинских войсках, Рябинин весной 1919 г. перешел на сторону красных. В конце ноября 1917 г. украинские власти во главе с Петлюрой, почувствовав слабость центра и собственную силу, стали прямо требовать перевода генштабистов в формировавшийся Украинский войсковой генеральный секретариат^{II}. Запросы, в частности, касались подполковника Е.А. Келчевского, который с конца ноября 1917 г. служил в украинских формированиях.

21 ноября Петлюра телеграфировал в Ставку о том, что еще 18 ноября были утверждены штаты комиссариата, предполагавшие назначения начальником Генерального войскового штаба генерал-майора Б.П. Бобровского, 1-м генерал-квартирмейстером подполковника Е.А. Келчевского и 2-м — подполковника А.В. Сливинского (затем он стал помощником начальника Генштаба). Новый начальник штаба Ставки генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич не знал, как реагировать на эту телеграмму в связи с политикой большевиков, и запрашивал мнение главковерха Н.В. Крыленко^{III}.

К этому времени относятся самовольные переходы генштабистов в национальные армии, осуществлявшиеся вопреки распоряжениям высшего начальства. Например, по данным на декабрь 1917 г., генерал-майор А.П. Греков на протяжении полутора месяцев не прибывал на должность генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. Выяснение его местонахождения показало, что он перешел в украинские войска^{IV}. В дальнейшем Греков занял видное место в украинской военной элите. О периоде конца 1917 — начала 1918 г. он вспоминал: «Всюду по Украине бродили всевозможные атаманы, которые под видом собирания сил для борьбы с большевиками фактически занимались грабежами местного населения и устраивали еврейские погромы. Потребовалось много сил и энергии, чтобы все это т.н. “войско” организационно объединить и придать ему кое-какой строевой порядок. Что мне частично и удалось сделать»^V. Побывавший в начале 1918 г. в Киеве голландский военный корреспондент Л. Грондейс встретил там «много генералов с прекрасными фамилиями, верно служивших Родине вместе со старой армией, но нет ни одного вождя»^{VI}.

Аппетиты украинских властей постепенно возрастали. К концу 1917 г. через генерального секретаря по военным делам УНР С.В. Петлюру должны были проходить все назначения в украинизированных формированиях. Так, в Особой армии, располагавшейся в районе Полесья, Петлюрой не был утвержден назначенный ранее командующим войсками генерал-лейтенант В.Н. Егорьев. Последний же

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1313. Л. 176, 178.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1257. Л. 41, 50.

^{III} Там же. Л. 51.

^{IV} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1294. Л. 58.

^V ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 62149. Л. 35.

^{VI} Грондейс Л. Война в России и Сибири. С. 135.

игнорировал оперативные приказы Петлюры. В армии сложилось своеобразное противостояние армейского комитета, поддерживавшего Егорьева, с армейской радой, подчинявшейся Петлюре и действовавшей в обход командующего. В итоге Егорьев арестовал раду, но в ночь на 31 декабря 1917 г. сам был арестован гайдамаками атамана П. Певного (по другим данным – атамана Ф.Е. Кудри) и отвезен в бердичевскую тюрьму. Из-за отсутствия верных частей командующий армией не мог обеспечить даже собственную безопасность¹. Из Бердичева через двое суток его перевели в Лукьяновскую тюрьму Киева, где пришлось сдать шашку, причем всерьез обсуждалось, арестован ли Егорьев или же взят в плен. С занятием Киева красными в конце января Егорьеву удалось освободиться, причем, как он вспоминал, «у Крыленко я застал т.т. Подвойского и Дыбенко и, указав, что я не украинец, и обещав, что в случае опасности для Москвы я, как москвич родом, готов стать на ее защиту, просил отпустить меня к моей Особой армии, командармом которой продолжал считать себя. Просьба эта была уважена...»²

Основатели Украинского государства пытались заручиться поддержкой квалифицированного кадрового офицерства, без которого невозможно было создать армию, но отношение к офицерам не могло быть доверительным. Примеры кадровой политики революционных властей (Временного правительства, СНК, Комуча, других правительств социалистического толка, включая украинское) демонстрируют это со всей очевидностью. Судя по всему, справедливы слова Д.И. Дорошенко о том, что Петлюра «окружил себя молодыми прапорщиками военного времени, матросами, писарями, военными чиновниками – это и был штаб нарождавшейся украинской армии. Ко всем старым офицерам, хотя бы они были и чистокровными украинцами, Петлюра и его ближайшие сотрудники относились с глубоким недоверием. И, встречая это недоверие на каждом шагу, старые опытные офицеры Генерального штаба, генералы, имевшие уже славный боевой стаж, не стремились особенно в ряды молодой украинской армии. Шли по большей части авантюристы...»³

Тем не менее ряд генштабистов оказались в украинских войсках уже в 1917 г. На их плечи легла работа по созданию национальной армии. Войсковой старшина В.К. Акинтиевский возглавил оперативный отдел Генштаба. Войсковой старшина В.П. Сальский (в конце 1917 г. – начальник штаба командующего войсками Левобережной Украины) и сотник А.И. Удовиченко (в конце 1917 – начале 1918 г. – помощник начальника оперативного отдела украинского Генштаба и начальник штаба Гайдамацкого коша Слободской Украины) руководили сопротивлением украинских войск советскому наступлению на Киев в начале 1918 г. Полковник В.Н. Петров принимал участие в уличных боях в Киеве (командовал полком им. К. Гордиенко). Те, кто не пожелал сдаться в плен красным при взятии Киева в начале февраля 1918 г., покинули город. Среди таких офицеров

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 15–16.

² Там же. Л. 18.

³ Дорошенко Д. И. Война и революция на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.: Л., 1930. С. 88–89.

были и несколько генштабистов, в том числе генерал В.М. Бронский и подполковник А.В. Сливинский¹.

Подполковнику А.В. Сливинскому принадлежало авторство проекта развертывания украинской армии путем использования остававшихся на Украине частей и соединений Румынского и Юго-Западного фронтов старой армии. Планировалось из X армейского корпуса сформировать Киевский, из XXV – Волынский, из XXVI – Полтавский, из XXXI – Черниговский, из XXXII и III – Подольский, из VIII и XL – Одесский, из V Кавказского – Екатеринославский.

В общей сложности через украинские вооруженные формирования в 1917–1922 гг. прошло не менее 438 выпускников академии Генштаба, включая выпускников ускоренных курсов, но ничего необычного тут нет. Резкое ослабление в 1917 г. центральной власти, предоставление Временным правительством автономии Украине, развал армии и нарастающая анархия в стране естественно толкали часть генштабистов, связанных рождением, родством, службой или имуществом с малороссийскими губерниями, в качестве альтернативы на путь национализации². Отметим, что малороссы как представители второй по численности составляющей главного этноса империи были достаточно широко представлены в корпусе офицеров Генерального штаба. Масла в огонь подливали и местные политические лидеры, сделавшие ставку на самоопределение окраин. Территория Украины находилась в полосе Румынского и Юго-Западного фронтов, в результате чего офицеры, служившие на этих фронтах, имели возможность без особых затруднений и риска сюда перебраться.

Оттоку генштабистов на Украину непосредственно во время Гражданской войны благоприятствовали сразу несколько факторов: возникновение здесь независимого от большевиков государства, в котором существовали близкий русскому язык и культура, установление пришедшим к власти в конце апреля 1918 г. гетманом П.П. Скоропадским системы военной службы, близкой к дореволюционной, а также возможность переждать наиболее острые события Гражданской войны в мирной обстановке на Украине, защищенной германским протекторатом (при том, что формально Украина имела признаки независимого государства). Как свидетельствовал один из участников событий, «из всех послереволюционных периодов, гетманский был самым счастливым в жизни жителей Киева и всей Украины»³. А.А. фон Лампе, стремившийся служить только в русской армии, вспоминал в августе 1919 г., что «в свое время не соблазнился весьма лестными предложениями, привлекавшими меня в армию украинскую, хотя это был период, когда гетман и его правительство прикрывались⁴ лозунгами, призывавшими к возрождению единой великой России»⁵. В другом месте дневника он отметил: «Я дважды ездил в Киев, тщетно стараясь в украинской оперетке найти хоть след работы на российскую трагедию, но увидел, что

¹ Тинченко Я. Ю. Українські збройні сили березень 1917 р. — листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). Київ, 2009. С. 195.

² По оценке Я. Ю. Тинченко, украинцы составляли 20 % корпуса офицеров Генерального штаба Российской империи, однако он ничем не подтверждает эти данные и не поясняет, каким образом смог вычислить такой процент (Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки. Кн. 2. С. 51).

³ Богатырчук Ф. П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1978. С. 38.

⁴ В документе несогласованно — прикрываясь.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–33; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 65.

игра в самостийность мне, русскому офицеру, совершенно не по душе, и отошел в сторону»¹.

После того как Украина весной 1918 г. оказалась оккупирована австро-германскими войсками, процессы строительства украинской армии возобновились. На Украине тогда оказались тысячи офицеров старой армии. По некоторым оценкам, гетманская армия достигала численности в 65 000 человек². Фактически Украина тогда была наиболее спокойным местом на охваченных Гражданской войной землях бывшей Российской империи. Здесь можно было даже с некоторым комфортом для себя переждать смутное время. К тому же по отношению к центральной России это был наиболее близкий в территориальном и культурном плане регион. Здесь сохранялся русский язык, а военная служба и жизненный уклад напоминали дореволюционные. По этим причинам масса офицеров решила перебраться сюда, спасаясь от красного террора и втягивания в Гражданскую войну. Как правило, офицеры были настроены антибольшевистски, но отнюдь не в украинском, а скорее в русском имперском духе. Часть офицеров бойкотировали украинскую армию, но многие все же пошли служить. Как отметил современный украинский исследователь М. А. Ковальчук, «для многих кадровых офицеров служба в армии Украинской Державы была лишь вынужденным этапом в борьбе за “возрождение России”»³. Конечно, такая борьба для офицеров не заключалась в кавычки. Эта оценка подтверждается в донесении белой разведки. Прибывший с Украины в Екатеринодар капитан Петров докладывал белому командованию осенью 1918 г., что украинские генштабисты, по их свидетельствам, готовили часть будущей русской армии⁴.

Генерал И. А. Поляков вспоминал свой диалог в Киеве в конце 1917 г. с прежним сослуживцем, пошедшим в украинские войска:

«— Да разве ты украинец? Когда ты стал таковым?

Увидев, что мы в комнате одни, он, смеясь, искренно сказал:

— Такой же украинец, как ты — абиссинец, суди сам: случайно я очутился в Киеве, есть надо, а денег нет. Искал службу и нашел здесь, но должен изображать из себя ярого украинца, вот и играю»⁵.

Количество генштабистов на Украине было таково, что в 1918 г. даже отказались от подготовки там соответствующих кадров, хотя такие планы имелись (позднее, когда многие генштабисты бежали с Украины, к планам подготовки кадров вернулись). Генштабист капитан Петров в докладе об украинской армии начальнику разведывательного отделения штаба Добровольческой армии подполковнику С. Н. Ряснянскому от 14 (27) сентября 1918 г. писал: «Резерв офицеров Генштаба в украинской армии большой, который постоянно пополняется прибывающими из Великороссии. Поэтому при разработке вопроса об военно-учебных заведениях Украины вопрос об своей академии Генштаба пока отпал, так как запас

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 237об.

² Тинченко Я. Ю. Армии Украины 1917–1920 годов. М., 2002. С. 45.

³ Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 50.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 110.

⁵ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 57.

этой категории достаточен настолько, что решено штаб-офицеров Ген. штаба выпуска [19]15 года назначать на обер-офицерские места»^I.

Только в Главном и Генеральном штабах служило не менее 150 выпускников академии, среди которых было немало выдающихся с огромным командным и научно-педагогическим стажем^{II}. Тем не менее гетманский режим едва ли мог положиться на них с точки зрения лояльности Украине. В своих мемуарах гетман Украины П.П. Скоропадский писал об этом: «Были, конечно, в Киеве даже, могу сказать, блестящие генералы и штаб-офицеры Генерального штаба, но все они стояли исключительно за добровольческую армию генерала Деникина, против которой я ничего не имел. Но эта ориентация мне совершенно не подходила, так как там тогда проповедовалось полнейшее отрицание Украины. Выбор мой поэтому был очень ограничен, и сколько я ни искал себе подходящего начальника Генерального штаба, найти не мог»^{III}.

Вопрос об убеждениях офицеров, пошедших в украинские войска, достаточно сложен. При гетмане П.П. Скоропадском симпатии офицеров к белым, например, не вызвали серьезных преследований. По свидетельству украинского генерала и бывшего офицера русской армии, выпускника ускоренных курсов академии А.И. Удовиченко, в это время «как в государственный, так и в военный аппарат было собрано для работы немало людей, которые в силу своих русофильских тенденций смотрели на Украину как на плацдарм для формирования антибольшевистских сил»^{IV}. Полковник М.Г. Дроздовский записал в дневнике в апреле 1918 г.: «Украинские офицеры больше половины враждебны украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не украинцы — некуда было деваться... При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды»^V. Тот факт, что большинство офицеров, служивших на Украине при гетмане Скоропадском, были враждебно настроены по отношению к украинской национальной идее, признают современные украинские авторы^{VI}. В то же время нельзя согласиться с утверждением о целенаправленной политике Скоропадского по изгнанию националистически настроенных украинских офицеров из армии^{VII}.

Еще в период Центральной рады, а затем при гетмане П.П. Скоропадском в украинских войсках была установлена своя система чинов, отличавшаяся от прежней системы, существовавшей в старой армии. Эта система неоднократно менялась при сменах власти на Украине (табл. 44).

^I ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 104.

^{II} Удовиченко О. І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. Київ, 1995. С. 42.

^{III} Скоропадський П. П. Спогади. С. 181.

^{IV} Удовиченко О. І. Україна у війні за державність. С. 42. Перевод наш.

^V Дроздовский М. Г. Дневник. М., 2017. С. 110.

^{VI} Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007.

Кн. 1. С. 7.

^{VII} То же. Кн. 2. С. 109.

**Наименования офицерских чинов, принятые в русской армии
и в украинских вооруженных формированиях 1917–1920 гг.¹**

Категория	Классы «Табели о рангах»	Русская армия	УНР при Центральной раде (на декабрь 1917 – апрель 1918 г.)	Армия Украинской державы (гетманская) 1918 г.	Армия УНР при Директории (на март 1920 г.)	Украинская Галицкая армия (на апрель 1919 г.)
Генералы (отаманы)	II	Полный генерал	Полный генерал	Генеральный бунчужный	Генерал-полковник	Генеральный сотник
	III	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Генеральный значковый	Генерал-поручик	Генеральный поручик
	IV	Генерал-майор	Генерал-майор	Генеральный хорунжий	Генерал-хорунжий	Генеральный четарь
Штаб-офицеры (булавна старшина)	VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник
	VII	Подполковник	Войсковой старшина	Войсковой старшина	Подполковник	Подполковник
						Отаман ¹
Обер-офицеры (молодша старшина)	VIII	Капитан	Осавул	Сотник	Сотник	Сотник
	IX	Штабс-капитан	Подосавул	Значковый	Поручик	
	X	Поручик	Сотник			Поручик
	XII	Подпоручик	Хорунжий	Хорунжий	Хорунжий	Четарь
	XIII	Прапорщик	Прапорщик			Хорунжий

Пост военного министра Украинской державы занимал генерал А. Ф. Рагоза. Примечательна карьера начальника Генерального штаба Украинской державы, которым в 1918 г. стал молодой офицер Генштаба подполковник (с 31 октября 1918 г. – полковник) А. В. Сливинский (Слива). В августе 1918 г. ему исполнилось всего 32 года, академию Сливинский закончил в последний предвоенный выпуск 1914 г. После крушения гетманской власти Сливинский оказался в Одессе, был зарегистрирован у красных, а затем попал к Деникину.

Сливинский осуществил реорганизацию Генерального штаба. Первое генерал-квартирмейстерство, которым руководил генерал Л. А. Дроздовский, отвечало за оперативную работу и включало отделы: оперативный, разведывательный, связи, геодезический и зарубежной связи. Второе генерал-квартирмейстерство под управлением полковника Н. Е. Какурина занималось организационными вопросами

¹ Сост. по: Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 832–833; Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки. Кн. 2. С. 81; Skrukwa G. Formacje Wojskowe Ukraińskich "Rewolucji Narodowej" 1914–1921. S. 667–669.

¹ Соответствовал майору австро-венгерской армии.

(отделы: мобилизационный, организационный, по службе Генерального штаба, военно-научный)¹. В непосредственном подчинении начальника Генерального штаба находились: центральный отдел, железнодорожный отдел, инспекция артиллерии, военно-техническая инспекция и инспекция воздушных сил.

Самостоятельным органом был Главный штаб, которым руководил генерал А. С. Галкин. Этот орган ведал личным составом армии.

Весной 1918 г. украинский Генштаб провел значительную работу. Среди неполного списка мероприятий были следующие: организована разведка пограничных с Советской Россией районов; разработана инструкция для военных атташе за рубежом; разработан вопрос о значении для Украины Крыма, Черного моря и Черноморского флота; составлен стратегический обзор железных дорог Украины; на здании ГУГШ установлена антенна приемной радиостанции для связи с союзниками; разработан проект общих положений по формированию армии; переработан Устав о воинской повинности; разработан проект новых названий корпусов, дивизий и полков; разработан проект разделения территории страны на корпусные округа, дивизионные и полковые районы; разработан проект дислокации армии; начата разработка инструкций для организации территориальной системы комплектования армии; разработаны временные штаты кадров будущей армии, губернских и уездных комендантов; утверждены постоянные штаты корпусного управления; разработаны проекты денежного довольствия военнослужащих; завершены разработки проекта Устава внутренней службы, Дисциплинарного устава, первой части Строевого устава; переведены на украинский язык Устав пулеметных команд и Гарнизонный устав; завершена разработка отдельных разделов Полевого устава; проведена регистрация офицеров Генерального штаба; велась работа по подготовке призыва в армию; приводился в порядок архив ГУГШ; создан военно-исторический музей².

Один из руководителей разведки Добровольческой армии и ВСЮР полковник Б. И. Бучинский писал генералу А. И. Деникину 23 июля 1922 г.: «С огромным интересом прочел I том Ваших “Очерков” и еще раз пережил ту горечь и боль, которую пережили все любящие свою родину люди, когда на наших глазах разваливалась армия и гибла Россия. К сожалению, в [19]18 и [19]19 годах, когда была полная возможность избавить Россию от большевизма и дать ей национальное правительство, дело наше провалилось. Интересно, как Вы объясните это в Вашем труде. Я полагаю, что несчастье все в том, что большинство преследовало свои личные цели мелкого карьеризма³ и благополучия, совершенно не заботясь об интересах страны. Достаточно вспомнить⁴, что большинство офицеров Ген. штаба, старших начальников и чиновников явились к нам только после крушения гетманства, потеряв там свое жалование»⁵. Таким образом, по мнению одного

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 64–64об.; Горелов В. И. Військово-політична діяльність П. Скоропадського та його роль у створенні збройних сил Української держави (серпень 1886 р. – грудень 1918 р.): дис. ... к. і. н. Київ, 1999. С. 81; Голубко В. Армія Української народної республіки 1917–1918. Утворення та боротьба за державу. Львів, 1997. С. 195.

² Горелов В. И. Військово-політична діяльність П. Скоропадського... С. 64–67.

³ Подчеркнуто А. И. Деникиным.

⁴ Далее предложение отчеркнуто на полях Деникиным.

⁵ Копия письма предоставлена А. И. Рудиченко (Нью-Йорк).

из штаб-офицеров Генерального штаба, которое, скорее всего, разделял и сам Деникин, отчеркнувший наиболее острый фрагмент письма, в гетманской армии генштабисты задерживались из-за жалования и карьерных соображений. Следует добавить, что пребывание на Украине в то время позволяло переждать Гражданскую войну. Только те офицеры, которые от начала и до конца борьбы по своей воле служили Украине (в том числе те, кто погиб или скончался во время пребывания на этой службе), могут быть с большой долей вероятности отнесены к идейным сторонникам нового Украинского государства, а не к его случайным попутчикам, скрывавшимся от красного террора или стремившимся переждать трудное время в спокойном месте.

Проанализируем кадровый состав украинского Генштаба по материалам списков 1918 г. В списке на 24 мая 1918 г. указан 51 офицер до полковников включительно, которые еще не были назначены на должности¹.

В этом списке имеются любопытные графы «Связь с Украиной» и «Говорит ли на украинском языке». Анализ таких сведений дает возможность выявить причины поступления генштабистов в национальные армии, особенности самоидентификации этих офицеров. Данные первоначального списка (без вычеркиваний) крайне любопытны и могут быть сведены в таблицу (см. табл. 45).

Таблица 45

Данные о связи с Украиной по списку Генштаба к 24 мая 1918 г.

Как связаны с Украиной	Офицеров
Украинцы	7
Родились на Украине	3
Семья (родственники) на Украине	6
Служили на Украине, украинцы	1
Служили на Украине, родственники — украинцы	2
Жили и (или) служили на Украине	23
Сочувствуют Украине	2
Служили на Румынском и (или) Юго-Западном фронте	3
Никакой связи	1
Нет данных	3

По-настоящему связанными с Украиной, как представляется, можно считать только представителей первых пяти категорий, к которым относились лишь 19 человек, или 37,2% кандидатов, тогда как связь абсолютного большинства с Украиной была весьма относительной. Не менее значим для уточнения полученных данных показатель знания офицерами украинского языка. При рассмотрении этого показателя необходимо учитывать, что генштабисты, стремившиеся любой ценой устроиться на украинскую службу, были весьма заинтересованы в указании завышенных данных о своем владении украинским языком. Тем не менее из 51 офицера по-украински, как они сами указали, говорили только 13 человек, 9 указали, что говорили немного (читали, но не писали, либо еще только учились языку), что

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 466–469.

может свидетельствовать скорее о незнании языка, чем о владении им. Наконец, 28 честно написали, что языка не знают, один офицер не указал никаких данных. В процентном отношении 56 % не знали языка, 18 % говорили немного и лишь порядка 26 % говорили свободно. Таким образом, всего около четверти генштабистов, желавших служить в украинских формированиях, были связаны с Украиной как сторонники украинизации. Небезынтересно, что из восьми человек, назвавших себя украинцами, лишь пятеро свободно владели украинским языком.

Насаждаемая в государственных учреждениях и в армии украинская мова, которую служащие и офицеры, как правило, не знали, породила невероятное количество разнообразных казусов. Капитан Петров сообщал об этом белому командованию: «Говорят же всюду во всех учреждениях, в совещаниях и комиссиях военного ведомства по-русски, т.к. галицийской мовы никто не знает и знать особенно не желает, твердо веря, что все это ненадолго.

Делопроизводство в канцеляриях официально ведется по-украински, но бумаги вниз пишутся по-русски, а вверх — по-украински следующим порядком: начальник пишет бумагу по-русски и дает ее переводить (чтобы не терять времени) адъютанту или писарю, последний берет словарь Толпыго и, подыскивая по нему слова, построчно переводит на так наз[ываемый] украинский язык. Но получается, конечно, тарабарщина, т.к., не зная языка, ни его оборотов, переводчик просто подставляет украинские слова, склоняя или спрягая их по-русски. Я сам, не зная украинской мовы, переводил важнейшие бумаги дивизии указанным способом. Также получаемый приказ или бумага читаются со словарем, но часто все же до смысла бумаги не добираются, и это вызывает всякие добавления, разъяснения, а главное, путаницу. Все мову ругают и ждут, когда можно будет писать по-русски, т.к. говорят и теперь по-русски»^I.

Полковник К.Л. Капнин писал об украинизировавшихся офицерах: «Бедняги! Каждую минуту вынужденные хвататься за словарь вновь изобретенного языка»^{II}. Генерал Г.И. Гончаренко не без сарказма вспоминал о событиях 1918 г.: «Генерал Лигнау в виде исключения ведет беседу на русском языке. Ибо на наречии кобелякских торговек нелегко вести политическую дискуссию. С галицийской же «мовой» генерал пока не справляется, как не справляется ни один украинский министр, ни сам гетман»^{III}. Резко перекусившиеся и забывшие русский язык офицеры вызывали неприятие их сослуживцев^{IV}.

При гетманской власти армии на Украине фактически не было. Она планировалась в составе восьми корпусов^V, причем реально сформированы были лишь кадры штабов. Оккупировавшие Украину немцы не видели необходимости в создании украинской вооруженной силы^{VI}, в рядах которой неизбежно оказались бы

^I ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 108об.–109.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 51об.

^{III} Галич Ю. Красный хоровод // Галич Ю., Попов К. С. Красный хоровод. М., 2008. С. 149.

^{IV} Залесский П. И. Возмездие. С. 231.

^V Тинченко Я. Ю. Війська Ясновельможного Пана Гетьмана. Армія Української Держави, травень — грудень 1918 р. Київ, 2014. С. 32–33.

^{VI} См. свидетельство П. П. Скоропадского о его разговоре с генералом В. Гренером по этому вопросу (Скоропадський П. П. Спогади. С. 179).

тысячи бывших офицеров русской армии. Часть офицеров смогли устроиться в различные военные учреждения и штабы.

Начальник украинского Генштаба А. В. Сливинский оценивал численность генштабистов в стране примерно в 200–300 человек¹. Это подтверждается списочными данными. Интересны материалы общего списка офицеров Генерального штаба Украинской державы на 21 ноября 1918 г., в котором указаны 305 офицеров². Значение этого списка как источника сведений об украинских генштабистах трудно переоценить.

По занимаемым должностям 99 офицеров служили в центральных органах военного управления, что представляется очень высоким процентом (более 32%) и обусловлено особенностями существования гетманской армии, где при сформированных штабах практически не было войск. Командовали корпусами 7 офицеров, 8 служили начальниками корпусных штабов, 29 – в корпусных штабах, 10 командовали дивизиями, 19 занимали посты начальников дивизионных штабов, кроме того, 43 служили в дивизионных штабах на других постах, 3 офицера командовали бригадами, один был начальником штаба бригады, еще один числился в штабе бригады. В военно-учебных заведениях служили 5 офицеров. 12 офицеров служили в пограничной охране, по одному офицеру в МИДе и в редакции газеты. 10 офицеров занимали посты военных агентов, военных представителей или служили для связи. Многие же были указаны без должностей.

Проанализируем данные о связи офицеров из этого списка с Украиной, а затем статистику владения украинским языком (см. табл. 46, 47).

Таблица 46

Данные о связи с Украиной по списку Генштаба к 21 ноября 1918 г.

Как связаны с Украиной	Офицеров
Украинцы	85
Родились на Украине	31
Семья (родственники) на Украине	5
Родственники (предки) — украинцы (уроженцы Украины)	16
Служили на Украине, родственники (предки) — украинцы	3
Жили и (или) служили на Украине	108
Владеют имуществом на Украине	12
Сочувствуют Украине	3
Владеют имуществом и сочувствуют Украине	1
Желают служить на Украине	2
Служили на Румынском и (или) Юго-Западном фронте	21
Никакой связи	6
Нет данных	12

Только 28% указанных в списке относили себя к украинцам, еще 6% происходили от украинцев или имели украинских родственников. Около 10% родились

¹ В Генеральном штабе // Армия (Киев). 1918. 15.11. № 10. С. 1.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 39–59. Опубл. в: Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки. Кн. 1. С. 520–535.

на Украине, но не относили себя к украинцам. Большинство (35%) были связаны с Украиной по службе, еще не менее 7% попали сюда с Юго-Западного и Румынского фронтов.

Таблица 47

Данные о знании украинского языка по списку Генштаба к 21 ноября 1918 г.

Чин	Владеют украинским языком	Слабо владеют (учатся)	Не владеют	Нет данных
Генералы	6	3	11	
Генеральные хорунжие	25	18	36	2
Полковники	13	9	16	1
Войсковые старшины и подполковники	26	17	38	2
Сотники	7	4	2	
Сотники, причисленные к Генштабу	6	6	2	
Не причисленные	23	8	23	1
Итого	106	65	128	6

Чем моложе были офицеры, тем в целом больше среди них было знающих украинский язык. В среднем же «рідну мову» знали 35% выпускников академии, служивших в украинских формированиях, 21% владели языком слабо или еще только изучали его и, наконец, около 42% украинского языка не знали. Между прочим, среди 85 назвавшихся украинцами плохо по-украински говорили 19 и не говорили вовсе 10 человек. Суммарно слабо или вовсе не владевших языком украинцев было 34% от всех назвавшихся таковыми, в том числе 12% вообще не знавших этого языка.

На основе анализа данных украинских списков можно сделать вывод, что искренне сочувствующих украинской национальной идее генштабистов, служивших в украинских формированиях в 1918 г., могло быть не более 36% (в пределах 110 выпускников академии). В действительности таковых оказалось намного меньше. Даже в этой группе не все владели украинским языком, что свидетельствует о декларированной приверженности Украине. Абсолютное большинство прочной связи с Украиной не имело, что показали дальнейшие события, когда в 1919 г. основная масса этих офицеров перешла на службу во ВСЮР. Характерны воспоминания полковника Д. Н. Тихобразова, непродолжительное время служившего при штабе главнокомандующего Левобережным фронтом войск Директории УНР, но мечтавшего как можно скорее уйти с украинской службы. Тихобразов явно воспринимал украинский язык как недоразумение и не желал служить украинскому сепаратизму¹.

В докладе белого разведчика капитана Петрова о гетманской армии осени 1918 г. отмечалось, что «настроение массы русского офицерства — этого фундамента

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Д. Н. Тихобразов. «Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму»: Воспоминания о событиях на Украине в конце 1918 — начале 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17, № 1–2. С. 142–159.

украинской армии безусловно отрицательное к самостоятельной Украине, она мечтает о единой России.

Несмотря на то, эта масса служит Украине, дает присягу на верность и коверкает свой родной язык, мне кажется, по следующим причинам: 1) безвыходность положения большинства офицеров, не могущих после фронта пробраться к себе в Великороссию, Сибирь, Кавказ и пр. Эта категория сейчас же уйдет с украинской службы, когда у них на родине установится порядок или будет свободный и известный проезд в Добровольческую армию. 2) Связь с Украиной многих русских кадровых офицеров по рождению, имущественному или семейному положению, не могущих найти себе другого источника для существования, кроме военной службы. 3) Конечно, много слабовольных, беспринципных и ограниченных людей, не задумывающихся над тем, что они делают, лишь бы получать деньги. 4) Наконец, я знаю идейных русских офицеров, которые, служа в украинской армии и поступаясь всем, смотрят на нее как на кадр будущей русской армии единой России, интересы коей они стерегут, считая, что нет другого способа для создания русской армии на Украине.

Конечно, среди офицеров, особенно занимающих высокие посты, не соответствующие их заслугам и чинам, потому дорожащих своим положением, есть и такие, которые идут за шовинистами-украинцами, — благо под рукой есть немцы, которые пока поддерживают шовинистов в их стремлениях.

В общем настроение массы офицерства (особенно среди Генерального штаба, которые открыто и искренно говорят, что они готовят часть будущей русской армии) отрицательное к самостоятельной Украине и мечтают о единой великой России^I. В конце доклада содержалась рекомендация белому командованию «войти в связь с идейными русскими офицерами украинского Ген. штаба, чтобы быть в курсе всего происходящего в этой армии»^{II}.

В новой украинской армии некоторые офицеры попытались занять позиции, на которые не могли рассчитывать прежде. Так, к примеру, 17 мая 1918 г. член пенсионной комиссии при Главном штабе есаул Е. А. Кохно писал на суржике начальнику Генерального штаба: «Зараз, вступаючи на службу в Українську армію и бажаючи виддати уси свої сили на працю рідної України, проохаю Вас зробити заходи до пана вийськового міністра, щоб мене було заличено у списки старшин^{III} Генерального штабу, згідно моему старшинству»^{IV}. Однако оказалось, что Кохно окончил Николаевскую академию в 1900 г. по 2-му разряду и по Генштабу никогда не служил. Более того, офицер не участвовал и в Первой мировой войне. Помощник начальника украинского Генерального штаба генерал Н. Е. Какурин наложил резолюцию, что Кохно не имеет никакого права просить о переводе в Генштаб, тем более что «зараз маємо багатько старшин Ген. штабу, видбувших все стажи, як муштрови, так і штабні, маючих хрести Св. Юра^V, чи Георг[ієвську] зброю и чекаючих собі посад»^{VI}. Перевод Кохно в Генштаб, по мнению Какурина,

^I ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 110–110об.

^{II} Там же. Л. 113.

^{III} Офицеров (укр.).

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

^V Св. Георгия.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 1об.

был возможен, если он сдаст темы и практические работы на академических курсах, которые предполагалось открыть. Интересно, что в дальнейшем Кохно перешел на службу во ВСЮР.

В ряды гетманской армии попадали среди прочих офицеры сомнительного морального облика и политической ориентации, пользовавшиеся смутным временем в своих интересах. Так, служивший в гетманской армии полковник В.И. Карвернинский подозревался в шпионаже в пользу Германии¹.

Подполковник С.Н. Ряснянский вспоминал о своих впечатлениях от посещения украинского Генштаба в 1918 г.: «В приемной украинского начальника штаба было довольно много ожидавших приема лиц, среди них было несколько мне знакомых военных, перешедших на службу в украинские войска, существовавшие, правда, только на бумаге. Докладывал о просителях штаб-офицер для поручений нач[альника] Г[енерального] шт[аба], бывший офицер 10[-го] драгунского п[олка], во время войны штаб-офицер для поручений при интенданте 3[-го] кав[алерийского] корпуса подп[олковник] Балтин², ставший по примеру своего сослуживца Сливинского щирым украинцем. Я довольно насмешливо отнесся к его новой роли и форме, что, по-видимому, несколько его обидело, но мало смутило, шепотом он обещал мне потом рассказать “много интересного”. Мое старое знакомство со Сливинским дало мне преимущество перед прочими ожидающими, а может быть, сыграло роль и то, что я явился не в роли просителя, о чем сразу же заявил Балтину. Нужно сказать, что этот Балтин был большая пройдоха и пронира. Сливинский принял меня очень любезно и спросил о причине моего приезда в Киев (о том, что я служу в Добровольческой армии, он уже знал), я ответил, что приехал по своим личным делам. Открывать свои карты я не хотел до тех пор, пока не узнаю об отношении Сливинского к нашей армии. Сговорившись с ним о дне нового свидания, во время которого мы могли подробнее поговорить и спокойно посидеть, не тревожимые никем, я ушел от него. Он, насколько я помню, обещал мне содействие, если мне оно будет нужно... я прошел в управление Генерального штаба, где служило несколько моих сверстников по академии. Встретили они меня не одинаково, одни любезно, но со смущением на лице и говорили со мной по-русски, несмотря на то, что всюду висели надписи, требующие говорить на “державной мови”, другие же, как, например, подполковник [М.Д.] Безручко, впоследствии военный министр Петлюры, явно недоброжелательно и со мной не говорили, а “балакали” и, прощаясь со мной, даже не пожелали мне “до побачения”, особенно я об этом и не жалел, считая их изменниками, таковыми они и проявили себя потом во все время пребывания на службе сначала гетмана, а потом и Петлюры, таковы они (о ком я знаю теперь) и сейчас.

Ушел я из украинского Генерального штаба с очень тяжелым чувством на душе. Десятки офицеров, сидевших в здании бывшего Киевского штаба округа, делали дело, враждебное России, кто из-за куска хлеба, кто из честолюбия, кто идейно — желая создать самостийную Украину, и если последняя категория офицеров была нежелательна в рядах Добровольческой армии, то из числа первых было много таких, которые были бы желательны и могли бы пойти служить в ряды ее,

¹ ГА РФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 41. Л. 14об., 15.

² Правильно — П. А. Болтин.

если бы... если бы дали вовремя жалование, приказали, не было бы семьи и так далее и тому подобное. Впоследствии в Доб[ровольческой] армии были организованы комиссии по приему офицеров в армию, эти комиссии рассматривали причины позднего вступления офицеров в армию, и я знаю многих членов этих комиссий, которые считали, что нужно строже относиться к офицерам, служившим в украинской армии, чем в Красной, исходя из того, что в Красной армии они часто были вынуждены служить под угрозой смерти не только своей, но и ни в чем не повинных членов их семей, в том числе и маленьких детей, служба же в украинской армии не была обязательна и ее можно было избежать, как равно можно было свободно приехать в Добровольческую армию не тогда, когда все разваливалось у гетмана и красные вновь заняли Малороссию, а раньше, когда Добровольческая армия так нуждалась в людях»^I. Ряснянский недоумевал по поводу того, что украинизировалась не только молодежь, но и старые кадровые офицеры. В разговорах с представителем Добрармии украинизировавшиеся «оправдывались разными более или менее важными причинами»^{II}.

По свидетельству генерала П. И. Залесского, «Вся эпопея “Украины” в 1918 году весьма характерна как картина деятельности русской бюрократии и вообще — русских “буржуев” в период затишья Гражданской войны и освобождения от революционных эксцессов. Интриги, самомнение, неумеренные и необоснованные честолюбие, легкомыслие, недальновидность и верхоглядство; эгоизм и непонимание обстановки, — все выявилось тогда с новой силой»^{III}. Согласно воспоминаниям полковника К. Л. Капнина, относительно создания гетманской армии были «планы большие, но немцы ставят палки в колеса. Существует масса штабов корпусов, дивизий, полков и ничтожные кадры полков из офицеров по преимуществу, так как немцы не позволяют производить ни набор новобранцев, ни призыв старых солдат. Не нравилась мне и комедия с языком! Ввиду всего этого решил в украинскую армию не поступать, а искать себе какого-либо места на частной службе»^{IV}.

Бывший 2-й генерал-квартирмейстер, а затем помощник начальника украинского Генерального штаба Н. Е. Какурин в показаниях по делу «Весна» отметил, что «для России вообще особого вреда от этой работы, а именно на должности 2-го квартирмейстера, которую мне дали, быть не может, так как никакой организации украинской армии украинскими или русскими руками немцы все равно сделать бы не позволили, а поэтому творчество штатов будущих частей, разработка их будущей дислокации, перевод и сочинение уставов, списки Ген. штаба и пр. — все это носило формы довольно невинного бумажного творчества»^V. Примерно о том же он писал в опросном листе 1920 г. в МПКК: «Должность 2го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого отношения к боевым действиям»^{VI}.

Были разработаны проекты прохождения службы Генштаба на новых принципах, в том числе с учетом германского и шведского опыта. Эти проекты широко

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 17–18.

^{II} Там же. Л. 19.

^{III} Залесский П. И. Возмездие. С. 230.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 53.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 21.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 30б.

обсуждались генштабистами гетманской армии^I. Как свидетельствовал белый разведчик капитан Петров, «по службе Ген. штаба нач[альником] отд[ела] по личному составу полк[овником Х.Л.] Попелло составлен проект о прохождении службы офицеров Ген. штаба украинской армии, из коего явствует, что каждый офицер Ген. штаба должен пройти стаж строевой (рота, батальон, полк), прослужить в Главном управлении Ген. штаба и быть в прикомандировании к разным родам войск. Проект этот рассылался по штабам для его критики и, по-видимому, теперь утвержден. Необходимо отметить, что при Главн[ом] управ[лении] Генштаба издается “Науковий вістник” (вышло уже 3 номера). В общем организация Ген. штаба в своей основе прежняя русская»^{II}.

Проекты изменений сохранились в документах украинского ГУГШ. Один из них предполагал регулярные стажировки генштабистов в войсках и штабах – командование сотней, службу старшим адъютантом штаба дивизии, командование полком или службу в ГУГШ, службу начальником штаба дивизии, начдивом, начальником штаба и командиром корпуса. В другом варианте предлагалась привязка к возрасту: 21 год – выпуск из училища; 26 лет – выпуск из академии, командование ротой; 29 лет – командование батальоном; 30 лет – начальник штаба полка; 32 года – командир полка; 35 лет – начальник штаба дивизии или работник центрального управления; 38 лет – начальник дивизии; 40 лет – начальник штаба корпуса; 42 года – командир корпуса; 45 лет – начальник штаба армии; 47 лет – командующий армией^{III}.

Штатная численность генштабистов в штабе украинского корпуса возросла до 7 человек. В штабе дивизии вместо двух офицеров Генштаба стало три (начальник штаба, штаб-офицер для заведования мобилизационно-строевой частью и его помощник – адъютант с академическим образованием).

Большую работу по организации армии вел начальник Генерального штаба А.В. Сливинский. По одной из оценок, именно он смог наладить работу ГУГШ, несмотря на оппозицию старших офицеров Генштаба^{IV}. В намеченных им преобразованиях за основу была принята германская система корпусных округов, каждый из которых составляла губерния. Организация строилась от высших штабов к низшим. Однако этот план в итоге принят не был^V.

Как свидетельствовал сам Сливинский, «в ответственный момент обороны нашей родины, в час организации на Украине соответствующей принципам свободного демократического республиканского края военной силы я приступил к исполнению возложенных на меня обязанностей, не приняв от моих предшественников ни единого шага начатой работы. Даже самого аппарата – штаба, как такового, не было.

Немедленно я должен был просить на высшие должности штаба ответственных работников.

^I Подробнее см.: ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 105об.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 29.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 96; Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сб. док. М., 2014. С. 678.

^V ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 99; Гетман П. П. Скоропадский. С. 679.

Несколько верных украинцев, офицеров Генерального штаба, отговорились до выяснения более твердой политики государства.

Удалось временно пригласить кое-кого из офицеров не-украинцев, известных творчеством в своей прежней работе, но их процент был весьма незначительный. Сейчас в составе Генерального штаба только 75 процентов украинцев.

Надеюсь, что в ближайшем времени мне удастся целиком организовать управление штаба в желательном составе.

Сотрудники на низших должностях набираются начальниками отделов под их строгой ответственностью и, согласно моего приказа, из природных украинцев»^I.

Кадровый потенциал Украины позволял подобрать блестящий состав на высшие командные посты. Вследствие переизбытка генштабистов к октябрю 1918 г. шесть из восьми должностей командиров корпусов были заняты генералами — выпускниками академии: I Волынский корпус — генеральный хорунжий С.И. Дядюша, II Подольский — генеральный хорунжий П.К. Ерошевич, III Херсонский — генеральный значковый А.И. Березовский, IV Киевский — генеральный хорунжий М.Н. Волховской, V Черниговский — генеральный хорунжий А.В. Дорошкевич, VI Полтавский — генеральный бунчужный В.А. Слюсаренко (негенштабист), VII Харьковский — генеральный значковый П.М. Вовкобой (негенштабист), VIII Екатеринославский — генеральный хорунжий И.М. Васильченко. Генерал А.И. Деникин отмечал, что офицеры Генерального штаба были столь широко представлены в гетманской армии, что даже часть обер-офицерских должностей занимали подполковники^{II}. Однако германское командование тормозило процесс формирования армии^{III}, в результате имелись штабы без войск и кадры частей. К примеру, штатная численность VII корпуса в Харькове предусматривала до 3000 человек, тогда как реально на вооружении имелось не более 50 винтовок^{IV}. Фактически же были сформированы только три дивизии (Сердюкская, Запорожская и Серожупанная).

Сохранились многочисленные прошения офицеров о назначении их на службу в гетманской армии. Полковник А.А. Окаемов в сентябре 1918 г. писал в ГУГШ: «Когда германцы заняли Луцк и Киев, я остался без места, и меня знакомые устроили в Одесскую пограничную бригаду, — где я нахожусь до сих пор. Служба легкая и хорошая, но все же я хочу перейти на свою прямую дорогу в Генеральный штаб. Неужели же я столько времени даром учился»^V.

Еще более обстоятельным было прошение генерала Н.М. Острянского от 7 октября 1918 г.: «Закончив ликвидацию вверенного мне штаба, я в конце сентября сего года прибыл из Тифлиса на свою родину — в Украину и прошу о предоставлении мне в Украинской державе какой-либо должности по военному ведомству, соответствующей моему чину, образованию и специальной подготовке.

При этом докладываю, что я природный украинец, так как происхожу из потомственных дворян Черниговской губ. и родился в селе Кропивино Конотопского

^I Цит. по: Тerasпольский К. Организация украинской армии // ИН. 1918. 04.08. № 81. С. 3.

^{II} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 390.

^{III} Україна. 1919 рік. М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Док. та мат. Київ, 2004. С. 68.

^{IV} Федюк В. П. Украина в 1918 году. Гетман П. П. Скоропадский. Ярославль, 1993. С. 57.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 828об.

уезда. Отец мой и дед были землевладельцами той же губернии, а более отдаленные предки занимали различные должности в войсках гетманской Украины.

Ныне все мои родные живут в Украине, причем один из моих родных братьев командует пехотной дивизией в украинской армии, а другой – состоит старшим врачом в военном госпитале в г[ороде] Житомире^I.

Некоторые прошения связаны с отсутствием средств для существования или со стремлением занять должность по месту жительства семьи. Капитан М.П. Фесик из Белой Церкви 20 ноября 1918 г. писал 2-му генерал-квартирмейстеру генералу А.И. Прохоровичу: «Покорнейше прошу назначить меня в Чугуев, где имеется дом моей жены»^{II}. Иногда офицеры отказывались от назначений, если им предлагали ехать далеко от родных. Штабс-капитан Х.В. Гуртовенко 27 сентября 1918 г. отказался от назначения со следующим объяснением: «Материально, семейно связан [с] Уманью. Не желаю»^{III}. Отказы были связаны и с нежеланием жить на два дома. Генерал В.В. Суходольский, в частности, сообщал в такой ситуации: «Мои личные ресурсы иссякают так, что скоро придется сделать не знаю что»^{IV}. Иногда объяснения материальных причин отказа от службы были довольно подробными. Один из офицеров, например, сообщал, что стоянка штаба 16-й дивизии в Александровске «по семейным обстоятельствам вообще меня не удовлетворяет, так как имущественно я заинтересован либо Екатеринославом, либо еще в большей мере Полтавской губ[ернией], здесь, при большей относительно других пунктов дороговизне жизни вообще, до крайности обострен квартирный вопрос в частности. Пока штаб и офицеры штаба разместились в гостиницах. Несмотря на приказ Войск[овой] офиц[ии]^V и целый ряд принятых мер, рассчитывать на благополучное разрешение квартирного вопроса едва ли можно.

Можно думать, что, уплотнив обывателя, удастся найти комнаты для холостых или же малосемейных, но найти отдельные квартиры, хотя бы в 2–3 и даже одну комнату, но с кухней, с тем, чтобы удовлетворить запросам таких семейных, как, напр[имер], я, – это не удастся»^{VI}.

Существенные изменения в украинских кадрах Генштаба произошли в результате поражения центральных держав в Первой мировой войне и ставшего следствием этих событий крушения режима гетмана П.П. Скоропадского в конце 1918 г. Еще буквально за две недели до антигетманского восстания, начавшегося в середине ноября 1918 г., никакого беспокойства в Генеральном штабе по поводу возможных перемен не наблюдалось^{VII}, однако вскоре офицерам пришлось срочно определяться, где служить и как действовать дальше.

В разгар противостояния, 29 ноября 1918 г., был издан приказ № 39 главнокомандующего генерала князя А.Н. Долгорукова, касавшийся офицеров Генерального штаба. Документ предписывал ввиду большой потребности в офицерах-генштабистах

^I Там же. Л. 881.

^{II} Там же. Л. 800.

^{III} Там же. Л. 809.

^{IV} Там же. Л. 902об.

^V Т.е. официоза. Приказы Войсковой официи издавались в 1918 г. при гетмане П. П. Скоропадском и регламентировали общие нормы военной службы.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 908–908об.

^{VII} Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 236.

образовать их резерв. Для этого все штабы корпусов должны были взять на учет всех офицеров Генштаба в районах корпусов и предоставить сведения о них в отдел личного состава ГУГШ. Штаб IV Киевского корпуса брал на учет генштабистов в районе вне Киева, киевских генштабистов учитывали в отделе личного состава офицеров Генштаба ГУГШ. Состоящие в резерве офицеры получали пособие: генералы – как командиры бригад, полковники – как помощники командиров полков, прочие – как командиры рот. Суммы должны были выдаваться командирами корпусов из чрезвычайных средств, кроме того, военный министр должен был отпустить на эти цели 200 000 руб. для ГУГШ. Находящиеся в резерве не могли отказываться от назначений. Уклонистов грозили привлекать к уголовной ответственности^I. Гетманскому режиму эти меры, однако, уже не помогли.

Отношение Директории УНР к офицерству прослеживается по эмигрантским воспоминаниям первого главы Директории В.К. Винниченко, переполненным ненавистью к офицерству русской армии. По его мнению, «большинство нашего офицерства были нереволюционеры, а то и контрреволюционеры. Более того: значительная часть его состояла из бывших гетманцев, из русской офицерни, которая валом валила в нашу армию. Эта офицерня разлагала наши войска, провоцировала их на эксцессы, одних тянула в бандитизм, в погромы, а других откидывала в сторону враждебности к Директории»^{II}. По его мнению, значительную часть офицеров украинских войск составляла «черносотенная, явно контрреволюционная и провокаторская русская офицерня»^{III}. Врагов национального государства Винниченко называл контрукраинцами и стремился создать революционную и социалистическую армию, однако его идея сформировать национальное офицерство путем ускоренной подготовки рабочих и крестьян, а также унтер-офицеров, без квалифицированных кадров, была нежизнеспособной.

Впрочем, Директория не осталась без специалистов Генштаба. Отдельные выпускники академии приняли активное участие в антигетманском восстании. Так, начальником Генерального штаба войск Директории с 15 ноября стал генерал А.В. Осецкий, ранее занимавший пост начальника корпуса железнодорожной охраны. В дальнейшем он был причастен к гонениям на офицерство^{IV}. Выборный голова украинского военного товарищества «Батьківщина» («Родина»), объединявшего сторонников национальной идеи, не желавших служить в гетманской армии, генерал А.П. Греков, стал главнокомандующим полевыми армиями Директории. Греков сотрудничал с С.В. Петлюрой еще в 1917 г. Курсовик сотник Ю.В. Скорняков из штаба II Подольского корпуса занял должность начальника оперативного отдела штаба армии УНР. На сторону Директории 20 ноября перешел дивизион Лубенского Сердюковского конно-казацкого полка под командованием курсовика полковника Ю.В. Отмарштейна. Последний с 16 декабря 1918 г. стал начальником штаба Осадного корпуса войск Директории.

Генерал Греков вспоминал, что «в качестве главнокомандующего полевыми войсками... не имел ни штаба, ни прямого дела, ни определенного круга прав

^I Армия. 1918. 01.12. № 23. С. 1.

^{II} Винниченко В. К. Відродження нації. Київ; Відень, 1920. Ч. 3. С. 185 (перевод наш).

^{III} Там же. С. 365–366 (перевод наш).

^{IV} Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки. Кн. 2. С. 120.

и обязанностей. Командовать было абсолютно нечем, так как крестьянские атаманы действовали в свою голову, совершенно не обращая внимания на приказы и воззвания Петлюры, они просто, как было сказано, гнали и разоружали немцев по всей Украине, так же гоня чиновников Скоропадского»^I.

В связи с антигетманским восстанием и приходом к власти Директории (14 декабря 1918 г. войска Директории вошли в Киев) многие офицеры, опасаясь преследований, покинули украинскую службу. Так, командовавшие III Херсонским, IV Киевским и VIII Екатеринославским корпусами генералы А.И. Березовский, М.Н. Волховской и И.М. Васильченко примкнули к белым. VIII корпус перешел к белым практически в полном составе, причем совместно с екатеринославскими белыми подпольщиками выступил в направлении Крыма на соединение с частями Добровольческой армии, совершив Екатеринославский поход^{II}. Командир V Черниговского корпуса генерал А.В. Дорошкевич был арестован петлюровцами, а позднее расстрелян красными. Командиры I Волынского и II Подольского корпусов генералы С.И. Дядюша и П.К. Ерошевич продолжили службу в войсках Директории УНР. Таким образом, из шести выпускников академии, командовавших гетманскими корпусами, половина перешла на сторону белых.

Бывший полковник М.М. Лазаренко-Дедковский (Дидковский) рассказывал на допросе в 1940 г. о своей службе в украинских штабах: «В августе м[еся]ца 1918 года я в Киеве встретил генерала [В.М.] Бронского и попросил его устроить»^{III} в штаб гетмановской армии, который в то время там работал генералом-квартирмейстером. Бронский меня устроил на работу в Генеральный штаб гетмановской армии в учебный отдел начальником учебного отдела. Побыл в данной должности около м[еся]ца, был переведен в другой отдел и был назначен начальником мобилизационного отдела Генерального штаба гетмана Скоропадского^{IV}.

В данной должности я пробыл до прихода Петлюры, в момент прихода Петлюры штаб гетмановской армии был распущен и был сформирован штаб петлюровской армии, но работники быв[шего] гетмановского штаба перешли в петлюровский штаб и остались на прежних должностях. Я тоже также остался начальником мобилизационного отдела штаба петлюровской армии. Приблизительно в феврале м[еся]ца 1919 года при наступлении частей Красной армии на Киев было предложено штабу или, вернее, главному управлению петлюровской армии эвакуироваться в город Винницу, а затем в Каменец-Подольск. Осенью 1919 Главное управление штаба петлюровской армии эвакуировали в Тарнополь, где в то время находились польские власти, которые нас интернировали и отправили в [город] Ланцут в концентрационный лагерь»^V.

Директория не доверяла офицерам бывшей гетманской армии. Мемуарист отмечал, что «в армии гетмана числилось более 300 офицеров Генерального штаба...

^I Греков А. П. Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 149.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. «Работа Екатеринославского центра особенно выделилась своей успешностью»: История Екатеринославского центра Добровольческой армии 1918–1919 гг. // ЖРВИИ. 2018. № 4 (15). С. 8–47.

^{III} В документе — встроить.

^{IV} В документе — Скороботского.

^V LVA. Ф. 1986. Оп. 1. Д. 7421. Л. 20–20об.

после переворота, произведенного Петлюрой... замечается отлив офицеров в Добровольческую армию... их уже оставалось не более 50 человек, а до конца связали свою личную участь с судьбой украинской армии не более 25–30 (большинство ушли в Добровольческую армию, в Польшу и на службу к большевикам). Замечается непрерывный ток офицерского состава»^I.

По свидетельству генерала А.П. Грекова, «к работе по созданию армии не сумели даже приступить, чтобы из повстанческого ополчения сделать регулярное войско, и буквально упустили блестящую возможность. Военно-административный аппарат, налаженный было вполне сносно еще до переворота Скоропадского и им не разрушенный, был уничтожен одним росчерком пера Петлюры. По вступлении в Киев им был отдан приказ уволить весь старый личный состав всего Военного министерства, включая и командные должности, и набрать новый; при этом дискреционный контроль этого нового набора вверен был полуграмотной, а часто и вовсе неграмотной в военном деле партийной молодежи и фаворитам Головного атамана. Результат сказался, прежде всего, в том, что всякая работа центрального военного управления прекратилась почти на месяцы, а затем попала в руки таких специалистов, с помощью которых никак не могла наладиться до самого оставления Киева украинским правительством»^{II}.

Представляет интерес динамика численности генералов-генштабистов в украинских формированиях. По опубликованным данным, из 78 генералов периода Центральной рады выпускники академии составляли 59 человек, или 75,6%, при гетмане численность генералов резко возросла, составив 276 человек, из которых 188 генштабистов, или 68,1%. В армии УНР из 123 генералов генштабистами были только 40, что составляло лишь 32,5% от общей цифры^{III}. Сложно сказать, насколько достоверны такие сведения. В целом, чинопроизводство в украинских формированиях Гражданской войны было достаточно быстрым. Порой те, кто на 1917 г. находился в обер-офицерских чинах, заканчивали войну уже генералами.

Возможности подготовленной нами базы данных позволяют оценить перемещения выпускников академии. При внушительной численности генштабистов, прошедших через украинские формирования, идейных участников борьбы в рядах украинских армий на всем протяжении Гражданской войны среди них было относительно немного. Определить круг таких лиц несложно. Прежде всего, это те, кто находился на службе в украинских войсках в 1918–1920 гг. без значительных перерывов и при этом не служил сколько-нибудь продолжительное время в других армиях. По нашим подсчетам, таковых было не более 43 человек. Только этих офицеров (10% выпускников академии, прошедших через украинские формирования), и то с оговорками в отношении карьеристов и случайных попутчиков, можно отнести к подлинным сторонникам украинского национального движения^{IV}.

^I Гетман П. П. Скоропадский. С. 539–540.

^{II} Греков А. П. Петлюровщина // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 182–183.

^{III} Дмитрук В. Вони боролися за волю України (Нарис історії Сірожупанної дивізії). Луцьк, 2004. С. 198.

^{IV} Список таких офицеров: М. Д. Безручко, А. С. Галкин, Е. С. Гамченко, А. П. Греков, Л. А. Дроздовский, С. И. Дядюша, Н. Д. Ещенко, В. Е. Змиенко, Н. А. Капустянский, Н. А. Коваль-Медзвецкий, Ф. А. Колодеев, В. В. Колосовский, А. Ф. Кузьминский, С. Н. Кульжинский, В. М. Куш, М. М. Лазаренко-Дедковский, П. И. Липко, А. П. Лушненко, И. С. Мартынюк, Е. В. Мешковский, И. А. Морозевич, А. Ф. Низиенко, А. В. Осецкий, Н. М. Острянский, Ю. В. Отмарштейн, М. С. Пересада-Суходольский, В. Н. Петров, А. С. Пороховщиков, О. Г. Рак, В. П. Савченко, В. П. Сальский, В. А. Сигарев, В. А. Синклер, Ю. В. Скоряков,

Среди них такие знаковые для этого движения фигуры, как генералы В. Н. Петров, А. И. Удовиченко и некоторые другие. Как правило, эти люди, сделавшие в украинских формированиях неплохую карьеру, являлись махровыми националистами и русофобами. На страницах своих мемуаров Удовиченко писал о белых и красных «москалях», порабоцевавших Украину¹. Точно так же рассуждал и бывший начальник Генштаба УНР В. Н. Петров, не являвшийся этническим украинцем, но любивший для подчеркивания своей «щирости» ходить в украинской «вышиванке».

Только в украинских формированиях служили 90 выпускников академии, включая 54 генштабистов довоенных выпусков. Остальные же, по ироническому замечанию генерала Г. Е. Янушевского, считались генштабистами лишь «по существовавшему в украинской армии обычаю считать академиками всех тех, кто хоть раз “имел случай переступить порог академии” (так звали тех, кто прошел лишь 6-месячный курс при академии для подготовки к штабной службе)»². Впрочем, такая практика существовала и в некоторых других армиях Гражданской войны (прежде всего, в РККА). Большинство находились на службе не весь период 1918–1920 гг. (в том числе погибшие и умершие в это время). Вообще же отток генштабистов из украинских формирований, особенно в связи с падением режима Скоропадского, приходом к власти радикальных националистов социалистического толка из Директории и началом гонений на офицерство, носил массовый характер.

В общей сложности через украинские армии прошли 15,3% выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне. Не менее 199 офицеров после службы в украинских войсках отправились на белый Юг, 7 – на Восточный антибольшевистский фронт, 13 – на Северный, Северо-Западный, в Прибалтику и Польшу и 84 офицера перешли на сторону красных, причем некоторые затем вновь оказались у украинцев или попали к белым. Лояльность украинским формированиям на протяжении Гражданской войны сохраняли только 20,5% прошедших через них генштабистов. Показательно, что из украинских формирований в другие антибольшевистские армии (прежде всего, белые) перешло примерно в два с половиной раза больше выпускников, чем к красным. Это свидетельствует о значительной близости для офицеров национальных армий идей Белого движения, чем идеологии большевиков. Белые отнеслись к вновь прибывшим без особой теплоты, а переход столь внушительной массы офицеров не принес белым победы, как из-за отрицательного отношения к вновь прибывшим, так и из-за того, что эти генштабисты не стремились к активному участию в войне, а заботились, прежде всего, о собственной безопасности.

ГУГШ подверглось разгрому при занятии Киева войсками Директории. Последняя ответственна и за расстрелы офицеров в украинской столице в конце 1918 г. Численность украинского офицерского корпуса после падения гетманской власти сократилась примерно вдвое. Украина оказалась под контролем различных атаманов, лишь формально признававших власть Директории в Киеве. В стране наступила анархия, начались восстания, а части РККА перешли в наступление. Как

Б. Е. Снигирев, В. Е. Соллогуб, А. А. Степанов, Е. О. Стецкий, Б. И. Сулковский, А. И. Удовиченко, К. К. Цурканов, В. Ф. Чабаневский, Н. Л. Юнаков.

¹ Удовиченко О. І. Україна у війні за державність. С. 127–128.

² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 111об.

отмечал мемуарист, «командный состав, повсеместно избиваемый “гайдамаками”, скрываясь от преследований и гонений петлюровских банд, скитается по укрытиям и устремляется на юг в Доброармию»^I. Офицеры бежали, в первую очередь, в белые армии, хотя это было сопряжено с большой опасностью, так как по пути существовал риск подвергнуться нападению^{II}.

Генштабистов при режиме Директории УНР осталось мало. Дефицит специалистов Генштаба усугублялся недоверием к ним. Характерна телеграмма 2-го помощника начальника Генштаба, направленная атаманам П. Ф. Болбочану и А. А. Шоповалу 12 января 1919 г.: «В текущий момент обнаруживается большой недостаток офицеров Генерального штаба. Обращая внимание на то, что без офицеров Генерального штаба не может обойтись ни один штаб, как большой, так и малый, прошу Вас, если присланные офицеры Генштаба Вам не нравятся, использовать их под надзором, но не возвращать назад, так как заменить их нечем»^{III}.

Как вспоминал Г. Е. Янушевский, в 1919 г. он с трудом мог подобрать сотрудников для 2-го генерал-квартирмейстерства Действующей армии УНР, так как «лучшие и наиболее полезные из бывших моих помощников за время моего отсутствия принуждены были бежать из армии, как признанные “непевными”»^{IV}. Некоторых из них я встречал уже в Крыму и в Югославии. Полуобразованные же в военном отношении слушатели разных “сокращенных” курсов, даже при всем своем добром желании, не могли быть особенно полезными в таком сложном и трудном деле, какое, по всем вероятностям, предстояло мне. Но сколько даже таких “сокращенных познаний” было сейчас в украинской армии, я не знал»^V.

Ряд выпускников академии продолжили службу в армии УНР. Среди них М. Д. Безручко, А. П. Греков, В. Е. Змиенко, Н. А. Капустянский, Е. В. Мешковский, В. Н. Петров, В. П. Сальский, В. А. Синклер, А. И. Удовиченко и др. Большой вклад в укрепление украинской армии и в создание ее оперативного аппарата внес генерал Синклер. Его отец был потомком английских дворян, а мать — украинкой. В 1918 г. он занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера Генерального штаба и руководил борьбой против войск Директории. Давний знакомый Синклера генерал С. Я. Гребенчиков, встречавшийся с ним в конце октября 1918 г., вспоминал: «Я вынес впечатление, что и военные украинские круги чужды каких-либо крайних самостоятельных взглядов... Между прочим, когда позже гетман объявил, что Украина будет в составе России, все офицеры Генерального штаба примкнули к этому течению, а когда взял верх Петлюра, часть их, и тот же Синклер, остались служить у него и до сих пор находятся в петлюровской организации. Не знаю, из каких побуждений примкнули они к Петлюре, но я глубоко уверен, что Синклер, безусловно, не может сочувствовать полной самостоятельности Украины вне ее связи с Россией. Кажется, и сам Петлюра об этом уже не мечтает»^{VI}.

^I Гетман П. П. Скоропадский. С. 547.

^{II} См., напр., описание поездки в то время из Киева в Одессу едва уцелевшего генерала А. П. Буковского (Семеновские бюллетени. 1929. 21.11 (04.12). № 9. С. 15–16).

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 39. Л. 69 (перевод наш).

^{IV} Неблагонадежными (укр.).

^V ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–34об.

^{VI} Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. С. 236.

При Директории Синклер занимал ту же должность в штабе Действующей армии УНР. По имеющимся данным, остался он на службе совершенно случайно, только под воздействием личности своего сослуживца В.Н. Тютюнника, перешедшего на сторону Директории и занявшего пост помощника начальника штаба^I. От последнего Синклер получил персональное приглашение служить в войсках УНР. Впрочем, генерал А.П. Греков ставил переход своего товарища по прежней службе Синклера в армию УНР себе в заслугу^{II}. Работать пришлось в непростой обстановке. Как отмечал мемуарист, за спиной Синклера называли царским генералом, гетманским спецом и москалем^{III}. Позднее Синклер временно исполнял обязанности командующего Действующей армией УНР и был начальником Генерального штаба. По свидетельству 2-го генерал-квартирмейстера штаба Действующей армии УНР генерала Г.Е. Янушевского, Синклер «искренно отдал украинскому народу и свои силы, и способности, и недюжинные военные познания. Его заслугам обязана была украинская армия тем, что, несмотря на самые неблагоприятные во всех отношениях условия, она так долго боролась с превосходными силами большевиков... Он был одним из немногих военно-интеллигентных генералов в украинской армии. И этого было достаточно, чтобы заподозрить его во в “непewности” только потому, что он говорил по-украински с русским акцентом»^{IV}.

Центральным органом военного управления Украины являлось Военное министерство. Военные министры Украины сменялись достаточно часто. Из выпускников академии эту должность занимали: генерал А.П. Греков (вр.и.д., 29.04–03.05.1918; 02.01–13.02.1919), подполковник А.В. Сливинский (вр.и.д., 03–08.05.1918), генерал А.Г. Лигнау (вр.и.д., 09–16.05.1918), генерал А.Ф. Рагоза (01.05 (вступил в должность 16.05)–14.11.1918), генерал Б.И. Щуцкой (вр.и.д., 15.11–14.12.1918), генерал А.В. Осецкий (26.12.1918–02.01.1919), генерал А.Я. Шайбле (вр.и.д., 04–14.07.1919), полковник В.Н. Петров (вр.и.д., 14.07–05.11.1919), полковник В.П. Сальский (05.11.1919–05.10.1920; фактически до 25.07.1920), генерал А.С. Галкин (фактически с 25.07.1920, официально 05.10–24.12.1920; 03–05.1922), генерал Н.Л. Юнаков (вр.и.д., 24.12.1920–08.02.1921; 22.05.1922–17.07.1923), генерал С.И. Дядюша (08.02–24.03.1921), генерал М.Д. Безручко (вр.и.д., 18–31.07.1921, фактически с 11.05.1921), генерал П.К. Ерошевич (вр.и.д., 03–14.11.1921), генерал В.П. Сальский (17.07.1923–1940). Не оканчивали академию сотники А.А. Шаповал (13.02–09.04.1919) и Г.Т. Сиротенко (вр.и.д., 13–22.02.1919; 09.04–04.07.1919), полковник А.Т. Жуковский (12.02 (фактически – с 09.02)–28.04.1918), генералы М.В. Омелянович-Павленко (вр.и.д., 24.03–18.07.1921, фактически – до 11.05.1921), В.А. Павленко (вр.и.д., 31.07–03.11.1921) и А.М. Вовк (вр.и.д., 14.11.1921–22.05.1922)^V. Таким образом, в основном должность министра занимали генштабисты.

В подчинении министерства находилось ГУГШ (весной 1920 г. Генштаб был непосредственно подчинен Головному атаману^{VI}). Руководили украинским Генеральным штабом генерал А.В. Осецкий (30.01–05.03.1918), подполковник (затем – полковник)

^I ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 267. Л. 216; Україна. 1919 рік. С. 333–334.

^{II} Греков А. П. Переговоры украинской Директории с французским командованием... С. 164–165.

^{III} Україна. 1919 рік. С. 334.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 46об.

^V Пінак Є., Чмир М. Військо Української революції 1917–1921 років. Харків, 2017. С. 396–398.

^{VI} Задунайський В. В. Збройні сили УНР (1917–1920 рр.): дис. ... к. і. н. Донецьк, 1995. С. 168.

А.В. Сливинский (05.03–17.11.1918)^I, генерал П.М. Адрианов (с 17.11.1918)^{II}, генерал А.Н. Шуберский (на конец 11.1918), генерал В.М. Бронский (15–31.12.1918; 22.01–02.1919), бывший австрийский офицер сотник А.А. Мельник (негенштабист, на 30.01.1919), генерал А.Я. Шайбле (02.1919–02.10.1919), генерал С.И. Дядюша (02.10.1919–25.05.1920; по другим данным, 19.03–25.05.1920), полковник М.М. Лазаренко-Дедковский (на 02.1920), генерал В.А. Синклер (25.05.1920–19.08.1921), генерал Н.А. Капустянский (вр.и.д., весна – лето 1921), генерал В.Н. Петров (19.08 (по другим данным, с 16.09).1921–21.05.1922), генерал Г.Е. Янушевский (вр.и.д., на 11.1921), генерал В.М. Куш (на вторую половину 1922).

В ГУГШ по штатам имелись управления 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров, а также управление начальника военных сообщений. В подчинении управления 1-го генерал-квартирмейстера находились: оперативный отдел (1-я оперативная часть, 2-я мобилизационная часть, 3-я дислокационная часть); организационный отдел (1-я часть – пехота, конница, артиллерия; 2-я часть – технические войска; 3-я часть – обозы и парки); разведывательный отдел (1-я часть – Румыния, Болгария, Турция; 2-я часть – Россия, Кавказ; 3-я часть – связь с союзными армиями и их командованием). В подчинении управления 2-го генерал-квартирмейстера: отдел обучения войск (1-я часть – разработка статуты и общих положений и указаний; 2-я часть – практическое и теоретическое обучение войск); отдел обучения офицеров Генштаба (1-я часть – теоретическое обучение; 2-я часть – практическое обучение); военно-исторический отдел (1-я часть – кампания 1914–1917 гг.; 2-я часть – редакция «Вестника Генштаба», книжный магазин, архив; топографическая часть). В управлении начальника военных сообщений имелись отдел передвижения войск и личного состава офицеров по передвижению войск; мобилизационный отдел (дорожно-техническая часть); тылово-организационный отдел^{III}.

Осенью 1918 г. ГУГШ на одного из украинских сотрудников произвело отрицательное впечатление. Дислокационным отделом руководил подполковник Н.А. Харитонов – «типично российский, явно враждебный Украине военный»^{IV}. Только оперативный отдел и отдел личного состава, которыми руководили полковник Е.В. Мешковский и подполковник М.Д. Безручко соответственно, были «двумя украинскими оазисами в пустыне малороссийской бюрократичности и российской враждебности»^V.

Структура ГУГШ менялась. В конце мая 1920 г. оно было разделено на три генерал-квартирмейстерства. В подчинении 1-го генерал-квартирмейстера находились управления: оперативное, разведывательное, начальника военных сообщений и комплектования армии. В подчинении 2-го генерал-квартирмейстера – организационное, подготовки войск и военно-историческое, а также отдел личного состава офицеров Генштаба. 3-му генерал-квартирмейстеру подчинялся отдел военной подготовки населения^{VI}. 1-м генерал-квартирмейстером стал полковник

^I ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 267. Л. 1.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 215.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–37об.

^{IV} Україна. 1919 рік. С. 300 (перевод наш).

^V Там же (перевод наш).

^{VI} Руккас А. О. «Разом з польським військом». Армія Української Народної Республіки 1920 р. (структура, організація, чисельність та уніформа). Київ, 2015. С. 468.

Е.В. Мешковский (до смертельного ранения в бою 06.07.1920). Его сменил сотник В.Ф. Чабаневский (вр.и.д.), в дальнейшем должность занимали полковник (позднее – генерал) В.М. Куц (с 07.07.1920) и генерал Н.Д. Ещенко (с 15.10.1920). 2-м генерал-квартирмейстером являлся генерал С.И. Дядюша; 3-м – полковник (затем – генерал) Н.А. Капустянский, полковник В.А. Сигарев (вр.и.д., с 11.05.1921).

Действующей армией УНР с конца июля по начало сентября 1919 г. командовал не имевший академического образования 29-летний полковник (впоследствии – генерал) В.Н. Тютюнник. Ранее фактически эти обязанности нес Наказной атаман генерал А.В. Осецкий, а до него генерал А.П. Греков (также вр.и.о. в конце марта – начале апреля 1919 г. являлся А.А. Мельник). В сентябре 1919 г. Тютюнника временно заменял генерал В.А. Синклер. С 26 сентября армию возглавил полковник (затем – генерал) В.П. Сальский, 10 ноября на пост командующего вернулся Тютюнник, а с 6 декабря 1919 по 11 мая 1921 г. войсками руководил генерал М.В. Омелянович-Павленко (негенштабист). Позднее командующими были генералы: М.Д. Безручко (вр.и.д., 11.05–31.07.1921), В.А. Павленко (негенштабист, вр.и.д., 31.07–03.11.1921), П.К. Ерошевич (вр.и.д., 03–14.11.1921), А.М. Вовк (негенштабист, вр.и.д., 14.11.1921–22.05.1922) и Н.Л. Юнаков (с 22.05.1922)ⁱ.

Начальниками штаба армии являлись: сотник А.А. Мельник (негенштабист, 22.01–01.06.1919, официально до 23.07.1919), полковник В.Н. Тютюнник (негенштабист, вр.и.д., 01.06 (официально с 23.07)–17.08.1919), генерал В.А. Синклер (17.08–20.11.1919), полковник Н.А. Капустянский (вр.и.д., 25–26.09.1919), полковник Е.В. Мешковский (20.11–05.12.1919), полковник А.Д. Долуд (негенштабист, вр.и.д., 05.12.1919–14.04.1920; вр.и.д., 24.04–18.05.1920), полковник А.А. Степанов (вр.и.д., 14–24.04.1920), полковник П.И. Липко (18.05.1920–03.1921), генерал В.М. Куц (03.1921–11.05.1921)ⁱⁱ. Как свидетельствовал впоследствии генерал Н.А. Капустянский, начальники штаба армии Мельник и Тютюнник, не имевшие академического образования, были назначены на свои посты по причинам национально-политическимⁱⁱⁱ. Мельник в дальнейшем стал известен как лидер Организации украинских националистов. В конце апреля 1921 г. штаб армии был объединен с ГУПШ^{iv}.

Штаб руководил всеми операциями армии, работал с полным напряжением, и в его деятельность Головной атаман практически не вмешивался^v. По свидетельству Капустянского, «офицеры Генерального штаба работали честно, продуктивно и не вдавались в политические авантюры. Головной атаман понимал всю важность работы офицеров Генерального штаба и защищал их и кадровое офицерство от наговоров и травли партийцев, особенно эсеров»^{vi}.

Должность 1-го генерал-квартирмейстера штаба армии занимали: генерал А.А. Рябинин (20.12.1918 – середина января 1919), генерал В.А. Синклер (29.01–24.08.1919), полковник Н.А. Капустянский (вр.и.д., 24.08–22.09.1919, с 26.09.1919), генерал В.М. Куц (с 15.10.1920). 2-м генерал-квартирмейстером был генерал

ⁱ Пінак Є., Чмир М. Військо Української революції 1917–1921 років. С. 399–400.

ⁱⁱ Там же. С. 401. Внесены уточнения.

ⁱⁱⁱ Україна. 1919 рік. С. 89.

^{iv} ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

^v Україна. 1919 рік. С. 88, 90.

^{vi} Там же. С. 150 (перевод наш).

Г.Е. Янушевский (16.06–06.10.1919). Оперативным отделом руководили из выпускников и слушателей академии: полковник Н.А. Капустянский (25.12.1918–04.04.1919), есаул И.Я. Цеplit (с 05.11.1919), сотник В.Ф. Чабаневский (18.04–04.05.1920; 25.06–04.08.1920), генерал Б.И. Сулковский (с 03.11.1920).

По данным на 1920 г., штаб армии включал управления генерал-квартирмейстера (отделы: оперативный, разведывательный, контрразведывательный, связи, историко-информационный, культурно-просветительский, организационный) и дежурного генерала (отделы: инспекторский и общий)^I.

Капустянский и Синклер трудились в полном контакте^{II}. Капустянский вспоминал о характере своей службы: «В штабе, начиная с Киева, так складывались обстоятельства, что мне лично доводилось почти всегда вести переговоры по аппаратам с частями, давать им задания, получать от них отчеты и, обработав их, информировать на заседаниях Головного атамана и высших работников штаба, а также принимать участие в различных совещаниях»^{IV}. Высокой оценки Капустянского удостоились оперативный отдел и служба связи штаба армии.

Помимо военно-административной, организационной и оперативной работы выпускники академии также руководили тыловыми службами – осенью 1920 г. начальником тыла армии УНР был генерал П.К. Ерошевич. В качестве военных экспертов и представителей генштабисты участвовали в различных переговорах. В 1918 г. подполковник А.В. Сливинский и полковник Е.В. Мешковский участвовали в советско-украинских переговорах. Генерал А.П. Греков в 1919 г. ездил на переговоры с французскими представителями. Зондировать настроения польского командования на случай переговоров в мае 1919 г. был направлен подполковник П.М. Левчук^V. Полковник П.И. Липко летом 1919 г. возглавлял украинскую делегацию на переговорах по заключению перемирия с польским командованием, а полковник М.М. Лазаренко-Дедковский осенью 1920 г. был направлен в Ригу на мирные переговоры между польским, советским и прибалтийскими правительствами.

Украинские генштабисты также занимались военно-педагогической, преподавательской работой, публиковали военно-педагогические и военно-научные работы. 1-й и 2-й Киевскими юнкерскими пехотными школами руководили генералы С.И. Богданович и А.М. Максимов соответственно, генерал Н.В. Анисимов возглавлял Полтавскую юнкерскую пехотную школу, генерал А.И. Кислов – Одесскую юнкерскую пехотную школу, генерал Т.М. Протазанов – Чугуевскую юнкерскую пехотную школу. Полковник В.П. Сальский в 1918 г. преподавал в Инструкторской школе офицеров в Киеве и выпустил конспект своих лекций по тактике технических войск^{VI}.

К концу 1918 г. Действующая армия УНР включала: фронт Левобережной Украины (Левобережный фронт) полковника П.Ф. Болбочана (негенштабиста), Холмско-Галицкий фронт сотника А.А. Шаповала (негенштабиста), Южный фронт генерала

^I ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

^{II} Руккас А. О. «Разом з польським військом». С. 167.

^{III} Україна. 1919 рік. С. 89.

^{IV} Там же (перевод наш).

^V Там же. С. 96.

^{VI} Сальский В. П. Конспект лекций тактики технічного війська, читаних учням Інструкторської школи старшин. Київ, 1918.

А.П. Грекова и Осадный корпус полковника Е.М. Коновальца (негенштабиста). Численность войск достигала порядка 60 000 человек¹, но позднее значительно сократилась. 22 января 1919 г. армия была разделена на Юго-Восточную группу, Восточный и Правобережный фронты.

Весной 1919 г. войска были сведены в группы (Северную и Холмскую (позднее – в Волынскую группу), Резервную группу Наказного атамана (позднее – Запорожскую), группу сечевых стрельцов²). Отдельно действовала 3-я Железная стрелковая дивизия под командованием курсовика войскового старшины А.И. Удовиченко. Волынской и Запорожской группами командовали выпускники академии полковники В.Н. Петров и В.П. Сальский соответственно. На должностях начальников штабов групп также находились выпускники академии. Начальником штаба Запорожской группы служил полковник Н.П. Воскобойников, надорвавшийся и умерший в июле 1919 г. от переутомления. Его сменил полковник В.М. Куц. Начальником оперативной части штаба группы являлся полковник В.П. Савченко. Начальниками штаба Волынской группы были полковник Е.В. Мешковский и подполковник Е.О. Стецкий. Начальником штаба группы сечевых стрельцов был подполковник М.Д. Безручко.

Итак, высшее военное руководство Украины вплоть до штабов армейских групп было представлено в основном выпускниками академии, причем не только на штабных должностях, но и на командных. Обращает на себя внимание тот факт, что одни и те же офицеры занимали по несколько ответственных должностей, представляя, по существу, кадровую основу украинского Генштаба. Например, на перечисленных выше ключевых должностях генералы Н.А. Капустянский и В.М. Куц фигурируют пять раз, генералы В.П. Сальский и В.А. Синклер – четырежды, генерал С.И. Дядюша – трижды. Это означает, что круг возможных петлюровских назначенцев из выпускников академии был невелик.

Серьезные кадровые проблемы начинались на дивизионном уровне и ниже – армии не хватало кадровых офицеров, в связи с чем начальниками штабов дивизий служили сотники и хорунжие³. Армия состояла из пехотных дивизий и конных бригад. По штату дивизия включала три пехотных полка и артиллерийскую бригаду (три артиллерийских полка по три батареи в каждом⁴). В Украинской Галицкой армии была принята структура из корпусов и бригад.

Уровень подготовки офицеров армии УНР демонстрирует доклад от 20 мая 1919 г. командующего Северной группой армии УНР полковника В.И. Желиховского (негенштабиста) Главному и Наказному атаманам о состоянии войск группы (впрочем, в других группах ситуация была иной). В докладе отмечалось, что новые работники штаба группы не знакомы с функциями штабного аппарата⁵. «В самом штабе Северной группы пришлось встретить, как уже и раньше отмечено, аппарат расстроенный, многие из офицеров, за исключением оперативного

¹ Krotofil M. Siły zbrojne Ukraińskiej Republiki Ludowej (listopad 1918 r. – grudzień 1919 r.). Kijów, 2011. S. 43.

² Пінак Є., Чмир М. Військо Української революції 1917–1921 років. С. 93–94.

³ Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року. С. 101.

⁴ Пінак Є., Чмир М. Військо Української революції 1917–1921 років. С. 94.

⁵ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 6. Д. 13. Л. 3. Выражаю благодарность к. и. н. М. А. Ковальчуку за указание на этот источник. Отдельные украинские слова, имевшиеся в документе, при цитировании переведены на русский язык.

отдела, оказались мало подготовленными к своей работе; например, Управление дежурного генерала не могло составить точной и приведенной в систему ведомости состава войсковых частей, штабов и инстанций, входящих в состав группы. В результате пришлось отчислить от должности дежурного генерала полковника [Б.М.] Ластовского и назначить взамен его, а также кое-кого из офицеров – офицеров из состава штаба Отдельного пограничного корпуса. В штабе группы работа, по-видимому, не имела характера систематически точно налаженного часового механизма, каковою она должна быть на самом деле, чтобы действительно быть продуктивной. Раньше все делалось, очевидно, между прочим, походя, и большинство распоряжений отдавались, писались самолично бывшим начальником штаба генералом [В.Н.] Агапеевым, который, благодаря этому, один был в курсе всех дел и вполне ориентирован, а остальные чины штаба – в очень малой степени^I. По мнению Желиховского, «офицерский состав в частях в общем стоит далеко не на должной высоте... были случаи, когда офицеры первыми покидали порученные им боевые участки, когда под их влиянием козаки отказывались идти на позицию... Особенно трудно стоит вопрос с[о] старшим командным составом на ответственных должностях – командиров полков и начальников дивизий... Очень тяжело стоит вопрос с офицерами Генерального штаба: во-первых, их мало, во-вторых – в большинстве это молодые без достаточной теоретической и практической подготовки люди»^{II}.

Любопытны рассуждения служившего в украинских войсках генерала русской армии Г.Е. Янушевского о различных категориях украинских офицеров. Офицеры военного времени из бывших унтер-офицеров, по мнению Янушевского, были одной из наиболее ценных составляющих украинского офицерства. «Эта категория старшин, по крайней мере, знала низшую, ремесленную сторону военного дела»^{III}. Янушевский считал, что с грехом пополам они могли быть младшими офицерами и даже сотенными командирами. Генерала больше всего возмущало самомнение этих лиц, которые, несмотря на отсутствие должного образования, претендовали на посты в армейском руководстве, а некоторые даже дослужились до генеральских чинов. Другой категорией украинского офицерства военного времени была учащаяся молодежь. Как правило, это были националисты-романтики, увлеченные борьбой за Украину. Большинство же офицеров из повстанческих «отоманов» и «отоманчиков» никакого образования не имели. Их основным занятием был грабеж, при этом такие командиры гордились тем, что они «щирые» (искренние) и «певные» (надежные), поскольку умели говорить на «ридной мове». Не случайно Головного атамана С.В. Петлюру украинские офицеры неофициально именовали «уголовным атаманом»^{IV}. Янушевский резюмировал: «В те времена разговор на каком-нибудь ином языке, кроме украинского, считался вполне достаточным основанием для изгнания из армии без всякого разговора образованных старшин как “непевных”»^V.

^I ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 6. Д. 13. Л. 4об. – 5об.

^{II} Там же. Л. 10об. – 11об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 32об.

^{IV} Там же. Л. 88.

^V Там же. Л. 33об.

В секретном докладе руководству ВСЮР полковника Генерального штаба, служившего в армии УНР, отмечалось, что «офицеров Генерального штаба в петлюровской армии насчитывается до 30. Хотя часть из них уже оставила ряды армии, как только начались бои с Добрармией. Можно сказать определенно, что подавляющее большинство офицеров Ген. штаба определенно тяготеет к Добрармии. Вообще же офицерство армии если в некоторой части и не стремится присоединиться к Добрармии, то лишь благодаря своей инертности и непониманию создавшейся драмы взаимоотношений, но принципиально, безусловно, ничего не имеет против этого присоединения»¹. Офицеры Генштаба были преимущественно русскими. В том же документе отмечалось, что кадровые офицеры в армии УНР ценились на вес золота, но порой оказывались в подчинении неквалифицированных начальников из-за русских фамилий или невладения украинским языком. Автор доклада приводил пример заведующего передвижением войск (должность полковника Генерального штаба) – бывшего швейцара.

Генерал Н. А. Капустянский свидетельствовал, что «роль офицеров Генерального штаба была чрезвычайно тяжела и ответственна. Нередко доводилось подчиняться в штабах групп и дивизий (это относится, главным образом, к началу 1919 года) людям с малым военным образованием, с небольшим боевым опытом и незначительным служебным стажем, но с партийными билетами, при системе неполного доверия и даже порой и провокации»².

Типичной могла быть ситуация, когда выпускник академии Генерального штаба, генерал старой армии, оказывался под началом необразованного, но идейного петлюровского командующего из прапорщиков военного времени. Помимо унизости подобного подчинения (при том, что обратное подчинение в национальном движении трудно представить), генштабистам, являвшимся этническими русскими, приходилось подвергаться преследованиям из-за своего происхождения. Ярким примером был штаб Северной группы Действующей армии УНР. Группой командовал «генерал» В. П. Оскилко – бывший прапорщик военного времени и один из руководителей партии украинских социалистов-самостийников. Начальником штаба группы служил генерал с дореволюционным стажем В. Н. Агапеев – участник Русско-японской и Первой мировой войн. Показательно отношение шовинистически настроенного Оскилко к своему сотруднику: Агапеев «хоть и был москалем, но отдался украинскому делу целиком и работал день и ночь, буквально почти не прерываясь ни на одну минуту, и был неоценимым человеком, способным и высокоталантливым офицером Генерального штаба, с большой эрудицией и знанием своего дела, неразлучным моим помощником и соратником в каждом военном вопросе, честным человеком и справедливым к своим подчиненным»³. Агапеев считал себя противником большевизма, а также белого монархизма и централизма, выступал за широкую демократию и самоопределение народов, отмечал, что сроднился с украинской армией. Головной атаман С. В. Петлюра, предполагая, что Оскилко является марионеткой в руках Агапеева,

¹ HIA. Vrangeli collection. Box 38. Folder 7; Ганин А. В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной»: Украина 1919 года глазами денкинских генштабистов // Славяноведение. 2015. № 5. С. 110.

² Україна. 1919 рік. С. 150.

³ Оскилко В. Між двома світами. Рівне, 1924. Ч. 1. С. 46.

приказал снять генерала с должности. После этого Оскилко решил организовать переворот. Вместе с Агапеевым он руководил восстанием частей группы против Директории в Ровно 28–29 апреля 1919 г. Опасность для властей УНР заключалась в том, что в Ровно находилась и Директория. При помощи сечевых стрельцов мятеж был подавлен. Потерпев неудачу, генералы были вынуждены бежать в Польшу.

Должного единства в командном составе не было, причем некоторые позиции оказывались взаимоисключающими. Например, на военном совете у Главного атамана С.В. Петлюры 11 апреля 1919 г. обсуждалась дальнейшая стратегия. Генерал А.В. Осецкий и еще несколько военачальников высказались за мир с большевиками и войну с Польшей, а генералы В.А. Синклер и В.Н. Агапеев — за мир с Польшей и войну с большевиками^I. Оставшиеся в украинских войсках генштабисты не всегда отличались лояльностью или не верили в организационные способности новых военно-политических руководителей, а в штабах работали белые подпольщики. Участник Белого движения на Юге России генерал В.В. Чернавин писал: «Идея борьбы во имя самостоятельной Украины, по-видимому, широких масс населения не захватила. Я могу как б[ывший] начальник штаба армии, действовавшей на Украине, засвидетельствовать, что боеспособность петлюровской армии (численно нас значительно превосходившей) была очень невысока. И с красными, и с махновцами было много труднее. Воевать петлюровцы явно не хотели, шли в армию из-под палки, при всякой возможности дезертировали»^{II}. С этой оценкой совпадает свидетельство военного министра УНР генерала А.П. Грекова, отметившего, что «в действиях штаба и войск Петлюры сказались уже характерные черты, которые явились первым зарождением всей последующей “петлюровщины”». Военный дилетантизм прежде всего»^{III}. Мемуарист отмечал, что Греков — «человек с необыкновенно твердой волей, жестокий и настойчивый в достижении поставленной себе цели; для Петлюры являлся, несомненно, опасным»^{IV}.

Греков подал в отставку и уехал на территорию Западно-Украинской народной республики, где в июне 1919 г. принял командование над Украинской Галицкой армией, боровшейся с поляками. По свидетельству Грекова, когда он знакомился с армией перед принятием командования, «насколько положительно было впечатление от войск, настолько оперативное руководство произвело на меня удручающее впечатление... малейший натиск в каком-либо одном пункте фронта немедленно вызывал отвод всего фронта, без всяких попыток какого-либо контрманевра на иных участках»^V. По мнению Грекова, «штаб армии, полученный от предыдущего периода, оказался организованным чрезвычайно слабо»^{VI}, причем «аналогично организованы штабы корпусов, не имевшие вовсе никакой определенной организации и штатов»^{VII}. При Грекове были установлены штаты и нормальная корпусная организация, армия вышла из кризисного состояния и добилась значительных успехов. В результате Чертковского наступления галичане заняли Тернополь

^I Там же. С. 42–44.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 145. Л. 5об.

^{III} Греков А. П. Петлюровщина. С. 177.

^{IV} Гетман П. П. Скоропадский. С. 547.

^V САУ. І.400.1321. Л. 3–4.

^{VI} Там же. С. 14.

^{VII} Там же. С. 16.

и подошли ко Львову и Станиславу, но затем поляки выбили их за реку Збруч. В начале июля 1919 г. руководство Западно-Украинской народной республики испугалось роста популярности Грекова и вынудило его уйти в отставку.

Впоследствии под арестом в 1948 г. Греков дал показания об этих событиях: «Я принял решение внезапным ударом по польским войскам отвоевать захваченную ими украинскую территорию в Галиции. В этот период мною было блестяще проведено несколько военных операций против поляков, в результате их войска были отброшены далеко на запад и возглавляемыми мною войсками были заняты Станислав, Тернополь, Коломыя, Буча[ч] и другие города.

В то же время я проводил активную деятельность по формированию и расширению галицийской армии, в результате чего довел ее количество до 100 тысяч человек. Однако достаточного количества оружия и боеприпасов не было, и я вынужден был прекратить наступление и перевел войска в оборону^I. Отметим, что в дальнейшем, уже в эмиграции, Греков украинскими националистами считался «достаточно плохеньким» украинцем за то, что не владел украинским языком и поддерживал контакты с русскими^{II}.

В Украинской Галицкой армии служили и другие выпускники Николаевской академии, хотя они были немногочисленны. Полковник Е. В. Мешковский занимал пост начальника штаба армии, причем делегация галичан добилась от Головного атамана С. В. Петлюры освобождения Мешковского из-под ареста повстанцев^{III}. Подполковник В. Г. Фидлер руководил оперативным отделом штаба армии. Генерал В. И. Генбачев в 1919 г. командовал III и IV Галицкими корпусами, а затем стал начальником тыла армии и генерал-инспектором. Полковник Н. Е. Какурин, впоследствии известный историк Гражданской войны, занимал должность начальника штаба IV Галицкого корпуса, затем перешел в штаб армии, служил начальником штаба генерал-инспектора армии.

В опросном листе МПКС в июне 1920 г. Какурин пояснял причины своей службы в Галицкой армии: «Вообще я никогда против России и советских войск, принципиально уклоняясь от борьбы на внутреннем фронте, участия не принимал, в период моей украинской службы все время сражаясь на польском фронте, за что и попал в польском проскрипционном списке, при первой возможности добровольно явился в Москву в Всероссийский главный штаб»^{IV}. Позднее, в показаниях по делу «Весна», он повторил ту же мысль: «Я выбрал противопольский фронт, который главным образом состоял из галицкой армии, так как Галичина объявила свою независимость тотчас после австрийской революции и частично этот фронт на своем правом фланге, на Волыни, должен был состоять из украинских войск. Поступая так, я считал, что этим своим действием я не приношу вреда ни будущим Украине и России, когда окончательно оформятся их отношения, потому что, мыслилось мне, им все равно придется бороться с экспансией Польши на восток; толкали меня на этот шаг мои тогдашние патриотические побуждения»^V.

^I ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 62149. Л. 97.

^{II} ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 83об.

^{III} Шанковський Л. Українська Галицька армія: Воєнно-історична студія. Львів, 1999. С. 75.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 3об.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 25.

Деятельность Какурина как квалифицированного генштабиста высоко оценивал командующий Галицкой армией генерал М.В. Омелянович-Павленко¹.

В целом, в Галицкой армии существовала острая нехватка кадров Генштаба, а в руководстве преобладали офицеры-неукраинцы, прежде всего выходцы из австро-венгерской армии. В этой связи стала популярной шутивая расшифровка аббревиатуры НКГА (начальна команда (главное командование) Галицкой армии) как Немецкая команда Галицкой армии².

Директория УНР вела кочевую жизнь (как иронизировали в то время, «в вагоне – Директория, под вагоном – территория»). После падения в феврале 1919 г. Киева она перебралась в Винницу, а затем в Жмеринку и Проскурров. К концу мая 1919 г. в результате наступления польских и советских войск Директория контролировала лишь небольшой участок в несколько десятков километров на юго-западе Волыни от Дубно до Брод, расположенный между армиями противника. Численность армии УНР составляла до 9000 штыков и сабель. Попытка наступления принесла успех – были заняты Каменец-Подольский, Проскурров и Староконстантинов, но последующее контрнаступление РККА привело к тому, что армию УНР оттеснили к Днестру. Положение становилось безнадежным, однако ситуацию для украинского командования спасло отступление 50-тысячной Украинской Галицкой армии, которая под напором польских войск 17 июля 1919 г. отошла за реку Збруч и соединилась с войсками УНР. 17 июля 1919 г. в Каменце-Подольском было заключено соглашение об объединении Украинской Галицкой армии и Действующей армии УНР. Значимым военно-политическим событием стало оперативное объединение двух армий, достигнутое в результате создания штаба Головного атамана 11–12 августа 1919 г. во главе с начальником штаба, бывшим профессором Николаевской военной академии генералом Н.Л. Юнаковым и генерал-квартирмейстером полковником В. Курмановичем от Галицкой армии³. Этому штабу подчинялись штабы обеих армий, хотя противоречия устранить не удалось. На 16 августа в украинских войсках насчитывалось 4860 офицеров (в том числе 2972 в Действующей армии УНР и 1888 в Галицкой армии), 2024 унтер-офицера, 83 494 козака, 1075 пулеметов и 335 орудий (боевой состав – около 13 000 человек). В Действующей армии УНР значилось 38 695 штыков и сабель при 529 пулеметах и 177 орудиях. В Украинской Галицкой армии – 51 683 штыка и сабли при 546 пулеметах и 158 орудиях (боевой состав – около 17 500 человек)⁴.

Армия теперь состояла из трех групп: Восточной (Надднепрянская армия), Средней и Западной. 2 августа началось наступление украинских армий на Правобережной Украине. Части РККА оставили Новоград-Волынский, Житомир, Жмеринку, Винницу, Бердичев, Казатин. 30 августа украинские войска на сутки овладели Киевом, но затем очистили город, в который вошли части ВСЮР. Против ВСЮР украинские войска первоначально не вели боевых действий, но 24 сентября

¹ Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917–1920) / упоряд. М. А. Ковальчук. Київ, 2007. С. 145.

² Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року. С. 102.

³ Денник Начальної Команди Української Галицької Армії. Нью-Йорк, 1974. С. 26; Krotofil M. Ukrainśka Armia Halicka 1918–1920. Toruń, 2002. S. 123.

⁴ Дислокаційна відомість і бойовий розпис Дієвої армії військ УНР станом на 16 серпня 1919 р. / публ. М. А. Ковальчука // Військово-історичний альманах (Київ). 2010. № 2. С. 125–142.

Директория объявила войну белым. О готовности армии воевать с белыми неоднократно заявлял военный министр полковник В.Н. Петров. Противником такого решения выступило руководство Действующей армии УНР: командующий полковник В.Н. Тютюнник, начальник штаба армии генерал В.А. Синклер и начальники обоих управлений штаба полковник Н.А. Капустянский и генерал Г.Е. Янушевский^I. Генштабисты считали более разумным совместно с ВСЮР вести борьбу против красных. Однако, по-видимому, коллективное мнение специалистов из высшего армейского руководства для Директории УНР, стремившейся воевать с белыми, большого веса не имело. Генерал Янушевский подал в отставку. Полковник Капустянский также подал прошение о переводе в резерв чинов или увольнении в отставку^{II}, но в итоге пошел на повышение, временно заменив начальника штаба армии. В связи с началом войны против ВСЮР и оппозицией штаба армии новым командующим был назначен полковник (затем – генерал) В.П. Сальский, практически не имевший командного опыта.

По имеющимся сведениям, планы генерала Н.Л. Юнакова систематически срывались из-за тех или иных политических решений. Генерал В.Н. Петров вспоминал о том, что Юнаков спланировал удар к югу от Киева, но политическая необходимость привела к изменению направления наступления и движению непосредственно на украинскую столицу^{III}. Позднее, когда началась война УНР против ВСЮР, Юнаков готовил перегруппировку украинских войск, чтобы отрезать части ВСЮР от Днестра и вынудить их отойти в Полесье. Расчет делался на повстанческие группы по Днестру и на разгром одесской группировки ВСЮР, но и из этого плана ничего не вышло.

13 ноября 1919 г. бывший начальник отдела заграничной прессы украинского Генштаба подполковник Я. Макогон информировал русского военного агента в Польше о высшем командном составе украинских войск: «Нач[альник] шт[аба] Верховглавка^{IV}: ген[ерал]-лейт[енант] профессор Юнаков. По отзывам учившихся у него офицеров Генштаба российского, был заурядный, Америки не выдумал^V. Окончил войну командующим 3[-й] армией^{VI}. На бумаге считается нач[альником] укр[аинской] академии Генштаб[а]. Предан Петлюре, ходит перед ним на задних лапках, был помощником генер[ала] Осецкого, столкнул его и занял его место. После этого стал “щирым”, стал разговаривать только по-украински и отказывался из трусости помогать арестованным офицерам. Лично страшный трус и человек с покладистой совестью... Начштаба армии Ген. шт[аба] ген[ерал]-майор Синклер. Б[ывший] ген[ерал]-кварт[ирмейстер] штаба Келлера и [А.Н.] Долгорукова. Брошен гетманскими министрами и силою заставлен служить в штабе. Безусловно

^I Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року. С. 102.

^{II} Ковальчук М. А. Генерал Микола Капустянский (1881–1969). Київ, 2006. С. 38–39.

^{III} ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 54.

^{IV} Верховного главнокомандующего.

^V Подтверждение на этот счет содержится в мемуарах генерала Э. В. Экка о событиях начала XX в. Юнаков «к сожалению, во многих отношениях оказывался не на высоте своего положения. Под влиянием своей жены и начальника штаба корпуса, генерал-майора [Н. Н.] Пешкова, он допустил травлю командира Крымского конного Ее Величества дивизиона полковника графа [Ф. А.] Келлера, человека, правда, тяжелого характера, но преданного военному делу, выдающегося командира части» (Экк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014. С. 207).

^{VI} Так в документе. В действительности Юнаков командовал 8-й армией.

помогает, тайно, разумеется, деникинцам и ожидает случая удрасть. За ним по пятам ходит шпик и за всем следит. Комиссариат обвинял его, главным образом, в советах, чтобы наступали на Киев, а не на Одессу (что было спасением для Петлюры: море, сношения с Румынией и т. д.), а также в запоздалой переброске резервов к Киеву и Бирзуле... Генштаба полк[овник] Капустянский (1-й ген[ерал-]кв[артирмейстер]). Был под арестом за сношение с деникинскими организациями. Одни укр[аинские] деятели ему доверяют, другие говорят, что он изменник... Ген. штаба ген[ерал]-лейт[енант] Янушевский (2-й ген[ерал-]кв[артирмейстер]). На войне был под Перемышлем и Стоходом. Удрал от большевиков в декабре 1918 г. из Москвы и в Киеве насильно мобилизован Петлюрою. Большой трус, но, когда уверен в своей безопасности, деникинцам помогает... Нач[альник] Ген. штаба ген[ерал]-[майор] Дядюша (Ген. шт[аба]). Назначен вместо ген. [А. Я.] Шайбле, арестованного за расстройство Петлюровской организации. Продолжает полезную работу ген. Шайбле по разрушению организации армии Петлюры, выпивая водку с комиссарами и уверяя их в своей преданности. Был и есть в ["Девятке"]. Принес массу пользы деникинским организациям, но, к сожалению, в последнее время, благодаря тому что его видели у меня несколько раз, впал в подозрение, за ним следят комиссары... Генерал-инспектор галицийских войск Генер[ального] штаба ген[ерал]-[майор] Генбачев. Член "Девятки", бывший нач[альник] штаба VI Полтавского гетманского корпуса (Слюсаренко), душа обороны Полтавы от повстанцев против гетмана. После взятия Полтавы хотел бежать на Кавказ, но был арестован; убежал из-под ареста в Галицию, т. к. на Раздельной и Славянске расстреливали офицеров. Много приносит пользы русскому делу, давая убежище и места офицерам, бежавшим из петлюровской охраны. Живет с галицким караулом, т. к. Петлюра приказал его арестовать. Предлагал мне в случае неудачи побега укрыться в Галицкой армии, на что получил позволение [Е. Е.] Петрушевича". Петрушевич под его влиянием имеет полные симпатии к Деникину. Он же добился того, что все приказы для Галицкой армии идут через Петрушевича, с которым они вместе обсуждают, какой приказ принять, какой отбросить... Помощник генерала Генбачева, Ген. шт[аба] полк[овник] Какурин. Деникинец, во всем помогает ген. Генбачеву»^{III}.

Начальник украинского Генштаба генерал С. И. Дядюша в конце 1919 г. не отправился вместе с остатками украинских войск в Первый Зимний поход, а остался в отошедшем затем к полякам Каменце-Подольском, якобы для присмотра за больными тифом офицерами и солдатами^{IV}, хотя занимал пост, не имевший отношения к этому. По оценке украинского историка М. А. Ковальчука, осенью 1919 г. Дядюша искал возможности покинуть украинскую армию^V и, видимо, бежать к деникинцам, что является еще одним свидетельством его нелояльности петлюровцам.

Разумеется, были и лояльные УНР офицеры. Тот же Макогон отмечал: «Командующий На[д]днепровской армией полк[овник] Геншт[аба] Сальский. Был

^I Подпольная организация.

^{II} Президент Западно-Украинской народной республики, затем — член Директории УНР.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об., 6об., 7–7об. Публикацию документа см.: Ковальчук М. А. Невідомі війна 1919 року. С. 450–461.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Київ, 1995. Ч. 1. Біографічно-довідкова. С. 52.

^V Ковальчук М. А. Невідомі війна 1919 року. С. 260.

начальником военно-учебных заведений и командовал Запорожским корпусом. По убеждениям эсер, пользуется полным доверием Петлюры. Вредит русскому делу, деникинцам у Петлюры не помогает. У эсеров пользуется доверием... Военный министр Украины, Ген. штаба полковник Петров. Уроженец Житомира. Был нач[альником] штаба в гетманской дивизии (Запор[ожской]) у ген. [А.] Натиева. Во время восстания против гетмана поддерживал Петлюру. По убеждениям Петлюры, лев[ый] эсер, и поэтому, ввиду того что кабинет партийный, за него ручается как за верного человека Центр[альный] ком[итет] укр[аинских] эсеров. Человек с головой. Восторгается Петлюрою, пользуется полным доверием его. Деникинцев даже в официальных приказах называет “сволочью”, арестовал массу офицеров»¹.

По данным на ноябрь 1919 г., в армии УНР ощущался дефицит младших офицеров Генштаба, в связи с чем вернулись к идее подготовки кадров, но реализовать ее в условиях Гражданской войны не удалось. В мае 1920 г. для пополнения кадров рассматривался вариант перевода в Генштаб тех, кто окончил не менее одного курса академии российской, германской или австрийской. Кроме этого требовалось иметь стаж службы на должностях Генштаба не менее трех лет, в том числе не менее года в украинских войсках. Также необходима была рекомендация двух генштабистов не ниже начальников штабов дивизий. Перевод должен был осуществляться приказом главного командования войск УНР². Как видим, подходы были схожими с теми, что разрабатывались в других антибольшевистских армиях, где требовался стаж службы в соответствующих вооруженных силах. Кроме того, на должностях Генштаба нередко находились те, кто не имел профильного образования, но обладал большим практическим опытом штабной работы. Их именовали не офицерами Генштаба, а офицерами, служащими по Генштабу.

Действующая армия УНР осенью 1919 г. оказалась в крайне тяжелом положении, будучи зажатай между белыми, красными и поляками (с последними было заключено перемирие), а к концу 1919 г. УНР практически осталась без территории. В войсках свирепствовал тиф, не хватало теплой одежды и боеприпасов. Кроме того, УНР лишилась союзника — Украинская Галицкая армия в ноябре 1919 г. в районе Винницы, Жмеринки и Гайсина перешла на сторону ВСЮР, а в начале 1920 г. — к красным. К белым, а затем к красным перешли служившие там генштабисты полковник Н.Е. Какурин и подполковник В.Г. Фидлер. Последний на апрель 1920 г. даже занимал пост начальника обороны Полевого штаба Червонной Украинской Галицкой армии³. Генерал В.И. Генбачев остался у белых.

Остатки армии УНР (до 10 000 человек, в том числе 2000 боевого состава) под командованием генерала М.В. Омеляновича-Павленко (негенштабиста) в начале декабря 1919 г. ушли в партизанский рейд, получивший наименование Первого Зимнего похода и продолжавшийся до мая 1920 г. Противниками ликвидации регулярного фронта и перехода к партизанской борьбе выступили выпускники академии М.Д. Безручко, В.Е. Змиенко и Ю.В. Отмарштейн⁴.

¹ ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–6об.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 120.

³ ЦДАВОУ. Ф. 2188. Оп. 2. Д. 59. Л. 191–192.

⁴ Ковальчук М. А. На чолі Січових стрільців. Військово-політична діяльність Є. Коновальця в 1917–21 рр. Київ, 2010. С. 125.

Необычную роль в Первом Зимнем походе сыграл полковник В.И. Галкин. Это был офицер интересной судьбы в Гражданскую войну. В 1918 г. он служил в гетманской армии, затем поступил на службу во ВСЮР, в начале 1920 г. в районе Одессы попал к красным и служил в РККА, в штабе бригады 41-й стрелковой дивизии, сведенной в полк, где возглавил украинское подполье. 6 апреля 1920 г. поднял восстание и руководил переходом части на соединение с украинскими войсками, участвовавшими в Первом Зимнем походе¹. Стал украинским генералом. Недолго пробыв в эмиграции, Галкин летом 1921 г. перешел советскую границу для организации партизанской борьбы, но был захвачен чекистами, а по освобождении вновь служил в РККА. Головной атаман С.В. Петлюра в конце 1919 г. уехал в Варшаву, где готовил заключение польско-украинского союза. 21 апреля 1920 г. был заключен Варшавский договор УНР с польским правительством, согласно которому Украина лишалась Восточной Галиции и Западной Волыни в обмен на военную помощь и признание Директории УНР. 24 апреля была подписана военная конвенция о совместных военных действиях в Советско-польской войне. Украинские генштабисты участвовали в заключении конвенции. Документ подписали уполномоченные Совета народных министров УНР – генерал В.А. Синклер и подполковник М.М. Лазаренко-Дедковский². Генерал А.В. Осецкий с 26 апреля 1920 г. являлся представителем Головного атамана при Верховном главнокомандующем Войском Польским маршале Ю. Пилсудском.

Польские войска развернули наступление на Украине и 6 мая захватили Киев, что вызвало небывалый патриотический подъем в России. Части армии УНР действовали совместно с польскими войсками³. Во взятии Киева участвовала 6-я стрелковая дивизия армии УНР под командованием полковника М.Д. Безручко. Затем части РККА перешли в контрнаступление и разгромили польскую группировку на Украине и в Белоруссии, продолжив наступательные действия уже на польской территории.

Польские власти, даже после заключения 12 октября 1920 г. советско-польского перемирия, продолжали через командование 6-й польской армии снабжать украинские войска продовольствием, обмундированием и вооружением⁴. На 11 ноября было намечено начало украинского наступления⁵, однако частям РККА удалось его упредить. Главный удар наносила 14-я армия под командованием полтавчанина М.И. Василенко, а части 12-й армии обеспечивали устойчивость фланга. За неделю 10–17 ноября 1920 г. части РККА (боевой состав – 38 861 человек⁶) разгромили

¹ Тинченко Я. Ю. Лицарі Зимових походів. 1919–1922 рр. Київ, 2017. С. 350.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 2: Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. С. 663.

³ Подробнее см.: Війна України проти Радянської Росії у 1920 році (документи та матеріали) / упор. Я. Ю. Тинченко. Київ, 2020; *Legięc J. Armia Ukraińskiej Republiki Ludowej...* Toruń, 2002; *Szajdak S. Polsko-ukraiński sojusz polityczno-wojskowy w 1920 roku.* Warszawa, 2005.

⁴ Зарецька Т. Юзеф Пілсудський і Україна. Київ, 2007. С. 122, 128; Карпус З., Срібняк І. Формування з'єднань Армії УНР у Польщі в 1920 р. // Український історичний журнал (Київ). 2000. № 1. С. 92. О советской дипломатической борьбе против двойной игры польских властей см.: Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы). М., 1994. Ч. 2. С. 111–112, 115–117а.

⁵ Українсько-московська війна 1920 року в документах. Варшава, 1933. Ч. 1: Оперативні документи штабу армії Української народної республіки. С. 297.

⁶ ДКФКА. М., 1978. Т. 4. С. 221.

остатки Действующей армии УНР (около 11 800 штыков и сабель¹) и части 3-й Русской армии белых (около 6000 штыков и сабель²). Силы УНР с большими потерями были вынуждены покинуть территорию Украины и отступить за пограничную реку Збруч, укрывшись в Польше. Оставшиеся в войсках украинские генштабисты разделили судьбу армии и также ушли в эмиграцию.

В разгар войны, в конце августа 1920 г., начальник украинского Генштаба поднял вопрос о необходимости пополнения кадров на случай развертывания армии. В тот период в армии УНР таких офицеров имелось лишь 25, чего было явно недостаточно. Существовало три способа пополнения кадров: вызов офицеров из-за рубежа, направление офицеров в иностранные академии, открытие собственных ускоренных курсов³. Первый вариант позволял быстро пополнить кадры, но офицеры представляли бы разные школы и системы, что могло затруднить взаимодействие. Второй вариант требовал трех лет ожидания завершения офицерами обучения. Третий вариант не давал полноты знаний, но был сравнительно быстрым. Было решено использовать все пути пополнения кадров, однако реалии того времени не позволили осуществить амбициозные планы.

Работа украинского Генштаба прекратилась в первые годы эмиграции. Как вспоминал генерал Г.Е. Янушевский, ставший помощником начальника Генштаба в августе 1921 г., «летом 1921 года штаб Диевой⁴ армии был расформирован, и вся работа Генерального штаба сосредоточилась в этом учреждении. Но это несколько не изменило его поистине отчаянного состояния, которое наводило даже на мысль, что это явление не случайное, а сделано с обдуманной целью сделать Генеральный штаб неспособным работать на пользу армии. Этот “мозг армии” был разбросан по разным городам, так что фактически работать не мог, а потому его деятельность совершенно прекратилась. Прежде всего, нужно было привести в порядок это орудие будущего моего труда: без Генерального штаба никакая разумная работа в войсках немыслима.

Но на этот важнейший орган военного управления в украинской армии давно уже никто не обращал внимания, ибо никто не имел ясного представления о его значении⁵. По мнению Янушевского, «военное управление УНР в то время не имело характера продуманной с и с т е м ы, основанной на научных данных и проверенной опытом последней войны. Это был плод разных систем, мыслей и желаний»⁶. Янушевский отмечал развитый протекционизм при назначениях и организационный беспорядок. Впрочем, по-видимому, мемуарист старался показать, что именно он затем исправил такое отчаянное положение.

Янушевский вспоминал об участии Головного атамана С.В. Петлюры в совещании с представителями Военного министерства 22 августа 1921 г., когда Петлюра в пересказе Янушевского заявил, что «Генеральный штаб должен быть “національна

¹ Legieć J. Armia Ukraińskiej Republiki Ludowej... S. 207.

² Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 336.

³ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 63. Л. 13.

⁴ Действующей (укр.).

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 135.

⁶ Там же. Л. 134.

установы", которая должна воспитывать не только армию, но и "нацию в национальном духе", а потому необходимо строго и с большим разбором подбирать личный состав Генерального штаба. Вероятно, Петлюра имел при этом в виду, как проводился в жизнь при водворении Директории этот "национальный подбор" Генерального штаба, приведший к тому, что из 500 офицеров Генерального штаба, бывших при гетмане Скоропадском, теперь в украинской армии оставалось всего лишь 4 генерала в Высшей войсковой раде и 8 человек в самом Генеральном штабе, в том числе три человека лишь "скороченного курсу"^{II}, т.е. с запасом специальных познаний, совершенно недостаточным для самостоятельной работы в Генеральном штабе. Остальной состав Генерального штаба — были молодые строевые старшины из "новой интеллигенции" со всеми присущими последней характерными особенностями. Но зато они были назначены из наиболее "національно певних і свідомих"^{III} по особому выбору»^{IV}. 17 декабря 1921 г. Петлюра писал начальнику Генштаба генералу В.Н. Петрову по поводу работы Генштаба, что назначение Петрова призвано ликвидировать одиозность украинского Генштаба, начать новую страницу его истории как насквозь национального и авторитетного органа^V. Показательно беспокойство Петлюры по итогам проигранной войны: Головной атаман переживал, что украинские офицеры и козаки читали литературу на русском языке, которая якобы их деморализовала^{VI}.

Ветеран армии УНР, молодой офицер И.М. Орел-Орленко, окончивший украинские эмигрантские курсы штабной службы, в 1924 г. резко отозвался об украинском генералитете в письме к своим товарищам: «Это не военные деятели в полном понимании этого слова. Эти люди подготовлены по настоящим академическим трафаретам, из которых никак не могут вырваться. Когда все было гораздо налаженнее и работало как машина, и когда сверху была хорошая дубина, то они были, возможно, и хорошими машинистами, а когда машина сейчас поломана, а над ними нет никакой дубины, то они совсем не могут никак организовать и наладить для себя работу далее. Эти люди с психологией наймита, которого нужно нанять, заплатить, показать, что нужно делать, и тогда они начнут работать. Но даже тогда и то нужно подгонять»^{VII}. По мнению офицера, изложенному в другом письме за тот же год, «стал я очень плохого мнения о наших генералах. Скажу одно, что если бы нам посчастливилось быть высшими военными специалистами и мы в старших годах дошли бы до такого состояния, то незачем было бы и копы ломать»^{VIII}. Такие резкие оценки отражают неоднородность командного состава украинских войск и противоречия внутри него, стремление молодежи занять свое место в военной иерархии. В чем-то схожие процессы происходили в РККА между старыми и красными генштабистами, а также между военспецами и краскомами.

^I Национальное учреждение (укр.).

^{II} Ускоренного курса (укр.).

^{III} Сознательных (укр.).

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 140–140об.

^V Петлюра С. В. Статті, листи, документи. Київ, 1999. Т. 3. С. 510.

^{VI} Там же. С. 512.

^{VII} ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 99–99об.

^{VIII} Там же. Л. 92.

Польская, финская и прибалтийские армии

Когда летом 1917 г. начал формироваться Польский армейский корпус (в дальнейшем он получил номер I), возник вопрос о его командире. Выбирали из двух корпусных командиров — генерал-лейтенантов И.Р. Довбор-Мусницкого и Е.М. де Генинг-Михелиса. В итоге выбор пал на первого, имевшего к тому же положительные аттестации генералов А.И. Деникина и И.П. Романовского¹. Затем в корпус стали подбирать штабные кадры. Начальником штаба стал генерал В.П. Агапеев. При формировании корпуса его командир столкнулся с завышенными амбициями офицеров. Довбор-Мусницкий отмечал, что некоторые офицеры-поляки из русской армии требовали себе назначений на два чина выше, чем имели. При этом остро ощущалась нехватка старших офицеров².

Поскольку генштабистов-поляков не хватало, был поднят вопрос об их подготовке на ускоренных курсах Военной академии в Петрограде, для чего требовалась отдельная квота. Начальник Генерального штаба генерал-майор Г.Д. Романовский сообщал начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Независимо от указанных требований, на подготовительные курсы 3[-й] очереди надлежит командировать 10 офицеров-поляков для подготовки офицеров для штабов польских войск, из них 5 по выбору генерала Довбор-Мусницкого и 5 по выбору генерала [А.А.] Осинского»³. К 25 сентября 1917 г. кандидаты должны были прибыть в академию. По всей видимости, аналогичные квоты выделялись осенью 1917 г. и для старшего класса 2-й очереди. Командование польских войск в России стремилось пополнить будущую национальную армию квалифицированными кадрами и ходатайствовало о приеме офицеров на курсы. Зачисление «на польскую вакансию» позволяло попасть в академию по специальной квоте, выделенной для польских офицеров, даже тем, кто при общем конкурсном отборе не имел шансов быть зачисленным. Многие польские офицеры, находившиеся в России и поступившие в национальные формирования, в дальнейшем активно участвовали в Гражданской войне на стороне антибольшевистских сил.

Конфликт корпуса с большевиками назревал долгое время и в начале 1918 г. перешел в открытую фазу, поскольку Довбор-Мусницкий отказался подчиниться приказу о расформировании корпуса. Еще в конце января 1918 г. генерал был провозглашен Верховным главнокомандующим всех польских вооруженных сил в России. В январе же начались вооруженные столкновения, продолжавшиеся до второй половины февраля 1918 г. и завершившиеся в связи с переходом района корпуса под контроль наступавших германских войск. 21 февраля части корпуса одновременно с германскими войсками вошли в Минск. По соглашению с немцами корпус получил нейтральный статус, но в конце концов в мае — июле 1918 г. был демобилизован.

Выступление I Польского корпуса против большевиков в январе 1918 г. поддержали не все польские генштабисты. Начальник штаба 2-й Польской стрелковой дивизии капитан А.И. Вольский 23 января 1918 г. писал наркому по военным делам К.А. Мехоношину: «Приказом армии и флоту от 20 октября 1917 г. я в общем

¹ Захаров А. М. «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2020. С. 224–225.

² Dowbor Muśnicki J. Moje wspomnienia. Warszawa, 1935. S. 184–185.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.

порядке назначений был назначен начальником штаба 2^й Польской стрелковой дивизии.

Как русский (офицеров Генерального штаба поляков нет), я в штабе дивизии выполнял лишь роль техника, совершенно не касаясь вопросов нейтральной польской политики.

В 1-х числах января 1918 г. части дивизии, согласно приказа по Польскому корпусу, основанному на несомненном для меня распоряжении главковерха Крыленко (о чем я доподлинно знал из проходящих через мои руки документов), начали переезд в новый район к востоку от Бобруйска.

На ст[анции] Орша наш 6^й эшелон (5 эшелонов прошли без задержки) был остановлен и обезоружен, а чины штаба дивизии арестованы и препровождены в Могилев, а затем в Петроград.

С тех пор как части Польского корпуса заняли позицию, враждебную политике народных комиссаров, о чем я узнал только после нашего ареста, я считаю свои полномочия при штабе 2^й польской дивизии оконченными, тем более что в противоправительственных выступлениях ни прямо, ни косвенно, ни по подозрению я никогда не участвовал и участвовать не намерен.

В силу изложенного я и обращаюсь к Вам с просьбой об освобождении меня от того положения и подозрения, в которое я попал случайно, так как ни мыслю, ни поступками к тому, что происходит в районе Рогачева, я касательство не имею. О моих политических убеждениях могут свидетельствовать мои товарищи по академии [И.И.] Вацетис¹ и [В.А.] Озол.

К тому же я дал подписку председателю Чрезвычайной следственной комиссии, что я ни в каких выступлениях и организациях против существующего порядка участвовать не буду². Э.М. Склянский 15 февраля 1918 г. наложил на документе резолюцию предложить Вольскому действовать против поляков. Однако офицер предпочел перейти на службу в украинские войска.

Генерал Е.М. де Генинг-Михелис осенью 1917 г. стал генеральным инспектором Войска Польского, а позднее вошел в Главный совет польских вооруженных сил. При его деятельном участии на Украине началась подготовка к формированию II и III Польских корпусов. Командиром II корпуса был назначен генерал С.Л. Станкевич (негенштабист) при начальнике штаба подполковнике графе С.И. Соллогу-бе-де-Война. Командиром III корпуса стал сам генерал де Генинг-Михелис. II корпус в мае 1918 г., будучи окружен превосходящими германскими силами, сдался и был разоружен. В июне немцы разоружили и III корпус.

Ряд польских офицеров служили в период Гражданской войны в Сибири. Начальником штаба польских войск в Восточной России и начальником штаба 5-й польской дивизии был подполковник Р.И. Воликовский. Фактически должности в командовании польских войск и в штабе дивизии совмещались. Воликовский подготовил 19 января 1919 г. рапорт командующему польскими войсками во Франции генералу Ю. Галлеру о состоянии польских войск в Сибири³.

¹ В документе — Вацейтис.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 2–2об.

³ Публикацию этого документа см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 73–77.

Возникновение полноценной польской армии стало возможно лишь в конце Первой мировой войны. Польский Генштаб был создан 25 октября 1918 г. Его начальником стал Т. Розвадовский, ранее служивший в австрийской армии, но вскоре его сменил другой ветеран австрийской армии генерал С. Шептицкий, а затем еще один выходец из австрийской армии генерал С. Галлер. В период Советско-польской войны пост вновь достался Розвадовскому, внесшему большой вклад в победу поляков. Генеральный штаб занимался организацией армии, созданием ее структур, обучением войск, военным планированием^I. Первоначальная структура Генштаба, утвержденная 6 ноября 1918 г., включала 7 отделов: I – организационный; II – информационный; III – научный; IV – географический; V – адъютантуры; VI – правовой; VII – военной жандармерии. Однако уже 21 ноября 1918 г. структура была расширена до 10 отделов: I – организационный; II – службы связи; III – дорожный; IV – технический; V – демобилизационный; VI – информационный; VII – научный; VIII – географический; IX – личного состава; X – адъютантуры. Позднее произошло еще несколько реорганизаций. Параллельно при Ю. Пилсудском существовал штаб верховного вождя.

В 1920 г. Генштаб включал пять отделов: I – организационный; II – информационный; III – оперативный; IV – этапный (снабжения и военных сообщений); V – президиальный (по личному составу)^{II}. На 1921 г. структура Генштаба также включала пять отделов: I – организационно-мобилизационный; II – информационный; III – оперативный; IV – снабжения и военных сообщений; V – по личному составу^{III}.

Поляки уделяли большое внимание внешней атрибутике. В рапорте командующему польскими войсками во Франции генералу Ю. Галлеру о состоянии польских войск в Сибири от 19 января 1919 г. сообщалось: «Не имея никаких указаний по вопросу о повышении в чинах, командование вынуждено было повысить звания большому числу офицеров. Это было сделано по двум причинам: 1-е, у нас совершенно нет офицеров высших званий и слишком разительной была бы разница между званием и занимаемой должностью; 2-е, это необходимо для сношений с русскими, которые привыкли уважать чины, только высокие звания могут им импонировать. Кроме того, повышение офицеров очень запаздывает, в конце концов, начальство вынуждено было использовать это средство как необходимый стимул для работы и как вознаграждение»^{IV}.

Основным соединением польской армии была дивизия, включавшая все рода войск. В 1920 г. произошел переход от четырехполковой структуры дивизии к трехполковой. В полку имелось три батальона, в батальоне – четыре роты. Штатная численность полка должна была составлять 2100 штыков при 24 пулеметах, в реальности полки достигали 1000–1500 штыков. В полках имелись авиационные и бронеотряды, до двух эскадронов конных стрелков, до двух рот саперов.

Важную роль в укреплении польской армии сыграла французская военная миссия в Польше, в которой состояли более 2000 человек. Кадры французской миссии активно помогали полякам в качестве инструкторов и технических специалистов.

^I Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego 1918–2003. Warszawa, 2003. S. 37–40.

^{II} U źródeł Sztabu Generalnego Wojska Polskiego 1918–1921. Warszawa, 2008. S. 123.

^{III} Orzechowski J. Dowodzenie i sztaby. Warszawa, 1980. S. 303.

^{IV} Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 76.

Франция обеспечивала польскую армию вооружением и техникой. Достаточно отметить, что в течение 1920 г. поляки получили из Франции 1494 орудия, 291 аэроплан, 2600 пулеметов, 327 000 винтовок, 250 грузовиков. В целом, польская армия, несмотря на внутреннюю неоднородность, проблемы в обеспечении войск и нехватку военной техники, оказалась серьезным противником для Красной армии и справилась с задачей защиты Польского государства в период Советско-польской войны.

К 23 сентября 1919 г. в польской армии насчитывалось по списку 11 040 офицеров, в том числе 3950 в боевом составе¹. Польская армия формировалась на основе сочетания опыта и традиций различных европейских армий. Выходцы из русской армии были лишь одной из нескольких групп польского командного состава, в котором количественно лидировали австрийские офицеры. Таким образом, польский офицерский корпус не обладал необходимым единством, офицеры польской армии представляли различные военные школы и даже еще недавно враждующие армии. Представляет интерес сравнение численности генералов и старших офицеров в польской армии в марте и в сентябре 1920 г. по их происхождению (табл. 48).

Таблица 48

Происхождение высшего и старшего командного состава польской армии
(март – сентябрь 1920 г.)^{II}

Чин	Дата	Происхождение						Всего	%
		Австрийская армия	Русская армия и из восточных формирований	Легионы	Армия Ю. Галлера	Немецкая армия	Гражданских		
Генералы	03.1920	42	71	5		2		120	7,9
	09.1920	54	56	11	4	3		128	5,7
Полковники	03.1920	116	200	7		1	1	325	21,3
	09.1920	159	133	49	10	14		365	16,3
Подполковники	03.1920	187	196	31		2	21	437	28,7
	09.1920	297	254	128	28	57 ^{III}		764	34,2
Майоры	03.1920	222	162	95		15	147	641	42,1
	09.1920	439	234	224	41	40		978	43,7
Всего	03.1920	567 37,2 %	629 41,3 %	138 9 %		20 1,3 %	169 11,1 %	1523	100
	09.1920	949 42,5 %	677 30,3 %	412 18,4 %	83 3,7 %	114 5,1 %		2235	100

В таблице 48 приведены данные о высшем и старшем командном составе. Выходцы из русской армии в нем составляли примерно от 30 до 41 %. Приведем данные

^I Wyszczelski L. Wojsko Polskie w latach 1918–1921. Warszawa, 2006. S. 75.

^{II} САУ. I.303.9.3. Л. 6. Внесены исправления при пересчете.

^{III} В том числе 18 врачей и 18 судей.

об офицерах русской армии во всей польской армии. По данным на 1917 г., в русской армии насчитывалось 119 генералов польского происхождения и до 20 000 офицеров-поляков. Разумеется, не все они пошли в национальную армию. Достаточно вспомнить, что наполовину поляком был вождь Белого движения на Юге России Генштаба генерал-лейтенант А.И. Деникин, которого польское командование едва ли могло считать своим единомышленником. В общей сложности к марту 1920 г. в польской армии служили 71 генерал, 200 полковников, 196 подполковников, 162 майора, 523 капитана, 1758 лейтенантов и 3294 подлейтенанта из русской армии или восточных формирований. Всего 6204 человека, или 26,9% офицерского корпуса. Для сравнения, австрийские офицеры составляли 38,2%, офицеры из легионов – 17,7%, офицеры из немецкой армии – 5,3%¹. Бывшие русские офицеры преобладали в старшем и высшем командном составе польской армии. Так, к марту 1920 г. бывшие русские офицеры составляли более 59% всех польских генералов, 61,5% всех полковников польской армии. Далее процент снижался. Так, среди подполковников выходцы из русской армии, будучи наиболее многочисленной группой, составляли 44,8%. Среди майоров уже доминировали австрийцы.

По политическим причинам главенствующее положение в польском командном составе постепенно заняли близкие Ю. Пилсудскому выходцы из польских легионов, а не представители тех групп командного состава, которые доминировали количественно. Главнокомандующим польской армией был противник Пилсудского, авторитетный бывший генерал русской армии И.Р. Довбор-Мусницкий, претендовавший на лидерство в армии и в стране. Проиграв более искушенному в политике Пилсудскому, он оказался отстранен от власти и в марте 1920 г. был вынужден уйти в отставку. К сентябрю 1920 г. соотношение различных групп офицеров изменилось не в пользу «русских». В генералитете они были представлены теперь только 43,7% офицеров, хотя оставались самой крупной группой, среди полковников «русские» составляли лишь 36,4%, среди подполковников – 33,2%, среди майоров – менее 24%. Таким образом, на протяжении 1920 г. состав польского офицерского корпуса радикально изменился за счет ухода из него генералов и полковников русского происхождения, наплыва офицеров из австрийской армии и польских легионов.

Тем не менее в 1921 г. 44% генералитета составляли выходцы из русской армии (41 человек)². К 1921 г. общая численность польского офицерства достигла 145 генералов и 29 960 офицеров. По штатам мирного времени решено было оставить на службе 18 943 офицера, для чего была проведена переаттестация. Ее успешно прошли 18 172 генерала и офицера, в том числе 6426 офицеров из австро-венгерской армии, 5079 офицеров русской армии, 1449 офицеров немецкой армии. Не аттестованные были уволены в отставку или переведены в резерв.

Как отмечал старый большевик И.И. Скворцов-Степанов, командный состав польской армии включал «цвет польского и отчасти русского офицерства, испытанного в многочисленных сражениях прошлой войны, прошедшего специальные военные школы. И не только польского и русского... Отборные французские, отчасти и английские офицеры отдали все свое военное искусство и опыт на службу

¹ CAW. I.303.9.3. Л. 7.

² Wojtaszak A. Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005. S. 122–123.

польских панов»¹. Позднее Скворцов-Степанов «узнал, что количество русских по происхождению офицеров в польской армии очень невелико, да и те, которые вступили в ее ряды, тяготятся своим положением. Польские офицеры относятся к ним с нескрываемой подозрительностью, рядовые проявляют прямую вражду. Нередки случаи оскорбительных выходок. Пилсудский и К° и в ничтожной мере не использовали тех дополнительных сил, которые могли бы им дать бывшие царские офицеры русского происхождения.

Сначала я склонен был видеть в этом просто промах теперешних польских властей. Но, вдумавшись в дело, нахожу, что трудно быть умным в их положении»². И далее: «Польские власти... придавали этой войне характер старинных, национальных, захватнических войн. Если же война захватническая, национальная... то как могли бы они доверять, — как вообще могли бы терпеть в своих рядах украинских и русских офицеров? Эти офицеры могли бы служить польскому делу только путем прямой, наглой, циничной измены своей родине. И для этой измены и предательства не оставалось никакого прикрытия. Немудрено, что русские офицеры встретили в польской армии самое оскорбительное и презрительное отношение к себе. Они вполне его заслужили...»³

В польской армии служили не менее 16 выпускников Николаевской академии, включая девять курсовиков (в том числе выдающийся польский военачальник В. Андерс). Ряд польских офицеров прошли обучение на ускоренных курсах Военной академии в Томске в 1919 г. и вернулись в Польшу уже позднее. Польские выпускники академии разделили историю Польши первой половины XX в.: майор Э. Вернер был убит во время Советско-польской войны, некоторые погибли в годы Второй мировой войны (генерал Е.М. де Генинг-Михелис погиб во время гитлеровского вторжения в Польшу; генерал В.А. Дзевановский вместе с сыном погибли в ходе Варшавского восстания; майор Б.А. Родзеиовский был расстрелян НКВД в Катыни; полковник С.И. Соллогуб-де-Война по одной версии был застрелен в сентябре 1939 г. при невыясненных обстоятельствах, по другой — умер в тюрьме во Львове или в ссылке; полковник В.В. Волковицкий также погиб в 1939 г. в Восточной Польше в период наступления Красной армии), другие оказались в эмиграции, майор Ю.И. Куликовский прошел через ГУЛАГ.

Выпускники Николаевской военной академии, являвшиеся этническими финнами, были немногочисленны. По некоторым данным, таких было 16 человек⁴. Все же в русской армии на начало 1917 г. служили более 450 офицеров-финляндцев.

Как и польская армия, финские вооруженные силы имели несколько различных источников комплектования офицерским составом. В 1918–1919 гг. в финской армии служило несколько десятков генералов и офицеров русской армии,

¹ Степанов И. [Скворцов-Степанов И. И.] С Красной армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. М., 1920. С. 11.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 19.

⁴ Никитин В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017. С. 8.

некоторые были выпускниками академии Генерального штаба. Как и для ряда других национальных армий, возникших на развалинах Российской империи, для финской армии было характерно постепенное вытеснение выходцев из русской армии с руководящих постов и замена их офицерами иного происхождения – прибывшими из Германии радикально антироссийски настроенными финскими добровольцами – участниками егерского движения из 27-го егерского батальона германской армии¹, а также шведскими офицерами-генштабистами². На фоне того, что в Финляндии шли этнические чистки русского населения³, бывшие русские офицеры воспринимались егерями с недоверием как представители государства, подавлявшего национальную независимость. Несколько десятков егерей получили генеральские чины в финской армии и влияли на развитие вооруженных сил вплоть до второй половины XX в. Тем не менее выходцы из русской армии заняли ряд важных руководящих постов. Отцом-основателем финской государственности является бывший русский генерал-лейтенант барон К.-Г. Маннергейм (негенштабист). Начальниками финского Генштаба некоторое время состояли генерал А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг, а также известный военный разведчик, полковник русской армии О.К. Энкель (с 12 сентября 1919 г., на этом посту Энкель находился до 1924 г.). Оппонент Маннергейма бывший генерал-майор П.К. фон Герих в конце 1917 г. создал крупное белое формирование численностью около 10 000 человек и некоторое время являлся неформальным главнокомандующим финскими белыми войсками⁴. Он же в конце 1917 г. возглавил первую финскую военную школу, позднее командовал дивизией, преподавал тактику в кадетском корпусе. Полковник (затем – генерал) К.К. Вилькман командовал группой войск, а с 31 мая по 13 августа 1918, с 1 января по 19 июня 1919 и с 12 сентября 1919 по 7 августа 1924 г. был главнокомандующим финской армией. Руководил егерями бывший пленный русский генштабист полковник В.В. Теслев, ставший в 1918 г. военным министром и главнокомандующим финской армией (с 13 августа 1918 г.). Однако уже в 1920 г. на страницах печати звучали призывы изгнать из армии финских офицеров, ранее служивших в русской армии. В дальнейшем процесс изгнания бывших русских офицеров из армии нарастал. За период 1920–1926 гг. в отставку были отправлены 83 офицера, 6 погибли, один застрелился⁵. В начале 1918 г. в финскую армию поступили 84 шведских офицера, что также вызывало определенные трения и языковые проблемы. Таким образом, в финской армии сочетались три военные школы – русская, шведская и германская. В целом, численность финского офицерского корпуса была невелика. С учетом резервистов на 1919 г. она составляла около 880 человек, на 1921 г. – 730 человек⁶.

¹ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 83.

² Гольц Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015. С. 53.

³ См., напр.: Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб., 2013; Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год. СПб., 2012.

⁴ Westerlund L. Polle. Ryssen som blev faktisk överbefälhavare. Generallöjtnanten Paul von Gerich 1873–1951. Helsingfors, 1997. Del. 2. P. 444.

⁵ Никитин В. В. Финская армия: русский след. С. 22.

⁶ Подсчитано по: Preliminär tjänsteställningslista öfver aktiva officerare och reservofficerare i aktiv tjänst vid armen. Helsinki, 1919; Virkaikäluetello upseereista vakinaisessa sotapalveluksessa 1.3.1921.

Самостоятельные национальные армии возникли и в Прибалтике. Несмотря на то что эти армии были сравнительно невелики, Латвия, Литва и Эстония сумели завоевать независимость в период Гражданской войны. Неудивительно, что события 1918–1920 гг. в официальной исторической памяти этих государств носят примерно похожие наименования Войны за независимость (Литва и Латвия) или Освободительной войны (Эстония). Между тем все эти конфликты являлись составной частью Гражданской войны в регионе¹.

В начале 1919 г. территория Латвии почти полностью была занята частями РККА, армию Советской Латвии возглавлял сам советский главнокомандующий И. И. Вацетис – этнический латыш. Однако в дальнейшем в результате наступления эстонских и финских войск части РККА были вынуждены отойти (18 февраля 1919 г. было заключено соглашение между латвийским и эстонским правительствами об оказании эстонской армией помощи в освобождении Латвии и о формировании латвийских войск в подчинении эстонского командования). Перешли в наступление и германские войска, находившиеся в Латвии. Ими командовал генерал Р. фон дер Гольц. 22 мая 1919 г. немецкие войска с немалыми потерями взяли Ригу, однако успехи немцев привели летом 1919 г. к столкновениям с эстонскими и латышскими частями, в ходе которых немцы потерпели поражение. Латвийское правительство взяло под контроль территорию страны, что позволило из разрозненных частей создать единую армию.

Первым главнокомандующим латвийской армией стал Д. П. Симонсон – бывший генерал-майор русской армии, окончивший академию по 2-му разряду. Симонсона на посту главнокомандующего в 1919 г. сменил бывший капитан русской армии Я. Балодис (негенштабист), возглавивший борьбу против немцев и белых и остававшийся на этом посту до 1921 г. Начальником Генерального штаба с конца 1919 г. являлся генерал П. К. Радзин, ранее служивший в армии УНР. Германское командование, не желая под давлением Антанты выводить свои войска из Прибалтики, прибегло к уловке, разрешив личному составу поступать на службу в Западную добровольческую армию генерал-майора князя П. Р. Бермондта-Авалова, изначально состоявшую из русских военнопленных, находившихся в Германии. Эта армия осенью 1919 г. развернула наступление на Ригу якобы для соединения с белыми в Эстонии, чем вносила раскол в ряды белых. Ценой значительных усилий армия Бермондта была разбита латвийскими и эстонскими войсками.

Поступившие в латвийскую армию офицеры-латыши слабо знали родной язык. Для пополнения офицерских кадров в Латвии было открыто военное училище. За неимением собственной военной академии офицеров-латышей, стремившихся получить высшее военное образование, командировали в иностранные академии. В Риге осенью 1919 г. открылась Военная пехотная школа, первый выпуск которой (300 слушателей) был осуществлен в мае 1920 г.² На 3 октября 1919 г. в латвийской

¹ Екабсонс Э. Латвия, Литва и Эстония в 1918–1940 гг.: сходства и различия // Латвия и латыши. Рига, 2019. Т. 2. С. 600.

² Rutkiewicz J. Wojsko Łotewskie 1918–1940. Warszawa, 2005. S. 133.

армии служили 2371 офицер и военный чиновник. Общая численность латвийского офицерского корпуса к 1920 г. составляла более 1800 человек^I, а всего армия насчитывала на пике своей численности в январе 1920 г. более 73 000 человек^{II}. Через ряды армии прошли 23 выпускника Николаевской академии.

К осени 1917 г. в русской армии служило порядка 3000 офицеров эстонского происхождения, причем $\frac{2}{3}$ офицеров-эстонцев оказалось в 1918 г. и позднее на службе в эстонской национальной армии. Многие офицеры будущих прибалтийских армий до революции вместе учились в Виленском военном училище. Несколько сотен офицеров перешли в эстонскую армию из эстонских национальных частей русской армии. Эта группа офицеров проявила себя наиболее активно в период Гражданской войны, поскольку обладала достаточно высоким уровнем национального самосознания. В конце 1917 г. в составе русской армии была сформирована Эстонская дивизия, причем с командным составом, подобранным по национальному признаку. Во главе дивизии был поставлен подполковник И.Я. Лайдонер при начальнике штаба подполковнике И.Г. Соотсе и старшем адъютанте капитане Н.А. Рееке. Фактически созданная русской Ставкой дивизия стала основой будущей эстонской армии.

76% офицеров эстонской армии периода 1918–1920 гг. были офицерами военного времени, многие из них закончили службу в русской армии штабс-капитанами. Молодежь, по всей видимости, еще недостаточно инкорпорировалась в среду офицерства русской армии и была больше связана со своей малой родиной.

Диаметрально противоположным было поведение старших офицеров эстонского происхождения, которые не горели желанием вставать на национальные рельсы. Из трех генералов-эстонцев в войне за независимость Эстонии не участвовал ни один, из 22 полковников-эстонцев и 32 подполковников участвовало только по 4 человека соответственно. Таким образом, 57 генералов и штаб-офицеров эстонского происхождения дали эстонской армии только 8 руководящих работников^{III}. Через ряды эстонской армии прошли 18 выпускников академии, в том числе 4 курсовика. Успешную карьеру сделали пятеро: А.И. Ларка, И.Я. Лайдонер, А.И. Парв, И.Г. Соотс и И.И. Терванд (Тырванд). Менее значимые посты заняли А.А. Лауриц (он вступил в армию значительно позднее) и В.И. Мутт.

По оценкам современных эстонских военных историков, генштабисты не шли в эстонскую армию из-за отсутствия должностей. Интересно, что летом 1918 г. в Эстонии оказался знаменитый А.И. Корк, впоследствии прославившийся в рядах РККА. В то время Корк искал работу школьного учителя или писаря, а в 1917 г. принимал участие в национальном военном строительстве. Таким образом, он мог также оказаться в эстонской военной элите. Благодаря тем генштабистам, которые попали в эстонские войска, Эстония смогла создать собственные вооруженные силы и отстоять независимость в период 1918–1922 гг.^{IV}

^I Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940: Biogrāfiska vardnica. Rīga, 1998. Lk. 522.

^{II} Екабсонс Э. Укрепление латвийской государственности: военные события (1918–1920 гг.) // Латвия и латыши. Т. 2. С. 496.

^{III} Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2010. Lk. 608.

^{IV} Подробнее см.: Крезнстром М. Эстонские офицеры на фронтах Гражданской войны в России // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri (Тарту; Таллин). 2010. Спецвыпуск по истории Эстонии XX в. С. 26–41.

Зарождению национальной эстонской армии благоприятствовал фактор немецкой оккупации Эстляндии в 1918 г. Создателями эстонских вооруженных сил могут считаться офицеры русской армии, выпускники академии подполковники И.Я. Лайдонер и А.И. Ларка. Ларка в 1918 г. являлся военным министром. Будучи арестован НКВД в 1940 г., он показал, что в 1918 г. «немецкая тайная полиция установила за мной наблюдение, я опасался своего ареста, а поэтому вынужден был бежать из Эстонии. После ухода из Эстонии немцев я возвратился на родину»^I. Находясь за границей, Ларка пытался добиться поддержки от скандинавских правительств^{II}. По возвращении в Эстонию занимал посты военного министра и начальника Генерального штаба, а позднее — помощника военного министра.

Лайдонер в 1918 г. зарегистрировался в Советской России как специалист Генерального штаба^{III}, собираясь пойти в РККА. Однако большевикам он служить не стал, а в возрасте 34 лет 23 декабря 1918 г. занял пост главнокомандующего эстонской армией. В Эстонии не нашлось более высокопоставленных и старших претендентов на этот руководящий пост. Лайдонер сумел получить признание в офицерской среде. Тем более что уже к началу февраля 1919 г. эстонская армия взяла территорию республики под свой контроль. В январе 1919 г. Лайдонер был произведен в генерал-майоры. В июне 1919 г. эстонские войска в Латвии одержали победу над войсками германского генерала Р. фон дер Гольца, защитив дружественное Эстонии латвийское правительство. Ближайшим военным советником Лайдонера был начальник оперативного штаба И.Г. Соотс.

Лайдонер оказывал поддержку белым на Северо-Западе России^{IV}. Впрочем, белое командование относилось к нему недоброжелательно. Интересную зарисовку взаимоотношений Лайдонера с белым командованием и менталитета последнего содержит дневниковая запись видного участника Белого движения на Северо-Западе России контр-адмирала В.К. Пилкина от 15 февраля 1919 г. в связи с постройкой бронепоезда: «Лайдонер, главноком[андующий], сказал...: «Дайте независимость, и тогда получите поезд». И это говорит русский офицер?! Нет хуже ренегата! Неужели не настанет момент, когда ему припомнят его слова»^V. Таков был взгляд на Лайдонера носителей российского имперского сознания, отрицавших возможность существования национальных государств. Для эстонцев же Лайдонер был национальным героем, под руководством которого они смогли сохранить независимость^{VI}. После завершения войны за независимость Лайдонер стал членом эстонского парламента, а после переворота 1934 г., руководящую роль в котором наряду с премьер-министром К. Пятсом сыграл Лайдонер, даже стал формироваться своеобразный культ его личности.

Несколько офицеров Генерального штаба — выходцев из русской армии смогли объединить вокруг себя националистически настроенную офицерскую молодежь и создать национальную армию. В ноябре 1918 г. в так называемой эстонской войне

^I ERAF. 129SM.1.25369. Л. 49.

^{II} Ланник Л. В. После Российской империи: Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 174.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 582.

^{IV} См., напр., об этом: Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). С. 203.

^V Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 110.

^{VI} Подробнее см.: Rosenthal R. Laidoner — väejuht. Tallin, 2008; Kindral Johan Laidoner — 115 aastat sünnist. Tallinn, 1999.

за независимость в рядах национальной армии приняли участие около 2000 офицеров. К июлю 1919 г. в войсках оставалось 1109 офицеров.

В эстонской армии остро ощущалась нехватка высококвалифицированных кадров, в частности офицеров Генерального штаба и лиц с серьезным командным опытом. Особенно серьезным был недостаток офицеров-генштабистов в центральных органах военного управления и в дивизионных штабах. В результате органы военного управления (штаб главнокомандующего, Генеральный штаб, штабы дивизий) были заполнены младшими офицерами, не обладавшими необходимой подготовкой и опытом. Во всей эстонской армии только два офицера имели опыт командования полками (русской армии). Офицеров с опытом командования бригадами и дивизиями не было вообще. Сам главнокомандующий Лайдонер в русской армии был начальником штаба дивизии. Отдельной проблемой был поиск подходящих кадров для артиллерии и технических частей (в соответствующих подразделениях русской армии офицеры-эстонцы служили лишь на младших должностях). По возрасту эстонские офицеры были очень молодыми. Командирам бригад и отдельных пехотных батальонов в среднем было по 32 года, командирам дивизий — по 35 лет. Не менее 80 % офицеров эстонской армии в годы Гражданской войны находились в возрасте до 30 лет. Между офицерами и солдатами были не столь сильные различия, как в старой армии.

Вследствие нехватки старшего и высшего командного состава ротации на руководящих постах почти не наблюдалось. По подсчетам эстонских военных историков, за период 1918–1920 гг. на уровне командиров бригад находилось от одного до трех офицеров. Старшие офицеры были перегружены работой. Сравнивая кадры офицеров эстонской армии и РККА, эстонские военные историки, признавая превосходство красных в старшем командном составе на фронтовом, армейском и дивизионном уровне, отмечают преимущества эстонских командиров в бригадном, батальонном и ротном звене¹. С такой оценкой можно согласиться, поскольку квалифицированный командный состав буквально растворялся в многомиллионной Красной армии, тогда как в куда более компактных эстонских вооруженных силах был сконцентрирован. Однако рассчитывать на успех в затяжной войне с красными такая армия не могла.

Часть офицеров поступила в эстонские войска после разгрома белой Северо-Западной армии. В общей сложности не менее 250 офицеров перешло в эстонскую армию из РККА и не менее 500 из белых армий.

Помимо собственно эстонцев в эстонской армии служили офицеры других национальностей — русские, немцы, латыши, финны, шведы, поляки. Больше всего офицеров других национальностей служило в эстонском военно-морском флоте, меньше всего — в пехотных частях. Как и в других национальных армиях, руководство эстонской армии болезненно реагировало на немалый процент офицеров, не владевших национальным языком. В конце мая 1920 г. приказом военного министра всем офицерам под угрозой разжалования было предписано в течение полугода выучить эстонский язык. В 1922–1924 гг. 183 офицера и военных чиновника были уволены со службы из-за незнания языка, 13 офицеров по той же причине

¹ Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas 1918–1920. P. 611.

разжалованы в рядовые. Офицеры-эстонцы служили и в других армиях Гражданской войны – в Красной, белых и украинских¹. Отдельные офицеры за период Гражданской войны успели послужить во всех трех прибалтийских национальных армиях – например, бывший подполковник В.А. Озол (Озолс)². По предложению Лайдонера 22 апреля 1919 г. в Эстонии открылась военная школа, готовившая офицерские кадры по принципу подготовки прапорщиков военного времени русской армии. Первый выпуск 106 слушателей состоялся 3 августа 1919 г.

После заключения РСФСР мирного договора с Эстонией (в мирных переговорах с эстонской стороны участвовали И.Г. Соотс³ и В.И. Мутт⁴) туда перебрались некоторые бывшие офицеры, служившие в Красной армии. Например, известный военный ученый, генштабист Д.К. Лебедев и некоторые другие военспецы. Сходный процесс происходил и в других республиках.

Национальное самосознание литовцев к началу Гражданской войны было значительно ниже, чем у латышей и эстонцев. В Литве существовало сильное польское влияние. Офицеры-литовцы были немногочисленны и являлись в основном недавними прапорщиками без какого-либо опыта. Тем не менее в конце 1918 г. литовская армия также начала создаваться. Первоначально в ней значилось всего несколько десятков офицеров. Военным министром и главнокомандующим молодой армией стал генерал-майор русской армии С.К. Жуковский (Жаукаускас) (негенштабист). К 3 мая 1919 г. в армии насчитывалось 440 офицеров, 127 чиновников и 10 729 солдат. В Каунасе 25 января 1919 г. открылась военная школа, выпустившая 6 июля 1919 г. 89 офицеров и 7 сержантов, а 16 декабря 1919 г. – 200 офицеров и 24 сержанта. К 25 сентября 1919 г. офицерский корпус литовской армии насчитывал 676 человек, а к 1 июля 1920 г. – уже 957 человек⁵.

Генштабисты в литовской армии были единичны. Всего на протяжении 1918–1922 гг. здесь в разные периоды служили только восемь выпускников академии. Наиболее известной фигурой был генерал Л.А. Радус-Зенкович, перебравшийся в Литву лишь в конце 1920 г. после двух с лишним лет службы в РККА.

О том, насколько дефицитными были кадры Генштаба в Литве в конце 1920 г., свидетельствует приглашение, полученное Радус-Зенковичем перед поступлением в литовскую армию из Ковно от военного министра и датированное 11 декабря 1920 г.: «Господин генерал! От г[осподи]на Балтрушайтиса узнал, что Вы уже окончательно освободились от службы РСФСР и находитесь при нашей миссии. Думаю, что Вам как военному и офицеру Генерального штаба нельзя в настоящее время свои знания держать неиспользованными. Как военный министр и Ваш бывший ученик жду Вашего приезда как можно скорее. Подробнее расскажет Вам г[осподи]н Балтрушайтис, теперь же еще раз повторяю: немедленно приезжайте

¹ Kröönström M. Eesti sõjaväe juhtivkoosseis Vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2008. P. 303–309; Абисогомян Р. Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие: Магистер. дис. Тарту, 2007. С. 45–46.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Агент Золя. Солдат пяти армий, узник пяти режимов – советский военный разведчик Вольдемар Озолс // Старый Цейхгауз. 2019. № 84. С. 84–96; Его же. 50 офицеров. С. 627–635.

³ ERAF. 130SM.1.3345. Л. 25.

⁴ ERAF. 130SM.1.14805. Л. 10.

⁵ Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Киев, 2011. С. 386–387, 432.

в Литву, где Вам гарантирую труд, соответствующий Вашим знаниям и житейскому опыту, а также нравственный отдых и... кусок хлеба не по карточкам.

Если почему-либо Ваше семейство с Вами не может выехать одновременно, то г[осподи]н Балтрушайтис обещал мне позаботиться об его эвакуации в ближайшие дни.

Не забудьте захватить с собою, господин генерал, Ваши научные труды и побольше военной литературы.

Из Риги телеграфируйте о Вашем приезде»^I.

Министр сдержал слово — Радус-Зенкович в Литве был обласкан и окружен почетом и уважением. Выпускники академии в Литве в основном оказались на военно-педагогической работе. Радус-Зенкович стал начальником Высших офицерских курсов. Там же работали Ю.Ю. Бетхер, К.Б. Болецкий и С.С. Чернивецкий.

Не у всех офицеров служба в Литве сложилась благополучно. Генерал К.К. Клещинский (Клещинскас) в мае 1927 г. был осужден за шпионаж в пользу СССР и расстрелян. О взглядах этого офицера известно немного. На службу в литовскую армию он поступил в 1919 г. и быстро сделал отличную карьеру. Служил инструктором, начальником штаба Паневежской группы войск, командиром бригады, дивизии, помощником начальника Генерального штаба, участвовал в боевых действиях против белых, красных и поляков. Принимал участие в заключении договора с германским командованием и в заключении договора с латвийской армией. В ходе Советско-польской войны 14 июля 1920 г. Вильно было взято частями РККА в результате ожесточенного боя. 26 августа Вильно — древнюю литовскую столицу — передали властям Литвы. На улицах началось братание бойцов РККА и литовской армии. Клещинскому было поручено участие в символической акции — передаче Литве ключей от города. Ключи передавал командир 3-го конного корпуса РККА Г.Д. Гай. При этом Клещинский воскликнул: «Да здравствует Красная армия! Дай бог ей побед!»^{II} С августа 1920 по июль 1921 г. Клещинский возглавлял литовский Генеральный штаб и стал генералом. За службу был награжден высшей наградой Литвы — крестом Витиса 1-й степени с мечами. В 1923 г. он был уволен из армии по причине разногласий с начальством и вмешательства в политику. По рассказам вдовы, его возмущал антирусский курс властей и такой же настрой элиты^{III}. Вдова генерала впоследствии утверждала, что «буржуазной Литве он не симпатизировал и говорил, что Литве прямой смысл соединиться с Советской Россией»^{IV}, а из тюрьмы прислал единственное письмо, в котором советовал уехать в СССР. Перед расстрелом генерал якобы заявил: «Я солдат, и повязка мне не нужна. Я погибаю за правое дело. Стреляйте без промаха»^V.

После присоединения Прибалтики к СССР в 1940 г. многие остававшиеся в живых к этому времени бывшие офицеры русской армии были депортированы вглубь СССР и подверглись репрессиям. Среди депортированных и арестованных были и главнокомандующие латвийской и эстонской армиями периода Гражданской

^I LCVA. Ф. 930. Оп. 2R. Д. 9. Л. 22.

^{II} LYA. Ф. 3377. Оп. 53. Д. 212. Л. 6.

^{III} Богдалов У. Генерал Клещинскас // Кузнецкий рабочий. 1966. 22.05. № 60 (10015). С. 4.

^{IV} LYA. Ф. 3377. Оп. 53. Д. 212. Л. 1.

^V Там же. Л. 7. Подробнее о Клещинском см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 618–626.

войны генералы Балодис и Лайдонер, прошедшие по 12–13 лет в заключении, причем Лайдонер в заключении и скончался.

Армии государств Закавказья

Офицеры русской армии служили и в армиях государств Закавказья. Создание национальных частей из закавказских народов было санкционировано решением Временного правительства от 28 июня 1917 г. Осенью 1917 г. в Закавказье в обстановке развала Кавказского фронта началось формирование национальных корпусов – Армянского, Грузинского, Мусульманского (позднее – Азербайджанского) и Русского, основу которых составляли части русской армии. В дальнейшем первые три корпуса стали основой национальных армий независимых закавказских республик.

Азербайджанская армия создавалась с нуля, поэтому ее становлению помогли турецкие инструкторы. В частности, с их помощью в июне 1918 г. в Гяндже была открыта школа прапорщиков, преобразованная в ноябре 1918 г. в военное училище на 250 слушателей, готовившее пехотинцев и артиллеристов. Первый выпуск состоялся уже в октябре. На протяжении 1919–1920 гг. были открыты кавалерийское, артиллерийское, инженерное училища, а также авиационная и военно-фельдшерская школы. Однако ускоренные выпуски готовили неквалифицированных офицеров.

В анонимном очерке «Бакинские события» об азербайджанском офицерском корпусе говорилось следующее: «Многолетнее систематическое непривлечение их к воинской повинности не мешало им дать русской армии множество прекрасных офицеров, с честью служивших государству»¹. Как и в некоторых других национальных армиях, у истоков создания азербайджанской армии стояла группа национально ориентированных старших офицеров, служивших в русской армии. 7 ноября 1918 г. была учреждена должность товарища военного министра, на которую пригласили генерала от артиллерии С.-Б. С.-Б.-оглы Мехмандарова (негенштабиста) с возложением на него задачи сформировать Военное министерство. 25 декабря 1918 г. Мехмандаров был назначен военным министром, а 29 декабря его помощником стал генерал-лейтенант А.-А. И.-А. оглы Шихлинский (негенштабист), ранее командовавший Азербайджанским корпусом. Офицеры штаба корпуса при его расформировании пополнили аппарат Военного министерства².

Азербайджанский корпус на октябрь 1918 г., согласно докладу полковника Г.Б. Салимова, существовал практически только на бумаге³. Имелись потрепанные остатки двух турецких полков, не было офицеров, лошадей, обмундирования и снаряжения. Войска находились в полуголодном состоянии.

15 ноября 1918 г. был создан Главный штаб с отделами: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, интендантским, инженерным, артиллерийским, военно-санитарным, военно-учебным, топографическим и контроля. Начальником Главного штаба был назначен полковник (позднее – генерал-майор) Г.Б. Салимов. На следующий день Баку заняли английские войска, а Военное министерство 22 ноября переехало в Гянджу. После того как турки в середине декабря 1918 г. окончательно

¹ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

² Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 16.

³ ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 23. Л. 1.

покинули пределы Азербайджана, началась работа Военного министерства, так как ранее войска в оперативном отношении подчинялись турецкому командованию Кавказской армии Нури-паши^I. Положение Военного министерства тогда было очень тяжелым: не имелось запасов обуви, обмундирования, снаряжения, не было офицеров, унтер-офицеров и рядовых. В 1919 г. отделы генерал-квартирмейстера и дежурного генерала были развернуты в управления Главного штаба.

При Военном министерстве в январе 1919 г. был создан Военный совет в составе начальников дивизий, начальника Главного штаба, начальников артиллерийского и интендантского управлений, генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, генерала для поручений и начальника инженерного отдела^{II}. Позднее в него вошел и начальник Генерального штаба. Работу Военного совета в условиях мирного времени нельзя назвать напряженной. Например, в совете в конце 1919 г. рассматривались образцы сахарных леденцов для военного ведомства^{III}.

Опыт работы Главного штаба показал, что в одном учреждении невозможно было сконцентрировать разработку вопросов по подготовке к войне, хозяйственных вопросов, вопросов быта и службы войск. Из-за перегрузки сотрудников вопросы решались медленно. Между тем для выделения из ведения Главного штаба части Генерального штаба не хватало кадров^{IV}.

Приезд весной 1919 г. в Азербайджан генерал-лейтенанта С.А. Сулькевича позволил создать ГУГШ. Это был опытный генерал, участвовавший в трех войнах. Предполагалось, что он сможет наладить службу Генштаба в Азербайджане. Начальником Генерального штаба генерал был назначен 19 марта 1919 г. Структура ГУГШ включала отделы: генерал-квартирмейстера и военно-топографический, а также службу связи. Эти структурные подразделения передавались из Главного штаба. ГУГШ должно было разрабатывать вопросы организации, обучения и дислокации войск. В ведении Главного штаба оставались вопросы комплектования, размещения и внутреннего хозяйства войск^V. Отдел генерал-квартирмейстера включал отделения: оперативно-мобилизационное (разработка планов войны, выбор районов сосредоточения и их подготовка, составление мобилизационных планов); строевое и отчетное (разработка организации армии, дислокация и обучение войск); разведывательное и контрразведывательное (сбор сведений о возможных противниках, военная агентура за границей, борьба со шпионажем внутри страны); службу связи. Военно-топографический отдел (снабжение штабов и войск картами, съемка планов и составление новых карт) был оставлен в непосредственном подчинении начальника Генштаба^{VI}. В случае мобилизации ГУГШ должно было стать штабом армии и выступало в поход вместе с войсками. Главный штаб при этом превращался в тыловое военно-окружное управление.

По-видимому, Сулькевич обещал организовать прибытие из Крыма и других офицеров Генерального штаба – мусульман^{VII}. По приезде этих специалистов

^I ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 30. Л. 302.

^{II} ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 35. Л. 8.

^{III} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 15. Л. 95.

^{IV} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

^V ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 35. Л. 86.

^{VI} Там же. Л. 102.

^{VII} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 26. Л. 30б.

предполагалось создать в Генштабе отдел военных сообщений, который бы ведал подготовкой железных дорог и иных путей сообщения для военных целей, а также занимался бы кадрами технических войск и устройством тыла в отношении подвоза довольствия. На посту начальника ГУГШ Сулькевич пробыл до 17 февраля 1920 г., когда был уволен со службы, а его место временно занял генерал Салимов¹.

2 марта 1920 г. Главный штаб и ГУГШ были соединены в единый Штаб Азербайджанской армии, который возглавил генерал Салимов с правами командира корпуса². Структура штаба включала управления генерал-квартирмейстера (отделения: оперативно-разведывательное; мобилизационное и отдел местных войск; военных сообщений; строевое и общее; команда связи) и дежурного генерала (отделения: общее, инспекторское, пенсионное). В штаб входили также военно-топографический отдел и военно-судная часть.

В войсках Азербайджанской демократической республики помимо азербайджанцев также служили русские и грузинские офицеры³. В офицерском составе было немало тех, кто не владел азербайджанским языком. Делопроизводство на протяжении 1918–1920 гг. велось на русском языке. Азербайджанские власти культивировали офицерский корпоративизм. Русские офицеры, оставшиеся на территории Азербайджана, шли в азербайджанскую армию из-за отсутствия средств, причем многих в 1918 г. не смущало получение продовольственного пайка и денежного вознаграждения от недавних врагов — турок. Появление в армии русских офицеров вызывало недовольство националистов. Тем более что русские офицеры были настроены в пользу белых. Звучали угрозы и в адрес руководства азербайджанской армии, которое шло на сотрудничество с русскими. В частности, такие угрозы поступали в адрес военного министра Мехмандарова. В декабре 1918 г. произошло восстание в гарнизоне Агдама. Среди требований восставших были немедленное удаление из армии русских офицеров и замена их турецкими.

Обстановка обострилась после скандального ареста в апреле 1919 г. капитана А. С. Чернышева, который возглавлял деникинскую разведывательную сеть в азербайджанской армии. Агенты Чернышева работали в азербайджанском Главном штабе, имели выходы на высшее руководство Азербайджанской республики⁴. Организация Чернышева работала как в интересах ВСЮР, так и в интересах английского командования в Закавказье. Военно-политическое руководство Азербайджана оказалось в тупиковой ситуации: оно должно было избавиться от русских офицеров, но заменить их было нечем. Тем более что привлечению турецких офицеров препятствовали англичане. Характерно, что на допросе Чернышев заявил, что не считает себя виновным, так как работал на своей территории, т. е. на территории бывшей Российской империи, тогда как существование независимого Азербайджана никем не признано. Военный министр предлагал уволенных из армии русских офицеров удалять из пределов Азербайджана, но не знал, позволяет ли так поступать

¹ ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 39. Л. 90об.

² Там же. Л. 108.

³ Дарабади П. Г. оглы. О вооруженных силах Азербайджанской демократической республики (1918–1920 гг.) // Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. 1991. № 1. С. 29–30.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 98–123.

политическое положение, из-за чего запрашивал Совет министров^I. В итоге в связи с этим делом часть русских офицеров через территорию Грузии действительно была выслана на Юг России. 9 (22) ноября 1919 г. главнокомандующий ВСЮР генерал А. И. Деникин издал приказ, касавшийся выходцев из русской армии, служивших в вооруженных силах Азербайджанской республики: «Ввиду враждебного отношения азербейджанских властей к русской армии и ввиду вероломного покушения азербейджанских войск на земли Армении, приказываю всем офицерам русской службы, состоящим в азербейджанских войсках, покинуть их ряды»^{II}.

Через ряды азербайджанской армии прошли 11 выпускников и слушателей старшей академии. Тяжелое положение с кадрами Генштаба видно из факта занятия ключевых постов начальника Главного штаба и начальника штаба армии не выпускником академии мирного времени, а курсовиком генерал-майором Г. Б. Салимовым (ранее — начальник штаба Мусульманского корпуса). Показательно и то, что и. д. генерал-квартирмейстера ГУГШ в мае 1919 г. был назначен подполковник М. М. Бек-Зейналов, который окончил лишь младший класс ускоренных курсов академии^{III}. Об отсутствии кадров свидетельствует и незамедлительное назначение полковника В. Н. Соколова и. д. генерал-квартирмейстера Главного штаба с 14 января 1919 г. — дня его зачисления в войска Азербайджанской республики^{IV}. Когда летом 1919 г. потребовалось назначить кадрового офицера военным атташе в Армении, не могли подобрать подходящего кандидата, причем военный министр Мехмандаров сообщил министру иностранных дел, что найти претендента «пока не представляется возможным»^V, а сбор сведений об армянских войсках поручили военному атташе в Грузии, который вел совместно с грузинским Генштабом тайную разведку.

По-видимому, кадровая работа в Азербайджане находилась не на высоте, так как известны примеры пребывания ценных для армии выпускников академии на гражданской службе. Например, генерал-майор А. А. Хлебников с осени 1918 г. служил делопроизводителем Министерства финансов^{VI} и лишь в 1920 г. попал в армию. На частной службе в 1918–1920 гг. находился полковник П. И. Даниельсон, окончивший два класса академии^{VII}.

По мере прибытия более квалифицированных специалистов прежние назначения заменялись ими. Так, в июле 1919 г. прибывший из грузинской армии полковник В. Д. Каргалетелли (Каргалетели) тут же получил назначение на высокий пост генерал-квартирмейстера ГУГШ^{VIII}, причем в периоды отсутствия начальника Генерального штаба генерала Сулькевича временно замещал его^{IX}.

Как и в других армиях, генштабисты занимались военно-административной, организационной, оперативной, разведывательной и контрразведывательной,

^I ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.

^{II} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 64.

^{III} ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 35. Л. 204.

^{IV} Там же. Л. 15.

^V ГААР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 61. Л. 8.

^{VI} ГААР. Ф. 246. Оп. 1с. Д. 305. Л. 31.

^{VII} Там же. Л. 39.

^{VIII} ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 40. Л. 43.

^{IX} Там же. Л. 78; Ф. 2894. Оп. 1. Д. 39. Л. 44, 71.

мобилизационной работой, переработкой уставов, разработкой штатов, составляли различные инструкции и наставления. Например, подполковник М.М. Бек-Зейналов в мае 1919 г. был назначен председателем комиссии для выработки «Наставления для мобилизации войск Азербайджанской республики»^I. В некоторых случаях на генштабистов возлагались руководство боевыми операциями и даже карательные функции. Например, генерал Г.Б. Салимов в сентябре 1919 г. был направлен в район Ленкорани во главе отряда из трех родов оружия для восстановления порядка и власти правительства^{II}. За успешное выполнение приказа Салимов получил благодарность военного министра. В качестве военных экспертов генштабисты принимали участие в международных переговорах. Так, 16 июня 1919 г. было заключено оборонительное соглашение между Азербайджаном и Грузией, в подписании которого участвовали выпускники академии из состава обеих армий — член Военного совета Грузии генерал И.З. Одишелидзе и помощник военного министра генерал А.К. Гедеванишвили (Гедеванов), а с азербайджанской стороны начальник Генерального штаба генерал С.А. Сулькевич^{III}. Разумеется, выпускники академии были задействованы и на преподавательской работе. В частности, в Гянджинской школе прапорщиков курс тактики вели генерал Г.Б. Салимов, полковник В.Д. Каргалателли и подполковник М.М. Бек-Зейналов^{IV}.

Вклад некоторых генштабистов в укрепление азербайджанской армии зафиксирован в документах. В частности, сохранился рапорт в Главный штаб начальника конной дивизии от 11 сентября 1919 г., посвященный представлению к внеочередному производству в полковники вр.и.д. начальника штаба дивизии подполковника К.В. Чугункова. В документе указано, что это выдающийся офицер, который, по свидетельству бывшего командующего дивизией, «своим знанием, энергией и упорным трудом» способствовал успешному формированию дивизии^V. Чугунков совмещал должности начальника штаба дивизии и старшего адъютанта. Однако производство не состоялось, поскольку военный министр наложил резолюцию «Обождать»^{VI}, а уже через месяц офицер был исключен со службы^{VII}.

Офицеры-азербайджанцы оказались замешаны в растратах и различных злоупотреблениях. Явление достигло таких масштабов, что на этот счет в 1918–1920 гг. издавались приказы по военному ведомству^{VIII}. Обычным делом стали преувеличенные данные о численности личного состава ради получения большего довольствия на «мертвые души», хищения вооружения и боеприпасов для их продажи.

В пятом выпуске «Сводки сведений о противнике на Кавказском фронте» по данным к 8 мая 1920 г., выпущенной типографией штаба Кавказского фронта РСФСР, отмечалось, что азербайджанская армия была разношерстной по своему составу и плохо одетой. Младший комсостав состоял из турецких офицеров,

^I ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 35. Л. 222.

^{II} Там же. Л. 375.

^{III} Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: Док. и мат. Баку, 1998. С. 108–110; Толчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940: в 4 кн. М., 2016. Кн. 1. С. 253–257.

^{IV} ГААР. Ф. 252. Оп. 2с. Д. 13. Л. 392–392об.

^V ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 11. Л. 305.

^{VI} Там же. Л. 340.

^{VII} ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 12а. Л. 165об.

^{VIII} См., напр.: ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 39. Л. 105.

высший – из русских. В войсках ощущалась нехватка патронов и пулеметов. Солдаты, по данным на апрель 1920 г., ждали прихода Красной армииⁱ. Азербайджанская армия была небоеспособной и фактически не оказала сопротивления частям 11-й армии РККА, за несколько дней занявшим территорию Азербайджана в апреле 1920 г. Некоторые офицеры перешли на службу в Красную армию, среди них был и генерал Шихлинский. Генерал Салимов занял должность начальника штаба Азербайджанской Красной армии и командующего войсками Карабахского района, 10 мая 1920 г. был уволен по собственному желаниюⁱⁱ, но через несколько дней вновь оказался на службе при штабе Красной армии с откомандированием в резерв инспектора пехоты 11-й армии, в сентябре был арестован, а в конце декабря расстрелян.

Общей чертой закавказских армий (за исключением грузинской) была острая нехватка квалифицированных офицерских кадров. Обилие офицеров в Грузии было обусловлено наличием здесь органов управления Кавказским фронтом, а также традиционным для грузинской аристократии выбором военной карьерыⁱⁱⁱ. По причине переизбытка множество офицеров было уволено из-за отсутствия штатных мест^{iv}, некоторые грузинские офицеры иногда переходили в армии соседних закавказских государств. Кроме того, офицеры не имели должностей нередко из-за не владения грузинским языком^v.

Несмотря на переизбыток национальных офицерских кадров, положение офицеров в грузинской армии было тяжелым. Назначения на ответственные посты осуществлялись нередко вовсе не по способностям кандидата, а исходя из лояльности офицера социалистической власти. Так, командиром Грузинского армейского корпуса стал полковник С.Г. Ахметелов (негенштабист), являвшийся родным братом одного из лидеров социал-демократической партии, начальником штаба корпуса стал социалист-федералист капитан И.К. Гедеванов^{vi} (за свою революционную деятельность он несколько лет провел в тюрьме)^{vii}, а несколько других руководящих постов в грузинских вооруженных силах занимали три его родных брата. Политики считали, что тем самым достигается баланс представительства двух партий в военном руководстве. В итоге корпус так и не был до конца сформирован. Тем не менее грузинские войска, созданные в 1918–1921 гг., превосходили армии Армении и Азербайджана.

Советский военный атташе П.П. Сытин писал об И.К. Гедевановиче: «Кончил по 2-му разряду академию Генерального штаба; до 1905 года служил в штабе

ⁱ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 584. Л. 216.

ⁱⁱ ГААР. Ф. 410. Оп. 1с. Д. 35. Л. 30б.

ⁱⁱⁱ Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985. С. 15; Безугольный А. Ю. Демократическая республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 91.

^{iv} Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 16.

^v ГААР. Ф. 2901. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

^{vi} Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 20.

^{vii} Силакадзе Д. Г. Русско-грузинская война. 100 историй. Тбилиси, 2022. С. 47.

дивизии (66[-й] рез[ервной]). В 1906 году принимал деятельное участие в ограблении Душетского казначейства (якобы с политической целью). Был судим, удален со службы. Занимался литературной и политической деятельностью. Видный деятель партии с[оциал]-ф[едералистов]. Русских не любит. После революции вновь поступил на военную службу и быстро из капитанов попадает в генералы. Никакой серьезной военной подготовки, не командовал даже ротой. Как командующий фронтом – полная бездарность, но с большими претензиями. [Н.Н.] Жордания¹, видимо, хорошо его раскусил и теперь недолюбливает»².

Сытин оставил резкую характеристику и генерала А.М. Джиджихии: «В первый же год войны попал в плен к германцам, откуда вернулся в 1918 году в чине капитана. Занимался в с[оциал]-д[емократической] партии, устроился в Народную гвардию и быстро дошел до ген[еральского] чина. Офицер Ген. штаба, в военном отношении подготовлен слабо, ибо ничем не командовал, пронырлив (как все мингрельцы), большой интриган. Получил должность, ибо больше в Народной гвардии некого было назначить»³. В докладе от 6 ноября 1920 г. характеристика несколько отличалась: «Офицер Генштаба, но весь его боевой опыт ограничивается первыми месяцами войны 1914 г., т.к. попал в плен в составе корпуса Самсонова. Прибыл из России в 1918 г. капитаном. Здесь командовал гвардейскими частями в войну с армянами и с Азербайджаном, особых военных талантов не выказал, но, конечно, среди всего командного состава гвардии был наиболее знающим офицером. Большой интриган. Как заведующий отделом поставил свою канцелярию на широкий, но вполне бюрократический лад. При назначении служащих и лиц командного состава склонен принимать больше во внимание частные интересы, чем интересы дела»⁴.

В грузинских войсках служили не менее 24 выпускников академии или курсов (в том числе курсов Кавказского фронта). Особенностью было явное преобладание выпускников старой академии над курсовиками. Генерал Г.И. Квинитадзе в своих воспоминаниях зафиксировал случай, когда в феврале 1919 г., уезжая начальником штаба на Ахалцихский фронт, просил дать себе в помощники генштабиста, подчеркивая, что нужен офицер довоенного выпуска⁵. В итоге ему предложили полковника А.Р. Нацвалова, который отнюдь не обрадовался, поскольку речь шла о переходе на нижестоящую должность. Квинитадзе отчитал офицера и сказал, что такой помощник ему не нужен.

Национальное самосознание ряда грузинских генштабистов ко времени революции, как и самосознание офицеров других окраин империи, оставалось достаточно слабым. Генерал П.И. Аверьянов характеризовал своего сослуживца генерала И.З. Одишелидзе следующим образом: «Громкой боевой славы в Великую войну он не заслужил, но был хорошим боевым генералом, о чем свидетельствовал полученный им Георгиевский крест. Никаких грузинских националистических тенденций я у него не замечал, большую часть своей службы на средних военных постах он провел вне Кавказа и Грузии и почти не говорил по-грузински»⁶.

¹ Председатель правительства Грузинской демократической республики.

² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

³ Там же.

⁴ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 186об.

⁵ Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 85.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 327.

Как и на Украине, в Закавказье тоже существовала проблема незнания старшими и высшими офицерами национального языка. Например, не владел родным языком один из организаторов грузинской армии и главнокомандующий генерал Г.И. Квинитадзе¹. Это подтверждал и генерал П.Н. Шатилов, по свидетельству которого Квинитадзе «совершенно ушел в сторону самостийности. Не зная вовсе грузинского языка, он стал усиленно его изучать, чтобы стать истинным грузинским самостийником»².

Власти относились к офицерской массе с подозрением, боялись бонапартизма, старались внести раскол и раздор в офицерский состав, некомпетентно вмешивались в технические вопросы военного дела, в армии поощрялось доноительство, производились обыски и аресты офицеров. В противовес армии была сформирована более политизированная Народная гвардия. Опытные офицеры изгонялись из армии, на их места приходила неподготовленная молодежь. Материальное положение офицерства было плачевным. Близкие к власти офицеры — члены социалистических партий и им сочувствующие — стремительно получали высокие чины (в том числе производством через чин), награды и назначения. Как следствие, некоторые офицеры преднамеренно вступали в левые партии только для того, чтобы быстрее продвинуться по службе и завоевать доверие гражданских властей. Именно так, например, поступил подполковник В.Д. Каргалетелли, записавшийся в эсеры. Благодаря своей партийности, Каргалетелли был избран в Грузинский национальный совет и даже вошел в доверие к его председателю А.И. Чхенкели. Далее решение о назначении этого офицера на высокий военный пост было чисто политическим. Каргалетелли стал начальником дивизии (один из высших постов по меркам грузинской армии), к чему не был подготовлен. Когда его несоответствие занимаемой должности стало очевидным, он был уволен, после чего в июле 1919 г. перешел в азербайджанскую армию. На новом месте офицер также преуспел в карьерном отношении. В Азербайджане было крайне мало генштабистов, что сразу открыло офицеру доступ на высокие посты в азербайджанском ГУГШ, где он стал генерал-квартирмейстером и получил генеральский чин. Генерал Г.И. Квинитадзе пытался переманить Каргалетелли обратно в грузинскую армию, но из этого ничего не вышло³. Каргалетелли в марте 1920 г. стал генералом азербайджанской армии, а после советизации Азербайджана перешел на сторону красных.

По воспоминаниям генерала Г.И. Квинитадзе, у грузинских генштабистов «единство доктрины, как принято понимать на военном языке, отсутствовало. Между тем высший командный состав был из состава одной и той же русской армии и в большинстве окончил одну и ту же академию Генерального штаба, которая, несомненно, должна была наложить на них один и тот же отпечаток. Разногласия высказывались по самым избитым вопросам... Прямо удивительно, как у военных, окончивших одну и ту же школу, могли быть различные взгляды на то, что в академии считалось непреложным, и странно то, что эти господа во время нахождения на русской военной службе никогда не позволяли себе высказывать эти

¹ Там же. С. 18.

² Шатилов П. Н. Записки. Т. 1. С. 268.

³ Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 164–165.

взгляды, а, напротив, нет сомнения, осуждали русскую военную систему... Единства доктрины не могло не быть, но оно было уничтожено личными интересами, интригами друг против друга, отсутствием мужества высказать свой взгляд вопреки власти имущим. Интриганство было так сильно, что наши светила военного мира... неоднократно высказывались передо мной друг против друга»^I.

Вслед за объявлением независимости был расформирован Грузинский армейский корпус, а входившие в его состав три пехотные дивизии и конная бригада (10 600 штыков и сабель при 38 орудиях) подчинены помощнику военного министра на правах командующего войсками. Штаб корпуса переформировали в ПШ войск, а для организационной работы был создан отдел Генерального штаба. В организации армии грузинским властям помогали германские военные советники. Предполагалось иметь 35-тысячную армию мирного времени^{II}.

В мирное время армией руководил военный министр (этот пост занимали гражданские лица), в военное — главнокомандующий. В конце августа 1918 г. в Грузии прошла реорганизация центрального военного аппарата. ПШ войск Республики Грузия и отдел Генштаба реорганизовывались в Военное министерство. Отдел Генштаба теперь был подчинен министерству через помощника военного министра, которому, кроме того, подчинялись общий, административный, военно-санитарный отделы и отдел личного состава, а также военный суд.

Во главе отдела Генерального штаба поставили бывшего начальника управления Генштаба генерал-майора князя А. С. Андроникашвили (Андронникова). Оперативную секцию отдела возглавил начальник бывшего ПШ войск Республики Грузия полковник А. К. Захариадзе (затем он сменил Андроникашвили). Начальником оперативно-мобилизационного отделения стал генерал-квартирмейстер бывшего ПШ полковник А. Р. Нацвалов. Должности помощников занимали уже негенштабисты. Разведывательное отделение возглавил начальник строевого отделения бывшего ПШ подполковник А. С. Дзагания. По характеристике советского военного атташе П. П. Сытина, «способный, но малоопытный офицер Ген. штаба, окончивший ускоренный курс академии в 1918 году. К крупным операциям совершенно не подготовлен»^{III}. Помощником Дзагании назначен начальник оперативного отделения бывшего управления Генштаба капитан М. С. Парейшвили. Во главе организационной секции отдела Генштаба был поставлен генерал-квартирмейстер бывшего управления Генштаба полковник князь Н. К. Гедеванишвили (Гедеванов). Начальником отделения по комплектованию войск стал начальник мобилизационного отделения бывшего управления Генштаба подполковник Н. В. Иванов. Начальником отделения по службе и устройству войск — начальник разведывательного отделения бывшего ПШ войск Республики Грузия подполковник И. Г. Чечелашвили^{IV}. Также в подчинении отдела существовали артиллерийская, инженерно-техническая и военно-морская секции.

На этом реорганизации не прекратились. Приказом правительства Республики Грузия по военному ведомству № 161 от 27 октября 1918 г. был утвержден

^I Квинтадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 250–251.

^{II} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 127. Л. 1–1об.

^{III} ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

^{IV} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 99. Л. 10–10об.

временный штат управления Генштаба войск республики. Устанавливались следующие должности Генштаба: начальник управления (генерал), генерал-квартирмейстер (штаб-офицер), начальник оперативного отделения (штаб-офицер), помощники (два обер-офицера, в том числе один – Генштаба), начальник мобилизационного отделения (штаб-офицер), помощники (по два штаб- и обер-офицера, в том числе по одному – Генштаба соответственно), начальник отделения по устройству и службе войск (штаб-офицер), помощники (по два штаб- и обер-офицера, в том числе по одному – Генштаба соответственно). Также штаб-офицером Генштаба был заведующий передвижением войск (начальник управления заведующего передвижением войск). Таким образом, всего требовались 11 генштабистов: генерал, 7 штаб-офицеров и 3 обер-офицера. Согласно этому документу, «в случае недостатка офицеров Генерального штаба некоторые должности по усмотрению начальника штаба могут быть замещены офицерами не Генерального штаба». Однако в дальнейшем в Генштабе сохранились прежние должности и прежняя структура, поэтому, видимо, этот штат не был введен в действие. На март 1919 г. по штату военного ведомства в отделе Генерального штаба состояли 5 генералов, 38 штаб- и 54 обер-офицера^I. По свидетельству генерала Г.И. Квинитадзе, Генеральный штаб работал в невозможных условиях – на разведывательную работу средств выделялось недостаточно, руководства обучением и воспитанием войск не осуществлялось, а планы обороны страны или развёртывания армии не разрабатывались^{II}.

Помимо организационной, мобилизационной и административной работы, грузинские генштабисты участвовали в пересмотре, переводе и издании уставов (были составлены и изданы на грузинском языке уставы: дисциплинарный, строевой, внутренний, гарнизонный; работа была сопряжена с большими трудностями, так как не хватало переводчиков и не было необходимых технических терминов)^{IV}, составлении различных положений и инструкций, занимались служебными расследованиями^V, выступали военными представителями (в частности, военным агентом в Азербайджане в начале 1919 г. был назначен полковник В.Д. Каргалелли, позднее его сменил полковник А.Р. Нацвалов)^{VI} и экспертами на переговорах, составляли описания военных действий (так, в начале 1919 г. генералу Г.И. Квинитадзе военным министром было поручено написать историю грузино-армянской войны^{VII}). Кроме того, в Грузии в 1919 г. был создан кружок любителей военных знаний, в котором также работали генштабисты^{VIII}. Объем делопроизводства канцелярии отдела Генерального штаба с 14 июня по 31 декабря 1918 г. составлял 6594 входящих канцелярии и 5587 других секций и отделений; 4302 исходящих канцелярии и 2325 исходящих других секций и отделений^{IX}.

^I ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 98. Л. 4–4об.

^{II} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 127. Л. 6.

^{III} Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 247.

^{IV} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 99. Л. 18; Д. 126. Л. 702об.

^V ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 100. Л. 1.

^{VI} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 203. Л. 5; Д. 236. Л. 89; Д. 260. Л. 26.

^{VII} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 203. Л. 3; Д. 216. Л. 226.

^{VIII} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 129. Л. 11–11об., 19об.

^{IX} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 126. Л. 716.

Помощник военного министра генерал А.К. Гедеванишвили (Гедеванов) жаловался 13 октября 1918 г. в приказе по военному ведомству, что «организация нашей армии идет с недостаточной быстротой, а состояние войсковых частей не улучшается»¹. 30 января 1919 г. начальник оперативно-мобилизационного отделения отдела Генштаба полковник А.Р. Нацвалов писал в докладе начальнику оперативной секции полковнику А.К. Захариадзе: «Несколько месяцев, в течение которых Военное министерство прожило [при] новой организации, дали достаточное количество показаний положительных и отрицательных сторон этой организации. Принятая вдруг, наспех и, главным образом, благодаря рекомендации немецкого командования, организация эта не продумана нашим, получившим вполне определенное в этом отношении воспитание, умом, а потому, на мой взгляд, во многих отношениях оказалась для нас трудно воспринимаемой в жизни.

Конечно, и в рамках этой, чисто немецкой, организации Военного министерства можно было бы в подробностях варьировать с целью более удачного приспособления ее к нашим особенностям, и хотя этот вопрос и был предоставлен на разрешение Генштабу, но большая спешность при проведении реформы (иногда приходилось довольствоваться 2–3 часами...), конечно, не могла обеспечить за [представляемыми] законопроектами полную целесообразность.

Настоящее время является весьма [труд]ным для того, чтобы выяснить все дефекты этой организации, внести в поправки, надобность которых выяснилась из опыта прошедших месяцев, и затем представить эти поправки на усмотрение “Учредительного собрания”, которое, несомненно, будет обсуждать и вопросы создания регулярной армии республики.

Некоторые поправки касаются вопросов весьма существенных и, по моему мнению, подлежат безусловному проведению в жизнь, другие, хотя и менее существенные, – могут быть проведены с целью внесения большей цельности и логичности во всю систему.

В данном случае я коснусь вопросов, касающихся только отдела Генштаба, и именно тех, которые обратили на себя мое внимание, и нет сомнения, что подобные выводы по различным вопросам организации Военного министерства существуют и у других офицеров, а потому устройство нескольких собраний для обмена мнениями по этому поводу явилось бы крайне полезным и дало бы возможность уже окончательно прийти к какой-либо, вполне определенной и более приспособленной к пользе дела организации»².

Нацвалов предлагал реорганизовать секции и отделения, сосредоточив в них однородные вопросы – сделать мобилизационное отделение самостоятельным, разделить оперативную и организационную работу и т.д. В оперативную секцию он предлагал включить отделения: оперативное, разведывательное, топографическое, связи; в мобилизационную – мобилизационное, комплектования, ремонтное, организационное и устройства войск. Полковник Захариадзе поддержал это ходатайство.

На 1920 г. Генштаб включал секции: оперативную (начальник – полковник Н.К. Гедеванишвили; отделения: строевое, мобилизационное, разведывательное),

¹ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 102. Л. 5.

² Часть документа утрачена.

³ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 126. Л. 121–121об.

организационную, артиллерийскую, военно-дорожную, инженерно-техническую, административно-хозяйственную и топографическую (начальник – генерал А.М. Бенашвили (Бенаев))¹. Отметим, что структура Генштаба неоднократно менялась².

Подробную характеристику грузинского офицерского корпуса содержал доклад помощника военного министра генерала А.К. Гедеванишвили председателю правительства в марте 1919 г. В документе отмечалось: «Командный состав нельзя сказать чтобы был вполне на высоте своего назначения: кадровых офицеров осталось мало, а молодежь не получила вследствие войны должной теоретической подготовки, хотя и находится в солидных чинах ввиду сокращенных сроков на выслугу чинов во время войны. Постоянные же боевые действия не позволили нам пропустить эту молодежь через соответственные офицерские курсы.

Кроме того, наш командный состав съехался со всех концов бывшей Российской республики, вследствие чего друг друга не знали, и это было, может быть, причиной тому, что при назначениях и выдвижениях (что в военном деле имеет особо исключительное значение) больше руководствовались приятельскими и партийными соображениями, чем служебными качествами данного лица... Вследствие, быть может, частных разговоров, а также выступлений в прессе командный состав не был уверен, что ему вполне доверяют и что его работа и жертвы действительно должным образом будут оценены народом в лице его представителей. Эта неуверенность у слабых духом ослабляла энергию в работе»³. Всего в армии имелось около 2500 офицеров⁴. Обсуждался вопрос создания единой военной школы для подготовки командного состава всех родов войск.

Советский военный атташе П.П. Сытин докладывал в Москву в 1920 г., что грузинское «Военное министерство (Гедеванов, Одишелидзе) и высший командный состав – старых русских традиций, за некоторым исключением ([В.К.] Джугели – известный националист, стратегической подготовки нет, все за независимую Грузию)»⁵.

В другом докладе Сытин сообщал о грузинском офицерском корпусе: «В настоящее время комплект офицеров в армии полный, а в некоторых частях офицеры имеются сверх комплекта.

В пехоте и кавалерии на 25 солдат приходится по одному офицеру, а в специальных и технических частях по одному на 20, помимо штабных офицеров.

Всего грузинская армия насчитывает от 1300 до 1500 человек офицеров. Кроме того, в Грузии имеется около 500 кадровых офицеров бывшей Кавказской армии, оставшихся не у дел, которые в случае столкновения Грузии с Советской Россией, несомненно, вступят в ряды грузинской армии...

Офицерский состав в пехоте и кавалерии почти исключительно грузины, в специальных и технических частях, особенно в авиации и автороте, – не грузинский состав (русские, армяне, поляки, немцы и пр.).

¹ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–63об.

² Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. Данные о вооруженных силах и краткий обзор политического, экономического и международного положения Грузии (по состоянию к 1 января 1921 г.). М., 1921. С. 7; Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019. С. 250.

³ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 127. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 10об.

⁵ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

Для комплектования в будущем войск офицерским составом существует в Тифлисе военная школа, состоящая из 4-х отделений: пехотного, артиллерийского, кавалерийского и инженерного с 2-годичным курсом, куда принимаются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет с законченным средним образованием^I. Информация Сытина была подробной, но не всегда точной в деталях.

В справке о грузинской армии, датированной февралем 1919 г. и составленной генералом И.З. Одишелидзе в Константинополе для официального меморандума, отмечалось, что «число офицеров Генерального штаба и вообще офицеров с высшим военным образованием, служивших в русской армии и имеющих продолжительный мирный опыт и прошедших хорошую боевую школу, оказалось, подобно строевым офицерам, с избытком достаточным, чтобы пополнить все отделы Военного министерства, Генеральный штаб и все войсковые штабы. Нашелся даже опытный в военно-педагогическом деле состав офицеров Военного училища, уже организованного в Тифлисе, и есть надежда организовать при существующем Грузинском государственном университете и Высшую военную школу такого размера, который вполне удовлетворил бы потребность грузинской армии в офицерах с высшим военным образованием»^{II}.

Открывшуюся осенью 1919 г. Военную школу Грузинской демократической республики в период с августа 1919 по сентябрь 1920 г. возглавлял генерал Г.И. Квинитадзе, его преемником стал генерал А.С. Андроникашвили. Школа была открыта на базе Тифлисского военного училища и рассчитана на двухгодичный курс обучения^{III}. На педагогической работе были задействованы выпускники академии генералы А.С. Андроникашвили (курсы тактики и топографии), Н.К. Гедеванишвили (курс артиллерии), А.К. Захариадзе (курс тактики)^{IV}.

Грузинские генштабисты не всегда рационально использовались на службе. Например, генерал А.М. Джиджихия в 1919 г. занимал пост генерала для поручений при военном министре и, по свидетельству генерала Г.И. Квинитадзе, «томился от безделья»^V, хотя был человеком болезненно самолюбивым. Квинитадзе неоднократно говорил начальнику Генштаба, что Джиджихию необходимо назначить на должность, где можно было бы «использовать его военно-научное образование»^{VI}.

Грузия предоставляла убежище многим русским офицерам. Как заявлял на переговорах с представителями ВСЮР в Тифлисе в мае 1919 г. министр иностранных дел Е.П. Гегечкори, «я удостоверяю, что тут, в Грузии, русское офицерство нашло защиту и приют в то время, когда по всей России шла безудержная волна самосудов и диких расправ над офицерами. Только здесь, в Грузии, не было ни одного случая насилия над русскими офицерами, и только здесь они могли сохранить свое существование и укрыться от преследований, которым подвергались по всей бывшей России. И я с гордостью заявляю, что история отметит эту заслугу Грузии перед Россией»^{VII}.

^I ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 19–20.

^{II} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 4. Д. 7. Л. 1об.–2.

^{III} Безугольный А. Ю. Демократическая республика Грузия... С. 91.

^{IV} Лушнов В. И. Юнкера Святого Георгия: Тифлиское военное училище (16.11.1866–25.02.1921). Хабаровск, 2017. С. 192.

^V Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 185.

^{VI} Там же.

^{VII} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 289. Л. 3.

Генерал Одишелидзе в мае 1919 г. составил доклад по поводу наиболее выгодных границ Грузии, в котором отметил, что «кругом Грузии установилась такая политическая обстановка, которая повелевает ей, прежде всего, озаботиться о сохранении и защите своего постоянного нейтралитета, объявленного с первых дней ее независимости. Особенное беспокойство в этом отношении внушает положение дел к северу от нас, в России, и к югу, в Турции: и с той и с другой стороны мы должны ожидать в ближайшем будущем покушение на нашу самостоятельность и удар на наши границы»^I. Генерал писал о возможном натиске «добровольческих и большевистских армий, одинаково агрессивных по нашему адресу и одинаково империалистичных в своем стремлении на юг, через Грузию в Малую Азию»^{II}. В дальнейшем Одишелидзе неоднократно докладывал о смертельной опасности для Грузии извне^{III}. Одишелидзе занимал ряд важных постов в военной иерархии Грузии. Он был помощником военного министра (1920 г.) и главнокомандующим (13 декабря 1920 — 16 февраля 1921 г.). Кроме того, в качестве военного эксперта генерал принимал участие в Парижской мирной конференции.

К середине 1920 г. штаты грузинской армии мирного времени предусматривали 19 630 солдат и офицеров, Народная гвардия включала еще 1200 человек^{IV}. В военное время рассчитывали поставить под ружье 55–60 тыс. человек. Численность армии и гвардии перед советизацией Грузии составляла 34–36 тыс. человек^V. После занятия Грузии частями Красной армии некоторая часть грузинских офицеров перебрались в Турцию, а затем в Польшу, где с 1922 г. по распоряжению Ю. Пилсудского им было разрешено поступать на военную службу^{VI}.

16 ноября 1917 г. был издан приказ армии и флоту, санкционировавший формирование Армянского корпуса, а через несколько дней в Эривани был проведен 1-й съезд Армянского военного союза, принявший решение о создании армянской национальной армии. Тем не менее многие участники событий склонялись к мысли о том, что формирование армии началось слишком поздно. По другую сторону фронта находились турецкие войска, занимавшиеся безжалостным уничтожением армянского населения на занятых ими территориях в целях отуречивания контролируемых районов и создания мононационального Турецкого государства. Ситуация усугублялась острым армяно-азербайджанским конфликтом, также сопровождавшимся этническими чистками и погромами.

В ситуации значительного превосходства сил противника вопрос создания национальной армии фактически был вопросом выживания армянского народа перед лицом тотального истребления. Важнейшую роль в этом должны были сыграть

^I ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 4. Д. 9. Л. 18.

^{II} Там же. Л. 21.

^{III} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 4. Д. 18. Л. 1.

^{IV} Силакадзе Д. Г. К вопросу о численности вооруженных сил Грузии перед началом войны с Советской Россией в 1921 г. // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 230, 232.

^V Там же. С. 239.

^{VI} Подробнее см.: Rukkas A. Georgian Servicemen in the Polish Armed Forces (1922–1939) // The Journal of Slavic Military Studies. 2001. Vol. 14, № 3. P. 93–106.

бывшие офицеры русской армии, как армяне по национальности, так и представители других национальностей, пошедшие на службу в армянские войска.

Некоторые русские офицеры отказывались продолжать службу в ставших национальными частях. Как вспоминал генерал Н.М. Морель, «при формировании штаба [Эрзинджанского] отряда встретилось большое затруднение в отыскании лиц для занятия должностей, ведающих отделами отрядного управления, — начальника штаба, начальника артиллерии отряда, отрядных интенданта и инженера. Формирование штаба мне было предложено произвести в Эрзеруме же, куда я был вызван по вопросу организации обороны Эрзинджанского района. Но среди офицеров-армян, находившихся в Эрзеруме, не оказалось лиц, которые могли бы занять упомянутые должности; русские же офицеры, которым они предлагались, отказывались от них под разными предлогами, ссылаясь или на служебные обстоятельства, не позволявшие им оставить занимаемую должность, или на свое болезненное состояние, препятствовавшее им ехать на фронт, или на крайне неотложные домашние дела, требовавшие немедленного отъезда их в тыл; некоторые мотивировали свой отказ нежеланием принимать участие в деле, которое они считали безнадежным или которому они не сочувствовали, считая, что оборона Эрзинджанского района имеет в виду исключительно интересы армян. Истинная причина отказа русских офицеров, надо думать, была, к сожалению, одна — недостаток чувства долга перед родиной. Это чувство было настолько слабо, что предвидение новых усилий, лишений, опасностей и жертв их пугало и стремление к покойной безопасной обстановке брало верх. Дезорганизационная зараза, охватившая солдат Кавказской армии и стихийно увлекавшая их в тыл, видимо, поразила и значительную часть офицеров, и только страх перед большевиками несколько охлаждал их тыловое настроение. Подобное настроение русских офицеров Эрзерумского гарнизона в значительной мере поддерживалось господствовавшим среди них мнением, что с уходом последних эшелонов с фронта Эрзинджанский район неминуемо подвергнется вторжению курдов и находящиеся в нем малочисленные армянские части будут отрезаны и перебиты»¹.

По свидетельству Мореля, «на должность начальника штаба отряда, ввиду отсутствия в Эрзеруме и на фронте офицеров Генерального штаба среди армян и желающих среди русских, был назначен по выбору командующего армией подполковник [А.П.] Бурков, наиболее свободный в то время из наличного состава офицеров Генерального штаба, находившихся при штабе армии. Подполковник Бурков принял эту должность против своего желания, по настоянию генерала Одишелидзе, не скрывая своего несочувствия делу, в котором он должен был принять самое деятельное участие, как ближайший помощник начальника отряда, но которое он считал безнадежным и к которому, поэтому, относился без особого рвения. Это обстоятельство не могло не отразиться отрицательно на работе отряда, при всех других положительных качествах подполковника Буркова — знании, боевой опытности, исполнительности и доблести; при отсутствии веры в успех дела, которому он служил, он не мог, конечно, развить полной энергии в работе; в то же время его пессимистическое отношение к этому делу² не осталось не замеченным со стороны офицеров, подрывая веру у тех, кто искренне хотел быть

¹ НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 204. Ч. 1. Л. 14об.—15об.

² Далее зачеркнуто — «обороны Эрзинджанского района».

полезным, и давая оправдание тем, кто был заражен стремлением в тыл и работал лишь по принуждению. Считая, что при подобном отношении подполковника Буркова к делу защиты фронта армянскими частями его дальнейшее пребывание в отряде может оказаться скорее вредным, чем полезным, я предложил ему по прибытии в Мемахатун, в случае нежелания продолжать службу в отряде, откомандироваться в штаб армии, чем он и воспользовался»^I.

Основой создания армии стали армянские батальоны (развертывавшиеся в полки и бригады) бывшей русской армии и составившие впоследствии Армянский корпус (с ноября 1917 г.). Известны назначения в армянские формирования генштабистов армянского происхождения еще в рамках старой армии^{II}. Назначения на высшие военные посты осуществляли Армянский национальный совет и его военная секция. Именно они утвердили командующим Армянским корпусом генерал-майора Ф.И. Назарбекова (негенштабиста). Последний уже при формировании штаба корпуса столкнулся с отсутствием подготовленных национальных кадров. Он вспоминал: «Начальником штаба корпуса хотелось, конечно, иметь из армян Генерального штаба. Таковых, к сожалению, было мало, и нам неизвестно было, где они находились. Знали лишь одного генерал-майора [Л. Ф.] Тигранова, что он находится в Ленинграде»^{III}. Пока его не запрашивали ввиду того, что ожидали приказа о формировании корпуса»^{IV}.

Сложность заключалась не только в нехватке подходящих по своей квалификации офицеров, но и в том, что офицеры должны были соответствовать пожеланиям Национального совета, занимавшегося политиканством. По этой причине считавшиеся не вполне лояльными совету офицеры не могли рассчитывать на назначение^V. Получившие уже назначения были вынуждены терпеть постоянные вмешательства представителей военной секции в специальные военные вопросы. Кроме того, сами офицеры были развращены революционными событиями и при поступлении на службу нередко требовали себе, например, более высоких назначений, чем в русской армии, либо не желали служить на фронте и в удаленных местностях^{VI}. Должность начальника штаба корпуса временно занимал подполковник А.Н. Скляревич. Позднее этот пост занял генерал Е.Е. Вышинский. Начальниками дивизионных штабов стали подполковники П.П. Атаев и А.Д. Векилов. В штабе корпуса также служили подполковник И.П. Космаенко и капитан К.К. Фаре.

Космаенко писал 20 мая 1918 г. в рапорте начальнику штаба корпуса: «Военная мощь всего Закавказья приведена к нулю, ибо у нас нет ни дисциплинированных войск, нет и никаких военных запасов, которые давали бы нам хотя бы малейшую возможность продолжать бесцельную борьбу с организованными турецкими частями, борьбу, которая, кроме гибели, ничего другого армянскому населению принести не может... Видя тяжелое положение Края, наш враг уже за- был необходимость заключения и достойного мира для каждой стороны и начал

^I Там же. Л. 17об. – 18.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251. Л. 214.

^{III} Правильно — в Петрограде.

^{IV} НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 13. Л. 21об.

^V Там же. Л. 22.

^{VI} Там же. Л. 24об.

предъявлять непомерные требования, которые мы, несмотря на их тяжесть, должны были и будем удовлетворять. И причиной этому является полное отсутствие у нас какой бы то ни было реальной силы, которой можно было бы обуздать противника и поставить раз навсегда крест его нахальству. Это факт, которого никто отрицать не станет и с которым, я полагаю, надо безусловно считаться... Довольно господам представителям различных Советов вмешиваться в руководство войсками и поддерживать искру о необходимости продолжать борьбу, — они люди штатские и пусть работают по специальности, своей кичливостью не ставят свой же армянский народ в критическое состояние. Вместе с тем, им следовало бы не забывать, что [для] того, чтобы руководить войсками, сначала нужно научиться основам военного искусства.

Войск в полном смысле слова у нас нет, а есть банды, сегодня признающие, а завтра не признающие никакой власти. Поэтому мне кажется странным, какой же смысл иметь над неорганизованными толпами правильно организованные органы управления или, может быть, для того, чтобы окончательно нарушить всякие основы военного искусства»¹.

Исключительная роль в создании армянской армии принадлежала офицерам русского происхождения, которые стремились стать на защиту армян. В самое трудное время в 1918 г., когда армянский народ находился на грани уничтожения, стараниями этих офицеров была создана национальная армия. В напряженные периоды офицеры штаба Армянского корпуса работали с 8 утра до полуночи с перерывом с 15 до 17–18 часов, т.е. по 13–14 часов в сутки². В армянских войсках вместе служили высококвалифицированные кадровые офицеры русской армии, в том числе с академическим образованием, и настоящие национальные партизанские вожаки без какого-либо образования и подготовки, но с огромной силой духа и стремлением к бескомпромиссной борьбе за свой народ. Такие вожаки были крайне популярны в народе, и эта популярность кружила им головы, они переставали прислушиваться к советам опытных военных профессионалов и даже могли себе позволить нарушение дисциплины и неподчинение приказам, если были с ними не согласны. К таким командирам относятся легендарные герои армянского народа А. Озанян и Д. Канаян (Дро).

Полковник А.К. Шнеур свидетельствовал о состоянии штаба 1-й Армянской стрелковой бригады в начале 1918 г.: «Люди уставшие, ни во что не верящие, развращенные грабежом и резней, совершенно не были настроены воевать дальше, а посматривали в глубокий тыл. Офицеры два-три хороших не старше чина капитана, все военного времени. Командовал полком капитан-поляк — безусловно хороший, но несколько слабоватый характером. За нач[альника] штаба (бригады. — А.Г.) — поручик. Боже мой, что это были за офицеры! Крепкий характером, но в военном деле неопытный, очень порядочный адъютант полка [А.Н.] Агаронян, а остальные все — ничего не кончившие, произведенные в военное время в прапорщики — настоящие четники... не привыкшие выполнять приказания и чтобы их приказания выполнялись. Вот с такими офицерами надо было мне формировать заново бригаду и притом формировать на ходу, между переходами

¹ НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 92. Л. 2–2об.

² НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 15. Л. 45об.

и перестрелками»¹. Командир бригады, по той же характеристике: «Большой оригинал и авантюрист, но храбрый джентльменски настроенный националист»². Неудивительно, что автор этих воспоминаний, окончивший лишь ускоренные курсы академии Генерального штаба, в дальнейшем стал начальником армянского Генштаба, причем некоторое время состоял на этом посту, даже не имея армянского гражданства.

О том, с каким трудом формировались штабы национальной армии, свидетельствует анонимный очерк об обороне Эрзинджанского района в начале 1918 г. По свидетельству автора очерка, в конце 1917 — начале 1918 г. штаб Эрзинджанского отряда формировался следующим образом: «Что касается офицерского состава, то только 5 % его были кадровые офицеры, остальные же произведены во время войны. Однако среди них было много людей, достаточно подготовленных в боевом отношении в смысле опыта, выносливости и готовности к самопожертвованию за родину. Но они мало влияли на солдат, отчасти благодаря отсутствию самостоятельного порыва и силы воли, которая, не будучи развита в них военным воспитанием, окончательно была подавлена устрашающим кошмаром революционной разрухи, когда волна поднявшегося темного пролетариата грозила поглотить все интеллигентное и сознательное. У очень многих офицеров была сильна именно эта робость перед разнузданным солдатством, хотя бы по близкому для них примеру русских частей. Но все-таки в офицерской армянской среде нашлось много идейных тружеников и бойцов, беззаветно преданных своему долгу и искренно принесших себя в жертву за родное дело. Русские офицеры были по большей части кадровые, опытные, добровольно оставшиеся в рядах армян и идейно им сочувствовавшие. Но и они страдали общим недостатком гражданской бесстрашной воли и не владели сердцами своих подчиненных. Штаб отряда был составлен с большим трудом из 3 армян и 6 русских (в том числе и начальник штаба подполковник) Бурков). Офицеры эти работали и за себя, и за писарей, т. к. русские писаря все отказались служить, а подходящих армян не нашлось... Вообще набрать штаб удалось с крайним трудом, т. к. большинство офицерства упорно уклонялось в тыл. Упадок чувства родины был чрезвычайно ярким, и шкурные интересы везде брали верх над запросами общего долга и самопожертвования. Все считали войну окончательно проигранной, и на этом основании большинство махнуло рукой на все и беспокоилось только о себе»³.

Органы управления Армянского корпуса просуществовали до сентября 1918 г. В приказе по армянскому военному ведомству № 28 от 5 сентября 1918 г. министром-председателем правительства О.М. Качазнуни (Каджазнуни) выражалась благодарность командиру корпуса и начальнику штаба: «Ввиду окончания сего числа деятельности штаба и управлений корпуса, выражаю всем чинам их искреннюю благодарность за службу, а Вас[,] глубокоуважаемый Фома Иванович[,] и Евгения Евгеньевича прошу принять от имени правительства республики горячую признательность за самоотверженную службу в тяжелое время беспримерной борьбы армянского народа за свое существование.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 552. Л. 42.

² Там же. Л. 15.

³ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

В трудных условиях начинает свою самостоятельную жизнь Армения, и от всех строителей ее требуется полное напряжение сил. Уверен, что Вы и Евгений Евгеньевич не откажетесь и впредь служить своими знаниями и опытом на пользу Армении в деле организации военных сил»^I.

В ответ Ф.И. Назарбеков и Е.Е. Вышинский сообщили, что «глубоко тронуты я и генерал Вышинский Вашей оценкой нашей деятельности и работой штаба при управлении корпуса.

От души приносим Вам и в лице Вас правительству республики нашу глубокую благодарность.

Скорбим, что не удалось нам достигнуть тех результатов, о чем мечтали мы, принимаясь на эту тяжелую работу, и какие лелеял надежды наш народ»^{II}.

Отношения в кругу генштабистов, по-видимому, были практически семейными. Например, приказом по Армянской дивизии в октябре 1918 г. военный министр И.В. Ахвердов от лица войск Армении направил соболезнования вдове умершего генерала Е.Е. Вышинского»^{III}.

Выпускников академии в Армении было сравнительно немного, поэтому лица с соответствующим образованием отсутствовали даже на руководящих постах в Генштабе. В этой связи в приказе по военному ведомству № 164 от 3 мая 1919 г. отмечалось: «Отсутствие должного количества офицеров Генерального штаба существенно отзывается на деятельности Армянских войск.

Поэтому приказываю создать кадр причисленных к Генеральному штабу офицеров из числа наиболее подходящих по своим способностям»^{IV}. Было разработано Положение об офицерах, причисленных к Генштабу. Начальник Генштаба должен был организовать отчетные практические работы по предметам Военной академии и по военному искусству, что позволило бы отобрать наиболее достойных претендентов. Критериями причисления являлись: наличие как минимум трехлетнего стажа в офицерских чинах и не менее шести месяцев стажа в армянских частях, а также соответствие службе Генштаба. Таким образом, речь шла о лицах, не имевших академического образования. Разумеется, учитывались и те, кто получил подготовку хотя бы на ускоренных курсах (в том числе на курсах при штабе Кавказского фронта).

В качестве органа высшего военного управления в 1918 г. был создан Военный совет Республики Армения из старших офицеров под председательством генерала Назарбекова. Летом 1918 г. начало создаваться Военное министерство. При нем возник военный штаб из строевого и мобилизационного отделов. 24 апреля 1919 г. на Назарбекова было возложено командование войсками Армении^V. Начальником штаба при нем стал генерал И.В. Ахвердов, которого на время командировок подменял полковник М.М. Зинкевич, ставший затем начальником Генерального штаба Военного министерства (уволен по прошению со 2 сентября 1919 г.^{VI}). При этом по штату должность начальника Генерального штаба являлась генеральской.

^I НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

^{II} Там же. Л. 11.

^{III} НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 42. Л. 113об.

^{IV} НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 70об.

^V НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.

^{VI} НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 131. Л. 69.

Был утвержден штат штаба Армянской дивизии, согласно которому генштабисты полагались на должностях начальника штаба (генерал-майор или полковник), начальника оперативного отдела (штаб-офицер) и начальника общего отдела (штаб-офицер)^I. В отдельных пехотных бригадах генштабистами были начальник штаба (полковник или подполковник) и старший адъютант по строевой части.

На сентябрь 1919 г. структура центральных органов военного управления Армении была следующей. Во главе военного ведомства находился военный министр, которому подчинялись командующий войсками (в военное время – командующий армией), начальник военного штаба, начальник Генштаба и начальники всех главных управлений, военный контроль и военный суд^{II}. Генеральный штаб включал отделения: оперативное, разведывательное и общее. Оперативное отделение занималось разработкой вопросов и соображений по подготовке к войне, сбором и подготовкой военно-статистических сведений о театрах военных действий и о вооруженных силах иностранных государств, разработкой соображений по оперативным вопросам, сбором сведений о ходе военных действий, о боевом составе армии и ее обеспеченности всем необходимым, хранением и рассылкой секретных ключей, составлением боевых приказов, организацией службы связи, ведением журнала военных действий, направляло оперативную и военно-статистическую работу штабов бригад, готовило соображения по военно-инженерной подготовке обороны и о путях сообщения, общие соображения по службе связи, организовывало маневры и полевые поездки, давало общие задания по мобилизации. Разведывательное отделение ведало сбором сведений о противнике и местности, обработкой этих данных и рассылкой их в войска, руководило разведкой бригадных штабов, вело учет средств на разведывательную работу, организовало борьбу со шпионажем. Общее отделение ведало разработкой уставов, наставлений и инструкций, снабжением войск этими пособиями, разработкой вопросов внутреннего порядка, быта и дисциплины, руководило тактическими занятиями с офицерами, составляло соответствующие программы и инструкции^{III}.

Армения являлась наиболее близким по духу России государством Закавказья, в период Гражданской войны здесь были популярны русофильские настроения. Армения выступала союзницей ВСЮР, которые помогали армянским вооруженным силам, в том числе кадрами Генштаба. Вплоть до осени 1919 г. ключевые посты в армянской армии занимали русские офицеры, позднее уехавшие на белый Юг. С учетом генштабистов, командированных в Армению из Добровольческой армии и ВСЮР, через ряды армянских войск в 1917–1920 гг. прошли 30 выпускников академии и ускоренных курсов (включая курсы Кавказского фронта). По воспоминаниям полковника А.К. Шнеура, к русским генштабистам, служившим в Армении, негативно относились представители Грузии. С последней у Армении были напряженные отношения. В этой связи офицер, например, не мог выехать из Армении в Константинополь через Грузию^{IV}.

^I НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 40.

^{II} Там же. Л. 349.

^{III} Там же. Л. 53об. – 54.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 552. Л. 85.

Представитель Добровольческой армии при правительстве Армении полковник Г.Д. Лесли, принятый на службу в армянское Военное министерство, писал в 1919 г. в докладе о политическом настроении Армении: «Мне дали понять, что лучше ждать, а не открывать свои карты, да и кто сильнее, кто настоящая Россия, вы, Колчак или большевики[, неизвестно]... отсутствие среди армян техников, телеграфистов, машинистов, судейцев и прочих людей, знающих делопроизводство, заставляет их всеми силами стараться привлечь к работе русских, ибо к другим нациям они совершенно не имеют доверия и антагонизм достиг своего апогея... в войсках больше половины офицерского состава русских»^I. Полковник М.М. Зинкевич в докладе начальнику военно-морского отдела Добровольческой армии, подготовленном на рубеже 1918–1919 гг., отметил, что приезд в Эривань полковников Лесли и Н.Г. Спицына был неверно обставлен дипломатически: «Полагаю, что в их представительстве допущена та ошибка, что они не явились как представители великой державы, а для поступления на службу, и, кроме того, без достаточной помпы, что в глазах Азии играет большую роль. К сожалению, я по боевой обстановке нахожусь вдали от них и не могу помочь полк[овнику] Лесли моим знанием местных условий»^{II}.

Когда угроза безопасности Армении спала, начались гонения на русских офицеров. Как и в других национальных государствах, национальная политическая элита, принадлежавшая в Армении к партии дашнаков, с недоверием относилась к элите военной, представленной бывшими офицерами русской армии, в том числе этническими русскими. Под предлогом отсутствия у офицеров армянского гражданства и незнания армянского языка русских начали вытеснять^{III}. В результате офицеры русского происхождения были вынуждены покинуть ряды армянской армии. Назначения стали осуществляться по принципу близости к национальной политической элите, а не по компетентности и опыту. В тяжелом положении оказались и добросовестные внепартийные офицеры-армяне, которые были готовы служить вместе с русскими и поддерживали их.

После отъезда полковника Зинкевича начальником армянского Генштаба стал полковник А.К. Шнеур, присланный из Добровольческой армии. Проблемы возникли в связи с тем, что он не имел армянского подданства. Шнеур вспоминал свой разговор по этому вопросу с генералом М.Б. Силиковым (негенштабистом): «Я сказал, что это меня очень озадачивает, т.к. мне, не армянину по происхождению, не приходится принимать подданства, хотя я весьма симпатизирую армянам и в течение двух лет помогал им в борьбе, чем мог от всей души. Вскоре после почти то же сказал мне генер[ал] Назарбеков (командир армянск[ой] армии). Причины были, конечно, в интригах против русских, т.к. когда самое тяжелое время прошло, то всякому хотелось занять должность в армии, а из России стало прибывать много армян-офицеров. Большую роль играло и то, что мы, русские офицеры, армянского языка не знали. Но это был только предлог, т.к. многие русские офицеры армянского происхождения тоже своего армянского языка не знали. Дело портил военный министр, довольно бездарный — ген[ерал]-майор [Х.Г.] Араратов

^I ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 39. Л. 68–68об.

^{II} НАА. Ф. 275. Оп. 2. Д. 5. Л. 33.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 552. Л. 87.

(Араратян). Он, всегда возвращавшийся в русск[ом] обществе, всюду принятый и обласканный... вдруг повернулся к нам спиною. “Русские всегда нас, армян, оскорбляли, унижали, считали нас за низшую расу” и пр[очее] и пр[очее] – это его слова. При этих условиях я понял, что оставаться не приходится, и подал в отставку. И 8 нояб[ря] 1919 года отбыл я в Добровольческую армию, где и занял должность начальника агентур[ной] разведки штаба главн[окомандующего] ВСЮР»¹.

Бывший военный министр Армении генерал-лейтенант И. В. Ахвердов в своих воспоминаниях «Военные очерки Армении» писал о влиянии дашнакской партии на кадровые перестановки в армии: «Во всех назначениях на более значительные должности Военное министерство было связано не только правительством, но еще больше и партией, и отдельные лица, желающие занять ту или другую должность в армии, всегда могли, благодаря знакомству с членами партии, получить желаемое назначение... Такое, своего рода, “кумовство”, помимо умаления роли военных властей, вредило и делу, т. к. таким способом добивались назначения на должности лица, совершенно не пригодные или не подходящие в лучшем случае»². Неудивительно, что армия с таким командным составом не смогла противостоять советизации.

Почти весь командный состав вооруженных сил Армении, кроме тех офицеров, которые предпочли эмигрировать, оказался под властью большевиков в период советизации Закавказья в 1920–1921 гг. Некоторые перешли на службу в армянскую Красную армию и в РККА. Но генштабисты-армяне не подходили большевикам в самой Армении, поскольку были ограничены национальными рамками, тогда как Красная армия формировалась по интернациональному принципу. По этой причине нарком по военным делам Советской Армении А. Ф. Мясников (Мясникян) телеграфировал 23 мая 1921 г. командующему 11-й армией А. И. Геккеру: «Просил бы Вас прислать нам сюда 2–3 старых генштабистов русского происхождения»³.

Проведенный анализ позволил свести данные об общей численности бывших русских офицеров в национальных армиях в таблицу (табл. 49).

Таблица 49

Численность бывших офицеров русской армии и выпускников Военной академии в армиях национальных государств периода Гражданской войны 1917–1922 гг.

Национальные армии	Бывших офицеров русской армии	Выпускников и слушателей Военной академии
Украина	До 12 000	438
Польша	6204	16
Грузия	2500	24
Эстония	2000	18

¹ Там же.

² НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 12. С некоторыми неточностями опубли. в: Карапетян М. Генерал-лейтенант Ованес Ахвердян. Ереван, 2003. С. 31.

³ НАА (ПА). Ф. 1435. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

Национальные армии	Бывших офицеров русской армии	Выпускников и слушателей Военной академии
Латвия	1800	23
Армения	1500	30
Азербайджан	Не более 1000 (?)	11
Литва	440	8
Финляндия	Около 250	8
Итого	Не менее 27 000	576

Таким образом, офицеров, перешедших из русской армии в войска новых независимых государств, возникших на окраинах разрушенной империи, было не менее 27 000 человек, или порядка 8% офицерского корпуса осени 1917 г. Большинство из них являлись офицерами военного времени. Выпускники академии, пошедшие в национальные армии, составляли 14,3% всех кадров Генштаба, участвовавших в Гражданской войне. Общей чертой всех национальных армий стали попытки националистически настроенных политиков изгнать из их рядов или вытеснить с руководящих постов офицеров русского происхождения. В некоторых армиях, где русских по происхождению офицеров почти не было, предпринимались попытки изгнания бывших офицеров русской армии безотносительно их национальности (Финляндия). Общей чертой некоторых национальных армий стало незнание офицерством национального языка. Прежде всего, это касалось армий Украины и Закавказья. Как следствие, делопроизводство нередко велось на русском языке, понятном для всех. Подобного явления почти не было в Польше и Финляндии, где существовал сильный национальный дух.

В результате Гражданской войны часть национальных государств, возникших на окраинах бывшей Российской империи, утратили свою независимость. Исключение составили Финляндия, Польша, Латвия, Литва и Эстония. Это обусловлено различными военно-политическими причинами (в том числе действиями германских и финских добровольческих войск).

Национальные армии не стали тем лагерем, который привлек широкие массы офицеров старой армии. Наибольший наплыв генштабистов наблюдался лишь на гетманской Украине в 1918 г., где можно было в приемлемых условиях переждать Гражданскую войну, разворачивавшуюся на не оккупированной немцами территории. Из-за этого на украинские армии приходится 76% национализированных кадров Генштаба. В дальнейшем доля украинизированных генштабистов резко упала и не превышала 14% среди пошедших в национальные армии. Таким образом, за исключением гетманской армии 1918 г. в национальных армиях оказались единицы выпускников академии, тогда как основное противостояние развернулось между красными и белыми.

Руководство национальных республик страдало русофобией, боялось русских офицеров, стремилось избавиться от них или хотя бы снизить их влияние, но при этом, за исключением Западной Украины, Польши и Финляндии (где имелись альтернативные источники кадров военной элиты), не могло создать без них собственные вооруженные силы.

«Гражданская война подтвердила выдающуюся роль Генерального штаба», — писал один из видных деятелей Белого движения, генерал от кавалерии П.Н. Шатилов¹. И действительно, роль офицеров Генерального штаба в Гражданской войне трудно переоценить. Выпускники академии сыграли важнейшую роль в создании всех противоборствующих армий Гражданской войны. Если для РККА их роль носила организационно-технический характер (а следовательно, субъектность была ниже, чем в белом лагере), то для белых армий являлась определяющей. Через обучение в Николаевской академии Генерального штаба прошли практически все лидеры белых — генералы М.В. Алексеев, С.Н. Войцеховский, П.Н. Врангель, А.И. Деникин, М.К. Дитерихс, А.И. Дутов, А.М. Каледин, В.О. Каппель, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич и др. Выпускниками академии являлись и многие командующие белыми армиями.

Генштабисты руководили работой специальных органов военного управления белых армий. Так, именно они возглавляли службу военных сообщений на различных белых фронтах. На белом Юге ею руководили генерал Н.М. Тихменев и полковник В.Ф. Флоров (в 1920 г.), на белом Севере — генерал Е.Ю. Бем, в Поволжье — генерал Е.Э. Трегубов, в белой Сибири — генералы В.Г. Владимиров, В.Н. Касаткин, Н.В. Лебедев и С.Я. Непенин. На следующих уровнях служебной иерархии также работали генштабисты. Так, генерал А.Я. Месснер являлся начальником военных сообщений Добровольческой армии, генерал В.И. Кондратьев — начальником военных сообщений Донской армии, генерал П.С. Махров — начальником военных сообщений Кавказской армии, начальником военных сообщений Киевской области был генерал В.А. Дзевановский, заведующими передвижением войск Донецкого района были полковники Р.В. Злобин и А.В. Стратонов (Лейбо). Этот список можно продолжать.

В вопросах организации военного управления, в военном делопроизводстве белые опирались на опыт старой армии и нормативные документы старой России («Свод военных постановлений» 1869 г. с дополнениями, «Положение о полевом управлении войск в военное время», «Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве», уставы). Последние в некоторых случаях перерабатывались и дополнялись. Должной унификации этих вопросов даже в рамках того или иного белого фронта не было. Многие документы носили временный характер, тогда как работа над общегосударственной документацией откладывалась до победы над красными. И хотя делопроизводство белых армий сохранилось хуже, чем документы РККА, можно сделать вывод, что кадровая работа у белых стояла на значительно более низком уровне в сравнении с красными. Соответственно, квалифицированные специалисты использовались менее эффективно.

Конечно, не это стало основной причиной военного поражения белых. Наиболее серьезными причинами были кардинальное и все возрастающее на протяжении Гражданской войны неравенство сил по сравнению с красными, разрозненность белых фронтов и невозможность взаимодействия между ними (в том числе,

¹ Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 268 // HIA. Vrangeli family papers. Box 6. Folder 4; Его же. Записки. Т. 1. С. 128.

например, усиления кадрами Генштаба тех фронтов, которые в них нуждались), отсутствие необходимых ресурсов и инфраструктуры для ведения длительной войны на контролируемых белыми окраинах, крупные просчеты в стратегическом планировании, военном управлении и организации, недооценка противника и внутренние противоречия в руководстве белых. Немалая доля ответственности за это ложится на командный состав, в том числе специалистов Генерального штаба, поскольку у истоков каждого решения стоял тот или иной офицер Генерального штаба, обладавший индивидуальным теоретическим и практическим опытом, своими сильными и слабыми чертами.

Рассматривая вопрос о роли кадров Генштаба в Гражданской войне, нельзя пройти мимо такой его составляющей, как восприятие генштабистов современниками, как лидерами противоборствующих лагерей, так и простыми обывателями. Такие отзывы оставляли и сами офицеры, и штатские интеллигенты, оказавшиеся в Гражданскую войну в орбите тех или иных военных вопросов (рядовая масса, как правило, не выделяла именно генштабистов среди командиров). При всей субъективности этого восприятия, оно позволяет понять, какое место отводилось генштабистам в том или ином лагере и как воспринималась их деятельность со стороны.

Интересно впечатление, производившееся военспецами-генштабистами на военспецов из армейских офицеров. Отголоски этого содержит доклад о состоянии Красной армии бывшего командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии РККА полковника В.В. Котомина, перешедшего к белым на Восточном фронте летом 1919 г. В докладе отмечалось, что большинство старших офицеров Генерального штаба, ставших военспецами, предпочитали устроиться в тылу и только молодежь находилась на фронте^I.

Неприязненно к генштабистам относились некоторые армейские офицеры. Бывший колчаковский генерал А.Н. Пепеляев в дневнике в ноябре 1922 г., например, прямо писал, что ненавидит штабы и генштабистов^{II}. У белых на журналиста Г.В. Немировича-Данченко многие генштабисты производили отталкивающее впечатление, в особенности те, кто выступал с военно-научными статьями о Гражданской войне в роли неких «супер-арбитров»^{III}, считая себя вправе судить обо всем происходящем. Резкое неприятие с его стороны вызывало то, что некоторые генштабисты страдали «ненасытным карьеризмом и жаждой власти, чинов, орденов и салон-вагонов. Бороться с этими проявлениями эгоизма и тщеславия было подчас не под силу даже главнокомандующим»^{IV}. Осуждение вызывали протекционизм генштабистов, тащивших своих друзей и однокашников на руководящие посты, и раздувавшиеся до предела слухи о некоем закулисном влиянии генштабистов на верхи.

Гражданская война, по мнению многих современников, развратила офицерство. Капитаны в одночасье становились генералами, что вело к ошибкам неопытных руководителей и к девальвации чинов и наград. К периоду Гражданской войны

^I См.: Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России... С. 264.

^{II} Морозова О. М. Антропология Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012. С. 259.

^{III} Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. С. 28.

^{IV} Там же.

относятся такие нелестные определения генштабистов, как «вундеркинды», «стратегические мальчишки», «недоноски», высмеивавшие молодых и неопытных, но уже наделенных огромными полномочиями и управлявших войсками штабистов. Нарекания вызывала и чрезмерная раздутость штабов, особенно у белых, где существовал избыток генштабистов (между тем военная мудрость той эпохи учила: большие штабы – малые успехи). В крупных штабах, где у сотрудников было много свободного времени, создавалась благодатная почва для интриганства. Недовольство вызывало и вмешательство белых генштабистов в различные сферы гражданского управления, при том, что даже военные знания некоторых оставляли желать много лучшего, а в экономике и хозяйстве большинство совершенно не разбиралось.

Акцентирование белыми внимания на превосходстве РККА в генштабистах как на одной из причин поражения Белого движения свидетельствует о том, что в глазах общественности специалисты Генерального штаба представлялись авторитетными в военном деле людьми, от которых зависел исход войны. Во многом так оно и было на самом деле.

Большевики уделяли существенно большее в сравнении со своими противниками внимание выстраиванию работы со специалистами Генерального штаба. Помимо основательного учета кадров их распределение также отличалось большой тщательностью, этим вопросом специально занимались, практически каждый военспец-генштабист был на счету. Аналогичное распределение генштабистов внутри белых армий было несовершенным. Белое командование, несмотря на переизбыток генштабистов на Юге и нехватку их на Востоке, Севере и Северо-Западе, не могло массово перебрасывать такие кадры с фронта на фронт.

РККА превосходила противника и по уровню организации центральных штабов и учреждений, полномочия между которыми были грамотно распределены. Например, ПШ РВСР занимался вопросами фронта, а ВГШ обеспечивал тыл и пополнения. Высоким профессионализмом отличались советские главнокомандующие. Централизация и системность в итоге победили.

Белые армии даже совокупно значительно уступали по численности Красной армии. Численность РККА удалось довести до 5 500 000 человек (боевой состав – около 800 000 человек). Для сравнения, пиковая численность белых армий Юга России составляла лишь 245 000 человек, включая нестроевых (боевой состав – до 137 000). Белые армии Востока России можно максимально оценить в 120 000 солдат и офицеров в боевом составе, а с учетом тыловых войск – до 500 000 человек. На довольствии в Северо-Западной армии, по некоторым данным, состояли до 67 000 человек при боевом составе примерно в 18 000 человек^I. Наконец, на Севере России белые располагали примерно 55 000 человек, включая нестроевых (боевой состав – до 41 000 человек)^{II}. Таким образом, белые достигали максимальной численности в 867 000 человек при боевом составе в 316 000 человек. Красные, успешно осуществлявшие массовые мобилизации, обладали почти постоянным превосходством в силах и средствах. В течение 1919 г. средний ежемесячный

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 229.

^{II} Розенталь Р. Северо-Западная армия. С. 393.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.

прирост численности РККА (как боевого, так и небоевого состава) составил 183 000 человек¹, что, к примеру, превосходило общую численность войск, имевшихся у белых на Восточном фронте. Наступление белых армий Востока России на советский центр весной 1919 г., так же как и наступление ВСЮР на Москву летом – осенью 1919 г. развивались при отсутствии резервов, что не могло не привести к катастрофе.

Война – это не только вооруженные силы, но и политика и экономика. В этом отношении реалии белых армий по-своему удручали. Белая власть в лице тех же генералов-генштабистов была крайне слабой и беспомощной в самых важных организационных и хозяйственных вопросах. В отличие от РККА, армии белых оказались построены не на регулярных началах, а на принципах импровизации, дисциплина в них хромала, тыл налажен не был, а командование пребывало в эйфории от профессионального снобизма и ожидавшегося разгрома «большевистских варваров».

Характерно, что даже военно-научная работа генштабистов в антибольшевистском лагере (в том числе в мирно существовавшей гетманской Украине в 1918 г.) была поставлена намного скромнее, чем в Советской России. Эта особенность вызвана отсталостью окраин, контролировавшихся белыми, в научном и культурном отношении от советского центра. В антибольшевистском лагере не выпускалось такого многообразия военно-научных трудов, как в Советской России, практически не выходило специализированных периодических изданий. Это тоже определенный показатель качества работы генштабистов. Пожалуй, единственное исключение составляет деятельность бывшей Николаевской военной академии в белой Сибири. Академия располагалась в Томске – крупном университетском городе, а позднее эвакуировалась во Владивосток. Профессорско-преподавательский состав, опираясь на уникальное книжное и документальное собрание этого высшего военно-учебного заведения, занимался изданием военно-исторических и военно-теоретических трудов. В академии защищались диссертации по военным вопросам. В частности, генерал П. Ф. Рябиков в мае 1919 г. защитил диссертацию «Разведывательная служба в мирное и военное время». На основе диссертации была издана книга, ставшая важнейшим трудом по теории и технике разведывательной деятельности. Академия занималась сбором литературы, получая книги и журналы². Тем не менее слабая материально-техническая база Сибири и Дальнего Востока не давала возможности для широкого распространения книжной продукции академии в войсках. Важнейшим достижением можно считать уже то, что персонал академии сумел, несмотря на бури Гражданской войны, сохранить уникальные архивные, музейные и библиотечные коллекции академии для будущих поколений³.

Красной армии противостояли не только белые, но и национальные армии. Национальные государства, возникшие на территории бывшей Российской империи, как правило, не обладали достаточным потенциалом, чтобы противостоять военной мощи Советской России. Кроме того, в национальных армиях было

¹ Подсчитано по: Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 87.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 165.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 445–476.

распространено непрагматическое отношение к выпускникам Николаевской академии, которых власти этих государств не считали лояльными и порой даже преследовали. Советская Россия победила в военном противостоянии с УНР и государствами Закавказья, но проиграла в борьбе с Польшей и прибалтийскими республиками. Все они, а также Финляндия, где красные были разгромлены еще в 1918 г., по итогам Гражданской войны сохранили свою независимость. Несомненно, в случае военной победы РККА советская власть была бы установлена и в этих государствах.

Отдельные выпускники академии участвовали в антибольшевистских восстаниях. О тех, кто не состоял в белом подполье или не примкнул позднее к белым, известно немного. Например, есть данные о том, что на четвертый или пятый день с начала Ярославского восстания в июле 1918 г. в штаб повстанцев явился для регистрации делопроизводитель оперативного отдела военного комиссариата Ярославского округа подполковник Ф.М. Дробыш-Дробышевский. Военспеца направили помогать коменданту пристани. Активного участия в событиях он не принимал и в списках повстанцев не значился, сохранился лишь подписанный им документ о выдаче шинели добровольцу^I. После разгрома восстания Дробыш-Дробышевский продолжал службу в штабе Ярославского округа (занимал должность начальника мобилизационного отдела) до своего ареста в апреле 1919 г.^{II} Затем его расстреляли за участие в восстании. Отметим, что в связи с претензиями руководства РККА по поводу правомерности расстрела Дробыш-Дробышевского проводилось дополнительное разбирательство.

Начальником штаба повстанцев являлся, как нам удалось установить, подполковник Н.В. Туношенский. При публикации документов восставших он был ошибочно идентифицирован как некий П. Туношенский, Тунашевский или даже Томашенский^{III}. Между тем обозначение «П.», принятое публикаторами за инициал офицера, в рассматриваемый период являлось стандартным сокращением чина полковника или подполковника. По выявленным нами данным, Н.В. Туношенский служил в мае – июне 1918 г. начальником оперативного отдела в штабе Ярославского военного округа^{IV}. Неудивительно, что он оказался затем среди восставших. С руководителем восстания полковником А.П. Перхуровым Туношенский учился в академии. Перхуров окончил ее в 1903 г. по 2-му разряду, а Туношенский годом ранее окончил два класса по 2-му разряду. Перхуров впоследствии отзывался о Туношенском уважительно: «Это, между прочим, один из офицеров Генерального штаба, который не саботировал. Остальные все саботировали»^V. Дальнейшая судьба офицера неизвестна. В списках погибших во время восстания или расстрелянных за участие в нем он не значится^{VI}.

^I Соловьев Е. А. Расстрелянный Ярославль: историческая панорама трагедии города на Волге. Июль 1918. Ярославль, 2018. С. 662–663.

^{II} Рыжиков А. В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. М., 2013. С. 226.

^{III} Ярославское восстание. 1918 / сост. Е. А. Ермолин, В. Н. Козляков. М., 2007. С. 25, 35, 570.

^{IV} РГВА. Ф. 25906. Оп. 1. Д. 351. Л. 32–32об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 255; Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 13; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 559.

^V Ярославское восстание. 1918. С. 305.

^{VI} Соловьев Е. А. Расстрелянный Ярославль. С. 745–771.

Белые, несмотря на широкий выбор военных профессионалов, так и не смогли построить у себя регулярных армий ни на одном из фронтов, но это получилось у не обладавших ни военным образованием, ни подготовкой большевистских лидеров. Донской казачий генерал З.А. Алферов отмечал в эмиграции: «Принципы военного искусства, а в особенности научные положения стратегии, были вообще в слабой степени применимы... Большевики... от этих недостатков излечились, как это ни тяжело говорить, скорее, чем белые»^I. Алферов констатировал, что советские войска постепенно качественно улучшались, тогда как качество белых формирований падало^{II}. Безусловно, свою роль сыграла отсталость и малонаселенность окраин, где действовали белые, в сравнении с индустриально и культурно развитым большевистским центром страны. Среди основных причин неуспеха белых генералов легкомысленное отношение к противнику и недооценка способностей красного командования. Белые не только не сумели подчинить себе население, но и не смогли привлечь его к себе на добровольной основе, тогда как большевики сочетали оба метода. В частности, белые не могли привлечь в свои армии крестьян тем, чем привлекали большевики – возможностями получить хорошее обмундирование, продовольственное обеспечение, удовлетворить культурные потребности (как известно, широкое распространение в РККА получили школы грамоты, библиотеки и театры, массово распространялись журналы и газеты). Как следствие, победа досталась тем, кто сумел ее подготовить как в военно-политическом плане, так и в других аспектах. Наилучшей аттестацией военной политике сторон можно считать слова белого генштабиста А.А. фон Лампе, который в ноябре 1920 г. на страницах дневника задавался риторическими вопросами: «Неужели сила, правда и умение на стороне Троцкого с его полуголодной расшатанной Красной армией? Неужели же мы хуже?»^{III}

^I Алферов З. А. Воспоминания. С. 205.

^{II} Там же. С. 211.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 152.

Глава V.

Генштабисты и политика

§ 1. Политические взгляды генштабистов в эпоху Гражданской войны

В 1917–1922 гг., во время острейшего внутригосударственного противостояния, страна оказалась идейно расколота на несколько лагерей. Представители каждого из них стремились к истреблению своих противников. Офицеры-генштабисты не могли не быть втянутыми в политическую борьбу, хотя как служилые люди, обладавшие лишь сугубо профессиональной компетенцией в военной сфере, не были к этому должным образом подготовлены.

Как писал один из них, «офицер Генерального штаба шел в жизнь, созданную отцами, и продолжал вести себя по примеру отцов, не считаясь с ростом русского народа, его законными потребностями; не видел необходимости в радикальном изменении порядков жизни и службы; не предвидел будущего и тех неописуемых мук, коими будут расплачиваться дети за грехи отцов!»¹ Политической и партийной борьбы офицеры в большинстве своем не понимали, в идеологические различия возникших в начале XX в. партий не вникали. Офицерам, как свидетельствовали выходцы из их среды, вообще свойственна определенная наивность, обусловленная замкнутостью их круга общения по служебной необходимости, наличием государственного обеспечения и незначительными потребностями.

По своему менталитету и системе жизненных координат генштабисты (как и прочие представители старой элиты) ко времени Гражданской войны выглядели безнадежно отсталыми людьми, не понимавшими природы происходящего и нередко мыслившими примитивными категориями темных обывателей. Подтверждения этому буквально на поверхности. К примеру, полковника (позднее – генерала) А. А. Самойло в разгар Первой мировой войны всерьез волновал следующий вопрос: «Я медлил, выжидая освобождения должности в своем родном Екатеринославском полку. Впрочем, я готов был принять и Ширванский полк. О мотивах этой своей готовности я охотно умолчал бы теперь, если бы не взятый мной принцип: выкладывать все начистоту. Дело в том, что Ширванский полк был единственным в армии, которому полагалось носить сапоги с красными голенищами!»² Казалось бы, выйдя из гимназических годов, я мог быть и менее легкомысленным. Как и чем это объяснить? Воспитанием? Средой? Странностью человеческого устройства?

¹ Залесский П. И. Грехи старой России и ее армии // Философия войны. М., 1995. С. 196.

² На самом деле такое отличие получил 81-й пехотный Апшеронский полк.

Судить не берусь»^I. Генерал В.Н. Касаткин наивно записал в эмиграции: «До 1917 г. существовала одна эра — эпоха христианская; после 1917 г. настала другая — анти-христианская. Две тысячи лет тому назад пришел мир Христа и основал мир Добра и Любви. В 1917 г. пришел в мир Ленин и основал мир зла и ненависти»^{II}.

Один из лидеров Белого движения на Юге России генерал П.Н. Врангель был монархистом. Любопытно свидетельство очевидца, генерала З.А. Алферова, о поведении Врангеля на торжественном обеде в Ростове-на-Дону в 1919 г. в бытность командующим Кавказской армией: «Разошедшийся П.Н. Врангель при произнесении одного из тостов сказал: “К черту все эти Круги и Рады! К черту всех этих Богаевских, Филимоновых и Вдовенко! Мы дадим казакам опять наказных атаманов. Оркестр! ‘Боже, Царя храни!’”»^{III}. Позднее Врангелю сообщили, что на обеде присутствовали и два донских генерала, после чего он постарался загладить свой промах. И хотя Врангель имел репутацию монархиста^{IV}, в Гражданскую войну он старался проявлять дипломатичность и не афишировать свои взгляды, придерживаясь идеи непредрешиения будущей формы правления в России. Такую позицию он изложил в письме генералу Е.К. Миллеру в декабре 1921 г.: «Будучи сам по убеждению монархистом, я как главнокомандующий Русской армией вне партий»^V.

Кадровое офицерство, к которому принадлежали генштабисты, традиционно воспитывалось на идеалах преданности императору и монархической идее. Политической жизни офицеры до 1917 г. в массе своей не знали. Характерно свидетельство генштабиста С.Д. Харламова в показаниях по делу «Весна»: «К моменту Февральской революции у большинства офицерства, и у меня в том числе, четкого представления о платформах существовавших партий не было»^{VI}. Генерал А.П. Перхуров по итогам Гражданской войны был убежден, что партийность служила лишь разделению общества^{VII}.

Тяжелейшим ударом для многих генштабистов стал развал армии в 1917 г. Генерал А.П. Будберг даже отмечал в январе 1918 г.: «После того, что потеряно за время с 1 марта 1917 года, чувствительных потерь быть уже не может»^{VIII}. Многие в той обстановке ощущали потребность в сильной руке, в твердой диктаторской власти. Одни увидели ее в различных белых вождях, другие — в большевиках.

Февральская революция 1917 г., открыв офицерским массам дорогу к партийности, внесла существенные изменения в мировоззрение генштабистов. Некоторые из них приняли активное участие в революционной деятельности. Так, например, А.И. Корк, позднее прославившийся в рядах Красной армии, в 1917 г. был председателем солдатского комитета Западного фронта^{IX}. Интересно, что буквально

^I Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 147.

^{II} BAR. Memories of V. N. Kasatkin. Folder 1.

^{III} Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 347.

^{IV} «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О. В. Будницкого. М., 2001. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. С. 206.

^V Цит. по: Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996. С. 104.

^{VI} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 231 (172). Л. 13.

^{VII} Ярославское восстание. 1918 / сост. Е. А. Ермолин, В. Н. Козляков. М., 2007. С. 271.

^{VIII} Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 272.

^{IX} Черепанов А. И. Поле ратное мое. М., 1984. С. 93.

годом ранее Корк восторженно писал генералу В. Ф. Джунковскому о том, что «имел счастье впервые видеть государя»¹.

Отдельные генштабисты в 1917 г. группировались вокруг такого политического деятеля, как А. И. Гучков, который, как метко заметил современник, был «политическим карьеристом, избравшим критику военного ведомства трампином для своих политических успехов... фактически [же] являлся лишь рупором оппозиционно настроенной военной молодежи»². К ним относились А. И. Верховский и Б. А. Энгельгардт, связан с Гучковым был и генерал А. М. Крымов, отрицательно относившийся к последнему императору. Дружеские отношения с Гучковым поддерживал генерал Р. Д. Радко-Дмитриев. Безусловно, способствовали повышению политического сознания офицерства различные корпоративные объединения. С организацией «Республиканский центр» сотрудничал полковник В. Н. Доманевский³. Полковники В. М. Пронин и Д. А. Лебедев стояли у истоков «Союза офицеров армии и флота», возникшего в 1917 г. и ставившего своей задачей защиту интересов офицерства.

Выпускник ускоренных курсов В. В. Сергеев в очерке «Наша (старого Генштаба) идеология», подготовленном в связи с арестом по делу «Весна», отмечал: «Октябрьская революция была встречена нами, — старыми генштабистами, — стоявшими в большинстве на платформе Временного правительства, с испугом, как ведущая к полной гибели России. Установление диктатуры пролетариата, конечно, нами в массе не было понято. Я думаю, что большинством не понимается и теперь.

Почти все думали, что вновь установившаяся власть недолговечна, что судьбой истории — интервенцией и гражданской войной [—] она будет сметена... Та часть нас, которая, по многим причинам, не могла уйти за границу, перешла на службу в Красную армию, частично добровольно механически, частично в порядке мобилизации специалистов. Но то недоверие, которым советская власть нас все время окружала, продолжало питать нашу враждебность...

В процессе дальнейшего существования часть нас пыталась идти в ногу с жизнью Советов, выходя на общественную арену, часть же замкнулась в свои тесные кружки. Обе части, сталкиваясь друг с другом, все время продолжали питаться старыми идеологическими принципами дворянства и старого Генштаба, слабо пролетаризируясь...

В постоянство существования советской власти мы не верили. В каждый более-менее шаткий период ее жизни мы ожидали ее падения. Все грезили и жили надеждами на возвращение к старым временам, более старые тяготели к конституционной монархии, более молодые — к буржуазной республике»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 612. Л. 1об.–2. Публикацию документа см. в: Ганин А. В. «Я имел счастье впервые видеть государя...»: Неизвестное письмо прославленного советского военачальника Августа Корка о встрече с императором Николаем II // Родина. 2017. № 10. С. 124–125.

² Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 257. В другой редакции см.: Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020. С. 562–563.

³ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 118–119; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 408.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 22. Л. 1–3.

Главнокомандующий эстонской армией генерал И. Я. Лайдонер считал в 1919 г., что «большевики очень слабы, их идея не жизненна, они очень скоро станут честными социалистами». В действительности большевистский режим эволюционировал совсем в ином направлении.

Л. Д. Троцкий отмечал, что Октябрьский переворот стал возможен лишь вследствие пропуска ленинской группы немцами через свою территорию¹. В системе жизненных координат офицерства преступный характер взаимодействия большевиков и немцев был очевиден. Неудивительно, что многие генштабисты воспринимали большевиков как агентов германского Генерального штаба. Об этом прямо писал, например, в декабре 1917 г. в дневнике выдающийся отечественный военный деятель той эпохи генерал А. П. Будберг^{II}. Так же рассуждали генералы П. Н. Врангель^{IV} и М. А. Иностранцев^V. Верил в это и демократически настроенный командующий войсками Народной армии Комуча генерал Н. А. Галкин^{VI}. Как вспоминал один из морских офицеров, «в 1918 году война с немцами еще продолжалась, и по инерции русское офицерство чувствовало себя еще *in statu belli*^{VII}»^{VIII}. Даже пошедший к красным бывший генерал П. П. Лебедев в кругу семьи говорил: «Приедет Крыленко, предложит мне открыть немцам фронт. Но я же этого не могу сделать. Не могу нарушить присягу»^{IX}. Разумеется, действительность оказалась намного сложнее, чем могли себе представить российские или немецкие офицеры. Создавалась почва для расчеловечивания большевиков, в которых многие офицеры видели темную массу, инородцев, нехристей и предателей – агентов Германии. Неудивительно, что в Гражданскую войну приверженцы таких взглядов нередко становились проводниками белого террора и идей социального расизма. Подобные взгляды были схожи с огульным неприятием старых специалистов – спецедамством, получившим распространение в Советской России.

Характерно признание курсовика гвардии капитана Д. А. Малиновского, который свидетельствовал даже летом 1919 г.: «Я как военный, офицер, как участник Европейской войны, вынес то впечатление от нашей революции, что ею воспользовались немцы. Я думаю, что наша революция в значительной степени носит характер искусственности, подготовленности ее откуда-то извне. Чьих рук это дело, я судить не могу. Но мне казалось все время и я сейчас убежден, что все дальнейшее, что привело Родину к настоящему ее положению, это дело рук немцев. Они стали нас разваливать после переворота, после отречения государя императора от престола, и воспользовались для этого, как орудием, господином Лениным, Троцким и другими подобными господами. Для меня большевизм – это порождение Германии, это орудие в борьбе с нами. Смотря

^I Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной: Из записок 1912–1959 гг. М., 2011. С. 56.

^{II} Германия и революция в России. 1915–1918: Сб. док. / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 2013. С. 31.

^{III} Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 264.

^{IV} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 105.

^V Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 684–688.

^{VI} Боевой восемнадцатый год: Сб. док. и воспоминаний. М., 2018. С. 95.

^{VII} В состоянии войны (лат.).

^{VIII} Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 115–116.

^{IX} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев – первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 32.

на большевиков как на слуг Германии, я не мог и сейчас не могу себе представить, чтобы власть в Германской империи не приняла бы никаких мер к спасению жизни императрицы, немки по крови, связанной узами родства с германским императорским домом, а через нее и императора и их семьи»¹. В то, что императрица Александра Федоровна являлась германской шпионкой, верил генерал В.И. Селивачев².

Общим для многих офицеров чувством в период революции стали растерянность и дезориентация, неготовность и неспособность противостоять разлагающей пропаганде³. Вовлеченный в политическую жизнь еще до революции и ориентировавшийся в этом вопросе несколько лучше своих товарищей по академии Б.А. Энгельгардт удачно охарактеризовал настроения конца 1917 – начала 1918 г. среди «бывших» людей, в том числе офицеров: «Представления о социализме и коммунизме у большинства этих людей... были самые примитивные, и поскольку они легко примирились со свержением царя и продолжали работать при Керенском, сдвиг от Керенского к Ленину не должен был казаться им непреодолимым. И Керенский, и Ленин находились оба за границей их политических представлений, а разобраться в том, какая пропасть отделяла Ленина от вожakov Временного правительства, они не умели. Но всех этих людей пугали решительные меры, направленные к полной ликвидации старого уклада жизни. Они видели перед собой разрушение всего того, к чему они “привыкли”, того, что в их глазах олицетворяло русскую государственность»⁴.

Слушатель Николаевской академии штабс-капитан В.М. Цейтлин 14 июля 1917 г. рассуждал в дневнике о положении и взглядах офицерства: «Временное правительство могут ругать все кто угодно, и как угодно, и требования предъявлять какие угодно. Но достаточно, чтобы требования исходили от офицеров, и начинается сразу: контрреволюция... да как они смеют... и т.д. Какие-то бесправные отщепенцы с массой обязанностей.

А если разобраться начистоту, то масса армейского офицерства крайне демократична, и если с кадетских лет и была воспитана “самодержавнейшим и благороднейшим”, то Русско-японская война, революция 1904–[19]05 года⁵, распутищина и разгромы в течение нынешней войны, особенно отход пятнадцатого года, заставили многих призадуматься. Только необходимость продолжения войны, абсолютная необходимость сохранить фронт давят сверху, сдерживая от личных выступлений.

Не будь войны, надо думать, многие из офицеров сами активно выступили бы за Госуд[арственную] думу, за ответственное министерство и за республику.

¹ Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; т. 8). С. 82.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 114.

³ В советской историографии предпринимались попытки показать, что генштабистов чуть ли не специально готовили для борьбы с революционным движением в политическом отношении (Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990. С. 31), что, конечно, не имеет под собой оснований.

⁴ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 167; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 461–462.

⁵ Так в документе. Правильно — 1905–1907 гг.

Ведь, в сущности, чем армейский офицер, получающий гроши и не имевший никаких привилегий, был связан с царской властью и чем ему было бы хуже при другом образе правления... Только лучше.

Но революция сразу приказом № 1 озлобила офицерство, натравила на него солдатскую массу. Офицеры растерялись, потеряли почву под ногами, особенно когда к революции стали подыгрывать такие генералы, как Брусилов и другие.

Самое интересное, что чаще всего «революционерами» стали гвардейцы, то есть наиболее привилегированные, пользовавшиеся массой льгот, получавшие чины, оклады, принятые при дворе и пресмыкавшиеся перед царем. Сейчас часть таких карьеристов всю льнет к каждой новой власти, стараясь подчас предугадать, чья возьмет. Им все равно, кто барин, лишь бы устроиться получше у государственного пирога.

Видимо, это уже профессиональная привычка, выработанная службой в гвардии...

Я убежден, что если бы когда-либо большевики взяли власть (надо думать, этого не будет), то легче всего и прежде всех к ним пойдут на службу гвардейцы¹.

Отдельные выпускники академии, как А.М. Каледин и А.И. Дутов, были избраны в конце 1917 г. депутатами Учредительного собрания². Избирались они не по партийным спискам. Восприятие результатов выборов в Учредительное собрание было, по-видимому, в основном негативным. Генерал А.П. Перхуров, например, считал, что выборы были неправильными, так как выражали волю не солдат, а комитетов³. Соответственно, одной из задач противников большевиков являлся созыв Учредительного собрания на новых основаниях, для чего требовалось свергнуть советскую власть.

Новое время требовало людей с новым типом мышления, которые бы понимали социально-политическую природу Гражданской войны, причины революции и учитывали эти факторы. В красном лагере за это отвечала выкованная годами подпольной работы и сплоченная партия, в белом лагере — сами неподготовленные офицеры наряду с политическими деятелями образца 1917 г., что не замедлило отразиться на результатах.

Большевики стремились выяснить политические взгляды генштабистов, оказавшихся в Советской России. Для этого в анкетах имелись соответствующие пункты. Сами же офицеры, будучи аполитично или конформистски настроены, старались уклониться от ответов на эти вопросы, тем более что нередко не знали, что ответить, чтобы не навлечь на себя неприятности. Думается, вполне типичным был ответ, данный известным военспецом А.М. Зайончковским в кандидатской карточке 1920 г.: «В политических партиях не состоял и политикой не занимался»⁴. И.И. Бартельс об отношении к РКП(б) указал: «Сочувствую, но принципиально против всяких партий»⁵. Начальник снабжения армий Северного фронта В.А. Фролов указал в анкете в конце 1918 г., что относит себя к группе сочувствующих большевикам, а начальник канцелярии управления начальника снабжения

¹ АВИМАИВВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 208–209; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 255–256.

² Подробнее см.: Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

³ Ярославское восстание. 1918. С. 269.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 267об.

⁵ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 24. Л. 1.

армий фронта А.И. Крюгер написал: «В организациях не работал, но сочувствую воззрениям партии коммунистов (большевиков)».

Большевистские военные работники невысоко оценивали политическую сознательность офицерства. Как отмечал И.Т. Смилга, «в первую голову бросается в глаза их политическая невежественность. Генеральный штаб не составляет исключения, несмотря на то что он, в общем и целом, среди генеральных штабов других стран стоит довольно высоко. Военные училища и академии вбили своим слушателям в головы ту мысль, что военное дело в принципе аполитично, что беспартийность и невежество в политическом отношении являются основными добродетелями военного деятеля... Я не буду говорить о тех, кто сознательно ушел в тот или другой лагерь. Их было меньшинство. Офицерству пришлось спешно нагонять потерянное. Его самоопределение происходило под давлением тяжелого пресса Гражданской войны. Начинаются перебежки и измены. Их было тем более, чем серьезнее становилось наше военное положение. В настоящее время буквально то же самое можно сказать о наших противниках. Массовый переход офицерства из армии Колчака на нашу сторону неопровержимо говорит за это. Это офицер-середняк спасает свою шкуру... Он готов служить вообще "твердой власти". Поэтому было бы величайшей ошибкой объяснять перебежки большинства бывших офицеров их белогвардейскими убеждениями»^I.

Даже те, кто служил у красных, часто не понимали суть идей большевиков, при том, что среди генштабистов встречались и те, кто искренне пытался понять сущность большевизма. К примеру, анализировавший это явление генерал К.Л. Гильчевский заявлял в 1917 г., что идеи большевиков – «бредни, и как бы они красивы ни были, они не осуществимы, тем более в такой дикой и невежественной стране, как Россия»^{II}. Генерал Н.Н. Стогов в конце 1919 г. считал, что РКП(б) «может быть сравниваема с орденом иезуитов в начале его существования: безусловное повиновение главе и наказание только смертью за малейшее неисполнение приказаний»^{IV}. Ленина Стогов считал больным человеком, видных чекистов (Ф.Э. Дзержинского, М.С. Кедрова и др.) – вырожденками и садистами^V.

Лишь совместная служба с комиссарами и опыт Гражданской войны открывали глаза некоторым думающим офицерам, стремившимся разобраться в событиях. Воспоминания отдельных офицеров содержат уничтожающие самокритические оценки степени политической грамотности этой группы российского общества. Один из современников (негенштабист) пришел к следующему умозаключению: «Новый опыт с властью большевиков при анализе лишь много лет спустя доказывает, какими политическими младенцами мы были»^{VI}. Белый подпольщик генерал А.Л. Носович выражал надежду на то, что трагедия Гражданской

^I РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 180. Л. 10, 12.

^{II} Смилга И. Военные очерки. М., 1923. С. 11–12.

^{III} Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном – о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. С. 175.

^{IV} Цит. по: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 678.

^V Там же. С. 686.

^{VI} Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира / публ. А. В. Шахова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 616.

войны научит офицеров работать и сделает их ум гибче^I. Некоторые, спустя годы, признали успехи красных, как, например, выпускник ускоренных курсов академии Н.Н. Ивановский, который в эмиграции отмечал, что «коммунизм до моего конца — не для меня, но надо отдать им справедливость. Они сумели заставить свою группу драться и сумели взнудать весь народ. Верно, жестокими путями, но после распушенной керенщины других путей, с их точки зрения, не было»^{II}. По словам военспеца бывшего подполковника В.Ф. Ржечицкого, поначалу он «не допускал мысли, что большевикам удастся наладить жизнь»^{III}, но затем пришел к принятию новой власти^{IV}.

Генштабисты оказались представлены практически во всех основных политических течениях периода 1917–1922 гг. — и в правом, и в левом, и в умеренном лагере, и даже в оттенках этих лагерей.

Политические взгляды генштабистов антибольшевистских армий отличались пестротой. Многих примкнувших к белым объединяла искренняя ненависть к большевикам. «Быховские узники» — вожди Белого движения на Юге России — фанатично ненавидели большевиков, которых считали виновниками разрухи в стране. Такие взгляды разделяли и многие другие участники Белого движения. К примеру, генерал М.В. Алексеев в записной книжке осенью 1917 г. отметил: «Большев[ики] в массе — мерз[авцы] и негод[яи]. Но у них есть решимость и готовность драться. У нас же — испуган[ный] обыватель прячется»^V. Весомые основания для ненависти к большевикам имели и те, кто от них пострадал. Например, один из будущих лидеров Белого движения на Востоке России полковник (впоследствии — генерал) К.В. Сахаров, который в 1918 г. состоял в белом подполье, был арестован, около полугода провел в тюрьме, неоднократно выводился на расстрел и бежал из-под ареста^{VI}. Ненависть подпитывалась расчеловечиванием противника, что усугубляло общее ожесточение Гражданской войны. Белый генерал Б.А. Штейфон вспоминал о своих с сослуживцами настроениях осени 1917 г.: «Большевики представлялись нам злом абсолютным. И борьба с ними отвечала всем нашим желаниям»^{VII}. Молодое поколение белых генштабистов не уступало старшему в эпитетах, причем добавляло и поколенческую неприязнь. К примеру, полковник Е.Э. Месснер, акцентируя внимание на генеральском статусе упоминаемых (зигзаг на погонах), в эмиграции писал про «зигзагопогонных подло-авантюристов, как Гутор, Бонч-Бруевич и другие»^{VIII}.

Перешедший от красных к белым на Восточном фронте курсовик Б.Н. Ковалевский (Ковалевский-Русский) сообщал 6 июля 1919 г. управляющему делами

^I Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. С. 31 // BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (2); Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А. В. Ганина. М.: СПб., 2021. С. 133.

^{II} HIA. P. P. Petrov collection. Box 1. Folder 3.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 312. Л. 24.

^{IV} Там же.

^V Алексеев М. В. Записная книжка 1917–1918 гг. / публ. Л. Ф. Павликовой // Записки отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 320.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 17; Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 7.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 4; Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник. 2019. Т. 27. С. 24.

^{VIII} Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005. С. 520.

Совета министров Верховного правителя в докладе о сущности большевизма, что большевизм — это «психическая болезнь страшной стихийной демонической разрушительной силы, которая может смести весь культурный мир, если не будет немедленно ликвидирована»^I. Впрочем, вызывает вопросы психическое здоровье самого докладчика, подписавшегося уполномоченным «всего 100-миллионного населения Совдепии»^{II} и поставившего своей целью искоренение «большевиков-фанатиков, психически заразно-больных бешеных людей»^{III}.

Причины большевизма Ковалевский видел в Первой мировой войне. Власть партийного руководства он считал диктаторской^{IV}. По примеру действий большевиков он призывал руководство белых к большей решительности, быстроте решений, сокращению канцелярщины^V. Среди предложений были и наивные идеи оторвать население от личных интересов^{VI}. При этом Ковалевский считал, что до весны и даже до осени 1920 г. белые своими силами не справятся^{VII}. В другом документе тот же автор призывал не использовать порожденные революцией слова: Гражданская война, демократия, буржуазия, пролетарий^{VIII}. В качестве очередного «конструктивного» предложения, как победить большевиков, он предлагал повысить премию за приносимую винтовку со 100 до 400–600 руб.^{IX} На подобном детском уровне находились общественно-политические взгляды уже сравнительно опытного человека, успевшего отличиться в Первой мировой войне, дослужившегося в старой армии до чина подполковника^X, а затем служившего как в РККА, так и у белых.

^I ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 24. Фрагменты доклада опубликованы в: Хандорин В. Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. С. 298–300, 582–585.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 21.

^{III} Там же. Л. 27. О себе Ковалевский писал: «Я — человек, ничего больше для себя не ищущий, единственно борющийся, принципиально, с неправдой и с несправедливостью, которая возмущает мою душу... Человек, проведший 17 тяжких месяцев в Советской России при владычестве там большевиков, все переживший на собственном опыте.

Наконец, я офицер и гражданин, который с момента Февральской революции усмотрел всю опасность для моей Родины, ее чести и армии большевистского учения, как противонационального и противогосударственного. Посвятивший себя всецело на изучение большевизма и активную борьбу с ним:

Ликвидация в конце июня 1917 года большевистского движения под Двинском, в июле — ликвидация восстания в Петрограде Особым отрядом 5-й армии генерала Миловича, у которого имел честь состоять начальником штаба.

Консультант якобы по оперативной части, а в действительности только боровшийся с противонациональной и противогосударственной идеей, стремившийся только сохранить фронт и честь России, Временного правительства сначала на Северном фронте, а затем и в Ставке, по директивам которого велось активное сопротивление по всей России, велась борьба с 23 (возможно, 28. — А. Г.) октября по 6 ноября: в период моего «вид комиссар верхства».

Человек, морально раздавленный стихийным движением 20 ноября 1917 года (день убийства главноверха Духонина), а затем снова воскресший для новой активной борьбы (иными способами) в мае 1918 (в документе ошибочно — 1917. — А. Г.) года, мобилизованный наштадив Красной армии, который сдавал без боя гор[од] Осу, а затем г[ород] Воткинск, вообще активно содействовавший при невозможности тяжелых условиях разгрому левого фланга 2-й армии в период с 5 марта по 7 апреля [1919 г.].

Такой человек, полагаю, имеет полное нравственное право требовать, чтобы «имеющие уши — услышали»» (Там же. Л. 20–20об.).

^{IV} Там же. Л. 26об.

^V Там же. Л. 22об.

^{VI} Там же. Л. 22.

^{VII} Там же. Л. 25.

^{VIII} Там же. Л. 28.

^{IX} Там же. Л. 29.

^X Подробнее см.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1562. Л. 122–123, 125–126.

За годы Первой мировой и Гражданской войн в среде генштабистов шире распространились антисемитские и шовинистические настроения. Первоначально в связи со шпионажем евреев в пользу немцев¹, а затем под впечатлением от заметной роли, которую играли евреи в РКП(б)². Антибольшевизм, даже у образованных офицеров, накладывался на антисемитизм, а ответственность за развязывание Гражданской войны возлагалась на большевиков. Так, полковник В.А. Замбржицкий, служивший в Донской армии, записал в дневнике в сентябре 1918 г.: «Боже мой, что за ужасная бойня, что за кровожадность, что за ожесточение! Это ли “великая, бескровная” революция? К чему привели мерзавцы Ленины и все эти жида Троцкие!.. С другой стороны, что делать казакам? С ними расправляются столь же беспощадно!»³ Много рассуждений о «жидо-масонах» содержат воспоминания украинского генерала Г.Е. Янушевского⁴.

Убежденным антисемитом был один из видных колчаковских военачальников генерал К.В. Сахаров. Некоторые другие белые офицеры придерживались схожих взглядов. Например, генералы А.Е. Вандам, М.К. Дитерихс, М.Г. Дроздовский, И.П. Романовский, Д.Н. Сальников, И.Г. Эрдели. Жена генерала М.К. Дитерихса в августе 1919 г. заявляла: «Ах, эти жида погубили нас. Если бы мне дали власть, всех бы перерезала бы. Они же убили царя... Всех необходимо уничтожить, теперь как раз время, хоть при отступлении уничтожить наших врагов»⁵. Ее супруг не без оснований опасался, что подобный разговор могут услышать посторонние, но разделял такие взгляды: «Все можно делать, но осторожно и обдуманно. Ты знаешь, кто носит крест на шее, не может сочувствовать и защищать жидов. Я твоего же мнения, и до настоящего времени я провел мое желание в исполнение по всем местам отступления. В этом отношении я окружил себя верными людьми»⁶. Среди таких сотрудников Дитерихса упоминался выпускник академических курсов полковник Н.И. Белоцерковский. Далее Дитерихс вновь предостерег супругу от публичного высказывания радикальных взглядов: «Разве можно за столом открыто в присутствии всех высказывать свои взгляды “бить жидов”, открыто говорить про будущую монархию и т.д. Я того же мнения, но от меня никто не услышит таких слов в общественном месте»⁷. Эти высказывания были зафиксированы французской контрразведкой. Затем к разговору присоединился Д.Н. Сальников, тогда еще полковник: «Что касается этих жидов, я стараюсь всех истребить... они нам принесли несчастье... мое мнение определенное – истреблять (смеется)»⁸. Дитерихс на это снова заявил: «Прошу вас таких вещей не говорить... Такие вещи могут привести к осложнению с союзниками... Косвенно можно все делать, сколько раз я лично подписывал приказы, что продали нас инородцы, что

¹ См., напр.: Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 41, 115, 124.

² Евреи составляли 17 % членов ЦК РКП(б) периода 1917–1922 гг., занимая 2-е место после русских (52 %) (Модсли Э., Уйат С. Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011. С. 40, 89).

³ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 52об.–56об., 79об.–80.

⁵ Цит. по: Кашин В. В. Агент «Джон» на службе военной контрразведки Франции // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2021. № 28. С. 54.

⁶ Там же. С. 54–55.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Там же.

правят в Советской республике нерусские... Солдаты великолепно понимают, что речь идет про жидов, и, поверьте, они не замедлят вам устроить при первой возможности погром»^I. Если подобные свидетельства не являлись плодом фантазии оставившего их агента, получается, что часть белого командования была охвачена параноидальными идеями о пользе истребления евреев для победы над красными. Бывший начальник ВГШ и руководитель белого подполья в РККА, а затем один из видных белых генералов Н.Н. Стогов полагал, что большевики преследуют цели, «продиктованные, надо думать, главарями жидомасонов»^{II}, и был искренне убежден, что «советская власть — власть иноземная, власть, завоевавшая великорусский народ»^{III}. Троцкий, по мнению Стогова, «как жид — с молоком матери всосал ненависть ко всему русскому, ко всей России вообще и к каждому русскому в отдельности»^{IV}. Стогов считал, что Троцкий не являлся самостоятельной фигурой, а действовал «по какой-то высшей указке... чтобы принести России наибольший вред»^V. Подразумевалось конспирологическое представление о большевиках как агентах мирового жидомасонского заговора. Генерал был убежден, что в России евреи будут уничтожены, «так как жид и коммунист — это синонимы, и злоба на них в населении страшная»^{VI}.

Подполковник Б.Ф. Ушаков, служивший в 1918 г. в Чехословацком корпусе и участвовавший в Белом движении на Востоке России, еще в 1917 г. рассуждал, что «Россию спасут только славяне, только славяне должны быть у власти. Никаких партий, никаких лиц, носящих нерусские фамилии, не должно быть у власти. Никаких подлецов, привезенных из-за границы в заплombированных или не заплombированных вагонах, нельзя допускать на пушечный выстрел к власти, ибо их руки не чисты и их дела грязны. Россия много горя испытает, но она не погибнет, а в своем горе вспомнит мои слова и жестоко отомстит различным Лениным, Троцким, Нахамкесам и Ко»^{VII}.

Генерал А.А. фон Лампе так отзывался в 1922 г. в эмиграции об офицерах, фотографировавшихся с Троцким в Брест-Литовске в период мирных переговоров: «Офицеры совершенно самодовольно снимались с поганым жидом! Немудрено, что они же теперь дефилируют перед ним на парадах не хуже, чем перед царем»^{VIII}. Даже стремившийся в своих воспоминаниях к сдержанности и объективности генерал А.И. Деникин с завидным упорством на страницах «Очерков русской Смуты» подчеркивает еврейское происхождение Троцкого, регулярно именуя его то Бронштейном-Троцким, то Бронштейном. На этом фоне бросается в глаза то обстоятельство, что Ленина Ульяновым он почти не называет.

Как отмечал бывший флотский офицер, находившийся в Советской России, «я никогда не был антисемитом, но в 1919 году евреи положительно для всех

^I Там же. С. 55–56.

^{II} Цит. по: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 677.

^{III} Там же. С. 678.

^{IV} Там же. С. 686.

^V Там же.

^{VI} Там же. С. 692.

^{VII} Цит. по: Нарышкин П. А. Память героя Генерального штаба подполковника Ушакова // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. № 103 (315). 18.09. С. 3.

^{VIII} Алексей фон Лампе — военный агент барона Врангеля в Венгрии: Сб. док. М., 2012. С. 135.

сделались проблемой. Вырвавшись из черты оседлости, они в невероятном количестве нахлынули в центры, в том числе и в Петроград, и заняли все ведущие посты¹. Отметим, что имперское сознание, шовинизм и националистические настроения были характерны и для генштабистов Красной армии².

Главкомандующий ВСЮР генерал А. И. Деникин по своим политическим взглядам относился к консервативно-либеральному течению³. Деникин вспоминал, что его политические убеждения сложились в годы учебы в академии: «Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма»⁴. Начальник штаба ВСЮР генерал П. С. Махров также имел репутацию либерала. Генерал П. Н. Врангель отметил: «Генерала Махрова я знал очень хорошо... Это был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер Генерального штаба. Ума гибкого и быстрого, весьма живой. Он не прочь был поиграть “демократизмом”»⁵.

Традиционалистскому мировоззрению кадровых офицеров-генштабистов в большей степени соответствовали условия службы в белых армиях. По этим причинам большинство представителей Генштаба в них и оказалось. Белые считали, что ведут борьбу за восстановление и возрождение России. В политическом отношении многих удовлетворяли лозунг «единой и неделимой России» и программа генерала Л. Г. Корнилова с курсом на твердую власть военной диктатуры, наведение порядка в стране и созыв Учредительного собрания, которое должно было предопределить характер будущего государственного устройства. Однако по мере разрастания Гражданской войны ряды белых пополнялись офицерами, придерживавшимися и других политических взглядов, что не могло не размывать политическую платформу белых, делая ее более аморфной. Как отмечал современник, «идеологические расхождения сказывались и в среде вождей Добровольческой армии: Деникин и Романовский на многое смотрели другими глазами, чем Драгомиров и Лукомский... Взгляды на устройство этого старого мира бывали у них так различны, что это губительно действовало на общую работу»⁶.

Начальник штаба Добровольческой армии генерал-майор И. П. Романовский сообщал руководителям центров армии 20 сентября (3 октября) 1918 г., что «как командный состав, так и большинство офицеров в армии – монархисты-конституционалисты, но армия не может носить никакой партийной окраски и потому под единый, развевающийся над ней трехцветный флаг принимаются все любящие свою Родину и желающие ей служить, независимо от их политической платформы; главная цель – воссоздание России, будущий же образ правления отходит на второй план. Как сложится обстановка, какое будет настроение народа – неизвестно,

¹ Бьеркелунд Б. В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 106.

² Савченко И. Г. В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016. С. 215–216; Безугольный А. Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945: Историко-статистическое исследование. М., 2021. С. 145–146.

³ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2008. С. 481.

⁴ Деникин А. И. Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 123.

⁵ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 28.

⁶ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 212. В другой редакции: Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 512.

и сейчас предрешать тот или иной образ правления было бы преждевременно и недальновидно»^I. Как известно, белые придерживались в основном идеи непредрешения будущей формы правления в России до Учредительного собрания. Такой принцип был взят на вооружение, чтобы расширить социальную базу Белого движения, как за счет монархистов, так и за счет республиканцев. В армии же Романовского обвиняли в излишнем демократизме, «а, как известно, наши демократы, по большей части, не способны к государственному строительству и управлению», — отмечал гвардейский конный артиллерист С.Н. Шидловский^{II}.

Полковник К.В. Алексеев изложил свои взгляды в автобиографии для следственной комиссии белых: «Ни Временному правительству, ни гетману я не присягал, и мое внутреннее убеждение было, есть и всегда будет: “Единая, неделимая Россия”, которой 23 года служил и по мере сил готов служить, если буду обеспечен настолько, чтобы быть в состоянии прокормить мало-мальски свою семью»^{III}.

Генштабистов всех сторон отличал примитивизм понимания политической стороны событий 1917–1922 гг., базировавшийся на игнорировании общественно-политической жизни. Показательно, что командующий войсками Омского военного округа при белых генерал А.Ф. Матковский на судебном процессе над колчаковскими министрами дважды отказывался отвечать на вопрос, что он понимает под политикой, лишь после третьего настояния обвинителя он сообщил, что политикой считает «вмешательство в руководство государственной жизнью»^{IV}.

Об уровне политической сознательности представителей белого командования также свидетельствует характерная зарисовка современника о донском казачьем генерале Ф.Ф. Абрамове: «Генерал Ф.Ф. Абрамов... был просто солдат и как таковой знал только одну политику — беспрекословное повиновение своему начальству. Я работал бок о бок с ним свыше года и не только не мог определить его политической физиономии, но даже узнать, есть ли у него вообще какие-нибудь политические взгляды. Это была бессловесная машина, заведенная в определенном направлении»^V. Разумеется, подобные несознательные военачальники являлись слабым ориентиром для тех, кто им в условиях Гражданской войны подчинялся. Неудивительно, что выступления Абрамова перед казаками были сухими и не оставляли никакого следа»^{VI}.

Даже после падения монархии среди генштабистов встречались убежденные монархисты, представители крайне правых течений. К ним можно отнести генералов М.К. Дитерихса, М.Г. Дроздовского, С.Н. Розанова, К.В. Сахарова, Н.М. Тихменева. Генерал В.Н. Касаткин в эмиграции не мог простить себе того, что в Екатеринбурге летом 1918 г. вместе с почти двумя сотнями слушателей и преподавателей академии не предпринял попытку спасти царскую семью, считал себя

^I РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 23об.

^{II} Шидловский С. Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 45.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 5об.

^{IV} Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 118.

^V Калинин И. М. Под знаменем Врангеля // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 12: Казачий исход. С. 85.

^{VI} Там же. С. 86.

клятвопреступником^I. В качестве смягчающего обстоятельства Касаткин отмечал, что как военный человек ждал приказа. Однако понятно, что в Гражданскую войну приходилось действовать на свой страх и риск, а не по приказам, издавать которые тогда было некому. Подобная инертность, несомненно, повредила офицерству, особенно в период 1917–1918 гг. Касаткин красноречиво отмечает: «Я офицер Генер[ального] штаба. Я привык советовать, а не решать»^{II}. По мнению Касаткина, его безынициативность являлась смягчающим обстоятельством, дававшим ему право на снисхождение перед собственной совестью. Более яркое саморазоблачение генштабиста трудно себе представить. Получив на следующий день после расстрела царской семьи это известие, Касаткин с женой расплакались.

Некоторые монархисты в период 1917–1920 гг. смогли проявить определенную гибкость и работали с теми силами, которые выдвигали непредрешенческий лозунг. Например, генерал А.А. фон Лампе писал о генерале Б.А. Штейфоне: «Твердо и решительно он принял линию на Добровольческую армию, на Белое движение, ограничил свои монархические симпатии и так провел свою линию твердо и неуклонно через большевизм, украинство (он в то время был генералом Алексеевым признан представителем в Харькове), добровольчество, Галлиполи и, наконец, зарубежный период существования»^{III}.

Генерал С.А. Щепихин в связи с расстрелом царской семьи размышлял: «Какое чувство? – Жутко... не перед фактом убийства, а жутко мне, воспитанному в монархизме, сама мысль, допускающая возможность таких зверств против царя... Здорово, видимо, наша военная среда отставала от общего темпа жизни, понятий и морали...

Все-таки, думаю, надо быть чрез меру обиженным судьбой или быть болезненно чувствительным ко всем несправедливостям жизни, чтобы решиться на эдакое!!»^{IV}

Монархическая идея к 1917 г. оказалась, в значительной степени, дискредитирована. Многие офицеры уже не разделяли прежних идеалов. В документах белого лагеря сохранились свидетельства негативного отношения некоторых генштабистов к старому режиму. В частности, выпускник ускоренных курсов академии В.С. Савченко, служивший в колчаковской армии, жаловался в феврале 1919 г. на плачевную ситуацию с наградами за Пермскую операцию и отмечал, что положение напоминает «старый николаевский режим»^V. Пошедший в Красную армию генерал С.Г. Лукирский в показаниях по делу «Весна» сообщил, что «я свой политический путь проделал, начиная с сочувствия партии октябристов, закончил его, оставшись национал-патриотом своей родины»^{VI}.

Имущественный фактор также мог влиять на взгляды генштабистов. Многие из них не имели ничего, кроме жалованья, но встречались и состоятельные офицеры. Генерал П.С. Махров вспоминал о лидере Белого движения на Юге России генерале бароне П.Н. Врангеле, что тот в 1920 г. при обсуждении доклада Махрова

^I BAR. Memories of V. N. Kasatkin. Folder 1.

^{II} Ibid.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 29. Л. 162.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 10об.

^V РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 77а об.

^{VI} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 23.

об аграрных преобразованиях выступил против ликвидации крупного землевладения в Крыму. Махров из этого делал следующий вывод: «Врангель легко мог отказаться от титула барона, но в жилах его текла помещичья, классовая кровь. Он готов был отдать земли государственные, ему не принадлежащие, но громадные площади земли его жены, рожденной Иваненко, и его собственные, как и земли других помещиков привилегированного класса, должны быть неприкосновенны и в крайнем случае оплачены. Я никогда не понимал, почему с освобождением крестьян при Александре II за участки, упитанные потом многих поколений мужиков, они должны были заплатить помещикам деньгами. Все эти земли помещиков были в историческом процессе или даром государей, или захватом сильнейшего. Все их богатства были результатом эксплуатации крестьянского труда. Недаром русский человек-простолудин говорил: “От трудов праведных не построишь палат каменных!” И в психологии Врангеля осталось, что дело мужика [—] это работать и принудительный труд — явление нормальное. Он и написал на докладе: “И обязательная обработка всей годной площади”»^I. Сложно сказать, насколько обосновано такое наблюдение, но, действительно, Врангель был женат на фрейлине и дочери камергера О.М. Иваненко. Его тесть являлся богатым землевладельцем (владел землями в Новороссии, а супруге в Минской губернии принадлежало более 5000 десятин земли^{II}). По некоторым данным, когда Иваненко выходила замуж, в приданое ей были даны часть имения Рудобелка Минской губернии и имение Благовещенка Екатеринославской губернии. Отец Врангеля состоял в правлениях нескольких крупных компаний («Сименс и Гальске», Российское золотопромышленное общество). В послужном списке Врангеля указано, что никакого недвижимого имущества генерал не имеет^{III}, но такая запись, как можно заметить, не всегда отражала реальное материальное положение офицеров.

Среди генштабистов появились приверженцы демократических взглядов, те, кто выступал за народовластие или бравировал близостью народу. Отметим, что такие офицеры могли отстаивать свои взгляды как на стороне красных, так и в лагере их противников. Бывший военный министр генерал А.Н. Куропаткин в анкете в Псковскую ГубЧК в 1919 г. сообщил, что советскую власть признает и, более того, «с 1864 года был народником старой школы»^{IV}. Разумеется, такое высказывание, сделанное в советских условиях, следует воспринимать с осторожностью. Генерал В.Г. Болдырев в антибольшевистском лагере на Востоке России позиционировал себя как генерала «из мужиков», гордился своим незнатным происхождением и тем, что его отец пахал землю^V. Оформлению антибольшевистских взглядов Болдырева, несомненно, способствовали его арест новой властью в период с 13 ноября 1917 по 2 марта 1918 г. и пребывание в петроградской тюрьме «Кресты»^{VI}. По своим

^I Махров П. С. Ген. Врангель и Б. Савинков. Тетрадь 1. С. 31 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Публикацию доклада Махрова с комментариями Врангеля см.: Секретный доклад генерала Махрова // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1982. № 124. С. 183–243.

^{II} Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной собственности и экономической деятельности и пр. Киев, 1913. Т. 3 (доп.). Разд. паг. V. Сельскохозяйственный отдел. С. 124.

^{III} РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 1364. Л. 6.

^{IV} РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 57. Л. 2об.

^V Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 195.

^{VI} Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 167–168.

взглядам он был близок к правым эсерам, выступал сторонником народного самоуправления, стремился к открытию Учредительного собрания¹. Разумеется, в Гражданскую войну демократические идеалы государственности являлись утопией, поскольку для победы требовались жесткие авторитарные методы управления. Кроме того, позиция Болдырева негативно воспринималась в офицерской среде. По свидетельству очевидца, в нем «не чувствовалось вождя, генерала, а был политик, какой-то демократ, что ли, который хочет угодить и нашим и вашим»². Впрочем, есть версия и о том, что это было лишь демонстрацией. Генерал Н. А. Галкин впоследствии отмечал, что «вполне естественно и легко выдвинулся генерал Болдырев, который незадолго перед этим перебежал через фронт и усиленно рекламировал себя. Для придания своей физиономии известного политического ореола он связался с энесами³ и рекомендовался как представитель Союза возрождения»⁴.

Организатор Ярославского антибольшевистского восстания генерал А. П. Перхуров на судебном процессе 1922 г. изложил мотивы своего участия в Гражданской войне: «Я решил встать на сторону недовольных людей, потому что их претензии были для меня слишком близки и понятны. Я знал, что люди, у которых отбирают хлеб, они имеют право протестовать. Я сам хорошо знал, что такое голод; знал и раньше, нисколько не в меньшей степени. И с этого момента получилось, что я решил всемерно бороться за этих обиженных людей»⁵. Политическую программу восставших Перхуров кратко определял: земля народу, свободная торговля и дисциплинированная армия⁶.

Бывший подполковник Н. С. Новиков в учетной карточке 1918 г. о своих политических убеждениях писал: «Свобода, равенство, братство»⁷. Бывший генерал Г. К. Корольков в кандидатской карточке (карточке кандидата на определенную должность) в сентябре 1919 г. указал в качестве убеждений: «Республиканец-демократ»⁸. В кандидатской карточке бывшего штабс-капитана Н. И. Камкина за ноябрь

¹ ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

² Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 324. Любопытна характеристика Болдырева, оставленная его сокамерником в тюрьме «Кресты» монархистом Ф. В. Винбергом: «Милый и симпатичный, бывший командующий V армией генерал Василий Георгиевич Болдырев... Хотя и Василий Георгиевич по своим политическим убеждениям и взглядам во многом расходится со мною и моими убеждениями и идеалами, но я его уважаю и искренно отношусь к нему хорошо. Болдырев, несомненно, в действиях своих руководится горячим патриотизмом и честными правилами жизни; ни честью своей, как он понимает ее, ни достоинством никогда не поступится; когда нужно, умеет проявить не только воинское, но и гражданское мужество. Как начальник, он, по-видимому, умеет быть энергичным, находчивым, властным и распорядительным. Немного неприятно в нем то, что чувствуется большое самодовольство и излишнее преклонение перед собственной особой; но эти черты, к сожалению, присущи вообще очень многим офицерам Генерального штаба, а у него как раз они благополучно скрадываются умением беспристрастно оценивать и положение, и людей, с которыми жизнь заставляет его встречаться. Вообще, насколько я мог судить по нашему знакомству, у него должно быть гораздо больше достоинств, чем недостатков. Вот только я не знаю, какую роль он играл в штабе подлого предателя Рузского: этот вопрос, разумеется, является кардинальным и составляет главное основание для правильного суждения о человеке» (Винберг Ф. В. В плену у «обезьян» (записки «контрреволюционера») // Верная гвардия. С. 167).

³ Народными социалистами.

⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 10.

⁵ Ярославское восстание. 1918. С. 266.

⁶ Там же. С. 270.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 165.

⁸ РГВА. Ф. 25892. Оп. 3. Д. 848. Л. 24.

1918 г. было указано: «Убежденный республиканец»^I. Командующий 3-й армией генерал Д. П. Парский в ноябре 1917 г. заявил: «Я оставался все время на своем месте, считая неудобным покинуть армию в такое тяжелое время, и до тех пор, пока это было возможно, в полной мере шел навстречу нашим демократическим организациям...»^{II} В письме военруку ВВС М. Д. Бонч-Бруевичу от 22 июля 1918 г. Парский напоминал: «Все, что я мог, то я сделал, работая всегда рука об руку с солдатом и офицером, а после переворота и с организациями искренно и добросовестно на пользу общего дела»^{III}. Речь шла, очевидно, о выборных солдатских организациях. Народнические идеи были близки видному военспецу Н. Н. Петину.

Действительно, ряд будущих военспецов-генштабистов приобрели опыт работы в выборных армейских организациях в 1917 г. Например, гвардии капитан Г. А. Армадеров 28 декабря 1917 г. корпусным съездом был назначен начальником штаба XXXIII армейского корпуса, состоял в совете солдатских депутатов корпуса, затем с 14 января 1918 г. стал генерал-квартирмейстером штаба 8-й армии, а по постановлению армейского совета назначен начальником штаба, вступив в должность 15 февраля. Более того, в период с 10 по 24 марта капитан временно командовал армией, занимаясь ликвидацией ее дел^{IV}. Летом 1918 г., когда Военная академия, в которой Армадеров учился, в Екатеринбурге и Казани перешла на сторону антибольшевистских сил, этот офицер в числе немногих остался в Советской России (находился в штабе Ярославского округа) и в дальнейшем служил в Красной армии, а впоследствии стал советским генералом и принял участие в Великой Отечественной войне. Полковник К. И. Бесядовский был избран товарищем председателя дивизионного комитета 51-й пехотной дивизии^V. Полковник М. С. Свечников был выборным начальником 106-й пехотной дивизии. Капитан С. А. Пугачев в 1917 г. стал членом Псковского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Как он сам впоследствии отмечал, «сначала интуитивно, а затем совершенно сознательно» перешел на сторону Октябрьской революции^{VI}.

Видный деятель Белого движения на Юге России генерал И. Г. Эрдели писал в дневнике в мае 1918 г. о будущем государственном устройстве России: «Ярко выраженный империализм доживает свой век и должен смениться иными формами, более общественными и народными, как Англия, Америка, Франция, и не как в Австрии и Германии. И потому, если Россия вступит теперь на путь империализма, в будущем вновь потребуется переворот»^{VII}.

Иногда политическая самоидентификация генштабистов была довольно причудливой. Например, бывший генерал Н. А. Зарубин писал в апреле 1918 г. в заявлении на имя военрука Петроградского района, что он «по воззрениям — анархист-индивидуалист христианского толка»^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 132.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 260. Л. 4.

^{III} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 123.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 441.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 9.

^{VI} Черушев Н. С. Из эпохи Сталина: Четыре тайны тридцатых годов. М., 2016. С. 333.

^{VII} Цит. по: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 60–61.

^{VIII} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 11–11об.

Бывший генерал В.Н. Егорьев, ставший видным военным специалистом РККА, впоследствии вспоминал: «Я в свое время увлекался крайним демократизмом и идеями Беллами и дважды был под надзором полиции (1891–1892 и 1905 г.)»^I. Речь шла об американском публицисте социалистического направления Э. Беллами. В графе учетной карточки «Политические убеждения, в каких организациях и когда работал» военспец 13 июля 1918 г. указал: «Христианский социалист, в толстовских в 1891–1893 гг.»^{II}. Большевики мирились с тем, что родные и близкие высокопоставленных военспецов могли быть приверженцами небольшевистских партий. Например, сын Егорьева Владимир, состоявший при отце в бытность того военруком Западной завесы для поручений, считал себя внепартийным анархистом и отмечал летом 1918 г.: «Нет партии, в которую бы складывались мои убеждения (твердая власть, демократический строй, реально возможный социализм). По идеологии анархист»^{III}.

Бывший полковник Ф.Г. Павловский в июле 1918 г. написал о своих взглядах: «По политическим убеждениям не принадлежу ни к одной из существующих политических партий. Ближе всего подхожу к анархистам по любви к свободе и индивидуальной деятельности. В полит[ических] орг[анизациях] не работал»^{IV}.

Находились и такие выпускники академии, которые пытались приобщиться к новым идеям на практике. Например, курсовик Б.И. Кузнецов даже устроился на производство, возможно, чтобы оказаться ближе к рабочим. Он вспоминал об этом: «С конца декабря [1917 г.] или начала января месяца [1918 г.] я, не бросая лекции в академии, отстаивал ночные смены на Обуховском заводе, куда был принят рабочими в артель снарядной мастерской и где изучал под руководством тов. рабочих Барабанщикова и Мартьянова токарное дело. После работ на заводе я закончил, тоже не бросая занятий в академии, школу шоферов-механиков.

Мне, так сказать, показали “вещь”, а я захотел ее ощупать, а затем уж уверовать. И я до сих пор не уверовал.

Аполитичен.

И причин тому — много»^V.

Сложно сказать, что двигало военспецом и насколько искренне это свидетельство. Возможно, романтика революционных перемен действительно побудила его присмотреться к пролетариату.

Бывший генерал А.И. Верховский показал на допросе по делу «Весна» в 1931 г., что в 1919 г. в тюрьме «впервые прочитал “Капитал” Маркса и целую серию книг по истории. Все прочитанное укрепляло мои позиции... постепенно я стал чувствовать себя советским человеком»^{VI}. Неизвестно, насколько правдивым было такое вынужденное признание. Другой бывший генерал Н.С. Максимов, будучи арестован в 1921 г. и стремясь понравиться властям, указал в анкете МПКК в качестве политического кредо: «Внепартийный идейный коммунист»^{VII}. Еще оригинальнее

^I РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 9.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 13об.

^{III} Там же. Л. 20.

^{IV} Там же. Л. 48.

^V ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 53.

^{VI} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 61 (81). Л. 82.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 217. Л. 67.

заявление другого арестованного бывшего генерала Н.П. Сапожникова в опросном листе МПМК: «Беспартийный (в юности был в партии народовольцев)»¹.

Склонностью к политической активности социалистического толка и к работе с крестьянами отличались полковники Ф.Е. Махин и В.К. Манакин. Как отметил биограф Манакина А.В. Посадский, на примере таких людей «просматривается не получившее развития направление антибольшевистской борьбы – через народную инициативу без эсеровского политиканства, без пафоса вожизма и без пиетета перед либеральной псевдообщественностью»². Однако в надеждах на народную поддержку эсеры просчитались.

Присутствовали и противоположные тенденции в виде презрительного отношения к лишенным государственного мышления крестьянам. Так, по свидетельству Б.В. Савинкова, один из генштабистов Русской народной добровольческой армии (предположительно, подполковник П.И. Олейников) осенью 1920 г. заявлял: «Русский крестьянин – быдло. Сам не знает, чего ему нужно. Сегодня царь, завтра Троцкий. Ему бы только есть и спать и поменьше работать. Косность. Невежество. Покорность судьбе»³.

Политические взгляды генштабистов национальных армий находились в иной плоскости. Для многих важным вопросом становилась национальная и культурная самоидентификация. Генерал П. С. Махров вспоминал о встречах в 1918 г. с украинизировавшимися товарищами по службе подполковниками Н.А. Капустянским и В.В. Колосовским. По словам Махрова, Капустянский считал Украину не способной существовать без России, но стоящей в культурном отношении достаточно высоко. «С детской наивностью он противопоставлял Шевченку Пушкину, сожалея, что талантливейший писатель малоросс Гоголь написал свои произведения на русском языке, упомянул о Котляревском как о каком-то таланте вроде Шекспира, которого в России никто не читал»⁴. Забросал меня названиями произведений Короленки и Винниченки и, исчерпав свой скромный каталог, не убедил меня в превосходстве украинской культуры»⁵. Колосовский, по свидетельству Махрова, был человеком русской культуры, хотя и украинцем по происхождению, разделявшим самостийные идеи, но не «щирым». «Беседуя с Колосовским на эту тему, я посмеивался над химерическими мечтаниями Скоропадского, убежденный в том, что рано ли, поздно ли вопрос о границах Украины будет решать Россия, а не немцы»⁶. Еще одним офицером, с которым Махров обсуждал перспективы украинизации, стал полковник М.М. Лазаренко-Дедковский. Это был также человек русской

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 84.

² Посадский А. В. Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии // Труды III междунар. исторических чтений, посв. памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 года. СПб., 2013. С. 252.

³ Цит. по: Кручинин А. С. «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012. Т. 19. С. 143.

⁴ Котляревский издал в переводе очень странные переделки Энеид, которых в России почти никто не читал (примеч. П. С. Махрова).

⁵ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 546–547 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Опул. в: Ганин А. В. При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П. С. Махрова // ЖРВИА. 2020. № 2 (21). С. 195.

⁶ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 546 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Опул. в: Ганин А. В. При немцах и гетмане. С. 195.

культуры. Махров вспоминал, что «беседовал с ними, как с товарищами по русскому Генеральному штабу, как с людьми одной школы, посмеиваясь над их энтузиазмом, звучавшим отдаленным эхом эпохи Запорожья и гетманов 16^{то} и начала 17^{то} века»¹.

Впрочем, национальные движения стремились использовать и противники большевиков. Одним из последовательных сторонников украинского движения был генерал А.П. Греков, воспоминания которого содержат любопытное указание на представления генерала о целях борьбы: «Своевременно использованная национальная Украина могла быть сохранена от занятия ее большевиками и могла послужить надежной базой для оздоровления всей России без боевого участия иностранных войск, трудами же Директории крестьянство Украины доведено было до желания прихода большевиков»². Таким образом, для этого генерала борьба за Украину являлась лишь средством победить большевиков в России.

Гражданская война воспринималась генштабистами как очевидное зло и национальная трагедия. Не случайно генерал А.И. Деникин именовал этот период «русской Смутой», а генерал П.П. Петров «роковыми годами». Последний отмечал, что период 1914–1920 гг. являлся важнейшим для России³. Генерал Б.А. Штейфон расценивал происходившее как трагедию⁴. Генерал И.Г. Эрдели записал в дневнике в июне 1918 г.: «С отвращением все больше и больше думаю об этой междоусобице. Когда же ей конец — отчаяние одно»⁵.

Тяжелые испытания, выпавшие на их долю, офицеры преодолевали по-разному. Одни находили отдушину в алкоголе, другие искали утешения у женщин. Третьи, как, например, генерал М.К. Дитерихс (после психологически тяжелого участия в расследовании гибели семьи бывшего императора Николая II), уходили в религиозность и мистицизм.

Традиционно аполитичное, наивное в выражении своих политических взглядов и монархически настроенное кадровое офицерство (в том числе генштабисты) с началом Гражданской войны в массе своей оказалось в растерянности. Если раньше офицеры несли службу в давно устоявшихся рамках с четкой системой координат, то теперь все изменилось. Военная элита стояла перед неожиданным для себя выбором, имея возможность либо оставаться на прежних местах, пока старая армия еще сохранялась, либо уйти со службы в связи с захватом власти в стране большевиками, либо служить альтернативным режимам — белым и националистическим. События 1917 г. привили части офицеров вкус к политической жизни. В их кругу проявили себя республиканцы и социалисты, некоторые приобрели опыт работы в выборных революционных организациях. Большинство же продолжало оставаться вне политики, хотя и формулировало для себя какие-то идеалы послевоенного устройства страны. Для офицеров-традиционалистов была характерна тяга к «твердой руке» во главе государства. Сторонники такого подхода оказались как на службе у большевиков, установивших

¹ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 547–548 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. Оpubл. в: Ганин А. В. При немцах и гетмане. С. 196.

² Греков А. П. Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 172.

³ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 267.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 7.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 61; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 202.

однопартийную диктатуру и продемонстрировавших решительность и твердость, так и в белом лагере. Многие офицеры-государственники не понимали и не принимали большевизм, считая большевиков германскими агентами, предателями, инородцами, стремящимися уничтожить Россию и русский народ. Такие люди пополняли ряды белых армий. В армиях Гражданской войны генштабисты также редко демонстрировали свои политические предпочтения, оставаясь, в значительной степени, службистами и следуя тем программам и установкам, которые вырабатывало начальство. Должно было пройти несколько лет, чтобы поднятая революционными процессами пена улеглась и современники, не исключая представителей военной элиты, смогли лучше понять суть происходящего.

§ 2. Генштабисты в политических процессах антибольшевистского лагеря

Участник Белого движения на Юге России, начальник Особого отделения части Генерального штаба военного и морского отдела полковник В.В. Крейтер писал начальнику части Генштаба генералу В.Е. Вязьмитинову 9 (22) ноября 1918 г.: «Если прежде Генеральный штаб считался мозгом армии, то теперь, когда ему к специально военным придали функции политические, административные и даже финансовые, Генеральный штаб является мозгом всего государства»¹.

Такая оценка, во многом, справедлива для белого лагеря, в котором политическая роль генштабистов была особенно заметной, тогда как в Советской России в условиях большевистской диктатуры выпускники академии практически не имели возможности участвовать в политике.

Различными белыми государственными образованиями (в том числе обособившимися казачьими войсками) в те годы руководили из выпускников академии генералы М.В. Алексеев, А.П. Богаевский, Н.А. Букретов, П.Н. Врангель, А.И. Деникин, М.К. Дитерихс, А.И. Дутов, А.М. Каледин, П.Н. Краснов, В.П. Ляхов, Е.К. Миллер, А.М. Назаров, Н.М. Успенский, Н.Н. Юденич. Некоторые выпускники академии занимали выборные должности или руководили органами гражданской власти. Например, донской генерал З.А. Алферов в разное время был депутатом Войскового круга, атаманом Верхне-Донского округа, управляющим отделом иностранных дел и председателем Совета управляющих отделами Донского войска (главой правительства). Его предшественником на посту председателя правительства был еще один выпускник академии – генерал П.Х. Попов.

Политические вопросы отвлекали командование от военных задач. Служивший в Добровольческой армии генерал И.Г. Эрдели в этой связи писал в дневнике в сентябре 1918 г.: «Дела наши идут не очень важно. Наш штаб слишком занят политикой, а забывают, что вся наша политика поддерживается штыками, и если штыки оплошают, то и политика рухнет... Странная картина получается: генер[ал]-кварт[ирмейстер] жалуется, что не успевает доложить важные вопросы

¹ ГА РФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 1. Л. 50б.

нач[альнику] штаба, т.к. того задерживает политика, а нач[альник] штаба жалуетя на то же, что не успевает доложить обо всем Деникину. Заели всех политические вопросы, но для этого есть Алексеев, [А.М.] Драгомиров и целый политический отдел, а войска остаются в тени¹. Судя по этой записи, даже наличие политического отдела в штабе армии Эрдели считал избыточным.

Лидеры белых не могли вовсе уйти от ответов на злободневные политические вопросы, хотя, учитывая то, как тяготились политикой белые генералы, они предпочли бы совершенную аполитичность, если бы это было возможно. По сути, известный ограниченный набор политических лозунгов (идея единой и неделимой России, принцип «непредрешения» будущей формы правления в стране, ликвидация большевизма и передача всей власти Учредительному собранию, которое будет решать судьбу страны, верность союзникам) стал своеобразной формой ухода белой военной элиты от мучительных и непонятных политических вопросов. На разных фронтах эти вопросы решались со своими особенностями, но, в целом, достаточно схожим путем. Абсолютное большинство так называемых белых вождей оказались приверженцами курса кадетской партии. В ряде случаев такие лидеры были готовы на различные компромиссы и союзы с представителями других политических сил. Например, оренбургский атаман А.И. Дутов был склонен к сотрудничеству со всеми противниками большевиков от крайне правых до социалистов. Подобная аморфность и разнородность течений, отсутствие единой идеологии стали отличительными чертами Белого движения и отчасти предопределили его неудачу. Мы не погрешим против истины, утверждая, что монархически настроенную или аполитичную массу белых объединяла лишь идея спасения России от анархии и германо-большевистского нашествия.

Даже в базовых принципах программы белых возможны были разного рода отступления. Так, генерал М.В. Алексеев писал начальнику таганрогского центра Добровольческой армии полковнику барону М.И. Штемпелью летом 1918 г., что «в общем процессе революции идея Учредительного собрания мало-помалу отходит назад, и устройство государственного порядка произойдет, по-видимому, какими-то иными путями... лозунг “Учредительное собрание” надлежит признать ныне уже мало действительным для практической работы²». Полковник Я.М. Лисовой сообщал полковнику Б.А. Штейфону, что Алексеев не сочувствовал лозунгу Учредительного собрания и что последний был навязан белым генералом Л.Г. Корниловым³.

Фатальную для белых роль сыграла недооценка противника, непонимание сути большевизма, способности его лидеров учиться на ошибках, быстро приобретать административный и организационный опыт. В итоге сами белые не сумели должным образом сорганизоваться, преодолеть партизанский характер собственных вооруженных формирований и наладить дисциплину. Как справедливо отметил близкий к руководству ВСЮР современник, «к Красной армии у нас относились так же упрощенно и прямолинейно, как и к революции и к большевизму вообще. Если революция часто исчерпывалась для нас понятием “бунта”,

¹ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 136–137.

² РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 120.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 46.

а большевики были не более как “германские агенты”, то вся Красная армия естественно сплошь состояла из “преступников”: ординарных — солдат и квалифицированных — офицеров». Даже в начале 1920 г., когда Первая мировая война уже давно закончилась, белое командование старательно выясняло у случайно попавшего в плен военспец М.П. Строева (Рихтера), нет ли в РККА немецких инструкторов или солдат^I. Начальник штаба Северо-Западной армии белых генерал А.Е. Вандам в конце ноября 1919 г. наивно полагал, что немцы «имеют целью гибель Колчака и Деникина. Потом они заключат союз с большевиками и, опираясь на Красную армию, будут командовать Россией»^{II}. Вандам был уверен, что российская революция — дело рук англичан, «и большевики, может быть, вовсе не германское, а английское изобретение»^{IV}. Характерно, что генерал с подобным набором идей, мало что понимавший в происходящем, является автором трудов по государственной стратегии России (по его определению — высшей стратегии или, в современной терминологии, геополитики)^V. В этих работах он писал о происках евреев, масонов и англосаксов^{VI}. Отметим еще один факт: главнокомандующий Северо-Западным фронтом белых генерал Н.Н. Юденич считал генерала Вандама «прозорливым»^{VII}.

По сути, белые не понимали характера происходивших событий, проявили поразительную наивность, узость мировоззрения, отсутствие политического чутья и в конечном итоге оказались проигравшей стороной. Политическое руководство, за исключением национальных государств и эсеровских режимов, у белых было представлено самими же генштабистами, которые являлись не политиками, а солдатами.

Однотипные политические программы белых генералов, как правило, разрабатывались не ими самими, а их гражданскими советниками (чаще всего приверженцами конституционно-демократической партии)^{VIII}. Даже знаменитая «корниловская» программа была составлена отнюдь не самим генералом Л.Г. Корниловым. Более того, вожди Белого движения воспринимали эти программы подчас с иронией, как неизбежную внешнюю декорацию, прилагавшуюся к армии, дань времени, досадное недоразумение^{IX}. Характерно описание принятия генералом А.И. Деникиным внутривнутриполитической программы, разработанной для него кадетом Н.И. Астровым в конце 1919 г. После зачитывания пунктов программы главком ВСЮР заявил присутствующим на совещании: «Все это лирика»^X, однако вскоре эта программа

^I Солоков К. Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 1992. Кн. 8: Кубань и Добровольческая армия. С. 181.

^{II} Ганин А. В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2013. № 1. С. 131.

^{III} Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 226.

^{IV} Там же. С. 337.

^V Подробнее см.: Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002.

^{VI} Там же. С. 88–99.

^{VII} Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 337.

^{VIII} Системный анализ политической истории Белого движения см.: Цветков В. Ж. Белое дело в России: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России): [в 4 кн.]. М., 2008–2016. Также см.: Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006.

^{IX} Такой взгляд разделяют и исследователи политики белых. См., напр.: Лученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 11–15.

^X Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 285.

появилась в наказе Деникина. Современники отмечали, что Деникин легко поддавался под влияние политических советников, поскольку сам в политике не разбирался и не хотел ею заниматься. Аналогичны наблюдения современников в отношении генерала П.Н. Врангеля: «Он настоящий военный, любит военное дело и, в сущности, конечно, предпочел бы заниматься только им. Судьба заставила его быть политиком»^I.

На белом Юге не получили поддержки инициативы строительства армии на новых принципах – в тесном контакте с местным самоуправлением и посредством самоорганизации. Например, такой проект предлагал полковник В.К. Манакин с опорой на саратовское крестьянство. Для организации гражданской жизни осенью 1918 г. он создал при возглавляемом им Саратовском корпусе Донской армии особое гражданское управление. Как впоследствии вспоминал Манакин, «население само начало управляться, само производило мобилизацию, само кормило “свой” корпус, само разлагало красные войска, стоящие против нашего фронта. Один красный полк, перебив комиссаров, сам перешел к нам, составив ядро корпуса... Мы не боялись никакой агитации, т.к. народ делал “свое” дело, наоборот, две бригады красных, стоявшие против нас, были сменены коммунистическими отрядами и посажены на баржи, т.к. отказались воевать против “своей народной армии”»^{II}. Манакин отмечал, что подчиненное ему формирование строилось «на широких принципах народоправства как первого на Юге России опыта управления восставшим против коммунизма крестьянством»^{III}. Офицер считал свое детище примером «торжества демократического направления мышления»^{IV}, которое уравновешивало реакционные инициативы атамана П.Н. Краснова по созданию монархических Южной и Астраханской армий. Однако после подчинения Донской армии ВСЮР корпус был расформирован, а Манакин со своими инициативами оказался не востребован и длительное время пробыл в резерве чинов^V.

Особенно много проблем белым генералам принесла недальновидная и оскорбительная для новых национальных государств великодержавная политика^{VI}. Генералу Н.Н. Юденичу приписывали фразу, сказанную в присутствии эстонского корреспондента осенью 1919 г.: «Вот сначала возьмем Петроград, а потом повернем штыки на Ревель»^{VII}. Даже если именно такой фразы в действительности не было, поверить в ее возможность нетрудно: пренебрежение к независимой Эстонии (которая при этом обеспечивала тыл армии Юденича) сквозило в разговорах белых политиков и военных на Северо-Западе России (как отмечал в дневнике в декабре 1919 г. контр-адмирал В.К. Пилкин, в период наступления белых все от генералов до солдат называли Эстонию «картофельной республикой»^{VIII}). Эстонский

^I «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 240.

^{II} АСБ. Т-РZIA. 6–1035. Л. 31, 35.

^{III} Там же. Л. 31.

^{IV} Там же.

^V Подробнее см.: Посадский А. В. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус: Эпизод Гражданской войны. М., 2018.

^{VI} Подробнее см.: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина.

^{VII} Горн В. Л. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 144.

^{VIII} Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 235.

главнокомандующий И.Я. Лайдонер отдавал себе отчет, что в случае занятия белыми Петрограда Эстония потеряла бы независимость¹.

Характерен уровень мышления начальника отдела внешних сношений Северо-Западной армии подполковника К.А. фон Крузенштерна, наивно пытавшегося обмануть эстонцев. Мемуарист свидетельствовал: «После отхода от Пскова, в конце 1918 г. корпус заключил соглашение с эстонским правительством, согласно которому последнее принимало на себя полное его содержание. Теперь срок этого соглашения истекал, и надо было установить *modus vivendi* и на дальнейшее время. Я как раз и застал командование армии за разрешением этого вопроса. Те лица, с которыми я говорил, были настроены очень оптимистично: “Завтра Родзянко напишет письмо эстонцам, в котором признает независимость Эстонии, в ответ мы получим заявление об их готовности нам помогать и впредь; сразу будет установлен план общего движения на Петроград, и успех нам обеспечен”, — говорил мне К. Крузенштерн. У меня этот оптимизм вызвал большое недоумение. Я задал вопрос, какое будет отношение к признанию независимости Эстонии со стороны Юденича и Колчака? “Юденич сам ответа не даст и запросит Колчака, а если этот после и дезавуирует нас, то это будет не раньше месяца, а пока соглашение с эстонцами будет подписано”, — отвечали мне.

Мои сомнения оказались, однако, правильными — эстонцы показали себя совсем не такими глупенькими, какими рисовали их себе деятели штаба армии, и соглашение не было подписано². Неудивительно, что отношение эстонских властей к белым изменилось в худшую сторону.

Белые генералы не смогли договориться об открытии совместного фронта с финскими властями. Проблема заключалась в непризнании уже давно ставшей свершившимся фактом независимости Финляндии, что являлось принципиальным вопросом для финской стороны³. Показательны рассуждения ветерана Белого движения на Севере России полковника Л.В. Костанди, находившегося в 1920–1921 гг. под арестом у красных: «Финляндия не только никогда не была самостоятельной, но и никогда не представляла из себя чего-либо оригинального по своему устройству, и это необходимо твердо помнить тем, кто старается доказать не только незыблемость прав Финляндии на независимость, но еще и права ее на сопредельные с ней русские области, которые ничего с ней общего по своему устройству не имели, жили и развивались в русских условиях и принадлежат России со времени ее существования как государства, т.е. более 1000 лет»⁴.

Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев грубо вел себя на переговорах с грузинской делегацией⁵, что в обстановке 1918 г., когда независимые государства уже сложились, выглядело нелепо и неуместно (впрочем, белые обвиняли в оскорбительном поведении грузинскую сторону⁶).

¹ Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной. С. 56.

² Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). М., 2018. С. 181.

³ Марушевский В. В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 310–313.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 299об.

⁵ Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1330 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

⁶ Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 739.

Генерал А.П. Богаевский именoval грузинское правительство самозванным^I, хотя статус белых властей от него ничем не отличался. Генерал В.Е. Вязьмитинов считал, что «грузинское правительство — враг идеи единой России и склонно к агрессивной деятельности — его надо скрутить и обнаружить над ним реальную силу»^{II}. Генерал А.И. Деникин даже в эмигрантских «Очерках русской Смуты» писал, что азербайджанская армия являлась ненастоящей^{III}. Фактически белое командование своим нетерпимым и бескомпромиссным поведением само создавало себе врагов. Неудивительно, что в Азербайджане, по-видимому, летом 1919 г. был разработан план действий на случай нападения на страну ВСЮР в союзе с Арменией^{IV}.

Украинский генштабист генерал Г.Е. Янушевский прямо писал, что «генерал Деникин в своем безоглядном стремлении к принципу “единой, неделимой” совершенно опустил из виду, между прочим, и национальное сознание украинского народа, которое до революции теплилось незаметно в течение долгого времени, а с революцией вспыхнуло с особенною силою. В Добровольческой армии не считались с этим и, начиная со старших начальников, позволяли себе оскорблять это чувство...»^V Начальник штаба Добровольческой армии генерал Н.П. Ефимов жаловался полковнику А.А. фон Лампе осенью 1919 г. на политическое «бесплатие», когда у штаба армии не было инструкций Ставки по вопросу об отношении к полякам и украинцам^{VI}. Лампе резюмировал в другой дневниковой записи: «Мы проиграли только потому, что скверно играли и только. Мы торопились, мы не выказали никакой государственной зрелости и сгубили чистую идею»^{VII}. В мае 1920 г., когда белые в тактических целях стали поддерживать украинских националистов и сепаратистов, фон Лампе интуитивно почувствовал, что происходит что-то не то и идейно белые проигрывают красным: «Скользкая это почва, не поскользнуться бы на ней, ведь выходит, что большевики за единую Россию, а мы за разъединение ее (Украина). Я понимаю, что это маневр, но все ли поймут это...»^{VIII}

Командующий белыми силами на Севере России генерал Е.К. Миллер поражал своими взглядами британского главнокомандующего генерала У. Айронсайда: «Я был весьма удивлен тем, что Миллер знает об общей ситуации немногим больше меня... Подобно большинству, он строил свои надежды на успех белых на том основании, что у Ленина не хватит способностей и сил соединить все большевистские силы огромной России, и, в конце концов, красные будут разгромлены. Затем Миллер еще более удивил меня своим высказыванием о единой и неделимой России, которую нужно восстановить в тех границах, которые существовали до подписания Брест-Литовского договора... Я заявил Миллеру, что русским следует признать независимость поляков, финнов, литовцев, латышей и эстонцев...

^I Переписка по грузинскому вопросу // Белый архив. Париж, 1928. Кн. 2–3. С. 192.

^{II} Цит. по: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина. С. 121.

^{III} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 240.

^{IV} ГААР. Ф. 2898. Оп. 1. Д. 8. Л. 19–20об.

^V ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

^{VII} Там же. Л. 177; Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021. С. 149.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 122.

я указал ему на то, что, если белые хотят наверняка разгромить красных, им следует добиваться помощи со стороны новых государств»¹.

Генерал Я.А. Слащев вспоминал о политических взглядах белых: «Про идеологию этих людей общего сказать что-нибудь трудно. В основе главная масса ничего не понимала в происходящих событиях, была политически совершенно безграмотна, и большинство кадрового офицерства даже не знало программ различных партий.

Они прибыли продолжать борьбу за “отечество” и инстинктивно группировались по своим имущественным интересам, получилась мешанина из кадетствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов. Можно одно сказать определенно, что все они были против соввласти»².

Государственное управление на подконтрольных белым территориях оставляло желать лучшего. Как правило, органы гражданской власти создавались вокруг военных и военными. Например, Особое совещание при Верховном руководителе Добровольческой армии, ставшее высшим законосовещательным органом белого Юга, было создано в августе 1918 г. по решению генерала М.В. Алексеева³. Выстроенная белыми система работала плохо, не справляясь даже с решением военных задач и переводом жизни подконтрольных губерний на военные рельсы. Как писал генерал П.Н. Врангель о положении ВСЮР осенью 1919 г., «на огромной, занятой войсками Юга России территории власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться с выпавшей на его долю огромной государственной задачей, не доверяя ближайшим помощникам, не имея сил разобраться в искусно плетущейся вокруг него сети политических интриг, генерал Деникин выпустил эту власть из своих рук. Страна управлялась целым рядом мелких сатрапов, начиная от губернаторов и кончая любым войсковым начальником, комендантом и контрразведчиком. Сбитый с толку, запуганный обыватель не знал, кого слушаться. Огромное количество всевозможных авантюристов, типичных продуктов Гражданской войны, сумели, пользуясь бессилием власти, проникнуть во все отрасли государственного аппарата. Понятие о законности совершенно отсутствовало. Бесконечное количество взаимно противоречащих распоряжений не давали возможности представителям власти на местах в них разобраться. Каждый действовал по своему усмотрению, действовал к тому же в полном сознании своей безнаказанности. Губительный пример подавался сверху»⁴.

С точки зрения абсурдности сложившейся у белых системы гражданского управления, в котором участвовали военные, показательны протоколы заседаний Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР — фактически высшего органа гражданского управления белого Юга. Соотнесем повестки заседаний Особого совещания с событиями на фронте. Так, 3 (16) декабря 1919 г., когда белые оставили Киев, Особое совещание решало вопрос об оборудовании столовой для

¹ Айронсайд У.Э. Архангельск. 1918–1919 // Зброшенны́е в небы́тие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 304–305.

² Слащев Я.А. «О Добармии в действии в 1918 году». Часть I / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2015. № 3 (14). С. 202.

³ Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 127–131.

⁴ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 373–374.

служащих управления финансов¹. При этом присутствовали генералы-генштабисты А.С. Лукомский (председатель Особого совещания), В.Е. Вязьмитинов, Н.М. Тихменев, полковник Б.А. Энгельгардт (члены Особого совещания). 10 (23) декабря среди прочего обсуждались акцизы на вина², 13 (26) декабря – ломка речных деревянных непаровых судов и т.п. Рассматривались вопросы поддержки научных учреждений. Анализ протоколов создает ощущение того, что идет работа органа мирного времени, а вовсе не Гражданской войны с откатывающимся и трещащим по швам фронтом.

Генерала С.А. Щепихина в Забайкалье на совещании старших начальников прошедших Сибирский Ледяной поход каппелевских частей в 1920 г. поразило «море той политической безграмотности, в которой, почему-то, большинство не стеснялось признаваться, хотя мы жили и работали уже третий год в обстановке чисто военно-политической»³. Сам Щепихин также придерживался присущих белому генералитету воззрений. При этом он был одним из немногих белых генералов, кто понимал организационную и идейно-политическую слабость белых и, как следствие, поручение всех вопросов офицерам. В частности, он отмечал, что «своего аппарата, своих твердых, определенных форм нет, наподобие тех, что у большевиков в виде своей коммунистической партии, – приходится опираться на офицеров, а они в то же время и главные спецы.

И как спецы офицеры есть по обе стороны – и у белых, и у красных.

Ведь коммуниста на службе белых не найти, иначе он уж не коммунист. А офицер – это, прежде всего, спец и в большей части случаев офицер и только»⁴.

В.И. Гурко обоснованно писал: «Деникин, Лукомский, Драгомиров и их предшественники Алексеев и доблестный Корнилов это – лучшее в смысле горячего патриотизма и действенной энергии, что выставила императорская армия после крушения монархии, но, увы, это лучшее... представляло силу, хотя и незаурядную, но, тем не менее, не отвечавшую тем исключительным требованиям, которые предъявляли чрезвычайные события. События были сильнее их: они требовали людей, быть может, и менее горячо любящих родину... но глубже понимающих истинный смысл свершающегося, более искушенных в политических хитросплетениях»⁵.

Наиболее дальновидные генштабисты осознавали идейную слабость Белого движения, программа которого не могла привлечь широкие слои населения. Б.А. Энгельгардт доказывал начальнику штаба главнокомандующего ВСЮР генералу И.П. Романовскому простой факт того, что не только белые, но и красные выступают за великую Россию, что «большевики тоже хотят, если не велико-неделимой, то, во всяком случае, крепко спаянной страны, хотят на свой образец,

¹ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. С. 863.

² Там же. С. 878.

³ Щепихин С. А. Каппелевцы в Чите в 1920 году или японская интервенция. С. 20 // HIA. S. A. Shchepikhin collection. Box 1; Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020. С. 380.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 4об.

⁵ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 41.

а мы на свой»¹. Однако доводы не подействовали. Впоследствии Энгельгардт полностью разочаровался в белых. Рыхлая политическая программа вкупе с плохой организацией привели белых к закономерному итогу.

Несмотря на общую аполитичность генштабистов, среди них находились те, кто применял свои знания и опыт на ниве пропаганды и военной журналистики. В работе белой пропаганды на Юге России как военные корреспонденты принимали участие А. А. фон Гоерц (в Донской армии), В. Н. фон Дрейер, А. А. фон Лампе (Киев), В. М. Мельницкий (Таганрог), Е. Э. Месснер, А. В. Сливинский², Д. Н. Тихобразов (Таганрог) и Б. А. Энгельгардт³. Многие сотрудничали с газетой «Великая Россия». На Северо-Западе России в пропаганде был задействован в 1919 г. генерал П. Н. Краснов, руководивший выпуском газеты «Приневский край» под редакцией знаменитого писателя А. И. Куприна.

Журналистский труд, хотя генштабисты нередко печатались под псевдонимами, мог быть чреват служебными неприятностями. Однажды полковник Д. Н. Тихобразов направил в екатеринодарскую газету «Великая Россия» статью о конном рейде генерала К. К. Мамантова, о чем было запрещено что-либо писать. В результате пришлось экстренно снимать этот материал. Второй инцидент был связан с излишне резкой оценкой в одном из обзоров в той же газете тактики генерала П. Н. Врангеля, в связи с чем Тихобразов был вынужден давать объяснения⁴.

А. А. фон Лампе был известен как сторонник генерала Врангеля, оппозиционного главному командованию ВСЮР. Полковник Б. И. Бучинский писал фон Лампе в 1958 г.: «В 1919 г. в Екатеринодаре Ваша “деятельность” как сотрудника газ[еты] “Россия” и Ваша пропаганда против командования Добровольческой армии обратила на себя внимание генерал-квартирмейстера, и я получил от него приказание начать негласное расследование о Вашей личности и Вашей деятельности до появления в Добровольческой армии, то есть в Советской России и на Украине.

Результатом этого расследования был приказ начальника штаба армии посадить Вас под арест. Этот приказ не был приведен в исполнение вследствие общего отступления армий в Крым»⁵.

На Востоке России газетные обзоры положения на фронтах в 1919 г. готовил генерал А. И. Андогский, временно отстраненный от руководства Военной академией. Полковник Г. И. Клерже в 1919 г. стал первым начальником Осведомительного отдела при Ставке Верховного главнокомандующего на Востоке России (Осведверха). Клерже привлек в этот орган целый ряд способных сотрудников, в том числе, например, известного писателя и журналиста А. М. Оссендовского, художника Н. Н. Яковлева и др.⁶ С конца мая по начало сентября 1919 г. типографии Осведверха напечатали до 6 млн экземпляров различных изданий.

¹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. С. 221. С некоторыми отличиями см.: Потонувший мир Б. А. Энгельгардта. С. 522.

² Сливинская М. А. Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 104.

³ Левитский В. М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / под ред. А. А. Чемакина. М., 2019. С. 127.

⁴ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXV. С. 9–16 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

⁵ Копия письма предоставлена А. И. Рудиченко.

⁶ Посадсков А. Л. Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г. И. Клерже — офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадскова. Новосибирск, 2012. С. 30.

Была создана единая сеть органов пропаганды. Работу Клерже поддерживал 2-й генерал-квартирмейстер Ставки Колчака генерал П. Ф. Рябиков. По своим взглядам Клерже считался либерально настроенным офицером и прагматиком, понимавшим, что монархическая идея себя изжила. В этом отношении он был на своем месте, хотя уровень колчаковской пропаганды с апелляциями к вульгарному антисемитизму часто оставлял желать лучшего. При этом Клерже сотрудничал со сторонниками социалистических партий. За ним велось негласное наблюдение, а Центральная следственная комиссия белых расследовала его деятельность. И хотя дело в итоге прекратили, Клерже пришлось оставить свой пост.

В некоторых случаях генштабисты несли ответственность за слабый учет политических вопросов. Так, 9 января 1920 г. приказом главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте был объявлен выговор полковнику В.К. Баиову за недостаточно внимательное отношение к делу, выразившееся в разрешении военному цензору подпоручику Манакову пропустить в печать в газете «Возрождение Севера» (№ 1 (389) от 1 января 1920 г.) статьи «Рабочая жизнь» и «Ленин. Троцкий. Зиновьев», не подлежавшие печати из-за содержащихся в них призывов к победе пролетариата над другими классами и восхваления большевистского режима¹.

Лейтмотивом значительной части истории Белого движения являлись генеральские войны, в которых лидеры белых боролись друг с другом за власть и влияние. Внутренние противоречия буквально разъедали антибольшевистский лагерь, но борьба военно-политических группировок как неотъемлемая составляющая истории этого лагеря еще ждет своего исследователя. Ключевым фактором, предопределившим конфликты и столкновения интересов разных групп офицерства, была неоднородность военного руководства антибольшевистским движением.

Служивший в РККА бывший генерал А.Е. Снесарев на допросе в феврале 1930 г. достаточно точно высказался о белых генштабистах на Юге России: «При скромных размерах белой армии их некуда было деть; а претензий, суматохи и интриг эти притязательные офицеры принесли бы с собою много»². И действительно, в белом лагере на Юге России генштабисты оказались участниками борьбы офицерских группировок с самого начала. Конфликты происходили внутри командования Добровольческой армии, в руководстве казачьих войск, между руководством Добровольческой армии и представителями казачьих администраций и т.д. Все это не способствовало укреплению белого лагеря.

Так, соратники генерала Л.Г. Корнилова, бежавшие из Быхова, пытались отстранить от руководства армией генерала М.В. Алексеева, считая его монархистом, тогда как сами были республиканцами. Сторонники Алексеева оценивали быховцев невысоко. Кроме того, между Корниловым и Алексеевым существовала личная неприязнь. Тем более что Корнилов в 1917 г. угрожал арестовать Алексеева и даже арестовал его сына.

Существовали разногласия и внутри самих быховцев. 29 декабря 1917 г. генерал И.П. Романовский писал жене о Корнилове: «Не лучше и на верхах. Я писал

¹ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 54. Л. 20об.

² ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 39.

тебе, что все время занимался дипломатией, все склеивал то, что расплзлось. Раза два уже впечатление было: ну вот, наконец, склеил. Смотришь – и опять разъехалось. И сейчас, кажется, опять расплзается. Давно у меня уже закрадывалось сомнение относительно нашего приятеля, не доминирует ли у него над всем честолюбие, и теперь я прихожу к убеждению, что это так... честолюбие такое, которое не хочет ни с чем считаться, не хочет считаться с тем, что раз он прогорел и растратил свое состояние, то теперь надо бросить замашки миллионера и некоторое время посвятить накоплению состояния и при этих условиях быть иногда скромным и, может быть, занимать не первое место. И ты понимаешь, что я начинаю терять спокойствие, когда вижу, что в вопросах, когда сталкиваются интересы Родины и личные, последние доминируют»^I. Атмосфера была столь неблагоприятной, что в 1918 г. в командном составе Добровольческой армии некоторое время существовала мысль о необходимости самороспуска армии^{II}.

Генерал А.И. Деникин в эмиграции вспоминал о полковнике В.М. Пронине: «В числе переписки, захваченной большевиками и опубликованной ими, было, между прочим, письмо полк[овника] Пронина, кажется, к ген. Лебедеву (газета с письмом есть в архиве). Письмо, полное хулы на правление и командование Юга. Пронин, как член Офицерского союза и товарищ председателя, играл в свое время известную роль в корниловском движении: сидел с нами в Быхове; в ноябре [19]17 г. с женой и детьми приехал на Дон, поступил в организацию. Но перед Первым походом исчез. Уехал, как оказалось, в Киев, где открыл в компании клуб-“лото”, чем и поддерживал свою семью. Когда Добровольческая армия вышла на широкую дорогу, приехал в Екатеринодар, покаялся, был принят на службу в военное управление, но не очень повышался. Когда получилась газета с его письмом, я – ввиду того, что все у нас, по мнению Пронина, так скверно, – предложил ему оставить службу. Опять раскаяние, просьбы разрешить перевод в Киев, в штаб Драгомирова. Я согласился»^{III}.

Генерал М.В. Алексеев, в отличие от Корнилова, не страдал неумеренным честолюбием. Он прямо отмечал: «Я ничего не искал и не ищу лично для себя. Найден другой – достойнейший – ему и книги в руки, а я или ухожу в частную жизнь (пора), или остаюсь при Добр[овольческой] армии, ставя целью развитие ее до пределов, отвечающих общегосударственным задачам»^{IV}.

Антибольшевистский лагерь представлял собой неоднородную коалицию различных политических сил, вследствие чего внутренние конфликты были неизбежны. Конфронтационный характер носили взаимоотношения руководителей Белого движения с представителями эсеров и меньшевиков, оказавшимися среди белых. Показательно отношение генерала М.В. Алексеева к знаменитому эсеру-террористу Б.В. Савинкову, с которым в итоге Алексееву пришлось взаимодействовать в деле борьбы с большевиками. По свидетельству дочери генерала, «отец отзывался о Савинкове как об убийце, говоря, что нет разницы между убийцей

^I Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 226.

^{II} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

^{III} BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Л. 44.

^{IV} Там же. Л. 97об.

на большой дороге и политическим»^I. Оценка из воспоминаний дочери подтверждается и фразой из записной книжки Алексеева за ноябрь 1917 г.: «Парализовать Савинкова»^{II}. Да и сам Савинков на допросе на Лубянке 21 августа 1924 г. заявил, что на Дону «встретил отношение полувраждебное»^{III}. О непростых взаимоотношениях свидетельствовал и белый эmissар в Москве генерал Б.И. Казанович, которому Алексеев в мае 1918 г. поручил встретиться с Савинковым, предупредив, «что от него немного узнаешь, а что, наоборот, он будет стараться выведать как можно больше»^{IV}.

В период 1-го Кубанского похода в апреле 1918 г. при штурме Екатеринодара погиб командующий Добровольческой армией генерал Л.Г. Корнилов. После него армию возглавил генерал А.И. Деникин. В 1917 г. он был начальником штаба Верховного главнокомандующего, а в Добровольческой армии являлся помощником командующего, но в войсках его почти не знали. Деникин не обладал качествами политического лидера, а был боевым генералом, причем тяготевшим не к штабной работе, а к строевой службе^V.

Гибель Корнилова воспринималась в армии неоднозначно. По мнению полковника А.А. фон Лампе, изложенному им в дневниковой записи от 2 (15) августа 1919 г.: «По-моему, с Корниловым было бы много тяжелее, и мы давно, находясь под флагом с т а р о й Учредилки, должны были бы подобно Уфимской Директории пережить государственный переворот. Но с характером Корнилова и ввиду отсутствия людей, равных ему по характеру, все бы положение сильно осложнилось.

Судьба знает, что делает. Может быть, отдав судьбы армии в руки слабовольного, но, безусловно, прямого и честного Деникина — она и приведет нас к успеху. Пока в общем надо признать, что его политика оказывалась всегда правильной»^{VI}.

Генерал М.В. Алексеев стал именоваться Верховным руководителем Добровольческой армии и ведал финансовыми и политическими делами. Нечеткое разграничение полномочий между Деникиным и Алексеевым вело к конфликтам, причем противоречия разжигал начальник военно-политического отдела при Алексееве полковник Я.М. Лисовой^{VII}.

Постепенно сложилась определенная иерархия власти внутри Добровольческой армии. В ее руководстве оказались основоположники Белого движения. Те же офицеры, которые присоединялись к армии на последующих этапах борьбы, нередко воспринимались как люди второго сорта и оказывались на менее значимых позициях, что порождало конфликты. Тяжелый конфликт у командования Добровольческой армии возник с полковником М.Г. Дроздовским — одним из лидеров Белого движения на Юге России. Это был харизматичный генштабист, приверженный строевой службе, патриот и монархист, волевой человек и мизантроп^{VIII}.

^I Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 648.

^{II} Алексеев М. В. Записная книжка 1917–1918 гг. С. 325.

^{III} Борис Савинков на Лубянке: Док. М., 2001. С. 68.

^{IV} Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «красную Москву». Май — июль 1918 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 195.

^V Подробнее об оценках Деникина сослуживцами см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской смуты». С. 560–581.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 29. С неточностями опубл. в: Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 64.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 32.

^{VIII} Дроздовский М. Г. Дневник. М., 2017. С. 164, 167.

Генерал П. С. Махров вспоминал о нем: «Генерала Дроздовского я очень хорошо знал, т. к. мы вместе были участниками Русско-японской войны и одновременно окончили академию, а когда в 1912–[19]14 году я был преподавателем в Севастопольской школе авиации, он там готовился стать летчиком. Он начал службу в гвардии, но потом, во время войны, перевелся в один из Сибирских стрелковых полков, где обратил на себя внимание своею храбростью, инициативой и способностями боевого офицера. Он был и отличным офицером Генерального штаба, но его беспокойная натура, требовавшая острых ощущений, не отвечала штабной деятельности.

Во время войны 1914–1917 года он всегда служил там, где он мог проявлять свою деятельность в самых опасных и сложных операциях. Вне военной службы его нельзя было себе представить. По своим убеждениям он был монархист, но для блага Родины он мог помириться с любым государственным строем, кроме большевиков, которых он ненавидел всеми силами своей благородной души».

Он присоединился к армии в мае 1918 г. с мощным отрядом, пришедшим с Румынского фронта. Данное обстоятельство позволяло ему претендовать на руководящую роль в белом лагере, положение которого на Юге России до того оставалось неустойчивым. Однако в этом отношении он столкнулся с противоборством продвигавшего своих людей добровольческого командования. Для руководства армии Дроздовский оставался чужаком. Он возглавил 3-ю пехотную дивизию, которая, по свидетельству одного из участников событий, находилась на положении пасынка штаба армии в отношении пополнений людьми и материальной частью.

При этом Дроздовский стремился держать в штабе своих людей. Так, до конца августа 1918 г. начальником штаба дивизии оставался капитан П. В. Колтышев — ветеран похода дроздовцев из Ясс на Дон, т. е. централизованного назначения генштабистов не осуществлялось. Штаб Дроздовского преследовал направлявшихся на службу офицеров деникинской ориентации и саботировал приказы¹. Разумеется, это провоцировало конфликты. К примеру, из штаба дивизии в результате межличностного конфликта был изгнан капитан К. Л. Капнин, который впоследствии вспоминал: «Работы я никогда и нигде не боялся, но работать постоянно в атмосфере нервной и нетерпелимой² было выше моих сил. Итак, первый мой блин в Добровольческой армии в рядах 3[-й] пех[отной] дивизии оказался большим комом»³.

На развитие конфронтации влияли неудачи дивизии Дроздовского на фронте, его слабость как военачальника⁴, тяжелый характер этого офицера, а также его политические взгляды, не совпадавшие со взглядами Деникина и Романовского. Есть данные о том, что Дроздовский был одним из руководителей тайной монархической организации в армии⁵, тогда как Деникин и его окружение были республиканцами или конституционными монархистами. С другой стороны, после эвакуации остатков врангелевской армии из России, уже в лагере в Галлиполи,

¹ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 427–428 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 3–3об.

³ Так в документе.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 6.

⁵ Подробнее см.: Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 272, 281.

⁶ Дроздовский и дроздовцы. М., 2006. С. 102.

был раскрыт заговор дроздовцев против командования. Во главе заговора якобы стоял полковник П. В. Колтышев — сторонник Деникина¹.

Дроздовский обладал качествами военного вождя, был крайне честолюбивым и самолюбивым человеком. Разумеется, прежнее командование стремилось удерживать власть, интегрировать пришедших с Дроздовским в армию, подчинив их общим порядкам. В отношении недавно самостоятельного начальника, своего рода «атамана», при отсутствии у Деникина достаточных сил это было непросто. Возник острый конфликт. Деникин даже объявил Дроздовскому выговор, возмущивший последнего. Любое неосторожное решение могло привести к расколу армии и уходу из нее строптивого начальника.

Свою роль в обострении конфронтации с Дроздовским сыграло коллективное недовольство им генштабовской молодежи в штабе Добровольческой армии². Глубина конфронтации видна из переписки штаба главнокомандующего Добровольческой армией с Дроздовским. 27 сентября (10 октября) 1918 г. Дроздовский на станции Кубанская составил резкий рапорт на имя главнокомандующего Добровольческой армией генерала Деникина³, в котором писал о своей исключительной роли в истории армии, о несправедливом отношении к себе со стороны штаба армии, напоминал о прежних заслугах и о том, что мог бы и не подчиняться Деникину, поскольку его отряд был равен по численности деникинской армии. В рапорте были и такие слова: «Только мне одному обязана Добровольческая армия таким крупным ее усилением... я тогда был далек от мысли, чтобы штаб вверенной Вам армии мог позволить себе такое отношение (не исключая инсинуаций и клеветы — чему имею факты и, если угодно, доложу) ко мне, с коим пришлось познакомиться последние два месяца... Для полковника Дроздовского найдется почетное место везде, где борются за благо России, и я давно уже оставил бы ряды Добров[ольческой] армии, так хорошо отплатившей мне, если бы не настоячивые уговоры моих офицеров и не боязнь передать в чужие руки созданное мной»⁴. В нормальной воюющей армии подобное поведение было бы недопустимым, однако Гражданская война разрушила прежние представления о дисциплине. Можно представить сложности белого командования, не обладавшего ни достаточными силами, ни авторитетом, чтобы полностью подчинить себе непокорного начдива. В Красной армии за подобный рапорт командир вполне мог быть арестован и даже расстрелян.

Дроздовский резюмировал: «Великая Русская армия погибла от того, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было все благополучно, и удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить. Неужели и Добров[ольческая] армия потерпит крушение по тем же причинам?»⁵ Нельзя не признать, что в последнем случае Дроздовский оказался прав.

¹ Достовалов Е. И. О белых и белом терроре / публ. Н. Сидорова, И. Кондаковой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 670.

² Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 221–222.

³ С некоторыми неточностями документ опубликован в: Дроздовский и дроздовцы. С. 175–182.

⁴ РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–7.

⁵ Там же. Л. 7об.

9 (22) октября 1918 г. начальник штаба армии генерал И.П. Романовский сообщил Дроздовскому секретно, в собственные руки: «Ознакомившись с Вашей телеграммой № 0670, главнокомандующий не пожелал читать рапорта Вашего от 27 сентября с/г за № 027. Что касается меня, то я не считаю возможным вступать с Вами в переписку по поводу затронутых Вами вопросов, но требую, чтобы Вы совершенно определенно мне указали факты клеветы и инсинуации по отношению к Вам со стороны вверенного мне штаба»¹.

Как отмечал сам Романовский, он пытался сгладить конфронтацию, поскольку знакомство Деникина с подобным рапортом должно было привести к репрессиям в отношении Дроздовского (разумеется, Деникин читал рапорт, но Дроздовскому об этом сообщено не было)². Дошло до того, что горячие головы из дроздовцев просили у своего шефа разрешения убить генерала Романовского, которого считали масоном и злым гением армии Деникина³.

Ситуация разрешилась лишь тогда, когда в конце 1918 г. Дроздовский был тяжело ранен и при не выясненных до конца обстоятельствах скончался. Как отмечал генерал Л.М. Болховитинов, «по общему отзыву от него шли с верхами все время крупные трения, он пришелся, как говорят, не ко двору, и от него стремились “отделаться”. Теперь это достигнуто...»⁴ По армии поползли слухи, что к смерти Дроздовского причастен генерал И.П. Романовский, якобы поручивший доктору Плотникову зарезать оппонента. Конспирологическая версия подкреплялась антисемитизмом белого офицерства и склонностью видеть за еврейским происхождением врача руку большевиков⁵.

Как отмечал участник Белого движения на Юге России офицер Д.Б. Бологовской в воспоминаниях «Конец деникинщины», написанных в эмиграции в 1925 г., «определенно чувствовалось отсутствие вождей, ибо Деникин был главнокомандующий, но не вождь, Корнилов, Марков и Дроздовский умерли, а новых вождей не появлялось; т.е. были, конечно, но вожди, если можно так выразиться, не стратегического, а тактического масштаба, как, напр[имер], [А.В.] Туркул, [В.В.] Манштейн и [Н.В.] Скоблин. Неизменно доблестные и удачные в боях, они в то время еще, так сказать, не “вышли в люди” и не могли иметь особого влияния на стратегический исход кампании»⁶.

Непростые взаимоотношения сложились у руководства Добровольческой армии с казачьими лидерами. На начальном этапе Гражданской войны казачество, обладая собственной территорией и серьезными вооруженными силами, имело немалый соблазн автономизироваться — обособить свои земли от вредного влияния извне. По этому пути пошли многие казачьи лидеры, в том числе выпускники академии (например, атаманы А.И. Дутов и П.Н. Краснов). Некоторые же казачьи атаманы заняли сепаратистскую позицию. Все это затрудняло возможности объединения антибольшевистских сил в 1918 г. Независимое положение казачьих

¹ Там же. Л. 1.

² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 532.

³ РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–11.

⁴ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 236.

⁵ РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–11.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 222. Л. 3; Чемакин А. А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020. С. 584.

войск раздражало белых генералов, как это было и в отношении новых национальных государств.

В мае 1918 г. донским атаманом был избран генерал П.Н. Краснов как один из старших по службе донских генералов. Краснов начал формировать Донскую армию для борьбы с красными, но предпочитал придерживаться самостоятельности и не шел на союз с Добровольческой армией. Его встреча с командующим Добровольческой армией генералом А.И. Деникиным 15 (28) мая 1918 г. в станции Мечетинской не привела к объединению. Различной была и ориентация руководства двух армий: командование Донской армии и администрация Всевеликого войска Донского ориентировались на Центральные державы, а добровольческое — на Антанту. В своем письме кайзеру Вильгельму II в июле 1918 г. Краснов отметил, что в случае восстановления Восточного фронта Дон будет держать нейтралитет и не допустит боевых действий на своей территории. Краснов предлагал Германии в обмен преимущественное право вывоза излишков хлеба, кожевенных товаров, сырья, шерсти, рыбы, жиров, масла, табака, скота, лошадей, вина и другой продукции с территории Дона с обменом их на необходимые Дону сельскохозяйственные машины, химические продукты, различное оборудование. Кроме того, Краснов обещал кайзеру особые льготы для германских предпринимателей в отношении инвестиций в донские предприятия¹. В результате таких заверений Краснов добился признания немцами границы Дона с Украиной. Краснов просил германского императора и о военной помощи, но не получил ее. Тем не менее атаману удалось, по различным подсчетам, поставить под ружье до 50 000 казаков, что было внушительной силой.

На Дону существовала оппозиция власти атамана Краснова. Часть старших офицеров проантантовской ориентации были недовольны заигрыванием Краснова с немцами и рассчитывали на союз с Деникиным. Среди оппозиционеров были генералы А.П. Богаевский, Э.Ф. Семилетов (негенштабист), В.И. Сидорин. Сидорин и Семилетов были Красновым арестованы, а затем перешли в Добровольческую армию. В штабе Добровольческой армии в Екатеринодаре перебежчиков с Дона встречали с воодушевлением. Вместе с тем, доверие бывших соратников Корнилова, стоявших во главе Добровольческой армии, к Сидорину было в определенной степени подорвано после его провальной работы в Петрограде в августе 1917 г.² После отставки в начале 1919 г. атамана Краснова и смены командования именно Богаевский и Сидорин фактически возглавили антибольшевистское движение на Дону.

Отношения донского и добровольческого командований были сложными, долгое время не удавалось найти взаимопонимание и наладить сотрудничество³. По мнению командующего Донской армией генерала С.В. Денисова, Добровольческая армия напоминала «странствующих музыкантов», тогда как Донская армия была связана с определенной территорией⁴. Добровольческое командование

¹ НИА. А. В. Cheriachoukin papers. Folder 1.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 13.

³ Подробнее см.: Пученков А. С. Взаимоотношения генералитета Добровольческой армии и Всевеликого войска Донского в период Гражданской войны // Российская история. 2013. № 5. С. 27–42.

⁴ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 419.

пользовалось помощью Дона в плане снабжения, однако ответного содействия в виде присылки квалифицированных командных кадров, в которых нуждался Дон и которые в избытке имелись у Деникина, казаки не получили.

Конфронтация двух антибольшевистских армий вылилась на страницы прессы и различных пропагандистских материалов. Однако более ценные свидетельства содержатся в личных документах Деникина. 8 (21) декабря 1918 г. он писал генералу Н.А. Степанову в Сибирь: «С Доном отношения Добровольческой армии по внешности соседские – взаимная поддержка и помощь друг другу чем можно. По существу же политика атамана Краснова двойственна и преследует лично-эгоистические интересы, что сильно отражается на установлении полного единства и на проявлении союзниками необходимой спешности в оказании их содействия. По вопросу об едином командовании полного соглашения еще не достигнуто»¹. Полковник А.В. Черныш впоследствии метко охарактеризовал отношения донского командования к Добровольческой армии как «провинциально-натянутые»².

Лишь поражение Германии в Первой мировой войне в ноябре 1918 г. привело к тому, что ориентировавшийся ранее на Германию донской атаман П.Н. Краснов был вынужден пойти на союз с Добровольческой армией. Прекратилась германская помощь, заметно ухудшилось стратегическое положение региона. Содержание значительной армии для Донской области, не имевшей достаточного количества подготовленных командных кадров и соответствующей материально-технической базы, являлось непосильной задачей.

На станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) состоялось совместное совещание, по итогам которого с большим трудом удалось достичь соглашения о военном единстве Добровольческой армии, Дона и Кубани. В результате были созданы ВСЮР, объединившие добровольцев, донцов, кубанцев и горцев под общим командованием Деникина. Последующие события привели к полному подчинению Дона добровольческому командованию.

Переговоры проходили очень сложно. Помощник главного начальника снабжений Добровольческой армии генерал В.А. Энгельке, присутствовавший на совещании, вспоминал: «Отвратительное впечатление производили командующий Донской армией ген. Денисов и его н[ачальни]к штаба ген. Поляков, особенно первый. Они сидели по сторонам генерала Краснова и буквально как две шавки все время ему что-то подсказывали. Без них ген. Краснов был бы и величественнее, и, вероятно, шире в своих доводах. Они ему мешали, и главное Денисов, в пылу своей озлобленности (для него подчинение был острый нож) говоривший вещи в военном отношении совершенно безграмотные. Его я до того совершенно не знал. Наоборот, ген. Полякова знал очень хорошо. Он проще и намного умнее, но в нем недостаток простого такта и избалованность. Немудрено, если принять во внимание, что в начале войны он был штабс-капитаном. Этого, по-моему, подававшего надежды быть прекрасным офицером Генерального штаба, человека избаловали на моих глазах в штабе IX армии, вместо того чтобы взять его, что называется, в ежовые рукавицы, в чем он безусловно нуждался

¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

² Черныш А. В. На фронтах Великой войны. С. 226.

для собственной же пользы. К сожалению, большая доля греха в этом приходится на долю А.С. Санникова»^I.

Командующий Донской армией генерал С.В. Денисов, обладая громадным самолюбием и самоуверенностью^{II}, считал А.И. Деникина себе равным и слишком гордился своей работой. В.В. Добрынин подметил, что «ограниченность донского командования резко проявлялась в моменты совместных заседаний с добровольческим командованием. Конечно, донцы уступали добровольцам, со стороны которых выступали люди со значительным опытом мировой войны. Однако, как это ни странно, старые, убежденные седины помощники ген. Деникина, проявляя в спорах свое стратегическое превосходство над юными помощниками атамана Краснова, не умели проявить должного самообладания. В их выпадах проглядывало столько злобы и несдержанности, как и у донского командования»^{III}.

Натянутость отношений с донским командованием сохранялась. Например, Деникин 12 (25) января 1919 г. позволил себе назвать докладывавшего начальника штаба Донской армии и ныне подчиненное Деникину донское командование злейшими врагами Добровольческой армии^{IV}. Лишь после кадровых перестановок на Дону в феврале 1919 г., когда произошла смена командования и власти на Дону, отношения нормализовались. Преемником атамана П.Н. Краснова стал лояльный Деникину А.П. Богаевский.

Отношения с донскими властями наладились, чего нельзя было сказать о взаимоотношениях главного командования ВСЮР и Кубани, отличавшихся в 1919 г. драматизмом. По итогам встречи с представителями Кубани 10 (23) июня 1918 г. генерал М.В. Алексеев с горечью отмечал: «Уже ранее из разговоров с [Л.Л.] Бычком для меня была ясна суть пожеланий, домогательств этих жалких представителей “казацкого войска”, их идеалы»^V. Кубань не имела возможности вести самостоятельную борьбу с большевиками, и казаки фактически влились в состав Добровольческой армии. В ноябре 1918 г. на открытии Кубанской рады в Екатеринодаре командующий Добровольческой армией генерал Деникин произнес речь, в которой призвал к единству в борьбе и заявил о признании необходимости широкой автономии составных частей России, в том числе и казачьих областей. Такое заявление было призвано повлиять на настроения политической верхушки Кубани. В 1919 г. кубанская администрация проявила себя как наиболее оппозиционная к главному командованию ВСЮР в сравнении с администрациями других казачьих войск Юга России. 14 (27) июня 1919 г. в Ростове-на-Дону был убит один из лидеров самостийников председатель Кубанской рады Н.С. Рябовол. Это убийство было использовано кубанскими политиками для активизации пропагандистской кампании против белых. В смерти Рябова обвинили деникинцев. Кубанские политические деятели за спиной белого командования вели тайные переговоры с Грузией, Украиной, представителями Дона и Терека. Кубанский атаман генерал-лейтенант А.П. Филимонов (негенштабист) пытался лавировать,

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 62–63.

^{II} См., напр.: Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 284.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.

^{IV} Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 584.

^V РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 101об.

но такая политика не могла продолжаться бесконечно. Парадокс ситуации заключался в том, что у белых не было централизованного аппарата ведомства внутренних дел и стройной системы органов пропаганды, что позволяло кубанским самостийникам контролировать краевые органы и использовать их в своих целях. Таким образом, Деникин в какой-то степени стал заложником собственной несовершенной политической системы, предоставлявшей оппозиционерам, несмотря на военное время, трибуну и определенный административный ресурс. В октябре 1919 г. Деникин пошел на силовое решение конфликта с Кубанской радой, введя в Екатеринодар войска под командованием генералов В.Л. Покровского (негенштабиста) и П.Н. Врангеля и арестовав наиболее одиозных деятелей «самостийного» крыла Рады. Член Рады священник А.И. Кулабухов был повешен по приговору военно-полевого суда за сепаратизм, 11 членов Рады были арестованы и высланы за границу. Полковник Д.Н. Тихобразов вспоминал, что арестованные семьи кубанских политиков некоторое время содержались прямо в здании управления генерал-квартирмейстера Ставки главнокомандующего ВСЮР¹, что вызывало недоумение сотрудников. Атаман Филимонов сложил свои полномочия и был заменен генерал-майором Н.М. Успенским, в большей степени ориентировавшимся на Деникина. Однако вскоре Успенский, заразившись сыпным тифом, умер, а новым атаманом стал генерал-майор Н.А. Букретов. Избрание Букретова, по некоторым данным, произошло в связи с его антиденикинской позицией. Букретов оказался ярким противником переброски кубанцев в Крым весной 1920 г., в результате чего значительная их часть сдалась красным на черноморском побережье.

Один из наиболее ярких конфликтов в белом командовании на Юге России разворачивался между главнокомандующим генералом А.И. Деникиным и командующим Кавказской армией генералом бароном П.Н. Врангелем. Разногласия по военным вопросам постепенно переросли в борьбу группировок генштабистов за власть и влияние. Отголоски этой борьбы сохранялись даже после Гражданской войны уже в эмиграции. Отметим, что Деникин и его окружение были представлены в основном генштабистами из более демократической армейской среды, тогда как в окружении Врангеля заметную роль играли аристократы и выходцы из гвардии (А.А. фон Лампе, П.Н. Шатилов). Старые счеты между гвардией и армией также подогревали этот конфликт. Бывшие гвардейцы ощущали на себе (возможно, не без субъективного восприятия) неприязненное отношение Деникина². Выходец из армейской среды генерал П.С. Махров был, к примеру, убежден, что Врангель благоволил генералам А.П. Кутепову и Я.А. Слащеву, так как все они в прошлом были гвардейцами³. Впрочем, несмотря на противоречия, имело место и сотрудничество Деникина с Врангелем, равно как и Врангеля с Махровым. Точно так же общее гвардейское прошлое не предотвратило конфликт Врангеля и Шатилова со Слащевым и расхождение Слащева и Кутепова.

Известны широковещательные письма-памфлеты Врангеля, которые он адресовал Деникину (предание писем широкой огласке являлось очевидной интригой). Одно из таких писем датировано 29 июля (11 августа) 1919 г. Врангель с обидой

¹ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 8 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

² Алексей фон Лампе — военный агент... С. 137.

³ Махров П. С. Ген. Врангель и Б. Савинков. Тетрадь 2. С. 115, 117 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

отмечал, что все заботы Деникина и его штаба касались только Добровольческой армии¹. Эти упреки, впрочем, были несправедливыми. В штабе Деникина полагали, что Врангель пытается создать для себя такие условия, чтобы первым войти в Москву. 10 (23) августа 1919 г. был написан ответ Деникина, в котором он отвечал на нападки и писал, что руководствуется общей стратегией². Не публиковавшиеся комментарии Врангеля на полях этого письма лучше всего характеризуют его взаимоотношения с Деникиным в данный период. Среди прочих там есть и такие: «Это ложь» (о переброске Врангелю 6 батальонов и 4 полков), «подлый намер, на который не могу ответить» (о том, что безводные и голодные степи в тылу Врангеля «не так уж безводны и голодны» по телеграммам самого же Врангеля). В конце письма (после слов Деникина о том, что вокруг него давно плетутся интрига и сплетня) имелась резолюция: «Полагаю противное — интриги и сплетни г[енерала] Романовского объясняют многое из того, что изложено здесь»³.

Очевидно, в этой полемике прав был Деникин, руководствовавшийся общей пользой дела: подкрепления были нужны на главном направлении — по пути к Курску, Киеву, Одессе. Не стоит забывать, что фронт Кавказской армии Врангеля был важным, но сравнительно небольшим по протяженности. Определенные резоны были и у Врангеля, который полагал, что Деникиным «в стремлении овладеть пространством забывались основные принципы стратегии»⁴. Положение его армии, тыл которой упирался в пустынные степные районы, было тяжелее богатых в продовольственном и имущественном отношении курского и киевского направлений, где действовала Добровольческая армия.

Еще одно письмо Врангеля Деникину было датировано 9 (22) декабря 1919 г. В это время Врангель уже занимал пост командующего Добровольческой армией (с 26 ноября (9 декабря) 1919 г.). В письме анализировались причины неудач наступления белых. По мнению Врангеля, их было две — систематическое пренебрежение основными принципами военного искусства и полное неустойчивость тыла⁵. В результате краха деникинского наступления Врангель мог торжествовать, чем он не преминул воспользоваться. Он упрекал Деникина в том, что, «гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми... Между тем, в противоположность нам, большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага...»⁶ Сравнение с успехами красных должно было казаться Деникину особенно обидным. Врангель продолжал обвинения: «Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что зацепиться. Бесперывно двигаясь

¹ Письмо опубликовано самим Врангелем: *Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 302–311.* Рукописная копия с резолюцией генерала П. Н. Шатилова «Хранить секретным порядком» находится в HIA (Vrangel collection. Box 162. Folder 10).

² Подлинник хранится в архиве Врангеля: HIA. Vrangel collection. Box 162. Folder 7.

³ Ibid.

⁴ *Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 331.*

⁵ HIA. Vrangel collection. Box 162. Folder 28.

⁶ Цит. по заверенной копии из личного архива Врангеля (Ibid.). С некоторыми отличиями опубликовано в: *Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 446–453.*

вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличилось еще и допущенной командующим армией мерой “самоснабжения” частей». Войска были дискредитированы грабежами и насилием. Предложения Врангеля сводились к выбору одного операционного направления, не обращая внимания на возможную потерю территории, к подготовке укрепленных полос и узлов сопротивления в тылу, реорганизации непомерно разросшихся учреждений с отправкой всех годных к службе работников на фронт, жестокому искоренению произвола, грабежей и пьянства, пополнить войска людьми и конским составом, упорядочить работу контрразведки. В случае непринятия таких мер Врангель грозил уйти с поста командующего армией.

В то же время Врангель зондировал почву на предмет возможной смены командования. В итоге 8 (21) февраля 1920 г. Деникин уволил Врангеля и его ближайшего соратника генерала П.Н. Шатилова со службы. Наиболее оскорбительным для Деникина оказалось письмо Врангеля от 15 (28) февраля 1920 г., предварявшее отъезд последнего из России (оказавшийся непродолжительным). Врангель в мемуарах даже не решился воспроизвести его целиком, сопроводив комментарием о том, что оно написано под влиянием гнева, «грешило резкостью, содержало местами личные выпады»^I. Врангель заявил Деникину, что с успехами на фронте «росли в сердце Вашем честолюбивые мечты...»^{II}, добавив, что Деникин – это «упоенный новыми успехами честолюбец»^{IV}. Главнокомандующий прямо обвинялся в предательском (это слово тоже фигурировало в письме Врангеля) оставлении адмирала А.В. Колчака на произвол судьбы, что привело к его разгрому, тогда как единственным, кто пытался помочь Колчаку, был сам Врангель. Врангель перечислял многочисленные пороки и просчеты белых, вновь писал об ошибочной и несостоятельной стратегии и политике Деникина, сетовал на игнорирование своих просьб и предостережений главным командованием. Особо Врангель отмечал отказ Деникина и его штаба от создания в конце октября 1919 г. на харьковском направлении крупной конной массы из IV Донского, III Конного корпусов, Терской и отдельной Донской дивизий, а также трех с половиной Кубанских казачьих дивизий. Только такое решение, по мнению Врангеля, не было бы половинчатым, а действительно могло бы остановить красных. В результате ударного кулака создано не было, а вводимые в бой по частям войска терпели неудачи. Кроме того, Деникин обвинялся в агитации против Врангеля, организации слежки за ним. Штаб главнокомандующего, по мнению Врангеля, занимался усиленным распространением слухов о том, что Врангель хочет совершить переворот.

В результате обмена письмами и сопровождавшего их публичного обсуждения между двумя белыми военачальниками возникла стойкая личная неприязнь, усугублявшаяся в дальнейшем (особенно в период неудач деникинских армий) и продолжавшаяся в эмиграции. Одним из результатов этой конфронтации стало то, что весной 1920 г. Деникину и некоторым старшим офицерам из его окружения (генералам И.П. Романовскому и Ю.Н. Плющевскому-Плющичу) пришлось

^I HIA. Vrangeli collection. Box 162. Folder 28.

^{II} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 515.

^{III} HIA. Vrangeli collection. Box 162. Folder 28.

^{IV} Ibid.

оставить свои посты. Также рапорт об увольнении в отставку, по свидетельству генерала П. С. Махрова, подал полковник Н. Л. Щербицкий^I.

Оказавшиеся весной 1920 г. в безвыходной ситуации белые войска на Северном Кавказе тысячами сдавались в плен красным или интернировались в Грузию. Некоторые остававшиеся на фронте офицеры всю вину возлагали на генералов И. П. Романовского, А. М. Драгомирова, А. С. Лукомского и, в меньшей степени, на А. И. Деникина. Обсуждались возможности убийства первых трех^{II}. В ночь на 12 (25) марта 1920 г. группа лиц попыталась проникнуть к поезду Деникина для организации покушения на него^{III}.

В связи с неудачами на фронте обострилась борьба за власть. Серьезные политические разногласия, переросшие в конфликт, существовали между начальником штаба ВСЮР И. П. Романовским и председателем Особого совещания А. С. Лукомским. Романовский считал, что белые вели слишком правую политику и напрасно поддерживали помещиков^{IV}. Лукомский же негативно воспринимал заигрывания главного командования с левыми. Против Романовского был настроен и шурин Лукомского генерал А. М. Драгомиров^V. Командир Добровольческого корпуса генерал А. П. Кутепов фактически предъявил ультиматум главному командованию, потребовав приоритетной эвакуации своих частей с Северного Кавказа в Крым и предоставления ему диктаторских полномочий, однако в последнем успеха не добился^{VI}. Кроме того, в связи с оставлением белыми Северного Кавказа в руководстве белого Юга возросло значение героя обороны Крымского полуострова генерала Я. А. Слащева, имевшего политические амбиции.

По свидетельству современника, белые офицеры «Деникина и Врангеля называли “антиподами”, противоположностями и по внешности (фигуре), и по духовным качествам. Деникин — спокойствие, ничем не поколебимое упрямство; почти отрицание компромиссов; почти отсутствие личного честолюбия; нередко лукавство, иногда мстительность и нетерпимость к чужому мнению; в отношении некоторых явлений и вопросов — абсолютный “дальтонизм” и узость мысли; отсутствие вдохновения и широты в стратегии... Врангель — кипение и порыв; твердые воля и характер в отношении главного и готовность на компромиссы во имя этого главного; безграничное и ненасытное честолюбие, толкавшее его даже в интриги и заговоры против своего вождя; широта кругозора и мысли; в стратегии — больше вдохновения, широты, но не без фантазии...

Общие обоим вождям свойства: истинная, горячая любовь к Родине, личная кристальная честность и незаинтересованность в материальных благах, одинаковая

^I BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 23.

^{II} Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 401.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Л. 32.

^{IV} Чемакин А. А. «Анонимный центр». С. 183.

^V Ганин А. В. «За мою служебную практику такое свинское отношение было мною встречено впервые»: Окончание письма командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2020. № 1 (13). С. 18.

^{VI} Подробнее см.: Абинякин Р. М. Смена главнокомандующих Вооруженными силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 15–25.

неспособность в выборе вполне подходящих для выполнения руководимого ими великого дела самых близких своих сотрудников^I. Деникин впоследствии отметил: «История нас рассудит. Мне вообще тяжело было писать о нашей расправе, тем более что в намерение мое не входило дискредитирование моего заместителя на потеху большевикам. История развернет когда-нибудь перед изумленными участниками истинный лик Врангеля»^{II}.

Разгром ВСЮР в начале 1920 г. на Северном Кавказе реанимировал противоречия между белыми генералами. Активизировались казачьи лидеры, все чаще стали проявляться конфликты в командном составе, интриги, войска были деморализованы, возросло дезертирство, начались восстания «зеленых» — нередко бывших солдат и офицеров деникинской армии. Генерал В.В. Чернавин, рассуждая о настроениях командного состава в этот период, отмечал: «Остро-критическое отношение некоторых выдающихся и опытных начальников из офицеров Ген. штаба к главному командованию, переходившее иногда в личную неприязнь к его руководителям, представляет собою черту, заслуживающую внимания. Явление это очень показательное для суждения о настроениях в военных верхах ВСЮР»^{III}.

20 марта (2 апреля) 1920 г. датировано письмо Деникина генералу А.М. Драгомирову, в котором главнокомандующий отметил, что «внутренняя связь между вождем и армией порвана» и что он не в силах более руководить ВСЮР, в связи с чем предлагал военному совету «избрать достойного, которому я передам преимущественно власть и командование»^{IV}. В тот же день командир III армейского корпуса генерал Я.А. Слащев направил Деникину срочную телеграмму: «Ввиду серьезности вопроса, который отразится на всем положении дел, и чтобы я не оказался виновным перед Родиной и чинами своего корпуса, беру на себя смелость доложить, что считаю возможным назначение преемника только Вами, так как выборное начало в моей голове (?) [не укладывается]». Лышу себя надеждой, что Ваше превосходительство поймете честность моих побуждений, вызвавших эту телеграмму. Жду срочного ответа»^V. В ответ на это начальник штаба ВСЮР генерал П.С. Махров сообщил: «Главком приказал передать, что выборного начала нет, а он просит военный совет указать ему преемника, какового он и назначит»^{VI}. Такая телеграмма могла быть связана как со стремлением Слащева продемонстрировать приверженность дисциплине и единоначалию, так и с опасениями, что при обсуждении преемника на совете может пройти нежелательный кандидат. Интересно, что незадолго до выборов нового главкома Слащев направил в Константинополь офицера графа Бенигсена с письмом к П.Н. Врангелю — не уезжать слишком далеко, а вернуться назад в Россию для пользы дела^{VII}.

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 344–345.

^{II} Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской Смуты». С. 65 // BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Folder 1.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 144.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

^V По-видимому, пропущенное слово, выясняется по аппарату (примеч. документа).

^{VI} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 196. Л. 6–6об.

^{VII} Там же. Л. 6об.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 140. Л. 268.

Военный совет старших начальников в Севастополе 21 марта (3 апреля) 1920 г., на котором решался вопрос о преемнике Деникина, получил ироничное наименование «генеральского совдепа»¹. На заседании Слащев заявил о недопустимости избирать главкома и отказался высказаться по конкретной кандидатуре². Стенограмма зафиксировала реплику генерала: «Неужели мы будем выбирать н[ачальни]ка»³. Позднее Слащев сообщил присутствующим, что выступает против выборов, и уехал на фронт.

Приведем подробное описание, оставленное генералом П. С. Махровым: «Вдруг встал Слащев, одетый в черкеску с белым, расшитым галунами, башлыком, и, повернувшись спиной к ген. Драгомирову, взмахнул широкими рукавами и развязно стал говорить: “У нас нет выборного начала, мы не большевики, здесь не совет солдатских депутатов. Пусть генерал Деникин сам назначит, кого он хочет, но нам выбирать не приходится”.

“Верно, верно”, — стали поддерживать Слащева члены его корпуса. Другие члены казались безразличными, только среди кубанцев кой-кто перешептывался.

Генерал Драгомиров резко, тоном начальника, заметил, что военный совет не имеет в виду “выбирать”, но он должен назвать того, кто достоин занять пост главнокомандующего. Лицо Слащева исказилось неприятной гримасой, и он продолжал: “Назвать имя значит выбрать, мы не можем этого делать. Сегодня начнем выбирать мы, а завтра станут смещать нас и выбирать на наше место”.

Как бы вторя Слащеву, в углу, где сидели казаки, раздался шум. Слышался шум и стук прикладов в коридоре. Видимо, чины караула толпились у двери и хотели слышать, о чем говорят на совете.

Генерал Драгомиров вновь, грубо отчеканивая каждое слово, как бы отдавая приказание, остановил Слащева и просил прекратить рассуждения о выборах и исполнить приказ главнокомандующего, то есть назвать ему заместителя. Слащев, повернувшись в сторону Драгомирова, широким взмахом руки закинул за плечо конец своего башлыка и, снова обернувшись спиной к председателю, сел на свой стул. В зале все стихло, но в коридоре продолжался шум голосов и топот ног охраны»⁴.

В итоговом сообщении генерала А. М. Драгомирова Деникину о результатах совета, данном в 00.45 22 марта (4 апреля) 1922 г., отмечалось: «Генерал Слащев отказался давать мнения за весь свой корпус, от которого могли прибыть только три представителя, и вечером просил разрешения отбыть на позицию, что ему и было разрешено. Только представители флота указали преемником генерала Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагаются и без

¹ Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 145. О военном совете см.: Пученков А. С. «Генеральский совдеп» в Севастополе, или Смена главнокомандующих Вооруженными силами Юга России в марте 1920 г. // Клио (СПб.). 2010. № 4 (51). С. 86–90; Его же. Антон Иванович Деникин — полководец, государственный деятель и военный писатель // Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2017. Т. 1. С. 34–43.

² РГВА. Ф. 39576. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–9; Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 807, 811.

³ РГВА. Ф. 39576. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁴ BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 23.

Вас опасаются за распад армии»¹. Деникину было сообщено, что совет не может выбирать кандидата.

Окончательное решение было принято лишь на следующий день после первого заседания. В телеграмме Драгомирову из Феодосии Деникин 22 марта (4 апреля) сообщал: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориным и Слащевым недопустимым. Число собравшихся безразлично. Требую от военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию»². После этого преемник был выбран. Новым главнокомандующим с 22 марта (4 апреля) 1920 г. стал генерал П.Н. Врангель.

По одной из версий, ходившей в кругах генштабистов в то время, среди условий передачи власти Врангелю было и то, что он не назначит на руководящий пост генерала П.Н. Шатилова, обладавшего сомнительной репутацией. Впрочем, участвовавший в совете генерал А.М. Драгомиров отрицал это обстоятельство³.

Своя борьба происходила между казачьими генералами. Так, очень непросто складывались отношения командования Донской армии и донского атамана А.П. Богаевского. Последний записал в дневнике 4 (17) апреля 1920 г. о командующем Донской армией генерале В.И. Сидорине и его начальнике штаба генерале А.К. Келчевском: «Больше года ген. Сидорин, назначенный мною, командует Дон[ской] армией. К глубокому сожалению, несмотря на все мои усилия, у нас не установилось откровенных отношений. Честолюбивый и властный Владимир Ильич с трудом подчинялся моей власти как атамана, видимо поддерживаемый начальником штаба ген. Кельчевским, и на этой почве не один раз были у нас недоразумения. Много дурного приходилось слышать мне о нем и его отношении ко мне, сколько раз я слышал настойчивые просьбы о его удалении, но, ценя его, как решительного и храброго начальника, который “не торопится отступать”, как характеризовал его год назад ныне его злейший враг П.Х. Попов, — я не придавал веры и значения всяким слухам и всегда его защищал»⁴. Об интригах Сидорина против Богаевского свидетельствовал и полковник В.В. Добрынин⁵.

Параллельно развивались и другие конфликты внутри белого командования. В частности, конфликт главного командования с руководством Донской армии. Отношение последнего к штабу Деникина в начале 1920 г. стало резко негативным. Ставку Деникина донские генералы обвиняли в бездеятельности, утрате руководства, стремлении эвакуировать в Крым прежде всего добровольцев, а не казаков и, по сути, предательстве⁶. В дальнейшем конфронтация лишь нарастала.

В марте 1920 г. остатки Донской армии были эвакуированы с кавказского побережья в Крым. Эвакуация из Новороссийска не была должным образом

¹ Ibid. Черновик: РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 196. Л. 19–20.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 196. Л. 14.

³ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 256–256об.

⁴ «Наше великое дело близко к полной гибели». Дневник донского атамана А.П. Богаевского / публ.

Ю. Мурина // Источник. 1993. № 3. С. 14.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 65.

⁶ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 475; Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 182; Раковский Г. Н. В стане белых // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2004. Кн. 9: Донская Вандея. С. 325–326.

подготовлена, а расчеты постоянно менялись. Сначала донское командование ввиду развала армии предполагало эвакуировать только офицеров (порядка 5000 человек), но затем стало очевидно, что хотят эвакуироваться и простые казаки, для чего не было необходимого тоннажа^I. В результате разразилась настоящая катастрофа. Был брошен конский состав, войска испытывали огромные трудности с эвакуацией из-за отсутствия судов, целые казачьи части были вынуждены оставаться на кавказском побережье, сдаваться в плен красным или присоединяться к повстанческим отрядам «зеленых». Генерал Сидорин был настолько возмущен Деникиным, не выделявшим, по его мнению, донцам необходимых транспортных средств, что, по одному из свидетельств, собирался застрелить его прямо на пристани^{II}. В разговоре с Деникиным вышедший из равновесия Сидорин обвинил главнокомандующего в предательстве^{III}. Деникин же отметил, что Сидорин был пьян^{IV}. В действительности Деникин пытался в крайне сложной обстановке делать все возможное для эвакуации армии^V.

Эвакуировавшиеся в Крым остатки Донской армии (около 10 000 человек) находились в плачевном состоянии, не имели лошадей и подчас даже оружия. По оценке Келчевского, «это были не воинские части, а толпа обозленных, до глубины души оскорбленных людей, готовых к бунту»^{VI}.

По свидетельству атамана А. П. Богаевского, «после н[ово]российской драмы — у него (Сидорина. — А. Г.) с ген. Деникиным установились невозможные отношения, и почти накануне своего ухода А. И. решил отчислить Сидорина от командования Д[онской] армией, видимо, опасаясь, что своим озлобленным отношением к добровольцам и гл[авному] командованию он окончательно выроет пропасть между ними и Донцами. Я задержал резкую телеграмму Деникина и попытался кончить этот вопрос более спокойным путем. Несмотря на мои указания Сид[ори]ну, что при создавшихся отношениях совместная служба его с Д[еникины]м невозможна — он все же остался под предлогом приведения армии в порядок.

Затем Д[еникин] ушел, и вопрос об уходе заглох. Теперь и с Врангелем, по-видимому, отношения будут не лучше: он тоже стал говорить мне, что следует сместить С[идори]на, и я снова стою перед этим тяжким вопросом... Какое, в сущности, большое счастье — быть независимым, частным человеком, не имея ни продажных друзей и льстецов, ни строптивых подчиненных!

А все же среди окружающей бездарности Сидорин — крупная фигура, и не будь у него этого властолюбия и дружбы с разными прохвостами, которых я отдаю под суд, а он им покровительствует — я никогда не отказался бы от его службы! Немало вредит ему его супруга Л. А. Столько сплетен ходит о ее спекулятивных делах и проч[ем], что все это тенью ложится на его имя.

^I Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 796.

^{II} Раковский Г. Н. В стане белых. С. 339.

^{III} Там же. С. 340.

^{IV} Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской Смуты». С. 57 // BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Folder 1.

^V Подробнее о новороссийской эвакуации см.: Венков А. В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014. С. 366–373; Дробязко С. И. Эвакуация войск ВСЮР с кавказского побережья (январь — май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (станция Еланская). 2010. № 4. С. 20–52.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

Его дополнение наштармдон^I и друг Анатолий Киприан[ович] Кельчевский, умный и хитрый; талантливый профессор Воен[ной] академии; прекрасный работник, но нервный и вспыльчивый. Обоих не любят в армии, хотя есть и поклонники. С уходом С[идори]на, вероятно, уйдет и К[ельчевск]ий.

Кем я заменяю их?»^{II}

Генерал П. С. Махров считал, что Келчевский на своем посту «был незаменимым. Он отлично знал цену Донской армии, которая значительно уступала добровольцам, и делал все от него зависящее, чтобы поднять дух казачества в эти печальные дни разрухи на донском фронте»^{III}. Махров отмечал, что «Келчевский был одним из образованнейших офицеров Генерального штаба, человек умный, справедливый, деликатный и добродушный, но горячий и вспыльчивый. Недостатком его было то, что он любил выпить, хотя ума никогда не пропивал»^{IV}. Генерал П. Н. Врангель знал Келчевского еще по академии, по его оценке – это «талантливый офицер Генерального штаба, он заслуженно выдвинулся в период Великой войны; нравственный облик его был незавидный»^V. Келчевский даже был оппонентом у Врангеля при защите им темы по военному искусству на дополнительном курсе академии^{VI}.

24 марта (6 апреля) 1920 г. в Крыму Донская армия была сведена в отдельный Донской корпус. Командование в лице генералов В. И. Сидорина и А. К. Келчевского осталось прежним. Но вскоре после реорганизации генералы были преданы военно-морскому суду за издание при штабе корпуса газеты «Донской вестник», разжигавшей ненависть казаков по отношению главного командования ВСЮР и проповедовавшей эсеровские взгляды. Новый главнокомандующий ВСЮР генерал П. Н. Врангель считал Сидорина и Келчевского интриганам^{VII}, однако история с газетой была лишь очевидным предлогом для смены неугодных военачальников, тогда как кадровые перемены назревали уже давно^{VIII}. Мягкий и осторожный атаман А. П. Богаевский отметил в дневнике: «Ожидаю больших неприятностей по этому поводу: Сидорин и Келчевский – не такие люди, чтобы легко перенести этот позор...»^{IX}

Генералы не признали своей вины, утверждая, что не были осведомлены о направленности издания^X. Возможно, так оно и было, хотя командование Донского

^I Начальник штаба Донской армии.

^{II} «Наше великое дело близко к полной гибели». С. 14–15.

^{III} Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 7. С. 611 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. С искажениями опубл. в: *Его же*. В белой армии генерала Деникина. С. 183.

^{IV} Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 7. С. 611–612 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. С искажениями опубл. в: *Его же*. В белой армии генерала Деникина. С. 183.

^V Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 215.

^{VI} РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 78. Л. 42.

^{VII} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. М., 1992. Ч. 2. С. 61.

^{VIII} Подтверждением этому служит тот факт, что один из наиболее радикальных авторов «Донского вестника» полковник С. К. Бородин, в своих статьях предлагавший казакам замирииться с Советской Россией (статья «Право крови» в № 5) и предоставить наступать на Москву русским, а самим передохнуть и сосредоточиться на борьбе за родные станицы (статья «Казачьи настроения» в № 6), не только не подвергся каким-либо преследованиям, но, наоборот, продолжил службу и даже был произведен Врангелем в 1921 г. в генеральский чин. Показательно и то, что впоследствии был оправдан даже редактор газеты сотник граф А. М. дю Шайла.

^{IX} «Наше великое дело близко к полной гибели». С. 16.

^X ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 15.

корпуса проявляло определенную враждебность главному командованию и могло фрондировать. Якобы на заявление коменданта Евпатории генерала Н.С. Ларионова о том, что направление газеты вредное и левое, генерал Сидорин ответил: «Что же тут удивительного, мы сами левые», а генерал Келчевский добавил: «Довольно. Нас погубила Добрармия»¹. Впрочем, в приверженности генералов эсеровской программе современники сомневались. Военный юрист И.М. Калинин, защищавший генералов на процессе, иронизировал, что «если действительно Сидорина что-либо роднило с эсерами, так разве только политическая импотенция»².

Суд длился два дня. В итоге Сидорина и Келчевского обвинили в бездействии власти, оба генерала были сняты со своих должностей и приговорены к четырем годам каторжных работ. Из уважения к прежним заслугам наказание Врангель заменил им увольнением со службы без права ношения мундира. После этого Сидорин и Келчевский покинули пределы России. Вопреки опасениям Богаевского инцидент с опальными генералами был исчерпан — на бунт донцы не поднялись. Атаман записал в дневнике: «Перед отъездом имел разговор с С[идориным] и К[ельчевским]. Оба имели смущенный вид, усиленно курили, но старались совершенно оправдать себя, предсказывая, что их отчисление вызовет в войсках чуть не бунт; они пытались иметь веселый вид, но это плохо удавалось им. Я с облегчением вздохнул, когда кончился тягостный 1½-часовой разговор и оба ушли. Я дал им, по их просьбе, отставку и расстался с ними мирно...

Грустный конец так блестяще начатой деятельности!.. Как легко и спокойно почувствовал я себя здесь, в штабе корпуса, среди симпатичных мне людей, искренности и доброму отношению которых ко мне я вполне верю! И как неловко и тяжело было мне прежде в штабе С[идори]на, чувствуя и зная скрытое под маской любезности недоброжелательство...»³ Полковник В.В. Добрынин назвал эти события погромом Врангелем штаба Донской армии, «суд этот был верхом безобразия и не повредил подсудимым, а лишь помог им в деле закрепления симпатий демократически настроенных кругов»⁴.

Оказавшись в Крыму, далеко от родных станиц, казаки были вынуждены подчиниться Врангелю. Администрация казачьих войск оказалась как в финансовой, так и в политической зависимости от Врангеля. Из донских казаков был образован корпус под командованием генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова. Перевравшиеся в Крым немногочисленные кубанские казаки составили казачью дивизию.

Смена главного командования и концентрация всех сил белого Юга в Крыму не привели к прекращению генеральских войн. Частично переменялся лишь состав участников. В частности, командовавший одним из корпусов генерал Я.А. Слащев сохранил политические амбиции, вошедшие в противоречие с новой реальностью (генерал уже не являлся диктатором Крыма, как было до эвакуации белых на полуостров с кавказского побережья). Поначалу он переориентировался на Врангеля, подчеркивая, что сыграл некоторую роль в приходе нового главнокомандующего

¹ Там же. Л. 4.

² Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. С. 45.

³ «Наше великое дело близко к полной гибели». С. 18.

⁴ Цит. по: Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». С. 68.

к власти^I. По итогам смены главнокомандующего Слащев получил благодарность Врангеля, производство в генерал-лейтенанты и сохранил статус командующего корпусом (одного из четырех в армии).

5 (18) апреля 1920 г. Слащев подал Врангелю резкий рапорт, в котором обращался к главкому с претензиями с позиций «спасителя Крыма» и предлагал Врангелю отстранить значительную часть сотрудников главкома: генералов В. К. Витковского, А. П. Кутепова, П. С. Махрова, полковника Г. И. Коновалова^{II}. Все это не могло не напоминать прежнюю жесткую переписку самого Врангеля с Деникиным. Испытывая терпение Врангеля, 21 апреля (4 мая) 1920 г. Слащев подал первый рапорт об отставке. Причинами его стали отказы во встрече с Врангелем и телеграфные оскорбления со стороны Ставки^{III}. 16 (29) мая последовал второй рапорт с просьбой о назначении рядовым в одну из конных частей, так как раненая нога не позволяла Слащеву служить в пехоте^{IV}. Все рапорты были отклонены. Конфликт обострился в связи с неудачной для белых Каховской операцией. Вполне возможно, у штаба Врангеля имелись основания опасаться окончательного выхода своенравного генерала из подчинения. Врангель и его окружение считали, что Слащев занимался интриганством, а кроме того, был психически больным и неуравновешенным человеком^V. Слащев, в свою очередь, не доверял штабу Врангеля^{VI}, считая, что штаб главнокомандующего не способен управлять войсками в стратегическом масштабе^{VII}.

Врангель и его начальник штаба Шатилов решили спровоцировать уход Слащева с его поста, направив ему телеграмму с осуждением его действий. 3 (16) августа 1920 г. Слащев ожидаемо подал в отставку, которую Врангель принял. Слащев написал Врангелю многословный рапорт, в котором перечислял нанесенные Ставкой обиды, возлагал ответственность за неудачу на штаб главкома и исходившие из него интриги («последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведению его к лево-социал-революционному знамени») и потребовал назначения следствия над штабом Врангеля^{VIII}. Особенно досталось первому генерал-квартирмейстеру Ставки генералу Г. И. Коновалову, к которому Слащев уже давно испытывал сильную личную неприязнь, доходившую до обвинений в прямой измене^{IX}. При этом практически все старшие начальники ВСЮР и Русской армии, даже находившиеся с Коноваловым в сложных взаимоотношениях, высоко оценивали его деятельность как одного из выдающихся молодых офицеров Генерального штаба. Начальник штаба ВСЮР генерал П. С. Махров даже свидетельствовал, что именно Коновалову «всецело был обязан Врангель своими успехами»^X.

^I Подробнее см.: Кручинин А. С. П. Н. Врангель и Я. А. Слащев: конфликт личностей или конфликт стратегий? // Крым. Врангель. 1920 год. С. 39–55.

^{II} Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. С. 148.

^{III} Там же. С. 150.

^{IV} Там же. С. 151.

^V Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 2. С. 176, 268–269; Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 916, 1029 // HIA. Vrangeli family papers. Box 7. Folder 2.

^{VI} Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. С. 88.

^{VII} Там же. С. 134.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 195–195об.

^{IX} Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. С. 91–92.

^X Махров П. С. Ген. Врангель и Б. Савинков. Тетрадь 2. С. 160 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

Резолюция Врангеля на рапорте Слащева была короткой: «Г[енералу] Шатилову. Бред больного человека. К делу»^I. Чтобы смягчить уход Слащева из армии, Врангель поблагодарил генерала в специальном приказе, присвоив Слащеву почетную приставку к фамилии — Слащев-Крымский^{II}.

Противоречия у белых существовали не только между группировками генералитета, но шире — между целыми категориями офицеров. Например, между гвардейцами и армейцами, между фронтовиками и теми, кто оставался в тылу. Строевые офицеры у белых порой относились к генштабистам отрицательно, как и в старой армии. Тем более что некоторые штабные работники у белых сделали заметные карьеры. Так, генерал А.Н. Пепеляев в 1919 г. заявил о стоявших у руля омской военной машины генштабистах: «Определенно, это изменники и своего рода спекулянты, торгующие Россией оптом и в розницу. Вам, может быть, покажется мое мнение пристрастным, так как я не офицер штаба, а лишь простой солдат, в тылу не прятавшийся, и карты оперативные не путаю, как это делает генерал Лебедев, начальник штаба Верховного правителя»^{III}.

Фигуры начальников штабов белых вооруженных сил Востока, Юга, Севера и Северо-Запада России, генералов Д.А. Лебедева, И.П. Романовского, М.Ф. Квещинского и А.Е. Вандама, вызывали резкое неприятие на фронте. Едва ли это случайное совпадение. Возможно, начальники штабов, чья служебная деятельность вряд ли могла быть известна широким кругам, в общественном мнении становились ответственными за неудачи главнокомандующих — культовых для белых фигур А.В. Колчака, А.И. Деникина, Е.К. Миллера и Н.Н. Юденича. Для сравнения, в РККА ничего похожего не было, более того, там вряд ли вообще широко знали начальника ПШ РВСР (аналогичное по функциям должностное лицо).

Генерал П.И. Аверьянов вспоминал о своей встрече с генералами Деникиным и Романовским осенью 1918 г.: «Только 5 дней провел я в Екатеринодаре и уже наслушался досыта рассказов о Романовском, причем ни одного доброго слова ни от кого я о нем не слышал. До сего времени мне не приходилось встречать такого объекта всеобщей ненависти, каким являлся в Добрармии этот злополучный генерал. Его одинаково ругали и ненавидели и старики-генералы, и юноши-подпоручики, и гвардейцы блестящих старых полков, и армейцы провинциальных пехотных полков, и самые крайние монархисты, и либерально настроенная молодежь. Всем он был одинаково ненавистен. Источником всего дурного и мрачного в Добрармии был, по общему мнению, всегда генерал Романовский

Старые генералы, побывавшие уже у ген. Романовского, предупреждали меня, что я рискую нарваться у него на умышленное с его стороны “унижение” меня, т.к. он якобы очень заносчив с “бывшими” людьми, занимавшими при царе и при Временном правительстве видные, ответственные посты... как всегда, действительность не оправдала ни всех этих слухов и сплетен, ни моих ожиданий»^{IV}.

^I ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 195.

^{II} *Слащев-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г. С. 115–116. Оригинал документа хранится в HIA (P. A. Koussonsky collection. Box 3. Folder 10).

^{III} Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 — март 1920 г.):

Сб. док. / сост. М. И. Вебер. Екатеринбург, 2019. С. 181.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 124–124об.

Подав в отставку в марте 1920 г., Романовский написал супруге, что хотел отправиться на фронт добровольцем, «но сейчас сомнение: уже очень много неприглядного сейчас в наших добровольческих частях и справишься ли с жизнью в хамстве, грубости и пьянстве?»^I Генерал В.И. Баскаков считал Романовского «полнейшим ничтожеством, канцелярским чинушей»^{II}.

Неудивительно, что при такой ненависти к Романовскому со стороны значительной части добровольческого офицерства он в апреле 1920 г. был убит в Константинополе поручиком М.А. Харузиным. Планы убить генерала М.Ф. Квещинского вынашивали офицеры, служившие у белых на Севере России^{III}.

Неудачи на фронте, дезориентация, отсутствие ясных целей и задач усугубляли разложение офицерства белых армий. На фоне произвола и бесчинств отдельные верные долгу и дисциплине офицеры начинали стыдиться прежних товарищей и даже самой принадлежности к офицерству^{IV}.

В антибольшевистском лагере на Востоке России остро стояла проблема отсутствия единства и политической борьбы офицерских группировок. Серьезной была конфронтация офицерства Народной армии Комуча и эсеровского политического руководства Комуча. Офицеры Народной армии, как писал современник, «вели политику, для Комитета вредную, направляя свое внимание и усилия к укреплению Сибирского правительства, отвечавшего их привычкам и симпатиям»^V. Более того, некоторые офицеры «в прилегающих к Волге местностях... предпочитали идти на юг в Добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение»^{VI}. Как позднее писал управляющий ведомством внутренних дел Комуча П.Д. Климушкин: «Между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению»^{VII}.

Когда анненковцы в Самаре летом 1918 г. сорвали красный флаг со здания Комитета членов Учредительного собрания, управляющий военным ведомством Комуча полковник Н.А. Галкин якобы заявил: «Из-за тряпки такой скандал». В советское время такую формулировку он отвергал и оправдывался следующим образом: «Я был более тактичен и сказал, что всякий флаг, если он считается государственным и его обязана защищать армия, нужно объявлять и утверждать, а флаг, который висит так, называется тряпкой»^{VIII}. Политика предопределяла и стратегию. В частности, именно в силу политических разногласий лидеры Комуча не стремились к каким-либо действиям по соединению с антибольшевистскими силами Юга России^{IX}.

^I Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. С. 260.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 98; Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 69.

^{IV} См., напр.: Мишагин-Скрыдлов А. Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007. С. 172.

^V Николаев С. Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 142.

^{VI} Лейтенант Н. Н. Записки белогвардейца // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 84.

^{VII} Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. С. 90.

^{VIII} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 29; Боевой восемнадцатый год. С. 94.

^{IX} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 243. Л. 32.

Один из мемуаристов отмечал, что противоречия между Комучем и Галкиным были существенными: «Должен сказать, что полковник Галкин абсолютно не считался с Комитетом Учредительного собрания. Неоднократно, когда происходило то или иное собрание и обсуждался какой-нибудь вопрос, он сидел с совершенно презрительным видом, физиономией человека, который смотрит на это собрание с точки зрения своего офицерского величия, как на какую-то массовку (старого периода, собрание какой-то подпольной организации). Для него это был мираж. И он был чрезвычайно доволен, когда стало что-то налаживаться в Сибири, организовываться Уфимское совещание... Он потом вошел с просьбой о помиловании ВЦИК. По-моему, он сейчас в Москве. Как Галкин потом оправдывался в своей известной фразе? Он писал, что такое ваш герб и что такое ваш флаг? Красная тряпка. Это его классическая фраза. Он потом объяснял, что он стремился доказать Комитету Учредительного собрания, что необходимо было узаконить, оформить. Бросить именно эту фразу, это означало, что против того чрезвычайно малого розового цвета, который имел у себя Комитет членов Учредительного собрания, он выступал, и это являлось для Галкина очень красным и вызывало у него злобное отношение настолько, чтобы называть этот флаг “красной тряпкой”^I». Сам Галкин возлагал ответственность за утрату Народной армией демократических начал на группу генштабистов, которые примкнули к армии в составе Военной академии.

В командном составе Народной армии убежденные сторонники эсеровской программы были немногочисленны. Одним из таких офицеров был Ф.Е. Махин, состоявший не только в партии эсеров, но и в ее специальной военной комиссии^{II}. Именно он был автором доклада о восстановлении Восточного фронта против германцев, будучи негласным консультантом Комуча. Многие члены партии склонны были видеть в нем потенциального военного вождя.

По своим политическим взглядам Махин являлся убежденным противником монархии. Тезисно его политическая позиция изложена в «Записке о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией», составленной им для Комуча 17 июля 1918 г., и состоит всего из трех пунктов: 1) подъем народных масс на борьбу при опоре на рабочих и крестьян; 2) единственно возможный лозунг — «Земля и Воля, независимая демократическая Россия»; 3) борьба с большевиками^{III}.

С приходом к власти на Востоке России адмирала А.В. Колчака и установлением военной диктатуры подвергались преследованиям некоторые офицеры, проявившие себя в период власти Комуча. Например, военно-полевому суду был предан генерал Н.А. Галкин. Как отмечал он впоследствии, после колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. «я лично сидел и ждал ареста, но мне ничего не сделали. Семь месяцев они меня не трогали. Я жил в Омске, нигде не служил и чувствовал себя неплохо. Потом меня послали на фронт, а затем, припомнив все старое, предали военно-полевому суду, обвинили в том, что я разложил части»^{IV}.

^I РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 3438. Л. 4–5.

^{II} Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 24.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 387. Л. 3об.–4; Из архива В. И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 193–194.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 21; Боевой восемнадцатый год. С. 90.

Помимо конфронтации внутри Комуча на Востоке России летом — осенью 1918 г. существовал конфликт между Комучем и Временным Сибирским правительством и, соответственно, между Народной и Сибирской армиями. Объединение антибольшевистских сил на Востоке России осенью 1918 г. не устранило эти противоречия в полной мере. Особняком стояли казачьи деятели и союзные офицеры. Противоречия усугублялись различными представлениями по широкому спектру военно-политических вопросов, включая отношение к чехословакам, к социалистам-революционерам, к перебежчикам от красных и даже к персональным назначениям во главе войск, вызывавшим личные обиды и соперничество высокопоставленных военных. Самостоятельную группировку составляли представители оказавшейся на Востоке России Всероссийской академии Генерального штаба во главе с начальником академии генерал-майором А.И. Андогским.

Еще в период Государственного совещания в Уфе в сентябре 1918 г., когда обсуждался вопрос объединения Народной и Сибирской армий, претенденты на лидерство в военном ведомстве заметно активизировали свои усилия. По итогам совещания было создано Временное Всероссийское правительство (Директория), вооруженные силы Народной и Сибирской армий объединялись. Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (реально — антибольшевистскими вооруженными силами на Востоке России) стал генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Возникал вопрос, на кого опереться новому главнокомандующему после слияния двух армий с различным командным составом. Болдырев был профессором академии, прекрасно понимал значение этого высшего военно-учебного заведения и хорошо знал его профессорско-преподавательский состав. Неудивительно, что уже в конце сентября 1918 г. преподаватели академии получили приглашения поступить на службу в его Ставку¹.

Курсовик К.В. Семчевский позднее вспоминал о назначениях преподавателей академии на должности в высших штабах: «После “уфимских” выборов Директория прибыла в Омск, привезла с собой “самарский” штаб, состоявший почти исключительно из профессоров академии и слушателей, эвакуировавшихся из Екатеринбурга в Казань, и сделала этот штаб “Ставкой” Верховного главкомандования. Началась глухая борьба между “Ставкой” и штабом Сиб[ирской] армии, фактически имевшим все нити управления войсками и всем тылом... “Ставка”, переняв постепенно управление от штаба Сиб[ирской] армии, решила ликвидировать штаб Сиб[ирской] армии, а нас, как свидетелей их странного поведения в Екатеринбурге², “обезвредить”, послав нас куда-нибудь на самые захолустные должности³”. Возможно, здесь есть доля преувеличения.

О масштабном привлечении личного состава академии к формированию Ставки в Уфе свидетельствовал и полковник К.Я. Гоппер. Он отмечал, что Ставка, «правильнее говоря, приехала в почти готовом виде с бóльшим по числу наличным составом, чем требовалось обстоятельствами. Это была академия Генерального

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 136.

² По всей видимости, речь идет об осторожном поведении преподавательского состава академии в Екатеринбурге в июле 1918 г.

³ МРК. Коллекция К. В. Семчевского. Box 1. Folder 28. Л. 8–9.

штаба... Главные роли в Ставке были распределены между профессорами полковниками [А.П.] Слижиковым, [Г.В.] Леоновым, [А.Д.] Сыромятниковым и [В.Н.] Касаткиным¹, остальные должности — между курсовыми офицерами, причем генеральские должности замещались сравнительно молодыми капитанами. Так как Ставка этого состава сыграла видную роль в последовавших событиях, то крайне интересно было бы выяснить все обстоятельства, почему было допущено формирование Ставки из состава академии, все это время остававшейся на службе у большевиков... Мне кажется, что здесь большая ошибка была сделана генералом Болдыревым, нарушившим одно из основных правил стратегии о формировании штаба главнокомандующего. Главнокомандующий должен выбрать себе ближайшим помощником своего начальника штаба — человека одного с ним образа мыслей, на которого может положиться, как на самого себя, даже во всех мелочах. Насколько мне потом удалось выяснить, генерал Болдырев и его начальник штаба генерал Розанов — люди совершенно различных убеждений и взглядов... Слишком занятый делами, как член Директории, ген. Болдырев целиком предоставил формирование Ставки генералу Розанову. По моим наблюдениям, генерал Розанов в свою очередь совершил ту же ошибку, набирая своих ближайших помощников. Розанов производит впечатление храброго, доверчивого вояки, немножко грубоватого, но неспособного одевать маски дипломатов и политиков, и как таковой он, я полагаю, не мог быть одного лагеря с теми тонкими и хитрыми политиками, к каким я отношу Слижикова, Леонова и Сыромятникова... Упомянутые... его ближайшие помощники, по всем моим наблюдениям, умели вести только закулисную борьбу, если только можно выразить этим словом их поведение и действия, так как никогда с достоверностью нельзя сказать, за кого и против кого они борются.

Весь остальной состав Ставки — кадровые офицеры академии — составляли, по крайней мере в первое время, очень сплоченную и по-воински дисциплинированную массу, что они доказывали всем своим поведением, и все они в один голос с восторгом, даже с некоторым преклонением отзывались о начальнике академии генерале Андогском. Надо отдать справедливость, что генерал Андогский действительно проявил выдающийся педагогический талант, сумев так сплотить и повлиять на достаточно уже поживших людей. С этой стороны, как видно, Ставка представляла из себя порядочный плюс, но весь вопрос, стало быть, заключался в том, куда будет направлена деятельность Ставки ее ближайшими руководителями. Физиономии этих руководителей оставались загадкой, и загадкой довольно подозрительной¹¹.

Ответил на вопрос Гоппера относительно мотивов своих кадровых решений сам Болдырев, который писал: «Чрезвычайно сложным оказался вопрос и с формированием моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было.

При существовавшей вражде между Народной и Сибирской армиями, брать людей из их состава — это значило бы только еще больше усилить их рознь. Нужны были нейтральные работники.

Пришлось остановиться на небольшой группе молодежи, главным образом, из состава бывшей академии Генерального штаба. Но и здесь было “но” — академия

¹ Мемуарист не точен, профессорами они не были.

¹¹ Гоппер К. Я. Четыре катастрофы: Воспоминания. [Рига], [1920?]. С. 82—84.

только что была пленена в Казани; до этого времени она работала с Красной армией и расценивалась “большевистской”^I.

На октябрь 1918 г. представители эвакуированной в Томск академии действительно заняли руководящие посты в Ставке. Такая ситуация не устраивала командование Сибирской армии, поскольку сибирские генералы сами претендовали на лидерство и признание своего стажа борьбы с большевиками. Ветеранов антибольшевистского движения возмущало и то, что ключевые должности в Ставке получили недавние военспецы РККА. Начальник академии генерал А.И. Андогский обладал выраженным вкусом к закулисным политическим играм. Он и другие представители академии вынашивали далеко идущие планы борьбы за власть и влияние в военных кругах. Свои люди в лице преподавателей и слушателей, разбросанных по различным штабам, оказались у Андогского буквально во всех значимых военных структурах антибольшевистского лагеря на Востоке России. По существу, это была разветвленная агентурная сеть. Благодаря этому начальник академии был неплохо информирован о событиях и использовал соратников в своих интересах.

Так, осенью 1918 г. слушатели академии оказались вовлечены в конфликт между Андогским и начальником штаба Сибирской армии генерал-майором П.А. Беловым (Г.А. Виттекопфом), которого они в октябре 1918 г. обвинили в шпионаже в пользу Германии и в сотрудничестве с большевиками^{II}. В результате Белов был отстранен. Интригу удалось реализовать силами начальника академии и выпускников ускоренных курсов – штабс-капитана А.А. Бурова, капитанов И.А. Бафта-ловского, Е.И. Гриневского и К.В. Семчевского^{III}. По крайней мере, первые трое курсовиков затем приняли активное участие в омском перевороте. По оценке В.И. Шишкина, отстранение Белова стало аппаратным поражением главнокомандующего В.Г. Болдырева, ослабило его власть на фоне нараставшей активности оппонентов в военном ведомстве^{IV}.

Справедливо свидетельство генерала С.А. Щепихина, который отметил, что «его (Андогского. — А.Г.) агенты (это профессора, в большинстве сочувствовавшие бывшему своему начальнику академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт»^V. Эта схема работала и в период подготовки омского переворота, и позднее в конфликте между Андогским и генералом Д.А. Лебедевым.

26 октября Андогский был вызван в Ставку в.и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего А.П. Слижиковым якобы для разрешения академических вопросов на месте^{VI} и 30 октября уехал в Омск^{VII}, где ожидалось серьезные перемены.

^I Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 58.

^{II} РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2об.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 260–263.

^{IV} Шишкин В. И. Адмирал А. В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября — 18 ноября 1918 г.) // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2007. Вып. 6. С. 806; Его же. 1918 год: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 53.

^V ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

^{VI} РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

^{VII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 248.

В Омске Андогский включился в закулисную борьбу, причем, насколько можно судить, чувствовал себя в такой обстановке вполне комфортно. По воспоминаниям осведомленного очевидца капитана И.С. Ильина, «Омск того времени, т.е. недолгого пребывания Директории у власти, представлял собой какой-то взбудораженный муравейник. Политические кружки, совещания, какая-то хлопотливая жизнь, в которой чувствовалось что-то ненормальное, но настоящее... “Да ведь это Мексика какая-то!” – говорил всегда спокойный, сдержанный Андогский. – “Из этого ничего не выйдет!” ...Не видел ничего и ни о чем не думал Розанов, время которого проходило между Ставкой и рестораном гостиницы “Россия”. И Андогский, и Сыромятников с нескрываемой иронией отзывались о наштаверхе. “Да ему кроме кабака с девками ничего не надо”, – говорил Сыромятников»^I. Сложно сказать, насколько справедливы подобные обвинения.

Одним из организаторов омского переворота был известный своими интригами 28-летний министр финансов омского правительства И.А. Михайлов, покровительствовавший академии^{II}. За причастность к политическим убийствам недоброжелатели прозвали его «Ванька-Каин». Тем не менее влияние этого человека, сохранившего министерский портфель в трех разных правительствах на Востоке России в течение 1918–1919 гг., трудно переоценить^{III}. Как отмечал осведомленный свидетель тех событий, будущий министр иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин, «Михайлов сам погрузился в атмосферу военных интриг и незаметно для себя попал в круг тех личных, карьерных и тщеславных стремлений, которыми была окрашена почти вся среда Генерального штаба в Омске»^{IV}. И действительно, в документах конференции (коллегиального руководящего органа) академии имеются прямые указания на то, что Михайлова академическое начальство считало своим доброжелателем и обращалось к нему за содействием осенью 1918 г.^V Дружеские отношения с Михайловым поддерживал и сам Андогский^{VI}.

Служившие в Ставке представители академии, как и державшийся в тени ее начальник, играли важную роль в перевороте. Вр.и.д. 1-го генерал-квартирмейстера полковник А.Д. Сыромятников заранее знал о подготовке переворота и активно в нем участвовал, организуя военную составляющую и обеспечивая нейтралитет союзников^{VII}. Вовлечены в события были помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего полковник А.П. Слижиков, а также надежные слушатели ускоренных курсов академии (полковник Н.Г. Сабельников, капитаны И.А. Бафталовский, А.А. Буров, А.К. Гайко, Е.И. Гриневский, А.Л. Симонов, Г.В. Щепин)^{VIII}.

^I Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 209.

^{II} Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Док. и мат. М., 2005. С. 343, 351; A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2. P. 133.

^{III} Подробнее о Михайлове см.: Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 31–34 и др.

^{IV} Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 351.

^V РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 2об.

^{VI} Скитания русского офицера. С. 333.

^{VII} Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал. 1963. Кн. 72. С. 206, 211; Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, филология и философия». 1989. Вып. 1. С. 59–63.

^{VIII} Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 432–433, 459, 461–462.

Согласно мемуарам капитана И. А. Бафталовского, заговор против правительства Директории начал формироваться в омском салоне супруги генерала А. Н. Гришина-Алмазова, где собирались правые, включая министра финансов И. А. Михайлова и начальника академии генерала Андогского. Постепенно выработался план переворота: «Детальную разработку этого акта с технической стороны взяли на себя: генерал Андогский, 1^й генерал-квартирмейстер Ставки полковник Сыромятников и прибывший из Добровольческой армии полковник [Д. А.] Лебедев. К ним присоединились в качестве помощников представители штабов: Сибирской армии — капитан Буров и 2го Степного Сибирского корпуса капитан И. А. Бафталовский»^I.

Заговорщиков объединяло неприятие правительства Директории. Капитан И. А. Бафталовский вспоминал: «Естественно, что одна только политическая физиономия “этих господ” говорила сама за себя и предугазывала на характер и образ их деяний, в которых интересы “своей” партии (эсеров. — А. Г.) будут доминировать над интересами и благом Родины»^{II}. Генерала В. Г. Болдырева в их кругу считали «розовым», генерала П. П. Иванова-Ринова — интриганом, командира II Степного Сибирского корпуса генерала А. Ф. Матковского — политически скользким, а его начальника штаба полковника Л. Д. Василенко — сторонником социалистов. Находившийся тогда в Омске капитан И. С. Ильин записал в дневнике 28 октября 1918 г.: «Уже начались кругом интриги, интриги Генерального штаба. Михайлов группируется с Андогским и шпиком Буровым; Слижилов, Сыромятников тоже с ними; — Болдырев, Розанов, если его можно считать, — другая группировка, примыкающая к Директории»^{III}. Все большую популярность в офицерском корпусе обретала идея надпартийной военной диктатуры.

Отметим, что 4 ноября состоялось назначение на пост военного и морского министра вице-адмирала А. В. Колчака. 14 ноября И. С. Ильин записал: «[Вице-]адмирал Колчак поехал на фронт и вернется, вероятно, 15-го или 16-го. Уехал он в несколько мрачном настроении. Видимо, ход переговоров, все эти интриги, сплетни и пр[очее] претят его честной и прямой натуре.

В ставке сегодня Сыромятников с несколько таинственным видом мне заявил, что “все готово” и чтобы я смотрел за тем, чтобы Розанов ни о чем не догадался. — А то вы знаете его, все дело провалит, — добавил он.

Спрашивал про иностранцев — как они. Я сказал, что Нильсону^{IV} я несколько раз уже говорил, и он во всяком случае знает и, кажется, ничего против не имеет, во всяком случае, симпатии его не на стороне Директории.

Сыромятников в свою очередь рассказал, что большое участие принимают в назревавших событиях Михайлов, Андогский, Гришина-Алмазова и наш Буров. Андогский разработал всю техническую сторону.

Самое интересное, что Михайлов, как думает Сыромятников, сам бы хотел захватить власть, но у него хватает всего, кроме решимости и мужества, особенно когда наступает момент, что надо действовать уже открыто»^V.

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 2.

^{II} Там же. Л. 1.

^{III} Скитания русского офицера. С. 341.

^{IV} Подполковник британского Генерального штаба, сотрудник военной миссии генерала А. Нокса.

^V Скитания русского офицера: С. 345.

А.Д. Сыромятников в письме И.А. Михайлову от 14 апреля 1919 г. упомянул известных ему офицеров из числа слушателей академии, вовлеченных в подготовку переворота: «О себе я говорить не буду, но я не могу умолчать о тех своих сотрудниках, которые выполнили главнейшие мои поручения и обеспечили успех переворота в военном отношении...

Это были капитаны Симонов, Щепин, Буров, Бафталовский, Гриневич¹ и Гайко. Перечисленные офицеры до переворота были вызваны в Ставку и получили следующие задачи:

Капитану Симонову (бывш[ий] нач[альник] разведывательного отдела Ставки): 1) выяснить состав, силу и настроение гарнизона и характеристику их начальников, соответственно [их отношение к] предстоявшему перевороту; 2) выяснить значение [э]с[е]р[овского] к[омис]са[ра] государ[ственной] охраны [Е. Ф.] Роговского и выработать меры к его обезвреживанию; 3) при посредстве военного контроля в Ставке точно выяснить местопребывания в ночь на 18 ноября [Н.Д.] Авксентьева, [В.М.] Зензинова, [А.А.] Аргунова и Роговского и результаты сообщить [В.И.] Волкову.

Капитан Симонов выполнил эти задачи отлично, причем его успеху содействовал чиновник военного контроля Ставки Ивановский. Последний точно выяснил местопребывания всех подлежащих аресту лиц.

Капитану Щепину (нач[альник] связи Ставки): 1) назначить в поезд г[енерала] Болдырева, отправлявшегося в Уфу, такого офицера, который бы мог по получении от меня шифрованной телеграммы в момент ареста Директории действительно задерживать все получаемые и отправляемые г[енералом] Болдыревым телеграммы (для этой цели был избран капитаном Щепиным и мною назначен на должность нач[альника] связи при г[енерале] Болдыреве поручик Видовский², прекрасно справившийся со своей задачей); 2) взять под контроль с момента переворота все главнейшие телеграфные станции фронта и Сибири и выключить провода, соединяющие телефоны г[енерала] Матковского и некоторых других лиц с частями гарнизона и штабами; 3) снабдить [В.И.] Волкова и [И.Н.] Красильникова для перевозки арестованных в сельскохозяйственное училище и установить надзор за всеми автомобилями Омска. Все задачи были выполнены капит[аном] Щепиным в точности с редким умением, энергией и полным самоотвержением.

Капитан Буров, как Вы помните, служил офицером связи между нами и Волковым, Красильниковым и частями гарнизона. Знание им настроения некоторых начальников и частей гарнизона при помощи налаженной им офицерской контрразведки позволило мне принять меры к удалению из Омска неблагонадежных частей гарнизона и в задержании проходящих эшелонов войск, благоприятно настроенных (например, Морской флотилии, следовавшей в Красноярск). Нельзя отрицать, что капитан Буров в значительной степени содействовал успеху переворота.

Капитану Бафталовскому и Гриневскому (оф[ицеры] штаба 2-го Степного корпуса) мною была дана задача: 1) не допустить попытки со стороны соответствующих начальников, членов штаба и частей 2-го Степного корпуса противодействовать аресту Директории и 2) не допускать выхода войск из казарм. На названных

¹ Правильно — Е. И. Гриневский.

² Не имел отношения к академии.

офицеров выпала исключительная по трудности задача. После получения сведения о том, что какие-то казачьи части вышли на улицу и арестовали Директорию, начальником штаба названного корпуса, а затем и г[енералом] Матковским были отданы распоряжения некоторым частям корпуса немедленно выступить из казарм для действия оружием против названных казачьих частей. Только разумно принятыми мерами и соответствующим воздействием капитана Бафталовского и Гриневского на полковника Василенко и г[енерала] Матковского через первого им удалось предотвратить кровопролитие на улицах, и уже выступившая сербская рота штаба корпуса была возвращена в казармы, а распоряжение прочим частям гарнизона отменено.

Капитану Гайко (оф[ицер] штаба Сибирской армии) было мною приказано с момента ареста Директории взять под контроль все распоряжения штаба Сибирской армии, телеграф и телефон, что и было им образцово выполнено.

Помимо вышеприведенных офицеров большую роль после переворота сыграл в деле укрепления новой власти подполковник¹ Сабельников, на должности нач[альника] штаба гарнизона гор[ода] Омска. Названный офицер особенно отличился при подавлении восстания в Омске месяц спустя.

Убежден, что Вы и В.Н. [Пепеляев] согласитесь с тем, что перечисленные лица, как непосредственные исполнители составленного нами плана, сыграли выдающуюся государственную роль в рамках возложенных на них задач. Они проявили изумительную энергию и полное самоотвержение в осуществлении основной идеи составленного нами плана переворота и доказали безграничную преданность Верховному правителю. Казалось бы, что эти лица должны были заслужить какого-то поощрения, какой-то благодарности и во всяком случае быть огражденными от нападков подозрительных и завистливых интриганов. Но получилось обратное. Произошел переворот, посыпались награды, производства. На этом перевороте даже самые ярые противники его составили себе бешеную карьеру. Получили повышение даже те, которые сначала активно выступали против исполнителей задуманного государственного переворота, спасшего погибавшее тогда дело возрождения России.

Что же касается вышеперечисленных наших главных сотрудников, то вместо самой горячей благодарности их постигла следующая участь: капитаны Симонов и Щепин были смещены со своих должностей в Ставке вслед за моим уходом и отправлены: первый в отпуск без права жительства западнее Иркутска, второй — из пределов Сибири. Чиновник Ивановский нашел себе приют у В.Н. Пепеляева; капитан Гриневский — также куда-то убран; капитан Гайко против своего желания [откомандирован] на Дальний Восток; капитан Буров и подполковник Сабельников также отправлены на фронт, причем последний — без права службы в Омске. Я не хочу в этом никого обвинять, предлагаю Вашему вниманию лишь перечисленные факты.

В заключение своего письма обращаюсь к Вам и В.Н. [Пепеляеву] как к единственным свидетелям, способным удостоверить огромные заслуги вышеперечисленных лиц, с просьбой личным ходатайством перед Верховным правителем

¹ Правильно — полковник.

оказать им хотя [бы] какое-нибудь внимание в воздаянии за их самоотверженные поступки, плоды которых черпает возродившаяся армия и оздоровившаяся страна после полубольшевистского засилья бывшей Директории, разрозное начало коей было вырвано ноябрьским переворотом при дружном содействии перемещенных лиц, обеспечивших нам значительную долю успеха»^I.

Письмо Сыромятникова рисует широкую картину вовлечения слушателей и преподавателей в подготовку переворота. Нити организации, очевидно, тянулись к Андогскому, которому только и могло принадлежать решение участвовать силами академии в подготовке прихода к власти Колчака. В случае провала заговора академию и ее сотрудников ожидали бы тяжелые последствия.

Прежние противоречия внутри академии сыграли свою роль и в этих событиях. Так, бывший профессор академии генерал А. Ф. Матковский, с которым академия находилась в конфронтации^{II}, расценивался переворотчиками как «недоговороспособный» и вероятный противник.

После совещаний «переворотной группы» выбор пал на временно командующего 1-й Сибирской казачьей дивизией полковника В. И. Волкова и командира партизанского отряда войскового старшину И. Н. Красильникова, которые должны были «нанести удар Директории» и подавить сопротивление. Союзники также выступали против Директории, а командир английского батальона в Омске полковник Дж. Уорд согласился оказать силовую поддержку перевороту.

И. А. Бафталовский позднее вспоминал, что «настойчивая, продуманная и энергичная деятельность группы патриотов давала уже свои плоды, и успех предстоящего переворота становился все реальнее, осязательнее и нагляднее; в штабы армий и корпусов фронта были командированы заслуженные офицеры с секретными инструкциями: подготовить командный состав к предстоящим омским событиям, которые не должны были ни на минуту остановить или поколебать боевую работу фронта и тыла»^{III}. По свидетельству Бафталовского, план сводился к тому, чтобы, «пользуясь отсутствием из Омска главнокомандующего генерала Болдырева, который за свою демократичность пользовался симпатиями чехов и мог на них опереться в решительный момент, — арестовать Авксентьева, Зензинова и Аргунова и, создав исключительно политически-тяжелую обстановку, поставить остальных членов правительства правого толка в такое положение, при котором они вынуждены были бы по собственному сознанию согласиться на необходимость сосредоточить всю власть, как военную, так и гражданскую, в руках одного лица, способного вывести Сибирь, а за нею и Россию, — на путь победы, славы и единства»^{IV}. Самого Колчака Бафталовский именовал не иначе как «витель Земли Русской», «национальный герой Святой Руси».

К середине ноября 1918 г. приготовления были завершены. К тому же генерал Болдырев уехал на фронт под Уфу. Предоставим слово капитану И. А. Бафталовскому, свидетельство которого в целом соответствует тому, что сообщал Сыромятников в письме Михайлову: «Утром 17 ноября в штаб 2го Степного Сибирского

^I Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота. С. 61–62.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 213, 236–241.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 3.

^{IV} Там же. Л. 4.

корпуса прибыл капитан Буров и, вызвав начальника разведывательного отделения капитана Бафталовского, сказал, что его ждут в Ставке по срочному делу; по дороге в Ставку, которая располагалась в здании железнодорожного управления, капитан Буров сообщил подробности этого срочного дела, которое должно было венчать работу группы патриотов и выдвинуть новую национальную власть – спасения Руси.

В Ставке были приняты 1[-м] ген[ерал]-квар[тирмейстером] полк[овником] Сыромятниковым, который, волнуясь, сказал приблизительно следующее: “Господа, все, к чему мы готовились в течение последнего месяца, должно сегодня ночью совершиться. Помните, что в случае провала нас всех ждет – веревка. Задания остаются старые. Вы, капитан Бафталовский, должны принять все меры к тому, чтобы пресечь в зародыше малейшую попытку генерала Матковского или полковника Василенко к освобождению арестованных. Все телеграммы и приказания 2го Степному корпусу буду[т] поступать на Ваше имя. В 12 часов ночи и к 9 час[ам] утра пришлите непосредственно в Ставку, подписываясь генерал-квартирмейстером, телеграмму с ложными данными о настроениях воинских частей, сильной пропаганде среди рабочих масс, ожидаемых бунтах, вспышках и забастовках. Усиьте все – насколько можно. Необходимая воинская сила будет дана в Ваше распоряжение. Задача Ваша, капитан Буров, аналогичная. Итак, господа, с Богом, за дело”.

Проходя по помещениям Ставки, капитан Бафталовский встретил несколько своих друзей, из разговора с которыми узнал, что чины Ставки почти целиком примкнули к движению и были в курсе надвигающихся событий ночи.

Сообщили о прибытии с фронта второй пехотной бригады и батареи, каковые с наступлением темноты должны подтянуться к Ставке; о боевой готовности батальона полк[овника] Воорда¹, готового по первому призыву Ставки ликвидировать контрсопротивление Директории.

Все средства связи было приказано сосредоточить у здания Ставки, включая и автомобиль начальника штаба главнокомандующего – генерала Розанова, которому было воспрещено подавать ночью машину.

Много еще деталей и интересных подробностей было услышано в стенах ж[елезнодорожного] управления, но от времени они стусhevались, поблекли и изгладись из памяти.

Наступил вечер. Часы занятий в штабе 2го Ст[еппного] корпуса окончились, и чины штаба, ничего не подозревая о событиях ночи, мирно разошлись по своим домам.

В помещении штаба остался один дежурный офицер – есаул Н.А. Михайлов и дежурная смена чинов связи, не считая начальн[ика] штаба полковника Василенко и начальника развед[ывательного] отделения капитана Бафталовского, кои, как исключение, жили в самом штабе.

Оставшись наедине с есаулом Михайловым, капитан Бафталовский приоткрыл последнему карты и потребовал от него прямого определенного ответа

¹ Не питая доверия к высшим чинам штаба 2го Ст[еппного] корпуса, от которого во все детали переворота был посвящен только капитан Бафталовский, полк[овник] Сыромятников был вынужден прибегнуть к этой мере, вразрез с воинским уставом (примеч. И. А. Бафталовского).

¹¹ Здесь и далее правильно – Уорда (Дж. Уорд; *англ.* J. Ward).

по существу затронутого вопроса. Есаул Михайлов с нескрываемой радостью горячо пожал руки своего собеседника и поклялся исполнять все приказания через голову прямого начальства.

Получив соответствующие указания и разъяснения, есаул Михайлов разогнал всю связь, выключил телефоны с кадровыми (запасными) полками и другими тыловыми частями и командами и перегнал автомобили штаба к Ставке.

В 12 часов 50 минут капитан Бафталовский был вызван по телефону из Ставки, и ему было сообщено условно следующее: “Дело сделано”.

Поздравив есаула Михайлова с благополучным началом, капитан Бафталовский написал заданное донесение, которое было немедленно передано в Ставку.

В начале 3го часа раздался телефонный звонок, и есаул Михайлов сообщил, что генерал Матковский срочно требует к телефону начальника штаба полков[ника] Василенко.

— “Разбудите и доложите”, — сказал капитан Бафталовский и прошел во второй этаж в комнату оперативного отделения, рядом с которой был кабинет начальника штаба.

В одном белье, накинув офицерскую шинель, полковник Василенко рысью пробежал в свой рабочий кабинет и начал, сильно волнуясь, отвечать генералу Матковскому: “Слушаюсь, слушаюсь, Ваше превосходительство, будьте покойны, немедленно приму меры...” Было ясно, что генерал Матковский уже пронюхал об аресте Директории и приказывал принять срочные меры к их освобождению.

Настал момент действовать. Капитан Бафталовский постучал в полуоткрытую дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

— “А, это вы, ну и отлично; надо немедленно...” — начал было полковник Василенко, но капитан Бафталовский его прервал, сказав: “Г[осподин] полковник. Генерал Матковский Вам сейчас приказал освободить арестованных?! Разрешите доложить, что это ни к чему не приведет, вызовет только лишнее пролитие крови и может в будущем повредить вашей карьере. Мой добрый совет — не пытаться даже принимать какие-либо бесцельные меры, а идти спокойно и спать. Все совершается по определенному плану, и ничто не может остановить его развития, ибо за нами все и вся. Утром разовьются еще такие события, о которых вы и не предполагаете”.

Полковник Василенко был огорошен такою речью своего подчиненного; он несколько минут смотрел дикими глазами на капитана Бафталовского, потом встал и нервно сказал: “А учли ли вы мировое положение? Что скажут союзники?” — “Все учтено и все взвешено, г[осподин] полковник; батальон полковника Воорда в полной боевой готовности для отражения контрмер сторонников Директории”, — ответил твердо капитан Бафталовский.

— “Ну и молодцы, ловко сделали”, — наконец сказал полк[овник] Василенко и, шутиливо потрепав по плечу своего собеседника и не сказав больше ни слова, удалился в свою комнату»¹.

О своем участии в перевороте в эмиграции историку С. П. Мельгунову рассказывал и Г. В. Щепин. В пересказе Мельгунова история Щепина выглядит следующим

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 4–6.

образом. Близкий к Андогскому курсовик находился в непосредственном подчинении Сыромятникова. Без ведома генерала С. Н. Розанова Щепин 17 ноября занял должность командира особого офицерского отряда, а оставил этот пост 19 ноября. Якобы в поезде Колчака у заговорщиков также находился свой человек. Дальнейшее изложение Щепина о том, что этот человек должен был изменить маршрут поезда, ехавшего в Оренбург (с которым на самом деле белая Сибирь после падения Самары не имела прямого железнодорожного сообщения) и доставить Колчака в Омск представляется неправдоподобным. Однако оно перекликается с изложением Сыромятникова, по свидетельству которого свой человек Щепиным был помещен не в поезд Колчака, а в поезд Болдырева. Себе же Щепин приписал нейтрализацию генерала Розанова в Ставке и общее руководство событиями, причем, по этой версии, одному из активных участников переворота, полковнику Д. А. Лебедеву, заговорщики якобы не доверяли. Недостовверные составляющие свидетельства Щепина выявил еще Мельгунов, отметивший, что офицер, очевидно, не был посвящен в детали, а должен был контролировать Ставку¹. Описание Щепина отличается от того, что сообщал Сыромятников, но подтверждает активную роль этого офицера в заговоре.

Колчак вернулся в Омск с фронта накануне решающих событий. По свидетельству И. А. Бафталовского, с вечера 17 ноября началось усиленное патрулирование города казаками. С 23 часов все проезжающие автомобили арестовывались и препровождались в Ставку для выяснения личности седоков. Телефонная связь Ставки с частями гарнизона была прервана. По версии Бафталовского, в 0.30 квартиры членов Директории были оцеплены частями войсковых старшин Красильникова и А. В. Катанаева. По другим свидетельствам, это произошло несколько позже. Через 10 минут членов Директории арестовали, причем Зензинов якобы прятался под кроватью. Оставшиеся министры собрались на квартире генерала С. Н. Розанова. Последний был смущен и сказал, что не уверен, что и его не арестуют, тем более что его автомобиль заговорщики распорядились генералу не подавать.

Сохранилось описание поведения Андогского утром 18 ноября, оставленное его знакомым: «Как всегда сдержанный и спокойный, он поздоровался и сказал: “Ну, поздравляю! Директория закончила свое существование, с[оциалисты]-р[еволюционеры] арестованы. Сейчас должен собраться Совет министров и решить вопрос о верховной власти, надо думать, предложат Колчаку”»². Наряду с В. Н. Пепеляевым и Д. А. Лебедевым Андогский участвовал в составлении обращения Колчака «К населению России», подготовленного в ночь на 19 ноября³.

Полковник Сыромятников, возможно, неофициально участвовал в утреннем заседании членов правительства и представителей командования. Помещение оцепила сербская рота. Отсутствовавший Бафталовский утверждал со слов Сыромятникова, что заседание началось с речи последнего, и даже привел ее содержание: «Ночью, неизвестно кем и на основании чьих приказаний, — арестованы и увезены неизвестно куда члены Директории: Авксентьев, Зензинов и Аргунов. Самые энергичные меры и действия Ставки не дали до настоящего момента никаких

¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 461–463.

² Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал. 1963. Кн. 72. С. 212.

³ Дневник Виктора Николаевича Пепеляева 1918–1919 гг. // Окрест Колчака: Док. и мат. М., 2007. С. 62.

реальных результатов, и события пережитой ночи остаются крайне загадочными и неясными. Вместе с тем в моих руках имеются веские документы о намерении эсеров захватить власть, о той сильной пропаганде, которая ими ведется в рядах армии. Вы, наверно, в курсе донесений контрразведывательных органов, которые ясно и определенно указывают на сильное брожение в рабочей массе, разжигаемое социалистами-революционерами, в намерении толкнуть их на восстание против Омска. Пропанганда охватывает и тыловые, запасные части, которые в случае восстания обратят свои штыки не против мятежников, а против действующей власти. Вот последние, ночные донесения штабов корпусов и армий; из них вы увидите, что внутреннее состояние и положение нашей сибирской государственности катастрофично, и выход только один: установить единоличную власть! Помните, что каждая минута дорога. Мы у тупика: или сегодня пробьем брешь и выйдем на чистый простор, под живительные лучи солнца, или покорно пойдем прежней дорогой — в большевицкий застенок...»^I Участники якобы прониклись сказанным, как вдруг, по версии Сыромятникова, изложенной Бафталовским, генерал С.Н. Розанов трижды ударил кулаком по столу, встал и сказал: «Я от имени армии требую, чтобы была военная диктатура». Колебавшиеся притихли. Перешли к обсуждению кандидатур. Розанов якобы высказался за Болдырева. Михайлов предложил голосовать, Матковский под предлогом желудочного заболевания сбежал, так как результат был неясен. Далее закрытой баллотировкой проголосовали за Колчака. Тут же в зал вернулся генерал Матковский и провозгласил: «Да здравствует адмирал Колчак!»

В других источниках факт выступления Сыромятникова не подтверждается^{II}, а детально исследовавший эти события В.И. Шишкин считает описание Бафталовского и вовсе далеким от действительности^{III}. Отметим, что воспоминания Бафталовского были написаны через шесть лет после событий, уже в эмиграции в Тунисе в 1924–1925 гг., что могло отрицательно сказаться на точности его свидетельств. Как бы то ни было, по итогам переворота именно Сыромятников докладывал Колчаку о том, какие части в нем участвовали, не было ли кровопролития и насилий, где находятся члены Директории и как на переворот отреагировал фронт^{IV}.

Дневник капитана И.С. Ильина содержит некоторые дополнительные подробности: «Всего, кажется, не напишешь, так много впечатлений. Самое интересное, что наштаверх Розанов ровно ничего не знал и вчера еще ночью, в момент ареста, он после доброй порции вина благодушно почивал, спросив предварительно по телефону Сыромятникова, все ли благополучно и зачем это вызвали офицерский батальон, который подтянули на вокзал. Чуть не вышло ерунды, между прочим. Батальон подтянул Сыромятников, а командир батальона возьми да и позвони по телефону Розанову:

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 8.

^{II} Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007. С. 205–208; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.): Сб. док. / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 19–23.

^{III} Шишкин В. И. Адмирал А. В. Колчак: на пути к военной диктатуре. С. 816; Он же. 1918 год: от Директории к военной диктатуре. С. 56.

^{IV} Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака. М., 2003. С. 82, 89; Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 244.

— Честь имею явиться, по вашему распоряжению батальон прибыл.

Розанов ничего не понял и стал звонить Сыромятникову, который уверил его, что это все просто недоразумение. На что Розанов благодушно заметил:

— Ну, вы там, одним словом, разберитесь и, в случае чего, взгрейте командира батальона!

Утром это все мне со смехом передал Сыромятников, оставшийся временно за Розанова. В ставке подъем. Я отправился к Розанову и вместе с ним на автомобиле приехал опять в ставку. Розанов как-то вдруг совсем переменялся, и весь его гонор и вся важность с него слетели; он снова стал таким, каким был, когда я его впервые увидел в Самаре. По дороге в автомобиле он меня спросил, знал ли я что-нибудь о перевороте. Я ответил, что знал все.

— Вам бы следовало по долгу службы меня предупредить и известить, — сказал он с упреком.

— Я, ваше превосходительство, был при адмирале Колчаке все время и фактически находился в командировке, а затем я играл роль скорее связи с различными группировками и давал сведения и информацию о настроении тех или других кругов и иностранцев. Непосредственно же я в перевороте не участвовал, не хотел, конечно, участвовать, хотя всей душой был на его стороне...

Мне было неловко, потому что Розанов все же был, пожалуй, прав, хотя сказать ему, разумеется, было немислимо.

В ставке застал Пепеляева, который радостен, бодр и весел, говорит, что, вероятно, будет начальником департамента полиции.

Пошли и анекдоты: встретил Андогского, он сказал:

— Ну поздравляю, вы, кажется, играли не последнюю роль?

— Благодарю вас, г[осподи]н полковник! — ответил я. — Какое замечательное обращение написал адмирал Колчак: как коротко, хорошо и сильно!..

Андогский улыбнулся и, помолчав, сказал:

— Да... обращение писал я.

— Вы?!!

— Да, я составлял его по просьбе адмирала.

Только что я отошел от Андогского, идет штабс-капитан Буров:

— А! Поздравляю, Иосиф Сергеевич, ну как здорово, правда! Уж будьте покойны, там, где Иван Адрианович [Михайлов], дело будет обделано чисто!

— А вы тоже, конечно, принимали участие самое деятельное? — спросил я.

— Ну а как же! Читали воззвание Колчака, его обращение?!

— Читал; прекрасно написано, только что говорил об этом с Александром Ивановичем...

— А знаете, ведь я писал его...

— Вы? — искренно удивился я.

— Ну да! Адмирал поручил Михайлову, а Михайлов мне!..

Я пошел по коридору в раздумье. Кругом шумело, как в улье, по лестнице поднимался со своим еврее-цыганским лицом Соловейчик — я постарался было избежать его, но не удалось — он остановил тоже с поздравлениями и тоже дал

¹ Правильно — генерал.

понять, что он участвовал и что воззвание... писал он! Колчак поручил Михайлову, а Михайлов Соловейчику!!

Одним словом, теперь все участвовали, все писали, все арестовывали: некоторые врут так искренно, что и сами будут месяца через два вполне убеждены, что они и участвовали, и писали, и пр.

Навстречу шел милый Миша Евстратов. Мы остановились, и я отвел душу.

— Да плюнь ты, брат, на эту с-чь! Все врут, как сивые мерины! — забасил Миша своим густым, низким голосом, размахивая свободной рукой. — Проходу теперь нет, знаешь! Еще вчера сидели по норам и боялись нос показать, когда не знали, как обернется, — теперь все участвовали!!»^I

Известны и другие свидетельства о видной роли представителей академии в омском перевороте. Главный комендант Ставки полковник К. Я. Гоппер отметил, что утром 19 ноября в Ставке оказались полковники Слижииков и Сыромятников, при том, что первый из них находился в отпуске после поездки на фронт. Гоппер сделал из увиденного выводы: «Нахождение в этот ранний час полк[овника] Слижиикова здесь в Ставке, совместно с полк[овником] Сыромятниковым, свидетельствовало об участии их обоих в деле переворота, а поездка его на фронт, очевидно, имела задачу подготовить высший командный состав фронта к ожидаемым событиям»^{II}. Сыромятников заявил Гопперу, что в городе и в войсках все в порядке и ни о чем не стоит беспокоиться.

Генерал Болдырев также возлагал ответственность на Андогского и работников академии, что видно из его дневника за 18 ноября: «Активная часть омского гарнизона, тесно связанная с Михайловым, конечно, была подготовлена. Академики, руководимые Андогским, подготовили почву в самой Ставке...»^{III} Болдырев записал в дневнике 23 ноября: «Фонды "сотрудника" по перевороту начальника академии Генштаба Андогского то падают, то повышаются»^{IV}.

В начале 1919 г. контрразведка проводила расследование обстоятельств переворота, выясняя в нем роль Андогского, Сыромятникова, Симонова, Бурова, Михайлова и др.^V Наконец, сам Колчак на допросе в 1920 г. упомянул Андогского среди офицеров, посещавших его перед переворотом по вопросу о принятии им верховной власти^{VI}.

Непосредственно в день переворота Колчак попросил генерала Розанова, как сотрудника Болдырева, не принимать некоторое время участия в работе Ставки. Исполнять обязанности начальника штаба и осуществлять доклады временно должен был А. Д. Сыромятников^{VII}. На постоянной основе на должность начальника штаба Ставки претендовал его патрон — генерал Андогский. Однако Колчак не имел тогда должного авторитета в белой военной элите, чтобы единолично назначить на этот пост недавнего военспеца и участника мирных переговоров в Брест-Литовске, каким являлся Андогский. В итоге он провел опрос

^I Скитания русского офицера. С. 346–348.

^{II} Гоппер К. Я. Четыре катастрофы. С. 101.

^{III} Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 110.

^{IV} Там же. С. 117.

^V Скитания русского офицера. С. 359–360.

^{VI} Верховный правитель России. С. 79.

^{VII} Там же. С. 82; Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. С. 235.

мнений старших начальников по поводу возможного назначения, после чего высокий пост достался полковнику Д. А. Лебедеву¹, что имело неоднозначные последствия для судьбы Белого движения на Востоке России. Андогский же, наоборот, через некоторое время оказался под следствием. Кроме того, из Ставки в академию были откомандированы двое других заговорщиков — полковники Слижииков и Сыромятников.

Сразу после омского переворота 18 ноября 1918 г. развернулось острое противостояние между эсерами и их сторонниками и правыми кругами, лидером которых выступил А. В. Колчак, занявший пост Верховного правителя России. Конфликт едва не перерос в открытую вооруженную борьбу². В противостоянии заметную роль играли офицеры Генерального штаба.

Итоги переворота лидеры эсеров не признали, причем незамедлительно стали обращаться к армии. ЦК партии эсеров объявил адмирала А. В. Колчака «врагом народа» и заочно вынес ему смертный приговор. Уже 19 ноября началась активная военная и организационная подготовка предстоявшей борьбы. Представители эсеров попытались заручиться поддержкой генералитета. Однако никто из старших офицеров не согласился возглавить вооруженную борьбу с Омском. Согласно мемуарам лидера партии В. М. Чернова, отказались командующий Екатеринбургской группой войск генерал-майор Р. Гайда (Екатеринбург) и командующий Самарской группой войск генерал-майор С. Н. Войцеховский (Уфа)³.

18 ноября 1918 г. один из видных эсеров М. А. Веденяпин сообщил своему товарищу по партии Ф. Ф. Федоровичу: «Сейчас иду говорить с генералом Войцеховским. Думаю, что этот разговор будет решающим»⁴. От позиции генерала С. Н. Войцеховского зависело многое, но тот распорядился не выдавать оружия частям, которые могли поддержать социалистов. 29 декабря 1918 г. Войцеховский на станции Тавтиманово осторожно записал в дневнике после долгого семимесячного перерыва: «Сложная политическая обстановка; борьба диктатуры и демократии (Учред[ительное] соб[рание]). Я генерал на русской службе, но, кажется, не в милости у начальства. На этих днях Уфа будет очищена. Куда назначат меня, еще не знаю. Рассчитываю на корпус»⁵. Между тем в Ставке за Войцеховским закрепилась репутация сторонника эсеров⁶, возможно, не лишенная оснований.

Уфимские эсеры направили воззвание с протестом против низложения Директории и с призывом объединиться в борьбе против Колчака атаману А. И. Дутову. Как впоследствии отмечал помощник атамана генерал-майор И. Г. Акулинин: «Поддержка атаманом Дутовым той или другой стороны в те дни имела первенствующее значение»⁷. Однако Дутов ранее уже поддержал Колчака. Главнокомандующий

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 270–298.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 268–291; Еро же. Адмирал А. В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противостояние в ноябре — декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37; Еро же. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 217–250.

³ Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 391.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 33.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 772. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ Акулинин И. Г. Колчак и атаман Дутов. Отзыви омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

вооруженными силами Временного Всероссийского правительства генерал-лейтенант В.Г. Болдырев впоследствии писал, что Дутов являлся «довольно важной, хотя и скрытой пружиной омского переворота»¹.

Как впоследствии вспоминал генерал-лейтенант Д.В. Филатьев, «антигосударственная партия [эсеров] и такой же Комуч... теперь с легким сердцем готовы были начать войну с тылом во имя торжества партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию “всех сил” не оправдалась, как не осуществилось желание травить в борьбе с Омском чехов»².

Центром заговора сторонников эсеров против атамана А.И. Дутова и адмирала А.В. Колчака стал Оренбург. Там проходило тайное совещание с участием командующего Актюбинской группой Юго-Западной армии полковника Ф.Е. Махина и целого ряда политических деятелей, включая башкирского лидера А.-З. Валидова. Захватив власть, заговорщики могли расколоть антибольшевистский лагерь на Востоке России и тем самым привести к падению всего Восточного фронта. О совещании стало известно главному начальнику Оренбургского военного округа генералу И.Г. Акулину – ближайшему соратнику Дутова. В результате усилия заговорщиков были нейтрализованы. Махин получил предписание отправиться в Омск, откуда был выслан за границу³.

Генерал-лейтенант К.В. Сахаров ярко охарактеризовал деятельность эсеров: «Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не Русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни – более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру»⁴.

Белое командование на Востоке России нередко признавало свою определенную вторичность по отношению к командному составу Добровольческой армии и ВСЮР. В частности, высокие назначения в колчаковском лагере получили некоторые приехавшие с Юга офицеры. Среди них В.В. Голицын (негенштабист), Н.Н. Головин, Д.А. Лебедев, Д.Н. Сальников, Н.А. Степанов, при том, что не все из них были достойными кандидатами.

Дезорганизация военного управления и впечатляющие успехи противника приводили к утрате в рядах белых веры в победу. Наиболее ярко разочарование можно проследить по высказываниям представителей командного состава, оценки офицерской и рядовой массы должны были быть куда жестче. Состоявший в распоряжении Войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л.Н. Доможиров (негенштабист), выступая весной 1919 г. на станичном сходе в станице

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 170.

² Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 36.

³ Енисейский вестник (Воля Сибири) (Красноярск). 1919. 08.02. С. 3. Подробнее о Махине см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 27–332.

⁴ Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 37–38.

Кизильской, говорил казакам о бесцельности борьбы с красными^I. «Я чувствую, что у меня подрывается вера в успех нашего святого дела»^{II}, — отметил в начале мая 1919 г. генерал-майор Р.К. Бангерский. Командир II Оренбургского казачьего корпуса генерал-майор И.Г. Акулинин в рапорте командующему армией от 25 апреля 1919 г. прямо писал об отсутствии «особенно сердечного отношения со стороны “родных станичников” к казачьим частям»^{III}. 2 мая 1919 г., когда еще поражение Колчака было не очевидным, командующий ударной Западной армией генерал от артиллерии М.В. Ханжин (негенштабист) наложил на один из документов резолюцию: «Нашей коннице надо брать пример с красноармейской»^{IV}. Подобные признания высших военачальников дорогого стоят. Генерал-майор А.П. Перхуров летом 1919 г., разочаровавшись в колчаковском командовании, сформировал собственный партизанский отряд и перешел к автономным действиям^V.

Разумеется, среди колчаковских офицеров было множество непримиримых, которые не только боролись с красными до конца, но отличились или даже погибли в этой борьбе либо ушли в эмиграцию, но не сдались. К таким офицерам относились И.Г. Акулинин, С.Н. Войцеховский, М.К. Дитерихс, А.И. Дутов, В.О. Каппель и др. Однако в целом лояльность офицерства на Востоке России в сравнении с белым Югом была существенно ниже.

В период поражения белых на Востоке России во второй половине 1919 — начале 1920 г. противоречия в белом командовании обострились. Военный министр генерал-лейтенант А.П. Будберг находился в конфронтации с генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом. Противником Дитерихса был генерал-лейтенант К.В. Сахаров. Критиковал Дитерихса и генерал-лейтенант Д.В. Филатьев^{VI}. Старшие начальники подавали дурной пример всем остальным.

Разложение белых армий прогрессировало по мере ухудшения обстановки на фронте, затронув даже высший командный состав. В конце 1919 г. разочарованные колчаковские генералы и штаб-офицеры перешли к более радикальным действиям, что, в конечном счете, привело к гибели и самого Колчака. 17 ноября 1919 г. во Владивостоке поднял мятеж против Колчака бывший командующий Сибирской армией Р. Гайда, ранее уволенный из армии с лишением чина генерал-лейтенанта. После подавления мятежа, поддержанного эсерами, Гайда был выслан в Чехословакию.

Командующий Северной группой войск 2-й армии генерал-майор П.П. Гривин, несмотря на директиву не отходить без сопротивления, отдал приказ об отходе в район города Каинска (ныне — город Куйбышев Новосибирской области). 22 ноября командующий армией генерал С.Н. Войцеховский потребовал от Гривина выполнить приказ или сдать командование. После отказа Гривина выполнить это распоряжение Войцеховский застрелил его за неисполнение боевого приказа^{VII}.

^I ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 30.

^{II} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 66.

^{III} Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919 гг.: Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 308.

^{IV} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 53.

^V Голлер К. Я. Четыре катастрофы. С. 161.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

^{VII} Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 149.

Генерал К.К. Акинтиевский считал это убийство неоправданным: «Этот случай произвел вообще тяжелое впечатление ненужного и не вызываемого обстановкой убийства. Для нас было очевидно, что стрельба Войцеховского была следствием его собственного неумения подойти к Гривину и что убийство лучшего начальника группы 2[-й] армии – вредный жест. Нет спора, что для поддержания дисциплины эта мера и законна, и хороша, но для этого сначала надо дисциплинировать войска и, в первую очередь, высший командный состав. Вся Сибирь и, конечно, армия знала вопиющие случаи не только неподчинения, но бунтов против Верховного, главари которых не только не карались, но получали чины и отличия – бунт атамана Семенова, бунт Гайды, выступление (екатеринбургское) Пепеляева и т.д.

Эти вопиющие примеры не могли не подорвать в корне всякое уважение к власти и не расшатать последние проблески дисциплины, чудом еще сохранившиеся в армии. У Войцеховского были другие способы заставить Гривина повиноваться, стоило лишь быть до проступка Гривина более тактичным и вежливым, а после вспомнить обстановку и общую пользу. Убийством Гривина Войцеховский атаманства не искоренил, а внес окончательный развал в лучшую группу армии.

У Сахарова и Верховного стрельба Войцеховского вызвала полное одобрение – “наконец-то” решительные меры! Увы, обычное явление в условиях безвольных диктатур и общей антидисциплинарной атмосферы, когда за такие крайности хватаются, не имея воли и сил не допускать преступлений против дисциплины»¹.

9 декабря 1919 г. командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев (негенштабист) с братом, колчаковским премьер-министром В.Н. Пепеляевым, будучи недовольны неумелым, по их мнению, руководством командующего Восточным фронтом генерала К.В. Сахарова, сместили его с должности и арестовали на станции Тайга². Колчак, не располагавший тогда реальной силой, был вынужден смириться с такими действиями. Место Сахарова, освобожденного из-под ареста уже вечером следующего дня, занял генерал-лейтенант В.О. Каппель.

За два дня до выступления Пепеляевых начальник гарнизона Новониколаевска и командир 2-го Барабинского полка полковник А.В. Ивакин (негенштабист) предпринял попытку арестовать в Новониколаевске генерала Сахарова, а после ее провала – арестовать штаб 2-й армии во главе с генералом Войцеховским. Однако и эта попытка не удалась, Ивакин был арестован и застрелен.

Командующий войсками Енисейского района и начальник гарнизона Красноярска генерал-майор Б.И. Зиневич поднял восстание против Колчака, а 23 декабря 1919 г. направил Колчаку ультиматум с требованием передать власть Земскому собору, после чего способствовал сдаче Красноярска красным. В результате выступления Зиневича поезд Колчака оказался отрезан от колчаковских армий, еще не добравшихся до Красноярска, что предопределило трагическую гибель Верховного правителя.

Еще одним примером утраты доверия к руководству в среде высшего командного состава стал ответ генерала Дитерихса на декабрьское предложение Колчака

¹ Акинтиевский К. К. Гражданская война // ВАР. К. К. Akintievskii papers. Box 1.

² Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России. С. 405–406, 485.

вновь возглавить фронт. Дитерихс соглашался при условии незамедлительного отъезда Колчака за пределы Сибири.

Неудачи белых вели к разочарованию командного состава и на других фронтах. К примеру, в конце ноября 1919 г. из Ревеля в Иркутск передавали следующую информацию о состоянии Северо-Западной армии и причинах ее неудачи: «Старый режим не в состоянии победить большевиков. Старый режим в смысле казенной мертвечины и бездушного службизма. Армия организовалась с полным пренебрежением к особенностям Гражданской войны и настоящей психологии масс. Армия не была живым организмом с единым сознанием, с телом. Ответственные посты были заняты разношерстной группой начальников, разнородно политически настроенных, разных ориентаций. Людей, непопулярных среди солдат и чуждых им, иногда ярких службистов»^I.

Ветеран Белого движения на Востоке России полковник А. Г. Ефимов в эмиграции в 1934 г. писал историку Б. Б. Филимонову о причинах неудачи белых: «У наших противников был Ленин, который действительно был выдающимся человеком и держал все в своих руках и направлял в нужную сторону. Не будучи военным, он все силы направлял на вооруж[енную] борьбу и создал “военный коммунизм”; не командуя армиями, он держал все нити военного управления и тыкал жидовский нос Троцкого и других туда, куда нужно было. Против Ленина у нас был ряд довольно хороших, честных и знающих военачальников” (Колчак, Деникин, Юденич и др.), но ни один из них не смог выдвинуться в действительные диктаторы — руководители и военной, и политической (гражданской) борьбы с большевиками. Если бы такое лицо было, то безразлично было бы, кто управлял непосредственно военными делами, один или два-три человека, т. к. такое лицо все интересы сосредоточило бы на военной победе в первую голову и не измеряло бы степень зависимости “гражданского” от “военного”.

Претензии Гинцов^{II} на доминирующее значение “гражданского” элемента в период страшного потрясения показывают только, что политика целиком заела наших “демократов” и “либералов”... в белом лагере не нашлось действительного диктатора, который сумел бы все усилия всех групп и партий, всех “гражданск[их]” и “военных” властей направить на организацию и одержание победы. Гришин-Алмазов был прав, требуя совмещения. Жаль, что у правильной идеи не получилось больших результатов»^{IV}.

Для Гражданской войны была характерна жестокость, непримиримость и нетерпимость к тем, кого считали врагами. Некоторые генштабисты прониклись такими настроениями, став фанатичными приверженцами той или иной идеологии, проводниками беспощадного террора, яркими националистами. Ветеран Белого движения на Юге России полковник И. Ф. Патронов в эмиграции писал, как счастлив, что не испытал власти большевиков, а видел их только в бою и пленными, он даже предпочитал быть инвалидом и эмигрантом, чем жить в Советской

^I РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 261.

^{II} Так в документе.

^{III} Гинсов. Имеется в виду известный политический деятель белой Сибири Г. К. Гинс.

^{IV} МРК. Коллекция А. Г. Ефимова. Вох 1. Folder 1. В цензурированном виде опубликовано в: Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 402–403.

России¹. Военспецы-генштабисты РККА прекрасно понимали, что в случае победы белых с ними расправятся без пощады. Например, бывший генерал А.И. Верховский прямо заявлял пленным белогвардейцам в 1920 г., что был бы повешен на телеграфном столбе, если бы Деникин взял Москву². Работники ПШ РВСР летом 1919 г. всерьез опасались репрессий в случае победы Деникина и обсуждали между собой возможность выслужиться перед белыми³. Белый генерал В.Д. Космин приказывал расстреливать красноармейцев, не имевших нательных крестов⁴. Неудивительно, что позднее в эмиграции Космин примкнул к русскому фашистскому движению. Непримируемыми противниками являлись участники Белого движения, выступавшие за единую и неделимую Россию и те, кто разделял идеалы новых национальных государств.

Неприятие белыми офицерами любых форм примиренчества и тем более сотрудничества с большевиками ударило по тем, кто переходил из Красной армии к белым. Наиболее интеллектуально развитые генштабисты были готовы закрывать глаза на прежнюю службу их товарищей у большевиков, однако другие подходили к этому вопросу более строго. В конечном итоге вопрос о службе у большевиков оказался одной из форм сведения личных счетов между офицерами. Показательным в этом отношении стал инцидент с несостоявшимся назначением генерал-майора А.И. Андогского начальником штаба Ставки адмирала А.В. Колчака. Опасаясь отрицательного мнения о себе в военном руководстве белого Востока России, только что пришедший к власти Колчак в ноябре – декабре 1918 г. провел опрос старших офицеров о возможности этого высокого назначения для ранее служившего у красных Андогского. Опрос производился на основе телеграммы Колчака, отправленной 29 адресатам: «Прошу совершенно секретно сообщить мне Ваше откровенное мнение о генерале Андогском, н[ачальни]ке академии Генерального штаба, ввиду распространенных слухов о его пребывании под властью большевиков и вынужденном участии в качестве эксперта при заключении Брестского мира, и находите ли Вы возможным назначение его на должность н[ачальни]ка штаба Главковерха [в] настоящее чрезвычайно сложное время. Для меня крайне важно знать совершенно откровенное мнение н[ачальни]ков, ответ на мое имя для личного моего расшифрования. Омск. 2 декабря. № 10. Адмирал Колчак»⁵.

Несмотря на незначительный перевес сторонников Андогского, Колчак так и не решился назначить генерала, ранее служившего в РККА. В результате интриг начальником штаба Ставки стал полковник Д.А. Лебедев, с деятельностью которого современники и исследователи связывают неудачу наступления белых на Восточном фронте весной 1919 г. Свою роль в выборе Лебедева сыграла распространенная на Востоке России идеализация Добровольческой армии, откуда прибыл этот офицер. Заняв высокий пост, Лебедев стал назначать на должности в Ставке своих людей. В частности, генерал В.Н. Касаткин, отвечавший за военные сообщения, был его однокашником по академии.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 557. Л. 152.

² Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 374.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 6.

⁴ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований

А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 88.

⁵ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 10. Л. 34. Также см.: РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 140.

История голосования за начальника штаба и назначения Лебедева продемонстрировала ряд серьезнейших пороков военной машины антибольшевистского лагеря на Востоке России. Прежде всего, неспособность или нежелание адмирала Колчака принимать в этот период некоторые ответственные решения единолично, без оглядки на мнение старших офицеров, а также сильную подверженность Верховного правителя и Верховного главнокомандующего внешнему влиянию, в том числе во вред делу. Еще одним явным пороком было сильно развитое интриганство и наличие враждующих группировок в военной элите белой Сибири, причем, как выясняется, военные группировки тесно взаимодействовали с политическими. В истории с опросом старших начальников отчетливо проглядывала неуверенность офицеров в благонадежности своих войск, а также узость мировоззрения значительной части военной элиты, для которой важнее была формальная «чистота риз» в виде непричастности к большевизму кандидата на высокий пост, чем его профессиональные качества¹.

«Мексиканские нравы» царили не только в белой Сибири, но и в тылу Северо-Западной армии белых². Так, фронтовые офицеры, возмущенные генерал-квартирмейстером штаба Северо-Западной армии генералом Б. С. Малявиным, попросту избили последнего в ноябре 1919 г.³ Одним из возмутителей спокойствия был генерал С. Н. Булак-Балахович (негенштабист), представлявший тип партизанского атамана. Еще осенью 1919 г. он погрузил свой отряд в эшелон и отправился в Нарву, чтобы там арестовать штаб армии, но был остановлен эстонскими войсками⁴. В конце января 1920 г. в Ревеле при содействии эстонских властей в гостинице «Коммерц» был ненадолго арестован бывший главнокомандующий Северо-Западным фронтом белых генерал Н. Н. Юденич. Арест произвел генерал С. Н. Булак-Балахович с подручными с целью изъять у Юденича денежные средства Северо-Западной армии⁵.

Офицеры, на которых возлагалась политическая работа на белом Северо-Западе России, едва ли были подготовлены для такой деятельности. Начальником штаба Политического совещания при главнокомандующем генерале Н. Н. Юдениче был генерал П. К. Кондзеровский (Кондырев), известный в качестве дежурного генерала русской Ставки в Первую мировую войну. По одной из характеристик, «Кондзеровский всю жизнь прослужил в Главном штабе в отделе чинов, наград и производств. Тихий, узкий, бумажный, канцелярский человек, без горизонтов и размаха; в политике обыватель, притом из числа неосведомленных, не чувствующих и, так сказать, заплесневелых»⁶. В начале октября 1919 г. Кондзеровский стал помощником главнокомандующего по должности военного министра. Заместителем Юденича в Политическом совещании был генерал М. Н. Суворов, перешедший

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Несостоявшееся назначение генерала А. И. Андогского // История белой Сибири: Сб. науч. трудов / под ред. С. П. Звягина. Кемерово, 2011. С. 138–144; Его же. Закат Николаевской военной академии... С. 270–283.

² Беннигсен Э. П. Записки. С. 184.

³ HIA. N. N. Iudenich collection. Box 22. Folder 13.

⁴ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 313.

⁵ BAR. N. N. Iudenich collection. Box 23; Белая гвардия. Альманах (Москва). 2003. № 7: Белое движение на Северо-Западе России. С. 192–193; Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 549–550; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 408–410.

⁶ Цит. по: Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 238–239.

к белым из РККА, где состоял в белом подполье и арестовывался. Он ведал отделами: военным, путей сообщения и транспорта, административным, управления и самоуправления в занятых войсками местностях^I. Родной брат Суворова служил в РККА. В августе 1919 г. в состав Северо-Западного правительства в качестве военного министра вошел сам генерал Н.Н. Юденич. Военный инженер армии Юденича констатировал в воспоминаниях, что «на ответственные должности в большинстве случаев назначались люди не только бездарные, но и допотопные, как по своим убеждениям, так точно и по своим способностям»^{II}.

Генштабисты руководили и экономической политикой белых. Не случайно денежные знаки некоторых режимов получили наименование по фамилиям тех или иных генералов, при которых выпускались эти деньги или чья подпись стояла на самих знаках (например, «дутовки» у белых на Южном Урале по фамилии атамана А.И. Дутова^{III} или «вандамки» и «юденьки» — на Северо-Западе России по фамилиям генералов А.Е. Вандама и Н.Н. Юденича^{IV}).

Немало офицеров не прижились ни в красном, ни в белом лагере. Показательна судьба курсовика полковника В.Д. Мацнева. В 1918 г. он служил в РККА, затем оказался на белом Юге, однако не был причислен к Генеральному штабу, а попал под следствие, поскольку со штабом дивизии в 1918 г. остался в Терской области при установлении там советской власти^V. Какие именно обстоятельства вынудили Мацнева к этому, белое командование не интересовало. В 1920 г. офицер вновь попал к красным, но был направлен на принудительные работы на деревообрабатывающий завод^{VI}, существует версия о том, что вскоре он был расстрелян^{VII}.

Для многочисленных на развалинах Российской империи национальных государств и их армий, а также для создавших собственные вооруженные силы различных повстанческих движений генштабисты являлись статусным элементом, необходимым атрибутом молодой государственности. В национальных армиях было немало сторонников российской ориентации, придерживавшихся антибольшевистских взглядов, но не являвшихся узкими националистами. В этом отношении характерны события на Украине в конце 1918 г.

Режим гетмана П.П. Скоропадского во многом зависел от германских оккупационных властей. В ноябре 1918 г. Германия и ее союзники потерпели поражение в Первой мировой войне. Это означало скорое изменение положения оккупированных германскими войсками территорий, в том числе Украины. Осенью 1918 г., еще до окончания Первой мировой войны, когда стал очевиден исход конфликта, Скоропадский начал искать пути выхода из ожидаемого кризиса. Эти поиски свелись к попытке опереться на русские патриотические круги. Как отмечал очевидец, «гетману не оставалось ничего другого, как спешным порядком создавать

^I Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 224.

^{II} Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015. С. 64.

^{III} Подробнее см.: Парамонов О. В. «Дутовки». Боны Оренбургского Отделения Государственного Банка в 1917–1918 гг.: Каталог-исследование. М., 2005.

^{IV} Подробнее см.: Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб., 2019. С. 133–147.

^V РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 1165. Л. 80.

^{VI} РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 135об.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.

вооруженную силу из этих элементов, которые могли бы оказаться надежными и боеспособными. Такими являлись, во-первых, все находящиеся в Киеве офицеры старой русской армии, и, во-вторых, организации Союза русского народа, которые считались очень сильными в Киеве и по всей Украине. Для привлечения их на свою сторону гетман решил вернуться к той политике, которую он первоначально повел на Украине – более тесного сближения с остальной частью России. Для этого самостоятельные министры были заменены министрами русского направления¹.

В ночь на 14 ноября 1918 г. украинские социалисты сформировали Директорию и днем объявили о воссоздании УНР и о восстании против гетмана П.П. Скоропадского. В тот же день гетман обнародовал федеративную грамоту, в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков. Как отмечал генерал С.Я. Гребенщиков, «когда позже гетман объявил, что Украина будет в составе России, все офицеры Генерального штаба примкнули к этому течению»².

Кардинальная перемена политического курса в сторону сближения с белыми и общерусской ориентации не могла остаться без последствий. Достаточно отметить, что начальник украинского Генерального штаба полковник А.В. Сливинский в тот же день встретился с генштабистами и неожиданно заявил им: «Настал час возрождения России... Против большевиков должен быть создан единый фронт, и на этом фронте Украина должна занять подобающее место»³. Последовавший обмен мнениями выяснил полное единство взглядов на этот вопрос у генштабистов. В другом выступлении Сливинский заявил, что пора скинуть маску и провозгласить федерацию⁴. Участвовал он и в подготовке федеративной грамоты гетмана Скоропадского.

Пророссийское заявление начальника Генштаба было воспринято в украинских кругах неоднозначно. Уже в следующем номере газета напечатала разъяснение, производившее впечатление самооправдания: «В связи с появившимися в печати сведениями о собрании офицеров Генерального штаба и речью полк[овника] А.В. Сливинского наш сотрудник получил сегодня из вполне осведомленного источника следующие дополнительные сведения.

Собрание было созвано ввиду сознававшейся необходимости установить точно и ясно свое отношение к вопросу борьбы с большевизмом, о чем до сих пор ввиду официального пребывания в Киеве представителей Советской республики не могло быть речи. С их отъездом вопрос о признании необходимости единого фронта против большевистской опасности возник само собою, и речь начальника Генерального штаба в этом смысле явилась лишь принципиальным утверждением этой необходимости.

К сожалению, благодаря некоторым неточностям передачи, самый факт произнесения этой речи принял характер, которого он в сущности совсем не имеет. Так, например, вопрос объединения России был затронут только как принцип и как военная возможность с целью уничтожения большевистской власти, и отнюдь не предпреляя вопроса о той или иной его политической форме. Равным

¹ Безак Ф. Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. С. 417.

² Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 236.

³ В Генеральном штабе // Армия (Киев). 1918. 15.11. № 10. С. 1.

⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 49.

образом вовсе не затрагивался вопрос о форме объединения фронта, так как для этого пока нет необходимых конкретных данных, а было лишь установлено принципиальное отношение к такому объединению, очевидная необходимость которого не возбуждает сомнений.

Равным образом вовсе не упоминалось о каких-либо лицах или мероприятиях для осуществления признанного необходимым единства»¹.

Таким образом, газета отметила, что идея создания единого фронта против большевиков, о которой заявил Сливинский, не предreshала будущих форм государственного устройства России и не предполагала конкретики, а являлась лишь намерением.

17 ноября 1918 г. Сливинский оставил должность начальника Генерального штаба. Возможно, причиной стала его слишком пророссийская позиция. В прощальном приказе № 198-а он отмечал: «17[-го] сего ноября я сдал должность начальника Генерального штаба, на которой состоял более 8 месяцев. Только горячая любовь к Родине и вера в ее скорое возрождение руководили мною, уверен, как и всеми вами, мои сослуживцы и помощники, в нашей тяжелой и ответственной работе.

Единый лозунг вдохновлял нас — это скорейшее создание мощной армии, столь необходимой для спасения нашей Родины, армии, построенной на научных и исторических началах.

Работа наша не была безуспешна: в период величайшей разрухи нам удалось спасти, устроить и подготовить кадры более чем 60 полков старой русской армии с органами военного управления, со всеми специальными и вспомогательными частями. Работа по созданию армии в течение ближайшего времени должна завершиться.

Столь грандиозный труд мог быть исполнен лишь при полном напряжении ваших сил, при дружной и самоотверженной вашей работе. Не дождавшись счастливой минуты завершения нашей работы, я ухожу со своего поста с чистым сердцем и сознанием исполненного перед великой нашей Родиной долга и прошу вас, мои сослуживцы и помощники, от лица службы и моего, принять искреннюю и глубокую благодарность за вашу постоянную помощь и доверие.

Грущу, что, расставаясь с Вами, не имею возможности видеть всех вас и благодарно пожать ваши руки.

Дай Бог вам успешно продолжать работу по созданию армии. Родина ждет этого от вас»².

Этот документ интересен тем, что в нем ни разу не упомянуто слово «Украина». Кроме того, приказ был написан на русском языке и лишь заголовки на украинском. От должности Сливинский был уволен с назначением в распоряжение военного министра и с зачислением по Генштабу. Новым начальником Генштаба стал губернский староста Киевщины генеральный хорунжий П.М. Адрианов³.

Начались перемены и на местах. Так, командир VIII корпуса гетманской армии, дислоцированного в Екатеринославе, генеральный хорунжий И.М. Васильченко решил переменить свои взгляды и заявил, что «корпус выполняет миссию

¹ В Генеральном штабе // Армия. 1918. 16.11. № 11. С. 3.

² ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 267. Л. 1.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 215.

Добровольческой армии на Украине и идет в тесном контакте с нею»^I. При этом, по свидетельству одного из офицеров, Васильченко до начала петлюровского движения активно проводил украинизацию и не сочувствовал Добровольческой армии^{II}. Корпус состоял практически из одних штабов, был пополнен по мобилизации офицерами, не желавшими там служить, и реальной силы не представлял. Украинским языком владело ограниченное число лиц. Служебная переписка велась своеобразно. Составляли бумаги писаря и отдельные офицеры, владевшие языком. Остальные ставили лишь украинизированные подписи. Между собой офицеры почти всегда говорили по-русски, так как украинского языка, как правило, не знали. Националистически настроенный украинский офицер считал себя в штабе корпуса, где господствовали русский язык и русская военная форма, «как на палубе чужого корабля»^{III}. Пророссийские настроения подогревались активной работой белого подполья в Екатеринославе, представленного местным центром Добровольческой армии.

После издания федеративной грамоты Скоропадского и начала петлюровского движения несколько десятков сторонников украинского национального движения покинули VIII корпус и перешли в состав формировавшегося Екатеринославского коша. Затем над казармами частей корпуса были подняты российские флаги^{IV}. Кадрированный украинский корпус перешел на сторону белых. В справке о настроениях генштабистов корпуса, подготовленной в 1919 г. начальником Екатеринославского центра Добровольческой армии для белого командования, отмечалось: «При перемене курса генералом Скоропадским в сторону общерусской ориентации все указанные офицеры радостно встретили этот акт и по возникновении петлюровского движения без колебаний явно стали на сторону той группы офицеров, которая, объединяясь вокруг центра, заявила себя противниками самостийной Директории»^V. В том же документе отмечалось, что «все эти офицеры безукоризненных нравственных качеств и безусловно преданы общероссийскому делу. За все время пребывания их на службе в украинской армии означенные лица ничем не проявляли самостийных стремлений, наоборот, при всех сношениях моих с украинским командованием шли всегда навстречу нуждам центра и поскольку зависело от них, занимавших нужные должности, оказывали всяческое содействие»^{VI}. В ночь на 10 декабря 1918 г. отряд под командованием генерала Васильченко выступил из Екатеринослава на соединение с белыми. Как отмечал один из участников похода, особенностью Екатеринославского отряда являлось то, что «будучи составлен почти исключительно из уроженцев так называемой Украины, он был насквозь пропитан русским патриотизмом, и свои первые удары он нанес именно по расчленителям России»^{VII}. За 34 дня похода было пройдено порядка 500 верст, произошло

^I РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 3об.

^{II} Там же. Л. 34.

^{III} Левченко С. 8-й Катеринославський корпус // За державність: Матеріали до історії війська Українського. Варшава, 1938. 36. 9. С. 61.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Українські збройні сили березень 1917 р. — листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). Київ, 2009. С. 299.

^V РГВА. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 10об.

^{VI} Там же.

^{VII} Письмо Б. Н. Папчинского Б. П. Войнарскому. 27.03.1940 // BAR. A.A. von Lampe collection. Box 24; 1918 год на Украине. М., 2001. С. 4.

несколько боевых столкновений с петлюровцами. В Крыму VIII украинский корпус 30 декабря 1918 г. был включен в состав войск Добровольческой армии.

Характерны размышления видного украинского генштабиста полковника Н.А. Капустянского в письме его другу, сотнику В.А. Куприянову, от 4 марта 1919 г.: «Теперь, когда соглашение с Антантой уже свершившийся факт, необходимо повести такую политическую линию, дабы по возможности без крови овладеть обратно всей территорией Украины и освободить территорию России от большевиков... Возникает движение на окраинах сбросить большевиков и устраивать общую государственную жизнь, конечно, на новых началах равенства окраин с центром, а не подчинения первых последним... Демократическая Украина может явиться спасительницей Центральной России, и, естественно, тогда роль Украины чрезвычайно подымется. Начнется соби́рание восточных славян под главенством Украины. К Украине примкнет Белоруссия, Кубань и, естественно, Дон»¹.

Отдельные национализировавшиеся генштабисты сыграли значимую политическую роль в Гражданской войне. Достаточно отметить, что генерал С.А. Сулькевич в 1918 г. занимал пост главы Крымского краевого правительства (в 1919–1920 гг. возглавлял Генеральный штаб Азербайджанской республики)².

Заметной была политическая роль польского генерала И.Р. Довбор-Мусницкого. В 1917 г. он принял командование I Польским стрелковым корпусом, представлявшим высшее тактическое соединение польских войск в России. В первой половине 1918 г. корпус насчитывал более 20 000 человек личного состава, что представляло внушительную вооруженную силу. Корпус не был отправлен на фронт и по замыслу его командира должен был стать ядром будущей польской армии. В начале 1918 г. Довбор-Мусницкий отказался подчиниться СНК, после чего большевики издали приказ о разоружении корпуса. Приказ выполнен не был, что привело в феврале к вооруженным столкновениям польских солдат с частями Красной гвардии и матросами на территории Белоруссии. Довбор-Мусницкому противостояли латышские стрелки под командованием будущего советского главкома И.И. Вацетиса. Начальником штаба корпуса в то время был генерал-майор В.П. Агапеев, позднее перешедший на службу в украинскую армию и во ВСЮР. Контролируемая корпусом территория (Рогачев – Жлобин – Бобруйск) на непродолжительное время превратилась в небольшое государственное образование. В начале февраля 1918 г. в письме сотрудника Главного национального комитета в Кракове отмечалось: «Я говорил с полк[овником] Малевичем. Он сообщил с улыбкой, что при поддержке немцев 5 уездов, в которых им немцами было предоставлено право ввести свою администрацию, провозглашены “республикой Довборией”. Он оговорил при этом, что как Мусницкий, так и сами они являются убежденными монархистами, что эта республика – всего лишь шутиливое название, данное местным населением. Что в этой республике уже отменена аграрная реформа, что прежняя форма собственности восстановлена, что, конечно, не обошлось без жертв. Что силы реакции в России растут с каждым днем, что взятие Петербурга немцами могло бы стать

¹ Цит. по: Ковальчук М. А. Генерал Микола Капустянский (1881–1969). Київ, 2006. С. 29.

² Подробнее о его деятельности в Крыму см.: Плученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 131–133.

поворотным пунктом — хотя он и не верит, что немцы его возьмут... Немцы относились к ним сначала подозрительно, но с того момента, как в “независимой Довбории” установился порядок, они [Польский корпус. — *Ред.*] снискали себе доверие. На немецкое содержание они не желали переходить и не перешли, живут за счет этих 5 уездов^I. Польские войска содействовали германскому наступлению и участвовали в совместной операции по взятию Минска. Довбор-Мусницкий заключил соглашение с немцами, но фактический переход корпуса на германскую службу вызвал неприятие в том числе у многих польских офицеров^{II}. Позднее корпус при формальном нейтралитете выполнял функции оккупационных войск и был расформирован и разоружен немцами в Бобруйской крепости, а личный состав отправлен в Польшу. Довбор-Мусницкий имел политические амбиции, но в Польше не выдержал соперничества с опытным политическим лидером Ю. Пилсудским.

Встречались и сторонники радикальных националистических взглядов. Одним из них являлся генерал В.Н. Петров, в разное время занимавший посты военного министра УНР, товарища военного министра, инспектора пехоты армии УНР, а впоследствии ставший начальником украинского Генштаба^{III}. Другой украинский генерал Г.Е. Янушевский отмечал ненависть Петрова ко всему русскому, причем последний даже «сводил свои старые счета со своими бывшими сослуживцами по Генеральному штабу, а ныне своими подчиненными, под видом так модной в то время “непewности”»^{IV}.

Противники тех или иных движений, основываясь на успехах врага, иногда предполагали, что причиной этого была деятельность офицеров Генштаба. К примеру, в украинском повстанческом движении Н.И. Махно генштабистов не было и даже офицеров насчитывались единицы. Тем не менее белая разведка получила сведения о том, что при штабе Махно якобы работали полковник российского Генштаба и три немецких генштабиста. Упоминалась даже фамилия немецкого полковника Генштаба Клейста^V. Иного объяснения успехов Махно белые разведчики, видимо, не находили.

Преследование красными своих политических противников выливалось в массовый террор, в том числе против генштабистов^{VI}. Что касается антибольшевистского лагеря, то в нем террора в отношении генштабистов не проводилось. Однако белое командование и власти национальных государственных образований подвергали нелояльных офицеров преследованиям. У белых — за сотрудничество с большевиками, а в национальных армиях — за приверженность великорусским идеям. Это явление также не носило массового характера и практически не выходило за рамки отдельных разжалований и арестов.

^I Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1: Февраль 1917 г. — ноябрь 1918 г. С. 329.

^{II} Там же. С. 333–334, 368.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922 гг. М., 2022. С. 590–600.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 217об.

^V Ковальчук М. А. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.). Київ, 2012. С. 146.

^{VI} См. главу VIII.

Показательна история преследований в белой Сибири полковника И.И. Чубакова. Этот офицер в 1917 — начале 1918 г. находился в командировке в Северо-Американских Соединенных Штатах. В феврале 1918 г. в Вашингтоне он выступил в печати с публикацией о том, что большевистское правительство является подлинно народным и установит новый социальный порядок^I. Статью перепечатали нью-йоркские газеты, после чего ею заинтересовался президент В. Вильсон, обещавший помощь Советской России^{II}. За высказанные взгляды Чубаков стал подвергаться преследованиям соотечественников. Ему предложили покинуть Америку, что офицер и сделал. Через Владивосток он планировал уехать в Москву, но начавшаяся Гражданская война задержала его на Востоке России. В начале 1919 г. белыми Чубаков был арестован и отправлен в Омск для предания суду. Американские военные обеспечили его безопасное конвоирование через территорию, подконтрольную атаману Г.М. Семенову. Благодаря покровительству некоторых высокопоставленных военных в Омске, серьезных последствий это дело для офицера не имело. По-видимому, свою роль играла корпоративная солидарность генштабистов. Как утверждал сам Чубаков, он оказался «Колчаком лишен чина и мундира за приверженность советской власти» и сослан в Тобольск^{III}. Впрочем, в списке офицеров Генштаба колчаковских армий к 24 февраля 1919 г. он указан в своем чине^{IV}. Чубаков эвакуировался в Томск, где в конце 1919 г. сдался в плен частям 5-й Красной армии^V.

В белом лагере имели место инциденты, в результате которых страдали генштабисты. Такие случаи связаны с арестами сторонников большевиков (так, генерал барон А.А. фон Таубе был арестован белыми на Востоке России в сентябре 1918 г., а в начале 1919 г. умер в тюрьме от тифа). Шла политическая борьба, в результате которой отдельные офицеры подвергались арестам (например, полковник Ф.Е. Махин на Востоке России, высланный за границу за участие в заговоре против атамана А.И. Дутова и адмирала А.В. Колчака, или генералы В.И. Сидорин и А.К. Келчевский на белом Юге, отданные под суд и уволенные со службы по распоряжению генерала П.Н. Врангеля), имели место эксцессы самосуда вследствие слабости белой власти^{VI} (случай с полковником К.И. Рябцевым, арестованным и убитым «при попытке к бегству»). Тем не менее все эти случаи оставались единичными и не идут ни в какое сравнение с массовым террором, практиковавшимся в Советской России. Происходили и произвольные аресты, вызванные местным сепаратизмом и атаманщиной. Например, в ноябре 1918 г. по приказу вр.и.д. командира V Приамурского армейского корпуса полковника Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга в поезде штаба корпуса были арестованы полковник Н.Г. Сабельников, капитаны Н.А. Киселев, Г.П. Крестьянов, Н.Ф. Новицкий и Е.Н. Сумароков,

^I Right of People to Rule Russia // The Evening Star (Washington, DC). 1918. 05.02. P. 3.

^{II} ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 27об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141об.

^{IV} Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 566.

^V Подробнее о Чубакове см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 305–322.

^{VI} На завершающем этапе Гражданской войны отдельные эксцессы самосуда имели место и у красных, однако обусловлены они были не слабостью власти, а скорее ее безразличием и обширностью стоявших перед большевиками задач.

ротмистр И. А. Плюцинский. Всех офицеров выслали в Иркутск за критику атamana Г. М. Семенова¹. Утверждали, что Унгерн вообще не переносил генштабистов².

Крайне мало сведений о преследованиях генштабистов в национальных армиях. Некоторые данные такого плана удалось собрать по армии УНР. Руководство УНР не доверяло бывшим русским генштабистам, в том числе тем, кто был лоялен. Факты травли бывших офицеров русской армии в украинских войсках представителями «новой интеллигенции» подтверждал и украинский генерал Г. Е. Янушевский.

Преследованиям подвергся известный впоследствии военный историк Н. Е. Какурин, служивший тогда в украинских войсках. В газете «Украинская Ставка» в начале марта 1919 г. был опубликован призыв Главного информационного бюро армии УНР к читателям присылать через газету доносы на Какурина и на еще одного офицера – войскового старшину О. Г. Рака: «Во время строительства собственной Украинской народной республики и одновременной борьбы с многочисленными врагами внешними и внутренними особенно важно бороться с врагами скрытыми: замеченные и изгнанные в одном месте, они перекидываются в другое, где их никто не знает, и делают свою вредную работу. И не раз для того, чтоб отвести от себя подозрения, прикидываются они наискреннейшими защитниками УНР и наветами и интригами пятнают настоящих искренних работников на украинской ниве, а то и подводят их под наказания, аресты и т. д. ...

Среди бывших ранее в армии людей есть немало таких неукраинцев, которые охотно берутся выполнять техническую работу, не вмешиваясь в политику. Вот их, несомненно, необходимо использовать, но так, чтоб они не вредили нам. Для этого нужно знать их прошлое.

Чтоб не было в дальнейшем места провокации, а с другой стороны, чтоб на ответственные посты не пролезли ненадежные люди, мы заводим в газете «Украинская Ставка» особый отдел «Кто что знает», в котором будем помещать фамилии и имена тех, кто хочет занять ответственную должность в армии. Общественность же просим сообщать, кому и что известно негативного против означенных лиц. Желательно, чтоб подавались не слухи, а факты с указанием фамилий, имен, места событий, месяца, дня, свидетелей и пр.

В связи с этим просим уведомить, кто что знает против:

1. Бывшего начальника штаба VI корпуса Рака.
2. Бывшего помощника начальника Генерального штаба Какурина³.

Несмотря на это, Какурин служил в Действующей армии УНР в качестве помощника начальника штаба Холмско-Галицкого фронта. На этот пост его назначили 30 декабря 1918 г. С марта 1919 г. он стал помощником военного министра УНР А. А. Шаповала.

В штабе Действующей армии УНР существовал контрразведывательный отдел во главе с деятелем национального движения и доверенным лицом Головного атamana С. В. Петлюры Н. Е. Чеботаревым. По одному из свидетельств, контрразведка

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1567. Л. 64–65.

² Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004. С. 72–73.

³ До громадянства // Українська Ставка. 1919. 02.03. № 55. С. 2–3. Перевод наш.

«наводила страх и ужас не только на население, но и на сотрудников учреждений и некоторых представителей “правительства УНР”»¹.

В апреле 1919 г. по приказу командующего Северной группой Действующей армии УНР атамана В.П. Оскилко в штабе группы с ведома Головного атамана С.В. Петлюры был арестован начальник оперативного отдела штаба армии полковник Н.А. Капустянский². Арест вышестоящего лица наглядно свидетельствует о порядках в армии УНР. Инцидент был вызван подозрениями в связи с письмом Капустянского его другу сотнику В.А. Куприянову, служившему в штабе I Волынского корпуса в Житомире и перешедшему к красным³. В письме Капустянский изложил свои антибольшевистские взгляды, выходявшие за рамки украинского национализма⁴. Под арестом полковник провел больше трех недель — с 4 по 28 апреля 1919 г. и едва избежал расстрела. В дальнейшем за ним следили. Сохранилось секретное донесение от 18 августа 1919 г. с изложением его частного разговора, в котором офицер назвал ВСЮР лучшей армией в отношении дисциплины и по-настоящему народной вооруженной силой⁵. Капустянский впоследствии занимал должность начальника штаба Действующей армии УНР и стал украинским генералом.

Арестован был и другой видный украинский военный деятель — подполковник В.Е. Змиенко, также позднее ставший украинским генералом. Его арест произошел 24 июня 1919 г. по распоряжению главного инспектора при управлении Действующей армии УНР за невыполнение приказа верховного командования и самовольный отъезд в Каменец-Подольский. Однако в тот же день офицера освободили⁶. Еще одним арестованным украинскими властями в 1919 г. был Б.И. Сулковский — впоследствии также украинский генерал. В апреле — мае 1919 г. он находился под следствием, но был оправдан⁷.

Генерал-майор А.И. Линицкий был арестован петлюровцами в Белой Церкви, но бежал и скрывался до начала 1919 г., когда смог эвакуироваться в Германию, а затем перебрался к белым и служил во ВСЮР. Бывший подполковник С.Н. Жагун-Линник оказался жертвой едва ли не всех режимов, сменявшихся на Украине. Он сидел в тюрьме при гетманской власти, при Директории, при большевиках, при белых и снова при большевиках⁸.

Для борьбы с пророссийскими настроениями использовались и провокационные методы. О преследованиях генштабистов в УНР свидетельствовал штабс-капитан В.Д. Гершельман, перешедший от петлюровцев к белым. По его показаниям,

¹ Дукельский С. С. Итоги деятельности украинской контрреволюции (так называемого «правительства УНР» и социал-соглашательских партий у[краинских] с[оциал]-д[емократов] и у[краинских] с[оциалистов]-р[еволюционеров] 1917–1920 гг. / публ. Л. Ф. Кациса // Исторический вестник (Москва). 2018. Т. 24. С. 259–260.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 24. Л. 352, 362.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55а. Л. 5, 8.

⁴ Ковальчук М. А. Генерал Микола Капустянский. С. 29. Также см.: Тинченко Я. Ю. Микола Капустянский: підсумок життя за 90 років // Україна. 1919 рік. М. Капустянский «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Док. та мат. Київ, 2004. С. 37–41.

⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55а. Л. 12.

⁶ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

⁷ Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007.

Кн. 1. С. 427.

⁸ ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44259; ЦДАВОУ. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

данным в конце 1919 г., С.В. Петлюра приказал командующему Действующей армией УНР полковнику В.П. Сальскому «усилить наблюдение за офицерами Генерального штаба и вообще за шатким офицерским элементом»^I. Далее Гершельман сообщил, во что вылились такие указания: «Контрразведка по своим приемам не отличается от чрезвычайки. При отделении имеется электрическое кресло для пыток. Нач[альник] контрразведки, именующийся полковником Чеботаревым (он же комендант тыла). Штаб^{II} контрразведки весьма значителен. В большом количестве женщины. Особенное наблюдение за офицерами Генштаба началось после того, как уехавшие в Киев за своими семьями Генштаба полковник^{III} [Н.Ф.] Красицкий, [В.Е.] Мазур-Ляховский, [П.М.] Левчук и друг[ие] остались в Киеве, и было доведено до максимума после столкновения с войсками Добро[вольческой] армии. Среди наиболее энергичных контрразведчиков были братья Ромишевские, именовавшие себя бывш[ими] вольноопределяющимися л[ейб]-гв[ардии] саперного батал[ьона]. В конце сентября в Каменце из состава головного штаба были арестованы генштабисты полковники Грядов^{IV}, Сулковский и [Н.А.] Петровский за сочувствие к Добро[вольческой] армии, их судили и приговорили к расстрелу. Участь их неизвестна. Кроме того, контрразведкой было спровоцировано еще много офицеров»^V. Военный министр В.Н. Петров оценивался как «крайне щирый и враждебно относившийся к русским»^{VI}.

Сведения Гершельмана не вполне точны. Речь шла о том, что осенью 1919 г. к сторонникам белых из числа генштабистов начальнику разведывательного отделения штаба Головного атамана подполковнику С.С. Грецову (его ошибочно именовали «Грядовым») и штаб-офицеру для поручений того же штаба подполковнику Б.И. Сулковскому была подслана женщина с фальшивыми бумагами от белых. В результате офицеры были арестованы и приговорены к расстрелу. Однако расстрел отменили благодаря заступничеству их знакомых, а также потому, что подпольная организация прислала анонимные письма с угрозами казни украинских офицеров у белых^{VII}. Грецов перешел на службу во ВСЮР, а Сулковский продолжил службу в УНР и даже дослужился до генерала. Избежал расстрела и полковник Н.А. Петровский, умерший в эмиграции. И хотя положение ориентировавшихся на Россию генштабистов в национальных армиях было сложным, оно не идет ни в какое сравнение с теми репрессиями, которые осуществлялись в отношении генштабистов в Советской России. Таким образом, объективно положение генштабистов в антибольшевистском лагере было более благоприятным, поскольку над ними не довлела постоянная угроза физической расправы.

Одним из итогов Гражданской войны для антибольшевистски настроенных генштабистов стало разочарование в политической борьбе. Редактор берлинского журнала «Война и мир» полковник В.В. Колосовский писал 22 июля 1923 г.

^I РГВА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 36. Л. 81об.

^{II} В документе — штаб.

^{III} Правильно — подполковник.

^{IV} Правильно — С.С. Грецов.

^V РГВА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 36. Л. 81об.

^{VI} Там же. Л. 82об.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 451.

своему сослуживцу по украинской армии генералу Н.А. Капустянскому (украинские генштабисты-эмигранты вели переписку на русском языке): «Вы спрашиваете, каковы мои чаяния? Мне кажется, что сейчас, в это крайне неопределенное время, лучше всего сидеть на месте и “не рипатись”. В будущем все разъяснится и тогда можно будет создать какой-либо план действий. Политикой я сейчас совершенно не занимаюсь, она мне осточертела. Мне приятно, что я работаю в полезном, живом и, главное, нашем родном военном деле, и я чувствую себя вполне удовлетворенным. Я решил в том же направлении и продолжать свою жизнь...»¹

В антибольшевистских режимах периода Гражданской войны военные закономерно играли важнейшую роль. Если в Советской России генштабисты были отрезаны от политической жизни, то в белом лагере картина была диаметрально противоположной. Будучи сами лидерами белых и организаторами Белого движения, генштабисты там принимали активное участие в политической борьбе и в государственном управлении, что связано с замещением гражданской власти военной. Белые генералы не обладали опытом государственного управления, что приводило к плачевным результатам. Политические процессы в белом лагере отличались своеобразием. В силу аполитичности офицеров и формализма политических программ речь не шла о реальной политике (основную массу офицерства, видимо, удовлетворяла идеология непредрежденчества, когда все вопросы государственного устройства откладывались до решения Учредительного собрания после Гражданской войны). В основном происходили борьба офицерских группировок и нескончаемые генеральские войны за власть и влияние. Исходя из принадлежности того или иного офицера к определенной группировке, порой осуществлялись назначения. Все это разъедало и разобщало командный состав и верховное управление, но в обстановке всеобщего хаоса и разрухи формирование группировок для лоббирования коллективных интересов являлось неизбежным. Фактически эти конфликты стали лейтмотивом внутривнутриполитической жизни белого лагеря и одной из очевидных причин его краха.

Боролись практически все против всех. К примеру, на белом Юге между собой враждовали лидеры Добровольческой армии (генералы Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев; И.П. Романовский и М.Г. Дроздовский) и ВСЮР (А.И. Деникин и П.Н. Врангель; Деникин и В.И. Сидорин; Врангель и Я.А. Слащев), вожди армии и казачьи атаманы, лидеры казачества между собой и т.д. Конфликт генералов Деникина и Врангеля привел к смене главного командования ВСЮР весной 1920 г. На Востоке России шла борьба между сторонниками эсеров и военными правого толка, едва не вылившаяся в вооруженное противостояние. Значительную сплоченность продемонстрировала группа офицеров, связанных с Военной академией во главе с генералом А.И. Андогским, которая сыграла заметную роль в организационной подготовке переворота 18 ноября 1918 г. в Омске, когда к власти пришел адмирал А.В. Колчак. Однако по политическим причинам генерал Андогский был отстранен от руководства колчаковскими вооруженными силами, проиграв в закулисной борьбе полковнику Д.А. Лебедеву. Конфликты генералов обострялись в периоды неудач, что вело к нарушениям дисциплины и даже вооруженным мятежам. Определенной политикой антибольшевистских сил было непримиримое отношение к тем, кто придерживался иных взглядов.

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 21. Л. 28–28об.

§ 3. Генштабисты и партийность

До революции партийность в среде русского офицерства была явлением абсолютно недопустимым и исключительным, хотя и тогда существовали отдельные лица, которые тайно состояли в партиях, нося при этом офицерские погоны. В силу этого даже в период 1917–1922 гг. фактор партийности в среде генштабистов играл незначительную роль. Отдельных демократически настроенных офицеров привлекала партия социалистов-революционеров, хотя среди генштабистов ее приверженцами оказались единицы. Известно, что членами партии эсеров были подполковники Ф.Е. Махин (с 1939 г. член компартии Югославии) и Н.Н. Пораделов, членом партии правых эсеров с февраля 1918 г. являлся полковник А.А. Ткаченко, в партии левых эсеров состояли полковник А.А. Веселаго (по данным на 1918 г.) и штабс-капитан М.И. Василенко (в 1917–1918 гг.), в партии меньшевиков состоял подполковник И.Н. Скорина, а бывший полковник А.А. Постников являлся членом лиги социалистов-универсалистов. Махин и Ткаченко состояли в подпольных военных организациях. В принадлежности к эсерам обвиняли начальника украинского Генштаба полковника А.В. Сливинского, однако доказательства этого неизвестны.

Члены небольшевистских партий, даже социалистических, в Советской России подвергались преследованиям, и генштабисты не составляли исключения. Известно, что были арестованы А.А. Постников (в 1919–1920 гг. арестовывался дважды) и А.А. Ткаченко. В заявлении в МПКС в январе 1920 г. Постников подчеркнул: «С самой Октябрьской революции непрерывно и лояльно служу советск[ой] власти, занимая часто ответств[енные] посты. Лига соц[иалистов]-универсалистов легализована ВЦИК 29 марта 1919 года, постоянно подвергается обыскам, но остается безупречной»¹.

В июне 1919 г., находясь под арестом в Бутырской тюрьме, Ткаченко писал главкому И.И. Вацетису: «Тов. главнокомандующий, я уже докладывал Вам, что московская организация партии правых с[оциалистов]-[революционе]ров, в которой я принимал участие, имела целью только лишь охранение порядка и предупреждение анархии на случай междувластия.

Решительно никаких активных целей эта организация не преследовала и всякие выступления при каких бы то ни было обстоятельствах строго воспрещались, доказательством чего служит то, что эта организация в действительности и не принимала участия в выступлениях, имевших место в Москве в течение 1918 г.

Фактически уже с июля прошлого 1918 г. я прекратил работу в каких бы то ни было конспиративных организациях.

Доказательством того, что я искренно стою на стороне народной власти, что я не могу ни в каком случае сочувствовать и желать реакции, может служить хотя бы то, что во время Февральской революции 1917 г. я занимал видный и ответственный пост начальника революционного штаба Москвы и Московск[ого] в[оенного] округа.

Моим распоряжением в ту же Февральскую революцию были освобождены политические заключенные. Я всегда стоял на страже интересов трудящегося народа,

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 230. Л. 117об.

благодаря чему у меня и произошел конфликт с бывшим командующим войсками Московского округа Верховским, почему в августе 1917 г. ушел из штаба округа.

Имея в своем ведении политический отдел и к[онтр]разведку, я ни разу не отдал распоряжения об аресте или преследовании членов левых политических партий, в том числе и коммунистической, доказательство чего можно найти в делах штаба Московского в[оенного] округа.

Добровольно вступив в Красную армию при самом ее возникновении (в начале февраля 1918 г.), я до самого своего ареста честно и усердно служил и отдал все свои силы и способности для работы на пользу советской власти¹. Далее следовала просьба об освобождении под честное слово и на поруки.

Не в пример своим противникам большевики выстраивали жесткую организационно-политическую и идеологическую вертикаль, ориентированную на диктатуру одной партии, тогда как все прочие подвергались преследованиям. Ничего похожего на идейную разобщенность белых генштабистов здесь не было. Важным проявлением политизации стал рост числа партийных генштабистов, начавшийся после 1917 г. Установившаяся в Советской России однопартийная диктатура большевиков стала новым и необычным явлением для общества своего времени. В РКП(б) к марту 1919 г. состояло около 350 000 членов, что представляло значительную силу. К марту 1921 г. большевиков было уже свыше 732 000 человек. Партийцы периода Гражданской войны отличались высоким революционным духом, искренней верой в собственную правоту и решительностью в воплощении своих взглядов на практике. Тем не менее членство в партии было тогда явлением достаточно редким, а во время широкомасштабной Гражданской войны еще и чреватым самыми тяжелыми последствиями, например, при попадании в плен к белым, где для большевиков полагалась смертная казнь. Столь же тяжелые последствия могли ожидать членов небольшевистских партий при попадании в плен к красным.

Возможность приблизиться к власти, получить иммунитет от репрессий или иные преимущества закономерно привлекали в ряды РКП(б) карьеристов и ловцов конъюнктуры. Членство в партии постепенно становилось важным элементом социальной мобильности². Неудивительно, что к большевикам тогда примкнули даже отдельные представители далекой от их идеалов старой военной элиты в лице бывших офицеров Генерального штаба. Мотивы примкнувших к партии власти были различными. Попробуем проанализировать партийность в среде военспецов-генштабистов и разобраться в причинах и характере вступления этих людей в партию.

Открытие в конце 1916 г. ускоренных курсов академии существенно разнообразило состав Генерального штаба, позволив проникнуть в него младшим офицерам, включая тех, кто придерживался определенных политических взглядов. Не случайно именно среди этих офицеров мы встречаем большевика со стажем до октября 1917 г. штабс-ротмистра А.И. Геккера, вступившего в партию в сентябре 1917 г.³ и сделавшего за годы Гражданской войны головокружительную

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 385об. – 386.

² Подробнее см.: Головин С. А. Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.

³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 44. Л. 27.

карьеру в рядах Красной армии. Уже весной 1918 г. Геккер руководил созданием частей РККА на Донбассе и возглавил Донецкую Красную армию. За время Гражданской войны Геккер был командующим несколькими советскими армиями, превзойдя в этом отношении своих сверстников. Разумеется, значительное влияние на карьерный рост этого военспеца оказало его членство в большевистской партии. В автобиографии Геккер отметил, что работал вместе с армейскими большевиками уже с февраля 1917 г.^I По-видимому, Геккер первым из выпускников академии примкнул к большевикам.

Ранее таковым считался полковник М. С. Свечников, который вел свой партийный стаж с 1 мая 1917 г.^{II}, но проведенные нами архивные поиски позволили установить, что на самом деле в партию он вступил лишь в 1919 г.^{III}, а утверждения о том, что Свечников обеспечивал проезд в Россию В. И. Ленина являются вымыслом. До революции офицер демонстрировал монархические убеждения и лояльность императорской власти, гордясь получением производства в следующий чин лично от императора Николая II на смотре георгиевских кавалеров в Ставке. Весной 1917 г. перешел с монархических позиций на республиканские и социалистические, причем, по-видимому, попытался выступить организатором выборного органа офицеров Генерального штаба и таким образом возглавить революционный Генеральный штаб снизу^{IV}. Сам Свечников утверждал, что в период с февраля по май 1917 г. состоял в партии эсеров^V, а затем вошел в состав финской социал-демократической партии^{VI}. Постфактум через финских коммунистов Свечников добился признания за собой партийного стажа в РКП(б) с весны 1917 г.^{VII} Он участвовал в Гражданской войне на территории Финляндии в качестве военного советника финской Красной гвардии, а в годы Гражданской войны в России в рядах РККА дослужился до командующего фронтом.

В 1918 г. в большевистскую партию вступили слушатель академии бывший капитан А. А. Инно (Кульдвер) и обучавшийся в академии поручик А. А. Черевин.

В марте 1919 г. в РКП(б) вступил бывший подполковник Л. Л. Ключев, в апреле 1919 г. партийцем стал бывший полковник А. В. Косматов. В 1919–1920 гг. в партии состоял недавний курсовик штабс-ротмистр А. К. Семенов, исключенный впоследствии как бывший офицер^{VIII}.

В 1920–1922 гг. членом партии был курсовик бывший капитан Б. Н. Кондратьев. Партийный стаж с октября 1920 г. отсчитывал бывший капитан А. А. Мартягин. В годы Гражданской войны (не позднее 1921 г.) в партию вступил бывший подполковник геодезист А. Д. Тарановский.

^I Там же. Л. 34.

^{II} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 2об.; Свечников М. С. Революция и Гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы: (Воспоминания и материалы). М.; Л., 1923. С. 14.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. «Быть коммунистом с 1919 года — это слишком поздно»: Четыре мифа о первом большевистском нацдиве Михаиле Свечникове // Родина. 2019. № 6. С. 117–121; Еро же. Военспецы. С. 146–220.

^{IV} РГВИА. Ф. 2421. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–18об.

^V Копия регистрационного бланка члена ВКП(б) М. С. Свечникова при обмене партийных документов 1936 г. из собрания РГАСПИ (без шифра) (Архив автора).

^{VI} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 5.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 453. Л. 2–3.

^{VIII} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 642 (746). Л. 62.

Членом РКП(б) считался бывший полковник Н.Е. Какурин, но в действительности Какурин, попавший в РККА лишь в июне 1920 г. после службы в украинских армиях, значился только кандидатом в члены партии. Заявление на вступление в РКП(б) он подал в 1921 г., но документы затерялись и прошение удовлетворено не было.

Таким образом, в 1918–1922 гг. в РККА насчитывалось 10 выпускников старой академии, вступивших в партию большевиков. Относительно общего числа «лиц Генштаба», прошедших через ряды РККА в Гражданскую войну, они составляли ничтожную величину в 0,6 %. Разумеется, такое положение вещей во многом определялось традицией аполитичности, присущей русскому офицерству, а также, очевидно, неприятием большевистской идеологии.

Бывший генерал-лейтенант Н.М. Потапов в 1925 г. отмечал, что не решился вступить в партию по предложению видных военных работников большевистской партии Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина и Э.М. Склянского, «опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать “примазавшимся” к партии. Я предпочел работать честно, оставаясь беспартийным»¹.

Показательно, что никто из генштабистов, занимавших высшие посты в РККА того времени, не был партийным. Беспартийными были даже такие крупные военные деятели РККА, как М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис, С.С. Каменев (вступил в партию только в 1930 г.), Ф.В. Костяев, П.П. Лебедев, Н.И. Раттэль и др., усилиями которых была достигнута победа красных в Гражданской войне. В то время членство в партии еще не воспринималось как необходимость для продвижения по службе или укрепления своего положения. С другой стороны, их причастность к первому эшелону элиты РККА, казалось, не требовала дополнительных мер по укреплению статуса (несмотря на это, Вацетис и Костяев в ходе Гражданской войны арестовывались чекистами).

Что касается Вацетиса, то он, вероятно, на каком-то этапе разделял идеалы большевиков. Во всяком случае, требуя генштабистов на Восточный фронт в конце августа 1918 г., он сообщал в ВГЩ, что «работа генштабистов крайне важна на боевом фронте, где решается, быть может, великая задача нашего будущего»².

Сложно сказать, задумывались ли бывшие полковники и генералы о том, что с ними будет после Гражданской войны и каким окажется их место в новой иерархии военной элиты большевистской России. Как бы то ни было, состоявшиеся в карьерном плане еще до революции, эти бывшие офицеры не торопились примыкать к большевикам. Генштабовской молодежи, в отличие от старшего поколения, вступление в партию по карьерным причинам казалось более целесообразным. Не случайно многие генштабисты, вступившие в партию накануне и в годы Гражданской войны, относились либо к последним предвоенным выпускам из академии, либо к выпускам ускоренных курсов периода Первой мировой.

На партийность генштабистов обращалось определенное внимание уже в Гражданскую войну. Так, приказом РВСР № 2008 от 2 октября 1920 г. все генштабисты, состоявшие в РКП(б), переводились на должности Генштаба и командные.

¹ Цит. по: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 211.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 24. Л. 14об.–15.

При этом они не должны были занимать постов военных комиссаров «для более полного и целесообразного использования коммунистов, получивших военное образование»¹.

После Гражданской войны, в 1920-е гг., практически никто из генштабистов в партию не вступил. Лишь в 1927 г. это сделали бывший капитан А.И. Корк и бывший штабс-капитан Н.В. Яковский. 5 октября 1933 г. на собрании ячейки ВКП(б) штаба Московского военного округа, проходившем во время чистки партии, А.И. Корк заявил: «И хотя, товарищи, я молодой член партии с 1927 года, я должен честно заявить, что иду в ногу с большевиками с самого момента Октябрьской революции»². Надо признать, что эти слова в отношении Корка были справедливы. По всей видимости, он действительно воспринял большевистскую идеологию.

В более поздней советской истории было несколько периодов массового вступления бывших офицеров-генштабистов в партию. К таким периодам можно отнести начало 1930-х гг. и канун Великой Отечественной войны. Причины этих всплесков на каждом этапе были различными.

В 1930 г. в партию вступили бывший главком полковник С.С. Каменев, полковник Б.М. Шапошников, подполковник Н.В. Лисовский и штабс-капитан А.И. Кук. Такие знаковые фигуры, как Каменев и Шапошников, скорее всего, не были искренними большевиками. По своим взглядам они производили впечатление государственников и патриотов, примкнувших к партии только в силу служебной необходимости.

В 1931 г. членом ВКП(б) стал бывший капитан С.А. Меженинов. В 1932 г. в партию вступил бывший подполковник В.С. Лазаревич, в 1933 г. — полковник Н.Н. Петин, а в 1934 г. — капитан С.А. Пугачев. Можно предположить, что тогда близкие к партийному руководству и руководству РККА военспецы в связи с началом массовых репрессий против бывших офицеров в рамках дела «Весна» решили посредством вступления в партию оградить себя от возможных преследований.

Тем не менее партийность не уберегла генштабистов от массового террора второй половины 1930-х гг. Тогда из партийных генштабистов были расстреляны М.И. Василенко, А.И. Геккер, А.А. Инно (Кульдвер), А.И. Корк, А.В. Косматов, В.А. Куприянов, В.С. Лазаревич, С.А. Меженинов, Н.Н. Петин, М.С. Свечников, А.Д. Тарановский. Таким образом, из 20 генштабистов-большевиков были уничтожены 11, или 55 %. Столь высокий показатель свидетельствует о том, что партийность не только не спасала от репрессий, но, наоборот, могла как раз стать их причиной.

В 1938 г. в партию вступил бывший капитан В.Е. Климовских. Для него членство в партии уже было вынужденной необходимостью в целях выстраивания собственной карьеры на руководящих постах в РККА. Однако членство в партии не спасло Климовских от расстрела в 1941 г. В 1939 г. в партию вступил А.Я. Крузе.

Постепенно, еще с 1920-х гг., в руководстве РККА партийные командиры вытесняли беспартийных (для сравнения, в 1920 г. партийного комсостава насчитывалось лишь 10,5 %, тогда как в 1926 г. — уже 47,4 %, а в 1927 г. — 57 %³). Однако среди

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 250.

² Август Корк: Док. и мат. / сост. Я. М. Горелик. Таллин, 1981. С. 139.

³ К партийному комсоставу в документах того времени относили не только членов партии, но также кандидатов в члены партии и даже комсомольцев, что давало значительно большие показатели. Для

бывших офицеров процент партийцев был существенно ниже, а старые генштабисты, продолжавшие служить в армии, и вовсе вступали в партию крайне редко. В 1940 г. в партию вступили бывшие подполковник А.К. Коленковский, капитаны Г.С. Дьяков, Б.И. Кузнецов, Е.В. Сысоев, штабс-капитан В.С. Тамручи. Думается, вступление в партию этой группы бывших военспецов-генштабистов было напрямую связано с массовым присвоением в 1940 г. генеральских званий в Красной армии. Все вышеперечисленные лица тогда стали генералами. Стоит отметить, что Коленковский, Дьяков и Тамручи впоследствии умерли в заключении.

Членство в партии тогда еще не было обязательным условием пребывания в высоком чине. Например, звание генерал-лейтенанта в 1940 г. получил бывший капитан Е.А. Шиловский, вступивший в партию только в 1943 г. То же касалось и ставшего генерал-лейтенантом авиации бывшего генерал-майора А.А. Самойло, который стал членом ВКП(б) уже в конце войны, в феврале 1944 г. Он вспоминал, что награждение орденом Ленина по случаю 50-летия своей военной службы на командных должностях позволило ему «считать себя достойным высокого звания члена партии, и я подал в партийную организацию академии (Военной академии командного и штурманского состава ВВС. — А.Г.) заявление о приеме в партию. В 1943 году я был принят в кандидаты, а в 1944 году получил партийный билет¹. Это событие Самойло считал для себя важным и волнующим. Небезынтересно, что, по мнению британского военного атташе в России генерала А. Нокса, Самойло был одним из самых реакционных офицеров русского дореволюционного Генштаба накануне Первой мировой войны².

Членами партии также значились бывший полковник А.И. Готовцев и капитан В.А. Куприянов. В общей сложности через членство в большевистской партии прошло не менее 31 выпускника академии. Кандидатом в члены партии числился обучавшийся в академии бывший капитан В.И. Ананьев.

Политическая партийность в среде генштабистов была явлением исключительным. Все случаи вступления офицеров в партии единичны и индивидуальны и практически незаметны на общем фоне. Тем не менее в Гражданскую войну в РКП(б), ставшей партией власти, оказалось больше генштабистов, чем в прочих партиях вместе взятых: 10 человек против 7. Интересно, что речь шла о социалистических партиях или организациях. О генштабистах, состоявших в партиях правого толка, сведений нет.

Служба в РККА военспецов-генштабистов выпала на период, когда членство в РКП(б) — ВКП(б) еще не было обязательным условием пребывания на руководящих постах, к чему Советская армия пришла уже после Великой Отечественной войны. По этой причине вступление в партию носило индивидуальный и добровольный характер. А раз так, необходимо дать объяснение этим действиям «бывших людей». Конечно, мотивы различались. Но, зная особенности советской политики в отношении старого офицерства, понять наиболее распространенные причины несложно. Судя по всему, основной мотивацией являлось стремление

сравнения, только членов ВКП(б) на 1926 г. было лишь 29,6% комсостава (Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М.; СПб., 2006. Кн. 1. С. 652–653; Кн. 2. С. 315).

¹ Самойло А. А. Две жизни. С. 272–273.

² Knox A. With the Russian Army 1914–1917. London, 1921. P. 42.

обеспечить собственную безопасность на фоне чисток и репрессий, а также укрепить или даже существенно улучшить свое служебное положение. Однако развитие событий показало иллюзорность надежд на спокойную жизнь, поскольку членство в партии отнюдь не давало иммунитета в отношении репрессий, а скорее, наоборот, могло повысить их вероятность.

§ 4. Генштабисты и комиссары

Особую роль в Красной армии играл политический аппарат. К марту 1918 г. для организации партийного контроля и наведения порядка в РККА был сформирован институт комиссаров (по два во всех частях, штабах и учреждениях). Органом, контролировавшим их работу, стало Всероссийское бюро военных комиссаров во главе с К.К. Юреневым, созданное первоначально при ВВС. Проблема взаимоотношений партийных работников и генштабистов, принятия первыми вторых в Красной армии представляется крайне важной для понимания хода и итогов Гражданской войны.

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. остро поставил перед многими офицерами Генштаба вопрос политической лояльности новому режиму. Не зная и не понимавшие политической жизни офицеры стремились минимизировать значение этого фактора в своей службе, но сделать это было крайне сложно. Начальник Генерального штаба генерал В.В. Марушевский, будучи арестован в Петрограде в ноябре 1917 г., свидетельствовал, что, продолжая службу в новых условиях, придерживался идеи, что «работа наша должна производиться вне какой бы то ни было политики, совершенно независимо от какой бы то ни было партийности и без всякой помехи. Только при таких условиях наша работа может быть продуктивной, и только при наличии их я согласился по-прежнему руководить делом снабжения армии, и мне обещано соблюдение этих условий»¹. В дальнейшем по мере установления в Советской России однопартийной диктатуры, конечно, проблематично было считать, что вооруженные силы большевистского государства не зависят от партийности.

Военспецы не отличались полной лояльностью большевикам. Последние, в свою очередь, также относились к спецам с подозрением, не исключая даже тех, кто служил новой власти добросовестно. Как еще в 1962 г. справедливо отметил С.А. Федюкин, «фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твердого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»².

По утвержденному Л.Д. Троцким положению о военных комиссарах и членах военных советов: «Вся работа происходит на глазах комиссара, но руководство в специально-военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука об руку военному специалисту.

¹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232. Л. 60б.

² Федюкин С. А. Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 42.

Комиссар не отвечает за целесообразность чисто военных, оперативных, боевых приказов. Ответственность за них падает целиком на военного руководителя. Подпись комиссара под оперативным приказом означает, что комиссар ручается за данный приказ как за продиктованный оперативными, а не какими-либо иными (контрреволюционными) соображениями. В случае неодобрения чисто военного распоряжения комиссар не задерживает его, а только доносит о своем неодобрении стоящему выше Военному совету. Только такой оперативный приказ может быть задержан, относительно которого комиссар приходит к обоснованному выводу, что приказ продиктован контрреволюционными мотивами¹. Впрочем, некоторые бывшие офицеры были убеждены, что люди без военной подготовки, которыми являлись комиссары, на самом деле не могли контролировать распоряжения военспецов, так как не разбирались в военных вопросах.

На протяжении 1918 г. отношение комиссаров к специалистам Генштаба было, по меньшей мере, недоверчивым. Показателем укоренения враждебности к военспецам стало возникновение в Советской России особого термина «спецеедство», обозначающего яростное неприятие старых специалистов и борьбу с ними. Некоторые документы первой половины 1918 г. ярко свидетельствуют об этом явлении. В одном из документов, подписанном членами фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам, с тревогой отмечалось, что «возможность концентрации офицерства в массе определено контрреволюционной, в связи с формированием полевых штабов, состоящих из офицеров Генерального штаба и других, становится все более и более рельефной. За все время войны строевое офицерство всегда было более чем недовольно работой Генерального штаба, в котором кроме карьеристов никого и ничего не было... генералитет и Генеральный штаб вовсе не нужны как полководцы, а лишь только как специалисты, инструктора и консультанты... Однако Бонч-Бруевич, пользуясь властью, данной ему Советом народных комиссаров, уже успел насадить ряд офицеров Генерального штаба на самые ответственные должности по обороне»².

По мнению авторов документа, «среди них (бывших офицеров. — А.Г.) имеются и талантливые люди, но далеко не в таком количестве, какое бы это можно было думать. Специальные их познания, конечно, не подлежат никакому сомнению. Бестолковость и безалаберность генералитета, ярко выразившаяся во все время только что оконченной войны, не позволяет думать, что генералы справятся с военной разрухой, ибо каждому ясно, что творчество у них, кроме казенно-шаблонного, не существует, а их способность к водворению порядка измеряется их контрреволюционностью...»³

Составители резюмировали: «В новой армии тыловые и полевые штабы должны быть организованы из советских работников (главным образом, боевых офицеров) с участием как специалистов офицеров и генералов Генерального штаба, инженерных, артиллерийских, морских и других специальных военных учреждений

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 97об.

³ Там же. Л. 97–97об.

старого типа. Никакой абсолютно власти эти лица иметь не могут»¹. Тем не менее подобные выпады не остановили организаторов РККА. Партийный военный работник М.К. Тер-Арутюнянц писал Троцкому 17 марта 1918 г., что создание ВВС вызвало «бурю протеста и негодования в революционных отрядах указанного [Западного] фронта с категорическим протестом, что “лягут костями, но не подчинятся бывшим царским генералам, которые за свои действия были исключены из армии с демократизацией армии”, одновременно обращаясь к расформированному Революционному Полевому штабу при бывшей Ставке революционным путем вновь принять руководство фронтом на себя, если власть генералов будет оставлена в силе»².

Но иного выбора, кроме как использовать квалифицированные кадры старой армии для строительства новой, не было. Очевидным сигналом для противников военспецов стал судебный процесс по делу П.Е. Дыбенко, матросы которого бежали из-под Нарвы в начале марта 1918 г. в период противостояния с немцами. За нарушение дисциплины Дыбенко был отдан под суд (председатель следственной комиссии Н.В. Крыленко). Этот инцидент продемонстрировал готовность большевистского руководства довести до конца реализацию программы создания регулярной армии на принципах строгой дисциплины и подчинения квалифицированным специалистам. Авторитет Дыбенко в матросской среде и угроза активных действий против партийного руководства с его стороны при опоре на матросов и анархистов, возможно, лишь усугубили ситуацию. Дело Дыбенко держал на контроле председатель СНК В.И. Ленин. Новая власть проявила решимость покарать даже «своего», социально близкого партийного матроса Дыбенко, члена СНК (ни много ни мало наркома по морским делам), поддерживая «классово чуждого» бывшего генерала-генштабиста Д.П. Парского, который в инциденте под Нарвой выступил сторонником дисциплины. Дело было направлено на заключение Президиума ЦИК. И хотя Дыбенко с учетом мнений военспецов в итоге оправдали, но по итогам разбирательства он оказался исключен из партии и смог восстановиться только после Гражданской войны, в 1922 г.³

Главнейшим идеологом и горячим сторонником политики привлечения бывших офицеров, в том числе генштабистов, на службу в РККА и создания профессиональной армии на традиционных для этого государственного института принципах был наркомвоенмор и председатель РВСР Л.Д. Троцкий, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы его взгляд на вопросы развития Красной армии завоевал популярность в ЦК партии.

Свое видение роли военспецов в Красной армии Троцкий изложил в речи на заседании ЦИК 22 апреля 1918 г.: «В вопросах чисто военных, в вопросах оперативных, — тем более чисто боевого характера, — военные специалисты во всех

¹ Там же. Л. 98об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 529–544.

² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 78.

³ Подробнее см.: Стариков С. В. Павел Дыбенко: забытая страница биографии // Марийский археографический вестник (Йошкар-Ола). 1997. № 7. С. 79–88 (также напечатано в № 4 журнала «Вопросы истории» за 1998 г. под названием «П. Дыбенко в Самаре. Весна 1918 года»); Елизаров М., Елизарова О. «Дело Дыбенко» // Морской сборник. 2008. № 9. С. 77–79.

учреждениях имеют решающее слово. Разумеется, этого типа организация не является идеальной. Она тоже выросла из переломного характера эпохи.

Новый класс встал у власти, — новый класс, у которого есть свои тяжелые сче-ты с прошлым. Это прошлое в лице ныне отсутствующей армии завещало нам извест-ный материальный капитал: пушки, винтовки, всякие боевые запасы, и — из-вестный идейный капитал — известную накопленную сумму знаний, боевой опыт, административные навыки и т.д., то, что находилось в распоряжении специалистов военного дела, бывших генералов, полковников старой армии, — то, чего не было в руках нового революционного класса в тот период, когда этот новый революци-онный класс боролся за власть и встречал на своем пути сопротивление... Рабо-чий класс и трудящиеся массы крестьянства не выдвинули из своей среды новых полководцев, новых руководителей, все это было предвидено всеми теоретиками научного социализма. Он должен поставить себе на службу тех, которые служи-ли другим классам. Это относится целиком и к военным специалистам^I.

Руководство РККА было кровно заинтересовано в специалистах, военных про-фессионалах старой армии. Поэтому, несмотря на недоверие, комиссары должны были оберегать военспецов от солдатских масс и разъяснять бойцам смысл и зна-чение привлечения бывших офицеров в новую армию^{II}.

Сами «бывшие» привносили в РККА старорежимные порядки. Иногда возни-кали нелепые ситуации, которые приходилось разъяснять в особых приказах. Ха-рактерен приказ комиссара Беломорского военного округа А.И. Геккера (партий-ного военспеца, прошедшего обучение на ускоренных курсах академии) за № 28 от 17 июня 1918 г.: «Ввиду непрекращающихся случаев титулования руководи-теля окружного комиссариата по военным делам Беломорского военного округа и начальников управлений округа “ваше превосходительство” и “господин гене-рал”, настоящим категорически запрещаю обращаться к названным лицам с по-добными титулами во всех подведомственных комиссариату учреждениях округа.

При личных обращениях именовать лиц, к которым обращаются, или по имени и отчеству, или по фамилии с прибавлением в последнем случае слова “товарищ”.

Лица, замеченные в неисполнении настоящего приказа, будут подвергнуты взысканиям вплоть до увольнения со службы»^{III}.

Против касты генштабистов был направлен один из разделов статьи комиссара Московского военного округа Е.М. Ярославского «Как воссоздать армию» в «Изве-стиях» за 15 июня 1918 г. Случайно или преднамеренно опираясь на неверные дан-ные, Ярославский указывал, что до войны якобы в офицеры Генерального штаба попадали лица, не имевшие академического образования, но обладавшие знатным происхождением и связями, причем якобы даже император Николай II говорил, что Генеральный штаб сильнее его^{IV}. Разумеется, это было неправдой. Приводи-лась и преувеличенная статистика о том, что генштабисты якобы занимали 95% должностей командующих войсками, генерал-губернаторов, градоначальников и 100% наказных атаманов.

^I РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 133–134.

^{II} РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

^{III} ГАО. Ф. Р-2851. Оп. 6. Д. 11. Л. 5.

^{IV} Ярославский Е. М. Как воссоздать армию // Известия. 1918. 15.06. № 121 (385). С. 1.

Ярославский был обеспокоен тем, что старый Генштаб «тысячами путей... начинает заполнять верхушки наших военных органов, начиная с Высшего военного совета, проникая в Высший военно-хоз[яйственный] сов[ет] и весь Всероссийский главный штаб, и кончая штабами районными, окружными и должностями военных руководителей при комиссариатах»¹. Автор статьи отдавал себе отчет в том, что среди генштабистов были очень ценные работники, но призывал тщательно подходить к отбору кадров, привлекать более молодое и демократически настроенное строевое офицерство, а также создавать собственные рабоче-крестьянские командные кадры. Статья Ярославского породила дискуссию о высшем военном образовании².

Негативное восприятие партийными работниками генштабистов отражает речь бывшего командующего 3-й армией старого большевика Р.И. Берзина на открытии Академии Генштаба РККА в декабре 1918 г. Тогда Берзин сказал о дореволюционных генштабистах, что «старая рутина не дала возможность расширить им свои познания и применить их к жизни. Там все шло по своим границам: через определенное время чины, ордена и т. д., там они окопались и прожили свой век, а когда все переменялось, их выбросили на фронт, то они оказались нежизнеспособными»³.

Некоторые комиссары отличались болезненной подозрительностью в отношении «бывших». Так, например, нарком советской ревизии М.С. Кедров в двадцатых числах июля 1918 г. телеграфировал в Москву своему племяннику А.Х. Артузову (Фраучи), впоследствии видному чекисту, о сотрудниках штаба Беломорского военного округа: «Весь командный состав, кроме [Н.Д.] Потапова и [А.А.] Самойло, безусловно, не надежен. Мое мнение: — Надо удалить [Ф.Е.] Огородникова и [Н.Э.] Викорст[а], которые наверное⁴ против англичан сражаться не будут, но на месте их заменить нечем...»⁵ Военрук Ф.Е. Огородников не понравился Кедрову с самого начала. В своих мемуарах Кедров позднее отметил: «Военный руководитель округа, б[ывший] генерал Огородников, на которого, помимо военных задач, возлагались центром и дипломатические функции и наблюдение за разгрузкой Архангельского порта, — то самое лицо, которое подчиненные по привычке продолжают именовать “ваше превосходительство”. Его сухая официальная речь не располагала к нему слушателя. В его советах не чувствовалось искренности, в его планах отсутствовала вера в то дело, которому он служил. “Не знаю, как мы будем воевать с англичанами”, — заметил он однажды в беседе с одним специалистом...»⁶ Впрочем, вопреки опасениям, Огородников в дальнейшем добросовестно служил у красных, а в отношении бывшего контр-адмирала Н.Э. Викорста подозрения Кедрова оправдались — уже в августе 1918 г. он перешел на сторону белых.

Отношения между Кедровым и Самойло со временем превратились в доверительные. Кедров вспоминал: «С каждым днем все ближе становился мне т. Самойло, б[ывший] генерал, бесповоротно и убежденно перешедший на сторону

¹ Там же. С. 2.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 182–183.

³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 79. Л. 97–97об.

⁴ В старом значении — наверняка.

⁵ РГВА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

⁶ Кедров М. С. За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 39.

пролетарской власти. В штабе хорошо чувствовался крепкий кулак начальника штаба: он установил образцовый порядок, быстроту и точность исполнения, очистил аппарат от политически неустойчивых и сомнительных элементов. Рассказывали, что многие спецы ругали Самойло за глаза: сам, мол, тоже спец, а преследует своих же»^I. Самойло также был благодарен Кедрову: «Часто наши беседы с Михаилом Сергеевичем в его вагоне на запасных путях вологодской станции, в котором он жил со своим маленьким сыном, простирались далеко за полночь. Эти беседы приносили мне громадную пользу, помогая ясно понять политику советской власти и партии»^{II}.

Интересно, что в 1918 г. была предпринята попытка создания обратной связи, когда для упреждения самочинных действий комиссаров военруки должны были докладывать по команде относительно их политических заявлений и уведомлять об ошибочности таковых самих же военкомов^{III}.

Борьба Троцкого за возможность привлечения в РККА генштабистов носила ожесточенный характер. Наркомвоенмор использовал для утверждения своих взглядов и полемические способности. Когда летом 1918 г. член Президиума ВСНХ большевик Ю. Ларин (М.З. Лурье) предложил в связи с изменами заменить генштабистов коммунистами, Троцкий 23 августа 1918 г. отправил Ленину остроумную телеграмму, в которой заметил, что «и на железных дорогах при продвижении эшелонов наблюдается саботаж. Однако никто не предлагает инженеров-движенцев заменить коммунистами»^{IV}. Предложение Ларина Троцкий назвал катастрофическим, продиктованным паникой, подчеркнув, что события на фронте позволят произвести отбор кадров «путем извлечения работоспособных и преданных нам генштабов, отнюдь не путем их замены партийными невеждами»^V. По мнению Троцкого, «больше всего вопят против применения офицеров либо люди панически настроенные, либо стоящие далеко от всей работы военного механизма, либо такие партийные военные деятели, которые сами хуже всякого саботажника: не умеют ни за чем присмотреть, сатрапствуют, бездельничают, а когда проваливаются – взваливают вину на генштабов»^{VI}.

Некоторые исследователи склонны объяснять приверженность Троцкого идеям регулярной профессиональной армии и политике привлечения на службу бывших офицеров тем, что вождь РККА, примкнувший к большевикам лишь в 1917 г., не был ограничен внутрипартийными взглядами на этот вопрос^{VII}. Вполне возможно, что это именно так.

Противостояние Троцкого и Сталина по вопросу о военспецах началось уже в 1918 г. Истоки конфликта связаны с окружением каждого из этих политических лидеров. Троцкого окружали десятки высококвалифицированных генштабистов, которые разносторонне информировали его о текущих событиях. Иногда

^I Там же. С. 137.

^{II} Самойло А. А. Две жизни. С. 226.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 44.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 466. Л. 77; The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1. P. 106.

^V РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 466. Л. 77; The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 106.

^{VI} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 466. Л. 77; The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 106, 108.

^{VII} Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 2008. P. 217.

в документах, поступавших Троцкому, содержались емкие характеристики не только бывших офицеров, но и партийных военных работников. К примеру, военрук Северо-Кавказского военного округа выдающийся генерал-генштабист А.Е. Снесарев так характеризовал К.Е. Ворошилова в информации для Троцкого: «Лично т[оварищ] Ворошилов, как войсковой начальник, не обладает достаточно нужными качествами... он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками, почему скорее он подлежал бы удалению с занимаемой должности, чем доверия ему руководства сложной операцией на громадном фронте»¹. Подобные сигналы военных специалистов, несомненно, влияли на представления Троцкого. Ворошилов уже тогда сблизился со Сталиным, в том числе, видимо, на почве неприятия военспецов. Неудивительно, что Сталину удалось добиться удаления Снесарева из Царицына буквально через неделю после этого заявления.

Троцкий тогда был готов идти навстречу Сталину. 17 июля 1918 г. он предлагал Сталину оставить Снесарева военруком, отняв у того оперативные функции. «Если считаете нежелательным сохранение Снесарева в составе военного комиссариата, сообщите, и я уберу его. Ваш Троцкий»². Однако отстранением одного лишь Снесарева Сталин не ограничился, перейдя к ликвидации структур Северо-Кавказского военного округа³. Троцкий понял, что речь идет о попытках поставить под сомнение избранный им курс в армии. Тогда противостояние по вопросу о военспецах вышло за рамки межличностного конфликта, перейдя на уровень партийной дискуссии в 1918–1919 гг.

Важным этапом борьбы с недоверием к военспецам, за права и статус генштабистов в РККА, за принцип единоначалия в Красной армии стал конфликт на Южном фронте осенью 1918 г. Тогда объектом критики партийных представителей во главе со Сталиным стал командующий советским Южным фронтом бывший генерал П.П. Сытин. Следует отметить, что РВС Южного фронта был создан 17 сентября 1918 г. в составе командующего фронтом Сытина, его помощника К.Е. Ворошилова, И.В. Сталина и председателя Царицынского совета С.К. Минина. Штаб фронта в соответствии с указаниями РВСР расположился в Козлове, тогда как члены РВС находились в Царицыне, не желая ехать в Козлов, что уже заложило основу для конфликта.

Сытин в сентябре 1918 г. находился в очень сложном положении: главным командованием перед ним была поставлена задача организовать Южный фронт РСФСР, но в условиях кадрового голода и партизанщины сделать это было почти невозможно. Командующий фронтом опирался на аппарат Высшей военной инспекции, располагавшей кое-какими силами и средствами, а также на штаб Южной завесы (Воронеж), хотя отношения с последним складывались трудно. Работников для штаба фронта искали как непосредственно на юге, так и в Москве. Однако в кадровых вопросах Сытин, по свидетельству Н.И. Подвойского, «неизменно наталкивался на то, что такой-то подозревается в контрреволюции,

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 43. Л. 163об. Также см.: Жаворонков Г., Парийский В. В немилость впавший // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 156.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 3. Л. 44.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М, 2022.

а такой-то был занят в другом месте или отказался, и ему приходилось выносить всю штабную и командную работы на своих плечах»¹. Как человек старой школы Сытин «не обнаружил большой изворотливости и находчивости для организации своего штаба»². Даже связь на фронте была организована через аппарат завесы. Кроме того, Сытин держался и за Высшую военную инспекцию, не создавая собственного военно-административного аппарата. Наконец, до окончательной организации штаба фронта Сытин не считал себя вступившим в должность командующего в полном смысле слова, тогда как обстановка диктовала прямо противоположное.

Нечеткое разделение полномочий осложняло работу. Так, Сытин старался не вмешиваться в обстановку под Воронежем, считая воронежский участок входящим в ведение завесы. Положение усугублялось активной работой белой агентуры, а также неподчинением командованию фронта партизанских вожakov вроде командира бригады Р.Ф. Сиверса и начдива В.И. Киквидзе. Все это порождало нервозность комиссаров, подозрения в измене военспецов и аресты. Так, например, был арестован, но вскоре освобожден, благодаря вмешательству Подвойского, известный белый агент в Красной армии А.Л. Носович.

Действия Сытина вызвали недовольство партийных представителей, находившихся на юге. Прежде всего, И.В. Сталина в Царицыне. Ситуация усугублялась самовольными действиями «царицынцев». 23 сентября 1918 г. они издали приказ о переименовании РВС Северо-Кавказского военного округа в РВС Южного фронта во главе со Сталиным³. В противовес единоначалию и невмешательству комиссаров в оперативные вопросы «царицынцы» отстаивали идею коллегиального управления и совместного с военспецом Сытиным решения оперативных задач. Подобный приказ резко противоречил распоряжениям центра и ставил под сомнение полномочия Сытина. 29 сентября в Царицыне состоялось совместное заседание членов РВС фронта с членом РВСР К.А. Мехоношиным, а также П.П. Сытиным, не давшее результата: указания РВСР были Сталиным и его окружением проигнорированы.

Минин, Сталин и Ворошилов заявили, что назначение командармов — прерогатива РВС, как и ведение операций в крупных масштабах. Сытин на это ответил, что «назначение командующих армиями, которые являются ближайшими моими помощниками и сотрудниками в военных операциях, в которых я являюсь первым ответственным лицом, принадлежит мне. Военный революционный совет Южного фронта имеет право отвода предназначенных мною на командные должности по мотивированным данным. В отношении же ведения военных операций мне предоставлена полная власть, что и указано в § девятом той бумаги, выписки за подписями Майгура и Данишевского, которую я получил в штабе Высшей военной инспекции. Перед отъездом в Царицын тов. Мехоношин от имени Революционного военного совета республики заявил, что иного решения вопроса и быть не может и что указанная выписка представляет часть постановления

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

² Там же.

³ Колесниченко И. К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного фронта (сентябрь — октябрь 1918 года) // Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 42.

Военревсова республики^I и должна [быть] принята к исполнению без возражений^{II}. Сталин и его соратники отстаивали Царицын как центр Южного фронта, хотя город находился на фланге, был неудобен как база фронта и не имел надежной связи с центром (один провод на Саратов, который был ненадежен – например, не функционировал трое суток в конце сентября 1918 г. из-за бури).

Сытин предложил ввиду серьезных разногласий прервать заседание и перенести обсуждение в РВСР^{III}. По итогам заседания командующий фронтом подготовил экстренный доклад Троцкому, копию которого направил Подвойскому, причем просил о вызове в Москву. Между тем 1 октября «царицынцы» издали постановление об отстранении Сытина от должности (якобы по причине незаинтересованности Сытина в работе, из-за отсутствия у Сытина стратегического плана и из-за его неумения наладить дело на поворинско-еланском участке^{IV}) и о замене его Ворошиловым.

Для поддержания авторитета главного командования и руководства РВСР, подавления сепаратизма и укрепления единоначалия требовались решительные меры, не заставившие себя ждать. За новые принципы организации армии и, следовательно, за кандидатуру Сытина вступились руководители РККА – Троцкий и главком И.И. Вацетис.

В начале октября 1918 г. были проведены заседания ЦК партии и Бюро ЦК, на которых было постановлено потребовать от местных партийных товарищей подчинения решениям центра и ликвидации конфликтов. Для подкрепления позиции Москвы к «царицынцам» обратился секретарь ЦК Я.М. Свердлов. Однако и эти меры не смогли повлиять на сталинскую группировку.

Стороны обменялись резкими телеграммами. 3 октября В.И. Ленину из Царицына была направлена телеграмма Сталина, Минина и Ворошилова, в которой Сытина характеризовали как «человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны»^V. В телеграмме говорилось о необходимости партийного обсуждения поведения Троцкого, ставящего военспецов-предателей выше видных партийцев, что угрожает интересам фронта и революции, требовалось пересмотреть вопрос о военспецах. Кроме того, Сталин 3 октября написал Ленину личное письмо, в котором требовал поставить Троцкого в рамки, а также называл некоторых военспецов заведомыми предателями^{VI}, коими они не являлись. По мнению Сталина, «вся эта троцкистская дисциплина состоит на деле в том, чтобы виднейшие деятели фронта созерцали заднюю военных специалистов из лагеря “беспартийных” контрреволюционеров и не мешали бы этим последним губить фронт (это у Троцкого называется) невмешательством в оперативные дела»^{VII}.

В тот же день Троцкий приказал Сталину немедленно образовать РВС Южного фронта на основе невмешательства комиссаров в оперативные дела штаба,

^I Т.е. РВСР.

^{II} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 124. Л. 2об.

^{III} Там же. Л. 1.

^{IV} Колесниченко И. К вопросу о конфликте... С. 44.

^V Сталин И. В. Труды. М., 2017. Т. 10. С. 128.

^{VI} Там же. С. 126–127.

^{VII} Там же. С. 126.

последний разместить в Козлове. В случае неисполнения приказа в 24 часа Троцкий угрожал принять суровые меры^I. Кроме того, Троцкий предложил видному партийному военному работнику К.А. Мехоношину войти в РВС фронта и обеспечить единство командования^{II}. Еще одной телеграммой в Арзамас, где находился главком Вацетис, Троцкий сообщал, что отношения в РВС ненормальны и никакой общей работы с Сытиным не ведется^{III}. На следующий день председатель РВСР планировал лично отправиться на Южный фронт.

Вацетис 4 октября телеграфировал Троцкому с копией Сталину: «Боевой приказ Сталина № 118 надо приостановить исполнением. Командующему Южным фронтом Сытину мною даны все указания. Действия Сталина разрушают все мои планы...»^{IV} В тот же день он телеграфировал Сталину с копиями Троцкому и Сытину: «Постановление Реввоенсовета республики от 17 сентября гласит: “Постановляю образовать РВС Южного фронта в составе Сталина, Минина, Сытина (командующий Южным фронтом) и Ворошилова (помощник команд[ующего] фронтом) со штабом в Козлове”. Из этого постановления видно, что штаб фронта должен быть в Козлове. Командующим Южным фронтом назначен Сытин, которым и ведется вся оперативная деятельность фронта. Ваша деятельность за последнее время является сплошным нарушением постановления о военных комиссарах и ведет к недопустимой дезорганизации действий Южного фронта»^V. Таким образом, Сталина одергивал уже не товарищ по ЦК партии, а беспартийный военспец, требовавший подчинения своему коллеге^{VI}. Думается, в условиях нерешенности вопроса о статусе военспецов это не могло не восприниматься как пощечина. С учетом особенностей характера Сталина такие телеграммы могли стать причиной интриги Сталина против Вацетиса летом 1919 г., приведшей к аресту главкома. Досталось от Вацетиса и Ворошилову, обвиненному главкомом в середине октября в доведении защиты Царицына «до катастрофического состояния» из-за нежелания работать с Сытиным^{VII}. Нелишне отметить, что и Вацетис, и Сытин были расстреляны в период Большого террора второй половины 1930-х гг.

После демарша «царицынцев» в Москве был создан новый РВС фронта в составе Сытина, К.А. Мехоношина и Б.В. Лермана, а Сталин 6 октября вызван в Москву, где встречался с Лениным. Из Москвы он вместе со Свердловым и Вацетисом ездил в Козлов для расследования дела, после чего был переведен на другую работу. Казалось бы, победила позиция Троцкого. Председатель РВСР добился признания прав Сытина на самостоятельное командование, авторитет и единоначалие. Тем не менее спустя месяц после событий конфликта Сытин был вынужден оставить пост командующего.

По-видимому, конфликт ускорил выработку положений о командующих армиями и фронтами. Соответствующие документы за подписью В.И. Ленина были

^I РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 7.

^{II} Там же. Л. 8.

^{III} Там же. Л. 12.

^{IV} РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 53.

^V Там же. Л. 56.

^{VI} Reese R. R. Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005. P. 34.

^{VII} ДГК. С. 84.

опубликованы 12 декабря 1918 г. в «Известиях ВЦИК». Согласно положениям, распоряжения командующих были недействительны без подписи одного из членов РВС. Главнокомандующий не был уполномочен назначать или перемещать командующих армиями, фронтами и начальников фронтовых штабов. На его приказах также должна была стоять виза партийного представителя.

Ленин надеялся, что Троцкий и Сталин смогут конструктивно работать вместе в РВСР. Троцкий полагал, что в составе РВСР Сталин сможет высказывать свои взгляды на военное строительство открыто, не прибегая к кулуарной борьбе^I. Однако эти надежды не оправдались.

Троцкий требовал уважительного отношения к военспецам. Самим же военспецам он, с одной стороны, пытался внушить идею нравственного величия революции^{II}, а с другой, беспощадно бичевал их за традиционализм, высокомерие и рутинерство. По вопросу о привлечении военспецов он телеграфировал 13 октября 1918 г. Ленину, Я.М. Свердлову, Ф.Э. Дзержинскому, Э.М. Скиянскому и в петроградскую ЧК: «Ввиду изменившихся обстоятельств некоторая часть офицерства проявляет готовность работать на советской службе. По сему предлагаю нижеследующее: в тех случаях, когда против арестованных офицеров нет прямых серьезных обвинений, ставить им вопрос: согласны ли они служить Красной армии и Красному флоту. В случае утвердительного ответа отправлять их в мое распоряжение. Одновременно выяснить их семейное положение и предупреждать, что в случае их измены, перехода в неприятельский лагерь, их семьи будут арестованы, отбирать от них соответственную подписку. Таким путем мы разгрузим тюрьмы и получим военных специалистов, в которых большая нужда. Прошу о соответственных распоряжениях^{III} всем подчиненным вам комиссиям»^{IV}.

Антиспецовские настроения и неприятие революционерами генштабистов отражены в записке «Пролетарские перспективы военного дела» А.И. Тарасова-Родионова (старого большевика, на тот момент исключенного из партии), датированной октябрём 1918 г. Автор документа отмечал, что «военруки старого Генштаба, всегда выставляющие примат “аполитичности” армии, а на деле всегда бывшие национал-шовинистами... “не прониклись сознанием великой (пролетарской) идеи”»^V.

В конце 1918 г. сталинская группировка вновь перешла в наступление на Троцкого и его политику широкого привлечения военспецов. Тогда увидели свет статьи бывшего левого коммуниста В.Г. Сорина и А.З. Каменского (в 1918 г. — управделами РВС Северо-Кавказского военного округа, Южного фронта и 10-й армии, в 1918–1921 гг. заместитель наркома по делам национальностей И.В. Сталина, что не позволяет сомневаться в том, кто стоял за этой публикацией) в газете «Правда». В этих публикациях осуждалось руководство РККА, резко критиковались проект наделения командующих армиями чрезвычайными полномочиями, ограниченность полномочий комиссаров, необоснованный расстрел прибывшего на фронт комиссара М. Пантелеева за бегство вверенной ему части, а также излишнее доверие

^I Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army. P. 48–49.

^{II} Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк 1879–1921. М., 2006. С. 417.

^{III} В документе ошибочно — распоряжений.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 481. Л. 1.

^V РГВА. Ф. 100. Оп. 8. Д. 14. Л. 345об.

военспецам¹. Статьи были проникнуты, как тогда говорили, «спецедедством» и отстаивали принцип коллегиального управления войсками. Каменский утверждал, что в 10-й армии якобы сумели обойтись без генштабистов, и даже требовал не допускать военспецов на фронт².

Сторонники Сталина и на этот раз не добились успеха, а статьи не остались без последствий. Троцкий направил тогда же в ЦК секретное письмо, в котором выражал возмущение инцидентом и трактовкой политики военного ведомства как его личной³. В тот же день, 25 декабря 1918 г. (в день выхода статьи Каменского), ЦК РКП(б) издал постановление «О политике военного ведомства», а Каменскому был объявлен выговор за «клеветнические измышления» и изображение курса военного ведомства как случайной политики отдельных лиц и групп⁴.

Троцкий публично ответил оппонентам программной статьей «Военные специалисты и Красная армия», написанной на станции Лиски 31 декабря 1918 г. и опубликованной 21 января 1919 г. в № 2 (31) журнала «Военное дело». Троцкий обратил внимание на начатую против него лично и проводимого им курса кампанию и, как уже отмечалось, выступил с публичным ответом. Очевидно, намекая на Сталина, вождь Красной армии в ответной статье писал, что недовольство политикой наблюдалось «в части низов, недовольство в средних, так сказать, кругах партии и даже кой у кого и на “верхах”»⁵. Вполне искренне Троцкий писал об отсутствии в Советской России достаточного количества квалифицированных командиров-коммунистов и вынужденной необходимости использования военспецов. В своей статье Троцкий выступил против не вызванного тяжестью стратегического положения террора в отношении специалистов. Председатель РВСР подчеркнул их огромный вклад в дело строительства Красной армии и даже указал на пережитую ими за короткий срок идейную катастрофу, проявив себя в обстановке Гражданской войны достаточно внимательным и чутким руководителем. Все это не могло не импонировать военспецам.

Масла в огонь подлил партийный военспец М. Н. Тухачевский, который к 19 декабря 1918 г. по поручению В. И. Ленина составил доклад об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава (по опыту 5-й армии Восточного фронта), где яростно обрушился на старших офицеров старой армии, явно рекламируя себя и своих сверстников (Тухачевский был всего лишь подпоручиком без высшего военного образования): «У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела. Поэтому стремление создавать Красную армию на началах регулярных, а не кустарных выставило необходимость использования старых офицеров на ответственных командных постах.

¹ Сорин В. Г. Командиры и комиссары в действующей армии // Правда. 1918. 29.11. № 259. С. 2; Каменский А. З. Давно пора // Правда. 1918. 25.12. № 281. С. 2.

² Весной 1919 г. в своем выступлении на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин как раз на примере 10-й «царичинской» армии и ее огромных потерь убедительно показал несостоятельность подобного подхода (Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). С. 169).

³ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 204–208.

⁴ Подробнее см.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1969. С. 35–36; Липицкий С. В. Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973. С. 140–141.

⁵ Троцкий Л. Д. Военные специалисты и Красная армия // Военное дело (Москва). 1919. 21.01. № 2 (31). Стб. 66.

Это положение было бы совершенно правильно, если бы старое русское офицерство стояло на высоте своего дела и было бы действительно знатоком этого дела.

На самом деле русский офицерский корпус старой армии никогда не обладал ни тем, ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забитых и лишенных всякой инициативы.

Военная школа в старой армии была коренным образом реформирована после японской войны, так как в последней офицерство выказало себя совершенно не подготовленным к современной войне... Все это, конечно, дало хорошие результаты, но они стали обозначаться лишь к 1908–1910 гг.

Ввиду этого хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства... Среди старого офицерства способные начальники являются исключением... Только в службе Генерального штаба, в штабной работе старое офицерство имеет преимущества перед новичками^I. При том, что Ленин доверял мнению Тухачевского, подобная точка зрения должна была передаваться и большевистскому лидеру. Сам Тухачевский активно сотрудничал с генштабистами. В частности, в период с 1918 по 1922 г. он постоянно держал при себе бывшего подполковника П.И. Ермолина, переходившего вместе с Тухачевским на новые места службы^{II}.

В январе 1919 г. борьба по вопросу об использовании военспецов продолжалась. В связи с осложнившейся обстановкой на Украине Троцкий бомбардировал ЦК телеграммами, разоблачавшими сталинскую группировку. 7 января он телеграфировал В.А. Антонову-Овсенко, В.И. Ленину и Я.М. Свердлову: «Поскольку представляется политически неудобным назначить [В.П.] Лаголева командующим Украинской армией, я могу согласиться на назначение другого лица (например, т. Антонова) при условии его работы рука об руку с хорошо организованным штабом из опытных и серьезных специалистов и непосредственной ответственности перед главнокомандующим и Реввоенсоветом республики. Такую работу, понимание в военном деле научно поставленных организаций – т. Ворошилов все это отрицает. Повторять царицынские эксперименты на украинской территории ввиду возможности столкновения с серьезным врагом – на это мы, разумеется, не пойдем»^{III}. Под серьезным врагом Троцкий подразумевал возможное возникновение здесь фронта против англичан и французов. В этом случае, естественно, роль военспецов существенно возрастала.

10 января 1919 г. Троцкий прямо сообщал Я.М. Свердлову: «Линия Сталина, Ворошилова, [М.Л.] Рухимовича означает гибель всего дела»^{IV}. 11 января он передал Ленину по прямому проводу: «Компромисс, конечно, нужен, но не гнилой. По существу дела в Харькове собрались все царицынцы. Что такое царицынцы, об этом прочитайте доклад [А.И.] Окулова, состоящий сплошь из фактического материала и отчетов комиссаров. Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению

^I Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1: 1919–1927 гг. С. 27–28.

^{II} Подробнее см.: Минаков С. Т. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел, 2012. С. 105–106.

^{III} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 12. Л. 71.

^{IV} Там же. Л. 72.

опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов... Рухимович — это псевдоним Ворошилова, через месяц придется расхлебывать ца-рицынскую кашу, имея против себя уже не казаков, а англо-французов. Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга, возводя невежество в принцип. Ворошилов, плюс украинское партизанство, плюс низкий уровень культуры населения, плюс демагогия — на это мы пойти не можем ни в коем случае»^I.

13 января 1919 г. в письме «товарищу Вадиму» (В.Л. Лукашова) Троцкий отметил: «Ворошиловские командиры особенно склонны были поддерживать и пускать сплетни о многочисленных предателях из специалистов, из[-за] которых будто бы проиграно такое-то сражение, сданы такие-то города. Доказательств никогда не приводилось, а слухи и сплетни деморализующего характера распространялись.

Каждый бездельник, каждый шкурник, каждый не знающий своего дела командир получал право в свое оправдание ссылаться на каких-то предателей»^{II}. И хотя письмо вызвало едкие и озлобленные комментарии К.Е. Ворошилова, по сути, Троцкий был абсолютно прав.

Эту же мысль председатель РВСР развил в целом ряде своих работ, в которых порой в ущерб реальному ходу событий выгораживал военспецов^{III}. Правила игры были обозначены четко: «Мы должны и будем строго наблюдать за работой контрреволюционных негодяев, проникающих в наши ряды. Но в то же время мы не позволим неуравновешенным болтунам и демагогам мешать серьезным партийным работникам в деле строительства правильно организованной армии, в частности путем широкого использования подготовленного командного состава»^{IV}.

Троцкий резко противостоял попыткам партийцев переложить всю вину за неудачи на военспецов. Однако это не означает, что бывшим офицерам делались послабления — негодным военспецам Троцкий грозил концлагерями. Постоянно отстаивать свою точку зрения на военспецов председателю РВСР приходилось вплоть до VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г., подтвердившего неизменность партийного курса на использование бывших офицеров.

Ключевой функцией комиссаров были политический контроль над военспецами и предотвращение измен. Не все комиссары были к этому надлежащим образом подготовлены. Для успешной работы необходимо было обладать не только военными знаниями, но и чувством такта. Не случайно в одном из документов в декабре 1918 г. видный партийный военный работник К.А. Мехоношин отмечал, что «за последнее время наблюдаются случаи, когда комиссары, неправильно понимая приказ о необходимости усилить контроль за военными специалистами, окружают командный состав атмосферой подозрения и личного недоверия, что, с одной стороны, создает для честно работающих воен[ных] специалистов обстановку, в которой работать не представляется возможным, и, с другой, колеблющихся побуждает искать выхода, почему в критический момент многие из числа могущих быть полезными на службе в армии перебегают к противнику. Комиссар должен быть уверенным и спокойным как представитель советской власти,

^I Там же. Л. 73.

^{II} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 70. Л. 16.

^{III} См., напр.: Троцкий Л. Д. Кто предал Полтаву? // ИН. 1919. 13.08. № 176. С. 1.

^{IV} Троцкий Л. Д. Преступная демагогия // ИН. 1919. 06.08. № 170. С. 1.

воздействуя тем самым на военных специалистов... комиссар не должен превращать контроль в мелочную придирчивость, подчеркивая в то же время строгость и точность в исполнении возложенных на него обязанностей^I. Более того, военспецы остро нуждались в поддержке комиссаров, в укреплении своего авторитета перед красноармейцами.

В 1919 г. полномочия некоторых генштабистов были расширены. Согласно приказу РВСР № 1031 от 22 июня 1919 г., оперативные и боевые приказы должны были подписывать не только командир и член РВС — комиссар, но и начальник штаба^{II}. Таким образом, повышался статус специалистов, которые могли не ставить свою подпись в случае несогласия.

Как порой выглядел комиссарский контроль на практике, известно из свидетельств современников. Астроном В.В. Стратонов вспоминал о встрече с Н.И. Раттэлем: «В приемной — несколько типов рабоче-коммунистического вида... Ходят взад и вперед какие-то молодые люди в форме, по-видимому, долженствующей быть военной, но все же как-то странно режущей глаз... Очевидно, это “командиры” новейшей советской формации. Получилось яркое впечатление, что начальник штаба находится под неусыпным наблюдением и контролем этой коммунистической компании и что контролируется даже доступ к нему приходящих лиц. И удивиться только можно было тому, что бывший генерал Генерального штаба Раттэль пошел на служение большевикам в подобной оскорбительной для его достоинства обстановке... Раттэль... не имел ни в какой мере того самонадеянно-напыщенного вида, каким выделялись генералы Генерального штаба минувшего времени»^{III}.

Стороннему наблюдателю картина могла видиться следующим образом: «Я видел офицеров Генштаба, работавших в штабе 13^й Красной армии под бичом полуграмотных комиссаров-надсмотрщиков, лица которых просились в альбом уголовной антропологии и психиатрии. Это было очень тяжелое впечатление, в котором преобладала жалость»^{IV}.

Не все комиссары отличались интеллектом и способностями к военному делу. Можно представить, как относились представители старой военной элиты к К.Е. Ворошилову — бывшему пастуху с начальным образованием, третировавшему спецов. Нередко между военспецами и комиссарами вспыхивали острые конфликты, приводившие к тяжелым, порой трагическим последствиям для бывших офицеров. Распространен был взгляд на комиссаров как на соглядатаев режима, ограничивающих и контролирующих работу военспецов. По свидетельству бывшего генерала Д.Н. Надежного, «другие, как и я, которые по собственной охоте вступили на совет[скую] службу, а также и те, которые были призваны по мобилизации из числа б[ывших] офицеров, шли ощупью в условиях новой строящейся на социальных началах жизни, боясь стукнуться об ее острые углы. А таких углов было немало: 1) Взгляд на нас центрального правительства как на элемент, который допустим[о] использовать до поры до времени при организации новой

^I РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 42. Л. 5–5об.

^{II} РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 6. Л. 82

^{III} Стратонов В. В. По волнам жизни. М., 2019. Т. 2. С. 222.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 101.

Красной армии. А отсюда контроль политаппарата, так или иначе угнетавший самолюбие. 2) Подозрительное, а порой весьма грубое, если не сказать более, обращение политработников к старому комсоставу в период Гражданской войны. 3) Недоверие красноармейских масс. 4) Потом наступившая чистка и 5) общий тон, как печати, так и литературы, презрительно-пренебрежительный... Эти обстоятельства, кроме горечи и обид, у старого командного состава вызывали стремления поделиться с людьми, одинаково мыслящими и находящимися в одинаковых условиях. Таким образом, создавалась тяга к общению, а это общение вело сначала к критике повседневных явлений жизни, связанных с трудными ее условиями... а потом и более важных вопросов...^I

Главком И.И. Вацетис писал о комиссарах: «Весьма многие комиссары ухватились за комиссариаты для того, чтобы сосредоточить около себя невероятное количество атрибутов комфортабельной жизни. У них были шикарные экипажи, первоклассные лошади, громадное число автомобилей. Даже генералы старой армии не могли равняться в комфорте с заурядными комиссарами. Что же касается автомобилей, то таковыми в старой армии пользовались чиновники не ниже начальников дивизий.

Само собой разумеется, что необходимо отличать удобство от комфорта. Удобство способствует сохранению производительной энергии. Поэтому всякое лицо, от которого требуется большая работа, большая затрата физической или умственной энергии, должно быть обставлено так, чтобы оно могло жить с удобством и творить свое дело при удобной обстановке, т.е. чтобы ему было и тепло и сытно, чтобы не приходилось ему бегать и стоять в хвостах очередей для получения какого-то куска хлеба и необходимых предметов одежды.

Но к комфорту необходимо относиться иначе. Комфорт предрасполагает человека к разбросанности, к воображению, к мании величия и к легкомыслию. Попадают очень много людей, которые вследствие изложенного утратили правильное представление о своих способностях, о своем значении и о своей власти, которая зачастую становится похожей на произвол и отсебятчину»^{II}.

Иногда комиссары вносили дезорганизацию в работу военных. Так, в ноябре 1918 г. начальник штаба Вятского района бывший генерал-майор М.Е. Леонтьев был без ведома командующего 6-й армией В.М. Гиттиса перемещен по распоряжению члена РВС 2-й армии Г.Я. Сокольников в армию последнего и направлен на подавление Воткинского восстания. Было признано, что «действия т. Сокольников вносят дезорганизацию в управление»^{IV}. Важно, что дезорганизаторские действия высокопоставленного партийного работника подверглись порицанию.

По оценке бывшего полковника К.И. Бесядовского, «не легка была и непривычная обстановка работы: тебе не доверяют, комиссар ходит по твоим пятам, следя за каждым твоим шагом. “Комиссар – это есть дуло револьвера, приставленное к виску командира” – так определил взаимоотношения командира и комиссара один из бывших моих комиссаров. Партийная среда держалась от нас

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 40–41.

^{II} Так в документе.

^{III} РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 120. Л. 21.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 6.

в стороне (партийцы почти сплошь были комиссарами), и мы, остальная масса, чувствовали себя бесправными. Угнетала также и волна обысков, непрерывно производившихся во всех районах Москвы. Ясно, что все эти новые черты нашего быта службы не могли вызывать довольство, наоборот, приходилось на себе испытывать достаточно сильный зажим нового советского строя. Трудность всех указанных условий одинаково испытывали все мы, офицеры, что ясно выявлялось при наших беседах...

Коммунистические идеи были нам чужды, в марксизме мы не разбирались... Однако все [же] должен сказать, что мы не были настроены контрреволюционно, понимая под этим стремление активно выступить против советской власти. Доказательством этому может служить тот факт, что раскрытый (не помню даты) заговор "Центра" не коснулся академии; видимо, руководители заговора либо имели неуспех в попытках привлечения участников в свои ряды из академического состава, либо этих попыток не делали, считая, что из этого ничего не выйдет".

Военспец бывший генерал Е.З. Барсуков, поздравляя в 1919 г. выпускников стрелковых курсов, смело обозначил свою политическую позицию: «Я не служил нашим врагам, не служу и вам, как принадлежащим к партии большевиков. Я всегда служил, служу и буду служить честно великому русскому народу, из которого я сам вышел»^{III}.

Советский главком И.И. Вацетис докладывал председателю Совета обороны В.И. Ленину 18 апреля 1919 г. о сложностях во взаимоотношениях генштабистов и комиссаров: «Чрезвычайное переутомление сделало этих людей (генштабистов. — А.Г.) нервными и до крайней степени впечатлительными ко всяким бестактным выходкам и несправедливостям по их адресу. Бестактность по отношению к лицам Генштаба замечается со стороны тех комиссаров, которые к ним приставлены, на подбор которых не всегда обращается должное внимание. Среди комиссаров, к сожалению, мало встречается интеллигентных людей, способных понять настроение и ту среду, над которой им приходится нести контроль, и контролирование зачастую обращается в назойливое приставание. Такие комиссары являются большим злом в практической и специальной работе, но таких комиссаров, к сожалению, много.

Не менее сильное впечатление на штабных работников производит несправедливое отношение и недоверие к группе лиц Генерального штаба вообще. До сих пор еще, к крайнему сожалению, удерживаются иногда и в печати, и в речах митинговых ораторов перед огромным стечением народа фразы, оскорбительные по отношению лиц Генерального штаба. Упреки в продажности, упреки в контрреволюционности, упреки в саботаже сыплются со всех сторон, между тем могу свидетельствовать, что бывшие офицеры Генерального штаба, состоящие ныне на службе у Советской республики, такого несправедливого отношения к ним не заслуживают... отношение лиц Генерального штаба к советской власти вполне лояльное, и мне даже не представляется возможным, чтобы среди лиц Генерального штаба, оставшихся на советской службе,

^I По-видимому, речь идет о деле «Национального центра».

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 14об.—15об.

^{III} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954 гг. Смоленск, 2018. С. 583.

господствовало бы желание видеть снова в России монархию, как в этом часто их обвиняют. Вообще считалось, что русский Генеральный штаб является наиболее либеральным, всегда идущим навстречу всякому прогрессу и уклону влево, и еще при старом режиме Генеральный штаб был под большим знаком подозрения в революционности. Несомненно, что среди Генерального штаба были убежденные монархисты, не сочувствующие революции, но они давно уже находятся на стороне наших противников. За их счет упреки ни в коем случае не могут посылаться на тех тружеников Генерального штаба, которые верно и с преданностью служат нам службу.

Между тем делается много несправедливостей и оскорбительного по адресу Генштаба. Я буду прав, если скажу откровенно, что каждый комиссар, назначенный контролировать деятельность какого-нибудь отдела в штабе, имеет своим заветным желанием поймать в контрреволюционности и предательстве какое-нибудь лицо Генштаба, в результате получается не контролирование, а назойливое приставание. Почему создалась такая склонность политических комиссаров, является совсем странным, т.к. таким[и] замашкам[и] страдали жандармы старого режима, служебное повышение которых находилось в сильной степени в зависимости от того, сколько удастся раскрыть заговоров против самодержавного строя¹.

Позднее Вацетис вспоминал о сложностях во взаимодействии специалистов и комиссаров: «Должно признать, что наши офицеры Генерального штаба работают в обстановке крайне тяжелой: при каждом имеется по одному, а то и по два комиссара или члена Революционного военного совета. Вместо вдумчивой, сосредоточенной обстановки работы получается какая-то вечная говорильня и обсуждение малейших оперативных начинаний с комиссаром, с членом Революционного военного совета, которые подчас ничего не понимают в военном деле... Один из командующих фронтом при одном из моих посещений фронта заявил мне, что ему приходится проходить вторую академию совместно с членом Революционного военного совета. Теперь спрашивается, такой командующий фронтом, наговорившись в течение суток, потративши столько энергии на губошлепанье, способен ли после всего этого еще предаться мозговой работе, глубоко продумать, охватить всю концепцию мыслей и военных элементов, выдвинутых той массой донесений, которые получают с громадных фронтов...»²

Интересно, как большевики разъясняли рядовым красноармейцам потребность в привлечении на службу офицерства старой армии: «Приходится покуда иметь рядом с красными офицерами командный состав из старых офицеров. Но строй армии таков, что командный состав не имеет того значения, что в прежней армии. Он имеет исключительно технические функции. Выбирать его пока еще не следует. Красноармейцы могут выбирать хорошего товарища, но командир он будет плохой. Что из того, что он хороший товарищ, когда своим неумением он может погубить многих красноармейцев. Назначенный, который знает свое дело, этого не сделает. С другой стороны, не надо забывать того, что за командиром следит политком.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 6об. – 7об. Опубликовано в: Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 85–86. Неточности публикации исправлены по оригиналу.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 233–234.

Бывает иногда измена, но зато польза от старого офицерства в тысячи раз больше, чем вред возможных при контроле измен. Многие уже свыклись с советской властью и стали ее друзьями. Если бы не старое офицерство, мы не имели бы такой сильной на научных началах организованной армии, ибо рабочие и крестьяне не имеют таких знаний, как они.

Командиру надо подчиняться. Иногда красноармейцам кажется, что командир — изменник, они отказываются подчиниться его команде, и благодаря этому терпят поражение и напрасно погибают сотни, а иногда и тысячи товарищей. Командиру надо беспрекословно подчиняться. Измена может быть одна на тысячу. А никто ведь не отказывается ездить на пароходах потому, что из тысячи пароходов один, вероятно, потонет, благодаря разным причинам и между прочим благодаря тому, что капитан одного парохода может оказаться одновременно и главарем бандитской шайки^I.

Комиссары совместно с чекистами уже в Гражданскую войну обратили внимание на опасность группировок «бывших». Комиссар ВГШ 4 августа 1920 г. в шифротелеграмме требовал от окружных военных комиссариатов недопущения такого явления: «Установлены случаи группировок в полках и других войсковых соединениях однополчан б[ывших] офицеров по службе [в] старой армии и белых армиях^{II}. Предлагается немедленно через комиссаров полков и частей произвести проверку послужных списков и справки на постоянный и переменный состав сосредоточить у окрвоенкома^{III}, которому произвести рассортировку однополчан с тем, чтобы однополчане не оставались совместно в воинских частях. При перераспределении руководствоваться разбивкой однополчан по возможности [в] разные места расквартирования войск [в] округе. Обратите должное внимание на пресечение таких явлений на будущее время при назначениях и перемещениях. Исполнение донести мне^{IV}». В 1920–1930-е гг. борьба с группировками военных, в том числе генштабистов, стала одной из приоритетных задач контрразведчиков.

У части комиссаров военспецы вызывали твердое неприятие, производили впечатление затаившихся врагов. Так, например, комиссар характеризовал начальника Административно-учетного управления ПШ РВСР В.В. Далера за период сентября — декабря 1919 г.: «В техническом отношении работает сравнительно хорошо — как заведенный механизм без перебоя. Благодаря известным его умственным способностям, хорошей военной подготовке (Генерального штаба), некоторой практике и тому обстоятельству, что он работает в Высшем военном совете (видимо, работал. — А.Г.) и потом в Полевом штабе с самого начала их существования, и исходя из известных исторически-социальных условий с чисто технической стороны он является соответствующим своему назначению. Следует только отметить, что личной инициативы он в своей работе не проявляет ни малейшей. Он балансирует так, чтобы, с одной стороны, к нему нельзя было бы придраться за саботаж, противодействие и враждебное отношение, а с другой, чтобы нельзя было его обвинять в сочувствии большевикам.

^I РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–2.

^{II} В документе — армий.

^{III} Окружного военного комиссара.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 230.

С нравственной стороны он обладает всеми порочными качествами, которые он старается замаскировать утонченными галантностью и светскостью. С деловой точки зрения самое отрицательное у него в этом отношении — беззастенчивое стремление пользоваться своим служебным положением для собственной наживы, способствование своим друзьям и разным спекулянтам устраиваться и делать свои грязные делишки за счет общественного достояния. В этом он способен на все самое преступное и подлое. Как пример можно привести то, что он взял от гр[ажданина] Озоля взятку в 50 000 рублей.

С политической стороны — он каким был, таким и остался — идейно убежденным реакционным царским офицером. Он принадлежит к тем реакционерам, которых “только могила исправит”. На революцию, социализм, советскую власть и Коммунистическую партию он смотрит как на что-то нелепое, варварское, незаконное, безнравственное и просто разбойничье, не считая за ними “гражданского права” в цивилизованном мире, но с которыми, затаив злобу, приходится мириться как с победившей силой. Как на конкретный пример укажу на одну его фразу, которой он обозначил то, что он считает самым нелепым: “Это тоже социалистическая штука”.

Он всеми силами старается поддерживать влияние и власть военспецов и крайне заботится об их интересах, в то же самое время стараясь как можно больше обойти красный элемент. Всячески старается обойти и отстранить комиссара и парализовать его влияние в работе. Всеми силами старается провести в штаб сотрудниками “своих” — офицерских жен, буржуазных сынков, холопских обывателей и т. п.^I. В итоге военспец весной 1920 г. был исключен из службы Генштаба^{II}.

Взаимодействие специалистов и комиссаров не всегда было сбалансированным. Например, у начальника штаба 8-й армии Б.Л. Негродова летом 1919 г. не сложились взаимоотношения с комиссаром штаба Сотниковым. Негродов жаловался командарму, что привык работать самостоятельно. «Я не могу работать в атмосфере, когда я должен нести на ничем не вызываемый контроль свою работу и когда мои служебные распоряжения аннулируются», — сообщал военспец в рапорте командующему армией^{III}. Ситуация была непростой: не в меру активный комиссар, минуя Негродова, отдавал распоряжения сотрудникам, отменял резолюции военспеца и давал свои. РВС дал разъяснение, что комиссар «может и должен отказываться от санкционирования тех распоряжений начальника штаба, с которыми он не может согласиться, считая их неправильными»^{IV}. Негродову порекомендовали по мелким вопросам договариваться, не доводя дело до конфликта. Как оказалось, комиссар Сотников вел себя подобным образом и по отношению к другим спецам — например, игнорировал начальника оперативного отдела, из которого забрал в канцелярию РВС пишущую машинку, купленную лично начальником отдела с большим трудом^V. Позднее машинку вернули.

Другие комиссары оценивали специалистов более нейтрально или даже с долей симпатии. Вот как охарактеризовал командующего особой группой войск

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 19.

^{II} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 21.03. № 163.

^{III} РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1. Л. 158–158об.

^{IV} Там же. Л. 155.

^V Там же. Л. 162.

Рязанского ревкома при ликвидации рейда К.К. Мамантова курсовика бывшего полковника И.Ф. Ораевского в своем дневнике за 1 сентября 1919 г. комиссар М.И. Воронков: «Наблюдаю Ораевского. Типичный офицер Генштаба, самоуверенный, хорохорящийся, способный иногда прихвастнуть. Но человек он приличный, понимающий создавшееся положение, открытый и, как будто, безусловно, честный. Он считает, что в партию можно идти лишь тогда, когда заведомо знаешь, что там нет подлецов и негодяев. У него большой опыт по борьбе с казаками на Южном фронте. Обстановку политическую он понимает великолепно. “Не терпеть лодырей, коммунисты они или беспартийные”, вот его вполне правильный лозунг»^I.

Некоторые комиссары были настроены на конструктивное взаимодействие с военспецами, искали в них опору и поддержку, выделяя тех, в ком можно было найти единомышленников. Председатель Высшей военной инспекции Н.И. Подвойский, беседуя 14 августа 1918 г. с бывшим полковником Н.В. Соллогубом, изложил тому свое видение взаимодействия военспецов и комиссаров: «Я вас лично не знаю ни с какой стороны... Ваша работа на Восточном фронте мне показала, что у вас дело пойдет, а в смысле отношения к режиму для меня только важно одно, если человек скажет, что с режимом я останусь до тех пор, пока этот режим будет существовать, и в трудную минуту для режима не явлюсь крысой на корабле»^{II}. Подвойский добавлял: «Мне никакого политического кредо, ничего не нужно, но, если вы военный человек и получили образование на народные деньги, вы должны помочь создать армию»^{III}.

Участвовавший в Гражданской войне на Европейском Севере комиссар Н.Н. Кузьмин писал в статье «8 месяцев на Северном фронте» в газете «Наша война» 29 апреля 1919 г.: «Коммунисты на севере прекрасно поняли, что их роль не в том, чтобы рассуждать, нужны или не нужны специалисты, образованный враг был достаточно хорошим свидетельством в их необходимости, а в том, чтобы создать такие условия, чтобы специалисты имели возможность правильно и плодотворно применить свои знания и дать максимум того, на что способны»^{IV}.

В бытность членом РВС 6-й армии тот же Кузьмин писал председателю СНК В.И. Ленину из Вологды 21 декабря 1918 г. о командующем армией бывшем генерале А.А. Самойло: «С согласия товарищей я обращаюсь к Вам с просьбой как к председателю Комитета рабоче-крестьянской обороны, вызвать к себе для доклада командарма 6[-й] Самойло. Он – генштаб, образован, начитанный человек, не замечая этого, мыслит демократически. Хорошо знает край и правильно ставит вопросы. Доклад этот займет не более ½–1 часа, но прекрасно сориентирует вас»^V. Такой подход себя оправдал. Самойло не только оказался всецело лояльным новой власти, но впоследствии даже вступил в партию.

Впрочем, Самойло большевики вовлекли в свою орбиту намного раньше, сначала как участника переговоров в Брест-Литовске, затем как военспеца,

^I Воронков М. И. Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания, статьи (1911–1941 гг.). Рязань, 2013. С. 165.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 11.

^{III} Там же. Л. 15.

^{IV} ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 284. Л. 72; Кузьмин Н. Н. 8 месяцев на Северном фронте // Наша война (Вологда). 1919. 29.04. № 83. С. 2.

^V ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 516. Л. 70б.

подписывавшего репрессивные приказы. Таким образом, пути перехода к противнику для него были отрезаны. Сохранились воспоминания о том, как в конце июля 1918 г. Архангельский губисполком решил издать суровый приказ о расстреле распространителей слухов и как подписать такой приказ предложили Самойло — тогда начальнику штаба Беломорского военного округа и командующему сухопутными и морскими силами Архангельского района: «При обсуждении его в президиуме мы задали вопрос тов. Самойло (б[ывшему] генералу), подпишет ли он такой приказ. Мы не были уверены, что он даст свое согласие на подпись приказа, где каждый абзац кончался угрозой расстрела. Для тов. Самойло это означало отрезать себе на будущее всякие пути к отступлению.

Не колеблясь, тов. Самойло ответил: “Конечно, конечно, подпишу”. На второй день приказ уже был расклеен по городу»^I.

Высокие оценки лояльности Самойло звучали и в 1921 г. от помощника комиссара Штаба РККА: «Пом[ощник] нач[альника] Штаба РККА Самойло А.А. знаю с июля прошлого года, когда он был назначен начальником Всероссийского главного штаба и оставался в этой должности до реорганизации штабов (февраль с.г.). В порядке работ в штабе я наблюдал его очень близко. В работе — безупречная старательность и интерес. Полное уважение к мнению комиссаров и готовность делить работу... Особыми способностями не отличается, хотя быстро схватывает»^{II}.

Впоследствии, вспоминая о Гражданской войне, комиссар Н.Н. Кузьмин дал высокую оценку генштабистам РККА: «Как офицеры Генерального штаба, они работали в штабах больших соединений, и при их помощи, главным образом, удалось построить хорошо слаженные армейские и дивизионные аппараты. Их кропотливая и незаметная работа на пользу революции не была видна для широких армейских масс. Наоборот, те, кто убежал к противнику, были на виду, их поступок был известен, и потому среди красноармейской и матросской массы вспыхнуло недоверие к командному составу из бывших офицеров»^{III}.

Известны и другие примеры, когда военспецы завоевывали доверие и уважение комиссаров. Так, в декабре 1919 г. К.А. Мехоношин составил для Троцкого отзыв о командующем 11-й армией М.И. Василенко: «Наблюдение в течение нескольких дней за работой командарма Василенко позволяет надеяться, что он будет командовать никак не хуже других командармов, но даже лучше многих. Энергичный, с большим интересом относящийся к работе, по-видимому, хороший организатор, вдумчивый и обладающий командными способностями»^{IV}.

Были и те, кто считал генштабистов отсиживающимися в тылу бездельниками. В частности, видный большевистский военный работник В.А. Трифонов в заметке «Фронт и тыл» обрушился на тыловых генштабистов: «На расстоянии 300–400 верст друг от друга располагались штаб армии и штаб округа. Штаб армии руководил операциями трех дивизий: в его распоряжении состояло три генштаба (из них два почти полные инвалиды), три бывших подполковника и несколько

^I ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 349. Л. 45.

^{II} РГВА. Ф. 33988. Оп. 3а. Д. 41. Л. 324–324об.

^{III} Кузьмин Н. Н. Борьба за Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 303.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 928. Л. 63.

десятков бывших офицеров военного времени. Штаб округа никакими операциями не руководил и вообще ничего полезного для Советской России не делал: в его распоряжении находилось 11 совершенно здоровых и сравнительно молодых бывших офицеров Генштаба, 1½ десятка бывших полковников и подполковников, до сотни офицеров военного времени.

Пример этот, взятый случайно, характерен для численного соотношения военных специалистов, отсиживающихся в тылу и работающих на фронте; указанная пропорция, по-видимому, выдержана для всего фронта и тыла.

Если формирование армии будет передано фронту, то все эти бесчисленные генштабы и полковники без ущерба для работы комиссариатов могут быть привлечены на свет божий и отправлены на фронт¹. Далее Трифонов раскритиковал работу ВГШ, которая, по его мнению, заключалась в составлении все новых и новых бессмысленных для условий Гражданской войны штатов. Из статьи виден образ мыслей комиссара Трифонова летом 1919 г.

Разумеется, многое зависело от подготовки самого комиссара, его чутья и умения разбираться в людях. Например, комиссар ВГШ И.Л. Дзевалтовский в ноябре 1918 г. отказывался освободить от службы бывшего генерала Б.В. Геруа, состоявшего в распоряжении ВГШ. По оценке комиссара, болезнь Геруа была «не столь серьезна»². Комиссар оказался прав в том, что болезнь являлась лишь предлогом, поскольку Геруа, прежде связанный с белым подпольем, вскоре бежал из Советской России.

Серьезный конфликт возник летом 1918 г. в штабе Ярославского военного округа между и.д. военрука бывшим генерал-майором З.И. Зайченко и комиссаром В.П. Аркадьевым. Причиной, по мнению Зайченко, было стремление Аркадьева к единоличной власти. Аркадьев не разрешал спецам носить оружие и скрыл от них данные о возможности восстания в городе. После того как Ярославское восстание было подавлено, Аркадьев прибыл в город и заявил Зайченко, что собирался того расстрелять за соучастие в мятеже (штаб округа занимал нейтральную позицию). Военспец же уверял, что не имел к этому никакого отношения и что такие обвинения оскорбительны. Кроме того, при переезде штаба округа в Иваново-Вознесенск Аркадьев не позволил Зайченко ехать в салон-вагоне, в котором отправился сам вместе с секретарями и какими-то дамами, Зайченко же пришлось ехать в случайном вагоне с красноармейцами³. В итоге военспец направил в конце июля 1918 г. в ряд центральных военных учреждения телеграмму о затруднительности работы с Аркадьевым и просил об отставке⁴. Расследование конфликта военрука и комиссара было поручено органам ЧК⁵. В дальнейшем Зайченко получил другое назначение.

Комиссары фиксировали действия генштабистов, негативно сказывавшиеся на службе, и пытались бороться с подобными проявлениями. Первоначально на комиссаров возлагалась вся ответственность за измены военспецов, однако

¹ Трифонов В. А. Фронт и тыл // Правда. 1919. 15.06. № 128. С. 2.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 115. Л. 43.

³ Подробнее см.: РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 38–41об.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 146.

⁵ Там же. Л. 196.

события лета 1918 г., когда было немало случаев предательства военспецов, показали недостаточность такого контроля. Контролирующие возможности комиссаров вызвали сомнения даже у лояльных большевикам специалистов Генштаба. Так, слушатель Академии Генштаба РККА Н.В. МIRONЦЕВ отмечал летом 1919 г., что институт комиссаров свое уже отжил, что они сидят как контролеры, тогда как «вопрос, возможен ли вообще контроль в оперативном и другом отношении, весьма спорен, и я даже из своего опыта как комиссара армии скажу — невозможно»^I. Комиссары не могли предотвращать измены даже в немногочисленной касте генштабистов, не говоря уже об остальной офицерской массе. Одним из наиболее ярких примеров является подпольная работа целой группы военспецов во главе с бывшим генералом А.Л. Носовичем в штабе Северо-Кавказского военного округа в Царицыне летом 1918 г. Такой опытный большевик-подпольщик, как нарком И.В. Сталин, хотя и подозревал Носовича в нелояльности и арестовал его, тем не менее не смог установить, что тот занимался подпольной антибольшевистской работой^{II}. В итоге Носович не только освободился, но и продолжил свою подрывную работу в штабе Южного фронта. Неспособность комиссаров предотвратить измену привела к поискам иных форм борьбы с предательством, например, к изданию приказов о взятии в заложники членов семей изменников, что, однако, не получило широкого практического применения.

Взаимоотношения командиров и комиссаров приобретали личностный характер, при котором возникали как конфликты и конфронтации, так и симпатии и даже дружба, укреплявшаяся совместным переживанием тягот боевой и походной обстановки. Например, такие взаимоотношения установились между командующим Восточным фронтом С.С. Каменевым и комиссаром С.И. Гусевым^{III}, которые в Симбирске жили в одном доме и даже питались за одним столом вместе с домочадцами Каменева^{IV}. Летом 1919 г., когда Каменев стал главнокомандующим, они с Гусевым продолжили сотрудничество уже в РВСР. Члена РВС Западного фронта Р.И. Берзина в июне 1919 г. обвиняли в том, что он «овоенспецился» и «не мыслит разрешения всякого рода недоразумений и споров, совершенно неизбежных во всякой совместной работе, без привлечения в качестве арбитров различных военспецов (комзап^V, наштаб и т.д.)»^{VI}. Уровень политического контроля при возникновении дружеских тандемов военспецов и комиссаров, разумеется, снижался. Не случайно председатель РВСР Л.Д. Троцкий 21 мая 1919 г. сообщал своему заместителю Э.М. Скиянскому для последующей передачи В.И. Ленину: «Должен, однако, сказать, что [Н.Н.] Кузьмин, [А.М.] Орехов, [И.К.] Наумов, [М.К.] Ветошкин были такого же мнения о Самойло, как [М.М.] Лашевич, Гусев, [И.Т.] Смилга о Каменеве, как и [С.И.] Аралов о [Ф.В.] Костяеве. Эти фронтовые привязанности — наша общая беда»^{VII}.

^I РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 51.

^{II} Подробнее см.: Носович А. Л. Белый агент в Красной армии; Ганин А. В. Военспецы. С. 547–643; Его же. Белый агент при Сталине.

^{III} См., напр.: Софронов Г. П. Неподвластное времени. М., 1976. С. 202.

^{IV} Каменева Н. С. Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982. С. 44.

^V Командующий Западным фронтом.

^{VI} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 200об.

^{VII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85.

К примеру, комиссар Уральского военного округа С.А. Анучин прямо заявлял, что «нет возможности сличать каждую бумажку с приказом или разверсткой, да и к тому [же] проверка бумаг, подписанных военруком, создает ненормальное отношение между мною и военруком, тем самым создается недоверие между мною и военруком»^I. Пост военрука занимал бывший генерал Г.М. Тихменев, старший брат которого, Н.М. Тихменев, служил на белом Юге. Следователь ВЧК, допрашивавший в начале 1919 г. работников штаба по поводу обстоятельств сдачи Перми, был поражен таким подходом Анучина и удивлялся: «Спрашивается, для чего же поставлен комиссар. По-моему, контролировать действия военрука, а не слепо идти у него на поводу»^{II}. Следствие установило, что «ответственные работники штаба не следили не только за работой штаба, но обращали даже мало внимания на общую организацию самого аппарата военного комиссариата, на состав служащих, в политическом смысле и на выполнение разных приказаний и распоряжений отделов...»^{III}

Отдельные комиссары даже заступались за арестованных военспецов. Видный партийный работник А.И. Окулов писал В.И. Ленину 6 января 1922 г. о курсовике бывшем подполковнике А.Х. Андерсоне: «Прошу Вас вызвать для следствия и суда тов. Андерсона, бывшего начштаба Троцкого в Свияжске и моего начштаба во время моей революционной работы. Андерсону угрожает расстрел в гор[оде] Новониколаевске. Я ручаюсь моей революционной совестью за лояльность этого человека»^{IV}. Правом освобождать арестованных из-под ареста обладал сравнительно узкий круг партийных работников. Согласно постановлению Совета рабочей и крестьянской обороны, с декабря 1918 г. это было возможно только по письменному поручительству двух членов коллегий народных комиссариатов либо двух членов горкомов или губкомов РКП(б)^V.

Личная преданность тому или иному партийному деятелю могла стать действенным способом выживания и построения карьеры генштабистами. Иногда военспецы и комиссары объединялись, образуя враждовавшие между собой группировки, как было, например, в штабе Северного фронта, расколовшемся осенью 1918 г. на два враждебных лагеря во главе с комиссарами Л.М. Глезаровым и Е.М. Пятницким^{VI}. Работа штаба конфликтом была практически парализована. Возможно, следствием этих событий стало упразднение Северного фронта в феврале 1919 г.

Аналогичный конфликт сопровождал неожиданную замену командующего Восточным фронтом С.С. Каменева на А.А. Самойло в мае 1919 г. РВС фронта не принял нового командующего и всячески препятствовал его работе, к тому же Каменев остался в расположении штаба фронта и тоже отстаивал свои интересы. В итоге Самойло пришлось после нескольких недель подковерного и открытого противоборства вернуться на Север в 6-ю армию, которой он командовал ранее.

^I РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 2. Л. 334об.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 2–2об.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1237. Л. 2.

^V Известия ВЦИК. 1918. 14.12. № 274 (538). С. 3.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. «Штаб разделился на два враждебных лагеря...»: Дело об «измене» в штабе Северного фронта // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 28–31.

Причины этой истории до сих пор не вполне ясны. По одной из версий, неожиданное назначение Самойло произошло по решению главкома И.И. Вацетиса при поддержке Л.Д. Троцкого в результате конфликта Вацетиса с РВС Восточного фронта (непосредственно с С.С. Каменевым и С.И. Гусевым, не вполне подчинявшимися Вацетису). По свидетельству Самойло, штаб Восточного фронта во главе с П.П. Лебедевым и РВС были против его назначения, а бывший командующий Каменев и вовсе таил неприязнь в отношении Самойло еще с дореволюционных времен. Более того, Каменев продолжал жить в Симбирске на квартире Гусева и после приезда Самойло и пытался через Гусева влиять на принимаемые новым руководством решения¹. Еще одной причиной того, что на новом месте Самойло долго не продержался, стал его конфликт с командующим 5-й армией М.Н. Тухачевским, который пользовался расположением В.И. Ленина. В дальнейшем, уже в период Тобольско-Петропавловской операции, у Тухачевского возник конфликт с еще одним командующим Восточным фронтом и старым генштабистом В.А. Ольдерогге. Подобные инциденты препятствовали нормальному функционированию штабов.

Некоторые военспецы не боялись открыто критиковать политработников за плохое обращение с бывшими офицерами. Начальник ЦУПВОСО бывший генерал М.М. Загю мог позволить себе довольно резкие заявления в адрес военкомов. 8 ноября 1918 г. Загю написал рапорт начальнику ПШ РВСР, в котором потребовал привлечь к ответственности за грубость комиссара Московского округа путей сообщения И.П. Савицкого, заявившего по телеграфу: «Тов. Загю, я требую от Вас, чтобы Вы не говорили мне глупостей»². Военспец сообщал: «Грубый тон И.П. Савицкого в служебных разговорах – обычное явление, и с этим приходилось уже мириться, но за допущенное им оскорбление меня как должностного лица прошу зависящих сношений о привлечении его к ответственности»³. Подобные документы едва ли могли исходить от затравленного репрессиями военспеца. Скорее, наоборот, не боявшийся пререкаться из-за пустякового повода с комиссаром Загю не представлял, что подобные поступки могут иметь для него неприятные последствия, даже если был абсолютно прав (впоследствии Загю был арестован). 18 ноября рапорт из ПШ РВСР был направлен Троцкому.

Иногда возникавшие конфликты комиссаров и генштабистов становились предметом специального расследования, причем комиссаров, ущемлявших права военспецов, порой одергивали. В частности, для расследования подобного инцидента между начальником военных сообщений Южного фронта И.И. Раттэлем и комиссаром Ф.К. Дмитриевым была создана специальная комиссия, которая в январе 1919 г. подготовила нижеследующее развернутое заключение: «По рассмотрении всех полученных комиссией данных из показаний допрошенных по делу лиц комиссия приходит к заключению, что все имевшие место между тов. Раттэлем и тов. Дмитриевым недоразумения возникали на почве расширенного толкования тов. Дмитриевым своих прав как военного комиссара сравнительно с установленным положением о военных комиссарах при уп[равлении] во[енных] со[общений]... каковое

¹ Самойло А. А. Две жизни. С. 250–251.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 17. Л. 94–94об.

³ Там же. Л. 94об.

расширенное толкование привело к тому, что тов. Дмитриев, смотря на себя как на равного во всех отношениях в правах с начальником уп[равления] во[енных] со[общений] и при этом считая себя достаточно компетентным в различных технических вопросах, вмешивался в права, предоставленные существующим положением нач[альнику] во[енных] со[общений]. При этом тов. Дмитриев, хотя и полагал, что таковое вмешательство должно повести к успеху дела, но в действительности это вмешательство, с одной стороны, мешало работе нач[альника] во[енных] со[общений], с другой же, в связи с присущими тов. Дмитриеву грубостью и отсутствием такта, проявлявшимися по отношению к служащим управления, создавало вообще неблагоприятную обстановку для правильной и спокойной работы последнего.

Из показаний допрошенных комиссией лиц комиссия не усматривает каких-либо указаний на преступность действий как тов. И.И. Раттэля, так и тов. Дмитриева^I. Таким образом, заключение комиссии носило примирительный характер, причем в документе осуждались действия комиссара.

Военспецы-генштабисты нуждались в комиссарской защите и поддержке. Бывший генерал-майор М.В. Энвальд заявил председателю Высшей военной инспекции Н.И. Подвойскому 21 августа 1918 г.: «Я бы хотел видеть партийную поддержку, потому что весь этот командный состав ничего не в состоянии сделать, тем более что много было нападков со стороны партийных товарищей. У нас заметно стремление выгородить себя перед солдатами и уронить командный состав, это очень легко прийти и сказать, что офицер ничего не стоит, но на этом отыгрываться нельзя. Я бы хотел, чтобы партийные работники поднимали престиж командного состава»^{II}.

Некоторые военспецы, как бывший генерал В.К. Гондель (негенштабист), были благодарны комиссарам, считая, что те обеспечивали их безопасность от разгромной событиями 1917 г. солдатской массы и подкрепляли авторитет «бывших». Гондель отмечал: «Видя невязку в работе командного и комиссаровского^{III} состава, наблюдая часто со стороны комиссаров действия, противные и чуждые военному делу, быту и строю, я нередко задумывался, нужен ли был при строительстве Красной армии институт комиссаров, и пришел к тому выводу, что без него строительство было бы невозможно. Пусть ВЦИК и Совнарком уверовали бы в истину, что добровольно предложившие свои услуги бывшие офицеры в силу воспитанной в них щепетильности и честности не могут быть изменниками и поэтому им надлежит предоставить работать безо всякого контроля со стороны господствующей политической партии. Но как могла отнестись к этому красноармейская масса. Составлявшие эту массу рабочие, крестьяне и солдаты были вовлечены в классовую борьбу, а так как старая армия и давно уже была классовая, то и борьбу против военной касты, которую составляло кадровое офицерство. Естественно, что рабочие, крестьяне и солдаты должны были недоумевать, когда увидели, что те, к беспощадной борьбе с которыми их звали еще вчера, являлись сегодня руководителями военного дела в Красной армии, и только присутствие рядом с этими врагами представителей рабоче-крестьянского правительства

^I РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 294. Л. 13.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 25.

^{III} Так в документе.

и господствующей политической партии могло рассеять это недоумение в силу врожденной привычки русского народа без всякой критики подчиняться признаваемой им власти. Как трудна была задача военных комиссаров: они должны были поддерживать авторитет тех, которым не доверяли, к которым относились с подозрением, над которыми были поставлены для явного и тайного контроля. Для этого требовался недюж[ин]ный ум, выдающаяся тактичность, выдержка и чуткость, и на почве непонимания и недомыслия вначале создавались эксцессы, вредные для строительства Красной армии»^I.

Взаимодействие военспецов и комиссаров шло в обоих направлениях. М. В. Фрунзе, к примеру, характеризовал видного генштабиста Н. Н. Петина в 1921 г.: «Человек львиной работоспособности и энергии. Отличный организатор. Был прекрасным начальником штаба фронта. Политически совершенно лоялен»^{II}. Бывший генерал Д. Н. Надежный вспоминал: «Когда я командовал Северным, а потом Западным фронтами, под влиянием видных партийных работников — членов РВС фронта я постепенно осознал правильность политической линии партии, но сказать, что я вполне политически возрос, конечно, было бы неверно»^{III}. Схожую оценку оставил другой бывший генерал В. Г. Себрянников: «Комиссары учились у старых офицеров и, как люди свежие, не связанные рутиной, но без глубоких специальных познаний, более влияли на метод работы, нежели на сущность дела»^{IV}. И действительно, военспецы через донесения, повседневное общение, манеры и привычки влияли на командный и политический состав Красной армии. Военспецы во многом вырабатывали советскую стратегию Гражданской войны и осуществляли стратегическое планирование. Стратегия же смыкалась с политикой, следовательно, их взгляды влияли и на принятие политических решений (прежде всего, конечно, применительно к военным делам).

В одном из выступлений председатель РВСР отметил: «Бывшие офицеры постепенно приучались с уважением относиться к своим сотрудникам-комиссарам. Они наблюдали изо дня в день, как комиссары, представители правящей партии, делегированные центром для ответственной работы, отдают себя делу целиком, не требуют для себя никаких привилегий, являются первыми туда, откуда грозит наибольшая опасность. Это нравственное влияние комиссаров не могло не привлекать лучшую часть командного состава к тому классу, который имеет тысячи и десятки тысяч таких работников для своих нужд»^V. Вождь РККА, по сути, отмечал большое психологическое и идеологическое воздействие общения военспецов с комиссарами.

В статье «Преступная демагогия» Троцкий летом 1919 г. предостерегал товарищей по партии от плохого обращения с военспецами: «Бывают горе-коммунисты, которые обращаются с военными специалистами как с подсудимыми или просто арестантами, полагая, что таким путем они обеспечивают интересы революции.

^I РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

^{II} Цит. по: Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 314.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 21.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3188 (168). Л. 18.

^V Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. С. 9.

На самом деле, они таким путем толкают неустойчивых, колеблющихся представителей командного состава искать спасения в деникинском лагере¹.

В свою очередь противники большевиков из левого лагеря упрекали их в прислуживании старому генералитету. В воззвании «Генеральским денщикам-коммунистам от повстанцев-махновцев», датированном июлем 1920 г., говорилось: «Разве не ваш “гениальный” Троцкий на задних лапках стоит перед генералом Брусиловым. А деникинские офицеры разве [не вошли] в командный состав Красной армии. Вся ваша хваленая высшая академия находится в руках царских блюдолизоз, а ныне ваших товарищей — генералов Зайончковского, Парского, Клембовского² и прочих. Трудно сказать, где кончается белогвардеец, где начинается коммунист.

Вы, коммунисты, даже не помещики, а лакеи генеральские, смиренные генеральские денщики»³.

Сложно сказать, была ли такая пропаганда действенной, так как на самом деле, конечно, было ровно наоборот — именно большевики использовали генштабистов в своих интересах. К примеру, отдельных генштабистов в конце Гражданской войны задействовали в работе по дискредитации эсеров как политических оппонентов РКП(б). Связанного с эсерами бывшего военного министра Временного правительства А.И. Верховского в период процесса над эсерами в 1922 г. вынуждали давать показания о представителях этой партии⁴. Аналогичным образом большевики пытались использовать группу пленных соратников белого генерала А.С. Бакича, процесс над которыми в Новониколаевске увязывался с эсеровским⁵.

Как только появилась возможность (благодаря подготовке специалистов в Академии Генштаба РККА) усилить партийную составляющую кадров Генштаба, такие шаги были предприняты. Приказом РВСР № 2008 от 2 октября 1920 г. все генштабисты — члены РКП(б) переводились на должности Генштаба и командные «для более полного и целесообразного использования коммунистов, получивших военное образование»⁶.

Политическая лояльность в обстановке Гражданской войны становилась важнейшим критерием для оценки службы военных профессионалов. До революции такого фактора офицерской службы практически не существовало, а немногочисленные исключения в виде революционно настроенных офицеров лишь подтверждали правило. В новых условиях необходим был жесткий контроль над военспецами, поскольку их лояльность оставалась под вопросом. Такой контроль осуществлялся политическими работниками РККА — военными комиссарами. Главным идеологом привлечения старого офицерства в РККА являлся нарком по военным делам и председатель РВСР Л.Д. Троцкий. Его политика наталкивалась на сопротивление многих партийцев. В начальный период Гражданской войны вопрос привлечения бывших офицеров на службу в новую армию нередко вызывал

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. С. 233.

² В документе ошибочно — Кломбовского.

³ Анархисты: Док. и мат., 1883–1935 гг.: в 2 т. М., 1999. Т. 2: 1917–1935 гг. С. 395.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 195–197; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 26. Л. 170; Правда. 1922. 22.06. № 136. С. 3. Впрочем, Верховский решил воспользоваться ситуацией для сведения счетов со своими недругами.

⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; Дело генерала Бакича: Сб. док. и мат. / под ред. Д. Г. Симонова, А. И. Савина. Новосибирск, 2022.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 250.

протесты в партийных кругах. Часть большевиков не без оснований боялась захвата Красной армии «бывшими» посредством занятия всех ключевых должностей. Получило распространение такое явление, как спешество — борьба с буржуазными специалистами. Особенно острым было противостояние Троцкого с наркомом И. В. Сталиным и его сторонниками, которые боролись против предоставления военспецам каких-либо серьезных полномочий. Лишь весной 1919 г. на VIII съезде РКП(б) был официально утвержден курс на построение Красной армии с привлечением военспецов. Тем не менее на протяжении большей части Гражданской войны в руководстве РКП(б) было понимание значимости военных профессионалов и их экспертных знаний. Не случайно некоторых генштабистов приглашали на правительственные заседания в Кремль¹.

Существовали различные варианты взаимодействия генштабистов и комиссаров. Многое зависело от интеллектуального багажа сторон, их ориентации на сотрудничество или на конфронтацию. Иногда возникали конфликты, вражда, преследования, но во многих случаях комиссары и специалисты начинали сотрудничать конструктивно, образуя даже своего рода тандемы. Комиссары нередко защищали специалистов от красноармейской массы. Кроме того, протекция комиссара могла помочь специалисту в построении карьеры. Покровительственным и, в целом, доброжелательным отношением к военспецам среди большевистской элиты, например, известны Л. Д. Троцкий, С. И. Аралов (сам являвшийся бывшим офицером), М. В. Фрунзе.

Практика комиссарского надзора за военспецами, в целом, себя оправдала, поскольку дореволюционное офицерство нуждалось в подобных надсмотрщиках, которые были бы решительными, не считались со старорежимными условностями, прежними заслугами и чинами, а требовали неукоснительной работы на результат. Показательно, что наиболее интеллектуально развитые военспецы пришли к пониманию необходимости подобной организации работы уже в Гражданскую войну. Например, главком С. С. Каменев заявлял: «Только удачное сочетание коммуниста и генштабиста (офицера Генерального штаба) дает все 100 % командования»². Мало было иметь ценный ресурс в виде сотен специалистов с высшим военным образованием, важно было грамотно распорядиться этим ресурсом, получить от него полную отдачу в виде конкретных результатов военного строительства и боевых операций. Такую отдачу от специалистов старого Генерального штаба большевики получили, а базовый принцип построения Красной армии себя оправдал, обеспечив большевикам достижение впечатляющей военной победы.

§ 5. Большевистские лидеры о военспецах-генштабистах

Высококвалифицированные выпускники Военной академии, вошедшие в высший командный состав РККА, завоевали авторитет в глазах большевистских лидеров.

¹ См., напр., удостоверение начальника мобилизационного отдела ВГШ бывшего генерала П. П. Лебедева на право свободного прохода в Кремль на заседание Малого Совнаркома 3 сентября 1918 г. (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 199). На заседания в Кремль в октябре — ноябре 1918 г. направляли бывшего генерала М. М. Заю (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 300; Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 103).

² Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 85.

В.И. Ленин с уважением относился к М.Д. Бонч-Бруевичу. Л.Д. Троцкий высоко ценил И.И. Вацетиса, В.И. Селивачева и др. (хотя не всегда возлагавшиеся Троцким на этих военспецов надежды оправдывались), был главным защитником генштабистов в политическом руководстве Советской России. М.В. Фрунзе объединил вокруг себя целую плеяду опытных генштабистов, с которыми старался не расставаться. В то же время негативное отношение И.В. Сталина ко многим старым генштабистам предопределялось его конфронтацией с их защитником Троцким.

Рассмотрим, как оценивались тремя вождями Советской России эпохи Гражданской войны В.И. Лениным, Л.Д. Троцким и И.В. Сталиным и какую роль играли в их деятельности военспецы-генштабисты. Объективно проанализировать этот вопрос позволяет контент-анализ эпистолярного наследия вождей за рассматриваемый период. Это дает возможность выявить частоту и характер упоминаний генштабистов, оценить круг общения большевистских вождей в среде дореволюционной военной элиты, степень погружения в военную проблематику. Разумеется, такой анализ не может претендовать на исчерпывающую полноту, поскольку многие документы остаются неопубликованными, но представляется крайне интересным.

По свидетельству С.И. Аралова, Ленин говорил о военспецах, что «это интеллигенция, вышедшая преимущественно из буржуазной и мелкобуржуазной среды. Их настроения, их колебания зависят от политического положения страны. С ними надо работать, их надо политически воспитывать, им надо создать благоприятную обстановку для работы. Они не белогвардейцы от рождения, особенно пехотинцы, армейцы. Многие из последних охотно работают с нами»¹. В мае 1918 г. Ленин советовал одному из красных командиров: «Учитесь всегда и везде... Учитесь у офицеров-генштабистов, а также у противника»².

Ленин в документации Гражданской войны упоминал отдельных, как правило, лично ему известных военспецов-генштабистов. Контекст этих упоминаний во многих случаях позитивный либо нейтральный. Стоит отметить, что ленинские документы опубликованы максимально полно, так что мы можем анализировать практически все упоминания интересующих нас лиц (впрочем, часть документов была утрачена, а о некоторых в публикациях ленинских работ лишь упоминается).

В военной переписке Ленина упоминались: М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис, А.И. Верховский, С.С. Каменев, Ф.В. Костяев, В.В. Марушевский, С.И. Одинцов, В.А. Ольдерогге, Н.И. Раттэль, В.И. Селивачев, Н.В. Соллогуб, П.П. Сытин, С.Д. Харламов. В не публиковавшихся в советский период документах Ленина фигурировали также В.П. Глаголев, А.Л. Носович и М.Н. Суворов. Всего в опубликованных ленинских документах нами выявлены 97 упоминаний 17 военспецов-генштабистов. Частота и контекст упоминаний тех или иных персоналий Лениным позволяют составить своего рода рейтинг влияния военспецов-генштабистов на большевистского вождя (табл. 50).

¹ Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. М., 1989. С. 87.

² Там же. С. 29.

Частота и контекст упоминаний военспецов-генштабистов в опубликованных документах В. И. Ленина периода 1917–1922 гг.¹

Ф.И.О.	Количество упоминаний и их контекст			
	Позитивный	Нейтральный (деловой)	Негативный	Всего
С. С. Каменев	2	36	7	45
И. И. Вацетис	2	22	2	26
М. Д. Бонч-Бруевич	1	5		6
П. П. Сытин		3		3
В. И. Селивачев		1	2	3
С. И. Одинцов		1	1	2
В. А. Ольдерогге			2	2
Ф. В. Костяев		1		1
Н. И. Раттэль		1		1
С. Д. Харламов		1		1
Н. В. Соллогуб		1		1
М. Н. Суворов		1		1
В. П. Глаголев		1		1
А. И. Верховский		1		1
В. В. Марушевский			1	1
А. Л. Носович			1	1
А. К. Ремезов			1	1

При всей условности отнесения контекста упоминаний к той или иной категории (к примеру, даже рассуждая о возможном расстреле командовавшего Восточным фронтом И.И. Вацетиса, Ленин составлял документ в оптимистическом духе) перечень упомянутых в ленинских документах персоналий свидетельствует о том, что большевистский лидер знал лишь отдельных представителей высшего командного состава РККА. В силу объективных причин Лениным чаще остальных упоминались главкомы И.И. Вацетис и С. С. Каменев. Причем Каменев, занимавший пост главкома дольше Вацетиса, упоминался значительно чаще. Помимо большей продолжительности его пребывания на посту главкома, по всей видимости, он ближе стоял к Ленину и оказывал на большевистского лидера большее влияние, нежели его предшественник. Об этом свидетельствует и то, что Каменев лидирует как по нейтральным, так и по отрицательным упоминаниям Лениным. Тесно сотрудничал с Лениным и М.Д. Бонч-Бруевич, хотя частота его упоминаний намного ниже. Лишь единичные упоминания М.Д. Бонч-Бруевича, И.И. Вацетиса и С. С. Каменева Лениным носят по-настоящему положительный характер. Из всех троих родоначальников РККА только Бонч-Бруевич удостоился самого восторженного

¹ Сост. по: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969–1981. Т. 35–45; 50–51; *Его же*. Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987; *Его же*. Известные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. Не учитывались упоминания военспецов-генштабистов в документах, авторство которых не принадлежало Ленину. Отдельные ленинские документы выявлены по: The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1; Hague; Paris, 1971. Vol. 2.

ленинского эпитета — в 1922 г. в письме И.В. Сталину Ленин назвал Бонч-Бруевича «выдающимся царским генералом»^I. Ленин действительно высоко ценил военный авторитет Бонч-Бруевича. Вацетис и Каменев также пользовались доверием большевистского лидера^{II}.

Большинство нейтральных упоминаний генштабистов Лениным в Гражданскую войну связано с текущими задачами фронта и оперативными вопросами. Отдельные ленинские упоминания военспецов-генштабистов связаны с нуждами РККА в квалифицированных командных кадрах и заботой об этом, в том числе в связи с необоснованными арестами военспецов (например, упоминание генштабиста М.Н. Суворова, освобождения и отправки которого на фронт Ленин пытался добиться^{III}).

Негативные упоминания военспецов-генштабистов Лениным связаны со случаями измены, ошибками и особенно с проволочками в работе. Большевистский лидер не стеснялся в выражениях. 16 сентября 1919 г. он писал С.И. Гусеву о командующем Восточным фронтом В.А. Ольдерогге: «на сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге»^{IV}. В тот же день Л.Д. Троцкому, Л.П. Серебрякову и М.М. Лашевичу Ленин писал о крайней неэнергичности Ольдерогге. Доставалось и главному С.С. Каменеву, которого Ленин обвинял в глупости^V, нервозности^{VI}, невежестве, еженедельной перемене расчетов и опасных шатаниях^{VII}.

Не упоминая фамилии, а лишь по должности Ленин в телеграмме И.В. Сталину в конце мая 1919 г. критически отозвался о командующем 7-й армией бывшем генерал-майоре А.К. Ремезове: «Командарм 7-й не в своем штабе, а при [Г.Е.] Зиновьеве, превращен в адъютанта Зиновьева, оторван от своего штаба, чем приносится вред делу, усиливается хаос и паника»^{VIII}. Сталин 2 июня 1919 г. резко ответил на это: «Карикатурные изображения отношения командарма к Зиновьеву — гнусная сплетня мелких карьеристов, разъезжающих в шикарных вагонах, чуждых делу фронта, способных лишь на пустую болтовню»^{IX}.

В период сразу после большевистского переворота Ленин упоминал и офицеров-генштабистов, которые могли поступить на службу новой власти, но не сделали этого, — например, Н.Г. Володченко. К этому же времени относится упоминание В.В. Марушевского, оставшегося по инерции во главе военного ведомства и арестованного за неподчинение новой власти^X. Разумеется, упоминались Лениным и генштабисты, возглавлявшие антибольшевистский лагерь, однако анализ этих упоминаний, носящих пропагандистский характер, не входит в наши задачи.

^I Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 290.

^{II} См., напр., резолюцию Ленина в связи с докладной запиской Вацетиса от 23 апреля 1919 г. (The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 354, 356).

^{III} Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 265.

^{IV} Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 203.

^V The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 2. P. 364, 372.

^{VI} Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 258.

^{VII} Там же. С. 266.

^{VIII} Там же. С. 158.

^{IX} Сталин И. В. Труды. М., 2017. Т. 11. С. 277.

^X Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 23.

Судя по содержанию ленинских документов, большевистский лидер не сразу усвоил, кто такие генштабисты и для чего они необходимы. Первоначально как в их отношении, так и в отношении военспецов вообще Ленину были присущи непоследовательность, неуверенность и взаимоисключающие метания. Наиболее яркий пример связан с И.И. Вацетисом, которого Ленин в августе 1918 г. сначала предложил назначить главнокомандующим, а через несколько дней — расстрелять^I. В своей речи в «день красного офицера» 24 ноября 1918 г. Ленин заявил, что старый командный состав «состоял преимущественно из избалованных и извращенных сынков капиталистов, которые ничего не имели общего с простым солдатом», а для Красной армии следует брать командиров исключительно из народа, так как только красные офицеры будут иметь авторитет^{II}. Даже весной 1919 г. Ленин наивно спрашивал Троцкого, не прогнать ли всех военспецов из РККА^{III}. Подобный сумбур и неопределенность точки зрения Ленина создавали благодатную почву для деятельности «военной оппозиции», боровшейся с курсом Троцкого, кроме того, они едва ли свидетельствуют о глубоком понимании Лениным действительных нужд Красной армии и о продуманности ленинской военной политики в это время. Лишь весной — летом 1919 г. такое понимание наконец сложилось, что нашло отражение как в позиции Ленина на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., так и в июльском письме ЦК партийным организациям «Все на борьбу с Деникиным!»^{IV}.

Первоначально Ленин не скупился на угрозы в адрес генштабистов, порой совершенно бессмысленные. Так, в связи с экстренным приездом наркома советской ревизии М.С. Кедрова в Москву 9 августа 1918 г. Ленин направил в ВВС предписание предоставить имена шести бывших генералов и двенадцати генштабистов, отвечавших за точное исполнение распоряжения о снабжении Северного фронта, и предупредить их, «что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят»^V. Кедров описывал реакцию сотрудников ВВС на записку Ленина: «Точно бомба взорвалась... Все забегало, засуетилось, заговорило, зашумело... Трещали звонки, отдавались приказания... К 12 часам ночи все должно быть доставлено на Ярославский вокзал и погружено в вагоны»^{VI}. Троцкий подобных выходов в отношении дефицитных представителей военной элиты себе не позволял. Со временем прекратились они и у Ленина.

Анализ упоминаний Лениным генштабистов свидетельствует о сравнительно неглубоком погружении большевистского лидера в военные вопросы, курировавшиеся генштабистами, и о том, что интерес к этим проблемам у Ленина проявлялся спорадически — обычно в периоды обострения борьбы на фронтах, когда требовалось его личное вмешательство. Взаимодействию с военспецами-генштабистами по военным вопросам Ленин явно предпочитал контакты с партийными военными работниками (С.И. Гусевым, М.М. Лашевичем, Н.И. Подвойским, Э.М. Склянским, И.Т. Смильгой, Г.Я. Сокольниковым, Л.Д. Троцким, М.В. Фрунзе),

^I HIA. Trotsky collection. Box 3. Folder 13; Box 8. Folder 6.

^{II} В. И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 337.

^{III} Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 435.

^{IV} В. И. Ленин о войне, армии и военной науке. Т. 2. С. 421.

^V Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. С. 74.

^{VI} Кедров М. С. За Советский север. С. 130.

через которых осуществлял контроль над армией. Поразительно, что в документах Ленина не нашлось места для ряда военспецов-генштабистов первого эшелона, внесших огромный вклад в создание РККА. Так, не обнаружены упоминания Лениным Н.М. Потапова, П.П. Лебедева и др. Стоит отметить, что Лениным фактически не упоминались и выдающиеся военспецы-генштабисты, занимавшиеся военно-научной и военно-педагогической работой: А.А. Свечин, А.Е. Снесарев и др. После ноября 1920 г., с окончанием широкомасштабной Гражданской войны, военспецы-генштабисты за исключением главкома С.С. Каменева и случайно упомянутого М.Д. Бонч-Бруевича (при характеристике его однофамильца изобретателя М.А. Бонч-Бруевича) в документах Ленина перестают встречаться вообще.

Именно Ленину приписывается сочувственная фраза из разговора с воронежским военспецом в 1919 г.: «Те условия, при которых мы живем сейчас, не дают нам возможности дать привилегированное положение специалистам»^I. В докладе, датированном 1 марта 1920 г., Ленин вспоминал о том, как создавалась Красная армия: «Нужно было набирать командный состав из бывших офицеров, чтобы рабочие и крестьяне могли у них учиться, ибо без науки современную армию построить нельзя, и приходится отдавать ее в руки военспецов. Это задача трудная, но мы и ее одолели»^{II}. Более того, весной 1920 г. Ленин неоднократно отмечал, что без военспецов не было бы ни Красной армии, ни ее побед^{III}. Таким образом, военные специалисты заслужили доверие большевистского лидера.

Некоторые военспецы, близко работавшие с Лениным, находились под сильнейшим впечатлением от его личности. Например, бывший генерал Н.М. Потапов вспоминал: «Неотразимое впечатление произвела обаятельная личность Владимира Ильича, его приветливое дружеское отношение к окружающим, его быстрое схватывание сущности вопросов, его краткие и меткие замечания. Мне чрезвычайно импонировала именно скромность, простота и в то же время исключительная деловитость всей обстановки»^{IV}. Предположительно курсовик Б.И. Кузнецов под впечатлением от совещания у Ленина шепнул большевику С.И. Аралову: «А ведь Владимир Ильич – настоящий генерал-профессор в военных вопросах»^V.

В документах Л.Д. Троцкого, стоявшего ближе всех троих большевистских вождей к Красной армии, достаточно много упоминаний военспецов. Всего в сборниках документов Троцкого нами выявлены 118 упоминаний 40 военспецов-генштабистов: в сборнике произведений Троцкого «Как вооружалась революция» упомянут, по крайней мере, 21 военспец-генштабист, а в бумагах Троцкого – 26 человек, повторяются и там и там имена 7 военспецов. Частота и контекст упоминаний следующие (табл. 51).

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 44. Л. 73.

^{II} Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 182–183.

^{III} Там же. С. 199, 218.

^{IV} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 170. Л. 50.

^V Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. С. 47.

Частота и контекст упоминаний военспецов-генштабистов в опубликованных документах Л. Д. Троцкого периода 1917–1922 гг.¹

Ф.И.О.	Количество упоминаний и их контекст			
	Позитивный	Нейтральный (деловой)	Негативный	Всего
С. С. Каменев	5	13		18
И. И. Вацетис	5	11	1	17
М. Д. Бонч-Бруевич	2	4		6
А. А. Свечин	2	2	2	6
А. И. Верховский	2		4	6
П. П. Лебедев	1	5		6
А. А. Самойло	1	4		5
Н. И. Раттэль	1	3		4
Н. Г. Семенов		3	1	4
Д. Н. Надежный	1	2		3
А. М. Перемытов	1	2		3
П. П. Сытин	1	2		3
В. Н. Егорьев		2	1	3
В. И. Селивачев		3		3
С. Д. Харламов	1	1		2
В. П. Глаголев		2		2
С. Г. Лукирский		2		2
В. Е. Борисов			2	2
Ф. Е. Махин			2	2
М. М. Петров	1			1
А. Е. Снесарев	1			1
С. И. Одинцов	1			1
А. М. Зайончковский		1		1
Ф. Е. Огородников		1		1
К. Ю. Берендс		1		1
А. И. Геккер		1		1
Ф. В. Костяев		1		1
Е. И. Мартынов		1		1
С. А. Меженинов		1		1
Б. П. Поляков		1		1
Л. И. Савченко-Маценко		1		1
Н. Д. Всеволодов		1		1

¹ Сост. по: The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1–2; *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923–1925. Кн. 1–3. Не учитывались упоминания военспецов-генштабистов в документах, авторство которых не принадлежало Троцкому.

Ф.И.О.	Количество упоминаний и их контекст			
	Позитивный	Нейтральный (деловой)	Негативный	Всего
М. М. Загю		1		1
Я. А. Слащев		1		1
Д. К. Лебедев			1	1
В. Я. Лундеквист			1	1
В. Ф. Новицкий			1	1
А. Л. Носович			1	1
Н. С. Беляев			1	1
Б. П. Богословский			1	1

При сопоставлении этих упоминаний с ленинскими можно сделать ряд важных выводов. Как в документах Ленина, так и в документах Троцкого упоминаются 12 персоналий, практически у Троцкого встречаются все упомянутые Лениным за исключением единичных военспецов. Ленин намного сдержаннее Троцкого в положительных оценках работы военспецов. В ленинских документах удалось выявить только пять упоминаний военспецов-генштабистов в положительном контексте (5,1 % всех упоминаний), тогда как в документах Троцкого положительных отзывов гораздо больше – 26 (22 %), что связано с большей близостью Троцкого к военной элите и с тем, что политика привлечения военспецов являлась его детищем. При этом все ленинские положительные отзывы касались только тесно сотрудничавших с ним Каменева, Вацетиса и Бонч-Бруевича, тогда как Троцкий позитивно отзывался о намного более широком круге военных деятелей (в общей сложности 15 человек – в пять раз больше, чем у Ленина). Положительные оценки Троцкого связаны с профессионализмом военспецов, их опытностью и даже незаменимостью.

В своих выступлениях Троцкий не скупился на похвалу в адрес добросовестных военспецов-генштабистов, признавал их заслуги в победе РККА, а главнокомандующий С.С. Каменев в 1922 г. даже поздравил с трехлетием пребывания в должности. Председатель РВСР отмечал, что «наряду с изменами и изменниками, наряду с агентами чужеземного империализма, Лундеквистами, кадровые офицеры в составе Красной армии имеют своих героев и мучеников...»¹ Речь шла о белом подпольщике в Петрограде бывшем полковнике В.Я. Лундеквисте. При этом изменников (Лундеквиста, Б.П. Богословского, Ф.Е. Махина, А.Л. Носовича) Троцкий упоминал довольно часто.

Процент упоминаний военспецов в негативном контексте и у Ленина, и у Троцкого примерно равный. Всего в негативном контексте военспецы Лениным упоминаются 17 раз (17,5 % упоминаний), а Троцким – 19 раз (16 %). При этом Ленин в негативном контексте упомянул 8 человек, а Троцкий – 13. Негативные упоминания военспецов-генштабистов Троцким связаны со случаями измены, политическими

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2, кн. 2. С. 10.

демаршами военспецов, нерешительностью, колебаниями, непониманием стоящих перед ними задач.

Как пример взаимоотношений большевистских вождей с военспецами интересна история с выступлением бывшего генерала В.Ф. Новицкого — профессора Академии Генштаба РККА. Получив предложение занять ответственный пост в РККА, Новицкий телеграфировал Троцкому, что воздерживается, причем ответ Новицкого был предан огласке через печать в тот же день. В своем ответе Новицкий заявил, что к военспецам необходимо относиться с доверием, соблюдать их служебное и человеческое достоинство, чего не было, по его мнению, в РККА. В этой связи Л.Д. Троцкий написал письмо начальнику академии, в котором указал, что демонстрация Новицкого «направлена не против советской власти, а против тех военных специалистов, которые считают не только возможным, но и обязательным для себя работать над обеспечением обороноспособности страны»¹. Выступление Новицкого Троцкий охарактеризовал как саботаж обороны Советской России и поставил перед начальником академии вопрос о том, «в какой мере призыв к саботажу работы по обороне совместим со званием военного воспитателя»². Тем не менее Новицкий продолжил военно-педагогическую работу.

И у Ленина, и у Троцкого первые три позиции наиболее часто упоминаемых военспецов совпали: их занимают отцы-основатели РККА — С.С. Каменев, И.И. Вацетис и М.Д. Бонч-Бруевич. При этом Ленин упоминал двух главкомов гораздо чаще Троцкого, а частота упоминаний Бонч-Бруевича у обоих вождей совпадает. Обращает на себя внимание и тот факт, что частота упоминаний Троцким Вацетиса и Каменева примерно равна, несмотря на то что Каменев занимал должность главкома намного дольше. К примеру, Ленин упоминал Каменева примерно в 1,7 раза чаще, чем Вацетиса. Причина этого, видимо, кроется в том, что Каменев был очевидным ленинским выдвиженцем, тогда как Троцкий ближе работал с Вацетисом. Кроме того, именно на период пребывания главкомом Вацетиса в 1918–1919 гг. пришлось наиболее активная оперативно-организационная работа Троцкого в РККА.

В отличие от Ленина Троцкий знал не только верхний эшелон военной элиты, но и военспецов-генштабистов второго плана, в его документах фигурировали и те, кто трудился на военно-научном поприще, причем Троцкий активно и на равных с ними дискутировал по различным вопросам, нередко признавая правоту и компетентность военспецов. Однако, если вождь Красной армии считал, что военспецы заблуждаются в каких-то принципиальных вопросах, на них обрушивалась вся мощь его сатиры. В ход шли такие эпитеты, как «старый академический хлам», «мудрость, изъеденная молью» и т.д.³ Некоторым военспецам (В.Ф. Новицкому, А.А. Свечину) были посвящены целые критические произведения Троцкого, причем критик ехидно высмеивал политическую незрелость военспецов.

Сами генштабисты порой обращались к председателю РВСР с различными просьбами о заступничестве. Например, такое письмо 12 ноября 1918 г. ему

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 146. Черновик с правкой см.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 467. Л. 188.

² Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1. С. 146. Черновик с правкой см.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 467. Л. 188.

³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2, кн. 1. С. 151.

направил командующий Северным фронтом Д.П. Парский, в отношении которого тогда возник ряд обвинений^I.

Троцкий принимал непосредственное участие в решении вопросов по кадрам Генштаба. Например, в период обороны Петрограда 20 октября 1919 г. он направил следующую телеграмму своему заместителю Э.М. Скиянскому: «Оба начальника дивизий 7-й армии и вообще комсостав никуда не годится. В этом одно из главных препятствий. Если прибыл Генштаба [В.В.] Любимов и не получил назначения, предлагаю немедленно выслать его в мое распоряжение»^{II}. 24 октября в телеграмме В.И. Ленину и Э.М. Скиянскому он дал подробные характеристики генштабистам, руководившим обороной города, — бывшему генералу Д.Н. Надежному и бывшему полковнику С.Д. Харламову: «Надежный вступил в командование 7-й армией в момент полного расстройств. Уже на второй день армия почувствовала уверенное, твердое руководство. Бывший командарм Харламов, растерявшийся под влиянием катастрофического отступления, ныне прекрасно работает как командир ударной группы под общим руководством Надежного. Считаю, что своевременное назначение Надежного сыграло важнейшую роль в спасении Петрограда»^{III}. Особо отметим, что эта телеграмма в тот же день была сообщена Троцким и самому Надежному, чтобы его морально поддержать^{IV}.

Вообще моральный дух высшего командного состава Троцкий старался поддерживать. Так, С.И. Одинцову при назначении его в ноябре 1919 г. командующим 7-й армией от РВСР была направлена телеграмма: «Назначая Вас командующим доблестной 7-й армии, Реввоенсовет республики выражает уверенность в том, что под Вашим руководством армия завершит разгром Юденича»^V.

По сравнению с ленинскими больше в документации Троцкого фактов его заступничества за репрессированных военспецов (М.М. Загю, Б.П. Полякова, Л.И. Савченко-Маценко). Все это свидетельствует о тесной взаимосвязи председателя РВСР со специалистами Генштаба различных уровней.

Заступался Троцкий и за тех военспецов, которые подвергались необоснованной критике партийного руководства. Характерна его почтотелефонограмма Ленину и наркому иностранных дел Г.В. Чичерину от 1 мая 1920 г.: «Нарекания тов. Чичерина на командарма 7[-й] Одинцова представляются мне недоразумением. Тов. Чичерин возражает против “бывшего царского генерала” Одинцова, который действует старыми методами разоружения и расстрелов. Одинцов несет ответственность за свою армию... Одинцов не может допустить, что[бы] в районе расположения красных частей оставалось вооруженное население, которое предъявляет требования об уходе наших частей...»^{VI}

Стоит, однако, отметить, что документы Троцкого не введены в научный оборот столь скрупулезно и полно, как наследие Ленина. Таким образом, говорить

^I РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 63. Л. 5–6об. Документ опубликован в: Ганин А. В. Военспецы. С. 64–66.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1375. Л. 7.

^{III} Там же. Л. 11. В следующей редакции телеграммы «важнейшую роль» Троцкий заменил на «крупную роль» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 469).

^{IV} РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1375. Л. 12.

^V Там же. Л. 22.

^{VI} The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 2. P. 154.

о полноте картины в его случае не приходится. Тем не менее определенное представление о восприятии Троцким генштабистов проведенный анализ дает.

В целом для характеристики степени вовлеченности высших большевистских руководителей в военно-административную и оперативную работу представляет наиболее точным следующее высказывание Троцкого: «Мы занимались только общими вопросами военной стратегии, связанными с политикой, а в них мы все-таки разобрались»^I.

Колоссальная роль Троцкого в поддержке военспецов-генштабистов не была секретом для белой разведки. В приложении к докладу начальника разведывательного отделения штаба главкома ВСЮР полковника В.Д. Хартулари от 6 (19) июня 1919 г. отмечалось, что «Троцкий к офицерам Генерального штаба относится очень хорошо и на них строит всю надежду на будущее. В последнее время по его настоянию все ответственные командные посты, особенно командармов, решено передать генштабам»^{II}. И хотя передача всех постов командующих армиями генштабистам является преувеличением, в остальном разведчики белых не ошиблись. Неизвестный автор доклада о положении в Советской России к 14 августа 1919 г. сообщал сибирским белым властям, что отношение красноармейцев к военспецам «в большей части хотя и подозрительное, но сносное; время от времени, однако, в печати появляются приказы Троцкого о том, что пора прекратить недоверие к офицерскому составу, надобность в каковых приказах, очевидно, вызывается соответствующими фактами»^{III}.

Многие военспецы преклонялись перед Троцким, продолжая восхищаться им даже перед врагами. Допрошенный в начале 1920 г. белыми пленный военспец-генштабист М.П. Строев (Рихтер), невзирая на возможные последствия подобных откровений, отмечал, что Троцкий — истинный и едва ли не единственный защитник офицерства в Советской России^{IV}. Видный военный специалист Н.Н. Петин даже назвал в честь Троцкого своего сына, родившегося в 1919 г. в Смоленске^V. Арестованный военспец-генштабист бывший полковник И.И. Щолоков в откровенном тюремном разговоре с белым подпольщиком в 1920 г. прямо сказал: «Троцкий все же не такой дурак, как ваши белые генералы»^{VI}.

Наконец, обратимся к документам И.В. Сталина за период с апреля 1918 по июль 1922 г., в которых также немало упоминаний военспецов-генштабистов. Следует оговорить специфику этих материалов — в большинстве случаев речь идет не о каких-то персональных упоминаниях, а лишь об адресатах рассылки тех или иных бумаг, завизированных Сталиным (порой рассылки были коллективными). В этой связи наиболее часто встречаются нейтральные (деловые) упоминания (см. табл. 52).

^I Цит. по: Кишин Ю. Я. Лев Троцкий — военный теоретик. Клинцы, 2003. С. 13.

^{II} HIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 10.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 201. Л. 13об.

^{IV} HIA. P. A. Koussonsky collection. Box 10. Folder 42. Документ опубликован в: Ганин А. В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.

^V Выражаю сердечную благодарность правнучке Н. Н. Петина М. Л. Урих и внучке Н. Н. Петина Н. В. Новиковой за предоставленные материалы семейного архива.

^{VI} Трубецкой С. Е. Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 320.

Частота и контекст упоминаний военспецов-генштабистов в опубликованных документах И. В. Сталина периода 1918–1922 гг.¹

Ф.И.О.	Количество упоминаний и их контекст			
	Позитивный	Нейтральный (деловой)	Негативный	Всего
С. С. Каменев		237	1	238
Н. Н. Петин	6	67		73
С. А. Меженинов	1	63		64
П. П. Лебедев		59		59
А. И. Геккер		55		55
Н. В. Соллогуб		34		34
А. И. Корк	3	27		30
И. И. Вацетис	1	21	8	30
М. В. Молкочанов		19		19
П. П. Сытин		5	12	17
А. Е. Снесарев		5	10	15
В. П. Глаголев		12	1	13
Ф. В. Костяев		6	5	11
И. Х. Паука	1	9		10
Н. И. Раттэль		7		7
А. Н. Ковалевский		4	2	6
А. Л. Носович		2	4	6
С. Д. Харламов		6		6
Н. Г. Семенов		5		5
М. С. Свечников		5		5
М. Д. Бонч-Бруевич		4		4
М. В. Фастыковский		4		4
Г. М. Шейдеман		4		4
В. Н. Егорьев		3		3
В. И. Селивачев		3		3
А. К. Ремезов		3		3
А. П. Панкратьев		3		3
В. В. Сергеев		1	2	3
М. П. Строев (Рихтер)		2		2
Д. Н. Надежный			2	2
З. И. Зайченко		1	1	2
М. И. Алафузо		2		2
М. А. Орлов		2		2
А. М. Зайончковский	1			1

¹ Сост. по: Сталин И. В. Труды. М., 2016–2021. Т. 8–18.

Ф.И.О.	Количество упоминаний и их контекст			
	Позитивный	Нейтральный (деловой)	Негативный	Всего
С. Н. Голубев		1		1
Е. В. Сысоев		1		1
А. В. Косматов		1		1
А. А. Самойло		1		1
В. Л. Баранович		1		1
Н. Е. Какурин		1		1
Ф. Ф. Новицкий			1	1
Н. В. Пневский			1	1
И. Н. Полковников			1	1

Сталин выделял генштабистов из общей массы военспецов. Если у Ленина и Троцкого фигурировали самые разные лица, то в сталинских бумагах упоминались лишь те, с кем он взаимодействовал по службе, – подчиненные или работники центрального военного аппарата. Обращает на себя внимание незначительное количество положительных оценок. В большинстве случаев упоминания носили деловой характер, но Сталин заметно лидирует среди других вождей по числу отрицательных упоминаний. Поскольку значительную часть упоминаний составляют адресаты военной переписки, рейтинг близости к Сталину генштабистов на основе этих данных составить не удастся. Тем более что те, кто работал вместе с будущим вождем, адресатами телеграмм и других сообщений становились редко (как, например, Н.Д. Либус, А.П. Панкратьев, И.Х. Паука, Н.Н. Петин). Отметим, что наиболее часто в документах упоминались Сталиным С.С. Каменев, Н.Н. Петин, С.А. Меженинов, П.П. Лебедев, А.И. Геккер, Н.В. Соллогуб, А.И. Корк, И.И. Вацетис, М.В. Молочанов и П.П. Сытин.

Как следует из проведенного анализа, Сталин взаимодействовал с довольно широким кругом выпускников академии. В окружении Сталина, как впоследствии иронизировал Троцкий, комиссары имели каждый «своего спеца, только сортом пониже»¹. В опубликованных сталинских документах 1918–1922 гг. удалось выявить упоминания 43 человек – даже больше, чем в опубликованных документах Троцкого (возможно, это связано с большей полнотой публикации первых). При этом начиная с осени 1920 г. упоминания генштабистов в сталинских бумагах практически исчезают в связи с переходом будущего вождя на другую работу.

Из военспецов РККА летом 1918 г. в негативном контексте Сталин упоминал военного руководителя Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарева как вероятного саботажника². При расследовании обстоятельств сдачи Перми Сталин неоднократно в негативном контексте упоминал главкома И.И. Вацетиса по причине

¹ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 201.

² Документы по истории Гражданской войны в СССР. М., 1941. Т. 1: Первый этап Гражданской войны. С. 239.

ненадежности присылаемых на Восточный фронт пополнений, непоследовательности, необдуманности, легкомысленности и расплывчатости распоряжений^I. Цитируя показания командующего Восточным фронтом С.С. Каменева, Сталин в негативном контексте (вызов командующего 2-й армией В.И. Шорина в Серпухов для малозначительной беседы, из-за чего было впустую потрачено время) упомянул начальника ПШ РВСР Ф.В. Костяева^{II}.

Негативные упоминания Вацетиса и Костяева присутствуют и в дальнейших сталинских документах. 25 мая 1919 г. в связи с операциями под Петроградом Сталин обвинил их в незнании присылаемых пополнений и непосредственно главкома в неправильности распоряжений^{III}. В июне 1919 г. Сталин и вовсе сообщил Ленину, что ВГШ и ПШ РВСР (во главе с Костяевым) работают на белых^{IV}. Критической оценки в августе 1919 г. удостоился командующий 16-й армией В.П. Глаголев, который, по мнению командующего Западным фронтом В.М. Гиттиса и членов РВС, «за короткий срок командования армией проявил себя [с] отрицательной стороны, не обнаружив необходимой твердой воли, энергии и правильной оценки обстановки, причем при осложнившемся положении армии [в] своих докладах обнаружил непозволительно легкомысленное отношение [к] оценке положения»^V. В итоге Глаголев был отстранен.

Оказавшись на Южном фронте, Сталин в негативном контексте упоминал главкома С.С. Каменева, обвиняя его в упрямстве отстаивания прежнего плана действий, что, по мнению Сталина, есть «самая тупая и самая опасная для республики фракционность»^{VI}. В 1920 г. после неудачи наступления на Польшу Сталин требовал усиления контроля ЦК над главкомом и ПШ РВСР^{VII}. В начале августа 1920 г. Сталин даже сообщил Ленину о Каменеве: «Обещаниям главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит»^{VIII}. Сталин в негативном контексте упоминал Д.Н. Надежного: «Не командующий, он не способен командовать, он загубит вконец Зап[адный] фронт»^{IX}. Резкой критики удостоился и Ф.Ф. Новицкий из-за его промахов как военного эксперта по вопросам определения линии перемирия на переговорах с Польшей осенью 1920 г.^X

Было бы неверно считать, что Сталин относился к военспецам исключительно негативно. В 1919 г. он, думается, пришел к пониманию важности их присутствия в РККА и даже сработался с некоторыми из них. Бывший генерал Е.З. Барсуков вспоминал о сотрудничестве со Сталиным как членом РВС Западного фронта в Смоленске летом 1919 г.^{XI} Со Сталиным как членом РВС нескольких фронтов длительное время в 1919–1920 гг. работал Н.Н. Петин в качестве начальника штаба Западного, Южного и Юго-Западного фронтов. Документы свидетельствуют

^I Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 4: Ноябрь 1917 — 1920. С. 186, 193, 198, 211–212.

^{II} Там же. С. 211.

^{III} Там же. С. 258–259.

^{IV} Сталин И. В. Труды. Т. 11. С. 284.

^V Сталин И. В. Труды. М., 2018. Т. 12. С. 52.

^{VI} Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. С. 277.

^{VII} Там же. С. 350.

^{VIII} Сталин И. В. Труды. М., 2019. Т. 15. С. 265.

^{IX} The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 520.

^X Сталин И. В. Труды. М., 2020. Т. 16. С. 56.

^{XI} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 591.

о доброжелательном отношении Сталина к военспецу. В частности, Сталин при переговорах по прямому проводу в январе 1920 г. справлялся о здоровье Петина^I, выразил ему благодарность в приказе армиям Южного фронта «за понесенные труды и энергию в деле общего управления армиями фронта, твердым знанием дела, умелым и решительным руководством сумевшему за короткий срок поставить работу штаба фронта на должную высоту»^{II}. Петину тогда же «за воссоздание штаба Южного фронта, всего полевого управления, за умелую, неутомимую оперативно-административную работу» РВС фронта постановил выдать 30 000 руб. наградных^{III}. Кроме того, в феврале 1920 г. Сталин направил специальную телеграмму Томскому ревкому с поручением разыскать семью Петина и в случае ее бедственного положения «ввиду особых заслуг тов. Петина перед советской властью» выдать близким военспеца 10 000 руб. за счет РВС Юго-Западного фронта^{IV}. Когда в июне 1920 г. начальник ВГШ Н.И. Раттэль подал прошение об отставке, преемником предлагали назначить Петина. Сталин тогда сообщил в Москву Троцкому: «Петин был бы хорошим начальником Всероглавштаба во всех отношениях, но, к сожалению, в данный момент его отозвать отсюда (пока) нельзя»^V. В итоге пост занял А.А. Самойло.

Петин оставил восторженные воспоминания о Сталине. С одной стороны, какими еще они могли быть в сталинский период, но, с другой, свидетельства Петина выглядят искренними. При знакомстве в штабе Западного фронта Петина Сталин «производил впечатление простого рабочего, только что оторванного от станка»^{VI}, но с первых же вопросов «прямо поразил знанием основ военного дела, способностью быстро ориентироваться и находить причины причин. То, чего не удавалось добиться штабу фронта у командующего фронтом в течение многих недель, было разрешено тут же на месте и тут же проведено в жизнь»^{VII}. Сталин, по воспоминаниям Петина, «в военнначальниках»^{VIII} старой школы, которые привыкли видеть операторов в мундирах Генерального штаба со звездами... вызывал, конечно, чувство недоумения»^{IX}. Теплой была сцена прощания Петина со Сталиным при отъезде последнего с Западного фронта^X.

Петин писал в статье в газете «Правда» 18 ноября 1934 г.: «Хорошо помню работу штаба и Революционного военного совета Южного фронта в эти тревожные, напряженные дни. Реввоенсовет занимал операционный зал серпуховской больницы. Одновременно зал служил и кабинетом Егорова, командующего фронтом. Здесь все время находился Сталин. Мы все работали с девяти часов утра до двух часов ночи. Два раза в сутки я делал доклады о состоянии фронта. Во время докладов товарищ Сталин вникал в мельчайшие детали жизни армии, поражая нас, специалистов, блестящим знанием основ военного дела»^{XI}.

^I Сталин И. В. Труды. М., 2018. Т. 13. С. 148.

^{II} Там же. С. 174–175.

^{III} Там же. С. 462.

^{IV} Там же. С. 198.

^V Сталин И. В. Труды. Т. 15. С. 3.

^{VI} Сталин И. В. Труды. Т. 11. С. 472.

^{VII} Там же. С. 473.

^{VIII} Так в документе.

^{IX} Сталин И. В. Труды. Т. 11. С. 475.

^X РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 678. Л. 7.

^{XI} Петин Н. Н. Перелом // Правда. 1934. 19.11. № 318 (6204). С. 3.

Запомнились Петину и другие моменты: «Несмотря на исключительно тяжелую и ответственную обстановку на фронте и личную загруженность работой, товарищ Сталин находил минуты для шуток и частной беседы с каждым из нас. Помню, как он быстро отучил меня от привычки, которая осталась еще от Генерального штаба: при прощании щелкать каблуками: стоило ему несколько раз добродушно передразнить меня, чтобы я отвык от этого так же быстро, как в свое время от старой орфографии.

Помню, в Курске он пригласил меня к себе обедать. Я пришел вечером. Сталин растапливал печь: в комнате было холодно. Когда разгорелись дрова, он сел к огню и начал мне рассказывать эпизоды из своей революционной деятельности в царское время. Этот день был для меня лучшим уроком революции...»^I Разумеется, такие подцензурные воспоминания должны восприниматься с учетом особенностей эпохи, в которую они писались.

И все же у Сталина осенью 1919 г., видимо, присутствовали некоторые сомнения в отношении Петина. После того как первый получил назначение из РВС Западного фронта в РВС Южного фронта, после теплого прощания с Петиным, Сталин в поезде обсуждал замену начальника штаба Южного фронта с начальником управления формирований большевиком И. А. Томашевичем. По мнению Сталина, начальник штаба фронта Н. В. Пневский не справлялся со своими обязанностями. Томашевич в ответ разрекламировал Петина. Томашевич впоследствии вспоминал: «Поразмыслив потом над этим разговором, для меня стало ясно... что т. Сталин еще в Смоленске предрешил вопрос о начальнике штаба Южного фронта, но тут он хотел услышать мнение подчиненного т. Петина о своем начальнике и, быть может, лишний раз проверить свое предварительное решение»^{II}. Впрочем, это сотрудничество и добрые отношения со Сталиным не спасли Петина и его семью от уничтожения в период Большого террора.

Высокой оценки РВС Западного фронта в августе 1919 г. удостоился командующий 15-й армией А. И. Корк, который разработал операцию по овладению Псковом и успешно проводил ее в жизнь, причем «заявил себя в должности командарма с лучшей стороны, выказал энергию и распорядительность, твердую волю, решительность и способность правильно и быстро ориентироваться [в] обстановке. В лице тов. Корка республика имеет вполне подготовленного и преданного делу командарма»^{III}. В ноябре того же года РВС Южного фронта со Сталиным поздравлял командующего 12-й армией С. А. Меженинова со взятием Чернигова^{IV}.

Впоследствии в своих застольных речах 1930-х гг. Сталин вспомнил о противоборстве с Троцким из-за представителей старой военной элиты: «Троцкий считал, что не середняк решает вопрос войны и победы, а отборные генштабисты. А фактически было так, что эти генштабисты ушли к Каледину, Деникину, Врангелю, Колчаку, а у нас остались унтер-офицерские кадры и подпрапорщики, которые имеют громадный опыт военного и хозяйственного строительства» (из речи

^I Там же.

^{II} Сталин И. В. Труды. Т. 12. С. 544–545.

^{III} Там же. С. 77. Также см. еще один комплиментарный отзыв о Корке: Там же. С. 84–85.

^{IV} Сталин И. В. Труды. Т. 13. С. 10.

на обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 г.)¹. В 1940 г. Сталин заявил на партийном приеме: «В[ладимир] И[льич] [Ленин] вначале был склонен думать, что я отношусь наплевательски к специалистам. Он вызвал меня в Москву. Троцкий и [Г.Л.] Пятаков старались доказать это и заступались за двух специалистов, снятых мною. Как раз в этот момент получилось сообщение с фронта, что один из них предал, а другой – дезертировал. Ильич, прочитав эту телеграмму, изобличил Т[роцкого] и Пятакова, признал правильность наших действий»². Скорее всего, речь шла о соратниках П.П. Сытина А.Л. Носовиче и А.Н. Ковалевском.

В сталинской публицистике эпохи Гражданской войны, а также в некоторых военных документах фигурировали генштабисты или слушатели академии – лидеры или военачальники антибольшевистского лагеря (М.В. Алексеев, К.В. Апухтин, А.П. Богаевский, П.Н. Врангель, А.И. Деникин, С.В. Денисов, А.И. Дутов, А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, А.С. Лукомский, В.З. Май-Маевский, В.Г. Науменко, П.Х. Попов, А.П. Ревизиш, П.В. Чеснаков, И.Г. Эрдели, Н.Н. Юденич). Белых генералов Сталин, как правило, беспощадно бичевал³, а военспецы-генштабисты в публицистических работах практически не упоминались. Позднее, уже став советским диктатором, Сталин по необходимости ознакомился с трудами генштабистов старой школы, в частности, с работами А.А. Свечина и Б.М. Шапошникова. И если первый оказался репрессирован в 1930-е гг., то второй избежал подобной участи, став одним из ближайших военных советников Сталина.

Перелом в Гражданской войне, по-видимому, привел к росту влияния некоторых генштабистов и их вхождению в советскую элиту. Одним из показателей этого стала история награждения Сталина орденом Красного Знамени, когда идею награждения поддержал наряду с партийными военными работниками Л.Д. Троцкий и Э.М. Склянским еще и беспартийный военспец главком С.С. Каменев⁴. Следовательно, мнение последнего имело значение для большевистского руководства. Заслуги самого Каменева как одного из победителей белых отметили на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г.

Ближе других к генштабистам стоял Троцкий, лучше знавший реалии и подробности их службы, затем по степени детализации вопроса идут документы Ленина и на третьем месте – документальное наследие Сталина, хотя оно известно лишь фрагментарно. Как и следовало ожидать, больше всего упоминаний генштабистов в положительном или нейтральном контексте у Троцкого, затем у Ленина, тогда как у противника их привлечения в РККА Сталина положительных упоминаний практически нет.

Отношение большевистских лидеров к генштабистам ярко проявилось в событиях вокруг бывшего военного министра Временного правительства А.И. Верховского весной 1919 г. В ноябре 1918 г. он был освобожден из-под ареста на поруки видного большевика Д.Б. Рязанова. После амнистии 26 февраля 1919 г., когда

¹ Невежин В. А. Застольные речи Сталина: Док. и мат. М.; СПб., 2003. С. 157. Сложно представить те ощущения, которые испытал при этих словах присутствовавший на обеде такой же «отборный генштабист» Б. М. Шапошников. Напомним, что к ноябрю 1937 г. массовый террор в отношении военной элиты РККА был в самом разгаре.

² Там же. С. 234.

³ Сталин И. В. Труды. Т. 8–18; Сталин И. В. Сочинения. Т. 4.

⁴ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 168. Л. 16.

дело в его отношении было прекращено¹, Верховский мог устраиваться на службу. Между прочим, еще в ноябре 1918 г. на допросе он заявил: «Линию поведения большевиков, проводимую в настоящее время во внутренней и международной политике, я полностью не разделяю и поэтому работать в советских правительственных учреждениях искренне не могу»². Очевидно, после амнистии он написал обращение с просьбой принять его на военную службу. В.И. Ленин уже 27 февраля обратился к Э.М. Скиянскому со следующей запиской: «Зиновьев³ звонил мне из Питера, что Верховский (бывший министр при Керенском) просится на работу (особенно против немцев). Обсудите, снеситесь с Троцким и ответьте Зиновьеву (он приезжает завтра часов в 8 или послезавтра)»⁴.

Однако привлечь бывшего военного министра Временного правительства к сотрудничеству оказалось не так просто. Верховский неоднократно арестовывался большевиками, был связан с антибольшевистским подпольем и провел немало времени в заключении или под подозрением. Вопрос о Верховском обсуждался на заседании ЦК 16 марта 1919 г. в присутствии Ленина, Сталина, Троцкого и других большевистских лидеров. Решено было утвердить предложение Троцкого о назначении Верховского «на торжественный пост, который бы не был, однако, слишком ответственным»⁵.

Троцкий решил использовать авторитет Верховского в эсеро-меньшевистских кругах для пропаганды борьбы с иностранной интервенцией. Однако Верховский, видимо, не наученный горьким опытом своих недавних арестов и тюремного заключения, повел собственную игру, причем был столь недалек от истины, что поставил в неловкое положение самого Троцкого, заставив его оправдываться перед соратниками по партии.

23 марта 1919 г. Троцкий передал по прямому проводу для Сталина следующее секретное сообщение: «Ввиду того, что Верховский принадлежал к министерству, глава коего Керенский является одним из главных провокаторов в пользу вмешательства иностранного империализма, мною было предложено Верховскому в письменной форме заявить, что независимо от его, как буржуазного демократа, отношения к программе коммунизма он готов всемерно бороться против вторжения западных хищников. Именно в этом смысле Верховский обещал сделать заявление. Вместо этого он списал одну из передовых правозащитных статей, ссылаясь, с одной стороны, на мои слова о противоречии принципов коммунизма психологии, экономике страны, с другой стороны, на разговоры со своими московскими друзьями. Ссылка на меня представляет, само собой разумеется, продукт невероятного легкомыслия политического прапорщика, с которым я, очевидно, разговаривал недостаточно популярно. Ссылка на московских друзей служит для создания моста отступления от того обязательства, какое Верховский давал в устном виде.

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002. С. 32.

² Цит. по: Полтораки С. Н. Белогвардеец в представлении чекиста // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 221.

³ Г. Е. Зиновьев занимал пост председателя Петроградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

⁴ HIA. The Trotsky collection. Box 7. Folder 4.

⁵ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 298.

Констатирую, что бывший министр правительства Керенского, продолжающего вести преступную кампанию в пользу удушения рабоче-крестьянской России, в ответ на прямое предложение отречься от этой кампании занялся невежественной хлестаковской критикой коммунистической политики, ни слова не говоря о виновниках и провокаторах иноземного нашествия. Ввиду этого считаю, что Верховский не только не может пользоваться никаким доверием, но должен рассматриваться как лицо, которое вместе со своими московскими и иными друзьями в любой момент способно перейти к прямой борьбе с Советской республикой на стороне ее империалистических врагов, почему предлагаю признать его недостойным работы в Красной армии и перевести его в тыловое ополчение. В случае, если настоящее мое предложение будет одобрено, всю мотивировку предлагаю вручить через Склянского Верховскому под личную его расписку и опубликовать в газетах»^I.

24 марта 1919 г. Троцкий телеграфировал из Симбирска Ленину, Сталину и в Оргбюро ЦК РКП(б): «Наглое письмо Верховского есть несомненный результат его переговоров с меньшевиками, в частности с Даном», с которым он был тесно связан до октября. Падение Уфы и некоторые восстания наполняли сердца этой публики вождельем. Дан научил Верховского учинить политическую демонстрацию. Считаю необходимым и настаиваю со всей энергией на принятии решительных мер, чтобы показать дурачкам и пролазам, что надежды неосновательны и что никто не собирается идти в школу. Прошу не задерживать рассмотрения вопроса, в случае одобрения моего предложения передать его немедленно Склянскому для исполнения»^{II}.

В качестве пояснения к предыдущей своей телеграмме Троцкий сообщал Сталину 24 марта: «Он (Верховский. — А. Г.) мобилизован, но, согласно декрета, он может быть включен либо в армию, если он не враг советской власти, либо в тыловое ополчение, в последнем случае»^{IV}. Как бывшему члену правительства Керенского, я предложил ему сделать формальное заявление о его враждебном отношении к вмешательству империалистов. Он категорически обещал. Но, поговорив с московскими друзьями, очевидно меньшевиками, переменил фронт и обнаружил полную враждебность советской власти.

В силу декрета, он подлежит включению в состав тылового ополчения. Я считаю целесообразным проделать это в самой демонстративной форме, показав поднявшей голову сволочи, что мы шутить не собираемся. Такова формальная сторона дела»^V.

25 марта вопрос о Верховском обсуждался на заседании ЦК РКП(б) в отсутствие Троцкого. Вопрос был поднят в срочном порядке Сталиным на основании сообщения Троцкого. Было решено провести в жизнь предложение Троцкого, что поручили Склянскому, причем назначение Верховского в тыловое ополчение должно было быть «проведено с максимальной строгостью и в случае надобности его следует отправить в Питер. Это необходимо, чтобы лишить его возможности

^I HIA. The Trotsky collection. Box 4. Folder 69.

^{II} Ф. И. Дан был одним из лидеров меньшевиков.

^{III} HIA. The Trotsky collection. Box 1. Folder 58.

^{IV} Видимо, если враг.

^V HIA. The Trotsky collection. Box 4. Folder 70.

сноситься с друзьями»¹. Однако последовал новый арест, и только осенью 1919 г. Верховский попал на службу, причем в Запасную армию республики и стал преподавателем тактики Казанских инженерных курсов. Таким образом, в Красной армии военный министр Временного правительства оказался в результате целого ряда острых дискуссий на самом высоком уровне о том, можно ли такого человека вообще принять в армию. 10 марта 1920 г. Верховский писал сестре как о расхождении с властями, так и о наличии некоторой общности взглядов: «Со стороны власть имущих я тоже вижу и помощь, и поддержку в моей настоящей работе, равно необходимой и рабоче-крестьянской и крестьянско-рабочей стране. Они ясно отдают себе отчет, и я этого от них не скрываю, что я не с ними, но у нас есть общенародное дело – Красная армия и мы ею работаем»². При этом бывший генерал пытался бороться за уважительное отношение к военспецам. В частности, в июле 1920 г. он подготовил доклад в Особое совещание при главкоме о необходимости комиссарам всячески ограждать человеческое достоинство военспецов³.

И вокруг Троцкого, и вокруг его оппонента Сталина, и вокруг Ленина постепенно складывались группировки с участием специалистов Генерального штаба, вовлекавшихся, таким образом, в партийно-политическую борьбу. Военрук ВВС, а позднее начальник ПШ РВСР М.Д. Бонч-Бруевич и главком С.С. Каменев были выдвиженцами Ленина. Главком И.И. Вацетис мог считаться ставленником как Ленина, так и Троцкого. Начальник штаба Кавказского фронта С.А. Пугачев был связан с Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым, командовавший несколькими красными армиями М.И. Василенко – с С.М. Кировым, К.А. Мехоношиным. В то же время занимавшийся практической военно-административной работой Троцкий, в отличие от интриговавших Ленина и Сталина, был в большей степени ориентирован на достижение успехов на фронтах и укрепление Красной армии, безотносительно того, чьими выдвиженцами были те или иные военачальники. По этой причине он не имел достаточного количества своих ставленников в высшем командном составе. По-видимому, одним из ярких проявлений борьбы партийно-военных группировок в Советской России стало дело ПШ РВСР.

§ 6. Дело Полевого штаба РВСР

Контроль над армией всерьез беспокоил большевистских вождей, поскольку существовала опасность технического перехвата аппарата военного управления военспецами или бонапартистского переворота. Для предотвращения такого развития событий и контроля лояльности в РККА создавался политический аппарат, пронизывавший армию сверху донизу. Наблюдали за политическим состоянием войск и чекисты, выступавшие с алармистских позиций. Заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский докладывал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому 28 июня 1919 г.: «Принципом военной политики было

¹ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 318.

² Цит. по: Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. М., 2014. С. 421.

³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

до сих пор создание армии как технической организации: политическое строительство армии было подчинено техническому, поэтому не должно являться неожиданностью то обстоятельство, что в решительный момент армия оказывалась в руках специалистов-техников»¹.

В то же время ни чекисты, ни комиссары, не будучи подготовленными в военном отношении, как правило, не могли предотвратить различные изменнические действия и выявить предателей из среды военспецов. Контроль над оперативной работой с их стороны был во многом формальным, а по сути советская военно-административная система основывалась на лояльности и добросовестности большей части военспецов.

Ключевым моментом для решения вопроса об отношении к специалистам Генерального штаба в частности и военным специалистам в целом стал VIII съезд РКП(б). Он состоялся в марте 1919 г. и в значительной степени был посвящен военным вопросам и военной политике партии. Несмотря на отсутствие Л.Д. Троцкого, проводимый им курс на массовое привлечение военных специалистов на службу восторжествовал и был провозглашен официальной линией партии. Сторонниками ужесточения политики в отношении военспецов неизменно выступали представители сталинской группировки. Ближайший соратник Сталина К.Е. Ворошилов на съезде 21 марта 1919 г. прямо заявил, что «в наших штабах на командных должностях стоят не разведчики, а руководители армии противника. Они не только освещают положение наше, не только заранее рисуют наш ход, но просто направляют армии противника и сталкивают лбами»².

Еще один ветеран борьбы за Царицын, С.К. Минин, на том же форуме 20 марта отметил: «Очень плохо, когда мы глушим здоровые ростки пролетарской Красной армии. Нам говорят, что среди генштабистов много героев. Это великолепно, это мы приветствуем, этих героев нужно привлекать. Прекрасно, что нашлись такие герои. Но и у нас (выделено нами. — А.Г.) были такие же герои. Но очень печально, когда вы под видом борьбы с отрядной системой пустили целую шайку белогвардейцев. Разве это не издевательство? Читаем в “Известиях”: Лебедев получил денежное пожалование. Этого Лебедева наградили 2000 целковых»³. Подобное заявление Минина представляется внутренне противоречивым. С одной стороны, восхваление героев-генштабистов, с другой стороны — насмешливый тон высказывания о награждении П.П. Лебедева. Все объясняет выделенная нами оговорка Минина: «Но и у нас были такие же герои». Следовательно, «военная оппозиция», к которой принадлежал Минин, считала генштабистов чужеродным элементом. Отсюда и пренебрежительное отношение к ним.

Высказывания Ворошилова и Минина не добавляли военспецам уверенности в завтрашнем дне, даже несмотря на жесткий отпор, данный «военной оппозиции» на съезде Лениным. Последний подчеркнул важность использования культурно-буржуазного аппарата, не прибегая к излишнему притеснению специалистов, но контролируя их работу. Разумеется, противники Троцкого, в лице

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 13. Л. 6.

² Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). С. 160.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9 (296). С. 153.

И.В. Сталина и его группировки, с этим не смирились, хотя внешне старались выполнять решение съезда.

Красная армия росла, крепла и одерживала крупные победы над белыми (прежде всего, на Восточном фронте). Все это усиливало авторитет и влияние главы военного ведомства Л.Д. Троцкого. Возможно, в этой связи летом 1919 г. Ленин решил укрепить собственные позиции в армейском руководстве. Прежде всего, был обновлен состав РВСР. Кроме того, впервые за год на нескольких высших постах в советской Ставке (ПШ РВСР) были произведены кадровые перестановки. В июле главнокомандующего И.И. Вацетиса заменили С.С. Каменевым, а несколько ранее был смещен начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев, замененный сначала М.Д. Бонч-Бруевичем, а затем П.П. Лебедевым, работавшим в тандеме с Каменевым еще на Восточном фронте. В этих перестановках не было бы ничего примечательного, если бы они не сопровождались арестами целой группы военспецов, а дело не имело бы очевидного политического подтекста.

Существует несколько версий произошедшего. Первая объясняет смену конкретными военными обстоятельствами – ошибками Вацетиса и его конфликтом с командованием Восточного фронта. Однако из-за ошибок и конфликта никто бы не стал проводить масштабных арестов. Тем более что вопросы советской стратегии курировал Троцкий, а его мнением даже не поинтересовались¹. Вторая версия сводится к наличию заговора военспецов в ПШ РВСР в Серпухове. Третья версия относится к различным вариантам политического заказа.

Большевистское руководство крайне боялось захвата кем-либо власти, усиления тех или иных ведомств, будь то военное или чекистское, выхода их из-под контроля. Периодически возникали разного рода параноидальные страхи, как, например, фантастические предположения старого большевика А.А. Антонова в январе 1919 г. о том, что тысяча генштабистов из ПШ РВСР могут якобы легко захватить советскую Ставку, где всего 20 коммунистов². В действительности на тот период такого количества генштабистов не было во всей Советской России, а в ПШ РВСР в Серпухове в наличии имелось всего 23 генштабиста из штатных 25. Также высшему руководству Советской России с начала 1919 г. в связи с непростыми отношениями между ПШ РВСР и Серпуховским советом поступали сигналы о том, что вокруг штаба «постепенно пристраивается местная буржуазия»³.

Политическая подоплека могла заключаться, как уже отмечалось, в опасениях руководящих партийных работников относительно возраставшей популярности в стране и армии Л.Д. Троцкого как главы советского военного ведомства и председателя РВСР.

Еще 21 мая 1919 г. Троцкий не возражал против предложенного Лениным снятия начальника ПШ РВСР Костяева, однако опасался, что кадровые перестановки

¹ Уровень стратегических представлений Ленина хорошо виден из его телеграммы от 6 июня 1919 г. в Симбирск: «Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для прорыва к Питеру» (The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 540). Едва ли сам Колчак мог задумываться о столь абсурдном и невыполнимом плане.

² Документ опубликован в: Войтиков С. С. Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 317–321.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 74.

нарушат работу ПШ РВСР^I. Ленин среди кандидатов на замену видел С.С. Каменева^{II}, но Троцкий, зная особенности характера Каменева, отметил, что целесообразнее возвратить последнего на должность командующего Восточным фронтом — «по всему своему складу это командующий, а не начальник штаба»^{III}.

И.И. Вацетис занимал свой пост с сентября 1918 г. Серьезных нареканий его деятельность не вызывала, а сомнений в лояльности не было. Он много сделал для победы большевиков в 1918 — первой половине 1919 г. Вацетис сыграл заметную роль в подавлении левоэсеровского восстания в Москве в июле 1918 г., именно при нем были достигнуты успехи на Восточном фронте осенью 1918 г., а затем и первая серьезная победа над армиями адмирала А.В. Колчака весной 1919 г. По-видимому, сам главнокомандующий считал свое положение достаточно устойчивым, был уверен, что его исключительные заслуги перед новой властью предполагают подобающее уважительное отношение со стороны партийного руководства. С партийными вождями он держал себя независимо. Проявлялось это в том числе в смелом заступничестве за арестованных военспецов. Вацетис часто поддерживал ходатайства об освобождении арестованных из-под ареста и не боялся прямо заявлять о тех или иных проблемах Ленину, Троцкому и другим видным большевикам.

Смена власти в Ставке была, по всей видимости, намечена заблаговременно. Аресты отдельных генштабистов в Серпухове начались еще в мае 1919 г. (тогда были на короткий срок арестованы А.П. Медведев и И.Д. Моденов). Как нельзя кстати Ленину пришлось письмо Сталина от 4 июня 1919 г., к которому последний прилагал некий швейцарский документ, свидетельствовавший, «что не только Всероглавноштаб работает на белых (помните переход 11-й дивизии на сторону Краснова осенью прошлого года под Борисоглебском или переход полков на Пермском фронте), но и Полевой штаб Реввоенсовета республики во главе с Костяевым (резервы распределяются и передвигаются Костяевым).

Весь вопрос в том, чтобы Цек нашел в себе мужество сделать соответствующие выводы. Хватит ли у ЦК характера, выдержки?»^{IV}

Сталин прямо поставил вопрос о том, что в высших штабах РККА работают изменники. Разумеется, это было неправдой. И Вацетис, и Костяев были добросовестными и ответственными работниками. Однако Сталин не мог перенести триумф курса своего оппонента Троцкого на привлечение военспецов в РККА. Именно к такому выводу впоследствии пришел сам Троцкий, рассуждавший об этих событиях как об интриге Сталина. Бывший председатель РВСР полагал, что это была уже не первая попытка нажима Сталина на Ленина с целью смены военного руководства^V.

Отношения Вацетиса со Сталиным осложнял конфликт в октябре 1918 г. в связи с событиями на Южном фронте и резкими телеграммами Вацетиса с критикой действий Сталина. Трудно сказать, забыл ли об этом Сталин к лету 1919 г.,

^I The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 444.

^{II} Ibid. P. 460.

^{III} Ibid. P. 464.

^{IV} Ibid. P. 520.

^V Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 440.

но Троцкий считал, что тот относился к Вацетису с ненавистью^I. Можно только предполагать, была ли связь между таким отношением и последовавшим арестом Вацетиса. «Я никогда не проверял этого эпизода, — отмечал Троцкий. — Вполне допускаю, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил за некоторые старые обиды. Вместе со Сталиным реванш брал Восточный фронт и с ним вместе новый главнокомандующий^{II}... за эпизодом ареста явно чувствовалась интрига...»^{III}

Сохранились упоминания о еще одном инциденте, предположительно связанном с Вацетисом. Скорее всего, в июне или июле 1919 г. Сталин телеграфировал Ленину из Петрограда, что главком рассылал по штабам Западного фронта телеграммы о нахождении Советской России в состоянии войны с Финляндией, что влекло «провокационные выходки». Сталин резюмировал: «Просьба разъяснить главкому, что он не имеет права объявления войны. Просьба обуздать главкома»^{IV}. К сожалению, документ не датирован, а комментаторы в зависимости от датировки расходятся в том, о ком шла речь — о Вацетисе или о его преемнике Каменеве^V. На наш взгляд, скорее о Вацетисе. Ленин сообщил в связи с этим заместителю председателя РВСР Э.М. Складанскому: «Ваше мнение? По-моему, это придирка. Главком запрашивал меня перед этим заявлением. Самое большое: велите теперь главкому дать приказ — **“не провоцировать и не давать себя провоцировать”**»^{VI}. Складанский же Ленину ответил, что подобное заявление было сделано «вероятно, по глупости или непониманию Ваших слов: Вы, вероятно, ему сказали, что мы со всеми воюем. Скажу, чтоб был осторожнее»^{VII}. Ленин же на этом написал: «Нет».

Именно Сталин курировал работу Особого отдела ВЧК со стороны партийного руководства. Но полномочий организовать чистку высшего военного руководства страны он в то время не имел. Санкционировать это мог только Ленин как фактический глава Советского государства. Ему и были адресованы сообщения Сталина. Ленина, вероятно, также беспокоили лавры председателя РВСР на фоне военных успехов. Даже если Троцкий ошибочно определил того, кто стоял за арестами в Ставке, присутствие в этом деле политической подоплеки не вызывает сомнений. Вопрос об этом еще предстоит исследовать.

Неприязненно относился к Вацетису влиятельный латышский большевистский деятель К.Х. Данишевский — кандидат в члены ЦК РКП(б) (избран на VIII съезде партии) и заместитель председателя СНК Советской Социалистической Латвии, имевший прямой выход на Ленина. В июле 1919 г. Данишевский выступил перед ЦК с докладом, содержавшим резкую критику главного командования. Именно Данишевский в составе особой комиссии ЦК был направлен Лениным 5–6 июля в Серпухов для разбора дела ПШ РВСР и руководства

^I Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 107.

^{II} Речь идет о С. С. Каменеве.

^{III} Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 108.

^{IV} Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: Сб. док. М., 2017. С. 290; The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 600

^V Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 289, 459; The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 602–603; В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 250.

^{VI} Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 290. С неточностями в: The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 600.

^{VII} Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 290; The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 602.

практической реализацией смены командования. В записке в ЦК, составленной 7 июля, именно он настаивал на срочной смене главкома^I. Неприязнь Данишевского к Вацетису была настолько сильна, что даже спустя полтора десятка лет он не упомянул об оппоненте в своих мемуарах, рассказывая о собственном участии в подавлении левозсеровского выступления в Москве 6 июля 1918 г.^{II} Между тем Вацетис сыграл в тех событиях едва ли не решающую роль.

Слишком независимое положение Вацетиса было терпимо до определенного предела. В разгар борьбы с Колчаком вопрос о смене главкома не был уместен, поскольку мог повредить успехам на фронте. Но когда стало ясно, что наступление Колчака отражено и настал перелом в операциях, кадровая перестановка стала возможной.

Ленин должен был понимать всю опасность подобных игр в разгар войны, когда республика находилась в постепенно сжимавшемся кольце фронтов. Возможно, поэтому в июне 1919 г. для подстраховки смены главного командования начались кадровые перестановки.

В советской историографии смена главкома объяснялась его самочинными (якобы без согласования с РВСР) действиями по переброске сил с Восточного фронта на Южный^{III}. Но такая версия не выглядит убедительно. Во-первых, самочинно действовать Вацетис, находившийся под усиленным контролем, не мог, а во-вторых, на Восточном фронте уже был достигнут перелом в пользу красных, а на Южном, наоборот, белые активизировали свои действия.

15 июня 1919 г. вопрос о Ставке обсуждался на заседании ЦК РКП(б). Было принято решение оставить Вацетиса в должности, а начальником ПШ РВСР назначить М.Д. Бонч-Бруевича, ввести в состав РВСР С.И. Гусева, переводившегося с Восточного фронта (его как дельного работника, кстати, рекомендовал Сталин в письме от 2 июня 1919 г.^{IV}), с поручением ему и Бонч-Бруевичу сократить и изменить состав Ставки^V. Стремление замаскировать направленность этих мер против Троцкого прослеживается в записке Ленина Л.Б. Каменеву от 17 июня^{VI}.

16 июня Троцкий направил негодующее письмо в ЦК: «По поводу вчерашнего решения о Ставке считаю нужным оставить письменное заявление.

Принятое решение включает в себе элемент причуды, озорства: так оно будет воспринято обоими “заинтересованными” и их “партиями”. Можно принимать какие угодно свирепые решения, но в них не должно быть павловского каприза: “хочу кролика спарить с канарейкой – и больше ничего”. Комбинация будет истолкована как причуда растерянности и отчаяния. Развал и предательство среди спецов станут больше. Особенно если это будет дополнено арестом К[остяева], который “не пьет, в карты не играет” (свид[етельские] показания Аралова)

^I Данишевский К. Х., Каменев С. С. Воспоминания о Ленине. М., 1934. Сб. 1. С. 31.

^{II} Там же. С. 12–18.

^{III} Кляцкин С. М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 418.

^{IV} Сталин. Труды. М., 2017. Т. 11. С. 278.

^V В. И. Ленин. Известные документы. С. 291.

^{VI} Там же. С. 290–291.

и работает 20 час[ов] в сутки. В терроре элементы каприза ожесточают и дезорганизуют гораздо более, чем самая свирепая жестокость.

Ставка — “вертеп”. Конечно, там не монастырь, полагаю. Но не сомневаюсь в чудовищности преувеличения разных кумушек. У нас штаб 13[-й] армии приговорили к каторжным работам за “порочное поведение” (выпивки и пр.) — а теперь все хлопочут об их помиловании, ибо работники штаба работают добросовестно, да и заменить их некем.

Мы за последнее время много экспериментировали в области мобилизации... Теперь мы начинаем экспериментировать — с оттенком озорства — в области Ставки. Американская мудрость вообще рекомендует не пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Мы же в самый критический момент впрягаем таких лошадей, которые тянут заведомо врозь... Отвергнутая комбинация т. Ленина имела почти все непосредственные невыгоды принятой да, сверх того, снимала командование Вост[очного] фронта, относительно которого (фронта) ЦК опять принял решение фактически в отмену решения Пол[ит]бюро, что именно он, Вост[очный] фронт, является важ[нейшим] первостепенным, а не Петроградский фронт¹.

На протесты Троцкого 17 июня Ленин ответил запиской в ЦК: «Т. Троцкий ошибается: ни причуды, ни озорства, ни каприза, ни растерянности, ни отчаяния, ни “элемента” сих приятных (Троцким с ужасной иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошел: большинство Цека пришло к убеждению, что ставка “вертеп”, что в ставке *неладно*, и в *поисках серьезного улучшения*, в поисках средств *коренного изменения*, сделало определенный шаг. Вот и все»².

Бывший генерал Бонч-Бруевич являлся давним противником Вацетиса и ставленником Ленина, давшего своему назначенцу санкцию работать независимо от Вацетиса³. Сложные взаимоотношения Вацетиса и Бонч-Бруевича не были секретом для большевистского руководства⁴. Таким образом, это назначение вовсе не имело цели организовать планомерную работу ПШ РВСР, а скорее было направлено на дискредитацию и травлю самого главкома, подготовку его предстоящего смещения. Была намечена и реорганизация ПШ РВСР. Назначение Бонч-Бруевича шокировало Вацетиса. В этой связи он в состоянии алкогольного опьянения, в слезах неосторожно заявил в своем кругу: «Тряхну Москвой»⁵. Когда и от кого об этом узнали чекисты, пока неясно.

О том, что Бонч-Бруевич повел себя в Серпухове как провокатор, свидетельствовал арестованный по делу ПШ РВСР генштабист Б.И. Кузнецов: «В моем присутствии произошла стычка между главкомом и Б[онч]-Бруевичем. Последний напал на главкома, что тот ведет войну самостоятельно, ибо никаких директив правительства он, Б[онч]-Бруевич, до сих пор не видел. И что желает правительство: идти ли на восток, отбиваться ли на юге? Он не знает. Затем он сказал: “Мы должны смотреть прямо на вещи: большевизм — это явление проходящее.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 60. Л. 12–13.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 50. С. 352–353.

³ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 335.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд. М., 2017. С. 79–114.

⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 509.

Колчак — Деникин — это замаскированные англичане, которые исторически привыкли чужими руками жар загребать. Поэтому мы, Аким Акимович, должны вывести Россию, а не посадить ее на положение Китая. У вас же такие командармы, как Гиттис и К^{он}». После этих слов мне было предложено уйти.

Обсуждая с Исаевым и Малышевым (а затем и с Доможировым) эти слова, мы решили, что Б[онч]-Бруевич — провокатор, ибо говорить о таких вещах в присутствии человека, которого в 1-й раз видит, человеку, которого за глаза ругает, можно только при условии отсутствия веры в то, что говоришь^и.

В другом описании выпады Бонч-Бруевича выглядели еще хуже: «Кабинет Костяева. Главком, Костяев, Бонч, Кузнецов (делает доклад по разведке), Бонч прерывает и примерно говорит так: “Какое же это командование: Каменев или Самойло (не помню), напр[имер], да ведь вы знаете, сколько он имел у меня по тактике — 7 балл[ов] (главком морщится, т.к. и он у того же Бончи в академии имел тоже 7 бал[лов]), а теперь на — комфронтом. У нас еще есть генералы, которые по тактике имели и 12 бал[лов] — Парский, Егорьев”»^и.

Положение усугублялось острейшими противоречиями между РВСР и руководством Особого отдела ВЧК. Последнему и было поручено техническое исполнение смены командования. Чекисты были обеспокоены существованием в ПШ РВСР сплоченной группы молодых генштабистов — выпускников ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии. Конкретный механизм развертывания дела, роль в этом комиссаров, секретных осведомителей и т.д. остаются неизвестными, но каким-то образом Особый отдел ВЧК узнал о крамольных разговорах молодых военспецов, что было использовано в деле ПШ РВСР и послужило весомым основанием смены главкома и его окружения.

О заблаговременной подготовке смены главного командования также свидетельствует доклад Ленину от 24 июня 1919 г. задействованного в операции председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского. Дзержинский готовился к чистке и сокращению ПШ РВСР в полном контакте с Бонч-Бруевичем, который произвел на главного чекиста «хорошее впечатление человека делового, без камня за пазухой»^{iv}. Было намечено сократить работников с 1200 человек до 300 и переместить штаб в Москву. По слухам, перенос Ставки в Москву произошел после настояний Бонч-Бруевича, стремившегося летом жить на даче в Кунцево (тот вел по этому вопросу переговоры с братом — управляющим делами СНК)^v.

3 июля 1919 г. на утреннем заседании ЦК РКП(б) в присутствии Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского, Данишевского, Гусева (причем последние двое тогда даже не были членами ЦК) и др. было принято решение о смене главкома и назначении на этот пост командующего Восточным фронтом С.С. Каменева. Вацетису планировали дать «почетное военное назначение с приличным окладом»^{vi}. Утвержден был и перенос ПШ РВСР из Серпухова в Москву. Об арестах речи не шло.

ⁱ Правильно — Иоаким Иоакимович. Обращение к И. И. Вацетису.

ⁱⁱ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 36об.

ⁱⁱⁱ Там же. Т. 1. Л. 238–238об.

^{iv} Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 128.

^v ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 202об.

^{vi} The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 578.

Еще более важным решением стали кадровые перестановки в самом РВСР. Председателем совета был оставлен Троцкий, членами утверждены Э.М. Скиянский, С.И. Гусев, И.Т. Смилга, А.И. Рыков и С.С. Каменев. Все остальные были из состава РВСР выведены, что ослабляло позиции Троцкого. Сохранились ленинские записи с этого заседания, в которых, в частности, отмечалось, что партия должна поправить ошибку Троцкого и нужно обновить комсостав^I. Вскоре ключевые посты в советской Ставке заняло прежнее руководство Восточного фронта.

Активный участник событий член РВСР С.И. Гусев позднее отмечал: «Политическая сторона всей этой истории — это тенденция к эмансипации военных дел от партии»^{II}. Подразумевалось, что такую тенденцию проводил Троцкий, против которого была направлена публикация Гусева. Ленин имел некоторые основания бояться узурпации власти в руках Троцкого. Опасались этого и недоброжелатели председателя РВСР из партийной элиты.

Проницательный Троцкий обоснованно воспринял произошедшее как поход против себя, попросив освободить его от должности председателя РВСР и вывести из состава Политбюро. В заявлении Троцкого от 5 июля 1919 г. отмечалось, что действия центра он считал «рискованными и прямо опасными нарушениями военной системы, у нас установившейся и одобренной съездом партии»^{III}. Ленина и большевистское руководство подобный оборот устроить не мог, поскольку реальной замены Троцкому не существовало. Оргбюро и Политбюро ЦК единогласно отказали Троцкому в отставке. Решение руководящих партийных органов, направленное Троцкому, содержало ряд уступок (например, Троцкому предоставлялась полная «возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе») и немало лестных высказываний, в том числе и то, что его отставка «была бы величайшим вредом для республики»^{IV}. В итоге Троцкий остался.

Одним из первых по делу ПШ РВСР в ночь на 4 июля 1919 г. был арестован 32-летний выпускник ускоренных курсов академии Н.Н. Доможиров. Его арест был связан с восстанием 13–16 июня 1919 г. в Кронштадте, подготовленным подпольной организацией. Кронштадтские события, в свою очередь, послужили основой для заведения дела о контрреволюционной организации Западного фронта (бывший начальник штаба — Н.Н. Доможиров). Сторонником максимального раскручивания дела об этом заговоре являлся И.В. Сталин, о чем он сообщал Ленину 18 июня 1919 г.^V Деятельность организации чекисты связывали с организацией в ПШ РВСР (апробированная чекистами позднее во многих делах схема «периферия — центр»)^{VI}. Сохранилось сообщение заместителя председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского Ф.Э. Дзержинскому от 28 июня 1919 г.: «Дать в настоящее время исчерпывающий доклад о событиях 13–15 июня я не могу, ввиду перегруженности работой всю работу по раскрытию организации (включая

^I В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 291.

^{II} Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия. С. 216.

^{III} В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 292.

^{IV} The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 592.

^V Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. С. 263–264.

^{VI} Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 29.

руководство и техническое выполнение) приходится проделывать одному»¹. Из документа следовало, что следственные действия Павлуновский вел единолично.

На момент ареста Доможиров находился в распоряжении Вацетиса, а ранее занимал посты начальника штаба Западного фронта и командующего 15-й армией. Доможирова чекисты представили главным участником «белогвардейской организации штаба Западного фронта», хотя он был добросовестным военным специалистом.

За Доможирова вступился Вацетис, который направил председателю ВЦИК М.И. Калинину обширное обращение по этому поводу. Главком отметил, что «это уже не первый арест лиц Генштаба, занимавших ответственные посты во вверенной мне Красной армии, и притом как предыдущие аресты, так, тем более, и указанный — лица, состоящего в непосредственном моем распоряжении, — совершилось без моего ведома, вопреки приказу Реввоенсовета республики от 29 сентября 1918 года за № 6, создавая дезорганизующее начало и подрывая дисциплину Красной армии в смысле авторитета начальства.

Учитывая же то обстоятельство, что аресты коснулись, главным образом, тех лиц Генштаба, которые мне, как главнокомандующему, были известны исключительной своей энергией на пользу военного дела, обладая в последнем [случае] весьма большими опытом и знанием, мало этого, известны[е] как лица определенных твердых убеждений служить честно порученному им делу, не принося последнего в жертву тем или иным личным отношениям или интересам, — одним словом — известны как высокой ценности работники, становится совершенно непонятным явление подобных арестов, в корне подрывающих и тяжелую работу в настоящий момент в армии, и мой авторитет как главнокомандующего, который не ставится предварительно в известность об аресте лиц, непосредственно подчиненных или занимающих ответственные посты в Красной армии.

Если же принять во внимание еще то обстоятельство, что по частным данным мне приходится все более убеждаться, что названные аресты носят в себе отпечаток личных отношений с комиссарской частью, создающихся на почве объективного отношения со стороны арестуемых к военному делу с точки зрения только военного искусства и отнюдь не “контрреволюции”, под каковую усердно порою старается подвести честного работника комиссарская часть, лишая на долгие времена, а может быть и навсегда, крайне нужного работника [своего] дела, то создается безотрадная картина службы необходимых работников Красной армии... Недопустимо взваливать ответственную работу на военного специалиста с полной ответственностью за порученное ему дело, не оградив его раз навсегда от фабрикаций “контрреволюции” со стороны политических работников при нем, не ответственных по его специальности. Этим, безусловно, в итоге будет забита вся честная и беспристрастная энергия в военном деле с заменой ее расшаркиванием перед комиссарами, дабы не попасть в разряд контрреволюционеров и шпионов”². Это обращение услышано не было.

Доможиров дал osobистам необходимые сведения для легитимации арестов руководящих работников ПШ РВСР³. В его показаниях от 7 июля целый раздел

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 13. Л. 6.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 345–345об.

³ В. И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 226.

посвящен организации в ПШ РВСР, якобы ставившей задачу свержения советской власти. Арестованный утверждал, что была «намечена к проведению в жизнь программа восстановления большого Генерального штаба, путем занятия должностей Генштаба в республике во всех отраслях управления “своими верными людьми”». Цель: Слияние с Генеральным штабом Колчака или Деникина; в случае неудачи таковых, военная диктатура, свержение советской власти, республиканский, буржуазный образ правления (цель — после вдумчивого анализа цели и разговора с тов. Смилой я пришел к убеждению, что цель — лишь такая постановка выпуска 1917 г. в военно-общественном (подчеркиваю) положении, при котором с выпуском, как известной, сильно сплоченной корпорацией, считалось бы всякое правительство). Характер деятельности: Программа выявилась лишь в первых числах июля и исполнение находится в самой первоначальной стадии; началась лишь подготовка к установлению некоторой связи, которая, необходимо сказать, уже была и велась давно, с Колчаком и Деникиным и с теми политическими партиями, которые существуют подпольно в Москве, с духовенством (патриарх Никон¹ и Арсений Новгородский архиерей — “духовный диктатор или генерал в рясе” — выражение Б.И. Кузнецова), с существующими подпольно в Москве почти всеми иностранными консульствами²”.

Какие рычаги воздействия чекисты нашли в отношении Доможирова, неизвестно, но он дал признательные показания о существовании заговора, а также сообщил множество компрометирующих данных (включая и предположения) о своих сослуживцах. Следует отметить, что показания Доможирова в значительной степени являлись вымыслом, что видно уже из самого текста документа. Чего стоит взаимоисключающее утверждение о связях с белыми: «Началась лишь подготовка к установлению некоторой связи, которая, необходимо сказать, уже была и велась давно». Связь с белыми либо велась давно, либо началась подготовка к ее установлению. Одновременно же и первое, и второе невозможно. Тем более, как выяснилось, никакой связи с белыми работники ПШ РВСР не имели. Более того, сам Доможиров далее показал, что такой связи не существовало. Еще больше вопросов вызывают заявления о связях с подпольными иностранными консульствами в Москве. Якобы такие контакты имел Б.И. Кузнецов. Последний же наличие подобных связей не подтвердил.

В ночь с 8 на 9 июля 1919 г. в Серпухове прошли аресты. Особым отделом ВЧК были арестованы главком Вацетис, бывший начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев, а также их окружение: Е.И. Исаев, являвшийся порученцем Вацетиса и живший с ним в одной квартире, начальник разведывательного отделения ПШ РВСР Б.И. Кузнецов, состоявший для поручений при начальнике ПШ РВСР А.К. Малышев, преподаватель Академии Генштаба РККА и консультант разведывательного отделения Ю.И. Григорьев. Григорьев, Доможиров, Исаев, Кузнецов и Малышев были однокашниками по ускоренным курсам 2-й очереди Военной академии — молодыми генштабистами. Фактически произошла серьезная чистка ПШ РВСР.

В тот же день Дзержинский и Павлуновский подготовили рапорт в РВСР с изложением обстоятельств дела. Аресты связывались с подпольной организацией

¹ Так в документе. Очевидно, Тихон.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 220–220об.

Западного фронта¹. В документе отмечалось: «События в укрепленном районе Кронштадтской крепости и расследование деятельности организации военных специалистов, подготовившей таковые события, привели к установлению связи Кронштадтской белогвардейской организации с белогвардейской организацией штаба Западного фронта.

Допрос главного участника организации Зап[адного] фронта – наштазапфронта² и командарма 15[-й] Н.Н. Доможирова дал возможность раскрыть центральную организацию, координирующую действия всех фронтов, за исключением Восточного, и подготовлявшую захват аппарата управления Красной армией в руки своих людей – специалистов.

Эта центральная организация находится в Полевом штабе Реввоенсовета республики.

Задачи и цели организации: через своих людей, назначаемых на ответственные посты в армии, предполагалось захватить военный аппарат в свои руки и уже с помощью этого аппарата произвести военный переворот и установить военную диктатуру.

Факты: В Серпухове организация опирается, по их предположению, на 5-й стрелковый Латышский полк. В Москве через преподавателя академии Генштаба Григорьева, имеющего связи с московскими белогвардейскими организациями, – на часть расквартированных в Москве полков. С этой же целью наштазапфронта назначается командармом 15[-й], Эрнест Вацетис – членом Реввоенсовета той же армии.

Доможиров и Э. Вацетис должны были организовать и руководить восстанием 15[-й] латышской армии, где главком Вацетис якобы был очень популярен.

Главком Вацетис должен был встать во главе восставших частей и, по его словам, “тряхнуть Москвой”.

Помимо этого организация Полевого штаба имеет связи с Колчаком и Деникиным и Парижем, куда этой организацией передавались сведения военного и политического характера.

Ввиду всего вышеизложенного Всероссийская Чрезвычайная комиссия совместно с Особым отделом ВЧК нашла необходимым произвести арест нижеследующих лиц:

Главкома Вацетиса и б[ывшего] начштаба Костяева за недонесение о существовании в Полевом штабе организации подготовки восстания и шпионажа.

Участников организации:

Исаева – состоящего для поручений при главкоме

Кузнецова – нач[альника] разведки Пол[евого] штаба

Мальшева – для поручений при начштабе

Григорьева – преподавателя академии Генштаба

Эрнеста Вацетиса

[С.С.] Дылан[а] – личного адъютанта Вацетиса.

Коменданта штаба и его помощника»³.

¹ Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 131–132.

² Начальника штаба Западного фронта.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 64–65; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 61. Л. 1–1об.

Рапорт, возможно, преднамеренно содержал значительные преувеличения и недостоверные сведения. Начинался он выведением из-под удара штаба Восточного фронта, как якобы не имевшего отношения к действиям Вацетиса. Очевидно, это требовалось для того, чтобы именно с Восточного фронта назначить преемника главкома, что и было сделано. Связь восстания в Кронштадте с действиями штаба Западного фронта доказана не была. Утверждения о контактах с белыми также не подтвердились. Кадровые назначения Доможирова и Э.И. Вацетиса были согласованы с комиссарами и не преследовали антибольшевистских целей.

Весомые основания для арестов военспецов ПШ РВСР связаны с их антисоветскими разговорами. Военспецов пугали вероятная победа белых и последующие за ней репрессии против тех, кто служил большевикам. Обсуждался вопрос о том, что нужно как-то выслужиться перед белыми, чтобы смягчить свою участь. Военспецы говорили про возможность взять аппарат военного управления Советской России под свой контроль «под видом воссоздания Генштаба»ⁱ, рассуждали о перевороте, о налаживании контактов с противником, но дальше бесед дело не шло. Откуда об этом стало известно до признательных показаний арестованных, ясности нет.

В Серпухове дислоцировался верный Вацетису 5-й Латышский стрелковый полк и существовали опасения каких-либо эксцессов — неподчинения приказу о смещении Вацетиса, восстания полка, даже возможного рейда на Москву для смены большевистского руководства. Аресты имели целью исключить подобное развитие событий.

8 июля Ленин своей рукой набросал следующую телеграмму Троцкому (также стояли подписи Дзержинского, Склянского и Н.Н. Крестинского): «Вполне изобличенный в предательстве и сознавшийся Доможиров дал фактические показания о заговоре, в котором принимал деятельное участие Исаев, состоящий издавна для поручений при главкоме и живший с ним в одной квартире, много других улик, ряд данных, изобличающих главкома в том, что он знал об этом заговоре. Пришлось подвергнуть аресту главкома»ⁱⁱ. По всей видимости, документ был подготовлен до арестов, а отправлен уже на следующий день, 9 июля (на документе имеются обе даты). Из этой лукавой телеграммы следует, что вроде бы ЦК не хотел арестовывать Вацетиса, но был вынужден это сделать.

Фигуранты дела на допросах дали признательные показания. Некоторых допрашивали лично видные чекисты — Ф.Э. Дзержинский, М.С. Кедров, И.П. Павлуновский. Сложно сказать, насколько объективны были показания. К примеру, в протоколе допроса, который вел Кедров, можно усмотреть попытку давления на арестованного. Когда курсовик В.В. Трофимов не знал, что ответить, Кедров заявил: «Подсказываю вам» и дал нужный ему ответⁱⁱⁱ. Из показаний следовало, что арестованные вели контрреволюционные разговоры, планировали захват Тулы и Серпухова, установление связи с А.И. Деникиным и, возможно, даже собирались что-то предпринять в отношении Москвы^{iv}. Молодые генштабисты втягивали в заговор и главкома Вацетиса.

ⁱ В. И. Ленин и ВЧК. С. 236.

ⁱⁱ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 594.

ⁱⁱⁱ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 308.

^{iv} Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 130–131.

Впрочем, один из фигурантов дела, Ю.И. Григорьев, во время реабилитации жертв политических репрессий в 1956 г. свидетельствовал, что ранее арестованные «по-видимому... дали на меня какие-то показания, в связи с чем был арестован и я, хотя к заговору я никакого отношения не имел. После трехмесячного содержания под стражей я был освобожден, вернулся в академию, где был восстановлен на прежнюю должность»^I. Григорьев отметил, что в 1919 г. имели место «разговоры с Кузнецовым, Доможировым, Малышевым, Исаевым и другими моими однокурсниками в связи со сложившимися в 1919 году условиями на фронтах Гражданской войны. Деникин в то время подходил к Орлу, а Колчак рвался к Волге, и положение для Страны Советов сложилось весьма тяжелое. Мы, как бывшие офицеры царской армии, в связи с этим стали обсуждать наше положение и судьбу на случай возможной победы белых, говорили, что следует держаться вместе, не выдавать друг друга и прочее, о чем вспомнить затрудняюсь. Но дальше слов ни к каким практическим действиям мы не приступали. Вскоре мы были арестованы и, как я показал, спустя 3–4 месяца из-под стражи освобождены. Ни о какой контрреволюционной группировке или организации тогда речи не было, и все мы были восстановлены на своих должностях»^{II}.

Сложно представить, что в обстановке подозрительности по отношению к военспецам, их массовых арестов и расстрелов Вацетис и его подчиненные, находившиеся под гнетом известий о все новых и новых обысках и арестах даже в их ближайшем окружении, могли открыто и неосторожно обсуждать планы переворота, причем не на уровне конкретного планирования, а в форме бытовых разговоров. Но, по-видимому, так и происходило, особенно с учетом известной по документам неводержанности Вацетиса на речи в состоянии опьянения^{III}.

Комиссар ПШ РВСР С.И. Гусев на расспросы по поводу ареста Вацетиса отвечал, что «совершенно не предполагает с его стороны каких-либо преступлений. Просто он неудачно подобрал себе штаб. Целый ряд сотрудников штаба оказался в связи с белогвардейскими организациями.

— Что он сам виноват — я этого не думаю»^{IV}.

Заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский в ответ на запрос Троцкого сообщил представителю военного ведомства 22 августа 1919 г., что обвинений против Костяева «Особый отдел никаких не выдвигает, но вопрос об его освобождении пока еще не решен по разным — политическим и стратегическим — соображениям»^V. Обращает на себя внимание и то, что чекисты не пытались всерьез анализировать связи сотрудников Ставки с антибольшевистским подпольем.

После ареста Вацетиса временное исполнение обязанностей сразу по двум должностям — главкома и начальника ПШ РВСР — взял на себя М.Д. Бонч-Бруевич. Вацетис утверждал, что и под арестом продолжал осуществлять управление войсками^{VI}. Насколько это верно — судить сложно, но с арестованным Вацетисом,

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 79 (101). Л. 248.

^{II} Там же. Л. 250.

^{III} Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 130.

^{IV} Оськин Д. П. Записки военкома. М., 1931. С. 190.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 246.

^{VI} Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 340.

учитывая его огромный опыт, вполне могли консультироваться по наиболее трудным вопросам, а это уже можно назвать участием в управлении войсками.

Вацетис провел в заключении 97 дней и воспринял случившееся как тяжелейшую обиду, которую переживал и через много лет. 22 сентября 1919 г. из-под ареста он отправил письмо председателю СНК Ленину, в котором выразил недоумение и непонимание в связи с арестом и убедительно доказывал абсурдность выдвинутых против него обвинений: «Прошло два с половиной месяца, и я все еще сижу арестованным.

За что?!

Я пробыл на посту главнокомандующего ровно год и дал немало побед.

Неужели это не является эквивалентным тем подозрениям, которые были вызваны всякими вздорными слухами, интригами и провокацией по моему адресу.

Центральная власть должна прийти мне на защиту...

Прошу дать мне возможность принести пользу РСФСР»^I.

Вероятно, это письмо сыграло свою роль в последовавшем примерно через две недели решении освободить опального главкома из тюрьмы. Второе такое письмо он отправил Ленину 27 октября 1921 г. (там уже затрагивался вопрос взаимоотношений с С. С. Каменевым и РВС Восточного фронта)^{II}. Даже в характеристике Вацетиса за 1924 г. как преподавателя Военной академии РККА отмечено, что «снятие его с должности главкома произвело на тов. Вацетиса огромное впечатление в свое время, от которого он не может освободиться и по сей день»^{III}.

Вацетис считал, что был арестован неизвестно за что^{IV}. Позднее вспоминал, что «был внезапно арестован в то время, когда он был вызван в Москву, в Совет обороны, и делал там доклад пред собранием о плане дальнейшей его деятельности, причем дальнейшая обстановка этого “освобождения от должности” привела к полному отсутствию преемственности между стратегической работой прежнего главнокомандующего, т. е. Вацетиса, и нового главнокомандующего Каменева. После ареста 8 июля никто не поинтересовался узнать, каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего. Его бывший начальник штаба, Костяев, тоже был арестован, арестованы были также ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального штаба. Таким образом, новый главнокомандующий приехал и стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе. Такая практика допустима лишь в том случае, когда налицо имеются полные, определенные и исчерпывающие доказательства того, что работы прежнего командования не приносили никакой пользы. Этих условий ни в коем случае не было... Стратегия главнокомандующего Вацетиса заслуживала того, чтобы с нею познакомиться поближе и взять оттуда все, что было полезно. Примеры из военной истории подтверждают, что такое бесцеремонное разрушение ставки не могло привести непосредственно к боевым успехам

^I ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 30б. Публикацию документа см.: Ганин А. В. Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? // Родина. 2011. № 2. С. 42–43; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 630–634.

^{II} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1–6. С некоторыми неточностями опубл. в: Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 230–235.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 21.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 130.

и подобные действия всегда сопровождались неблагоприятием в области стратегии. В августовском наступлении уже при новом главнокомандующем это вполне подтвердилось»^I.

О мотивах случившегося Вацетис писал: «После ареста сейчас же мне было заявлено представителем правительства тов. [В.А.] Аванесовым, что меня не подозревают в контрреволюционности или заговоре или в состоянии в какой-либо противоправительственной организации. Из этого мне стало ясно, что при моем аресте не имелось ничего общего с “освобождением меня от должности”. Освобождение от должности является последствием причин особой категории. Что же касается ареста, то здесь восторжествовали соображения, ничего не имеющие общего с соображениями или причинами первой категории. Мне представилось тогда же, что где-то в недрах (очевидно, партии. — А.Г.) состоялась новая перегруппировка сил, которая выбросила на мое место новое лицо»^{II}.

Насколько можно судить, Вацетис не был даже допрошен. Другой арестованный, В.К. Токаревский, пробыл под арестом до первого допроса три недели^{III}. 3 августа 1919 г. он писал М.Д. Бонч-Бруевичу, что не знает, чем провинился, «если же я виноват только в том, что, к моему несчастью, я — Генерального штаба, то еще раз прошу Вас как бывшего моего профессора по академии и начальника войти в мое положение и повлиять на освобождение меня из тюрьмы, в которой я незаслуженно страдаю»^{IV}. Заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский говорил супруге арестованного Н.Н. Доможирова еще 8 июля 1919 г., что ее муж якобы «юридически свободен и остались одни формальности», а председатель ВЦИК М.И. Калинин 20 октября заверил ее, что «дело пустое и “они” сами теперь сознаются, что держат Вашего мужа впустую»^V. Не ориентировавшаяся в советских реалиях белая печать уже летом 1919 г. написала об аресте в Петрограде (!) Вацетиса, «критиковавшего боевые планы Троцкого»^{VI}.

Проблемы вследствие арестов дефицитных специалистов Генштаба не заставили себя ждать. Уже 11 июля новый начальник ПШ РВСР М.Д. Бонч-Бруевич телеграфировал Троцкому о возникших затруднениях: «В ночь на 9 сего июля [в] числе других были [в] Полевом штабе арестованы начальник разведывательного отделения Генштаба Кузнецов и помощник начальника оперативного отделения Генштаба Токаревский. Вследствие обширности и сложности работы указанных отделений, ввиду малого числа специалистов ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении причин ареста этих двух лиц и [в] случае возможности срочном их освобождении для работы [в] Полевом штабе»^{VII}.

Задетый делом ПШ РВСР Троцкий стал защищаться. 11 июля из Воронежа он направил в ЦК резолюцию совещания политработников 8-й армии, почти единогласно поддержавших текущую политику военного ведомства, 14 июля похожий

^I РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–46.

^{II} Там же. Л. 49.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 13.

^{IV} Там же.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 23об.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 32–32об.

документ он прислал уже от политработников 13-й армии¹. Таким образом, Троцкий пытался в противостоянии с ЦК опереться на фронтовых партийцев.

Организовавший крупномасштабную смену кадров в ПШ РВСР Ленин постарался вернуть поддержку Троцкого и подчеркнуть свое к нему доверие. В июле 1919 г. он подписал незаполненный бланк председателя СНК следующими словами: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)»². На этом листе Троцкий мог сделать любое распоряжение. Такая бумага, хотя Троцкий, по его словам, ни разу ею не воспользовался (в этом просто не было необходимости, так как власть Троцкого в то время была практически неограниченной), автоматически санкционировала любые его решения. Троцкий не был глупым человеком, и если бы эта записка Ленина не носила искреннего и дружеского характера, он едва ли стал бы акцентировать внимание читателей на ней в своих мемуарах. Не был глупым человеком и Ленин, прекрасно понимавший серьезное значение подобного документа. Ведь безотносительно подоплеку написания записки, она могла быть использована Троцким в своих интересах.

Насколько можно судить, Ленин вел определенную игру на противоречиях между Троцким и Сталиным. Не случайно сталинская группировка так и не была нейтрализована Лениным, хотя создавала советскому руководству немало проблем. Видимо, поддерживая баланс сил и интересов, в деле ПШ РВСР Ленин решил пойти навстречу пожеланиям Сталина, в какой-то степени совпадавшим с его собственными. Последовавшее в августе 1919 г. смещение прославившегося волюнтаризмом главы Особого отдела ВЧК М. С. Кедрова представляется ответной уступкой Троцкому.

Троцкий пытался добиться освобождения Вацетиса и поднимал этот вопрос на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК 3 сентября 1919 г. в связи с получением письма от арестованного³, но навстречу ему тогда не пошли. В конце концов, Президиум ВЦИК 7 октября 1919 г. принял постановление о прекращении дела⁴. В сравнительно объективном по содержанию постановлении Президиума ВЦИК отмечалось: «Поведение бывшего главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около главкома находились элементы, его компрометирующие. Но, принимая во внимание, что нет оснований подозревать бывшего главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные заслуги его в прошлом, дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение военного ведомства. Вместе с тем Президиум ВЦИК предлагает ВЧК установить за Вацетисом тщательный надзор»⁵.

¹ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 596, 598.

² В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 294–295; Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 456. В другой своей работе Л. Д. Троцкий отнес данную записку к началу 1919 г., что не соответствует действительности: Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 74.

³ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1. С. 39.

⁴ В. И. Ленин и ВЧК. С. 237.

⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 416.

Остальные арестованные были решением Политбюро ЦК РКП(б) от 6 ноября 1919 г. освобождены по амнистии^I. На том же заседании постановили не давать им ответственных назначений. Бывший главком получил назначение в распоряжение Троцкого, а бывшего начальника ПШ РВСР Костяева перевели на преподавательскую работу. Перед освобождением начальник Особого отдела ВЧК сообщил арестованным, что они освобождаются «в силу того, что от “слов” не перешли к активной борьбе с сов[етской] властью и что все мы будем использованы как военспецы»^{II}.

В заключении по делу отмечалось, что «белогвардейская организация в Полевом штабе находилась в предварительном предательстве, которое стало бы действительным... через недели 2–3»^{III}. Под термином «предварительное предательство» подразумевались антисоветские разговоры на тему возможного установления связи с противником, захвата Тулы и Серпухова, чтобы выслужиться перед белыми на фоне их успехов. В том же документе сообщалось, что «белогвардейская организация Полевого штаба только что создавалась, намечала планы и задачи и приступила лишь к их частичной реализации, причем ввиду отсутствия в организации связи она была еще настолько невлиятельна, что нахождение ее в Полевом штабе не отражалось на ход[е] операций на фронтах. Но таковое положение могло продолжаться лишь до момента установления организацией связи [как] со штабами Деникина и Колчака, так и с местными белогвардейскими организациями. По установлении таковых связей роль организации существенно изменилась бы в смысле выполнения определенных заданий Колчака»^{IV}.

В пользу лояльности арестованных свидетельствуют их дальнейшие успешные карьеры в РККА. Так, Б.И. Кузнецов и А.К. Малышев впоследствии за боевые отличия были награждены орденами Красного Знамени. Малышев дослужился до звания комбрига, но был расстрелян в период Большого террора, Кузнецов стал советским генералом и принял участие в Великой Отечественной войне.

Осенью 1919 г. была предпринята попытка развернуть дело ВГШ, в чем-то схожее с делом ПШ РВСР. Были арестованы ответственные работники ВГШ, в том числе генштабисты И.В. Высоцкий, Н.Г. Корсун и Е.Е. Шишковский. Однако подозрения в их отношении не нашли подтверждения, после чего их освободили.

Брожение в ПШ РВСР было характерным проявлением перемен в настроениях военспецов в связи с успехами Деникина на пути к Москве летом 1919 г. К осени 1919 г. беспокойство военспецов усилилось. Вполне показательны материалы наблюдения за начальником учетно-организационного отделения Административно-учетного управления ПШ РВСР бывшим подполковником А.Н. Виноградовым (выпускником курсов 2-й очереди Военной академии) за ноябрь 1919 г. Комиссар отделения отмечал, что «во главе этой определенно черносотенно настроенной части сотрудников стоит начальник отделения Виноградов (бывший полковник^V Генерального штаба, сын священника), который по части и не скрывает своих убеждений и симпатий к своим “товарищам” по ту сторону баррикады. Презрение к политике советской

^I В. И. Ленин и ВЧК. С. 237, 284.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3175 (3336). Л. 8об.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 10.

^{IV} Там же. Л. 9.

^V Правильно — подполковник.

власти, гласная критика таковой в каждом удобном случае перед всей нашей “аудиторией”, всяческое уменьшение значения наших побед и пр. — ежедневное явление у Виноградова. Для характеристики привожу более яростные его изречения:

По случаю занятия Курска: “А все же войска Деникина отступают планомерно и в полном порядке”.

По случаю вознаграждения т. Гиттис[а]: “Называют полководцами всякого... у нас были полководцы только Суворов, Петр Великий и теперь Юденич”.

По случаю реорганизации Адмупра^I (проект т. Кругликова[, пом[ощника] начальника от[деле]ния): “Скрипела эта машина (Полевой штаб) два года и будет скрипеть еще некоторое время без всякой реорганизации”. Во время ссоры с тов. Кругликовым: “Тоже человек с новыми веяниями... я, человек, получивший^{II} духовное воспитание, и никогда не пойму этого. После окончания всей этой смуты уеду из этой проклятой России в Персию, где мой товарищ по академии — наследник престола...” И много других фраз, которых всех не перечесать, но среди которых особенно ярко выделяется ежедневное дразнение прислуги тов. Дроздова, за то, что последний в партийную неделю записался в партию^{III}. Упоминавшийся в документе Кругликов (бывший полковник) сообщал, что Виноградов «в одном из разговоров со мной... в связи с успехами Деникина на Юге, высказал, что он в случае эвакуации Полевого штаба отнюдь из Москвы не выедет, и потом добавил, что кровь его убитых товарищей будет отомщена»^{IV}.

В характеристике военспеца отмечалось, что он «способный генштабист. Хорошо работает постольку, поскольку его заставляют обстоятельства. Из нравственных качеств его следует отметить чрезвычайную гордость и самолюбие.

С политической стороны — явный и ярый контрреволюционер, фанатический приверженец старого строя и типичный старый царский кадровый офицер. В отделении, иногда даже не стесняясь присутствия комиссара, открыто ведет злую агитацию против советской власти и Коммунистической партии, осмеивает революционное движение, восхваляет старый порядок и т. д. Не скрывает своих симпатий к нашим врагам^V. Виноградов неосторожно заявлял, что достаточно осведомлен обо всем, происходящем у Деникина, а про VII съезд Советов сказал: «Соберутся эти идиоты, примут резолюции, которые им будут предлагать, и как бараны разойдутся...»^{VI} Тем не менее Виноградов в дальнейшем благополучно служил в РККА.

Аресты в июле 1919 г. советского главнокомандующего И. И. Вацетиса и группы руководящих работников ПШ РВСР в Серпухове из военспецов были беспрецедентным явлением и привели к смене ключевых работников РККА из старых специалистов. Конфликты и группировки внутри большевистского руководства сочетались с аналогичными конфликтами и группировками внутри корпорации военспецов, что и выразилось в деле ПШ РВСР. Это дело имело очевидную политическую подоплеку и осуществлялось Особым отделом ВЧК с санкции В. И. Ленина. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий был поставлен перед фактом произведенных

^I Административного управления.

^{II} В документе ошибочно — получил.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 16.

^{IV} Там же. Л. 15.

^V Там же. Л. 19.

^{VI} Там же. Л. 19об.

арестов. Одним из заинтересованных в подобной операции был И.В. Сталин. Общий ход событий свидетельствует о том, что дело, скорее всего, было направлено на ослабление позиций Троцкого в военном ведомстве, которые заметно укрепились на фоне успехов РККА. Наряду со сменой военспецов в ПШ РВСР были осуществлены и кадровые перестановки в самом РВСР.

В деле ПШ РВСР сошлось много факторов, но, поскольку материалы дела не до конца рассекречены, реальная его подоплека определяется лишь предположительно и делать окончательные выводы нельзя. Большевики боялись технического захвата военного аппарата бывшими офицерами. При этом ряд работников ПШ РВСР из генштабистов в разговорах между собой проявляли нелояльность, а на фоне успехов белых обсуждали пути спасения от репрессий путем действий на пользу противнику. Главком И.И. Вацетис, имея неоспоримые заслуги перед большевиками, вел себя слишком независимо и многое себе позволял во взаимоотношениях с партийным руководством, требовалось его приструнить. Обращает на себя внимание то, что 3 июля ЦК РКП(б) с участием Троцкого принял решение о смене главкома, но затем такой смены осуществлено не было, а был произведен арест. По-видимому, это связано с опасениями вероятного сопротивления в Серпухове. Наконец, Особый отдел ВЧК, возникший на рубеже 1918–1919 гг., нуждался в крупном деле, которое бы укрепило его позиции на фоне противодействия председателя РВСР. Дело ПШ РВСР потенциально отвечало такой задаче.

Дело готовилось заблаговременно. Первые аресты в Серпухове прошли еще в мае 1919 г., кадровые перестановки осуществлялись в июне и июле 1919 г. Знаковым стало назначение начальником ПШ РВСР выдвиженца Ленина бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича – давнего врага главкома Вацетиса.

Механизм организации дела не вполне ясен. В частности, неизвестно, откуда именно чекисты узнали о крамольных разговорах военспецов ПШ РВСР. Структура дела была довольно сложной. Чекисты увязывали заговор в Серпухове с подпольной организацией в штабе Западного фронта, якобы связанной с подпольщиками, подготовившими восстание в Кронштадте в июне 1919 г. В реальности такую взаимосвязь доказать не удалось. Кроме того, следствие не нашло доказательств связи работников ПШ РВСР с белыми. Речь шла лишь о стремлении установить такую связь. В итоге осенью 1919 г. дело было свернуто, а все арестованные освобождены. Аресты нанесли удар по корпоративному единству и планам группировки молодых курсовиков 2-й очереди. С.С. Каменев и П.П. Лебедев, занявшие руководящие посты в результате событий июля 1919 г., сохранили их до 1924 г., т.е. до следующей смены руководства советского военного ведомства.

§ 7. Генштабисты и политическая борьба в период Советско-польской войны

Определенный перелом во взглядах генштабистов наблюдался с окончанием Первой мировой войны в ноябре 1918 г., после чего все яснее становился деструктивный характер Гражданской войны, затягивание которой грозило полным истощением и гибелью России. Подобные мысли, в частности, высказывал генерал

Л.М. Болховитинов¹. Становилось очевидным, что участвовавшие в интервенции «союзники» преследовали собственные интересы. Таким образом, у мыслящих и патриотически настроенных белых генштабистов должно было складываться противоречивое чувство – белых поддерживали внешние силы, не заинтересованные во благе для России.

Участник Белого движения на Востоке России генерал А.Т. Антонович остро переживал по поводу возможного захвата имущества Военной академии японцами весной 1920 г. и записал в дневнике: «Неужели ценное государственное академическое имущество, имеющее историческое значение, попадет в руки японцев?.. Если, не дай Бог, случится оккупация Японии, мы – преступники перед родиной, не сумевшие сберечь ее достояние»². Размышлял он 29 февраля 1920 г. и об эмиграции: «От самого себя никуда не убежишь; если эмигрировать сейчас, то нужно поставить крест на России – своем отечестве. Этого не позволяла совесть, нужно твердо решить, русский ты или нет; если русский и стоящий выше своих личных интересов, то я не имею права убежать из России, хотя бы мне могла угрожать опасность. Искать убежища и своей личной безопасности у иностранцев, вся деятельность которых направлена против России, постыдно. Им, союзникам, мы должны быть благодарны только за то, что у всех, за малым исключением, правда, национальное чувство побудило поднять голову и заявить: прочь; мы, русские, сами устроим свою жизнь и восстановим государственность. Холодным рассудком я дошел до заключения о постыдности бегства и необходимости остаться здесь, в России, и переносить все, что сулит мне судьба. Я решал вопрос о своей личной безопасности, будущности детей, которых не имею права лишать отечества. Постепенно у меня начало даже появляться чувство злобы к тем, кто заразился паникой, бежал и бежит из России, невольно утрачивалось уважение к этим людям. Нет, пусть что будет, но совесть моя должна быть спокойна и никогда не упрекнут меня в том, что я, спасая себя, свою жизнь, бежал от Родины. Если суждено мне стать к стенке, то я могу спокойно умереть с чистой совестью: служил России, любя народ, не служил никакой власти, а только России, от нее не бежал. Вероятно, мог ошибаться, но за шкуру и ради нее не работал»³. Антонович остался в Советской России и впоследствии умер в тюрьме.

Участник Белого движения на Севере России полковник Л.В. Костанди показал на допросе в Особом отделе ВЧК в 1920 г.: «Я не отрицаю того, что я долгое время был сознательным врагом советской власти, основы[ва]я свои убеждения, главным образом, на том, что эта власть не встречает сочувствия в среде рабочих и крестьян. Это несоответствие я видел как в Эстонии, так [и] в Архангельской губернии. Успешное и быстрое продвижение Колчака и Деникина были, по моему мнению, результатом сочувственного отношения к ним населения. Такой же быстрый их развал дали мне понять, что народ при сравнении двух властей становится на сторону красных.

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 251.

² Антонович А. Т. Дневник генерала // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 407.

³ Там же. С. 404.

Еще более показательным для меня примером было то обстоятельство, что дошедший на 10 верст от Петрограда Юденич не вызвал восстания в Петрограде, а следовательно, все разговоры и недовольства властью рабочих, солдат и матросов оказались ложными. Таким образом, с конца [19]19 года я пришел к убеждению, что советская власть поддерживается народом и всем российским гражданам надлежит работать в Советской России, а не бежать за границу. Согласно с этим моим убеждением я и остался в России при эвакуации¹.

Углублению противоречий способствовали события на фронте, где к 1920 г. красные контролировали практически все великорусские губернии, постепенно присоединяя и национальные окраины. Многие бывшие офицеры к концу Гражданской войны убедились в том, что большевики не только не привели к гибели государства, к развалу и дезинтеграции страны, но, наоборот, стали играть роль собирателей земель бывшей Российской империи, реализовывать исторические государственные задачи². Все это не могло не породить массового разочарования белых офицеров в прежних идеалах борьбы, что выразилось в сдачах в плен, эмигрантском «сменовеховстве» и возвращении на родину.

Как записал в дневнике 11 (24) ноября 1919 г. участник Белого движения на Юге России полковник А. А. фон Лампе, «мое личное мнение о деморализации командного состава я еще больше укрепил на Бредове и Штейфоне — они тоже сильно заражены этой болезнью. Порой мне кажется, что все ею больны»³.

Оценки фон Лампе совпадают с психологическим этюдом состояния умов руководителей Кубанской армии весной 1920 г., созданным очевидцем — белым генералом В. А. Замбржицким и дающим ответы на многочисленные вопросы о том, за что воевали белые и почему переходили на сторону красных: «[Командующий Кубанской армией генерал Н. А.] Морозов только того, может быть, и ждал, чтобы большевики протянули ему руку. Я не сомневаюсь, что он искренно, как многие наши интеллигенты, верил и даже более того, был крепко убежден в миролюбивых намерениях Советов, — я о том сужу по личным впечатлениям и встречам с лицами самых различных общественных положений и профессий. Он верил, что с прекращением братоубийственной войны исчезнет и самая почва для войны и недоверия, и революция пойдет по новым, примиряющим струям, под твердым, не совсем, может быть, приятным, но благодетельным владычеством Советов. С этой точки зрения большевики нашли в Морозове не рядового карьериста-переметчика, спешащего перекинуть мост на торную советскую дорогу из лагеря потерпевших поражение, нет, они нашли в нем идейного сторонника, который с присущей ему врожденной страстностью готов был всей душой воспринять советскую идеологию и стать верным ее адептом, после того как антисоветская идеология потерпела в нем духовный крах. В большевизме он теперь видел новую державную силу, переоценивая, как все потерпевшие поражение, ее истинную величину и социальное и государственное значение, но поддаваясь ее психическому гнету со всей убежденностью побежденного.

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 4–4а.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров: 1917–1922 гг. М., 2019. С. 107–110; Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army. P. 211.

³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 121. С некоторыми неточностями опубл. в: Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 110.

Это не было сменовеховство, а сложный духовный переворот, в основе которого, кроме разочарования, лежала жажда твердой власти и какого ни на есть, хоть большевицкого порядка вместо анархии и расстройств, царившего в белых рядах. Переоценка ценностей и сомнения Морозова в ту эпоху, да и после, в беженстве, были явлением общим и переживались многими, с тою лишь разницей, что центр этих переживаний, их размер и заключительный вывод шли различными путями; у одних требовали длительного времени и сопровождались болезненным душевным надрывом, терявшимся в безысходности и порой заканчивавшимся драмой, вроде самоубийства [генерала Л.М.] Болховитинова. У других, более выносливых, жизнеспособных и менее податливых отчаянию, кончалось примирением с тягостной действительностью и неизбежными последствиями поражения; у третьих, как у Морозова, [Я. А.] Слащева и др., процесс протекал быстро и завершался переворотом, полным отрицанием прошлого и сожжением своих кораблей.

[Генерал А.М.] Шифнер-Маркевич пережил то же, но, как натура более расчетливая, спокойная и реальная, обошелся без волнений и внутренних драм. Холодным оперативным умом он взвесил реальное соотношение вражеских сил и пришел к неутешительным результатам. Карта добровольцев бита, победа осталась за большевиками, ergo¹ надо перейти к большевикам. Для него война белых и красных была не столько войною убеждений, не столько борьбою за чистоту и святость идеала, сколь обычной оперативной игрой профессионала, в которой он с радостью поколотил бы большевиков, потому что привычный старый уклад жизни был ему гораздо милее грубых революционных новшеств и отношений, но за всем тем не стоил того, чтобы самому из-за него окончательно погибать.

Было бы, однако, ошибочным суждением, что Шифнер был слаб в понимании гражданских чувств. Он честно служил добровольческим знаменам, он честно сражался, не щадя ни себя, ни живота, и честно выполнил свой долг гражданина и воина до конца, но когда борьба, по его мнению, кончилась, когда все возможности иссякли, он счел себя свободным в действиях, поступках и присяге... нельзя было от него требовать бесконечной жертвенности ради лопнувшей идеи. Он никогда не был настолько идеалистом и фанатиком, чтобы отказаться от всех благ и предпочесть горькую долю изгнания, беженства и унижений высокому командному посту в красных советских рядах»².

Другой генерал-генштабист, А. А. Мориц, записал в дневнике 20 февраля (4 марта) 1920 г.: «1) После здравых размышлений пришел к окончательному выводу, что дело “Воор[уженных] сил на Юге России” безусловно погибло и лучшее, на что мы, чины Добр[овольческой] армии, можем надеяться, это, что нас вывезут на какой-нибудь Корфу (когда там были сербы), чтобы привести себя в порядок.

2) Армии Колчака и Юденича немного раньше разложились, чем армии Деникина, но теперь и наш черед.

3) Сорганизуемся ли мы на нашем будущем Корфу? Боюсь, что нет, ибо у нас нет [Н.] Пашича, нет короля Петра [Карагеоргиевича] (был важен как имя), нет

¹ Следовательно (лат.).

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 182–183. В последнем случае мысль Замбрицкого не вполне ясна — Шифнер-Маркевич оказался в эмиграции, где и умер в начале 1921 г.

королевича Александра [Карагеоргиевича], а главное, нет желания, нет воли, нет стремления воссоздать Россию.

4) Лучшее, что с нами будет, это что нас вывезут в какой-нибудь “Банат”, т.е. в[о] вновь присоединенную часть вновь создавшегося государства “Юго-Славия”, которое как государство так же беспомощно, как двухлетний ребенок.

5) Что делать? Ликвидировать, что можно, и драпать возможно скорее, захватив с собою такие вещи, которые могут дать иностранные деньги, т.е. валюту.

6) “Единая, неделимая” скончалась и уже не воскреснет, ибо отошли: Финляндия + Польша (никогда к Единой не присоединятся) + Эстония + Латвия + Литва + Грузия + Азербейджан.

7) Единственная надежда, что создается что-то (широкая организация, субсидируемая англичанами) на платформе: “землю крестьянам за деньги, а России – монархию” (Сведения от Петрова).

Не есть ли [Н.И.] Орлов такая ячейка? Может, и батюшко Махно есть оружие бессознательное в руках этих неизвестных созидателей России.

8) Слух Княжевича – “возрождение России с германской ориентацией”^I.

Через месяц, 20 марта (2 апреля) 1920 г., Морицем отмечена «полная беспомощность Деникина, у которого нет характера, нет воли и чувствует свою слабость (недаром он встретил [Д.Г.] Щербачева в ноябре 1918 словами: “Вы вступите, а я уйду на хуторок и буду заниматься хозяйством”). Ему надо было бы не сложить свои полномочия, а сказать: “Я вас завел в трущобу, но я вас и выведу”, а если не чувствует своей силы, то назначить преемника. Но кого? Лучше всего Кутепова, хотя я его не знаю. До разговора с Тихменевым я сказал бы – Врангеля”^{II}. Через несколько дней в том же дневнике записано: «Теперь дело Добр[овольческой] армии безусловно потеряно, ибо, если даже удалось немного дисциплинировать “цветные войска”, т.е. остатки Д[обровольческой] а[рмии], и вдохнуть в них здоровый дух, то для создания армии, способной к наступлению, нет: 1) достаточно людей (офиц[еров] и солдат), 2) нет артил[лерии] (вся брошена в Новороссийске и раньше), 3) нет лошадей (тоже брошены), 4) нет одежды, снаряжения, продовольствия (все брошено), 5) нет денег и почти нет кредита, 6) потеряно время для принятия немецкой ориентации, 7) нет страны, куда можно бы эвакуировать остатки, 8) нет веры в успех и 9) нельзя будет принять условия мира совдепии (сдаться с обещанием, что с нами будут хорошо обращаться), т.е. все потеряно и нет тыла, куда можно бы драпать»^{III}.

На Востоке России генштабисты также устали от бесконечной внутренней войны. Генерал-майор А.Т. Антонович записал в дневнике в марте 1921 г.: «Три года междоусобицы развратили всех; перестали считаться с законностью, каждый желал делать, как ему захочется, не считаясь с руководителем»^{IV}.

Важную роль в идейной эволюции генштабистов сыграла Советско-польская война, вызвав патриотический подъем в офицерской среде. Еще до решающих событий, 9 февраля 1920 г., заведующий отделением Всевобуча Могилевского уездного

^I РГВА. Ф. 40239. Оп. 1. Д. 12. Л. 56–57.

^{II} РГВА. Ф. 40239. Оп. 1. Д. 13. Л. 33об.

^{III} Там же. Л. 44об.

^{IV} Антонович А. Т. Дневник генерала. С. 434.

военного комиссариата бывший полковник В.В. Астапович (окончил два класса академии по 1-му разряду) обратился к начальнику ВГШ Н.И. Раттэлю: «Назревают события для родной моей Белоруссии громадной важности: быть ей под ненавистной Польшей или жить ей совместно с Россией».

Как коренной белорус, знающий “все и вся” в Белоруссии основательно, лично знакомый со всеми ее деятелями, могу вперед сказать, что все симпатии Белоруссии, конечно, всецело на стороне Советской России.

Не может быть допущено и терпимо даже разделение Белоруссии, как это предположено в обращении Советской России к Польше; все решительно жители Белоруссии не могут примириться с предположенным разделением ее, ибо вся целиком Белоруссия должна быть в единении с Россией.

Ввиду того, что лично я имею большое влияние в Белоруссии вообще, по крайней мере, имел и думаю, что еще не утратил и по сейчас, то не можете ли Вы походатайствовать о командировании меня в ту комиссию, которая будет вести мирные переговоры с Польшей»¹.

Что было важно для большевиков, волна патриотических чувств захватила и широкие массы пленных бывших белых офицеров, сделав их более лояльными². Как справедливо отмечал один из курсовиков, «притязание Польши на чисто русские земли придало борьбе Красной армии национальный характер, и на ее стороне было сочувствие широких антибольшевистских кругов»³. Впрочем, всплеск патриотических настроений вел и к возрождению национализма, традиционно присущего кадровым офицерам старой армии.

Большевики попытались использовать эти настроения в своих интересах. 2 мая 1920 г. было создано Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики – консультативный совет при главнокомандующем, занимавшийся обсуждением вопросов развития Красной армии и конкретно мер борьбы с поляками в период Советско-польской войны. Совещание состояло в основном из генералов старой армии под председательством А.А. Брусилова. Посредством создания этого органа и выдвижения лозунгов защиты страны от внешней опасности большевики пытались привлечь на свою сторону патриотически настроенных бывших офицеров. Создание подобного органа вызвало немалый резонанс как в Советской России, так и за ее пределами. Резонанс этот, прежде всего, был связан с новыми и неожиданными для революционной эпохи патриотическими нотками в большевистской политической практике, озвученными (с санкции властей, разумеется) членами совещания на фоне стремительно развивавшихся событий Советско-польской войны.

Членами совещания стали бывшие генералы М.В. Акимов, П.С. Балугев, А.И. Верховский, А.Е. Гутор, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, Д.П. Парский, А.А. Поливанов, А.А. Цуриков. Все они были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба. В качестве представителей большевистской власти в совещание

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 928. Л. 78–78об.

² О политике большевиков по привлечению интеллигенции на свою сторону в этот период см.: Колеров М. А. На пути к лояльности: «Декларация трудовой интеллигенции» (1920) // Русский сборник (Москва). 2009. Т. 6. С. 163–174.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 2. Выражаю благодарность А. С. Кручинину за указание на этот источник.

вошли А.Н. Александров, К.Х. Данишевский, Л.П. Серебряков, И.И. Скворцов-Степанов. Председателем совещания стал бывший генерал А.А. Брусилов. Кроме них, в работе участвовали бывший генерал К.И. Величко и большевики Н.И. Подвойский и И.Ф. Медянцеv. Совещание было упразднено в сентябре 1920 г.

Активные круги антибольшевистской эмиграции получали от белых подпольщиков из Петрограда сведения, что создание Особого совещания считалось победой русской патриотической группировки в советском руководстве, признаком поправления режима и поражением партии «Дзержинского и жидов»¹. В ответ на это партийной верхушкой перед ВЧК якобы была поставлена задача скомпрометировать старый генералитет, обнаружив в его среде «белогвардейский заговор». Но версии о переменах в партийном курсе противоречит оценка совещания самим его председателем как декоративного органа. По свидетельству Брусилова, это оказалась инсценировка, которая «со стороны правительства была шита белыми нитками.... делать дела они нам не давали, не веря нам»².

5 мая 1920 г. историк Ю.В. Готье записал в дневнике: «Наступление поляков продолжается, и Киев если не взят, то, во всяком случае, потерян заранее. Событие дня – образование “особого совещания” для принятия военных мер против поляков. Во главе совещания Брусилов; в составе его [А.А.] Поливанов, [В.Н.] Клембовский, [А.Е.] Гутор и другие генеральские ошметки великой войны. Некоторые хотят в этом видеть признаки какого-то поправления большевиков. Я этого не думаю; скорее, это привлечение генералов на роль манекенов; а для генералов – это золотой мост для перехода на паек, так как якобы Гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы – ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман это маскирование себя генералами, инсценировка национальной войны. Для России едва ли что может быть полезного от создающегося вновь положения войны: попытки наведения порядка в России при помощи белых безвозвратно разрушились вследствие глупости, неумения и ссор; Россия стала решительно большевистской, и для внешнего мира Россия и большевизм, вероятно, теперь почти синонимы, а отсюда выход такой: борьба с большевизмом будет борьбой с Россией при помощи окраин, которые идут на Россию и будут от нее отрывать все, что могут. И вот в борьбу мира против большевизма вводится новое оружие – русское национальное чувство. Но на кого оно будет работать? Не на благо России, которую нужно защитить от поляков, а на благо и укрепление большевизма, который за ширмами национального чувства и пользуясь, как манекенами, именами Брусилова, Поливанова и других, будет продолжать разлагать мир и пытаться силой оружия внедрять коммунизм и анархию как можно шире. Вот почему я не жду ничего хорошего от тех новых явлений, которые наблюдаются в последние дни. Просвета нет, как прежде, а материальное и нравственное положение нас – военнопленных, покоренных интернациональными коммунистами, – от войны с Польшей в ближайшие месяцы может стать только еще более тяжелым»³. Так оценивали происходящее антибольшевистски настроенные представители старой

¹ НИА. D. D. Grimm papers. Box 3. Folder 1. По всей вероятности, речь шла о сторонниках интернационализма и экспорта революции.

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 277.

³ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 403–404.

интеллигенции в Советской России. Нельзя не отметить прозорливость суждения Готье о трансформации Гражданской войны от внутреннего братоубийства к борьбе внешних сил с Россией с помощью окраин бывшей империи.

Даже служивший во ВСЮР полковник А. А. фон Лампе отметил в апреле 1920 г., что «большевики, боровшиеся за интернационал, идут дальше под нашими украденными у нас лозунгами, едут на нашей лошади, ведя за собой толпу во имя объединения России, сами стремясь к ее расчленению...»^I Впрочем, не вполне понятно, что подразумевалось под расчленением России большевиками в 1920 г.

В связи с созданием совещания фон Лампе записал: «Из 14 человек — 10 генералов, из них 9 “царских”^{II}. Что это, полная растерянность или бесконечная уверенность в себе?

Ну, если наши генералы и на этот раз не сумеют забрать в руки Красную армию и вырвать влияние у советских воров, — тогда я готов признать, что нам нужна советская власть. Я не могу верить, что все эти господа с Каменевым стали коммунистами. [А. А.] Цуриков приезжал в Екатеринодар (как попал он в Совдепию?), Зайончковский готовился быть с нами... словом, коммунисты они маринованные, и это случай, который не повторится.

Наличие Брусилова с его способностью приспособляться, конечно, едва ли поможет делу, но все же возможность открывается уж очень большая!.. Неужели же все они смирились и покорно пошли на выучку к жиду Л. Троцкому-Бронштейну? Неужели же русские генералы так потеряли свое лицо. Не могу я этому поверить, никак не могу, надо чего-нибудь ждать!!»^{III} Но надежды фон Лампе на правый военный переворот в Советской России не оправдались.

Капитан-дроздовец Н. А. Раевский (негенштабист) записал в дневнике в Болгарии осенью 1921 г.: «Ясно, что неудача в войне с внешним врагом (например, с Польшей) легко может привести к падению советской власти и нашему конечному торжеству, хотя сама по себе эта задача ни в коем случае не отвечает интересам России... Чувствую, что эта коллизия смущает многих наиболее интеллигентных офицеров, умеющих вдумываться в смысл событий»^{IV}. Как отмечал один из белых политических деятелей, масса белого офицерства выражала «пожелание большевикам победы над поляками, так как, мол, большевизм пройдет, а плоды его побед останутся для России»^V. Более того, в белом Севастополе в 1920 г. даже провозглашались тосты за взятие большевиками Варшавы^{VI}.

О настроении офицерства в то время красноречиво свидетельствует высказывание одного из военспецов после разгрома Деникина в кругу бывших офицеров, в том числе недавних белогвардейцев: «Нет, не деникинцы соберут русскую землю... мы соберем... Увидите, скоро пойдем за Грузией и Арменией»^{VII}. В конечном счете так и случилось.

^I ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

^{II} А. И. Верховский был произведен в генеральский чин при Временном правительстве.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.

^{IV} Раевский Н. А. Русский гарнизон в Болгарии. Орхание — София — Прага. М., 2021. С. 102.

^V Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. М., 1993. Кн. 2. С. 477.

^{VI} Там же. С. 478.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 18.

Подобные настроения ярко выразил великий князь Александр Михайлович: «Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: “Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей!” Я не осмелился выражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной армии победы... Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке». Пророчество великого князя сбылось раньше, чем он предполагал.

Похоже свидетельство белого офицера, захваченного красными в плен в 1920 г.: «Наполовину серьезно, наполовину шутя говорили в армии во время ожидания посадки на корабли в Новороссийске, что мы поменялись с красными ролями и что они дерутся за “Единую Неделимую”, а мы, признающие всякие государственные новообразования, только вредим новым “Иванам Калитам”... Все это слышанное подкреплялось воззванием Брусилова, обращенным к нам»¹.

Начальник политотдела 27-й стрелковой дивизии РККА В.О. Корницкий вспоминал о встрече с пленным колчаковским генералом И.Ф. Ромеровым в Томске в конце 1919 г. Генерал якобы заявил: «Я далек от большевизма, но я и не монархист. Я, собственно говоря, типичный российский интеллигент. С белыми я порвал. Мне претила и претит их продажность немцам, американцам, англичанам, японцам, французам – любому, кто бы только хорошо платил им. Бесстыдство, тупоумие, бесчеловечность. Мне казалось после октябрьского переворота, что Россия гибнет, распадается на части. Я полагал, что необходимо во что бы то ни стало сдержать, не допустить этого распада, всенародного дикого разгула, спасти, сохранить Россию целой, неделимой... На деле получилось иное. То, во что мы верили, и те, кому мы верили, потерпели крах. Лидеры кадетов, октябристов, не говоря о монархистах, многие профессора, ученые, писатели покатались в какую-то пропасть, в гниющее болото эмиграции. Патриотизм, которым мы все кичились, выродился в низкопоклонство перед иностранными генералами, в готовность распродать Россию оптом и в розницу. Жизнь показала, что вы, большевики, – собиратели Руси.

¹ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2001. С. 407–408.

² Рыхлинский В. А. Плен и побег // Военная Быль (Париж). 1964. № 68. С. 39.

Для этой благородной цели я готов отдать вам все свои военные знания и опыт»^I. Сложно сказать, насколько достоверно такое избыточно политизированное для белого генерала высказывание. Тем более что Ромерова красные вскоре расстреляли, и проверить по другим документам, каковы были взгляды генерала в конце жизни, вряд ли получится.

Полковника Д.Н. Тихобразова, служившего во ВСЮР, поразили агентурные сведения из разведсводки, согласно которым в занятом красными Киеве якобы бывший генерал Алексей Евгеньевич Гутор собрал бывших белых офицеров в гостинице «Континенталь» на Николаевской улице и, убеждая их идти в РККА, заявил: «Вы, господа, боролись за единую и великую Россию, но ведь и мы боремся за великую Россию, только идем к тому иным путем»^{II}.

Сильнейший когнитивный диссонанс испытывал белый полковник А.А. фон Лампе, который в начале 1921 г. записал в дневнике: «Если отбросить, что Троцкий — жид и человек мне ненавистный, то все идет наполеоновским темпом...

Неужели же мы в неправых!? Неужели там под флагом интернационала творится русская национальная работа, а мы ушли от нее в сторону...? Но работать с Троцким, Механошиным, Подвойским... это выше моих сил!!

А может, так же смотрели на Бонапарта, [Ж.В.] Моро, [Л.-А.] Бертье и т.д.? ...

Неужели же там правда? Неужели же мы были неправы? Все это совершенно не укладывается в моей голове. Я не мог бы так “уговаривать”, как Зайончковский, “улыбаться” как Балтийский, “докладывать” как Парский...

Это не по мне! А ведь я думаю только о благе России!

Так где же правда?»^{III}

В ЦК РКП(б) патриотические заигрывания воспринимались неоднозначно. Так, на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 4 мая 1920 г. по предложению Е.А. Преображенского ВЧК было поручено «наблюдать за работой офицерских кругов, которые будут втягиваться в борьбу с поляками на нашей стороне, исходя из своих мотивов»^{IV}, а 6 мая тот же Преображенский в письме Ленину предлагал «прекратить неприличия с “патриотизмом”»^V. Уже 8 мая из секретариата ЦК в редакции центральных газет была разослана циркулярная телеграмма с предписанием «в статьях о Польше и польской войне... строжайшим образом исключать возможные уклоны в сторону национализма и шовинизма»^{VI}.

Члены совещания 30 мая 1920 г. опубликовали в «Правде» знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии, в котором призывали их вступать в Красную армию для защиты страны. В воззвании были такие строки: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие бывшие товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам

^I Корницкий В. О. Вперед! — Иркутск // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 112–113.

^{II} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVII. С. 62 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 61. Л. 2. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru/>); Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006. С. 348.

^V Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 353.

^{VI} Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 3. С. 186.

ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своею честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию»^I. Документ подписали бывшие генералы М.В. Акимов, П.С. Балувев, А.А. Брусилов, А.Е. Гутор, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, Д.П. Парский, А.А. Поливанов. Все подписавшие, кроме Брусилова, были выпускниками Николаевской академии.

Этот документ произвел сильнейшее впечатление на современников и сыграл немаловажную роль в привлечении еще колебавшейся части офицерства старой армии в Красную армию. Тем более что 2 июня было подписано, а на следующий день опубликовано сообщение СНК об амнистии тех бывших офицеров, кто поможет скорейшей ликвидации белых и победе Советской России^{II}.

Стремление вступить в РККА в тот период высказали даже отдельные генштабисты-эмигранты. В частности, бывший начальник штаба отряда Л.Ф. Бичерахова генерал-майор А.Е. Мартынов, живший в Лондоне, летом 1920 г. отправил ходатайство с просьбой вернуться в Советскую Россию и выражением готовности служить в РККА. Правда, генерал был готов ждать ответа на свой запрос только до середины августа того же года^{III}. В итоге возвращение так и не состоялось.

Часть поверивших в прощение большевиков за это заплатились. К примеру, бывший капитан П.А. Сверчков из-за тяжелой болезни в течение года не являлся на службу и жил в Орловской губернии. С началом Советско-польской войны, прочитав воззвание Брусилова, по личным побуждениям пришел в Орловский военный комиссариат, чтобы поступить на службу. Военспецы направили в ВГШ, но потребовали дать объяснения в Особом отделе ВЧК, где 18 июня 1920 г. он был арестован^{IV} и полтора года провел в тюрьме.

Воззвание читали, обсуждали, хвалили и проклинали, а кто-то не мог сдержаться слез^V — ведь более двух лет офицеры в Советской России находились на положении изгоев. Поняли его значение и белые. Призыв бывших генералов вызвал в белом лагере настоящий шквал негодования. Белые опасались, что патриотическая идея окажется перехвачена красными, и обоснованно сомневались в искренности документа. На страницах дневника фон Лампе читаем: «До какой степени подлости могут дойти люди со страху или с голоду. Каждое слово воззвания дышит этим страхом, каждое слово — подлость. Ведь не могут же старые генералы искренне верить, что интернационалисты-большевики действительно думают о “Матушке-России”».

^I Правда. 1920. 30.05. № 116. С. 1.

^{II} Правда. 1920. 03.06. № 118. С. 1.

^{III} РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 292. Л. 18, 19.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 247. Л. 59об.

^V ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 170. Л. 3.

Какую сволочь дал, однако, нам старый строй. В такие минуты, когда старые генералы служат красному разбойнику, я начинаю думать, что действительно старый строй ни к чему не годился, раз люди, служившие ему по 40 лет, не находят в себе мужества быть честными¹. При этом фон Лампе был согласен с необходимостью умерить пыл поляков.

Откликнулся на воззвание и известный писатель А.И. Куприн, находившийся в Гельсингфорсе. На страницах русской эмигрантской газеты «Новая Русская жизнь» под псевдонимом Ак он опубликовал заметку «Два воззвания», в которой сравнивал воззвание Особого совещания и похожее воззвание Врангеля к офицерам, пошедшим в Красную армию².

Куприн разделял негодование антибольшевистских кругов, отмечая, что в обращении Врангеля можно увидеть «прямую, ясную и честную мысль, не затуманенную никакими задними соображениями и побочными расчетами. Этого нельзя сказать про воззвание бывших царских генералов, новообращенных пособников и соратников большевизма.

Даже для людей, склонных к соглашательству, для усталых, зыбких душ оно заключает между своими строками множество тревожных недоумений, беспокойных вопросов и невольного недоверия»³.

Увидевший за строками советского воззвания игру большевиков, автор недоумевал, почему документ подписан председателем Особого совещания при главкоме, но нет подписи самого главкома. Куприн подметил, что генералы не упомянули о системе заложничества, не понравилось ему и одностороннее предложение забыть обиды лишь самим офицерам (советская власть ничего забывать не намеревалась). Справедливым можно считать и наблюдение о том, что «Врангель говорит от себя, как от главы правительства и армии. Его незапятнанная честь, его несомненная любовь к родине, наконец, вся полнота его власти порукой за его слова. А могут ли поручиться все восемь совдепских генералов за то, в каком настроении духа проснутся завтра Зиновьев и Троцкий, давно осмеявшие и оплевывавшие дурацкие понятия: честность, верность слову, сострадание, совесть, долг»⁴.

Распалаясь все сильнее, Куприн грубо охарактеризовал подписавших воззвание генералов: «И есть ли вообще вера им всем, если условно отвести в сторону Брусилова и Поливанова? Возбуждает ли доверие Парский, спасший ценою Риги свою жизнь, а угодничеством перед советскою властью свою должность? Не Клембовский ли, дважды менявший религию, в интересах карьеры, ловя которую за хвост он до войны получил кличку “мыловара”, а во время войны — “кондитера”, в период же тяжелых духонинских дней обнаруживший такую гибкость в сношениях с Крыленко? Не Гутор ли с Зайончковским, которые в доброе старое время были такими ярыми, такими крикливыми монархистами, что за них

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

² Ак [Куприн А. И.]. Два воззвания // Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. 10.06. № 123. С. 2–3 (публикацию см.: Куприн А. И. Голос оттуда: 1919–1934. М., 1999. С. 261–265; Его же. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб., 2001. С. 238–242).

³ Ак. Два воззвания. С. 2.

⁴ Там же.

краснели от стыда самые правые зубры? Наконец, не Акимов ли — величина совершенно не известная?»^I

Проницательным было наблюдение «Ака» о том, что большевики не могли позволить генералам совещаться и составлять воззвание без контроля — «и оттого-то на белом фоне *“любви и преданности к дорогой родине, нашей матушке России”* ярко горят красные лоскутья интернационала, вшитые грубыми портными»^{II}. К вкраплениям в генеральский текст, сделанным партийными контролерами, «Ак» отнес упоминание самоопределения народностей, дорогого польского народа, обвинение белых офицеров в классовом эгоизме.

В личном архиве А. А. Брусилова сохранился изначальный рукописный текст воззвания, отличающийся от опубликованного^{III}. Но сравнение рукописной редакции с опубликованным вариантом показывает, что слова о братском и дорогом польском народе, а также о классовом эгоизме офицерства принадлежали самому генералу. При этом из первоначального текста Брусилова партийными цензорами были изъяты упоминания о попрании поляками православия, исчезло все, что касалось национального характера войны как с польской, так и с советской стороны, а также конфликта славян как братоубийственного, фразу про «державный русский народ» заменили на «русский и украинский народ». Партийному руководству требовалось привлекать офицерство, а не возрождать дореволюционные лозунги и порядки.

Куприн резюмировал: «А выражение “использовать свои боевые знания” — это уже целиком из Маркс-Троцкого катехизиса, извините за сближение.

И, наконец, какая тут к черту Родина, если самое это слово из советского обихода исключено как крайне похабное, и всего лишь на днях газета “Правда” всячески зашала несчастного проф. [Ф. А.] Брауна, осмелившегося в предисловии к какой-то книжке упомянуть о любви к родине, как о могучем рычаге.

Что и говорить: победа в руках Бога. Но победу над поляками большевики все-таки сумеют приписать не патриотическому подъему, а гордой и несокрушимой власти пролетариата»^{IV}.

Победы над поляками, как известно, не случилось, но создававшие Красную армию бывшие офицеры (само понятие «офицер» большевики тогда стыдливо прятали за эвфемизмом «военный специалист») действительно оказались на обочине советской жизни. Статья Куприна породила конфликт с сыном генерала В. Н. Клембовского, которому писатель адресовал наиболее резкие эпитеты. Будучи участником Белого движения, Георгий Клембовский, однако, вызвал Куприна на дуэль за отца — военного специалиста РККА^V.

Разыгрывание патриотической карты без четко обозначенных границ (на практике — временно выброшенного лозунга в традициях большевистского оппортунизма) оказалось чревато перегибами. Многие бывшие офицеры поверили таким декларациям, тем более что не разбирались в политике, не всегда понимали

^I Там же.

^{II} Там же.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 170.

^{IV} Ак. Два воззвания. С. 2–3.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 684–693.

большевистскую доктрину и текущие цели партийного руководства, но являлись искренними патриотами и при этом нередко носителями националистических и даже шовинистических взглядов (стоит отметить, что еще до революции поляков старались не принимать в академию Генерального штаба, так что почва для полонофобских настроений у генштабистов существовала давно). Надо ли говорить, что такие взгляды были диаметрально противоположны интернационализму большевиков.

Столкновение двух мировоззрений оставалось лишь вопросом времени. В наиболее концентрированном виде оно выразилось в деле бывшего полковника Б.М. Шапошникова (будущего Маршала Советского Союза), который в разгар Советско-польской войны на страницах военно-научного журнала «Военное дело» опубликовал статью «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», содержащую полонофобские заявления. Свою статью будущий маршал начал с предыстории борьбы поляков за независимость, после чего из личного опыта по должности старшего адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии описал бои 1914 г. с легионерами Ю. Пилсудского, приведя несколько примеров коварства поляков на войне. При этом выдающийся теоретик службы Генштаба в угоду личным пристрастиям погрешил против истины, приравняв военную хитрость и внезапность к коварству и выдвинув беспочвенный тезис о некой прямолинейности действий современных армий. Кроме того, в статье делался вывод о том, что «природное “езуитство” ляхов вкладывалось в основу их боевой тактики и было противно духу “великорусского” племени, честно и открыто шедшему в бой с противником»¹. Статья была подписана инициалами Б.Ш., но такая форма подписи в то время не была редкостью и порой даже не скрывала авторство.

Между тем большевистское руководство стремилось придать войне не национальный, а классовый характер, поднять польских рабочих и крестьян против буржуазии (правда, с бывшими офицерами заигрывали с помощью патриотических лозунгов). Разжигание полонофобии в Красной армии было некстати. Поэтому, как только статью Шапошникова прочитал председатель РВСР Л.Д. Троцкий, он 30 июня 1920 г. издал гневный приказ № 230 следующего содержания: «В № 13 “Военного дела” напечатана статья “Первые боевые шаги маршала Пилсудского”, проникнутая насквозь духом грубого шовинизма. Достаточно сказать, что в статье говорится о “природном иезуитстве ляхов”, которое противопоставляется честному и открытому духу великорусского племени. Незачем пояснять, в какой мере такого рода грубые и ложные обещания² противоречат тому духу братства, который проникает отношение русского рабочего класса к трудящимся массам Польши. Статья “Первые боевые шаги маршала Пилсудского” свидетельствует о полной неспособности нынешней редакции “Военного дела” справиться со своими ответственными обязанностями.

Посему в видах предотвращения возможного дальнейшего распространения шовинистической отравы военно-научным журналом Рабоче-крестьянской Красной армии п р и к а з ы в а ю :

¹ Б.Ш. [Шапошников Б. М.] Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. 07.06. № 13 (77). Стб. 392.

² Так в документе. Видимо — обещания.

1. Издание “Военного дела” приостановить впредь до радикального изменения состава редакции;

2. Установить непосредственных виновников напечатания указанной шовинистической статьи, дабы раз навсегда устранить их и в дальнейшем от прикосновения к работе, имеющей своей задачей просвещение и воспитание Красной армии^I. На копии приказа, направленной в Реввоентрибунал, имелась резолюция заместителя председателя РВСР Э.М. Склянского: «Т. Данишевскому для немедленного расследования по пункту 2-му. Ск[лянский]. 30/VI»^{II}.

Из канцелярии Троцкого в редакцию журнала была направлена срочная телефограмма: «Сообщается для немедленного исполнения выписка из приказа председателя Реввоенсовета республики № 230 от 30 июня 1920 года: “Издание ‘Военного дела’ приостановить впредь до радикального изменения состава редакции”.

Копия вышеупомянутого приказа сего числа Вам посылается»^{III}.

Копия телефограммы 30 июня была передана в Реввоентрибунал республики, где на нее 1 или 2 июля председателем трибунала К.Х. Данишевским была наложена резолюция заведующему следственной частью трибунала С.В. Пузицкому: «Срочно расследовать и установить автора статьи и члена редак[ционной] коллегии, непосредственно пропустившего статью. В случае установления автора и указанного члена коллегии допросить о понимаемом ими смысле инкриминируемой статьи. Обратит внимание на кавычки, в кои поставлены имеющие шовинистический смысл слова. Доложить о результатах 3 июля [в] 12 часов»^{IV}.

В течение 1 и 2 июля Пузицким в качестве свидетелей были допрошены по делу: главный редактор журнала Д.К. Лебедев, начальник отдела военной цензуры РВСР Н.Н. Батулин, цензор Б.В. Гетлинг, член РВСР Д.И. Курский и автор статьи – начальник Оперативного управления ПШ РВСР Б.М. Шапошников.

Шапошников показал следующее: «На военную службу я поступил в 1901 году и служил до последнего времени. В 1910 году окончил академию Генерального штаба и занимал в старой армии строевые и штабные должности. Вопросами военного дела я всегда интересовался. Раньше каких-либо литературных печатных трудов у меня не было до конца германской войны. Впервые я начал работать с 1918 года, помещая статьи в журнале “Военное дело”. Статьи были исторического и военно-теоретического характера, главным образом касающиеся действий конных масс.

Политических статей никогда не писал, равным образом политических тенденций в статьях мною совершенно не проводилось.

Я лично не принадлежу ни к какой партии, но сочувствую и служу советской власти и какими-либо шовинистическими или националистическими взглядами не обладаю.

В бытность мою в 1914 году старшим адъютантом 14-й кавалерийской дивизии пришлось три раза столкнуться с польскими соколами и убедиться в их коварстве и предательстве. Читая в настоящее время статьи тов. Радека о Пилсудском

^I РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 59. Л. 334; *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2, кн. 2. С. 153.

^{II} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 637. Л. 3.

^{III} Там же. Л. 2.

^{IV} Там же.

и его политической деятельности, я вспомнил свои прежние переживания указанных трех встреч и предложил поделиться ими в статье в форме исторической справки. На одном из докладов главкому в присутствии тов. Курского я сказал, что предполагаю написать статью о Пилсудском, рассказав вкратце мои столкновения с польскими legionами.

Статью написал между 20 и 26 мая.

Какого-либо умысла дать определенную окраску этой статье у меня вовсе не было. Некоторый шовинистический оттенок статьи произошел вследствие некоторых переживаний минувшего, кроме того, момент был очень острый, когда из газет мое настроение было приподнято, и затем, стоя близко к оперативным действиям Красной армии, я близко принимал к сердцу и удачу, и неудачу армии и невольно мог увлечься во время писания этой статьи, что совпадает с периодом нашего наступления на Западном фронте и наших явных успехов.

Статью я послал в редакцию журнала “Военное дело”, и как она попала в печать — мне неизвестно¹.

Очевидно, Шапошникову предпочтительнее было откреститься от шовинистических взглядов и полонофобии, чем оказаться под арестом. Именно этим и объясняются его показания, идущие вразрез с текстом статьи. И все же он признал, что действовал под влиянием момента и пропаганды.

По итогам расследования Пузицкий подготовил доклад «по делу о помещении статьи шовинистического характера в журнале “Военное дело”». В резолютивной части доклада отмечалось: «1) что журнал “Военное дело” как официальный орган советского военного ведомства не соответствует своей высокой задаче просвещать и воспитывать Красную армию, так как лица, стоящие во главе этого органа, являются типичными чиновниками старого бюрократического режима, не способными по своей органической отчужденности улавливать современную политику советской власти и выражать взгляды и идеологические тенденции тех военных кругов, которые фактически создают силу Красной армии и руководят ею, поэтому бессильны отражать на страницах журнала новые вопросы и доктрины, выдвигаемые опытом Гражданской войны;

2) что в работе отдела военной цензуры РВСР отсутствует истинный революционный дух и революционная инициатива, так как, толкуя свои права и обязанности “по букве закона”, отдел принимает некоторую окраску, присущую бюрократическим учреждениям дореволюционного периода. Помимо этого нельзя не отметить полную неосмотрительность и неосторожность передачи контроля над всей московской прессой молодому 19-летнему человеку, к тому же некоммунисту;

3) что сотрудник журнала “Военное дело” Борис Шапошников, будучи хорошим знатоком военного дела и талантливым стратегом, политически мало развит, вследствие чего к занятию журналистикой может быть допущен лишь под руководством опытных политических деятелей.

Таким образом, непосредственными виновниками напечатания шовинистической статьи “Первые боевые шаги маршала Пилсудского” в журнале № 13 “Военного дела” являются:

¹ Там же. Л. 16–16об. Машинопись. Сверено с рукописью: Там же. Л. 24–25.

1) автор указанной статьи Шапошников,
2) прочитывавшие и непосредственно пропустившие статью редактор журнала «Военное дело» Лебедев и и.д. секретаря редакции Игнатов и
3) отчасти отдел военной цензуры в лице цензора Гетлинга, непосредственно разрешившего печатание статьи, и начальника отдела Батурина, относящегося к своим правам и обязанностям чисто формально, легкомысленно назначившего Гетлинга на ответственную должность цензора всей московской столичной прессы и недостаточно инструктирующего своих сотрудников в революционном духе^I. Опубликовавший статью журнал «Военное дело» был закрыт.

Троцкий об этом случае не забыл. Много лет спустя, уже в эмиграции, беспощадно критикуя И.В. Сталина, в том числе за измену прежним революционным идеалам, он написал: «Во время польской войны в военном журнале появилась грубо шовинистическая статья о «природном иезуитстве ляхов» в противовес «честному и открытому духу великороссов». Особым приказом журнал был закрыт, а автор статьи, офицер Генерального штаба Шапошников, отстранен от работы. Сейчас Шапошников состоит начальником штаба и является единственным из уцелевших старших офицеров эпохи Гражданской войны. Только такие люди выжили, приспособились, уцелели...»^{II}

Конечно, Троцкий был несправедлив к Шапошникову, который отнюдь не был приспособленцем. При этом советский период жизни Шапошникова стал для него временем тяжелейшего морального надлома, а гибели в жерновах репрессий будущий Маршал Советского Союза избежал случайно^{III}. Вполне возможно, что свою роль в этом сыграла и история 1920 г., создавшая Шапошникову ореол пострадавшего от Троцкого. Однако в 1920 г. подобный случай мог плохим кончиться для беспартийного военспеца.

Статья Шапошникова не была целиком шовинистической, а лишь содержала ложные выводы такого свойства. Этот инцидент знаменовал изменение советской пропагандистской риторики и отказ от разыгрывания патриотической карты^{IV}. Не заставили себя ждать и репрессии в отношении членов Особого совещания (первый арест произошел уже в июне 1920 г.). После выпуска воззвания и перелома на польском фронте в пользу Красной армии Особое совещание перестало быть интересным партийным руководителям, которые более не стремились играть в патриотизм, а начали вновь мечтать о мировой революции. Ряд членов Особого совещания (бывшие генералы А.Е. Гутор, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский) подверглись арестам, более напоминая организованную кампанию^V.

Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский в связи с закрытием журнала «Военное дело» написал публичный донос на старых военных специалистов. В статье под издевательским названием «Инвалидное дело» он утверждал, что

^I Там же. Л. 27–27об.

^{II} Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 273.

^{III} Ганин А. В. Выбор Маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошел за красными и какую цену за это заплатил // Родина. 2016. № 11. С. 37–41; Его же. 50 офицеров. С. 189–197.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Дело о «природном «езуитстве» ляхов». Лев Троцкий против полонофобии военспецов // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 1–2. С. 121–143.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. Аресты членов Особого совещания при главнокомандующем в документах Московского политического Красного Креста // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 64–71.

«журнал “Военное дело” сам по себе был настолько плох, что стыдно, собственно говоря, и писать о нем»^I. Подобный упрек был неприкрытой клеветой на замечательное и самобытное издание. Основная претензия Тухачевского заключалась в слабом отражении на страницах журнала событий Гражданской войны, а сотрудники журнала не заметили того, что противостояние приобрело характер войны русского пролетариата с Антантой. «Наши старые военспецы, сотрудники журнала “Военное дело”, оказались инвалидами», — резюмировал Тухачевский^{II}. «Сотрудники “Военного дела” — это инвалиды старой войны, отставшие от жизни и не знающие современного военного дела в условиях революционной вооруженной борьбы, охватывающей ныне всю Европу. Они уже не военные специалисты, они бывшие военные специалисты.

Мне думается, что если собрать десятка два самых дряхлых генералов и посадить их в богадельню, отрезав вовсе от внешней жизни, то они, скучая и живя старческими воспоминаниями, вероятно, от нечего делать стали бы издавать военный журнал, и этот журнал был бы сколком с “Военного дела”... В том-то и заключается корень зла этого злополучного журнала, что сотрудники его в эпоху войн Красной армии не были красными офицерами. Они не знали и не знают быта Красной армии, они не знают ее традиций, они не живут ее интересами, не увлекаются ее победами. Они сидят в Москве, вздыхают и поминают в бозе почившую старую царскую армию, ее победы и поражения... Жалко... что журнал покончил свое существование не за то, что был мертвым и вредным наростом на развивающейся военной науке, а как назло погиб из-за политического промаха одного из сотрудников. Это как бы затушевывает научную несостоятельность “Военного дела”»^{III}. Вердикт Тухачевского был суров: «Необходимо обновить мыслящий военно-научный центр. Надо собрать в Москву военных специалистов, прошедших школу Гражданской войны, а старых военно-научных руководителей выслать на фронт обучаться делу красного офицера»^{IV}.

Идеи мировой революции отражались на восприятии военной элиты. Предметом полемики стала роль Генерального штаба в экспорте революции. 18 июля 1920 г. в разгар наступления Западного фронта его командующий М. Н. Тухачевский обратился с открытым письмом к председателю Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьеву по случаю Второго конгресса Коминтерна. В письме он отметил, что война с империалистическими государствами требует реформирования вооруженных сил для завоевания буржуазных государств всего мира, в связи с чем необходимо незамедлительное создание Генерального штаба III Интернационала. По мнению Тухачевского, задачей штаба было «заранее учесть силы и средства сторон в будущей Гражданской войне в странах, ныне еще скованных капиталом.

Чтобы избежать те трудности и шероховатости, от которых страдали мы при создании нашей Красной армии, необходимо заранее разработать план мобилизации рабочего класса, надо заранее подготовить рабочих красных офицеров, надо заранее подготовить и старших строевых начальников и штабных работников.

^I Тухачевский М. Н. Война классов: Статьи 1919–1920 г. М., 1921. С. 134.

^{II} Там же. С. 135.

^{III} Там же. С. 136.

^{IV} Там же. С. 137.

Мировая Гражданская война не должна быть неожиданностью. Рабочий класс должен быть подготовлен к тому, чтобы с захватом оружия немедленно построиться в регулярную Красную армию.

Между прочим, учитывая трудности в подготовке офицеров из рабочих в буржуазных странах, необходимо у нас в Советской России открыть ряд военных училищ и академию Генерального штаба для подготовки командного состава из рабочих и коммунистов всех национальностей на их языке.

Мне кажется, что обстановка не позволяет затягивать этого дела. Мы стоим накануне мировой Гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический Интернационал. Органы военного управления нелегко подготовить, а потому надо теперь же усиленно взяться за их создание»^I.

Эту идею в своей работе «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» подверг критике председатель РВСР Л.Д. Троцкий, который отметил, что подобное прожектерство неправильно и международный Генеральный штаб может возникнуть не на пустом месте, а лишь на основе национальных Генеральных штабов нескольких пролетарских государств, иначе такой орган превратился бы в карикатуру^{II}. Критикуя Тухачевского, Троцкий поиронизировал над ним, намекая на неудачи объекта критики как в военной теории, так и на практике во время Советско-польской войны: «Необеспеченные наступления представляют вообще, — заметим мимоходом, — слабую сторону тов. Тухачевского, одного из даровитейших наших молодых военных работников»^{III}. Троцкий считал, что Коминтерн уже фактически выполняет идейную работу Генерального штаба международной революции. По оценке Троцкого, советская военная политика носила активно-выжидательный, оборонительный и подготовительный характер. «Более всего мы при этом озабочены тем, чтобы обеспечить за нашими методами и нашим аппаратом такую упругую гибкость, которая позволяла бы нам при всяком повороте событий сосредоточить главные силы на главном направлении»^{IV}.

Идея мировой революции оказалась близка имперскому сознанию генштабистов. Мемуарист описывал рассуждения военспеца-генштабиста в контрреволюционном по духу салоне красного Екатеринодара в 1920 г.: «Вот молодой офицер Генерального штаба... Ногти отполированы... Пробор как струна. Он в визитке. Это запрещается — военные должны быть всегда в форме, но он “вольнодумец”. Красиво грацируя, он позирует в салоне, потягивая крюшон:

— После Петра Россия не знала революционной власти. Прорубила Россия окно в Европу, надыхалась западной гнилью и решила, что только и света, что в окошке. А теперь наступили времена иные: Европа должна пробивать окно к нам. Свет не с Запада, а с Востока! И не каламбуром должно звучать, что мы вновь подняли сейчас дело Петра с той лишь разницей, что Петр Московскую Русь обращал в Россию Петербургскую, а мы Петербургскую Россию обращаем в союз всех народов... России больше нет... Границ нашей республики никто указать не может...

^I Там же. С. 140.

^{II} Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1925. Т. 3, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы. С. 235–236.

^{III} Там же. С. 236.

^{IV} Там же.

Наши границы уходят в беспредельность всех народов... Из Петербургской России мы создаем универсальную республику, свободный и открытый союз всех народов, в который могут входить все государства, готовые строить новую жизнь, служить новой культуре¹. Далее последовали разговоры о присоединении Румынии и Венгрии с последующим победным маршем по остальной Европе.

Мировая революция оказалась несбыточной мечтой, реальностью же были продолжавшаяся Гражданская война и сохранявшийся антагонизм военной элиты красных и белых, при том, что каждая из сторон призывала противника к завершению войны. До наших дней сохранилось немного документов, содержащих прямой диалог генштабистов из противоборствующих лагерей Гражданской войны. Одним из этих редких свидетельств может считаться радиограмма видного советского военного специалиста Н.Н. Петина белому генералу П.С. Махрову, датированная 8 июля 1920 г.

Белая разведка от имени Махрова как начальника штаба ВСЮР направила к его другу и однокашнику по выпуску из академии 1907 г. Петину агента разведотделения штаба ВСЮР Л.М. Шиманскую с просьбой, памятуя о прежней дружбе, сообщить через нее секретные сведения о состоянии РККА. Требовалась информация о 13-й армии красных, ее численности и вооружении, а также слабо защищенных участках фронта². Шиманская явилась на квартиру к Петину и передала ему шифровку и код.

Просьба Махрова поставила Петина перед выбором – изменить ли большевикам, которым он добросовестно служил уже больше двух лет и у которых сделал вполне успешную карьеру, или же изменить своей прежней дружбе с Махровым. Если бы в Особом отделе узнали об этой встрече и о том, что Петин о ней не доложил, участь его была бы незавидной. К тому же чекисты могли специально провоцировать Петина, дабы убедиться в его лояльности.

Вполне естественно, что в конце Гражданской войны, исход которой к лету 1920 г. был предрешен, Петин не пожелал рисковать и доложил о случившемся командующему войсками Юго-Западного фронта А.И. Егорову. После этого к делу подключились чекисты во главе с заместителем начальника Особого отдела Юго-Западного фронта Е.Г. Евдокимовым. Явившаяся за ответом Шиманская была задержана. В результате по коду Махрова Особым отделом белым были высланы ложные данные о положении 13-й армии в Северной Таврии и ее численности, в результате чего наступление белых закончилось неудачей, врангелевцы понесли большие потери.

Кроме того, Петиным Махрову 8 июля 1920 г. был направлен ответ по радио, опубликованный 13 июля в «Известиях Всеукраинского ЦИК» (Харьков). Ответ этот был следующим:

«Радио

Севастополь

Начальнику штаба армии Врангеля генералу Махрову

Красная армия 8 июля 1920 года.

Предложение Ваше, переданное мне через агента разведывательного отделения Вашего штаба Лидию Митрофановну Шиманскую, переслать Вам дислокацию

¹ Савченко И. Г. В красном стане. С. 215–216.

² Селявкин А. И. В трех войнах на броневиках и танках. Харьков, 1981. С. 118.

частей Рабоче-крестьянской Красной армии, а также дать и другие секретные данные, касающиеся Красной армии, я получил. Как видно из опроса названного агента, отправка последнего произошла с Вашего ведома, причем паролем должны были служить Ваша фамилия и фамилия генерала Стогова. Чем могу объяснить я себе это обращение. Может быть, воспоминанием о нашей старой трехлетней академической дружбе или, быть может, той солидарностью во взглядах, которая существовала у нас в начале Октябрьской революции в отношении тактики большевиков¹, но если это так, то я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном посту в Красной армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я после тяжелых переживаний не прозрел, то находился бы либо на Вашей стороне, либо в тюрьме или концентрационном лагере. С того самого момента, когда Вы с генералом Стоговым выехали из Бердичева перед вступлением туда призванных Украинской радой немцев и австрийцев², я решил, что ничто не может оторвать меня от народа, и отправился с оставшимися сотрудниками и имуществом штаба фронта в страшную для нас в то время, но вместе с сим родную Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте, для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность начальника штаба армии, и пользующегося всеми средствами разведки, как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно уже открыться картина истинного положения страны, и я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции бесправием рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа. Остается еще одно предположение, что, подсылая ко мне агента с этим гнусным предложением, имелось в виду скомпрометировать меня в глазах советского правительства и этим вывести из строя в данный решительный момент борьбы одного из ответственных работников штаба Юго-Западного фронта³, того штаба, который один раз уже был умелым проводником оперативных распоряжений высшего командования по разгрому Добр[овольческой] армии Деникина.

Если это так, то должен сказать, что прием борьбы хотя и остроумный, но не совсем честный и в данном случае своей цели не достиг. Советская Россия меня уже [испытала] в должности начальников штабов фронтов: Северного — в период славной Шенкурской операции, Западного — в период кровавой борьбы за Петроград, Южного — разгрома Деникина и в настоящей должности — в период блестящих успехов на польско-украинском фронте. Придет час, и он уже близок, полного разгрома и Врангеля. Ваше обращение, конечно, отразилось на моем душевном состоянии, но нет худа без добра, оно дало мне право воспользоваться для ответа Вам радио, через которое я и обращаюсь ко всем своим прежним сослуживцам

¹ Имеется в виду период совместной с Махровым службы в штабе Юго-Западного фронта.

² Немцы и австрийцы в феврале — апреле 1918 г. оккупировали территорию Украины по Брест-Литовскому соглашению с украинской Центральной радой от 27 января 1918 г.

³ В 1920 г. Петин являлся начальником штаба советского Юго-Западного фронта.

старой армии по должности командира 7-го Сибирского полка^I, начальника штаба 34, а затем 50 армейских корпусов^{II} и генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта^{III} с призывом проснуться, прозреть и сложить оружие перед великими идеями социальной революции. Поверьте мне, поверьте тысячам Ваших прежних братьев и друзей, ныне так же честно, как и я, работающим в Красной армии, что все, что говорится Вам и пишется в заграничной прессе про советскую власть, есть ложь, продиктованная лишь страхом потери своей власти и капитала. Я обращаюсь с этим призывом, главным образом, к рядовому офицерству, гибнущему по воле руководителей правительств Антанты и врангелевского штаба, к офицерству, которое умышленно держится в слепоте и которое единственно гибнет вместе с темной массой солдат, так как представители Антанты и высшие белогвардейские руководители всегда успевают своевременно выехать за границу. Так было в Ярославле^{IV}, так было в Архангельске^V, так было в Одессе^{VI}, так будет и в Крыму^{VII}. Генерального штаба Петин^{VIII}.

Текст послания высоко оценили члены РВС фронта И.В. Сталин и Р.И. Берзин. В документе присутствуют как элементы воззвания к белому офицерству в целом, так и фрагменты, лично обращенные к Махрову и напоминающие о событиях их дореволюционной жизни, Петин в том числе не забыл упомянуть и о либеральных взглядах Махрова периода Первой русской революции.

Действия Петина, на наш взгляд, были продиктованы сугубым рационализмом. Его резкий ответ Шиманской мог быть обусловлен далеко не только принципиальной поддержкой советской власти, но, прежде всего, соображениями личной безопасности. Как опытный военный специалист Петин прекрасно понимал, что шансов на победу у белых летом 1920 г. уже не было. В случае обнаружения его контактов с белыми эмиссарами вся карьера Петина у красных могла в одночасье закончиться, а сам военспец, скорее всего, был бы расстрелян. Поэтому, взвесив все за и против, Петин решил не только не помогать белым, но и извлечь из потенциально опасной для себя ситуации максимальную выгоду. На тот случай, если бы обращение к нему было чекистской провокацией, он сообщил о случившемся. По согласованию с руководством было подготовлено обращение Петина к Махрову и к белым офицерам с призывом сдать в плен и прекратить борьбу. Таким образом, Петин, во-первых, уклонился от участия в антибольшевистском подполье и измены большевикам, во-вторых, сумел избежать наказания за связь с белым подпольем и, в-третьих, ярко продемонстрировал свою лояльность большевикам.

^I Командиром 7-го Сибирского стрелкового полка Петин был с 16 июля 1916 по начало 1917 г.

^{II} На должностях начальника штаба XXXIV и L армейских корпусов Петин находился в 1917 г.

^{III} Судя по всему, в этой должности Петин состоял в начале 1918 г.

^{IV} Речь идет о разгроме Ярославского восстания в июле 1918 г.

^V Имеется в виду эвакуация белых из Северной области в феврале 1920 г., в ходе которой были брошены на произвол судьбы многие офицеры-фронтовики, а штабы эвакуировались в первую очередь. Подробнее см.: Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 67–69.

^{VI} Речь идет о плохо организованной одесской эвакуации белых в начале февраля 1920 г. Подробнее см.: Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 772.

^{VII} Предсказание Петина не сбылось, поскольку в результате крымской эвакуации в ноябре 1920 г. эвакуировались фактически все, кто хотел это сделать.

^{VIII} РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 93–94.

Радиограмма Петина носила показной и пропагандистский характер. В то же время документ демонстрирует всю глубину и непреодолимость раскола, произошедшего в результате революции и Гражданской войны в русском обществе в целом и в корпорации офицеров Генерального штаба в частности. В результате этого раскола формировавшиеся десятилетиями корпоративный дух и традиции взаимовыручки оказались не столь значимы в сравнении с непримиримыми идеологическими разногласиями, карьерными перспективами и стремлением к личной безопасности, а прежние друзья стали заклятыми врагами, при том, что и те и другие были горячими патриотами своей страны, но видели ее будущее по-разному.

Для характеристики участников этого инцидента добавим, что даже антибольшевистски настроенные офицеры в мемуарах отмечали благородство Петина, который не выдавал своих прежних сослуживцев-недоброжелателей на расправу ЧК, хотя имел такую возможность¹.

Своеобразным ответом на радиограмму Петина стал еще один документ. И хотя он не имеет прямого отношения к изложенной выше истории, представляется важным поместить его именно в этом контексте. Речь идет о воззвании «К офицерам Генерального штаба в Совдепии», подписанном группой генштабистов Русской армии генерала П. Н. Врангеля 9 (22) сентября 1920 г.

Крайне любопытно сравнить аргументацию этих двух воззваний бывших товарищей по службе, оказавшихся по разные стороны баррикад. Документ был обнаружен нами среди материалов дневника генерала А. А. фон Лампе. Текст его следующий:

«К офицерам Генерального штаба в Совдепии.

Русская армия, поднявшая меч во имя поправленного человеческого права, во имя мира и свободы, идет вперед освобождать Русскую землю и русский народ от насилия и гнета коммунистической своры, засевшей в древнем Московском Кремле.

Третий год великая страна заливается русской кровью, третий год в голоде и болезнях гибнут люди, доведенные до отчаяния и нищеты обезумевшей шайкой красных палачей.

Не для завоеваний, а для освобождения от рабства и насилия всей измученной Родины идет вперед Русская армия и с братским чувством всепрощения протягивает руку всем, в ком еще уцелело русское сердце, кто еще не забыл, что он сын опозоренной России.

Поднявшая меч за лучшие идеалы человечества и за счастье народа, Русская армия не опустит его, пока не восторжествует правда, пока не воспрянет поверженная Русь. Ибо есть только одна правда и ее несет только Русская армия с крестом в сердце и оружием в руках.

Главкомандующий Русской армией своими приказами даровал полное забвение всех ошибок и заблуждений каждому, кто с открытой душой перейдет к нам, это проводится в жизнь неуклонно.

Всякий, попавший в плен добровольно, не подвергнется никаким репрессиям, ни преследованию, и ряды Русской армии за последние месяцы пополнились не одной тысячей бойцов, которые здесь не из-под плети и террора, а свободно поняли, за кем идти и кто действительно палач и враг народа.

¹ К-й В. Красный начальник штаба // Часовой (Брюссель). 1958. № 390 (8). Сентябрь. С. 7.

Каждому ясно, что коммунисты, презираемые народом, держатся только на офицерстве, которое всегда и везде пополняло армию и являло ее основу.

Зная это, они зажали вас в тиски террора и посылают на убой защищать ненавистную вам и народу идею беспросветного рабства. Ложью и провокацией они внушают вам, что всякий перешедший к нам подвергается суду, пыткам и расстрелам.

И если лежит грех на душе рядового офицера, загипнотизированного этой клеветой, то он более тяжел для офицеров Генерального штаба, ибо вы знаете и уверены, что нет границ коммунистической подлости.

Обращаясь с настоящим призывом в период расцвета успехов Русской армии ко всем офицерам и солдатам вообще, мы, офицеры Генерального штаба Русской армии, обращаемся особенно к вам, офицеры Генерального штаба Совдепии, не допуская никаких сомнений, чтобы вы мыслили иначе, чем мы, и жили бы иными чаяниями.

Мы – дети одной матери – нашей славной академии, давшей русской истории много славных имен, мы братья ваши по духу, по мыслям и задачам спасения народа и страны.

И заверяем словом и честью всех – кто бы вы и где бы вы ни были, что вас ожидает не кара и упреки, а братский привет и сочувствие за великое горе, нравственное потрясение и тайную скорбь, которую несете вы третий год.

Вами и только вами держится армия коммунистической шайки авантюристов, презираемых всеми культурными народами Запада и Востока.

Мы верим, что ваша совесть и честь не могут быть ни куплены, ни терроризированы. И чем скорее вы будете с нами телом и духом, тем скорее прекратится народная скорбь и перестанет литься братская кровь, тем скорее в величии русского духа оживут мир, единство и слава Русской армии и Русской земли.

Подписали:

Начальник штаба главнокомандующего Русской армией, Генерального штаба генерал-лейтенант [П.Н.] Шатилов.

Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Русской армией, Генерального штаба генерал-майор [Г.И.] Коновалов.

Начальник Военного управления, Генерального штаба генерал-лейтенант [В.Е.] Вязьмитинов.

Помощник начальника Военного управления, Генерального штаба генерал от инфантерии [Ю.Н.] Данилов.

Начальник общего отдела Военного управления, Генерального штаба генерал-майор [В.В.] Фирсов.

Помощник начальника общего отдела Военного управления, Генерального штаба генерал-лейтенант [А.П.] Архангельский.

Генерал-инспектор конницы Русской армии, Генерального штаба генерал-лейтенант [Я.Д.] Юзефович.

Войсковой атаман Всевеликого войска Донского и командующий Донской армией, Генерального штаба генерал-лейтенант [А.П.] Богаевский.

Командующий войсками армейского тылового района, Генерального штаба генерал-лейтенант [Н.Н.] Стогов.

Ординарный профессор Военной академии, генерал для поручений при Главнокомандующем Русской армией, генерал-лейтенант [В.В.] Беляев.

Генерал-лейтенант [Д.П.] Драценко.

Генерал от инфантерии [Э.В.] Экк.

Председатель суда чести офицеров Генерального штаба, Генерального штаба полковник [А.-Э.Г.] Нидермиллер.

Члены суда чести офицеров Генерального штаба:

Генерального штаба полковник [Г.И.] Шлидт.

Генерального штаба полковник [А.В.] Станиславский.

Генерального штаба полковник [А.Л.] Мариюшкин.

Генерального штаба полковник [А.А.] Подчертков.

Генерального штаба полковник [Н.В.] Ерарский.

9/22 сентября 1920 года»¹.

Этот широковещательный документ оказался запоздалым. К сентябрю 1920 г. серьезных перспектив у антибольшевистского сопротивления на Юге России уже не было. Не понимать это могли только наивные идеалисты. Несмотря на то что по риторическим приемам оба воззвания имеют немало общего (так, в каждом из них упоминались интересы и счастье народа, понимавшиеся составителями по-своему), рациональные доводы радиogramмы Петина смотрятся куда убедительнее идеалистических воззрений подписантов аналогичного воззвания со стороны белых и их стереотипного восприятия советской действительности, основанного на материалах антибольшевистской пропаганды. Можно сказать, что в этих двух документах отразились сильные и слабые стороны непримиримых противников по Гражданской войне – представителей военной элиты белых и красных.

Поскольку в 1920 г. победа красных была уже очевидной, предпринимались попытки завершить борьбу. Один из эпизодов связан с событиями на Севере России и деятельностью полковника Л.В. Костанди (в 1919–1920 гг. он занимал пост начальника оперативного отделения штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте). По оценке генерала В.В. Марушевского, Костанди «был очень талантливый, способный, но уже, казалось мне, несколько тронутый тлетворным влиянием революции. Костанди уже тогда во всем искал новых путей, что выражалось в его докладных записках по реорганизации армии»². Если для монархиста Марушевского Костанди казался левым, то, по оценке эсера Б.Ф. Соколова, наоборот, Костанди «отнюдь не был демократически настроенным офицером, но почему-то считался “красеньким”. Этого было достаточно, чтобы держать его в черном теле»³. И действительно, в 1917 г. Костанди увлекла революционная стихия – находясь на должности начальника штаба Морской крепости императора Петра Великого, он вошел в состав Ревельского совета рабочих и солдатских депутатов и даже стал председателем военного комитета. Более того, Костанди способствовал созданию первых эстонских воинских формирований, состоял на службе эстонского Временного правительства и ездил в Петроград на переговоры с большевиками о признании Эстонии, пока не был

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 211.

² Марушевский В. В. Год на Севере. С. 201.

³ Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 45.

арестован немцами и 4 июля 1918 г. депортирован в Советскую Россию^I. О Костанди писали, что он «с начала революции в Ревеле вел демагогическую политику. В Архангельске в политическом отношении ничем себя не выказал, с зимы 1918–19 гг. был начальником военного отдела на Мурмане и под его руководством там была создана русская военная сила. Хороший работник»^{II}.

При эвакуации белых Костанди, разочаровавшись в прежней борьбе, решил остаться в России в качестве командующего Архангельским округом и коменданта города. Он сам говорил, что за границей ему не место^{III}. По свидетельству современника, «мнения о Костанди вообще были различны. Одни его считали большевистствующим, другие – самолюбивым честолюбцем. К демократии он относился довольно холодно и особенных сношений с ней не имел. Несомненно, он был большим националистом и начинал впадать в ту ошибку, в которую впали многие другие, олицетворяя в одном лице большевизм и национализм. Во всяком случае, он был способным и талантливым военным начальником^{IV}, чего от него не могли отнять и его враги»^V. Костанди остался «с ведома главнокомандующего и по просьбе профессиональных союзов»^{VI} с целью спасти оставшихся в Архангельске белых офицеров^{VII}.

Есть сведения о том, что незадолго до эвакуации генерал Миллер вел переговоры по радио с комиссаром Н.Н. Кузьминым^{VIII}, содержание которых неизвестно. После эвакуации Миллера с Кузьминым вел переговоры уже сам Костанди, что не может не вызывать вопросов о наличии каких-то договоренностей между Кузьминым и Миллером в отношении оставшихся белых войск. После ухода белых Костанди снял погоны и до вступления в город красных пытался бороться с анархией. Он оказался практически единственным высокопоставленным белым офицером, добровольно оставшимся в Архангельске, что в глазах победителей выглядело подозрительно. К тому же Костанди не проявил рвения в организации преследования эвакуировавшихся из Архангельска белых и не препятствовал тем белым офицерам, которые оставались в городе (что, безусловно, характеризует его человеческие качества)^{IX}.

В период смены власти на Севере Костанди играл видную роль, но с занятием Архангельска красными с ним перестали считаться. Не позднее 25 февраля 1920 г. член РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмин телеграфировал в ПШ РВСР с копией В.И. Ленину: «Прошу разрешения выехать [в] Москву совместно [с] Генштаба Костанди для доклада положения дел [в] Северной области и [о] наилучшем способе использования оставшихся после белой армии учреждений. До доклада прошу

^I Костанди О. Автор и его время // Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал (Таллин). 2006. № 4. С. 26.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 4а; Бессонов Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

^{IV} Так в документе.

^V Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 65.

^{VI} Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 81.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 4об.; Кручинин А. С. «Я препровождаю Вам знаки ордена» // Военная Быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 47–48.

^{VIII} Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 63, 77.

^{IX} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 6об., 7, 8об., 13.

распоряжения не прекращения деятельности военных учреждений, так как иначе получатся миллионные убытки...»^I Однако в Москву Костанди попал уже в качестве арестованного.

Подпоручик Г.С. Топорков вспоминал: «На другой день утром в тюрьму явился полковник Костанди со свитой каких-то темных личностей и стал успокаивать нас, говоря, что смертная казнь отменена и репрессии ограничатся только принудительными работами. Он занимал должность начальника охраны гор[ода] Архангельска и в выпускаемых официальных бюллетенях, о том, кто есть начальство в городе, — именовал себя полковником Костанди. Через несколько дней слово “полковник” было заменено “товарищем” Костанди, а еще через несколько дней ни полковника, ни товарища Костанди уже на этой должности не было. Власть в городе перешла в руки приехавших из Вологды коммунистов. Гражданин Костанди мог именовать себя только лишь как заключенный камеры такой-то...»^{II}

Сложно понять, на чем основывался расчет 36-летнего полковника. 14–15 марта он разделил участь арестованных Особым отделом 6-й армии бывших белых офицеров, а 25 марта был доставлен в Москву, где содержался в Бутырской тюрьме, внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, Ивановском и Кожуховском лагерях.

За офицера 13 марта 1920 г. ручался даже член РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмин, телеграфировавший в ВЧК и РВСР: «Срочно. Секретно. Вне очереди по обоим адресам. Москва. ВЧК Менжинскому, копия Реввоенсовет республики. Архангельск. 13 марта. Я просил [и] настаиваю выделить вопрос генштаба Костанди. Просил Реввоенсовет республики, если он не желает его знания использовать широко, дать мне наштадивом. За верность его ручаюсь своей головой. Человеку, расстрелявшему более четырехсот офицеров, можно поверить, когда он ручается за одного... Прошу, если Реввоенсовет республики согласен, прошу Костанди не арестовывать и разрешить мне его доставить [в] Москву или отдать мне [в] мое распоряжение»^{III}. Однако это ручательство не помогло. Тем более что против Кузьмина и его покровительства Костанди выступил видный большевик, бывший руководящий работник ВЧК А.В. Эйдук, обратившийся в ЦК РКП(б)^{IV}. Пробыв около года в заключении, в апреле 1921 г. 37-летний полковник был казнен за причастность к расстрелу 14 участников антибольшевистского восстания на Мурмане в 1919 г.^V По одной из версий применение расстрела стало следствием событий восстания в Кронштадте^{VI}.

Представляется справедливой следующая характеристика: «Покойный Л.В. Костанди был офицер и деятель редких, почти исключительных дарований. Но у него тоже был несомненный и своеобразный демагогический уклон, которым грешили в то время многие представители командования русской армии. А эти его черты, очевидно, и привели его к общению с профессиональными союзами — сообществом, по меньшей мере, социалистического типа, за двусмысленную и соглашательскую

^I РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 22. Л. 34.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 103–104.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 223–223об.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 14–14об.

^V Там же. Л. 7, 10; Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 82.

^{VI} Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 82.

политику которого в отношении большевиков покойный и расплатился своей гордой и умной головой»^I.

Еще одна попытка имела место на Юге России. На военном совете в Севастополе 22 марта (4 апреля) 1920 г., когда решался вопрос о смене главного командования ВСЮР, председательствовавшим генералом А.М. Драгомировым был оглашен ультиматум британского правительства к белому командованию о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы и готовности англичан выступить посредниками на переговорах^{II}. В случае отказа от мирных переговоров англичане прекращали какую-либо помощь и поддержку. Тогда борьбу решено было продолжать.

Однако позднее имели место несколько не вполне ясных эпизодов, свидетельствовавших о попытках белых генштабистов вступить в переговоры с красной стороной.

Особым отделом Кавказского фронта в июле 1920 г. был арестован помощник начальника разведывательного отделения московского штаба белых (по другим данным, флота белых) поручик Б.А. Зерен, заявивший, что он является представителем демократической части белого офицерства, а также врангелевским парламентарием и от лица крымского правительства уполномочен вступить в нелегальные переговоры с красным командованием об условиях перемирия и мира^{III}. Зерен, по его словам, имел полномочия от начальника штаба Врангеля генерала П.Н. Шатилова, при котором состоял для поручений. Намерения Зерена вызвали сомнения. В документах дела отмечено, что еще в мае 1920 г. он побывал в Особом отделе 9-й Кубанской армии и у ее командующего, где выяснял отношение красных к белому офицерству, причем был затем отпущен^{IV}. Вместе с тем у Зерена чекисты выяснили явку белого разведчика полковника В.Д. Хартулари в Москве. Зерен оказался завербован особистами под псевдонимом С. Валентинов и направлен в Крым^V. Операция получила наименование «Терек», причем сведения о ней докладывались лично В.И. Ленину. Офицер вернулся из Крыма с удостоверением за подписью Шатилова, но ему не поверили, после чего он предложил написать генералу письмо, а самому остаться у красных заложником. Сложно сказать, что стояло за этими событиями.

Другой эпизод также связан с событиями на Кавказе. В августе 1920 г. в Тифлисе проходило инициированное генералом П.Н. Врангелем через своего друга бывшего старшего лейтенанта К.А. Бенкендорфа зондирование почвы для мирных переговоров с красными. Зондирование осуществлял двоюродный брат Бенкендорфа князь П.А. Долгоруков, с советской стороны посредником выступал Бенкендорф, к переговорам привлекался помощник советского военного представителя в Армении генштабист А.А. Бобрищев^{VI}.

^I ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

^{II} HIA. Vrangeli collection. Box 162. Folder 37.

^{III} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670. Л. 19–20.

^{IV} Там же. Л. 32.

^V Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 337–338.

^{VI} *Benckendorff, count. Half a Life. The Reminiscences of a Russian Gentleman.* London, 1955. P. 272–276.

Нечто подобное повторилось позднее. 8 сентября 1920 г. в штаб советского Юго-Западного фронта был доставлен перешедший от белых поручик В.Б. Яковлев, в действительности оказавшийся штабс-капитаном В.Б. Можаровским – в прошлом военспецом РККА, попавшим к белым в 1919 г. Белые направили его для подпольной работы в Советской России, но перебежчик заявил, что одновременно представляет тайную офицерскую организацию белых, которые разочаровались в Белом движении и планировали сдачу армии Врангеля красным. В подготовленном им докладе «Общая обстановка в Крыму» отмечалось, что врангелевцы радовались успехам РККА на польском фронте, считая, что поляки воюют не с большевиками, а с Россией^I.

Якобы в организации состояли 30 генштабистов во главе с полковником Н.Ф. Соколовским, а также по одному-два человека в каждом штабе дивизии и корпуса. Общим желанием было поскорее завершить Гражданскую войну. В докладе содержались славословия в адрес большевиков, утверждалось, что по сравнению с РКП(б) в Гражданскую войну никто не смог так сорганизоваться. Яковлев-Можаровский отмечал, что только РКП(б) проводила идею великой и неделимой России, возможно, даже помимо своей программы и желания. Замысел белых оппозиционеров якобы заключался в том, чтобы «не сходясь в отдельных пунктах программы и тактики, в интересах государства... сойтись в общем и честно пойти общей дорогой туда, куда влекут исторические законы и жизненные потребности страны»^{II}. В интересах страны предлагалось сохранить врангелевскую армию, но с другим главнокомандующим. Предполагались переворот и арест Врангеля и группы из 20–30 его ближайших соратников, подписание Врангелем отказа от власти и передача ее другому лицу по выбору организации. Например, генералу П.Н. Шатилову, «которого можно купить»^{III}. И хотя все это выглядело неубедительно, интересно, что и в этом деле о переговорах с красными опять фигурировал Шатилов.

Организация предлагала следующие условия для переговоров с СНК^{IV}:

1. Полная амнистия младшего и среднего командного состава. Судьба главрей оставалась на усмотрение советского правительства.

2. Предоставление возможности непримиримому элементу выехать с семьями за границу без права возвращения.

3. Ввод в Крым частей РККА только по вызову нового состава командования. Причины: возможность враждебных действий флота Антанты; самостоятельная защита Крыма бывшими белыми станет агитационным козырем, а ввод частей РККА может вызвать эксцессы; 2–3 недели потребуется для приведения крымской армии (бывшей Русской) в порядок.

4. Глава организации назначается главкомом крымской армии.

5. Назначение в части комиссаров и политработников по соглашению с новым командным составом крымской армии.

6. Гражданская власть строится усилиями местных подпольных организаций РКП(б).

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 26об.

^{II} Там же. Л. 29.

^{III} Там же.

^{IV} Там же. Л. 29об.–30.

7. Деньги донские и ВСЮР имеют хождение на время по усмотрению советского правительства.

Предложения выглядели довольно странно. Если их выдвигали генштабисты, непонятно, почему у них в приоритете оказалась амнистия младшего и среднего командного состава, каковы были полномочия недовольных Врангелем и могли ли они на самом деле захватить власть. В качестве гарантии Можаровский предлагал выдать разведывательную сеть белых на советской территории, однако и здесь имелаась странность — сделать это он мог, якобы только отправив сообщение в белый Крым.

Предложения штабс-капитана были рассмотрены на самом высоком уровне. О необычном перебежчике уведомили члена РВС Юго-Западного фронта С.И. Гусева, а тот проинформировал председателя СНК В.И. Ленина. Последний ухватился за возможность ликвидировать белых и потребовал от председателя РВСР Л.Д. Троцкого приложения всех усилий, чтобы врангелевцы сдались¹. Очевидно, на фоне массовых сдач белых в плен такая новость советскому руководству не казалась невероятной. Во избежание провокации решено было назначить главкомом бывшей врангелевской армии не Соколовского, остававшегося в Крыму, а популярного и находившегося в Москве под контролем властей бывшего генерала А.А. Брусилова. Временно до прибытия Брусилова армией должен был командовать Соколовский.

12 сентября в газете «Правда» было опубликовано воззвание к офицерам армии Врангеля, подписанное председателем ВЦИК М.И. Калининым, председателем СНК В.И. Лениным, председателем РВСР Л.Д. Троцким, главкомом С.С. Каменевым и председателем Особого совещания при главкоме А.А. Брусиловым. В документе содержались гарантии амнистии всем переходящим на сторону красных. Многие врангелевские офицеры, поверив авторитету и обещаниям Брусилова, остались в Крыму при занятии его красными осенью 1920 г. и были расстреляны. 16 сентября были составлены приказы председателя РВСР № 242 о назначении Брусилова командующим бывшей армией Врангеля и № 243 о том, что «впредь до вступления А.А. Брусилова в исполнение обязанностей, временное командование указанными в приказе № 242 войсками возлагается на Генштаба Соколовского»². Приказ по врангелевской армии подписал 16 сентября и сам Брусилов³. Занять соответствующий пост его убедил заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский.

Предполагалось, что Можаровский вернется в Крым с подлинниками воззвания к офицерам армии Врангеля и приказов Троцкого. Однако план сорвался. Сам Брусилов вынашивал планы антибольшевистского переворота в Советской России⁴, а чекисты держали бывшего генерала под постоянным наблюдением, причем работой с Можаровским и Брусиловым занимался один и тот же сотрудник Особого отдела ВЧК — Я.С. Агранов⁵. Были ли известны ВЧК настроения и намерения Брусилова в отношении армии Врангеля, сказать сложно. По-видимому,

¹ The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 2. P. 282.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 82; Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 51. С. 277, 452.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 84.

⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 284.

⁵ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 340.

решающим обстоятельством, сорвавшим операцию, стало обнаружение у Можаровского через несколько дней фальшивого удостоверения ликвидированной белыми керченской подпольной организации РКП(б). Документ был заверен печатью, которую изъяла белая контрразведка¹. Такой документ мог быть заготовлен только спецслужбами белых, и, возможно, предложения Можаровского являлись частью операции белой разведки. После этого перебежчик был арестован и ввиду важности переведен в Москву, во Внутреннюю тюрьму Особого отдела ВЧК, а те, кто его направил в советские штабы, видимо, так ничего и не узнали. Можаровский под арестом сообщил, что удостоверение от подпольщиков было выдано ему Соколовским, чтобы беспрепятственно добраться до штаба советского Юго-Западного фронта, а Соколовский получил документ, так как якобы имел связи с керченским большевистским подпольем. Однако поскольку речь шла о фальшивке, утверждения о контактах Соколовского с красными подпольщиками выглядят сомнительно. К этому можно добавить, что Соколовский известен как видный белый подпольщик в Красной армии², а Можаровский был его давним сотрудником еще по 1919 г. и также участвовал в работе белого подполья³.

Произошедшее могло действительно являться операцией белой разведки. Казалось бы, фальшивое удостоверение неопровержимо об этом свидетельствует. Имеются и косвенные подтверждения. Например, массовых сдач генштабистов Русской армии Врангеля красным осенью 1920 г. или массового их возвращения затем из эмиграции не произошло. Даже сам «разочарованный» Соколовский эмигрировал тогда из России (в начале 1922 г. вернулся и был освобожден от наказания). В деле Можаровского не содержатся имена и тех 30 генштабистов, которые якобы состояли в организации. Помимо Соколовского упоминался лишь полковник П. Е. Дорман, причем без внятного указания на причастность к организации.

Однако группа высокопоставленных оппозиционеров в белом командовании все же могла существовать. Известно, к примеру, что упомянутый выше полковник Дорман находился в оппозиции к генералам Врангелю и Шатилову. Существование организации в своих показаниях 1922 г. подтвердил и Соколовский: «Начались искания связи с Сов[етской] Россией».

Небольшая группа офицеров Генштаба, в которой был и я, определенно решила, что дальнейшая борьба пагубна, что нужен героический шаг, чтобы предотвратить излишнее пролитие крови. Вновь ставился вопрос о связи с Сов[етской] Россией. Получалось своего рода тайное общество, которое начало принимать конкретные формы. Каждый из инициаторов должен был организовать ячейку в 5–6 человек единомышленников. Общая и конечная цель ставилась «связаться с Сов[етской] Россией и сов[етской] властью, получить согласие, а затем идти на переворот и прекращение Гражданской войны»⁴.

Более того, Соколовский признался, что сам пытался установить контакты с красными: «Из группы инициаторов решено было послать одного члена в Россию

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 46.

² Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 321. Л. 19об.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 25об.–26.

для связи и получения согласия. В 20-х числах мая 1920 года я получил предложение пробраться на Бердянск, где связаться с первыми представителями сов[етской] власти. Связаться с Таманью не удалось, хотя попытки были. На небольшом суденышке пробрался к русским берегам, где высадился у Петровской слободы (близ Бердянска), явился в волостной исполком и на другой день в бердянский пар[т]ком. Я изложил все дело, обрисовал общую обстановку, предупредил о готовящемся десанте, просил санкции и самого быстрого обратного отправления. Пар[т]ком все выслушал, обещал сделать все возможное, но, по-видимому, начало боев помешало прийти к какому-либо решению.

Я просидел около 2-х недель, был оставлен пар[т]комом при отходе из Бердянска для следования в Крым. В Крым я пробрался с беженцами, но дать исчерпывающий ответ своей группе не мог. Начались новые искания, и для связи был выбран Можаровский, который должен был пробраться через фронт и во что бы то ни стало связаться. В августе Можаровский с полномочиями отправился, но затем пропал и не вернулся, не дал о себе никакого сведения. Это была еще одна неудача. В дальнейшем новое крушение фронта и эвакуация из Крыма в Константинополь¹. О поездке Соколовского в Бердянск упоминал в показаниях 1920 г. и Можаровский².

В других показаниях Соколовский вскользь упомянул о заслугах организации. В частности, вместе с единомышленниками ему удалось «освободить от тяжелого наказания задержанных у Новороссийска двух разведчиков Красной армии, посланных в тыл для шпионажа, — Нину Петрову и Грудзинского. Лица эти сознались, указали, что были высланы от фронта. Усиленное ходатайство перед ген. Улагаем и Стоговым спасло их — оба они были освобождены.

Всегдашней и полной защитой пользовались все лица комсостава Кр[асной] армии, взятые в плен»³.

По словам Соколовского, офицеры выступали за сильную Россию, которую в итоге создали большевики, прекратившие Гражданскую войну⁴. Соколовский утверждал, что в Советской России сложилась крепкая власть, создавшая мощную армию, что позволило выдержать натиск всей Европы в течение нескольких лет, власть эта являлась народной и проводила политику воссоединения земель старой России, т. е. фактически реализовывала русскую национальную идею⁵. Все это импонировало генштабистам, разочаровавшимся в белой идее.

Фальшивое удостоверение Можаровского могло не иметь особого значения, а являться лишь документом, позволявшим посланцу из Крыма без лишних вопросов добраться до ближайшего красного штаба. Поэтому нельзя исключать, что в конце Гражданской войны, когда поражение белых стало вполне очевидным, часть белой военной элиты решила обеспечить себе безопасный переход в советский лагерь, сдав врангелевскую армию красным. Как это нередко бывает, истинную подоплеку случившегося установить, по-видимому, уже невозможно.

¹ Там же. Л. 26–26об.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 53.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 30об.

⁴ Там же. Л. 29об.

⁵ Там же. Л. 36об.

В деле имеются более поздние характеристики Можаровского чекистами как человека, обладавшего богатой фантазией, который многое выдумывал^I. Можаровский был завербован чекистами и стал секретным сотрудником, но в 1924 г. был расстрелян, поскольку оказался слишком широко информирован о методах работы органов госбезопасности и, будучи морфинистом, мог выдать такие сведения^{II}.

Патриотические убеждения являлись мотивом продолжения службы в РККА многими военспецами и после Советско-польской войны 1919–1920 гг. Один из военспецов писал в этой связи генералу А.И. Деникину в эмиграцию в конце 1920-х гг.: «Но вот Гражданская война кончилась, и мы остались одни лицом к лицу, с одной стороны, к чуждому нам укладу жизни и службы, с другой стороны – перед грозной внешней опасностью, угрожающей России со всех сторон. Этими обстоятельствами определился наш подход к вопросу дальнейшей работы. Пусть Вас не удивляет, что подавляющее большинство, не исключая даже тех, которые оказали в прежнее время серьезные услуги Белому движению и счастливо уцелели, теперь служат Красной армии по совести. Вы должны понять, что Россия, ведь, осталась, а защищать ее от внешних врагов, кроме Красной армии, больше никому. А враги сильны и многочисленны, и, как Вы сами хорошо знаете, заинтересованы не в том, какой в России строй, а в ее ослаблении. Не советскую власть собираются они свергать, а под тем или иным предлогом отнимать у нас Белоруссию, Украину, Новороссию, дальневосточные земли, хлебные, рыбные, угольные и нефтеносные источники. А если урезанная, голодная, нищая и никому не страшная тогда Россия будет управляться коммунистической властью – им наплевать! Пусть гниет – им спокойнее, им способнее будет переваривать добычу»^{III}.

О том, насколько тяжело было большевикам находить точки соприкосновения с «бывшими», свидетельствует письмо председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского М.И. Лацису, написанное в декабре 1921 г. Автор письма, резко протестуя против сотрудничества с церковью, отметил: «Связь, какая бы то ни было с попами других органов, бросит на партию тень, это опаснейшая вещь, хватит нам одних спецов»^{IV}. Т.е. опыт взаимодействия большевиков со «спецами» считался рискованным.

Что касается самих генштабистов, то в конце Гражданской войны некоторые из числа боровшихся с красными признали победу большевиков. Генерал А.П. Перхуров, переосмысливая недавнее прошлое, писал в 1922 г. в Москве за несколько месяцев до расстрела: «Минувшая Гражданская война являлась результатом не воли отдельных лиц, а следствием того стихийного начала, которое заложено в человеческую природу... И только результаты борьбы могут показать, на чью сторону склоняется большинство. Ликвидация белых армий показала, что активных сторонников, хотя бы и косвенных, было больше у советской власти... Меньшинство должно подчиниться большинству, как только большинство это определяется.

Средством для объединения в дальнейшей продуктивной работе в деле возрождения России является та масса неотложной, существенной, необходимой

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 14.

^{II} Там же. Л. 12, 15–16.

^{III} Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 5.

^{IV} Дзержинский Ф. Э. Дневники. Письма. М., 2007. С. 328.

и разнообразной работы, в которой должно и может найтись подходящее дело для каждого, дорожащего судьбой Родины.

Убежден, что люди, честно относящиеся к данному им делу, принесут пользу Родине при всяком правительстве, независимо от своих внутренних убеждений.

Глубоко убежден и в том, что время вооруженных выступлений теперь прошло.

Что было естественно и возможно в 1918–1920 гг., теперь является недопустимым и фактически невозможным.

Кроме того, я считаю, что в данное время, при сложившейся обстановке, единственная власть, которая может вывести Россию из тяжелого положения в более короткий срок, — советская.

Людей, желающих и могущих работать на пользу Родины под руководством советской власти, найдется больше, чем смотрящих на дело с узкой точки зрения какой бы то ни было партии.

И только объединение советской властью в своих руках таких людей и правильное использование их сил и способностей может привести к скорейшему достижению желанной для всех цели — спокойного и благополучного существования России и всех живущих в ней¹. Конечно, эти слова написаны человеком подневольным, но в них все же несомненны и мысли самого генерала.

Документально известна реакция лишь отдельных военспецов-генштабистов на завершение широкомасштабной Гражданской войны и ликвидацию белого Крыма в ноябре 1920 г. В частности, однокашник главкома С. С. Каменева по академии бывший полковник В. И. Шишкин писал первому в дружеском письме 18 ноября 1920 г.: «Сердечно поздравляю с концом крымской болячки и душевно желаю положить предел всем покушающимся на нашу Родину...»²

Необходимо остановиться на тезисе орловского историка С. Т. Минакова о том, что военная элита сторон в лице кадровых офицеров, и прежде всего генштабистов Красной и белых армий, в Гражданскую войну и после нее была морально готова к некоему взаимному компромиссу и к тому, чтобы присвоить себе право выбора дальнейшего пути развития России³. Исследователь основывает свой тезис на обвинениях группы генштабистов по делу ПШ РВСР 1919 г. и на дневниковых записях видного деятеля Белого движения генерала А. А. фон Лампе.

Такой тезис верен лишь отчасти. Военные действительно считали себя вправе взять власть и определять дальнейшие пути развития страны, но для этого нужно было сначала получить эту власть. Кроме того, одна из сторон являлась победительницей, а другая проигравшей. Соответственно, равноправного компромисса получиться не могло, поскольку будущее должны были определять победители.

Компромиссный настрой мог присутствовать лишь в некоторой части военной элиты. В то же время братоубийственный конфликт как раз характеризовался бескомпромиссностью и взаимным ожесточением. Даже наличие родственников по разные стороны баррикад не снижало накала страстей. Дореволюционная военная элита оказалась расколотой, причем среди генштабистов нередко встречались

¹ Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 36–37.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 242–242об.

³ Минаков С. Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 703.

непримиримые и подчас фанатично настроенные люди (в особенности в белом лагере).

Белое командование не собиралось щадить и прощать своих прежних товарищей, пошедших на службу Третьему Интернационалу, неприемлемы для многих были и большевистские лидеры. Военспецы белыми офицерами нередко воспринимались как ренегаты, причем это отношение распространялось и на личностные характеристики (в отношении сослуживцев по старой армии вспоминали все их отрицательные проявления). В случае победы белых участь многих крупных военспецов была бы незавидной, что как раз вселяло тревогу в фигурантов дела ПШ РВСР и провоцировало крамольные разговоры, за которыми последовали аресты. Вплоть до конца Гражданской войны в духе присущего корпорации офицеров Генштаба снобизма в кругу белых генштабистов сохранялось пренебрежительное отношение к Советской России и Красной армии, к организаторским способностям большевистского руководства. В конечном счете именно недооценка противника стала одной из причин поражения белых. Военспецы же, в свою очередь, неприязненно смотрели на пленных белогвардейцев, поступавших в конце Гражданской войны на службу в РККА, видя в них конкурентов.

Наличие реальной, а тем более вымышленной подпольной организации в советской Ставке в 1919 г. не может свидетельствовать о готовности к компромиссам, а говорит лишь о присутствии среди военспецов нелояльного элемента, активизировавшегося на фоне успешного наступления белых на Москву. Дневники ярого противника большевиков фон Лампе также не дают повода для суждений о компромиссах – белые стремились взять Красную армию под свой контроль и если не военной победой, то таким способом добиться свержения большевизма.

Объединяющими для красных и белых генштабистов могли стать патриотическая платформа и предложение всем работать на благо страны в духе процитированных выше слов генерала Перхурова. Патриотическую карту большевики и разыграли в период Советско-польской войны. Но такая позиция вызывала неприятие в руководстве РКП(б) и в итоге оказалась лишь уловкой для переманивания офицеров. Победившие в Гражданской войне большевики не собирались предоставлять офицерству какое бы то ни было право выбора дальнейшего пути развития страны. Компромисс же на условиях победителя таковым являться не мог. События 1920–1930-х гг. показали, что бывшие белые так и не стали для победивших красных своими, а, наоборот, являлись первыми кандидатами для политических преследований. Но после них, а порой и одновременно, под каток репрессий попадали и лояльные военспецы, не имевшие ничего общего с противниками большевиков. Затем пришла очередь красных командиров и членов партии.

Будущее страны военспецам-генштабистам виделось по-разному. По-видимому, распространены были представления о падении власти большевиков в результате народных восстаний. Некоторые надеялись, что народ перевешивает ненавистных

¹ Это отношение наиболее ярко проявляется в эмигрантской мемуаристике. Например, В. Н. Посторонкин в 1928 г. в Праге оставил крайне неприязненное свидетельство о советском главкоме И. И. Вацетисе как о нечистоплотном карьеристе и ничтожной личности. Подобными личными качествами Вацетиса мемуарист пытался объяснить его переход на сторону красных (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 150). На самом же деле Вацетис обладал совершенно иными личными и профессиональными качествами (подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 50–69).

комиссаров на фонарных столбах. Для военных были характерны надежды на захват власти. Один из генштабистов рассуждал следующим образом: «Когда дело дойдет до фонарных столбов и музыки кремлевской меди, тогда и мы, надо думать, увидим, что наступает время, как вы изволили выразиться, бриться... Но бриться все же, а не быть бритыми... А раз мы увидим финиш этого шабаша, значит, и предпримем соответствующие действия. Мы в Кремль придем не позже ваших звонарей. И зазвоним в колокола мы, а не кто другой. У нас всегда останется достаточный процент армии, который, увидев, что дело идет “к расчету стройся”, сумеет запеть “Гром победы раздавайся!”». Нам краснеть не придется, белые генералы нас не смогут судить, так как к тому времени мы окажемся у власти, и нашими штыками она будет охраняться. От нас будет зависеть, принять белых или не принять... Но мы, конечно, будем великодушны. На радостях будет очень весело и хорошо... Нужно только быть с головой на плечах. В Европе это называется быть реальным политиком¹. Мемуарист отмечал, что это была психология преторианства. Как бы то ни было, надежды на диктатуру военспецов оказались беспочвенными, поскольку никаких шансов переиграть большевиков даже не на военном, а на административно-организационном и политическом поле «бывшие» не имели.

Окончание Первой мировой войны способствовало росту популярности большевиков среди офицерства, поскольку в новых условиях те силы, которые контролировали центр страны, выглядели государственническими и собирающими куски распавшейся империи. Между тем идея единой и неделимой России являлась одним из лозунгов белых. В период Советско-польской войны большевистское руководство в тактических целях сделало ставку на патриотические заигрывания с офицерством. Было создано Особое совещание при главнокомандующем из старых генералов, которое выпустило воззвание к бывшим офицерам с призывом поддержать большевиков. В сложившейся обстановке такое воззвание имело немалый эффект. Быть может, не случайно к 1920 г. относятся несколько попыток замирения красных и белых, закончившихся неудачно. Некоторые сторонники белых даже посчитали, что красные пытаются перехватить у них патриотическую идеологию. Впрочем, патриотические заигрывания долго не продлились. Тем более что они привели к росту шовинистических настроений «бывших». Большевики отказались от такой политики, некоторые члены Особого совещания были арестованы, а журнал «Военное дело», опубликовавший шовинистическую статью Б.М. Шапошникова, был закрыт по решению председателя РВСР Л.Д. Троцкого.

Политика неизбежно влияла на всех участников Гражданской войны, не исключая и тех, кто стремился в нее не вмешиваться и не вникать. В условиях крушения прежней системы ценностей большинство генштабистов продолжало держаться вне политики. Политическая партийность для них как явление эпохи Гражданской

¹ Савченко И. Г. В красном стане. С. 220.

войны практически не существовала, а члены партий были единичны. Политические взгляды большей части старой военной элиты оставались традиционными.

Почти все вожди Белого движения, командующие крупнейшими белыми фронтами (М.В. Алексеев, В.Г. Болдырев, П.Н. Врангель, Н.А. Галкин, А.И. Деникин, М.К. Дитерихс, А.И. Дутов, А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич) прошли подготовку в Николаевской военной академии и в большинстве своем принадлежали к старому Генеральному штабу. Фактически старый Генштаб стоял во главе Белого движения, что предполагало и политическое руководство этим движением со всеми вытекающими последствиями.

О политических причинах неудачи Белого движения исследователями написано немало. Отметим лишь, что белые генералы в силу присущего офицерству мировоззрения фатально недооценивали политические вопросы, всячески пытались уклониться от погружения в них, предпочитая более понятную сферу военного дела. Однако такой подход в условиях Гражданской войны оказался проигрышным, поскольку белые, в отличие от красных, не создали четкой и созидательной политической программы и воспринимались нередко как реставраторы старого режима, что было недалеко от истины. Ситуация усугублялась тем, что на разных фронтах программы противников большевиков обладали определенными отличиями, аморфность и разнородность сил, участвовавших в борьбе с большевиками, так и не были преодолены. Поражению белых способствовало и отсутствие гибкости в отношении новых национальных государств, национальных регионов, казачества, что предопределялось имперским сознанием военной элиты.

Белые удовлетворяли запрос офицерства на военную диктатуру, которая могла справиться с кризисом в стране и завершить Гражданскую войну. Однако красные создали еще более жесткую диктатуру, которая также привлекла сторонников твердой руки, и фактически повели против своих оппонентов тотальную войну. Что-либо противопоставить этому белые не смогли.

В целом не приходится говорить о значимой политической роли бывших офицеров в Советской России, тогда как лейтмотивом политической истории белого лагеря стали борьба офицерских группировок и генеральские войны. В конце концов, Белое движение, которым руководили сами офицеры, ставшие политиками, потерпело сокрушительное поражение в немалой степени из-за внутренних противоречий.

Будучи по своему менталитету служилыми людьми и разделившись в основном на белых и красных, генштабисты в массе своей (исключая идейно служивших в национальных армиях) боролись за возрождение прежнего сильного и единого государства. Этого удалось добиться в рамках большевистского проекта, который за некоторыми исключениями объединил почти все территории бывшей Российской империи и оказался привлекательным в том числе для многих русских националистов¹. Неудивительно, что в конце Гражданской войны и сразу после нее часть белых генштабистов примкнули к красным, либо сдавшись в плен, либо вернувшись в Россию из эмиграции.

¹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века и до наших дней. М., 2007. С. 465–466.

Как справедливо отметил орловский историк С. Т. Минаков, стремление военной элиты определять модель развития страны еще не свидетельствует о ее способности к действительной выработке той или иной модели и реализации перехода к ней. Исторический опыт развития России в XIX–XX вв. продемонстрировал крайнюю политическую слабость отечественной военной элиты, которая оказалась неспособной взять власть в свои руки и удерживать ее на протяжении длительного времени, не говоря о выработке какой-либо программы перспективного развития. Единственный пример существования в России военных диктатур дают белые армии. Однако белые генералы были политически слабыми и не умели эффективно управлять подконтрольной территорией. Нескончаемые конфликты в руководстве белого лагеря это лишь подтверждают.

Цементирующее значение для красных играла большевистская партия. В Советской России и СССР политические решения не входили в компетенцию военной элиты, всегда находившейся под жестким контролем партийных структур и тесно связанных с ними органов госбезопасности. В этой связи возможности участия советских военных в политической борьбе в качестве самостоятельной силы, а тем более узурпировать власть в результате военного переворота представляются лишь умоизрительными.

Отношения военспецов и комиссаров являли собой в известном смысле лотерею — у них могли формироваться как прочные коалиции, основанные на взаимном доверии, так и нездоровая атмосфера подозрительности, соглядатайства и интриг. Во многих случаях эти совершенно разные социальные группы влияли друг на друга: генштабисты приобретали навыки работы в революционных условиях и приобщались к общественной жизни, а партийцы проникались менталитетом офицеров-государственников.

Лидеры большевиков воспринимали старую военную элиту неоднозначно. В. И. Ленин проявлял в ее отношении осторожность, сменившуюся к концу Гражданской войны относительным доверием. Л. Д. Троцкий как основной проводник политики привлечения бывших офицеров в РККА был настроен на деятельное сотрудничество с этой категорией командного состава, в его документах преобладают позитивные коннотации в вопросах, касающихся военспецов-генштабистов. И. В. Сталин поначалу отрицательно относился к военспецам, стремился избавиться от них, но затем стал с ними сотрудничать. В партийном курсе возобладал прагматизм, и военспецы заняли значимое место в военно-политических структурах РСФСР и других советских республик, что способствовало победам РККА и стоявших за ней большевиков.

Почти всю Гражданскую войну в Советской России шла внутрипартийная борьба, в том числе и по военно-политическим вопросам. В эту борьбу втягивались и генштабисты в составе различных группировок, создававшихся вокруг партийных вождей. Тем не менее большевики не позволили этим конфликтам поглотить их режим, как это произошло с белым лагерем, где представители военной элиты иногда тайно (генерал П. Н. Врангель и его сторонники против генерала А. И. Деникина на Юге России, полковник Ф. Е. Махин против атамана А. И. Дутова и адмирала А. В. Колчака на Востоке России), а иногда и открыто (выступление А. В. Колчака

¹ Минаков С. Т. Сталин и заговор генералов. С. 703.

и его сторонников против главнокомандующего В.Г. Болдырева, выступления атamana Г.М. Семенова, генерала Р. Гайды, братьев Пепеляевых, ультиматум генерала М.К. Дитерихса на Востоке России), порой с оружием в руках выступали против главного командования, что в некоторых случаях приводило к серьезным перестановкам в белом командовании, переменам в политике и стратегии.

Красные смогли минимизировать трения и конфликты, подавили оппозицию и мобилизовали все ресурсы для достижения победы. Их лагерь отличался внутренним организационным единством, тогда как лагерь белых, и без того действовавших на разрозненных фронтах, даже в рамках одного фронта был расколот. Практически в нем шла борьба всех против всех – любой командир отряда считал себя самостоятельной величиной и мог не исполнить тот или иной приказ. Относительного военного единства белые смогли добиться лишь к началу 1919 г., тогда как красные к этому времени уже почти год создавали регулярную вооруженную силу. В итоге победа досталась тем, кто действовал планомерно и допустил меньше беспорядка и конфликтов в своих рядах.

Показателем того, что высшее руководство Советской России внимательно следило за командными кадрами, стало дело ПШ РВСР, в результате которого в июле 1919 г. были арестованы главком И.И. Вацетис и его окружение, произошла смена главного командования Красной армии. Это свидетельствовало и о бесправии военспецов в советских условиях.

В результате Гражданской войны генштабисты утратили прежние позиции в элите страны. Если до 1917 г. они оказывали прямое влияние на принятие важнейших военных и политических решений, то в Советской России оказались в положении технических исполнителей указаний партийного начальства. Очень точно это выразил В.В. Шульгин: «Разве все русское офицерство было в рядах белых? Разве мало его было в рядах Красной армии? Одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много. Однако никому не приходит в голову говорить, что коммунистической партией руководили офицеры; и, наоборот, все говорят уверенно, что Белое движение велось офицерством. Почему? Да потому, что в Красном стане русское офицерство было на роли “быдла”, а в Белом – оно было “первенствующим сословием”¹. Реальное место генштабистов видно из простого факта, что в Советской России любого из них от младшего штабного работника до главнокомандующего (как в деле ПШ РВСР) можно было без суда и следствия отправить за решетку или расстрелять, что было немыслимо до революции.

Гражданская война может рассматриваться в том числе и как борьба дореволюционных генштабистов за свое место в новой России. Эту борьбу старый Генеральный штаб безоговорочно проиграл. Выиграло же ее большевистское руководство, использовавшее специалистов различных категорий в интересах укрепления собственной власти.

¹ Шульгин В. В. «Что НАМ в НИХ не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 123.

Андрей Ганин

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

АНДРЕЙ
ГАНИН

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ 1917–1922 гг.

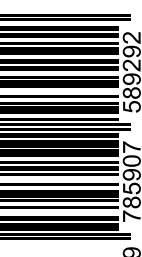
Монография доктора исторических наук А.В. Ганина посвящена комплексному исследованию роли военной элиты – специалистов Генерального штаба (прежде всего, выпускников Николаевской военной академии) в событиях Гражданской войны в России 1917–1922 гг. В работе на основе широкого круга документальных материалов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются сложные процессы вовлечения офицеров-генштабистов в революцию, раскол Генерального штаба, роль этих специалистов в создании и укреплении противоборствующих армий – Красной, белых и национальных, участие в политической борьбе, в работе подпольных организаций, проявления корпоративной солидарности, поведенческие стратегии, включая переходы из одного лагеря в другой, подготовка новых кадров Генштаба, а также последствия втягивания военной элиты в братоубийственную войну. В монографии использованы документы 53 архивов 14 стран: России, Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Эстонии, в том числе архивы спецслужб и материалы семейных архивов потомков офицеров. Исследование предназначено для всех интересующихся военно-политической историей России и сопредельных государств первой четверти XX в.

II

II

Российская академия наук
Институт славяноведения

Андрей Ганин

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

Том II

Научный редактор:

В.И. Голдин, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки России, президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России

Рецензенты:

Р.Г. Гагкуев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Н.С. Кирмель, доктор исторических наук,

действительный член Академии военных наук Российской Федерации

М.И. Мельтюхов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Е.П. Серапионова, доктор исторических наук, заведующая отделом
Института славяноведения РАН

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(протокол № 2 заседания Ученого совета Института славяноведения РАН
от 28 февраля 2023 г.)

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

Издание подготовлено при финансовой
поддержке Фонда «История Отечества»

DOI: 10.31168/907589-29-2

А.В. Ганин

Г19 Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М. : Кучково поле Музеон, 2023. Т. 2. — 968 с.

ISBN 978-5-907589-29-2

ISBN 978-5-907589-52-0 (Т. 2)

Монография доктора исторических наук А.В. Ганина посвящена комплексному исследованию роли военной элиты — специалистов Генерального штаба (прежде всего, выпускников Николаевской военной академии) в событиях Гражданской войны в России 1917–1922 гг. В работе на основе широкого круга документальных материалов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются сложные процессы вовлечения офицеров-генштабистов в революцию, раскол Генерального штаба, роль этих специалистов в создании и укреплении противоборствующих армий — Красной, белых и национальных, участие в политической борьбе, в работе подпольных организаций, проявления корпоративной солидарности, поведенческие стратегии, включая переходы из одного лагеря в другой, подготовка новых кадров Генштаба, а также последствия втягивания военной элиты в братоубийственную войну. В монографии использованы документы 53 архивов 14 стран: России, Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Эстонии, в том числе архивы спецслужб и материалы семейных архивов потомков офицеров. Исследование предназначено для всех интересующихся военно-политической историей России и сопредельных государств первой четверти XX в.

ISBN 978-5-907589-29-2

ISBN 978-5-907589-52-0 (Т. 2)

© Ганин А.В., текст, 2023

© ООО «Кучково поле Музеон»,
оригинал-макет, издание, 2023

Оглавление

ГЛАВА VI. КОРПОРАТИВИЗМ ГЕНШТАБИСТОВ	7
§ 1. Организации «лиц Генштаба» выпуска 1917 г.	7
§ 2. Корпоративизм курсовиков 3-й очереди	52
§ 3. Объединения слушателей Академии Генштаба РККА	55
§ 4. Корпоративизм генштабистов антибольшевистских армий	71
§ 5. Униформа и знаки генштабистов как корпоративные символы	77
ГЛАВА VII. ГЕНШТАБИСТЫ МЕЖДУ ФРОНТАМИ: ПЕРЕХОДЫ И ПЛЕН	89
§ 1. Переходы «лиц Генштаба» РККА на сторону противника и плен	89
§ 2. Политика антибольшевистских сил в отношении выпускников академии – перебежчиков и пленных	127
§ 3. Пленные генштабисты в Советской России	154
ГЛАВА VIII. ГЕНШТАБИСТЫ И БОРЬБА СПЕЦСЛУЖБ	217
§ 1. Генштабисты на разведывательной и контрразведывательной работе	217
§ 2. Генштабисты в антибольшевистском подполье	259
§ 3. Генштабисты и террор	300
ГЛАВА IX. ОСОБЕННОСТИ СЛУЖБЫ И РЕАЛИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГЕНШТАБИСТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	372
§ 1. Режим работы	372
§ 2. Награды и поощрения, карьеры	391
§ 3. Злоупотребления, должностные преступления и проступки	415
§ 4. Материальное положение, социальное обеспечение и повседневность	435
§ 5. Питание	490
§ 6. Жилищные условия и имущество	501
§ 7. Досуг	517
§ 8. Заболеваемость	529
ГЛАВА X. ПОДГОТОВКА КАДРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В 1917–1922 гг.	539
§ 1. Николаевская военная академия в 1917–1922 гг.	539
§ 2. Академия Генерального штаба РККА в 1918–1922 гг.	574
§ 3. Подготовка младших штабных работников на курсах и в школах Советской России	613
§ 4. Подготовка кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета	631
§ 5. Подготовка кадров Генштаба в национальных государственных образованиях в 1917–1922 гг.	637

ГЛАВА XI. КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	
И ИТОГИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	661
§ 1. Генштабисты в операциях заключительного этапа конфликта (1920–1922 гг.)	661
§ 2. Специалисты Генерального штаба в командном составе РККА в 1920–1922 гг.	686
§ 3. Положение военспецов-генштабистов в СССР	711
§ 4. Эмиграция генштабистов из России, возвращенцы	785
§ 5. Потери и судьбы	798
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	804
ПРИЛОЖЕНИЯ	824
Приложение 1. Сведения о распределении лиц Генерального штаба и слушателей старой и красной академии Генштаба и академии Сибирского правительства по фронтам и тыловым учреждениям к 1 января 1921 г.	824
Приложение 2. Описания подвигов слушателей и выпускников Николаевской военной академии, награжденных в 1919–1924 гг. орденом Красного Знамени РСФСР и Почетным революционным оружием	829
Приложение 3. В. А. Замбржицкий. Градация офицеров Генерального штаба. 1928 г.	846
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, АББРЕВИАТУР И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	853
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	857
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	940

Глава VI.

Корпоративизм генштабистов

§ 1. Организации «лиц Генштаба» выпуска 1917 г.

События революции и Гражданской войны в России делали человека беззащитным перед произволом и ущемлением его прав буквально со всех сторон. Именно поэтому в период Русской Смуты в целях самозащиты особенно обострились корпоративное чувство единства и взаимопомощь у многих социальных и профессиональных групп. Особую значимость приобретали горизонтальные связи и самоорганизация. Не стали исключением и офицеры Генерального штаба.

Полковник Д. Н. Тихобразов вспоминал, что корпоративный дух старого Генерального штаба «был не поколеблен новыми веяниями» и что даже в советских условиях действовала взаимовыручка генштабистов¹. Один из советских военных деятелей якобы говорил в 1920 г.: «Эти генштабисты, вы ведь знаете, одна семья. Их мало, они друг друга знают»². Во многом так и было. Многие офицеры были связаны друг с другом как общностью по выпускам из академии, так и прежней службой, а некоторые и родственными узами. Все это позволяло посредством связей и социального капитала преодолевать некоторые сложности, возникавшие из-за Гражданской войны. Это подтверждается разнообразными примерами. Так, подполковник З. А. Алферов, впоследствии ставший видным деятелем Белого движения на Юге России, в начале 1918 г. получил из военного комиссариата в Петрограде при посредстве своих сослуживцев полковников А. В. Станиславского и В. И. Шишкина удостоверение об отставке и проездные документы на Дон³. Характерна цитата из воспоминаний генерала П. С. Махрова, проживавшего в 1918 г. на Украине: «Я отправился в гетманский штаб, чтобы чрез знакомых офицеров Генерального штаба выяснить обстановку»⁴. Т. е. посторонний офицер в военное время мог прийти в штаб армии и, благодаря корпоративной общности с прежними знакомыми, узнать все необходимое в довольно опасной для обывателей обстановке.

Контакты между генштабистами в некоторых случаях поддерживались и через линию фронта, и даже нахождение в противоборствующих армиях этому не препятствовало. Например, донской атаман П. Н. Краснов, узнав, что в РККА

¹ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XIV. С. 2 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

² Савченко И. Г. В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016. С. 188.

³ Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 116–117.

⁴ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 7. С. 630 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

на руководящем посту служит его знакомый генерал Я. Д. Юзефович, написал тому письмо в Москву с вопросом, как такое могло произойти. Позднее выяснилось, что у красных служил другой генерал с похожей фамилией — Ф. Д. Иозефович¹, а письмо Краснова, не достигнув адресата, оказалось перехвачено.

Более ярким представляется другой пример. Начальник штаба командующего войсками Северо-Западного района Донской армии белых генерал В. А. Замбржицкий в 1918 г. поддерживал через линию фронта связь со своим товарищем — бывшим генералом-генштабистом РККА. Как утверждал начальник Замбржицкого, уже упоминавшийся З. А. Алферов, «Замбржицкий получал от этого генерала нужные нам сведения и сообщал ему второстепенные [мелкие] сведения о нас, те сведения, выдача которых нам не могла повредить. Путь весьма скользкий!»² По утверждению Алферова, речь шла о служившем в Воронеже начальнике штаба армии с немецкой фамилией Ратцель³. Генерала с такой фамилией или начальника штаба армии в РККА не было. Однако документально известно, что начальником военных сообщений при Воронежском округе путей сообщения с 22 июля 1918 г. являлся бывший полковник И. И. Раттэль. С 11 сентября 1918 г. он же занимал пост начальника военных сообщений советского Южного фронта⁴. Более того, он являлся товарищем Замбржицкого по выпуску из академии в 1911 г. Очевидно, Замбржицкий поддерживал связь именно с ним. Интересно, что никто из участников этого обмена информацией, по-видимому, не считал себя агентом противника.

Положение выпускников академии в те годы было предельно сложным. В отличие от основной массы офицерства генштабисты в силу их относительной немногочисленности находились на виду, а сделанный ими выбор в неясной обстановке Гражданской войны мог радикально повлиять на всю их будущую службу. Тем более что противоборствующие стороны очень быстро перешли к проведению в жизнь лозунга «Кто не с нами — тот против нас!» и наложению различных ограничений на перспективы продвижения по службе тех офицеров, которые к ним сразу не присоединились или же служили во враждебном лагере.

Во многих случаях речь шла о товарищеской взаимовыручке генштабистов. Например, о заступничестве в связи с арестом или помощи в уклонении от такового. В письме председателю РВСР Л. Д. Троцкому из Стокгольма от 19 октября 1918 г. полпред СНК в Скандинавии В. В. Воровский сообщал: «С неделю тому назад в нашу миссию попал по недоразумению некто Георгий Гиссер, в свое время назначенный Вами военным атташе в Швецию. Г. Гиссер был направлен бывшим военным атташе [Д. Л.] Кандауровым в старое русское консульство, помещавшееся раньше рядом с нашей теперешней квартирой. Не подозревая, что он попал в среду агентов правительства, которое он призван был также представлять здесь, г[осподин] Гиссер разоткровенничался и заявил, что, когда он находился в Петрограде и работал при Генеральном штабе, большевики подозревали его в контрреволюционности и в сношениях с Алексеевым

¹ Алферов З. А. Воспоминания. С. 253.

² Там же. С. 245.

³ Там же.

⁴ Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в Организационном управлении Всероссийского главного штаба к 15 июля 1919 года // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 33об.

и, таким образом, его свободе, а может быть, и жизни угрожала опасность. Чтобы спасти его от большевистского преследования, начальник Генерального штаба^I фиктивно назначил его военным атташе в Швеции. По приезде сюда он немедленно отправился к Кандаурову и по совещании с ним послал в штаб заявление о своей отставке. На мой повторный вопрос: “Следовательно, начальник штаба сознательно помог Вам уйти из России”, г[осподин] Гиссер ответил утвердительно.

Сообщаю этот факт для характеристики той преданности, которая, по-видимому, царит в Генеральном штабе^{II}. Речь шла о бывшем генерал-майоре Г.Г. Гиссере и, по-видимому, бывшем генерал-лейтенанте Н.М. Потапове, исполнявшем обязанности начальника Генерального штаба и добросовестно служившем новой власти. Известны и другие примеры подобного рода. Так, генерал П.И. Аверьянов вспоминал, что смог эвакуироваться из Новороссийска и попасть на пароход только благодаря помощи своего ученика по академии^{III}. Есть данные и о том, что в Академии Генштаба РККА поссорившиеся преподаватели бывшие генералы А.А. Свечин и С.Г. Лукирский для разбора конфликта организовали суд чести под председательством бывшего генерала А.Е. Снесарева^{IV}.

Это частные случаи товарищеской взаимовыручки и взаимодействия. Но в период 1917–1922 гг. генштабисты образовали целый ряд формальных и неформальных объединений, в которых группировались по признаку корпоративной принадлежности к академии Генштаба или к тому или иному из ее выпусков. По одному из определений, неформальное объединение — это спонтанно сложившаяся система социальных связей, норм, действий, являющихся продуктом длительного межличностного и внутригруппового общения.

Невероятно, но возникший до революции фонд взаимопомощи офицеров Генерального штаба по инерции просуществовал, по крайней мере, до конца 1918 г. при Организационном управлении ВГШ. По данным на конец ноября 1918 г., средства фонда хранились у казначея отдела по устройству и боевой подготовке войск ВГШ^V. Наличие такого фонда оставляет необычное впечатление того, что революционные потрясения совершенно не затронули некоторые стороны службы генштабистов. Единственное, что изменилось — офицеры Генерального штаба в названии фонда стали именоваться бывшими офицерами^{VI}.

Значение фонда в советский период многократно возросло, поскольку положение семей генштабистов резко ухудшилось, а многие оказались просто на грани выживания. Характерно сообщение генштабиста Б.А. Левицкого в Организационное управление ВГШ от 11 ноября 1918 г.: «Вчера, 10 ноября с.г., я встретил на улице одиноко стоящего, оборванного старика, из разговора с которым выяснилось, что он отец покойного ныне генштаба В.В. Макухина, который являлся его единственной опорой в жизни. Старику 72 года, он нищий. Я помог ему, чем мог,

^I Подчеркнуто красным карандашом.

^{II} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 56.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 251.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 53об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 79.

^{VI} Там же. Л. 119. В Советской России в августе 1918 г. также существовал союз окончивших Интендантскую академию (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 114).

но сам едва свожу концы с концами...»^I Начальник общего отделения Оперативного управления ВГШ генштабист Б.М. Иванов просил помочь деньгами на операцию жене, так как находился в тяжелом материальном положении, будучи обременен семьей, и был вынужден влезть в долг^{II}. Для таких людей поддержка фонда могла стать спасительной, хотя материальную помощь старались оказывать лишь семьям умерших генштабистов.

К 9 ноября 1918 г. в фонде имелось 6425 руб. 10 коп., которые хранились, судя по всему, в отделении по службе Генштаба ВГШ^{III}. Фонд сыграл немалую роль в деле поддержки семей генштабистов и исправно выдавал пособия нуждавшимся, что было особенно важно в катастрофических жизненных условиях революционной эпохи. Существование такого фонда в Советской России было важным показателем высокого корпоративного духа бывших офицеров-генштабистов.

В годы Гражданской войны корпоративизм генштабистов усилился. В РККА он поддерживался специальным учетом кадров Генерального штаба, их особым положением, сохранением приставки «Генерального штаба» перед их фамилиями в документах. У генштабистов РККА существовали и свои организации. Особенно отличились в их создании курсовики. Это были молодые амбициозные офицеры, стремившиеся утвердиться в Генштабе, несмотря на непродолжительное время обучения в академии. Курсовикам приходилось отстаивать свои позиции в борьбе со старым Генштабом.

Отход от прежней жесткой субординации, предопределявшейся упраздненными чинами, проникновение курсовиков на высокие посты в Красной армии укрепили корпоративный дух выпускников курсов и подготовили почву для их коллективной борьбы за свое положение в новой армии.

Из всех трех очередей ускоренных курсов Военной академии, завершивших обучение к 1918 г. включительно, наибольшую общественную активность и корпоративную солидарность проявляли выпускники курсов 2-й очереди. Курсовики 3-й очереди в основном оказались на Восточном антибольшевистском фронте, где господствовала традиционная для старой армии иерархия с определяющим значением старшинства в чинах и по выпуску из академии, а объединение молодежи мало что давало для продвижения по службе. Курсовики 1-й очереди были разбросаны по разным лагерям Гражданской войны и по своему духу были ближе к довоенным выпускникам академии (многие окончили младший класс академии еще в 1914 г., а на ускоренных курсах доучивались). Лишь курсовики 2-й очереди практически в полном составе попали в Красную армию, где создали довольно крупную группировку военспецов. Их многочисленность в среде специалистов Генерального штаба РККА позволяла им активнее бороться за свои права. У некоторых генштабистов довоенных выпусков складывалось впечатление, что курсовики 2-й очереди составили едва ли не треть всего красного Генштаба периода Гражданской войны^{IV}. На самом деле это была иллюзия. Так, на март 1919 г. в РККА служили не менее 671 выпускника старой академии, в том числе не менее

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 75.

^{II} Там же. Л. 115, 116.

^{III} Там же. Л. 116.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 15.

103 выпускников курсов 2-й очереди. В 1919 г. активная борьба курсовиков за групповые интересы и корпоративное единство привели к арестам целого ряда представителей этой категории военспецов.

Организованные формы корпоративного единства сложились у курсовиков еще в период их обучения в академии. Это были порожденные событиями 1917 г. комитеты¹. Известно, что летом 1917 г. функционировал исполнительный комитет офицеров выпуска 1916 г. под председательством капитана В.Д. Песоцкого (товарищ председателя и секретарь капитан С.Н. Колегов)².

Курсовик В.М. Цейтлин писал в дневнике 9 октября 1917 г. о значимости комитета курса в жизни слушателей: «Наш исполнительный комитет сыграл в общем большую роль, и хорошо, что мы успели сорганизоваться. Среди нынешних порядков без марки исполнительного комитета не проживешь»³.

На заседании комитета старшего класса Военной академии 13 марта 1918 г. было принято решение в связи с окончанием курсовиками 2-й очереди академии переименовать комитет старшего класса в комитет выпуска 1917 г. Председателем комитета был А.Л. Симонов, товарищем председателя – Н.П. Величкин, секретарем – С.Н. Голубев, казначеем – Смирнов. В качестве членов в комитете состояли Е.М. Гарабурда, Н.Н. Доможиров, Г.Я. Кутырев, В.Н. Маслов, М.В. Молочанов, Г.И. Теодори, К.С. Хитрово и И.Д. Чинтулов. Запасными членами значились Г.Б. Салимов, М.А. Поликарпов и Ф.Н. Боровский⁴. Полномочия прежнего комитета считались перешедшими с 12 марта к аналогичному комитету из слушателей подготовительных курсов 3-й очереди под председательством подполковника И.М. Витоля при секретаре Федорове⁵.

Разъехавшись по стране, бывшие выпускники ускоренных курсов 2-й очереди не прекратили поддерживать связь друг с другом. Причем речь идет не о частных дружеских взаимоотношениях бывших сокурсников. Наоборот, связь всего выпуска была централизована через комитет выпуска и осуществлялась посредством циркулярной рассылки почтотелеграмм. В архиве академии удалось обнаружить три пронумерованные почтотелеграммы (№ 1 от 24 марта 1918 г., № 2 от 7 апреля и № 3 от 19 апреля⁶), которые рассылались председателем комитета выпуска А.Л. Симоновым своим однокашникам и руководству академии с информацией

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1362. Л. 346.

² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

³ АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 248; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 291.

⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 117об.

⁵ Организация комитетов для руководства внутренней жизнью академии была одним из требований большевистского руководства. Так, согласно приказу народного комиссара по военным делам № 316 от 3 мая 1918 г. об открытии ускоренных курсов академии, управлением внутренней жизнью академии ведал комитет из трех представителей преподавательского состава, трех слушателей старшего и трех слушателей младшего курсов, комиссара, начальника академии и правителя дел с правом совещательного голоса (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.). Комитет имел право отчислять слушателей из академии. От профессорско-преподавательского состава в комитет вошли А. Ф. Матковский, А. П. Слижилов и Г. В. Леонов, от слушателей старшего курса – Н. Г. Сабельников (староста курса), Г. А. Армадеров и Д. П. Артынов (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 18об., 49). Впрочем, приказом по академии № 87 от 5 мая 1918 г. комитеты, за исключением хозяйственного, ликвидировались, а специальная комиссия в составе профессора М. А. Иностранцева, штатного преподавателя П. Ф. Рябикова, заведующих слушателями Б. П. Богословского и И. И. Сторожева должна была разработать вопрос о новых формах представительства слушателей (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 197; Д. 16. Л. 2).

⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 109об., 111об., 118об.

о наиболее важных новостях выпуска и о распределении выпускников по местам службы. В почтотелеграммах указывалось, какие денежные суммы и на какие цели выпускники должны были сдавать, а также приводились отчеты о движении денежных средств. Симонов просил информировать о содержании почтотелеграмм тех выпускников, которые их не получали, так как всему выпуску такие информационные сообщения высланы быть не могли^I. Рекомендовалось поддерживать связь через штабы военных советов районов и военных округов^{II}.

Положение курсовиков в советской военной иерархии в то время было еще очень неопределенным, в том числе и в вопросе назначений. Старые генштабисты предпочитали набирать себе в штабы своих опытных коллег, а не молодежь. В благоприятном разрешении этой проблемы свою роль сыграл и корпоративизм курсовиков. В почтотелеграмме № 3, рассылавшейся для информирования выпуска 2-й очереди о текущих событиях, об этом сообщалось следующее: «Очень много труда требует обеспечение выпуска штатными местами. Помимо трений, связанных вообще с получением места теперь (приказ о том, что выпуск нужен, что без его работы обойтись нельзя – оказался без почвы, ибо как только появляется офицер Генштаба или лицо, лично знакомое начальнику, то начинается “выжимание”), возникает еще много недоразумений, имеющих причиной свойства личного характера командированного на открывшуюся должность»^{III}.

Приказ по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. за подписью и.о. начальника Генштаба Н.М. Потапова гласил: «Поименованные в прилагаемом при сем списке слушателей Николаевской военной академии, успешно окончившие старший класс академии 2-й очереди в 1918 году, на основании пункта 34-го положения об ускоренной подготовке в упомянутой академии, объявленного в приказе по военному ведомству 1916 г. за № 627, причисляются к Генеральному штабу, с тем, что для перевода в Генеральный штаб они должны в определенный срок выдержать экзамены по предметам старшего класса, выполнить работы по съемкам и сдать все темы дополнительного курса.

Неудовлетворительное исполнение какого-либо из всех этих условий должно повлечь отчисление не выполнившего от Генерального штаба, тем самым прерывая дальнейшее выполнение указанных испытаний. Также подлежат отчислению от Генерального штаба те из причисляемых, которые по выполнении всех условий получают в окончательном среднем менее 10 баллов.

Перевод в Генеральный штаб ныне причисляемых лиц может последовать лишь при наличии штатных должностей Генерального штаба»^{IV}.

Таким образом, выпускники ускоренных курсов 2-й очереди были причислены к Генеральному штабу. В тот период они рассматривали несколько вариантов своего вхождения в корпорацию генштабистов. Некоторая часть стремилась продолжить обучение в дополнительном классе академии, если такой предполагалось

^I Там же. Л. 111.

^{II} Там же. Л. 110об.

^{III} Там же. Л. 109об.

^{IV} Там же. Л. 115об.

открыть. Впрочем, этот вариант считался маловероятным¹. Наиболее оптимальным был вариант перевода в Генштаб без дополнительного обучения. Между тем из приказа от 23 марта не было ясно, в какие сроки академия даст выпуску законченное образование или переведет его в Генштаб. Основной задачей выпускников было получение полноценного образования и вхождение в корпорацию генштабистов без каких-либо старорежимных условностей и ограничений, которые сопровождали службу курсовиков в 1917–1918 гг. и также проявились в приказе от 23 марта. После этого важнейшим этапом корпоративной борьбы молодых выпускников ускоренных курсов, причисленных к Генеральному штабу, стало пробивание своего перевода в Генштаб.

Фактически сразу после окончания старшего класса выпускники были направлены на срочную работу по формированию Красной армии в связи с угрозой германского наступления. 3 марта конференция академии признала слушателей окончившими курс и ходатайствовала об их причислении к Генштабу. Однако 10 марта 1918 г. занятия в академии были неожиданно прерваны до экзаменов, поскольку начальник академии получил распоряжение военного руководителя ВВС М.Д. Бонч-Бруевича о закрытии академии и об отправке слушателей в штабы военных советов Петроградского и Московского районов. Помимо этого неделей ранее из старшего класса забрали 18 слушателей в Кавказскую армию, 12 – на укомплектование полевых штабов, 3 – в распоряжение начальника артиллерии Петроградского района и 6 – в распоряжение начальника инженеров того же района².

Неопределенность положения выпускников курсов породила сильное недовольство в их среде. Выпускников уже активно использовали в новой армии, но прав полноценных генштабистов не давали. Некоторые патентованные генштабисты смотрели на них снисходительно и с предубеждением. Курсовики – боевые офицеры, прошедшие горнило мировой войны, обоснованно воспринимали подобное отношение как унижительное и несправедливое. Угроза оказаться на второстепенных ролях в зарождавшейся Красной армии способствовала укреплению корпоративной сплоченности курсовиков.

Активную работу вел Г.И. Теодори, который готовил различные доклады по поводу ущемления прав выпуска. В частности, 23 марта и 6 апреля 1918 г. он составил доклады о тяжелом материальном положении своих однокашников³.

Курсовики проводили общие собрания в Петрограде и Москве, на которых обсуждали свои проблемы. 29 марта 1918 г. причисленные к Генштабу офицеры Московского военного района провели общее собрание и составили резолюцию, в которой отмечали факт прерывания занятий в академии перед самым началом экзаменов не по воле слушателей. Однако на основании большого практического опыта слушателей, а также в связи с тем, что они прослушали в полном объеме лекции младшего и старшего курсов, конференция академии и Высший военный совет признали их вполне подготовленными для занятия

¹ Там же. Л. 61об.

² Там же. Л. 105об.

³ Там же. Л. 23–24. Документы опубликованы в: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 247–248.

ответственных должностей. Тем не менее был отдан неопределенный приказ от 23 марта.

В резолюции отмечалось: «Когда неясный и хаотический период формирования новой армии, в котором мы приняли с первых же минут самое живейшее участие, стал более ясным и определенным, то стали являться с предложением своих услуг офицеры Генштаба прежних выпусков и, заняв высшие или равные с нами должности и не видя нашей работы, не задумываются, в общем, отстранять нас от занимаемых нами штатных должностей или препятствуют к занятию таковых, объясняя такой странный образ действий тем, что мы недоучки ускоренных выпусков, не держали экзаменов, мало опытные, не Генштаба, а только причисленные и т.п.»¹. Если выпускников считали неопытными, то они требовали дать им возможность доучиться. Если же опыт их признавался достаточным, требовали предоставить права, аналогичные выпускникам курсов 1-й очереди. Резолюция была разослана всем выпускникам с просьбой прислать свои суждения к 15 апреля.

Ситуация осложнялась тем, что одновременно с окончанием академии курсовики должны были сделать выбор, с кем быть в разворачивавшейся Гражданской войне. Неопределенными были и многие вопросы, связанные с устройством зарождавшейся Красной армии. Разъясняет характер событий частное письмо председателю комитета выпуска А.Л. Симонову, написанное, по всей видимости, Г.Я. Кутыревым:

«На приказ № 22 собрание реагировало резолюцией. Копия прилагается. Чтобы понять истинный смысл пункта “б” этой резолюции, необходимо ввести Вас в самый курс дела.

Прежде всего, из числа назначенных в Москву приехало сразу лишь 36 человек, а не 55. Часть еще из Петрограда взяла направление на свои дома. Приехавшие офицеры были встречены через меня хорошо. Начштаба приказал их распределить по районам, которые к этому времени уже наметились. Но с первых же шагов они стали вносить старую, стадную, бестолковую атмосферу своей аудиторией! Ко мне, как ближе к ним стоящему”, они стали приставать довольно настойчиво с такими вопросами: “А скоро ли нам дадут денег?” — “А скоро мы поедим на места?” — “А скоро ли будут назначены начальники районов?” — “Мы ждать не можем, мы не желаем быть в неопределенности” и т.п. Приходилось чуть ли не каждому разъяснять, что нужно терпение, что нужно подождать, что сейчас только идет творческая работа по созданию определенных форм вашей службы, что нужно отрешиться от старых отживших форм, когда вы, являясь в штабы, в сущности приезжали на все готовое, что теперь вам самим нужно быть творцами чего-то нового, а не требовать от кого-то и чего-то и т.п. Одним словом, та же старая, нудная картина, которая лишь лишний раз подчеркнула полное непонимание сущности современной обстановки, требующей прежде всего только гибкости, т.е. если она требует выжидать — выжидай, если требует колоссальной энергии — дай ее, если трудно выяснить политическую обстановку — жди, наблюдай и делай выводы. Многие не поняли или не хотели понять этого, уперлись и,

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 106об.

² В документе несогласованно — стоящих.

несмотря на всякие разъяснения, уехали. Ставился, например, остро вопрос: “Нужно ли идти в армию, в штабы ее, когда во главе стоят большевики?”

На такой вопрос, вопрос внутреннего голоса, твоего мирозерцания, твоего убеждения — думаю, никто, кроме спрашивающего, не мог ответить. Отсюда вывод: некоторые не могли как духовно, так и умственно подняться на историческую точку зрения в этом вопросе, решить его самостоятельно и сказать — “да” или “нет”. Узкость¹ взгляда, привычка получать указания сверху сказались здесь. В результате долгих и многих указаний и разъяснений, а иногда уговоров остались и заняли места. Отмечу еще одну данную. Некоторые заняли прямо неприемлемую позицию в отношении мест службы. Упрямство Цейтлина, Тюренкова² прямо поразительны. И тот и другой хотели попасть в Рязань, а места не было. Выручил случай: Тюренков уехал домой, тогда место его занял Цейтлин. Относительно отъезда домой ставились тяжелые положения, вытекающие опять из непонимания современной обстановки. Многие хотели уехать, но сохраняя за собой места, мотивируя тем, что ничего-де, пусть, когда руководители еще не назначены. Действительно, руководителей еще не было, но они собирались Баиовым, т.к. все нужно было создавать заново.

Отсюда вывод: нужно было подождать и все выяснится. И действительно, теперь уже окончательно распределены роли, руководители приехали, получили задания и даже некоторые разъехались на места. В период такого кипения был получен приказ № 22. Тогда всплыл на сцену новый сложный вопрос, что-де старый Генштаб ставит им всякие препятствия, третирует нас и т.п., и все это подтверждалось фактами. Один руководитель, некто Алянчиков, устранил [Е.П.] Ильина. Вызвано это было резкостью самого Ильина. Другой, некто Суворов, действительно выказал некоторую резкость, когда ему было сказано, что к нему в штаб назначены такие-то причисленные. Но когда ему [В.Э.] Томме в определенной форме заявил, что в таких-де случаях все уйдут от него, то он смягчился и теперь все причисленные служат с ним. От таких отрицательных явлений не освободишься, они всегда были и будут. В общем же, считаю долгом сказать, что отношение благожелательное. Тот же Алянчиков назначал даже Томме на должность н[ачальни]ка штаба к себе в отряд и упорно его просил к себе, [В.В.] Хрулева долго уговаривал занять место. Тот в конце концов согласился.

Одним словом, обычное явление подбора себе сотрудников более приятных хотя бы (если лично не знали) по наружности. В частности, в личном со мною разговоре с н[ачальни]ком Западного участка Егорьевым он прямо мне сказал: “Мне [К.П.] Тераевич не нравится. Я его не знаю, каков он в работе, но наружность его говорит не в его пользу”. Впоследствии он его передал нам.

Сама работа их введет сильные коррективы в их служебные отношения: кто работник, тот завоюет себе твердое положение. В силу этого я прошу Вас, когда будете докладывать нач[альнику] акад[емии], то обрисуйте ту психологическую обстановку, в которую вылился пункт б “Резолюции”.

Со своей стороны скажу, что крайне желательно вообще собрать нас, чтобы окончательно закончить свое образование. И если Андогский пойдет навстречу

¹ Так в документе.

² Имеются в виду выпускники ускоренных курсов 2-й очереди В. М. Цейтлин и Б. Н. Тюренков.

этому и соберет нас в Екатеринбурге, то будет хорошо. Нужно иметь в виду, что, выждав некоторое время, когда многие устроятся, в академию пойдут лишь те, кто действительно хочет служить в Генштабе»¹.

13 апреля аналогичное общее собрание провели причисленные к Генштабу Петроградского района. На собрании присутствовали лично или прислали представителей 74 выпускника. При обсуждении было отмечено, что к Генштабу обычно причисляли после экзаменов, а здесь причисление произошло до них, но не было окончательным, поскольку обставлялось рядом дополнительных условий. Перевод осуществлялся по удостоению начальства и при наличии вакансий. Таким образом, выпускники считали себя лишенными полноценного причисления к Генштабу и перевода в него. Обида усугублялась тем, что часть слушателей сдали экзамены в академию еще до Первой мировой войны, затем от полугода до двух лет прослужили в строю в годы войны и полтора-два года на должностях Генштаба до уровня начальников штабов дивизий включительно. Сравнивая себя с выпускниками предыдущих лет, курсовики отмечали, что так называемый выпуск 1915 г., например, для полноценного вхождения в Генштаб должен был только сдать темы дополнительного курса.

7 апреля 1918 г. председатель комитета выпуска Симонов писал начальнику академии А.И. Андогскому: «Если обратиться к условиям, поставленным для перевода в Генштаб, то обязательство выполнить работы по съемкам является необъяснимым, ибо совершенно не учтены силы, которые прошли через старший класс 2-й очереди. Ведь достаточно указать, что каждый из выпуска за 1½–2 года войны и в самый ее тяжелый период отбыл такой строевой и боевой ценз, столько сделал рекогносцировок и собственными ногами и головой исследовал поля Галиции, Польши, Восточной Пруссии, Белоруссии и Курляндии, пустыни Месопотамии и горы Армении, — рекогносцировок, на основании коих в штабах (да будут мне свидетелями боевые члены Конференции^{II}) разрабатывались операции целых армий. Призванные из строя на службу Генерального штаба, кроме Румынского и Юго-Западного фронтов, наши армии перешли к позиционной войне, выпуск [19]17 года продолжал честно нести службу Генштаба, часто без руководства лиц с законченным военным образованием.

Можно смело сказать, что едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу^{III}». Эти суждения, несмотря на немалый апломб генштабовской молодежи, были в значительной степени справедливы.

Симонов обращал внимание руководства академии на то, что многие доведенные требования учебного курса изжили себя применительно к боевым опытным офицерам. По его мнению, курсовиков не нужно было заставлять заниматься съемками или полевыми работами, которые отнимают много времени. Все это слушатели ускоренных курсов 2-й очереди уже прошли на практике в годы Первой мировой войны. Их практический опыт штабной работы на фронте был гораздо ценнее учебных академических задач. Если бы не война, многие курсовики

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 13–14об.

^{II} Имеется в виду конференция Военной академии — ее коллегиальный руководящий орган.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108–108об.

уже бы закончили полноценный курс академии, некоторые были к 1918 г. в штаб-офицерских чинах.

Далее Симонов отмечал: «Если обратиться к обстановке, в которой теперь работает выпуск [19]17 года, то становится необъяснимым то предубежденное отношение, которым встречается труд причисленных к Генштабу. Особенно, если вспомнить слова военного руководителя Высшего военного совета Бонч-Бруевича, переданные нам с кафедры вр.и.д. нач[альника] академии за Ваше отсутствие, о том, что выпуск – ценный материал, что расход его обуславливается исключительно тем обстоятельством, что патентованного Генерального штаба для работы в теперешней обстановке найти не могут, что выпуск – это последний резерв»¹. Впрочем, эти слова М.Д. Бонч-Бруевича противоречат его позднейшей позиции стойкого противника молодых генштабистов.

Один из первых серьезных конфликтов молодых курсовиков 2-й очереди с выпускниками довоенной академии произошел весной 1918 г. и связан с именем бывшего капитана Г.И. Теодори, качества которого сделали его одним из лидеров курсовиков 2-й очереди («выпуск 1917 г.»), окончивших академию в начале 1918 г.² Детальный анализ этого инцидента позволяет увидеть, в каких условиях и в связи с какими событиями формировалось и укреплялось корпоративное единство молодых выпускников академии.

В распоряжение главного руководителя работ 4-го участка военного строительства Петроградского района военного инженера Н.И. Флоринского прибыли недавние выпускники ускоренных курсов Т.С. Косач и В.Ф. Тарасов. Но 22 апреля Флоринский выразил недовольство их подготовкой³.

После этого служивший в штабе Петроградского района В.А. Брендель отметил в своем докладе, подписанном также начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы Б.В. Геруа в апреле 1918 г., что «Главный руководитель работ 4[-го] В[оенного] С[троительства] П[етроградского] р[айона] военный инженер Флоринский сношением № 400 считает командирование для производства рекогносцировок будущих позиций чинов, причисленных к Генеральному штабу последних выпусков, не отвечающим пользе дела, как обладающих малым служебным опытом, и просит командировать опытных офицеров Генерального штаба.

Нельзя не разделять безусловно желательность не только для рекогносцировок, но главное вообще для дела строительства новой армии привлечь опытный Генеральный штаб, много работавший в штабах и в поле. В этом отношении дело обстоит очень печально. Приток желающих опытных офицеров Генерального штаба очень незначителен, и причины тому следующие: 1) нет уверенности, что новое дело может пойти с пользой для родины, 2) нет никаких притягательных причин, делающих службу заманчивой, особенно для офицеров Генерального штаба, которые, обладая всесторонним знанием и опытом, свободно находят частную службу, 3) то незначительное содержание, которое назначается,

¹ Там же. Л. 108об.

² Кратко и с рядом неточностей эта история изложена в: Кавтарадзе А. Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 33–34.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 46.

теперь уже выплачивается далеко не аккуратно (до сих пор чины штаба не получали жалования).

Исходя из доложенных положений и считая совершенно необходимым широко привлечь к формированию новой армии опытный Генеральный штаб, полагаю единственным возможным в настоящее время провести следующие меры: 1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50 % установленных штатами окладов, или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалование невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как, н[а]п[ример], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т. д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»¹.

Генштабовская молодежь была возмущена тем, что ее называли неопытной (как в действительности и было). Начальник оперативного отделения оперативного отдела штаба Северного участка и Петроградского района завесы Г.И. Теодори 25–26 апреля 1918 г. подготовил доклад (одна из редакций датирована 25 апреля) в защиту выпускников ускоренных курсов Военной академии, которых Генштаба В.А. Брендель и военный инженер Н.И. Флоринский считали малоопытными. В результате на свет появился нижеследующий документ, который интересно воспроизвести в полном объеме:

«Военный инженер Флоринский в сношении своем за № 400 на имя начальника Оперативного отдела пишет, что командировка причисленных к Генштабу специалистов не дает ему уверенности в правильном выборе и рекогносцировке позиций. Дальше инженер Флоринский, совершенно не знакомый с работой двух командированных в его распоряжение специалистов Генштаба, просит о назначении двух других более опытных “офицеров Генштаба”.

Доклад по этому поводу Генштаба Бренделя подчеркивает “малую служебную опытность” командированных специалистов Генштаба и указывает, что нельзя не разделять, безусловно, желательность не только для рекогносцировок, но и т. д. привлечь опытный Генштаб, много работавший в штабах и в поле.

Путь, на который стали Флоринский и Брендель, — путь скользкий.

Какой боевой опыт у Флоринского и Бренделя. С каких пор поле стало ценнее боевого опыта вообще, штабного (штабы дивизий и корпусов) на войне в частности.

Косач, Тарасов и т. д.” — все эти лица, кроме строевой и боевой работы в первые 1½ года войны, вынесли на своих плечах в течение 2-х остальных лет всю тяжесть боевой работы в штабах дивизий и корпусов. Иначе говоря, вели ту работу, которая особенно ценна и сейчас при рекогносцировках рубежей и позиций. Ведь нельзя же считать боевым цензом службу в штабах армии, фронтов и в более глубоком тылу. Точно так же нельзя считать и опытными работниками лиц,

¹ Там же. Л. 45–45об.

² Выпускники ускоренных курсов.

поступивших в академию через 3–4 года службы и во время войны проскочивших в штаб-офицеры и т.д.

Наконец, кто дал право инженеру Флоринскому и Генштаба Бренделю оценивать единолично боевой опыт и опыт службы по Генштабу лиц, коих они не знают, лиц, которые пришли в академию с законченным образованием и отличными боевыми аттестациями от представителей Генерального штаба, действительно в боях и боевых штабах работавших. Уже первый выпад, допущенный профессором [С.А.] Ильяшевым, без всякого повода с чьей-либо стороны, заставил многих из нас недоумевать. Новый выпад Флоринского, поддержанный докладом Бренделя, явно пристрастный, подтверждает мысль о правильно организованной против последних выпусков травле.

Что сказали бы инженер Флоринский и Генштаба Брендель, если бы мы начали так же, с налета, легкомысленно, им давать оценку. Выиграло бы от этого общее дело строительства армии и т.д. Быть может, Генштаба Брендель вспомнит свои первые шаги по работе в штабе военного руководителя.

Чувство долга и любовь к родине и родному делу дает мне право сказать следующее:

1) крах военной системы вызывает крах государства. Не мы — молодые выпуски — ее создавали, не мы беспринципно, без общего плана, с апломбом и без всякого опыта решали вопросы каждое ведомство отдельно от другого.

2) 2-месячная работа в штабе сразу же поставила нас в орбиту трений, тесным клубком охватывающих¹ оперативное отделение и отделение связи, отсутствие общего плана работы, бессистемность этой работы, канцелярские отписки, а главное настойчивое проведение инженерныхстроек, минуя оперативные задания при полном отсутствии боевой силы с определенно, неуклонно проводимой тенденцией — изолировать участие в этих работах действительно сведущих лиц (каковыми только и могут быть лица с боевым опытом строя и строевых штабов, а не штабов армий и выше) — приводят к печальному и тяжелому выводу:

а) или группа лиц преследует исключительно свои личные <своекорыстные> цели

б) [что прямо невероятно,] в штабе <уже> работает группа <немецкой ориентации> [лиц], которая [по трудно понятным причинам, стремится так или иначе убрать] <так или иначе стремится убрать “не мытьем, так катаньем”,> всех, честно и добросовестно работающих опытных специалистов Генштаба.

Все вышеизложенное приводит меня к необходимости просить: 1) положить конец келейным докладам и бестактным выпадам [отдельных лиц], так как дальнейшая их работа в этом направлении дает право вынести <эту борьбу> [эти вопросы] в печать для анкетного [их] выяснения <вопросов>, 2) предупредить, что важность занимаемых постов отнюдь не является гарантией безнаказанного издевательства над целой группой лиц, чем в данном случае вышеуказанные лица и пользовались.

Причисленный к Генштабу Теодори^{II}.

¹ В документе ошибочно — охватывающими.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 42–43. Машинописный подлинник. В угловых скобках — текст, изъятый в смягченном варианте документа, в квадратных — добавленный текст (Л. 44).

Фактически это был прямой донос с тяжелым обвинением противников генштабовской молодежи в государственной измене. Кроме того, документ разжигал излишние страсти между представителями старого и молодого Генштаба. Думается, свой отпечаток на содержание документа наложили и личные качества его автора – курсовика Теодори, человека крайне самолюбивого и амбициозного. Анализ служебного пути Теодори показал, что на каком бы месте службы этот человек ни находился, он умудрялся везде создавать вокруг себя атмосферу скандала. Причем из-за своего скандального характера Теодори неоднократно испытывал серьезные жизненные и служебные неприятности.

Товарищи по выпуску присоединились к этому докладу: на экземпляре Теодори расписались 24 причисленных к Генштабу, тем самым нарушив сложившийся еще в старой армии запрет на коллективные жалобы. Доклад вызвал бурю. Будучи подан 26 апреля, на следующий день он обсуждался курсовиками Симоновым, Чинтуловым, Доможировым и Теодори с военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы И.Г. Пехливановым – представителем старого Генштаба¹. Пехливанов по просьбе начальника оперативного отдела штаба Ф.И. Балабина попытался примирить стороны. По итогам встречи было сделано предупреждение, что при повторении выпадов докладу дадут ход. Балабин был благодарен Пехливанову за то, что тот смог уладить вопрос. Однако, как оказалось, этим дело не кончилось. Как ни странно, Балабин, ратовавший за то, чтобы исчерпать инцидент, передал доклад начальнику штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа, что возымело последствия

28 апреля Балабин просил Теодори отказаться от обвинения в адрес старого Генштаба и взять доклад обратно, но Теодори на это не согласился и просил переговорить с Геруа. Впрочем, в качестве некоторой уступки он заменил последнюю страницу доклада с обвинениями своих противников в шпионаже другим вариантом (выше воспроизведены оба варианта). Обвинение, что в штабе работает пронемецкая группа лиц, пытающаяся устранить честных генштабистов, было крайне тяжелым. В разных редакциях оно изложено по-разному. В конечном итоге под давлением Балабина Теодори убрал обвинения в немецкой ориентации оппонентов. Тем не менее забрать доклад было уже невозможно, так как на него 27 апреля была наложена резолюция начальника штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа, причем последний посчитал документ личным выпадом молодежи и против самого себя.

Конфликт набирал обороты. 29 апреля доклад Теодори обсуждался на заседании Военного совета, отказавшегося принять измененную третью страницу документа и постановившего удалить Теодори с должности начальника оперативного отделения. Интересно, что еще 16 апреля Геруа отметил, что Теодори «хотя и молодой, но большой энергии и зарекомендовавший себя с отличной стороны»², а теперь он был в числе инициаторов увольнения своего подчиненного.

Если недавно Теодори поддержал своих однокашников, то теперь последние выступили в поддержку своего неформального лидера. 30 апреля курсовики провели общее собрание (заседание причисленных к Генеральному штабу, находящихся

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 47.

² Там же. Л. 63.

на службе в штабе Северного участка и Петроградского района). На заседании присутствовало не менее 18 человек¹.

Обсуждали доклад Теодори и дело Флоринского. Было заявлено, что доклад Теодори не был выпадом против Геруа. Курсовики требовали, чтобы Военный совет рассмотрел заключение их собрания, а также выслушал объяснение Теодори, отчисление которого от должности последовало до дачи им объяснений, вопреки резолюции Геруа от 27 апреля. В отношении заявлений военного инженера профессора С.А. Ильяшева, инженера Н.И. Флоринского и генштабиста В.А. Бренделя в адрес курсовиков собрание высказалось против тенденции высокомерного отношения к выпуску. Тем более что некоторые резкие заявления предшествовали знакомству с работой курсовиков, не учитывали их строевой и штабной служебный стаж. Собрание постановило признать необходимым «повлиять на “верхи и окрестности”, дабы не было выпадов против выпуска, признав за ним право на работу наряду со всеми офицерами Генштаба, а значит, ходатайствовать о переводе в Генштаб»². Как вариант предлагалось командировать выпуск на дополнительный курс академии. Заключение планировалось представить Геруа и Балабину с просьбой осветить возникшие вопросы.

Краткие строки протокола, местами сбивающегося на стенограмму, сохранили до наших дней фрагмент этого заседания, который дает наглядное представление о накале страстей и содержании дискуссии:

«Чинтулов: 29^{то}, когда узнал о резолюции, был у комиссаров для выяснения освещения, которое было дано докладу на заседании Военного совета. Результатом чего и был вызов Теодори к комиссару Смильге. Теперь назначается расследование.

Теодори: Подал рапорт о сдаче отделения с просьбой о расследовании. Резолюция: “Дать объяснения Военсовету в присутствии Сысоева, Хитрово и Доможирова”.

Работа с комиссарами. Доверие. Пропуски выдает Доможиров. Денежный вопрос. Положение “молодых” и “старых”. Случай с [Н.И.] Кадниковым, [П.М.] Беда-ревым, [Е.И.] Исаевым, [Е.В.] Сысоевым и [К.С.] Хитрово – сильно подняли фонд выпуска. Работа у инженеров. Работа отделения связи.

Андриевский³ – “недоноски”. Инцидент у [Ф.В.] Костяева с Сысоевым и Тарасовым (Вл.Ив.). Случай со [П.А.] Сверчковым и [Ю.И.] Григорьевым. Доклад о содержании причисленных к Генштабу. Доклад Андриевского у комиссаров. Отказ Бренделя ехать в Псков; вспышки [Б.П.] Богословского. До сих пор разведывательное отделение не дает никаких сведений оперативному. Личная почва. Полная изоляция. Разговор с Балабиным о занятии Петрограда. Гибель докладов.

Чинтулов: Теодори защищает не себя, а права выпуска.

Григорьев: Здесь вопрос борьбы старого и молодого. Дело не в личностях, когда борьба 2[-х] начал. Нам предстоит или насильно войти в ту среду, которая к нам

¹ Председательствовал А. Л. Симонов. Присутствовали: П. М. Бедарев, Н. Н. Доможиров, А. Ф. Ефремов, В. Г. Зиверт, Г. К. Иванов, Е. И. Исаев, В. Н. Маслов, П. А. Мей, М. А. Поликарпов, П. А. Сверчков, Б. Н. Скворцов, В. Ю. Стульба, Е. В. Сысоев, Г. И. Теодори, В. В. Трофимов, К. С. Хитрово, И. Д. Чинтулов (Там же. Л. 47). Также упоминается Н. В. Энглер.

² Там же. Л. 47об.

³ Речь идет о Д. И. Андриевском – выпускнике академии 1901 г., который назвал курсовиков «недоносками». Происхождение этого прозвища курсовиков связано с тем, что продолжительность ускоренных курсов составляла восемь месяцев.

относится недоброжелательно, или свалить всю корпорацию и самим взять всю работу в свои руки. Первое — мало приятного; второе — сможем ли мы исполнить всю работу, которую делают старшие.

Мей: Балабин сознался, что в беспорядке по канцелярии он виноват. На уход из-за того, что моя фамилия была среди 24 фамилий, подписавших редакцию доклада, посмотрим так: комиссия будет считаться только с подписавшими доклад.

Хитрово: Нет фактических доказательств о германской ориентации целой корпорации. Надо бить личности, а не всю корпорацию¹.

Эта краткая запись содержит фамилии тех курсовиков, которые проявили среди прочих выпускников наибольшую общественную активность, сильнее прочих были готовы отстаивать права выпуска. Это Г.И. Теодори, И.Д. Чинтулов, П.А. Мей, Ю.И. Григорьев, К.С. Хитрово. Некоторые из них в 1919–1921 гг. поплатились за свою чрезмерную активность, попав под маховик репрессий.

В своей речи Теодори перечислил все известные ему случаи столкновений старых генштабистов с молодыми выпускниками. И хотя упреки в неподготовленности были для генштабовской молодежи обидны, сам Теодори, обвинив оппонентов в шпионаже, перегнул палку.

Обращают на себя внимание амбициозные и агрессивные заявления и намерения молодых курсовиков «свалить всю корпорацию» либо насильно влиться в среду генштабистов. По сути, речь шла о том, чтобы изгнать из зарождавшейся Красной армии наиболее квалифицированных специалистов Генерального штаба, окончивших полный трехлетний курс академии до Первой мировой войны. И это при том, что продолжительность подготовки курсовиков составляла лишь несколько месяцев и не шла ни в какое сравнение с аналогичным показателем у их старших коллег. Неудивительны сомнения курсовика Ю.И. Григорьева относительно способности курсовиков принять на себя всю эту работу. Интересно, что молодые генштабисты при этом никак не учитывали свое отнюдь не главенствующее положение в Советской России. Между тем большевистское военно-политическое руководство полагалось тогда на квалификацию старых спецов, например М.Д. Бонч-Бруевича, Н.М. Потапова и др. Руководствуясь пользой дела, большевистские лидеры никогда бы не допустили разрастания внутрикорпоративного конфликта между выпускниками академии до того, чтобы одна часть выпускников попыталась изгнать из армии другую. Тем не менее не будем сбрасывать со счетов то, что некоторые (быть может, отдельные) выпускники ускоренных курсов 2-й очереди об этом мечтали.

На собрании было решено считать случай Теодори общим делом всего выпуска. 10 участников заседания поддержали это, против был только Н.В. Энглер. Письменную защиту Теодори решили отложить до конца расследования и до заседания Военного совета, на котором Теодори в присутствии Сысоева, Доможирова и Хитрово будет давать объяснения. За это также проголосовали 10 против одного².

Впрочем, не все однокурсники разделяли радикальные взгляды Теодори, понимая, что ничем хорошим это не кончится. Особое мнение высказал В.Г. Зиверт:

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 48.

² Там же. Л. 48об.

«1) Взгляды, высказанные Теодори, не разделяю. Выдвинутые им положения носят резко выраженный характер полемики и не всегда “удачно” подтверждаются фактами.

2) Всецело лишь присоединяюсь к той части его доклада, где он протестует против травли, направленной по адресу последних выпусков, и голословного, необоснованного обвинения в научной неподготовленности и в служебной неопытности.

3) Категорически протестую против взглядов, высказанных воен[ным] инж[енером] Флоринским в его отнош[ении] за № 400. Считаю, что воен[ный] инж[енер], как по своей научной, так и тактической подготовке, не может являться судьей офицера, прич[исленного] к Генштабу, притом обладающего громадным боевым опытом. Усматривая в его отношении резко выраженное тенденциозное стремление опорочить доброе имя наших боевых товарищей по выпуску, полагал бы возбудить ходатайство о привлечении автора к законной ответственности.

4) Решительно восстаю против выступлений отдельных лиц, как и групп по вопросам, имеющим то или иное отношение к нашему выпуску in corpore.

Полагал бы, что подобные выступления должны подчиняться строгой внутренней дисциплине и производиться в соответствии строгой продуманности и планомерности.

Прич[исленный] к Генштабу
Вл. Зиверт
Петроград
30/IV-[19]18 г.¹

Первоначально комиссары И. Т. Смилга и М. М. Лашевич собирались удалить из штаба самого Теодори, так как решили, что речь идет о личном инциденте между ним и Флоринским. Теодори вызывали для объяснений к Смилге в гостиницу «Астория». На 3 мая было назначено заседание Военного совета, но вместо этого военный руководитель Северного участка и Петроградского района завесы бывший генерал-лейтенант, профессор А. В. фон Шварц вызвал Теодори и высказал ему свое возмущение тем, что ему не докладывали о произошедшем. Теодори же сообщал обо всем только своему начальнику Балабину.

Между тем сам Теодори 2 мая подготовил новый, еще более внушительный по своему объему, доклад № 18, адресованный Военному совету, в котором изложил всю историю конфликта. Вполне возможно, этот документ был положен в основу его выступления на заседании Военного совета. Думается, он немаловажен для характеристики нарождавшегося мощнейшего корпоративного духа молодых курсовиков, лидера выпуска Теодори и той обстановки, которая привела к большому сплочению курсовиков. Сознывая немалый объем документа, приведем его целиком:

«Первые шаги в штабе, начиная с 15 марта, поставили выпуск в несколько странное положение.

Генштаба Андриевский в общем отделении, не заметив в группе лиц представителей выпуска, довольно громко заметил своему товарищу, что в штабе для работы приглашены “недоноски”. Нельзя, конечно, назвать это поощрением работы.

¹ Там же. Л. 49–49об.

17 марта Генштаба Брендель, получив утром приказание начштаба профессора Геруа отправиться установить демаркационную линию, в 16 час. 35 мин., т.е. за 25 мин. до отхода поезда, обратился ко мне с заявлением об отказе поехать. Я просил доложить от этом Генштаба Богословскому, так как об этой командировке не знал, но принужден был тотчас же готовить предписание причисленному к Генштабу Бедареву, который должен был за 25 минут собраться и поспеть к поезду. Считаю необходимым отметить, что в тот период достать пропуск было исключительно трудно.

Причины отказа Бренделя: “Стыдно старшему офицеру Генштаба ехать на такое тягостное дело”.

Отказ от серьезного поручения, да еще в такой форме, отказ за 25 минут до отхода поезда, полное налицо сознание, что командированное лицо может не поспеть в назначенный немцами ультимативный срок, — вызвали в нашей душе глубокое возмущение. К счастью, причисленный к Генштабу Бедарев поспел вовремя и успешно выполнил свою задачу.

Невзирая на такой прием и исключительно странное к нам и [к] делу отношение, встречая полное сочувствие и поддержку начальника отдела Генштаба Богословского, с 16 марта отделение уже работало.

Все трения, выпады и самые неожиданные заявления хотя бы Генштаба Андриевского (особенно в запросах содержания прикомандированным причисленным), пока был начальником отдела Генштаба Богословский, проходили мимо нас. Работа по всем вопросам шла полным темпом, дружно, и уже к 27 марта военрук мог отвезти в Москву доклад о формировании почти всех отделов штаба и налаженном объединении работ всех отрядов.

30 марта комиссары [А.И.] Ковригин и [П.П.] Торгушин отказались подписать предписание трем причисленным к Генштабу, командированным в распоряжение начальника инженерного отдела для производства рекогносцировок намеченных рубежей. Комиссар Ковригин сказал, что он не подписывает потому, что Военно-технический комитет против постоянного прикомандирования специалистов Генштаба по вопросам оперативного характера, так как участие таких необязательно.

На мой доклад об этом Генштаба Богословскому последний приказал мне составить доклад о необходимости участия специалистов Генштаба, базируясь на опыте и практике текущей войны.

Между прочим, Генштаба Богословский два-три раза просил лично профессора Ильяшева, и я, в свою очередь, также, сообщать нам о всех заседаниях Военно-технического комитета, в которых разбирались вопросы оперативного характера.

1 апреля мною подан был по этому поводу совершенно объективный доклад, никого не задевающий. Считаю необходимым отметить, что профессор Ильяшев пользовался особым вниманием и уважением в оперативном отделении, которое всегда шло ему навстречу и делилось всеми имеющимися в отделении данными. На докладе была сделана приписка Генштаба Богословского о том, что и в период укреплений должны быть представители Генштаба, и резолюция профессора Геруа “с самого начала настаивал на этом. Прошу провести в жизнь”. Таким образом, если и был какой-либо намек на инженеров, то в резолюции “цензового Генштаба Богословского”. Профессор Ильяшев при личной встрече со мной

в резкой форме заговорил о скороспелых суждениях и т.д. и что “я вам заготовил отповедь, вы у меня повертитесь”. Ознакомление с докладом профессора Ильяшева вызвало полное недоумение. Профессор инженерной академии, всеми нами уважаемое лицо, резко, бранчиво, без всякого повода набросился на стрелочника; – результаты:

1) Подлинный доклад с резолюциями Генштаба Богословского и профессора Геруа больше в дело не вернулся: профессор Геруа оставил его у себя.

2) Командируемые специалисты Генштаба насторожились, стали замкнутыми. Их давила “непогрешимость” и “связи” инженеров. Исчезновение из дела доклада с подлинными резолюциями начальника штаба и холодок, ставший стеной между начштабом и мною в лице нового начальника отдела, солидарного с инженерами, создал убеждение в безнаказанности выпадов против нас. Тотчас же уехали в четырехмесячный отпуск в Сибирь [М.А.] Михайлов и [И.И.] Попов (без объяснения причин).

С 4 апреля началась работа по расширению штаба отделения и всего оперативного отдела. Она до сих пор не закончена. Осталось в силе временное прикомандирование, введенное Генштаба Богословским.

Разработка отдела, веденная мною, была отобрана у меня и передана Генштаба Бренделю. Последний, говоря о распределении работы, намекнул о пристрастном распределении Генштаба Богословским служащих. Но я, зная всю работу Генштаба Богословского, доложил суть так, как она была, т.е. сознательное введение Генштаба Бренделем в заблуждение бывшего начальника отдела о числе служащих, результатом чего мы получили часть служащих без проверки их знаний.

9 апреля Генштаба Балабин при напоминании ему об отсутствии данных о противнике и полном отсутствии агентурных сведений о немцах, что важно в связи с их работой в Финляндии, сказал: “Приход немцев невероятен, ибо им важно быть в дружбе с нами. Но если они придут, то в этом нет ничего ужасного. Нам, представителям Генштаба, это неприятно, но для русской действительности это полезно”. Генштаба Балабин не мог остаться довольным моим ответом и по существу, и по тону и на другой день заговорил о малом опыте и выдержке молодых работников.

10 апреля Генштаба Балабин в присутствии Генштаба Бренделя сделал мне замечание и притом в резком тоне по поводу моего напоминания о задержке бумаг и об отсутствии охраны. Я доложил, что вопрос об охране оперативного отделения и о порядке получения телеграмм и их исполнения так серьезен, что я обязан докладывать об этом даже ежедневно.

11 апреля из доклада не вернулась часть телеграмм, к тому же не записанные в журнальной части. Я вновь доложил, что снимаю с себя всякую ответственность.

Шифр, полученный секретно, также не вернулся сразу. Через несколько дней Генштаба Балабин вернул его мне, сказав, что дома хранить трудно. С большим трудом я добыл ключ для своего стола, так как часть бумаг исчезла. Двери всюду брошены. Лишь оперативное отделение закрывалось и запечатывалось лично мною.

Вызвал раздраженный и повышенный тон разговор об установлении связи с [К.С.] Еремеевым. В результате моей настойчивости и после разговоров с комиссарами был послан для связи причисленный к Генштабу Энгер. Если это было бы сделано раньше, дело формирования и согласования работ

подвинулось бы значительно скорее. Кабинетный характер работы в форме отписок, докладов и телеграмм (например, со штабом округа, находящимся в 20–30 шагах).

Стиль бумаг “испрашивается”, “докладывается”, указание краткого содержания сбоку и так далее – возвращение к делопроизводству, отмененному еще в 1910 году. Что же удивительного, если комкору [А.П.] Буковскому предписание и удостоверение были даны лишь на 4-й день, Генштаба Костяев ходил четыре дня, Генштаба [П.Д.] Тележников семь дней, а Генштаба [В.И.] Шишкину такое же предписание в тот же день. Телеграмма оперативного характера задерживалась 3–4 дня, редко исполнялась на второй день.

О 534 орудиях, находящихся на заводах и арсеналах, я узнал случайно от товарища своего [Б.И.] Кузнецова, работавшего с инженером [Н.И.] Кохановым, – о них я докладывал 3 раза, сведения о Койвисто¹ и Инно² узнавались из газет раньше, чем получались у нас. О числе белогвардейцев, о их движениях и силах я получал сведения от приезжающих из Финляндии. Где же работа разведывательного отделения. Кто направлял оперативно-строевую работу оперативного отдела. К счастью, вопрос о Койвисто и командировка причисленного к Генштабу Энглера сдвинули с мертвой точки вопрос о взаимоотношениях. Жизнь подтвердила мой доклад: “Право на жизнеспособность штаба надо завоевать, надо тянуть к нему фактической работой, а не горой бумаг”.

Упорство в желании проводить свою личную точку зрения на работу, нежелание настоять на более энергичной и деятельной работе разведывательного отделения Генштаба Бренделя, затягивание решения всех животрепещущих вопросов заставляло нас задумываться, “рутина” ли это, “халатность” или сознательно “мертвый ход” в работе. Последнее обстоятельство преследовало определенную цель – указать на нашу неработоспособность.

14 апреля у дорожной карты при докладе об оперативном значении постройки дороги Лихославль – Кашин – Калязин – Ярославль Генштаба Балабин опять коснулся германской оккупации, заявив “что если немцы не займут Петроград, то порядочному человеку остается только застрелиться”. Мой ответ – “дело взглядов”.

15 апреля новый серьезный разговор по поводу директивы 665/0134 и 666/0135 о числе и порядках формирования дивизий и корпусов:

1) Мой доклад: “Разрабатываются вопросы без разработки оперативным отделением данных за неделю и без статистических данных”. Ответ: “Это не существенно”.

Жизнь подтвердила правильность моего взгляда: до сих пор начальники участков не могут точно размежеваться (Парский, Буковской и [П.Н.] Буров). При искреннем желании формировать, да и притом спешно, пока есть время, доклад мой, как начальника оперативного отделения, имел бы значение.

¹ Койвисто – ныне Приморск Ленинградской области. Место высадки немецкого десанта в апреле 1918 г.

² Инно (Ино) – форт Кронштадтской крепости на подступах к Петрограду. Подлежал передаче финнами Советской России в обмен на область Петсамо с незамерзающим портом. В апреле 1918 г. немцы силами своего десанта попытались захватить форт с его мощной артиллерией. Форт был блокирован финскими и немецкими войсками. Руководство Советской России опасалось, что конфликт вокруг форта приведет к расторжению Брестского мира. По решению коменданта Кронштадтской крепости 14 мая 1918 г. форт был взорван.

2) Тут же я доложил, что не указан срок по п. 4 о размере месячного жалования.
Ответ: “Сделаем дополнительно, это не так спешно”.

Через 4 дня сначала Генштаба Пехливанов, а потом Генштаба Костяев стали запрашивать об этом. При искреннем желании создавать армию – поправка моя тотчас же была принята.

3) Непосредственно за этим доложил о посылке всем Совдепам директивы № 666/0135 о формировании, чтобы своевременной ориентировкой их заранее устранить трения по вопросам формирований.

Ответ: “Не надо. Надо обходиться без них”.

Мой доклад: “Пока дело у Совдепов, надо исполнить хотя [бы] просьбу Генштаба Пехливанова о посылке директивы Лужскому и Новгородскому Совдепам”.

Ответ: “Зачем, впрочем, пошлите”.

Мой доклад: “Полагаю все же необходимым для пользы дела послать всем”.

Ответ: “Георгий Иванович, разрешите мне устанавливать порядок в отделениях”.

Результат: Совдепы отказывают начдивам и комкорам в использовании материальной части бывших войсковых частей и т.п. Начдивы и комкоры обращаются к начальнику снабжений, последний к нам, и лишь 2 мая вопрос этот дан в разработку на стол № 4 (новое название специалистов) В.Ю. Стульбе. Где же здесь искреннее желание формировать и строить армию.

19 апреля. Случай с инженером Малевановым, пожелавшим ускорить эвакуацию орудий. Инженер Малеванов ушел взволнованный от Генштаба Балабина, возмущенный и его приемом, и его канцелярским отношением к вопросу столь огромной важности. После переговоров со мною инженер Малеванов успокоился и решил этот вопрос с бывшим генералом [В.Л.] Драке самостоятельно. Так оперативный отдел отклонил этот важный вопрос, непосредственно с ним связанный.

Начали постепенно специалисты Генштаба последнего выпуска уходить (Попов, Михайлов, Колесников, Сверчков, Григорьев, [В.Ф.] Тарасов 1-й – последний в Москву).

На доклад мой, что трения не по существу гонят со службы наиболее ценный по боевому и строевому опыту и сохранивший энергию и бодрость состав, получил ответ: “Чем больше вы будете отстаивать последние выпуски, тем большего противника вы во мне встретите”.

С 6 по 28 апреля все вопросы оперативного характера задерживались, перечкивались, возвращались с новыми заявлениями. Важные доклады о рубежах, путях сообщения и использовании судов Балтийского флота переделывались, а последний был возвращен даже без пометок. Такое отношение к делу начало вызывать у моих помощников и у меня полную апатию и желание уйти, так как это была работа “мертвого хода”.

Ведь жизненные доклады как бы умышленно переделывались часто даже из-за заголовка и порядка пометок названий. Многие не вернулись совсем. Утром давался один план работы, вечером другой, а на следующий день третий. Приход инженера Федорова рождал четвертый вариант и т.д. в течение 22 дней.

Чем объяснить такие явления. Какое дать им разумное объяснение.

То же с фортом Ино. То же со снятием замков с тяжелых орудий. То же с вывозом этих орудий. Вопрос о разграничительных линиях в таком запущенном виде. Вопрос о формированиях сосредоточен в отделении формирований, часть работы

у нас и наоборот, но приказа или распоряжения о составе комиссии из боевых, опытных и компетентных лиц из всех родов войск не читал. Все поправки – по заявлениям случайных лиц, не объединенных общей идеей. Пришел Генштаба Шишкин – посоветовал. Принято. Пришло одно, другое, третье лицо и т.д. в том же духе. Импровизация отдельных лиц, имитирующих работу.

А мы пришли для организации и притом продуманной, вымученной строем, боем, опытом и жизнью.

22 апреля пришел доклад инженера Флоринского о причисленных к Генштабу Косаче и Тарасове 1[-м]. Считаю необходимым доложить, что эти специалисты в момент подачи сношения инженером Флоринским только представились ему, рекогносцировку по его заданиям не производили. Уже 23 апреля один из причисленных к Генштабу взволнованно сообщил мне об этом новом выпаде. Я ответил – не читал, сомневаюсь.

24 апреля получаю: сношение Флоринского, доклад по нем[y] Генштаба Бренделя, резолюцию Генштаба Балабина, ведомость окладов в связи с этим докладом и после этого просьбу ко мне – Генштаба Балабина высказать свое мнение по изложенному. Это был прямой вызов. Доклад мой обсуждался. Подписей 24 и мая.

Получив мой доклад, Генштаба Балабин 27 апреля просит Генштаба Пехливанова убедить нас взять доклад (о чем я узнал спустя час от Генштаба Балабина же).

Генштаба Пехливанов убедил нас взять доклад, указывая, что общее дело так велико, что лучше обойти эти выпад. При мне же Генштаба Балабин благодарит его за это. По резолюции, оказывается, в этот день доклад уже был доложен профессору Геруа. В то же время Генштаба Балабин благодарит и меня и принимает к сведению просьбу улучшить условия работы.

28 апреля Генштаба Балабин срочно заканчивает с нами все доклады, а причисленному к Генштабу Хитрову с пафосом высказывает невозможность захвата немцами Петрограда.

После этого в 17 часов Генштаба Балабин просит пояснить слова “немецкая ориентация”, я пояснил, что все, что сейчас мешает работе (сознательно или бессознательно), работает на немцев. Попросил письменно. Переговорил с некоторыми из подписавших и написал новую страницу. Опять просьба – отказаться от мнения, что в штабе работает по форме. Ответил, что так есть и взять обратно написанное не могу. Угроза стукнуть. Я прекратил говорить. Снова вызывает и просит дать согласие на частный доклад нашего доклада начштабу. Я ответил, что либо целиком, либо так, как сказал Генштаба Пехливанов.

По датам на резолюции – 28 апреля в это время доклад уже был сдан Военному совету.

29 апреля я просил говорить с начштабом, из холодного, если не сказать больше, разговора с которым понял, что мы спровоцированы.

Вечером узнал о резолюции на докладе и о решении отчислить. Таким образом, была ведена двойная игра.

Итак, вне сомнения преследовались: 1) группой инженеров свои цели (какие, им лучше знать) – отдельными представителями Генштаба – свои цели (Генштаба Балабин, Брендель и скрытые лица), конечно, своекорыстные, раз во вред делу устраивались свои люди, а дело умышленно устранялось под видом нашей неопытности, и 2) все, что в такую исключительно важную минуту занималось

интригами и т.п., сознательным оттягиванием дел, небрежным отношением к вопросам государственной важности, напр[имер], до сих пор, несмотря на напоминание, не доложен весьма важный доклад коменданта Выборгской крепости за № 415 от 20 апреля, вопросы о вывозе орудий, о формировании — все это не могло считаться русской ориентацией; и в моих глазах, как и в глазах подписавших, носят определенное название.

Самое отчисление от должности до дачи объяснений, предложение 1 мая уехать на рекогносцировку по Волхову — все подчеркивает наличие травли против нас вообще, а против меня в частности, как лица, упорно отстаивающего тех скромных работников, кои выполнили всю первую тяжелую, подготовительную — черную работу.

Резолюцию об угрозе считаю натяжкой. Разве можно считать угрозой право военнослужащего выяснить почетным^I (и к тому же анкетным) путем вопросы о строевом, боевом и полевом опытах, равно как и право просить о предупреждении, что важность занимаемых постов не служит гарантией безнаказанности выпадов и травли против целой группы лиц.

Какими мотивами может быть объяснена такая перемена в оценке качеств подчиненного профессором Геруа, еще 16 апреля предназначавшего причисленного к Генштабу Теодори на весьма ответственную должность и давшего^{II} ему отличную аттестацию (с личного согласия подлинная телеграмма профессору Геруа осталась у меня).

Чем вызвалась полная изоляция оперативного отделения в разработке вопросов строевого и оперативного характера. Отсюда невольно следует вывод: оценка моей работы и всех причисленных была предопределена, задачи распределены и разыграны как по нотам: 1) полная связь с лестным, но отклоненным мною предложением, 2) оставление меня на должности, несмотря на заявленное желание уйти, 3) доклад Флоринского, 4) разработка его Генштаба Бренделем, 5) оценка оплаты работы Генштаба Балабиным и 6) предложение Генштаба Балабина дать мое заключение по вопросам, затронутым в пунктах 3, 4 и 5, в то время, как на полях уже имелась резолюция “воспользоваться докладом, как мыслью”.

Наконец — достаточно хотя бы такого факта, как назначение моим заместителем не одного [из] моих помощников (что наиболее соответствовало бы интересам дела), но нового лица, приглашенного лично Балабиным Генштаба [Н.К.] Боровского.

Несомненно можно прийти к выводу, что устраняются все не подходящие Генштаба Балабину лица с тем, чтобы предоставить все места исключительно своим по возможности знакомым.

Причисленный к Генштабу Теодори»^{III}.

В своем докладе Теодори показал нелояльность старых генштабистов большевистскому режиму, саботирование ими вопроса об установлении демаркационной линии (генштабист Брендель), враждебный характер ряда высказываний военспецов старшего поколения (генштабист Балабин), небрежность (текст

^I Так в документе, вероятно, печатным.

^{II} В документе ошибочно — давшую.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64–68об.

доклада подразумевает, что это могло быть намеренно предательским поведением) хранения ими оперативных документов. Теодори поставил под сомнение искренность желания старых генштабистов участвовать в создании Красной армии.

Как и предыдущий документ, этот доклад также был прямым доносом Теодори на своих сослуживцев. Особенно в тех местах, где Теодори приводил высказывания, например, генштабиста Балабина о пользе прихода немцев. Ведь если эти слова не были измышлением самого Теодори с целью убрать своего противника, Балабин должен был говорить о такого рода вещах только в доверительной беседе, которую Теодори выставлял на всеобщее обозрение. Впрочем, донос, как всегда, ставил под угрозу исключительно положение старых генштабистов. Теодори приводил факты случайной или намеренной задержки выполнения предписаний старыми генштабистами, высмеивал их косность и бюрократизм.

Теодори изложил подробности работы штаба Северного участка и Петроградского района. Он показал, какую роль играли личные взаимоотношения в работе штаба, по каким признакам создавались группировки штабных работников, как протекала подковерная борьба. Разумеется, автор доклада не удержался от соблазна выпятить свою роль в решении всех вопросов — от демаркации границы до более надежного хранения шифров. Показательно и то, что Теодори говорил не только от своего имени, но и от имени однокурсников. По мнению Теодори, под предлогом неопытности курсовиков велась борьба вообще с их активной деятельностью. Некоторые заявления выдавали степень его возмущения старшими: «А мы пришли для организации и притом продуманной, вымученной строем, боем, опытом и жизнью»^I. Таким образом, если верить Теодори, генштабовская молодежь стремилась к более эффективной организации работы штабов на новых условиях, чему, по их мнению, препятствовали нежелание и неспособность старых генштабистов.

Позднее Теодори вспоминал, что с Балабиным у него произошел «крупнейший инцидент»^{II}. По мнению Теодори, «с первых же шагов мы (курсовики. — А.Г.) честно и искренно стали на работу, сразу же вызвавшую ряд трений с кругами прежнего Генштаба и лиц, их поддерживающих»^{III}. Шварц, Геруа и Балабин, по оценке Теодори, якобы «вели отрицательную работу»^{IV}.

Исходя из этого, можно подумать, что противники генштабовской молодежи были людьми косными и только вредили делу. На самом деле это далеко не так. Шварц был выдающимся военным инженером, обладавшим немалым служебным опытом. Опытным и талантливым генштабистом был и Геруа. Наименее известен из них Балабин, поэтому приведем характеристику, которую ему дал в своих мемуарах Генштаба полковник Б.В. Никитин: «Умный, энергичный, решительный, со стальными нервами, Балабин прекрасно разбирается в обстановке»^V. Другое дело, что Балабин в 1917 г. был близким сотрудником генерала Л.Г. Корнилова

^I Там же. Л. 67.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об.

^{III} Там же.

^{IV} Там же.

^V Никитин Б. В. Роковые годы: Новые показания участника. М., 2007. С. 46.

в штабе Петроградского военного округа и даже в мае — июле 1917 г. занимал пост начальника штаба округа. В период, когда непосредственно в Петрограде вершилась большая политика, эта должность приобретала заметный политический оттенок. В этом смысле критика Теодори больше относилась к политическим взглядам офицеров, чем к их профессионализму.

Показательны судьбы оппонентов Теодори в период Гражданской войны. Упомянутые им как недоброжелатели молодых курсовиков Д.И. Андриевский, Н.К. Боровский, В.А. Брендель, Б.В. Геруа вскоре перешли на сторону антибольшевистских сил. Шварц также бежал из Красной армии. Впрочем, Ф.И. Балабин в рядах РККА удержался. Думается, это не было случайностью. Сам Теодори не преминул упомянуть об этом в своем заявлении на имя Ф.Э. Дзержинского от 30 декабря 1919 г.¹

Очевидно, молодые курсовики с большим воодушевлением относились к своей службе в РККА, чем их старшие сослуживцы. Вполне возможно, это было связано с карьерными мотивами и амбициями, которые сильнее в молодом возрасте. Новая армия при условии устранения старых генштабистов казалась генштабовской молодежи неплохой стартовой площадкой. Однако для укрепления своего положения молодым курсовикам надо было действовать сплоченно, что и происходило на протяжении 1918 — первой половины 1919 г., до тех пор, пока их сплоченность не стала вызывать явное неудовольствие и опасения большевистского руководства.

Поскольку комиссары Смилга и Лашевич не стремились становиться на точку зрения Теодори, он был вынужден искать новое место службы. По приглашению С.И. Аралова, этим местом стал оперативный отдел Наркомата по военным делам в Москве, в который Теодори поступил 27 мая.

Представляется во многом справедливой характеристика, данная Теодори и его однокашникам Ф.И. Балабиным в январе 1931 г. во время допроса по делу «Весна»: «Молодые генштабисты, окончившие ускоренный курс академии в 1917 году, мало знающие, мало опытные, [с] сильно развитым духом критики в отношении старых генштабистов, особенно **Теодори**, демагогические выпады которого ясно показывали на стремление сделать быструю карьеру, самолюбивый, настойчивый, он являлся безусловным идеологом сплоченной группы своих товарищей, подчеркивал эту сплоченность и, когда это считал нужным, выступал с протестами от сомкнутого фронта своих товарищей-единомышленников. По полит[ическим] убеждениям все они, как кажется, примыкали к эсерам... С **Теодори** встретился лишь один раз на военной игре в штабе округа в 1927 или 1928 году. Держал он себя ревностнейшим службистом, рассказывал, что служит в Москве, в уставной комиссии, недвусмысленно подчеркнул, что почти вся работа уставной комиссии держится на нем, мимоходом сообщил, что за что-то сидел в тюрьме, которая, однако, не сломила его твердости»².

На заседании Военного совета 4 мая (по другим данным — 3 мая) Теодори изложил свое видение проблемных моментов работы штаба. Курсовиков, помимо

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об.

² Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 329–330.

него, представляли Н.Н. Доможиров, Е.В. Сысоев и К.С. Хитрово. По итогам заседания было постановлено произвести расследование¹.

3 и 9 мая провели свои заседания и молодые курсовики. Дело затягивалось.

11 мая курсовик А.Л. Симонов написал подробное письмо своему знакомому, некоему Гавриилу Ивановичу, идентифицировать личность которого пока не удалось². Это письмо детально излагает суть конфликта и борьбу курсовиков за место в советской военной иерархии. Приведем его целиком.

Симонов писал: «Глубокоуважаемый Гавриил Иванович!

Давно от Вас не получал писем. Из разговоров с нач[альником] академии, когда он вернулся из Москвы, знаю, что, с одной стороны, Военный комиссариат считает излишней нашу командировку на дополнительный класс, оценивая нашу работу и невозможность нас кем-либо заменить сейчас; с другой стороны — Главное управление Генштаба, опираясь на мертвую букву формалистики и доказывая о перепроизводстве в корпусе Генштаба (однако на работе что-то не видно работников, фактически-то ведь всю работу несет только выпуск), не желает сделать логического вывода из создавшейся обстановки, т.е. не желает нас переводить в Генштаб, хотя бы с теми же ограничениями, как и выпуски 1915 и 1916 годов.

Между тем жизнь требует разрешения этого вопроса.

Раз нас заменить сейчас нельзя (а это сейчас может продолжаться еще очень долго), то нужно перевести в Генштаб. Ведь надо же отрешиться от устаревших норм, от рутины. Жизнь этого требует. Мы, горячо принявшие за работу в настоящее время, право, заслужили этого маленького поощрения.

Правда, нам придется считаться с тем, что мы насильно врываемся в ту среду, которая нас сейчас принимать не желает, но и тут приходится отбрасывать старые условности. Работа требует живых, смелых людей, а не отживающую форму. Если впоследствии мы будем иметь возможность, выполняя форму, закончить наше теоретическое образование, так кто же от этого откажется. Наоборот, чем скорее обстановка нам позволит это сделать, тем лучше.

Вы ближе к солнцу, Вам это деликатное дело легче сделать, поэтому, не теряя времени, принимайтесь горячо за хлопоты.

Наша жизнь в штабе течет не совсем гладко. Вторичный выпад в сторону инженеро-вых вызвал резкий отпор с[о] стороны нас. Дело в том, что тут много было привходящих причин и следствий, в которых виноваты были определенные лица Генерального штаба. Правда — доклад Теодори, хотя и подписанный на черновике (подлинник пошел за подписью только Теодори) 24 причисленными к Генштабу, — резок. Но не в этом дело. На заседании Военного совета он получил совершенно неверное освещение заинтересованными лицами, почему совершенно без дачи объяснений Теодори был отчислен от должности. Вот тут-то и началась история. Результат — комиссары потребовали задержки Теодори до полного выяснения всех деталей доклада и дачи показаний в Военном совете. Результат — сейчас ведется

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 44об.

² А. Г. Кавтарадзе посчитал таковым Г. Я. Кутырева (Кавтарадзе А. Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство...»... С. 34). В нашей базе данных генштабистов — участников Гражданской войны офицер с именем-отчеством «Гавриил Иванович» не значится.

расследование целой комиссией. В результате, думаю, многим очень не поздоровится, не нам, а противному лагерю.

Эта история – борьба нового, живого с рутиной, архаизмами. Жизнь – на нашей стороне.

Если же смотреть с точки зрения Генерального штаба, то эта история нам может повредить, т.е. затруднить перевод в Генеральный штаб. Получается проклятый круг. Начинается Генеральный штаб и им же и кончается...

До Вас, вероятно, уже дошел экземпляр доклада Теодори.

Во всяком случае – история эта едва ли сыграет нам на пользу. Ну ничего – ошибка. Так и запишем.

А как у Вас, какое настроение.

Я полагаю, что сейчас ни чины, ни годы роли не играют, сейчас идет творческая работа. Ничего и никто вам давать готовое не будет и не сможет. Каждый должен работой творить настоящее, а значит и будущее. Каждый сам себе голова. Нужно засучить рукава и приняться за черную работу. Что сделает, то твое. А из маленьких кусочков выйдет большое целое. И вот мне кажется, что работа в большом штабе, оперирование на бумаге, оно не даст результата того, который получится, если мы, испытанные, научившиеся приспособляться, обжаты жизнью, образованные и объединенные одной общей идеей, пойдем ближе к формируемым массам, а может быть и встанем во главе их, – то дело создания армии пойдет куда быстрее. Как Вы думаете[?]

У нас с комиссарами отличные отношения. Оба – очень серьезные люди. Они говорят, что работать могут только с молодым офицерством, что мы показали не только свое желание работать, но и отличные способности; тогда как старики, что естественно, оказались малопригодны. Ведь дело в том, что жизнь настолько прыгнула вперед, что каждый из нас вырос значительно.

Крепко жму Вашу руку. Напишите результаты окончательные наших совместных резолюций.

Ваш, глубокоуважающий Вас

А. Симонов

P.S.¹ Голубев говорил мне, что он нашел записки Гиссера. Возьму у него и при первой возможности Вам пошлю. Григорьев просит включить его в число кандидатов по военно-учебной дороге.

11 мая 1918 г.»².

Итак, молодые курсовики считали себя центром советской военной машины, на котором все держится, пользовались благосклонностью комиссаров, так как были ближе им по взглядам и социальному происхождению, чем старое кастовое офицерство, наконец, они пытались добиваться решения своих проблем через неформальные связи в руководстве Советской России. Видимо, отсутствие «Гавриила Ивановича» среди генштабистов не случайно, так как, скорее всего, он был одним из руководящих советских работников. Это следует из фразы Симонова о том, что адресат письма «ближе к солнцу».

¹ В документе – P.C.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 60–60об.

Период начала 1918 г. вообще был не простым для бывших офицеров на территории Советской России, где развернулся стихийный антиофицерский террор. Сама жизнь вынуждала офицеров объединяться, способствовала укреплению их корпоративного единства. Так, сразу множество выпускников ускоренных курсов присоединились к обращению, адресованному военному руководителю Московского района К.К. Баиову и другим военрукам. Обращение это было следующим:

«Копия.

Военному руководителю Московского района.

Копия военным руководителям отрядов Тульского, Калужского, Ржевского, Брянского и Тверского.

В номере газеты “Наше слово” от 21 апреля помещена речь Зиновьева на заседании общегородской конференции петроградских красноармейцев-большевиков. Не вдаваясь в оценку и правильность оснований речи Зиновьева, мы протестуем против выражений “прогнать”, “поступают на должности наших денщиков”, а также против угроз в печати беспощадными наказаниями и расстрелами за малейшие проступки.

На речь Зиновьева можно было бы не обращать совершенно внимания, если бы она не появилась в печати и не могла бы быть истолкована бессознательной темной массой совершенно иначе и послужить только во вред и без того крайне медленно налаживающемуся делу создания новой армии.

Мы с открытою душою пошли на зов советской власти организовать армию для борьбы с наглым врагом, занимающим церемониальным маршем города нашей Родины; подрывая своею речью окончательно наше и без того шаткое положение, Зиновьев больше всего играет в руку немцам.

Работа при таких условиях является невозможной.

Категорически протестуем против помещения подобных речей в газетах и просим Вашего ходатайства об этом перед Советом народных комиссаров и Высшим военным советом.

Подлинную подписали: Генерального штаба [П.В.] Чеснаков¹, причисленные к Генеральному штабу В. Цейтлин, [С.К.] Сидоровнин, [А.П.] Панкратьев, [Н.Я.] Забегалов, [А.В.] Кирпичников.

С подлинным верно: Начальник отделения В. Цейтлин.

Председателю выпуска 1917 года Николаевской академии

А.Л. Симонову.

Для сведения.

В. Цейтлин.

23 апреля 1918 года.

г. Рязань

Штаб военного руководителя Рязанского отряда

Бывший дом губернатора»².

Имелась в виду одна из пафосных обличительных речей большевика Г.Е. Зиновьева, направленная против офицерства, в которой среди прочего говорилось,

¹ В документе — Чесноков.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 53.

что после использования офицеров можно выбросить как «выжатый лимон»¹. По мере рассылки документа к заявлению курсовиков присоединялись все новые и новые подписанты, иногда целыми коллективами.

Конфликты курсовиков с представителями старого Генштаба не прекращались и в дальнейшем. 20 мая 1918 г. датировано «Открытое письмо причисленным к Генеральному штабу выпуска 1917 года»². В документе подробно описан один из таких конфликтов, возникший в штабе Рязанского отряда завесы между помощником военного руководителя отряда бывшим генералом П.В. Чеснаковым и выпускниками курсов 2-й очереди Н.Я. Забегаловым, А.В. Кирпичниковым, А.П. Панкратьевым, С.К. Сидоровниным и В.М. Цейтлиным. Кирпичников и Сидоровнин в штабе Рязанского отряда занимали должности для особых поручений, а Забегалов, Панкратьев и Цейтлин значились начальниками отделений³.

Истоки инцидента восходят ко времени полевой поездки военспецов по рекогносцировке позиций для обороны железнодорожных узлов Рязанского района, проходившей под руководством бывшего генерала С.М. Шейдемана 27 апреля – 4 мая 1918 г. По итогам поездки был составлен краткий доклад военному руководителю Московского района. В ответ 8 мая было получено предписание представить через неделю план оборудования позиций со сметой. Однако для этого требовалось провести новую рекогносцировку, причем намечена она была позднее требуемых сроков выполнения задания.

Выполненная Цейтлиным работа не устроила помощника военрука бывшего генерала П.В. Чеснакова, который даже не взял доклад и потребовал его переделать. Возмущенный Цейтлин это сделать отказался. В результате было решено отчислить его от должности. История так бы и осталась заурядным конфликтом, если бы товарищи Цейтлина по службе и по академии не вступились за него. Ими было подготовлено открытое письмо к своему выпуску, в котором подробно описан инцидент.

В документе давалась уничтожающая характеристика помощнику военрука Рязанского отряда Чеснакову, который некорректно вел себя по отношению к курсовикам, не верил в успех создания Красной армии и, вполне возможно, был саботажником. Последующие события подтвердили справедливость подозрений. Чеснаков осенью 1918 г. уволился из РККА, а позднее бежал к белым и уже в 1919–1920 гг. служил в антибольшевистских формированиях на Юге России.

В конце документа делался вывод о том, что во главе РККА среди старых спецов присутствуют рутинеры, травящие генштабовскую молодежь. Документ подписали Забегалов, Кирпичников, Панкратьев и Сидоровнин. Интересно, что последний, как и генерал Чеснаков, также позднее бежал из Советской России и далее служил в белом лагере. Цейтлин как заинтересованное лицо документ, естественно, не подписывал. В 1919 г. Забегалов и Панкратьев были арестованы в связи с делом ПШ РВСР в рамках ликвидации неформального корпоративного объединения бывших курсовиков 2-й очереди, однако вскоре вышли на свободу.

¹ Кораблев Ю. И. Советская власть и военные специалисты // Гражданская война в России: События, мнения, оценки: Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М., 2002. С. 312.

² АВИМАИВИС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–25; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 335–338.

³ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 79. Л. 115; Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.

Сам факт появления открытого коллективного письма группы военспецов с критикой старого Генштаба вполне характеризует атмосферу той эпохи, изменившей представления о границах возможного даже у кадровых боевых офицеров, какими были молодые выпускники курсов академии. Фактически это был публичный донос на представителя старого Генштаба. Попади такой документ в руки чекистов, бывший генерал Чеснаков вполне мог попасть под маховик репрессий, особенно с учетом того, что в 1918 г. с подозреваемыми в контрреволюции не церемонились.

Подобные письма в дальнейшем стали одним из основных методов борьбы курсовиков за свои права. В то время серьезное наказание следовало и за куда более безобидные поступки бывших офицеров, которым новые власти обособленно не доверяли. Нельзя забывать и про стихийный и организованный антиофицерский террор, прокатившийся по стране в 1918 г. Даже будучи обращенным к товарищам, такое письмо могло возбуждать подозрения и опасения. Коллективные письма работали и в отношении начальства из военспецов. Однако последующие попытки курсовиков давить коллективным мнением не только на бывших офицеров, но и на большевистское руководство закончились для подписантов коллективных петиций плачевно. В 1919 г. целая группа курсовиков подверглась арестам, а о своем корпоративизме выпускникам курсов академии 2-й очереди на некоторое время пришлось забыть.

В июне 1918 г. курсовики смогли добиться важного для них решения — перевода 133 выпускников в Генштаб, что было проведено приказом ВГШ № 18 от 27 июня^I. По-видимому, важную роль в этом сыграли лоббистские способности лидера выпуска Г.И. Теодори. Помимо Теодори этого добивался в большевистских верхах председатель комитета выпуска ускоренных курсов 2-й очереди бывший капитан А.Л. Симонов. Противниками перевода курсовиков в Генштаб выступили начальник академии А.И. Андогский, военный руководитель ВВС М.Д. Бонч-Бруевич и начальник отделения по службе Генштаба ВГШ А.С. Белой, но выпускники сумели заручиться поддержкой начальника ВГШ Н.Н. Стогова. Кроме того, слушатели направили Н.Н. Доможирова (вскоре его в связи с отъездом по делам службы в Петроград сменил В.И. Самуйлов), Г.Я. Кутырева и Теодори в качестве ходатаев по этому вопросу к народному комиссару Л.Д. Троцкому, который, как и Стогов, поддержал предложение. В специальном докладе Теодори и Доможиров отметили, что «настал такой момент, когда ясно обнаружилось, что высшие представители Генштаба смотрят вполне отрицательно на наши просьбы и что обстановка потребовала разрешения этого вопроса не в плоскости “Генштаба”, а в плоскости советской власти^{II}”. Поддержка Троцкого и Стогова, несмотря на сопротивление традиционалистов из бывших офицеров Генштаба, привела к благоприятному для курсовиков решению данного вопроса^{III}.

Советский главком И.И. Вацетис впоследствии вспоминал, что «выпуск 1917 г. состоял из лучшего бывшего офицерства старой армии, из людей, отличившихся в боях и успевших приобрести большой боевой опыт. Эти молодые академики

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 23–25. Документ опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534.

^{II} РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 24. Л. 556об.

^{III} Там же. Л. 556–557. Публикацию доклада об этом см.: Войтиков С. С. Генштабисты 1917 года на защите революции // Военно-исторический архив. 2011. № 11 (143). С. 83–86.

с охотой пошли на войну, начавшуюся на востоке. Не было поэтому налицо никаких причин отказывать им в переводе в Генеральный штаб^I.

Как уже отмечалось, выпуск 1917 г. имел свой комитет (позднее — коллегия), а также отдельный капитал взаимопомощи, который контролировался комитетом выпуска. Капитал выпуска был образован 16 марта 1918 г. на заседании комитета. Интересно, что этот капитал свободно существовал в условиях большевистского режима. Средства хранились при академии, а ответственным за капитал считался начальник академии. На 15 апреля 1918 г. в капитале взаимопомощи Генерального штаба выпуска 1917 г. имелось 534 руб. 17 коп. К 15 июня 1918 г. в капитале имелось 413 руб. 92 коп. Годовой взнос с каждого выпускника составлял 6 руб., кроме того, 9 руб. вносилось на содержание причта Суворовской церкви, перевезенной из села Кончанского^{II}. В других документах указывается, что с 20 марта взнос на причт составил 1 руб. в месяц^{III}. Интересно, что многие выпускники весной 1918 г. внесли деньги на содержание причта вплоть до конца года. Кроме того, в капитал были включены суммы, ранее собранные комитетом старшего класса 2-й очереди — т.е. теми же лицами только в бытность их слушателями академии. Помимо этого поощрялись единовременные взносы. Так, было установлено, что за единовременное внесение не менее 100 руб. предоставлялось право пожизненного членства в капитале с освобождением от обязательных ежегодных взносов. Ежегодный отчет о движении сумм предполагалось составлять в первой половине января^{IV}.

Из капитала взаимопомощи по решению председателя выпуска и при наличии 6 подписей членов комитета выдавались ссуды нуждавшимся выпускникам. Так, например, 7 мая 1918 г. на заседании комитета выпуска 1917 г. было постановлено выдать ссуду бывшему капитану Б.Н. Скворцову в 350 руб. с обязательством ежемесячного погашения по 50 руб.^V Существовал и кооператив академии. В нем имелось 772 пая (в том числе пай слушателей младшего и старшего классов, а также профессуры)^{VI}. Свой вклад в улучшение материального обеспечения выпускников внес Г.И. Теодори. В частности, именно он к началу апреля 1918 г. добился выплаты выпускникам жалованья в размере 400 руб. в месяц, а также суточных за командировки по 20 руб.^{VII}

14 октября 1918 г. путем ассигнования советским правительством 20 000 руб. был образован теперь уже фонд взаимопомощи «лиц Генерального штаба» выпуска 1917 г.^{VIII} Эти средства были выданы одному из неформальных лидеров выпуска и члену его коллегии бывшему капитану Г.И. Теодори по докладу РВСР об исключительно тяжелом положении выпуска. Предписывалось, однако, выработать порядок выдачи пособия. Порядок был разработан, доложен главному и утвержден. Деньги хранились у Теодори^{IX}.

^I РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178–179.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 90.

^{III} Там же. Л. 118об.

^{IV} Там же. Л. 117об.

^V Там же. Л. 98об.

^{VI} Там же. Л. 102об.

^{VII} Там же. Л. 109об.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 72.

^{IX} Там же. Л. 74.

Пока неясно, зачем понадобилось вновь образовывать уже существовавший ранее фонд (возможно, прежние средства оказались вместе со старой академией у противников большевиков), как военспецам удалось добиться выделения средств и почему власти решили материально поддержать именно молодых генштабистов. Скорее всего, это решение пролоббировал Теодори. Кроме того, к осени 1918 г. так называемый выпуск ускоренных курсов 1917 г. мог считаться единственным выпуском академии Генштаба, осуществленным непосредственно в Советской России. Соответственно, к этому выпуску было особое отношение.

Со временем суммы взносов увеличились. На 15 октября 1918 г. единовременный взнос составлял 20 руб., добавочный единовременный взнос — 100 руб., взнос за три месяца с 1 октября 1918 по 1 января 1919 г. — 15 руб., а взнос за период с 1 января по 1 июля 1919 г. — 60 руб. Итого каждый должен был внести 195 руб.¹ Сбор взносов осуществляла коллегия выпуска при ПШ РВСР. Единство выпускников поддерживалось не только выгодой взаимного страхования, но в не меньшей степени и необходимостью бороться с неприязнью к курсовикам со стороны генштабистов, окончивших академию до 1914 г., потребностью отстаивать права выпуска в других вопросах.

Фонд взаимопомощи выпуска 1917 г. не имел отношения к фонду взаимопомощи офицеров Генштаба. Таким образом, курсовики и здесь противопоставили себя старым генштабистам. Что касается пользования капиталом, курсовики в своих интересах применяли двойные стандарты. Если выпуск 1917 г. помимо своего фонда взаимопомощи мог пользоваться финансовой поддержкой общего фонда взаимопомощи офицеров Генштаба, то генштабисты других выпусков не могли воспользоваться средствами фонда выпуска 1917 г. Например, курсовик Н.Н. Долинский, оказавшийся в 1918–1919 гг. парализованным, осенью 1918 г. получил пособие сразу из двух фондов, кроме того, ему лично помог главком И.И. Вацетис. В общей сложности семья Долинского получила тогда 700 руб.²

На протяжении 1918–1919 гг. курсовики 2-й очереди активно вели обмен информацией и пытались проводить политику протекционизма по отношению к своим однокашникам. Курсовики добивались назначения своих товарищей на важные посты, противостояли ущемлению прав товарищей и различным репрессивным действиям властей. Характер таких вмешательств в кадровую политику военного ведомства поясняет телеграмма Г.И. Теодори Э.М. Склянскому и Л.Д. Троцкому от 21 августа 1918 г., отправленная для важности с грифом «оперативная»: «Считаю необходимым обратить ваше внимание как наркомвоен, что со штабов участков снимаются только представители моего выпуска. Остальные генштабы почему-то задерживаются [в] центре и на пассивных участках. Считаю это сознательным перекладыванием работы на людей, и без того перегруженных и несущих все тяготы боевой и военной политической жизни уже пятый год. Неся ответственность перед выпуском, в настоящем и будущем не могу допустить его изолированности в смысле ответственности

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 905. Л. 12.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 93, 94, 96, 97.

и отдыха. Поэтому прошу распоряжения: снимать целиком штабы одновременно с войсками»^I.

В разговоре Г.И. Теодори и Н.Н. Доможирова 11 февраля 1919 г. речь шла о необходимости лоббировать назначения из своей среды^{II}. Огромную роль в объединении выпускников играл сам Теодори, который, по словам его однокашника В.В. Трофимова, «неоднократно назначал товарищей по выпуску на должности, помогал, выхлопывая пособия, ориентировал товар[ищей] по выпуску о ходе вопроса о переводе их в Генер[альный] штаб, рассылал протоколы решений генштабистов, находящихся в Московском округе, запрашивал, кто из выпуска на какой должности для назначения его на другую, хлопотал об арестованных»^{III}.

Фактически курсовики создали свою параллельную штабам РККА неформальную структуру, причем пользовались каналами связи РККА. В эту структуру входили их однокашники из штабов дивизий, армий и фронтов, а также из центральных органов военного управления, таких как ПШ РВСР. К примеру, 15 октября 1918 г. состоялось собрание выпускников под председательством Теодори, на котором присутствовали 19 человек, а 9 присоединились по телеграфу. Обсуждались вопросы о средствах фонда взаимопомощи выпуска; о случаях насилия над товарищами по выпуску А.К. Климовецким и И.Ф. Ораевским; об аресте и освобождении П.А. Мея и В.В. Трофимова; о помощи больным товарищам^{IV}. По итогам собрания было вынесено постановление. Характер затронутых вопросов не позволяет считать объединение выпускников лишь подобием офицерского профсоюза.

Факты говорят сами за себя. К примеру, Теодори, прикрываясь коллективным мнением однокашников, пытался давить даже на главкома И.И. Вацетиса, едва ли не указывая, что тому делать, кого назначать на ключевые посты, как проводить реформирование штабов РККА^V.

Позднее, уже будучи арестованным, Теодори на допросе 5 апреля 1919 г. свидетельствовал: «Моя работа как члена коллегии выпуска выражалась в защите интересов выпуска от несправедливых и незаконных выпадов и преследований, как справа, так [и] слева, в объединении и постепенном собирании для совместной работы (это знают т.т. Аралов, Вацетис и Троцкий) в Советской армии, в организации и оказании материальной помощи семьям тех членов выпуска, кои по переутомлению и болезням выбывали из строя (ведь весь состав выпуска поголовно участвовал в 4-летней всемирной войне, а также в текущей войне, непосредственно в строю и на штабных ответственных должностях во второй период войны и весь переранен и контужен), в защите и расследовании дел невинно или случайно арестованных членов выпуска, в улаживании взаимных трений, возникающих на [почве] личной или служебной или частной жизни (товарищеский суд). До перевода в Генштаб и аннулирования прежнего комитета около 130–131 членов выпуска сосредоточивалось в таких крупных центрах, как штабы Северного (Петроград) и Западного (Москва) участков, а также по несколько человек

^I РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 109а.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 300.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 81.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254–255.

в Архангельский^I, у Подвойского, в ГУВУЗе и в Приуральском округе (Екатеринбург). По мере перехода к нормальной организации армии по просьбе тов. Аралова и др[угих] политических советских работников (Мехоношина, Муралова, Вацетиса и др.) я приглашал тех из лиц выпуска, коих знал лучше других по академии, где я и раньше был выборным лицом и пользовался уважением и доверием. Вышеуказанное число членов выпуска уже в июне [1918 г.] выбрало меня, Доможирова и Кутырева членами коллегии для вышеуказанных целей. Я, как наиболее пользующийся доверием, и ездил к тов. Троцкому по всем вопросам выпуска. Первый удар выпуску был нанесен выступлением Свечина (тогдашний на[чальник] Всеглавштаба^{II}), с легкой руки которого среди старого Генштаба и наиболее робких из молодых разнеслась весть о том, что он меня выгнал, выругал и даже ударил, что т. Склянский стал на его сторону и т.д. Фактически несправедливость Свечина в назначениях выпуска и его выпад по адресу выпуска и Оперода остался со стороны т. Склянского безнаказанным. Второй удар считаю свой до сих пор мне неясный арест. Свечин в назначениях был неправ в том, что поддерживал уклонение старых генштабистов от назначений на фронт, причем это уклонение выражалось в открытом отказе старых ехать, как по приказанию, так и жребию (или по назначению). Это вызывало раздражение и справедливый ропот выпуска, ибо постоянные срывы с места на место одних и тех же работников и изнурял[и] их, и издегивали как морально, так и материально (многие голодали), в то время как старые всячески задерживались в различных центральных учреждениях на различных ответственных постах. Это было несправедливо и вредно для армии еще потому, что у них не было ни боевого, ни строевого, ни политического и ни революционного опыта, а лишь вечная склонность и талантливая способность к интригам, козням и склоке.

С самого начала функционирования выпуска всегда убеждал работать, а не подражать нашей безыдейной интеллигенции, подчеркивая им, что подавляющее большинство, как по происхождению, так и по средствам^{III}, ближе к интересам бедной народной массы^{IV}.

Интересно, что в письмах одного из деятельных представителей выпуска, В.М. Цейтлина, своему товарищу Н.Я. Забегалову упоминалось о покровительстве молодым генштабистам председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. Смерть Свердлова 16 марта 1919 г. вызвала сожаления военспеца, поскольку выпуск лишился весомой поддержки: «С арестом Теодори и смертью Свердлова вся про[т]екция тут лопнула^V»; «Жаль, что умер Свердлов, он очень много помогал»^{VI}. Насколько можно судить, к Свердлову с докладами ездил все тот же Теодори^{VII}.

Внеслужебные контакты курсовиков не могли не вызвать подозрений со стороны большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию. Впрочем, оказавшись в 1919 г. арестованным, Теодори

^I Так в документе.

^{II} ВГШ.

^{III} В документе — посредством.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 64–65.

^V ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 174.

^{VI} Там же. Л. 173.

^{VII} Там же. Т. 1. Л. 168об.

всячески приуменьшал горизонтальные связи выпускников: «Связь выпуска только персональная в смысле морального воздействия и защиты своих интересов. Никакой связи между фронтами, армиями и частями не было в политическом смысле, а также в экономическом и другом смысле»¹. Но документы свидетельствуют об ином.

Старый Генштаб пытался противостоять напору молодежи. В конце 1918 г. в журнале «Военное дело» появилась анонимная статья «Операции на Волге», подписанная «Бывший обер-квартирмейстер». В статье отмечалось, что «из-за полной неорганизованности Генерального штаба, молодости (что в службе Генерального штаба тесно граничит с неопытностью) и прямо невежественности, главнокомандующий, вместо того чтобы управлять телегою, очутился в положении везущего ее, т.е. вместо роли кучера исполняет роль лошади»². Далее в статье говорилось, что у сложившегося при Вацетисе Генштаба «нет ни знаний, ни опыта, ни умения, нет того широкого кругозора, который единственно достигается изучением военной истории»³. Последний тезис был более чем спорным. Ответом стала статья курсовика Е. И. Исаева «Дрязги», также подписанная псевдонимом. Исаев считал необходимым противостоять «обливанию помоями существующего Генерального штаба»⁴. Он позволил себе поиронизировать над автором первой статьи, отметив, что среда «бывших обер-квартирмейстеров» обладала пагубной привычкой к грызне, что стало одной из причин неудачи в Первой мировой войне. Исаев, разумеется, защищал генштабовскую молодежь, отмечая, что она обладала опытом Первой мировой войны.

Исаев писал: «Молодой Генеральный штаб получил полное боевое крещение за истекшую кампанию, испытал в начале ее все прелести боевой жизни и непосредственных боев, а в конце — штабную работу в полевых штабах, в коих зачастую оставался один. Не говоря уже о том, сколько пришлось пережить большинству из-за отстаивания всех новых веяний, почерпнутых с академической кафедры на основе последних опытов войны, вразрез с заплесневевшей схоластикой... Пережив на себе всю ломку последовавшей Февральской революции (конечно, ясно, не по вине молодого Генштаба), затем Октябрьской революции, молодой Генштаб был выброшен на арену деятельности в марте месяце 1918 года в начале создания Красной армии и до сего времени несет службу»⁵.

Автор контрстатьи упомянул, что в Советской России старые генштабисты прочно узурпировали центральные учреждения. Между тем молодежь обладала огромным опытом службы на самых разных уровнях. Резюмировал Исаев с обличительным пафосом: «Пора понять Вам, товарищ “обер-квартирмейстер”, что интриганам в нашей среде не место, что молодой Генштаб силен верой в себя, в свою школу, в свое тесное товарищество и с негодованием смотрит на разводимые

¹ ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 36.

² *Бывший обер-квартирмейстер. Операции на Волге* // Военное дело (Москва). 1918. 08.11. № 23–24. С. 27.

³ Там же.

⁴ *Тамаров Е. [Исаев Е. И.] Дрязги* // Военное дело. 1919. 18.04. № 13–14 (42–43). Стб. 517–522.

⁵ Там же. Стб. 519.

дразги Вами на столбцах печати, вместо того чтобы сплотиться в дружную семью, служа общему делу»^I.

Конфликт поколений генштабистов носил и субъективный характер, связанный с личностью лидера курсовиков Г.И. Теодори. Его товарищ по академии Н.Н. Доможиров отмечал, что Теодори старался противопоставить курсовиков старому Генштабу: «Он в каждом слове, жесте старого генштабиста видел и чувствовал укол по самолюбию вып[уска] [19]17 г. И всегда старался внедрить в молодых генштабистах мысль, что старый Генштаб будет всегда третировать молодых и никогда не примет их в свою среду. Мне часто приходилось сталкиваться по этому вопросу с Теодори, т.к. всегда был противного мнения, говоря, что настоящая работа каждого из нас нам отведет должное место в Генштабе. Но Теодори все же своими мыслями заразил очень многих из молодых. И в этом отношении выпуск скорее приветствовал Теодори»^{II}. Другой однокашник, В.М. Цейтлин, отмечал, что Теодори «слишком много всегда выигрывает, говоря от лица выпуска, какая-то коллегия в сущности одна комедия, а чисто диктатура теодориата»^{III}.

В конце концов, пользуясь поддержкой однокашников и своим лидерством, Теодори вступил в конфликт с руководством ВЧК по вопросу о ведомственной принадлежности военной контрразведки и арестах военспецов. Итог конфликта оказался предсказуем и заключался в аресте неуживчивого лидера генштабовской молодежи чекистами «по шифрованному телеграфному распоряжению тов. [М.С.] Кедрова»^{IV} в Двинске 22 марта 1919 г., где военспец находился в командировке по делам агентурной разведки.

Арест Теодори вызвал настоящую волну протестов курсовиков и их покровителей среди генштабистов старшего поколения, что в итоге навредило заступникам арестованного. Уже 23 марта 1919 г. товарищи арестованного составили ходатайство на имена В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.И. Вацетиса, С.И. Аралова и М.С. Кедрова об освобождении Теодори на поруки выпуска^V. 26 марта группа курсовиков направила телеграмму начальнику ПШ РВСР Ф.В. Костяеву с копиями своим товарищам Е.И. Исаеву и А.К. Малышеву: «Зная Теодори, не допускаем мысли, что предъявленное ему обвинение имеет основание. Настаиваем [на] немедленном расследовании. Согласны взять на поруки. № 2622/нш. Генштаба [В.Ф.] Тарасов, Генштаба [А.И.] Медель, Генштаба [А.П.] Панкратьев. По поручению серпуховских товарищей [по] выпуску прошу внести предложение на решение московских, препроводить копию депеши для сведения товарищам Ленину, Троцкому, Кедрову, здесь копия будет передана главкому Вацетису и члену Реввоенсовета Аралову. № 714. Генштаба [Б.И.] Кузнецов»^{VI}.

Начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев считал, что нужно хлопотать за Теодори, так как «расстрелом его правительство может очень сильно повлиять на работу генштабистов, и мы можем совсем остаться без таковых»^{VII}. Однокашник Теодори,

^I Там же. Стб. 522.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 167об.-168.

^{III} Там же. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 180об.

^{IV} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.

^V ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 90.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 266.

^{VII} Там же. Л. 202.

близкий сотрудник и выдвиженец Вацетиса П.М. Майгур (в 1918 г. начальник штаба Восточного фронта, порученец Вацетиса, начальник Штаба РВСР, а в 1919 г. — начальник штаба армии Советской Латвии) сообщал главкому 23 марта 1919 г.: «Так как старый Ваш работник, я должен Вам сказать, что за Теодори^I стоит весь выпуск [19]17 года и подобный арест старого члена нашей коллегии нанесет^{II} большой удар работе выпуска [с] советской властью, ибо мы не можем допустить, чтобы в благодарность за нашу работу обращались так бесцеремонно с нашими представителями»^{III}. В этих словах уже чувствовалась угроза, хотя курсовики едва ли могли что-либо противопоставить органам власти Советской России. Разве только понизить собственную лояльность и служебное рвение на фоне успехов белых.

В конце марта 1919 г. 29 курсовиков подписались под письмом Л.Д. Троцкому в защиту Теодори и еще одного арестованного курсовика, начальника связи Восточного фронта бывшего капитана В.В. Хрулева: «Сегодня до сведения выпуска Генштаба 1917 г. дошло известие об аресте консультанта Региструпра Генштаба Теодори и нач[альника] связи Вост[очного] фронта Генштаба Хрулева. Не будучи знаком с причинами ареста, выпуск до сего времени не числил за генштабами Теодори (являющимся одним из представителей выпуска) и Хрулевым каких-либо компрометирующих данных, а потому полагает, что в названном аресте возможна или ошибка, или провокация. Будучи призван на ответственную работу по строительству Красной армии и проработавши по своей специальности с самого начала создания таковой, выпуск позволяет себе обратиться к Вам и просит распоряжения о спешном разборе дела и впредь до окончания последнего [об] освобождении Генштаба Теодори и Хрулева на поруки подписавшихся представителей выпуска под настоящей просьбой. Мотивами взятия на поруки Теодори и Хрулева является желание, с одной стороны, сохранить работника и в без того редких рядах Генштаба, с другой стороны — предупредить в случае отсутствия состава преступления [от] незаслуженного отбывания наказания, хотя бы и под временным арестом, что обычно крайне вредно отзывается на авторитете ответственных работников, одним из каковых является Теодори и Хрулев, отражаясь вредно в дальнейшей их службе при не вполне установившемся доверии к специалистам. Полагая, что выпуск, имея за собой нравственное право обратить Ваше внимание на изложенный вопрос, ходатайствует об удовлетворении настоящей просьбы»^{IV}. Впрочем, как выясняется, не все давали согласие на подписание таких писем — некоторые уже постфактум узнавали о том, что подпись была поставлена за них^V, что в тех условиях могло подвести военспецов под репрессии. В отличие от Теодори, Хрулева сравнительно быстро освободили.

17 апреля 1919 г. сразу 37 представителей выпуска подписали доклад Л.Д. Троцкому в защиту Теодори. Предлагалось получить подтверждение обвинений, чтобы исключить Теодори из своей среды и ходатайствовать об исключении его также

^I В документе — Теодора.

^{II} В документе — понесет.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 25.

^{IV} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 79. Л. 35–36. С некоторыми неточностями опубл. в: Войтиков С. С., Кикнадзе В. Г. Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г. И. Теодори. 1918–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 33.

^V ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 246.

из корпорации Генштаба. «В том же случае, если таковых данных не имеется, то выпуск не может спокойно относиться к факту беспочвенного ареста одного из своих членов, коему выпуск доверял и который занимал один из ответственных постов в республике, так как подобное явление не дает гарантии в будущем спокойной работы военным специалистам, как не застрахованным от арестов без предъявления обвинения, и ставит в то же время их в ложное положение в сфере еще не установившихся взаимоотношений с политическими работниками армии», — писали выпускники¹. Копии обращения были направлены В.И. Ленину, И.И. Вацетису, С.И. Аралову и Ф.В. Костяеву. Столь активные действия нашли поддержку со стороны старших товарищей.

Главком И.И. Вацетис о ситуации с арестом Теодори даже написал в своем докладе, отправленном 18 апреля В.И. Ленину, отметив, что некомплект генштабистов на фронтах достигает 82%, что сотрудники переутомлены, а комиссары часто ведут себя по отношению к этим работникам бестактно. Вацетис написал о несправедливости ареста Теодори и об аресте в штабе Приуральского военного округа вообще всех генштабистов, а также просил разобраться в деятельности М.С. Кедрова, известного самоуправством и ранее².

21 апреля троем представителям выпуска 1917 г. — Е.И. Исаеву, Б.И. Кузнецову и Г.Я. Кутыреву — был выдан Вацетисом, Араловым и Костяевым мандат на прибытие в Особый отдел ВЧК к Кедрову для ознакомления с делом Теодори. Вацетис и Костяев выступали как их старшие товарищи по службе Генштаба, Аралов генштабистом не был, но также являлся бывшим офицером. Вполне очевидно, что по духу эти люди были гораздо ближе друг другу, чем арестовывавшим их чекистам. Возможно, поэтому в деле Теодори они выступили как союзники. Именные подписанты просили оказать содействие трем ходатаям, причем было специально указано, что «означенные представители правомочны задавать вопросы Г.И. Теодори и тов. Кедрову по существу дела Теодори с целью полного выяснения сущности дела, а не контроля или следствия, почему просится оказать полное содействие для получения всех данных дела и о вызове Г.И. Теодори для получения сведений представителями в присутствии заведывающего Особым отделом тов. Кедрова»³.

23 апреля трое представителей выпуска приехали в Москву, чтобы разобраться в случившемся и, по возможности, вызволить своего однокашника. На следующий день они встретились с Кедровым. Удивительно, что эта встреча вообще состоялась. Во время встречи Кедров сообщил ходатаям, что некоторые детали дела может знать только Ленин (следовательно, если Кедров не преувеличивал, Ленин уже был в курсе⁴) и личные вопросы в отношении Теодори недопустимы.

Идя навстречу просьбам, Кедров привел выдержки из дела. Из цитат, однако, картина виновности Теодори не складывалась⁵. Он обвинялся в бегстве в Латвию, однако абсурдность этого признавал сам Кедров (Теодори находился в служебной

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 228.

² Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 85–88.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 499–499об.; Оп. 10. Д. 11. Л. 227.

⁴ Если верить Теодори, Ленин лично знал его по 1918 г., причем с хорошей стороны (РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.).

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 224.

командировке). Прочие обвинения были более серьезными, но и их удалось опровергнуть. Среди них причастность к шпионажу и интимная связь с 21-летней машинисткой ПШ РВСР В.П. Троицкой, подозревавшейся в шпионаже, а также прием через нее на службу в оперативный отдел разных лиц и сношения с руководством объединенной офицерской организации. На советскую военную службу еще весной 1918 г. в оперативный отдел Наркомата по военным делам, впоследствии вошедший в ПШ РВСР, Троицкую устроил левый эсер Н.В. Муштафин. Затем через нее на службу устраивались разные подозрительные личности. Как выяснилось, Троицкая имела связь со многими, в том числе с ответственными партийными работниками и военспецами, пьянствовала. Ходили слухи о том, что она имела аристократическое происхождение, состояла в родстве с графом С.Ю. Витте. От оговора Теодори она отказалась 20 апреля 1919 г.^I Назначение всех лиц на службу было санкционировано Араловым и поручителями, но принят был только один человек. Связь с Троицкой стала предметом детального рассмотрения, причем было установлено, что Теодори «с одной стороны, всех уверял в невозможности из-за отвращения близких отношений с ней, а с другой стороны, позволял себе обнимать ее»^{II}. По показаниям шофера ПШ РВСР Г.П. Скаченко, возившего Теодори и Троицкую по Серпухову, «во время поездки гр[ажданин] Теодори всегда садился со мной рядом, а гр[ажданку] Троицкую сажал себе на колени и вели любовные разговоры»^{III}. Однокашники же считали, что это никакой не шпионаж, а «индивидуальная особенность Теодори в половой жизни»^{IV}.

Причастность к офицерской организации (видимо, военной организации «Национального центра») выражалась в том, что Теодори посещал бывших генералов В.И. Селивачева и Н.Н. Стогова, которых знал по прежней службе. Кстати, данное обстоятельство свидетельствует о неблагонадежности Стогова и Селивачева уже в апреле 1919 г., задолго до официального раскрытия военной организации «Национального центра», относящегося к августу – сентябрю 1919 г.

Кедров удивился налаженности связи выпуска Теодори и наличию самой организации выпускников, существовавшей фактически как параллельная штабам РККА неформальная структура. Выпускники на это ответили, что связь осуществляется лишь персональная с целью поддержки служебных и материальных интересов друг друга.

25 апреля представители выпуска составили доклад в поддержку Теодори на имя главнокома, председателя Реввоентрибунала и начальника ПШ РВСР. В докладе сообщалось: «Из частной беседы с тов. Кедровым пришли к заключению, что, несмотря на месячный срок пребывания Теодори в тюрьме, до сего времени конкретных данных по обвинению его нет»^V. Аралов просил Кедрова отдать ему Теодори на поруки «для использования его знаний ввиду большого недостатка генштабов»^{VI}. Арестованному был разрешен телефонный разговор с Араловым,

^I РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 78–78об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

^V Там же. Л. 225об.

^{VI} Там же. Л. 266.

в ходе которого он интересовался, знает ли о его аресте Троцкий и каково положение жены и сестры, а также других невиновных курсовиков.

Наряду с Теодори весной 1919 г. был арестован и его однокашник начальник штаба Приволжского военного округа бывший капитан И. Н. Полковников, являвшийся одним из «пионеров лиц Генштаба, энергично принявших за дело создания Красной армии»¹. Уже по получении предписания о его аресте сослуживцы выступили в поддержку своего товарища. М. М. Петров писал: «Я заявляю, что предписание ареста Ивана Полковникова подорвет его моральные силы, будет незаслуженной обидой Полковникову за честную, полезную и энергичную работу на пользу советской власти. В настоящее трудное время советская власть не должна терять таких полезных деятелей, каковым является для нее Полковников. Для общей пользы дела я убедительно прошу отнестись особенно осторожно к намеченной мере. Полковников — член выпуска 1917 года, выпуск знает Полковникова, и его арест, боюсь, породит неуверенность в работе других лиц выпуска»². Таким образом, и этот арест не был мотивирован.

5 мая курсовики отправили телеграмму Л. Д. Троцкому: «Предреввоенсовета Троцкому по месту нахождения. Копия шта[б] Вост[очного] фронта Генштаба Бардинскому. Серпухов 5 мая. Получив уведомление от лиц Генштаба выпуска 1917 года шта[ба] Вост[очного] фронта, что на врученную ими Вам просьбу Хрулева Вами дан был ответ в положительную сторону при условии соответствующего ходатайства от ближайших родственников Хрулева или от коллектива выпуска. Настоящим докладываем, что представителями выпуска еще 27 марта № 111/Б ходатайствовалось о спешном разборе дела Хрулева, как и Теодори. Докладом 17 апреля № 112/17 было возбуждено повторное ходатайство об освобождении Теодори и, кроме того, были к Вам делегированы представители выпуска Генштаба Кутырев и Кузнецов [с] целью доклада [об] общем положении как специалистов, но не могли быть Вами приняты за Вашим выездом из Москвы на фронт. 23 апреля по вызову председателя Особого отдела ВЧК тов. Кедрова прибыли в Москву представители выпуска Исаев, Кутырев, Кузнецов [с] целью ознакомления [с] делом Теодори, результатом коего был доклад главному, председателю Ревтрибунала республики и на[чальнику] шта[ба] Реввоенсовет[а] об отсутствии конкретных данных обвинения с ходатайством о проведении [в] жизнь доклада членов выпуска 17 апреля [№] 112/17. С одной стороны, не получив никаких ответов по целому ряду ходатайств о Хрулеве и Теодори, [с] другой стороны, поступили сведения о новом аресте выпуска 1917 года Генштаба Моденова и предполагаемом аресте Генштаба Полковникова и ряде арестов и обысков Генштаба других выпусков без объявления причин и соблюдения приказа Реввоенсовета республики от 29 сентября 1918 года № 6, представители выпуска решили [осуществить] вторичную посылку делегатов к Вам [с] целью ходатайства [об] освобождении арестованных без конкретных обвинений и выяснения ряда вопросов [в] связи [с] произведенными арестами и того вреда делу, который приносит личный террор. Докладывая об изложенном, просим [у] Вас приема нашей

¹ Там же. Л. 222.

² Там же. Л. 222об.

делегации. № 113/18. По уполномочию выпуска Исаев, Кутырев, Малышев, Кузнецов, [А.Н.] Виноградов»^I.

Теодори тогда освобожден не был и провел в заключении (в Бутырской тюрьме и, по иронии судьбы, во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, созданием которого он в свое время занимался) почти два года до 4 января 1921 г., после чего продолжил службу в РККА. Попытки коллективного давления курсовиков на руководителей ВЧК и партийное начальство в целях освобождения Теодори, по-видимому, дали понять руководству Особого отдела ВЧК, что корпоративизм генштабовской молодежи представлял определенную силу. К тому же поддержку молодежи оказали и некоторые высокопоставленные работники ПШ РВСР. Возможно, чрезмерная активность молодых генштабистов и сыграла роковую роль в деле Теодори, отодвинув его освобождение на долгих два года^{II}.

Дальнейшее укрепление корпоративного духа генштабистов, осознание ими своей силы вполне могло привести к идее свержения большевиков, тем более что в ПШ РВСР в Серпухове находились верные Вацетису латышские стрелки (5-й латышский стрелковый полк), а на ключевых постах были выдвиженцы главкома, включая курсовиков. Возможно, все это стало причиной длительного тюремного заключения лидера молодых генштабистов, привело к арестам других активистов из этой группы в чрезмерно независимом ПШ РВСР и даже к смене высшего военного руководства страны.

Неудивительно, что в заключении по делу Теодори, составленном 27 июня 1919 г., отмечено: «В отношении организации выпуска Генштаба 1917 года следственное отделение Особого отдела ВЧК полагало бы необходимым распустить эту организацию, так как формальная цель ее существования (взаимопомощь) является излишним при^{III} советском строе, когда каждый гражданин обеспечен на случай старости, инвалидности, безработности и проч[его], и мало того что излишним^{IV} — цель организации является фиктивной. Организация контрреволюционная по заданиям и подлежит роспуску и ликвидации»^V.

В то время курсовики еще продолжали сохранять свою сплоченность. В частности, в последних числах июня или в самом начале июля 1919 г. они собрались узким кругом из семи человек в Серпухове, в ПШ РВСР и закрытым голосованием делегировали трех своих представителей к председателю ВЦИК М.И. Калинину по вопросу освобождения Теодори и реабилитации выпуска в глазах властей. Поехали Н.Н. Доможиров, Е.И. Исаев и Б.И. Кузнецов. Встреча состоялась 1 или 2 июля 1919 г. Калинин затребовал от посетителей список выпуска с указанием, кто где служит, сколько выпускников погибло в Гражданскую войну, сколько перебежало к противнику, сколько имелось налицо^{VI}. Встреча произвела на посетителей самое благоприятное впечатление, Калинин постарался успокоить прибывших и обещал переговорить по их вопросу с кем следует^{VII}. Интересно, что

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 44. Л. 132–134.

^{II} Подробнее о Теодори см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 241–304.

^{III} В документе — по.

^{IV} В документе — излишний.

^V ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 2об.

^{VI} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 188об.–189.

^{VII} Там же. Л. 239об.

по возвращении курсовики стали манипулировать состоявшимся знакомством с «президентом республики», мистифицируя главкома И.И. Вацетиса и Ф.В. Костяева относительно своей близости к власти — якобы Калинин разрешил обращаться к нему напрямую по любым вопросам^I. Кроме того, на фоне успехов наступления Деникина на Москву курсовики обсуждали возможность прозондировать почву на предмет отношения к ним у белых^{II}.

Е.И. Исаев на допросе по делу ПШ РВСР летом 1919 г. показал в этой связи: «Считаю необходимым добавить, что выпуск настолько сжился и сросся с советской властью своей честной и безусловной полезной работой по созданию Кр[асной] армии, что малейший укол на нелояльность выпуска к советскому правительству вызывал у всех чувство обиды, результатом чего собственно даже явилась депутация к предс[едателю] ВЦИК тов. Калинин, так как выпуск прекрасно понимает, что слаще ему, вне всякого сомнения, ни при каком другом правительстве не будет.

Говорю все это так же чисто и искренно, как и работаю на пользу армии. И я более, чем уверен, что выпуск и в будущем своей работой даст большие плоды в успехах и организации Кр[асной] армии, если политическая часть даст веру и жизненность тем указаниям, кои она предложит, подтвердив это документально»^{III}.

Летом 1919 г. в ходе дела ПШ РВСР были арестованы все курсовики, ходатайствовавшие за Теодори: Н.Н. Доможиров, Е.И. Исаев, Б.И. Кузнецов и Г.Я. Кутырев. Арестам подверглись и их старшие товарищи И.И. Вацетис и Ф.В. Костяев. Из заступавшихся за Теодори репрессий тогда избежал лишь комиссар С.И. Аралов, возможно, только благодаря комиссарскому иммунитету. Арест Теодори был связан с летними арестами в Серпухове по делу ПШ РВСР. В 1919 г. через аресты прошли не менее 21 представителя генштабистов 1917 г.^{IV} В основном это были наиболее активные в общественной жизни лица. По генштабовскому корпоративизму был нанесен мощный удар, после которого корпоративное единство выпускников старой академии в Советской России стало в значительной степени лишь достоянием истории.

На допросах по делу ПШ РВСР затрагивались вопросы самоорганизации курсовиков, арестованные рассказывали о своих беседах и планах. Ф.В. Костяев дал взгляд со стороны на попытки самоорганизации молодежи: «Организация эта содалась в революционное время. Цель ее — самопомощь моральная и материальная (поддержка друг друга). Члены выпуска в общей массе — лица, мало подготовленные к большой службе Генерального штаба, но ищущие опору в своей сплоченности. Вначале, по выходе из академии, этот выпуск не имел определенного лица, но впоследствии с марта месяца^V в нем появилось течение, возглавляемое Теодори, с идеей создания молодого Генерального штаба (основы — энергия, отсутствие бюрократизма) в противовес старого Генерального штаба. Теодори рискнул на такой шаг после ссоры в штабе Северного участка с одним из инженеров, который потребовал себе

^I Там же. Л. 192.

^{II} Там же. Л. 3, 8.

^{III} Там же. Л. 455об. — 456.

^{IV} Из окончивших курсы 2-й очереди в различные периоды 1919 г. были арестованы: В. Л. Баранович, Ю. И. Григорьев, Н. Н. Доможиров, Г. С. Дьяков, Н. Я. Забегалов, В. Г. Зиверт, Е. И. Исаев, Б. И. Кузнецов, Г. Я. Кутырев, А. К. Малышев, И. Д. Моденов, А. П. Панкратьев, С. Г. Плюто, И. Н. Полковников, П. П. Слицикоухов, В. Е. Стасевич, В. И. Тарасов, Г. И. Теодори, В. В. Трофимов, В. В. Хрулев, И. Д. Чинтулов.

^V Видимо, 1918 г.

опытного генштаба, а не выпуска [19]17 года. Сколько человек разделяет взгляды Теодори, мне неизвестно, но я знаю, что, пожалуй, большинство считают взгляды Теодори совершенно неправильными и полагают, что вып[уск 19]17 г. должен многому еще поучиться, т. к. не имеет абсолютно никакой практики в службе Генерального штаба. Представителями последнего течения являются Малышев, Кузнецов и др.

Я относился к выпуску с той точки зрения, что считал их младшими чинами Генерального штаба и в разговоре, а также в своих действиях строго подчеркивал, что Генеральный штаб должен быть единый и что я разделяю лиц в Генеральном штабе на работоспособных и малоработоспособных. Я допускал существование коллегиальной сплоченности выпуска [19]17 г. с отдельными представительствами, как временную меру, разрешенную правительством, и старался путем организационным уничтожить навеянную Теодори рознь между чинами Генерального штаба. Несмотря на честлюбивые стремления многих из выпуска [19]17 г. (Теодори), я при назначении стремился, чтобы молодые Генштабы начинали службу с малых должностей, и я всячески старался лиц вып[уска] 1917 г., которые случайно заняли высокие должности, по возможности, перевести на соответствующие места (напр[имер], Майгура, Сысоева и др.).

Когда у главкома появлялась мысль о назначении некоторых молодых генштабов вып[уска 19]17 г., малоопытных, на ответственные места, я всячески этому противодействовал... Утвердительно могу сказать, что вып[уск] политической окраски никакой не имел, он был организован на началах самопомощи и имел организованную информацию с мест, т. к. члены его были рассеяны всюду по фронтам и армиям... Если у отдельных лиц и могла появиться идея о господстве молодого Генерального штаба, то эта идея была лишь у сторонников Теодори, которых немного. Кроме того, постановка службы Генерального штаба, как в Полевом штабе, так и на фронтах, убедила членов вып[уска] 1917 года, что работа Генерального штаба требует большого опыта, который приобретается прохождением тяжелых черновых должностей Генерального штаба.

Взгляд на службу Генерального штаба у представителей вып[уска 19]17 г. значительно изменился с тем, что был год тому назад, и когда зашел разговор о переводе слушателей 1918 г. в Генеральный штаб, то представители вып[уска 19]17 г. определенно заявили против перевода этих слушателей как лиц, не подготовленных в техническом отношении.

Отношение Вацетиса к вып[уску 19]17 г. было доброжелательное, т. к. первые его сотрудники были именно из этого вып[уска], и он на них смотрел как на своих людей, но думаю, что Вацетис в технических силах и знаниях этого вып[уска] разочаровался, когда более детально ознакомился с организацией работы Генерального штаба.

Старые выпуски Генерального штаба относились к выпуску 1917 года в целом отрицательно и хорошо лишь к отдельным лицам. Считая, что из этого выпуска многие лица берутся за то дело, которое не вполне усвоили... По вопросу о существовании какого-то определенного стремления к захвату власти, ячейкой которого будто бы являются лица вып[уска 19]17 г., я определенно и категорически заявляю, что мне решительно ничего об этом не известно»¹.

¹ В документе несогласованно — представителем.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 13–16.

Курсовик Е.И. Исаев 12 июля 1919 г. свидетельствовал: «Среди товарищеских бесед вообще о положении выпуска, которому трудно становится бороться зачастую с тем или иным положением, как со стороны старого Генерального штаба, стремящегося нажать на молодых при удобном случае, так и со стороны некоторых лиц партии, не всегда беспристрастно относящихся к иным лицам из выпуска, другими словами, упрочить свое положение, явилась мысль создать ядро, которое должно было занимать по достоинству места при лицах, от коих зависели бы перемещения, и тем самым влиять на замещение тех или иных назначений, не давая в обиду своих, а также если на пользу Кр[асной] армии служит с большим опытом лицо и другого выпуска, то поддерживать и его, причем лицам, не удовлетворяющим по знаниям и опыту военному делу, давать откровенную аттестацию, хотя бы это были и своего выпуска»^I. Политическая позиция курсовиков, по-видимому, была государственнической, но внепартийной и не большевистской. Тот же Исаев показал: «Далее явился вопрос, на чьей же платформе должен быть выпуск, т.е. какой политической окраски. Явились мысли такие, что вдруг осуществляются слова Бонч-Бруевича, которые он чуть ли не каждому говорил в штабе, “что большевики себя изжили, и теперь ему придется спасти государство от всех двигающихся врагов”. Ответ сам по себе явился ясен, что выпуск должен обороняться от всех наступающих врагов на Советскую Россию»^{II}.

Другой арестованный курсовик, Б.И. Кузнецов, показал: «Разбирая... современное положение, оба (я и Григорьев) пришли к выводу, что спасти страну от иностранного вмешательства мог бы только настоящий Генер[альн]ый ш[та]б (Большой ГШ) и идейные, а не примазавшиеся, коммунисты»^{III}. Н.Н. Доможиров свидетельствовал о том, что в своем кругу курсовиками была «намечена к проведению в жизнь программа восстановления Большого Генерального штаба, путем занятия должностей Генштаба в республике во всех отраслях управления “своими верными людьми”»^{IV}. Таких действий, а именно технического захвата военно-административного аппарата военспецами в своих целях, особенно боялись большевики. Аресты активистов из генштабовской молодежи положили конец всем этим мечтам.

Тем не менее взгляды курсовиков не были забыты. Даже после Гражданской войны их служебный статус иногда ставился под сомнение со стороны военно-политического руководства Советской России. Это, в свою очередь, как и прежде, порождало ответную реакцию в форме коллективных писем курсовиков в свою защиту, укрепления корпоративной самоорганизации и взаимовыручки.

Обеспокоенность курсовиков вызвала речь главного начальника военно-учебных заведений Д.А. Петровского на Всесоюзном совещании по территориальному формированию в марте 1924 г. в связи с его предложением пересмотреть список лиц с высшим общим военным образованием. Замаячила давно забытая угроза возвращения к дореволюционному бюрократическому подходу в отношении

^I Там же. Т. 1. Л. 453.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Т. 2. Л. 36.

^{IV} Там же. Т. 1. Л. 220.

курсовиков. Тогда их пытались считать временной заменой в условиях дефицита кадров, предлагая продолжить обучение после войны.

Предложение Петровского было очевидным недоразумением, поскольку противоречило изданным в 1918 г. в РККА приказам о причислении и переводе курсовиков в Генштаб. Противоречило оно и той важнейшей роли, которую сыграли курсовики в создании Красной армии. Кроме того, предложение почему-то не касалось других ускоренных выпусков.

Заявление породило обширное коллективное письмо курсовиков¹, в котором были подробно описаны заслуги выпуска перед Советской Россией и Красной армией. В документе отмечалось, что «строевой стаж мирного времени от 6 до 8 лет, боевой стаж в строю и штабной стаж по службе Генерального штаба, в том и другом случае на ответственных постах в армии перед началом занятий в академии, поставили военную ценность выпуска в исключительные условия и обновленная профессура академии того времени путем привлечения лучших сил с большим боевым опытом фронта совершенно ясно это подчеркивала, заявляя, что этот выпуск исключительный»². Курсовики обратились в Штаб РККА за разъяснениями. Помощник начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевский заверил их в том, что служебный статус не изменится.

Острота былых противоречий не сгладилась и к 1930-м гг. Даже в 1931 г., во время следствия по делу «Весна», бывший курсовик И.Ф. Ораевский, например, рассуждал о том, что «в период Гражданской войны старые генштабисты захватили все высоты командования Красной армии, оттирая нас, молодых академиков, на третьестепенные и более опасные места и тем разделяя одних от других»³.

Корпоративная солидарность «лиц Генштаба выпуска 1917 г.», или курсовиков 2-й очереди Военной академии, оказалась наиболее сильной в среде генштабистов и практически не имела аналогов в период Гражданской войны. С ней сопоставимы только попытки самоорганизации слушателей Академии Генштаба РККА, о которых пойдет речь ниже. Но есть важное отличие: генштабисты 1917 г. пытались поддерживать корпоративную сплоченность не только во время, но и после завершения учебы. В 1918 г. они нашли покровителей как среди видных военных специалистов, так и в большевистском руководстве. Однако на следующий год их коллективные попытки оказывать давление на руководящих работников РКП(б) и ВЧК в связи с арестами своих товарищей стали вызывать беспокойство. Кроме того, выяснилось, что курсовики вне службы взаимодействуют между собой по вопросам назначений на те или иные посты. Терпеть неформальное объединение большой группы военспецов, пытавшейся лоббировать нужные ей решения, большевистские лидеры не собирались. Тем более что в перспективе это могло грозить более серьезными последствиями для правящей партии. В итоге при помощи Особого отдела ВЧК эта угроза была ликвидирована посредством

¹ АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 27–30; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»: Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // Петербургский исторический журнал (СПб.). 2015. № 2 (06). С. 310–315.

² АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 29; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». С. 313.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3169 (3330). Л. 33.

арестов как лидера выпуска Г.И. Теодори, так и ряда его однокашников, проявивших активность в общественной жизни.

§ 2. Корпоративизм курсовиков 3-й очереди

Среда выпускников академии была неоднородной в связи с появлением значительной группы курсовиков – выпускников и слушателей ускоренных академических курсов, функционировавших в 1916–1919 гг. Курсовики повели отчаянную борьбу за свои права и должностной статус в Генштабе (в том числе против генштабистов довоенных выпусков), чему способствовало наличие у них серьезных корпоративных структур.

Попытки корпоративного объединения предпринимали и слушатели ускоренных курсов 3-й очереди академии. В 1918 г. в академии существовали комитеты каждого класса. В частности, 11 марта 1918 г. комитет младшего класса 3-й очереди ходатайствовал перед начальником академии об оставлении на случай откомандирования от академии всех слушателей либо всего комитета, либо его бюро из 4–5 членов для поддержания связи^I. В бюро входили И.М. Витоль, Федоров (секретарь), Д.П. Артынов, Л.К. Лихтарович и Н.Н. Нелавицкий, председательствовал Витоль. Товарищем председателя был И.М. Богацкий, помощником секретаря В.Р. Кизельбаш. В комитете состояли помимо вышеперечисленных: М.П. Базыленок, И.И. Глудин, Г.Б. Карягин, К.И. Клуге, Н.О. Масыгин, Р.Д. Мергин, А.Ф. Низиенко, И.С. Петров-Денисов, А.С. Петровский, Н.Н. Рыбалтовский и князь Эристов^{II}.

Выше уже говорилось о наличии у них своего комитета. Однако слушатели проводили и общие собрания по волновавшим их вопросам. Сохранилась по-своему наивная резолюция одного из собраний, прошедшего 2 апреля 1918 г. в Екатеринбурге:

«В курсовой комитет^{III}

Мы, слушатели старшего курса Военной академии, в настоящее время являемся единственным источником и хранителем доблести и высокого звания офицера. Судьба избрала нас основой и фундаментом, на котором будет строиться новая армия и создаваться ее душа – офицерство. Нам предстоит быть примером и образцом будущему офицерству. Само собою понятно, что чем выше и доблестнее офицерство, тем сильнее и могущественнее армия. Отсюда становится ясным, какими высокими нравственными качествами должны обладать мы, дабы наши будущие ученики и воспитанники, распространяя в армии высокое понятие о чести и доблести, создали мощную, непобедимую армию. А между тем мы с каждым днем распускаемся все больше и больше. Каждый день приносит нам все новые и новые доказательства нашего падения, распушенности.

Примеров к тому сколько угодно:

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 143.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 149.

^{III} Вписано чернилами, на полях карандашная резолюция: «Вход. № 197. 2/IV/1918 г.».

а) гулянье слушателя под руку с торговкой на вокзале, б) давание честного слова понапрасну, в) резкость и необдуманность слов и выражений, употребляемых в разговорах между собой (выражения: “сволочи квартирьеры”), г) кошмарные предания о семейных, д) заявления, что в академии теперь очень хорошо, именно потому, что “можно толкаться и не извиняться”, е) необоснованные, голословные подозрения в неблаговидности действий выборных лиц, ж) погоня за дешевой популярностью и пр. пр.

Стоит только взглянуть на неопрятность нашей одежды, как станет очевидным, куда мы идем и что может ждать от нас новое офицерство – наши будущие ученики: кокарды солдатские, офицерские и даже накрашенные! Наша распущенность находит полное отражение в нашей неопрятной одежде. Многие ходят в помещении (это в епархиальном-то училище, с иконами) в фуражках. Ясно, какое отвратительное впечатление должно произвести это на местных обитателей и обитательниц учреждения! А ведь здесь составляется о нас мнение, и стоустая молва несет все это по городу.

Местные жители нас слишком превозносят, а мы себя совершенно не ценим, но, когда они убедятся, что мы не соответствуем их представлениям, – разочаруются, и явится у них другая крайность – пренебрежение к нам. Пора остановиться, иначе мы своей распущенностью пятнаем высокий авторитет академии.

Со времени снятия погон мы до сих пор роняем себя, роняем на каждом шагу, старательно и настойчиво разрушаем то высокое представление у интеллигенции об офицере Генштаба, который путем долгих лет огромного напряжения дисциплины и выдержки создавал его в обществе.

Скоро придут слушатели младшего курса. Они, пробыв долгое время в унижении и испытав на себе все грубости произвола и издевательств, опустились ниже нас, ибо мы счастливо избежали этой участи, своевременно ушедши в академию. Не трудно предвидеть, что если мы сами не будем примером выдержки, корректности, опрятности, если не проникнемся чувством уважения к себе и сознанием высокого звания офицера, то по прибытии младшего курса мы скоро узнаем об скандалах в его среде, которых еще не видывало офицерство, и вся вина предстоящих тяжелых явлений в среде наших преемников всецело ляжет на нас. Наша прямая и святая обязанность всеми мерами облегчить и способствовать вновь прибывшим скорее сорганизоваться на основе высокого понятия о чести и взаимного уважения.

А что мы теперь можем дать ему (младшему курсу): растерзанный вид, возмутительные взаимоотношения, междоусобную перебранку, швыряние окурков и проч[ие] товарищеские тенденции.

Пора остановиться теперь же, во что бы то ни стало. Время не терпит, но пока еще есть полная возможность к восстановлению порядка, опасность велика, и чем дальше, тем труднее будет справиться нам с своей собственной распущенностью.

Как это сделать?

Необходимо теперь же, во имя спасения престижа академии, создать Суд чести, которому и поручить разработку традиций на основе уважения, дисциплинарности отношений между собою, соблюдения всех правил приличия и вежливости.

Выработанные традиции, обязательные для всех и изученные, как “Отче наш”, являлись бы основным направлением и отправными данными каждому слушателю

для решения вопроса, как поступить в том или ином случае, не роняя престижа академии.

Прибывший младший курс возьмет пример с нас в правильном направлении, а мы передадим ему наши традиции, как символ престижа офицера Генштаба.

Слушатели:

Серов[?]^I

Соколов

[А.Г.] Слефогт

“2” апреля 1918 г.

Ек[атерин]бург^{II}.

Эта резолюция, воздвигая на пьедестал доблесть и честь офицеров, на фоне всеобщего упадка и разложения, конечно, была трудновыполнимой. Впрочем, интересно мелькнувшее в документе неприязненное отношение слушателей к большевикам, выразившееся в словах «и проч[ие] товарищеские тенденции». Подобные высказывания вполне объяснимы в контексте скорого массового перехода слушателей вместе с академией на сторону антибольшевистских сил.

Тем не менее 5 апреля комитет слушателей старшего класса 3-й очереди постановил ходатайствовать перед начальником академии об учреждении товарищеского суда «согласно приказа по военному комиссариату и ввиду все учащающихся случаев некорректного поведения некоторых слушателей академии»^{III}. Соответствующая записка была подана правителю дел академии.

В итоге слушатели сумели создать суд чести общества офицеров старшего курса академии. Во всяком случае именно такое наименование этот орган носил в августе 1918 г. после перехода академии на сторону антибольшевистских сил. Председателем суда чести был староста курса подполковник Н.Г. Сабельников, членами: подполковник Н. Егоров, капитаны С.И. Ильин, Н.А. Деллингсгаузен, Г.В. Ярцев^{IV}. Суд активно работал. В частности, в августе 1918 г. рассматривалось дело капитана Федорова (видимо, речь шла о П.А. Федорове), поступки которого были признаны не соответствующими достоинству русского офицера и офицера Генштаба в особенности.

Судя по всему, завершив обучение и разъехавшись по штабам антибольшевистских сил Востока России, курсовики 3-й очереди не сохранили организационные формы корпоративного единства. Во всяком случае, по документам их проследить не удалось. Это вполне объяснимо, поскольку в белых армиях Востока России сохранялась прежняя иерархия чинов, и генштабисты довоенных выпусков неизбежно оказывались на более высоких постах по сравнению с курсовиками. В таких условиях низовая самоорганизация курсовиков была затруднена.

^I Фамилия неразборчива, слушателя Серова на курсах 3-й очереди не было.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–32об.

^{III} Там же. Л. 33.

^{IV} Там же. Л. 40.

§ 3. Объединения слушателей Академии Генштаба РККА

После возникновения в Советской России в конце 1918 г. Академии Генерального штаба РККА в ней появились свои традиции и свои взаимоотношения между слушателями, многие из которых состояли в партии большевиков. Первый набор академии был весьма разнородным. Полковник А. Ф. Федоров впоследствии вспоминал: «Октябрь 1918 года. На Воздвиженке, в особняке бывшего Охотничьего клуба, идет прием в Академию Генерального штаба РККА. Коридоры и залы заполнены молодыми людьми, съехавшимися со всех концов необъятной страны. Мундиры, кители, гимнастерки перемежаются френчами, черкесками, бекешами и просто рубашками навыпуск, вышитыми и невышитыми, вплоть до домотканых. Но у каждого обязательные брюки галифе, начищенные до блеска сапоги»¹.

По свидетельству будущего Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, существенно различались как возраст слушателей и их подготовка, так и политическая принадлежность. Самому Мерецкову в начале учебы было 22 года, большинству слушателей – по 25–30 лет. «Многие служили еще в старой армии, в том числе офицеры, считавшие военное дело своей профессией на всю жизнь... В политическом отношении слушатели были весьма сознательными людьми. Коммунистов насчитывалось с самого начала не менее трех четвертей коллектива, а в дальнейшем их число все время росло.

Однако я хорошо помню, что в нашем наборе имелись также левые эсеры и эсеры-максималисты, а примерно каждый шестой являлся беспартийным»².

Объединением, сплотившим вокруг себя часть слушателей, была фракция коммунистов академии, с деятельностью которой связаны многие негативные моменты первых лет существования этого военно-учебного заведения. Разумеется, в советский период деятельность данной организации освещалась исключительно в положительном ключе, якобы это была надежная опора комиссаров академии³, что совершенно не соответствует подлинным фактам. Более того, сами комиссары академии очень сильно удивились бы, узнав о такой «опоре».

Первые слушатели академии представляли собой весьма специфический контингент – молодые, необузданные и амбициозные герои Гражданской войны, некоторые – члены РКП(б), приближенные к власти. Они не собирались считаться со старыми генштабистами, состоявшими в администрации академии, и пытались по партийной линии подчинить себе академическое руководство.

Начальник академии выдающийся военный ученый А. Е. Снесарев вспоминал о слушателях: «Это была группа, очень пестрая по составу, степени развития, по отношению к делу, крайне разно одетая; казалось, академия еще не успела их объединить, ободнородить, наложить на них какой-либо однообразный колорит, но что-то было в них и общее, что, правда, трудно поддавалось определению; этим общим была причудливая смесь активности, простора, непосредственности,

¹ Федоров А. Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 170.

² Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003. С. 66.

³ Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии. М., 1973. С. 16.

искренности шагов и слов, шумливости... Это были “в буре рожденные”, как их определял один из наблюдателей.

Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут для меня как начальника довольно сложную обстановку и что мне придется немало положить голову, чтобы установить с ними нужные и полезные для дела отношения^I.

Уже в конце декабря 1918 г., вскоре после открытия академии, в ней возникла ячейка коммунистов, позднее превратившаяся во фракцию. С первых дней своего существования фракция противопоставила себя не только академическому начальству из военных специалистов, которое считала старорежимным, но даже комиссару академии. В январе 1919 г. возникла фракция сочувствующих, в которой состояло до 70 человек^{II}.

Вместо того чтобы сосредоточиться на учебном процессе, члены фракции коммунистов начали плести интриги, воздействовать на руководство академии через свои связи в партии и даже пытались прибрать к своим рукам власть^{III}. К концу 1919 г. фракция состояла из 251 большевика и 75 кандидатов, всего — 326 человек, или 80% слушателей академии. Среди фракционеров было даже десять подпольщиков с опытом работы в 1900–1905 гг. В одном из документов было отмечено, что «фракция академии Генштаба из других академий и курсов выделяется по числу старых заслуженных партийных работников, прошедших, как говорится, огонь и воду, революционеров, испытанных как до революции, так и во время ожесточенной Гражданской войны»^{IV}.

Спорить с таким людьми было себе дороже, поэтому комиссар академии В.Н. Залезский не нашел иного выхода, как пожаловаться в 1919 г. нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкому на вконец обнаглевших и разболтавшихся слушателей. Троцкий вмешался и потребовал от слушателей строгого соблюдения дисциплины, однако изменить миропонимание этих людей простое внушение, конечно, не могло.

16 декабря 1919 г. комиссар академии направил подробный доклад о ситуации в академии в ВГШ. Этот интересный документ заслуживает особого внимания, поэтому остановимся на нем подробнее. Комиссар докладывал: «В первые же дни моей деятельности в качестве политического комиссара академии Генерального штаба, т.е. в декабре прошлого 1918 года, я доносил... что персональный состав фракции коммунистов слушателей академии основного курса и в особенности бюро ее таков, что будет весьма трудно вместить жизнь фракции в рамки положения об ячейках в воинских частях, ибо среди основного курса очень большой процент лиц, занимавших и на фронтах, и в ряде советских учреждений тыла весьма ответственные и самостоятельные должности, как то: комиссаров, начальников групп войсковых частей, начальников штабов и т.п. Это фронтовая и тыловая “знать”, как метко выразился в беседе со мной в то время тов. Вацетис.

^I А. Е. Снесарев: «Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И. С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–60.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 469об.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 22об.

^{IV} Там же. Л. 40об.

Ответственные посты, занимавшиеся многими из слушателей до поступления их в академию, с одной стороны, дали им возможность приобрести личные связи во многих руководящих учреждениях военного ведомства, а с другой стороны, работали у многих из них психологические навыки приказывать и распоряжаться.

Все это не могло явиться обстоятельством, помогающим моему стремлению установить в академии необходимую для ее нормальной жизни дисциплину среди слушателей и поднять высоко авторитет Совета академии...

Началось с того, что, организовавшись во “фракцию коммунистов”, слушатели сочли себя призванными, не считаясь с существующим Положением об академии, фактически взять в свои руки всю жизнь академии, сведя начальника и комиссара на роль простых формальных исполнителей их указаний...

Утверждение Совета академии, исключаящее из его состава представителей слушателей, было принято фракцией коммунистов как плод “интриг” против слушателей начальника и комиссаров академии. Отношение к Совету определилось как крайне неблагоприятное и подозрительное.

Избрав из своей среды ряд комиссий, как то: учебную, хозяйственную и административную, слушатели пытались рядом с начальником и комиссарами создать новые органы академической власти, которые позволяли себе обращаться к служащим академии с теми или другими запросами, требованием тех или других справок без ведома и разрешения комиссаров и начальника, указаниями и замечаниями. Делалось все это авторитетом фракции коммунистов или бюро ее. Создалось двоевластие, начались конфликты между служащими и слушателями; служащие не знали, кого слушать, начали нервничать.

Совет академии принужден был принять меры против намечавшейся дезорганизации академической жизни, издав распоряжение никому не давать никаких справок без ведома начальника и комиссаров и не исполнять распоряжений, не подписанных кем-либо из членов Совета.

В этом распоряжении бюро фракции увидело “бюрократизм” Совета, а с моей стороны, как политического комиссара, “наступление” на права фракции, которыми она фактически должна пользоваться...

В конце февраля между профессором [А.А.] Свечиным и профессором [М.А.] Рейснером возник небольшой инцидент, выразившийся в том, что Свечин попросил Рейснера, затянувшего свою лекцию на второй час, принадлежащий Свечину, — позволить ему, Свечину, начать свою лекцию.

В этом инциденте бюро фракции усмотрело желание военспеца Свечина оскорбить социалиста Рейснера и, собравшись без моего ведома, постановило выразить порицание Свечину, каковое и вывесить от имени бюро фракции в стенах академии, что заставило Свечина прекратить чтение своих лекций.

Инцидент был с большим трудом мною улажен, но ввиду того, что резолюция фракции внесла нервность и раздражение в среду преподавателей и определенно помешала нормальному ходу учебных занятий, Совет академии, по моему представлению, издал приказ, в котором категорически воспрещал без ведома начальника и разрешения комиссаров вывешивать в стенах академии какие-либо объявления, постановления, протоколы и т.п. ...

Особенно же резкое обострение отношений с бюро произошло у меня и у Совета академии в целом на почве нашей борьбы с непосещением лекций. С самых

первых дней жизни академии мы обратили внимание на крайне неаккуратное посещение слушателями лекций. Я неоднократно поднимал этот вопрос в бюро фракции, приглашая его воздействовать на слушателей по-товарищески и не доводить Совет академии до необходимости применять меры принуждения, но скоро выяснилось, что не только [не] уменьшается общий абсентизм, но сами члены бюро фракции весьма часто манкируют своими обязанностями как учащиеся.

Это заставило Совет академии издать приказ и ряд подтверждений его, который гласил, что посещать лекции – обязанность каждого слушателя, что непосещение повлечет за собой увольнение из академии, а для учета посещаемости предлагалось регистрироваться в особо заводимых регистрационных списках.

В этом бюро фракции опять усмотрело “бюрократизм” и вступило в определенную борьбу против проведения его в жизнь: одни продолжали посещать лекции нерегулярно, другие, приходя, не находили нужным расписываться, третьи, придя в академию и зарегистрировавшись, шли не на лекцию, а сидели в столовой или читальне. Возник целый ряд конфликтов.

Последовательное проведение регистрации вскоре обнаружило, что процент непосещаемости у многих слушателей и особенно среди коммунистов колоссально высок: так, слушатель [Г.А.] Мануйлов пропустил до марта 1919 г. 85 % лекций и 85 % практических занятий, слушатель Зако – 85 % лекций, 74 % практических занятий, слушатель Васильев – 63 % лекций и 74 % практических занятий, слушатель [А.И.] Стецкий – 43 % лекций и 37 % практических занятий.

Ввиду того что означенные слушатели не только коммунисты, но и члены бюро фракции, что непосещаемость ими лекций начала носить уже демонстративный характер, что их пример деморализующее действовал на остальных слушателей, я заявил им, что академия принуждена принять меры к их увольнению. Но тов. [И.Л.] Дзевалтовский, которого я информировал о предпринимаемых Советом академии шагах, не разрешил нам привести в исполнение наше постановление.

Бюро фракции, получив об этом сведения, сочло, что настал крайне благоприятный момент для решительного натиска на комиссаров академии, чему также должен был благоприятствовать в глазах бюро фракции переживаемый в это время академией продовольственный кризис, который они поставили как показатель “бездеятельности и неспособности” комиссара [Э.И.] Козловского, “отписывающегося бумажками”.

В начале марта бюро фракции, собравшись тайно от комиссаров, приняло постановление о неспособности комиссаров руководить жизнью академии и предложило нам “как коммунистам и честным людям” уйти с постов.

13 марта я и комиссар Козловский передали эту резолюцию бюро вместе с подробным рапортом, обрисовывающим жизнь академии и суть конфликта, тов. [К.К.] Юреневу, который передал обо всем этом тов. Троцкому.

Тов. Троцкий вызвал к себе представителей бюро и имел с ними беседу, содержание которой мне неизвестно, но результаты которой сказались в том, что поведение фракции по отношению комиссаров стало более лояльным.

¹ И. Л. Дзевалтовский занимал пост главного комиссара военно-учебных заведений.

Вместе с тем тов. Троцкий поручил члену Реввоенсовета республики тов. [А.И.] Окулову приехать в академию и ознакомиться на месте с создавшимся положением вещей.

Обследование тов. Окулова показало полную необоснованность обвинений, выдвигаемых бюро, после чего инцидент считался исчерпанным, а тов. Окулов сделал бюро соответствующее внушение.

Так был изжит этот первый конфликт слушателей с Советом академии и комиссарами в частности.

В апреле и мае 1919 года основной курс был группами отправлен для практики на фронт и в академии остался один параллельный курс¹.

С отъездом на фронт группы особенно будирующих слушателей основного курса: [Г.П.] Сафронова, Стецкого, Мануйлова, Щербакова, Васильева, [С.П.] Урицкого, жизнь академии вошла в нормальную колею, никаких инцидентов и конфликтов между Советом академии и комиссарами, с одной стороны, и слушателями, с другой, не возникало².

Правда, два слушателя ходили к начальнику политической части РВСР А.Г. Белобородову, сменившему К.К. Юренева, с просьбой убрать комиссаров и назначить на их места слушателей. Но этот поступок был осужден. В ноябре 1919 г. стали возвращаться с фронтов слушатели основного курса для прохождения старшего курса, и противоборство возобновилось. Личный состав нового младшего курса оказался «выше по теоретической подготовке, как в общеобразовательном плане, так и в военном отношении, более дисциплинирован, но в политическом отношении состоит почти сплошь из коммунистов самого недавнего времени»³.

По мнению комиссара, младший курс без горлопанов со старшего вел себя прилично, хотя и имел двух-трех своих. В новый учебный год члены фракции попытались сместить начальника академии известного военного ученого, генштабиста А.Е. Снесарева, заменив его кем-либо из других военспецов — С.Г. Лукирским или, в крайнем случае, С.М. Шейдеманом. Как и прежде, появлялись ходоки к высшему советскому военно-политическому руководству, однако результатов такие походы не давали. В связи с озлоблением вследствие дровяного кризиса и обострением квартирного вопроса из-за наплыва слушателей начался новый накат на академическое руководство. На этот раз борьбу повела контрольно-хозяйственная комиссия во главе со слушателем младшего курса бывшим прапорщиком К.К. Лахинским, уже имевшим взыскание⁴. Совет академии решил исключить слушателей Лахинского, Г.А. Мануйлова и С.П. Урицкого (племянника знаменитого чекиста М.С. Урицкого), продолжавших плести заговор против руководства и митинговавших. В итоге Лахинский был исключен из академии и из партии⁵. Комиссар академии Э.И. Козловский отмечал, что «работать в такой обстановке

¹ Параллельный курс, в отличие от основного курса, занятия на котором начались с открытием академии в декабре 1918 г., был открыт только в середине февраля 1919 г. Планировалось принять 150 слушателей.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 31. Л. 5–7об.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Как отмечено в документах, Лахинский получил взыскание за грубые действия в отношении гражданки Безель в общежитии академии (Там же. Л. 9).

⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 209.

является совершенно немыслимым, и если это и впредь будет продолжаться, то порядок, существующий в академии, как то по административной части, так и [по] учебной – будет разрушен окончательно и не представится объективной возможности его восстановить»¹.

Точка зрения самих слушателей была иной. Вот что писал состоявший для поручений при штабе Западного фронта слушатель В.А. Кангелари в РВС фронта 17 июля 1919 г.: «В ноябре [19]18 года, несмотря на то что увлечение военспецами имело под собой твердую почву, в Москве была открыта академия красного Генштаба. В состав основного курса вошли (в общее число слушателей 180 человек) – 150 коммунистов. Многие с большим трудом оторвались от фронтов, сознавая важность создания красного Генштаба, другие выбыли из строя в качестве временных отчасти инвалидов, но у всех было одно стремление отдать последнее армии. Среди слушателей было немало ответственных работников, снятых с работы, и партия, что нам давала силы и уверенность в себе, ценила академию и возлагала на нее большие надежды – в этом окончательно убедил нас тов. Ленин, бывший в академии перед выпуском и подчеркнувший его отношение и отношение Ц.К. партии к нам. Тов. Смилга в беседе с бюро фракции Р.К.П. академии тоже отметил важность наличия на фронте “своего” Генштаба и комсостава. Учитывая это, бюро фракции особенно тщательно распределяло публику по фронтам, не считая[сь] часто с их сильным стремлением попасть на определенный фронт. Все товарищи были снабжены самыми строгими аттестациями, и все коммунисты, признавая серьезность момента, стремились поскорее покончить с занятиями и без возражения направились, куда их посылали. Но на фронтах обстоятельства начали складываться не так, как можно было ожидать. То, о чем буду говорить ниже, имеет под собой следующую почву. Бывший главком Вацетис был для академии почему-то мачехой, он повел кампанию против академии в печати (в “Известиях В.Ц.И.К.” [и] в “Военном деле”), заявлял, что из академии если и выйдут “красные”, то во всяком случае не генштабисты и пр., в одном из посещений академии (он был всего лишь раз) он на заседании конференции предложил слушателей по окончании учебного года командировать на фронт в качестве полковых адъютантов, чтобы потом, соблюдая постепенность, их вводить в штабную работу штабов высшего порядка, но этот проект был единодушно отклонен даже профессурой академии (представители слушателей воздержались)»².

Да и вся обстановка преподавания и постановка дела в академии доказывала, что слушатели – пасынки, а много сил тратили мы, голодные, в холодных помещениях, готовя из себя работников Генштаба. Это не фразы. Много товарищей свалились, не дождавшись окончания»³.

Советское руководство было осведомлено о том, что в академии Генштаба сложилась нездоровая атмосфера. Об этом сигнализировали и сами слушатели. Удалось обнаружить один из подобных докладов, относящийся к лету 1920 г.: «В Центральный комитет Российской Коммунистической партии.

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 31. Л. 15.

² Подчеркнуто красным карандашом кем-то из читателей.

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 15–15об.

Копии товарищу Троцкому и бюро фракции РКП академии Генштаба¹
В академии Генштаба неблагополучно.

Слушатели почти все члены партии, но коммунистического мало до преступления.

Если в любой части, на курсах, в деловой ячейке какого-либо учреждения имеется комиссар, политрук или ответственный партийный товарищ с влиянием, устанавливается более или менее устойчивая линия поведения и, в первую очередь, в партийной среде.

Если через планомерное партийное воспитание, личный пример, тесное взаимное общение, организационное участие в партийно-общественной жизни вырабатывается и укрепляется коммунистическая сознательность, дисциплина, взаимное понимание, язык и общественное мнение, — то порядочность, деловитость и творческая жизнь налицо.

Этого нет в академии ни в партийной, ни в академической жизни.

Путь к оздоровлению через соответствующие мероприятия может быть наметен из следующих характеристик партийной и академической жизни.

Партийная жизнь. Соответствует общему пестрому составу.

Громадное большинство слушателей можно подразделить на следующие группы:

1. Белохвостые штабные ловкачи с воинственными галифе и шпорами, недалеко ушедшие от старо-профессиональных карьеристов тыла.

2. Военные профессионалы регулярного и партизанского оттенков.

Эти две группы немногочисленны, крайние индивидуалисты, недисциплинированы по природе; большинство коммунистически безграмотны; суждения непосредственны, активно обывательские; у некоторых крайне развитое самомнение, эгоизм, чувствуется презрение, взгляд свысока.

3. Наиболее многочисленная пассивная обывательщина с налетом интеллигент[т]щины, недисциплинирована, разболтана внутренне академической обстановкой при отсутствии коммунистической сознательности и чувства долга; склонна к оппозиции и оживлению в вопросах личного благополучия шкурно-продовольственного и шкурно-учебного; много без боевого опыта; сырой материал, легко поддающийся противоположным влияниям по настроению; с коммунистическим воспитанием, сознательностью — явится дисциплина.

Все три группы совершенно не заинтересованы (серьезно) в создании из академии выдержанной коммунистической военной школы; мысль об использовании военного искусства в интересах коммунизма вообще и строительства Красной армии — слишком от них далека; мечты и проблески идейного характера у третьей группы прививаются ненадолго за отсутствием системы воздействия; благополучие и карьеризм преобладают; устранить нетрудно.

4. Небольшая активная группа интеллигентных коммунистов — развита, в части серьез[н]а, деловита и формально дисциплинирована; пролетарская психика и дисциплина понимается умственно, в нутро не впитана; теоретична, немного высокомерна (аристократия мысли); интересы идейно-партийной и деловой спайки приносятся в жертву борьбе за влияние с 5[-й] группой, есть уважаемые

¹ Резолюция Л. Д. Троцкого: «Т[оварищу] Складанскому. Необходимы серьезные меры. Надо расследовать и обдумать. Тр[оцкий]».

дельцы и коммунистически выдержаны; у некоторых буржуазная игривость и мещанство легко переплетается с политической серьезностью.

5. Небольшая активная рабочая группа, антагонистична к предыдущей; болезненно самолюбивая в вопросах партийного стажа, засилия интеллигенции и спецов, конкуренции в работоспособности; в суждениях революционно непосредственна, демагогична, крайне радикальна; интересы коммунизма понимаются узко, в целом (практическом развитии) – непонятны, отсюда непонимание реальной политики центра, его тактики видимого, кажущегося соглашательства; отсутствие способности оценки явлений, творческого предвидения согласованно с целым, совместительства теории и практики марксизма; с налетом “самолюбивого-рабочего” индивидуализма, отсюда непримиримость к интеллигенту-коммунисту, видимая радикальность, в действительности консервативная оппозиция истории; честно-революционная и прямая по пролетарской природе. Есть старые уважаемые товарищи, некоторые заражены узко бюрократическим местничеством по стажу.

6. Остальные пассивные одиночки – средние или примыкающие к одной из двух последних групп, пассивные во внутренне-партийных страстях, а в работе по разным мотивам.

Была группа старых партийных работников центра, разъехались; некоторые бюрократически тяжеловесные к живой работе, помоложе – энергичные.

Собрания фракции проходят неполно, недисциплинированно, в большинстве шумно; по рекам времени неделовито и непродуктивно; словесные счета агитационного характера активных групп с обвинением в неработоспособности или неправомерности политической линии; полное отсутствие коммунистической спайки, понимания, языка; выступления отдельных интеллигентствующих лиц с неясными мыслишками в целях саморекламы или предвыборного знакомства. Борьба активных групп, отсутствие пролетарской связи, понимания, какого-либо общественного мнения и серьезных стремлений к самоиспользованию в академии по долгу перед партией или сов[етской] властью, а вообще, по долгу коммуниста, – приводят и к фракционно-партийной и академической пустоте. Редкое участие в общественной жизни Москвы – санитарная очистка, Первомайский субботник, взрывы – не в силу внутренней жизнеспособности фракции, а скорее по необходимости, приличия, спорта и в лучшем случае отвлеченного долга.

Академическая жизнь.

До января [в]проголодь и холод при фронтовой избалованности повлияли на внешнюю дисциплину, способствовали разболтанности; слабая посещаемость лекций при мертвом казенном чтении – популярно-сухо, бессистемно, скомканно и безжизненно; отсутствие живых практических работ, знакомства с материальной частью, чертежами, схемами, исследований опыта Гражданской войны (прикладной части); казенный и слабый “профессорский” состав, совершенно не заинтересованный в лучшей постановке учебного дела, методов преподавания, в выпуске знающих красных генштабистов; отчасти, может, объясняются противопоставлением красного и старого Генштаба, вообще рутинной и противодействием слушателям в целом, ставившим первоначально вопрос о прикладном методе в острой непримиримо-задевающей форме профессуры (яйца учат курицу).

Зачеты (экзамены) – (по знанию слушателей), отношение к ним преподавателей и слушателей является лучшей аттестацией работоспособности и духа академии.

1. Почти полное отсутствие в большинстве элементарного знания предметов; детский лепет.

2. Массовое открытое школьническое использование шпаргалок, чтение украдкой на зачетах книг, открытая хвальба, что ничего не читал перед зачетом, ничего не знаю, попытаюсь пролезть и т.д., без какого-либо осуждения окружающих, в большинстве даже сочувствующих; обратная оценка преподавателями в зависимости от строгости требований.

3. Насмешки отдельных преподавателей на зачетах – поставить удовлетворительно хотя бы за то, что не возражает, соглашается; явное стремление профессуры отбыть зачеты благополучно без конфликтов со слушателями, вытянуть для приличия и спокойствия возможно больше, если есть хоть слабый намек, что человек все-таки читал.

4. Огульное стремление профильтровать оппозиционную “некультурную” малоподготовленную группу в смысле среднего образования – рабочую часть слушателей, не обладающую даром языка-пыли, хотя более добросовестную, усидчивую, которая при ином методе преподавания и ином отношении преподавателей за то же время усвоила бы легко и вдвое больше.

5. Толчение воды в ступе активной частью слушателей в сторону прикладного метода, вообще упорядочения учебной системы при антагонизме со стороны профессуры и ввиду отсутствия серьезного сознания во фракции и реальной силы ее представителей в смысле влиятельного голоса в вопросе о педагогическом составе и постановке занятий.

При таком положении красный Генштаб не сможет быть прочным коммунистическим скелетом военной организации республики и Красной армии, а революция и ее армия просуществуют не одно десятилетие.

Комиссар тов. Залезский мало интересовался академией; тов. Козловский слабохарактерный, бледный как коммунист-работник, – способствовали внутреннему разложению. В тов. [Г.Л.] Пятакове почувствовалась стальная рука, успевшая только реагировать на внешнюю беспорядочность. В академии нужен сильный авторитетный партийный товарищ комиссаром, который мог бы исключительно заняться подробным обследованием, упорядочением и организацией ее как в партийной, так и [в] академической жизни.

Летучая ревизия не даст ничего; нужно пожить, проследить и работать. Начало учебн[ого] года – подходящий момент для реорганизации учебного дела и постановки дисциплины вообще; не менее важным для дальнейшей жизни академии [является] вопрос о новом приеме, принципиальном его составе и проведении набора в жизнь по армиям.

Быть молчаливым участником развала при наличии полной возможности упорядочения, хотя бы соответствующим назначению комиссаром, как коммунист не могу.

С товарищеским приветом К. Подгорецкий, член партии тверской организации (слушатель академии).

16/VI¹.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 37–38об.

В разгар Гражданской войны, по-видимому, было не до длительных разбирательств и наведения порядка в академии, и к концу войны ситуация во фракции коммунистов Военной академии РККА (переименована 5 августа 1921 г.) практически не изменилась. Антиспецовские настроения всегда находили отклик в среде слушателей. 18 января 1921 г. на собрании ячейки были приняты за основу тезисы о том, что пополнение академии должно быть коммунистическим. 9 апреля 1921 г. орденоседец слушатель И. Ф. Федько (впоследствии — командарм 1-го ранга), известный своим неприязненным отношением к спецам, предложил произвести перевыборы бюро ячейки «ввиду его бессилия вести твердую политику борьбы с развивающимся влиянием военных специалистов, как в стенах академии, так и вне ее»^I. Бюро было переизбрано. На общем собрании ячейки 16 июня 1921 г. была принята резолюция о необходимости «проводить принципиальную линию в вопросе использования кр[асных] генштабистов через центральные органы, добиваясь всеми мерами и способами захвата в свои руки руководящих жизнью Кр[асной] армии штабов и учреждений»^{II}. На аналогичном собрании 24 июля было внесено предложение об обеспечении «наиболее продуктивного проведения в жизнь процесса овладения всего аппарата управления Кр[асной] армией на смену старым военспецам, чуждым интересам пролетарской революции»^{III}. Также было внесено предложение об обновлении преподавательского состава и замене «заядлых военспецов» генштабистами с опытом Гражданской войны.

Нараставшая конфронтационность и непомерный рост амбиций слушателей (для подобного поведения коммунистов в Советской России существовал даже специальный термин — комчванство) вызвали тревогу в ЦК РКП(б), назначившем в академию комиссию в составе А. С. Бубнова, А. Г. Белобородова и А. А. Сольца для проверки ее деятельности^{IV}. Комиссия работала в июне — августе 1922 г. По заключению комиссии по проверке ячейки академии в 1922 г. (Бубнов и Белобородов), положение было далеко не блестящим. В академии постоянно возникали трения на почве дробления слушателей на «рабочих», «интеллигентов», «старую партийную братву», «штабс-капитанов» и «красноштанников». Существовали «антиспецовские настроения», «коммунистическое бахвальство», «постоянно вспыхивающее склочничество»^V. Конфликты возникали как из-за различного статуса и мировоззрения бывших офицеров, унтер-офицеров, солдат и рабочих, так и по политическим причинам. Разногласия выявились еще в ходе острой дискуссии о профсоюзах 1920–1921 гг. Достаточно отметить, что 39 слушателей стояли на «платформе десяти», 10 — на платформе Троцкого, 133 — на платформе рабочей оппозиции^{VI}. 19 мая 1921 г. общее собрание ячейки выступило за то, чтобы академию возглавил партийный товарищ. Летом 1921 г. так и произошло — прежний начальник академии А. Е. Снесарев был заменен М. Н. Тухачевским. Бюро фракции РКП(б) имело и определенные властные полномочия. Например, оно тщательно

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 22.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. «Признаки "Запорожской сечи" почти исчезли...»: Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2019. № 1 (7). С. 5–45.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 19.

^{VI} Там же. Л. 22.

обсуждало кандидатуры выпускников при назначении их на должности. Решения утверждал начальник академии^I.

Комиссия обратила внимание на карьеризм руководства фракции при инертности и апатичности рядовой массы. Бюро фракции постоянно вмешивалось в административно-хозяйственную и учебную жизнь академии, причем «это вмешательство укрепляло почву, на которой произрастали антиспецовские настроения и даже теории, коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склочничество, а также множились различные недовольства и конфликты, как между слушателями, с одной стороны, и администрацией и профессурой, с другой»^{II}. Жизнь академии и без деятельности фракции коммунистов не признавалась удовлетворительной из-за чрезвычайно разнообразного по уровню подготовки состава слушателей, разбухшей численности, отсутствия устойчивых планов и программ, наличия «рабочей оппозиции». Деятельность фракции лишь обостряла все противоречия, тем более что даже комиссия отмечала повышенную склочность ее членов. В результате комиссия предложила сократить численность слушателей до 400 человек и комплектовать академию более однородным составом по стажу, развитию, возрасту и состоянию здоровья. Начальником академии должен был быть крупный военспец.

Комиссией Бубнова была проведена чистка академии, в ходе которой из 672 проверенных комиссией слушателей 348 исключили из академии по неблагонадежности, непригодности к штабной работе, слабой общеобразовательной подготовке, отсутствию командного стажа и другим причинам^{III}. Парторганизация академии была освобождена от административных функций. Был ликвидирован и так называемый учком — учебная комиссия, созданная слушателями при бюро фракции коммунистов и пытавшаяся вмешиваться в учебный процесс. Академия получила указание «превратить ее из клуба, в котором подвизаются политиканствующие элементы и происходит борьба группировок, в настоящее высшее учебное заведение Красной армии, в котором слушатели занимались бы серьезной военной работой и где не было бы места тунеядцам»^{IV}. По начавшему зарождаться корпоративизму красных генштабистов, опасному для большевиков, был нанесен мощный удар. Тем не менее держать слушателей академии в русле «генеральной линии» не удалось. В частности, к 1924 г. среди слушателей получили распространение националистические и шовинистические взгляды^V.

Однако фракция коммунистов была не единственным объединением слушателей Академии Генерального штаба РККА. В 1919 г. перед выпуском основного курса академии слушатели решили создать особый орган, который бы связывал красных генштабистов, временно откомандировывавшихся на фронты, и служил зародышем красного Генштаба. Так появилось «Бюро информации и связи», или сокращенно «Бюинс». Устав организации был одобрен уже после

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 195.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 19.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 9, 11.

^{IV} Там же. Л. 39.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 25.

отъезда слушателей на фронты председателем политотдела РВС Западного фронта И.Т. Смильгой и председателем РВСР Л.Д. Троцким. Наличие утвержденного военно-политическим руководством Советской России устава несколько изменило прежний неформальный характер организации, тем не менее организация существовала фактически на личных связях ее участников. Центром новой организации стал штаб Западного фронта, где при политотделе в августе – сентябре 1919 г. возникло бюро красных генштабистов^I, тогда как в Москве организация еще не была до конца сформирована. Создание «Бюинса» летом 1919 г. поддерживали члены РВС фронта И.В. Сталин, Р.И. Берзин и Б.П. Позерн^{II}. Информация об учреждении бюро была опубликована в приказе по фронту 11 августа 1919 г.^{III} Опубликован был и временный устав организации^{IV}.

Сохранилось «Положение о “Бюинсе” при политотделе РВСР». В документе отмечено, что организация создавалась для взаимной информации и координации действий слушателей, научной работы и материальной помощи семьям. В организации могли состоять только члены фракции коммунистов академии Генштаба (другой неформальной организации генштабистов). Сочувствующие и беспартийные принимались лишь при наличии двух рекомендаций от членов партии со стажем до октября 1917 г.^V Фактически создавался своеобразный закрытый даже для части слушателей союз красных генштабистов-большевиков и их надежных сторонников. Раз в полгода планировалось проведение съездов организации. При бюро также был образован фонд взаимопомощи.

Предполагалось, что «Бюинс» будет связывать академию с фронтом и вдыхать в учебный процесс новую жизнь на основе опыта Гражданской войны^{VI}. Однако на деле слушатели красной академии стали «качать права», заявлять о том, что их затирают буржуазные спецы, и требовать повышения своего служебного статуса.

Слушатель В.А. Кангелари, например, отмечал, что «военспецы сознательно и бессознательно губят дело, не умеют и не хотят работать, оттирают наших, а наши нужны армии как воздух (это не фразы)... Если нужно будет подтверждение сказанного мною Ильичу (ему доложите, когда получите мой доклад, это важно для вашего выпуска, нельзя допускать такой возмутительной растраты партийных сил), подтвердят Сталин и другие члены Реввоенсовета»^{VII}.

Ему вторил слушатель Г.А. Мануйлов, который 20 августа 1919 г. писал из Смоленска в «Бюинс» по итогам двух месяцев службы на фронте: «Мой единственный вывод: красному генштабисту нужно помнить, что он единственно может вести Гражданскую войну и ни в коем случае не может класть пальца в рот военспецам, уже осевшим в штабах. Не он должен приспосабливаться к этим господам и созданной ими рутине, а приспособить все к себе и своей молодой чуждой канцелярской рутине революционной выучке, энергии и спорядичности метода действий. Залогом победы красного Генштаба над белым,

^I РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 359. Л. 252.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

^{III} Сталин И. В. Труды. М., 2018. Т. 12. С. 43.

^{IV} Там же. С. 355–357.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 55.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 18.

^{VII} Там же. Л. 19.

над предательской бездарностью их может быть только организация и организация. На Западном фронте это уже и сделано»^I. Нередко старых спецов недоучившиеся слушатели красной академии напрямую называли белогвардейцами. Положение их было незавидным. Тот же Мануйлов писал: «Могут ли военспецовские песочницы, проникнутые глубокой пассивностью, действовать смелой наступательной тактикой, могут ли они действительно использовать и штык и пулю, местность и политическую ситуацию, а главное использовать маневрирование. Нет, нет и нет. Советская республика должна красных генштабистов и рабочих офицеров вооружить всеми заботами, чтобы мы могли самостоятельно работать и вполне отвечать за свои действия. Революцией должны руководить революционеры, а не белогвардейцы...»^{II} В этих словах выражались взгляды многих красных генштабистов.

В кампанию 1920 г. все в точности повторилось. 19 июня 1920 г. бюро фракции РКП(б) академии обратилось в Совет ВГШ с докладной запиской, в которой говорилось: «Опыт летней командировки 1919 г. в достаточной мере убедил нас, что в Советской республике нет органа, который бы ставил себе целью точный»^{III} учет красных генштабистов и следил за планомерным использованием их сил и знаний в военной практике. Это обстоятельство побудило бюро фракции академии в течение прошедших зимы и весны заниматься разработкой вопроса и искать разрешения его в официальном порядке, путем докладов и ходатайств перед Реввоенсоветом республики об учреждении бюро информации и связи красных генштабистов на основе устава, так называемого Бюинса (см. приложение первое). В результате попыток провести в жизнь эту частичную организацию одной категории комсостава Красной армии было установлено, что РВСР стремится объединить, а не разделять старых и новых генштабистов, и кроме того, он высказался принципиально против учреждения параллельного органа в дополнение уже существующему специально для этой цели, т.е. Организационному и Командному управлениям Всероглаштаба, почему бюро фракции академии нашло необходимым немедленно обратиться к Вам с настоящей докладной запиской.

Находя, что факты командировки 1919 года уже в значительной степени устарели и аннулированы жизнью, мы считаем своим долгом, прежде всего, довести до Вашего сведения новые данные отсутствия организации и целесообразного использования сил красных генштабистов, полученные в настоящее время.

Так, апрельской командировкой 20 т.т.^{IV} на Западный фронт выяснилось, что:

1. В штабапе^V не было заранее известно о командировке слушателей и там не знали, зачем они присланы (см. письмо тов. Парма [—] приложение 2^{VI}).

2. Назначали, не заглядывая в характеристики, не учитывая индивидуальных качеств, а просто арифметически делили по частям в порядке фамильного списка (то же письмо).

^I Там же. Л. 20.

^{II} Там же. Л. 20об.

^{III} Здесь и далее подчеркнуто в ВГШ.

^{IV} Товарищей.

^V Штабе Западного фронта.

^{VI} Приложения 2–4 не публикуются.

3. При назначении не осведомлялись о стаже по специальности Генштаба и роли в Красной армии, а только в строевой службе в старой армии (смотри письмо тов. [В.] Львова [—] приложение 3).

4. В штабах, через которые проходили назначения, не имелось списка вакантных должностей, не получалось и не давалось на этот счет никаких инструкций (см. письмо тов. Диманта [—] приложение 4) и т.д.

В последующих командировках повторялись те же дефекты организации, но они в значительной степени были ослаблены посылкой слушателей вместе с видными партийными деятелями, напр[имер] с тов. Сталиным, или в распоряжение того или другого лица, что, однако, вело в свою очередь к неравномерному распределению между частями и назначению не на должности по Генштабу и прочие.

По имеющимся у нас сведениям, в еще более незавидном положении в этом смысле находятся красные командиры, окончившие командные курсы. Что же касается работников старого Генштаба, то, по тем же сведениям, хотя находятся в относительно лучшем положении в смысле взаимной связи, учета их и распределения по Красной армии, тем не менее работа учетно-распределительного аппарата для них ведется с некоторыми перебоями. Мы далеки от мысли критики работы соответствующих управлений Всероглавштаба, ибо очевидно для нас, что в переживаемый нами переходный период организации и строительства Красной армии, как и других сторон строительства республики, естественно и неизбежно сопровождаются перебоями и организационными дефектами¹. Наша задача и долг идти навстречу существующим органам управления Красной армии в деле упорядочения аппаратов управления в пределах наших сил и умения, почему и просим Совет Всероглавштаба ввести в состав Организационного и Командного управления его два-три товарища из слушателей, окончивших старший курс академии Генштаба, в качестве работников Генштаба. Задачей этих товарищей, по нашему мнению, в первую очередь и должно быть способствование Всероглавштабу в деле налаживания правильного и регулярного учета и целесообразного использования красных генштабистов как молодых работников Генштаба. Эта работа указанными товарищами легче проводима не только ввиду их непосредственной заинтересованности в судьбе красных генштабистов, но и в силу естественной связи с академией и ее фракцией, куда присылаются сведения о слушателях академии, работающих на местах.

Ввиду того что в ближайшие дни все окончившие старший курс академии предполагаются к отправке на фронт, то наша просьба рассмотреть затронутый в данной докладной записке вопрос по возможности в ближайшем будущем, дабы своевременно выделить необходимое для того количество товарищей²».

Этот документ интересен тем, что в нем напрямую говорится о протесте РВСР в вопросе создания «Бюинса», поскольку не в интересах советского руководства и Красной армии было усиливать рознь между старыми и новыми генштабистами, но тем не менее организация была создана и продолжала свое существование.

Для понимания целей и задач этого органа приведем полностью устав «Бюинса», прилагавшийся к помещенной выше докладной записке:

¹ Так в документе.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 27–27об.

«§ 1. Бюинс имеет задачей поддержку и развитие красного Генерального штаба.

§ 2. В своей деятельности Бюинс оказывает красным генштабистам все возможные виды помощи, как в приобретении военных и общих знаний, так и в прохождении службы и, в экстренных случаях, в материальных затруднениях.

§ 3. В этих целях Бюинс: а) производит учет красных генштабистов, следя за усовершенствованием ими своих познаний, успешностью практики, а равно и использованием их как специалистов в Советской республике; б) ведет переписку с красными генштабистами на местах; в) издает специальный орган, где освещает все интересующие их вопросы, в частности вопрос о выработке основ военной доктрины, в отделе хроники широко информирует красных генштабистов о положении дел в военной жизни в центре и на местах; г) ведет архив сообщений, докладов и работ красных генштабистов и издает заслуживающие того труды их; д) организует перевод важнейших произведений иностранной военной литературы и издательство их; е) заботится о приобретении и доставке на места книг и различных пособий военно-научного и прикладного характера; ж) организует фонд помощи.

§ 4. В организацию, объединяемую Бюинсом, входят все коммунисты – слушатели академии Генштаба и окончившие таковую, кандидаты РКП и беспартийные могут быть допущены по рекомендации 2-х членов партии, состоящих в ней до октября 1917 года. Военные специалисты и военные деятели, не имеющие академического образования, принимаются по предложению 10 членов и утверждению Бюинсом.

§ 5. На обязанности членов организации лежит: представление периодических докладов о законченных операциях, о всяких тактических и организационных формах, не являющихся трафаретными, о дефектах в организации и оперативной деятельности штабов с указанием желательных мер к их устранению и о всех существенных изменениях и особенностях практики Красной и милиционной армий.

§ 6. Бюинс в первый период избирается на общем собрании фракции в составе 5 членов и 2-х кандидатов, в дальнейшем – общим собранием членов или съездом делегатов организации, которые являются ее высшим органом.

§ 7. Бюинс имеет своих представителей в штабах фронтов, армий и т.д. Все сношения Бюинса с генштабистами на местах ведутся¹ через фронтовых представителей.

§ 8. Бюинс является связующим звеном красных генштабистов с Центральным комитетом РКП, с центральными органами военной власти и специальными военно-учебными и учебными учреждениями республики^{II}. Съезды организации планировалось проводить не реже чем каждые полгода^{III}.

И вновь, как и в 1919 г., слушатели академии писали возмущенные письма о том, как плохо их принимали старые генштабисты в штабах.

Такой же орган оповещения красных генштабистов, как на Западном фронте, в 1920 г. слушатели новой академии хотели создать и на Южном^{IV}. Отметим, что в июле 1920 г. секретарем «Бюинса» был впоследствии видный военный ученый,

^I В документе несогласованно – ведется.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 28.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 56.

^{IV} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 180.

а тогда — слушатель академии В.К. Триандафиллов. На основе писем в «Бюинс» составлялись сводки и обзоры положения в штабах и на фронтах. Эти сводки в интересах красных генштабистов доводились до сведения высшего советского военно-политического руководства¹. Планировалось силами бюро издавать «Известия красной академии Генштаба».

Слушатели, направленные на Кавказский фронт, писали члену РВС фронта Г.К. Орджоникидзе 28 июля 1920 г.: «В настоящее время на Кавказском фронте в разных частях работают около 10 товарищей — слушателей академии Генерального штаба. Бюро фракции РКП академии обращается к Вам с просьбой помочь осуществить в масштабах фронта организацию связи красных генштабистов на основах прилагаемого устава.

Мы убеждены опытом прежних командировок, что без такой организации в условиях современных боевых действий использовать невозможно всех сил и знаний товарищей и, кроме того, ею уничтожается масса трений и столкновений на личной почве с комсоставом и группами спецов, так как организация, путем информации авторитетных партийных товарищей в Реввоенсовет армий и фронта, старается разрешить и уничтожить ненормальность отношений в различных случаях. Сверх того наша организация имеет стороны учебной деятельности и собирания материала для ученых работ, которые надо использовать в срок.

Мы убеждены, что цели организации преимущественно партийных товарищей должны встретить с Вашей стороны сочувствие, и потому выражаем уверенность в Вашей помощи»².

Слушатели с Юго-Западного фронта писали члену РВС И.В. Сталину и даже давали указания: «Говоря конкретно, мы нуждаемся: 1. в оставлении 1–2 тов. тов.³ в штабе Юго-Западного фронта, по одному в штабах и т.д. 2. в предоставлении права и возможности пользоваться средствами фронта и армий для связи красных генштабистов между собою и центром (командировки с материалами в Москву, совещаний делегатов и прочее)»⁴.

Соответствующие ячейки, видимо, существовали и в других местах. Например, бюро красных генштабистов войск Тамбовской губернии 26 июля 1921 г. провело свое заседание, на котором обсуждался вопрос созыва конференции генштабистов для подведения итогов борьбы с бандитизмом. Также предполагалось «подвести научный фундамент и сделать соответствующие выводы из опыта борьбы с повстанческими движениями», «научно рассмотреть тактику повстанческих движений» и «наметить организационные формы и задачи будущего красного Генштаба»⁵. Фактически это свидетельствовало о возникновении корпоративизма красных генштабистов.

Слушатели Академии Генерального штаба РККА, боровшиеся за свой служебный статус в нарождавшейся военной элите Красной армии, предпринимали попытки корпоративной самоорганизации. Как и в случае с корпоративными

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

³ Товарищей.

⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

⁵ РГВА. Ф. 7709. Оп. 1. Д. 301. Л. 4.

объединениями курсовиков старой академии, их целями были поддержка друг друга, информирование о важных для слушателей новостях, а также коллективная борьба за свои права. В последнем отношении речь шла о противоборстве с военспецами. Слушатели новой академии пытались с помощью самоорганизации фактически создать красный Генштаб, который бы добивался для своих представителей высокого должностного положения в армии. Но реализовать этот замысел можно было, только устранив старых спецов. Эти формы самоорганизации были терпимы фактически до завершения Гражданской войны, но в 1922 г. партийное руководство было вынуждено провести масштабную чистку академии, чтобы в том числе ограничить амбиции слушателей и не усугублять раскол Генштаба.

§ 4. Корпоративизм генштабистов антибольшевистских армий

В некоторых случаях корпоративизм генштабистов представлял собой явление более высокого порядка, чем сиюминутная принадлежность к тому или иному лагерю, к той или иной армии. Подтверждением служит беспрецедентный для эпохи Гражданской войны факт проведения офицерами Генерального штаба собственного тайного съезда в Киеве в июне 1918 г. В нашем распоряжении нет данных о том, что какая-либо другая группа командного состава старой армии проводила в Гражданскую войну свои съезды. В этом отношении корпус офицеров Генерального штаба стоит особняком.

К сожалению, сохранилось лишь единственное мемуарное свидетельство об этом съезде. Полковник Б. А. Штейфон вспоминал: «Летом я узнал, что в Киеве предполагается секретный съезд офицеров Генерального штаба, и решил лично съездить в Киев. Было и полезно и интересно встретиться с людьми из разных мест... В Киев действительно съехались офицеры Генерального штаба и из разных мест. Был даже полковник Г. из Москвы. Этот съезд, организованный частной инициативой, не преследовал никаких политических целей. Его единственным заданием была взаимная информация.

Настроение киевского Ген. штаба было бодрым, но нервным. Встречи обставлялись различными предосторожностями, разговоры велись вполголоса. В душе я относился несколько скептически к подобной конспирации, но скоро убедился, что она имела свое обоснование.

Через несколько дней по приезду, зайдя к П. А. Кусонскому, я узнал, что минувшей ночью он был немцами арестован и посажен в тюрьму. Причиной ареста была связь с Добр[овольческой] армией. Вместе с Кусонским были арестованы полк[овник С. Н.] Ряснянский с женою¹. Арест сопровождался обыском.

Арестованные принимали близкое участие в работе Киевского Центра, и естественно, что это событие взволновало Центр. Несмотря на принимаемые меры,

¹ А. И. Деникин в связи с арестами написал письма гетману П. П. Скоропадскому и митрополиту Антонию (Храповицкому) («Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 28).

и Кусонский и Ряснянский с женою продолжали содержаться в тюрьме, и я с ними в Киеве больше не встречался.

Подобная неприятность сорвала настроение съезда. Все мы были серьезно озабочены судьбою наших единомышленников. Время было военное, а немцы не стеснялись мерами устрашения, когда это им требовалось.

До ареста предполагалось, что приезжие офицеры Ген. штаба устроят несколько интимных собраний совместно с киевскими, однако после арестов киевляне признали подобные собрания несвоевременными. Пришлось встречаться порознь, что, конечно, снижало интерес.

В общем же за время своего пребывания в Киеве я запасаю солидной и разнообразной информацией¹. Возможно, дальнейшие архивные изыскания позволят обнаружить дополнительные сведения об этом важном для истории Генерального штаба эпохи Гражданской войны событии.

В антибольшевистском лагере, где во многом сохранялись дореволюционные порядки, существовали и соответствующие организации, объединявшие генштабистов. Так, на Юге России был создан суд чести офицеров Генерального штаба. 10 (23) сентября 1918 г. состоялось собрание офицеров Генерального штаба Добровольческой армии «для принципиального решения вопроса о приеме на службу в Добровольческую армию офицеров Генерального штаба, служивших ранее украинскому, советскому и др[угим] правительствам, и о суде чести офицеров Генерального штаба»². На собрании присутствовали 24 офицера Генштаба, в основном из Екатеринодара. Председательствовал старший из присутствовавших генерал-лейтенант А.В. Хростицкий.

В протоколе собрания было отмечено: «Председатель предлагает генерал-квартирмейстеру Добровольческой армии ознакомить офицеров с приказами и распоряжениями начальства, касающимися службы офицеров Генерального штаба в армии.

Генерал-квартирмейстер читает проект приказа армии о суде чести офицеров Генерального штаба. После обмена мнений председатель ставит на голосование:

“Необходимы ли два суда чести офицеров Генерального штаба – один для генералов и других высших начальников, другой – для офицеров, занимающих низшие должности, или же достаточно одного суда”.

Единогласно принимается: “Достаточно одного суда”.

Вносится предложение: “Увеличить в проекте приказа по армии о суде чести число членов суда – генералов”.

Предложение ставится на голосование.

подавляющим большинством (21 против 3) предложение отвергается.

Вносится предложение: “Уменьшить срок полномочий членов суда чести против указанного в проекте приказа до 3-х месяцев”. 16 голосами против восьми принимается: “Уменьшить срок полномочий членов суда до 3-х месяцев”.

Подполковник Терванд делает заявление: “Ввиду того что председательствующим, перед тем, как ставить вопрос на голосование, не было сделано последнее

¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 97–99. С некоторыми неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник. 2019. Т. 27. С. 125, 127–128.

² РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

предложение желающим высказаться, он не имел возможности доложить свое мнение, в котором не согласен с принятым решением уменьшить срок полномочий членов суда до 3-х месяцев и считает, что старые офицеры армии, вынесшие на своих плечах всю тяжесть первых походов, имеют нравственное право судить вновь прибывающих, а потому 6-месячный срок полномочий членов не велик”.

Ввиду решения вопроса, председатель отклонил заявление подполковника Терванд[а] как запоздавшее.

Собрание переходит к решению вопроса о приеме в Добровольческую армию офицеров Генерального штаба, служивших советскому, украинскому и др[угим] правительствам.

После продолжительного обмена мнений председатель ставит на голосование следующее положение: “Все офицеры Генерального штаба, находившиеся на службе как у советского правительства, так и правительств, стремящихся к самостоятельному существованию и полному отделению от России, именно — грузинского, украинского и финляндского, поступают в строй в Добровольческую армию на общих основаниях, принятых для всех вообще офицеров, а затем им предоставляется право судом чести реабилитировать себя. Во время нахождения таких офицеров в строю они обязаны носить присвоенную части форму.

Офицеры, не служившие ни у одного из вышеуказанных правительств, принимаются в Добровольческую армию и зачисляются в резерв армии офицеров Генерального штаба».

Положение единогласно принимается.

Собрание закрывается в 22 часа 30 минут^I.

Однако А.И. Деникин не согласился с этим и наложил на документ резолюцию, суть которой сводилась к тому, что за подобные преступления полагается военно-полевой суд.

В приказе главнокомандующего Добровольческой армией № 9 от 28 сентября (11 октября) 1918 г. необходимость создания суда чести объяснялась тем, что «некоторые офицеры Генерального штаба и офицеры, окончившие ускоренные курсы академии, в период революции оказались не на высоте того высокого положения, которое было им отведено в Русской армии»^{II}. В суд чести должны были быть избраны пять членов из числа переведенных в Генштаб не позднее 1917 г. с правами выпуска 1916 г. Таким образом, автоматически отметались выпускники ускоренных курсов 2-й и 3-й очередей. Интересно, что для военных топографов был учрежден отдельный суд чести^{III}.

Следующим шагом на пути корпоративного объединения генштабистов были выборы в суд чести Генерального штаба. В выборах должны были принять участие все генштабисты, служившие в Добровольческой армии. Для этого случая ко 2 (15) октября 1918 г. был даже составлен специальный список Генштаба, в котором указано 86 человек (в том числе двое вписаны от руки после издания списка)^{IV}.

^I Там же. Л. 1–1об.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 175.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.

^{IV} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178об.–179. Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 535–538.

Видимо, этот список рассылался выборщикам, поскольку не все знали, кто из вчерашних коллег по службе оказался в Добровольческой армии.

Выборы должны были быть организованы довольно оригинальным способом. Каждый выборщик составлял список из семи фамилий генштабистов, эту записку нужно было запечатать в конверт, на котором следовало надписать: «По выбору членов в суд чести офицеров Генерального штаба»^I. До утра 15 (28) октября 1918 г. необходимо было отправить письмо: в войсках — через начальников штабов дивизий и бригад, а в тылу — непосредственно передать в избирательную комиссию. На общем собрании офицеров Генштаба в Екатеринодаре 15 (28) октября должна была быть выбрана комиссия для вскрытия конвертов и подсчета голосов.

В июле 1920 г. было разработано Положение о суде чести офицеров Генерального штаба, который учреждался в составе пяти членов и трех запасных «для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания в среде офицеров Генерального штаба и причисленных к этому штабу»^{II}. Положение было опубликовано в приказе главнокомандующего ВСЮР № 3401 от 12 (25) июля 1920 г.

На суд возлагались рассмотрение проступков, «несовместимых с понятием о военной чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве», а также разбор ссор в офицерской среде. Юрисдикции суда чести подлежало расследование обстоятельств оставления генштабистами рядов армии^{III}. Вне компетенции суда были проступки, связанные с нарушением служебных обязанностей, чинопочитания или присяги.

Отнесение того или иного вопроса к сфере суда чести находилось в компетенции командиров корпусов или равных им начальников в отношении штаб-офицеров, а также начальников дивизий и им равных в отношении обер-офицеров. Суду чести помимо них генштабистов могли предавать высшие начальники, а также начальник штаба главнокомандующего ВСЮР, начальник Военного управления и начальник отдела Генерального штаба Военного управления. Высший начальник не имел права отменить решение нижестоящего о предании суду. Состав суда ежегодно переизбирался всеми штаб- и обер-офицерами Генерального штаба (кроме тех, кто пользовался правами выше командира отдельной части), прослужившими в Генштабе не менее года.

Офицеры Генштаба, находившиеся не на должностях Генштаба, подлежали суду чести своей воинской части при условии информирования об этом начальника отдела Генерального штаба Военного управления^{IV}. Суд мог оправдать, сделать внушение, удалить со службы или разжаловать в рядовые на определенный срок с переводом в другой корпус. Через такой суд должны были проходить генштабисты, попадавшие к белым с советской территории. Суд давал справки о наличии обстоятельств, препятствующих переводу тех или иных офицеров в Генштаб^V, а также решал вопрос о приеме на службу генштабистов, возвращавшихся в армию после отсутствия^{VI}.

^I РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

^{II} НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 3. Folder 10; РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 129об.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 73об.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 130.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 9.

^{VI} Там же. Л. 74.

По данным на сентябрь 1920 г., председателем суда чести являлся полковник А.-Э.Г. Нидермиллер (в 1920 г. он уже не использовал в фамилии приставку «фон»), членами являлись полковники Н.В. Ерарский, А.Л. Мариюшкин, А.А. Подчертков, А.В. Станиславский и Г.И. Шлидт. Такой состав суда вызывал скептические отзывы белых генштабистов. Так, полковник А.А. фон Лампе записал в дневнике осенью 1920 г.: «Во главе суда чести Генштаба стоит Нидермиллер — это может быть только перед концом! Дальше этого идиота идти некуда!»^I В отношении скорого завершения врангелевской эпопеи такая оценка оказалась справедливой.

Генерал А.К. Келчевский впоследствии писал, что все прибывавшие на белый Юг офицеры, в том числе пробиравшиеся с большим риском из Советской России, проходили через суды чести. Подобная процедура, которой встречали вновь прибывших, воспринималась офицерами как унижительная, а ее инициатором считали начальника штаба главнокомандующего Добровольческой армией и ВСЮР генерала И.П. Романовского. Неприязнь к последнему в офицерских кругах меуарист связывал и с этой практикой^{II}. Суды чести продолжили свою работу и после эвакуации белых из Крыма, уже в эмиграции.

На Востоке России попытки объединить генштабистов предпринимало руководство оказавшейся там Военной академии^{III}. Особо отмечалось, что целями подобного объединения не являлись создание офицерского профсоюза или попытка разращения офицеров (подобные неблагоприятные суждения относительно этих проектов получили распространение в 1918 г.)^{IV}. Например, был разработан проект временного положения о причислении к Генштабу, в котором прямым текстом говорилось, что «мнение корпоративного порядка, данное коренными офицерами Генерального штаба, имеет первенствующее значение, даже в том случае, если оно расходится с мнением ближайшего начальства»^V. Таким образом, корпоративное единство ставилось выше точки зрения командования. На Востоке России при белых также возникла идея создания суда чести для генштабистов^{VI}. Впрочем, документов о ее воплощении в жизнь обнаружить не удалось.

Полковник Г.И. Клерже, служивший в 1919 г. в Главном штабе в Омске, выдвинул предложение о том, что «Генеральному штабу следовало бы взять на себя инициативу ведения всей борьбы в полном ее объеме по принципам, принятым у большевиков, то есть из всего наличного состава офицеров Генерального штаба в Сибири составить твердо правящую политическую касту (партию)»^{VII}. По-видимому, эти идеи были близки тем, что выдвигались военспецами-генштабистами в Советской России о Большом Генеральном штабе, подчинявшем себе все сферы государственного управления в военное время. Не обладавшее широтой мышления белое командование посчитало, что Клерже пропагандировал большевизм.

^I ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 210.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 16об.–17. Впрочем, возможно, Келчевский имел в виду не специализированный суд чести офицеров Генерального штаба, а суды, которым подлежали офицеры в целом.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

^{IV} Там же. Л. 13.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 31. Л. 16об.; ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 174.

^{VI} РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–7.

^{VII} Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадкова. Новосибирск, 2012. С. 231.

Корпоративное единство влияло на личные взаимоотношения. Так, генерал С. А. Щепихин, служивший в Народной армии Комуча, имел резкую беседу по поводу политических расхождений этих армий и соответствующих правительств (Комуча и Временного Сибирского правительства) со своим товарищем по академии генералом Н. Т. Сукиным из Сибирской армии. Щепихин вспоминал в этой связи: «Видно, что лишь мое однокашничество, принадлежность к корпорации кадрового офицерства и корпусу Генштаба – спасают меня от остракизма физического... Морально мы все, волжане, уже давно и прочно осуждены в сибирском сердце».

Личные связи и прежние взаимоотношения с товарищами по корпорации влияли на службу генштабистов в Гражданскую войну. Например, служивший в Донской армии В. А. Замбржицкий осенью 1918 г. получил производство в генерал-майоры, в том числе благодаря поддержке 1-го генерал-квартирмейстера Войскового штаба Всевеликого войска Донского полковника Г. Я. Кислова и ряда других высокопоставленных офицеров. Замбржицкий зафиксировал в дневнике в этой связи историю своих взаимоотношений с Кисловым: «Я генерала [С. В.] Денисова и в глаза не видал, а [И. А.] Полякова и Кислова только два раза. Правда, с Кисловым у меня связано воспоминание вот какое: в 1912 году, когда я по окончании академии служил в Киеве, я получил письмо от незнакомого мне сотника Кислова, слушателя 3-го курса академии, который просил у меня конспект моей темы “Война 1806–1812 года с Турцией”, так как ему досталась та же тема, что и мне. Я послал ему конспект, но вместе с тем послал и письмо, в котором мягко советовал ему, как старший товарищ, работать самому, а не пользоваться чужой, уже готовой работой, т. к. в будущем ему придется работать в роли офицера Генерального штаба, где уже чужие конспекты не помогут.

Он ответил мне благодарностью и за конспект, и за совет, обещая в будущем следовать ему, а сейчас воспользовавшись моим материалом за неимением времени сделать этого самому и сознавшись при этом, что он не рассчитал времени, прогулял его и потому должен был взять готовое чужое.

При встрече с ним в Новочеркасске я спросил его, не тот ли он Кислов, с которым я вел когда-то переписку по поводу конспекта. “Тот самый, и рад случаю поблагодарить вас лично и за конспект, но еще более – за дружеский совет – вы были глубоко правы, и с тех пор я всегда следую ему”»¹.

Определенный корпоративный дух поддерживался и в среде генштабистов, служивших в национальных армиях. Национальные армии в некоторой степени также опирались на дореволюционные традиции, разбавленные новыми веяниями, призванными подчеркнуть национальные особенности и новый корпоративизм генштабистов с национальным оттенком. В ряде случаев это касалось внешней стороны, например, униформы и знаков отличия. Выпускники академии Генштаба здесь продолжали носить академический знак. В армии УНР при ГУГШ был учрежден суд чести корпуса офицеров Генерального штаба. В его состав входили председатель в чине генерала и пять членов, один из которых должен был быть

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 69об.–70.

генералом или полковником. Председатель и члены суда в генеральских чинах должны были постоянно служить в Киеве¹.

В спорных вопросах национальные генштабисты апеллировали к корпоративным традициям, восходившим ко временам единого Генерального штаба Российской империи. Так, например, при задержке своего производства в очередной чин сотник Ю.В. Скорняков в декабре 1922 г. писал начальнику украинского Генштаба генералу В.М. Кушу со ссылкой на традиции офицеров Генерального штаба, что если офицера обходят по службе, то он имеет право знать причину, по которой его считают неспособным². Свое продолжение корпоративизм генштабистов антибольшевистских сил нашел в эмигрантских объединениях выпускников академии в 1920-е гг.

Отметим, что корпоративизм генштабистов антибольшевистских армий не имел таких ярких организационных форм, как это было в Советской России. Скорее всего, это связано с тем, что в антибольшевистском лагере, и прежде всего у белых, генштабисты были в достаточной степени защищены в служебном плане и не нуждались в низовой самоорганизации для отстаивания своих интересов. Что касается национальных армий, то в них корпоративные объединения по принципу принадлежности к элитной группе старой русской армии были невозможны по идеологическим причинам.

§ 5. Униформа и знаки генштабистов как корпоративные символы

Униформу и специфические отличительные знаки также можно отнести к проявлениям корпоративной идентичности. В Красной армии генштабистам в этом отношении было сложнее, в антибольшевистских армиях проще.

Старого кадрового офицера в Красной армии нередко можно было без труда распознать в массе командиров и красноармейцев. Многие сохранили выправку, старались держаться с чувством собственного достоинства, одевались подчеркнуто строго. Супруга бывшего капитана С.А. Пугачева вспоминала, что тот за всю Гражданскую войну ни разу не появился на службе «без чистого подворотничка, считая, что его внешний вид дисциплинирующе влияет на окружающих»³.

До революции генштабисты обладали особыми присвоенными им форменными отличиями. Это был не только знак академии Генштаба, но также белый (серебряный) аксельбант и черный бархатный воротник.

В конце 1917 г. в Советской России было отменено ношение погон. Слушатель Военной академии В.М. Цейтлин записал в дневнике 2 декабря 1917 г.: «На занятиях сегодня в академии уже много было в штатском, а многие совсем без погон. Вид дикий...

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 114–114об.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 168. Л. 134об.

³ Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 116.

Между прочим, солдаты погон не снимают и говорят, не хотят, а на улицах был ряд эксцессов по отношению к офицерам, не снявшим погон»^I.

У многих отмена погон вызвала протест. В итоге во время Гражданской войны генштабисты разными способами проявляли приверженность традициям в униформе и знаках отличия. Маршал Советского Союза С.М. Буденный вспоминал о своей первой встрече с военным руководителем Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесаревым летом 1918 г.: «Вместе с членом Реввоенсовета 10-й Красной армии И.В. Сталиным Андрей Евгеньевич [Снесарев] приехал на участок 37-й стрелковой дивизии... Когда нас, группу командиров, представили А.Е. Снесареву, я увидел высокого пожилого человека с безукоризненной военной выправкой, в полной форме генерал-лейтенанта старой русской армии. Меня, как и других, прежде всего удивило, почему Снесарев в генеральских погонах: ведь красноармейцы относились к “золотопогонникам” с неприкрытой враждой и носить погоны было небезопасно. Кто-то даже сказал ему об этом. Андрей Евгеньевич ответил: “Погоны — знак военных заслуг перед Отечеством. К тому же меня никто не разжаловал”. Потом мы видели его уже без погон»^{II}. В дальнейшем Снесарев, однако, не отказался от демонстрации своей приверженности тем же принципам, но в несколько иной форме — он стал демонстративно носить знак выпускника академии.

Ношение погон военспецом РККА само по себе могло быть опасным для жизни и здоровья с учетом неприязненного отношения рядовой массы к царским офицерам. Командованием и чекистами подобные действия могли обоснованно рассцениваться как демонстрация контрреволюционности. Наконец, в боевой обстановке человека в погонах могли попросту принять за белого и застрелить.

Намного более распространенными стали иные способы демонстрации военспецами-генштабистами приверженности корпоративным традициям, а заодно своей принадлежности к Генеральному штабу. В условиях отмены прежней формы одежды самым простым и очевидным путем продемонстрировать свой корпоративизм и образовательный уровень, не подвергая опасности жизнь и здоровье и не вызывая подозрений особистов, стало ношение на френчах и гимнастерках академического знака^{III}.

Это явление не могло поощряться, поскольку подчеркивало обособленность, кастовость части командного состава. Демонстративное ношение императорского орла с коронами не могло не представлять собой форму определенного фрондирования порядков в РККА и в Советской России, требовало смелости у тех немногих военспецов, кто считал подобную демонстрацию возможной. Тем не менее свидетельств о серьезной борьбе с ношением знака обнаружить не удалось. Возможно, на фоне массы других проблем, с которыми сталкивалась РККА, такие проявления казались безобидными мелочами. Более того, в августе 1920 г. в РККА даже обсуждалась возможность разработки собственного знака Генерального штаба^{IV}. Впрочем, каких-либо документов о таком знаке обнаружить не удалось.

^I АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 277; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 318.

^{II} Буденный С. М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 5.

^{III} Ганин А. В. Знак Николаевской академии Генерального штаба на форме Красной армии // Старый Цейтгауз (Москва). 2013. № 3 (53). С. 40–43.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 17.

Широкого распространения ношение старых знаков не получило, но до нас дошли несколько фотоснимков, свидетельствующих о бытовании такой практики. Судя по выявленным нами фотографиям, на советском военном мундире академические знаки носили советский главком И.И. Вацетис, начальник штаба 16-й армии В.В. Сергеев, начальник Академии Генштаба РККА А.Е. Снесарев, начальник 4-й стрелковой дивизии А.Д. Тарановский, консультант ПШ РВСР Г.И. Теодори, консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам И.Д. Чинтулов (он одновременно носил и орден Св. Георгия 4-й степени) и неустановленный военспец из окружения М.Д. Великанова. Академический знак на штатском костюме носил порученец главкома Вацетиса Е.И. Исаев. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске Д.Г. Фокке носил академический знак, судя по всему, уже после увольнения из Красной армии. Наличие знаков старой Военной академии на мундирах советских военспецов наглядно демонстрирует преемственность и взаимосвязь старой армии и РККА, представляет собой элемент корпоративной самоидентификации бывших офицеров в советских условиях.

В Красной армии для генштабистов была установлена специальная форма одежды, что наряду с приставкой «Генштаба» и другими отличительными особенностями подчеркивало их особый статус и укрепляло корпоративный дух.

В решающий период Гражданской войны особой униформы «лица Генерального штаба» не имели. В основном они носили защитное обмундирование без знаков различия – френчи, рубахи с шароварами или галифе. В качестве обуви – традиционные хромовые сапоги.

Идея введения специальной формы одежды для генштабистов РККА относится ко второй половине 1920 г., когда оставались считанные месяцы до разгрома Русской армии генерала П.Н. Врангеля, ознаменовавшего окончание крупномасштабной Гражданской войны. В это время в Организационное управление ВГШ стали поступать предложения с мест о введении соответствующего обмундирования. Предложения аккумулировались и обрабатывались в Комитете по выработке форм обмундирования и снаряжения РККА, входившем в состав ВГШ (в его работе участвовали из выпускников академии М.В. Акимов и С.Г. Лукирский). К началу сентября 1920 г. комитет в рамках общей реформы обмундирования РККА выработал свой проект новой формы и представил его на утверждение начальнику ВГШ А.А. Самойло¹. Кроме того, в августе 1920 г. был поставлен вопрос о создании в РККА знака Генерального штаба, но каких-либо документов о таком знаке обнаружить не удалось.

Что касается униформы, вр.и.д. комиссара Организационного управления ВГШ 2 сентября 1920 г. запросил Политическое управление РВСР о «желательности оценки проектируемого мероприятия с точки зрения желательности выделения особой, как бы привилегированной группы лиц из общего уровня военнотружеников...»² Подобные нововведения напрямую вели к росту корпоративного духа генштабистов, выделяли их из общей массы командиров РККА, поэтому необходимо было принять решение о целесообразности намеченных мероприятий. Проект получил одобрение.

¹ Там же. Л. 16.

² Там же.

По предположению А.Б. Степанова, новая форма, документы о введении которой не сохранились, была утверждена начальником ВГШ в конце августа – начале сентября 1920 г.¹ Впрочем, в августе 1920 г. эта форма еще никак не могла быть утверждена, так как проект был представлен на утверждение начальника ВГШ только 2 сентября. Кроме того, рисунки формы были выставлены в Верхних торговых рядах на Красной площади (ныне – ГУМ)².

Генштабисты РККА получили вместо шинелей светло-зеленые кафтаны или полукафтаны с отложными бархатными воротниками, отворотами и обшлагами, черные бархатные клапаны («разговоры») с малиновой окантовкой, малиновые гимнастерки с черными «разговорами», белые аксельбанты, алые фуражки со звездой и алые с желтым кантом полугалифе. Должностное положение генштабистов обозначалось количеством рядов сутажа на воротнике и обшлагах и его цветом.

По реконструкции А.Б. Степанова, четыре ряда сутажа золотистого цвета обозначали должность командующего фронтом (четыре ромба), три ряда золотистого цвета – должность командующего армией (три ромба), два золотистого цвета – должность начальника дивизии (два ромба), один золотистого цвета – должность командира бригады (один ромб), четыре ряда серебристого цвета – должность командира полка (четыре квадрата), три серебристого цвета – должность командира батальона (три квадрата). Так, на кафтане бывшего генерала В.Н. Егорьева из собрания мемориального музея А.В. Суворова в Санкт-Петербурге – четыре ряда золотистого сутажа. Кроме того, есть данные о том, что серебристый цвет использовался для обозначения красных офицеров, золотистый – для выделения высшего комсостава.

Новая форма стала апофеозом эклектики, сочетая в себе символику старого Генштаба (черный бархат как приборный цвет Генерального штаба, белые аксельбанты), красный цвет, обозначавший новые веяния, и древнерусский покрой одежды, напоминавший одежду стрельцов. Не удивительно, что эта форма с обладанием старорежимных особенностей в среде «академиков» не прижилась.

Сохранились воспоминания бывшего белого офицера о событиях 1920 г. с описанием, вероятно неточным, формы красных генштабистов. В этом свидетельстве речь шла о некоем начальнике штаба советской дивизии Кудрявцеве, якобы выпускнике ускоренных курсов старой академии, который «одевался по форме и носил все, что полагалось по его должности и заслугам (на левом рукаве: знак генштаба – вышитый лист, ромб и пр.)»³. О ком идет речь, установить не удалось.

Существенные перемены в новую форму были внесены приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г., который значительно поменял форму одежды всей РККА⁴. Согласно приказу генштабисты получили петлицы черного бархата с красным

¹ Степанов А. Б. Красные генштабисты. 1920–1922 // Старый Цейхгауз. 2010. № 6 (38). С. 57. В этой статье впервые опубликованы цветные изображения униформы генштабистов, в том числе кафтан В. Н. Егорьева, фуражка К. А. Мерецкова и другие предметы обмундирования, а также предпринята успешная попытка реконструировать систему знаков различия военспецов-генштабистов. Также см.: Степанов А. Б. Наручные знаки РККА. 1918–1924. М., 2011. С. 35–37, 50–51, 57, 59.

² Степанов А. Б. Проект униформы РККА 1920 года. Попытки реализации // Старый Цейхгауз. 2023. № 1 (97). С. 59.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 5.

⁴ Подробнее о нововведениях в рамках этого приказа см.: Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917–1990-е годы). М., 1999. С. 25–40.

кантом, красный кант на шаровары, а также эмблемы и шифровки белого (серебристого) металла или шитья^I.

Однако 10 августа 1922 г. приказом РВСР № 1904 в Красной армии было упразднено само определение «Генеральный штаб». Бывшие генштабисты теперь стали именоваться «лицами с высшим общим военным образованием». Соответственно возник вопрос об отмене особой формы одежды. Но решение вопроса несколько затянулось^{II}. В конце концов в связи с устранением категории «лиц Генштаба» как отдельного корпуса комсостава РККА особую форму одежды отменили приказом РВСР № 2256 от 26 сентября 1922 г. Причем было отмечено, что «этим лицам впредь должна быть присвоена форма одежды той части войск или того штаба, управления и учреждения, в коих они состоят на службе»^{III}. Это стало ударом и по корпоративному духу генштабистов Красной армии.

Логике большевистского руководства в этом вопросе понять нетрудно: в армии нельзя было допускать распространения неформальных взаимосвязей внутри командного состава, как недопустимо было выделять какую-то группу командиров. Лишь 2 мая 1923 г. приказом РВСР № 938 постоянному и переменному составу Военной академии РККА было установлено приборное сукно черного цвета с красной окантовкой, нарукавные знаки различия носились по должностям, которые слушатели занимали до поступления в академию^{IV}. Разумеется, подобное нововведение трудно сравнивать по значимости для корпоративного духа с установлением особой форменной одежды генштабистов.

Впоследствии похожая форма была присвоена Академии Генерального штаба, созданной в 1930-е гг. Как вспоминал генерал С.М. Штеменко о своей учебе в академии в 1938 г., «для Академии Генерального штаба была введена особая красивая форма. Покрой ее был несколько отличен от принятого в армии. Черные бархатные воротники кителей и гимнастеров и такие же околыши фуражек, брюки навыпуск с малиновыми лампасами и белыми кантами выгодно отличались от обычной войсковой формы. Именно академия в то время возглавляла парады на Красной площади»^V. Впрочем, это была уже другая академия.

В белых армиях, как правило, сохранялось дореволюционное обмундирование, присвоенное генштабистам. Происходило опрощение униформы — днашивалась старая или использовалось защитное обмундирование с аксельбантом и академическим знаком. Служивший во ВСЮР полковник Д.Н. Тихобразов вспоминал, что в 1919 г. не носил ни орденов, ни академического знака, ни значков, ни аксельбантов, а погоны были простыми суконными с двумя еле заметными полосками^{VI}. Подобная униформа иногда порождала недоразумения, когда другие офицеры не могли определить, кто перед ними. Участник Белого движения на Юге России генерал В.А. Замбржицкий вспоминал, что, когда в 1920 г. белые были вынуждены интернироваться в Грузии, от них потребовали снять погоны. Для Замбржицкого этот опыт оказался морально тяжелым: «Я не фанатик

^I Там же. С. 35.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 64.

^{III} Там же. Л. 68.

^{IV} Степанов А. Б. Красные генштабисты. С. 62.

^V Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 14.

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVI. С. 32–33 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

и никогда не видел в погонах священную реликвию, но я всегда дорожил и поныне крепко ценю и храню эту эмблему старой русской армии и власти, которую я привык любить с детства, с тех пор, как себя помню, потому что я родился и вырос в военной среде и семье, и погоны для меня стали синонимом достоинства и чести... Точно так же мне дороги отличительные знаки моей корпорации, аксельбанты и значок академии Генерального штаба, добытый с таким напряжением и трудом»^I.

В отменивших погоны социалистических правительствах на Севере и в Поволжье в 1918 г. были введены новые знаки различия. На Севере России ВУСО 19 августа 1918 г. приказом командующего вооруженными силами № 10 для генштабистов, служивших в антибольшевистских формированиях Севера, установило следующие знаки отличия: черная бархатная тесьма на фуражке и на рукавах кругом обшлага, а также белый аксельбант на правом плече^{II}. Позднее, приказом войскам Северной области № 36 от 22 октября, аксельбанты были отменены. Кроме того, для офицеров Генштаба учреждались специальные знаки в виде лавровых венков, в центре которых были размещены отличительные знаки частей, в которых служили эти офицеры. Следует отметить, что знак управления командующего войсками Северной области, который должен был располагаться в центре венка у многих генштабистов, представлял собой пятиконечную звезду^{III}. В Народной армии Комуча также были установлены специальные отличительные знаки генштабистов. Все военнослужащие получали особые нарукавные щитки защитного цвета. Служащим штабов, начиная с дивизионных, полагалась белая выпушка, а работникам прочих учреждений военного ведомства – черная. Генштабистам полагались аксельбанты.

Генштабисты, пошедшие в украинскую армию в 1918 г. при гетмане П.П. Скоропадском, носили академические знаки и аксельбанты. В украинских и польских войсках была создана особая форма одежды для офицеров Генерального штаба. Мундир украинского офицера-генштабиста известен как по фотографиям, так и по серии цветных рисунков, выполненных сотником армии УНР Н. Битинским в эмиграции в Праге во второй половине 1930-х гг. Как и в Российской империи, приборным цветом Генерального штаба оставался черный, к которому добавлялся белый кант^{IV}. Приборный цвет имели околыши фуражек генштабистов (цветные околыши введены 30 июня 1919 г.), а также украинские государственные гербы – трезубцы, нашивавшиеся на левые рукава мундиров выше локтя (введены 30 июля 1919 г.). Судя по изображениям, украинские генштабисты также могли носить аксельбант, служивший одним из отличительных знаков представителей этой корпорации в дореволюционной России.

Знаки различия украинских офицеров постоянно менялись. Украинским генштабистам были первоначально присвоены нарукавные знаки различия, введенные в армии УНР 24 апреля 1919 г. («чехлы» треугольной формы и прикладного цвета, а также обозначения воинских чинов из желтой тесьмы разной

^I ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 186.

^{II} Дерябин А. И. Белая армия на Севере России. 1918–1920 гг. М., 2002. С. 13.

^{III} РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 102.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Армии Украины 1917–1920. М., 2002. С. 66.

ширины). 30 июня 1919 г. был издан еще один приказ, значительно усложнивший систему знаков различия. Неудивительно, что эти варианты из-за своей сложности в основном остались на бумаге. Наконец, 30 июля вместо прежних были введены знаки различия на клапанах воротников (на левом клапане — по чинам, на правом — по родам войск), оказавшиеся значительно проще в изготовлении. Генштабисты тогда получили черные клапаны с изображением желтого дубового листа¹.

Генштабисты удостоились и специального приказа военного министра УНР № 198 по униформе, изданного 15 сентября 1919 г. и в основном закрепившего прежние нововведения. Приказ предписывал носить черные бархатные околыши и черные бархатные трезубцы на рукавах с выпушками по цвету рода войск — тремя на фуражке и одной на нарукавном знаке². Наконец, 30 марта 1920 г. были введены новые знаки различия — теперь уже левый и правый клапаны друг от друга не отличались³.

В украинских формированиях планировалось введение особого нагрудного знака с трезубцем для офицеров-генштабистов, который должен был заменить знак российской академии Генштаба, и особого почетного мундира⁴. Проектные документы о почетном мундире и особом нагрудном знаке украинских генштабистов относятся к 1920 г.

Доклад об этом был представлен Головному атаману С.В. Петлюре 17 мая 1920 г. начальником украинского ГУГШ генерал-хорунжим В.А. Синклером. В документе отмечалось, что некоторые специалисты Генерального штаба имеют большие заслуги в борьбе за освобождение Украины. Награждать таких лиц предлагалось почетным мундиром Генштаба.

Под проектными документами стоит подпись вр.и.д. начальника организационного управления украинского ГУГШ полковника В.М. Куща. Эту должность Кущ занимал с 19 марта по 7 июля 1920 г., после чего занял пост 1-го генерал-квартирмейстера⁵. Вполне возможно, подготовка проекта была связана со стремлением укрепить авторитет украинской военной элиты в связи с заключением в конце апреля 1920 г. польско-украинского военного союза.

В Положении о награждении почетным мундиром Генерального штаба отмечалось:

«1. Почетным мундиром Генерального штаба могут быть награждены офицеры <и другие лица>, которые наиболее ответственной работой в рядах армии оказали перед Отечеством огромные заслуги.

2. Мундир состоит из общей униформы офицеров Генерального штаба, но без ученого (академического) нагрудного знака <но вместо нагрудного знака, который имеют право носить офицеры, которые окончили российскую академию

¹ Цветное изображение см.: Там же. С. 135.

² Там же. С. 70. Цвет прикладного сукна штабов и управлений на выпушках был малиновый с белым кантом.

³ Изображение этих знаков см.: Там же. С. 128.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Проект почетного мундира и нагрудного знака украинского Генерального штаба // Старый Цейхгауз. 2011. № 2–3 (40–41). С. 104–107.

⁵ Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 235.

Генерального штаба (Военную академию), при почетном мундире носится особый нагрудный знак. Знак этот состоит из золотого государственного герба, обведенного лавровым венком, который располагается на голубом эмалевом овале и носится на том же месте, что и знак российской академии».

3. Представления к награждению мундиром вносятся соответствующими начальниками на имя начальника Генерального штаба и должны содержать подробное описание заслуг лица, которое представляется к награждению.

4. Начальник Генерального штаба, получив прошение о награждении, назначает Совет офицеров Генерального штаба, на рассмотрение которого и направляет поступившее прошение.

5. На означенный Совет должны быть созваны не менее 9 <8> офицеров Генерального штаба, занимающих в армии высшие должности.

6. Председательствует на Совете старший по званию.

7. Вопрос о награждении после обсуждения решается закрытым голосованием.

8. Для присуждения награды необходимо большинство в две трети голосов <причем дробь считается как целый>.

9. В случае присуждения награды начальник Генерального штаба входит с представлением к [ану] Главному атаману об утверждении награждения.

10. О награждении сообщается в приказе Армии У.Н.Р. <в приказе Главной команды армии>.

11. В случае, если Совет откажет в награждении почетным мундиром, начальник Генерального штаба уведомляет об этом того начальника, от которого поступило прошение о награждении.

12. Никаких жалоб на отказ в награждении не допускается.

13. Новое представление к награждению лица, которому было уже в этом отказано, может поступить на рассмотрение Совета не ранее года после отказа»¹.

Насколько можно понять из документов, единственное отличие почетного мундира Генштаба от обычного заключалось в особом нагрудном знаке с украинской символикой. Сохранилось и описание знака:

«1. Знак состоит из золотого государственного герба в серебряном лавровом венке.

2. Герб и венок помещаются на голубом эмалевом овале, который имеет размер нагрудного знака российской академии Генерального штаба.

3. Внешние концы герба накладываются на ветки венка.

4. Носится знак на правой стороне на условиях, общих для знаков высших учебных заведений»¹.

Как уже можно понять, за основу был взят академический знак Николаевской военной академии, однако имперский двуглавый орел на нем был заменен украинским трезубцем на голубом фоне. Сохранился цветной карандашный рисунок этого знака¹¹.

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 127. В угловых скобках приведен текст другой редакции документа (Там же. Л. 123–123об.). Во всех публикуемых документах перевод с украинского языка наш.

¹¹ Там же. Л. 125.

¹¹¹ Там же. Л. 124.

Можно предположить, что в перспективе, после открытия украинской академии Генерального штаба, этот проект мог быть взят за основу украинского академического знака. Во всяком случае, аналогичные примеры использования знака Николаевской военной академии как основы для знаков национальных военных академий имели место и в Польше (знак Высшей военной школы), и в Прибалтике (Латвия, Эстония).

Обнаруженные документы сохранились в нескольких вариантах и не были утверждены Головным атаманом войск УНР С.В. Петлюрой, который 30 июня 1920 г. наложил резолюцию: «Пока что подождать»¹. Тем не менее самому Петлюре такой знак был преподнесен уже во второй половине мая 1920 г.² Носил его не имевший академического образования Петлюра на левой стороне груди. Возможно, в итоге практиковалось и награждение почетным мундиром. Известно фото подполковника Н.И. Куликовского (также негенштабиста) с таким знаком на левой стороне груди и, возможно, в соответствующем мундире³.

Униформа и знаки генштабистов являлись внешним проявлением принадлежности их обладателей к корпорации. В условиях Гражданской войны эти символы претерпели определенные изменения. В Красной армии для генштабистов была разработана особая форма. В национальных армиях предпринимались попытки создания как специальной формы одежды, так и особых знаков, в которых вместо русской имперской символики присутствовали бы иные символы. В конце концов, большевики упразднили как особую униформу генштабистов, так и саму эту категорию внутри комсостава РККА, чтобы не культивировать кастовость и не возрождать былые традиции, чреватые ростом самосознания «бывших» в новых условиях и способствующие их сплочению, что могло быть опасным для партии власти.

Корпорация офицеров Генерального штаба сложилась еще до революции. Но в то время корпоративное единство распространялось на экономическую взаимопомощь, а также на вопросы престижа генштабистов. Разумеется, всегда существовала неформальная товарищеская взаимовыручка и поддержка. Определенная преемственность с корпоративизмом дореволюционных времен прослеживается в белом лагере.

Революционные события 1917 г. привели к тому, что корпоративизм генштабистов наряду с продолжавшим сохранять свое значение экономическим характером некоторых организаций начал стремительно политизироваться. Генштабисты вступили в активную борьбу за свои права и привилегии, в борьбу за влияние на государственную власть. Впрочем, значимой силы военная элита без поддержки

¹ Подробнее см.: Moś W. B., Soszyński W. Polskie Szkolnictwo Wojskowe 1908–1939. Odznaki – Emblematy – Dokumenty. Kraków, 2007. S. 14–16.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 126.

³ Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Учредительные документы. Изготовление. Практика награждений. Типы и разновидности. Киев, 2011. С. 175.

⁴ Там же. С. 176.

солдатских масс не представляла. К тому же эпоха 1917–1922 гг. ярко продемонстрировала отсутствие единства и глубокий раскол внутри самих генштабистов. Тогда корпорация раскололась по идеологическому (между красными, белыми и националистами) и, в меньшей степени, поколенческому (выпускники академии до Первой мировой войны и выпускники ускоренных курсов) признакам. Свою роль в этих противоречиях сыграла и отмена чинов, формально сравнивавшая бывших генералов и прапорщиков.

Казалось бы, единая корпорация Генштаба распалась. Однако, будучи разделены фронтами, выпускники академии не утратили корпоративный дух и порой поддерживали даже тех, кто переходил от противника. Свои корпоративные традиции и особенности стали складываться у генштабистов противоборствующих сторон.

В Советской России корпоративизм старых генштабистов носил неорганизованный характер и сохранялся лишь в их самоидентификации как генштабистов. Связано это, вероятно, с их разобщенностью, а также с опасениями репрессий. Их корпоративная сплоченность проявлялась в частных случаях товарищеской взаимовыручки, а также в форме сохранения прежней иерархии в делопроизводстве, когда бывшие офицеры упоминались с прежними чинами, либо в виде указания на год выпуска из академии.

По степени сплоченности в советских условиях старшее поколение значительно превосходили молодые карьеристы из числа выпускников ускоренных курсов Военной академии. Наиболее организованным являлся выпуск курсов 2-й очереди (так называемый выпуск 1917 г.). Курсовики добивались от начальства необходимых решений, в том числе кадровых перестановок, коллективно протестовали против тех или иных арестов своих товарищей. «Лицам Генштаба 1917 г.» покровительствовали некоторые генштабисты старшего поколения и отдельные партийные руководители. Но в советских условиях продолжительное существование группировки военспецов было невозможно. Весной – летом 1919 г. целый ряд активных в общественной жизни представителей выпуска, включая лидеров, были арестованы. Эти репрессии нанесли серьезный удар по лидерам неформального объединения курсовиков и существенно умерили пыл генштабовской молодежи.

В это время на авансцену корпоративизма генштабистов вышли куда более беспринципные слушатели красной академии, вообразившие себя новой элитой Красной армии и претендовавшие на занятие в ней высоких постов, несмотря на незавершенность своего образования. Они фактически составили контрэлиту РККА, противостоявшую официальной военной элите, в которую входили «бывшие». Члены большевистской партии с длительным стажем, обладавшие немалыми связями в «сферах», они угрожали дисциплине и порядку в РККА, фактически пытаясь создать красный Генштаб по принципу политической лояльности и стремясь ослабить позиции военспецов-генштабистов. Однако высшее советское военно-политическое руководство оказалось достаточно проницательным, чтобы заставить эту необузданную молодежь держаться в установленных рамках. Стоит отметить, что сделать это удалось не сразу, а только в 1922 г., лишь через несколько лет после первых тревожных сигналов от комиссаров академии.

В Советской России в годы Гражданской войны функционировали, таким образом, сразу четыре организации генштабистов – организация старых генштабистов,

организация выпуска ускоренных курсов 1917 г. (2-й очереди), организация красных генштабистов и фракция коммунистов Академии Генштаба РККА. Кроме того, существовал, но не сыграл сколько-нибудь значимой общественно-политической роли комитет слушателей 3-й очереди.

Фактически организации были лишь средством, видимым проявлением наличия в советской военной и военно-политической элите непримиримых враждующих группировок, каждая из которых боролась за место в военной иерархии и за возможность влиять на принятие важнейших решений. Несмотря на сложившуюся в Советской России однопартийную диктатуру, такого многообразия объединений генштабистов антибольшевистский лагерь не знал. Связано это с тем, что в белых армиях сохранялась прежняя система чинов, а курсовиков считали не вполне подготовленными генштабистами военного времени. Никто бы не позволил им организовываться в целях отстранения более заслуженных офицеров. Кроме того, офицеры у белых были вполне защищены по службе, и им не требовалось как-либо дополнительно объединяться для отстаивания своих интересов. Что касается национальных армий, то в них также сохранялись чины (таким образом, генштабовская молодежь переходила в эти армии в меньших чинах по сравнению со старшим поколением), а какое-либо объединение выпускников российской Военной академии приветствоваться не могло.

Можно допустить, что за проявлявшими наибольшую общественную активность группировками молодых генштабистов в Советской России стояли какие-то высокопоставленные покровители. Например, организация «Бюинса» настойчиво продвигалась в 1919 г. штабом Западного фронта, членом РВС которого был И.В. Сталин. Выпускники ускоренных курсов 2-й очереди были тесно связаны с главкомом И.И. Вацетисом и его окружением, а через них с председателем РВСР Л.Д. Троцким. Также им покровительствовал до своей смерти в марте 1919 г. председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. Свои покровители, видимо, имелись и у фракции коммунистов Академии Генштаба РККА.

Большевики последовательно искореняли проявления корпоративной сплоченности генштабистов. Организация выпуска ускоренных курсов 1917 г. была разгромлена в результате арестов 1919 г. В самом конце Гражданской войны большевистское руководство нанесло удар по нарождавшемуся корпоративизму красных генштабистов, а также решило не углублять внешний (в виде особой униформы и приставки «Генерального штаба») и внутренний корпоративизм генштабистов, отказавшись в августе 1922 г. от самого определения Генерального штаба. Не случайно в связи с десятилетием Военной академии РККА в 1928 г. отмечалось: «В Красной армии упразднен институт Генерального штаба. Наличие лиц Генерального штаба всегда создает некоторую касту в армии, которая противопоставляет себя всей массе армии»¹. Но, как известно из последующей истории Красной армии, избежать клановости командного состава не удалось, а борьба группировок в военной элите РККА в 1930-е гг. оказалась тесно связана с репрессивными кампаниями.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 68.

Что касается периода Гражданской войны, Л. Д. Троцкий и другие большевистские лидеры прекрасно понимали, что не в интересах партии культивировать привилегированную кастовость и корпоративный дух генштабистов, ибо подобный корпоративизм мог быть чреват возможным развитием событий по бонапартистскому сценарию. Попытки объединения и самоорганизации выпускников академии были подавлены партийным руководством, а пытавшимся организовываться для отстаивания коллективных интересов генштабистам довольно жестко указали на их место.

Глава VII.

Генштабисты между фронтами: переходы и плен

§ 1. Переходы «лиц Генштаба» РККА на сторону противника и плен

За время Гражданской войны из различных вооруженных формирований, принимавших участие в этом конфликте, дезертировали несколько миллионов человек, в основном крестьян. Разумеется, речь идет о рядовых бойцах. Однако существовало и дезертирство командного состава, в том числе генштабистов, имевшее серьезные последствия.

Для Гражданской войны были характерны резкие колебания настроений офицеров на фоне успехов красных или белых. По сведениям белых генштабистов, весной 1918 г. красные генштабисты в связи с возможным крушением власти большевиков искали оправдания своей службе у них. Генерал А.С. Лукомский писал генералу И.П. Романовскому 10 (23) мая 1918 г. из Киева: «Судя по некот[орым] данным, [С.И.] Одинцов, [М.Д.] Б[онч]-Бр[уевич] и подобная им сволочь, предвидя падение советского правит[ельства], уже готовится к перемене фронта и объясняют свою работу с большевиками “стремлением спасти Россию”. “История покажет, что мы были правы!” Прохвосты!»¹

После возникновения летом 1918 г. устойчивых антибольшевистских фронтов и перехода Советской России к мобилизации бывших офицеров началось массовое дезертирство военспецов, включая «лиц Генерального штаба». Чтобы представить размах этого явления, достаточно отметить, что у прошедших через ряды РККА 1600 выпускников Николаевской военной академии зафиксировано не менее 580 случаев дезертирства и плена². Переходы высокопоставленных военспецов к противнику имели свои причины и особенности.

Об офицерах-изменниках, предательство которых обошлось Советской России тысячами жизней, неоднократно высказывался советский вождь В.И. Ленин. Так, на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. он отметил, что

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 35об.

² См. наши предыдущие публикации: Ганин А. В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Архангельск, 2008. С. 160–171; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 209–253; Его же. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 189–248; Его же. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд. М., 2017. С. 200–261; Ganin A. V. Workers and Peasants Red Army 'General Staff Personalities' Defecting to the Enemy Side in 1918–1921 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26, № 2. P. 259–309

«военные науки знает только офицерство — полковники и генералы, которые остались от царской армии. Вы слышали, конечно, что благодаря этим старым полковникам и генералам было много измен, которые стоили десятков тысяч жизней. Всех таких изменников надо было удалять, и в то же время нужно было набирать командный состав из бывших офицеров, чтобы рабочие и крестьяне могли у них учиться»¹. Через несколько дней, 15 марта 1920 г., на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта Ленин заявил: «Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев, — вы знаете это, но десятки тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, и без них Красной армии не было бы. И вы знаете, когда без них мы пробовали создать два года тому назад Красную армию, то получилась партизанщина, разброд»².

Об изменах военспецов многократно упоминал и вождь Красной армии Л.Д. Троцкий. Летом 1918 г. в связи с целым рядом случаев предательства Троцкий высказывался достаточно категорично. 29 июля 1918 г. на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и фабзавкомов он заявил: «У нас есть безупречные, преданные командиры на низших ступенях, но именно только на низших ступенях военной лестницы. Что касается лиц высшего командного состава, то у нас слишком мало офицеров, преданных советской власти и честно выполняющих свои обязательства; более того, вы знаете, что некоторые из них прямо перебегают в лагерь наших врагов. В последнее время таких случаев было несколько. Перебежал Махин с Уфимского фронта, перебежал профессор академии Генштаба Богословский, только едва назначенный на Екатеринбургский фронт. Он скрылся, т.е., очевидно, бежал к чехословакам... Офицерство не отдает себе, по-видимому, отчета во всей остроте положения, которое для нас создается не только его прошлым, но и настоящим. Все вы помните, как жестоко солдаты и матросы старой армии расправлялись в критические моменты революции с офицерством... значительная часть офицерства думает, очевидно, что положение переворачивается в ее пользу, устраивает авантюристические заговоры и перебегает непосредственно в стан наших врагов.

Контрреволюционное офицерство, составляя значительную часть старого офицерства, создает условия ожесточенной и справедливой вражды и ненависти рабочей массы к его заговорщическим элементам и подозрительного недоверия к офицерству вообще. Я думаю, близок час, он, может быть, уже наступил, когда нам придется это фрондирующее, становящееся на дыбы офицерство обуздать железной уздой»³. В этих словах — не только тревога Троцкого в связи с отмеченным явлением, но и недвусмысленная угроза репрессий, которые в отношении офицерства активизировались осенью 1918 г.

После перелома в Гражданской войне в пользу красных риторика несколько изменилась. В своем выступлении конца 1919 г. Троцкий дал более обобщенную и взвешенную оценку изменам военспецов как явлению: «У нас оказалось немало

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 182.

² Там же. С. 218.

³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 225.

предателей и изменников, немало случаев перехода бывших офицеров в лагерь врага... Приливы и отливы были в этом процессе и у нас, происходил сложный естественный и искусственный отбор, в котором играло роль много факторов, а прежде всего, самый ход военных операций, наши неудачи и удачи, наше международное положение»¹.

Политработники 3-й армии Восточного фронта осенью 1918 г. жаловались в ЦК: «У нас нет ни одной дивизии, в которой не было бы случаев измены»². Командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров отмечал, что «наряду с многочисленной группой честно решивших работать в рядах новой революционной армии, связавших свою судьбу с пролетариатом, находилось немалое количество колеблющихся, случайно или под давлением различного рода обстоятельств попавших в армию, стремившихся при первом удобном случае изменить и перейти на сторону белых или же проводивших свою изменническую работу тайно, продолжая оставаться в рядах Красной армии»³. И конечно, наиболее тяжелые последствия могла повлечь за собой измена на самом верху.

Значимость этого вопроса для истории Гражданской войны бывший советский главком С.С. Каменев отмечал еще в 1920-е гг.: «В этой же теме (командного состава Красной армии. — А.Г.) не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства, честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены как активные участники революции»⁴. Впрочем, этот призыв услышан не был, и проблема старательно замалчивалась.

По целому ряду причин бывшие офицеры, в том числе генштабисты, не могли быть группой лиц, полностью лояльных новой власти. Более того, многие относились к большевикам резко отрицательно. Мотивы такого отношения мы уже отмечали. Это связано, в первую очередь, с незаконным приходом большевиков к власти, фактом их сговора с противниками России по Первой мировой войне, заключением предательского в понимании многих офицеров-патриотов сепаратного Брестского мира, развязыванием братоубийственной Гражданской войны, многочисленными унижениями старого офицерства и масштабным террором против него, уничтожением всей прежней системы ценностей и кардинальной сменой жизненного уклада. Кроме того, ряд генштабистов, находившихся на территории Советской России, был вовлечен в работу антибольшевистского подполья в рядах РККА или вне ее. Наконец, отношение новых хозяев страны к офицерам было недоверчивым и подозрительным. Все это способствовало изменам.

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. С. 8–9.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 7. Л. 3.

³ Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб., 2003. С. 82.

⁴ Каменев С. С. Предисловие // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 25.

В условиях Гражданской войны серьезный кадровый отбор по принципу лояльности был предельно затруднен, а возможности перейти к противнику, в лагере которого были друзья, знакомые, а порой даже родственники, наоборот, очень широки. Большевики стремились назначать на высшие посты партийных начальников. Поскольку партийных военспецов и вообще высокопоставленных членов РКП(б) при попадании в плен белые расстреливали, это было некоторой гарантией от измен. Однако генштабисты были незаменимы в силу своей квалификации, назначать членов партии удавалось в исключительных случаях, тогда как большая часть кандидатов на такие должности оставалась беспартийной.

В настоящее время мы обладаем сравнительно полным документальным материалом, согласно которому дезертиры из различных армий составляли порядка 42,5% всех военспецов-генштабистов, прошедших через ряды РККА в годы Гражданской войны (в расчет приняты не только те генштабисты, которые бежали из Красной армии или попали в плен (580 случаев), но и те, кто сменил за Гражданскую войну несколько враждующих лагерей, в том числе послужив у красных, – еще около 100 офицеров). Переходы на разных фронтах и в различные периоды имели свои особенности. Говоря о причинах, следует обратить внимание на характер Гражданской войны, в которой по другую сторону фронта оказались не внешние противники, например немцы или турки, а соотечественники, такие же русские офицеры, часто бывшие сослуживцы, однокашники по академии или училищу, друзья, а иногда даже родные братья, отцы и дети. Такой «домашний» характер противостояния предопределил закономерность переходов через линию фронта.

Многие генштабисты в Советской России в 1918 г. не верили, что их против желания будут направлять на внутренние фронты вместо борьбы с германским нашествием (наличие внешней угрозы являлось важным объединяющим фактором), когда же это произошло, начались измены. Пересечение линии фронта не было простым делом. Как правило, человеку проще оставаться служить на одном месте, и только при крайних обстоятельствах он способен отправиться искать удачи в неизвестность. Такое определение в десятки раз обоснованнее, если речь идет о национальной катастрофе, когда легко можно не только лишиться единственного источника пропитания, каким являлась служба, но потерять в случае провала саму жизнь. Однако и в этих условиях офицеры Генерального штаба не только расставались со службой, но и, рискуя жизнью, переходили через линию фронта. Такие переходы были неизбежны, что признавали сами большевистские лидеры.

Вождь Красной армии Л.Д. Троцкий в программной статье «Военные специалисты и Красная армия» в конце 1918 – начале 1919 г. писал: «Если англо-французский империализм окажется в силах беспрепятственно двинуть против нас могущественную армию, в таких условиях, при которых наши непосредственные поражения покажутся очевидными “замиренным” пролетариатом общественным кругам, из этих последних начнется дезертирство в лагерь наших политических врагов. Дезертирство это будет тем шире и опаснее для нас, чем менее выгодно будет для нас соотношение военных сил и чем менее благоприятна вся мировая обстановка... когда царизму пришлось туго, “царские генералы” изменили ему, заняв по отношению к революции положение благожелательного нейтралитета и даже прямо перейдя к ней на службу... Если специалисты изменили тому классу, в духе

которого они воспитывались, когда этот класс оказался явно и бесспорно слабее своего противника, не может быть никакого сомнения в том, что те же специалисты несравненно легче изменят пролетариату, когда он окажется слабее своего смертельного врага. Но *сегодня этого нет, и у нас есть слишком много оснований думать, что этого не будет*. Чем лучше, шире и полнее мы используем специалистов сейчас, когда они вынуждены нам служить, чем лучше мы построим, при их содействии, наши красные полки, тем меньше будет возможности у англо-французов наступать на нас и вводить наших специалистов во искушение»¹.

Мотивация переходов в разные периоды Гражданской войны различалась. На начальном этапе некоторые генштабисты оказались в рядах РККА случайно, только в силу захвата центра страны большевиками, вследствие добровольно-принудительной регистрации или же из патриотических позиций – в стремлении бороться с немецким нашествием. Мало кто хотел воевать против своих однокашников и друзей по прежней службе, разве что часть молодежи, окончившей ускоренные курсы и стремившейся закрепить свое положение в Генеральном штабе. После того как стороны разгоравшегося конфликта летом 1918 г. кристаллизовались, многие решили переменить свой выбор. В 1918 г., когда РККА и советские карательные органы еще только создавались, сделать это было проще, чем в кампанию 1919 г. В 1919 г. на первый план порой стали выходить конъюнктурные соображения (в связи с победами белых). Некоторые были вынуждены бежать из Советской России из-за раскрытия подпольных организаций (например, этим было вызвано бегство генерала Н.Н. Стогова). Кроме того, сужение кольца фронтов вокруг Советской России в некоторой степени облегчало переход, поскольку не надо было далеко уезжать и риск разоблачения уменьшался.

Переходы генштабистов обладали рядом важных особенностей. Прежде всего, они таили куда большую опасность в сравнении с изменами обычных военных или с красноармейским дезертирством. К белым уходили командующие армиями, работники фронтовых, армейских и дивизионных штабов, сотрудники центральных управлений – лица, наделенные широкими полномочиями и имевшие по своему статусу доступ к совершенно секретной информации. Характерен декрет РВС Восточного фронта № 9 от 27 июня 1918 г. о полномочиях такому военспецу, ставшему вскоре перебежчиком: «Генерального штаба Николаю Владимировичу Колесникову поручается формировать Красную армию; причем в первую очередь должно быть сформировано четыре дивизии и один кавалерийский полк по штатам, обнародованным Народным комиссариатом по военным делам. Что касается прав и обязанностей гражданина Н.В. Колесникова, то он приравнивается к правам командующего особой армией, предусмотренным Сводом воен[ных] постановлений кн. I в Положении о полевом управлении войск. Контингент солдат и укомплектование для вновь формируемых частей должно производиться из Казанской, Вятской, Симбирской и Пензенской губерний. Всем Советам названных губерний предлагается оказывать полное содействие Н.В. Колесникову, а всем военным комиссарам предлагается исполнять все его приказания, касающиеся формирования красноармейских частей. Т[оварищу]

¹ Троцкий Л. Д. Военные специалисты и Красная армия // Военное дело (Москва). 1919. 21.01. № 2 (31). С. 69–70.

Н.В. Колесникову приказываем немедленно приступить к формированию как штаба, так и намеченных частей.

Реформированный штаб Казанского округа со всем личным составом передается на усиление штаба Н.В. Колесникова». Уже в августе 1918 г. Колесников участвовал в борьбе с большевиками.

«Лица Генштаба» как квалифицированные специалисты в области военной администрации, обычно находившиеся на ответственных постах, могли передать противнику важнейшие сведения об оперативных планах, составе и дислокации войск, а накануне своего перехода отдать предательские приказы и подвести части под удар. Такие случаи действительно имели место, иногда они приводили даже к крупным неудачам на фронте, но эффективных способов борьбы с ними красные так и не нашли. Уже упоминалось о том, что летом 1918 г. бывший подполковник Ф.Е. Махин фактически сдал чехам Уфу. И этот пример не единичен. Осенью 1918 г. бежал к белым с важными оперативными документами помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал А.Л. Носович. Подобные ситуации были возможны и в 1919 г. В частности, серьезные последствия имел переход к белым командующего 9-й армией бывшего полковника Н.Д. Всеволодова. Наряду с командармами Махиным, Б.П. Богословским и Н.А. Ждановым, он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков Гражданской войны¹.

Опасность переходов заключалась еще и в том, что изменники могли выдавать белым ответственных советских работников. К примеру, бывший военный руководитель Одесского военного округа и одновременно глава белого подполья в городе генерал-лейтенант К.К. Литовцев (Шильдбах) сообщил военно-полевому суду ВСЮР в 1919 г. персональный состав членов Совета обороны Одессы. В результате один из членов Совета, Нейдомковский, был белыми расстрелян². Из-за этого сам Литовцев позднее оказался в крайне щекотливой ситуации, когда весной 1921 г. оказался захвачен красными в Сухуме. Военная коллегия Верховного трибунала 3 января 1922 г. приговорила Литовцева к расстрелу, но приговор смягчили, и уже в ноябре того же года бывший перебежчик вышел на свободу, а в дальнейшем служил в РККА.

Некоторые переходы вели к гибели недавних сослуживцев изменника. Уроженец Лифляндской губернии А.А. Лауриц окончил академию в 1914 г., службу в старой армии завершил в чине подполковника. В 1918–1919 гг. служил в Красной армии заведующим 2-м отделением и заведующим отделом подготовки войск административного управления штаба Орловского военного округа, начальником штаба Орловского укрепленного района³, состоял в распоряжении начальника штаба 13-й советской армии и в должности начальника штаба 55-й стрелковой

¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

² По нашим данным, из представителей высшего командного состава РККА уровня командующих фронтами и армиями изменили большевикам восемь человек: Б. П. Богословский, Н. Д. Всеволодов, Н. А. Жданов, Ф. Е. Махин, М. А. Муравьев, П. А. Славен, А. И. Харченко и В. В. Яковлев. Выпускниками академии из них были первые четверо. Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1318. Л. 2об.–3.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.

дивизии. В ночь на 11 октября 1919 г., в период максимальных успехов Деникина на пути к Москве, Лауриц, отправившись со взводом красноармейцев на разведку, перешел к белым¹. Генштабист обладал важнейшими данными о положении частей РККА в районе Орла и изложил их белому командованию.

В результате его бегства в районе станции Золотарево Мценского уезда, восточнее Орла, был захвачен штаб 55-й дивизии с временно исполнявшим должность ее начальника бывшим генерал-майором георгиевским кавалером А.В. Станкевичем, ранее — помощником командующего 13-й советской армией. Высокопоставленный пленник отказался служить белым и был 12 октября повешен на глазах у дочери, причем сам надел на себя петлю². По некоторым свидетельствам, после казни на теле Станкевича белые выжгли пятиконечную звезду³. Посмертно Станкевич был награжден орденом Красного Знамени, по постановлению РВСР его тело в ноябре 1919 г. было перезахоронено с воинскими почестями в братской могиле у Кремлевской стены. Лауриц же благополучно служил у белых, получил чин полковника, а эмигрировав, поступил на службу в эстонскую армию⁴.

К спорным случаям относится переход или пленение бывшего генерал-майора Д. А. Мельникова. Он перешел на сторону белых (попал в плен) в августе 1919 г. в ходе рейда IV Донского отдельного корпуса генерал-лейтенанта К.К. Мамантова (Мамонтова) по тылам Южного фронта РСФСР, будучи начальником 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта. В начале сентября Мельников получил назначение на должность начальника штаба Тульской добровольческой пешей дивизии, а затем был назначен начальником штаба конной группы⁵. По одной из гипотез, столь стремительный карьерный рост генерала в армии своих недавних противников обусловлен какими-то заслугами Мельникова перед белыми. Однако более реальной представляется версия о недостатке у Мамантова опытных генштабистов, к тому же Мельников как специалист по военным сообщениям, прекрасно знавший обстановку в красном тылу, был в этом отношении для казаков весьма ценным приобретением⁶.

¹ Веркеенко Г. П., Минаков С. Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993. С. 228.

² Левитов М. Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 343.

³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2, кн. 2. С. 10–11; Смилга И. Т. Военные очерки. М., 1923. С. 12.

⁴ Супруга Лаурица, Евдокия Ивановна, 28 лет, работавшая машинисткой, была арестована у себя на квартире в Москве 24 июля 1920 г. Предполагала, что арестована из-за мужа, перешедшего к белым, но точного обвинения не знала. Женщина отмечала, что разошлась с мужем за семь лет до ареста, содержала ребенка 7 лет и мать мужа. Арестованная опасалась, что из-за задержания может потерять работу (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40–42).

⁵ Кручинин А. С. Формирование и участие 1-й Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) // Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы: Сб. мат-лов межрегион. науч.-практ. конф. Тула, 1996. С. 13; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 160.

⁶ Это подтверждается случайностью попадания Мельникова в плен. Обстоятельства его пленения изложены в советских оперативных сводках за 23 августа 1919 г.: «Неприятель находится в 4 верстах от ст[анции] Изберзей (так в документе, здесь и далее правильно — Избердей. — А. Г.), где 22го числа в 4 часа ночи ими (так в документе. — А. Г.) были разобраны пути на 32 версте перегона Изберзей — Сестренка, разорваны рельсы на 28 версте, взорван мост, вследствие обрыва состава 70 вагонов, из которых 23 вагона принадлежало к составу уп[равления] во[енных] со[общений] Юж[ного фронта]. 23 вагона были подвергнуты страшному ограблению, взято пленными наших 20 человек, идущим вслед поездом охраны Юж[ного] фронта Егорьева и навстречу со стороны Грязи броневика Карла Либкнехта эта часть поезда была соединена и привезена в Грязи, после чего было приведено еще два эшелона. Ввиду того,

Генштабист С.Д. Харламов на допросе в рамках дела «Весна» в марте 1931 г. дал показания в отношении расстрелянного начальника Оперативного управления ВГШ бывшего генерал-майора С.А. Кузнецова, сотрудничавшего с белым подпольем, причем указал, что «из назначенных на фронты многие довольно быстро умудрялись “попадать в плен”. Из таких могу отметить: Нечволодов Александр Семенович — удрал с Юж[ного] фронта.

Носович, Ковалевский^I — оба с Южного фронта.

Борисов Вячеслав Евстафьевич^{II} — с Южного.

Карлсон Карл Карлович [—] при отходе от Риги.

Позже дезертировали:

Лебедев Дмитрий Капитонович — в Эстонию^{III}

Цихович Януарий Казимирович [—] в Польшу

Бардинский Иван Алексеевич [—] в Польшу (не проверено)^{IV}.

Важной особенностью многих переходов через линию фронта являлся их индивидуальный характер. На наш взгляд, эта особенность принципиально важна для понимания сути всего явления. Индивидуальный характер такого решительного, связанного с риском для жизни поступка, как переход в лагерь своих недавних врагов, почти всегда предполагает наличие умысла, т.е. осознанность решения, достаточно сильную мотивацию и персональную ответственность перебежчика.

Еще одной причиной бегства генштабистов из Красной армии были семейные обстоятельства. Именно по этой причине 28 сентября 1918 г. неожиданно для всех сбежал к белым инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший полковник И.Г. Пехливанов^V. Единственный советский биограф Пехливанова писал о его бегстве от красных следующее: «После расформирования Псковских отрядов И.Г. Пехливанов был военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы, Петроградской группы войск Северного фронта. В конце августа 1918 года он поехал за семьей в Крым, но усиленное развертывание белогвардейских частей на юге России вынудило его перебраться в Болгарию»^{VI}. Такое утверждение являлось искажением реальных фактов, но написать иначе в советское время вряд ли было возможно. Во-первых, Пехливанов покинул Красную армию не летом, а осенью 1918 г. Во-вторых, он уехал в Болгарию не вынужденно по причине развертывания антибольшевистских сил, а, наоборот, по распоряжению командования этими силами.

что все провода на перегоне Изберзей — Сестренка порваны, связи никакой нет...» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 189–190). Таким образом, Мельников был захвачен казаками 22 августа 1919 г. при нападении на эшелон управления военных сообщений Южного фронта. Утверждение Н. Н. Рутыча, что Мельников якобы избежал «контрольной комиссии» (Рутыч Н. Н. Биографический справочник... С. 160), не соответствует действительности. На самом деле за добровольную службу большевикам Мельников был предан военно-полевому суду (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2690 от 25.11.1919 — РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 112–112об.), но, поскольку его содействие красным было признано несущественным, был прощен (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2773 от 07.01.1920 — РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11).

^I Харламов неточен, поскольку А. Н. Ковалевский был расстрелян.

^{II} Подробнее о Борисове см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 411–445.

^{III} Харламов вновь ошибается — Д. К. Лебедев не дезертировал, а легально уехал из Советской России.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 231 (172). Л. 15–15об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

^{VI} На псковских позициях. Интервью с ректором Псковского педагогического института профессором П. А. Николаевым // Человек с ружьем: Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19.

28 сентября 1918 г. Пехливанов, находясь в Луге, набросал карандашом прямо и по-солдатски рапорт Военному совету Петроградского района: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года.

Ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально¹ отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Воен[ному] совету»².

На документе имелась резолюция о подготовке телеграммы об аресте Пехливанова и предании его суду. Подобное распоряжение действительно было сделано к 1 октября 1918 г. Впрочем, генштабиста в Советской России больше не видели. Как оказалось, он уехал спасать свою семью в Крым. И непонятно, зачем вообще понадобился Пехливанову этот прощальный рапорт.

Секретная и весьма срочная телеграмма комиссара Северного участка отрядов завесы Л.М. Глезарова о розыске беглеца была следующей: «Инспектор формирований второй инспекции Северного участка Генштаба Иордан Георгиевич Пехливанов рапортом от 28/15 сентября, за номером 404, сообщил Военному совету, что ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду он принужден нелегально отправиться на выручку своей семьи, находящейся в тяжелом положении и которую он не видел в течение года. По агентурным сведениям разведки, Пехливанов бежал в направлении Крыма. Приметы его[:]: высокий рост, черные волосы, черные подстриженные усы, темно-карие глаза, темный загорелый цвет лица, когда читает, одевает пенсне. Носит смешанную военную форму, иногда носит серый штатский костюм. Пехливанов родом из Болгарии. Предлагается всем немедленно принять все меры к задержанию бежавшего как дезертира и преданию³ его военно-революционному суду»⁴.

Спустя много лет после Гражданской войны, в феврале 1932 г., о бегстве Пехливанова кратко упомянул в своем донесении органам госбезопасности о бывших офицерах Генштаба секретный сотрудник ОГПУ, военспец Г.И. Теодори: «Пехливанов Иордан Георгиевич, болгарин, полковник. Нач[альник] Лужского направления Сев[ерного] участка завесы с марта по май 1918 г. Бежал с Лужского направления в 1918 г., помогли, как говорили, [И.Д.] Чинтулов и [А.И.] Верховский[,] – [Ф.И.] Балабин и [В.И.] Шишкин»⁵. Это донесение содержит сведения о тех слухах, которые циркулировали в кругах военспецов в период Гражданской войны и перемежались с официальной информацией. Но вполне возможно, что упомянутые Теодори военспецы действительно помогли Пехливанову бежать.

Пехливанов оказался единственным высокопоставленным перебежчиком из Красной армии, чью семью было предписано арестовать в соответствии с распоряжениями об ответственности членов семей перебежчиков⁶. Однако семья

¹ Подчеркнуто в документе кем-то из читателей.

² РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 126.

³ В документе ошибочно — предания.

⁴ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 158.

⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 237.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24. Подробнее о практике взятия в заложники членов семей военспецов см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 375–394.

Иордана Георгиевича находилась вне досягаемости советских органов госбезопасности, и приказ этот был невыполним.

Троцкий призывал армейское командование решить проблему переходов на сторону противника из-за места проживания семьи. Летом 1919 г. в связи с переходом к противнику военспецов под Харьковом он писал: «Когда Харьков оказался захваченным, эти “специалисты” предпочли остаться при своих семьях. Многие из них в своем политическом невежестве думали, вероятно, что сдача Харькова означает крушение советской власти, ибо среди старого офицерства немало политически невежественных простаков, которые воображают, что Деникин может задержать ход революции... Конечно, эти командиры, мечущиеся из одного лагеря в другой или просто боящиеся оторваться от своих семейств, представляют собою не лучший человеческий материал. Насколько же предусмотрительно поставить их в такое положение, когда место жительства их собственной семьи склоняет их к тому, чтобы перейти в лагерь противника. На ком здесь вина? — На военной советской организации»¹.

Некоторые переходы сопровождались настоящими инсценировками. Так, родной брат командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина бывший генерал И.П. Сытин дезертировал из РККА, будучи назначен в состав советской мирной делегации Х.Г. Раковского в Киеве в качестве военного эксперта. Официально с 3 июля 1918 г. он числился в распоряжении начальника ВГШ. Вероятная причина внезапного дезертирства бывшего генерала обнаруживается в делопроизводстве РККА. В середине сентября 1918 г. обсуждался вопрос о возможности назначить Сытина военным руководителем в один из военных округов (предполагался Приволжский округ²). В составе делегации ВГШ планировал заменить его другим бывшим генералом-генштабистом В.И. Соколовым³. Сытин еще 31 августа дал согласие на перемещение, но телеграфировал в отделение по службе Генштаба, что «председатель мирной делегации не изъявил согласия отпустить меня сейчас из Киева, ибо я единственный эксперт [по] военным делам...»⁴ О каком-либо назначении в военном ведомстве просил сам военспец, поскольку не получал содержания по прежней должности с января 1918 г.⁵ Начальником ВГШ тогда был один из руководителей офицерского подполья в Советской России бывший генерал Н.Н. Стогов, а предполагавшийся к назначению в Киев бывший генерал Соколов являлся также видным деятелем белого подполья. К сожалению, у нас нет данных о том, какую цель преследовало возможное назначение подпольщика в советскую делегацию в Киеве. По всей видимости, когда стало ясно, что речь идет о предстоящем вовлечении в Гражданскую войну, Сытин предпочел покинуть советский лагерь. Тем более что в Киеве для этого были все возможности. Находясь в Киеве на протяжении нескольких месяцев переговоров (документы свидетельствуют, что Сытин там был еще в июле 1918 г.), он мог наладить контакты с прежними сослуживцами.

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. С. 233.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 84; Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 313.

³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 484. Л. 1.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 315.

⁵ Там же. Л. 327.

Дальнейшее описывает заметка «Загадочное исчезновение ген. Сытина» из киевской газеты «Последние новости»: «Третьего дня поздно вечером бесследно исчез один из экспертов советской делегации генерал И.П. Сытин.

Исчезновение генерала, занимавшего видное место в советской армии (брат исчезнувшего генерала назначен главнокомандующим Южной армией), вызвало большой переполох в среде российской мирной делегации.

Тревога о судьбе исчезнувшего генерала советской армии особенно усилилась после получения тов[арищем] председателя советской делегации от неизвестной группы лиц письма следующего содержания: “М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Захарович!”

Считаем долгом поставить вас в известность о том, что в г[ород] Киев прибыла 10 дней тому назад” идейная организация для самой беспощадной, самой жестокой борьбы с насильниками, бандитами, убийцами и палачами-большевиками. Те методы борьбы, которые применялись до сего времени, очевидно недостаточны. Ваши действия и ваша забота по созданию анархии в стране заставили, наконец, идейных людей, “контрреволюционеров”, сплотиться и образовать союз для активной борьбы с вами.

Ваши подозрения на Южную, Астраханскую и Северную армию совершенно пошлы и не имеют под собой никакой почвы. Мы работаем тут всего десять дней и знаем все, что вас касается, мы за этот срок детально расшифровали вашу контрразведку.

Нами ликвидированы 15 ваших людей, шестнадцатым пошел, по вашему выражению, в “штаб Духонина” – Потемкин, 17-й идет Сытин, а за ним Бельгов. Ваша типография в наших руках, мы знаем все ваши средства, начальника вашего революционного штаба, начальников дружин – все нам определенно известно. Китайцы и латыши, прибывшие в Киев, у нас на учете и под постоянным наблюдением. В нашем распоряжении на бирже 15 вооруженных шоферов и извозчиков.

Вы и ваша делегация не выедете из Киева, т.к. нами минированы все пути в трех направлениях и ваш поезд будет взорван.

Помните, вам нет выхода, нет спасения. Самостийники, на которых вы опираетесь, наполовину наши люди, и мы знаем все ваши шифры и пароли, знаем от самостийников о всяких же переменах в них.

Вы – обречены”.

Об исчезновении генерала Сытина Д.З. Мануильским доведено до сведения украинских и германских властей. Полученное от неизвестной группы мстителей письмо также передано властям¹. Подобное наивное письмо с нереализованными угрозами можно отнести на счет чьей-то богатой фантазии, но атаки на советскую делегацию на этом не прекратились. В те же дни в гостиницу «Марсель», где находилась делегация, ворвался вооруженный отряд неизвестных с целью арестовать делегатов. Аресту помешал германский патруль². Самого же Сытина никто не ликвидировал, а объявился он уже на белом Юге, где был предан

¹ Правильно — командующим Южным фронтом.

² Обращение к Д. З. Мануильскому — заместителю председателя советской делегации.

³ Загадочное исчезновение ген. Сытина // Последние новости (Киев). 1918. 25(12).10. № 5256. С. 3.

⁴ Гостиница «Марсель» // Там же.

за службу в РККА военно-полевому суду, приговорен к четырем годам каторжных работ с заменой разжалованием в рядовые и назначением в Партизанский генерала Алексеева пехотный полк¹. Существует версия и о том, что Сытина похитили члены тайной офицерской организации, чтобы спровоцировать разрыв отношений между Украиной и Советской Россией². Дезертирство И.П. Сытина не отразилось на положении его брата П.П. Сытина, оставшегося в РККА и занимавшего там высокое положение³.

Не всегда переходы были преднамеренными, некоторые происходили в силу обстоятельств. Например, курсовик С.И. Костров, учившийся в академии Генерального штаба, получил соответствующее разрешение и выехал весной 1918 г. в Оренбург, чтобы навестить мать, которую давно не видел, однако в связи с блокадой города восставшими казаками ему пришлось там остаться⁴. Впрочем, при сильном желании возможность эвакуироваться с красными отрядами В.К. Блюхера, Н.Д. Каширина и Г.В. Зиновьева у Кострова была, однако, опасаясь репрессий, он предпочел скрываться до освобождения города казаками. В дальнейшем Костров сделал неплохую карьеру у белых, дослужившись до полковника, и.д. начальника оперативного отделения штаба Отдельной Оренбургской армии и оберквартирмейстера штаба отдельного Оренбургского корпуса. В походах вместе с белыми он участвовал до конца 1921 г.

Сознательные переходы от попадания в плен нередко отделяет довольно тонкая грань, в связи с чем иногда сложно определить, с каким именно явлением мы сталкиваемся.

Так, заместитель наркома по военным делам Л.Д. Троцкого Э.М. Скланский разыскивал военного руководителя Приволжского военного округа В.В. фон Нотбека, который остался в Самаре при занятии ее чехами. Однако в ответ на запрос Скланскому в августе 1918 г. было сообщено, что Нотбек не сам остался в городе, а был задержан там чехами⁵.

События в Самаре следует рассмотреть подробнее, поскольку речь идет о коллективном переходе на сторону противника штаба Приволжского военного округа. Настроения работников штаба выразил в своих мемуарах бывший полковник П.П. Петров, отметивший, что сотрудники штаба, несмотря на советскую действительность, пытались удержать штабной аппарат в своих руках⁶.

В штабе Приволжского военного округа служили 13 выпускников академии: военрук В.В. фон Нотбек, его помощник и начальник штаба округа Н.В. Пневский, начальники управлений К.Ю. Берендс, П.П. Петров, А.И. Прозоров и А.И. Крюгер⁷. Также там служили Г.К. Акинтьевский (начальник отдела), М.Я. Савич

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 128. Л. 231.

² Чемакин А. А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020. С. 55.

³ О дальнейшей службе П. П. Сытина см.: Ганин А. В. От редакции // Родина. 2011. № 2. С. 41; Его же. От военпреда товарища Сытина. Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме // Родина. 2014. № 5. С. 132–135; Его же. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.

⁴ ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 146–146об.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 310.

⁶ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 260.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 362об.

(делопроизводитель), Л.А. Текелин (начальник отдела), И.М. Финицкий (делопроизводитель), Н.М. Щербаков (начальник отдела). Кроме того, там служил окончивший два класса академии А.В. Беклемишев (помощник начальника отдела). К сотрудникам штаба в конце мая присоединился и В.О. Каппель. В целом штаб округа (бывший штаб 1-й армии Северного фронта) представлял собой устоявшийся коллектив работников, костяк которого служил вместе уже более полугода¹. Соответственно, и решение о присоединении к той или иной стороне Гражданской войны в такой сформировавшейся группе работников могло приниматься коллективно.

А.В. Беклемишев на следствии в белой Сибири в 1919 г. показал, что в середине апреля 1918 г. в Старой Руссе командующему 1-й армией генералу В.В. фон Нотбеку ввиду расформирования армии было предложено сформировать штаб Приволжского округа в Самаре. Нотбек сообщил об этом офицерам штаба, желая узнать их мнения. На собраниях всех офицерских и классовых чинов штаба армии было вынесено постановление о согласии продолжить службу с условием неучастия во внутренней междоусобной борьбе, а только против внешнего врага².

Штаб имел связь с офицерским подпольем в Самаре. Как впоследствии свидетельствовал видный деятель самарского подполья генерал Н.А. Галкин, «позиция, занятая ПриВО³ (офицеров, находящихся в штабе), была следующая. Они согласны были, как об этом много говорил генерал [Ф.Ф.] Шарпантье⁴, во время переворота не мешать нам, но в открытую они помогать боялись, ибо считали дело обреченным на неудачу. В случае же успеха они готовы были, по их словам, приложить свои силы и знания к расширению и укреплению достигнутых успехов. Таким образом, офицеры ПриВО от открытой поддержки воздержались, ограничившись действиями, помогающими организации: плохая охрана складов оружия и т.п.»⁵.

Н.И. Подвойский вспоминал о своей встрече с работниками штаба округа: «Был случай в Самаре, когда я приехал, положение на фронте было самое трагическое, казалось, там есть большой аппарат, военно-окружной комиссариат — 350 человек государственных людей с большими именами, Пневский, [С.В.?] Руднев и другие. Я сказал: вам придется взять на себя руководство обороной. — Как руководство обороной, это внутренняя борьба. Я говорю, внутренняя или внешняя — это определяет государственная власть, а в настоящий момент вы — те государственные силы военные, которые могут способствовать государству, чтобы никакие мятежи, никакие потрясения государственного организма не происходили в Самаре. Завтра благоволите разработать план.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175.

² Данные о составе штаба 1-й армии к 15 декабря 1917 г.: командующий армией генерал-лейтенант В.В. фон Нотбек, начальник штаба генерал-майор Н. В. Пневский, генерал-квартирмейстер подполковник К. Ю. Берендс, старший адъютант общего отделения подполковник Г. К. Акинтьевский, старший адъютант разведывательного отделения подполковник П. П. Петров, старший адъютант оперативного отделения капитан Б. А. Мержанов, начальник контрразведывательного отделения подполковник Л. А. Текелин, штаб-офицер для поручений по авиации подполковник Д. Г. Фокке, помощник старшего адъютанта оперативного отделения штабс-капитан Гаврилов, дежурный генерал генерал-майор А. И. Крюгер, начальник этапно-хозяйственного отделения генерал-майор А. Г. Габаев (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 284–299).

³ ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

⁴ Приволжским военным округом.

⁵ В документе — Шерпантье.

⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885. Л. 4–5.

Первый раз в жизни мне пришлось слышать от умного человека и от людей, проработавших чуть не 40 лет, как Пневский, прошедший все стажы, чтобы он сказал такую нелепость: «Но нас приглашали заниматься административной работой». Это человек, которого учили, начиная от кадетского корпуса и военного училища, что ты – государственный человек, государственная точка зрения никаких рассуждений не допускает, если тебе правительство и твое непосредственное начальство приказывает, ты не имеешь права рассуждать. Деморализация прошла так глубоко, что позволила продиктовать такую реплику». На самом деле причина была не в деморализации старых опытных генштабистов, а в их наивной вере в то, что можно будет избежать втягивания в Гражданскую войну. Однако рано или поздно им пришлось делать свой выбор.

Петров писал, что симпатии штабных работников были на стороне антибольшевистских сил, однако о последних мало что было известно. Основным условием сотрудничества с советской властью генштабисты выдвинули непривлечение их на внутренний фронт. 8 июня 1918 г. Самара была занята чехословаками, и здесь началось формирование Народной армии Комуча. Значительная часть персонала штаба (офицеры, чиновники, телеграфисты, писаря, хозяйственная часть) перешла на сторону антибольшевиков. По некоторым данным, указание штабу округа остаться в Самаре было дано Подвойским^I. С другой стороны, генерал Петров отмечал, что перед приходом чехов часть штаба была отправлена в Симбирск^{II}. Это же подтверждает и официальная история Приволжского военного округа, в которой указано, что эвакуация производилась по приказу Подвойского. Часть сотрудников с комиссаром А. Ф. Долгушиным (в прошлом – матросом, членом Центрального комитета Балтийского флота) добралась до Симбирска и далее должна была выехать в Казань, куда предполагалось передислоцировать штаб округа, другая группа с комиссаром А. Н. Войтовым (в прошлом – председателем армейского комитета 1-й армии, штаб которой был преобразован в штаб округа) ушла в Саратов и далее выехала в Москву. В составе этой группы был и начальник штаба округа Пневский^{III}. Есть данные о том, что уже после захвата штаба противником комиссар Войтов и военрук Нотбек издали секретный приказ о том, чтобы служащие поодиночке ехали в Симбирск^{IV}.

Военрук округа бывший генерал В. В. фон Нотбек в годы Первой мировой войны командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией. Он отрицательно относился к революционным порядкам и развалу старой армии в 1917 г. Кроме того, генерал не собирался втягиваться в Гражданскую войну^V. Впрочем, это ему не удалось. Работникам штаба 1-й армии предложили выбрать округ, в штаб которого предстояло переформироваться. Обсуждались варианты Архангельска или Самары. В первом случае речь шла о надеждах на высадку союзников. Итоговый выбор

^I РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 13.

^{II} РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

^{III} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 260.

^{IV} Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 32–33.

^V Ненароков А. П. Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 84.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 21. Л. 30об.

Приволжского округа работники штаба армии сделали в связи с близостью Уральской области с антибольшевистски настроенным казачеством^I.

В Самару штаб прибыл в мае 1918 г. Когда нарком Н.И. Подвойский стал требовать от штаба организовать оборону города от чехословаков, работники, не желая втягиваться во внутреннюю войну, отказались. В этом их поддержали даже комиссары штаба. Подвойский пригрозил военспецам репрессиями, также был поставлен вопрос об эвакуации штаба в Саратов или Казань. Конфликт с представителями РКП(б) во многом предопределил переход штаба на сторону антибольшевистских сил.

Военруку фон Нотбеку начальник штаба округа Пневский жаловался на беспокойство за судьбу супруги. Кроме того, отец генерала, отставной генерал от инфантерии В.И. Пневский, жил в Смоленске, что также ограничивало выбор сына, хотя тот и сочувствовал белым. Пневский переоделся в штатское, а супруга надела костюм сестры милосердия – в таком виде они покинули Самару^{II}. В итоге Пневский всю Гражданскую войну прослужил в РККА (отметим, что его отец числился на учете в РККА в 1920–1921 гг.) и даже занимал серьезный пост начальника штаба советского Южного фронта, умер он в 1928 г. в СССР. У Пневского имелись и родственные связи в руководстве РККА. В частности, он приходился шурином начальнику ПШ РВСР Ф.В. Костяеву. Фон Нотбек же, прослужив у белых на Востоке России, в 1921 г. был убит или умер в Верхнеудинске.

Из тринадцати выпускников академии, служивших в штабе, к белым перешли десять: Акинтьевский, Беклемишев, Каппель, фон Нотбек, Петров, Прозоров, Савич, Текелин, Финицкий и Щербаков. К перебежчикам не присоединились Пневский, Крюгер и Берендс. У них были свои причины. Начальник штаба округа бывший генерал Пневский остался с большевиками по семейным обстоятельствам (кроме того, он не верил в успех антибольшевистского сопротивления) и уехал в сторону Саратова, несмотря на то что группа перешедших на сторону антибольшевистских сил работников штаба уговаривала его присоединиться к ним^{III}. Подобное решение в той обстановке потребовало с его стороны определенного мужества. Возможно, на решение повлиял и комиссар Войтов.

Бывший генерал Крюгер был уже немолод и тяжело болел, осенью 1918 г. он считался совершенно не пригодным к строевой службе^{IV}. Вероятно, по этим причинам летом 1918 г. он избежал перехода к противнику. Бывший подполковник Берендс не перешел вместе с остальными только по случайному стечению обстоятельств, что видно из его письма генштабисту А.С. Белому от 21 июня 1918 г.: «Глубокоуважаемый Александр Сергеевич, прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне все, что Вы знаете о судьбе штаба Приволжского в[оенного] о[круга], которая мне, несмотря на все старания, до сих пор неизвестна и крайне тревожит.

Я из числа многих командированных из штаба, 1 июня выехал в Вологду, чтобы перевезти свою семью в Самару.

^I Там же. Л. 32об.

^{II} Там же. Л. 45–46.

^{III} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 87.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120. Л. 29.

За мое отсутствие произошли известные Вам события, которые не позволяют до сих пор [ни] присоединиться к штабу, ни получить о нем ни от кого никаких известий.

Я считаю необходимым поставить в известность ГУГШ о своем местопребывании и своем выжидании момента, когда я смогу явиться в свой штаб, но, не имея точных сведений о его судьбе, этого пока сделать не могу.

Если будет признано правильным мое решение выжидать, то прошу это санкционировать, в противном случае прошу соответствующих указаний. Быть может, необходимо прибыть лично за указаниями в Москву; в последнем случае укажите, куда я должен прибыть. Неопределенность и неизвестность положения меня тревожит, тем более что я не имею права считать себя свободным, занимая должность начальника мобилизационного управления штаба окр[уга]. Без работы сидеть я не привык и потому счел необходимым Вас просить оказать мне любезность ответить на мои вопросы в этом письме...¹ Таким образом, Берендс попросту отсутствовал в Самаре и не имел возможности выбрать, к кому присоединиться.

Управляющий военным ведомством Комуча Н.А. Галкин впоследствии вспоминал: «Руководителем передового отряда, который вел эти бои, был капитан Капель из ПриВО. Он служил в ПриВО, занимал какую-то должность в штабе. Когда белые захватили власть, то всему штабу ПриВО было предложено вступить в Нар[одную] армию. Генерал Пневский, начальник штаба, отказался вступить. Точно так же отказался вступить другой генерал, который был начальником ПриВО. Оба эти генерала отказались вступить, сказав, что считают это авантюрой, ибо знают силы Красной армии и полагают, что все мы будем в ближайшее время разбиты. Мы проявили к ним большой либерализм – они были отпущены, и оба на пароходе уехали (пароходы в то время еще ходили) в Москву. Пневский умер здесь в Москве. А остальные офицеры ПриВО все примкнули, в том числе и Капель»². Галкин неточен, поскольку военрук фон Нотбек тоже примкнул к белым.

Анализируя произошедшее, нельзя не признать самарские события крайне благоприятными для основной массы штабных работников, которым фактически не пришлось ничего делать, чтобы оказаться в антибольшевистском лагере (они даже продолжили работу в том же здании, просто переменяв вывеску), где, если верить мемуарам Петрова, они и хотели оказаться. В то же время те немногие генштабисты, которые по идейным причинам не хотели переходить к противникам большевиков, смогли избежать службы у них. Отметим, что Текелин и Финицкий в конце Гражданской войны вновь поступили на службу в РККА.

На некоторое время Самара стала центром притяжения противников большевиков, куда разными путями стремились попасть и другие генштабисты-перебежчики. По воспоминаниям подполковника И.С. Ильина, летом 1918 г. в Самаре, «направляясь в штаб, я увидел идущего мне навстречу высокого военного в потрепанной солдатской шинели без погон. Остановил меня – спросил, где штаб. Оказывается, это ген. [С.Н.] Розанов, только что перешедший линию фронта. Пока мы шли в штаб, он рассказывал свою эпопею. Он командовал в Пензе полком. Во время войны был начштаба дивизии, а потом корпуса. Когда началась революция,

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 118–119об.

² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 243. Л. 30.

пробрался в Пензу, там скрывался, а затем, узнав о восстании чехов, стал пробираться к белым...»¹ По свидетельствам генералов М.А. Иностранцева и С.А. Щепихина, к белым Розанов прибыл, переодевшись крестьянином².

Можно привести другие примеры коллективных переходов генштабистов от красных к белым. В первую очередь, это история с переходом практически в полном составе в июле – августе 1918 г. к белым на Восточном фронте (Екатеринбург и Казань) Военной академии.

19 июля Троцкий телеграфировал в Екатеринбург члену РВС Северо-Урало-Сибирского фронта И.Т. Смильге с копией начальнику академии А.И. Андогскому: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут там оставлены. Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуации предоставил Революционному военному совету в Казани. Ему предписано отпустить в распоряжение академии достаточное денежное средство³, дабы эвакуация была сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава. Восемьдесят слушателей старшего курса предоставлены мною в непосредственное распоряжение Военного совета. Академия нам необходима для рабочей и крестьянской власти, а не для кого-нибудь другого, и стало быть, ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи. Всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени»⁴. Грозную телеграмму воспроизвели в приказе по академии 21 июля.

Угрозы Троцкого оказались бесполезны, и белые за несколько дней приобрели сразу свыше двухсот специалистов Генерального штаба. Слушатели академии в этих событиях сыграли отнюдь не последнюю роль. В Екатеринбурге, где располагалась академия, существовало антибольшевистское подполье, в которое входила и группа офицеров академии во главе с бывшим подполковником К.Ю. Румшей⁵. Подпольщики из числа слушателей тайно покинули город. В Екатеринбурге остались несколько сотрудников, многие семьи преподавателей и слушателей, а также имущество академии. Часть академии, эвакуированная в Казань, примкнула к антибольшевистским силам в результате захвата ими этого города 7 августа 1918 г.

В результате перехода академии противники красных существенно укрепили свой кадровый потенциал. Помимо профессорско-преподавательского состава к белым попали и многочисленные слушатели. Всего в антибольшевистских формированиях на Востоке России оказались не менее 170 слушателей старшего класса 3-й очереди (из них 90 поступили на службу в Сибирскую армию и 80 – в Народную армию⁶). В РККА из слушателей старшего класса к осени 1918 г.

¹ Ильин И. С. Комуч // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 65. С. 232.

² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 17; Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 737.

³ Так в документе.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 232.

⁵ Подробнее об этой организации см. главу VIII.

⁶ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.

остались не менее 28 человек¹, причем среди оставшихся по причине болезней, отпусков, командировок или арестов были противники большевиков (например, подпольщик К.Н. Староскольский, позднее также перешедший к белым). Не менее четырех слушателей уже в 1918 г. попали в национальные армии (в том числе уехав в отпуски). Два слушателя погибли на Урале летом 1918 г. Местопребывание еще семи летом – осенью 1918 г. предстоит уточнить. Исходя из этих данных, 80,6% слушателей перешли к противникам большевиков на Востоке России и лишь 13,3% остались в РККА. Кроме них, в разных местах на сторону антибольшевистских сил перешли 80 слушателей младшего ускоренного курса, 12 остались в РККА, 16 находились в отпусках, и данные еще о семи неизвестны². Следовательно, 69,6% слушателей младшего курса попали в антибольшевистский лагерь и только 10,4% остались в РККА.

Непродуманностью и неосторожностью была продиктована командировка группы из выпускников курсов 2-й и 3-й очередей академии в первой половине 1918 г. по распоряжению ГУГШ на Кавказ. Скорее всего, в связи с возвращением на Кавказский фронт, где они служили до академии³, в регион были командированы среди прочих и местные уроженцы – казаки и представители кавказских народов⁴. Направление большого количества слушателей на Кавказ связано с активизацией турецких войск и работой армянского военного комиссара в Петрограде [Н.А.] Мелик-Парсаданова и бывшего генерал-майора Я.Г. Багратуни⁵. Как удалось установить, «от ноября 1917 до февраля 1918 г. Багратуни, будучи в Петрограде армянским военным комиссаром, перевел с Западного фронта и из России до 40 тыс. армян-воинов на Кавказ. Его коменданты имелись в Харькове, Ростове и других местах»⁶. В анонимном очерке «Формирование Армянского корпуса» отмечалось, что «особенно велико было участие Генерального штаба генерал-майора Багратуни, который пользовался влиянием в высших военных кругах Петрограда и, обладая серьезными познаниями в области военного дела и сильной [неразборчиво] выдержкой характера, оказал большие услуги делу создания армянского корпуса»⁷. 7 марта Багратуни прибыл в Закавказье, куда ранее направлял слушателей академии. Ничего удивительного нет в том, что вскоре связь с этими офицерами прервалась, а позднее их следы обнаруживаются в белом лагере. Другие известные случаи командировок на Кавказ также вели к побегам.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–7об. Дополнено по собственным изысканиям.

² РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 37–37об.

³ Публикацию приказа см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 48. Из намеченных к командированию на Кавказ 19 слушателей старшего класса 2-й очереди двое командированы не были и, соответственно, остались в РККА. Из 17 остальных 10 попали в белые армии Юга России, 2 в национальные армии, и о дальнейшей службе 5 офицеров данных пока обнаружить не удалось. Таким образом, командировки офицеров из местных уроженцев в этот регион почти гарантированно приводили к их переходу в антибольшевистский лагерь. Впрочем, в конце Гражданской войны четверо вновь оказались на службе в РККА, один приехал в Советскую Россию, но его деятельность неизвестна, и один попал в плен и был расстрелян. Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 141–142, 144.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

⁶ НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 94. Л. 69об.

⁷ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

Иногда из Красной армии пропадали целые штабы. Так, 27 августа 1918 г. бесследно исчезла группа военспецов, прибывших в Пермь из Москвы на укомплектование формирующейся дивизии: начальник штаба Пермской дивизии генштабист А.А. Сандецкий, его помощник Н.П. Альбокринов, командир 5-го Пермского полка Н.Н. Трухин, а также В.С. Александровский, В.А. Бек, А.Н. Быков, П.Е. де-Бур и К.В. Паас^I.

По всей видимости, еще один групповой побег был совершен генштабистами, находившимися в 1919 г. на госпитальном лечении в Петрограде (Н.Н. Долинский, Н.И. Дроздовский, П.П. Каньшин, М.Н. Суворов)^{II}. К сожалению, подробности этого перехода неизвестны, неизвестно и то, находились ли без вести пропавшие в каком-то одном госпитале или же в разных. Во всяком случае, двое из них (Дроздовский и Суворов) после исчезновения оказались у белых, данных же о том, куда попали остальные, пока нет.

При эвакуации Екатеринослава 22 июня 1919 г. в городе остался почти весь полевой штаб 14-й армии, включая трех выпускников и слушателей академии: начальника штаба бывшего капитана С.И. Шкляр-Олексюка, начальника оперативного отдела бывшего подполковника А.Н. Ягоду и состоявшего для поручений при командарме К.Е. Ворошилове бывшего капитана Б.Ф. Черниговского-Сокола^{III}. Кроме них, остались состоявший для поручений при начальнике штаба, начальник административного отдела, начальники организационного и оперативного отделений, помощник начальника разведывательного отделения, переводчики, лица, состоявшие в резерве комсостава, делопроизводители и даже уборщики. Перебежчиков исключили из списков и объявили вне закона. Показательно, что заменивший Шкляр-Олексюка бывший штабс-капитан К.Ф. Монигетти также оказался неблагонадежным и вскоре перешел к белым при оставлении Киева^{IV}. Позднее Черниговский-Сокол вновь оказался у красных, был арестован, затем освобожден. Военспец утверждал, что к белым он попал в плен^V.

На сторону белых в Киеве организованно перешла группа ответственных работников штаба 12-й советской армии. По оценке сотрудника разведывательного отделения штаба 12-й армии, «все мои сослуживцы в отделении, как и я сам, принадлежали к категории, именуемой большевиками «контра»»^{VI}. Наиболее высокопоставленными перебежчиками в составе группы из штаба 12-й армии были начальник военных сообщений 12-й армии генерал-майор С.М. Языков, выпускник академии 1904 г., и его помощник генерал-майор П.Н. Буров, выпускник академии 1903 г. У красных оба числились пропавшими без вести при эвакуации Украины^{VII}. Помимо Языкова и Букова на сторону Деникина тогда перешел однокашник Языкова по академии бывший генерал-майор К.А. Моравицкий, занимавший посты начальника разведывательного отделения оперативного управления штаба 12-й армии и помощника командующего армией. Он также числился пропавшим

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 384об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 3; Д. 1009. Л. 47об.; Д. 69. Л. 39; РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 170.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 453–459.

^V ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 141об.

^{VI} Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 617.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

без вести при эвакуации красными Украины¹. По всей видимости, объединяющую роль сыграл фактор совместного обучения всех троих в академии. Кроме того, на сторону белых перешел (однако неизвестно, в Киеве или нет) состоявший для поручений при начальнике военных сообщений 12-й армии капитан М. А. Михайлов.

Потенциальными перебежчиками являлись члены различных подпольных организаций. Характерно описание истории побега из РККА курсовика Н. А. Киселева, изложенное его однокашником по академии Б. И. Кузнецовым: «Никаких вопросов мне Киселев не задавал. После Чехословацкого мятежа однажды вечером Киселев пришел ко мне на дом и заявил, что он скоро собирается ехать в отпуск, т.к. переутомился и таковой уже получил. Я спросил: “Куда же он едет?” — ответил, что в Тверскую губернию к знакомым.

Затем он сразу обратился ко мне со следующими словами: “Вы офицер, и я посмотрелся на вашу работу и решил совершенно открыто вас спросить: неужели вы думаете так продолжать служить?”

Я ответил, что удивлен его вопросом и не совсем его понимаю. Тогда Киселев прямо сказал, что он предлагает мне служить вместе с ним белым. Не желая себя связывать, о чем тут же и сказал Киселеву, я просил его назвать мне хоть одну фамилию, по которой я мог бы судить, насколько серьезно предложение Киселева. Он назвал фамилию “своего ближайшего руководителя Кривошеина”. Киселев к этому добавил, что “большевики продались немцам. Я могу вам показать при условии вашего согласия с нами работать фотографию документа, добытого французами, где ясно видна продажность большевиков”.

На это я буквально ответил следующее: “Кривошеин — царедворец (я считал бывшего министра и не предполагал, что у него есть брат и сын), и меня такое руководство не прельщает. Я не большевик, вряд ли таковым стану, с пути же, на который встал, не сойду. О дальнейшем я вас спрашивать не желаю, ибо не верю Кривошеиным и К^о — все, что вами было здесь сказано, останется между нами”.

Киселев ушел, и дня через два я узнал, что он уехал в отпуск, из которого не вернулся. Куда он бежал, я не знаю... За несколько же дней до моего ареста я получил подлинную разведывательную сводку штаба Колчака, где стояла подпись “причисленный к Генер[ально]му ш[та]бу Киселев”, думаю, что это бежавший².

В Киеве на сторону белых из рядов РККА перешли видные деятели антибольшевистского подполья: подполковники Н. Ф. Соколовский и А. И. Парв, занимавшие у красных должности помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР и начальника оперативного отдела штаба группы войск Сумского направления соответственно. Если верить их собственным свидетельствам, Соколовский внес значительный вклад в сдачу белым Киева, а Парв содействовал занятию белыми Полтавы и Сум³.

Интересный путь проделал выпускник курсов 2-й очереди войсковой старшина И. П. Тюрморезов. По имевшимся летом 1919 г. у донских офицеров данным,

¹ Там же. Л. 38об.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 33об.—34.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 49—55об. Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3—20.

он «в [19]18-м году был в войсках Мамонтова на должности начштаба отряда Дубовского, а после какой-то дивизии, затем вследствие каких-то недоразумений с генералом Денисовым он выехал на родину в Черниговскую губерн[ию], а дальше гетманщина и большевизм на Украине его захлестнули, и только теперь ему после боев под Полтавой в качестве чернорабочего удалось перебежать [на] нашу сторону»¹.

Среди перебежчиков стали появляться своеобразные рекордсмены, практически профессиональные перебежчики. Еще генерал А.Г. Шкуро отмечал (правда, о рядовых бойцах), что «были ловкачи, умудрявшиеся по 3–4 раза послужить в каждой из враждебных армий»². Некоторые офицеры за время Гражданской войны 1917–1922 гг. тоже успели совершить сразу по несколько переходов, побывав в рядах противоборствующих сторон по два и более раз. Среди военспецов РККА лидирует генерал К.И. Сербинович. В 1919 г. он бежал из РККА на Украину, позднее попал к белым, был направлен командованием на Дальний Восток, арестован красными в Благовещенске в 1920 г. и после полугодичного пребывания в тюрьме бежал, сумев вновь пробраться к белым. Таким образом, он дважды бежал от красных. Возможно, еще одним лидером по числу побегов был курсовик Х.В. Гуртовенко, зарегистрированный в 1918 г. в РККА, а затем в украинской армии, в 1919 г. – вновь в РККА и как пропавший без вести. Нетривиальный путь проделал бывший капитан Н.И. Дроздовский. Весной 1918 г. он окончил ускоренные курсы 2-й очереди академии и некоторое время числился в РККА, но в мае ушел по собственному желанию в отставку, на осень 1918 г. служил в украинской армии, а в конце года был арестован красными³. Затем на протяжении большей части 1919 г. находился на лечении в госпитале в Петрограде, откуда осенью был неизвестно куда⁴ и считался без вести пропавшим. Как впоследствии выяснилось, он бежал на белый Юг, где служил во ВСЮР и в Русской армии, а на 1922 г. вновь числился в украинской армии в эмиграции.

Абсолютное лидерство по общему числу побегов, скорее всего, принадлежит генералу И.М. Зайцеву, который только в 1918–1919 гг. совершил три побега, причем один – через линию фронта к белым, а затем, вернувшись после Гражданской войны из эмиграции в СССР, – еще два дерзких побега, в том числе из Соловецкого лагеря и из самого СССР в Китай⁵. Впрочем, в период Гражданской войны Зайцев не служил в РККА, а просто находился на подконтрольной красным территории. Другой не служивший в РККА видный генштабист, полковник А.П. Перхуров, пробрался к белым через линию фронта после разгрома возглавленного им Ярославского восстания.

Маршруты отдельных перебежчиков могли быть весьма экзотичны. Так, слушатель младшего класса 3-й очереди штабс-капитан С.А. Безобразов в 1918 г. оказался в Советском Туркестане. Покинул его он, уехав в Памирский пограничный

¹ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 277об.

² Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 234.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.

⁵ Подробнее о Зайцеве см.: Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 193–207; Его же. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.

отряд, а затем в конце 1918 – начале 1919 г. в составе отряда из 34 человек через Гиндукуш попал в Индию, откуда проехал во Владивосток и далее в белую Сибирь. Как свидетельствовал сам перебежчик, «Северную Индию я прошел через перевал Барогил[ь] по Читральской полузависимой провинции, по долине реки Обидар через крепость Кала и Дрош, на перевал Лаварай, по независимой разбойничьей стране Дир, откуда спустился в долину реки Чах-Дара, где начинается собственно Индия»¹. Маршрут отряда пролегал через так называемый Ваханский коридор – высокогорный район Афганистана, разделявший Россию и Индию. Афганистан отряд Безобразова прошел через перевал Барогиль. Этот перевал, хотя и самый низкий в горах Гиндукуша, расположен на высоте 3798 метров над уровнем моря. Дальнейший путь пролегал по нынешней территории Пакистана (тогда это была Индия), по землям, населенным дикими воинственными племенами. Перевал Лаварай, по которому отряд шел далее, имеет высоту 3118 метров над уровнем моря. В зимнее время он опасен своими лавинами. Только пешая часть маршрута составила более 700 километров по горной местности.

Штабс-капитан П. И. Олейников начал Гражданскую войну в рядах РККА, служил в войсках завесы, затем перебрался на гетманскую Украину, где пытался устроиться на военную службу, служил в украинских войсках, попал в плен к полякам, будучи военнопленным, завербовался на службу в Западную добровольческую армию, после разгрома которой в конце 1919 г. оказался интернирован в Германии, затем получил приглашение приехать в Польшу для участия в формировании русских частей и осенью 1920 г. занял пост генерал-квартирмейстера штаба Русской народной добровольческой армии генерала С. Н. Булак-Балаховича². За период 1918–1920 гг. Олейников прошел путь от штабс-капитана до подполковника.

Случаи плена и интернирования связаны и с Советско-польской войной. Так, еще в мае 1919 г. в плен к полякам попал (или сдался) бывший полковник П. М. Смоляк, являвшийся уроженцем вошедшей в состав Польского государства Калишской губернии. Из ПШ РВСР соответствующая телеграмма была направлена в НКВД: «14 сего мая на ст[анции] Ново-Свенцяны был взят в плен поляками состоявший для поручений при командарм белит³ Генштаба Петр Михайлович Смоляк (бывший полковник Генерального штаба). По показаниям бежавшей со стороны противника жены командира 18[-го] латвийского полка, Генштаба Смоляк якобы направлен в Лиду для предания полемому суду по обвинению в шпионаже. Прошу опротестовать таковые действия польского командования... Наштаревоенсов⁴

¹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 203. Л. 9об. С некоторыми неточностями документ опубликован в: Доклад слушателя Николаевской военной академии капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела штаба Верховного главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане / публ. Л. А. Молчанова // Посев (Москва). 2013. № 2. С. 20–28. Ранее Безобразов был нами ошибочно идентифицирован как Н. А. Безобразов, обучавшийся на курсах академии в Томске (Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 243). Подробнее см.: Ганин А. В. Вертикаль штабс-капитана Безобразова // Родина. 2020. № 8. С. 127–130; Его же. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 212–218. По новым архивным данным, Безобразов не был расстрелян, а умер в лагере 17 июня 1949 г. (ЦА ФСБ. Д. Р-39708. Л. 158).

² Кручинин А. С. «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012. Т. 19. С. 140–141.

³ Белорусско-Литовской [армии].

⁴ Начальник ПШ РВСР.

Ф. Костяев. Член РВСР Аралов»^I. Кроме того, в 1920 г. в Восточной Пруссии в связи с боевыми действиями был интернирован бывший генерал З.И. Зайченко.

Известны случаи захвата генштабистов в плен «зелеными». Так случилось с бывшим подполковником Н.Н. Тарбеевским, который был захвачен 22 июня 1919 г. на станции Родничок Юго-Восточной железной дороги и, по слухам, содержался под арестом в деревне Макашевская^{II}. Дальнейшая судьба его неизвестна. Генерал В.В. Сахаров, живший в Крыму, был в августе 1920 г. расстрелян «зелеными» возле города Карасу-Базар.

Некоторые генштабисты бежали из Советской России, не прижившись в новых условиях. Так, например, бывший генерал-майор Н.Д. Ливенцев был отстранен от должности военного руководителя Ярославского военного округа в конце июня 1918 г. без объяснения причин, а на самом деле за дряхлость и нераспорядительность (хотя ему было тогда 48 лет). После Ярославского восстания Ливенцев бежал в Киев^{III}, где, по-видимому, дождался прихода белых в 1919 г. У белых осенью 1919 г. он пытался получить от генерала Н.Э. Бредова «какое-либо письменное обо мне заявление, кот[орое] облегчило бы мне прохождение “чистилища”, т.е. проверки службы в РККА^{IV}».

Смены различных армий были обычным явлением. Так, известный военный теоретик генерал Н.Н. Головин первоначально числился в РККА, затем оказался в украинской армии, потом попал в Добровольческую, а позднее в колчаковскую. При этом действительную сложность мог представлять собой только его уход от красных, остальные переходы, по сути, происходили внутри одного антибольшевистского лагеря. Похожий путь, но в иной последовательности (украинцы – добровольцы – РККА), проделал полковник С.Д. Григорьев (разумеется, в этом случае он не учитывается среди перебежчиков из РККА). А.Я. Крузе первоначально в 1918 г. служил в РККА, затем попал к белым, дослужился у них до генерала, после попал в плен к красным и в конце Гражданской войны вновь, как ни в чем не бывало, продолжил службу в РККА, впоследствии даже стал генералом Советской армии и в годы Великой Отечественной войны командовал корпусом. В чем-то похожие перипетии выпали на долю колчаковских генералов В.И. Оберютина, Г.В. Леонова, полковника М.И. Москаленко и ряда других генштабистов.

В трех армиях (украинской, РККА и ВСЮР) числился бывший начальник украинского Генштаба полковник А.В. Сливинский. Тем не менее он постарался избежать службы в РККА. С конца 1918 г. жил в Одессе. После установления в городе советской власти перешел на нелегальное положение и проживал по чужому паспорту^V. Позднее ему пришлось легализоваться. Супруга офицера вспоминала: «Через печать вызывались отдельные лица в особую военную комиссию, якобы для регистрации и назначений на места. Одним из первых был вызван генерал [А.Ф.] Рогоза, бывший военный министр при гетмане, но вместо назначения он был посажен в тюрьму, а затем расстрелян. Все офицеры

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 172–172об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 102.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 259. Л. 4об.

^{IV} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 379.

^V Сливинская М. А. Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 97.

Генерального штаба были вызваны отдельно в три срока. Ни в один из них А.В. [Сливинский] не пошел, тогда его вызвали персонально, напечатав в официальной газете, что в трехдневный срок он должен явиться, т.к. такие способные офицеры в настоящее время крайне нужны и его ожидает большое назначение, за неявку же грозят ему заслуженные последствия. Прочитали, подумали и пошли регистрироваться. Почти всюду ходили вместе и были очень хорошо приняты. Сразу же предоставили нам возможность получить из банка собственные деньги... Выдали нам также крупный аванс и литературу для поездки в Киев, куда назначили Ал[ександра] Вл[адимирови]ча в распоряжение штаба, где он якобы должен был получить видное место^I. Летом 1919 г. Сливинский был зарегистрирован красными в Одессе как генштабист и вызывался в резерв штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР^{II}. Уже на вокзале Сливинские вошли в вагон, но перед самым отходом поезда соскочили и бежали. Скрывались до занятия Одессы белыми^{III}.

Переходы стали настолько распространенным явлением, что некоторые видные большевики принимали их в расчет как возможный вариант поведения военспецов. Показателен разговор по прямому проводу члена РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников с членом РВС 9-й армии Б.Д. Михайловым о ситуации в 9-й армии, состоявшийся 2 августа 1919 г. и посвященный исчезновению бывшего генерала Н.Н. Карепова:

«[Сокольников:] Наштарма лучшего, чем [Г.Д.] Суходольский, дать сейчас не можем, но штарм обязательно усилим, скажите, почему Карепов до сих пор не явился, где он.

[Михайлов:] По последним сведениям Карепов еще в Камышине заболел дизентерией, дали ему предписание эвакуироваться в Пензу, никаких сведений сейчас о нем не имею, наведем справку через штарм 10[-й]. Суходольский хороший оперативный работник, но вести организационную работу, лежащую на наштарме, он не может, о чем и сам заявляет.

[Сокольников:] Вы не дали времени [В.И.] Преображенскому войти в работу, а теперь вылезайте, как знаете, повторяю, к сожалению, лучшего наштарма сейчас дать не можем, при первой возможности направим. Карепова настаивал неоднократно, хотя бы под конвоем, доставить [в] Козлов, теперь много шансов[что] Карепов у Деникина, таким образом, 9[-я] армия становится поставщиком командного состава Деникину. Реввоенсовет должен уметь контролировать и заставлять подчиняться себе военных специалистов, это требует такта, но и сильной руки, надеюсь, что Карепов — последняя жертва Реввоенсовета 9[-й армии]. До свидания^{IV}. И действительно Карепов перешел к белым и уже в 1919 г. служил во ВСЮР. Симпатий по отношению к советской власти не добавлял факт ареста бывшего генерала осенью 1918 г., когда он, страдая катаром дыхательных путей и воспалением легких, содержался на барже в Камышине^V. Следует отметить, что

^I Там же. С. 98–99.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 297; Д. 921. Л. 64об.

^{III} Подробнее о Сливинском см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 601–617.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 190. Л. 85.

^V РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 341. Л. 204об., 210.

Карепов служил начальником штаба при командарме Н. Д. Всеволодове, ранее перешедшем к белым.

К концу широкомасштабной Гражданской войны военспецы скорее попадали в плен, чем добровольно переходили к белым. В записке эмигрантской монархической организации «Союз братской помощи» в 1925 г. отмечалось: «Характерным случаем является взятие в плен полк[овника] Ген. штаба, начштаба дивизии у [Д. П.] Жлобы. Этот полковник вдвоем с шофером бежал от преследования добровольческой кавалерии, не проявив никакого желания сдаться, несмотря на полную возможность сделать это по обстановке момента. Придя к ген. [А. П.] Кутепову, части потребовали расстрела. К этому мнению присоединился и сам генерал Кутепов, видя беспримерно наглую манеру держаться с добровольческим командованием. Из Главного штаба было передано требование пленного препроводить в Севастополь. Ген. Кутепов потребовал по просьбе частей от ген. Врангеля честное слово в том, что по опросе пленный будет возвращен для расстрела. Во время пути в Севастополь пленный был приведен в поезд ген. Врангеля, который лично с ним говорил в присутствии офицеров. Полковник дерзко отвечал Врангелю, что совершенно не сочувствует идеям белых и служит у большевиков сознательно, насмешливо заметив, что семьи офицеров Добр[овольческой] армии почти умирают с голоду, тогда как его семья вполне обеспечена. Ген. Врангель не нашелся что ему ответить и ушел к себе. Однако не только этот полковник не был выдан штабу 1-го арм[ейского] корпуса, но через недели¹ получил должность в Главном штабе»².

Далеко не все были вынуждены переходить линию фронта с опасностью для жизни. Порой достаточно было не эвакуироваться из какого-либо крупного населенного пункта (в сельской местности или небольшом городе это было гораздо заметнее), чтобы фронт сам перешел через того или иного военспеца, нужно было просто выждать время. По всей видимости, именно так попали к белым видный военспец В. Е. Борисов, оставшийся в Киеве, генштабист К.-Р.-Г. К. Карлсон, оставшийся в Риге при отходе от города армии Советской Латвии³, член ВВС бывший генерал Л. М. Болховитинов, попавший в плен в Екатеринодаре, где у него находилась семья, и многие другие. В связи с отсутствием сплошной линии фронта и низкой плотностью войск сторон не особенно трудно было сдаться и на фронте. Например, известный перебежчик А. Л. Носович под видом рекогносцировки уехал на служебном автомобиле 24 октября 1918 г. к донским казакам вместе со своим адъютантом и шофером. В принципе, достаточно было отклониться от полосы железной или шоссейной дороги, чтобы попасть в лагерь противника и без транспортного средства.

Сложнее приходилось военспецам, находившимся в центральных штабах и управлениях. Им нужно было не только перейти линию фронта, но сначала добиться командирования в прифронтовую полосу. Некоторые бежали из РККА под предлогом болезни (например, курсовик Б. Н. Тюренков)⁴ или лечения. Бывший

¹ Так в публикации.

² Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2013. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг. С. 67. По-видимому, речь шла о Д. И. Танском.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 20, 25.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 99.

генерал-майор К. К. Черный, являвшийся в конце 1917 — начале 1918 г. главнокомандующим Вооруженными силами Кубанского края, затем служил в РККА начальником мобилизационного отдела Мобилизационного управления ВГЩ, но летом 1919 г. уволился от службы по болезни, а затем специальным приказом уточнялось, что он не уволен вовсе со службы, а отчислен от должности как душевнобольной^I. Затем генерал покинул Советскую Россию и обосновался в Италии, где прожил до 1934 г.

Некоторые бежали не к белым, а за границу. Так поступил, например, военспец бывший подполковник В. Ф. Эксе, который перебрался в Финляндию, где жил нелегально, а затем в связи с успехами РККА вернулся в Советскую Россию. На границе летом 1920 г. он добровольно явился караулу стрелкового полка и был арестован, а с апреля 1921 г. получил назначение в РККА. В заявлении в МПКК он отметил: «Противодействие Генштаба, кот[орый] не принял проекты, и разгоревшаяся полемика с ним в “Изв[естиях] Наркомвоен” (“нов[ая] воен[ная] доктрина”) заставили ошибиться. Я не уверовал в революцию при наличии торжества Генштаба и, используя литовское происхождение, уехал за границу. Нигде у белых не служил и жил в Финляндии нелегально. Ныне победы Красной армии показали ошибку, и я вернулся»^{II}.

Иногда побег оформлялся как отпуск (случай бывшего генерала В. Е. Борисова), поездка к родным или назначение. Например, генштабист К. А. Людсканов-Цанков 16 февраля 1919 г. был командирован из Московского военного округа в Астрахань, но к месту назначения не прибыл^{III}, а поступил на службу к Деникину. Розыск военспеца велся, по-видимому, до августа 1919 г. А. И. Мартынов не вернулся из командировки по закупке лошадей на Украине в октябре 1919 г.^{IV}, в том же месяце он уже числился у белых. Начальник оперативного отделения группы войск Сумского направления А. И. Парв не возвратился из командировки в Киев, в дальнейшем служил у белых и в эстонской армии^V.

В служебных документах Ф. Е. Махина в 1918 г. значилось, что он «желает получить должность в Приволжском или Приуральском воен[ных] окр[угах]»^{VI}. Дуется, подобное прошение — не случайность. Еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал^{VII}. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК партии, по заданию которой он поступил в РККА^{VIII}. Просьба Махина была удовлетворена. Далее на фронте он перешел к противнику.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 135, 180.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 277. Л. 90об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 107; Д. 1003. Л. 97.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

^V Там же.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

^{VII} Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; Каревский А. А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима — осень 1918 г.: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2001. С. 11.

^{VIII} РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.; см. также: Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 151–152.

Удобно было бежать при отступлении. Как уже говорилось, при отходе советских войск от Киева на сторону белых, оставшись в городе, перешли около трех десятков генштабистов. Генштабист Г.Д. Суходольский остался в Курске при занятии его белыми, В.К. Затеplinский – в Воронеже^I, позднее оба служили у Деникина. Известен случай бывшего генерал-майора П.И. Дмитриевского, который в октябре 1918 г. был взят заложником в Воронеже, освобожден и до июля 1919 г. скрывался от мобилизации в РККА, затем вместе со старшим сыном перешел линию фронта и поступил на службу во ВСЮР^{II}.

Потери пленными и в основном перебежчиками командно-начальствующего состава и штабных работников 8-й армии в сентябре – октябре 1919 г. составляют целый список. Еще 17 сентября попал в плен слушатель Академии Генштаба РККА Н.В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части^{III}. На следующий день в связи с загадочной смертью временно командовавшего армией В.И. Селивачева исчез начальник штаба 8-й армии А.С. Нечволодов. 2 октября при переводе штаба 8-й армии из города Усмань Тамбовской губернии на станцию Колодезная Воронежской губернии сбежали к белым начальник разведывательного отделения В.А. Желтышев и сменивший Нечволодова вр.и.д. начальника штаба армии В.Ф. Тарасов, в прошлом – начальник штаба советского Южного фронта^{IV}, – очевидно, люди, хорошо осведомленные об оперативной обстановке. Позднее при отступлении 8-й армии исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В.В. Вдовьев-Кабардинцев, также перешедший во ВСЮР^V. Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге начальник оперативного отдела Б.П. Лапшин^{VI}, остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А.Н. Коновалов^{VII}. Таким образом, за два месяца армия лишилась не менее восьми выпускников и слушателей академии.

К числу переходов из РККА относятся и спорные случаи, происходившие, прежде всего, в выделяемый нами так называемый инерционный период. В 1918 г. некоторые военспецы лишь формально числились в РККА, успели зарегистрироваться и иногда получить назначение (например, В.О. Каппель), после чего переходили к белым. Для многих переход в белый лагерь происходил только на бумаге. Наиболее характерен пример будущего лидера Белого движения на Севере России генерала Е.К. Миллера, который в 1918 г. находился за границей в качестве военного агента при итальянской главной квартире и, скорее всего, даже не знал о том, что числится в Красной армии. Только приказом Наркомата по военным делам от 2 сентября 1918 г. было уволено от службы 13 военных агентов, еще трое были отозваны в Россию^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 89. Л. 13–14.

^{III} РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 61.

^V HIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 7.

^{VI} РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 50б.

^{VII} Там же. Л. 7. Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 59.

Как уже отмечалось, в Советской России в 1918 г. сохранялись многие штабы, учреждения, организации старой армии. Было бы упрощением, к примеру, отнести к РККА такой орган, как резерв чинов при начальнике Генерального штаба. Он был создан для «образования запаса лиц Генерального штаба из числа оставивших должность в действующей армии, для различных поручений, вызываемых обстоятельствами военного времени»¹. Офицеры, состоявшие в таком резерве, значились в документах как находившиеся в распоряжении начальника Генерального штаба. До большевиков их учетом ведала канцелярия отдела по устройству и службе войск ГУГШ. Однако по инерции решение связанных с резервом Генштаба вопросов даже в конце весны – летом 1918 г. продолжалось через прежнюю канцелярию, хотя новой властью 8 мая 1918 г. был создан альтернативный орган управления – ВГШ.

Если проанализировать список «лиц Генштаба», состоявших на лето и даже осень 1918 г. «в распоряжении начальника Генерального штаба», то в нем можно обнаружить упоминание таких знаковых фигур Гражданской войны, как Н.Н. Головин, М.И. Занкевич, Е.К. Миллер, С.Н. Розанов, Г.Д. Романовский. Все они вскоре выдвинулись на первый план в антибольшевистском лагере. Были в этой категории и офицеры, некоторое время в 1918 г. действительно служившие большевикам. Тем не менее фактически этот резерв (до 50 военспецов) являлся рудиментом прежней армии, в котором по инерции продолжали состоять ранее числившиеся там офицеры (некоторые находились при этом даже за пределами России), кстати, в основном противники большевиков.

Уже упоминавшийся штаб 1-й армии Северного фронта практически в полном составе в мае 1918 г. прибыл в Самару для переформирования в штаб Приволжского военного округа, «лица Генштаба» формально служили несколько месяцев красным, но отказались участвовать в борьбе с внутренним врагом и при первой возможности перешли на сторону Народной армии самарского Комуча². Считать таких офицеров красными можно лишь формально – они, безусловно, какое-то время состояли в РККА, а следовательно, перейдя к противнику, стали перебежчиками.

На основе изучения различных списков Генерального штаба и иной документации РГВА и других архивов, а также персонального учета данных о генштабистах – участниках Гражданской войны нами установлено, что в 1918–1921 гг. имели место не менее 580 случаев перехода на сторону противника, пленения или пропажи без вести военспецов-генштабистов РККА (некоторые числились в РККА формально).

Эти данные постоянно дополняются (к примеру, ряд перебежчиков удалось установить после обнаружения в архиве Гуверовского института последнего списка Генерального штаба Русской армии П.Н. Врангеля³), и указанное число может несколько возрасти. Из этой цифры исключены спорные случаи, а также сведения о лицах, не служивших в РККА, но переходивших к белым с советской территории (например, И.М. Зайцев). Также исключены лица, легально выезжавшие

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117. Л. 68.

² Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 81–82.

³ Публикацию списка см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 716–747.

из Советской России (например, Д.К. Лебедев). Исключены лица, получившие академическое образование уже после их перехода к белым (например, офицеры, окончившие ускоренный младший курс 4-й очереди колчаковской академии в Томске, ранее служившие в РККА). Не учитывались и многочисленные белые эмигранты, неоднократно переходившие линию фронта во время разведывательных командировок (например, Б.И. Казанович, Д.А. Лебедев, В.Е. Флуг). Наибольший интерес представляют случаи сознательного перехода военспецов к противнику, хотя отсутствие данных не позволяет точно судить о каждом конкретном эпизоде.

В конце войны в обстановке разложения, развала и разгрома антибольшевистских армий, эпидемии тифа белые генштабисты в массовом порядке, в составе своих штабов, учреждений или частей, стали сдаваться в плен красным. В дальнейшем многие из них продолжили службу в РККА. Однако эти сдачи в плен, происходившие иногда в безвыходной ситуации, значительно отличались от добровольных, осознанных и заранее запланированных, часто сопряженных с большой опасностью для жизни, как правило, индивидуальных переходов через линию фронта от красных к белым. После Гражданской войны некоторые белые генштабисты в частном порядке стали возвращаться в Советскую Россию, но это тоже совершенно иное явление.

Непосредственно из рядов Красной армии в годы Гражданской войны бежали или попали в плен около 36 % от общего числа военспецов-генштабистов. Иными словами, каждый третий генштабист в РККА оказался в итоге перебежчиком и предателем. Большинство перебежчиков прослужили в РККА лишь какой-то период в 1918 г., а затем дезертировали. К сожалению, нам известны детали лишь немногих переходов и побегов.

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, из 70 генштабистов, значившихся в «Дополнительном списке Генерального штаба», по сведениям Наркомвоена УССР, к 1 сентября 1919 г. в РККА продолжали служить лишь 14 человек¹, остальные пропали без вести или бежали к белым.

По образовательному цензу в 317 случаях перебежчики и пленные являлись выпускниками и слушателями ускоренных курсов и в 263 случаях прошли обучение в академии до Первой мировой войны. Перевес курсовиков связан с их массовым переходом на сторону белых в 1918 г. в составе академии (не менее 170 слушателей старшего класса 3-й очереди и преподавательский состав).

По местам перехода (пленения) и годам перебежчики распределились следующим образом (табл. 53).

¹ К. В. Алексеев, А. И. Батрук, Н. Н. Десинов, Д. П. Кадомский, М. Н. Кузнецов, М. В. Лебедев, К. А. Мартынов, А. А. Матвиенко, Н. М. Острянский, И. Н. Поярков, А. А. Рябинин, В. И. Стойкин, В. Н. Сушков, М. В. Фастыковский. В работе Кавтарадзе в этом отношении имеется внутреннее противоречие: в двух случаях приведены разные цифры — 5 и 14 оставшихся (Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 49, 196). К сожалению, автор не привел ссылки на источник этих сведений.

**Переходы «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника и плен
в 1918–1921 гг.¹**

Место перехода или пленения ¹	1918		1919		1920		1921		Всего
	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	
Южный фронт	35	32	101	43	1				212
Восточный фронт	61	181	4	11					257
Северо-Запад + Кронштадтское восстание	3	1	7				1		12
Север	3	2	1						6
Украина	28	27	1	1	1				58
Польша		2	1				2		5
Интернированы в Германии					1	3			4
Прибалтика	2		1	1	1	1			6
Закавказье	1	8		1					10
Туркестан	1								1
Пропали без вести, бежали в неизвестном направлении, захвачены бандами	3	2	2	1	1				9
Всего	137	255	118	58	5	4	3		580

По-настоящему массовым был лишь отток военспецов из РККА на Восточный и Южный антибольшевистские фронты, а также на Украину в 1918–1919 гг., на которые приходится 525 случаев, или 90,5 %. В подобном распределении нет ничего удивительного – чем сильнее были фронты, тем больше генштабистов туда бежало. Как известно, Южный и Восточный антибольшевистские фронты были наиболее мощными.

Наибольшее число перебежчиков в 1918 г. мы встречаем на Восточном фронте, что связано с переходом к белым академии Генерального штаба, в составе которой к ним попали все преподаватели и практически все слушатели старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди. Усилению «южного» потока способствовало то, что в 1918 г. существовала возможность (в том числе легальная) уехать с территории Советской России на относительно спокойную Украину и там отсидеться. Не менее 55 специалистов тогда так и поступили. Однако по данным на август 1918 г., возможно, в целях предотвращения переходов, военное ведомство уже не позволяло уезжать в отпуск за границу тем, кто находился на службе. Так, например, получил отказ в выезде на Украину З.И. Зайченко, который хотел повидаться с семьей, оставшейся в Киеве¹¹.

¹ Включены повторные переходы одних и тех же офицеров. Д – довоенные выпуски, К – курсовики.

¹ Могли затем служить и на другом фронте. Например, М. А. Михайлов перешел из РККА на Южном антибольшевистском фронте, а служил на Восточном.

¹¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 295–295об., 298.

Как и следовало ожидать, в 1919 г. белый Юг уверенно лидирует по числу переходов. Обращает на себя внимание то, что туда бежали в основном генштабисты довоенных выпусков. В 1919 г. возрастает число переходов и на Северо-Западном фронте. Кроме того, ряд военспецов дезертировали из РККА, но не были зарегистрированы ни в одной из антибольшевистских армий. Такие лица числятся пропавшими без вести.

В 1920 г. переходы резко сходят на нет. С одной стороны, все, кто хотел бежать, уже смогли это сделать. С другой, стали очевидны поражение белых и победа красных – бежать к проигравшим не имело смысла и перспектив. Советско-польская война как внешний конфликт также позволила отдельным генштабистам покинуть Советскую Россию и обосноваться за рубежом. К примеру, курсовик георгиевский кавалер бывший подполковник С. Ф. Мацюк, занимавший пост начальника штаба 10-й кавалерийской дивизии 3-го конного корпуса, оказался интернирован в Германии¹ и, судя по всему, не пожелал возвращаться на родину и эмигрировал. Любопытно, что летом 1918 г. он был откомандирован от Военной академии на фронт, из-за чего лишился возможности вместе с академией перейти в антибольшевистский лагерь и остался служить в РККА.

Распределение переходов (пленений) «лиц Генерального штаба» РККА по годам было следующим: 1918 г. – 391 случай, 1919 г. – 176, 1920 г. – 9, 1921 г. – 3. Вполне логично, что абсолютное большинство переходов относится к 1918–1919 гг. В 1918 г. противоборствующие стороны Гражданской войны еще находились на стадии своего оформления, антибольшевистские силы одержали свои первые победы, а 1919 г. оказался временем наиболее впечатляющих их успехов, кроме того, в 1918–1919 гг. еще не было очевидно, какая из сторон одержит верх. Закономерно, что в 1920–1922 гг. побеги генштабистов сошли на нет, а если в единичных случаях и происходили, то, прежде всего, за границу.

По числам на момент оставления РККА (последний чин в старой армии) перебежчики распределялись следующим образом. В 116 случаях РККА покинули бывшие генералы, в 154 случаях – бывшие штаб-офицеры и в 309 случаях – бывшие обер-офицеры. Таким образом, на генералитет приходится 20 % переходов, на штаб-офицеров – 26,6 % и на обер-офицеров – 53,3 %. Перевес молодежи можно объяснить не только ее многочисленностью, но и той значительной опасностью, с которой были сопряжены переходы. На подобный риск легче шли именно молодые.

Массовое дезертирство генштабистов было острой проблемой для РККА. Эффективные способы предотвращения переходов отсутствовали. В РККА существовали определенные трудности с учетом кадров Генштаба, в результате которых о некоторых генштабистах вспоминали по прошествии длительного времени с момента их перехода к противнику. Так, запрос о местонахождении курсовика Х.В. Гуртовенко относится к маю 1919 г.², тогда как ряды РККА офицер покинул годом ранее, а летом – осенью 1918 г. значился на службе в украинской армии. Поиски велись по инициативе ПШ РВСР, обращавшегося в ВГШ. В данном вопросе полномочия не были достаточно четко разделены, что вело к несогласованности, дублированию работы и ведомственным противоречиям. Показательно, что

¹ Выражаю благодарность А. Г. Горчакову за предоставленные сведения.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 58об.

в переписке не содержалось каких-либо обвинений в адрес перебежчика, просто устанавливалось его местонахождение. Не исключено, что проволочки в деле поиска исчезнувших генштабистов связаны с тем, что поиски первоначально вели не чекисты, а такие же военспецы, как и те, что бежали. Генштабовский корпоративный дух оказался сильнее должностных обязанностей. Лишь при невозможности найти человека информация передавалась ВЧК.

В январе 1920 г. был составлен список пропавших «лиц Генштаба», в который вошли 18 человек (в том числе В.Е. Борисов, Н.Д. Всеволодов и др.), в основном исчезнувших в кампанию 1919 г. Между прочим, в документе было отмечено: «Ввиду того, что полной документальной уверенности в окончательном исчезновении лиц Генштаба, поименованных в прилагаемом при сем списке, нет, — исключение последних из списков Генерального штаба, согласно резолюции начальника Всероссийского главного штаба, статьями приказа Реввоенсовета республики проведено не будет»^I. В другом списке без вести пропавших, также относящемся к 1920 г., значатся 47 человек, из которых 45 пропали без вести или перешли к противнику, в том числе некоторые известные перебежчики^{II}. Таким образом, красные продолжали рассчитывать на военспецов, многие из которых уже около года служили у белых. В борьбе большевиков с переходами возможны были лишь последующие карательные действия, но они не могли возратить ранее перебежавших.

Бывший начальник штаба оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам курсовик Г.И. Теодори писал Ф.Э. Дзержинскому 30 декабря 1919 г., что якобы лично в начале сентября 1918 г. провел регистрацию специалистов Генерального штаба, убедив в ее необходимости заместителя Л.Д. Троцкого Э.М. Склянского, что остановило колоссальную утечку кадров в антибольшевистский лагерь. Противником такой меры, по версии Теодори, был начальник ВГШ А.А. Свечин^{III}.

Интересно, что отток бывших генералов как бездарных носителей устаревших взглядов Теодори считал незначительной потерей для Красной армии. Более ценными специалистами в его понимании были выпускники 1913–1917 гг., которых тогда удалось задержать в Советской России.

Теодори тогда даже продемонстрировал заместителю народного комиссара по военным делам Э.М. Склянскому диаграмму утечки кадров Генштаба на Украину, Кубань и в Сибирь, которая настолько впечатлила Склянского, что вопрос о регистрации был решен в положительном смысле^{IV}.

Теодори значительно преувеличил собственные заслуги. В действительности регистрация не остановила переходы, прежде всего потому, что эффективной системы учета семейного положения военспецов, несмотря на соответствующие указания большевистского руководства, создано не было, как и не было, вопреки позднейшим мифам, сколько-нибудь масштабных репрессий в отношении членов семей бывших офицеров. Измены, бегства, переходы и даже перелеты, в том числе

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 48.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

^{III} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.

^{IV} Там же. Л. 23.

коллективные, продолжались и после сентября 1918 г. Только в 1919 г. на сторону противника перешло, по установленным нами данным, не менее 176 выпускников Николаевской академии Генерального штаба, не говоря уже о массовых изменах других категорий офицеров. К тому же в сентябре 1918 г. полноценной регистрации проведено еще не было.

Борьба с изменами началась сразу после первых резонансных случаев, но предотвратить новые не было никакой возможности. V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 г. вынес резолюцию, касающуюся изменников: «Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочением военной мощи Советской республики, имеет право на уважение рабочих и крестьянской армии и на поддержку советской власти. Военный специалист, который попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контрреволюционного заговора или предательства в пользу иностранных империалистов, должен караться смертью»¹.

15 июля 1918 г. Троцкий издал агитационный приказ по армии и флоту, адресованный комиссарам и военным специалистам, в котором отметил: «Среди военных специалистов было за последние недели несколько случаев измены. [Ф.Е.] Махин, [М.А.] Муравьев, [Н.И.] Звегинцев, [Г.М.] Веселаго и некоторые другие, добровольно вступившие в ряды Рабоче-крестьянской армии или Красного флота, перебежали к иностранным насильникам и захватчикам. Муравьев поделом наказан, другие еще ждут своей кары. Каждый честный человек с отвращением отнесется к этим явлениям офицерской проституции.

В результате измены нескольких негодяев обострилось недоверие к военным специалистам вообще. Участились столкновения между комиссарами и военными руководителями. В ряде известных мне случаев комиссары обнаружили явно несправедливое отношение к военным специалистам, поставив честных людей на одну доску с предателями. В других случаях комиссары пытаются сосредоточить в своих руках командные и оперативные функции, не ограничиваясь политическим руководством и контролем. Такой образ действий чреват опасностями, ибо смешение полномочий и обязанностей убивает чувство ответственности.

Настойчиво призываю товарищей-комиссаров не поддаваться впечатлениям минуты и не валить в одну кучу правых и виноватых.

V Всероссийский съезд Советов напомнил всем, что военные специалисты, которые честно работают над созданием боевой мощи Советской республики, заслуживают народного уважения и поддержки советской власти. Зоркий революционный контроль вовсе не означает мелочной придирчивости. Наоборот: добросовестные специалисты должны получать возможность полностью развернуть свои силы.

Кто попытается использовать свой командный пост в целях контрреволюционного переворота, тот, согласно решения V съезда Советов, карается смертью. Никакой пощады предателям, товарищеское сотрудничество с честными работниками!

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. Москва, 4–10 июля 1918 г. М., 1918. С. 213.

От комиссара требуются бдительность, выдержка и такт, ибо пост военного комиссара — один из самых высоких, какие знает Советская республика.

С глубокой уверенностью в конечном успехе нашей трудной работы, братски приветствую военных комиссаров Красной рабочей и крестьянской армии»¹.

29 июля 1918 г. вышло постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, в котором в связи с изменами Махина, Муравьева и Б.П. Богословского упрек в неумении бдительно следить за командным составом адресовался военным комиссарам. В постановлении отмечалось, что «военные комиссары не умеют бдительно следить за командным составом. Такие случаи, как побег Махина, как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского и проч[ие], ложатся всей своей тяжестью на соответственных комиссаров. Над недостаточно надежными лицами командного состава должен быть установлен непрерывный и самый бдительный контроль. За побег или измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела»².

Важную роль в контроле над «лицами Генштаба», безусловно, играли военные комиссары и органы ЧК. Однако ни те, ни другие не могли предотвратить переходы генштабистов на сторону противника. Кроме того, основная масса фактов измены и саботажа со стороны военспецов приходилась на 1918–1919 гг., когда не было ясно, кто победит в Гражданской войне, а эффективная система контроля еще не сложилась. В то же время делались попытки возложить ответственность за переходы военспецов на опекавших их комиссаров. В телеграмме члена РВС Восточного фронта Ф.Ф. Раскольников Л.Д. Троцкому от 29 июля 1918 г. говорилось о том, что командующий 3-й армией генштабист Б.П. Богословский в Казань не приезжал, находился постоянно в Екатеринбурге, где преподавал в академии Генштаба, и «ответственность за его измену падает на кого-либо из комиссаров, находившихся при нем в Екатеринбурге»³. Иногда комиссары не только не предотвращали переход, но даже бессознательно способствовали ему. Советский главком И.И. Вацетис вспоминал, что один из известных ему случаев перехода генштабистов к противнику произошел только из-за невозможности терпеть оскорбления от комиссаров⁴.

Репрессии не сдерживали переходы и измены, а порой их порождали. Так, Н.Д. Всеволодов в 1918 г. был арестован, причем власть не посчиталась с его тяжелым положением. Мало того, что сам арестованный содержался в одном из лазаретов Петрограда, будучи еще в декабре 1917 г. признанным негодным к строевой и административной службе⁵, летом 1918 г. тяжело болела его жена. Управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов телеграфировал председателю Петроградской ЧК Г.И. Бокию 11 сентября 1918 г.: «Подтверждая тяжкую болезнь его жены, полное отсутствие средств жизни и постоянно проявлявшуюся им в моем присутствии корректность по отношению

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 292–293; Trotsky military records // HIA. Volkogonov collection. Reel 11; Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 17, ч. 1. С. 329–330.

² ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 412–413.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 15.

⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43об.

советской власти, ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении его дела»^I. В октябре 1918 г. Всеволодов уже находился на свободе. Он получил разностороннее представление о порядках, царивших в РККА и Советской России. По освобождению он как инвалид и доброволец был направлен главкомом Вацетисом в октябре 1918 г. в Нижний Новгород на должность начальника штаба Приволжского военного округа. Лишь по прибытии выяснилось, что эта должность уже занята. Тогда Всеволодов по собственному желанию отправился на Южный фронт. В октябре – ноябре 1918 г. им был сформирован штаб 9-й советской армии. Работа была не из легких и требовала огромного перенапряжения, поскольку армия первоначально находилась в тяжелейшем состоянии. Ее фронт достигал трехсот верст, штабы дивизий располагались в 100–120 верстах от штаба армии. Именно Всеволодов первым донес Троцкому о неисполнении приказов начальником 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, что имело большое военное значение. Таким образом, военспец заслужил персональное доверие Троцкого, предлагавшего ему должность командующего Камышинской группой войск и начальника 14-й стрелковой дивизии, однако по состоянию здоровья Всеволодову пришлось отказаться.

Всеволодов просил о переводе его на Кавказ и предоставлении полуторамесячного отдыха, но постоянно под разными предлогами (до формирования штаба, до окончания операции и т.д.) получал отказы, наконец, в феврале 1919 г. его прошение было отклонено категорически^{II}. Тогда он решил пройти освидетельствование и в феврале 1919 г. даже сказал другому генштабисту А.С. Ролько в телефонном разговоре: «Опечален, что фронт меня не пускает, но он не имеет права держать больного инвалида»^{III}. Кстати, Ролько за это позднее получил выговор, поскольку телефонная линия занималась частной беседой (в 1919 г. Ролько перешел к Деникину, позднее эмигрировал, но вернулся в Россию, был арестован, а затем вновь поступил в РККА). Последний раз Всеволодов отправил просьбу о переводе на Кавказ даже с понижением 5 апреля 1919 г., и, разумеется, ему вновь было отказано^{IV}. Судя по всему, Всеволодов понял, что большевики просто хотят его использовать в своих интересах до полного истощения. Осознав это, он, будучи командующим 9-й армией, перешел на сторону Деникина. Впрочем, сослуживцы злословили, отмечая благоволение белых к Всеволодову (в документе – В.), «вся заслуга которого состояла в том, что он сорвал операцию не по умыслу, а по своей безграмотности»^V.

Известно еще несколько случаев побегов, возможно спровоцированных арестами. Так, отсидев восемь месяцев в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения^{VI}, в армию Юденича в 1919 г. бежал белый подпольщик генштабист Б.П. Поляков. Некоторые случаи и вовсе напоминают кадры приключенческих фильмов. Бывший полковник Г.К. Ерофеев 29 июля 1918 г. был арестован в Рославле

^I РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 25.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43–44, 59, 74, 81.

^{III} Там же. Л. 225об.

^{IV} Там же. Л. 293, 312.

^V Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 4. Подробнее о Всеволодове см.:

Ганин А. В. Измена командармов. С. 365–670.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

«вследствие ряда недоразумений»^I, оказал при аресте сопротивление^{II}, а затем и вовсе сбежал при этапировании в Москву. 13 августа 1918 г. была разослана следующая телеграмма: «Всем Советам. Всем совдепам. В ночь с 31 июля на 1 августа из скорого поезда 4 Смоленск — Москва бежал в пролете Митино — Издешково военрук Орловской дивизии Ерофеев, арестованный за контрреволюционную деятельность. Ерофеев 40 лет, рост выше среднего, брюнет с усами без бороды. Предписываю задержать бежавшего Ерофеева, отправить в Москву в [распоряжение] Чрезвычайной [комиссии]. Наркомвоен»^{III}. Уже 14 сентября 1918 г. полковник Г.К. Ерофеев поступил на службу в Добровольческую армию и служил на фронте Юге до конца Гражданской войны.

По воспоминаниям капитана К.Л. Капнина, который в начале 1919 г. встречался с Ерофеевым в Одессе в штабе Одесской стрелковой бригады, «первое впечатление было довольно неприятное. Начальником штаба бригады был Генерального штаба полковник Ерофеев, георгиевский кавалер, командовавший у большевиков довольно продолжительное время дивизией и от них бежавший. Человек он был неприветливый и по первому впечатлению неискренний, критиковавший всех и вся. По его словам, бригада многого не стоит, находясь еще в стадии первоначального формирования»^{IV}.

28 января 1931 г. другой перебежчик, генерал Н.Н. Стогов, сообщал генералу А.И. Деникину следующий отзыв о Ерофееве, данный генералом П.А. Кусонским: «Кадровый офицер, участник Японской войны, получивший на этой войне Георг[иевский] крест (орден Св. Георгия 4-й степени. — А.Г.), по происхождению артиллерист. Окончил нашу академию. Великую войну прошел хорошо, и вообще П.А. [Кусонский] считал его высоко порядочным офицером. Во время революции был в Киеве и не шел в украин[скую] армию. Затем вдруг исчез, оказывается, отправился в СССР (т.е. в Советскую Россию. — А.Г.), где в Смоленске командовал дивизией и где за злостную контрреволюцию был арестован и отправлен в Москву, причем по дороге выпрыгнул из поезда и бежал. Был в Добровольческой армии, но какие занимал должности, П.А. не помнит. В Константинополе часто его видел, но он, будучи и всегда повышенно нервным и легко возбуждающимся человеком, стал опускаться и как финал попал под суд [чести]. В имеющейся в моем распоряжении книге значится: “Полковник Ерофеев, Григорий — Ген. штаба. Удален со службы судом чести за контрабандную торговлю спиртом и непризнание суда чести. Распоряжение генерала Врангеля 1923 года за № 236”»^V.

Ерофеев был не единственным генштабистом, бежавшим прямо из-под стражи. Точно так же при этапировании в Москву из Могилевской ГубЧК в конце 1919 — начале 1920 г. совершил побег бывший Генштаба полковник К.К. Лисицын^{VI}. В 1919 г. был арестован ВЧК генштабист Н.Н. Стогов, однако осенью 1919 г. он бежал

^I Егорьев В. Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 138.

^{II} РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 19.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 56.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л. 8.

^V BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 6.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 125.

из концлагеря, некоторое время нелегально пробыл в Москве и затем с риском для жизни перешел через линию фронта к А.И. Деникину¹.

1-й заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский на I съезде Особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., заявлял, что «перед Особыми отделами стоит тройная задача. Во-первых, борьба с персональным предательством, во-вторых, фронтовой контрреволюцией и, в-третьих, с технической контрреволюцией»². Но что касается чекистов, то им практически не удалось предотвратить измены «лиц Генштаба», и проводившиеся репрессии в большинстве случаев затрагивали невинных людей.

Можно упомянуть и о таком явлении, которое изменой не являлось, но представляло собой форму мошенничества, а именно о переходах из армии в армию внутри одного идейно-политического лагеря – например, на белом Юге. Донской генерал И.А. Поляков отмечал, что «в Гражданскую войну в силу ненормальных условий, а также и в силу общего падения морали и дисциплины вопрос о дезертирстве приобретал весьма важное значение. Наличие нескольких противобольшевистских фронтов открывало широкие пути для перехода офицеров из одной белой армии в другую³, даже и в тех случаях, когда ими были совершены антидисциплинарные поступки или еще более тяжкие преступления. Это явление у нас на юге могло принять весьма большие размеры, если иметь в виду, что армии соприкасались и, следовательно, переход из одной в другую не представлял никаких затруднений. Верхи армий враждовали (речь идет о Добровольческой и Донской армиях до создания единого командования. – А.Г.), что у многих могло породить сознание безнаказанности за прежние деяния в случае перехода их в другую армию. При таких условиях непринятие в этом отношении нужных мер подрывало бы дисциплину и наносило вред общему делу борьбы»⁴.

Имел место и обратный процесс – переходы белых генштабистов на сторону красных. Впрочем, в этом отношении логичнее говорить о сдаче в плен, чем об изменах, поскольку эти переходы, в значительной степени, происходили уже в период, когда исход Гражданской войны в пользу красных стал очевиден. Также происходили перемещения генштабистов между национальными и белыми армиями, но, как правило, речь не шла о переходах через линию фронта. Такие переходы происходили в рамках антибольшевистского лагеря и не отличались тем драматизмом, какой сопровождал переходы от красных к белым и наоборот.

¹ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 407–408; Рутыч Н. Биографический справочник... С. 231.

² Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 129.

³ Некоторые офицеры сделали из этого своеобразный промысел или занятие. Отрицая советскую власть, они записывались в одну из белых армий, а затем под всякими благовидными предлогами просили разрешения о переводе в другую армию, обычно отстоявшую от первой на десятки тысяч верст. Получив таковое, они уже на законном основании освобождались от участия в борьбе, бесконечно долго «собирались в дорогу» а затем длинными месяцами совершали свой переезд. Когда они прибывали в другую армию, они заблаговременно уничтожали свои командировочные документы и поступали в армию уже как добровольцы, с тем чтобы в ближайшее время вновь проделать ту же комбинацию в отношении какого-либо другого отдаленного фронта. В 1919 г. я встретил много офицеров на пароходе Добровольного флота «Могилев». Они ехали из Англии и Франции к адмиралу Колчаку. Некоторые из них чистосердечно рассказали мне свою одиссею (примеч. И. А. Полякова).

⁴ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 427–428.

Какова же роль дезертирства генштабистов в общей картине строительства Красной армии?

Член РВСР С. И. Гусев отмечал: «В Гражданской войне число изменников всегда бывает велико, в Гражданской войне пролетариата и буржуазии целый класс — мелкая буржуазия — является изменническим... пролетариат мобилизует и силой заставляет служить себе офицеров. Если часть офицерства изменяет пролетариату и переходит на сторону буржуазии, то шансы обеих сторон здесь уравниваются. Наконец, польза, которую приносит Красной армии не-изменническое офицерство, несравненно больше, чем вред, приносимый изменниками. Это — самое главное соображение. Русская Красная армия выросла благодаря работе офицерства, которая покрыла собой во много раз разрушительную работу изменников. Измена — это неизбежные “непроизводительные издержки” по строительству классовой армии пролетариата. И последнему нужно внимательно наблюдать только за тем, чтобы эти “непроизводительные издержки” были минимальными»¹.

Представляется отчасти справедливой оценка бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича: «Конечно, были изменники, перебежавшие к белым, но не они определяли лицо поступившего в Красную армию офицерства. Бегство к белым было зачастую вызвано не столько сознательным стремлением “предать” новую армию, сколько личными обидами, расстроенной психикой, а то и просто неумением противопоставить себя родным или сослуживцам, оказавшимся в белом стане»². И хотя Бонч-Бруевич намеренно замалчивал антибольшевистские настроения офицерства, но, действительно, не измены, даже на самом верху, определяли вектор развития Красной армии. Его задавала добросовестная служба большей части военных специалистов на всех уровнях.

Глава советского правительства В. И. Ленин отметил в ноябре 1919 г., что в Красной армии «работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии. И, несмотря на измены со стороны отдельных военных специалистов, мы разгромили Колчака и Юденича, мы побеждаем на всех фронтах»³.

Политик из антибольшевистского лагеря, бывший лидер кадетской партии П. Н. Милюков резонно полагал, что «раз вступив по той или другой причине в Красную армию, военные специалисты, связанные привычной обстановкой строгой военной дисциплины, в большинстве служили советской власти верно и лишь в редких случаях пользовались своей властью над солдатами для подготовки контрреволюционных выступлений»⁴.

Можно процитировать и высказывание Л. Д. Троцкого, который отметил: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом, со стороны офицеров, занимавших менее видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько

¹ Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 71–72.

² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 285.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 313.

⁴ Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 173.

загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ»¹.

Не случайно В.И. Ленин в письме М. Горькому от 15 сентября 1919 г. указывал, что ««интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт. Десятки тысяч офицеров у нас служат Красной армии и побеждают вопреки сотням изменников. Это факт»².

Перебежчики и изменники не переломили ситуации на фронте и добились не многого за исключением отдельных успехов белых. Несмотря на потерю важных населенных пунктов или открытие фронта противнику, катастрофы для красных такие эпизоды не повлекли. Обусловлено это, с одной стороны, тем, что речь шла об одиночках, а с другой, тем, что в большинстве случаев переходы к противнику представляли собой простое дезертирство, не сопровождавшееся активной подрывной деятельностью.

Красная армия численно росла и набиралась опыта в ходе войны. Ее вожди, поставив себе на службу десятки тысяч военных специалистов и в их числе сотни специалистов Генерального штаба, несмотря на все издержки, в том числе массовые измены военспецов, отсутствие опыта у новых красных командиров, сумели, соединив старый опыт и новые методы управления, «железом и кровью» создать мощную и эффективную вооруженную силу, которая в итоге одержала победу в Гражданской войне.

§ 2. Политика антибольшевистских сил в отношении выпускников академии – перебежчиков и пленных

Выпускники академии, попадая в антибольшевистский лагерь в качестве перебежчиков и пленных, сталкивались с не всегда благожелательным отношением и в ряде случаев подвергались преследованиям.

Так, командующий Особой армией Юго-Западного фронта генерал В.Н. Егорьев в результате конфликта с украинской Центральной радой в ночь на 31 декабря 1917 г. оказался арестован гайдамаками и попал в бердичевскую тюрьму, а затем был переведен в Лукьяновскую тюрьму в Киеве. В конце концов, при наступлении красных на Киев 28 января 1918 г. Егорьев просто ушел из тюрьмы и попал к красным³.

При поступлении в Добровольческую армию офицер должен был предоставить сведения о своем образе жизни и службы за период Гражданской войны. Такие

¹ Троцкий Л. Д. Военные специалисты и Красная армия. С. 67.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 51. С. 48–49.

³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 16–17.

сведения требовались от тех, кто не служил у красных, а, к примеру, проживал на территории Украины^I. Положение перебежчиков из РККА было намного сложнее.

Генерал В. А. Ангельке вспоминал: «Странная нетерпимость замечалась в то время против всех тех, кто застрял в Советской России, хотя бы и не играл там никакой роли. Это, помню, особенно поразило меня на собрании офицеров Генерального штаба, бывшем под председательством ген. Вязьмитинова. Был, помню, по поводу этого и какой[-то] слишком поспешный приказ. Потом это улеглось»^{II}. Генерал В. Н. фон Дрейер писал о пленных и перебежчиках, что «во времена Деникина отношение к этим несчастным людям было самое несправедливое. Теряя при побеге свои семьи, все свое имущество, лишь для того, чтоб под знаменем освобождения пойти против большевиков, они находили в “стане белых” не забвение их прежней подневольной службы, а судебные и военно-следственные комиссии, а в первое время даже пулю в лоб или петлю на шею. В этом отношении многие высшие начальники Добровольческой армии были поразительно бессердечны и безжалостны»^{III}.

Негативное отношение к перебежчикам у белых, особенно на Юге России, могло вести к сокращению количества переходов. Анонимный свидетель тех событий отмечал: «Не странно ли то, что в то время, как Троцкий употреблял все усилия, чтобы оградить необходимое ему бывшее кадровое офицерство от расправы красноармейцев и своих сочленов из РКП, из ВЦИКа и Реввоенсовета, в то же самое время в белых армиях относились к ним с суровым осуждением и грозили стенкой»^{IV}.

Уже осенью 1918 г. командование Добровольческой армии отказывалось от приема в свои ряды генералов, исключая лишь тех, кто получил персональные приглашения. Начальник штаба Добровольческой армии генерал-майор И. П. Романовский предписывал представителям армии не направлять в нее даже штаб-офицеров Генерального штаба, если те не желали служить в строю (на должности помощника командира полка)^V.

Серьезные ограничения касались и переходивших к белым из национальных армий. На собрании офицеров Генерального штаба Добровольческой армии 10 (23) сентября 1918 г. единогласно было принято положение о том, что генштабисты, служившие в РККА или в национальных армиях, при поступлении в Добровольческую армию должны реабилитировать себя судом чести^{VI}. Однако Деникин не согласился с этим и наложил на документ резолюцию, суть которой сводилась к тому, что за подобные преступления полагается военно-полевой суд.

Впрочем, в этих вопросах белые были непоследовательны. Так, белая разведка в 1919 г. собрала объемные компрометирующие характеристики на генштабистов, служивших в украинских войсках^{VII}. Однако неизвестно, были ли использованы эти

^I РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 174.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 24–25.

^{III} Дрейер В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918–1920 года. Берлин-Шарлотенбург, 1921. С. 113.

^{IV} Письмо ОТТУДА. С. 4.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 24.

^{VI} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об.

^{VII} Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки»: Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. М., 2022. Вып. 3–4. С. 403–429.

данные в кадровой работе. Например, в отношении начальника инструкторской школы старшин гетманской армии генерала А.М. Максимова имелись данные, что тот преследовал подчиненных за употребление ими русского языка. Тем не менее с конца 1918 г. Максимов благополучно служил в Донской армии, затем во ВСЮР и в Русской армии.

Генерал И.П. Романовский сообщал в циркулярном письме начальникам центров армии от 20 сентября (3 октября) 1918 г., что «офицеры Генерального штаба, служившие в украинской армии, лишаются раз навсегда мундира русского Генерального штаба; в случае прибытия таких офицеров в армию они могут поступать лишь на должности рядовых (сохраняя свои офицерские чины); то же относится и ко всем генералам (не только Генерального штаба), служившим в украинской армии после прихода немцев на Украину»¹. Вследствие этого распоряжения, обусловленного скорее антинемецкой ориентацией командования белых, чем неприятием украинских националистов, у многих офицеров-генштабистов, в том числе оказавшихся на Украине не по убеждениям, а в силу обстоятельств, возникли трудности при поступлении в армию Деникина.

Подобный случай, связанный с генералом Б.В. Гернгроссом, запомнился генералу Е.В. Масловскому: «Вскоре приехал ко мне совершенно расстроенный и оскорбленный полковник Генерального штаба Гернгросс, мой близкий друг по Михайловскому артиллерийскому училищу и Академии Генерального штаба. Он с возмущением рассказывал, что его, приехавшего из Малороссии, как бывшего в составе войск гетмана Скоропадского, по приказанию генерала Деникина, заставили пройти через судебную комиссию, образованную последним для суждения всех офицеров, служивших у большевиков и попавших по разным случаям в пределы Вооруженных сил Юга России. Он негодовал на то, что его, служившего в армии, которая, так же как Добровольческая, боролась против большевиков, могли приравнять к тем, кто служил у последних. Он рассказывал все это мне со слезами на глазах, негодуя, что его, честного, ничем не запятнанного офицера, заставили пройти через судебную комиссию. Конечно, комиссия его реабилитировала, но уже одно прохождение через нее его оскорбляло. Он даже собирался уезжать из пределов территории “Вооруженных сил Юга России”; я, как мог, старался его утешить, говорил, что это одна формальность, через которую все проходят, и не стоит этому придавать значения, хотя в душе я одинаково с ним негодовал на вред, приносивший[ся] делу борьбы с большевиками установлением генералом Деникиным этой судебной комиссии. Я предложил Гернгроссу остаться у нас на Северном Кавказе, предложил ему устроить его у себя на должность генерал-квартирмейстера, но он отказался, говоря, что не имеет склонности к штабной службе, а просил помочь ему сформировать Митавский гусарский полк, которым он командовал в мировую войну. Я обещал ему полное содействие, и полк этот, вслед за Александрийским гусарским, быстро был сформирован, так же удачно.

Вслед за этими формированиями я создал еще два кавалерийских полка: Владимирский уланский и Новгородский драгунский. Все эти четыре полка были

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

сведены в дивизию, начальником которой я провел полковника Гернгросса с производством его в генералы»^I.

Выпускник ускоренных курсов академии капитан К. А. Терлецкий писал об этом же 12 (25) августа 1920 г.: «По окончании старшего класса 2^й очереди Николаевской военной академии я немедленно оставил пределы Великороссии, не дождавшись приказа о причислении к Генштабу, как это положено согласно приказа № 627 об ускоренной подготовке офицеров, получив от н[ачальни]ка Николаевской академии удостоверение в причислении за № 948, имеющееся у меня на руках и в настоящее время. В части Добр[овольческой] армии вступил 8 октября 1919 года и, как ранее служивший в украинских частях при гетмане в генквармглаве^{II}, не регистрировался, считая для себя слишком тяжелым актом реабилитации, не чувствуя за собою вины. По личному почину поступил в строевые части и переведен в Дон[скую] армию, где и командовал батальоном, а затем переведен в училище на должность преподавателя...»^{III} Лишь 29 апреля (12 мая) 1920 г. приказами генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля № 3052 и 3053 все офицеры и солдаты национальных армий и РККА, сдавшиеся белым, освобождались ото «всех кар и ограничений» и восстанавливались в правах^{IV}.

По воспоминаниям полковника Д. Н. Тихобразова, «прием офицеров, особенно Генерального штаба, был обставлен большой процедурой. Надо было им показать учрежденной для сего комиссии „patte blanche”^V, в прямом и переносном значении этого выражения. Одни оставались долго в резерве чинов, другие отбывали наложенную на них кару... Считаю такую щепетильность в приеме в армию Деникина большой ошибкой»^{VI}. Проводившуюся проверку иронично именовали «чистилищем».

В связи с переизбытком генштабистов у белых на Юге России практиковалось обязательное предание перебежчиков и пленных военспецов-генштабистов военно-полевому суду. Такой подход оформился в 1918 г. К сожалению, нам известны данные лишь о некоторых военно-полевых судах над генштабистами, приведенные в приказах главкома ВСЮР за 1919–1920 гг., а документы более раннего периода сохранились фрагментарно. Дела расследовали судебные следственные комиссии, тесно взаимодействовавшие с органами контрразведки. Суду подлежали все служившие у большевиков безотносительно возраста и заслуг, не исключая и георгиевских кавалеров. Так, в октябре 1919 г. суду был подвергнут 63-летний геодезист генерал-лейтенант М. Л. Бачинский. Генерал был приговорен к расстрелу, замененному четырьмя годами каторжных работ с освобождением от наказания «за старостью»^{VII}.

Иногда рассмотрение дел офицеров происходило значительно позже их перехода к белым. Так, генерал-майор Д. И. Андриевский в 1918 г. непродолжительный

^I Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1414–1416 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

^{II} В данном случае: отделе генерал-квартирмейстера при главнокомандующем.

^{III} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 245.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 51–52.

^V Доказать свою лояльность (фр.).

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 5–6 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{VII} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 37.

период служил в РККА, а в 1918–1920 гг. — на белом Юге. Тем не менее осенью 1919 г. его дело рассматривалось белыми в судебно-следственной комиссии. За Андриевского поручился генерал А.П. Архангельский, и в итоге был вынесен оправдательный вердикт¹.

Через комиссии прошли и некоторые другие генштабисты — полковники Ю.И. Кобылецкий и И.Н. Потапов, подполковник А.Н. Ягода. В последнем случае офицеру было запрещено служить во ВСЮР, поскольку следствие сочло его переход на сторону белых проявлением оппортунизма в связи с военными успехами ВСЮР. Генерал-майора А.А. Котельникова судили сразу за службу у красных и у петлюровцев: «В декабре 1918 года в гор[оде] Чернигове добровольно признал власть Петлюры и поступил в штаб генерала [А.П.] Грекова; назначенный на должность командира кадра дивизии отправился в гор[од] Одессу и, явившись к генералу [Ф.] Д'Ансельму, а не в штаб Добровольческой армии, пытался здесь формировать петлюровские части; при эвакуации гор[ода] Одессы остался в городе, добровольно регистрировался у большевиков и, назначенный в распоряжение народного комиссариата в Киеве, принял весьма ответственную должность заведывающего учебной частью технических курсов по выпуску красных офицеров; в июле 1919 г. обратился к командующему 12[-й] советской армией и был назначен исполняющим должность [начальника] разведывательно-топографического отделения»².

Обычным вердиктом судов была смертная казнь, заменявшаяся освобождением из-под суда, разжалованием или каторжными работами. Это, конечно, отталкивало от белых их потенциальных сторонников и, возможно, даже стало одной из причин поражения белых армий. В частности, по свидетельству протопресвитера Добровольческой армии и флота Г. Шавельского, «в июле этого (1919. — А.Г.) года в Орле двадцать два офицера Генерального штаба, служащие у большевиков, обсуждали вопрос, как им быть, ввиду установившегося в Добровольческой армии отношения к перебежчикам. И решили: доселе мы играли в поддавки, теперь начнем воевать по совести»³. Донской казачий генерал З.А. Алферов свидетельствовал о том же: «Мне многие из офицеров Генерального штаба, служивших в белых штабах, говорили, что раньше всюду определенно чувствовалось благорасположение к нам красного офицерского состава (и я сам в том не раз убеждался), а сейчас-де, после таганрогских опытов⁴, чувствуется как раз обратное настроение. Точно там говор[или] нам (и в плане войны, в директивах, и в поле): «А когда так, то извольте, получайте!»⁵»

Информация о плохом отношении к военспецам-генштабистам у белых действительно проникала в Красную армию. Например, такие сведения привез из Крыма в Советскую Россию и сообщил одному из служивших в ПШ РВСР генштабистов

¹ Яковенко В. А. Проверка офицеров в судебно-следственных комиссиях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (лето 1918 — зима 1920 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 220.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 67–67об.

³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 359–360.

⁴ Речь идет об отправке пленных офицеров в Таганрог для расследования их службы в РККА.

⁵ Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 211.

сын видного военспеца В.Н. Егорьева¹. Кроме того, советский главком И.И. Вацетис привез с Южного фронта трофейный журнал «Донская волна» со статьей полковника Я.М. Лисового о Генеральном штабе, из которой военспецы-генштабисты могли узнать об отношении к ним у противника².

Бывший начальник оперативного отделения штаба Донской армии полковник В.В. Добрынин вспоминал, что еще одним фактором, облегчавшим красным борьбу, являлось «плохое отношение в штабных сферах “белых” офицеров к “красному” офицерству, особенно к “красному” Генеральному штабу, что служило помехой к переходу “красного” офицерства на сторону “белых”.

Уже во время осеннего отхода 1919 г. из штаба главнокомандующего был разослан циркулярный запрос в штабы армий по этому поводу, в котором указывалось на существующую ненормальность и спрашивалось мнение командующих армией.

В ответе донского командования указывалось, что еще после объединения командования Вооруженными силами Юга России в начале 1919 г. донским командованием по собственному почину уже было изложено свое мнение в особом донесении. Это мнение подтверждалось и теперь и в общем сводилось к следующему: офицеры, попавшие в “белую” армию, не должны смотреть на своих братьев, принужденных служить в советской армии с точки зрения “непогрешимых судей”. Считаясь с принудительной системой службы офицеров в советской России, с террором, с институтом заложников и с системой поруки, нужно смотреть на громадное большинство советских офицеров как на лиц, вынужденных к этой службе обстоятельствами. Этот взгляд требовал иного отношения к переходящим на нашу сторону офицерам, чем укоренившийся в глубоком тылу Вооруженных сил Юга России, что вызывало бы более свободный переход “красного” офицерства на сторону “белых”.

Не говоря уже о том, что указанный запрос главнокомандования был запоздалым, он, собственно говоря, принес очень мало пользы, так как вышедшее весной 1920 г. новое положение “с амнистиями” перешедшим “красным” офицерам мало чем меняло установившуюся систему “хождения по мукам” во время церемонии их “реабилитации”³.

Как отмечал анонимный военспец, «когда развивались события на Волге, у Орла, у Гатчины, конечно, мы ждали своего поражения как избавления. Но ждали мы с двойственным чувством, думая: “А что будет с нами, как отнесутся?” А у некоторых, хотя и чуждых идеологически новому режиму, но добровольно или случайно завязавших в нем поглубже, уже тогда копошилась мысль: “Еще неизвестно, чья возьмет, еще поборемся. Этак будет надежнее”⁴.

По-настоящему суровых приговоров в отношении генштабистов-перебежчиков у белых не выносилось. Генерал В.В. Буняковский, к примеру, был арестован

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 41.

² Там же. Л. 40об.-41; Лисовой Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. 24.02 [09.03]. № 9 (37). С. 11–14. Комментированную публикацию статьи см. в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 808–815.

³ Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 — март 1920 (Очерк). Прага, 1921. С. 91–92.

⁴ Письмо ОТТУДА. С. 4.

на три недели, после чего в декабре 1919 г. прощен^I, генерал В.Е. Борисов был освобожден по возрасту. По свидетельству А.А. фон Лампе, за службу у красных были разжалованы в рядовые только три генерала: И.П. Сытин, Л.Л. Родцевич-Плотницкий и Л.М. Болховитинов^{II}, причем Сытина белые могли казнить. Фон Лампе через публикации в прессе содействовал его спасению.

О генерале Л.Л. Родцевиче-Плотницком Лампе писал в дневнике 25 августа (7 сентября) 1919 г.: «Сегодня только узнал о злой судьбе, постигшей Л.Л. Родцевича-Плотницкого. Он, оказывается, при занятии большевиками Харькова остался там и служил у них, а потом каким-то образом попал в руки Добр-армии и был военно-полевым судом присужден к каторге и подал о разрешении ему рядовым заглазить свою вину. Жаль мне его, он, конечно, не большевик — сыграла несчастную роль, безусловно, его жена, из-за которой он остался в Малороссии. Жаль его — молодой генерал с Георгием — как все проходит легко, а я ему когда-то немного и завидовал»^{III}. Как выяснилось, генерал прослужил у красных десять дней, за что был приговорен белыми к девяти годам каторги. По-видимому, этот приговор был смягчен. Позднее Родцевич-Плотницкий прожил много лет в эмиграции.

Один из наиболее ярких инцидентов связан с генерал-лейтенантом Л.М. Болховитиновым, о судьбе которого писали многие мемуаристы, т.е. несправедливость в его отношении уже тогда для здравомыслящих людей была очевидной и привлекала внимание^{IV}.

Болховитинов поступил в РККА в числе первых крупных военных специалистов. Весной 1918 г. ему было поручено проведение реформы местных военных комиссариатов^V. В дневниках А.Е. Снесарева сохранилась запись его беседы в Москве 11 мая 1918 г. с генштабистом А.Н. Ковалевским, в которой последний заявил, что и М.Д. Бонч-Бруевич и Болховитинов «предадут брата родного... и довольно дешево»^{VI}. Бонч-Бруевич и его помощник в Высшем военном совете Болховитинов были однокурсниками по академии и дружили. Не будем вдаваться в мотивы высказывания Ковалевского, но оно оказалось довольно точным. В антибольшевистском лагере Болховитинов оказался уже через несколько месяцев после того, как Ковалевский дал ему столь нелестную оценку. Измена Болховитинова бросала тень и на Бонч-Бруевича, который с осени 1918 г. ушел с видных постов в Красной армии.

В дневниках Снесарева нашли отражение взгляды на Гражданскую войну самого Болховитинова, свидетельствующие, что тот был далеко не в восторге от большевистского режима. Так, грузовики с революционными солдатами Болховитинов именовал не иначе как «б...возами»^{VII}, заявлял, что «убил бы» бывшего

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11об.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 238об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021. С. 73.

^{IV} Подробнее о Болховитинове см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 219–231.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 105.

^{VI} Снесарев А. Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

^{VII} То же // Московский журнал. 1996. № 2. С. 52.

советского Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко^I. По наблюдению Снесарева, перед большевистским руководством Болховитинов явно заискивал, что вызвало неприятие у Снесарева, тогда как в разговорах наедине с последним заметно правил в суждениях^{II}. По оценке П.С. Махрова, Болховитинов был патриотом и выдающимся офицером Генерального штаба^{III}. Эти оценки соответствуют свидетельству протоиерея Г. Шавельского, который встретил своего старого знакомого Болховитинова летом 1918 г. в Москве. Бывший генерал при встрече заявил Шавельскому: «Вас удивляет, вероятно, что я тут... Мне предложили должность инспектора пехоты. Я ее принял. Но, ради Бога, не думайте, что я с этими негодяями! Если Бог поможет мне сформировать хотя бы два настоящих корпуса, столбов не хватит для виселиц, чтобы перевешать этих разбойников»^{IV}.

Болховитинов был арестован белыми в Екатеринодаре в августе 1918 г., куда приехал к семье. За службу у красных он был разжалован в рядовые и около года прослужил нижним чином, после чего ему «за проявленные в боях мужество, доблесть и распорядительность» был возвращен чин генерал-лейтенанта (приказ главнокомандующего ВСЮР № 1575 от 22 июля (4 августа) 1919 г.^V). Небезынтересно, что, по свидетельству Г. Шавельского, «в армии преобладал взгляд, что всех перебежчиков из России (советской. — А.Г.), особенно генералов, надо вешать. И когда ген. Болховитинов не был повешен, а лишь разжалован в рядовые, многие возмущались этим»^{VI}. В роли «ястребов» в этом вопросе, судя по всему, выступала молодежь, в считанные месяцы занявшая руководящие посты в Добровольческой армии и стремившаяся продемонстрировать свою антибольшевистскую принципиальность. Между прочим, Болховитинов учился в академии вместе с А.И. Деникиным.

Сам Деникин вспоминал о Болховитинове: «О Болховитинове и его судьбе я писал в “Борьбе за Россию”. Главные черты: талантлив, карьерист. Из его прошлого: при выпуске из академии боролся за первенство с [Б.П.] Баженовым; я слушал его “вторую тему” — доклад очень интересный, основательный и смелый в отношении инако мыслящих профессоров-оппонентов. По последней ли причине или потому, что, как думали в академии, Баженова “тянули” (он считался женихом дочери правителя дел академии, но после выпуска отказался...), Болховитинов окончил не первым и, кажется, даже без медали.

Главной уликой его на суде в Екатеринодаре, кроме факта добровольной службы советам на высоком посту, был собственноручный его дневник, вернее сборник статей, сплошь посвященных безудержной апологии большевизма. Болховитинов объяснял, что эти статьи принадлежат не его перу, а, будто бы, он переписывал их из разных советских изданий, интересуясь вообще идеологией большевизма. Откуда — указать не мог. Я уверен, что статьи — его, и написаны были не по убеждению, конечно, а для того, чтобы вернее преуспеть»^{VII}. Кроме того, позднее

^I Там же. С. 53.

^{II} Там же // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

^{III} Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. СПб., 1994. С. 175.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 309. Л. 1об.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 134. Л. 66.

^{VI} Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 357.

^{VII} BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12.

из советской печати стало известно, что Болховитинов якобы работал на красных и в белом лагере¹.

Генерал В. В. Чернавин писал о Болховитинове: «Ген. Болховитинов был очень талантливым офицером Генерального штаба, имел большой штабной и военно-административный опыт, обладал способностями организатора крупного масштаба. В мировую войну он по заслугам сделал блестящую карьеру, достигнув, имея всего 45 лет от роду, высокого и ответственного поста начальника штаба Кавказского фронта... Казалось бы, что отмеченные выше данные предопределяли ген. Болховитинова к очень большой роли в Гражданскую войну, когда он осенью 1918 г. бежал из Москвы на Кубань. Этого не произошло. На “белом” Юге России он признан был человеком неприемлемым. Причины лежали в левом политическом курсе, взятом Болховитиновым во время революции и в том, что после Октябрьского переворота он, как и ряд других видных русских генералов по предложению сов[етского] правительства принял участие в деле организации вооруженной силы... Лишь в январе 1920 г. он был привлечен к делу Кубанской властью и занял пост члена кубанского правительства по военным делам (т. е. военного министра)»².

В письмах Болховитинова супруге нашло отражение его возмущение столь различным отношением к нему и к другим перебежчикам, сразу устроившимся у белых на хорошие места. О том, что они были связаны с белым подпольем, Болховитинов не написал, возможно, потому, что не знал этого: «Покорность [А. П.] Архангельского, конечно, весьма приятная и похвальная: известное дело — “повинную голову и меч не сечет”, а посему сия кротость уже получила надлежащую мзду: он зачислен в резерв чинов, что служит преддверием к дальнейшему продвижению, с чем я их и “проздравляюсь”... ты ясно поймешь причину такого невероятного разного отношения ко мне и, скажем, к [А. Л.] Носовичу или еще лучше к Архангельскому, который занимал должность в Главном Всероссийском штабе, управляя отделом укомплектования и командного состава. Невероятно, но факт! Зная Архангельского, могу предположить, что, выкручиваясь перед современными богами, он, вероятно, нагнал немало про мою деятельность: все ведь это мелкие, трусливые людишки...» (письмо от 13 (26) марта 1919 г.)³. При этом генерал отмечал, что о его деятельности в Москве был осведомлен британский разведчик С. Рейли, приехавший на белый Юг⁴. Таким образом, возможно, Болховитинов тоже был связан с антибольшевистским подпольем.

Б. А. Штейфон вспоминал о своей встрече с Болховитиновым в 1919 г.: «Однажды я пообещал командиру Самурского полка выдать имевшееся в моем распоряжении телефонное имущество. Командир обещал прислать приемщика. Вечером мне доложили, что меня желает видеть какой-то солдат. Раскрылась дверь, и с вопросом “можно войти?” на пороге обрисовалась представительная фигура в солдатской шинели с унтер-офицерскими нашивками.

В вошедшем унтер-офицере я немедленно признал бывшего генерал-лейтенанта Л. М. Болховитинова. Он был во время Великой войны начальником штаба

¹ Деникин А. И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию. 1928. № 70. С. 9.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 110–111.

³ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 254–255об.

⁴ Там же. Л. 223об.

Кавказского фронта и для меня, тогда капитана Генерального штаба, являлся чрезвычайно высоким начальством. Он знал меня прекрасно, так как я служил в штабе армии. Направляясь ко мне, “унтер-офицер Болховитинов”, конечно, был осведомлен, кого он встретит, но для меня его появление было жутким.

— Узнаете?

— Еще бы не узнать! Здравствуйте, Леонид Митрофанович.

Мы сели и на некоторое время забыли о телефонном имуществе. Оказалось, ген. Болховитинов одно время служил у большевиков, а затем перешел в Добровольческую армию. Согласно тогдашним правилам, он был судим, разжалован и послан рядовым на фронт. Как “хорошо грамотного” его назначили в команду телефонистов.

Мы душевно поговорили около двух часов. Л.М. заходил ко мне еще несколько раз. Впоследствии он был прощен, и затем, в Крыму, я встретил его прежним энергичным генералом.

Генерал Болховитинов уже умер — и пусть Господь судит его за вольные и невольные прегрешения. Во всяком случае, у меня сохранилось о нем воспоминание как о крупном, незаурядном человеке. Свое разжалование он переносил с большим достоинством.

Теперь, когда многие бывшие страсти перегорели, ясно, что система подобных судов была по идее ошибочна, ибо удерживала от перехода к нам тех, кто подневольно служил у красных. Фронт, всегда более чуткий в подобных вопросах, чем тыл, очень скоро признал несправедливость и вредность указанных судов и личной инициативой, молчаливо, но убежденно воспринял иной порядок: коммунистов уничтожал, а всех остальных принимал в свои ряды.

Во всяком случае, в 1918 году примеры ген. Болховитинова, Сытина и других давали несомненное удовлетворение широким офицерским кругам. Жестокие времена порождали и жестокую психологию¹. Известие о репрессиях в отношении Болховитинова вскоре дошло до Советской России и негативно повлияло

¹ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 11–13. Сохранилось свидетельство о том, что Болховитинов в начале 1920 г. тайно сотрудничал с большевиками, по их совету согласился занять пост военного министра Кубанского краевого правительства, задерживал посылку войск, менял направления движения отрядов и т. д., причем подпольщики якобы были удивлены его решением эвакуироваться с белыми (*Черный Вл. В подполье // Путь коммунизма. Краснодар, 1922. Кн. 3. С. 137*). Возможно, подобное свидетельство было оставлено с провокационной целью. Генерал В. Е. Флуг впоследствии отмечал, что в 1920 г. Болховитинов занимался исключительно административными и хозяйственными, а не оперативными вопросами. В этом отношении никакого вреда белым он принести не мог. По мнению Флуга, Болховитинов не являлся большевистским агентом (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 110об.–111об.). Начальник штаба войск Кавказского побережья полковник Р.К. фон Дрейлинг также не замечал ничего подозрительного (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 115). Генерал В. И. Баскаков, наоборот, считал его таковым (ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 200об.). Также см.: Деникин А. Борьба и провокация // Борьба за Россию. 1928. № 105. С. 3–4. В эмиграции генерал Болховитинов покончил с собой. По свидетельству генерала В. В. Чернавина, «причиной самоубийства была тяжелая душевная депрессия, явившаяся, по свидетельству лиц, близко с Болховитиновым в это время соприкасавшихся, следствием потери веры в возрождение России, невозможности применить продуктивно свои знания и опыт, а также большое личное горе — потеря им своей семьи, жены и детей, которых он, оставляя Кубань, не успел эвакуировать».

Нельзя не отметить, что обстоятельства личной судьбы ген. Болховитинова с момента окончания Гражданской войны на Сев[ерном] Кавказе совершенно не вяжутся с версией о его тайной службе сов[етской] власти. Очевидно, что если бы он служил большевикам, то логическим исходом для него был бы открытый переход на сторону Советов, спасая свою семью и получая возможность занять высокое положение в Красной армии» (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 116). В предсмертном письме Болховитинов указывал: «Я не могу перенести потери родины, семьи... Бессилие помочь семье заставляет меня решиться на этот шаг» (Там же).

на отношение военспецов к переходам на сторону белых^I. Разжалован в рядовые был и упомянутый выше генерал И.П. Сытин, назначенный в феврале 1919 г. в Партизанский генерала Алексеева пехотный полк и восстановленный через год в чине^{II}.

Ярким примером непрагматичного отношения белых к генштабистам является история массового перехода генштабистов к белым при вступлении ВСЮР в Киев. На 1914 г. Киев был пятым городом Российской империи по численности населения (более полумиллиона жителей). Поскольку это был не только большой город, но и крупный военный центр бывшей империи, здесь проживало множество офицеров. Густонаселенный город давал возможность укрыться в нем тем, кто не рисковал переходить через линию фронта. Оставаясь в крупном городе после ухода красных, можно было добиться того эффекта, что не перебежчик под пулями переходил линию фронта, а сама линия фронта переходила через такого человека. Так и случилось, когда 18 (31) августа 1919 г. деникинцы заняли город.

Летом 1919 г. армии ВСЮР развернули наступление на советский центр. Под ударами белых пали Харьков, Екатеринослав, Царицын, Камышин, Полтава. Советские тылы громил конный корпус генерала К.К. Мамантова. Многим казалось, что победа войск А.И. Деникина уже предрешена и власти большевиков скоро наступит конец. Такие взгляды разделяли тогда многие, не исключая членов большевистской партии^{III}. Не могли их не разделять и бывшие офицеры, находившиеся на советской территории, а подчас и на советской военной службе. Неудивительно, что наиболее выигрышным решением многим из них при сложившихся обстоятельствах казалось вскочить в уходящий поезд, присоединившись к белым накануне их триумфа. Это позволило бы избежать ответственности за службу красным и уклонение от участия в борьбе с большевиками.

Разумеется, помимо тех, кто переходил к белым по конъюнктурным соображениям в связи с их победами, были и те, кто стремился к ним вполне искренне, но по каким-то причинам не мог сделать этого раньше. Именно таких людей описал очевидец: «В надежде на уход большевиков офицерство бежало в Киев из Москвы, из Петрограда, из Могилева, из Чернигова, из Казани. Ожидая прихода добровольцев, люди прятались в лесах, в погребах, на чердаках, в стогах сена; один прапорщик около суток провел в канализационной трубе; какой-то капитан прожил около недели в купальнях; шесть человек приехали в лодке и скрывались в камышах»^{IV}.

Отсидеться в большом городе, дождавшись белых, было куда менее опасно; кроме того, этот вариант давал возможность беспрепятственно перевести через линию фронта и членов семьи. Уже 3 (16) сентября 1919 г. главное командование ВСЮР сообщало начальнику 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову, что «в Киеве зарегистрировано около двенадцати тысяч офицеров и военных

^I Письмо ОТТУДА. С. 4.

^{II} HIA. Vrangell collection. Box 113. Folder 15.

^{III} См., напр.: Соломон Г. А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 192–193.

^{IV} Корсак В. У белых. Париж, 1931. С. 13.

чиновников, оставшихся после ухода большевиков в городе»¹. Очевидно, такое могло произойти лишь вследствие крайней поспешности ухода красных.

Как отмечал генерал В.Н. фон Дрейер, «у всех был высокий подъем духа, все горело желанием служить Родине. Но судебная волокита тянулась месяцами, и первоначальный порыв явившихся постепенно угасал, во время томительного ожидания перед дверями следственных комиссий. А недостаток средств и необходимость кормить семью иногда толкали их искать частную службу, и, таким образом, много хороших боевых офицеров было потеряно для армии»².

Участник Белого движения на Юге России полковник Е.Э. Месснер вспоминал, что оставшиеся в Киеве офицеры «повалили к нам в намерении стать в наши ряды, но их пыл был охлажден распоряжением генерала Деникина пропускать всех через реабилитационные комиссии перед постановкой на службу в армию. Тогда появилось множество “подснежников” — лиц с удостоверениями, что они под большевиками состояли в тайных организациях Добровольческой армии; это прозвище указывало на аналогию: как солнце, растопив снег, позволяет обнаружить белому подснежнику, так и наш приход выявил белизну тех, кто служил у красных (большевики говорили, что многие из офицеров в Красной армии похожи на редиску: снаружи красные, а внутри белые³)... Перспектива ждать месяцами реабилитации убила энтузиазм офицерства, и оно стало “ловчиться” в тыловые и административные учреждения, возникавшие в Киеве, как грибы после дождя. И нельзя осуждать этих офицеров — ведь есть, пить надо»⁴.

По свидетельству очевидца, «регистрация происходила во дворе комендантского управления. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было несколько генералов. Одни ходили уже в форме, другие, меньшинство, — в штатском. Знакомились, делились впечатлениями... Записывали офицеров в алфавитном порядке. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов все разошлись... На другой день мне удалось, наконец, несмотря на еще большую толпу, получить регистрационную карточку. На ней стояло мое имя, фамилия, год рождения, чин и полк, где я служил во время германской войны. С этой карточкой мне надо было явиться в реабилитационную комиссию и представить, кроме того, свое *curriculum vitae*⁵ от начала германской войны до настоящего момента. Для тех, которые у большевиков не служили и имели какие-нибудь старые документы, удостоверявшие их личность, дело кончалось в реабилитационной комиссии: они могли поступать в Добровольческую армию немедленно.

В противном же случае, дело выходило сложнее; раз в *curriculum vitae* офицер писал, что он служил у большевиков, реабилитационная комиссия отсылала его дело в контрразведку. Из контрразведки товарищ прокурора отсылал дело со своим заключением в четвертое учреждение — военную судебно-следственную

¹ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.

² Дрейер В.Н., фон. Крестный путь во имя Родины. С. 113.

³ Иногда сравнение с редиской распространяли на всю Красную армию (см., напр.: Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 121). Генерал В. Н. Минут это сравнение приписал Л. Д. Троцкому, что вряд ли может соответствовать действительности.

⁴ Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. Л. 217 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3. Оубл. в:

Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 531.

⁵ «Ход жизни» (лат.) — автобиография.

комиссию. Эта комиссия рассматривала дело окончательно и препровождала его на заключение к коменданту города. Причем, если кто не имел старого послужного списка или других не менее солидных документов, он должен был доказать свою личность при помощи управляющего домом и двух благонадежных свидетелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кроме советских, не было.

И вечером, сидя над своей биографией, я задумался — писать или не писать о службе у большевиков?

Написать — значит быть канцелярской волоките. Я подумал, колебался и написал. Может быть, чтобы не краснеть потом и не быть уличенным во лжи.

С превеликим трудом кончил я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсем не писать, служил человек или нет — советской власти. Раз люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными — какие вопросы могли быть еще.

Так думал я, глядя на свою биографию...»^I

Массовость перехода на сторону белых бывших офицеров в Киеве была действительно поразительной, однако нас интересует лишь небольшая, но наиболее квалифицированная часть перешедших — офицеры-генштабисты. Таковых было около трех десятков человек. И хотя далеко не все попавшие к белым ранее служили в РККА, но в обязательном порядке все они проверялись судебно-следственной комиссией на предмет причастности к службе большевикам^{II}. Тогда проверочным комиссиям пришлось немало потрудиться. Для захваченных в Киеве офицеров была разработана специальная анкета, в которой помимо прочего имелись следующие острые вопросы: почему не уехали в Добровольческую армию, чем занимались при петлюровской Директории, есть ли родственники в Добровольческой армии и в Красной^{III}.

Перебежчикам приходилось оправдываться. Причисленный к Генштабу капитан А.М. Кныш 1 (14) сентября 1919 г. писал в рапорте начальнику Полтавского отряда о том, что у красных не служил: «Представляя при сем переименованные ниже документы, свидетельствующие о непричастности моей к службе в армии большевиков, как непосредственно после окончания мною старшего класса Николаевской воен[ной] академии в марте 1918 года, так и во время моего пребывания (вследствие болезни легких) в городе Киеве в настоящем году, прошу о прикомандировании меня к штабу вверенного Вам отряда для несения службы, впредь до назначения на штатную должность»^{IV}.

Работа следственной комиссии под председательством полковника Поповиченко была организована следующим образом. Офицерам, врачам и военным чиновникам выдавались карточки, согласно которым они должны были являться по 100 человек ежедневно в следственную комиссию. Комиссия начинала работать с 9 утра 26 августа (8 сентября) 1919 г. по улице Левашевской, 26^V. Ранее комиссия

^I Корсак В. У белых. С. 12–14.

^{II} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 145, 376.

^{III} Там же. Л. 419–419об.

^{IV} Там же. Л. 466.

^V Там же. Л. 468.

располагалась по другому адресу. Один из прошедших через комиссию офицеров вспоминал: «Во дворе толпилось около ста офицеров. Тут можно было видеть все возрасты, чины и ордена... Я записался. Мой номер был не то 60-й, не то 70-й.

На всякий случай я стал поближе. Очередь очередью, но чтобы ее кто-нибудь не захватил, я протискался к двери, на которой висел список...

Допрос продолжался минут 10–15. Во дворе на “очистившихся от большевизма” набрасывались с вопросами: как и что? Но те только махали руками и поскорее уходили. Все томились...

— Зачем эта реабилитация? — спрашивал кого-то капитан с густыми, рыжими усами и с инженерским значком, — только проволочка времени. Зарегистрировалось больше 10 000 офицеров. Если на каждого из них комиссия потратит 5 минут только, то это займет больше месяца...

В этот день я прождал во дворе с 9 часов до трех; за это время комиссия отпустила около 40 человек. В три часа председатель заявил, что занятия кончены. Все пошли по домам. Было пыльно, жарко...^I Мемуарист не смог предстать перед комиссией и на следующий день, когда «перед дверью была страшная давка»^{II}. Не удалось это и в следующие дни. Проходившие реабилитацию считали ее лишь потерей времени, тогда как у белых явно не доставало войск, а в период реабилитации белое командование не могло использовать оказавшихся в его распоряжении многочисленных офицеров^{III}. В конце концов, автор мемуаров все же попал на прием, однако его дело, как служившего у красных, было отправлено в контрразведку, где после новых мытарств с офицера взяли подписку о невыезде, а дело передали в военную судебно-следственную комиссию, потребовав от мемуариста привести двух свидетелей, после чего решение комиссии было утверждено комендантом города, и эпопея с реабилитацией наконец завершилась, заняв почти два месяца.

Настоящей «притчей во языцех» стала история одного генштабиста, опубликованная в газете «Киевлянин». Этот офицер «прибыл в Киев с женой, рискуя не только своей собственной жизнью, но жизнью и честью жены. Документов у него не оказалось: не то он их потерял, не то их отняли большевики. Контрразведка засадила его в тюрьму. Заключение вывело несчастного из душевного равновесия: он психически заболел. Жена, оставшаяся на улице, обращалась ко всем властям, но без успеха. Она дошла до того, что стала на улицах просить милостыню. Кто-то из знакомых встретил ее и посоветовал обратиться к Шульгину. Тот напечатал эту историю в газете. Что было дальше — я не знаю»^{IV}.

Как результат волокиты с реабилитацией, немалая часть офицеров просто предпочла скрыться от нового режима. Между тем десять тысяч офицеров были крупной силой, фактически корпусом, сплоченным, сильным своей высокой выучкой и идейностью, подобная сила под надлежащим контролем вполне могла бы позволить Деникину одержать победу над красными. Однако деникинский режим вместо этого предпочел заниматься бюрократической волокитой. Более того, многие офицеры в Киеве подвергались совершенно незаслуженным преследованиям,

^I Корсак В. У белых. С. 15–17.

^{II} Там же. С. 18.

^{III} Там же. С. 20–21.

^{IV} Там же. С. 42–43.

арестовывались на основе анонимных доносов. Парадокс истории и показатель уровня мышления руководства сторон Гражданской войны: большевики сумели успешно использовать враждебное им офицерство, тогда как белые не смогли воспользоваться даже дружественными себе офицерами.

Все офицеры, кроме генштабистов, реабилитировались в местной следственной комиссии. Высокопоставленных перебежчиков в белом лагере ждали далеко не с распростертыми объятьями. Что касается офицеров Генштаба, то для них была создана Особая следственная комиссия при штабе главнокомандующего в Таганроге, которую последовательно возглавляли генералы от инфантерии Н. Ф. Дорошевский и В. В. Болотов. И там уже отношение было более строгим, не случайно комиссию иронически прозвали «генеральской чрезвычайкой»¹. Как правило, подлежавших реабилитации генштабистов направляли в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего. Комиссия рассматривала дела перебежчиков, изучая их в двух аспектах — мог ли перебежчик вступить в антибольшевистскую армию ранее и не занимался ли он подпольной антибольшевистской работой в рядах Красной армии. Чем выше был чин военспеца, тем суровее было отношение к его обладателю². Требовалось пройти через многомесячную процедуру реабилитации, а при невозможности реабилитироваться через военно-полевой суд, который принимал решения в зависимости от того, насколько тесно сотрудничал тот или иной офицер с красными. Приговоры предусматривали разжалование в рядовые, направление на каторжные работы и даже смертную казнь, хотя последняя в отношении старших генштабистов не применялась. Такая политика сочувственно воспринималась вождями и ветеранами Белого движения, фронтовым офицерством, особенно участниками 1-го Кубанского (Ледяного) похода, многие из которых враждебно относились даже к тем офицерам, кто прослужил в РККА хотя бы самое непродолжительное время. Более дальновидные современники считали подобную практику вредной для белых и даже приведшей их помимо прочего к поражению. Расследования иногда затягивались. При этом материальное положение офицеров в Таганроге оказывалось тяжелейшим, поскольку содержания им не назначали. В частности, на это жаловался генерал А. И. Линицкий, ранее служивший в украинских войсках³.

Начальник штаба 7-й пехотной дивизии полковник Г. А. Эверт, получивший указание направлять генералов-генштабистов, желавших служить во ВСЮР, в штаб главнокомандующего, срочно телеграфировал в Полтаву начальнику штаба V кавалерийского корпуса генерал-майору П. А. Кусонскому 1 (14) сентября 1919 г. с вопросом, как быть с прочими офицерами Генштаба⁴. 7 (20) сентября был получен ответ Кусонского о том, что все офицеры Генштаба подлежали отправлению в штаб главнокома⁵. Таким образом, руководство ВСЮР, несмотря на избыток командных кадров в целом и кадров Генштаба в частности, придавало большое значение переходам этих офицеров на свою сторону.

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 129.

² Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1. С. 29.

³ Алферов З. А. Воспоминания. С. 211.

⁴ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 299.

⁵ Там же. Л. 300.

В ночь на 5 (18) сентября 1919 г. в Таганрог в прицепном вагоне екатеринославского поезда из Киева отправилась первая группа перешедших в числе 22 генералов и штаб-офицеров, в основном негенштабистов^I. 11 (24) сентября состоялась отправка в Таганрог еще одной группы из 28 офицеров при девяти членах семей^{II}.

По-видимому, в отдельных случаях сразу учитывалась специализация перебежчиков. Так, курсовик капитан В.К. Дмоховский был направлен в Таганрог, но в распоряжение начальника военных сообщений генерала Н.М. Тихменева^{III}, т.е. в данном случае командование обратило внимание на его военную специальность.

Бывший курсовик капитан И.Г. Баковец, служивший в должности начальника штаба интернациональной бригады и захваченный в плен на Черниговском направлении, впоследствии вспоминал при даче показаний по делу «Весна» 20 октября 1930 г.: «В 1919 году, будучи под арестом у белых при контрразведке в Киеве на Фундуклеевской улице (в одной из гостиниц), моя жена в целях освободить меня обращалась, кажется, к матери генерала Кусонского с просьбой посодействовать через сына своего к освобождению меня из-под ареста и спасению от наказания, какое меня ожидало. Меня в лучшем случае ожидало разжалование в рядовые и лишение орденов и вообще всего, а в худшем случае – расстрел за службу на ответственных должностях в Красной армии. Мне известно, что всех царских генштабистов и офицеров от командира полка и выше направляли для реабилитации в ставку на Дон, меня же не отправили, несмотря на то, что я у красных был начальником штаба бригады, и, полагаю, потому, что академию я окончил при сов[етской] власти в 1918 году. Просидев около двух недель в контрразведке на Фундуклеевской улице, я был на два дня освобожден. На допросе я был два раза, где спрашивали у меня, главным образом, мою биографию. Мне ничего не предлагали, как равно и не предлагали сотрудничать. По истечении этих двух дней ко мне явились на квартиру и опять арестовали, числили уже за Освагом^{IV}. Я полагаю, это потому так, что на допрос меня водили на Левашевскую улицу (Липки, возможно и другая улица). В Осваге меня допрашивали один раз – опять об автобиографии, но здесь я уже пользовался большей свободой. По Киеву ходили слухи, что в Осваге нескольких расстреляли (вообще), и в городе находили убитыми неизвестно кем. Это создавало у меня боязнь за свою голову, и к этому периоду относятся хлопоты моей жены перед старой Кусонской о помиловании меня, которые, однако, не увенчались успехом. Тогда я от себя подал заявление на имя генерала Драгомирова, которого знал как бывшего командира корпуса, где я служил в должности к[оманди]ра б[атальо]на по старой армии. Заявление было подано адъютанту Драгомирова лично (имел возможность свободно ходить

^I Генералы: А. П. Аргамаков, П. И. Вербицкий, А. Н. или В. А. Добржанский, В. М. или Е. Д. Иванов, О. О. Лидерс, Ф. А. Снегосорев, Ю. К. Устимович, В. И. Черкасс. Полковники: Андреевский, Васильев, В. Ф. (?) Дикий, М. П. или С. М. Длусский, Крупенский, А. А. Макаров, Мещерский, Минде, Писарев, С. П. Разгильдеев, Ромербах, Слушко, И. И. Худашев; капитан Староскольский (РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 305).

^{II} Там же. Л. 540.

^{III} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 241.

^{IV} Осваг (Осведомительное агентство) — информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России в 1918–1920 гг. Пропагандистская работа Освага не отличалась эффективностью и подвергалась критике самими участниками Белого движения. Ликвидирован в 1920 г. П. Н. Врангелем.

по городу). В заявлении я указывал свой чин, должность и часть по старой армии, указал о своей службе в Красной армии, напомнил дипломатически, что служил в полку его корпуса, и, сославшись на наличие семьи, я просил о помиловании меня. Ответа на это заявление не последовало, и меня увезли в Вознесенск под конвоем...»¹ В показаниях, данных неделей позже, Баковец указал, что по заявлению на имя Драгомирова его все же освободили и направили на службу рядовым в Киевский караульный батальон².

Бывший капитан А. И. Батрук, рассуждая на следствии по делу «Весна» о том, как он остался в Киеве, отмечал: «В начале августа, ко времени подхода деникинских и петлюровских частей к г[ороду] Киеву, я был назначен на должность начальника штаба пластуновской бригады, выехать с которым своевременно не успел и временно задержался в Киеве из-за своего нездоровья. Вследствие быстро развернувшихся операций я не смог установить в штабе обороны г[орода] Киева местонахождения штаба бригады, а значит, и не мог к нему присоединиться. В дальнейшем мне следовало с ближайшей военной частью отступить из Киева, но этого я не сделал, отчасти из-за своего нездоровья и нездоровья жены, а также из-за боязни подвергнуть свою семью репрессиям со стороны белых, как семью офицера, ушедшего с частями Красной армии из Киева; судить о том, насколько я был прав или неправ в последнем отношении, я не берусь, но должен сказать, что оставление мною рядов Красной армии, может быть, недостаточно оправдываемое совокупностью перечисленных обстоятельств и подлежащее суровой каре, все же не вызывалось особыми симпатиями к белым, о политической установке в работе которых я, еще находясь на службе в центральном бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины, из сводок знал; полагаю, что это произошло потому, что в то время у меня не было определенно установившейся политической установки, и я действовал под влиянием тех импульсов, почвой для которых была моя прошлая жизнь.

По приходе в Киев деникинцев меня, после регистрации, как офицера Генерального штаба, направили для реабилитации в штаб Деникина в г[ород] Таганрог, куда и прибыл в начале сентября.

Дело с реабилитацией затянулось больше чем на месяц, и уже только в октябре я был направлен в штаб Добровольческой армии в Харьков для назначения на должность; так как уже наступили холода, я в штабе армии получил разрешение поехать в Киев и взять теплые вещи. По возвращении из Киева, я в штабе Добровольческой армии узнал, что я вновь откомандировываюсь в Таганрог в штаб Деникина, куда я и уехал; в Таганроге я узнал, что меня предали военноплевному суду за службу и деятельность в Красной армии; на суде, состоявшемся в ноябре месяце, мне вменили в вину то обстоятельство, что я будто бы являлся организатором связи Красной армии, вероятно, сопоставляя это с названием «центральное бюро связи и информации при Наркомвоен Украины», где я служил; такое обвинение, удивившее меня своей, можно сказать, военной безграмотностью, было опровергнуто свидетельскими показаниями подполковника [П. Я.] Бугай и генерал-майора Соколова, служивших в штабе Наркомвоен Украины, перешедшими к белым и установившими истинный характер моей работы в Красной

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 43об. – 44.

² Там же. Л. 40.

армии; все же, по приговору суда, утвержденному начальником штаба Деникина, меня направили рядовым в один из полков 2^й пехотной дивизии. После суда я заболел и был помещен для излечения в госпиталь в Таганроге. Все пережитое мною в армии Деникина и отвратительные условия помещения и питания, и презрительное отношение со стороны “коренных деникинцев” к нам, “красным советчикам”, и приговор суда, все это подавляюще подействовало на мою и без того угнетенную психику и не могло не настроить меня против окружающей обстановки...»^I

Иногда допускались послабления. Так, например, генерал-майору Т.М. Протазанову 27 августа (9 сентября) 1919 г. был разрешен проезд из Киева в Харьков, а уже оттуда в Таганрог^{II}. Выпускнику ускоренных курсов капитану А.С. Ролько был разрешен проезд в Одессу на 12 дней для сопровождения жены Анны Дмитриевны и сестры жены Евгении Дмитриевны Нестеровой. Разрешение было действительно до 20 сентября (3 октября) 1919 г.^{III} Впоследствии Ролько вспоминал о своих мытарствах в это время: «В августе 1919 г. вследствие болезни и тяжелой формы грыжи в Вологде уволен по болезни и за ранами вовсе от военной службы. Получив все необходимые документы и письменное разрешение Рев[олюционн[ого] в[оенного] сов[ета] 6^й армии на право поездки и жительства в Одессе в августе, больной, в сопровождении жены выехал. Т[ак] как Одесса к тому времени была занята белыми, я остался на жительство в Киеве. Белые, захватив город, объявили общую регистрацию, и я был арестован и как офиц[ер] Ген. штаба был отправлен в Таганрог на суд в Ставку. Был под судом и следствием с сентября [19]18 г. (правильно – 1919 г. – А.Г.) по январь [19]19 г. (правильно – 1920 г. – А.Г.) и из Одессы, куда я был уволен на поправку после сыпн[ого] тифа, я скрылся за границу. В Варне поступил матросом и, плавая, участвовал в эвакуации белых из Новороссийска в Севастополь. В апреле 14го был опознан на пароходе в Севастоп[оле], арестован и посажен в севастоп[ольскую] тюрьму, где просидел до 29 июня. Освобожден по врангелев[ской] амнистии с отправлением на фронт. Но вновь тайно уехал через Константинополь в Палестину, где пробыл до мая 1921 г. В мае вернулся в Кон[стантинополь] и при содействии Сов[етской] торговой делегации выехал в Одессу и 6 июня был арестован. У белых не служил и виновным себя совершенно не считаю»^{IV}.

Начальник штаба Полтавского отряда предписал 31 августа (13 сентября) коменданту станции Киев оказать содействие в отправлении из Киева в Тифлис еще недавно числившегося в резерве при штабе Народного комиссариата по военным делам Украинской ССР^V бывшего генерал-майора С.И. Верховского ввиду сухотки спинного мозга и ослабления зрения^{VI}.

Приказом главнокомандующего ВСЮР № 2661 от 11 (24) ноября 1919 г. был сформирован военно-полевой суд по делу генерала П.Н. Бурова под председательством генерал-лейтенанта Н.А. Илькевича и в составе генерал-майора С.М. Трухачева, генерал-майоров А.В. Корвин-Круковского, Н.Г. Синеокова и Б.Н. (?) Григоровича.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42об.–43.

^{II} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 183.

^{III} Там же. Л. 214.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 241. Л. 63об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38.

^{VI} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 281.

Илькевич и Трухачев были генштабистами. Суд приговорил Бурова к четырем годам каторжных работ^I. Между прочим, Буров был георгиевским кавалером (награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за прорыв немецких позиций у озера Нарочь) и героем Первой мировой войны. Буров рассказал о случившемся протопресвитеру Добровольческой армии и флота Г. Шавельскому, который впоследствии вспоминал: «Бурова я знал еще по академии Генерального штаба и после следил за его службой. Пришедши ко мне, Буров, как на духу, рассказал мне и про свою “службу” у большевиков (в течение года он сменил у них пятнадцать мест, значит, фактически не служил), и про свое семейное положение: его жена с двумя детьми в это время голодала в Харькове (я читал ее письма), жила в неотапливаемой комнате, с закрытыми ставнями, чтобы теплее было; ели горячее через день; все распродала; исхудала так, что не могла сидеть на деревянном стуле, дети покрылись нарывами. Буров плакал навзрыд, рассказывая про свое горе»^{II}. Шавельский сумел добиться у начальника штаба ВСЮР генерал-лейтенанта И.П. Романовского изменения приговора, и Буров был помилован. Перешедший к белым вместе с Буровым и Языковым бывший генерал-майор К.А. Моравицкий обвинялся белыми в том, что «зачислившись добровольно на службу к большевикам и занимая весьма ответственные должности в красной армии, не выполнил принятого на себя обязательства сообщать в Добровольческую армию сведения о красных войсках и не приложил никаких усилий уклониться от большевистской службы или хотя бы устранить от занятия столь ответственных должностей, принося своею деятельностью, напротив, несомненно большую пользу большевикам...»^{III}

Сдачи высшего комсостава происходили и вокруг Киева. Так, например, начальник штаба Полтавского отряда полковник Г.А. Эверт телеграфировал 25 августа (7 сентября) дежурному генералу штаба главнокомандующего ВСЮР из Киева: «По приказанию командующего отрядом генерала Бредова при сем препровождаю перебежавших в районе Бахмача бывшего начдива 2-й Сводн[ой] советской дивизии бывшего генерала Жданова с ординарцем-красноармейцем Григорием Потаповым и женой при 2-х детях. Жена и дети арестованными не считаются»^{IV}. Речь шла о генерал-майоре Н.А. Жданове, выпускнике академии 1903 г.^V Ранее он командовал 11-й и 12-й советскими армиями. В РККА числился пропавшим без вести при отступлении от Киева^{VI}. Ценного перебежчика сначала доставили в Полтаву в штаб V кавалерийского корпуса, а 24 августа (6 сентября) его предписано было отправить в распоряжение начальника штаба 7-й пехотной дивизии для дальнейшего направления в распоряжение дежурного генерала штаба главкома^{VII}.

Существовала еще одна категория офицеров, попавших к белым. Их трудно отнести к перебежчикам, поскольку речь идет о заключенных киевских тюрем, которые вышли на свободу после взятия Киева белыми. Среди них также были офицеры Генштаба. Например, пожилой генерал от инфантерии В.Е. Бухольц

^I Рутыч Н. Н. Биографический справочник... С. 59.

^{II} Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 359.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 67.

^{IV} Там же. Л. 146.

^V Подробнее о Жданове см.: Ганин А. В. Измена командармов. С. 671–760.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

^{VII} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 147–147об.

(Бухгольц) – ветеран Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., окончивший академию еще в 1876 г. Позднее, находясь в эмиграции, он вспоминал: «12 мая / 29 апреля 1919 года подвергся на квартире в Киеве ночному обыску большевиками и был ими арестован как контрреволюционер и посажен в Киевскую чрезвычайку. Через неделю после опроса был приговорен к содержанию в концентрационном лагере до окончания Гражданской войны. Но так как этот лагерь был еще не готов, то из чрезвычайной комиссии я был препровожден под конвоем в Киевскую губернскую Лукьяновскую тюрьму в общий тюремный корпус, а после серьезного припадка нервного потрясения с тяжелым головокружением содержался в тюремной больнице.

29 июня, в день Св. Св. Петра и Павла, был перевезен в навозной телеге в концентрационный лагерь, которым оказалась пересыльная тюрьма военного ведомства с ужасными моральными, антигигиеническими и питательными условиями жизни и содержания. Через неделю я заболел кровавым поносом, перешедшим в холеру, и по настоятельному требованию женщины-врача был отправлен пешком в Киевский военный госпиталь в арестантское отделение, где подвергался оскорблениям как сменявшихся ежедневно караулов большевицких банд, так и больных солдат их армии. 18 августа 1919 года, после четырехмесячного лишения свободы, я был освобожден из-под ареста пришедшей в Киев и обратившей большевиков в бегство дивизией генерал-лейтенанта Бредова. А 8 сентября ввиду дошедших до Киева сведений о наступлении на Киев с севера, из Черниговской губернии, новых большевистских банд, я эвакуировался из Киева в Ростов...»¹ До отъезда из России Бухгольц числился в рядах ВСЮР.

Генерал А.И. Деникин отмечал, что прохождение через процедуру официальной реабилитации спасало перебежчиков от суда общественного мнения, намного более сурового². По свидетельству Деникина, с сентября 1918 по март 1920 г. суду было предано порядка 25 генералов, смертной казни из них не был подвергнут никто, причем все разжалованные в рядовые к концу 1919 г. были восстановлены в прежних чинах³. К сожалению, не все эти случаи отражены в приказах главнокомандующего ВСЮР (см. табл. 54).

Таблица 54

Приказы главнокомандующего ВСЮР о предании выпускников и слушателей Николаевской военной академии военно-полевому суду (даты приказов по старому стилю)

Ф.И.О.	Приказы о предании суду, реабилитации или приговоре	Решение суда и главкома ВСЮР
И. П. Сытин	№ 207. 01.02.1919; № 2792. 20.01.1920	Разжалован в рядовые, впоследствии восстановлен в чине
А. П. Архангельский	№ 325. 12.02.1919; № 434. 07.03.1919	Оправдан
А. Л. Носович	№ 490. 17.03.1919	Оправдан

¹ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 77. Л. 35–35об.

² Деникин А. И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию. 1928. № 70. С. 8.

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 130–131.

Ф.И.О.	Приказы о предании суду, реабилитации или приговоре	Решение суда и главкома ВСЮР
Н. Н. Карепов	№ 2535. 12.10.1919; № 2603. 21.10.1919	Оправдан
М. Л. Бачинский	№ 2584. 17.10.1919	Смертная казнь через повешение, наказание заменено на четыре года каторжных работ с освобождением за старостью от фактического отбывания наказания, оправдан
П. Н. Буров	№ 2668. 12.11.1919; № 2694. 29.11.1919	Помилован
К. А. Моравицкий	№ 2627. 14.11.1919	
А. А. Котельников	№ 2627. 14.11.1919; № 2692. 22.11.1919	Лишение всех прав состояния и восемь лет каторжных работ
Д. А. Мельников	№ 2690. 25.11.1919; № 2773. 07.01.1920	Прощен
В. В. Буняковский	№ 2690. 25.11.1919; № 2773. 07.01.1920	Прощен
Н. А. Жданов	№ 2712. 05.12.1919	Оправдан
В. Е. Борисов	№ 2712. 05.12.1919; № 2774. 07.01.1920	Приговорен к отдаче в исправительные арестантские отделения на четыре года, освобожден от наказания ввиду преклонного возраста

В приказах подробно расписывались обвинения в адрес перебежчиков. Например, в отношении генерала В. Е. Борисова приказ звучал следующим образом: «Предаю военно-полевому суду Генерального штаба генерал-лейтенанта Борисова, по обвинению его в том, что в августе 1917 года, когда назревало выступление генерала Корнилова, имевшее в виду установление в России порядка и восстановление¹ боеспособности Русской армии, подал Керенскому доклад, в котором, считая Россию организованным демократическим государством, доказывал недопустимость в России средоточия² власти Верховного главнокомандующего в одном лице, указывая на то, что в демократическом государстве, каковым он считает Россию, Верховное командование должно быть представлено особо организованной коллегией, ибо только этим путем возможно предотвратить захватные выступления военной власти, причем, как всей своей литературно-научно-педагогической деятельностью, так и в политических убеждениях, коих он придерживается и в настоящее время, защищал и проводил в жизнь вышеуказанный принцип, каковыми своими действиями благоприятствовал неприятелю в его враждебных и военных действиях против России; что после захвата власти большевиками, проживая в Петрограде и Москве и занимая добровольно на советской службе ряд

¹ В документе — восстановления.

² В документе — средоточие.

должностей, требовавших применения специальных знаний офицера (генерала) Генерального штаба, зарекомендовал себя полезным для советских властей работником и, участвуя по приглашению Ленина, Троцкого и других высших должностных лиц советской власти на совещаниях, добровольно давал по специальным вопросам советы, каковыми советами пользовались советские власти, чем сознательно содействовал осуществлению основных задач советской власти и причинял существенный вред Вооруженным силам на Юге России, т.е. за преступление, предусмотренное частью 1 пункт 1, утвержденного мною 30 июля сего года закона об уголовной ответственности участников установления советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению...»^I

Только 14 (27) декабря 1919 г. был издан запоздалый приказ главкома ВСЮР об амнистии перешедшим из Красной армии офицерам^{II}. Поскольку судебные дела продолжали тянуться и далее, выходили приказы об их прекращении, очевидно, амнистия не стала автоматической. 29 апреля (12 мая) 1920 г. генерал П.Н. Врангель издал еще один похожий приказ № 3052, согласно которому предписывалось всех офицеров и солдат РККА, сдавшихся белым, «освободить от всех кар и ограничений и восстановить в правах, преимуществах, выслуженных до 1 декабря 1917 года и по вступлении в войска Вооруженных сил Юга России»^{III}. Аналогичный приказ № 3053 предписывал провести такие же действия в отношении перешедших из национальных армий^{IV}.

В ряде случаев суд играл реабилитирующую для бывших военспецов роль. Бросается в глаза кажущаяся внешняя формальность практики предания суду (в частности, предавались суду и реабилитировались в том числе и известные белые подпольщики из РККА). Такая практика была рассчитана на успокоение фронтовой массы, ненавидевшей большевиков, но подобный подход обернулся для белых катастрофой. Разжалованные и ошельмованные военспецы могли принести значительную пользу отнюдь не в качестве простых телефонистов или каторжников, а, например, будучи направлены в армию адмирала А.В. Колчака, где, даже несмотря на переход к белым Военной академии, нехватка опытного командного состава и квалифицированных штабных работников достигла катастрофических масштабов.

Впоследствии, уже в эмиграции, когда события Гражданской войны отошли в прошлое, некоторые ветераны Белого движения стали проявлять осторожность в суждениях о военспецах. В этом отношении интересен отрывок из письма полковника В.В. Добрынина генералу А.И. Деникину от 23 декабря 1934 г.: «Не судите, да не судимы будете. Не все “красные” офицеры служили в силу перемены психологии. Большинству пришлось примениться к тяжелой и неизбежной обстановке. Наши судьи и “реабилитаторы” и сами не всегда были безукоризненны»^V.

Желая обезопасить себя от нападков, некоторые переходившие от красных офицеры в свое оправдание распространяли версии о том, что в рядах РККА активно участвовали в работе белого подполья, в связи с чем нередко затруднительно отделить подлинные свидетельства о подпольной работе от вымысла.

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 131.

^{II} Галкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 399.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 51.

^{IV} Там же. Л. 52.

^V ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 83. Л. 3.

Нередко от серьезных репрессий спасала корпоративная солидарность генштабистов как бывших товарищей по академии. Видный деятель белого подполья в Киеве полковник Н. Ф. Соколовский по занятии частями ВСЮР города в 1919 г. передал белому командованию список лиц, которые якобы помогали ему в тайной работе против красных. В список вошли сослуживцы подпольщика из числа генштабистов. Тем самым ряд офицеров смогли избежать сложностей с реабилитацией за службу в РККА¹. Военный журналист А. А. Валентинов пересказывал историю о перелете к белым в январе 1920 г. капитана М. П. Строева (Рихтера): «Опустился он под Тихорецкой в наше расположение, несомненно, по ошибке, так как наши акции в те дни с неудержимой быстротой катились уже к Новороссийску и никаких надежд на исправление дел у Строева быть не могло. Да и он сам не скрывал происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели в поезд ставки и ввели в вагон оперативного отделения, некоторые офицеры Генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встретили его оживленными восклицаниями, а капитан Г. даже бросился ему на шею. Делу был придан такой вид, будто Строев опустился к нам нарочно. Ротмистр князь К. (офицер для поручений при генерале Деникине), ошеломленный происшедшим, допустил несколько очень резких выражений по адресу Генштаба. Об инциденте доложили генералу Деникину, указав, что Строев опустился нарочно. Генерал Деникин тотчас же уволил 70-летнего князя К. без прошения. Позже вина Строева была доказана»².

О необходимости дифференцированного подхода к пленным военнопленным писал генерал Д. В. Филатьев в докладной записке «Оценка взаимного стратегического положения противобольшевистских и большевистских войск», составленной 4 февраля 1919 г.: «В отношении командования, т. е. генеральского и офицерского состава, советская армия не имеет преимуществ перед Донской, Кубанской и Добровольческой армиями, но, несомненно, значительно превосходит армию адм[ирала] Колчака, в которой чисто по географическим условиям должен ощущаться большой недостаток генералов и офицеров.

Приходится еще думать, что в отношении командного состава на пользу Троцкого пошел приказ по Добровольческой армии³, грозящий карами тем, кто не оставит немедленно ряды Красной армии и не перейдет на сторону добровольцев. Каково же должно быть душевное состояние тех, что попали в Красную армию или ее управление по набору? Да если и не по набору, то лишь из-за того, что семьям буквально было нечего есть. Кроме того, уйти или уехать из Совдепии совсем не так просто, особенно для человека без средств; мытарства же по железной дороге под видом крестьянина или рабочего доступны только офицерам выносливым и молодым. Хотя многие из офицеров для того только и поступали в советские войска, чтобы при первом столкновении перейти на противоположную сторону, однако при строгом надзоре такие переходы очевидно не легки, а для семейных, кроме того, есть еще одна тревога: уйдешь, расстреляют семью, а если не удалось уйти, впереди ждет жестокая расправа от добровольцев.

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 87об.

² Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 16.

³ № 148 (примеч. Д. В. Филатьева).

При такой альтернативе возможно, что человек, особенно слабый духом, из невольного сотрудника Троцкого делается сознательным его помощником, рассчитывая на то, что успех Троцкого, во всяком случае, избавит от того возмездия, которое неизбежно при его поражении. Конечно, такие чувства очень низки, но в жизни героические натуры встречаются редко, а остальные — все люди среднего типа, не слишком сильные в борьбе. Исходя только из этого соображения, не следовало бы ставить на одну линию всех вообще генералов и офицеров, служащих в Красной армии, и явных предателей вроде Бонч-Бруевича, Сулеймана, Раттеля, Свечина, Парского, Сытина, Снесарева, Егорьева, [Алексея?] Гутора¹ и Болховитинова, так искусно скрывавшего свою интимную близость к Троцкому. Равным образом не заслуживают пощады и разные неизвестные точно по фамилиям командующие фронтами и армиями и так называемые “руководители военных районов”, которые, быть может, шли сначала к Троцкому, искренно веря в его намерение воевать с немцами, но которые тем не менее остались на своих местах и тогда, когда стало очевидным, что советская власть и не помышляет о борьбе с Германией. К тому же вначале большевики, как известно, никого не задерживали и всем позволяли выходить в отставку, так что кто хотел, тот мог уходить свободно, а если остался, то, значит, сделал это сознательно. Наконец, трудно уклониться от мобилизации, но никакая сила не может заставить человека принять на себя командование фронтом или армией.

Вот и следовало бы различать категории лиц, служащих у Троцкого, карая одних и входя в положение других, а главное, не забегая вперед с угрозами, которыми можно только ухудшить свое же положение. После победы будет время разобраться, кто в какой мере виноват²”.

Схожие процессы происходили у белых на Востоке России, где бывших военспецов подвергали различным преследованиям. Наиболее известен случай генерал-лейтенанта барона А.А. фон Таубе. Уже в 1917 г. он, занимая должность начальника штаба Омского военного округа, сотрудничал с сибирскими большевиками и получил прозвище «красный генерал»³. После прихода большевиков к власти Таубе активно проводил их политику, в том числе принимал репрессивные меры в отношении участников антибольшевистских выступлений⁴. Мотивация генерала не вполне ясна, но известно, что он был знаком с марксистской литературой⁵. Таубе участвовал в разработке проекта Положения о Красной армии⁶. В 1918 г. он занимал пост начальника Главного штаба Сибирского военного комиссариата. После того как Сибирь перешла под контроль белых, бывший генерал пытался пробраться в Москву, но в начале сентября 1918 г. был арестован в Бодайбо и попал в Иркутскую тюрьму, а затем, будучи закован в кандалы, переведен в 1-ю Екатеринбургскую губернскую тюрьму. В Екатеринбурге Таубе судили и приговорили к смертной казни, однако казнен он не был, так как в январе 1919 г. умер от тифа.

¹ Если верно, что он пошел в главнокомандующие и наступал на Киев (*примеч. Д. В. Филатьева*).

² ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–5. Выражаю благодарность д. и. н. В. Ж. Цветкову за указание на этот источник.

³ Подробнее см.: *Познанский В. С. Сибирский красный генерал*. Новосибирск, 1978.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ *Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть*. Томск, 1995. С. 78.

Подполковник А.Я. Нарышкин телеграфировал 24 ноября 1918 г. начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Мною 13 ноября была доложена бывшему главковерху (генералу В.Г. Болдыреву. — А.Г.) и Вашему превосходительству просьба очистить корпус офицеров Генерального штаба от офицеров Генштаба, состоявших на службе у большевиков. Причиной послужило нахождение на должности Генштаба в Ставке офицера, переведенного в Генеральный штаб Троцким, который носит сейчас форму генштабиста и который состоял в штабе большевиков в Екатеринбурге и перешел на нашу сторону только тогда, когда участь боя у Екатеринбурга ясно клонилась в нашу сторону. Свой устный доклад мотивировал Вашему превосходительству следующим[:] 1) ввиду того, что в Сибирской армии существует приказ н[оме]р 69 об офицерах, служивших в Красной армии, где указано, что офицеры, даже поступившие из-за куска хлеба в Красную армию, подлежат суровой ответственности, то этот приказ должен [быть] без всяких оговорок применен и к офицерам Генштаба, так как офицеры Генштаба, состоя у большевиков, занимали высокие посты, получали большое содержание и своей службой показывали возможность служить у Ленина и Троцкого [—] заведомых немецких шпионов, что[бы] все офицеры Генштаба знали поэтому, если сурово судят прапорщика, то офицера Генштаба должно судить возможно строже, 2) нахождение таких офицеров в Ставке и высших штабах позорит корпус офицеров Генштаба и мундир Генштаба, 3) мною было высказано желание установить теперь же суд чести из офицеров Генштаба, который должен потребовать письменно объяснение от каждого офицера Генштаба о его службе и деятельности за время после заключения Брестского мира и до поступления на службу в противобольшевицкую армию, 4) суд чести должен быть составлен из офицеров, кои после Брестского мира не состояли на службе в военном ведомстве и не получали от правительства Ленина-Троцкого жалование, 5) приказом наштаверх от 4/10 н[оме]р 2 главковерхом введены суды чести согласно ранее действовавших правил во всех частях и учреждениях, 6) главковерх и Ваше превосходительство после моего доклада обещали сделать соответствующие распоряжения и принять меры, 7) 23 ноября моим подчиненным была получена телеграмма из Ставки, подписанная Генштаба капитаном Симоновым, переведенным в Генеральный штаб Троцким, 8) ввиду изложенного и считая, что офицеры Генштаба должны и обязаны стремиться [к] очистке корпуса офицеров Генштаба от красноармейцев, дабы не подрывать доверия к себе со стороны строя и честных граждан родины, я вновь обращаюсь к Вашему превосходительству и прошу гг.¹ офицеров Генштаба поддержать мой доклад о необходимости введения суда чести офицеров Генштаба на приведенных условиях с обязательным постановлением суда чести о каждом офицере Генштаба в отношении службы в Красной армии и получения содержания от правительства Ленина и Троцкого, дабы офицер Генштаба мог спокойно работать, не считая для себя возможным встречаться по службе с людьми, служившими у немецких шпионов и [которые] распоряжением этих шпионов переведены в русский Генштаб. Челябинск. 24 ноября. н[оме]р 612/н Генерального штаба подполковник Нарышкин»².

¹ Господ.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–7.

Этот и многие подобные документы наглядно демонстрируют недалёковидность и непрактичность белого командования. Достаточно пронизателен был генерал-майор Н. Т. Сукин, который отметил, что подобная телеграмма «может вызвать осложнение при ее исполнении»^I. По некоторым данным, Нарышкин таким хитрым способом просто сводил счеты со своим старым сослуживцем по челябинскому гарнизону капитаном А. Л. Симоновым, с которым находился в конфликте.

Симонов был вынужден оправдываться. Он писал в рапорте 1-му генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем 25 ноября, что был переведен в Генштаб не Троцким, а автономным ГУГШ. Кроме того, Симонову пришлось доказывать принадлежность к белому подполью в РККА: «Расследование документально устанавливает, что я служил в штабах Красной армии не только в Екатеринбурге, а с первого дня окончания старшего класса академии, как член ордена, поставившего себе задачей свержение большевиков и спасение Родины активным путем.

Что касается вознаграждения за службу в красноармейских штабах, то в то время оно было настолько мизерным, что говорить о нем не приходится. Если этого не знал подполковник Нарышкин, то могу только пожалеть»^{II}. Офицер одиннадцать недель находился под следствием, но в конце концов был реабилитирован.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Д. А. Лебедев 8 марта 1919 г. подписал приказ № 189, согласно которому пленные военспецы подлежали военно-полевому суду, а добровольные перебежчики из генералитета подлежали отправке в Омск в распоряжение начальника Главного штаба.

Централизованная система расследования службы офицеров у красных и их реабилитации возникла в белой Сибири в 1919 г. 20 марта 1919 г. на фоне успешно развивавшегося весеннего наступления колчаковских армий на советский центр вышло постановление Совета министров о следственных комиссиях для расследования деятельности, прикосновенной к советской власти и иным мятежам и противогосударственным организациям офицерских и классов чинов и врачей военного и морского ведомств, состоящих на действительной службе. Документ утвердил Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А. В. Колчак^{III}. Создавались Центральная следственная комиссия при военном и морском министрах, а также местные комиссии при командующих войсками округов и в случае надобности при других начальниках.

Каждая комиссия включала председателя и трех членов. По штату в Центральной комиссии председательствовал генерал-лейтенант или генерал-майор, в местных — генерал-майор или полковник. Членами Центральной комиссии могли быть генерал-майоры или полковники, а в местных комиссиях — штаб-офицеры. Устанавливались и оклады: председатель Центральной комиссии получал 1360 руб., члены — 1120 руб. Председатель местной комиссии получал 1120 руб., члены — 880 руб. В ведении Центральной следственной комиссии находились все дела о генералах и штаб-офицерах, пользующихся правами не ниже командира отдельной части.

В апреле 1919 г. был утвержден состав Центральной комиссии. Ее председателем стал помощник военного министра по казачьим делам генерал-майор

^I Там же. Л. 4.

^{II} Там же. Л. 1об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Б.И. Хорошхин, членами — начальник 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Д.Я. Милович, начальник 11-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор С.И. Лящик и состоящий в распоряжении Войскового атамана Сибирского казачьего войска генерал-майор И.С. Ефтин. Делопроизводитель — и.д. делопроизводителя Главного законодательно-финансового управления подъесаул Хомутов^I.

В мае 1919 г. была составлена инструкция следственным комиссиям по расследованию деятельности, прикосновенной к советской власти и к иным мятежным и противогосударственным организациям офицерских и классовых чинов и врачей военного ведомства на действительной службе^{II}.

Поскольку колчаковские армии в ходе наступления брали пленных, в том числе бывших офицеров, комиссия должна была заниматься расследованием советской службы попадавшихся белым высокопоставленных лиц. Впрочем, вскоре наступление белых стало пробуксовывать, а затем началось и отступление. В этой связи объем работы Центральной комиссии, занимавшейся генералами и штаб-офицерами, был невелик и нередко касался не военнопленных, а тех, кто уже около года служил у белых, но когда-то, до возникновения антибольшевистского фронта на Востоке России, в первой половине 1918 г., имел неосторожность служить в Красной армии.

В расследованиях декларировалась жесткость. Еще 6 мая 1919 г. военный министр генерал-майор Н.А. Степанов писал председателю Центральной комиссии по расследованию причастности офицеров к противогосударственной деятельности: «По полученным мною сведениям, в Добровольческой армии генерала Деникина установлено беспощадное отношение к высшим воинским чинам, причастным к службе в Красной армии и учреждениях советской власти.

Решение это основано на взгляде, что высокое дело борьбы за освобождение Родины от захватных насилий большевизма должно быть основано на самоотверженности и не совместимо с какой-либо, даже провокаторской, деятельностью в рядах преступных убийц и разрушителей святой Руси.

“Добровольческая армия не нуждается в провокаторах”, — говорится в приказе генерала Деникина, т.к. заслуги таковой провокации ничтожны по сравнению с тем губительным злом, которое^{III} приносят России высшие воинские чины, помогая Красной армии своими знаниями и опытом. Все военные успехи большевиков являются тому свидетелями.

Со своей стороны считаю этот взгляд совершенно правильным и предлагаю Центральной следственной комиссии им руководствоваться при своих суждениях. Решения комиссии по всем делам высших чинов должны быть строги и неумолимо тверды. Чем выше ранг, тем большая ответственность. Пассивность и уступчивость командного состава создали у нас революцию, погубили в армии дисциплину, у офицеров — заветы воинского долга и чести, помогли злодеяниям большевиков и гибели Родины^{IV}. На документе имелась резолюция Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака: «Согласен». Впрочем, реальные расследования суровостью, насколько можно судить,

^I Там же. Л. 36.

^{II} Там же. Л. 38.

^{III} В документе ошибочно — который.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–13об.

не отличались. Тем более что проверить оправдательные показания бывших военспецов возможности не было.

Расследования затронули ряд генштабистов. Среди них генерал-лейтенант В.В. фон Нотбек, генерал-майор В.Е. Мясников, полковники А.В. Беклемишев и Г.И. Клерже, подполковник Н.Д. Молотов (Гаммер). Отдельное расследование было посвящено Военной академии, перешедшей к белым от красных, и ее начальнику генералу А.И. Андогскому. Следует отметить, что расследования в отношении Г.И. Клерже^I и академии^{II} носили политический характер и были связаны с борьбой военных группировок в Омске. В некоторых случаях речь шла об интригах и сведении счетов. Насколько можно судить, серьезных последствий эти расследования не имели. Например, в отношении Беклемишева начальник Главного артиллерийского управления 4 мая 1919 г. указывал, что произведен в следующий чин он может быть лишь после разбора его дела в следственной комиссии и реабилитации^{III}. Речь шла о кратковременной (чуть более месяца) службе Беклемишева в Самаре помощником начальника артиллерийского управления Приволжского военного округа. По этому делу Беклемишев 3 июля 1919 г. был оправдан^{IV}.

Отношение белых к генштабистам-перебежчикам во многом предопределялось количеством кадров Генштаба в самих белых армиях. На Юге России, где белые обладали большим запасом соответствующих специалистов, это отношение, насколько можно судить, было строже и хуже, чем на Востоке России. В белой Сибири генштабистов было меньше, поэтому их ценили выше. Тем не менее и на Юге, и на Востоке те, кто переходил от красных, попадали под следствие для выяснения мотивов и обстоятельств их службы в РККА. Все это, разумеется, отталкивало от белых их потенциальных сторонников. Как писал в 1925 г. ветеран Белого движения на Юге России полковник В.К. Манакин, белых на Юге «подкосили... грабежи и суды над переходящими к ним красными офицерами»^V. Со степенью значимости последнего фактора можно спорить, но такова оценка одного из непосредственных и авторитетных участников событий.

§ 3. Пленные генштабисты в Советской России

На волне успехов Красной армии в 1919–1920 гг., занятия красными все новых территорий и ликвидации контрреволюционных очагов участились случаи сдачи или попадания в советский плен выпускников и слушателей Военной академии из белых и национальных армий. Сформировавшимся стереотипом общественного сознания стали представления о поголовном истреблении пленных белых офицеров.

^I Материалы этого дела опубликованы в: Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадскова. Новосибирск, 2012.

^{II} Публикацию сохранившихся материалов см. в: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 691–727.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

^{IV} Там же. Л. 32.

^V АСБ. Т-РZIA. 6–1035. Л. 37.

Действительно, бывшие офицеры и военные чиновники белых армий являлись, пожалуй, ключевой социальной группой, подвергавшейся преследованиям в Советской России, однако отношение к различным категориям пленных было дифференцированным, причем пленных генштабистов выделяли в особую категорию.

Генштабисты попадали в плен как в результате массовых сдач, так и поодиночке. Причины этого явления различны и во многом ситуативны. Свою роль играло естественное патриотическое желание бывших офицеров русской армии не покидать родину и не скитаться по чужим странам. Часть офицеров стремилась остаться в родных местах даже при смене власти. Некоторых привлекала служба в Красной армии, доказавшей на полях сражений Гражданской войны свою высокую боеспособность и разгромившей всех врагов. Несомненно, сказывались и разочарование в борьбе, усталость от войны, стремление к мирной жизни, наличие родственников на советской территории. На отдельных фронтах в суровых климатических условиях офицеры сдавались в плен, оказавшись в почти безвыходном положении, не имея возможности куда-либо эвакуироваться или отступить. Разумеется, в плен попадали и те, кто находился в беспомощном состоянии – например, заболевшие. Пленения происходили и непосредственно в ходе боев. Встречались и сугубо индивидуальные мотивы сдачи в плен. Например, ротмистр-колчаковец И.А. Плюцинский в связи с отступлением белых в Забайкалье не желал или даже опасался служить у атамана Г.М. Семенова¹, подчиненными которого ранее арестовывался, и предпочел сдаться красным (в плену Плюцинский был расстрелян).

Следует отметить, что прямое дезертирство генштабистов из белых и национальных армий и добровольный переход на сторону красных были распространены намного меньше обратного процесса – дезертирства от красных к их противникам, что обусловлено самой природой противоборствовавших сторон Гражданской войны. По оценке орловского исследователя Р.М. Абинякина, добровольные сдачи в плен свидетельствовали не только об обреченности противников большевиков, но и об их мужестве ввиду неопределенности служебных и жизненных перспектив, а также о мировоззренческом переломе². Относились к попавшим в плен белым не как к обычным военнопленным, а скорее как к предателям, из чего проистекали и соответствующие действия советских властей.

В разгар Гражданской войны с пленными порой не церемонились, особенно в удаленных от центра регионах, слабо контролировавшихся Москвой. Возможно, один из таких случаев описан в докладной записке красного начдива В.И. Киквидзе о событиях 1918 г. на Южном фронте: «Захватили ихний штаб командующего Хоперским военным округом Дудакова, начальника штаба Дудакова, капитана Генерального штаба, с другими контрреволюционерами-офицерами, после отказа отвечать на вопросы были нами расстреляны»³. Речь шла о штабе

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 230об.

² Абинякин Р. М. Бывшие офицеры – заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 83.

³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1025. Л. 27.

организатора казачьего восстания на Хопре П.Р. Дудакова. Сам Дудаков в плен не попадал, а эмигрировал в 1920 г. из России. Кто являлся при нем начальником штаба, установить не удалось.

Некоторым везло. Так, один из видных деятелей Белого движения на Юге России генерал А.С. Лукомский вместе с генералом И.А. Ронжиным (негенштабистом) был командирован генералом Л.Г. Корниловым в марте 1918 г. в Екатеринодар, чтобы подготовить переход Добровольческой армии на Кубань. По дороге генералы были захвачены красными. Лукомский принял яд, но тот не подействовал. В итоге генералов судили на станции Степной, но не опознали, что спасло им жизнь (при том, что из 23 арестованных были расстреляны 18 человек). В дальнейшем Лукомский скрывался в Царицыне, а затем пробрался в Харьков, а летом 1918 г. вернулся в Добровольческую армию, где в дальнейшем занимал руководящие посты. Ронжину также посчастливилось уцелеть и вернуться к белым¹.

Пожалуй, первый массовый переход генштабистов из антибольшевистских армий к красным связан с событиями на Украине на рубеже 1918–1919 гг. — падением режима гетмана П.П. Скоропадского и приходом к власти радикальных украинских националистов. Тогда немало офицеров поспешили присоединиться к красным, полагая, что под властью украинских радикалов им придется хуже. Как показывал на следствии по делу «Весна» бывший войсковой старшина украинской гетманской армии А.И. Батрук, «более чем десятимесячное пребывание в рядах армии Украины убедило меня в неустойчивости государственной власти, политика которой расходилась со стремлением основной массы населения, и вытекающая отсюда слабость армии привела меня к убеждению, что мое решение, принятое весной 1918 г., было неправильно, и поэтому я решил не связывать свою судьбу с УНР, с ее армией, а остаться в Киеве и ждать прихода Красной армии; понятно, что об этом решении я ничего не говорил своим сослуживцам по Главному штабу. По занятии Киева Красной армией я был, после соответствующей регистрации, назначен на службу в штаб Киевского окружного комиссариата, а затем переведен в центральное бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины на должность помощника начальника названного бюро...»² Следующий период массовых сдач в плен на Юге относится уже к 1920 г.

Некоторые офицеры, невзирая на смену режимов, всю Гражданскую войну проживали и служили в одних и тех же местах. При частых перемещениях линии фронта такие люди неизбежно попадали в плен, причем не по одному разу. Так, подполковник И.Н. Скорина еще в годы Первой мировой войны преподавал в школах прапорщиков в Киеве, в 1917–1918 гг., несмотря на смену режимов, он продолжал вести преподавательскую работу на том же месте, а в феврале 1919 г. остался в Киеве после ухода войск Директории и, таким образом, попал в Красную армию, причем позднее смог вернуться к привычной преподавательской работе в Киеве. Похожей была стратегия полковника А.С. Карпенко, служившего в 1918–1919 гг. при разных режимах в Елисаветградском кавалерийском училище.

¹ НИА. М. D. Vrangeli collection. Box 7. Folder 10; Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 18–36.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42–42об.

Распоряжением ВГШ от 13 июля 1919 г. № 51379, согласованным с Особым отделом ВЧК и изданным в его развитие приказом РВСР от 17 февраля 1920 г. № 278, военнопленные и перебежчики, захваченные на фронтах Гражданской войны, благонадежность которых было затруднительно установить по первоначальным показаниям, направлялись в лагеря принудительных работ. Инвалидов было предписано освобождать¹. Лагеря находились в ведении Главного управления принудительных работ — предтечи печально известного ГУЛАГа. Пленные в обязательном порядке становились на учет Особого отдела и проходили идеологическую обработку на политических курсах. При назначениях бывших белых на должности в РККА в каждом случае требовалось запросить мнение Особого отдела ВЧК. Последний давал рекомендации о возможности назначения на должности и производил необходимые проверки.

Предписания о том, как надлежит поступать с пленными в случае их приема в РККА, относятся еще к 1919 г.² Эти документы предусматривали направление пленных на другие фронты. Вопрос о пленных в Советской России курировала Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), созданная весной 1918 г. для урегулирования вопроса о пленных и беженцах Первой мировой войны. В 1919 г. ее функции были распространены на пленных и беженцев Гражданской войны. Из ведения Наркомата по военным делам коллегия перешла в НКВД РСФСР. Работа в отношении военнопленных, в особенности бывших офицеров, проводилась в тесном контакте с органами ЧК. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1919–1920 гг. руководил Центропленбежем (в 1920 г. реорганизованном в Центроэвак — Центральное управление по эвакуации населения) член коллегии ВЧК А. В. Эйдук, причастный к террору против бывших офицеров. Принимали участие в работе с пленными и представители военного ведомства, стремившиеся пополнить комсостав РККА квалифицированными кадрами с высшим военным образованием. Общие принципы обращения с пленными белыми офицерами, в том числе поступавшими в Красную армию, и соответствующие инструкции были разработаны и стали применяться на практике только в 1920 г., когда стало ясно, что поток пленных возрастает. Основой такого рода документов стала инструкция для 6-й отдельной армии, действовавшей на Европейском Севере России³.

24 октября 1919 г. был издан приказ председателя РВСР по войскам 7-й армии № 158 об отношении к пленным и перебежчикам: «Товарищи красноармейцы, щадите пленных, встречайте по-товарищески перебежчиков. В белогвардейской армии только ничтожное меньшинство состоит из бесчестных, развращенных, продажных врагов трудового народа, подавляющее большинство состоит из одураченных или насильственно мобилизованных. Даже среди белого офицерства значительная часть сражается против Советской России из-под палки или обманутая агентами англо-французских и русских биржевиков и помещиков... Бессмысленная кровожадность чужда Рабоче-крестьянской Красной армии. Перебежчикам не грозит в нашей среде ни малейшей опасности...

¹ РГВА. Ф. 25863. Оп. 2. Д. 317. Л. 10.

² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 171.

³ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923: Сб. док. М., 2000. С. 71.

На Восточном фронте из армии Колчака к нам перебежали многие сотни офицеров, которые прониклись величайшим уважением к организации и сплоченности и героизму Красной армии.

Теперь они служат в наших рядах.

Нет сомнения, что предстоящий распад армии Юденича толкнет в наши ряды лучшую часть белогвардейских офицеров, которые ныне еще идут на вожжах у Юденича. Всякий, кто искренно и честно хочет служить рабоче-крестьянской власти, найдет место в наших рядах». Этот документ, хотя и не распространялся на всю РККА, демонстрирует вектор отношения Л.Д. Троцкого к пленным белым офицерам.

Вопрос о пленных офицерах рассматривался на заседании РВСР 8 апреля 1920 г. Тогда постановили распространить на Кавказский фронт инструкцию 6-й армии в их отношении^I. Во исполнение этого постановления Особый отдел ВЧК до 22 апреля 1920 г. разослал Особым отделам фронтов и армий телеграмму, согласно которой пленные офицеры подразделялись на пять категорий: 1) офицеры-поляки; 2) генералы и офицеры Генштаба; 3) контрразведчики и полицейские чины; 4) кадровые обер-офицеры и офицеры из студентов, учителей и духовенства, а также юнкера; 5) офицеры военного времени, за исключением студентов, учителей и духовенства. Представителей 1-й и 4-й категорий предписывалось отправлять в концлагеря, за поляками был предусмотрен особо тщательный надзор в связи с событиями Советско-польской войны. 5-я категория подвергалась фильтрации, лояльных отправляли в трудовые армии, остальных – в места заключения как для 1-й и 4-й категорий. Представителей 2-й и 3-й категорий направляли в Москву, в Особый отдел ВЧК^{II}. Таким образом, офицеры-генштабисты, по сути, единственные из всех бывших белых офицеров вследствие своей значимости для красных выделялись в самостоятельную категорию учета, не подлежавшую прямой отправке в концлагеря и иные места заключения и пригодную после проверки для зачисления в Красную армию. Эта телеграмма касалась белых офицеров, сдававшихся в плен на Юге России. 17 мая 1920 г. РВСР в связи с неудачами в Советско-польской войне принял постановление о неотложном использовании возможно большего числа пленных белых офицеров в РККА^{IV}. После того как угроза миновала, отношение к пленным белым офицерам вновь переменилось.

В общем потоке пленных офицеров, исчислявшемся десятками тысяч человек^V, генштабисты были единичны, тем не менее именно они представляли наиболее ценный ресурс специалистов. Большевицкая политика в отношении пленных была дифференцированной. Одним из проявлений этого стало отношение к захваченным генштабистам.

^I РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 479. Л. 113–113об.

^{II} Реввоенсовет Республики. 1920–1923. С. 71.

^{III} Там же. С. 73.

^{IV} Там же. С. 87.

^V К 1 января 1921 г. в РККА на учете состояло около 12 000 бывших белых офицеров, или 5,53 % комсоства, в течение года на учет было принято еще 2390 человек (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.). К 1924 г. на особом учете бывших белых офицеров состояло до 50 900 человек, впрочем, в это число входили и военные чиновники.

2 июня 1920 г. был издан декрет СНК «Об освобождении от ответственности за совершенные в прошлом преступления против трудового народа бывших офицеров, которые окажут содействие в ликвидации белогвардейских отрядов», нацеленный на расширение сдачи белых офицеров в плен¹.

В обращении Управления по командному составу ВГШ в Политическое управление РВСР в июле 1920 г. отмечалось, что «большинство быв[ших] офицеров, служивших в белой армии, принадлежа к трудовому классу, оказались в рядах белых случайно, часто автоматически, силою стечения обстоятельств, путем насильственной иногда мобилизации, что подтверждается часто массовыми их переходами при первом случае в ряды красных бойцов»². Составлением специального приказа о бывших белых по просьбе Особого отдела ВЧК занимался комиссар ВГШ Д.И. Курский. Касательно пленных руководство РККА стремилось избежать вокруг бывших белых офицеров «атмосферы недоверия и гнета, с одной стороны, и чувства подавленности и изоляции, с другой»³.

После пленения бывшие белые офицеры ставились на установленный приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. и подтвержденный особым постановлением Президиума ВЦИК от 9 июля 1923 г. особый учет (местный и общий (центральный) – в штабах округов, фронтов и отдельных армий и в Управлении по командному составу армии ВГШ соответственно)⁴.

Фильтрацией бывших белых офицеров занимались Особые отделы ЧК. Пленные заполняли анкеты в трех экземплярах. Типовая анкета включала 38 пунктов и содержала предупреждение о строжайшей ответственности за указание неверных сведений или уклонение от ответов⁵. Для проверки излагаемых сведений с интервалом в несколько дней нужно было заполнить не одну, а несколько однотипных анкет. Если сведения отличались, заполнявший анкету мог быть заподозрен в неискренности. В дальнейшем такого рода анкеты пленным приходилось заполнять неоднократно (например, в связи со снятием с особого учета бывших белых офицеров). Интересно, что в разгар Гражданской войны «политическими» графами в советских анкетах бывших офицеров интересовалась белая разведка⁶, что делало заполнение подобных документов рискованным, так как их содержание могло не устроить не только красных, но и белых.

При фильтрации пленных обращалось внимание на деятельность офицеров в период их службы у белых. Чекисты старались отслеживать карателей, лиц, участвовавших в расправах над партизанами и коммунистами, – т. е. тех, кто оказался у белых не случайно и активно проявил себя в борьбе с большевиками. Так, например, колчаковский полковник В.Н. Кусов в конце 1920 – начале 1921 г. находился под арестом за причастность к расстрелам партизан во время службы у белых. В 1922–1923 гг. он вновь находился под следствием по тем же обвинениям.

¹ Офицерский корпус в политической истории России: Док. и мат. Калуга, 2003. Т. 3: 1920–1925 гг. С. 90–91.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 7. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Подробнее о нормативно-правовой базе и практике особого учета см.: Абинякин Р. М. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, ч. 1. С. 66–75.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 87.

⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 59.

Распространенным среди пленных явлением было занижение своего чина у белых, указание на службу не добровольно, а по мобилизации. Имели место попытки сокрытия службы у белых, когда реальное местопребывание человека в антибольшевистских формированиях заменялось в документах вымышленными данными о службе в РККА. Иногда эти истории напоминали детектив, как в случае с колчаковским генералом А. Я. Крузе, белогвардейское прошлое которого в учетных документах РККА оказалось заменено фиктивными данными о службе у красных (см. табл. 55).

Случай Крузе не единичен. Схожим образом служба у белых подполковника А. Н. Афанасьева и капитана А. И. Батрука в списке лиц с высшим общим военным образованием на 1 августа 1922 г. была заменена вымышленными данными о службе в РККА¹.

Таблица 55

**Фальсифицированные и фактические данные о службе А. Я. Крузе
в период Гражданской войны**

Фактическое прохождение службы^{III}	Прохождение службы по учетно-послужным картам РККА 1920-х гг. (фальсификация службы в РККА в период службы у белых)^{IV}	Прохождение службы по документам кадрового учета Советской армии (фальсификация службы в РККА в период службы у белых)^{III}
Последний чин в старой армии — подполковник. Последняя должность в старой армии — начальник штаба 23-й пехотной дивизии	Последний чин по УПК — подполковник, по учету ПШ РВСР — полковник. По УПК, в белых и иностранных армиях не служил, в РККА с 10.07.1918 (по другим данным, с 23.02.1918 — т. е. со «дня рождения» РККА)	И. д. для поручений управления укреплений Карельского фронта (с 07.1918) (учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается, такого фронта летом 1918 г. не существовало)

^I Подробнее о Крузе см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 22–24; Его же. 50 офицеров. С. 519–526.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 576. Л. 4об., 7об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 76; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 10. Л. 36; Д. 56. Л. 1; Учетно-послужные карты А. Я. Крузе // Коллекция учетно-послужных карт РГВА; РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 117об.; Кулцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 284–285; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 513, 571; Его же. Закат Николаевской военной академии... С. 196, 627.

^{IV} Учетно-послужные карты А. Я. Крузе // Коллекция учетно-послужных карт РГВА.

^{III} Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 298.

Слушатель Военной академии. Подлежал командированию в Петроград, во второй половине июля 1918 г. переназначен в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта. В штабе 3-й армии для поручений. Активный участник свержения советской власти в Екатеринбурге. Далее — в антибольшевистских формированиях Восточного фронта. Помощник коменданта Екатеринбурга. Командирован в штаб чехословацких войск на должность начальника штаба отряда Екатеринбургского района (08.1918). В штабе II Степного корпуса (с 22.08.1918). Начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии (26.08.1918–03.01.1919). Произведен в полковники (с 03.12.1918). Начальник штаба III Степного Сибирского армейского корпуса (с 05.01.1919)	Штаб 3-й советской армии — для поручений (с 15.07.1918), 3 месяца	Для поручений при штабе 3-й армии (с 10.1918) <i>(учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается)</i>
	Штаб Особого Северного отряда 3-й армии, начальник штаба (с 16.10.1918), 1 месяц <i>(учетом кадров ПШ РВСР не подтверждается)</i>	
	Штаб 5-й армии, прикомандирован к инспекции пехоты (с 20.11.1918), 4 месяца <i>(учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается)</i>	
Начальник штаба Южной группы Сибирской армии (с 19.04.1919, позднее — 2-й армии). Награжден «за отличия в делах против неприятеля» орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (21.05.1919). Участник боев на Среднем Урале. За отличия в боях на Тоболе и Ишиме произведен в генерал-майоры (с 19.09.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Попал в плен под Красноярском (01.1920)	Запасные части при инспекции пехоты 5-й армии, начальник отдела запасных частей (с 06.04.1919), 1 год <i>(учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается)</i>	
Зарегистрирован в штабе 5-й армии РККА. В распоряжении штаба армии, инспектор, начальник организационного отдела штаба (01–02.1920)		Инспектор, начальник организационного отдела штаба 5-й армии
5-е пехотные Петроградские командные курсы, штатный преподаватель (с 03.04.1920), 1 год и 1 месяц <i>(данные УПК, подтверждающиеся по учету ПШ РВСР на 07.1920)</i>		Преподаватель и завуч 5-х Петроградских командных курсов (с 02.1920)
14-я пехотная Полтавская школа комсостава, штатный преподаватель (с 01.05.1921), 1 месяц <i>(по учету ПШ РВСР — завуч 29-х пехотных Полтавских курсов с 01.09.1920)</i> ; начальник школы (с 20.05.1921), 3 месяца <i>(по учету ПШ РВСР — и.д. начальника школы с 27.05.1921)</i>		Начальник и главный руководитель тактики 14-й Полтавской пехотной школы (с 06.1920)

1-я Петроградская пехотная школа, штатный преподаватель (с 23.08.1921), 1 год и 7 месяцев		Руководитель тактики 1-й Петроградской пехотной школы (с 06.1922)
---	--	---

Некоторые пытались выдавать себя за жертв белого режима, попавших в плен к белым, а не перешедших к ним добровольно, в том числе из рядов Красной армии. Так, бывший подполковник С.Н. Колегов сумел добиться признания того, что был захвачен белыми в плен, а не оказался в антибольшевистском лагере добровольно. Порой такие рассказы приобретали полуанекдотический оттенок, а эпизодические служебные неприятности в белом лагере осознанно преувеличивались и искажались. Например, штабс-капитан П.Я. Демин, еще в 1918 г. разжалованный у белых в рядовые «за недостойное для каждого военнослужащего поведение во время боя»¹, в красном плену свидетельствовал, что был разжалован якобы за отказ командовать сотней². Разумеется, последнее интерпретировалось как акция неповиновения белым. Впрочем, иногда красным сдавались действительно те офицеры, которые пострадали в белом лагере. Например, полковник И.И. Чубаков, преследовавшийся за выражение поддержки советской власти в своих статьях³. В начале 1920 г. генштабист был назначен для особых поручений при командующем 5-й армией⁴.

Отдельные офицеры при сдаче в плен демонстрировали заботу о вверенном им государственном имуществе. Так, генерал-майор Н.Д. Павлов, возглавлявший в белой Сибири Военно-топографический отдел Главного штаба, в ноябре 1918 г. издал приказ о запрещении офицерам покидать эшелон с эвакуируемым геодезическим имуществом, приборами и картами (в Омск из Петрограда в 1918 г. было эвакуировано Военно-топографическое управление Генерального штаба с уникальными приборами для геодезических и астрономических работ, а также с тремя тысячами медных досок с гравюрами топографических карт), сдав все имущество частям 5-й красной армии⁵.

Массовые сдачи в плен высокопоставленных белых офицеров начались в конце 1919 – начале 1920 г. на Восточном фронте, где сложилась практически безвыходная для белых ситуация. Белые генштабисты в Сибири оказались перед выбором между уходом от преследующих красных в зимнюю тайгу и сдачей в плен с перспективой избежать страданий. Нашлись как непримиримые, отправившиеся в суровый Сибирский Ледяной поход, так и те, кто предпочел сдать-ся, не видя смысла в продолжении затянувшейся, но уже проигранной войны.

¹ Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. 1918. 09.08. № 52. Биографическую справку на Демина см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 189.

² РГВА. Ф. 25892. Оп. 3. Д. 956. Л. 164.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141об.; BAR. К. К. Akintievskii papers. Box 1.

⁴ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 84. Подробнее о Чубакове см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 305–322.

⁵ Гефнер О. В. У истоков сибирской геодезической науки: Никифор Демьянович Павлов (1867–1929) // Вестник Омского университета. 2014. № 2. С. 204.

Тогда сдались в плен сотни офицеров, в том числе целый ряд выпускников Военной академии.

Командир Морского полка, выпускник ускоренных курсов академии подполковник В.Д. Песоцкий в начале января 1920 г. выстроил полк и обратился к нему с речью: «В настоящий момент очень трудно понять, кто прав, а кто нет в этом гражданском противостоянии. Возможно, правы повстанцы в Красноярске, возможно – партизаны Щетинкина, а может быть, и адмирал Колчак. В этих условиях я не могу никого удерживать, и все, кто хочет пойти в Красноярск или вернуться домой, вольны поступить так, как хотят. Мне нужны только те, кто пожелает остаться в полку добровольно»^I. Разумеется, в такой обстановке многие колчаковцы, причем не только рядовые, переходили на сторону красных. Перешел к ним и сам Песоцкий, уехавший в штаб 5-й советской армии вместе с подполковником С.Н. Колеговым. Своим прежним сослуживцам он оставил записку об этом. По некоторым данным, он поступил на службу красным и погиб в одной из стычек с белыми в Забайкалье^{II}.

Массовой добровольной сдачей представителей командного состава, в том числе офицеров-генштабистов, отмечены события под Красноярском в начале января 1920 г. Здесь в плен частям 5-й советской армии добровольно сдалась большая группа офицеров, в том числе немало генералов, что свидетельствует о деморализации командного состава колчаковских войск. Выпускниками и слушателями академии среди пленных были: Б.А. Березин, Г.А. Владимиров, А.К. Гайко (Гайкс), Н.И. Герасимович, В.А. Гирш (Гирс), Н.И. Гуммель, В.В. Каплинский, братья Б.Г. и Н.Г. Кривцовы, Г.В. Леонов, Насонов, Г.Ф. Одноглазков, Н.М. Переверзев, П.К. Семенов, И.М. Финицкий, Н.Ф. Щербинин^{III}. Бывший 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Колчака генерал Г.В. Леонов, по свидетельству мемуариста, «тут же лишился рассудка и, стоя на путях, что-то бессвязно бормотал, беспомощно протягивая ко всем встречным свои руки»^{IV}.

В объяснительной записке бывшего управления дежурного генерала штаба Восточного фронта о произошедшем отмечалось:

«I. Четвертого января сего года, когда эшелон дежурства стоял на перегоне ст[анция] Минино – раз[ъезд] Бугач, стало известно, что главквосток^V бывший генерал Каппель оставил свой эшелон и со своим штабом (оперативным) уехал на лошадях в неизвестном направлении.

II. Предоставленные сами себе, все чины дежурства от солдата до дежурного генерала, решили действовать самостоятельно и, несмотря на окружающие эшелон части (уже дезорганизованные) армии Колчака, настойчивые требования их начальников часто в угрожающей форме о выдаче им всех сумм полевого и главного казначейств, уполномочили бывшего коменданта эшелона принять самые решительные меры к спасению всего ценного имущества эшелона и начатию

^I Федотов-Уайт Д. Н. Пережитое. Война и революция в России. М., 2018. С. 335.

^{II} Там же. С. 365.

^{III} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 40об., 48–48об.

^{IV} Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. С. 274.

^V Главнокомандующий Восточным фронтом.

переговоров с Красноярским советом, для чего ночью со станции эшелона включились в прямой провод на Восток и скоро имели [на связи] Красноярск.

III. Бывший комендант товарищ Виталиев вначале имел разговор с представителем красноярского Ревкома на телеграфе товарищем Чеботаревым, а позже с начальником штаба главнокомандующего революционных войск. Кроме вопросов оперативного характера нам было предложено употребить все меры к охране ценностей эшелона и организации эшелонного совета. Все было исполнено, но попытка пройти нашим делегатам через цепи белых успеха не имела. Пришлось сжечь ленту и усилить караул у денег. Лишь 6 января удалось войти в связь с[о] ст[анцией] Бугач и с 270[-м] Белорецким полком, откуда получили небольшую охрану (7-й роты тов. Ловягина), и уже 7-го нас сумели втянуть в Красноярск.

IV. Все были на местах, и все было спасено от разграбления. Сдали: около 20 миллионов рублей (1½ миллиона руб. керенками), серебро, станции полевого телеграфа, типографию, массу телефонного имущества, более 20 пишущих машин, 12 ящиков с канцелярскими принадлежностями (миллионное имущество), лошадей с запасом фуража и продовольствия.

V. Солдаты комендантской роты, писаря, б[ывшие] чиновники и бывшие штабные офицеры дежурства – все остались на своих местах и как опытные специалисты – штабные работники готовы честно работать в Советской Российской социалистической федеративной республике.

VI. Начальником гарнизона г[орода] Красноярска товарищем [А.Я.] Лапиным эшелон как повстанческая часть в полном составе в эшелоне дежурства отправлен в г[ород] Томск в распоряжение штаба V армии¹. Документ составил начальник эшелона А.П. Беловский.

Всего в эшелоне дежурного генерала штаба Восточного фронта сдались в плен 2 генерала, 12 штаб-офицеров, 53 обер-офицера и военных чиновника. С этой же группой прибыли 10 генералов-генштабистов и 15 штаб- и обер-офицеров-генштабистов². В целом одной лишь 5-й армией были взяты в плен более 30 выпускников академии, многие из которых занимали высокие командно-штабные должности в колчаковских армиях³.

¹ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 51–51об.

² Там же. Л. 66.

³ Среди этих пленных, в частности, были генерал-лейтенанты: главный начальник снабжений 2-й и 3-й армий Г. Н. Вирановский, состоящий при генерал-квартирмейстере Восточного фронта Д. И. Гнида; генерал-майоры: инспектор пополнений Восточного фронта В. И. Оберюхтин, начальник мобилизационного отдела Военного министерства Н. В. Шереховский, генерал для поручений при инспекторе пополнений фронта И. И. Смелов, начальник снабжений 1-й армии А. Г. Лигнау, генерал для поручений при штабе главнокомандующего Восточным фронтом Н. А. Воронов; полковники: начальник штаба 1-й армии А. С. Кононов, помощник начальника снабжений 1-й армии Н. Д. Молотов (Гаммер), начальник военных сообщений Восточного фронта Д. М. Супрунович, старший адъютант разведывательного отделения штаба 3-й армии М. Е. Терехов, начальник Челябинской инструкторской школы при 3-й армии М. И. Москаленко; подполковники: И. Г. Грузинский (в отставке), начальник штаба Партизанской группы Н. В. Соколов, начальник штаба тылового округа Г. К. Иванов, начальник разведки Уральской группы С. С. Дзюбенко, старший адъютант оперативного отделения штаба 2-й армии Е. Н. Сумароков, начальник штаба Волжской дивизии Б. А. Юрьев, начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии П. К. Гренгаген, штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Восточного фронта Ф. М. Бредш; капитаны: начальник штаба 4-й Сибирской казачьей дивизии С. И. Ильин, обер-квартирмейстер штаба Волжской группы Б. Н. Пудвинский, начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии И. А. Белоусов, старший адъютант по строевой части штаба 3-й стрелковой дивизии М. П. Базыленок, обер-офицер по разведке

К 4 февраля 1920 г. в разведывательном отделе штаба 5-й армии оказался зарегистрирован 31 пленный генштабист^I. В числе колчаковских пленных в Советскую Россию вернулись и слушатели большевизированного ускоренного курса академии, зачисленные летом 1918 г., но так и не доучившиеся. Среди вернувшихся были П.П. Бурин, Д.И. Вяткин, Ф.В. Егоров, Г.С. Иванов, Л.Н. Леви, К.И. Фиол, братья П.М. и С.М. Шаранговичи. Слушавших курс в течение месяца было решено не считать слушателями академии, но держать на особом учете^{II}.

О том, что генштабистов выделяли в общей массе военнопленных, свидетельствуют документы. Так, в начале января 1920 г. в военном городке Красноярска оказались сконцентрированы 28 000 бывших колчаковцев и 12 000 военнопленных Первой мировой войны. Для отбора генштабистов в 20-х числах января было выпущено специальное объявление: «Всем бывшим офицерам Генерального штаба и генералам, служившим в армии Колчака, прибыть к 7 часам утра 24-го сего января в управление коменданта военного городка. За своевременной явкой в управление коменданта проследить комендантам бараков»^{III}.

Пленных генштабистов нередко арестовывали, причем в то время арест использовался для проверки лояльности арестованных. Арестованных содержали в тюрьмах и лагерях. Так, например, бывший подполковник П.Н. Соколов содержался в лагере военнопленных при Канском уездном военкомате^{IV}. Бывший генерал А.П. Перхуров – ветеран колчаковской армии и один из руководителей Ярославского антибольшевистского восстания в 1918 г. – был заключен в концлагерь «до окончания Гражданской войны»^V. Для некоторых офицеров преследования завершились расстрелом. Так, видный участник Белого движения бывший капитан М.Н. Руссет, попав в плен, был арестован Красноярской ГубЧК^{VI}, затем освобожден, прослужил некоторое время в РККА, но 30 августа 1920 г. был вновь арестован Омской ГубЧК и в конце марта 1921 г. расстрелян за шпионаж.

Бывший капитан В.Ф. Тарасов, осенью 1919 г. бежавший из РККА, был в 1920 г. взят в плен и содержался в Вологодском лагере принудительных работ. Окружной военный комиссар Беломорского военного округа просил откомандировать Тарасова в штаб округа под его личную ответственность, однако Особый отдел ВЧК не позволил этого сделать. Любопытен механизм такой переписки. Организационным управлением ВГШ ходатайство было направлено на заключение Особого отдела ВЧК, а ответ получил комиссар управления, а не военспецы^{VII}, которым не доверяли.

Помимо концлагерей и тюрем белогвардейцев направляли на исправительные работы. Деникинский полковник В.Д. Мацнев, оставшийся в Азербайджане

штаба Волжской группы есаул А. П. Колесников и др. (сост. по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 67, 70, 72–72об., 75–75об.).

^I Там же. Л. 75.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 91.

^{III} Цит. по: Овчаров В. В. Красное на белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск, 2019. С. 169.

^{IV} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 303об.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 148об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 157.

и захваченный красными, был направлен в отдельную рабочую роту военнопленных-белогвардейцев при государственном деревообрабатывающем заводе^I.

В целях облегчения своей участи пленные составляли различные прошения и ходатайства. Так, например, пленный колчаковец бывший слушатель академии Д.И. Вяткин, занявший у красных должность младшего помощника начальника штаба 30-й стрелковой дивизии по оперативной части, 26 января 1920 г. в Красноярске просил начальника штаба 5-й советской армии зачислить его в Академию Генерального штаба РККА для продолжения обучения^{II}. Аналогичное ходатайство подал бывший слушатель П.П. Бурин, занявший пост красноярского уездного военрука^{III}.

Пленные белогвардейцы иностранного происхождения имели возможность избежать преследований и уехать на родину. В частности, красными в январе 1920 г. на станции Тайга был взят в плен слушатель ускоренных курсов академии в Томске поручик 1-го Югославянского полка М. Май, служивший у белых в штабе Сибирской армии. Офицер болел тифом. Выдержав непродолжительное тюремное заключение и лишившись всех документов, он в 1921 г. уехал на родину^{IV}. В том же году был исключен из списков как иностранный подданный и уехал в Эстонию после непродолжительной службы в РККА бывший колчаковский капитан П.Г. Ойнас^V. Как уроженец Литвы был уволен от службы в 1921 г. бывший деникинский капитан Н.П. Пашковский^{VI}. Бывший генерал А.Г. Лигнау планировал в 1921 г. уехать в Латвию, но остался из-за протеста супруги^{VII}.

Пленных колчаковских генштабистов Особый отдел 5-й армии в марте 1920 г. командировал в распоряжение начальника штаба Западно-Сибирского военного округа и далее в распоряжение начальника ВГШ^{VIII}. В Москву были направлены вместе с семьями Н.Н. Белкин, Ф.М. Бредш, П.К. Гренгаген, К.Г. Дегтярев, С.С. Дзюбенко, Г.К. Иванов, С.И. Ильин, С.Н. Колегов, А.П. Колесников, А.С. Кононов, Г.М. Кравец, А.Г. Лигнау, Н.А. Михайлов, Н.Д. Молотов, М.С. Перестай, В.Д. Песоцкий^{IX}. Пленные остро нуждались во всем необходимом, в том числе в предметах обмундирования и белье. А.С. Кононов в рапорте на имя начальника штаба 5-й армии от 15 марта 1920 г. писал: «Часть генштабистов, выпущенных из тюрьмы, не имеет денег и голодает» — и просил дать довольствоваться в столовой Михайлову, Колесникову, Колегову и Песоцкому^X. 16 марта 1920 г. подполковник В.Д. Песоцкий подал начальнику штаба 5-й армии рапорт о том, что у него нет одежды. «Хожу, напр[имер], в чужих сапогах, которые должен возвратить перед отъездом, — писал бывший офицер. — Все мои личные вещи были взяты партизанами, что видно было из документов»^{XI}. С аналогичными просьбами

^I РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 135об.

^{II} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 61.

^{III} Там же. Л. 64.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 153.

^V РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 151.

^{VI} Там же. Л. 162об.

^{VII} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 92.

^{VIII} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 126.

^{IX} Там же. Л. 216.

^X Там же. Л. 290.

^{XI} Там же. Л. 288.

обращался и подполковник С.Н. Колегов^I. Командируемым в Екатеринбург и Челябинск из красноярского военного городка, благодаря ходатайству Кононова, выплачивали по 1000 руб. аванса.

Нередко негенштабистов записывали в генштабисты. Возможно, это было простой ошибкой, но, быть может, делалось намеренно, чтобы спасти этих людей от репрессий, поскольку к дефицитным специалистам Генерального штаба относились иначе. Вероятно, по этой причине в генштабисты записали даже знаменитого организатора женских ударных частей в 1917 г. М.Л. Бочкареву, которая на 1920 г. имела чин поручика^{II}.

Пленные были крайне ослаблены после всего пережитого, в марте 1920 г. одна группа колчаковских генштабистов даже не смогла выехать в Москву из-за эпидемии тифа (Н.Н. Белкин, С.С. Дзюбенко, С.Н. Колегов, А.П. Колесников, Н.А. Михайлов^{III})^{IV}. Когда в марте 1920 г. колчаковских генштабистов в массовом порядке отправляли из Сибири в Москву, осталась группа в составе Г.П. Автономова, С.Н. Колегова, Н.М. Пресницкого, А.Н. Псарева, Л.М. Толубаева и В.Е. Шайтанова. Автономов, Пресницкий, Псарев и Шайтанов сдались красным одновременно^V. Их отправка в центр состоялась лишь 11 ноября 1920 г., а до этого пленные содержались в лагерях. Пленные писали в ПШ РВСР с копией начальнику Особого отдела Петроградской ЧК: «11 ноября с.г. мы были с партией военнопленных армии Колчака, преимущественно офицеров, по распоряжению Омской Губчека из Омского лагеря военнопленных отправлены в Москву, откуда по распоряжению ВЧК были переотправлены в Петроград и с 26 ноября с.г. находимся во 2-м Петроградском лагере принудительных работ особого назначения (Арсенальная набережная, 5), числясь содержанием за Особым отделом Петроградской Чека»^{VI}. Просьбой всех бывших колчаковцев была отправка в Москву, в распоряжение ПШ РВСР.

Характерна судьба выпускника ускоренных курсов капитана А.И. Мезенцева. Колчаковский офицер (начальник разведывательного отделения штаба Южной армии), он после пленения оказался арестован, но быстро вышел на свободу. 4 февраля 1920 г. его вновь арестовал Особый отдел штаба 5-й армии в Красноярске, а затем Мезенцев был переведен в Омск и Москву. Содержался в Кожуховском концлагере. Освободился из-под ареста в Москве 4 августа 1920 г. Затем преподавал на 17-х пехотных командных курсах в Казани. 29 сентября 1921 г. был вновь арестован в помещении ВЧК как бывший колчаковский офицер при наведении служебной справки. Как отмечал 14 октября 1921 г. сам арестованный, «29 сентября 1921 г. я со сношением пом[ощника] комиссара Главного управления военно-учебных заведений пошел в ВЧК, дабы получить ответ “не имеет ли ВЧК препятствий о назначении меня на должность н[ачальни]ка мобилизационного отделения ГУВУЗа”. Запрос был сделан помкомиссаром^{VII}

^I Там же. Л. 289.

^{II} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1217. Л. 23.

^{III} Оставшись в Сибири, этот офицер обрек себя на смерть, так как в июне 1920 г. был расстрелян в Омске.

^{IV} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 253, 254, 256, 257, 258.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 104–106.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 65.

^{VII} Помощником комиссара.

ГУВУЗа ввиду того, что я служил в колчаковской армии. При наведении справок в 17[-м] отделении ВЧК меня арестовали. На мой вопрос, за что я арестован, получил ответ[:] за службу у Колчака. В Красной армии служу уже 2^й год. До назначения на службу в Красную армию я за службу в колчаковской армии прошел Особый отдел ВЧК при штабс-полковнике 5[-й] в Красноярске, Особый отдел представительства ВЧК при Сибревкоме в Омске, Особый отдел ВЧК в г[ороде] Москве и последним после допроса был освобожден 5 августа 1920 для назначения на должность в Красную армию. Всего следствие велось с 20 января 1920 г. до 5 августа 1920 г. Служа 2^й год в Красной армии, ни в чем предвзятым замечен не был и имею на этот счет удостоверение от комиссара и н[ачальни]ка политической части Приволжского окружного упр[авления] военно-учебных заведений, кое отобрано при моем аресте. Приехал в Москву 8 сентября в отпуск после болезни брюшного тифа и стал ходатайствовать в ГУВУЗе о переводе меня из Казани в Москву»¹.

Мезенцев был заключен на 10 дней во внутреннюю тюрьму ВЧК, после чего переведен в Бутырскую тюрьму², но так и не допрошен. В связи с затягиванием дела 27 октября 1921 г. он обратился с повторным заявлением в МПКС, в котором изложил обстоятельства ареста еще подробнее. Благодаря этому описанию можно представить механизмы работы особистов в конце Гражданской войны в отношении бывших белых офицеров.

Мезенцев писал: «В настоящий момент идет 5^я неделя как я арестован, но до сего времени не допрошен. Арест мой произошел следующим образом. 29 сентября с.г. я пошел со сношением пом[ощника] комиссара Главного управления военно-учебных заведений в Особый отдел ВЧК (Лубянка, 2), в коем просилось сообщить ему: “Не имеет ли препятствий ВЧК о назначении меня на должность начальника мобилизационного отделения”. Запрос этот вызван был тем, что я ранее служил в колчаковской армии. Должность эта в ГУВУЗ была мне предложена начальником штаба ГУВУЗ-а на поданный мною рапорт с ходатайством о переводе из Казани, где я состою преподавателем 17^х пехотных командных курсов по тактике, а в Красной армии служу 2^й год. Придя [в] ВЧК, я пошел к управляющему делами и подал бумагу[,] и, видимо, его секретарь положил резолюцию – к гражданину Артузову; отправился я к нему, он, посмотрев сношение, сказал, что ответ будет дан скоро, но я попросил, что нельзя ли таковой получить сегодня, т.к. через два-три дня мне придется ехать на старую должность. Тогда т. Артузов положил резолюцию [“]17[-е] отд[еление] т. Иванову дать справку[”]. Найдя 17[-е] отд[еление], я подал, как[,] видимо[,] т. Иванову, бумаги с указанной резолюцией, он, посмотрев их, сказал, обратитесь, указав рукою[,] к какому-то (фамилии не знаю), видимо его помощнику или секретарю, я подошел к нему, и он стал расспрашивать, кто я такой, где я служу и почему я в отпуску по болезни после тифа и у меня удостоверение по болезни от МОВСУ³, а не казанской комиссии, я ему ответил, что комендант города послал меня на переосвидетельствование, где я и получил взамен отобранных

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 110об.

² Там же. Л. 114об.

³ Московское окружное военно-санитарное управление.

документов и выданных мне казанским военным госпиталем по постановлению комиссии того же госпиталя. Тогда у меня отобрав пропуск и удостоверение личности, он куда-то ушел, затем вернулся и повел к другому лицу, где это лицо меня снова начало спрашивать о моей службе в колчаковской армии, а затем мне объявили, что я арестован. Но дело в том, что после моего добровольного пленения под г[ородом] Красноярском я прошел три Особых отдела: 1) Особый отдел при штабме 5[-й], где я за отсутствием конкретных обвинений, после 2½-месячного заключения в тюрьме и лагере, я был освобожден[;] 2) Особый отдел представительства ВЧК при Сибревкоме в Омске, где тоже был освобожден, и 3) третий раз в Москве Особый отдел ВЧК, где тоже после опроса следователями т.т. Калинина и Цейтлина (точно не помню) был также освобожден 5 августа 1920 г. из Кожуховского лагеря. В данное время снова меня арестовывают при наведении справки, коя указана выше. Перевод я получил потому, что я перенес в течение почти одного года сыпной и брюшной тиф, и здоровье стало плохое, и при наличии голода в Казани я не мог продолжить там службу, т.к. дороговизна на продукты стала повышаться очень сильно. Кроме того, и сам климат, где малярия все время, т.е. весна, лето и осень сильно действовали на мое подорванное здоровье. Обращаюсь к Вам с просьбой о содействии моего освобождения, т.к. я уже за службу в колчаковской армии был после семи (7) месячного сидения по тюрьмам и лагерям освобожден самим же Особым отделом ВЧК, а за службу в Красной армии я ничем опорочен не был и в отобранных у меня документах есть удостоверение о моей службе в Красной армии. После брюшного тифа у меня сильное малокровие и вообще чувствую себя плохо. Прошу Вашего содействия»¹.

Мезенцева в конце концов допросили. Следователь заверял: «Вы будете выпущены из тюрьмы, я никогда не вру»². До середины января 1922 г. Мезенцев терпел, однако затем подал заявление, что, если до 23 января 1922 г. не будет ответа о его судьбе, объявит голодовку. Не получив ответа, 24 января Мезенцев начал голодовку, сообщив об этом в МПКС. Наконец, 7 февраля 1922 г. военспец освободили³. После освобождения он работал школьным учителем физкультуры. 22 апреля 1932 г. был арестован за антисоветскую агитацию, освобожден 22 июля того же года, лишившись права проживания в Московской и Ленинградской областях на три года. С 1935 г. проживал в Московской области, работая счетоводом плодокombината им. Бадаева. В 1937 г. был арестован и расстрелян⁴. Подобные мытарства бывших белых стали типичным явлением той эпохи.

В заявлении другого пленного колчаковца, П.К. Семенова, отмечено: «Уже истекает шестой месяц как я, б[ывший] оф[ицер] Генштаба, служивший в армии Колчака, передал себя в распоряжение командования Красной армии в Сибири. Первые два месяца был арестован [при] обследовании О[собым] о[тделом] ЧК штабма и назначен в распоряжение нач[альника] Всеросглавштаба, а в дальнейшем через ГУВУЗ получил назначение на должность инструктора, впоследствии

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 111–112об.

² Там же. Л. 118об.

³ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 181.

⁴ Там же.

преподавателя [на] 1^х Московских кавалерийских ком[андных] курсах; с начала мая, кроме того, состоял сотрудником ГУВУЗа по организации слета ком[андных] курсов республики. Моя семья мать-старуха и жена после сыпного тифа, потеряв все свое имущество в Сибири разграбленным, лишены в настоящее время меня как работника, не имея абсолютно средств к жизни.

Все вышеизложенное побуждает меня просить Вас:

1) Содействовать ускорению моего дела и назначению меня на службу (допрошен еще не был).

2) Переслать мое ходатайство, при сем прилагаемое, т. Брусилову»¹.

Пленные белогвардейцы наивно верили в чудодейственное вмешательство председателя Особого совещания при главкоме А.А. Брусилова, который в действительности был таким же, как и многие, подневольным военспецом.

Трагична судьба руководителя Ярославского восстания в 1918 г. полковника (впоследствии — колчаковского генерала) А.П. Перхурова, сдавшегося в плен красным партизанам в Сибири в марте 1920 г. Первоначально красные Перхурова отпустили, он устроился на службу в РККА, но 19 мая 1921 г. был арестован в Екатеринбурге и обвинен в организации антисоветского заговора. Сам арестованный осенью 1921 г. признавался, что не имел никакого представления о заговоре и никаких сведений следствию дать не мог.

Перхуров писал в МПКС в связи с арестом: «19/V-[19]21 я был арестован у себя на квартире в г[ороде] Екатеринбурге во время выполнения данной мне из учреждения спешной работы и доставлен в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где от меня потребовали показаний о каком-то заговоре в г[ороде] Екатеринбурге, во главе которого я якобы состоял. Не имея ни малейшего представления о существовании какого бы то ни было заговора, а тем более не имея никакого касательства, я, несмотря на примененные ко мне репрессии, никаких иных сведений дать не мог. Насколько мне известно, следствие выяснило, что фактических данных, подтверждающих существование заговора и моей причастности к заговору, — нет.

Во время последних допросов в июне и июле м[е]с[я]ц[е] мне был задан вопрос: “Не был ли я в 1918 г. в Ярославле во время восстания?” На это я дал утвердительный ответ сразу и затем подробно изложил в письменном показании все, что знал относительно этого восстания и той роли, которую я в нем играл. Все это было написано мною в Екатеринбурге, и с тех пор меня не допрашивали, если не считать двух вызовов меня в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где со мной беседовали, но не записывали моих слов, представители советской власти, фамилии которых я не знаю. В Москве из Бутырк[ой] тюрьмы один раз вызывали в ВЧК, но вернули обратно без допроса. 2/X-[19]21 г. Бутырк[ая] тюрьма. В Ярославск[ом] восстании я командовал силами повстанцев и руководил обороной города. В общем нахожусь в заключении 19^и м[е]с[я]ц с 2½-месячн[ым] перерывом, когда был в резерве при штабе Приур[альского] в[оенного] о[круга]»².

В другом заявлении от 21 сентября 1921 г. Перхуров сообщил: «Находясь в течение 1½ года в заключении с перерывом в 2½ месяца, перенеся сыпной тиф,

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 245. Л. 2–2об.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90об.

заболев цингой, я совершенно обессилел, т.к. кроме тюремного довольствия ничего не получал. Семья и родные находятся в таком положении, что помочь ничем не могут, да и связь с ними не установлена.

На основании изложенных причин обращаюсь с просьбой снабдить меня: 1) Хотя [бы] одной сменой белья, т.к., кроме одетого на мне, ничего не имею; 2) сменой теплого белья, а особенно теплыми портянками или носками и перчатками, т.к. руки и ноги обморожены еще в Японскую кампанию, и 3) съестными припасами, могущими поддержать падающие силы; 4) полотенцем и носов[ым] платком; 5) котелком или кастрюлькой для пищи и 6) если возможно, табаком и трубкой¹. Проведший более двух лет в заключении заговорщик и контрреволюционер был сочтен опасным и в июле 1922 г. расстрелян².

Бывший колчаковский полковник Л.А. Текелин, арестованный после пленения, писал: «До настоящего времени я никакого участия в политических делах не принимал и оставался на строго беспартийной платформе. Во время революции оставался на своем посту в штабе I армии бессменно до полной демобилизации армии.

С организацией Красной армии поступил в штаб Приволжского военного округа.

С взятием Казани чехословаками попал в плен белых, где служил до взятия Красной армией Новониколаевска.

Как председатель Военного экономического общества Сибири я сдал общество красным и был приглашен [на] их службу в Центральное управление красноармейских лавок.

С приездом в Москву был откомандирован во Всероглавштаб, т.к. ЦУКЛ³ был расформирован и подходящей должности мне не оказалось.

ВЧК дал мне удостоверение на право служить в Красной армии, и я прослушал повторительные курсы для бывших офицеров и перед получением должности в оргинзупре или в ГУВУЗе был арестован⁴. Позднее Текелин был расстрелян. В мае 1921 г. был арестован Омской ГубЧК за службу в армиях Скоропадского, Деникина и Колчака, а в июле того же года расстрелян полковник С.Д. Григорьев.

Не все пленные с безропотной покорностью смотрели на аресты и расстрелы. Некоторые, будучи непримиримыми антибольшевиками, продолжали бороться. Например, группа колчаковских курсовиков из числа гвардейских офицеров совершила побег из плена. Очевидно, эти пленные не рассчитывали на снисхождение советской власти. Бежали бывшие подполковники барон Н.А. Деллингсгаузен и Д.А. Малиновский, причем последний бежал из Иркутска к забайкальскому атаману Г.М. Семенову. Бежавшие прожили долгую жизнь в эмиграции. Из тюрьмы Благовещенска в 1920 г. после полугодовой отсидки бежал генерал-майор К.И. Сербинович, затем продолживший службу в антибольшевистских формированиях Востока России. Для Сербиновича это был уже не первый побег. В конце 1918 г. он был арестован в Петрограде, однако бежал на Украину, поступил на службу

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 60.

² Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 35–37; Обречены по рождению... С. 186.

³ Центральное управление красноармейских лавок.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 38об.

к белым и уехал на Восток России, где и попал в плен к красным. В конечном итоге Сербиновичу удалось благополучно эмигрировать. На Юге России происходили аналогичные случаи. Кубанский офицер полковник Г.З. Семенихин попал в плен в апреле 1920 г. под Сочи, сумел бежать и вновь присоединился к белым. Полковник М.А. Завгородний в 1918–1919 гг. служил в украинских формированиях, затем оказался в РККА, перешел к белым, эмигрировал в Болгарию, позднее вернулся к белым, попал в плен, некоторое время прослужил в РККА, после чего был зарегистрирован в Русской армии генерала П.Н. Врангеля, а затем из эмиграции приехал в Советскую Россию и опять оказался в РККА. Таким образом, к красным он попадал трижды.

Еще одним участком, где была пленена целая группа колчаковских генштабистов, стал фронт против уральского казачества. Здесь в 1920 г. также оказались в почти безвыходной ситуации возможного похода по голодным ледяным степям сотни офицеров, среди которых были и генштабисты. Многие из них сдались в плен. Интересно свидетельство полковника И.А. Антипина, данное в ходе допросов по делу «Весна». Антипин вспоминал, что служил в РККА, но летом 1919 г. в связи с обыском у матери, приведшим к обнаружению его наградного оружия и к припадку матери, перешел к уральским казакам. Антипин участвовал в отступлении остатков Уральской армии до Форта Александровского и далее в составе отряда атамана В.С. Толстова отступал в Персию, но «в районе залива Кара-Бугаз (Кара-Богаз-Гол. — А.Г.) от него отделились и в количестве 22–24 чел. сдались в плен. Это было числа 29–30 апреля 1920 г.¹ После этого нас передали в Красноводский Особый отдел, затем [в] Асхабадский Особый отдел (при штабе 1^й Красной армии), оттуда были переведены в Особый отдел штаба Турк[естанского] фронта, откуда 10–11 ноября 1920 г. я был по амнистии освобожден и в декабре 1920 г. в составе быв[ших] белых офиц[еров] направлен в Москву» (3 вагона без конвоя были направлены в Москву, где встали на особый учет при штабе Моск[овского] военн[ого] округа). По прибытии в Москву я сначала работал по разгрузке дров на вокзале (с конца декабря до апреля 1921 г.). С апреля месяца 1921 г. работал в разных госучреждениях на разных низко оплачиваемых должностях до февраля 1928 г.»².

В других показаниях Антипин отмечал, что сдался в плен по причине трудности похода по безводной пустыне и слабого здоровья после перенесенного сыпного тифа, а также в связи с недоверием атамана Толстова к казакам и разочарованием в белых³. В период 5–7-дневного пребывания в красноводской тюрьме пленных допросили. В Ашхабаде также был проведен допрос, а вызов в Ташкент поступил от командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе. При этапировании в Ташкент пленные были оставлены без присмотра на станции Катта-Курган, после чего добирались в Ташкент самостоятельно. В Ташкенте Антипина как ранее служившего в РККА изолировали от остальных. Он был заключен на три недели в тюрьму Особого отдела Туркестанского фронта, которым руководил известный

¹ В других показаниях он приводит иную дату — 16 мая 1920 г. (ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 55об.).

² Там же. Л. 47об.–48.

³ Там же. Л. 74об.–75.

организатор красного террора Г.И. Бокий. Коллегия Особого отдела приговорила Антипина к пяти годам концлагеря, после чего 23 июня 1920 г. он был переведен в Ташкентский исправительный дом. Однако 11 ноября пленного амнистировали. Как отмечал Антипин, «по освобождении я обязан был явиться в распоряжение штаба Турк[естанского] фронта, чтобы встать на учет, но штаб Турк[естанского] фронта не мог сделать этого без визы Особого отдела, и меня обязали явиться вновь в Особый отдел. Поступив там в распоряжение следователя, меня вновь начали опрашивать, подтвердив ранее данные мною показания, я был штабом Турк[естанского] фронта взят на учет»^I. В Москве Антипин состоял на особом учете как бывший белогвардеец вплоть до 2 ноября 1927 г., когда был снят с учета постановлением ЦИК СССР, упразднившим особый учет бывших белых офицеров и военных чиновников в СССР.

Касаясь Уральской армии и пленения ее командного состава, нельзя не упомянуть о начальнике штаба этой армии генерале Владимире Ивановиче Моторном, старший брат которого, Виктор, на протяжении всей войны служил у красных. В своих показаниях по делу «Весна» Владимир Моторный писал: «Февральскую революцию встретил несочувственно. Октябрьскую – с недоумением. Мне казалось тогда, что небольшая группа лиц захватила власть в свои руки, но что этот захват ненадолго. Все это привело меня в стан активных борцов против советской власти. По окончании Гражданской войны, которую я провел в должности начальника штаба Уральской белой армии, мне была сохранена жизнь, и я был принят в ряды РККА. Это меня примирило с советской властью, и я начал, как мне казалось, честно ей служить»^{II}.

Интересно, как пленные идентифицировали себя в политическом отношении, выражали свои политические взгляды и какие стратегии выживания использовали. Эти моменты в ряде случаев прослеживаются по советским анкетам бывших белых офицеров, в которых имелся раздел с изложением взглядов на Октябрьскую революцию и Гражданскую войну, а также политических убеждений. Анкеты представляют ценный источник сведений о службе и настроении их составителей, а также о способах самопрезентации перед новой властью. По существу, это разновидность автобиографического письма, которое в последнее время активно исследуется применительно к межвоенному периоду советской истории^{III}.

Соответствующие пункты анкет звучали следующим образом: «Какое принимали участие в революции 1905 года и где в это время находились»; «Какое принимали участие в Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года, где находились и Ваше отношение к Февральской революции»; «Если относились несочувственно к Октябрьской революции, то почему (Ваши убеждения в этот период); «Укажите, к каким политическим партиям принадлежали в течение всей Вашей жизни, принадлежите ли к какой-нибудь в настоящее время или какой сочувствуете»^{IV}.

^I Там же. Л. 56.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 141 (195). Л. 129.

^{III} Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023; Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2021.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Л. 257.

От содержания подобных разделов могли зависеть жизни и судьбы. Разумеется, бывшие белые это интуитивно понимали, поэтому написанное там порой представляло удивительные образцы человеческой мимикрии, когда слабо ориентировавшиеся в политике люди были вынуждены придумывать ту или иную версию, которая бы, по их мнению, понравилась новым властям, демонстрировала лояльность и могла бы уменьшить неприятности, связанные с их антисоветским прошлым. Впрочем, иногда встречались ответы, которые можно считать искренними.

Порой пленные пытались перенимать революционный язык, чтобы казаться ближе к новым хозяевам жизни. Так, бывший капитан-колчаковец Н.А. Плотников 7 февраля 1920 г. записал: «Сочувствую рабочему люду и трудящимся», отметил, что революция дает «новое усовершенствованное бытие и строительство, покоящееся на принципах свободы ч[елове]ка»^I. Деникинский полковник М.Ф. Костенко указал в анкете: «Стою на платформе советской власти (сторонник коммунистического строительства)»^{II} — и заявил, что сочувствует компартии^{III}. Ветеран Белого движения на Севере России полковник Л.В. Костанди в графе о своих убеждениях указал: «Сторонник народоправства»^{IV}.

Некоторые в качестве политических настроений писали банальности в духе борьбы за все хорошее против всего плохого. Курсовик А.К. Гайко, также взятый в плен на Восточном фронте, о своем политическом настроении осторожно сообщил: «Мое политическое настроение в данный момент сводится к необходимости всем гражданам работать от чистого сердца по своей специальности с тем, чтобы укрепить власть и страну, что я и делаю с мая 1920 года»^V. Подобные ответы были нередки. В частности, П.А. Гальков вместо изложения политических настроений написал: «Стремлюсь к мирному строительству в РСФСР»^{VI}.

В том же духе заполнил соответствующую графу анкеты и знаменитый генерал Я.А. Слащев: «Хочу работать на пользу русского народа»^{VII}. Изучавшее анкету лицо поставило напротив вопросительный знак, поскольку такую фразу можно истолковать и как стремление продолжать борьбу с большевиками. Подобные ответы, по-видимому, были призваны скрыть истинные взгляды, но при этом не кривить душой. В том же духе ответ другого бывшего генерала-деникинца К.К. Шильдбаха (Литовцева), убежденного противника большевиков: «Всецело признаю, что только советская власть способна управлять Россией»^{VIII}. Фактически это была простая констатация сложившегося положения в стране.

Общим местом в анкетах было указание на принятие Февральской и неприятие Октябрьской революции. Так, бывший колчаковец Г.П. Автономов к Февральской революции «отнесся сочувственно как к средству, могущему вывести

^I РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 99об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 106об.

^{III} Там же. Л. 106.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 75об.

^{VI} Там же. Л. 106об.

^{VII} Там же. Л. 257об.

^{VIII} Там же. Л. 441об.

страну из тогдашнего тупика»^I, а в период Октябрьской революции «как строевой оф[ицер] был занят всецело задачей сохранения боеспособности вверенной мне батарее и, считая опасной резкую ломку организации армии, отнесся к столь резкому перевороту отрицательно»^{II}. Другой бывший колчаковец, Н.М. Пресницкий, свидетельствовал, что к Февральской революции «относился сочувственно, т. к. всегда был врагом произвола»^{III}. В период Октябрьской революции «будучи совершенно не знаком с задачами и целями советской власти, не мог учесть значения происходившей ломки и потому на разворачивавшиеся события смотрел глазами строевого фронтового офицера, заботившегося исключительно о сохранении боеспособности частей»^{IV}. Однако «теперь сочувственно отношусь к Коммунистической партии»^V. О своем политическом настроении на январь 1921 г. пленный написал: «Сочувственно советской власти, как твердо и неуклонно проводящей в жизнь провозглашенные ей принципы счастья трудящихся»^{VI}. Ротмистр-колчаковец И.А. Плюцинский опасался, что из-за Октябрьской революции Россией будет проиграна Первая мировая война^{VII}.

Колчаковец А.Н. Псарев в связи с Февральской революцией «был искренне рад свержению векового гнета и рабства»^{VIII}. Далее отметил, что сочувствовал Октябрьской революции^{IX}, но, с учетом его службы у белых, это вряд ли соответствовало действительности. Схожие оценки дал колчаковец Л.Н. Шибает: «Отношение к Февральской революции было сочувственное»^X, но «сущности Октябрьского переворота в то время еще не понимал»^{XI}. Политическое настроение Шибаета на март 1923 г.: «Полное сочувствие советской власти и желание быть ей полезным»^{XII}.

Курсовик-деникинец П.А. Сергеев сообщал, что «во время Февральской революции был слушателем Военной академии и отнесся к ней безразлично», а «Октябрьская революция была мной не понята»^{XIII}. В другом месте об Октябрьской революции Сергеев писал: «Не понял смысла Октябрьской революции, что она направлена для обеспечения прав трудящихся, и потому, когда я попал в плен к белым, я согласился у них служить»^{XIV}. По поводу текущего настроения Сергеев указал: «Желаю честно работать в РСФСР, быть полезным гражданином, относясь вполне лояльно к советской власти»^{XV}.

Курсовик-колчаковец С.С. Солдатов в анкете на февраль 1922 г. указал, что «Февр[альская] революция не дала того, что надо было рабочим и крестьянам: ею

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 103.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 107.

^{IV} Там же.

^V Там же.

^{VI} Там же. Л. 107об.

^{VII} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 239.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 101.

^{IX} Там же.

^X РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 312. Л. 504.

^{XI} Там же. Л. 504об.

^{XII} Там же.

^{XIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 125.

^{XIV} Там же. Л. 132.

^{XV} Там же. Л. 125об.

был удовлетворен буржуазный класс, почему революция не остановилась и дошла до октябрьской». Фраза была похожа на заученную и указывалась с явной целью понравиться начальству. Что касается Октябрьской революции, то Солдатов отметил: «Беспартийность, индифферентность не дали возможности обсудить и отнестись так или иначе к Окт[ябрьской] революции»^I. Насчет своих текущих политических убеждений Солдатов написал опять-таки словно по-заученному: «В настоящий момент вся деятельность республики сводится к проведению в жизнь постановлений 9[-го] съезда Советов, который показал, насколько сплоченна и сильна в своих рядах Сов[етская] Россия. Я, к[а]к отв[етственный] работник в Кр[асной] армии, являюсь исполнителем и проводником в жизнь постановлений 9[-го] съезда, касающихся Кр[асной] армии, ибо на предстоящей Генуэзск[ой] конференции представители Сов[етской] России будут только тогда иметь вес и силу перед своим врагом – Антантой, когда за их спиной будет стоять сильная и мощная Кр[асная] армия. Поддерживать эту силу и мощь – задача рабочих и крестьян и наша к[а]к комсостава»^{II}.

Курсовик-колчаковец В. С. Савченко сообщал, что «В Февральскую революцию находился в штабе 14[-го] арм[ейского] корпуса и относился к ней сочувственно. В Октябрьскую революцию находился в академии Генштаба и относился к ней лояльно»^{IV}. В рапорте от 6 октября 1922 г. он подчеркивал добровольность своей сдачи в плен красным «при ликвидации авантюры Колчака»^V.

Курсовик-колчаковец Г. И. Кулешов писал в анкете 1922 г. для бывших офицеров белых армий, что «Октябрьской революции сочувствовал», а про политические взгляды отметил: «Сочувствую партии коммунистов». Относительно своего политического настроения в то время он указал: «Уверен, что народная революция России восторжествует во всем мире»^{VI}.

Другой колчаковский курсовик, М. М. Тимонов, в анкете 1922 г. указал: «Состою ответственным работником Красной армии, так что моя жизнь тождественно [?] связана с советской властью»^{VII}. Курсовик А. А. Буров в анкете в 1923 г. писал: «Был на фронте и полагал, что Февральская революция даст выход стесненным силам и инициативе народа, переросшей рамки абсолютизма»^{VIII}. По поводу отношения к Октябрьской революции Буров отметил: «Несочувственно. Повела к развалу армии. Тогда не было очевидно, что развал армии был предreshен предшествующим ходом истории»^{IX}. Свои политические взгляды офицер определил следующим образом: «Национал-большевизм с 1919 г. представляет ту форму, в которой отливаются убеждения, дающие силу, энергию и необходимую твердость в работе»^X. Под национал-большевизмом Буров понимал оценку «эпохи и момента, когда только путем совместной работы с РКП можно дать максимум благ российскому

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 153.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 153об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 168.

^V Там же. Л. 166.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 52.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 210об.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 23.

^{IX} Там же.

^X Там же.

населению и сохранить Россию от грабежа и раздела»^I. Таким образом, его привлекала государственническая составляющая политики РКП(б).

Курсовик-колчаковец А.И. Колесниченко в анкете упомянул даже Первую русскую революцию, когда он служил рядовым в Эриванской губернии, «где все ограничивалось чтением в очень ограниченном количестве и с трудом добываемой политической литературы»^{II}. Далее он отметил, что «о Февральск[ой] рев[олюции] на фронте стало известно только после отречения. Вначале относился сочувственно, но когда стало известно, что власть все же в руках капитала, а не народа, и вследствие получения соотв[етствующей] литерат[уры] из центра повелась агитация против власти Керенского, что и привело к Октябр[ьской] революции, к которой относился более сочувственно, как к переходу власти всецело в руки народа. Всегда был сторонником образа правления страной самим народом»^{III}. При этом «как военный ни к какой партии не принадлежал и не принадлежу сейчас. Как сторонник народного образа правления и порядка сочувствую партии РКП, как единственной, могущей вывести страну из состояния общей разрухи, как обладающей силою, могущей^{IV} заставить творить ее волю, направляемую к достижению народного счастья»^V.

Бывший генерал Я.А. Слащев в анкете указал, что считал Февральскую революцию «вредной для фронта»^{VI}. О принадлежности к партиям в той же анкете он написал: «Как военный никогда ни к одной политической партии не принадлежал»^{VII}. В отношении несочувствия Октябрьской революции он отметил: «Предвидел развал фронта и тяжелый для народа мир»^{VIII}.

В ряде анкет отражено переосмысление офицерами своих взглядов в результате Гражданской войны. Как правило, неприятие большевиков объяснялось неподготовленностью или непониманием заполнявшего анкету. Так, курсовик-колчаковец Н.В. Соколов указал в анкете, что сочувствовал Февральской революции, что же касается Октябрьской революции, то «в тот период отношение было не сочувственное, благодаря политической неподготовленности». В графе о политических взглядах он записал: «Вполне разделяю программу РКП(б), сочувствую советской власти и обязуюсь ее поддерживать»^{IX}. Колчаковец И.М. Финицкий в анкете 1923 г. указал, что «к Февральской революции относился сочувственно», а в отношении Октябрьской революции «прямого несочувствия не высказывал, ибо признавал необходимость власти широких народных масс. Однако многое в событиях и ходе их в Октябрьскую революцию не понимал», «Сочувствую РКП»^X. По свидетельству офицера, «события с 1918 г. убедили меня в том, что лишь советская власть является единственно законной и правомочной в СССР, действительно защищающей

^I Там же. Л. 23об.

^{II} Там же. Л. 73.

^{III} Там же.

^{IV} В документе — могущего.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 73об.

^{VI} Там же. Л. 257.

^{VII} Там же.

^{VIII} Там же.

^{IX} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 25об.

^X РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 28.

интересы ее трудящихся»^I. Несколько ранее, в анкете 1922 г., Финицкий отметил, что «Октябрьскую революцию ожидал. К власти народа относился всегда сочувственно, хотя многое в Октябрьской революции было для меня недостаточно ясно»^{II}.

В автобиографии офицер сообщил об эволюции своих взглядов более развернуто: «К Февральской революции относился сочувственно, тем более что к ней был более подготовлен, так как предполагал, что улучшить положение народа возможно одной политической революцией.

Ход событий заставил меня пересмотреть положение, в чем я несколько запоздал по причинам обилия служебной работы. Поэтому, относясь принципиально к власти народа вполне сочувственно, не желая отрываться от него, тем не менее многого в Октябрьской революции не представлял себе ясно. К концу 1917 г. мое отношение к Октябрьской революции стало определенно благоприятным.

Перенесенный тяжелый и невольный опыт Гражданской войны окончательно убедил меня в праве советской власти на осуществление благополучия трудящихся масс России.

Моя работа в Красной армии в течение более двух лет и участие в том водовороте событий, который происходит теперь, расширившийся практический (а не узко теоретический) политический кругозор не только на положение у нас в России, но в мировом масштабе, окончательно убеждают меня в предыдущем, давая возможность нравственно спокойно работать»^{III}.

Порой покаянные признания выглядели неуклюже. Курсовик-деникинец Б.М. Перепеловский в анкете отметил, что сочувствовал Февральской революции, но «Октябр[ская] революция для меня не была понятна. Я был слишком неопытен, чтобы разобраться в сложной полит[ической] обстановке. Смутно представлял, что в ней правда и истинное счастье для всех, кто живет своим трудом, и инстинктивно мои симпатии были на стороне переворота»^{IV}. Политическое настроение офицера: «Стою на платформе власти Советов, считая ее единственно законной и вполне выражающей волю трудящихся»^V.

Встречались и смелые офицеры, прямо писавшие об отрицательных сторонах большевистского режима. Бывший колчаковский полковник М.И. Москаленко не побоялся указать в анкете, что отнесся к Октябрьской революции «несочувственно из-за репрессий к офицерам, стремившимся тоже к перевороту, но не к анархии»^{VI}. Курсовик-колчаковец К.В. Кашперов, наоборот, указал, что «в течение 3½ лет службы в рядах Красной армии не подвергался репрессиям, что для меня — лучшая рекомендация»^{VII}. Полковник-колчаковец Б.Д. Макаренко вполне искренне сообщил в анкете 1923 г., что «убеждений полит[ических], как у большинства офицеров, не было, были усталость и стремление домой»^{VIII}.

^I Там же. Л. 28об.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 318. Л. 209.

^{III} Там же. Л. 212об. — 213об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 334. Л. 183.

^V Там же. Л. 183об.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 308об.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 325. Л. 56об.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 317об.

Колчаковец войсковой старшина В.Е. Шайтанов писал в анкете в январе 1921 г., что в период Октябрьской революции «как строевой офицер был вне политики, но относился к ней сочувственно, видя путь к новой свободной жизни в революционной стране». Свое политическое настроение он охарактеризовал кратко: «Рад всегда служить народу»^I.

Пытаясь продемонстрировать что-то общее с большевистским режимом, некоторые офицеры извлекали из своего прошлого даже малейшую связь с революционным движением. Например, колчаковец генерал-лейтенант М.П. Бородин в анкете 1921 г. утверждал, что в молодости симпатизировал «Народной воле», а позднее кадетской партии^{II}. В качестве пожелания он указал: «Хочу одного — мирного, культурно-трудового строительства в С[оветской] республике и готов принять в этом посильное участие»^{IV}.

Иногда в целях социальной мимикрии приходилось искажать события прошлого. Курсовик-колчаковец С.Н. Кравцов утверждал, что в период Октябрьской революции «был учащимся в г[ороде] Киеве, активного участия не принимал, ибо все случилось неожиданно»^V. На самом же деле Кравцов находился в академии в Петрограде. О причинах несочувствия к Октябрьской революции он писал: «Не было единой власти, могущей взять в руки правление страной, которая изнывала под ударами извне. Была распродана страной»^{VI}. О своих политических взглядах Кравцов сообщил: «Беспартийный: в настоящее время вполне лоялен ныне существующей власти, могущей после тяжелого испытания поставить страну на твердую почву»^{VII}.

Полковник-деникинец В.К. Затеplinский в рапорте комиссару военных сообщений Туркестанского фронта в декабре 1922 г. представил свою службу во ВСЮР в 1919–1920 гг. как плен: «Имея тысячу возможностей уехать за границу, я оставался верен своему народу и его революции. Несчастье, постигшее меня, естественно, должно было вызвать расследование дела. Но после этого прошли три юбилея Красного Октября, прошли годы честной, крайне ответственной работы, и полагаю, что я мог рассчитывать на доверие рабочей власти»^{VIII}. Явно пытаясь понравиться властям, свои взгляды Затеplinский охарактеризовал следующим образом: «Сочувствую социалистическим партиям вообще, не соглашаясь с некоторыми пунктами программ каждой. Полагаю, что более соответств[ует] эпохе в России компартия»^{IX}. В подтверждение подобных воззрений офицер рассказал о пережитых им в прошлом трудностях: «В детстве голодал», затем из-за отсутствия средств для учебы в гимназии поступил в кадетский корпус, после чего «за неимением средств даже на одежду вынужден был идти в воен[ное] училище, чтобы перелезть из одной даровой (казенной) одежды в другую»^X. «Средств

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 105.

^{II} Там же. Л. 105об.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 97. Л. 549.

^{IV} Там же. Л. 549об.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 325. Л. 53.

^{VI} Там же.

^{VII} Там же. Л. 53об.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 333. Л. 142об.

^{IX} Там же. Л. 153.

^X Там же. Л. 153об.

к существованию — служба и только. Движимость ерундовая (дрянная мебель), не подвижности не имею^I. Полковник-деникинец С.В. Гончаренко утверждал, что уклонялся от военной службы у белых и занимался военно-историческими трудами^{II}.

Полковник-деникинец М.Н. Кузнецов отметил, что в период Февральской революции «способствовал безболезненному переходу к новой власти»^{III}, к Октябрьской революции «не сочувственного отношения не испытывал»^{IV}. Политическое настроение он выразил следующими словами: «Ввиду выяснившейся определенно организационной роли РКП(б) во всех областях, ведущих народные массы к улучшению их жизни, являюсь по[лным] сторонником проводи[мой политики]»^V, кроме того, «находясь в течение 4-х лет в Кр[асной] армии, определенно сочувствую РКП(б) как на[стоящей?] руководительнице масс»^{VI}.

Подполковник-колчаковец В.Ф. Терпиловский к Октябрьской революции «относился не вполне сочувственно, т.к. не верил, чтобы одним скачком можно было достигнуть идеального общественного строя»^{VII}, а подполковник Н.Ф. Красицкий, служивший в армии УНР и во ВСЮР, отметил, что «в дни Февральской и Октябрьской революции находился на фронте, где части к[орпу]са занимали боевой участок на берегу р[еки] Двины, и поэтому непосредственного участия в революции (по своей должности) принимать не мог, но всегда был на стороне революции... Я, как и большинство кадровых офицеров, в политике разбирался плохо, в дни Октябрьской революции с войсками корпуса был изолирован от окружающего, а в общем не знал и не понимал, что происходит»^{VIII}. Свое политическое настроение он выразил как «желание в ближайшее время увидеть СССР экономически крепким»^{IX}.

Курсовик-деникинец бывший полковник Н.Ю. Вержбицкий писал в рапорте в ноябре 1922 г.: «В Красную армию я поступил добровольно, служу в ней вдвое дольше, чем служил по мобилизации в белой армии, и не отказываюсь от дальнейшей службы в рядах Рабоче-крестьянской армии с полным сознанием своего долга перед республикой и прошу лишь справедливого к себе отношения, а не незаслуженного принижения моего духа и работоспособности положением вышележащего поднадзорного, в то время, когда я считаю себя по полученному военному образованию, служебному стажу и продуктивной для советской власти и Красной армии работоспособности способным приносить большую пользу делу укрепления мощи Красной армии как делу, которому я всецело предан»^X. Он же в анкете в октябре 1922 г. отметил, что «ни в каких партиях никогда не состоял и партийным рамкам не сочувствую, как стесняющим свободу мысли. Убеждений радикально прогрессивных»^{XI}.

^I Там же.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 187об.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 335. Л. 52об.

^{IV} Там же.

^V Там же.

^{VI} Там же.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 336. Л. 336об.

^{VIII} Там же. Л. 338об.

^{IX} Там же. Л. 339.

^X РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 9–9об.

^{XI} Там же. Л. 22.

Служивший на белом Юге бывший генерал-майор В.И. Стойкин по поводу Февральской революции указал в анкете 1923 г.: «Считая революцию необходимой, осуждал лишь ее грубые проявления»^I. При этом в графе о политическом настроении записал: «Считаю революцию законным ходом истории»^{II}.

Офицеры с антисоветским прошлым интуитивно понимали, что в ответах не следует быть слишком откровенными. Тем не менее «политические» графы анкет все-таки показывают если не истинные взгляды пленных белых генштабистов, то, по крайней мере, те поведенческие стратегии, которые они выбирали в красном плену для минимизации возможных неприятностей за былую нелояльность. Лейтмотивом всех анкет была демонстрация преданности новой власти, но ответы варьировались.

Не всегда попытки изображать лояльность приносили нужный результат. Так, бывший колчаковский полковник Д.П. Турбин, ранее бежавший из РККА, а затем попавший в плен к красным и арестованный, указал в анкете, что к Октябрьской революции «относился весьма сочувственно», сочувствовал РКП(б) и советской власти «как единственной выразительнице народной воли»^{III}. Однако все это ему не помогло, так как в ВЧК не без оснований не поверили в искренность таких заявлений и приговорили офицера к расстрелу. Не были сочтены убедительными и аналогичные заявления генерала К.М. Слесарева, который писал: «В настоящее время сочувствую стоящей у власти в России партии большевиков» и «в настоящий момент мое настроение служить всеми силами советской власти»^{IV}. Слесарева также приговорили к расстрелу.

В большинстве случаев офицеры указывали на свою приверженность Февральской революции. Отмечали, что она позволила преодолеть гнет, произвол старого режима, рабство, абсолютизм, давала возможность выйти из тупика, в котором оказалась страна. Многие писали о непонимании Октябрьской революции, о том, что они не смогли в той ситуации сориентироваться и лишь позднее осознали государственную роль РКП(б). Критические высказывания об Октябрьской революции касались ее издержек, волновавших пленных: развала армии, репрессий в отношении офицерства, тяжелого Брестского мира. Ряд офицеров честно признавались, что не разбирались в политике, были неопытны. Этим они объясняли свое неприятие Октябрьской революции.

В анкетах выражалась уверенность в том, что советская власть защищает интересы народа и права трудящихся, что революция носила народный характер. Порой звучали заученные фразы, а какие-то высказывания едва ли были искренними. К таким можно отнести выражения солидарности с политикой РКП(б) и сочувствия пролетариату, восторги по отношению к политике партии и к советской власти. Ряд пленных указывали, что являются сторонниками народовластия, которое олицетворяла партия большевиков.

Встречались и исключения. Так, в одной из анкет упоминалось о приверженности ее составителя программе кадетской партии и народническим взглядам. Иногда подлинные политические взгляды были замаскированы общими

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 214об.

^{II} Там же. Л. 215.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 138–138об.

^{IV} Там же. Л. 27а–27а об.

фразами о необходимости или стремлении честно трудиться на благо общества. Такие ответы, скорее всего, свидетельствовали о нежелании пленных раскрывать свои истинные мысли и взгляды, равно как и кривить душой, заверяя начальство в лояльности большевикам. Суровые реалии Гражданской войны делили людей на наших и не наших. Пленные, разумеется, пытались добиться того, чтобы их посчитали «нашими». Это было вопросом выживания в той обстановке. В этой связи анкеты пленных белых офицеров не всегда и не во всем позволяют обнаружить истинное «я» их авторов, но, будучи массовым источником, они дают возможность понять особенности поведения представителей белой военной элиты в красном плену, в том числе в аспекте официально декларируемых ими политических взглядов. В целом можно сказать, что составители анкет стремились встроиться в советское общество и продолжить службу в армии в соответствии с прежней специализацией. Заинтересованы в этом по причине дефицита квалифицированных военных специалистов были и представители власти.

Пленные белые офицеры с 1920 г. направлялись на ускоренные трехмесячные курсы политической и военной подготовки (каждые курсы на 1000 человек)^I. Для пленных генштабистов в 1920 г. работало специализированное учебное заведение – повторительные курсы для бывших офицеров, бывших в академии Генштаба. На эти курсы, в частности, были направлены следующие пленные белогвардейцы: К.В. Акутин, М.П. Базыленок, И.М. Богацкий, Ф.М. Бредш, А.Н. Власенко, В.К. Головкин, М.З. Дьяконов, С.И. Земцов, С.И. Ильин, А.Г. Колчин, А.И. Мезенцев, Н.А. Морозов, В.И. Моторный, Б.М. Перепеловский, В.Н. и М.Н. Пестряковы, Н.В. Соколов, Л.А. Текелин, В.Н. Цедерберг, Л.Н. Шибаев, М.Е. Шохов и др.^{II} Вр.и.д. управляющего делами курсов значился А.Н. Власенко. По другим документам, курсы именовались временными повторительными. Работали они в бывшем ресторане «Прага» на Арбате и продолжались в сокращенном виде три недели. Слушателей размещали в общежитии в том же здании, выдавали солдатский паек^{III}. Руководил курсами бывший полковник В.Я. Жуков.

Пленным читали курсы из программы военных училищ, рассказывали об устройстве РККА, преподавали политграмоту и историю последних войн. Военные предметы вели преподаватели Академии Генштаба РККА, военспецы, в том числе из бывших офицеров Генерального штаба. Лекции по авиации читал В.Н. Гатовский, курс организации РККА – А.Е. Гутор, «важно заявлявший, что он достиг большого доверия среди коммунистов и около него нет даже комиссара. Историю последних войн и причины их поражений читал Верховский, бывший военный министр при Керенском. На менее интересных лекциях слушатели, а иногда и сам профессор засыпали, что объяснялось общей слабостью на почве недоедания. Все профессора обращались к нам – господа – и никогда не называли товарищами, исключение представлял один Гутор»^{IV}. Бывшие белые с трудом воспринимали политическую грамоту, не относились к ней всерьез. Кроме того, им казалось, что

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 137об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 157об.–158; *Елисеев Ф. И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 363.

^{III} *Елисеев Ф. И.* Лабинцы. Побег из красной России. С. 372.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 71.

военспецы-профессора испытывали плохо скрываемую неловкость перед пленными^I. Сами пленные стремились воспользоваться курсами, чтобы, как вспоминал кубанский казачий офицер Ф.И. Елисеев (негенштабист), «получить легальную свободу и устроить свою судьбу, кто как умеет или найдет возможность»^{II}. Лучшим лектором считался А.И. Верховский, державший на протяжении часа в напряжении аудиторию в 500 слушателей^{III}. По окончании учебного процесса на курсах Верховский собрал вокруг себя группу слушателей – старших офицеров (генералов и полковников) и откровенно спросил: «Господа!.. Как могла разбить вас эта сволочь?»^{IV} Ускоренные курсы политической и военной подготовки были упразднены по миновании в них необходимости 11 января 1921 г. (приказ РВСР № 101/18), слушатели подлежали передаче в резерв округов по месту нахождения курсов^V.

По свидетельству пленного генерала И.А. Данилова (негенштабиста), военспецы держали себя по-разному, «для ознакомления нас с системой советской военной администрации был прислан профессор академии Генерального штаба, бывший генерал-лейтенант»^{VI} [С.П.?] Михеев и бывший военный министр Керенского – Верховский. Насколько второй поразил нас своей наглостью и дифирамбами советской власти, настолько первый своей забитостью и приниженностью. Казалось, что ему было совестно смотреть нам в глаза, и вся его фигура выражала, что он волей-неволей из-за своего существования и своей семьи, под страхом расстрела, должен служить советской власти. Мы это поняли и по окончании лекции, окружив его, старались высказать ему наши симпатии, что произвело на него впечатление»^{VII}.

Те, кто не попадал в РККА, были вынуждены искать различные способы заработка. Например, курсовик-колчаковец К.В. Кашперов после освобождения из-под ареста в феврале 1920 г. поступил пианистом в Канский народный театр, но через месяц все же устроился на преподавательскую работу в РККА^{VIII}.

В связи с острой нехваткой в РККА квалифицированного состава многие пленные довольно быстро получали ответственные назначения. Так, бывший подполковник армии УНР М.И. Иващенко, служивший в ГУПШ Действующей армии УНР, а затем в должности начальника штаба запасной бригады, после перехода на сторону красных стал начальником штаба 14-й Майкопской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Бывший генерал Д.Н. Сокира-Яхонтов в 1920 г. в РККА возглавил бригаду 41-й стрелковой дивизии. Командовал этой дивизией другой ветеран украинской армии – бывший генерал В.И. Стойкин. В январе 1920 г. в Гурьеве был взят в плен выпускник академических курсов в Томске капитан Пospelов, ранее занимавший пост начальника штаба 4-й Илецкой дивизии белых. Начальником 25-й стрелковой дивизии И.С. Кутяковым офицер был оставлен

^I Там же. Л. 71об.

^{II} Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. С. 373.

^{III} Там же. С. 373–374.

^{IV} Там же. С. 376.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 173.

^{VI} Правильно – генерал-майор.

^{VII} Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции.

Берлин, 1924. Т. 14. С. 87.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 325. Л. 65об.–66.

в штабе дивизии для работы, поскольку, как впоследствии свидетельствовал сам Кутяков, «тогда все красные сотрудники были больны тифом. За короткий срок, благодаря своим большим знаниям, т. Пospelов был оставлен в дивизии и не отправлен в концентрационный лагерь»¹. Впоследствии Пospelов участвовал в Советско-польской войне. Примечательно, что специалистом с «большими знаниями» был назван всего лишь выпускник младшего класса сибирских ускоренных курсов, проучившийся в академии не более четырех месяцев. Исходя из этого, нетрудно представить уровень военных знаний других работников штаба дивизии. Бывший генерал П. С. Максимович стал военным руководителем Сибирского окружного военкомата, бывший ротмистр А. К. Хведкевич – заведующим 1-м отделением мобилизационной части административно-мобилизационного отдела Енисейского губвоенкомата, бывший полковник А. А. Мирошников был зачислен в резерв комсостава при Енисейском губвоенкомате, бывший подпоручик Л. Н. Климонтович получил назначение вр.и.д. старшего инструктора Всевобуча Красноярского уездного военкомата.

Интересно, что Хведкевич, окончивший ускоренный курс академии в Томске при белых, добивался своего исключения из списков Генштаба. 16 апреля 1920 г. как секретарь Енисейского губернского отдела народного образования он обратился к заведующему следственной частью ВЧК: «Находясь на учете в комендантской части ВЧК на предмет отправления в Москву в распоряжение н[ачальника] Все[ро]главштаба, как быв[шего] генштабиста, прошу об исключении меня с учета генштабистов по след[ующим] причинам. Во-первых: Как ошибочно занесенного в списки Генштаба губвоенкоматом, так как я окончил в 1919 г. только ускоренный курс Воен[ной] академии Генштаба и приказом причислен к Генштабу никем не был. Во-вторых: По разъяснению н[ачальника] общ[его] отд[еления] штарма 5[-й], окончивших ускоренный курс к Генштабу не относят.

На основании вышеупом[янутых] причин прошу также по снятии меня с учета Генштаба разрешения оставаться на занимаемой теперь должности в отделе народного образования или продолжать службу по моей специальности в губвоенкомате, где я состою в качестве заведывающего отд[елением] мобил[изационной] части»².

Некоторые выпускники колчаковских ускоренных курсов академии устроились на преподавательскую работу уже в Сибири в 1920–1921 гг. Позднее часть из них прошла через аресты за белогвардейское прошлое. Аналогичные ситуации происходили и на Юге России. Так, начальник оперативного управления Отдельной Кавказской армии П. М. Стрыхарь и военком Черняев в июле 1921 г. ходатайствовали перед начальником Оперативного управления Штаба РККА об оставлении при штабе армии бывшего слушателя ускоренных курсов К. В. Чугункова как знатока Кавказа³. Судя по всему, Чугунков ранее служил у белых.

На службу пленных в РККА налагались серьезные ограничения, свидетельствовавшие о продуманности этого вопроса. В каждой воинской части их численность не должна была превышать 15 % комсостава (то же касалось и гражданских

¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 58. Л. 124.

² РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1217. Л. 18.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 82.

учреждений^I). Пленных предписывалось не назначать на службу в те места, где произошло пленение или добровольная сдача, требовалось также избегать назначений по месту рождения или постоянного жительства. Отступления от последнего не допускались в отношении казаков^{II}. В течение первого года службы бывшие белые офицеры не могли пользоваться отпуском, а по истечении года снимались с особого учета. Порядок снятия с особого учета определялся приказом РВСР № 1035/180 от 14 мая 1921 г.^{III} Теперь ходатайствовать о снятии с учета должны были сами пленные. Снятие с учета было фикцией, поскольку бывшим пленным продолжали не доверять, их выделяли из общей массы, накладывали ограничения (например, запрет проживания в приграничной зоне), постоянно перерегистрировали, а сведения об их прошлом находились в компетентных органах^{IV}. Заключение о приеме тех или иных бывших белых в РККА давали органы ВЧК-ОГПУ. В 1924–1927 гг. было проведено снятие бывших белых офицеров с особого учета, фактически оказавшееся новой перерегистрацией.

Бывшие белые офицеры, ставшие военспецами, демонстрировали свою лояльность советской власти и старались служить добросовестно. Тем более что они могли наблюдать аресты и расстрелы своих товарищей, порой без весомых оснований. Однако в советском руководстве сохранялось предубеждение против военспецов в принципе, не говоря о недавних врагах. Поэтому от белогвардейцев старались избавляться.

К 1 января 1921 г., по данным отчета Наркомата по военным и морским делам, на особом учете в Красной армии находилось около 12 000 бывших белых офицеров и, видимо, унтер-офицеров, что составляло 5,53% комсостава РККА^V. На протяжении 1921 г. было принято на учет еще 2390 человек, 4000 переведены в Наркомат труда, а затем уволены в бессрочный отпуск. В конечном итоге на службе осталось 1975 человек, или 2,3% комсостава, «из которых 33,3% увольнению вовсе не подлежат, как высококвалифицированные специалисты»^{VI}. Стоит отметить, что белые пленных красных командиров ценили куда меньше.

Обсуждались варианты различных ограничений по службе в отношении бывших белых генштабистов. Согласно одному из проектов 1921 г. предлагалось обязать таких специалистов проходить через Высшую аттестационную комиссию «для определения политической физиономии данного лица, что необходимо в целях создания спаянного едиными политическими идеями Генерального штаба РККА»^{VII}.

Бывших белых офицеров и военных чиновников по приказу РВСР № 101/18 от 11 января 1921 г. предписывалось использовать для работ в гражданских учреждениях. Единственное исключение делалось для высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, к которым относились

^I РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 174об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 34об.

^{III} РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 222.

^{IV} В мае 1926 г. в связи с трудностью учета бывших белых офицеров и военных чиновников и отсутствием необходимости в таковом был разработан проект перевода этой категории лиц на общий учет (РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 389. Л. 41).

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.

^{VI} Там же.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 131.

и генштабисты¹. Заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским были утверждены Временные правила использования бывших офицеров и военных чиновников из числа военнопленных и перебежчиков белых армий в гражданских и военных учреждениях. Согласно документу, пленные этих категорий поступали в Народный комиссариат труда для использования в гражданских учреждениях. В военном ведомстве подлежали использованию лишь высококвалифицированные военспецы с высшим военным образованием, причем только в ГУВУЗе, Главном военно-инженерном, Главном артиллерийском и Главном хозяйственном управлениях, а также в академии Генерального штаба. В ГУВУЗе могли использоваться и лица без высшего военного образования, но признанные соответствующими использованию в военно-учебном ведомстве. Особо отмечалось, что бывшие белые генштабисты «подлежат использованию только для ГУВУЗа и академии Генерального штаба»². Это касалось и выпускников академических курсов в Томске, которых стали считать генштабистами и зачисляли в ГУВУЗ (ранее, согласно приказанию ПШ РВСР, изложенному в циркулярной телеграмме от 17 сентября 1920 г., выпускников томских курсов считали не генштабистами, а слушателями и держали на особом учете³). Прослушавших месячный курс академии в Екатеринбурге не считали слушателями, но также держали на особом учете⁴. Таким образом военное руководство пыталось не допустить возможного взятия ветеранами антибольшевистской борьбы Красной армии под свой контроль.

Несколько генштабистов попали в плен на Севере России. Отношение к ним здесь, в целом, было более суровым, чем на Юге и Востоке. Напрасно полковник Л. В. Костанди писал, что «в настоящее время главнейшая задача советской власти и командования — наиболее гуманно отнестись к бывшим врагам и таким способом укрепить в них осознание необходимости работать на пользу Советской России. Нужда в интеллигентных работниках далеко не исчерпана, а потому пренебрегать тысячей интеллигентных людей... было бы нецелесообразным»⁵.

Пленные белогвардейцы на Севере, как и в других регионах, заполняли анкеты для бывших офицеров белых армий. В документах требовалось точно указывать данные о семейном положении, сведения о родителях, адреса, занимаемые должности (особо выделялась служба в полиции до 1917 г.), состояние здоровья, добровольно или по мобилизации служили у белых, в каких боях участвовали, особо выделялась графа о попадании в плен индивидуально или при массовой сдаче. Кроме того, запрашивали наименование Особого отдела, через который проходили пленные, место и причину ареста. Запрашивались участие во всех революциях, отношение к ним (если не сочувственное, то почему), политические настроения, партийность, наличие родственников в РККА и у белых (в том числе

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 173.

² Там же. Л. 174.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 97.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 91

⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 305. Призывы к милосердию в отношении пленных офицеров не помогли. В 1920–1921 гг. были расстреляны все выпускники академии, взятые в плен на Севере в начале 1920 г. (генерал-лейтенант П. М. Баранов, полковники Н. А. Волков, И. С. Кашуба, Л. В. Костанди, штабс-ротмистр Л. П. Червинский).

на территории белых), а также служивших в полиции до 1917 г. Наконец, требовалось указать двух видных советских или партийных работников, знавших анкетиремого¹.

Среди расстрелянных ветеранов Белого движения на Севере России – бывший ординарец легендарного «белого генерала» М.Д. Скобелева полковник И.С. Кашуба. Офицер знал несколько восточных языков, но даже это не спасло его от расстрела осенью 1920 г., при том, что большевики активно разрабатывали тогда планы советизации стран Азии. Очевидно, информация об этих знаниях Кашубы попросту не дошла до заинтересованных органов в Москве. Расстрелян он был по распоряжению архангельских чекистов². На Север высылали многих пленных с других фронтов, прежде всего, захваченных на Юге и на Востоке России. Их участь нередко определялась решениями коллегии тройки Особого отдела охраны северных границ республики. Решениями этого органа были приговорены к расстрелу бывшие колчаковские офицеры Л.А. Текелин, И.М. Чебеняев³. Таким образом, ничто не могло защитить пленных от произвола на местах. Аналогичные факты известны и по другим регионам. Например, в Сибири бывший полковник В.В. Ракитин был 13 марта 1920 г. арестован за службу у Колчака, 29 апреля приговорен ликвидационной комиссией ВЧК 5-й армии к заключению в концлагерь за приверженность правительству Колчака⁴ и уже 15 мая приговорен к расстрелу по единоличному решению полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского (в прошлом – первого заместителя председателя Особого отдела ВЧК)⁵.

Взятый в плен в Иркутске в начале 1920 г. генерал-майор К.М. Слесарев, возглавлявший на протяжении 12 лет Оренбургское казачье юнкерское училище, телеграфировал 30 апреля 1920 г. начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву, с которым, вероятно, был знаком по старой армии, просьбу поступить на службу по прежней военно-учебной специализации: «Прошу распоряжения и разрешения назначения преподавателем военных наук [в] открываемой [в] Иркутске военной школе красных офицеров, с 1908 года января по январь 1920 года непрерывно состоял [в] должности начальника Оренбургского военного училища, [в] настоящее время состою [на] учете Особого отдела ВЧК пятой армии, [при] перемене власти [в] Иркутске был арестован следственной комиссией, освобожден [за] отсутствием состава преступления, ревтрибунал постановление последней утвердил, [в] крайнем случае прошу распоряжения штабному и иркутскому губвоенкому об срочном откомандировании [в] ваше распоряжение. 30 апреля 1920, Иркутск. Генштаба Константин Слесарев»⁶.

Лебедев попытался помочь, но ничего не добился. Свет на дальнейшую судьбу генерала проливает письмо его супруги А.Н. Слесаревой тому же Лебедеву от 23 июня 1920 г.: «До разбора дела муж просидел в тюрьме 2 месяца. Следственная комиссия, разобрав его дело, постановила мужа освободить за отсутствием

¹ ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 6. Д. 5. Л. 7–8об.

² Подробнее о Кашубе см.: Ганин А. В. За что расстреляли ординарца Скобелева? Гибель полковника Кашубы на Архангельском Севере // Родина. 2011. № 1. С. 116–120; Еро же. 50 офицеров. С. 502–518.

³ ОСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 96, 97об.

⁴ Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.

⁵ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 120.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 232.

состава преступления. Трибунал это постановление утвердил, и мой муж получил освобождение, но, к сожалению, ненадолго. Вслед за этим начались регистрации, и муж вновь был арестован Особым отделом 5[-й] армии Восточного фронта. Председателем этого отдела был товарищ Павлов. На допросе моему мужу сказали, что обвинения на него нет и что он, вероятно, будет отправлен в Москву. Вскоре после второго его ареста, когда он находился еще в Иркутске, была получена телеграмма, посланная Вашим распоряжением, о вызове моего мужа в Москву. К сожалению, я узнала об этой телеграмме слишком поздно, когда муж был уже увезен. Этой телеграмме почему-то не был дан ход и вместо командирования в Москву мужа моего через 2 недели после ареста отправили в Красноярск под конвоем в арестантском вагоне вместе с другими арестованными. Отправили его настолько неожиданно, что я даже не успела дать ему необходимых вещей на дорогу. Свиданий не разрешали. Накануне отправки мне сказали в Особом отделе, что муж в этой партии отправлен не будет, и об его отправке я узнала только тогда, когда они сидели уже в вагоне. В Красноярске их поместили сначала в военном городке, а потом перевели в тюрьму. Через месяц его вновь привезли в Иркутск и опять поместили в тюрьме, где он находится по сие время. Дальнейшее неизвестно, и я боюсь за его участь. Тюремный режим, холодные камеры зимой и вообще тяжелые условия заключения подточили его здоровье... Вины за ним не значится никакой. Чем объяснить его бесконечное томление по тюрьмам – не знаю. Я не буду говорить Вам о том, какие нравственные мучения я переживаю. Моя горячая просьба к Вам, многоуважаемый Павел Павлович, помогите моему мужу, избавьте его от дальнейших ужасов. В Иркутск мы были эвакуированы из Оренбурга вместе с училищем. С арестом мужа я осталась совершенно одна в чужом городе и окончательно теряю голову, не вижу выхода из тяжкого положения. Боюсь, что его опять куда-нибудь увезут, я не буду знать, потеряю его след и опять буду одна. Свиданий не разрешают, и я могу потерять его. Простите меня за беспокойство. Надеюсь, что Вы не оставите мою просьбу без внимания¹. В том же году Слесарева перевели в Москву и держали в Кожуховском лагере², а в марте 1921 г. во время антибольшевистского восстания в Западной Сибири расстреляли по обвинению в пособничестве повстанцам³.

Наряду с актами террора в отношении бывших белых генштабистов имели место и противоположные проявления. Так, в РККА ветераны антибольшевистских армий были приняты в 353 случаях. Более того, были прощены и приняты в армию даже те, кто ранее уже изменил красным, но вновь оказался в Советской России. Таких офицеров было не менее 138 человек. Жизненные траектории этих людей различались. Для одних служба у белых была вынужденной, а возврат к красным добровольным, для других – наоборот. Были среди них и те, кто на протяжении всей Гражданской войны метался между противоборствующими сторонами, не зная, к кому примкнуть (по сути, профессиональные перебежчики, менявшие место службы в зависимости от политической конъюнктуры

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 28об. – 31об.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 91.

³ Подробнее о Слесареве см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска... С. 520; Ганин А. В. Расстрелянные на всякий случай // Родина. 2023. № 8. С. 114–117.

и обстановки на фронте). Готовность сдаться могла формироваться на основе положительного опыта прежней службы в Красной армии. Интересно, что некоторые офицеры, повторно попавшие в РККА, смогли сделать впечатляющую карьеру.

Одним из наиболее ярких примеров была служба курсовика и капитана колчаковской армии М. И. Василенко. С 1917 г. Василенко являлся членом партии левых эсеров. В антибольшевистском лагере он оказался в составе Военной академии, часть которой перешла на сторону Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в Казани. И если правозэсеровский Комуч мог казаться Василенко идейно близким, то колчаковский режим вряд ли воспринимался левым эсером с симпатией. Уйдя от белых в начале 1919 г., он уже в 1919–1920 гг. командовал 11, 9 и 14-й красными армиями, а впоследствии был награжден орденом Красного Знамени¹.

В этой группе оказывались и те, кто реально попадал в плен в силу обстоятельств и для кого красные, скорее всего, были своими. Аналогичный пример представляет судьба бывшего капитана и курсовика А. Я. Яновского, который, как и Василенко, также находился в академии летом 1918 г. В отличие от Василенко, Яновский в Казани каким-то образом сумел избежать перехода на сторону Комуча и добрался до Москвы. В 1918–1919 гг. военспец служил в РККА. Однако попасть в плен к противнику ему все же пришлось. В июле 1919 г. он тяжело заболел и находился на излечении в Курске, где служил до войны. Яновский был оставлен при отходе красных от города осенью 1919 г. и попал в плен к белым. Белыми он был арестован, но затем до конца 1919 г. вместе с братом служил в деникинских войсках, а с декабря 1919 г. продолжил службу в РККА, добившись немалых успехов. За боевые отличия в ходе операций в Грузии Яновский в 1922 г. был награжден орденом Красного Знамени. Избежав репрессий, Яновский принял участие в Великой Отечественной войне. Исполнял должность командира 89-го стрелкового корпуса, был заместителем командира 80-го стрелкового корпуса, с которым дошел до Берлина. Был дважды ранен. Умер в Москве в 1982 г.²

Таким офицером оказался бывший капитан М. П. Строев (Рихтер), попавший к белым в январе 1920 г. в результате поломки аэроплана и вынужденной посадки. Ранее Строев активно участвовал в создании советской военной авиации, дважды встречался с В. И. Лениным. У белых он содержался в тюрьме в Екатерино-даре, был освобожден местным большевистским подпольем и продолжил службу в РККА. Впоследствии дослужился до звания генерал-майора советских ВВС, умер в Москве в 1961 г. и был похоронен на элитном Новодевичьем кладбище³.

В этой группе пленных были активные участники Белого движения и даже белые подпольщики. Например, бывший курсовик полковник А. А. Буров летом 1918 г. являлся одним из руководителей антибольшевистского подполья в штабе Северо-Урало-Сибирского фронта в Екатеринбурге (впрочем, в его учетной карточке содержатся данные о том, что он приехал в Советскую Россию летом 1920 г. уже

¹ Подробнее о Василенко см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 325–354.

² Подробнее о Яновском см.: Великая Отечественная. Комкоры. Т. 1. С. 656–659.

³ Подробнее о Строеве (Рихтере) см.: Ганин А. В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133; Его же. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 722–744.

из Маньчжурии, что не исключает возможности их сознательного искажения)¹. В 1920 г. он был мобилизован в РККА, расстрелян по делу «Весна» в 1931 г. Оказался на службе у красных один из организаторов омского переворота 18 ноября 1918 г. полковник А. Д. Сыромятников, много лет служивший в Военной академии. Интересно, что Буров и еще один курсовик А. К. Гайко² также активно участвовали в военной подготовке прихода к власти адмирала А. В. Колчака и впоследствии оказались в РККА.

Между прочим, Ф. Э. Дзержинский признавал высокий профессиональный уровень пленных спецов. 5 августа 1923 г. он писал в Политбюро: «Мы очень бедны спецами. Из своего опыта на транспорте должен сказать, что спецы, оставшиеся у нас, — самые худшие, без инициативы, без характера. Тянут лямку, чтобы жить. Самые лучшие, подвижные и инициативные у нас спецы — это полученные нами и почему-либо не расстрелянные — от Колчака, Деникина и Врангеля»³. Далее предлагалось разрешить бывшим белым военным специалистам возвращаться на родину из эмиграции.

Позднее, в 1920-е гг., белогвардейское прошлое во многих случаях воспринималось с оттенком юмора. Например, дело арестованного в феврале 1923 г. колчаковского генерала А. Т. Антоновича было прекращено 30 января 1926 г. Сибирским краевым судом ввиду того, что «преступление носит исторический характер, и Антонович в настоящее время не является социально опасным для советской власти»⁴. Таким образом, декларировалось, что обвинение в контрреволюционности утратило свою актуальность. Впрочем, спустя каких-то пять лет все вернулось на круги своя. В ходе дела «Весна» 1930–1931 гг. бывшим офицерам активно инкриминировались именно контрреволюционные настроения, не говоря уже о белогвардейском прошлом.

Красные последовательно проводили в жизнь тотальный учет бывших белых генштабистов, имевших хоть какое-то отношение к учебе в академии, стараясь использовать в своих интересах максимум специалистов. Даже в 1921 г., по окончании широкомасштабной Гражданской войны, составлялись их отдельные списки с указанием занимаемых должностей. ВГШ 13 октября 1920 г. информировал штаб Беломорского военного округа о том, что учету подлежат «все когда-либо обучавшиеся в академии Генштаба лица, хотя бы и не закончившие курса»⁵.

В этой связи на службу закономерно привлекались генштабисты, окончившие академию непосредственно в белой Сибири. Начальник Штаба РККА П. П. Лебедев в мае 1922 г. писал о необходимости «причисленных к Генеральному штабу сибирским правительством считать по Генер[альному] штабу»⁶. Проверить данные о наличии у пленных академического образования, полученного там, красные

¹ Подробнее о подпольной работе Бурова см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 206–209; Кручинин А. М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 13–26.

² Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, филология и философия». 1989. Вып. 1. С. 61.

³ Источник. 1998. № 3 (34). С. 131.

⁴ Жертвы политического террора в СССР.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 166.

⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 35.

не могли. Эта проблема отмечалась уже в конце 1920 г.^I Сложности возникали и с другими офицерами, заявлявшими о своем обучении в академии. Например, 31 марта 1920 г. начальнику ПШ РВСР из Ейска была направлена докладная записка некоего Н.И. Карасева, автор которой писал: «Прослужив 19 месяцев в Красной армии и занимая в течение последних 9 месяцев должность завуча (номер неразборчив. — А.Г.) Советских пех[отных] курсов, попал в плен к белым, состоял под судом и следствием деникинской контрразведки и сидел в заключении в г[ороде] Ейске. В настоящее время, когда я снова среди моих красных товарищей, прошу Вашего распоряжения о назначении меня на службу, где бы я мог положить все силы и знания на пользу революции как бывший капитан, окончивший военное училище мирного времени и академию Генштаба, геодезическое отделение военного времени (курс 8 месяцев)». По нашей базе данных, включающей сведения обо всех слушателях ускоренных курсов, Карасев не проходит. Нельзя исключать того, что, зная в целом благожелательное отношение красных к бывшим белым генштабистам, стали появляться пленные, выдававшие себя за эту категорию лиц, но никакого отношения к ней не имевшие.

Некоторые пленные внесли заметный вклад в укрепление РККА. Так, в приказе по штабу Восточно-Сибирского военного округа № 103 от 24 октября 1920 г. начальником штаба округа А.Х. Андерсоном и комиссаром А. Хазовым были отмечены заслуги курсовиков В.Н. Отрыганьева, П.Н. Соколова и В.С. Савченко, ранее служивших у Колчака: «Приступая во исполнение приказа РВСР № 1952365 к реорганизации, считаю долгом отметить те условия, в которых начал работу штаб округа.

Еще полгода тому назад в необорудованных вагонах за неимением помещений, без всяких технических средств и пособий, с группой сотрудников, приехавших из Москвы для формирования окрвоенкомата^{II}, штаб начал свое формирование 1 мая, немедленно приступив к текущей работе самого разнообразного характера. Объединение деятельности подведомственных учреждений, руководящие указания к предстоящему призыву и мобилизация молодых 1901 г., учет лошадей, принудительные закупки, формирование новых частей и трудовая мобилизация пленных империалистической войны легли на штаокр как бы непосильным бременем. В результате штаб если и получал иногда справедливые упреки за недостаточную организованность и некоторую медлительность в ответах в высшие штабы, что вызывалось целым рядом причин, не всегда зависящих от штаба, тем не менее все крупные задания центра, штасиба^{IV} и окрвоенкома^V были выполнены.

С большим удовольствием отмечаю прекрасное и добросовестное отношение к службе всех сотрудников штаба округа, понимавших ту великую ответственность, которая лежала на нас. Некоторые из сотрудников из числа служивших в армии Колчака не смогли сразу взять правильный курс работы, будучи излишне осторожны, но в ближайшее же время проявили большую серьезность

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 176.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 284.

^{III} Окружного военного комиссариата.

^{IV} Штаба помощника главкома по Сибири.

^V Окружного военного комиссара.

и добросовестность в работе и огромное желание принести пользу республике, дабы искупить свои старые ошибки службы в армии врагов.

От лица службы приношу благодарность моему помощнику Павлу Николаевичу Соколову, начальнику мобилизационно-оперативного отдела Савченко и комиссару Чечурину, начальнику строевого отдела тов. Отрыганьеву и комиссару тов. Пушкареву, начальнику административно-хозяйственного отдела тов. Сумороцкому и комиссару тов. Эйдеман[у], проявившим примерную исполнительность, всем сотрудникам и красноармейцам штаба округа за прекрасное исполнение своего долга^I.

Множество пленных оказалось захвачено на Юге России. Еще в феврале 1920 г. советское командование предполагало, что в районе Херсона и Одессы могут быть пленены генштабисты, о чем начальник Оперативного управления ПШ РВСР Б.М. Шапошников сообщал начальнику штаба Юго-Западного фронта 23 февраля 1920 г.^{II} Предположения Шапошникова вскоре подтвердились, так как в Одессе штабом 14-й советской армии такие лица действительно были зарегистрированы^{III}.

Бывшие белые, как и на других фронтах, живописали ужасы своего подневольного пребывания в антибольшевистском лагере. Так, например, бывший капитан А.Я. Яновский, попавший к белым осенью 1919 г. при занятии деникинцами Курска, свидетельствовал о том, что был арестован, подвергался побоям и лишь благодаря заступничеству прежних товарищей сумел освободиться, но и после освобождения оставался под следствием и надзором курского уездного воинского начальника^{IV}. Проверить достоверность многих подобных рассказов не представляется возможным, но известно, что обратно в РККА Яновский попал в декабре 1919 г. в том же Курске. Впоследствии Яновский, несмотря на белогвардейское прошлое, был награжден орденом Красного Знамени за операции в Грузии.

Среди пленных встречались и те, кто последовательно и упорно придерживался антибольшевистских взглядов, даже несмотря на угрозу репрессий. По-видимому, таким являлся кубанский казак бывший полковник С.И. Земцов. У белых он командовал 4-й Кубанской казачьей дивизией. В мае 1920 г. сдался в плен в составе Кубанской армии. В 1920–1922 гг. прошел через Особые отделы Туапсе, Екатеринодара, Костромы, Киева и Таганрога. В РККА служил в военно-учебных заведениях, при этом считался «явным контрреволюционером». Более того, Земцов не побоялся указать в анкете в 1923 г., что относился несочувственно к Октябрьской революции за «массовое преследование офицер[ов] за то, что они офицеры»^V, а о своем политическом настроении написал: «Скорейшее умиротворение страстей и наступл[ение] нормальн[ой] экон[омической] обстановки»^{VI}. В октябре 1922 г. на заседании комиссии по увольнению из Красной армии всех белых офицеров, чиновников, врачей и лекпомов (лекарских помощников) было постановлено немедленно уволить его без права поступления на службу в части РККА или военно-учебные заведения «как ярого монархиста, громогласно заявляющего, что

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 164–164об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 198.

^{III} Там же. Л. 199.

^{IV} Великая Отечественная. Комкоры. Т. 1. С. 657.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 249об.

^{VI} Там же.

он сознательно дрался с красными, который, несмотря на свое образование генштабиста, массе ничего не дает, а, наоборот, вводит в заблуждение слушателей»¹. В октябре 1923 г. Земцов был уволен в бессрочный отпуск. Он умер в СССР в 1928–1929 гг., не дожив до периода массовых репрессий.

В плен попадали и генштабисты украинских армий – например, бывший полковник Н.Е. Какурин. Рассуждая впоследствии о своем переходе к красным весной 1920 г., Какурин отмечал: «Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы назвать советскими, у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но, предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себя анализирую, исходил по существу из прежней установки и видел в Красной армии, наконец, ту армию, которая явилась для меня действительной русской армией, значит, я тогда действовал еще [из] чисто патриотических убеждений»². Патриотические мотивы офицерства, несомненно, учитывались советским руководством в политике привлечения своих недавних противников на службу, в том числе в период Советско-польской войны.

7 мая 1920 г. Какурин, прибывший в столицу 1 мая, был арестован в Москве Особым отделом ВЧК. Он не был допрошен, ему задали лишь несколько незначительных вопросов. Генштабист жаловался в МПКС. По его словам, «сущность дела заключается в том, что, по-видимому, Особый отдел ВЧК инкриминирует мне исполнение должности 2го генерал-квартирмейстера украинского Генерального штаба в начале 1918 г. Дело обещали рассмотреть через 2–3 недели, но до сих пор не допрошен. Поясняю, что должность 2го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого отношения к боевым действиям... В ряде заявлений в Особый отдел ВЧК, Всероглавштаб и н[ачальни]ку Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики ходатайствую о разборе моего дела и скорейшей отправке меня на фронт. Арестован и не допрошен уже 2^й месяц.

Прошу выяснить положение моего дела и решение моей участи. Н. Какурин»³. По освобождении генштабист поступил на службу в РККА и блестяще там себя проявил.

Широко известна сдача в плен на Северном Кавказе Кубанской армии во главе с генералом Н.А. Морозовым весной 1920 г. Генерал В.А. Замбржицкий свидетельствовал о вере Морозова в возможность примирения с красными, о его разочаровании в Белом движении и готовности воспринять советскую идеологию как новую государственническую идею. Основой таких взглядов, по мнению Замбржицкого, стали надежды на установление в стране твердой власти в противовес хаосу у белых⁴.

На одном из совещаний, по словам Замбржицкого, «этот бородатый и лысый человек, обличьем похожий скорее на ямщика или на ярославского чайного сидельца, чем на ученого-профессора, вскочил, искаженный бешенством, весь дрожа

¹ Там же. Л. 236.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 27об. Публикацию протоколов допросов Какурина см.: Тинченко Я. Ю. Ландскнехт без страху і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какуріна // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 1999. № 1–2 (10–11). С. 5–60.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 3об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 182–183.

и стиснув кулаки, и истерически выкрикнул, стукнув пястью о стол: “Я ненавижу этого Деникина, от него все зло и гибель!” И было столько муки, столько отчаяния, столько горечи в этом крике истерзанной души, что, право, язык не подымался сказать, что Морозов – простой перебежчик. Нет, это надрыв, это поиски меньшего зла в море общего зла... Ведь он все-таки ратовал за единение только не под знаменем Деникина; тот через неделю после этого и сам ушел, да мы-то этого тогда не знали...»^I

Эти свидетельства совпадают с показаниями самого Морозова, данными по делу «Весна»: «Крах Деникина и моральное разложение кубанских и донских частей показали мне, что Белому движению пришлось иметь дело не с анархией, а с каким-то более прочным государственным образованием. Однако я считал, что для меня как для белого дорога в Сов[етскую] Россию закрыта, пока случайный разговор по телефону с включившимся красным командованием 34[-й] дивизии не дал мне мысли о возможности мирно покончить бесцельную борьбу, причем мне за бегством старших начальников пришлось остаться с казаками за старшего.

Я переходил на сторону красных с весьма смутным представлением о сов[етской] власти, считая ее, однако, единственной государственной властью и интересуясь вместе с моими товарищами тем загадочным строительством, которое ведется в стране.

Действительность 1920 года при близком знакомстве с нею меня сначала разочаровала; мне вскоре стало ясно, что военный коммунизм не удержится, я полагал, что он будет сметен стихийным крестьянским движением, с которым уцелевшим из нас придется иметь дело.

Опыт Кронштадта, Тамбовского, махновского и пр[очих] крестьянских движений убедил меня, что анархия как неизбежный их спутник грозит стране развалом, иностранным вмешательством, закабалением и реакцией»^{II}.

Свидетельство Морозова достоверно. Его телефонный разговор с вр.и.д. начальника 34-й стрелковой дивизии РККА П.В. Егоровым привел к мирным переговорам с красными в районе Сочи возле грузинской границы. Переговоры кубанских представителей во главе с атаманом Н.А. Букретовым и командования 34-й дивизии способствовали заключению перемирия и капитуляции Кубанской армии белых 21 апреля (4 мая) 1920 г. По данным самого Морозова, при сдаче в плен были зарегистрированы 34 000 казаков^{III}.

Морозов вспоминал о своих мытарствах после сдачи красным: «После перехода я находился в концентрационном лагере в г[ороде] Костроме до августа м[есяца] 1920 года, откуда отправлен был в г[ород] Москву в распоряжение штаба Московского округа на курсы белых офицеров. После прохождения этих курсов, длившихся около м[есяца], я был назначен преподавателем военной академии в г[ороде] Москве»^{IV}. Среди пленных действия Морозова оценивались по-разному. Многие были недовольны окончанием борьбы с большевиками и позорной сдачей в плен, считали Морозова предателем^V. В дальнейшем

^I Там же. Л. 81.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 250. Л. 63об.

^{III} Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. С. 330.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 250. Л. 11.

^V Там же. Л. 70.

Морозов добросовестно служил в РККА, но был расстрелян в 1938 г. Ходили слухи о том, что аналогичным образом начальник штаба Донской армии генерал А.К. Келчевский вел переговоры со своими товарищами-генштабистами о сдаче красным Донской армии¹.

Некоторые попадали в плен буквально в беспомощном состоянии, что, однако, не смягчало отношения к ним. Например, курсовик В.З. Макшеев был захвачен красными в больнице Полтавы, где лежал в тифу. В мае 1920 г. он без документов добрался до Москвы и подал рапорт начальнику ВГШ о прибытии. Будучи направлен из штаба в Особый отдел ВЧК, оказался задержан и попал в тюрьму². Пленных порой отлавливали прямо на улицах. Так в январе 1921 г. был арестован в Москве (якобы по доносу как бывший колчаковец) слушатель ускоренных курсов академии К.А. Звиргзд, ранее служивший у Колчака³. Позднее он был расстрелян.

Пленные белогвардейцы надеялись на снисхождение и порой щеголяли знанием различных советских законоположений и воззваний. К примеру, захваченный в плен 9 июня 1920 г. в районе станции Сальково генерал А.П. Ревшин писал из Бутырской тюрьмы в МПКС, что «при налете красной кавалерии на рассвете 9/VI на штаб 3[-й] кавал[ерийской] дивизии в д[еревне] Ново-Михайловка (на Сиваше) вышел без оружия к налетевшей кавалерии, почему вполне подхожу под декрет т. Ленина об полной амнистии за свою службу у белых. Причина выхода без оружия – воззвание Брусилова к офицерам.

Просил т. Брусилова исходатайствовать амнистию и назначить на Запад[ный] фронт по специальности; т. Сталина (который допрашивал меня в Харькове и принял в моей судьбе большое участие, поместив в отдельную комнату и привезя меня в Москву в своем поезде) просил о предоставлении военной или гражданской службы и ходатайства об освобождении. Прошу Красный Крест о переводе в лагерь для военнопленных и дать какую-либо работу»⁴.

В другом заявлении Ревшин отмечал: «Я военнопленный, кроме вещей, находящихся на мне, у меня ничего нет, деньги у меня отобраны. Прошу сообщить в Тверь, набережная Волги, дом Гордеевой, Сергею Дмитриевичу⁵ Агокас[у] мою просьбу переслать мне при первой возможности: одеяло, какую-нибудь маленькую подушку, полотенце, носки, носовой платок. Прошу передачу эту сделать через Полит[ический] Красный Крест, так как меня могут перевести в другое место заключения. — 27 июля [1]920 г.»⁶. Наконец, 10 августа 1920 г. датировано еще одно заявление бывшего генерала: «Ввиду невозможности заняться чем-либо в общей камере тюрьмы и желая продолжать изучение немецкого языка, прошу ходатайство о переводе меня в один из лагерей для военнопленных»⁷. Однако эти просьбы не помогли, и Ревшин был расстрелян.

¹ Савченко И. Г. В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016. С. 187.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 317. Л. 36об.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 15об.

⁵ Правильно — Викторовичу. С. В. Агокас был хорошим знакомым Ревшина, а супруга Агокаса занималась воспитанием детей Ревшина.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 16–16об.

⁷ Там же. Л. 19.

Влияние знаменитого воззвания группы старых генералов – членов Особого совещания при главкоме во главе с А.А. Брусиловым от 30 мая 1920 г. к бывшим офицерам на сдачи в плен генштабистов не прослеживается. Их массовые сдачи в плен на Востоке России относятся к рубежу 1919–1920 гг., а на Юге России – к периоду оставления белыми Новороссийской области в феврале – марте 1920 г. и эвакуации с Кавказа весной 1920 г. В меньшей степени подобные явления относились к разгрому Врангеля в Крыму осенью 1920 г., когда в Турцию смогли эвакуироваться практически все желающие.

Следует остановиться на событиях окончания Гражданской войны в Крыму, связанных с массовыми расстрелами захваченных победителями на полуострове офицеров. Под эту операцию в конце 1920 г. попали не менее 10 выпускников академии. Известно, что расстреляны были генералы Б.В. Барташевич (Бартошевич; расстрелян в Керчи), А.П. Белявский (расстрелян в Феодосии), Н.П. Бобырь (расстрелян в Ялте), И.М. Васильченко (расстрелян в Феодосии), А.Г. Иванов (расстрелян в Феодосии) и Н.А. Крутиков (расстрелян в Ялте), полковники С.Н. Владычек (расстрелян в Керчи), Н.Н. Заходякин (расстрелян в Керчи) и П.И. Соловкин (расстрелян в Феодосии), подполковник Я.С. Туров (расстрелян в Симферополе). Возможно, расстрелян был и генерал И.В. Свирчевский. Полковник И.И. Авчинников был приговорен к расстрелу тройкой Особого отдела 4-й армии в Симферополе 2 декабря 1920 г.¹, однако по данным на 12 апреля 1921 г. он состоял на службе в РККА как прикомандированный к штабу 9-й кавалерийской дивизии². Нельзя сказать, что все пленные были обречены. Так, полковник Б.К. Стадлер остался в Севастополе, но уже с 15 ноября 1920 г. служил в РККА. Кому-то удавалось отсрочить расстрел на некоторое время. В частности, генерал Н.А. Федоров устроился библиотекарем на Сыргольскую станцию и затем выехал из Феодосии в Харьков якобы за книгами³. Там он проживал до весны 1921 г., когда был арестован, а в ноябре 1921 г. расстрелян.

Если говорить в целом об отношении к пленным генштабистам в 1920 г., то, очевидно, практиковался избирательный подход, порой учитывавший сложную и переменчивую обстановку Гражданской войны. Например, так произошло с генштабистом Г.Д. Суходольским, попавшим в плен к белым, а затем к красным. Суходольский был арестован 20 марта 1920 г. Особым отделом Кавказского фронта, но уже 8 апреля 1920 г. приказом по следственной части Особого отдела Кавказского фронта был признан невиновным, причем в документе отмечалось, что «Особый отд[ел] Кав[казского] фронта, рассмотрев дело по обвинению в вооруж[енной] борьбе против советск[ой] власти Суходольского Геннадия, нашел:

1) Дело направлено из штаба Кав[казского] фронта при записке коменданта штаба.

2) Суходольский Геннадий, бывший полковник Генштаба, в продолжение 1 года и 4 месяцев занимал ответств[енные] посты в оператив[ных] отделах Крас[ной] армии, пользуясь доверием высшего комсостава и исполняя свои обязанности добросовестно.

¹ 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я. Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные истории). С. 813.

² Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 681.

³ 12 тысяч. Крымские расстрелы. С. 231.

3) Суходольский попал в плен к белым при обстоятельствах весьма вероятных, т.к. падение Курского укрепрайона произошло чрезвычайно неожиданно.

4) Суходольский вполне мог бы отступить с белыми, чего он, однако, не сделал, а добровольно передался пришедшим частям т. Буденного.

5) По общему смыслу показаний обвиняемого, обстоятельства, сопровождавшие его пленение, правдоподобны.

А посему, руководствуясь революционной целесообразностью и сознанием долга, постановил: Суходольского Геннадия признать невиновным и направить его в ряды Красной армии»¹. Однако Суходольский, несмотря на такой документ, в 1920 г. был арестован повторно на курсах для бывших белых офицеров.

По одному из свидетельств, отношение к пленным колчаковским офицерам в Советской России было лучше, чем к деникинцам, поскольку пленные с Восточного фронта считались мобилизованными белыми, тогда как ветераны южнорусского Белого движения — идейными добровольцами. Возможно, влияло более суровое отношение белых к пленным красноармейцам, практиковавшееся на Юге². Однако применительно к генштабистам ситуация была обратной: именно колчаковские генштабисты при попадании в плен в наибольшей степени подвергались различным репрессиям. При большей численности взятых в плен в сравнении с Югом России в Красной армии оказался меньший их процент.

Арестная практика ВЧК в отношении бывших белых представляет интерес. Так, бывший деникинский полковник Н.А. де Роберти приехал в Москву самостоятельно в штабном вагоне 10 июня 1920 г. На следующий день он был арестован. Обвинений предъявлено не было, допросов не проводилось. Арестант предполагал, что репрессии последовали из-за принадлежности к бывшим белым офицерам. Вот как описывал участие в Гражданской войне и арест он сам: «По мобилизации служил в Добр[овольческой] армии с конца августа 1918 г. по июнь 1919... Когда была эвакуация Добр[овольческой] армии в Крым, отказался от эвакуации, имея в виду остаться в Новороссийске, и по прибытии туда Кр[асной] армии зарегистрировался. В апреле переболел сыпным тифом, по выздоровлении был опрошен в ЧК и ввиду обстоятельств добровольного оставления не был арестован, а был командирован в Екатеринодар в Особ[ый] отдел 9[-й] армии, где вновь допрашивался и также вследствие выяснившихся обстоятельств не был задержан подобно отдельным пленным офицерам, а получил на руки предписание ехать в Москву и экстр[енный] отзыв для самостоятельного следования. Собираясь ехать, был в числе остальных пассажиров в вагоне арестован и по выяснении полной непричастности к какому-то делу отпущен и отправился в Москву, куда прибыл 10 июня. На следующий день, т.е. 11[-го] числа, явился в ВЧК, и там, неожиданно для себя, был арестован, как было сказано, для допроса, и через сутки препровожден в Бутырскую тюрьму. Допроса еще не было. Полагаю, что арестован вообще как бывший белый офицер, но прошу содействия в смысле моего допроса, дабы выяснить более подробно вышеизложенное»³.

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 253. Л. 106об.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 65.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 36об.

Де Роберти направил письма председателю Особого совещания при главкоме А. А. Брусилову и председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому. В обращении на имя последнего де Роберти писал: «Я вполне понимаю, что нельзя претендовать на свое задержание, т. к. необходимо разобраться в обстоятельствах как прежней службы, так и причины, обусловившей нахождение здесь бывших офицеров, но я прошу Вас прочесть нижеследующее... Прошу Вашего распоряжения о моем допросе, на коем выяснится, что я, полковник Генер[ального] штаба, имевший полную возможность эвакуироваться в Крым, предпочел остаться, дабы служить в Советской республике и принести ей посильную помощь своей спец[иальной] подготовкой и знаниями. Это мое решение было продиктовано различными соображениями, из них первым было разочарование в задачах Добр[овольческой] арм[ии]...»^I

По завершении активной фазы Гражданской войны в конце 1920 г. стали вводиться разнообразные ограничения в отношении службы в РККА бывших белых, которые коснулись и пленных генштабистов. В октябре 1920 г. в Особом отделе ВЧК было создано отделение, курировавшее вопрос о белом офицерстве^{II}. Уже в 1921 г. в Штабе РККА отмечалось, что бывших белых нужно избегать использовать на ответственной работе.

В 1921 г. началась демобилизация, коснувшаяся в соответствии с приказом РВСР № 1128/202/С от 24 мая 1921 г. бывших белых офицеров как нежелательного в РККА элемента^{III}. Впрочем, в приказе имелся подпункт 1 о том, что специалисты с высшим военным образованием должны оставаться на службе. Тем не менее 9 октября 1921 г. был издан секретный приказ РВСР № 2289/396, согласно которому допускались отдельные увольнения нежелательных или бесполезных в РККА лиц с высшим военным образованием, служивших в белых армиях^{IV}. Некоторые пленные генштабисты прослужили в РККА сравнительно короткий промежуток времени. В тот период были уволены, например, бывшие подполковник-колчаковец Н. Н. Белкин, штабс-капитан-колчаковец П. И. Газов, деникинский ротмистр Н. Н. Полетаев^V. В бессрочный отпуск тогда же был уволен и колчаковский полковник К. Г. Соломаха^{VI}.

Интересна градация, применявшаяся в Советской России в отношении слушателей сибирской академии. По предложению первого помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова от 9 июля 1921 г., одобренному 11 июля П. П. Лебедевым и С. С. Каменевым, тех, кто не окончил ускоренные курсы академии в Сибири, следовало передавать на учет Командного управления Штаба РККА и поступать с ними, как и с прочими бывшими белыми офицерами, в соответствии с приказом № 1128/202/С. Окончивших курсы считали генштабистами и зачисляли в ГУ-ВУЗ на общих основаниях^{VII}, увольнять их не требовалось. Вместе с тем, бывших колчаковцев в Красной армии не причисляли к Генштабу и не переводили в него.

^I Там же. Л. 39–39об.

^{II} Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 341.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 94.

^{IV} Подробнее об увольнении бывших офицеров из РККА см.: Абинякин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

^V РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 45, 164об.

^{VI} Там же. Л. 179об.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 50, 52.

По мере расширения территории, контролировавшейся красными, захватывались РККА и те генштабисты, кто уклонялся от участия в Гражданской войне, поселившись на окраинах. Одним из таких офицеров был полковник А.И. Готовцев, проживавший в Грузии и занимавшийся там коммерцией. По некоторым данным, с лета 1920 г. он состоял в распоряжении советского военного атташе в Грузии П.П. Сытина и работал на советскую военную разведку^I. Впрочем, материалы архива советского военного атташе, хранящиеся в Тбилиси, этих данных не подтверждают: миссия нуждалась в квалифицированных кадрах, но приходилось обходиться небольшим штатом^{II}.

Почти весь командный состав вооруженных сил закавказских республик, кроме тех офицеров, которые предпочли эмигрировать, был захвачен в плен частями Красной армии в период советизации Закавказья в 1920–1921 гг. К пленным генштабистам национальных армий относились так же, как и к белым.

В Азербайджане были арестованы военный министр генерал от артиллерии С.-Б. С.-Б.-оглы Мехмандаров и его помощник генерал-лейтенант А.-А. И.-А.-оглы Шихлинский, а начальника Генштаба генерал-лейтенанта С.А. Сулькевича и начальника штаба армии генерал-майора Г.Б. Салимова расстреляли в Баку. Мехмандаров свидетельствовал, что арестован был 4 июня 1920 г., освобожден 23 июля, через 49 дней, без допроса и предъявления обвинения. Как он вспоминал, «на другой день по освобождении я был у председателя Ревкома (он же пред[седатель] Совнарком[а]) АССР^{III} [Н.Н.] Нариманова, высказал ему свое недоумение по поводу моего ареста и просил его выяснить мне причину ареста. Тов. Нариманов ответил, что никаких обвинений против меня не имеется, что на арест следует смотреть как на предупредительную меру, так как я пользуюсь доверием и уважением населения, и что мера эта была в моих интересах ввиду Ганжинских событий. Затем он объявил мне, что я и бывший мой помощник Шихлинский будем отправлены в Москву в Военно-рев[олюционный] совет, где мы будем использоваться, и не более как чрез два месяца мы [будем] отправлены обратно, как нужные люди для Азербайджана. Вместе с тем он разрешал нам взять с собой семьи, хотя мы и не воспользовались этим разрешением. Пред отправлением он дал мне письмо на имя тов. Ленина, но письмо это отобрано в Особом отделе»^{IV}.

Бывший полковник В.Н. Соколов был арестован 10 июня 1920 г. по ордеру Особого отдела 11-й армии «как лицо ком[андного] состава азербайдж[анской] армии и бывший офицер»^V, причем помимо него арестован также «почти весь командный состав азербайджанской армии»^{VI}. Арестованного 18 августа 1920 г. доставили в Москву. Соколов обратился к председателю Особого отдела ВЧК с предложением своих услуг Красной армии. О своих злключениях он писал в МПКК: «Вернувшись из России в Тифлис в ноябре м[еся]це 1918 г., я нашел там свою семью,

^I Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 244.

^{II} Ганин А. В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.

^{III} Азербайджанской ССР.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 213. Л. 114об.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 298.

^{VI} Там же.

которую не видел около года, в очень тяжелом положении: средств не было, второй ребенок на почве недостаточного питания был болен серьезной мозговой болезнью, от которой через 9 месяцев умер. Болезнь ребенка и отсутствие денег не давали мне возможности выехать в Россию, почему я был вынужден поступить на службу в Азербайджане.

С установлением в Азербайджане советской власти я добровольно остался служить в Советской армии.

26 мая в г[ороде] Елизаветполе вспыхнуло восстание, я, как живший в татарской части, был захвачен восставшими, и мне ими было предложено присоединиться к ним. Я категорически, несмотря на угрозы быть убитым за отказ, отказался и передал свой отказ в письменной форме руководителям восстания, а копию передал для пересылки тов. [С.С.] Шевелеву, командовавшему советскими войсками. 6 дней я скрывался от преследования восставших вместе с группой сотрудников ГубЧК, которые, по ликвидации восстания в городе, единогласно свидетельствовали о моем отношении к восстанию, а тов. Шевелев получил своевременную копию моего отказа. За проявленную мною твердость, несмотря на серьезную опасность для моей жизни, я на следующий же день после освобождения был назначен начальником штаба 20[-й] дивизии, т.е. тех войск, которые подавляли восстание, и в течение 10 дней до своего ареста участвовал в крайне напряженной работе по ликвидации восстания в районе уезда. 10 июня телеграммой нач[альника] Особого отдела XI армии я был арестован, как служивший в азербайджанских войсках, и отправлен в Баку. Как выяснилось, О[собому] о[тделу] армии не было известно, что я не был причастен к восстанию и после восстания был назначен начштаба 20[-й] сов[етской] дивизии. После допроса в Баку мне было сказано, что я как специалист должен быть отправлен в Москву для использования. Куда я и прибыл 18 августа¹.

За три месяца существования советской власти на территории Армении было арестовано около 1400 офицеров, включая 20 генералов и 30 полковников². Бывших офицеров армянской армии Особый отдел 11-й армии, действовавшей в Закавказье, направлял в начале 1921 г. в концентрационный лагерь города Рязани для фильтрации. Среди них был и бывший генерал-генштабист Д.И. Андриевский, позднее оказавшийся в эмиграции. В заключении по делу полковника П.П. Атаева, окончившего ускоренные курсы Генштаба Кавказского фронта, отмечалось (орфография документа сохранена): «1920 года Декабря 24 дня я, военный следователь Особ[ого] отдела XI армии Ковалев[,] рассмотрел дело за №... Командированных в Баку в Шт[аб] армии XI из главштаба ССР Армении 1. Атаева Петра Петровича 47 лет по обвинению их как офицеров Контрреволюц[ионного] Дашнакского правительства. Нашел[:]

Атаев в 1896 году окончил Тифлисское военное училище, полковник. У дашнаков занимал должность н[ачальни]ка Инспекторского отдела военного [штаба] армянск[их] войск.

Все эти ответственные посты являлись ближайшими помощниками своего контрреволюционного правительства.

¹ Там же. Л. 298об.

² Мартиросян Г. А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 15.

По восстановлении Сов[етской] власти в Армении остались на своих местах и были командированы в Баку в штаб армии для ознакомления с делопроизводством в Красной армии. Со своей стороны полагаю, что им как преспешникам дашнаков — дело строительства Совет[ской] власти вообще и Красной армии — чуждо, а поэтому, считая их противниками Советской власти, элементом вредным и неблагонадежным, полагаю необходимым заключить в контрационный лагерь в г[ород] Рязань.

Отобранные у них оружие и деньги и пр. конфисковать.

Военноследователь "подпись"

Резолюция: Утверждается. Деньги и отобранное возвратить тем же

Начесоботдела армии XI Панкратьев 21/XII 20 г.»¹.

Сохранилось датированное 3 февраля 1921 г. коллективное прошение группы армянских офицеров, в том числе Атаева, уже из Рязани в ГубЧК. В этом документе подробно описаны мытарства пленных: «После советизации Армении прибыл в г[ород] Эривань командарм XI^й Геккер и, видя незнакомство комсостава Главштаба ССР Армении с постановкой дела в штабах Красной армии, предложил командировать в штаб XI^й армии до 10 лиц комсостава Главштаба для изучения означенного дела и возвращения в Армению с целью инструктирования остальных лиц комсостава штабов.

Нарком по военным делам ССР Армении выбрал нас — 6 лиц комсостава Главштаба из числа наиболее трудоспособных и не служивших никогда в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и др. и не принимавших никакого участия, ни активного, ни пассивного, в антибольшевистской борьбе, и командировал нас в гор[од] Баку в штаб XI^й армии, снабдив всеми необходимыми документами за подписью наркомвоендела Ависа Нуридджаняна и комиссара РСФСР при командарме ССР Армении тов. [О.А.] Силына.

Выехали мы из Эривани 14 декабря прошлого года и прибыли в г[ород] Баку 21 декабря, где в тот же день явились в штаб XI армии. В штабе в первый день к нам отнеслись очень внимательно, как [к] командированным лицам дружественной и союзной державы, прикомандировали к штабу и обставили возможными удобствами, а на другой день пригласили в штаб и отправили в Особый отдел штарма XI^й. Здесь, после заполнения анкетных листов и допроса следователем, нас заключили под стражу, как нам заявили, на время фильтрации. Через 5 суток 27 декабря нас отправили к этапному коменданту [неразборчиво] в Баку...»²

Еще через 5 суток, 1 января с/г., нас отправили на вокзал, где комендант Особого отдела нам заявил, что нас отправляют в распоряжение Рязанского губернского комиссариата для назначения по специальности в части Красной армии.

12 января с/г. мы прибыли в Рязань, где нас заключили в концентрационный лагерь принудительных работ, где нас, по-видимому, относят к категории военнопленных.

Поэтому считаем долгом довести до Вашего сведения, что мы никогда не служили в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и других, а служа все время в войсках Армении, никакого участия не только активного, но и пассивного в антибольшевистской борьбе не принимали, а после советизации Армении мы с полной охотой остались служить в Красной армии ССР Армении. Советское военное

¹ НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 4. Л. 44–44об.

² Далее фрагмент утрачен.

начальство Армении, проверив нашу прошлую службу, нашло ее незапятнанной, поэтому вполне доверчиво отнеслось к нам и командировало нас для изучения штабного дела (с целью возвращения в Армению для инструктирования остальных штабных работников); ясно, что если бы наше военное начальство считало нас контрреволюционерами, то оно само арестовало бы нас и никуда бы не командировало; факт самого командирования доказывает, что мы контрреволюционерами не были и являемся ярыми сторонниками советской власти.

Ввиду изложенного просим не отказать в распоряжении о скорейшем рассмотрении и разрешении нашего дела и, если нет особых препятствий, командировать нас во Всероссийский главный штаб, дабы дать возможность выполнить задачу нашего командирования.

Петр Атаев, Ашот Тониев, Срапион Хачатурян, Гарегин Мусаелян, Гар. Тер-Никогосов, Дей-Карханов Вартан¹. Как видно из документа, эти офицеры не считали себя военнопленными и тщетно пытались протестовать².

Отдельные представители высшего и старшего командного состава были отделены от младших офицеров и содержались в тюрьмах. Спустя несколько месяцев офицеры были освобождены и амнистированы, некоторая часть вступила в армянскую Красную армию и в РККА. Достаточно отметить, что начальником штаба Наркомата по военным делам Советской Социалистической Республики Армения стал бывший полковник В.Ф. Притоманов, ранее служивший в армянской армии, причем по направлению с белого Юга.

Поступившие в РККА ветераны закавказских армий также порой преуспевали в карьерном плане. Так, бывший курсовик штабс-капитан В.С. Тамручи, служивший в армянской армии, перешел на службу в РККА, где в годы Великой Отечественной войны дослужился до звания генерал-лейтенанта танковых войск, героически проявил себя на фронте. Однако в 1943 г. он был арестован и через семь лет умер в тюрьме³.

¹ НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 17. Л. 31–32.

² Существует точка зрения, что отправка армянских офицеров в рязанский концлагерь представляла собой форму заложничества, причем обезглавливание армянских вооруженных сил увязывается с заигрыванием большевиков с кемалистской Турцией, а вина за высылку косвенно возлагается на азербайджанское советское руководство (*Мартirosян Г. А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. С. 64–72, 81–82*). Однако заложничеством эта высылка не являлась, а была временной изоляцией (в связи с восстанием дашнаков в Армении в феврале — апреле 1921 г., офицеры, содержащиеся в Рязани, не пострадали, в концлагере существовали оркестр, хор и драмкружок, заключенные могли выходить в город). По сведениям из доклада наркома иностранных дел ССР Армении А. А. Бекзадяна в ЦК РКП(б) с копиями В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и И. В. Сталину от 26 марта 1921 г., требование выслать офицеров из пределов Армении по своей инициативе выдвинул уполномоченный ВЧК Г. А. Атарбеков (Атарбекян) на заседании Ревкома и ЦК КП(б) Армении в январе 1921 г. (НАА. Ф. 113. Оп. 3. Д. 7. Л. 126). Впрочем, в Баку офицеров направляли еще в декабре 1920 г., что видно из публикуемых документов. С точки зрения интересов Советской России данное требование было разумным и своевременным, поскольку устраняло вероятность возрождения армянской национальной армии и резко снижало военно-политический потенциал антибольшевистских выступлений. Последующие события, связанные с вооруженными выступлениями дашнаков и захватом ими Эривани в феврале — апреле 1921 г., вполне это подтвердили. Начальник штаба дашнаков Саркисбеян сообщал в одном из писем командиру отряда (хмбалету) Япону от 11 марта 1921 г.: «Чувствуем ужасную нужду в офицерах. Хороших обманным путем увезли в Баку, а среди оставшихся только 5 % годны» (*Амирханян Ш. М. Из истории борьбы за советскую власть в Армении. Ереван, 1967. С. 124*). После ликвидации выступления дашнаков, уже в мае 1921 г. часть высланных офицеров смогла вернуться в Армению и была амнистирована (НАА. Ф. 114. Оп. 2. Д. 60. Л. 38, 59–59об., 60, 61, 74, 101).

³ Подробнее о Тамручи см.: Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2006. Т. 2. С. 254–256.

На излете Гражданской войны, в 1921–1922 гг., когда случаи пленения белых офицеров уже стали редкостью, над отдельными группами пленных проводились показательные судебные процессы. Широкую известность получил процесс генерала А.С. Бакича и его соратников, сдавшихся монгольским властям в конце 1921 г. и выданных Советской России. Процесс этот состоялся в Новониколаевске в мае 1922 г.¹ Судили в том числе нескольких выпускников Военной академии: генерала И.И. Смольнина-Терванда, полковника С.И. Кострова, подполковников М.Т. Евстратова и В.Н. Троицкого. Смольнин-Терванд был приговорен к расстрелу, а остальные осуждены на различные сроки заключения. Еще одним кандидатом в фигуранты показательного процесса в 1923 г. являлся оставшийся в 1922 г. во Владивостоке профессор Военной академии генерал В.Г. Болдырев. Однако генерала решили использовать иначе — он подготовил для чекистов несколько аналитических материалов, а также по предложению полпреда ГПУ по Сибири И.П. Павлуновского написал покаянное письмо во ВЦИК с просьбой об амнистии (хотя осужден не был) и освобождении, что должно было оказать разлагающее влияние как на внутреннюю контрреволюцию, так и на эмиграцию².

Трагична судьба других профессоров академии, оставшихся во Владивостоке. В начале декабря 1922 г. академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Б.М. Колюбакин, Г.Г. Христиани и А.И. Медведев были арестованы. Не выдержав тягот, все трое вскоре скончались.

12 апреля 1922 г. было издано постановление Всеукраинского ЦИК об амнистии бывшим генералам, командующим армиями, сражавшимися против Советской республики, всем членам самозванных правительств и членам ЦК антисоветских партий. Всем этим категориям лиц въезд на территорию УССР разрешался только «при действительном проявлении ими искреннего раскаяния»³. Как определялось такое раскаяние — неясно. К этому времени чекистами стали широко практиковаться провокационные действия в отношении бывших белых офицеров. Еще в начале Гражданской войны стало ясно, что заговоры проще предупредить, арестовав потенциальных заговорщиков, чем дожидаться их реального возникновения. Провокаторы предлагали бывшим офицерам вступить в подпольную организацию. Искали бывших белых, скрывавшихся от власти и контрразведчиков⁴. Подобные действия не только выявляли противников режима, но и заставляли «бывших» с опаской воспринимать приглашения в реальные подпольные организации.

Отношение генштабистов, служивших у большевиков, к своим прежним товарищам, попавшим в белые армии, а затем взятым в плен и поступившим в РККА, не могло быть однозначным. Свое влияние оказывал фактор прежней совместной учебы, службы, дружеских или даже родственных связей. С другой стороны, «коренные» генштабисты РККА должны были испытывать определенные

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; Дело генерала Бакича: Сб. док. и мат. / под ред. Д. Г. Симонова, А. И. Савина. Новосибирск, 2022.

² Шишкин В. И. К биографии генерала В. Г. Болдырева: новые источники // Вопросы истории. 2020. № 12. С. 6–7, 11–24.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 367. Л. 125.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 106.

опасения – не потеснят ли их бывшие белые, не займут ли они более значимые посты, отодвинув тех, кто с самого начала отдавал свои силы и знания на пользу Советской России. К примеру, в начале 1924 г. бюро партийных ячеек Военной академии РККА направило в ЦК РКП(б) доклад, в котором содержалась жалоба на засилье спецов в армии. Особо отмечалось значительное увеличение в сравнении с периодом Гражданской войны численности бывших офицеров Генштаба, что все еще не позволяло красным генштабистам становиться во главе армии^I. Понятно, что подобное увеличение было возможно только за счет пленных.

Старый большевик И.П. Павлов вспоминал о совместной службе с пленными в штабе помощника главкома по Сибири, среди которых был и генерал-генштабист В.Л. Попов: «Конечно, было непросто работать с такими подчиненными. Они были грамотны, а мы – нет, но все-таки справлялись... При мне Попов – “второй” был тихим и скромным старичком, который все ходил на заиртышские озера ловить карасей. Но в прежние времена он служил в штабе Казанского военного округа и хорошо знал [А.Г.] Сандецкого – обвинителя на процессах уфимских боевиков. Попов мне рассказывал, что этот Сандецкий очень боялся мести со стороны наших боевиков, что стало для меня новостью.

Летом того же 1920 года омские чекисты раскрыли большой офицерский заговор... По этому делу ЧК арестовала около 30 колчаковских офицеров, захватила список участников намеченного восстания и план их действий. Согласно этому плану, [В.И.] Шорин^{II} и все его подчиненные вплоть до начальников отделений штаба подлежали расстрелу без суда и следствия. Та же участь ждала и всех коммунистов без исключения. Таким образом, меня расстреляли бы и как коммуниста, и как начальника отделения. Начштаба [Ф.М.] Афанасьева^{III} заговорщики планировали взять в заложники, а всех колчаковских генералов, работавших у него, – расстрелять как изменников. Узнав об этом, мой начальник Попов сетовал, что попал между молотом и наковальней – ЧК, которая угрожает арестом, и бывшими сослуживцами, которые готовились его расстрелять. Я, как председатель партийной ячейки, ему ответил: “Что посеешь, то и пожнешь. Надо держаться одного берега. Вас мы пощадили, дали Вам работу, вот и работайте честно, и никакая Чека Вас не тронет. За добросовестный труд советская власть не наказывает, а награждает”.

Летом 1920 года в Омск на баржах начали привозить дрова, которые мы выгружали на субботах... “Бывшие”, которые вынужденно являлись на субботник, работали брезгливо, старались взять полешко двумя пальчиками. Но баржу за вечер мы, тем не менее, выгружали^{IV}.

Многие пленные генштабисты, оказавшись в рядах РККА, зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Одной из причин могло быть стремление выслужиться и избежать репрессий. Например, ветеран украинских армий Н.Е. Какурин принял участие в Советско-польской войне, где блестяще себя проявил, причем с 24 октября 1920 г. ему был доверен высокий пост командующего 3-й советской армией. В 1921 г. Какурин даже подал заявление о вступлении в ряды

^I Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 93.

^{II} Помощник главкома по Сибири.

^{III} Начальник штаба помощника главкома по Сибири.

^{IV} Большевик, подпольщик, боевик: Воспоминания И. П. Павлова. М.; СПб., 2015. С. 160–161.

РКП(б), хотя до этого не проявлял себя в качестве приверженца большевистских взглядов. Впрочем, судя по показаниям Какурина, документы затерялись, заявление не было удовлетворено, и он остался беспартийным. Тем не менее в том же году за участие в подавлении антоновского восстания он был награжден орденом Красного Знамени. Подобное награждение для военспеца, всего за год до этого перешедшего к красным из украинских войск, где он занимал ответственные посты, было явлением беспрецедентным.

Пленные стремились сняться с дискриминировавшего их особого учета бывших белых офицеров. Так, зачисленный на ускоренный курс академии в 1918 г. Ю.Г. Калининко писал в рапорте начальнику 20-х кавалерийских курсов 8 декабря 1922 г.: «Ввиду того, что я до сих пор состоял на учете как б[ывший] б[елый] – надо мной висит определенный гнет, который мешает мне спокойно вести работу, проще говоря, тяготит мысль: придется демобилизоваться как бывшему белому офицеру или нет, и если придется, то как скоро это будет и куда устраиваться на службу? Между прочим, я в Красную армию поступил добровольно с начала ее организации в марте 1918 г., будучи до этого времени на выборной должности в армии с Октябрьской революции. Был рекомендован рабочими организациями гор[ода] Москвы во время командирования в академию Генштаба на ускоренный первый курс РККАрмии. Вместе с академией эвакуировался из го[ро]да Ек[атеринбур]га в гор[од] Казань и там, благодаря стечению обстоятельств (так как не имею права кого-либо обвинять), попал в руки чехов и Учредительного собрания, которое намеревалось “ликвидировать” попавших в младший курс. Только эти обстоятельства заставили меня быть мобилизованным Народной белой армией и служить там в авточастях до конца 1919 г., где я никаких боевых действий не принимал и был все время под надзором контрразведки. Вина моя только в том, что я был там пассивен по отношению к Советской республике, мне кажется, что я эту вину уже искупил, служа непорочно с 15 января 1920 года по сие время в рядах Красной армии. Был оставлен в последней в 1921 г. Реввоенсоветом Сибири после увольнения бывших белых. Исходя из вышеизложенного, прошу Вашего и товарища военкома ходатайства о снятии меня с учета и этим дать мне энергию и спокойное отношение к продолжению моей работы в рядах Красной армии...»¹

Бывший полковник Н.Ю. Вержбицкий в октябре 1922 г. отметил, что «состояние на “особом учете”, в роли поднадзорного, в то время, когда я по долгу свободной совести и принятой красной присяги считаю себя обязанным все свои силы и способности вкладывать в дело всестороннего развития и укрепления мощи Рабоче-крестьянской Красной армии и РСФСР и фактически честно выполняю это, весьма тяжело отражается на моей психике, лишая меня душевного спокойствия и самоуверенности, которые так необходимы при напряженной работе по занимаемой мною ответственной должности»².

Представляет интерес практика снятия бывших белых генштабистов с особого учета. Нередко альтернативой снятию с учета было увольнение специалистов, что в условиях кадрового голода ударяло по боеспособности РККА. В этой связи командиры и политработники составляли многочисленные рапорты и ходатайства,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 131.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 20об.

в которых давали самую высокую оценку военспецам. Сегодня подобные свидетельства позволяют понять, какую ценность представляли такие кадры, даже не смотря на белогвардейское прошлое. В качестве иллюстрации приведем несколько характеристик.

Начальник военно-инженерного управления Отдельной Кавказской армии писал в РВС 29 ноября 1922 г. о Н.Ю. Вержбицком: «Представляя рапорт тов. Вержбицкого, ходатайствую об оставлении его на службе... как незаменимого работника. Преданность тов. Вержбицкого советской власти доказана его честной двухлетней службой в Красной армии, которой он отдает полностью свои выдающиеся способности, знания и энергию. Без всякого преувеличения отмечаю, что отдел подготовки и службы инженерных частей О.К.А.^I в случае ухода тов. Вержбицкого не получит такого выдающегося, твердого, спокойного и образованного руководителя, каким он является»^{II}.

Начальник оперативно-строевой части 12-го стрелкового корпуса Гросман писал 27 марта 1923 г. в аттестации бывшего колчаковского курсовика П.А. Галькова: «Зная тов. Галькова Петра Абрамовича в качестве своего непосредственного помощника в течение 9 месяцев, считаю долгом совести отметить его большую любовь к делу, исключительную работоспособность, усидчивость и энергию.

Наблюдая ежедневно отношение тов. Галькова к своим обязанностям, всегда видел самое серьезное, вдумчивое, безусловно добросовестное, не за страх, а за совесть исполнение работы.

Работая нередко по 12–14 часов в сутки, никогда не теряет бодрости, ни одного слова недовольства, ни одного намека на тяжесть, а ведь всем известно, что при значительной материальной необеспеченности, когда заботы о семье не оставляют ни на минуту, такие заявления стали почти заурядными.

Как на пример укажу на период февраль – март текущего года (развитие операций в Якут[ском] крае), когда на отдых днем приходилось не более 1½–2 часов и ночью не более 6–7 часов, а порой и меньше, когда бывали моменты, что от чисто физической усталости голова отказывалась работать и предметы прыгали перед глазами – ни одного недовольного слова, ни одного недовольного взгляда не заметил я, а лишь полное сознание важности и необходимости усиленной работы.

Прибавив к этому неоспоримое желание работать и несомненный интерес к делу, а также большой опыт в штабной работе, должен отнести тов. Галькова к категории весьма ценных и, безусловно, необходимых в Красной армии сотрудников, увольнение которого, учитывая, что вся техническая оперативная работа почти полностью выполняется им одним, очень резко отразится на ходе работы вверенной мне части и лишит часть верного, опытного и знающего дело сотрудника»^{III}.

Для понимания того, как происходило снятие с особого учета применительно к конкретным офицерам, рассмотрим случай бывшего колчаковского генерала В.И. Оберюхтина^{IV}. Попад в плен, Оберюхтин поступил на службу в РККА, где

^I Отдельной Кавказской армии.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 90б.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 91.

^{IV} Подробнее о нем см.: Ганин А. В. «Я имел одну вину — службу у белых...»: Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В. И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А. С. Кручинина. М., 2018. С. 219–352.

проявил себя с самой лучшей стороны, но сняться с учета бывших белых ему не удавалось^I.

Чтобы добиться желаемой цели, Оберюхтин всячески пытался смягчить факты своей службы белым в послужном списке. Например, указывал, что стал генералом при их массовом производстве, а производство в чин полковника у белых скрыл. Кроме того, он не указывал, что занимал высокую должность начальника штаба всего Восточного фронта белых, а просто сообщал о некоем фронте. Отмечал вынужденный характер своей службы белым, поскольку якобы был сильно мобилизован^{II}.

Приведем рапорт помощника начальника Военной академии РККА по учебной части Е. А. Шиловского и помощника комиссара академии начальнику академии от 21 ноября 1924 г. о снятии Оберюхтина с учета: «В декабре 1924 года исполняется 4 года пребывания Виктора Ивановича Оберюхтина на должности помощника начальника учебного отдела Военной академии РККА.

За эти 4 года, которые были для академии годами напряженной работы и искания новых путей в преподавании, Виктор Иванович Оберюхтин успел проявить себя со всех сторон, и в настоящее время является возможностью сделать правильную оценку его как техника-специалиста и как советского гражданина.

Что касается первого, то нет почти ни одной области в учебной работе академии, где не обнаружилась бы кипучая энергия, большие знания, опыт и ясный ум тов. Оберюхтина.

Неоднократно оставаясь на продолжительное время за начальника учебного отдела, он прекрасно справлялся с любыми заданиями учебного характера, проявляя исключительную работоспособность, настойчивость и добросовестность.

Всей своей деятельностью за эти 4 года В.И. Оберюхтин тесно связал себя с Красной армией и с советской действительностью.

Несомненно, что в лице его республика имеет не только обычного лояльного гражданина, но искренно преданного человека, с исключительной энергией работающего на ответственном посту над подготовкой красных военспецов.

Ходатайствуем о снятии В.И. Оберюхтина с учета бывших белых офицеров^{III}. Лишь в конце 1924 г. усилия увенчались успехом, и Оберюхтин с особого учета был снят.

В большинстве случаев пленные служили в РККА добросовестно, что подтверждается многочисленными восторженными аттестациями. Так, в июле 1922 г. военком Сибирского управления военно-учебных заведений обратился в ГУВУЗ по поводу бывшего полковника-колчаковца И.М. Финицкого: «Ходатайствую о снятии с особого учета т. Финицкого, который за время своей службы в Сибувузе проявил огромную энергию и работоспособность, поставив Учебную часть на более или менее должную высоту (до него было полупустое место), и до сего времени не было повода подозревать его в нелояльности по отношению совет[ской] власти...»^{IV} Комиссар штаба Приуральского военного округа в июне 1922 г. писал

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 316. Л. 196.

^{II} Там же. Л. 204об.

^{III} Там же. Л. 194об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 318. Л. 205.

в Штаб РККА о бывшем подполковнике-колчаковце Г.И. Кулешове: «Тов. Кулешов, занимающий в настоящее время штатную должность н[ачальни]ка оперативного управления штаокра, является в высшей степени ценным техническим работником как человек со специальным высшим военным образованием, имеющий солидный практический стаж и всею душою преданный порученному ему ответственному делу. В политическом отношении тов. Кулешов всецело разделяет идеи и задачи советской власти и ни в чем предосудительном замечен не был^I. Военком окружных повторительных курсов Западно-Сибирского военного округа писал в рапорте командующему войсками округа в декабре 1922 г. о снятии с особого учета бывших белых штабс-капитана-колчаковца С.С. Солдатова «как ценного квалифицированного военспеца, главным образом преподавателя и руководителя для вуз... его честное отношение за время пребывания в школе к служебным обязанностям хорошее и вполне заслуживает внимания. Тов. Солдатов выявил себя отличным на пользу дела работником, не только как начальник, но и хорошим лектором, преподавателем, главное, стрелкового дела. Аттестую его как человека, преданного советской власти и безукоризненной честности гражданина»^{II}. Примеры подобных аттестаций можно продолжать.

На вопросе о численности взятых в плен и поступивших в РККА генштабистов антибольшевистских армий следует остановиться особо. По данным на начало 1921 г., в РККА числились 22 бывших белых генштабиста с опытом пребывания на должностях от начальников бригадных штабов и выше^{III}. Всего же из 558 выпускников Военной академии на апрель 1921 г. насчитывалось 77 бывших белых генштабистов. Из них лишь шестеро находились на ответственных должностях, а 20 считались непригодными к строевой службе^{IV}. Весной 1921 г. в ГУВУЗ планировалось перевести 59 бывших белых генштабистов^V. На ноябрь 1921 г. только в военно-учебных заведениях Украины находились 25 бывших белых генштабистов и 18 бывших белых слушателей академии, в военно-учебных заведениях РСФСР состояли еще 25 бывших белых генштабистов^{VI}.

К 25 ноября 1921 г. пленные генштабисты служили в полевых войсках (43 человека), в Штабе РККА, военно-исторической комиссии и в инспекциях (3), во Всевобуче (4), в Военной академии РККА (6), в ГУВУЗе (16), в Управлении военно-учебных заведений Украинской ССР (1), в Главном управлении коннозаводства (1), состояли в РВСР (1) и под арестом (9). Таким образом, на военной службе числились 84 пленных генштабиста^{VII}.

В РККА к апрелю 1921 г. оказалось не менее 57 бывших слушателей сибирской академии. К 1 января 1921 г. выпускники сибирской академии служили

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 46–46об.

^{II} Там же. Л. 147.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 27–28.

^{IV} Там же. Л. 32.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 42.

^{VI} Там же. Л. 80; Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 7.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 8, 13.

на Западном фронте (1), в штабе помгавкома по Сибири (7), в Запасной армии республики (1), в ВГШ (1), в ГУВУЗе (26), во Всевобуче (1), в Харьковском военном округе (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10). Всего на службе значилось 48 человек из этой категории^I. На 15 апреля 1921 г. они служили^{II} на Западном фронте (1), в штабе помощника главкома по Сибири (12), в Запасной армии республики и в Приволжском военном округе (2), в Петроградском военном округе (4), в Приуральском военном округе (1), в Харьковском военном округе (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10), в ГУВУЗе (25), во Всевобуче (1).

Очевидно, колчаковские генштабисты имели два центра притяжения – различные сибирские штабы, где их оказалось 22 человека, и ГУВУЗ, в котором их числилось 25. Концентрация этой группы специалистов в сибирских штабах объясняется географической близостью от места пленения и потребностью местных учреждений РККА в квалифицированных кадрах. Концентрация в ГУВУЗе объясняется опасностью доверять бывшим белым управление реальной вооруженной силой, в результате чего их благоразумно держали на преподавательской работе, не подчиняя каких-либо войск.

По данным Списка № 2 слушателей академии Генерального штаба сибирского правительства, состоящих на службе на фронтах и в центральных тыловых учреждениях к 16 июля 1921 г.^{III}, в РККА к этому времени служил 31 выпускник сибирской академии: в штабе помгавкома по Сибири (4)^{IV}, в штабе ДВР (4)^V, в штабе Приуральского военного округа (1)^{VI}, в Восточно-Сибирском военном округе (3)^{VII}, во Всевобуче (1)^{VIII}, в Петроградском военном округе (4)^{IX}, в ГУВУЗе (13)^X и в Приволжском военном округе (1)^{XI}. По-прежнему большинство служило в ГУВУЗе и несколько меньше – в различных сибирских и дальневосточных штабах. По сведениям к 23 ноября 1921 г., в РККА оставалось 40 выпускников и слушателей сибирской академии: в полевых войсках (23), во Всевобуче (1), в ГУВУЗе (16)^{XII}.

По материалам нашей базы данных о выпускниках Военной академии в Гражданскую войну можно установить достаточно точные сведения о плененных генштабистах, в том числе с разбивкой по тем антибольшевистским фронтам, на которых они были захвачены или сдались (см. табл. 56).

^I Подсчитано по: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 29.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 65. Полную публикацию выкладки см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 709–712.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 123–123об.

^{IV} П. И. Газов, В. Е. Захаров, С. Ю. Ловчицкий, С. С. Солдатов.

^V Д. Г. Атабеков (Атабегов, Атабегашвили), С. А. Граблевский, А. П. Колесников, В. Г. Митрофанов.

^{VI} А. М. Рахманов.

^{VII} В. И. Волков, П. А. Гальков, М. Н. Третьяков.

^{VIII} К. Г. Соломаха.

^{IX} Г. П. Автономов, Н. М. Пресницкий, А. Н. Псарев, В. Е. Шайтанов.

^X И. А. Белоусов, Б. А. Березин, К. И. Блинов, Н. И. Герасимович, В. А. Гирш (Гирс), Н. М. Долгушин, К. В. Кашперов, А. Ф. Мауринг, В. В. Пушков, А. К. Хведкевич, С. Е. Худеев, А. Н. Чернавин, Н. Ф. Щербинин.

^{XI} Н. И. Сафонов (Сафаров).

^{XII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 11.

**Выпускники Николаевской военной академии, попавшие в советский плен
(в скобках количество принятых на службу в РККА)¹**

Район пленения	Год		1917		1918		1919		1920		1921		1922		Всего
	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	
Восток России (Поволжье, Урал, Туркестан, Сибирь, Дальний Восток)	1		2	1	6 (3)	11 (8)	66 (42)	123 (100)	1 (1)	1	9 (1)	4 (1)			225 (156)
Юг России и Украина			18 (11)	7 (6)	62 (56)	15 (15)	63 (46)	23 (17)							188 (151)
Закавказье (в том числе беженцы с Юга России)				1 (1)			15 (10)	7 (3)	12 (11)	6 (6)					41 (31)
Европейский Север России							4 (2)	2							6 (2)
Запад и Северо- Запад (+ Белоруссия, Прибалтика, Польша)			2 (2)												2 (2)
Неизвестно					2 (2)	1 (1)	2 (2)	3 (3)			1 (1)	2 (2)			11 (11)
Всего	1		22 (13)	9 (7)	70 (61)	27 (24)	150 (102)	158 (123)	13 (12)	7 (6)	10 (2)	6 (3)			473 (353)

Среди регионов, которые лидируют по числу пленных, — Восток и Юг России, а также Закавказье. В основном сдачи красным происходили в 1919–1920 гг. Если на Востоке России среди сдававшихся лидировали курсовики, то на Юге и в Закавказье — выпускники довоенной академии. Это и логично, поскольку на Востоке курсовики составляли немалую часть всех кадров Генштаба. Установить, сколько офицеров сдались добровольно, а сколько оказались захвачены в боях, не представляется возможным из-за недостаточного количества источников. Отметим отсутствие данных о пленении генштабистов Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. По всей видимости, практически все они смогли избежать плена и эмигрировали.

¹ Исходные данные для таблицы см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 148–389. Дополнено по архивным материалам, выявленным после выхода справочника. В тех случаях, когда дата пленения неизвестна или неочевидна (например, как в случае с окончанием боевых действий), она привязана к дате поступления пленного в РККА или к окончанию его службы в других армиях. По Востоку России все пленные рубежа 1919–1920 гг., по которым нет точной даты пленения, отнесены к 1920 г. Учтены поступившие в Народно-революционную армию Дальневосточной республики и добровольно оставшиеся в России после ухода белых. Учитывались случаи повторного пленения. Не учитывались слушатели младшего ускоренного курса, набранные в академию накануне ее перехода к противникам большевиков летом 1918 г. и фактически не проходившие обучения. Д — довоенные выпуски, К — курсовики.

Абсолютное большинство колчаковских генштабистов сдались в плен на рубеже 1919–1920 г., когда основные силы белых армий Востока России оказались разбиты. Особенно много выпускников академии перешли к красным под Красноярском, не желая отступать по безлюдным районам Сибири в неизвестность. Связано это также и с меньшей моральной устойчивостью и идейной преданностью Белому движению колчаковских офицеров в сравнении с деникинскими. По Югу России такого явного преимущества у какого-либо периода нет. Здесь генштабисты переходили на сторону красных как в начале 1919 г. на Украине, спасаясь от петлюровцев, так и в 1920 г. — весной и осенью — при оставлении белыми Кавказа и Крыма соответственно.

В советский плен слушатели и выпускники Николаевской военной академии в 1917–1922 гг. (в том числе неоднократно) попадали не менее 473 раз. Возможно, кто-то начинал относиться к переходу в красный лагерь легкомысленно, что могло дорого обойтись такому офицеру. Чрезмерная осторожность и конспирация тоже могли принести неприятности. Так, например, прошедший через РККА, украинскую и деникинскую армии бывший штабс-капитан К. Ф. Монигетти, опасаясь наказания за дезертирство, перешел в 1920 г. на нелегальное положение. Как признавался он сам, «я должен был переменить фамилию, ибо как б[ывший] дезертир неминуемо был бы расстрелян, если бы в тот момент попался»^I. Скрываться под чужой фамилией в Советской России и СССР ему удавалось около пяти лет вплоть до 1924 г., когда офицера выдала властям его собственная жена, не вынесшая такой жизни и попавшая на этой почве в психиатрическую больницу. В итоге Монигетти больше двух лет провел в заключении^{II}.

Помимо выпускников Николаевской академии в плен попадали выпускники курсов Генштаба Кавказского фронта и даже иностранных военных академий (например, австрийские генштабисты, служившие в Украинской Галицкой армии, — В. В. Лобковиц, Г. Цириц^{III}). Последних, впрочем, мы в расчетах не учитываем. Судьбы пленных в зеркале статистики представляются следующими (табл. 57).

Таблица 57

Судьба пленных (случаи)^{IV}

Приняты в РККА (или в НРА ДВР)	353
Расстрел ^I	63
Арест ^{II}	74
Бежали	5
На лечении	1
Освобожден от службы	1
Умерли	5
Неизвестно	29

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 93.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. 2011. № 10. С. 124–127; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 453–459.

^{III} Подробнее о них см.: Ганин А. В. Финал галицийских генералов. Судьбы генералов Украинской галицийской армии И. Н. Микитки и Г. Ф. Цирица // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 529–545.

^{IV} Включены данные о повторном пленении, повторных арестах и повторном принятии в РККА.

^I В том числе вскоре после плена или зачисления в РККА.

^{II} В том числе перед или после зачисления в РККА.

Не менее 63 пленных были казнены (13,3% всех случаев пленения), не менее 74 прошли через аресты, некоторые арестанты скончались в заключении. Однако в 353 случаях (74,6%) пленные были приняты на службу в РККА и, таким образом, пополнили комсостав Красной армии, что свидетельствует о целенаправленной политике привлечения большевиками себе на службу специалистов Генштаба даже из недавних врагов¹. На Восточном фронте такие лица были приняты в РККА в 69,3% случаев, а на Южном — в 80,3%. С другой стороны, статистические отчеты фиксируют значительно меньшую одновременную численность бывших белых генштабистов в РККА, что может объясняться как дефектами статистики, так и систематическим вычищением таких лиц из армии. Следы десятков офицеров теряются в Советской России после Гражданской войны.

Небезынтересно, что среди пленных насчитывалось не менее 128 человек, ранее уже успевших послужить в РККА, которые затем изменили красным и попали в антибольшевистский лагерь, после чего оказались в советском плену, были прощены и вторично приняты в РККА.

В 266 случаях в плен попадали учившиеся в старой академии в мирное время и в 207 случаях курсовики эпохи Первой мировой и Гражданской войн. В плен попадали в 153 случаях генералы, в 188 случаях штаб-офицеры и в 123 случаях обер-офицеры². Таким образом, заметно преобладали штаб-офицеры и генералы, хотя, казалось бы, наиболее многочисленной должна была являться самая младшая категория офицерского состава — обер-офицеры. По всей видимости, это обусловлено чинопроизводством Гражданской войны, за время которой генштабовская молодежь (курсовики) нередко достигала у белых штаб-офицерских или даже генеральских чинов. К примеру, такую впечатляющую карьеру сделал пленный курсовик П. А. Луцков, начавший службу у белых капитаном и завершивший ее через три года генерал-майором. В этом чине Луцков и попал в плен на Дальнем Востоке. Аналогичной карьерой мог похвастаться недавний курсовик есаул Б. С. Бекович-Валуйский, принявший в 1917 г. ислам под именем Эль-Мурза Заур-Бек и ставший колчаковским генералом³. Известны и другие примеры.

Обращает на себя внимание перетекание слушателей и выпускников ускоренных курсов на Восточном фронте в 1918 г. от красных к белым (181 случай), а в 1919–1920 гг. от белых к красным (134 случая). Массовый переход на сторону красных очевидным образом связан с победами РККА — большинство пленных генштабистов поступило в РККА в 1920 г., так как к тому времени были разбиты основные белые армии Востока и Юга России, началась советизация Закавказья.

¹ По данным отчета ВЧК, к 1 июля 1921 г. в РККА служило свыше 800 пленных генералов и офицеров (Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции: История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 981).

² Исходные данные см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 148–389. Дополнено по архивным материалам, выявленным после выхода справочника. Не учитывались слушатели младшего ускоренного курса, набранные в академию накануне ее перехода к противникам большевиков летом 1918 г. и фактически не проходившие обучения (их список см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 620–624). Распределение дано по старшим воинским чинам пленных за период службы в антибольшевистских армиях.

³ Его карьера тем более впечатляет, что этот офицер явно не тяготел к военной службе. В 1919–1921 гг. генерал работал грузчиком на пивном заводе во Владивостоке, затем вернулся на военную службу, а с конца сентября 1922 г. стал вагоновожатым владивостокского трамвая. Тем не менее красными он был арестован как белогвардеец и два года провел в заключении.

Чтобы оценить общий характер перемещений генштабистов между лагерями Гражданской войны и устойчивость военной элиты сторон, сопоставим данные о перебежчиках и генштабистах, взятых в плен красными, с данными о захваченных противниками большевиков. Если из РККА фиксируется 580 случаев дезертирства или плена выпускников академии, то из антибольшевистских армий — 473.

По нашим подсчетам, из рядов Красной армии за годы Гражданской войны бежали или попали в плен к противнику 36 % военспецов-генштабистов. Похожий процент перебежчиков к красным и пленным фиксируется из колчаковских армий (впрочем, там было существенно больше именно пленных, тогда как РККА теряла выпускников академии в основном из-за сознательных перебежчиков), что свидетельствует как о невысоком боевом духе колчаковских генштабистов, среди которых было много выпускников ускоренных курсов, так и о тяжести и безвыходности их положения в суровых климатических условиях на рубеже 1919–1920 гг.

Закономерным был меньший процент пленных, взятых красными на Юге России, что обусловлено большей моральной устойчивостью офицерства белых армий Юга России и лучшей организацией их отступления и эвакуации в сравнении с колчаковскими армиями. В абсолютном большинстве врангелевские генштабисты смогли уехать из России.

Гражданская война перевела вопрос лояльности тому или иному режиму в плоскость относительного. Речь уже, как правило, не шла о верности своей стране или народу, поскольку такие же соотечественники были и за линией фронта. В результате в острой фазе конфликта множество людей перемещалось из одного лагеря в другой.

Измены военной элиты в лице специалистов Генерального штаба, как и прочих спецов, являлись неизбежным следствием различной социальной базы белых и красных. Хотя значительная часть военной интеллигенции приспособилась к новым условиям в Советской России, все же ее представители были в основном чуждым РККА элементом, а отношение к ним — неоднозначным и нередко неприязненным. Тысячи людей были использованы большевиками в своих целях, а затем, когда их опыт и знания уже не требовались, фактически выброшены — подверглись гонениям и истреблению.

По своему характеру старым генштабистам были ближе антибольшевистские вооруженные формирования, где служили их прежние товарищи. В итоге различными путями из РККА в белые или национальные армии, а также в неизвестном направлении бежали порядка трети специалистов Генерального штаба. Переходы генштабистов от красных в антибольшевистский лагерь стали по-настоящему массовым явлением. Объясняется это несколькими причинами. Прежде всего, распределение кадров на начальном этапе Гражданской войны оказалось во многом случайным. Не все могли сделать осознанный идейный выбор. Кто-то попал под маховик мобилизаций, оказался в армии по стечению обстоятельств или в силу иных причин был вынужден, вопреки убеждениям, служить тому лагерю, которому не сочувствовал. Кто-то, наоборот, поступил в новую армию сознательно, для отражения немецкого наступления, но не стремился участвовать во внутренней

войне. Для таких людей существовало три выхода из этой ситуации: смириться и подчиниться указаниям начальства; попытаться избежать службы на фронте и прямого содействия красным, устроившись на преподавательскую работу или уйдя в отставку, или же перейти в антибольшевистский лагерь либо бежать за границу.

Весомыми причинами переходов являлись ущемление прав генштабистов в Советской России, неприятие ими идеологии большевизма и террористических методов власти. Дезертирство не предотвращали ни угрозы заложничества членов семей военспецов, ни попытки создать в РККА хорошие материальные условия денежными окладами и продовольственными пайками.

Распространению переходов способствовали внутренний характер войны, значительно облегчавший конспирацию, а также отсутствие сплошной линии фронта и быстрые ее изменения, позволявшие остаться в том или ином пункте и сдать в плен. Сильная неразбериха, существовавшая в 1918 г. у красных, и нахождение РККА и советских органов госбезопасности в стадии формирования также давали дополнительные шансы на успех переходов, в связи с чем именно 1918 г. лидирует по числу измен генштабистов. В 1919 г. чаша весов в Гражданской войне на какое-то время склонилась в пользу белых, что вызвало немало переходов, носивших, очевидно, конъюнктурный характер. Основной поток перебежчиков к белым и пленных пришелся на 1918–1919 гг. (прежде всего, на 1918 г.), когда белые имели определенные шансы на победу.

Больше всего пленных или перебежчиков из РККА интересующих нас категорий фиксируется на Восточном фронте, что связано с переходом на сторону антибольшевистских сил летом 1918 г. Военной академии с многочисленными слушателями и преподавательским составом. При этом к белым в большинстве своем переходили выпускники ускоренных курсов, тогда как красным в плен сдавались большей частью генштабисты довоенных выпусков. Переходы к белым совершались, как правило, осознанно и добровольно и были связаны с большим риском, на который легче шли молодые офицеры. К красным, как представляется, реже переходили добровольно. В основном речь шла именно о пленении в силу безвыходности положения, а не о перебежках (по терминологии того времени). Попасть в плен с большей вероятностью могли представители старшего поколения генштабистов, не рассчитывавшие, например, физически преодолеть суровое отступление по безлюдным районам Сибири и в силу этого сдававшиеся, тогда как сознательными перебежчиками нередко становились молодые.

Отношение к пленным было дифференцированным. Из общей массы выделялись специалисты Генерального штаба, остро необходимые красным. Принадлежность к Генштабу в ряде случаев спасала пленным жизнь, тогда как офицеров, не имевших высшего военного образования, могли расстрелять. Разумеется, подобная практика не относилась к убежденным противникам большевиков из генштабистов, с которыми беспощадно расправлялись, как, например, с генералом А.П. Перхуровым. Не относилась она и к случаям произвола на местах, которые нельзя назвать законенной практикой отношения к пленным.

Появление в рядах РККА категории бывших белых офицеров привело к возникновению новой для комсостава РККА группировки. При всей приниженности и шаткости положения таких людей, они стремились держаться вместе. Лояльные

большевикам военспецы смотрели на них неоднозначно: с одной стороны, как на лиц с подмоченной неверным выбором в Гражданскую войну репутацией, общение с которыми могло повлечь неприятности, а с другой — как на возможных конкурентов по службе¹.

Политика массового привлечения на службу в РККА пленных генштабистов, как и бывших офицеров вообще, себя оправдала. В большинстве случаев они старались зарекомендовать себя с лучшей стороны, служили добросовестно и пытались завоевать доверие своих новых товарищей и командования.

Отношение властей и командования к ветеранам антибольшевистских армий отличалось недоверием, существенно большим, чем недоверие к военспецам. Несмотря на разнообразные декларации, советская власть ничего не забывала и никого не прощала. И хотя особый учет бывших белых офицеров и военных чиновников был отменен постановлением ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г., это означало лишь прекращение гласного надзора². В советских анкетах вплоть до второй половины XX в. требовалось заполнить пункты о службе в антисоветских армиях и нахождении на подконтрольной противникам красных территории³. В перспективе бывшие белые офицеры оказывались первыми кандидатами на увольнение или арест. Лишь в редких случаях им доверяли ответственные посты. Чаще всего их уделом становилась преподавательская работа, на которой они были достаточно безопасны для властей, поскольку не имели в подчинении никакой реальной силы. Несмотря на лояльность и отсутствие в среде бывших белых офицеров серьезных контрреволюционных устремлений, советские органы госбезопасности держали их под пристальным надзором. Среда «бывших» оказалась плотно инфильтрована сетью негласных осведомителей. Вместе с тем бывшие белые генштабисты принесли немалую пользу Красной армии. Как правило, они добросовестно служили на отведенных им постах. Лишь репрессии начала и второй половины 1930-х гг. положили конец этой службе для значительного числа некогда взятых в плен белогвардейцев.

Возможности предотвратить массовые переходы большевики не имели из-за проблем с учетом военспецов (хотя учет генштабистов в РККА был поставлен лучше, чем у их противников) и перегруженности работой штабов и управлений, которые, как показала практика, не могли вести розыск семей перебежчиков для их наказания. Естественной реакцией становились репрессии в отношении военспецов. Однако создавался замкнутый круг — репрессии лишь усиливали поток перебежчиков, а несколько человек сумели бежать к противнику прямо из-под ареста. Переходы сошли на нет сами собой в 1920 г., когда стало очевидным поражение антибольшевистских сил.

¹ См., напр.: *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. М., 2004. С. 215.

² Подробнее см.: *Абинякин Р. М.* Подготовка отмены особого учета бывших белых офицеров в 1925–1927 гг. // *Studia internationalia: Мат-лы V междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 2016. С. 191–195.

³ Такие личные листки по учету кадров 1940-х гг. хранятся, например, в семейном архиве автора. Соответствующие пункты анкет выглядели следующим образом: «Находился ли на территории, занятой белыми в период Гражданской войны, где, когда и работа в это время»; «Служил ли сам или родственники в белых и иностранных армиях в период Гражданской войны, где, когда, последняя должность, чин, участие в боях против Красной армии»; «Был ли в плену в период Гражданской войны».

И все же, несмотря на довольно частые случаи измены военспецов, большевикам удалось поставить себе на службу несколько сотен генштабистов. По нашим данным, настоящей опорой большевиков можно считать более 600 военспецов, прошедших через обучение в Военной академии, которые в 1918–1920 гг. не служили во враждебных большевикам армиях, не состояли в антибольшевистских подпольных организациях и в составе РККА прослужили сравнительно долгий для того переменчивого времени срок – не менее двух лет каждый. Некоторые из них в то время незаслуженно подвергались репрессиям, но именно этим людям красные, в значительной степени, обязаны своей победой в войне. Помимо них еще несколько сотен генштабистов служили в РККА более короткий срок в период Гражданской войны.

На белом Юге генштабисты, перешедшие от красных, подлежали военно-полевому суду, однако приговоры суда практически всегда смягчались и наиболее строгим наказанием было разжалование в рядовые (с последующим восстановлением в чине). Тем не менее для сторонников белых следственные действия и судебные преследования были оскорбительны. Кроме того, на этот период перебежчики были лишены возможности содействовать белым.

Советский главком И.И. Вацетис был прав, когда утверждал в своих воспоминаниях, что у белых было меньше предательства среди генштабистов¹. Тем не менее во второй половине Гражданской войны немало офицеров перешли от белых к красным. Вопреки расхожим мифам, многих после фильтрации принимали на службу в РККА. Отношение к пленным генштабистам было особым, поскольку они считались дефицитными специалистами. По этой причине в большинстве своем захваченные или сдавшиеся генштабисты поступали на службу в РККА, причем в качестве специалистов рассматривались даже кадры, подготовленные академией в белой Сибири. Все это свидетельствует о высокой ориентированности красных на достижение победы, путем использования любых возможностей, а также о четком понимании пользы профессионалов. Отношение же белого командования к перебежчикам и пленным отличалось непрагматизмом и даже наивным идеализмом. Все это, безусловно, влияло на ход Гражданской войны и ее итоги.

Политика сторон по отношению к перебежавшим и взятым в плен генштабистам была различной. Белые, благодаря избытку кадров, могли позволить себе преследовать перебежчиков, ограничивать их возможности поступления в белые армии, долгое время расследовать их причастность к большевизму. Красным же было важно, нейтрализовав явные и потенциальные контрреволюционные проявления (идейные антикоммунисты, как правило, уничтожались) пленных и перебежчиков из числа выпускников академии, использовать их квалификацию в своих интересах. Позднее в СССР бывшие белые, в том числе ранее служившие в РККА, стали подвергаться массовым преследованиям и репрессиям, но это произошло уже после завершения Гражданской войны и не повлияло на ее результат.

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 22. Л. 66.

Глава VIII.

Генштабисты и борьба спецслужб

§ 1. Генштабисты на разведывательной и контрразведывательной работе

Разведка и контрразведка в годы Гражданской войны играли исключительную роль. Условия конфликта значительно облегчали ведение такой работы основными воюющими сторонами – прежде всего, по причине отсутствия языкового барьера и возможности как красных, так и белых разведчиков легко затеряться в толпе. С другой стороны, в условиях острейшего идейно-политического противоборства тайная война приобрела большой идеологический накал и повлекла беспощадное отношение к агентам противника. Гражданская война стала временем зарождения и красных, и белых спецслужб. Процесс этот протекал непросто, был сопряжен с конфликтами и противоречиями. Заметную роль в нем сыграли кадры Генштаба.

Когда единое государство в конце 1917 г. развалилось, произошел раскол в среде профессиональных военных разведчиков, к которым относились генштабисты. В инерционный период конца 1917 – начала 1918 г. в Советской России еще частично сохранились дореволюционная разведывательная и контрразведывательная службы. Их центральный аппарат оставался в составе ГУГШ, переформированного в мае 1918 г. в ВГШ.

В годы Первой мировой войны разведкой и контрразведкой ведал отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ, а к концу 1917 г. вопросы агентурной разведки и контрразведки оказались в ведении 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора П. Ф. Рябикова¹. Также вопросами разведки занимался начальник военно-статистического отдела полковник А. В. Станиславский, подчинявшийся 2-му генерал-квартирмейстеру, а затем ставший 3-м обер-квартирмейстером. В первой половине 1918 г., в период переезда из Петрограда в Москву и реорганизации, разведка ГУГШ и ВГШ не была эффективной. Достаточно отметить такой, казалось бы, незначительный факт, что на конец апреля 1918 г. в переехавшем из прежней столицы в новую отделе 2-го генерал-квартирмейстера не был установлен телефон². С октября 1917 г. и вплоть до расформирования ГУГШ денег на ведение разведки не отпускалось, лишь обсуждалась возможность выделения кредита в 600 000 руб. на первое полугодие 1918 г. на разведку³.

¹ О реорганизации центрального аппарата см.: Звонарев К. К. Агентурная разведка: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 267–269.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 98. Л. 188об.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 391. Л. 5.

В мае 1918 г. в связи с преобразованием ГУГШ в ВГШ отдел 2-го генерал-квартирмейстера был реорганизован в военно-статистический отдел Оперативного управления, который возглавил А.В. Станиславский. Отдел ведал вопросами разведки и контрразведки, однако его работа без средств и агентуры в основном сводилась к составлению разведсводок. Разведывательное отделение возглавлял бывший полковник Н.Н. Шварц. По данным на лето 1918 г., подведомственными ВГШ оказались разведывательные отделения штабов военных округов^I, что также должно было давать некоторую информацию. Сотрудничество с разведками стран Антанты в обстановке продолжавшейся мировой войны еще не воспринималось как шпионаж и нередко развивалось в интересах большевиков. Даже после подписания Брестского мира такие подобные действия не считались предательством, а большевистское руководство до некоторых пор спокойно относилось к такому сотрудничеству и получало по этим каналам необходимую информацию. Так, источником готовившихся отделом аналитических материалов были помимо сведений штабов завесы, а также материалов оперативного отдела (Оперода) Наркомата по военным делам еще и данные, передававшиеся французской военной миссией, а военный руководитель ВВС М.Д. Бонч-Бруевич не менее восьми раз в апреле – мае 1918 г. встречался со знаменитым британским разведчиком Сиднеем Рейли, причем об их встречах последний составил несколько подробных отчетов^{II}. При помощи Бонч-Бруевича английская разведка пыталась выявлять немецкую агентуру^{III}.

Если центральный аппарат военной разведки сравнительно благополучно пережил большевистский переворот и просуществовал без особых изменений до мая 1918 г., то местные аппараты разведки и контрразведки прекратили свое существование в связи с демобилизацией старой армии, агентурные сети из-за отсутствия финансирования развалились, а агентура стала сотрудничать с иностранными разведками, платившими за работу.

Многие русские военные агенты поддерживали антибольшевистские силы и не признали советскую власть. Располагая денежными средствами, они, в отличие от своих товарищей на родине, могли избежать вынужденного поступления на советскую службу по материальным причинам. Нарком по военным делам Л.Д. Троцкий писал летом 1918 г.: «Ввиду того, что военные агенты по полученным мною сведениям расходуют деньги, оставшиеся в заграничных банках по асигнованиям, и, не давая никаких отчетов, ведут политику, враждебную советской власти, все они должны быть уволены (за исключением тех, о коих будут особые приказы)»^{IV}.

Соответствующий приказ был издан через некоторое время. Приказом Наркомата по военным делам от 2 сентября 1918 г. военные агенты массово увольнялись со службы или откомандировывались и вызывались в Россию^V. Продолжением документа стал приказ наркома по военным делам по личному составу № 19

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 190.

^{II} Spence R. Trust No One. The Secret World of Sidney Reilly. Los Angeles, CA, 2002. P. 196; Cook A. Ace of Spies. The True Story of Sidney Reilly. Stroud, 2011. P. 160–161.

^{III} Spence R. Trust No One. P. 458.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 91. Л. 20–20б.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 59–59об.

от 6 сентября 1918 г. Увольнялись представитель при британской главной квартире К.Н. Десино, представитель при французской главной квартире М.И. Занкевич, представитель при американской главной квартире В.Х. Рооп, представитель при итальянской главной квартире Е.К. Миллер; военные агенты: во Франции граф А.А. Игнатъев, в Северо-Американских Соединенных Штатах — А.М. Николаев, в Швейцарии — С.А. Головань, в Сербии — В.А. Артамонов, в Китае — А.А. Татаринов, и.д. военного агента в Румынии В.А. Палицын, и.д. военного агента в Греции М.Н. Леонтьев, и.д. военного агента в Дании С.Н. Потоцкий, и.д. военного агента в Нидерландах барон Л.А. фон Майер. Откомандировывались в Россию направленные для замещения должностей военных агентов: в Италии — В.В. Водар, в Швеции — Г.Г. Гиссер, в Великобритании — П.П. Гудим-Левкович. Кроме того, откомандировывался в Россию и состоявший в распоряжении представителя при американской главной квартире И.И. Чубаков. «Неявка или задержка к явке в Россию повлечет за собой конфискацию всего имущества и предание суду Революционного трибунала», — сообщалось в документе^I. Однако смены этим агентам в связи с эскалацией Гражданской войны и иностранной военной интервенции направлено не было. Институт военных агентов так и не был восстановлен в прежнем виде. При инспектировании ВГШ осенью 1918 г. было закономерно отмечено, что «пока не будут посланы за границу военные агенты и не будет организована агентурная разведка, сбор сведений об иностранных государствах будет стоять на мертвой точке»^{II}.

В связи с тесными связями Советской России и Германии в 1918 г. был учрежден пост военного агента в Берлине, который с 16 апреля 1918 г. занял бывший генерал-лейтенант Р.-К. Ф. Вальтер^{III}. Его помощником назначили бывшего капитана В.В. Липского, ранее участвовавшего в мирных переговорах в Брест-Литовске^{IV}.

Работа военного представительства оказалась непродолжительной. Вальтер и Липский прибыли в Берлин только летом 1918 г., а лояльность этих военных представителей оказалась сомнительной. По свидетельству генерала В.Н. Минута, Вальтер был рекомендован на должность военного агента начальником Генерального штаба Н.М. Потаповым, поскольку владел английским, французским и немецким языками^V. Вальтер «видя в этом возможность выбраться из Советской России... не отклонил от себя этого предложения и в составе посольства, возглавляемого [А.А.] Иоффе, прибыл в Берлин.

Служба у большевиков крайне тяготила его, и он ждал только случая, который дал бы ему возможность покинуть ее»^{VI}. Такая возможность, если верить воспоминаниям Минута, возникла в связи с приездом в Берлин в начале сентября 1918 г. гетмана Украины П.П. Скоропадского. Вальтер уехал из Берлина в Киев, но затем вернулся. В дальнейшем Вальтера в Берлине военные эмигранты преследовали за сотрудничество с большевиками. Крайне сурово с ним, несмотря на личное знакомство, повел себя генерал Н.А. Монкевиц. Вальтер «доказывал

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 91. Л. 16об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 25. Л. 6.

^{III} РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

^{IV} РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 79.

^V Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 255.

^{VI} Там же.

ему, что вряд ли можно назвать акт поступления на службу добровольным, когда отказ влечет за собой голодную смерть всей семьи, и у него другого выхода не было^I. Монкевиц же напомнил Вальтеру о том, что генерал В.Е. Скалон застрелился, лишь бы не сотрудничать с большевиками. В итоге Вальтер оказался в непростом положении и устроился школьным учителем в Берлине. Кроме того, он давал уроки английского языка генералу Минуту, желавшему помочь материально и в приемлемой для того форме своему товарищу. Часть документов военного представительства подписывал В.В. Липский^{II}, который осенью сменил Вальтера и стал вр.и.д. военного агента^{III}. Насколько можно судить, ни Вальтер, ни Липский не вернулись в Советскую Россию. Характерно и то, что даже секретарь советской военной миссии бывший штабс-ротмистр В.Л. Пятницкий в конце 1918 г. перешел на службу в Донскую армию.

В августе 1918 г. в качестве помощника военного агента на короткий срок в составе миссии В.А. Антонова-Овсеенко приезжал бывший капитан Б.И. Кузнецов. Тогда велись переговоры о советско-германском соглашении на предмет участия германских войск в борьбе с Антантой на Севере России (к слову, после берлинской командировки Кузнецов отправился в секретную командировку в Олонецкий край^{IV}). 6 ноября 1918 г. советское полпредство в Берлине во главе с А.А. Иоффе было выслано в Советскую Россию в связи с обвинениями в подготовке коммунистического восстания. Прекратило свою работу и советское военное представительство. В результате с ноября 1918 г. военных донесений из Берлина Москва не получала^V.

Своя разведывательная служба (разведывательный отдел) в 1918 г. возникла при ВВС на базе партизанских формирований и велась в районе демаркационной линии, однако отправной точкой истории советской военной разведки может считаться 15 апреля 1918 г., когда было создано разведывательное отделение Оперода Московского областного военного комиссариата, положившее начало советской разведывательной службе. Отделение возглавил выпускник ускоренных курсов Военной академии Г.Я. Кутырев. 12 мая Оперод был переподчинен Наркомату по военным делам и стал центральным органом, ведавшим вопросами разведки и контрразведки. Разведывательную работу Оперода курировал еще один курсовик – Б.И. Кузнецов.

Выпускники академии стояли у истоков советской военной разведки и контрразведки (до ее перевода в подчинение ВЧК). Помимо перечисленных выше в этой сфере были задействованы Н.Н. Берман, В.В. Вдовьев-Кабардинцев, И.В. Высоцкий, В.П. Глаголев, И.И. Гончаренко, А.И. Готовцев, Ф.Л. Григорьев, Ю.И. Григорьев, М.А. Дулов, А.Ф. Ефимов, В.Я. Жуков, М.Н. Земцов, В.Г. Зиверт, В.А. Ивановский, Н.Г. Корсун, Т.С. Косач, Н.И. Косогоров, А.И. Кук, В.Д. Латынин, А.Н. Леонов, А.Д. Лютов, В.И. Максимов, Д.П. Малеев, А.К. Малышев, Г.О. Маттис, А.И. Медель, М.А. Михайлов, К.А. Моравицкий, А.П. Панкратьев, А.С. Ролько, В.В. Салов,

^I Там же. С. 256.

^{II} АВПР. Ф. 4. Оп. 13. П. 71. Д. 1010. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.

^{III} АВПР. Ф. 4. Оп. 13. П. 71. Д. 1010. Л. 103.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 34.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 120. Л. 51.

П.П. Слищкоухов, В.Е. Стасевич, П.М. Стрыхарь, В.Ю. Стульба, В.Г. Сухов, А.И. Сухоплеско, В.И. Тарасов, К.П. Тераевич, И.А. Трошин, В.М. Цейтлин, И.Д. Чинтулов, Н.Н. Шварц, А.А. Шрейдер и др.

Если ВГШ в соответствии со спецификой прежнего ГУГШ ведал внешней разведкой, то Оперод занялся разведывательной работой на территории России, в районах, контролировавшихся белыми, интервентами и немецкими оккупационными властями. Оперод имел 34 агента-резидента, агентурную группу из 6 человек и 2 агентов-маршрутников. Однако агентурные донесения вследствие проблем со связью поступали нерегулярно. К тому же Оперод оказался аморфной и раздутой структурой, которая не избежала проникновения антибольшевистской агентуры^I. Осенью 1918 г. в Штабе РВСР был организован разведывательный отдел, которым руководил бывший полковник Б.М. Шапошников, в его подчинении находилось разведывательное отделение во главе с бывшим капитаном Ф.Л. Григорьевым.

Серьезной проблемой оказались практиковавшиеся в Советской России необоснованные репрессии в отношении профессиональных разведчиков и контрразведчиков, что вело к гибели ценнейших специалистов или их отстранению от дел и пребыванию под арестом. 3 августа 1918 г. был арестован и уже 14 сентября безо всяких причин расстрелян бывший руководитель Особого делопроизводства ГУГШ полковник Н.К. Раша, являвшийся главой русской военной разведки с марта 1914 по август 1916 г.^{II} Ранее он получил назначение начальником регистрационной службы ВГШ^{III}. 5 сентября 1918 г. фактически в полном составе было арестовано военно-агентское отделение ВГШ (начальник К.И. Жихор, В.А. Ивановский и переводчик П.С. Арапов, причем последнего освободили)^{IV}. Это происходило на фоне массового отзыва военных агентов из-за рубежа. В результате

^I Подробнее см.: К истории ВЧК: Письмо А. И. Эрдмана (Бирзе) Ф. Э. Дзержинскому / публ. А. И. Колпакиди // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1996. Кн. 6. С. 181–208.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 663–670.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 94.

^{IV} Эта история получила трагикомическое продолжение, характеризующее стиль и методы работы ВЧК. В октябре 1918 г. для начальника ВГШ начальником Оперативного управления С. А. Кузнецовым и вр.и.д. начальника военно-статистического отдела Н. Н. Шварцем была подготовлена справка об аресте военно-агентского отделения, в которой сообщалось: «9 сентября был послан запрос домовому комитету дома, в котором помещалось агентское отделение, об обстоятельствах, при коих был произведен арест служащих отделения. Ввиду неполучения ответа на запрос 14 сентября из журнальной части военно-статистического отдела был послан на Поварскую улицу в дом № 22 курьер отдела Василий Чувакин с целью выяснить, в каком положении находится помещение военно-агентского отделения, находится ли там кто-нибудь из служащих в нем и если находится, то пригласить его в отдел за получением бумаг и [для] дачи справок по делам отделения. Когда посланный Чувакин долго не возвращался, начальником общего отделения военно-статистического отдела туда же был послан сторож Панов. Последний по возвращении доложил, что в помещении военно-агентского отделения оставлена засада, от которой он узнал, что никого из служащих в отделении нет, а приходивший ранее курьер Чувакин задержан и отправлен на [ольшую] Лубянку в Чрезвычайную следственную комиссию.

В тот же день 14 сентября заведывающему контрразведывательным отделом Чрезвычайной следственной комиссии было послано сношение за № 39315 с просьбой освободить курьера Чувакина, посланного в помещение военно-агентского отделения по службе и для выполнения возложенного на него поручения, т. к. он не мог быть причастным к обстоятельствам, вызвавшим ранее арест начальника этого отделения Жихора. 22 сентября мною совместно с комиссаром управления было вторично возбуждено перед Чрезвычайной следственной комиссией ходатайство об освобождении Чувакина, и 30 сентября за № 39434 комиссаром управления было возбуждено особое ходатайство о допущении его в помещение военно-агентского отделения для выбора необходимых дел.

Ни одно из поименованных ходатайств до настоящего времени удовлетворено не было» (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 120. Л. 53–53об.).

большевики, по сути, лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении данного отделения. Прекрасно понимавший нужды советского военного ведомства председатель РВСР Л.Д. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК указать, какие арестованным генштабистам Жихору и Ивановскому предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»¹. Однако просьба Троцкого не ускорила исход дела.

В 1919 г. последовала вторая волна репрессий против военных разведчиков — тогда арестам подверглись выпускники ускоренных курсов Военной академии: консультант Регистрационного (разведывательного) управления (Региструпра) ПШ РВСР бывший капитан Г.И. Теодори, начальник разведывательного отделения ПШ РВСР бывший капитан Б.И. Кузнецов, консультант разведывательного отделения бывший капитан Ю.И. Григорьев, консультант Региструпра и бывший начальник агентурного отдела Региструпра в прошлом штабс-капитан Г.Я. Кутырев, осенью 1919 г. был арестован сменивший Теодори бывший старший консультант Региструпра В.Г. Зиверт. К примеру, Теодори был добросовестным военным специалистом, разработчиком проекта «Положения об Особом отделе» и отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве. Возможно, такая позиция и послужила одной из причин его ареста. Интересно, что свои рекомендации относительно постановки разведывательной службы в РККА давал, находясь в 1919 г. под арестом, однокашник Теодори по академии бывший капитан Н.Н. Доможиров².

Порой инициатива, проявляемая военспецами-генштабистами на ниве разведывательной работы, оказывалась наказуемой и могла кончиться для них печально. Так, бывший полковник А.Н. Ковалевский в мае 1918 г. занял пост начальника мобилизационного управления штаба Северо-Кавказского военного округа. Ковалевский имел опыт разведывательной и контрразведывательной работы: с июня 1917 по март 1918 г. он возглавлял контрразведывательное отделение штаба Минского военного округа, а в апреле — мае 1918 г. был помощником начальника оперативного управления ВВС по разведывательной части. О своих заслугах перед Красной армией Ковалевский говорил следующее: «Я первый, который это дело там поставил как агентурную разведку... Я специалист, и очень незаурядный, в области разведки»³. В июне 1918 г., занимаясь эвакуацией из Валук своей семьи, Ковалевский решил помочь наладить работу разведки. В рапорте по поводу инцидента он писал: «Т.к. у меня в Валуйках из числа моих бывших смоленских служащих осталось несколько безусловно верных людей, к тому же основательно подготовленных к разведывательной работе, то совершенно естественно у меня, как специалиста-разведчика, возникла мысль воспользоваться этими людьми для образования из них местных резидентов-разведчиков... Совершенно так же естественно была бы моя попытка организовать глубокую разведку всего тыла противника, указав одному из разведчиков маршрут на Купянск, Харьков, Ростов с выходом его в район Кубанской области. Масса исключительно благоприятных

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

² Сафонов В. Н., Мозохин О. Б. Особый отдел ВЧК против польской разведки. 1918–1921. М., 2018. С. 116–117.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 13.

обстоятельств давала полную гарантию успешного выполнения всего задуманного дела»¹. Казалось бы, организация разведывательной сети не относилась к сфере компетенции начальника мобилизационного управления штаба (впрочем, разведывательное отделение штаба округа подчинялось Ковалевскому), и, разумеется, подобные действия вызвали подозрения. Результатом стал арест Ковалевского, которого вместе с секретарем посадили в грязный вагон, где продержали 28 часов без пищи и воды. Инициативный военспец едва избежал расстрела.

Многообразие разведывательных служб, возникших в Советской России, отсутствие четкой регламентации сферы деятельности каждой из них затрудняли взаимодействие, вызывали конфликты и противоречия, могли приводить к срыву операций и не способствовали эффективности работы². В качестве курьеза можно отметить, что в разведсводке Оперода к 25 октября 1918 г. один из вождей Белого движения на Юге России полковник М.Г. Дроздовский был назван, вопреки действительному положению, известным командиром Текинского полка³. Таким образом, разведка получала абсолютно недостоверные сведения. С другой стороны, параллелизм структур позволял перепроверять поступавшую информацию. Как бы то ни было, назрел вопрос о централизации военной разведки. Осенью 1918 г. этот вопрос получил свое разрешение.

На заседании РВСР 2 октября 1918 г. Оперод было решено влить в РВСР, переименовав в одно из управлений, задачами которого стали бы разведка и контрразведка. Это решение являлось важной вехой на пути централизации органов разведки и контрразведки. Соответствующие материалы передавались в новый орган из бывшего ВВС, а также из некоторых отделов ВГШ⁴. Первым руководителем Региструпра стал С.И. Аралов, который привлек к работе своих прежних сотрудников по Опероду. Начальником штаба нового управления должен был стать Г.И. Теодори, принимавший деятельное участие в реорганизации Оперода⁵.

5 ноября 1918 г. постановлением РВСР был утвержден штат ПШ РВСР, в котором обозначено Регистрационное управление (Региструпр), ставшее центральным органом военной разведки и контрразведки⁶. Ключевые посты в управлении заняли молодые выпускники ускоренных курсов Военной академии. Консультантом управления стал Теодори. Он же руководил учрежденными для подготовки кадров курсами разведки и военного контроля, которые функционировали при Региструпре. В управлении было создано два отдела – агентурный (39 сотрудников) и военного контроля (контрразведывательный, 157 сотрудников). Агентурным

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 43. Л. 104.

² Подробнее об изменениях в структуре и кадрах советской военной разведки периода Гражданской войны см.: Кочик В. Я. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917–1918) // Свободная мысль. 1998. № 5 (1474). С. 94–104; Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 88–103; Статья третья (1921–1924) // Свободная мысль. 1998. № 7 (1476). С. 97–109. О военно-морской разведке см.: Владимиров О. Следить за настроениями правящих кругов. Советская военно-морская разведка в 1918 году // Родина. 2011. № 10. С. 15–17.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 71.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 126.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее см.: Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 96; Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 71.

отделом Региструпра руководил В.Ф. Тарасов, агентурное отделение возглавлял его однокашник по академическим курсам Г.Я. Кутырев. Позднее военная контрразведка была передана ВЧК, а 5 ноября по сей день отмечается в России как день военной разведки.

Теодори уже 12 ноября 1918 г. телеграфировал начальнику Региструпра С.И. Аралову о том, что «наиболее важные отделы Регистрационного управления обезлюжены и работа стала. Последний раз докладываю о невозможности такого положения, особенно тогда, когда противник засыпал нас со всех сторон агентурной сетью. Об изложенном, не считаясь с репрессиями со стороны... безответственных лиц, по долгу принятых на себя обязательств должен буду войти [с] докладом, приложив соответствующий фактический материал»^I.

Агентурную разведку вели также штабы военных округов. В январе 1919 г. эти органы передавались в штабы фронтов и армий, исключая Петроградский и Орловский округа, в штабах которых было разрешено вести работу с агентурой и далее^{II}.

В 1919 г. из-за кадровых проблем военную разведку пришлось создавать с нуля методом проб и ошибок, подчас дорого стоивших Советской России. Не случайно в докладе начальника 1-го отделения 1-го отдела Региструпра бывшего капитана В.А. Срывалина, направленном начальнику 1-го отдела Г.Я. Кутыреву 19 февраля 1919 г., говорилось о катастрофическом положении советской военной разведки^{III}. Уровень квалификации агентуры был крайне низким. По мнению Срывалина, по причине неспособности к работе нужно было уволить половину агентов^{IV}. Препятствовали работе и репрессии. Автор резюмировал: «Картина безотрадная. Вызвана полнейшей изоляцией от работы лиц, даже пользующихся доверием (Теодори, Срывалин, Кутырев и т.д.); вся вербовка [проходит] на глазах самих же агентов, из коих были шантажисты: следовательно, все мы давно сняты и сфотографированы. Доклады специалистов на учет не принимаются: им отводится “почетная роль” истребования денег, продовольствия и т.д., на что генштабисты не нужны»^V.

Если от контрразведывательной работы военспецы в 1919 г. оказались отстранены, то не мог не возникнуть аналогичный вопрос о допустимости использования их в разведке. В сентябре 1919 г. в.и.д. заместителя начальника Региструпра Т.П. Самсоновым была составлена спецедакая докладная записка на имя начальника Региструпра С.И. Гусева о том, что «бывшие» могут раскрыть секретную агентуру, в связи с чем необходимо их отстранить, тем более что партийные товарищи уже научились составлять сводки^{VI}. Тем не менее от услуг военспецов тогда не отказались. Чекисты неоднократно пытались подчинить себе военную разведку. В конце 1920 г. это на некоторое время удалось. Сотрудничество военной

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 62.

^{II} РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 1.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 189–197. Публикацию документа см.: Первый год советской военной разведки. Доклад В. А. Срывалина от 19 февраля 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 598–611. Частично и без указания места хранения доклад опубликован в: Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 89–92; Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.; М., 2002. С. 18–21.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 191.

^V Там же. Л. 194.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 39.

и политической разведки выразилось в создании объединенных резидентур и агентурных сетей, практиковавшемся до середины 1920-х гг.

Серьезные проблемы существовали у разведывательных органов фронтов и армий. Войсковая разведка работала в отрыве от центральных разведывательных органов. В разведывательном отделении штаба Северного (затем – Западного) фронта в начале 1919 г. «никакой агентурной части не было, разведка вообще была за недостатком людей, организации, опытности в жалком состоянии, пользовалась услугами проходимцев, случайных людей, которые, естественно, лишь выколачивали деньги, но никаких сведений не давали»^I. Начальником разведывательного отделения штаба фронта являлся бывший капитан В.Е. Стасевич. 9 июля 1919 г. он был арестован Особым отделом по делу о злоупотреблении казенным спиртом и впоследствии приговорен к году тюремного заключения с принудительными работами^{II}. В 11-й отдельной армии, по свидетельству начальника разведывательного отдела, на апрель 1919 г. «организованной систематической агентурной разведки при разведотделе не имеется»^{III}. Начальник разведывательного отделения штаба 12-й армии с конца декабря 1918 по середину марта 1919 г. не мог получить ни одного донесения с фронта о противнике^{IV}, а из оперативно-разведывательного отдела штаба армии в штаб фронта об отправке разведчиков сообщали открытым текстом^V. В штабе 11-й армии в мае 1919 г. разведывательные данные, которые получало командование, «почему-то держатся до устарелости»^{VI}.

На осень 1919 г., разведорганы 12-й армии были переполнены анархистами^{VII}. Из разведотделения штаба 1-й армии весной 1919 г. был похищен список сотрудников, засланных в тыл белых под Оренбургом. Вскоре документ оказался у противника и был опубликован, что поставило под угрозу жизни агентов. Вследствие этих событий в штабе армии возникла атмосфера подозрительности и шпиономании. Как результат – бессудный расстрел членом РВС армии О.Ю. Калниным одного из работников штаба, совершившего не заслуживающий такой кары проступок^{VIII}. Еще более скандальная ситуация произошла в 1918 г. в разведывательном отделении штаба Южного фронта. Под арестом оказался начальник отделения З.Б. Шостак, который был активным участником заговора Р.Б. Локкарта и обвинялся в передаче военных сведений голландскому корреспонденту Л. Грондейсу, связанному с белыми^{IX}, а также в снабжении контрреволюционеров документами от высших советских учреждений. Помощник Шостака, бывший юнкер Н.В. Бодак,

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 175.

^{II} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 315. Л. 12об. Подробнее см.: Ганин А. В. «Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.) // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы XI Междунар. военно-исторической конф. СПб., 2018. С. 466–476.

^{III} РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 151.

^{IV} Там же. Л. 18.

^V Там же. Л. 25.

^{VI} РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 165. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 38. Л. 3.

^{VIII} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 143. Л. 132–132об.

^{IX} Подробнее о Грондейсе см.: Grondijs L.-H. La guerre en Russie et en Sibérie. Paris, 1922; Jansen M. L. H. Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard // Revolutionary Russia. 1994. Vol. 7, № 1. June. P. 20–33; Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих стратегов» / публ. Р.Г. Гагкуева и С. Г. Шиловой // Историк. 2016. № 5 (17). С. 28–31.

также был арестован. По постановлению Особого отдела Южного фронта Шостака и Бодака расстреляли¹.

В некоторых штабах разведывательная работа была налажена лучше. В частности, в рекомендации причислить к Генштабу начальника разведывательного отделения штаба 13-й армии курсовика Н.И. Косогорова в декабре 1919 г. отмечалось, что «тов. Косогоров, обладая широким военным образованием, наравне с полным познанием дела и свойственной ему энергией, положил много труда к должной постановке разведки в штабе армии, проявляя собственную инициативу, поскольку позволяло его служебное положение.

Такая продуктивная деятельность т. Косогорова вполне должна быть оценена причислением его к Генеральному штабу»².

Положительные примеры, по-видимому, встречались редко. Что касается дивизионного и бригадного уровней, то там разведка также оставляла желать лучшего. Слушатель Академии Генштаба РККА Ю.Ю. Аплом, направленный из академии на службу в 6-ю стрелковую дивизию 7-й армии, сообщал в августе 1919 г., что «разведка войсковая, как и агентурная, находится на нулевой точке своего развития»³. Лишь после того, как по предложению Апломка агентурная разведка дивизии была отделена от войсковой и доверена партийному работнику, она стала развиваться. По мнению другого слушателя академии, А.Г. Васильева, назначенного помощником начальника штаба бригады по разведывательной части, его должность — «это не больше, не меньше как писарь по оперативной части при полковом адъютанте»⁴. По свидетельству слушателя, работа по этой должности занимала у него 10 минут в день, а все остальное время командир был предоставлен самому себе. Сравнивая свою работу в Первую мировую и в Гражданскую войну, Васильев отмечал, что в мировую войну составлял по восемь разведсводок в сутки, а теперь, несмотря на нехватку генштабистов, составляет только одну.

Плохо работала и агентурная разведка. По официальным данным на февраль 1919 г., советские агенты не сумели проникнуть ни в один из белых штабов⁵. В то же время известны десятки случаев внедрения белых агентов в высшее советское военное руководство. Для красных аналогичные действия были затруднены из-за низкого образовательного ценза их агентуры и корпоративизма офицеров, которые вряд ли могли принять в свою среду чужака. Между тем военное руководство Красной армии оказалось в значительной степени в руках бывших офицеров, о лояльности которых можно было только гадать.

Советская агентура вербовалась в основном по принципу политической преданности — из коммунистов и сочувствующих (85,4 % агентов), по социальному составу 56,6 % принадлежали к рабочему классу, что неизбежно накладывало отпечаток на образовательный уровень агентов: 74,16 % имели низшее образование. Один из сотрудников из тщеславных побуждений прикрепил на двери своей квартиры

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–1об.; Ф. 100. Оп. 2. Д. 294. Л. 12; Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

² РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 781. Л. 409–409об.

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 26об.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 605–606. Сами белые приводили косвенные свидетельства проникновения красных в 1920 г. в один из штабов: *Сербин Ю.* О разведке. Из личных воспоминаний // Часовой (Брюссель). 1960. № 415. Декабрь. С. 12.

табличку с надписью «Агент Полевого штаба»^I. Разумеется, такой «агентуре» было проблематично внедриться в белые штабы и переиграть офицеров с высшим военным образованием, занимавшихся разведкой и контрразведкой у противника. 43,8% агентов составляли латыши и эстонцы и лишь 12,3% русские. Несмотря на это, попытки организации агентурных сетей в Прибалтике и Польше к началу 1919 г. не удались. Часть сведений из иностранной прессы появлялась раньше в сообщениях телеграфных агентств, чем в агентурных донесениях. Разведка на фронте, особенно на дивизионном и бригадном уровнях, была налажена слабо.

До конца 1919 г. агенты-ходоки оставались основной единицей советской агентуры, некоторые переходили через линию фронта по многу раз^{II}. Но сведения от них были отрывочными и поступали нерегулярно. К множеству трудностей прибавлялась слабая координация действий между штабами, войсками и органами ЧК. Последние нередко препятствовали пропуску агентов во вражеский тыл.

Имелись резиденты и в белом тылу. В частности, весной 1920 г. регистрационное отделение штаба 13-й советской армии создало резидентуру в Севастополе, получавшую ценные сведения из Морского управления белых^{III}. Кроме военной разведки, в тылу противника большевики имели разветвленную сеть местной партийной агентуры, деятельность которой в основном сводилась к осведомлению советского руководства, агитации и мелким диверсиям^{IV}. Помогали красным также многочисленные партизанские отряды, однако вопрос координации их деятельности с советским центром остается открытым.

Разведчики из бывших офицеров порой своими действиями подтверждали недоверие со стороны чекистов и комиссаров, поскольку нередко переходили к белым. В 1919 г. при оставлении красными Украины к белым бежал В.А. Срывагин — бывший руководитель агентурного отделения агентурного отдела Региструпра. Причины, толкнувшие его на побег, неизвестны. Возможно, свою роль сыграли аресты его однокашников, производившиеся в 1919 г. Известно, что подобные действия чекистов вызывали неприятие у военспецов^V. Впоследствии он уехал в Парагвай, где в 1930-е гг. отличился в войне против Боливии^{VI}.

По данным на конец апреля 1919 г., в разведывательном отделении ПШ РВСР «в связи с активными операциями на всех фронтах работы стало больше по количеству и сложнее по содержанию»^{VII}. В июне 1919 г. Региструпр был реорганизован — в нем стало три отдела: сухопутный и морской агентурные и военно-цензурный. В сухопутном агентурном отделе имелись четыре отделения — Северное, Западное, Ближневосточное и Дальневосточное. После С.И. Аралова летом 1919 г. Региструпр возглавил близкий В.И. Ленину партийный деятель С.И. Гусев, не имевший опыта разведывательной работы. Затем началась череда кадровых перестановок.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 192. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 598–611.

^{II} Алексеев М. Как создавалось ГРУ. Военная разведка в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // Секретное досье (Москва). 1998. № 2 (2). С. 42.

^{III} Крестьянников В. В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 218.

^{IV} См., напр.: Героическое подполье: В тылу деникинской армии: Воспоминания. М., 1976.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 218.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 280–291.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 192.

В общей сложности только в 1919–1921 гг. на посту начальника Региструпра сменились шесть человек. Кадровая чехарда наблюдалась и на нижестоящих должностях заместителей начальника управления и начальников агентурного отдела. Большевицское руководство взяло курс на построение военной разведки не по профессиональному, а по классовому принципу. Постепенно военспецы-генштабисты оказались вытеснены с руководящих постов. Такой подход вел к снижению результативности¹.

В докладе о деятельности Региструпра осенью 1919 г. говорилось об отсутствии должного взаимодействия военной разведки и Особых отделов, причем последние нередко препятствовали работе разведчиков. В частности, было отмечено, что «одной из серьезных причин, объясняющих крупные недостатки в работе разведки, является следующее. Особые отделы, как организация контрразведки, тесно соприкасаются с работой нашей – разведывательной. Тем не менее до сих пор Особые отделы как в центре, так и на местах не только не обслуживали разведку, но тормозили ее работу. Арестовывали и месяцами держали в тюрьмах наших агентов при переходе ими фронта, не обращая внимания на документы, выданные Регистрационным управлением. Нешифрованными телеграммами запрашивали Регистрационное управление, прося подтверждения, что действительно ли такой-то (фамилию, кличку и назначение, очевидно, выпытывали у агента в тюрьме) посылается Регистрационным управлением туда-то, и этим уже проваливали все дело...»²

Помимо Региструпра в ПШ РВСР функционировал разведывательный отдел (затем – разведывательная часть) Оперативного управления, ведавший войсковой и агентурной разведкой, во главе которого стояли военспецы-генштабисты – с 15 августа 1919 г. Б.М. Шапошников, а с конца 1919 г. К.Ю. Берендс.

С января 1920 г. в Региструпре было по новому штату четыре отдела – мобилизационный, оперативный, информационный и хозяйственно-финансовый, позднее добавился общий отдел. К 1921 г. в управлении числились 275 сотрудников. В апреле 1921 г. Региструпр и разведывательная часть Оперативного управления Штаба РККА были объединены в Разведывательное управление (Разведупр) Штаба РККА, которое возглавил большевик А.Я. Зейбот. В 1920 г. советская военная разведка была уже достаточно развитой и сформировавшейся структурой, достигшей определенных успехов. Разведчики анализировали белогвардейскую прессу, изучали положение в Закавказье, Турции, европейских странах. Активно велась радиоразведка, устанавливались позывные белогвардейских радиостанций и перехватывались их сообщения³.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны в руководство военной разведкой пришли новые люди. Помощником начальника Разведупра в мае 1921 г. стал бывший капитан А.И. Кук, внесший большой вклад в создание советской военной разведки в ее полноценном виде. Изменились и задачи военной разведки. Работа в белом тылу уходила на второй план, а приоритетной становилась более

¹ См., напр.: Шинин О. В. Советская военная разведка на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. С. 29–35

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 250об.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 581. Л. 139.

трудная, требующая знания иностранных языков, высокой квалификации и интеллектуальных способностей служба за рубежом. Такое направление стало развиваться в 1919 г., а уже на следующий год советская военная разведка действовала практически во всех сопредельных государствах. По данным на 1920 г., агентурные сети военной разведки имелись в 18 государствах, включали 77 резидентур и 51 отдельного агента¹. Заброска агентуры отличалась массовостью в ущерб качеству (например, в Латвию было направлено 700 агентов, в Грузию – 500).

Летом 1920 г. был создан институт военных атташе при советских полномочных представительствах за рубежом, положивший начало широкомасштабному внедрению резидентур советской военной разведки за границей. Для занятия таких должностей требовались знание иностранных языков и лояльность². В июне 1920 г. был составлен список кандидатов на должности военных представителей при иностранных государствах, в который вошли генштабисты. Кандидатами стали А.А. Балтийский, К.Ю. Берендс, В.Н. Гатовский, Ф.Л. Григорьев, А.С. Гришинский, С.И. Данилов, Н.Н. Десино, А.М. Зайончковский, П.И. Измestьев, Д.К. Лебедев, Е.И. Мартынов, Д.Н. Надежный, Н.М. Потапов, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Я.К. Цихович, И.И. Чубаков, В.И. Шишкин³. 3 июня 1920 г. РВСР была утверждена инструкция военным представителям РСФСР за границей, согласно которой сведения надлежало добывать из иностранной литературы, периодической печати, агентурным путем и непосредственным наблюдением⁴.

В том же году советские военные представители были направлены в Грузию, в Армению, а также в прибалтийские государства. В качестве военных атташе использовались бывшие офицеры Генштаба, которые смогли принести большую пользу Советской России. Помощником военного представителя в Армении стал бывший полковник А.А. Бобрищев, а военным агентом в Грузии – бывший генерал-майор П.П. Сытин. Деятельность последнего оказалась чрезвычайно эффективной и выходила далеко за пределы освещения обстановки в самой Грузии. Несмотря на материальные трудности и недостаточный штат сотрудников, советский разведчик развил высочайшую активность, в короткий срок создал собственную агентурную сеть и начал снабжать центр важнейшими данными о положении Грузии и Закавказья, государств Причерноморья, а также белых в Крыму и на Кавказе. Достаточно отметить, что Сытин смог заблаговременно предупредить руководство РККА о подготовке в белом Крыму десанта на Кавказское побережье⁵. В результате десант был встречен частями РККА и разгромлен. Работа Сытина по выявлению связей белых с северокавказским повстанческим движением также вносила важный вклад в дело скорейшей ликвидации антибольшевистских организаций. Данные Сытина о состоянии грузинской и армянской армий, о внутреннем положении закавказских республик, хотя и не всегда точные,

¹ Алексеев М. Как создавалось ГРУ. С. 48.

² РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 782. Л. 361.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 97–97об.

⁴ Север А., Колпакиди А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. С. 124.

⁵ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 123; Д. 2. Л. 27. Подробнее см.: Ганин А. В. От военпреда товарища Сытина. Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме // Родина. 2014. № 5. С. 132–135; Его же. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.

сыграли свою роль в процессе советизации этих государств в 1920–1921 гг., а прогнозы Сытина о путях развития Закавказья и межнациональных отношениях сохраняют свою актуальность и по сей день.

Существенно меньшую роль генштабисты играли в военной контрразведке, которая уже с конца 1918 – начала 1919 г. оказалась передана ВЧК. 28 ноября 1918 г. II конференцией ЧК было принято решение о создании ЧК при всех фронтах и армиях, что подготовило почву для перехода контрразведки в руки чекистов^I. Тем не менее до этого выпускники старой академии принимали деятельное участие в создании советских контрразведывательных органов.

Своя контрразведка, регистрационная служба Оперативного управления, существовала в ВГШ. Определенное влияние на развитие советской военной контрразведки оказало пребывание в высшем советском военном руководстве на посту военного руководителя ВВС бывшего генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича, известного своей рьяной шпиономанией и германофобией еще с дореволюционных времен. Бонч-Бруевич считался специалистом в области контрразведки, хотя этот ореол не соответствовал его реальной квалификации. Уже в мае 1918 г. он потребовал усиленных мер борьбы с немецким шпионажем и распорядился создать контрразведывательные отделения в войсках завесы, хотя война с немцами была уже закончена. Бонч-Бруевич предлагал немедленно расстреливать шпионов^{II}. Беспокоила Бонч-Бруевича и безопасность самого ВВС. В результате летом 1918 г. наблюдатели регистрационной службы Совета охраняли штаб этого учреждения и выслеживали подозрительных лиц, проходивших поблизости^{III}.

Бонч-Бруевич и поддерживавший его Троцкий выступали за назначения на контрразведывательную работу генштабистов, обладавших опытом службы в органах военного контроля^{IV}. Среди предложений Бонч-Бруевича в сфере организации контрразведки было приглашение на службу его старого знакомого генерала Н.С. Батюшина, находившегося тогда в Казани. Однако Батюшин к красным не пошел и вскоре оказался в антибольшевистском лагере^V.

Контрразведывательные структуры – органы военного контроля – возникли при Наркомате по военным делам, причем в центре эта работа была сосредоточена в руках молодых выпускников ускоренных курсов Военной академии. Разведкой и контрразведкой военного ведомства ведал Оперод Наркомата по военным делам, который возглавлял С.И. Аралов. Контрразведывательное отделение (военный контроль) Оперода, созданное 30 мая 1918 г., возглавил М.Г. Тракман. Военным консультантом при нем стал выпускник ускоренных курсов бывший капитан И.Д. Чинтулов. Консультантом (затем – начальником штаба) Оперода был назначен его однокурсник бывший капитан Г.И. Теодори.

Излагая на следствии по делу «Весна» свою деятельность в этот период, Чинтулов вспоминал: «Мне было поручено в качестве военного консультанта создать военные контрразведывательные органы. Начальником, при котором я был

^I Леонов С. В. Дзержинский — Троцкий: кто кого? // Родина. 2008. № 12. С. 36.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 118об.

^{III} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.

^{IV} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 29об.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 173.

консультантом, был Тракман, большевик, доктор, эстонец. О такого рода работе я имел лишь книжные познания и не имел той уверенности в работе, какая нужна была в столь критические времена. Все же работа эта не заслужила порицания и обеспечила довольно стройную систему органов военного контроля на фронтах и их работу инструкциями и указаниями. Велась работа и по организации подрывных партий и посылке их в тыл белых против Колчака, на Украину, на Дон. Служба требовала быть начеку постоянно. По этой службе мне приходилось сталкиваться с т.т. Араловым, [И.А.] Аппетером, Блаунсом, [Э.П.?] Берзиным, [А.В.] Эйдуком, Кедровым, Дзержинским, [Л.М.] Караханом и др. Менее всего виделся с генштабистами, так как моя новая служба многим из них казалась зазорной»¹.

Долгое время полномочия советских спецслужб не были разграничены. Фактически в каждом органе высшего военного управления считалось необходимым обзавестись собственной разведкой и контрразведкой. К этому добавлялись аналогичные устремления ВЧК. В июле 1918 г. Троцким было утверждено «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе». По этому документу военной разведкой руководил ВГШ, а Оперод Наркомата по военным делам должен был выполнять разведывательные поручения коллегии народных комиссаров по военным делам. Контрразведкой руководили ВГШ, ВВС и Оперод. Активная контрразведка сосредотачивалась в регистрационной службе ВГШ, в отделах и отделениях регистрационной службы штабов военных округов и в отделениях регистрационной службы при ВВС, а также при подчиненных последнему штабах участков и районов завесы². Такая сложная схема не могла быть окончательной.

Отделение военного контроля Оперода 24 августа 1918 г. представляло заведующему отделом проект декрета о борьбе со шпионажем. Одним из острых вопросов была возможность доверить контрразведку военспецам. В сопроводительном документе отмечалось: «Представляя при сем проект декрета о борьбе со шпионством, сообщаю, что до проведения этого декрета было бы необходимо издать приказ о реорганизации всех отделений регистрационной службы в том направлении, чтобы во главе отделений стояли партийные товарищи, а при них военные консультанты, в противном случае в руки офицеров Генштаба будет дано такое сильное оружие, как право на обыск и арест»³. Ознакомившись с этой идеей, Теодори не смог удержаться от язвительного комментария: «Старая песня! Не приемлема, ибо избавит специалистов от ответственности; а отсутствие ответственности и самостоятельности всегда вело к параличу работы. Согласен лишь в силу политических условий момента. 27/VIII-[19]18. Теодори»⁴.

Зарождавшиеся органы военного контроля смогли предотвратить ряд заговоров в РККА, в частности, эсеровский заговор в 4-й армии Восточного фронта⁵. Однако подобные успехи были редким явлением, а кадры контрразведчиков на местах оставляли желать лучшего. Например, в военном контроле советского Южного фронта работали кокаинисты, расхитители, мародеры. Начальником

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 70б.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 126. Л. 1, 3–30б.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 202.

⁴ Там же.

⁵ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 379. Л. 170.

военного контроля фронта оказался случайный человек — Е. А. Трифонов, слесарь с низшим техническим образованием, подобранный себе по непонятным принципам более 250 сотрудников¹. Трифонов обвинялся в должностных преступлениях, а следствие по его делу велось в РВСР.

Осенью 1918 г. военная контрразведка была влита в РВСР. Независимость военной контрразведки, нахождение в ее руководстве военспецов на фоне все возрастающих изменений бывших офицеров вызывали беспокойство чекистов. В статье «Трудноизлечимая язва» член Президиума ВЧК М. И. Лацис утверждал, что военную контрразведку нельзя доверять военспецам². Выход этого материала вызвал телеграмму С. И. Аралова из ПШ РВСР Л. Д. Троцкому от 18 декабря 1918 г.: «Сегодня в Известиях ЦИК появилась статья “Неизлечимая язва”³ тов. Лациса, открывающая направление работы Реввоенсовета в деле контроля, указывающая фамилию видного работника [Г. И.] Бруно и вносящая необоснованное подозрение к специалистам Генштаба. Последнее без конкретных указаний вносит неприязнь [в] отношениях [на] работе между нашими партийными тов[арищами] и специалистами. Прошу Вашего тов[арищеского] разъяснения редакции газеты и ВЧК о недопустимости подобных статей в прессе»⁴. Впрочем, о генштабистах, вопреки телеграмме Аралова, в статье Лациса не упоминалось.

Назревал вопрос реорганизации. Консультант ПШ РВСР Г. И. Теодори боролся за сохранение контрразведки в военном ведомстве (в составе РВСР), но отстаивать свою позицию не смог и в итоге попал под арест. В результате нешуточной борьбы и даже интриг военная контрразведка оказалась подчинена ВЧК, что выразилось в создании Особого отдела ВЧК⁵. В подчинении органов госбезопасности военная контрразведка остается и по сей день.

В связи с борьбой за ведомственную принадлежность Особого отдела 28 декабря 1918 г. консультанты ПШ РВСР Теодори и его однокашник по академии И. Д. Чинтулов отправили телеграмму Троцкому: «Подписанный Вами 26 декабря проект Особого отдела был переделан под давлением Вацетиса и Кедрова Араловым, но ни мне, ни Штейнгордту⁶, ни Чинтулову⁷ не показан. Этот проект целиком противоречит задачам контроля, а с утверждением 23 декабря военной цензуры⁸, подчиненной на местах военному контролю, ныне упраздняемому, создается ряд противоречий. Произошло это потому, что никаких общих комиссий не было. Если Вами доклады и схема работ, сделанных военным контролем, прочитаны и Вы принципиально согласны за сохранение в целом уже проводимой в жизнь военной системы, то просим приостановить телеграфно действие только что утвержденного положения до Вашего приезда и рассмотрения задач контроля

¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 78. Л. 35, 100об., 113.

² См., напр.: Лацис [М. И.]. Трудноизлечимая язва (О военконтроле) // Известия ВЦИК. 1918. 18.12. № 277 (541). С. 1.

³ Правильно — «Трудноизлечимая язва».

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 33. Л. 11.

⁵ Подробнее см.: Зданович А. А. Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 65–73; № 5. С. 75–82; Его же. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 121–141.

⁶ Речь идет о в. и. о. начальника отдела военного контроля В. Х. Штейнгардте.

⁷ И. Д. Чинтулов был консультантом отдела военного контроля.

⁸ В документе несогласованно — цензурой.

под Вашим председательством. Обстановка для работы создается невозможная, ибо спутаны все права, все законоположения, все обязанности. После восьми месяцев работа вся вновь свалена. О последующем не откажите уведомить. 28 декабря. № 635. Теодори — Чинтулов¹.

В тот период Теодори и Чинтулов практически каждый день бомбардировали советское руководство (Л.Д. Троцкого, Я.М. Свердлова, С.И. Аралова, И.И. Вацетиса) различными посланиями по этому поводу, однако успеха не добились. Предыстория вопроса связана с разработкой Теодори и Чинтуловым проекта Положения об Особом отделе, по которому он должен был находиться в подчинении РВСР, а не ВЧК. Такое решение вопроса о подчинении военной контрразведки могло бы снизить количество необоснованных арестов и расстрелов военспецов, но вряд ли было приемлемо для большевистского руководства, которое могло лишиться важнейшего рычага контроля над армией. При этом военная элита из бывших офицеров получала возможность покрывать «своих» специалистов. Стоит отметить, что изначально большевики, видимо, не имели четкой стратегии в этом вопросе, однако итоги преобразования оказались чрезвычайно выгодными для укрепления их власти в армии.

Особый отдел (другое первоначальное название — Военный отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. как орган военной разведки (ведал зафронтовой агентурной разведкой) и контрразведки². Его полномочия были очень широкими, включая

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 33. Л. 16.

² Утверждения о том, что Особый отдел ВЧК не имел отношения к военной разведке (Войтиков С. С. Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 653), не соответствуют действительности. В период Гражданской войны советские специальные службы находились на этапе своего рождения и становления, поэтому нередко обладали дублирующими функциями. Это касалось и ведения разведывательной работы в 1919–1920 гг. Помимо Регистрационного управления ПШ РВСР как центрального органа военной разведки и разведывательных отделений фронтовых и армейских штабов, разведывательной работой в интересах Красной армии занимались подпольные органы РКП(б), создававшиеся на занятых белыми территориях, и партизанские отряды. Для руководства этой работой были организованы Зафронтовые бюро ЦК РКП(б), а также Зарубежные бюро (Алексеев М. Как создавалось ГРУ. С. 44). Разведывательную деятельность вели и Особые отделы. Первые Положения об Особых отделах фронтов и армий, утверждавшиеся в январе 1919 г. еще не ВЧК, а РВС, включали в предполагаемую структуру новых органов и разведывательные отделы. И хотя эти Положения вскоре были пересмотрены, прежний замысел сохранился. В постановлении ВЦИК об Особых отделах при ВЧК от 21 февраля 1919 г. среди задач Особого отдела ВЧК была указана работа «агентуры за границей и в оккупированных иностранных державами и занятых белогвардейцами областях», кроме того, фронтовые и армейские Особые отделы выполняли все задания РВСР и РВС фронтов и армий (Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сб. док. М., 1958. С. 260). В штатах Особых отделов фронтов и армий была создана так называемая активная часть, а в структуре Особого отдела ВЧК возникли оперативный (активный) отдел и регистрационное отделение. Оперативному отделу Особого отдела ВЧК были подчинены вопросы организации агентурных сетей в тылу противника (Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции: История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 835, 838). Агенты ВЧК вели масштабную работу в белом тылу, в том числе и диверсионную (этим сюжетам посвящена обширная историография. См., напр.: Солдат революции: военная и политическая деятельность Ф. Э. Дзержинского. М., 1987. С. 54–55; Военные контрразведчики. М., 1979. С. 98; Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М., 2008. С. 279; Кирмель Н. С., Шинин О. В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016. С. 197–198; и др.). Некоторые разведчики Особого отдела ВЧК приобрели легендарную известность. В Сибири успешно действовал сотрудник Особого отдела ВЧК А. И. Анисимов. В Одессе в 1919 г. кратковременно, но эффективно работал сотрудник Особого отдела ВЧК Ж. де Лафар. От председателя Особого отдела М. С. Кедрова он получил задание внедриться во французский штаб, добыть информацию о силах интервентов и установить, какие существуют возможности для прекращения интервенции. Лафар устроился в штаб экспедиционного корпуса Антанты переводчиком и сумел получить ценные сведения (Капчинский О. И. Агент из «Мирографа» // Родина. 2002. № 1. С. 73–75; Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013. С. 61–62). К сожалению, в России документация Особых отделов периода Гражданской войны до сих

право на арест и следствие. Реформирование органов военной контрразведки продолжалось с декабря 1918 по февраль 1919 г. Особый отдел пришел на смену прежним органам военного контроля, которые воспринимались чекистами как враждебные¹. Военная разведка и военная цензура были переданы в начале января 1919 г. в ведение Региструпра, однако вопросы засылки агентуры за линию фронта особисты курировали и позднее. Конфронтация Особых отделов, выполнявших функции военной контрразведки и подчиненных при этом ВЧК (хотя и подконтрольных РВСР), с армейскими учреждениями была институционально предопределена². Первым председателем Особого отдела ВЧК был назначен старый большевик, друг В.И. Ленина М.С. Кедров.

Одним из отрицательных последствий перехода контрразведки к чекистам стало приоритетное внимание к проявлениям нелояльности среди военспецов, из-за чего создавалась нездоровая обстановка подозрительности, а борьба со шпионажем страдала. С другой стороны, контрразведчики теперь не были скованы ведомственным корпоративизмом. Стали создаваться Особые отделы на фронтах во главе с большевиками-подпольщиками, обладавшими опытом борьбы со спецслужбами старой России.

Несмотря на противоречия, особисты порой попадали под влияние более образованных и квалифицированных штабных работников. Например, такая ситуация

пор закрыта для исследователей. Однако такие документы вполне доступны в зарубежных архивах. В частности, обширный материал по заброске на территорию Литвы и разведывательной работе сотрудников Особого отдела РВС 15-й армии и Особых отделов дивизий этой армии за начало 1920 г. хранится в Центральном государственном архиве Литвы и доступен для изучения (LCVA. Ф. 378. Оп. 5. Д. 75).

Разведывательные пункты Особого отдела ВЧК были созданы на Кавказе и в Средней Азии. На территорию Персии в 1919 г. забрасывались агенты Особого отдела штаба Закаспийского фронта и Закаспийского бюро военного контроля (*Куприянов А. В.* Разведка в Персии не очень трудна... Компетентные органы Закаспийского фронта на иранской территории в 1919 году // *Родина*. 2012. № 2. С. 96–99).

Свидетельства о разведывательной работе особистов сохранились и в мемуарах современников. Так, бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал о своей работе начальником ПШ РВСР летом 1919 г.: «Сведения о противнике должно было дать мне разведывательное отделение; их я и затребовал. Оказалось, однако, что отделение это изъято из ведения штаба и передано в Особый отдел.

Для доклада о противнике ко мне в кабинет явился молодой человек того “чекистского” типа, который уже успел выработаться... На заданные мною дополнительные вопросы о противнике молодой человек не смог ответить, и я не без удивления узнал, что он-то как раз и является начальником разведывательного отделения.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что в старой армии мой посетитель был писарем какого-то тылового управления, военного дела совершенно не знает и о той же разведке имеет самое смутное представление.

Необходимых мне данных о противнике я так и не получил. Пришлось ограничиться теми сведениями, которые добывались войсковой разведкой и излагались в разведывательных сводках, кстати сказать, поступавших с большим запозданием» (*Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 347–348).

В дальнейшем военная и политическая разведка получили различное институциональное оформление. Наличие у Особых отделов разведывательных функций привело к тому, что на заключительном этапе Гражданской войны, весной 1920 г., в целях совершенствования разведывательной работы именно при Особом отделе ВЧК возник Иностраный отдел, а при Особых отделах фронтов, армий и некоторых губерний — иностранные отделения, в компетенции которых оказалось ведение разведывательной работы за рубежом. В результате реорганизации в конце 1920 г. на базе прежнего органа был создан Иностраный отдел ВЧК (позднее — ГПУ—ОГПУ) — орган внешней разведки, широко известный благодаря операциям 1920–1930-х гг.

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147.

² *Васильев И. И., Зданович А. А.* Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отстрелял от должности «своего» начальника особого отдела // *Гражданская война в России и на Русском Севере*. Архангельск, 1999. С. 42–43.

произошла во взаимоотношениях профессионального дореволюционного разведчика бывшего генерал-майора А.А. Самойло, командовавшего 6-й отдельной армией на Севере России, и работников Особого отдела армии¹.

Руководство ВЧК при поддержке В.И. Ленина позиционировало своих сотрудников как основных защитников революционных завоеваний, но такой подход наталкивался на неприятие представителей военного ведомства во главе с Л.Д. Троцким². Руководство РККА пыталось подчинить себе Особый отдел ВЧК или хотя бы добиться большей согласованности действий. По решению VIII съезда РКП(б), прошедшего в марте 1919 г., Особые отделы должны были подчиняться помимо ВЧК еще и РВС фронтов и армий, что было одобрено Советом обороны 13 мая 1919 г. (этому предшествовало непростое согласование документа между представителями военного ведомства в лице комиссаров и чекистами с уточнением полномочий и подчиненностей)³. Установилась система двойного подчинения Особых отделов ВЧК и РВС (через одного из членов РВС). Особый отдел ВЧК должен был предоставлять ЦК (И.В. Сталину или Оргбюро) еженедельные доклады⁴. По итогам объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 2–4 июня 1919 г. члены РВС получили право назначать и смещать с должностей начальников Особых отделов.

Летом 1919 г., в период складывания новой системы и продолжавшейся борьбы за ведомственные полномочия, Особый отдел ВЧК развернул дело ПШ РВСР против руководящих работников РККА из числа «бывших». Это дело могло укрепить позиции особистов перед партийным руководством. Однако по-настоящему повлияло на рост статуса Особого отдела ВЧК еще более громкое дело «Национального центра», по которому были арестованы сотни человек. В дальнейшем качество работы советской военной контрразведки и значение Особых отделов возросло. В мае 1922 г. из Особого отдела был выделен Контрразведывательный, в результате чего особисты лишились своих ключевых функций (лишь в сентябре 1930 г. отделы были вновь объединены).

Роль офицеров Генштаба в создании разведки и контрразведки антибольшевистских сил была значительно выше. На белом Юге руководство этой работой было сосредоточено в управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии и ВСЮР, а также в отделе Генерального штаба Военного управления, которым руководил генерал В.Е. Вязьмитинов. Разведкой и контрразведкой занимались разведывательное и контрразведывательное (позднее – часть) отделения штаба главнокомандующего⁵. Разведывательные и контрразведывательные отделения создавались также при штабах армий.

¹ Иванов А. А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 105.

² Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 149.

³ В. И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 200; Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 156–158.

⁴ Военные контрразведчики. С. 8.

⁵ О разведке и контрразведке белых см.: Кирмель Н. С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007; Его же. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне...; Его же. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013; Его же. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка; Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015; Кирмель Н. С., Шинин О. В. Красные против белых.

Первоначально разведка Добровольческой армии была поставлена слабо. Как отмечал очевидец, «в штабе все велось по старым приемам. Разведка была из рук вон плохая, зачастую питались непроверенными паническими сведениями, которые оказывались вымышленными, но иногда являлись в числе решающих мотивов»^I.

Генерал М.В. Алексеев, создавая Добровольческую армию, делал ставку и на активную подпольную борьбу в центре страны. В письме генералу М.К. Дитерихсу от 8 ноября 1917 г. он отмечал: «Создавая организации в центре, нужно подумать о сосредоточении для них оружия и патр[онов], а то и наличные офиц[еры] в Петрогр[аде], могшие принять участие в обороне Зимн[его] дв[орца], остались без всякого оружия, а в Москве не имели достаточного количества патронов. В результате – гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная»^{II}.

Квалификация первых белых разведчиков не всегда соответствовала сложности поставленных задач. Специальной оперативно-розыскной подготовки они не имели. Об уровне компетентности белых разведчиков свидетельствуют самокритичные воспоминания одного из руководителей белой разведки полковника С.Н. Ряснянского, прямо писавшего о своей неподготовленности. В первое время постановка разведывательной службы могла вызывать лишь удивление, так как у Ряснянского не было даже отдельного помещения для встреч с секретными агентами и вести переговоры приходилось у всех на виду. Первоначально «задачи агентурной разведки сводились, в общем, к посылке в ближайший тыл большевиков с целью узнать их силы и группировку, двух-трех посылок в Могилев в ставку верхов[ного] большевистского командующего Крыленко для получения сведений о планах его не только на нашем фронте, но и на других фронтах и посылке в Москву и Петроград курьеров для связи с нашими организациями»^{III}. Этот период работы Ряснянского завершился громким провалом и арестом 9 (22) июня 1918 г. в Киеве, где офицер работал представителем Добровольческой армии. Ряснянского захватила с поличным немецкая контрразведка, поскольку прямо на рабочем столе он умудрился оставить разведывательные сводки. Вспоминая об этом эпизоде, белый разведчик признавал собственную никчемность в вопросах конспирации^{IV}. В результате около двух месяцев ему пришлось провести в Лукьяновской тюрьме Киева. Об освобождении Ряснянского генерал А.И. Деникин лично ходатайствовал перед гетманом Украины П.П. Скоропадским^V. Несмотря на провал, после освобождения Ряснянский возглавлял разведывательное отделение штаба главкома Добровольческой армии.

Полковник И.Ф. Патронов вспоминал, что «работа в разведывательном отделении шла по тому же шаблону, как и в штабах армий на фронте Великой войны, но только в более узком масштабе. Посылались агенты в разные города России и выяснялось, какие части и сколько их действует на том или другом большевицком фронте»^{VI}.

^I Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд (1917–1919) // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 632.

^{II} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 6. Л. 30б.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 10.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 4, 7.

^V Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 391.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 43.

Белые эмиссары регулярно посещали советскую территорию с тайными разведывательными миссиями (наиболее известны Б.И. Казанович¹, Д.А. Лебедев, В.Е. Флуг², В.Д. Хартулари). Практиковался также переезд с одного антибольшевистского фронта на другой через удобно расположенную территорию Советской России. Для организации антибольшевистского подполья и переброски добровольцев на белый Юг командование Добровольческой армии направляло офицеров в Москву, Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын, Астрахань³ и в другие центры.

Важную роль в организации разведки белых, особенно на начальном этапе Гражданской войны, в 1918 г., сыграла сеть так называемых центров Добровольческой армии – фактически представительств белого командования в крупных городах Юга России и Украины. Центры стали создаваться с весны 1918 г. и выполняли множество функций, в том числе занимались пропагандой, организацией снабжения и вербовкой кадров для белых армий Юга России, разведывательной и контрразведывательной деятельностью⁴. Летом 1918 г. территория Украины, Крыма, Северного Кавказа была разделена на районы, подчиненные центрам. Центры возникли в Астрахани, Екатеринославе, Киеве, Кисловодске, Могилеве, Одессе, Саратове, Севастополе, городах Сибири, Симферополе, Таганроге, Тирасполе, Тифлисе, Феодосии, Харькове. Правда, некоторые существовали только на бумаге. К примеру, на октябрь 1918 г. не поступало донесений из Астрахани, Кисловодска, Могилева, Саратова, Сибири. Удовлетворительно работали центры в Крыму и Таганроге. Наиболее результативными были украинские центры в Екатеринославе, Киеве, Одессе, Харькове. Все они, кроме Екатеринославского, считались главными.

Руководителей центров назначал лично генерал М.В. Алексеев. Практически все они были генштабистами. Центры подчинялись одновременно трем инстанциям – военно-политическому отделу Добровольческой армии, осведомительному отделению и штабу армии. Условия работы центров были различными. Если на гетманской Украине они существовали практически открыто, то на советской территории должны были действовать нелегально. Ввиду отсутствия постоянной связи с центрами их ежемесячно должен был объезжать офицер Генштаба из штаба армии. По мере расширения районов Юга России, контролировавшихся белыми, центры, оказывавшиеся на этой территории, расформировывались⁵.

Белая разведка добывала информацию не только в отношении Советской России и Красной армии, но и о национальных государствах. Одним из ключевых

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Сам Савинков вышел на связь... Как деникинский генерал Борис Казанович организовывал белое подполье в Москве // Родина. 2018. № 8. С. 119–122; Его же. 50 офицеров. С. 348–359.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. 2007. № 12. С. 41–47; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 153–164; Его же. 50 офицеров. С. 448–463.

³ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 426.

⁴ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10об.

⁵ Подробнее о центрах см.: Бортневский В. Г. Избранные труды. СПб., 1999. С. 290–293; Кручинин А. С. Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник. 2004. Т. 1. С. 200–208; Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне... С. 72–73; Галкуев Р. Г. Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. № 3. С. 33–36; Его же. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 160.

направлений было украинское. Генерал Б. А. Штейфон, руководивший в Гражданскую войну Харьковским центром Добровольческой армии, вспоминал в эмиграции, что «работа центров чрезвычайно ярко отражала психологическое и формальное содержание бурного 1918 года. В добровольческих центрах того периода собиралась, как в фокусе, вся пестрота политических и социальных взаимоотношений, создавшихся на Юге России. Как в причудливом калейдоскопе быстро менявшихся настроений и событий проходили добровольцы и большевики, гетманцы и петлюровцы, германские войска и банды грабителей, цинизм анархии и жертвенное служение Родине.

Работа центров была конспиративной. Этим условием и объясняется то обстоятельство, что о деятельности центров ныне мало осведомлены даже те лица, кои специально изучали историю русской смуты. Больше того: даже лица, принимавшие близкое участие в работах центра, бывали обычно знакомы лишь с тою областью, в какой они непосредственно действовали¹.

Наблюдения велись в отношении как украинских национальных вооруженных формирований, так и украинских советских войск, отслеживались и политические вопросы. В архивах сохранились различные доклады и донесения на этот счет². Белые, в частности, перехватывали беседы в штабе советского Украинского фронта. В донесениях повышенное внимание уделялось генштабистам, их политическим взглядам, отношению к Украине. Киевским центром белых были даже составлены списки таковых, служивших в различных украинских армиях, причем многим давались достаточно точные личные характеристики³. Интересно, что в характеристиках офицеры разделены на сторонников русской ориентации, тех, кто украинизировался, но не принадлежал к самостийникам, на «щирых» (подлинных) и беспринципных, менявших убеждения в зависимости от ситуации или служивших за деньги любым режимам. В списках отмечены факты содействия белым со стороны украинских офицеров (включая как открытую помощь, так и нелегальное сотрудничество). Указаны и противоположные факты преследований, например, за употребление русского языка. При этом компрометирующая некоторых офицеров информация не помешала их последующей службе у белых (например, преследовавший подчиненных за употребление русского языка генерал А. М. Максимов позднее благополучно служил в Донской армии, ВСЮР и Русской армии).

Отдельные центры оказались настолько эффективны, что смогли стать ядром целых частей белых. Именно так случилось в Екатеринославе, где осенью

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 1а; с некоторыми неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник (Москва). 2019. Т. 27. С. 19.

² См., напр.: Ганин А. В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной»: Украина 1919 года глазами деникинских генштабистов // Славяноведение. 2015. № 5. С. 98–115; Его же. «Идея большевизма обгоняет красную украинскую армию»: Донесение белого разведчика о состоянии украинских советских войск. 1919 год // Славянский альманах. М., 2019. Вып. 1–2. С. 484–492; Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 г. — декабрь 1919 г.) / публ. Г. Н. Ланского // Исторический вестник. 2021. Т. 37. С. 14–89; Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–60б. Нами подготовлена комментированная публикация этих списков: Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки»: Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. М., 2022. Вып. 3–4. С. 403–429.

1918 г. центром при поддержке местных властей была сформирована Екатеринославская добровольческая дружина, а затем в ее орбиту удалось вовлечь широкий круг сторонников. В расчете на популярность у местных офицеров прежних частей старой армии, в которых они служили, центр способствовал воссозданию в Екатеринославе полков 34-й пехотной дивизии. Были сформированы боевые единицы, которые позднее, наряду с украинскими частями, вошли в состав Добровольческой армии. Одним из итогов работы центра стал переход на сторону белых штаба VIII корпуса гетманской армии во главе с генералом И.М. Васильченко. Сторонники белых в конце 1918 г. организованно покинули Екатеринослав, уйдя в Екатеринославский поход. Эти события имели большое значение для укрепления ВСЮР¹.

Белые пытались вести разведывательную работу и в Закавказье. Так, разведывательную сеть белых в Азербайджане возглавил капитан А.С. Чернышев — выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии. Чернышев был русским патриотом и разделял имперские взгляды, не воспринимая новые независимые государства Закавказья вне единой России, которая предоставит малым народам широкую автономию². В области разведки офицер являлся дилетантом, впрочем, его оппоненты из азербайджанской контрразведки были подготовлены не лучше.

Основное внимание деникинских разведчиков было привлечено к деятельности большевистского подполья, ориентированного также и на работу в Закаспийской области. Был установлен надзор за председателем местного подпольного комитета большевиков. В этом направлении белая разведка тесно взаимодействовала с англичанами, причем такая деятельность выходила за пределы Азербайджана, охватывала Грузию и Закаспийскую область, где задерживались большевистские курьеры³. Другим важным направлением работы стало изучение деятельности в Баку горцев Северного Кавказа, причем освещалась и непосредственно территория Северного Кавказа. Через одного из представителей азербайджанского военного ведомства удалось установить отношения с Тифлисом. Свою роль в этом играла прежняя корпоративная солидарность офицеров по русской армии. Предпринимались попытки наладить контакт и с грузинским военным атташе в Баку⁴. Велась разработка в отношении англичан. Чернышев анализировал и открытые источники — азербайджанскую печать, материалы парламентских слушаний, выявляя интересовавшие его сведения военно-политического характера. Предпринимались попытки установить контакты с правительственными чиновниками для получения через них важнейших документов. Этому должно было способствовать широко распространенное взяточничество. В частности, Чернышев внедрил своего агента в политическое отделение бакинского сыскного отделения.

Постепенно создававшаяся разведывательная сеть белых оказалась раскрыта из-за провала привлеченной к делу совершенно не компетентной сотрудницы

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Работа Екатеринославского центра особенно выделилась своею успешностью»: История Екатеринославского центра Добровольческой армии 1918–1919 гг. // ЖРВИИ. 2018. № 4 (15). С. 8–47.

² ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 31–31об., 96, 139об.

³ Там же. Л. 79об.

⁴ Там же. Л. 81.

(молодая девушка — агент Чернышева пыталась завербовать случайного офицера, причем рассказала ему, что работает на белых). Операцией по раскрытию белой разведсети руководил начальник азербайджанского Генштаба бывший генерал-лейтенант С. А. Сулькевич.

В итоге была провалена работа многих старших офицеров, включая генштабистов. Самого Чернышева арестовали в апреле 1919 г. Нити от Чернышева тянулись к англичанам, в Главный штаб и к высшему руководству Азербайджанской республики¹, в результате началась проверка азербайджанских офицеров и чиновников, замешанных в этом деле².

Дело Чернышева обострило и без того сложные взаимоотношения между ВСЮР и Азербайджаном, ухудшив положение русского офицерства в последнем³. Очевидец зафиксировал летом 1919 г. «преследования русского офицерства, находившегося в Азербайджане или прибывшего туда по каким-либо поводам. Многие русские офицеры сидели по тюрьмам в Баку и в Гандже (Елизаветполе) по обвинению в шпионаже и в службе в добровольческой контрразведке»⁴. Военный министр генерал С.-Б. С.-Б.-оглы Мехмандаров рассказывал представителям Русского национального совета об измене русского офицера, собиравшего сведения в интересах белых⁵. Вероятно, речь шла о Чернышеве. Характерно, что на допросе Чернышев заявил, что не считает себя виновным, так как работал на своей земле, т. е. на территории бывшей Российской империи, тогда как существование независимого Азербайджана никем не признано.

В организации разведки и контрразведки белого Юга участвовала целая плеяда выпускников академии: полковники Т. А. Аметистов, В. Н. Арнольдов, А. М. Бойко, Б. И. Бучинский, В. В. Добрынин, Н. В. Ерарский, В. Ф. Запольский, М. И. Золотарев, В. В. Крейтер, П. Т. Мацнев, М. А. Медведев, В. М. Мельницкий, Р. Д. Мергин, Н. М. Никифоровский, С. Н. Ряснянский, А. В. Стратонов, Д. И. Троицкий, Д. Л. Чайковский, Г. И. Шлидт, К. К. Шмигельский, А. К. Шнеур, Б. А. Штейфон; подполковники В. А. Зимин, В. П. Кадыкин, Н. Ф. Соколовский, Ф. Я. Шорников; капитаны В. К. Модрах, Н. Е. Невядомский, Н. Я. Пуницкий, Б. М. Сессаревский; штабс-капитаны А. И. Борисов, В. С. Дрон, И. Д. Сетраков и др.⁶ В большинстве своем эти офицеры не были профессиональными разведчиками или контрразведчиками.

¹ Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 26.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 98–123.

³ В дальнейшем были случаи бесцеремонного обращения с денкикинскими офицерами. Так, например, представитель главнокомандующего ВСЮР полковник М. П. Лазарев 24 июля 1919 г. выехал из Баку, однако на пароходе неизвестный, представившись контрразведчиком, потребовал у Лазарева показать имевшееся при нем письмо. Между тем бумаги Лазарева досмотру не подлежали. Письмо оказалось личным и было возвращено владельцу. Инцидент вызвал возмущение представителей ВСЮР (ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 22. Л. 241–241об.).

⁴ Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 177.

⁵ Там же.

⁶ Подробные сведения о занимаемых специалистами Генштаба должностях на белом Юге см. в опубликованных нами списках Генерального штаба Добровольческой армии, Донского казачьего войска, Донской армии, ВСЮР и Русской армии: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 525–529, 535–538, 583–610, 667–670; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 716–747.

Неудивительно, что фронтовая разведка белых работала не слишком успешно, а группировки сил красных могли оставаться неизвестными^I. К примеру, даже тот факт, что одной из двух ударных групп советского Южного фронта командует бывший генерал В.И. Селивачев, стал известен разведке Донской армии лишь 9 (22) августа 1919 г., т.е. в разгар операций, когда с момента назначения Селивачева прошло около трех недель^{II}.

Разведсводка разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР о положении РСФСР в августе 1919 г. содержала абсурдные сведения о военспецзах: «Знающего командного состава у большевиков нет. Несмотря на чудовищные лишения и репрессии, кадровые офицеры или избегают военной службы, или прилагают все усилия не быть в строевых частях. Приставление к ним многочисленных комиссаров, по-видимому, не дало желаемых результатов.

Бегству кадровых офицеров мешает надзор и шпионаж за их семьями. По проверенным данным, в одном Воронеже к шпионству причастны 900 человек, начиная с детей в возрасте 12–13 лет.

Большевики, предвидя подобное положение, организовали командные курсы. В школы допускаются солдаты и подростки, даже малограмотные. Некоторые результаты уже, видимо, достигнуты: красные офицеры появились уже на фронте на младших командных должностях»^{III}.

По данным Особого отдела ВЧК на конец октября 1920 г., разведка Русской армии П.Н. Врангеля носила оперативный и в меньшей степени информационный характер. Охват освещаемых территорий зависел от положения на фронте. Разведку в глубоком тылу красных вели штаб главнокомандующего и штабы корпусов, а также агенты-резиденты, прифронтовую разведку — штабы корпусов и дивизий. Активно использовались агенты-ходоки. Особое внимание уделялось Донской области, где имелись связанные с белым Крымом подпольные организации^{IV}.

Важную роль в осведомлении белого командования играла сохранявшаяся с дореволюционных времен сеть военных агентов за рубежом. Работавшие на белых военные агенты занимались разноплановой деятельностью: собирали и анализировали материалы телеграфных агентств и прессы о Советской России, добывали информацию другими путями, содействовали формированию благоприятного для белых мнения в элитах соответствующих государств, боролись с большевистской агентурой, организовывали снабжение белых армий из-за рубежа. Например, генерал-лейтенант А.В. Геруа, служивший с 1919 г. представителем ВСЮР в Румынии, содействовал переброске на белый Юг солдат и офицеров с других антибольшевистских фронтов, организовывал доставку белым вооружения, военной техники и прочего необходимого имущества. Он смог, по собственному свидетельству, воспрепятствовать снабжению из Румынии войск УНР, наладил разведывательные связи с Россией^V.

^I Трофимов П. М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года / под ред. Р. Г. Гагкуева. М., 2018. С. 37.

^{II} РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Л. 89об.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 25. Л. 78.

^{IV} Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг., кн. 1: Исход. С. 192–195.

^V ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 78. Л. 41–43.

Предпринимались меры по координации работы всех ориентировавшихся на белых военных агентов за рубежом. По соглашению между адмиралом А.В. Колчаком и генералом А.И. Деникиным военные агенты были подчинены начальнику отдела части Генерального штаба ВСЮР^I. Для удобства сношений агенты подчинялись генералам А.В. Геруа и Н.Н. Головину, а также действовали самостоятельно. Военные агенты имелись в Австрии (генерал-майор П.А. Базаров с апреля 1919 г.), Великобритании (генерал-лейтенант Н.С. Ермолов), Германии (полковник А.Ф. Брандт — назначен в апреле 1919 г.^{II}, вступил в должность, по-видимому, летом 1919 г.^{III}), Италии (полковник князь А.М. Волконский), Румынии (генерал-лейтенант А.В. Геруа), Сербии (генерал-майор В.А. Артамонов), Турции (представитель при союзном командовании в Константинополе генерал-майор А.В. Бензенгр — назначен в апреле 1919 г.), Франции (генерал-лейтенант Н.Н. Головин), Швейцарии (генерал-майор С.А. Головань). Все они были выпускниками академии. Месячное содержание агентам было установлено по должности командира бригады с добавочными выплатами семейным в размере 1076 франков плюс суточные по 100 франков (3000 франков в месяц).

С течением времени состав военных агентов менялся, а военные представители появлялись в новых странах. Кроме того, стали допускаться отступления от принципа замещения этой должности генштабистами. Так, на ноябрь 1920 г. военным агентом в Италии значился морской офицер капитан 1-го ранга Д.В. фон Ден, в Бельгии — гвардеец полковник А.К. Прежбяно, а в Японии — артиллерист генерал-майор М.П. Подтягин. Впрочем, это были скорее исключения.

Охват стран, где имелись военные агенты или военные представители белых, существенно расширился. Военными агентами или военными представителями белых к этому времени помимо перечисленных выше являлись: в Болгарии — полковник В.А. Палицын, которого сменил генерал В.Е. Вязьмитинов (военный представитель); в Великобритании — генерал-майор Б.Е. Гартман; в Венгрии — полковник А.А. фон Лампе (военный представитель); в Германии — генерал-майор И.А. Хольмсен; в Дании — генерал-майор С.Н. Потоцкий; в Королевстве сербов, хорватов и словенцев — генерал-майор Д.Н. Потоцкий (родной брат С.Н. Потоцкого); в Польше — генерал-лейтенант П.С. Махров; в Северо-Американских Соединенных Штатах — полковник А.М. Николаев; в Турции — генерал-лейтенант А.С. Лукомский; в Чехословакии — генерал-майор М.Н. Леонтьев; в Швеции — полковник Д.Л. Кандауров^{IV}. В Румынии и Швейцарии военные агенты остались прежними. С приходом к власти на Юге России генерала П.Н. Врангеля в 1920 г. была осуществлена реорганизация сети военных агентов в Европе. Агенты на Балканах были подчинены генералу А.С. Лукомскому, находившемуся в Константинополе, а агенты в других регионах — генералу Е.К. Миллеру в Париже^V. Работа военных агентов в некоторых странах, по-видимому, была не особенно напряженной. К примеру, полковника А.А. фон Лампе поража-

^I HIA. E. K. Miller collection. Box 5.

^{II} HIA. A. A. von Lampe collection. Box 3.

^{III} Минут В. Н. Под большевистским игом. С. 281.

^{IV} HIA. E. K. Miller collection. Box 2.

^V Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 163.

осенью 1920 г., что военный агент в Дании работал только два часа в день, с 11 до 13 часов¹.

У белых на Юге России оказались лучшие дореволюционные специалисты в области контрразведки, в том числе генералы Н.С. Батюшин и К.И. Глобачев. Не все смогли работать по специальности. Нередко такие люди, в том числе именно из-за дореволюционной деятельности, оказывались не у дел или работали не по профилю (например, бывшие генералы В.Н. Клембовский и М.Д. Бонч-Бруевич у красных, генерал Батюшин у белых). За революционные годы жандармы и контрразведчики в обществе оказались дискредитированы. В частности, Батюшин участвовал в фабрикации прогремевшего до революции заказного дела о шпионаже полковника С.Н. Мясоедова². В результате либерально настроенный главнокомандующий ВСЮР генерал Деникин старался не привлекать таких специалистов на службу. Между тем только они обладали значимым опытом борьбы с революционным подпольем. Кроме того, Батюшина, быть может и без должных оснований, подозревали в интригах против главного командования ВСЮР³. Следование на поводу у общественного мнения не могло принести белым успехов. С другой стороны, и сами профессионалы не всегда стремились заниматься прежним ремеслом. Например, генерал Глобачев вспоминал, что старался избежать службы в белой контрразведке, так как она напоминала ему ЧК⁴.

Работа контрразведки осложнялась параллелизмом структур. Помимо ведавшего этим вопросом контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР существовала контрразведывательная часть Особого отделения отдела Генштаба Военного управления, которой с ноября 1918 по август 1919 г. руководил военный юрист капитан А.С. Дмитриев, затем его сменил полковник Р.Д. Мергин. Особое отделение занималось заграничной военно-политической разведкой и контрразведкой, отвечало за связь с военными агентами, контролировало выезд и въезд на территорию ВСЮР через Константинополь, поддерживало связь со штабом адмирала А.В. Колчака в Омске. Помощником начальника Особого отделения, а затем его начальником был полковник П.Г. Архангельский. Помощником начальника контрразведывательного отделения с конца ноября 1919 г. стал полковник А.Т. Гаевский. Контрразведка играла свою роль во внутренней борьбе в белом руководстве. По свидетельству полковника А.А. фон Лампе, П.Г. Архангельский «за спиной Вязьмитинова и Лукомского вел паутину разведок и доносов в пользу Романовского»⁵. На то, что контрразведчики намеренно распускают о нем негативные слухи, жаловался в 1920 г. в письме А.И. Деникину генерал П.Н. Врангель⁶. Контрразведывательные функции имел и пресловутый ОСВАГ — Осведомительное агентство белого Юга, в котором работало более 10 000 человек,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

² Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Дело Мясоедова // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83; Его же. Рец. на кн.: У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009 // Русский сборник. 2010. Т. 9. С. 292–335.

³ Подробнее см.: Чемакин А. А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020.

⁴ Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 200.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

⁶ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 189.

а также ряд других структур^I. Некоторые сотрудники ОСВАГа оказались членами тайной правой организации «Анонимный центр»^{II}. Из генштабистов в эту организацию входил полковник Б. А. Штейфон. Покровительствовали «Анонимному центру» А. М. Драгомиров и А. С. Лукомский (эти генералы находились в родстве, поскольку Лукомский был женат на сестре Драгомирова Софье). Организация имела и других влиятельных сторонников, среди которых были руководители разведки и контрразведки белого Юга, в том числе начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР полковник С. Н. Ряснянский.

Контрразведка белого Юга как единая структура сформировалась сравнительно поздно. Изначально же она была объединена с разведкой. Полковник Ряснянский вспоминал о первых белых контрразведчиках: «С составом к[онтр]р[азведки] Добровольческой армии было работать очень легко в том отношении, что причисленные к ней офицеры, юнкера, а особенно женщины-прапорщики шли без разговоров на любое опасное предприятие, но зато опыта или специальных знаний у них совершенно не было, начиная с их начальника бывшего судебного следователя кап[итана] Капелька... а потому давать сложных задач им было невозможно»^{III}. По причине шпиономании свои контрразведывательные органы в инициативном порядке стали создаваться во многих воинских частях и при территориальных органах управления белого Юга. Разумеется, подобная практика вела к хаосу и произволу, причем беспринципность многих контрразведчиков отмечали сами белые.

Свои органы разведки и контрразведки имели правительства казачьих войск. Нередко такие органы конкурировали между собой. Белой контрразведке хронически не хватало средств на жалованье даже штатных сотрудников, не говоря об агентуре. Подразделения контрразведки в ряде случаев представляли собой структуры полукриминального характера. Так, при официальной ревизии делопроизводства и деятельности контрразведывательного отделения штаба Кавказской армии в августе 1919 г. вскрылась отвратительная картина. Председатель ревизионной комиссии докладывал главнокомандующему ВСЮР А. И. Деникину, что «установлены случаи изнасилования казаками женщин, содержавшихся под стражей в контрразведке... лица, задерживаемые контрразведкой, подвергаются битью плетью... причем этот способ наказания применяется не в виде исключения, а как система или для наказания... или же как способ добыть сознание у арестованного... Для разнообразия предлагают иногда одному задержанному бить другого... в некоторых случаях, как это было с Нестеровой и Поповой, битье плетью полуобнаженных женщин производилось в присутствии многих офицеров... при этом под звуки гармоник... Отбираемое при обысках имущество поступало без описей... в Отделение и здесь или расхищалось казаками... или же раздавалось офицерам Отделения в определенном порядке... иногда же и по жребию»^{IV}. Битье плетью производилось с ведома полковника Б. И. Бучинского. Более 50 человек, попав в руки контрразведчиков, бесследно

^I Бортневский В. Г. Избранные труды. С. 293–294.

^{II} Подробнее см.: Чемакин А. А. «Анонимный центр».

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 10.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–60б.

исчезли. Из доклада следовало и то, что при наличии в контрразведывательном отделении семи агентов для внутреннего наблюдения, филеров для наружного наблюдения не было, разведки не велось, получить справку по какому-либо вопросу было невозможно, а денежная отчетность была настолько примитивной, что не позволяла обнаружить злоупотребления, если бы они имели место. Контрразведчиками не соблюдалась тайна розыска, были даже случаи выдачи пропусков на выезд из Царицына заведомым большевикам.

Это не был исключительный случай. В ноябре 1919 г. генерал-лейтенант А. С. Лукомский приказал арестовать и обыскать начальника екатеринославского контрразведывательного пункта есаула Щербакова и его спутницу артистку Лескову, подозревавшихся в хищении денег и драгоценностей^I. Адъютант начальника одесского контрразведывательного пункта в 1919 г. за 300 000 руб. продал большевикам списки сотрудников, за что был расстрелян, но восполнить нанесенный ущерб репрессиями было невозможно^{II}. О том, что в белую контрразведку поступали на службу даже большевики, занимавшиеся провокациями и устрашением населения в целях дискредитации власти белых, писал осенью 1919 г. в докладе начальнику штаба главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанту И. П. Романовскому полковник В. К. Манакин^{III}. Как отмечал генерал-лейтенант Е. И. Достовалов, «состав контрразведывательных отделений был самый пестрый. В одном он был однороден: на 90 % это были патентованные мерзавцы, садисты, люди легкой наживы с темным прошлым»^{IV}. К примеру, начальник керченского контрразведывательного отделения капитан Стеценко был связан с криминалитетом, истязал арестованных и отбирал у них ценности^V.

Командующий Добровольческой армией генерал П. Н. Врангель писал главнокомандующему ВСЮР генералу А. И. Деникину 9 (22) декабря 1919 г.: «Неудовлетворительная постановка контрразведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков и неудачный подбор сотрудников, все это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии их разрушительную работу»^{VI}. Врангель требовал упорядочить контрразведывательную работу и объединить ее с уголовным розыском в пределах армии. В другом письме от 15 (28) февраля 1920 г. Врангель обвинял Деникина в организации слежки за собой при помощи контрразведки^{VII}. Таким образом, контрразведка оказалась важным инструментом политической борьбы на белом Юге. По данным на август 1920 г., многие офицеры, находившиеся за рубежом или при иностранных миссиях, работали на иностранные спецслужбы и продавали иностранцам сведения о состоянии белых армий^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 44. Л. 67.

^{II} Устинов С. М. Записки начальника контрразведки. Белград, 1922. С. 132.

^{III} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

^{IV} Достовалов Е. И. О белых и белом терроре // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 668.

^V ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 364. Л. 30б.

^{VI} HIA. Vrangeli collection. Box 162. Folder 28.

^{VII} Ibid.

^{VIII} В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сб. док. и мат. М., 2008. С. 76.

Белая контрразведка была слабо осведомлена о руководящем составе советской разведки. Так, например, когда на сторону белых летом 1919 г. перебежал руководитель советской нелегальной военной агентуры бывший капитан В.А. Срывагин, выяснилось, что в контрразведывательном отделении штаба Добровольческой армии о нем не имелось никаких сведений^I. Были ли такие материалы в контрразведывательном отделении штаба главнокомандующего ВСЮР, неизвестно. В итоге Срывагин представил себя белым едва ли не как жертву большевистского режима, скрыв реальные данные о своей активной службе в РККА, в том числе на ответственных постах, связанных с военной разведкой. По его показаниям, он служил вынужденно, на третьестепенных должностях или в резерве, болел или саботировал.

Тем не менее белые собирали данные о военспецзах, содействовавших красным. Составлялись списки таких лиц с характеристиками. Впрочем, данные не отличались точностью. Приведем сведения, касающиеся выпускников академии. Так, в списке № 1 лиц, содействующих большевикам в их борьбе с контрреволюцией, был указан некий А.Н. Буров: «Штабс-капитан, слушатель Николаевской военной академии. Сведения о нем даны тремя его товарищами по квартире. Явный провокатор и осведомитель Совета народных комиссаров. Умный, решительный, деятельный, весьма опасный. Получил 1000 рублей для передачи на Дон, но денег не передал. Товарищи (трое) в октябре 1917 года сообщили академической организации, что Буров получал деньги от Троцкого. Буров должен был ехать на Дон, но отказался. Вел усиленную слежку в академии за конфиденциальными заседаниями комитетов слушателей. Несколько раз уличен в подслушивании за дверьми аудитории старшего класса, где обсуждались текущие события. Уехал в Екатеринбург»^{II}. По-видимому, речь шла о курсовике А.А. Бурове, который на самом деле не только не был приверженцем большевиков, но, наоборот, состоял в белом подполье.

Сохранились и другие характеристики. Например, о Ф.М. Бредше: «Слушатель Николаевской военной академии. Сочувствует большевикам. Провокатор и агент Совета солдатских и рабочих депутатов. Хотя Николаевская военная академия эвакуирована 18 марта с.г. в Екатеринбург, Бредш^{III} остался в Петрограде и 24 марта с.г. был в штабе генерала [А.В. фон] Шварца. Работал совместно со слушателем Академии Генерального штаба [Е.П.] Шпигелем^{IV}». Вполне возможно, авторы характеристик попросту сводили личные счеты. Так, о генерале В.Ф. Новицком было указано: «Вел слежку среди профессуры Николаевской военной академии»^V. Однако такая оценка действий бывшего генерала в годы Гражданской войны выглядит сомнительно.

Белая разведка пыталась воспользоваться любыми возможностями для осведомления. В частности, при отправке группы офицеров для связи с петлюровцами весной 1920 г., по свидетельству капитана А.И. Батрука, с ним беседовал

^I ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 474. Л. 3.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 14. Л. 3об.

^{III} В документе ошибочно — Бредий.

^{IV} В документе ошибочно — Шнигелем.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 14. Л. 3об.—4.

^{VI} Там же. Л. 10.

2-й генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР полковник П.Е. Дорман и взял расписку о негласном осведомлении белого командования о петлюровских войсках¹. Впрочем, до реальной организации осведомления дело не дошло.

Белые вели сбор сведений о Красной армии. Так, 18 ноября (1 декабря) 1918 г. (впрочем, на титульном листе также был указан и 1919 год издания) в Екатеринодаре была издана брошюра «Красная армия в России. Книга первая» (35 страниц и 9 схем)². Издание выходило под грифом «Не подлежит оглашению», экземпляры были нумерованными и содержали сведения об РККА к 1 (14) ноября 1918 г. Выпуск осуществило Особое отделение части Генерального штаба военно-морского отдела Добровольческой армии. Отделением руководил тогда полковник В.В. Крейтер, заведовал агентурой капитан К.К. Шмигельский. Издание открывал раздел об организации центрального военного управления в Советской России. Приводились сведения о военных округах, составе пехотной дивизии (хотя в РККА такие дивизии именовались стрелковыми). Далее излагались вопросы комплектования армии, указывались данные о персональном составе высшего военного руководства. Затем освещались вопросы подготовки командного состава, снабжения армии. Информация о командующих фронтами была достоверной, тогда как на уровне командующих армиями начиналась путаница. Особенно подробными были сведения об авиации, причем и в этой брошюре, и в ее продолжении. Возможно, эти сведения были получены от перебежчиков либо белые имели агентуру в Красном военно-воздушном флоте. Завершалось издание материалами о флоте, приказом по ВГШ № 18 от 27 июня 1918 г. о переводе в Генштаб выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии, списком кандидатов на командные должности и схемами. Схемы отражали устройство центрального военного управления, Наркомата по военным делам, Военно-законодательного совета, ВГШ, Центрального управления по снабжению армии, местного военного управления, окружных, губернских, уездных и волостных комиссариатов по военным делам. Белой разведке не удалось собрать исчерпывающих данных о противнике. Многие сведения были устаревшими и относились еще к весне или лету 1918 г. Характерно, что не имелось точных данных даже о высших советских деятелях. Например, об И.В. Сталине (Джугашвили) в брошюре говорилось: «Джерашвили — старый партийный работник, образован, фанатик, необыкновенно энергичен»³.

20 декабря 1918 г. в Екатеринодаре было издано «Добавление № 1» к книге «Красная армия в России». Утверждалось, что данные были дополнены по 5 декабря 1918 г.⁴ Сведения из «Добавления» порой также были неточными. В частности, отмечалось, что в РККА нумерация армий идет с Северного фронта, где якобы действуют 1-я и 2-я армии⁵, что не соответствовало действительности. Наряду с этим публиковались и достоверные данные. Белая разведка зафиксировала переезд ставки советского главкома И.И. Вацетиса из Арзамаса в Серпухов. В брошюре давались сведения о новых формированиях, передислокации войск, боевые

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 44.

² ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 477.

³ Красная армия в России. Екатеринодар, 1919. Кн. 1: По данным к 1-му ноября 1918 г. С. 1.

⁴ Добавление № 1 к книге «Красная армия в России». Екатеринодар, 1918 (также см.: ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 461).

⁵ Добавление № 1 к книге «Красная армия в России». С. 1.

расписания, характеризовалось состояние Красной армии, включая настроения. В то же время безосновательно утверждалось, что «несмотря на все меры Троцкого, дисциплины в полном смысле этого слова в Красной армии — нет»^I.

Позднее вышло «Добавление № 2 к книге «Красная армия в России»» (21 страница без таблиц), изданное в Екатеринодаре 20 января 1919 г. Особым отделением части Генерального штаба военно-морского отдела при главкоме ВСЮР по данным к 10 января 1919 г.^{II} Брошюру составили заведующий агентурой капитан К.К. Шмигельский, помощник начальника Особого отделения по разведывательной части полковник П.Г. Архангельский и начальник Особого отделения полковник В.В. Крейтер.

Издание открывалось сведениями с фронтов. На этот раз нумерация советских армий давалась правильная. В ряде случаев приводились детальные сведения, очевидно непосредственно из документов РККА. Впрочем, на Восточном фронте красных помимо номерных армий было отмечено присутствие некой армии ВЧК (в брошюре — ЧВК)^{III}. Далее указывались подробные данные о красных, действовавших против Юго-Западной армии под командованием А.И. Дутова^{IV}. В то же время сведения о РККА на Южном и Западном фронтах практически отсутствовали.

В вопросе настроения населения издание носило агитационный характер. Отмечалось, что «настроение [крестьянской] массы тупо озлобленное»^V. Утверждалось, что из-за десятимиллиардного налога повсеместно происходили восстания, причем давалась раскладка чрезвычайного революционного налога на крестьян по губерниям. Авторы указывали на тяжелое положение офицерства и на то, что за бежавшего офицера отвечала его семья^{VI}. Белая разведка считала, что в РККА не хватало оружия, красноармейцы не хотели идти на фронт, а латыши якобы разбегались. Поступали к белым и отдельные сведения о командном составе. Так, было зафиксировано, что помощником главкома И.И. Вацетиса стал бывший генерал Ф.В. Костяев^{VII}. Особенно много данных приводилось об артиллерии. Белая разведка отмечала, что снабжение РККА средствами связи налаживается^{VIII}. В целом, сведения из брошюры были разрозненными, не систематизированными и весьма отрывочными. Об одних частях приводились данные даже по количеству повозок и походных кухонь, а на соседней странице содержались ошибки в отношении армий и фронтов. Завершалось издание списками предназначаемых на должности, таблицей новых формирований.

Также известна 24-страничная брошюра «Советская Россия (краткий очерк)», составленная разведывательным отделением штаба главнокомандующего ВСЮР по данным к 15 апреля 1919 г. Автором был начальник отделения полковник С.Н. Ряснянский^{IX}. Издание содержало трактовку истории Советской России

^I Там же. С. 3.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 476.

^{III} Там же. Л. 2.

^{IV} Там же. Л. 2об.—3.

^V Там же. Л. 3об.

^{VI} Там же. Л. 4.

^{VII} Там же.

^{VIII} Там же. Л. 6.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 475.

в понимании белого разведчика. Утверждалось, что 25 октября 1917 г. власть была захвачена небольшой группой лиц, которой «Россия сознательно приносилась в жертву» борьбе за мировую революцию^I. Далее речь шла о Красной армии. Справедливо отмечалось, что в Советской России была создана новая регулярная армия, комплектовавшаяся по призыву. По данным на декабрь 1918 г. белая разведка оценивала численность РККА в 800 000 человек и предположительно к марту 1919 г. численность должна была достигнуть миллиона человек^{II}.

Теперь оказывалось, что «дисциплина в армии введена жестокая, во много раз превосходящая “старый режим”». Обычной мерой воздействия является расстрел... Вообще же, по отзывам всех прибывающих из Совдепии, армия по своему типу весьма походит на старую, дореволюционную»^{III}.

Подробно излагалось, кто такие комиссары, особое внимание уделялось описанию деятельности карательных отрядов. Составители брошюры касались крестьянских настроений и восстаний, положения рабочих и интеллигенции. Отдельно отмечалось жестокое отношение к офицерам: «Можно смело утверждать, что ни один класс общества не перенес столько страданий в период большевистской революции, как офицерство»^{IV}. При этом авторы брошюры свидетельствовали, что с лета 1918 г. отношение к офицерам изменилось, их стали привлекать в Красную армию, начали создаваться и кадры «красных офицеров». По мнению составителей, краскомы отлично подходили на должности взводных командиров по типу подпрапорщиков старой армии, которых на военном жаргоне именовали «пуля», однако на более ответственные посты краскомы якобы не годились^V. Тогда большевики стали привлекать и бывших офицеров, но, по мысли составителей брошюры, 95 % из них – враги советской власти^{VI}. Затем следовали разделы про церковь, экономику, промышленность и финансы. Разумеется, все данные доказывали безнадёжность этих отраслей в Советской России.

Далее следовал разбор боевых действий РККА на разных фронтах, причем отмечались успехи красных на Украине, а также локальные успехи на Западном фронте и на Дону. Заканчивалось издание на оптимистической для белых ноте утверждением, что идеи коммунизма органически чужды русской жизни и что в Советской России растёт недоверие к большевикам^{VII}.

Любопытно, что белая разведка позаимствовала схемы организации РККА из вышедшей несколько ранее украинской брошюры аналогичного содержания. Тем не менее многие материалы были далеки от действительности. Недостоверны были сведения даже об армейском звене военного управления (нумерация армий, командующие) и о высшем большевистском руководстве. Главной же проблемой являлась очевидная недооценка противника как в вопросах военного строительства, так и шире – в вопросах государственного устройства и мобилизации всех имевшихся ресурсов для достижения победы над белыми.

^I Там же. Л. 3.

^{II} Там же. Л. 4об.

^{III} Там же.

^{IV} Там же. Л. 8об.

^V Там же. Л. 9.

^{VI} Там же.

^{VII} Там же. Л. 13об.

С приходом к власти на белом Юге генерала Врангеля началась реорганизация органов разведки и контрразведки. Некоторые специалисты оценивали изменения критически. Например, полковник А.А. фон Лампе отметил в своем дневнике: «Уничтожили 2-го генкварма, создали обер-квартирмейстера Генерального штаба. А в результате борьба с зелеными или вернее разведка о них вышла из рук наштаглава и висит в воздухе»¹. Контрразведка Ставки была передана в ведение начальника Военного управления, объединена с органами политического и уголовного розыска, в результате чего возникла особая часть. В июне в белом Крыму был создан Особый отдел при штабе главнокомандующего.

Южный фронт белых был ближе других антибольшевистских фронтов к центру Советской России. В сравнении с Востоком, Севером и Северо-Западом России здесь была наиболее развита инфраструктура, что благотворно сказывалось на организации разведки. Тем не менее даже к концу истории белого Юга о масштабности постановки разведывательной работы говорить не приходилось. Так, по официальному отчету о состоянии агентуры разведывательного отделения Ставки к 14 (27) октября 1920 г., за месяц за рубеж были отправлены 13 агентов, 2 работали в прифронтовой полосе и 3 – на внутреннем фронте².

На Восточном фронте белых, где оказалось меньше кадров Генерального штаба, чем на Юге, постановка разведывательной работы была слабее. С колчаковским фронтом было связано намного меньше высокопоставленных белых агентов в Красной армии, чем с фронтом Деникина. Разведывательной работой руководили выпускники ускоренных курсов Военной академии, которых в отличие от окончивших академию в мирное время здесь оказалось сравнительно много. Разведывательный отдел управления 2-го генерал-квартирмейстера Ставки до 12 июля 1919 г. возглавлял подполковник Н.А. Киселев, 7 сентября 1919 г. начальником отдела был назначен подполковник Г.И. Овчинников, фронтовой разведкой ведал капитан Ф.М. Бредш, а стратегической – полковник Н.О. Масыгин. Он же был начальником разведывательного отделения осведомительного отдела Главного штаба, делопроизводителями – капитаны В.Н. Отрыганьев и И.М. Самодуров³. Помощником начальника разведывательного отделения Ставки в 1918–1919 гг. являлся поручик М.Т. Евстратов, впоследствии перешедший на ту же должность в штаб Оренбургской армии. Делопроизводителями отделения были капитан М.В. Никульцев и штабс-капитан Д.Г. Атабеков. Все они были выпускниками ускоренных курсов Военной академии, что свидетельствовало о нехватке более опытных генштабистов. На местах существовала та же проблема.

Распространенным способом ведения разведки была засылка на советскую территорию агентов-ходоков. В этом была своя сложность, поскольку интеллигентный облик такого агента-ходока сразу же вызывал серьезные подозрения и мог привести к трагическим последствиям. Впрочем, по показаниям пленных колчаковских генштабистов, курировавших вопросы разведки, основная масса агентов представляла собой полуинтеллигентов. Как отмечал бывший офицер по разведке штаба Волжской дивизии есаул А.П. Колесников, в дивизии агентуры не было,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.

² НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 8.

³ Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне... С. 183.

попытки организации ее не удавались из-за постоянного движения фронта, пропускали только агентов штаба армии, в период стояния на реке Белой их прошло несколько партий, «преимущественно башкиры и разные полуинтеллигентные типы, интеллигент[ных] очень мало»^I. В последние два месяца перед пленением офицера агентура штаба армии не проходила через участок дивизии вовсе. Агентура работала от реки Белой до Волги. Много сведений давали возвращавшиеся из Германии и Австрии военнопленные, получали информацию и из советских газет. Вывод Колесникова, однако, был неутешителен для белых: «На основании агентурных данных в армейских сводках можно судить, что агентура белых не была на должной высоте. Дивизионная разведка уделяла мало внимания своей работе, и я, будучи обер-оф[исером] по разведке, больше привлекался для занятий по оперативной части в своем штадиве»^{II}.

Колесникову вторил полковник М. Е. Шохов – бывший старший адъютант разведывательного отделения штаба 3-й армии белых. По его свидетельству, в качестве агентуры использовали беженцев, женщин и 3–4 офицеров, в основном же агентами были все те же полуинтеллигентные типы. За год штабом армии было отправлено только 25 агентов, из которых вернулись 2 или 3, доставив малозначимые сведения. При этом агентам платили по 5–10 тыс. руб. в месяц. Готовили агентов за одну-две недели, занимаясь с ними по 1–2 часа в день по организации РККА, расположению частей, приемам добычи данных. Вербовали агентов инструктора, основываясь на справке из милиции. Изучения агентов не проводилось. Таким образом, к агентуре подходили как к расходному материалу, который не представлял большой ценности. Шохов отмечал: «Я как нач[альник] отд[еления] сознавал, что импровизировать агентурную разведку в процессе Гражданской войны, при постоянно меняющихся фронтах, – бесполезно и ожидать хороших результатов не приходилось»^{III}.

Войсковая разведка была не на высоте. Например, от Отдельной Оренбургской армии сведений о красных было получить практически невозможно. Начальник штаба соседней Западной армии генерал-майор С. А. Щепихин был в ярости и на один из документов наложил резолюцию: «Переговорите со Ставкой, чтобы надавили на Оренбургскую армию в смысле разведки (особенно тайной). Недопустимо, чтобы при столь широком и быстром наступлении не было сведений, кто и куда отходит, какие силы там»^{IV}. Из-за отсутствия этих данных белые не знали, куда направлять свои силы. Щепихин пояснял: «Сведения эти необходимы мне, чтобы решить вопрос, обеспечен ли наш левый фланг при наступлении на линию Оренбург – Бузулук или же мы именно должны идти на него. Если не 6[-м] корпусом (что теперь с очевидностью отпадает), то Беловым»; но здесь важно решить, как направлять Белова: 1) кулаком на Оренбург, 2) кулаком на Бузулук или же 3) ввиду невыясненности держать этот кулак между этими направлениями. Только при получении ответа от Оренбургской армии мы будем вынуждены двигать

^I РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 96.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 97.

^{IV} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.

^V Имеется в виду Южная группа войск Западной армии под командованием генерал-майора П. А. Белова.

Белова третьим способом. Признаюсь, весьма невыгодным, ибо кулак сзади опоздает наверно на оба пути. Двигать же его решительно на Бузулук при неизвестности на Оренбургском фронте — можно получить удар в левый бок¹. В итоге так и случилось — колчаковцы не смогли упредить контрудар Южной группы Восточного фронта красных.

По свидетельству одного из признанных авторитетов в области разведки того времени генерал-майора П. Ф. Рябикова, «громадную пользу в деле разведки приносили переходящие от красных старые офицеры, иногда даже уже состоявшие в тайных белых организациях. Но, к сожалению, по отношению к ним, как в частях, так и в некоторых штабах, проявлялось обидное недоверие, иногда даже оскорбления и издевательства, что не служило импульсом к таковым переходам; все такие офицеры обыкновенно подвергались судебному расследованию, тянувшемуся очень долго, изматывавшему этих исстрадавшихся людей, подвергавшихся громадному риску для создания себе возможности сдачи в плен или тайного перехода²». Стоит отметить, что в 1919 г. Рябиков защитил диссертацию и опубликовал в Томске свое исследование «Разведывательная служба в мирное и военное время» (как диссертация, так и книга были засекречены, но книга рассылалась по штабам), считающееся этапной работой в области осмысления теории и практики отечественных спецслужб. В дальнейшем Рябиков занимал пост 2-го генерал-квартирмейстера Ставки Колчака и был одним из руководителей колчаковской разведки.

Как вспоминал генерал М. А. Иностранцев, Рябиков «произвел... впечатление человека, всецело поглощенного порученным ему делом, которое он к тому же прекрасно знал. Он непрерывно принимал доклады подчиненных, много писал сам, но и в части, ему порученной, от меня не ускользнуло общее вообще всему штабу главнокомандующего стремление придать всему делу неестественно большой, сравнительно с силой Сибирской армии, масштаб организации и работы. Такой аппарат был впору для разведывательной части русской армии во время Великой войны, а отнюдь не для Гражданской войны с малыми силами и своеобразным способом ведения военных действий³».

С февраля 1919 г. при управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего (позднее — при управлении 2-го генерал-квартирмейстера) существовал отдел контрразведки и военного контроля. При штабах армий работали контрразведывательные отделения, при штабах неотдельных корпусов и в крупных центрах прифронтовой полосы — контрразведывательные пункты. Органами контрразведки тыла ведала контрразведывательная часть Главного штаба.

Кадры колчаковских разведчиков оставляли желать лучшего. По свидетельству начальника штаба 2-й армии белых генерала С. А. Щепихина, старший адъютант разведывательного отделения штаба армии капитан М. Н. Плеткин, окончивший ускоренные курсы Военной академии в Томске, «случайно попал на высокую и ответственную должность старшего адъютанта разведывательного отделения.

¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.

² ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 12об.

³ Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 794.

Курс академии он проходил при новых условиях гражданской войны, т.е. уровень его подготовки не был высок. Так он относился и к своей работе: ничего не знал не только о противнике, но и о делах в самом штабе. Его доклады всегда по форме стереотипны – все обстоит благополучно... Учить его и ему подобных я, к сожалению, не имел ни времени, ни охоты... Это был “пассажир” в прямом значении этого слова»¹.

Агентами иностранных государств нередко становились противники большевиков, даже из среды русских офицеров-патриотов. Так, например, с японской разведкой сотрудничал бывший полковник Н.П. Корзун, занимавший пост начальника военно-топографического отдела штаба Иркутского военного округа².

Белая контрразведка на Востоке России возникла из контрразведывательных структур подпольных антибольшевистских организаций, существовавших здесь до свержения советской власти. В целом единой системы органов военной контрразведки на Востоке России вплоть до февраля 1919 г. создано не было. Лишь в феврале – марте 1919 г. отделения военного контроля были созданы при штабах армий, корпусов и военных округов. 18 апреля 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего утвердил «Временное положение о контрразведывательной и военно-контрольной службе на театре военных действий». Организационное оформление структур военной контрразведки завершилось к маю 1919 г. Работой контрразведки первоначально руководил начальник Главного штаба через контрразведывательную часть осведомительного отдела, а затем 2-й генерал-квартирмейстер Ставки и впоследствии начальник военно-административного управления Восточного фронта.

Работа белой контрразведки на Востоке России получала диаметрально противоположные оценки. Многие считали эту службу средоточием всего негативно-го, что только было у белых. Так, например, колчаковский военный министр генерал-лейтенант А.П. Будберг отмечал, что «Наиболее роскошно развились такие паразитные, а при отсутствии строгого надзора, гнусные учреждения, как контрразведка и разные осведомления, создавшие громоздкие, дорогие и вредные для чистоты нашего дела организации. У них нет даже того умения и той профессиональной добросовестности, которыми отличались наши старые охранные учреждения и их штатные агенты; зато все скверные стороны прежнего восприняты полностью.

Настоящей контрразведки и истинной борьбы с агентами большевизма у нас нет; все делается напоказ, чтобы удовлетворить начальство, проявить деятельность и оправдать расходы, достигающие чудовищных размеров; в Омске у меня не проходило недели, чтобы от меня не требовали десятки миллионов рублей на расходы по контрразведке (расходы бесконтрольные, поверяемые и утверждаемые ближайшим начальством, что и дает простор всевозможным злоупотреблениям, и требует особо опытного и тщательного надзора со стороны старших органов).

¹ Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. // НИА. С. А. Shchepikhin collection; Его же. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020. С. 140.

² Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 2: 1917–1933 годы. С. 38. В этом издании Корзун ошибочно назван Корзиным.

Реформировать и упорядочить деятельность этих полупочтенных учреждений будет нелегко и реформатору надо будет проявить исключительную энергию; отрицательные элементы этой клики легко не сдадут своих вкусных позиций, а они достаточно сильны во влиятельных верхах и сумели сделаться там очень нужными»¹.

Встречались, однако, и положительные отзывы. Так, например, командующий 3-й армией белого Восточного фронта генерал-лейтенант К. В. Сахаров вспоминал об организации контрразведки 3-й армии: «Более образцовой службы мне не случалось встречать. На это тяжелое дело шли к нам, именно сюда, лучшие люди, честные, неутомимые и храбрые; среди них большинство были с высшим университетским образованием. Поэтому здесь не было места тем ненормальностям и злоупотреблениям, какими иной раз грешили другие контрразведки... Но зато не было ни малейшей поправки и спуска разрушителям русской государственности. Не покладая рук, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контрразведки открывали каждую противоправительственную партию, заговор, вылавливали большевических агитаторов и всех сродственных им, уничтожая социалистическую заразу в корне. Оттого-то и не заводилось эсеровское предательство в районе моей армии»².

Колчаковская контрразведка работала достаточно активно. В частности, контрразведчики Южного Урала вели агентурную работу в тылу красных, осуществляли радиоперехват³. Аналогичную работу проводили соответствующие подразделения и в других прифронтовых районах. Контрразведка следила за оппозиционно настроенными представителями командного состава. Например, на Дальнем Востоке под наблюдением находился генерал-лейтенант В. Г. Болдырев. Информация о его деятельности поступала к генералу Сахарову.

Гвардейский ротмистр Л. Н. Канабеев стал заведующим регистрационным бюро контрразведывательной части Главного штаба. В 1919 г. он окончил ускоренные академические курсы 4-й очереди в Томске. Руководил военно-цензурным отделением штаба главнокомандующего Западным фронтом в Челябинске и был начальником Осведомительного бюро Ставки Колчака⁴. За год из гвардейских ротмистров он дослужился до полковника.

Иногда контрразведывательной работой занимались бывшие жандармы. Так, начальником Тобольского губернского управления государственной охраны был полковник В. П. Григорович – в прошлом жандарм, ранее отчисленный из Николаевской академии Генерального штаба⁵.

В отношении произвола белая контрразведка Востока России не уступала южной. По свидетельству начальника уфимского контрразведывательного пункта белых, обучавшегося на ускоренных курсах Военной академии К. А. Звиргзда, «Уфа была взята 13 марта. Начались аресты большевиков. В этом направлении работали не только контрразвед[ывательные] органы штабов корпусов (3^й и 6^й), но, короче говоря, каждый офицер считал себя вправе произвести обыск и арестовать

¹ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 342.

² Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 138–139.

³ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 443об.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 360–367.

⁵ Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. С. 115.

любого гражданина, даже по анонимному доносу. Аресты и обыски приняли стихийный характер. Тюрма быстро наполнилась арестованными¹.

Контрразведка играла определенную роль и во внутренней борьбе различных группировок офицерства на Востоке России. Кроме того, возможности контрразведки использовались как средство личного обогащения ее руководства. Так, например, агенты полковника Н.И. Белоцерковского, руководившего военным контролем в Екатеринбурге, «врывались по ночам в богатые квартиры и под видом обыска [просто-]напросто грабили (пример: обыск в кв[артире] Шихова, оптовщик драгоценными камнями). Но для того, чтобы создавать большевистские дела, преждевременно выбирались свои жертвы, составлялся обвинительный акт, показания будущих арестантов, потом арестовывались и под ударами нагайками и [после] всяких пыток заставляли подписывать подготовленные заранее показания.

Из таких дел были преданы огласке: дело Трупп, Варгасов и Ковалев, есаула Иванова и Шихова»².

Разведывательные и контрразведывательные структуры белых армий на Севере и Северо-Западе России носили более локальный характер по сравнению с контрразведкой крупнейших белых фронтов – Южного и Восточного. Здесь, как и на других антибольшевистских фронтах, руководящую роль играли генштабисты. Так, разведывательное отделение на Севере России возглавлял капитан А.П. фон Энден. Спецслужбы Севера России находились в подчиненном положении и во многом зависели от интервентов. Однако кадры разведчиков даже в союзных штабах могли быть смешанными. Так, например, находившийся в Екатеринбурге выпускник ускоренных курсов Военной академии офицер польского происхождения М.М. Войткевич был командирован на Север (видимо, как союзный польский офицер), где по приказу генерала Ф.К. Пуля поступил на службу в разведывательное отделение штаба главнокомандующего союзных войск, действующих на русском фронте. Проработав там некоторое время и получив шифровки от французского и американского посольств, Войткевич возвратился в Екатеринбург и привез эти важные для союзников документы³.

Свои разведывательные и контрразведывательные структуры существовали и в национальных армиях. На Украине весной 1918 г. в структуре Генштаба был создан разведывательный подотдел во главе с подполковником В.В. Колосовским, а подотдел зарубежной связи возглавил генерал А.А. Березовский⁴, курировавший работы военных атташе. Разведывательные структуры в качестве отдела под руководством Колосовского с 11 апреля 1918 г. вошли в состав управления 1-го генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Интересно, что в период австро-германской оккупации на Украине велась агентурная разработка начальника Генштаба подполковника А.В. Сливинского⁵.

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73об. Аналогичная ситуация, когда отдельные офицеры считали себя вправе выполнять работу контрразведчиков, сложилась на белом Юге, в Одессе (Устинов С. М. Записки начальника контрразведки. С. 129).

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 121. Л. 4.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 257.

⁴ Сідак В. С. Національні спецслужби в період української революції 1917–1921 рр. (невідомі сторінки історії). Київ, 1998. С. 62.

⁵ Там же. С. 68. Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 601–617.

Разведка Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского внимательно наблюдала за состоянием Красной армии. И хотя 12 июня 1918 г. между Украиной и РСФСР было заключено перемирие, вооруженный конфликт не исключался. К тому же в воевавшей практически по всему периметру своей территории Советской России создавалась по-настоящему мощная вооруженная сила. Это обстоятельство не могло не тревожить пока еще не находившихся в состоянии войны с РСФСР соседей. В рамках сбора и систематизации соответствующих сведений в сентябре 1918 г. разведывательный отдел украинского ГУГШ в типографии Генерального штаба издал брошюру «Красная армия в России»¹. Брошюра имела гриф «Не подлежит оглашению». Разрешение на ее публикацию 14 сентября дал начальник украинского Генштаба подполковник А.В. Сливинский, распорядившийся распространить издание среди старших начальников и офицеров Генерального штаба. Текст на украинском языке в книге имелся только на обложке. Все содержание приводилось по-русски, что, на наш взгляд, связано с языковыми особенностями занимавшихся этой работой бывших офицеров русской армии, которые в основном не владели украинским языком. Официально такой подход объяснялся необходимостью сохранения терминологии и стиля оригинальных материалов. Книга получила нумерацию первой и содержала сведения за апрель — июнь 1918 г.

Издание состояло из введения и шести частей. Во введении излагалась история возникновения РККА, рассматривались вопросы судьбы старой армии и военного имущества, освещались дискуссии по поводу организации армии, института военных комиссаров и выборных армейских комитетов. Первая часть касалась военного управления и содержала главы о центральном и местном военном управлении в Советской России. Вторая часть содержала главы об устройстве армии и составе дивизий, а также о составе армии и расписании армии. Часть третья затрагивала комплектование армии, в том числе солдатами и командным составом, а также вопрос подготовки командных кадров. В четвертой части рассматривались вопросы снабжения армии, в том числе обеспечение обмундированием и довольствием. В пятой части были отражены вопросы дисциплины. Часть шестая освещала подготовку армии, включая сведения об уставах, занятиях и военной литературе (составители были осведомлены о существовании журнала «Военное дело» и военно-научной работе в Советской России). В целом история раннего периода существования РККА излагалась верно. Затрагивались такие аспекты, как судьба старой армии и ее военного имущества. Издание завершалось схемами, текстом красноармейской присяги, образцами учетных и кандидатских карточек, анкетой поступающего в академию Генерального штаба, списками, картами и другой документацией.

Вторая брошюра была издана в Киеве в 1918 г. на русском языке под названием «Рабоче-крестьянская Красная армия Социалистической Федеративной Советской России». Издание именовалось книгой 2-й и, видимо, продолжало предыдущее по данным к 1 декабря 1918 г. Вновь приводились сведения о военном управлении (центральном и местном), самостоятельная часть была

¹ Червона армія в Росії. Київ, 1918. Кн. 1: За час квітень — травень — червень 1918 р. Нарис.

посвящена всеобщему военному обучению, освещались вопросы устройства, состава армии, ее численности, комплектования (солдатами, командным составом, лошадьми), снабжения армии, дисциплины, военного судопроизводства, подготовки армии, культурно-просветительской деятельности в войсках, вопрос взглядов правительства на армию. Особое внимание уделялось тем силам РККА, которые были сосредоточены у границ Украины (давалась подробная схема). Приведенные сведения были в целом верными, хотя и содержали отдельные неточности (например, была перепутана нумерация армий). Очевидно, составители располагали значительным объемом информации о вооруженных силах Советской России.

Ряд генштабистов, пошедших на службу Украине, являлись военными агентами в зарубежных странах. Так, чрезвычайную миссию в Скандинавии возглавлял генерал-майор Б.П. Баженов, военным агентом в Швейцарии был генерал-майор Л.А. Дроздовский, военным агентом в Австрии – генерал-хорунжий В.И. Левицкий, военным агентом в Румынии – генерал-хорунжий К.Х. Середин¹.

Разведывательный отдел Генерального штаба в 1918 г. возглавлял войсковой старшина В.В. Колосовский. Разведывательная работа штаба Действующей армии УНР в 1919 г. была организована слабо². Соответствующим отделом штаба армии руководил полковник П.И. Липко. В конце 1918 г. этот офицер принимал активное участие в борьбе с Директорией УНР, за что был арестован. Тем не менее это не помешало ему на следующий год оказаться на столь ответственном посту руководителя украинской военной разведки. Разведывательным управлением ГУГШ в 1920 г. руководил подполковник А.Ф. Кузьминский. В организации разведывательной службы на Украине принимали участие и другие выпускники старой академии – в частности, подполковники А.А. Матвиенко и Б.Е. Снигирев. Будучи по протекции 1-го генерал-квартирмейстера Генштаба УНР Е.В. Мешковского в начале мая 1920 г. назначен начальником отдела заграничной связи ГУГШ, Снигирев настраивал руководство Генштаба против контрразведки, добивался освобождения арестованных в Виннице за сотрудничество с Особым отделом 12-й красной армии, а в разведывательное управление устраивались лица, подозревавшиеся в работе на большевиков. В результате вмешательства Снигирева был освобожден один из советских агентов³.

В период Гражданской войны территория бывшей Российской империи стала полем битвы разведывательных служб многих мировых держав. Наиболее активную роль сыграла британская разведка, но в России работали и разведчики из других стран, прежде всего участниц антисоветской интервенции. Генштабисты сотрудничали с иностранными спецслужбами. В Советской России, как уже отмечалось, такое сотрудничество существовало в 1918 г. до начала полномасштабной интервенции Антанты. Тесно взаимодействовали со спецслужбами союзников белые подпольщики и белое командование. Отдельные выпускники академии становились агентами иностранных спецслужб. В частности, известно, что японская

¹ Сідак В. С. Національні спецслужби... С. 110.

² Україна. 1919 рік. М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Док. та мат. Київ, 2004. С. 89.

³ Сідак В. С. Національні спецслужби... С. 178–179.

разведка в 1919 г. завербовала колчаковских офицеров — полковника К.К. Акинтьевского и подполковника Александра В. Иванова-Дивова^I.

Одной из баз для ведения антибольшевистской разведки стала Финляндия^{II}, тем более что Советская Россия для Финляндии являлась главным противником^{III}. В руководство финской разведки пришли антироссийски настроенные активисты, прежде работавшие в разведывательных службах Германии периода Первой мировой. Финны занимались организацией диверсий на Мурманской железной дороге и в ряде важных центров Севера и Северо-Запада (Архангельск, Кемь, Мурманск, Петроград). После краха надежд финских активистов на потерпевшую поражение в войне Германию они переключились на взаимодействие с другими государствами. В частности, финская разведка работала против Советской России с территории Эстонии. Финны и в 1919 г. не оставляли надежд захватить Петроград и создать в его районе финскую область Ингерманландию (характерно, что потенциальный захват города белыми шел вразрез с этими планами, что и сказалось на отсутствии поддержки финнов войскам генералов А.П. Родзянко и Н.Н. Юденича). В интересах «военной партии» было разжигание конфронтации с Советской Россией, что и выполняли террористы и разведчики, засылавшиеся на территорию России. Показательно, что приказ об организации актов саботажа на востоке подписал генерал А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг, бывший русский генштабист, возглавивший финский Генштаб^{IV}.

Финские террористы из ингерманландцев-эмигрантов организовали в Петрограде даже свою штаб-квартиру. Невзирая на потенциально колоссальные жертвы гражданского населения, они планировали ночные взрывы электростанции, двух водопроводных станций и ряда предприятий, поджоги наиболее важных зданий в погружившемся во мрак городе. 30 марта 1919 г. в «колыбели революции» прогремели взрывы, не причинившие, однако, серьезного ущерба, но, наоборот, приведшие к усилению мер безопасности и контроля со стороны властей. Одним из руководителей и организаторов разведывательных операций и диверсий был финский активист Э. Хайкелль. Финны участвовали и в организации саботажа на Балтийском флоте. В частности, британские торпедные катера, атаковавшие Кронштадт летом 1919 г., базировались в Терийоки (ныне — Зеленогорск). По этой линии финны взаимодействовали с британской разведкой, в частности, с агентом П. Дюксом. Финляндию не устраивал сильный русский Балтийский флот, причем уничтожить его, потопив корабли, планировалось в результате заигрываний с белыми и красными (до захвата Петрограда топить «красные» корабли планировали с помощью белогвардейцев и их сторонников, а после топить «белые» корабли с помощью сторонников большевиков)^V.

^I Зорихин А. Г. Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922. М., 2023. С. 177.

^{II} Подробнее см.: Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // Русский сборник. 2013. Т. 13. С. 121–144.

^{III} Подробнее см.: Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004.

^{IV} Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России. С. 129.

^V Там же. С. 141.

Итоги борьбы спецслужб в период Гражданской войны оказались неутешительными для всех сторон. Спецслужбы красных и белых находились на стадии своего зарождения, профессионализм их сотрудников был невелик. Работа спецслужб была сопряжена с техническими трудностями: мало было собрать информацию, требовалось донести ее в сжатые сроки до центров принятия решений, а организация эффективных каналов связи через линию фронта представляла трудную задачу.

В отношении разведывательной деятельности огромное преимущество было у белых, разведчики которых обладали высоким образовательным цензом и должностным статусом и, что особенно важно, полностью соответствовали критериям назначения на руководящие посты в РККА. В то же время ни один советский агент, не будучи кадровым офицером старой армии в достаточно высоких чинах, не мог рассчитывать на карьеру в белом лагере. Но белым такая асимметрия не помогла.

В наибольшей степени критериям профессиональных разведчиков и контрразведчиков соответствовали бывшие офицеры Генерального штаба, однако в красном лагере они оказались отстранены от разведывательной и контрразведывательной работы в пользу более лояльных с точки зрения большевиков людей. Кадры профессиональных разведчиков разбазаривались и уничтожались. В результате пострадал профессионализм.

Работа белой контрразведки, несмотря на ряд успешных операций, осложнялась общим разложением и хаосом белого тыла. Разложение затронуло и контрразведчиков, нередко воспринимавших свои особые полномочия как средство личного обогащения или злоупотребления властью.

Белая разведка испытывала серьезные кадровые, финансовые, организационные проблемы, но основная проблема лежала в иной плоскости — речь шла о фатальной недооценке противника. Белая разведка вплоть до конца Гражданской войны регулярно предвещала скорый крах большевистского режима, рассуждала о его нежизнеспособности. Однако свою нежизнеспособность продемонстрировали сами белые режимы. Белогвардейские разведчики на всем протяжении Гражданской войны не видели в большевистском лагере ничего, кроме пресловутого «красного террора», не замечали эволюции советской системы, ее административного и карательного аппарата. Разумеется, нельзя говорить о том, что советская разведка или контрразведка переиграла белую. Каждая из сторон имела свои успехи и провалы, однако определяющую роль в победе большевиков сыграли отсутствие у них шаблонности, новизна мышления, способность и готовность учиться, в том числе на собственных ошибках, воспринимать и перерабатывать новые идеи. Закостеневшие в традиционализме белые оказались на это неспособны.

§ 2. Генштабисты в антибольшевистском подполье

«Никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны», — говорил коммунист Карл Радек¹. Опыт российской Гражданской войны подтвердил правоту

¹ Плутник А. Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 287.

этих слов. Многие офицеры, претерпев в 1917–1918 гг. невиданные прежде унижения, мечтали о реванше. Соответственно, как в рядах Красной армии, так и в Советской России в целом не могли не возникнуть разнообразные подпольные антибольшевистские организации, в которых участвовали и генштабисты.

Один из офицеров отмечал, что «в январе 1918 года в России существовало множество контрреволюционных организаций, возглавляемых гражданскими и, в основном, военными лицами. По крайней мере десять офицеров из моего бывшего полка, живших в Москве, состояли в этих тайных организациях... Несмотря на всю конспирацию, большинство подобных организаций действовали крайне непрофессионально. Кроме того, в их рядах были предатели и шпионы... во всех этих тайных организациях витал дух романтики. Они могли существовать лишь до той поры, пока у большевиков не была налажена служба тайной разведки»^I. Бывший генерал А.М. Сиверс (негенштабист) также критически отозвался об офицерском подполье в дневниковой записи конца августа 1918 г.: «Я бы понял саботирование, но все эти контрреволюционные заговоры ни к чему. Пользы не принесут, а лишь губят людей. Я поражаюсь отсутствию здравого смысла у большинства офицеров. Борьба – почтенная вещь, когда идешь на нее во имя идеи, но тогда нужно умение выполнить, умение хранить в строжайшей тайне.

Наше офицерство оказалось неумным и преступно болтливым»^{II}.

Генштабисты работали в подпольных организациях, вероятно, с самого начала Гражданской войны. Еще 30 января 1918 г. в письме Б.В. Савинкова генералу М.В. Алексееву о подготовке антибольшевистского переворота в Петрограде отмечалось, что в руководящий орган петроградской подпольной организации должен войти офицер Генерального штаба, назначенный Донским гражданским советом под председательством Алексеева^{III}.

В феврале 1918 г. выдающимся контрразведчиком, бывшим следователем по особо важным делам при штабе Западного фронта В.Г. Орловым в Петрограде по предложению представителей французской армии капитанов Ш. Фо-Па Биде и Э. Вакье и представителей английской армии кадета В. Ватсона и лейтенанта Э. Бойса^{IV} с согласия генерала М.В. Алексеева по плану, одобренному бывшим главнокомандующим Кавказской армией генералом Н.Н. Юденичем, находившимся тогда в Петрограде, было организовано тайное разведывательное бюро в составе 80 сотрудников. Некоторые члены организации проникли в большевистские учреждения. Организация вела сбор важной информации в интересах генерала Алексеева и союзников. В марте 1918 г. организация внедрилась в штаб военного руководителя Петроградского района генерал-лейтенанта А.В. фон Шварца (негенштабиста). Штаб Шварца был связан с союзниками, в том числе с британским дипломатом Р.Б. Локкартом. Организация была раскрыта большевиками, а генерал Шварц бежал из Советской России^V. В своем рапорте белому коман-

^I Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С. 241–242.

^{II} Сиверс А. М. Дневник. 1916–1919 / сост. А. Б. Гулярян. М., 2019. С. 424.

^{III} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 68. Л. 2об.

^{IV} Выражаю благодарность историку британских спецслужб в России периода 1914–1922 гг. Ю. Х. Тотрову за уточнения.

^V ГА РФ. Ф. Р-3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.

дованию Орлов отмечал: «Как только выяснилось, что задуманная цель создания белогвардейских частей в центре большевизма провалилась, большинство чинов штаба во главе с ген. [К.И.] Рыльским ушло, а затем, дабы не претерпеть судьбы расстрелянного [А.М.] Щас[т]ного, ушел и сам ген. Шварц, а один из его ближайших помощников Генерального штаба полковник Борис Петрович Поляков был арестован Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и ему как помощнику ген. Шварца было предъявлено прямое обвинение в измене Советской республике, выразившейся в формировании белогвардейских частей и в сношении с союзниками.

На место генерала Шварца был назначен генерал Парский, являвшийся типичным деятелем красноармейского типа¹. Добавим, что в конце ноября 1918 г. английской разведке удалось нелегально переправить генерала Н.Н. Юденича с супругой, адъютантом и еще одним офицером через границу в Финляндию². В результате генерал смог в дальнейшем возглавить Белое движение на Северо-Западе России.

Мощную подпольную организацию «Союз защиты Родины и Свободы» создал Б.В. Савинков, выдававший себя за представителя Добровольческой армии. Политически организация была ориентирована на эсеровскую партию, но в ее состав входили антибольшевистски настроенные офицеры, не обязательно разделявшие партийные установки, в том числе монархисты. Командующим силами организации был генерал-лейтенант В.В. Рычков. Начальником штаба военного подполья стал монархист³ полковник А.П. Перхуров, командированный в Москву в марте 1918 г. одним из вождей Белого движения на Юге России генералом Л.Г. Корниловым⁴. Перхуров считал, что в случае восстания в Москве сможет вывести на улицы 300–400 вооруженных подпольщиков⁵. Вскоре организация попала в поле зрения ВЧК. В конце мая – начале июня чекисты провели масштабные аресты подпольщиков, арестовав до ста человек, что привело к ликвидации московской организации. Однако руководящий состав аресты не затронули, поэтому «Союз» смог продолжить работу.

После московских арестов члены «Союза» сосредоточили усилия на подготовке восстаний в городах Верхней Волги – Ярославле, Рыбинске, Костроме, а также в Муроме, где располагались структуры ВВС. Позднее Савинков утверждал, что согласно выработанному в июне плану «союзники, высадившись в Архангельске, могли бы без труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москве. Кроме Рыбинска и Ярославля, предполагалось также завладеть Муромом (Владимирской губ.), где была большевистская ставка, и, если возможно, Владимиром на востоке от Москвы и Калугой на юге. Предполагалось также выступить и в Казани. Таким образом, нанеся удар в Москве, предполагалось окружить столицу восставшими городами и, пользуясь поддержкой союзников

¹ Там же. Л. 2об.

² BAR. N. N. Iudenich collection. Box 23. Подробнее см.: Тотров Ю. Х. Английская разведка в России. М.: СПб., 2023. С. 236–237, 255.

³ См., напр., оценку Б. В. Савинкова: Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее. Исторический альманах. М.: СПб., 1993. С. 107.

⁴ И. А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004. С. 106; Клементьев В. Ф. В большевической Москве (1918–1920). М., 1998. С. 17.

⁵ Клементьев В. Ф. В большевической Москве. С. 163.

на севере и чехословаков, взявших только что Самару, на Волге, поставить большевиков в затруднительное в военном смысле положение»^I. Впрочем, стратегический смысл такой географии восстаний (закрепление на Верхней Волге в ожидании высадки союзников в Архангельске, поддержка антибольшевистского фронта в Поволжье, концентрическое наступление на Москву) остается предметом споров и предположений^{II}.

Подпольщикам удалось в 1918 г. поднять восстания в Муроме (8–10 июля), Рыбинске (8 июля) и Ярославле (6–21 июля). Последнее, организованное лично Перхуровым, оказалось наиболее крупным, заговорщики не только захватили город, но и удерживали его на протяжении двух с лишним недель. Восстания в других местах были предотвращены.

Десант союзников высадился в Архангельске не через четыре дня после начала Ярославского восстания, как Савинков сообщал Перхурову^{III}, а лишь 2 августа, причем Вологду союзники так и не заняли. Весь план провалился. Интересно, что в Ярославле руководители восстания действовали от имени генерала Алексеева^{IV}.

Наряду с другими офицерами, в организации состоял выпускник ускоренных курсов 2-й очереди бывший штабс-капитан А.К. Македонский, служивший в РККА. Македонский фигурировал в датированном 27 мая 1918 г. списке № 6 ВГШ среди других бывших офицеров Генерального штаба, желавших получить назначения в новой армии^V. В качестве предпочтительных мест службы отмечено: «Желает получить назначение на должность по Генеральному штабу в Казани, Москве или в одном из приволжских городов»^{VI}. Эти пункты соответствовали намеченным подпольщиками центрам их организации. Пожелание Македонского было удовлетворено. С 22 июня 1918 г. он занимал должность делопроизводителя оперативного отдела штаба Ярославского военного округа. Дата его назначения позволяет предположить, что в штаб округа он был внедрен специально. Однако Македонский «с момента белогвардейского мятежа в гор[оде] Ярославле (6 июля 1918 года) на службу не являлся и исключен из списков штаба как неизвестно где находящийся»^{VII}. По делам подполья Македонский ездил в Кострому, после чего уехал из Москвы на белый Юг. В августе он был зачислен в Добровольческую армию^{VIII}. В дальнейшем служил во ВСЮР и в Русской армии. У белых Македонский дослужился до полковника. По мнению комиссара Ярославского военного округа В.П. Аркадьева, «чины штаба округа перешли на сторону белогвардейцев и из всего штаба остался только один служащий Веденеев. Из этого видно, что работа как всего штаба Ярославского военного округа, так, в частности, и работа разведки совершенно остановились»^{IX}.

^I Савинков Б. В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 32.

^{II} Подробнее см.: Кручинин А. С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения-V: Мат-лы науч. конф., посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 2003. С. 283–286.

^{III} Бройде С. и М. Ярославский мятеж. По запискам генерала Перхурова. М., 1930. С. 25; Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 13.

^{IV} Ярославское восстание. 1918 / сост. Е. А. Ермолин, В. Н. Козляков. М., 2007. С. 28–29, 33.

^V Подробнее об этих списках см. главу II.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 65; Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 105.

^{VIII} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 194.

Белый разведчик А.А. Борман (негенштабист) вспоминал о подполье в 1918 г.: «Какие тогда были возможности! Чека еще не оплела всю Россию своей сетью и действовала ощупью, работать было не только возможно, но даже не очень трудно. Чекисты были заняты, главным образом, ловлей невинных людей, а лица, стремившиеся работать против большевиков, разъезжали в комиссарских вагонах, сидели на видных местах в комиссариатах и в красных штабах. Однако не сумели сделать того, что хотели. Чего-то не хватало. Недоставало центрального штаба действия. Было слишком много мудрствования и обсуждений. Все примеряли и прикидывали, а когда собирались резать, то наступал какой-то паралич рук»¹. Это свидетельство справедливо и в отношении генштабистов в белом подполье.

В подпольной организации правых эсеров состоял бывший полковник А.А. Ткаченко. В карточке арестованного в апреле 1919 г. он написал, что «в феврале 1918 г. вступил в организацию партии правых с[оциалистов]-р[еволюционеро]в. Цель ее: охрана порядка в Москве в случае падения власти большевиков. В июле [19]18 г. организация распалась, в окт[ябре] 19[18] г. была совершенно ликвидирована.

Активных действий отнюдь не предполагалось.

Сам я никакой активной деятельности не вел.

С окт[ября] 19[18] г. ни в каких конспиративных организациях не участвовал»².

В другом документе в МПКК Ткаченко более подробно обрисовал суть работы организации: «Организация сформирована в феврале 1918 г. Цель ее — преемство власти. В февр[але] 1918 г. господство партии большевиков предполагалось непродолжительным (это совпало как раз с началом немецкого наступления вслед за заключением Брестского договора). Ввиду того, что междувластие всегда сопровождается анархией, для предупреждения ее и решено было подготовить организацию, которая и приняла бы на себя поддержание порядка. Активных действий отнюдь не предполагалось, и все инструкции партии предупреждали о необходимости самого строгого воздержания от всяких выступлений. Эта организация в действительности и не была замешана в каких-либо выступлениях. К июлю прошлого года эта организация распалась, а в октябре того же года была совершенно ликвидирована.

Меня выдал арестованный здесь же бывший генерал В.И. Соколов. Сношения с ним у меня были таковы: он знал о существовании право [э]с[е]р[ов]ской организации и, вслед за ее ликвидацией, предложил мне передать оставшихся от организации людей в его ведение. Я не мог это выполнить, так как непосредственных сношений ни с одной группой организации не имел. Сно[ша]вшиеся с группами лицо в то время было арестовано.

Тот же Соколов предлагал мне вступить в его организацию, на что с моей стороны последовал категорический отказ. По существу дела я никакой активной роли в организации не играл, партии с[оциалистов]-р[еволюционеро]в, собственно, нужно было мое имя, как начальника революционного штаба в Москве в Февральскую революцию 1917 г. С октября прошлого года, т.е. уже более полугода, я никакого отношения ни к каким политическим партиям и явным и тайным организациям не имел»³.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 39–40.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 257. Л. 102об.

³ Там же. Л. 104–104об.

Особую роль в разведывательной работе белых сыграли их крупные агенты в руководстве РККА. Эти агенты действовали как в составе организаций, так и индивидуально. Одним из таких агентов являлся бывший подполковник Ф.Е. Махин, состоявший с 1917 г. в партии эсеров¹ и возглавивший штаб военной организации партии. В 1918 г. Махин по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию². Как вспоминал Г.И. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в партии социалистов-революционеров красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создании наших ячеек»³. Член ЦК партии эсеров Е.М. Тимофеев на процессе правых эсеров заявил, что подрывная работа эсеров в РККА началась после подписания Брестского мира: «С помощью [под]полковника Махина мы разваливали Красную армию и на фронте по Волге создавали свою военную силу. Дальше мы этот фронт приняли и преступную работу в Красной армии прекратили»⁴. Другой член ЦК той же партии, М.А. Веденяпин, писал, что благодаря участию в работе Махина «как человека с законченным военным образованием и богатым опытом войны, военной секции удалось наметить план правильной организационной работы и создать необходимые центры, связанные с партией, при некоторых большевистских военных учреждениях. Это обстоятельство позволяло быть в курсе военно-организационных и оперативных предположений самозванных вершителей судеб России»⁵.

Оказавшись в рядах РККА, Махин вскоре достиг высоких постов – стал начальником Уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией. Во многом в результате измены и дезорганизующих распоряжений Махина в начале июля 1918 г. красным пришлось оставить Уфу. За неделю пребывания на своем ответственном посту Махин сумел изменить оперативный план штаба и захватил важные документы. При подходе чехословацких войск к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику С. Чечеку, фактически сдал ему город⁶ и передал чехам захваченные документы. Уже через день после его перехода на станции Миньяр в 110 км к востоку от Уфы произошло соединение челябинской (полковник С.Н. Войцеховский) и самаро-златоустовской (полковник С. Чечек)

¹ По другим данным, с 1906 г. (Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002. С. 895).

² Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 53.

³ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 15.

⁴ Правозероковский политический процесс в Москве 8 июня — 4 августа 1922 г.: Стенограммы судебных заседаний. М., 2011. Т. 1–2. С. 579.

⁵ Веденяпин М. А. От члена Центрального комитета партии социалистов-революционеров // Земля и Воля (Самара). 1918. 11.07. № 76. С. 3; Его же. К возрождению России (роль партии социалистов-революционеров) // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 21.07. № 11. С. 2.

⁶ Чечек С. От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе Участников Волжского Движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 264.

групп чехословаков, в результате чего от большевиков была практически полностью освобождена огромная территория от Волги до Тихого океана. Вскоре Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района и постановлением Комуча был произведен в полковники^I.

В начале июня 1918 г. Махин добивался перевода в Приволжский или Приуральский военные округа^{II} – на территории, где позднее были развернуты вооруженные силы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Просьбы Махина о подобном переводе не случайны: еще весной 1918 г. социалисты-революционеры приняли решение о переводе своих организаций в Поволжье и на Урал^{III}. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК^{IV}. Не исключено, что аналогичные просьбы В.О. Каппеля о переводе в штабы Приуральского, Приволжского или Ярославского военных округов^V также были обусловлены связями этого генштабиста с антибольшевистским подпольем. Уже летом 1918 г. центры этих военных округов, прежде всего Самара и Ярославль, стали очагами сопротивления большевикам.

С организацией Савинкова был связан еще один крупный белый агент в Красной армии – генерал-майор А.Л. Носович^{VI}. В мае 1918 г. по распоряжению руководства «Союза защиты Родины и Свободы» (Носович также упоминал штаб московского отдела Добровольческой армии) и содействовавшей последнему французской военной миссии генерала Ж.Ф.А.М.Г. Лаверня Носович поступил на службу в РККА, где был назначен начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Белый агент являлся старым сослуживцем военного руководителя округа бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева. Это знакомство пригодились при назначении.

Работа белого агента на руководящем посту стала возможной из-за неразберихи начального периода создания советских вооруженных сил, отсутствия в армии лояльных большевикам квалифицированных командных кадров. Носович сумел внедрить во вверенный ему штаб группу сотрудников, связанных с белым подпольем. В период с мая по сентябрь 1918 г. Носович и его помощники вели подрывную работу в пользу белых^{VII}. Подпольщики разжигали конфликты в советском руководстве, стремились вызвать беспорядки в войсках. По некоторым направлениям, например в сфере обороны от немцев, интересы подпольщиков,

^I РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 51об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

^{III} Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; Каревский А. А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2001. С. 11.

^{IV} Подробнее о Махине см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 27–332; Его же. Свой межу туђима и туђ межу својима. Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд, 2021.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 63.

^{VI} Подробнее о нем см.: Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А. В. Ганина. М.: СПб., 2021; Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 547–643; Его же. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М., 2022.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 544. Л. 108–122.

французской миссии и большевиков в какой-то степени совпадали. Кроме того, Носович старался оказать поддержку Донской и Добровольческой армиям.

С прибытием в Царицын чрезвычайного комиссара И.В. Сталина деятельность белых подпольщиков оказалась на грани провала. Сталин не смог разоблачить Носовича как белого подпольщика, но в целом с недоверием относился к бывшим офицерам, стараясь их устранять с ответственных постов, и, скорее всего, подозревал Носовича в нелояльности. В начале августа часть подпольщиков была арестована. Но вскоре Носович и его помощник бывший полковник А.Н. Ковалевский (степень его вовлечения в подпольную работу остается неясной) смогли освободиться в результате вмешательства сотрудников Высшей военной инспекции, куда также проникла белая агентура. Свою связь с подпольем Носович отрицал, заявляя, что «пост почти постоянный временного военрука на таком виду, что, во всяком случае, я не о 2-х головах, чтобы, состоя начальником штаба, держать в руках какие-нибудь нити заговора»^I.

В дальнейшем Носович продолжил свою работу. В октябре 1918 г., находясь на ответственном посту помощника командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина и исчерпав возможности для продолжения нелегальной работы, Носович бежал к донским казакам, передав им информацию о положении на фронте, планах красного командования, шифры и коды^{II}. Донское казачье и добровольческое командование отнеслось к Носовичу недоброжелательно. Произошло это в силу неналаженности связи с подпольем и обмена информацией о действующей агентуре, внутренних противоречий, фанатичного непримиримого антибольшевизма, недалковидности, отсутствия гибкости мышления. На Дону перебежчик подвергся аресту и едва смог избежать серьезных репрессий. В своих воспоминаниях он впоследствии высказал нелицеприятное мнение о белом командовании: «И действительно, эту квинтэссенцию кретинизма трудно не пропустить – больно уже стыдно за действующих лиц... хотели расстрелять; два раза судили: оба раза оправдали и не воспользовались его (Носовича. – А.Г.) сведениями о Красной армии»^{III}.

Большевики по итогам измены Носовича сделали важные выводы, способствовавшие укреплению Красной армии. Были осуществлены кадровые перестановки и репрессии, прежде всего в штабе Южного фронта. Отстранены и арестованы командующий фронтом П.П. Сытин и начальник штаба А.Н. Ковалевский. Причем Сытин был подвергнут домашнему аресту «в связи со сбивчивыми показаниями и объяснениями Сытина по поводу командированных им лиц без ведома и согласия членов Ревсовета и самовольной отправкой в Тамбов ворона с невыясненным грузом»^{IV}. Сытина сменил П.А. Славен (негенштабист), а Ковалевского – В.Ф. Тарасов (отметим, что и Славен и Тарасов позднее дезертировали из РККА). Арест Сытина оказался непродолжительным, а соратника Носовича Ковалевского расстреляли. Кроме того, красные попытались минимизировать утечку данных

^I РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 6.

^{II} Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 305.

^{III} Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 4. Гл. 9. С. 46 // BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (7) (4). Vox 1; Его же. Белый агент в Красной армии. С. 394.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 894. Л. 10.

и вероятные последствия измены. В частности, было прекращено использование прежних шифров.

В отличие от красных, белые не сумели воспользоваться переходом к ним Носовича, продемонстрировав поразительный непрагматизм. Не получили должной оценки добытые Носовичем важные оперативные данные. Намного больше внимания белое командование посвятило дележу автомобиля, который Носович угнал у красных. Некомпетентность белого командования и органов разведки поставила под удар сотрудников перебежчика, оставшихся в Советской России и в РККА. Сам Носович оказался на некоторое время под арестом, причем за этот период привезенные им сведения устарели. Впоследствии тексты Носовича, как и его образ широко использовались в советской пропаганде. В частности, как антигерой Носович был представлен в повести А.Н. Толстого «Хлеб (Оборона Царицына)» (1937) и в художественном фильме «Оборона Царицына» (1942; роль Носовича играл актер В.А. Гремин).

Военрук Северо-Кавказской советской республики А.А. Сосницкий летом 1918 г. также сотрудничал с Носовичем и другими подпольщиками. Есть данные о том, что он принимал на службу членов екатеринодарской подпольной организации «Круг спасения Кубани» (ею руководил генерал Н.А. Букретов¹). Так, адъютантом Сосницкого устроился член этой организации офицер Герасимов (негенштабист). В результате в разведывательные органы республики проникла белая агентура, что позволило белым некоторое время получать точные данные о численности, дислокации и планах войск красных².

Курсовик И.Д. Чинтулов в признательных показаниях по делу «Весна» в 1931 г. отметил, что «в январе 1918 г. в комитет Военной академии (Генштаба) поступило письмо ген. Алексеева, быв[шего] наштаверха, обращение к молодым генштабистам, нечто вроде завещания. В нем указывалось[, что] ввиду создавшейся обстановки на территории России ген. Алексеев признает, что не все смогут собраться к нему, а потому предлагает оставаться на местах, поступать на службу и работать, не забывая основной задачи воссоздания Великодержавной России. Это смысл его обращения. Его унес с собой шт[абс]-кап[итан А.Л.] Симонов – пред[седатель] комитета. Я не помню состава комитета, не знаю, кто может это подтвердить. Б[ыть] м[ожет], бывш[ий] кап[итан] конной артиллерии Григорьев Ю.И., был военруком в Москве. Помню со слов Симонова, информированного полк[овником] Андогским, нач[альником] академии, что подобного рода обращение якобы было направлено и к старым генштабистам в Гл[авном] упр[авлении] Генерального штаба. Проверить эту версию я тогда не мог, но мне кажется она вполне правдоподобной. При данной установке возникновение военной организации, возглавляемой Генштабом, ясно. При этом ясно, что она могла возникнуть отдельными ячейками, которые подчас работали, вероятно, независимо, а затем смыкались»³. Вопрос доверия такого рода свидетельствам остается открытым. Известно, что Алексеев отправлял послания своим знакомым в Советскую Россию. Нельзя исключать того, что

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 620; Василенко Г. И. Ликвидация «Круга спасения Кубани» // Кубань (Краснодар). 1980. № 11. С. 84.

² Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063. Л. 195об.; РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 199об.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 18об.

отправлялись призывы целым штабам и учреждениям. Разумеется, подобными обращениями могли руководствоваться ценившие мнение Алексева генштабисты.

Как и в Белом движении в целом, в белом подполье также не было единства. Московские подпольные организации в 1918 г. разделились в соответствии с ориентацией на Германию (организация генерал-майора С.А. Довгирда) или страны Антанты, а также по партийной принадлежности (эсеры, кадеты, монархисты) и целям борьбы (установление белой диктатуры, созыв Учредительного собрания, восстановление монархии). Созданный лидерами кадетов «Национальный центр», как и командование белых, ориентировался на Антанту. «Правый центр» выступал за возрождение монархии и германскую ориентацию. Политические деятели даже в подпольных организациях занимались составлением отвлеченных проектов будущего устройства России, а подлинная разведывательная работа велась в основном бывшими офицерами. В июне 1918 г. в Москву из Добровольческой армии по заданию белого командования приехал генерал Б.И. Казанович. Донесение о положении в Москве он отправил генералу М.В. Алексееву со своей дочерью, проехавшей через Оршу в Новочеркасск¹. Московское подполье произвело на Казановича впечатление авантюры: деятельность некоторых военных организаций сводилась к составлению списков членов, по которым впоследствии чекисты смогли арестовать перечисленных подпольщиков².

Видный государственный деятель того периода В.И. Гурко был склонен винить генштабистов, усугублявших раскол подполья: «Едва ли не наибольший вред окончательной организации московской вооруженной антибольшевистской силы нанесла группа офицеров Генерального штаба, состоявшая в тесной связи с Савинковым и по его наущению усердно вооружавшая офицерство против тесной связи с Правым центром, будто бы всецело связавшимся с немцами. Вопрос так называемых ориентаций весьма сложный, но раньше чем его коснуться, не могу не сказать, что именно в этот период в Москве, в среде офицеров Генер[ально-го] штаба, которым я пытался объяснить положение, занятое Правым центром, я впервые вполне постиг ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры в развале русской армии и тем самым в развале государства... Что же мудреного, что те же офицеры Генерального штаба всего охотнее отозвались на зов Савинкова, усматривая в нем представителя того политического течения, которое в то время в глазах большинства имело наибольшие шансы заменить у власти большевиков. Мотив для отхода от Правого центра, однако, выставлялся другой, а именно — та немецкая ориентация, которой будто бы придерживался этот центр. Действительно, политических разногласий между Правым центром и Савинковым в то время не возникало. Разногласие было тактическое. Правый центр полагал, что большевиков можно свалить, только разгромив их в Москве, Савинков думал, что легче поднять восстание одновременно во многих местных центрах и уже оттуда подойти к Москве. Тщетно я объяснял, что у Правого центра нет иной ориентации кроме русской и что в выборе между державами Согласия и Германией единственное начало, которым центр этот руководствуется, — это

¹ Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май — июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 198.

² Там же. С. 197.

польза государственная. Приводил я и известные слова [Г.Д.Т.] Пальмерстона, некогда сказавшего, что у Англии нет постоянных союзников, а есть лишь постоянные интересы. Чувства неприязни и даже вражды к нации, с которой вели ожесточенную войну в течение трех с лишком лет, вполне понятны, но руководствоваться чувствами в политике нельзя. Точно так же немисливо говорить о какой-то верности союзникам, когда эти же самые союзники заявили готовность поддерживать у власти поработителей России, лишь бы они согласились продолжать борьбу с Германией. Следует помнить, что согласно латинскому изречению — *vetita privatim, publice jubentur* — запрещенное в частных отношениях в отношениях общественных обязательно. Когда верность государства принятым им на себя обязательствам смертельно вредна интересам народа, соблюдение этой верности правителями является не чем иным, как предательством по отношению к своему народу. Честь правителей зиждется не на соблюдении принятых ими международных обязательств, а на всемерном охранении интересов своего народа. Иной образ действий не только не разумный, но и преступный. Люди, взявшие на себя бремя охраны интересов своего народа, не имеют права руководствоваться иными соображениями, кроме отвечающих этим интересам. Тут вопросам чести не место. На международном рынке расценивается не честь народов, а лишь степень их мощи. Соблюдая во что бы то ни стало принятые государством обязательства, правители, в сущности, ограждают не честь народа, свойства которого от этого не изменятся, а лишь собственную, личную честь, иначе говоря, действуют, сами того, быть может, не сознавая, в высшей степени эгоистично.

Подобно тому как офицеры Генерального штаба в Москве склонялись на сторону организации Савинкова под предлогом, что Национальный центр придерживается германской ориентации, а в сущности потому, что усматривали большие выгоды в союзе с Савинковым, нежели с организациями, состоявшими в связи с Правым центром, так и образовавшийся в Москве в апреле 1918 г. Союз возрождения России порвал существовавшую у него дотоле связь с Правым центром под разными несущественными предлогами, причем думается мне, что истинной причиной была боязнь, что в случае восстановления русской государственности правыми кругами вновь восторжествует тот государственный строй, который был повержен еще Февральской революцией¹.

С весны 1918 г. в Москве действовал «Союз возрождения России», одним из создателей которого был генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Организация была связана с партией меньшевиков. Болдырев руководил центральной военной организацией союза, зарегистрировался в Красной армии, но затем через Украину перебрался в Поволжье и осенью 1918 г. занял пост главнокомандующего антибольшевистскими силами на Востоке России. Летом 1918 г. в Москве Болдырев занимался подбором кадров для органов военного управления белого Востока. На встрече с эмиссаром Добровольческой армии генералом Б.И. Казановичем Болдырев сообщил: «Видите ли, у нас войск настоящих еще нет, а намечены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнется восстание, но там происходит какая-то ерунда, и нам

¹ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917–1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11–12.

нужен человек, который объединил бы все это»^I. Казанович ответил отказом. В Петрограде военной организацией союза руководили народный социалист В.И. Игнатьев, а также генералы-генштабисты А.И. Верховский и М.Н. Суворов^{II}. Работал на белых в рядах РККА и генерал С.Н. Розанов, посланный в качестве агента с белого Юга^{III}.

Существенную роль в поддержке антибольшевистского подполья играли дипломатические представительства союзных держав в Москве, а также представители союзников на местах. Так, в Казани летом 1918 г. находилась французская военная миссия капитана Ф. Борда, которая взаимодействовала с организациями белых. В городе действовал «Союз защиты Родины и Свободы» Б.В. Савинкова. Савинковцы перевели в Поволжье (в том числе в Казань^{IV}) свои нелегальные структуры после масштабных арестов конца мая – начала июня 1918 г. в Москве. Кроме того, в Казани работала организация генерала И.И. Попова, насчитывавшая порядка 450 членов (прежде всего, офицеров). Однако ее руководитель был в конце мая 1918 г. арестован и позднее расстрелян^V. В дальнейшем подпольную работу в Казани возглавлял генерал Г.Д. Романовский^{VI}.

В Царицыне с белыми подпольщиками взаимодействовал французский консул Ш. Шарбо (в частности, он был связан с начальником штаба Северо-Кавказского военного округа бывшим генералом А.Л. Носовичем)^{VII}.

Серьезные последствия для красных имел переход к белым в июне 1919 г. командующего 9-й армией бывшего полковника Н.Д. Всеволодова. Он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков за всю историю Гражданской войны. Его переход к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. В частности, статья Всеволодова «Разгром южных советских армий» из белогвардейской газеты «Утро Юга» (№ 157-185 от 17 (30) июля 1919 г.), в которой он, вероятно не без некоторого преувеличения, написал о своей подрывной работе у красных накануне перехода, была добыта советской разведкой и хранилась уже в сентябре 1919 г. непосредственно у Дзержинского. Фрагменты этой статьи представляют при критическом к ним отношении значительный интерес в рамках рассматриваемой темы. Всеволодов, в частности, писал: «Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта... вместо нанесения могущественного удара при помощи 9[-й] и 10[-й] армий советскому командованию пришлось сдать Царицын, Балашов, Борисоглебск, эти важнейшие центры, с их многочисленными запасами»^{VIII}.

^I Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». С. 195.

^{II} Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Часть 1 // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 105; Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 657.

^{III} Приложение к № 18 газеты «Русская армия» (Омск). 1918. 11.12. С. 1.

^{IV} Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 90.

^V Там же. С. 101.

^{VI} Подробнее о казанском подполье см.: Ганин А. В. «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М. В. Алексею о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4, № 4. С. 75–81.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 74–74об.

^{VIII} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29–29об. Подробнее об измене Всеволодова см.: Ганин А. В. Измена командармов. С. 365–670.

Саботажники-генштабисты для красных были куда опаснее в центральных учреждениях и штабах. По данным белой разведки, московский представитель Добровольческой армии летом 1918 г. имел выход на лиц, «в непосредственной близости находящихся к Всероссийскому Генеральному штабу»¹. Сложно сказать, кто конкретно имелся в виду, но позиции белых подпольщиков в ВГШ были действительно сильными.

Значительную помощь Добровольческой армии оказал начальник Управления по командному составу ВГШ (июнь — сентябрь 1918 г.) генерал-лейтенант А.П. Архангельский. Как вспоминал генерал А.Н. Нищенков, «он много добра сделал многим офицерам, многих спас буквально от смерти и сам удрал от большевиков, взяв отпуск... Я его и напутствовал, когда он задумал удрать из Москвы от большевиков»². При его реабилитации военно-полевым судом на белом Юге «суд нашел, что генерал-лейтенант Архангельский фактически состоял на службе у большевиков с 25 октября 1917 года по 15 сентября 1918 года, занимая должности первоначально начальника Главного штаба (до его расформирования), а затем начальника Управления по командному составу армии Всероссийского главного штаба, причем по его личному признанию он, Архангельский, сделал это не “по добросовестному заблуждению”, а вполне сознательно и с ведома и по соглашению с другими высшими представителями Военного министерства ввиду признания всеми необходимости сохранить от большевистского развала важные органы государственного управления, в особенности в предположении близкого подавления власти большевиков, а также чтобы быть на страже обездоленного и угнетаемого русского офицерства, а впоследствии с мая 1918 года и по лозунгу выдающихся политических деятелей правых партий, возглавлявших военную организацию... суд вполне определенно установил, что он не только никакими личными целями и видами не руководствовался, а наоборот, рискуя своей головой, вел постоянную тяжелую борьбу с большевиками и их комиссарами, в частности: в Петрограде — с прапорщиком [А.Я.] Семашко и в Москве — с Караханом, всегда отстаивая интересы генералов и офицеров, и в этом отношении достигал иногда реальных успехов, т.к. ему удалось до своего ухода: 1) сохранить и вывезти в Москву ценные и важные документы Главного штаба, необходимые в будущем — при возрождении надлежащей русской армии; 2) успел удержать дела пенсионного отделения, предназначавшиеся к передаче в комиссариат социального обеспечения, — при Главном штабе, благодаря чему вопрос о пенсиях и пособиях разрешался по пенсионному уставу достаточно быстро и насколько возможно в пользу офицеров; 3) оказывал услуги Добровольческой армии, давая ей ценные и важные сведения о положении Красной армии; 4) сообщил Добровольческой армии о заключенном немцами с Троцким дополнительном тайном договоре, по которому немцы настаивали на принятии советской властью энергичных мер к решительному подавлению чехословацкого движения, мятежа генерала Алексева и к удалению союзников с Мурмана и из Архангельска; 5) несмотря на декрет о воспрещении отъезда из Москвы офицеров, добился по просьбе группы офицеров командирования значительного

¹ Так в документе. Речь идет о ВГШ.

² ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 24.

³ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 16об.

числа их на Уральский фронт (в Пермь), благодаря чему некоторым из них удалось пробраться к чехословакам; 6) делая все для поддержания и отстаивания интересов офицерства, предупреждал тех из них, коим грозила опасность попасть под “чрезвычайку”, и этим путем дал возможность нескольким офицерам избежать ареста и скрыться; 7) пользуясь незнанием большевиками техники штабной [работы] и формирования армии, способствовал их затруднениям в формировании и таким образом вообще, не принося большевикам никакой пользы, по возможности тормозил их деятельность, чем и вызвал с их стороны подозрение в саботаже и удаление от должности, и 8) вообще во всей своей деятельности, будучи, по характеристике одного из свидетелей, кристаллически чистым, стремился, насколько был в силах, нести принятый им на себя “тяжелый крест службы у большевиков”, оставаясь верным долгу русского офицера^I. По одной из оценок, благодаря его стараниям «большевики не смогли к началу 1919 года сформировать даже четвертой части из намеченного ими числа стрелковых дивизий, предполагавшихся к посылке на добровольческий фронт»^{II}. В сентябре 1918 г. Архангельский бежал из Советской России на Украину, откуда перебрался к белым. Впоследствии он стал видным деятелем белой эмиграции и даже возглавил главную военную организацию эмигрантов – РОВС.

На белых работал и начальник Оперативного управления ВГШ бывший генерал-майор С. А. Кузнецов, курировавший вопросы учета и назначения генштабистов. Именно он весной – летом 1918 г. командировал в Поволжье многих генштабистов, впоследствии прославившихся в рядах белых армий, в том числе В. О. Капеля, Ф. Е. Махина, И. И. Смольнина-Терванда^{III}. Кроме того, Кузнецов передавал белым важную документацию, которая проходила через него.

Генерал А. П. Архангельский писал по поводу Кузнецова генералу А. С. Лукомскому 8 октября 1918 г.: «Многоуважаемый Александр Сергеевич! В ответ на Ваше письмо от 15 сентября (ст[арого] ст[илия]), полученное мною сегодня, спешу сообщить следующее. За несколько дней до моего отъезда из Москвы, 12 или 13 сент[ября] нового стиля, я был у С. А. Кузнецова, начальника Оперативного управления Вс[ероссийского] гл[авного] шт[аба]. Он мне передал, что после заключения договора, дополнительного к Брестскому, германский министр иностранных дел Гинце^{IV} обратился к советским властям с нотой, которая является как бы новым дополнением к договору. Нота секретная, и в конце ее имеется указание о необходимости сохранения ее в тайне. С содержанием всей ноты в целом я не имел ни времени, ни возможности ознакомиться, но с некоторыми ее пунктами С. А. Кузнецов меня ознакомил (в переводе), прибавив, что будут приняты меры к доставлению всей ноты в Добровольческую армию. В одном из пунктов немецкое правительство настаивает (германское правительство “ожидает”) на принятии советскими властями решительных мер к немедленному прекращению чехословацкого движения и наступления, к удалению союзников с^V движения и к подавлению мятежа (или

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 291–291об.

^{II} Орехов В. Кончина генерала Архангельского // Часовой (Брюссель). 1959. № 404. Декабрь. С. 4.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 36, 97.

^{IV} Правильно — П. фон Хинц.

^V Далее утрачена строка угасающего текста.

восстания — точного выражения не помню) генерала Алексеева. Если советская власть окажется не в состоянии достигнуть указанных выше задач собственными силами, то она не должна противодействовать продвижению для достижения этих целей немецких сил по территории России. Затем в одном из пунктов ноты говорится о праве немецкого командования воспользоваться до окончания войны судами Черноморского флота для мирных целей, но уже в следующем пункте предусматривается право воспользоваться этими судами, если в этом встретится надобность, и для военных потребностей. Эти данные казались мне настолько важными для Добровольческой армии, что я тотчас по приезде в Киев сообщил П.Н. Ломновскому, а увидев полк[овника Г.К.] Ерофеева и узнав, что он едет в Добров[ольческую] армию, сообщил и ему о требованиях немцев относительно Добровольческой армии для скорейшего доклада там. Сведения эти казались мне тем более важными, что еще в Москве я слышал о том, что немцы пытались войти в переговоры с генералом Алексеевым, но неудачно, а также о том, что немцы видят наибольшую для себя опасность именно в Добровольческой армии и в генерале Алексееве. Из сопоставления всех этих данных с передачей советским властям вооружения, снаряжения и боевых запасов, захваченных немцами на наших фронтах, а также с формированиями на немецкие (по-видимому) средства и при помощи немцев Астраханской и Южной армии — для меня было ясно, что немцы принимают все меры как к ослаблению численности Добровольческой армии путем отвлечения от нее добровольцев и к поселению розни между ними, так и по возможности к полному ее уничтожению. Эти соображения также побудили меня сообщить упомянутые выше сведения полк[овнику] Ерофееву. Что касается Дона, то я говорил лишь, что немцы, по-видимому, предали его большевикам, обязавшись дополнительным к Брестскому договору [соглашением] очистить жел[езно]дор[ожную] линию Воронеж — Ростов, а также не признав его самостоятельности. По-видимому, и советские власти пришли к убеждению, что немцы не будут поддерживать Дон в его борьбе с большевиками. Сведений о том, что немцы потребовали от советской власти сосредоточения возможно больших сил против Дона, у меня не было, и я об этом не говорил полк[овнику] Ерофееву. Но фактически советское правительство действительно старается стянуть против Дона большие силы и усиливает меры для борьбы с ним. В числе этих мер находится и усиление агитации, и созыв или, вернее, “назначение” походного донского Круга, и усиление войск около Балашова и на поворинском направлении¹. Факт подпольной работы Кузнецова подтверждал и другой белый подпольщик генерал Б.В. Геруа².

Крупной фигурой в военно-политической элите Советской России являлся бывший генерал-лейтенант Н.Н. Стогов. 8 мая 1918 г. он стал первым начальником ВГШ — одного из высших органов управления зарождавшейся Красной армии. Уже в 1918 г. Стогов был связан с объединенной офицерской организацией (военной организацией «Национального центра») — антибольшевистским вооруженным

¹ ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–106.

² «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». Письмо генерал-майора Б. В. Геруа о заговоре в штабе Петроградского района и Северного участка завесы в марте — мае 1918 г. / публ. К. А. Тарасова // Исторический архив. 2020. № 6. С. 118.

подпольем в Москве¹. Деятельность Стогова вызывала подозрения. Так, комиссар И.Л. Дзевалтовский 19 июля 1918 г. сообщал в Наркомат по военным делам, что Стогов «в своей деятельности старается обособиться от комиссаров, не сторонник живой и энергичной работы для Советской республики, в дело создания Красной армии не только не верит, наоборот, считает наши цели иллюзией. На существующий строй смотрит как на временный... Такую работу я не могу считать честной»².

Полковник Л.Н. Новосильцев, направленный летом 1918 г. генералом М.В. Алексеевым в Москву для связи с подпольем, писал в своем докладе: «Офицерство: Часть служит у большевиков, но уже желает страховаться на будущее, и, узнав о моем приезде, генералы Стогов и Архангельский непременно желали видеть меня и просили указаний, как им помочь нам в нашей задаче. Я ответил, что всякая работа к упорядочению Красной армии будет только вредной, и от них получено много сведений, которые везет [А.А.] Лодыженский»³.

С московским подпольем, по-видимому, был связан и бывший генерал-лейтенант В.И. Селивачев. Начальником штаба организации состоял бывший генерал-лейтенант В.И. Соколов, также находившийся на службе в комиссии по исследованию и использованию опыта войны, что, впрочем, не давало ему особых возможностей для ведения подпольной работы в РККА. После того как Соколову предъявили написанный его рукой черновик сношения с иногородней офицерской организацией, он признал свою вину.

Документ был буквально следующим: «Применительно к предыдущему циркуляру штаба надлежит теперь же, если не встретится особых затруднений или препятствий, приступить к переформированию офицерского состава подведомственной Вам организации по родам оружия и сообщенным Вам в вышеупомянутом циркуляре штатам — пехотных офицеров в один батальон и артиллерийских офицеров в один дивизион 2-батарейного состава, с назначением соответствующих по штатам начальников. Инженерных офицеров временно следует причислить к пехоте.

О результате переформирования ожидается уведомление.

Начальник штаба объединенной организации»⁴.

Если этот документ не являлся фальшивкой, наивность подпольщиков, указывавших свои должности, поразительна.

По некоторым данным, офицером для поручений у подпольщиков значился генштабист полковник Иванов⁵. Стогов считался главой организации, но находился под подозрением с конца 1918 г., неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог.

Наивность В.И. Соколова ярко заметна в карточке арестованного, составленной МПКК, где бывший генерал написал: «Предъявлено обвинение как к начальнику

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 38. Подробнее о подпольной деятельности Стогова см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 644–694; Его же. Военспецы. С. 669–746.

² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94.

³ ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 2. Д. 12. Л. 2об. Оpubл. в: «Оттянуть Гражданскую войну не удастся». С. 38–39.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 223. Л. 61.

штаба белогвардейской боевой организации; между тем организация не преследовала боевых целей и не имела в виду выступления против правительства, т.е. не имела контрреволюционных задач, что подтверждается инструкцией для организации, имеющейся в распоряжении следователя Особого отдела; согласно инструкции главной задачей офицерской организации, в которой я состоял, [было] образование кадров для будущей постоянной армии; имелось в виду, что война не может скоро окончиться и для воссоздания России потребуется мощная армия, для которой необходимо объединить разрозненных бывших опытных офицеров, прошедших в рядах армии войну. Никаких выступлений против правительства не только не имелось в виду, но лично мною принимались все меры против каких бы то ни было мечтаний по этому поводу. Организация ничего общего с существовавшими и существующими другими боевыми организациями не имела и ни к каким политическим партиям не принадлежала. В силу изложенного прошу ходатайства об облегчении участи»¹.

Вообще в 1918–1919 гг. были арестованы практически все руководители антибольшевистского военного подполья в Москве. По всей видимости, ВЧК активно использовала для разоблачения подполья провокаторов из бывших офицеров, наблюдала за подозреваемыми. Трудно представить, чтобы в таких условиях белое подполье могло успешно работать.

Один из руководящих работников ВЧК В.Р. Менжинский отмечал, что «связи организации («Национального центра». — А.Г.) в военном ведомстве были громадны, белогвардейцы фактически распоряжались Главным управлением [военно-] учебных заведений, Главным военным инженерным управлением, Центральным управлением военных сообщений и штабом железнодорожных войск (обороны). Очень сильные связи у них были во Всероглаштабе, в Московском окружном штабе, Главном артиллерийском управлении, в Военно-законодательном совете и др.»². Подобную оценку следует считать преувеличенной.

По итогам ликвидации «Национального центра» другой высокопоставленный чекист, первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский на I съезде Особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., выступил с крайне невнятным и бессвязным докладом, в котором заявил: «Из документов [Н.Н.] Щепкина, которые мы захватили, известно, что создавались кадры генштабистов, которые рассовывали по органам управления и объединяли в своих руках. Таким образом, мы встречаемся с подготовкой технического захвата наших аппаратов»³. К подобным выводам Павлуновский пришел, скорее всего, в результате допросов генштабистов, арестованных по делу ПШ РВСР. Докладчик отмечал опасность использования подпольем возможностей Красной армии, различных советских структур и даже техники в интересах белых. В частности, по данным Павлуновского, подпольщики из «Национального центра» пользовались одной из советских радиостанций для организации связи

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 254. Л. 77–77об.

² Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 35. Интересно, что почти дословно эти же данные привел в своем докладе И.П. Павлуновский (Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 128).

³ Архив ВЧК. С. 126.

с белым Югом¹. Тем не менее связь с белыми у московских подпольщиков была крайне неустойчивой.

Среди сотрудников Стогова по ВГШ оказались несколько его единомышленников – противников большевиков. Серьезной фигурой в антибольшевистском подполье был 3-й обер-квартирмейстер ГУГШ, начальник военно-статистического отдела и разведывательной части ВГШ и член комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела бывший полковник А.В. Станиславский. По характеристике генерала В.Ф. Джунковского, это был «образцовый офицер Генерального штаба, скромный, благороднейший и весьма пунктуальный, исполнительный, работать с ним было одно удовольствие»².

Фактически через Станиславского руководство разведкой и контрразведкой в Советской России, хоть и не в полном объеме в связи с наличием параллельных ВГШ структур, находилось в руках противников большевиков, связанных с Антантой³. Начальник французской военной миссии в Москве выдал ему свидетельство о том, что Станиславский «честно поддерживал связь с французской миссией, давал сведения по разведке, не считаясь с тем, что мог быть за это арестован»⁴. Генштабист был представлен к награждению офицерским крестом французского ордена Почетного легиона⁵. В сентябре 1918 г. Станиславский выехал в командировку в район Брянска и перешел на территорию Украины.

В итоге ВГШ в глазах большевистского руководства приобрел устойчивую репутацию оплота контрреволюции. Многие генштабисты, работавшие в штабе, прошли через аресты, некоторые были расстреляны, в том числе по делу «Национального центра». По-настоящему мощные административные рычаги у подпольщиков имелись в 1918 г., тогда как позднее члены организации, за некоторым исключением, оказались отстранены от важных постов в советском военном руководстве. Летом – осенью 1919 г. чекисты смогли ликвидировать военную организацию «Национального центра», однако генералу Стогову удалось бежать к белым.

В совершенно секретном докладе одного из белых подпольщиков подполковника Иванова от 3 ноября (21 октября) 1919 г., адресованном начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР, сообщалось, что ко второй половине октября 1919 г. «военная организация Национального центра совершенно разгромлена, из главных остались лишь ген. Стогов и ген. Б.А. Левицкий. Ген. Стогов неработоспособен и в данное время скрывается. Все шифры, находившиеся у Н.Н. Щепкина, попали в руки большевиков и пользоваться ими нельзя»⁶. Левицкий планировал создавать в Москве новую военную организацию и ожидал указаний Деникина. Автор доклада отмечал, что «в настоящее время ему (Левицкому. – А.Г.) удастся доставать сведения с большим трудом, так как все, дававшие сведения, необычайно запуганы расстрелами, так, что приходится

¹ Там же. С. 129. Данные подтверждаются показаниями арестованных: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 393–394.

² Джунковский В. Ф. Воспоминания (1915–1917). М., 2015. Т. 3. С. 368.

³ Письмо в редакцию // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 342.

⁴ Остряков С. З. Военные чекисты. М., 1979. С. 25.

⁵ Письмо в редакцию. С. 342.

⁶ HIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.

действовать иногда даже угрозами, что не дающих сведений будут вешать белые. За генералами и другими крупными чинами, находящимися на большевической службе, Левицкий следит, насколько они приносят пользу большевикам и насколько они усердно работают»^I. Левицкий в итоге бежал к белым вместе со Стоговым. По делу «Национального центра» проходил также бывший генерал Н.А. Бабилов^{II}, до ареста – помощник управляющего делами РВСР и член Военно-законодательного совета, расстрелянный под Архангельском в мае 1920 г.

По делу о заговоре Локкарта был арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения с принудительными работами выпускник ускоренных курсов Военной академии Е.М. Голицын, служивший в РККА^{IV}. В московской подпольной организации «Правый центр» в 1918 г. состоял член Высшей аттестационной комиссии РККА бывший генерал-лейтенант Я.К. Цихович^V, служивший в РККА с 1918 по 1920 г., а затем бежавший из Советской России в Польшу^{VI}.

Судя по всему, генштабистов, поступивших в РККА по заданию различных антибольшевистских организаций, было существенно больше. Не случайно руководитель военной организации московского «Национального центра» Н.Н. Стогов однажды сказал начальнику артиллерии той же организации А.Е. Флейшеру: «Странно, что все мы – я (то есть Н.Н. Стогов), Архангельский А.П., А. Мочульский, П.П. Лебедев и многие другие (фамилий Н.Н. Стогов не называл) – пошли на службу к большевикам с благословения правых национальных кругов (правого крыла “Национального центра”) специально, чтобы не дать формироваться армии, и они (то есть А.М. Мочульский, П.П. Лебедев) предали на сторону советской власти...»^{VII} Как следствие, борьба с персональным предательством была обозначена на I съезде Особых отделов в декабре 1919 г. как наиболее приоритетное направление деятельности этих органов^{VIII}.

О контактах осторожного П.П. Лебедева с антибольшевистским подпольем в Гражданскую войну действительно упоминали фигуранты дела «Национального центра» еще в 1919 г.^{IX} Участник Белого движения на Востоке России курсовик полковник А.Г. Ефимов отмечал в частном письме военному историку Б.Б. Филимонову от 25 сентября 1933 г., что «Красная армия создана фактически старыми офицерами, мечтавшими превратить ее в русскую. Я говорю, конечно, не о шкурниках, а о тех офицерах, которые не за страх, а за совесть работали по созданию Красной армии и тайно думали с ее помощью уничтожить большевиков. К числу таких принадлежала и большая группа офицеров Ген. штаба во главе с начальником штаба красной ставки (В[оенно]-Рев[олюционн]ого Сов[ета]) генер[алом] Лебедевым (Павел Павлович). При политической отсталости нашего народа мечтать о том, чтобы надуть старую, опытную в демагогии партию большевиков, было

^I Так в документе.

^{II} HIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.

^{III} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 248, 386.

^{IV} Архив ВЧК. С. 584–585.

^V Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». С. 192.

^{VI} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 92–93.

^{VII} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 408.

^{VIII} Архив ВЧК. С. 129.

^{IX} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 251, 408.

^X Правильно – РВСР.

большой наивностью»^I. Источник такой уверенности Ефимова остается неизвестным. Через много лет после Гражданской войны в эмигрантской газете «Возрождение» в связи со смертью Лебедева была опубликована заметка, где отмечалось, что покойный поддерживал контакты с белыми, в частности со своим однофамильцем Д. А. Лебедевым, ставшим начальником штаба адмирала А. В. Колчака, утверждалось, что П. П. Лебедев верил в превращение РККА в национальную русскую армию и был причастен к возвращению в Советскую Россию генерала Я. А. Слащева^{II}. Насколько подобные утверждения достоверны, неизвестно.

Что касается разведывательной работы московского подполья, то ущерб Красной армии от нее, вопреки советской историографии^{III}, был невелик. По оценке члена РВСР С. И. Гусева, документы, изъятые у одного из руководителей московского «Национального центра» Н. Н. Щепкина, свидетельствовали об отсутствии у подпольщиков выходов на крупных штабных работников, поскольку добытые материалы в большинстве своем были запоздалыми, малоценными или неточными^{IV}. Список донесений, поступивших на протяжении 1919 г. из московского «Национального центра» в разведывательное отделение штаба главнокомандующего ВСЮР, отнюдь не впечатляет^V. Не способствовало успехам и поразительное непонимание руководителями подполья сущности большевизма. Так, генерал Стогов в своих рассуждениях о красных не шел дальше того, что они были представителями мирового еврейского заговора^{VI}.

Генерал А. И. Деникин впоследствии писал, что «Московские Центры»^{VII} поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя...»^{VIII} Деникин имел в виду выпускника академии бывшего генерал-лейтенанта В. И. Селивачева, в августе – сентябре 1919 г. командовавшего группой войск Южного фронта^{IX}.

^I Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 270.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 88.

^{III} Остряков С. З. Военные чекисты. С. 52–53.

^{IV} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 276–280.

^V ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 189. Л. 3–3об. Документ опубликован в: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 693–694.

^{VI} NIA. Vrangell collection. Box 39. Folder 1.

^{VII} Т. е. «Правый центр» и «Национальный центр».

^{VIII} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 548.

^{IX} Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 182–188.

Имеются сведения о наличии белой агентуры и в окружении советского главкома И.И. Вацетиса. Так, в разведсводке колчаковской Ставки от 1 марта 1919 г. упоминалось о беседе белого агента с Вацетисом в ПШ РВСР в Серпухове 19 февраля. В ходе разговора агент узнал, что «большевики намереваются повести наступление демонстративное [на] уфимском направлении седьмого марта, а главный удар на пермском направлении двадцать второго марта. Из того же источника усиление красных для нанесения главного удара [на] пермском направлении возможно за счет оренбургского фронта. Агенту полного доверия нет. Эти сведения совпадают с агентурными данными нач[альника] раз[ведывательного] от[деления] Сибирской [армии]»^I.

Подпольная работа была сопряжена со смертельным риском. Тем более что чекисты занимались проверкой военспецов при помощи провокаторов. Описание одной из таких операций сохранилось в материалах дела Г.И. Теодори. К нему по заданию председателя ЧК при Союзе коммун Северной области В.Н. Яковлевой был подослан разведчик ЧК Э.Ф. Бирк. В докладной записке от 9 ноября 1918 г. тот сообщил, что получил предписание ехать в Москву и разыскать там среди прочих Теодори, Хитрово и Асмуса, которым передать следующее: «Я из Уфы, контрразведчик армий генерала Болдырева», что нач[альник] контрразведки полковник Текерин, нач[альник] штаба генерал [С.Н.] Розанов, главный генерал-квартирмейстер полковник [А.Д.] Сыромятников»^{II}. Далее следовало передать просьбу об отправке офицеров к белым, а «молодых офицеров Генштаба отправлять «Томск к Маяку»»^{III}. Возможно, чекисты эксплуатировали тему пребывания старой Военной академии в Томске.

Агент докладывал: «Из трех лиц при Военном совете я нашел только Теодори на Пречистенке, 37, сказал, что я имею кое-что ему передать по дороге на улице. Я говорил ему, что я из Уфы, пароли, он спрашивал: а документы есть, я ответил да. Приехали мы к дому 51 по Остоженке, в отдельной комнате он меня^{IV} спросил, какие есть у меня бумаги, а я показал удостоверение, что я был задержан Петроградской Чрезвычайной комиссией, «ну ничего не нашли при вас!». Пароли он не знал. Спрашивал, кто там находится и кого я знаю, я перечислил все лица, из всех он знает только полковника Сыромятникова. Говорил, что они очень неосторожны и «удивляюсь, здесь меня считают своим, а там тоже они меня своим считают». На отправку офицеров он ответил, что «здесь нет свободных офицеров Генерального штаба, а которые остались, дали подписку советской власти служить».

На путь следования он ответил: «Надо принять во внимание». Но этот ответ можно было принимать двояко. Он мне говорил, что они зря губят народ (агенты), что многих перестреляли, так же и тех, к которым они были посланы. Сведения дать мне не может, так как дал подписку служить советской власти, он получил из армии Алексеева и Астраханской армии письмо с угрозой, что он будет убит, если будет Советам служить. На днях получает повышение вроде начальника контрразведки, и если бы я завтра явился, то он бы принужден [был] меня

^I РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 85.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 16.

^{III} Там же.

^{IV} В документе — мне.

арестовать. “Сегодня я вас не выдам”. “Моя партийность, – говорит Теодори, – заключается в том, что я ходатайствую об освобождении офицеров” и показал на письмо, где было написано “Секретно” и “Товарищу Свердлову”. По моему мнению, он принадлежит к организации, но не вреден советской власти... Дополнение: В комнате Теодори хотел вырвать у меня записную книжку, но я не дал, говорил, что там есть еще другие поручения. На улице он говорил: “Ведь в этом доме живет еще агент Чрезвычайки. Ну, разыскивайте других, я вам не могу быть полезным”^I.

Теодори в целом хорошо держался перед провокатором, однако не выдал его, что могло иметь негативные последствия для военспеца. Сам Теодори впоследствии описал инцидент совсем иначе: «Во время службы в Опероде осенью ко мне на углу Пречистенка, 37 и Штатного пер. подошел огромного роста по типу латыш, назвавший меня отчетливо по имени, отчеству и фамилии, и сказал, что прислан от Болдырева. На мое удивление, что я никогда не знал Болдырева и что он отбывает наказание (судя по газетам) в Петрограде, он смутился. Так как за этот период мы заметили, что за Араловым (тогда жил в Долгом[?] пер.), за мною, а может быть, и за [В.П.] Павуланом была слежка, акцент и национальность^{II} говорящего, точность, с которой он знал имя, отчество и фамилию, время, когда я хожу обедать, а главное его смущение, заставило меня убедиться в том, что он подослан кем-либо, то я умышленно прошел мимо дома, направлялся на М[алый] Знаменский пер., 3. Когда я проходил мимо квартиры, незнакомец удивился, что я не остановился. Это еще более утвердило меня, что я имею дело с лицом, специально подосланным, чтобы меня скомпрометировать.

Я заявил ему, что живу в районе Арбат, решив сдать его^{III} в наш контроль. После этого (мы шли по левой стороне Остоженки по направлению Храма Христа Спасителя) незнакомец юркнул в один из переулков около Остоженка 22 или 20. Я был без оружия, ибо всегда хожу без оружия, и задержать его не мог бы, тем более, он мог меня свалить ударом кулака. Немедленно я сообщил об этом Аралову, Тракману и Чинтулову. Кроме указанного никаких разговоров не было, а также он у меня на квартире не был»^{IV}.

Существовало антибольшевистское подполье и на Северо-Западе России с центром в Петрограде. В каком-то смысле это было неизбежно. Хотя город в марте 1918 г. утратил статус столицы и главного военного центра страны, с ним оставалось связано немало бывших офицеров, продолжавших проживать или служить в Петрограде и окрестностях. В местах концентрации офицерства обычно и возникали антибольшевистские подпольные организации. Здесь же находились многочисленные иностранные представители, а близость границы с Финляндией давала возможность для контактов с белыми, не требуя перехода через линию фронта. Впрочем, многие наблюдатели, как отечественные, так и иностранные, скептически оценивали возможности петроградского подполья^V. Значимую роль в нем также играли генштабисты. Известно, что в такой работе участвовал

^I ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 16–16об.

^{II} В документе — национального.

^{III} В документе — ему.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 69об.–70.

^V Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. С. 18; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 14–15.

бывший генерал-майор Б.В. Геруа, назначенный начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы. Как свидетельствовал однополчанин Геруа по лейб-гвардии Измайловскому полку полковник А.Я. фон Бретцель, «генерал [А.В. фон] Шварц пытался получить власть над оставленными войсками во имя обороны столицы. Около него собирается группа верящих ему лиц. Образуется “Штаб обороны Петрограда”, переименованный, кажется, в “Штаб Петроградского района”. Генерал А.В. Шварц просит Бориса Владимировича быть непосредственным помощником — внешним и конспиративным — и состоять при нем в качестве начальника штаба. Поборов сомнения и колебания, Б.В. Геруа, в конце концов, соглашается, подчеркнув на инициативном секретном заседании, что идет на эту работу с исключительной целью попытаться свергнуть власть Советов — тогда еще молодую. Занимаясь по наружному виду организацией обороны Петрограда, Шварц приступил к подпольному сбору офицеров, которые образовали группы по полкам, в готовности явиться, когда настанет время. В основу секретных кадров был положен чудом устоявший бывший запасный батальон л[ейб-]гв[ардии] Семеновского полка...

План шварцовской организации потерпел крушение, т.к. немцы сговорились с большевиками и до Петрограда не дошли, остановившись на высоте Пскова. С другой стороны, многие монархисты и офицеры старой армии откололись политически в сторону тех же немцев, наивно полагая найти в них опору.

Исчезал предлог — оборона Петрограда, а подпольные силы, на которые рассчитывали для переворота, пошатнулись в своем единстве. Хотя адмирал Щастный, пришедший из Финляндии с флотом, и уверял, что его матросы готовы атаковать Смольный, обстановка казалась далеко не надежной. При таких условиях выступление должно было оказаться скороспелой авантюрой и не обещало никакого успеха.

В начале мая 1918 года Б.В. Геруа первый вышел из организации... вскоре за ним последовал и А.В. Шварц. Адмирал Щастный был вызван под каким-то предлогом в Москву и без суда расстрелян.

Около этого времени большевики приступили к формированию Красной армии, а Борис Владимирович, уйдя окончательно от служеб[ных] дел, принял участие в отправке надежных офицеров на белый фронт, который обозначался на Юге России¹. Интересно, что «покончив со своей работой при ген. Шварце, Б.В. Геруа пожелал ознакомить группу измайловцев с положением вещей и наступившим переломом. Через конспиративную связь собрались почти все наличные тогда в Петрограде офицеры, чел[овек] 30–40. Это было последним собранием измайловцев в Петрограде»².

Сам Геруа впоследствии признавал, что «в феврале 1918 г. по призыву ген. А.В. Шварца и с благословения Правого центра, возглавлявшегося в Москве Влад[имиром] И[осифовичем] Гурко, я вступил в организацию ген. Шварца... я заявил, что принимаю, после величайших колебаний, на себя роль ближайшего помощника ген. Шварца (его начальника штаба), считая нашу задачу вдвойне

¹ Бретцель А. Я., фон. Борис Владимирович Геруа // Измайловская старина (Александрия). 1935. Тетрадь 24. С. 130–131.

² Там же. С. 130.

патриотической (немцы, большевики), и что лично я иду в эту работу, главным образом, ради второй задачи, к которой можно приблизиться через первую. Я не помню точно моих слов, но помню приведенные здесь мотивы, которые мною руководили, и тот факт, что я их изложил перед собранием совершенно определенно. Из моих слов я помню только фразу, которою я хотел “сломать лед” осторожно-сти, замечавшейся при обмене мнениями и затуманивавшей главную цель. Я сказал: “Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков”. Конечно, все и шли в организацию Шварца для этого, но нужно было это громко установить с тем, чтобы не возвращаться уже снова к формулировке основных целей^I. Шварц сотрудничал с представителями подпольной организации флотских офицеров, а Геруа наладил связь с подпольной организацией генерала Б.В. Шульгина^{II}. Подпольщики поддерживали связь с Москвой через полковника Б.П. Полякова, который в июне 1918 г. был арестован, но в целом добились немногого. Геруа признавал впоследствии, что большевики переиграли подпольщиков, поставив военспецов себе на службу. Сам Геруа устроился от работы, оставив свой пост 16 мая 1918 г. В сентябре и декабре 1918 г. он побывал в Москве^{III}, ездил и в Вологду. 11 января 1919 г. Геруа бежал из Советской России через финскую границу и прибыл в Гельсингфорс, где примкнул к белым. Характерно, что военспецов, честно работавших в Красной армии, Геруа считал оппортунистами, служившими ради карьеры или самосохранения, либо серыми середняками, плывшими по течению^{IV}.

В подпольной антисоветской организации в Петрограде летом 1918 г. состоял выпускник старой академии генерал от кавалерии Г.О. Раух. Собственную агентурную сеть в Петрограде создал и бывший начальник Петроградского охранного отделения, в прошлом генерал-майор К.И. Глобачев^V. Подпольной деятельностью он занялся по просьбе генерал-майора В.П. Никольского^{VI}. Агентура Глобачева работала на «Правый центр», кроме того, генерал взаимодействовал с британским разведчиком С. Рейли. В 1917–1918 гг. в Петрограде существовала и военная организация «Правого центра», штабом которой руководил полковник Б.П. Поляков, а контрразведывательное отделение возглавлял капитан Р.Д. Мергин^{VII}. В связи с петроградским подпольем упоминались бывшие подполковники М.А. Баторский^{VIII} и П.П. Дурново.

В 1919 г. во главе подготовки вооруженного выступления в Петрограде, которое должно было начаться при подходе к городу частей Северо-Западной армии

^I «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». С. 115–116.

^{II} Подробнее см.: Тарасов К. А. Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март — июнь 1918 г. // ЖРВИИ. 2019. № 2 (17). С. 32–69; Его же. «Все, кто против большевиков, — с нами»: деятельность организации Шульгина — Филоненко в Петрограде (январь — март 1918 г.) // Новейшая история России (СПб.). 2019. Т. 9, № 3. С. 580–594; Его же. Заговор в штабе Петроградского района и Северного участка завесы, март — май 1918 года // Новый Часовой (СПб.). 2021. № 23. С. 119–143.

^{III} HIA. N. N. Iudenich collection. Box. 10. Folder 11.

^{IV} «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». С. 118.

^V Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 173.

^{VI} Там же. С. 438.

^{VII} К истории осведомительной организации «Азбука» / публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. 1993.

^{VIII} Кн. 4. С. 187; Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. С. 347.

^{VIII} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. С. 397, 402–403.

генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, стоял еще один офицер Генштаба, подполковник В.Я. Люндеквист. В прошлом гвардейский офицер, этот генштабист был мобилизован в РККА в феврале 1919 г. Интересно, что в 1918 г. он содержал кафе-гастрономию на углу Бассейной и Надеждинской улиц, где находилось место встречи петроградских гвардейских офицеров, в том числе подпольщиков^I. В Красной армии он служил на должностях начальника штаба 1-й стрелковой дивизии, временно командующего бригадой 19-й стрелковой дивизии, начальника штаба Петроградской группы 7-й армии, командующего Олонецким фронтом и, наконец, начальника штаба 7-й армии. Люндеквист отличался медлительностью, что мешало оперативной работе^{II}.

По некоторым данным, с самого своего поступления на службу в РККА он сотрудничал с петроградской организацией «Национального центра». По другой версии, его сотрудничество с подпольем началось лишь осенью 1919 г. и с «Национальным центром» никак не связано. Первоначально его деятельность в пользу белых заключалась в передаче сведений о состоянии РККА. Считается, что в сентябре 1919 г. он разработал и переправил в штаб Юденича план взаимодействия участников петроградского антибольшевистского подполья с наступавшей Северо-Западной армией, указав слабые пункты советского фронта. В распоряжении Люндеквиста находился 4-й минно-подрывной дивизион (около 200 человек) под командованием В.И. Карпова, который являлся частью, укомплектованной сторонниками белых. Дивизион предполагалось использовать в диверсионных целях — сначала прервать связь штаба армии со штабом фронта и с Петроградом, а далее действовать в красном тылу по обстановке.

В своих показаниях Люндеквист сообщил: «Я развил мысль, по которой необходимо разрушить связь штаба армии с фронтом, захватив штаб дивизионом Карпова или же просто порвав провода, связывающие штаб армии с фронтом и Петроградом, разрушить провода во всех шоссе-ных и иных дорожных центрах, нарушив связь фронта с Петроградом и с тылом, тем временем с дивизионом Карпова двинуться в Гатчину, захватив насильственно поездной состав, продвинуться по железной дороге до пункта, наиболее близко отстоящего от штаба 6-й дивизии, захватить штаб 6-й дивизии и отсюда двинуться на фронт. Я предполагал, что части, расположенные на фронте, потеряв управление из глубины, окажутся неустойчивыми и легко начнут поддаваться панике и беспорядку»^{III}. Как оказалось, ненадежен был, наоборот, дивизион Карпова, стремившийся при первой возможности уйти к белым, а не выполнять поручения своего подпольного командования.

23 сентября Люндеквист уволился в месячный отпуск по болезни с 3 октября по 3 ноября 1919 г.^{IV}, что выглядит нелогичным, если бы речь шла о стремлении помочь наступавшим на Петроград белым. Причина, как выяснилось, заключалась в возникновении в его отношении подозрений в РВС 7-й армии. Члены РВС

^I Там же. С. 347.

^{II} Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. 2. С. 125.

^{III} Корнатовский Н. А. Заговор против социалистической родины. Осень 1919 года в Петрограде // Красная летопись. 1937. № 3. С. 99.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 212–214.

А.П. Розенгольц, Г.Е. Зиновьев и В.С. Шатов 18 сентября отправили председателю РВСР Л.Д. Троцкому и его заместителю Э.М. Скланскому следующую телеграмму: «Наштарм 7[-й] — швед по национальности, семья его в Крыму, кроме того, по заключению комиссара штаба проникнут англофильством. При этих условиях считаем опасным оставление его на посту наштарба на фронте непосредственного соприкосновения с англичанами. Просим откомандировать его, заменив соответствующим заместителем»^I.

Командовавший 7-й армией бывший полковник С.Д. Харламов не хотел отдавать Люндеквиста в другой штаб, так как тот «уже приработался на этом месте», а замену не прислали^{II}. Харламов писал начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву 27 сентября 1919 г., что «с уходом Люндеквиста остается пустое место. Наличные генштабисты штарма, по-моему, еще не могут занять столь ответственной должности, как наштарма, в штабах дивизий также нет никого, на кого я мог бы положиться.

Я очень просил бы Вас оказать мне дружескую услугу и посодействовать оставлению Люндеквиста в штарме, хотя бы временно до того, как я сам или Вы подыщем заместителя, который действительно был бы наштармом, а не носил бы лишь это название.

Мне, к сожалению, совершенно не известны мотивы, по которым Люндеквист убирается из 7[-й] армии, посему я не могу говорить о правильности или неправильности их. Но во всяком случае еще раз прошу, хотя бы временно оставить Люндеквиста. Иначе я останусь беспомощным. Мне же на днях предстоит операция на Гдов, где я без настоящего наштарма обойтись не могу»^{III}. Таким образом, белого агента ни в чем не подозревали. В ответ Лебедев сообщил Харламову, что Люндеквист нежелателен как швед, а фронт был якобы против шведов и финнов^{IV}. Лишь много лет спустя, 2 марта 1931 г., будучи арестованным по делу «Весна», Харламов показал: «Мой наштарм Люндеквист оказался прохвостом, изменником и работал не на меня, а на Юденича»^V. Вр.и.д. начальника штаба стал бывший капитан А.Д. Лютов^{VI}.

20 сентября 1919 г. Люндеквист получил назначение начальником штаба 11-й армии^{VII}, оборонявшей Астрахань. Чтобы не покидать Петроград и не порывать связей с подпольем, Люндеквист и придумал уйти в месячный отпуск по болезни. По окончании отпуска к новому месту службы он не отправился, в связи с чем 19 ноября из Москвы потребовали его срочного вызова^{VIII}. Однако к тому времени уже шли аресты петроградских подпольщиков.

Решения о вооруженном выступлении против большевиков в Петрограде ни в дни максимального продвижения Северо-Западной армии белых 20–21 октября 1919 г., ни позднее так и не было принято. Ко времени одного из последних совещаний подпольщиков 29 октября на фронте уже произошел перелом

^I РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 894. Л. 310об.

^{III} Там же. Л. 310об.–311об.

^{IV} Там же. Л. 312.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 16.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 894. Л. 321.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 112.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 117а.

в пользу красных, а белые так и не смогли прорваться к «колыбели революции». Таким образом, до реализации плана заговорщиков дело не дошло. Вскоре после этого белое подполье было разгромлено. Чекисты арестовали более 300 человек^I.

По официальной версии, во время облавы 9 ноября на Мальцевском рынке была задержана 16-летняя Маргарита (Жоржетта) Кюрц – дочь авантюриста И.Р. Кюрца, участвовавшего в подпольной работе. Через нее чекисты вышли на самого Кюрца и других подпольщиков, в том числе на Люндеквиста, которого дочь Кюрца выдала из-за необычного отчества. Подпольная организация официально считалась петроградской группой «Национального центра», однако, насколько это соответствует действительности, неизвестно. Люндеквиста арестовали в больнице на Суворовском проспекте. При аресте он выпрыгнул со второго этажа больницы, но бежать не смог, так как здание было оцеплено. В январе 1920 г. офицера расстреляли^{II}. Можно добавить, что впоследствии Люндеквист в качестве отрицательного героя (под искаженной фамилией Люденквист) был представлен в советском художественном фильме «Разгром Юденича» (1940). Его играл актер В.И. Честноков.

Известны и другие упоминания о подпольной работе генштабистов в Петрограде. В частности, такую работу вел в пользу Северо-Западной армии начальник сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота бывший подполковник В.Е. Медиокритский^{III}. В ноябре 1919 г. он был арестован, а в январе 1920 г. расстрелян^{IV}.

По нуждающимся в проверке агентурным данным белых, служивший в штабе советского Северного фронта капитан К.А. Умнов «оказал много ценных услуг союзникам и различным тайным организациям»^V.

Неудивительно, что когда в конце 1919 г. армия генерала Н.Н. Юденича сумела отступить на территорию Эстонии, председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский потребовал от помощника комиссара ПШ РВСР К.Х. Данишевского дать: «1) Ваше заключение о причинах выхода армии Юденича из окружающих его кольцом наших войск, которых было достаточно количественно для полного окружения и уничтожения армии Юденича.

2) Не объясняется ли выход из окружения армии Юденича нераспорядительностью и недобропредательством^{VI} отдельных лиц»^{VII}.

Мощные подпольные центры возникли на юге страны. Бывшим депутатом Государственной думы В.В. Шульгиным в Киеве была создана организация «Азбука», которая в дальнейшем финансировалась Деникиным (руководство организации перебрасывалось в Екатеринодар, отделения существовали в Киеве и Одессе). Организация занималась пропагандистской деятельностью, содействовала отправке

^I РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1146. Л. 18.

^{II} Подробнее см.: Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 408–416.

^{III} Там же. С. 420; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 295.

^{IV} Подробнее см.: Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 417–421.

^V ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 141об.

^{VI} Так в документе.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 47.

к белым офицеров, а также вела разведку на советской территории. Сотрудники организации получили псевдонимы по названиям букв старославянского языка. Помощником начальника организации был полковник А.А. фон Лампе, получивший кодовое имя «Люди»^I. В ряде случаев кадровый состав центров и «Азбуки» совпадал. Так, начальником киевского центра был полковник В.П. Барцевич, также руководивший местным отделением «Азбуки» (псевдоним «Фита»). После ухода из Киева немцев в конце 1918 г. Барцевич выпускал и распространял антибольшевистские листовки, а также пытался организовать повстанческое движение в Киевской губернии, но это начинание успехом не увенчалось^{II}. С занятием белыми Киева организация вышла из подполья, а некоторые ее сотрудники вследствие легализации оказались раскрыты. Шульгин пытался провести кандидатуру Барцевича на пост киевского градоначальника, но этот замысел не удался^{III}. Кроме того, Барцевичу пришлось противостоять деникинской контрразведке, сотрудники которой не отличались компетентностью^{IV}.

Выдающимся белым разведчиком был начальник агентурной части разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР полковник В.Д. Хартулари. Это был храбрый офицер, в 1918–1919 гг. неоднократно с огромным риском ездивший с белого Юга в командировки на советскую территорию и даже на другие белые фронты через Советскую Россию. В начале осени 1918 и весной 1919 г. Хартулари приезжал в Москву для координации работы белого подполья. Насколько можно судить, он имел отношение к созданию московской военной организации «Национального центра»^V. В 1920 г. офицер остался в красном Екатеринодаре для организации агентурной сети по новой системе, взамен прежней, разгромленной после ликвидации «Национального центра» и других подпольных организаций.

Судьба этого разведчика оказалась трагичной. В результате предательства одного из его сотрудников, мичмана Кондратенко, добровольно явившегося к чекистам, Хартулари попал в руки работников Особого отдела Кавказского фронта, став фигурантом дела «Волк» (Хартулари скрывался под фамилией Волков) о раскрытии белогвардейского подполья на Кубани. Однако чекисты от белого разведчика ничего не добились, поскольку Хартулари повесился в одиночной камере № 26 городской тюрьмы Екатеринодара. Особоуполномоченный Кавказского фронта чекист Г.А. Атарбеков телеграфировал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому 23 апреля 1920 г.: «До моего приезда местная чека совершила крупнейшую ошибку, арестовав полковника Хартулари, живущего [под] фамилией Волкова. Я не успел [о]просить его, так как он повесился в тюрьме»^{VI}.

В предсмертной записке Хартулари сообщал: «Ухожу из вашей тюрьмы я, Генерального штаба полковник Хартулари Владимир Дмитриевич, мной кончается подпольная деятельность Деникина, организации у меня нет, несколько намеченных лиц, но без моих инструкций они ничего не будут делать... уйти [в] частную жизнь. Контрреволюция юга кончилась. Мичман Кондратенко виноват только

^I К истории осведомительной организации «Азбука». С. 183.

^{II} Тюремная одиссея Василия Шульгина. М., 2010. С. 165, 263.

^{III} Шульгин В. В. 1919 год / под ред. А. А. Чемакина. М., 2018. Т. 2. С. 150.

^{IV} Там же. С. 292–293.

^V ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670. Л. 31.

^{VI} Там же. Л. 8–9.

в том, что был со мной знаком и даже намечался мною в организацию. Пред смертью не лгу, верьте мне. Если советская власть [отка]жется от коммунизма, она будет народной и даст России мир и счастье, иначе придут... [неразборчиво]. Я [верю] в вашу порядочность и прошу деньги передать моей гражданской жене и двум дочерям: Пенза, улица Гоголя, дом квартира первая Ни[не] Дмитриевне Берской^I. Разведчик пытался спасти свою агентуру, так как на самом деле организация у него существовала. Атарбеков сообщал Дзержинскому: «Мое мнение, что со смертью Хартула[ри] белые потеряли крупного организатора, но его работа будет продолжаться. Удалось установить резидента Кубанской области»^{II}.

Чекисты смогли вычислить сотрудницу Хартулари, к которой под видом белого был приставлен агент. Целью операции было выйти на московские явки белого подполья^{III}. Гибель белого разведчика необходимо было скрыть от подпольщиков, чтобы те думали, что он жив и выпущен ЧК^{IV}. Как выяснилось, Хартулари руководил подпольной организацией, имевшей резидентуры на Дону (полковник Косоногов) и Кубани (офицер Шубин). По делу было арестовано более 60 человек. В показаниях фигурантов дела нашли пересечения с показаниями московских белых подпольщиков. Однако доверенные лица Хартулари заболели и умерли в Екатеринодаре, поэтому связь в Москве установить не удавалось^V. Тем не менее чекисты в мае 1920 г. вычислили, а в июле 1920 г. вышли на знакомую Хартулари в Москве О.А. Шевельеву, которая заинтересовалась возможностью встретиться с пришедшим к ней агентом^{VI}. По делу Хартулари в августе 1920 г. был арестован профессор Московского университета, знаменитый историк М.М. Богословский^{VII}. Чем завершилась эта операция, в документах дела не указано.

Подпольная борьба не прекращалась и в 1920 г. Сохранилось свидетельство на этот счет, оставленное бывшим врангелевским офицером, захваченным красными в плен, но позднее сумевшим бежать из Советской России. В период следования по железной дороге, видимо, в августе 1920 г. у него произошла необычная встреча: «Проходя около стоящего поезда, такого же, как наш, слышу, что кто-то меня зовет: “Эй, белый, иди сюда...” Передо мною в вагоне оборванный субъект с рыжими подкрученными усами, его смеющееся лицо украшено, вещь достойная удивления, золотым пенсне. “Скажите, вы голодны? И нет денег?” “Хорошо, вот вам...” И в вытянутой руке несколько “керенок”. Он снова роется рукой в грязном мешке и вытягивает еще несколько билетов, тоже очень грязных. Я благодарю и отхожу.

Годом позже, в Варшаве, в общежитии белых офицеров, я встречаю этого же “субъекта”, который мне щедро подарил “керенки”. Оказалось, что это был

^I Там же. Л. 9–10. В искаженном виде с признанием советской власти текст записки публиковался в: Остряков С. З. Военные чекисты. С. 78 («Я — полковник Генштаба В. Д. Хартулари. Со мной кончается подпольная деятельность господина Деникина. Организации у меня еще нет, есть несколько намеченных лиц, но без моих инструкций они ничего не будут делать... Контрреволюция на юге кончилась... Советская власть непобедима»).

^{II} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670. Л. 11.

^{III} Там же. Л. 11–12.

^{IV} Там же. Л. 13.

^V Там же. Л. 31.

^{VI} Там же. Л. 46–46об.

^{VII} Там же. Л. 50.

подполковник Генштаба, посланный вглубь России, в разведку. “Помните мой мешок?” — сказал он при нашей встрече. “Там были миллионы керенок, но мешок был такой грязный, что даже “товарищи” отталкивали его с отвращением...”

Подполковник был накануне своего отъезда в Югославию; больше мне не удалось встретиться с ним^I.

Антибольшевистское подполье в рядах РККА на Украине весной — летом 1919 г. было достаточно мощным. Строительство Красной армии и советских спецслужб здесь существенно отставало от аналогичных процессов на территории РСФСР. Разумеется, это давало более широкие возможности для работы белого подполья.

По всей видимости, подбор кадров даже в советские военные учреждения оставлял желать лучшего. На службу принимались дети белых офицеров, белые подпольщики и сочувствовавшие противнику. Одна из служащих украинского Наркомата по военным делам позднее свидетельствовала: «Я не ошибусь, если скажу, что за малыми исключениями все служащие Наркомвоена радовались в душе успеху деникинской армии»^{II}.

Белые агенты, работавшие в украинских советских формированиях, были связаны с Киевским главным центром Добровольческой армии. Официальным представителем Добровольческой армии в Киеве был генерал-лейтенант П.Н. Ломновский. После того как белые организации перешли на нелегальное положение, центр возглавляли полковники Н.В. Ерарский и А.В. Станиславский. Публиковавшиеся в советское время данные о раскрытии организации Ерарского^{III} не соответствуют действительности, хотя бы потому, что на самом деле руководители организации (полковник Ерарский и подполковник Н.З. Неймирок) благополучно попали к белым, тогда как по официальной чекистской версии были расстреляны (между тем еще весной 1919 г. в советских газетах упоминалось о побеге Неймирока).

Подполковник С.Н. Ряснянский, побывавший от Добровольческой армии в Киеве в 1918 г., вспоминал: «Встретив в Киеве нескольких знакомых офицеров, среди которых были и оф[ицеры] Генерального штаба, я попросил их помогать мне, они согласились. Особенно был полезен по части доставления сведений пол[ковник] Г[енерального] ш[таба] Ерарский, который вообще выказал себя во все время войны и с большевиками выдающимся работником по агентурной разведке и доставил большевикам много хлопот, организовав в Киеве во время их господства там разведывательный пункт Д[обровольческой] ар[мии], который давал мне много ценных сведений о большевиках...»^{IV}

Подробности работы центра удалось установить из письма генерала П.А. Кусонского генералу А.И. Деникину от 25 сентября 1924 г. Кусонский писал: «Н.З. Неймирок, командуя Донской бригадой, пропал без вести в бою 17 февраля 1920 г., и жена его, проживающая в Сербии, равно как и родные, оставшиеся в Киеве, никаких сведений о нем до самого последнего времени не имели.

^I Рыхлинский В. А. Плен и побег // Военная Быль (Париж). 1964. № 68. С. 41–42.

^{II} Гауг Е. На службе у большевиков // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 213.

^{III} См., напр.: Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сталис В. В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990. С. 183–184.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 28–29.

Киевский “центр” возник самостоятельно еще в конце 1917 года, но стал работать активно, возглавляемый мною, лишь с апреля 1918 года, когда в Киеве появились офицеры из Мечетинской (Барцевич, Ряснянский и др.) и когда я был в состоянии установить непосредственную связь с Иваном Павловичем [Романовским].

В июле, когда я сидел в тюрьме у немцев, по-видимому, по распоряжению от Вас представительство Добр[овольческой] армии в Киеве (официально для русских и подпольно для “украинцев” и немцев) принял на себя ген. Ломновский с возложением на наиболее активного участника центра – Неймирока – функций не то своего помощника и заместителя, не то н[ачальни]ка штаба.

“Азбука” с “центром” была связана через полк[овника] Барцевича (расстрелян большевиками в ноябре 1920 г.), который в качестве представителя “Азбуки” участвовал на всех заседаниях “центра”, связь “центра Д[обровольческой] а[рмии]” с “Национальным центром” и “Свив’ом” осуществлялась через Неймирока, который, как представитель “центра Д[обровольческой] а[рмии]” участвовал, с правом голоса, на всех заседаниях указанных организаций – вот почему у Вас и сложилось впечатление, что Неймирок был членом нескольких организаций.

Первоначально доклады попадали совершенно случайно то к Алексееву, то к Вам, затем, когда я прибыл в августе 1918 г. в Екатеринодар, было приказано переписку с центрами сосредоточить у А.М. Драгомирова, во второй половине сентября произошли перемены – Вы назначили меня ведающим центрами (с докладом, конечно, Ив[ану] Павловичу), но это продолжалось недолго (недели три), и, по сформировании Военного управления, центры окончательно перешли в ведение Вязьмитинова (а через него Лукомского).

9 и 11 октября Неймирок разговаривал с гетманом в качестве н[ачальни]ка штаба представителя Д[обровольческой] а[рмии]. Когда Ломновский фактически вступил в должность – я не помню; после столкновения с [А.Н.] Долгоруковым он заявил официальный протест, но продолжал нести свои обязанности.

После вступления Петлюры в Киев “центр” перешел в подполье; защита офицеров велась, с одной стороны, через д[окто]ра Ю.И. Лодыженского (комитет Кр[асного] Креста по защите и помощи политическим заключенным) и, с другой, через герм[анские] военные власти; в этот петлюровский период Ломновский и Неймирок продолжали свою работу по защите и помощи офицерству, а когда последний эшелон офицеров в середине декабря был отправлен в Германию и оба названных лица убыли в район Добр[овольческой] армии, в Киеве был оставлен новый “центр”, который оставался и в невероятно трудных условиях работал в подполье до самого освобождения Киева нашей армией в августе 1919 г. Во главе этого центра стоял сперва Ген. шт[аба] полк[овник] Н[иколай] Вл[адимирович] Ерарский (один месяц), а потом, почти до самого конца (не считая нескольких дней), полковник Ген. шт[аба] Андр[ей] Вас[ильевич] Станиславский^I. Последний летом 1919 г. бежал из Киева с одним вещмешком и под видом рабочего пробрался в Варшаву, затем через Вену и Константинополь прибыл в район ВСЮР, заняв пост помощника начальника организационного отделения отдела Генерального штаба Военного управления ВСЮР^{II}.

^I Аббревиатура подпольной организации, которую расшифровать не удалось.

^{II} BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 5.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

Занимавший пост начальника оперативного отдела, а затем начальника штаба группы войск Сумского направления бывший подполковник А.И. Парв в своем рапорте отметил, что, не имея связи с белыми, сосредоточил свои усилия на срыве операций красных, причем был вынужден действовать наугад. Во многом благодаря деятельности А.И. Парва белые 28 июля взяли Полтаву, а управление войсками Сумской группы красных оказалось доведено до того, что большевикам пришлось оставить город Сумы. Затем Парв уехал в командировку в Киев и скрывался до прихода белых.

Другой белый подпольщик, подполковник Н.Ф. Соколовский, дослужился у красных до помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР. В своем рапорте белому командованию Соколовский указал, что преднамеренно составил невыполнимые расчеты мобилизации населения в украинские советские формирования. Наркомвоенмор Украинской ССР Н.И. Подвойский утвердил эти расчеты, «переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет»^I. И хотя впоследствии Соколовский утверждал, что его доклад представлял собой на $\frac{3}{4}$ подтасовку с целью показать размах подпольной работы^{II}, имеется достаточно оснований считать документ достоверным. Так, один из начальников дивизий 12-й армии М.Е. Медведев свидетельствовал, что «при всех боевых действиях под Киевом, безусловно, существовала какая-то невидимая рука, направлявшая боевую работу совершенно в другую сторону»^{III}. О невыполнимости мобилизационных планов впоследствии писал командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко. По его свидетельству, фронт запросил от наркомата значительные пополнения, однако наркомат наметил еще более широкую программу формирований — до 249 000 человек при 65 000 лошадей^{IV}. В то же время некомплект к 1 июня 1919 г., по данным Антонова-Овсеенко, составлял 287 000 человек и 134 000 лошадей^V.

Антонов-Овсеенко был информирован о потенциальном наличии белой агентуры в украинских советских штабах. Так, еще 23 февраля 1919 г. в Орле он получил записку, в которой отмечалось, что в штабе армий Украинского фронта, возглавлявшемся бывшим полковником В.П. Глаголевым, не все благополучно. Проверкой занялся Особый отдел, и при обысках были найдены компрометирующие сотрудников штаба документы и погоны^{VI}.

Впрочем, при чистках чаще страдали невинные люди, например, хранившие офицерские погоны или иные материалы, напоминавшие о прежней службе. Известен случай расстрела весной 1919 г. бывшего генерал-майора М.В. Баскова, поступившего на службу в Красную армию и служившего начальником оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта, только за то, что он годом ранее имел неосторожность сфотографироваться

^I РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 54. Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. С. 3–20.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 321. Л. 19об.; ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 2.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 14.

^{IV} Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М., 1933. Т. 4. С. 132.

^V Там же. С. 133.

^{VI} То же. М., 1932. Т. 3. С. 173–174.

с гетманом П.П. Скоропадским¹. В нашем распоряжении нет данных о возможной связи Баскова с антибольшевистским подпольем. В штаб он был назначен по рекомендации Глаголева. История Баскова позднее нашла отражение в образе военспеца-изменника Басова в советском приключенческом фильме «Адъютант Его Превосходительства».

Белые агенты пытались максимально оттянуть части красных с деникинско-го фронта, направив их на Запад и Юго-Запад Украины или на борьбу с крестьянами-повстанцами («внутренний фронт»). Подполковник Н.Ф. Соколовский способствовал углублению конфликта в советском военном руководстве на Украине между Подвойским и Антоновым-Овсеенко. Кроме того, белый агент содействовал оставлению красными Киева 30 августа 1919 г.

Оба агента были офицерами Генерального штаба, кавалерами Георгиевского оружия за Первую мировую войну, т.е. храбрыми людьми, обладавшими к тому же высоким образовательным цензом. Совокупность этих данных позволяла им успешно вести свою крайне рискованную работу. Впрочем, как отметил в свое время один из первых исследователей темы В.Г. Бортневский, «страницы не писанной пока истории разведки и контрразведки Белого Юга... связаны с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек...»^{II} Об огромном риске и трудностях в работе сообщал подполковник Соколовский в своем рапорте белому командованию: «Тяжелые условия, постоянный шпионаж, расстрелы, преследования, троекратные открытия организации — все это было тормозом для более интенсивной деятельности»^{III}.

В начале 1922 г. Соколовский вернулся из эмиграции в Советскую Россию, был арестован и судим. Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК сочла рапорт офицера белому командованию на $\frac{3}{4}$ вымышленным и составленным с целью избежать наказания за службу в РККА. Отмечалось также, что сам Соколовский в эмиграции агитировал белых офицеров возвращаться в Россию. Соколовского приговорили к лишению свободы на три года с зачетом предварительного заключения и применили амнистию, освободив от наказания в зале суда^{IV}.

С занятием белыми Киева, как свидетельствовал полковник Е.Э. Месснер, многие офицеры стали предъявлять удостоверения членов различных белых подпольных организаций. Таких лиц иронично называли «подснежниками»^V.

^I Там же. С. 296; Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М., 1964. С. 39–42. Данные о судьбе Баскова в различных документах расходятся. По одним данным, он действительно был расстрелян Киевской ЧК в конце марта 1919 г. (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 39). По другим сведениям, пропал без вести при эвакуации красными Украины (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38). По всей видимости, сведения о расстреле все же соответствуют действительности. Во всяком случае, 23 августа (5 сентября) 1919 г. белыми в Киеве было выдано удостоверение вдове убитого большевиками генерал-майора Баскова Вере Андреевне с сыном Борисом 14 лет и дочерьми Надеждой 13 лет и Верой 10 лет, которые отправлялись в Таганрог (РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 361).

^{II} Бортневский В. Г. Избранные труды. С. 303.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 55об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 321. Л. 19–20.

^V Месснер Е. Э. Мои воспоминания. С. IV–217 // BAR. E. E. Messner collection. Box 1.

Работу белого подполья в Одессе (организация полковника А. П. Саблина) координировал генерал-лейтенант К. К. Литовцев (Шильдбах)^I. 15 июля 1919 г. он предложил группе офицеров поднять в Одессе восстание, а на следующий день передал подпольщикам данные о перегруппировке частей РККА и в дальнейшем передавал сведения о местонахождении броневиков и снаряжения, выдавал наряды на оружие для верных подполью частей. Действия Литовцева позволили восставшим немцам-колонистам без потерь отойти на север от Одессы. Кроме того, Литовцев отправлял из Одессы надежные войска, как, например, 45-ю стрелковую дивизию, оставляя в городе те части, в которых имелась белая агентура (части формировавшейся 47-й дивизии, начальник штаба которой бывший полковник Алексеев являлся членом подпольной организации). Наиболее удобный для связи с белым флотом участок побережья был занят постами лояльной белым части дивизии. В результате удалось получить необходимые инструкции по координации действий с белыми. Наконец, Литовцев убедил РВС южной группы 12-й армии не спешить с эвакуацией Одессы. В конце концов, генерала арестовали; спасло его то, что Одессу в результате десантной операции заняли белые.

Генерал А. А. фон Лампе в дневнике зафиксировал суждение генерал-майора И. М. Белоусова в Екатеринодаре о том, что «удар на Батайск, почти отрезавший донцов от нас и потом бессильно повисший в воздухе, тоже был остановлен расположенной к нам рукой»^{II}.

Важнейшим стимулом для работы подпольщиков были личные убеждения. На этом принципе держалось белое подполье в рядах армии УНР. Белая разведка искала пути внедрения в украинские войска на рубеже 1918–1919 гг. В частности, полковник А. В. Станиславский предлагал пойти на украинскую службу подполковнику Н. Ф. Соколовскому «в целях русификации штаба»^{III}. Противники украинских националистов, оказавшиеся в войсках УНР, в 1919 г. создали продезинформационную организацию «Девятка», в которой каждый из участников знал только девять человек. Члены организации проникли даже в штаб украинского Головного атамана С. В. Петлюры и занимали ряд ответственных постов. На счету «Девятки» были попытка срыва петлюровской мобилизации, изменение оперативных планов украинского командования, приведшее к неудачам на фронте (перенос направления наступления с Одессы на Киев), агитация в пользу белых, дезорганизация снабжения армии, разжигание противоречий в командном составе армии УНР и провокации против некоторых старших офицеров, а также передача сведений белым. По данным одного из членов «Девятки», с организацией тайно сотрудничали крупные украинские генштабисты: начальник штаба армии УНР генерал В. А. Синклер, 1-й генерал-квартирмейстер полковник Н. А. Капустянский, начальник Генерального штаба генерал С. И. Дядюша, генерал-инспектор галицийских войск генерал В. И. Генбачев и его помощник полковник Н. Е. Какурин^{IV}.

^I HIA. Vrangeli collection. Box 33. Folder 23.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 138.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 60б. – 70б. Публикацию документа см.: Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 455–456.

Выпускники академии состояли в подпольных антибольшевистских организациях в Поволжье и Сибири. Подпольные организации способствовали успехам противников новой власти в период выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. Управляющий военным ведомством Комуча Н.А. Галкин уже в январе 1918 г. вошел в подпольную офицерскую организацию в Самаре, а позднее, в период подготовки восстания против большевиков, познакомился с будущими лидерами Комуча^I. Организация наладила контакты со штабом Приволжского военного округа, что предопределило позднейший переход штаба на сторону антибольшевистских сил^{II}. Установились связи с уральскими казаками, чехословаками и французским консулом Л. Жано. Тем не менее подпольщики не считали себя достаточно сильными, чтобы выступить до подхода чехословацких войск. По свидетельству Н.А. Галкина, в офицерской организации насчитывалось 150–200 человек^{III}. В итоге подпольщики присоединились к захватившим Самару в июне 1918 г. чехословакам.

Один из руководителей белого подполья в Екатеринбурге, капитан А.Л. Симонов, сообщал в рапорте 1-му генерал-квартирмейстеру Ставки Верховного главнокомандующего (белых сил на Востоке России) 25 ноября 1918 г.: «Участь Екатеринбургского района была решена победой чехов у ст[анции] Незепетровская. Как эта победа, так и вообще благоприятная обстановка для занятия Екатеринбургского района были подготовлены мною; это моя работа, за которую я, будучи начальником штаба [Р.И.] Берзина, неоднократно рисковал быть повешенным или расстрелянным»^{IV}. Симонов в РККА занимал пост начальника штаба Северо-Урало-Сибирского фронта. Возглавлял подпольную организацию бывший штабс-капитан А.А. Буров – начальник разведывательного отдела того же штаба. Против большевиков работал и бывший полковник Н.В. Шереховский, служивший в областном военном комиссариате. Скрывавшийся в окрестностях Екатеринбурга финансист В.П. Аничков вспоминал: «Мы держали связь с готовящейся к восстанию белой молодежью... Приезжали и другие офицеры, в большинстве своем выпускники [академии] Генштаба. Их приводили к нам на свидание, и здесь на имеющихся у них картах они наносили пункты расположения красных и белых войск»^V. Первоначально выступление было назначено в ночь на 24 июля, но состоялось лишь через сутки. Руководил восстанием оперативный штаб во главе с А.А. Бутовым и бывшим подпоручиком В.М. Зотовым, не имевшим отношения к академии. В ночь на 25 июля 1918 г. подпольщики выпустили заключенных из тюрьмы и заняли ряд советских учреждений. Буров участвовал в бою за станцию Екатеринбург-2. 25 июля Екатеринбург был занят антибольшевистскими силами.

Подпольная организация существовала и в Военной академии, оказавшейся летом 1918 г. в Екатеринбурге^{VI}. Ее лидером являлся бывший капитан К.Ю. Румша. Через упоминавшегося выше Симонова эта группа смогла получить оружие.

^I РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 27; Д. 885. Л. 1.

^{II} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885. Л. 4–5.

^{III} Там же. Л. 11.

^{IV} РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 1об.

^V Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 130–131.

^{VI} О подпольных организациях в академии см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 190–194, 203–212.

Отряд из 37 слушателей академии под командованием Румши¹, вооружившись, 21 июля ушел из Екатеринбурга в западном направлении, в сторону реки Чусовой на соединение с чехами, подходившими к городу. Из города выходили «пятерками», каждая по особому маршруту, назначенному руководителем организации. Встреча была намечена в лесу к западу от Екатеринбурга, где было спрятано оружие. К условленному месту не вышла только одна из «пятерок». Отряд Румши по соединении с белыми и чехословаками участвовал во взятии Екатеринбурга, после чего был расформирован. В дальнейшем подпольщики успешно служили на штабных и командных должностях в белых формированиях Востока России.

Группа слушателей академии из числа гвардейских офицеров разрабатывала планы спасения царской семьи из дома Ипатьева. Существовала так называемая пятерка помощи из пяти слушателей во главе с бывшим капитаном лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Д. А. Малиновским, занимавшаяся подготовкой освобождения арестованных. В «пятерку» также входили гвардейский артиллерист Л. К. Гершельман, лейб-гренадер Г. В. Ярцев, императорские стрелки Н. Н. Ахвердов и барон Н. А. Деллингсгаузен (в прошлом — камер-паж императора Николая II). По-видимому, к ним примыкали гвардейские артиллеристы Е. Н. Сумароков и К. Р. фон дер Ховен². В Екатеринбург Малиновский был направлен из Петрограда бывшим генерал-майором Б. В. Шульгиным — членом подпольной антибольшевистской офицерской организации³. Не сумев ничего предпринять для спасения Романовых, члены группы Малиновского примкнули к отряду Румши и ушли из Екатеринбурга.

Курсовик капитан Л. Д. Василенко в 1918 г. состоял в белом подполье в Сибири. Впоследствии, попав в плен к красным, он дал показания об этом. В приговоре Василенко, составленном Реввоентрибуналом 5-й армии, отмечалось: «С начала 1918 г. в Сибири организуется возглавляемая представителями правых социалистических партий группа областников-авантюристов, ставящая целью низвержение советского строя в Сибири и созыв сибирского Учредительного собрания, собравшаяся в начале 1918 г. Во всех городах и крупных пунктах Сибири организовались боевые организации, имевшие цели в свержении советской власти Сибири. Организации эти состояли по преимуществу из офицерства, эсерствующего реакционного студенчества.

Инструкции и директивы организации получали из своего центрального органа Сиб[ирского] правительства в лице военного министра [А. А.] Краковецкого. Так, организацией оттуда были получены 2 ориентировки о положении правительства

¹ Удалось установить 28 из 37 членов организации: Н. Н. Ахвердов, Н. В. Бартенев, В. К. фон Баумгартен, И. А. Бафталовский, Н. И. Белоцерковский, Г. Бируля, К. М. Войткевич, Л. К. Гершельман, В. А. Гирш, Н. А. Деллингсгаузен, М. А. Демишхан, Дмитриев, Е. М. Дубинин, А. А. Дурасов, Н. Н. Ивановский, Д. А. Малиновский, К. Н. Матвеев, Н. А. Мягков, И. А. Плюцинский, Р. М. Политковский, К. Ю. Румша, Н. Н. Рыбалтовский, К. В. Семчевский, К. Л. Соболев, Е. Н. Сумароков, Н. П. Топорков, И. М. Чебеняев, Г. В. Ярцев. Семь членов организации Румши — слушателей младшего ускоренного курса (Д. И. Андерс, Н. М. Ивановский, П. Н. Крылов, К. А. Любич, С. С. Полянский, И. В. Случевский, М. В. Смирнов) остались в Екатеринбурге (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 50об.).

² Позднее были привлечены Н. В. Бартенев, В. К. Баумгартен, Е. М. Дубинин, А. А. Дурасов, Н. А. Мягков и К. В. Семчевский (Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; т. 8). С. 79–81).

³ Там же. С. 79.

на Дальнем Востоке и предполагаемом объединении на борьбу с Советами и всех дальневосточных вооруженных сил, в том числе и атамана Семенова.

Организации на местах имелись почти всюду. Во главе их в Восточной Сибири стоял генерал [А.В.] Эллерц-Усов, ныне приговором суда трибарма^I 5[-й] расстрелянный, в Западной Сибири – [А.Н.] Гришин-Алмазов. В Западной Сибири, начиная от реки Енисея, организации офицеров были в Красноярске, Ачинске, Тайге, Новониколаевске, Омске, Барнауле, Семипалатинске и других местах.

Обвиняемый, бывший слушатель академии Генштаба Лев Василенко, вступил в организацию в Томске, где он встретился с начальником Гришиным-Алмазовым, знакомым еще по службе в старой армии. Демобилизованный из старой армии в чине капитана и приехав по месту жительства своей семьи в гор[од] Красноярск, Василенко поехал в Томск с целью поступления на бухгалтерские курсы и для получения высшего образования. По его объяснению, будучи воспитан на известных принципах и как военный, любящий Россию и армию человек, Василенко под влиянием Гришина-Алмазова и нового знакомого эсера Михайлова, будучи неудовлетворен и возмущен политикой и мероприятиями местных властей, всей системой разрушительной и отсутствие[м] какой-либо созидательной работы, главным образом п[р]одвижением разложения армии, не удовлетворяющей его в организации армии на новых началах, Василенко вступил в упомянутую организацию, имевшую целью свержение советской власти в Сибири и передачу^{II} ее Сибирскому правительству. Как слушатель академии [Ген]штаба и близкий знакомый Гришина-Алмазова, Василенко был назначен начальником штаба тайной офицерской организации Западной Сибири, объединив, таким образом, конспиративную работу всех местных организаций и отрядов. В мае 1918 года Гришин-Алмазов уехал из Томска на запад для переговоров^{III} с выступившим[и] тогда около Перми^{IV}, Челябинска и восточнее чехами, эвакуировавшимися на родину через Восток и отказавшимися сдать оружие. После переговоров с чехами, после совершения гнусного предательства дела русской революции, Гришин, заручившись обещанием поддержки со стороны чешского^V генерала Гайда, объявил письменный приказ о [по]всеместном выступлении. Приказ этот был разослан всем начальникам организации и отрядов обвиняемым Василенко, в чин полковника Василенко был произведен за принадлежность к тайной организации. Вскоре после переворота Василенко получил назначение на должность нач[альни]ка штаба 2-го Степного отдельного корпуса, в должности этой пробыл до декабря 1918 года»^{VI}.

Василенко показал, что «вступил в тайную организацию под влиянием возмущения и неудовольствия разложения армии, что ему как человеку военному трудно перенести было, а также под влиянием Гришина-Алмазова и Павла Михайлова.

^I Армейского трибунала.

^{II} В документе — передачи.

^{III} В документе — перевыборов.

^{IV} Так в документе. Правильно — Пензы.

^V В документе — чехского.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 167.

Полуторамесячную работу свою нач[альником] штаба организации Василенко считает непродуктивной и указывает на то, что после чешского¹ переворота он нес узко специальную работу как генштабист, что вся его работа сводится к созданию вооруженных сил². В некоторых местах подпольщики успешно внедрились в советские органы. Например, бывший генерал В.Л. Попов занял пост начальника штаба Сибирского военного комиссариата.

Есть отдельные упоминания и о работе подпольщиков на Восточном фронте. Так, выпускник ускоренных курсов академии полковник Б.Н. Ковалевский (Ковалевский-Русский), перешедший к белым, сообщал в докладе от 6 июля 1919 г. управляющему делами Совета министров Верховного правителя, что сдал белым без боя города Оса и Воткинск, а в период с 5 марта по 7 апреля 1919 г. активно содействовал «при невозможно-тяжких условиях» разгрому белыми левого фланга 2-й советской армии³. Кроме того, Ковалевский писал о том, что было сорвано наступление 2-й армии красных 29–30 марта 1919 г. с целью выйти на линию Оханск — Оса — Бирск⁴. По учетным данным РККА, Ковалевский в 1918 г. был освобожден от службы врачебной комиссией, однако позднее был мобилизован, а весной 1919 г. значился начальником штаба 7-й стрелковой дивизии 2-й армии.

Туркестан стал еще одним регионом, где активно работали белые подпольщики, включая генштабистов. Здесь в 1918 г. возникла Туркестанская военная организация, руководителями которой был генерал-лейтенант Л.Л. Кондратович. Организация действовала с лета 1918 г. в Ташкенте, имела отделы в Самарканде, Коканде, Красноводске, Асхабаде, Верном и подотделы в более мелких пунктах, вела работу по объединению офицеров для организации антибольшевистского восстания в Средней Азии. Агенты организации были в частях Красной армии. Кроме того, было много сочувствующих. Штаб организации установил связь с вождями повстанческих отрядов: ханом Джунаидом, главой туркменских племен, и Адиз-ханом (Азиз-ханом), главой текинских племен. С организацией был тесно связан крупный белый разведчик полковник И.М. Зайцев⁵. Члены организации были разбиты на шестерки: каждый член организации вербовал еще пятерых, те, в свою очередь, — еще пятерых каждый и т.д. Всего в организации состояло около 3000 человек. Из-за конспирации точного числа членов не знало даже руководство. Впрочем, не все в работе организации шло гладко: не хватало оружия, денежных средств, отмечался сепаратизм асхабадского, ферганского, семиреченского и самаркандского отделов. Сепаратизм порождал интриги и сеял рознь между отделами, каждый из которых стремился возглавить борьбу с большевиками. В большей степени это относилось к отделу в Асхабаде, который имел прямые контакты с британской военной миссией генерал-майора У. Маллесона в Мешхеде (Персия).

¹ В документе — чешского.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 167об.

³ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 20об.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 193–207; Его же. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.

Из-за нехватки оружия и денег организация была вынуждена заключить соглашение с англичанами^I. Англичане издавна преследовали свои интересы в Туркестане. Летом 1918 г. главной задачей британской разведки в регионе была борьба с попытками германо-турецких сил проникнуть в Афганистан и развязать там религиозную войну^{II}. Кроме того, англичане противодействовали и большевикам как сторонникам германцев. Британская военно-дипломатическая миссия прибыла в Ташкент с разрешения Туркестанского Совнаркома 14 августа 1918 г. из Кашгара. По соглашению с англичанами, организация должна была поднять восстание против советской власти в разных районах Туркестана. По мнению британского разведчика подполковника Ф.М. Бейли, одновременное выступление позволило бы разгромить туркестанских большевиков^{III}.

Генерал Кондратович получил от англичан деньги и приступил к покупке лошадей для создания конных частей. Это не осталось незамеченным Туркестанской ЧК. В результате было арестовано около 50 членов организации, остальным пришлось временно свернуть свою деятельность. Генерал Кондратович сумел скрыться.

Список генштабистов, участвовавших в деятельности антибольшевистских подпольных организаций или оказывавших содействие белым армиям иными способами, этими данными не исчерпывается. Однако разведывательную работу в советском тылу вели не только опытные генштабисты и профессионалы шпионажа и контршпионажа. Такие люди скорее были исключением, а преобладали дилетанты. Тем более что даже офицеры старой армии – костяк белых разведчиков – в абсолютном большинстве не обладали никаким опытом конспиративной деятельности. Но, как справедливо отмечал один из первых исследователей советских спецслужб С.С. Турло, «в эпоху Гражданской войны, когда буржуазия еще надеялась услышать звон кремлевских колоколов, тогда шпионажем занимались все. Занимались и буржуазия, и интеллигенция, и офицерство, и ученые. Занимались шпионажем и офицеры Генштаба, и просто разные командиры. Доходило до того, что люди из “благородного” общества, “хорошо воспитанные” родители в целях этой “священной миссии” благословляли своих детей 15–16 лет на разврат. Здесь было все испытано, чтобы спасти Россию от большевиков»^{IV}.

С другой стороны, часть офицеров по традиции воспринимала какую-либо подпольную работу в РККА как подлость, как что-то нечестное и непорядочное. Характерно высказывание в беседе с другим военспецом летом 1918 г. бывшего штабс-капитана М.И. Алафузо, служившего в РККА, но желавшего победы белым: «Не скрою, я сочувствую белым, но никогда не пойду на подлость. Я не хочу вмешиваться в политику. У вас в штабе поработал совсем немного, а уже чувствую, что становлюсь патриотом армии. Обидно, что нас все время бьют. Плохо мы воюем... Я честный офицер русской армии и верен своему слову, а тем более – клятве. Ведь придется же мне присягу у вас принимать?! Не изменю. Понимаете – не изменю! Задача офицера, как сказано в наших уставах, защищать родину от врагов внешних и внутренних. И этот долг, если я поступил к вам на службу, я выполняю

^I РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

^{II} *Malleson W. The British Military Mission to Turkistan, 1918–1920. London, 1922. P. 96.*

^{III} *Bailey F. M. Mission to Tashkent. N.Y., 2002. P. 49.*

^{IV} Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М., 2007. С. 532.

честно»^I. Алафузо, который был расстрелян в 1937 г., высказал распространенную среди военспецов альтернативную точку зрения на то, как следует себя вести в сложившихся условиях. Такой подход ограничивал круг белых подпольщиков в офицерской среде.

Нередко складывалась ситуация, когда антибольшевистски настроенные военспецы, в том числе связанные с подпольными организациями, оказывались бессильны чем-либо помочь тем, кому симпатизировали. Один из мемуаристов очень точно обрисовал подобную ситуацию: «Уклониться от боя нельзя. Приказ точно дает задачу. Да и комиссар под боком. Следит за каждым моим распоряжением. Да и начальник штаба у меня человек поганенький — карьеру делал. Полки подобрались, как назло, хорошие. И дерутся хорошо, и послушны. Материал-то ведь один и тот же... Старый солдат, красный солдат, белый солдат — тесто-то ведь одно. Что ни бой — успех. Бьем белых... Бью людей, да что там таиться, а у самого душа плачет. Не красный же я... Воспитание, сорок пять лет за плечами — все это не вычеркнешь. Вы, как хотите, судите меня, а я признаюсь вам: к большевикам душа у меня не лежит... Скорее она там, у белых... Мы носим теперь несмываемую печать проклятия... Это неверно, что мы оказались в тисках событий и что не было выбора... Для честных людей всегда выбор есть... Можно было пробраться к Корнилову... Можно... Ну а нельзя было, значит, пускай пулю в лоб. “Пришлось пойти к красным...” Это не оправдание»^{II}.

Схожую картину в штабе 12-й армии в 1919 г. наблюдал другой очевидец: «На путях ловчения пришлось идти в штаб 12-й советской Красной армии, и тут я столкнулся с явлением, которое при последующем анализе привело меня к убеждению, что оно обеспечило победу красных в Гражданской войне... Личный состав штаба состоял из русских штабных офицеров во главе с командиром бывшим генерал-лейтенантом [Н.Г.] Семеновым и его начальником штаба генерал-лейтенантом Давыдовым»^{III}. Начальники отделений оперативного и разведывательного и их помощники также были строевыми офицерами императорской армии. При первой встрече я сразу же нашел общих знакомых... Все мои сослуживцы в отделении, как и я сам, принадлежали к категории, именуемой большевиками “контра”, и это было тем явлением, которое дало в конце концов победу большевикам. Троцкий сумел организовать Красную армию и дать ей победу в борьбе против белых, благодаря помощи кадрового офицерства»^{IV}. Несмотря на симпатии к белым и даже сотрудничество некоторых военспецов с белым подпольем, штаб в основном работал на красных.

Наблюдалась и еще одна тенденция. По мере эскалации Гражданской войны военспецы все сильнее ощущали себя связанными с большевистским режимом. Этот феномен описал в воспоминаниях князь С.Е. Трубецкой (негенштабист): «Мне пришлось наблюдать интересную эволюцию настроений в связи с победами или поражениями Красной армии. Вначале огромное большинство этих офицеров

^I Цит. по: Софронов Г. П. Неподвластное времени. М., 1976. С. 149.

^{II} Савченко И. Г. В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016. С. 218–219.

^{III} По-видимому, ошибка мемуариста. Должность начальника штаба армии занимали другие лица.

^{IV} Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 616–617.

душой еще были с белыми и втайне радовались их успехам. Но чем дальше шло время, тем личные интересы этих офицеров теснее срастались с судьбами красных, и многие из тех, которые вначале радовались поражениям Красной армии, теперь радовались ее победам: их теперь страшила победа белых и ответственность за сравнительно длительное пребывание в рядах Красной армии. Троцкий, как действительно умный человек, понимал эту выгодную коммунистам эволюцию настроений среди вкрапленного в Красную армию бывшего офицерства; многие же коммунисты этого не понимали». Некоторые в самом деле боялись ответственности за службу в РККА, которую пришлось бы понести в случае победы белых.

Белые подпольщики в РККА и национальных армиях, как одиночки, так и члены организаций, несмотря на колоссальный риск, оказали немалую помощь белым армиям, способствовали срыву ряда операций РККА, сдавали целые города. Разумеется, к отчетам белых агентов следует относиться с осторожностью, так как любым агентам присуще стремление к преувеличению своих заслуг на поприще тайной войны.

При этом мы не располагаем какими-либо заслуживающими внимания данными о том, чтобы генштабисты белых армий работали на красных. В одном из документов советской военной разведки, датированных февралем 1919 г., отмечалось, что советские агенты не сумели проникнуть ни в один из белых штабов¹. Это отличие носит принципиальный характер и связано с тем, что идеи большевизма не получили распространения в среде белой военной элиты, а других мотивов такого рода работы быть не могло. Не работали белые генштабисты в своих штабах и на представителей национальных государств, что в свою очередь связано с неприятием белыми национального сепаратизма, противоречившего идее единой и неделимой России.

Белое командование скептически относилось к разрушительным возможностям своих сторонников в РККА. Подобный скепсис в масштабах всей Красной армии был во многом справедливым. Тем не менее эффективность подпольщиков могла быть выше при большей поддержке со стороны белых. Белые не смогли наладить эффективное взаимодействие со своими единомышленниками за линией фронта, что являлось серьезным упущением и может считаться одной из множества причин поражения противников большевиков.

В некоторых случаях белые, даже владея важнейшей оперативной информацией из советских штабов, не могли ею воспользоваться из-за отсутствия сил на фронте². Белые подпольщики, перейдя к своим, порой подвергались арестам и преследованиям. Например, по мемуарному свидетельству, сотрудничавший с организацией «Азбука» начальник штаба Черноморского побережья некий полковник Генштаба Алексеев с приходом белых вместо благодарности был арестован и повешен в тюрьме³. К сожалению, идентифицировать этого офицера не удалось. Арестован был и известный белый агент в Красной армии генерал

¹ Трубецкой С. Е. Минувшее // Князья Трубецкие. Россия воспрянет! С. 321.

² Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 605–606.

³ См., напр.: Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 635–643.

⁴ Сливинская М. А. Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 104.

А.Л. Носович. Не случайно генерал-майор А.А. фон Лампе впоследствии отмечал в дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»¹.

Генерал А.И. Деникин справедливо заметил об успехах белых агентов в РККА, что «свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, эти факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий»². Действительно, в антибольшевистском подполье состояло абсолютное меньшинство военспецов, тогда как десятки тысяч добросовестно служили новому режиму, что и предопределило победу красных. Отдельные, пусть даже крупные, успехи белых агентов не изменили ход Гражданской войны в пользу антибольшевистских сил. Одиночки не могли перебороть систему создававшейся Красной армии, которую планомерно выстраивали большевики. Содействие противнику со стороны отдельных представителей командования, безусловно, важное обстоятельство на войне, но намного важнее для достижения победы организация мощной, эффективной и боеспособной регулярной вооруженной силы. Именно этот фактор предопределил победу большевиков и Красной армии.

§ 3. Генштабисты и террор

Гражданские войны, отличаясь значительной ожесточенностью, не обходятся без крайних форм репрессий или террора. Для активных участников конфликта была характерна непримиримость и бескомпромиссность к противнику. Противоборствующие стороны быстро перешли к проведению в жизнь лозунга «Кто не с нами — тот против нас!» и к репрессиям в отношении тех, кто не сразу к ним присоединился или служил у противника. Для белых военспецы стали ренегатами, предавшими офицерскую корпорацию и недостойными даже именоваться офицерами. В восприятии красных белые офицеры являлись идейным костяком противоположного лагеря и подлежали истреблению.

В циркулярном письме ЦК РКП(б) от 14 июля 1919 г. об укреплении Красной армии отмечалось: «Военные специалисты нужны нам для армии, и военных специалистов мы будем привлекать и впредь. Нет ничего вреднее, как недомолвки и неясности в этом больном вопросе... Из числа офицеров за полтора года путем естественного отбора выделилась группа военных деятелей по большей части, которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России... Но нельзя забывать и о том, что большинство так называемых военных специалистов принадлежит к другому, враждебному нам классу, что буржуазия стран Согласия (Антанты. — А.Г.) систематически подкупает и развращает этих военных специалистов. В момент, когда на том или другом фронте неудачами наше положение поколеблется, иногда начинаются эпидемии измен со стороны военных специалистов. События на Красной Горке, в Кронштадте и на Петроградском

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 548.

фронте вообще показали, как широко развита измена известных кругов военных специалистов. Закрывать на это глаза было бы величайшим преступлением. Чем большую власть мы в интересах дисциплины отдаем командирам воинских частей, тем больше обязаны мы в оба следить за их политической лояльностью. Надо по всей России создать положение, при котором всем военным специалистам было бы ясно: те из них, которые честно служат рабоче-крестьянской России, — тем честь и место, но кто идет к нам с камнем за пазухой, кто пытается использовать свое пребывание в армии для организации контрреволюционных чечек, — тем беспощадный красный террор»^I.

Уже в начале 1918 г. большевистское руководство осознало исключительную важность специалистов Генерального штаба для создания новой армии и стало предпринимать шаги по их привлечению в РККА. Тем не менее на протяжении всей Гражданской войны в Красной армии постоянно ощущалась острейшая нехватка кадров Генштаба. Несмотря на это, в отношении офицерства в целом^{II} и генштабистов в частности советскими карательными органами проводилась самая активная репрессивная политика, в результате которой десятки из них были расстреляны, а сотни томились в заключении, будучи лишены возможности в самое напряженное время участвовать в военном строительстве.

Показателен сам факт отнесения офицеров к категории «бывших» людей. Как справедливо отметил один из современников, офицер в Советской России — это «человек, самым своим положением уже находившийся под вечным подозрением в контрреволюции»^{III}. По мнению генерала А.И. Деникина, с офицерами «Троцкий заключил неписанный договор: вы даете службу, мы гарантируем вам относительную безопасность; в случае измены — смерть вам и вашим семьям»^{IV}. Белый главнокомандующий несколько сгустил краски, поскольку террор в отношении семей изменников не вошел в распространенную практику. Тем не менее вопрос о целесообразности и обоснованности репрессий в отношении «лиц Генштаба» в условиях Гражданской войны, а также о конкретных результатах репрессивной политики для большевиков и Красной армии, масштабах, характере и последствиях репрессий против дореволюционной военной элиты представляет большой интерес.

Военспецы не были группой лиц, всецело лояльной большевикам. Последние также с подозрением относились к старым специалистам, в том числе и к тем, кто служил добросовестно. Всю репрессивную политику в их отношении в Гражданскую войну можно разделить на два периода — до и после создания Особого отдела ВЧК. На первом этапе в Советской России еще не сложилось единой карательной системы, тогда аресты генштабистов могли производить не только органы ВЧК, но и отделения военного контроля фронтов (к середине января 1919 г. в результате

^I Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. С. 188–189.

^{II} Антиофицерскую заостренность террора осени 1918 г. признают даже исследователи, придерживающиеся коммунистических взглядов (Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 168–169; Его же. Хроника красного террора ВЧК: Карающий меч революции. М., 2017. С. 195).

^{III} Соломон Г. А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 233.

^{IV} Деникин А. И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 10.

слияния с органами ЧК преобразованы в Особые отделы¹). Аресты также осуществлялись постановлениями военно-полевых трибуналов, местными Советами депутатов и ЧК. При таком многообразии репрессивных органов количественные показатели репрессий не могли быть незначительными, а самоуправство на местах, часто мешавшее общему делу борьбы с контрреволюцией, вызывало серьезную озабоченность центра. Налицо было неоправданное дублирование в работе карательных органов и отсутствие между ними достаточного взаимодействия.

Особый отдел (другое первоначальное название — Военный отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. Его полномочия были очень широкими, включая право на арест и следствие. Особый отдел подмял под себя органы военного контроля, которые воспринимались чекистами как враждебные². Вместо организационной и административной работы первый председатель Особого отдела ВЧК М. С. Кедров предпочитал лично участвовать в арестах, обысках и допросах. Сначала на произвол Кедрова жаловались военспецы, а затем уже председатель РВСР Л. Д. Троцкий обоснованно обвинял Кедрова в дезорганизаторских действиях. Кедров стремился к самостоятельности как в рамках военного ведомства, так и ВЧК, конфликтовал не только с Троцким, но и с Дзержинским. В итоге 18 августа 1919 г. он был заменен Дзержинским³. Видную роль играл и первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК при Дзержинском И. П. Павлуновский. На следующий год отдел возглавил В. Р. Менжинский.

На основе собранных нами сведений о судьбах офицеров-генштабистов в Советской России можно установить сравнительно точные данные о масштабах репрессий против них в годы Гражданской войны (разумеется, неизбежно дальнейшее уточнение и дополнение этих сведений). Расстрельная статистика по всем категориям выпускников академии на территории Советской России⁴ представляется следующей (табл. 58; в примечаниях генштабисты, ставшие жертвами красного террора, указаны поименно).

Таблица 58

Выпускники академии — жертвы красного террора 1917–1922 гг.

Год	Расстреляны, убиты, умерли в заключении (в скобках — в том числе курсовики)
1917 (с 25.10)	6 ^v
1918	46 (3) ^{vi}

ⁱ В. И. Ленин и ВЧК. С. 133.

ⁱⁱ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147.

ⁱⁱⁱ Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 158–159; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 135–136.

^{iv} Сюда же включены данные о ликвидации А. И. Дутова в Западном Китае 6 февраля 1921 г., поскольку она была осуществлена по приказу большевистского руководства.

^v П. П. Дурново, Н. Н. Духонин, А. И. Кияшко, Ф. А. Петров, В. А. Смирнитский, князь Г. Н. Туманов.

^{vi} А. К. Ахматов, М. А. Беляев, С. Г. Бочаров, М. И. Бояринов, Брехман, В. И. Гаврилов, Л. Ф. Гартунг (арестован и пропал), М. А. Дорман, А. Г. Елчанинов, Я. Г. Жилинский, Н. Д. Зарин, М. Н. Кайгородов, Л. В. Квитницкий, А. Н. Ковалевский, В. А. Косаговский, И. Т. Кострюков, К. Д. Кузнецов, Куновский, П. А. фон Лайминг, Н. П. Лесевичкий, А. М. Назаров, А. Д. Оболевешев, А. И. Олейник, Г. П. Полковников, И. И. Попов, Р. Д. Радко-Дмитриев, Н. К. Раша, П. К. Ренненкамф, В. Е. Рожено, Н. А. Рот, Н. В. Рузский, В. В. Салов (умер в заключении), А. Г. Сандецкий, Я. В. Сафонов, Л. Л. Сидорин, В. К. Скловский, В. В. Смирнов, В. В. Троцкий, князь Г. А. Туманов, Б. Ф. Ушаков, П. Л. Хелмицкий, А. П. Шевцов, П. О. Щербов-Нефедович, А. Е. Эверт, Н. Н. Янушкевич.

Год	Расстреляны, убиты, умерли в заключении (в скобках — в том числе курсовики)
1919	25 (1) ⁱ
1920	51 (7) ⁱⁱ
1921	22 (8) ⁱⁱⁱ
1922	4 (1) ^{iv}
Всего	154 (20)

В конце 1917 — начале 1918 г. нередко происходили самосуды и стихийные казни, самоуправством и бесконтрольностью отличалась работа органов новой власти на местах. Как писал генерал Г.И. Клерже, «жуть беспощадного террора висела в воздухе и давила всей своей кровавой тяжестью»^v. В ноябре 1917 г. вследствие солдатского самосуда погиб арестованный Могилевским советом бывший начальник штаба Ставки и Верховный главнокомандующий генерал Н.Н. Духонин, в декабре в Ташкенте революционной толпой был убит генерал А.И. Кияшко, там же погиб генерал В.А. Смирнитский. Печально известны события в Пятигорске, где в октябре 1918 г. по постановлению ЧК Северо-Кавказской советской республики были зверски убиты (в основном зарублены) не менее 83 заложников^{vi}, в том числе бывшие генералы-генштабисты Р.Д. Радко-Дмитриев, Н.В. Рузский, В.В. Смирнов, Г.А. Туманов, А.П. Шевцов. Сами большевистские лидеры позднее поспешили отмежеваться от этих казней^{vii}. В некоторых случаях сложно разделить организованные репрессии от стихийных расправ, определить, был ли офицер арестован перед казнью, осужден или просто бессудно убит. Например, арестованный генерал Н.Н. Янушкевич был убит пьяными конвоирами под Петроградом^{viii}. Его

ⁱ М. В. Басков, Н. П. Бирюков, Ф. М. Вебель, В. В. Гейман, А. Ф. Григорьев, А. А. Дмитриев, А. В. Дорошкевич, Ф. М. Дробыш-Дробышевский, В. Н. Кисляков, С. А. Кузнецов, К. К. Максимович, В. И. Марков (умер в заключении), М. М. Махов, А. А. Недельский, Н. И. Нечаев, А. Ф. Рагоза, Г. К. Рихтер, Г. Я. Рожнов (Шельстов), Н. М. Романов, В. И. Соколов, Е. Э. Трегубов, В. Т. Федоренко, С. В. фон дер Ховен, В. П. Широков, М. И. Эбелов.

ⁱⁱ Н. С. Аносов, Н. А. Бабилов, П. М. Баранов, Б. В. Барташевич, Н. А. Бафталовский, П. А. Белов (Г. А. Виттекопф), А. П. Белявский, А. В. Бернов, Н. П. Бобырь, Б. П. Богословский, Н. К. Боровский, И. М. Васильченко, Г. Н. Вирановский, С. Н. Владычек, Н. А. Воронов (умер в заключении), А. Г. Георгиевский, Н. Н. Заходякин, А. Г. Иванов, И. С. Кашуба, Г. Я. Кислов, Ф. И. Корольков, А. Ф. фон Котен (умер в заключении), Н. А. Крутиков, В. Г. Ласточкин, В. Я. Люндеквист, А. Ф. Матковский, В. Е. Медиокритский, Н. А. Михайлов, Н. М. Морель, Г. Ф. Одноглазков, Л. Н. Пархомов, С. А. Платов, А. И. Прозоров (умер в заключении), В. В. Ракитин, А. П. Ревиншин, И. Ф. Ромеров, Л. И. Савченко-Маценко, Г. Б. Салимов, М. Г. Серов, Л.-О. О. Сирелиус, П. И. Соловкин, С. А. Сулькевич, В. П. Тальгрэн, Н. Г. Тетруев, Я. С. Туров, В. П. Ульянов, В. В. Цуриков, Л. П. Червинский, С. М. Шейдеман (умер в заключении), Н. В. Шереховский, А. Н. Якубовский.

ⁱⁱⁱ В. Л. Баранович, Н. А. Волков, Е. М. Голицын (умер в заключении), С. В. Гончаренко, С. Д. Григорьев, А. И. Дутов (убит в ходе специальной операции), К. А. Звиргзд, Ф. Д. Иозефович, В. Н. Клембовский (умер в заключении), Л. В. Костанди, А. Д. Кузьмин-Караваев, Н. Д. Либус, А. М. Мочульский, В. В. фон Нотбек (возможно, умер в заключении), И. А. Плюцинский, М. Н. Руссет, К. И. Рыльский, К. М. Слесарев, Л. А. Текелин, Д. П. Турбин, Н. А. Федоров, И. М. Чебеняев.

^{iv} А. П. Перхуров, Б. Ф. Пуляшко (умер в заключении), И. И. Смольнин-Терванд, Г. Г. Христиани (возможно, умер в заключении).

^v Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадкова. Новосибирск, 2012. С. 138–139. С. 173.

^{vi} Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004. С. 34–69.

^{vii} Вильерс О. А., Попов В. А. Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия. М., 2005. С. 5.

^{viii} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 186–187об.; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 150.

гибель стала результатом самосуда, однако арестовали генерала представители новой власти. Якобы «при попытке к бегству» был убит в Можайске в ноябре 1918 г. и генерал А.Е. Эверт¹.

Подполковника Б.Ф. Ушакова, попавшего в плен к красным на Байкале, перед казнью жестоко пытали – кололи в лицо штыком, отрезали уши, нос и язык, выкололи глаза, все тело было покрыто штыковыми ранами. По некоторым данным, казнь осуществляли венгры-интернационалисты, ненавидевшие чехословаков, которыми командовал Ушаков. Широко известны фотографии обезображенного тела казненного офицера. С другой стороны, очевидцы отмечали, что Ушакова просто расстреляли². Как бы то ни было, на этом примере прослеживается механизм эскалации взаимного террора Гражданской войны: подчиненные Ушакова не брали в плен интернационалистов, а после гибели командира чехи в отместку расстреляли несколько сотен военнопленных, в том числе венгров³.

Из 46 генштабистов, казненных или умерших в заключении в 1918 г., не менее восьми погибли как заложники, еще по меньшей мере восемь стали жертвами самосуда, десять расстреляны, попав в плен к красным (возможно, также в результате самосуда), остальные, по отрывочным данным, арестованы и расстреляны, один умер в тюрьме.

В 1919 г. казни генштабистов пошли на спад. Это, видимо, объясняется усилением контроля за деятельностью местных властей и централизацией репрессий. Из 25 расстрелянных и умерших в заключении целый ряд были казнены на Украине, где тогда свирепствовала ЧК^{IV}, трое – в связи с участием или подозрением в участии в белом подполье, один (бывший делопроизводитель оперативного отдела военного комиссариата Ярославского округа Ф.М. Дробыш-Дробышевский) – за участие в Ярославском восстании, еще один был убит в тюрьме и один скончался в заключении.

Период 1920–1922 гг., несмотря на формальную отмену в Советской России смертной казни в январе 1920 г., характеризуется казнями почти исключительно бывших белых генштабистов. Как видно, казни генштабистов из РККА почти полностью прекратились за исключением тех, кого изобличили в связях с подпольем.

Стихийные расстрелы на местах происходили реже. Исключение составляли Крым, Одесса и Сибирь. С занятием Крыма частями РККА 16 ноября 1920 г. началось истребление оставшихся на полуострове «бывших». Одной из особенно пострадавших категорий было офицерство. По заслуживающим доверия данным, было расстреляно не менее 12 тысяч человек (в том числе

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 45; Ганин А. В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53; «Мы, видимо, попали в водоворот». Отрывки из дневника главкома Алексея Эверта публикуются впервые / публ. А. В. Ганина и И. В. Эверт // Родина. 2018. № 11. С. 34–37.

² Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО) / сост. Е. А. Серебряков. Иркутск, 2019. С. 95; Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Я с броневиком иду в наступление...»: Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б. Ф. Ушакова. Январь – июнь 1918 г. // ЖРВ. 2020. № 4 (23). С. 239–240.

³ Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири... С. 96.

^{IV} В этой связи нельзя не упомянуть о записке В. И. Ленина председателю Всеукраинской ЧК М. И. Лацису от 4 июня 1919 г., в которой отмечалось, «что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впусив в себя массу примазавшихся» (В. И. Ленин и ВЧК. С. 212).

до 30 губернаторов, более 150 генералов и 300 полковников)¹. В это число вошли 13 казенных выпускников академии (около четверти всех казенных генштабистов в 1920 г.).

Порой от единоличного решения того или иного чекистского деятеля могла зависеть жизнь человека. Именно такой случай произошел с пленным колчаковцем бывшим полковником В.В. Ракитиным, который первоначально комиссией ВЧК 5-й армии был приговорен к заключению в концлагерь, но затем направлен в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского. Последний без каких бы то ни было следственных мероприятий 15 мая 1920 г. приказал Ракитина расстрелять².

Некоторые обвинения могут показаться абсурдными. К примеру, специалистов Генерального штаба преследовали за их действия в дореволюционный период, когда они несли службу в качестве офицеров русской армии и исполняли свой долг. Бывший генерал от кавалерии С.М. Шейдеман (окончил академию Генерального штаба в 1883 г. по 2-му разряду), работавший штатным преподавателем и заместителем начальника Академии Генштаба РККА, был арестован Особым отделом МЧК 25 января 1920 г. Идея арестовать 63-летнего военспеца родилась после того, как в Особый отдел МЧК прислали третий выпуск сборника «Декабрьское движение в Москве». Особистов привлекла статья В. Сторожева «Декабрьское вооруженное восстание», из которой они почерпнули сведения о том, что занимавший тогда пост генерал-квартирмейстера Московского военного округа Шейдеман приказал в декабре 1905 г. провести зачистку Пресни от вооруженных бандитов³.

Шейдеману пришлось оправдываться. Пожилой генерал свидетельствовал, что приказ, возможно, не был передан по принадлежности, был заготовлен работниками штаба, а им самим только подписан⁴. Оправдания выглядели неубедительно и не были приняты следствием во внимание. Шейдемана обвинили в подготовке плана истребления московских рабочих. В советское время ведомственные авторы утверждали, что 28 января Шейдеман постановлением коллегии МЧК был заключен в исправительно-трудовой лагерь до конца Гражданской войны, однако затем по ходатайству Ф.Э. Дзержинского якобы был освобожден для работы в академии⁵. Эти заявления не подтверждаются фактами, так как прославленный военачальник, герой Русско-турецкой и Первой мировой войн генерал Шейдеман умер в Бутырской тюрьме от сыпного тифа 29 февраля 1920 г.⁶ В целом, думается, нет оснований считать, что зима – весна

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. За. Д. 41. Л. 304; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 152–153. Списки расстрелянных см.: Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005; 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я. Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные истории).

² Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 120.

³ МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сб. док. М., 1978. С. 215.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 86; ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 5. Д. 1. Л. 29об. Через 18 лет в СССР по нелепым обвинениям (в том числе из-за отца-генерала) будут расстреляны сыновья Шейдемана — комбриг Е. С. Шейдеман, руководивший Тамбовской кавалерийской школой, и полковник А. С. Шейдеман — начальник кафедры тактики Военно-воздушной академии РККА (Лубянка. Советская элита на сталинской

1920 г. якобы были «периодом максимально благожелательного отношения советской власти к своим бывшим противникам»¹. Прежде всего, такое утверждение не учитывает региональную специфику того периода, которая, несомненно, существовала, в связи с окончанием борьбы с белыми в Сибири и на Европейском Севере России и чисткой этих регионов от враждебных большевикам элементов. Нельзя сказать, чтобы данный период был более мягким и в отношении арестованных военных специалистов РККА. Как видим, в целом именно на 1920 г. пришелся пик казней выпускников академии разных категорий (то же касалось и статистики арестов, о которых речь пойдет ниже) за весь период Гражданской войны.

В 1921 г. было казнено 19 выпускников академии и, по-видимому, трое умерли в тюрьме. Среди казненных А.И. Дутов был убит в результате специальной операции за пределами Советской России, кроме него казнено еще девять генштабистов, попавших в плен. Из «коренных» генштабистов РККА были расстреляны В.Л. Баранович, Ф.Д. Иоозефович, А.М. Мочульский, К.И. Рыльский, а В.Н. Клембовский и Е.М. Голицын умерли в тюрьме. Пятеро выпускников академии (С.В. Гончаренко, Л.В. Костанди, И.А. Плюцинский, К.М. Слесарев, Д.П. Турбин) расстреляны решениями Президиума ВЧК по делу «Белые офицеры», в рамках которого в 1921 г. было уничтожено не менее 50 пленных белых офицеров, не связанных друг с другом².

Показательны заключения по делам арестованных, вынесенные в управлении Особого отдела ВЧК и предварявшие расстрельные приговоры. Так, о Д.П. Турбине там сообщалось: «Отъявленный реакционер, неисправимый сознательный враг сов[етской] власти, получил 2 чина у Колчака, занимал ответственные должности. Вообще сволочь»³. О С.В. Гончаренко: «Тип опасный, доверия никакого не имеет»⁴. Об И.А. Плюцинском: «Элемент неисправимый. Усмирал иркутское восстание. Сознательно боролся с сов[етской] властью, занимая большие посты. Был вдохновителем белой реакционнейшей армии»⁵.

В 1922 г. были казнены двое пленных колчаковских генштабистов. Некоторые даже перед казнью оставались верны своим убеждениям. По свидетельству сидевшего с генералом А.П. Перхуровым во внутренней тюрьме ВЧК индуса С. Куреша, тот перед отправкой на суд в Ярославль заявил: «Я знаю, что иду на расстрел. Но я мундира своего не запятнал и смерть встречу спокойно»⁶. В своем последнем слове бывший генерал сказал: «Я жду не снисхождения, не пощады. Я только жду беспристрастного приговора. С мыслью о смерти я свылся... Я с самого начала

голгофе. 1937–1938. М., 2011. С. 424). По данным на 1914 г., у генерала Шейдемана было трое детей. Аналогичная участь постигла видного военспеца Н. Н. Петина и его сыновей, которые были расстреляны. В 1920 г. был расстрелян генерал С. А. Сулькевич, а в 1937 г. его вдова Е. З. Сулькевич (сестра генерала Е. З. Барсукова) и пасынок А. Г. Гольм (Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954. Смоленск, 2018. С. 57–59). На этих примерах видно, что семьи отдельных генштабистов истреблялись в Советской России и СССР почти на корню.

¹ 12 тысяч. Крымские расстрелы. С. 32.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1–2.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 145.

⁴ Там же. Л. 188.

⁵ Там же. Л. 249.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 435.

своей службы глубоко был убежден, что я исполняю маленькую роль в очень большом деле. Служба эта была для России. Я отдавал этой службе все, что только мог»¹. Суд, как и ожидалось, приговорил Перхурова к расстрелу.

Обращает на себя внимание низкий процент выпускников ускоренных курсов среди казненных – только 12 %, тогда как среди военспецов-генштабистов РККА курсовики составляли более 38 %¹¹. Из этого можно сделать вывод о том, что генштабовской молодежи, к которой относились курсовики, большевики доверяли значительно больше, чем старым спецам. Более 44 % расстрелов затрагивали пленных белых генштабистов.

По характеру гибели офицеров статистика представляется следующей (табл. 59).

Таблица 59

Характер смертей генштабистов – жертв террора в 1917–1922 г.

Год	1917	1918	1919	1920	1921	1922	Итого
Характер смерти							
Самосуд	5	8					13
Арест и казнь в результате попадания в плен	1	10	7	37	13	2	70
Арест и казнь (в том числе обстоятельства неизвестны)		27	16	10	5		58
Смерть в заключении от голода и болезней		1	1	4	3	2	11
Убийство в заключении			1				1
Спецоперация					1		1

Причины расстрелов и казней были следующими (если известны; табл. 60).

Таблица 60

Причины расстрелов и казней генштабистов в 1917–1922 гг.

Год	1917	1918	1919	1920	1921	1922	Итого
Причина гибели							
Подозрение в принадлежности к антибольшевистскому подполью		5	3	3			11
Служба в антибольшевистских армиях		11	7	37	10	3	72
Участие в антибольшевистских восстаниях			1				1
Заложничество		8					8
Принадлежность к царской семье			1				1
Попытка пробраться к белым		2					2
Шпионаж					2		2

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 408–409.

¹¹ Наш расчет по: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 122.

Не менее 75 человек погибли в связи со службой в антибольшевистских армиях, участием в восстаниях или стремлением пробраться к противнику, 11 человек были репрессированы из-за подозрений в принадлежности к белому подполью. География казней была широкой, но больше всего насильственных смертей генштабистов происходило в Москве, затем в Петрограде и Омске, а также в Одессе.

Статистика арестов представлена в таблице 61 (исключены расстрелянные и умершие в заключении; не учитывались повторные аресты).

Таблица 61

Статистика арестов генштабистов в 1917–1922 гг.

Год	Количество арестованных	Выпускники и слушатели старой академии	Выпускники ускоренных курсов	Всего
1917		14	2	16
1918		51	12	63
1919		42	27	69
1920		56	14	70
1921		11	14	25 (по официальным данным не менее 32)
1922		8	6	14
Итого		181	75	257 (с учетом разночтений по 1921 г., возможно, 264)

Таблица 61 показывает, сколько выпускников академии прошло через аресты. Однако реальный масштаб репрессий был выше в связи с повторными арестами.

В 1918 г. с учетом арестов, приведших к расстрелу или гибели заключенного, в Советской России арестовано не менее 101 «лица Генштаба», что представляется довольно высокой цифрой, поскольку составляет 14,5% от общего их числа у большевиков в это время. Если к этому прибавить повторно арестованных, то показатели станут еще выше. В 1919 г. существенно возрастает количество арестованных курсовиков (видимо, в связи с попыткой чекистов нанести удар по их корпоративной организации). В 1920 г. продолжают аресты «коренных» генштабистов Красной армии, а кроме того, начинаются аресты и расстрелы пленных белогвардейских генштабистов. Всего за годы Гражданской войны (с учетом повторных арестов и тех, что закончились гибелью арестованного) выпускники академии в Советской России арестовывались более 400 раз.

Основную массу арестованных генштабистов составляли выпускники довоенной академии, о чем свидетельствуют статистические данные. На 15 апреля 1921 г. под арестом находились 23 генштабиста¹. Из 23 человек 12 относились к выпускам из академии до 1906 г., 10 – к выпускам 1907–1916 гг. и один – к выпуску 1917 г. Меньше всего доверия оказывалось генштабистам старших выпусков. На 25 ноября 1921 г.

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 65.

под арестом числились уже 32 генштабиста, включая 9 бывших белых¹. Из них курсовиками были лишь трое. В целом же к 1921 г. репрессии пошли на спад.

На территории Советской России в 1917–1922 гг. подверглись репрессиям (в том числе погибли от самосудов) не менее 404 выпускников Военной академии (казненных, умерших и арестованных, в том числе 311 выпускников довоенного периода и 93 курсовика). Примем во внимание, что 38 репрессированных не служили в РККА, а лишь проживали на советской территории. За их вычетом, а также за вычетом казненных при попадании в плен белых, не служивших в РККА, репрессиям в 1917–1922 гг. подвергся почти каждый пятый из «лиц Генерального штаба» РККА. Казни составили около 33 % всех репрессий. Репрессий не избежали даже так называемые красные генштабисты – слушатели Академии Генерального штаба РККА, считавшиеся опорой нового строя, но это отдельный сюжет.

Массовость арестов была отчасти обусловлена непрофессионализмом чекистских кадров того времени. На поверку многие громкие разоблачения оказывались полностью сфабрированными (например, дело об «организации» генерала М. А. Дормана в Смоленске, раскручивавшееся осенью 1918 г.²). Хорошо, если из-за этого никто не страдал, но, как правило, вместе с фабрикацией дел шло массовое истребление тех представителей старого офицерства и буржуазии, кому была отведена роль заговорщиков.

Антиофицерские репрессии, отличавшиеся значительным размахом, многократно преувеличивались в слухах, что усугубляло неуверенность в завтрашнем дне, нервное напряжение, формировало атмосферу страха и порождало у многих офицеров стремление как можно скорее бежать из Советской России. В частности, бывший генерал А. М. Сиверс (негенштабист) записал в дневнике в начале августа 1918 г., что в Петрограде, по слухам, арестовали 14 000 офицеров, и размышлял о том, кто попал под аресты и каковы реальные цифры³. В другой записи он упомянул, что арестованных в десять раз меньше, но какие данные вернее – не знал⁴.

Гнетущая атмосфера ощущалась даже у хорошо информированных военспецов на верхах советской военной иерархии. Бывший советский главком И. И. Вацетис впоследствии вспоминал, по-видимому, о событиях 1919 г.: «Недоверие сказывается на каждом шагу и создает чрезвычайно тяжелую обстановку для работы. Между тем не все комиссары отличаются соблюдением должного такта; даже в Полевом штабе недавно был случай, что в то время, когда я сам сидел в Полевом штабе, в кабинете начальника Полевого штаба, старший комиссар Полевого штаба позволил, не сказав ничего мне и начальнику штаба, грубо ворваться в оперативное отделение представителям ВЧК и в самой грубой форме, в штабе же, во время работы, арестовать бывшего офицера Генерального штаба. Подобная бестактность произвела настолько сильный перебой в настроении всех, что никакая работа не могла быть продолжена. Кстати сказать, впоследствии оказалось, что этот бывший офицер Генерального штаба был арестован совершенно невинно»⁵.

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 8, 13.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник (Москва). 2012. № 2 (32). С. 84–100.

³ Сиверс А. М. Дневник. 1916–1919. С. 414.

⁴ Там же. С. 416.

⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 234.

Картина бесправного положения выпускников академии в Советской России видна из мемуаров советского чиновника-невозвращенца Г.А. Соломона: «Во главе пограничной стражи стоял тоже бывший мелкий служащий таможни и сто-процентный же коммунист, Владимир Александрович Степанов... Человек уже лет за тридцать, из семинаристов, окончивший курс юридического факультета, суеверно религиозный, он был крайне честолобив. Он считал себя обойденным жизнью и носил в своей груди массу озлобления. Казалось, это был человек, которого высшей радостью и счастьем было причинять зло ближнему. Как комиссар и начальник над беззащитными офицерами, все людьми бесконечно высшими его во всех отношениях, он вечно старался сделать им какую-нибудь гадость... Вот один эпизод...

— Разрешите доложить, крайне важное дело-с... Осмелюсь доложить, что полковника Т-ва следует представить в ЧК к расстрелу-с...

Я знал этого офицера-академика, толкового и заслуженного, хорошо воспитанного, умного и талантливого. Я его в свое время назначил помощником и заместителем Степанова, который ненавидел его мелкой ненавистью маленького озлобленного существа, которую оно испытывает к существу, стоящему на более высокой ступени развития, нежели он. Но это было в первый раз, когда он в своей злобе дошел до такого градуса.

— Что такое?.. К расстрелу?.. — переспросил я, не веря своим ушам.

— Так точно-с, Георгий Александрович, — томным ласковым голосом с улыбочкой отвечал Степанов, глядя мне прямо в глаза своими большими голубыми глазами каким-то просветленным взглядом, от которого становилось вчуже страшно. — Так точно-с, разрешите представить его к расстрелу-с...

— Да понимаете вы, что вы говорите?! — внутренне содрогаясь особенно от такого ужасного “с” на конце этого звериного слова, сказал я. — За что?.. Что он сделал?..

— Так что, Георгий Александрович, позвольте доложить-с... В прошлом году Т-в купил себе осенью толстую фуфайку на Сухаревке, за двести рублей-с... Фуфайка ничего себе, хорошая, — слов нет-с, он тогда же еще всем нам ее показывал. А так что третьего дня он обменял ее на фунт сливочного масла... а масло-то нынче стоит две тысячи рублей-с за фунт... Значит, это явная спекуляция-с, потому как в десять раз больше-с... Так что по долгу службы-с я и докладываю вам — разрешите представить его к расстрелу-с.

С глубоким стыдом вспоминаю, что я не мог, не смел сказать этому, по выражению Салтыкова “мерзавцу, на правильной стезе стоящему”, кто он и что представляют его слова, не посмел сказать ему — “замолчи, гадина!..” Ведь он был коммунист, полноправный член нового сословия “господ”, а Т-в — офицер, то есть человек, самым своим положением уже находившийся под вечным подозрением в контрреволюции.

Не смел, ибо боялся озлобить этого полноправного “товарища” и еще больше боялся вооружить его против беззащитного полковника. Меня душил гнев, меня душило сознание моего бессилия и желание побить, изуродовать этого человека-ненавистника. А в уме и душе было одно сознание необходимости во что бы то ни стало защитить бесправного человека. И с нечеловеческим усилием воли,

¹ У М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мерзавец, но на правильной стезе стоит» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Письма к тетеньке* // Собр. соч.: в 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 303).

сдержав в себе желание кричать и топтать ногами от бешеной истерии, подступившей к моему горлу, я стал резонно и спокойно, деловым тоном доказывать Степанову, что предлагаемое “наказание” не соответствует “проступку”. Я говорил о самом Т-ве, об его многочисленной семье, о его нужде... Боже, сколько ненужных, лишних и таких подлых слов я должен был произнести... И мне удалось в конце концов повернуть дело так, что Степанов стал униженно просить меня простить его.

Больше вопрос о расстреле Т-ва не поднимался¹. По всей видимости, речь шла о выпускнике академии бывшем полковнике В.Я. Тетеревятникове — помощнике начальника Главного управления пограничных войск².

Во многих арестах трудно отыскать какую-то логику или необходимость. Множество бессмысленных репрессий относится к 1918 г. Например, буквально случайно в Петрограде пострадал главноуправляющий канцелярией Наркомата по военным делам бывший генерал-майор С.И. Одинцов, приехавший в Петроградскую ЧК вызволять племянника и арестованный 12 марта 1918 г. на месяц по обвинению в шпионаже в пользу Германии³. Одинцов писал Л.Д. Троцкому 20 апреля 1918 г.: «Я прошу расследования всего этого случая, чтобы с меня было снято полностью обвинение в тягчайшем государственном преступлении, которого я не только не совершал, но даже и помыслить не мог совершить»⁴. Троцкий потребовал от петроградских чекистов срочных объяснений. Одинцов в дальнейшем верой и правдой служил советской власти. В октябре 1918 г. был арестован выпускник академии Н.С. Новиков, вскоре, однако, было объявлено, что арест произошёл «по недоразумению»⁵. Подобные действия чекистов вызывали не только нарекания, но и иронию. Как тогда говорили, «метод работы ВЧК и ГубЧК — схватил, посадил, продержал — вызвал из тюрьмы, посмотрел, допросил, отпустил»⁶.

Ярославская ЧК 13 августа 1918 г. арестовала начдива бывшего генерала В.С. Михеева вместе со штабом, комиссаром и эшелоном 1-й Костромской дивизии, поскольку «у них не оказалось нужных документов»⁷. В сопровождении чекиста эшелон прибыл в Иваново-Вознесенск. Позднее ВВС постановил отпустить арестованных⁸. В итоге комиссар Ярославского округа М.В. Фрунзе телеграфировал в Петроградский округ с копией в ВВС, что дело с арестом штаба дивизии раздуто, «ничего специфически контрреволюционного не обнаружено. Причина ареста — не извещение о времени выезда эшелона из Петрограда»⁹. Ответственность за случившееся была возложена на самого начдива и комиссара¹⁰.

В 1918 г. подвергся аресту один из крупнейших советских военспецов — Ф.В. Костяев, арестованный без причины и без предъявления обвинения¹¹. Позднее Костяев

¹ Соломон Г. А. Среди красных вождей. С. 231–234.

² Выражаю благодарность А. Г. Горчакову, идентифицировавшему В. Я. Тетеревятника в данном эпизоде.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 18об.; Ф. 11. Оп. 4. Д. 111. Л. 5.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 18об.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 310.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 148.

⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 17. Л. 40; Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 302.

⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 315.

⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 107.

¹⁰ Там же. Л. 108.

¹¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 87.

был освобожден и вскоре стал начальником ПШ РВСР. Однако смысл его ареста трудно понять (в 1919 г. он был арестован вторично и вновь освобожден). 26 апреля 1918 г. на непродолжительный срок подвергся аресту по нелепому обвинению начальник штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Петин^I – впоследствии еще один из наиболее высокопоставленных и преданных большевикам генштабистов. Арестованный просил одного из руководителей большевистского военного ведомства, Э.М. Скланского, об отсрочке суда в связи с предстоящими родами жены и ее тяжелой болезнью.

Арестная практика не добавляла военспецам уверенности в завтрашнем дне. Один из них писал видному генштабисту Н.И. Раттэлю в 1918 г.: «Арест произвел на меня гнетущее действие, можете верить мне, что совесть моя решительно чиста»^{II}. Преданностью советской власти проникнута и телеграмма бывшего полковника А.Н. Ковалевского, арестованного 10 ноября 1918 г.: «[В] июне я из Украины вывез [в] Советскую Россию свою жену и четырех малолетних детей, почему, принимая самое активное участие [в] подавлении контрреволюционного мятежа южного казачества, я тем самым прочно связал свою судьбу с судьбой Советской России, которой изменить уж по одному этому не в состоянии...»^{III} Тем не менее заверения не помогли, и Ковалевский, подозревавшийся в причастности к белому подполью в РККА, был расстрелян.

В августе – сентябре 1918 г. в Петрограде производились массовые аресты бывших офицеров. В качестве заложников в сентябре под арестом оказались 12 генштабистов, в том числе известные генералы А.Г. Елчанинов, Н.П. Михневич, А.А. Поливанов, М.Н. Суворов^{IV}. В связи с создавшейся нездоровой атмосферой генштабист Л.К. Александров писал М.Д. Бонч-Бруевичу 22 августа 1918 г.: «Упорная работа, просиживание целыми ночами в штабе в значительной степени подорвали мои нервы, многочисленные же аресты многих служащих в штабе в последнее время по непонятным и неизвестным для меня причинам настолько меня терроризировали, что я буквально потерял всякую способность к индивидуальной плодотворной работе и даже способность мыслить, а тем более высказать свое мнение, не будучи убежден в возможности высказать таковое»^V.

Видный отечественный военный деятель бывший генерал А.Е. Снесарев, сохранявший полную лояльность новым властям, в целом, благополучно пережил Гражданскую войну^{VI}. Но на мировосприятие Снесарева, несомненно, должны были

^I РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 23–24.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 17.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 142–142об.

^{VI} Иногда упоминается об аресте А.Е. Снесарева в Царицыне в июле 1918 г. по решению И.В. Сталина (Будаков В.В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М., 2014. С. 375; Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2010. С. 48; Дудник В., Смирнов Д. Вся жизнь — науке // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 51; Морозов А.Я. Служил Отечеству: Генерал А.Е. Снесарев. Воронеж, 2005. С. 149; Шитов А.П., Поликарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха: Факты, документы, воспоминания. М., 2006. С. 39, 415; Полякова В.А. Долг и судьба: Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006. С. 76–77), но документальных подтверждений этого не обнаружено. Снесарев уехал из Царицына около 22 июля 1918 г. в Москву в командировку для доклада ВВС (РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 3. Л. 49; Д. 6. Л. 40; Д. 40. Л. 5), в августе — начале сентября 1918 г. находился в отпуске в Острогжске (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 87, 178), а уже 11 сентября получил назначение начальником

влиять репрессии против окружавших его людей. Так, красными 15 июля 1918 г. был расстрелян муж сестры Снесарева Лидии священник П.А. Вилков вместе с двумя сыновьями — казачьими офицерами. 13 ноября 1918 г. был казнен муж другой сестры Снесарева Анны — священник А.И. Тростянский. Репрессиям подверглись военспецы, служившие со Снесаревым в Царицыне. В октябре 1919 г. Особым отделом 16-й армии в Смоленске на некоторое время была арестована его супруга Е.В. Снесарева, мать пятерых детей. В одной квартире со Снесаревой проживал в качестве квартиранта генштабист Д.Г. Фокке, служивший в 1919 г. на Западном фронте. У Фокке чекисты провели обыск (Снесарева тогда ездила в Москву к мужу, начальнику Академии Генштаба РККА). Арест Снесаревой произошел в связи с ее хлопотами за Фокке, когда женщина по возвращении из Москвы явилась в Особый отдел¹. Для ее освобождения семья мобилизовала имевшиеся связи.

Некоторые генштабисты буквально не выходили из тюрем и лагерей. Например, бывший генерал Н.Н. Оболенев арестовывался в 1918 г., дважды в 1919 г. и в четвертый раз — в 1920 г. По данным на 1921 г. он также находился в заключении и в итоге был расстрелян или умер в тюрьме. Была арестована и сестра генерала². Через серию арестов прошел и другой бывший генерал А.И. Верховский.

Фактор гнетущей атмосферы травли военспецов нельзя недооценивать. С одной стороны, в армии неограниченно эксплуатировали их знания и опыт, с другой, им не доверяли и их преследовали. Арестованный Особым отделом ВЧК Б.И. Кузнецов, размышляя летом 1919 г. о причинах поправления своих взглядов, упоминал «слухи, может быть, нелепые, но настойчиво повторявшиеся о личном и массовом терроре»³.

Впрочем, массовость арестов иногда приносила пользу большевикам. По свидетельству генерала К.И. Глобачева, система массового террора парализовала антибольшевистское подполье. Глобачев отмечал: «Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходился чекистами, причем все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но, с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были

Западного района обороны (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 10б.). Единственное указание на арест Снесарева содержит позднейшая телеграмма К. Е. Ворошилова и В. И. Межлаука Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому от 6 ноября 1918 г. В ней упоминалось о необходимости принятия «экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 41). Быть может, подразумевалось, что Снесарева освободили от ареста, но это лишь предположение.

¹ Копия заявления помощника инспектора пехоты 16-й армии В. Н. Зайцева в Особый отдел 16-й армии от 21 октября 1919 г. (Архив семьи Снесаревых (Москва)).

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 229. Л. 7.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 53об.

подвергнуты и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась сильная тяга на Дон и Украину»^I.

Пострадавшие от ВЧК бывшие офицеры и их родственники обращались к партийным военным деятелям или к знакомым влиятельным военспецам за заступничеством. Иногда последние, пользовавшиеся расположением большевистских руководителей, должны были выступить промежуточным звеном. Так, супруга арестованного генерала от инфантерии А.Е. Эверта, добываясь освобождения мужа, обратилась осенью 1918 г. в Штаб РВСР к бывшему генерал-майору Н.И. Раттэлю с тем, чтобы тот ходатайствовал перед Троцким. Раттэль, как свидетельствовала супруга Эверта в позднейших мемуарах, ей ответил: «Троцкий — человек жестокий и не остановится перед уничтожением всякого на пути к достижению намеренной им цели, но бессмысленных жертв он не признает; он знает, что Ваш муж отстранился от всякой политики; кроме того, в данном случае имеет значение и его доверие ко мне — я поручился за лояльность Вашего мужа»^{II}. Если верить мемуаристке, Троцкий даже распорядился об освобождении Эверта, но генерала так и не выпустили из-за протестов ВЧК. Позднее он был расстрелян якобы при попытке побега^{III}. Криком души кажется открытка, отправленная бывшим генерал-майором А.Д. Шеманским Э.М. Склянскому 10 сентября 1918 г., в которой он писал: «Товарищ Склянский — заступитесь — сижу месяц, а служил честно, лояльно...»^{IV}

На фоне острой потребности армии в кадрах Генштаба Н.И. Раттэль смело заступался за арестованных. Например, в конце сентября 1919 г. он телеграфировал в Могилевскую ГубЧК в связи с арестом бывшего полковника К.К. Лисицына просьбу сообщить о причинах ареста «и если нет особых оснований» освободить и командировать в ВГШ для назначения^V. Между тем Лисицын был явно проблемным военспецом: еще в начале апреля 1919 г. он выехал из Петрограда в неизвестном направлении, через месяц Организационное управление ВГШ получило от него телеграмму о том, что он назначен на этапную службу, позднее военспец не отреагировал на двукратный вызов в Москву, а в сентябре был арестован в Могилеве. В дальнейшем арестованный при следовании в Москву бежал из-под стражи^{VI}.

В сентябре 1918 г. в Петрограде были арестованы без обвинения в качестве заложников сразу 12 генштабистов^{VII}. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов был вынужден телеграфировать всем Советам депутатов о прекращении арестов бывших офицеров без предъявления обвинения. Кроме того, он потребовал от ВЧК в сентябре 1918 г. освободить всех арестованных советских работников, «относительно которых нет данных и прямой их персональной прикосновенности к контрреволюционной деятельности»^{VIII}. Это указание было проигнорировано. Многие генштабисты продолжали пребывать безо всякого обвинения в местах заключения. Так,

^I Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 174–175.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 33об.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. Главком Западного фронта Алексей Эверт.

^{IV} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 88об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 358.

^{VI} Там же. Л. 125, 357.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.

^{VIII} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 85.

полгода без предъявления обвинения и даже без единого допроса провел в тюрьме бывший полковник А.Д. Тарановский¹.

Арестован он был за незаконное формирование дивизии, которое в действительности было законным и санкционировалось руководством². Военспец писал начальнику штаба ВВС Н.И. Раттэлю: «Я арестован и сижу в Чрезвычайной следственной комиссии на Лубянке, 11.

Мне предъявлено обвинение в незаконном формировании дивизии. Между тем формирование дивизии прошло через Высший законод[ательный] совет 29 июля и Вами и Всерос[сийским] глав[ным] штабом сообщено всем, кому следует, в том числе и довольствующим учреждениям на выдачу всего для дивизии необходимого имущества.

Так что незаконного здесь ничего нет и формирование вполне законное.

Прошу покорно разъяснить это кому следует и принять меры к освобождению меня и других лиц командного состава

Генерального штаба А. Тарановский»³.

Характерна одна из телеграмм военкому ПШ РВСР С.И. Аралову и Л.Д. Троцкому об аресте в конце ноября 1918 г. бывшего капитана В.В. Трофимова: «Обвинение неведомо на чем основано»⁴. 19 декабря Трофимова освободили⁵.

В докладе начальнику ПШ РВСР от 5 января 1919 г. Трофимов писал о недопустимости «бесконтрольных арестов состоящих на ответственной службе специалистов Генштаба, число коих в настоящее время весьма ограничено, а также [жаловался] на бесцельную и вредную волокиту в разборе таковых дел в очередном порядке, что на практике приводит к затяжке следствия, часто на сроки до семи месяцев. Та же недопустимость проволочки на основании печального опыта с Генштаба [В.В.] Саловым имела результатом смерть последнего от истощения в “Крестах” и заставляет держать в заключении уже около семи месяцев Генштаба Б.П. Полякова, рапорт коего при сем прилагаю, — около трех с половиной месяцев Генштаба Л.И. Савченко-Маценко, перенесшего в настоящее время сыпной тиф в тюремной больнице, также истощенного до крайности вследствие систематического недоедания, вынуждает голодать их семьи, ни в чем не повинные, и пока не привела ни к каким полезным для дела революции результатам, ибо ведь ни тому, ни другому, согласно с личными их заявлениями, до настоящего времени никаких обвинений не предъявлено.

В то же самое время правительство, формируя огромную армию для борьбы на четыре фронта, нуждается в опытных специалистах Генштаба, каковыми оба названные лица и являются: Поляков — в деле организации вооруженной силы и тыла армии и дела снабжения, а Савченко-Маценко — по части широкой эксплуатации жел[езно]дорожных путей — единственный представитель у нас и специалист, детально изучивший эту отрасль и подготовивший научный труд по этому

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 30, 47; Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 22; ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 17.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 150–150об.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 99.

⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Дело генштабиста Трофимова // Клио (СПб.). 2011. № 9 (60). С. 95–98; Его же. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио. 2012. № 10. С. 27–36.

вопросу, помимо наличия обширного опыта и практики в этом новом, весьма важном и сложном деле»^I. И хотя в случае с Поляковым Трофимов оправдывал реального белого подпольщика, в целом его доводы были резонансны.

Военспецу возмущало, что допрашивали генштабистов лиц, не сведущих в оперативных вопросах, что вело к произвольным обвинениям. Он отмечал: «Безотрадно положение арестованных специалистов Генштаба, которым обвинения не предъявлено вовсе, но кои подозреваются в сношении с враждебными Советской республике правительствами, в контрреволюционных заговорах или в шпионаже, установить же наличие таковых деяний нет возможности опять-таки за отсутствием именно экспертов-специалистов»^{II}. Впрочем, где взять лояльных власти специалистов по таким вопросам для бесед с арестованными, он не пояснял.

Позднее Трофимов вновь был арестован и провел в заключении более полугода с июля 1919 по апрель 1920 г. На одном из допросов в 1919 г. он, как представляется, не кривя душой, сказал: «С самого начала образования Красной армии я пошел в ее ряды, служил в ней честно и служу до сих пор, и только расшатанное войной и тяжелым годом напряженных занятий в академии здоровье, быть может, отвлекало меня иногда от направления в работе и делало меня вообще мало активным в сравнении с моими товарищами, пожалуй, и менее способными, чем я, но с большим запалом жизненной энергии»^{III}. Через десять лет, в 1930 г., военспецу расстреляли.

Бывший капитан А.Н. Цурпалев из Бутырской тюрьмы писал в МПКК 11 ноября 1918 г.: «Находясь два месяца (арестов[ан] 12 сентября 1918 г.) в тюремном заключении, мне не предъявлено никакого обвинения... не имея ни родных, ни знакомых, осмеливаюсь обратиться к Вам с усердной просьбой посодействовать моему скорейшему освобождению из тюремного заключения. В каких [бы] то ни было восстаниях против советской власти я не участвовал, как равно не состоял и не состою ни в каких политических партиях. 2-месячное тюремное заключение сильно отразилось на моем здоровье и выразилось в полном истощении организма. Больше выдержки не хватит, лучше уж расстрел!»^{IV} Освобождение военспеца состоялось лишь в феврале 1919 г. после личного вмешательства в дело В.И. Ленина. Цурпалев предпочел больше не искушать судьбу в Советской России и бежал к белым.

О мытарствах бывшего военного министра генерала А.А. Поливанова ярко свидетельствует его обращение в президиум Московской ЧК от 6 ноября 1919 г.: «В августе 1918 года в Петрограде были произведены массовые аресты бывших офицеров и в числе их, как бывший генерал, был арестован и я, и, после 2-месячного заключения в Дерябинской тюрьме, 2 октября, освобожден, без предъявления мне каких-либо обвинений. Из тюрьмы я вышел с особым потрясением нервной системы, которое лишило меня способности передвигаться по городским улицам одному без провожающего.

Несколько поправившись, вдобавок к назначению мне советской властью пенсии, начал зарабатывать свой хлеб переводом с иностр[анных] языков книг

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 57–57об.

^{II} Там же. Л. 60.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 321об.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 147. Л. 82об.–83.

для Комиссариата народного просвещения, но в конце мая [1919 г.] в Петрограде были вновь произведены многочисленные аресты, 28 мая я был опять арестован и на сей раз выслан в Москву, в МЧК, опять без предъявления мне обвинений. Пробыв с 31 мая по 12 июля в тюремном подотделе МЧК, я тяжело заболел и был переведен в больницу при Бутырской тюрьме. Здесь моя болезнь определилась как общее истощение, склероз сердца, сопровождающийся припадками, и неврастения, и восстановление сил при лечении идет медленно: 31 мая я вошел в Москву еще бодрым человеком, а теперь, после 4-месячного заключения, я немощный 65-летний старик.

По всем этим соображениям я прошу об освобождении меня и о возвращении меня в Петроград, на попечение моей жены (детей не имею), которая, оставшись без моего заработка и будучи слабой 57-летней женщиной, живет там, все более и более впадая в нужду^I. По освобождении в начале 1920 г. и до своей смерти в сентябре того же года Поливанов добросовестно служил в РККА.

По данным на ноябрь 1918 г., только в Дерябинской тюрьме Петрограда без предъявления обвинения содержалось шесть генштабистов^{II}. 12 ноября предписывалось срочно возбудить ходатайство об их освобождении. Самочувствие арестованного бывшего генерал-майора Л.И. Савченко-Маценко в период пребывания в заключении настолько ухудшилось, что он оказался практически при смерти от истощения и был переведен в полевой запасной госпиталь^{III}.

Необоснованные репрессии обрушивались и на членов семей генштабистов. Летом 1919 г. в Петрограде были арестованы супруга Савченко-Маценко Надежда Александровна и его сестра Н.И. Шестакова, поскольку при обыске были «найжены металлические части артиллерийской трубки и артиллерийского снаряда, не снаряженная^{IV} и служившая украшением и прессом [на] письменном столе. Жена чахоточная, дома остался ребенок и старуха»^V. Ненадолго вернувшийся тогда на руководящие посты в РККА М.Д. Бонч-Бруевич ходатайствовал перед председателем ВЧК Ф.Э. Дзержинским об освобождении женщин.

Репрессии были фактором, не сдерживавшим измены генштабистов, а, наоборот, способствовавшим им. Деятель белого подполья бывший полковник Б.П. Поляков находился под арестом без предъявления обвинения с 22 июня 1918 по 1 февраля 1919 г.^{VI} Сам он отрицал причастность к подполью, объясняя арест «грязным доносом и междудементственными трениями»^{VII}. Супруга Полякова писала Н.И. Ратэлю в РВСР 22 ноября 1918 г.: «Муж шестой месяц [в] заключении, настоятельно прошу серьезного ходатайства [об] освобождении, нахожусь [с] семьей

^I ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 236. Л. 106об. Подробнее об арестах Поливанова см.: Бей Е. В. Военный министр А. А. Поливанов — «генерал от политики»; Поливанов А. А. Девять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. — 15 марта 1916 г.). М., 2020. С. 132–143. К сожалению, в этой работе неточно указана дата освобождения Поливанова из-под ареста — вместо начала января 1920 г. указано начало декабря (Там же. С. 143), когда генерала уже не было в живых.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 46.

^{III} Там же. Л. 171.

^{IV} Так в документе.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 608.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 54об.

совершенно без средств»^I. Эта краткая телеграмма проливает свет на тяжелое материальное положение семей арестованных. Поляков был освобожден без права занимать ответственные должности^{II}. Уже в 1919 г. его следы обнаруживаются в Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича.

В Бутырской тюрьме также содержался бывший генерал-майор С.М. Языков, занимавший перед арестом пост помощника начальника военных сообщений Восточного фронта. Его пребывание под арестом сопровождалось еще более трагическими событиями. В период заключения у Языкова умер брат Николай, также служивший в РККА. Заключенный просил Я.Х. Петерса о временном освобождении, чтобы похоронить брата^{III}. Навстречу арестованному не пошли, отношение военспеца к своим тюремщикам в этой ситуации вполне предсказуемо. Выйдя вскоре на свободу, Языков пропал без вести при оставлении красными Украины и поступил на службу во ВСЮР^{IV}. На таких примерах наглядно прослеживается вред политики массовых арестов «лиц Генштаба» для большевиков, грозившей при определенных условиях гибельными последствиями.

Аресты, безусловно, вышли из-под контроля. Порой освобождением арестованных генштабистов или тем, чтобы им хотя бы предъявили обвинения, были вынуждены лично заниматься первые лица РКП(б) и Советского государства, причем добиться результата от чекистов получалось не всегда. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК освободить арестованных офицеров, против которых не было прямых серьезных обвинений и которые были согласны служить в РККА^V. Также он предлагал указать, какие арестованным генштабистам предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»^{VI}. Однако просьба Троцкого не ускорила исход дела. Вождь РККА обоснованно полагал, что аресты могут осуществляться только с ведома начальства и военного комиссара^{VII}. Но это указание также не соблюдалось чекистами.

23 октября 1918 г. Троцкий телеграфировал В.И. Ленину и Я.М. Свердлову: «В качестве заложников без особых обвинений сидит много офицеров Генштаба. Предлагаю тех, против кого нет обвинений, отправить с комиссарами на Южный фронт, предупредив, что в случае измены будут арестованы их семьи»^{VIII}.

15 ноября 1918 г. Троцкий поручил комиссару И.Л. Дзевалтовскому представлять интересы военного ведомства в ВЧК, прежде всего, для решения вопроса об арестах специалистов: «Революционный военный совет республики предписывает Вам являться представителем интересов военного ведомства во Всероссийской

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 66.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 121.

^{III} Там же. Л. 129.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258. Находясь в эмиграции в Болгарии, Языков писал генералу В. В. Чернавину: «Я пробыл у больш[евиков] до 30 августа] 1919 года, занимая должн[ость] н[ачальни]ка воен[ных] сообщ[ений] в Киеве. В дни революции, и февральской и октябрьской, служил в Ставке Верх[овного] главноком[андующего] — все прошло на моих глазах, уход царя, смены главноком[андующего], выступление Корнилова, убийство Духонина и т.д. ... Служил немного в Добров[ольческой] армии в Крыму» (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 328. Л. 1).

^V РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 481. Л. 1.

^{VI} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

^{VII} Там же. Л. 116.

^{VIII} The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1. P. 154.

Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией.

На Вас возлагается обязанность быть постоянно осведомленным о всех лицах военного ведомства, задержанных распоряжением названной комиссии, и о причинах задержания каждого. Вам же вменяется в обязанность следить за тем, чтобы дела необходимых работников проводились в срочном порядке.

Вам также предлагается установить такой контакт с деятельностью ВЧК, при котором без Вашего ведома не мог бы быть задерживаем ни один из ответственных советских работников^I. Разумеется, проблему это не решило.

Троцкий регулярно заступался за арестованных генштабистов. Например, в январе 1919 г. он добился освобождения из тюрьмы начальника Центрального управления военных сообщений бывшего генерал-майора М.М. Загю. По этому поводу Троцкий писал Ленину: «Владимир Ильич. Обращаю самым настоятельным образом Ваше внимание на факт безобразного ареста Загю. Его арестовала комиссия, в которой не было никого от военного ведомства. Это неправильно с формальной стороны. Он был арестован без ведома своего прямого начальства. Это неправильно с формальной стороны. Он был арестован комиссией, в состав которой входили лица, по долгу службы приходившие с ним в[о] враждебные столкновения... Загю арестован только потому, что он бывший генерал. Если бы на его месте сидел коммунист, он, может быть, сделал бы еще меньше и не был бы арестован. Это произвол. Он порождает у наших специалистов такое убеждение, что они ничем не прикрыты и что им незачем быть добросовестными... Я совершенно категорически настаиваю на том, чтобы Загю был освобожден. Он никуда не уйдет. Я выступаю поручителем за него. Следствие может продолжаться. Если суд признает его виновным, он может быть приговорен к соответственному наказанию. Председатель Революционного военного совета республики Троцкий^{II}». Впоследствии Загю занял должность помощника начальника ВГШ, а в конце 1919 г. дело в его отношении было прекращено за отсутствием состава преступления^{III}.

В мае 1919 г. Троцкий заступился за курсовика В.В. Хрулева: «Реввоентрибунал республики ходатайствует о помиловании Генштаба Хрулева, осужденного на пять лет заключения за преступление, в котором Реввоентрибунал республики не усматривает злого умысла, ввиду желания Хрулева служить по-прежнему советской власти. Присоединяюсь к ходатайству Реввоентрибунала перед Президиумом ЦИК^{IV}».

Чтобы арестованные были либо освобождены, либо осуждены, потребовалось специальное постановление Совета обороны за подписью В.И. Ленина от 8 января 1919 г., в котором сведения о восьми арестованных (К.И. Жихоре, А.М. Зайончковском, В.А. Ивановском, Л.В. Квитницком, В.С. Михееве, М.Н. Суворове, Д.Г. Фокке, А.Н. Цурпалева) были затребованы в трехдневный срок^V. Практически всех, кроме Жихора и Квитницкого, чекистам пришлось освободить за недоказанностью

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 328.

^{II} НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 48; опубли. в: The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 266.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 114. Л. 1.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 21. Л. 57.

^V В. И. Ленин и ВЧК. С. 139–140.

обвинений. Жихор на протяжении 1918–1921 гг. содержался в концлагере ВЧК^I. Вместо выполнения прямых обязанностей он, по-видимому, трудился на заводе резиновой промышленности^{II}. Квитницкого же расстреляли.

Считается, что ВЧК находилась в личном подчинении В.И. Ленина и могла игнорировать указания других, даже самых высокопоставленных, большевистских руководителей. Однако факты свидетельствуют о неоднозначности этой ситуации. Так, Ленин еще 29 декабря 1918 г. просил председателя Петроградской ЧК освободить бывшего генерал-майора Л.И. Савченко-Маценко и бывшего полковника Б.П. Полякова^{III}, однако первого освободили в январе, а второго — лишь 1 февраля (в случае Полякова речь шла об освобождении реального участника антибольшевистского подполья^{IV}). 31 января 1919 г. Совет обороны, которым руководил Ленин, рассматривал вопрос об освобождении С.М. Языкова под поручительство начальника ВГШ Н.И. Раттэля, что и было осуществлено^V.

Органы ВЧК осуществляли аресты не только военспецов, но и в целом видных советских работников, что не могло не беспокоить большевистское руководство. Эти факты относятся в основном к 1918 — началу 1919 г. и свидетельствуют о том, что репрессивный аппарат, созданный большевиками, начал работать сам по себе, причем непосредственный руководитель ВЧК Дзержинский не имел возможности его полностью контролировать, особенно на местах. Таким образом, даже если бы отношение партийного руководства к генштабистам было самым благожелательным (чего не наблюдалось), эксцессы с карательными органами все равно оставались неизбежными. По мнению одного из современных исследователей истории спецслужб, периодические острые конфликты ВЧК с другими ведомствами, в том числе с военным, связаны с отсутствием четкого разграничения полномочий ВЧК и прочих государственных институтов^{VI}.

Как вспоминала жившая в Киеве в 1919 г. Е.М. Гауг, «чем больше проходило времени с момента водворения большевиков, тем больше власти забирала Чека, тем жесточе и страшнее становилась ее деятельность. Чекисты образовали какую-то отдельную касту неуязвимых людей, не терпящих никакого контроля над собой»^{VII}.

Самоуправство и неподконтрольность чекистов вызывали нарекания со стороны партийного руководства и породили в конце 1918 — начале 1919 г. дискуссию о реформировании органов ВЧК и ограничении их полномочий^{VIII}. Одним из итогов этой дискуссии стали передача права вынесения приговоров ревтрибуналам (за исключением местностей, находившихся на военном положении), ограничение следствия месячным сроком^{IX} и некоторое сокращение масштабов репрессий.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 146.

^{II} ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 3. Л. 137.

^{III} В. И. Ленин и ВЧК. С. 136.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 644–668.

^V В. И. Ленин и ВЧК. С. 142–143.

^{VI} Леонов С. В. Проблема создания ВЧК // Гражданская война в России и на Русском Севере. С. 40–41.

^{VII} Гауг Е. М. На службе у большевиков // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 209.

^{VIII} Подробнее см.: «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...»: Проект Л. Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / публ. Д. С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55; Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК... С. 218–233; Капчинский О. И. Гвардейцы Ленина: Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 86, 176, 182.

^{IX} Постановление ВЦИК о правах ВЧК и ревтрибуналов. 17 февраля 1919 г. // Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. С. 258.

Что касается проблемы с арестами генштабистов, произошел беспрецедентный случай: постановлением Совета обороны от 3 декабря 1918 г. в состав контрольно-ревизионного отдела ВЧК были введены два партийных представителя для специального следствия и ускорения дела о членах Генерального штаба^I, – т. е. ситуация с арестами генштабистов была взята на особый контроль. Также вопрос об арестованных генштабистах был вынесен на заседание РВСР 2 декабря 1918 г.^{II}

Тем не менее общую картину это не изменило. Как свидетельствовал летом 1919 г. бывший начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев, в штабе иногда возникали тревожные разговоры, касавшиеся «арестов и обысков, часто беспочвенных, которые морально давят на работников советской власти, совершенно парализуя их духовную сторону. В этом отношении положение специалистов надо считать трагическим»^{III}.

18 апреля 1919 г. главком И.И. Вацетис официально обратился с докладом к председателю Совета обороны В.И. Ленину по поводу положения командного состава. Особое внимание уделялось проблеме арестов: «Считаю своим долгом доложить, что постоянное несправедливое и оскорбительное отношение к лицам Генерального штаба, находящимся на службе у советской власти, ими не заслуженное, не даст той продуктивности работы этих лиц, которые особенно нужны в настоящее время, когда борьба на всех фронтах достигает кризиса. Работа не может протекать спокойно, когда каждый специалист, не считаясь с занимаемым постом и его заслугами перед республикой, может всегда и только на почве личных отношений быть арестован. Такие условия службы, не гарантирующие от беспричинного ареста, в то время когда работа требует особого напряжения, приносят только вред. Работа специалистов по управлению и созданию армии может быть продуктивной и спокойной только тогда, когда каждый будет гарантирован в своей неприкосновенности и политическая атмосфера не будет давить его психологию.

Прошу также принять во внимание, что вследствие временных неудач на Восточном фронте многие впадают в алармистическое настроение, вследствие чего создается весьма вредная для дела приподнятость нервного настроения. Это замечается среди комиссаров и, несомненно, передается и штабным работникам.

Во время моего посещения Восточного фронта я вынес впечатление полного подавления духа лиц Генерального штаба, работающих на Восточном фронте. Здесь, несомненно, нужно провести некоторую грань, далее которой натягивать струну подозрения и издевательства над лицами Генерального штаба со стороны кого бы то ни было недопустимо во имя нашей конечной победы над нашими многочисленными врагами... Для создания нормальных условий работы является необходимым гарантировать всем лицам Генштаба, состоящим на службе в Красной армии, полную неприкосновенность свободы, допустив аресты только по предъявлении конкретных обвинений и только с ведома их непосредственного начальства»^{IV}.

^I В. И. Ленин и ВЧК. С. 126.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 16.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 9об. Оpubл. в: Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 88.

О том, что слова Вацетиса, имели под собой основание, свидетельствует частное письмо курсовика В.М. Цейтлина своему товарищу по выпуску Н.Я. Забегалову от 14 апреля 1919 г., в котором военспец делился своим подавленным настроением из-за репрессий в отношении сослуживцев: «Настроение корявое, все время аресты. Теодори все сидит»^I.

Арестованные по освобождении порой нуждались в отдыхе и усиленном питании. Именно таким было состояние В.А. Ивановского и А.Н. Цурпалева в феврале 1919 г.^{II} А.С. Ролько, выйдя в конце 1921 г. на свободу, даже обратился 4 января 1922 г. за помощью в МПКС: «29 декабря я выпущен из тюрьмы. До сего времени я не устроился, т.к. много формальностей. Угол я имею, но пищу получаю ежедневно — ½ фунта хлеба и суп. Это всего лишь раз в день. Я очень ослаблен, и такое питание меня ослабляет. Прошу помочь мне выдачей продуктов на несколько дней»^{III}. Сидевший в Бутырской тюрьме в декабре 1919 г. В.В. Трофимов ранее «был здоров, за время заключения заболел неврастением в сильной степени и малокровием от голодовки»^{IV}. Отчаянным было положение семей арестованных. «Семьи заключенных голодают, выселяются из квартир», — сообщалось в январе 1919 г. о судьбах семей генштабистов, попавших под арест в Петрограде^V.

Причины большого количества необоснованных и вредных для Красной армии арестов заключались в низкой квалификации сотрудников ВЧК. Подобные действия не только подрывали авторитет новой власти среди лояльных военспецов, но в обстановке Гражданской войны были попросту опасны. Увы, проблемы в связи с неподчинением чекистов партийным органам, самоуправством и произволом ЧК не прекратились, даже несмотря на попытки большевистского руководства урегулировать ситуацию^{VI}.

Вр.и.д. инспектора пехоты при Полевом штабе РВСР А.Х. Андерсон 16 января 1919 г. был арестован на двое суток. Об обстоятельствах своего ареста он позднее сообщил помощнику начальника ПШ РВСР: «Проехав шагов 100, я был остановлен окриком “стой, ни с места”, оглянувшись, я увидел человека, одетого в защитного цвета бэзэш, который, держа в одной руке направленный на меня револьвер, другой поднимал полость саней, приказывая: “немедленно в Чрезвычайную комиссию на Лубянку, 14”, и сел со мной... я предложил показать ему мой документ, предупреждая, что он, несомненно, ошибся, на что агент ответил “там разберут”»^{VII}.

Впоследствии Андерсон писал: «Излагая факт моего ареста или по подозрению, или по доносу, не могу не высказать своего удивления постановкой этого вопроса... такой способ надо признать прямо недопустимым, подрывающим совершенно престиж не только старших начальников в Красной армии, но вообще лиц командного состава, когда кого угодно могут арестовать, нарушая декрет, без ведома начальства, не предъявляя ордера на арест и не спрашивая документов»^{VIII}.

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 174.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 76.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 351.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 209.

^{VI} См., напр.: РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 282.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 104об.

^{VIII} Там же. Л. 105об.

Военспец держали в маленькой камере, где одновременно находилось 25–35 человек, которые за отсутствием нар спали прямо на полу, обед получали в ведре, причем без ложек (приходилось просить у часового) и ели по очереди. В итоге ценный работник РККА в разгар войны из-за ареста потерял впустую несколько дней и потратил массу нервов. Андерсона вновь арестовали 28 июля 1921 г., когда он занимал пост начальника штаба войск ДВР. Его подозревали в шпионаже, однако связь военспеца с японской военной миссией доказать не удалось. Видный большевик А.И. Окулов в этой связи 6 января 1922 г. даже ходатайствовал за Андерсона перед В.И. Лениным: «Прошу Вас вызвать для следствия и суда тов. Андерсона, бывшего начштаба Троцкого в Свияжске и моего начштаба во время моей революционной работы. Андерсону угрожает расстрел в гор[оде] Новониколаевске. Я ручаюсь моей революционной совестью за лояльность этого человека»^I. 6 марта 1922 г. Андерсон был по решению Президиума ВЧК освобожден^{II}.

При задержании ЧК можно было остаться без средств. Так случилось с сотрудником ВГШ В.В. Ступиным, которого осенью 1918 г. задержал дежурный сотрудник ЧК, в результате чего военспец лишился 1850 руб. личных денег. По этому поводу Совет ВГШ обращался в ВЧК^{III}.

Создание Особого отдела ВЧК не привело к упорядочению репрессивной практики. Это и неудивительно, учитывая подготовку особистов. Даже к концу 1921 г. в их рядах было 66,2% сотрудников с начальным образованием и 1,2% неграмотных. Только 1,9% имели высшее образование^{IV}. В период 1919–1920 гг., когда происходили основные аресты военспецов, ситуация едва ли могла быть лучше (протоколы допросов порой велись полуграмотными следователями, которые даже не всегда могли понять, что им говорит арестованный). Острым был дефицит кадров, обладавших опытом подпольной или военной контрразведывательной работы^V. В случае с арестами генштабистов – штучных специалистов с высшим образованием – контраст между ними и чекистами должен был быть особенно разительным. При этом кадры особистов ввиду специфики работы должны были отличаться высокой надежностью. В силу этого свыше 45% из них являлись членами РКП(б) (на 1919 г. – 28,5%^{VI}).

В мае 1919 г., как уже отмечалось, было установлено двойное подчинение Особых отделов – ВЧК и РВС, что ударяло по полномочиям особистов и усиливало контроль за их деятельностью со стороны политработников из военного ведомства. Имели место случаи отказов РВС фронтов санкционировать аресты военспецов, на которых настаивали карательные органы^{VII}.

К середине лета 1919 г. обострился конфликт между председателем РВСР Л.Д. Троцким и председателем Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым, ездившим по фронтам и занимавшимся самоуправством в духе периода красного

^I РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1237. Л. 2.

^{II} Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра». С. 89.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

^{IV} Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 198.

^V Капчинский О. И. Гвардейцы Ленина. С. 185.

^{VI} Сафонов В. Н., Мозохин О. Б. Особый отдел ВЧК против польской разведки. С. 95.

^{VII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.

террора¹. 9 июля 1919 г. Троцкий передал по прямому проводу своему заместителю Э.М. Склянскому, контактировавшему напрямую с Лениным, что «Кедров, прибыв на Юж[ный] фронт, стал арестовывать военнослужащих не только без согласия, но и без предварительного уведомления Юж[ного] фронта. Причем успел совершить ряд совершенно бессмысленных дезорганизаторских шагов. Арестованные им будут освобождаться Реввоенсоветом фронта и мною. Предлагаю немедленно отозвать Кедрова. В случае дальнейших его дезорганизаторских действий буду вынужден выселить его из пределов Юж[ного] фронта»².

Еще ранее, 23 июня 1919 г., Троцкий по прямому проводу передал Склянскому для ЦК: «Обращаю внимание на полную безусловную негодность и даже вредность Особ[ых] отделов [в] нынешнем составе. Во главе их стоят лица, безусловно непригодные. В качестве агентов фигурируют сомнительные элементы, карьеристы, бездельники, невежи. Поскольку Особый отдел считает себя независимым от столь властных авторитетных органов, как Реввоенсоветы, Особые отделы впадают в оппозицию, занимаются мелким интриганством.

Мне неизвестны случаи раскрытия изменников, шпионов, заговорщиков Особыми отделами, зато они занимаются усиленной слежкой за членами Реввоенсовета, старыми партийными работниками»³. Сообщение было передано Ленину и некоторым другим членам ЦК РКП(б), но ничего не изменило.

С другой стороны, репрессиям способствовало легкомысленное, а подчас просто глупое поведение некоторых военспецов, а также их родных и знакомых. Как, например, чекисты должны были расценивать лояльность начальника ПШ РВСР Ф.В. Костяева, о супруге которого в конце мая 1919 г. были получены следующие агентурные данные: «Ольга Андреевна мне по секрету рассказала, что у них в штабе нет ни одного коммуниста, занимающего более или менее ответственную должность. Муж ее и она сама беспартийные, еще больше сочувствуют не коммунизму, а правительству времен Керенского. На мой вопрос, делают ли они что-нибудь к восстановлению этого времени, О.А. ответила с[о] злорадной улыбкой, что она не знает, но очень возможно. Дальше она рассказывала, что в случае переворота она с мужем бежать не будут, ибо имеют хорошие знакомства среди противников коммунизма. В общем, О.А. произвела на меня очень подозрительное впечатление и всем своим разговором навела на мысль, что в штабе главнокомандующего что-то не в порядке. Сопровождали ее два бывших офицера, один из них – секретарь Вацетиса, другой – какой-то штабной сотрудник. Была еще с нею одна женщина (молодая), в разговоре с которой О.А. открыто ругала коммунистов. При расставании с О.А. она меня приглашала в Серпухов (ставка Вацетиса), обещая устроить на хорошей должности. “Ведь нам такие люди, как вы, нужны, а с коммунистами дела иметь не желаем”»⁴. Главком И.И. Вацетис в нетрезвом состоянии при многих свидетелях не стеснялся ругать власть, а однажды заявил: «Надо им устроить переворот»⁵. Это могли быть ничего не значащие

¹ Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 158.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 239. Подобным волюнтаризмом М. С. Кедров прославился еще в 1918 г. (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 26, 278).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 116.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 411.

⁵ Там же. Т. 1. Л. 202.

пьяные разговоры недалекого человека, внезапно для себя вознесшегося на высокий пост, а могли быть реальные планы, о которых Вацетис случайно проговорился. Чекисты и комиссары были не вправе оставлять такие слова высшего должностного лица в РККА без внимания.

Летом 1919 г. развернулись аресты военных по делу ПШ РВСР, когда были арестованы главком И.И. Вацетис, начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев и их сотрудники. Это дело при удачном исходе могло укрепить позиции чекистов в глазах партийного руководства, тем более что новая система двойного подчинения Особых отделов еще только складывалась. Дело ПШ РВСР подлило масла в огонь конфликта.

Возмущенный не прекращавшимися арестами ценных военных работников, 14 августа 1919 г. Троцкий телеграфировал Склянскому о заместителе председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновском: «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым. Выдавать ему заслуженных работников на основании его подозрений невозможно. Если Особому отделу придается значение, нужно поставить во главе его ответственное лицо, внушающее доверие к способности разобратся в деле и в людях»^I. Телеграмма развивала прежнее возмущение Троцкого в отношении председателя Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова. В итоге 18 августа 1919 г. по решению Оргбюро ЦК РКП(б) Особый отдел возглавил Ф.Э. Дзержинский^{II}, но Павлуновский стал его первым заместителем (фактическое руководство работой Особого отдела ввиду загруженности Дзержинского осуществлял именно он^{III}). Эти изменения благоприятно отразились на работе военной контрразведки.

Троцкий даже извинялся перед некоторыми специалистами и партийными работниками, подвергшимися арестам. Так, 15 августа он через ЦК просил передать слова сочувствия освободившимся из-под ареста военспецу Г.Я. Кутыреву и комиссару А.Я. Семашко: «Уважаемые товарищи Семашко и Кутырев. Выражаю крайнее сожаление по поводу учиненного над Вами безобразия. Арест был совершен вопреки прямому моему воспрещению и является следствием злой воли и бессмысленной путаницы. С товарищеским приветом Троцкий»^{IV}.

Не только казни и аресты, но подчас даже и необоснованные подозрения были тяжелым ударом для военспецов и могли отбить всякое желание служить большевистской власти или хотя бы брать на себя ответственность и что-то предпринимать по службе. Так, бывший генерал-лейтенант Д.Н. Надежный заявил 20 января 1931 г. на следствии по делу «Весна»: «Во мне лично произвел тяжелый переворот случай с вызовом на Гороховую, 2^V, по обвинению меня в измене во время обороны Петрограда против Юденича, основанный только, по словам т. Зиновьева^{VI}, на том, что я занимал высокую командную должность...»^{VII} Между прочим, за оборону Петрограда Надежный был награжден орденом Красного Знамени.

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 318; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 146.

^{II} Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 158–159; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 135–136.

^{III} Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 176.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 153. Подробнее о деле Кутырева и Семашко см.: Ганин А. В. «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым...»: Лев Троцкий против Особого отдела ВЧК // Родина. 2015. № 9. С. 106–109.

^V Адрес Петроградской ЧК.

^{VI} Имеется в виду Г. Е. Зиновьев.

^{VII} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 40.

О негативном психологическом влиянии практики арестов свидетельствовал рассказ начальника штаба 4-й армии Западного фронта А.Д. Шуваева, жаловавшегося летом 1920 г. пленному белому генералу И.А. Данилову в доверительной беседе, что он сидел «в заключении 9 месяцев в Кронштадте, где он несколько раз подвергался риску быть расстрелянным»¹. По освобождении Шуваев возглавил штаб дивизии, а затем штаб армии.

Острая нехватка «лиц Генштаба» слабо влияла на смягчение репрессий. В ноябре 1918 г. на Южный фронт было направлено 45 военспецов, однако семерых из них арестовали, а девять находились в розыске². Между тем к 20 декабря 1918 г. в штабе Южного фронта недоставало до штата 8 генштабистов, в том числе на ключевых должностях³. При острой нехватке 20 генштабистов в Оперативном управлении ВГШ двое из 33 сотрудников осенью 1918 г. находились под арестом⁴. 5 сентября 1918 г. в полном составе было арестовано военно-агентское отделение. Неудивительно, что при таком подходе большевики лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении этого отделения. В 1919–1921 гг. под арестом оказался даже разработчик одного из проектов «Положения об Особом отделе» бывший капитан Г.И. Теодори, который отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве. Нельзя не признать этого военспеца одним из наиболее усердных работников, какими только располагали большевики среди бывших генштабистов. Арестам подверглись и товарищи Теодори по выпуску ускоренных курсов академии⁵.

Теодори писал председателю Особого отдела ВЧК 15 июля 1919 г.: «Прошу Вас, настойчиво прошу, не губить выпуска (он в марте весь был ваш) и понять, что Вашей же подозрительностью несчастные представители выпуска загнаны в тупик: 1) с одной стороны, Деникин приговаривает заочно руководителей выпуска — одних к расстрелу, других (меня) к повешению, и Вы знаете, что таких угроз приговоров мне было прислано три раза;

2) с другой стороны, Вы арестовываете меня по оговору мелкой служащей, вслед за мной арестовываете и с большим трудом и хлопотами отпускаете других членов выпуска, и все живут в постоянном ожидании либо ареста, либо расстрела — откуда же тут взяться инициативе, вдохновению, широкому размаху и самопожертвованию — залогам побед. Ведь все терроризированы. Поймите это, тов. Кедров»⁶.

Начальник общего отделения Оперативного управления ПШ РВСР И.Д. Моденов сообщал 20 сентября 1919 г. начальнику управления об аресте начальника штаба 10-й стрелковой дивизии С.Г. Плюто, который служил в этой дивизии долгое время: «По сведениям, полученным лично в штабе 10-й дивизии, Плюто арестован 27 августа, т.е. на другой день взятия этой дивизией г[орода] Пскова и в самый тяжелый период операции.

¹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 94.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 39.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 66.

⁵ См. главу VI.

⁶ ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 117.

По словам многих сотрудников штаба дивизии, в том числе комиссара, арест был совершенно неожиданным, так как все они не замечали ничего предосудительного за Плюто. Все они, причем некоторые пробывшие вместе 1½ года, [считали Плюто] преданным делу работником, посвящавшим все время работе. Общая просьба сотрудников штаба 10-й дивизии освободить поскорее Генерального штаба Плюто и вернуть в дивизию.

По частным сведениям, Плюто в данное время находится в Особом отделе Западного фронта».

Даже непродолжительные аресты негативно сказывались на состоянии военспецов. Тем более что некоторые не отдыхали по несколько лет, а нервная атмосфера, недоверие, постоянная угроза репрессий усугубляли их состояние. Так, бывший капитан В.Л. Баранович после непродолжительного двухдневного ареста в конце сентября 1919 г. писал главкому С.С. Каменеву 2 октября 1919 г. из Могилева: «Простите, что смею беспокоить Вас своими просьбами. Я уже писал Вам о том возмутительно несправедливом отношении со стороны некоторых, которое я совершенно не заслужил за всю ту работу, которую я исполнял с марта 1918 г. для Красной армии. Вам моя работа известна, все мои бывшие начальники и подчиненные могут подтвердить, что я служил, не жалея своих сил и здоровья.

Сейчас я окончательно издергался, потерял здоровье и мне, по свидетельству врачей, необходимы безусловный покой и отдых – вот моя главная просьба и будет к Вам разрешить мне отпуск. Сейчас я назначен в 7[-ю] армию, где, как мне указали, надо привести все в порядок, полагаю, что с теперешним моим здоровьем я окончательно слягу, если мне не дадут возможность восстановить свои силы.

После разрешенного Вами мне отпуска я очень просил бы предоставить мне должность по военно-учебной части в Смоленске или Москве»^I.

Бывший подполковник А.П. Медведев, арестованный в мае 1919 г. на десять дней, затем писал в рапорте начальнику Оперативного управления ПШ РВСР: «Убедительно ходатайствую о разрешении мне хотя бы в течение 10 ближайших дней отдыха, ибо к работе я совершенно физически не гожусь и мне необходимо немного успокоиться.

Кроме того, докладываю, что в ближайшие дни я буду просить Вас ходатайствовать о предоставлении мне другой должности, если нельзя в Полевом штабе, то в другом учреждении, так как продолжать руководство столь ответственной работой связи при известных Вам обстоятельствах, усугубленных всей обстановкою, сопровождавшей мой арест, я абсолютно не могу»^{II}.

Бывший подполковник А.Н. де Лазари, арестованный с 29 октября по 8 ноября 1919 г., писал в Совет ВГШ 20 ноября 1919 г.: «По отношению ко мне были допущены и допускаются такие вопиющие нарушения справедливости, беспристрастности и законности, что я задаюсь вопросом: кто же я, наконец, в республике: полноправный гражданин или лишенное всех гражданских прав какое-то существо; ответственный советский работник или ненавистный травленный зверь.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 192.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 4–4об.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 349об.–350.

Так я рассуждаю. Чувствую же я одно: от всего пережитого, от всего перенесенного, отдавши почти за два года своей непрерывной службы на пользу Красной армии все свои силы и здоровье, я теперь надорвал свою душу и стал инвалидом с больной душой, не годной ни к какой работе, по крайней мере, в ближайшее время.

Я никогда не боялся и не боюсь ответственности и от нее не уклоняюсь. Но ради торжества справедливости, законности, правосудья я прошу только все дело, “созданное” против меня, передать в более беспристрастные руки.

Я повторяю, я не ищущу репрессии, не указываю виновных, я хочу и прошу, чтобы были приняты меры, чтобы такие явления больше не повторялись^I.

Бывший полковник М. С. Свечников писал начальнику ПШ РВСР 27 ноября 1919 г.: «Пробыв в течение 40 дней в заключении без прогулки и большей частью без горячей пищи, а также перенеся воспаление легких, прошу ввиду слабости здоровья трехнедельного отпуска в г[ород] Петроград для окончательного лечения и поправления здоровья^{II}».

Успехи наступления белых на Москву также приводили к арестам, причем можно было оказаться в местах лишения свободы на продолжительный срок. Ярким примером стал арест 58-летнего не годного к военной службе бывшего генерала В. М. Хитрово. Арест произошел по ордеру Орловской ГубЧК в селе Муратово Болховского уезда Орловской губернии 9 сентября 1919 г., где генерал проживал. Хитрово обвинялся в антисоветской агитации, но 15 сентября 35 односельчан составили резолюцию о том, что никакой агитации арестованный не вел. Тем не менее Хитрово оставили в Болховской тюрьме, а затем перевели в Москву, где он содержался в лагере. Родные генерала не имели средств приехать в Москву, чтобы ходатайствовать об освобождении. Лишь в апреле 1921 г. Хитрово вышел на свободу по амнистии^{III}.

21 декабря 1919 г. начальник ПШ РВСР П. П. Лебедев и комиссар К. Х. Данишевский обратились в РВСР с докладом об освобождении из-под ареста всех военспецов, за которыми не значилось явных преступлений^{IV}. Авторы документа считали, что в результате решающих успехов РККА произошел перелом в настроениях многих прежних противников советской власти, включая военспецов. Между тем РККА нуждалась в опытных руководителях, особенно в специальных родах войск, которых можно было бы брать на службу под контролем военных комиссаров. Итоги этого ходатайства неизвестны.

Пленный генерал И. А. Данилов писал о работе Особого отдела 4-й армии Западного фронта в 1920 г.: «Особый отдел армии... имеет такую самостоятельность, что имеет право арестовывать и производить суд и расправу, даже не уведомляя командующего армией и Реввоенсовет, над любым из лиц командного состава, вплоть до самого командующего армией, предъявив ему обвинение в контрреволюции... Должности в штабе армии заняты преимущественно офицерами старой армии, для наблюдения за которыми, кроме комиссаров, вкраплены, секретным

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 10об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 373.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 266. Л. 59об.–60, 62, 63; Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 114–115.

^{IV} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 300–300об.

образом, сотрудники Особого отдела, причем надо сказать, что сыск и шпионаж поставлены так высоко, как никогда и не снилось старому режиму»^I.

В конце Гражданской войны аресты коснулись генштабистов в основном из числа пленных белогвардейцев. Особого смысла репрессировать этих людей уже не было, так как итог войны был очевиден. Тем не менее практически все пленные прошли через аресты, а некоторые были казнены. В отношении к пленным генштабистам прослеживается определенная система. По данным на 1920 г., не менее 30 зарегистрированных штабом 5-й армии пленных колчаковских генштабистов числились за Особым отделом ВЧК^{II}, их предполагалось отправить в Москву. Пленные в обязательном порядке становились на учет и проходили идеологическую обработку на политических курсах. При назначениях бывших белых на должности в РККА в каждом случае требовалось запросить мнение Особого отдела.

Показателен пример бывшего генерал-лейтенанта Н. С. Максимова, которого арестовали 23 марта 1921 г. в Батумской области без предъявления обвинения. Затем он был этапирован в Тифлис, Баку, Ростов-на-Дону и Москву, оказавшись 15 июня в Бутырской тюрьме. Единственный его допрос состоялся в начале октября 1921 г., после чего 19 октября он был приговорен судебным заседанием Президиума ВЧК к двум годам принудительных работ в лагере по подозрению в контрреволюции^{III}. Сам Максимов в письме председателю РВСР Л. Д. Троцкому сообщал, что в период жизни в Грузии он дважды приговаривался к смертной казни в 1918 и 1919 г., находился в тюрьме и не имел права выехать за границу. По имеющимся данным, Максимов находился в заключении до июля 1922 г.^{IV}

В те годы можно было попасть в тюрьму даже за шутку. Сохранилось описание подобного эпизода, связанного с генштабистами. Некая Е. Н. Пономарева, 45 лет, была арестована 31 июля 1920 г. только за то, что накануне в разговоре с курсантом на Ходынке пошутила, что воскрес польский генерал И. Р. Довбор-Мусницкий (бывший сослуживец ее мужа), приехал в Москву и гостил у нее. Женщину посадили в Новоспасский лагерь до конца Советско-польской и Гражданской войн (на ноябрь 1920 г. она продолжала отбывать наказание)^V.

Наряду с бывшими белыми, арестовывались и «коренные» генштабисты РККА. Рассмотрим эти события на примере арестов членов Особого совещания при главкоме в 1920 г. Подверглись арестам бывшие генералы А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский и В. Н. Клембовский. Обращает на себя внимание то, что двое из трех арестованных были носителями польских фамилий. Из повесток заседаний Политбюро следует, что в период Советско-польской войны этнические поляки, даже в рядах РКП(б), стали восприниматься с определенной долей подозрения, причем на уровне руководящего партийного органа обсуждался вопрос их проверки^{VI}. Подозрения же в адрес беспартийных военспецов польского происхождения должны были быть значительно сильнее. Еще 15 мая 1920 г. на заседании Политбюро обсуждался

^I Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 94.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 116.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 467. Л. 773–773об.

^{IV} Обречены по рождению... С. 178–179.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 232. Л. 135–140.

^{VI} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 78. Л. 3. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

вопрос удаления Клембовского из Особого совещания, но было решено снести по этому вопросу с Л.Д. Троцким и заместителем начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинским¹. Клембовский тогда сохранил свое место в совещании.

Как вспоминал председатель совещания А.А. Брусилов, «в ближайшее же время после открытия Особого совещания с “генералами” их стали арестовывать. Зайончковский и Гутор были первыми арестованы, но не надолго. Их скоро выпустили. Что касается Клембовского, то, невзирая на все мои хлопоты, его арестовали так крепко, что больше я его и не видел. Его не выпустили. Спустя некоторое время он умер в тюрьме от истощения»².

В сообщении агента ВЧК от 1 октября 1920 г. о деятельности антибольшевистской эмиграции отмечалось: «По имеющимся сведениям, во главе военной организации в России стоят следующие генералы: [А.А.] Поливанов, Гутор, Клембовский, [П.П.] Сытин I, [И.П.] Сытин II. [А.И.] Гучков с давних времен еще до первой революции был в близких отношениях с генералом Поливановым, в бытность его товарищем военного министра, и вместе с ним составлял оппозицию правительству. С этой военной группировкой связан [Н.К.] фон Мек[к], бывший на службе в комиссариате путей сообщения и занимающий там крупный пост. Связь этой группы с Гучковым идет через Ригу... В случае успеха в России все предприятия должен возглавить генерал [В.И.] Гурко, находящийся все время в Берлине и не принимающий для виду никакого участия в политической жизни...»³

Агентурные сведения о контрреволюционной организации «Союз верных», полученные ВЧК, видимо, из эмигрантских кругов, представляются фантастическими и далекими от реального положения вещей. Так, один из двух бывших генералов Сытиных, Иван Павлович, покинул Советскую Россию еще в 1918 г., служил у белых, а позднее эмигрировал. Что касается остальных сведений, то, вероятно, агент пользовался слухами. Нельзя исключать попытку дискредитации белой эмиграцией верных большевикам военспецов посредством дезинформации (такое предположение, в частности, высказал арестованный В.Н. Клембовский). Вполне возможна и фабрикация подобных сообщений самими чекистами. Как бы то ни было, Особый отдел ВЧК должен был проверять поступающие сведения, что в тот период проводилось в форме арестов.

Из упомянутых в документе лиц, которые на 1920 г. действительно служили в РККА, не были арестованы бывшие генералы А.А. Поливанов и П.П. Сытин. Поливанов 25 сентября 1920 г. умер от тифа во время пребывания в Риге в качестве военного эксперта в составе делегации для заключения мира с Польшей, а Сытин находился в Грузии в качестве советского военного атташе и блестяще себя там зарекомендовал по линии военной разведки⁴.

Бывшего генерала от инфантерии В.Н. Клембовского, который получил назначение в распоряжение командующего Кавказским фронтом, арестовали 30 июня 1920 г. в Ростове-на-Дону по прибытии к новому месту службы прямо в вагоне

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 65. Л. 27. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 277.

³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 1, кн. 1. С. 182.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах; Его же. От военпреда товарища Сытина.

поезда. Всего за несколько недель до ареста, при назначении Клембовского, председатель РВСР Л.Д. Троцкий лично приказал использовать бывшего генерала, «приняв во внимание его бывший служебный опыт и соответствующий военный стаж», и просил командующего фронтом «обеспечить В.Н. Клембовского как квартирой, так и прочими видами довольствия, дабы он не чувствовал в этом недостатка»^I. Клембовский, как считали в ПШ РВСР, «в особенности с большой пользой может быть использован в области истории для составления описания боевых действий Красной армии на Кавказском фронте с января с/г и до окончательного поражения армий Деникина»^{II}.

5 июля арестованного доставили в Москву. Клембовский обвинялся в сношениях с заграничными военными организациями и числился за Особым отделом ВЧК. Доказательств обвинения представлено не было. Лишь 26 октября и 20 ноября 1920 г. Клембовский был допрошен во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК особоуполномоченным Я.С. Аграновым, что одновременно характеризует и отношение к арестованному, и значимость установления истины для следствия.

В белом Крыму в 1920 г. находился родной брат Клембовского генерал-майор Артур-Оскар Наполеонович. Оставшись на полуострове после эвакуации врангелевцев, он был расстрелян в декабре 1920 г.^{IV} Другой брат, полковник Наполеон Наполеонович, был противником большевиков и в январе 1921 г. бежал из Петрограда в Финляндию по льду Финского залива. 21 января 1921 г. он писал своему знакомому, видному финскому политическому деятелю К. Энкелю: «В их армии не служил, ни разу красных розеток не надевал, слова товарищ не осквернял»^V. Сын Клембовского в чине подполковника служил у белых на Севере России, а затем эмигрировал в Финляндию^{VI}. Разумеется, эти факты, хотя и нередкие среди офицерских семей, не могли не возбуждать подозрений. Кроме того, сам В.Н. Клембовский, судя по занимаемым им должностям, стремился уклоняться от вовлечения в операции Гражданской войны.

Сопоставляя критическое отношение к советской власти бывших генералов П.А. Лечицкого и В.Н. Клембовского, А.А. Брусилов отмечал, что Клембовский «был человек с очень широкими горизонтами. Его поймать в неискренности относительно советской власти было труднее»^{VII}. Тем самым Брусилов фактически подтверждал наличие у Клембовского, которого он близко знал, подобных настроений.

Сам Клембовский писал о своем аресте в МПКС: «В июне 1920 г. я был переведен из Москвы в распоряжение командующего Кавк[азской] армией совершенно неожиданно для меня, без всяких предупреждений. В одиночной камере Особ[ого] отд[ела] ВЧК содержался 5½ месяцев, затем переведен в общую камеру,

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} Абраменко Л. М. Последняя обитель. С. 363.

^V КА. Коллекция К. Энкеля. Вох 5 (Письма Н. Н. Клембовского).

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. «Я готов вам дать удовлетворение оружием...»: Несостоявшийся поединок писателя А. И. Куприна и сына генерала В. Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // Новое прошлое (Ростов-на-Дону). 2017. № 2. С. 63–76.

^{VII} Брусилов А. А. Мои воспоминания. 2004. С. 277. В издании 2001 г. также имеется примечание А. А. Брусилова: «Так нельзя печатать, это может отразиться на его вдове Марии Александровне в Москве» (Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 296).

а 10 марта в Бутырк[ую] тюрьму. Первый допрос сделан 26 окт[ября], причем судебный следователь тов. Агранов, объявив мне, что я был в сношениях с заграничными военными организациями, предложил, чтобы я изложил их сущность, обещав значительное смягчение участи, до выпуска на волю включительно, и пригрозив, обратно, тяжким наказанием, если я не сознаюсь. Я ответил, что: 1) никогда ни от каких противосоветских организаций ни письменных, ни словесных предложений о вступлении в их состав не получал и даже не знал об их существовании (о русских знал из наших красных газет). 2) Ни в каких антисоветских организациях никогда не состоял и не состою, а потому абсолютно ничего об них сообщить не могу. 20 ноября состоялся второй допрос, причем суд[ебный] следователь читал мне телеграммы из газет (“Известия” и “Правда”) о поражении Врангеля, указав на то, что мне нет смысла прикрывать организации. Я ответил буквально так же, как 26 окт[ября]. На вопрос, чем я объясняю, что враги Советск[ой] республики не обращались ко мне, я ответил: “Полагаю, что они знали, что натолкнутся на решительный отказ”. Впоследствии, в январе, я задал этот вопрос белому офицеру [В.Б.] Можаровскому, содержавшемуся в одной камере со мною. Он ответил: “Не знаю, но могу засвидетельствовать, что в войсках Врангеля вас сильно ругали за составленное вами для Красной армии ‘Руководство для партизанских действий’ и вообще за ваши труды на пользу Красной армии”.

3 года я служил советским властям, неоднократно исполняя ответственные поручения вне круга своих должностей. От председателя РВС[Р] тов. Троцкого заслужил лестные отзывы, переданные им А.А. Брусилову. Ни внутренней, ни внешней политикой никогда не занимался, отдавшись всецело военно-научной и военно-педагогической деятельности. Советские власти, избранные русским народом, всегда признавал. Двум господам (“и нашим, и вашим”) никогда не служил и служить не буду, считая это подлым.

Кто и с какою целью оклеветал меня – не знаю, ибо не видел ни одного документа, на которых базируется обвинение. Полагаю, что клевета могла исходить от врагов советской власти, коим выгодно оттирать таким путем верных работников РСФСР.

В белых газетах, найденных в Киеве в феврале после взятия нами города, было сказано, что Красной армией, наступающей на Киев с севера, команду я. В мае 1920 г. польские газеты сообщили (наши “Известия” перепечатали эту телеграмму), что командовать армиями, предназначенными для наступления в Польшу, будет А. Брусилов и В. Клембовский. Хотя фактически эти сведения были неверны, но уже самое помещение их во враждебных нам газетах указывает, что враги Советской республики не могли рассчитывать на мое сочувствие и тем более содействие.

Без всякой вины я 10^й месяц лишен свободы, оторван от семьи и любимого труда. В тюрьме мое здоровье (нервы, слух, сердце) расшаталось и грозит лишить меня совершенно трудоспособности. Усердно прошу содействия к освобождению меня от незаслуженного наказания, возвращению на волю и предоставлению мне права заниматься военно-научною и военно-педагогическою деятельностью. Готов дать любые гарантии своей лояльности. В. Клембовский¹. За Клембовского поручились его друг А.А. Брусилов и начальник ВГШ Н.И. Раттэль.

¹ ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 8. Л. 79об. – 80об.

Руководство Особого отдела ВЧК не обратило внимания на тяжелое положение пожилого арестанта. В тюрьме здоровье Клембовского пошатнулось. Как вспоминал другой заключенный Бутырской тюрьмы, В. Ф. Клементьев (впрочем, его свидетельство содержит ряд неточностей), «чекисты его долго держали в тюрьме без допросов. Генерал объявил голодовку. Явился, хотя и не сразу, полномочный представитель ВЧК. Предложил генералу прекратить голодовку. Клембовский продолжал голодать, кажется, так и умер от голода. Никто ему не помог, никто его делом не заинтересовался». Летом 1921 г. Клембовский объявил голодовку, на которую никто не отреагировал. 19 июля 1921 г., через две недели голодовки, он скончался.

Против состоявшего в распоряжении помощника главнокомандующего по Сибири бывшего генерал-лейтенанта А. Е. Гутора^I выдвигалось аналогичное обвинение в принадлежности к берлинской антибольшевистской монархической организации эмигрантов «Союз верных» (в другом, очевидно, ошибочном написании — «Союз верности»). В эту организацию также якобы входили В. Н. Клембовский и инженер Н. К. фон Мекк, причем Клембовский должен был руководить восстанием. В справке о причинах ареста Гутора, подготовленной для Ф. Э. Дзержинского помощником начальника 16-го специального отделения Особого отдела ВЧК 1 июля 1921 г., отмечалось: «По агентурным сведениям, Клембовскому поручено было главное командование восстанием, заместителем его должен был быть Гутор.

По настоянию О[собого] о[тдела] ВЧК последний был переведен в Омск, где на него также возникло агентурное дело по обвинению в руководстве подпольной организацией, подготавливавшей восстание в Сибири, после чего Гутор был арестован и доставлен в Москву.

Сейчас т. Агранов мне передает дела Клембовского, Гутора и др[угих] связанных с ними лиц, и следствие мною будет поведено в самом срочном порядке. Гутор мною уже переведен во внутр[еннюю] тюрьму для допросов»^{II}.

Перед Первой мировой войной Гутор командовал лейб-гвардии Московским полком, позднее в эмигрантских кругах его считали монархистом^{IV}. Но в Советской России бывший генерал старался подчеркивать лояльность. Пленному колчаковскому офицеру Е. В. Каликину Гутор, который преподавал на повторительных курсах для бывших белых офицеров (читал курс организации Красной армии), запомнился как человек, гордившийся доверием партийных работников и при этом обращавшийся к пленным белым офицерам со слова «товарищи»^V.

Гутор был арестован Омской ГубЧК 22 августа 1920 г.^{VI}, а освобожден только 11 марта 1922 г.^{VII} Арестованный не понимал, по каким причинам оказался

^I Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве. С. 326.

^{II} Речь идет об Алексее Евгеньевиче Гуторе. В Красной армии служили два его брата с такими же инициалами — бывший генерал-майор Александр Евгеньевич и бывший полковник Анатолий Евгеньевич Гуторы.

^{III} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 23. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 715.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 136.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 71.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 10об.; Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 61.

^{VII} Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 704–715.

в тюрьме¹. 9 сентября 1920 г. Гутора доставили в Москву. Допрошен он был один раз в Омске (по другой версии, первые два с лишним месяца не допрашивался) и позднее несколько раз в Москве следователем Я.С. Аграновым. По данным на декабрь 1920 г., Гутор обвинялся в принадлежности к контрреволюционной организации и в отправке офицеров к Колчаку.

С 12 января 1921 г. Гутор находился в бутырской тюремной больнице, где лечился от сыпного тифа и его последствий в виде тяжелой формы малокровия и хронического воспаления сердечной мышцы, а также отеков на ногах². Гутор нуждался в санаторном лечении, но в той же тюремной больнице продолжал пребывать и в июне 1921 г.

11 июня 1921 г. Гутор обратился с просьбой об освобождении к начальнику Штаба РККА бывшему генерал-майору П.П. Лебедеву. Заключение недоумевал относительно выдвинутых против него обвинений. В частности, непонятным Гутору было обвинение в намеренном устройстве своего назначения в Омск для поднятия там восстания (при том, что это назначение инициировал Особый отдел ВЧК). Впечатление грубой фальсификации, даже из уст следователя Агранова, производили и обвинения в причастности к «Союзу верных». Гутор писал Лебедеву: «Об этой организации я впервые услышал из уст следователя, что и высказал ему. По тону, которым следователь предъявил обвинение, я видел, что оно совершенно вымышленное, так как ему нужно было сделать усилие, чтобы его высказать.

Не было у меня никаких сомнений и в том, что В.Н. Клембовский не мог участвовать не только в этой, но и в какой-либо другой организации. Перед вторым допросом меня пересадили к Зайончковскому, а затем мне было сказано, что Зайончковский на меня показал, что в 1919 г. я отправлял офицеров к Колчаку. Это, конечно, тоже чистейший вздор. 3-е обвинение еще более курьезно, — мне было сказано, что я сам устроил себе назначение в Омск, нарочно, чтобы принять там участие в восстании. Вам слишком хорошо известны обстоятельства моего отъезда, ч[то]б оценить это обвинение. В середине декабря я был переведен в Бутырку, где и нахожусь до сих пор, временно помещаясь в Моск[овской] тюремной больнице.

Из изложенного я делаю вывод, что мои обвинения только предлоги, а причина моего заключения лежит, вероятно, в том, что кто-то считает меня опасным вообще. Однако в моем прошлом нет ни одного факта, который бы указывал или намекал на это. Доказать мою полную лояльность могут или знающие меня хорошо, или лично я сам активной деятельностью. Мне кажется, что общее положение в настоящее время сравнительно уменьшило страх перед призраками и в связи с ожидаемым новым декретом о революционных трибуналах, — возможно надеяться на успех ходатайства об моем освобождении»³.

В 1919 г. Гутор председательствовал в комиссии ВГШ по разработке уставов и состоял прикомандированным к Организационному управлению ВГШ. По своему должностному положению он не имел никаких полномочий отправлять офицеров куда-либо, тем более через линию фронта.

¹ Benckendorff, count. Half a Life. The Reminiscences of a Russian Gentleman. London, 1955. P. 293.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 185. Л. 43.

³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 24об. — 25.

Если даже следователь не верил в обвинение, возникает вопрос, зачем вообще был произведен арест. Письмо резюмировало вполне разумное наблюдение Гутора: «Не лучше ли было бы, чтобы я приносил пользу государству, вместо того, чтобы праздно сидеть в заключении, не говоря уже о моих личных интересах и ощущениях»^I.

П.П. Лебедев 20 июня 1921 г. распорядился передать письмо Гутора заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому с просьбой разобраться, а тот 27 июня переправил его председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому, о чем свидетельствуют соответствующие резолюции на документе. 30 июня Дзержинский запросил секретаря Особого отдела ВЧК и своего личного секретаря В.Л. Герсона: «Наведите справки о деле Гутора и доложите мне. 30.VI Ф[еликс] Д[зержинский]»^{II}, на что уже 1 июля получил обстоятельный ответ, который был затем сообщен Склянскому. Поскольку подозрения у чекистов оставались, а следствие не было завершено, Гутор остался в тюрьме до марта 1922 г., когда дело было прекращено президиумом ГПУ за недоказанностью обвинения^{III}.

По одному из предположений, на бывшего генерала от инфантерии А.М. Зайончковского чекисты могли обратить внимание уже в 1920 г. в связи с его польскими корнями (поляком был отец генерала) и возможностью вербовочных подходов польской разведки к нему как к члену Особого совещания, осведомленному о планах командования РККА^{IV}. И хотя осведомленность членов Особого совещания о чем-либо за рамками своих непосредственных должностных обязанностей представляется сомнительной (перед арестом Зайончковский состоял для особых поручений при начальнике ПШ РВСР), Особому отделу ВЧК могли стать известны компрометирующие Зайончковского данные. Помимо генеральского прошлого и соответствующих связей Зайончковский арестовывался в 1918 г. по обвинению в контрреволюции, но Московским ревтрибуналом был оправдан. В другом документе Зайончковский упомянул и еще об одном аресте, также завершившемся оправданием^V. В 1919 г. он предпринял изменнические действия. Осенью, когда денкинские армии приближались к Москве, он, будучи вр.и.д. начальника штаба 13-й армии, передал через линию фронта белому командованию значительный объем секретных оперативных документов^{VI}.

Вероятно, Зайончковский готовил почву для перехода на сторону белых либо же для смягчения своей участи как видного военспеца в случае победы противника. Не случайно один из видных деятелей Белого движения, полковник А.А. фон Лампе, записал в дневнике в мае 1920 г., что «Зайончковский готовился быть с нами»^{VII}. В середине 1920-х гг. в переписке офицеров-эмигрантов высказывалось мнение

^I Там же. Л. 25–25об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 712–714.

^{II} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 22.

^{III} Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.

^{IV} Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017. С. 90.

^V ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 229.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 635–643.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.

о том, что бывший генерал «вел двуличную политику: и нашим и вашим»^I. Похожая характеристика была дана Зайончковскому в 1924 г. и в Военной академии РККА: «По натуре — типичный, льстивый царедворец (“сочувствует коммунистической партии” — анкета)»^{II}. Как отмечал известный военный ученый А. А. Свечин, «Зайончковский по методам своего мышления представляет собой реакционера 80-х годов, восьмидесятника с ног до головы, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему марксистскому окружению»^{III}.

Арест бывшего генерала произошел 19 октября 1920 г. у него на квартире в Москве, после чего Зайончковский попал в Бутырскую тюрьму. Как и в случаях А. Е. Гутора и В. Н. Клембовского, допросы вел следователь Я. С. Агранов. Сам арестованный утверждал, что не понимает мотивов ареста: «Определенно выяснить из допросов не мог. Мое личное впечатление, что причина ареста — общее паническое ко мне недоверие и подозрения в нелегальном в политическом отношении поведении»^{IV}. Показательно, что после первых допросов в ноябре 1920 г. Зайончковского вплоть до конца июля 1921 г. больше не допрашивали. 22 июля 1921 г. в анкете МПКК он писал: «Всего было два допроса, обвинений не предъявлено, с ноября допроса не было. Свидание дали только одно три месяца тому назад. Следователи Ревтрибунала на запрос ответили, что следствие окончено, находится в 16^м отделении [Особого отдела] ВЧК, но свидание все-таки не дают.

Прошу о выяснении результатов следствия и о скорейшем рассмотрении дела»^V. Лишь в конце года бывшего генерала освободили. По освобождении он занял должность штатного преподавателя Военной академии РККА. По всей видимости, освобождение Зайончковского сопровождалось определенными условиями, выдвинутыми ВЧК: именно в 1921 г. он был завербован в качестве секретного осведомителя, а с 1922 г. агентом стала и его дочь Ольга^{VI}.

Обобщая данные об арестах членов Особого совещания, следует отметить, что руководящих постов, которые можно было бы использовать для поднятия вооруженного мятежа, арестованные не занимали, значимых рычагов военного управления в их руках не имелось, каких-либо доказательств их контрреволюционной деятельности обнаружено не было. Неожиданно возникшее Особое совещание воспринималось тогда как декоративный орган, который ничего не решал. Заговор, который бы угрожал безопасности Советской России, члены совещания из бывших генералов организовать не могли. В то же время Особое совещание вызывало невероятную ненависть в белом лагере, воспринимаясь как попытка большевиков перехватить у белых патриотическую идеологию. Вполне возможно, что полученные из эмигрантских кругов агентурные данные о причастности членов совещания к контрреволюционной организации являлись провокацией белых. Если это так, подобная провокация вполне удалась, приведя к бессмысленным

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 16об.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 4.

^{III} Цит. по: Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 138.

^{IV} ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 226об.

^V Там же. Л. 229об.

^{VI} Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 101.

и несправедливым арестам группы высокопоставленных военных, что вырывало этих ценных специалистов из Красной армии. Для самих арестованных, их родных и близких аресты стали тяжелым испытанием и личной трагедией. К концу Гражданской войны аресты и расстрелы генштабистов практически сошли на нет, но преследования этой категории комсостава органами госбезопасности продолжились в иных формах. Прежде всего, путем слежки, широкой вербовки генштабистов, их родных и близких в секретные агенты, разного рода провокаций. Наивно полагать, что подобная удушающая атмосфера оставалась незаметной для самих наблюдаемых. Собранные материалы в 1930-е гг. использовались при организации массовых репрессий в отношении кадров Генштаба.

Восприятие военспецами Советско-польской войны продолжало интересовать чекистов и после перемирия. Так, бывшего полковника Н.Я. Капустина на допросе 19 октября 1920 г. спрашивали о его отношении к советской власти и к заключению прелиминарного мира с Польшей. Арестованный ответил, что полностью лоялен, а мир считал «целесообразным, как средство к достижению задач мирного строительства, поставленных советским правительством»¹.

Несмотря на явные успехи Красной армии на фронтах Гражданской войны, Особый отдел ВЧК в 1920 г. продолжал групповые аресты военспецов. Так, были арестованы сразу несколько начальников управлений и отделов ВГШ: Организационного (А.М. Мочульский), Командного (Н.А. Мучник, негенштабист) и Мобилизационного (И.И. Щолоков) управлений; мобилизационного (М.Ф. Раевский) и командного (М.Н. Якушкин, негенштабист) отделов². По-видимому, сравнительно полные данные об арестованных к концу Гражданской войны генштабистах содержал «Список лиц Генерального штаба, состоящих на службе на фронтах, [в] центральных и тыловых учреждениях», составленный Штабом РККА по сведениям на 12 апреля 1921 г. В нем специалисты указывались по занимаемым должностям или по тем органам, за которыми числились. Были указаны и 23 арестованных. Из них за Особым отделом ВЧК числились: Н.А. Бабилов, А.М. Бойко, А.М. Зайончковский, Б.М. Иванов, В.Н. Клембовский, И.И. Лелль (из германской академии), Г.В. Леонов, А.М. Мочульский, Н.Н. Оболенев, М.Ф. Раевский, А.А. Ткаченко, В.И. Шишкин, И.И. Щолоков³. За Особым отделом в Харькове числился Н.С. Махров, за Особым отделом Южного фронта – Н.Д. Либус, за Особым отделом Туркестанского фронта – А.В. Муханов, за Особым отделом 9-й армии Кавказского фронта – Е.Н. Ригельман, за Особым отделом 13-й армии – И.Л. Шукевич, за Омской ГубЧК – А.Е. Гутор. В концлагерях находились: К.И. Жихор, К.М. Слесарев (в Кожуховском лагере в Москве), И.И. Смелов и Л.А. Текелин (в Архангельске). Впрочем, не все данные были точны. В частности, Н.А. Бабилов был расстрелян еще в 1920 г., а Л.А. Текелин, по-видимому, в марте 1921 г.

В этот период чекисты не только применяли силовые методы воздействия на генштабистов, но начали работать тоньше. К примеру, в марте 1921 г. Особый отдел ВЧК предложил перевести командира 5-й бригады 2-й стрелковой дивизии

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 196. Л. 252об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 487–488.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 26–26об. Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 673–708.

16-й армии бывшего подполковника курсовика В. Ф. Ржечицкого из прифронтовой полосы как политически неблагонадежного. Начальник штаба Западного фронта получил предписание немедленно командировать военспеца в распоряжение общего отделения Оперативного управления Штаба РККА^I, и в апреле Ржечицкий был прикомандирован к ГУВУЗу. Отметим, что это был еще молодой человек 31 года, который в Первую мировую войну был неоднократно ранен и награжден Георгиевским оружием, а в РККА служил с весны 1918 г. (в основном занимал должности начальника штаба в бригадах и дивизиях).

Завершая обзор репрессивной практики в отношении кадров Генштаба, остановимся на вопросе о заложничестве членов семей. Поскольку ранее этот вопрос нами уже подробно рассматривался применительно к военспецам в целом^{II}, охарактеризуем ту практику, с которой сталкивались генштабисты и их близкие.

Обязательная регистрация бывших офицеров в Советской России началась в основном летом 1918 г., но в регистрационных материалах того периода (в частности, при регистрациях в Москве^{III}) еще не имелось данных о семейном положении регистрируемых. В учетных карточках и списках фиксировались только адреса офицеров, что пока не было увязано с адресами семей, хотя во многих случаях позволяло установить их местонахождение. Однако уже осенью 1918 г. в анкетах встречаются разделы «Адрес семьи», а, например, 1919–1920 гг. датированы анкеты с пунктом «Адрес семьи, а для холостых – ближайших родственников»^{IV}.

4 сентября 1918 г. в Советской России официально появился институт заложничества, легализованный приказом главы НКВД Г. И. Петровского. Инициативу поддержал Троцкий, распространив ее на семьи бывших офицеров и военных чиновников. Приказ Троцкого от 30 сентября 1918 г. гласил: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей. Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»^V. Речь шла только о семьях ранее изменивших советской власти военспецов и не было указано, что делать с задержанными. В дальнейшем Троцкий конкретизировал свои предложения, указав, что в случае измены военспецов их семьи будут арестованы^{VI}.

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 312. Л. 5.

^{II} Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 375–394.

^{III} См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-1245. Оп. 1. Д. 1, 14.

^{IV} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 739. Л. 108об.; ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 47об.

^V Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 151.

^{VI} The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 148.

К октябрю 1918 г., по некоторым данным, в заложниках находилось свыше 8000 бывших офицеров. Поскольку массовое заложничество было бессмысленным, по предложению Троцкого заложники, не причастные к контрреволюционной деятельности, были решением ЦК РКП(б) освобождены. Освобождаемых обязали представить списки своих семей, которые были бы арестованы в случае перехода этих бывших офицеров к противнику^I. Постановлением VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 г. освобождению подлежали все заложники, «кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов»^{II}. Брать заложников по этому постановлению отныне могла только ВЧК.

Учетом военспецов в РККА занимались такие же военспецы. Возможно, они сознательно саботировали требования Троцкого. Даже семьи многих заведомых контрреволюционеров, в том числе видных деятелей антибольшевистского лагеря, спокойно жили в Советской России и не подвергались серьезным репрессиям. Например, семья белого генерала В. О. Каппеля проживала в Перми. Его супруга, 29-летняя О. С. Каппель (Строльман), в 1918–1919 гг. работала в штабе 3-й армии красных машинисткой. В одной из анкет она указала, что ее муж, после чего была уволена без права поступления на службу в военные учреждения. Тогда она смогла устроиться канцелярской сотрудницей в департамент государственного казначейства в Перми. Весной 1919 г. Строльман была арестована. Арест произошел «по приходе домой в общежитие для служащих государст[венного] казначейства, быв[шая] гостиница “[Ч]ижевское подворье”...»^{III}. Причины ареста самой женщине были неизвестны, допросов не проводилось, обвинений выдвинуто не было. Содержалась арестованная в женском одиночном корпусе Бутырской тюрьмы. По всей видимости, речь шла о заложничестве. В карточке арестованной указано: «Муж, бывший с ней в разводе более 2^х лет, служил в армии белогв[ардейцев], о чем О. С. не знала, сама же она сл[ужила] в Пермск[ом] казнач[ействе] и на служ[ебной] анкете дала неверные сведения»^{IV}. По некоторым данным, О. С. Каппель находилась в Бутырской тюрьме до марта 1920 г., когда ей сообщили о смерти мужа и предложили оформить развод^V. По свидетельству дочери Каппеля, арест матери произошел в Глазове (штаб 3-й армии с декабря 1918 г.), а затем за Строльман вступились (!) руководители ВЧК Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский, причем последний предложил ей работу в Наркомфине на условиях оформления заочного развода с мужем, причем якобы с 1 апреля 1919 г. Строльман там и работала^{VI}. Таким образом, супруга одного из самых известных вождей антибольшевистского лагеря провела в заключении, по различным версиям, около года.

Цели этого «заложничества» совершенно не понятны. Возможно, требовалось изолировать супругу Каппеля, чтобы она не могла содействовать белым.

^I Реввоенсовет Республики. 1918–1919. С. 36.

^{II} В. И. Ленин и ВЧК. С. 117.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 162.

^{IV} Там же. Л. 162об.

^V Лобанов Д. А., Станковская Г. Ф. Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 82.

^{VI} Харитонов Е. Д. Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 48.

Достоверность же эмигрантских рассуждений о некоем предложении Каппелю «ослабить свои удары по красным» в обмен на освобождение супруги и пафосном ответе генерала: «Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога — это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить»^I — выглядит сомнительной. Хотя бы потому, что своих ударов Каппель не ослаблял, а его жена, несмотря на это, была довольно быстро освобождена. Тем более сложно предположить, при каких обстоятельствах могло быть сделано подобное предложение.

В Советской России находились семьи и других видных деятелей антибольшевистского лагеря — например, семья начальника петлюровского ГУГШ и военного министра генерала С.И. Дядюши^{II}. О том, что она подвергалась преследованиям, данных нет. Его близкие благополучно пережили Гражданскую войну, а после войны генерал вел интенсивную еженедельную переписку с проживавшей в Москве семьей уже из эмиграции. Весной — летом 1918 г. в занятом красными Оренбурге спокойно проживал отец знаменитого вождя Белого движения атамана А.И. Дутова. Не где-нибудь, а в «колыбели революции» Петрограде жила и работала в городском музее на протяжении 1918–1920 гг. мать другого вождя белых, легендарного «черного барона» генерала П.Н. Врангеля, баронесса М.Д. Врангель. Позднее она вспоминала, что «несмотря на все ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом»^{III}. Непримиимый характер конфликта вынуждал генштабистов изыскивать способы обезопасить свои семьи. В Петрограде жила семья видного деятеля Белого движения на Северо-Западе России генерала П.К. Кондзеровского. Чтобы спасти родных от преследований, генерал Кондзеровский взял фамилию Кондырев^{IV}, а затем вывез семью за границу, причем супруга генерала не раз высказывала сожаление, что пришлось уехать^V.

Только через месяц с лишним после приказа Троцкого, в ноябре 1918 г., военком ПШ РВСР С.И. Аралов, на которого Троцким были возложены обязанности задерживать семьи перебежчиков и предателей, действительно потребовал арестовать семьи перебежчиков из предложенного им сравнительно небольшого списка. Единственным высокопоставленным лицом в этом списке был генштабист И.Г. Пехливанов^{VI}. Было ли что-то предпринято в действительности, неизвестно. К тому же семья Пехливанова находилась за пределами Советской России.

Хотя Аралов и состоял в большевистской партии, все же при этом он и сам являлся бывшим офицером. Недоброжелатели считали его человеком, намеренно искажавшим свою биографию и приписывавшим себе партийный стаж сверх имевшегося на самом деле, меньшевиком по взглядам и чуть ли не покровителем военспецов-изменников, создателем «араловщины». Уже после смерти Аралова несколько ветеранов Гражданской войны — щорсовцев составили о нем довольно нелицеприятный рукописный очерк. Ветераны утверждали, что «в годы Гражданской

^I Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 112.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 48об.

^{III} Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 198.

^{IV} Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). М., 2018. С. 209–210.

^V Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 316, 365.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24.

войны с именем Аралова связана и около высокого араловского поста подвизается целая полдюжина шпионов и предателей. И это обстоятельство объясняется опять чистой “случайностью”. Не слишком ли уж много “случайностей”, случайных совпадений связано с именем Аралова? Бывает ведь и так, что “случайности” связаны с закономерностью^I. При всей предвзятости такой характеристики, Аралов действительно не проявил усердия в деле исполнения воли Троцкого.

Чекисты также устранились от работы по сбору подписок об ответственности семей военспецов. Председатель Петроградской ЧК В.Н. Яковлева сообщила 2 ноября 1918 г. на запрос Троцкого, что подписка об ответственности семейств является делом военного ведомства и может быть осуществлена приказом по армии^{II}. Речь шла об арестованных, с которых, видимо, должны были браться соответствующие подписки перед их освобождением.

Анализ документов показал, что это была скорее декларированная угроза большевиков. Как уже отмечалось, Троцкий 30 сентября 1918 г. потребовал установления семейного положения изменивших большевикам военспецов. В конце года, учитывая многочисленные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу. 20 декабря 1918 г. он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюрккомвоен^{III}, с одной стороны, и аппарат военного контроля — с другой»^{IV}. Речь шла теперь о превентивных мерах — учете семейного положения пока еще лояльных большевикам военспецов. Завершить сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 г. Телеграмма была разослана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов. Таким образом, по состоянию на конец декабря суровое распоряжение все еще оставалось на бумаге.

Троцкий не учел перегруженности штабов оперативной и организационной работой, при которой штабам не хватало времени на такие излишества, как установление семейного положения всех подчиненных военспецов. Большевистская бюрократическая машина едва справлялась с учетом самих военспецов, не говоря уже о членах их семей. По всей видимости, централизованный учет данных о десятках тысяч военспецов с их семьями оказался все же непосильной задачей для советской военной бюрократии.

В некоторых случаях^V анкеты спецов предусматривали заполнение пункта «Адрес семьи», но далеко не всегда и не везде. Кроме того, неизвестно, проверялись ли

^I ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.

^{II} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 141.

^{III} Всебюрккомвоен — Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленарном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г. Функции Всебюрккомвоена в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. Политуправление РВСР.

^{IV} РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155об.—156.

^V Там же. Л. 55—64, 79.

анкетные данные, записанные со слов бывших офицеров. Нисколько не смущаясь прямым указанием Троцкого, работники штаба Северного фронта в январе 1919 г. даже пожаловались, что данное требование загружает их работой в ответственный период реорганизации армии¹.

В других местах по пути прямого игнорирования приказа не пошли и начали составлять бумаги с требованиями присылать списки военспецов с данными об их семьях и адресах. Штаб Орловского военного округа, например, 28 декабря 1918 г. рассылал следующий приказ: «По приказанию председателя Революционного совета республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку – его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»² Для этого должны были быть составлены списки со всей необходимой информацией, причем не только по перебежчикам, как требовалось изначально, но уже по всем военспецам вообще. В случае измены военспецов члены их семей подлежали аресту. Удивительно, что составление списков началось лишь в самом конце 1918 г., т.е. через три месяца после изначального приказа Троцкого.

Ярославский окружной комиссариат по военным делам 10 января 1919 г. циркулярно рассылал совершенно секретное распоряжение Троцкого не позднее 25 января 1919 г. предоставить сведения о бывших офицерах, включая адреса их семей. В случае измены или предательства предписывалось немедленно арестовывать указанных в списках, для чего безотлагательно телеграфировать в отдел военного контроля в Москву, указав фамилии, имена и отчества, должности и адреса, сообщая по телеграфу эти сведения и ближайшему органу военного контроля. Помимо этого требовалось «при составлении вышеуказанных списков на ответственных постах оставлять только тех из бывших офицеров, семьи которых проживают в пределах Советской республики»³. Таким образом, для занятия высоких постов военспецам необходимо было быть женатыми и иметь семью на советской территории. Однако на практике это предписание не соблюдалось.

Приказ Троцкого, в котором он бы требовал оставления на службе только тех военспецов, семьи которых находились на советской территории, обнаружить не удалось. Практика показала, что это требование было невыполнимым. Не стоит забывать, что в РККА существовала острейшая нехватка квалифицированных кадров, и заниматься чисткой рядов в связи с казавшимся надуманным обвинением в отсутствии семьи на советской территории командование и комиссары не только не хотели, но и не могли, поскольку остались бы без командного состава. Особенно много семей военспецов находилось на территории Украины. Например, дочь крупного военспеца бывшего генерала-генштабиста А. Ф. Добрышина жила в Купянске Харьковской губернии, в том числе в то время, когда город

¹ Там же. Л. 238.

² Цит. по: Критский М. А. Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-м корпусом Добровольческой армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 270.

³ ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 46.

находился на антибольшевистской территории^I. На контролировавшемся антибольшевистскими силами Дальнем Востоке проживала семья крупного советского военного деятеля Н.Н. Петина^{II}. Семья одного из создателей ПШ ВВСР П.М. Майгура находилась на Украине, но службе Майгура в РККА это обстоятельство никак не мешало^{III}. Семья генштабиста З.И. Зайченко также находилась на Украине, причем военспец не имел с ней никакой связи^{IV}. Семья известного белого агента в РККА В.Я. Люндеквиста находилась в Крыму^V. Там же проживали дети генштабиста С.Г. Лукирского, причем в августе 1918 г. военспецу было даже разрешено лично забрать их оттуда^{VI}. Один из видных перебежчиков бывший генерал В.Е. Борисов вообще был вдовцом. Не брались в заложники и военспецы РККА, ближайшие родственники которых (родители, дети, братья) служили в антибольшевистском лагере. Более того, известно немало случаев, когда такие военспецы приобретали в РККА высокое положение.

Борьба с семьями могла вызвать недовольство лояльных военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил — ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Так, в 1918 г. служившие в Добровольческой армии генералы С.Л. Марков и И.Г. Эрдели обсуждали свои действия в случае гибели близких от рук красных и сошлись на том, что (как записал в дневнике Эрдели) в таком случае «мы будем гулять по России, и тяжело отзовется наше гуляние; будем безжалостно резать и вешать в отместку за потерю того, что нам было дорого и что у нас отняли»^{VII}. Все это, по-видимому, привело к тому, что на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России не практиковалось. Тем не менее нами обнаружено несколько анкет арестованных жен бывших офицеров, которые в графе о причинах своего ареста указывали заложничество за мужа.

Приказ о заложниках довольно быстро стал известен в белом лагере и породил тревожные настроения. Бежавший от красных полковник В.А. Замбрицкий, семья которого осталась в Советской России, с ужасом узнал от брата об этом приказе и записал в дневнике в конце сентября 1918 г.: «Большевики издали приказ — применить репрессии к семьям бежавших офицеров... Репрессии у них — одни, это расстрел!.. Боже, Боже мой, неужели моя ненаглядная Марусенька, мое счастье и радость, и мои маленькие карапузики, — наша утеха, расстреляны!.. Это так дико, так нелепо, что я не могу себе этого представить! И тем не менее это возможно!»^{VIII} Переживания в этой связи еще долгое время не отпускали офицера. Впрочем, страхи оказались напрасными — семья Замбрицкого вскоре благополучно переехала к нему на Дон через Украину.

Нет никаких сомнений, что в случае настоящей необходимости репрессии против членов семей изменников могли быть применены. Но одной угрозы

^I РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 149.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.

^{IV} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 280.

^V РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.

^{VI} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.

^{VII} Цит. по: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 152.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем родственников либо же бежали к противнику с семьей. Так поступил, например, известный перебежчик, командующий 9-й армией Н.Д. Всеволодов, летом 1919 г.^I

В переписке ПШ РВСР приводились сведения о семьях перебежчиков^{II}, но упоминаний о репрессиях в их отношении обнаружить не удалось. Слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Захваченные белыми военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не переходили к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья была в заложниках. По всей видимости, подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не особенно убедительны для белых, так как мемуарист приводит недовольный ответ опрашивавшего пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»^{III}. Однако без лишней необходимости военспецы старались не искушать судьбу.

Г.И. Теодори после своего ареста беспокоился, не были ли арестованы его жена и сестра^{IV}. Между тем с его жены была лишь взята подписка о невыезде^V. Громкий случай измены генштабиста А.А. Лаурица, в результате которой белые смогли захватить штаб 55-й стрелковой дивизии и казнили начдива А.В. Станкевича, обернулся арестом жены изменника, произошедшим, однако, почти через год после событий. Арестованная утверждала, что не жила с мужем уже много лет и никакого отношения к его деятельности не имела^{VI}. Исход дела неизвестен. Такова была репрессивная практика в связи с одной из наиболее резонансных измен. Как видно, реакция ВЧК не отличалась стремительностью.

Весной 1919 г., после исчезновения бывшего капитана А.Н. Цурпалева, установлением его семейного положения занялись сотрудники ВГШ, где он ранее служил старшим делопроизводителем Оперативного управления. Однако их постигла неудача. Послужного списка Цурпалева в штабе не оказалось, в последнем подробном списке Генштаба на 1914 г. он не значился, поскольку только поступил в академию в 1913 г., а по частным сведениям родных в Москве у него не было^{VII}. Пример Цурпалева наглядно свидетельствует об отсутствии учетных данных о семейном положении военспецов весной 1919 г. В то же время длительные поиски родственников Цурпалева такими же, как он, военспецами без подключения чекистов скорее свидетельствуют о попытке разобраться в произошедшем, чем о стремлении подвергнуть семью пропавшего репрессиям. Между выдачей Цурпалеву предписания о назначении 13 февраля и обращением Совета ВГШ в Особый отдел ВЧК о розыске военспеца 22 апреля прошло два с половиной месяца переписки и разбирательств^{VIII}. Как удалось установить по документам Гуверовского архива, Цурпалев перебрался на Юг России и в 1920 г. служил в Русской армии генерала П.Н. Врангеля^{IX}.

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

^{II} Напр.: РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 332.

^{III} Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 50.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 313.

^V Там же. Л. 202.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40–42.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 74.

^{VIII} Там же. Л. 76–76об.

^{IX} HIA. Vrangeli collection. Box 113. Folder 14.

Известен случай, когда жена арестованного военспеца, генштабиста Н.Н. Доможирова, в 1919 г. добровольно предложила себя в качестве заложницы за мужа. В обращении к Троцкому отчаявшаяся женщина писала: «Если же дело затягивается, на коленях умоляю Вас освободить моего мужа, а меня посадить в тюрьму заложницей за него – ведь тогда само собой отпадет недоверие к мужу – единственная причина его заключения»¹. Очевидно, подобное предложение принято не было, а Доможирова вскоре освободили.

Военспец-генштабист Н.С. Махров в конце августа 1919 г. передал через линию фронта своему родному брату – начальнику военных сообщений Кавказской армии белых генерал-майору П.С. Махрову – известие о том, что он служит в РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь². О том, насколько такого рода сведения соответствовали действительности, данных нет. Нельзя полностью исключить возможное стремление Н.С. Махрова обеспечить свое будущее на фоне успешного продвижения белых к Москве и изобразить себя в качестве вынужденного сотрудника большевиков (по нашим данным, в РККА Махров поступил добровольно).

Единичные случаи арестов членов семей военспецов имели место, но до системности в этом вопросе было далеко. По ряду свидетельств, прежде всего мемуарных, после перехода к белым бывшего генерала и руководителя антибольшевистского военного подполья в Москве Н.Н. Стогова большевиками была казнена его жена³. И хотя полного доверия этим свидетельствам нет, подобного исхода исключать нельзя. Арестована супруга Стогова была вместе с 14-летним сыном в связи с делом «Национального центра» в чекистской засаде на квартире политического лидера этой организации Н.Н. Щепкина⁴.

Согласно послужному списку на 1909 г., Стогов был женат первым браком на дочери умершего потомственного почетного гражданина Екатерине Тихоновне Саниной, родившейся 9 мая 1877 г. В семье было пятеро детей: Татьяна (1902 года рождения), Надежда (1903 года рождения), Николай (1905 года рождения), Екатерина (1906 года рождения), Ольга (1908 года рождения)⁵.

По данным на 8 сентября 1919 г., сына Стогова освободили. В тот же день на протокол допроса супруги Стогова была наложена трудно читаемая резолюция: «[Содержать] под стражей в [качестве] заложницы взамен своего мужа Н.Н. Стогова»⁶. На протоколе допроса Н.Н. Стогова-младшего имелась резолюция первого заместителя председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского, датированная

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 24об.

² Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 4. С. 290–293 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4; Его же. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 88–89.

³ Волконская С. А., кн. Горе побежденным // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 454; М. Мартиролог русского офицерства // Руль (Берлин). 1921. 06.09. С. 2; Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 262.

⁴ HIA. Vrangal collection. Box 39. Folder 1.

⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 361–138 (1909 г.). Л. 103об.–108; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 360.

⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-49579. Т. 4. Л. 148.

10 сентября: «Арестовать остальных детей и направить в Звенигородский лагерь. Павл[уновский] 10-IX-1919»^I. Таким образом, супруга Стогова и его дети, кроме отпущенного Николая, подлежали аресту в качестве заложников за бежавшего генерала. Вместе с тем, документы свидетельствуют, что супруга Стогова содействовала подпольной работе мужа, т.е. речь не шла о заложничестве в чистом виде^{II}. К сожалению, о дальнейшей судьбе заложников, а также о том, выносились ли какие-либо приговоры, данных нет. Впрочем, в деле имеется указание на то, что и Н.Н. Стогов-младший был помещен в концлагерь до конца Гражданской войны^{III}. Он был расстрелян позднее, уже в годы Большого террора, в 1937 г. в Казахстане.

Бегство Стогова, одного из самых высокопоставленных военспецов РККА, было настоящей пощечиной для большевиков, которые даже на уровне первых лиц знали о подозрениях против него, а сам Стогов дважды арестовывался в 1918–1919 гг. Реакция большевиков могла быть совершенно непредсказуемой. Не исключено, что на волне возмущения репрессиям могла подвергнуться семья перебежчика^{IV}.

По некоторым данным, как заложница была казнена супруга бывшего военного министра генерала В.А. Сухомлинова^V. В этом случае, однако, не шла речь о семье военспец-изменника, хотя бы потому, что Сухомлинов не служил в РККА. Также есть упоминания о расстреле супруги генерал-майора Б.А. Левицкого, бежавшего к белым вместе со Стоговым^{VI}.

Троцкий не оставлял идеи с арестами семей изменников и в 1919 г. В колчаковской прессе были напечатаны телеграмма члена РВСР и РВС Восточного фронта К.К. Юренева и распоряжение комиссара штаба 3-й армии: «Реввоенсоветам фронтов, армии, округа, губвоенсовета округа, губвоенкомам неоднократно предлагалось

^I Там же. Л. 145.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Новые документы об аресте семьи генерала Н. Н. Стогова в 1919 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7, № 4. С. 9–13.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49579. Т. 4. Л. 37.

^{IV} Приведем еще одно мемуарное свидетельство, относящееся к осени 1918 г., впрочем, довольно сумбурное и наполненное неточностями: «За несколько дней до обыска поселился у нас на Басманной по ордеру полковник Генерального штаба Барановский (видимо, бывший генерал В. Л. Барановский. — А. Г.), называю его полковником [исходя] из чина в русской старой армии. Блестящий офицер, видно сразу, что из культурной, интеллигентной семьи. Держался безупречно, но очень осторожно, не затрагивая никаких политических, экономических, не говоря уж о военных, вопросов. Говорил о Петрограде, его театрах, концертных залах, музыке. Вспоминал о семье, видно было, что тоскует, но о причине, почему семья не может переехать в Москву, отвечал:

— Так сложились обстоятельства.

Рано уходил на службу, приходил поздно вечером. Встречались лишь за вечерним чаем, когда приходил в столовую. А тут как-то утром в воскресенье звонок. Горничная говорит, что пришел какой-то мальчик, спрашивает Барановского. Его не было дома. Завели его в столовую. Мальчик воспитанный, но на всех смотрит с опаской. Потом как-то освоился, почувствовал к нашим доверие и рассказал:

— Мы с мамой и сестрой живем в Петрограде. Папу куда-то увезли. Мы живем как в тюрьме, мама с нами не может выйти из дому, только сама или мы одни. На днях получили от папы сообщение, что он в Москве, и адрес его сообщили, но просят не писать. Мама плачет, не верит и вот решила послать меня. Целую ночь я ехал.

Дождлся он отца. Вечером горничная отвезла его на вокзал. Уехал счастливый. С отцом мы не понимали о нем разговор. Поняли, что Троцкий (тогда он был министром обороны [наркомом по военным делам]) организует Генеральный штаб. Генштабисты разбежались, а кого поймаешь — тому верить нельзя. Заставить работать за совесть, а не за страх можно, взяв в залог семью» (Авенариус Н. А. Кремнистый путь. М., 2012. С. 118–119).

^V Куракина Т. Г., кн. Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве. С. 181–182; Обречены по рождению... С. 492.

^{VI} М. Мартиролог русского офицерства; Грезин И. И. Храм-Памятник в Брюсселе: Список мемориальных досок. СПб., 1999. С. 16.

внимательно следить за тем, чтобы на ответственные командные должности не назначались с неопределенной физиономией, если семья проживает на территории, занятой врагами советской власти. Между тем указания эти не соблюдаются. Так, в одной из армий Восточного фронта начдивом (начальником дивизии) назначено было лицо, вся семья которого находится у Колчака. Означенный начдив совершил измену, перейдя со штабом [к] Колчаку. Напоминаю снова: регистрация лиц командного состава по семейному положению должна производиться со всей строгостью. Реввоенсоветы армии, фронтов, Всероглавштаба^I, округа, губернии обязуются строжайше сообразовываться с указанным выше условием при назначении на ответственные посты. Отступления могут допускаться по особому каждый раз постановлению председателя Реввоенсовета республики. Нарушение предписания повлечет строгую ответственность. № 1149. Реввоенсовет Юренев.

Телеграммой Реввоенсовета на комиссаров частей возлагается самое спешное проведение перерегистрации всех лиц командного состава по семейному положению. Означенные списки с указанием моральной и политической физиономии пришлите срочно в военсовет. Комиссар штабм 3[-й] Рейхардт^{II}. Документы эти вновь подтверждают отсутствие применения заложничества.

Сохранилась и листовка «К войскам, обороняющим Петроград!», подписанная И.В. Сталиным и датированная июнем – началом июля 1919 г. В документе упоминалось о том, что «семейства всех командиров, изменивших делу рабочих и крестьян, берутся в качестве заложников»^{III}. Впрочем, этот документ, являвшийся скорее воззванием, вряд ли свидетельствует о такой практике. Более того, сам Сталин вскоре был отозван из Петрограда.

В секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», составленной 9 августа 1919 г., Троцкий среди прочих мер, необходимых для восстановления боеспособности армии, отмечал: «Каждый комиссар должен точно знать **семейное положение командного состава** вверенной ему части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира. Все сведения о семейном положении командного состава и политработников должны быть сосредоточены в политотделе Реввоенсовета армии»^{IV}. Подобное требование Троцкого напрямую свидетельствует о том, что эта мера к августу 1919 г. все еще не применялась в РККА. Кроме того, едва ли арест семьи с последующим ее освобождением (о более суровых мерах в отношении семей изменников не говорилось) мог остановить решившихся на измену. Недоволен был отсутствием применения жестких мер и В.И. Ленин, который писал 8 июня 1919 г. Э.М. Склянскому: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров – ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским»^V. Требование немедленно арестовать семьи изменников звучало и в приказе Троцкого по оборонявшей Петроград 7-й армии 2 ноября 1919 г.

^I В газете искаженно – Всероглавостба.

^{II} Наша газета (Омск). 1919. № 20. 09.09. С. 4.

^{III} Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941. С. 26.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256–256об.

^V Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 50. С. 343.

Наконец, 17 декабря 1919 г. был издан приказ Президиума ВЧК № 208 об аресте заложников и буржуазных специалистов, в котором за подписями Ф.Э. Дзержинского и М.И. Лациса разъяснялось, что заложник — «это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящимися при власти у них лиц и тому подобным. Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложники, и направлять эти списки нам»¹. По этому приказу было предписано взять на учет всех бывших офицеров, но необходимость получения в каждом случае санкции Президиума ВЧК на взятие заложников существенно ограничивала применение этой меры. О семьях бывших офицеров речь не шла.

Сохранились нуждающиеся в проверке мемуарные свидетельства об угрозах большевиков убить семью генерала М.А. Фостикова, руководившего антибольшевистским восстанием на Кубани в 1920 г. В ответ на это генерал якобы пообещал за каждого убитого замучить сотни большевиков. По некоторым данным, какие-то родственники Фостикова все же были убиты, однако жена смогла уехать к нему².

Когда в 1921 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов узнал, что начальником штаба сибирских казаков-повстанцев является бывший полковник Генштаба А.Ф. Кудрявцев, командированный РВСР в штаб помглавкома по Сибири, Смирнов распорядился найти семью Кудрявцева и взять ее в заложники, однако выполнить это распоряжение не удалось, так как Кудрявцев не был не только генштабистом, но даже и офицером³.

Уже в конце Гражданской войны, летом 1921 г., Троцкий, беседуя с французским коммунистом А. Моризе, не без преувеличений заявил: «Мы призвали бывших офицеров. Французская революция из 15 000 королевских офицеров получила пять-шесть тысяч. На миллион мы нашли сотни тысяч»⁴. Некоторые предали, это правда. Наша 11-я дивизия, например, дивизия из Нижнего Новгорода, наша гордость, была весной 1919 года истреблена казаками Краснова из-за умышленной ошибки своего командования. Мы арестовали семьи подозреваемых офицеров и держали их как заложников. Впрочем, угрозы оказалось достаточно»⁵. Из этих слов следует, что отдельные случаи взятия заложников имели место,

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 148.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 785. Л. 74–75.

³ Сибирская Вандея. М., 2001. Т. 2. 1920–1921. С. 246–247.

⁴ Явное преувеличение Троцкого перед иностранцем: в старой армии не было миллиона офицеров, а численность военспецов РККА не превышала 100 000 человек.

⁵ Morizet A. Chez Lénine et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922. P. 107. Перевод наш.

но не приводили к серьезным последствиям для арестованных, поскольку дело не шло дальше угроз.

Спустя несколько лет после Гражданской войны Троцкий комментировал смысл подобных суровых приказов (в первую очередь, приказов о расстрелах комиссаров): «Это не был приказ о расстреле, это был тот обычный нажим, который тогда практиковался. У меня здесь есть десятки такого же рода телеграмм Владимира Ильича... Это была обычная в то время форма военного нажима»¹. Таким образом, речь шла об угрозах.

Окончательно проясняет вопрос важное свидетельство Троцкого, оставленное им много лет спустя, уже в Мексике. Тогда Троцкий посвятил заложничеству отдельный раздел «Революция и институт заложничества» своего очерка «Их мораль и наша», в котором писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г.² вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимы человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы — оправдание декрета, как и всей вообще Гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать “отвратительным варварством”»³. Таким образом, Троцкий вновь и уже более определенно высказался, что, несмотря на отдельные случаи арестов членов семей военспецов, более серьезных репрессий в их отношении не практиковалось.

Заложничество членов семьи было крайне жестоким, слишком сложным и при этом неэффективным средством борьбы и осталось в основном декларированной угрозой. Неотъемлемыми составляющими заложничества должны были являться эффективная связь фронта и мест призыва, а также доведение сведений о нем до заинтересованных лиц и предъявление им соответствующих условий освобождения заложников. Требовалось не только установить факт измены, а не простого исчезновения или гибели в сложной боевой обстановке того или иного военспеца (что было нелегко), необходимо было, кроме того, определить местонахождение его семьи (что в случае заранее подготовленной измены было практически невозможно), завязать переписку с тылом о ее аресте, осуществить арест, а затем обнародовать сведения о взятии семьи в заложники и, видимо, выдвинуть какие-то требования. В противном случае механизм не работал.

Изначальный замысел Троцкого, очевидно, сводился к запугиванию тех, кто еще не перебежал к противнику. Возведенными в систему арестами членов семей перебежчиков, наверное, можно было запугать еще колеблющихся военспецов, но едва ли такие действия могли остановить людей, готовых бороться до конца.

¹ Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 446.

² Троцкий ошибочно датировал декрет о взятии заложников, изданный в 1918 г. Можно предположить, что эта ошибка памяти обусловлена тем, что в 1918 г. распоряжение Троцкого еще не нашло практического применения.

³ Троцкий Л. Д. Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69. Август — сентябрь. С. 14.

Реальных рычагов воздействия на белых офицеров, даже оставивших свои семьи на советской территории, у красных не было. Заложничество членов семей белогвардейцев и перебежчиков с предъявлением им требований через линию фронта было бессмысленным и, вероятно, даже не рассматривалось большевистским руководством.

Репрессии против семей уже перебежавших к противнику лиц могли только озлобить перебежчиков, дав им дополнительный стимул в борьбе с большевиками. Активные контрреволюционеры при этом не ликвидировались, а преследованиям подвергались лишь невинные и беззащитные члены семьи. Подобный подход противоречил логике даже наиболее радикальных чекистов, считавших, что «в таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не ослабив его»¹.

В силу ряда объективных причин репрессии в отношении семей военспецов-генштабистов не получили распространения в Советской России, оставшись в основном декларативными угрозами. Единичные случаи арестов практически не имели далеко идущих последствий, так как обычно арестованных освобождали. На уровне угрозы заложничество семей действительно выглядело устрашающе, но попытка реализовать эту угрозу провалилась. Красные не располагали данными обо всех семьях белых офицеров и перебежчиков, а учет семейного положения десятков тысяч военспецов оказался слишком сложным и не был должным образом осуществлен. Ведавшие учетом кадров специалисты, по всей видимости, препятствовали взятию семей на учет и саботировали аресты членов семей перебежчиков. Взятие заложников из семей военспецов могло озлоблять бывших офицеров, но не способствовало борьбе с контрреволюцией. Возможно, советское руководство также понимало, что, начав террор против семей, оно рискует столкнуться с ответной реакцией белых.

Проблема политической лояльности командного состава в годы Гражданской войны стояла чрезвычайно остро, прежде всего в Красной армии. В первую очередь этот вопрос относился к бывшим офицерам – военным специалистам. Их служба складывалась не всегда просто и проходила под знаком недоверия со стороны красноармейцев и комиссаров. Новая власть использовала знания и опыт этих людей, но воспринимала их как чужих, представителей буржуазных классов. В свою очередь многие бывшие офицеры считали большевиков предателями и инородцами, пришедшими к власти на немецкие деньги, стремившимися уничтожить национальную Россию. Воспринимали их как антигосударственную силу, которая попрапа законность, подавляла православную веру, истребляла целые слои населения, ввергла страну в братоубийственную Гражданскую войну и была неспособна навести порядок.

В среде военспецов нередки были измены и переходы на сторону белых, представлявших в условиях внутреннего конфликта привлекательную для части офицерства альтернативу красным. Немало «бывших» принимали участие в различных

¹ Почему вы миндальничаете? // ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М., 2004. С. 132.

заговорах. Эти обстоятельства предопределили массовый характер репрессий органов ЧК в отношении военспецов. Разумеется, среди тех, кто подвергся таким репрессиям, были и генштабисты.

Контрразведывательная работа с военными специалистами представляла немалую сложность для ВЧК. Практически у каждого ответственного работника Красной армии из бывших генералов или штаб-офицеров имелись либо родственники, либо сослуживцы в рядах противников советской власти. Почти любого можно было подозревать в нелояльности и проверять на предмет контрреволюционных связей. Тем более что скрывать свои взгляды в беседах с товарищами многие офицеры еще не привыкли. В некоторых случаях подозрения оказывались небезосновательными.

Сложности усугублялись переменчивостью событий на фронте, влиявших на настроения военспецов, — например, летом — осенью 1919 г., когда успехи наступления ВСЮР на Москву не только способствовали массовым переходам военспецов на сторону белых, но и вселили тревогу в тех, кто еще сохранял лояльность красным. В частности, в советского главнокомандующего И. И. Вацетиса и его окружение в ПШ РВСР в Серпухове, всерьез боявшихся репрессий в случае победы белых. Неопределенность дальнейших жизненных перспектив вела к обсуждению путей спасения, что в то время уже расценивалось как контрреволюционные разговоры.

В то время органы ЧК и советской военной контрразведки прибегали к проверке оперативной информации путем ареста подозреваемых. В быстро менявшейся обстановке изоляция в местах лишения свободы могла предотвратить заговор, разрушить связи между предполагаемыми заговорщиками, сорвать их планы. Ввиду тяжелого положения Советской России потенциальные угрозы чекистами трактовались расширительно, в результате чего в порядке вещей были аресты и расстрелы невиновных людей без достаточных на то оснований. Ситуация усугублялась отсутствием у чекистов профессионального опыта контрразведывательной работы. Аресты проводились без должного анализа поступавших данных, порой совершенно абсурдных. Из-за этого нередко арестовывались неповинные люди либо же те, кто считался лояльным.

Массовые аресты приносили вред укреплению Красной армии, иногда парализовали функционирование целых учреждений. Особи́сты были загружены работой, а арестованные вместо службы по специальности месяцами томились за решеткой без допросов и каких-либо следственных действий. Расследования и проверка исходных данных во многих случаях не велись. Подозрительные лишь изолировались в местах лишения свободы на длительный срок. Репрессии искусственно обостряли обстановку в РККА, гнетуще действовали на бывших офицеров, отталкивая их от новой власти, приводя к еще большему замыканию в своей среде или же к бегству в лагерь противника. Кроме того, зачастую аресты осуществлялись в нарушение установленного порядка — без предупреждения непосредственного начальства арестуемых ответственных работников. Порой арестам подвергали даже свидетелей по тем или иным делам.

Вполне реалистичное объяснение действий чекистов содержится в письме видного советского военно-политического деятеля К. А. Мехоношина своему коллеге по партийной работе в армии Н. И. Подвойскому, написанном в конце 1918 г.:

«К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабодушных удержит от измены»¹. Мехоношин давал понять не вполне сориентировавшемуся в текущем моменте Подвойскому, что у арестов военспецов не обязательно наличествовали конкретные причины. Эти меры носили характер упреждения и устрашения, но предотвратить измен не могли. Подобная незаконная практика «упреждающего террора» вошла в постоянное употребление советских органов госбезопасности и нашла свое логическое продолжение в массовом терроре 1930-х гг.

Репрессивная практика советских карательных органов в отношении «лиц Генштаба» в годы Гражданской войны не отличалась мягкостью или достаточной продуманностью. Немало квалифицированных специалистов было расстреляно, умерло в заключении, многие бесцельно томились в тюрьмах и лагерях, тогда как могли принести куда больше пользы советской власти в рядах Красной армии. Репрессии затронули примерно пятую часть выпускников академии, служивших в РККА.

При этом карательным органам, за редкими исключениями, не удавалось выявить и ликвидировать подлинных контрреволюционеров и подпольщиков в среде выпускников академии. Целый ряд высокопоставленных агентов противника не только успешно работали в Красной армии, но и сумели затем благополучно уйти к белым. Характерны в этом отношении примеры А. П. Архангельского, Б. В. Геруа, Ф. Е. Махина, А. Л. Носовича, А. И. Парва, Б. П. Полякова, Н. Ф. Соколовского, А. В. Станиславского, Н. Н. Стогова. Показательно, что даже руководитель подпольной военной организации «Национального центра» в Москве бывший генерал Н. Н. Стогов сумел бежать из-под ареста и затем уйти к белым. В то же время добросовестно служивших военспецов чекисты арестовывали с завидной регулярностью.

История первого этапа репрессий против комсостава РККА показательна, ведь именно в годы Гражданской войны сформировались многие характерные особенности работы советских органов госбезопасности, принципы и методы их борьбы с предполагаемой «пятой колонной». В конечном итоге власть руками чекистов истребила значительную часть корпуса офицеров старого Генерального штаба, оставшихся в СССР, однако произошло это значительно позже — в 1930-х гг. Ответственность за репрессии в армии впоследствии была возложена, прежде всего, на спецслужбы, на самом деле являвшиеся исполнителями воли руководства страны. Последнее же за свои преступные действия никакого наказания не понесло.

Политику террора применительно к кадрам Генерального штаба проводили только красные. В антибольшевистском лагере имели место лишь единичные преследования генштабистов, а также эксцессы самосудов. Судебно-следственные действия белых в отношении пленных и перебежчиков были рассмотрены в предыдущей главе. В основном речь шла о проверке таких лиц реабилитационными

¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 84. Л. 36.

комиссиями. Некоторые пленные и перебежчики подвергались арестам на непродолжительный срок. Отдельные офицеры разжаловались в рядовые и поступали на службу белым. Однако более серьезных репрессий, насколько можно судить, не было. Все это не шло ни в какое сравнение с красным террором против выпускников академии.

Известны три случая гибели выпускников академии полковников К.И. Рябцева, А.А. Сосницкого и генерал-лейтенанта барона А.А. фон Таубе в белом лагере, которые можно квалифицировать как гибель вследствие репрессий, причем фон Таубе, обвинявшийся в большевизме, попал в плен и умер в тюремном заключении в белой Сибири от тифа¹. Гибель Рябцева и Сосницкого представляла эксцессы самосуда.

Военрук Северо-Кавказской советской республики А.А. Сосницкий и комиссар А.С. Силичев в середине июля 1918 г. были захвачены белыми на станции Тихорецкая и казнены (зарублены; по другим данным, расстреляны)². Известный белый агент в Красной армии бывший генерал А.Л. Носович писал, что эта казнь была особенно несправедливой, поскольку Сосницкий сотрудничал с белым подпольем: «Он не был посвящен в детали нашей саботажной работы, но, так сказать, силою вещей сам вошел в нашу контрреволюционную ячейку. В середине июля месяца добровольцы, наконец, повели наступление на Великокняжескую. Сталин к этому времени начал требовать, чтобы военспецы лично принимали участие в боевом руководстве войск в поле. В самом начале этого наступления добровольцев Сталин потребовал от нашего штаба кого-нибудь сведущего для руководства войсками, защищающими Великокняжескую. Мы с [А.Н.] Ковалевским были в большом затруднении, как вдруг Сосницкий совершенно спокойным голосом говорит: “Я думаю, что таким человеком могу быть только я. Полагаю себя достаточно опытным и уверен, что никто другой не сможет, да другого человека, которому вы могли бы поручить столь деликатную задачу, как сдачу Великокняжеской добровольцам, у нас нет”. Этим ясным заявлением он, как бы безоговорочно, вошел в организацию. Получил назначение. Благополучно сдал Великокняжескую, успел спрятаться во время отступления большевиков и вышел к добровольцам... Но вот какие сведения были получены от контрразведки, а после и дополненные лично мною, когда я уже был среди добровольцев. Вышедшего к добровольцам Сосницкого привели немедленно к Деникину, который лично командо[вал] войсками, взявшими Великокняжескую. После короткого и исключительно грубого и издевательского допроса, совершенно неоконченного и крайне неполного... кто-то из окружавших Деникина офицеров вытащил револьвер и в присутствии высшего начальника застрелил Сосницкого»³.

¹ Подробнее см.: *Познанский В. С.* Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1978.

² *Крутоголов Ф. Ф.* Правда о Сорокине / публ. А. С. Пученкова // *Новейшая история России.* 2012. № 3. С. 264; *Карпов Н. Д.* Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006. С. 253; *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.) М., 1961. С. 64; *Шапошник В. Н.* Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980. С. 177; *Янчевский Н. Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. Т. 2. С. 56.

³ *Носович А. Л.* Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 6. С. 80 // *BDIC. F. Nossowitch. F Δ rés 843 (1) (7) (1).* Вох 1; *Его же.* Белый агент в Красной армии. С. 280.

Показателен случай с Рябцевым. Разделявший меньшевистские взгляды Рябцев стал известен в 1917 г., командуя войсками Московского военного округа и возглавив борьбу с большевиками в Москве. В Гражданской войне Рябцев не участвовал, оставаясь нейтральным и проживая как частное лицо в Харькове¹. Он был арестован белыми в 1919 г. после занятия ими Харькова и вскоре стал жертвой самосуда конвоиров — был убит «при попытке к бегству». Товарищ Рябцева по академии А. А. фон Лампе отмечал в своем дневнике: «Рябцев окончил академию на год раньше меня и представлял собой посредственность, хотя шел очень высоко. К революционной деятельности его выдвинул Верховский, тогдашний военный министр, и после него Рябцев пошел по революционным делам. Наше наступление прервало его карьеру. Думаю, что это было справедливо... если есть вообще в этом справедливость»². Сам А. И. Верховский вспоминал Рябцева как «мечтателя, горевшего душой за судьбы страждущего человечества, которое он так хотел видеть счастливым и свободным... Рябцев горячо говорил о великих идеалах гуманизма, которые, наконец, восторжествуют на нашей родной земле. И вот Рябцев погиб...»³

Если бы к белым в плен попадали военспецы-генштабисты, верой и правдой служившие красным либо состоявшие в большевистской партии, случаев белого террора в их отношении было бы больше. Впрочем, дело смягчалось мощными корпоративными связями выпускников академии.

Следует упомянуть и о жертвах бандитизма. Генерал С. И. Кулешин был убит в 1918 г. в поезде за отказ снять погоны. Генерал В. В. Сахаров был расстрелян «зелеными» в Крыму у Карасу-Базара летом 1920 г. Генерал А. С. Галкин был убит в 1920 г. в Сочи бандитами прямо на глазах у семьи. Перешедший в РККА бывший колчаковский подполковник Л. В. Никольский был убит осенью 1921 г., как сообщалось, белобандитами⁴.

Гражданская война представляла собой конфликт, в котором офицерство, стоявшее во главе Белого движения, пыталось добиться реализации своих целей силовым путем. В силу этого офицеры, в том числе генштабисты, являлись не только жертвами, но и проводниками террора. Множество офицеров воевало с 1914 г., что вело к огрубению нравов и обесцениванию в их представлениях человеческой жизни. К тому же выпускники академии были руководителями самостоятельных белых фронтов и командующими армиями (генералы М. В. Алексеев, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, М. К. Дитерихс, А. И. Дутов, Л. Г. Корнилов, П. Н. Краснов, Е. К. Миллер, Н. Н. Юденич). Командующие в силу занимаемого положения должны были отдавать репрессивные приказы, как конкретные⁵, так и регламентировавшие проведение террора на контролируемых территориях, а также утверждали расстрельные

¹ Подробнее см.: ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 145; Журавская И. Л. Полковник К. И. Рябцев. Страницы биографии // Отечественная история. 1998. № 4. С. 66–74.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 422.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 347. Л. 37.

⁵ См., напр., о репрессивных приказах Деникина, оставшихся, по-видимому, без исполнения: Левитский В. М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / под ред. А. А. Чемакина. М., 2019. С. 145.

приговоры военно-полевых судов. Политику террора проводили и лидеры различных повстанческих движений — например, генерал М. А. Фостиков, возглавивший в 1920 г. «Армию возрождения России» на Кубани^I.

На начальном этапе Гражданской войны, когда белые армии носили партизанский характер, приказы могли быть устными. Так, в период 1-го Кубанского похода в селе Лежанка группа пленных военспецов по устному приказу генерала Л. Г. Корнилова была предана военно-полевому суду. Многие думали, что пленных казнят, и просили отменить суд и помиловать пленных, но их судили: военспецы были прощены и приняты на службу в Добровольческую армию. По словам генерала С. М. Трухачева, Корнилов не мог отменить военно-полевой суд, иначе бы белые перестали брать пленных и перешли к самосудам^{II}.

Известен приказ генерала П. Н. Врангеля № 3052 от 29 апреля (12 мая) 1919 г. безжалостно расстреливать всех комиссаров и активных коммунистов, захваченных в ходе боев^{III}. Тем же приказом подлежали амнистии все офицеры и солдаты, подвергшиеся наказаниям за службу в РККА по переходе на сторону белых. Некоторые приказы касались расстрелов в белых частях. Так, генерал М. К. Дитерихс по должности главнокомандующего Восточным фронтом белых 3 августа 1919 г. подписал приказ о том, что офицеры, изобличенные в пьянстве с солдатами или принуждавшие последних добывать алкоголь нелегальным путем, подлежали расстрелу по приговорам военно-полевых судов^{IV}.

И хотя специфика службы не давала генштабистам широких полномочий по проведению карательных мероприятий, но любое лицо на ответственной строевой должности, том или ином военно-административном посту могло подписывать репрессивные приказы или отдавать соответствующие устные распоряжения. Выпускники академии не являлись исключением. Несколько снижало их роль в этих вопросах пребывание на штабных должностях.

Белые командующие несут ответственность и за террор подчиненных. Например, такую ответственность как за собственные распоряжения, так и за действия нижестоящих начальников на Востоке России несет атаман Оренбургского казачьего войска и командующий Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армиями А. И. Дутов^V.

В отличие от некоторых других атаманов Гражданской войны, Дутов не был палачом или садистом, являясь обычным интеллигентным офицером и в чем-то даже мягким человеком. Тем не менее издание репрессивных приказов в обстановке Гражданской войны являлось неизбежным. Приказом № 2 от 21 июня (4 июля)^{VI} 1918 г. по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области вводилась смертная казнь за большинство серьезных преступлений: убийство, разбой, нападение на должностных лиц и военных. К этому добавлялось

^I Савченко И. Г. В красном стане. С. 272.

^{II} Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М., 2018. С. 142.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 177об.

^{IV} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.

^V Подробнее о терроре Дутова см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 359–373.

^{VI} С момента установления в Оренбурге антибольшевистского режима и до 1 (14) июля 1918 г. властями использовался старый стиль летоисчисления (Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 01(14). 07. № 9. С. 2).

аналогичное наказание «за активное участие в шайке, именующей себя большевиками и составленной преимущественно лицами не русского происхождения, приехавшими из Германии для уничтожения Российского государства, а также для совершения тяжких преступлений: разбоя, убийства, грабежа, кощунства, похищения святынь, святотатства, без различия вероисповедания, и захвата чужого имущества, виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни»^I, такое же наказание предусматривалось за укрывательство комиссаров и красноармейцев и «лиц, выступивших с оружием в руках против войск, боровшихся за созыв Учредительного собрания»^{II}. Приказ был подготовлен и подписан вр.и.д. Войскового атамана К.Л. Каргиным и уполномоченным Комуча по Оренбургской губернии П.В. Богдановичем.

Не имевший отношения к подписанию этого приказа Дутов позднее разъяснил, что смертная казнь за укрывательство должна применяться лишь к лицам, укрывавшим «наиболее важных комиссаров»^{III}. 4 августа 1918 г. был издан приказ № 21 по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области, дополнявший приказ № 2 статьями за бунт против власти Учредительного собрания, приготовление и подстрекательство к бунту, за шпионство, уничтожение складов, приведение в негодность путей сообщения, средств связи и прочие виды государственной измены, за участие в скопище, оказавшем противодействие вооруженной силе, за подстрекательство к уклонению от военной службы, за нападение на часового или патруль, сопротивление караулу^{IV}. Кроме того, этим приказом действие приказа № 2 распространялось на преступления, совершенные с 18 января 1918 г. — со дня захвата Оренбурга красными, что придавало документу обратную силу.

В августе 1918 г. Комуч в связи с обращением Оренбургской городской думы отменил приказы по войску № 2 и 21. После этого военно-судебные учреждения Оренбургского военного округа стали руководствоваться приказом по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области № 31 от 14 августа 1918 г., по которому военно-полевому суду предавались лица, обвинявшиеся в подстрекательстве, шпионаже, диверсиях, участии в скопищах, нападении на часового, убийстве, разбое, насилии, хранении неохотничьего огнестрельного оружия и взрывчатых веществ без разрешения. Приказ, как и предшествовавший ему приказ № 21, распространялся на преступления, совершенные с 18 января 1918 г.^V

Приказом по Оренбургскому казачьему войску № 75 от 18 августа 1918 г. за антиправительственные речи и сочинения и их публичное произнесение полагалась ссылка на поселение, за антиправительственную агитацию в войсках — каторжные работы, а за составление антиправительственных речей — заключение в крепость на срок до трех лет^{VI}. К большевикам и их пособникам следовало

^I РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 50.

^{IV} Публикацию приказов № 2 и 21 см.: Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.): Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 149–150, 153–154 (при публикации приказа № 2, видимо, с целью не ослаблять впечатление читателей приказа, был пропущен пункт 2 об умышленных убийствах, изнасилованиях, разбоях, грабежах, поджогах или утоплении чужого имущества); Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: Местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008. С. 374–375, 384–385.

^V РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

^{VI} Там же. Л. 6–7.

относить лиц, служивших в РККА или Красной гвардии на строевых должностях, на должностях комиссаров (кроме выборных), лиц, занимавших ответственные посты в военных и карательных учреждениях большевиков, доносчиков, если их доносы послужили причиной ареста или гибели кого-либо, участников большевистских обысков и арестов, а также всех, кто добровольно боролся в рядах красных с оружием в руках¹.

В условиях непримиримости сторон Гражданской войны активное соучастие в деятельности красных расценивалось белыми как одно из тягчайших преступлений, подлежащих высшей мере наказания. Действовавший в Оренбурге при Дутове военно-полевой суд тщательно рассматривал такие дела, причем около четверти подсудимых оправдывались в том числе по обвинениям в большевизме².

Известен один из расстрельных приказов начальника штаба Сибирской армии генерал-майора Б.П. Богословского: «13 марта [1919 г.] в Тюмени 150 мобилизованных взбунтовались, вооружились захваченными в складе винтовками и начали безобразничать в городе. Приказываю бунт подавить самыми жестокими мерами и всех захваченных с оружием бунтовщиков расстрелять на месте без всякого суда. Об исполнении и о числе расстрелянных мне срочно донести. № 0809/ОП. Команд[ующий] Сибирской [армией] ген[ерал]-лейтенант Гайда. Наштарм Сибирской Генштаба ген[ерал]-майор Богословский»³. Речь шла о подавлении вооруженного восстания. Этот инцидент фигурировал в обвинении на процессе над колчаковскими министрами в 1920 г. Отмечалось, что число жертв подавления восстания превышало 450 человек⁴. Жертвами расстрелов стали не только сторонники большевиков. Например, на Базарной площади были расстреляны два редактора местной меньшевистской газеты⁵. Отметим, что в 1920 г. Богословский сдался в плен красным и был расстрелян.

Целый ряд карательных приказов связан с борьбой против сибирских партизан. В качестве организатора жестоких антипартизанских акций в Енисейской губернии прославился особоуполномоченный по охране государственного порядка в Енисейской и Иркутской губерниях генерал-лейтенант С.Н. Розанов. Им 27 марта 1919 г. был подписан широко известный приказ с инструкцией по борьбе с партизанами: «Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о личности таковых имеются, — расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать в пользу казны.

Примечание: Все отобранное должно быть проведено приказом по отряду.

¹ Там же. Л. 50.

² Ганин А. В. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа (1918–1919 гг.): история и деятельность // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2018. № 4. С. 27–54.

³ События в Тюмени (телеграмма пол[еовой] конторы) // Мысль (Иркутск). 1919. 15.03. № 21. С. 3.

⁴ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 37.

⁵ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017. С. 223.

3. Если при проходе через селения жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население накладывать денежные контрибуции за круговой порукой. Контрибуции взыскивать беспощадно.

Примечание: Всякая контрибуция должна быть проведена приказом, притом по отряду. Суммы впоследствии сдать в казну.

4. При занятии селений, по разбору дела, неуклонно накладывать контрибуции на всех тех лиц, которые способствовали разбойникам хотя бы косвенно, связав их круговой порукой.

5. Объявить населению, что за добровольное снабжение разбойников не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч[им] виновные селения будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны. Население обязано увозить свое имущество или уничтожить его во всех случаях, когда им могут воспользоваться разбойники. За уничтоженное таким образом имущество населению будет уплачиваться полная стоимость деньгами или возмещаться из реквизированного имущества разбойников.

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно.

7. Как общее руководство помнить: на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть как на врагов и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства¹.

Однако были и документы противоположного характера. Можно отметить телеграмму главнокомандующего Восточным фронтом белых генерала М.К. Дитерихса командующим армиями от 12 октября 1919 г.: «Особо требую не допускать намеренного в виде кары сжигания деревень как меры, приносящей при условии непричастности к восстанию хотя бы небольшой части населения деревни лишь вред общегосударственному делу»².

Командующий 3-й армией генерал К.В. Сахаров и начальник штаба генерал В.И. Оберюхтин в сентябре 1919 г. подписали приказ о расстреле партизан на месте без суда и заложников через каждого десятого, а также об уничтожении населенных пунктов в случаях массового сопротивления³. В 1938 г. в сталинском СССР Оберюхтина арестовали. Среди обвинений было и такое: «Вел активную карательную линию против войск Красной армии»⁴. В июне 1940 г. бывший колчаковский генерал получил восемь лет лагерей, считая с момента ареста. В 1946 г. он освобожден, а в 1949 г. был повторно арестован и до 1954 г. находился в ссылке в Сибири. По поводу своих приказов за Гражданскую войну Оберюхтин показал: «Я, как начштаба, сам отдавать приказы не имел права, и такие приказы без

¹ Цит. по: Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 543–544.

² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 132. Л. 74.

³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 142. Л. 220–220об. Подробнее см.: Ганин А. В. «Я имел одну вину — службу у белых...»: Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В. И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А. С. Кручинина / сост. А. В. Ганин. М., 2018. С. 219–352.

⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 1.

указания “командарм приказал” силы не имели. Я лишь приказы скреплял. Все эти приказы и сводки были учтены при разборе моего дела о службе у белых еще в 1920 году ВЧК. За эту вину я понес наказание еще 21 год тому назад¹. После нескольких отказов Оберюхтин в 1957 г. был реабилитирован.

30 сентября 1919 г. датирован приказ № 564 командующего войсками Омского военного округа генерал-майора А.Ф. Матковского о расстрелах на месте лиц, захваченных с оружием в руках в деревнях в районе восстания². Сам Матковский в 1920 г. попал в плен к красным и был расстрелян.

Та же участь постигла И.Ф. Ромерова – еще одного колчаковского генерала, руководившего карательными акциями. Летом 1919 г. в чине полковника как начальник Енисейской карательной флотилии он возглавлял борьбу с крестьянским восстанием в Енисейской губернии (повстанческая армия А.Д. Кравченко). По приказу Ромерова тогда были расстреляны десятки повстанцев (впрочем, с учетом размаха восстания такие меры не были чем-то экстраординарным)³. В 1920 г. эти действия послужили основанием для смертного приговора генералу, попавшему в плен к красным. Распространенная мемуарная версия о том, что красные сварили Ромерова в асфальте, оказалась мифом – на самом деле генерала расстреляли.

Неоднозначное свидетельство касается действий генерал-майора С.А. Щепихина в ноябре 1919 г. при отступлении белых⁴. Тогда Щепихин занимал пост начальника штаба 2-й армии. В городе Татарске, где при эвакуации белых творился хаос, и.о. начальника гарнизона подпоручиком И.А. Михеевым и начальником уездной милиции Н.И. Степановым 18–19 ноября были расстреляны шесть политических заключенных местной тюрьмы. Сделано это было якобы по устному приказу начальника штаба 2-й армии, т.е. Щепихина. Со слов Михеева, приказывалось расстрелять всех 16 заключенных, но он остальных пожалел и отпустил. В ходе расследования выяснилось, что исполнители расстрела Михеев и Степанов в те дни сильно пьянствовали, пребывая в маловменяемом состоянии. Свидетельства Михеева содержат внутреннее противоречие: в своем рапорте он не упоминал о каких-либо указаниях штаба армии о расстреле, а говорил лишь о приказе проводить эвакуацию. На допросе показал: «Я и решил ликвидировать арестованных и оставить город»⁵. Дежурный генерал штаба 2-й армии генерал-майор М.Н. Фукин, на которого также ссылался Михеев, показал, что никаких приказаний насчет арестованных не давал. Отдавался ли в действительности Щепихиным устный приказ о расстреле, неизвестно, и в дневнике он об этом не упоминает.

На Юге России из числа выпускников академии репрессивными мерами прославились генералы М.Г. Дроздовский и Я.А. Слащев. Расстрелы пленных были обычным явлением. После боя под Белой Глиной летом 1918 г., когда дроздовцы

¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 79586. Л. 3.

² Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 255.

³ Подробнее см.: Тепляков А. Г. «Расстрел врагов революции»: Особый отдел ВЧК 5-й армии против белых офицеров и контрразведчиков (1920 г.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права: К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Екатеринбург, 2016. Т. 3. С. 676–678.

⁴ Вебер М. И. «Шесть человек политических мною были расстреляны»: документы о расстреле заключенных в Татарске 19 ноября 1919 г. // Развитие территорий (Новосибирск). 2019. № 3 (17). С. 66, 67, 69, 70.

⁵ Там же. С. 68.

опознали обезображенное пытками тело полковника М. А. Жебрака-Русановича и других своих боевых товарищей, по приказу Дроздовского в отместку были расстреляны едва ли не 1000 пленных^I. В этой связи генерал А. И. Деникин вызвал Дроздовского к себе и потребовал прекратить расправы. Разумеется, такой приказ в сложившейся обстановке исполнялся лишь формально^{II}. Полковник А. В. Черныш вспоминал о другом случае расправы: «Он был ранен или, возможно, притворился таковым, прося себе пощады плачущим голосом, лежа на дне окопа. Один кавказец из конвоя полковника Дроздовского заставил его повернуться вверх спиной и тут же выстрелил ему в затылок. Все это видели, тут же был и Дроздовский, — и отнеслись к этому безразлично, как к явлению самому обыденному. И я, как начальник штаба, сделал вид, что ничего не заметил: общее чувство страшной злобы и мести за гибель близких, за развал России и надругательства над нею преобладало над разумом»^{III}. В тот же день с одобрения Дроздовского казнили пленную сестру милосердия^{IV}.

Слащев неудачно окончил академию и не стал полноценным генштабистом, предпочитая строевую службу. В Гражданскую войну он состоял преимущественно на командных, а не на штабных должностях, что давало больше возможностей для применения террора.

Участник и историограф махновского движения П. А. Аршинов отмечал, что «во время занятия Екатеринослава в октябре 1919 г. махновцы совсем не трогали находившихся в лазарете деникинских солдат и офицеров и солдат других армий, считая убийство находящихся в лазарете врагов актом, недопустимым для чести революционера. Пришедший в Екатеринослав месяц спустя деникинский генерал Слащев (теперешний советский генерал) истреблял всех махновцев, находившихся в лазаретах»^V.

Есть и более конкретные свидетельства. «Генерал Слащев прибыл в Джанкой на второй день после нашего приезда, и уже через 15–20 минут по его приезде на фонарном столбе у вокзала был повешен мелитопольский еврей Грудин. Повешен он был по приказу генерала, заставшего Грудина за упаковкой английского обмундирования, купленного у одного из чинов нашей армии.

Чин, продавший Грудину обмундирование, валялся на запасных путях с развороченной головой» — так описывал стремительные, жестокие, но как будто справедливые по условиям военного времени расправы Слащева один из сотрудников белой контрразведки^{VI}.

«Побольше только вешай!» — якобы напутствовал Слащев начальника контрразведки Л. А. Шарова^{VII}, а начальник конвоя генерала, М. В. Мезерницкий, цитировал приказ Слащева: «Возьму ответственность на себя, а грех — на душу, расстрелять каждого без суда, не исполнившего долг и приказ»^{VIII}.

^I Лобанов В. Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 — май 1919 г.). СПб., 2012. С. 85.

^{II} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 577.

^{III} Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 265.

^{IV} Там же. С. 266.

^V Аршинов П. А. История махновского движения (1918–1921 гг.). Запорожье, 1995. С. 192.

^{VI} Ленкевич А. Из записок контрразведчика // Воля России. 1929. № 5–6. С. 73.

^{VII} Там же.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 209. Л. 210.

Участник Белого движения на Юге России С.И. Мамонтов вспоминал, что Слащев «применял драконовы меры с расстрелами, и его очень боялись»^I. Начальник штаба ВСЮР генерал П.С. Махров считал Слащева, как и генерала А.П. Кутепова, «установителем правопорядка» при помощи военно-полевых судов»^{II}.

Генерал П.И. Аверьянов со слов знавших Слащева лиц отмечал: «Для тыла, тыловых офицеров, всякого рода шкурников и паникеров Слащев был грозой. Гроза эта обрушивалась одинаково и на генерала, и на офицера, и на солдата, и на рабочего, и на крестьянина. Ничто не могло спасти от этой грозы действительно виноватого или преступника... Поэтому перед поездом Слащева одинаково висели на столбах по несколько дней и офицеры, и солдаты, и рабочие, и крестьяне. И над каждым из них черная доска с прописанными на ней подробно фамилией, положением и преступлением казненного, а через всю доску шла подпись мелом самого Слащева с указанием – сколько дней надлежит труп казненного висеть на столбе (в зависимости от вины 1, 2 или 3 дня)»^{III}. Следует отметить, что нередко эти расправы были справедливы и наказывались реальные насильники и грабители.

Несомненно, Слащев был фанатиком, беспощадным к врагам. Комиссаров и коммунистов, попадавших в плен к Слащеву, расстреливали^{IV}. Так, в Николаеве Слащев подписал смертный приговор сразу на 61 человека из числа большевиков и сочувствующих. Их расстреляли 7 (20) ноября 1919 г. На приговоре Слащев написал: «Расстрелять 7 ноября за то, что пошли против великой неделимой России»^V. Однако то, что всем запомнился расстрел 61 человека, по-видимому, свидетельствует об исключительности этого случая^{VI}. Репрессиям подверглись не случайные люди, а активные участники большевистского подполья.

Слащев сыграл заметную роль в борьбе с большевистским подпольем и в Крыму. Широкую известность получило «дело десяти» (или, как писал Слащев, «дело четырнадцати») по количеству казненных. Речь шла о раскрытии белой контрразведкой 6 (19) марта 1920 г. большевистской подпольной организации Севастополя, готовившей восстание. Члены военно-полевого суда получили угрозы от оставшихся на свободе подпольщиков. По решению суда из десяти подпольщиков трое были приговорены к смертной казни, двое – к десяти годам каторги, а пятеро – оправданы. Комендант Севастополя, однако, не утвердил такое решение. Освобождение арестованных могло привести к раскрытию белой агентуры среди рабочих, поэтому и потребовалось вмешательство Слащева, который вывез всех арестованных из Севастополя в Джанкой^{VII}.

^I Мамонтов С. И. Походы и кони. Париж, 1981. С. 168.

^{II} Махров П. С. Ген. Врангель и Б. Савинков. Тетрадь 2. С. 111 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

^{III} Очерк о генерале Слащеве, составленный в 1929 г. генералом П. И. Аверьяновым по воспоминаниям полковника В. Ф. Фролова и капитана А.А. фон Дрейера / публ. Л. И. Петрушевой // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 3. С. 98.

^{IV} Там же. С. 101.

^V Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 11: Белый Крым. С. 454.

^{VI} Ленау М. Н. Николаев. 1919 год // Героическое подполье. С. 306–309.

^{VII} Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 77–78; Крестьянников В. В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник. 2004. Т. 1. С. 215–216; Брошеван В. М. «Белый» террор в Крыму 1918–1920 гг. Симферополь, б.г. С. 59–60; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 565.

Действия Слащева были восприняты гражданскими властями как экстраординарные, профсоюзные организации пытались организовать давление на генерала, а глава Южнорусского правительства Н.М. Мельников потребовал соблюдения законности. В ответ на требования рабочих организаций Слащев телеграфировал: «В ответ на ваше заявление о том, что вдали от Севастополя судить нельзя, отвечаю: вдали от фронта судить нельзя. Я уже сказал, что не допущу красных в Крым, но и не позволю тылу диктовать свою волю фронту... Судить будут у меня, и приговоры будут утверждены мною. Сейчас прошу мне не мешать, так как наступаю с войсками против красных, которым вы, видимо, помогаете». Дело рассмотрел военно-полевой суд корпуса Слащева и всех приговорил к смертной казни. Таким образом, подсудимые оказались дважды осуждены судами одного и того же уровня за одно и то же преступление, что было явным нарушением юридических норм¹.

12 (25) марта 1920 г. состоялся разговор Слащева по прямому проводу с представителями Южнорусского правительства, в ходе которого генерал заявил, что «никогда ничего против совместной работы с комитетами и их союзами не имел, но предатели России живыми не останутся.

Фронт будет диктовать тылу, а не тыл — фронту. Десять прохвостов расстреляны по приговору военно-полевого суда, и сегодня утром нами взяты Чаплинка и Преображенка, масса пленных и трофеи.

Я только что вернулся оттуда и считаю, что только потому в России у нас остался один Крым, что я расстреливаю подлецов»².

После этого в знак протеста рабочие провели трехдневную забастовку, а главноначальствующий Новороссийской области генерал Н.Н. Шиллинг объявил Крым на военном положении. Шиллинг также поддержал Слащева в споре с представителями правительства: «Я не юрист, но поступок генерала Слащева, ввиду исключительных обстоятельств и серьезности обстановки, нахожу правильным»³.

Этот случай свидетельствовал о решимости Слащева беспощадно подавлять большевистское подполье ради удержания Крыма. Свою позицию в этом вопросе генерал объяснил уже в СССР: «Мне кажется, что в вопросе о борьбе двух мнений быть не может. Если кто-нибудь за что-либо борется, то он должен либо бороться полностью, либо бросить борьбу: мягкотелость, соглашательство, ни рыба — ни мясо, ни белый — ни красный — это все продукты слабости, личных интересов и общественной слякоти»⁴. Отметим, что большевики в отношении своих врагов, даже потенциальных, действовали еще более решительно.

Некоторые описания жестокостей трудно объяснить прагматизмом, они скорее свидетельствуют о явном психическом нездоровье генерала. Вот, к примеру, свидетельство с белой стороны, оставленное военным чиновником С.А. Туником:

¹ Маслов П. В., Миллер М. Е., Никольский П. В. Крым: Хрестоматия по истории края. Севастополь, 1930. Ч. 1. С. 249.

² Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) М., 2013. Ч. 1. С. 106.

³ Маслов П. В., Миллер М. Е., Никольский П. В. Крым. Ч. 1. С. 250.

⁴ Цит. по: Цветков В. Ж. Белое дело в России. Ч. 1. С. 107.

⁵ Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. С. 47.

«Мне пришлось видеть, как шел “допрос” матроса, взятого в плен: он [Слащев] приказал подвесить его за руки и за ноги к двум столбикам — как в гамаке — и развести под ним костер. Сам Слащев сидел перед ним на скамейке со стаканом в руке. Допрос закончился тем, что “краса и гордость революции” был изжарен»^I. пытки применял, разумеется, не только сам Слащев, но и служившие при нем контрразведчики. Один из офицеров был даже разжалован за истязания арестованных^{II}.

Наиболее скандальный случай связан с казнью в Джанкое в марте 1920 г. командира Крымско-Татарского полка войскового старшины Л.И. Протопопова (сам себя он именовал полковником). При формировании полка были допущены злоупотребления, предоставлялись ложные отчетные сведения, позднее Протопопов, чтобы себя реабилитировать, сделал ложные доносы, обвинив в причастности к заговору невиновных. После непродолжительного разбирательства Протопопов был казнен как пособник большевиков и сторонник капитана Н.И. Орлова.

Как вспоминал генерал П.Н. Врангель, «злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известно из доклада главного военного прокурора об аресте по обвинению в вымогательстве и убийстве ряда лиц с целью грабежа начальника контрразведки генерала Слащева военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащев всячески выгораживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие между прочим обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащевым был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника Протопопова, как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причем вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чиновник Шаров. Бескорыстность генерала Слащева была несомненна, и к преступлениям чиновника Шарова он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки»^{III}.

Слащев не отрицал случившегося: «Полк[овник] Протопопов расстрелян за то, что содействовал поднятию восстания против Д[обровольческой] а[рмии] — за неисполнение боевого приказа и за присоединение к Орлову. Ручаться за то, что был в[оенно-]п[олево]й суд не могу (сколько знаю, был, но узнаю). Во всяком случае, расстрелял бы и убил бы лично, потому что время этого требовало — иначе Крым был бы потерян. О действиях Шарова не знаю, я, судя по описаниям, считаю Шарова прохвостом», — заявил генерал в пояснениях по делу 29 июня (12 июля) 1920 г.^{IV}

Расследование вскрыло характер карательной практики в корпусе Слащева, выявив целый ряд других преступлений. Например, белое следствие установило, что по распоряжению Слащева был расстрелян даже 13-летний подросток: «Показаниями целого ряда свидетелей, в большинстве должностных лиц, определено устанавливаются широко практиковавшиеся при штабе упомянутого корпуса

^I Туник С. А. Белогвардеец: Воспоминания о моем прошлом. М., 2010. С. 218.

^{II} Ленкевич А. Из записок контрразведчика. С. 76.

^{III} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 266–267.

^{IV} Office file. Special military investigator at G. H. Q. Дело генерал-лейтенанта Я. А. Слащева-Крымского. Л. 30б. // HIA. Russia (1918–1920). V.S.IU.R. Sudhoe otделение collection. Box 6. File 12.

расстрелы частных лиц и военнослужащих без суда, обычно по резолюциям ген. Слащева; по показаниям этих свидетелей, значительная часть таких расстрелов относится к самому последнему времени — к апрелю и маю месяцам с.г., причем свидетели перечисляют по фамилиям свыше 25 человек и среди них одного тринадцатилетнего мальчика, предварительно еще избитого, и отмечают обычную дележку между присутствующими при расстрелах офицерами ценных вещей, снятых с расстрелянных.

По принятому в штабе корпуса порядку все законченные донесения о коммунистах и др[угих] большев[истских] партийных работниках не получали законного направления, а представлялись Шаровым начальнику штаба корпуса, причем в рапортах своих Шаров высказывал мнение, подлежит то или другое лицо смертной казни или полемому суду; по докладе этих донесений с рапортами Шарова начальником штаба ген. Слащеву последний писал резолюции: “повесить” или же “расстрелять”, после чего эти резолюции и приводились в исполнение Шаровым при участии солдат и чинов подчиненной ему конвойной команды.

При этом один из свидетелей удостоверяет, что по таким делам Шаров делал личный доклад командиру корпуса и в некоторых случаях ген. Слащев накладывал резолюцию “в расход”, что и приводилось в исполнение Шаровым¹.

Рассказывали о различных ужасах слащевских расстрелов. Например, о том, что нередко расстреливали даже без суда. Кандидат на военно-судебные должности военно-прокурорского надзора III армейского корпуса поручик В.А. Деллен 17 (30) июня 1920 г. показал: «Лично я по приказанию начальника отделения чиновника Шарова присутствовал при приведении в исполнение “расхода” в 20[-х] числах апреля 1920 года коммуниста Китаева. Я был назначен вот по какому случаю. Когда вели “на расход” арестованных Лукиянова и Пономаренко, что было как раз перед “расходом” Китаева, то арестованные бежали, а конвоиры показали, что они были обстреляны внезапно кем-то. Чтобы и на этот раз не случилось побега, Шаров нарядил и меня, и подпоручика Франческо, который и приводил приговор в исполнение, причем самый расстрел Китаева выполнил подпрапорщик Гапонов. “Расход” без военно-полевого суда был выполнен над: братьями Кирсановыми в начале апреля; мещанином Лебедевым, кажется, 3 апреля; мещанином Львом Коган[ом] в начале апреля; рядовым Дубовым в начале апреля, ст[аршим] унт[ер-]юф[ицером] Паницким в начале апреля; крестьянами Михаилом и Ольгою Володиными в десятых числах апреля; рядовым Уваровым тогда же; в 15[-х] числах апреля над Шматько; над рядовым Гоцем в 20[-х] числах апреля; мещанином рядовым Осиповым в начале мая; тогда же [над] крестьянином Борченко и младш[им] унт[ер-]юф[ицером] Филатовым, ст[аршим] унт[ер-]юф[иц[ером]] Кунец; над братьями рядовыми Краднюковыми в начале мая; [над] рядовым Зильбербергом, Волобуевым, Попандопуло и Марковым одновременно, приблизительно 5 мая; [над] стражником железнодорожной стражи Олиско в последних числах апреля. Это все те случаи, о которых я знаю; знаю также и что при мне в “расход” был выведен Зентиг, о котором у нас дела

¹ Там же. Л. 3об.—4.

не было, а велось в штабе 2[-го] арм[ейского] корпуса, откуда затем было передано чиновнику Шарову, который лично сам сделал доклад командиру корпуса.

Знаю также о “расходе” капитана Дубинина — был повешен на ст[анции] Джанкой как “орловец” — это было чисто штабное дело — я хочу сказать, что о Дубинине дела в судной части отделения не было, “расход” же выполнил чиновник Шаров... Мне приходилось слышать, как говорили в отделении Зарецкий и тот же Котенко, что в январе месяце “расходы” приводил в исполнение конвой генерала Слащева, причем мне называли несколько фамилий, которые я плохо теперь припоминаю; говорили тогда о какой-то женщине-враче... над арестованными и допрашиваемыми выполнялось битье шомполами — “шомполизация” — стражниками под руководством одного из подпрапорщиков: Гапонова или Волошина — стражники до этого дела были большие охотники; случаи эти сравнительно были очень редки и во время самого допроса никаких избиений не происходило, и это заявляю категорически... “Расход” выполнялся подпоручиками Бублик[ом] и Казий, которые были начальниками команд, чиновник Зарецкий вызывался самолично, подпоручик Франческо — по назначению чиновником Шаровым. Я не раз докладывал Шарову, что дела решаться должны только судом, а не единоличным усмотрением, даже командира корпуса, и это несколько помогло: уже полтора месяца как “расхода” нет. Помню, что при этом докладе Шаров мне возражал: “Если генерал Слащев прикажет, то попробуйте не исполнить” — смысл таков: не исполните, по голове не погладит¹.

Другой свидетель показал, «как смертники ставились возле ямы, пристреливались и засыпались землей — мертвые ли, живые ли — безразлично. Сообщали о случаях, когда пристреленные выползали из могил²». Рассказывали, что Шаров расстрелял целую семью помещика³. По рукам ходили копии документов вроде записки Слащева на клочке бумаги: «Командиру роты военнопленных. Приказываю выдать пять евреев по указанию контрразведывательного отделения штакаора подателю сего. Записку возвратить на руки начальнику отделения. Слащев. 27.5.20⁴». Неудивительно, что в народе получил хождение ядовитый стишок: «От расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым». Слащев же был уверен в собственной правоте.

Причастность генштабистов к террору могла быть различной. В некоторых случаях речь шла о выдаче белым советских активистов. Ранее уже упоминалось о том, что так поступил генерал К.К. Литовцев (Шильдбах) в Одессе. Похожий случай был и у красных. Генерал-майор В.Н. фон Дрейер в мае — июне 1918 г. склонял офицеров в Москве в прогерманскую подпольную организацию. Некоторые вступать в такую организацию отказались. Фон Дрейер же передал списки отказников большевикам, следствием чего стали их аресты и расстрелы. За это в мае

¹ Там же. Л. 93об. — 94об.

² Раковский Г. Н. Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С. 80.

³ Special military investigator at G. H. Q. Дело генерал-лейтенанта Я. А. Слащева-Крымского. Л. 113 // НИА. Russia (1918–1920). V.S.IU.R. Sudnoe otделение collection. Box 6. File 12. Office file.

⁴ Раковский Г. Н. Конец белых. С. 80.

1919 г. генерал у белых был предан суду, но оправдан^I. Тем не менее на службу во ВСЮР фон Дрейера не приняли.

Участник Белого движения на Севере России полковник Л.В. Костанди, оказавшись под арестом в Советской России, свидетельствовал: «В отношении того, подписывал ли я смертные приговоры. Да, подписывал 2 приговора, один по чисто уголовному делу 2-х Цветкова и Талалаева гр[ажд]анских лиц, обвиняемых в грабежах, и 5 человек солдат во главе с подпрапорщиком Новиковым за пьянства и неисполнения в нетрезвом виде приказа командира полка, который вслед за этим был мной также отрешен от должности»^{II}. Костанди обвиняли в организации расстрела 14 участников антибольшевистского восстания^{III}, вину офицер не признал^{IV}, но в итоге сам был расстрелян.

В силу высокой степени политизации темы террора в литературе тиражируются не всегда достоверные сведения о причастности тех или иных офицеров к репрессиям, поэтому к подобного рода материалам следует относиться осторожно. Например, такие обвинения без каких-либо доказательств были выдвинуты в адрес подполковника Ф.Е. Махина, якобы ответственного за массовые расстрелы большевиков под Хвалынском летом 1918 г.^V Обращение к источнику сведений об этом показывает, что об ответственности Махина речи не идет^{VI}. В исходных материалах о белом терроре в Хвалынске, представляющих подготовленный в 1960–1970-е гг. обзор советских воспоминаний, упоминаются прямо противоположные данные о Махине как об офицере, освобождавшем арестованных^{VII}. Более того, вся жизнь и деятельность Махина свидетельствуют о том, что это был офицер демократических убеждений, а никак не палач. Разумеется, все это не исключало возможности самосудов в подконтрольном Махину районе.

Некоторые белые генштабисты пытались бороться против террора и самосудов. Например, начальник штаба Северного фронта Донской армии полковник В.А. Замбрицкий в связи с расправами донских казаков из сожженных красными станиц над пленными в сентябре 1918 г. просил командование урегулировать этот вопрос, чтобы не создавать белым врагов, тем более что среди пленных могли быть мобилизованные. В своем дневнике офицер записал: «Ожесточение обеих сторон ужасное. Пленных не берут – их уничтожают. Недавно взяты были 2 батальона пленных, числом 1000 человек. Я запросил [А.И.] Саватеева, где они и что с ними сделано? Сегодня он ответил, что они по пути были растерзаны казаками сожженных станиц!.. А между тем среди них много взятых насильно, которые, быть может, потому и сдались, что не хотели идти против своих братьев... Я донес об этом и просил выработать соответствующие меры, ибо полагаю, что таким истреблением мы сами себе создаем врагов

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 131. Л. 57, 91.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 30б.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 203.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 7.

^V Ратьковский И. С. Белый террор: Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб., 2021. С. 105.

^{VI} Васильченко М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: дис. ... к. и. н. Саратов, 2014. С. 179.

^{VII} Пиченко Ф. Р. Очерки истории Гражданской войны в уезде. Л. 105об.–106 // Научный архив Хвалынского краеведческого музея. № 22. Выражаю благодарность к. и. н. А. А. Симонову за представленные сведения.

и усиливаем “противника”, — он не будет сдаваться, а будет драться до крайних пределов»^I.

Впрочем, в иной ситуации Замбржицкий одобрял жестокие меры: «Саватеев приказал по взятии слободу Мачику сжечь, чтобы стереть с лица земли ее за вероломное нападение жителей. Это жестоко, но в данном случае выхода нет, — или мы, или они, а вместе с большевиками мы жить не можем!»^{II}

Полковник А.П. Перхуров в период Ярославского восстания в июле 1918 г. категорически требовал не допускать «самовольных стеснений и ограничений в отношении жителей, поставленных и без того в крайне тяжелое положение»^{III}. Были предприняты решительные меры для предотвращения самосудов. В объявлении от 12 июля Перхуров писал: «Приказываю твердо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности»^{IV}.

Жестокости претили и генералу И.Г. Эрдели, служившему в Добровольческой армии. В марте 1918 г., в период 1-го Кубанского похода, он записал в дневнике: «Какое-то людское самоистребление, ужасно! Поймают большевика — убьют, поймают нашего — тоже убьют; причем наши еще отпускают в сомнительных случаях, а большевики приканчивают всех, почти без разбора»^V. Другая запись через месяц в том же духе: «Я просто видеть не могу этих расстрелов, виселиц и вообще этих бесчеловечностей... Вся душа изболелась у меня от этих страданий человеческих за 3 года войны и 1 год гражданской междоусобицы, тошнит меня. Несу крест свой по обязанности, командование бригадой своей сдал бы сию минуту»^{VI}. Сам Эрдели, насколько мог, старался проявлять милосердие к пленным: «Я многих избавляю от расстрела и отпускаю с миром, хоть и бывших против нас, и думаю, что от этого будет нам же лучше, а не хуже. Исключение приходится делать, конечно, когда попадается кто-либо уж очень злостный или важный по положению, и тогда у меня и жалости нет, ну а большинство — это обманутые бараны, которым простое снисхождение — наилучшее лекарство на будущее от искушений большевизма»^{VII}.

Командовавший войсками белых на Севере России генерал Е.К. Миллер тоже был противником жестокостей. По свидетельству очевидца, «и Миллер, да и все правительство... было помешано на правовых началах — в противоположность большевистскому произволу мы должны были насаждать правовой строй...»^{VIII}

Генштабисты национальных армий также имели отношение к репрессивным актам, хотя данные об этом отрывочны. Известно, в частности, что Наказной атаман войск УНР генерал А.В. Осецкий летом 1919 г. подписал приказ о расстреле полковника П.Ф. Болбочана^{IX}.

^I ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 10об.

^{II} Там же. Л. 11об.

^{III} Цит. по: Ермолин Е. А. Идеология Ярославского восстания // Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 41.

^{IV} Цит. по: Там же.

^V ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 2; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 150.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 32. С отличиями по другому оригиналу опубл. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 151.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 47. С отличиями по другому оригиналу опубл. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 151–152.

^{VIII} Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги... С. 142.

^{IX} Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ, 2004. С. 240–241; Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921).

В РККА генштабисты выполняли в основном свои профессиональные обязанности, а карательные акции не входили в их компетенцию. В связи с этим роль генштабистов в проведении красного террора, по-видимому, была ниже. Впрочем, известны примеры проведения карательных мероприятий такими специалистами. Например, курсовик А.И. Геккер был одним из руководителей подавления Ярославского восстания 6–21 июля 1918 г., возглавил Северный ярославский фронт, а затем стал главнокомандующим всеми красными войсками в районе Ярославля. 21 июля он телеграфировал в Москву и другие центры: «Ярославская авантюра ликвидируется железной рукой советской власти, белые сдаются». Что конкретно стояло за этими словами Геккера, сказать сложно. Насколько можно судить, Геккер относился к тем бывшим офицерам, которые стремились сделать карьеру, пользуясь революционными потрясениями.

Известно и о расстрельном приказе за подписью другого видного участника Гражданской войны на Европейском Севере бывшего генерала А.А. Самойло^I. Комиссары, инициировавшие подписание такого документа, с удовлетворением отмечали, что таким образом военспец окончательно связал себя с красными, так как дороги к противнику после этого ему не было.

Кроме того, часть военспецов на командных постах понимали важность карательных органов для налаживания твердой дисциплины. Так, командующий 8-й армией бывший подполковник В.В. Любимов летом 1919 г. у командира вновь присланной дивизии интересовался в первую очередь тем, сформированы ли в его дивизии заградотряды и ревтрибунал^{II}. Эти меры считались необходимым условием успешной боевой работы соединения.

Выпускники академии как высокопоставленные военные специалисты противоборствующих лагерей оказались причастны к проведению карательной политики как у красных, так и у их противников. Наиболее значительные акты террора связаны со службой «академиков» на командных постах, хотя и на штабных должностях они тоже подписывали репрессивные приказы и могли отдавать соответствующие распоряжения. Если в красном лагере генштабисты играли роль технических специалистов и в основном не имели репрессивных полномочий, то в белом лагере их никто в этом отношении не ограничивал. В этой связи можно допустить, что генштабисты антибольшевистских армий оказались вовлечены в проведение политики террора в большей степени, чем их товарищи по академии, служившие в РККА. Все это, однако, никак не свидетельствует о масштабах террора противоборствующих сторон, ключевые проводники которого вовсе не являлись лицами с высшим военным образованием. Можно добавить, что белый террор носил бессистемный и ситуативный характер, а также во многом зависел от конкретных военных руководителей.

Київ, 2011. Кн. 2. С. 134.

^I Ярославское восстание. 1918. С. 140.

^{II} ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 349. Л. 45.

^{III} РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 39. Подробнее о заградотрядах см.: Дайнес В. О. Штрафбаты и заградотряды Красной армии. М., 2010.

Эпоха Гражданской войны была жестокой и беспощадной. Каждая из сторон занималась выявлением и истреблением своих врагов. Спецслужбы противников тогда еще только возникли, поэтому в их работе было много непрофессионализма и ошибок. На низкую эффективность работы влияли трудности с оперативной передачей данных. В этом отношении у контролировавших развитый центр страны красных было заметное преимущество.

В Советской России работала белая разведка, а в белом лагере действовали агенты красных. Генштабисты как организаторы разведывательных и контрразведывательных структур активно участвовали в противоборстве спецслужб. Сильные и слабые позиции в сфере разведки и контрразведки были у каждой из сторон. По причине замкнутости корпорации Генштаба красные не смогли внедрить своих агентов на руководящие позиции в белых штабах, тогда как высокопоставленные агенты-одиночки в РККА в 1918–1919 гг. оставались сильной стороной белого подполья. Серьезной проблемой являлся консервативный менталитет белых разведчиков, которые сильнее всего недооценивали противника. Отсутствие политической гибкости препятствовало работе белых военных агентов за рубежом. Красные были сильны партийным подпольем в белом тылу. Большевики-подпольщики убежденно боролись за свои идеалы и обладали высокой готовностью к самопожертвованию. Проблемой красных было то, что генштабистам в сфере разведки и контрразведки они не доверяли, а более лояльные кадры обладали низким образовательным уровнем.

Оказавшихся в Советской России и в РККА выпускников академии как буржуазных военных специалистов чекисты априори подозревали в нелояльности. В какой-то степени эти подозрения имели под собой почву, поскольку множество генштабистов дезертировало, а некоторые были причастны к различным антибольшевистским подпольным организациям. В силу этого против генштабистов были направлены репрессии ЧК, что выразилось в сравнительно большом количестве расстрелянных и арестованных.

При этом в антибольшевистском подполье состояло абсолютное меньшинство военспецов-генштабистов, тогда как сотни выпускников академии добросовестно служили новому режиму, что стало одним из слагаемых победы красных в Гражданской войне. Белое командование скептически относилось к разрушительным возможностям своих сторонников в РККА и практически их не поддерживало. В итоге больших результатов работа белых подпольщиков у красных, несмотря на отдельные успехи, не дала.

Создание Особого отдела ВЧК привело к отстранению от контрразведывательной работы военных, включая военспецов-генштабистов, и сосредоточению этой сферы в руках чекистов. В то же время в военной разведке «бывшие» продолжали работать и продемонстрировали свою эффективность. Образовательный уровень сотрудников Особого отдела ВЧК эпохи Гражданской войны был невысоким, поэтому оценка результативности работы этого органа неоднозначна. Особисты успешно выполняли поручения большевистского руководства, что проявилось в деле ПШ РВСР летом 1919 г., когда их использовали для смены военного руководства РККА. Наиболее известным делом Особого отдела ВЧК стало раскрытие московского белого подполья — «Национального центра» и его военной

организации. Однако до сих пор остается неясным, почему организация, известная еще в конце 1918 – начале 1919 г., была ликвидирована лишь через полгода и больше, некоторые ее участники и даже руководители арестовывались и освобождались по несколько раз, а в итоге вышли на свободу или смогли бежать к белым. Аресты генштабистов Особым отделом ВЧК в 1920 г. не демонстрируют рост профессионализма или эффективности особистов. По-прежнему под маховик репрессий попадали случайные и невинные лица, которых подолгу держали в тюрьмах даже без допросов.

Положение генштабистов в белом лагере оставалось практически таким же, как и в дореволюционной России: кадры Генштаба по сути и представляли собой руководство белого лагеря. В силу такой особенности социального состава противоборствующих сторон, политику террора против генштабистов проводили только красные. В национальных армиях присутствовало негативное отношение к русским генштабистам, предпринимались попытки их вытеснения с руководящих постов и замены национальными кадрами, но о терроре также речи не шло. Этот принципиальный фактор сыграл колоссальную роль в выборе военной элиты, представители которой массово дезертировали из РККА, в том числе по причине массовых репрессий, на протяжении всей активной фазы Гражданской войны. При этом белые генштабисты несут ответственность за организацию политических репрессий на подконтрольных им территориях (в отличие от красного лагеря, где военспецы-генштабисты занимали подчиненное положение).

В Советской России в годы Гражданской войны репрессиям подверглась примерно пятая часть выпускников академии. Для военной элиты страны такой размах террора стал беспрецедентным явлением. Помимо нелояльности военспецов подобная политика была обусловлена обстановкой классовой ненависти, правовым нигилизмом в Советской России, низким уровнем квалификации чекистских кадров.

Военспецы нередко жили прежними представлениями о границах дозволенного и вели себя легкомысленно и неосмотрительно – могли неосторожно участвовать в крамольных и праздных разговорах о силовом захвате власти или о контактах с белыми. В их кругу подчас не вызывало удивления обсуждение связей с белым подпольем, а выдача властям лиц, связанных с антибольшевистскими организациями, считалась недостойным поступком. В условиях бескомпромиссного внутривнутриполитического конфликта такие разговоры и сокрытие контактов с подпольщиками трактовались комиссарами и чекистами как заговор и измена, а участники этих бесед попадали под каток репрессий.

От репрессий, часто необоснованных, не был застрахован никто: ни младший работник штаба дивизии, ни главнокомандующий. Аресты не только вырывали военспецов из рабочей обстановки, но наносили серьезный удар по их здоровью. В тюремном заключении у бывших офицеров возникали тяжелые заболевания. Освобожденные из-под ареста нередко нуждались в лечении, отдыхе и хорошем питании для восстановления сил.

Председатель РВСР Л. Д. Троцкий, предлагавший жесткие карательные меры в отношении изменников, нередко выступал в поддержку и защиту арестованных, если не было оснований их в чем-либо подозревать. Это справедливое заступничество имело и прагматический оттенок, поскольку аресты дефицитных

специалистов в напряженной боевой обстановке мешали укреплению Красной армии. Однако высшее партийное руководство в некоторых случаях использовало Особый отдел ВЧК для решения своих политических задач. В частности, с этим были связаны аресты группы военспецов в ПШ РВСР летом 1919 г., приведшие к смене ключевых фигур во главе Красной армии, включая и главнокомандующего. Хотя поведение арестованных могло вызывать некоторые подозрения, аресты и кадровые перестановки опосредованно ударили по политическим позициям Троцкого.

По мере завершения Гражданской войны репрессии в отношении генштабистов стали сходить на нет. Резкий спад расстрелов и арестов наблюдался уже в 1921 г. В итоге вплоть до конца 1920-х гг. генштабисты существовали в СССР сравнительно спокойно, после чего последовали новые волны репрессий, охватившие все советское общество.

Глава IX.

Особенности службы и реалии повседневности генштабистов в годы Гражданской войны

§ 1. Режим работы

Будущий Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников писал: «Мы начали бы ломиться в “открытую дверь”, если бы приступили к доказательствам необходимости у начальника штаба большой работоспособности. Современное военное дело настолько усложнилось, настолько быстро шагает вперед, что необходимость идти нога в ногу с ним вынуждает к усиленной работе. Сутки современного начальника Генерального штаба не имеют излишествующих часов, а, наоборот, в них чувствуется недостаток, ибо нагрузка велика. Слов нет, что от такой нагрузки не далеко и до перегрузки, а затем переутомления и неврастения, а поэтому для начальника штаба очень важно нормализовать свою работу, может быть, прибегнув и к системе НОТ¹, необходимо поддерживать свое тело и дух, не доводя их до истощения. Мы не хотим давать рецептов нормальных дней начальника Генерального штаба, ибо у таких “высоких” людей должен быть свой “жанр” не только вести войну, но и работать»². По словам Шапошникова, «академия приучила нас к напряженной работе и к выполнению ее в указанный срок»³. В условиях Гражданской войны подобные навыки оказались особенно востребованными.

В июне 1918 г. нарком по военным делам Л.Д. Троцкий регламентировал режим работы учреждений военного ведомства: в будние дни – с 10 до 17 часов, в воскресные – с 12 до 15 часов⁴. Разумеется, в обстановке войны такой распорядок соблюдать было невозможно, а многие штабы работали фактически круглосуточно.

В годы Гражданской войны труд специалистов Генерального штаба был чрезвычайно напряженным и практически ненормированным. Колоссальные переработки и ночные дежурства стали нормой. Это происходило из факта катастрофической нехватки кадров Генштаба в армии, в результате чего многие специалисты вынужденно совмещали по несколько должностей, что резко увеличивало нагрузку.

¹ Научная организация труда.

² Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Кн. 1. С. 118.

³ Шапошников Б. М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982. С. 163.

⁴ Наумов Е. О. Организация работы в штабных учреждениях армий Восточного фронта во второй половине 1918 г. // История повседневности (СПб.). 2018. № 3. С. 28.

Фактически именно бывшие офицеры-генштабисты вынесли на своих плечах всю техническую работу по созданию Красной армии.

Сохранилось множество свидетельств о режиме работы генштабистов и его влиянии на их психологическое состояние и здоровье. Условия службы военспецов в Красной армии были крайне тяжелыми, тем более что бывшие офицеры нередко воспринимались новой властью как заведомые враги, которых нет смысла жалеть, а необходимо использовать по максимуму. Фактически к военспецам относились как к безграничному ресурсу со всеми вытекающими последствиями.

Советский главком И.И. Вацетис вспоминал: «Я могу констатировать, что бывшие офицеры Генерального штаба несут свои тяжелые обязанности с большим самоотвержением, отдаются делу целиком и контрреволюционности в их среде не замечается... среди лиц Генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издерганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон. Тем успехом, который нам удалось достичь при создании Красной армии и привождении ее на ратное поле, мы обязаны почти исключительно тому, что мне удалось в сентябре 1918 года поставить в ряды действующей армии на ответственные штабные должности, а равно и на крупные командные посты, лиц с академическим образованием и бывших офицеров Генерального штаба с большим научным и командным опытом старой армии. Без них, само собой разумеется, у нас не было бы никакой Красной армии и не было бы тех успехов, которых мы достигли. Это необходимо признать, и это колоссальнейшая заслуга бывших офицеров Генерального штаба...»^I Ниже он писал: «В критический момент, когда будут колебаться шансы победы, я очень опасаясь, чтобы в эту минуту среди издерганных, изнервничавшихся, доведенных до состояния неуравновешенности лиц Генерального штаба не начались массовые самоубийства на почве отчаяния»^{II}.

Сам Вацетис работал много. Как отмечал его племянник Э.И. Вацетис, «дядя работал много: ложился спать [в] два-три часа ночи, а вставал [в] восемь-семь час[ов] утра»^{IV}. Начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев свидетельствовал, что «время работ было лишь условно нормировано (9 часов), на самом деле эта работа для ответственных работников протекала иногда круглые сутки»^V.

Начальник Штаба РККА П.П. Лебедев, по воспоминаниям дочери, отправлялся на службу к 9 часам утра, приезжал домой обедать в 18 часов, отдыхал и вновь ехал на службу к 21 часу, возвращаясь домой в 3–5 утра. Так повторялось ежедневно без выходных. Таким образом, работать приходилось по 15–17 часов в сутки. Поддерживал силы Лебедев каждодневным употреблением 50 граммов водки^{VI}.

Бывший полковник Б.М. Шапошников, занимавший должность начальника Оперативного управления ПШ РВСР, по воспоминаниям сослуживца, бывшего капитана

^I Так в документе.

^{II} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.

^{III} Там же. Л. 237–238.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 102об.

^V Там же. Т. 2. Л. 10.

^{VI} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 41.

А.В. Панова, «в продолжение рабочего дня (этот день насчитывал не меньше 17–18 часов)... с неизменно оживленным видом выносил на себе всю сложность оперативной работы, вначале — налаживая ее стройность и полезность, а в дальнейшем — повышая ее производительность... Тяжелые были тогда бытовые условия в Москве. Обыкновенно, закончив свой трудовой день в 4 часа утра, Борис Михайлович возвращался в свою холодную комнату и сам колол дрова и топил печку (а иногда и дров не было). А через 4–5 часов, после “завтрака” из кусочка хлеба с напитком, он уже снова в служебном кабинете. И никто никогда не слышал от него даже намек на какие-либо неудобства и недостатки личной жизни. Наоборот, его всегда видели только веселым, оживленно отзывчивым на каждое явление окружающей обстановки. Рядом с ним забывали о себе и его ближайшие сотрудники, к которым он в то же время относился всегда заботливо и стремился помогать в их нуждах»^I. В приказе о награждении Шапошникова орденом Красного Знамени в октябре 1921 г. отмечалось, что он «с присущей ему инициативой и твердым проведением разработанных им лично боевых операций, вынес на себе всю тяжесть последних, работал с полным самоотвержением и днем и ночью»^{II}.

Тот же Панов свидетельствовал, что ночные доклады в ПШ РВСР нередко затягивались до 3–5 часов утра, «это объяснялось тем, что к ночи накапливался более существенный материал для доклада, а также и тем, что к концу доклада и обсуждения событий обычно приходил заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский. До его прибытия Главком не решался распускать докладчиков, и потому всем приходилось ожидать Э.М. Склянского»^{III}.

Известно, что во второй половине 1919 г. сотрудники ПШ РВСР работали в Оперативном управлении с 10 до 16 часов, а затем с 21 до 23 часов, в Административном управлении — с 10 до 17 часов. Однако на практике заявленный график не соблюдался, практиковались ночные вызовы сотрудников или вызовы в обеденный перерыв^{IV}. Неявка на службу в ВГШ требовала строгих объяснений по факту каждого пропуска^V.

Бывший генерал В.Н. Егорьев жаловался супруге в начале марта 1918 г.: «Я назначен н[ачальни]ком штаба Западного фронта. Приходится организовать все с нуля и создавать армию. Дела по горло»^{VI}. В других письмах Егорьев отмечал: «Голова идет кругом, с 6 часов утра до 1 часу ночи и позже на ногах. Ничего ясного, определенного. А все-таки надо работать»^{VII}; «От обилия дела можно с ума сойти! Кручусь как белка в колесе»^{VIII}; «Никогда еще не приходилось работать в такой тяжелой обстановке, как здесь»^{IX}.

И.д. начальника Организационного управления ВГШ бывший генерал-майор А.М. Мочульский, как показали материалы инспектирования управления в марте

^I РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 41–42.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 7. Л. 68.

^{III} Панов А. В. В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 216.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 156.

^{VI} ОР РГБ. Ф. 381. Карт. 7. Д. 7. Л. 23.

^{VII} Там же. Л. 32.

^{VIII} Там же. Л. 34.

^{IX} Там же. Л. 62об.

1919 г., был перегружен работой и трудился с раннего утра до поздней ночи^I. В.К. Токаревский отмечал, что с января 1919 г. работал в Оперативном управлении ПШ РВСР по 8–12 часов в день^{II}.

Конечно, кто-то мог и преувеличивать свою загруженность, поскольку на износ работали далеко не все. Начальник отделения Организационного управления ВГШ И.В. Высоцкий дал показания о своей деятельности в конце сентября 1919 г., позволяющие судить о том, как строился его рабочий день: «24[-го] с[его] м[есяца] после двух часов дня находился в комиссии по распределению бумаги, потом обедал дома, а затем отправился в театр (Большой), смотрел балет. 25^{то} с[его] м[есяца] был в Академии Генерального штаба на зачете по тактике конницы. Из академии отправился на службу, со службы пошел обедать в столовую Организационного управления, оттуда отправился в Академию Генерального штаба на конференцию, где я был приблизительно до 9 ¼–½ часов вечера, оттуда отправился домой»^{III}.

Бывший капитан Г.И. Теодори писал о себе и о своих товарищах по выпуску: «Все мы издерганы непрерывной работой, переформированиями и гонкой от лица к лицу... неужели достаточно желанья т. [К.А.] Механошина, чтобы нас бросали из угла в угол...»^{IV} Речь шла не только о тяжелой работе генштабистов, но и о единоличных решениях партийных функционеров, из-за которых военспецов произвольно перемещали с должности на должность. Теодори позднее писал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «Я пишу эту краткую выдержку (вынужденный в целях самообороны) из моей личной колоссальной работы лишь для того, чтобы дать Вам маленькую картину моей трудовой жизни и того, как мне за нее отплачено. Число часов моей суточной работы были 17–19: я приходил в 9 час[ов] утра, уходил в 2–3 часа ночи, усталый всегда, либо подвозимый тов. [С.И.] Араловым, либо вместе с тов. [В.П.] Павулан[ом]»^V. Курсовик Г.Я. Кутырев сообщал в 1919 г.: «Мотивы, заставляющие уйти с такого высокого поста, – такое страшное переутомление, мне приходится по ночам спать под наркозом»^{VI}.

Бывший есаул С.К. Сидоровнин 20 ноября 1918 г. писал о своей работе в Высшей военной инспекции: «Здоровье больше не выдерживает беспрестанных командировок, тем более что все командировки, за исключением Курска, были одиночным порядком, почти всегда в конских вагонах»^{VII}. С марта по июнь 1918 г. у военспеца было пять командировок. В одной из них пришлось три недели жить в совершенно пустой комнате без стола и стула^{VIII}. В результате других командировок Сидоровнин серьезно заболел.

Работа на местах была ничуть не легче, чем в центре. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарев писал супруге 18 июня 1918 г. из Царицына: «Здесь по-прежнему масса работы, и я закипаю, как в котле. Постепенно забираем в рамки организации разболтанные части механизма; что нам

^I РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1336. Л. 9.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 188об.

^{III} Там же. Т. 1. Л. 119–119об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 78.

^V РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 208.

^{VIII} Там же. Л. 207об.

это стоит, можно видеть на крикливом и нервном лице [А.Л.] Носовича... Но хорошо, что занятия в 4 кончают, а остальное время мое... Не всегда, но все-таки»^I.

Порой перегрузки были таковы, что приводили к серьезным последствиям для здоровья военспецов. Так, на 9 июля 1919 г. начальник оперативного отдела штаба 10-й армии А.Ф. Степанов «вследствие полного переутомления и глубокого нервного расстройства не может стойко [работать] по занимаемой должности и по свидетельству командования настоятельно нуждается в смене и назначении на должность, требующую меньшего напряжения и дающую возможность большего ежедневного отдыха и лечения»^{II}.

Начальник штаба 9-й армии Н.Д. Всеволодов в феврале 1919 г. телеграфировал Л.Д. Троцкому и И.И. Вацетису, что «неся ответственный пост наштарма 9[-й], мои силы оказались настолько надорванными, что мне по совету врачей для восстановления здоровья надлежит немедленно воспользоваться хотя бы кратковременным отдыхом, главное южным климатом. Однако, не считая возможным порывать [в] такой ответственный момент для Советской России с боевой обстановкой, я покорнейше прошу вас о назначении меня в Кавказскую армию на любой пост или по Генеральному штабу, или по своему родному роду оружия кавалерии, я кончил высшую кавалерийскую школу, где бы я мог, пользуясь благоприятными условиями климата для моего лечения, принести наибольшую пользу революции и вполне оправдать выраженное мне доверие т. Троцким»^{III}.

Командующий 6-й армией А.А. Самойло и его начальник штаба работали до глубокой ночи^{IV}. С полной отдачей работали и другие сотрудники штаба армии. Начальник разведывательного отделения А.Н. Леонов в феврале 1920 г. был даже отпущен в полуторамесячный отпуск по причине сильного переутомления^V. Начальник штаба Западного фронта Н.Н. Доможиров отмечал в 1919 г., что «политическую физиономию служащих я знал не в совершенстве, ибо со стороны политичес[ких] деятелей помощи в этом отношении не было, а мне и прямого своего дела хватало на 16–18 час[ов] ежедневной работы»^{VI}. Нагрузка была такой, что военспец мечтал об уходе со службы: «Я постоянно просил о моем увольнении с должности, т.к. устал, ибо работа вся лежала на одних моих плечах — личной жизни я не знал, отовсюду текли неприятности — то там что-нибудь неладно, то в другом месте, поддержки не было, ибо с Надежным отношения были неважные (для примера я ниже приведу случай с эвакуацией Петрограда), с членами РВС хотя я и жил хорошо, но они были заняты скорее личными делами, чем службой; благодаря моей смелости в решениях служебных вопросов, меня осаждали буквально все управления фронта — постоянно обращался ко мне нач[альник] арт[иллерийского] снабжения тов. Сидоров (коммунист), н[ачальник] снабжения Фролов (сочувствующий), инсп[ектор] инж[енеров] и др. Превозмогая себя, я работал, но постоянно мечтал об уходе»^{VII}.

^I Архив семьи Снесаревых (Москва).

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 43.

^{III} РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 271.

^{IV} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 377.

^V РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 36.

^{VI} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 181об.

^{VII} Там же. Л. 179.

После того как Доможирова в 1919 г. арестовали, его супруга писала о работе мужа партийному руководству: «Получив уже готовый штаб и не найдя в нем себе таких помощников, которые могли бы облегчить сложную работу, муж, сам малоопытный в такой большой работе, был вынужден взвалить на себя всю тяжесть всей фронтовой работы и работал по 16–18 часов в сутки. Личной жизни он не видел. Переутомленный сверхчеловеческим напряжением сил и больной, он неоднократно просил о смене его с должности, но получал всегда один ответ: “Заменить вас некем. Штаб развалится, если вы уйдете”. И муж продолжал работать не покладая рук, напрягая всю свою энергию и отдавая все силы Красной армии. По энергии, любви к делу и честности мой муж являлся редким работником и весь отдавался делу, не щадя сил и здоровья, работая буквально до обмороков... он участвовал на митингах, в торжествах революции, читал лекции на курсах агитаторов, отдавая даже свободные минуты общему делу. Комиссар тов. Лазарев в поручительстве за мужа, переданном мною начальнику^I Особого отдела ВЧК тов. Павлуновскому, ручается и принимает на себя всяческую ответственность не только за прошлую деятельность моего мужа, но и за будущую, предлагая по освобождении мужа себя в политические контролеры к нему»^{II}.

Однокашник Доможирова по академии Е.В. Сысоев, занимавший пост начальника оперативного управления штаба Западного фронта, работал по 14–16 часов в сутки в тяжелейших условиях^{III}. Генштабист С.Н. Голубев летом 1920 г. жаловался Троцкому на сильнейшее переутомление, из-за которого был даже уволен в отпуск по болезни^{IV}. Начальник штаба Беломорского военного округа А.А. Корелов отмечал в ноябре 1920 г., что работать приходилось с 9 утра до 23 часов вечера с небольшим перерывом^V.

Сопоставление напряженности работы в Первую мировую и в Гражданскую войны свидетельствовало, что в годы последней нагрузки возросли. 28 июля 1918 г. военрук Брянского района бывший генерал П.П. Сытин писал военруку ВВС М.Д. Бонч-Бруевичу из Карачева: «Тяжелая, напряженная работа последних шести месяцев в связи с четырехлетней боевой, строевой службой на войне совершенно подорвали мой организм, и я к ужасу своему почувствовал, что с каждым днем силы мои слабеют. Несмотря на сознание, что работа теперь наиболее необходима, я тем не менее должен иметь в виду, что организм человека в моем возрасте может не выдержать, и в этом возрасте его уже не поправишь... у меня семья, а средствами, помимо моего месячного заработка, ничего нет»^{VI}. Сытин добавил: «Теперь обстановка более спокойная, но все же, вставая в 7 часов утра, ложиться приходится не ранее 1–2 час[ов] ночи. Целый день проходит в каком-то кошмаре, и к вечеру совершенно теряешь рассудок от усталости»^{VII}.

Военный руководитель Северного участка и Петроградского района бывший генерал Д.П. Парский сообщал Бонч-Бруевичу 22 июля 1918 г.: «При этом письме

^I Правильно — заместителю начальника.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 80об. Также см.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 22.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 260об., 263об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 130.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 92. Л. 1.

^{VI} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 180.

^{VII} Там же. Л. 180–180об.

посылаю Вам мое официальное заявление на Ваше имя, как члена Выс[шего] воен[ного] совета, о невозможности для меня, вследствие совершенного переутомления, продолжать дальше нести обязанности военного руководителя Петроградского района.

Напоминаю Вам, что когда я был у Вас два месяца тому назад в Москве, Вы предложили мне занять настоящую должность, то я отказался сначала, имея в виду именно свое утомление от работы; согласился же только потому, что Вы лично обрисовали крайне трудное положение дела общего, трудность подыскать заместителя и т.д. Я согласился послужить дальше и на этот раз при условии, что это назначение будет для меня лишь временным — на 1–2 месяца, до той поры, как будет приискан надежный заместитель. Я чувствую, что “выдохся”... Посылаю Вам об этом официальное заявление, я надеюсь, что к нему отнесутся с доверием и искренностью, которой была проникнута и вся моя работа, начиная со дня отправления под Нарву в первых числах марта. Ушедши от командной службы, я мог бы при восстановлении здоровья принять дальнейшее участие в строительстве армии, например, на литературном поприще...^I По словам Парского, «в настоящее время я чувствую, что окончательно выбился из сил. Современная работа военрука по существу своему требует не только кабинетного труда, но и значительных разъездов по войскам и наиболее важным участкам местности, очень длинных разговоров с войсками и т.п. Все это теперь мне решительно не по силам, и вместе с тем, как опытный военный, привыкший всегда быть близким к войскам, я хорошо вижу, насколько все это необходимо; но и усиленный кабинетный труд чрезмерно утомляет меня; я чувствую, что мне необходим перебой всякой деятельности месяца в два»^{II}.

Позднее, став командующим Северным фронтом, Парский писал председателю РВСР Л.Д. Троцкому 12 ноября 1918 г.: «Прослужив 8 месяцев в Красной армии, беззаветно отдав ей все свои мысли, стремления и силы, не считаясь с бесконечной усталостью за время войны и известной подорванностью своих сил, я все же не мог отказаться от призыва Реввоенсовета республики стать во главе трудного дела — командования фронтом. И я принялся за него со всею энергией, которая еще сохранилась во мне»^{III}.

В некоторых случаях из-за войны выпускники академии на многие годы оказывались разлучены с семьями. Об этом, в частности, бывший подполковник М.А. Баторский писал начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву в январе 1921 г.: «С 1914 года, с самого начала войны, которое совпало с днем моей свадьбы, я в продолжение почти 7 лет непрерывно оторван от семейного очага. Если до этого времени по обстоятельствам военного времени я не считал возможным выдвигать какие-либо требования или говорить вообще о своих личных интересах, с наступлением затишья на всех фронтах беру на себя смелость сказать, что и у меня есть семья, по отношению к которой и у меня есть обязанности, с которой я должен быть вместе и к которой должен вернуться»^{IV}.

^I РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 121–121об.

^{II} Там же. Л. 122.

^{III} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 63. Л. 5об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 148.

Соратник главкома И.И. Вацетиса П.М. Майгур, занимавший пост начальника штаба армии Советской Латвии, жаловался своему патрону 10 мая 1919 г.: «25-го сего мая истекает ровно год моей напряженной работы на гражданском фронте. В течение этого времени я совершенно не пользовался отпуском и продолжал по мере сил и умения выполнять беспрекословно все Ваши поручения, указания и требования.

В последнее время после четырех месяцев напряженной неустанной работы на должности начальника штаба армии Советской Латвии в крайне нервной боевой и тяжелой организационной обстановке здоровье мое пошатнулось и переутомленная нервная система нуждается в отдыхе.

Не считая себя нравственно правым в настоящий тяжелый момент для республики просить отпуска и чувствуя себя еще способным работать на более спокойной должности, прошу Вашего распоряжения о замене меня на должности начальника штаба армии Советской Латвии более свежим специалистом и о предоставлении мне должности в центральных учреждениях по Вашему усмотрению, на которой я мог бы, не прекращая работы, отдохнуть, поправить свое здоровье, набраться сил и хоть немного пожить в спокойной обстановке со своей семьей, с которой не виделся уже третий год»^I.

Первопричиной перегрузки генштабистов был острейший кадровый голод. Один из слушателей Академии Генштаба РККА сообщал в РВС Западного фронта в октябре 1919 г.: «Сейчас такой момент, что всякий штаб держится за маломальски толкового и добросовестного работника, в штабах крайний недостаток в работниках, перегруженность генштабистов и множество пустых мест, которые нечем заполнить»^{II}. Характерны слова начальника штаба Западного фронта (тогда этот пост занимал Н.Н. Петин), приветствовавшего летом 1919 г. слушателей академии, прибывших на практику в войска: «Вы, молодые генштабисты, идете к нам, старому Генштабу, на смену, который, работая уже без перерыва вторую войну, до того издергался, что не может работать активно, а работает только пассивно»^{III}. По мнению цитировавшего эти слова слушателя А.Г. Васильева, комментарии были излишни.

В штабе 7-й армии, по данным на январь 1919 г., из-за вакантной должности начальника оперативного отдела сложилась тяжелая ситуация с перегруженностью других генштабистов. Начальник штаба Северного фронта Н.Н. Доможиров жаловался в этой связи начальнику ПШ РВСР: «В течение двух месяцев существования штарма лица Генштаба, в том числе и наштарм, перегружены работой и, работая почти круглые сутки, сильно переутомлены. Считаю, что для пользы дела и продуктивности работы командировать генштаба на указанную должность необходимо теперь же»^{IV}.

В штабе 1-й бригады Северного фронта на 3 февраля 1919 г. были похожие сложности. Штаб Северного фронта сообщал в ПШ РВСР: «В связи [с] оживившейся деятельностью противника [в] междуозерном районе, трудностью и серьезностью

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 85–85об.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 21–21об.

^{III} Там же. Л. 31.

^{IV} РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 361. Л. 17.

задачи, возложенной на комбриг первой [в] Петрозаводске, создается крайне безвыходное положение для штабриг первой за отсутствием подготовленных работников, нужен во что бы то ни стало работник Генштаба. [В] данный момент штабриг не справляется [с] текущей работой, сведения из него в большинстве случаев запаздывают, и если работа усилится, за что говорят все данные, то она совершенно захлестнет штабриг, что крайне тягостно отразится на всей деятельности дивизии»^I.

Курсовик Б.Л. Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «В августе того же (1918. — А.Г.) года я был командирован в штаб 5[-й] армии, оперировавшей под Казанью. Так как в сущности штаба армии как такового не существовало, то я по приказанию тов. Троцкого взял на себя задачу формирования штаба армии, и одновременно мне же поручено было сведение в тактические единицы частей войск, действовавших под Казанью.

Во время этой напряженной работы, продолжавшейся круглые сутки, я заболел от переутомления и малярии. Будучи больным, я уехал из армии после взятия Казани, когда я буквально не мог уже двигаться. По выздоровлении я вновь поступил в штаб Приволжского военного округа...»^{II}

В штабе 8-й армии Негродов тоже трудился буквально на износ: «Условия работы в штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в штабе с 10 часов, я оканчивал таковую в 3–4, а иногда и в 6 часов утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен начальником штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки...»^{III} Если эти данные достоверны, у некоторых генштабистов в годы Гражданской войны рабочий день составлял 17–18 и даже более часов. Военспец бывший генерал В.К. Гондель вспоминал, что в штабе вверенной ему 3-й стрелковой дивизии в 1919 г. приходилось напряженно работать, причем сотрудники штаба иногда не спали по несколько суток подряд^{IV}.

В штабе 9-й армии, как сообщал в одной из телеграмм в конце 1918 г. генштабист Н.Д. Всеволодов, «нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперод [И.В.] Яцко, недосыпая... [расходуя всю?] энергию, которой, конечно, надолго [не хватит]... буквально выбились из сил»^V. Курсовик Н.Н. Доможиров жаловался своему другу Г.И. Теодори 11 февраля 1919 г.: «Я несу работу за 10-х, за 15-т[ь] человек, но такая работа может вывести и меня из строя, и тогда, смело могу думать, штаб развалится»^{VI}. Разговор двух военспецов по прямому проводу завершался следующими словами: «Теодори, пока, всего

^I Там же. Л. 45.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.

^{III} Там же. Л. 229–229об.

^{IV} РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 205.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.

тебе лучшего, держись, сколько можешь, я сам измотался до галлюцинации во сне. — Доможиров, держусь пока крепко, будь здоров, всего наилучшего...»^I

Сам Теодори усердно трудился даже после своего ареста, уже находясь в тюрьме. Он готовил статьи для журнала «Военное дело», написав не менее 17 материалов. Военно-научная деятельность скрашивала унылые арестантские будни. Теодори отмечал в мае 1920 г., что статьи «помимо обслуживания нужд Красной армии, служат и средством существования моей семьи и моего»^{II}.

Штабная служба в прифронтовой полосе была сопряжена с опасностями. В городах действовало белое подполье, существовало множество недовольных, а страну наводняло оружие. Дочери С. С. Каменева Наталье запомнился эпизод семейной жизни при штабе Восточного фронта в Симбирске: «Варвара Федоровна, жена Сергея Сергеевича, и Наташа, давно уже привыкшие к походной жизни, полной тревог и ожиданий, надежд и опасностей, каждый вечер долгими часами стояли у окна и молча с нетерпением поглядывали на дорогу, поджидая Сергея Сергеевича.

Однажды ожидание сильно затянулось. Спустились сумерки, стало темнеть. Наконец им удалось разглядеть Сергея Сергеевича, быстро шагавшего вместе с другими работниками штаба. Оставалось пересечь небольшой сквер, и они будут дома. Вот они уже вошли в сквер, и вдруг неожиданно раздались выстрелы. Не помня себя от страха, Варвара Федоровна с Наташей стремглав бросились на помощь Сергею Сергеевичу и его товарищам.

К счастью, пули пролетели мимо, никого не задев. Сергей Сергеевич вместе с другими работниками спокойно продолжал путь. Дома, сняв не торопясь шинель, он сел за стол и, как ни в чем не бывало, сказал жене:

— Давайте ужинать...»^{III}

Разумеется, для нормальной работы генштабистам необходим был отдых. Иногда им разрешались отпуска или перевод на юг, в местность с благоприятным для здоровья климатом и более выгодную в продовольственном отношении. Слушатель курсов академии Г. С. Горчаков, вр.и.д. начальника штаба 8-й армии, 17 октября 1919 г. телеграфировал начальнику штаба Южного фронта: «10 месяцев беспрерывно, не зная ни дня отдыха, с утра до глубокой ночи, бессменно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач[альника] оперативного отделения, начальник[а] оперативного отдела и наштабма 8[-й]. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [в] ту войну я в течение 2-х с лишним лет также нес сложные обязанности, работая по оперативной части, и был дважды тяжело ранен. Взываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения^{IV} здоровья и обращаюсь не по команде в силу того,

^I Там же. Л. 77об.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 149.

^{III} Пинчук Л. Р. Моим детям — вместо завещания. М., 1978. С. 54–55.

^{IV} Так в документе.

что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями¹. Месячный отпуск военспецу тогда был разрешен.

Даже в конце Гражданской войны военспецам, особенно высокопоставленным, приходилось перерабатывать. А. А. Самойло, став в 1920 г. начальником ВГШ, работал по 18 часов в сутки, причем через каждые два дня должен был делать доклады заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому, как правило, после 24 часов, при этом Склянский принимал Самойло и его комиссара С. С. Данилова на час-два позже назначенного, так как, по мнению Самойло, «не умел распределить ни своего времени, ни дорожить временем подчиненных»².

Бывший генерал В. Н. Клембовский 31 мая 1920 г. обратился к Э. М. Склянскому: «22 мая я назначен для поручений при помощнике главнокомандующего всеми вооруженными силами республики. Через 3½ недели мне исполнится 60 лет, и этот возраст дает себя чувствовать: нет прежней энергии и трудоспособности; устаю; память не так крепка, как прежде; раны и контузия вызывают порою болевые ощущения, в особенности в зимнее время; слух, пострадавший от 6-летнего участия в 2-х кампаниях, с очень частым пребыванием в боях на артиллерийских позициях, притупляется; наконец, нервное напряжение, как результат деятельности в двух войнах и всего пережитого во время революции, подорвали здоровье и силы мои. При таких условиях я не чувствую себя способным исполнять обязанности, возлагаемые на меня новою должностью, в той мере, как это необходимо для пользы Родины в переживаемое ею серьезное время. Но я еще не утратил способности к спокойной кабинетной работе: военно-научные исследования и труды, а равно педагогическая работа по подготовке красных офицеров увлекают меня и поддерживают во мне бодрость. По отзывам военно-педагогического персонала, самих обучаемых и командного состава тех частей, в коих я вел занятия по тактике, по военной игре и по изложению партизанских действий, эта деятельность моя приносит хорошие плоды.

Моя жена, страдающая сердечными припадками, не будет в состоянии перенести переезд на дальнейшее новое предназначенное мне местожительство; мне придется ехать одному, оставив жену и падчерицу, находящуюся на советской службе, здесь, в Москве, что не может не отразиться неблагоприятным образом на моем душевном настроении, а следовательно, и на моей работе.

Все вышеизложенное побуждает меня убедительно просить об отмене моего назначения в Омск и об оставлении меня в Москве на занимаемой мною должности ответственного редактора военно-исторической комиссии, с правом продолжать преподавание по военным предметам в военно-учебных заведениях, а если возможно, то и члена Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики³. Склянский наложил резолюцию: «Ввиду острой нужды Сибири в серьезных военных силах прошу ускорить отъезд В. Н. Клембовского в Сибирь», но уже через несколько дней Клембовского решили направить на юг.

Случалось, что некоторых военспецов со службы не отпускали. Так, начальник 54-й стрелковой дивизии генштабист Н. В. Лисовский 20 октября 1919 г. обратился

¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311–311об.

² Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 260.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 281–281об.

к командующему 6-й армией с просьбой об отдыхе: «Я, работая непрерывно на Севере полтора года и более 14 месяцев на фронте, не имел^I дня отдыха. Неоднократные переброски с фронта на фронт, тяжелые условия боевой обстановки на Двине летом этого года и последнего наступления расстроили мое здоровье и нервы. Должность наштарма требует полного напряжения сил и энергии, чего я сейчас дать не могу и о чем как старый солдат честно заявляю. Я никогда не отказывался ни от каких поручений, как бы они ни были тяжелы, раз я был в силах их выполнить. На Двину уехал после серьезной болезни, раз этого требовала обстановка, но это было последнее напряжение моих сил... по долгу доношу, что без продолжительного отдыха не могу взять на себя столь ответственного поста...»^{II} Речь шла о назначении Лисовского начальником штаба армии. Отказываясь от назначения, генштабист просил командарма Самойло о трехнедельном отпуске. Тем не менее с 27 октября он считался исполняющим должность начальника штаба армии. Ситуация с Лисовским приобрела форму серьезного конфликта. До декабря 1919 г. он так и не принял должности и даже телеграфировал, что в связи с болезнью жены не может этого сделать. Самойло, однако, не собирался уступать и пошел на крайние меры: 15 декабря он издал приказ, направленный специально на обуздание своеволия Лисовского о недопустимости отказа от повышения по должности, причем при повторном отказе полагался ревтрибунал. В сопроводительной записке Самойло указал: «Н[ачальнику] шт[аба]. Пр[ошу] заготовить приказ по поводу только что бывшей канители с назначением т. Лисовского (не указывая именно, с кем произошло) — о невозможности и недопустимости таких отказов и каждое распоряжение должно исполняться беспрекословно. 14/XII. С[амойло]»^{III}. В результате Лисовскому ничего не оставалось, как подчиниться^{IV}. Со 2 января 1920 г. он приступил к работе по новой должности.

Тот же Лисовский 9 июня 1920 г., уже будучи начальником военной части Беломорского военного округа, телеграфировал в ПШ РВСР по поводу назначения начальником штаба 3-й армии: «Принять должность наштарма три могу только при условии передачи [в] мое распоряжение всего лич[ного] состава и имущества штаокра, так как вновь формировать шторм я не в силах, пробыв на командных должностях Двины и Печоры полтора года, растрепал свое здоровье. По долгу [и] служебным обязанностям генштабиста доношу, если обстановка фронта требует немедленного создания^V новой армии, то для этого нужны более решительные меры, чем вызовы отдельных лиц»^{VI}.

Старый большевик И.И. Скворцов-Степанов, побывавший летом 1920 г. на Западном фронте, наступавшем на Варшаву, отмечал: «Удивительную культурную, социалистическую силу удалось создать Советской России из Красной армии! И замечательно верным путем идет она к разрешению вопроса о командном составе!

Большинство тех военных специалистов, которых я встречал на Западном фронте, уже давно бьется в рядах Красной армии. Многие из них бывали

^I В документе — не имея.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 379.

^{III} Там же. Л. 439.

^{IV} Там же. Л. 415–416, 425, 438.

^V В документе — издания.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 280.

на чехословацком, колчаковском, деникинском, оренбургском и туркестанском, на кавказском фронте, некоторые побывали *на всех* этих фронтах.

Все они утомились, устали, исхудали, обтрепались, — но никто не думает об отдыхе^I. При таких нагрузках военспецы всегда находились под дамокловым мечом арестов и репрессий, что усиливало атмосферу нервозности в работе.

Режим работы военспецов-генштабистов предопределялся чрезвычайной обстановкой Гражданской войны. Ненормированный рабочий день (порой по 18 часов практически без сна и отдыха) ложился на генштабистов тяжким бременем, что усугублялось недоверием, пренебрежением и потребительским отношением к этим квалифицированным специалистам со стороны партийцев и красноармейской массы.

Как и в РККА, в антибольшевистских армиях генштабисты также трудились помногу, но со своими особенностями. Бывший начальник оперативного отделения штаба Донской армии полковник В.В. Добрынин в письме бывшему начальнику штаба той же армии генералу А.К. Келчевскому вспоминал о том, как работали офицеры штаба: «Рядом с людьми, работающими день и ночь, в штабе $\frac{4}{5}$ людей не квартирмейстерской части совершенно ничего не делали, ловчились, обхаживали начальство, устраивали блага кумовьями, сватами и т.д. и благодушествовали, благодушествовали в полном смысле этого слова. Ты никогда не задавался вопросами — почему по моему почину квартирмейстерская часть подняла дело против штабной лавочки? Ты не допускал, видимо, мысли, что твоим верным помощникам зачастую не хватало самых простых вещей для жизни — какого-нибудь сахара, мяса, масла. Вся челядь, которой не надо было служить, стояла днями и ночами в очередях и тащила при содействии заведующего лавочкой все. Когда приходили мы, вырвав минуту, то нас встречали ответом: ничего нет. А ведь дома нас ждали семьи, которым тоже казалось естественным, что работа наша оценится хотя бы сравнением в благах с неработающими. Увы, этого не было. И вот здесь ты нас не только не понял сам, а когда я начал это дело, ты его не поддерживал. Материально я все-таки никогда остро не нуждался, но я болел за тех своих подчиненных, которые ничего, кроме жалованья, не имели...

Еще один резко сохранившийся в памяти случай — это во время стоянки на Сасыке^{II}: здесь, когда в поезде командарма жилось привольно и сытно, твои оперативные офицеры не имели ни куска сахара. И больно им было — работали они, а блага получали другие.

Вот здесь, дорогой Анатолий Киприанович, ты никогда не поинтересовался, какие нужды у тех, кто служит день и ночь, не поинтересовался судьбой тех, которым в своем письме ставишь в упрек, что они не подняли голоса в твою защиту, когда ты невинно пострадал^{III}»^{IV}.

^I Степанов И. [Скворцов-Степанов И. И.] С Красной армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. М., 1920. С. 35.

^{II} Речь идет о периоде пребывания штаба Донской армии на узловой станции Сосыка на Кубани в начале 1920 г.

^{III} Речь идет о событиях вокруг командования Донского корпуса в Крыму в апреле 1920 г. Подробнее см. гл. 5.

^{IV} Цит. по: Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило»: Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому

Начальник штаба Донской армии генерал-майор И. А. Поляков вспоминал, что в 1918–1919 гг. трудился по 14–18 часов в сутки¹. По его свидетельству, «военная обстановка была такова, что как раз требовала полного напряжения сил. Личной жизни у меня вообще не было. Если раньше я уделял работе 14–16 часов, то, начиная с декабря месяца (1918 г. – А. Г.), она отнимала у меня 18–20 часов в сутки, а иногда и больше. Приходилось проводить бессонные ночи, решая сложные, ответственные вопросы по перегруппировке и сосредоточению сил, отдавать многочисленные приказы и приказания, вести длинные переговоры по аппарату². Сверх того, надо было принимать многочисленные визиты членов Круга, желавших получить объяснения о событиях в их округах, а также делать ежедневные доклады прибывшим уже в Новочеркасск депутатам Круга, отвечая по несколько раз на одни и те же, нередко праздные и нелепые, а иногда и злобные вопросы, что, естественно, сильно меня нервировало, истощая последние силы»³. В принципе такой режим работы был характерен для службы высокопоставленных генштабистов и в годы Первой мировой войны.

Служивший в Донской армии полковник В. А. Замбржицкий в работе находил отдушину, чтобы не думать о бедствиях семьи, оставшейся в Советской России. В сентябре 1918 г. он записал в дневнике: «Я не боюсь ни работы, ни ответственности. Наоборот, мне нравится моя самостоятельность, а работа заглушает во мне вполне понятную тоску, заботу и думы о своих близких, милых, бедствующих там, в этой проклятой советской черте России...»⁴

Полковник К. З. Ахаткин, служивший на белом Юге, вспоминал: «Мне приходилось заниматься и разрешать вопросы по всем отделам администрации, но ничего, справлялся, хотя почти круглый день был занят»⁵. Невероятная перегрузка, разумеется, не шла на пользу делу. Так, в разгар операций 1920 г. начальник штаба IV сводного корпуса белых полковник А. И. Короваев, по свидетельству генерала В. А. Замбржицкого, «не спал неделями, и я его потом частенько заставлял в состоянии полнейшей невменяемости, полнейшего отупения, какой-то физической и моральной прострации, когда он, проведя без сна и отдыха вторую или третью ночь и не имея возможности отдохнуть днем, хотя бы прилечь на минутку, мучительно тарашил сами собой слипавшиеся глаза, чтобы сосредоточиться и понять, что ему говорят, или клевал носом во время самых сокровенных заседаний, сидя с застеклевшими зрачками, в которых можно было прочесть все что угодно, но не работу мысли»⁶.

Штабс-капитан Е. Э. Месснер, служивший в штабе 7-й пехотной дивизии ВСЮР, позднее вспоминал: «Генерал [Н. Э.] Бредов с первых же дней невзлюбил полковника [Г. А.] Эверта за его склонность к хорошей жизни – Бредов был настоящим

от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 67–68.

¹ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 435.

² Командующим фронтами мною было объявлено, что в любое время дня и ночи они могут вызывать меня к аппарату (примеч. И. А. Полякова).

³ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 598.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 3об.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 236. Л. 3.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

аскетом — и он стал игнорировать своего начальника штаба. Часть обязанностей последнего легла на меня, и без того уже перегруженного работой, потому что, выполняя функции штаба корпуса, мы, кроме меня, не имели ни одного офицера, подготовленного для службы Генерального штаба.

Я не тяготился трудностью работы и обилием ее в нашем штабе....

Возвращаясь к вопросу о перегруженности работой строевой части штаба, надо сказать, что не только многочисленность подчиненных генералу Бредову частей усложняла наши обязанности: малое количество конных ординарцев и паралич железной дороги, ведущей в тыл, крайне ограничивали возможность пересылки бумаг (приказов, донесений и т.п.), а потом приходилось прибегать к телеграфным разговорам, требующим много времени, в особенности если собеседник вместо исчерпания каждой темы понаособь пытается говорить сразу на 2–3 темы. Телеграфный аппарат стоял в купе, смежном с моим, и я во всякое время дня и ночи (если не был в поле) подходил к аппарату. За это генерал Кусонский (начальник штаба группы генерала Юзефовича) прозвал меня “бессонным мальчиком” (мальчик — за мою молодость) — он мне об этом сказал в Париже лет через 20, когда мы с ним “вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они”¹. Месснер вспоминал о Бредове: «Генерал действительно изнемогал от избытка обязанностей»². Только должностей у Бредова было не менее четырех. Тем не менее виноват в неспособности делегировать полномочия был лишь он сам.

На белом Юге существовал переизбыток кадров Генштаба. Соответственно, нагрузки на отдельных офицеров должны были быть не слишком велики. Подтверждается это и свидетельствами мемуаристов. К примеру, генштабисты на Юге России в конце 1918 — начале 1919 г. свободно пользовались отпусками для решения личных вопросов, поскольку существовала возможность замены другими офицерами Генштаба³. Видный деятель Белого движения на Юге России генерал И.Г. Эрдели в Гражданскую войну вел объемный дневник, в который записывал свои эротические переживания. Эти записи он отправлял любимой женщине, и складывается впечатление, что ни о чем другом в разгар войны практически не думал⁴. Например, в один из дней в период 1-го Кубанского похода Эрдели написал своей возлюбленной более 1600 слов⁵. Среди других постоянных сюжетов дневника — молебны, питание, баня, описания природы.

Полковник А.А. фон Лампе писал в дневнике весной 1920 г., что в белом командовании интенсивно работали только генералы П.Н. Врангель, П.Н. Шатилов и П.С. Махров, «но остальные... всевозможные управления и штабы... это сплошная летняя вакация петроградского чиновничества. Работа только утром. Вечером никого нет. Масса народу во всех учреждениях, спасающаяся от фронта, все слоняются без дела, а дела так много!

¹ Цит. по: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 517.

² Цит. по: Там же. С. 530.

³ См., напр., об отъезде капитана К. Л. Капнина на похороны своего друга полковника Д. Т. Миончинского (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л 60б.).

⁴ Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017.

⁵ Там же. С. 10.

Впечатление отвратительное. Все сидят на вулкане и совершенно беспечны... Никто ничего не забыл и ничему не научился^I. Шатилов от переутомления даже стал хуже выглядеть.

Высокопоставленные должностные лица белых немалую часть своего времени тратили на прием посетителей, что выглядел настоящим безумием в условиях Гражданской войны. В частности, генерал-губернатор и командующий войсками Северной области генерал В.В. Марушевский в декабре 1918 г. принимал посетителей три дня в неделю по часу^{II}. Прием посетителей главнокомандующим войсками Северной области, по данным на август 1919 г., происходил раз в неделю с 17 до 18 часов^{III}. Начальник штаба главнокомандующего принимал просителей по личным делам трижды в неделю по 30 минут и четвертый раз в воскресенье, но в течение полутора часов^{IV}. Таким образом, на абсурдный прием тратилось три часа времени важнейшего штабного работника.

По воспоминаниям начальника 3-й Северной стрелковой бригады полковника И.А. Данилова (негенштабиста), его начальник штаба «вдумчивый, всегда ровный и работающий Генерального штаба полковник [Н.А.] Волков был буквально завален работою по разъяснению и устранению всяких недоразумений с представителями волостных земств, которые каждый день его осаждали в штабе... и каких только просителей ни приходило к нему»^V. Волков в соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время» по совместительству являлся начальником канцелярии генерал-губернатора по Холмогорскому уезду Архангельской губернии. У красных ничем подобным генштабисты не занимались.

Те же проблемы оставались неразрешимыми для белых на Южном Урале. Атаман Оренбургского казачьего войска генерал А.И. Дутов принимал посетителей летом 1918 г. ежедневно с 10.30 до 12 часов^{VI}. Впрочем, оперативные доклады могли делаться в любое время вне очереди. Летом 1919 г. во время поездки по Дальнему Востоку он как Походный атаман всех казачьих войск и генерал-инспектор кавалерии русской армии, а также командующий войсками Хабаровского района принимал посетителей с 9 до 11 часов утра^{VII}. Главный начальник Оренбургского военного округа генерал И.Г. Акулинин в ноябре 1918 г. принимал посетителей по служебным делам с 10 до 11 часов утра, а по частным делам — с 11 до 12 часов^{VIII}.

Схожие проблемы наблюдались у белых и на Юге России. Командующий Донской армией генерал С.В. Денисов, по свидетельству его подчиненного, «вечно занятый приемом огромного числа посетителей, фактически Донской армией не командовал»^{IX}. Для начальника 7-й пехотной дивизии ВСЮР генерала Н.Э. Бредова прием посетителей стал настоящим бедствием. Как вспоминал старший адъютант штаба дивизии штабс-капитан (впоследствии — полковник) Е.Э. Месснер, Бредов

^I ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

^{II} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 35. Л. 31.

^{III} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

^{IV} Там же. Л. 9об.-10.

^V Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 54.

^{VI} Оренбургский вестник Учредительного собрания (Оренбург). 1918. 31.08. № 22. С. 2.

^{VII} Приамурье (Хабаровск). 1919. 23.07. № 3406 (156). С. 4.

^{VIII} Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 01.11. № 96. С. 1.

^{IX} Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 269.

в занятом белыми Киеве в 1919 г. часами принимал штатских просителей с благодарностями и абсурдными вопросами, но не имел времени и сил выслушать важнейший оперативный доклад своего сотрудника, а когда тот приходил докладывать поздно ночью, Бредов засыпал в ходе доклада, а докладчик от изнеможения после многочасовой работы опирался на стену, чтобы не отключиться.

Приведем это свидетельство Месснера: «В приемной у генерала Бредова (мы расположились в здании бывшего штаба Киевского военного округа на Банковой ул.) отбою не было от посетителей, желавших выразить свое уважение герою-освободителю. Одна дама, например, дожидалась несколько часов очереди на прием, чтобы спросить генерала, ехать ли ей лечиться на Минеральные Воды? “Сударыня, – ответил генерал Бредов, – об этом надо бы спросить доктора”. “Ах, нет, генерал. Я вас так уважаю, что послушаюсь только вашего совета”.

Из-за этого наплыва посетителей я часами не мог добиться от генерала, чтобы он принял мой оперативный доклад. А между тем работы было много: генерал совмещал должности начальника края, командира корпуса, начальника киевского гарнизона, начальника 7-й дивизии. И я с моими семью помощниками должен был со всем справляться. Каждый вечер, около полуночи делал я последний оперативный доклад генералу; при этом он засыпал в кресле, а я, докладывая, опирался о стенку, чтобы не упасть, заснувши¹. Проявлением той же деструктивной тенденции в белом военном администрировании было личное участие генерала Бредова, например, в расцепке вагонов штабного поезда.

О серьезности проблемы свидетельствует и то, что даже главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин в 1919 г., по воспоминаниям члена Особого совещания при главнокомандующем К.Н. Соколова, был вынужден скрываться в Таганроге «от бесцеремонных визитов многочисленных докучливых посетителей»².

Генерал Е.К. Миллер, руководивший силами белых на Севере России, обладал поистине немецкой работоспособностью. Он спал лишь по 5–6 часов³, а в остальное время занимался государственными вопросами. Это подтверждает и британский генерал У. Айронсайд, по свидетельству которого Миллер работал буквально на износ, по 16 часов в сутки без отдыха, причем нередко занимался различными административными мелочами⁴. Массу времени Миллер тратил на бумажную работу, которую можно было доверить подчиненным⁵, и был перегружен правительственными вопросами. Не случайно говорили, что он всецело принадлежал тылу, находился под влиянием тыловиков, а на фронте побывал лишь однажды, причем в период затишья⁶.

Участник Белого движения на Юге России полковник В.В. Крейтер отмечал в ноябре 1918 г., что значение Генерального штаба в Гражданскую войну возросло. Теперь он уже не выполнял лишь функцию руководства войсками, «мозга армии»,

¹ Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. С. 216 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3; опубли. в: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 529.

² Соколов К. Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 1992. Кн. 8: Кубань и Добровольческая армия. С. 165.

³ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 71.

⁴ Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919 // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 331.

⁵ Там же. С. 326–327.

⁶ Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 27.

а стал мозгом всего государства, отвечая за политические, финансовые и прочие вопросы¹. Однако возложение белыми на генштабистов задач военной и гражданской администрации привело к плачевным результатам как на фронте, так и в тылу.

Военные чаще всего были плохими гражданскими администраторами, а некоторые использовали соответствующие должности, чтобы отсидеться в тылу. Служивший в штабе Донской армии полковник В.В. Добрынин вспоминал, что «к сожалению, среди тонувших в безделье тыла “работников на оборону” можно было видеть офицеров со значками академии Генерального штаба, занятых работой, ничего общего не имеющей со службой Генерального штаба, а в каких-то комитетах и т.п.

Один из таких деятелей в тяжелые декабрьские дни (1919 г. – А.Г.) вызывал к аппарату начальника оперативного отделения, занятого оперативной работой, лишь для того, чтобы просить его доложить командующему армией приглашение на предстоящую в каком-то новочеркасском учреждении елку... Попытка командования выживать тыловых “дельцов” на фронт обычно заканчивалась неудачей: пользуясь связями, эти господа лишь переползали из одного тылового органа в другой. Да если бы они и попали бы на фронт, то принесли бы пользы мало»².

Генерал П.Ф. Рябиков вспоминал о работе в Ставке адмирала А.В. Колчака в Омске в 1919 г.: «Ставка вела, в общем, все время большую и напряженную работу со все увеличивавшимся потоком бумаг, телеграмм, докладов, проектов все новых и новых реорганизаций... Особенно много приходилось работать старшим начальникам, занятым в своих служебных кабинетах с раннего утра и до позднего вечера с небольшим перерывом на обед.

Очередная текущая работа с докладами высшему начальству и приемами докладов подчиненных часто прерывалась телефонными служебными разговорами и приемом целого ряда лиц, имевших ко мне дело как к генерал-квартирмейстеру, по существу дела имевшему соприкосновение с гражданскими лицами и организациями, с журналистами, писателями, “изобретателями” наилучших способов борьбы с большевиками и пр. ... Много отнимали времени и разговоры с возвращавшимися из командировок с мест лицами, но это время даром не пропадало, так как впечатления живых лиц давали гораздо более подробный и живой материал, чем сводки и письменные доклады. 2^{му} генерал-квартирмейстеру приходилось руководить и некоторыми более крупными командировками-экспедициями»³.

О работе главнокомандующего Восточным фронтом генерала М.К. Дитерихса Рябиков вспоминал: «Сам главнокомандующий, перегруженный работой, сидел за своим столом почти ежедневно до глубокой ночи, а иногда и до ранних утренних часов; было обычным явлением, что ген. Дитерихс меня приглашал по телеграфу, которым мы были связаны, – в любые часы глубокой ночи, отдавая те или иные срочные распоряжения или приказывал заготовить те или иные телеграммы; дежурный офицер был всю ночь начеку, готовый в любой момент разбудить

¹ ГА РФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.

² Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920 (Очерк). Прага, 1921. С. 90.

³ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 25об.–26.

и вызвать того или иного офицера штаба, необходимого для немедленного выполнения той или иной работы.

Перегруженность работой начальника штаба заставила создать должность помощника начальника штаба, на которую был назначен весьма солидный и деятельный полковник (произведенный в генералы) [А.П.] Беловский. На помощнике начальника штаба лежало руководство и прием докладов по второстепенным операциям^I. Дитерихс «был до фанатизма предан своему делу и долгу службы и целиком уходил в работу, совершенно не живя какой-либо личной жизнью и, насколько я видел, не преследуя личных целей»^{II}. Начальник штаба Западной армии генерал-майор С.А. Щепихин вспоминал, что работал в штабе до 22–23 часов, прерываясь лишь на прием пищи^{III}.

Перегружены работой были сотрудники Военной академии в Томске весной 1919 г. И.д. начальника академии генерал Б.М. Колюбакин писал 26 марта 1919 г. военному министру Н.А. Степанову: «Трудно себе представить, до какой степени чины учебного и административного состава перегружены самыми разнообразными обязанностями и работами и до какой степени трудно регулировать их исполнение.

Я могу констатировать только самоотверженное служение чинов академии...»^{IV}

Не всегда благоприятными были рабочие условия у белых генштабистов на Северо-Западе России. Так, летом 1919 г. начальник отдела внешних сношений Северо-Западной армии подполковник К.А. фон Крузенштерн проводил заседания отдела в полной темноте, так как имелась лишь одна потухающая лампочка^V.

Интенсивные нагрузки были характерны для работы генштабистов противоборствующих сторон в Гражданскую войну. Особенно перегружены были те, кто оказался в Красной армии, поскольку там остро ощущалась нехватка кадров и приходилось работать не только за себя, но и за отсутствовавших, а также контролировать работу неквалифицированных сотрудников. В среде военных профессионалов, кадровых офицеров по все стороны фронта давали себя знать усталость от тянувшихся с 1914 г. бесконечных войн, апатия, депрессивные настроения, неудовлетворенность жизнью.

Видный деятель Белого движения на Юге России генерал И.Г. Эрдели записал в дневнике в апреле 1918 г.: «На наше положение я смотрю без фантазий, трезво, и все это образуется в авантюру, по-моему, где главнейшее — не в самодержавии мысли, а в спасении самих себя... До чего мне опротивели все эти скитания, риски жизнью, бои, походы и т.д. Ну просто я мученик каждый раз, когда мне надо идти вперед... Я устал воевать, и такая апатия и равнодушие подчас овладевает мной, что просто сил нет. И я буду Бога благословлять, когда буду, наконец, изъят из этой Гражданской войны. Та идея, которая была раньше и которая создавала все эту борьбу, я в возможность ее осуществления изверился давно, а кроме того, нечем бороться, голыми руками, что ли?»^{VI}

^I Там же. Л. 36об.

^{II} Там же. Л. 37.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 50об.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 47.

^V Маргулис М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 206.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 22–23. С отличиями по другому оригиналу опубл. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 135.

Сходные мысли посещали другого участника Белого движения на Юге России, 35-летнего полковника В.А. Замбрицкого, который в сентябре 1918 г. записал в дневнике: «Жизнь уходит, молодость уже прошла, а впереди сколько еще тяжелых испытаний? И так ли они близки к концу, как бы хотелось? Мы с Марусенькой прошли тяжелый жизненный путь: только что поженились, как через месяц я отправился на Русско-японскую войну, пробыв в отсутствии 1 год 8 месяцев. Там по приезде, в 1907 году, бунт в саперных войсках, там подготовка в академию, 3 года тяжелых в академии, и снова после 2-летнего отдыха в Киеве бесконечная четырехлетняя война, революция и снова война. Боже, где же конец? Когда же Господь допустит зажечь нормальной жизнью?..»¹ Впереди этого офицера ждали два года Гражданской войны и ставшие следствием поражения в войне еще сорок лет жизни на чужбине в вынужденной эмиграции.

§ 2. Награды и поощрения, карьеры

Даже до революции определение заслуг штабных работников для представления их к наградам представлялось непростым вопросом: в силу своей специализации генштабисты нечасто рисковали жизнью на передовой, а оценить их вклад в управление войсками было затруднительно.

К концу 1917 г. в наградном вопросе, как и в других, сохранялась некоторая инерционность относительно старой армии. Награждения даже по решению органов центрального военного управления продолжались и после большевистского переворота. Так, один из будущих вождей Белого движения на Юге России полковник М.Г. Дроздовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени 26 ноября 1917 г.

На местах инерция была еще большей. К примеру, вплоть до второй половины 1918 г. практиковалось награждение георгиевскими наградами офицеров Кавказского фронта. В марте 1918 г. орден Св. Георгия 4-й степени там получил генерал-майор Д.П. Драценко, в мае — полковники М.М. Зинкевич и Н.М. Морель. Широко практиковалась раздача георгиевских наград в 1918 г. в отряде Л.Ф. Бичерахова. Орден Св. Георгия 4-й степени там получил полковник А.Е. Мартынов. Наиболее одиозный случай был связан с генералом П.Н. Шатиловым, который сумел в 1918 г. на Кавказском фронте получить не только генеральский чин, но и редчайшую по статусу награду — орден Св. Георгия 3-й степени. Эти обстоятельства в определенной степени дискредитировали Шатилова, так как многие генштабисты были убеждены, что законно получить чин и орден он не мог.

В Красной армии ситуация с награждением военспецов-генштабистов только усложнилась вследствие враждебного отношения большевиков к классово чуждым бывшим офицерам. В результате в наградных вопросах особую роль стал играть фактор лояльности. В период Гражданской войны даже статистически

¹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 12–12об.

у военспеца-генштабиста было гораздо больше шансов получить пулю в затылок, чем орден Красного Знамени¹. В подобной атмосфере эффект от поощрения «бывших» многократно возрастал.

Орден Красного Знамени был учрежден декретом ВЦИК от 16 сентября 1918 г. Право производить награждения принадлежало РВСР. При анализе награждений следует учитывать субъективные факторы, поскольку, как известно, награды не всегда вручаются справедливо и всем, кто их достоин. Среди субъективных факторов: случайное стечение обстоятельств, близость к какому-либо большевистскому военно-политическому руководителю, наградная практика и политика на том или ином фронте, фактор партийности, отсутствие у награждаемого арестов при широком распространении последних в условиях классовой войны и подозрительного отношения к бывшим офицерам. Немаловажно и то, что часть командиров были награждены непосредственно в период Гражданской войны, а другие — лишь по прошествии длительного времени после событий 1917–1922 гг. Этот фактор имел значимые причины политического характера. Например, в годы Гражданской войны на второго советского главкома С.С. Каменева обрушился целый поток наград, тогда как первый главком И.И. Вацетис подвергался лишь гонениям, а орден получил только через десять лет после войны, когда вышел из опалы.

К настоящему времени удалось выявить сведения о 44 выпускниках Николаевской военной академии, награжденных в 1919–1924 гг. орденом Красного Знамени РСФСР за заслуги в Гражданскую войну². Награжденные составляли 2,8% от общего числа военспецов-генштабистов, прошедших через ряды РККА за 1918–1922 гг. О том, насколько мизерной была эта цифра, свидетельствует статистика награждений, согласно которой к 1 сентября 1928 г. орден получили 14 678 человек. К 1 сентября 1920 г. из лиц командного состава были награждены 1866 человек³. Статистика зримо отражала классовый подход к награждениям и представления большевистского руководства о роли и месте «бывших» в победе Красной армии.

15 награжденных являлись слушателями и выпускниками ускоренных курсов академии периода Первой мировой и Гражданской войн (курсовиками), а в мирное время в академии обучались 29 будущих советских орденосцев. Таким образом, генштабисты с довоенным стажем составляли 66% всех награжденных «академиков» и 34% приходилось на курсовиков, что примерно соответствует удельному весу обеих категорий в комсоставе.

Молодые военспецы должны были быть ближе к войскам и имели больше шансов отличиться не на ниве штабной работы, а непосредственно участвуя в боях. Например, известен случай посмертного награждения курсовика Я.К. Ивасиова,

¹ К настоящему времени нами установлены данные о расстреле или гибели в заключении на территории Советской России в 1917–1922 гг. не менее 154 выпускников академии, что в три с лишним раза превышает количество военспецов-генштабистов, награжденных орденом Красного Знамени за тот же период.

² Без учета не учившихся в академии, но переведенных в Генштаб за революционные заслуги А. И. Егорова, М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и М. В. Фрунзе.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 70б.

скончавшегося в ноябре 1919 г. от тифа, «за ряд боевых подвигов, проявленных им во время службы на Восточном фронте»^I.

Еще выше был процент награжденных среди слушателей новой Академии Генштаба РККА, считавшихся в большевистском руководстве своими, «красными генштабистами». В одном из документов даже отмечалось, что первый советский орден уже в 1921 г. имели до половины выпускников^{II}, однако это преувеличение: на самом деле награждены были 22,8 и 26,2% слушателей первых двух выпусков Академии Генштаба РККА соответственно^{III}.

Пик награждений генштабистов (учтены награждения как орденом Красного Знамени, так и Почетным революционным оружием, а также повторные награждения^{IV}) пришелся на 1920–1921 гг. (по 16 награждений), тогда как в 1919 и в 1922–1924 гг. награждений в среднем производилось в 2–3 раза меньше.

Повторные награждения было разрешено производить с 19 мая 1920 г. После этого среди награжденных стали появляться свои рекордсмены, получившие по несколько наград. Были в их числе и военспецы-генштабисты. По два ордена Красного Знамени РСФСР получили А.И. Корк, В.С. Лазаревич и Е.Н. Сергеев^V, причем Сергеев и Корк получили второй знак ордена подряд, под номерами 2 и 3 соответственно^{VI}. Впоследствии по количеству орденов их догнал Н.В. Лисовский. В Советской России было несколько случаев награждения четырьмя (7 человек) и тремя (68 человек) орденами Красного Знамени РСФСР, но генштабистов старой школы среди них не было.

Что касается выпускников Николаевской академии, крупными военными деятелями среди награжденных были И.И. Вацетис (награжден лишь в 1928 г.), А.И. Геккер, Н.Е. Какурин, С.С. Каменев, А.И. Корк, В.С. Лазаревич, П.П. Лебедев, С.А. Меженинов, Д.Н. Надежный, В.А. Ольдерогге, Н.Н. Петин, А.А. Самойло, Б.М. Шапошников.

Орден получили руководители основных фронтов Гражданской войны и командующие некоторыми армиями. Определение их заслуг не составляло труда и следовало из достижений соответствующих фронтов. Награждены были командующие Восточным фронтом против войск адмирала А.В. Колчака Каменев и Ольдерогге; командующий 7-й армией, оборонявшей Петроград в 1919 г., Надежный; командующий 6-й отдельной армией, освободившей Европейский Север России от белых и интервентов, Самойло; временно командующий 9-й армией А.А. Душкевич; командующий 2-й армией и начальник штаба Юго-Восточного и Кавказского фронтов Ф.М. Афанасьев; командующий 3-й и 4-й армиями Лазаревич; другой

^I Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 07.02. № 74.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 195.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 57.

^{IV} См. Приложение 2.

^V В нашем справочнике о кадрах Генштаба ошибочно указаны сведения о награждении С.С. Каменева двумя орденами Красного Знамени (*Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 236). Эта ошибка вызвана наличием неверных сведений о награждении Каменева в 1922 г. (якобы по материалам его послужного списка) в сборнике его трудов, который был использован при составлении биографической справки (*Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963. С. 27–28).

^{VI} *Дуров В. А., Стрекалов Н. Н.* Орден Красного Знамени. История учреждения награды и эволюция орденового знака. М., 2006. С. 36.

командующий 3-й и 4-й армиями Н.Е. Какурин; командующий 4-й армией Сергеев; командующий 15-й армией Корк; командующий 16-й армией Н.В. Соллогуб; командующий 11-й и 13-й армиями Геккер, причем командующие 3, 4, 15 и 16-й армиями – Лазаревич, Сергеев, Корк и Соллогуб – были награждены одним приказом, в основном за успехи в боях первых дней советского наступления 4–5 июля 1920 г.¹

С учетом того, что одни и те же лица за период 1917–1922 гг. занимали по несколько высших должностей, орден имели все пять выпускников академии, командовавших Восточным фронтом (Вацетис, Каменев, Самойло, Лебедев, Ольдерогге), один из двух генштабистов, руководивших Западным фронтом (Надежный), единственный генштабист, командовавший Кавказским фронтом (Афанасьев), и один из двух генштабистов, руководивших Северным фронтом (Надежный). Поразительно, что орденом не был награжден ни один из двух генштабистов, командовавших важнейшим для РСФСР Южным фронтом. Единственный генштабист, стоявший во главе Каспийско-Кавказского фронта, также не был отмечен этим орденом. Подобные явления объяснимы: к концу Гражданской войны, когда шло массовое распределение наград, руководящие посты в армии заняли генштабисты – выходцы с Восточного фронта во главе с Каменевым, которые, очевидно, оказывали непосредственное влияние на наградную политику. Поток наград для работников Западного фронта был обусловлен большой значимостью фронта и его успехами в период Советско-польской войны. Вместе с тем на Южном, Юго-Западном, Кавказском, Туркестанском, Украинском фронтах командные посты длительное время занимали лица, не имевшие высшего военного образования (В.М. Гиттис, А.И. Егоров, М.В. Фрунзе, В.А. Антонов-Овсеенко, М.Н. Тухачевский), но являвшиеся видными военно-политическими деятелями, и вопрос признания заслуг руководящих военных работников на Юге был в большей степени политическим.

Ситуация с награждениями начальников фронтовых штабов – следующей ступени командно-штабной иерархии – была такова: из шести начальников штаба Восточного фронта орден имели трое (Соллогуб, Лебедев, В.Е. Гарф); из девяти «академиков» на должности начальника штаба Западного фронта в 1919–1922 гг. – семеро (Петин, Лазаревич, Соллогуб, Меженинов, М.А. Баторский, А.М. Перемытов, Н.Н. Шварц); из четырех начальников штаба Южного фронта – лишь один (Петин); из двух начальников штаба Юго-Восточного фронта – двое (Афанасьев и С.А. Пугачев); из трех начальников штаба Кавказского фронта – трое (все те же Афанасьев и Пугачев, а также В.В. Любимов); из двух начальников штаба Южного фронта второго формирования (против генерала П.Н. Врангеля) – один (И.Х. Паука). Орденоносцем был и единственный генштабист – начальник штаба Юго-Западного фронта (Петин). Однако не были награждены ни один из двух начальников штаба Северного фронта, ни один из двух начальников штаба Украинского фронта, ни один из трех начальников штаба Туркестанского фронта. Причина заключалась в периферийном характере этих фронтов, их непродолжительном существовании, а также в отсутствии на них крупных успехов. Приоритет по количеству орденоносцев этой категории также оказался у представителей Западного и Восточного фронтов. Не исключено, что часть награжденных получила ордена благодаря

¹ Приказ РВСР по л/с армии. 1920. № 342. 15.07.

связям с большевистскими вождями. Например, Каменев был связан с Лениным, Соллогуб и Лазаревич являлись сотрудниками Фрунзе, Петин работал со Сталиным.

Если на фронтовом уровне большинство командующих фронтами и начальников фронтовых штабов (за заслуги на этих или других должностях) в ходе Гражданской войны или позднее получили орден Красного Знамени (формально за успехи фронта награждаются командующий и его начальник штаба), то на уровне командующих армиями и начальников армейских штабов награждения встречаются значительно реже.

Приказы о награждении военспецов являются ценнейшим источником для определения их вклада в военное строительство. В приказе о награждении Б.М. Шапошникова отмечалось, что «в течение своей длительной деятельности на высоко ответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВСР, тов. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы, во всех ее подробностях, полевых органов, в борьбе с врагами Социалистического Отечества.

Занимая указанную должность, вполне соответствующую по значению самостоятельной должности начальника штаба фронта, с первых же дней активной беспримерной борьбы республики с окружавшими ее кольцом врагами, вплоть до настоящего момента – почти прекращения серьезных боевых действий против бандитов, тов. Шапошников с присущей ему инициативой и твердым проведением разработанных им лично боевых операций вынес на себе всю тяжесть последних, работал с полным самоотвержением и днем и ночью»^I.

Если оперативные документы редко позволяют судить об авторстве операций, то такую информацию можно почерпнуть из наградных приказов. К примеру, Н.В. Соллогуб в период Советско-польской войны был награжден «за тщательную подготовку форсирования р[еки] Березины и умелое исполнение этой операции, после чего войска 16[-й] армии стремительным ударом разбили противника и овладели г[ородом] Минском, захватив исправный подвижной состав и другие многочисленные трофеи»^{II}. Некоторые приказы были гораздо более подробными, содержали детальные описания боевых действий и совершенных награждаемыми подвигов.

Награждения генштабистов практиковались как за конкретные подвиги, так и за руководство войсками в период длительных операций. Так, например, начальник 30-й стрелковой дивизии Е.Н. Сергеев свой первый советский орден получил за руководство дивизией в период с 4 октября по 15 ноября 1919 г., т.е. за время с начала советского контрнаступления на Восточном фронте и до взятия красными столицы белой Сибири – Омска^{III}. Командовавший 6-й отдельной армией А.А. Самойло был награжден по совокупности заслуг за весь период командования армией в 1918–1920 гг.^{IV} Среди выпускников и слушателей академии, награжденных орденом, были три ветерана различных антибольшевистских армий – М.И. Василенко, Н.Е. Какурин и В.В. Попов.

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 7. Л. 68–68об.

^{II} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

^{III} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 28.01. № 32.

^{IV} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 21.02. № 73.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г. представления к награждению орденом за период Гражданской войны (до 1 января 1923 г.) были запрещены. В том же году вместо республиканских орденов Красного Знамени (РСФСР и других советских республик) был учрежден единый орден Красного Знамени СССР. Однако в порядке исключения награждения за Гражданскую войну продолжались, продолжали выдаваться и знаки прежнего образца. В 1928 г. к десятилетию РККА ордена Красного Знамени была удостоена группа военных и политических деятелей, среди которых были и те, кто в силу конъюнктурных причин не получил эту награду ранее. Награждение осуществлялось постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1928 г. в ознаменование 10-летия РККА, «отмечая заслуги в руководстве и личном участии в боевых операциях нижепоименованных военных и политических работников в тяжелые годы Гражданской войны»¹. В основном в списке награжденных были партийные функционеры (С.М. Киров, А.И. Микоян, М.Л. Рухимович и др.), однако в списке оказался и бывший главком Вацетис, заслугам которого в Гражданской войне власть наконец воздала должное. В том же году орден получил соратник М.В. Фрунзе генштабист Ф.Ф. Новицкий. К 10-летию 1-й Конной армии был награжден и видный деятель советской военной авиации М.П. Строев (Рихтер)². Военспецы-генштабисты награждались орденом Красного Знамени и в дальнейшем, но уже, как правило, не за заслуги в годы Гражданской войны. К примеру, бывший капитан Е. А. Шиловский, прототип Вадима Рощина из «Хождения по мукам» А.Н. Толстого (приходившегося Шиловскому тестем), стал советским генералом и был неоднократно награжден орденом Красного Знамени СССР в годы Великой Отечественной войны.

Помимо награждений орденом Красного Знамени генштабисты получали и другие награды, подчас весьма своеобразные. Это могли быть предметы антиквариата, ставшие в результате революционных потрясений достоянием республики. К примеру, один из братьев Раттэлей был награжден золотой табакеркой императрицы Екатерины II, усыпанной драгоценными камнями и со специальной надписью на внутренней стороне крышки³. Широко распространены были награждения золотыми и серебряными часами и портсигарами с соответствующими надписями. Часы и портсигары можно было получить от ВЦИК, РВСР или различных РВС, а также от местных Советов. С.Н. Богомятков, например, помимо ордена Красного Знамени за годы Гражданской войны удостоился серебряного портсигара и золотых часов. М.В. Молкочанов стал владельцем наградных золотых и серебряных часов и серебряного портсигара. В.А. Ольдерогге помимо ордена Красного Знамени был награжден золотыми часами за ликвидацию Врангеля, а также золотыми часами на браслете от Киевского губисполкома за пятилетие службы в Красной армии⁴. В условиях дефицита ценились и практиковались награждения вещами.

¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 31. Л. 183.

² Зиновьев Н. Н., Конев В. Н. Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны. 1918–1920. М., 2017. С. 7.

³ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 350.

⁴ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 123.

Так, В.Е. Климовских 15 августа 1920 г. получил от РВС Западного фронта золотые часы и кожаный костюм.

Практиковались награждения оружием (как холодным, так и огнестрельным). Главком Каменев получил несколько подобных наград. В апреле 1920 г. он был награжден Почетным золотым оружием (саблей) от ВЦИК за победы на Восточном фронте, а в январе 1921 г. получил Почетное огнестрельное оружие – пистолет «маузер» со знаком ордена Красного Знамени на рукоятке (кроме него такой награды был удостоен только С.М. Буденный). Почетным революционным оружием за взятие Перекопских и Юшуньских позиций был награжден А.И. Корк. Всего таких наград к 1926 г. удостоились 20 человек, включая двух военспецов-генштабистов¹. Эти награждения имели общегосударственное значение, а награда в виде Почетного огнестрельного оружия считалась еще более высоким награждением по сравнению с Почетным холодным оружием. Существенно меньшее значение имели локальные награждения оружием, практиковавшиеся как местными органами власти, так и отдельными военными или политическими руководителями. И.Т. Алексеев в 1921 г. получил револьвер «браунинг» от командующего 9-й Кубанской армией И.П. Уборевича за взятие Новороссийска, произошедшее за год до этого. Наградное оружие от СНК Азербайджана получил в 1920 г. М.И. Василенко, который также был награжден золотыми часами от РВС Кавказского фронта, а в 1923 г. – серебряным портсигаром от Омского губисполкома.

Участники боевых действий, приведших к созданию национальных советских республик, награждались соответствующими национальными наградами. Такие награды получали и военачальники общегосударственного уровня. Так, главком Каменев летом 1922 г. получил орден Красной Звезды 1-й степени Бухарской народной советской республики за организацию борьбы с Энвер-пашой, а в сентябре 1922 г. украсил грудь военным орденом Красного Знамени Хорезмской автономной советской республики «за помощь хорезмскому трудовому народу в его борьбе за свое освобождение и за заслуги в борьбе с врагами трудящихся всего мира»². Некоторые награды были настоящей экзотикой и вряд ли носились самими награжденными. К примеру, П.В. Куликов был отмечен в октябре 1924 г. орденом бухарской Красной Звезды 2-й степени и халатом 1-й степени.

Наряду с этим практиковались поощрения военнослужащих благодарностями в приказах. Иногда более высокая награда по каким-то причинам заменялась более низкой. Так, например, бывший подполковник Л.Н. Ростов (Борхсениус) вместо ордена Красного Знамени постановлением РВС 7-й армии был награжден золотыми часами № 5585464 с надписью «Честному воину Красной армии от Петроградского Сов[ета] раб[очих] и красноарм[ейских] депутатов»³.

Отдельно стоит сказать о тех военспецх-генштабистах, которые, несмотря на свои выдающиеся заслуги перед РСФСР, по причинам политического и конъюнктурного характера не были отмечены орденом Красного Знамени. Среди них несколько высших военных деятелей, внесших значительный вклад в победу РККА:

¹ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 295.

² Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 27.

³ РГВА. Ф. 25863. Оп. 2. Д. 469. Л. 33.

М.Д. Бонч-Бруевич, В.Н. Егорьев, Л.Л. Ключев, Ф.В. Костяев, Д.П. Парский, Н.И. Ратэль, А.А. Свечин, М.С. Свечников, А.Е. Снесарев, П.П. Сытин. Таких людей было немало. Больше всего их среди тех, кто отличился в начале Гражданской войны, в период 1917–1918 гг.

Удивительно, что наградами оказался обойден даже не находившийся в 1917–1922 гг. в опале и известный своей способностью приспосабливаться М.Д. Бонч-Бруевич, получивший лишь в 1926 г. благодарность РВС СССР в связи с 35-летием военной, учебной и научной деятельности^I. Попытки добиться справедливости не увенчивались успехом. Например, бывший командующий советским Южным фронтом в 1918 г. и советский военный атташе в Грузии П.П. Сытин вовсе не имел наград за Гражданскую войну. Только к 10-летию Красной армии он получил золотые часы с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции от РВС СССР» и грамоту «За проявленное Вами мужество, энергию и решительность в борьбе трудящихся против врагов Советского отечества в должностях военрука Брянского района и Командующего войсками Южного фронта в 1918 г.», а в 1929 г. Сытину предоставили персональную пенсию^{II}. 19 октября 1932 г. на заключение наградной комиссии было направлено заявление Сытина о награждении его орденом Красного Знамени «за участие в деле советизации Грузии»^{III}. О награждении за свою не менее значимую деятельность на Южном фронте в связи со сложившейся в стране политической конъюнктурой Сытин, видимо, просить не отважился. Ходатайство Сытина не сочли возможным удовлетворить. В том, что он так и не получил ордена, могли сыграть свою роль непростые взаимоотношения, которые сложились у Сытина в 1918 г. с И.В. Сталиным и его окружением.

Особенно неприятным для таких, как Сытин, лояльных большевикам военспецов должно было казаться отсутствие у них ордена на фоне тех орденосцев, которые пришли в РККА гораздо позже, под конец Гражданской войны, и тем более после службы в антибольшевистских армиях. К таким военным работникам относился бывший полковник Н.Е. Какурин, оказавшийся в РККА спустя два года службы в различных украинских армиях, что не помешало его награждению орденом Красного Знамени в 1921 г. за подавление Тамбовского восстания. Впрочем, это был исключительный случай.

Неотъемлемой частью мрачных страниц советской истории стало лишение многих прославленных орденосцев-героев Гражданской войны заслуженных наград, что было связано с репрессиями. В частности, постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1940 г. был лишен ордена Красного Знамени И.И. Вацетис^{IV}, необоснованно расстрелянный двумя годами ранее. При свидании арестованного Какурина с семьей в 1935 г. его дочь заметила, что отец «был в своем некогда опрятном кителе, но не было на нем привычного ордена боевого Красного Знамени. Темнело лишь выгоревшее круглое пятно»^V.

^I РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

^{II} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 15, 64об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 387. Л. 3.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 31. Л. 183. Также см.: Оп. 60. Д. 708.

^V Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2: 1919–1920. С. 413.

Наградная практика первых лет советской власти отличалась своеобразием. В новых условиях резко возросло значение политического аспекта награждений, свою роль, если речь идет о высшем военном руководстве, играли лояльность и близость награжденного к партийным лидерам. Однако наибольшее влияние на наградную политику Советской России начала 1920-х гг. оказало то, что героический пантеон Гражданской войны создавался победителями, причем не теми, кто строил Красную армию с нуля в самый трудный период ее истории, а теми, кто одержал победу в кампании 1919–1920 гг. Именно они сохранили за собой руководящие посты в армии после войны и смогли с лихвой пожать лавры победы. Разумеется, обойденные не могли не чувствовать обиду. Тем более что некоторые из них не только не получили положенных наград, но вместо них прошли через необоснованные и несправедливые аресты, в результате которых оказались оттеснены от руководства Красной армией.

В основу наградных систем и чинопроизводства белых армий были положены дореволюционные принципы, хотя и несколько видоизмененные в соответствии с реалиями Гражданской войны. Эти принципы были, в целом, более понятны и близки офицерам Генерального штаба, чем нововведения, принятые в РККА. Впрочем, порой наградная политика не отличалась справедливостью. Многие повторяли порядки старой армии и воспринималось офицерами не всегда положительно. К примеру, один из колчаковских офицеров, В.С. Савченко, жаловался в феврале 1919 г. на плачевную ситуацию с наградами за Пермскую операцию и отмечал, что положение напоминает «старый николаевский режим»¹.

Широко практиковалось чинопроизводство и награждение дореволюционными наградами (особенно на Севере и Востоке России), появились и новые знаки отличия. В армии адмирала А.В. Колчака награждали даже орденами Св. Георгия – высшей военной наградой дореволюционной России, а также Георгиевским оружием, что не практиковалось белыми на Юге России. По крайней мере семь выпускников академии были отмечены георгиевскими наградами в армии адмирала А.В. Колчака, причем генералы С.Н. Войцеховский, В.О. Каппель, В.Д. Косьмин и К.В. Сахаров удостоились ордена Св. Георгия 3-й степени. Отдельные офицеры получили несколько наград. Так, генералы Войцеховский и Каппель были отмечены орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени, генерал Р.К. Бангерский – орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Владимира 3-й степени с мечами. Посмертно орденом Св. Георгия 4-й степени был награжден подполковник Б.Ф. Ушаков. Еще одним награжденным стал генерал Б.П. Богословский². На Севере России орденом Св. Георгия 4-й степени был награжден командующий войсками Железнодорожного района генерал князь А.А. Мурузи.

В качестве поощрения практиковалось объявление благодарности. Благодарности Верховного правителя адмирала А.В. Колчака удостоились генералы В.Д. Косьмин и Н.Т. Сукин, благодарности главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины в 1920 г. удостоился генерал

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 77аоб.

² Неполный список кавалеров за Гражданскую войну см.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 862–868.

С. Н. Войцеховский¹. Благодарность Верховного главнокомандующего в октябре 1918 г. получил генерал П. А. Белов. В 1919 г. он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. Вручение этой награды (старшей относительно ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, который многие офицеры получили в годы Первой мировой) было особенно распространено на Востоке России. Этим орденом были награждены генерал-майоры И. И. Смольнин-Терванд, Н. Т. Сукин, И. В. Тонких, полковники Б. Э. фон Вах, А. Г. Ефимов, А. Я. Крузе, Н. Ф. Новицкий, К. В. Семчевский. Генерал С. Н. Розанов был награжден в июле 1919 г. еще более высокой наградой – орденом Св. Владимира 2-й степени с мечами. Подполковник В. Н. Шмидт и капитан С. И. Костров, служившие в Отдельной Оренбургской армии А. И. Дутова, в 1919 г. были награждены орденами Св. Анны 2-й степени. Все награждения подлежали утверждению Верховным правителем². В связи с отсутствием орденских знаков нередко пользовались орденскими ленточками.

Массовым характером отличалось награждение знаками за участие в той или иной операции – например, в 1-м Кубанском (Ледяном) походе или в Сибирском Ледяном походе. Знаки за эти тяжелые походы генштабисты носили с гордостью. Причем наличие знака за 1-й Кубанский поход имело демонстративный характер, показывая окружающим, что перед ними человек, служивший в Добровольческой армии с самого начала. Практиковались и награждения медалями. Так, участники Приамурского Земского собора в 1922 г. отмечались соответствующей памятной медалью. Среди награжденных был, в частности, полковник Б. Э. фон Вах.

На Севере и Северо-Западе России также были распространены награждения дореволюционными орденами. Начальник 3-й пехотной дивизии генерал-майор Д. Р. Ветренко 12 октября 1919 г. был удостоен ордена Св. Станислава 1-й степени с мечами. Ранее он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (30 мая 1919 г.). Полковник Э.-Б. А. фон Прюссинг 22 октября 1919 г., в разгар боев за Петроград, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Командующий войсками Северной области генерал В. В. Марушевский на белом Севере постановлением Временного правительства Северной области от 18 апреля 1919 г. был награжден орденом Белого Орла с мечами «в воздаяние особых заслуг по воссозданию русских вооруженных сил в Северной области на основе дисциплины и чувства долга»³. Полковник П. Т. Акутин 28 октября 1919 г. был удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени с мечами. Орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами постановлением Временного правительства Северной области 1 декабря 1919 г. был награжден полковник М. Н. Архипов. Орденом Св. Анны 2-й степени с мечами был награжден подполковник С. Л. Грабовский. Награждали и производством в очередные чины. Так, производство в следующий чин 30 мая 1919 г. получили сам Марушевский вместе с главнокомандующим генералом Е. К. Миллером.

¹ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 257.

² Журавлев В. В., Симонов Д. Г. О наградной системе антибольшевистских режимов Востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика. Новосибирск, 2014. С. 189.

³ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 77.

Ветераны Белого движения на Юге России также иногда награждались дореволюционными орденами (кроме георгиевских), в основном это характерно для офицеров, служивших в донских казачьих формированиях. Полковник В.В. Добрынин летом 1919 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, полковники Н.А. Петров, П.Н. Санников, капитан Н.Т. Раздоров в 1920 г. получили орден Св. Владимира 3-й степени. Войсковые старшины А.Д. Диков и В.В. Короченцев получили ордена Св. Владимира 4-й степени в ноябре 1919 г. Г.И. Арванити весной 1920 г. был произведен в полковники и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Такой же орден получили полковники А.Г. Оранский и А.Л. Чайков. Генерал А.Н. Алексеев в июле 1921 г. был отмечен орденом Св. Анны 1-й степени. Орденом Св. Владимира 3-й степени были награждены в 1920–1921 гг. полковники Ф.Ф. Одноглазков и М.Т. Чернявский.

Сложнее было с поощрением генералитета, представители которого уже имели чины и ордена. Неслучайно генерал И.Г. Эрдели о своей службе в Добровольческой армии с долей обиды записал в дневнике в сентябре 1918 г.: «Мы служим и без орденов, и без чинов, а офицерам и всем нам нужно теплое слово, раненым — участие, внимание, ласка, одним словом — отзывчивость... Деникин и наш штаб армии обратились в олимпийцев, на козе не подъедешь, и это все учитывается»¹.

На Юге России при генерале П.Н. Врангеле в 1920 г. был учрежден орден Святителя Николая Чудотворца. Полный список награжденных орденом известен, в связи с чем рассмотрим, как представлены в этом списке офицеры-генштабисты. Награждения производились в том числе и в период эмиграции. Среди кавалеров генералы Ф.Ф. Абрамов, П.Н. Врангель, В.В. Крейтер, Я.А. Слащев, М.А. Фостиков, полковник Ф.Н. Гришин, перешедший к белым из РККА, полковник В.С. Дрон (погиб на Перекопе, награжден посмертно), полковники С.П. Попов и В.К. Фукс. Всего было награждено 337 человек². Генштабисты составили 2,7 % награжденных. Несмотря на руководящее положение в белом лагере, в наградных списках они представлены достаточно скромно.

Участники Белого движения нередко награждались иностранными орденами. Осенью 1918 г. британским орденом Святых Михаила и Георгия разного достоинства были награждены генералы А.М. Драгомиров, П.Н. Врангель, В.З. Май-Маевский, Ю.Н. Плющевский-Плющик, В.И. Сидорин. Орденом Бани были награждены руководители Белого движения на Севере и Юге России генералы В.В. Марушевский (пожалован королем Георгом V^{III}) и И.П. Романовский. Французский военный крест получили генералы Р.К. Бангерский, Б.П. Богословский, А.И. Дутов.

Не обходилось без конфликтов. Начальник оперативного отделения штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте полковник Л.В. Костанди был награжден англичанами орденом Выдающейся Службы (Distinguished Service Order). В конце эвакуации союзников с Севера 26 сентября 1919 г. Костанди демонстративно отказался от этой награды, поскольку считал «ниже достоинства русского гражданина и офицера носить орден

¹ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 134.

² Рудиченко А. И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922. М., 2008. С. 25.

³ Там же. Л. 184.

страны, представители которой вынуждаются своим правительством изменять... своим союзникам^I. Костанди лично явился к генералу У. Айронсайду, положил на стол свой орден, высказал все, что думает о союзниках, отдал честь и вышел из кабинета британского генерала. Айронсайд вспоминал: «Долго я сидел в полном молчании, глядя на отвергнутый орден, которым в свое время была отмечена беспримерная доблесть»^{II}. Этот случай запомнился ему надолго (свои воспоминания Айронсайд написал спустя более тридцати лет после событий). При этом Айронсайд охарактеризовал Костанди как выдающегося офицера и назвал этот эпизод неприятным.

Бывший подполковник граф С.И. Соллогуб-де-Война, служивший в войсках интервентов на Севере России, за свою службу там был произведен в полковники и в сентябре 1919 г. награжден английским орденом Выдающейся Службы^{III}.

В национальных армиях возникли свои системы поощрения. Что касается периода Гражданской войны, то, как и у белых, в украинских войсках были распространены награждение производством в следующий чин^{IV} и денежные премии. В июне 1919 г. ношение российских наград в Действующей армии УНР было запрещено. Исключение делалось лишь для георгиевских наград^V. При этом попытки разработки и изготовления собственных украинских наград в 1918–1919 гг. остались безрезультатными. В 1918 г. комиссией по разработке наград на Украине руководил генерал Ю.И. Гончаренко (литературный псевдоним — Юрий Галич)^{VI}. Сам Гончаренко впоследствии иронично вспоминал об этой работе, которая не была насущно необходимой для украинской армии того времени^{VII}. В 1920 г. разрабатывался проект награждения почетным мундиром Генерального штаба^{VIII}, однако вопрос о практическом воплощении этого проекта остается открытым. В итоге награды в украинских формированиях возникли сравнительно поздно — по существу, уже в эмиграции, когда стали награждать отличившихся в событиях 1917–1922 гг. Генштабисты принимали деятельное участие в разработке национальной наградной системы. Так, в 1919 г. начальник инспекторского отдела ГУГШ УНР генерал-хорунжий А.Я. Шайбле подготовил проект боевой медали^{IX}. Председателем комиссии по разработке закона и устава ордена Освобождения в 1922 г. стал генерал-хорунжий М.Д. Безручко^X. В 1930-е гг. был учрежден крест Симона Петлюры, которым награждали ветеранов армии УНР. Главный совет креста в Варшаве возглавлял вплоть до смерти в 1942 г. бывший начальник украинского Генерального

^I Цит. по: Кручинин А. С. «Я препровождаю Вам знаки ордена» // Военная Быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 46.

^{II} Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919. С. 365.

^{III} *Bagiński H. Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 474, 481.*

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 8. Л. 115об.

^V Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Учредительные документы. Изготовление. Практика награждений. Типы и разновидности. Киев, 2011. С. 15.

^{VI} Тинченко Я. Ю. Символи нескореної держави. Нагороди уряду Української Народної Республіки. Київ, 2016. С. 17–21.

^{VII} Галич Ю. Красный хоровод // Галич Ю., Попов К. С. Красный хоровод. М., 2008. С. 153–155.

^{VIII} Подробнее см. в главе VI.

^{IX} Кравцевич-Рожнецкий В. Я., Панасенко В. П. Украинские военные знаки отличия первой половины XX века. Киев, 2009. С. 161.

^X Там же. С. 171.

штаба генерал-хорунжий В.М. Куш. В президиум Главного совета входил также генерал В.Е. Змиенко, а генерал Безручко, возглавлявший Украинское военно-историческое товарищество, руководил изготовлением знака, ленты и грамоты к этой награде^I. Крестом были награждены многие украинские генштабисты, в том числе генералы А.С. Галкин, С.И. Дядюша (посмертно), Н.А. Коваль-Медзвецкий (посмертно), Ф.А. Колодеев (посмертно), С.Н. Кульжинский, Е.В. Мешковский (посмертно), М.С. Пересада-Суходольский, В.Н. Петров, В.А. Синклер, А.И. Удовиченко, Н.Л. Юнаков (посмертно). Порвавший с С.В. Петлюрой генерал Н.А. Капустянский не был награжден крестом, но иногда носил эту награду, принадлежавшую его погибшему товарищу^{II}. Ветераны Украинской Галицкой армии отмечались собственными знаками, возникшими также уже в период эмиграции. Основной наградой был Галицкий крест. Известно, в частности, что им был награжден генерал Н.А. Капустянский^{III}.

Генштабисты, служившие в латвийской армии и в дружественных ей иностранных армиях, в 1920-е гг. награждались орденом Лачплесиса. Среди таких офицеров Р.К. Бангерский, М.Ю. Гартман, И.Я. Лайдонер, А.И. Ларка, В. Озолс, П.К. Радзин, И.Я. Ринк, И.И. Терванд (Тырванд) и др.^{IV} Служивший в эстонской армии бывший капитан В.И. Мутт был награжден в 1921 г. Крестом Свободы^V. Крест Свободы 1-го разряда 1-й степени получил Я.Г. Соотс^{VI}. Поступивший в финскую армию генерал П.К. фон Герих в 1918 г. был награжден крестами 3-го и 2-го класса финского ордена Креста Свободы, прусским Железным крестом 2-й степени, памятной медалью освободительной войны, а в 1919 г. памятной медалью битвы при Тампере. Генерал А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг имел похожий комплект наград: кресты 4, 3 и 2-го класса финского ордена Креста Свободы, прусский Железный крест 2-й степени, медаль освободительной войны и рыцарский крест финского ордена Белой Розы. Орденом Белой Розы был награжден и генерал О.К. Энкель.

Необходимо затронуть и такой отсутствовавший в РККА, но практиковавшийся в антибольшевистском лагере способ поощрения офицеров, как чинопроизводство. Ускоренное чинопроизводство Гражданской войны вело к появлению в штаб-офицерских и генеральских чинах еще совсем молодых и порой неопытных людей. Впрочем, в ряде случаев производства были вполне заслуженными и способствовали выдвижению ярких командиров, понимавших особенности Гражданской войны. Полковник Е.Э. Месснер уже в эмиграции писал, что в Гражданской войне принцип старшинства неприменим, и сокрушался, что войсками Киевской области в 1919 г. руководил инертный старорежимный генерал А.М. Драгомиров, а не молодой и энергичный полковник Б.А. Штейфон, который мог бы мобилизовать на этой территории несколько дивизий, а не одни лишь местные гарнизоны^{VII}.

^I Там же. С. 198, 200.

^{II} Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. С. 130.

^{III} Ковальчук М. А. Генерал Микола Капустянский (1881–1969). Київ, 2006. С. 103.

^{IV} Lāčplēša kara ordena kavalieri: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1995.

^V ERAF. 130SM.1.14805. Л. 10об.

^{VI} ERAF. 130SM.1.3345. Л. 35.

^{VII} Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. Л. 223 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3; Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 546.

Действительно, в среде генштабистов существовал поколенческий раскол. Старшее поколение считало молодежь (особенно выпускников ускоренных курсов) неподготовленной, а представители младших поколений упрекали «стариков» в непонимании реалий Гражданской войны. Об этом, в частности, писал 36-летний выпускник академии (выпуск 1913 г.) полковник В.К. Манакин в сентябре 1923 г. в правление Общества русских офицеров Генерального штаба в КСХС: «Нужно признать, что нашему молодому поколению Ген. штаба, прошедшему школу войны Германской на младших должностях, а школу войны Гражданской — на руководящих должностях в строю, — трудно понять наших старших коллег: опыт наш дал нам известный взгляд на современное положение, который во многом отличен от норм и понятий, преподававшихся нам до войны в строю и академии. Я говорю не столько о тактике и стратегии, сколько о более трудной науке понимания психологии масс и отдельных людей и о сделанных выводах из опыта жизни... мои утверждения отнюдь не голословны и подтверждаются почти всеми молодыми офицерами Ген. штаба, начиная от выпуска, примерно, 1911–1912 года»¹.

Среди выпускников академии встречались отдельные офицеры с впечатляющими карьерами за период 1917–1922 гг. Так, капитаны К.М. Александров и С.Н. Барышников на Востоке России к концу Гражданской войны стали генерал-майорами. Такой же карьерой мог похвастаться и Д.Р. Ветренко, служивший в украинской армии и у белых на Северо-Западе России. Поручики А.Н. Бакулевский и Н.А. Безобразов у белых на Востоке России за два года дослужились до полковников. Капитан М.Д. Безручко к концу Гражданской войны дослужился до генерал-хорунжего украинской армии.

Служивший в Донской армии В.А. Замбржицкий в октябре 1918 г. описал свои переживания в связи с производством в генералы на страницах дневника: «Что и говорить, лестно в такие молодые годы быть генералом, — мне ведь всего 35 лет и я никогда не мечтал носить в это время генеральские погоны, тем более что всего лишь 2 года назад, до Пасхи 1916 года, я был только капитаном!»² Правда, офицер отметил, что отнесся к своему генеральству буднично, так как в Гражданскую войну ранние производства стали обыденным явлением.

О стремительных карьерах белых генералов как о причине неудачи белого Юга (и прежде всего Донской армии) писал уже в период эмиграции, 2 марта 1921 г., генерал А.Н. Алексеев генералу П.Н. Врангелю. Документ содержал рекомендации по устранению недочетов в целях возобновления борьбы с большевиками. Алексеев, в частности, отметил: «Ненормальные, смехотворные явления в армии должны быть теперь уничтожены раз навсегда. Все эти опереточно-кустарные генералы, полковники обязаны уступить место людям опыта, знания и долга. Нужно призвать на должности опытных кадровых офицеров, умело и храбро сражавшихся в Великую войну. Троцкий понял это и призвал всех, требуя лишь работы, не считаясь с их политическими воззрениями; вот почему такие генералы, как Гутор, Парский, Клембовский, Брусилов, служат в Красной армии, а у нас такой

¹ Цит. по: Посадский А. В. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус: Эпизод Гражданской войны. М., 2018. С. 511.

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

ученый специалист, как генерал Пашенко¹, сидит без места, торгует в кантине², все ожидая персонального вызова. Русской армии нужны люди, нужно их много, чтобы творить дело.

Вундеркинлизм впервые явился с благословения ген. Краснова, который, подражая Наполеону, стал создавать себе маршалов; они должны были дать ему опору и вес, но маршалы Наполеона завоевали ½ мира, а наши маршалы ничего не завоевали, но зато побежденные с валютой расхаживают по Константинополю, Белграду, Парижу. Ген. Краснов умудрился получить в один день 2 чина, его командующий армией в 3 месяца получил 2 чина, то же проделал и начальник штаба (был только что произведенный подполковник, а через 4 месяца надел генеральские погоны), немудрено, что, благодаря взятому тону, прапорщики 1917 года ныне уже полковники и генералы; так же щедро награждались и те офицеры, которые сидели в канцеляриях, управлениях, обозах и в Войсковом Круге, так, член Войскового Круга, бывший пристав, уволенный в отставку подполковником, сидя в Войсковом Круге, через три месяца был уже генерал-майор. Тон, взятый в Донской армии, нашел отзвук в Добровольческой армии. Вакханалия чинопроизводства и наград дошла до карикатурных размеров. В общем, по тем наградам и чинам, которые давались в Донской армии, можно было думать, что эти высоко талантливые молодые начальники революционного периода не только овладели Москвой, Петербургом, Берлином, Парижем, перебросились к Нью-Йорку, овладели Чикаго, но и победно продвигаются к С[ан-]Франциско, а между тем результаты плачевны: все эти начальники топтались на Дону, Кубани, Крыму, а затем и были выброшены в С[ан-]Стефано.

В настоящей нормальной армии никаких чинопроизводств в Гражданскую войну не должно быть или если таковые даются, то весьма ограниченно, так, в междоусобную войну Севера и Юга Америки действительно талантливый полководец полковник [Р.Э.] Ли был к концу войны произведен в генерал-майоры. Можно оправдывать производство казаков в офицерские чины как прием или средство, усиливающее ряды офицеров. Так же нелепо награждать царскими орденами.

Авторитет вундеркиндов ничтожен. Поднявшись на высокую ранговую ступень, не впитав еще службой понятие долга и чести, такой молодой начальник отлично пользуется обстановкой ненаказуемости, перестает быть дисциплинированным и зачастую начинает изощряться во всех способах быстрого обогащения, особенно видя пример своих начальников, таких же революционных героев, быстро проскочивших в дамки. Более хитрые и предусмотрительные сумели вовремя скупить ценности и дома. Сделавшись богатыми, у них интерес к борьбе отошел на задний план; вот почему при отступлении в 1919 году некоторые из таких начальников не только не пожелали исполнить приказ двинуться в тыл [Б.М.] Думенко, наступавшему в Новочеркасск, но и заговорили о необходимости мира с большевиками. Нельзя не сознать, что в этот период паника шла сверху, и, наоборот, казаки твердо верили в успех и недоумевали, почему отступление идет так поспешно.

¹ В эмиграции оказались не менее трех генералов (негенштабистов) с такой фамилией. По-видимому, речь идет о В. Г. или Е. Г. Пашенко.

² Кантина — таверна.

В общем вундеркинды не спасли Россию, а, напротив, довели нас до настоящего тяжелого положения. Мое отрицательное отношение к вундеркиндизму еще не значит, что ими нельзя воспользоваться: я полагаю, что они будут полезны, но только их нужно поставить на настоящее место: теперь вундеркинд командует дивизией, бригадой, полком, а между тем его надлежащее место быть только командиром сотни и самое большее – командиром полка, храбро бросающимся в атаку. Отличительная черта вундеркиндов – недисциплинированность, невыполнение боевых приказов, что пагубно отражается и на казаках, и [на] солдат[ах], которые перестают быть послушным орудием своих начальников...

Кроме вундеркиндизма отрицательной стороной, возбуждающей неудовольствие, является протекционизм... Привожу характерный случай: в учреждение баронессы [О.М.] Врангель обратился с просьбой о выдаче одежды заслуженный генерал, плохо одетый, ему было княгиней Урусовой отказано. Сейчас же после ухода генерала трем молодым офицерам, заявившим кн[ягине] Урусовой, что они – гвардейские офицеры и нуждаются в обмундировании и белье, было все просимое выдано... Впоследствии один из офицеров рассказал, что они обманули княгиню, назвавшись гвардейцами, ибо знали, что только гвардейским офицерам выдавались костюмы, пособия. Разумеется, полученные костюмы были проданы на рынке, а генерал, действительно нуждавшийся в платье, остался без костюма. В Донской армии со времен [генерала] Краснова офицеры Атаманского полка стали быстрым темпом производиться в генерал-майоры и генерал-лейтенанты и так быстро, что сами стали удивляться, откуда у них обнаружили такие великие таланты...»^I По мнению генерала П.И. Аверьянова, Деникин отталкивал старшее кадровое офицерство и тяготел «к новому офицерству революционной и добровольческой формации»^{II}.

Существовала и противоположная крайность: многие белые генштабисты за годы Гражданской войны не были произведены ни в один чин. Основная масса производилась в один-два чина. Генерал-квартирмейстер ВСЮР Ю.Н. Плющевский-Плющик вспоминал: «Немалую роль в отношениях Деникина к офицерству играл вопрос о производствах.

Стремясь к высшей справедливости, устроили что-то вроде Глав[ного] штаба и поставили во главе его [А.П.] Архангельского, который и приступил к своей деятельности, сохраняя и масштабы, и повадки учреждения, его создавшего. Получилась невероятная волокита. Производства лежали месяцами, а ожидавшие их офицеры гибли на фронтах, не дождавшись давно выслуженного отличия. Деникин знал об этом»^{IV}.

Возможности карьерного роста сокращались, если офицер ранее служил в РККА или в национальных армиях. Часть войны такой офицер служил в другом лагере, и требовалось время на то, чтобы его приняли после перехода через линию фронта на новом месте службы. Чинопроизводства национальных армий белые

^I В документе несогласованно – казаков.

^{II} HIA. P. A. Koussonsky collection. Box 6.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

^{IV} Плющевский-Плющик Ю. Н. 1918–1920 годы. Добровольческая армия // BAR. lu. N. Plushchevskii-Plushchik collection.

на Юге не признавали, поэтому те, кто успел там получить повышение, переходили на службу к белым в своем последнем чине старой армии. Впрочем, за службу в РККА можно было расстаться если не с жизнью, то с офицерскими чинами вообще, так как высокопоставленных перебежчиков из числа военспецов белые разжаловали в рядовые.

Ускоренные производства рушили прежнюю систему взаимоотношений. Генерал П. С. Махров писал о генерале Е. И. Достовалове: «Апломб, с которым он говорил со мной, самоуверенность и манера держать себя обнаруживали в нем генерала производства Гражданской войны, забывшего традиции взаимоотношений и корректность между старшими и младшими офицерами Генерального штаба»¹.

В обстановке Гражданской войны должности стали значить больше, чем чины, а прежняя субординация оказалась нарушена. В Добровольческой армии в связи с переизбытком генералитета и старших офицеров такие лица нередко служили на незначительных постах. Определяющим фактором для построения карьеры оказывалась близость к вождям — генералам М. В. Алексею, А. И. Деникину, Л. Г. Корнилову и др., т. е., по сути, лояльность, а также стаж службы у белых. На руководящие посты могли претендовать те, кто поступил в армию с самого начала. Пришедшие позднее, пусть даже более квалифицированные офицеры, пробивались наверх с трудом. Этим белые армии отличались от РККА, где в случае лояльности на высокий пост мог быть назначен даже недавний перебежчик из лагеря противника. Вождизм у белых приводил к тому, что вокруг каждого из харизматических руководителей на разных уровнях служебной иерархии консолидировались ориентированные на него офицеры, делавшие карьеру по мере роста их лидера, выполнявшего функцию толкача. Например, на Востоке России полковник (а затем генерал) В. И. Оберюхтин являлся бессменным начальником штаба при генерале К. В. Сахарове. По мере служебного роста Сахарова рос и Оберюхтин, за несколько месяцев доросший из генерал-квартирмейстеров штаба армии до начальника штаба Восточного фронта белых.

На высших постах в белых армиях Востока России (командующих армиями, корпусами, дивизиями) оказалось незначительное количество генералов старой армии. Те, кто получал такие назначения, редко демонстрировали эффективность и оказывались на своем месте. Некоторые генштабисты по разным причинам находились не у дел. Острая нехватка офицерских кадров приводила к ускоренному чинопроизводству и к стремительному продвижению по службе младшего и среднего звена командного состава. До 1918 г. менее половины высших руководителей Белого движения на Востоке России имели генеральские чины, большинство же начальников высших штабов и командующих армиями имели до 1918 г. чин полковника, не говоря уже о нижестоящих начальниках². Генералами нередко становились еще совсем молодые люди, достаточно энергичные, но не обладавшие ни жизненным, ни административным опытом. К примеру, А. Я. Крузе получил первый генеральский чин в 26 лет. Помимо харизмы лидеров, энергии, понимания природы Гражданской войны молодежи в генеральских погонах были

¹ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 6. С. 513–514 // BAR. P. S. Makhrov collection.

Вох 4. С неточностями опубл. в: Его же. В белой армии генерала Деникина. С. 158.

² Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 269.

свойственны недооценка противника, военно-политический авантюризм, шапкозакидательство, легкомыслие. В общей сложности генеральские и адмиральские чины в 1918–1922 гг. на Востоке России получили свыше 384 офицеров¹. Всего же в антибольшевистских силах Востока России служили не менее 728 генералов и адмиралов. Таким образом, более 53% белых генералов и адмиралов Востока России получили высшие чины непосредственно в Гражданскую войну. Следует учесть, что как до возникновения централизованного командования антибольшевистскими силами Востока России, так и в период распада белых армий Восточного фронта практиковались производства в генеральские чины различными местными властями и атаманами. Молниеносность производства порой являлась поводом для ироничных наблюдений². Сотни новоиспеченных генералов были явно избыточны для белых формирований Востока России и, наоборот, усугубляли нехватку кадровых офицеров на более низких ступенях служебной иерархии. Командирами полков порой становились обер-офицеры. Многие опытные старшие офицеры – ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях.

Показателем слабости военной системы белых и фактического отсутствия централизации и единоначалия стало и то, что в период конфронтации опиравшегося на Японию атамана Г.М. Семенова с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком первый осуществлял собственные массовые производства в генеральские чины. При этом 30 из 35 генералов, произведенных Семеновым в 1918–1921 гг., в первой половине 1918 г. служили в его Особом Маньчжурском отряде, т.е. являлись лично преданными ему проверенными людьми с боевым опытом Гражданской войны³. Фактически речь шла о создании Семеновым собственной генеральской группировки. Генерал А.П. Будберг писал, что семеновские начальники «присваивают себе небывалые титулы, пугачевские производства и никогда не заслуженные георгиевские кресты»⁴.

У истоков Белого движения на Востоке России стояли, как правило, молодые штаб-офицеры, которые достаточно быстро получили генеральские чины. Ускоренное чинопроизводство продолжалось и в дальнейшем. Такая кадровая политика вела к появлению «выскочек» и «вундеркиндов», вызывала недовольство старых заслуженных генералов, получивших свои чины в результате многолетней службы (до Февральской революции правом производить в генеральские чины обладал лишь император). Генералы дореволюционного производства на должностях начальников дивизий и командиров корпусов были единичны и в основном себя в условиях Гражданской войны не проявили. Генеральская молодежь, вполне естественно, не собиралась уступать старшему поколению. Тем более что многие молодые генералы обладали значительными заслугами перед Белым движением. На это накладывалась специфика Гражданской войны, которую старые офицеры не всегда могли уловить и должным образом перестроиться⁵. Отзвуки

¹ Подсчитано с уточнением по: Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011.

² Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 313.

³ Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 186.

⁴ НИА. А. Р. Budberg collection. Box 1. С. 50б; опубл. в: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 599.

⁵ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 111.

противоречий сохранились даже в эмиграции. Так, генерал В.М. Молчанов, получивший первый генеральский чин в 33 года, заявил критиковавшему «выскочек» заслуженному генералу А.П. Будбергу, который был на 17 лет старше: «Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра – Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого. Потому что Вы знали: дивизия, по-вашему, – это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем – у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи»^I.

Еще в начале ноября 1918 г. был издан приказ главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева о приостановке чрезмерно ускорившегося чинопроизводства. Предписывалось делать представления о производстве лишь за особо выдающиеся подвиги, а в остальных случаях ограничиваться объявлением благодарностей^{II}. В войсках Колчака командующие армиями в июне 1919 г. получили право производить офицеров в чины до капитана включительно^{III}. Вышестоящие производства осуществлялись приказами Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. 28 августа 1919 г. последовал приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 179 о том, что в генеральские чины вне театра военных действий разрешалось производить лишь за боевые отличия и за особые государственные заслуги.

Гражданская война открывала невиданные возможности для карьерного роста. Как вспоминал советский генерал А.В. Горбатов, «если раньше, в царской армии, было лишь поговоркой: “Плох тот солдат, который не надеется быть генералом”, то при советской власти в Красной армии стала эта поговорка реальной возможностью.

В Красной армии как вооруженной силе революционного государства любой красноармеец, проявивший себя способным, волевым и преданным делу революции, может стать командиром и продвигаться вверх по командной линии, – так было со всеми командирами Красной армии, так было и со мной»^{IV}. Всего за год с 1919 по 1920 г. Горбатов прошел путь от рядового красноармейца до командира взвода, эскадрона, полка и бригады.

Карьеры генштабистов, считавшихся буржуазными специалистами и обладавших специфическим образованием, строились несколько иначе. Они, с одной стороны, предопределялись профессионализмом, служебным стажем и заслугами в Гражданскую войну, а с другой – патрон-клиентскими связями. В Красной армии принцип выдвижения на более высокие посты был меритократическим (назначения производились не по старшинству или чину, как было в старой армии или у белых, а по профильному образованию и заслугам перед РККА), но благосклонность начальства и личная преданность, в том числе партийным вождям, никогда не могли быть лишними. Разумеется, важнейшим фактором была и политическая лояльность новой власти.

^I Молчанов В. М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 109–110.

^{II} ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 24. Л. 70.

^{III} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.

^{IV} Горбатов А. В. Годы и войны: Записки командарма. 1941–1945. М., 2008. С. 94.

Можно отчасти согласиться с орловским историком С. Т. Минаковым, по мнению которого Троцкий пытался комплектовать комсостав Красной армии на до-революционных принципах, учитывая образовательный ценз, служебный стаж и боевой опыт. При таком подходе на первый план выдвигались старые генштабисты, затем генштабовская молодежь и, наконец, кадровые офицеры, офицеры военного времени и пр.¹

Следует сделать несколько оговорок. Прежде всего, в Красной армии не нашла применения изжившая себя, архаичная, но крайне значимая для старой армии система продвижения по службе по старшинству, напоминавшая средневековое местничество. Отмена старшинства и упразднение чинов являлись прогрессивными преобразованиями в той ситуации. Благодаря этому удавалось избегать многих конфликтов, от которых страдали белые (особенно в связи с неупорядоченностью чинопроизводства в Гражданскую войну). Кроме того, могли быстрее продвигаться по службе молодые командиры, хорошо проявившие себя на фронте (не только генштабовская молодежь и офицеры военного времени, но и «народные полководцы» без специального образования, как, например, С. М. Буденный или В. И. Чапаев). При заметной опоре Троцкого на опытных штабных специалистов на руководящие посты активно проникали и молодые спецы. И хотя в РККА некоторые военспецы пытались не подчиняться младшим по службе в старой армии (например, А. А. Свечин в 1918 г. отказывался подчиняться В. Н. Егорьеву^{II}), но эти противоречия постепенно сгладились. Кроме того, крайний дефицит кадров Генштаба привел к их концентрации, прежде всего, на подлежащих замещению генштабистами должностях, а исключения лишь подтверждали правило. Фактически это были технические специалисты.

Поскольку большевики не были связаны многочисленными условностями, существовавшими в старой армии, они могли решать кадровые вопросы гибче, чем противник, и с лучшим результатом. Это особенно заметно на примере специалистов Генерального штаба, использовавшихся исходя из факта обучения офицера в академии, а не из формальных критериев причисления и перевода в Генштаб, как было у белых.

При отсутствии в Красной армии воинских чинов или званий карьера определялась занимаемыми должностями. Важно понять, по какому принципу происходили назначения. В делопроизводстве Красной армии генштабисты упоминались с приставкой «Генштаба» (например, Генштаба А. И. Верховский, Генштаба П. П. Лебедев). Именовались они «лицами Генерального штаба». Подобная обособленность была намеренной и требовалась, чтобы выделять квалифицированных специалистов в комсоставе РККА. Несмотря на отмену чинов, последний чин в старой армии и год окончания академии указывались в различных списках «лиц Генштаба». Разумеется, прежний служебный стаж и опыт принимались во внимание при назначении на новые должности. Наконец, 19 сентября 1919 г. Л. Д. Троцкий, С. И. Гусевым и С. С. Каменевым в качестве приложения к приказу РВСР № 1494 были утверждены «Временные правила о продвижении

^I Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 233–234.

^{II} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954. Смоленск, 2018. С. 576.

на высшие командные должности лиц командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии и об аттестовании этих лиц». Согласно этим правилам, продвижение совершалось в порядке постепенности, причем «лица командного состава, не имеющие служебного стажа по предыдущим командным должностям, не могут быть назначаемы на высшие командные должности»^I. Исключения допускались лишь с санкции РВС, когда речь шла о наличии особых способностей. Необходимый стаж командиров взводов, рот и батальонов составлял 2 месяца, командиров полков, бригад и дивизий — 4 месяца, для командующих армиями и фронтами продолжительность пребывания в должности установлена не была. Сроки могли сокращаться наполовину при наличии у командиров ордена Красного Знамени, при постоянной службе в боевых условиях и «для лиц с высшим военным образованием». Зачисление генштабистов в кандидаты на должности совершалось с согласия Совета ВГШ. Свою роль играли аттестации военных комиссаров и непосредственных начальников, дававшиеся не менее четырех раз в год (к 1 января, к 1 апреля, к 1 июля и к 1 октября)^{II}.

Ключевые посты, как правило, доставались генштабистам довоенных выпусков. Менее опытные выпускники ускоренных курсов оказывались на обочине, что вызывало недовольство с их стороны. Курсовик И. Ф. Ораевский вспоминал, что «в период Гражданской войны старые генштабисты захватили все высоты командования Красной армии, оттирая нас, молодых академиков, на третьестепенные и более опасные места и тем разделяя одних от других»^{III}. Такой взгляд разделял и советский главком И. И. Вацетис, по воспоминаниям которого «старый Генеральный штаб, проиграв мировую войну, ухитрился захватить в свои руки инициативу в военном строительстве Советской России и очутился во главе этого дела»^{IV}.

В РККА старались продвигать командиров, исходя из их способностей. Бывший генерал М. С. Тюлин, который не был выдающимся военачальником и в Первую мировую войну был даже отстранен и предан суду за ошибочные решения^V, практически не рос в карьерном плане у красных и не получил командных постов. Бывший генерал К. Я. Шемякин, которого современник характеризовал как ленивого эгоиста, совершенно не понимавшего службу Генштаба и неспособного быть начальником штаба корпуса^{VI}, также не продвинулся в РККА за все время Гражданской войны дальше постов начальника Тульской пехотной школы, начальника административно-мобилизационного отдела Тульского губвоенкомата и тульского губернского военрука.

Впечатляющей карьерой за годы Гражданской войны могли похвастаться М. И. Василенко (успевший послужить в 1918–1919 гг. даже у белых на Восточном фронте), И. И. Вацетис, С. С. Каменев, А. И. Корк, дослужившиеся до главнокомандующих, командующих фронтами и армиями — высших постов в советской военной иерархии.

^I РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–11.

^{II} Там же. Л. 10–11.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3169 (3330). Л. 33.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178.

^V Подробнее см.: Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 60.

^{VI} Розеншильд фон Паулин А. Н. Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 2014. С. 33, 337–338.

Бывший капитан А. И. Корк, поступивший в РККА летом 1918 г., в 1918–1920 гг. занимал должности начальника отдела штаба армии, начальника штаба армии, помощника командующего армией и командарма. Бывший подполковник Е. Н. Сергеев, вступив в РККА летом 1918 г., в 1918–1920 гг. занимал посты начальника штаба дивизии и бригады, начальника штаба армии, командующего группой войск и командующего армией. Бывший подполковник В. С. Лазаревич, поступив в новую армию весной 1918 г., в 1918–1920 гг. занимал должности начальника отдела ВГШ, начальника отдела штаба армии, начальника штаба армии, начальника штаба группы войск, командарма.

Среди тех, кто окончил академию в мирное время и выдвинулся на руководящие посты в РККА, были лица, протезировавшие курсовикам. Одним из них являлся главком И. И. Вацетис, который до революции не считался полноправным офицером Генштаба и имел свои счеты со старыми генштабистами. Впоследствии он вспоминал о периоде Гражданской войны: «Я держался того мнения, что РСФСР нуждается в единой пролетарской регулярной РККА, в немедленном увольнении в отставку старых реакционных генералов Генерального штаба, заседавших в Высшем военном совете и Всероглаштабе, и в замещении уволенных середняком Генштаба, который смотрел на создавшееся в России положение менее зависимо от истории прошлого»^I. Сложно понять, кого Вацетис считал «середняком Генштаба». Но он действительно старался поддерживать генштабовскую молодежь в противовес старым кадрам. Племянник главкома Э. И. Вацетис свидетельствовал: «Главком, по-видимому, больше сочувствовал и доверял молодому выпуску [генштабистов]. По его словам, он скорее все поймет и привыкнет к новым порядкам, а со старым Генштабом в таком отношении было трудно что-либо сделать»^{II}. В этом, несомненно, сказывался факт неудачного окончания академии самим Вацетисом.

Характерно самодовольное заявление Вацетиса из его воспоминаний: «В Ставке были собраны мною самые талантливые лица Генерального штаба, которым завидовали, но которых нельзя было ни в чем упрекнуть и которые не сделали ни одной крупной стратегической ошибки... Полевой штаб работал безукоризненно, много и высоко-честно. Подбору таких лиц Генштаба я обязан моему всегдашнему правилу: 1) окружать себя талантливыми, умными людьми, 2) относиться с презрением к спекуляции на бездарность и к т. н. благообразным людишкам»^{III}.

Резко контрастируют с этим характеристики Вацетиса, оставленные его ближайшим сотрудником, начальником ПШ РВСР Ф. В. Костяевым в пересказе представителя молодых генштабистов Н. Н. Доможирова: «Дурак, идиот, скотина, старая шляпа, недоучившийся стратег, бывая пьяный в штабе, [говорил?] что дрожит перед всяким комиссаром, правительство его держит, потому что он пешка, бессловесный и т. д.»^{IV}.

Сам Костяев отмечал, что старался придерживаться определенных правил при назначениях молодежи. Он свидетельствовал, что амбициозные молодые

^I LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 30об.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 96об.

^{III} LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 114об.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 202.

генштабисты выпуска 1917 г. стремились к руководящим постам, однако Костяев старался давать им назначения, соответствовавшие их квалификации, с тем, чтобы эти специалисты продвигались по службе постепенно с менее значимых должностей. Так, Костяев попытался перевести на более подходящие места П.М. Майгура и Е.В. Сысоева. Между Костяевым и главкомом И.И. Вацетисом возникли разногласия по кадровым вопросам, обусловленные тем, что последний стремился выдвигать молодых специалистов. Споры случились из-за попыток Вацетиса провести назначения Н.Н. Доможирова и Е.И. Исаева¹. Кроме того, по мнению Костяева, под влиянием событий молодые генштабисты выпуска 1917 г. пришли к выводу о необходимости значительного опыта для несения службы Генерального штаба в ПШ РВСР и на фронтах и о том, что все же требуется постепенное карьерное продвижение от менее значимых постов к более значимым. Показательно, что, когда возник вопрос о переводе в Генеральный штаб слушателей следующего выпуска 1918 г., курсовики 1917 г. стали протестовать, утверждая, что следующий выпуск не подготовлен в техническом отношении². Костяев свидетельствовал, что «при назначении членов выпуска 1917 г. на должности я держался того же принципа, как и при назначении других генштабов, в основу кладя известный опыт (стаж) и личные качества. Если ко мне и поступали единичные просьбы о перемещениях, то исключительно лишь по семейным обстоятельствам или неблагоприятно сложившимся условиям службы»³. Со временем различия между доверенными выпускниками академии и курсовиками в РККА утратили свою остроту.

Вопрос о назначениях генштабистов обсуждался и в советской военной печати. Автор одной из статей в начале 1919 г. возмущался неправильным, в его понимании, распределением кадров Генштаба, которые делились на две категории: непрерывно служащих с начала войны и служащих с перерывами⁴. Первая категория уходила от службы Генштаба «в «губернаторы», «авиаторы», «атташе»; это было до войны. Во время войны забирали на службу «Генштаба» всех, кто даже имел счастье выдержать экзамен в академию при округе, не говоря уже об окончивших без права быть когда-либо «генштабистом».

В минувшую войну всех этих «авиаторов», губернаторов, градоначальников, преподавателей и литераторов, не считаясь с их призванием, способностями и знаниями, а только руководясь причастностью в той или иной степени к «Генштабу», посадили в штабы и на посты для руководства войсковыми соединениями.

Мы знаем, что из этого вышло, достаточно назвать фамилии одного из бывших когда-то наштармом XII — хорошего редактора и плохого «оператора»⁵ и некоего «отличного» градоначальника и панического и неумелого командира бригады, и многих других, чтобы всякому стало ясно, что «*патент Генштаба*» — не *патент «оператора»*.

¹ Там же. Т. 2. Л. 13–14.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Нотин К. О распределении наличных сил «ген-штабистов» // ИН. 1919. 09.02. № 27. С. 5.

⁵ По-видимому, речь идет о генерал-майоре (впоследствии — генерал-лейтенанте) В. В. Беляеве, занимавшем пост начальника штаба 12-й армии с 22 ноября 1915 по 10 апреля 1916 г., а в 1910–1914 гг. являвшемся главным редактором газеты «Русский инвалид» и журнала «Военный сборник». В Гражданскую войну Беляев служил у белых на Юге России.

Нужно душой и сердцем быть слитым с делом управления и жизнью войск, чтобы руководить ими на полях сражений. “Мы не ‘генштабы’, мы только консультанты”, – сказал Свечин в докладе об академии Генерального штаба. Я бы сказал, что и консультантами при войсковых начальниках *не все могут быть*^I.

Автор указывал на то, что представителям второй категории было вообще все равно, где служить. Что он хотел этим сказать, критикуя обе группы генштабистов, не вполне понятно. Далее читаем: «Идут широко назначения на фронт, на ответственные посты “Генштаба” с ничтожным боевым штабным опытом, бывших преподавателей без всякого стажа “срывают” с мест военно-административного и военно-учебного характера, требующих широкой военно-научной подготовки, но мало имеющих общего с военно-оперативными знаниями... Между прочим, замечу, что назначение в действующую армию производится из “генштабистов” *более молодых*, следовательно, менее опытных как консультантов, а тем более как “операторов”^{II}». Автор предлагал предоставить специалистам ту работу, которую они выбирали себе добровольно, а на должности «операторов» назначать лишь тех, кто был известен в этой области. Как это согласовалось с острейшим дефицитом кадров военного времени, он не задумывался. Пожалуй, единственная справедливая мысль статьи касалась технических должностей Генштаба, которые могли быть, по мысли автора, замещены бывшими офицерами с опытом службы в полевых штабах, но не оканчивавшими академию.

При назначениях могли работать различные неформальные связи. Если у кого-то имелся выход на высокопоставленных партийных деятелей, задействовались такие возможности. Так, М. С. Свечников пытался использовать связи с высшим партийным руководством в карьерных целях, в том числе вопреки всякой субординации. 26 января 1919 г. он направил лично В.И. Ленину копию доклада главкому о положении на Каспийско-Кавказском фронте^{III}. 13 июня 1919 г. он отправил из Казани телеграмму главкому И.И. Вацетису, председателю РВСР Л.Д. Троцкому и члену РВСР И.Т. Смилге, а также В.И. Ленину, А.Г. Шляпникову (знакомому Свечникова по службе в Астрахани), в ВГШ Н.И. Раттэлю (Свечников был однокашником по академии его младшего брата И.И. Раттэля), председателю казачьего отдела ВЦИК Ф.П. Степанову, председателю Финского красного сейма К.А. Маннеру и в Симбирск в РВС Восточного фронта. Речь шла о желании военспеца занять пост командующего армией, о чем он осведомил все военно-политическое руководство Советской России, не забыв и лидера финских коммунистов Маннера. Впрочем, армии в командование Свечников так и не получил^{IV}.

Другим вариантом карьерной поддержки была общность по выпуску из академии. Так, например, бывший полковник В.И. Шишкин, окончивший академию в 1907 г. вместе с главкомом С.С. Каменевым, использовал это обстоятельство для получения необходимого назначения. 18 ноября 1920 г. он поздравил Каменева с победой над Врангелем и в дружеской форме изложил свою просьбу: «Прости

^I Нотин К. О распределении наличных сил «ген-штабистов». С. 5.

^{II} Там же.

^{III} ДГК. С. 272.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 196–197.

меня, пожалуйста, что снова надоедаю просьбой, которыми тебя, вероятно, заваливают и ты, вероятно же, посылаешь всех просителей к черту. Но что же делать, если имеешь возможность как-нибудь иначе устроить свою судьбу»¹. Шишкин просил не забыть о нем при создании Одесского военного округа, где намеревался служить².

В Гражданскую войну противники демонстрировали различные подходы к награждениям. В РККА был учрежден новый орден Красного Знамени. Награждение им было редкостью в среде военспецов-генштабистов, что, по-видимому, объясняется классовым подходом к вопросу вручения орденов. Даже те высокопоставленные военные, которые создавали Красную армию, не всегда удостоивались этой награды. Например, в Гражданскую войну ее не получили М.Д. Бонч-Бруевич и И.И. Вацетис (награжден лишь к десятилетию РККА в 1928 г.), хотя их вклад в создание РККА трудно переоценить. Практиковались поощрения и другого вида — одеждой, памяtnыми подарками. В белых армиях награждали орденами, медалями, чинами, благодарностями. На Востоке, Севере и Северо-Западе использовались дореволюционные награды. На Юге России белые создали свою оригинальную наградную систему.

Что касается карьерного продвижения, то подходы также отличались. В РККА были упразднены чины, следовательно, должны были применяться иные критерии для выдвижения на должности. Красная армия стала настоящим социальным лифтом, предоставляя возможность простым крестьянам стать командирами, получить образование и, что называется, «выйти в люди». В отношении военспецов-генштабистов первоначально приоритет отдавался более опытным представителям довоенных выпусков, также важны были результативность и лояльность. На назначения влияли складывавшиеся в армии партийно-военные группировки и протекция.

Влияние группировок и протекции было характерно и для белого лагеря. Также в белых армиях был важен стаж службы офицера непосредственно в рядах белых. С одной стороны, белые произвели в высокие чины большое количество офицеров, которые получили ироничное прозвание «вундеркиндов». С другой, были ограничены вопросами старшинства и другими условностями, сохранявшимися еще с дореволюционных времен. Очевидно, более перспективным являлся подход красных, позволявший выдвигать на значимые посты тех, кто действительно этого заслуживал, исходя из результатов.

§ 3. Злоупотребления, должностные преступления и проступки

Гражданская война, политика «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры, сопровождавшиеся разрухой, всеобщим дефицитом и голодом, предъявляли особые требования к людям, облеченным властными полномочиями. Наряду

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 242.

² Там же. Л. 242об.

с кристально честными руководителями находились те, кто был не прочь воспользоваться служебным положением в личных целях, участвовал в хищениях и спекуляциях. Не составляли исключения и генштабисты. Они как представители дореволюционной элиты особенно остро ощущали ограничения революционного и военного времени, поскольку привыкли к совсем другому образу жизни до мировой войны и революции.

Не случайно именно с близкими к высшему советскому военному руководству военными специалистами весной 1919 г. произошел один из ярких скандалов, связанных с попыткой контрабанды большого количества дефицитных продуктов. Главными фигурантами этого дела оказались достаточно приметные в советской военной иерархии личности: родной племянник советского главнокомандующего И.И. Вацетиса – 24-летний бывший прапорщик Э.И. Вацетис, служивший адъютантом у своего дяди, а также состоявший для поручений при Вацетисе 30-летний выпускник ускоренных курсов академии Генштаба бывший капитан Е.И. Исаев. Оба были впоследствии арестованы по делу ПШ РВСР. В марте 1919 г. из Риги на территорию РСФСР они пытались вывезти ненормированное количество продуктов и товаров. Товары в результате обыска были конфискованы, а расследованием дела занялся Реввоентрибунал республики. Видимо, благодаря высокому заступничеству разбирательство через несколько месяцев было свернуто¹. Подлинники бумаг были отправлены в Серпухов члену РВСР С.И. Аралову, а копии сохранились в личном архиве председателя СНК Латвийской ССР П.И. Стучки².

Начало этой истории относится еще к марту 1919 г., когда из Риги в Двинск прибыли три вагона с разнообразным имуществом. Содержимое вагонов 13 марта было поручено досмотреть коменданту штаба армии Советской Латвии Ухенбергу и секретарю политотдела РВС Кисису. В вагоне № 528, находившемся в распоряжении советского главкома (в котором ехал в качестве начальника вагона его племянник), Ухенберг обнаружил нечто, глубоко его поразившее.

Если верить акту о конфискации, датированному 16 марта, в вагоне перевозили: 500 пачек спичек и 554 отдельных коробки, 31 разбитую коробку спичек, 122 пачки большого и 14 пачек малого размера цикория-ванили, 240 колод русских и 463 колоды германских игральные карт, 7¾ фунтов русского чая, 12½ фунтов плиточного чая, 46 пачек шнурков для ботинок по 72 пары (всего 3312 пар), 5 пачек туалетной бумаги, около 3 фунтов сахарного песка, около 3 фунтов кофе, сверток с сушеными овощами около фунта, 12 пачек сахара, 80 фунтов германского кофе-суррогата, ¼ фунта солодового кофе, 3 большие банки томата, банку казенных консервов, 15 бутылочек искусственного меда, 2 коробки сливочных конфет, 5 фуражек, 26 полубутылок коньяка, одну полубутылку зубровки, 447 бутылок шампанского (разбито 4), 25 бутылок красного вина, 43 бутылки коньяка, около 60 фунтов сливочного масла, 7 свертков с мукой, крупным горохом и жженым ячменем для кофе³. Думается, содержимое вагона способно поразить размахом не только живших в голодном 1919-м, но и наших современников.

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 254–259.

² LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 8.

Нормы вывоза из Советской Латвии в РСФСР тогда составляли: фунт сахара, 5 фунтов мяса, 3 фунта масла, 10 фунтов хлеба или 7 фунтов муки, $\frac{1}{8}$ фунта чая, $\frac{1}{2}$ фунта какао. Также разрешалось вывозить одежду: пальто или шубу, 3 костюма, 6 комплектов белья, 2 пары обуви, 3 шляпы и 4 галстука (между прочим, вывозимая одежда должна была быть ношеной). Женщинам разрешалось провозить 3 лифчика. Книги можно было вывозить только по специальному разрешению. Вывоз мебели и нешитой материи был запрещен. Впрочем, едущие по служебным делам могли брать с собой больше товаров в соответствии с мандатом^I.

Обнаруженное было конфисковано и доставлено в кладовую при комендантской части штаба армии Советской Латвии, но акт об этом составлен только через три дня после обыска и конфискации. В этом документе по причинам, вероятно, известным только работникам РВС армии Советской Латвии, не были указаны 1000 сигар (впрочем, в одном из документов говорилось, что они не были изъяты^{II}, но по каким причинам — не указано). Также первоначально указывалось, что в вагоне везли 12 ящиков спиртного. Весь ли провозившийся алкоголь был перечислен в акте при счете не по ящикам, а по бутылкам — опять-таки неизвестно.

Количество изъятого сокращалось от документа к документу. Так, во внеочередной шифротелеграмме в Серпухов Аралову из штаба армии Советской Латвии от 15 марта среди изъятого указывались 462 бутылки шампанского, 46 бутылок коньяка, 44 бутылки красного вина^{III}. Однако в личном архиве П.И. Стучки обнаружился еще один акт о конфискации, датированный 13 марта, где указано, что конфисковали только 438 бутылок шампанского, 44 бутылки коньяка, 25 бутылок красного вина^{IV}. Однако «при конфискации в вагоне означенные ящики вина были частью заделанными^V, частью открытыми и при перевозке со станции на Шоссейную 37 один ящик с красным вином упал с грузовика и около 35 бутылок оказались разбитыми. По документам, выданным при получении означенного вина из склада, должно было быть 50 бут[ылок] красного вина, 50 бут[ылок] коньяку и 500 бутылок шампанского...»^{VI}. В документах была очевидная путаница: если изъяли 25 бутылок вина, то разбить 35 никак не могли. Возможно, следы дефицитных напитков составители запутывали преднамеренно. На самом ли деле упал с грузовика и разбился ящик красного вина или же его присвоили участники конфискации, история умалчивает.

Началось расследование. Э.И. Вацетис и Исаев обвинялись «в незаконном провозе ненормированных предметов со спекулятивной целью»^{VII}, поскольку документов на право вывоза всего этого богатства у них не оказалось. Чтобы избежать суровой ответственности за спекуляцию, оба фигуранта дела перешли в наступление, упирая в том числе на свои связи на самом верху советского военного руководства.

Уже в день обыска (по другим документам, на следующий день^{VIII}) Исаев отправил телеграфную жалобу председателю РВС армии Советской Латвии

^I Там же. Л. 57.

^{II} Там же. Л. 23.

^{III} LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 14.

^{IV} Там же. Л. 6.

^V В документе — заделанных.

^{VI} LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

^{VII} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 1а.

^{VIII} LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

К. Х. Данишевскому, в которой указал, что при обыске у него исчезли красный бумажник с 7300 руб. казенных денег и две секретные бумаги доклада по командировке главкому Вацетису^I. «Пострадавшие» жаловались на «повальный» обыск и конфискацию, причем даже пытались дать законное объяснение наличию у них перевозившихся запасов. В частности, утверждалось, что вино они везли для профилактики эпидемий в Серпухове, где располагался ПШ РВСР, масло покупалось совершенно открыто в присутствии милиции по пути. В одном из документов прямо говорилось, что это были «припасы, купленные при совершенно свободной торговле и для законных потребностей»^{II}. Более того, Э. Вацетис и Исаев требовали все изъятое доставить в Серпухов^{III}.

Эти заявления явно противоречили происходившему при обыске, когда пассажиры отказывались от вещей^{IV}. По одной из версий, при обыске и вскрытии купе Исаева присутствовал только Вацетис. Самого Исаева не было, бумажник Исаева при этом не был похищен. К тому же никаких заявлений о незаконности действий властей непосредственно при обыске сделано не было. Несколько очевидцев утверждали, что Вацетис при обыске в купе Исаева тоже не присутствовал^V. Это же подтверждал и он сам^{VI}.

Э. И. Вацетис и Исаев путались в показаниях: то заявляли, что продукты и товары нужны были для питания служащих поезда, то для солдатской лавочки 5-го латышского стрелкового полка, располагавшегося в Серпухове для охраны Полевого штаба. При этом не упоминались ни мешок шнурков, ни корзина с карточными колодами. Позднее даже утверждалось, что карты приобрел для своих нужд проводник^{VII}.

В связи с телеграммой Исаева комендант штаба армии Советской Латвии, секретарь политотдела и делопроизводитель комендантской части 25 марта 1919 г. направили в РВС армии рапорт, в котором отмечали: «В телеграммах штаба Реввоенсовета республики Костяева от 19/III.1919 г. № 1287/оп. и в телеграмме состоящего для особых поручений при главкоме всеми вооруженными силами республики Генерального штаба Исаева от 14/III-19 г. № 03, сообщенных нам для дачи объяснений, заключается явно ложное, неправильное освещение фактов о производстве обыска и конфискации известных вещей в вагоне I/II класса № 528 13 марта на ст[анции] Двинск.

Ознакомившись [с] содержанием указанных телеграмм, мы заявляем в ответ на них следующее:

1) Мандат на право осмотра всех вагонов, находящихся на Двинском [вокзале?] ^{VIII}, в целях обнаружения незаконно вывозимых вещей был от Реввоенсовета армии Советской Латвии от 13 марта с.г. № 641 как у коменданта штаба [армии] Советской Латвии тов. Ухенберг[а], так и у секретаря политотдела Реввоенсовета тов. Кисиса.

^I РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 13.

^{II} Там же. Л. 19об.

^{III} Там же. Л. 20.

^{IV} Там же. Л. 53об.

^V Там же. Л. 35об., 37об.

^{VI} Там же. Л. 40.

^{VII} Там же. Л. 60об.

^{VIII} В документе сокращение неразборчиво.

Выдан был также мандат о конфискации вина и сигар в означенном вагоне от 13/III.1919 года за № 647.

2) Никаких разрешений властей на право вывоза конфискованных в вагоне вещей для солдатской лавочки лицам[и], проезжающим[и] в означенном вагоне, предъявлено не было, что конфискованные вещи не были предназначены для целей солдатской лавочки 5[-го] латышского стрелкового полка, видно хотя бы из того обстоятельства, что никто вообще не назывался хозяином вещей, которые с целью утайки от контроля были запрятаны под матрасами, запакованы на дне ящиков, корзин и т.д. Наконец, истинное назначение таковых вещей выясняет тот факт, что одна телеграмма определяет конфискованные съестные припасы для корма служащих поезда, а другая – для солдатской лавочки. Но обеими телеграммами совершенно забыты те тысячи колод карт (целая корзина) и мешок ботиночных шнурков, которые, к общему удивлению, обнаружили в том же вагоне и, главное, без хозяина.

3) Одно уже то обстоятельство, что некоторые ящики вина оказались не заделанными, принудило нас произвести обыск в вагоне. Что же касается желания бывшего начальника вагона Вацетиса выяснить дело в Реввоенсовете, то это выявилося лишь в упрек Реввоенсовету, что последний не пригласил его для объяснений. Когда тов. Ухенберг предложил немедленно послать в Реввоенсовет – последовал отказ Вацетиса. Обнаружив (как указано в пункте 2) незаконную перевозку предметов, мы, конечно, решили обыскать весь вагон.

Начальник вагона – адъютант главкома вооруженными силами республики Вацетис – при обыске решительно заявил, что о вещах, кроме вина, сигар и собственного его купе, он ничего не знает, что они пропущены наверное по небрежности охраны вагона.

4) Совершенно не обоснованным и не честно злостным является обвинение в похищенном бумажнике с семью тысячами триста рублей казенных денег и секретных документов. Для вскрытия указанного купе был приглашен проводник, который обыкновенным ключом открыл двери купе, из чего следует, что здесь в отсутствие хозяина купе Исаева был свободный доступ для проводника и других. При вскрытии купе и обыске такового у дверей стоял в качестве приглашенного свидетеля Вацетис, причем обыск в купе был произведен единолично комендантом штаба армии Советской Латвии тов. Ухенбергом, после чего купе в присутствии того же Вацетиса было проводником закрыто и не открывалось более во все время обыска.

5) Акт о конфискации был составлен, на котором расписался уполномоченный на то адъютантом главкома (он же был начальником вагона) тов. Вальтер, причем ни им, ни кем-либо другим из следовавших в указанном вагоне лиц никаких претензий о незаконных действиях при конфискации заявлено не было и в акте не оговорено (копия акта передана тов. Вальтеру). Означенный акт препровожден Реввоенсовету армии Советской Латвии при рапорте от 14 марта с.г. за № 1492.

6) Отметая решительным образом обвинения, брошенные указанными телеграммами тов. Ухенбергу и др., заявляем, что содержание телеграмм, пытающееся нарисовать картину “открытого грабежа на большой дороге”, не соответствует действительности, и к самой строгой ответственности должны быть привлечены

лица, излагающие перед революционными учреждениями ложные факты с целью прикрытия явной спекуляции»^I.

17 апреля по этому делу раньше других был допрошен Исаев. Он показал следующее: «Я был командирован главкомом Вацетисом в Ригу 4/III в вагоне, предоставленный^{II} мне № 528 и платформа с автомобилем. В Ригу я прибыл 8 или 9 марта по выполнении определенных военных заданий. В Риге пробыл 3 дня мой вагон с Э. Вацетисом, адъютант[ом] главком[а], т. Вал[ь]тер, 4 чел[овека] охраны, 2 шофера и 2 проводника, кроме этих людей в вагоне ехал заведывающ[ий] хозяйст[вом] 5[-го] полка Лапшевский и с ним несколько человек, ехали с согласия главкома. Вагон со всем[и], кроме меня, двинулся из Риги 12/III и остановился по приезде в Двинск на одни сутки, дожидаясь моего приезда, я же задержался в Риге делами службы.

По приезде в Двинск мне доложили, что в вагоне № 528 был обыск и отобра-но все принадлежащее ехавшим.

Из всего отображенного мне принадлежали 37 фунтов масла — куплено для поезда главкома и лежало у меня в купе, кроме того, не оказалось в моем купе после обыска коробочки конфет в ¼ фунта.

Из вещей, отображенных у меня, больше ничего не взято. Но не нашел у себя в купе по моем возвращении после обыска 7300 р. (семь тысяч триста рублей) в красном бумажнике, в котором, кроме денег, были бумаги всякого рода (удостовер[ения], тел[еграфные?] квитанц[ии], фотогр[афия] отца), все это: бумажник, документы и деньги в нем исчезли, безусловно, благодаря обыску, кроме того, вместе с бумажником хранились секретные документы, которых также не оказалось. Должен указать, что за 6 часов до отправки вагона из Риги явился ком[иссар] внут[ренних] дел (фамилию не знаю) и, обратившись к Э. Вацетису, заявил, что он должен осмотреть вагон. Вагон им был осмотрен, и явившиеся сомнения в законности провозимых вещей им были разрешены совмест[ным] посещ[ением] с Э. Вацет[исом] продов[ольственного] отдела, после чего он, извинившись за беспокойство, не препятствовал движению вагона.

Косвенно я знаю, что вино, приобретенное Э. Вацетисом через продовольст[венный] отдел г[орода] Риги, предназначалось для поезда главкома по случаю распрост[ранения] эпидемии и помощи лечебным заведениям г[орода] Серпухова.

Также знаю, что заведыв[ающий] хозяйст[вом] 5[-го] полка тоже что-то закупил для солдатской лавки 5[-го] полка.

По моем возвращении в купе вагона я нашел картину сплошного хаоса — все было, видимо, перерыто, как будто в каждой щели подозревался нелегальный груз, несмотря на то что им категорически было указано оставить, ввиду моего отсутствия, мое купе в покое»^{III}.

Председатель РВС армии Советской Латвии и председатель Ревтрибунала республики К.Х. Данишевский секретно телеграфировал члену РВСП С.И. Аралову 7 апреля 1919 г.: «Передаю на Ваше усмотрение материал по поводу обыска в вагоне Исаева^{IV}. Ясно, что в данном случае имеем дело с попыткой воспользоваться

^I LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 15–18.

^{II} Так в документе.

^{III} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 41об.–42об.

^{IV} Здесь и далее — подчеркнуто красным карандашом, видимо, Араловым.

именем и поручением главкома для приобретения вещей, не подлежащих вывозу из Латвии, и вообще использовать положение в корыстных целях^I. Говорить в данном случае, что шампанское и коньяк приобретены для борьбы с эпидемией, смешно. Игральные карты и пр. наверное не приобретались и для лавочки 5го полка, и мне кажется, что во всем этом деле 5^й полк служит только ширмой. Вам лучше чем кому бы то ни было известно, для чего и для кого предполагались вина, кто виновен в вывозе карт и прочего, это должно выяснять следствие. Не заслуживает внимания заявление Исаева и др. о краже и грабежах при обыске. Обыск был произведен только коммунистами под их личной ответственностью. Что бы Вы им [ни] сделали с этим делом, но Эрнест Иванович должен быть удален из Серпухова. Ему не место около главкома. Всего хорошего^{II}.

Эта телеграмма Данишевского вполне сочетается со следующим отрывком из письма арестованного впоследствии И.И. Вацетиса В.И. Ленину от 22 сентября 1919 г.: «[И.И.] Доможиров, приехав в Двинск, сказал, что туда же едет мой племянник и чуть не на место тов. Данишевского, бывшего там председателем реввоенсовета. Конечно, это вызвало целую бурю неудовольствия среди политических работников бывшей армии Латвии и соответствующие против меня шаги, т.е. интриги, вызвавшие на этой почве подозрения по моему адресу»^{III}. Карл Данишевский был последовательным противником Эрнеста Вацетиса и его дяди. Главком Вацетис, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за все – от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 г. до клеветы на главкома и троцкизма^{IV}.

В защиту пострадавших еще 19 марта 1919 г. выступил начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев. 30 апреля на помощь пришел и главком Вацетис, сообщивший председателю трибунала при РВСР Аралову, что культурные вина отпускались для санитарной части поезда главкома по его приказу правительством Советской Латвии безвозмездно (думается, не последнюю роль здесь играли личные связи Вацетиса и его латышское происхождение) для лечения тифа и испанки. Вацетис отметил, что в Риге все было осмотрено и разрешено к вывозу. В Двинске же по распоряжению штаба армии Латвии на основании предписания члена РВС армии Советской Латвии А. Э. Даумана вина были отобраны. Вацетис просил истребовать вина обратно^V. Рассмотрение дела затянулось до августа 1919 г., оно шло параллельно с арестами в ПШ РВСР в мае – июле 1919 г. и со следствием по делу ПШ РВСР.

1 мая 1919 г. следствие во главе с военным следователем С.В. Пузицким было вынуждено констатировать, что закупки вина действительно шли для солдатской лавки 5-го полка и поезда главкома Вацетиса и не являлись спекуляцией. Возможно, это решение было вынесено под влиянием вмешательства главкома^{VI}.

^I Со слова «попыткой» и до конца предложения подчеркнуто также и синим карандашом.

^{II} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 2–3.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 3. Публикацию документа см.: Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А. В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 630–634.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

^V РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 44.

^{VI} Там же. Л. 50об.

К вопросу об остальном конфискации следователь подошел основательно. В частности, 7 мая он навел справки у врача ПШ РВСР, являлись ли лечебным средством коньяк и шампанское^I. Врач сообщил, что коньяк полезен при слабости и упадке питания, а шампанское – при тяжелых заболеваниях, где имелаась сердечная слабость^{II}.

В итоге дело ничем не кончилось. Уже 24 июня сам обыскивавший вагон Ухенберг был привлечен к ответственности. 7 августа 1919 г. Ревтрибунал постановил, что при обыске им были нарушены элементарные правила, в результате чего виновных в злоупотреблениях обнаружить не удалось. Это было поставлено ему на вид, а дело прекращено^{III}.

Эта история не повлияла на положение главкома Вацетиса, с которым были тесно связаны фигуранты дела. Участь главкома, его племянника и генштабиста Исаева была предрешена в связи с делом ПШ РВСР, в рамках которого все они были арестованы в июле 1919 г. На фоне борьбы группировок в советском военно-политическом руководстве история с возможными, но труднодоказуемыми злоупотреблениями в окружении главкома оказалась не столь значимой и отошла на второй план.

Бытовая сторона жизни военспецов, даже высокопоставленных, в Советской России эпохи Гражданской войны оставалась неудовлетворительной, что и толкало на подобные злоупотребления. Следует, однако, отметить, что ради пользы дела большевики были готовы мириться с наличием в руководстве Советской России явных коррупционеров и закрывать глаза на творимые ими злоупотребления, в особенности если эти люди были незаменимы на своих постах^{IV}. И все же вышеприведенный пример не мог быть типичным, ведь речь шла о приближенных к высшему военному руководству.

Рядовые военспецы на хищения и спекуляции шли не от хорошей жизни. Генштабист болгарского происхождения И. Д. Чинтулов, к примеру, пошел на должностное преступление, потому что существовал на грани выживания. По данным на апрель 1921 г., военспец был помощником начальника оперативного отдела Оперативного управления Штаба РККА. Тогда Чинтулова арестовали за попытку незаконной продажи спирта и, несмотря на то что преступление даже не было совершено (Чинтулов все возвратил), приговорили к расстрелу. Однако приговор не привели в исполнение и Чинтулова вскоре освободили.

Военспец подробно описал случившееся в показаниях по делу «Весна»: «Жизнь в Москве становилась все труднее в продовольственном отношении. Ничтожный военный паек, малый оклад не обеспечивали пропитания, носили, что можно, на рынок. В конце концов, все понемногу иссякло и перспектив никаких. Тут назрела необходимость предпринять что-либо. Эта обстановка толкнула меня на незаконное получение спирта, который я собирался продать. Стоимость всей сделки 250 р. ([в] золотом исчислении). Однако через несколько дней я в своих действиях сознался своему начальству, и спирт был возвращен, не будучи продан. Тем

^I Там же. Л. 52.

^{II} Там же. Л. 52об.

^{III} Там же. Л. 68.

^{IV} См., напр.: Ганин А. В. Военспецы. С. 223–240.

не менее через месяц меня арестовали, судили Воен[ной] коллегией Верховного трибунала. Приговор — расстрел. Через 70 дней он был изменен 5-летними принудительными работами. С 16 сент[ября] 1921 г. я был на службе в управлении трудовых армий, занимал должность начальника одного из его управлений. Затем за его упразднением переведен инспектором Наркомтруда. С января 1922 г. наказание мое было лишь условным, и я имел возможность в апреле поехать в отпуск в [город] Одессу, где рассчитывал повидать своих родных, застигнутых войной 1914 г. в Одессе. К сожалению, отца не застал, он уехал регулировать свои пенсионные дела в Болгарию, где ему была объявлена амнистия. В Одессе в обстановке жизни впроголодь я заболел тифом (сыпным) и выехать обратно в Москву не мог. В Москве за это время успели меня обокрасть до нитки и выселить из квартиры. Я долго, несколько месяцев, испытывал последствия тифа и только в ноябре, проводив мать в Болгарию, поступил вновь на военную службу, устроиться на иной службе мне не удалось, хотя и хотелось».

Впрочем, свидетельство военспеца содержало неточности. Удалось обнаружить рапорт Чинтулова от 9 июля 1921 г. начальнику Штаба РККА П.П. Лебедеву, проливающий свет на этот арест: «Приговором Р[еволюционного] в[оенного] трибунала республики от 28/IV с.г. я приговорен был к расстрелу. На заседании 18 июня Президиум ВЦИК нашел возможным расстрел заменить 5-ю годами общественных принудительных работ. В постановлении Президиума ВЦИК не указано о лишении меня гражданских прав и права служить по специальности в Красной армии или вообще в советских учреждениях, отбывая там наказание. Посему считаю себя вправе просить Вас о затребовании меня на службу по специальности. Если же паче чаяния будет признано, что служба моя в Красной армии невозможна, прошу о том меня уведомить»¹.

Вместе с рапортом было отправлено и личное письмо Лебедеву: «Многоуважаемый Павел Павлович! Со страшно тяжелым душевным гнетом, с чувством избитого до полусмерти человека, но ни на минуту не потерявшего сознание, я рискую обратиться к Вам, быть может для того, чтобы еще больше согнуться под бременем новой неудачи. Тем не менее жажда вырваться из тюремной грязи так сильна, что иначе поступить не могу. В моем рапорте изложена просьба о назначении на любую должность. Если бы Вы нашли возможным удовлетворить ее, меня необходимо затребовать через Народный комиссариат юстиции. Как именно сделать вызов, Вам видно много лучше, чем я мог бы это изложить, но одним из обстоятельств, могущих очень ускорить дело, является именно требование, предъявленное именно учреждением прежней моей службы. Это, конечно, вовсе не значит, что я должен служить в Штабе РККА, а как генштабист могу быть затребован в резерв Генштаба для любого назначения по Вашему усмотрению. До меня дошли сведения о том, что главнокомандующий против моего затребования штабом. Это сильно меня обескураживает, если только слухи — правда. В заключение позвольте выразить Вам и главному сердечную признательность в помощи, оказанной для спасения моей жизни. Не откажите в любезности о принятом Вами

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 8–9.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 50–50об.

решении уведомить мою жену для передачи мне. Уважающий Вас И. Д. Чинтулов»¹. По амнистии ВЦИК от 2 ноября 1922 г. Чинтулов был освобожден постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1923 г.²

В показаниях по делу «Весна» Чинтулов перечислил те обиды и страдания, которые перенес за советский период, выводя из этого необходимое следователям признание в своей мнимой контрреволюционности: «Значительную роль играли личные обиды, наносимые мне неоднократно за все время службы советской власти. Я перечислю: необоснованный, на мой взгляд, арест в 1919 г. на 20 дней, отсутствие наград за Гражданскую войну, несмотря на напряженную и полезную работу, жестокое мое осуждение к расстрелу в 1921 г. по ничтожному проступку, невзирая на мое до следствия сознание, высылка в Туркестан, смещение в 1926 г., придирки по службе и невнимание к моей работе, весьма старательной, и необоснованный арест в 1927 г.»³.

Злоупотребления с казенным спиртом, ставшим в Гражданскую войну настоящей валютой, были широко распространены. Не обходилось и без традиционно его нецелевого употребления не для спекуляций, а вовнутрь. В этом обвинялся однокашник Чинтулова по академии начальник разведывательного отделения штаба Западного фронта В.Е. Стасевич, в ведении которого находилась разведка в отношении Польши. Стасевич «состоя в означенной должности, допустил злоупотребления по службе, выразившиеся в том, что расходовал непроизводительным образом хранившийся под его наблюдением для агентурных надобностей в разведке спирт, частью выдавая спирт сотрудникам, а частью употребляя его на устраиваемые им попойки»⁴. Цензор разведывательного отделения штаба Западного фронта Н.Н. Дубков 25 июня 1919 г. показал, что «по словам Стасевича, спирт был выписан для нужд агентурной канцелярии, а именно для агентов, но в каком именно смысле, не знаю. Предполагаю, что в целях более успешного осведомления. Так объяснял всей канцелярии сам Стасевич. Но я сам слышал, что этот спирт распивался и лицами, отношения к разведке не имеющими, как то генштабами, состоящими преподавателями в агентурной школе, в числе коих были: б[ывший] начальник штаба [Н.Н.] Доможиров, начальник оперативного управления [Е.В.] Сысоев, сам Стасевич, от коего не раз испахивало спиртом, когда я приходил к нему с докладом, и др., коих не помню»⁵.

Стасевича постановлением Реввоентрибунала Западного фронта от 2 октября 1919 г. приговорили к году тюремного заключения с принудительными работами и исключили из списков Генштаба. Однако уже в апреле 1920 г. Стасевич вновь значился в армии. Спирт в Гражданскую войну являлся дефицитным и ходовым

¹ Там же. Л. 51–51об.

² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1005. Л. 308.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 25. Подробнее о Чинтулове см.: Ганин А. В. Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 58. Подробнее см.: Ганин А. В. «Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.) // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы XI Междунар. военно-исторической конф. Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2018 г.: Сб. науч. статей. СПб., 2018. С. 466–476.

⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 315. Л. 41об. При этом Дубков имел личный мотив — считал, что Стасевич его недолюбливал и обходил поощрениями (Там же. Л. 42).

товаром. Пьянство же было одним из распространенных пороков комсостава РККА, равно как и ее противников, хотя особенно сурово не наказывалось.

Генштабист В.Р. Канненберг свидетельствовал в показаниях по делу «Весна»: «Военный коммунизм со всеми тягостями для меня заставлял меня нередко входить в плутовство для получения нескольких пайков, ибо мы голодали — военный коммунизм был для меня неприемлем. НЭП был принят мною несколько благоприятнее, так как явилась возможность все достать, но политики советской власти я не понимал, а потому отнесся к нему подозрительно»^I.

16 августа 1919 г. решением Реввоентрибунала Западного фронта к 20 годам тюремного заключения был приговорен бывший подполковник, в прошлом начальник снабжения Эстонской Красной армии Д.Г. Фокке. Столь суровый приговор был вынесен за то, что в марте 1919 г. с целью получения незаконной выгоды Фокке составил подложный счет на реквизируемую бумагу, присвоив в результате 22 500 руб. народных денег^{II}. Впрочем, Фокке вскоре освободился, не отбыв в заключении и года.

Еще одной разновидностью злоупотреблений военспецов, вызывавших обеспокоенность партийного руководства, стал распространившийся nepoтизм, т.е. привлечение на службу в различные управления и учреждения родственников. Декрет о недопустимости такого явления был издан еще 27 июля 1918 г., но, видимо, мало что изменил. В условиях полуголодного существования, дефицита и разрухи в Советской России устройство в штабы родных и близких существенно повышало семейное благосостояние, гарантировало паек и жалованье. К тому же на фронте совместная служба позволяла не терять близких из вида и не расставаться с ними. Так, видные военспецы командующий Северным фронтом Д.П. Парский и его начальник штаба Ф.В. Костяев привлекали своих супругов к работе в качестве личных секретарей, что вызывало нарекания и даже расследование в связи с возможным разглашением секретных данных. Комиссар штаба 6-й армии Н.Н. Кузьмин с возмущением писал в Высшую военную инспекцию о наличии в штабе Северного фронта пятнадцати родственных пар^{III}. Кроме того, Парский, вступив осенью 1918 г. в должность командующего фронтом, отправился в длительную инспекционную поездку, реально приступив к работе практически через полтора месяца после назначения.

Непотизм процветал и в штабе Беломорского военного округа в 1918 г. Военрук Ф.Е. Огородников трудоустроил в штаб сына Кирилла, начальник административного управления штаба округа Е.Е. Шишковский — своего брата Николая^{IV}. Похожая ситуация складывалась и в Северо-Кавказском военном округе, где в мае — июне 1918 г. служили и.д. начальника административного управления штаба И.К. Серебренников и секретарь управления О.И. Серебренникова, и.д. заведующего оперативным отделом мобилизационного управления Е.Н. Ригельман и письмоводительница отдела Е.П. Ригельман, последняя в 1919 г. фигурирует на той же должности в разведывательном отделении штаба 11-й армии^V.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 186 (132). Л. 158.

^{II} РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 794. Л. 1–106.

^{III} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 646. Л. 110об.

^{IV} РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

^V РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 7, 12, 21; Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.

От местных военных учреждений не отставали и в центре. Главком И.И. Вацетис держал при себе в качестве адъютанта племянника Э.И. Вацетиса. В ВГШ служили начальник отчетно-организационного отдела бывший генерал С.А. Кузнецов и его племянник А.С. Васильев в должности переписчика общего отделения^I. Для поручений при коменданте ВВС состоял К.М. Бонч-Бруевич – сын военрука совета М.Д. Бонч-Бруевича^{II}. В ВГШ переписчицей канцелярии работала родственница начальника ЦУПВОСО М.М. Загю Мария Михайловна Загю^{III}. Переписчицей комендантской части комендатуры при ВГШ с ноября 1919 г. значилась М.А. Грундштрем^{IV} – родственница состоявшего в распоряжении начальника ВГШ А.Г. Грундштрема. Генштабист А.О. Зундблад занимал пост помощника начальника Организационного управления ВГШ, а и.д. старшего делопроизводителя отчетно-организационного отдела того же управления служил некий Г. Зундблад^V. Упомянувшийся Е.Е. Шишковский трудоустроивал родственников в структуры РККА и в дальнейшем. Так, его супруга Л.И. Шишковская стала переписчицей комиссии по исследованию и использованию опыта войны^{VI}.

Подобные примеры можно продолжать. Так, например, А.Н. Гатовского в 1919 г. обвиняли в том, что его деятельность как начальника снабжения 19-й стрелковой дивизии «выражалась лишь в том, что он на разные должности по отделу снабжения назначил своих знакомых разных тетушек, бабушек, которые ничего не делали»^{VII}.

Опасность этого явления (чреватого сплочением военспецов, изменами и переходом к противнику целыми семьями), быстро получившего широкое распространение, скоро была осознана большевистским руководством, после чего стали приниматься меры искоренения совместной службы родственников. 27 июля 1918 г. был даже выпущен декрет СНК о недопустимости совместной службы родственников в учреждениях, однако законодательно искоренить эту практику не удалось. Родственники не могли служить вместе на должностях, «оказывающих влияние на ход дела»^{VIII}, но могли служить в разных отделах. Декрет не распространялся на строевые части, в которых служба родственников считалась полезной для большего сплочения личного состава^X. Аналогичные меры предпринимались и против совместной службы однополчан по старой армии и белым армиям^{XI}.

Среди прочих возможных злоупотреблений, инкриминировавшихся генштабистам, было разглашение военной тайны. В этом, например, обвиняли штаб Северного фронта, работники которого во главе с командующим Д.Н. Надежным по недосмотру в январе 1919 г. подписали и передали незашифрованной секретную телеграмму^{XI}.

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 182.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 468. У М. М. Загю были сестра и дочь с таким именем и отчеством.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 268.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 1706.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 1.

^{VII} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 49.

^{VIII} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.

^{IX} РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 123.

^X РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 230.

^{XI} РГВА. Ф. 24380. Оп. 2. Д. 20. Л. 50; Оп. 7. Д. 76. Л. 3.

Служба связи ПШ РВСР, которой руководил курсовик А.П. Медведев, 6 февраля 1919 г. передала секретную оперативную телеграмму не по прямому проводу, а через московский Центральный телеграф. Это произошло из-за беспорядка в аппаратной связи ПШ РВСР^I. В других случаях одни и те же телеграммы передавали по несколько раз^{II}.

Еще один инцидент такого рода произошел летом 1919 г. с помощником начальника оперативного отделения штаба Восточного фронта курсовиком И.А. Бардинским. Его вызвали к следователю Особого отдела штаба фронта из-за путаницы с передачей телеграфной ленты. Военспеца обвинил в том, что во время дежурства 19–20 мая 1919 г. он якобы хотел заполучить секретную телеграмму, хотя Бардинский уверял, что речь шла о рабочем моменте (просьба из штаба 2-й армии повторить текст шифротелеграммы) и что такое бывало и ранее. Бардинский считал, что «следствие начинает принимать такой характер, что как бывший офицер Генерального штаба, несмотря на свою честную службу, легко могу стать жертвой общей политики (секр[етные] инструкции в связи с событиями на Красной Горке)»^{III}. Речь шла о восстании гарнизона на одном из фортов Кронштадта в июне 1919 г.

Начальник 14-й стрелковой дивизии бывший штабс-капитан А.С. Ролько 15 февраля 1919 г. занимал прямой провод Серпухов – Балашов частными разговорами в течение 1 часа 20 минут, беседуя с начальником штаба 9-й армии Н.Д. Всеволодовым по поводу отъезда последнего в отпуск на Кавказ. Из-за этой беседы была прервана передача депеши. На самом деле, исключая техническую подготовку, разговор длился не более 50 минут. Тем не менее военспецу, даже спустя два месяца, пришлось оправдываться, а в итоге Ролько получил выговор^{IV}.

Иногда генштабисты саботировали те или иные назначения. Так, бывший подполковник В.Ф. Эксе в конце ноября 1918 г. получил предписание немедленно выехать по назначению, однако до начала 1919 г. находился неизвестно где, а по частным сведениям, жил в Петрограде. Решить проблему начальство собиралось при помощи ЧК^V. Не случайно начальнику ПШ РВСР в ноябре 1918 г. сообщалось, что «подлежащие командированию [в] распоряжение фронта различного рода специалисты часто не являются, устраиваясь в другие части и штабы...»^{VI}

Реввоентрибунал республики расследовал дела о неисполнении приказов. Одно из таких дел было заведено в отношении начальника снабжения 19-й стрелковой дивизии А.Н. Гатовского. 15 апреля 1919 г. приказом по 7-й армии он был назначен начальником штаба 6-й стрелковой дивизии с предписанием немедленно отбыть к новому месту службы. Однако Гатовский заболел и не мог вовремя выехать, о чем стало известно 18 апреля. Новое назначение его не устраивало, в связи с чем он пытался от него отделаться, в том числе обращением в штаб Западного фронта, минуя непосредственное начальство. Прошло две недели, а приказ так

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 50, 52.

^{II} Там же. Л. 51.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 905. Л. 38об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 146, 224–225об., 299, 307; Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 190.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 272.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 1.

и не был выполнен. В итоге в середине мая 1919 г. началось расследование^I. Дело смягчалось тем, что речь шла не о боевом приказе. Завязалась длительная переписка по поводу болезни военспеца. В качестве диагноза указывались припадки психоневрастении и прогрессирующие боли в ноге, требующие операции. Якобы Гатовский не мог носить обувь и много ходить^{II}. По-видимому, подобный медицинский диагноз был лишь уловкой. В Реввоентрибунале Западного фронта полагали, что военспец прикрывался медицинскими документами, чтобы не терять выгодную должность по снабжению^{III}. Комиссар отдела снабжения Крячков и комиссар 19-й дивизии М.Г. Авсорогов также были недовольны Гатовским, считая, что это карьерист и аферист, который «внес полную дезорганизацию в дело снабжения дивизии, и это в то время, когда со дня на день ожидалось взятие Петрограда белофиннами. В артиллерийских парках Гатовским были допущены женщины к занятию должностей каптенармусов; эти женщины получали все виды довольствия, красноармейцы же оставались без всего»^{IV}. Сам Гатовский был возмущен выдвинутыми против него обвинениями, отмечая осенью 1919 г., что он опытный военспец с 15-летним стажем, а не «воински-невоспитанный еще рекрут» и не мог допустить неисполнения приказов^V. В конце концов, Гатовского амнистировали по случаю второй годовщины Октябрьской революции в ноябре 1919 г.^{VI}

Определенные привилегии, которыми пользовались генштабисты, привлекали людей, не имевших такого статуса. Стали появляться аферисты, выдававшие себя за «лиц Генштаба». Например, командующему Северным фронтом сообщали из Вологды в декабре 1918 г.: «2 декабря постановлением в[оенно-]п[олевого] трибунала арестован командированный Вами [в] Вологду Генштаба Ачкасов. Оказался крупным авантюристом, найдено много подложных документов. Обнаружен документ, копия выданного Вами Ачкасову [в] том, что он состоит начальником ответственного отдела штаба... Сообщите, выдан ли действительно означенный документ?»^{VII} Штаб фронта 10 декабря открестился от авантюриста и сообщил в ВГШ, что «Ачкасов совершенно больной человек. В Генштаб не переведен...»^{VIII} По причине психического расстройства он вообще подлежал увольнению со службы^{IX}. В других документах упоминалось, что Ачкасов получил деньги и скрылся, причем на июль 1919 г. находился в розыске^X. В белом лагере тоже известны подобные случаи. Так, за офицера Генерального штаба выдавал себя некий полковник Стоякин, служивший начальником штаба у генерала С.Н. Булак-Балаховича на Северо-Западе России. Генерал А.П. Родзянко не без оснований именовал его самозванцем и авантюристом^{XI}. По некоторым данным, это был уголовник^{XII}. Известно, что Стоякин

^I РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 3.

^{II} Там же. Л. 9, 12, 41.

^{III} Там же. Л. 49об.

^{IV} Там же.

^V Там же. Л. 58.

^{VI} Там же. Л. 79.

^{VII} РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 361. Л. 116.

^{VIII} Там же. Л. 120.

^{IX} Там же. Л. 123.

^X РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 219.

^{XI} Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 76, 90.

^{XII} Маргулис М. С. Год интервенции. Кн. 2. С. 314.

инициировал печатание фальшивых «керенок», бежал из-под ареста, уничтожив компрометирующие документы, а в августе 1919 г. был убит при новом аресте¹.

В белом лагере злоупотребления генштабистов, лишенных какого бы то ни было контроля и фактически олицетворявших белую власть, были, по-видимому, еще масштабнее. Некоторые в период братоубийственной войны занимались личным обогащением за счет армии. Ярким примером являются действия полковника Н.И. Белоцерковского, служившего у белых на Востоке России. Последний в Екатеринбурге, по агентурным данным, фактически руководил грабежами, которые осуществляли сотрудники контрразведки. Позднее Белоцерковский устроился начальником штаба при главном начальнике военно-административного управления Восточного фронта генерал-майоре С.А. Домонтовиче. Как сообщалось в секретном агентурном донесении белой контрразведки, «с эвакуацией из Омска административное управление Домонтовича со своими карательными отрядами эвакуировало[сь] в двух эшелонах, захватив [с] собою с товарами за большую цену несколько десятков спекулянтов.

Не доезжая сотни верст до Красноярска и получив известие, что все рушится кругом, Белоцерковский, недолго думая, приказал вывести в расход спекулянтов, сам захвативший более ценные награбленные вещи, поспешил скрыться совместно с Домонтовичем. Домонтович заболел и умер. Белоцерковский решил воспользоваться этим случаем, захватив кассу и желая провести все награбленное, решил все поместить в гроб под тело Домонтовича, что им и было сделано.

Гроб имел назначение в Читу, где и должен был быть предан земле.

Комендантом штаба в Чите был в это время генерал [И.Г.] Макри. Получив сведения о деянии Белоцерковского, Макри решил выслужиться и изобличить Белоцерковского, которого он по прибытии в Читу арестовал.

Все доказательства были налицо, однако Белоцерковский скрылся из Читы, будучи освобожден генералом Макри, и приехал в Харбин с паспортом на имя Собакина². Разумеется, сложно разобраться, в каких случаях агентурные сведения достоверны, а где представляли собой попытку сведения счетов и интриги.

Главный начальник ВОСО при Верховном главнокомандующем генерал-майор В.Н. Касаткин был предан в 1919 г. военно-полевому суду за то, что «состоя в должности главного начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем, получив в мае месяце с.г. от служащего в комендатуре ст[анции] Омск поручика Еськова официальный доклад о вышеуказанных случаях злоупотребления (использование железной дороги с санкции коменданта станции Омск и начальника станции для частных нужд, взятки. — А.Г.), а равно сведения и от других лиц, будучи обязан по занимаемой должности и имея возможность принять немедленные меры к расследованию и пресечению таковых злоупотреблений, он, генерал-майор Касаткин, никаких мер не принял, вследствие чего таковые злоупотребления были обнаружены и расследованы лишь при возбуждении настоящего дела»³.

¹ Также см.: Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 170.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 121. Л. 5.

³ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. 1919. 28.08. № 887.

Касаткин был лишен некоторых прав и преимуществ по службе и приговорен к заключению в крепости на год и четыре месяца с исключением с военной службы, но по резолюции Верховного правителя адмирала А.В. Колчака наказание «ввиду безукоризненной предшествовавшей его служебной деятельности и заслуг в деле июльской эвакуации фронта» заменено заключением в крепости на шесть месяцев без исключения со службы и с отложением приведения этого наказания в исполнение до конца войны. Министр продовольствия и снабжения колчаковского правительства К.Н. Неклютин вспоминал о Касаткине: «Могу заверить, что он вел себя очень ответственно... На мой взгляд, он был одним из самых честных людей в то время, настоящий патриот, который делал все возможное в тех условиях, без мысли о доходах в свой карман»^I.

На белом Юге грабежи были возведены в систему. Генерал Л.М. Болховитинов писал 16 (29) декабря 1918 г., что Добровольческая армия – это «просто какая-то кочевая банда»^{II}. В приказе главнокомандующего ВСЮР № 2032 от 21 августа (3 сентября) 1919 г. отмечалось: «Из донесений должностных лиц и общественных учреждений и массовых жалоб населения освобожденных местностей усматриваю, что в прифронтовых районах всех армий происходит сплошной грабеж и расхищение как общегосударственного имущества, так и последнего уцелевшего еще достояния мирного населения»^{III}. Генерал П.Н. Врангель в письме генералу А.И. Деникину отмечал: «Армия, воспитываемая на произволе, в грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращавшими войска, такая армия не могла спасти Россию»^{IV}. Полковник В.К. Манакин в докладе, подготовленном по распоряжению начальника штаба ВСЮР генерала И.П. Романовского осенью 1919 г., писал: «Дабы сохранить сочувствие населения, необходимо во что бы то ни стало искоренить зло Добровольческой армии – грабежи населения и раздевание донага пленных»^V. Генерал А.М. Драгомиров писал Деникину 12 (25) декабря 1919 г.: «Самое же тяжелое обстоятельство в нашей армии, которое губит нам в тылу всё то, что достигается доблестью на фронте, – это сплошное грабительское настроение... многие регулярные части заражены мародерством до такой степени, что я начинаю серьезно подумывать о полном их раскассировании»^{VI}. Генерал Н.Н. Баратов писал в 1920 г. о целых состояниях, нажитых грабежом^{VII}. Как отмечал в начале 1920 г. видный общественно-политический деятель П.Б. Струве, «система самоснабжения армии привела к грабительству, которое разило и высший командный состав, и офицерство, и солдатскую массу»^{VIII}. Разумеется, грабежи разлагающе воздействовали на войска.

^I Неклютин К. Н. От Самары до Сиэттла: Воспоминания министра колчаковского правительства, сына самарского городского головы. Самара, 2011. С. 121.

^{II} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 220об.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 136. Л. 29.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 188.

^V РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 63. Л. 2об.

^{VI} Ганин А. В. «У нас в сущности еще регулярной армии нет...»: Письмо командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2019. Т. 14, № 1–2. С. 252.

^{VII} Баратов Н. Н. Дневник. С. 3 // НИА. N. N. Baratov collection. Box 2.

^{VIII} Струве П. Б. «Русская свобода и Великая Россия»: Публицистика 1917–1920 гг. М., 2020. С. 253.

Полковник А.А. фон Лампе записал в дневнике в декабре 1919 г.: «Крестьяне страшно восстановлены против “деникинцев” — да оно и понятно, грабеж идет открытый, и не дай Бог, если большевики не будут грабить — тогда наше дело будет дискредитировано раз и навсегда — это несомненно, т.к. грабеж идет от милых шуток о богатых уловах молодых подпоручиков, на попавших в их руки комиссарах и матросах, дошел до открытого грабежа всеми начальствующими лицами. Вагоны с сахаром и мукой и т.д. захватываются силой, разграбляются и делятся. В частности, и мы стали к этому причастны — комендант Киева генерал [П.А.] Габбаев захватил несколько вагонов сахара и поделился им с нашим начальником штаба [М.Н.] Вахрушевым, еще недавно настаивавшим на предании суду за взятый сахар двух наших телеграфных чиновников.

Нам, офицерам Генштаба, было дано по сахарной голове за молчание, и мое предложение вернуть их обратно встретило поддержку лишь на словах.

Чудовищные грабежи даже крупных начальствующих лиц вошли в норму, что же делает мелкота¹.

К злоупотреблениям в белом тылу были причастны генштабисты. Определенный резонанс получило дело полковника Н.А. де Роберти в Новороссийске, связанное с вывозом зерна с территории ВСЮР в Грузию в 1918–1919 гг.² Такой экспорт был запрещен, а де Роберти по должности начальника штаба черноморского военного губернатора генерала А.П. Кутепова, а затем генерала Е.Н. Волкова оформлял подложные разрешения, за что брал деньги. В частности, в начале 1919 г. де Роберти подделал подписи своего начальника генерала Волкова на разрешениях на вывоз 9000 пудов муки из Новороссийска в Потти. Сумма сделки составляла 450 000 руб., а за подложные удостоверения женой офицера Е.П. де Роберти было получено 75 000 руб. Летом 1919 г. супруги были арестованы³.

Была проведена сенаторская ревизия, однако доказать, что полученные средства использовал сам офицер, следствие не смогло. Возникали подозрения, что деньги шли какой-то организации⁴. Осенью 1919 г. де Роберти был осужден военным судом в Новороссийске на четыре года тюрьмы. Генерал Л.М. Болховитин в связи с делом де Роберти писал жене 5 (18) ноября 1919 г.: «Сообщу решение суда по делу четы де Роберти. И супруг и супруга обвинены в подлогах, учиненных в целях провоза муки в Батум, и еще каких-то пакостях. Суд определил им наказание — по 4 года арестантских отделений каждому. Таким образом, распущенная и развратная бабенка, выпустившая до того “в трубу” не одного обожателя, свое получила. Супруг оказался достойным своей супруги и тоже осужден. Мне их нисколько не жаль⁵». Версию об отрицательном влиянии супруги разделял и хорошо знавший де Роберти по Первой мировой войне генерал Е.В. Масловский: «К сожалению, атмосфера революции плохо повлияла на полковника де Роберти:

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 165; Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021. С. 143–144.

² См., напр.: Штейфон Б. А. Генерал А. П. Кутепов // Генерал Кутепов. М., 2009. С. 31; Марков А. Л. Записки о прошлом (1893–1920). М., 2014. С. 659.

³ Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019. С. 539.

⁴ Чебышев Н. Н. Около дела // Возрождение (Париж). 1930. 08.06. № 1832. С. 2.

⁵ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 275об.

благодаря слабости своего характера, он поддался влиянию своей не особенно моральной жены, требовавшей от него непрерывно денег, не соразмеряясь с получаемым им тогда в Добровольческой армии чрезвычайно скромным жалованием, и в чем-то про штрафился материально, был судим и арестован»^I. Не отбыв и нескольких месяцев ареста, де Роберти вышел на свободу с занятием Новороссийска частями РККА в конце марта 1920 г. Позднее он был арестован красными, а в дальнейшем служил в РККА и сотрудничал с ОГПУ. Сидя под арестом в Бутырской тюрьме, де Роберти 23 июня 1920 г. писал в МПЖК, что «вследствие различных несогласий был отчислен от должности начштаба 1[-й] дивизии и был под следствием и судом, но дело закончилось по докладу Главн[ой] воен[ной] прокуратуры, ввиду обнаружения явного пристрастия, неутверждением»^{II}.

В антибольшевистском лагере, как и в Советской России, получили распространение махинации со спиртом, который в условиях Гражданской войны превратился в валюту. Так, в истребовании 10 ведер спирта обвиняли контрразведчика полковника Р.Д. Мергина на Юге России в октябре 1919 г. Офицер категорически это отрицал, причем требование на спирт оказалось подложным^{III}.

Грабежи с участием генштабистов имели место у белых и на Северо-Западе России. Так, у начальника 3-й стрелковой дивизии Северо-Западной армии генерала Д.Р. Ветренко очевидец обнаружил предметы утвари из императорского дворца в Павловске — «посуду, старинные скатерти и попоны с вензелями императорской охоты», причем посуда и скатерти были в квартире Ветренко, а попоны украшала генеральскую лошадь^{IV}. Есть данные и о том, что белое командование вывезло много имущества из Гатчины^V.

В 1919 г. на Кубани по обвинению в превышении власти и злоупотреблениях в деле снабжения армии генералом В.Л. Покровским (негенштабистом) был арестован генерал Н.А. Букретов^{VI}, позднее освобожденный и даже избранный кубанским атаманом. О начальнике штаба Донского корпуса в 1920 г. генерале А.В. Говорове говорили, что тот «не прочь был попользоваться и казенным добром, но умеренно и умно»^{VII}. Супруга одного из высших чинов Донской армии продала спекулянту в Ростове-на-Дону вагон махорки, подаренный фронту Ростовским табачным трестом^{VIII}.

Не всегда злоупотребления были связаны с денежным интересом. К примеру, видный деятель Белого движения на Юге России генерал И.Г. Эрдели использовал служебное положение, чтобы отправлять зашифрованные телеграммы любимой женщине^{IX}. В целом, злоупотребления средствами связи в личных целях были

^I Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 699 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 36об.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 76, 92.

^{IV} Горн В. Л. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 152.

^V Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 218.

^{VI} Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 291.

^{VII} Калинин И. М. Под знаменем Врангеля // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 12: Казачий исход. С. 88.

^{VIII} Алферов З. А. Воспоминания. С. 359.

^{IX} Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 109.

широко распространены во всех противоборствующих лагерях. На белом Юге в начале 1919 г. пытались регламентировать доступ к средствам связи. В одном из документов отмечалось, что «на беспрепятственные разговоры по прямым проводам, кроме лиц высшего командного состава, имеют право только офицеры Генерального штаба, состоящие в оперативном отделении управления генерал-квартирмейстера»^I. О том, соблюдалось ли это требование на практике, неизвестно.

Главный начальник снабжений ВСЮР генерал-майор В.А. Энгельке вспоминал, что крупных злоупотреблений снабженцев не было, но «делать вообще что-нибудь было трудно. Во всем в сущности шел развал, революция еще не была изжита»^{II}. На других белых фронтах ситуация могла быть иной. Так, в Северо-Западной армии фиксировались злоупотребления в снабжении, но расследования таких дел тормозились^{III}.

На белом Севере также имели место случаи злоупотреблений. 31-летний подполковник (впоследствии — полковник) В.Н. Маслов был в мае 1919 г. привлечен к суду за растрату казенных средств. По одному из свидетельств, он присвоил 50 000 руб. из средств штаба^{IV}. Военно-окружным судом Северной области офицер был лишен чинов, наград, дворянства и отдан в исправительные арестантские отделения на полтора года. Присвоенные средства предписывалось взыскать с имущества Маслова. В сентябре того же года Временное правительство Северной области смягчило наказание, направив Маслова рядовым на фронт. Сведения о том, что через год его восстановили в чине за боевые заслуги^V, пока не нашли документального подтверждения, так как даже на январь 1920 г., фактически перед падением белого Севера, он продолжал оставаться разжалованным в рядовые и служил в 4-м Северном стрелковом полку, но постановлением Временного правительства Северной области понесенный им штраф не являлся препятствием к получению наград^{VI}. После Гражданской войны Маслов прожил долгую жизнь в эмиграции.

В некоторых случаях махинации и злоупотребления приводили к острым конфликтам и даже покушениям на офицеров. Так, видный деятель Белого движения на Востоке России генерал П.Г. Бурлин в кругах русской военной эмиграции подозревался в том, что присвоил себе 20 млн руб., выданных ему адмиралом А.В. Колчаком в Красноярске в начале 1920 г. для помощи эвакуированным на Дальний Восток. Спасаясь от красных, Бурлин якобы зашил деньги в шубу, а позднее — в Харбине — обменивал рубли по курсу 135 руб. за одну иену, нажив на этом 150 000 иен. На Бурлина было совершено покушение, но по ошибке погиб невинный человек^{VII}. К сожалению, крайне сложно отделить правду от инсинуаций и сплетен, получивших широчайшее распространение в эмигрантской среде на почве безденежья и множества проблем.

^I РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 75.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.

^{IV} Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 60–61.

^V Там же.

^{VI} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 54. Л. 77.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 146. Л. 42.

В военное время между офицерами нередко происходили разного рода инциденты. Такие случаи рассматривались с дисциплинарной стороны. Например, на белом Севере командир 6-го Северного стрелкового полка полковник П. Т. Акутин повысил голос на командира батальона при солдатах и дошел даже до площадной брани, за что получил 9 октября 1919 г. выговор от главнокомандующего генерала Е. К. Миллера^I. Нервность Акутина объяснялась постоянным участием в боях. Выговор был вынесен офицеру, чтобы не подвергать заслуженного начальника более строгому наказанию и не передавать дело в военный суд.

Неприятный инцидент произошел с белым разведчиком капитаном К. К. Шмигельским на Юге России. 7 (20) июня 1919 г. он был арестован гвардии полковником Н. С. Кратом из Сводно-гвардейского полка «за то, что шел по улице, имея фуражку в руке, и поэтому не отдал ему честь приложением руки к козырьку»^{II}. Шмигельский жаловался в телеграмме в Особое отделение отдела Генерального штаба Военного управления при главкоме ВСЮР 17 (30) июня: «В комендантском управлении полковник Крат кричал на меня так, как никто никогда не кричал. Передав меня помощнику коменданта, полковник Крат ушел, а я был посажен на гауптвахту, где и просидел час, пока по распоряжению губернатора не был освобожден. Уезжаю в Константинополь 18го (т.е. 1 июля нового стиля. — А. Г.). После моего освобождения полковник Крат снова хлопотал меня арестовать, явился к начальнику штаба военного губернатора, в чем ему было категорически отказано. По распоряжению начальника штаба производится дознание. По возвращении подам более подробный рапорт о происшедшем»^{III}.

Генерал П. И. Аверьянов, рассуждая о проступке группы генштабистов-эмигрантов (в связи с повышением квалификации на геодезических курсах), констатировал, что «подобный поступок членов военной корпорации, людей интеллигентных, большей частью уже пожилых и в больших чинах, совершенно немыслимый в до-революционной русской армии, оказался вполне возможным в армии послереволюционной, даже характерным для последней и показывает, до какой степени понизились даже в наиболее интеллигентной и культурной военной корпорации после революции требования этики и восторжествовали требования шкурничества»^{IV}.

У белых тоже существовали кумовство и nepoтизм. Полковник А. А. фон Лампе записал в дневнике в мае 1920 г.: «Родственная система назначения уже начинает сказываться... Взамен убранного Эльснера, на место которого было у к а з а н о никого не брать, — взят А. П. Половцов, брат жены А. М. Драгомирова, на сестре которого женат Лукомский»^V. Речь шла о генералах А. М. Драгомирове, А. С. Лукомском, А. П. Половцове и Е. Ф. Эльснере. В Северо-Западной армии белых ходили разговоры о том, что начальник штаба армии генерал А. Е. Вандам устраивал на значимые должности своих родственников^{VI}.

Злоупотребления были распространены и в национальных армиях. Как отмечал советский военный атташе в Грузии П. П. Сытин в своем донесении в Москву

^I ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 47. Л. 172об.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 17.

^{III} Там же. Л. 17–18.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 411.

^V ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 119.

^{VI} Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 224, 338.

о состоянии грузинского офицерского корпуса, из-за недостаточности жалования «большой процент офицеров наряду со службой занимается спекуляцией, а многие не брезгают казенными деньгами, вверенными им по службе. Не без греха в этом отношении и помощник военного министра по хозяйственной части ген. [А. К.] Гедеванов, который, как утверждают многие офицеры Ген. штаба, проигрывает в клубах по 100–200 тысяч р. чуть ли не ежедневно, но пока умело предоставляет оправдательные документы.

Одной из наиболее характерных бытовых черт в служебной жизни грузинского офицерства является чрезмерно развитое “кумовство”, которое играет здесь первенствующую роль, и зачастую офицерский состав части подбирается почти исключительно из родственников.

Отмечая чрезвычайно развитое казнокрадство, приходится отметить, что это явление довольно вредно отзывается на интересах республики, так как все хищения соразмерены с аппетитом не одного лица, а целой группы... Не отстают в этом отношении от офицеров и солдаты – спекуляция их родная сфера»¹.

Служба старой военной элиты как в Красной, так и в антибольшевистских армиях протекала далеко не безоблачно. По-видимому, в белом лагере, где над генштабистами было меньше контроля, масштаб злоупотреблений с их стороны был выше. В ряде случаев сами генштабисты совершали крупные или мелкие служебные проступки. Речь шла о хищениях казенных средств, различных махинациях, контрабанде, взяточничестве, коррупции. В Советской России за денежные злоупотребления, как правило, наказание было менее строгим (или вскоре смягчалось), чем по обвинениям в контрреволюции. Кроме того, в красном лагере, где генштабисты жили нередко впроголодь, в их среде чаще встречались продовольственные злоупотребления, происходившие нередко не от хорошей жизни и обусловленные элементарным выживанием. Еще одним видом злоупотреблений в РККА, где существовали ограничения в этой сфере, был nepотизм, когда на различные выгодные должности устраивали родных и близких. Для большевиков такой подход со стороны «бывших» был чреват потенциальными заговорами. Среди проступков генштабистов были разглашение военной тайны, неисполнение приказов, различные нарушения дисциплины. Тем не менее анализ злоупотреблений относительно общей численности выпускников Военной академии, участвовавших в событиях Гражданской войны, свидетельствует о том, что такие инциденты связаны лишь с единичными офицерами.

§ 4. Материальное положение, социальное обеспечение и повседневность

Вопросы материального и социального обеспечения командных кадров противоборствующих сторон в условиях голода, разрухи и ожесточенной Гражданской войны играли немалую роль и могли влиять на жизненные обстоятельства

¹ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 17об.

того или иного офицера. Вместе с тем, материальный достаток в такой обстановке представляется категорией довольно условной, поскольку порой за обесценившиеся деньги ничего нельзя было купить, а распространялся натуральный обмен. Попробуем разобраться в роли материального и бытового факторов жизни и службы генштабистов эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Источниковая база по этой теме весьма представительна, поскольку финансовые документы по вполне понятным причинам традиционно сохраняются лучше многих других.

Офицеры, привыкшие к регулярному получению жалованья и жившие на него, при демобилизации армии в начале 1918 г. в одночасье оказались в ситуации, когда выплата жалованья прекратилась. Ничего другого, кроме несения военной службы, многие из них делать не умели. Необходимо было устраиваться на службу для того, чтобы как-то прокормить себя и близких. В таких условиях материальное обеспечение службы приобретало жизненно важное значение.

Многие генштабисты были обременены семьями, нередко большими. Так, по данным списка Генштаба на 1914 г., лишь 7,8% генералов-генштабистов оставались холостыми, большинство же состояло в браках, причем распространены были многодетные семьи (трое и более детей). Такое количество детей имели свыше 35% генералов-генштабистов. Встречались и семьи со значительно большим числом детей. Например, у генералов Н.М. Баташева, В.В. фон Нотбека, И.П. Савицкого было по 9 детей, у генералов Л.В. де Витта, А.М. Колюбакина и А.Е. Эверта – по 7 детей, у генералов В.П. Прасалова и А.М. Саранчова – по 6 детей, у генералов Н.Н. Баратова, Г.Э. Берхмана и Д.С. Шуваева – по 5 детей. В условиях Гражданской войны обеспечение таких семей становилось крайне сложной задачей.

Генерал А.П. Будберг (отец четверых детей, по данным на 1914 г.) справедливо отметил в своем дневнике 13 декабря 1917 г.: «Сейчас голод даже с руки большевикам, ибо, оставаясь повелителями распределения наличных и притекающих запасов продовольствия, они владеют средством привлечения к себе единомышленников и вольных и невольных прислужников, несравненно более сильным, чем декреты, пропаганда, убеждения и т.п. “Хочешь быть с нами, дадим есть, а не хочешь – пеняй на себя” – таков сейчас лозунг большевистской политики по отношению ко всему населению. А ведь ради прокормления семьи и просящих есть детей к большевистским ногам склонятся очень многие непреклонные при других обстоятельствах шеи»^I. 16 декабря 1917 г. Будберг записал: «Положение офицеров, лишенных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равносильное голодной смерти, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу»^{II}. В таком же положении оказались и семьи офицеров. Жены и вдовы офицеров в декабре 1917 г. осаждали советские учреждения в поисках справедливости^{III}. Из-за разрухи, развала транспортной системы, дезинтеграции страны цены на продукты в конце 1917 – начале 1918 г. резко возросли. В Крыму офицеру с семьей уже нельзя было прожить на 100 руб. в неделю^{IV}. Генерал

^I Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 261.

^{II} Там же. С. 262.

^{III} Там же. С. 263.

^{IV} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 92.

А. П. Будберг в Петрограде пребывал в полуголодном состоянии, получая в конце 1917 г. четверть фунта хлеба в день. Выживать приходилось, потребляя мерзлый картофель, стоивший 30–40 руб. за пуд (цена постоянно росла). Купить его можно было, заняв очередь с 2–3 часов ночи на морозе^I. Катастрофичность положения усугублялась разгулом криминала. С национализацией банков офицеры, хранившие там свои сбережения, потеряли их.

2 января 1918 г. был издан приказ Наркомата по военным делам об окладах жалования для военнослужащих. Были отменены гвардейские оклады. Продукты и обмундирование выдавались натурой, но за деньги. Семьи военнослужащих получали паек. Командир корпуса должен был получать теперь ежемесячно 700 руб., начальник дивизии 600 руб., командир полка и бригады 450–500 руб. (большая сумма означала боевой оклад). Преподаватели получали жалование исходя из числа штатных часов^{II}. В январе 1918 г. в Советской России разрабатывались новые оклады генштабистов, планировалось повышение жалования на 50%^{III}. Однако эти проекты реализованы не были. Но бывшие офицеры Генштаба были признаны специалистами 21 января 1918 г. телеграммой начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича № 225, причем им была установлена 35%-ная надбавка содержания к основному окладу как принудительно задержанным на военной службе. Надбавку упразднили в апреле 1918 г.

Достаточно отдельных примеров тяжелого семейного и имущественного положения генштабистов, чтобы составить представление о ситуации по всей корпорации. Бывший член Военного совета генерал от инфантерии П. А. Гейсман жаловался в июне 1918 г.: «Жить без жалования или пенсии в высшей степени трудно, если не сказать хуже»^{IV}. Поступивший на украинскую военную службу полковник Н. Г. Загнеев, находившийся с 1914 г. в плену, не имел ни недвижимости, ни средств, но должен был содержать 80-летнюю мать и больную жену с парализованной с 1917 г. правой рукой^V. Дабы свести концы с концами, Загнеев просил об устройстве на украинскую службу. Генерал-майор А. М. Заболотный приехал на Украину из голодной Москвы. Рассуждая о своем тяжелом материальном положении, офицер отмечал, что суточных в 25 руб. недостаточно для того, чтобы жить в Киеве, так как столько стоило лишь питание, а квартира требовала еще 10 руб. в сутки. Офицер некоторое время оставался безработным, а затем устроился на службу в гетманскую армию. Заболотный писал в июне 1918 г.: «Как это больно сознавать ужас нашего офицерского положения...»^{VI} Ходатайствуя о поступлении на службу, он отмечал, что «работать на пользу родного для меня края как местного уроженца и украинца для меня было бы очень приятно, да в этом отношении я и работал еще на фронте, и работал активно и продуктивно. К сожалению, это осталось не отмеченным и не поощренным»^{VII}. Офицер резюмировал:

^I Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 266.

^{II} Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 228–230.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 83.

^{IV} РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 49об.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 267–267об.

^{VI} Там же. Л. 217об.

^{VII} Там же. Л. 217.

«В настоящее время и при мизерном вознаграждении я положительно не в состоянии выполнять работу и жить в Киеве»^I.

В период отражения немецкого наступления с конца февраля по начало марта 1918 г. личный состав псковских отрядов получал по 10 руб. в сутки, выборные командиры отрядов до 100 штыков – по 12 руб., 100–250 штыков – 15 руб., 250–500 человек – 18 руб., 500–1000 человек – 20 руб., начальник отрядов и его помощник получали по 25 руб.^{II} Начальник отрядов И.Г. Пехливанов на конец марта получал 700 руб. жалованья, его помощник – 600 руб., кроме того, военспецы получали пособия на покупку седел^{III}.

В целях привлечения генштабистов в новую армию разрабатывались различные проекты, в том числе предполагавшие хорошее материальное обеспечение. В проекте табеля добавочных окладов специалистам военного дела (приложение к документу под названием «О привлечении в ряды новой армии бывш[их] офицеров Генерального штаба»), выработанном в штабе Военного совета Северного участка и Петроградского района в апреле 1918 г., предполагалось окончившим полный курс академий по 1-му разряду выплачивать 50%-ную надбавку, окончившим Военную академию по 2-му разряду – 40%-ную, причисленным к Генштабу курсовикам – 30%-ную, не причисленным – 20%-ную, выпускникам технических школ – 15%-ную. Отмечалось, что к 1-му разряду относились и те, кто имел право на зачисление в Генштаб, но отказался по собственному желанию. Выпускники по 2-му разряду, переведенные в Генеральный штаб, причислялись к 1-му разряду^{IV}. В одной из последующих редакций документа предполагалась 50%-ная надбавка всем специалистам, включая чинов Генерального штаба, причисленных к Генеральному штабу, окончивших ускоренные курсы и допущенных к исправлению должностей Генерального штаба, окончивших по 1-му и 2-му разрядами Артиллерийскую и Инженерную академии, а также окончивших Интендантскую академию по 1-му разряду^V.

В мае 1918 г. видный большевистский военный деятель Н.И. Подвойский предложил при губернских военных комиссариатах сформировать 15%-ный резерв военспецов с оплатой 450–500 руб. в месяц^{VI}. 22 мая 1918 г. начальником оперативного отдела штаба Западного участка отрядов завесы бывшим подполковником А.Н. де Лазари был разработан проект, предусматривавший привлечение военспецов на службу при помощи жалованья, бесплатного пайка, в том числе членам семьи, и бесплатного жилья, так как «только материальные преимущества могут до некоторой степени компенсировать те неудобства и тягости службы в отрядах, которые и являются главным препятствием к добровольному замещению свободных вакансий Генштаба»^{VII}. В штабах отрядов предлагалось платить 100 % жалованья, в штабах районов 75 %, в штабах участков – 50 %.

^I Там же. Л. 216об.

^{II} РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

^{III} РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

^{IV} РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 72. Л. 41об.

^V Там же. Л. 42.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 11.

^{VII} Там же. Л. 55об.

На этот документ военрук ВВС М.Д. Бонч-Бруевич наложил резолюцию о необходимости зарегистрировать офицеров Генштаба и перейти к системе обязательного назначения зарегистрированных по их специальности. Именно в этом направлении и развивалась постановка учета кадров Генштаба в дальнейшем. «Привлечение на службу путем материальных выгод считаю крайне ненадежным способом комплектования», — справедливо отметил Бонч-Бруевич¹.

Начальник штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа предлагал в апреле 1918 г.: «1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50 % установленных штатами окладов, или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалование невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как, н[а]п[ример], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т.д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»².

Тем не менее привлечение на службу посредством материальных благ не исключалось. Так, Л.Д. Троцким был утвержден доклад от 16 июля 1918 г. об ассигновании в распоряжение ВГШ аванса в 50 000 руб. для выдачи подъемных денег и пособий «лицам Генштаба», заявившим о своем желании вернуться в Россию из оккупированных областей и поступить в РККА³.

В Советской России настойчиво проводился в жизнь принцип — кто не работает, тот не ест. Условием получения пайка бывшими офицерами становилось поступление на ту или иную службу. Некоторые современники отмечали значимость вопроса о жалованье в мотивации военспецов-генштабистов. Об этом писал, например, белый разведчик А.А. Борман, по свидетельству которого «офицеры Генерального штаба старались выслужиться в погоне за прибавками»⁴. Однако абсолютизировать эти оценки не стоит.

В мае 1918 г. в одной из разведсводок Добровольческой армии сообщалось, что «в Москве существует Генеральный штаб, в котором работают “бывшие офицеры Генерального штаба”. В погоне за офицерами большевики не жалеют денег на большие оклады»⁵. Разумеется, белым было проще объяснить факт поступления на службу большевикам сотен генштабистов материальной заинтересованностью, нежели иными причинами, в том числе идейными. Помимо жалования генштабисты могли рассчитывать на материальную помощь однокашников.

В апреле 1918 г. в ГУГШ были установлены следующие оклады (табл. 62).

¹ Там же. Л. 55.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 45–45об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 67об.

⁴ Борман А. А. Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Ленинград). 1991. Кн. 1. С. 140.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 55.

Оклады служащих ГУГШ — военных специалистов РККА. Апрель 1918 г.¹

Должность	Оклад (руб.)
Помощник начальника отдела	840
Начальник отделения	800
Старший делопроизводитель	700
Младший делопроизводитель	600

На местах оклады были намного ниже. В связи с созданием военных округов 20 апреля 1918 г. Троцкий утвердил следующий штат военно-окружного штаба (табл. 63).

Таблица 63

Должности Генштаба по штатам военно-окружного штаба. 20 апреля 1918 г.¹¹

Должность (принадлежность к Генштабу — ГШ)	Оклад (руб.)
Начальник штаба (ГШ)	900
Для поручений (2, могут быть ГШ)	700
Начальник административного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий отделом формирования и устройства войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела формирования и устройства войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом подготовки войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела подготовки войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом службы войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела службы войск (2, один может быть ГШ)	550
Начальник мобилизационного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий статистическим отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель статистического отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий мобилизационным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель мобилизационного отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий оперативным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель оперативного отдела (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий разведывательным отделом (ГШ)	700
Делопроизводитель разведывательного отдела (3, один может быть ГШ)	550

Подобные оклады сохранялись и летом 1918 г.¹¹¹ Делопроизводители в дальнейшем стали начальниками отделений¹¹².

4 июня 1918 г. Э.М. Склянским были утверждены новые оклады служащих ВГШ (преемника ГУГШ) (табл. 64).

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 12.

¹¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–39об.

¹¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 152, 163; Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 268.

¹¹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 41, 44, 55.

Оклады военспецов — работников ВГШ. 4 июня 1918 г.¹

Должность	Оклад (руб.)
Начальник ВГШ	1000
Товарищ начальника, начальники отделов, генерал-квартирмейстер	900
Помощники начальников отделов, обер-квартирмейстеры	800
Начальники отделений, делопроизводители	700
Помощники начальников отделений, помощники делопроизводителей старшего оклада	600

По данным на июль 1918 г., начальники управлений ВГШ получали по 1000 руб., начальники отделов — по 900 руб., их помощники — по 800 руб., начальники отделений — по 700 руб.^{II} Начальник корпуса военных топографов А.И. Аузан получал 1000 руб., начальники отделов — 900 руб., начальники частей — 800 руб.^{III} Н.М. Потапов как управляющий делами Наркомата по военным делам получал 1000 руб., состоявший при нем для поручений А.А. Балтийский — 800 руб., прикомандированный к Троцкому генштабист В.И. Самуйлов — 800 руб.^{IV} Таким образом, оклад в 1000 руб. в это время являлся одним из наиболее высоких в РККА. Столько же получали инспектора формирований. Военный консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам получал 800 руб.

В 1918 г. политические комиссары в военных округах получали по 700 руб.^V В штабе Орловского военного округа на 1 августа 1918 г. у делопроизводителей отделов существовали оклады в 550 руб. Начальник штаба округа получал 900 руб., начальник административного управления — 800 руб., начальники отделов — по 700 руб.^{VI}

Несколько особняком стояла бывшая Николаевская военная академия. Осенью 1917 г. материальное положение слушателей в Петрограде на фоне колоссальной дороговизны было достаточно тяжелым. Курсовик В.М. Цейтлин отметил в дневнике 9 октября 1917 г.: «В смысле дороговизны сплошной ужас, при нашем содержании жить невозможно, обед стоит 6–8 рублей, вчера переночевал в гостинице и, пожалуйста, 10 рублей.

Бутылка сельтерской — 60 коп[еек]. Хлеба нет совсем, доставать трудно, даже по карточкам. Пакет уменьшен с $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта. Извозчик с вокзала — 11 рублей. Фунт колбасы — 6 рублей, сыру — 6 рублей, халва 6 рублей, шоколад 14 рублей и т.д.

Живи как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче, и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»^{VII}

Слушатели искали возможности для экономии. 12 октября в дневнике Цейтлина записано: «Был в академии, целой компанией обедали в собрании армии и флота,

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 201.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 282, 285, 336.

^{III} Там же. Л. 325.

^{IV} Там же. Л. 342.

^V РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 463. Л. 3.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 309.

^{VII} АВИМАИВИС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 248; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 291.

очень дешево, но скверно»^I. 13 октября Цейтлин записал: «Кажется, нам прибавили жалования, да иначе и нельзя было бы существовать, так как мы стали получать меньше, чем в начале войны (отняли фуражные), а жизнь стала дороже раз в десять»^{II}.

Дневниковая запись от 16 октября также затрагивает вопросы питания и материального обеспечения слушателей: «Начались лекции.

Страшная дороговизна, а у нас в академии до сих пор не наладились обеды, приходится ездить в собрание армии и флота, причем устаешь от этого мотания дьявольски»^{III}. Впрочем, вскоре и в академии слушателей стали обеспечивать питанием. 18 октября Цейтлин записал: «В академии наладилось продовольствие, и теперь стало легче жить, во всяком случае, обед обеспечен. Прислуга женская, и как это хорошо. До чего обнаглели в прошлом году “товарищи”, подававшие в столовой, просто трудно себе вообразить. Каждый из них думал, что, подавая обед, делает какое-то невероятное одолжение, несмотря на то что все получали большое вознаграждение и освобождались от фронта.

Сейчас гораздо скорее и симпатичнее»^{IV}.

Оказавшиеся в РККА по инерции как слушатели академии молодые выпускники ускоренных курсов 2-й очереди весной 1918 г. получили младшие должности в Красной армии с окладом в 500 руб., к этому могло добавляться 35% надбавки и выплачивалось пособие на 2 или 3 месяца. Кроме того, они получали лошадь натурой и деньги на покупку седла по существующим ценам (500 руб.), а также паек по интендантским ценам^V. Думается, такое обеспечение было весьма серьезным подспорьем для молодежи. Низший оклад в это время составлял 10–12 руб. в сутки^{VI}. 500 руб. получали лица для поручений, 400 руб. — начальники отделений, 350 руб. — их помощники.

В начале 1918 г. $\frac{9}{10}$ слушателей академии получали по 400 руб. боевого оклада, а остальные — от 300 до 600 руб.^{VII} Слушатели получали и «керенские прибавки» — единовременные пособия на дороговизну в 200–300 руб. и ежемесячно 75–100 руб. Таким образом, в месяц получали от 450 до 700 руб.^{VIII}

С 1 апреля 1918 г. по прибытии академии из Петрограда в Екатеринбург оклады были уменьшены с 400 до 350 руб. (поскольку боевые действия считались оконченными, прекратилась выплата боевых окладов). В связи с эвакуацией выплачивались подъемные 200 руб. 3 мая 1918 г. приказом Наркомата по военным делам № 316 установлен единый оклад в 550 руб.^{IX} Жильем, одеждой и продовольствием слушатели обеспечивали себя самостоятельно.

18 апреля 1918 г. один из слушателей писал председателю комитета слушателей: «В настоящее время просуществовать на такое содержание не представляется возможным. Если жалование рядового красноармейца, состоящего на полном

^I АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 249; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 292.

^{II} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 249; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 292.

^{III} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 252; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 295.

^{IV} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 253; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 296.

^V РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 15об.

^{VI} Там же. Л. 23.

^{VII} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

^{VIII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111.

^{IX} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

иждании, увеличено с 50 до 150 руб., а ставки лиц должностных — не специалистов увеличены до 500–800 р., полагаю необходимым просить возбудить ходатайство об установлении... одинакового оклада для всех слушателей, как военных специалистов, в размере ежемесячного оклада в 450 р. для холостых и 550 р. для женатых, на каждого нетрудоспособного члена семьи сверх указанных ставок по 50 р.»^I.

В обстановке неразберихи, характерной для начала 1918 г., жалование получали не все. Так, выпускник курсов Г.И. Теодори отмечал 6 апреля 1918 г., что «прикомандированные к вверенному мне отделу причисленные к Генеральному штабу специалисты постоянно выполняют различные специальные работы, командировки и другие поручения, связанные с денежными расходами.

С 14 марта они не получали и не получают от штаба никакого денежного содержания, что ставит их всех в крайне тяжелое материальное положение: некоторым уже отказывают от квартир за невзнос платы, некоторые начинают голодать, а причисленный к Генеральному штабу А.Д. Лютов в течение нескольких дней уже голодает. Послать кого-либо в командировку или дать другое поручение нельзя, ибо у командированного нет денег.

Как лицо, коему вверена судьба прикомандированных, полагаю безусловно необходимым немедленно удовлетворить всех их жалованием, хотя бы по минимальному расчету — 400 рублей в месяц, как значится в имеющихся на руках аттестатах, выданных Николаевской военной академией»^{II}.

В дальнейшем размеры жалования возрастали. Немалую роль в этом сыграл лидер выпуска курсов 2-й очереди Г.И. Теодори. Так, например, он добился того, что прикомандированные к штабам с 14 марта 1918 г. получали по 400 руб. в месяц и 20 руб. суточных»^{III}.

К концу апреля 1918 г. оклады курсовиков составляли от 626 руб. 67 коп. у прикомандированных к штабам до 1800 руб. Оклады эти считались достаточно хорошими. По штатам, утвержденным ВВС, ставки должны были составить 550–750 руб. на курсовика»^{IV}. Тем не менее не всех привлекало даже высокое материальное обеспечение. Так, курсовик Ю.И. Григорьев получил 1200 руб. подъемных, обмундирование и 600 руб. жалования за март 1918 г., но все равно пожелал уйти со службы по болезни в связи с ранением»^V.

Слушателей нового набора академии большевистские вожди планировали снабдить жалованием в размере 550 руб. в месяц»^{VI}. Военком академии с мая 1918 г. получал 500 руб. в месяц»^{VII}, т.е. меньше слушателей. В мае 1918 г. Уральский областной военкомат планировал доплачивать слушателям по 150 руб. за организационную работу»^{VIII}. Курсовики несли и определенные корпоративные расходы (например, взносы в капитал взаимопомощи офицеров Генштаба и на содержание причта Суворовской церкви).

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111об.–113.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 24.

^{III} Там же. Л. 109об.

^{IV} Там же. Л. 37об.

^V Там же. Л. 39, 41.

^{VI} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.

^{VII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.

^{VIII} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 77.

В марте 1918 г. за руководство практическими занятиями по тактике платили 3–6 руб., по военной администрации – 2 руб.^I В апреле – мае 1918 г. профессора академии получали по 600 руб., начальник академии – 700 руб., правитель дел, заведующие обучающимися – по 450 руб., казначей академии – 350 руб., дворник – 275 руб.^{II} Оклад начальника академии по проекту, датированному 30 апреля 1918 г., намечался в 900 руб.^{III}, на июнь 1918 г. он составил 1000 руб. и был приравнен к окладу по должности начальника управления^{IV}. Правитель дел получал 800 руб., его помощник – 700, ординарный профессор – 900, штатный преподаватель – 700, сторож – 150 руб.^V За производство экзаменов в мае 1918 г. выплачивались дополнительные деньги – 50 руб. за экзамен^{VI}. Профессора за лекции получали по 25 руб., практические занятия оплачивались выше (в июле 1918 г. – 30–45 руб.).

Штат военрука района (отряда) завесы был утвержден ВВС 28 марта 1918 г. Тогда военрук получал 700 руб. (боевой оклад – 800), помощник военрука – 700 руб. в любое время, начальник штаба – 600 руб., генштабисты для особых поручений – по 500–550 руб., начальники отделений – по 500 и 550 руб. (боевой оклад)^{VII}. По мнению консультанта оперативного отдела Наркомата по военным делам, изложенному в секретном докладе о состоянии Воронежского района от 21 июня 1918 г., в завесе «обращает внимание полное отсутствие в штабах участков специалистов Генерального штаба, что весьма вредно отражается на элементарной работе штабов»^{VIII}. Текст был подчеркнут членом ВВС К. А. Мехоношиным, который на полях документа набросал: «Мизерные оклады и грубость и подозрительность отд[ельных] лиц мешает набору»^{IX}.

Служивший в Петроградском районе П. Н. Буров писал 10 июля 1918 г. начальнику Управления по командному составу ВГШ А. П. Архангельскому о своем тяжелом материальном положении: «Вот уже три месяца как я состою на службе в Петроградском районе.

Вывеску меняю еженедельно, а толку до сих пор нет. Нервы треплются без пользы и для себя, и для дела. А главное – нахожусь под непосредственной угрозой голодной смерти. За себя еще не боюсь, но за семью стало положительно страшно.

Если Вы можете мне оказать помощь перебраться на какую-нибудь должность в районе Ярославля – не откажите оказать содействие. С [Н. Д.] Ливенцовым^X у меня были хорошие отношения. Если он там еще и у него имеются какие-либо места, думаю – затруднений не будет.

В настоящее время я именуюсь инспектором 1^й инспекции формирований. Но дивизии постепенно отходили от меня, и сейчас пытаются что-то сделать для меня искусственно.

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88. Л. 4–4об.

^{II} Там же. Л. 15об., 16об., 19об., 20об., 24об., 51об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 171.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

^V Там же. Л. 4–5.

^{VI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 2об.

^{VII} РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 83. Л. 149.

^{VIII} РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 29. Л. 2об.

^{IX} Там же.

^X Правильно – Ливенцевым.

Вообще же создавшаяся здесь обстановка стала невыносимо тягостна. Знаю, что и в других местах, вероятно, не лучше, но все же всемерно из Петрограда хочу выехать»^I.

Декретом СНК от 27 июня 1918 г. «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» устанавливались новые нормы оплаты труда. Все советские работники были разделены на четыре группы, внутри каждой из которых делились на категории. К первой группе относились наркомы, руководители учреждений и их самостоятельных подразделений (отделов, отделений, секций), помощники руководителей подразделений, ответственные работники со специальными знаниями, делопроизводители 1-го разряда со знанием иностранных языков, заведующие канцеляриями и т. д. Ко второй группе – служащие со специальными знаниями и опытом, работавшие под руководством ответственных лиц, делопроизводители, преподаватели средних учебных заведений. К третьей группе относились профессиональные рабочие и служащие без специальных знаний. К четвертой группе – начинающие и низовые работники. Очевидно, генштабисты относились к первым двум группам (прежде всего, к первой). Оклад наркомов, заведующих общероссийскими учреждениями, управляющих делами комиссариатов составлял по декрету 800 руб. (1-я категория 1-й группы), ответственные работники со специальными знаниями, т. е. основная масса генштабистов (2-я категория 1-й группы), получали 750 руб. От категории к категории оклады уменьшались на 50 руб.

Во второй группе максимальным окладом было 650 руб. Суточные деньги по декрету составляли месячный оклад, деленный на 30, но не менее 20 и не более 40 руб. в сутки. Сверхурочная работа в ночное время и праздники оплачивалась в двойном размере^{II}.

Оклады специалистов могли быть увеличены до 1200 руб. в месяц^{III}. Для сравнения, наименьший оклад инженера-специалиста в Наркомате путей сообщения составлял 1200 руб., а техника – не менее 800 руб. Рабочие в среднем получали на сентябрь 1918 г. 325–350 руб. в месяц, а председатель СНК В. И. Ленин за 1918 г. получал по должности в среднем 807 руб. в месяц (как и полагалось по декрету от 27 июня 1918 г.)^{IV}. Несмотря на десятикратный рост суммы, покупательная способность зарплаты рабочих снизилась в сравнении с 1914 г.

Согласно справке отделения по службе Генштаба ВГШ, датированной 15 июля 1918 г., «в настоящее время вопрос о замещении вакантных должностей Генерального штаба принимает очень острое положение, в особенности в больших городах, где материальные условия жизни чрезвычайно тяжелы.

Обстоятельствами, затрудняющими для большинства лиц Генерального штаба поступление их вновь на службу, являются, по заявлению большинства, 1) маленькие оклады содержания, на которые семейные не могут существовать, и 2) неудовлетворительная постановка продовольственного и квартирного вопросов»^V.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 67–67об.

^{II} Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 644–648.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

^{IV} В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 301; Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России. С. 173.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

Предлагалось ввиду роста дороговизны увеличить прибавку к окладам до 50 % существующих окладов.

Начальник Оперативного управления ВГШ С.А. Кузнецов сообщал в Народный комиссариат государственного контроля 9 августа 1918 г. о непростых обстоятельствах поступления в РККА будущего знаменитого советского военачальника А.И. Корка, занявшего пост младшего делопроизводителя оперативного отдела ВГШ: «Означенный военнослужащий ранее служил в штабе Западного фронта; 21 февраля с.г., при занятии гор[ода] Минска германскими войсками, все военнослужащие названного штаба, которого не удалось своевременно эвакуировать, германцами были объявлены военнопленными (без перевода в лагерь военнопленных).

Военнослужащему Корку удалось переехать в Великороссию лишь 11 июня с.г. Так как он не имел никаких личных средств, а небольшая поддержка, которая оказывалась германскими властями в первые 1½ месяца, была совершенно недостаточна для существования военнослужащего Корка и состоявшей при нем его семьи, то он был вынужден прибегнуть к заимообразной денежной поддержке со стороны своих знакомых.

Для поправления своего тяжелого материального положения ввиду необходимости ликвидировать личные денежные обязательства военнослужащий Корк возбудил ходатайство о выдаче ему единовременного двухмесячного денежного пособия.

Начальник Всероссийского главного штаба признал ходатайство вполне уважительным, но комиссар штаба высказался о возможности выдачи пособия отрицательно, указав, что все лица, находящиеся на службе в новой армии, не могут получать каких-либо пособий за время до службы.

Управляющий делами Народного комиссариата по военным делам Н.М. Потапов разъяснил, что теперь вообще никакие пособия не выдаются, но вместе с тем указал, что одно из подобных ходатайств было направлено в Государственный контроль.

По приказанию начальника Всероссийского главного штаба при сем препровождая переписку о выдаче единовременного пособия в размере двухмесячного жалования военнослужащему Корку на окончательное заключение.

При этом считаю необходимым упомянуть, что названный военнослужащий хотя и поступил в новую армию 14 июня, но фактически был лишен возможности, по причинам, от него не зависящим, нести службу с 21 февраля по 14 июня с.г., а между тем пребывание в положении военнопленного поставило его в тяжелые материальные условия¹. Документ свидетельствует не только об особенностях материального положения военспеца, недавно вернувшегося из плена, но и о корпоративной солидарности генштабистов.

Главный редактор журнала «Военное дело» в составленном проекте штата в мае 1918 г. указал желаемый оклад в 900 руб.² «Лица Генерального штаба», зачислявшиеся в распоряжение начальника ВГШ, получали месячный оклад в 700 руб.³ В августе 1919 г. на междуведомственном совещании при Военно-законодательном

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 305об.–306.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 25. Л. 9.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 90. Л. 4.

совете обсуждалось повышение их окладов до 2000 руб. и сохранение прежнего жалования зачисляемым с фронтовых должностей^I.

Оклады постепенно возрастали. Военрук участка получал 1000 руб. (К.К. Баиов как военрук Московского района получал 1500 руб.^{II}), помощник военрука, начальник штаба – 900 руб., начальники отделов – по 800 руб., начальники отделений – по 700 руб., консультанты при штабах озерно-речных флотилий – по 800 руб., начальники дивизий – по 900 руб., начальники штабов дивизий – по 800 руб., командиры бригад – по 800 руб., начальники штабов бригад – по 600 руб., помощники начальников штабов дивизий по оперативной части – по 550–600 руб., заведующие оперативной частью неотдельных бригад – по 600 руб.^{III} Такие же оклады сохранялись и летом 1918 г.^{IV} Инспектор формирований получал 1000 руб., состоявшие для поручений при нем – по 700 руб.^V К осени 1918 г. 700-рублевый оклад стал минимальным для оплаты труда специалистов Генштаба на низших должностях^{VI}. Находившийся в распоряжении военрука Северного участка отрядов завесы в сентябре 1918 г. Ф.В. Костяев должен был получить 1200 руб. С конца сентября как начальник штаба Северного фронта он получал уже 2500 руб., а с 22 октября как начальник ПШ РВСР – 3500 руб.^{VII} Таким образом, за месяц жалование военспеца выросло втрое. Вдвое выросло жалование генштабиста А.К. Малышева, получавшего как начальник штаба войск Петрограда до конца сентября 1918 г. 800 руб., а затем как начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта и для поручений при начальнике ПШ РВСР 1700 руб.

Оклады часто менялись. Так, только в ВВС летом 1918 г. они изменились трижды в течение одного месяца (табл. 65).

Таблица 65

**Изменение должностных окладов военспецов –
ответственных сотрудников ВВС («лиц Генштаба») в 1918 г.^{VIII}**

Должность	Оклад (руб.)		
	До 27.06.1918	По приказам Наркомвоен № 679 и 866 и декрету от 27.06.1918	По докладам от 07.07 и 22.07.1918, утвержденным 10.07 и 23.07.1918
Военный руководитель	1000	1200	2000
Помощник военрука	1000	1200	1000
Начальник штаба	1000	1200	1500
Начальник Оперативного управления	1000	1200	1000

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 1.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 436.

^{III} Там же. Л. 272–274.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 324.

^V РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 202; Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 2; Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 150.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.; Д. 4. Л. 16–16об.

Должность	Оклад (руб.)		
	До 27.06.1918	По приказам Наркомвоен № 679 и 866 и декрету от 27.06.1918	По докладом от 07.07 и 22.07.1918, утвержденным 10.07 и 23.07.1918
Начальник ВОСО	1000	1200	1000
Начальник Организационного управления	900	1100	1000
Помощник начальника Оперативного управления по оперативной части	800	950	900
Помощник начальника Оперативного управления по разведывательной части	800	950	900

Судя по всему, повышение окладов продолжалось и далее. Помощник начальника оперативного управления штаба ВВС Б.М. Шапошников, по данным на начало сентября 1918 г., получал 1360 руб. С 7 сентября по должности начальника разведывательного отдела Оперативного управления Штаба РВСР он стал получать 1700 руб.¹

По штату Штаба РВСР, утвержденному главкомом И.И. Вацетисом 7 сентября 1918 г., были установлены следующие оклады (табл. 66).

Таблица 66

Оклады «лиц Генштаба» — работников Штаба РВСР по штату 7 сентября 1918 г.^{II}

Должность	Оклад (руб.)
Главком	5000
Начальник штаба	3000
Для поручений при начальнике штаба	1700
По части снабжений при начальнике штаба	2000
Начальник Оперативного управления	2000
Помощник начальника Оперативного управления	1700
Начальник общего отделения	1700
Помощники начальника общего отделения (2, могут быть Генштаба)	1500
Начальник оперативного отдела	1700
Помощники начальника оперативного отдела (3)	1500
Начальник разведывательного отдела	1700
Начальник разведывательного отделения	1700
Помощник начальника разведывательного отделения	1500

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 253.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 181–181об.

В сентябре 1918 г. в Штабе РВСР начальники отделов и отделений (Б.М. Шапошников, Ф.Л. Григорьев, М.Н. Земцов) получали жалование в размере 1700 руб.^I Инспектор снабжений Н.А. Сулейман получал 2000 руб.^{II} Оклады инспекторов оставались на этом же уровне, по меньшей мере, до конца года. Комиссары при инспекторах могли получать 1600 руб., т.е. меньше военспецов^{III}. Весной 1919 г. В.Н. Егорьев как инспектор пехоты при ПШ РВСР получал 2500 руб.^{IV}

В процессе формирования советской Ставки – ПШ РВСР были установлены следующие оклады (табл. 67).

Таблица 67

Оклады работников ПШ РВСР^V

Должность	Оклад (руб.) в конце 1918 – 1919 г.
Начальник ПШ РВСР	3500
Военный комиссар	2800
Для поручений при начальнике ПШ РВСР	2000 (на июль 1919 г. – 3000 руб.)
Для поручений при помощнике начальника ПШ РВСР	1700
Начальник оперативного отделения	1700
Помощники начальника оперативного отделения	1700
Начальник общего отделения	1800
Начальник разведывательного отделения	1800
Начальник Регистрационного управления	2000
Консультант управления	2000
Начальник агентурного отдела	2000
Начальник агентурного отделения	1800

При этом служба в Серпухове, куда переехал ПШ РВСР, не давала, в отличие от службы в Москве, каких-либо возможностей генштабистам для подработки, хотя отчасти это компенсировалось большей дешевизной жизни^{VI}.

20 сентября 1918 г. был издан приказ РВСР, содержавший данные о новых окладах. Согласно приказу командующий армией получал 2500 руб., член РВС армии – 1700 руб., начальник штаба армии – 2000 руб., его помощник, а также начальник снабжений, начальник ВОСО, интендант армии – 1700 руб., заведующие отделениями армейских штабов – 1500 руб., их помощники – 1300 руб., делопроизводители – 900 руб. Командиры полков – 1500 руб., командиры батальонов – 1200 руб., командиры эскадронов – 1000 руб., командиры отделений – 600 руб., красноармейцы – 300 руб.^{VII}

Эти оклады намного превышали оклады ответственных гражданских работников и специалистов, установленные ВЦИК 22 сентября 1918 г. и утвержденные

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 13об.

^{II} Там же. Л. 13.

^{III} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 270об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 193об.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 173об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 72, 73, 76–76об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 117. Впрочем, в документах встречаются и более низкие оклады у тех же работников.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 216.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 13–13об.

декретом СНК от 18 октября 1918 г. (максимальный оклад ответственных руководителей составлял 1000 руб., максимальный оклад служащего со специальными знаниями и опытом — 830 руб.). Но нельзя сказать, чтобы генштабисты особо выделялись по окладам среди специалистов. Сопоставим их оклады с жалованьем военных моряков. К примеру, начальник Морского Генерального штаба летом 1918 г. получал 1500 руб., с конца сентября 1918 г. командир корабля 1-го ранга в среднем получал 1650 руб., к началу 1919 г. начальники главных управлений получали по 2700 руб.^I Эти суммы вполне сопоставимы с тем, что получали генштабисты по аналогичным должностям в соответствующие периоды. Неудивительно, что разведка Добровольческой армии на осень 1918 г. пришла к выводу о том, что красные привлекали офицерство окладами^{II}.

Находившийся в распоряжении начальника ВГШ и ожидавший назначения И.П. Сытин в сентябре 1918 г. получал 1000 руб. по должности, на которую предназначался (военрук Приволжского военного округа)^{III}. Генштабисты, находившиеся в распоряжении начальников армейских штабов, могли в конце 1918 г. получать оклад в 1700 руб.^{IV}

Председатель Реввоентрибунала республики получал 2800 руб. в месяц^V. Сотрудники комиссии по исследованию и использованию опыта войны на 1919 г. имели следующие оклады: председатель комиссии, ответственный редактор, сотрудники-составители — 2200–2700 руб., секретарь и военный картограф — 1800 руб., делопроизводитель — 1240 руб.^{VI}. Реальные выплаты могли быть ниже, например, при совместительстве удерживали 50 % жалованья^{VII}. Так, генштабисту Н.А. Сулейману была предложена должность военного картографа, но с окладом 1060 руб. как совместителю^{VIII}.

Начальник Штаба РВСР Н.И. Раттэль получал 3000 руб. в месяц, 9 октября 1918 г. он был назначен начальником ВГШ, но приступил к исполнению обязанностей только 25 октября. Новый оклад Раттэля составил лишь 1480 руб., что вызвало недовольство военспеца. Тем более что главком И.И. Вацетис и член РВСР К.Х. Данишевский пообещали ему на словах, что с новым назначением материально Раттэль не пострадает^{IX}. Новый оклад Раттэль испрашивал с 22 октября. Для сравнения, предшественник Раттэля на этом посту А.А. Свечин получал 2000 руб. в месяц. В итоге Раттэль добился своего и стал получать 3000 руб. и по новой должности^X. Любопытно, что военный комиссар ВГШ И.Л. Дзевалтовский имел на декабрь 1918 г. оклад в 1480 руб.^{XI}, получая, таким образом, вдвое меньше беспартийного военспеца Раттэля.

^I Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России. С. 171, 173, 176.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 4. Л. 30.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 83–84.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 440.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 111об.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 105об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 158.

^{VIII} Там же. Л. 50. Впрочем, по временному штату комиссии на 10 декабря 1918 г. председатель, редакторы и сотрудники-составители получали 1000 руб., а в планах было повышение до 1480 руб., военный картограф получал 700 руб., а намечено было повышение до 1000 руб. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1044. Л. 11). Эти оклады существовали еще с сентября 1918 г. по прежнему штату (Там же. Л. 33).

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 135об.

^X Там же. Л. 465.

^{XI} Там же. Л. 461.

Понижение оклада грозило и С. А. Кузнецову. Как начальник Оперативного управления ВГШ он получал 1480 руб., однако в результате слияния в ноябре 1918 г. Организационного и Оперативного управлений Кузнецов стал начальником отдела с окладом 1360 руб. Н. И. Раттэль испрашивал разрешения заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского на то, чтобы сохранить за Кузнецовым и другими терявшими часть жалованья военспецами прежние оклады с уплатой разницы из двухмиллионного фонда, находящегося в распоряжении Совета ВГШ^I. На это было получено добро. В декабре 1918 г. оклад начальника ЦУПВОСО бывшего генерала М. М. Загю составлял 2500–2550 руб.^{II}

«Лица Генерального штаба», командировавшиеся на фронт (из Москвы или через Москву), в 1918 г. из сумм, имевшихся в распоряжении начальника ВГШ (двухмиллионный кредит^{III}), получали у заведующего финотделом Наркомата по военным делам подъемное пособие в 2000 руб.^{IV} С 3 декабря 1918 г. выплаты пособия по решению комиссара ВГШ И. Л. Дзевалтовского прекратились^V, согласно приказу РВСР от 26 декабря 1918 г. выдавалось лишь путевое довольствие^{VI}. Кроме того, при командировках на фронт практиковалась выдача в дорогу чая, сахара, хлеба и консервов за наличный расчет по установленной норме^{VII}. Тем не менее в конце декабря 1918 г. трое генштабистов, получивших предписания на Южный фронт, не могли выехать из-за отсутствия средств и ссылаясь на критическое положение^{VIII}.

С 15 ноября 1918 г. начальник оперативного управления штаба фронта получал 2300 руб., начальник оперативного отделения – 1900 руб.^{IX} Начальник отдела штаба фронта на октябрь 1918 г. получал 2000 руб. в месяц^X. При этом начальник отдела штаба округа в ноябре 1918 г. получал лишь 848 руб.^{XI} С 30 октября 1918 г. члены комиссий по пересмотру и разработке уставов, занимавшие штатные должности, получали суточные деньги в размере 20 руб.^{XII}

В армейском звене оклады были следующими. Оклад командующего Западной армией А. Е. Снесарева на декабрь 1918 г. намечался в 3500 руб. (в октябре 1918 г. Снесарев как начальник Западного района обороны получал 1250 руб.^{XIII}), члены РВС получали по 2000 руб., военспецы для поручений при командарме – по 1700 руб. (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба), начальник штаба армии получал 2500 руб., для поручений при нем (мог быть Генштаба) – 1500 руб., начальник оперативного управления – 2000 руб., для поручений при нем (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – по 1500 руб., начальник оперативного

^I Там же. Л. 428.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 472; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 126об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 164.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 49.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 179.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 55.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 483.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 90.

^{IX} РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

^X РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 97.

^{XI} РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 24. Л. 12.

^{XII} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.

^{XIII} Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 879 (Архив семьи Снесаревых).

отделения – 1700 руб., помощники (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – по 1500 руб.^I Такие же оклады сохранялись и в начале 1919 г.

Начальник отделения штаба армии в декабре 1918 г. мог получать 1500 руб.^{II} На апрель 1919 г. начальник оперативного отдела штаба армии получал 1700 руб., генштабист на должности для поручений в штабе армии – 1400 руб. Генштабист на должности для особых поручений в штабе фронта получал уже 2100 руб.^{III} Таким образом, в материальном плане фронтовые штабы были более привлекательным местом службы.

Начальник штаба бригады мог получать в конце 1918 г. 1500 руб., командир бригады – по 2000 руб.^{IV} Заведующий командными курсами мог получать в 1919 г. 800 руб., военрук губвоенкомата – 1060–1360 руб., а после повышения окладов – 1700 руб.^V

25 ноября 1918 г. заместителем председателя РВСР Э.М. Скиянским были утверждены новые оклады сотрудникам ВГШ, по которым начальники военно-исторической части, разведывательной части, регистрационной службы получали по 800 руб. в месяц, начальник Военно-ученого архива, московского архива, нижегородского архива расформированных частей, хранитель библиотеки – по 700 руб.^{VI}

Слушатели Академии Генштаба РККА на июнь 1919 г. получали по 1900 руб. в месяц^{VII}. Кроме того, они получали вещевое и провиантское довольствие наравне с ротными командирами действующей армии^{VIII}. А.А. Свечин как штатный преподаватель академии получал в начале 1919 г. 2100 руб.^{IX} Намного ниже были оклады в Высшей советской школе штабной службы, где заведующий слушателями в 1919 г. получал только 800 руб.^X Начальник ЦУПВОСО на февраль 1919 г. получал 1800 руб., начальник отделения – 1500 руб.^{XI}

В мае 1919 г. оклады персонала Академии Генштаба РККА были повышены. Начальник академии, военком и политком получали по 3000 руб., специальные лекторы (ординарные профессора) – по 2800 руб., постоянные преподаватели (экстраординарные профессора) – по 2400 руб., машинист – 920 руб., дворник – 720 руб. (низший оклад)^{XII}.

Впрочем, материальное положение преподавателей показалось крайне плачевным бывшему генералу И.А. Данилову, который вспоминал о жизни академической профессуры в 1920 г.: «Обремененная по большей части семьями, получая скудное содержание и ограниченный паек и не имея возможности за недостатком времени заняться спекуляцией, она видела в академии для себя все-таки якорь спасения, так как красные слушатели академии, будучи коммунистами, при своих поездках на внешний и внутренний фронт, имели возможность привозить оттуда

^I РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 35.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 5.

^{III} Там же. Л. 94.

^{IV} РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

^V РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 30.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 208.

^{VII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 47.

^{VIII} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 170об.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

^X РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 38.

^{XI} ГАО. Ф. Р-2851. Оп. 10. Д. 61. Л. 36об.

^{XII} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 215–217.

несколько пудов муки и несколько фунтов сала в подарок профессору, за что, конечно, при той голодовке, которая была в 1919–[19]20 году, когда вольного рынка не существовало, последние были глубоко благодарны. Этим и жила профессура и их семьи... Думаю, что в настоящее время положение профессуры несколько улучшилось, так как жалованье увеличилось до миллиардов, на вольном рынке можно купить продукты и, кроме того, вероятно, она, как и прочая профессура высших учебных заведений, получает так называемый “паек ученых”, но, конечно, все же при этом человеку, обремененному семьей, приходится владеть жалкое существование^I. Данилов приводил пример командовавшего в конце 1920 г. 42-й стрелковой дивизией М.И. Розена, который после разгрома Врангеля уехал из дивизии в академию с четырьмя вагонами муки (в качестве подарка академии), собранными продовольственными органами дивизии с крестьян^{II}.

Неплохие оклады имели военспецы, служившие в Высшей военной инспекции. По штату инспекции на декабрь 1918 г. оклады были следующими (табл. 68).

Таблица 68

Оклады работников Высшей военной инспекции. Декабрь 1918 г.^{III}

Должность (принадлежность к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Военрук военного отдела (ГШ)	3500
Помощник военрука военного отдела (ГШ)	3000
Для поручений при нем (ГШ)	1500
Заведующий особым делопроизводством (ГШ)	2500
Старшие помощники заведующего особым делопроизводством (5, в том числе 3 ГШ)	2300
Младшие помощники заведующего особым делопроизводством (10, в том числе 4 ГШ)	2000
Инспекторы (5, могут быть ГШ, в том числе инспектор снабжения – ГШ, инспектор по мобилизации и всеобщему обучению – ГШ, инспектор ВОСО – ГШ)	2500
Заместитель инспектора по мобилизации и всеобщему обучению (ГШ)	2000
Заместитель инспектора ВОСО (ГШ)	2000
Младшие инспекторы (8, в том числе 2 ГШ)	2000
Младшие инструкторы (8, в том числе 1 ГШ)	2000
Переписчик	900
Литограф	650

В апреле 1919 г. инспектор пехоты Высшей военной инспекции получал уже 2700 руб.^{IV} Примерно в это же время председатель местного ревкома мог получать 2000 руб.^V, продовольственный комиссар уезда – 800 руб., а рабочий в Самаре

^I Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 96.

^{II} Там же.

^{III} РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 387об.–388.

^{IV} РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 254. Л. 1.

^V РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.

в январе 1919 г. в среднем получал 394–548 руб. в зависимости от отрасли^I. Подобное соотношение ставит резонный вопрос о том, была ли Советская Россия пролетарской диктатурой, коль скоро буржуазные специалисты получали при большевиках в 3–7 раз больше пролетариев и в 2–4 раза больше большевиков. Уже в феврале 1919 г. власть увеличила заработную плату гражданских служащих.

Члены Военно-законодательного совета в начале 1919 г. имели оклад в 2700 руб. (для сравнения, весной 1918 г. делопроизводитель совета получал 700 руб.^{II}), чуть ниже, 2600 руб., был оклад членов Высшей аттестационной комиссии, столько же получал помощник военного руководителя округа, генштабисты из управлений ВГШ могли получать 2400 руб., начальник Военно-ученого архива Д. К. Лебедев получал 1800 руб.^{III} К осени 1919 г. как редактор журнала «Военное дело» он получал 2800 руб.^{IV}

Недостаточным считалось вознаграждение военных специалистов, трудившихся в военно-исторической комиссии. Их жалованье определялось предельным размером оклада в 3000 руб., выше которого они не могли получать жалованья. Для таких видных военных деятелей, как В. Н. Клембовский и Н. М. Потапов, надбавка за работу в комиссии в итоге составляла лишь 300 руб. В одном из отчетных документов в этой связи отмечалось: «Несмотря на то что все сотрудники комиссии объединены горячей и бескорыстной любовью к военно-исторической работе, такое вознаграждение за месячную работу в комиссии и выполнение ответственных историко-научно-литературных работ, едва равное оплате гонорара за ¼ листа по профессиональным ставкам, не может быть признано нормальным^V. При существующей дороговизне жизни и бесплатности, по существу, работ в комиссии, замечается усиленное стремление сотрудников к журнальной и военно-педагогической деятельности, оплачиваемым^{VI} гораздо выше. Такое стремление, правда, вносит большой вклад в общую работу нашего военного строительства, но увлечение им не может не отразиться в невыгодную сторону на особых задачах комиссии»^{VII}.

У многих «бывших» материальное положение в результате революционных потрясений ухудшилось. В этом отношении показательна аттестация 1919 г., данная военспецу бывшему генералу В. Г. Серебрянникову: «Угнетен материальным ущербом, нанесенным революцией. Он из довольно состоятельной фамилии, ныне ходит в кое-каких опорочках, хоть, по привычке, чистенько и аккуратно. Естественно, что общее настроение его не радушно. Однако не злобствует»^{VIII}.

Рассмотрим материальное положение тех лиц, которые изменили советской власти и перешли на сторону антибольшевистских сил или просто бежали с советской территории. Этот вопрос крайне интересен и показателен в контексте утверждений отдельных авторов, что подобные измены могли происходить по материальным соображениям.

^I Тишкина А. В. Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.

^{II} РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

^{IV} Там же. Л. 304.

^V В документе несогласованно — нормальной.

^{VI} В документе несогласованно — оплачиваемых.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 131.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 20об.

Например, в конце сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший полковник И.Г. Пехливанов сбежал к белым^I. По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1000 руб.^{II} Как видим, солидное жалование вовсе не предотвратило бегство Пехливанова из РККА, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства^{III}.

Бывший полковник А.В. Станиславский 22 сентября 1918 г. подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам^{IV}, затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Буквально накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта^V. Каково же было материальное положение Станиславского накануне бегства? По выявленным нами документам, Станиславский получил жалование по 1 октября 1918 г., причем был помимо этого удовлетворен двухмесячным окладом в размере 1600 руб. с последующим погашением в течение пяти месяцев путем равномерных вычетов из содержания^{VI}. Получается, что он бежал, захватив с собой 2780 руб., из которых 1600 должен был возвратить. У белых Станиславский осенью 1919 г. получал месячный оклад в 4000 руб., однако не приходится говорить о том, что офицер, вынужденный скрываться от красных в Киеве в 1919 г., неоднократно менять фамилию и, в конце концов, срочно бежать, бросив все, с одним только вещмешком^{VII}, перешел к белым из корысти.

Похожим образом поступил бывший полковник барон А.Л. фон Нолькен, который сбежал, получив у большевиков перед этим 1060 руб. жалования по 1 октября 1918 г. и двухмесячный оклад в размере 1400 руб. с таким же последующим погашением в течение пяти месяцев^{VIII}. Для белых подпольщиков максимальное ослабление большевиков, в том числе путем хищения у них крупных денежных средств, было проявлением доблести и, во всяком случае, казалось немалым успехом. При этом материальные вопросы для офицеров, подвергавших себя и своих близких (памятуя о декларированной большевиками угрозе заложничества членов семей изменников^{IX}) смертельному риску, стояли явно не на первом месте.

Высокопоставленные военные, как у красных, так и у их противников, могли пользоваться статусными и дефицитными в то время транспортными средствами – автомобилями (в старой армии они полагались не ниже уровня начальников дивизий). Разумеется, нередко автомобили использовались не только в служебных, но и в личных целях. Иногда на почве борьбы за машины разгорались серьезные конфликты – например, конфликт из-за распределения трофейных авто произошел у генералов П.Н. Врангеля и Б.И. Казановича в Добровольческой армии

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 84–145.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 143.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 49.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 461.

^{VII} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 463.

^{IX} Подробнее об этом см.: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов – реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75; расширенный вариант: Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 195–208.

в 1918 г.ⁱ Схожий конфликт случился на почве дележа машины видного перебежчика генерала А.Л. Носовича в Донской армии.

Бывшим офицерам в Советской России, даже не служившим у большевиков, выплачивались пенсии. Так, бывший генерал В.И. Селивачев через ВГШ добился получения пенсии начиная с осени 1918 г.ⁱⁱ Размер пенсии должен был составить 3600 руб. в год от казны и 859 руб. из эмеритальной кассы. Однако пока решался пенсионный вопрос, чтобы прокормить семью, бывший генерал трудился в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяцⁱⁱⁱ. Получал пенсию за службу в старой армии в советских условиях в 1918 г. и бывший полковник Н.Д. Всеволодов^{iv}. 11 декабря 1917 г. был издан декрет СНК о прекращении выдачи пенсий, превышавших 300 руб. в месяц, или 3600 руб. в год^v. В июле 1918 г. наркомом социального обеспечения была предпринята попытка приостановить выплату пенсий, что совпадало по времени с декретом о призыве бывших офицеров в РККА. Тем не менее вмешательство Л.Д. Троцкого предотвратило такой шаг и спасло от голодной смерти немало бывших офицеров^{vi}. 26 апреля 1919 г. пенсии по прежним правилам были отменены и назначались на основании положения СНК от 31 октября 1918 г. только неспособным к труду и не имеющим средств к жизни^{vii}.

Проследим дальнейшее изменение материального положения В.И. Селивачева. 1 ноября 1918 г. он был принят на службу в Главное управление архивным делом в должности заведующего 1-м московским отделением 3-й (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1000 руб.^{viii} С 15 декабря 1918 г. Селивачев возглавил всю 3-ю секцию, а его оклад возрос до 1300 руб. Новая должность давала Селивачеву и ряд других преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачев получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачева следующие «льготы»:

- «а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.
- б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.
- в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми^{ix} для перевозки их мебели и имущества.
- г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.
- д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»^x.

ⁱ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 5.

ⁱⁱ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 1, 4, 9, 10–11.

ⁱⁱⁱ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

^{iv} РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 145–351. Л. 4об.–5.

^v Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 212–213.

^{vi} РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 46, 46а, 50об.

^{vii} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 50.

^{viii} ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 1.

^{ix} В документе несогласованно — необходимых.

^x ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 3.

Кроме того, Селивачев был отнесен ко второй категории «классового пайка»^I. Как помощник командующего советским Южным фронтом Селивачев получал оклад в 4000 руб., а с 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады в 6000 руб. Для сравнения, командующий армией на июль 1919 г. получал 3500 руб.^{II}

Семьям умерших военспецов-генштабистов выплачивались пенсии и пособия. Для определения размера пенсии существовало две категории заслуг – «особые» и «заслуги просто». Именно вопрос категории заслуг обсуждался в связи со смертью в сентябре 1920 г. бывшего генерала Ф.Н. Добрышина. Выплатами занимался Наркомат социального обеспечения. Работники наркомата пытались отнести Добрышина ко второй категории заслуг, чтобы платить меньше. Однако из ВГШ 4 ноября 1920 г. им сообщили, что Добрышин был «в числе первых военспецов»^{III}, принесших после Октябрьской революции свои знания и опыт на служение Советской республике...»^{IV} Таким образом, предполагалось, что должна выплачиваться усиленная пенсия.

Специалисты Генштаба для особых поручений при командующих армиями получали весной 1919 г. 1700 руб. в месяц. Начальник оперативного управления штаба армии получал 2000 руб.^V Реввоенсоветы заботились о том, чтобы жалование военспецов на новых местах службы было не ниже прежнего. Если оклад по новому месту был ниже, практиковались надбавки до прежнего размера. Так, при переводе В.И. Преображенского с должности начальника оперативного управления штаба 6-й армии на должность для особых поручений при командарме он не потерял 300 руб. разницы, так как командование добилося, чтобы жалование ему выплачивали в размере как для аналогичной должности фронтового уровня^{VI}.

Военспецы в Москве имели широкие возможности для приработка. Так, например, генштабисты, работавшие в комиссии Высшей военной инспекции по поверке ВГШ в феврале – марте 1919 г. получили следующий гонорар (табл. 69).

Таблица 69

Гонорары военспецов-генштабистов за работу в комиссии Высшей военной инспекции по поверке ВГШ. Февраль – март 1919 г.^{VII}

Ф.И.О.	Период работы	Гонорар (руб.)
Зайончковский А.М.	11–19.02.1919	360
Оболешев Н.Н.	20.02–31.03.1919	1600
Елизаров Н.С.	15.02–31.03.1919	1800
Грундштрем А. Г.	15.02–11.03.1919	1000
Иванов Б.М.	15.02–31.03.1919	1800
Ягодкин П.Я.	15.02–31.03.1919	1800
Нечволодов А.С.	14–31.03.1919	720

^I Там же. Л. 4.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 80.

^{III} Так в документе.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 996. Л. 41.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 29.

^{VI} Там же.

^{VII} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 294.

Гонорары выплачивались и за статьи. Так, в военно-научном журнале «Военное дело» летом 1918 г. платили по 40 коп. за строчку текста, стандартный объем статей составляли 100–150 строк^I. Таким образом, за одну публикацию можно было заработать до 60 руб.

В связи с инфляцией оклады постепенно возрастали. В августе 1919 г. были введены прибавки к вознаграждению генштабистам. С 1 сентября 1919 г. выплачивалось единовременное вознаграждение, а также каждые два месяца надбавки. Высшие должностные лица и начальники управлений получали единовременно 4000 руб., а регулярно — 2500 руб. надбавки, помощники начальников управлений — 3000 и 1700 руб. соответственно, начальники отделений — 2500 и 1500 руб. соответственно, помощники начальников отделений 2000 и 1200 руб. соответственно^{II}. Генштабист — начальник отделения в тыловых учреждениях получал 2400 руб., 400 руб. надбавки за переработку, 400 руб. за праздничную работу — итого 3200 руб. Кроме того, не исключалась возможность приработка в виде преподавания или работы в журналах. В итоге военспец мог получать 6000–10 000 руб.

В начале 1920 г. помощник начальника отчетного отдела Организационного управления ВГШ получал 4050 руб. в месяц^{III}. Завуч пехотных курсов на октябрь 1920 г. получал 5600 руб.^{IV} В феврале 1920 г. за отличную работу и в связи с переводом генштабисту М.Н. Земцову было выдано пособие в размере 20 000 руб.^V Даже пленные колчаковские генштабисты, командировавшиеся из Сибири в Москву в 1920 г., получали по 1000 руб. на командировку^{VI}. Н.Н. Петину «за воссоздание штаба Южного фронта, всего полевого управления, за умелую, неутомимую оперативно-административную работу начальника штаба Южфронта» РВС Юго-Западного фронта 11 января 1920 г. постановил выдать 30 000 руб. наградных. Среди подписавших постановление был И.В. Сталин^{VII}.

Некоторые генштабисты служили в РККА исключительно ради жалованья. О таких военспецах писал вр.и.д. главного полевого контролера 11-й армии А.Г. Жожикашвили в ЦК РКП(б) в июле 1919 г.: «Погоня за гонораром — это характерная черта военных учреждений, как фронта, так и XI отдельной армии»^{VIII}.

О настроении генштабистов оставил свидетельство известный историк Ю.В. Готье в дневнике 18 июня 1920 г.: «Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о “рижской операции” в августе 17-го года, т.е. бегстве развращенной русской армии из-под Риги. Доклад делал генерал Парский, сморщенный лимон алкоголического типа... Генералы говорили о том, как их били, и мне не чувствовалось, чтобы кому-нибудь из них было особенно больно за себя, за армию, за Россию. Прежде столовые, теперь паек, вот все, что стояло и стоит на первом плане у русских вождей. Слушатели были большей частью обезьяны, настоящие

^I Сиверс А. М. Дневник. 1916–1919 / сост. А. Б. Гулярян. М., 2019. С. 415.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 215.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 34.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 462.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 64.

^{VI} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 287.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1438. Л. 1. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

^{VIII} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 58. Л. 3об.

гориллы хари, призванные составить новое русское офицерство во славу мирового пролетариата. Было интересно, но я ушел с чувством боли, стыда и жалости»^I.

Бывший начальник ВГШ Н.Н. Стогов, устроившись в Главное управление архивным делом, получал в конце 1918 г. 940 руб., а затем 1200 руб., причем ранее — на военной службе — его оклад составлял 1480 руб. в месяц^{II}. Оклад в 1200 руб. получали на советской архивной службе и такие генштабисты, как А.Н. Апухтин, А.И. Верховский, Н.П. Михневич^{III}. А.М. Зайончковский как делопроизводитель ВГШ получал 1430 руб. При этом по месту службы он работал не более двух часов в сутки, а в остальное время трудился дома^{IV}. По совместительству он работал и на архивном поприще. Руководители двух ведомств, Н.И. Раттэль и Д.Б. Рязанов, санкционировали работу военспеца в двух местах с тем, чтобы общий размер его жалования не превышал 4500 руб. в месяц^V.

Совокупный месячный доход военспецов-генштабистов на руководящих постах мог быть достаточно высок, хотя и различался порой существенно от военспеца к военспецу. Так, например, служивший начальником управления ВГШ А.М. Мочульский перед арестом в 1920 г. получал 4800 руб. в месяц^{VI}. Таким же был оклад И.И. Щолокова, занимавшего аналогичный пост^{VII}, и члена Военно-законодательного совета Н.А. Бабикова^{VIII}. Оклад бывшего полковника М.Ф. Раевского, служившего в Мобилизационном управлении ВГШ, в 1920 г. составлял 4200 руб. в месяц^{IX}. Оклад Л.А. Текелина составлял 3900 руб.^X Преподававший на 1-х Московских пехотных курсах П.К. Семенов получал в 1920 г. 2500 руб. и паек^{XI}. Г.И. Теодори до ареста в 1919 г. получал 2750 руб. в месяц^{XII}. Оклад его однокашника В.В. Трофимова в штабе Западного фронта составлял 2100 руб.^{XIII} Бывший генерал А.А. Поливанов перед арестом в 1919 г. получал 3000 руб. в месяц, переводя книги для Наркомпроса^{XIV}. Член Особого совещания при главкоме А.Е. Гутор имел оклад в 9000 руб.^{XV} А.Н. Ситников по должности помощника начальника штаба Западного фронта в 1921 г. получал 10 200 руб.^{XVI} Пленный колчаковец Г.В. Леонов, работавший в военно-исторической комиссии, получал 3000 руб.^{XVII} Другой пленный колчаковец А.И. Мезенцев, преподававший на пехотных курсах, получал 6000 руб.^{XVIII} Бывший белый генерал А.П. Перхуров в Советской России пользовался окладом в 5600 руб.^{XIX} И.Л. Шукевич

^I Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 411.

^{II} ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

^{III} РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 150об.

^{IV} РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1415. Л. 205.

^V Там же. Л. 205об.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 332.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 276. Л. 35.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 69.

^X ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 38.

^{XI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 322. Л. 55.

^{XII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 41; Д. 324. Л. 3.

^{XIII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

^{XIV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234 Л. 115.

^{XV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 185. Л. 40.

^{XVI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 251. Л. 35.

^{XVII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 211. Л. 110.

^{XVIII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 110.

^{XIX} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

по должности начальника штаба стрелковой дивизии в 1920 г. получал 5200 руб.^I При этом состоявший в такой же должности в Закавказье В.Н. Соколов (бывший генштабист азербайджанской армии) получал 8400 руб. и паек^{II}. Очевидно, в связи с инфляцией оклады возрастали. Так, Г.К. Холоманов в 1921 г. получал уже 60–70 тыс. руб. в месяц^{III}.

Одним из способов дополнительного заработка было написание статей за гонорар. Так, В.И. Самуйлов за статью «Устройство военного управления» осенью 1920 г. надеялся получить в редакции сборника «Красная армия в революционной войне Советской России» 38 000 руб. из расчета 9500 руб. за печатный лист^{IV}.

Особо заслуженных военспецов материально поощряли. Так, бывшему полковнику М.С. Свечникову, генштабисту-большевику, в воздаяние заслуг перед Советской республикой РВСР в январе 1920 г. установил постоянный оклад жалованья по должности командующего армией^V. М.Д. Бонч-Бруевич с 31 августа 1919 г. был переведен в распоряжение начальника ВГШ, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника ПШ РВСР, которую он занимал прежде^{VI}. Командование старалось, чтобы даже при понижении военспецов они не ощущали острого снижения своего достатка. Так, командовавший 11-й армией Н.А. Жданов летом 1919 г. был назначен в распоряжение командующего 12-й армией с окладом начальника дивизии^{VII}.

Те, кто не обладал связями, нередко оказывались у разбитого корыта — например, семья бывшего генерала В.А. Олохова, служившего в РККА, потерявшая тогда библиотеку, альбомы, иконы, драгоценности, мундиры бывшего генерала, мебель, ковры и другое имущество^{VIII}. Ради выживания приходилось распродавать любые ценные вещи. В частности, продали ордена и нагрудные знаки генерала, что позволило Олоховым выжить и питаться маслом и крупами. Жалко было не столько сами вещи, сколько память о прошлой жизни, которую они хранили. Как вспоминала супруга генерала, «все подарки, которые Володя (В.А. Олохов. — А.Г.) получил за свою 50-летнюю службу, все ордена его, дорогие ордена с мечами, все памятные жетончики, все, все нам пригодилось в трудные годы... И каждую вещь мои глаза провожали с болью сердца, ими ведь дорожил мое Солнышко, ведь с ними связаны имена друзей. Один раз, когда я сдавала эти жетончики и значки полков, и их разламывали на кусочки, и я, не отрываясь, глядела... Нервы не выдержали, и я расплакалась... “Не плачьте, — говорит мне чиновник, который разламывал, — смотрите, много ли вы принесли, а получите целых 36 руб. золотом”. Цена былого...»^{IX} По свидетельству О.И. Олоховой, «в то время так было не до вещей и так не важно, есть ли они, нет ли их»^X.

^I ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 275. Л. 104.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 298.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 267. Л. 11.

^{IV} РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

^V РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 3, 6; Геллер Ю. Комбриг М. С. Свечников // Военно-исторический журнал. 1967. № 7. С. 104.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.

^{VII} Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 14.08. № 177.

^{VIII} Олохова О. И. Мы служили Отечеству: Воспоминания. СПб., 2012. С. 241.

^{IX} Там же. С. 228–229.

^X Там же. С. 242.

Особенно тяжело было семьям больных и умерших генштабистов, многодетным семьям, семьям репрессированных. Большевики не считали себя обязанными им помогать, хотя порой пенсионное обеспечение у таких лиц было. Так, 47-летняя вдова Генштаба полковника В.И. Зацепина, умершего в мае 1917 г., получала на 1918 г. пенсию в 75 руб., работать не могла по состоянию здоровья^I. Разовая помощь ей в размере 300 руб. была оказана фондом взаимопомощи офицеров Генштаба, учрежденным еще в 1911 г.^{II}

В тяжелейшем положении оказалась многодетная семья душевнобольного генерал-майора А.Н. Яблонского — шесть дочерей и сын^{III}. Аналогичные трудности испытывали близкие парализованного генштабиста Н.Н. Долинского. Генштабист Б.М. Иванов в ноябре 1918 г. обращался в фонд взаимопомощи офицеров Генштаба с просьбой помочь изыскать средства на операцию жене, так как был вынужден влезть в долг^{IV}. Помощь, как правило, оказывалась по месту службы военспецов. Так, например, 30 июня 1919 г. Совет ВГШ предназначил выдать пособие в размере 1300 руб. начальнику отделения отчетно-организационного отдела А.Г. Грундштрему на лечение его самого и сына^V.

Супруга арестованного и расстрелянного генштабиста Н.К. Раша Вера Ивановна, оказавшись в крайне тяжелом материальном положении, обратилась 13 сентября 1918 г. к начальнику Оперативного управления ВГШ: «Муж мой, Генерального штаба Николай Карлович Раша, был арестован 3 августа с.г. и находился в Таганской тюрьме, но последнее время его местонахождение было изменено, и я его разыскать не могу.

На моих руках находятся трое малолетних детей, из коих младшему нет еще года; поступить в Москве куда-нибудь на службу или получить какую-нибудь работу я лишена возможности, так как все время должна посвящать заботам о детях и домашнему хозяйству.

Не имея других средств к жизни, кроме получавшегося мужем жалования, я, благодаря аресту мужа, продолжающемуся уже больше месяца, очутилась в безвыходном положении.

Не имея возможности оставаться дальше в Москве и желая уехать в Вологду к своим родным, прошу Вас помочь мне и выдать мне пособие из фонда вспомоществования чинов Генерального штаба как на переезд, так и для того, чтобы я могла просуществовать с детьми первое время, пока не подыщу какой-нибудь подходящей для себя работы»^{VI}.

Трагичным было нищенское положение георгиевского кавалера, бывшего ординарца легендарного генерала М.Д. Скобелева, отставного генерала от кавалерии А.Р. Эйхгольца, проживавшего в Царицыне. При новом режиме бывший генерал лишился пенсии в 265 руб. в месяц, не получил таковую и за восемь месяцев 1918 г., при этом губернские власти в Саратове признавали право бывшего генерала на пенсионное обеспечение. Имущество из Петрограда вывезти

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 30.

^{II} Там же. Л. 35.

^{III} Там же. Л. 57, 76об.

^{IV} Там же. Л. 116.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 119. Л. 93об.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 51–51об.

в основном не удалось. В итоге заслуженный генерал на рубеже 1918–1919 г. устроился заведующим педагогическим музеем и библиотекой, работал с 8 утра до 8 вечера в гимназии и школе грамотности, причем через день простаивал с 5 утра в очередях за хлебом. Ко времени прихода белых в Царицын у генерала оставалась из белья лишь рубашка, не было ни брюк, ни куртки. Положение осложнилось тем, что белые не принимали советских рублей на своей территории. К тому же генерал был одинок – его сыновья сражались в войсках Деникина¹.

Нельзя забывать о произволе, творившемся тогда в стране, и о ненависти населения к имущим классам. Бывший военный министр генерал А.Н. Куропаткин, проживавший в Псковской губернии, в конце 1918 г. получил бумагу о необходимости уплатить чрезвычайный революционный налог в 70 000 руб. как бывшему помещику на основании декрета от 30 октября 1918 г. Таких денег у Куропаткина не было, о чем он прямо написал в январе 1919 г. председателю волостного исполкома, сообщив, что всю жизнь жил на жалованье, а доход имел лишь со сбережений и гонораров за научные труды. Куропаткин отметил, что немалые средства тратил и на общественные нужды – открыл сельхозшколу, осушал болота, построил почтово-телеграфное отделение. Куропаткин на начало 1919 г. владел лошадью и (временно) коровой². На натуральное хозяйство ради выживания в чрезвычайных условиях перешел и бывший генерал П.П. Лебедев в Ейске, где в долг купил двух коров, которых доила супруга генерала, а дети кормили, поили и чистили³. Сам Лебедев мастерил различные технические приспособления для животных (настил, стойла, ясли, желоб для навоза и т.д.). С продажи молока удалось улучшить собственное питание и вернуть долг. Войсковой старшина З.А. Алферов весной 1918 г. на Дону занимался огородничеством⁴.

Налогообложение отличалось оригинальностью. Бывший генерал В.П. Муратов на май 1922 г. платил общегражданский налог и натурналог – свой однодневный заработок и удержание трех дней продуктового пайка⁵. В конце 1922 г. из персонального жалованья Муратова в счет уплаты общегражданского налога была удержана 1000 руб.⁶

К концу Гражданской войны Советская Россия испытывала тяжелейший финансовый кризис. К 1921 г. рубль обесценился относительно рубля 1914 г. в 50 000 раз. Так, в уездах Томской губернии коробка спичек стоила 10 000 руб., бутылка керосина – 90 000, к концу 1922 г. сапоги в Томске можно было купить за 250 000 руб., ведро картофеля – за 8000. На фоне галопирующей инфляции повышались оклады командного состава. 8 декабря 1921 г. РВСР были установлены новые размеры жалованья. Члены РВС фронтов теперь получали по 200 000 руб. в месяц, члены РВС армий, начальники управлений – по 185 000 руб., начальники

¹ Подробнее см.: Посадский А. В. Судьба русского инвалида. Примечания к «Запискам» генерал-лейтенанта Врангеля // Новый Часовой (СПб.). 2004. № 15–16. С. 251–253.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1611. Л. 6, 7–7об., 9.

³ Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 32.

⁴ Алферов З. А. Воспоминания. С. 174.

⁵ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 5.

отделов – по 173 000 руб., начальники частей и канцелярий – по 160 000 руб.¹ Очевидно, даже такие оклады не поспевали за ростом цен. Жалованья преподавателей Высшей военной школы Сибири, например, едва хватало на покупку дров, обуви и продуктов. Нормализовать ситуацию удалось лишь в ходе последовавших финансовых реформ.

При том, что бывшие офицеры воспринимались руководством партии как временная замена готовившимся их сменить социально близким командным кадрам, власть вынуждена была принять на себя обязательства по социальному обеспечению тех, кто не только ей служил, но и просто находился на территории Советской России.

Оказавшийся без средств к существованию кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. бывший генерал от инфантерии Х.Х. Рооп в марте 1918 г. обращался к народному комиссару призрения: «Канцелярия бывшего Государственного совета уведомила, что по сообщению народных комиссаров оставшиеся за штатом члены Государственного совета, желающие пользоваться пенсиями, могут обращаться к народному комиссару призрения. Необходимость озаботиться средствами к существованию в последние годы моей жизни заставляют просить об отставке с пенсией из государственного казначейства и эмеритальных сумм. На основании пенсионного устава для военных чинов пенсии им определяются в 80 % получавшегося ими на службе содержания, что при получаемом мной, генералом от инфантерии, членом Государственного совета, годовом содержании в 18 000 р. составит 14 000 р.

Размер этот значительно превышает назначаемые обыкновенно пенсии; но я считаю себя вправе надеяться, что моя исключительно долгая служба родине, более 68 лет и из них более 54 лет в генеральских чинах на весьма ответственных постах, и боевые отличия (орден Св. Георгия 3^й степени, Георгиевское оружие и наименование форта под крепостью Карс, в Малой Азии, моим именем) дают основание на внимание к моей службе правительства и на предоставление находящемуся в глубокой старости (86 лет) слуге Родины возможность дожить немногие уже годы без острой нужды предоставлением мне ввиду тяжелого положения государственного казначейства хотя [бы] половины причитающейся мне по закону пенсии, т.е.] 7000 рублей в год.

К сему считаю необходимым пояснить, что кроме получавшегося от государства содержания никаких средств к существованию не имею. Ни пяди земли, даже для погребения, не имею также хотя бы убогой избенки для жизни. Нет также и денежных сбережений ввиду бывших по представительству по службе расходов. Ввиду стесненного положения прошу ускорить разрешение»¹.

В июне 1918 г. Рооп писал бывшему генералу А.П. Архангельскому в ВГШ по поводу пенсии: «Дозвольте мне, старейшему генералу русской армии, обратиться к Вам с справедливою просьбою. Ввиду увольнения меня в отставку, 25 октября 1917 г., управлявший делами упраздненного Государственного совета отношением

¹ Подустов Ф. Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919–1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (История)». 2006. Вып. 1 (52). С. 43.

¹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 17. Д. 367. Л. 3–4.

от 5 апреля сего года за № 181 просил Главный штаб об ассигновании мне за 68-летнюю в офицерских чинах службу соответственной пенсии и эмеритуры. К несчастью, ходатайство это не удовлетворено еще; между тем материальное положение мое становится катастрофическим; с прекращением получавшегося мной содержания члена Государственного совета не имею решительно никакого состояния, ни пяди земли, хотя бы для погребения, ни лачуги для жилья, не имел также возможности составить по долголетней службе своей каких-либо денежных сбережений (все получавшееся от казны шло на службу и необходимое представительство), я в настоящее время крайне затрудняюсь приисканием средств для насущного даже пропитания.

Достойно ли России, всегда честно относившейся к своим обязательствам заботиться о верных слугах родины обеспечением их старости пенсиями, – предоставить им ныне умирать голодною смертью!

Вся жизнь моя дает мне несомненное право сопричислять себя к верным слугам родины, так как всегда всю думу свою, все силы отдавал на честное служение ей и на благо тех, кем ведал, и это чувствовалось ими, судя по трогательным постоянным проявлениям сочувствия их моей деятельности.

Поэтому усерднейше прошу Вас, достойнейший Алексей Петрович, исходатайствовать скорейшее ассигнование мне пенсии и эмеритуры, а равно и ввиду тяжелых условий, в которых нахожусь теперь, ускорить выдачей мне их за время, истекшее со дня моей отставки, с 25 октября 1917 года.

Почтительнейше прошу о последующем поставить меня [в известность] уведомлением: Петроград. Галерная, 52. Кв. 3; если возможно, и телеграммой.

Прошу верить в искреннее к Вам уважение и преданность.

Христофор Рооп¹.

Решение пенсионного вопроса для старого генерала затянулось. Семье пришлось продавать вещи, причем к осени 1918 г. они были уже распроданы. Отчаявшись, старик писал в ВГШ в октябре 1918 г.: «С увольнением меня в отставку, с 25 октября 1917 года, мне пришлось с семьей жить лишь на выручаемые через продажу вещей средства, а они в течение 11 месяцев уже распроданы, и мы находимся под угрозой голодной смерти. До слез больно 88-летнему старику, всю жизнь свою отдавшему на добросовестное служение родине, быть поставленным в такое катастрофическое житие»².

Следующее письмо составлено было уже супругой генерала: «Многоуважаемый господин заведывающий

Умоляю Вас, вышлите, ради Бога, пенсию. Мужу 88 лет, нуждается в лечении и питании, как ни приду в казначейство, все нет и нет. Очень прошу, ради Бога, как можно скорее. Пенсия Христофору Христофоровичу Роопу.

Уважающая Вас Ю. Рооп³». До января 1919 г. Рооп пенсию не получил и, по всей видимости, вскоре скончался.

Персонального внимания властей удостоилась семья умершего в сентябре 1919 г. помощника командующего Южным фронтом бывшего генерала В.И. Селивачева.

¹ Там же. Л. 10–11.

² Там же. Л. 20–20об.

³ Там же. Л. 25.

Троцкий в октябре 1919 г. распорядился сохранить за семьей Селивачева жалование из оклада в 6000 руб.¹ 6 июня 1922 г. на заседании центральной комиссии по назначению усиленной пенсии было решено установить за заслуги Селивачева усиленное пенсионное обеспечение его вдове². Об этом в марте 1922 г. ходатайствовали известные советские военные работники В.Н. Егорьев, А.А. Самойло и Э.М. Склянский. В итоге вдове была предоставлена персональная пенсия.

И все же руководство РККА во многих случаях проявляло заботу о военспехах и их семьях. Так, в 1920 г. был упорядочен вопрос о помощи семьям умерших. Начальник ПШ РВСР 19 мая 1920 г. издал следующее распоряжение: «С начала образования Красной армии в ряды ее были призваны, невзирая на возраст, все лица Генерального штаба, которые несли службу по своей специальности на фронте и в центральных учреждениях. В течение свыше двухлетнего существования Красной армии из лиц Генерального штаба, состоявших на службе, умерло 16 человек³ (список в приложении), из которых некоторые умерли от эпидемических болезней или расстроив свое здоровье на службе. После всех умерших остались совершенно не обеспеченными их семьи, которые в данное время находятся в самом бедственном положении.

Принимая во внимание работу умерших лиц Генерального штаба на пользу РСФСР Республики и бедственное положение их семейств, полагал бы необходимым: 1) выдать семействам умерших единовременные пособия, 2) сохранить за семействами оклады жалования по последним должностям умерших и 3) выдать семействам продовольственные карточки “Красной Звезды”⁴. К документу прилагался список из 17 «лиц Генштаба»⁵.

Известны примеры заботы о советских военнопленных и интернированных. Делопроизводитель разведывательного отделения военно-статистического отдела ВГШ И.В. Высоцкий 17 июля 1918 г. обратился с рапортом к своему непосредственному начальнику: «В составе войск XX армейского корпуса 8 февраля 1915 г. в Августовских лесах я был взят в плен германцами.

После трех лет и четырех месяцев пребывания в плену я, как инвалид, был отпущен в Россию.

По возвращении из плена денежных выдач не получал никаких.

Будучи семейным и крайне нуждаясь в средствах, прошу о выдаче мне пособия, а если это было бы признано невозможным, то прошу ходатайства о выдаче мне двухмесячного оклада содержания с льготным погашением, тем более что последним пользуются эвакуированные из Петрограда, а поступив на службу, я принужден был перевезти семью из Петрограда в Москву.

Генерального штаба Высоцкий»⁶. Ходатайство Высоцкого было поддержано.

Бывший генерал З.И. Зайченко, интернированный в Германии (Ганновер, лагерь военнопленных в Хаммельне) вместе с 53-й пограничной дивизией в период

¹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 49.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 208–209.

³ Правильно — 17.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 165.

⁵ Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 645–646.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 207.

Советско-польской войны, беспокоился о семье в Киеве, о чем писал начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву 16 сентября 1920 г. В результате жене военспеца было выдано пособие в 2500 руб.^I

Иногда входили в положение относительно семейных нужд. Например, начальник 2-й Петроградской дивизии К.И. Шереметьев в сентябре 1918 г. ходатайствовал перед Военным советом Северного участка отрядов завесы и Петроградского района обороны за начальника штаба дивизии Е.Н. Сергеева: «За последнее время более или менее определенно выяснился район расквартирования частей дивизии, почему явилась возможность потребовать от всех служащих, чтобы они жили в районе своих частей, что и было предписано приказом по дивизии.

Вместе с тем оказалось, что некоторым служащим такое перемещение по сложившейся семейной обстановке невозможно и вызвало просьбы об уходе со службы. Такое положение создалось у начальника штаба дивизии Сергеева, которому необходимо жить в Петрограде при больных отце и матери, которые без него останутся без средств к жизни и ухода.

За время службы в дивизии Сергеев выказал себя весьма полезным работником, и, стремясь все-таки использовать хорошего работника для молодой армии, я убедительно просил бы дать соответствующее место Сергееву в Военсовпете^{II} или Военкомпете^{III}». Видимо, вследствие этой просьбы Сергееву была предложена должность помощника начальника оперативного отделения штаба Северного участка и Петроградского района^V.

Курсовик Б.Н. Скворцов просил в 1918 г. устроить его на службу ближе к семье. Его однокашники А.К. Малышев и Н.Н. Доможиров осенью 1918 г. недоумевали, обсуждая товарища: «Теперь относительно Скворцова. Уже начинаю удивляться, что человек тычется во все места, не знает, что, собственно, самому нужно: когда главноком было приказано отправить всех офицеров Генштаба из фронта за исключением для штаба фронта трех, он был предназначен для отправления. Подал рапорт о том, что его семейное положение заставляет его слезно просить оставить его или в штабе фронта, или вообще на Северном фронте, как наиболее близком к его семье, оставшейся в Петрограде. Естественно, он и был назначен в Вологду [в] шторм 6[-й] как ближайший пункт к Петрограду. А в это время Гитис просил Генеральный штаб, так как у него их всего три. Когда начальник штаба Костяев разрешил никуда генштабов не командировать, он временно остался в штабе фронта, что, ему, собственно говоря, нужно, ей-Богу, не знаю. По-моему, пора прекратить подобные разговоры...»^{VI}

Иногда командование даже содействовало военспецам в решении семейных трудностей. Например, семья П.М. Майгура проживала в Николаеве. В 1919 г. военспецу собирались помочь вывезти близких в советский центр^{VII}.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 382–383.

^{II} Военном совете Северного участка и Петроградского района.

^{III} Петроградском окружном военном комиссариате.

^{IV} РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 99.

^V Там же. Л. 111. Подробнее о Е. Н. Сергееве см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 355–366.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–35.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.

Конечно, бывали и противоположные случаи, когда личные интересы генштабистов не принимались во внимание. С точки зрения материального обеспечения интересна история военспеца А.Д. Лютова (впоследствии советского генерала). В августе 1919 г. он служил в штабе 7-й армии вместе с еще пятью генштабистами, однако, желая перевестись в штаб Восточного фронта, 19 августа обратился с этим к начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву^I. 28 августа он телеграфировал начальнику Оперативного управления РВСР В.И. Михайлову о своих мотивах: «Первое. Убийственное положение семьи, живущей в Симбирске, состоящей [из] жены, троих детей, двух матерей, совершенно оборванных, обтрепанных и принужденных голодать, так как при дороговизне [в] районе Петрограда при всем своем напряжении и голодовке я не могу достаточно выделить денег из своего содержания на их прожитие. Второе. Знание мною Казанского округа, благодаря долгой службе в нем [в] мирное время, где бы я мог больше принести пользы. Третье. Оставление меня в штабсе семь не даст мне спокойно работать, зная, что семья моя обречена на гибель, содружество в штабной работе [с] лицами, препятствующими моему переводу, мне будет тягостно, таким образом, на три четверти я потерян для работы в армии. Четвертое. В то время как [в] штабсе^{II} лишь три генштабиста, в штабсе семь их пять, кроме меня, из коих три старых выпусков и, следовательно, есть заместители. Пятое. После отпуска я не приступил к службе в ожидании разрешения вопроса [о] переводе и работа в оперотделе не остановилась. Шестое. Единственной причиной задержки является моя безупречная служба со дня формирования Красной армии и отличная аттестация, которая, однако, мне дает право надеяться, что мое ходатайство о переводе будет удовлетворено, хотя бы как награда за предшествующую мою службу»^{III}.

РВСР оставил Лютова в штабе 7-й армии, что было продиктовано интересами дела, но военспецу была оказана существенная материальная помощь – выдано пособие в 10 000 руб. Из РВСР Лютову 1 сентября была направлена следующая телеграмма: «Имея [в] виду Ваши тяжелые материальные условия, Реввоенсовет республики назначил Вам пособие [в] сумме десять тысяч рублей... Ваше оставление на службе в штабсе [е] 7[-й] необходимо»^{IV}.

Иногда даже высокопоставленные военспецы сталкивались с разного рода затруднениями, чинимыми властями. Примечательна история, произошедшая в октябре 1920 г. с А.И. Корком, назначенным на Южный фронт командовать армией против Врангеля. Корк с разрешения начальника ПШ РВСР задержался в Москве для помещения тяжело больной жены в госпиталь. Вагон сломался, в связи с чем вещи пришлось перевозить на грузовиках на другой вокзал. Однако чекисты на Виндаво-Рыбинском вокзале не разрешили забрать вещи и потребовали досмотра, продолжавшегося с 13 до 17 часов 18 октября 1920 г. Из-за чекистов Корк занимался получением разрешения на провоз небольшого количества продовольствия. Лишь к 20 часам вещи были перегружены и параллельно досмотрены.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 278.

^{II} Штабе Восточного фронта.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 302–302об.

^{IV} Там же. Л. 319.

В итоге военспец опоздал на поезд. Транспортная ЧК утверждала, что действовала по закону, поскольку ответственные работники часто, пользуясь служебным положением, провозили продукты сверх нормы^I.

В 1920-е гг. прошла волна увольнений генштабистов из армии. Ушедшие со службы военспецы-генштабисты могли рассчитывать на скромное пенсионное обеспечение. Прежние пенсии за выслугу лет были отменены. По данным на 1926 г., С.А. Сухомлин и Б.Н. Шавров, служившие в РККА в Гражданскую войну, получали персональную пенсию в 40 руб.^{II} Пенсия Д.П. Кадомского составляла 70 руб., Н.Г. Мыслицкого — 80 руб.^{III} В целом размеры пенсий для бывших генералов и членов их семей варьировались от 21 до 155 руб. в месяц^{IV}. Персональные пенсии за заслуги по службе в РККА получали 75 человек, в том числе 33 бывших военспеца-генштабиста (или члены их семей)^V. Многие, находясь на пенсии, работали. Кто-то в поисках заработка полностью менял профессию (нередко новой профессией становилось прежнее хобби^{VI}). Есть свидетельства о том, что нуждавшимся товарищам по прежней службе генштабисты собирали деньги.

По данным на конец 1920-х — начало 1930-х гг., персональным пенсионерам республиканского значения полагались льготы: 50% квартплаты, льготы на отопление, воду, канализацию, газ, свет, прачечные, общественные бани, проезд на городских железных дорогах и в автобусах. При перечислении квартплаты учитывались заработок и пенсия. В отношении жилплощади такие лица приравнивались к рабочим промышленности и транспорта. Особые жилищные права были выработаны и для научных работников, к каковым относились многие генштабисты. Они приравнивались к индустриальным рабочим, а также имели право на дополнительную комнату для занятий. При отсутствии такой комнаты можно было рассчитывать на дополнительные 20 квадратных метров жилплощади^{VII}. Можно было пользоваться профессорскими столовыми.

Рассмотрим материальное положение генштабистов в антибольшевистском лагере.

Приехавший в Москву с тайной разведывательной миссией от командования Добровольческой армии генерал Б.И. Казанович встречался в июне — июле 1918 г. с другим подпольщиком генералом В.Г. Болдыревым. В одну из встреч Болдырев неожиданно спросил Казановича о размере его жалованья. Узнав про 1000 руб. в месяц, он предложил Казановичу 2000 руб., если тот согласится взять на себя командование антибольшевистскими формированиями на Востоке России. На это Казанович ответил, что дело не в вознаграждении, а в восприятии самой затеи и ее политической ориентации^{VIII}. По всей видимости, у подполья тогда средства

^I РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 129. Л. 2–3.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158, 160.

^{III} Там же. Л. 160.

^{IV} Там же. Л. 163.

^V Там же. Л. 164.

^{VI} Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 70, 78.

^{VII} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 69–70.

^{VIII} Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май — июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 196.

имелись. Рассмотрим, как реально оплачивался труд генштабистов, перебравшихся на Восток Россииⁱ.

Согласно приказу от 10 августа 1918 г. в Народной армии Комуча были установлены следующие месячные оклады жалования (табл. 70).

Таблица 70

Оклады содержания в Народной армии Комучаⁱⁱ

Должность	Оклад (руб.)
Командующий армией	1000
Командир корпуса	750
Начальник дивизии	680
Командир полка	470
Командир батальона	370
Командир роты	340
Рядовой	45

Летом 1918 г. проектировалось создание при Комуче ГУГШ, проект предусматривал следующие оклады (табл. 71).

Таблица 71

Должностные оклады по проекту временного штата ГУГШ Комучаⁱⁱⁱ

Должность (принадлежность к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Начальник Генерального штаба (генерал ГШ)	850
Генерал для поручений (генерал-майор или штаб-офицер ГШ)	680
Штаб-офицер для поручений	540
Начальник оперативного отдела (генерал-майор или полковник ГШ)	680
Начальник оперативной части (штаб- или обер-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением по подготовке операций (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощник	340
Начальник разведывательной части (штаб-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением внутренней разведки (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощники (2 офицера)	370
Начальник общей части	600
Начальник отдела формирования	680

Проект штата предусматривал и другие должности, на которых могли находиться генштабисты. Впоследствии ГУГШ было сформировано в ином виде, возглавил его полковник А.П. Слижиков.

ⁱ О материальном обеспечении военнослужащих на Востоке России в целом см.: Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022. С. 385–404.

ⁱⁱ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

ⁱⁱⁱ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 140–145.

Командующий войсками Оренбургского военного округа на июль 1918 г. имел месячный оклад в 1800 руб. и 1000 руб. на разъезды и представительские расходы. Оклады академического руководства и их соответствие армейским по штату от 12 октября 1918 г. были следующими (табл. 72).

Таблица 72

Оклады постоянного состава Военной академии и их соответствие армейским в войсках Временного Сибирского правительства по штату от 12 октября 1918 г.¹

Должность в академии	Звание	Приравненная к ней армейская должность	Разряд оклада	Оклад (руб.)
Начальник академии	Генерал Генштаба	Командир корпуса		1360
Правитель дел	Штаб-офицер или генерал-майор Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Помощник правителя дел	Штаб-офицер Генштаба	Командир полка	3-й	680
Курсовые штаб-офицеры (9 офицеров)	Штаб-офицеры Генштаба	Командир полка	3-й	680
Заслуженные одинарные профессора	Генералы Генштаба			1360
Ординарные профессора (20 офицеров)	Генералы или штаб-офицеры Генштаба	Начальник дивизии	1-й	1120
Экстраординарные профессора (5 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Штатные преподаватели и штатные руководители практических занятий (8 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир полка	3-й	680

Слушатели академии осенью 1918 г. получали жалованье в размере 340–400 руб. в месяц и 100 руб. квартирных^{II}. По окладам они были приравнены к 7-му разряду и к командирам рот (если до зачисления в академию не имели более высокий оклад). Взамен пайка выплачивалось еще 80 руб.^{IV} Размеры денежного довольствия были связаны еще с петроградским периодом истории академии. Осенью 1918 г. при эвакуации академии из Самары в Екатеринбург и Томск семейные сотрудники

^I РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 47об.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 173–175.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 231.

^{IV} РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

получали эвакуационное пособие в размере 1000 руб., одинокие – 500 руб.^I При совмещении преподавания с другими должностями офицер получал четверть содержания по другой должности к основному окладу^{II}.

Пенсии заслуженных ординарных профессоров Б.М. Колюбакина и Г.Г. Христиани на начало 1919 г. составляли 1800 руб. в год. Кроме того, им полагалась и надбавка в размере 300 руб.^{III} По дореволюционным нормам пенсия ординарного профессора составляла 1500 руб. в год, экстраординарного – 750. Колюбакин и Христиани получали прибавку к 1500 руб., поскольку выслужили по два пятилетия сверх 25 лет службы (по факту получали только 300 руб. за одно пятилетие). Выслуживший одно пятилетие профессор А.И. Медведев получал 900 руб.^{IV} В академии, являвшейся по сути оазисом организованности посреди разрухи, отдельным офицерам выдавались даже пособия на воспитание детей^V. В ноябре 1918 г. преподаватели академии вели занятия на повторительных курсах младших офицеров в Томске, причем ставки были следующими: за часовую классную лекцию платили 6 руб. 25 коп., за 3-часовой выход в поле – 24 руб., за 8-часовой – 64 руб.^{VI} Слушатели курсов 4-й очереди в феврале 1919 г. решили ежемесячно делать вычет с каждого в размере 5 руб. на расходы по офицерскому собранию^{VII}. За публичную лекцию по межнациональным отношениям, прочитанную в общественном собрании Томска, профессор Г.Г. Христиани выручил 24 марта 1919 г. 979 руб. 97 коп., которые сдал в фонд выдачи пособий офицерским и классным чинам академии^{VIII}. Лекция 6 мая 1919 г. принесла 604 руб. 55 коп., вырученные средства вновь были пожертвованы тому же адресату^{IX}. Стоимость занятия по тактике в феврале 1919 г. составляла 40 руб., прием экзаменов по-прежнему оценивался в 50 руб.

Администрации академии выплачивались надбавки на дороговизну в размере 10 % оклада за период с 1 ноября 1918 по 1 марта 1919 г. Б.М. Колюбакин из оклада в 1700 руб. получал надбавку 680 руб., А. Т. Антонович из оклада 1100 руб. получал 600 руб. надбавки. Штатные преподаватели получали 15%-ную добавку^X. К сожалению, установить причины различий в размере надбавок не удалось.

Суточные ординарным профессорам выплачивались в размере 3% от оклада. Рядовые служащие академии в апреле 1919 г. получали по 250 руб. (коچهгар, дворник, служители, кучера, конюхи), столяры – по 400, писаря-машинисты – по 390, ветеринарный фельдшер – 280 руб.^{XI} Квартирные деньги колебались от 100 до 340 руб.^{XII}

Материальный интерес двигал некоторыми сотрудниками академии. Правитель дел академии полковник А. Т. Антонович записал в дневнике 1 декабря 1918 г.:

^I ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 169.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1653. Л. 1.

^{IV} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 97. Л. 115об.

^{VI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 27. Л. 21об.

^{VII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 58об.

^{VIII} Там же. Л. 111об.

^{IX} Там же. Л. 141.

^X РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 56об., 58об.

^{XI} Там же. Л. 235об. – 236об., 237об., 300об., 304об., 305об.

^{XII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 99. Л. 3, 17.

«Наводит на грустное размышление и деятельность окружающих меня людей — их не интересует дело как таковое; их не интересует именно военное искусство, военная наука как таковая; нет, они заняты этими вопросами только в той мере, в какой может быть материальная выгода. А ведь это люди, посвятившие себя, отдавшие себя на служение военной науке. Что это? Испорченность людей, заботящихся по-обывательски, или нет искреннего служения делу, потому что оно — фикция? Прошла война, в других государствах уже есть труды, а у нас — увы. Приходится сказать, что виноваты люди, которые попали туда, где им не место».

На Востоке России генштабистов приглашали выступать с лекциями, за которые можно было получить дополнительное вознаграждение. Так, например, в ноябре 1918 г. генерал Р. Гайда просил прислать ему из Военной академии в Томске лектора и руководителя для тактического образования командиров батальонов. Трехнедельная командировка вознаграждалась в размере 1000 руб. Кроме того, командированные обеспечивались питанием и проживанием. Правитель дел академии сообщал штатному преподавателю генерал-майору П. Ф. Рябикову 21 ноября 1918 г.: «Если Вы послали отрицательный ответ, то он задержан и не должен Богословским — Гайде, т. к. по обстоятельствам обстановки чрезвычайно необходимо быть внимательным к просьбе Гайды, тем более что академия бездействует»^I. Из подобной реакции можно заключить, что предложение Гайды не было слишком щедрым.

В 1918 г. заработная плата рабочего на Востоке России составляла 25–40 руб. за 8-часовой рабочий день в зависимости от квалификации. Фунт хлеба в Омске стоил 70–80 коп., бутылка водки — 6 руб.^{II} Осенью 1918 г. в Оренбурге фунт сахара у спекулянтов стоил 30 руб., пуд соли — 10–12 руб. (государственная цена — 2 руб. 60 коп., в Самаре же стоимость достигала 24 руб.), молоко — 5–6 руб. за четверть, коробка спичек — 75 коп., осьмушка махорки — 7–9 руб.^{IV} При этом цены на хлеб в Оренбурге осенью 1918 г. были в 4–5 раз ниже аналогичных в занятой красными Вятке^V. В январе 1919 г. оренбургский атаман А. И. Дутов утвердил следующие предельные цены: пуд пшеницы — 12–15 руб., пуд мяса — 76 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. — 600 руб.), пуд сливочного масла — 380 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. — 2000 руб.^{VI}), пуд картофеля — 16–20 руб., пуд керосина — 17 руб. 20 коп., пуд мыла — 240–260 руб.^{VII} Скачок цен произошел весной — летом 1919 г., по всей видимости, в связи с отменой твердых цен на пищевые продукты. Рыночные цены по Орскому уезду Оренбургской губернии в июне 1919 г. были следующими: фунт чая — 90–120 руб., фунт сахара — 65 руб., коробка спичек — 3 руб., фунт керосина — 10 руб., фунт простого табака — 50–60 руб., фунт кофе в зернах — 20 руб., аршин ситца самой дешевой ткани — 35–40 руб., аршин самой дешевой материи на верхнюю

^I Антонович А. Т. Дневник генерала // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 389.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 24–24об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 15.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 22об.–23.

^V Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 246.

^{VI} РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 12об.

^{VII} Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 175.

одежду – 120 руб., фунт простого мыла – 7–12 руб.^I В апреле 1919 г. в Омске плохой обед стоил 8 руб., стакан чая – 1,5 руб., кофе – 3 руб., извозчик на расстояние 10 минут ходьбы – 5 руб.^{II}

Дополнительно выплачивавшиеся квартирные деньги составляли четвертую часть жалованья. В боевой обстановке, на декабрь 1918 г., полагалась 20 %-ная надбавка к жалованью^{III}. На Востоке России с 1918 г. вводились прибавки на дороговизну. Так, по постановлению Совета министров омского правительства от 27 декабря 1918 г. увеличение содержания на дороговизну составило 15%^{IV}. Согласно приказу по военному ведомству № 15 за 1918 г. надбавка возросла до 25%. Генерал для поручений при Верховном главнокомандующем С.Н. Люпов в марте 1919 г. получал 1360 руб. жалованья и 340 руб. 25 %-ной прибавки^V.

Оклад Войскового атамана Оренбургского казачьего войска с марта 1919 г. составил 3000 руб.^{VI} Месячное жалованье рядового бойца армии Колчака было определено в декабре 1918 г. в 10 руб., младшие офицеры получали по 480 руб., командир полка – 800 руб.^{VII}

Помощник начальника оперативного отделения штаба Сибирской армии, капитан-курсовик, получал оклад 680 руб.^{VIII} Таким же был оклад преподавателя военных наук в белой Сибири (к этому прилагались 170 руб. квартирных)^{IX}. Жалованье курсовика, прикомандированного к колчаковской Ставке, в январе 1919 г. могло составлять 400 руб.^X И.д. дежурного генерала Ставки получал в мае 1919 г. 880 руб. жалованья и 220 руб. квартирных, а также 385 руб. 35 %-ной прибавки к жалованью и квартирным – в общей сложности выходило 1485 руб.^{XI} Начальник организационного отдела в мае 1919 г. получал 800 руб. жалованья, 200 руб. квартирных и 350 руб. прибавки, итого 1350 руб.^{XII} Летом оклады возросли. Тот же офицер по той же должности в июне 1919 г. получал уже 1120 руб. жалованья, 350 руб. квартирных и сразу несколько прибавок – 280 руб. (25 %-ная прибавка для внеурядных городов), 175 руб. (10–25 %-ная прибавка к жалованью и квартирным на дороговизну и 25 %-ная прибавка), а всего 1925 руб.^{XIII} Увеличение шло за счет роста квартирных и прибавочных выплат. На август 1919 г. начальник отдела получал прежнее жалованье, но квартирные составляли 472,5 руб., а надбавки 280 и 490 руб. соответственно. Всего выходило 2362,5 руб.^{XIV} Боевые оклады давали 20 %-ную прибавку к жалованью^{XV}.

^I ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1767. Л. 13.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

^{III} *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 161.

^{IV} РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

^V Там же. Л. 85.

^{VI} Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 119.

^{VII} Русская армия (Омск). 1918. 22.12. № 27. С. 1.

^{VIII} РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 181.

^{IX} РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

^X Там же. Л. 1об.–2.

^{XI} Там же. Л. 5об.

^{XII} Там же.

^{XIII} Там же. Л. 39об.–40.

^{XIV} Там же. Л. 168об.

^{XV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 82.

Оклад начальника Главного штаба составлял 1450 руб.^I Оклад командира казачьего полка в 1918–1919 гг. мог составлять 800 руб.^{II} Занимавший высший военный пост, на какой тогда мог рассчитывать генштабист на Востоке России, начальник штаба Ставки Д. А. Лебедев на июнь 1919 г. получал 2400 руб. жалованья, 750 руб. квартирных, 600 руб. 25%-ной прибавки и 375 руб. прибавки на дороговизну – итого 4125 руб.^{III} При этом общая сумма колебалась. Так, за август 1919 г. Лебедеву полагалось то же жалованье, но квартирные возросли до 1012,5 руб. Прибавка для второразрядных городов составила 600 руб., а 25%-ная прибавка – 1050 руб. Таким образом, за август 1919 г. Лебедев заработал 5062,5 руб.^{IV}

Помощники Лебедева, генералы П. Г. Бурлин и А. П. Будберг, получали намного меньше: 1600 руб. жалованья, 500 руб. квартирных, 400 и 250 руб. прибавок – итого по 2750 руб. каждый (в августе у Бурлина при прежнем жалованье квартирные составили 675 руб., а прибавки – 400 и 700 руб., итого 3345 руб.^V). 3-й генерал-квартирмейстер Генштаба полковник А. Т. Антонович получал 1360 руб. жалованья, 425 руб. квартирных, 340 и 212,5 руб. прибавок – итого 2337,5 руб. Руководивший инструкторской школой генерал К. В. Сахаров получал 1120 руб. жалованья и 280 руб. квартирных^{VI}.

В марте 1920 г. жалованье генерал-квартирмейстера штаба III отдельного стрелкового корпуса К. В. Семчевского составляло 1120 руб. Расчет денежных средств был непростым и включал оклад, увеличенный в пять раз, с двумя 25%-ными прибавками (боевой и внеочередной) на жалованье и квартирные и 25%-ной прибавкой на квартирные, а также пособием за декабрь 1919 г. в размере трех месячных окладов за январь – март 1920 г.^{VII} Начальник Военной академии на август 1920 г. на Дальнем Востоке получал уже 2893 руб. 33 коп. оклада и квартирных, из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога, а в сентябре 1920 г. получал уже 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп. налога^{VIII}. Генерал М. А. Иностранцев в июне 1920 г. рассчитывал на получение пенсии в размере 1500 руб. в год и эмеритур в 645 руб., всего 2145 руб.^{IX}

После ухода каппелевских частей из Забайкалья личный состав практически не получал жалованья, лишь впоследствии с приходом к власти Временного Приамурского правительства какие-то суммы стали выдаваться^X.

В 1920 г. начальник академии получал 1608 руб. 75 коп., правитель дел – 1188 руб., ординарный профессор – 1395, экстраординарный – 1188, штатный преподаватель – 1010 руб. 25 коп., дворник – 450 руб.^{XI} К августу 1920 г. начальник академии А. И. Андогский получал основной оклад и квартирные в размере 2893 руб. 33 коп., из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога. Ординарные профессора

^I ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

^{II} РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 332.

^{III} Там же. Л. 39об.–40.

^{IV} Там же. Л. 163об.

^V Там же.

^{VI} Там же. Л. 32.

^{VII} МРК. Коллекция К. В. Семчевского. Box 1. Folder 6. Л. 13.

^{VIII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4, 43.

^{IX} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 581.

^X Филимонов Б. Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 85.

^{XI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–95об.

получали 2626 руб. 66 коп. за вычетом 39 руб. 40 коп. налога^I. Оклады постоянно менялись. К сентябрю 1920 г. Андогский получал 6510 руб. за вычетом 162 руб. 75 коп., ординарные профессора — 5910 руб. за вычетом 147 руб. 75 коп. По другим расчетам, на тот же месяц у Андогского было 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп., у ординарных профессоров — 20 212 руб. 20 коп. за вычетом 909 руб. 55 коп.^{II}

В 1921 г. жалование было пересчитано на золото. В феврале 1921 г. Андогскому золотом причиталось 98 руб. 60 коп., или кредитными билетами 295 800 руб. Удерживался налог 13 311 руб., или 4 руб. 44 коп. золотом, удерживались квартирные 34 831 руб., или 11 руб. 61 коп. золотом, оставалось к выдаче 247 658 руб., или 82 руб. 55 коп. золотом. Правитель дел получал 249 600 руб., заслуженный ординарный и ординарный профессора — 263 400, экстраординарный профессор — 227 400 руб.^{III} Вр.и.д. начальника академии получал 79 руб. 17 коп. золотом, заслуженный ординарный профессор — 70 руб. 83 коп., экстраординарные и ординарные профессора — 62 руб. 50 коп., штатный преподаватель — 54 руб. 17 коп., дворник — 35 руб.^{IV} По смете 1922 г. начальник академии должен был получать 100 руб. в месяц, заслуженный ординарный профессор — 90, ординарный — 80, экстраординарный — 70, штатный преподаватель — 60 руб.^V

В октябре 1920 г. служащие академии получали на руки продукты питания из продуктовой лавки академии по цене на 50 % ниже цен городской продуктовой лавки. Нормы выдачи на человека составляли: мука — 3 фунта (на август 1920 г. муки 2-го сорта — 5 фунтов, простого размола — 10 фунтов), крупа-ядрица — 5 фунтов, пшено — фунт, рис — фунт (на август 1920 г. не выдавался), соль — ½ фунта (на август — фунт), масло сливочное — фунт (на август — 2 фунта), сахар — фунт (на август — 2 фунта), сало интендантское кусковое только для административного состава — 4,5 фунта (на август не выдавалось). Кроме того, в августе 1920 г. нормировался хлеб — 3 фунта, перец — 15 золотников, чай — ¼ фунта, мыло — фунт, 10 листов курительной бумаги, пачка спичек^{VI}.

О значимости материального фактора для переманивания офицеров-генштабистов, неплохо устроившихся на гетманской Украине, свидетельствует письмо генерала А.С. Лукомского начальнику штаба Добровольческой армии генералу И.П. Романовскому от 10 (23) мая 1918 г.: «Если Добр[овольческая] армия способна к дальнейшей работе, то надо заняться и организаторской работой. В ближайшие дни (с Сидориным) пришлю список оф[ицеров] Ген. шт[аба], здесь имеющих, дабы вы могли выбрать работников. Но надо иметь в виду, что надо в матер[иальном] отношении обеспечить существование семейств; если это не сделаете, то многие не пойдут»^{VII}.

Дороговизна на Юге России была колоссальной. Особую ценность представляет сравнение уровня жизни Советской России и антибольшевистского лагеря.

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

^{II} Там же. Л. 21, 43.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 112. Л. 56об.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 8–8об.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 114. Л. 55.

^{VI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 102. Л. 17, 23.

^{VII} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 34об.

Генштаба капитан Б.В. Федоров в докладе о засылке белых эмиссаров на советскую территорию на октябрь 1918 г. сообщал: «...при командировках и посылках курьеров полагал бы необходимым установить следующие правила денежного довольствия:

1) При командировании в район армии – суточными по 7 руб. и literой А (приказ Д[обровольческой] а[рмии] № 457).

2) При командировании в Украину, Крым и Кавказ – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса, согласно действительной стоимости, суточными по 25 руб., на непредвиденные расходы от 100 до 400 руб., в зависимости от места и продолжительности командировки, по определению командирующего начальника, и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего н[ачальни]ка.

Полагаю, что менее 25 рублей суточных назначить нельзя при все увеличивающейся дороговизне жизни, в особенности в Крыму и на Кавказе, считая, что одно только довольствие в сутки обходится не менее 20 рублей, а при остановках в городах нельзя найти номера дешевле 15 руб. и за предоставление номера необходимо давать вознаграждение швейцару. При покупках ж[елезно]д[орожных] билетов зачастую приходится переплачивать комиссионерам, дабы не было задержки, извозчики, чаевые и прочие непредвиденные расходы требуют отпуща от 100 до 400 руб.

3) При командировках в Советскую Россию и в Сибирь – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса согласно действительной стоимости, суточными по 30 руб., а за время пребывания в Петрограде и Москве – по 60 руб. в сутки. На непредвиденные расходы: в Советскую Россию – 400–1000 руб., в Сибирь – 600–1500 руб., в зависимости от дальности и продолжительности командировки, и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего начальника.

Жизнь в Советской России дороже, чем на Украине, почему менее 30 рублей суточных выдавать нельзя, считая до 25 рублей на пропитание и 15 руб. за номер. За время проживания в Петрограде и Москве полагаю необходимым выдавать по 60 руб. в сутки, принимая во внимание, что фунт хлеба стоит 12–15 руб. и довольствие обходится не менее 50 руб. в сутки, номера – до 20 руб. в сутки, не считая непредвиденных расходов, как извозчики, чаевые и т.п. На непредвиденные расходы полагаю необходимым выдавать особо 400–1000 руб., ввиду особых трудностей и опасностей при проезде через границу и по территории Советской России, где приходится, объезжая опасные места, передвигаться на лошадях, а при задержке красноармейцами и получении пропусков – прибегать к подкупам.

При командировании в Советскую Россию и в Сибирь необходимо снабжать командируемых штатским платьем, если такового у них не имеется¹.

В Добровольческой армии материальное обеспечение генштабистов было скудным. В 1918 г. младшие офицеры получали по 250 руб. в месяц, а семейные, несмотря на дополнительное 100 руб. пособие², нищенствовали. Младшим офицерам полагались и боевые суточные по 1 руб. 50 коп. Начальник бригады получал

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

² ГА РФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

уже 5 руб. в сутки. О периоде своей службы в штабе 1-й пехотной дивизии осенью 1918 г. капитан К.Л. Капнин писал: «Все мы были одеты крайне разнообразно и в общем очень бедно. Тем не менее никто и не помышлял о каких-либо коммерческих операциях. Ряды офицеров пополнялись добровольно прибывшими сюда во имя высшей идеи – спасения Родины, прибывшими на лишения, а может быть и гибель, но не для веселого житья»^I. Жить приходилось в потрепанном штабном поезде, но воевали не ради денег, а за идею.

На белом Юге генштабист В.З. Макшеев получал 2000 руб. жалованья^{II}. Состоявший при генерале М.В. Алексееве полковник Я.М. Лисовой в августе 1918 г. получил 500 руб. содержания, 150 руб. кормовых, 100 руб. семейных – итого 750 руб.^{III} Штаб-офицерская вакансия старшего адъютанта штаба Саратовского корпуса в ноябре 1918 г. предусматривала оклад в 750 руб., а также паек^{IV}. Войсковой атаман Астраханского казачьего войска в 1918 г. получал 800 руб. в месяц, начальник Войскового полевого штаба (офицер-генштабист) – 700 руб., обер-квартирмейстер штаба (также генштабист) – 600 руб., писарь того же штаба – 150–175 руб.^V В резерве чинов офицеры получали летом 1918 г. по 300 руб.^{VI} В конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалованья, а главнокомандующий – 3000 руб., в конце 1919 г. – 700 и 5000 руб. соответственно^{VII}. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.^{VIII}

Согласно временному штату управления неотдельного конного корпуса, утвержденному генералом А.И. Деникиным 7 (20) декабря 1918 г., устанавливались следующие годовые оклады содержания (табл. 73).

Таблица 73

**Годовые оклады содержания офицеров штаба
неотдельного конного корпуса ВСЮР по временному штату 07(20).12.1918 г.^{IX}**

Должность	Оклад (руб.)
Командир корпуса (генерал или генерал-лейтенант)	8000
Начальник штаба корпуса (генерал-майор или полковник)	6600
Старшие адъютанты штаба корпуса (2 обер-офицера: по строевой и инспекторской части и по хозяйственной части)	3900
Штаб-офицер Генштаба	4800
Обер-офицеры Генштаба (2 должности)	3900

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 90б.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 317. Л. 36.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55а. Л. 4.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 3. Л. 73.

^{VI} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 72.

^{VII} Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 248–249.

^{VIII} Там же. С. 255.

^{IX} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 3.

Годовой оклад по учрежденной 17 февраля (2 марта) 1919 г. должности штаб-офицера Генштаба для связи со штабом Всевеликого войска Донского в управлении генерал-квартирмейстера главкома ВСЮР составлял 8100 руб.^I В апреле 1919 г. годовой оклад офицера Генштаба в Константиновском военном училище был установлен в размере 7200 руб. Всего таких офицеров было трое^{II}. Годовой оклад начальника штаба главнокомандующего ВСЮР составлял 14 400 руб. (столько же получали командующие армиями); начальник отдела Генерального штаба, генерал-квартирмейстер Ставки, дежурный генерал получали по 11 400 руб. в год, помощник начальника отдела Генерального штаба, начальники мобилизационной и военно-топографической части – по 9900 руб. в год^{III}. Начальник штаба армии получал 10 800 руб. в год., генерал-квартирмейстер штаба армии – 9900 руб., старшие адъютанты отделений – по 8100 руб.^{IV} В сентябре 1919 г. начальник отделения в Военном управлении, полковник Генштаба, мог получать 18 000 руб., его помощники – по 12 000 руб., а младший оклад помощника, капитана Генштаба, составлял 9600 руб.^V Руководитель киевского подпольного центра белых получал в 1919 г. 4000 руб. в месяц^{VI}.

Средние чиновники (VIII–VI классы, соответствовавшие воинским чинам от капитана до полковника) на белом Юге в 1919 г. получали до 1800 руб. Между тем прожиточный минимум на человека в Екатеринодаре с апреля по ноябрь 1919 г. вырос с 300 до 900 руб., а в Ростове-на-Дону цены были выше на 10–15 %^{VII}. Из этих данных видно, что генштабисты находились не в лучшем финансовом положении, чем равные им гражданские чиновники. Как мы знаем, в Советской России генштабисты получали больше даже комиссаров, не исключая и самого В. И. Ленина.

4 (17) декабря 1919 г. Деникин утвердил новые месячные оклады чиновникам (XIV класс – 700 руб., XIII – 750, XII – 800, XI – 850, X – 900, IX – 1000, VIII – 1200, VII – 1400, VI – 1800, V – 2200, IV – 2800, III – 3300, II – 4000). Устанавливалась и прибавка на дороговизну – 75–100 % кормового оклада, чиновники с VI по II класс также получали довольствие по должности от 500 до 5000 руб.^{VIII} К декабрю прожиточный минимум в Екатеринодаре составил 1150 руб., а в Ростове-на-Дону – 1500 руб. В связи с поражениями ВСЮР прогрессировала инфляция. Полковник К. В. Алексеев 24 января (6 февраля) 1919 г. в Одессе отмечал: «Жить же отдельно с семьей, даже при получении большего содержания, при теперешней страшной дороговизне (одно отопление двух занимаемых мною комнат стоит 510 руб. в месяц), это – обречь свою семью на голодную смерть»^{IX}.

Материальное положение даже высшего командного состава ВСЮР было незавидным. Протопресвитер Г. Шавельский свидетельствовал: «И офицерство, и все чины Добровольческой армии, и сам ген. Деникин влачили нищенское

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 84.

^{II} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 130. Л. 131.

^{III} Там же. Л. 199.

^{IV} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

^{VI} Там же. Л. 341.

^{VII} Карпенко С. В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество (Юг России, 1918–1920 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2012. № 4 (84). С. 91.

^{VIII} Там же. С. 92.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 50б.

существование. Жизнь вздорожала, ценность денег упала, — требовались для приличного существования большие оклады. Кубанский атаман в конце 1918 г. получал 5 тысяч рублей в месяц, при всем готовом, а ген. Деникин в это самое время имел тысячу с небольшим в месяц, без всего готового. Его помощники — еще меньше. Чиновники и офицеры получали крохи. Нужда всюду остро заявляла о себе¹. Неудивительно, что, например, супруга начальника штаба главнокомандующего ВСЮР генерала И.П. Романовского собиралась для выживания продавать серебряный чайник, а после того, как выручка будет проедена, не знала, что делать. Супруга генерала А.С. Лукомского пыталась раздобыть денег на новую одежду сыну, выросшему из старой². Генерал Е.В. Масловский вспоминал, что во ВСЮР в 1919 г. жалованья офицеров было недостаточно даже для скромной жизни. «Для офицеров семейных, которых был значительный процент, положение становилось буквально катастрофическим: семьи их положительно голодали»³. Но когда Деникина попросили увеличить содержание офицерам, генерал И.П. Романовский обратил внимание ходатайствовавшего полковника Д.Н. Тихобразова на залатанные сапоги Деникина, отметив, что главком сам не имеет средств⁴. Между тем в Екатеринодаре в 1919 г. штаб-офицер Генштаба должен был отдать за завтрак в ресторане месячное жалованье⁵. От хронического безденежья страдал генерал И.Г. Эрдели, которому в 1918–1919 гг. не хватало средств даже на одежду и продукты. В дневнике в марте 1919 г. он записал, что с удовольствием ограбил бы какого-нибудь красного комиссара, чтобы раздобыть денег⁶.

Генерал-квартирмейстер ВСЮР Ю.Н. Плющевский-Плющик вспоминал: «Дороговизна росла с каждым днем, и для того, чтобы быть сытым, не хватало жалованья не только женатому, но и холостому.

На это сознательно закрывались глаза. Об этом знали, но тем не менее не переставали экономить гроши, урезывая их на каждом представлении о прибавках. Офицер, чтобы существовать, должен был или красть, или спекулировать.

Для иллюстрации скажу, что я, получая жалованье ген[ерал]-квар[тирмейстера], прожил за 1½ года собственных 80 тысяч, питаюсь обедом в два блюда и не позволяя себе абсолютно никакой роскоши. Хорошо, что эти деньги у меня были, а если бы нет?

Относительно офицерского содержания лично я несколько раз имел случай говорить с г[лавнокомандую]щим, и еще в декабре [19]18 года он меня глубоко поразил, высказав взгляд, что он не может расточать народные деньги. Дальнейшее показало, что народные деньги — есть простые бумажки, и от такого взгляда сам Деникин скоро отказался, но что сделано, то уже оказалось непоправимым. Офицерство стало искать средства к существованию иными путями, яд грабежа и спекуляции проник в бывший когда-то здоровым организм, и изменить его

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 326–327.

² Там же. С. 327.

³ Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1399 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

⁴ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVI. С. 31 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

⁵ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 15 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 245; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 186.

стало уже непосильной задачей. Были, конечно, и другие причины развития этого зла, но мне думается, что это, т.е. недостаточное жалование и полная необеспеченность семей, были основными^I.

Отдельные офицеры пытались подрабатывать. Генерал Н. А. Букретов, находясь в 1918 г. в отставке, при красных занимался производством кислого молока на своей ферме в Екатеринодаре^{II}. Войсковой старшина П. Л. Фролов писал 3 (16) сентября 1920 г. начальнику оперативного отдела Войскового штаба Донского войска: «Ввиду нахождения со мною в Крыму моей жены и с нею двух мальчиков (один месячный, другой три года) и полного отсутствия материальных средств, прошу не назначать меня на должность, которая могла бы оторвать меня от семьи... в данное время я, имея собственную лошадь, занимаюсь извозом...»^{III}

Те, кто не мог устроиться на военную службу, порой зарабатывали на жизнь журналистским трудом. В частности, на Юге России статьи в газеты и журналы писали перебежчики от красных генерал А. Л. Носович и полковник Н. Д. Всеволодов. Последний, кроме того, занялся спекуляцией, чтобы прокормить семью. Достав теплушку, он приобрел в Новороссийске ходовые товары (булавки, гребенки, ленты, ситец, спички, шпильки, щетки), которые привез в Таганрог и продавал на базаре. «Переодевшись в штатское платье, я, вместе с деревенскими бабами и мужиками, расположившись прямо на земле в рядах таганрогского базара, стал продавать свой товар. Дело пошло хорошо. Вначале было как-то странно и неприятно сидеть рядом со всяким сбродом, но постепенно я привык к своей новой роли. Это была ирония судьбы: вчера — командующий армией, сегодня — мелкий торгаш. Но я не роптал на Бога. Я радовался, что был на свободе и не имел над собой никакого контроля»^{IV}.

Иногда подрабатывали журналистикой и те, кто состоял на службе у белых — например, капитан Е. Э. Месснер, полковники А. А. фон Лампе и Д. Н. Тихобразов. Последний анонимно публиковал обзоры боевых действий. Он вспоминал: «Так как очерки давались после окончания операций, то содержания моих обозрений вредить делу не могли. Все шло гладко. “Колокольчики”^V при небольшом казенном жаловании приходились весьма кстати; работа давала удовлетворение»^{VI}. Доход А. А. фон Лампе на ниве журналистики, как отмечал он сам, составлял порядка 5000 руб. В то же время ужин обходился в 200 руб., и фон Лампе считал, что такие расходы ему не по карману^{VII}.

Война порождала вопросы социальной поддержки семей умерших или погибших генштабистов. Насколько можно судить, на белом Юге этот вопрос не был упорядочен. Во всяком случае, известно, что верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев в 1918 г. лично заботился о пенсиях вдовам

^I Плущевский-Плющик Ю. Н. 1918–1920 годы. Добровольческая армия // BAR. lu. N. Pliushchetskii-Pliushchik collection.

^{II} Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. С. 292.

^{III} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 316.

^{IV} Всеволодов Н. Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 144; опубл. в: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 612.

^V Бумажные деньги Юга России (примеч. Д. Н. Тихобразова).

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXV. С. 9 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

погибших вождей Белого движения генералов Л.Г. Корнилова и С.Л. Маркова^I. По-видимому, о поддержке семей менее известных офицеров заботиться было некому. На Востоке России у белых дореволюционный Пенсионный устав 1912 г. был пересмотрен, а прежние статьи адаптированы к условиям Гражданской войны. Воинские пенсии выплачивались из казны, но также были восстановлены взносы из окладов в эмеритальную кассу^{II}. Существовала среди офицеров и взаимопомощь. Так, в Особом отделении отдела Генерального штаба Военного управления ВСЮР в 1919 г. функционировал хозяйственный кооператив. Членский взнос составлял 5 руб., пай – 25 руб.^{III}

Отдельную статью дохода могли составлять трофеи. Конечно, они доставались не всем, но нередко достигали фантастических размеров. Так, топограф штаба конного корпуса генерала К.К. Мамантова по разверстке за время знаменитого рейда по советским тылам в 1919 г. получил 200 000 руб.^{IV} О заработках более высокопоставленных лиц имеются лишь косвенные данные. Например, у генерала В.И. Постовского (негенштабиста), прославившегося мародерством в том же рейде, в Севастополе в 1920 г. украли чемодан с бриллиантами, золотом и ценностями на сумму свыше 12 млн руб.^V

В апреле 1920 г. в Крыму при генерале П.Н. Врангеле жалование начальника связи составляло 26–30 тыс. руб. Пирожок в столовой стоил 60 руб., «почти несъедобный обед» в столовой штаба – 250 руб., в ресторане – 350 руб., фунт сахара – 1800 руб. (в Константинополе – около 900 руб.), чашка кофе – 125 руб.^{VI}

По свидетельству генерала П.И. Аверьянова, в Крыму черный хлеб по карточкам стоил 80 руб. за фунт, белый – 100 руб., мясо – 1000 руб. за фунт, картофель – 300 руб., масло – 2500 руб. за фунт, яйца – 1300 руб. за десяток, молоко – 500 руб. за кварту, керосин – 500 руб. за фунт, уголь – 2300 руб. за пуд, дрова – 560 руб. за пуд, конина у татарских торговцев – 500–600 руб. за фунт, камса и бычки – по 400–600 руб. за фунт, сельдь в Керчи – по 500–600 руб. за фунт, в Феодосии – по 800 руб., визит к врачу обходился в среднем в 1000–1500 руб., градусник стоил 2500 руб.^{VII} Валюта стоила: английский фунт – 13 000 руб., французский франк – 200 руб., германская марка – 65 руб. Перед эвакуацией Крыма газета стоила 500 руб., картофель – 700 руб. за фунт, мука – 400 руб. за фунт^{VIII}. Сапоги продавали за 80 тыс. руб., дачу в Ялте – за 80 млн.

Чиновники VII класса на май 1920 г. получали 16 000 руб. жалования в месяц, в сентябре 1920 г. оклады были удвоены, но инфляция стремительно съедала все прибавки и денег не хватало даже на прожиточный минимум^{IX}. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил уже 5–10 тыс. руб.^X Осенью 1920 г. коробка сардин

^I РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 97.

^{II} Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России. С. 454.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.

^V ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 537.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 263об.–264.

^{VIII} Там же. Л. 292.

^{IX} Карпенко С. В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество. С. 95.

^X Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. С. 391.

в Севастополе стоила 10 000 руб.^I С марта по октябрь 1920 г. размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму возрос более чем в 23 раза^{II}. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен. В докладе о положении в Крыму офицер, перешедший в сентябре 1920 г. к красным от белых, сообщал, что при окладе в 50 000 руб. в месяц офицер, особенно семейный, терпел сильную нужду, так как прожиточный минимум был втрое больше, а семьи офицеров буквально голодали^{III}.

На белом Северо-Западе осенью 1918 г. офицеры получали от 600 до 1200 руб. в зависимости от должности^{IV}. Командир корпуса имел оклад в 1900 руб. Суточные офицеру составляли 16 руб. Семейным выплачивались пособия^V.

На белом Севере сложилась своя система материального вознаграждения генштабистов. В сентябре 1918 г. председателем ВУСО был утвержден «Табель чинов и должностей военного ведомства» с указанием размеров основной и добавочной платы. По этому документу полковники получали 550 руб. жалованья, а дополнительная плата зависела от занимаемой должности. Подполковник получал 500 руб. На содержание семьи выплачивалось по 200 руб. Временное правительство Северной области 7 февраля 1919 г. установило новые оклады для командного состава в зависимости от разрядов и должностей: 1-й разряд (командир корпуса) – 1500 руб. в месяц, 2-й разряд (начальник дивизии, начальник штаба командующего) – 1300 руб., 3-й разряд (командир бригады) – 1200 руб., 4-й (командир пехотного полка, начальник штаба дивизии) – 1100 руб., 5-й (командир отдельного батальона, начальник отделения штаба) – 1000 руб., 6-й (командир батареи) – 950 руб., 7-й (старший адъютант штаба корпуса) – 850 руб., 8-й (старший адъютант штаба дивизии) – 750 руб., 21-й (рядовой) – 100 руб.^{VI} Общая сумма, выдававшаяся на руки, значительно превышала должностной оклад. Так, при окладе в 850 руб. можно было получать 400 руб. на представительство, 100 руб. на содержание семьи и 25 руб. на обмундирование, а всего – 1375 руб. Генерал Е.К. Миллер по должности командующего войсками Северной области получал на февраль 1919 г. 1700 руб. и 800 руб. на представительские расходы^{VII}.

Известны цены, существовавшие на Севере на 14 февраля 1920 г. Так, пуд муки стоил 90 руб., пуд мяса – 400 руб., коробок спичек – 30 коп., пуд пикулей – 216 руб. 60 коп., банка молока – 4 руб. 40 коп.^{VIII} Генштабисты-беженцы с Севера России, находясь в лагерях на территории Финляндии и Норвегии, в июне – октябре 1920 г. получали прежние оклады содержания, сохранившиеся со времени их службы на белом Севере. Так, дежурный генерал штаба главнокомандующего полковник В.А. Жилинский получал оклад в 2900 руб. «чайковками» (по фамилии председателя Временного правительства Северной области Н.В. Чайковского), начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант М.Ф. Квевцинский – 4200 руб.,

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 381. Л. 29.

^{II} Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. С. 391.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 26.

^{IV} Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 29.

^V Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 547–548.

^{VI} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 40. Л. 42; Оп. 2. Д. 12. Л. 10об., 11об., 28об.

^{VII} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 2. Д. 12. Л. 8об.

^{VIII} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 54. Л. 100об.

заместитель председателя финансово-экономического совета Северной области генерал от инфантерии С.С. Саввич — 3100 руб., главнокомандующий генерал от кавалерии Е.К. Миллер — 5400 руб., что было, очевидно, наивысшим окладом¹.

Рассмотрим материальное положение генштабистов национальных армий. К сожалению, в украинских документах присутствует некоторая путаница в денежных единицах — в рублях, гривнах, карбованцах, польских марках, в связи с чем мы приводим наименования валют, как они указаны в документах, оставляя ответственность за правильность указания денежных единиц на составителях документов.

Б.А. Штейфон вспоминал о жизни генерала Н.Л. Юнакова в Харькове в 1918 г. до поступления последнего на украинскую службу: «Его лицо и скромный штатский костюм свидетельствовали как о прошлых испытаниях, так и о тяжелой жизни в настоящем. Оказалось, что он бежал с семьей из Петрограда и беженская волна занесла его в Харьков. Хотя Н.Л. явно и не говорил, но я понял, что ему живется тяжело. Я же имел обширные материальные и иные возможности помочь ему, соблюдая при этом величайшую деликатность. И он, и его семья были очень рады столь неожиданной помощи»². С поступлением Юнакова в украинские войска его положение существенно изменилось.

Находившиеся на Украине летом 1918 г. офицеры, ориентировавшиеся на Добровольческую армию, изыскивали различные способы заработка. Как свидетельствовал полковник В.М. Пронин, «из 9 офицеров Ген. шт[аба] 7 в разъездах в поисках денег, и они также на днях на некоторое время выезжают»³. Генерал С.Я. Гребенщиков, не желавший служить в украинской армии, в апреле 1918 г. устроился сумским уездным старостой⁴. Харьковским губернским старостой был генерал П.И. Залесский⁵. Обладавший коммерческой жилкой подполковник П.Е. Дорман издавал при гетманской власти в Киеве газету «Армия», поддерживавшую Добровольческую армию, а параллельно служил директором Хлебного департамента Министерства продовольственных дел и занимался вывозом зерна из Одессы в Константинополь, причем один фрахт, как утверждали, был адресован на имя самого Дормана⁶. Впоследствии Дормана арестовали и выслали за пределы Украины. Позднее он служил во ВСЮР и в Русской армии, где занимал ответственные штабные должности.

В ГУГШ на гетманской Украине осенью 1918 г. рассматривались меры по улучшению материального положения офицеров. Предполагалось, что командир корпуса в год будет получать 15 600 руб., начальник дивизии — 13 200 руб., командир неотдельной бригады — 12 000 руб., командир полка — 11 400 руб., старший помощник командира полка — 9600 руб., младший помощник командира полка — 9000 руб., командир отдельной роты, батареи, батальона — 8400 руб., командир

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 116. Л. 12–14.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 22. Также см.: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник. 2019. Т. 27. С. 43.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 3. Л. 37.

⁴ Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 131.

⁵ Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сб. док. М., 2014. С. 489–510.

⁶ Визвольні змагання очима контррозвідника (документальна спадщина Миколи Чеботаріва). Київ, 2003. С. 47–48.

роты – 7600 руб., младший офицер – 5400 руб.^I Семейным офицерам ниже командира батальона доплачивали еще по 600 руб. Начальник военно-научного отдела Генерального штаба (штаб-офицер, негенштабист) в 1918 г. получал 800 карбованцев в месяц". Минимальный оклад в 250 карбованцев имела машинистка. Оклад начальника отдела Генштаба в 1000 карбованцев на октябрь 1918 г. считался недостаточным для жизни в Киеве. В военно-исторической комиссии Румынского и Юго-Западного фронтов оклад председателя составлял 1150 руб., начальник канцелярии получал 600 руб., два писаря – по 250 и 200 руб.^{III}

По штатам украинского ГУГШ предполагались следующие оклады содержания генштабистов (табл. 74).

Таблица 74

Оклады содержания по штатам украинского ГУГШ. 1918 г.^{IV}

Должность	Годовой оклад (в карбованцах)
Начальник Генерального штаба (генеральный старшина)	18 000
Персональный осаул (обер-старшина)	6600
Штаб-старшина Генерального штаба для поручений	9600
Генеральный старшина для поручений (Генштаба)	12 000
Начальник отдела личного состава (полковник Генштаба)	10 800
1-й и 2-й генерал-квартирмейстеры (генеральные старшины Генштаба)	16 500
Председатель Военно-ученого комитета (полковник Генштаба)	10 800
Военный агент 1-го разряда (Берлин, Вена)	10 800 + 5400 добавочных, всего 16 200
Помощник (полковник)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Офицер для поручений	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800
Военный агент 2-го разряда (полковник; Бухарест, София, Берн, Стамбул)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Помощник	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800

На организацию работы военных агентов в июне 1918 г. выделялось 274 800 карбованцев, в том числе 54 600 единовременно на переезд и обзаведение одеждой^V. Всего на военно-агентскую работу направлялось 14 человек. Позднее, видимо в 1919 г., оклады военных агентов 1-го разряда составляли 85 000 и 2-го – 71 400 карбованцев^{VI}.

Эти оклады существенно превышали гражданские. К примеру, годовой оклад министра вероисповеданий УНР в 1919 г. составлял лишь 24 000 карбованцев,

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 103.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 52. Л. 8; Д. 60. Л. 31.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 328.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–37об., 38, 46; Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

машинистка получала 3600, курьер – 2400. Если в гетманский период разница в высшем и низшем окладах составляла 5 раз, то в 1919 г. – 8–10 раз. Возрастало расслоение госслужащих. Прожиточный минимум в Ровно в мае 1919 г. составлял 31 карбованец в день. Месячная стоимость рабочей силы по Каменцу-Подольскому на январь – февраль 1919 г. составляла 376,5 карбованцев, на март – апрель – 437,6, на июнь – 581,6, на июль – август – уже 1161,8, на сентябрь – октябрь – 2651 карбованец. В результате инфляции Директория 15 августа 1919 г. приняла закон о процентных надбавках в связи с дороговизной, по которому госслужащие с окладом до 4200 карбованцев в год получали 100–140 %-ную надбавку¹.

Начальник мобилизационно-строевой части штаба 1-й конной дивизии сотник Б.Н. Ставрович в сентябре 1918 г. получал 600 руб. в месяц². Весной 1919 г. начальник оперативного отдела штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Украины сотник Ю.В. Скорняков ежемесячно получал 1160 карбованцев (сюда входили 360 карбованцев 45 %-ной прибавки)³. Исходя из этого, годовой доход обер-офицера составлял 13 920 карбованцев. Без прибавки оклад составлял 9600 карбованцев.

Цены в Киеве летом 1918 г. были следующими. Самый плохой костюм-тройка стоил 1000 руб., пара женских чулок по оптовой цене – 25 руб.⁴ Фунт хлеба в Киеве в июле 1919 г. стоил 50–60 руб., фунт мяса – 40–50 руб.⁵ Впрочем, об этом писал белый разведчик, и в каких рублях (царских, советских или деникинских) он исчислял эти цены, неизвестно.

По временному штату ГУГШ, утвержденному военным министром 23 мая 1919 г., были установлены следующие годовые оклады (табл. 75).

Таблица 75

Оклады содержания по временному штату ГУГШ УНР. 23 мая 1919 г.⁶

Должность (звание)	Оклад (гривен в год)
Начальник ГУГШ (генерал)	36 000
Его осаул (генерал)	24 000
Его осаул (обер-офицер)	13 200
Для поручений (полковник)	19 200
1-й и 2-й помощники (генералы)	30 000
Начальники отделов (генералы, полковники)	21 600

Оклад начальника Генштаба на июль 1920 г. сохранялся в размере 36 000 гривен⁷. Членство в разных комиссиях давало генштабистам дополнительный доход. Например, председатель комиссии при ГУГШ по восстановлению чинов и разработке

¹ Андрусишин Б. І. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Директорії УНР). Київ, 1997. С. 32–33.

² ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 974.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 24. Л. 398.

⁴ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 75–77.

⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 54. Л. 6.

законопроекта о прохождении службы в армии УНР в ноябре 1919 г. получал в месяц 2700 гривен, а член комиссии от Генштаба — 1800 гривен^I.

Сохранились экстренные прошения офицеров устроить их на службу из-за отсутствия средств. К примеру, штабс-капитан В. Ф. Чабаневский весной 1918 г. писал: «Не маючи средств для життя прохаю дать посаду, яко мога швидче, бо я в шляху всі гроші издержав. Як що цього не можливо — прохаю одночасного грошового підтримання»^{II}.

В ноябре 1919 г. на Украине считались приемлемыми следующие размеры оплаты военно-педагогической работы: час лекции — 200 гривен, проверка на дому практических задач — 300, репетиции или экзамен — 400, практическая полевая поездка — 500 гривен^{III}.

Полковник В. Е. Змиенко за декабрь 1919 и январь 1920 г. получил в лагере в Луцке в качестве жалованья 800 польских марок и 4000 карбованцев^{IV}.

В апреле 1920 г. в Каменце-Подольском оклад военного министра полковника В. П. Сальского составлял 20 800 польских марок, минимальный оклад в Военном министерстве составлял 8700 польских марок^V. В апреле 1921 г. 1-й генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н. Д. Ещенко получил 20 700 марок, начальник оперативного управления полковник Б. И. Сулковский — 14 700, начальник управления комплектования армии сотник Ю. В. Скорняков — 8105 марок, начальники управлений обучения войск подполковник Ю. В. Отмарштейн и военно-исторического подполковник Б. Е. Снигирев — 17 700^{VI}. Таким же был оклад 3-го генерал-квартирмейстера генерал-хорунжего Н. А. Капустянского^{VII}. Начальник отдела личного состава офицеров Генштаба полковник В. А. Сигарев получал 11 210 марок^{VIII}. Оклады включали добавку на семью.

Соотношение польских марок и карбованцев составляло 1:10. Лента для пишущей машинки стоила 2000 карбованцев (200 марок), две свечи — 300 карбованцев (30 марок)^{IX}. Украинское командование поднимало вопрос повышения материального обеспечения офицеров в пять раз весной 1920 г.^X

Сохранились и другие данные за май — июнь 1920 г., согласно которым военный министр В. П. Сальский получал 37 120 марок, его помощник полковник В. Н. Петров — 40 960, вр.и.д. председателя ВВС генерал-хорунжий Н. А. Коваль-Медзвецкий — 33 280, начальник ГУГШ генерал-хорунжий С. И. Дядюша — 44 800, начальник организационного управления ГУГШ полковник В. М. Куц — 22 400, начальник мобилизационного управления полковник Е. В. Мешковский и начальник мобилизационно-призывного отдела подполковник Б. Е. Снигирев — по 29 120 марок^{XI}.

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 78.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 490об.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 110.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 1об.-2.

^{VI} Там же. Л. 21об.-22, 24об.-26.

^{VII} Там же. Л. 26об.-27.

^{VIII} Там же. Л. 25об.-26.

^{IX} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 58. Л. 29, 40, 42.

^X ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 1.

^{XI} ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 55об.-56, 58об.-60.

После смерти Мешковского его вдове была выдана справка о том, что он как 1-й генерал-квартирмейстер получал по 11 июля 1920 г. 13 750 гривен и 1600 гривен дополнительно, а также 30 %-ную добавку на семью^I. Младший офицер военно-исторического отдела ГУГШ в чине поручика по закону от 5 августа 1920 г. получал 7200 польских марок в месяц и 20 %-ную добавку на семью. Начальник геодезического отдела ГУГШ в чине сотника получал 9000 гривен в месяц и добавку на семью^{II}. Начальник управления укомплектования ГУГШ подполковник М.С. Пересада-Суходольский с 5 июня 1920 г. получал 2500 гривен, причисленный к Генштабу сотник В.П. Савченко с 27 мая 1920 г. получал 1600 гривен^{III}. Начальник оперативного управления ГУГШ сотник В.Ф. Чабаневский и начальник управления укомплектования подполковник М.С. Пересада-Суходольский в июле 1920 г. получали по 24 000 гривен и 1600 гривен суточных, начальник разведывательного управления подполковник Б.В. Снигирев — 31 200 и 2080 гривен соответственно^{IV}. Прежний оклад Чабаневского до 1 июня 1920 г. составлял 10 000 гривен и 532 гривны столовых денег^V.

На 15 июня 1922 г. оклады составляли: у военного министра генерал-поручика Н.Л. Юнакова — 29 220 марок, у товарища военного министра генерал-поручика А.С. Галкина — 21 540 марок, у члена Высшего военного совета (рады) генерал-хорунжего В.А. Синклера — 19 740 марок. Минимальный оклад в Военном министерстве имела журналистка — 3792 марки^{VI}. Слушателям курсов по подготовке штабных офицеров платили по 5000 польских марок в год^{VII}.

Высший офицерский оклад в Русской народной Добровольческой армии С.Н. Булак-Балаховича, действовавшей в Белоруссии, составлял осенью 1920 г. 10 000 польских марок, оклад прапорщика — 4000, солдата — 150^{VIII}. Вышие чины, начиная с начальников дивизий, получали средства на представительские расходы примерно в размере жалованья. На фоне обесценивания польской марки генерал-квартирмейстер штаба армии подполковник П.И. Олейников разработал проект создания на контролируемых Балаховичем территориях своей валюты, а также предлагал организовывать меновую торговлю с местным населением^{IX}. Ввиду кратковременности авантюры Балаховича эти проекты так и остались на бумаге.

В грузинской армии члены Военного совета получали по 3000 руб. в месяц, начальник канцелярии Военного министерства — также 3000 руб.^X Когда в 1919 г. было открыто военное представительство Грузии в Азербайджане, авансом на обозаведение и содержание представительства выдавались 207 000 руб., а годовой бюджет составлял 108 000 руб. на содержание военного атташе и двух офицеров

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 175. Л. 10.

^{II} Там же. Л. 1а, 3.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 4об.

^{IV} Там же. Л. 20, 20об.

^V Там же. Л. 45.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 510об. — 511.

^{VII} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 31.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 27. Выражаю благодарность А.С. Кручинину за указание на этот источник.

^{IX} Кручинин А.С. «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012.

Т. 19. С. 140–144.

^X ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 260. Л. 4.

при нем. Кроме того, отпускались 36 000 руб. в год: 12 000 — на наем помещений, по 6000 на эксплуатацию автомобиля и на канцелярские расходы, а также 12 000 на представительские расходы^I. Сверх того, выплачивалось единовременное пособие офицерам на экипировку в размере 5000 руб. и столько же выдавалось на оборудование канцелярии. По особому плану и расчету отдела Генштаба выделялись средства на организацию разведки. Положение обычных офицеров было иным. По данным на март 1919 г., $\frac{3}{4}$ грузинских офицеров получали жалование в размере 500–575 руб. в месяц, при том что в большинстве своем были семейными, а из-за боевых действий жили на два дома. Такие выплаты считались нищенскими. Как отмечал помощник военного министра генерал А.К. Гедеванов (Гедеванишвили) в докладе председателю правительства в марте 1919 г., «трудно идти на смерть, имея за собой голодную семью»^{II}. В 1920 г. в армии отмечались застойные явления, связанные с системой материального стимулирования: сложилось такое положение, при котором обер-офицеры из-за низких окладов отказывались от штаб-офицерских должностей^{III}.

В азербайджанской армии оклад прапорщика в 1919 г. составлял 1000 руб., подпоручика — 1200 руб., поручика — 1300 руб., штабс-капитана — 1400 руб., капитана (если он был старшим офицером) — 1500 руб., капитана на должности ротного командира — 1800 руб.^{IV} На июль 1919 г. такие оклады, установленные в конце 1918 г., считались недостаточными из-за инфляции. Военный атташе в Грузии на 1919 г. должен был получать 22 400 руб. содержания на семь или восемь месяцев и особый отпуск на представительские расходы в размере 3200 руб. Военный атташе в Армении получал 21 600 руб. на шесть месяцев^V.

Цены на 1919 г. в Азербайджане были следующими: фунт печеного хлеба — 3 руб., фунт риса — 5 руб. 50 коп., фунт баранины — 9 руб., фунт говядины — 5 руб., пуд картофеля — 100 руб., пуд лука — 32 руб., фунт чая — 50 руб., пуд соли — 48 руб., пуд муки — 130 руб. Заготовительная цена нательной рубахи была 43 руб., исподних брюк — 36 руб. 70 коп., носового платка — 8 руб. 40 коп., ватного одеяла из бязи — 153 руб. 40 коп., шинели — 451 руб. 70 коп., шаровар защитного сукна — 139 руб. 70 коп., суконного башлыка — 125 руб., папахи — 100 руб., теплых перчаток — 10 руб., сапог — 1000 руб.

На 1920 г. были установлены новые оклады содержания: военный министр — 16 675 руб., включая жалование, столовые, квартирные и средства на представительство; помощник военного министра — 15 250 руб. по тем же статьям; командир корпуса в чине генерал-лейтенанта — 14 070 руб. жалования, столовых и квартирных; командир корпуса в чине генерал-майора — 13 368 руб.; начальники Главного и Генерального штабов в чинах генерал-лейтенантов — по 11 480 руб., в чинах генерал-майоров — по 10 760 руб.; начальник дивизии в чине генерал-лейтенанта — 10 715 руб., в чине генерал-майора — 9995 руб.; командир полка в чине полковника — 8440 руб.; командир батальона в чине подполковника — 6860 руб.; командир

^I ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 251. Л. 65, 77–77об.

^{II} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 127. Л. 3.

^{III} Квиниатадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985. С. 247.

^{IV} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

^V ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

роты в чине капитана — 5836 руб.; штабс-капитан — 4596 руб.; поручик — 4254 руб.; подпоручик — 3984 руб.; прапорщик — 3480 руб.^I В конце апреля 1920 г. были установлены размеры суточных при командировках для содействия гражданским властям: генералам — 400 руб., штаб-офицерам — 300 руб., обер-офицерам — 200 руб.^{II} Генералу Г.Б. Салимову, пользовавшемуся правами командира корпуса, за командировку в Карабахский район следовало выплатить по 500 руб. в сутки.

В армянской армии были установлены следующие оклады жалованья: прапорщик — 650 руб., подпоручик — 675 руб., поручик — 725 руб., штабс-капитан — 750 руб., капитан — 800 руб., подполковник — 850 руб., полковник — 900 руб., генерал-майор — 1000 руб., генерал-лейтенант — 1050 руб.^{III} Военные чиновники независимо от чина получали 750 руб.^{IV} В январе 1919 г. ввели прибавку на дороговизну, которая рассчитывалась следующим образом: поступившие на службу до 1 сентября 1918 г. получали в качестве прибавки месячное содержание, поступившие на службу после 1 сентября 1918 г. получали сумму, равную произведению числа дней со дня назначения по 1 января 1919 г. на $\frac{1}{120}$ месячного содержания^V. С января 1919 г. было введено добавочное содержание по должностям: младшим офицерам — по 50 руб., ротным командирам — по 100 руб., батальонным командирам — по 200 руб., командирам батарей — по 250 руб., командирам полков — по 350 руб. Командир бригады получал дополнительно 400 руб. Таким же было добавочное содержание по должностям начальника штаба дивизии, начальника отдела Военного штаба, генерала для поручений, постоянного члена Военного совета. Высший оклад добавочного содержания в 500 руб. получали начальник пехотной дивизии, начальник Военного штаба, помощник военного министра и председатель Военного совета^{VI}. Генерал-майор И.С. Баграмов получал с июля 1919 г. как член Военного совета и помощник военного министра 500 руб. добавочного содержания по X разряду (наивысшему)^{VII}. Таким же был высший оклад добавочного содержания начальника Генштаба^{VIII}. Начальники отдельных бригад и комендант крепости Карс получали по 450 руб. добавочного содержания. Суточные при командировках с 20 января 1919 г. составляли 15 руб.^{IX}

Жалованье являлось одним из значимых факторов службы генштабистов в Гражданскую войну. В условиях хаоса и голода получаемые генштабистами денежные средства, наряду с пайками, буквально оказывались спасительными. Военспецы-генштабисты были обеспечены достойным жалованьем, что свидетельствует о внимании властей к нуждам этих дефицитных специалистов. Часть окладов, например, превышала заработную плату председателя СНК В.И. Ленина. Материальное положение генштабистов антибольшевистского лагеря различалось, но, судя по всему, было достаточно скромным. Тем более что деньги обесценивались

^I ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 39. Л. 138об.–139.

^{II} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 16. Л. 223.

^{III} НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 9.

^{IV} НАА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 223.

^V НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 7–7об.

^{VI} НАА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 226.

^{VII} НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 107.

^{VIII} Там же. Л. 139.

^{IX} Там же. Л. 60б.

и росла инфляция. Во всех противоборствующих лагерях существовали возможности для подработки в виде журналистской работы, написания трудов, чтения лекций и т.д. В тяжелом положении в те годы оказывались семьи больных или умерших генштабистов, а также семьи репрессированных и многодетные. В Советской России некоторым генштабистам, даже не служившим в РККА, выплачивались пенсии. Определенные меры социальной поддержки генштабистов и их семей принимались и в антибольшевистском лагере.

§ 5. Питание

Не менее сложный вопрос составляло продовольственное обеспечение генштабистов и их семей в условиях голода и разрухи. В Советской России этот вопрос решался путем выдачи продовольственного пайка, однако решен он был далеко не сразу. В некоторых случаях из-за бюрократических трудностей военспецы и их близкие обрекались на голодное существование. Начальник штаба 9-й армии А.А. Душкевич в разгар Гражданской войны жаловался председателю РВСР Л.Д. Троцкому: «Уважаемый тов. Троцкий! Ваше всегда ко мне хорошее отношение дает мне смелость обратиться к Вам с личной просьбой. Семья моя, проживающая в Н[ижнем] Новгороде, терпит большую нужду в смысле получения продовольствия и отопления. Как семье находящегося на фронте горисполком^I отказывает во всем, направляя жену в военком^{II}, а в военкоме, указывая, что я как наштарм не имею права на красноармейское довольствие, установленное для семей, отправляют обратно в горисполком. В результате нигде ничего не дают. Зная терпеливое отношение жены ко всяким нуждам, я уверен, что только действительно тяжелое положение, в каком оказалась моя семья, и обида за такое отношение заставили ее сообщить мне о своих невзгодах. Моя усиленная к Вам просьба, если найдете возможным, оказать посильное содействие, дабы поставить семью в мало-мальски сносные условия жизни и тем дать мне возможность спокойно продолжать мою работу»^{III}. Троцкий поддержал военспеца и 24 марта 1920 г. направил нижегородскому губернскому военному комиссару телеграмму: «Семья тов. Душкевича, на[чальника] штаба 9[-й] армии, по полученным сведениям терпит продовольственную нужду. Прошу принять во внимание, что тов. Душкевич – заслуженный ценный военный работник, находится давно на фронте. Необходимо его семье оказать содействие»^{IV}. Через несколько дней последовала контрольная телеграмма управляющего канцелярией председателя РВСР: «Прошу сообщить, что сделано для семьи Душкевича согласно телеграммы тов. Троцкого»^V. На это был получен ответ, что помощь семье военспеца оказали^{VI}.

^I Городской исполнительный комитет.

^{II} Военный комиссариат.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 13–13об.

^{IV} Trotsky military records // HIA. Volkogonov papers. Reel 12.

^V Ibid.

^{VI} Ibid.

Как отмечал один из бывших флотских офицеров, «заветной мечтой обывателя было получить место или работу, связанную с получением красноармейского пайка»^I. Паек (на фронте — фунт хлеба в сутки) не избавлял от полуголодного существования. Так, по свидетельству военного руководителя Западного участка отрядов завесы бывшего генерал-лейтенанта В. Н. Егорьева, штаб завесы в Калуге в июне 1918 г. голодал, сотрудники не получали хлеба, которого не было ни в штабе, ни в городе^{II}. Штабы отрядов завесы и дивизий были обеспечены еще хуже, вынуждены были заниматься меновой торговлей. Сам Егорьев, по его словам, занялся мешочничеством: купил в Воронеже 38 вагонов муки для доставки в калужский штаб, но купленное было изъято в Москве, а до Калуги удалось довести только три вагона^{III}. То, что весной 1918 г. не было хлеба даже в штабе Западного участка отрядов завесы, подтверждал и помощник Егорьева бывший генерал Е. З. Барсуков^{IV}. Он вспоминал, что пробыл без хлеба около двух недель «и тогда убедился, что хлеб является основным, необходимым продуктом питания. Без хлеба, при наличии других продуктов питания, я настолько ослабел, что с трудом добирался от своей квартиры до штаба, придерживаясь за стены и часто останавливаясь»^V. Военспецу было тогда 52 года.

Красноармейский паек работникам центральных управлений был установлен главкомом И. И. Вацетисом 13 октября 1918 г. Проблема заключалась в том, что служащие уходили с работы, когда торговля уже заканчивалась. Кроме того, в связи с дороговизной у них не было возможности покупать продукты^{VI}. В тылу стоимость пайка была привязана к размеру жалованья и удерживалась из него. Так, например, если оклад в конце 1918 г. составлял 800 руб., то за паек выплачивали четверть его стоимости, если 850 руб. — $\frac{2}{4}$, если 900 руб. — $\frac{3}{4}$, если 950 и выше — паек оплачивался полностью по интендантской цене^{VII}. На фронте паек выдавался бесплатно. Право на получение пайка имели и члены семей штатных служащих (жены, дети, родители)^{VIII}. Впрочем, этот вопрос в разных местах решался по-разному.

Были введены три категории продовольственных карточек и пайков: 1-я категория (рабочие, кормящие женщины, дети от года до 12 лет, все чины вооруженной охраны, не состоящие на довольствии, увечные воины и инвалиды вне приютов, лица, обслуживающие инфекционные больницы); 2-я категория (все виды служащих по найму, учащиеся, несовершеннолетние 12–16 лет, женщины, ведущие хозяйство без прислуги не менее чем на 3 человек); 3-я категория (все остальные). Ответственные работники советских учреждений, среди которых были и генштабисты, относились к 1-й категории. Члены их семей, если сами не имели 1-й категории, относились ко 2-й категории^{IX}. По стоимости паек и обеды обходились

^I Бьеркелунд Б. В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 103.

^{II} Егорьев В. Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 143.

^{III} Там же. С. 144.

^{IV} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 575.

^V Там же. С. 576.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.

^{VIII} Там же. Л. 124.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 574.

на рубеже 1918–1919 гг. в 320 руб. в месяц^I. За службу сверх положенных часов полагался дополнительный паек^{II}. Такой паек по 2-й продовольственной категории получал начальник отделения по службе Генштаба ВГШ А.С. Белой.

Главкому Вацетису, начальнику ПШ РВСР Ф.В. Костяеву, адъютанту Вацетиса, председателю Реввоентрибунала и его секретарю обед и ужин присылали из столовой, причем выдавали по фунту хлеба^{III}. При работе по 10–12 часов в сутки сотрудники ПШ РВСР нуждались в дополнительном питании. Начальник ПШ РВСР Костяев в начале 1919 г. добивался разрешения заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова закупать продукты для штаба в Поволжье из расчета в 1,5 пуда на человека^{IV}. Известно, что в ПШ РВСР в 1919 г. существовал кооператив сотрудников, через который доставали продукты^V. О значимости пайка для поддержания жизненного уровня семей военспецов свидетельствует обращение к Костяеву курсовика П.А. Мея от 30 ноября 1918 г. о переводе в Тихвин в штаб 7-й армии вместе с тестем бывшим генералом Н.Г. Александровым. Мей писал: «Находясь в Тихвине, мы хоть своим пайком поддержим существование нашей семьи... такие условия еще надолго сохранят Красной армии двух довольно опытных работников...»^{VI} Сотрудники ВГШ в 1918 г. получали картофель по списку^{VII}.

В сентябре 1918 г. в Москве пуд ржаной муки стоил 380–400 руб., фунт мяса – 12–15 руб., фунт картофеля – 1 руб. 40 коп. – 1 руб. 60 коп., бутылка молока – 3–4 руб., селедка – 7 руб., фунт лука – 5 руб., фунт хлеба – 9 руб., фунт сливочного масла – 38 руб., десяток яиц – 15 руб.^{VIII} На местах цены могли быть намного ниже – так, в начале 1919 г. в Бобруйске фунт хлеба стоил 4 руб.^{IX} Фунт мяса в Острогжске в феврале 1919 г. стоил 2,5 руб., пуд мяса – 100 руб.^X Билет на цирковое представление в Москве у перекупщиков стоил в мае 1919 г. 15 руб., программка – 5 руб.^{XI}

Тяжелым продовольственное положение было в Петрограде и Москве. К примеру, отмечалось, что в Академии Генштаба РККА имелось мало продуктов^{XII}. Бывший полковник В.Н. Соколов писал 29 июля 1918 г. начальнику отделения по службе Генштаба ВГШ бывшему полковнику А.С. Белому: «Дорогой Александр Сергеевич! Благодаря прекращению сообщения с Екатеринбургсом я попасть туда не мог и сижу в Петрограде вот уже почти месяц. Кроме голода и дороговизны здесь абсолютно ничего нового нет. Хочу отсюда убираться. Помогите мне в этом. Устройте меня в окружной штаб Сев[еро]-Кавказского округа, который, кажется, уже сформирован и место пребывания ему назначено в Ставрополе»^{XIII}.

^I РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 256.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 183.

^{IV} Там же. Л. 374.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 189–193.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 204об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 280.

^{VIII} Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 850 (Архив семьи Снесаревых).

^{IX} Там же. 1919 г. Л. 945.

^X Там же. Л. 954.

^{XI} Там же. Л. 1015.

^{XII} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 235.

^{XIII} В действительности – в Царицыне.

Должность для меня совершенно безразлична, лишь бы попасть на Сев[ерный] Кавказ, куда я хочу перевести из Тифлиса свою семью, положение которой теперь там очень тяжелое...»^I

О трудном продовольственном положении в Советской России писал в дневнике в сентябре 1918 г. бежавший к белым полковник В.А. Замбржицкий: «Мысль о семье не оставляет меня ни на минуту. Что они, родные, делают, как живут, вернее, бедствуют? Сегодня ведь ровно месяц, как мы выехали из Воронежа, и вот мы здесь, в прекрасных условиях, а они-то, милые? Чем живут^{II}, чем питаются, вернее, голодают? Боже, сохрани их, спаси от большевистской напасти!»^{III}

На октябрь 1919 г. рыночные цены в Москве были следующими: хлеб нужно было доставать, и стоил он до 150 руб. за фунт (0,4 кг), сахар-рафинад – 500 руб. за фунт, сахар-песок – 200 руб., масло сливочное – 600 руб., картофель – 25 руб. за фунт, молоко – 40 руб. за кружку в полтора стакана^{IV}. В Самарской губернии на январь 1919 г. пуд картофеля стоил по твердым ценам 6,5 руб., на сельском рынке – 10 руб., а на городском – 600–1000 руб.^V (что соответствует октябрьской цене на рынке в Москве). В Пензенской губернии рыночные цены зимой 1919 г. были следующими: пуд ржаной муки – 75 руб., пуд пшеницы – 110 руб., пуд картофеля – 20 руб., фунт растительного масла – 12–16 руб., фунт мяса – 6,5 руб., гусь – 160 руб., кочан капусты – 20 руб.^{VI} В условиях хлебной монополии все, что возможно было изъять в деревне, власть направляла в города и в армию.

На Севере красные в 1919 г. практически не видели белого хлеба. Один из участников событий, попав на Южный фронт, даже сфотографировал белый хлеб на память^{VII}. Другой ветеран Гражданской войны на Севере вспоминал, что на фронте «питание было не вполне удовлетворительно, бывало по неделям приходилось довольствоваться лишь сушеной воблой “кари глазки” да черствым черным хлебом. Но все это перенесли, и сильные идейно одержали полную победу над противником, который был тепло одет и обут и питался великолепно (даже часто не ел свиного сала, а у нас о нем только могли мечтать), но не имел твердой веры в свое дело и не обладал моральной стойкостью в массе»^{VIII}.

Дефицитный хлеб становился настоящей валютой. Как свидетельствовала жена генштабиста В.А. Олохова, «за хлеб в то время можно было все иметь, и дров тебе откуда-то наносят, и могилу выроют»^{IX}. О.И. Олохова вспоминала, что «событием было каждый раз, когда у кого-нибудь можно было хорошо поесть. Слово “хорошо” означало, главное, сытно. Раз у себя, на новой большой квартире, делала “прием” Оля. Наелись свежей вареной картошки и гречневой каши. Не помню, было ли еще что, но знаю, что Володя (В.А. Олохов. – А.Г.) так поел, что должен был отлежаться раньше, чем идти домой. Когда с голодухи съешь, голова кружится»^X.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 180–180об.

^{II} Так в документе.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 7об.

^{IV} NIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.

^V Тишкина А. В. Товары и цены в Советской России... С. 92.

^{VI} Там же.

^{VII} ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 675. Л. 1.

^{VIII} ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 402. Л. 4.

^{IX} Олохова О. И. Мы служили Отечеству. С. 236.

^X Там же. С. 242–243.

Обед в Советской России в 1919 г. мог стоить от 5 до 20 руб.^I По данным записных книжек генштабиста Ф.Е. Огородникова, 11 апреля 1918 г. он потратил в Москве на молоко 1 руб., на 2 яйца — 1 руб. 20 коп., на обед — 4,5 руб., на извозчика — 5 руб. и на билет (видимо, до Ефремова или Ельца) — 19 руб.^{II} В конце апреля еще одна запись о расходах: яйца — 2,25, табак — 18 руб.^{III} В Смоленске в июле 1919 г. служащие штаба 16-й армии покупали молоко по 4 руб. за стакан или по 12 руб. за бутылку, масло — по 90 руб. за фунт, хлеб — по 17 руб. 50 коп., мясо — по 27–30 руб., сметану — по 35–40 руб., творог — по 18–20 руб., картофель — до 5,5 руб. за фунт, перловую крупу — по 23 руб., гречневую крупу — по 28 руб., пучок редиски (7 редисок) — до 1 руб.^{IV}

Питание военспецов-генштабистов, прежде всего, зависело от места их службы. Некоторые регионы считались более благоприятными в отношении возможности достать продовольствие, тогда как в других продовольственный вопрос стоял довольно остро. Например, назначенный помощником начальника оперативного отделения штаба Северного фронта А.С. Хрулев, в рапорте начальнику оперативного отдела штаба фронта от 3 января 1919 г. отметил, что месячный оклад содержания у него составляет 1500 руб., но ранее как помощник начальника штаба дивизии по оперативной части он получал такое же жалованье плюс бесплатный паек. Теперь же за паек и обеды приходилось дополнительно выкладывать по 320 руб. Хрулев писал: «Так как у меня имеется семья, проживающая в городе Петрограде, где в настоящее время продовольственный вопрос достиг уже рокового предела, я, вместо того, чтобы напрячь все силы для поддержания дальнейшего существования семьи, буду обречен на необходимость сократить еще ее бюджет на вышеуказанную сумму». В связи с постепенным ухудшением продовольственного вопроса в Ярославле военспец просил о переводе его в Новгород, положение в котором было лучше^V.

Дочь бывшего генерала В.Н. Егорьева вспоминала: «У папá была большая потребность в сахаре. Он очень любил самый дешевый простой шоколад во все времена своей жизни. Нам, детям, к завтраку часто выдавался шоколад в небольших порциях (все же средства были ограничены) не как лакомство, а как добавочное питание... Сахар папа ел из сахарницы кусками. На фронте его кобуры были всегда наполнены сахаром, а если удавалось, то и шоколадом... Советская власть для него специально выписывала ему сахар; в бытность свою на Южном фронте у него всегда стоял в мешочке сахар, и никто из домашних не трогал этот сахар, а тем более не производились никакие сахарные махинации в виде обмена на другие продукты. Я лично ничего не пила и не ела с сахаром, и мой паек целиком отдавался папе... Грызть сахар я любила, но никогда не воспользовалась ни единым кусочком из его мешочка...»^{VI}

^I 20 руб. стоил обед в столовой штаба 16-й армии Западного фронта в Смоленске в июле 1919 г., в городе можно было получить обед за 5 руб. (постный суп, кусок соленой воблы, пшенная каша, без хлеба) (Архив семьи Снесаревых).

^{II} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 84. Л. 54.

^{III} Там же.

^{IV} Архив семьи Снесаревых.

^V РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

^{VI} ОР РГБ. Ф. 381. Карт. 5. Д. 5. Л. 7.

Начальник оперативного отдела штаба 9-й армии И.В. Яцко в январе 1919 г. обращался к начальнику штаба 6-й армии Н.Н. Петину с просьбой поменаться с кем-либо из штаба 6-й армии по семейным обстоятельствам (семья Яцко жила в Вологде). Рекламируя условия службы, он отмечал, что в Балашове, где приходилось служить, «все в изобилии, и мясо, и хлеб (белого сколько угодно), и проч[ие] продукты»¹. В дальнейшем Яцко действительно перешел в штаб 6-й армии.

Порой в связи с региональными особенностями обеспечения «академики» помимо службы вынуждены были заниматься натуральным обменом дефицитными товарами. Об этом красноречиво свидетельствуют письма В.М. Цейтлина из Москвы, который в первой половине 1919 г. неоднократно просил своего товарища по выпуску ускоренных курсов академии Н.Я. Забегалова, находившегося в Минске, помочь с продуктами, а в ответ искал тому вещи и предметы военного снаряжения — носки, воротники, шпоры и т.д. По-видимому, продовольственное положение в Минске было значительно лучше. К тому же в распоряжении Забегалова был личный вагон, в котором он мог отправлять большое количество продуктов своим знакомым. Письма свидетельствуют об ужасающем продовольственном положении московских военспецов в начале 1919 г., когда в столице Советской России, по сути, не было продуктов даже для ответственных работников.

В письме от 10 февраля 1919 г. читаем: «Глубоко Вас благодарим за присланные спички. Сообщите к следующему разу, сколько следует. Вообще я в этом отношении аккуратен... Был бы Вам очень признателен, Николай Яковлевич, если бы Вы выслали коньяку, водки, чем больше, тем лучше, иногда тоска смертельная, и кроме того, холод зверский. Приехала моя жена и дочь, так что, если будет у Вас возможность выслать крупы, масла или чего-либо в этом роде, буду очень благодарен. Деньги за все посланное будут немедленно уплачиваться посланному»².

Письмо от 27 февраля затрагивает похожие вопросы: «Муку получил, очень благодарен. Конечно, это очень дешево для Москвы, а главное теперь обеспечен хлебом. Деньги вышлю немедленно переводом 1 – 500 р., 2 – остальные. Относительно носков и воротников постараюсь исполнить Вашу просьбу. Беда, что в Москве сейчас абсолютно не ходят трамваи и трудно обделывать свои дела... Если будет возможность, то вышлите как-либо сыру, тут его нет совсем. Очень был бы благодарен также Вам, если купите мне две штуки бритв и карманные часы, рублей так в 150, тут достать нельзя ни за какие деньги, а мои лопнули и не идут»³.

Письмо от 3 апреля раскрывает детали торговых комбинаций военспецов: «Вчера привез муку и деньги для Максимова (меня не застал дома), а сегодня явился второй Ваш посланец. Едет он через ½–2 недели, и с ним я все купленное вышлю. Вполне понимаю, что Вам неинтересно возиться с покупками, но относительно Максимова дело вышло так — когда предвиделась поездка и я просил Теодори передать Вам деньги и письмо, он тоже решил попросить Вас о муке... всего должен был Вам 938, послано 830, осталось 108 р. Купил Вам шесть пар носков по 15 рубл. — 90 р. и академический знак 30 р. Шпоры есть только старые, обещались привезти новые из Петрограда... Завидую вообще Вашей жизни, так как тут

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 74об. – 75.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 180.

³ Там же. Л. 237. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 179–179об.

у нас кошмарная — нет ни газа, ни воды в нашем доме, холод, все безумно дорого, еле-еле сводишь концы. Мука — 1400 р. пуд и трудно достать, хлеб 40 р. фунт, яиц, масла нет совсем. Если будет возможность, буду очень благодарен, если вышлете муки, яиц и фунт шоколаду для дочери^I, теперешние дети живут, бедняжки, без сладкого. Деньги за все немедленно будут уплачены или привезшему, или же высланы по почте (хорошо, что доходят), но только если это Вас не стеснит очень. Если можно тоже[,] сыра голландского, яиц десятка 3–4, сыру фунтов 5, а муки, сколько найдете возможным. Должны нам выдать разницу тысячи 2½, но пока не могу добраться... Я и жена благодарим Вас еще раз за муку, она очень пригодилась, так как сейчас нас много»^{II}.

В письме от 7 апреля Цейтлин вновь просил о продовольственной посылке: «Если будет возможно и Вас не затруднит, вышлите продуктов, каких я писал, т.е. муки, яиц, сыру, фунт-два шоколаду, если не дороже 150 р. фунт»^{III}. В письме от 20 апреля Цейтлин в связи с праздником Пасхи снова затронул вопрос о муке: «Жена в мое отсутствие получила Вами высланные 20 ф[унтов] б[елой] муки и заплатила 150 р. Очень Вам благодарны. Выдали нам также муки с курсов, так что куличи сделали. Не обидели ли Вы только себя, т.к., по словам привезшего, Вы послали свой паек. Мука в Москве сразу колоссально подешевела, пуд 600 р., говорят, очень много муки специально выброшено на рынки, чтобы сбить цены перед праздниками... Чуть не забыл даже, что Пасха, так как она не похожа на прежнюю, только белый хлеб и отличие от будних»^{IV}.

В некоторых случаях межрегиональные продовольственные и товарные комбинации военспецов приобретали масштабный характер, имея целью спекуляцию, и становились предметом расследований. Один из таких инцидентов уже упоминался и связан с попыткой работников ПШ РВСР (включая генштабиста Е.И. Исаева и племянника главкома И.И. Вацетиса Э.И. Вацетиса) вывезти большие запасы продуктов и дефицитных товаров (сахар, масло, мука, горох, конфеты, мед, алкоголь, консервы, сушеные овощи, цикорий-ваниль, чай, кофе, спички, игральные карты, шнурки, туалетная бумага) из Советской Латвии в РСФСР в марте 1919 г.

Иногда обмен производился с местными крестьянами. Так, военный руководитель Западного военного округа бывший генерал Е.З. Барсуков обменял два пуда ржаной муки и воз березовых дров у крестьян на платяной дубовый шкаф и большое трюмо^V.

Бывший военный министр Временного правительства А.И. Верховский, оказавшийся после освобождения из тюрьмы на службе в Казани, писал сестре 27 октября 1919 г.: «Первое впечатление нерадостное. Я думал, что в Казани продовольствие по крайней мере обставлено хорошо, однако на первый взгляд кроме лука и капусты ничего не видно. Молоко 32 руб. против 40 руб. в Москве. В Москве были все

^I Цейтлина Нина Васильевна (11.08.1917–?) — дочь В. М. Цейтлина. По-видимому, умерла в детском возрасте (вычеркнута в послужных списках Цейтлина за 1919 и 1920 гг.).

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 176–176об.

^{III} Там же. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 175.

^{IV} Там же. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 173. Письма опубликованы в: «Настроение корявое, все время аресты...»: Письма военспеца Красной армии В. М. Цейтлина. Февраль — апрель 1919 г. / публ.

А. В. Ганина // Исторический архив. 2023. № 1. С. 42–56.

^V Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 585.

продукты»^I. В другом письме бывший генерал отмечал: «Голода нет, но лишений все же много»^{II}. 10 марта 1920 г. Верховский написал: «В материальном отношении изредка могу купить молока или мяса. Жизнь и в Казани приобретает характер совершенно неистовый в смысле ее стоимости. Сколько ни работай, а все мало»^{III}. Время шло, а положение не менялось. В последнем письме из Казани от 26 апреля 1920 г. Верховский печально констатировал: «Мы здесь просто, как нищие. Ничего нет»^{IV}. С переездом в Москву нищенское существование военспеца продолжалось. 6 июня 1920 г. Верховский сообщал: «Весь день в работе и нигде в буквальном смысле слова выпить стакан чаю и пообедать, ибо столовые не по карману. Хороша обстановочка»^V.

Генштабисты, даже относившиеся к советской военной элите (уровня командующих армиями и фронтами), находились в годы Гражданской войны в тяжелейшем положении в отношении удовлетворения самых элементарных потребностей. В частности, супруга А. А. Самойло — командующего 6-й армией, имевшей статус отдельной, т. е. приравненной к фронту (на эту армию была возложена оборона Советского Севера), — в Москве летом 1919 г. была вынуждена обменять орден мужа (22 награды) на пуд белой муки^{VI}. Возможно, именно тяжелое полуголодное существование было причиной того, что Самойло с членом РВС армии А. М. Ореховым, находясь в Карелии поблизости от передовой, буквально набросились на лужайку с белыми грибами, а затем, опаздывая на совещание, с большим риском повезли добычу вдоль линии фронта, во время этой опасной «операции» Самойло был даже контужен^{VII}. Были моменты, когда на грани голода находилась семья другого видного военспеца С. С. Каменева^{VIII}.

Дочь начальника ПШ РВСР П. П. Лебедева вспоминала: «Время было тяжелое. Люди влачили полуголодное существование. Мы были в лучшем положении: спецов обеспечивали пайком. Мы не нуждались в пшене, в хлебе, даже в сахаре. Правда, селедку на спецпак давали часто ржавую, и мама ее каким-то особым способом обрабатывала, прежде чем подать на стол. Бывало у нас иногда и мясо, и яичный порошок вместо яиц, но в ограниченном количестве. А другие дети этого не знали»^{IX}. Известно также, что сотрудники картографического отдела ВГШ недоедали, кроме того, не хватало топлива для обогрева помещений^X.

Дочь командующего отдельной Западной армией красных А. Е. Снесарева Евгения вспоминала о жизни с родителями в Смоленске в 1918–1919 гг.: «Жили мы на Почтамтской ул. в д. 6, бывшего банкира Шварца; зимой было сурово

^I Цит. по: Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. М., 2014. С. 416.

^{II} Там же. С. 417.

^{III} Там же. С. 421–422.

^{IV} Там же. С. 422.

^V Там же. С. 424.

^{VI} Самойло А. А. Две жизни. С. 190. У белых также возникали аналогичные ситуации. Например, адъютант генерала Я. А. Слащева ездил продавать эфес золотого Георгиевского оружия своего шефа, поскольку не было денег на обед (Сергеев Б. Память о Я. А. Слащеве-Крымском да живет вечно в родном полку // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 30.07 (12.08). № 9. С. 20).

^{VII} Самойло А. А. Две жизни. С. 211.

^{VIII} Каменева Н. С. Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982. С. 62–63.

^{IX} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 46.

^X РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

и холодно, во дворе стояли грузовые машины и страшно ревели, когда их заводили; шоферы жили в первом этаже; там же была кухня и огромная печь, и там мама пекла хлеб, если не выдавали печеного хлеба, но муку. Трудная неделя была, когда совсем не было соли и все казалось таким невкусным и несъедобным¹.

Продовольственный вопрос порой мог влиять даже на управление войсками. Один из работников штаба 4-й армии вспоминал, как работники штаба во время Советско-польской войны добивались изменения пункта его дислокации: «Основной штаб, сидя в Полоцке, слышал про развеселую жизнь в Вильно, богатые запасы вина и продовольствия, про сравнительную дешевизну товаров, с чем уже неизбежно связывалась у каждого мысль о возможности спекуляции, — и все это заставляло рваться чинов штаба в Вильно и опасаться, что можно, если промедлишь, приехать уже к шапочному разбору: все будет реквизировано, съедено и выпито. И вот поэтому все учреждения штаба, имевшие заручку у Реввоенсовета, хлопотали о разрешении выехать в числе первых эшелонов штаба в Вильно, выставляя каждое свою служебную к тому необходимость»².

При расследовании деникинцами службы у красных бывшего генерала Н.А. Жданова его товарищ генерал-майор В.П. Гололобов показал, что в сентябре 1918 г. «был поражен, увидев, что генерал Жданов занимается в маленькой комнатке, вместе со своими секретарями и письмоводителями. Генерал не имел даже письменного стола, а занимался на простом деревянном столе. На какую-либо роскошь не было и намека. Из разговора со Ждановым я убедился, что он тяготился службою большевикам, ругал их и их порядки в присутствии своей канцелярии. Видно было, что у него были все свои люди. Зайдя затем к нему на квартиру, я увидел, что он сильно нуждается, живет в 2^х комнатах и без прислуги. Генерал и генеральша все делали сами, так, при мне... был поставлен самовар»³. Сам Жданов показывал, что «нуждался, ибо жить было не на что. Имение, деньги и вещи в сейфе пропали. Приданое жены при обыске раскрадено (после расстрела большевиками брата жены, захваченного в Ставке генерала Духонина)»⁴. Впрочем, очевидно, случай Жданова был далеко не худшим.

Распродажа или обмен на продукты имущества «бывшими» стали приметой времени. Бывший генерал Э.А. Верцинский свидетельствовал: «Мне приходилось продавать свои вещи... Иногда удавалось вещи обменять на продукты... что было, конечно, выгоднее. Таким образом, мною были проданы: два хороших несесера, в кожаных чемоданах, дамское бобровое боа, 2 веера, кружева, страусовые перья, голландское полотно для рубашек, 2 красивых коробочки (одна — бронзовая, другая — слоновой кости ручной работы), 2 миниатюры Львова, два чайных сервиза, одни настольные часы, одни обыкновенные часы, одна хрустальная ваза, одна шуба, два дамских платья... Затем, так как мой брат живет в Ревеле, где он помощник управляющего таможни, то иногда он мне посылал небольшие посылки с продуктами»⁵.

¹ Архив семьи Снесаревых.

² Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 104.

³ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 11–11об.

⁴ Там же. Л. 48об. Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов. С. 671–760.

⁵ Цит. по: Иллешевич В. Н. Ревельский тракт. Истории о русской Прибалтике. Таллин, 2001. С. 187–188.

Супруга генерала В. А. Олохова вспоминала о жизни семьи в Гражданскую войну в Петрограде: «Мы все скоро почувствовали, что кто не работает, тот не ест, так как одному человеку кормить семью делалось не под силу. Дочки сразу прошли курсы машинисток и поступили на службу. Потом Володе удалось получить лекции на сельскохозяйственных курсах, где начальником был бывший “литовец” [В. А.] Пржецлавский^I, а потом поступил и архивариусом в гос[ударственный] архив. После всех поступила и я в отдел народного образования делопроизводителем. Таким образом, все четверо что-нибудь приносили, кроме меня, у всех были пайки. Я только имела возможность у одной служащей купить хлеба. Полбуханки она продавала за 150 руб. Вот два раза в месяц, получая свою зарплату, я ее и отдавала за эти полбуханки. С отвращением вспоминаю, что все же, когда я приносила этот кусок черного хлеба и делила его, руки дрожали от жадности. Так хотелось этого хлеба. Ничего не было, казалось, на свете вкуснее. Да и конечно — по карточкам хлеба давалось мало, круп тоже, картошка большей частью мерзлая, соленая рыба, сушеная вобла, селедки; все это елось в небольшом количестве, не уничтожая чувства голода и возбуждая жажду хлеба, хлеба и хлеба»^{II}. Перейдя на другую службу, мемуаристка отмечала, что бывала счастлива добыть мужу кусок мяса или сахара^{III}.

Генерал Олохов «по-детски радовался, что я ему на ночь давала немного каши — из ржи. И мы говорили — как дешево можно было прожить, если бы мы знали эту кашу из ржи. Казалась ведь вкусной! Но когда я попробовала ее сварить в сытое время, то она никому не пошла в горло. Удивительно балуешься и как скоро начинаешь привередничать, и делается и то и другое невкусным, и мужья начинают ворчать на однообразие стола. А какую собственноручно дрянь ели с удовольствием в трудные минуты. Раз я получила кислую капусту с червями... какое отвращение... желтые, толстенькие, будто с отрубленными хвостами, копошатся... Ну что же, перебрала, выкинула их и сварила суп. Не знаю, может, для навару надо было варить с ними? Претило. А эта ужасная вобла, которую надо было чистить целый вечер, чтобы начистить довольно на котлеты? А овес и все сложные манипуляции, которые надо было проделать, чтобы из него что-нибудь состряпать? Конечно, всем этим не удивишь перенесших ленинградскую блокаду во время последней войны, но тогда перемалывать и намазывать на хлеб головы селедок и что-то печь из кофейной гущи казалось очень странным»^{IV}. Русский генерал георгиевский кавалер В. А. Олохов, не раз смотревший в лицо смерти на войне, не смог перенести голод, ослабел и скончался в 1920 г.

Лишь переход к НЭПу весной 1921 г. привел к некоторому улучшению жизненных условий изголодавшегося и обнищавшего со времени революции населения.

В антибольшевистском лагере продовольственный вопрос для генштабистов и их близких также обстоял не всегда просто, хотя контролировавшиеся белыми аграрные районы Юга и Востока страны были лучше обеспечены продовольствием,

^I В документе ошибочно — Пржецлавский.

^{II} Олохова О. И. Мы служили Отечеству. С. 234.

^{III} Там же. С. 235.

^{IV} Там же. С. 244.

чем советский центр. Тем не менее известно, что семьи отдельных офицеров голодали¹.

Разумеется, офицеры получали пайки, но в походной жизни с продуктами было трудно. В период 1-го Кубанского похода генерал И.Г. Эрдели записал в дневнике: «Сейчас достали кусок хороший сала. Много ел с удовольствием, это по теперешнем[у] времени лакомство. Сахару у нас совсем нет; оставшиеся кусочки делим и все на вес золота»². В более спокойной обстановке затруднения вызывала дороговизна. В марте 1919 г. тот же Эрдели записал: «Ужасно хочется сладкого чего-нибудь, но все так дорого. Куплю себе изюму (кишмиш) и орехов, это обойдется, кажется, по фунту всего 8 рублей»³.

Генерал М.А. Иностранцев писал знакомой о своем отъезде из Приморья в апреле 1920 г.: «При условиях владивостокского голодания, уже у Вас, — в американском Красном Кресте, — я отдыхал не только душою, но и желудком, поглощая мясо, молоко и прочие деликатесы, которых мы были лишены на нашем мысе Эгершельде по неимению, как говорил один герой [И.Ф.] Горбунова, меновых знаков... В шесть часов, когда берега родины уже давно скрылись из глаз, снова гонг к обеду и опять те же пять или шесть блюд, но с супом, фруктами, конфетами и т.п. Вы не удивляйтесь, что я так подробно останавливаюсь на питании, но припомните, что во Владивостоке мы почти что голодали и потому цивилизованная еда не могла не подействовать на всю нашу психику и, по крайней мере на первых порах, заслонить от нас все другие впечатления...»⁴ На Юге России генерал Е.В. Масловский для обеспечения работников штаба командующего войсками Северного Кавказа питанием организовал кухню при штабе, где готовились обеды и ужины⁵.

Украинский генерал А.В. Осецкий, служивший представителем С.В. Петлюры в Польше, сообщал в мае 1921 г. в частном письме: «Сейчас я живу не как украинский генерал и военный представитель, а хуже нищего. Достаточно сказать, что мы с женой уже месяца три не видели куска мяса. Для своей Неньки Украины я рад отдать не только последнюю сорочку, но и жизнь; для дела готов пухнуть с голоду еще и год.

Но вся беда в том, что не знаешь, действительно ли это делается для добра Украины; что же до дела — то тут уже без ошибки можно сказать, что человек, который вынужден заниматься добыванием хлеба на сегодняшний день и не имеет нескольких сантимов на трамвай, не может импонировать как представитель армии великого украинского народа»⁶.

Продовольственный вопрос в Гражданскую войну стоял чрезвычайно остро. Особенно тяжелым было положение Советской России, где существовал острый дефицит продуктов, прежде всего хлеба. Сложнее было тем, кто не имел службы,

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 128.

² ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 7. Также см. вариант с отличиями по другому оригиналу: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 185.

³ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 239; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 186.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 65. Л. 3–Зоб.

⁵ Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1437 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

⁶ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 121. Л. 116–116об. Перевод наш.

а следовательно, пайка. Военспецы-генштабисты хотя и вели полуголодную жизнь, все же были гарантированы от голодной смерти наилучшим пайком, а их продовольственное обеспечение отличалось от того, на что в среднем могло рассчитывать население (как известно, в условиях голода в некоторых местах доходило и до людоедства). Обстановка осложнялась дороговизной. В ряде случаев выживать помогали продажа или обмен на продукты имевшихся ценностей. Конечно, ситуация была неравномерной по стране. Одни регионы были обеспечены хуже, другие лучше. Это порождало попытки генштабистов переводиться на службу в «сытые» края, обмениваться продуктами и товарами с сослуживцами из других регионов, заниматься спекуляциями. В отличие от обычных крестьян-мешочников у генштабистов в некоторых случаях имелись возможности для масштабного вывоза продуктов, например, если в их распоряжении имелся персональный железнодорожный вагон.

§ 6. Жилищные условия и имущество

Чудовищными были условия быта советских генштабистов, в том числе непосредственно на службе. Весной 1918 г., после переезда военных учреждений из Петрограда в Москву, многие военспецы жили прямо в вагонах, лишь со временем быт служащих центрального аппарата стал налаживаться.

М.М. Загю вспоминал, что управление ВОСО Ставки из Могилева в первой половине 1918 г. перемещалось в Орел, Липецк, Муром, а затем в Москву. За пять месяцев сменили пять городов. «Самые условия переезда, при крайне ограниченных средствах передвижения, при чрезвычайной напряженности и недоброжелательном отношении местных властей, были до чрезвычайности затруднены. Постоянные сборы к отъезду и развертывания управления при переезде, отнимавшие каждый раз не менее 10 дней, не давали наладить сколько-нибудь плодотворную работу.

Если к этому прибавить еще стремление на местах захватить имеющиеся при управлении технические средства связи — автомобили, мотоциклы, телефоны, телеграфные аппараты, провода и прочее, — сопровождавшееся всегда угрозой произвести насилие, и принимая во внимание, что абсолютно никакой охраны при управлении не было и отстаивать независимость управления приходилось только уговорами комиссара и моими, то станет ясным то нервное напряжение служащих и та кошмарная обстановка, в которых приходилось работать в течение этих 5 месяцев»¹.

В Москве «помещение оказалось чрезвычайно тесным и неудобным, но думать о другом помещении не представлялось возможным ввиду полного отсутствия в то время свободных помещений в Москве. Несмотря на то, что сюда заранее были командированы квартирьеры, по крайней мере две трети служащих, что составляло до 280 служащих, не считая семей, оказались без квартир и принуждены были оставаться в вагонах тех 3-х поездов, в которых мы приехали. Окончательное размещение служащих по квартирам было не ранее половины сентября.

¹ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 114. Л. 33об.-34.

Условия жизни, в которых оказались служащие в Москве, были чрезвычайно затруднительны: отсутствие квартир, отдаленность вокзала, где они проживали в вагонах, отсутствие продовольствия, затруднительность сообщения, все это заставляло отвлекаться служащих от прямого своего дела и большую часть времени посвящать заботам о своей личной жизни»^I.

Когда в июне 1918 г. ВВС перевели из Москвы в Муром, сотрудники оказались оторваны от семей и вынуждены жить на два дома, что при дороговизне было непосильно. В Муроме реквизировали помещения без обстановки и сами обзаводились всем необходимым. Обратный переезд в июле 1918 г. повлек новые расходы, так как сотрудники уже обосновались на новом месте, а теперь должны были все бросать и нанимать подводы для перевозки семей и имущества»^{II}.

На фронтах высокопоставленные работники жили в вагонах на железнодорожных станциях. Если необходимость жить в вагоне отсутствовала, жили при штабах. Генштабист А. А. Самойло вспоминал о своем прибытии на Север России весной 1918 г.: «Архангельск встретил нас на первых порах неприветливо и в смысле погоды, и в смысле элементарных бытовых удобств. Мы были помещены в здании бывшей гимназии, в огромном зале, заставленном ученическими партами. Неважным было и отношение к нам как к работникам нового штаба»^{III}. Самойло имел в виду отношение со стороны одного из руководителей Архангельского губисполкома 28-летнего пламенного революционера П. Ф. Виноградова, который воспринимал военспецов с явным недоверием.

Бывший генерал Ф. Е. Огородников летом 1919 г. поселился в Смоленске и написал: «Отчаянно грязный вонючий номер, с двумя койками... В остальном условия жизни очень хорошие»^{IV}. Другой бывший генерал, А. И. Верховский, в Казани в октябре 1919 г. с большим трудом смог получить комнату без света, работать приходилось, сидя с нелегально купленной свечой»^V.

Командировки отдельных генштабистов отличались драматизмом. Если высокопоставленные и приближенные к военному и партийному руководству начальники могли позволить себе комфортабельные поездки в собственном вагоне или даже в элитном салон-вагоне, как у главнокомандующего^{VI} (еще один элемент начинавшегося номенклатурного расслоения советского общества), то простые, не имевшие никаких привилегий военспецы находились в совсем ином положении. Так, сотруднику Высшей военной инспекции С. К. Сидоровнину в 1918 г. приходилось ездить по командировкам почти исключительно в конских вагонах, а в одну из поездок пришлось три недели жить в совершенно пустой комнате без стола и стула^{VII}. Не выдержав таких условий, Сидоровнин просил откомандировать его от инспекции на другое место службы.

^I Там же. Л. 34. Публикацию документа и другие материалы см.: Ганин А. В.хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 33.

^{III} Самойло А. А. Две жизни. С. 215.

^{IV} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

^V Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. С. 416.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 621.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 207об.

Генштабисты оперативного отделения штаба 16-й армии в 1919 г. были вынуждены работать в неотапливаемом помещении^I. Такая же ситуация сложилась и в Академии Генштаба РККА, причем заготовкой дров занимались сами слушатели академии. В первой половине ноября 1918 г. средняя температура в личной канцелярии начальника ВГШ составляла 11,5–12 градусов^{II}. В оперативном отделе Оперативного управления ВГШ в июне 1918 г. остро не хватало пишущих машин, необходимых для нормальной работы отдела^{III}.

Служащие центральных учреждений в Москве и работники окружных штабов жили на квартирах, в том числе коммунальных. В частности, соседями по коммуналке недалеко от Гранатного переулка в Москве были братья Раттэли и В.Н. Клембовский^{IV}. По данным на 1921 г., бывший генерал-майор С.Н. Савченко с семьей жил в Москве на квартире вместе с другим бывшим генерал-майором А.М. Мокульским^V. Некоторые сотрудники жили в гостиницах. Так, слушатели Академии Генштаба РККА в ноябре 1919 г. жаловались, что в гостинице «Ливада» 136 комнат, в том числе 20, требующих ремонта, но 40 лучших номеров заняты работниками ВГШ^{VI}.

О том, какой метраж приходился на генштабистов и членов их семей, полных данных нет. Порой жили в тесноте, в других случаях условия были более приемлемыми. Например, семья В.Н. Гатовского, состоявшая из него самого (на фронте), супруги, двух сыновей, двух дочерей и двух человек прислуги, на декабрь 1918 г. занимала четыре комнаты^{VII}. Семья не подлежала выселению в связи с тем, что ее глава был командирован на фронт^{VIII}.

За жилье приходилось платить. Так, служащие штаба ВВС в 1918 г. платили за жилье до 20% содержания, и это считалось приемлемым^{IX}. Бывший генерал В.П. Муратов в октябре – ноябре 1918 г. платил за квартиру 130 руб. в месяц, в мае – июне 1919 г. платить приходилось уже 195 руб.^X

Реквизиции и уплотнения стали обыденностью. Местные власти могли выселить семью генштабиста, находившегося на службе в РККА. Так случилось в 1918 г. в Нижнем Новгороде с домохозяевами начальника штаба 11-й стрелковой дивизии И.И. Граужиса^{XI}. Военспецы нуждались в защите и обеспечении минимальных потребностей, необходимых для нормального несения службы, в уверенности за благополучие родных. В первой половине октября 1918 г. у матери сотрудника ВГШ В.В. Ступина была реквизирована последняя комната, несмотря на имевшееся удостоверение Воронежского губвоенкомата, что она – мать советского служащего. 68-летней женщине предложили поселиться на кухне, ее пенсия составляла всего 130 руб. Начальник ВГШ А.А. Свечин 20 октября 1918 г. потребовал от председателя

^I РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 374.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 163.

^{IV} Сообщено автору внучкой падчерицы В. Н. Клембовского В. В. Степановой (Москва).

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 332об. – 333об.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

^{VII} РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 51.

^{VIII} Там же. Л. 52.

^{IX} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 182.

^X РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–7.

^{XI} РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1567. Л. 61об.

исполкома Воронежского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не уплотнять мать военспеца^I. В итоге комнату вернули^{II}.

Для устранения риска утраты жилья или имущества приходилось запасаться различными охранными грамотами и удостоверениями. Сотрудник ВГШ бывший генерал С.К. Сегеркранц с ноября 1918 г. имел удостоверение, что он не подлежит выселению из занимаемой квартиры^{III}. Аналогичное удостоверение имел служивший там же бывший генерал Д.А. Долгов^{IV}. Оба жили в доме 8 по Пименовской улице. Удостоверения понадобились по конкретному поводу: военспецов явилась выселять 109-я рабочая дружина^V.

Уже упоминавшийся начальник Главного управления военно-учебных заведений В.П. Муратов обладал целым рядом такого рода документов. В августе 1918 г. он получил удостоверение о том, что его квартира не подлежит обыску^{VI}. В октябре 1918 г. он получил удостоверения Военно-учебного управления ВГШ о том, что мебель военспеца не подлежит реквизиции, а сам он нуждается в отдельном кабинете для занятий^{VII}. 1 августа 1919 г. датировано удостоверение Муратова, выданное главным комиссаром Военно-учебного управления ВГШ о том, что занимаемая им квартира «уже уплотнена еще двумя семьями и уплотнению и реквизиции вещей, продовольствия и продуктов не подлежит... В случае необходимости обыска по причинам общего характера прошу отнестись к тов. Муратову и его семье с должным доверием»^{VIII}. Удостоверения периодически приходилось обновлять. В июле 1920 г. Муратов вновь обзавелся бумагой о том, что ему нужен кабинет для работы и приема посетителей на дому^{IX}, а в ноябре 1920 г. получил бумагу о том, что ему нужна отдельная комната, в том числе для секретности^X. В 1921 г. Муратов получил удостоверения о том, что нуждается в добавочной комнате помимо нормативной жилплощади^{XI}. Судя по всему, военспеца на протяжении всей Гражданской войны упорно пытались лишить одной из комнат, в связи с чем приходилось постоянно бороться за свои права. Наконец, 9 апреля 1921 г. Муратову было выдано удостоверение (охранная грамота) за подписью начальника всех военно-учебных заведений Д.А. Петровского о том, что его квартира не подлежит уплотнению семьи и принудительному переселению или выселению. Реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды) воспрещались. При особой в них нужде право реквизиции принадлежало особой комиссии в составе председателя губисполкома, губсовнархоза и губпродкома при условии уведомления центральных властей^{XII}. Удостоверение было отпечатано типографским способом.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 43.

^{II} Там же. Л. 612.

^{III} Там же. Л. 580.

^{IV} Там же. Л. 613.

^V Там же. Л. 614.

^{VI} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

^{VII} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 13–14.

^{VIII} Там же. Л. 16.

^{IX} Там же. Л. 17.

^X Там же. Л. 18.

^{XI} Там же. Л. 19–20.

^{XII} Там же. Л. 21.

Следовательно, ГУВУЗ так защищал многих своих сотрудников. В общей сложности Муратов занимал на 1921 г. три комнаты. Новые охранные удостоверения на жилье он получил в 1922 г.^I

В отношении отдельных военспецов большевистское руководство проявляло порой настоящую заботу, в том числе в жилищном вопросе. Например, Л.Д. Троцкий потребовал через ПШ РВСР в июне 1920 г. от командующего армиями Кавказского фронта В.М. Гиттиса обеспечить В.Н. Клембовского квартирой и другими видами довольствия, чтобы тот не испытывал затруднений^{II}.

Некоторые, как, например, близкий к власти бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, довольно оперативно решали бытовые проблемы с помощью административного ресурса. Сохранность имущества Бонч-Бруевича, оставшегося с 1914 г. в Чернигове, вызвала беспокойство. Тем более что домашние вещи бывшего генерала в мае 1919 г. были реквизированы. М.Д. Бонч-Бруевич сообщил об этом своему брату Владимиру — управделами СНК, а тот пожаловался председателю СНК В.И. Ленину. В.Д. Бонч-Бруевич 8 мая 1919 г. сообщал брату об итогах этой жалобы: «6/V-[19]19 г. мною было доложено председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г[ороде] Чернигове. Председатель Совета народных комиссаров тотчас же распорядился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целости Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому Исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-[19]19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: “Распоряжение Черниговскому Исполкому о сохранении в целости вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич[а] сделано. Предсовнаркома Раковский”. Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»^{III}. Более того, председатель СНК УССР Х.Г. Раковский поспешил дополнительно телеграфировать Ленину и Бонч-Бруевичу 23 мая 1919 г.: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрачено непроизводительно»^{IV}. Впрочем, Бонч-Бруевич позднее утверждал, что имущество все-таки пропало^V.

Однако на столь высокое заступничество мог рассчитывать из всех военспецов-генштабистов, наверное, только один Бонч-Бруевич, тесно связанный с большевистским руководством. Этот пример свидетельствует о зарождавшемся в советских условиях неравенстве военспецов — когда у представителей власти появлялись любимчики, приближенные, выдвиженцы, на которых не распространялись общие для остальных законы и подходы. Очевидной привилегией было и то, что, по данным на декабрь 1918 г., Бонч-Бруевич жил и работал в Кремле^{VI}.

Без высокой поддержки результаты прошений могли быть прямо противоположными. Так, бывший генерал Ф.Е. Огородников 14 июля 1921 г. писал неустановленному лицу по поводу реквизированных вещей: «Невзирая на ходатайство

^I Там же. Л. 24–25.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.

^{III} РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

^{IV} Там же. Л. 6.

^V Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 329.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 512.

Рев[олюционному] воен[ного] совету Зап[адного] фронта и Вашу любезную поддержку, мне не удалось получить ничего, кроме части книг. Не оказалось многих самых нужных военных книг, моих заметок, рисунков и фотографий со времени пребывания в Китае и на Дальнем Востоке.

В настоящее время моя жена хлопочет, чтобы взамен реквизированной обстановки, посуды, утвари, белья, платья и пр. было выдано необходимое для существования нашей семьи, которая, кроме меня, состоит из моей жены, двух сыновей и сестры жены. Мы остались с тем, что было взято с собой в 1914 году на театр войны, но, конечно, многое растеряно, утрачено, пришло в негодность, а приобрести теперь нет возможности»^I.

В декабре 1920 г. вернувшийся в Петроград из длительной командировки по заданию НКВД в Китай и США бывший генерал А. С. Потапов с удивлением обнаружил, что в его пятикомнатной квартире на Каменноостровском проспекте поселились другие люди, пользовавшиеся его вещами. Часть вещей была разграблена, письма покойной жены Потапова использовались жильцами для растопки «буржук». Лишь вмешательство НКВД, зафиксировавшее то, что «деятельность Потапова признана советской властью крайне полезной», позволило бывшему генералу вернуть часть имущества и некоторое время прожить в квартире до переезда в Москву»^{II}.

Начальник оперативного отдела ВГШ бывший генерал-майор Н. В. Пневский, несмотря на неоднократные просьбы, на октябрь 1918 г. жил в квартире без плиты. Металлических плит в продаже не было, а на установку кирпичной нужно было получать разрешение»^{III}. Военспец В. М. Цейтлин, служивший в Москве, жаловался товарищу по выпуску из академии Н. Я. Забегалову в письме от 7 апреля 1919 г.: «В общем не жизнь, а малина, газа нет, воды нет, дров нигде не найдешь, воз — 1000 рубл., по-моему даже не обидно от тифа эвакуироваться в лучший из миров»^{IV}.

На местах бытовые условия, как правило, обстояли хуже, чем в центре. К примеру, даже в подмосковном Серпухове, где в 1918–1919 гг. находился в ПШ РВСР, в зимнее время температура в квартирах сотрудников опускалась ниже нуля, а для отопления требовался запас дров»^V. Впрочем, в 1919 г. у работников ПШ РВСР случился конфликт с местным советом, поскольку генштабисты защищали своих квартирных хозяев и, по мнению местных представителей, жили в сравнительно приемлемых условиях, тогда как серпуховские рабочие мерзли и голодали»^{VI}. В красном Архангельске, центре Беломорского военного округа, летом 1918 г. наблюдались дороговизна, квартирный кризис, отсутствие продуктов. Наряду с перегруженностью работой, все это вынуждало «служащих штаба и управление округа массами покидать службу»^{VII}.

^I РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–1об.

^{II} Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 94; Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы: социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016. С. 158, 160, 164.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 474.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 175.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 188.

^{VI} РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 106. Л. 128–130об.

^{VII} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 39.

О тяжелейших бытовых условиях писал старший делопроизводитель отчетно-организационного отдела Организационного управления ВГШ В.Г. Сухов. Получив предписание отправиться на фронт, он обратился 2 января 1919 г. к начальнику отдела с рапортом: «Имея на своем иждивении семью в 8 человек (жену и 7 человек детей в возрасте не старше 13 лет, из них 6 сирот от первого мужа жены, убитого на войне), я, служа в Москве, был в крайне тяжелом материальном положении, тем более что принужден жить на два дома, так как в моей просьбе об отводе для меня в Москве хотя бы самой маленькой квартиры в 2 комнаты с кухней мне жилищная комиссия отказала и семья моя ютилась до конца ноября в одной холодной (летней) избе д[еревни] Чернобаево Вяземского уезда. В ноябре, заручившись бумагой за подписью начальника и комиссара Оперативного управления, я попытался устроить семью в двух комнатах дома отца жены близ д[еревни] Чернобаево, но, к сожалению, этим не только не улучшил, а еще более ухудшил ее положение до самых грубых и жестоких издевательств включительно, о чем, дабы еще более не ухудшить положение, я считаю более благоразумным молчать. Ввиду таких обстоятельств я решил обратиться с просьбой о переводе меня в провинцию – в один из окружных штабов или на командные курсы заведующим обучением, чтобы иметь возможность вывезти к себе семью; в отделе по службе Генерального штаба я узнал, что на подобный перевод я рассчитывать не могу; тогда я просил указать, не найдется ли какая-либо тыловая должность на фронте, связанная с продолжительными стоянками на одном месте; мне была указана должность начальника дежурства в Арзамасе вместо Генерального штаба Корсуна, о назначении на которую я и обратился к Вам с просьбой... Принимать же должность в штабе армии я не имею возможности не только по обстоятельствам, связанным с нуждой моей семьи, с чем, быть может, не положено считаться, но и по состоянию своего здоровья, которое зимой, как это есть теперь, временами совершенно лишает меня возможности работать, что может быть засвидетельствовано медицинской комиссией»¹.

Назначенный на должность для особых поручений при начальнике штаба 6-й армии А.Н. Леонов не мог 15 июля 1919 г. выехать к месту назначения из Ярославля за отсутствием обуви и шинели². По этим же причинам в феврале 1919 г. не мог выехать в штаб Северного фронта освободившийся из-под ареста генштабист В.А. Ивановский. Последний сообщал начальнику отчетно-организационного отдела ВГШ 19 февраля 1919 г.: «Доношу, что выехать с получением сего предписания в штаб Северного фронта не имею никакой возможности за отсутствием одежды, а главное обуви. За время нахождения моего под арестом у меня украли шинель, и я теперь хожу в старой порванной шинели, которую носил 4 года на фронте; крепких же сапог не имею совершенно и хожу в настоящее время в чужих валеных сапогах.

Выехать по назначению буду иметь возможность, как только достану себе что-нибудь теплое и починю сапоги. Генерального штаба Владимир Александрович Ивановский»³. У арестованного Н.Н. Доможирова при обыске в августе 1919 г.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 216–217.

² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 245.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 44об.

изъяли старое офицерское пальто. Утрата была столь чувствительной, что он даже пожаловался на это в Особый отдел ВЧК И.П. Павлуновскому: «Зачем же, Иван Петрович, лишать последней одежды, это же жестоко. Теперь это стоит таких денег, каких я никогда не смогу заработать»^I.

Бывший генерал Е.З. Барсуков, служивший весной 1918 г. помощником военрука Западного участка отрядов завесы, ходил в поношенной гражданской одежде, причем рассчитывал, что такой демократический вид поможет избежать эксцессов при столкновениях с революционными солдатами^{II}.

Бывший полковник В.Г. Козаков 13 ноября 1918 г. подал рапорт на имя начальника Оперативного управления ВГШ об отпуске для устройства семьи, привоза обуви и белья. По-видимому, по тем временам такие просьбы никого не удивляли, и отпуск был разрешен^{III}.

Арест военспеца мог обречь на голод его близких. Например, 67-летняя больная и нетрудоспособная мать отчисленного от должности и арестованного бывшего подполковника П.Н. Петрасевича писала известному большевику А.Г. Белобородову: «Прошу Вас ускорить рассмотрение дела моего сына, чтобы мне не умереть с голоду, тем более что я считаю его арест сплошным недоразумением»^{IV}.

При этом рамки дозволенного в условиях повсеместного дефицита оказывались достаточно узкими. Когда командующий 6-й армией А.А. Самойло заказал себе кожаную куртку, член РВС 6-й армии А.М. Орехов осудил его за расточительность^V.

Если бытовые условия оказывались выше среднего, незамедлительно появлялись многочисленные «бедные родственники» и приживалки. К примеру, вместе с семьей начальника ПШ РВСР П.П. Лебедева (семь человек) жили семья сестры его супруги (пять человек), еще одна сестра супруги, племянница супруги с дочерью, другая племянница, племянник самого Лебедева, кормилица с семьей (три человека) и подруга дочери Лебедева – всего 21 человек^{VI}. Оригинальную обстановку дополняли носившиеся по квартире кошки, собаки и ручной медвежонок, подаренный кем-то из командиров. Дочь Лебедева именovala квартиру «странноприживальческим домом». Ходила шутка, что у Лебедевых на квартире могли потеряться солдат с лошастью, и никто бы их не нашел^{VII}. Похожая ситуация была в доме у главкома С.С. Каменева на Смоленском бульваре, где все время жили друзья и знакомые. В аналогичных условиях жила семья Снесаревых на Воздвиженке. Дочь Снесарева, Евгения Андреевна, вспоминала: «В большой комнате постоянно кто-то жил: с сентября по декабрь 1921 г. – Комаровы, тетя Кая и дядя Яша. Почти одновременно приехала Верочка Костенко, она прожила года 2–3, но в комнате с нами. Потом, кажется в 1923 г., из Острогжска приехал Тоник Тростянский поступать в Энергетический институт. Году в 1922 или 1923 там жили Бобрышovy, Александра Митрофановна и Иван Иванович, пока не нашли работу и комнату... Им на смену приехала ее племянница – Ольга Михайловна

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 88об.

^{II} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 577.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 133. Л. 73.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 39об.

^V Самойло А. А. Две жизни. С. 246.

^{VI} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 48–50.

^{VII} Там же. С. 51.

Кареева с мужем Львом Михайловичем и сыном Игорем. Эти прожили дольше... пока отец с матерью искали работу... они жили за ширмами в большой комнате.

Помню еще Александра Викентьевича Малиновского и Александра Илларионовича Гейхроха, оба артиллеристы, периодически ночевавшие там, а также Федю Ростопчина, студента ин[ститу]та востоковедения. У них, по-видимому, сложно обстояло дело с жильем. В 1925 г. там жилал Гриша Капнист (приехал из Судака). Потом он отделал себе совершенно темную каморку в коридоре между нами и Бесядовскими и зажил уже независимо.

Рядом с нами (далее по коридору-прихожей) жил К.И. Бесядовский с семьей, его жена — Елизавета Иосифовна и две дочки — Леля, старшая, и Муха (Маруся) на год старше меня; у них дневал и ночевал двоюродный их брат Вока Торстенсен (ныне артист театра им. Пушкина)^I. При этом сама семья Снесарева, проживавшая в квартире, на начало 1920-х гг. насчитывала девять человек.

Порой спасала взаимовыручка генштабистов. К примеру, вр.и.д. военного руководителя ВВС Н.И. Раттэль и остававшийся за начальника Организационного управления К.И. Бесядовский 3 сентября 1918 г. просили домком дома 1 по Борисоглебскому проезду (Елоховская площадь) принять меры к охране имущества генштабиста Н.Г. Семенова, командированного ВВС по делам службы^{II}.

Генштабисты, не имевшие службы, могли перебраться в деревню, где было лучше с жильем, продуктами и дровами. Например, в 1918 г. так поступил бывший генерал В.Н. Минут, поселившийся у себя в усадьбе и живший на скромную пенсию и эмеритуру (капитал, формировавшийся из обязательных отчислений во время службы), урезанную новой властью^{III}. На приусадебных двух десятинах земли генерал сам косил, убирал сено, молотил, веял, рубил и колол дрова. Кроме того, он занимался починкой часов, замков, граммофонов, переплетными работами. За работу брал оплату не деньгами, а продуктами. Впрочем, в деревне в результате систематического выкачивания из нее властями хлеба также порой возникал голод. Кроме того, могли возникать сложности во взаимодействии с крестьянами.

Боевые действия могли вести к потерям имущества. Так, бывший генерал-майор Н.П. Сапожников, находясь под арестом в Бутырской тюрьме, жаловался в 1920 г., что «в сентябре 1919 года белые заняли Орел и, прежде всего, комендант Сиверс разграбил мою квартиру. Об этом известно члену Ц.К.П.^{IV} т. [Л.П.] Серебрякову, это же знает и мой комиссар»^V. Сапожников также утверждал, что «белые при занятии г[орода] Орла разграбили мою квартиру в первую очередь»^{VI}. Если верить такой версии событий, квартиру военспеца ограбили чуть ли не целенаправленно.

Генштабисты страдали и от криминализации страны. Так, у помощника начальника 3-го отдела управления ВОСО Южного фронта Д. А. Мельникова 11 февраля 1919 г. в трамвае в Москве был похищен бумажник с семьей с половиной тысячами рублей, включая пять тысяч казенных, а также мандаты. Обокрадена была и жена Мельникова, а затем пропал его багаж. Положение военспеца было

^I Архив семьи Снесаревых.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 91.

^{III} Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 124.

^{IV} Очевидно, ЦК партии.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 84об.

^{VI} Там же.

настолько отчаянным, что он решился написать о своем несчастье В.И. Ленину. В обращении он писал: «Человек я положительно бедный и к тому же обременен большой семьей. К этому я должен добавить, что матерьяльные неудачи роковым образом и незаслуженно повторяются со мной уже не в первый раз... С первых дней переворота я охотно и добровольно служу советской власти, по мере моих сил был ей полезен, за что всегда пользовался ее доверием... вычет из получаемого мной скромного содержания означенной суммы для меня был бы положительно непосильным бременем»¹.

Похожий случай произошел с состоявшим в распоряжении главкома В.Н. Егорьевым, который сообщал начальнику Штаба РВСР 24 сентября 1918 г.: «23 сентября, отправившись в военно-хозяйственный надзор высшего военно-хозяйственного совета для сдачи денег и отчетности, имевшихся у меня по должности военного руководителя Западного участка отрядов завесы, я между 16 и 20 часами в районе Новинского бульвара, Смоленского рынка и Брянского вокзала потерял (вероятно, украли при следовании моем в трамвае) один из свертков, в котором был бумажник с 5519 рублями 99 копейками и четырьмя расписками на сумму 800 108 руб. 60 копеек (расписки уже восстановлены, т.к. заключались в получении от меня денег военным комиссаром Западного района обороны [А.М.] Пыжевским, находящимся в Москве).

Означенная потеря (или кража) – не есть следствие рассеянности или небрежности, а являются результатом моего переутомления, мешающего мне непрерывно координировать сложные явления.

Прошу Военно-революционный совет республики, во внимание к моей 35-летней службе, полной забвения себя самого и даже своей семьи,

1) Или простить мне этот долг, имея в виду, что казна в свою очередь мне должна около 18 000 рублей за потерю моего имущества в Черногории, но коих получить, вероятно, не придется.

2) Или рассрочить его вычетами из моего жалованья по одной его трети, начиная от возвращения меня из отпуска.

Если оба эти решения неприемлемы, то я могу уплатить долг из только что полученных мною вперед за 4 месяца 6000 рублей, но тогда в отпуск будет ехать не на что и семья моя, совершенно избедствовавшаяся, уж не знаю как будет жить. В. Егорьев»²

Резолюция на документе вполне показательна: «Предлагаю сумму потери простить ввиду честной и непрерывной службы Егорьева на пользу Советской России. Глав[но]к[омандующий] Вацетис, Данишевский». На обороте комментарий Данишевского к первому пункту документа: «Мотив этот (п. 1) не выдерживает никакой критики. Дан[ишевский]»³.

Во второй половине августа 1918 г. злоумышленники вскрыли и ограбили петроградскую квартиру бывшего генерала Е.А. Искрицкого, который на несколько дней уехал в Старую Руссу – к месту службы начальником 2-й Новгородской дивизии. Перечень похищенного передает атмосферу того времени. Воры взяли

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 29–30.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 80–80об.

³ Там же.

несколько пар мужских и женских ботинок и сапог, три костюма, 7 пар брюк, несколько военных костюмов, коллекцию старинных серебряных рублей начиная со времен Ивана Грозного, дамское белье, кухонную посуду, чемодан, дорожные несесеры, конфеты, печенье, чай, сахар, 700 папирос, 4 бутылки вина и несколько тысяч рублей^I. Шкафы, сундуки и ящики были открыты или взломаны, вещи разбросаны в беспорядке. Общий ущерб Искрицкий оценил примерно в 25 000 рублей.

Произвол творили и представители власти. Так, сотрудник ВГШ В.В. Ступин в октябре 1918 г. был задержан дежурным сотрудником ЧК, причем отобрано и не возвращено было 1850 руб. личных денег^{II}.

Характерное свидетельство о тяжелом положении военспеца оставил в 1931 г. бывший штабс-капитан С.С. Ивановский: «Никакого движимого и недвижимого имущества никогда не имел и не имею, в настоящее время из личных вещей имею белье и одежду в необходимом количестве и велосипед, все остальные домашние вещи тоже в весьма незначительном количестве остались у бывшей жены... Во время самой [Гражданской] войны я был поглощен всецело в работу, был среди выдержанных товарищей, всякие лишения на меня не производили никакого впечатления. После же Гражданской войны... мне приходилось все время думать о добыче питания для семьи. Я починал обувь, жена шила туфли и платья, затем я нанялся сторожем охранять магазины. Со стороны бывшей жены я часто слышал упреки из-за недостатков и пр. Затем в дальнейшем в Харькове положение мое было тоже не из хороших, как в смысле жилой площади, так и по материальным условиям, мог жить только на жаловании, вещей для продажи не имел, зарабатывать было негде. С большим сожалением вынужден был согласиться на продажу наградных часов [от РВСР] за боевую деятельность, к счастью, их не купили. У меня никто не мог бывать»^{III}. Жены части военспецов не работали, занимаясь домашним хозяйством и воспитанием детей. Например, супруга начальника ПШ РВСР П.П. Лебедева полностью обшивала детей, причем шила даже пальто и обувь^{IV}.

В антибольшевистском лагере жилищный вопрос генштабистов в Гражданскую войну оставался непростым. Окраины, на которых разворачивалось антибольшевистское движение, оказались наводнены беженцами, что значительно осложнило поиски жилья и усугубило бытовые условия для приехавших. Многие генштабисты белых и национальных армий перебирались в районы формирования этих армий издалека и не имели не только жилья, но часто вообще ничего. При освобождении родных мест от красных некоторые стремились туда вернуться. Показательна телеграмма генерал-майора И.И. Козлова начальнику штаба Сибирской армии генерал-майору Б.П. Богословскому в мае 1919 г.: «Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Город Казань, вероятно, войдет в сферу действий Сибирской армии. Я служил до большевиков в штабе Казанского округа с лишком два года, там я потерял все свое имущество, выйдя из своей квартиры [с] семьей буквально в чем были. Мне бы очень хотелось с освобождением Казани получить там соответствующую должность, например, начальника военного

^I Архив семьи Глезаровых (Москва). Документы переданы на хранение в РГВА.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 29–30.

^{IV} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 53.

административного управления или начальника округа, когда таковой образуется, я не знаю, какой вид примет управление занятой территории, почему указываю должность лишь например. Главное мое желание служить в Казани, которую и я знаю, и казанцы меня знают. Прошу не отказать [в] уведомлении меня, могу ли я рассчитывать на какое-либо подобное назначение»¹. Однако «казанским» планам генерала Козлова не суждено было осуществиться. Город белые в 1919 г. так и не взяли. Как следствие, Козлов продолжал служить в Омском военном округе.

Командующий Донской армией белых генерал С.В. Денисов в 1918 г. жил в Новочеркасске в двух комнатах дома своей сестры, начальник штаба генерал И.А. Поляков с семьей из пяти человек ютился также в двух комнатах, которые снимал в частном доме по высокой цене. В конце концов, Поляков переехал в другую квартиру².

Служивший в Донской армии генерал В.А. Замбржицкий описал в дневнике в январе 1919 г. бытовую сторону жизни в станице Каргинской: «В Каргине тяжело было и в нашей домашней обстановке: все вещи остались в Вешках, мы при поспешном отъезде ничего оттуда не успели взять, а тут, как назло, холода страшные наступили, и детишкам даже укрыться нечем. Отвели нам нетопленое помещение у старика-казака, жена которого (молодая) все время ворчала, что мы и топим, и сидим на стульях, и самовар ставим, и с тарелок едим, и на подушках ее спим, а ведь печь портится, стулья изнашиваются, труба в самоваре от лишней топки прогорает, тарелки бьются, подушки трутся... И топить-то нечем, дров не достанешь, так что мы сидели одетые в пальто... Если к тому же добавить, что комната наша служила и кухней, и столовой, и моим служебным кабинетом, и приемной, и детской, и спальней, в которой порой собиралось до 10–15 офицеров, то можно себе представить, в каких тяжелых условиях протекала наша работа»³.

Особенностью жилищного вопроса генштабистов белого лагеря являлась частая вынужденная смена места жительства, связанная как с походной жизнью, так и с переменами обстановки в Гражданской войне и неудачами белых. Если военспец-генштабист мог всю Гражданскую войну прожить на одном месте, например, служа в Москве, то белые регулярно меняли города и квартиры. Упоминавшийся выше генерал И.А. Поляков, например, встретил большевистский переворот на Румынском фронте в городе Ботушаны. С фронта он уехал в Киев, а затем в усадьбу матери невесты под Киевом, после чего с немалыми трудностями добрался до Новочеркасска. Там он разместился в общежитии, затем жил в частном доме. Когда пришли красные, перешел на нелегальное положение и скрывался в разных местах города, сменив не менее четырех квартир. Позднее, после того как казаки-повстанцы весной 1918 г. ненадолго заняли город и оставили его, жил в станицах, а затем вместе с казаками вернулся в Новочеркасск.

Очень сложными были жилищные условия в столице белого Юга — Екатеринодаре. В 1918 г. город был переполнен, даже высшие чины армии ютились

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 68. Л. 233.

² Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 417–418.

³ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 106.

по реквизированным комнатам вместе с семьями^I. Начальник штаба Добровольческой армии генерал И.П. Романовский до осени 1918 г. жил в вагоне, так как не мог найти квартиру^{II}. Иногда генштабисты кооперировались и снимали жилье вместе. Например, подполковник Д.Н. Тихобразов по прибытии в Екатеринодар не имел пристанища. Ему сдал комнату в съемной квартире его товарищ по академии полковник И.И. Терванд (Тырванд)^{III}. Однако по истечении оплаченного месяца Тихобразову пришлось уехать, так как у него не сложились взаимоотношения с супругой Терванда из-за отказа у нее столоваться.

Известно, что в городах Сибири (например, в Томске) также остро стоял квартирный вопрос^{IV}. В этой связи персонал Военной академии осенью 1918 г. занимался активным поиском жилья в преддверии надвигавшейся зимы^V. При академии была даже создана квартирная комиссия во главе с генерал-майором П.Ф. Рябиковым. Непросто решался квартирный вопрос и в столице белой Сибири – Омске. В походной жизни генштабистам приходилось жить в полевых условиях или в поездах, спать на грязных лавках без постельного белья^{VI}. Курсовик подполковник В.Д. Песоцкий в период Сибирского Ледяного похода колчаковских армий рассуждал следующим образом: «Образованные офицеры Генерального штаба не должны подолгу таскаться пешком или верхом. Обычно они путешествуют в отдельных комфортабельных купе, где могут жить как люди, а не как звери в лесу»^{VII}. Неудивительно, что офицер предпочел сдаться красным, а не продолжать участвовать в походе по зимней Сибири.

За свое сибаритство жестоко поплатился полковник В.В. Ракитин. Этот офицер прибыл к белым в Сибирь из Франции, причем сравнительно поздно – летом 1919 г. Как вспоминал его друг Г.И. Клерже, Ракитин смотрел на русскую революцию «полунаивными глазами с точки зрения постороннего обывателя.

Появившись же в Сибири в разгар отчаянной и уже надломленной вооруженной борьбы с большевиками, он склонен был еще “философствовать” на темы о тех или иных принципах и преимуществах социальных и политических идей...

Дух избалованного “русского парижанина” слишком глубоко пустил в сибаритской натуре В.В. Ракитина свои корни. Несмотря на очевидность надвигавшейся военной катастрофы, он продолжал оставаться в состоянии полной “нирваны” и требовал, чтобы его служебная обстановка была окружена условиями максимального комфорта и удобств...

Блестящие вагоны литерного поезда Верховного правителя, в которых он совершал эвакуацию из Омска совместно с адмиралом А.В. Колчаком, были для него ближе и понятнее, чем весь ужас творившихся страданий вне этих вагонов... Понятнее эти вагоны были потому, что они напоминали ему культурную Францию...

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 131об.

^{II} Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 245.

^{III} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 7 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 193.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 59.

^{VI} Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 185.

^{VII} Федотов-Уайт Д. Н. Пережитое. Война и революция в России. М., 2018. С. 346.

Ясное сознание крайней опасности и безнадежного положения обстановки у В.В. Ракитина отсутствовало, и в глубине своей души он, очевидно, верил, что все “как-то образуется и утрясется”¹. Офицер попал в плен и был расстрелян. Разумеется, в рядах белых имелось немало генштабистов, рассуждавших иначе и готовых за идею терпеть любые лишения.

С имуществом у белых генштабистов тоже было непросто, особенно в походных условиях. Начальник штаба Добровольческой армии генерал И.П. Романовский, например, во время 1-го Кубанского похода весной 1918 г. остался вообще без вещей. Он писал супруге: «В один прекрасный день за повозкой Корнилова, где лежали и мои вещи, недосмотрели, и возница-австриец, военнопленный, очевидно, решил уехать к большевикам, и я остался с одной сменой белья; большинство в таком положении было уже раньше. Все это происходило в местах чрезвычайно глухих, где приобрести ничего невозможно, где связей с Россией никаких»². В одном из последующих писем Романовский прямо отметил: «Я совсем почти голый, у меня нет, в сущности, ни белья, ни обмундирования, ни шинели»³. Генерала интересовало, можно ли что-то из вещей найти в Быхове, при том, что уже был май 1918 г. Характерно, что и через год, в апреле 1919 г., когда Романовский был уже начальником штаба ВСЮР, он мучился из-за обветшавших сапог, которые нечем было заменить, и боялся, что новую пару сапог из дома украдут в случае отправки по почте⁴, а летом 1919 г. радовался тому, что вместе с генералом А.И. Деникиным смог получить хороший суконный френч и штаны⁵. Генерал И.Г. Эрдели летом 1918 г. не имел штатского платья, а приобрести таковое не мог из-за отсутствия средств и дороговизны⁶. В начале 1919 г. генерал мерз и страдал, так как не имел полушубка⁷.

Свои особенности имелись на Украине. Высшие офицеры гетманской армии в 1918 г. жили в центре Киева в гостиницах и на квартирах. Например, начальник оперативного отдела управления Генерального штаба полковник Е.В. Мешковский жил в отеле «Континенталь». Белая разведка полагала, что условия службы для кадровых офицеров в гетманской армии предлагались хорошие – квартира, паек, материалы от интендантства для пошива обмундирования, а также жалование⁸. Сложнее решался жилищный вопрос у младших офицеров. Пользуясь тем, что гетманская армия не вела боевых действий, некоторые ходатайствовали об учете их предпочтений при назначениях. Капитан М.П. Фесик писал 20 ноября 1918 г. 2-му генерал-квартирмейстеру украинского ГУГШ генеральному хорунжему А.И. Прохоровичу из Белой Церкви: «Покорнейше прошу назначить меня в Чугуев, где имеется дом моей жены»⁹. Отдельные офицеры порой отказывались от не устраивавших их с материальной точки зрения назначений. Так, штабс-капитан

¹ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадскова. Новосибирск, 2012. С. 248–249.

² Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. С. 234.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 185.

⁷ Там же.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 103об.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 800.

Х.В. Гуртовенко 27 сентября 1918 г. сообщал о своем отказе в ГУГШ: «Материально, семейно связан [с] Уманью. Не желаю... Гуртовенко»^I. Генерал В.В. Суходольский писал о том, что назначение за пределами Одессы вынудит его жить на два дома, чего он не хотел: «Мои личные ресурсы иссякают так, что скоро придется сделать не знаю что»^{II}. Подполковник И.И. Терванд (Тырванд), уехав на время из Добровольческой армии, летом 1918 г. жил с семьей в Полтаве, где распродал личные вещи, чтобы добыть средства^{III}.

Неустановленный выпускник ускоренных курсов академии оказался еще более предметен в изложении своего материального интереса. Офицер сообщал, что стоянка штаба 16-й дивизии в Александровске «по семейным обстоятельствам вообще меня не удовлетворяет, так как имущественно я заинтересован либо Екатеринославом, либо еще в большей мере Полтавской губ., здесь, при большей относительно других пунктов дороговизне жизни вообще, до крайности обострен квартирный вопрос в частности. Пока штаб и офицеры штаба разместились в гостиницах. Несмотря на приказ Военного министерства и целый ряд принятых мер, рассчитывать на благополучное разрешение квартирного вопроса едва ли можно.

Можно думать, что, уплотнив обывателя, удастся найти комнаты для холостых или же малосемейных, но найти отдельные квартиры, хотя бы в 2–3 и даже одну комнату, но с кухней, с тем, чтобы удовлетворить запросам таких семейных, как, напр[имер], я, — это не удастся»^{IV}. Далее он писал о «сравнительно скромном окладе содержания» и невозможности жить на два дома, ходатайствуя о назначении в Екатеринослав, Лубны, Конотоп или Чернигов^V.

Бытовые условия службы украинских генштабистов (возможно, несколько утрированно) изложены генералом В.Н. Петровым при описании его встречи в 1919 г. с генералом Н.Л. Юнаковым: «Узкими грязными лестницами поднимаюсь в маленькое помещение в две комнатки, где за открытыми дверями горит примус, готовящий несложную еду подчиненного мне по должности в далекой инстанции моего учителя и образца в военных взглядах, которому я год тому назад подчинялся как секретарь комиссии по образованию постоянных школ и академий Украинской державы.

Ни минуты колебания, ни слова нареkania за то, что его так долго и несправедливо забыли, полная готовность выполнить приказ и стать на ту службу, на которую зовет его украинская власть, и лишь одна просьба обеспечить врачебную помощь, чтобы на случай болезни, которая уже тогда выявилась у ген. Юнакова, не выйти из работы и тем не помешать делу.

И вот иду к авто, пропуская вперед старшего теперь по сравнению со мной начальника штаба Головной команды войск украинских.

На протяжении трех дней из ничего в пустых комнатах здания окружного суда в Каменце возник полный штаб со всем ему положенным, и в помещениях

^I Там же. Л. 809.

^{II} Там же. Л. 902об.

^{III} ERAF. 130SM.1.1293–1. Л. 8об.; Креэнстрем М. Эстонские офицеры на фронтах Гражданской войны в России // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri (Тарту; Таллин). 2010. Спецвыпуск по истории Эстонии XX века. С. 30.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 908–908об.

^V Там же. Л. 908об.

нового штаба обсуждается сложный вопрос: куда прорываться из “четырехугольника смерти”^I.

Находившийся в Одессе полковник К.В. Алексеев в автобиографии начала 1919 г., подготовленной для белых, отмечал: «Жить же отдельно с семьей, даже при получении большого содержания, при теперешней страшной дороговизне (одно отопление двух занимаемых мною комнат стоит 510 руб. в месяц), это — обречь свою семью на голодную смерть»^{II}.

В азербайджанской армии существовали нормы обеспечения офицеров жильем. Полный генерал получал восемь комнат с кухней (каждая комната площадью 6,5 квадратных саженей); генерал-лейтенант — 7 комнат с кухней; генерал-майор — 6 комнат с кухней; штаб-офицеры, командовавшие полками, — 5 комнат с кухней; прочие штаб-офицеры — 3 комнаты с кухней; обер-офицеры, командовавшие ротами, — 2 комнаты с кухней; прочие обер-офицеры — комнату с кухней^{III}. В качестве квартирных денег офицерам оплачивались отопление, освещение и довольствие водой. Квартирное довольствие офицеров в 1919 г. было следующим: военный министр — 7200 руб., помощник военного министра — 3600 руб., начальники Главного и Генерального штабов, начальник дивизии — 3300 руб., командир полка — по 3000 руб., командир батальона — 2400 руб., командир роты — 2100 руб., младший офицер (прапорщик, подпоручик) — 1800 руб.^{IV} Также на отопление и освещение могли выдавать дрова и керосин. Когда центральные органы военного управления Азербайджана переехали в Гянджу, возникла проблема размещения сотрудников. Она решалась путем реквизиций^V.

Жилищные условия генштабистов в сохранивших свою независимость по итогам Гражданской войны прибалтийских государствах были лучше, чем в России. Например, генерал И.Я. Лайдонер владел прекрасным особняком в центре Таллина. За заслуги в войне за независимость эстонское правительство в 1923 г. подарило Лайдонеру имение Виймси возле Таллина площадью 146 гектаров, включая сад с сотней яблонь и тысячей ягодных кустарников. В имении, превращенном в образцовую ферму, Лайдонер держал даже коров, а продукция реализовывалась на рынке Таллина. Имение было национализировано в 1940 г., а затем вошло в совхоз^{VI}. В настоящее время там находится музей Лайдонера. Другой ветеран эстонской армии, В.И. Мутт, владел усадьбой в 20 десятин земли, в которой держал 2 лошадей, 4–5 коров, около десятка ульев^{VII}. Служивший в литовской армии генерал К.К. Клешинский получил гражданство и участок в 12 гектаров земли.

Вопросы обеспечения генштабистов жильем и сохранения имущества решались в годы Гражданской войны непросто. Общим явлением стала архаизация быта. В полевых условиях приходилось жить в вагонах поездов, где устраивались и импровизированные штабы. В антибольшевистском лагере многие офицеры были приезжими и искали жилье в новых для себя местах. Центральные

^I ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 53–54 (перевод наш).

^{II} ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 50б.

^{III} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 15. Л. 121.

^{IV} Там же. Л. 133.

^V ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

^{VI} Kindral Johan Laidoner — 115 aastat sünnist. Tallinn, 1999. Lk. 186.

^{VII} ERAF. 130SM.1.14805. Л. 100б.

штабы были устроены лучше. Генштабисты, служившие в них, жили, как правило, в городских квартирах. Тем не менее в Советской России существовала угроза уплотнений и реквизиций, жить приходилось в тесноте, а военспецы нуждались в защите своего имущества. Уже в те годы в советской военной элите появилось определенное неравенство, когда многие бытовые вопросы решались через личные связи. Например, так было защищено имущество видного военспеца бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича, тесно связанного с большевистским руководством. Другие военспецы, конечно, не имели таких возможностей. Генштабисты страдали от произвола властей, криминализации страны, подвергались грабегам. Большой проблемой было приобрести хорошие вещи – приличную одежду и обувь, которые стали предметами дефицита даже для представителей военной элиты. Тем не менее служба в Красной армии давала определенные гарантии как в отношении пайка, жалованья, обмундирования, так и в защите от криминала и в медицинском обслуживании, что в условиях голода, хаоса, войны, эпидемий и тотального дефицита было немаловажно и привлекательно.

§ 7. Досуг

В годы Гражданской войны генштабистам порой приходилось работать на износ, времени на отдых почти не оставалось. Между тем он был необходим для нормальной работы даже в чрезвычайных условиях. Как же проводила свой досуг дореволюционная военная элита в те годы?

Чаще всего отдых и развлечения перемежались с работой. На фронте вся жизнь протекала вокруг штаба или даже штабного поезда. Соответственно, досуг заполнялся самыми незамысловатыми способами. И лишь в тылу, в крупных городах можно было найти более разнообразные варианты времяпрепровождения.

Гражданская война привела к падению нравственности, утрате моральных ориентиров в офицерской среде. Уйти от стрессовых состояний некоторые офицеры пытались при помощи алкоголя, наркотиков или интимных связей на службе. Не были исключением и генштабисты. Далеко не все, как генерал А.И. Деникин, могли похвастаться безупречным моральным обликом.

Молодые военспецы из ПШ РВСР в Серпухове искали романтических отношений с женским персоналом. В случае с консультантом Региструпра (руководящего органа советской военной разведки) Г.И. Теодори дело приобрело трагические последствия, поскольку он завязал отношения с машинисткой ПШ РВСР В.П. Троицкой, которая оказалась замешана в шпионском скандале. Чекистами были арестованы и сам Теодори, и Троицкая. Если военспец отделался тюремным заключением, то Троицкую вскоре расстреляли.

Гражданская война нередко вела к разрушению семейных уз. Некоторые высокопоставленные военные одновременно имели по несколько семей (например, окончившие академию белые генералы С.Н. Войцеховский, А.И. Дутов, А.П. Перхуров и др.), заводили любовниц, походно-полевых жен, пользовались услугами проституток (на февраль 1919 г., в районе Сибирской армии ночь с проституткой

стоила 60 руб.). Порой личные отношения влияли на положение войск на фронте. В частности, по некоторым данным, отряд генерала Перхурова попал в окружение из-за того, что в связи с капризами юной любовницы командира делал небольшие переходы¹.

Белый генерал Я. А. Слащев, чтобы избежать мучительных болей от раны, употреблял кокаин². Современник утверждал, что он поддерживал себя в 1919 г. алкоголем и наркотиками, чтобы не сорваться от перегрузок³. О постоянном пьянстве Слащева свидетельствовал еще один очевидец, П. А. Лиходей: «В 1920 г. после приезда из Новороссийска я очень короткое время (неполных два месяца) служил при штабе 2[-го] корпуса. Имел несколько раз личные разговоры с ген. Слащевым. Только один раз видел его вполне трезвым и рассуждающим логично и нормально, но большую часть он бывал под “парами”. Кроме того, что я видел лично, много слышал всяких разговоров»⁴. В другом документе тот же автор, ссылаясь на двух офицеров-эмигрантов, служивших под начальством Слащева, отмечал, что «не только людям, близко стоящим к штабу корпуса, но и почти всему корпусу было известно, что Слащев без вина и наркотиков не мог жить»⁵. Сам Слащев рассказывал своему старому боевому командиру о ходивших в его отношении слухах: «Что я любил выпить, я этого не отрицаю, но пьяным меня ни вы и никто в полку»⁶ не видел. Что касается кокаина, то я прибегал к нему, когда для спасения дела мне приходилось не спать по несколько ночей сряду. Но кто же может за это осудить меня? Привычным кокаинистом я никогда не был»⁷. Разумеется, на восприятие ветеранами Белого движения личности Слащева серьезнейшим образом повлиял его отъезд в Советскую Россию, расцененный как сменевеховство и предательство. В этой связи споры о моральном облике Слащева приобрели особенную остроту. Тем не менее неблагоприятных свидетельств было слишком много. На этом фоне широко распространенный алкоголизм командного состава не казался таким уж порочным явлением.

Генерал Б. А. Штейфон с горечью вспоминал: «Офицерство кутило в “Версале” или в загородных кабаках и, конечно, тоже с дамами. Разность обстановки, разность социальных положений дам нисколько не меняли сущности основного зла. Кутежи требовали денег, а при скудном добровольческом жаловании их можно было добывать только нечистоплотными путями»⁸.

Обычным делом стало пьянство целых штабов. Штаб Донской армии временами был частично парализован пьянством командующего генерала В. И. Сидорина и начальника его штаба генерала А. К. Келчевского. Даже в разгар Гражданской войны Сидорин, по свидетельству его недоброжелателя генерала И. А. Полякова,

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 174.

² Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. С. 217.

³ Аверьянов П. И. Генерал Слащев-Крымский / публ. Л. И. Петрушевой // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 3. С. 91.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 85. Л. 20б.

⁵ BAR. Leib Gvardii Finlandskii polk papers. Box 25.

⁶ Ibid.

⁷ Речь идет о лейб-гвардии Финляндском полку в Первую мировую войну.

⁸ Клодт [фон Юргенсбург П. А.]. Я. А. Слащев // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 12(25). 12. № 10. С. 10.

⁹ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 45.

к штабному поезду прицепил вагон с опереттой и проводил время в застольях в обществе полуобнаженных актрис^I. Это же подтверждает и другой очевидец, генерал В.В. Чернавин, по свидетельству которого на фоне фронтовых неудач в начале 1920 г. Сидорин «действительно пил и кутил. Ген. Кельчевский в этот период... сильно подался, воля его ослабла и нервы истрепались. Этим надо объяснить, что он не только не взял в руки ген. Сидорина, значительно младшего и возрастом, и чином, но сам подпал под его влияние. Хорошо зная ген. Кельчевского еще с довоенных времен, я считаю, что он в конце Гражданской войны был человеком совершенно сломленным и поддерживал себя алкоголем»^{II}. Более или менее исправно работала оперативная часть штаба Донской армии, где «служба неслась так, как она должна нестись. Большая заслуга в этом Ген. штаба полк[овника] В.В. Добрынина, человека исключительной добросовестности и пунктуальности. «Младшие чины»^{III} штаба (оперативной части) не только не пьянствовали, как пишет ген. Махров, но и с негодованием смотрели на поведение Сидорина. Был случай, когда ими это было откровенно высказано ген. Кельчевскому»^{IV}. Генерал А.А. Смагин вспоминал, что генерал Келчевский «был, безусловно, выдающийся военный талант. В сжатой, ясной форме он умел так осветить положение, что, казалось, вы сами присутствуете на месте действия и видите все своими глазами. Впрочем, это и не удивительно: недаром же он был профессором академии Генерального штаба. Однако и этот талант сильно терял от пристрастия к беспрерывным пирам у Сидорина»^V.

Хроническим алкоголиком был командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, спаивавший свой штаб, что сказывалось на эффективности управления войсками^{VI}. А.А. фон Лампе записал в дневнике осенью 1919 г.: «Май-Маевский всегда пьян, в войсках картеж, который уничтожили у себя большевики...»^{VII} Политическому деятелю В.Н. Челищеву вспоминался «Май-Маевский, потерявший от пьянства и распутства человеческий облик»^{VIII}. Генералу А.А. Смагину запомнился случай, когда Май-Маевский после обильного возлияния «высывается полусонный с ословелыми глазами из окна своего салон-вагона, чтобы приветствовать городского голову и других представителей общественности, и с перепоя кричит им, не разбирая, кто перед ним: «Здорово, корниловцы!»»^{IX} А.Н. Мишагин-Скрыдлов свидетельствовал, что «офицеры, приходившие к генералу по делам, нередко заставляли его либо пьяным, либо дерущимся с адъютантами на подушках, либо проводящим время за иным занятием в том же духе»^X.

^I Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 613–614.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Л. 31–31об.

^{III} Полк[овник] М. А. Ковалев, подьес[аул] Нефедов, полк[овник] Шорников Ф. А. (правильно — Ф. Я. — А. Г.) и др. (примеч. В. В. Чернавина).

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Л. 31об.

^V BAR. A. A. Smagin memories. Л. 38.

^{VI} Подробнее о Май-Маевском см.: Кручинин А. С. «Тот самый тучный алкоголик»? Смерть генерала Май-Маевского // Родина. 2008. № 3. С. 53–57; Цветков В. Ж. Правда и вымыслы в истории Белого движения: генерал В. З. Май-Маевский — командующий Добровольческой армией (май — ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России (1917–1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 48–55.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 57; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 79.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-6611. Оп. 1. Д. 1. Л. 398.

^{IX} BAR. A. A. Smagin memories. Л. 38.

^X Мишагин-Скрыдлов А. Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007. С. 169.

На один из ужинов в Харькове с участием мемуариста и иностранных военных представителей Май-Маевский прибыл «совершенно пьяный... поддерживаемый двумя адъютантами. Желая избежать скандала, полковник из английской миссии подошел к командующему армией, чтобы предложить ему уйти.

— Вы больны, генерал? — спросил полковник.

Я увидел, как генерал Май-Маевский покачнулся и, показав полковнику язык, растянулся на полу.

Разумеется, подобные истории моментально расходились по городу, обрастая фантастическими деталями^I.

Пьянствовал и генерал А. А. Боровский, начальник 2-й пехотной дивизии и командующий Крымско-Азовской добровольческой армией, причем в войсках ходили слухи, что он «пропил Ставрополь»^{II}. По другому свидетельству Боровский вообще без водки и вина за стол не садился, хотя тот же мемуарист, генерал П. С. Махров, пытаясь прикрыть своего начальника, шутливо заявил генералу А. И. Деникину: «Боровский пьет, но ума не пропивает»^{III}. В регулярном пьянстве был замечен и генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии полковник Д. Н. Сальников. По свидетельству генерала В. В. Чернавина, Сальников — «алкоголик, по утрам до полудня не приходивший еще в состояние полного умственного равновесия от выпивки предшествовавшего вечера», отрешенный от должности после пьяной драки на вечеринке с сестрами милосердия^{IV}. Был издан даже специальный приказ главнокомандующего ВСЮР № 2677 от 18 ноября (1 декабря) 1919 г. против пьянства и оргий^V. Подобные приказы издавали и нижестоящие начальники, в частности генерал П. Н. Врангель^{VI}. По-видимому, ситуация от этого не выправлялась. При Врангеле из армии были убраны наиболее распустившиеся военачальники, однако эти меры запоздали.

У белых на Востоке России злоупотребляли алкоголем главнокомандующий Восточным фронтом генерал К. В. Сахаров, вр.и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал С. Н. Розанов^{VII}, начальник штаба Волжской группы войск генерал С. Н. Барышников. На Северо-Западе России пьянство стало поводом для кадровых перестановок в руководстве Псковского корпуса. А. А. фон Лампе записал в дневнике о генерале А. Е. Вандаме (Едрихине): «Нелепо выступает на первом плане фигура Вандама, начавшего командовать Псковским корпусом до графа [Ф. А.] Келлера и сплавленного путем напаивания. В пьяном виде, с винтовкой в руках, обойдя весь Псков и попав в кабак — он сам себя устранил и сдал корпус полковнику [Г. Г.] Неф[у] (стрелок)»^{VIII}. В целом, как отмечал генерал

^I Там же. С. 170.

^{II} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 152.

^{III} Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. М., 1994. С. 50.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 7об.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 104.

^{VI} Там же. Л. 37.

^{VII} Скитания русского офицера. С. 341, 342, 397.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 77.

В.В. Марушевский, «невоздержанность [в алкоголе] во всех белых армиях много способствовала неуспеху в их героической борьбе»^I.

Наиболее известные случаи неподобающего поведения или примеры того, что пороки вредили делу управления войсками, относятся к антибольшевистскому лагерю. У военспецов РККА они, безусловно, тоже встречались, но острота проблемы заметно снижалась благодаря контролю со стороны военных комиссаров. Белое командование издавало множество приказов, направленных на искоренение пьянства, оргий^{II}, однако окриками и угрозами поркой и даже расстрелом решить проблему так и не удалось.

Длительные запои целых штабов не были редкостью. Широкую огласку приобрел инцидент с двухнедельным пьянством командующего 14-й советской армией И.П. Уборевича и члена РВС Г.К. Орджоникидзе в 1920 г., когда приводить в чувство незадачливых военных работников пришлось самому В.И. Ленину^{III}. Этот недуг не обходил стороной и генштабистов. Пьянство и вызванные им беспорядки имели место в столовых ПШ РВСР в 1919 г.^{IV} Пьянство отмечалось в 1919 г. и в штабах 1-й Конной армии, и в штабе 9-й армии^V. В пьянстве обвинялись комендант Киева П. Немцов, генштабист В.П. Глаголев^{VI} и даже советский главком И.И. Вацетис^{VII}.

О пьянстве Вацетиса вспоминал его товарищ по службе белый агент в РККА А.Л. Носович: «В первый же день Вацетис пригласил меня обедать в штаб. Надо сказать, что встретил он меня обращением на “ты”, и вместо доклада мы дружески болтали. Во время закуски и обеда я был все время в центре его внимания. “Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...”^{VIII} По свидетельству Носовича, «Вацетис неутомимо инспектировал. Это позволяло ему проводить его время в большой относительно праздности, выпивке и других развлечениях, которые он достаточно умел ценить»^{IX}. Следующая встреча Носовича с Вацетисом имела много общего с прежней: «Наша оперативная беседа затянулась до обеда. Продолжалась во время него, пока хорошо выпивший Вацетис не хлопнул ладонью по столу и поставил резолюцию... я долго рассматривал предписание, данное мне Вацетисом под пьяную руку, а что голова его не очень варила, то это ясно свидетельствовала им редактированная последняя фраза предписания: “И провести все его меры в жизнь”»^X. Начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев утверждал, что Вацетис «пьянствует без просыпу, причем, по словам Костяева, его, Костяева обвиняют (правительство) в том, что он не может удержать от пьянства главкома»^{XI}. Порой выпивка сопровождалась

^I Марушевский В. В. Два месяца на посту начальника Генерального штаба (сентябрь — октябрь 1917 г.). Л. 98 // НДА. НР-НАД-810. К. 1.

^{II} См., напр.: РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 37, 104; Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 35; Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.

^{III} В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 317.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 532; Ф. 24380. Оп. 7. Д. 75.

^{VI} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 127. Л. 16.

^{VII} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1567. Л. 106.

^{VIII} Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 3. С. 112 // BDIC. F. Nossovitch. F. Δ rés 843 (1) (7) (3). Box 1.

^{IX} Ibid. С. 113.

^X Ibid. Гл. 6. С. 119.

^{XI} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 236.

политическими разговорами. Вероятно, под воздействием алкоголя Вацетис однажды заявил, что латышские стрелки могут «тряхнуть Москвой»¹. Этот разговор, дошедший до чекистов, стал одной из причин его смещения с поста главкома и ареста летом 1919 г.

За веселое времяпровождение пострадал и начальник штаба 16-й армии В.Л. Баранович, отстраненный от должности и арестованный 28 сентября 1919 г. «за то, что не был 27 сентября вечером на занятиях, и за то, что участвовал в товарищеской пирушке»². Впрочем, уже через несколько дней его освободили.

Неблагополучно было в штабе 2-й советской армии в 1919 г. Ее командующий В.И. Шорин (негенштабист), а также ряд других работников посещали проститутки и кокаинистки Н.С. Соловьеву и Е.И. Сурконт, у которых также бывали агенты белых. Отрицательное влияние этих увлечений армейского руководства на штабную работу было ощутимым: Шорин и член РВС В.И. Соловьев стали реже появляться на службе, вызывая себе вели, компрометировали советскую власть, бывая со своими спутницами в общественных местах, а Соловьев даже попытался из-за женщины покончить с собой и получил ранение. По данным следствия, Сурконт угощала кокаином и легендарного начальника 28-й стрелковой дивизии В.М. Азина, из-за чего «до того времени цветущий и здоровый человек... стал совершенно больным»³. Ранее Сурконт якобы сожительствовала с командующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым. Не исключено, что через этих женщин белая разведка получала какую-то информацию из штаба армии⁴. Тем более что Соловьева, работавшая сестрой милосердия, как выяснилось, имела все основания ненавидеть красных — у нее был убит отец и на ее глазах расстрелян муж⁵.

Пьянство штабных работников могло иметь далеко идущие последствия. В партийной переписке за июль 1920 г. отмечалось, что командование Заволжского военного округа во главе с К.А. Авксентьевским (негенштабистом) «часто является даже на службу в штаб в невменяемом состоянии от опьянения»⁶. Вместе с Авксентьевским, по всей видимости, пьянствовала целая группа генштабистов: помощники командующего войсками округа А.К. Андерс и А.А. Балтийский, помощник начальника штаба округа В.Е. Волков, начальник оперативного управления А.В. Кирпичников и и.д. начальника штаба округа В.К. Токаревский. Против отстранения от командования за пьянство поднял бунт командир дислоцированной в округе 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии А.В. Сапожков (негенштабист). Для подавления выступления пришлось задействовать свыше 14 000 штыков и сабель, борьба с основными силами повстанцев заняла около двух месяцев, а программа сапожковцев использовалась в антибольшевистском повстанческом движении и в дальнейшем.

Начальник штаба Тульского укрепленного района бывший генерал Д.П. Кадомский жаловался тульскому губернскому военному комиссару Д.П. Оськину

¹ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 130–131.

² Справка УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 г. (Архив автора).

³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 148. Л. 60б.

⁴ Там же. Л. 2, 60б.

⁵ Там же. Л. 52.

⁶ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 201.

на невозможность давать организму «доппинг»: «Вы еще молодой человек, не знаете, а ведь за моими плечами свыше 30 лет военной службы, и я за эти 30 лет привык регулярно, изо дня в день, перед обедом выпивать рюмку водки. Как ни тяжело было на фронте в 14-й армии, все же и там хорошие люди давали возможность получать старику свою жизненно необходимую порцию. А здесь вот уже месяц ни одной рюмки не выпил»^I. Оськин обеспечил бывшего генерала «доппингом», после чего «Кадомский начал расцветать, появилась большая солидность. В разговоре с сотрудниками начинает допускаться шуточный тон, на заседании военного совета делает более оживленные доклады, чем последние две недели»^{II}. Пьянство для части военспецов оказывалось способом ухода от гнетущей действительности, возможностью на время забыть о комиссарах и чекистах, отвлечься от воспоминаний об утраченной прежней жизни.

Иногда пьянство приводило даже к гибели офицеров. Так, в апреле 1918 г. в Западной Грузии пьяный сослуживец поручик Церетели убил георгиевского кавалера войскового старшину М.И. Костиля, окончившего младший класс 3-й очереди ускоренных курсов академии.

Разумеется, пьянствовали и вели распутную жизнь лишь единичные генштабисты. Многие же и в советских условиях жили прежним патриархальным укладом, насколько это было возможно. Находясь на фронтах, такие военспецы скучали по близким и рвались домой. Образцовым семьянином был бывший генерал А.Е. Снесарев, который регулярно отправлял жене нежные письма с фронтов и заметно скучал по супруге и детям. Главком С.С. Каменев в годы Первой мировой и Гражданской войн не расставался с портретом жены, который носил как талисман в кармане френча^{III}. В традициях патриархальной семейственности детям могли давать прозвища. Так, например, было в семье П.П. Лебедева^{IV}. Сам Лебедев любил, сидя на полу перед печкой в кругу семьи, рассказывать детям содержание прочитанных книг.

Поскольку красные провозглашали ответственность семей за возможные изменения военспецов, последние были вынуждены тревожиться за судьбу близких, даже несмотря на декларативность угрозы^V. Не менее тяжелым было положение офицерских семей у белых — в связи с неудачами на фронтах и отступлением антибольшевистских армий существовала большая вероятность захвата красными семей офицеров в плен, что могло повлечь, в свою очередь, сдачу в плен и глав этих семей, не желавших терять связь с близкими. В бытовом плане положение семей даже высокопоставленных генштабистов отличалось неустроенностью и незащищенностью.

По-видимому, генштабисты антибольшевистских армий имели больше времени для досуга. Связано это с избытком соответствующих кадров у белых. Например, служащие Военной академии на Русском острове летом 1920 г. практически ничем не занимались: «Все лето почти весь личный состав... провел в абсолютном

^I Оськин Д. П. Записки военкома. М., 1931. С. 262.

^{II} Там же.

^{III} Пинчук Л. Р. Моим детям — вместо завещания. С. 59.

^{IV} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 51.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. Семья «почему» российской Гражданской войны. С. 375–394.

ничего неделания, занимаясь собиранием грибов, рыбной ловлей, свиноводством, птицеводством и другими видами хозяйства, предпринимая экскурсии по острову и получая другие виды дачных удовольствий и развлечений, имея в своем распоряжении автомобиль, экипажи и лошадей, аккуратно получая из Государственного казначейства свое содержание, а из интендантства все виды пищевого и вещевого довольствия, ничуть не обременяя себя ни трудом, ни мыслью, [ни] заботами о сохранении “казенного” имущества»^I.

На Юге России белые генштабисты имели возможность отдыхать на море — например, в Геленджике — или дегустировали вина в Абрау-Дюрсо^{II}. В архиве генерала А.И. Деникина сохранились фотографии с его участием в охоте под Екаторином в 1919 г., организованной кубанским атаманом А.П. Филимоновым (негенштабистом)^{III}. На белом Юге командованием устраивались благотворительные концерты в пользу семейств офицеров^{IV}, организовывались «чашки чая» — вечера с застольем, на которых порой выступали оркестры, хоры, исполнялись казачьи танцы^V. Поскольку на Юг из Советской России бежали многие представители образованных слоев, в качестве отдыха порой проводились семейные музыкальные вечера, на которых бывали и генштабисты. Служивший на белом Юге генерал В.А. Замбржицкий в свободное время любил читать или писал воспоминания, а также вел дневник^{VI}.

Крупные штабы обычно располагались в больших городах, поэтому среди развлечений генштабистов были посещения театров и кинематографов. На белом Юге популярностью пользовался жанр оперетты. В Киеве театр посещал генерал С.Я. Гребенщиков, ностальгировавший по дореволюционной жизни и петербургскому Мариинскому театру^{VII}. Известно, что у белых на Востоке России кинематограф посещали генералы С.Н. Войцеховский, И.М. Зайцев и С.А. Щепихин. Иногда приезд генштабиста, особенно высокопоставленного, в такие учреждения сам по себе превращался в спектакль. Так, ради начальника штаба Оренбургской армии белых генерала И.М. Зайцева в кинотеатре в Кокчетаве осенью 1919 г. задержали сеанс, а затем уже во время показа фильма сделана пауза и включен свет^{VIII}. Похожие случаи были и у красных. Вот как характеризовали командовавшего 4-й армией бывшего подполковника В.С. Лазаревича члены РВС Туркестанского фронта в начале 1920 г.: «Во время его кратковременного командования 4[-й] армией нередко бывали случаи, когда приходилось улаживать всякие мелкие инциденты и неприятности с местными партийными и советскими органами на этой почве: как, например, когда ставилась особая почетная охрана в ложу командарма в кинематографе, а при выходе конная охрана выстраивалась по обе стороны следования Лазаревича, расчищая

^I ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 46–46об.

^{II} Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. С. 243–244.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 2. Д. 255. Л. 9, 13, 20.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 132.

^V Там же. Л. 131.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

^{VII} Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. С. 236.

^{VIII} Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А. В. Ганина. М., 2022. С. 226–227.

путь от посторонней публики и вызывая возмущение как рабочих, так и обывателей. Таких мелких фактов можно привести десятки»^I.

Заядлыми театрами были Б.М. Шапошников^{II} и советский главком С.С. Каменев. Последний был даже лично знаком со знаменитым режиссером В.Э. Мейерхольдом. Каменев обычно заказывал ложу, где размещались родные и знакомые – все, кто с ним приходил, не пропускал ни одного спектакля с участием Ф.И. Шаляпина или Л.В. Собинова^{III}. В театрах тогда не топили, поэтому зимой приходилось сидеть в шубе и валенках.

По воспоминаниям дочери П.П. Лебедева, «в опере мы тоже часто бывали. Отцу довольно часто присылали билеты в ложу. Сам он ходил редко, ему все было некогда. Но мы прослушали почти все оперы, которые шли и в Большом, и у Зимина. Бывали мы не реже и в Малом, и в Художественном театре, а также в его студиях»^{IV}. Иногда известные актеры и певцы даже гостили у Лебедевых и выступали на домашних концертах. На одном из семейных вечеров присутствовала и танцевала знаменитая певица А.В. Нежданова.

Ценителем оперного искусства был видный советский военачальник, один из организаторов разгрома Колчака и Деникина, советизации Закавказья бывший капитан С.А. Пугачев, сделавший блестящую карьеру в РККА. По воспоминаниям супруги, он «очень любил музыку, умел слушать ее. Предпочитал классическую. С наибольшим удовольствием слушал оперы “Евгений Онегин” Чайковского, “Сусанина” Глинки, “Аиду” Верди. С удовольствием слушал Бетховена, Шопена, Листа, Скрябина. Из русских песен, которые очень любил, выделял песню “Выхожу один я на дорогу”, “Орленок”, а из грузинских “Сулико”. Эти песни и сам напевал. Музыка Семен Андреевич не учился, но слух у него был отличный, и он мог почти на любом инструменте подобрать понравившуюся ему мелодию, мотив»^V. По всей видимости, песня «Сулико» появилась среди музыкальных предпочтений Пугачева в период службы в Закавказье, в советизации которого он участвовал. На белом Юге театры и концерты посещали офицеры штаба главнокомандующего ВСЮР и сам генерал А.И. Деникин^{VI}. По различным торжественным поводам устраивались банкеты, на которых также присутствовали многие офицеры.

Начальник 30-й стрелковой дивизии бывший подполковник Е.Н. Сергеев редкие минуты отдыха коротал за игрой на виолончели, которую всегда возил с собой в походном ящике вместе с книгами. Красноармейцы даже прозвали его «наш музыкальный начдив»^{VII}.

Дочь А.Е. Снесарева вспоминала о жизни семьи в Смоленске в 1918–1919 гг.: «Недалеко от нашего дома была очень крутая улица, начинавшаяся от Воскресенского монастыря; по этой улице мы катались на салазках. В городе был старинный

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 24.

^{II} Шапошников Б. М. Воспоминания. С. 76, 131–132.

^{III} Каменева Н. С. Путь полководца. С. 9, 105; Пинчук Л. Р. Моим детям – вместо завещания. С. 59.

^{IV} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 44.

^V Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев – военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 114.

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVI. С. 20–21 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

^{VII} Молоков И. Е. Герои огненных лет: Очерки о полководцах, командирах, комиссарах – активных участниках освобождения Сибири от интервентов и белогвардейцев. Омск, 1989. С. 82.

кремль со средневековыми стенами, с башнями. Как-то особенно запомнилась башня Веселуха. Мы, ребята, много играли на Блонье — небольшой городской парк с памятником Глинке. Хорошо помнятся зеленые склоны к Днепру, а на них старинные крепостные стены. Помнятся наши прогулки, рассказы папы о значении Смоленска, о его осадах, об Отечественной войне 1812 г., об отходе Русских войск к Москве, о Бородинском бое... Весной 1919 г. в Смоленск на гастроли приехали А.В. Нежданова, Н.С. Голованов, С.И. Мигай, А.В. Богданович. Остановились они у нас. Концерт происходил в зале бывшего Дворянского собрания... В июне месяце в Смоленском народном университете Андрей Евгеньевич [Снесарев] прочитал ряд лекций^I.

Минуты отдыха генштабисты могли коротать за чтением, неспешной игрой в карты в дружеском кругу или за разговорами^{II}. Начальник Штаба РККА П.П. Лебедев получал экземпляры всех выходивших художественных книг и прочитывал их^{III}. Многие бывшие офицеры курили, распространению чего способствовала общая нервозность их существования в Советской России. П.П. Лебедев имел обыкновение класть зажигалку в сапог^{IV}.

Существовали у военспецов и хобби. Главком С.С. Каменев коллекционировал историческое оружие и собрал впечатляющую коллекцию. Зная о его увлечении, коллеги по службе дарили ему такого рода подарки. В частности, М.В. Фрунзе подарил Каменеву личный револьвер, из которого отстреливался от бандитов на Украине в 1921 г.^V

Патриархальная религиозность была фактором, выделявшим некоторых генштабистов в советских реалиях. Порой она приобретала комические формы. По рассказу одного из окружных комиссаров, с военруком Ярославского военного округа Н.Д. Ливенцевым во время инспекторской поездки в Иваново-Вознесенск произошел казус: «На вокзале, — рассказывал товарищ, — смотрю, нет военрука. Исчез и ни слова не сказал. Я туда, сюда... На площади собрался весь гарнизон, ожидает смотра... А его нет и нет. Скандал... Наконец, часа через два является. Оказывается, был в церкви, служил молебен какому-то святому... Беда ходить с ним куда-либо... Ни одной часовни не пройдет — обязательно заглянет!!»^{VI}

Посещали церковь в советское время и бывшие генералы А.И. Верховский и Ф.Е. Огородников^{VII}. Религиозные праздники отмечались в семье бывшего генерала В.А. Олохова^{VIII}. На Пасху 1919 г. единственной радостью на генеральском столе оказались привезенные из деревни полкило творога и шесть яиц. В белых армиях также служили религиозные генштабисты — например, генералы М.К. Дитерихс, И.Г. Эрдели и др. Финский генерал П.К. фон Герих в свободное время увлекался астрологией и даже написал об этом книгу^{IX}.

^I Архив семьи Снесаревых.

^{II} Дневник А. Е. Снесарева. 30.11.1918. Л. 917 (Архив семьи Снесаревых).

^{III} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 52.

^{IV} Там же. С. 57.

^V Каменева Н. С. Путь полководца. С. 102.

^{VI} Кедров М. С. За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 44.

^{VII} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 25. Л. 1; Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. С. 420.

^{VIII} Олохова О. И. Мы служили Отечеству. С. 234.

^{IX} Никитин В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017. С. 45.

Тягостные реалии военного времени скрашивал юмор. Так, С. А. Пугачев, по воспоминаниям его супруги, чтобы разрядить обстановку, имел обыкновение говорить на тарабарском языке, произнося буквы в словах в обратном порядке^I.

Иногда разрешались отпуска или перевод на юг, в местность с благоприятным для здоровья климатом и более выгодную в продовольственном отношении. Видный военспец РККА бывший генерал С. Г. Лукирский в августе 1918 г. хотел забрать детей из Керчи и поехать на грязелечение, на что ему было дано разрешение^{II}. Если была такая возможность, в теплое время по дореволюционной традиции отдыхали за городом на дачах. К примеру, летом 1922 г. А. И. Верховский, вернувшись из поездки в качестве военного эксперта на Генуэзскую конференцию, отдыхал с родными на даче в Кунцево. Время проходило в прогулках по окрестностям, игре в теннис, которой увлекался бывший генерал^{III}. С. С. Каменев в августе 1922 г. восстанавливал подорванное Гражданской войной здоровье в санатории в Крыму, где находился вместе с семьей и увлекся фотоделом^{IV}. Позднее Каменев отдыхал также в санатории в Гаграх. А. Е. Снесарев летом 1924 г. проводил время с семьей на даче в деревне Лигачево, где работал над переводом классического труда К. фон Клаузевица «О войне» и предисловием к нему, впоследствии составившим отдельный труд «Жизнь и труды Клаузевица». В дневниковой записи за 27 июня 1924 г. он отмечал: «Наслаждаемся в деревне. Пошла на поправку и жена. С огорода своего берем лук, укроп, редиску и салат... Диоклетианы^V в стороне от шума жизни. Клаузевица кончаю (164), иду 25–30 страниц в сутки и даже до 36...»^{VI} Из деревни уехали в начале сентября.

Осенью 1921 г. в свой первый за время Гражданской войны отпуск отправился начальник Штаба РККА П. П. Лебедев. Вместе с семьей военспец в своем салон-вагоне поехал на Зеленый Мыс под Батуми, от Владикавказа по Военно-Грузинской дороге ехали на машинах. В Тифлисе гостили у А. И. Геккера, гуляли по городу, были в театре на опере «Аида», которую особенно любил слушать Лебедев. До Зеленого Мыса добирались снова поездом под охраной красноармейцев, так как бандитские нападения были не редкостью. Лебедевы поселились в бывшем имении далеко от моря, но почти все время проводили на пляже. Лебедев любил лазить по горам. С питанием было проблематично. У местных жителей удавалось купить молоко, а жили на сухом пайке — консервах, сушеных овощах и яичном порошке. Готовили на примусах. В садах и парках заброшенных имений можно было найти мандарины, хурму и даже зеленые бананы. П. П. Лебедев однажды сумел поймать угря, которого также приготовили. По итогам отдыха семья заболела малярией^{VII}. Тем не менее на обратном пути посетили Азербайджан.

На следующий год Лебедевы отдыхали в Кисловодске, где П. П. Лебедев поправлял здоровье, принимая нарзанные ванны. Семья совершала прогулки по горам.

^I Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек. С. 113.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.

^{III} Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. С. 428, 465.

^{IV} Каменева Н. С. Путь полководца. С. 100; Пинчук Л. Р. Моим детям — вместо завещания. С. 55.

^V Имеется в виду римский император Диоклетиан, отказавшийся от власти и ушедший в уединенную частную жизнь.

^{VI} Дневник А. Е. Снесарева. 27.06.1924. Л. 1213 (Архив семьи Снесаревых).

^{VII} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 56.

Из Минеральных Вод поехали в Сочи и Туапсе. В Сочи к прежнему питанию сухим пайком добавилась брынза. Позднее был отдых в Крыму, но семья отдыхала уже не в полном составе.

Дом отдыха для работников РВСР в 1920 г. организовали в бывшем подмосковном имении Строгановых Братцево. Здесь отдыхали С.С. Каменев, П.П. Лебедев, Г.Н. Хвощинский и др.^I Сюда отдыхать и выступать перед военными приезжал даже знаменитый певец Ф.И. Шаляпин. П.П. Лебедев, очень любивший животных, участвовал в развитии животноводческой фермы в Братцево.

С.А. Пугачев также любил домашних питомцев. В его семье жили кот Пушок, сеттер-гордон Цезарь, а в Тифлисе — серая кошка Шпулька, провожавшая Пугачева на службу и встречавшая по возвращении. Пугачев по-особенному относился к природе. По воспоминаниям супруги военачальника, он «совершенно не терпел, если при нем ломали, портили деревья, и по-настоящему огорчался, когда видел искалеченные кусты сирени, бездумно обломанные и почти тотчас же брошенные ветки деревьев. И детям прививал бережное отношение к природе: не ломать веток, не срывать зря цветов. Срезанных цветов Семен Андреевич не любил, но охотно любовался цветами в горшочках. Случалось, перед нашими большими праздниками мы ездили в оранжерею и там покупали цветы в горшочках — цикламен, гортензию, гиацинты, и Семену Андреевичу приятно было видеть их в квартире»^{II}.

Трудности повседневной жизни в советских условиях вели к попыткам «бывших» объединяться, способствовали распространению в их среде ностальгических настроений относительно дореволюционной жизни, которая идеализировалась. Многие военспецы замыкались в своей среде, стремились больше общаться друг с другом, создавали неформальные группировки, просуществовавшие до начала 1930-х гг. Одним из распространенных видов взаимодействия в 1920-е гг. были неформальные застолья, проходившие на квартирах «бывших». Отмечались корпоративные (день св. Георгия), полковые и семейные праздники. Военспецы надевали на них свои старые награды (например, ордена Св. Георгия) и различные предметы униформы, иногда даже готовилась выпечка с прежней символикой (например, крендель с Георгиевским крестом на вечерах георгиевских кавалеров у бывшего генерала А.Е. Снесарева)^{III}.

Наибольшую известность приобрели георгиевские вечера. Первый вечер георгиевских кавалеров состоялся в 1922 г. еще на квартире у Д.К. Лебедева, уезжавшего в Эстонию^{IV}. Впоследствии эти встречи, проходившие в основном на квартирах А.А. Брусилова и А.Е. Снесарева, были поставлены в вину целому ряду бывших офицеров, арестованных в начале 1930-х гг. по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна». В вечерах участвовали бывшие генералы А.А. Брусилов, В.Н. Гатовский, А.Г. Лигнау, Д.Н. Надежный, А.В. Новиков, А.А. Свечин, Я.Я. Сиверс, бывший полковник Е.М. Голубинцев, бывший подполковник В.Г. Сухов. Как свидетельствовал А.А. Свечин, «окончательного разрыва

^I Там же. С. 45.

^{II} Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек. С. 114.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 119.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 129.

с прошлым у большинства не было. Это создавало почву для таких враждебных сов[етской] власти вечеров, какие устраивались несколько раз до 1927 года в георгиевский орденский праздник. Мне пришлось быть на двух-трех таких вечерах в доме А.Е. Снесарева. На этих собраниях бывали: [В.Г.] Сухов, [Д.Н.] Надежный, [А.А.] Брусилов, [А.В.] Новиков, [Е.М.] Голубинцев и др., фамилии которых сейчас не помню. На этих собраниях присутствовавшие одевали Георг[иевские] кресты. Припоминаю на одном таком собрании выступление Брусилова, которое сводилось к указанию на важность единения быв[ших] офицеров георгиевских кавалеров и которое по существу своему было, конечно, контрреволюционно. У участников этих собраний оставалось впечатление известного блуда против советской власти¹. По другим свидетельствам, речь шла не более чем о поддержке традиций.

Аналогичные собрания в Киеве проходили на квартире у бывшего генерала В.А. Ольдерогге, собиравшего сослуживцев, преподававших в Киевской объединенной военной школе им. С.С. Каменева². На вечерах играли в карты на деньги.

Взаимодействие бывших офицеров, конечно, попадало в поле зрения органов ЧК, державших эту группу лиц как потенциально опасную и враждебную режиму под пристальным наблюдением. Однако присущая русским офицерам инертность и пассивность наряду с возникшими в советских условиях разобщенностью и подозрительностью не позволили этим людям в их недовольстве режимом пойти дальше застольных обывательских бесед.

Жизнь генштабистов в эпоху Гражданской войны предопределялась чрезвычайными реалиями того сложного времени. В приоритете были вопросы элементарного выживания. Повседневность архайзировалась, способы досуга становились нередко примитивными. Среди них были распространены застолья, алкоголь, наркотики. Несмотря на серьезные социально-политические перемены в стране, «бывшие» и в советских условиях, по возможности, пытались придерживаться прежних традиций и привычек. Порой их поведение влияло на образ жизни красных командиров, приобретающих, как тогда писали, «барские замашки»³. Впрочем, влияние этих двух групп командного состава РККА было обоюдным.

§ 8. Заболеваемость

Катастрофическая повседневность Гражданской войны негативно сказывалась на здоровье современников, в особенности тех, кто, как бывшие офицеры, оказался на острие конфликта. Упадок питания, голод и холод, эпидемии, недостаточное медицинское обеспечение, дефицит средств гигиены, походная и боевая жизнь — все это вело к всплеску заболеваний и смертности среди военной элиты.

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 17.

² Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 1 (18). С. 335.

³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 120.

Особенно распространены в тех условиях были инфекционные заболевания, различные формы тифа. В тяжелейшем положении в этом отношении оказались контролировавшиеся белыми окраины, где медицинское обслуживание населения еще в мирное время оставляло желать лучшего (например, в белой Сибири военнослужащие порой больше опасались ранения при чудовищной санитарной помощи, чем гибели). Ситуация усугублялась в периоды отступления и дезорганизации. Начальник штаба Отдельной Уральской армии генерал Владимир И. Моторный при отступлении армии в конце 1919 — начале 1920 г. в считанные месяцы потерял от тифа и сопутствующих болезней всю семью — супругу и двух дочерей^I. А.А. фон Лампе в связи со смертью в Галлиполи генерала А.М. Шифнер-Маркевича записал в дневнике в начале 1921 г.: «Тиф берет больше, чем поле сражения!»^{II}

Тифом болели порой целые воинские части (в особенности это было характерно для белых). Начальник оперативного отдела штаба 9-й армии бывший полковник Н.А. Кудрявцев в начале 1921 г. жаловался на тяжесть штабной работы в связи со случившимся мозговым ударом и последствиями сыпного тифа 1920 г. и просил о переводе на преподавательскую работу^{III}. Иногда одно заболевание перетекало в другое. Полковник А.С. Карпенко, находившийся на белом Юге, в период болезни пережил смену лагеря, которому служил: в декабре 1919 г. «заболел сыпным тифом и был отправлен по распоряжению коменданта ввиду эвакуации его управления в [город] Одессу, несмотря на то, что тиф был в самом разгаре. В Одессе я находился в госпитале; после сыпного я заболел возвратным тифом и болел до марта месяца 1920 г. Переворот в Одессе застал меня в госпитале. Оправившись, мне врачебной комиссией при Одесском военкомате был дан месячный отпуск по болезни, после которого я был определен на службу в 45[ую] стр[елковую] дивизию»^{IV}. Военспец РККА В.С. Михеев с ноября 1918 по январь 1919 г. перенес испанку, тяжелую форму возвратного тифа и заболевание сердца. В итоге его признали негодным к службе, однако он собирался преподавать тактику на Костромских инструкторских курсах^V.

От инфекционного заболевания внезапно в разгар операций на фронте скончался помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал В.И. Селивачев^{VI}. Супруга колчаковского генерала Е.Э. Трегубова, сестра милосердия, в 1919 г. скончалась от тифа (сам Трегубов попал в плен и был расстрелян красными)^{VII}. Тяжелую болезнь перенес в 1919 г. один из вождей Белого движения на Юге России генерал П.Н. Врангель. Среди генштабистов распространялись заболевания и вследствие переутомления. Например, в 1918 г. так заболел бывший подполковник Б.Л. Негродов^{VIII}.

^I Изергин М. И. Уральская катастрофа (воспоминания полковника Генерального штаба). М., 2023. С. 49, 68, 77–78, 80; Его же. Пятьдесят пять дней // Последний поход Уральской Отдельной армии. Январь — февраль 1920: Воспоминания участников / сост. Д. Ю. Дубровин. М., 2018. С. 205.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

^{III} РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1870. Л. 21–21об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14об.–15.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 150.

^{VI} РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.

^{VII} Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. С. 219.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.

М. Д. Бонч-Бруевич боялся заразиться в связи с эпидемией. В конце июня 1919 г. он просил предоставить в его распоряжение вагон «для меня как начальника штаба, исправный и удобный», причем тщательно этот вагон продезинфицировать^I.

Даже наиболее высокопоставленные лица не были застрахованы от тяжелых болезней и смерти в полевых условиях. Наиболее ярким примером является судьба главнокомандующего белыми войсками в Сибири генерала В. О. Каппеля, который в январе 1920 г. во время Сибирского Ледяного похода умер от воспаления легких на разъезде Утай Иркутской губернии.

В некоторых случаях болезни и связанное с ними ухудшение материального положения вели к тому, что генштабисты шли на службу в Красную армию. Так, бывший подполковник К. Н. Андрусов в начале марта 1918 г. телеграфировал в Петроград: «Расформирование дивизии и болезнь поставили [в] крайне бедственное положение [с] семьей[,] покорно ходатайствую [о] предоставлении должности Генштаба... наштадив 77[-й] Андрусов»^{II}.

Поскольку РККА остро нуждалась в генштабистах, пытались привлекать на службу и тех, кто по состоянию своего здоровья уже не мог нести такие обязанности. Сохранились документы о бывшем генерале К. И. Вогаке. Военрук ВВС М. Д. Бонч-Бруевич в августе 1918 г. писал: «В Москве проживает имеющий 60-й год от рождения уволенный в отставку, вовсе к военной службе неспособный, бывший генерал Константин Ипполитович Вогак»^{III}.

Явившись 6-го сего августа для зарегистрирования, он почувствовал себя дурно и ныне лежит больным. О невозможности по состоянию здоровья прибыть для регистрации, Вогак послал Вам телеграмму.

Ввиду предстоящего командирования названного лица с согласия Высшего совета народного хозяйства для выполнения особого поручения, прошу не отказать в зависящем распоряжении о назначении Вогаку, ввиду его преклонного возраста и болезненного состояния, времени явки для регистрации, указав, куда он должен явиться по выздоровлении.

Адрес Вогака: Никитский бульвар, д. № 8, кв. 14»^{IV}.

За плечами многих офицеров уже была Первая мировая война, что не добавляло здоровья – ко времени Гражданской войны хватало раненых и контуженых или тех, кто приобрел за годы окопной жизни различные заболевания. Военспец бывший капитан Н. М. Ушаков вернулся из плена полуинвалидом^V. Бывший генерал А. Ф. Добрышин желал служить в РККА, но в Первую мировую войну был контужен, перенес в результате две операции и нуждался в наблюдении врачей. В апреле 1918 г. он просил назначить его на службу в Петрограде, если же это невозможно, уволить в отставку с пенсией^{VI}. У курсовика В. И. Самуйлова на 75 % был потерян слух, военспец считался инвалидом Первой мировой войны. Еще одним инвалидом войны являлся бывший полковник В. П. Ульянин, у которого

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 589.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 24.

^{III} В документе ошибочно – Вагак.

^{IV} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 61.

^V РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1336. Л. 11.

^{VI} РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 21–21об.

был вырван бок^I. В РККА они служили в Академии Генштаба. У 32-летнего курсовика А.С. Ролько, по данным на 1919 г., здоровье было полностью подорвано: еще в 1916 г. удалена правая почка, а на месте послеоперационного рубца образовалась грыжа, были увеличены границы сердца. По мнению врачебной комиссии, военспец не мог даже передвигаться пешком^{II}. Подорванным было здоровье у вернувшегося из плена бывшего полковника Ф.Ф. Фешота^{III}. Бывший подполковник Н.С. Новиков возвратился из плена, заболел там неврастением и потеряв на 50% трудоспособность^{IV}. Он писал главкому С.С. Каменеву: «3½-летнее пребывание в плену (в Германии) очень сильно расстроило мое здоровье, меня трудно узнать — настолько я изменился, поэтому выезд за границу дал бы мне возможность и подлечиться»^V. Бывший полковник В.А. Златолинский также подорвал здоровье за время германского плена, в связи с чем просился в конце 1919 г. на преподавательскую работу^{VI}. Бывший полковник А.Н. Ситников по возвращении в 1918 г. из плена с подорванным здоровьем искал какое-то место службы и писал генералу П.К. Кондзеровскому (как позднее выяснилось, ошибочно): «Мои болезни (запущенное воспаление желчного пузыря и изъязвление кишечника) препятствуют мне вновь вступить в ряды армии. Однако жизнь требует работы — мне надо кормить мою семью и себя»^{VII}. Ситников рассчитывал заниматься военно-историческими исследованиями.

В некоторых случаях негодность к военной службе не освобождала от нее. Например, еще в октябре 1919 г. бывший капитан Н.И. Кадников был признан все не годным к военной службе, поскольку из-за ранения правого плеча у него развился неврит^{VIII}. Тем не менее военспец продолжал служить в РККА до конца 1921 г.

Иногда болезни носили дипломатический характер. Так, бывший подполковник А.Н. Гатовский «имея медицинское свидетельство в кармане... заболел, когда его назначали на оперативную должность, и мгновенно выздоравливал, когда получал место при снабжении, где хлеб и масло. Иного поведения от Гатовского нельзя было и ожидать, так как это был форменный аферист», — отмечалось в протоколе Реввоентрибунала при РВС Западного фронта 19 сентября 1919 г.^{IX} Белый агент в РККА А.П. Архангельский увольнялся летом 1918 г. из РККА под предлогом болезни, поскольку еще в конце 1917 г. у него были зафиксированы неврастения в средней степени, почечно-каменная болезнь и малокровие с усталым сердцем^X. Все это не помешало ему затем перебраться на белый Юг и принять активное участие в Гражданской войне, а позднее играть видную роль в белой военной эмиграции (Архангельский умер в 1959 г. — через 40 с лишним лет после тех событий).

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 18. Л. 150б.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 314.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 133. Л. 26.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 165.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 274.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 159.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 263.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 2; Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 217.

^{IX} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 49–49об.

^X РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 43.

По болезни из РККА в ноябре 1918 г. увольнялся и другой белый агент Б. В. Геруа^I, который затем тайно покинул Советскую Россию. Характерно, что в болезнь военспеца не поверили. Комиссар И. Л. Дзевалтовский отмечал в этой связи: «Считаю, что болезнь не столь серьезна, чтобы освободить Б. Геруа»^{II}. Под предлогом болезни РККА покинул бывший капитан Б. Н. Тюренков^{III}, затем объявившийся на белом Юге и служивший во ВСЮР и Русской армии до конца Гражданской войны. В отпуск по болезни уволился осенью 1919 г. белый агент в Петрограде, начальник штаба 7-й армии В. Я. Люндеквист, опасавшийся разоблачения^{IV}.

Явно дипломатической была болезнь военрука ВВС М. Д. Бонч-Бруевича, который 20 августа 1918 г. подал главе правительства В. И. Ленину рапорт об увольнении со службы: «Тяжелый труд, который я нес без малейшего отдыха с первого дня мобилизации 1914 года в течение всей войны и до настоящего времени, связанный с нравственными потрясениями военного времени, окончательно надломил мой организм. Ведя борьбу с болезненным состоянием в течение последнего времени, я все-таки, по признанию врачей, не в силах побороть проявления больного моего организма и потому в данное время оказываюсь совершенно неспособным к работе по занимаемой мною должности.

Ввиду изложенного прошу для пользы дела уволить меня от службы.

Сознавая необходимость сохранить преемственность в работе и то ее напряжение, которого требуют современные тяжелые обстоятельства, позволяю себе рекомендовать моим заместителем в должности военного руководителя Высшего военного совета: или управляющего делами Народного комиссариата по военным делам Николая Михайловича Потапова, или главного начальника снабжений Евгения Ивановича Мартынова. Впредь до назначения одного из названных кандидатов — прошу разрешения сдать должность начальнику штаба Высшего военного совета Николаю Иосифовичу Раттэлю, который и вступит во временное исполнение должности военного руководителя Высшего военного совета»^V. К рапорту прилагалось заключение врачебного консилиума.

Троцкий, которому Ленин сообщил о просьбе Бонч-Бруевича, отставку первоначально давать не хотел^{VI}. В телеграмме Ленину от 21 августа 1918 г. он прямо писал: «Что касается отставки Бонч-Бруевича, то предлагаю ее не принимать, а дать ему отпуск для поправления здоровья на две недели или на месяц. Он нам нужен, заменить его некем, лица, на которых он указывает, не годятся. Возможно, что его в мое отсутствие стали ущемлять...»^{VII} Самому Бонч-Бруевичу Троцкий телеграфировал о неожиданности его прошения^{VIII}.

После повторного ходатайства Троцкий был вынужден уступить^{IX}. Скорее всего, серьезных проблем со здоровьем Бонч-Бруевич тогда не испытывал. Он жаловался

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 115. Л. 43; Д. 125. Л. 252, 254.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 115. Л. 43.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 99.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 212–214.

^V РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 1; РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 141.

^{VI} HIA. Trotsky collection. Box 4. Folder 20.

^{VII} HIA. Trotsky collection. Box 1. Folder 10.

^{VIII} *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 312.

^{IX} HIA. Trotsky collection. Box 1. Folder 13; 15.

на бессонницу, упадок сил и трудоспособности, частые головокружения с потемнением в глазах, припадки резких болей в области сердца и левой лопатки, отдающие в левую руку, и отеки под глазами. Консилиум врачей нашел неврастению с сердечными припадками, определив, что Бонч-Бруевич нуждается в «продолжительном полном отдыхе и в специальном физиотерапевтическом лечении»¹. На дипломатический характер болезни указывает тот факт, что примерно через месяц после ухода со службы Бонч-Бруевич не выдержал бездействия и устроился на работу в Межевой институт. 48-летний бывший генерал обладал крепким здоровьем и прожил еще 38 лет. Скорее всего, история с отставкой была обусловлена напряженностью в связи с его конфронтацией с И.И. Вацетисом.

Болезненное состояние могло быть весомым аргументом при решении вопросов о переводе военспецов на службу в более благоприятные районы. Так, бывший генерал-майор Л.К. Александров писал военруку ВВС, также бывшему генерал-майору М.Д. Бонч-Бруевичу 22 августа 1918 г.: «Мое душевное состояние еще более омрачается болезненным состоянием моей жены. Туберкулез легких прогрессирует с каждым днем в этом сыром Петрограде, где чуть не каждый день идут дожди. Прошедшее лето было исключительное в этом отношении.

Врачи требуют безусловного выезда из Петрограда. Ввиду этого обращаюсь к Вам с горячей мольбой предоставить мне какую-либо менее ответственную должность в Москве, хотя на время, для небольшого отдыха, чтобы подкрепить свои нервы и поставить свою жену в лучшие климатические условия»². Также можно было добиться более благоприятных условий службы. Например, в феврале 1920 г. бывший капитан В.И. Самуйлов был признан по состоянию здоровья годным к службе только на «административной должности в домашней обстановке»³.

По болезни можно было отказаться даже от высоких назначений. Так, бывший генерал-лейтенант Г.К. Корольков отказался от поста начальника штаба Южного фронта. 28 января 1919 г. он писал в рапорте члену РВСР К.А. Мехоношину: «Возвратившись в Козлов из командировки в 8-ю армию и отряд [И.С.] Кожевникова, узнал о своем назначении начальником штаба Южного фронта и был более чем удивлен. Мною лично и рапортом доложено товарищу Л.Д. Троцкому, что я, как по возрасту (56-й год), так и по состоянию здоровья, совершенно не соответствую посту, требующему много сил, здоровья и хорошей памяти, т.е. того, чего у меня уже нет. Тов. Троцкий приказал мне задержаться в Козлове до его возвращения из Воронежа, но привез мне отрицательный ответ на мой рапорт.

С его разрешения я выехал в Москву в надежде застать Вас и просить Вас об оставлении меня при поезде. Я служил на Кавказе более 10 лет и хорошо знаю страну, народы и обычаи (адат) горцев. Эти знания были бы полезны Вам, если бы я мог ехать с Вами в той же скромной роли военного специалиста и сотрудника поезда, тогда как усиленная работа в роли начальника штаба фронта через 2–3 недели выведет меня из строя советских работников. Эти соображения мною были доложены т. Троцкому, на что тов. Троцкий заявил, что, как я почувствую

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 2об.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 143–143об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 62.

усталость, меня освободят. Стоит ли проделывать подобный опыт. Проще назначить комиссию врачей, чтобы узнать состояние моего здоровья.

Докладывая об этом, прошу Вашего ходатайства об оставлении меня на прежнем месте службы, где я еще могу приносить посильную пользу республике.

Назначенный начальником штаба Южного фронта Корольков^I.

Следует отметить, что болезни порой были связаны с перегрузками по службе. Так, начальник штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Петин в 1920 г. в разговоре с Б.М. Шапошниковым по прямому проводу сообщил: «Я потерял временно глаза и поэтому по вечерам и ночам лишен возможности работать, вся тяжесть работы легла на плечи начоперупра тов. [И.Х.] Паука»^{II}.

Отдельные генштабисты антибольшевистских армий, в отличие от их товарищей из РККА, в случае болезни могли пользоваться заграничными отпусками, которые порой продолжались по несколько месяцев. Законным считался шестимесячный срок эвакуации по болезни^{III}. К примеру, заграничный отпуск по болезни в 1920 г. получил полковник М.А. Ковалев на Юге России^{IV}.

В РККА практиковались освобождения по болезни от службы, продолжавшиеся иногда по несколько месяцев. При увольнении в отпуск по болезни военспец считался в прежней должности на протяжении двух месяцев^V. Можно было получить отпуск и в связи с болезнью близкого родственника^{VI}. При этом окончательно уволиться из Красной армии по болезни сравнительно быстро, по-видимому, было затруднительно. Так, В.А. Соковнин подал рапорт об этом 30 июля 1919 г., а уволен был лишь 23 октября^{VII}, причем 9 ноября уже скончался от порока сердца^{VIII}. Военспец, по данным на лето 1919 г., тяжело болел, едва мог передвигаться и понес серьезные расходы на лечение, потратив все свои сбережения от жалованья, в связи с чем просил о пенсии^{IX}.

Порой в случае болезни генштабисты могли рассчитывать на помощь товарищей. Так, в связи с тяжелой болезнью бывшего генерал-майора Б.А. Левицкого начальник Оперативного управления ВГШ бывший генерал-майор С.А. Кузнецов в сентябре 1918 г. ходатайствовал перед Московским генеральным госпиталем о бесплатном отпуске лекарств, так как у больного не имелось средств на приобретение дорогостоящих препаратов^X. Интересно, что Левицкий, как и Кузнецов, принадлежал к белому подполью. В 1919 г. оба были арестованы, причем Кузнецова расстреляли, а Левицкому удалось бежать к белым вместе с генералом Н.Н. Стоговым.

Ожесточение нравов, жизненные трудности и даже трагедии в эпоху войн 1914–1922 гг. сказывались на психике. Так, страдающим душевным расстройством в тяжелой форме в 1919 г. был признан военспец бывший генерал-лейтенант

^I РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–75об.

^{II} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 479. Л. 329.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 73об.–74.

^{IV} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 389.

^V РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 138.

^{VI} Там же. Л. 450.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 38.

^{VIII} Там же. Л. 52, 60. Исключен из списков — Приказ РВСР по л/с армии. 1919. № 362. 09.12.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 41, 48об.

^X РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 395.

Н. А. Дистерло^I. Психическим расстройствам были подвержены некоторые видные деятели Белого движения. Супруга генерала М. К. Дитерихса летом 1919 г. рассказывала, что они с мужем ежедневно «устраивают бдения, прячутся друг от друга, потом ищут и, найдя, молятся»^{II}. Характерной была и обстановка вагона Дитерихса в декабре 1919 г.: «На столе стояли два больших шандала по три свечи в каждом. Посередине шандал с одной свечой. Прямо сзади стула Дитерихса на стене был прикреплен большой синий щит с белым восьмиконечным крестом, по бокам два полотнища хоругвей. Во всем было что-то таинственно-мистическое... Было что-то совершенно ненормальное во всем этом, а между тем передо мной сидел Дитерихс, в этом не было никакого сомнения»^{III}.

Психическим расстройством страдал и генерал Я. А. Слащев-Крымский – видный деятель Белого движения на Юге России. Две затяжные войны, массовая гибель боевых товарищей, ожесточение, нервное перенапряжение выработали у него легкое отношение к смерти, своей и чужой, а также беспощадность. Генерал П. Н. Врангель вспоминал, что когда-то под Ставрополем в 1918 г. Слащев поразил его молодостью и свежестью. Но в феврале 1920-го перед Врангелем предстал почти другой человек: «Теперь его трудно было узнать. Бледно-землистый, с беззубым ртом и облезлыми волосами, громким ненормальным смехом и беспорядочными порывистыми движениями, он производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека»^{IV}. Врангелю вторил и его начальник штаба генерал П. Н. Шатилов, свидетельствовавший о состоянии Слащева в апреле 1920 г.: «Было ясно, что Слащев уже мало владеет собой. Чрезмерное употребление вина и кокаина действовали как на его разум, так и на здоровье»^V. Участник Белого движения на Юге России генерал А. А. Мориц в дневнике за февраль 1920 г. дал такую характеристику Слащеву: «Ненормальный стеклянный взгляд, кокаинист, никакими серьезными вопросами не интересуется»^{VI}.

В обстановке архаизации жизни общества во время Гражданской войны неизбежно приходило в упадок и медицинское обслуживание не только населения, но и войск. Эпидемии, множество больных и раненых, которых необходимо было лечить, приводили к тому, что медицинская помощь стала дефицитной услугой, при том что и в мирное время в старой России она оставляла желать лучшего. Еще хуже становилось медицинское обслуживание в условиях затяжных отступлений, что было особенно характерно для белых армий. Генерал С. А. Щепихин вспоминал, что в конце 1919 г. в подвижных госпиталях колчаковских войск, на вагонных площадках складировались штабелями трупы умерших. Эти подвижные кладбища ехали с отступавшей армией от Иртыша до Оби^{VII}. Не способствовали укреплению здоровья полевые условия войны, эпидемии, полуголодное существование, нервное перенапряжение и переутомление, злоупотребление алкоголем

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 325, 326.

^{II} Скитания русского офицера. С. 389.

^{III} Там же. С. 416–417.

^{IV} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 512–513.

^V Шатилов П. Н. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 382.

^{VI} РГВА. Ф. 40239. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

^{VII} Подробнее см.: Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020. С. 129–131.

и наркотиками. Многие офицеры воевали с 1914 г., что сказывалось на психике, провоцировало легкое отношение к смерти и общее ожесточение. От гибели вследствие скоротечных заболеваний, которые в обычное время можно было вылечить, не был застрахован никто, вплоть до наиболее высокопоставленных лиц.

В обстановке Гражданской войны материальный фактор стал одним из самых чувствительных для жизни. Не были исключением и офицеры Генерального штаба, которым, как и всем остальным, тоже нужно было выживать и приспосабливаться к непростым условиям смутного времени. В Советской России в связи с проведением политики «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры для служащих, включая комсостав РККА, осуществлялось распределение продуктов в форме пайков. Пайки дополняли жалованье, получавшееся военными специалистами. В целом, материальное обеспечение военспецов было достаточно серьезным и даже превышало обеспечение партийных работников — комиссаров, в том числе партийного руководства. Впрочем, здесь не приходится говорить о том, что генштабисты находились на особом положении. Высокие оклады имели и другие категории специалистов. Все, что можно, новые хозяева России в Гражданскую войну отдавали армии, порой даже за счет собственного благополучия.

Сравнительный анализ положения генштабистов показывает, что их материальное положение в антибольшевистских армиях являлось более тяжелым. Генштабисты там не обеспечивались пайками, а оклады не поспевали за инфляцией. Обычным явлением была нехватка жалованья даже до прожиточного минимума.

Материальное обеспечение представляется одним из значимых стимулов привлечения части офицеров на службу. В то же время было бы неправильным утверждать, что этот вопрос, привлекая старых специалистов в армию, всерьез влиял на их идейный выбор. Те, кто не принимал большевизм, были готовы бороться с ним в любых, даже самых тяжелых, условиях. Несмотря на превосходное материальное обеспечение, тысячи военспецов, в том числе сотни генштабистов, бежали из Красной армии при первой же возможности. Основным мотивом было неприятие власти большевиков и бесправное положение военспецов в Советской России, где жизнь и судьба «бывших» порой зависели от прихоти политработников и чекистов.

Те офицеры, которые служили в Гражданскую войну исключительно из материального интереса, не были лидерами соответствующих вооруженных формирований, не могли повести за собой других людей и едва ли приносили пользу, сопоставимую со вкладом идейных борцов.

Отношение идейных к шкурникам было негативным. Общеизвестно, что лидеры большевиков, как и лидеры белого лагеря, были бессребрениками. Хрестоматийным стал пример главкома ВСЮР генерала А.И. Деникина, ходившего летом 1919 г. в жаркой черкеске, поскольку у него изорвались штаны¹. Можно представить, как белый главнокомандующий и его окружение могли отнестись к тем

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 327.

офицерам, которые во главу угла ставили жалование и готовы были продавать-ся тем, кто больше заплатит.

Уровень жизни населения в Гражданскую войну был в целом невысок, что обуславливалось вооруженной борьбой внутри страны, архаизацией быта, социально-экономическим кризисом и его последствиями в виде дороговизны, дефицита продовольствия, одежды, топлива, медицинского обслуживания. Вместе с остальным населением страны страдали, приспосабливались и выживали представители старого офицерства, не исключая военную элиту дореволюционной России – офицеров-генштабистов. С окончанием Гражданской войны их мытарства не прекратились, а последующие страдания и лишения оказались не легче. Поэтому не вызывает удивления фраза выпускника ускоренных курсов академии С. С. Ивановского: «Самый для меня благоприятный период жизни был во время Гражданской войны, где я был поглощен в свою деятельность и удовлетворен ей»¹.

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 30.

Глава X.

Подготовка кадров Генерального штаба в 1917–1922 гг.

В годы Гражданской войны в качестве специалистов Генштаба на службу противоборствующими сторонами привлекались не только офицеры-генштабисты старой армии. Немалую роль сыграли и те, кто прошел подготовку непосредственно во время Гражданской войны уже в противоборствующих лагерях. История подготовки кадров Генштаба в период 1917–1922 гг. представляет большой исторический интерес, тем более что на этой подготовке, равно как и на подготовленных кадрах, ярко отразились социально-политические особенности гражданского противостояния. Достаточно отметить, что старая Николаевская академия Генерального штаба в Гражданскую войну оказалась сначала у красных, потом у белых, а в конечном итоге опять попала к красным. При этом учебный процесс в академии велся в период ее пребывания в каждом из лагерей. Академия Генштаба РККА, созданная в Советской России в кратчайшие сроки после перехода старой академии к противнику, оправдала возложенные на нее надежды и стала настоящей кузницей командно-штабных кадров РККА. Однако длительные сроки подготовки в ней (изначально рассчитана на трехлетнее обучение) и колоссальная нехватка кадров в Советской России привели к идее краткосрочной подготовки младших штабных работников в школах штабной службы, а также к направлению слушателей академии на фронт в период летних каникул (с конца весны по начало осени) в 1919 и 1920 гг. Наконец, наличие в РККА массы старших и высших командиров без специального военного образования привело к созданию военно-академических курсов, на которых такие люди получали ускоренную подготовку и переподготовку. Попытки организации своих военных академий предпринимались и в национальных государственных образованиях, возникших на руинах Российской империи. Впрочем, в условиях слабой материально-технической базы на окраинах такие попытки редко бывали успешными. Тем не менее этот опыт тоже интересен. К тому же подготовкой штабных кадров везде занимались бывшие офицеры-генштабисты русской армии, разошедшиеся после 1917 г. по разным лагерям, государствам и армиям.

§ 1. Николаевская военная академия в 1917–1922 гг.

Главной военной академией старой России, Николаевской, история отвела очень символический, но непродолжительный временной отрезок. Основанная в ноябре 1832 г. в Санкт-Петербурге, академия под разными наименованиями просуществовала ровно 90 лет до ноября 1922 г. События Гражданской войны привели

к гибели этого высшего военно-учебного заведения, хотя его библиотеки и архивы сохранились до наших дней^I.

Академия Генерального штаба открылась в Санкт-Петербурге 26 ноября 1832 г., с 1855 г. в память императора Николая I она стала именоваться Николаевской, с 4 августа 1909 г. – Императорской Николаевской военной академией (в связи с тем, что академия должна была давать высшее военное образование^{II}, в революционный период слова «Императорская» и «Николаевская» исчезли из названия). В 1914 г. учебный процесс в академии прекратился и не осуществлялся на протяжении двух лет, после чего подготовка кадров Генштаба в связи с их острой нехваткой на фронте была возобновлена.

С конца 1916 г. для нужд фронта академия вела подготовку кадров на ускоренных курсах по сокращенной программе. В 1916–1919 гг. функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней четвертой, было организовано по два класса – подготовительный курс и старший класс. Всего за период 1917–1919 гг. через курсы прошли около тысячи офицеров (табл. 76).

Таблица 76

**Статистика выпусков ускоренных курсов
Военной академии 1917–1919 гг.^{III}**

Класс Очередь	Младший (подготовительные курсы)	Старший
1-я	Зачислены 242, выпущены 237 (01.11.1916–20.01.1917)	Зачислены 86, выпущены 84 (01.02–13.06.1917), все причислены к Генеральному штабу как выпуск 1916 г., 81 переведен в Генеральный штаб
2-я	Зачислены 253, выпущены 233 (01.02–23.05.1917)	Зачислены 168, выпущены 165 (15.10.1917 – начало 03.1918), все причислены к Генеральному штабу как выпуск 1917 г., 133 переведены в Генеральный штаб
3-я	Зачислены 239, выпущены 143 (15.10.1917 – начало 03.1918)	Зачислены 204–212 (по разным спискам) (01.06–18.07.1918, занятия прерваны)
Ускорен- ный курс	Подлежали командированию 179, прибыли 113–115 (июль 1918, занятия прерваны)	
4-я	Зачислены 176, выпущены 154 (21.01–29.04.1919)	

^I Подробнее о последних годах истории академии см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

^{III} Списки выпускников и слушателей курсов всех очередей опубликованы в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 485–524, 576–582.

Выпускники ускоренных курсов – курсовики – различались по полученной подготовке (к примеру, в старший класс курсов 1-й очереди зачислялись офицеры, окончившие полноценный младший класс академии перед войной), уступали выпускникам академии довоенного времени, однако вполне могли нести обязанности младших офицеров Генерального штаба. В 1916–1919 гг., включая период Гражданской войны, когда занятия проводились в Екатеринбурге и Томске, функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней четвертой, было организовано по два класса – младший (подготовительный) и старший (летом 1918 г. был организован и ускоренный курс, не получивший номера). Сотни выпущенных курсовиков (всего за период 1917–1919 гг. через курсы прошли около тысячи офицеров) радикальным образом изменили облик Генерального штаба, сделав его намного более разнообразным, чем прежде.

Ускоренные курсы были открыты в целях специальной подготовки некоторого количества строевых обер-офицеров к выполнению обязанностей офицеров Генерального штаба на младших должностях в полевых штабах действующих армий¹. Вопрос об открытии академии обсуждался уже летом 1916 г. Слушатели были вызваны в Петроград, однако по распоряжению начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева открытие курсов в связи с остротой фронтовой обстановки было перенесено на осень. Летом 1916 г. был разработан предварительный учебный план сокращенной подготовки генштабистов (табл. 77).

Таблица 77

**Предварительный недельный учебный план занятий на ускоренных курсах
Императорской Николаевской военной академии^{II}**

Предмет \ Часов в неделю	Старший класс		Младший класс	
	Теория	Практика	Теория	Практика
Стратегия	4			
Тактика	8	6	8	6
Военная история	3			
История военного искусства			2	
Военная администрация	6	1	5	
Военная статистика	4		6	
Сведения по артиллерии	2		2	
Сведения по инженерной части	3	2	2	
Военно-морское дело			2	
Теория съемки			3	2
Верховая езда		3		2
Всего в неделю	30	12	30	10
На репетиции		6		8

Подготовительные курсы открылись 1 ноября 1916 г. продолжительностью 2,5 месяца до 15 января 1917 г. На курсы распоряжением Ставки был командирован 241 офицер. Среди слушателей был флигель-адъютант, полковник князь

^I РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 117об.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 90.

крови императорской Гавриил Константинович. Обучение завершилось репетиционными экзаменами в январе 1917 г., после чего 237 выпускников отбыли в действующую армию для занятия младших должностей Генштаба в полевых штабах как заместители тех офицеров, которых направили в академию во 2-ю очередь к 1 февраля 1917 г.

Выпускники подготовительных курсов 1-й очереди получили право быть призванными без экзамена в старший класс 3-й очереди, если война затянется, или поступить, если этого не произойдет, в младший класс академии без экзамена в течение двух лет со времени открытия занятий.

К 1 февраля 1917 г. в академию прибыли 86 офицеров на старший класс 1-й очереди и 253 – на трехмесячные подготовительные курсы 2-й очереди¹. В основном это были строевые офицеры, имевшие отношение к академии еще в мирное время. В старший класс 1-й очереди зачисляли прошедших младший класс академии до войны, а на подготовительные курсы 2-й очереди принимали тех, кто до войны выдержал конкурсные либо предварительные экзамены в академию. В годы войны вследствие нехватки офицеров Генштаба их привлекали к исполнению оберофицерских должностей Генштаба.

В старшем классе 1-й очереди штаб-офицерами, заведующими обучающимися, стали: 1-е отделение – полковник П.Ф. Рябиков, 2-е отделение – полковник Д.К. Лебедев. На подготовительных курсах штаб-офицерами, заведующими обучающимися офицерами, стали: 1-е отделение – полковник Л.П. Дюсиметьер (временно – капитан Г.В. Солдатов), 2-е отделение – полковник А.П. Слижилов, 3-е отделение – подполковник А.Ф. Гущин, 4-е отделение – подполковник И.И. Смелов, 5-е отделение – полковник Ю.Н. Плющевский-Плющик (уже 9 февраля его сменил капитан А.Д. Сыромятников). Распределение учебных занятий с 1 февраля 1917 г. было следующим. Старший класс: 9.00–9.50 – 1-я лекция, 10.00–10.50 – 2-я лекция, 10.50–11.30 – большая перемена, 11.30–14.00 – практические занятия, 14.30–15.20 – 3-я лекция, 15.30–16.20 – 4-я лекция. Подготовительные курсы: 9.00–9.50 – 1-я лекция, 10.00–10.50 – 2-я лекция, 11.00–11.50 – 3-я лекция, 11.50–12.40 – большая перемена, 12.40–13.30 – 4-я лекция, 13.40–14.30 – 5-я лекция, 14.45–17.15 – практические занятия. С 1 марта 1917 г. в старшем классе добавлялись уроки верховой езды (по одной партии 8–8.50, 16.45–17.45 по дополнительному расписанию)².

В течение курса отчислились со старшего класса два офицера и с подготовительных курсов – 20. В период 26 апреля – 22 мая 1917 г. прошли экзамены, а 23 мая состоялся выпуск 233 офицеров подготовительных курсов 2-й очереди.

Выпускники получали свидетельства трех категорий: 1) выдержавшие в мирное время 1911–1914 гг. конкурсные или предварительные экзамены и состоявшие перед командированием в академию на штатных должностях Генштаба; 2) выдержавшие в мирное время 1911–1914 гг. конкурсные или предварительные экзамены и состоявшие перед командированием в академию в строю или в прикомандировании к штабам – не на штатных должностях Генштаба; 3) не выдержавшие

¹ В приказе Императорской Николаевской военной академии № 33 от 02.02.1917 указаны 83 и 234 прибывших соответственно (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 20об., 23об.).

² Там же. Л. 14об.

экзаменов и состоявшие в строю или в прикомандировании к штабам. Свидетельства первой категории получили 159 человек, второй — 40, третьей — 34^I.

В период с 5 мая по 7 июня 1917 г. прошли экзамены, и 13 июня состоялся выпуск старшего класса 1-й очереди (84 офицера). Все они были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1916 г.) с назначением в штабы фронтов с правом на перевод в Генеральный штаб на тех же условиях, какие установлены для окончивших два класса академии в 1914 г., с обязательством сдать темы дополнительного класса после войны.

С 13 июня по 15 октября 1917 г. учебный процесс в академии не осуществлялся. Летом 1917 г. прошли выборы начальника академии, большинство голосов офицеров Генерального штаба получил генерал Н.Н. Головин, однако решением министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского на этот пост был назначен второй кандидат по числу голосов — полковник А.И. Андогский^{II}.

К 15 октября в академию прибыли 407 офицеров. Среди прибывших было 160 офицеров, поступавших в старший класс 2-й очереди из числа окончивших подготовительные курсы 2-й очереди и получивших свидетельства первой категории, а затем служивших на штатных должностях Генштаба. 8 офицеров, выдержавших экзамены в мирное время и окончивших подготовительные курсы 1-й или 2-й очереди и занимавших штатные должности Генштаба, прибыли на геодезическое отделение. На подготовительный курс 3-й очереди прибыли 238 офицеров (по 2 от корпуса), из числа строевых офицеров, окончивших военные училища по программе мирного времени и избранных командирами корпусов. Офицеры пробыли в действующей армии не менее 6 месяцев для кадровых и не менее 24 месяцев для ускоренных выпусков военных училищ (принимались лишь те, кто окончил училища не позже 1 октября 1914 г.). Кроме того, один офицер прибыл в младший класс геодезического отделения (выдержал в мирное время предварительный экзамен в академию, в войну попал в плен и бежал оттуда). В ходе учебы по 1 января 1918 г. с подготовительных курсов 3-й очереди были отчислены 12 офицеров.

Обстановка в стране сказывалась на настроениях преподавателей и слушателей. Как отмечал профессор Б.В. Геруа, «чтение курсов и ведение практических занятий шли через пень в колоду»^{III}. Стоявшая у дверей и заглядывавшая в окна революция мешала сосредоточиться и спокойно отдаться науке. Как профессора, так и слушатели чувствовали себя точно на куске, оторвавшемся от Земли и блуждающем в пространстве вне связи с остальным миром. Знали, что этот метеор рано или поздно шлепнется о твердую поверхность и расплывется в порошок»^{IV}. Нечто похожее ощущал курсовик В.М. Цейтлин, записавший в дневнике незадолго до большевистского переворота: «Апатия положительно ко всему, ничего не хочется делать, ни во что не веришь...»^V

^I РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 124об.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 76–103; Его же. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74.

^{III} Так в документе.

^{IV} Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 275.

^V АВИМАИВИНС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 252; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 295.

Представление о проведенных на курсах занятиях дают следующие таблицы (табл. 78, 79).

Таблица 78

**Учебная нагрузка (часов) старшего класса академии 1-й и 2-й очереди
(1 февраля 1917 – 1 января 1918 г.)¹**

Предмет	1-я очередь	2-я очередь
Прочитано лекций		
Стратегия	40	23
Общая тактика	35	36
Тактика технических войск	26	
Тактика воздушных средств борьбы	14	
Военная администрация	18	
История военного искусства		23
Военная статистика России	23	16
Военная психология		7
Военная статистика иностранных государств	20	16
Очерк событий текущей войны	10	
Военно-морское дело	21	16
Сведения по артиллерийской части	5	
Служба Генерального штаба	25	31
Сведения по инженерному искусству	32	
Военно-инженерное дело		22
Итого	269	190
Проведено практических занятий		
По тактике	52	43
По военной администрации	36	10
По картографии		18
По инженерному искусству	8	
По службе Генерального штаба		8
Итого	96	79

Таблица 79

**Учебная нагрузка (часов) подготовительного курса академии 2-й и 3-й очереди
(1 февраля 1917 – 1 января 1918 г.)¹**

Предмет	2-я очередь	3-я очередь
Прочитано лекций		
Общая тактика	26	33
Тактика пехоты	22	21
Тактика конницы	18	13
Тактика артиллерии	16	9
Тактика воздушных средств борьбы	13	1

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об. – 126.

² Там же. Л. 126 – 126об.

Предмет	2-я очередь	3-я очередь
Тактика технических войск	23	10
Очерк событий текущей войны	10	4
Служба Генерального штаба	24	50
Военная администрация	25	9
Сведения по инженерному искусству	29	21
Сведения по артиллерийской части	29	18
Военная психология		7
Теория съемки	18	10
Военная топографическая разведка	18	
Итого	271	206
Проведено практических занятий		
По тактике	52	39
По военной администрации	36	10
По теории съемки	8	
По картографии		20
По инженерному искусству	11	20
Итого	107	89

В старшем и младшем классах геодезического отделения читались лекции по астрономии (32 часа) и по вопросам математики (16 часов).

На плечи курсовиков легла трудная работа. Один из них писал в 1917 г. председателю комитета слушателей: «Мы тоже люди, что есть предел эксплуатации нас, как работников по службе Генерального штаба. Получается впечатление, что из нас хотят выжать все соки, а затем выбросить как ненужную вещь... Разве мало офицеров из курсовиков исполняло должности начальников штабов, разве временами на нас не вваливали подчас тяжелую и ответственную работу, разве обошлись бы штабы без нашей помощи? Так издеваться нельзя, надо учитывать и то обстоятельство, что мы выросли и научились любить службу Генерального штаба, мы хотим и требуем иного отношения к нам! Мы имеем, наконец, право на военное образование, и мы добьемся этого!» В конце октября 1917 г. выпускников курсов 1-й очереди из-за нехватки генштабистов назначали уже на штаб-офицерские должности¹.

Практический опыт курсовиков по службе Генштаба различался. Так, слушатели подготовительных курсов 1-й очереди состояли на должностях Генштаба в полевых штабах действующей армии, начиная со старших адъютантов дивизионных штабов и заканчивая начальниками корпусных штабов, в период с конца января 1917 по март 1918 г. Слушатели подготовительных курсов 2-й очереди находились на должностях Генштаба в действующей армии с конца мая по октябрь 1917 г. Слушатели подготовительных курсов 3-й очереди и вовсе не командировались в действующую армию на должности Генштаба после выпуска.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 226.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 199.

Сравним уровень подготовки слушателей академии мирного времени и курсовиков (табл. 80–82).

Таблица 80

**Учебная нагрузка слушателей академии мирного времени и ускоренных курсов
1-й и 2-й очереди**

Курс \ Часов	Лекций	Практических занятий	Всего
Младший класс академии мирного времени	345	200	545
Старший класс академии мирного времени	357	189	546
Подготовительные курсы 1-й очереди	249	126	375
Подготовительные курсы 2-й очереди	269	109	378
Старший класс 1-й очереди	277	111	388

Таблица 81

**Учебная нагрузка младшего класса академии мирного времени
и подготовительных курсов 1-й и 2-й очереди¹**

Предмет \ Часов	В младшем классе 1913/14 г.	На ускоренных подготовительных курсах 1-й очереди	На ускоренных подготовительных курсах 2-й очереди
Лекции			
Тактика (все отделы) в совокупности	85		
Тактика пехоты		25	21
Тактика конницы		20	20
Тактика артиллерии		15	16
Тактика технических войск		12	23
Тактика общая (трех родов войск)		28	25
Тактика воздушных средств борьбы			10
Военная администрация	52	25	24
Сведения по инженерной части	21	30	32
Сведения по артиллерийской части	42	32	29
Служба Генерального штаба		16	23
Военно-топографическая разведка		16	18
Теория съемки (геодезия)	20	20	18
Очерк событий текущей войны		6	10
Устройство и тактика броневых автомобилей		4	

¹ Камнев В. Н. Ускоренная подготовка офицеров в Николаевской военной академии в течение настоящей войны // Армия и флот Свободной России (Петроград). 1917. 05.09. № 204. С. 3.

² Там же.

Предмет \ Часов	В младшем классе 1913/14 г.	На ускоренных подготовительных курсах 1-й очереди	На ускоренных подготовительных курсах 2-й очереди
История военного искусства	105		
Политическая история	20		
Итого лекционных часов	345	249	269
Практические занятия			
По тактике	84	60	52
По администрации		42	34
По инженерному искусству		12	11
По теории съемки (геодезии)	116	12	12
Итого практических занятий	200	126	109
Всего часов занятий	545	375	378
В среднем часов занятий в день	4,3	7,5	7,0

Таблица 82

Учебная нагрузка старшего класса академии мирного времени и старшего класса ускоренных курсов 1-й очереди¹

Предмет \ Часов	Старший класс 1913/14 г.	Старший класс 1-й очереди курсов
Лекции		
Тактика	42	
Тактика общая (трех родов войск)		35
Тактика технических войск		26
Тактика воздушных средств борьбы		14
Военная администрация	31	18
Сведения по инженерной части	47	32
Сведения по артиллерии		5
Военная статистика иностранных государств	42	20
Военная статистика России	31	24
Стратегия	42	46
Служба Генерального штаба	16	25
Военно-морское дело	21	22
Очерк событий текущей войны		10
Военная история	63	
Политическая история	22	
Итого лекционных часов	357	277
Практические занятия		
По тактике	105	58

¹ Там же.

Предмет \ Часов	Старший класс 1913/14 г.	Старший класс 1-й очереди курсов
По администрации	42	45
По инженерному искусству		8
По статистике	42	
Итого практических занятий	189	111
Всего часов занятий	546	388
В среднем часов занятий в день	4,3	6,5

В 1916–1917 гг. поступавшие на ускоренные курсы академии проходили специальный отбор: на учебу, как правило, направлялись лучшие кадровые офицеры с боевым опытом и опытом штабной работы, нередко имевшие георгиевские награды и ранения. Не случайно в одном из писем начальнику академии А.И. Андогскому в 1918 г. говорилось о том, что в сравнении с курсовиками «едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу»¹. В этом смысле безусловный недостаток подготовки отчасти компенсировался выдающимися личными качествами этих офицеров. В то же время многие старые офицеры с боевым опытом, но без академической подготовки могли по своим знаниям и квалификации существенно превосходить молодых курсовиков.

Квалификация выпускников ускоренных курсов оставалась предметом постоянных и порой довольно острых дискуссий в среде генштабистов. Одни считали их малограмотными недоучками, другие акцентировали внимание на их боевых заслугах и практическом опыте. Думается, присутствовало как одно, так и другое. По мнению преподававшего в академии генерала П.Ф. Рябикова, они не только не отличались от довоенных слушателей, но даже выигрывали благодаря боевому опыту². С Рябиковым был солидарен генерал П.С. Махров, по мнению которого «на войне эти офицеры Генерального штаба оказались на высоте своего служебного положения»³. Иначе считал начальник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов: «Теоретическая подготовка этих офицеров была очень ограниченной, службы Генерального штаба нести им в Великую войну не довелось, а в Гражданской войне они могли научиться лишь очень “своеобразному” несению этой службы, традициям академии и корпуса офицеров Генерального штаба они были совершенно чуждыми»⁴. Такая оценка не вполне справедлива, поскольку, во-первых, некоторые курсовики получили опыт штабной службы в Первую мировую, а, во-вторых, в их среде также распространились корпоративные традиции и взаимовыручка. Так или иначе, но поблажек для курсовиков старались не допускать⁵. Сам начальник академии А.И. Андогский, отдавая должное боево-

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108.

² ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

³ Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1238 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 2.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 408об.

⁵ Характерен документ, составленный профессором Г.Г. Христиани об одном из слушателей: «Постановлением конференции 11 марта 1918 года “капитан [Л. В.] Никольский подлежит приему

му опыту курсовиков, считал, что академия по сокращенной программе готовила недоучек¹. Курсовики, несомненно, меняли и моральный облик корпорации генштабистов². Предшественник Андогского генерал В.Н. Камнев (Петерс) отмечал: «Личный боевой опыт, широкая практика штабной службы в условиях военного времени и очень серьезная теоретическая подготовка на ускоренных академических курсах выдвигают всех офицеров, прошедших через такие курсы, в ряды очень ценных работников, из которых, можно с уверенностью сказать, вырабатываются образцовые офицеры Генерального штаба»³.

Старые генштабисты часто относились к курсовикам отрицательно, не считали их получившими достаточную подготовку для службы Генерального штаба, называли «недоучками» и даже «недоносками» (поскольку курс обучения был рассчитан на восемь месяцев). Курсовик В.М. Цейтлин летом 1917 г. отмечал, что начальник штаба корпуса, в котором оказался Цейтлин, на выпускников подготовительных курсов 2-й очереди «смотрит как на пригостишек»⁴. Генерал С.Л. Марков, к примеру, был убежден, что «создавать офицеров Генерального штаба из курсовиков нельзя, это не школа прапорщиков»⁵. Об этом он телеграфировал 19 августа 1917 г. начальникам фронтовых штабов. Бывший генерал Д.И. Андриевский, служивший в начале 1918 года в штабе Северного участка и Петроградского района, заявил в марте 1918 г. в общем отделении штаба своему товарищу, что в штаб для работы приглашены «недоноски»⁶. Военспец не заметил, что там же присутствовали курсовики, которые слышали оскорбление. Подобное пренебрежительное отношение сохранялось и в белых армиях⁷. Но было ли оно справедливым?

Критерии отбора на курсы были строгими, хотя различались от курса к курсу. По рекомендации вышестоящего начальства на курсы зачислялись исключительно кадровые строевые офицеры со стажем службы не менее двух лет, обладавшие боевым опытом. Предпочтение отдавалось тем, кто сдавал перед войной экзамены в академию, но не прошел по конкурсу 1913 г., или сдал письменные испытания при окружных штабах в 1914 г., георгиевским кавалерам, затем раненым, контуженым, отравленным газами при условии восстановившегося здоровья. От армейского корпуса командировались 3 офицера, от конного — 5. Позднее от поступающих стали требовать и наличие штабного опыта. Сохранились статистические данные о 240 выпускниках подготовительных курсов 1-й очереди. Среди них 8,32 % представляли гвардию, 41,67 % — пехоту, 22,9 % — конницу, 14,16 % — артиллерию, 12,95 % — технические и прочие войска. Орденом Св. Георгия и Георгиевским

без экзамена только [в] младший класс ввиду манкирования службой и непосещения половины всех лекций» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 67).

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 38об.

² К примеру, и.д. старшего адъютанта 11-й Сибирской стрелковой дивизии капитан И. В. Зуев в октябре 1917 г. «позволил себе напиться до того, что не владел собою, кроме того, произнес неуместный тост, вызвавший в полку беспорядок и тяжелое нарушение дисциплины. Командарм Х признает, что капитан Зуев, как не умеющий управлять собою, не может нести службу Ген. штаба, где помимо специальных знаний требую[ются] особая выдержка и такт» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 230).

³ Камнев В. Н. Ускоренная подготовка офицеров... С. 3.

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 212; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 259.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 166.

⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64.

⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.

оружием был награжден 61 офицер, или 25% поступивших^I, что свидетельствует о замечательных боевых качествах слушателей.

Профессор Б.В. Геруа вспоминал о курсовиках: «Состав слушателей был особенный и редкий: все сплошь боевые офицеры, командированные от своих частей не за одни умственные качества, но и за заслуги. Среди аудитории, украшенной орденами, белели многочисленные георгиевские крестики. Народ этот был закаленный, требовательный и критический»^{II}.

Свидетельством отбора лучших из лучших представляется ходатайство командира XXXV армейского корпуса генерала М.М. Ставрова перед начальником академии полковником А.И. Андогским от 24 сентября 1917 г. о зачислении на курсы 3-й очереди капитана Г.С. Горчакова: «Телеграммой генкварзапа^{III} вверенному мне корпусу из трех дивизий с большим числом других частей, входящих в него, предоставлено офицерам 2 вакансии на курсы 3[-й] очереди вверенной Вам академии.

Согласно правил командирования и поступления, эти две вакансии заняты двумя офицерами корпуса – георгиевскими кавалерами, имеющими на это право первыми.

Между тем в корпусе имеется офицер 267[-го] пехотного Духовщинского полка капитан Горчаков, который, отличаясь выдающейся храбростью и обладая громадным боевым опытом, пробыв в пехотном полку в строю более 2-х лет, отлично знаком с военной службой, прекрасный начальник и человек, дважды был ранен и однажды контужен в текущую войну во время штыковых атак, участвовал во всех боевых действиях полка, прибыв на войну в чине подпоручика, награжден всеми боевыми орденами до Владимира 4[-й] степени с мечами и бантом включительно и чином штабс-капитана и, таким образом, обладая всеми необходимыми данными и требованиями для поступления на курсы, не может попасть единственно вследствие отсутствия вакансии.

Ввиду вышеизложенного я считаю своей нравственной обязанностью обратиться к Вам с просьбой не отказать в принятии этого, во всех отношениях, достойного офицера на курсы вверенной Вам академии.

Только знание заслуг капитана Горчакова обязывает меня затруднить Вас настоящей моей просьбой.

Двухмесячная на моих глазах его работа в штабе корпуса дает мне полные основания утверждать, что он будет выдающимся офицером Генерального штаба, как по своим блестящим способностям, так и по безукоризненному трудолюбию^{IV}. Сам Горчаков телеграфировал Андогскому 3 октября: «Умоляю не оставить просьбы [о] принятии [на] курсы без внимания. Штакор 35[-го]. Капит[ан] Горчаков»^V. И хотя Горчаков из-за болезни не окончил даже младший класс, он тем не менее проявил себя в дальнейшем как дельный штабной работник, а в Гражданскую войну занимал ряд ответственных штабных постов в РККА.

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1552. Л. 72.

^{II} Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 275.

^{III} Генерал-квартирмейстера Западного фронта.

^{IV} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 621–621об.

^V Там же. Л. 624.

Подготовка на курсах отличалась интенсивностью и включала лекции по стратегии, общей тактике, тактике родов войск, военной администрации, военной статистике России и иностранных государств, истории военного искусства, военной психологии, службе Генерального штаба, военно-морскому делу, событиям Первой мировой войны, артиллерии, инженерному искусству, теории съемки, военной топографической разведке. Практические занятия проводились по тактике, военной администрации, картографии, теории съемки, инженерному искусству и службе Генерального штаба. Учебная нагрузка, например, на подготовительном курсе 2-й очереди примерно за три месяца составляла 271 час лекций и 107 часов практических занятий, а в старшем классе 1-й очереди – 269 часов лекций и 96 часов практических занятий¹. В ходе борьбы курсовиков за свои права в РККА уже во время Гражданской войны и после нее выпускники ускоренных курсов приводили различные аргументы в пользу того, что они ничуть не хуже довоенных выпускников академии. В частности, отмечалось, что учебная нагрузка на курсах была не ниже, а даже выше нагрузки в академии мирного времени, при том что были исключены не имевшие практической необходимости дисциплины (верховая езда, опыт которой офицеры приобрели на фронте, черчение), но добавились предметы, учитывавшие опыт Первой мировой войны (авиация, газовые средства борьбы, маскировка, связь, разведка и контрразведка, история мировой войны)².

Выпускник ускоренных курсов 2-й очереди С. Н. Голубев впоследствии вспоминал, что «в академии приходилось работать очень много, ибо тот курс, который в мирной обстановке проходил в течение года, нами был пройден в 5–6 месяцев»³.

Вот как писали о себе наиболее активные в отстаивании собственных прав курсовики 2-й очереди: «Строевой стаж мирного времени от 6 до 8 лет, боевой стаж в строю и штабной стаж по службе Генерального штаба, в том и другом случае на ответственных постах в армии перед началом занятий в академии, поставили военную ценность выпуска в исключительные условия, и обновленная профессура академии того времени, путем привлечения лучших сил с большим боевым опытом фронта, совершенно ясно это подчеркивала, заявляя, что этот выпуск исключительный и пребывание его в академии должно иметь целью лишь систематизацию знаний, боевому же опыту его может тогда позавидовать и сама профессура. Кстати, некоторые представители коей строили свои курсы на докладах слушателей из опыта войны, по задаваемым им темам»⁴.

По-настоящему проявить себя на штабном поприще выпускники курсов смогли только на излете Первой мировой и в дальнейшем. В Гражданскую войну курсовики делали успешную и стремительную карьеру: некоторые пошедшие в РККА

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.–126об.

² АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 28об.; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»: Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // Петербургский исторический журнал (СПб.). 2015. № 2 (06). С. 312.

³ Автобиография С. Н. Голубева // Семейный архив Т. С. Голубевой (СПб.). Выражаю благодарность д.и.н. А. С. Пученкову, любезно предоставившему этот документ.

⁴ АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 29; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». С. 313.

командовали армиями, курсовики в белых армиях стали начальниками штабов бригад и дивизий, дослужились до полковничьих и даже генеральских чинов, хотя еще за два-три года до того носили погоны младших офицеров.

Слушатель ускоренных курсов, впоследствии талантливый военный ученый Е. Э. Месснер отмечал позднее, что «заблуждались те “небожителы” Генерального штаба, которые считали наши академические курсы ненужными. И ошибку сделали те из нас, слушателей, которые не постарались из стен академии унести возможно больше познаний — они пригодились если не в утихавшей в 1917 году внешней войне, то в войне гражданской, где многие добровольческие штабы держались на нас, курсантах, потому что офицеры Генерального штаба оказались, в большинстве, слишком учеными для неправильной (с точки зрения военной теории) войны и слишком малоподвижными для предельно подвижной тактики этой войны»^I. Можно только согласиться с этой оценкой.

Младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди курсов окончил А. Я. Крузе. В Гражданскую войну в колчаковских войсках он дослужился до генеральского чина, отмечен боевыми наградами, попал в плен и служил в РККА. В 1941 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С февраля 1943 г. исполнял должность начальника штаба Сталинградской группы войск. Командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород. С ноября 1944 г. — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. Был награжден рядом советских орденов. В 1949 г. Крузе, спустя 30 лет после производства в генерал-майоры у Колчака, получил звание генерал-лейтенанта Советской армии. В феврале 1958 г. вышел в отставку, а через 9 лет умер в Ленинграде^{II}.

Наиболее благоприятные условия для карьерного роста курсовиков сложились в Красной армии. Курсовики дали РККА даже ряд командующих армиями периода Гражданской войны. Так, М. И. Алафузо временно командовал 3-й армией, М. И. Василенко — 11-й, 9-й Кубанской и 14-й армиями, А. И. Геккер в начале 1918 г. был избран командующим 8-й армией, а в РККА командовал 13-й и 11-й армиями, С. А. Меженинов — 3, 12 и 15-й армиями, М. В. Молкочанов — Красной армией Армении и 14-й армией, А. И. Кук — 16-й армией и был разработчиком плана разгрома отрядов С. Н. Булак-Балаховича.

Группа курсовиков была награждена в Гражданскую войну орденами Красногo Знамени^{III}. Курсовик Г. И. Теодори стал одним из основоположников советской военной разведки и контрразведки^{IV}. В. М. Цейтлин стоял у истоков создания советской военной связи^V. Выпускники и слушатели курсов составили целую плеяду советских генералов периода Великой Отечественной войны (Г. А. Армадеров,

^I Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 3. С. 306 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3.

^{II} Подробнее см.: Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь: в 2 т. М.; Жуковский, 2006. Т. 1. С. 298–299; Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 284–286.

^{III} С. Н. Богомяков, Б. А. Буренин, М. И. Василенко, А. И. Геккер, Г. С. Горчаков, Я. К. Ивасиов, Г. П. Крестьянов, Б. И. Кузнецов, А. И. Кук, А. К. Малышев, С. А. Меженинов, А. М. Перемытов, В. В. Попов, Б. А. Шехаев, А. Я. Яновский. Описания подвигов см. в Приложении 2.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 40–64, 380–414, 748–752; Его же. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 241–304.

^V Ганин А. В. Военспецы. С. 367–408; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов.

Г.С. Дьяков, А.В. Кирпичников, В.Е. Климовских, Б.Н. Кондратьев, Б.И. Кузнецов, А.Д. Лютов, В.И. Максимов, Е.В. Сысоев, В.С. Тамручи, Е.А. Шиловский, А.Я. Яновский). Разумеется, курсовики занимали значительное количество ответственных постов в РККА вплоть до фронтового уровня.

Начальник штаба 13-й армии бывший генерал А.М. Зайончковский следующим образом характеризовал деятельность командующего А.И. Геккера (окончившего лишь младший класс ускоренных курсов 1-й очереди академии), представляя его в конце 1919 г. к причислению к Генштабу: «Хотя т. Геккер за это время и не нес службы Генерального штаба, но за пятимесячное пребывание мое в должности начальника штаба 13[-й] армии я считаю своим долгом отметить, что т. Геккер наряду с серьезными военными познаниями, являющимися следствием не только его боевой практики и опыта, но и следствием широкого военного образования, выказал такое тонкое знание службы Генерального штаба, что давало ему возможность во всех отношениях руководить службой штаба армии, направляя ее с тем техническим знанием дела, которые ставят его на виду с лучшими представителями Генерального штаба. Я смело могу доложить, что для т. Геккера присутствие при нем специалиста как начальника штаба армии является излишним»¹. Впрочем, сложно сказать, насколько объективной была такая оценка, учитывая членство Геккера в РКП(б) и беспартийный статус Зайончковского, находившегося к тому же под подозрением в связях с белыми.

Курсовик Н.И. Камкин по должности начальника штаба 3-й стрелковой дивизии аттестовался начдивом и военным комиссаром в 1920 г. следующим образом: «Добросовестный работник, с большим интересом относится к порученному ему делу. Обладает специальными военными знаниями, имеет громадный боевой опыт, полученный в предыдущей войне и [в] настоящей гражданской, работая с первого дня основания Красной армии. Имеет необходимый для службы Генштаба военный кругозор. Обладает частной инициативой, требователен по отношению к подчиненным, дисциплинирован. Предан советской власти. Достоин выдвижения по службе»². За добросовестную службу в 1919 г. военспец был награжден чашами с надписью «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной армии 1919 года».

Проявили себя курсовики в белых и национальных армиях. Видным военным деятелем, окончившим младший класс 1-й очереди, стал В. Андерс (также окончил Высшую военную школу во Франции) – впоследствии генерал, командующий польскими войсками в годы Второй мировой войны³. Окончили курсы будущие польские генералы Р.И. Воликовский⁴ и В.Э. Томме. А.К. Шнеур в Гражданскую войну стал начальником Генерального штаба Республики Армения. Видным деятелем Белого движения был курсовик М.А. Фостиков, возглавивший в 1920 г. повстанческую «Армию возрождения России» (около 10 000 кубанских казаков, не сумевших эвакуироваться в Крым) на Северном Кавказе⁵. Полковник

¹ РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 781. Л. 399.

² РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 783. Л. 80б.

³ Подробнее о его службе в старой армии см.: *Васильев А. А.* Владислав Андерс — герой Российской императорской армии // *Старый Цейхгауз* (Москва). 2010. № 1 (33). С. 77–80.

⁴ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 460–472.

⁵ 25 января 1917 г. командующий Кавказским кавалерийским корпусом генерал Н. Н. Баратов телеграфировал начальнику Генерального штаба генералу П. И. Аверьянову: «Убедительно прошу тебя

Э.Я. Рютель возглавил Эстонскую военную школу. К числу выдающихся курсовиков относятся сразу два крупных военных мыслителя русского зарубежья: теоретик службы Генштаба полковник А.А. Зайцов (окончил старший класс 1-й очереди) и теоретик актуальной по сей день «мятежевойны» полковник Е.Э. Месснер (окончил младший класс 1-й очереди)¹.

Некоторые слушатели ускоренных курсов выказали мужество как строевые офицеры на полях сражений Гражданской войны. Можно привести описание продвижения капитана М.А. Демишхана из приказа 7-й Уральской горных стрелков дивизии № 46 от 7 октября 1918 г., подписанного генерал-майором В.В. Голицыным: «18 сентября во главе отряда, сформированного из передавшихся на нашу сторону красных, на Режевский фронт выступил капитан Демишхан.

Сумев не только сколотить роты, но и воспитать в них истинный воинский дух, капитан Демишхан повел свой отряд в бой.

Проведя в боях время от взятия Егоршино до Алапаевска, предводительствуемые капитаном Демишхан[ом] роты выполняли всевозможные ответственные боевые операции.

В течение последних 6 дней, с 21 по 27 сентября, капитан Демишхан, командуя самостоятельной группой, получил задачу обеспечения левого фланга колонны, в силу чего группе пришлось, преодолевая сопротивление красных, обходом по размытым дождями дорогам пройти более 120 верст.

27 сентября, после чрезвычайно тяжелых переходов, во исполнение задачи, впереди своих цепей, под перекрестным огнем пулеметов, ружей и орудий с фланга с криком “Ура” отважный капитан Демишхан бросился на противника, и только благодаря внезапности и порыву превосходящие силы красных не устояли и, дрогнув, оставили дер[евню] Алапаху.

Когда наша цепь под губительным огнем красных залегла, капитан Демишхан, проходя во весь рост по цепи, поверял расположение людей, запас патронов и ободрял солдат для новой атаки.

Но этот героический подвиг стоил крови храбрейшего из храбрых капитана Демишхан[а]. Он тяжело ранен ружейной пулей в грудь навывлет и контужен в руку.

С гордостью объявляю этот подвиг в приказе, с грустью болею душой за героя – георгиевского кавалера и с нетерпением и затаенной радостью ожидаю быстрого выздоровления дорогого моему сердцу славного бойца.

Так дерутся доблестные старые русские офицеры, так деритесь и вы, молодые офицеры и солдаты, памятуя, что на вас с надеждой и мольбой обращает свои взоры вся исстрадавшаяся Родина»².

Советский главком И.И. Вацетис вспоминал о мужестве курсовика Петрова, бывшего артиллериста, который в августе 1918 г. под Казанью лично руководил

сделать распоряжение вызвать для прохождения ближайших курсов Военной академии подьесаула Ставропольского полка Фостикова, прослужившего [в] общей сложности более трех месяцев на штатных должностях Генерального штаба. Фостиков отличный развитый офицер, хорошо знает Персию и ее язык, вполне заслуживает и сам хочет быть командированным. Уверен, что он будет отличный офицер Генерального штаба. Если твое высокое назначение уже состоялось, чего за отдаленностью фронта не знаю, от всей души поздравляю. Достойному достойное. Баратов» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 1).

¹ Подробнее см.: Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004; Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 247–247об.

работой по установке батарей и корректированию огня на подступах к городу, был контужен и остался в Казани, занятой Народной армией и чехословаками. «Семья его, опасаясь мести со стороны белых, которые его разыскивали, спрятала его в погребке под грудой старых досок. Там он просидел первые дни расправы белых над красными, оброс бородой и затем, с паспортом на какого-то сельского учителя, с котомкой за плечами, выбрался кое-как из района белых и прибыл в Арзамас, принеся нам ценные сведения о положении в Казани»^I.

Основная же масса курсовиков получила назначения на штабную работу. Так, согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 27 от 15 ноября 1918 г., 52 слушателя старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди были назначены на должности Генерального штаба в антибольшевистских формированиях Востока России на время перерыва занятий в академии^{II}. Множество назначений состоялось после Уфимского государственного совещания, когда слушатели курсов из Народной армии были изъяты в сибирские штабы и учреждения. Курсовики оказались в Ставке белых, в различных управлениях и отделах. Просьбы о назначениях в их части курсовиков присылали в академию такие известные белые военачальники, как Р. Гайда и В. О. Каппель^{III}.

Впрочем, высокие назначения кружили голову, провоцировали высокомерие и заносчивость. Далеко не все курсовики оказались на своем месте. Один из мемуаристов свидетельствовал, что, попав в Ставку, бывшие слушатели академии стали разговаривать «в подчеркнуто официальном тоне»^{IV}.

Интересную оценку выпускников ускоренных курсов оставил один из их представителей, полковник А. Г. Ефимов, в письме военному историку Б. Б. Филимонову от 10 октября 1933 г.: «Что касается “молодых”, то двух-, трехмесячные курсы во время войны давали очень мало. Что можно было усвоить в условиях большой спешки? В этом отношении следует выделять из молодых тех, которые еще в мирное время готовились в академию, должны были заниматься для выдержания вступительных экзаменов сначала при округах, потом в самой академии и которым пришлось прочесть массу военных книг, рекомендованных для таких лиц специальными программами. Сужу по себе и могу с уверенностью сказать, что 3 года подготовки к экзаменам дали мне гораздо более знаний, чем скоротечные курсы военного времени. Должен прибавить, что перед Мировой войной у нас уже был достаточно переварен опыт Японской войны, армия реорганизовалась, в военной литературе горячо разбирались различные военные вопросы и невольно приходилось следить за различными течениями в областях устройства армии, стратегии, тактики и т. д.»^V. По мнению Ефимова, выпускники 3-й и 4-й очередей ускоренных курсов туда «попадали главным образом из строя из желающих и иногда и против особого желания специальных знаний, а чтобы уехать

^I РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 410.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 254об.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 116.

^{IV} Голлер К. Я. Четыре катастрофы: Воспоминания. [Рига], [1920?]. С. 89.

^V МРК. Коллекция А. Г. Ефимова. Вох 1. Folder 1; Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 278–279.

в Петроград (4-я очередь – в Омск')»^I. Неоднородность курсовиков усугублялась тем, что часть из них прошли обучение только в младшем классе академии либо же недоучились в том или ином классе.

Отношение курсовиков к старшему поколению генштабистов не отличалось особой сердечностью. Формировалось оно и в годы Первой мировой войны, еще до поступления слушателей в академию. Будущий слушатель академии В.М. Цейтлин записал в дневнике 29 августа 1916 г.: «Теперь, приглядевшись, я понимаю, почему настолько бездарна и лишена инициативы общая масса офицеров Генерального штаба. В академии, а потом на маленьких должностях их каждый старается задержать, оскорбить, пользуясь тем, что почти всегда каждый начальник может закрыть дорогу в Генер[альный] штаб, и вот человек терпит, переносит всякие обиды, глотает оскорбления, лишь бы добраться до своей цели»^{II}. 13 октября 1917 г. о Главном штабе Цейтлин отозвался как об авгиевых конюшнях, в которых «давно пора произвести фундаментальную чистку»^{IV}. Фактически можно говорить о появлении реформистски настроенных молодых генштабистов, стремившихся к кардинальным переменам в военном руководстве страны.

Помимо Военной академии ускоренная подготовка генштабистов осуществлялась и на Кавказском фронте, где возникли собственные курсы Генерального штаба Кавказского фронта. К сожалению, никаких документов о создании и функционировании этих курсов обнаружить не удалось. Сохранились лишь служебные документы их выпускников. По всей видимости, речь шла о подготовке младших штабных работников при штабе фронта своими (генштабистов фронта) силами.

Захват власти большевиками не сразу отразился на Военной академии, занятия в которой в Петрограде шли своим чередом даже в день большевистского переворота 25 октября 1917 г. «Академия как бы законсервировалась в своем помещении на Суворовском и по инерции жила и работала, не вызывая к себе ни особого интереса, ни внимания», – вспоминал преподававший в академии П.Ф. Рябиков^V. То, что академия оказалась большевизирована и начала готовить кадры для РККА, как одна из структур новой армии, стало ясно уже гораздо позднее. При этом ни слушатели в большинстве своем, ни профессорско-преподавательский состав не разделяли новой идеологии. Несмотря на это вопиющее противоречие, большевикам в обстановке конца 1917 – начала 1918 г. не оставалось ничего другого как позволить академическому руководству сосредоточить в своих руках весь спектр вопросов подготовки кадров Генштаба в Советской России. Подобное положение вещей существовало с конца 1917 по весну 1918 г. Именно с деятельностью старой Военной академии связан начальный этап подготовки кадров Генштаба в Советской России.

В период с октября 1917 по март 1918 г. в академии велись занятия со старшим классом 2-й очереди и подготовительным курсом 3-й очереди ускоренных

^I Правильно – в Томск.

^{II} МРК. Коллекция А. Г. Ефимова. Box 1. Folder 1; Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте. 2013. С. 279.

^{III} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 153; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 210.

^{IV} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 249; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 292.

^V ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 113об.

курсов. По мнению преподавателя В.Н. Касаткина, в этот период в академии «никого из профессоров не было, а потому производились практические занятия на планах и картах по методу Н.Н. Головина и так “валяли дурака” до мая 1918 г.»^I. На 1 января 1918 г. обучались 160 офицеров на старшем классе 2-й очереди, 8 офицеров на старшем классе геодезического отделения, 226 офицеров на подготовительных курсах 3-й очереди и 1 на младшем классе геодезического отделения. Всего 395 офицеров^{II}. Подготовительные курсы 3-й очереди окончили 143 офицера^{III}.

Приказом по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. 165 выпускников курсов 2-й очереди были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1917 г.), а приказом ВГШ № 18 от 27 июня 1918 г. 133 ранее причисленных выпускника переведены в Генштаб^{IV}.

По данным на 6 апреля 1918 г., слушатели старшего класса ускоренных курсов академии выразили готовность участвовать в работах по формированию народной армии (РККА) по следующим специальностям (табл. 83).

Таблица 83

**Пожелания слушателей старшего класса академии
относительно последующей специализации^V**

Специализация		Слушателей
Штабная работа	Строевая	23
	Инспекторская	21
	Оперативная	58
	Разведывательная	22
	Хозяйственная	3
	По военным сообщениям	2
Тактическая работа	Лекции	40
	Полевые занятия	22
Инструкторская работа	Артиллерия	14
	Пулеметы	3
	Кавалерия	6
Безразлично, по каким должностям		15

Налицо имелось 114 слушателей, готовых служить в РККА.

Судьбу академии в Гражданскую войну во многом предопределили выбор и действия ее начальника – генерала А.И. Андогского. По свидетельству встречавшегося с ним полковника Б.А. Энгельгардта, «Андогский находился как бы на перепутье: он никак не мог решить, имеет ли смысл добросовестно продолжать работу при большевиках или нужно бросить ее и искать... Но чего искать, он сам не знал.

Сомнения обуревали и меня самого, однако я постарался высказать ему мое мнение: нам приходится считаться с обстановкой, ничего сразу изменить

^I BAR. Memories of V. N. Kasatkin. Folder 1.

^{II} РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

^{IV} Публикацию приказа см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 530–534.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

мы не в состоянии, надо служить не тому или иному правительству, а Родине, и не может быть, чтобы старательная и дельная работа не принесла бы пользы и не была бы оценена.

Я говорил “прописи” и был не столько убежден в том, что говорил, сколько старался убедить самого себя в необходимости стать на такую точку зрения... Сомнения и колебания преследовали, по-видимому, Андогского и в дальнейшем»¹. Мемуарист сделал достаточно точные выводы, однако речь шла не о колебаниях Андогского, а о довольно тонком лавировании и балансировании между взаимоисключающими политическими силами страны ради спасения академии и ее персонала.

В большевистском руководстве не было единства взглядов по вопросу о судьбе старой академии. Поэтому, после того как академия в марте 1918 г. выпустила слушателей старшего класса 2-й очереди и подготовительных курсов 3-й очереди, обсуждался вопрос о закрытии этого военно-учебного заведения. 9 марта 1918 г. из ГУВУЗа был разослан следующий циркуляр, полученный в том числе и начальником Николаевской военной академии: «На основании приказа Совета народных комиссаров по военному ведомству от 14 ноября минувшего года, все военно-учебные заведения Российского государства, в том числе и военные академии, поступают в ведение главного комиссара названных заведений. Академии эти служили до сего времени, главным образом, для военных целей пополнения высшего кадрового, административного и прочего состава армии, организованной на старых началах. В связи с этим преподавание военных наук было поставлено на первом плане.

Ныне, с установлением декретом Совета народных комиссаров 15 января сего года взамен демобилизованной армии старого типа – новой армии на социалистических началах, – академии, из органов преимущественно военной подготовки, должны быть реформированы в заведения вполне гражданского типа, лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания, применительно к требованиям момента и условиям службы в армии на новых началах.

При этом преобразование академии в техническое или общеобразовательное высшее учебное заведение гражданского типа должно зависеть от общего строя преподаваемых в академии наук.

Ввиду сего, главный комиссар всех военно-учебных заведений предлагает доставить не позднее недельного срока коллегиально выработанное подробное изображение и общий план преобразования вверенной Вам академии в высшее учебное заведение гражданского типа, предваряя, что в случае недоставления в указанный срок ожидаемых сведений будет приступлено к полной ликвидации академии»². Документ был подписан помощником начальника ГУВУЗа.

Однако военный руководитель ВВС бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, ранее служивший в академии, сумел предотвратить разгром этого высшего военно-учебного заведения. 10 марта он направил доклад председателю СНК В.И. Ленину, в котором писал: «Из прилагаемой копии сношения от 9 марта 1918 года

¹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 168–169; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020. С. 463–464.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 160.

видно, что народный комиссар военно-учебных заведений решил обратиться в военные академии, в том числе и Военную академию (бывшую Генерального штаба), в гражданское учебное заведение, “лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания”.

Такая реформа несвоевременная, разбивает общий план формирования армии на новых началах, потому что эта реформа направлена к уничтожению подготовки людей, обладающих военной техникой во всей ее полноте, наличность которых именно теперь крайне необходима.

Приняв во внимание, что армии наших вероятных противников всегда обладали более высокой военной техникой, чем наша армия, и что соотношение это оставалось таким же в минувшую войну, — считаю, что для будущих возможностей в отношении войны необходимо не уничтожать военные академии, как таковые, а, наоборот, развивать их именно в этом направлении и еще более специализировать.

Ввиду изложенного Высший военный совет предложил народному комиссару военно-учебных заведений приостановить намеченную им реформу академий и представить свои объяснения Высшему военному совету в двухнедельный срок¹.

В тот же день председатель СНК В.И. Ленин указал главному комиссару военно-учебных заведений, что «ликвидация Военной академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени», и предписал задержать предыдущее распоряжение. Более того, Ленин потребовал реорганизовать академию в высшее военно-учебное заведение РККА. Опираясь на поддержку большевистского вождя, Бонч-Бруевич стал действовать решительнее и 11 марта телеграфировал в ГУВУЗ: «Такая несвоевременная реформа противоречит указаниям, полученным Высшим военным советом от правительства народных комиссаров, которое указало необходимость формирования новой армии...»² Копии телеграммы были направлены в управление делами СНК в Смольный (управляющим делами был родной брат М.Д. Бонч-Бруевича Владимир), а также наркому Н.И. Подвойскому. Реформу было предложено приостановить и в двухнедельный срок представить соображения по перспективам развития академии. Работу по реорганизации академии возглавили председатель Всероссийской коллегии по формированию Красной армии Н.И. Подвойский и его помощник, начальник штаба коллегии Ф.П. Никонов.

Весной 1918 г. в большевистском руководстве возникла идея подготовки внутри старой Военной академии политически лояльных специалистов посредством нового набора на младший курс. Инициаторами этого начинания были большевики Ф.П. Никонов и Н.И. Подвойский. Еще в феврале 1918 г. Никонов познакомился с генштабистом И.Г. Пехливановым, руководившим обороной Петрограда под Псковом. Комиссар проникся уважением к высокой квалификации генштабиста и прочих штабных работников, окончивших академию и ее курсы, однако лояльность бывших офицеров оставалась сомнительной. В этой связи у Никонова

¹ Там же. Л. 159–159об.

² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 7–7об.; Ленин В. И. Военная переписка (1917–1920). М., 1956. С. 31.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 182.

возникла идея подготовки красных генштабистов, в надежности которых сомнений не будет¹.

Разработанный Ф.П. Никоновым как членом коллегии Красной армии проект приказа Народного комиссариата по военным делам о возобновлении работы академии, одобренный и исправленный комиссией в составе П.Е. Лазимира, И.И. Вацетиса, А.И. Андогского, М.К. Тер-Арутюнянца, представителя петроградской Красной армии Долгашева, В.А. Янишевского и К.И. (?) Янсона, в апреле 1918 г. был направлен наркому Л.Д. Троцкому. Проект был применим и для других академий, артиллерийской и интендантской, а документ содержал следующее:

«1. Для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной армии, намеченных на должности инструкторов и для работ в штабах вновь создаваемой армии, с 15 мая с.г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком в один год — 7½ месяцев младший класс с практическими занятиями и 4½ мес[яцев] старший с практическими занятиями.

2. На курсы командировются по представлению областных военных комиссариатов и утверждению Наркомвоена лица из среды новой армии, имеющие определенный военный стаж — не менее школы прапорщиков или боевого опыта на командных должностях, в количестве не менее 100–150 чел.

3. Курсы слушателей академии прежнего состава набора августа и сентября 1917 г. распускаются с 1 мая с.г. с соответствующим удостоверением и с правом работы в штабах на младших должностях; желающие из них могут поступить на общих основаниях в Красную армию.

4. Занятия на курсах производятся по программе и системе, выработанной смешанной комиссией, состоящей из трех представителей Наркомвоена, трех представителей преподавательского состава академии, комиссара и начальника академии Генерального штаба.

(Примечание: Программа должна быть в форме пересмотрена.)

5. Зачет занятий — репетиционный. Оценка занятий — по трем градациям — весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно.

6. Окончившие курс успешно получают о сем свидетельство и поступают в распоряжение Народного комиссариата по военным делам (окончившие неуспешно — возвращаются на место своей прежней службы).

7. Во время прохождения курса слушатели подчиняются всем временно выработанным правилам, впредь до выработки общих норм автономной академии.

8. Для управления внутренней жизнью академии организуется комитет, состоящий из преподавательского состава академии — 3 чел., 3-х представителей слушателей академии, начальника и комиссара академии.

Всею учебною частью академии ведает конференция в составе начальника академии, правителя дел академии, профессоров, штатных преподавателей, ведущих классами и членов комитета от курсантов.

9. Во время прохождения курса слушатели получают: все необходимые учебные пособия от академии и содержание по 550 руб. в месяц, считая со времени прибытия в академию, озабочиваясь собственным попечением относительно

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 14–15об.

жилища, одежды и продовольствий и пр., впредь до организации общежития — готовой квартиры и довольствия с вычетом из жалования. Кроме того, слушатели, состоящие налицо на курсе к 1 октября с.г., получают на теплую одежду по общему для армии положению.

10. Для переезда в Екатеринбург (место расположения академии) каждый командиремый должен получить проездной воинский документ Лит[ер] А и суточные на общих основаниях. Заботы о выдаче всего этого путевого довольствия делаются соответствующим отделом Наркомвоена.

11. Отчисляются от курса без права вновь быть принятыми на нем: а) не исполняющие правил внутреннего порядка, установленного в академии, и тем нарушающие ее учебную жизнь, б) замеченные в неодобрительном для гражданина и воина поведении, в) неисправно посещающие лекции или практические занятия или небрежно и неаккуратно их выполняющие.

12. Отчисляются от курса с правом быть назначенными на новый курс: лица, у которых по завершении всех занятий в среднем выводе по какому-либо предмету или практическим занятиям — неуспешно.

Отчисление производится по постановлению комитета академии, и о нем сообщается в Наркомвоен с точным указанием причины отчисления¹.

Весной 1918 г. академия в связи с наступлением немцев была эвакуирована из Петрограда в тыловой Екатеринбург и находилась там к июлю 1918 г. В Екатеринбурге академия разместилась в Епархиальном училище. Это было «длинное, под углом на два квартала, двухэтажное кирпичное здание... Все двери выходят в широкий, длинный коридор на всю длину здания. Окна коридора смотрят на неогороженный двор-пустырь. Окон в коридоре немного, потому в нем и мрак»². В 1920 г., после рассматриваемых событий, там размещали пленных белогвардейцев.

Первоначально учебный процесс в академии предполагалось начать 1 апреля 1918 г., однако дата по организационным причинам постоянно сдвигалась. Определяющее значение для развития академии в Советской России имел приказ Наркомата по военным делам № 316 от 3 мая 1918 г. за подписью Л.Д. Троцкого, К.А. Мехоношина и Э.М. Склянского. В приказе отмечалось, что «для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной армии, намеченных на должности инструкторов и для работ в штабах вновь создаваемой армии, с 15/2 мая с.г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком на 1 год»³. Отбор кандидатов должна была вести испытательная комиссия, выявляя обладающих достаточной боевой подготовкой и кругозором. Курс был набран в количестве 115 слушателей, лояльных большевикам, среди слушателей было много латышей и поляков.

На старший курс зачислялись «слушатели академии, прошедшие во время войны подготовительные курсы 3-й очереди, а равно все, окончившие подготовительные курсы 1-й и 2-й очереди и еще не призванные в старший класс академии»⁴, они должны были прибыть в Екатеринбург не позднее 27 мая, чтобы

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 224–225.

² Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 384.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.

⁴ Там же.

с 1 июня приступить к занятиям. Учебный план «в соответствии с новыми условиями жизни и устройства армии» пересматривался комиссией из трех представителей наркомата (И. И. Вацетис, А. С. Белой, В. С. Лазаревич), трех представителей профессорско-преподавательского состава академии, комиссара и начальника академии, а также правителя дел с правом совещательного голоса. ГУВУЗ представлял Н. С. Беляев. Заседания прошли в начале июня 1918 г.

Помимо военных дисциплин в программу обучения старшего класса предполагалось включить общеобразовательные, социальные и философские курсы. Подготовка велась по следующим предметам: стратегия, военная философия, тактика всех родов войск и общая тактика, военная психология, история военного искусства, история Великой всемирной войны 1914–1918 гг. до и после революции (как два курса), служба Генерального штаба, техника железнодорожного дела, военная география (военная статистика), военная администрация, военноморское дело, низшая геодезия (военная топография), военно-инженерное дело, инженерная оборона государства, укрепленные позиции, полевая фортификация, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, основы советской Конституции, международное право и вопросы современной международной политики, основы внешней политики, политическая экономия и вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (немецкий, японский, китайский, турецкий, шведский, румынский, английский и французский). Обязательным было изучение двух языков, в том числе немецкого как основного¹.

Практические занятия намечались по стратегии и тактике (задачи и тактические поездки и выходы), по военной администрации, по военной статистике, по службе Генштаба, по инженерному делу, по артиллерии, по авиации, по морскому делу, по картографии, по верховой езде (для слабо обученных). Слушатели самостоятельно разрабатывали научные вопросы – темы по военной истории, военному искусству и стратегии (операции) – и должны были защищать их перед особыми кафедрами.

Успеваемость предполагалось оценивать по трем категориям: «весьма», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». В процессе обучения требовалось опираться на опыт мировой войны.

Программа ускоренных годичных курсов включала основы современной стратегии, тактику пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, воздушных средств, общую (соединение всех родов войск), военную психологию, историю Великой всемирной войны 1914–1918 гг., службу Генштаба, обзор пограничных театров России, организацию и тактику, снабжение и транспорт, теорию съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, курс политической экономии и вопросов мирового хозяйства. Практические занятия велись по тактике, военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам, верховой езде (для слабо обученных)². Предполагалось, что академия вскоре вернется к нормальному трехгодичному курсу обучения.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 124–124об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 462об.–463.

Управление внутренней жизнью академии осуществлял комитет из трех представителей преподавательского состава, трех представителей старшего курса, трех — младшего, комиссара и начальника академии, а также правителя дел с правом совещательного голоса. Слушатели получали по 550 руб. содержания в месяц, но жилье, одежду и продовольствие обеспечивали себе сами. Отчислялись с курса без права вновь быть принятыми на него не исполняющие правила внутреннего порядка, замеченные «в неодобрительном для гражданина и воина поведении», неисправно посещающие занятия или небрежно выполняющие их. Отчисление проводили комитет или конференция академии. 6 июля был утвержден временный штат академии.

Руководил академией в этот период А.И. Андогский, правителем дел был И.И. Смелов, преподавали ординарные профессора: А.К. Баиов, В.В. Витковский, Б.В. Геруа, А.Г. Елчанинов, М.А. Иностранцев, Б.М. Колубакин, А.Ф. Матковский, А.И. Медведев, В.Ф. Новицкий, Д.Д. Сергиевский, Д.В. Филатьев, Г.Г. Христиани; экстраординарные профессора: А.И. Андогский, Г.Г. Гиссер, Н.И. Коханов; штатные преподаватели: А.Т. Антонович, К.П. Артемьев, Б.П. Богословский, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, Г.В. Леонов, В.И. Оберюхтин, П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, А.П. Слижигов, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, И.И. Сторожев, В.И. Сурин, А.А. Сурнин, А.Д. Сыромятников, В.Л. Томашевский. Костяк профессорско-преподавательского состава прошел в Гражданскую войну с академией весь путь от Петрограда до Владивостока.

Занятия в старшем классе 3-й очереди начались в июне — июле 1918 г. Лекции проходили лишь с 1 по 18 июля¹. Началась учеба и на младшем курсе. Профессура имела основания опасаться преданных красным слушателей только что набранного младшего ускоренного курса, лишь частично состоявшего из бывших офицеров и включавшего целый ряд членов партии большевиков. По воспоминаниям профессора генерал-майора П.Ф. Рябикова, «сравнительно небольшое их число имело вид типических большевиков, увешанных оружием, большинство же были настоящие офицеры, которые, поймав кого-либо из нас в коридоре наедине, тихо докладывали, что они не большевики, а настоящие дисциплинированные офицеры...»²

Летом 1918 г. Урал из глубокого тыла в одночасье превратился в прифронтовой район разворачивавшейся Гражданской войны. В июле 1918 г. Екатеринбург оказался под угрозой захвата чехословаками и белыми. Со всей остротой встал вопрос о судьбе важнейшего высшего военно-учебного заведения страны. Большевистское руководство добилось эвакуации части академии в Казань (часть осталась в Екатеринбурге), но сохранить академию красным не удалось.

Назначенный командующим войсками советского Восточного фронта И.И. Вацетис вспоминал: «Командный состав, как для Казанской дивизии, так и для рабочих дружин, мы полагали найти среди слушателей Военной академии, которая по моему ходатайству была эвакуирована в Казань. 2 августа она прибыла и, разместившись в здании Коммерческого училища, приступила к своим военно-научным занятиям»³. Но надежды Вацетиса не оправдались. 7 августа Казань была занята антибольшевистскими силами, в результате чего эвакуированная туда часть академии также перешла в лагерь противников большевиков.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 48.

² ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 118об.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 398–399.

Еще 4 августа 1918 г. Вацетис встретился с личным составом академии, причем на встрече присутствовали только 50 слушателей, остальные были откомандированы в 3-ю армию или находились в кратковременных отпусках. Вацетис выступил перед слушателями и в конце попросил выйти вперед тех, кто согласен стать в ряды 5-й армии для защиты Казани. Из строя вышло не более 5–6 человек. «Остальные, — писал Вацетис, — в том числе, вероятно, и поспевшие уехать в отпуск, по-видимому, не имели готового решения в вопросе, на чью сторону стать, и заняли если не враждебную, то, во всяком случае, выжидательную позицию. Среди профессуры тоже не нашлось желающих стать в ряды Красной армии. Таким образом, мои хлопоты о переводе академии в Казань оказались напрасными...»^I

По мнению Вацетиса, «старая академия продолжала существовать (в РККА. — А. Г.) как слепая кишка в организме, пока не случился с ней тот аппендицит, который потребовал ее удаления»^{II}. Впрочем, за этой жесткой оценкой вполне могло скрываться стремление оправдаться за потерю академии в Казани, произошедшую уже 7 августа 1918 г., в том числе вследствие ошибочных распоряжений самого Вацетиса.

Таким образом, в июле — августе 1918 г. академия в два этапа практически в полном составе попала к противникам большевиков в Екатеринбург и Казани, разделив с этого времени судьбу антибольшевистского Восточного фронта. Переход на сторону антибольшевистских сил в целом соответствовал настроениям преподавателей и большей части слушателей. Подтверждением сознательности перехода служит то, что в антибольшевистском лагере оказались обе части академии в Екатеринбурге и Казани, тогда как те, кто хотел эвакуироваться из этих пунктов с красными, в основном смогли это сделать. Кроме того, внутри академии действовала подпольная антибольшевистская организация, содействовавшая занятию белыми Екатеринбурга и участвовавшая в вооруженных столкновениях с красными.

Приказом Комуча Николаевская военная академия была переименована во Всероссийскую академию Генерального штаба, а приказом по военному ведомству № 101 от 30 марта 1919 г. впредь должна была именоваться Военной академией^{III}. Обе части академии (казанская и екатеринбургская) воссоединились в Екатеринбурге, а с осени 1918 по осень 1919 г. академия находилась в Томске.

Перешедшая на сторону антибольшевистских сил академия и ее состав у белых подвергались разного рода нападкам и обвинениям за службу у большевиков. В отношении причастности к большевизму начальника академии генерала А. И. Андогского в 1919 г. было проведено специальное расследование, по итогам которого он был оправдан.

Указом Верховного правителя адмирала А. В. Колчака от 3 января 1919 г. академия подчинялась военному министру через помощника по организационно-инспекторской части и начальника Главного штаба^{IV}.

Вопрос о необходимости подготовки кадров Генштаба в условиях Гражданской войны воспринимался военным руководством белой Сибири неоднозначно. Военный

^I Там же. Л. 399.

^{II} Там же. Л. 626.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 126. Впрочем, в отдельных документах академии она и позднее, уже во владивостокский период, продолжала именоваться Всероссийской.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 269.

министр генерал Н. А. Степанов считал, что армии нужны строевые, а не штабные офицеры, а академию нужно закрыть за ненадобностью. К этому добавлялись явно вредившие делу упреки в адрес академии за ее пребывание на советской территории и работу по подготовке генштабистов для РККА^I, в результате чего начальник академии генерал А. И. Андогский на продолжительное время был отстранен от должности. Тем не менее победил взгляд на необходимость подготовки генштабистов ввиду предполагавшейся активизации операций на фронте весной – летом 1919 г.

В начале 1919 г. был открыт младший класс ускоренных курсов 4-й очереди. Решение о его открытии было принято Колчаком еще в конце ноября 1918 г., а позднее оно получило документальное оформление. Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 88 от 25 декабря 1918 г. предписывал: «Для ускоренной подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генерального штаба в полевых штабах действующих армий – открыть с 20 января 1919 года в г[ороде] Томске младший класс Всероссийской академии Генерального штаба, наименовав его ускоренным младшим классом 4-й очереди»^{II}.

На курсы командировались желающие кадровые офицеры или офицеры военного времени, окончившие училища не позднее 1915 г., имевшие полное общее высшее или среднее образование, получившие боевой опыт в Первую мировую или в Гражданскую войну, удостоенные боевых наград, имеющие отличия и физически годные к полевой службе. Были установлены следующие квоты на командирование офицеров (табл. 84).

Таблица 84

Квоты на командирование слушателей в младший класс 4-й очереди ускоренных курсов Всероссийской академии Генерального штаба^{III}

Откуда	Расчетное число командируемых офицеров
От Ставки Верховного главнокомандующего	12
От всех частей I Средне-Сибирского корпуса, включая 6-ю Казанскую стрелковую дивизию полковника А. П. Степанова	8
От всех частей II Степного корпуса, не считая частей Сибирского казачьего войска	7
От всех частей III Уральского корпуса, не считая частей Оренбургского казачьего войска	7
От всех частей IV Восточно-Сибирского корпуса	3
От всех частей V и VI корпусов Дальнего Востока, не считая казачьих частей	3
От всех частей корпуса генерала В. О. Каппеля	4
От всех частей корпуса генерала С. Н. Люпова	5
От всех частей Оренбургского корпуса	5
От 1-й кавалерийской дивизии	3
От Уфимской кавалерийской дивизии	1

^I ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 41–42.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

^{III} Там же. Л. 1–10б.

Откуда	Расчетное число командируемых офицеров
От штаба Сибирской армии	2
От Оренбургского казачьего войска	5
От Сибирского казачьего войска	3
От Уральского казачьего войска	3
От Забайкальского казачьего войска	2
От Уссурийского казачьего войска	1
От Амурского казачьего войска	1
От Семиреченского казачьего войска	1
От железнодорожных войск, подчиненных главному начальнику военных сообщений	7
От польских формирований	10
Всего	93
Дополнительные вакансии	
В распоряжении главнокомандующего Западным фронтом для офицеров чешских войск	10
В распоряжении командующего частями румынских формирований	2
В распоряжении начальника Всероссийской академии Генерального штаба	10

При избытке желающих предпочтение отдавалось офицерам, окончившим училища в мирное время, а из них — выдержавшим предварительные испытания или конкурсные экзамены в академию, кавалерам ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, кавалерам Георгиевского креста, раненым, контуженым, отравленным газами, но при условии их полной физической годности к службе Генерального штаба в поле. Списки необходимо было направлять в Ставку на имя 1-го генерал-квартирмейстера не позднее 5 января 1919 г. по телеграфу¹. Слушатели должны были прибыть в Томск не позднее 15 января с предписаниями, удостоверениями о боевом опыте, послужными списками, аттестатами и аттестациями.

С учетом неразберихи в колчаковском тылу злоупотребления с командированием в академию не заставили себя ждать. Имели место как самовольные командирования, так и случаи превышения установленных квот. Значительная часть командированных не удовлетворяла требованиям службы Генштаба как по служебному, так и по образовательному стажу. Уральское казачье войско не могло выслать ни одного офицера и передало свою вакансию Забайкальскому войску. Некоторые офицеры обладали сомнительной репутацией, «несовместимой со званием офицера Генштаба»². Получил распространение и протекционизм. Так, например, начальник штаба Ставки генерал Д. А. Лебедев добился направления на курсы сразу двух своих адъютантов³. Среди зачисленных свыше 80% представляли

¹ Там же. Л. 1 об.

² Там же. Л. 306.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

пехотные и кавалерийские офицеры, 9% составляли артиллеристы, 0,5% инженеры, 11% прочие^I, 22 слушателя являлись казаками^{II}.

Офицеры, прибывавшие в академию для поступления в ускоренный младший класс 4-й очереди, подавали два рапорта на имя правителя дел академии. Один о прибытии с приложением предписания, удостоверения о боевом опыте, послужного списка или краткой записки о службе и аттестации и другой рапорт с приложением аттестатов об удовлетворении всеми видами довольствия^{III}. К открытию курсов 21 января 1919 г. прибыли 98 офицеров. Офицеры продолжали прибывать на курсы и позднее (вплоть до марта), до тех пор, пока администрации не пришлось объявить, что прибывшие с опозданием зачислены быть не могут. Соответствующее постановление конференции было выпущено 28 марта 1919 г., причем отчислять следовало слушателей, прибывших после 25 февраля (начиная с 26 февраля), как не прослушавших даже половины курса^{IV}. То же касалось и тех, кто не посещал более половины лекций и практических занятий. Как поздно прибывшие были отчислены семь человек^V.

Как вспоминал преподававший в академии генерал П. Ф. Рябиков, «занятия в Томске все время протекали весьма систематично и с большим напряжением и преподавательского и слушательского состава»^{VI}. Профессор М. А. Иностранцев вспоминал, что «на академию была возложена задача в течение зимних и весенних месяцев подготовить младший класс, который с наступлением лета и оживлением, как предполагали, военных операций предполагалось также привлечь к штабным занятиям, а в следующую зиму снова командировать в академию для прохождения старшего класса. Ввиду этого в академию были присланы офицеры с фронта, в большинстве своем из состава сибирских войск, но также и офицеры работавших совместно с русской армией чехословацких, польских частей и югославянского полка.

Вследствие того, что часть членов конференции академии была... отвлечена в штабы, в Ставку на фронт и, таким образом, профессорский и преподавательский состав ее стал значительно меньше числом, а с другой стороны, работа потребовалась весьма интенсивная, то работать приходилось весьма много, но при общем желании помочь армии в ее нуждах и содействовать ее скорейшему торжеству над врагом работалось легко и весьма продуктивно; причем особенно отрадно было видеть, что офицеры нерусских войск, несмотря на серьезное затруднение в слабом, подчас, знании русского языка, тем не менее занимались прекрасно и обнаруживали большие успехи»^{VII}.

20 января 1919 г. перед началом занятий был отслужен молебен. Сохранилось расписание занятий на курсах, дающее представление о характере подготовки колчаковских генштабистов (табл. 85).

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 90.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 288.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 261.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 98.

^V Там же. Л. 107.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 129.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 58–59; *Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма* / под ред. А. В. Ганина М., 2017. С. 768–769.

**Расписание первой учебной недели занятий на ускоренном младшем классе
4-й очереди Всероссийской академии Генерального штаба 20–25 января 1919 г.¹**

Учебные часы	Числа Дни	20 января Понедельник	21 января Вторник	22 января Среда	23 января Четверг	24 января Пятница	25 января Суббота
Дежурный курсовой штаб-офицер		Генерал-майор П. Ф. Рябинов	Подполковник Г. В. Солдатов	Полковник И. И. Смелов	Полковник П. Г. Осипов	Полковник Г. Т. Киященко	Генерал-майор В. Л. Томашев- ский
9–9.50		М о л е б е н	Служба Генштаба. Генерал-майор А. И. Андогский	Служба Генштаба. Генерал-майор А. И. Андогский	Сведения по артиллерийской части. Генерал-майор В. Л. Томашевский	Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства. Генерал-лейтенант Г. Г. Христиани	Общая тактика. Полковник И. И. Смелов
10–10.50			Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства. Генерал-лейтенант Г. Г. Христиани	Общая тактика. Полковник И. И. Смелов	Военная статистика Генерал-лейтенант А. И. Медведев		История военного искусства. Генерал- лейтенант Б. М. Коллюбакин
11–11.50					История военного искусства. Генерал-лейтенант Б. М. Коллюбакин		
12.30–13.20			Тактика артиллерии. Генерал- майор В. Л. Томашевский	Военная статистика. Генерал- лейтенант А. И. Медведев	Общая тактика. Полковник И. И. Смелов		
13.30–14.20					Теория съемки. Полковник Г. Т. Киященко	Теория съемки. Полковник Г. Т. Киященко	Тактика артиллерии. Генерал- майор В. Л. Томашевский

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 10.

Со второй учебной недели занятия проходили до 15.30^I.

По изначальной программе намечалось 76 учебных дней. Учебные часы распределялись следующим образом: 65 часов практических занятий по тактике (начинались с третьей учебной недели), 16 часов практических занятий по топографическому черчению, 24 часа лекций по началам стратегии, 118 часов лекций по тактике (48 часов – общая тактика, 22 часа – тактика пехоты, 12 часов – тактика конницы, 16 часов – тактика артиллерии и по 10 часов – тактика технических войск и тактика воздушных средств), 44 часа лекций по истории военного искусства, 56 часов лекций по службе Генерального штаба (оперативный отдел (управление войсками) – 16 часов, разведывательный отдел – 24 часа, отдел службы связи – 16 часов), 30 часов лекций по истории мировой войны, 24 часа лекций по военно-инженерному искусству, 24 часа лекций по военной статистике России, 24 часа лекций по курсу «Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства», 16 часов лекций по теории съёмки, 12 часов лекций по железнодорожному делу (для ведения занятий приглашался инженер путей сообщения)^{II}.

Учебный процесс предполагалось вести до 1 июня 1919 г. (экзамены должны были начаться 1 мая), предоставив выпускникам право поступления в старший класс академии^{III}. В перспективе предполагалось открытие старшего и дополнительного курсов с последующим переводом выпускников в Генеральный штаб. Однако события на фронте скорректировали эти планы. 19 марта Колчак распорядился в связи с потребностями наступавшего тогда фронта завершить обучение уже к 15 апреля, после чего произвести испытания с тем, чтобы к 1 мая «офицеры-слушатели могли бы быть привлечены [к] службе [в] штабах новых формирований и на других должностях Генштаба»^{IV}. Запросы о том, когда будут готовы специалисты, поступали и с фронта (например, из Отдельной Оренбургской армии^V). В результате программу обучения пришлось сократить. К сожалению, пока не удалось обнаружить данные о характере этих сокращений. В апреле на курсах прошли экзамены, и учебный процесс завершился в начале мая 1919 г. В результате примерно за три месяца была подготовлена большая группа младших офицеров Генштаба для колчаковских войск. Впрочем, томские курсы академии старые генштабисты иронически прозвали «детским садом»^{VI}.

И.д. начальника академии генерал Б.М. Коллюбакин писал в конце марта 1919 г. военному министру Н.А. Степанову: «Наши 1-й, 2-й, 3-й и нынешний, даст Бог, 4-й выпуск следует далее провести через настоящий старший класс (6-месячной, по крайней мере, подготовки), группой, хотя бы по 100–120 чел.

Не могу одновременно не похвалить перед Вашим превосходительством нынешний (4-й выпуск) состав обучающихся в академии офицеров – это прекрасный состав, и мы определили его путем проверки данных и главное – путем тесного общения с ними на практических занятиях и лекциях; преимущественно кадровые, с боевым прошлым, прекрасным военным воспитанием офицеры эти радуют нас

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1626. Л. 31.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 6–6об.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

^V Там же. Л. 4.

^{VI} Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 216.

в полной мере. Принятыми мною мерами несоответственные, в небольших размерах, элементы частью удалены, а частью будут еще удалены в ближайшие дни»^I.

29 апреля 1919 г. выпускники курсов обратились к Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку с приветственной телеграммой, которую и.д. начальника академии генерал Б.М. Колюбакин передал начальнику Главного штаба для доклада Верховному правителю: «Омск, начальнику Главного штаба. Прошу доложить военному министру для доклада Верховному правителю следующую телеграмму окончивших ускоренный курс четвертой очереди офицеров и мое по этому случаю приветствие: “В день отбытия на фронт после окончания экзаменов офицеры ускоренного курса четвертой очереди счастливы приветствовать своего Верховного Вождя. Все приобретенные знания, боевой опыт и силы слушатели академии самоотверженно отдадут трудной работе по возрождению возглавляемой Вами любимой Родины”. Счастлив донести о сем Его высокопревосходительству. Да здравствует Верховный Вождь Возрождающейся России адмирал Колчак»^{II}. 3 мая 1919 г. адмирал Колчак в ответ телеграфно поздравил выпускников: «Прошу передать офицерам, окончившим курс, мою благодарность и приветствие. Уверен, что армия в лице их приобретет самоотверженных работников, а начальники – надежных помощников. Адмирал Колчак»^{III}. После этого учебный процесс в старой академии больше не осуществлялся, а преподавателей стали переводить из академии в штабы.

Всего выпущены были с итоговыми баллами 154 офицера (среди них 17 иностранцев – 7 чехословацких, 6 польских и 4 югославянских офицера), получившие распределение в штабы колчаковских войск (распределены после выпуска почему-то только 152)^{IV}. Отчислены были 22 слушателя, в том числе ряд иностранцев. Намеченное распределение выпускников было следующим: 36 офицеров (23,6%) поступали в распоряжение военного министра, по 4–6 офицеров поступали в штабы военных округов, в Сибирскую армию командировались 42 человека, в Западную армию – 37 человек и в Отдельную Оренбургскую армию – 11 человек. Кроме того, 6 человек подлежали командированию во II Степной корпус^V. В реальности выпускников распределили несколько иначе (табл. 86).

Таблица 86

**Распределение выпускников младшего класса
4-й очереди ускоренных курсов Военной академии^{VI}**

Место командирования	Намечено направить офицеров		Итоговое распределение
В распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего			6
В распоряжение военного министра	36	11	12
В распоряжение начальника военно-учебных заведений		11	11

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 48об.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 135.

^{III} Там же.

^{IV} Список слушателей опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 576–582.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 12, 14.

^{VI} Там же. Л. 12, 14, 49–53, 115–117об. Итоговое распределение подсчитано по приказу Военной академии № 97 от 1 мая 1919 г. (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 45. Л. 87–90).

Место командирования	Намечено направить офицеров		Итоговое распределение
В распоряжение начальника Главного штаба		8	2
В распоряжение начальника штаба Омского военного округа	6	1	1
В распоряжение начальника штаба Приамурского военного округа	4–6	3	4
В распоряжение начальника штаба Сибирской армии	42	35	34
В распоряжение начальника штаба Западной армии	37	32	34
В распоряжение начальника штаба Отдельной Оренбургской армии	11	3	4
В распоряжение начальника штаба II отдельного Степного корпуса	6	2	2
В распоряжение генерал-квартирмейстера Ставки		30	24
В распоряжение командира Иркутского казачьего полка		1	1
В свою часть			17

Динамика изменений распределения, на наш взгляд, отражает смену приоритетов стратегии колчаковской Ставки в период весеннего наступления 1919 г. Если первоначально больше выпускников планировали перебросить в Сибирскую армию, то постепенно квоты сокращались и в конечном итоге в Сибирскую и Западную армии направили равное количество офицеров. Квоты Отдельной Оренбургской армии были сокращены более чем в два раза от первоначальных, что свидетельствует о слабых надеждах Ставки на войска генерала А.И. Дутова (в итоге квоты были увеличены на одного офицера, хотя это могло быть обусловлено его казачьим происхождением).

Выпускников считалось желательным направлять в те армии, из которых их изначально присылали в академию. В этом проявились несовершенство административной системы колчаковской военной машины, сепаратизм воинских формирований, децентрализованный, полупартизанский характер колчаковских вооруженных сил. Иностранные офицеры распределялись по своим частям. С окончанием учебного процесса часть профессорско-преподавательского состава также получила назначения на военно-административные должности и покинула академию. Интересно, что впоследствии не менее 45 офицеров, обучавшихся на курсах 4-й очереди (в том числе отчисленные) в белой Сибири, оказались на службе в РККА.

В ноябре 1919 г. приказом главнокомандующего Восточным фронтом выпускников всех четырех очередей курсов, прослуживших в штабах дивизий не менее 4 месяцев, в штабах корпусов и групп – 6 месяцев, в штабах армий и на инструкторских курсах – 9 месяцев, причислили к Генеральному штабу¹.

Возобновление учебного процесса в академии намечалось на январь 1920 г. 12 октября 1919 г. был издан приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 3.

№ 1261 о приеме в академию к 1 января 1920 г. до 100 офицеров из белых армий Юга России, а также по 25 с фронтов генералов Е.К. Миллера (Север) и Н.Н. Юденича (Северо-Запад). Также выделялись квоты на прием 6 офицеров-чехов, 3 поляков и 2 румын^I.

Но эти планы остались не реализованными. В связи с неудачами на фронте, чтобы избежать нового захвата большевиками, академия в октябре 1919 г. эвакуировалась из Томска во Владивосток, где и находилась вплоть до конца Гражданской войны. В период пребывания академии во Владивостоке в 1920–1922 гг. учебный процесс не осуществлялся, академия функционировала как научное учреждение, хотя периодически возникали слухи о возможном открытии учебного процесса в академии. Некоторые офицеры с других антибольшевистских фронтов в конце 1919 г. подавали рапорты о зачислении в академию (например, сохранился датированный декабрем 1919 г. рапорт поручика И.В. фон Бреверна, воевавшего на Юге России^{II}). Подполковник В.К. Подгорецкий, некогда командированный на курсы штабом Оренбургской армии и проживавший в Харбине, запрашивал академию насчет возобновления обучения в 1921 г. Был получен ответ, что «если академия и будет открыта, то только для продолжения образования на старшем классе слушателей, прошедших уже младш[ий] ускор[енный] класс 1, 2, 3 и 4-й очередей, или на дополнительном — окончивших ускоренный старший класс 1[-й] и 2[-й] очередей»^{III}. В итоге учебный процесс так и не возобновился.

Академия помогала, чем могла, различным дальневосточным организациям, делилась литературой, направляла преподавателей для чтения лекций в учебные заведения и воинские части. Деятельность академии на Дальнем Востоке, несомненно, влияла на культурный облик этой окраины. Осенью 1922 г., однако, наступил конец сравнительно безмятежному существованию академии на Русском острове, поскольку во Владивосток 25 октября 1922 г. вступили части НРА ДВР.

Начальник академии А.И. Андогский и ряд преподавателей эмигрировали из России. Часть персонала академии осталась на Русском острове и во Владивостоке. Среди них были заслуженные ординарные профессора Б.М. Колубакин, Г.Г. Христиани, ординарные профессора А.И. Медведев и Н.И. Коханов, экстраординарный профессор В.Г. Болдырев, остался и подполковник К.А. Наумов, ставший новым вр.и.д. правителя дел^{IV}.

Профессор Медведев с 23 октября временно возглавил академию^V. Администрация академии в приказах теперь указывалась без привычных чинов. Уже 28 октября Медведев из генерала превратился в гражданина и должен был подчиняться приказам НРА ДВР. В этот день вр.и.д. начальника Полевого штаба НРА ДВР ему было выдано следующее предписание:

«Гражданину Медведеву Александру.

Вы назначены вр.и.д. начальника Военной академии, эвакуированной в свое время из гор[ода] Петрограда и находящейся ныне во Владивостоке.

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 46. Л. 83.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 10. Л. 195.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 107.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 75. Л. 224.

Предписываю Вам: 1 – Немедленно свернуть академию и типографию при ней.

2 – Подготовить к отправке по жел[езной] дороге все имущество и инвентарь, для чего произвести точный расчет потребного подвижного состава и упаковать имущество, с гарантией доставить его в исправном виде в Москву. Постройка необходимых для этого ящиков поручается одновременно начальнику инженеров.

3 – Личный состав Военной академии распределить следующим образом: весь учебно-административный состав вместе с академией будет направлен в распоряжение начальника Академии РККА; вместе же с академией отправятся остальные военнослужащие и часть вольнонаемных, желающих вернуться в Сов[етскую] Россию. Военнослужащих, не принадлежащих к учебно-административному составу и желающих остаться здесь, – препроводить к местному воинскому начальнику, остальных вольнонаемных уволить теперь же, кто не является нужным для работ по подготовке р[е]эвакуации академии; при отправке в Россию принять в расчет и семейства отъезжающих туда.

4 – Одновременно командировается один из политработников в качестве временного комиссара.

5 – О ходе подготовительных работ доносить мне через каждые три дня.

Подписали: Вр.и.д. начальника Полевого штаба НРА [А.А.] Тюфяков.

Военком Аксенов¹.

29 октября было предписано считать днем начала работ по реэвакуации академии. Отношение новых властей к академии было дружественным. Главком НРА ДВР И.П. Уборевич даже передал 28 октября благодарность всему личному составу академии за сохранение имущества академии. Еще одну благодарность передал 26 октября председатель Революционного штаба².

31 октября 1922 г. приказом Уборевича академия была временно включена в состав НРА ДВР. Профессура, преподаватели и небольшой хозяйственный аппарат продолжали находиться на службе. Жизнь старой академии продолжалась.

Телеграмма из Москвы предписывала академии 26–27 ноября выехать из Владивостока, для чего НРА должна была предоставить вагоны³. В начале декабря 1922 г. Военная академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Коллюбакин, Христиани и Медведев были арестованы. Все трое вскоре скончались. Бывший начальник Академии Генштаба РККА выдающийся военный деятель А.Е. Снесарев записал в неопубликованном дневнике 22 апреля 1923 г.: «Прибыли проф[ессора] старой академии, но попутно их всех арестовали; доехали А.И. Медведев и Б.М. Коллюбакин... 2^й умер, 1^й – распродается и ищет работы... Думаю его провести в Главруки⁴, но хотят навязать мне... Удивительно, никого не влекут и не тешат лавры внешнего успеха...»⁵ Из оставшихся в СССР пережили этот период Болдырев, Коханов и Антонович.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 110.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Л. 125.

⁴ Главные руководители академии по предметам.

⁵ Дневник А. Е. Снесарева. 1923 г. Л. 1199–1200 (Архив семьи Снесаревых (Москва)).

Имущество старой академии частично было передано Военной академии РККА. Как отмечал комиссар Ф.П. Никонов, «библиотека академии попала в руки сибирского правительства и сначала была эвакуирована в Омск^I, потом в Томск и лишь сейчас большая часть ее возвращена, кажется, что почти целиком возвращена»^{II}. В 1925 г. 180 пудов книг и 45 ящиков архивных материалов академии поступили на хранение в Военно-исторический архив. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с генералом П.Ф. Рябиковым, по мнению которого «старая академия Генерального штаба, пережив столько тяжелых испытаний и проделав путь Петроград – Екатеринбург – Томск – Владивосток, умерла...»^{III} Наследие академии, ее музеи, архив (среди которого знаменитые воспоминания и дневники военного министра Д.А. Милютин, опубликованные только в наши дни), библиотека остались в России и приносят пользу сегодня.

Период 1920–1922 гг., как и предшествовавший ему, оказался трудным временем для академии Генерального штаба. В обстановке политической нестабильности на Дальнем Востоке и быстрых перемен академии приходилось лавировать. Руководство и сотрудники академии преследовали две главные цели: выжить между различными, нередко взаимоисключающими политическими режимами и сохранить для будущих поколений имущество академии – уникального военно-учебного заведения общероссийского значения. Так или иначе, обе эти цели были достигнуты. Несмотря на частые перевороты, смены власти, иностранную интервенцию, академия уцелела, а ее личный состав смог выбирать между тем, чтобы эмигрировать или остаться в России.

Насколько удалось проследить по архивным данным, других военно-учебных заведений, готовивших кадры Генштаба, помимо старой Военной академии в белых армиях не функционировало. Вопрос о возможной подготовке таких кадров ставился, например, атаманом П.Н. Красновым на Дону в начале 1919 г., но практического воплощения не получил^{IV}.

В целом же Белое движение на Юге России не испытывало нехватки кадров Генштаба, наоборот, имел место их сильный переизбыток. В этой связи белые на Юге не нуждались в организации подготовки генштабистов. На Востоке России потребность в кадрах Генштаба была значительно выше, чем и объясняется открытие в 1919 г. ускоренных курсов в Томске. Северный и северо-западный фронты Белого движения были слабыми и малочисленными, подготовка кадров Генштаба там не велась.

§ 2. Академия Генерального штаба РККА в 1918–1922 гг.

Утрата Советской Россией летом 1918 г. главного высшего военно-учебного заведения поставила на повестку дня вопрос о его воссоздании. При этом большевики в обстановке фактически коллективной измены постоянного (преподавателей)

^I Правильно — в Томск.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 133.

^{IV} Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 547.

и переменного (слушателей) состава старой академии и массовых индивидуальных измен бывших воспитанников академии нуждались не просто в восстановлении аналогичного по своему предназначению учреждения, но в том, чтобы новое учебное заведение было истинно большевистским, т. е. абсолютно лояльным, готовившим кадры красных генштабистов, в преданности которых не было бы никаких сомнений. Несмотря на разруху, при поддержке руководства РСФСР эта сложная задача была решена в рекордно короткие сроки.

Сохранилось немного свидетельств о том, как готовилось открытие академии. Одно из самых подробных оставил комиссар Ф.П. Никонов: «К осени [19]18 года, когда я работал в 3[-й] армии, у нас с полной очевидностью определилось, что академии у нас не существует. Тогда у меня, как у автора этого проекта (проекта подготовки советских кадров в академии. — А.Г.), опять явилась мысль о необходимости этот вопрос будировать. В то время как раз штаб армии из Екатеринбурга отступил в Пермь, и наш штаб, как резервный, должен был слиться с тем штабом. В это время окончилась деятельность [В.А.] Трифонова и моя. При расформировании этого штаба у меня явилась мысль использовать время, и как член Всероссийской коллегии я явился к Вам¹ с докладом и возбудил вопрос об академии. Это было примерно в середине октября 1918 г. Я возвратился в Москву. Я помню, застал Вас в Москве² и через Дзевалтовского снова возбудил вопрос относительно академии.

Я должен еще несколько возвратиться к прежнему. Когда я привез Вам проект об организации академии, то Вы данный вопрос рассматривали еще со мною и с Вацетисом, который в то время часто появлялся у Вас. Он в то время был командиром Латышской бригады. Он также принял некоторое участие в разработке этого вопроса и очень им интересовался. Теперь когда я приехал в Москву в середине октября, то Вацетис был уже главнокомандующим всеми вооруженными силами. Дзевалтовским вопрос относительно восстановления академии был принят, и в это время Вацетис был назначен главкомом. Тогда даже был намечен и начальник академии, которую теперь решили восстановить в Москве.

Это был генерал, служивший в Козлове, — [А.К.] Климович, который через некоторое время и прибыл в Москву. Помню, Дзевалтовский и познакомил меня с ним. И в это время в октябре и была сконструирована так называемая организационная комиссия по созданию академии Генерального штаба, и это было зафиксировано в журнале³ “Известия Наркомвоен” и в журнале “Военное дело”.

Эта организационная комиссия была составлена из следующих лиц: два профессора академии — [Н.С.] Беляев, а фамилию другого я не помню, начальник академии — Климович, комиссар академии [Э.И.] Козлов[ский] и представители от слушателей академии, причем от младшего курса был я. Я назначен был приказом Дзевалтовского по ГУВУЗу и приказом по академии.

Мы приступили к работе в очень скромной обстановке. У нас была только одна комната. Затем в нашем распоряжении очутился всего-навсего один

¹ Никонов обращается к большевику Н. И. Подвойскому.

² Зачеркнуто — «не помню застал я Вас в Москве или нет, но я».

³ Правильно — в газете.

человек. Это был будущий управделами тов. Яковлев, который энергично принялся за работу. Первая наша техническая работа заключалась в том, что мы наметили целый ряд лиц из профессоров, которых мы должны были привлечь к работе в академии. Была составлена телеграмма и письмо, которые мы и разослали. В числе намеченных были Новицкий В. Ф., Сулейман [Н. А.], Шейдеман [С. М.], Незнамов [А. А.]. Вообще мы наметили профессиру по всем отраслям. Через некоторое время мы получили от них самый живой отклик, и они стали прибывать. Затем нам важно было добиться помещения для академии и развернуть полным темпом работу. Начали добиваться помещения. Вы в этом деле нам очень сильно помогали. Затем были намечены правила приема. После этого было приступлено к приему участников и к составлению программы занятий. В этих работах принимал участие и Вацетис. Им была дана задача выработать программу младшего курса так, чтобы в течение года можно было пройти весь курс хотя бы в кратком виде и затем в течение 4–5 лет пройти нормальный курс академии. Затем был вызван из округов по разверстке первый состав академии основного курса и вскоре же было приступлено к экзаменам. Была создана мандатная комиссия и экзаменационная комиссия. Я был в экзаменационной комиссии.

После больших хлопот по всей Москве, при Вашем содействии, нам удалось добиться одного из самых хороших помещений – бывшего Охотничьего клуба. Оно до того времени было занято Народным комиссариатом финансов. На это же помещение претендовал и [А. В.] Луначарский. Наконец, Владимиров отдал это помещение нам и предварительно просил осмотреть его. Мы осматривали его ночью. Я помню, что мы все эти анфилады Охотничьего клуба обходили со свечкой. Тут же приступил к работе и Козлов[ский] – комиссар академии. Когда удалось создать организационную комиссию, то организационная комиссия получила определенные полномочия на созыв профессуры и на экзамены, и этим, в сущности, период восстановления академии и закончился.

В дальнейшем уже стояли чисто технические вопросы: набрать профессуру, слушателей, получить финансы, помещения. В дальнейшем эта комиссия планомерно заседала. Заседания происходили ежедневно и продолжались до 3–4 часов и почти до рассвета.

Эта организационная комиссия начала планомерно работать, и в ноябре был уже создан первый курс, и 12 ноября по новому стилю было открытие академии¹.

Теперь мы дальше вступаем в сферу, которая определенно зафиксирована.

В дальнейшем был[и] назначен[ы] комиссар и начальник академии. В это время меня старались привлечь к административной деятельности в академии, но я настаивал на том, что я должен вернуться в академию только как слушатель, чтобы пополнить свои знания. Вскоре я лично стал отбиваться от всякой организационной работы в академии².

Приказом РВСР № 47 от 7 октября 1918 г. было объявлено о создании Академии Генерального штаба РККА во главе с бывшим генерал-майором

¹ На самом деле торжественное открытие состоялось в декабре, хотя учебный процесс начался с 14 ноября.

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16–17об.

А.К. Климовичем — выпускником Николаевской академии 1904 г. Кандидатура Климовича была выдвинута И.И. Вацетисом. 1 октября Вацетис телеграфировал из Арзамаса в Москву главному комиссару ГУВУЗа И.Л. Дзевалтовскому: «На должность начальника академии можно выставить кандидатуру Климовича, бывшего генерал-майора Генштаба, который имеет практический стаж и все время фактически с Октябрьского переворота служит [в] рядах Красной армии военруком и имеет отличные рекомендации от Советов»^I. Кандидатуру поддержал Л.Д. Троцкий и предложил ее В.И. Ленину и Я.М. Свердлову 5 октября 1918 г. с пометкой: «Имеет отличные рекомендации от советских организаций»^{II}.

Открытие академии было приказано подготовить в нереальный срок — не позднее 1 ноября, т.е. меньше чем за месяц. В приказе РВСР было отмечено, что академия Генерального штаба «должна давать не только высшее военное и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни... Кроме военных в академии должны изучаться и общеобразовательные, специальные и философские науки»^{III}. Если первоначально академия находилась в подчинении ГУВУЗа, то с 19 сентября 1919 г. стала непосредственно подчиняться ВГШ.

Вацетис в своих воспоминаниях представил создание академии как собственную заслугу, отметив, что Л.Д. Троцкий (мемуары Вацетиса писались в 1920-е гг., уже в период травли Троцкого) якобы даже не прочитал приказ о создании академии, который ему предложил подписать Вацетис, дабы обессмертить свое имя^{IV}. По всей видимости, у истоков академии стоял не один только советский главнокомандующий. Разработкой исходных положений, определявших задачи и характер академии, занималась специальная комиссия во главе с Н.И. Подвойским в составе В.Ф. Горина-Галкина, М.П. Павловича, Б.И. Рейнштейна, М.А. Рейснера и др. Комиссией были выработаны важнейшие организационные принципы будущей академии. Сам Подвойский получал указания непосредственно от Ленина и действовал в контакте с Вацетисом^V. Комиссарами академии стали В.Н. Залезский и Э.И. Козловский.

В академию, согласно телеграмме ее начальника, подлежали командированию «лица, исключительно выдающиеся активным участием [в] боевой [и] политической жизни Красной армии, способные [в] будущем занять должности Генштаба. Дабы значительно не ослаблять фронта, [на] первое время [в] академию будет принято около двухсот человек, почему на выбор таковых следует обратить самое серьезное внимание»^{VI}.

Приветствовавшие открытие академии старые генштабисты предостерегали от повторения ошибок прошлого: «Нас душили вычислениями азимуты,

^I РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 7.

^{II} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 4. Л. 69.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 1об.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 630.

^V Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А. И. Радзиевского. М., 1973. С. 10–11.

^{VI} РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 47.

вычерчиванием проекций, ситуаций; мы учили “метание артикулов по флигельману”; идя в бой, мы должны были вычислить формулу $mv^2/2$ и проч. Мы учили все эволюции ружейных приемов от времени Екатерины до наших дней, но не знали, что надо делать начальнику штаба дивизии до боя, во время боя и после боя.

Перед самой войной новая плеяда свежих лекторов пыталась оживить академию и поставить ее на чисто практический путь, но война и конференция старых профессоров помешали провести это дело до конца.

Ныне, когда к преподаванию привлечены многие из опытных руководителей, не связанных рутинной, мы надеемся, что ими будут использованы опыты минувшей кампании и нынешней еще не окончившейся борьбы на внутреннем фронте, столь богатой материалом для изучения новых организаций народных революционных армий и их новых методов в приемах ведения партизанской или, вернее, малой войны.

Побольше практики, поменьше теории и еще меньше схоластики.

Пусть все идут в эту академию. Учиться никогда не поздно и не стыдно¹.

Видный большевистский военный деятель Н.И. Подвойский во время заседания в академии 4 декабря 1918 г. указал слушателям на то, что от них ожидали партийные верхи: «Вы должны быть и слушателями академии Генерального штаба, и пропагандистами тех мыслей, которые будут вами вырабатываться, вы будете будить их (масс. — А.Г.) мысль и создавать в них милитаризм коммунистический, коммунистический фанатизм, коммунистическую экзальтацию, коммунистический патриотизм»².

Намеченная программа включала такие дисциплины, как: стратегия, философия войны (на дополнительном курсе), тактика всех родов войск и общая тактика, военная психология, история военного искусства (старший курс), история Великой всемирной войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, военная география, военная администрация, военно-морское дело, военная топография, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийских частей, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, международное право и вопросы современной международной политики, политическая экономия, вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (обязательно один — немецкий, японский, английский или французский).

Практические занятия предусматривались по стратегии и тактике (задачи, тактические поездки, полевые выходы), военной администрации, практическому изучению метода статистики, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, морскому делу, съемкам и верховой езде. Курс обучения должен был составить три года.

Намечено, но не реализовано было открытие и ускоренных одногодичных курсов при академии, где бы изучались основы современной стратегии, тактика пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, воздушных средств и общая, история Великой всемирной войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, обзор пограничных

¹ Старый академик. К открытию академии Генер[ального] штаба // Военное дело (Москва). 1918. 11.10.

№ 19. С. 21.

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 260. Л. 5.

театров России, организация и тактика снабжения и транспорта, теория съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской части. Практические занятия предполагались по тактике, военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам и верховой езде. В академию необходимо было зачислить прежде всего слушателей, принятых в июне и июле 1918 г.

Открытие академии происходило в спешке. Для подготовки к работе начальником академии был установлен месячный срок. В первоначально установленный РВСР срок не уложились, но занятия начались уже 24 ноября 1918 г., тогда как «еще 15 октября... вся академия заключалась в маленьком столике в кабинете начальника ГУВУЗа т. Муратова»¹.

Базовой идеей, которой руководствовались создатели академии, был максимум результата при минимуме затрат². В сжатые сроки решились вопросы с размещением академии (академия расположилась в здании бывшего Охотничьего клуба графа А. А. Шереметева на Воздвиженке), обеспечением ее топливом на зиму, открыта учебная часть, библиотека, приглашены лекторы по политическим вопросам, набран преподавательский состав. Работа велась в авральном режиме. Комиссар академии был назначен 15 октября, еще до открытия. Буквально по ночам удавалось пробиваться на заседания к членам РВСР и решать организационные вопросы, так как днем попасть на прием было невозможно.

Блестяще был подобран преподавательский состав из военспецов, многие из которых составляли цвет старого Генштаба. В.Е. Борисов должен был читать курс истории Первой мировой войны, А.А. Незнамов и А.А. Свечин – стратегию, С.К. Сегеркранц и С.М. Шейдеман – тактику конницы, В.Н. Свяцкий и Г.И. Теодори – тактику артиллерии, С.Г. Лукирский и Н.С. Беляев – общую тактику, Д.К. Лебедев – тактику технических войск, В.Н. Гатовский – тактику и технику воздушных средств, В.И. Самуйлов – организацию войск, военных управлений и учреждений, А.А. Свечин и В.Ф. Новицкий – службу Генштаба, Л.А. Радус-Зенкович и С.Д. Харламов – обзор театров войны, Н.А. Сулейман – снабжение и транспорт, Н.В. Хенриксон – военное хозяйство, В.Р. Канненберг – теорию съемки, В.М. Афанасьев – технику железнодорожного дела³. По свидетельству одного из слушателей набора 1920 г., «в академии не было ни одного преподавателя, отличившегося во время революции. Весь штат состоял из бывших генералов императорской армии, знаменитых, награжденных, нередко известных за пределами своего профессионального круга... В водовороте чрезвычайных и иногда непостижимых событий эти люди воспринимали свою судьбу со стойкостью профессиональных солдат. Они были готовы работать на любое правительство, которое могло возродить разрушенную Россию. Многие из них не верили в способность Советов достичь этой цели, но они откликнулись на призыв Ленина и Троцкого создать новую армию и готовы были отдать этому все свои силы. Они очень много сделали для создания Генерального штаба Красной армии и подготовки старшего командного состава. В этом

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

² Там же. Л. 25.

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 7об.

надо отдать им должное»¹. И.И. Вацетис также был критичен в своих воспоминаниях: «Старые генштабисты ушли на задний план и были пристроены в Военной академии РККА в качестве преподавателей, получали там фронтовой паек и хорошее жалованье»².

Руководили академией: А.К. Климович (7 октября 1918 – 13 июля 1919 г.), А.Е. Снесарев (13 июля 1919 – 25 июля 1921 г.), М.Н. Тухачевский (5 августа 1921 – 16 января 1922 г.), А.И. Геккер (с 16 января 1922 г. (заместитель начальника), 15 февраля – 27 июля 1922 г.), Л.Ф. Печерский (вр.и.д., 27 июля – 10 августа 1922 г.), П.П. Лебедев (10 августа 1922 – 19 апреля 1924 г.), Ф.М. Афанасьев (помощник начальника, 2 августа 1922 – 15 апреля 1924 г.). Из них только большевики Л.Ф. Печерский и М.Н. Тухачевский не имели отношения к старой академии. В дальнейшем академию возглавляли члены партии, не обучавшиеся в старой академии (М.В. Фрунзе, Р.А. Муклевич (заместитель), Р.П. Эйдеман), а пост начальника академии из военно-технического превратился в политический.

В качестве слушателей в академию попали некоторые из тех, кто ранее был зачислен на ускоренный курс старой академии, но из-за ее перехода к противнику не смог пройти подготовку. Среди них был и комиссар Ф.П. Никонов.

Никонов вспоминал: «Первый год очень интересно работала профессура. Они как-то воспрянули духом, и работа их очень интересовала, и они ей отдавали все свои силы. Они проработали все программы. Далее у них появился определенный научно-педагогический интерес. Помню, Новицкий и Шейдеман сразу же приступили к составлению своих трудов и учебников. Курс первого года прошел довольно оживленно. Оживлению еще помогало, главным образом, и то, что тогда работала так называемая конференция. В то время работа как-то шла дружно и оживленно. Может быть, потому, что профессура живо чувствовала, что снова создается академия.

Известная часть профессуры, по-моему, работала тогда вполне искренне. Мы тогда задавались вопросом относительно искренности работы профессуры. Мы видели, что некоторую часть мы все-таки в полной мере не сможем использовать. Мы постоянно шли навстречу профессуре и планомерно создавали их конференции.

Конференция – это есть собрание преподавательского состава, где они обсуждают научные и учебные вопросы. Это был чрезвычайно важный орган для академии. Это было в первый год, и я не знаю, по каким-то причинам в следующие годы некоторые элементы повели определенную борьбу. И в дальнейшем я не знаю, я уже тогда отошел от этой работы, был уклон, что работу этой конференции стали как-то суживать, и с конца 1919 года, под влиянием каких-то причин, я теперь об этом судить не решаюсь, но помню, что конференции стали суживать. Преподаватели стали чувствовать себя худо. Конференции были необходимы. Они возбуждали интерес и заставляли работать. После того как конференции стали суживать, преподаватели стали работать в одиночку. Дальнейшие годы работа проходила бледнее, впрочем, она и в настоящее время проходит довольно бледно.

¹ Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 102.

² LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 50б.

Я рекомендовал бы остановиться на этом вопросе. В академии сейчас определенный застой. Я определенно говорю, что сейчас в академии перегнута палка и там много полицейщины, указки, командования. Конференций сейчас нет. Часть профессорского состава Вам¹, вероятно, известна. Такое положение в академии я объясняю неумелым подходом. Я этого исторически установить сейчас не могу, когда это было сделано. Важно, что сейчас это чувствуется.

Если подводить итоги, то я должен сказать, что раньше в академии было лучше, особенно это чувствуется профессуре.

У нас целые курсы, случалось, посылали на фронт, напр[имер], в 1919 году на Колчака и на юг. На Колчака, когда он продвигался к Волге. Там была уже наша практическая работа. Там я командовал полком. Затем Колчак был отбит и начал отступать. Часть товарищей еще раньше была брошена против Деникина. Там работала группа в 40–50 человек. Там работа принесла определенные плоды. Мы там определенно вливали свежую струю. Я считаю, что роль академии в Гражданской войне была самая хорошая. Здесь будет два взгляда. Например, Тухачевский. Он говорит, что теперь академия играет большую роль, а тогда она представляла раньше орган, в который стремились все укрывающиеся от фронта. Конечно, против такого рода мыслей нужно бороться. Академия, безусловно, тогда играла большую роль. Это можно судить по тому, что в критические моменты к нам всегда приезжал тов. Радек, это чуткий барометр. Академия определенно сыграла большую роль в Гражданской войне. Академия была резервуаром, из которого постоянно в критический момент республика черпала молодые свежие силы и в определенный момент бросала их в опасное место. Это был последний государственный резерв. Куда посылали этот резерв, в том месте всегда был определенный успех. Это необходимо отметить.

Конечно, тут громадную роль играло и ЦК партии. Если мы придаем большое значение мобилизациям партийных сил, то нужно признать и ценное значение работы академии. Это не может быть оспорено.

Программы у нас были сокращенные. Сначала выпустили первый курс и предполагали, что мы, прослушав один год, будем брошены на фронт. Потом было найдено, что мы можем прослушать весь четырехлетний курс, и нас в 1919 году вызвали опять.

Тогда мы начали прохождение четырехлетней программы. Относительно того, как менялась программа, теперь, не имея под руками программ, трудно сказать. Надо отметить, что в дальнейшем в разработке программ у нас впервые был применен принцип совершенно новый. Мы параллельно тому, что дают профессора, выдвигая принцип самостоятельности, работали самостоятельно. Все то, что профессура должна была обсуждать на конференции, мы параллельно это обсуждали. У нас был создан специальный орган – учебная комиссия, которая то же самое эти вопросы рассматривала. Таким образом, происходила смычка, так сказать, соединение этих двух взглядов. Но здесь нужно отметить рядом с положительными результатами, которые принесла нам эта самостоятельность, и результаты отрицательные. Положительные результаты в том, что все вопросы,

¹ Н. И. Подвойскому.

разработанные профессурой старого закала, подходящими в период самой революционной борьбы к этим вопросам чисто субъективно¹. Имела место и ошибочная оценка и, может быть, неискренность. Работа, проводимая параллельно этой, будировала нашу собственную мысль, которая сплошь и рядом подсказывала совершенно другой ответ на поставленный вопрос, чем давала профессура. Поэтому я смотрю, что эта работа в данном направлении дала положительные результаты.

Отрицательные результаты следующие. Здесь наступил так называемый болезненный уклон в сторону коллективизма. По-моему, все-таки в учебном деле нельзя так перегибать палку, иначе самостоятельность может пойти в ущерб учебному плану и намеченному расписанию. Создавались различные группировки. Между этими группировками началась борьба, и особенно групповая рознь резко обозначилась в последний год. Людей стали подбирать своих. Во главе группировок всегда стояли люди с авантюристическим оттенком, которые отчасти стремились руководить всей деятельностью академии. И вот особенно в такой период сказались отрицательные стороны коллективизма. Вот такие люди из нашего бюро из учебной комиссии стремились разрешать все вопросы сами. Вследствие этого обострились сильно взаимоотношения с профессурой, и на этой почве возникло несколько конфликтов. Я не могу Вам сейчас назвать точно фактов – это надо собрать в академии, но это страшно отпугивало творческие силы профессуры. Это нужно отнести к периоду 1921–[19]22 гг. и даже этого года. В 1920 году это чувствовалось меньше.

Все годы программа планомерно разрабатывалась. Изменения были в сторону расширения. Затем самостоятельность слушателей в дальнейшем направила творческую мысль в научную сторону. Были образованы секции по разным вопросам военного знания. Теперь есть обязательность привлечения в эти секции всех сил слушателей.

Далее было образовано научное общество, которое сразу же приступило к разрешению некоторых вопросов. Здесь очень важно и ценно использовать профессуру, суметь привлечь ее к работе в ВНО². Особенно ценных работ в печати ВНО пока не дало. Это объясняется тем, что там групповая работа. Это дальше терпеть нельзя. Во главе ВНО стоит [С.М.] Белицкий, но он подбирал лиц не всегда объективно.

Программа первого и последующих годов вырабатывалась в зависимости от имеющегося в распоряжении времени и состава слушателей, применяясь к нему.

В первые года работы академии на опыт Гражданской войны не обращалось особенного внимания, и этот вопрос в академии не ставился во главу угла вплоть до окончания Гражданской войны. Но были занятия по усвоению разных принципов военного дела. Хотя опыт использования опытов Гражданской войны возникал в прежние годы. Я помню, этот вопрос поднимался на заседаниях научно-го характера, которые были в 1919–[19]20 гг., и Вы даже в 1918 году выступали против Сулеймана.

¹ Так в документе.

² Военно-научном обществе.

Уже тогда возникла поставленная Вами военная мысль, что исследования нужно направить в новом направлении. Надо отдать справедливость, что в программах это не заняло подходящего места. Тогда еще не было преподавателей, которые бы могли повести этот предмет. Эти новые данные в первые годы Гражданской войны не представлялись достаточно ясно. Новаторов в этом деле почти не было. Потом с развитием Гражданской войны, когда за Красной армией была уже некоторая история, тогда этот вопрос выдвигается. Тогда Вацетис повел курс истории войны. Теперь для разработки вопроса Гражданской войны создана особая кафедра и туда привлечены некоторые силы для работы. Результаты их работ я не знаю. В этом году они продолжают эту работу.

Когда мы к весне 1919 года начали кончать первый основной курс, то явилась необходимость не ограничиваться только выпуском нашего курса, а продолжать работу и вводить новый курс. Весной 1919 г. была объявлена разверстка по округам. Осенью решено было начать новый курс. На лето 1919 года часть курса была брошена на Южный фронт. Весь основной курс выехал в лагеря для съемочных работ. Дальше особых перемен в нашей внутренней жизни академии не было. Климович был заменен. В дальнейшем наша работа шла в зависимости от фронтов. Далее в процессе работы академии явилась необходимость создания подготовительного курса для тех товарищей, которые поступали в академию без окончания среднего учебного заведения, так как они не имели средств для их окончания, но они имели зато большой революционный и организационный стаж. Для того, чтобы они могли применить свой организационный и революционный опыт, не имея определенного учебного стажа, для них и был создан этот подготовительный курс. Это был ценный и очень важный курс. Он теперь, кажется, к сожалению, закрыт.

Дальше стоит вопрос о дальнейшей подготовке научных сил. В этом направлении был создан институт адъюнктуры при академии. Я до сих пор не в курсе этого дела. Здесь как будто происходит подбор не вполне объективный.

Относительно преподавания. Явились сторонники французского метода преподавания – предметного, а не лекционного, как было до сих пор. Сторонником этого течения был [Г.Д.] Закс и целый ряд других товарищей. Эта борьба шла в 1919–[19]20 и [19]21 гг. В результате этой борьбы прошел все-таки лекционный метод. Теперь снова эта борьба началась. Практические занятия шли с самого же начала.

Затем был семинарий общеполитический. Семинарий по историческому материализму вели наиболее видные профессора. По марксизму занимались с нами [Н.И.] Бухарин и [В.Ф.] Горин[-Галкин]. Военная игра началась в 1918 г.¹ В лагерях первый курс занимался ей, но у нас не было полевой поездки»².

Как известно, в разгар Гражданской войны РККА испытывала острейший дефицит кадров Генштаба. Ситуация в академии была даже хуже, поскольку это место службы не считалось значимым для обороны Советской России. На конец августа 1919 г. некомплект штатных преподавателей доходил здесь до 90 %³.

¹ Правильно – в 1919 г.

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 17об.–20.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 13.

А.Д. Тарановский в показаниях по делу «Весна» рассуждал о выборе генштабистов, преподававших в Академии Генштаба РККА в Гражданскую войну: «Их положение было уже гораздо легче по сравнению с простым офицерством — они имели уже определенные должности, сносно обеспечены содержанием и удовольствием, а главное, спокойно могли читать по избранному им[и] предмету лекции и, самое важное, им был предоставлен широкий простор к изданию в печатном виде их трудов. Многие из них, по моим наблюдениям, с интересом приступили к своим сочинениям, стараясь по своей памяти использовать богатый опыт только что закончившейся невиданно большой войны. Поэтому у профессоров академии меньше было оснований быть недовольными своей обстановкой и своим положением»^I.

Сам Тарановский, работавший в академии с марта 1919 по май 1920 г., отмечал, что «в своей работе находил удовлетворение своих духовных и физических сил»^{II}. Тарановский и множество военспецов наивно верили в то, что, если добросовестно исполнять свои обязанности, можно рассчитывать на доверие новой власти. Об академическом периоде своей деятельности он вспоминал: «Этот год был первым годом существования красной Военной академии. Формирование и благоустройство помещения еще продолжались. Профессорский и преподавательский состав еще продолжал набираться, так что в смысле личного профессор[ск]о-преподавательского состава этот период можно назвать период[ом] весьма текучего и изменчивого состава. В середине этого же года произошла перемена в начальниках академии — вместо ушедшего первого н[ачальни]ка т. Климовича вновь назначен был т. Снесарев.

В этот период каких-либо группировок профессуры и офицеров на политической почве я в академии не наблюдал и не помню даже признаков таковых группировок. Текучесть профессор[ск]о-преподавательского состава и происшедшая смена начальника академии, по-моему, не давали благоприятную обстановку для тайных группировок. Во всяком случае я этих группировок не видел и о существовании их не знал.

С учебной точки зрения весь профессор[ск]о-преподавательский состав разделялся по отдельным кафедрам, а практические занятия по различным тактикам (пехоты, конницы, снабжению и устройству тыла и т.д.) [делились] на партии. Во главе этих занятий по практическим тактикам в последнее время были поставлены старшие руководители, которым было подчинено несколько партий с отдельными руководителями-генштабистами или специалистами артиллерии, авиации и т.д. Но это разделение, по-моему, вызывалось чисто учебными требованиями; так это было, я помню, и в старой академии, и я их не мог бы причислять к группировкам на политической почве, тем более что руководителей практических занятий старшие руководители не выбирали, а их назначала администрация академии. У меня в восточном отделении преподаватели были статские люди»^{III}.

На вопрос о том, обсуждалось ли преподавателями падение советской власти, Тарановский показал: «Со времени 1919 года идет уже двенадцатый год, а потому

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26.

^{II} Там же. Л. 26об.

^{III} Там же. Л. 26об.-27.

трудно вспомнить эти отдельные разговоры и настроения. В собраниях и в отдельных группах также не помню, чтобы эти вопросы обсуждались. Помню, как однажды один из профессоров, кажется Новицкий, критикуя действия контрреволюционных генералов (Колчака, Деникина, Юденича и т.д.), указывал на безграмотность их действий, а именно на разрозненность их действий и разновременность их наступлений. Из этого он заключал, что руководящего объединения у них нет и причину этого надо искать, сказал он, в том, что каждый из этих генералов боялся лавры первенства уступить другому. При таких действиях, сказал он, все их попытки обречены на неуспех и им сов[етской] власти свергнуть не удастся.

Неожиданный подход Деникина к Туле, помню, создал тревожную обстановку вообще в Москве и в частности в академии. Офицерству было известно, что контрреволюционные генералы считали то офицерство, которое осталось в пределах советской власти и поступило на службу в Красную армию и в ее учреждения и учебные заведения, считают¹ изменниками и угрожали якобы жестоко при встрече с ними расправиться. Они считали оставшихся этих офицеров создателями Красной армии, а оставшихся генштабистов организаторами и руководителями действий Красной армии против этих генералов... Башибузукский состав деникинской армии большинству офицеров был известен. Все это, вместе взятое, действительно создавало грозное, тяжелое положение... Опять-таки не помню, чтобы по этому поводу было какое-нибудь общее обсуждение в собраниях или в группах. Каждый держал свои мысли, свое решение при себе и его не высказывал; чувствовалось только тревожное и несколько подавленное настроение и страх перед предстоящим кровопролитием.

И так, не зная мыслей и решений отдельных профессоров и преподавателей на счет перестраховки на случай входа Деникина в Москву, я беру на себя смелость высказать личное мнение по этому вопросу, основанное на прямом моем личном наблюдении состава академии. Я полагаю, что старый профессор[ск]о-преподавательский состав [был], пожалуй, бы не прочь остаться на месте при входе Деникина и надеялся себя реабилитировать пред ним, что же касается молодого состава генштабистов, то тут бы, без сомнения, произошло разделение и большая часть, на случай оставления Москвы, ушла бы с отходящими частями Красной армии, обороняясь на линии Волги и, может быть, дальше на восток, т.к. их сверстники в деникинской армии давно уже были испечены в генералы и служба бы их там была бы трудна. Таково, повторяю, личное мнение по этому вопросу².

Назначение в 1919 г. начальником академии бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева, выпускника старой академии 1899 г., несомненно, являлось настоящей кадровой удачей. Сложно представить военного специалиста, более подходившего для занятия этой должности. Снесарев стремился избежать участия в Гражданской войне против прежних товарищей по службе, но был лоялен новой власти и тяготел к научно-педагогической работе (даже командуя 16-й армией, в июне 1919 г. он читал публичные лекции в Смоленске в Народном университете).

По критической оценке А.А. Свечина, «первые годы В[оенная] академия представляла сборище случайно набранных преподавателей, весьма различных по своим

¹ Так в документе.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 27–27об.

взглядам, но в большинстве своем это были люди, интересы и настроения которых не совпадали с революцией^I. Ему вторил Д.Н. Надежный: «Военная академия РККА также оказалась тем местом, которое давало возможность избежать активного участия в революции, для тех, кто не был уверен в утверждении революции и кто рассчитывал на “смену вех”»^{II}.

В одном из приказов по академии в апреле 1919 г. отмечалось, что «академический курс наук при настоящей краткосрочности требует самого упорного труда для своего усвоения. Недостаток же учебных пособий и руководств заставляет аккуратнo, без всяких пропусков посещать лекции, внимательно воспринимать и записывать их, хотя бы в самой конспективной форме»^{III}. Впрочем, это требование было далеко от действительности. Как показали внезапные проверки, слушатели неаккуратно посещали лекции. Расписавшись утром в регистрационном листе, они уходили и являлись только к обеду на практические занятия^{IV}. «Ни в одном военном учреждении я не видел такой слабой дисциплинированности, как в академии», — отмечал комиссар академии в декабре 1919 г.^V

Лояльность слушателей академии для власти казалась важнее профессионализма. В совершенно секретном донесении Высшей военной инспекции председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому о лояльности военно-учебных заведений Москвы, подготовленном в сентябре 1919 г. (очевидно, в связи с делом военной организации «Национального центра», раскрытой в тот период), было отмечено: «Исключительная требовательность мандатной комиссии академии Генштаба является залогом надежности состава слушателей. Во главе академии стоят: начальник академии Снесарев — лично известный с хорошей стороны тов. [И.Я.] Алибекову^{VI}, и комиссары академии тов. Залезский и Козловский: рекомендовать их излишне. Боевого значения академия не имеет»^{VII}.

Как вспоминал слушатель первого набора, впоследствии Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, «главную роль при первом наборе играло наличие рекомендаций двух членов РКП(б), собственного партстажа и опыта военной работы, преимущественно в Красной армии. В результате в академию попали люди с неодинаковыми знаниями. Кое-кто имел высшее образование, большинство — среднее, а некоторые — только начальное. Естественно, последним учиться было очень трудно»^{VIII}. По свидетельству А.Ф. Федорова, были «обязательны два условия: опыт в военном деле и личное участие в боях против белых»^{IX}.

Данные о первых слушателях академии по образовательному цензу и партийности, несмотря на существенные расхождения в источниках, представлены в таблицах 87 и 88.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 11–12.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37 (3149). Л. 12.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 170.

^{IV} Там же. Л. 141.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

^{VI} В документе ошибочно — Алибекову.

^{VII} РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 380. Л. 4об.

^{VIII} Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003. С. 65.

^{IX} Федоров А. Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 173.

**Социальный состав слушателей первых наборов
Академии Генерального штаба РККА по официальным данным¹**

	Набор (%)			
	1918	Весна 1919 параллельный курс	Осень 1919	Осень 1920
Коммунистов	60 (из них 21 со стажем до октября 1917 г.)	49	70	89,5
Сочувствующих	20	32	12	1?
Других партий	5	1	2	
Беспартийных	15	18	16	9,5
С высшим образованием	5 (по другим данным, 5,5)		20	5,5
Со средним образованием	70		56	65
С низшим образованием	25		24	29
Выпускники военных училищ, школ и курсов	79 (по другим данным, 88)	92	86	92,5
Без военного образования	21	8	14	7,5
С боевым опытом	94		79?	94
Направлены с фронта		75	57	68
Направлены из тыла		25	43	32

Приведенные статистические сведения, несмотря на расхождения в имеющихся цифрах, демонстрируют крайнюю неоднородность состава слушателей, прежде всего, по их образовательному уровню, что не могло не вызвать значительных осложнений в процессе обучения. По другим данным, вероятно более точным, статистика первых наборов академии следующая (табл. 88).

Таблица 88

**Данные о составе слушателей первых наборов Академии Генерального штаба
(Военной академии) РККА, сохранившиеся в делопроизводстве академии¹**

Год приема	1918	1919	1920	1921	1922
Прибыло для поступления	181	815	579	762	321
Принято	175 (96,6 %)	378 (46,4 %)	276 (30,4 %)	427 (56 %)	170 (52,9 %)

¹ Сост. по: Два года Красной академии Генерального штаба (1918 — сентябрь 1920 г.). М., 1921. С. 22, 33, 35, 39; Академия имени М. В. Фрунзе. С. 19; Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 102. К сожалению, в ряде случаев оказалось невозможно устранить явные статистические ошибки, особенно в вопросе соотношения слушателей со средним военным и гражданским образованием.

¹¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 57. Данные о составе слушателей первых лет существования Военной академии РККА довольно сильно расходятся, что не может не навести на мысль о возможном искажении этих сведений (вероятно, учитывались сведения о слушателях не на период их обучения в академии, а на юбилейный для академии 1928 г.), так как в материалах к 10-летию академии указывалась иная статистика партийных, которых, например, в выпуске 1921 г. было 47 %. Аналогичные расхождения существуют и по другим параметрам, например, по социальному происхождению выпускников. В том же первом выпуске указано 5 % рабочих, 46 % крестьян и 49 % прочих (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 76). Выявленные расхождения указаны в сносках.

Год приема	1918	1919	1920	1921	1922
Отсеялось в течение курса	75 (42,9 %)	240 (63,5 %)	217 (78,6 %)	313 (73,8 %)	44 (26,5 %)
Год выпуска	1921	1922	1923	1924	1925
Всего окончило	100	138	59	114	126
Членов ВКП(б)	64 (64 %) ^I	115 ^{II} (83,3 %)	53 ^{III} (89,8 %)	95 ^{IV} (83,3 %)	97 ^V (77 %)
Кандидатов	6 (6 %) ^{VI}	9 ^{VII} (6,5 %)	3 (5,1 %)	8 ^{VIII} (7,1 %)	3 ^{IX} (2,4 %)
Беспартийных	30 (30 %) ^X	14 ^{XI} (10,2 %)	3 ^{XII} (5,1 %)	11 ^{XIII} (9,6 %)	26 ^{XIV} (20,6 %)
Из рабочих	9 (9 %) ^{XV}	19 ^{XVI} (13,8 %)	11 ^{XVII} (18,7 %)	24 ^{XVIII} (21 %)	28 ^{XIX} (22,2 %)
Из крестьян	19 (19 %) ^{XX}	27 ^{XXI} (19,6 %)	23 ^{XXII} (38,9 %)	32 ^{XXIII} (28,1 %)	39 ^{XXIV} (40 %)
Прочие	72 (72 %) ^{XXV}	92 ^{XXVI} (66,6 %)	25 ^{XXVII} (42,4 %)	58 ^{XXVIII} (50,9 %)	59 ^{XXIX} (46,8 %)
С общим высшим образованием	4 (4 %)		6 (10,1 %)	2 (1,8 %)	
С общим средним образованием	61 (61 %)	115 (83,3 %)	37 (62,7 %)	79 (69,3 %)	75 (59,5 %)

- ^I По другим данным, 47 (47 %).
^{II} По другим данным, 99.
^{III} По другим данным, 50.
^{IV} По другим данным, 97.
^V По другим данным, 90.
^{VI} По другим данным, 4 (4 %).
^{VII} По другим данным, 1.
^{VIII} По другим данным, 3.
^{IX} По другим данным, 5.
^X По другим данным, 49 (49 %).
^{XI} По другим данным, 38.
^{XII} По другим данным, 6.
^{XIII} По другим данным, 14.
^{XIV} По другим данным, 31.
^{XV} По другим данным, 5 (5 %).
^{XVI} По другим данным, 17.
^{XVII} По другим данным, 13.
^{XVIII} По другим данным, 19.
^{XIX} По другим данным, 22.
^{XX} По другим данным, 46 (46 %).
^{XXI} По другим данным, 67.
^{XXII} По другим данным, 22.
^{XXIII} По другим данным, 50.
^{XXIV} По другим данным, 61.
^{XXV} По другим данным, 49 (49 %).
^{XXVI} По другим данным, 54.
^{XXVII} По другим данным, 24.
^{XXVIII} По другим данным, 45.
^{XXIX} По другим данным, 43.

Год приема	1918	1919	1920	1921	1922
С общим низшим образованием	35 (35 %)	23 (16,7 %)	16 (27,2 %)	33 (28,9 %)	51 (40,5 %)
Военное образование до академии среднее (в старой армии)	66 (66 %)	97 (70,3 %)	40 (67,9 %)	57 (50 %)	41 (32,5 %)
Нормальные школы РККА				8 (7,1 %)	37 (29,4 %)
Командные курсы РККА	21 (21 %)	15 (10,9 %)	10 (16,8 %)	28 (24,5 %)	35 (27,8 %)
Без военного образования	13 (13 %)	26 (18,8 %)	9 (15,3 %)	21 (18,4 %)	13 (10,3 %)
Участвовали в боях Гражданской войны	100 (100 %)	126 (82,8 %)	50 (84,7 %)	110 (96,4 %)	115 (91,3 %)
Имеют ордена Красного Знамени	8 (8 %)	23 (13,8 %)	11 (18,7 %)	26 (22,8 %)	33 (26,2 %)

Сведения о том, каким служебным стажем обладали и как были использованы в РККА первые выпускники академии, представлены в таблице 89.

Таблица 89

Сведения о выпуске Военной академии РККА 1921 г.¹

Полученное назначение	Количество назначений	Строевой стаж в старой армии						Строевой стаж в Красной армии						Штабной стаж в Красной армии						Кадровых офицеров	Офицеров военного времени	Не бывших офицерами			
		Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Наштарм	Наштадив	Наштабриг	Начальник управления				Начальник отдела	Без стажа	
Командир корпуса	1									1						1									1
Начальник дивизии	6				1	1	4	1	1		1		1	2		3	1	1		1			4	2	
Командир бригады	7					2	5		1			2	1	3	1	1	2		2	1		3	4		
Командир полка	3					2	1					1		2		1	1			1		3			
Начальник штаба войск района	2			1	1					1	1					1		1				2			
Начальник штаба дивизии	11				5	4	2					1	1	4	5	1	2	5		2	1	3	8		

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 198об.–199.

Полученное назначение		Количество назначений	Строевой стаж в старой армии						Строевой стаж в Красной армии						Штабной стаж в Красной армии						Кадровых офицеров Офицеров военного времени Не бывших офицерами				
			Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Наштарм	Наштадив	Наштабриг	Начальник управления				Начальник отдела	Без стажа
Начальник штаба бригады		2					1	1					1		1					1	1			1	1
Начальник центрального управления		1					1			1									1					1	
Начальник управления		13				2	5	6			3		1	9			4	6	1		2	1	9	3	
Помощник начальника управления		1					1												1				1		
Начальник отдела		9				1	6	2		1	1	2		5	1		3	1	3	1	2	5	2		
Начальники отделений		5					3	2					1	4		1	1	1		2		5			
Начальник штаба крепости		1					1						1			1						1			
Преподаватели		2				1		1	1					1			1		1			2			
Начальник школы		1					1				1								1			1			
Оставлены при академии		3				1	1	1		1		1		1		1	1			1		3			
Не получили определенного назначения	В распоряжении начальника штаба войск	5			1		3	1		1		1	2	1		1	1	2		1		4	1		
	В распоряжении РВСР	4					2	2						4	1	1	1			1		3	1		
	Штаб РККА	4				1	3				1			3		1	1		2			4			
	В распоряжении ГУВУЗа	7				3		4			1		3	3	1	1	1	1		3	1	6			
	В распоряжении ЦУПВОСО	6				1	3	2			2			4		3	1			2		5	1		
Итого		92			2	17	40	34	2	3	5	12	9	14	43	5	23	26	9	13	18	7	71	16	

По служебному опыту в РККА среди слушателей первого набора был 31% командиров бригад и начальников штабов бригад, 24% помощников начальников штабов бригад, 11% начальников дивизий и начальников штабов дивизий, 10%

помощников начальников штабов дивизий, 11 % начальников отделов штабов армий, 5 % начальников отделов штабов фронтов, 4 % командиров полков, 2 % начальников штабов армий, 2 % работников тыла¹.

В первом наборе были командиры, которым было трудно или даже невозможно освоить академическую программу. Одним из них был легендарный начдив В.И. Чапаев, ранее окончивший два класса церковно-приходской школы и курс полковой учебной команды. Неудивительно, что Чапаев продержался в академии не более трех недель². От слушателей с подобной недостаточной подготовкой требовалось сдать экзамен по программе советских командных пехотных курсов³. Некоторые учебой почти не интересовались. Например, при инспектировании академии в феврале 1919 г. выяснилось, что «часть отсутствовавших на лекции слушателей находилась в академии вне аудитории, где читалась лекция, и занималась чтением газет, книг, болтовней и прочим посторонним делом»⁴. Многие опаздывали с утра на первую лекцию (к ее началу приходили 25–30 человек, а во время лекции еще 30–40 человек).

К.А. Мерецков вспоминал: «К нам профессура относилась сначала довольно снисходительно. В 1918/19 учебном году существовали только две оценки на зачетах: “удовлетворительно” и “неудовлетворительно”, причем я не помню, чтобы “неуды” бывали часто. Как правило, все получали удовлетворительные оценки. И тем не менее отдельные слушатели не смогли учиться в академии и бросили ее. Правда, каждый последующий набор был сильнее предыдущего. Рос уровень подготовки будущих красных офицеров Генштаба, росли и требования к ним. А некоторые слушатели оставили академию только потому, что не выдержали холодного скептицизма и несколько иронического отношения к ним со стороны профессуры, а также возненавидели медленно изживавшуюся преподавателями схоластику в обучении или сочли, что они и без того сумеют принести пользу истекавшей кровью Советской России»⁵. Критические воспоминания об учебе и отношении военспецов к слушателям оставил и оказавшийся в первом наборе будущий генерал И.В. Тюленев⁶.

Бытовые условия жизни слушателей первого набора были трудными — скудный паек, жизнь в неотапливаемом помещении, необходимость по выходным заниматься заготовкой дров.

В феврале 1919 г. прошел прием на параллельный курс академии, призванный увеличить число слушателей (причем 11 % зачисленных ранее даже не служили в РККА), занятия начались 3 марта. После этого набора основной курс составил 183 слушателя, а параллельный — 160. Одним из зачисленных на параллельный курс был чекист Е.Г. Евдокимов, впоследствии печально известный как руководитель крымских расстрелов конца 1920 г., в ходе которых оказались истреблены тысячи людей.

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 160б.

² Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 369–379.

³ Легендарный начдив: Сб. док. Чебоксары, 1986. С. 114.

⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 1.

⁵ Мерецков К. А. На службе народу. С. 65–66.

⁶ Тюленев И. В. Через три войны: Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М., 2007. С. 140.

Цели обучения были следующими. На младшем курсе велась подготовительная работа, слушатели усваивали метод изучения военных наук, получали знания по специальным отраслям. На старшем курсе им давались уже широкие обобщающие знания, а дополнительный курс предполагал практику в самостоятельной творческой работе¹.

Распределение учебных часов на основном курсе академии было следующим (табл. 90).

Таблица 90

**Распределение намеченных учебных часов на основном курсе
Академии Генштаба РККА в 1918–1919 г.^{II}**

Предмет	Часов лекций	Часов практических занятий
Основы современной стратегии	28	
Тактика пехоты	35	168 (тактика и служба Генерального штаба)
Тактика кавалерии	21	
Тактика артиллерии	28	
Тактика технических войск	28	
Тактика воздушных средств	14	
Тактика прикладная	63	
Служба Генерального штаба	56	
История Великой всемирной войны 1914–1918 гг.	56	
Обзоры театров войны (военная география)	28	14
Устройство вооруженных сил республики	28	
Военное хозяйство, снабжение и транспорт	56	56
Теория съемки	56	28
Военно-инженерное дело	26	14
Сведения по технике артиллерийской части	28	
Сведения по технике железнодорожного дела	14	
Основы военной психологии	14	
Социальная психология	10	
Основы советской Конституции	10	
Основы внешней политики	10	
Философские и социологические основы марксизма	8	
Техника социализма	3	
Социализм и железнодорожное хозяйство	3	
Итого	625	280

В апреле 1919 г. в связи с наступлением белых на Восточном фронте академия осуществила досрочный выпуск слушателей основного курса, направленных

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 8–9.

^{II} Военная академия за пять лет / под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Клочко, Е. А. Шиловского. М., 1923. С. 124.

на фронты (осенью 1919 г. они продолжили обучение). 19 апреля академию посетили В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский, М.И. Калинин, где выступили перед уезжавшими на фронт слушателями. В апреле на Восточный фронт отправились 20 слушателей, в начале мая на Южный фронт были командированы 30 человек, 15 июля уехали остальные слушатели основного курса (87 человек) – итого на фронт были направлены 137 человек (впрочем, в данных есть расхождения)¹. Распределение командированных было следующим (табл. 91).

Таблица 91

**Распределение слушателей Академии Генштаба РККА,
командированных в войска
(по данным на 13 ноября 1919 г.)²**

Куда командированы слушатели	Основной курс (командировано – прибыло в академию)	Параллельный курс (командировано – прибыло)	Итого
Восточный фронт	43 – 7	1 – 0	44 – 7
Южный фронт	60 – 30	1 – 0	61 – 30
Западный фронт	20 – 5		20 – 5
Северный фронт (6-я отдельная армия)	2 – 2		2 – 2
В распоряжение войск внутренней охраны	1 – 0	3 – 0	4 – 0
В распоряжение А. И. Окулова	1 – 0		1 – 0
В распоряжение С. И. Гусева		5 – 0	5 – 0
В распоряжение Воздухфлота ³	1 – 0		1 – 0
В распоряжение ВГШ	1 – 0		1 – 0
В распоряжение ЦУПВОСО	4 – 0		4 – 0
В распоряжение Полевого штаба РВСР	1 – 0	1 – 0	2 – 0
В распоряжение Украинского фронта	1 – 0		1 – 0
В распоряжение Туркестанского фронта		1 – 0	1 – 0
В распоряжение НКВД		2 – 0	2 – 0
В распоряжение Военного совета Тульского укрепленного района		2 – 0	2 – 0
В распоряжение Рязанского ревкома		6 – 0	6 – 0
В распоряжение начальника Калужской дивизии		6 – 4	6 – 4
Итого	135 – 44	28 – 4	163 – 48

В войсках слушатели назначались, прежде всего, помощниками начальников бригадных и дивизионных штабов, политическими комиссарами и на должности для поручений. Один из направленных на фронт слушателей, Ф.И. Трутко (служил в Орловском окружном оперативном штабе по борьбе с дезертирством),

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 58. Л. 43.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 123. Л. 75. Также см.: РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 58. Л. 43; НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 53.

³ Главного управления Рабоче-крестьянского Красного военно-воздушного флота.

10 августа 1919 г. писал начальнику академии о недостаточности полученных знаний: «Я на опыте убедился, что те знания, которые нам сейчас даются в академии, все еще недостаточны, чтобы быть организаторами, “мозгом” армии. Если эти знания и достаточны для того, чтобы быть работниками в штабах, уже организованных, где работа уже налажена, то они очень и очень недостаточны для того, чтобы самому организовать штаб»^I. Слушатели жаловались на недостаточное знакомство с курсом службы Генштаба, незнание техники его работы и организационных вопросов^{II}.

Учеба в академии, как и служба в РККА, являлась мощным социальным лифтом. В этом отношении показателен путь донского казака С. А. Зотова, который в 1917 г. окончил Тифлисское военное училище и получил чин прапорщика. В РККА он командовал кавалерийской бригадой, стал начальником полевого штаба 1-й Конной армии, в 1923 г. окончил академию, а впоследствии получил звание комкора. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Белый генерал А. В. Голубинцев вспоминал службу Зотова в Первую мировую войну, когда тот был возрастным, но дельным и строгим вахмистром^{III}.

Отношение старых генштабистов в штабах к слушателям Академии Генштаба РККА было нередко пренебрежительным и даже враждебным. Порой недовольство фронтового начальства имело основания. Чего стоит аттестация слушателя академии помощника начальника штаба дивизии П. А. Ягунова, данная начальником 12-й стрелковой дивизии 10 ноября 1919 г.: «Тов. Ягунов прибыл в дивизию в 1[-х] числах августа с.г., работал при штадиве и его отделах. Проявлял особую любознательность к изучению приказов по армии и флоту, касающихся окладов и льгот комсостава. Имеет огромное тяготение к тыловой службе и распространению разных небылиц. Будучи послан в штадив соседней дивизии, задачу выполнял добросовестно, посылая все застарелые сведения аккуратно. Полученные им знания в академии Генерального штаба особенно не проявил, так что степень его подготовленности как работника штаба установить не удалось»^{IV}.

В том же духе характеристика слушателя академии Г. С. Иванова, составленная командиром 3-й бригады 27-й стрелковой дивизии 31 мая 1919 г.: «Был назначен на штабную должность (начоперот^V 5[-й армии]) принудительно (но не без согласия его) и сравнительно случайно. Никаких особых проявлений участия в Гражданской войне со стороны Иванова я не замечал; работал в штабе весьма посредственно “за деньги”. Инициативы и особого старания с его стороны я тоже не видал за все время моей службы с ним... Никакой политической работы в штабе Иванов Г. С. не вел, с одной стороны, по причине полной политической незрелости его, с другой стороны, вероятно, не имея ничего общего с коммунизмом... Его личные способности как распорядителя и организатора ниже всякой критики. Кругозор удивительно узкий. Проницательности у него не хватает даже для должного уразумения поступающих к нему как начоперот документов (бывали иногда прямо-таки курьезные случаи неумения

^I РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 11.

^{II} Там же. Л. 85.

^{III} Голубинцев А. В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. Мюнхен, 1959. С. 138.

^{IV} РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 138. Л. 46.

^V Начальник оперативного отдела.

даже прочесть и понять телеграммы). Вообще, в работе разбирался с большим затруднением. Я должен добавить, что Иванов Г.С. очень туг на соображение – недостаток психологического и даже физиологического характера... Иванов Г.С. не может служить для Советской России полезным работником на штабных должностях, не имея на то никаких способностей... за все время моей службы с ним я замечал с его стороны удивительную заботливость о своем материальном благополучии и о своевременном получении денежного довольствия, в какой бы форме оно ни выражалось, было ли то жалование, подъемные суммы или вознаграждение за утеранные когда-то и где-то вещи (маленькое примечание: Иванов Г.С. для получения такового, к моему удивлению, быстро составил и представил список утеранных вещей, в котором числились воротники, резинка, дюжина карандашей и мн[огое] друг[ое]). Мне кажется, что Иванов Г.С., будучи специалистом автомобильного дела, мог бы быть гораздо полезнее в этой области, хотя я не видал его при деле»^I.

Прибывших в войска слушателей ждал не слишком радушный прием. Как свидетельствовал член ВЦИК слушатель А.Г. Васильев, «после разбивки нас на группы, я в своей группе был направлен в штаб 7-й армии, где прием носил совершенно другой характер, но это, возможно, объясняется тем, что мы там не были встречены ни одним старым генштабом и даже не имели удовольствия познакомиться с командармом 7[-й]. Я не хочу вышесказанным подчеркнуть, в свою очередь также как будто неприязненное отношение к старому Генштабу»^{II}.

На Южном фронте впечатления слушателей были схожими: «В штабе фронта встретили нас как людей, не имеющих практики, в политотделе – как будущих помощников, специалисты – как конкурентов, в штабе армии – как лиц, без которых можно обойтись, по их мнению, в штабе бригады политкомы как помощников в политическом и боевом отношении... В последнее время отношение ко мне было как к незаменимому работнику»^{III}.

Л.Г. Петровский, попавший в 10-ю армию Южного фронта, вспоминал: «В штабе фронта встретили плохо – с политотделами не говорил, специалисты смотрели на нас как на “конкурентов”. В армии встретили сносно, объясняя отсутствием работников, в дивизии – плохо, заявляя, что мы ничего не знаем (заранее). Сначала не знали, куда меня пристроить, пока не назначили на должность наштабрига»^{IV}.

Слушатель А.А. Ефимов свидетельствовал: «Разговоры с некоторыми товарищами из политотдела убедили нас, что работа в штабах весьма не спорится и не потому, что нет людей, а потому, что наблюдается скрытый всюду саботаж. В штабе Южного фронта представители бывшего Генерального штаба поразили нас своей некорректностью, какой-то холодной замкнутостью. Нас неприветливо встретили, прямо-таки недружелюбно, а под конец мы с ними разругались. Их ужасно поразила, а в душе взбесила, наша требовательность, настойчивость и полная нестесненность»^V.

^I РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 158. Л. 134–134об.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 31.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.

^{IV} Там же. Л. 6.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

Один из слушателей, Н.В. Миронцев, 29 июля 1919 г. писал, что его с товарищами направили не на те должности и не на ту работу, к которой готовили, «и вот результат месячной работы в штабе армии, каждый из нас набил немного руку в канцелярщине, ничего общего не имеющей со стратегией, тактикой и службой Генштаба, и немало израсходовал энергии и сил большей частью на совершенно нецелесообразную работу или на войну со специфической атмосферой штаба армии (8-й. — А.Г.), который, порой казалось, был штабом не Рабоче-крестьянской Красной армии, а царской старорежимной... в штабах дивизии нас не оставляли, а послали на должности не выше помощников по оперативной части начал[ьников] штабов бригад, и это в то время, когда у нас 90% должностей Генштаба вакантны и, кроме того, не только начальники штабов бригад, а подчас начальники штабов дивизий не только не генштабы, а подчас полуграмотные в отношении тактики и др[угого] люди... Теперешний штаб армии гораздо громоздче старого штаба, для размещения его учреждений даже в Воронеже не хватает помещения, а еще штабы дивизии, бригад, полков, когда один оперативный отдел штаба при движении занимает 77 вагонов»^I. Миронцев вполне допускал, что за раздутостью штаба мог скрываться злой умысел военспецов.

Слушатели красной академии платили военспецам с фронта, в том числе старым генштабистам, той же монетой, порой выступая как самостоятельная сила, противостоявшая старшему поколению. Слушатель П.А. Ягунов вместе с однокашниками 3 июля 1919 г. направил в академию ехидную характеристику порядков в штабе 8-й армии: «Не приходится уже говорить о работе серьезной, работе в крупном масштабе, участии на заседаниях при разработке оперативных действий, составлении боевого приказа частям армии или на других важных заседаниях, а вместо этого слышишь со стороны начальника оперативного отдела тов. [С.Н.] Голубева и его помощника тов. [Б.П.] Лапшина (старых генштабов) только грубое, в невежливой форме обращение, видя в нас подчиненных, сами становятся начальниками старого пережитого времени, да, наконец, громкий крик: “я вам приказываю”, “я вас сейчас отправлю под арест”, а “еще больше, даже расстреляю”, — что это за отношения, кому это нужно, наконец, разве нас красная академия послала на практику для этого... Просим довести до сведения, кому это знать нужно, этой старой рутине нет места в штабах нашей армии. Подписали: слушатели красной академии Генерального штаба [П.Е.] Морозов, Ягунов, Миронцев, [Б.В.] Петрусевич»^{II}.

Фанфаронством проникнуто свидетельство слушателя И.Д. Флоровского, оказавшегося во 2-й бригаде 7-й стрелковой дивизии: «Военспецы с момента моего появления подтянулись, боясь за то, как бы я не сменил собой кого»^{III}. Г.Д. Закс, впоследствии видный деятель советской военной разведки, сообщал о штабе фронта 25 октября 1919 г.: «Будь я здесь членом Реввоенсовета или вообще имей я возможность, я бы устроил порядочную революцию и в управлении, и в людях, но бодливой корове, очевидно, не дано рог[ов]»^{IV}.

^I Там же. Л. 50, 52.

^{II} Там же. Л. 36.

^{III} Там же. Л. 13.

^{IV} Там же. Л. 87.

Слушатель Д. Т. Шапошников свидетельствовал о командировке на Западный фронт: «Когда прибыли наши слушатели в полевые штабы... то почти все они, за исключением некоторых, попали в невероятные условия^I.

Здесь им пришлось, или совершенно толкаться без дела, или уткнули их на чисто писарские должности без малейшего участия со стороны своего непосредственного начальства, а в худшем случае они встретили явно неприязненные отношения с вопросом на лице: “Куда же мы вас денем?” Все должности Генерального штаба у нас заняты»^{II}.

Ситуацией с распределением слушателей был возмущен даже начальник штаба Западного фронта бывший полковник Н. Н. Петин, телеграфировавший 4 августа 1919 г. начальникам штабов подчиненных армий: «Как это выяснилось в штазапе^{III}, многие из слушателей не только не получили штатных должностей Генштаба, но оказались совершенно неиспользованными по своей специальности, причем в одной из армий имеет место случай, что столь ценный сотрудник, как слушатель академии Генштаба, командированный в самое горячее боевое время на усиление Генштаба, в которых имеется огромный некомплект, до сего времени находится без дела вследствие канцелярской волокиты по поводу выяснения свободной для него вакансии. Красная армия крайне нуждается в подготовленном комсоставе, в особенности в таком, на который она в настоящей Гражданской войне может положиться как на вполне преданный ей и связанный с нею общим единым революционным порывом. С этой целью академия, несмотря на крайнюю нежелательность отвлечения курсантов от теоретического изучения академического курса, признала необходимым прийти на помощь армиям и командировала на время летнего периода занятий своих слушателей, учитывая даже возможность окончательного оставления их в силу боевых условий в рядах Красной армии. Эта красная молодежь шла с полным желанием отдать все свои силы и знания молодой революционной армии и вместо внимательного и серьезного отношения к себе встретила на месте сухой формализм и канцелярскую волокиту. Вина в этом лежит, безусловно, на начальниках штабов армий и дивизий, а также на тех чинах и комбригах, которые не захотели временно, может быть, потерять некоторую устойчивость в штабной работе вследствие малой опытности слушателей с тем, чтобы получить затем в лице молодых генштабистов преданных делу сотрудников. Подобное отношение совершенно недопустимо»^{IV}.

Слушатель В. А. Кангелари писал о затирании своих товарищей в штабах старыми спецами: «В штабах фронтов радушная встреча, в штабармах холоднее, а в штабдивах и штаббригах^V скрытое или явное недружелюбное “куда же мы Вас денем”, — говорили товарищам, — “если Вас устроить, придется лишить места Ивана Семеныча или Петра Ивановича”...»^{VI} Слушатель резюмировал: «Прошу сделать возможное, чтобы снять тех, кто уже определился[,] хоть сколько-нибудь с писарской работы, — ведь быть для поручения при наштадиве — это даже не практика, — это

^I Здесь и далее подчеркнуто кем-то из читателей красным карандашом.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 10.

^{III} Штабе Западного фронта.

^{IV} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 12.

^V Т.е. в штабах армий, дивизий, бригад.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 15об.

растрата сил, то же можно сказать и о должности помощника заведывающего разведывательным отделом в бригаде, где приходится оперировать исключительно с материалом войсковой разведки, а вместе с тем масса мест в полевых и высших штабах, где действительно можно учиться и работать с пользой, заняты Иванми Ивановичами, которым *“тоже кушать хочется”*^I.

Иногда случались настоящие коллизии, обусловленные революционным временем и радикальным изменением социального состава слушателей академии. Так, например, слушатель И.В. Тюленев попал по распределению на должность помощника начальника штаба дивизии на Южном фронте. По приезде он встретил военспеца, наказавшего его 25 розгами в 1915 г., когда Тюленев служил драгуном в 5-м драгунском Каргопольском полку. Работать вместе с обидчиком слушатель не смог и попросил о другом назначении^{II}.

Слушатель Ф.И. Трутко докладывал: «Ввиду текущих событий на фронтах, основной курс академии после ускоренной подготовки отправлен на фронт. Но на фронтах обстоятельства начали складываться не так, как можно было ожидать. Старые, бывшие царские, военспецы увидели в красных генштабистах отчасти конкурентов, а отчасти просто нежелательных сотрудников, вследствие того что они, красные генштабисты, — коммунисты, и следовательно, в среде военспецов элемент нежелательный. В силу этих причин красных генштабистов начали сразу же “затирать”, пересылать из одного штаба в другой и т.д. до бесконечности»^{III}.

Из дивизионных штабов также приходили критические отзывы. Слушатель Ю.Ю. Аплот, ставший на фронте младшим помощником начальника штаба 6-й стрелковой дивизии, писал в августе 1919 г., что «штаб 6-й стрелковой дивизии 7-й армии, за короткое время моего пребывания в нем, произвел на меня удручающее впечатление. Я в нем лично, как для нас, будущих генштабистов, ничего поучительного, образцового не видел и, к сожалению, не мог найти, — кроме хаоса, требующего немедленного искоренения»^{IV}.

У слушателей было сильно развито чувство превосходства над старорежимным офицерством, так называемое комчванство. На этой почве иногда возникали своеобразные ситуации. Так, слушатели в 1921 г. обвинили выступавшего перед ними Троцкого в том, что он не ценит их политическую надежность как коммунистов и ставит ее ниже компетентности. Троцкого такое противопоставление в стенах академии, предназначенной развивать именно компетентность слушателей, сильно удивило. Впрочем, он отмечал, что со временем подобные взгляды в академии оказались изжиты^V.

Слушатель С.М. Мищенко 28 июля 1919 г. писал с Южного фронта в академию, что начальник одной из дивизий, старый генштабист, прямо заявил, что «красную академию нельзя смешивать с их академией»^{VI}. Попавший позднее в плен к белым слушатель Академии Генштаба РККА Н.В. Миронцев летом 1919 г. писал в академию:

^I Там же. Л. 15об. – 15а.

^{II} Тюленев И. В. Через три войны. С. 144.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

^{IV} Там же. Л. 26.

^V Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы. С. 126.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 49.

«У меня единственное пожелание, скорее начать старший курс академии, чтобы как можно раньше кончить академию к ранней весне; весной покончить со всей контрреволюцией в России и летом выступить против всемирной контрреволюции».

Командированные на Север России слушатели академии Л.В. Василевский и А.И. Якобсон оставили о себе противоречивые впечатления у армейского начальства. Первый получил назначение на должность помощника начальника штаба 3-й бригады 18-й стрелковой дивизии по оперативной части, а второй – на аналогичную должность в штабе 2-й бригады 40-й стрелковой дивизии. Якобсон, по аттестации его начальника И.П. Уборевича, «обнаружил недюжинные способности [к] опер[ативной] работе, проявил интерес и стремление [к] глубокому проникновению и изучению всех сторон военного дела...»^I Но, по мнению и.д. начальника штаба 6-й армии бывшего полковника И.В. Яцко, слушатели «показали себя сотрудниками [с] малой практической подготовкой, что выражалось [в] недостаточном[м] умении ориентироваться [в] происходивших боевых операциях. [К] самостоятельному составлению оперативных приказов, докладов и планов действий, оценке условий театра войны, съемке, крокированию, рекогносцировке и черчению схем подготовлены слабо. Теоретические познания достаточны. Считаю, что необходимо обратить большее внимание на прохождение специальной службы Генштаба и на практические работы (полевые поездки)»^{II}.

Отношение белых к слушателям Академии Генштаба РККА было резко враждебным и проистекало из негативного отношения к коммунистам, каковых среди слушателей было немало, и к военспецам, считавшимся ренегатами. К этому примешивался и национальный фактор, когда речь шла о слушателях-евреях. Наконец, слушатели красной академии воспринимались как опора большевистского режима. При попадании в плен такие красные генштабисты не могли рассчитывать на снисхождение и беспощадно истреблялись белыми. Так, 8 августа 1919 г. вместе со штабом дивизии был взят в плен и изрублен казаками слушатель академии Р.Б. Бернштам^{IV}. Жертвами белых становились порой и члены семей слушателей. К примеру, у слушателя академии И.В. Алаева в Гражданскую войну от рук белых погибли родители и единственный брат^V.

Перешедший на сторону колчаковцев военспец РККА бывший полковник В.В. Котомин, состоявший в антибольшевистском подполье, в докладе белому командованию летом 1919 г. отмечал: «Последней категорией комсостава являются красные генштабисты, число их крайне ограничено, был, кажется, один выпуск. Самым энергичным и деятельным элементом из них являются евреи, как наиболее талантливые, идущие в академию с высшим образованием и успевающие в силу этого вынести из академии достаточные знания. Вообще могу сказать, что евреи, народ вообще трусливый и неприспособленный к войне, в сфере непосредственной опасности являются людьми очень быстро и хорошо разбирающимися в оперативном отношении»^{VI}.

^I Там же. Л. 52об.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 260об.

^{III} Там же. Л. 321.

^{IV} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 337.

^V РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1756. Л. 524.

^{VI} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 243об.

Непосредственно по службе Котомину пришлось столкнуться с выдающимся слушателем Академии Генштаба РККА А.М. Вольпе, впоследствии получившим известность как автор труда «Фронтальный удар» (М., 1931). Котомин отмечал, что в апреле 1919 г. «распоряжением штаба фронта назначен начальником штаба бригады был назначен еврей-коммунист Вольпе, окончивший красную академию Генерального штаба, очень умный молодой человек 24 лет, окончивший в Лозанне или Цюрихе невропатологический институт^I... Красный генштабист Вольпе был для меня элементом сверх нежелательным, и я принимал все усилия к тому, чтобы от него избавиться. Развитый, умный, работоспособный, нахально-вызывающий, как вообще все евреи, он в конце концов обострил со всеми отношения, и, к величайшей моей радости, я избавился от него в первых числах июня»^{II}.

Глубокая идейность, приверженность революционным идеалам, вера в светлое будущее являлись причиной того, что на фронтах Гражданской войны слушатели академии проявили себя с лучшей стороны, многие отличились. За Гражданскую войну орденами Красного Знамени были награждены 33 % слушателей, отправившихся на фронт^{III}. Слушатели академии Генштаба РККА участвовали в ликвидации бандитизма, в борьбе с отрядами С.Н. Булак-Балаховича в Белоруссии^{IV}. Некоторые слушатели погибли. Среди них В.А. Васько-Богдан, В.Н. Львов и А.К. Парм, зарубленные махновцами в 1921 г., О.А. Калнынь и В.Д. Ковшов (командир 28-й стрелковой бригады), погибшие в боях с отрядами Балаховича, А.К. Тищенко, зарубленный тамбовскими крестьянами^V. Кроме них погибли В.Ю. Берендс, Н.Н. Бирюков, А.Н. Ильичев. В.Д. Ковшов был похоронен у Кремлевской стены на Красной площади^{VI}.

Отдельные штабы даже не захотели возвращать слушателей в академию. Так, РВС Западного фронта 20 октября 1919 г. просил оставить слушателей и командировать на фронт параллельный курс. К ноябрю 1919 г. в академию вернулись далеко не все командированные на фронты. РВСР 3 октября 1919 г. постановил причислить к Генштабу тех выпускников младшего курса академии, которые отличились в период командировки на фронт^{VII}. Особенно высоко на фронте ценились слушатели из бывших офицеров^{VIII}.

Начальник ВГШ Н.И. Раттэль 3 октября 1919 г. на заседании РВСР предложил разрешить оставаться на фронтах окончившим младший курс академии «в тех случаях, когда они обнаружили свою способность с полным успехом выполнять возложенные на них обязанности и совершенно незаменимы на своих постах. Число таких воспитанников не должно ни в коем случае превышать 50 % общего числа командированных на данный фронт»^{IX}. РВС фронта в каждом таком слу-

^I В. В. Котомин неточен. А. М. Вольпе в 1912–1914 гг. в качестве вольнослушателя обучался в Лейпцигском институте психологии.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 238об.

^{III} НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 54.

^{IV} Командарм Уборевич: Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С. 105.

^V Военная академия за пять лет. С. 267–268.

^{VI} Подробнее см.: Абрамов А. С. У Кремлевской стены. М., 1978. С. 128–130.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 345.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 60, 62.

^{IX} РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 279.

чае должен был входить с мотивированным представлением в РВСР. Этот проект был принят на заседании и внесен в протокол^I.

При этом учитывалась и важность продолжения обучения слушателями, в связи с чем РВСР обращал внимание РВС фронтов и армий «на крайнюю важность дальнейшего правильного развития работы Военной академии и, стало быть, на крайнюю необходимость откомандировывания в академию всех тех ее воспитанников, которые без крайнего ущерба для дела могут быть сняты со своих должностей на фронте. Было бы крайней близорукостью со стороны заинтересованных армий удерживать воспитанников академии сверх безусловно необходимого числа, ибо это подрывало бы источник питания действующих армий в дальнейшем работниками с законченным военно-академическим образованием»^{II}.

Также был утвержден проект ВГШ о причислении к Генштабу прошедших младший курс академии, согласно которому «слушатели основного курса Академии Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии, окончившие младший курс и занимающие ныне в полевых и войсковых штабах действующей армии ответственные должности Генерального штаба, кои, по свидетельству соответствующих штабов фронтов и отдельных армий, признаются вполне соответствующими для службы в Генеральном штабе, отличились в боях, а равно и имеют особые служебные заслуги, допускаются к причислению к Генеральному штабу до окончания ими полного курса Академии Генерального штаба»^{III}. Такое решение было вполне логичным с учетом того, что слушатели красной академии уже прошли подготовку, сопоставимую с той, которой обладали курсовики старой академии, считавшиеся причисленными и переведенными в Генштаб.

Раздавая подобные авансы недоучившимся слушателям, большевистское руководство порой с недоверием относилось даже к своим красным генштабистам. Ярким примером стало дело «Приволжской шпионской организации», разрабатывавшееся с мая по сентябрь 1919 г. По делу проходили отправленные из академии на Восточный фронт слушатели И. Т. Дравниэк, В. Д. Залесский, А. К. Наумов и А. К. Парм. Двое последних сообщили о подозрительном поведении двух первых, а также о том, что у прибывших в Симбирск слушателей некая О. И. Валуева и ее знакомый артист Г. М. Новикьян пытались выяснять военные сведения. Как выяснилось, Новикьян был связан с персидским консулом в Самаре. Парм и Наумов с ведома чекистов стали провоцировать Валуеву и выдавать себя за сочувствующих белым. В итоге чекисты представили дело как заговор белогвардейской академической ячейки, сложившийся еще в Москве, до отправки слушателей на фронт. В качестве соучастников фигурировали и другие слушатели академии — А. Ф. Пиллит, Л. И. Репкин и Н. Н. Тухачевский (родной брат видного советского военачальника М. Н. Тухачевского). Как и во многих других делах о заговорах, чекисты выстраивали дело по принципу «периферия — центр», изобразив организацию Валуевой в качестве подразделения некой центральной организации^{IV}. В деле упоминалось о знакомстве обвиняемых с И. И. Вацетисом.

^I Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 423.

^{II} Там же.

^{III} РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 284.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1–5; Т. 1. Л. I, 208–272. Также см.: Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 147–153.

В качестве подозреваемого фигурировал и сам М.Н. Тухачевский. Проверка материалов дела показала, что оно было сфабриковано. Этот случай для «красных генштабистов» носил исключительный характер. Разумеется, они считались (и являлись) намного более лояльными режиму, чем старый Генштаб. Тем не менее амбиции слушателей, неприятие ими преподавателей-военспецов, попытки создания собственных структур внутри РККА, параллельных штабам армии, провоцировали конфликты и вызвали обеспокоенность большевистского руководства, что привело к масштабной чистке академии в 1922 г.^I

Слушатели, оставшиеся летом 1919 г. в академии, занимались в лагерях на Ходынском поле. Осенью 1919 г. был произведен новый набор, а 12 февраля 1920 г. в академии открылось восточное отделение, предназначенное для подготовки к службе на восточных окраинах страны и в странах Востока^{II}. Его первым начальником являлся генштабист А.Д. Тарановский. Немалую роль в открытии отделения сыграл начальник академии видный военный востоковед А.Е. Снесарев. С 1 января 1921 г. Снесарев стал главным руководителем восточного отделения^{III}. Отделение постепенно развилось в отдел, а с 1925 г. – в факультет. Первый выпуск состоялся в 1923 г.

Бытовые условия слушателей по-прежнему оставляли желать лучшего. По данным на ноябрь 1919 г., «около 200 слушателей находятся в различных уголках г[орода] Москвы, многие приезжающие раненые с фронта не имеют места, где переночевать; о занятиях не приходится и говорить, ибо нет места, где бы могли слушатели после неотопленной академии заполнить свое образование, и это в то время, когда революция и партия требует от нас усиленных занятий»^{IV}.

Судьбы профессорско-преподавательского состава академии в Гражданскую войну в миниатюре демонстрируют трагедию военспецов-генштабистов. Бывший генерал В.Е. Борисов бежал к белым. Преподававший в академии другой бывший генерал С.А. Кузнецов был расстрелян, а бывший генерал С.М. Шейдеман арестован и умер в тюрьме. Через аресты прошли преподававшие в академии В.И. Селивачев (впоследствии умер на фронте при невыясненных обстоятельствах^V), Г.И. Теодори и др. Наоборот, после арестов в академию попали И.И. Вацетис, А.И. Верховский и Н.Е. Какурин. По свидетельству слушателя А.Г. Бармина, несколько сгустившего краски, «у профессоров тоже случались перерывы в занятиях, когда их раза два-три за год арестовывала ЧК как заложников или как подозреваемых. Каждый раз, когда внутреннее положение республики ухудшалось, они оказывались за решеткой. Подобные перипетии их уже не удивляли. Рассказывали, что почти все они имели наготове собранные саквояжи»^{VI}. В советских юбилейных изданиях истории

^I Подробнее об этом см.: Ганин А. В. «Признаки “Запорожской сечи” почти исчезли...»: Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2019. № 1 (7). С. 5–45.

^{II} Подробнее см.: Густерин П. В. Восточный факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 32–37.

^{III} Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923. С. 211.

^{IV} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

^{VI} Бармин А. Г. Соколы Троцкого. С. 103.

академии неудобные стороны ее ранних лет замалчивались, причем настолько, что даже в 1959 г., например, имя бывшего генерала Борисова, трижды упомянутое в тексте «Истории Военной академии имени М.В. Фрунзе (1918–1958 годы)» (пронумерованное проектное издание на правах рукописи), было в списке исправлений предписано «не читать» в каждом случае¹.

Бывший генерал И.А. Данилов, оказавшийся в 1920 г. в Советской России, не без некоторого преувеличения писал о преподавателях академии: «Профессора были все люди мобилизованные, взятые из тюрем и которым было предложено: “или читать лекции, или к стенке”. Понятно, выбиралось первое. Кроме того, число профессоров пополнилось еще генералами и полковниками Генерального штаба из числа тех, которые были в таких же условиях, но не хотели занимать строевые или штабные должности в армии. Они тоже “устроились”, если это можно так назвать. Остальная часть тех же чинов и рангов и по тем же причинам “устроилась” в Москве по разным комиссиям и службам в архивах, которым в Совдепии несть числа.

Вся эта масса, выброшенная большевистским переворотом на улицу, перенесшая поголовно, за малым исключением, ужасы тюремного режима и террора и уцелевшая от расстрела, конечно, была довольна, что прибилась к “тихой пристани” и здесь могла немного вздохнуть, хотя все-таки влачила жалкое состояние”².

В 1920 г. практика командировок слушателей на фронт продолжилась. 20 апреля 1920 г. на польский фронт отправились 20 слушателей, позднее вторая группа слушателей уехала на врангелевский фронт. На фронт отправилась и часть преподавателей.

Использование слушателей на фронте по-прежнему вызывало нарекания. В частности, в циркуляре общего отделения Оперативного управления Полевого штаба РВСР, датированном осенью 1920 г., отмечалось, что «из списка слушателей и окончивших красную академию видно, что использование их совершается крайне нерационально. Многие оставляются в тыловых частях без определенных занятий или занимают на фронте должности, по существу, почти тыловые. Ввиду того, что работа молодых сил в боевой обстановке не только желательна для пользы дела, но и необходима им самим для служебного стажа, следует назначать их на должности полевого характера. Начальникам штабов фронтов и армий необходимо внимательно следить за прохождением службы молодых генштабистов и слушателей, наблюдая, чтобы таковые не засиживались подолгу в крупных штабах и тылах, на должностях, не соответствующих полевой службе Генерального штаба. Лучшим способом достижения этой цели является освежение личного состава старших и младших штабов путем своевременного взаимообмена, с выдвижением достойных на более ответственные должности, не задерживая их в младших штабах на работах вспомогательного характера»³.

Набор осени 1920 г. в целом напоминал по своему составу предыдущие. Все слушатели, как вспоминал один из них, «прошли Гражданскую войну, на своем опыте знали, что такое кровь и смерть, многие из них отличились как способные тактики и стратеги, хотя не имели ни малейшего представления о теоретической

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 230.

² Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 96.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 24.

стороне военного дела. Некоторые были почти неграмотны, но это не опровергло того факта, что как командиры-кавалеристы они творили чудеса, наносили поражения умудренным знаниями и опытом генералам, разбравшимся в военных теориях Клаузевица и Наполеона не хуже преподавателей академии¹.

Власть заботилась о слушателях настолько, насколько это было возможно в условиях голода и разрухи: обеспечивала питанием и жильем, красивой военной формой. По описанию слушателя А.Г. Бармина, «рослые, загорелые парни ходили из класса в класс во всем этом великолепии с орденами на защитных или голубых гимнастерках, в сапогах, со стопками книг и буханками хлеба под мышкой. Вместе со своими учителями, бывшими генералами императорской армии, они терпеливо стояли в очереди за талонами на питание. К двум часам дня мы, как правило, уже съедали свою дневную норму хлеба, получали жидкий суп, и, чтобы заглушить чувство голода, нам оставалось только пить несладкий чай»².

Академия не только осуществляла подготовку кадров Генштаба, но и вела активную и обширную военно-научную деятельность. Профессорско-преподавательский состав из старых военспецов-генштабистов издавал труды по военно-теоретическим и военно-историческим проблемам. Попытки объединения военно-научных сил предпринимались с самого возникновения академии, однако до серьезного организационного оформления они дошли лишь осенью 1920 г., когда материально-техническая база академии существенно укрепилась. Тогда при поддержке партийной организации академии было создано Военно-научное общество (ВНО). У истоков общества стояли слушатели С.М. Белицкий, И.Г. Ключко, Ф.П. Никонов. От руководства РККА на заседание партийной ячейки академии 13 октября 1920 г., на котором было создано ВНО, пригласили К.Е. Ворошилова, Н.И. Подвойского и нового комиссара академии В.Д. Виленского-Сибирякова³. Председателем оргбюро ВНО стал Виленский-Сибиряков. Постепенно структура ВНО усложнялась. К концу 1920 г. в нем было свыше десяти секций, отделы общества возникли при фронтовых, армейских и окружных штабах. Представители ВНО со временем появились в редакциях военных журналов. В дальнейшем ВНО перешло и к подготовке учебных пособий, справочной литературы. Общество организовывало доклады, дискуссии, издавало труды своих членов. Активно изучался и обобщался опыт Гражданской войны, участниками которой были сами члены ВНО. Первый сборник трудов ВНО был издан уже в 1920 г. ВНО активно участвовало в дискуссиях начала 1920-х гг. – в частности, о военной доктрине, по вопросам тактики и боевой подготовки войск. Фактически в 1920-е гг. ВНО стало ведущей военно-научной организацией в СССР.

Со второй половины 1920 г. у академии появилась собственная типография, в которой печатались труды сотрудников. Однако и до этого профессорско-преподавательский состав вел активную работу по подготовке научных трудов. В 1919 г. увидели свет «Основы современной стратегии» А.А. Незнамова (курс лекций), «Военная география» С.Д. Харламова, «Устройство вооруженных сил Республики» В.И. Самуйлова (курс лекций), «Устройство тыла и тактика снабжения в действующей

¹ Бармин А. Г. Соколы Троцкого. С. 102–103.

² Там же. С. 103.

³ Академия имени М. В. Фрунзе. С. 41.

армии» Н.А. Сулеймана (курс лекций), «Записки по военной администрации для советских курсов по подготовке комсостава» М.М. Загю. Готовили свои труды не только преподаватели-генштабисты, но и представители других специальностей. Тогда же вышли курсы лекций «Военно-инженерное дело» К.И. Величко, «Сведения по технике артиллерии» Е.В. Агокаса.

В 1920 г. были изданы «Общая тактика» С.Г. Лукирского и «Общая тактика. Передвижение войск на войне и отдых» С.А. Кузнецова (курс лекций), причем автор последней был расстрелян в 1919 г. по делу военной организации «Национального центра». Вышли и военно-исторические труды: «Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 года» В.Ф. Новицкого и «История военного искусства» (вып. 1) А.А. Свечина (курс лекций).

В годы Гражданской войны увидели свет «Тактика пехоты» Н.С. Елизарова, «Тактика конницы» С.М. Шейдемана, «Влияние оружия на ведение боя» В.Н. Свяцкого и др. Широко известны своими научными трудами работавшие в академии И.И. Вацетис, А.И. Верховский и Н.Е. Какурин.

Учебный план академии на 1920/21 учебный год был следующим (табл. 92).

Таблица 92

Учебный план Академии Генерального штаба РККА на 1920/21 учебный год¹

Первый курс	Второй курс	Третий курс
Тактика Тактика пехоты 40 лекций Тактика конницы 30 лекций Тактика технических войск 30 лекций Тактика воздушного флота 20 лекций Итого: 160	Стратегия 40 лекций	Служба Генерального штаба 50 лекций
Полевая фортификация Оборонительные постройки 15 лекций Укрепленные позиции 25 лекций Военные сообщения 10 лекций Минное и подрывное дело 10 лекций Итого: 60	Общая тактика 60 лекций	Нравы и обычаи войны 10 лекций
Полевая маскировка 10 лекций	Философия войны 30 лекций	Вопросы современной политики 30 лекций
Служба Генерального штаба 25 лекций	История войны 1870–1917 гг. 20 лекций	Иностранный язык 60 лекций
Тактика снабжений 40 лекций	История войны 1904–1905 гг. 20 лекций	Философия войны 30 лекций

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 89. Л. 33–33об.

Первый курс	Второй курс	Третий курс
Устройство вооруженных сил 20 лекций	История войны 1914–1918 гг. на французском театре 30 лекций	Военная география и статистика 40 лекций
История военного искусства 40 лекций	История войны 1914–1918 гг. на русском театре 30 лекций	Тактика санитарной службы 20 лекций
Тактика артиллерии 25 лекций	История революционных иностраных войн 20 лекций	Итого: 240
Тактика воздухоплавания и авиации 15 лекций	История русской революционной войны (РККА) 40 лекций	
Технические средства, применяемые в современной войне 20 лекций	Служба Генерального штаба (железнодорожное дело и мобилизация) 50 лекций	
Военная топография 30 лекций	Устройство тыла и тактика снабжения 30 лекций	
Военная гигиена 15 лекций	Основы обороны государства в инженерном отношении 25 лекций	
Итого: 240	Военная география и статистика 30 лекций	
Организация и методология науки 20 лекций	Военно-морское дело 15 лекций	
Новейшая история 20 лекций	Военная психология 15 лекций	
История цивилизации народов 10 лекций	Тактика санитарной службы 20 лекций	
Обзор новейшей литературы 20 лекций	Милиционные части 10 лекций	
Основы советской конституции 10 лекций	История военного искусства 20 лекций	
Основы марксизма 20 лекций	Экономика войны 15 лекций	
Иностранные языки 60 лекций	Итого: 530	
Всего: 620	Политэкономика и мировое хозяйство 25 лекций	
	Социология 10 лекций	

Первый курс	Второй курс	Третий курс
	Социальная история 15 лекций	
	Новейшая история 20 лекций	
	Новейшая литература 20 лекций	
	Иностранные языки 60 лекций	
	Всего: 680	

Продолжительность лекции составляла 40 минут.

В 1921 г. началась череда преобразований в академии, завершившаяся лишь через несколько лет. 5 августа 1921 г. Академия Генштаба РККА была переименована в Военную академию РККА и переподчинена главкому, а с 27 августа ее возглавил командующий Западным фронтом член РКП(б) М.Н. Тухачевский, тогда как прежние начальники были беспартийными военспецами.

Главком С.С. Каменев 11 сентября 1921 г. утвердил Положение о Военной академии РККА, объявленное в приказе РВСР № 1968. Согласно этому документу на академию возлагались следующие задачи:

«1. ...задача подготовки для Красной армии вполне квалифицированных военных работников и работников Генерального штаба, способных:

- а) руководить красными войсками на войне;
- б) способных руководить подготовкой Красной армии в мирное время;
- в) способных объединить и сплотить Красную армию как проведением единства взглядов, так и единством политических убеждений;
- г) способных ускорить проведение в Красной армии единоначалия в силу широкой политической подготовки слушателей.

2. Военная академия как военно-научный центр Красной армии должна внимательно следить за современными событиями гражданских, революционных, а также и империалистических войн и своевременно перерабатывать весь этот опыт для использования его Красной армией в условиях предстоящих ей классовых войн»¹.

В разделе «Доктрина» отмечалось: «Преподавание в Военной академии должно быть согласовано с современными условиями существования и борьбы Красной армии... Необходимо учесть весь опыт трехлетней Гражданской войны, чтобы предстоящие Красной армии столкновения с армиями международного капитала застали ее вполне подготовленной к ведению этих войн... Анализ социальных и экономических условий для целей войны Красной армии должен быть построен на основах исторического материализма»².

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 407. Л. 36.

² Там же.

Возникающие вопросы должен был решать Совет академии – совещательный орган в составе всех профессоров, преподавателей, практикантов предметов и трех слушателей по одному от каждого курса по назначению начальника академии. Иногда созывался президиум Совета в составе главных руководителей предметов и также трех слушателей. Кроме того, созывались предметные совещания для наилучшего освещения вопросов преподавания отдельных предметов.

По Положению о комплектовании академий, введенному в октябре 1921 г., принимали в академию членов РКП(б) со стажем не менее года и лишь в исключительных случаях беспартийных, необходимо было не менее года прослужить в строю и не менее двух лет в Красной армии, требовалось владеть знаниями в объеме курсов комсостава¹.

Ряд перемен в жизни академии пришелся на декабрь 1921 г. Тогда академия переехала с Воздвиженки на ул. Кропоткина, 19, где размещалась до 1936 г. Кроме того, в декабре 1921 г. вместо прежней конференции академии был создан ее Совет во главе с президиумом. Из 15 членов первого состава президиума большинство составляли генштабисты старой школы: К. И. Бесядовский (секретарь Совета, начальник учебного отдела академии), М. М. Загю, Н. Е. Какурин, А. И. Кук, А. А. Незнамов, А. А. Свечин, И. А. Троицкий, Е. А. Шиловский. Председателем являлся М. Н. Тухачевский. В Совет входили и трое представителей слушателей².

И по окончании широкомасштабной Гражданской войны слушатели академии продолжали привлекаться к работе в войсках, прерывая обучение. В 1921 г. часть слушателей участвовала в ликвидации Кронштадтского восстания. Особенно отличились П. Е. Дыбенко, И. В. Тюленев, И. Ф. Федько. Участвовали воспитанники академии и в подавлении крестьянских выступлений, причем при подавлении Тамбовского восстания погибли слушатели Н. Н. Бирюков, И. И. Карякин, Д. Д. Шурпов. В боях с басмачами в сентябре 1921 г. погиб слушатель А. А. Наговицын.

Боевой путь и награды И. Ф. Федько дают пример максимально полной отдачи слушателем академии своих сил и способностей РККА. В 1919–1921 гг. слушатель Федько был награжден четырьмя орденами Красного Знамени за разгром Деникина и Врангеля, подавление Кронштадтского и Антоновского восстаний. Такие отличия являлись большой редкостью. Четырежды награждены орденом Красного Знамени помимо Федько были всего два командира Гражданской войны – С. С. Вострецов и Я. Ф. Фабрициус³.

Следует отметить и небывалое для истории подготовки кадров отечественного Генерального штаба нововведение, связанное с Военной академией РККА. В 1921 г. в нее впервые стали принимать в качестве слушателей женщин. В числе первых были кавалер ордена Красного Знамени М. Ф. Флерова (Сахновская) и З. В. Мосина (впоследствии – сотрудник журнала «Вопросы истории»), зачисленные на восточное отделение. Кроме них, в академии учились А. П. Богат (Бочкова), М. О. Булле, А. З. Виноградова, Л. А. Савостьянова, А. Н. Урванцева-Левицкая, М. М. Янковская и другие женщины.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 408. Л. 15.

² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 71.

³ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 294.

В 1921 г. схожие дисциплины были объединены в восемь циклов: стратегии, тактики, военной организации, устройства тыла и снабжения, истории военного искусства, истории последних войн, военной статистики и географии, артиллерии, фортификации (см. табл. 93). Внутри циклов создавались кафедры.

Таблица 93

**Распределение учебного времени (часов) в Военной академии РККА
в 1921/22 учебном году (по плану)¹**

Циклы и дисциплины	Младший курс	Старший курс	Дополнительный курс	Всего
Лекции				
Стратегия	35	168		203
Тактика	316	95	45	456
История военного искусства	90	110		200
Военная организация	20	25		45
Военная география и статистика	35	40		75
Служба Генерального штаба		31		31
Социально-экономические науки	115	97	85	297
Военное языкознание	50	60	24	134
Практические занятия				
Общая тактика	270	270		540
Администрация	100	100		200
Топография	80			80
Статистика и география		100		100

На третьем году обучения слушатели разрабатывали четыре дипломные темы, что представляло собой явное заимствование из практики Николаевской военной академии. Однако обладавшие низким образовательным цензом воспитанники академии едва справлялись с темами, не имея возможности в полной мере осилить двухгодичную программу младшего и старшего курсов академии. В 1925 г. была оставлена одна дипломная тема, а учебная нагрузка распределена по трем курсам равномерно (дополнительный курс превращен в третий).

Троцкий с гордостью говорил о первом выпуске академии на IX съезде Советов 26 декабря 1921 г.: «В этом году наша академия, бывшая академия Генерального штаба, выпустила первую группу, первую сотню офицеров Генерального штаба. Это — большое завоевание Красной армии, ибо создание молодого Генерального штаба есть увенчание всего нашего строительства. Но, разумеется, мы этого увенчания еще далеко не достигли. Первая группа состоит из работников, которые честно дрались и честно учились, но у них есть, однако, еще много пробелов и прорех, и эти пробелы и прорехи будут восполняться на практике работы, и мы не сомневаемся, что им удастся выработать из себя тип законченного, всесторонне квалифицированного военного руководителя»².

¹ Военная академия за пять лет. С. 146–150.

² Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 3, кн. 1. С. 279.

Постепенно шло ужесточение контроля над академией. После чистки 1922 г. более интенсивной стала политическая обработка слушателей, активизировалось и расширилось преподавание социально-экономических дисциплин, общественных наук. В результате длительного обсуждения в 1921–1922 гг. к октябрю 1922 г. был разработан проект Положения о Единой военной академии, согласно которому предполагалось объединение восьми академий: Военной академии с ее восточным отделом, Артиллерийской, Инженерной, Морской, Электротехнической, Военно-хозяйственной, Военно-медицинской академий, а также Академии Красного воздушного флота^I. Целью было получение слушателями высшего общего и высшего специального образования, а также объединение военно-научной мысли. Начальником такой академии должен был стать главнокомандующий. Положение вылилось в приказ РВС СССР № 2825 от 19 декабря 1922 г., отмененный 20 июня 1924 г.

С 1922/23 учебного года изменились принципы набора слушателей в академию. Больше внимания теперь уделялось наличию единообразной подготовки до академии, вопросам дисциплины, причем первоначальный отбор должны были осуществлять штабы военных округов (т.е. в какой-то степени произошел возврат к принципам комплектования старой Николаевской академии).

Есть данные о недовольстве выпускников академии своим положением в РККА. В докладе старого партийного работника С.И. Гусева на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 г. отмечалось: «Первый выпуск академии Генерального штаба, состоявший из тех рабочих и крестьян, которые в течение Гражданской войны командовали нашими частями в Красной армии, которые потом, по окончании войны, пошли учиться^{II}, — этот выпуск в подавляющем своем большинстве демобилизован из Красной армии. Они заявили мне (я беседовал с двумя-тремя товарищами), что положение их в Красной армии невыносимо. Их заедают старые спецы^{III}. Впрочем, выступавший следом Э.М. Склянский опроверг тезис Гусева о демобилизации красных генштабистов^{IV}.

В 1924 г. обсуждался вопрос о реорганизации системы военного образования в СССР и продвижении по службе командиров с высшим военным образованием. Предлагалось установить предельный возраст поступления в академию в 30 лет (исключая краскомов и боевой командный и комиссарский состав), причем по проекту зачислению подлежали лица от командиров взводов и выше с двухгодичным стажем строевой службы. После академии для тех, кто не обладал стажем, должны были начаться стажировки с уровня командира роты. Выпускников старой академии предполагалось проводить через аттестационную комиссию РВС СССР, причем лиц старше 50 лет увольнять в бессрочный отпуск. Выпускники ускоренных курсов теперь не должны были считаться лицами с высшим военным образованием и могли на льготных условиях окончить Военную академию РККА^V. О том, был ли проведен в жизнь этот проект, у нас нет данных.

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 425. Л. 153.

^{II} Гусев неточен, учиться первый набор академии начал еще в 1918/19 учебном году.

^{III} Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 81.

^{IV} Там же. С. 97.

^V Там же. С. 119.

В 1928 г. к десятилетнему юбилею академии было проведено сравнение учебной нагрузки в ней и в старой Николаевской военной академии. Результат получился следующим (табл. 94).

Таблица 94

**Сравнение учебной нагрузки (часов) Военной академии РККА (на 1928 г.)
и Николаевской военной академии¹**

Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе	Николаевская военная академия
Тактика	
Общая 233 Роды войск 213 Подготовка войск 28 Итого: 474	Элементарная и прикладная тактика 270
Стратегия	
Учение о войне 11 Военно-морское дело 2 Ведение операций 98 Итого: 111	Военно-морское дело 18 Стратегия 39 Итого: 57
Штабная служба 44	
История войн и военного искусства	
История войн 66 История военного искусства 59 Итого: 125	Военная история 86 История военного искусства 116 Итого: 202
Военная администрация	
Организация вооруженных сил 16 Устройство войск тыла 16 Комплектование 12 Устройство военного управления 8 Устройство тыла армии и флота 10 Военные сообщения 9 Мобилизация 22 Вооруженные силы Польши и Румынии 3 Итого: 96	Военная администрация 82 Военные сообщения 15 Итого: 97
Военная география	
Статистические методы и введение 4 Военная география СССР 18 Методы военно-топографического описания 14 Театры войны 4 Всеобщая военная география 8 Итого: 48	Военная статистика 106
Политическая работа 48	

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 31.

Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе	Николаевская военная академия
Социально-экономические науки / Общеобразовательные предметы	
Эволюция общественных формаций 6 История ВКП(б) 24 Экономика современного капитализма 26 Экономическая политика СССР 20 Исторический империализм 24 Ленинизм 20 Итого: 120	Государственное право 19 История 58 Международное право 9 Итого: 86
Инженерное дело	
Военно-инженерное дело 22	Инженерное дело Сведения по инженерной части 48
Артиллерия	
Техника артиллерии 24	Техника артиллерии Сведения по артиллерийской части 39
Физическая подготовка и верховая езда 114	Верховая езда
Автомотодело 40	
Военное языкознание 255	
Всего: 1521	Всего: 905

Очевидно, что в Военной академии РККА существенно возросла учебная нагрузка, а диапазон предметов стал намного шире, чем в старой академии. К 1928 г. 78,4 % преподавателей (47 человек из 60) являлись выпускниками академий дореволюционной России и только 10 % (6 человек) окончили академии в Советской России и СССР, остальные же не имели высшего военного образования¹. Таким образом, подготовка советских военно-педагогических кадров и замена ими старых специалистов продвигалась крайне медленно.

Заслуженным итогом Гражданской войны для Академии Генерального штаба РККА стало ее награждение орденом Красного Знамени. В приказе РВСР по личному составу армии № 4 от 9 января 1922 г. отмечено: «В минувшую Гражданскую войну Военная академия РККА в лице своих слушателей принимала деятельное участие в активной борьбе против многочисленных врагов Советской республики.

В важные и ответственные моменты тяжелых боевых переживаний советской власти красные генштабисты по призыву РВСР вливались в действующие ряды Красной армии и, находясь в ней на различных постах, своим молодым революционным порывом, неудержимой отвагой и работой до самозабвения вносили в дело защиты революции тот могучий дух, ту живую силу, против которых не могли устоять самые упорные враги республики.

Ярким свидетелем воинской доблести, проявленной слушателями академии на ратном поле, является то обстоятельство, что 33 % их состава награждены

¹ Там же. Л. 53об.

высокой Революционной наградой орденом Красного Знамени или представлены к этой награде.

Слава их – слава Военной академии, воспитывающей верных сынов революции и культивирующей в них те революционно-боевые заветы, которыми должен быть силен красный генштабист»¹. 5 ноября 1925 г. РВС СССР по просьбе сотрудников академии присвоил этому военно-учебному заведению имя М.В. Фрунзе. В 1936 г. на базе оперативного факультета академии была создана самостоятельная Академия Генерального штаба РККА.

Советская военная академия, созданная в тяжелейших условиях Гражданской войны в самые сжатые сроки, сыграла важную роль в событиях того времени. С одной стороны, ее слушатели на фронтах вели активную штабную работу, помогая генштабистам старой школы, с другой стороны, академия стала подлинным военно-научным центром Советской России, что привлекало в РККА интеллектуальную элиту старой армии. Наконец, академия на завершающем этапе Гражданской войны дала РККА два выпуска слушателей и в дальнейшем внесла колоссальный вклад в подготовку командных кадров Красной армии. Сам факт создания с нуля высшего военно-учебного заведения с первоклассным преподавательским составом свидетельствовал о выдающейся энергии и организаторских способностях и возможностях советского руководства. Особенно ярко это видно на фоне неудачных попыток создания аналогичных военно-учебных заведений в антибольшевистском лагере. Более того, даже сравнение организации учебного процесса было не в пользу старой академии в белой Сибири, сохранившей свою материально-техническую базу и кадры. Сибирская академия вела учебную деятельность после перехода к белым лишь на протяжении нескольких месяцев, тогда как Академия Генштаба РККА после своего открытия интенсивно работала все годы Гражданской войны.

§ 3. Подготовка младших штабных работников на курсах и в школах Советской России

Помимо академии Генерального штаба в Советской России возникли другие военно-учебные заведения, готовившие кадры для службы Генерального штаба по сокращенной программе. Идея создания таких военно-учебных заведений была по-настоящему революционной, поскольку, не давая Красной армии полноценных генштабистов, за короткий срок давала кадры штабных работников и высвобождала массу ценных военных специалистов от рутинной технической работы на младших штабных должностях. В антибольшевистском лагере аналогов этой системы не выявлено. Следует отметить, что документы советских военно-учебных заведений этой категории за период Гражданской войны сохранились крайне фрагментарно, что не позволяет в полной мере реконструировать их историю.

¹ Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 09.01. № 4.

А) Школы штабной службы

Основным военно-учебным заведением этого типа в период Гражданской войны стали школы штабной службы. Появились они после того, как бывший генерал В.Е. Борисов 5 января 1919 г. подготовил для председателя РВСР Л.Д. Троцкого специальную записку о катастрофическом положении Генерального штаба в Красной армии^I. Многие идеи Борисова были отвергнуты, однако идея создания «школы колонновожатых» на 300 человек в целях изучения техники службы Генштаба для самых низших должностей получила практическое воплощение. Подтверждением тому, что Борисов и был родоначальником этой идеи, служит публикация в военно-научном журнале «Военное дело»^{II}. В этой статье прямо отмечено, что именно Борисов сумел убедить высшее военное руководство создать такую школу.

Троцкий, получив записку Борисова, телеграфировал начальнику ВГШ Н.И. Ратэлю о необходимости открытия школы колонновожатых^{III}. 14 января 1919 г. во исполнение распоряжения начальника ВГШ состоялось заседание комиссии по рассмотрению вопроса об увеличении числа слушателей Академии Генштаба РККА и об открытии школы колонновожатых. Председателем комиссии являлся начальник академии А.К. Климович, членами – генштабисты В.Е. Борисов и В.П. Ульянов, а также комиссары академии В.Н. Залезский и Э.И. Козловский. По итогам обсуждения решено было создать подкомиссию для разработки проекта Положения о школе колонновожатых. В подкомиссию вошли Борисов и Ульянов с правом кооптации еще двух членов.

Программа курсов нормальной школы колонновожатых включала следующие вопросы:^{IV}

1. Организация войск в военное время. Боевое расписание. Вооружение и снаряжение.
2. Общие основания по технике приказаний и донесений.
3. Разведка и наблюдение за неприятелем.
4. Служба связи.
5. Походные движения и охранение марша.
6. Техника распоряжений во время походных движений.
7. Тактика пехоты, кавалерии, полевой легкой артиллерии, полевой тяжелой артиллерии (в части, касающейся службы Генерального штаба).
8. Тактика отрядов всех родов оружия (наступление, оборона, отступление, вывод войск из боя, бой за местные предметы, лесной бой, бой в теснинах, бой на реках и прочих водных преградах, ночной бой).
9. Распоряжения после боя.
10. Донесения о бое.
11. Оборона побережья.

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 17–19об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 550–559.

^{II} Ашик Н. В. Московская школа штабной службы // Военное дело. 1920. 29.03. № 5 (69). Стб. 155–157.

^{III} РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 3об.

^{IV} Сост. по: Там же. Л. 5–5об.

12. Высадки.

13. Малая война. Прикрытие транспорта и нападение на них, прикрытие населенных пунктов и грунтовых путей сообщения, прикрытие железнодорожных линий.

14. Распоряжения при сторожевом охранении, при расположении по квартирам и на биваке, по обеспечению продовольствием и по снабжению, по санитарной службе, по инженерной части, по военным сообщениям (по железнодорожной и телеграфной части), по этапной службе, по полевой подготовке войск, на случай перемирия (демаркационная линия и пр.).

15. Разведка местности (топография).

16. Крепостная война.

16 апреля 1919 г. по приказу РВСР № 260 от 11 февраля 1919 г. создана Высшая советская школа (курсы) штабной службы, готовившая специалистов для низших должностей Генерального штаба^I. Как отмечалось в одном из документов, целью создания школы было «дать преимущественно практическую подготовку для службы в войсковых штабах и выполнения в них несложных работ оперативного характера по заданиям начальников штабов»^{II}. Школа находилась в подчинении ГУВУЗа^{III}. 31 марта 1919 г. РВСР постановил учредить подобные школы при двух наиболее крепких фронтах — Восточном и Южном^{IV}.

В июне 1919 г. было утверждено Положение о школе^V. Во главе школы стояли начальник и военный комиссар. Переменный состав был рассчитан на 150 слушателей. Слушатели получали жалованье по должностям, которые занимали перед поступлением. Постоянных штатных преподавателей было четверо, а количество внештатных (как тогда писали, приватных) определено не было. Начальник школы, завуч и двое из четырех штатных преподавателей должны были быть генштабистами^{VI}. Оклад заведующего слушателями составлял 800 руб. Начальником школы стал генштабист А.Н. Суворов. Завучем школы с июля 1919 по июль 1920 г. был генштабист М.П. Алексеев. Школа была учреждена для ускоренной подготовки лиц, могущих занять младшие должности Генштаба. Слушатели получали практическую подготовку «для службы в войсковых штабах и выполнения в них несложных работ оперативного характера по заданиям начальников штабов»^{VII}. Изначально предполагалось учредить школу при Академии Генштаба РККА, чтобы использовать ее материально-техническую базу^{VIII}, однако реализовать этот замысел не удалось. Начальник ГУВУЗа генштабист В.П. Муратов разработал проект системы подготовки кадров Генштаба в Советской России путем создания школ штабной службы при каждом фронтовом штабе и одной в центре — в Москве^{IX}. На эту работу выделялось 50 000 руб. Однако высказывались

^I РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.

^{II} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 215.

^{III} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

^{IV} Реввоенсовет Республики. 1918–1919. С. 207. В комментариях к этому документу ошибочно указано, что школы колонновожатых якобы готовили специалистов для инженерных работ (Там же. С. 211).

^V РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

^{VI} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 200.

^{VII} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

^{VIII} Там же. Л. 37.

^{IX} Там же. Л. 42.

и сомнения. Для обсуждения вопроса 11 апреля 1919 г. было созвано междуведомственное совещание при Военно-законодательном совете, на котором звучали предложения не открывать школу, а создать ускоренные курсы при академии. Нецелесообразность создания школ на фронтах доказывалась тем, что «при отсутствии объединяющего органа, это не может выполнить инспекция, разные методы преподавания будут создавать разно понимающих свои задачи генштабистов; при малом количестве лиц Генерального штаба на фронтах, трудно будет организовать преподавание»^I. Впоследствии начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев решил, что фронтовые штабы перегружены работой и им не до подготовки кадров штабных работников^{II}, а достаточно создания одной подобной школы в Москве, что и было сделано. Школа расположилась в Москве по адресу Поварская, 40.

Начать обучение предполагалось уже в первой половине февраля 1919 г.^{III}, однако этот срок оказался нереальным. Учебный процесс начался 1 июня 1919 г., причем всего, по данным учебной части, обучались 23 слушателя в двух отделениях. 15 июня открылись еще два отделения, на которые приняли 30 человек. Всего, таким образом, к середине июня 1919 г. обучались 53 слушателя^{IV}. В первых наборах кадровых офицеров не было. Продолжительность обучения изначально составляла два месяца. Слушателей готовили к работе по службе Генштаба: обучали ведению служебной переписки, подготовке докладов, подбору материалов, составлению сводок и схем, разведке местности и противника, организации и службе связи^V. Недельный учебный план школы был следующим (табл. 95).

Таблица 95

**Первоначальный недельный учебный план
Высшей советской школы штабной службы^{VI}**

Предмет	Часов в неделю
Тактика	9
Топография	7
Связь	6
Разведка	3
Артиллерийская разведка	2
Инженерное дело	3
Военная администрация	4
Полевой устав	2

Ежедневная учебная нагрузка составляла 6 учебных часов, месячная – 156. С 1 июля 1919 г. в школе ввели преподавание французского и немецкого языков и политической грамоты. По данным на 1920 г., преподавали также тактику снабжения. Еженедельно делались сообщения о положении на фронтах. Полевые

^I РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 8об.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

^{III} РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 2.

^{IV} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

^V Там же. Л. 10.

^{VI} Там же. Л. 17.

работы слушателей проходили в Сергиевом Посаде, в районе станции Кунцево Александровской железной дороги и станции Тайнинская Ярославской железной дороги. Тактические занятия велись в Новогиреево^I. Продолжались и наборы слушателей. В июле открылось 5-е классное отделение из 17 слушателей, в августе – 6-е из 16 человек^{II}, 15 сентября открылось 7-е отделение.

Практически с самого начала у администрации школы сложилось понимание недостаточности такой подготовки, вследствие чего курс был расширен до четырех месяцев. Выпуск 1-го и 2-го отделений должен был состояться к 1 октября 1919 г., 3-го и 4-го отделений – к 15 октября (в итоге он на несколько дней задержался)^{III}. Таким образом, даже первые наборы обучались по четыре месяца. Выпускные экзамены 1-го и 2-го отделений проходили с 24 сентября. Всего школу тогда оканчивал 21 человек, причем 17 получили аттестаты, 3 – нет, еще одному были заданы повторные работы по съемкам и задачам в поле^{IV}.

Постепенно количество слушателей возрастало. 2, 24 и 27 октября прошли вступительные экзамены, по итогам которых в школу приняли 39 человек, а также 7 приняли условно^V. 15 ноября состоялся 3-й выпуск 13 слушателей, а 26 ноября – новый набор (см. табл. 96).

Таблица 96

Реконструкция сведений о первых наборах слушателей Высшей советской школы штабной службы в 1919–1920 гг.^{VI}

Отделение (период обучения)	Принято слушателей	Выпущено слушателей
1-е (01.06–01.10.1919)	23	21 выпускник (из набора 1 болен, 1 отчислен), 17 получили аттестаты, 3 не получили, 1 отправлен на повторные работы по съемкам и задачам в поле
2-е (01.06–01.10.1919)		
3-е и 4-е (15.06–18.10.1919)	30	27 выпускников и 1 из первого набора, выпущено 25
5-е (15.07–15.11.1919)	17	13; 2 оставлено для повторной сдачи экзаменов
6-е (20.08.1919–20.01.1920)	16	?
7-е (15.09.1919–14.02.1920)	9	8 выпущено, 2 больны
1-е (06.10.1919–16.03.1920)	9	28
2-е (06.10.1919–16.03.1920)	11	
3-е (27.10.1919–07.04.1920)	9	18
4-е (27.10.1919–07.04.1920)	10	
5-е (набор 26.11.1919, обучение 09.01–09.05.1920)	17	12

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 362.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 67.

^{III} Там же. Л. 67.

^{IV} Там же. Л. 103.

^V Там же. Л. 108–108об.

^{VI} Сост. по: РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 58, 67, 103, 108–108об., 115, 127, 131, 152, 152а, 154, 158, 169.

Обстановка разрухи накладывала свой отпечаток на работу школы. Например, для организации учебного процесса не хватало канцелярских товаров. С 27 ноября занятия прекратились, так как слушателей направили на заготовку дров. Учеба возобновилась только 9 января 1920 г., когда открылось 5-е классное отделение.

Подготовка слушателей оставалась узконаправленной: предметы, по которым велось преподавание, давались в объеме академии, однако масса дисциплин была отброшена, чтобы не утяжелять программу. По сути, и это признавали специалисты, слушателей натаскивали на выполнение конкретных штабных задач^I.

Несмотря на изначально крайне слабую подготовку слушателей (это были офицеры военного времени, окончившие школы прапорщиков, или красные командиры, окончившие советские командные курсы), они в целом успешно постигали военную науку. В школе активно применялся практический метод подготовки. Отделения были небольшими, что позволяло почти индивидуально заниматься со слушателями.

К преподаванию в школе были привлечены лучшие кадры старых генштабистов, в том числе профессорско-преподавательский состав Академии Генштаба РККА. Вместе с тем, найти достаточное количество квалифицированных преподавателей было сложно. Не случайно администрация школы жаловалась: «Вообще теперь очень трудно найти специалистов, а тем более специалистов с боевым опытом и достаточным служебным стажем»^{II}. Вследствие нехватки специалистов Генштаба на фронте возникала текучка кадров, преподаватели не задерживались в школе. Так, например, на фронт отправился генштабист С.Д. Харламов, преподававший тактику. В июне 1919 г. забрали на фронт и генштабиста И.Г. Лепетюху. Генштабист Смирнов, получив 18 уроков и втянувшись в работу, оказался взят в штаб округа, а часть часов ему пришлось отдать коллегам^{III}. Другие преподаватели не могли уделять школе требуемое количество времени. Так, начальство генштабиста Н.С. Елизарова не позволяло ему преподавать тактику более трех часов, что привело к необходимости поиска другого преподавателя, коим стал генштабист М.А. Стугин. В 1920 г. военную топографию в школе читал С.К. Сегеркранц, военную администрацию – И.И. Щолоков. В школе преподавали работники академий Генштаба, Артиллерийской и Военно-юридической: И.А. Белопольский (негенштабист), Н.С. Беляев, Б.В. Гейман (негенштабист), Н.И. Геништа, М.М. Загю, С.Н. Каменский, В.Р. Канненберг, Н.Г. Корсун, В.Ф. Новицкий, А.Н. Рубан (негенштабист), Н.К. Сегеркранц (негенштабист), С.К. Сегеркранц, А.Н. Сиверс, В.М. Смирнов, В.Н. Соколов, С.Ф. Таубе, А.И. Федотов, Е.Е. Шишковский^{IV}.

В совершенно секретном донесении Высшей военной инспекции председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому о лояльности военно-учебных заведений Москвы, подготовленном в сентябре 1919 г., сообщалось: «Школа штабной службы: начальник

^I Ашик Н. В. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

^{III} Там же. Л. 17об.

^{IV} Там же. Л. 328об. – 329.

школы Суворов – выдающийся знаток тактики – человек определенно белого цвета. Комиссар тов. Гондельман – очень хорош, вполне на месте. Сумел придать школе вполне приемлемый вид^I. Возможно, в связи с этой информацией начальник школы и один из преподавателей в сентябре 1919 г. были арестованы^{II}. В принципе основания для подозрений у чекистов имелись. Например, в школе преподавал В.В. Ступин – один из видных деятелей антибольшевистской подпольной военной организации «Национального центра». Возможно, он и являлся тем самым арестованным преподавателем. Позднее школу возглавляли выпускники Николаевской академии Е.Е. Шишковский (и.д., с 15 апреля 1920 г.) и Н.В. Ашик (на 1921).

Высшая советская школа штабной службы являлась не единственным учебным заведением такого рода. В 1919 г. школа штабной службы по примеру московской возникла при штабе Западного фронта в Смоленске^{III}. У ее истоков летом 1919 г. стоял генштабист Ф.Е. Огородников^{IV}, назначенный почему-то заведующим библиотекой и складом учебных пособий школы^V. Пост начальника школы занимал генштабист В.С. Селиков. В школе преподавал генштабист Б.И. Волков.

В то же время организовать аналогичную школу при штабе Южного фронта не удалось по причине нехватки преподавателей – специалистов Генштаба. По данным на апрель 1919 г., когда этот вопрос разрабатывался (предполагалось открытие школы на 60 слушателей^{VI}), генштабистов не было даже в дивизионных штабах, не говоря о бригадном уровне. Не способствовали успеху и низкие оклады преподавателей. Начальник штаба фронта сообщал начальнику ГУВУЗа 15 апреля 1919 г.: «Успех прохождения курса, да и вся организация школ, как видно из штата, зиждется преимущественно на специалистах Генерального штаба, которых даже при условиях совмещения преподавания с должностями начальника школы и заведывающего учебной частью не может быть менее двух. Штабы армий до настоящего времени не могут наладить у себя работу, ссылаясь на недостаток специалистов Генерального штаба, которых в большинстве случаев нет ни в штабах дивизий, ни тем более в управлениях бригад.

Кроме того, для замещения указанных высших должностей необходимо оставить свой выбор на лицах, сколько-нибудь прикосновенных к педагогической деятельности. Таким образом, штаб Южного фронта определенно стоит перед затруднениями, которые препятствуют организовать школу штабной службы при существующем недостатке сотрудников Генерального штаба.

Помимо этого, в частности, обращают на себя внимание оклады содержания, прежде всего, не сообразенные с позднейшими указаниями приказов Реввоенсовета республики № 502 минувш[его] года и от 3 февраля с.г. № 205. Они слишком незначительны, чтобы могли послужить эквивалентом труда и привлечь желающих, в особенности с тыла...

^I РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 380. Л. 4–4об.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.

^{III} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 116–117.

^{IV} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1об.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 53.

^{VI} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 205.

Казалось бы, что во имя той пользы, которая, несомненно, может быть извлечена при организации подобных школ, учреждение последних преимущественно в тылу, в крупных центрах, в условиях возможности совмещения должностей наиболее всего отвечало бы задаче и ближайшим образом привело бы к ее успешному разрешению¹.

Несмотря на сложности с организацией школ на фронте, московская школа функционировала исправно. В результате этого к концу широкомасштабной Гражданской войны большевики были готовы ликвидировать дефицит кадров Генштаба путем массового выпуска подобных специалистов военного времени, квалификации которых хватало для штабной работы. Основу переменного состава школы составляли бывшие прапорщики военного времени. Недостаток знаний компенсировался высокой идейностью и порывом слушателей-коммунистов, коих в школе было свыше половины. К 1 марта 1920 г. в школе одновременно обучалось 65 человек в семи отделениях. К 1 апреля 1920 г. школа осуществила пять выпусков, ее окончили 94 человека², что способствовало снижению дефицита штабных работников в РККА. Изначально в школу принимали только военспецов и краскомов с боевым опытом, однако, видимо, постепенно стали допускаться послабления. В результате в 1920 г. в школе обучались уже и те, кто не имел военного образования или обучался лишь в учебных командах (табл. 97).

Таблица 97

**Состав слушателей Высшей советской школы
штабной службы (на 1920 г.)³**

Категория	Численность слушателей	Процент
Партийность		
Коммунистов	100	57
Беспартийных	78	43
Общее образование		
Ниже среднего	109	52,1
Среднее	91	44,4
Высшее	5	3,5
Военное образование		
Военное училище мирного времени	13	8,8
Ускоренные 4-месячные выпуски	136	66,3
Учебные команды, без военного образования	40	19,5
Советские командные курсы	11	5,4

По условиям приема слушатели должны были обладать стажем пребывания на командных или штабных должностях на фронте Гражданской войны в течение

¹ Там же. Л. 196–197.

² РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.

³ Ашик Н. В. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

полугода^I. Требовалось представить и политические рекомендации. Предпочтение отдавалось фронтовикам перед кандидатами от внутренних округов. При этом отбор в школу был достаточно жестким, хотя в условиях низкой образованности поступающих выбирать не приходилось. Также есть данные о том, что в школу откомандировывали неуспевающих слушателей Академии Генштаба РККА^{II}.

Начальник школы описывал чудовищные итоги приема: «Громадное, можно сказать подавляющее, большинство командированных совершенно непригодны для занятия оперативных должностей. Общая подготовка часто отсутствует. Был случай в полное нарушение условий поступления. Командированный нигде ничего не кончал, говорить по-русски почти не может, командных должностей не занимал, не знал даже, зачем нужен компас и как он употребляется.

Многие ответы носили совершенно анекдотический характер. Например, один из испытуемых, оренбургский казак, не мог указать на стенной карте Оренбурга, не знал, где Черное море. Конечно, не нашел Италии и Англии. Другие испытуемые обнаруживали подобные же знания. Что же касается до сочинений, то они показывают почти полное отсутствие понимания военных явлений, не говоря уже о научной подготовке»^{III}.

Для зачисления в школу требовалось членство в партии или рекомендации двух партийных работников. В анкетах слушатели должны были указывать, не подвергались ли репрессиям при советской власти и не понесли ли убытков, причем анкеты для военспецов и краскомов различались^{IV}. Вступительные экзамены проводились по русскому языку, географии, тактике, топографии и математике^V. Из державших экзамены в период с 1 февраля по 1 мая 1920 г. 205 человек были приняты 168, а окончили школу до 1 марта 66 (в четырех выпусках), причем отлично окончил только один слушатель, 8 — очень хорошо, 31 — хорошо и 26 — удовлетворительно^{VI}.

Указание на младшие штабные должности было условным. Речь шла не о простых канцеляристах — слушатели школы занимали посты начальников штабов бригад и даже дивизий. Для укрепления практического начала в работе школы и связи с боевой жизнью РККА возникла специальная комиссия связи с фронтом, взаимодействовавшая с выпускниками. Уже в 1920 г. выпускники школы активно использовались на фронтах, хотя отделение по службе Генштаба ВГШ было против замещения выпускниками школы должностей Генштаба, разве только на временных основаниях^{VII}.

В 1920 г. обсуждался вопрос расширения программы обучения до восьми месяцев с тем, чтобы слушатели могли занимать не только младшие должности Генштаба, но вообще любые административные должности в штабах и поступать после некоторого времени службы в академии. Связано это было в том числе и с тем, что о школе мало кто знал и приток слушателей в целом был

^I РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

^{II} Там же. Л. 40.

^{III} Там же.

^{IV} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

^V РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

^{VI} Ашик Н. В. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 166.

невелик. Кроме того, красные командиры не горели желанием идти в школу, поскольку дальнейшие служебные перспективы представлялись туманными, а особых преимуществ школа не давала. Несмотря на высокую результативность подготовки вследствие индивидуального подхода, выпускники не становились генштабистами и не имели надежд на продвижение по службе, как не окончившие академию. Не случайно вр.и.д. начальника школы даже писал: «Школа как бы умирает»^I.

Поскольку острая потребность в быстрой подготовке младших штабистов прошла, в 1920 г. предполагалось увеличить курс до восьми месяцев за счет военной игры, комплексных тактических задач с элементами стратегии, тактики, фортификации, артиллерии, топографии, администрации. Предлагалось ввести верховую езду и фактически довести программу до уровня академической. В этом случае прием намечалось проводить дважды в год: к 1 ноября (выпуск к 1 июля) и к 1 марта (выпуск 1 ноября) с тем, чтобы каждый набор летом проходил практику. Существовала идея в течение 2–3 лет провести через школу всех советских штабных служащих^{II}.

Также существовал проект годичного курса обучения с добавлением общеобразовательных предметов (русского языка, истории, математики, физики, военной географии, политической экономии, ознакомления с организацией промышленности и труда). Проект предусматривал два периода учебы – общеобразовательный^{III} и специально-военный^{IV} по пять месяцев каждый и по 42 учебных часа в неделю, а в конце обучения два месяца на полевые задачи и экзамены. Годичная подготовка была введена уже в 1920 г., а для лиц со средним образованием курс длился полгода.

Когда в 1920 г. острота потребности в штабных работниках начала снижаться, возник вопрос о пересмотре Положения о школе. 26 июня 1920 г. приказом РВСР школе было присвоено название «Высшая советская школа штабной службы командного состава РККА», а новое Положение утверждено 2 июля 1920 г. В целом курс школы давал слушателям солидную подготовку. Постепенно продолжительность учебы возрастала, но статус выпускников не менялся. В штабах РККА по-прежнему лучше относились к выпускникам ускоренных курсов старой академии^V, тогда как выпускники школы штабной службы даже не считались генштабистами. Как уже отмечалось, в 1920 г. курс школы стал более продолжительным по сравнению с курсами старой академии и составил один год, а в 1921 г. школа перешла на двухгодичное обучение (табл. 98).

^I РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 146об.

^{II} Там же. Л. 147.

^{III} Учебный курс общеобразовательного отделения: тактика – 6 часов в неделю, топография – 5, русский язык – 5, история – 3, физика – 3, общая география – 2, изучение организации производства – 3, математика – 5, политграмота – 3, верховая езда – 2, уставы – 3, иностранный язык – 2 (Там же. Л. 160об.).

^{IV} Учебный курс специально-военного отделения: тактика – 6 часов в неделю, топография – 3, связь и служба Генштаба – 3, разведка – 3, инженерное дело – 5, артиллерийское дело – 3, администрация – 4, военная гигиена – 1, политграмота – 3, уставы – 2, военная география – 2, верховая езда – 2, изучение организации производства – 3, иностранные языки – 2 (Там же. Л. 160об.–161).

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 166.

**Учебный план Высшей советской школы штабной службы
командного состава РККА по двухгодичной программе¹**

Предмет	Часов (всего)
Общеобразовательный класс	
Военная администрация	120
Тактика	216
Топография	186
Русский язык	120
Русская история	60
Всеобщая история	60
Природоведение	120
Общая география	60
Математика	150
Политическая грамота	90
Артиллерийское дело	78
Фортификация	78
Уставы	30
Специально-военный класс	
Тактика	218
Топография	162
Военная администрация	60
Тактика снабжения	60
Связь и служба Генштаба	84
Разведка	60
Тактика технических войск	30
Военная география	60
Инженерное дело	138
Артиллерийское дело	138
Экономическая география	30
Военная гигиена	30
Русский язык	60
Русская история	60
Математика	60
Политграмота	90
Уставы	30

Обязательным было изучение одного иностранного языка по четыре часа в неделю на общих семестрах, кроме того, перед занятиями один час проводилась гимнастика, занимались и верховой ездой.

¹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 331об.-332.

По службе Генерального штаба слушатели изучали творческую и техническую часть управления войсками, подготовку решения, основные положения для управления войсками, оперативные приказы, размножение и рассылку приказов, участие Генерального штаба в работе органов снабжения и устройства тыла^I.

В феврале – марте 1921 г. школу окончили 8 человек^{II}. Среди выпускников школ штабной службы были некоторые крупные советские военные деятели. Например, в 1919 г. ее окончил М.В. Захаров – будущий маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба. Школу при штабе Западного фронта окончил другой будущий маршал Советского Союза – Ф.И. Толбухин.

Особый отдел при МЧК направил в Московский комитет партии обзор состояния московской школы штабной службы к 16 июня 1921 г., в котором отмечалось: «Состав 60 человек. Курсанты, большинство – бывшие офицеры и многие вместе с преподавателями старого закала – определенные антисемиты. Эти взгляды они высказывают, не стесняясь. Курсанты же из красных командиров недовольны обращением преподавателей, т.к. последние преподают на старых устоях, называют господами. Культурно-просветительская работа и политическая слишком слаба...»^{III}

20 сентября 1921 г. приказом РВСР № 2071 на базе московской школы штабной службы возник подготовительный курс Военной академии РККА (уже в 1919–1920 гг. школа воспринималась как подготовительное отделение перед академией, после которого способные выпускники проходили практику в штабах и поступали в академию^{IV}), а 11 октября приказом РВСР № 2242 школа была выведена из подчинения ГУВУЗу и переподчинена начальнику академии, как и планировалось изначально. Функционировать в качестве подготовительного курса школа начала с 1 ноября 1921 г.^V В отчете Наркомата по военным и морским делам за 1922 г. указывалось, что в школе проходили подготовку 39 человек^{VI}.

Как отмечали современники, школа превратилась в «военный рабфак» при академии, «было принято около полутораста рабочих и крестьян. Это были, несомненно, боевые командиры, но с общим образованием максимум в пределах городского, а чаще и сельского училища. Они были полны жажды знания, но их нельзя было оторвать от военной жизни, их нельзя было отправлять на рабфак гражданский. Так был создан новый курс, который сыграл определенную роль в дальнейшей истории академии»^{VII}. Слияние с академией проходило непросто. На подготовительный курс академии зачислили 110 человек, из которых 30 перешли из школы, а остальные были приняты со стороны. Подготовительный курс окончили многие видные военные и политические деятели, в том числе, например, маршал Монгольской Народной Республики Х. Чойбалсан. Первым начальником курса в академии стал М.В. Бойцов^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1049. Л. 12.

^{II} Там же. Л. 8.

^{III} Цит. по: Яковлева М. А. Материалы Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) – важнейший источник информации для партийных и советских органов в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2 (110). С. 278.

^{IV} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162об.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.

^{VI} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 51.

^{VII} Военная академия за пять лет. С. 72–73.

^{VIII} НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 71об.

Б) Военно-академические курсы высшего командного состава РККА

По окончании широкомасштабной Гражданской войны при Военной академии РККА в Москве были созданы Военно-академические курсы высшего командного состава РККА (ВАК). Курсы просуществовали с августа 1921 по июнь 1924 г. Создавались они для усовершенствования и пополнения знаний красными командирами, не получившими систематического военного образования. Другой задачей была выработка единого военного взгляда на задачи и деятельность Красной армии^I. Фактически курсы стали учебным заведением, функционировавшим параллельно с академией, но по сокращенной программе (курс составлял девять с половиной месяцев). На курсы принимали комбригов, комдивов и военачальников более высокого ранга.

В 1921 г. на курсы были приняты 85 представителей высшего командного состава, имевших боевые заслуги, но не получивших ранее военного образования^{II}. Один из зачисленных, С.А. Калинин, вспоминал: «Всего на курсы прибыло около ста человек. У большинства на петлицах по два-три ромба. Это – командующие армиями, командиры дивизий и бригад. Среди них всего лишь несколько особо отличившихся в боях командиров полков. У значительного числа слушателей – правительственные награды, заслуженные в боях ордена Красного Знамени. Име- на многих уже в то время были известны всей стране.

Общеобразовательная и военная подготовка прибывших на курсы была не одинаковой. Совсем немногим в свое время удалось окончить какое-либо высшее учебное заведение. Нескольким товарищам, как и мне, довелось учиться в школе прапорщиков военного времени. Было немало среди слушателей и таких, которые окончили лишь начальные школы»^{III}. При этом все слушатели обладали боевым опытом Гражданской войны.

На курсах обучались даже слушатели Военной академии. Например, с 22 декабря 1921 г. на основании телеграммы начальника ПШ РВСР на курсы был зачислен слушатель старшего курса Военной академии Г.Д. Гай^{IV}, хотя какова была причина ухода из академии на курсы, неясно. Биографы Гая также не понимали причин, а сам легендарный военачальник утверждал, что этим сэкономил год времени, так как в академии ему оставалось учиться два года, а на курсах – год^V. В итоге Гай все же окончил академию, пройдя ее курс в 1925–1927 гг.

Среди слушателей академических курсов были и другие известные участники Гражданской войны: С.С. Вострецов, П.Е. Княгиницкий, Н.В. Куйбышев, Б.В. Майстрах, С.К. Тимошенко, Т.Т. Шапкин^{VI} и др. Посещал отдельные занятия и Я.Ф. Фабрициус. По данным на 1922/23 учебный год, курс обучения был рассчитан на десять месяцев, продолжался с 1 октября по 31 июля и был разделен на три периода: 1 октября – 23 декабря, 15 января – 30 апреля и 1 мая – 31 июля.

^I РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

^{II} РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

^{III} Калинин С. А. Размышляя о минувшем. М., 1963. С. 96–97.

^{IV} РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

^V Айрапетян Г. А. Легендарный Гай. М., 1965. С. 148.

^{VI} РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

Первый период отводился для пополнения и совершенствования военных и общественно-политических знаний слушателей, выработки навыка быстрой оценки обстановки и принятия твердых решений. В это же время велись практические занятия по тактике, а сами слушатели готовились к руководству тактическими занятиями и к инструкторской работе. Много времени уделялось самостоятельной подготовке на основании той литературы, которую преподаватели рекомендовали для изучения. В ходе занятий преподаватель обсуждал со слушателями прочитанное и проверял правильность их представлений по существу того или иного вопроса. Для практических занятий создавались группы (по 5–6 человек), между которыми организовывалась военная игра¹.

Второй период был отведен под коллективную разработку тем, причем для военно-исторических тем требовалось использование архивных материалов. Наконец, третий (летний) период включал военную игру и двусторонние ротные учения (май), экскурсии для ознакомления с военной техникой (июнь) и полевые поездки (июль). В полевых поездках оттачивалось мастерство черчения кроки.

Курсы находились в подчинении С. С. Каменева (приказом РВСР по личному составу армии № 220 от 30 октября 1922 г. назначен начальником курсов с оставлением в должности главкома). Заместителем начальника курсов являлся генштабист Ф. П. Шафалович. Руководство курсов старалось привлекать к работе лучшие военно-научные силы страны и Красной армии, почти исключительно специалистов старого Генерального штаба. Так, на 1922/23 учебный год было намечено привлечь главными руководителями по стратегии С. С. Каменева и А. М. Зайончковского, а в качестве преподавателей П. П. Лебедева, Н. Г. Мыслицкого, М. Н. Тухачевского, Б. М. Шапошникова. Главным руководителем по тактике намечался А. И. Верховский. Преподавателями: по тактик Н. Я. Капустин, по тактике конницы В. Н. Гатовский, по тактике связи В. М. Цейтлин (он же – главным руководителем по службе связи). Главными руководителями практических занятий по тактике намечались А. И. Верховский и В. С. Лазаревич. Старшими руководителями: В. Е. Белолипецкий, В. Н. Гатовский, В. Н. Егорьев, Н. Я. Капустин, А. К. Коленковский, Н. Г. Мыслицкий, Д. Н. Надежный, К. П. Невежин. Руководителями: А. А. Балтийский, В. Л. Барановский, П. Д. Бурский, А. И. Готовцев, М. М. Загю, А. Г. Лигнау, Л. А. Лупаков, В. И. Моторный, А. Л. Певнев, С. К. Сегеркранц, В. Г. Сухов, С. А. Сухомлин, П. В. Черкасов и др.

Руководителем по стратегии предполагалось назначить А. М. Зайончковского, по снабжению – В. И. Самуйлова, по истории военного искусства – А. И. Верховского, по военной географии и статистике – И. А. Троицкого и А. И. Кука. Главным руководителем по организации войск предполагался П. П. Лебедев, преподавателем – В. Е. Гарф. Историю военного искусства преподавал А. А. Свечин, лекции по стратегии читал А. А. Незнамов, инженерное дело вел Д. М. Карбышев, занятия по тактике – А. И. Верховский, он же возглавлял военную игру, которая завершала курс обучения. Полевыми занятиями руководил А. И. Готовцев. Курс лекции по марксизму читал старый большевик Д. Б. Рязанов.

В 1923 г. группами слушателей в полевой поездке руководил цвет старого Генерального штаба: А. Х. Базаревский, В. Л. Барановский, А. С. Белой, В. Е. Белолипецкий,

¹ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

П.Д. Бурский, А.Н. Гатовский, В.Н. Гатовский, А.И. Готовцев, В.С. Лазаревич, А.Г. Лигнау, В.И. Моторный, А.Л. Певнев, С.К. Сегеркранц, Н.Г. Семенов, Е.Н. Сергеев, П.В. Черкасов, Ф.П. Шафалович¹. Взаимодействовали курсы и с Военно-научным обществом.

Курсы располагались в особняке на Остоженке. Учеба проходила по шестидневке. Ежедневно было намечено по три занятия с 10.00 до 15.40 (10.00–11.30 с перерывом 10.40–10.50; 12.30–14.00 с перерывом 13.10–13.20; 14.10–15.40 с перерывом 14.50–15.00). В субботу проводилось одно занятие, после чего проходили групповые занятия по тактике или самостоятельное решение задачи.

Сохранился учебный план курсов на 1922/23 учебный год. Согласно плану, на первый период отводилось 426 часов занятий (71 день, 12 недель; табл. 99).

Таблица 99

**Учебный план первого периода (1 октября – 23 декабря) подготовки
на Военно-академических курсах высшего командного состава РККА
на 1922/23 учебный год¹**

Предмет	Часы до обеда	Часы после обеда
Практические занятия по тактике (вторник, четверг, суббота по 4 часа в день)		128
Общественно-политические науки (по пятницам по 6 часов)	24	44
Лекции по тактике	100	
Стратегия	12	16
История военного искусства	8	16
Топография	2	4
Организация тыла	12	12
Самостоятельные работы слушателей (по средам по 4 часа)	4	48
Итого	158	268

Во второй период предусматривалось 444 часа занятий за 74 дня (табл. 100).

Таблица 100

**Учебный план второго периода (15 января – 30 апреля) подготовки
на Военно-академических курсах высшего командного состава РККА
на 1922/23 учебный год¹**

Предмет	Часы до обеда	Часы после обеда
Практические занятия по тактике (по четвергам по 4 часа)		52
Коллективная разработка тем (вторник и суббота по 4 часа)		100
Общественно-педагогические науки (по пятницам по 6 часов)	24	48
Тактика	60	
История военного искусства	6	
Топография	4	8

¹ Там же. Л. 52.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹¹¹ Там же. Л. 9.

Предмет	Часы до обеда	Часы после обеда
Организация тыла	16	
Организация	8	
Военная география и статистика	12	12
Мобилизация	6	12
Военная психология	6	12
Морское дело	6	
Самостоятельная работа слушателей (по средам по 4 часа)		52
Итого	148	296

Материальное положение слушателей было незавидным. Они не имели жилья в Москве, размещались в не оборудованном должным образом помещении на Арбате, 37, были лишены топливного довольствия, страдали от дороговизны и инфляции. Месячное жалование слушателей в среднем составляло 8–10 тыс. руб., тогда как даже рядовой охраны Госбанка в октябре 1922 г. получал больше 10 тыс. руб.^I

На курсах стали повторяться те же ситуации во взаимоотношениях избыточно сознательных слушателей и далеких от понимания новых реалий преподавателей из старой военной элиты, что и в Академии Генштаба РККА. Отношение к некоторым преподавателям из старых спецов отличалось неприязненностью^{II}. Слушатели созывали коллективные собрания, на которых выступали против военспецов, критиковали начальство, причем не только своих курсов, но и других военно-учебных заведений. Так, например, слушатели раскритиковали начальство Высшей стрелковой школы командного состава РККА, жаловались на отсутствие там твердого руководства, на службу преподавателей ради пайка, а не идеи, на их рутинерство и разлагающее влияние. Начальник школы в августе 1922 г. был вынужден оправдываться, сообщая главному начальнику военно-учебных заведений РСФСР, что «упрек преподавательскому составу в халатности, в работе ради пайка категорически отвергаю. Напротив, вижу в труде преподавателей признаки бескорыстия и даже самоотвержения, так как, благодаря слишком неаккуратной выплате лекционных денег, они работают почти даром и тем не менее свои обязанности выполняют более чем добросовестно»^{III}.

27 июля 1922 г., по окончании учебы, первая группа выпускников курсов написала письмо главкому С. С. Каменеву по вопросу о постановке учебного процесса и о необходимости перемен в РККА. Слушатели писали: «Глубокоуважаемый и горячо любимый Сергей Сергеевич! Закончив свой “год учебы”, мы, слушатели Военно-академических курсов высшего комсостава, считаем своим нравственным долгом поделиться с Вами теми мыслями, которые волнуют нас, теми впечатлениями, которые остались после ознакомления с постановкой дела военной учебы, как на военно-академических курсах, так и в вузах и тех частях, с которыми

^I Там же. Л. 30.

^{II} Калинин С. А. Размышляя о минувшем. С. 100.

^{III} РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

мы сталкивались, в которых бывали и из которых получали многочисленные письма и заявления. Любовь к своему делу, глубокая объективная и субъективная заинтересованность в боеспособности нашей славной Красной армии требуют и заставляют нас зафиксировать здесь все те ненормальности и неправильности, свидетелями которых мы вольно и невольно были и становились.

В результате девяти месяцев, проведенных на курсах, нам удалось немного пополнить свой теоретический багаж, но таковой цели мы достигли, главным образом, благодаря коллективной работе в период “месяца самостоятельности”, самостоятельной работе в ОБНО¹ и индивидуальным занятиям и чтением. Отсутствие определенной программы, случайный подбор профессуры, неуместные методы обучения, явно несерьезное отношение к чтению лекций со стороны некоторых из профессоров (вместо курса стратегии – цикл анекдотов проф[ессора] Незнамова, вместо курса современной тактики – курс тактики по опыту Отечественной войны 1812 года и Русско-японской – проф[ессора] Сапожникова) не только не облегчали работы по саморазвитию, но в большинстве случаев отбивали даже желание слушания лекций и посещения с таковой целью курсов. Постоянные навязывания своей заведомо предвзятой и глубоко необоснованной точки зрения во время решения показательных тактических задач не только не способствовали выработке единства взглядов, хотя бы в вопросах тактики, но даже углубляли антагонизм между слушателями и профессурой и подрывали авторитет последней (за некоторым исключением) в глазах первых.

Преподнесенная в качестве сюрприза “отчетная задача” с не отвечающим жизни заданием, явно абсурдным решением ее руководством и недопущение затем слушателей к разбору решения, а также безобразно проведенная военная игра дали возможность слушателям окончательно убедиться в истинной физиономии некоторых из профессуры, признать правильность вкоренившегося мнения, что таковые ничуть не изменились в результате даже империалистической и Гражданской войн.

Девятимесячное пребывание на курсах заставляет нас в интересах продуктивности учебы наших товарищей на них высказать целый ряд пожеланий:

1. Состав профессуры должен быть подобран с таким расчетом, чтобы в число его ни в коем случае не были включены люди с явно рутинными взглядами и, до смешного, подражательскими тенденциями.

2. Вся учеба должна вестись путем коллективного собеседования по существу всех вопросов тактики и стратегии, рассчитанного на широкий обмен мнениями между слушателями и профессурой, причем на последних должна быть возложена роль ученого справочника, а не идейного руководства, единство же мысли должно выковываться в результате всесторонней критики и широкой дискуссии.

3. Больше внимания уделено современной тактике иностранных армий.

4. Безусловно принят во внимание и учтен опыт последней империалистической и Гражданской войн.

5. Широко развита работа ОБНО и для участия в ней, в порядке обязанности, привлечена профессура.

¹ Здесь и далее так в документе. Речь идет о Военно-научном обществе (ВНО).

6. Больше внимания уделено вопросам политического характера.
7. Практические занятия по тактике – вестись в форме односторонней военной игры.
8. Военная игра проводится совместно с академией Генштаба.
9. Проведено более широкое ознакомление с работой Штаба РККА.
10. Налажена непрерывная идейная связь с войсковыми частями и высшими кавалерийской и стрелковой школами.

Таковы пожелания в плоскости, касающейся исключительно постановки дела обучения на В.А.К. высшего комсостава, что же касается экономического положения слушателей, то таковое, безусловно, должно быть улучшено, а также положен предел кормлению за счет слушателей целой плеяды, превосходящей их числом, лиц, обслуживающих курсы¹.

В известном выпадами в адрес военспецов докладе бюро ячеек Военной академии в ЦК РКП(б) от 18 февраля 1924 г. уделялось место и критике ВАК: «Рознь среди высшего комсостава (Академия и ВАК). Если бы ВАК существовал как институт, имеющий своей задачей обновление военных знаний комсостава, ранее прошедшего теоретическую школу (академию), то этим самым и обуславливались бы его связь и отношения с Военной академией, а равно и контингент его слушателей. При настоящем положении вещей мы имеем две параллельно существующие высшие военные школы, разница между которыми состоит в том, что в одну принимают только комбригов, комдивов и выше без приемных испытаний, обучают 9 месяцев и отправляют на ту же работу, какую они вели до поступления на ВАК; в другую же школу принимают и комдивов, и комрот, но с обязательными приемными испытаниями, с 3-летним курсом обучения и с прохождением службы, по окончании учебы, с низших должностей. Существует много объективных причин, которые привели к этому положению, но когда в виде его следствия рождается всем известная рознь в среде нашего высшего комсостава, то ее следует понимать как опаснейшее явление для нашей армии, а не как “недоразумение между генштабистами и ваковцами”, и нужно своевременно найти в себе и силу и умение выйти из этого положения, бесконечно ослабляющего наши силы и тем самым увеличивающего влияние спецовской касты»². Письмо предлагало объединить ВАК и академию, устранить параллелизм и противоречия, что и было сделано буквально через несколько месяцев после доклада. Постепенное формирование кастовости слушателей ВАК применительно к набору 1922/23 учебного года отмечал на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 г. Э.М. Склянский³. Для противодействия кастовому началу в армии издавались приказы РВС СССР, проводилась разъяснительная работа.

В июне 1924 г. ВАК были реорганизованы в Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, куда принимали выпускников ВАК, Военной академии РККА и ускоренных курсов старой академии. Учеба на курсах была организована по циклам (стратегия, тактика, история военного искусства, военная администрация, военная география, социально-экономические и политические науки), циклам подчинялись кафедры, существовали и отдельные кафедры артиллерии, военно-инженерного

¹ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–17.

² Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 95.

³ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 97.

дела и военного языкознания. Подготовка велась путем изучения действий дивизии и корпуса¹. Руководили курсами начальник Военной академии и его заместитель, а также помощник по учебной части через главных руководителей циклов².

§ 4. Подготовка кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета

В период Гражданской войны дефицит специалистов Генерального штаба в Красной армии покрывался самыми разными способами. Прежде всего, был осуществлен тщательнейший учет всех выпускников Николаевской военной академии, привлечены к работе выпускники ускоренных курсов академии и даже те, кто в ней недоучился. Функционировали советские школы штабной службы, готовившие младших штабных работников. Открылись Военно-академические курсы высшего командного состава РККА. Кроме того, подготовка кадров велась и на военном факультете Туркестанского государственного университета.

История возникновения факультета была следующей. Еще в марте 1918 г. в Ташкенте был создан Туркестанский народный университет. После восстановления связи Советской России с Туркестаном, 22 сентября 1919 г., состоящий в личном распоряжении председателя РВСР Л. Д. Троцкого бывший штабс-ротмистр, а позднее известный писатель и ученый, активный сторонник реорганизации Генерального штаба и высшего военного образования Э. С. Батенин (негенштабист) представил доклад о необходимости организовать при университете военный факультет. Предполагалось создать центр высшего военного образования для всего Туркестана с учетом местной специфики³. Курс обучения первоначально намечался годичный. Очевидно, предполагалось готовить командные кадры с учетом возможного экспорта революции за рубеж. Слушатели должны были получать подготовку в восточном и южно-азиатском вопросах, изучать сопредельные с Туркестаном государства. В докладе прямо говорилось о том, что перед Советской Россией «может быть, еще станет во весь рост острый вопрос не только об активной защите своего бытия, но и о распространении путем оружия идей свободы в сопредельных странах...»⁴

Поддержали замысел командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и начальник Академии Генштаба РККА выдающийся военный ученый и востоковед А. Е. Снесарев. В Москве было создано организационное бюро в составе Снесарева, Батенина и профессора Туркестанского университета Г. К. Ризенкампа, в Ташкенте в него вошли Н. А. Зимин, Ю. И. Пославский и ректор университета

¹ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 11. Л. 106.

² Там же. Л. 8. В зимний период 1924/25 г. аудиторное время распределялось следующим образом: тактика — 317 часов (49,2 % учебного времени); стратегия — 166 часов (25,8 %); социально-экономические и политические науки — 60 часов (9,3 %); военная география — 36 часов (5,6 %); военная администрация — 33 часа (5,1 %); история военного искусства — 14 часов (2,2 %); артиллерия (техника) — 10 часов (1,6 %); военно-инженерное дело — 8 часов (1,2 %). Итого 644 часа (Там же. Л. 12). Начальником учебного отдела курсов был генштабист Д. А. Бенземан.

³ Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1: Сентябрь. С. 426.

⁴ Там же. С. 427.

Г.Н. Черданцев. В октябре 1919 г. вопрос о создании факультета был решен. Была сформирована организационная комиссия, в которую вошли руководители и профессор университета, а также военные специалисты. План организации факультета составил сам Снесарев. По итогам обсуждений был намечен четырехлетний срок обучения. Набирать решено было слушателей с образованием не ниже трудовой школы 2-й ступени. Признавалась идеальной организация обучения как в военном техникуме, которая по условиям времени была нереализуемой. Решено было организовать факультет по принципу академии Генерального штаба. На факультете возникли два отделения: общее (в составе артиллерийской, инженерной и интендантской секций) и Генерального штаба.

В работе комиссии участвовали помимо Снесарева генштабисты В.Н. Гатовский, П.И. Ермолин, А.Д. Тарановский и А.А. Яковлев. На заседании организационной комиссии 5 февраля 1920 г. были намечены военспецы, которым поручалась организация кафедр. Распределение было следующим: Снесарев – стратегия, философия войны и военная география Средней Азии; Гатовский – тактика конницы, воздушного флота, технических войск и прикладная тактика; Яковлев – тактика пехоты и история Русско-японской войны; Тарановский – геодезия и топография; Е.М. Голубинцев – техника артиллерии; Н.А. Владиславский-Крекшин – тактика артиллерии. Деканом факультета был избран Снесарев при секретаре Ермолине. К работе на факультете планировалось привлечь генштабистов А.А. Балтийского, А.К. Климовича и Ф.Ф. Новицкого. В подготовке открытия факультета были задействованы начальник корпуса военных топографов А.И. Аузан, начальник штаба Туркестанского фронта П.В. Благовещенский, начальник артиллерии Туркестанского фронта А.А. Маниковский, А.А. Незнамов, состоящий для поручений при командующем войсками Туркестанского фронта Ф.Ф. Новицкий. 25 марта 1920 г. профессорами факультета были избраны Снесарев, Гатовский, Голубинцев, Владиславский-Крекшин, Н.А. Сулейман, Тарановский и Яковлев¹.

На первом заседании факультета 1 апреля 1920 г. были избраны должностные лица. Деканом выбрали Снесарева, его заместителем – В.Н. Гатовского, а ученым секретарем факультета – В.Л. Руднева. В результате обсуждений Снесарев пришел к идее того, чтобы часть факультета была общеуниверситетской, а другая часть – военной. Общий отдел факультета предназначался для подготовки студентов всего университета в военном отношении. Основной дисциплиной являлся двухгодичный курс под названием «Энциклопедия военных наук», который включал следующие предметы: военная администрация, элементарный курс общей тактики, техники артиллерии, воздушного флота и инженерно-технических средств, краткий курс полевой фортификации с полевой маскировкой, краткий курс военного искусства, краткий курс военной топографии, краткий курс истории последних войн, история завоевания Туркестана, краткий курс военной статистики и географии Туркестана и сопредельных стран – Персии, Афганистана и Китая (для всех факультетов, кроме отделения Генштаба военного факультета). Также преподавались: военно-инженерное искусство (для технического факультета); артиллерийское дело (для технического факультета); экономика войны

¹ Там же. С. 432.

(военное хозяйство, тактика снабжения, устройство тыла, транспорт – для естественного (сельскохозяйственного) факультета); низшая и высшая геодезия (для физико-математического факультета); военная гигиена, санитария и тактика санитарной службы (для медицинского факультета).

8 мая 1920 г. на заседании организационной ячейки заместителем декана был избран Ф.Ф. Новицкий. В итоге РВС Туркестанского фронта определил требования к слушателям. Решено было принимать на факультет лиц с военным образованием и хотя бы кратким служебным стажем. В отделение Генштаба намечалось зачислить 150 человек. Из 200 вакансий факультета 160 (80 %) сохранялись за РВС Туркестанского фронта.

Летом 1920 г. велась организационная работа. Была определена смета в размере 44 млн руб. Осуществлялась заготовка учебных пособий, для чего в Москву была направлена специальная делегация. Осенью было найдено помещение для факультета и организована учено-учебная часть. Продолжался набор профессорско-преподавательского состава. Профессором по кафедре военной истории стал А.Н. Апухтин, профессором по кафедре географии Туркестана – Н.Л. Корженевский, преподавателем военной администрации – П.В. Благовещенский, курс артиллерии должен был вести Н.И. Габбин, курс полевой фортификации – Н.И. Иванов. От университета профессором по кафедре истории цивилизации народов стал В.Н. Кун, профессором по кафедре психологии – А.В. Трапезников, преподавателем высшей математики и механики – С.И. Ковалевский¹. 29 октября 1920 г. деканом был избран П.В. Благовещенский, его заместителем – Н.И. Иванов, ученым секретарем – Н.Л. Корженевский. Позднее деканом стал Н.И. Иванов, однако он умер от сыпного тифа 14 января 1922 г.²

На факультете возникло четыре отделения: Генерального штаба, военно-инженерное, артиллерийское и военно-хозяйственное. На первом курсе отделения Генерального штаба программа была утверждена в следующем объеме (табл. 101).

Таблица 101

Программа обучения на первом курсе отделения Генерального штаба военного факультета Туркестанского государственного университета³

Предмет		Часов
Тактика пехоты, кавалерии, артиллерии и прикладная с практическими занятиями		100
История военного искусства	Древний период и средние века до эпохи А. Тюренна	30
	История военного искусства эпохи Фридриха II, Французской революции и наполеоновских войн	30
	Русское военное искусство от Петра I до первой четверти XIX в.	20

¹ Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 1: Январь – апрель. С. 303–304.

² Военная мысль. 1921. Кн. 3: Август – декабрь. С. 309.

³ Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 1. С. 304. В 1921 г. в курс были включены общая тактика, устройство вооруженных сил республики, главных иностранных и сопредельных с Туркестаном государств, топография, топографическое черчение, но сокращен курс истории военного искусства, добавились и общие предметы: физика космическая с геофизикой, химия, почвоведение. К восточным языкам добавлен монгольский (Военная мысль. 1921. Кн. 3. С. 303).

Предмет	Часов
Уставы: общие и всех родов войск	120
Артиллерия, материальная и теоретическая часть	48
Воздухоплавание: организация, техника, история и применение	30
Военная администрация	48
Полевая фортификация	24
Инженерно-технические средства	24
Военная география Туркестана	24
Низшая геодезия	72
Военная гигиена и санитария	24
Государственное право	24
Физическая география	24
Психология	24
Новейшая история	48
Исламоведение	24
Востоковедение	24
Английский язык	72
Восточный язык (по выбору: узбекский, персидский, индустанский, китайский)	96

По данным на начало 1921 г., на факультете работали 9 профессоров, 42 преподавателя и 7 лекторов по языкам, имелись 2 ассистента и 2 лаборанта. Поступающим в итоге все же разрешено было не иметь служебного стажа и военного образования. Для поступающих с 1 января 1921 г. открылось 8-месячное подготовительное отделение. Учеба на факультете началась 27 декабря 1920 г., причем прием был продлен до 15 февраля 1921 г. Занятия проходили в пустовавшем здании ташкентского Коммерческого училища, приведенном в порядок (в здании не было печей и оконных стекол).

К 15 февраля на факультет было принято 200 студентов, часть из них была, а осталось 188 человек. Из этого числа 155 поступили из Красной армии и 33 со стороны. На отделении Генштаба обучались 15 человек, на военно-инженерном – 66, на артиллерийском и военно-хозяйственном – по 17 и на подготовительном – 73. В период обучения слушателей продолжалась выработка структуры факультета. Приказом РВСР и Наркомпроса от 22 февраля 1921 г. № 429 были определены организационные принципы нового факультета, причем выпускники должны были поступать в распоряжение РВСР. В начале 1921 г. факультету в качестве органа военно-научной мысли был передан журнал «Военная мысль». В августе 1921 г. при факультете организовалось Среднеазиатское военно-научное общество. К 1922 г. в нем состояли уже 149 членов, причем для студентов отделения Генштаба и для студентов-коммунистов членство было обязательным. Обязательных членов было 98, постоянных – 48 и трое гражданских сотрудников. Члены общества изучали и обрабатывали архивные материалы по Гражданской войне в Туркестане, устраивали сообщения и доклады, устанавливали связь с другими

военно-научными учреждениями. Одним из активных участников общества был бывший офицер лейб-гвардии Преображенского полка Д.Д. Зуев^I.

Учебный процесс осложнялся поздним открытием занятий, отсутствием учебных пособий, бытовой (жилищной) неустроенностью студентов и преподавателей. Тем не менее учебный план первого года был выполнен успешно, велись занятия в Троицком лагере (в частности, слушатели отделения Генштаба занимались инструментально-мензульной съемкой). Осложняло работу и двойственное положение факультета, который подчинялся университету, но финансировался РВС Туркестанского фронта^{II}. Факультет добивался рекрутирования слушателей из комсостава РККА. Число студентов было определено для отделения Генштаба в 50 человек, а для подготовительного отделения – в 40 человек. На три технических отделения принимались 100 человек.

Интересно, что политработники Туркестанского фронта на одном из совещаний летом 1921 г. постановили ввиду оторванности восточного отделения Академии Генштаба РККА от изучаемого региона ходатайствовать о перенесении отделения в Ташкент и слиянии его с отделением Генштаба военного факультета. Также предлагалось артиллерийское, инженерное и военно-хозяйственное отделения факультета слить с академиями в Москве и Петрограде^{III}. Фактически это была попытка уничтожения факультета.

1 октября 1921 г. начался второй учебный год на факультете. Контингент учащихся увеличился. Факультет боролся за существование, в том числе против проведения в жизнь решения политработников Туркестанского фронта, грозившего закрытием факультета. Руководство факультета отстаивало принцип совместного обучения слушателей разных специальностей. В конце августа 1921 г. от факультета в Москву была направлена делегация в составе преподавателя Н.И. Габбина и военного комиссара К.С. Плетухина для проведения в жизнь новых штатов. Как выяснилось, 5 сентября Малый академический совет постановил закрыть факультет, организация и структура которого якобы не соответствовали нуждам и задачам Туркестана^{IV}. Ценой немалых усилий удалось добиться пересмотра решения 19 сентября. Однако теперь требовалось срочно выработать Положение о факультете. Внутри самого университета также были противники военного факультета, пытавшиеся если не упразднить факультет, то добиться хотя бы закрытия его технических отделений. Вопрос был вынесен на рассмотрение Туркестанского ЦИК, создавшего особую комиссию, а также в Туркбюро ЦК, откуда пришло распоряжение оставить только отделения Генштаба и подготовительное. 14 октября 1921 г. Комиссия ВЦИК по делам Туркестана как высший правительственный орган края признала существование факультета желательным в прежнем виде. Разумеется, необходимость бороться за существование негативно повлияла на состояние преподавателей и студентов. Однако занятия продолжались.

^I Военная мысль. 1921. Кн. 3. С. 284.

^{II} Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 2: Май – июль. С. 292.

^{III} Военная мысль. 1921. Кн. 2. С. 288.

^{IV} Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 3. С. 298.

Новый набор факультета считался неудовлетворительным. На отделение Генштаба набирали 50 слушателей, на технические отделения — 100, на подготовительное — 40. О допущении к приемным испытаниям ходатайствовали 150 человек. Приняты были всего 70: 15 на отделение Генштаба, 18 на военно-инженерное отделение, по 4 на артиллерийское и военно-хозяйственное и 29 на подготовительное отделение. Кроме того, 37 человек с подготовительного отделения перешли на основное. Всего же обучались 189 человек. Не все желающие обладали необходимым багажом знаний, немногие знали о направлении работы факультета и о том, что необходимо сдавать вступительные экзамены. Некоторые по этой причине отказались их сдавать, поскольку не обладали требуемыми знаниями.

На втором курсе шла подготовка по следующим военным предметам: тактика малых войн, позиционная война, практические занятия по тактике, статистика, полевая фортификация (ч. 2, 4, 5 — другие части были включены в программу первого курса), практические занятия по фортификации в связи с тактическими, история военного искусства от Наполеона до Франко-прусской войны, военная история — Франко-прусская, Русско-турецкая и Русско-японская войны, Гражданская война (деникинский и Кавказский фронты), военная администрация (мобилизация, военное хозяйство, устройство тыла и тактика снабжений), практические занятия по военной администрации в связи с тактическими, география и картография, топографическое черчение, тактика санитарной службы, тактика артиллерии, служба Генерального штаба.

Среди общих предметов изучались исламоведение и востоковедение, метеорология, геология, сферическая тригонометрия, психология, история Туркестана, развитие общественных форм, исторический материализм, пролетарская революция, английский и один из восточных языков.

Второй курс оказался последним, на котором проходили обучение потенциальные туркестанские генштабисты. Факультет был упразднен приказом по Туркестанскому фронту 9 июня 1922 г.

Факультет был не единственным центром подготовки кадров Генштаба в регионе. Так, на Туркестанском фронте (наряду с ним и в 9-й и 5-й армиях) 5 октября 1920 г. открылись повторительные курсы командного состава, или военно-академические курсы. Даже командовавший фронтом М.В. Фрунзе записался в слушатели, но был назначен на Южный фронт. Продолжительность курсов определялась первоначально в 3,5 месяца, а затем в полгода. Разместились они в одном здании с военным факультетом. Переподготовку проходили 33 слушателя, к 15 ноября их стало уже 57. Занятия проводились в вечернее время начинаясь в 17 часов, поскольку днем слушатели находились на службе. До выпуска дотянули только 27 человек и двое не державших зачетов. Среди выпускников было 7 человек со средним образованием, 18 с низшим, 2 с домашним; 7 окончили военные училища, 3 — школы прапорщиков, 7 — унтер-офицерские школы, 10 получили образование на службе. Партийных выпускников было 11. Преподавали на курсах 30 человек с высшим образованием, в том числе 6 профессоров и 9 преподавателей университета и 15 военспецов¹. В связи с различной подготовкой слушателей были созданы две особые группы. В одной проходились элементарные курсы

¹ Д.-Б. В. Военно-академические курсы // Военная мысль. 1921. Кн. 2. С. 300–301.

русского языка, математики и географии. Опоздавшие на курсы составили вторую особую группу. Система преподавания была лекционной. Широко практиковалась работа на планах и картах. В мае 1921 г. были проведены практические занятия в поле (съемки, решения тактических задач) и сдавались зачеты по политграмоте, тактике, стратегии, фортификации, администрации, топографии, теории организации труда. По причине топливного кризиса, недостатка снабжения и небывалых морозов занятия зимой прерывались на 2,5 недели.

Непродолжительная и незавершенная подготовка кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета стала еще одним из многих направлений, дифференцировавших подготовку дефицитных генштабистов в Советской России. В данном случае речь шла об интересном эксперименте – учете региональной специфики в подготовке штабных работников в целях возможного экспорта революции в сопредельные страны Востока. Когда экспорт революции провалился, отпала потребность и в подобной специализации.

Военно-учебные заведения Советской России, представлявшие собой аналог Военной академии или ее ускоренных курсов и готовившие в Гражданскую войну младших штабных работников, а после завершения острой фазы войны осуществлявшие переподготовку или дополнительную подготовку высшего комсостава, сыграли важную роль, каждое в своей области. Школы штабной службы позволили снизить дефицит кадров Генштаба в РККА уже начиная с осени 1919 г. ВАК дали путевку в военную жизнь многим талантливым военачальникам, которые в иной ситуации забросили бы не только учебу, но и военную службу. Создание таких военно-учебных заведений свидетельствует о значительном внимании к вопросу подготовки командных кадров большевистского военно-политического руководства. Возникновение по предложению старых спецов школ штабной службы было поддержано председателем РВСР Л.Д. Троцким, проявившим немалую гибкость в данном вопросе и поддержавшим генштабиста старой школы В.Е. Борисова, которого Троцкий жестко высмеивал по другим вопросам¹. Создание сети специализированных военно-учебных заведений, готовивших кадры штабных работников, стало одним из слагаемых победы РККА в Гражданской войне. Ничего похожего на подобную сеть в антибольшевистском лагере создано не было.

§ 5. Подготовка кадров Генштаба в национальных государственных образованиях в 1917–1922 гг.

Не только красные и белые в Гражданскую войну готовили кадры Генерального штаба для своих армий. Попытки подготовки собственных генштабистов предпринимались и в национальных государственных образованиях, хотя не всегда

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 350, 360, 554.

они оказывались успешными. Собственный национальный Генеральный штаб, как и соответствующие военно-учебные заведения, помимо своей практической значимости был необходимым внешним атрибутом национального самоопределения.

Идея подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба возникла еще в 1917 г., в ходе украинизации русской армии. Так, в начале октября 1917 г. представитель украинской Центральной рады при ГУГШ просил о выделении среди обучающихся на ускоренных курсах Николаевской военной академии 3-й очереди отдельной квоты для 15 украинских офицеров, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»^I. Польские офицеры такую квоту тогда получили, но в отношении украинцев было принято иное решение. Начальник Генерального штаба генерал-майор В.В. Марушевский телеграфировал генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу 5 октября 1917 г., что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождение службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»^{II}. Дитерихс на это ответил: «Наштаверх и я совершенно согласны с Вашим мнением, а потому командирования не будет»^{III}. Соответственно, украинское руководство могло рассчитывать не на национальную квоту, а только на тех офицеров, которые попали в академию на общих основаниях, а затем перешли на службу Украине.

С возникновением украинских национальных вооруженных сил вопрос о пополнении Генерального штаба национальными кадрами приобрел еще большую остроту. Но реальная возможность для успешного решения этого вопроса появилась только в 1918 г. при гетмане Украинской державы П.П. Скоропадском, когда возникла идея подготовки национальных кадров Генштаба^{IV} и создания украинской военной академии^V.

17 июня 1918 г., первоначально на два месяца, была образована специальная комиссия по созданию военных школ и академий под председательством профессора Николаевской военной академии генерала Н.Н. Головина, а с 28 июня — еще одного профессора старой академии генерала Н.Л. Юнакова, занимавшаяся выработкой положения и устава украинской академии Генштаба^{VI}. Комиссия выработывала порядок, время и место открытия академии, разрабатывала вопросы ее организации, внутреннего порядка, объемов учебной и строевой подготовки, продолжительности обучения, комплектования переменным составом, прав и обязанностей слушателей и условий выпуска. Велась разработка учебных программ. Фактически комиссия проработала более четырех месяцев, до 1 ноября 1918 г.^{VII}

Параллельно шла разработка принципов службы офицеров украинского Генерального штаба. Предполагалось комплектовать корпус офицеров Генштаба как из выпускников старой академии Генштаба, так и путем создания национальной

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 312.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 27.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 2.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

^{VII} Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 — листопад 1920 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 2005. С. 58, 88.

академии. Как и в старой русской армии, офицеры получали право поступать в украинскую академию Генштаба после трех лет строевой службы^I.

Внутри комиссии работала секция высших военно-учебных заведений под руководством профессора Инженерной академии генерального хорунжего В.Н. Полянского, а затем генерального значкового Н.Л. Юнакова^{II}. В состав секции входили генеральные значковые: Юнаков, С.Н. Дельви́г, А.М. Саранчов, а также несколько десятков офицеров в более низких чинах^{III}. По мнению генерала Полянского, «основная цель высшего военного образования офицеров — это дать практических работников, способных проявить творческую деятельность в различных областях военного дела, на высших командных и административных должностях»^{IV}. Генерал выступал за развитие принципов прикладного метода обучения, вводившегося еще в Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны. Предполагалось, что «Державная военная академия» будет готовить именно практиков, а программа обучения должна включать такие дисциплины, как: наука о войне со сведениями из социологии, стратегия, военная история, военная психология, государствоведение, политэкономия, общая философия с логикой, методология военной науки и военного искусства, история военного искусства^V. Кроме того, в состав академии в августе 1918 г. было предложено включить и научно-технический отдел для руководства подготовкой инженерных кадров^{VI}.

Интересно, что комиссия Юнакова работала независимо от Главного военно-учебного управления (Головна шкільна управа). Между двумя органами существовали идейные расхождения: в комиссии состояло немало генштабистов старой русской армии, которые, по свидетельству очевидца, считали своей задачей подготовку российских офицерских кадров^{VII}, тогда как во главе управления стоял не генштабист, а военный инженер генерал А.С. Астафьев, принадлежавший к числу радикальных украинских националистов. В 1918 г. для «щирости» Астафьев сменил свою русскую фамилию на украинскую «Остапура-Степовий» и даже в своем внешнем облике, насколько можно судить, стремился подражать запорожским казакам^{VIII}. Астафьев вокруг себя собирал националистически настроенных единомышленников (в том числе офицеров Генштаба). Его сподвижниками по службе в управлении были такие знаковые для украинского национального движения в армии фигуры, как офицеры В.П. Сальский, В.П. Евтимович, А.П. Чернявский, активный деятель украинской автокефальной церкви чиновник П. Опаренко и др. Привлекая к подготовке офицерских кадров галицийских украинцев, Астафьев заявлял: «Наша мука, галицийские дрожжи. Из этого должно получиться

^I ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 15об.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 3об.

^{III} Списочный состав см.: Там же. Л. 7.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 8. Л. 4.

^V Там же. Л. 9.

^{VI} Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 86.

^{VII} Евтимович В. Омелько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // Літопис червоної калини (Львов). 1937. № 7–8. С. 32.

^{VIII} См. фото: Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 21.

хорошее печенье»^I. Астафьев и его соратники лично подбирали плакаты и лозунги для обязательного размещения во всех военно-учебных заведениях. Некоторые носили ярко выраженный антирусский характер (например, «Хоч забий москаля, то він зуби вискаля» — «Хоть убей москаля, все равно он будет скалиться»)^{II}. Понятно, что с таким человеком многим бывшим русским офицерам было не по пути. Тем не менее генерал Юнаков умел находить с ним общий язык, а позднее даже стал его преемником на посту начальника управления.

Положение об академии было утверждено гетманом Скоропадским. 20 сентября 1918 г. военный министр генеральный бунчужный А. Ф. Рагоза подписал приказ № 258 об утверждении штатов военной академии^{III}. 21 октября 1918 г. был даже составлен список офицеров, которых предполагалось командировать в академию^{IV}. Интересно, что в этом списке были указаны выпускники ускоренных курсов Николаевской академии, надеявшиеся на продолжение своего военного образования.

Украинское военное руководство в начале октября 1918 г. уже готовило конкретные предложения наиболее известным военным авторитетам того времени (в том числе находившимся за пределами Украинской державы) занять преподавательские должности в будущей академии. Так, 2-й генерал-квартирмейстер генеральный хорунжий А. И. Прохорович (именно в его подчинении находилось Главное военно-учебное управление, ведавшее подготовкой офицерских кадров) через украинского консула в Москве собирался предложить профессорскую должность в Державной военной академии в Киеве известному военному ученому бывшему генерал-майору А. А. Незнамову, служившему к тому времени в Красной армии^V. Как видно, украинцы не останавливались перед переманиванием высококвалифицированных специалистов из других армий.

Был составлен и кандидатский список на занятие должностей в Державной военной академии, или в Высшей военной школе, как ее еще называли (вероятно, по французскому образцу). Начальником академии предполагалось назначить генерал-лейтенанта А. К. Келчевского, правителем дел — полковника В. К. Шевченко, в качестве заведующего издательской частью и помощника правителя дел по учебной и издательской части был намечен сотник А. П. Чернявский (в документе указан как подполковник), штаб-офицером, заведующим обучением, предполагалось назначить генерал-майора М. В. Баскова (в документе указан как полковник). Профессорами академии были намечены крупные военные авторитеты — генеральный значковый Н. Н. Головин, генеральный хорунжий В. В. Буняковский и уже упомянутые Келчевский и Незнамов. Штатными преподавателями были предварительно намечены генеральные хорунжие Н. Г. Архипович (военная психология и педагогика) и А. Я. Шайбле (тактика дивизии)^{VI}. Кандидатами в инспектора классов на октябрь 1918 г. значились генеральные хорунжие В. В. Суходольский, К. И. Сычев и Ф. Н. Романов^{VII}.

^I Евтимович В. Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // Літопис червоної калини. 1937. № 12. С. 8.

^{II} Там же. С. 10.

^{III} Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 124.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 32.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 839.

^{VI} Там же. Л. 893об.

^{VII} Там же. Л. 1023.

29 октября 1918 г. Совет министров утвердил штат академии и ассигновал на ее работу 100 000 карбованцев, кроме того, до 1 января 1919 г. было намечено выделить еще 136 455 карбованцев^I. Приказом армии Украинской державы № 212 в тот же день, 29 октября, начальник Главного военно-учебного управления (18.08–09.11.1918) генерал Юнаков был назначен начальником Державной военной академии, а начальник отдела заграничной связи ГУГШ полковник Шевченко – правителем дел академии^{II}. 12 ноября приказом № 256 были назначены: инспектор классов офицерской школы сотник Чернявский – помощником правителя дел и заведующим издательской частью академии, помощник начальника разведывательного отдела ГУГШ войсковой старшина А. А. Матвиенко – штаб-офицером, заведующим слушателями академии, войсковой старшина К. Алексеев – заведующим хозяйством академии, генеральный хорунжий П. Ф. Старк – библиотекарем академии. Были даже назначены врач, переводчик, чиновники и делопроизводитель по хозяйственной части^{III}. Таким образом, подготовка открытия академии была близка к завершению.

Начальник академии генерал Н. Л. Юнаков был яркой личностью. Генерал-лейтенант русской армии, профессор Николаевской военной академии, известный военный историк^{IV}, он самым фактом своего руководства украинской академией повышал ее статус и авторитет, олицетворяя преемственность со старой российской академией Генштаба. К тому же Юнаков был известен как сторонник новых методов практической подготовки слушателей. Последние не скупились на восторженные отзывы в адрес Юнакова. По мнению Б. М. Шапошникова, Юнаков «симпатичный и скромный, хорошо относившийся к офицерам, он много занимался историей русского военного искусства. Во время мировой войны я встретил его уже начальником штаба армии. В этой должности он оказался середняком. Поговаривали, что от работы его отвлекала скрипка, игрой на которой увлекался наш уважаемый воспитатель»^V.

Полковник В. Н. Петров, служивший в 1918 г. вместе с Юнаковым в Киеве, вспоминал о деятельности последнего в этот период: «ген. Юнаков – человек необычайно честный. Приняв обязанности от украинской власти, выполнял их очень добросовестно, упорно учился украинскому языку, принуждал к этому и подчиненных, много работал над созданием украинских [военных] школ и, наконец, когда увидел, что все его усилия разбиваются о стену безразличия гетманской власти и противодействие немцев, вышел в отставку»^{VI}. Петров отметил и то, что Юнаков протезировал не вполне лояльным гетманскому режиму офицерам. Думается, педагогическая работа была для Юнакова наиболее подходящим занятием, поскольку на военно-административной и штабной работе он себя проявил не с лучшей стороны, в особенности заняв в 1919 г. ответственный пост начальника штаба Головного атамана С. В. Петлюры, а позднее, в 1920 г., – военного министра УНР.

^I Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 124.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

^{III} Там же. Л. 220.

^{IV} В России была переиздана его работа, посвященная истории Северной войны: Юнаков Н. Л. Северная война: кампания 1708–1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого. М., 2010. С. 262–302.

^V Шапошников Б. М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982. С. 131.

^{VI} Петрів В. Військово-історичні праці: Спомини. Київ, 2002. С. 601.

Сам Юнаков вспоминал, что в 1917 г. столкнулся с недоверием украинских политических деятелей, считавших его русским генералом. Проблемой оказалось то, что генерал не владел украинским языком и осторожно относился к украинизации русской армии^I. Гетман П.П. Скоропадский на аудиенции, данной Юнакову, заявил тому, что следует служить независимой Украине и усовершенствовать свой украинский язык^{II}. Позднее Юнаков пытался реабилитироваться в глазах националистов.

Думается, объективна оценка Юнакова, данная одним из видных украинских политических деятелей, как «человека теоретически очень образованного, но малопригодного для такой роли, как руководство штабом главного командования. Это был старый кабинетный ученый, а не руководитель армии на поле боя, да еще в условиях чрезвычайно сложной и запутанной политической ситуации»^{III}.

25 ноября 1918 г. начальник ГУГШ генеральный хорунжий А.Н. Шуберский просил ректора Киевского государственного университета выдать необходимые для открытия академии вещи. В своем обращении Шуберский обратил внимание на неустойчивость политической обстановки на Украине и просил адресата поторопиться: «Придавая этому вопросу крайне спешный и неотложный характер в связи с нынешней мишурой, я прошу Вас сделать по данному вопросу немедленные распоряжения, о чем не отказать меня поставить в известность»^{IV}. 30 ноября Скоропадский утвердил штаты академии.

Иными словами, подготовка открытия украинской академии Генштаба осенью 1918 г. шла полным ходом. Открытие академии было намечено в Киеве на 1919 г., но реализовать эти планы не удалось в связи с изменением политической ситуации. Поражение Германии в Первой мировой войне, свертывание немецкого присутствия на Украине и антигетманское восстание привели к падению режима Скоропадского, и академия открыта не была.

Тем не менее идея ее создания продолжала существовать и при сменившем гетманскую власть режиме Директории УНР. В конце декабря 1918 г. планы открытия академии были подтверждены новыми властями. Интересно, что начальником академии остался генерал Юнаков, хотя прежний состав служащих был уволен еще 18 декабря приказом головной команды УНР^V. Также было запланировано открытие при академии краткосрочных курсов. На курсах предполагалось совершенствовать подготовку выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии для дальнейшего назначения их на должности по Генштабу.

При Скоропадском существовали планы открытия курсов для высших начальников (начальников дивизий и командиров корпусов, а также для высокопоставленных работников Военного министерства, которые уже обладали академическим образованием). Целями курсов были объединение взглядов высшего командного состава на вопросы военного строительства, ознакомление слушателей с новыми вопросами, выдвигаемыми современной военной наукой и жизнью, а также

^I Юнаків М. Л. Матеріали для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 6.

^{II} Там же. С. 9.

^{III} Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Київ, 2003. С. 257–258.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

^V Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 128.

соответствующая подготовка к управлению войсками в стратегическом и тактическом отношении¹. Подобное учебное заведение было бы крайне полезно для украинской армии, но проект также не получил практического воплощения.

Последующие события и резкое сокращение количества офицеров-генштабистов в украинских национальных формированиях в конце 1918 – 1919 г. в связи с их массовым оттоком на белый Юг², а также финансовые затруднения руководства УНР не позволили петлюровцам в 1919–1920 гг. открыть военную академию и приступить к занятиям.

Между тем военный министр УНР полковник В.Н. Петров 3 ноября 1919 г. отмечал в докладе Головному атаману С.В. Петлюре, что в украинской армии назрела необходимость открытия ускоренных курсов академии Генштаба. Петров жаловался на большой недостаток генштабистов как в штабах действующей армии, так и в штабах центральных учреждений. Пополнение генштабистами русской армии Петров считал невозможным, поскольку они требовали ответственных должностей, тогда как армия нуждалась, прежде всего, в младших офицерах Генштаба, количество которых далеко не соответствовало потребности и никак не пополнялось.

По мнению Петрова, открывать украинскую военную академию было несвоевременно, но выход из положения ему виделся в создании ускоренных курсов службы Генштаба при ГУГШ, не менее чем на 25 слушателей, исходя из того, чтобы все соединения не ниже дивизии, а также штабы групп, армий и центральные учреждения могли командировать на курсы одного-двух офицеров. Ответственность за исполнение, по мнению автора доклада, следовало возложить на начальника ГУГШ³.

Начальник ГУГШ генерал С.И. Дядюша разработал Положение об ускоренных курсах службы Генштаба при ГУГШ и даже привел предполагаемые расчеты по оплате труда преподавателей. Один час лекций оценивался в 200 гривен, проверка на дому практических задач – 300, репетиция или экзамен – 400, практическая полевая поездка – 500⁴. Кроме того, были намечены квоты для зачисления на курсы: от Надднепрянской армии – 14 офицеров, от Надднестрянской армии – 7 офицеров, от центральных учреждений Военного министерства – 4 офицера. Срок обучения планировался трехмесячный⁵. На курсах должны были преподаваться военные науки (тактика, служба Генерального штаба, инженерное искусство, артиллерия (техника), топография, военная администрация, военная география (необязательно)) и украиноведение. Стратегия и военная история должны были изучаться в рамках курса тактики, на который выделялось не менее половины всего учебного времени⁶. Предполагалось, что выпускники числились по Генштабу, могли назначаться на должности до начальников штабов дивизий включительно и впоследствии без экзаменов поступать в военную академию. По имеющимся данным,

¹ Армія і флот України (Київ). 1918. № 1. С. 68–70.

² Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 92–98, 129–130; Его же. «Незалежные» генштабисты // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. 109.

⁴ Там же. Л. 110.

⁵ Там же. Л. 112.

⁶ Там же. Л. 112об.

положение было утверждено Петлюрой 7 ноября 1919 г.¹, но дальше этого дело не двинулось в связи с неудачами на фронте.

Лишь в 1920 г. вопрос был переведен в практическую плоскость. Импульс для работы в этом направлении был задан событиями Советско-польской войны, в которых армия УНР участвовала как союзница польской армии. В такой армии должны были быть в достаточном количестве и офицеры-генштабисты. О существовании связи между подготовкой национальных офицерских кадров и заключением украинско-польского союза в 1920 г. писал генерал В.Н. Петров².

Еще 3 июня 1920 г. Положение о курсах для подготовки офицеров штабной службы было внесено на рассмотрение Военного совета³. Начальник Генштаба генерал В.А. Синклер сообщал Главному атаману С.В. Петлюре 24 августа 1920 г., что в будущем намечено развертывание украинской армии и увеличение в ней числа офицеров Генштаба. Текущую численность генштабистов примерно в 25 офицеров автор документа оценивал как недостаточную даже для имевшейся армии и предлагал три варианта пополнения кадров Генштаба: вызов на украинскую службу офицеров Генштаба из-за рубежа, командировки украинских офицеров в зарубежные военные академии или же открытие собственных ускоренных курсов, а затем и академии Генштаба.

Автор документа детально разъяснял Петлюре преимущества и недостатки каждого из предложенных им вариантов. Первый из них позволял быстро пополнить численность генштабистов, но имел много отрицательных сторон. Например, если бы в украинскую армию прибыли генштабисты из разных стран, представлявшие различные военные школы и системы, это неизбежно затруднило бы координацию их работы, особенно на начальном этапе. К тому же такие офицеры могли не знать языка, региона, армии и ее духа, а следовательно, не могли занимать высшие посты по Генштабу. Кроме того, такие офицеры обошлись бы Украине значительно дороже своих собственных.

Основным недостатком второго варианта было то, что он не мог дать быстрого результата. Лишь через три года можно было рассчитывать на выпуск офицеров из зарубежных академий, к тому же на крупное пополнение также рассчитывать не приходилось, поскольку ни одна зарубежная академия не согласилась бы принять более трех украинских офицеров одновременно. Единства доктрины (одного из базовых принципов службы Генерального штаба) при этом тоже не достигалось, поскольку каждая академия осуществляла подготовку по собственной программе. Третий способ, по оценке автора документа, зависел от самих украинцев. По его мнению, ускоренные курсы хотя и не давали всей полноты знаний, тем не менее позволяли подготовить именно украинские национальные кадры Генштаба, которые бы знали армию, ее устройство и дух. Кроме того, результат достигался сравнительно быстро – всего через 6–8 месяцев. Очевидно, что автор документа хотел проведения в жизнь именно третьего варианта⁴. Петлюра посчитал

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

² ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2. Публикацию документа см. в: *Петрів В. Військово-історичні праці*: Листи. Київ, 2004. С. 367–369.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 63. Л. 13–13об.

полезными все три варианта. Он предложил составить кандидатские списки как для командирования в зарубежные военные академии (французскую, румынскую и польскую), так и для зачисления на украинские курсы. Головной атаман считал необходимым разработать программы и штаты курсов «нашими собственными силами, которых, я полагаю, у нас достаточно»^I. Петлюра также предложил пригласить генштабистов из Франции через МИД.

В соответствии с распоряжением Петлюры, в августе 1920 г. началось составление кандидатских списков будущих слушателей^{II}. За возможность учиться на курсах развернулась настоящая борьба. Тем более что в украинской армии оказалось некоторое количество офицеров, которым получение высшего военного образования было обещано ранее. Так, например, начальник оперативного отдела штаба действующей армии УНР (с 16 сентября 1920 г.) подполковник Д.П. Яроцкий был командирован на ускоренные курсы академии в Петроград еще в июне 1917 г., но поездка сорвалась в связи с переводом на новое место службы, не предоставившее офицеру соответствующей вакансии. В сентябре 1919 г. он был принят на украинские курсы Генштаба, которые должны были открыться при начальной команде (верховном руководящем органе) Украинской Галицкой армии^{III}. В итоге Яроцкого приказом войску УНР от 25 июля 1920 г. просто причислили к Генштабу как имеющего практический опыт, хотя в академии он вообще не учился^{IV}. Интересно, что Яроцкий в дальнейшем не прошел обучение на курсах, видимо, довольствуясь полученным причислением. В принципе офицеры типа Яроцкого имели все основания требовать себе вакансии на курсах.

Пример Яроцкого был достаточно характерен. Вообще к концу Гражданской войны в украинской армии было уже немало офицеров, которые не имели никакого академического образования, но по необходимости в годы войны выполняли обязанности офицеров Генштаба и обладали солидным практическим опытом. Такие офицеры могли рассчитывать на приоритетное попадание в кандидатские списки курсов.

Другим представителем этой категории офицеров был сотник А.А. Бакало, прослуживший на штабных должностях в украинских формированиях с 1917 по 1920 г. Бакало в прошлом был студентом первого курса Киевского университета. Активно участвовал в украинизации армии и даже был членом комиссии по украинизации. В январе 1919 г. в Киеве он записался в кандидатский список ускоренных курсов академии Генштаба, которые так и не открылись. Бакало слабо владел иностранными языками, но писал, что часто ощущал нехватку теоретической подготовки, и просил зачислить его на курсы^V.

^I Там же. Л. 14 (здесь и далее — перевод наш). Публикацию документа см.: *Петлюра С. В. Статті. Листи. Документи*. Київ, 2006. Т. 4. С. 419–420.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 2.

^{III} Курсы Генштаба при начальной команде Украинской Галицкой армии создавались для подготовки офицеров на низшие должности Генштаба (уровень штаба бригады). Продолжительность курса составляла всего 8 недель. Офицеров на курсы направляло командование армии до командиров корпусов включительно (ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 9). К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о том, функционировали эти курсы или же так и остались в проекте.

^{IV} Там же. Л. 7об.–8.

^V Там же. Л. 134.

Еще больше оснований продолжать военное образование имели те офицеры, которые прослушали какую-то часть академического курса в Петрограде. Например, полковник А. А. Степанов, окончивший ускоренный младший класс 2-й очереди Николаевской военной академии. Запросы у таких офицеров закономерно были выше. В частности, Степанов 11 октября 1920 г. просил командировать его не на украинские курсы, а в одну из зарубежных академий – в Германию или, при невозможности, в Польшу для «полного и систематичного завершения военного высшего образования»^I. Степанов знал немецкий и польский языки и слабее французский. При этом он представил блестящую аттестацию, данную командиром дивизии^{II}.

Другой пример представляли офицеры, желавшие получить дополнительное образование. Например, поручик П. С. Бордонис, который 3 сентября 1920 г. подал рапорт на имя начальника инспекторского отдела штаба армии о занесении его в кандидатские списки на отправку в будущем в зарубежную академию Генштаба или на украинские курсы. Аргументировал он необходимость этого тем, что до Первой мировой войны был студентом, за шесть лет войны получил боевой опыт и знал иностранные языки^{III}.

Вышеприведенные примеры показывают, что желающих обучаться и имевших все основания требовать зачисления на курсы было немало. В связи с этим возник вопрос о критериях отбора слушателей. Одним из основных являлось знание иностранных языков. Однако немалая часть желающих обучаться стремилась отнюдь не на украинские курсы, а в иностранные военные академии. Достаточно отметить, что из девяти офицеров 6-й стрелковой дивизии, желавших продолжить обучение, по данным на октябрь 1920 г., семеро хотели попасть в польскую военную академию и только двое – на украинские курсы^{IV}. Подобное желание можно понять, тем более что польская академия уже функционировала, а украинские курсы еще предстояло открыть. Другим возможным объяснением стремления в зарубежные военные академии могло быть желание покинуть украинскую армию под благовидным предлогом. Так, из 1-й пулеметной дивизии в академии стремилось аж 20 человек, но в основном в румынскую, французскую, польскую или немецкую академии или же на украинские курсы^V.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в Риге положение украинской армии резко изменилось. Она оказалась уже не действующим, а бывшим союзником Польши, к тому же практически не имевшим своей территории. Без помощи поляков украинские войска были попросту не в состоянии противостоять частям Красной армии, испытывали нехватку боеприпасов и снаряжения. Армия УНР насчитывала тогда 3888 офицеров и 35 259 нижних чинов при 9000 лошадей, 74 орудиях, 8 бронепоездах и 3 аэропланах. Ликвидация остатков этой армии для красных была лишь вопросом времени. Судьба украинских войск была решена за одиннадцать дней боев с 10 по 21 ноября, после чего украинцы отступили на польскую территорию и сложили оружие.

^I Там же. Л. 121.

^{II} Там же. Л. 122об.

^{III} Там же. Л. 4.

^{IV} Там же. Л. 12.

^V Там же. Л. 35.

В ноябре 1920 г. в Каменце-Подольском правительство УНР вновь рассматривало вопрос о курсах, но в связи с неудачами на фронте, оставлением города и отходом украинской армии и правительства за пограничную реку Збруч с последующим интернированием в Польше вопрос остался открытым. Сторонники открытия курсов тем не менее не успокоились. В феврале 1921 г. в украинском военном руководстве в эмиграции возникла мысль использовать свободное время в лагерях интернированных для организации обучения офицеров на курсах Генштаба и восполнения недостатка в младших офицерах Генштаба.

Кажется парадоксальным, что подготовка младших офицеров-генштабистов началась в украинских формированиях уже после интернирования армии в Польше и окончания активной вооруженной борьбы с красными. В то же время причина этого вполне понятна. Руководство УНР (как и оказавшиеся в эмиграции лидеры Белого движения) думало о военном реванше, рассчитывая на поддержку поляков, а для реванша была необходима сильная и подготовленная армия. Именно в целях развертывания такой армии и была организована ускоренная подготовка кадров Генштаба. Была у подобной подготовки и другая причина. За время Гражданской войны многие украинизировавшиеся выпускники Николаевской академии (не исключая тех, кто окончил ускоренные курсы в годы Первой мировой) сделали головокружительную карьеру и дослужились до штаб-офицерских и генеральских чинов. В результате со всей остротой встал вопрос нехватки младших офицеров Генштаба.

История подготовки украинских кадров Генштаба в эпоху Гражданской войны и первых лет эмиграции чрезвычайно интересна. В самый сложный период Гражданской войны 1917–1920 гг., когда квалифицированные генштабисты были особенно необходимы украинскому руководству, их подготовка по разным причинам, несмотря на целый ряд серьезных попыток, так и не была организована. Тем не менее за эти годы в украинском военно-политическом руководстве сложилось примерное понимание того, какие специалисты нужны украинской армии и какой объем подготовки будет для них достаточен. Были разработаны различные варианты подготовки кадров Генштаба.

Однако Головной атаман С.В. Петлюра плохо разбирался в людях и еще меньше — в специальных военных вопросах. Украинские курсы Генштаба или даже национальная академия Генштаба для него и его окружения являлись, в первую очередь, необходимым статусным атрибутом полноценного национального государства и армии, а уже во вторую очередь имели значение качество подготовки и подлинная необходимость подобных излишеств в не представлявших собой большой силы украинских войсках. Как иронизировал генерал Г.Е. Янушевский, Петлюра «мечтал о том, чтобы поскорее открыть такую академию... Что это должно было означать, я так и не могу сказать и уверен, что и сам Петлюра не давал себе ясного отчета, что это должно обозначать в действительности. Я даже подозреваю, что он не знал, что такое офицер Генерального штаба и какая его роль в армии»¹. Парадокс в том, что реальная подготовка кадров Генштаба началась только

¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 83об.

тогда, когда острой потребности в них уже не было, так как война была проиграна, украинская армия под ударами РККА оставила Украину, не вела никаких боевых действий, а находилась в лагерях интернированных в Польше.

Осенью 1921 г. курсы в лагере Калиш наконец открылись под названием «Ускоренные курсы по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР» («Скорочення курсі по підготовці старшин до праці в оперативних штабах армії УНР»). Было решено не называть их курсами Генштаба: в лагерных условиях слушатели не могли получить соответствующей подготовки, а кроме того, у слушателей могли появиться необоснованные претензии, которые подорвали бы престиж Генштаба в армии. Курсы давали знания даже в меньшем объеме, чем военное училище, не говоря уже о программе военной академии. Петлюра же гордо именовал их курсами Генштаба^I. Начальником курсов с правами командира отдельной бригады был назначен генерал-поручик С.И. Дядюша. Срок обучения был намечен шестимесячный, и один месяц давался для экзаменов. Как отмечалось, слушатели занимались с большим упорством.

Параллельно с курсами в другом украинском беженском лагере в Стшалково на территории Польши с июля 1921 г. функционировал военный факультет Украинского народного университета, которым руководил генерал-поручик И.С. Мартынюк. На факультете первоначально обучались 62 слушателя, а позднее их численность возросла до 235. На факультете велись занятия по стратегии, тактике, истории военного искусства, военной администрации, артиллерии, фортификации, военной географии, статистике и психологии. При факультете издавался журнал «Военный вестник» («Військовий вісник»), публиковались работы слушателей. Однако, по оценке генерала Янушевского, это учреждение представляло собой бессистемную авантюру, ничего не дававшую в служебном отношении своим выпускникам даже по сравнению с ускоренными курсами^{II}. Мартынюк, по свидетельству Янушевского, никогда ничего не писал, но назначил себя деканом, набрал два десятка офицеров из так называемой новой интеллигенции (т.е. не связанных с Россией), которые стали по очереди «профессорствовать», требовали себе особые права и пытались вести переговоры с Петлюрой в обход Генерального штаба^{III}. При этом почетным деканом факультета считался бывший профессор Императорской Николаевской военной академии генерал-поручик Н.Л. Юнаков. Факультет просуществовал до 26 июня 1922 г. Полный курс прослушали 170 человек, тогда как успешно сдали выпускные экзамены только 11^{IV}. Впрочем, факультет едва ли можно назвать аналогом курсов Генштаба, а тем более военной академии. Также для понимания уровня военного факультета в ряду военно-учебных заведений украинской эмиграции стоит отметить, что некоторые его выпускники позднее обучались на калишских курсах^V.

^I Подробнее см.: Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник (Москва). 2015. Т. 18. С. 488–561.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 162. Л. 205.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 85–85об.

^V Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). Київ, 1997. С. 59–60.

^{VI} Колянчук О. Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000. С. 102.

27 декабря 1921 г. на специальном заседании педагогического совета было постановлено, что курсы не выпускают готовых офицеров Генштаба, поскольку никаких условий для этого нет. Руководство курсов ставило цель лишь натаскать слушателей на выполнение шаблонной штабной работы на случай новой войны с Советской Россией.

Учебный план и его выполнение были следующими (табл. 102).

Таблица 102

**Учебный план ускоренных курсов по подготовке офицеров
к службе в оперативных штабах армии УНР и его реализация¹**

Предмет	Предусмотрено учебным планом		Предусмотрено еженедельными расписаниями		Фактически проведено		Пропущено по вине лекторов		Пропущено по независящим причинам	
	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий
Стратегия	10		17		15		1		1	
Тактика	55	100	70	45	68	42			2	3
Техника штабной службы	30	75	33	77	31	77			2	
Топография		40	10	22	10	22				
Военная игра		25		24		24				
Артиллерия	10	10	21		19		2			
Конница	10		12		12					
Фортификация	10	5	13		13					
Военная история	15		16		16					
Статистика	20		20		20					
Администрация	20		20		20					
Законоведение	10		15		15					
История Украины	40		43		40		1		2	
География Украины	50		30		23		7			
Украинское письмо	40		42		32		10			
Польский язык	30		30		30					
Всего	335	255	392	168	364	165	21		7	3

Программа курсов была достаточно насыщенной. Занятия велись по 16 предметам. Всего было прочитано 364 лекции и проведено 165 практических занятий. Обратим внимание на большой объем учебных часов по гражданским дисциплинам, связанным с украинской тематикой, таким как история и география Украины, а также украинское письмо. Слушатели, по данным начальника курсов, пропустили 6,2% занятий¹.

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 83.

¹¹ Там же. Л. 42.

Попробуем составить коллективный портрет слушателей и выпускников курсов 1-й очереди. Списки слушателей (в том числе отчисленных) и выпускников курсов в разрозненном виде сохранились среди делопроизводственной документации курсов и были нами опубликованы¹.

Наиболее подробные данные обнаружены нами о слушателях именно 1-й очереди курсов. Известны возраст и образовательный уровень 34 человек из 36 поступивших (см. табл. 103).

Таблица 103

Состав слушателей 1-й очереди ускоренных курсов по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР^{II}

Категория	Количество слушателей
Начальное образование	
Окончили кадетский корпус или военную гимназию	3
Окончили реальное училище	4
Окончили городскую 4-классную школу	1
Окончили высшее начальное училище	2
Окончили землемерное училище	1
Окончили коммерческое училище	1
Окончили гимназию	13
Окончили учительскую семинарию	6
Специальное военное образование	
Окончили военное училище до 1915 г.	6
Окончили военное училище после 1914 г.	15
Окончили офицерскую школу в Австрии	1
Окончили школу прапорщиков	12
Окончили инструкторскую школу офицеров, технические курсы или пулеметную школу	4
Высшее образование	
Неполный курс университета или учительского института	7
Окончили университет или учительский институт	2

Солидное гимназическое образование имели 13 слушателей, или 38,2% от 34 известных нам, еще 6 окончили учительскую семинарию и четверо – реальное училище, кроме того, 3 человека окончили кадетский корпус или военную гимназию и пятеро – высшее начальное, землемерное, коммерческое училища и городскую 4-классную школу. Законченное высшее образование имели двое слушателей; 7 человек, видимо в связи с войной, не смогли закончить университет или учительский институт. Офицерами военного времени были не менее 27 человек, или 79,4% известных нам слушателей. До 1915 г. стали офицерами лишь шестеро слушателей,

^I Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 746–750.

^{II} Данные об образовательном цензе слушателей выявлены нами по: САУ. І.380.7.2; І.380.7.11; І.380.7.13. Судя по всему, сведения, приведенные на этот счет в работах И. В. Срибняка, неточны. См., напр.: Срибняк І. До початків заснування Української військової академії Генерального штабу // Вісті комбатанта (Торонто; Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 63 и др.

не менее трех из них являлись кадровыми офицерами. Повышали свою квалификацию уже в офицерских чинах, пройдя различные дополнительные курсы или школы, 4 человека. Все слушатели, кроме одного, были выходцами из русской армии, только сотник А.В. Домарадский ранее служил в австрийской армии, будучи уроженцем Галиции.

По данным начальника курсов генерала Дядюши, из поступавших на курсы 7 офицеров окончили военное училище в мирное время, 30 окончили ускоренный курс военного времени, высшее образование имели 2 офицера, 1–2 курса университета окончили 3 человека, среднее образование имели 24 человека, ниже среднего – 3 человека и низшее – 5 человек^I. Судя по всему, эти данные менее точны в сравнении с выявленными нами по спискам и служебным документам поступивших. Курсы окончили 27 человек из 36 зачисленных^{II}.

Украинское военное руководство отнюдь не считало окончивших курсы полноценными генштабистами. В частности, начальник Генштаба генерал-хорунжий В.М. Куц собирался командировать выпускников курсов для продолжения учебы в военные академии европейских стран^{III}. 15 выпускникам было рекомендовано продолжить учебу в польской военной академии^{IV}, однако вопрос не был решен до конца 1922 г.

В то время интернированная в лагерях украинская армия насчитывала (по списку на 1 июня 1922 г.) 2863 офицера, 717 военных чиновников, 6920 казаков, также здесь находились 646 женщин и 274 ребенка – всего 11 420 человек^V. Фактическая численность была существенно ниже, а как реальной силы армии практически не существовало (вся армия примерно соответствовала численности стрелковой дивизии РККА). Тем не менее украинское военно-политическое руководство в то время не отказалось от интервенционистских планов в отношении Украинской ССР (напрашивается параллель с планами командования белых армий, отступивших с территории России), хотя состояние войск не позволяло рассчитывать на успех. В 1923–1924 гг. функционировала 2-я очередь курсов, но их история выходит за очерченные нами хронологические рамки.

Еще одним способом подготовки национальных кадров генштабистов была отправка украинских офицеров на учебу в иностранные военные академии. Прежде всего, речь шла о военно-учебных заведениях Польши и Румынии. Видимо, первым на учебу в Высшую военную школу Румынии был направлен летом – осенью 1920 г. сотник Я. Чайковский – выходец из Бессарабии, имевший все основания получить румынское гражданство, но не использовавший эту возможность.

Чайковского поначалу принимали как дорогого гостя, офицера союзной державы. Он был представлен военному министру Румынии, начальнику Генерального штаба и начальнику школы. Чайковский был первым иностранным слушателем румынской военной академии^{VI}. Своему украинскому начальству Чайковский

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 40.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 29–95, 119; САУ. І.380.7.2.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 98.

^{IV} Там же. Л. 119.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 26.

докладывал о хорошей постановке учебного процесса. По его свидетельству, лекции в школе шли через день, давался свободный день для подготовки, к тому же в ходе лекций не пересказывались учебники, а лишь пояснялись. В лекционные дни на классные занятия давалось 4 часа. После обеда лекций уже не было, слушатели занимались верховой ездой, фехтованием и практическими занятиями. Чайковского поражало то, что в академии обучали владеть автомобилем, мотоциклом и самокатом (т.е. велосипедом), «чтобы подготовить не тепличного, а полевого офицера Генштаба»^I. Однокашниками Чайковского были капитаны и майоры румынской армии. По состоянию на ноябрь 1920 г. румыны ждали прибытия второго украинского слушателя. Чайковского всячески поддерживали украинские представители в Румынии. Генерал-поручик С.Н. Дельвиг, глава чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии, писал начальнику Генштаба 5 ноября 1920 г. о чрезвычайной важности для молодой украинской армии командирования офицеров в румынскую академию.

Однако «академик» не оправдал возлагавшихся на него румынами и украинцами надежд. После окончания академии Чайковский получил право отбыть ценз командования артиллерийским дивизионом в Бухаресте. К этому времени он стал большевистским информатором и осведомлял советских представителей как о положении украинской военной эмиграции, так и о состоянии румынской армии, которую прекрасно изучил изнутри (также его обвиняли в работе на Болгарию). Когда это выяснилось, супруга Чайковского (в прошлом народница и сестра милосердия в России) выбросилась из окна, а сам он был осужден на семь лет тюремного заключения. Генерал Дельвиг считал, что румынским властям Чайковского следовало казнить^{II}.

В феврале 1921 г. румыны выделили украинским офицерам одну вакансию в Высшей военной школе^{III}. Проблема заключалась в том, что украинские офицеры, как правило, не знали румынского языка. На вакансию претендовали хорунжий Маковский, сотники Козловский и Чорний-Лучко и некоторые другие украинские офицеры. Вполне возможно, что сотник Чайковский в итоге оказался единственным украинским выпускником румынской академии. Во всяком случае, документально известно, что два года в румынскую академию украинских офицеров не отправляли, а в 1923 г. румыны начали переговоры с СССР, в результате чего обучение украинских антибольшевистских кадров стало нежелательным, и, как свидетельствовал украинский посол в Румынии К.А. Мациевич, последовал вежливый отказ под предлогом отсутствия вакансий^{IV}. Безусловно, свою роль в отказе украинцам сыграл и шпионский скандал с Чайковским, от которого, таким образом, большевики получили двойную выгоду.

Опыт работы курсов в Калише показателен, причем не только с точки зрения того, как можно готовить кадры Генштаба в экстремальных условиях беженского лагеря при минимуме средств и возможностей. Украинские политические деятели в первые годы эмиграции не оставляли реваншистских планов и стремились

^I Там же.

^{II} ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 44–44об.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 2.

^{IV} ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 51.

в сжатые сроки подготовить достаточное количество специалистов для нового похода на Советскую Россию. Эти кадры должны были быть национально ориентированными. Однако краеугольным камнем украинского военного строительства эпохи Гражданской войны была его опора на офицерство старой русской армии (т. н. фахівців, или специалистов), которое далеко не всегда разделяло взгляды украинских националистов. Именно старые русские генштабисты вели подготовку кадров Генштаба в калишском лагере, что не могло не накладывать свой отпечаток и на взгляды слушателей.

Опыт работы курсов показал, что в среде украинского офицерства нет должного единства. Уже первые выпускники стали противопоставлять себя старым офицерам, прежде всего по вопросу национальной ориентации, так как считали старшее поколение недостаточно украинизированным и следующим академическим шаблонам¹. Положение офицеров старшего поколения было незавидным. Многие представители этой категории несли украинскую военную службу вполне добросовестно, однако в ответ сталкивались с недоверием и неприязнью националистически настроенной молодежи. То, что все эти проблемы активно проявлялись в период интернирования украинских войск, говорит о их наличии в украинской армии и во время Гражданской войны. Подобные противоречия отражали слабые стороны украинского военного строительства.

Опыт подготовки кадров Генштаба на польской территории наглядно показал и то, что украинская политическая элита не разбиралась в военных вопросах и плохо ориентировалась в политической ситуации. Фактически наспех подготовленные кадры оказались невостребованными, поскольку не имелось достаточных сил и возможностей для развертывания новой борьбы с большевиками. Число сторонников такой борьбы постоянно уменьшалось. Новый поход украинских войск на Советскую Россию в первой половине 1920-х гг. был бы авантюрой и не состоялся по целому ряду причин. Точно так же, как не состоялся аналогичный поход эмигрировавших участников Белого движения. По сути, калишские курсы лишь дали возможность группе украинских офицеров с пользой для себя скоротать время однообразной жизни в лагерях интернированных на чужбине.

Возникшее в 1918 г. независимое Польское государство, разумеется, не могло не озаботиться вопросом подготовки национальных офицерских кадров, тем более что в период 1918–1920 гг. Польша активно пыталась решать внешнеполитические задачи военным путем. В те годы в стране сложилась целая сеть военно-учебных заведений различного профиля. Подготовка и переподготовка польских офицеров осуществлялась при помощи инструкторов из французской военной миссии. Возникла потребность и в подготовке кадров Генштаба.

В конце 1918 г. в польском Министерстве военных дел был создан департамент военного образования под руководством генерала Я. Яцыны. 15 июня 1919 г. в Варшаве учредили школу офицеров Генштаба (Szkola Oficerow Sztabu Generalnego). Создание польской военной академии происходило при содействии инструкторов французской военной миссии (в 1920-х гг. здесь преподавало

¹ Там же. Л. 92, 99–100.

не менее 37 французов¹). Штат академии и программы утверждались начальником Генштаба².

С 12 января 1920 г. школа именовалась военной школой Генерального штаба (*Wojenna Szkoła Sztabu Generalnego*), а с августа 1922 г. это военно-учебное заведение получило наименование Высшей военной школы (*Wyższa Szkoła Wojenna*), что выглядело явным заимствованием у французов. В январе 1921 г. возникла Высшая школа интендантуры (*Wyższa Szkoła Intendentury*), а в 1923 г. в Варшаве открылся Центр высших военных наук (*Centrum Wyższych Studiów Wojskowych*) для подготовки высших командных кадров. Документов о первых годах существования школы сохранилось немного.

Первым начальником школы офицеров Генштаба был генерал-поручик С. Пухальский, выходец из австрийской армии, комендантом школы, руководившим научной работой, — генерал М. Маевский. Ему помогали начальники курсов. Позднее комендантами являлись генерал Г. Зыгadloвич и А. Серда-Теодорский. Заведовал обучением в 1924–1925 и 1927–1928 гг. полковник французской армии Л. Фори (*Fauru*). С 1926 г. комендантом стал дивизионный генерал К. Держановский, в том же году наряду с полковником Фори начал работать будущий завуч польский офицер, полковник Генштаба Ф. Клееберг.

Теоретические основы обучения в 1919–1920 гг. еще не были в достаточной степени установлены. Первый набор был зачислен в школу по представлению своего начальства, а второй набор — по результатам экзаменов. Позднее отбор стал намного строже. По данным на 1921 г., в школу могли поступать офицеры в чине от поручика до майора пехоты, конницы, артиллерии, инженерных войск, авиации, бронепоездов и автомобилей. От абитуриентов требовались физическая годность, относительно молодой возраст (до 35 лет), дававший гибкость и ясность мышления, наличие среднего образования. Прошения необходимо было подавать на имя начальника Генерального штаба. Первоначально допускались отступления от правил для приема в школу старших офицеров.

Как и в Николаевской академии, прием осуществлялся в два этапа — по результатам предварительного и вступительного экзаменов. При командованиях генеральных округов и командованиях дивизий проходили предварительные письменные экзамены в апреле. Предварительный экзамен касался общеобразовательных вопросов для определения уровня знаний кандидата и его способа выражения мыслей, логического мышления и подтверждения свободного владения польским языком; истории, географии, топографии, фортификации. Экзамен складывался из четырех составляющих: общая теория, два вопроса на знание топографии и умение работать с картой, два вопроса о полевых укреплениях и саперной службе, два вопроса о географии. Требовалось знание уставов. По данным на 1919 г., для поступления требовалось знать польский язык, читать и писать по-немецки и по-русски³. По всей видимости, позднее эти требования были отменены. Оценки выставлялись по 12-балльной системе.

¹ CAW. I.340.1.1. Arc. 3.

² *Szydlowski J. Polski Sztab Generalny. Warszawa, 1919. S. 12.*

³ *Ibid. S. 13.*

Вступительные испытания включали письменный экзамен по общей тактике и устные экзамены по общей тактике, тактике пехоты, кавалерии и артиллерии, военной истории, французскому языку и верховой езде. В 1920 г. по результатам вступительных экзаменов поступающих разделили на три группы – лучших (принятых в школу), тех, кто не мог быть принят из-за отсутствия мест, и тех, кто не выдержал экзамены^I. Интересно, что списки поступавших были захвачены частями РККА в период Советско-польской войны и сохранились в РГВА. В школу зачислялись только 50–60 слушателей, однако желающих поступить было намного больше. В 1921 г. было 400 экзаменуемых от генеральной адъютантуры, командования армий (по пять), от дивизий, от министерства, от военных миссий и от резерва, в том числе трое от школы Генштаба^{II}.

Учебный процесс продолжался с 1 мая по 1 ноября, причем за образец была взята система подготовки американской армии. Слушатели должны были вставать в 5 часов утра. Обычно занятия занимали 5–7 часов в день, делились на лекции по военным и общеобразовательным предметам и проходили с 8 до 12 и с 14 до 18 часов^{III}. Первые состояли из письменных занятий, работы с картами, полевых выездов, военных игр. Летнее время было посвящено полевым поездкам, которые составляли часть тактической подготовки. Общеобразовательные предметы преподавались на достаточно высоком уровне, чтобы офицеры Генштаба могли понимать представителей крупных организаций, гражданскую и промышленную администрацию в тех вопросах, которые касались армии. Лекции дополнялись полевыми поездками и выездами на торговые и промышленные предприятия^{IV}. Библиотека при школе была образована в 1919 г. и первоначально насчитывала около 500 томов.

Первый курс длился четыре месяца, из которых три первых приходились на теорию и практику, а последний – на проверку знаний. Во время Советско-польской войны слушатели пробыли в школе 3,5 месяца (до середины апреля 1920 г.) и были отправлены на фронт для приобретения практических навыков. 8-месячное пребывание в штабах крупных формирований дало им возможность соприкоснуться с работой штабов в военных условиях. Курс обучения в 1920 г. продлили до 8 месяцев. Прерванные в апреле теоретические занятия возобновились в январе 1921 г., и в том же году был произведен первый выпуск школы, выпускники получили дипломы с научным званием офицера Генштаба. Выпускники школы именовались дипломированными офицерами.

В 1919 г. в школе осуществлялось преподавание следующих циклов дисциплин: организация и управление армии (организация и служба Генерального штаба, обзор организации Генеральных штабов других стран, организация и деятельность Военного министерства, военная администрация); военное обучение (уставы внутренней службы, дисциплинарные предписания, система наказаний, военная психология и педагогика); тактика и боевое обучение войск (элементарная тактика, устав строевой службы, тактика действий в полевых условиях и в позиционной

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 165.

^{II} CAW. I.300.11.30. Arc. 2–4.

^{III} CAW. I.340.1.328.

^{IV} Ibid.

войне, полевые уставы, тактические упражнения, эссе); военная техника (артиллерия, фортификация); топография; стратегия (военное искусство и наука, теория военных операций, задачи по польской стратегии, стратегические упражнения, эссе); история военного искусства (история военного искусства всеобщая, история польского военного искусства); военное делопроизводство (организация и техника военных канцелярий); общественно-правовые дисциплины (социология, социальная экономика, общая юриспруденция, государственное право, международное право, политология); общеобразовательные дисциплины (всемирная история, история Польши, природоведение, основы высшей математики, начертательная геометрия, история философии); иностранные языки (немецкий, русский, французский). В качестве факультативов изучались: бухгалтерский учет, стенография, иностранные языки, не входившие в число обязательных, медицинская служба. Слушатели получали также серьезную физическую подготовку, обучались владению оружием и верховой езде. Также преподавались гимнастика, плавание и бег, основы бокса, джиу-джитсу и других систем рукопашного боя. Велось обучение обращению с мотоциклами и артиллерийской стрельбе^I.

По данным на май 1923 г., подготовка велась по следующим предметам: общая тактика, служба Генштаба, тактика пехоты, конницы, артиллерии, саперное дело, авиация, связь, танки, военная история, топография, военная география, политическая география, организация армии, дипломатическая история, политэкономика, химическое оружие, история польского военного дела, международное право и военно-судебное дело, военно-морской флот, администрация, контроль и военный бюджет, криптография и радиоразведка, французский, немецкий, русский, чешский и румынский языки, курс вождения, верховая езда.

С 1921 г. руководством школы была поставлена задача заменить французских инструкторов-преподавателей польскими. Для этого были введены должности ассистентов преподавателей из числа польских офицеров, а с 1924 г. некоторые из них уже самостоятельно преподавали. Тем не менее французское присутствие среди преподавателей школы сохранялось до конца 1920-х гг.^{II} В 1921 г. при школе был открыт курс переподготовки для офицеров, которые уже работали в Генштабе. Курс действовал до 1925 г.

По штатам мирного времени на 1926–1927 гг. польская армия нуждалась в 601 офицере Генштаба, включая 500 штабных, 89 младших и 12 офицеров корпуса пограничной стражи. Для 1–4-го отделов Генштаба требовалось 119 штабных офицеров^{III}.

В 1921 г. в Эстонии была начата подготовка кадров на курсах Генерального штаба (с 1925 г. – Высшая военная школа). К преподаванию на курсах были привлечены выпускники старой академии – генералы А.К. Баиов (именно он выступил организатором обучения), Г.М. Ванновский, А.А. фон Ден, Д.К. Лебедев, полковник Н.А. Реек. За период 1921–1940 гг. курс окончили 232 офицера, в том числе по 3 представителя финской и латвийской армий^{IV}. Уже с 1923 г. офицеров-неэстонцев, к тому же

^I Szydłowski J. Polski Sztab Generalny. S. 14–15.

^{II} CAW. I.340.1.1. Arc. 3.

^{III} Ibid.

^{IV} Juhid ja juhtimine Eesti vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2010. Lk. 602.

не владевших эстонским языком, стали массово увольнять со службы. Под эти увольнения попали и преподаватели курсов¹.

Попытки подготовки национальных кадров Генерального штаба предпринимались и в Республике Армения при режиме дашнаков. По данным разведсводки оперативно-разведывательного отделения оперативного отдела штаба Красной армии Азербайджанской ССР, «в Эривани открыта академия Генерального штаба. Курс обучения ускоренный — 9-месячный. Из 30-ти командированных принято 16 человек. Начальником академии генерал-майор [М.Г.] Фисенко, профессора: 1) полковник [Н.Н.] Стрелецкий, 2) генерал-лейтенант [И.В.] Ахвердов, 3) полковник Зданович², 4) профессор Тотомиянц (политическая экономия), 5) генерал-майор [К.М.] Гамазов (тактика артиллерии и артиллерия). Предметы преподавания: 1) уставы, 2) тактика, 3) в[оенная] история, 4) геодезия, 5) стратегия, 6) в[оенная] администрация, 7) политическая экономия, 8) в[оенная] статистика»³. О функционировании академических курсов в Эривани упоминалось и в приказах по военному ведомству Армении за июль 1919 г., причем отмечалось, что на канцелярские расходы там ежемесячно выделялось 300 руб.⁴

Бывший военный министр Армении генерал И.В. Ахвердов вспоминал, что «военная школа или, как их называли, “курсы Генерального штаба” были образованы при штабе дивизии для подготовки молодых офицеров к исполнению обязанностей Генер[ального] штаба. Соответственно этому и объем преподавания был приурочен, т.е. тактика, стратегия, военная администрация, топография, военная история, уставы и штабная служба, конечно, в довольно ограниченных рамках. Если не ошибаюсь, инициатива была Зинкевича. Преподавали — он, Зинкевич, Шнеур, а потом и Фесенко, который, кажется, и был потом начальником этой школы. Кроме Маркара Саркисяна, были на курсах [М.Р.] Медведев, [А.Н.] Агаронян, всего около 20 человек»⁵. К сожалению, из-за плохой сохранности документов по истории армянской армии этого периода подробности данного вопроса неизвестны.

Помимо подготовки кадров в Армении практиковалось причисление к Генштабу наиболее подготовленных офицеров. В приложении к приказу по военному ведомству Армении № 164 от 3 мая 1919 г. было опубликовано Положение об офицерах, причисленных к Генеральному штабу. В документе отмечалось: «Отсутствие должного количества офицеров Генерального штаба существенно отзывается на деятельности армянских войск. Поэтому приказываю создать кадр причисленных к Генеральному штабу офицеров из числа наиболее подходящих по своим способностям»⁶. Причисляемые должны были прослужить не менее трех лет в офицерских чинах и не менее полугода в армянских частях. В армянской армии к Генштабу были причислены: окончившие ускоренные курсы при штабе войск Кавказского фронта и в Николаевской военной академии и.д. начальника штаба 1-й отдельной добровольческой бригады подполковник Алабян (Алабянц),

¹ Абисогмян Р. А. К. Баиов — русский генерал на эстонской службе // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* XII. Тарту, 2011. С. 468–481.

² Так в документе. Речь идет о М. М. Зинкевиче.

³ НАА (ПА). Ф. 1022. Оп. 8. Д. 174. Л. 4.

⁴ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 95об.

⁵ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 90–90об.

⁶ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 70об.

помощник начальника мобилизационного и военно-административного отделов Военного министерства капитан Тихонов (оба — приказом по военному ведомству Армении № 203 от 2 июня 1919 г.), начальник инспекторского отдела Военного штаба полковник П.П. Атаев (приказ № 215 от 13 июня 1919 г.)^{II}, и.д. коменданта города Карс подполковник А.М. Матвеев (приказ № 312 от 13 августа 1919 г.)^{III}.

О подготовке своих кадров Генштаба мечтали в Азербайджане, однако в период 1917–1922 гг. этот вопрос оставался открытым. Идея подготовки соответствующих специалистов рассматривалась и после советизации Азербайджана в кругах азербайджанской эмиграции. Так, командир Азербайджанской конной дивизии генерал-майор Т.-Б. Новрузов 8 июля 1921 г. обратился к главе азербайджанской дипломатической делегации во Франции А.М. Топчибаши с просьбой об откомандировании штабс-ротмистра Шекинского конного полка В.-Б. Едигарова на обучение в одну из европейских военных академий (желательно во французскую) за казенный счет. В рапорте отмечалось, что «до большевистского переворота в Азербайджане^{IV} правительство наше намеревалась отправить за границу несколько выдающихся офицеров для прохождения курса в академии Генерального штаба. Подобное явление наблюдалось и в соседних республиках, которым, кажется, и удалось [это] исполнить, так как большевистское нашествие их застало много позже Азербайджанской республики.

Ввиду того, что в будущем у нас будет крайняя нужда вообще в офицерском составе, а тем более в специалистах со штабным образованием, я нахожу крайне необходимым и полезным теперь же послать хотя бы 2-х из выдающихся офицеров и дать им возможность получить высшее военное образование.

Мною, как начальником конницы Азербайджана, были уже помечены двое. Судьба одного из них мне неизвестна, другой же находится здесь при мне...»^V Итоги этого прошения неизвестны.

В ходе Гражданской войны на территории бывшей Российской империи возникли десятки государственных образований, обладавших собственными вооруженными силами и другими атрибутами государственности. Наиболее крупные из них, располагавшие самыми мощными армиями, нуждались в большом количестве специалистов Генерального штаба. Если на белом Юге наблюдался переизбыток таких специалистов, то в белой Сибири и на некоторых других подконтрольных белым территориях, а также в Советской России остро ощущалась нехватка кадров Генерального штаба.

На подготовку кадров Генштаба, безусловно, влияло наличие в Советской России старой Военной академии. Это высшее военно-учебное заведение досталось большевикам в результате захвата ими власти в Петрограде в октябре 1917 г. сразу

^I Там же. Л. 73об.

^{II} Там же. Л. 87.

^{III} Там же. Л. 113об., 115.

^{IV} Речь идет о событиях советизации Азербайджана весной 1920 г.

^V Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940: в 4 кн. М., 2016. Кн. 2: 1921–1923. С. 119.

вместе с преподавателями, слушателями, обслуживающим персоналом и всей материально-технической базой. По инерции учебный процесс продолжался и после смены власти, в результате чего Красная армия весной 1918 г. пополнилась выпускниками ускоренных курсов 2-й очереди. В связи с германской угрозой Петрограду академия была эвакуирована весной 1918 г. в Екатеринбург. Летом 1918 г. учебный процесс в ней возобновился на старшем классе курсов 3-й очереди, а также на младшем ускоренном курсе, на который большевики старались набрать лояльных им слушателей. Однако настроения основной массы преподавателей и слушателей были иными. Они заметно симпатизировали антибольшевистским силам, а в академии действовала антибольшевистская подпольная организация. В итоге академия в июле – августе 1918 г. смогла в два этапа в Екатеринбурге и Казани практически без потерь перейти на сторону противников большевиков.

После этого белые получили возможность без особых усилий организовать подготовку генштабистов на Востоке России. В период с января по апрель 1919 г. в Томске, где обосновалась академия, прошли обучение слушатели ускоренных курсов 4-й очереди, пополнившие в мае 1919 г. штабы колчаковской армии. В дальнейшем академия не осуществляла учебный процесс и во второй половине 1919–1922 гг. функционировала лишь как научное учреждение. За это время она переместилась из Томска в Харбин и далее во Владивосток, а после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке была отправлена в Москву, где ее имущество распределили между советскими организациями.

На Востоке России кадры готовились по ускоренной программе и в качестве единичного опыта одного набора. Что касается белого Юга, то переизбыток кадров Генерального штаба там не требовал от деникинского командования осуществления дополнительной подготовки генштабистов.

Национальные государственные образования также предпринимали шаги по подготовке кадров Генштаба. Наличие собственной Военной академии считалось статусным, престижным и выступало в качестве одного из атрибутов суверенитета и государственности. Попытки открытия собственной академии предпринимались на Украине при гетмане П.П. Скоропадском, но нехватка финансов и политическая нестабильность не позволили реализовать этот амбициозный замысел. Прочие национальные армии по своим размерам были невелики и обходились наличным числом генштабистов. При необходимости в таких государствах, как, например, Армения, издавались специальные приказы, по которым отдельных, наиболее квалифицированных офицеров относили к категории генштабистов. Как бы то ни было, подготовка национальных кадров Генштаба в 1917–1922 гг. не получила широкого развития и несопоставима по размаху с результатами работы академий в Советской России и в белой Сибири.

Наиболее масштабной была работа по подготовке кадров Генштаба в Советской России. Оставшись без старой академии, большевики осенью 1918 г. лихоградоно взялись за ее воссоздание, что пришлось делать с нуля. Титаническими усилиями академия была организована, а к преподаванию в ней удалось привлечь лучших специалистов дореволюционного Генштаба. В конце 1918 г. новое высшее военно-учебное заведение смогло принять первых слушателей. Начиная с 1919 г. слушатели Академии Генштаба РККА в летний период направлялись для практики на фронты, где подкрепляли кадры генштабистов с дореволюционным

стажем, совершенствовали свою подготовку и пополняли знания ценным практическим опытом штабной работы.

Академия Генштаба РККА была рассчитана на подготовку полноценных специалистов, а срок обучения в ней составлял три года. Но для текущих нужд Красной армии эпохи Гражданской войны такой срок являлся неприемлемым, так как большую часть года слушатели находились в академии, что не сокращало дефицит кадров на фронте. В этой связи слушателей академии стали отправлять на период перерыва в занятиях на фронты для приобретения опыта штабной работы. Кроме того, были организованы школы штабной службы, готовившие в короткие сроки младших штабных работников. Выпускники школ выполняли простейшую техническую работу в штабах, что разгружало квалифицированных генштабистов от рутинной деятельности. При этом такие работники все же обладали некоторым багажом знаний, т.е. не являлись простыми писарями, а могли работать с картой, оформлять приказы и прочую документацию.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны для повышения квалификации командного состава при академии были открыты Военно-академические курсы высшего командного состава РККА. На курсах обучались ветераны Гражданской войны, не имевшие достаточных знаний для учебы в академии. Окончание академии или курсов позволяло выпускникам продвинуться по службе.

Сопоставление учебных программ ускоренных курсов старой академии, Академии Генштаба РККА, школ штабной службы, военно-академических курсов и украинских курсов свидетельствует о том, что наиболее разнообразной по количеству предметов являлась программа Академии Генштаба РККА. Значительное внимание в красной академии уделялось практической подготовке слушателей, прежде всего, по тактике и службе Генштаба, по вопросам снабжения, целая группа учебных дисциплин освещала вопросы социализма и марксизма. Школы штабной службы были в основном нацелены на натаскивание слушателей в области тактики, военной администрации и военной топографии, что требовалось для занятия младших штабных должностей. Слушатели военно-академических курсов и украинских курсов, прежде всего, занимались тактикой.

Наличие дифференцированной и продуманной системы подготовки кадров Генштаба в РККА в Гражданскую войну являлось огромным преимуществом молодой Красной армии, позволяя обучать специалистов для различных целей и задач, как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективу. В этом отношении система подготовки генштабистов в Советской России превосходила аналоги, созданные в белом и национальном лагерях. Этот фактор, наряду со многими другими, свидетельствует о большей нацеленности на результат в виде достижения победы в войне через построение мощной эффективной армии, о больших организационных и материально-технических возможностях и, конечно, о большей гибкости и превосходстве советской военной машины в аспекте подготовки военных профессионалов в сравнении с вооруженными силами антибольшевистского лагеря.

Глава XI.

Кадры Генерального штаба и итоги Гражданской войны

§ 1. Генштабисты в операциях заключительного этапа конфликта (1920–1922 гг.)

После ноября 1920 г. боевые действия Гражданской войны продолжались в основном на территории Закавказья, а также в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Кроме того, части РККА принимали участие в подавлении антибольшевистских восстаний в разных регионах страны, боролись с бандитизмом, участвовали в операциях за пределами РСФСР и бывшей Российской империи – например, в Китае и Монголии. В этих операциях с разных сторон участвовали и выпускники Николаевской академии.

Генштабисты служили в различных антибольшевистских формированиях на территории Польши. В частности, в 3-й Русской армии генерала Б.С. Пермикина, хотя сам Пермикин не переносил офицеров Генштаба¹. Начальником штаба 1-й стрелковой дивизии этой армии был полковник Ю.И. Кобылецкий, произведенный за отличия в боях ноября 1920 г. в 1921 г. в генерал-майоры². Ранее Кобылецкий успел послужить в армии гетмана П.П. Скоропадского, в РККА и на белом Юге.

Служили генштабисты и в Русской народной добровольческой армии С.Н. Булак-Балаховича, действовавшей в Белоруссии. Начальником штаба армии был полковник Васильев (негенштабист). Генерал-квартирмейстером штаба в октябре 1920 г. стал подполковник П.И. Олейников, выпускник ускоренных курсов 2-й очереди. Его биография периода Гражданской войны примечательна. Этот офицер за 1918–1920 гг. успел послужить в РККА, в армии УНР и в Западной армии П.Р. Бермондта-Авалова, после чего оказался в армии Булак-Балаховича. Как вспоминал Олейников, «начальник штаба полк[овник] Васильев оказался заваленным работой, был очень обрадован моему приезду, и тут же я вынужден был принять назначение на должность генерал-квартирмейстера штаба армии»³.

Несмотря на общность целей и задач, войска Балаховича и Пермикина действовали разрозненно, без единого плана, а сами командующие этими «армиями» были заклятыми врагами и пытались соперничать друг с другом. План действий

¹ Проявления острой неприязни Пермикина к генштабистам, нередко надуманные и ни на чем не основанные, прослеживаются по всему тексту его воспоминаний (*Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной: Из записок 1912–1959 гг. М., 2011*).

² Приказ войскам 3-й Русской армии. 1921. 27.01. № 27/В.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 5.

армии Балаховича в Полесье был плохо разработан. Немало удивительного наблюдалось и в работе штаба Балаховича, отличавшейся кустарностью и непрофессионализмом. По свидетельству Олейникова, «часто бывало, что штаб отдает одно распоряжение – батяка другое, противоположное»^I. Кроме того, существовало два параллельных штаба армии. Один во главе с полковником Васильевым и другой (прежний штаб группы Балаховича), переименованный в полевой штаб армии, во главе с ротмистром Сироченко: «Штаб армии отдавал один приказ, полевой штаб – другой – чей же приказ должен выполняться?»^{II} Проблему удалось не без труда разрешить путем преобразования полевого штаба в штаб 1-й дивизии армии. Другой проблемой штаба Балаховича стало то, что он, как и другие белые штабы, круглосуточно осаждался разнообразными посетителями и просителями, в том числе по гражданским вопросам. Предназначения и функций штаба Балахович не понимал^{III}.

По свидетельству генерала П. Н. Симанского, «штаба в армии в сущности не было, хотя должность начальника штаба была создана и на эту должность был назначен прибывший из Эстонии полк[овник] Васильев. Лица, занимавшие различные должности, никакой службы настоящего штаба устроить не могли, прежде всего потому, что не имели в указанном отношении ни малейшего опыта и по многим вопросам военного дела являлись совершенно неграмотными. “Среди моего штаба, – говорил Балахович, – не все оказались на высоте своего положения, и я даже был вынужден кое-кого арестовать” (“Свобода”, 5 дек[абря] 1920 г. № 120)»^{IV}.

Соратники Балаховича признавали полууголовный характер его формирования, отметившихся грабежами и мародерством^V. Об уровне дисциплины у Балаховича свидетельствует отказ солдат уступить помещение штабу армии в ноябре 1920 г.^{VI} Балаховцы из пленных красноармейцев, спасавшиеся от ужасов польского плена через зачисление на службу Балаховичу, в массовом порядке сдавались частям РККА. Неудивительно, что в течение ноября 1920 г. авантюра Балаховича в Белоруссии началась и закончилась^{VII}. План разгрома Балаховича был разработан под руководством командующего 16-й советской армией, выпускника ускоренных курсов старой академии бывшего капитана А. И. Кука. Главный удар был нанесен в районе Мозыря. Полностью ликвидировать силы Балаховича не удалось, однако его отряды с большими потерями были вытеснены за демаркационную линию.

1920–1921 гг. стали временем массовых антисоветских восстаний крестьянства. Пламенем восстаний и бандитизма были охвачены Центральная Россия, Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь. Генштабисты по долгу службы

^I Там же. Л. 12.

^{II} Там же. Л. 13.

^{III} Там же. Л. 33.

^{IV} САУ. I.400.1413. Arc. 4a.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 23.

^{VI} Там же. Л. 25.

^{VII} Подробнее см.: Алексеев Д. Ю. Боевые действия Русской народной добровольческой армии в ноябре 1920 г. // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы V Междунар. военно-исторической конф. СПб., 2012. С. 253–279.

участвовали в подавлении этих выступлений. Координацию борьбы с сибирским повстанчеством осуществлял штаб помощника главнокомандующего по Сибири В.И. Шорина (негенштабиста). Начальником штаба Шорина был его прежний сотрудник по штабу Кавказского фронта Ф.М. Афанасьев, пошедший в РККА добровольно еще в феврале 1918 г. Авторству последнего (при участии военкома штаба) принадлежал подробный аналитический доклад о повстанческом движении, датированный апрелем 1921 г.¹ В докладе было отмечено, что целью движения являлись захват власти и возвращение к старому, привлекательному отсутствием коммунистов и свободой торговли. Автор доклада констатировал, что повстанцы имели самые широкие взгляды, при которых уживались монархизм и идеалы керенщины. По слухам, на стороне повстанцев был некий офицер Генерального штаба Кудрявцев², но в действительности такого генштабиста там быть не могло. Интересно, как докладчик описывал антикоммунистические устремления повстанцев. Он отмечал, что в коммунистах видели «корень зла, который формулируется как крайнее обеднение, отбирание последнего куса, подчас весьма неразумно и грубо осуществляемое (вроде стрижки зимой овец для шерсти, что повлекло гибель овец) и т. д.

Как много этого чувства крестьянской обиды за нерациональный подход к крестьянскому хозяйству накопилось у восставших, достаточно свидетельствует энтузиазм или даже фанатизм, отмечаемый свидетелями, у восставших в первые дни движения.

Это объяснимо, зная любовь сибирского крестьянина к своему хозяйству, устойчивостью которого он особенно дорожит³. За этими оценками и собственное мнение автора доклада, сознававшего объективные причины для недовольства восставших крестьян коммунистами.

Отдельные выпускники академии участвовали в повстанческом движении. «Армией возрождения России» (около 10 000 кубанских казаков, не сумевших эвакуироваться в Крым), действовавшей в 1920 г. на Северном Кавказе, руководил слушатель ускоренных курсов академии кубанский казачий генерал М.А. Фостиков⁴. Созданная армия стала одним из наиболее мощных и долговечных повстанческих формирований. Наличие кадрового офицера с академическим образованием (пусть и не законченным) во главе армии существенно повышало организационные возможности восставших⁵. Кубанскую повстанческую армию (около 1000 человек) возглавлял генерал М.А. Пржевальский. В сентябре 1921 г. повстанцы были разбиты и рассеяны, Пржевальский бежал за границу.

Генштабисты участвовали и в Кронштадтском антибольшевистском восстании 1–18 марта 1921 г. Один из руководящих постов в мятежном Кронштадте занял выпускник академии бывший подполковник Б.А. Арканников, назначенный 11 марта 1921 г. вр.и.д. начальника штаба обороны морской крепости Кронштадт

¹ Сибирская Вандея. М., 2001. Т. 2: 1920–1921. С. 657–671.

² Там же. С. 669.

³ Там же.

⁴ Публикацию дневника М. А. Фостикова см.: Дневники казачьих офицеров / под ред. П. Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004. С. 15–178.

⁵ Подробнее см.: Кратова Н. В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов-на-Дону, 2012. С. 100.

и крепостного района^I и занимавший эту должность до 18 марта. Арканников непрерывно служил в Кронштадтской крепости еще с царских времен (занял пост помощника старшего адъютанта штаба крепости 26 января 1916 г.). При Временном правительстве дослужился до старшего адъютанта (с 29 июля 1917 г.), а при большевиках — до начальника оперативного отдела штаба крепости (с 15–16 января 1919 г.). Уклоняться от несения обязанностей генштабиста в восставшей крепости Арканников не стал, оказавшись одним из руководителей Кронштадтского восстания. С 11 по 18 марта 1921 г. он временно исполнял должность начальника штаба обороны морской крепости Кронштадт и крепостного района. Арканников понимал, что крепость без поддержки долго не продержится. Тем не менее на своем посту он проявлял активность и даже отстранил начальника артиллерии крепости генерала А.Н. Козловского от должности за нерешительность^{II}. После поражения Кронштадтского восстания ушел по льду Финского залива в Финляндию, где был интернирован и скончался в 1965 г.^{III} Об оставлении Кронштадта Арканников вспоминал: «После того, как все распоряжения были сделаны и войска приступили к отходу, штаб также присоединился к колонне, которая в полном порядке, освещаемая луной, тянулась к финляндскому берегу, покидая свою Родину, идя навстречу неизвестному будущему, но твердо веря, что час возмездия насильникам Родины неизбежен и им придется дать ответ в своих злодеяниях»^{IV}.

К событиям Кронштадтского восстания был причастен также полковник Ф.Е. Махин — член партии эсеров, находившийся в Ревеле и занимавшийся формированием эсеровских дружин и отрядов из числа бывших участников Белого движения на Северо-Западе России для содействия кронштадтцам^V. Ревельская группа делала все возможное для осведомления общественности о событиях этого выступления^{VI}. Весной 1921 г. Махин предполагал, что в России наконец назревает народное антибольшевистское движение^{VII}. Полковник Н.Н. Пораделов содействовал восставшим кронштадтцам из Гельсингфорса и Выборга как резидент организации «Центр действия»^{VIII}.

В подавление Кронштадтского восстания внесли вклад слушатели Академии Генштаба РККА, а из руководства РККА — главком С.С. Каменев и начальник созданного незадолго до того Штаба РККА П.П. Лебедев. Как и прежде, «красные генштабисты» выражали недовольство тем, как их принимали в армейских штабах старые спецы. 10 апреля 1921 г. И.Ф. Федько, С.П. Урицкий и А.Г. Борщевский написали в рапорте комиссару Академии Генштаба РККА, что «в высших штабах (штаб 7-й армии и Петро[градского] округа) красных генштабистов распределяли

^I РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 80. Л. 71.

^{II} Кронштадтская трагедия 1921 года: Док.: в 2 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 39.

^{III} См. публикацию воспоминаний Арканникова: Арканников Б. А. В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания / публ. А. В. Ганина // Эпоха Революции и Гражданской войны в России: Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 386–398.

^{IV} Там же. С. 398.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 151–169.

^{VI} Вишняк М. В. Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005. С. 120.

^{VII} Работа эсеров за границей: По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922. С. 15.

^{VIII} Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 409.

на работу не согласно их персонального опыта и стажа, а по шаблону... лишь благодаря личным знакомствам красным генштабистам удалось стать в ряды активных организаторов кронштадтской победы»^I.

Специалисты Генштаба участвовали и в подавлении Тамбовского восстания. Там отличился начальник штаба войск Тамбовского командования Н. Е. Какурин, который в июле 1921 г. во главе кавалерийской группы разбил банды Караса и Аверьянова, а также в должности начальника штаба «проявил выдающиеся организаторские способности и работоспособность, поставив на должную высоту боевую работу штаба, чем в значительной степени ускорил ликвидацию бандитизма»^{II}.

Какурин по должности начальника штаба подписывал различные распоряжения командующего М. Н. Тухачевского, в том числе знаменитый приказ от 12 июня 1921 г. о применении удушливых газов против повстанцев^{III}. Долгое время этот приказ считался свидетельством невероятного варварства большевиков и стал поводом для многочисленных политизированных спекуляций. Однако химическое оружие в тот период не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Более того, по сохранившимся свидетельствам современников и по архивным исследованиям постепенно выяснилось, что использование химических снарядов в Гражданскую войну всеми ее сторонами, включая красных, белых и интервентов, было достаточно распространено^{IV}. Что касается тамбовских событий, то именно там использование газов не получило широкого применения и не дало никакого эффекта^V.

Уже 17 июня Тухачевский и Какурин разослали циркуляр о том, что необходимо «принять исчерпывающие мероприятия к спасению находящегося в сфере действия газов скота»^{VI}. Позднее появилась инструкция о том, чтобы при применении газов заблаговременно оповещалось население с указанием опасных районов. Однако такое оповещение делало газобаллонные атаки практически бессмысленными — повстанцы могли покинуть обозначенные районы. В итоге не было проведено ни одной подобной атаки. Однако несколько раз велась стрельба химическими снарядами, эффект от использования которых оказался лишь моральным^{VII}.

Подписанные Тухачевским и Какуриным приказы порой содержали довольно грозную риторику: «Раз сделанные угрозы неуклонно, до жестокости, проводить в жизнь до конца»^{VIII}, «Изъятие бандитского элемента... должно определенно показать крестьянству, что бандитское племя и семья^{IX} неукоснительно удаляются

^I Там же. Кн. 2. С. 47.

^{II} Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 11.11. № 306.

^{III} «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 406.

^{IV} Оренбургские казаки и чехословаки на Урале летом 1918 года / публ. А. В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2002. № 11. С. 24; Голеевский Н. Н. Лето на Волге 1918 год // Russian Emigre Archives (Fresno, CA). 1973. Vol. 2. P. 270; Заяц Н. А., Бобков А. С. Запах гнилых яблок и свежего сена. Химическое оружие в Гражданскую войну // Родина. 2013. № 5. С. 96–99.

^V Подробнее см.: Бобков А. С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. Научно-просветительский журнал. URL: https://scep sis.net/library/id_2974.html (дата обращения: 29.01.2023). Также см.: Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский: Мозаика разбитого зеркала. М., 2014. С. 331–596.

^{VI} Бобков А. С. К вопросу об использовании удушающих газов...

^{VII} Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. С. 369.

^{VIII} «Антоновщина». С. 364.

^{IX} В публикации ошибочно — семья.

из губернии и что борьба с Советской властью безнадежна... Поменьше обывательской сентиментальности, побольше твердости и решительности»¹. В Тамбовской губернии Какурин пробыл недолго, до середины августа 1921 г. За участие в подавлении восстания он был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами от Тамбовского губвоенкомата.

Генштабисты служили и в ДВР, хотя там существовали определенные кадровые трудности. Так, из семи начальников штаба НРА ДВР академию окончили пять человек. Эту должность занимали: П.Я. Пеленкин (негенштабист, 01.03.1920–27.01.1921), М.А. Орлов (27.01–22.02.1921), А.Х. Андерсон (22.02–25.06.1921), В.К. Токаревский (30.06.1921–03.05.1922), Б.М. Фельдман (04.05–30.07.1922), А.Д. Шуваев (04.07–22.08.1922), И.В. Смородинов (негенштабист, 22.08–16.11.1922)². Иногда заменял начальника штаба курсовик С.Н. Голубев³, который занимал должность для особых поручений при главкоме, как он жаловался Л.Д. Троцкому, «ничего общего не имеющую со службой Генерального штаба, хотя по штату и считается Генерального штаба»⁴. Андерсон, Орлов, Токаревский и Шуваев были выпускниками старой академии, Фельдман окончил Академию Генштаба РККА. Орлов также являлся начальником Главного штаба (штаба военного министра) ДВР. Начальником разведуправления при Военном совете НРА ДВР в январе – феврале 1922 г. был В.П. Глаголев, затем (февраль – май 1922 г.) возглавивший 2-й (агентурный) отдел того же управления.

С.Н. Голубева не устраивало бездействие на должности для особых поручений при главкоме НРА ДВР. В этой связи 23 июля 1920 г. он обратился к председателю РВСР Л.Д. Троцкому с просьбой о переводе на более активную работу: «Вы сами знаете, тов. Троцкий, что человек, долго работавший самостоятельно, не может ужиться при постановке его на роль секретаря или старшего писаря. В данном случае так же обстоит дело и со мной. Вместо творческой работы сиди и выполняй роль секретаря.

Насколько моя работа на Южном фронте и в 5[-й] армии была плодотворной, я полагаю, что все бывшие члены Реввоенсовета 8[-й] армии, Южного фронта и 5[-й] армии могут дать заключение.

Таким образом, находясь в совершенно не подходящей обстановке в связи с перемирием с японцами, считаю свое пребывание в буфере совершенно излишним, так как в другом месте я, безусловно, принесу пользу. Командующий Западным фронтом дважды просил откомандировать меня, но, несмотря на то обстоятельство, что меня не использовали как Генерального штаба, все же я не был откомандирован.

И вот я решился обратиться к Вам с просьбой извлечь меня отсюда для работы в Красной армии, на одном из фронтов, преимущественно на Юго-Западном, где климатические условия более соответствуют здоровью моему и моей семье, пострадавшей от белогвардейцев.

¹ «Антоновщина». С. 389.

² ДКФКА. М., 1978. Т. 4. С. 545. Внесены уточнения по: Левкин Г. Г. Командиры и политработники Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Хабаровск, 2003.

³ ДКФКА. М., 1974. Т. 3. С. 611, 613.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 130об.

Вас сперва удивит мое обращение к Вам, но затем Вы вполне поймете меня и, надеюсь, поможете мне в моей беде»¹.

Всего в рядах НРА ДВР удалось установить не менее 25 выпускников и слушателей старой академии. НРА ДВР была серьезно пополнена пленными колчаковскими генштабистами, что является свидетельством того, что она по сути являлась составной частью Красной армии. Таких специалистов было не менее девятнадцати, из которых только пятеро окончили академию в мирное время, а остальные четырнадцать окончили ускоренные курсы академии периода Первой мировой и Гражданской войн (прежде всего, колчаковского выпуска в Томске в 1919 г. — 10 человек) и являлись курсовиками.

2-м помощником начальника штаба НРА ДВР служил бывший генерал-майор В.Е. Мясников — в прошлом колчаковец. Начальником оперативного отдела штаба армии был пленный колчаковский курсовик бывший полковник С.А. Граблевский (на лето 1920 г. и лето 1921 г. он составлял оперативные сводки²). Временно исполняющим ту же должность на июнь 1920 г. значился бывший подполковник П.А. Добротворцев, окончивший академические курсы в Томске³.

Вопросы разведки в штабе НРА ДВР курировали бывшие колчаковцы штабс-капитаны В.Г. Митрофанов и Д.Г. Атабеков (Атабегов, Атабегашвили), есаул А.П. Колесников. Атабеков составлял обзоры белой прессы⁴, а также занимал пост помощника начальника оперативного отделения штаба главнокомандующего. Позднее он перешел в грузинское подданство, но продолжал исправно служить в НРА ДВР и даже подготовил в 1921 г. военно-научное пособие «Спутник начальника в боевой обстановке». Курсовик бывший подпоручик Б.Д. Магер, также возглавлявший разведывательное отделение штаба НРА ДВР, иногда подменял начальника штаба главкома ДВР⁵. Помощником начальника административного управления штаба НРА ДВР был колчаковский курсовик Б.И. Андреев. А.Н. Афанасьев, ранее также служивший у белых, в декабре 1920 г. стал начальником штаба 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии НРА ДВР, позднее был помощником начальника оперативного управления штаба НРА ДВР и заместителем начальника штаба НРА ДВР, а также вр.и.д. 1-го помощника начальника штаба НРА ДВР. Начальником мобилизационного управления (позднее — отдела) штаба НРА ДВР был слушатель академических курсов в Томске М.Л. Лукин. Начальником организационного управления штаба НРА ДВР являлся бывший генерал А.А. Вихирев — ранее также колчаковец.

Курсовик бывший колчаковский подполковник А.Н. Николаев с 18 марта 1920 г. служил помощником начальника военных сообщений всех вооруженных сил Прибайкалья, затем с 18 октября стал вр.и.д. начальника оперативного управления штаба главкома всеми вооруженными силами ДВР, позднее занимал посты начальника Главного управления военных сообщений, а затем помощника главного начальника (когда из Советской России прибыла большая группа командиров

¹ Там же. Л. 130об. — 131.

² Шли дивизии вперед: Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья: Сб. док. Иркутск, 1987. С. 132, 134, 143, 261–262, 286.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ ДКФКА. Т. 3. С. 640.

во главе с В.К. Блюхером), также в 1921 г. служил начальником военных сообщений Забайкальского военного округа¹.

Начальником инженеров НРА ДВР служил бывший генерал-майор Г.Н. Гамзагурди (Гамсахурдия), в прошлом также колчаковец. Начальником воздушного флота – курсовик В.Н. Кусов. В 1920–1921 гг. он был арестован «за причастность к расстрелам партизан во время службы у белых», а в 1922 – марте 1923 г. находился под следствием «по обвинению в причастности к карательным операциям во время службы у белых»². Тем не менее позднее он продолжил службу в РККА. Служил в НРА ДВР и бывший штабс-капитан Ф.Ф. Курганов, который ранее являлся слушателем ускоренных курсов Военной академии в Томске, но оказался отчислен в связи с поздним прибытием. Противостояли НРА ДВР остатки колчаковских армий, в которых также служили выпускники и слушатели академии.

В рядах НРА ДВР бывшие колчаковцы встретили своих товарищей по академии – коренных генштабистов РККА. К сожалению, данных о том, как бывшие белые воспринимали новую службу, очень мало. Известно, что работники штаба НРА ДВР – бывшие белые офицеры даже подготовили обращение к противнику, начинавшееся словами: «Братья каппелевцы солдаты и офицеры». Документ призывал прекратить делать антирусское дело, выражавшееся в пособничестве интервентам-японцам, и начать мирные переговоры для последующего перехода к совместной работе на благо будущего страны³. Воззвание подписали, по крайней мере, двенадцать бывших колчаковцев. Среди них были выпускники томских курсов, начальник штаба Приамурского военного округа П.А. Луцков, начальники организационно-мобилизационного управления НРА ДВР Л.Л. Касаткин и М.Л. Лукин, помощник начальника административного управления штаба НРА Б.И. Андреев, начальник школы разведчиков НРА ДВР В.Г. Митрофанов (у белых – начальник школы разведотдела штаба корпуса). Подписал документ и перешедший к красным бывший штатный преподаватель Военной академии Н.В. Главацкий – теперь председатель контрольно-штатной комиссии НРА ДВР. Таким образом, выпускники и слушатели академии составили половину поименно известных подписантов воззвания. Послание было растиражировано в нескольких тысячах экземпляров и распространялось среди белых.

Примечательна личность П.А. Луцкова. Он родился в 1886 г., был кадровым офицером, участвовал в Первой мировой войне, был ранен и контужен. Ко времени большевистского переворота дослужился до капитанского чина. В годы Гражданской войны служил у белых на Востоке России, окончил курсы Военной академии в Томске, служил в том числе начальником информационного отдела штаба Сибирской армии и помощником начальника осведомительного отдела Ставки, по некоторым данным дослужился до чина генерал-майора (по другим – полковника), после чего перешел на сторону НРА ДВР. Переход происходил, по-видимому, плавно. В конце 1920 г. Луцков был членом комиссии ДВР по размещению каппелевцев в Приморье, а уже в апреле 1921 г. вел с каппелевцами переговоры

¹ Левкин Г. Г. Командиры и политработники... С. 125.

² Нешкин М. С., Шабанов В. М. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 163.

³ Борьба за Хабаровск: Сб. статей. Чита, 1922. С. 81–84.

о переходе на службу в НРА ДВР^I. Позднее Луцков был начальником штаба Амурской стрелковой дивизии, а затем начальником штаба Приамурского военного округа. На этом посту он также участвовал в переговорах с белыми. Затем был прикомандирован к полевому штабу главкома НРА ДВР В.К. Блюхера и состоял для особых поручений при главкоме. Луцков неоднократно вел переговоры (и даже лично встречался) с белым генералом В.М. Молчановым и его начальником штаба полковником Л.Л. Ловцевичем. В феврале 1922 г. он отправил обращение к Молчанову, где обрушился на последнего с обвинениями в предательстве российских национальных интересов и пособничестве японским интервентам^{II}.

Обращаясь к Молчанову, Луцков писал в несколько более оптимистическом ключе, чем дело обстояло в реальности: «Здесь давно прошло то время, когда кого-либо преследовали за прошлое. Вы должны были знать, как в Советской России, так и здесь в Дальневосточной республике, самым спокойным образом служат большинство Ваших бывших и начальников, и товарищей, и подчиненных. Вы знали по фамилиям, где кто служит. Вы знали, что начальником штаба НРА — Генерального штаба Токаревский, что в штабе главкома много Ваших каппелевцев занимают высокие должности (Вы от них получили воззвание)»^{III}.

Позднее Луцков был проректором и деканом военного факультета Уральского политехнического института^{IV}. Умер он в 1930 г. По характеристике противника Луцкова, лично знавшего его полковника А.Г. Ефимова, Луцков «был большой прохвост, и ему не доверяли. Но умел приспособиться к обстоятельствам и не брезговал средствами. Все-таки удивительно, как он быстро вошел в доверие к Блюхеру»^V. Ефимов полагал, что Луцкова расстреляли, но это не соответствует действительности.

Служба в НРА ДВР не гарантировала беспрепятственный переход в РККА. Стремясь поступить на службу в Красную армию, бывший штабс-капитан Д.Г. Атабеков писал Л.Д. Троцкому в конце 1921 г. о своей деятельности в рядах НРА ДВР: «Прибыв со штабом главкома в г[ород] Читу и видя, что интервенция в лице Японии относится враждебно к молодой Дальневосточной республике, последствием чего может быть война не только с ней, но и с Советской Россией, я задался целью во что бы то ни стало и как можно полнее узнать организацию японской армии, дабы потом поделиться всем узнанным с армией.

И вот в продолжение 5 месяцев в свободное от службы время я на основании разного рода материала и составил брошюру “Вооруженные силы Японии и их устройство”, снабдив таковую всевозможными рисунками и схемами. Означенная брошюра была охарактеризована бывшим начальником штаба главкома Генштаба тов. Орловым следующей фразой: “Представляет ценный документ не только для ДВР, но и для РСФСР” (имеется в делах), и им же было возбуждено ходатайство о вознаграждении меня 100 руб. золотом.

^I Левкин Г. Г. Командиры и политработники... С. 107.

^{II} Опубл.: Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 330–334.

^{III} Там же. С. 332.

^{IV} ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 4. Д. 90. Л. 2.

^V Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 417.

Эта брошюра была взята у меня представителем Коминтерна тов. [К.Ф.] Пшеницыным, а вознаграждение в размере $\frac{1}{4}$ части возбужденной ходатайством суммы было выдано мне Дальбюро РКП.

В настоящее время означенная брошюра, вероятно, уже издана.

После этой брошюры я вычертил^I в 40-вер[стном] масштабе стенную дислокацию японской армии в метрополии и вне метрополии, а также и тыла этой армии, которую у меня взял опять-таки тов. Пшеницын, заказавший еще один экземпляр этих дислокаций в срочном порядке специально для Москвы, что мною и было исполнено в течение 2^х суток, работая по 20 часов. И одну карту-дислокацию японских войск в метрополии сделал для Министерства иностранных дел ДВР.

14 мая сего года я был освобожден от военной службы как иностранный подданный (грузин).

Желая и в дальнейшем быть полезным армии своими познаниями, я, уже не находясь на военной службе, по предложению бывшего военного министра ДВР тов. Бурова, который ранее меня знал по составлению вышеозначенной брошюры и по представленному мною проекту^{II} реорганизации армии, составил популярный учебник по топографии, который и был принят, а затем, по собственному почину, составил "Спутник начальника в боевой обстановке", который получил одобрение учебного комитета военно-армейской школы Нарревармии^{III}, ныне принятый Военным советом ДВР»^{IV}.

Уже в самом конце Гражданской войны ряды НРА ДВРполнили белые, взятые в плен в Приморье. В частности, в НРА ДВР был зачислен в качестве вр.и.д. начальника Военной академии бывший генерал-лейтенант профессор А.И. Медведев, оставшийся во Владивостоке после ухода белых^V. Главком НРА И.П. Уборевич в разговоре с Медведевым передал благодарность всему личному составу за сохранение имущества академии.

Позднее часть бывших колчаковцев продолжила службу в РККА. К сожалению, судьбы целого ряда колчаковских офицеров, пошедших затем в НРА ДВР, до сих пор остаются непроясненными. Известно, что были расстреляны в 1937 г. Л.Л. Касаткин и М.Л. Лукин. П.А. Луцков и Г.Н. Гамзагурди (Гамсахурдия) умерли в СССР до начала массовых репрессивных кампаний, причем Гамзагурди и его вдова даже получали в СССР персональную пенсию, персональную пенсию получали сын и вдова Луцкова. В 1924 г. в докладной записке на имя командира 19-го Приморского стрелкового корпуса ветеран колчаковской армии Гамзагурди, испрашивая персональную пенсию, без смущения утверждал: «Будучи сам демократического происхождения от бедных служилых людей, добившись своего положения лишь своими способностями и трудом, понимая всю справедливость переворота и жизненность его в отношении изменения судеб России и в будущем всего человечества, я сразу же сознательно примкнул к новой власти, хотя надежды на ее успех

^I В документе — вычертил.

^{II} В документе — проекта.

^{III} НРА ДВР.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 322. Л. 15–15об.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 110.

тогда казались проблематичными»¹. Службу у белых он представил как плен, указав, что был арестован и подвергался преследованиям.

Служба бывших белых генштабистов против своих вчерашних товарищей представляется важным историческим опытом. Такой опыт свидетельствует о том, что пленные не были массово уничтожены, а, наоборот, использовались прагматичным командованием для укрепления армии. Бывших белых генштабистов в НРА ДВР оказалось даже больше, чем коренных генштабистов РККА (по нашим подсчетам, девятнадцать человек против шести). Одной из причин привлечения этих лиц на службу, очевидно, являлась нехватка квалифицированных специалистов. Настроения вчерашних колчаковцев в конце Гражданской войны, по-видимому, можно охарактеризовать как разочарование в перспективах Белого движения и стремление как можно быстрее завершить разрушительный для страны конфликт.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны лидеры разбитых антибольшевистских армий стали разрабатывать планы реванша. Свою роль в этом процессе играли и генштабисты. Летом 1921 г. советскую границу в целях организации партизанской борьбы против большевиков перешел украинский генерал В.И. Галкин. Вскоре он был захвачен чекистами и арестован, а в конце января 1922 г. освобожден и с марта 1922 г. служил в РККА². Интересно, что в 1920 г. Галкин уже успел послужить в РККА, но поднял восстание против большевиков и увел Украинскую советскую дивизию, начальником штаба которой служил, к петлюровцам.

Оренбургский атаман А.И. Дутов, оказавшись в 1920 г. во главе своего отряда в Западном Китае (Синьцзян), стремился вернуться на территорию России. С этой целью он налаживал разведывательную работу в Советском Туркестане, установил контакты с местными подпольными организациями и с лидерами басмачей. С деятельностью Дутова связана и подготовка восстания в Нарынском уезде 5–20 ноября 1920 г. Готовя вторжение в Советский Туркестан, Дутов рассчитывал на содействие своих прежних подчиненных командиров, также оказавшихся в Китае. Были заготовлены листовки, адресованные народам Туркестана, русскому населению и большевикам. В пропаганде упор был сделан на то, что Дутов – народный вождь. Пропагандировалось выборное начало на местах. Акцентировалось внимание на разрухе в Советской России и бедственном положении населения³. Постепенно действия Дутова стали вызывать у советского руководства все большие опасения. Даже допускалась возможность потери половины Семиречья и для упреждения такого результата в регион стягивались войска⁴. Но надежды атамана не оправдались. Несмотря на успехи в подпольной работе на советской территории, он потерпел фиаско в организации единого антибольшевистского фронта в Западном Китае. Белые вожди генералы Б.В. Анненков, А.С. Бакич, А.И. Дутов не смогли найти общий язык. Приказ о походе на Советскую Россию генерал Бакич обоснованно посчитал авантюрой. Против выступления на совещании высказались все старшие начальники его отряда. Как отметил Бакич в своих показаниях, еще осенью 1920 г. «приказ Дутова сочувствия в корпусе не встретил и после

¹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 1476. Л. 37.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 161 (220). Л. 221.

³ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 111, 112, 148.

⁴ РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 237. Л. 15–16.

обсуждения был отвергнут и дан в отрицат[ельном] духе ответ^I. К тому же конкретному плану взаимодействия между отрядами, по имеющимся данным, не было^{II}, а координация действий при отсутствии средств связи была затруднительной. Активная антибольшевистская деятельность Дутова и его авторитет в казачестве стали причинами физического устранения атамана 6 февраля 1921 г. в результате спецоперации советских агентов^{III}.

К этому времени даже некоторые высокопоставленные руководители белых были готовы к компромиссам с большевиками. Так, начальник штаба отряда Бакича генерал И.И. Смольнин-Терванд утверждал в показаниях, что «сов[етская] власть сделала большую ошибку тем, что в периодической печати отзывалась в непримиримом духе о своих быв[ших] противниках, если бы этого не было — возвращение всего корпуса в полном составе было бы обеспечено. Хотя они и причинили в свое время вред и ущерб сов[етской] власти, однако поражение крупных фронтов (Колчака, Врангеля и др.) показало, что народ в массе на стороне сов[етской] власти, поэтому и мы, боровшиеся тоже за благо народа, должны были подчиниться общенародному мнению»^{IV}. По мнению Смольнина, действия Дутова и Анненкова «не оправдывались и не вызывались истинным положением вещей и честностью приемов борьбы»^V.

Генерал Смольнин-Терванд выступил одним из разработчиков политической программы войск Бакича. Программа предусматривала восстановление государственности при единстве всех партий, освобождение от коммунистов силами русского народа, широкое народоправство, вплоть до возможности преобразования советов в земства, широкое наделение трудящихся землей, свободную торговлю, кооперацию, свободу совести, слова и печати, неприкосновенность имущества^{VI}. Составитель документа совершенно не касался вопросов внешней политики, также сознательно обходил вопрос о верховной власти в России, в программе говорится лишь об избрании «хозяина земли Русской», что могло трактоваться очень широко, объединять и монархистов, и республиканцев. Как показал на допросе Смольнин-Терванд, «надежд... на с[оциалистов]-р[еволюционеров] и крестьянский союз я не разделял, но полагал, что за с[оциалистами]-р[еволюционерами] идет известная часть населения, активно боровшаяся с сов[етской] властью»^{VII}. Таким образом, эсеровские лозунги были выдвинуты исключительно из популистских и прагматических соображений для создания максимально широкой социальной базы нового движения. При этом самому Смольнину наиболее близка была кадетская программа^{VIII}. 4 сентября 1921 г. Бакич отдал приказ о выступлении в Россию, хотя на самом деле речь шла о вынужденном отходе под ударами красных. Осенью

^I ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 38. Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.

^{II} ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 36.

^{III} Подробнее о планах реванша и ликвидации Дутова см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

^{IV} ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 80б.

^V Там же.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 71об. — 74.

^{VII} ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 30б.

^{VIII} Там же. Л. 4.

1921 г. остатки белых на территории Западного Китая и Монголии были разгромлены РККА.

Одним из лидеров антибольшевистского сопротивления в Монголии являлся полусумасшедший барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг. Начальником штаба Унгерна был выпускник ускоренных курсов академии полковник Г.А. Дубовик. Он считался ценным офицером, однако его положение было незавидным: деспотичный барон не переносил генштабистов и всячески третировал Дубовика, вплоть до назначения на низовую должность заведующего оружием^I. Тем не менее именно этот офицер разработал для Унгерна план захвата столицы Монголии – Урги^{II}, успешно реализованный. В силу отсутствия штабной культуры в партизанских формированиях Унгерна над Дубовиком и его разработкой даже иронизировали^{III}. В дальнейшем штаб дивизии Унгерна возглавил ургинский беженец, помощник присяжного поверенного К.И. Ивановский^{IV}. Определенный вклад в ликвидацию Унгерна в 1921 г. внесли начальник штаба войск Сибири Ф.М. Афанасьев и военспецы из штаба НРА ДБР.

Целая группа выпускников академии участвовала в Белом движении в Забайкалье и Приморье в 1920–1922 гг. В середине февраля 1920 г. генерал В.Г. Болдырев, находившийся тогда во Владивостоке, дал следующую характеристику текущих событий: «Я рассматриваю Советскую Россию как одну из сторон в Гражданской войне, в войне, дальнейшее продолжение которой я считаю бессмыслицей и преступлением. Для меня важно, во-первых, окончание объединения России – под каким это флагом произойдет, пока безразлично, во-вторых, важно сохранение ее исконных владений от посягательства друзей и недругов. Эти два положения одинаково дороги для меня, и ради них я буду работать во всех условиях, которые являются реальными для данного времени»^V.

^I Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004. С. 72, 206.

^{II} Там же. С. 208–209, 213–214.

^{III} Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004. С. 418.

^{IV} Там же. С. 536. Современный автор Б. В. Соколов решил, что под фамилией Ивановского скрывался выпускник ускоренных курсов академии К. И. Клуге, якобы сменивший свою фамилию в связи с участием в Ярославском восстании в июле 1918 г. (Соколов Б. В. Барон Унгерн. Черный всадник. М., 2006. С. 207). Такое предположение не имеет ничего общего с историческими фактами, поскольку Клуге в Гражданскую войну фамилию не менял, а в период Ярославского восстания находился на учебе в Военной академии в Екатеринбурге. Соколов не обратил внимания и на то, что участник Ярославского восстания белый подпольщик Ивановский являлся артиллеристом и на 1918 г. имел чин подполковника (Ярославское восстание 1918. М., 2007. С. 332), тогда как Клуге был пехотинцем и штабс-капитаном (Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг.: Биографический справочник. М., 2007. С. 274). Далее Соколов изложил откровенные фантазии о том, как готовились генштабисты в белой Сибири и какую академию мог закончить Клуге (Соколов Б. В. Барон Унгерн. С. 211), соединив ставшего капитаном Клуге с уже вторым Ивановским – Н. Н., теперь штабс-капитаном, начальником штаба 4-й Уфимской стрелковой дивизии (о том, что Клуге и Н. Н. Ивановский – это два разных человека, см. колчаковский список выпускников ускоренных курсов академии на 24 февраля 1919 г., в котором оба они фигурируют: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 571). Соколова удивило, что в документах об Унгерне Клуге не упомянут (Соколов Б. В. Барон Унгерн. С. 218), однако, не смутившись данным обстоятельством и попутно допуская многочисленные фактические ошибки, он продолжил описывать службу никому не известного Клуге-Ивановского, вбравшего в себя биографии теперь уже трех разных лиц. Все противоречия Соколов списал на заблуждения участников событий. В итоге вымышленному персонажу оказалась посвящена целая 65-страничная глава – самая большая в книге.

^V Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 311.

Такая оценка демонстрирует понимание ситуации интеллектуальной элитой старого Генштаба.

В этом же духе была составлена телеграмма Болдырева генералу С.Н. Войцеховскому от 5 марта 1920 г.: «Как гражданин [и] солдат нахожу [в] создавшихся условиях продолжение Гражданской войны гибельным для Родины. Задача момента – объединение всего населения Дальнего Востока для защиты исконных владений России. Долг патриотов – найти безболезненные способы [к] объединению Забайкалья [с] Приморской областью и скорейшее воссоединение остальной России»^I.

Рассуждая о своих настроениях осени 1922 г., когда Гражданская война на Дальнем Востоке завершилась, Болдырев писал: «Я лично, еще ранее... откинул мысль об эмиграции. После падения Директории (1918 г.) в силу особых условий я принужден был в течение года пробыть в Японии. Исключительный интерес, который возбуждала во мне эта страна, редкое радушие и внимание в отношении меня со стороны различных лиц, с которыми я встречался в Японии, все же никогда не заслоняли во мне мысли о родине и работе в своей стране. Я не имел оснований думать, что где-либо в другом месте будет иначе, а потому, имея все возможности для отъезда за границу, тем не менее решил остаться во Владивостоке. Это было небезопасно. Здесь против меня, как и против всякого общественно-политического деятеля, конечно, были многие, в том числе и личные счеты. Тем не менее это было не главным. К ответу я чувствовал себя всегда готовым. Меня занимало другое – обстановка, создающаяся на западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооруженных выступлений *извне* против России, подсказывала мне, что в могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа»^{II}. Болдырев 23 марта 1920 г. был назначен на должность председателя комиссии при военном совете Приморской областной земской управы по разработке военных и морских законопроектов. Затем с 8 апреля 1920 г. занимал пост командующего сухопутными и морскими силами Дальнего Востока.

Во главе прошедших Сибирский Ледяной поход и пришедших в Забайкалье каппелевцев находились генералы-генштабисты. Главнокомандующим Восточным фронтом белых был генерал С.Н. Войцеховский при начальнике штаба генерале С.А. Щепихине. В Забайкалье Щепихин с 27 февраля 1920 г. стал начальником штаба командующего войсками Российской Восточной окраины при том же Войцеховском (назначен атаманом Г.М. Семеновым 20 февраля^{III}).

Взаимоотношения опиравшегося на японских интервентов Семенова и каппелевских генералов не сложились. Фактически Семенову удалось подчинить себе каппелевцев, после чего каппелевское командование в лице генералов Войцеховского и Щепихина покинуло Забайкалье. Характерна негативная оценка, данная Семеновым генералу Войцеховскому: «Генерал Войцеховский не особенно стремился привести в порядок подчиненную ему армию, так как в то время он уже решил перейти на службу в чешскую армию и вследствие этого был мало

^I Там же. С. 321.

^{II} Там же. С. 489.

^{III} РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 89.

заинтересован в исходе борьбы с красными в Сибири»¹. Впрочем, в 1920 г. Семенов в своем прощальном приказе высказался о Войцеховском в более комплиментарных выражениях².

27 апреля появилось новое название антибольшевистских вооруженных формирований Забайкалья — Дальневосточная армия. Армия включала три номерных корпуса. Сменилось и командование. Генерал Войцеховский был командирован для связи с войсками генерала А.И. Деникина на Юг России³. Вместе с ним уехал и генерал Щепихин. Новым командующим стал генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий, начальником штаба — генерал-майор К.К. Акинтьевский. Однако Лохвицкий не сработался с Семеновым и 22 августа 1920 г. был заменен генерал-лейтенантом Г.А. Вержбицким (негенштабистом). Начальником штаба армии с 28 июля стал генерал-майор Ф.А. Пучков.

В ноябре 1920 г. главнокомандующий войсками Российской Восточной окраины генерал-лейтенант Г.М. Семенов в письме командующему Дальневосточной армией генерал-лейтенанту Г.А. Вержбицкому отмечал: «Считаю необходимым теперь же приступить к реорганизации Дальневосточной армии, ибо исправить ошибки никогда не поздно. Поэтому предлагаю начать объединение мелких разрозненных войсковых групп в более боеспособные и прочные войсковые соединения, уменьшить число отдельных частей, но зато дать им численность, достаточную для выполнения возлагаемых на них боевых задач»⁴.

Начальника штаба Дальневосточной армии генерал-майора Ф.А. Пучкова 1 июня 1922 г. сменил генерал-майор П.П. Петров. Оперативное отделение возглавлял полковник Н.П. Рыбаков. Видную роль в событиях на Дальнем Востоке играли полковники А.Г. Аргунов (командир Сибирской стрелковой бригады, во время Волочаевского сражения в феврале 1922 г. во главе своей группы занимал укрепрайон у деревни Волочаевки), А.Г. Ефимов (командир Ижевско-Воткинской бригады) и Л.Л. Ловцевич (начальник штаба III стрелкового корпуса).

Как отмечал генерал-майор Г.И. Гончаренко, более известный как писатель Юрий Галич, в Приморье в 1920 г. «офицеры Генерального штаба были взяты новым правительством на учет. Это не сулило заманчивой перспективы. Это могло означать назначение на командную должность в Красной армии и, в одинаковой степени, кандидатуру в большевицкий застенок»⁵.

Для поддержания порядка в первой половине 1921 г. была осуществлена реорганизация армии. В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление ДВР и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С.Д. Меркулова. Армия наконец стала получать оружие (при содействии японцев) и смогла приступить к своей первоочередной задаче — наведению порядка в Приморье. Переворот был одобрительно встречен в войсках

¹ Атаман Семенов. О себе. М., 1999. С. 203.

² РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 257. Также см.: Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства: Сб. док. и мат. Чита, 2002. С. 86.

³ Там же. Л. 256.

⁴ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

⁵ Галич Ю. Золотые корабли: Скитания. Рига, 1927. С. 220.

как среди каппелевцев, так и среди семеновцев, но последние не спешили подчиниться новому командованию.

Офицеры-генштабисты, участвовавшие в Белом движении на Дальнем Востоке, оказались вовлечены и в противостояние 1920–1921 гг. между каппелевцами и семеновцами, представлявшими две антагонистические группировки внутри армии, причем не обошлось без потерь. 12 июля 1921 г. в результате вооруженного столкновения был смертельно ранен полковник В.Т. Глазков, выпускник ускоренных курсов 3-й очереди и георгиевский кавалер Первой мировой войны. Не приходя в сознание, он скончался. Глазков в соответствии с пройденным им боевым путем относился к каппелевцам, но служил в Гродековской группе войск, являвшейся опорой атамана Г.М. Семенова. Сам Семенов впоследствии написал, что «убийство полковника Глазкова, героя Великой и Гражданской войны, популярного и любимого в войсках, убийство, совершенное своими же белыми собратьями по оружию, это бессмысленное убийство тяжелым камнем давило душу»¹. При этом следует упомянуть, что инцидент начался действиями полковника Б.Э. фон Ваха, однокашника погибшего офицера по академическим курсам, теперь оказавшегося в другом лагере.

Генштабисты продолжали играть руководящую роль в Белом движении на Дальнем Востоке, хотя их количество значительно сократилось в сравнении с предыдущими периодами истории Белого движения на Востоке России. Из ведомости численного состава частей Временного Приамурского правительства к 15 апреля 1922 г. следует, что в этих формированиях служили только 20 офицеров Генштаба². Офицеры находились во главе управлений, занимали должности начальников штабов корпусов, дивизий и бригад, командовали бригадами и полками, служили в военно-учебных заведениях.

С приходом в начале июня 1922 г. к власти генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса в армии стали осуществляться серьезные преобразования, направленные, прежде всего, на ее объединение. В частности, в приказе от 12 июня 1922 г. по Сводно-казачьей бригаде отмечалось, что «с приездом генерала Дитерихса наша государственность вышла на определенный и твердый путь и, таким образом, неопределенность положения, несшая разложение армии, нашла себе естественную смерть. Конечно политическая борьба, и армия вновь вступила на путь объединения и укрепления сил. Приказываю всем от офицера до казака не политиканствовать и тем более не производить мести, а заняться серьезной и упорной работой по укреплению и поднятию боеспособности армии»³.

В результате преобразований значительно изменилась структура армии. Дальневосточная армия была переименована в Приамурскую Земскую рать, полки — в дружины, а командующий — в Воеводу Земской рати. Введением абсурдных для XX в. исторических наименований генерал Дитерихс, судя по всему, преследовал цель поднять дух частей напоминанием о событиях Смутного времени начала XVII в., однако эта мера была неоднозначно воспринята в войсках. 23 июля во Владивостоке состоялось первое заседание Приамурского Земского собора.

¹ Атаман Семенов. О себе. С. 241.

² ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 12–18.

³ РГВА. Ф. 39817. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

Тем не менее радикально укрепить армию не удалось. Бывший председатель Земской думы в Приморье и председатель правительства при генерале М.К. Дитерихсе И.К. Артемьев в эмиграции отмечал в разговоре с генералом А.С. Лукомским, что «почти вся воинская масса страшно опустилась морально и материально. Распущенность и потеря всякой дисциплины, еще во времена “атамановщины” и последнего периода развала на Сибирском фронте, усугубилась в период беженства»¹.

По данным на 1 октября 1922 г., в Земской рати служило не менее 18 офицеров Генерального штаба². Начальником штаба Поволжской рати (группы, образованной из III корпуса) был полковник А.И. Савчук, начальником штаба Сибирской рати (группы, образованной из II корпуса) — полковник А.С. Бодров, начальником штаба Дальневосточной рати (группы, образованной из Забайкальской казачьей дивизии) — полковник Е.М. Дубинин, начальником штаба Сибирской казачьей рати (группы, образованной из I корпуса) — полковник К.Л. Кононов³. Все они окончили ускоренные курсы академии. Командующие группами получили права командиров неотдельных корпусов. Начальником военно-учебных заведений был генерал-майор А.Н. Шелавин. Начальником штаба пограничной стражи состоял полковник А.М. Калаушин. Начальником штаба Железнодорожной бригады — полковник Н.Н. Ивановский. Начальником штаба Московского полка был курсовик полковник П.И. Старков, начальником штаба Восточно-Сибирского полка — полковник И.И. Попов, начальником штаба Западно-Сибирского полка — полковник М.В. Кириченко, начальником штаба Оренбургского казачьего полка — полковник И.П. Брежнев.

В связи с переизбытком специалистов Генштаба вследствие ускоренных выпусков выпускники академии занимали и строевые должности. По данным на 1 октября 1922 г., Камской пешей дружиной командовал полковник В.Е. Сотников, окончивший курсы в Томске, Прикамским стрелковым полком — полковник А.Г. Ефимов, Воткинской дружиной — полковник Б.Э. фон Вах, Петроградской конной дружиной — полковник Я.Я. Смирнов, Западно-Сибирским полком — полковник А.Г. Аргунов.

О качественном составе дальневосточных генштабистов свидетельствовал в эмиграции генерал А.С. Лукомский, побывавший на Дальнем Востоке в 1924 г.: «Офицеров Генерального штаба здесь я, [П.П.] Петров, [Н.А.] Щербаков, [К.М.] Александров, [А.И.] Андогский, [А.П.] Слижиков, [В.А.] Трофимов, [Д.Н.] Сальников, [И.В.] Тонких, [М.Я.] Савич, [С.Н.] Люпов. Офицеров, кончивших ускоренные курсы академии и переведенных в Генеральный штаб [Г.М.] Семеновым, очень много, и среди них есть толковые люди... Как общий вывод — офицеров очень мало. Командный состав можно считать среднего качества. Штабных работников можно достать вполне удовлетворительных и с большим опытом и стажем»⁴. Эта характеристика эмигрантов вполне относится и к качеству генштабистов в завершающий период истории Белого движения на Дальнем Востоке.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 50.

² Подсчитано по: Рыжов И. Л. Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь — октябрь 1922 года в Приморье). Владивосток, 2020. С. 160–165.

³ Филимонов Б. Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 150–152.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 58.

Активизация боевых действий в Приморье осенью 1922 г. осуществлялась в расчете на какие-либо крупные события в Забайкалье или Японии. В связи с возобновлением боев была создана Ударная группа генерал-лейтенанта И. Н. Никитина при начальнике штаба полковнике Н. И. Ефимове 2-м¹. После вывода японских войск в октябре 1922 г. части Земской рати под напором сил НРА ДВР оставили Приморье. Гражданская война в России завершилась.

Как писал генерал Дитерихс в одном из своих последних указов: «Силы Земской Приамурской рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода, без пополнения, без патронов решили участь Земского Приамурского края. Скоро его уже не станет. Он как тело — умрет. Но только как тело. В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии, — он никогда не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси»². В эмиграцию из белого Приморья отправились не менее 13 офицеров-генштабистов³.

Участвовали офицеры-генштабисты и в последних, уже, казалось бы, совершенно безнадежных, актах гражданского сопротивления. В частности, сподвижник атамана А. И. Дутова генерал Н. А. Поляков принимал участие в экспедиции Северного экспедиционного отряда есаула (впоследствии — полковника) В. И. Бочкарева (негенштабиста) на Камчатку в качестве начальника штаба отряда. В октябре 1921 г. бочкаревцы захватили Охотск и Петропавловск-Камчатский, причем Поляков занял пост начальника Петропавловского военного района и находился на этой должности до 27 мая 1922 г. Генерал погиб вместе с отрядом на берегу Охотского моря 13 апреля 1923 г.⁴

Генштабисты принимали участие в событиях заключительного периода Гражданской войны и на других окраинах страны. В частности, внесли свой вклад в советизацию Закавказья в 1920–1921 гг. Независимость Азербайджана была ликвидирована частями РККА за один день 27 апреля 1920 г. почти без сопротивления. Армения была советизирована в конце ноября — начале декабря 1920 г. также практически без сопротивления. Активными участниками советизации Армении и Грузии были начальник штаба Кавказского фронта С. А. Пугачев, командующий 11-й армией А. И. Геккер, начальник полевого штаба 11-й армии Б. И. Кузнецов и многие другие. В Армении красные попытались использовать в своих интересах остатки старой дашнакской армии, но этот опыт нельзя назвать удачным. Командующим войсками на территории ССР Армении и Красной армией Армении (с января 1921 г.) был выпускник ускоренных курсов академии бывший подполковник М. В. Молкочанов, начальником штаба — другой курсовик, бывший полковник В. Ф. Притоманов, его помощником — бывший генерал-майор М. Г. Фисенко. В дальнейшем Притоманов стал начальником штаба армянского Наркомата по военным делам при наркоме Г. Д. Гае. Помощником начальника штаба наркомата стал

¹ Рыжов И. Л. Последний поход. С. 86.

² Указ Правителя Приамурского Земского края. 1922. 17.10. № 68 // ГА РФ. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

³ Рыжов И. Л. Последний поход. С. 335–336.

⁴ Подробнее о Полякове см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. С. 461–462; Кручинин А. С. Экспедиция есаула В. И. Бочкарева (взятие Охотска Северным экспедиционным отрядом 4–6 октября 1921 года) // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы VI Междунар. военно-исторической конф. СПб., 2013. С. 338–365.

курсовик В.С. Тамручи, ранее занимавший пост начальника оперативного отдела штаба 11-й армии и начальника мобилизационного отдела наркомата. 11-й армией, вступившей в пределы Закавказья, командовали курсовики: бывший капитан М.И. Василенко и бывший штабс-ротмистр А.И. Геккер – партийный военспец. Как уроженец Тифлиса, Геккер хорошо знал регион и театр военных действий. Начальниками штаба армии были бывший генерал-майор А.К. Ремезов и уже упоминавшийся Притоманов. Ценнейшую разведывательную информацию о Грузии и других государствах сообщал в Москву советский военный атташе в Тифлисе бывший генерал-майор П.П. Сытин. По другую сторону линии фронта войсками руководили их прежние товарищи по академии – главнокомандующие грузинской армией генералы И.З. Одишелидзе и его преемник (с 16 февраля 1921 г.) Г.И. Квинтадзе, а также начальник Генштаба генерал А.К. Захариадзе.

По сообщению командующего войсками М.В. Молочанова командующему 11-й армией, «Советская власть в Армении получила развалившуюся армию не только в строевом, но и [в] хозяйственном отношении... Обломки старой дашнакской армии, взятые как материал для создания новой красной армянской армии, – оказались плохо одетыми и обутыми»¹.

После советизации Армении в декабре 1920 г. в Эривань прибыл Геккер и обратил внимание на то, что комсостав Главного штаба ССР Армении не знаком с постановкой штабной работы в РККА. По предложению Геккера группа лиц командного состава армянской армии, ранее служившая у дашнаков, была командирована в штаб 11-й армии для изучения штабной службы². Впрочем, в Баку командированные были арестованы. Генштабисты-армяне не подходили большевикам в самой Армении, поскольку были ограничены национальными рамками, тогда как Красная армия формировалась по интернациональному принципу. По этой причине нарком по военным делам Советской Армении А.Ф. Мясников (Мясникян) просил Геккера 23 мая 1921 г. по прямому проводу «прислать нам сюда 2–3 старых генштабистов русского происхождения»³. В разработке плана советизации Грузии участвовал бывший генерал-майор А.Г. Габашвили (Габаев)⁴. Парадоксально, но возглавлявший вооруженную советизацию Закавказья А.И. Геккер не разделял взглядов большевистского руководства на необходимость проведения такой политики. В беседе с проживавшим в Тифлисе бывшим генералом-генштабистом К.Л. Гильчевским после советизации Грузии Геккер, наоборот, отстаивал взгляд на то, что окраинам страны нужно предоставить независимость и перестать тратить на них «деньги русского мужика»⁵. Гильчевский же полагал, что этого никогда не произойдет и окраины будут по-прежнему на содержании русского народа.

Советизация Грузии в феврале – марте 1921 г. встретила более серьезное сопротивление, ликвидированное частями РККА в течение месяца⁶. А.И. Геккер издал

¹ НАА (ПА). Ф. 1022. Оп. 8. Д. 197. Л. 2.

² НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 17. Л. 31.

³ НАА (ПА). Ф. 1435. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

⁴ Траскунов М. Б. Героический боевой путь 11-й армии на фронтах Гражданской войны (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1958. С. 223.

⁵ Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном – о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. Март – апрель. С. 174.

⁶ Подробнее см.: Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019. С. 592–620.

строгий приказ войскам 11-й армии № 16/пол от 15 марта 1920 г. о внимательном отношении к местному населению: «Грузинское меньшевистское правительство все время внушало народу мысль о том, что Красная армия — это не более как банда грабителей и насильников, несущая с собой смерть и разорение. Народ, питаемый только этими тенденциозными сведениями, верил им и боялся прихода Красных войск, но с падением Тифлиса и занятия¹ его советскими частями все изменилось — образцовая дисциплина, отсутствие эксцессов, грабежей и насилий произвело сильное впечатление на народ, который понял, что сведения, распускаемые меньшевиками, были обманом и ложью, поняв это, стал смотреть на красноармейцев не как на врагов, а как на друзей своих и избавителей. Всем начальствующим лицам армии и всем военкомам приказываю принять самые решительные меры к тому, чтобы это доброжелательное отношение народа и его вера в Красную армию не были омрачены даже случайными единичными выступлениями кого-либо из Красной армии, пусть знают все, что освободители не могут быть грабителями и насильниками. Красная армия, жестоко борющаяся против рабства и насилия, пришла в Грузию, неся на своих штыках не смерть и разорение, а счастье, свободу, равенство и братство трудовому народу Грузии, почему настойчиво необходимо внушать это всем красноармейцам, дабы они своим поведением и доброжелательным отношением еще более укрепили веру в Красную армию и Советскую Россию, и беспощадно карать те вредные элементы, которые, забыв революционный долг и совесть, позволяют себе чинить грабежи и насилия»². Документ помимо Геккера подписали член РВС Ш.З. Элиава и начальник полевого штаба армии Б.И. Кузнецов.

Советский военный атташе в Грузии П.П. Сытин писал в 1921 г. о значении советизации Закавказья: «С вступлением частей русской Красной армии в Закавказье перед русской государственной властью стал вопрос о будущем устройстве края. Опыт истекшего трехлетия вполне, казалось, независимого существования Закавказья доказывает с несомненностью, что край нуждается в помощи третьей силы как регулятора взаимоотношений грузин, русских, армян и племен мусульманских различного происхождения, населяющих край. Отсутствие такой беспристрастной третьей силы повлекло за собой в момент разгара национальных инстинктов трения, и межнациональные вопросы и по сие время остаются неразрешенными. Армяно-грузинская война 1918 года, возникшая вследствие территориальных споров за Ахалкалакский уезд и южную часть Борчалинского, резня армян в Азербайджане, политическое унижение татар (т.е. азербайджанцев. — А.Г.) и армян в пределах Грузии, притеснение мусульман в Армении и, наконец, приниженное положение в политическом и экономическом отношениях русских во всем Закавказье явилось последствием создавшегося в крае нового устройства и отсутствия третьей, равно для всех авторитетной, власти. Экономические последствия такого разногласия в крае многочисленны. Грузия, имея в своем обладании черноморские порты и транзитные к ним пути, по своему усмотрению и в интересах политического давления и с целью экономических поборов задерживала вывоз нефти из Баку и ввоз продовольствия в Армению, захватила все находящееся на ее территории русское, общекраевое и фронтовое имущество,

¹ Так в документе.

² ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 287. Л. 93.

которое, естественно, было сосредоточено в общекраевом центре – Тифлисе (интендантское, союза городов, земское, арсенала, главных мастерских Закавказских жел[езных] дорог и прочее), и тем поставила две других республики в безвыходное положение за отсутствием в них всяких запасов и технических средств (Азербайджан кое-как справился, благодаря запасам и техническим оборудованьям, имевшимся в Баку, хотя и с затруднениями). Азербайджан не пропускал в Армению нефть, и жел[езные] дороги последней не могли правильно функционировать. Можно привести бесконечное число примеров различных политических и экономических мероприятий, повлекших за собой обнищание народных масс, обострение экономического кризиса и, главное, межнациональных отношений»^I.

После советизации Закавказья ряд генштабистов из национальных армий перешли в РККА. Например, в Азербайджане на службу Красной армии поступили генерал В.Д. Каргалетелли и полковник В.Н. Соколов. В Армении – полковник Н.Н. Стрелецкий. В Грузии – генерал Н.К. Гедеванишвили (Гедеванов), который с 18 июня 1921 г. занял пост помощника начальника штаба Наркомата по военным и морским делам Советской Грузии^{II}. Поступил на службу в РККА и его брат А.К. Гедеванишвили (Гедеванов). Так же поступил бывший капитан Г.Н. Кутателадзе. Генерал А.С. Андронников, фактически руководивший грузинским Генштабом, стал начальником курсов красных командиров, а в июле 1921 г. командующим войсками Советской Грузии^{III}. На этом посту он пробыл до 13 октября 1921 г.^{IV}, был переведен в резерв и стал председателем комиссии для пересмотра уставов, а уже в 1923 г. его расстреляли. Перешел в РККА и генерал А.М. Бенашвили (Бенаев), ставший и.д. начальника военно-топографического отдела Наркомата по военным и морским делам Советской Грузии^V.

Генштабисты, наряду с видными партийными работниками, постепенно входили в элиту Советского Закавказья. Когда А.И. Геккер в начале 1922 г. покидал Грузию, Грузинский ревком вынес ему благодарность: «Дорогой товарищ Анатолий Ильич. Революционный комитет Республики Грузии, осведомившись, что Вы получили новое назначение и покидаете пределы Грузии, считает для себя приятной обязанностью засвидетельствовать Вам искренние чувства глубокого уважения и признательности.

Ваша, всем известная, беззаветная храбрость и преданность рабоче-крестьянскому правительству получили новое подтверждение в совершенных Вами подвигах за установление советской власти в Республике Грузии.

Ваши военные заслуги в высокой мере оценены высшим командованием.

С своей стороны Революционный комитет как свидетель Вашего славного водительства доблестной XI армией, ныне отдельной Кавказской, не может не отметить той яркой черты человечности, которая характеризует Вас как воина-гражданина.

Действуя среди чужого Вам по крови населения, Вы и возглавляемая Вами армия тем не менее сумели проявить по отношению к нему высокую корректность,

^I ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 11об.–12.

^{II} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 1. Л. 203.

^{III} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 2. Л. 42об.

^{IV} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35об.

^V ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 2. Л. 50об.

смягчая, насколько это возможно было в обстановке боевых условий, тяжелые последствия Гражданской войны.

Мы считаем особенно важным отметить именно эту сторону Вашей деятельности в Грузии, как имеющую значение политического момента, которая вместе с тем гармонически сплелась в Вашем лице с доблестью воина-победителя.

В ознаменование Ваших заслуг Революционный комитет Грузии просит принять сию шашку как символ Ваших высоких военных подвигов.

Пожелаем Вам дальнейших успехов на славном поприще служения делу освобождения трудящихся масс и во славу Красного Знамени, которое Вы всегда высоко держали»^I.

Заместитель наркома по военным и морским делам Грузинской ССР Б.И. Кузнецов в феврале 1922 г. как участник создания курсов и видный военный деятель в Закавказье был зачислен почетным курсантом Батумских пехотных командных курсов. При всех поверках и переключках он должен был вызываться, при этом правофланговый курсант отвечал: «Честно и добросовестно служит во славу трудового народа в должности замначкавувуза»^{II}. В марте он же вместе с Г.К. Орджоникидзе и Ш.З. Элиавой был зачислен почетным курсантом Батумского военно-морского училища. На переключках правофланговому следовало отвечать: «Служат народу». Почетным курсантам поднесли первую форму училища, а также наградили почетным наименованием «видных вождей пролетарского государственного строительства»^{IV}.

Генштабисты участвовали в попытке советизации Персии. В 1920–1921 гг. в Гиляне — прикаспийской провинции Персии — возникла Иранская советская республика. Главнокомандующим персидской Красной армией стал В.Д. Каргалетелли. Офицер также пользовался псевдонимом Шапур. Ранее он успел послужить в грузинской и азербайджанской армиях, причем в последней периодически временно исполнял обязанности начальника Генерального штаба, а весной 1920 г. дослужился до чина генерал-майора. В Первую мировую Каргалетелли служил в Персии в составе корпуса генерала Н.Н. Баратова. Именно этот опыт повлиял на выбор его кандидатуры. Несмотря на протесты партийных работников, беспартийного военспеца утвердили в должности под поручительство члена Кавказского бюро ЦК РКП(б) Б.Г. Мдивани^V. Впрочем, вскоре деятельность Каргалетелли оказалась предметом расследования в связи с плохим обеспечением войск^{VI}. Главком среди прочего отличился эксцессами по отношению к персидскому революционному правительству, а также закрытием венерологического отделения военного госпиталя в Энзели и отправкой больных на фронт^{VII}. В конце концов недоверие и подозрения перевесили, и Каргалетелли в ноябре 1920 г. попал под арест, а на смену ему прислали Н.Ф. Гикало. Затем Каргалетелли уехал в Баку, откуда «дезертировал»

^I ЦАНИГ. Ф. Р-281. Оп. 1. Д. 165. Л. 43.

^{II} Заместителя начальника управления военно-учебных заведений Отдельной Кавказской армии.

^{III} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

^{IV} Там же. Л. 16.

^V Генис В. Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921: Документальная хроника. М., 2000. С. 162.

^{VI} Там же. С. 238.

^{VII} Там же. С. 309.

и вернулся в Персию, перейдя на службу Кучек-хану, но позднее вновь был арестован¹.

В секретном докладе советского военного атташе в Грузии о Каргалетели в начале 1921 г. сообщалось: «Мною получены следующие сведения, за достоверность которых поручиться не могу, так как личность Каргалетели мне не знакома.

По слухам, советскими войсками в Персии командует бывший полковник Генштаба русской армии Каргалетели.

К началу революции Каргалетели в чине подполковника занимал в корпусе ген. Баратова (в Персии) должность штаб-офицера для поручений. Будучи связан с ген. Баратовым какими-то личными отношениями, он страшно вызывающе держал себя по отношению к офицерам штаба и крайне бестактно по отношению к самому Баратову. Будучи по природе страшным интриганом, он до того развил интригу в корпусе, что ген. Баратов по настойчивому ходатайству всех чинов должен был отчислить его в распоряжение начальника штаба округа. Здесь он немедленно по прибытии занял должность штаб-офицера для поручений с исполнением временно вакантной должности помощника начальника штаба. С первых же шагов он начал вести интригу против всех, предназначенных на должность пом[ощника] начальника штаба, каковая представлялась офицерам Генштаба, откомандовавшим полками. Дабы иметь под ногами более прочную почву, он по прибытии в Тифлис записался в партию с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Интригуя и среди партийных деятелей, и среди военных, он добился того, что должность помощника н[ачальни]ка штаба все время оставалась вакантной, и он, не имея на то прав, занимал ее.

Как партийный деятель подполковник Каргалетели был выбран в Грузинский национальный совет, где благодаря апломбу, граничащему с нахальством, стал играть роль и втерся в исключительное доверие к председателю Совета А.И. Чхенкели.

Когда начались формирования воинских частей по национальному признаку, А.И. Чхенкели от имени Национального совета выдвинул на должность начальника дивизии кандидатуру подполковника Каргалетели. Никакие убеждения в полной его неподготовленности к этой ответственной роли не могли поколебать настойчивость А.И. Чхенкели[,] и ген. Пржеваня², слагая с себя всякую ответственность за последствия, согласился на это признание. Двух-трех месяцев довольно было, чтобы обстоятельства разоблачили совершенную неподготовленность Каргалетели, что ему и было открыто заявлено в Национальном совете и в чем, кстати, он сам должен был сознаться. Но, несмотря на все это, он все-таки продолжал играть роль, пока, наконец, в интересах дела принуждены были его уволить от должности. После этого он, как обиженный, некоторое время занимался торговлей, а затем устроился в Азербайджане в Гл[авном] управл[ении] Ген. штаба. Отсутствие среди татар (т.е. азербайджанцев. — А.Г.) офицеров Генштаба способствовало этому назначению. Беспринципный, бестактный, он является человеком, ненавидящим русских. В межнациональном совете он все время вел явную антирусскую политику. Говорят, что он примкнул к партии коммунистов — ни на одну минуту

¹ Там же. С. 445, 460.

² Возможно, генерал М. А. Пржевальский.

не могу поверить искренности этого и считаю, что для русского дела в Персии он является элементом, безусловно, вредным»^I. В итоге Каргалетелли так и остался в Персии. Умер он в 1946 г. в Тегеране.

Еще одним участником персидских событий был М.С. Свечников^{II}, занимавший в 1921–1922 гг. пост помощника советского военного атташе в Персии. 28 января 1921 г. в приказе по Народному военному и морскому комиссариату Азербайджанской ССР № 34 отмечалось, что по распоряжению заместителя председателя РВСР Свечников назначается военным представителем РСФСР в Персии^{III}. Однако отправился к месту службы он не сразу. По-видимому, в Москве военспец получил необходимые инструкции, после чего 31 июля 1921 г. последовало его назначение помощником советского военного атташе в Персии. По другим данным, это случилось 1 ноября 1921 г., а должность именовалась «заместитель военного атташе»^{IV}. Описывая при обмене партийных документов в 1936 г. свою деятельность, Свечников отметил, что в Персии находился с мая 1921 по март 1922 г.^V, причем, эти данные неточны.

Позднее Свечников составил «Очерк революционного движения в Персии в Гилянской провинции в 1920–1921 гг. (по воспоминаниям и материалам)»^{VI}, который до сих пор не опубликован. Имена многих участников событий автор очерка зашифровал первыми буквами. Он писал: «Будучи непосредственным свидетелем работ [советской дипломатической] миссии, а также знакомым и с теми лицами, которые подняли поход против дипломатической деятельности полпредства, считаю необходимым объективно осветить, насколько это представляется возможным, все те данные, которые были на пути у нашего полпредства и в нем самом и которые связаны отчасти с историей революционного движения в Гиляне»^{VII}.

Персидская командировка для Свечникова не была безоблачной. В период реабилитации военспеца в 1956 г. из архива МИД СССР в КГБ при Совете министров СССР поступили данные о борьбе в январе 1922 г. за пост военного атташе в Тегеране между Свечниковым, атташе В.П. Рогачевым и его помощником И.Р. Розенблюмом (Тумановым)^{VIII}.

Неоднозначное прошлое Свечникова затрагивалось в докладе направленного в Персию видного революционера Камо (С.А. Тер-Петросяна) на имя Г.К. Орджоникидзе от 8 февраля 1922 г. Камо задавался вопросом: «Кого наша власть имеет в Тегеране заместителем военного атташе. Друга советской власти или способного продать советскую власть за 30 серебряников? Ответ предоставляю Вам, я же как солдат революции обязан сказать: заместитель военного атташе в Тегеране гражданин Свечников уже раз предал советскую власть. Он, состоя комендантом укреплен[ного] района г[орода] Курск, сдал таковой Деникину и, будучи

^I РГВА. Ф. 33988. Оп. 3а. Д. 41. Л. 42–43.

^{II} Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 146–220.

^{III} РГВА. Ф. 25846. Оп. 1. Д. 21. Л. 91.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 391. Л. 4об.

^V Копия документа из собрания РГАСПИ (Архив автора).

^{VI} РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 385. Л. 1–102.

^{VII} Там же. Л. 56.

^{VIII} ЦА ФСБ. Д. Р-10466. Т. 1. Л. 223.

разыскиваем тов. [Г.А.] Атарбековым¹ в Астрахани, чтобы привлеч[ь к] ответственности за измену рабочей власти, скрылся. Полагаю, что у Свечникова эта измена — не последняя; перемена обстановки дала ему возможность подобрать новых друзей из англичан, с которыми [он] так усердно распивает виски²». Этот отрывок из доклада напоминал донос. Камо осенью 1919 г. участвовал в боях под Курском, где командовал партизанским отрядом. Но, как уже известно читателю, поведение самого Камо тогда было небезупречным. Тем не менее он спустя два с лишним года счел необходимым вспомнить о действиях Свечникова в тот период. Возможно, в связи с этой информацией (известно, что Разведупр³ был недоволен работой Свечникова⁴) 28 февраля 1922 г. Свечникова сняли с должности и отозвали в Москву, а 7 апреля Центральная контрольная комиссия РКП(б) даже рассмотрела вопрос о партийном положении бывшего полковника, проходившего чистку в тегеранской миссии, подтвердив его партийность⁵.

Главком С.С. Каменев лично участвовал в подавлении Карельского восстания 1921–1922 гг.⁶ Генштабисты принимали активное участие и в борьбе с басмачеством в Средней Азии. Видную руководящую роль там также сыграл С.С. Каменев, который в мае 1922 г. выезжал в Туркестан — в Ташкент, Бухару, Самарканд⁷. Этот опыт он обобщил в очерке «Система борьбы с басмачеством (бандитизмом)»⁸. Главком предлагал оккупировать районы, охваченные басмачеством, прочесывать их и окружать противника. Эффективным Каменев считал создание летучих (конных для преследования противника) и истребительных (рейдовых) отрядов.

В борьбе с басмачами заметную роль сыграл Н.Е. Какурин. 25 марта 1922 г. он был назначен командующим войсками Бухаро-Ферганского района и боролся с восстанием Энвер-паши. Последний во главе отрядов басмачей сумел захватить Душанбе и развернул наступление на Бухару, выдвинув лозунг пантюркизма. 17 июня 1922 г. Какурин получил назначение помощником командующего войсками Туркестанского фронта В.И. Шорина и руководил борьбой с басмачами в масштабах всего региона. В тот период Какурин тяжело заболел малярией и получил в итоге осложнение на легкие. Военспец был награжден бухарским орденом Красной Звезды 1-й степени за руководство войсками Бухаро-Ферганского района в борьбе с басмачами, золотыми часами от Бухарского ЦИК и благодарностью командования Туркестанского фронта. В борьбе с басмачами отличился и начальник штаба Бухарской группы войск А.К. Малышев, который 20 июня 1922 г. во главе 9-х кавалерийских курсов и 17-го кавалерийского полка атаковал басмачей в Западной Бухаре и нанес им поражение. 11 августа Малышев атаковал пятикратно превосходившего противника у кишлака Джандары и одержал победу.

¹ В то время Г.А. Атарбеков занимал должность начальника Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 18. Д. 303. Л. 3, 5–5об. Также см.: *Генис В. Л.* Красная Персия. С. 470–471.

³ Разведывательное управление.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-10466. Т. 1. Л. 224.

⁵ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 7. Л. 15; *Генис В. Л.* Красная Персия. С. 471.

⁶ Подробнее см.: *Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю.* В пучине Гражданской войны: карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб., 2021. С. 223–266.

⁷ *Каменева Н. С.* Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982. С. 96.

⁸ *Каменев С. С.* Система борьбы с басмачеством (бандитизмом) // Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент, 1924. С. 6–26.

За эти отличия он был награжден орденом Красного Знамени¹. В этих событиях участвовал и С. А. Пугачев, назначенный в 1923 г. командующим Туркестанским фронтом и награжденный в итоге орденом Красного Знамени Хорезмской ССР, а также орденом Красной Звезды 1-й степени Бухарской народной советской республики.

Свой вклад внесли и другие командующие фронтом, в том числе выпускники академии — бывший капитан А. И. Корг и бывший подполковник В. С. Лазаревич, а также начальники штаба фронта, среди которых академию окончили: бывший генерал-майор А. А. Герарди, бывшие подполковники Ф. П. Шафалович и А. Д. Шуваев, бывшие капитаны А. В. Кирпичников и Б. Н. Кондратьев.

Таким образом, в заключительный период Гражданской войны генштабисты продолжали играть заметную роль в событиях с разных сторон. Они участвовали как в антибольшевистском движении (прежде всего, на Дальнем Востоке, в восстаниях в Кронштадте и на Северном Кавказе), так и в борьбе с ним на различных окраинах от Белоруссии и Закавказья до Туркестана и Приморья. Победу одержала Красная армия, в рядах которой в 1921–1922 гг. оказалось уже абсолютное большинство выпускников Николаевской академии, остававшихся к этому времени на территории бывшей Российской империи.

§ 2. Специалисты Генерального штаба в командном составе РККА в 1920–1922 гг.

Служба выпускников Николаевской академии в Красной армии после завершения в ноябре 1920 г. широкомасштабной Гражданской войны имела свои особенности. Прежде всего, после перехода к новому, очаговому этапу войны перед военно-политическим руководством Советской России встали новые задачи. Одной из них были реорганизация многомиллионной Красной армии и ее сокращение. К этой работе активно привлекались специалисты Генерального штаба. Еще в начале 1920 г. функционировала комиссия И. И. Вацетиса по разработке вопросов, связанных с проведением в жизнь милиционной системы обороны страны (кадрированная армия и вооруженный народ). 21 января 1920 г. ПШ РВСР представил РВСР доклад «Об организации вооруженных сил страны», в котором предлагалось ввести милиционную систему. Среди предложений была идея воссоздания ГУГШ. План ПШ РВСР был раскритикован Вацетисом и Н. И. Подвойским. Свои предложения о переходе к милиционной системе выдвигал и ВГШ. IX съезд РКП(б) в апреле 1920 г. принял резолюцию о постепенном переходе к милиционной системе. Однако Советско-польская война отложила этот переход.

Также была создана специальная комиссия во главе с бывшим генералом П. С. Балугевым, разрабатывавшая положения об органах центрального военного управления при милиционной системе обороны. Среди предложений комиссии была идея создания Всероссийского Генерального штаба как высшего оперативного

¹ Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 13.11. № 230.

органа армии^I. Помимо комиссии Балужева генштабисты в конце 1920 г. работали и в комиссии под председательством бывшего генерала А.А. Брусилова (негенштабиста), занимавшейся вопросом разбивки территории РСФСР на районы и округа для введения милиционной системы. Вопрос о том, нужен ли стране Генеральный штаб, дискутировался на совещании в РВСР в декабре 1920 г. Большинство участников высказалось за то, что необходим единый Штаб РККА вместо Главного и Генерального штабов^{II}. Такая идея впоследствии и была реализована.

Переход на мирное положение выдвинул на повестку дня вопрос о слиянии ПШ РВСР и ВГШ, поскольку потребность в существовании двух параллельных штабов для фронта и тыла отпала. В результате такого слияния приказом РВСР № 336/41 от 10 февраля 1921 г. был образован Штаб РККА. Начальник последнего подчинялся наркому по военным и морским делам через главнокомандующего^{III}. 1-й помощник начальника штаба ведал вопросами подготовки и ведения войны, а также обучения войск; 2-й помощник — организационными, учетными и мобилизационными вопросами. 3-й помощник заведовал обеспечением армии картографическим материалом, прохождением службы, вопросами личного состава и хозяйства штаба^{IV}. В подчинении штаба находились управления: Оперативное, Организационное, Мобилизационное, Разведывательное, по командному составу, по внутренней службе, по обучению и подготовке войск, Управление корпуса военных топографов, Административно-хозяйственное (с мая 1921 г. — отдел), Управление начальника бронесил, ГУВУЗ и ЦУПВОСО^V. В дальнейшем эта организация совершенствовалась. В апреле 1922 г. была упразднена должность 3-го помощника начальника Штаба РККА, подведомственные ему управления распределены между первыми двумя помощниками, а с 1 сентября 1922 г. управления были переименованы в отделы и сведены в управления 1-го и 2-го помощников начальника Штаба РККА. Сам штаб постепенно приводился к организационной схеме окружных штабов^{VI}. Начальником Штаба РККА являлся бывший начальник ПШ РВСР П.П. Лебедев, занимавший новый пост до апреля 1924 г.

Именно Штаб РККА руководил демобилизацией многомиллионной Красной армии после завершения Гражданской войны (армия сокращалась в девять раз). Центральный военный аппарат сильно разбух: к 1921 г. в центральных управлениях по штатам значилось 11 000 служащих, а к началу 1922 г. — 12 583 работника^{VII}. Реорганизации привели к сокращениям. Уже к концу 1922 г. по штатам в центральных управлениях оставалось 5209 человек, а в 1923 г. — 4407 человек^{VIII}.

^I Кляцкин С. М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 452.

^{II} Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 16.

^{III} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 138. Л. 2; Калюжный Р. Г. Красная армия 1918–1934: структура и организация: Справочник. М., 2019. С. 54.

^{IV} На службе в Красной армии: Документы и материалы о деятельности П. П. Лебедева. Чебоксары, 1991. С. 184.

^V Калюжный Р. Г. Красная армия 1918–1934. С. 54–62.

^{VI} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 13 (издание хранится в: РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).

^{VII} Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 2. С. 321–322.

^{VIII} Там же. С. 322–323.

После Гражданской войны руководство советского военного ведомства во главе с Троцким продолжало опираться на проверенные кадры высококвалифицированных военспецов-генштабистов с дореволюционным стажем. Такое положение вещей не устраивало заканчивавших обучение в Военной академии РККА молодых, прославленных и амбициозных красных генштабистов, стремившихся после окончания академии отнюдь не на должности ротных командиров. Как впоследствии вспоминал один из слушателей, «в ближайшее время из академии должны были выпускиться Дыбенки, Венцовы, Федько, Урицкие, но старые генералы просто предлагали назначить их, по крайней мере на время, на низшие должности. Успев покомандовать армиями, они могли оказаться командирами рот и батальонов»^I. Почва для конфликта была налицо. Решать проблему неоднородности социального состава военной элиты и широкого представительства в ней «бывших» руководству страны и военного ведомства предстояло в ближайшие годы. Развернувшаяся вскоре внутрипартийная борьба неизбежно отразилась и на этом вопросе.

Пока же две группы комсостава сосуществовали. Более того, краскомы перенимали у военспецов некоторые привычки. С этим связан гневный совершенно секретный циркуляр Э.М. Скланского командующим войсками военных округов от 17 октября 1922 г.: «Имеются сведения, что в последнее время некоторые лица комсостава начинают проводить как в уклад своей повседневной жизни, так и во взаимоотношения между собой и красноармейцами “барские замашки”, свойственные офицерству буржуазных армий.

Подобное явление не может быть терпимо в среде Рабоче-крестьянской армии, поэтому Революционный военный совет республики, признавая необходимым ликвидировать отмеченное выше явление, просит Вас преподать всем подведомственным Вам начальствующим лицам соответствующие указания.

С товарищеским приветом Э. Скланский»^{II}.

По окончании Гражданской войны в РККА продолжал сохраняться дефицит кадров Генштаба. В одном из документов РВСР от 7 февраля 1921 г. отмечалось, что «все лучшие силы Генштаба, могущие выполнять особо ответственные задачи, находятся [в] настоящее время на фронтах, откуда они командировются [в] экстренных случаях для серьезных поручений»^{III}. При этом пленных белых курсовиков, окончивших академию в Сибири, не считали генштабистами. Несколько ранее, в октябре 1920 г., вышло указание, что «лиц, причисленных и переведенных [в] Генштаб распоряжением бывшего Сибирского правительства, надлежит иметь на особом учете, считая их слушателями академии, но отнюдь не генштабистами»^{IV}. Позднее решение было пересмотрено.

Наблюдались и негативные явления. Например, затягивалось исполнение поручений главкома о перемещениях и командировках генштабистов. Начальник ПШ РВСР 7 февраля 1921 г. разослал телеграмму по этому поводу: «Последнее время участились случаи замедления исполнения приказа штаба о перемещениях и командировках генштабистов для исполнения разных поручений

^I Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 153.

^{II} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 120.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 1.

^{IV} РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 121. Л. 21.

боевого и административного характера. Возникающая при этом переписка по мотивам промедления часто осложняется и непроизводительно поглощает много времени, задерживая [в] прибытии генштабистов к месту назначения и тем ухудшая обстановку. Главком приказал обратить внимание на крайнюю нежелательность таких явлений и принять меры [к] полному их устранению, [в] особенности потому, что [в] ближайшем будущем предполагаются более частые командировки генштабистов по разным заданиям»^I.

В связи с предстоявшим в 1921 г. первым выпуском Академии Генштаба РККА возник вопрос о порядке прохождения службы «красными генштабистами». Во время Гражданской войны вопрос не решался, так как война «требовала высшего напряжения всех сил и отвлекала все внимание на фронты»^{II}. Сложность вопроса заключалась в том, что корпорация генштабистов в РККА вплоть до 1921 г. состояла лишь из бывших офицеров Генштаба старой армии и выпускников старой Военной академии. Основания дореволюционной службы этих лиц значительно отличались от условий в РККА.

Согласно одному из проектов выпускники Академии Генштаба РККА должны были отбывать обязательный ценз до постов начальников штабов дивизий. Начиная с должностей начальника штаба дивизии и командующего бригадой предполагалось выделять и продвигать выдающихся. Документ констатировал, что «назначения генштабистов, которые^{III} до сего времени имели место в армии, преследовали исключительную цель удовлетворить громадную потребность армии в генштабистах, поэтому очень часто лица Генштаба совершенно не соответствовали по своей подготовке своему назначению. Нередко причисленные к Генеральному штабу и даже^{IV} слушатели академии, получая высокие назначения, совершенно не могли справиться с[о] своей работой по должности»^V. Проект предусматривал шесть принципов прохождения службы Генерального штаба: 1) единая школа; 2) единство взглядов на военное дело; 3) выделение выдающихся после определенного стажа; 4) непрерывная работа ума и воли; 5) проверка знания и опыта; 6) аттестация. По окончании академии выпускников предполагалось причислить к Генштабу, а назначения на должности осуществлять по старшинству баллов: помощником начальника штаба бригады по оперативной части, заведующим разведкой бригады, заведующим сектором в отделении разведывательного управления или отдела, помощником начальника отделения или отдела штаба округа, армии, фронта или Штаба РККА, старшим делопроизводителем и для поручений при отделах тех же штабов. Рассматривалась возможность восьмимесячного цензового командования стрелковым полком. Впоследствии, с окончанием строевых цензов, через 2,5 года после выпуска предусматривался и перевод в Генштаб. После перевода начинался пятилетний период первоначального состояния в Генштабе. Идея авторов проекта заключалась в том, чтобы к 30 годам генштабисты

^I РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1870. Л. 39.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 3.

^{III} В документе несогласованно — которое.

^{IV} Наличие в этом тексте частицы «даже» связано с тем, что, очевидно, в данном случае имелись в виду слушатели Академии Генштаба РККА, ценившиеся автором проекта выше старых генштабистов.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 3.

получили серьезную подготовку и при этом сохранили здоровье и энергию, чтобы начать настоящую творческую работу^I.

В докладе состоящего для особых поручений при 1-м помощнике начальника Штаба РККА, подготовленном в марте 1921 г., рассматривался вопрос о принципах построения Генерального штаба в Красной армии. Автор доклада рассуждал о принципах германского Генштаба с его упорной и систематической работой военной мысли, инициативой, наличием единства доктрины, практической работой и руководящей ролью в армии. В связи с бурным развитием военной техники автор доклада отмечал, что генштабисты должны отлично знать свойства всех родов войск и технические средства борьбы (в особенности артиллерии)^{II}. Утверждалось, что «революция разрушила старый Генеральный штаб, но еще не создала нового»^{III} и что «создать Генеральный штаб удастся через весьма большой промежуток времени, измеряемый десятилетиями, при условии сохранения устойчивого взгляда на его роль и значение в жизни армии»^{IV}.

К концу Гражданской войны средний уровень квалификации комсостава РККА по-прежнему оставлял желать много лучшего. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам за 1921 г., «меры, принятые в течение 1921 года к проверке подготовленности комсостава Красной армии, обнаружили, что в значительном числе комсостав по своим военным познаниям стоит на недостаточно высоком уровне, обнаруживая слабую военную подготовку и неудовлетворительное знание уставов»^V. Проверка 6695 командиров во втором полугодии 1921 г. показала, что неудовлетворительно знали уставы 3% высшего комсостава до командиров полков включительно и 29% старшего и младшего комсостава. В документе с тревогой сообщалось: «Недостаточность знаний комсостава обнаруживалась иногда в весьма резкой форме, доходя до совершенного незнакомства с географическими картами и полного незнания полевого и строевого уставов. Наряду с этим наблюдалось равнодушие лиц комсостава к приобретению и восполнению знаний в военном деле...»^{VI}. Неудивительно, что на протяжении 1921–1923 гг. Троцкий активно выступал за повышение подготовки комсостава. Председатель РВСР справедливо считал, что если необходимо сокращать армию, она должна стать профессиональной^{VII}.

Некоторые красные командиры с благодарностью относились к старым спецам, передававшим им свои знания и опыт. Будущий советский генерал А.В. Горбатов вспоминал о своей службе с бывшим генералом Г.М. (Ю.М.) Шейдеманом: «В новой должности работать было легче, так как я мог при подготовке методичек и учебных заданий опираться на штаб, начальником которого был Ю. Шейдеман, интеллигентный и образованный командир, отдававший все свои силы и способности на укрепление Красной армии. С первого дня у меня с ним сложились

^I Там же. Л. 5об.

^{II} Там же. Л. 6, 7.

^{III} Там же. Л. 13.

^{IV} Там же. Л. 12об.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 43об.

^{VI} Там же.

^{VII} Reese R. R. Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005. P. 60.

доброжелательные отношения. Юрий Михайлович – бывший генерал-лейтенант старой русской армии. Каждая встреча с ним для меня – это уроки военного искусства, уроки интеллигентности и соблюдения воинской чести^I. В другом месте Горбатов вспоминал о беседах с Шейдеманом: «Возвращаясь в дивизию, делаясь своими впечатлениями с Шейдеманом о полученных новых знаниях, вздыхая, говорили о том, как многому можно научиться за год, а тем более за три года в академии и как счастлив тот командир, кому выпадет эта возможность!»^{II}

Для понимания процессов того периода характерен подписанный Э.М. Складским приказ РВСР № 2112 от 25 сентября 1921 г.: «В Красной армии в отличие от армий капиталистических государств не может быть классового различия между командным составом и рабоче-крестьянской красноармейской массой, и поэтому наиболее ценными являются те лица командного и административного состава, которые самым происхождением своим не отличаются от нее: из числа же вышедших из буржуазных классов могут быть оставляемы на командных и административных должностях только те, кто долгой службой, особенно на боевых фронтах, доказали свою преданность рабоче-крестьянской власти»^{III}. Таким образом, декларировался приоритет рабоче-крестьянского социального происхождения над профессионализмом. Такой подход задал вектор дальнейшей кадровой политики, в том числе в отношении генштабистов.

Сокращения начались еще в конце 1920 г. Командующий войсками Орловского военного округа Я.И. Алкснис сообщал в рапорте от 28 декабря 1920 г. начальнику ПШ РВСР с копией начальнику ВГШ: «Все почти должности в штабе округа, положенные по штату к замещению лицами Генштаба, за неимением таковых замещены негенштабистами. На деле это, разумеется, отражалось вредно, но обстоятельства времени, нужда в генштабистах на фронте вынуждали мириться с этим. В настоящее время, когда некоторые полевые штабы расформировываются или сокращаются и генштабисты освобождаются от работы в них, вероятно, открывается возможность удовлетворить нужду округов в генштабистах»^{IV}.

Вр.и.д. начальника штаба Орловского военного округа генштабист А.В. Косматов жаловался начальнику Организационного управления ВГШ 29 декабря 1920 г.: «Убедительно прошу ускорить подыскание соответствующего заместителя на должности наштаокр Орловского, [в] связи [с] реорганизацией и сокращением армии освобождаются вполне достойные кандидаты. [В] настоящее время здесь моя роль в важнейшем деле переформирования округа сведена на нет распоряжением тов. [О.А.] Скудре о непосредственном подчинении строевого отдела штаокр'а командвойск'у^V. Следовательно, с меня как бы снята важнейшая работа, единственно препятствующая моему откомандированию из Орла, ибо во главе опер[ативного] отдела Генштаба [Л.А.] Шумов 1912 года и моб[илизационного] отдела вполне подготовленный руководитель Бельский. Как вывод – чувствую себя здесь почти лишним, между тем, полагаю, при другой обстановке мог бы дать

^I Горбатов А. В. Годы и войны: Записки командарма. 1941–1945. М., 2008. С. 168.

^{II} Там же. С. 173.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 29об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 944. Л. 31.

^V Командующему войсками.

максимум пользы, что и заставляет меня еще раз настоятельно просить откомандировать в Москву, указав на заместителя, хотя бы временного, Генштаба Шумова»^I.

Общая численность армии стремительно сокращалась. Если к 1 октября 1920 г. в ней находилось 5,5 млн едоков^{II}, к 1 января 1921 г. — 4,2 млн едоков, включая 1,3 млн бойцов^{III}, то на январь 1922 г. — уже 1,4 млн едоков, включая 540 тыс. бойцов, а к октябрю 1922 г. — 800 тыс. едоков, включая 360 тыс. бойцов^{IV}. К февралю 1923 г. в армии числилось лишь 600 тыс. человек. Параллельно шло сокращение и омоложение командного состава, неизбежно затронувшее генштабистов. Тем не менее демобилизация и реорганизация армии растянулись на несколько лет, вплоть до 1924 г.

Под предлогом повышения качества комсостава из армии увольняли бывших офицеров. Этот вопрос имел очевидную политическую подоплеку — очищение армии от чуждых элементов. По приказу РВСР № 1207 от 5 июня 1921 г. в бессрочный отпуск увольнялись лица, достигшие 50 лет, для всего комсостава, 40 лет — для командиров полков и ниже и 35 лет — для командиров рот и ниже. Увольнению подлежали бывшие офицеры военного времени, этот элемент признавался по «политической малосознательности и недостаточной технической подготовленности малоценным для Красной армии»^V. В течение года за малоценностью были уволены 265 бывших офицеров, 6 понижены в должностях и 16 признаны нуждающимися в пополнении военных знаний. Из бывших белых офицеров было уволено не менее 12 415 человек. Увольнялись тогда и выпускники академии. Так, в 1921 г. был уволен «как специалист-пчеловод»^{VI} бывший капитан П. П. Капошин, ранее служивший в РККА и в украинских войсках, а прежде окончивший младший класс ускоренных курсов академии. Аналогичным приказу 1921 г. приказом РВСР № 254 от 1 февраля 1922 г. подлежали увольнению в бессрочный отпуск лица командного и административного состава старше 50 лет независимо от должности, лица 40-летнего возраста от командиров полков и ниже, лица 35-летнего возраста от командиров отдельных рот и ниже^{VII}. В массовом порядке увольнялись бывшие белые офицеры^{VIII}. Не все партийные руководители были согласны с этой политикой. Так, заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт сообщал в Политбюро 15 декабря 1921 г.: «Считаю, что такое массовое увольнение бывших белых офицеров может иметь нежелательные для нас последствия, создать определенную группу, настроенную против сов[етской] власти, и, распылив их, лишить нас тем самым возможности наблюдения за ними»^{IX}.

Что же происходило со специалистами Генерального штаба? Потребность армии в кадрах высшей квалификации была крайне велика. Для подготовки новых

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 364–364об.

^{II} Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии (исторический очерк). Л., 1926. С. 228.

^{III} РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

^{IV} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 9.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.

^{VI} РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 110.

^{VII} РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 22. Л. 520.

^{VIII} Подробнее см.: Абинякин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

^{IX} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 13. Л. 23.

штабных работников в 1921 г. 85 слушателей были приняты на Военно-академические курсы высшего командного состава РККА, 132 слушателя зачислили на подготовительный курс Военной академии РККА (переименована 5 августа 1921 г. из Академии Генштаба РККА) и 250 слушателей на младший^I. Однако в среднем образовательный уровень командного состава оставался низким. По официальным данным на 1921 г., он был следующим (табл. 104).

Таблица 104

Уровень образования комсостава РККА на 1921 г.^{II}

Разряды должностей	Процентное соотношение					
	Окончили Николаевскую академию Генерального штаба	Бывшие кадровые офицеры	Бывшие офицеры военного времени	Окончили Академию Генштаба РККА	Окончили командные школы и курсы РККА	Окончившие учебные команды и не получившие военного образования
Высший комсостав	3,26	29,69	38,02	1,79	6,29	17,21
Старший комсостав	0,42	12,26	45,26	0,18	15,50	24,10
Весь комсостав (до командиров взводов включительно)	0,28	3,71	24,99	0,11	26,17	41,55

По этим данным, процент командиров с высшим военным образованием в РККА (правда, учтены почему-то только выпускники двух академий) составлял 0,39%.

В 1921 г. в РККА числилось 407 выпускников Николаевской академии и 125 окончивших Военную академию РККА. Должностное положение их было следующим (табл. 105).

Таблица 105

Должностное положение «лиц Генштаба» РККА на 1921 г.^{III}

Разряды должностей	Окончивших Николаевскую военную академию	Окончивших академию Генштаба РККА
Высший комсостав	29	16
Старший	33	14
Средний	31	57
Административно-хозяйственный состав	313	38

Заметное преобладание старых генштабистов в административно-хозяйственном составе связано с тем, что высшие должности в окружных штабах и в центральных управлениях считались административно-хозяйственными. Из «лиц

^I РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

^{II} Там же. Л. 46.

^{III} Там же.

Генерального штаба» должности от начальников штабов отдельных бригад и выше в старой армии занимали 208 человек, а в РККА — 200 человек¹.

В связи с переходом страны на мирные рельсы менялся характер службы. Все больше военспецов переходили на преподавательскую работу. На некоторых оставшихся фронтах, как, например, на Западном, генштабисты распределялись следующим образом (табл. 106).

Таблица 106

Распределение «лиц Генштаба» на Западном фронте к 1 января 1921 г.²

Место службы	По оперативной части	По административной части	По военно-учебным заведениям	По военным сообщениям	На строевых должностях	Всего
Полевое управление фронта	11	2	8	1	3	25
15-я армия	1					1
16-я армия	4		1	1	4	10
3-я армия						1 (в Витебске)
Всего	16	2	9	2	7	37

Важные выкладки о службе специалистов Генштаба содержатся в докладах 1-го помощника начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова за апрель 1921 г. По данным этих докладов, на апрель 1921 г. должности начальников штабов дивизий и отдельных бригад были замещены: «лицами Генштаба» — 9 (12,6%), слушателями старой академии — 5 (7%), слушателями Академии Генштаба РККА — 4 (5,6%), лицами не Генерального штаба — 53 (74,8%)³. Таким образом, лишь незначительный процент начальников штабов соответствовали своему назначению. По данным докладчика, в РККА насчитывалось 558 выпускников академии, среди которых 276 генштабистов старых выпусков, малопригодных для службы на строевых должностях в РККА, и 205 генштабистов более молодых, соответствовавших современным требованиям строевой службы. Из последних 119 человек представляли выпуски 1914–1917 гг. и 86 — прочие. 77 генштабистов попали в РККА после службы в белых армиях. Из бывших белогвардейцев на ответственные должности были назначены лишь шестеро, 14 представляли выпуски 1914–1917 гг. и 57 — прочие, в том числе 20 человек были не пригодны к строевым должностям. В РККА также находились 62 слушателя старой академии, включая ускоренные курсы. 49 из них занимали штабные должности и 13 — прочие. У красных служил даже 51 выпускник сибирской (колчаковской) академии. Штабные должности из этой группы занимали 17 человек, а 34 служили в ГУВУ-Зе, т.е. в основном на военно-педагогической работе. Академия Генштаба РККА,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 26.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 169.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 31об.

по мнению докладчика, должна была дать 547 специалистов Генштаба (первый выпуск — 182, второй — 231, третий — 134). Распределение «лиц Генштаба» РККА на апрель 1921 г. приведено в таблице 107.

Таблица 107

Распределение «лиц Генштаба» РККА на апрель 1921 г.

Местонахождение	Количество	%
На фронтах	110	20
В округах	95	17
В учреждениях центра	125	22,4
В Академии Генерального штаба РККА	41	7,3
Во Всевобуче	13	2,3
В ГУВУЗе	153	27,4
Арестованных	21	3,6
Итого	558	100

Таблица 107 наглядно показывает, что в строю был использован небольшой процент кадров Генштаба. Почти две трети (63%) служили в тыловых учреждениях, и только 37% — на фронте и в округах. Такое распределение, по мнению автора доклада, было связано с недоверием к бывшим белым, еще не доказавшим свою благонадежность для направления их на фронт. Более четверти специалистов концентрировалось в ГУВУЗе. Безоговорочно кандидатами на должности начальников штабов дивизий и бригад подходили лишь 50 генштабистов и еще 25 — с определенными оговорками.

Шапошников считал, что Генерального штаба РККА «до сих пор фактически не существовало»¹. Числившихся в Генштабе он подразделил на три категории: 1) активных работников (тех, кто с первых дней вступил в РККА и принес в ее рядах максимальную пользу); 2) тех, кто в годы Гражданской войны находился в тылу и на нестроевых должностях, в основном в ГУВУЗе, возможно, преднамеренно уклоняясь от активной работы; 3) бывших белых.

Эти мысли перекликались с суждениями из датированного октябрём 1921 г. доклада состоявшего для поручений при начальнике Командного управления Штаба РККА, в котором отмечалось, что Генеральный штаб «состоит из трех резко различающихся между собой групп: первые две — это бывшие офицеры Генерального штаба, а именно: работавшие активно на красных фронтах и пребывавшие в тылу; третья группа — это лица, выпущенные из красной военной академии. Из этих трех групп вторая, т.е. те, которые пробыли в тылу все четыре года Гражданской войны, применены для непосредственной работы в войсковых штабах по разным причинам (отсталость от жизни, политическое несоответствие) могут быть лишь частично. Эта группа по своему количеству самая многочисленная. Две другие, значительно меньшие группы, естественно, не могут восполнить собой общего, даже минимального количества, потребного для замещения должностей

¹ Там же. Л. 32. Из предстоявшего третьего выпуска Академии Генштаба РККА 13 человек находились в командировках на фронте, один в ГУВУЗе, трое числились пропавшими без вести и пленными.

¹¹ Там же. Л. 38.

Генерального штаба Красной армии. Вместе с тем время не ждет. Каждый момент может вспыхнуть война, не гражданская, которая допускала кустарную постановку дела, а война с регулярными, обученными и подготовленными армиями одного из наших соседей»^I.

В одном из своих докладов Шапошников отметил «невозможность в полной мере использовать генштабистов, бывших у белых на службе»^{II}. Большие надежды докладчик возлагал на подготовку новых кадров в Академии Генштаба РККА^{III}. Однако их квалификацию оценивал скептически: «Число выпускаемых не столь велико (117 чел.) и выпускные не столь опытные, чтобы вопрос образования красного Генштаба можно было поставить в плоскость отказа от услуг лиц старого Генштаба и начала создания нового Генштаба с выпуска красных генштабистов 1921 года»^{IV}. Относительно небольшой размер выпуска был связан с массовым отчислением слушателей от академии, а также с событиями Гражданской войны, задержавшими обучение и выпуск. По некоторым данным, с дополнительного курса академии в 1921 г. было отчислено 118 человек^V.

О тех, кто находился не в строю, а на преподавательской работе, Шапошников писал: «Оставаясь в стороне от Гражданской войны, эти лица Генштаба являются отсталыми военспецами, не способными вести подготовку комсостава на уровне современных требований Красной армии»^{VI}. По мнению автора документа, эти лица лучше материально обеспечены, продолжительное время летом отдыхают, тогда как их нужно привлекать к лагерным сборам и направлять в войска. Им же была выдвинута идея создания особой комиссии для пересмотра списка «лиц Генштаба», а также проведения всех генштабистов через Высшую аттестационную комиссию. Итогом работы комиссии должно было стать издание окончательного списка Генерального штаба РККА, «который даст возможность судить о том, что следует предпринять, чтобы пополнить ряды Красного Генштаба, и как наилучшим образом использовать его»^{VII}. Был поставлен вопрос и о правильной организации службы Генштаба со строевыми цензами и постепенным назначением кандидатов на более высокие штабные должности.

Доклады Шапошникова были рассмотрены лишь в октябре 1921 г. Возможно, комментарии к одному из них составил начальник Штаба РККА П.П. Лебедев, который во многом был не согласен с докладчиком. Фактически в докладах и в комментариях был подведен своеобразный итог деятельности Генерального штаба в годы Гражданской войны. В комментариях к докладу Шапошникова было сказано, что «по Ген. штабу могут числиться только те, кто подает надежды сделаться красным генштабистом»^{VIII}. Отмечалось, что не следует исключать бывших белых из работы, так как многие из них работают особенно активно, однако гораздо важнее исключить тех «халупников» Генштаба, которые засели на пассивных

^I Там же. Л. 115.

^{II} Там же. Л. 32об.

^{III} Там же. Л. 32об.–33.

^{IV} Там же. Л. 38об.

^V Там же. Л. 209–212.

^{VI} Там же. Л. 39.

^{VII} Там же.

^{VIII} Там же. Л. 38.

должностях. За каждого из бывших белых предлагалось поручиться двум ответственным работникам. Составитель другого комментария, начальник Командного управления и военком В.Р. Бородулин, не видел разницы между бывшими белыми и теми, кто отсиживался на тыловых должностях, кроме того, в реалиях РККА он не видел различий между полноправными генштабистами и причисленными к Генштабу¹.

Сохранились подробные статистические выкладки о характере службы специалистов Генерального штаба РККА к концу Гражданской войны. Интересно, что в некоторых документах специалисты делились на активных и прочих. Кроме того, разделены они были и по годам выпусков – до 1906 г., 1907–1916 гг. и 1917 г. По-видимому, категория 1907–1916 гг. считалась наиболее ценной, энергичной и подготовленной.

Таблица 108

Распределение «лиц Генерального штаба», слушателей старой и красной академий Генштаба и академии Сибирского правительства по фронтам и тыловым учреждениям к 15 апреля 1921 г.»

Место службы	Старые генштабисты	Слушатели академии Генерального штаба
Штаб РККА с инспекциями, курсами разведки, военно-исторической комиссией	83	0
Западный фронт	40	10
Вооруженные силы на Украине	23	26
Кавказский фронт	46	13
Туркестанский фронт	17	9
Штаб помощника главнокомандующего по Сибири	14	22
Запасная армия республики и Приволжский военный округ	7	6
Беломорский военный округ	6	1
Заволжский военный округ	8	2
Киевский военный округ	27	11
Московский военный округ	10	13
Орловский военный округ	7	1
Петроградский военный округ	37	18
Приуральский военный округ	2	1
Харьковский военный округ	1	9
5-я армия и Восточно-Сибирский военный округ	2	16
ГУВУЗ	120	43
Всевобуч	9	2
РВСР	7	0
ЦУПВОСО при РВСР	15	2

¹ Там же. Л. 41об.

¹¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 12.

Место службы	Старые генштабисты	Слушатели академии Генерального штаба
Дипломатические представители за границей и представители пограничной контрольной комиссии	6	4
Академия Генерального штаба	41	1
Военно-морская инспекция	2	0
НКПС	1	0
Центральное управление снабжения	2	0
Штаб командующего морскими силами	2	0
Арестованные	23	0

По этим данным старых генштабистов насчитывалось 558, а слушателей – 210. Обратим внимание на то, что в ГУВУЗе концентрировались 120 старых специалистов, или 21,5% всех кадров старого Генштаба. Вместе с Академией Генерального штаба и Всевобучем военно-учебной деятельностью занимались 170 специалистов, или более 30%. На фронтах оставались 103 военспеца-генштабиста, в округах служили 100 старых специалистов. По-видимому, 282 старых специалиста (50,5%) служили в различных учреждениях в Москве. Арестованы были 4% старых специалистов.

Интересна диаграмма распределения «лиц Генштаба» по фронтам, округам и военным учреждениям к 1 мая 1921 г., в которой отмечены проценты и численность активных и прочих работников. Возможно, ее автором также был Шапошников. Эта диаграмма преобразована нами в таблицу 109.

Таблица 109

**Распределение «лиц Генштаба» по фронтам, округам и военным учреждениям
к 1 мая 1921 г.¹**

Местонахождение генштабистов	Активных	Прочих	Всего
РВСР, штаб ЦУПВОСО	75 (13,4 %)	30 (5,5 %)	105 (18,9 %)
Фронты	94 (16,9 %)	46 (8,2 %)	140 (25,1 %)
Округа	61 (11 %)	46 (8,2 %)	107 (19,2 %)
ГУВУЗ	29 (5,2 %)	91 (16,4 %)	120 (21,6 %)
Тыловые учреждения	22 (3,9 %)	41 (7,3 %)	63 (11,2 %)
Арестованы		23 (4 %)	23 (4 %)

Судя по этой раскладке, 49,6% генштабистов были отнесены к пассивным работникам, а настоящим средоточием «балласта» считались ГУВУЗ, тыловые учреждения, штабы округов и фронтов.

В докладе от 20 мая 1921 г. Шапошников писал, что «лица Генерального штаба должны непрерывно следить за развитием военно-научной мысли и способствовать

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 64.

прогрессу военного дела»^I. При этом он добавлял: «Взгляд, что генштабист должен знать все, сильно устарел. Универсальных специалистов никогда не было и не будет. Благодаря такому взгляду на них, мы имели к... войне [19]14–[19]18 г. самый большой по численности в мире Генштаб, но самый малый по своему удельному весу»^{II}.

Ситуацию с незамещенными должностями Генштаба к августу 1921 г. поясняет таблица 110.

Таблица 110

Незамещенные должности Генштаба к 11 августа 1921 г.^{III}

Наименование центральных учреждений, фронтов и округов	Всего незамещенных должностей Генштаба	Из них		
		Не замещено должностей Генштаба	Не замещено должностей с отметкой «может быть Генштаба»	Должностей, замещенных лицами не Генштаба
Штаб РККА	45	11	23	11
Западный фронт	47	15	15	18
Штаб всех вооруженных сил на Украине	36	12	24	
Отдельная Кавказская армия	32	32		
Туркестанский фронт	15	15		
Штаб помощника главнокомандующего по Сибири	47	47		
Приволжский военный округ	12	10	2	2
Киевский военный округ	32	32		
Московский военный округ	22	22		
Орловский военный округ	21	19	2	
Петроградский военный округ	26	26		26
Приуральский военный округ	29	29		
Харьковский военный округ	27	27		
Северо-Кавказский военный округ	40	40		8
Заволжский военный округ	19	19		
ГУВУЗ				
ЦУПВОСО	52	52		
Итого	502	408	66	65

Таким образом, число вакансий по Генеральному штабу было очень велико. В связи с некомплектом предпринимались экстраординарные меры. В условиях нехватки специалистов Генштаба руководство РККА не отказывалось и от использования кадров, подготовленных противником или ранее служивших у белых.

^I Там же. Л. 82.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 113об.

К примеру, с мая 1922 г. по Генеральному штабу в РККА официально числились даже бывшие офицеры, причисленные к нему в белой Сибири¹.

Таблица 111

Использование кадров Генерального штаба РККА по данным на 23 ноября 1921 г.²

Место службы	Лиц Генштаба выпуска до 1917 г.	Лиц Генштаба, окончивших сокращенный курс академии 1917 г.	Окончивших Военную академию в 1921 г.	Слушателей Военной академии РККА	Окончивших академию Сибирского правительства	Слушателей академии Сибирского правительства	Слушателей старой академии	Итого
В полевых войсках	167	38	61		6	17	75	364
Штаб РККА	60	11	8					79
ЦУПВОСО	12		6				2	20
Инспекция кавалерии	2		1					3
Инспекция пехоты	5		2					7
Военно-дипломатические представители	5							5
Военно-историческая комиссия	5							5
Всевобуч	10	1				1		12
Военная академия РККА	44	5	3	360			1	413
ГУВУЗ	105	17	9		3	13	14	163 (161)
УкрВУЗ	27	2						29
ГВИУ	1							1
Военно-морская инспекция	2		3					5
НКПС	1							1
ЦУС	1							1
ВСНХ	1							1
Штаморси ³	1							1

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 35.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 11. В круглых скобках уточненные данные.

³ Штаб морских сил.

Место службы	Лиц Генштаба выпуска до 1917 г.	Лиц Генштаба, окончивших сокращенный курс академии 1917 г.	Окончивших Военную академию в 1921 г.	Слушателей Военной академии РККА	Окончивших академию Сибирского правительства	Слушателей Сибирского правительства	Слушателей старой академии	Итого
Гукон ^I	2							2
Главвоздухофлот ^{II}	1		1					2
Арестовано	29	3						32
Итого	481 (в другом варианте 488)	77 (в другом варианте 78)	94	360	9	32 (31)	92	1153 (сумма по разным столбцам дает 1145 и 1146; в другом варианте 1143)

Согласно данным таблицы 111, к 23 ноября 1921 г. в РККА имелись 573 слушателя и выпускника старой академии мирного времени, 77 курсовиков, 40–41 курсовик сибирской академии и 94 выпускника Академии Генштаба РККА. Всего, таким образом, 691 специалист, так или иначе связанный со старой академией.

Практически на ту же дату были подготовлены несколько иные статистические выкладки, которые приведены в таблице 112.

Таблица 112

**Распределение кадров Генштаба РККА
(исключая выпускников Военной академии РККА) к 25 ноября 1921 г.^{III}**

Место службы	Старых генштабистов	Слушателей	Белых
В полевых войсках	266 (40,3 %)	98 (19,7 %)	43 (3,7 %)
Штаб РККА, военно-историческая комиссия, инспекции	91		3
ЦУПВОСО	18	2	
Военно-дипломатические представители	5		
Всевобуч	11	1	4

^I Главное управление коневодства и коннозаводства.

^{II} Главное управление Рабоче-крестьянского Красного военно-воздушного флота.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 11. Л. 8, 13.

Место службы	Старых генштабистов	Слушателей	Белых
Военная академия	52		6
ГУВУЗ	131 (19,8 %)	30 (6,1 %)	16 (1,4 %)
УкрВУЗ	29		1
ГВИУ	1		
Военно-морская инспекция	5		
НКПС	1		
ЦУС	1		
ВСНХ	1		
Штаморси	1		
Гукон	2		1
Главвоздухофлот	2		
Арестовано	32		9
Состоящие в РВСР	6		1
В распоряжении СНК	1		
Итого	656	131	84

По этим данным в РККА насчитывался 871 специалист Генштаба, не считая выпускников Военной академии РККА. Среди специалистов были 656 выпускников старой академии, 131 курсовик и 84 бывших белых.

Показательны данные по военным округам. На декабрь 1921 г. в Московском военном округе и подведомственных ему учреждениях состояли 11 выпускников старой академии, а также один выпускник красной академии. Лишь два работника служили с 1919 г. и один – с 1920 г., остальные – с 1921 г., причем в основном со второй половины года¹ Таким образом, ротация кадров была очень интенсивной.

По данным на июнь 1921 г., ситуация с кадрами Генштаба РККА на Кавказе была следующей (табл. 113).

Таблица 113

**Кадры Генштаба РККА в Северо-Кавказском военном округе (СКВО)
и в Отдельной Кавказской армии на июнь 1921 г.^{II}**

Место службы	Занято	Вакантно
Штаб СКВО	2	13
Части СКВО		27
В резерве СКВО		3
Штаб Отдельной Кавказской армии	7	8
1-й Кавказский корпус		7
2-й Кавказский корпус	1	5

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 340. Л. 5.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 2. Итоговые цифры исправлены.

Место службы	Занято	Вакантно
В отдельных дивизиях		12
Всего в армии	8	32
Всего на Кавказе	18	107

Дальнейшее военное строительство в Закавказье развивалось не без сложностей. В ноябре 1921 г. армянская Красная армия была переформирована в сводную бригаду. Затем реорганизация продолжалась. Штаб Армянской стрелковой дивизии (переформирована из Армянской сводной бригады 5 сентября 1922 г.) был объединен со штабом Наркомата по военным делам ССР Армении, в результате чего полевой штаб дивизии приобрел еще и функции тылового учреждения, оказался втянут в решение вопросов мобилизации и укомплектования в ущерб оперативной работе. В ноябре 1922 г. армянский наркомат даже предлагал реорганизовать Отдельную Кавказскую армию (бывшую 11-ю, преобразована 29 мая 1921 г.), введя в ней корпусную структуру по республикам. Командир корпуса совмещал бы этот пост с должностью наркома по военным делам¹.

Анализ приказов РВСР по личному составу армии показал, что увольнения военспецов-генштабистов начались уже в 1921 г., приобретая массовый характер к 1923–1924 гг. Военспецов, как правило, увольняли в бессрочный отпуск или переводили в резерв при Штабе РККА, отстраняя от активной службы. Всего были уволены десятки человек.

Некоторые бывшие белые офицеры вынужденно покидали армию, будучи лишены пайка и содержания. Так, бывший курсовик-деникинец П.А. Сергеев, числившийся в резерве, писал 15 марта 1923 г. в рапорте начальнику командного отдела Штаба РККА: «Ввиду того, что мне теперь не дают ни пайка, ни содержания, мне не на что существовать, и я принужден поступить на гражданскую службу, а для этого требуются документы о моей демобилизации из Красной армии, почему прошу Вашего распоряжения о производстве таковой.

Если же ходатайство о назначении меня штатным преподавателем по ГУВУЗ увенчается успехом, то я предполагаю поступить на службу добровольцем»².

Те, кто не мог устроиться на службу или подлежал увольнению, порой находились в тяжелейшем положении и были вынуждены, по сути, выживать. Например, бывший полковник И.А. Антипин, ранее служивший в РККА и у белых на Восточном фронте, после пленения весной 1920 г. оказался под арестом, затем освобожден и попал в Москву. С конца декабря 1920 по апрель 1921 г. он занимался разгрузкой дров на вокзалах, позднее до февраля 1928 г. работал в различных государственных учреждениях на низкооплачиваемых должностях, после чего восемь месяцев являлся безработным, а с октября 1928 г. трудился агентом-товароведом московского представительства персидско-советской рыбопромышленной компании (Персрыба)³. В 1931 г. офицера расстреляли по делу «Весна».

¹ НАА (ПА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 19. Л. 136.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 121.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 47об.–38.

Увольнения не привели к отбору и сохранению в армии наиболее квалифицированных штабных работников. Наоборот, как отмечал в своем рапорте начальнику Штаба РККА начальник штаба Туркестанского фронта Ф.П. Шафалович 25 ноября 1922 г., «производимое одновременно с уменьшением численности армии сокращение штабов не дало в результате отбора наиболее ценных и опытных штабных работников. Наоборот, в связи с выходом приказов по РВСР об увольнении в бессрочный отпуск по предельному возрасту из армии ушел целый ряд энергичных и опытных работников, вследствие полной материальной необеспеченности. Сокращение численности штабов и наличие малоопытных работников, находящихся к тому же в чрезвычайно тяжелых материальных условиях, крайне неблагоприятно отражается на работе. Наблюдается чрезвычайная медленность исполнения и большие перебои и промахи. Кроме того, происходит перераспределение работы; работа начальников отделений выполняется начальниками отделов, а работа этих последних — начальниками управлений... положение с личным составом в штабах на основании изложенного сильно ухудшилось, и в настоящее время ряд высших должностей замещен или не соответствующими своему назначению, слабыми работниками, или же сотруddниками, больными малярией и требующими перемены климата»¹. Далее Шафалович просил прислать ему специалистов на должности начальников отделов штаба фронта (оперативного, по подготовке и службе войск, организационного, мобилизационного), помощника начальника мобилизационного отдела штаба фронта, двух начальников отделений штаба фронта (в мобилизационный отдел), четырех начальников штабов стрелковых дивизий, двух начальников штабов кавалерийских бригад, начальника штаба крепости Кушка. Всего Туркестанскому фронту требовалось 14 специалистов.

Таким образом, РККА утратила часть старых спецов, но повышения качества комсостава не произошло. В армии сохранялся серьезный некомплект кадров Генштаба. Так, по данным на ноябрь 1922 г., в Восточно-Сибирском военном округе некомплект таких работников достигал 39 человек, тогда как в наличии имелся лишь один специалист². В органах военных сообщений на 1921 г. работали 14 генштабистов, а некомплект составлял 53 человека, или 79%³.

По итогам Гражданской войны стали обсуждаться различные проекты радикального преобразования Красной армии, в том числе и Генерального штаба. Так, командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский, переведенный в Генеральный штаб за революционные заслуги и не имевший необходимого образования, в июле 1921 г. составил записку «Необходимость немедленного создания красного Генерального штаба»⁴. В этом документе он указывал, что «в своей массе красный Генеральный штаб должен быть коммунистическим, и это необходимо провести в жизнь срочно, хотя бы и не доводя его сразу же до желаемого совершенства в военно-техническом отношении»⁵. Нет необходимости пояснять,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 13.

² Там же. Л. 11.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 22–22об.

⁴ Публикацию документа см.: Войтиков С. С. Документы Михаила Тухачевского // Военно-исторический архив. 2009. № 11 (119). С. 56–60; Его же. Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 633–636. Частично опубли. в: Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. С. 683–685.

⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 93.

что подобный «идейно правильный» взгляд молодого красного полководца был совершенно несостоятелен в профессиональном плане. Но вполне возможно, что за идеей отстранения старых генштабистов скрывались какие-то устремления самого Тухачевского, которого подозревали в бонапартизме. Быть может, в лице старых генштабистов он видел конкурентов в борьбе за власть в армии. Известно, что Тухачевский и ранее (например, в конце 1919 г.) пытался устранить беспартийных военспецов из командного состава¹.

По расчетам Тухачевского, для 32 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, а также 25 отдельных стрелковых бригад мирного времени армии требовались 46 начальников дивизионных штабов, 92 их помощника, 145 начальников бригадных штабов, 290 их помощников – всего 573 специалиста. Для замещения этих должностей имелось 106 старых генштабистов. В военное время нужно было 1056 генштабистов для 60 стрелковых и 28 кавалерийских дивизий (88 начальников дивизионных штабов, 176 их помощников, 264 начальника бригадных штабов и 528 их помощников). Для срочного заполнения к войне 950 вакансий, по мысли Тухачевского, требовались экстренные меры. Он считал, что выпуски из Академии Генштаба позволят в 1923 г. устранить некомплект мирного времени, но для устранения некомплекта военного времени предлагалось осуществить ускоренную подготовку кадров на курсах штабной службы. Будущий маршал пафосно резюмировал: «В революционную эпоху как создание армии, так, конечно, и создание Генерального штаба – есть дело не эволюционное, а революционное»². Впрочем, этот проект реализован не был.

29 ноября 1921 г. на заседании РВСР обсуждались прямо противоположные предложениям Тухачевского идеи борьбы с внутренней замкнутой коммунистической военной кастой, причем отмечалось, что ценз партийности для занятия штабных должностей не предполагается³. Таким образом, сохранялись прежние установки на использование в штабной работе беспартийных военспецов.

По данным на июль 1922 г., назначения по Генштабу утверждались РВСР по представлению Штаба РККА. 10 августа 1922 г. приказом РВСР № 1904 его бессменный председатель Л. Д. Троцкий упразднил само определение «Генеральный штаб» в Красной армии. Очевидно, это делалось для снижения корпоративного духа генштабистов. Явно понижался и статус кадров Генштаба. Бывшие генштабисты теперь стали именоваться «лицами с высшим общим военным образованием»⁴. Это преобразование, важное с точки зрения единства командного состава и подавления корпоративизма в нем, имело и отрицательные последствия. Так, например, вместо прежних документальных указаний на генштабистов в виде приставки «Генштаба» перед фамилией теперь появилась сложно употребляемая формулировка «с высшим общим военным образованием» такой-то (в отдельных документах встречалось сокращение – специалист с ВОВО (высшим общим военным образованием)⁵). Невозможность употребления подобных терминов

¹ См., напр.: Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 27–30.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 95об.

³ Там же. Л. 144.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 8.

⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 152об.

в документообороте могла вести и к несоответствующим назначениям. Приказом РВСР № 2549 от 23 ноября 1923 г. из этого определения убрали слово «общим»^I.

Вопрос о том, кого считать лицами с высшим общим военным образованием, периодически оказывался на повестке дня руководства РККА. После Октябрьской революции прежние критерии отнесения тех или иных специалистов к категории генштабистов оказались размыты, в результате чего к генштабистам в РККА стали относить всех, так или иначе связанных с учебой в старой академии, даже если эта учеба была кратковременной или неудачной. Актуальность вопроса возросла после того, как в 1921–1922 гг. состоялись первые выпуски Военной академии РККА. Новые красные генштабисты отучились в академии три года. После этих выпусков ценность генштабистов старой школы и их значение в комсоставе РККА начали снижаться. В первую очередь это касалось не вполне подготовленных специалистов из числа выпускников ускоренных курсов старой академии периода 1916–1919 гг. Вопрос о том, можно ли их считать полноценными специалистами с высшим общим военным образованием, серьезно обсуждался в Штабе РККА весной 1923 г.^{II}

В отделе по командному составу Штаба РККА в мае 1923 г. была подготовлена справка, в которой отмечалось, что «войной 1914–1918 гг. нормальный порядок выпусков из Николаевской военной академии оказался нарушен, начался выпуск из нее краткосрочный, а также, принимая во внимание, что выпуски происходили по 1[-му] и 2[-му] разрядам с откомандированием по окончании академии в свои части без причисления к Генеральному штабу, на местах могут быть различные толкования: “Кого же считать лицами с высшим общим военным образованием”»^{III}. Командный отдел в мае 1923 г. подготовил специальное разъяснение по этому вопросу, включенное в циркуляр Наркомата по военным делам № 114 от 29 июня 1923 г.

Лицами с высшим общим военным образованием, согласно циркуляру, считались^{IV}:

а) окончившие полный курс с дополнительным по 1-му и 2-му разрядам Николаевской академии Генерального штаба и Николаевской военной академии до 1914 г. включительно, как причисленные, так и не причисленные к Генеральному штабу;

б) окончившие в тех же академиях и до того же года младший и старший курсы по 1-му и 2-му разрядам, как причисленные, так и не причисленные к Генеральному штабу;

в) окончившие 1-й курс академии в мирное время и 2-й курс в 1916 г., переведенные в Генеральный штаб приказом армии и флоту от 14 сентября 1917 г. (выпуск 1916 г.);

г) окончившие 1-й курс академии в 1916–1917 гг. и 2-й курс в 1917–1918 гг. до пленения (как указывалось в документе) Николаевской академии чехословаками в 1918 г., причисленные к Генеральному штабу приказом по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. (выпуск 1917 г.);

д) переведенные и причисленные к Генеральному штабу в порядке приказа РВСР № 1944 от 1919 г.;

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 77.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 57.

^{III} Там же. Л. 121.

^{IV} Там же. Л. 123–123об.

е) причисленные и переведенные в Генеральный штаб отдельными приказами и постановлениями РВСР;

ж) выпущенные нормально из Военной академии РККА в 1921 и 1922 гг.;

з) все впредь выпускаемые нормально из Военной академии РККА.

В документе не были указаны выпускники ускоренных курсов академии в белой Сибири, при том, что, оказавшись в советском плену, многие из них поступили в РККА и использовались в качестве специалистов Генштаба. Ничего не говорилось в циркуляре и о тех, кто окончил не два ускоренных курса академии в 1917–1918 гг., а один. Не касался документ и выпускников иностранных академий. Таким образом, полного разъяснения не получалось.

Еще в мае 1922 г. начальник Штаба РККА П.П. Лебедев сообщал, что «причисленных к Генеральному штабу Сибирским правительством считать по Генер[альному] штабу»¹. Не включенные в циркуляр категории выпускников академии ранее не были включены и в изданный типографским способом «Список лиц с высшим общим военным образованием», составленный к 1 марта 1923 г. О том, что отдельных иностранных генштабистов (например, заведующего сектором 2-го отделения информационно-статистической части разведотдела Штаба РККА В.В. Лобковича) не следует вносить в список, сохранилась особая переписка². В то же время можно говорить о том, что немногочисленные выпускники иностранных академий не были приняты корпорацией генштабистов, сложившейся в РККА.

Данные о командном и административном составе РККА за 1922 г. были следующими (табл. 114).

Таблица 114

Командный и административный состав РККА в 1922 г.³

Год рождения	Число лиц	В % отношении
1850–1854	1	0,001 %
1855–1859		
1860–1864	49	0,054 %
1865–1869	90	0,098 %
1870–1874	215	0,233 %
1875–1879	363	0,394 %
1880–1884	1102	1,086 %
1885–1889	4288	4,702 %
1890–1894	12 508	13,549 %
1895–1899	52 520	56,921 %
1900–1904	21 182	22,946 %
1905	14	0,016 %
Итого	92 332	100 %

Согласно таблице 114, комсостав Красной армии был очень молодым: 93,4% командно-административного состава РККА в 1922 г. находились в возрасте 18–32 лет,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 35.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 412. Л. 20.

³ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 91.

в том числе около 57 % в возрасте 23–27 лет. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам, в 1922 г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до 14 июля 1914 г. (5,1 % комсостава), 16 592 офицера военного времени (17,97 %), 39 896 командиров без военной подготовки (43,21 %), 220 выпускников военных академий (0,23 %), 2372 выпускника высших школ (2,57 %), 12 752 выпускника школ и курсов комсостава (13,82 %)^I. Отсюда следует, что в конце Гражданской войны военных специалистов оставалось не более 23 % комсостава (по другим данным – 27,7 %^{III}).

Доля бывших офицеров в командном составе РККА постепенно снижалась. Если в 1918 г. они составляли 75 % комсостава, то в 1919 г. – уже 53 %, в 1920 г. – 42 % и в конце 1921 г. – 34 %. У этого процесса были объективные (подготовка новых кадров красных командиров, преклонный возраст некоторых военспецов) и субъективные причины (очищение командно-начальствующего состава от «классово чуждых» элементов и репрессии). Некоторые бывшие офицеры в 1920-е гг. легально и нелегально уехали из Советской России за рубеж.

К 1 марта 1923 г. в РККА числилось не менее 473 выпускников и слушателей старой академии^{IV}, но их уже начинали теснить выпускники Военной академии РККА (221 специалист). В органах центрального военного и гражданского управления служили 77 выпускников старой академии и 19 выпускников новой. В военных округах – 35 и 78 соответственно (в последнем случае речь шла о стажировках), на фронтах – 14 и 10, в штабах армий – 21 и 9, в корпусах – 11 и 13, в дивизиях – 9 и 21, на железных дорогах – 4 и 3. В бригадах – 4 выпускника старой академии, на строевых должностях – 9 выпускников новой академии, в крепостях, авиации и на флоте – по одному выпускнику старой академии, в органах местного военного и гражданского управления – 45 выпускников старой академии и 2 – новой, в органах ГПУ (войска) – 1 и 16 соответственно. Трое выпускников старой академии служили военными представителями за рубежом или входили в пограничные миссии. Два выпускника красной академии служили в Дальневосточной республике. Под арестом находились двое выпускников старой академии. Однако самым значимым показателем является численность выпускников в военно-учебных заведениях. Выпускников старой академии в них служило 243, выпускников и слушателей новой – 39 (часть доучивалась в академии). Таким образом, в военно-учебных заведениях служили более 51 % всех военспецов, окончивших старую академию.

Помимо большого количества специалистов, служивших в военно-учебных заведениях, часть сотрудников центральных и местных органов военного управления также курировала вопросы военного образования и подготовки в соответствующих

^I Эти данные не соответствуют действительности. В «Списке лиц с высшим общим военным образованием» к 1 августа 1922 г. приведены поименные данные на числившихся в РККА 559 выпускников военных академий, а также 23 переведенных в Генштаб или причисленных к нему, в том числе без обучения в академии (*Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 84).

^{II} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 92.

^{III} *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы. С. 276.

^{IV} Подсчитано по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923.

учреждениях. Если пересчитать всех занимавших посты в различных органах военного управления, но отвечавших за вопросы военного обучения, таковых окажется не менее 298, или 63 %. Таким образом, значительная часть выпускников старой академии уже к весне 1923 г. концентрировалась в военно-учебных заведениях и на должностях в сфере военного образования.

Что касается выпускников Военной академии РККА 1922 г., многие из них тогда проходили стажировки в войсках, занимая строевые должности (обычно командиров рот, эскадронов, батальонов и т.д.). Некоторые же продолжали обучение в академии. Среди фигурантов списка встречались и те, кто занимал должности не по специальности. Например, бывший капитан С.С. Любинский служил управляющим делами Рязанского губернского отдела коммунального хозяйства, а бывший подполковник А.П. Медведев по-прежнему возглавлял автобазу СНК.

Попробуем на основе материалов общих списков проследить динамику перехода выпускников старой академии на должности по военно-учебным заведениям (табл. 115).

Таблица 115

**Динамика перехода выпускников Военной академии на службу
по военно-учебным заведениям**

Год	Выпускников старой академии	Из них служили по военно-учебным заведениям	% служивших по военно-учебным заведениям
1918	486	12	2,4
1919	417	54	13
1920	407	82	20
1923	473	243	51

Таким образом, с 1920 по 1923 г. численность выпускников старой академии в военно-учебных заведениях выросла примерно втрое. Необходимо учитывать, что сеть военно-учебных заведений в Советской России также кратно выросла: в 1919 г. по сравнению с 1918 г. на 336 %, в 1920 г. — на 493 %, в 1921 г. — на 1221 % и в 1922 г. — на 1621 %¹. Соответственно, требовалось заполнять возникшие вакансии специалистами.

Как бы то ни было, приведенные в таблице 115 данные отражают процессы сокращения РККА и постепенного перевода старых специалистов с руководящих постов на второстепенную работу. К этому следует добавить, что пребывание на военно-учебной работе являлось одним из вариантов уклонения от вовлечения в Гражданскую войну. Например, бывший полковник В.Н. Цедерберг с октября 1915 по март 1920 г. занимал пост инспектора классов Иркутского кадетского корпуса при всех режимах, сменившихся за это время в городе².

По данным справки командного отдела Штаба РККА на февраль 1923 г., по штатам в армии существовало 1183 должности для замещения лицами с высшим общим военным образованием. Если считать, что должности начальников войсковых

¹ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 51. Л. 1об. — 2.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 26.

соединений и хотя бы 50 % должностей командиров полков должны были быть замещены ими же, то потребность в кадрах Генштаба составляла 1458 человек. Между тем в РККА и в войсках ГПУ насчитывался 721 человек с высшим общим военным образованием: 501 выпускник Николаевской академии, 92 выпускника Военной академии РККА 1921 г. и 128 выпускников 1922 г. Таким образом, выпускники старой академии после Гражданской войны составляли 69,5 % кадров Генштаба РККА. Только 318 специалистов находились на соответствующих должностях, 103 человека (из выпускников Военной академии РККА) стажировались, а остающиеся 300 замещали должности, не подлежавшие замещению лицами с высшим общим военным образованием. Таким образом, 1140 должностей (при расчете от потребности в 1458 должностей), которые должны были замещаться генштабистами, занимались несоответствующими лицами. На трех курсах Военной академии обучались еще 328 человек. Убыль слушателей составляла до 25 %. К сентябрю 1925 г. руководство РККА рассчитывало на выпуск 246 слушателей. Естественная убыль кадров Генштаба составляла примерно 10 % за два года¹, ее планировалось восполнять выпускниками Военной академии РККА, ежегодные выпуски которой должны были равняться 90–95 специалистам.

Итак, период с конца 1920 до конца 1922 г. для выпускников старой академии в РККА предопределялся несколькими моментами. Прежде всего, сокращением армии, которое вело и к сокращению командного состава. В Красной армии возник новый руководящий орган – Штаб РККА. Тем не менее руководство военного ведомства, как политическое в лице Л.Д. Троцкого и Э.М. Склянского, так и техническое в лице военных специалистов (прежде всего, главкома С.С. Каменева и начальника ПШ РВСР П.П. Лебедева, ставшего начальником Штаба РККА), сохранило свои позиции. Чтобы не поощрять корпоративизм Генерального штаба, в 1922 г. это понятие было выведено из употребления, а выпускников академии стали именовать лицами с высшим общим военным образованием. Продолжал сохраняться дефицит высокообразованных специалистов. Кроме того, заметной тенденцией стал переход генштабистов на тыловую и военно-педагогическую работу (на 1923 г. в сфере военной педагогики работало втрое больше выпускников старой академии, чем в 1920 г., или 51 % от общего количества). В этот же период стала особенно заметна неоднородность кадров Генштаба РККА. Выделились несколько отличавшихся друг от друга групп. Прежде всего, коренные специалисты Красной армии, прослужившие в ней всю Гражданскую войну и не участвовавшие в антибольшевистском движении. Другой группой являлись бывшие белые офицеры или офицеры иных антибольшевистских армий, в том числе получившие высшее военное образование в лагере противников Советской России. Сохранялось и прежнее разделение на окончивших полный курс академии мирного времени и курсовиков, хотя острота такого разделения на фоне новых вызовов времени постепенно снижалась. Менее значимым также стало деление на успешно и неуспешно окончивших старую академию.

Наконец, в связи с первыми выпусками из Военной академии РККА в 1921–1922 гг. возникла третья группа – красных генштабистов. Последние, среди которых

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 44.

было много членов РКП(б), стремились за счет принадлежности к правящей партии и лояльности занять значимое положение в военной элите, потеснив старых специалистов.

Также в РККА было незначительное количество иностранных генштабистов и несколько военных деятелей, оказавшихся в Генштабе без обучения в академии за революционные заслуги на фронтах Гражданской войны. Наконец, в Советской России функционировали различные школы и курсы, повышавшие квалификацию комсостава для службы в штабах. Их выпускники, хотя и не относились к категории генштабистов, тоже составляли обособленную группу штабных работников.

Представители первых двух групп (коренные генштабисты РККА и бывшие антибольшевики) занимали многие ключевые посты в армии. Их преимуществом были опыт и знания, но, с другой стороны, положение этих групп было не вполне устойчивым, поскольку все они считались буржуазными специалистами. Что касается ветеранов антибольшевистских армий в рядах РККА, то они и вовсе могли восприниматься как скрытые враги. Вследствие этого военспецы-генштабисты в эти годы не проявляли заметной общественно-политической активности. Иначе обстояло дело с красными генштабистами, но решающие столкновения на почве статуса «академиков» были еще впереди.

§ 3. Положение военспецов-генштабистов в СССР

Несмотря на завершение Гражданской войны, международная обстановка вокруг СССР в условиях враждебного окружения и изоляции оставалась крайне напряженной. Регулярно возникали «военные тревоги», когда резко возрастала угроза новой полномасштабной войны и интервенции. Потерпевшие поражение белые не оставляли надежд на военный реванш, который был возможен в союзе с иностранными государствами. В советском обществе еще были свежи воспоминания о дореволюционных порядках, распространялись антисоветские настроения и недовольство властями. В партийном руководстве шла борьба, приведшая к установлению единоличной диктатуры и к запрету каких-либо дискуссий. Красная армия и ее командный состав не оставались в стороне от всех этих процессов и явлений.

В 1923 г. СССР в военно-административном отношении делился на два фронта (Западный (в 1924 г. переименован в округ) и Туркестанский (преобразован в Среднеазиатский военный округ в 1926 г.)) и шесть военных округов (Московский, Петроградский, Приволжский, Украинский, Северо-Кавказский и Западно-Сибирский (позднее — Сибирский)). РВСР 28 августа 1923 г. был преобразован в РВС СССР.

Еще в период Гражданской войны военспецы и большевистские военные руководители активно обсуждали преобразования, осуществлявшиеся в Красной армии, в частности, вопрос перехода к милиционной армии. Первые территориальные дивизии появились в ряде военных округов в 1923 г.

После завершения широкомасштабной Гражданской войны, в 1921–1922 гг., в большевистском военно-политическом руководстве разгорелась дискуссия

о необходимости военной доктрины для Красной армии и Советской России¹. Обсуждение было бурным, причем одним из активных участников дискуссии был председатель РВСР Л. Д. Троцкий, выступавший против единой военной доктрины. Оппонентом Троцкого был видный партийный деятель С. И. Гусев. Участвовали в обсуждении и военспецы. Последние, в частности А. А. Свечин и Б. М. Шапошников, высказывали сомнения относительно возможности введения подобной доктрины в революционную эпоху, боролись против политизации этого вопроса. Сам факт участия военспецов в дискуссии, в которую были вовлечены и партийные руководители РККА, свидетельствует об их значительном весе в военной сфере, который пока сохранялся. С мнением военспецов считались на самом высоком уровне.

Как и в разгар Гражданской войны, продолжал дискутироваться вопрос о Генеральном штабе. Многие генштабисты грезили утопическими милитаристскими идеями сильного Генерального штаба, контролировавшего ключевые стороны государственного управления. Эти мечты не удалось реализовать до революции, а в советских условиях при однопартийной диктатуре и недоверии большевиков к «бывшим» они стали и вовсе невозможны. Дискуссия не была напрасной, хотя и не отразилась на каких-либо преобразованиях того времени. В 1925 г. в структуре Штаба РККА было создано управление по исследованию и использованию опыта войны (позднее – Военно-научное управление Генерального штаба).

Размышления о роли Генштаба повлияли на Б. М. Шапошникова, опубликовавшего в 1927–1929 гг. свой фундаментальный трехтомный труд «Мозг армии», посвященный Генеральному штабу эпохи Первой мировой войны. Эта работа оказала существенное влияние на советскую военную мысль. Интересно, что в 1929 г. ветераны Белого движения – члены Общества русских офицеров Генерального штаба в Югославии выписали труд Шапошникова в свою библиотеку, причем возник ажиотажный спрос: на октябрь 1929 г. на прочтение книги была очередь из 12 человек². Сам Шапошников также интересовался военной мыслью эмиграции и через Разведупр РККА запрашивал эмигрантские военные издания³.

В своем исследовании Шапошников определил компетенции центрального военного аппарата. В какой-то мере под влиянием его труда в конечном итоге Штаб РККА 22 сентября 1935 г. постановлением СНК СССР был преобразован в Генеральный штаб РККА, вошедший в состав Наркомата обороны СССР.

В период от Гражданской до Великой Отечественной войны Штаб РККА и Генеральный штаб РККА возглавляли: П. П. Лебедев (1921–1924 гг.), М. В. Фрунзе (1924–1925 гг.), С. С. Каменев (1925 г.), М. Н. Тухачевский (1925–1928 гг.), Б. М. Шапошников (1928–1931 гг.; 1937–1940 гг.), А. И. Егоров (1931–1937 гг.), К. А. Мерецков (1940–1941 гг.), Г. К. Жуков (1941 г.). Из восьми человек трое были военспецами-генштабистами. В общей сложности из рассмотренного временного промежутка в 21 год они

¹ Публикацию материалов этой и других дискуссий о военной доктрине см.: Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов. М., 1994.

² ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 14. Л. 70, 84.

³ РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 176. Л. 32.

руководили этим органом около 10 лет, причем Шапошников занимал пост дважды, что свидетельствует о доверии к нему советского лидера И.В. Сталина. Судя по всему, именно Шапошников во второй половине 1930-х гг. стал одним из ключевых военных советников Сталина. Позднее бывшие военспецы-генштабисты во главе этого органа в силу возрастных причин и структурных изменений в военной элите Красной армии не находились.

После завершения наиболее острой фазы Гражданской войны значение РВСР (РВС СССР) уменьшилось. На протяжении всего 1923 г. совет провел только 19 заседаний¹. Его работа была сосредоточена по-прежнему в руках заместителя председателя Э.М. Скиянского как политического руководителя, а также в руках начальника ПШ РВСР (июль 1919 – февраль 1921 г.), а затем начальника Штаба РККА (февраль 1921 – апрель 1924 г.) П.П. Лебедева как технического руководителя армии. Троцкий в этот период из-за перегруженности делами и по состоянию здоровья не мог уделять достаточно внимания военной работе, а его заместитель Скиянский не пользовался таким авторитетом в РККА.

Окончание Гражданской войны выдвинуло на повестку вопрос о дальнейшей службе военных специалистов (в том числе генштабистов) в рядах РККА. Управление Красной армией по-прежнему представляло собой сложную систему из созданных революцией органов политического контроля и близких к дореволюционным штабных структур². Должного единства или однородности командного состава не было, что порождало противоречия и конфликты. Так, по воспоминаниям слушателя красной академии К.А. Мерецкова, в 1924 г. начальник штаба Московского военного округа, в прошлом курсовик А.М. Перемытов жаловался командующему округом К.Е. Ворошилову на начальников отделов – бывших генералов, которые «когда он, Перемытов... вносит какую-либо идею... кривят презрительно губы и пытаются саботировать ее, дескать, этот выскочка, ходивший в нашем подчинении, теперь тщится что-то такое нам показать; а на Мерецкова они смотрят как на человека, выдвинутого революцией, и спокойно ему подчиняются»³.

В один из конфликтов в феврале 1923 г. оказался вовлечен будущий маршал С.К. Тимошенко. Начальник политотдела 4-й Петроградской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии будущий генерал А.В. Хрулев писал К.Е. Ворошилову: «24 февраля отстранен от должности нач[альника] штаба быв[ший] генштабист [Н.Н.] Шварц. Причина отстранения – натравливание Шварцем [С.К.] Тимошенко на меня как на комиссара дивизии и вообще антикомиссарское поведение Шварца, что особенно вредно в дивизии, ибо Тимошенко ведь и сам всей душою ненавидит политработников.

Работа самого Шварца не имела бы никакого значения, если бы это не было связано с прежним поведением Тимошенко.

Тимошенко сейчас встал на дыбы и намерен ехать к командарму просить снова убрать от него комиссара или забрать его из дивизии, мотивируя тем, что в таких

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 58. Уточнено по: Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 366–369.

² Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 2008. P. 212.

³ Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003. С. 85.

условиях, когда никто не хочет исполнять распоряжений без санкции комиссара и постоянного контроля со стороны комиссара, он работать не может. Причем особенно жалуется на Особый отдел»^I.

В то же время партийное руководство не могло всецело доверять не только военспецам-генштабистам, но и своим соратникам по партии – слушателям красной академии. В 1921 г. двое слушателей академии, члены РКП(б) З.Ф. Абрамов и К.Е. Шомполонский (Шемполонский), создали контрреволюционную организацию «Донская повстанческая армия» из девяти подпольных единиц (полков), командовал которой еще один слушатель академии, коммунист с 1918 г. и начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии по кличке Орленок. По некоторым данным, Орленком был сам Абрамов^{II}, однако указанные факты биографии (членство в партии с 1918 г. и должность начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии) имел сокурсник Абрамова и Шомполонского – С.М. Савицкий. Так или иначе, эта группа примыкала к рабочей оппозиции в РКП(б) во главе с В.Л. Панюшкиным и готовилась к активным диверсионным действиям против большевиков^{III}. Организация была раскрыта Особым отделом ВЧК в 1921 г.

Вопрос о военспецах был составной частью более общего вопроса о соотношении в РККА старых спецов и новых краскомов, а также стал, как и в годы Гражданской войны, аргументом в борьбе «сталинцев» с «троцкистами» за контроль над армией. Такая борьба развернулась в 1923–1925 гг., завершившись победой первых и полным поражением вторых. Для «сталинцев» генштабисты являлись разменной монетой в этом противостоянии. Об отношении приверженцев Троцкого за кратковременностью их пребывания у власти судить сложно, но очевидно, что военспецы-генштабисты были той интеллектуальной средой в руководстве РККА, на поддержку которой Троцкий мог рассчитывать. Более того, он ориентировался на их экспертные заключения по важнейшим военно-политическим вопросам^{IV}.

По данным к 1 апреля и к 1 сентября 1924 г., в период до и после реорганизации, в центральном аппарате Наркомата по военным и морским делам СССР состояло 18 и 132 выпускника Военной академии РККА соответственно, а также 59 и 38 выпускников старой академии соответственно^V. В каждом случае выпускники старой академии составляли 3% от общего числа. Процент выпускников красной академии за пять месяцев вырос с 1 до 10. Процесс вытеснения старых кадров был как объективным (в силу возраста, выпуска новых специалистов), так и субъективным (по политическим причинам).

Вопрос о сохранении на службе в РККА старых генштабистов после войны некоторое время оставался дискуссионным. С одной стороны, за плечами

^I РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 108–109.

^{II} Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 259; Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2010. С. 78.

^{III} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 25–26.

^{IV} См., напр.: Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013. С. 101, 103.

^V Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 230.

старых генштабистов была высокая квалификация прежней академической школы, с другой — они препятствовали карьерному росту молодых и амбициозных красных генштабистов, тесно связанных с партийными структурами. Разумеется, красные генштабисты всячески стремились удалить спецов из армии, в том числе пользуясь своими связями в партийном руководстве. Последнее же в лице сталинской группировки было готово использовать подобные устремления в своих целях.

Борьба за контроль над армией, а следовательно, и над государством, достигла апогея на рубеже 1923–1924 гг. Насколько можно судить, преобразования в армии также были подчинены политическим задачам ослабления позиций Троцкого и захвата сталинской группировкой контроля над вооруженными силами. Военспецы, по-видимому, партийным руководством воспринимались как кадры, лояльные Троцкому. В результате они также подверглись нажиму шедшей к власти сталинской группировки.

В лице своих отдельных представителей военспецы-генштабисты входили в военную элиту СССР. Например, объективно к элите на протяжении 1920–1930-х гг. в силу должностного положения относились такие деятели, как С. С. Каменев и Б. М. Шапошников. При этом почти никакой политической роли они не играли и даже не претендовали на нее, стараясь быть вне политики. Безусловно, это не означало отсутствия у генштабистов политических взглядов. По итогам Гражданской войны такие воззрения приобрели все мыслящие люди, но откровенно высказываться, тем более «классово чуждым», было небезопасно. Генштабисты не во всем и не всегда были лояльны, оставаясь в какой-то степени замкнутой корпорацией, в которую не мог попасть человек из другой среды. Впрочем, для ОГПУ эта проблема решалась массовой вербовкой секретных осведомителей из числа самих генштабистов. Однако нелояльность этой группы после Гражданской войны в целом не шла дальше дружеских встреч, бытовых разговоров о былых временах и критических суждений в адрес властей. Большинство не знало, чего ожидать в будущем. Еще свежи в памяти были кровавые репрессии и бесцеремонные необоснованные аресты эпохи Гражданской войны. В мирное время положение генштабистов казалось даже менее устойчивым, чем в Гражданскую войну. Единственно разумным способом выживания для «бывших» в такой обстановке было не высываться. Вполне характерно в этом смысле поведение наиболее высокопоставленного советского военспец-генштабиста первой половины 1920-х гг. главкома С. С. Каменева, пресмыкавшегося перед большевиками и фактически игравшего у них роль безгласного технического советника по военным вопросам¹. Не меньшую осторожность в выражении политических взглядов проявлял и Б. М. Шапошников, наученный горьким опытом своего конфликта с Троцким в 1920 г.

Нельзя не привести мнение орловского исследователя С. Т. Минакова, отметившего, что именно военспецы-генштабисты в 1920-е гг. «определяли основные ценности в Красной армии, а военно-теоретическая деятельность (в силу экономической слабости страны и практического отсутствия настоящей армии) оказывалась

¹ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 41.

основной»^I. Это была интеллигентная среда, в которой по объективным причинам было немало людей в возрасте, стремившихся к спокойной военно-научной и военно-педагогической работе. Для большевиков ни на что не претендовавшие военные специалисты были удобны. Однако политики так или иначе пытались вовлекать часть генштабистов в борьбу и использовать их в своих интересах.

Члены Политбюро ЦК, группировавшиеся вокруг Сталина, опасались возможного военного переворота, организованного Троцким с опорой на армию. Развернулась борьба за контроль над армией. Не последним по значимости в этой борьбе был вопрос старых и новых кадров. Сталинская группировка старалась раздуть противоречия и поддерживать недовольство красных командиров засильем военспецов, на которых опиралось руководство военного ведомства во главе с Троцким.

Механизмы взаимодействия сталинского окружения и недовольных краскомов видны из документов. В феврале 1923 г. слушатель Военной академии РККА В.Р. Розе карандашом набросал на нескольких клочках бумаги записку для К.Е. Ворошилова: «Тов. Ворошилов!

Пользуясь случаем, я пишу Вам о некоторых “новостях”, которые последнее время стали у нас повседневными событиями.

Вопрос касается ухода наших ребят из армии.

В длинном списке уходящих найдете теперь и фамилию “Розе”. Осталось мне еще всего несколько месяцев до окончания академии, но считаю, что дальше молчать нельзя. Я глубоко убежден, что политика нашей партии по отношению Кр[асной] армии совершенно устарела”. Если политика “ставка на старого командира” (от капитанов до генералов включительно) будет продолжаться, то считаю, что мы будем иметь армию за “единую” и “неделимую”, а не за советскую власть. Далее, я глубоко убежден, что до тех пор, пока во главе армии не будут свои люди (я понимаю, начиная с главкома), до тех пор разложение будет продолжаться.

Считаю для оздоровления и создания крепкой, боевой Красной армии необходимым:

1) Взять резкую политику в пользу красного ком[андного] состава.

Строить армию на трех китах:

I. На командные должности во главе армии должны стать старые, испытанные революц[ионные] товарищи из Высш[их] ак[адемических] курсов.

II. Нач[альниками] штабов^{III} – академия.

III. Нач[альником] полит[ического] отделом^{IV} [–] старый наш партиец.

Далее: Требуется создать крепко спаянную, резко выраженную организацию классового ком[андного] состава – это будет тот остов, который поведет в бой те крестьянские массы, для которых будут непонятны цели международной, партийной политики. Они не пойдут^V, а их нужно будет вести^{VI} в бой.

^I Минаков С. Т. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 108.

^{II} Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, подчеркнуто К. Е. Ворошиловым.

^{III} Так в документе.

^{IV} Так в документе.

^V Подчеркнуто автором записки.

^{VI} Подчеркнуто автором записки.

Если [к] этому времени не будет своей организации ком[андного] состава, то, имея в виду, что в армию в случае мобилизации вольются 15–20 тысяч белого ком[андного] состава, то считаю, что наше дело будет весьма плохо.

Кончаю и уверен, тов. Ворошилов, что Вы примете резко нашу сторону и поведете борьбу за лозунг “Равнение на красн[ый] ком[андный] состав сверху до-низу”. Что касается меня, я вступил в актив[ную] борьбу с документами [в] ру-ках. Буду у Троцкого. С приветом Розе.

Тов. Ворошилов, изложенное не есть идея тов. Розе, а нашей среды академической и тов[арищей], приезжающих из армии.

Толчок активным действиям по этому вопросу я лично получил на совещ[ании] воен[ных] делегатов после заявления Антонова-Овсеенко, что почти половина ком[андного] состава в армии против сов[етской] власти^{II}. На эту записку Ворошилов наложил резолюцию о необходимости посоветоваться со Сталиным. Как и многие красные командиры того поколения, Розе впоследствии стал жертвой Большого террора.

Давление молодых «академиков» продолжалось и выразилось в коллективном письме 14 командиров РККА в ЦК партии от 10 февраля 1924 г.^{III} Этот документ также встретил энергичную поддержку у Сталина, распорядившегося его растиражировать. Среди прочего командиры писали: «Все заслуженные, выхоленные выходцы из буржуазного и аристократического мира, бывшие идейные руководители царской армии — генералы остались на своих местах, а иногда даже с повышением. Контрреволюционеры и идейные руководители белогвардейщины, вешавшие и расстреливавшие сотнями и тысячами пролетариат и коммунистов в период Гражданской войны, опираясь на поддержку своих старых товарищей по царской академии или родственные связи со спецями, засевшими в наших главках или управлениях, свили себе прочное, хорошо забронированное осиное гнездо в самом сердце Красной армии, ее центрально-организационных и учебных аппаратах»^{IV}. Старая академия в этом документе была названа бесталанной. Кроме того, письмо содержало обвинения во враждебности в адрес нескольких генштабистов. П.Е. Дыбенко впоследствии вспоминал, что после письма была назначена комиссия ЦК партии по обследованию РККА^V.

Против военспецов был направлен и доклад бюро ячеек Военной академии от 18 февраля 1924 г., естественно встретивший поддержку у И.В. Сталина. Не исключено, что все эти коллективные обращения были инспирированы сторонниками Сталина. В докладе с тревогой говорилось, что «количество бывших офицеров Генерального штаба по сравнению с количеством их в армии во время Гражданской войны значительно увеличилось»^{VI}, тогда как «академия и красные “генштабисты”

^I Подчеркнуто автором записки.

^{II} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 104. Л. 69–70об. Подробнее о Розе см.: Исаев В. И. Забытый герой мировой пролетарской революции. Штрихи к биографии красного командира В. Р. Розе // Личность, общество и власть в истории России: Сб. науч. статей, посвященный 70-летию д. и. н., проф. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 362–382.

^{III} С. Т. Минаков предположил, что документ мог быть составлен еще в конце 1923 г. (Минаков С. Т. 1937. Заговор был! М., 2010. С. 81–86).

^{IV} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 86–87.

^V Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Док. и мат. М., 2008. С. 81.

^{VI} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 93.

до сих пор еще не получили (и не получают при таком способе) санкции спеца на руководство вооруженной силы, на ее подготовку и воспитание»^I. Авторы доклада выражали обеспокоенность сплоченностью спецов и доминированием в военно-учебных заведениях их взглядов (например, о национальных, а не классовых войнах), отравляющих классовое сознание слушателей. Также констатировалось сильное влияние спецов на военную литературу.

Из Ленинградского военного округа в марте 1924 г. в адрес ЦК пришел коллективный ответ на «письмо четырнадцати», в котором, между прочим, было сказано о недостаточности работников Генштаба в рядах РККА: «Красная армия дала уже прекрасных работников, но их еще крайне недостаточно, и они покрыть наших потребностей по службе Генштаба не могут. И подписавшие доклад четырнадцати продолжают по-прежнему пользоваться в своих штабах услугами тех же старых “спецев”»^{II}.

Кроме того, в письме отмечалось, что еще не настал тот момент, когда в деле строительства Красной армии можно будет отказаться от помощи военных специалистов («придет время, когда их нужно будет выбросить»^{III} — лексика, вполне соответствующая отношению к военспецам), в первую очередь, в связи с недостаточным уровнем подготовки так называемого пролетарского комсостава. Ленинградцы прямо заявили, что «в период Гражданской войны мы руководили операциями далеко не в соответствии со строгими требованиями стратегии и тактикой... далеко не всегда успех в боях относился на счет наших познаний»^{IV}. Видимо, речь шла и о том, что многие победы были, прежде всего, заслугой военспецов. В отношении идеологического влияния военспецов авторы отклика полагали, что бояться не нужно, а необходимо устранить это влияние, сведя работу военных специалистов к узко профессиональным вопросам. В то же время они выступили с осуждением привлечения бывшего белого генерала Я.А. Слащева к службе в РККА, хотя как преподаватель Слащев оказался на своем месте.

Отношение к военным специалистам даже у тех, кто выступал за работу с ними в рядах РККА, было порой враждебным. Военспецов планировали использовать, а затем избавиться от них. В целом это и произошло в 1920–1930-е гг., в особенности в связи с укреплением власти Сталина, являвшегося противником привлечения старого офицерства в РККА.

В совершенно секретном докладе о работе комиссии пленума РВС СССР по реорганизации военного аппарата, системы управления и отчетности, датированном мартом 1924 г., содержались предложения о проведении всех лиц, окончивших полный или двухгодичный курс бывшей Николаевской академии Генерального штаба, через аттестационную комиссию РВС СССР, увольнении лиц старше 50 лет в бессрочные отпуска. Предлагалось не считать лицами с высшим военным образованием выпускников ускоренных курсов, которым предоставлялось право на льготное окончание Военной академии РККА^V.

^I Там же.

^{II} Там же. С. 106.

^{III} Там же. С. 107.

^{IV} Там же. С. 106.

^V Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 119.

Параллельно шла борьба за руководство армией. В 1923–1924 гг. сталинская группировка (руководящая «тройка» Политбюро в лице Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и Сталина, а также их сторонники) добилась введения своих представителей в РВС СССР и исключения из него тех, на кого мог опираться Троцкий. При обсуждении вопроса о составе РВС СССР на Пленуме ЦК РКП(б) 23 сентября 1923 г. Троцкий даже покинул заседание, но общую тенденцию это не изменило^I. В марте 1923 г. в РВС ввели М.В. Фрунзе, в августе 1923 г. – С.М. Буденного, в феврале 1924 г. – К.Е. Ворошилова и Г.К. Орджоникидзе. В феврале 1924 г. были исключены В.А. Антонов-Овсеенко (ранее поддержавший Троцкого^{II}) и П.П. Лебедев, в марте 1924 г. – Э.М. Склянский и И.Т. Смилга^{III}. Это было лишь одним из этапов борьбы за РККА.

К ноябрю 1923 г. борьба за власть в ЦК не была секретом даже для некоторых младших командиров, впрочем, близких к партийному руководству. Ходили разговоры о том, что отсутствие Троцкого на параде 7 ноября связано с тем, что он обвинялся в бонапартизме и изолировался^{IV}. Некоторые лидеры советской военной элиты (М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров) пытались вести свою игру в период междуцарствия, чтобы извлечь при этом максимальную выгоду. Внутривнутриполитическая борьба осложнялась внешнеполитическим фактором – ожиданием возможной революции в Германии, в связи с чем обсуждалась возможность оказания вооруженной поддержки при таком развитии событий^V. Впрочем, до конкретных планов дело не дошло, а революция не состоялась.

Прямой вызов сталинской группировке в Политбюро (триумvirату И.В. Сталина, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева) был брошен 21 декабря 1923 г., когда в военной школе им. ВЦИК против Зиновьева выступил бывший видный деятель Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, в прошлом эсер Я.С. Дворжец^{VI}. Это выступление было воспринято крайне серьезно. Инцидент даже обсуждался на заседании Политбюро 24 декабря. Ситуация усугублялась тем, что Дворжец был сотрудником начальника Политуправления РВС СССР В.А. Антонова-Овсеенко и явно действовал по указанию начальства, а школа им. ВЦИК несла охрану Кремля. Более того, Антонов-Овсеенко 27 декабря направил в Политбюро ультимативное письмо, в котором недвусмысленно намекал на возможность военного переворота.

Все это было крайне тревожными сигналами для сталинской группировки. Как вспоминал советский дипломат-невозвращенец Г.З. Беседовский, «в 1924 году Москва переживала критические минуты. В течение двух недель мы все ждали переворота. Троцкий мог... овладеть властью»^{VII}. Однако эти выступления оказались ошибкой сторонников Троцкого, преждевременно раскрывших карты и тем самым напугавших своих противников. В результате Сталин при поддержке руководства ОГПУ и части

^I Там же. С. 51.

^{II} РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы: Док. и мат. М., 2004. С. 354–361.

^{III} Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923: Сб. док. М., 2000. С. 368–373.

^{IV} Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. 2-е изд.. СПб., 2018. С. 166.

^V Подробнее см.: Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция...

^{VI} Подробнее см.: Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 288–290; Его же. «Теплая компания» «красного Бонапарта» // Родина. 2008. № 12. С. 43–47; Минаков С. Т. Сталин и его маршал. С. 304–305.

^{VII} Беседовский Г. З. На путях к Термидору. Париж, 1931. Т. 2. С. 215.

членов Политбюро переиграл оппонента. Позиция Троцкого по данному вопросу неизвестна, как неизвестно и то, был ли он причастен к действиям Антонова-Овсеевского.

На пике противостояния Троцкий решением Политбюро от 5 января 1924 г. был отправлен на лечение в Сухуми, что вывело его из борьбы и не позволило принять участие в похоронах умершего 21 января 1924 г. В.И. Ленина, носивших характер важнейшей политической манифестации. В результате Троцкий не участвовал и в борьбе за армию, которая не замедлила тут же развернуться.

«Сталинцы» повели стремительное наступление на позиции Троцкого в армии. Еще 14–15 января Пленум ЦК РКП(б) постановил образовать комиссию для обследования текущей ситуации в составе армии и состояния снабжения. Эта комиссия по, казалось бы, второстепенным вопросам стала тараном для смены руководства военного ведомства. Кроме того, непосредственно в день смерти Ленина получил назначение новый начальник Политического управления РВС СССР А.С. Бубнов^{II}, сменивший лояльного Троцкому В.А. Антонова-Овсеевского.

Уже 3 февраля 1924 г. вопрос о военспецах стал предметом обсуждения Пленума ЦК РКП(б), на котором с докладом выступил старый партийный деятель С.И. Гусев – давний оппонент Троцкого. Он раскритиковал общее состояние армии и деятельность РВС СССР. Кроме того, Гусев зачитал заключение упомянутой выше комиссии по обследованию текущей ситуации и состояния снабжения РККА, в котором говорилось, что «Красной армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная армия небоеспособна»^{III}. Возникает вопрос, где были критики состояния армии ранее и почему неотложная потребность в радикальных переменах совпала с противостоянием в партийном руководстве, а заседание требовалось провести в отсутствие Троцкого. Очевидно, как критика, так и предложения имели политическую подоплеку.

Среди прочего Гусев заявил, что в личном составе центральных учреждений наблюдается засилье старых специалистов, в том числе пожилых генералов. «РВСом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас вырабатывались в годы Гражданской войны, которые после Гражданской войны обучались и которые способны были бы теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы»^{IV}. Далее Гусев, сославшись на беседу с несколькими выпускниками Военной академии РККА, сообщил собравшимся, что положение красных генштабистов в армии невыносимо и их заедают старые специалисты. К 1924 г. в партийном руководстве уже кристаллизовались политически мотивированная идея очищения РККА от старых специалистов и курс на замену их более преданными лицами из числа рабочих и крестьян. Удар был направлен

^I В опубликованных документах неоднократно фигурирует дата 15 января 1924 г. (Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 51, 52, 59). Однако М. И. Мельтюхов со ссылкой на документы РГАСПИ отмечает, что правильная дата — 14 января (Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция... С. 164–165, 167). Впрочем, далее он отмечает, что 15 января в постановление было внесено уточнение (Там же. С. 165).

^{II} Родин А. М. А. С. Бубнов: Военная и политическая деятельность. М., 1988. С. 169.

^{III} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 63.

^{IV} Там же. С. 57–58.

и на генштабистов старой школы. Гусев намеренно преувеличил ситуацию с за-
сильем военспецов в армии – в действительности она не была столь критичной.
Кроме того, среди военспецов было много высококвалифицированных работни-
ков. Объектом нападок являлся заместитель председателя РВС СССР Э.М. Склян-
ский – правая рука Троцкого в армейском руководстве, человек, непосредствен-
но руководивший армией.

Показательно, что Склянский даже не был вызван в указанную выше комис-
сию. В своей ответной речи он сообщил, что до него доходили лишь слухи о такой
комиссии. Склянский аргументированно опроверг обвинения, хотя ему, очевид-
но, было непросто и какие-то вещи приходилось излагать по памяти. По вопро-
су о старых специалистах Склянский указал, что должности начальников глав-
ных управлений почти всецело замещены коммунистами, и перечислил этих лиц
поименно. Кроме того, он отметил, что весь высший комсостав проходит атте-
стацию в Высшей аттестационной комиссии, в составе которой представители
ЦК партии, Политуправления РККА и ГПУ. Упомянул он и о том, что не происхо-
дило массовой демобилизации красных генштабистов. Этот вопрос мог быть ре-
шен только комиссией по чистке Военной академии, сформированной под пред-
седательством А.С. Бубнова и В.В. Куйбышева по решению ЦК партии. В то же
время низкий уровень заработка краскомов по сравнению с рабочими приводил
к оттоку первых из армии. Из 87 000 краскомов, прошедших подготовку в годы
Гражданской войны, в армии на начало 1924 г. осталось только 25 000. «Демоби-
лизационное настроение» среди красных генштабистов создавали и стажировки,
на которые их направляли после академии. Стажировки проходили на должно-
стях командира батальона, помощника командира полка или начальника опера-
тивно-строевой части штаба дивизии.

Сокращение армии после Гражданской войны вело к росту напряженности,
а также к понижению в должностях, что особенно болезненно воспринималось
недавними героями войны, командовавшими дивизиями и отмеченными боевыми
наградами. Недавние начдивы были вынуждены теперь служить на низестоящих
должностях, поскольку ценз был для всех одинаков вне зависимости от имевшего-
ся опыта¹. Что касается взаимоотношений старых спецов и краскомов, то, по сло-
вам Склянского, «много раз об этом говорилось, приказывалось и чуть ли не от-
давались под суд спецы, плохо относящиеся к краскомам»².

В прениях участвовал и сам И.В. Сталин, выступивший в самом конце. После
этого председатель, которым был Л.Б. Каменев, входивший тогда в сталинскую
группировку, предложил прения прекратить. По итогам Пленума были выделе-
ны члены ЦК, которые должны были совместно с Троцким выработать срочные
меры по оздоровлению и укреплению армии. Уже на следующий день, 4 февра-
ля 1924 г., была создана комиссия по реорганизации центрального военного ап-
парата, системы управления и отчетности под председательством М.В. Фрунзе.

Троцкий ответил на стенограмму Пленума возмущенным заявлением 19 фев-
ряля³. Он попытался защитить своих многолетних сотрудников и помощников –

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 99–100.

Склянского, который был выдающимся работником, и начальника Штаба РККА П.П. Лебедева, но было поздно. В защиту Лебедева Троцкий писал: «Я не могу признать правильными нарекания по адресу начальника штаба. Никто до сих пор не называл ни одного работника, который мог бы хотя бы и в отдаленной степени сравняться с т. Лебедевым в роли начальника штаба. Нужно только несколько яснее представить себе, какова была работа начальника штаба: три года непрерывных частичных демобилизаций и реорганизаций в условиях абсолютно недостаточного и совершенно неустойчивого бюджета, при новых и новых каждый раз заданиях в отношении возможного развертывания армии военного времени, — чтобы понять ту совершенно незаурядную работоспособность и выдержку, которые проявил на своем посту начальник штаба»^I.

Уже 11 марта Фрунзе получил назначение заместителем наркома по военным и морским делам СССР и председателя РВС СССР, 1 апреля по совместительству стал еще и начальником Штаба РККА, сменив Лебедева, а 19 апреля — начальником Военной академии РККА. Склянский был снят со всех постов, а затем, словно в насмешку, назначен председателем правления треста «Моссукуно». В 1925 г. Склянский, направленный в США по предложению Сталина, утонул там при невыясненных обстоятельствах. Его преемник Фрунзе в качестве военного администратора, по компетентному мнению Троцкого, Склянскому уступал^{II}. Фрунзе пережил Склянского лишь на два месяца и умер также при до сих пор неясных обстоятельствах.

Уход Лебедева и последствия этого, по-видимому, вызвали определенную тревогу в кругу генштабистов. Как показал бывший полковник Е.О. Монфор на допросе по делу «Весна» в январе 1931 г., Лебедева считали наиболее крупной фигурой среди военспецов, с огромными заслугами, «все мы его любили и уважали как честного, прекрасного и отзывчивого человека, сделавшего много добра... Все считали, что это удар по всему старому офицерству, показывающий, чего нам следует ожидать в дальнейшем... Остальные волновались и горячились, говоря, что никакие заслуги не ценятся и каждого из нас, рано или поздно, выкинут как щепку, только потому, что мы старые кадровые офицеры»^{III}.

28 марта 1924 г. был упразднен уже декоративный, но важный пост главкома армии мирного времени. Его лишился занимавший эту должность с 1919 г. С.С. Каменев, ставший инспектором РККА. Таким образом, люди Троцкого оказались отстранены от руководства армией. В марте 1924 г. М.Н. Тухачевский был устранен от командования войсками Западного фронта. В мае сторонника Троцкого Н.И. Муралова на посту командующего войсками Московского военного округа сменил ближайший соратник Сталина К.Е. Ворошилов. На очереди был вопрос отстранения от руководства военным ведомством самого Троцкого^{IV}.

28 марта 1924 г., в день упразднения поста главкома, была проведена и реорганизация центрального аппарата военного ведомства. Штаб РККА разделялся на три органа: Штаб РККА, Управление РККА и Инспекторат РККА. На Штаб

^I Там же. С. 100.

^{II} Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 498.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 72 (94). Л. 23.

^{IV} О том, что все это было тщательно спланированной политической акцией, вспоминал секретарь Сталина Б. Г. Бажанов (Бажанов Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 67, 86–87, 132). Впрочем, в своих наблюдениях Бажанов был не всегда точен.

РККА были возложены оперативные и мобилизационные функции. Управление РККА во главе с Н.Н. Петиным курировало вопросы повседневных нужд армии, а также административные. Инспекторат РККА во главе с С.С. Каменевым занимался боевой подготовкой и инспектированием войск. Новая структура вызвала неувязки во взаимоотношениях между созданными органами. В результате дальнейшие преобразования продолжались. 31 октября Инспекторат включили в Штаб РККА. Управление РККА переименовали в Главное управление РККА. Тем не менее разделение функций продолжало оставаться нечетким, что не может не поставить вопрос о смысле проводившихся преобразований. Можно предположить, что изменения преследовали задачу ослабления Штаба РККА в связи с политической борьбой.

Была проведена чистка и во втором эшелоне: сняты со своих должностей старые генштабисты — помощник управделами РВС СССР Н.В. Пневский, второй помощник начальника Штаба РККА В.Е. Гарф (его сменил М.Н. Тухачевский), уволен и арестован состоявший в распоряжении начальника Штаба РККА Г.Н. Хвощинский. Большинство из них занимали свои посты с 1919 г., меньшая часть — с 1921 г. Таким образом, разрушалась вся система военного управления, проверенная еще с Гражданской войны. Подобные кадровые перестановки преследовали политические цели, лишая Троцкого опоры в военном ведомстве.

В январе 1925 г. Троцкий был устранен с постов председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам. Его сменил сначала М.В. Фрунзе, а после смерти последнего осенью того же года — ближайший соратник Сталина К.Е. Ворошилов, занимавший эту должность (с 1934 г. она именовалась «нарком обороны СССР») до 1940 г. В истории Красной армии началась новая эпоха.

Орловский историк С.Т. Минаков условно выделил группу представителей военной элиты РККА 1920-х гг. и проанализировал изменения ее состава^I. По данным Минакова (здесь и далее его расчеты скорректированы^{III}), в мае 1922 г. выпускники старой академии в военной элите составляли 26 человек из 36, или 72,2%^{IV}. Очевидно, наличие более 2/3 генштабистов в военной элите РККА к концу Гражданской войны отражало их решающую роль в строительстве РККА и в победе

^I Хвощинский застрелился в 1928 г. По одной из версий, он не вынес советской действительности и доносов за покровительство бывшим белым офицерам (Письмо Н. В. Брусиловой друзьям. 26.11.1928 // BAR. A. A. and N. V. Brusilov papers. Box 1).

^{II} Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 240–248, 308–311, 357–360, 388–391, 410–413, 469–470, 503–506, 528–532. Необходимо отметить, что критерии включения тех или иных лиц в состав военной элиты в этой работе не всегда понятны. Например, в военную элиту второй половины 1920-х гг. неоднократно не включался член РВС СССР С. М. Буденный.

^{III} Помимо ошибок в подсчетах, в число генштабистов Минаковым, например, включен служивший в РККА Всеволод Владимирович Чернавин, который на самом деле в академии не обучался, в отличие от его однофамильца Виктора Васильевича Чернавина, служившего у белых. В качестве «генштабистов» Минаков учитывает не имевших высшего военного образования М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова, М. В. Фрунзе и И. П. Уборевича, попавших в Генштаб по «революционной» линии. Без их учета реальный процент собственно выпускников академии в военной элите был ниже. Также нами не учитываются офицеры Морского Генерального штаба.

^{IV} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвощинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, С. Д. Харламов, Н. В. Соллогуб, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Н. Е. Какурин, Ф. П. Шафалович, В. В. Любимов, В. К. Токаревский, Л. К. Александров, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Д. П. Кадомский, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин, Ф. М. Афанасьев, Ф. Ф. Новицкий, А. А. Балтийский, П. П. Сытин.

большевиков. Из 26 человек выдвинутыми В.И. Ленина и опосредованно связанных с ним лиц были 6 человек, 4 человека были выдвинутыми М.Н. Тухачевского, 3 человека могут быть названы выдвинутыми М.В. Фрунзе, 3 — выдвинутыми Л.Д. Троцкого и его сторонников, 2 — выдвинутыми И.В. Сталина и его сторонников.

Поскольку Троцкий поддерживал военспецов, его политические противники стремились к удалению их из армии. «Бывшие» оказались разменной монетой в политической борьбе, несмотря на то что отказ от квалифицированных специалистов вел к снижению уровня подготовки комсостава. Процесс смены власти в военном ведомстве сопровождался сокращением представительства генштабистов старой школы в высшем руководстве РККА. Если в марте 1923 г. выпускники старой академии среди армейского руководства составляли 23 человека из 41, или 56,1%^I, то в ноябре — 21 из 40, или 52,5%^{II}, в январе 1924 г. — 19 из 41, или 46,3%^{III}, в апреле 1924 г. — 16 из 42, или 38,1%^{IV}. В том же 1924 г. была осуществлена масштабная чистка комсостава, в результате которой из РККА были уволены до 8000 человек^V. Разумеется, среди них было немало «бывших».

В 1924 г. в РККА была введена должностная сетка для командного состава, включавшая 14 категорий (высший комсостав составляли категории К-10 — К-14; старший — категории К-7 — К-9; средний — категории К-3 — К-6; младший — категории К-1 — К-2). Судя по материалам учетно-послужных карт, военспецам-генштабистам, в массе, присваивались категории в промежутке К-7 — К-12. К примеру, старший руководитель в Военной академии получал категорию К-11, что соответствовало должности комдива. Затем в РККА в марте 1925 г. было введено единоначалие, поскольку считалось, что командный состав уже не нуждается в контроле комиссаров.

Нельзя согласиться с тезисом о том, что в связи со сменой руководства РККА за 1923–1924 гг. сокращение численности генштабистов в военной элите достигало 30% и что этот показатель был наиболее выраженным в сравнении с другими изменениями состава элиты^{VI}. Реальное сокращение представительства выпускников старой академии представляется не столь резким и составляет 18%. Но при всей условности включения тех или иных персоналий в состав военной элиты (высшего армейского руководства), все же значительные перестановки, свидетельствующие об утрате генштабистами ключевых позиций в руководстве

^I С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвоцинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, Н. В. Соллогуб, А. К. Андерс, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, А. И. Корк, А. В. Кирпичников, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Д. П. Кадомский, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин, Ф. Ф. Новицкий, А. А. Балтийский, П. П. Сытин.

^{II} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвоцинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, Н. В. Соллогуб, А. И. Кук, В. Н. Чернышев, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Шуваев, А. И. Корк, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^{III} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвоцинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, А. И. Кук, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Шуваев, А. И. Корк, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^{IV} С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, Н. В. Пневский, И. Х. Паука, С. А. Меженинов, А. И. Кук, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. И. Корк, Н. И. Камкин, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^V РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 92. Л. 21об.

^{VI} Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 391.

РККА, налицо. Интеллектуальный потенциал советской военной элиты при этом понизился, но возросли преданность высшего комсостава определенным политическим лидерам и количество членов партии в этой среде.

В дальнейшем процесс вымывания старых генштабистов из советской военной элиты продолжался. Выпускники старой академии в ней (данные С.Т. Минакова¹ нами скорректированы) к декабрю 1925 г. составляли 15 человек из 41, или 36,6%^{II}, к сентябрю 1927 г. — 11 человек из 30, или 36,7%^{III}, к началу 1930 г. — 12 человек из 53, или 22,6%^{IV}, а к июлю 1931 г. — 8 человек из 48, или только 16,7%^V. Им на смену приходили выпускники Военной академии РККА и даже германской Военной академии. Эти процессы шли на фоне стабильно поддерживавшегося в тот период крайне незначительного процента командиров РККА с высшим военным образованием. В условиях мирного времени можно было жертвовать квалификацией в угоду политическим расчетам и социальному происхождению. Данные о процентном соотношении командиров с высшим военным образованием в РККА следующие (табл. 116).

Таблица 116

Процент командиров с высшим военным образованием в комсоставе РККА^{VI}

Год	Окончили академии и курсы усовершенствования высшего комсостава в РККА	Окончили академии в старой армии
1923	0,4	1,5
1924	1,1	0,7
1925	1,7	1,3
1926	1,8	1,1
1927	5,1	1,0

Процент выпускников старых военных академий в комсоставе РККА имел тенденцию к снижению, однако процент выпускников советских академий и курсов возрастал крайне медленно. По данным на начало 1928 г., в РККА оставались только 465 выпускников всех старых военных академий вместе взятых^{VII}. Есть данные и о том, что к середине 1920-х гг. в РККА служили около полутора тысяч выпускников академий и курсов усовершенствования комсостава^{VIII}. На 1 января 1929 г. командиры с высшим военным образованием составляли 55,5% высшего строевого

^I Там же. С. 410–412, 469–470, 503–505, 528–530.

^{II} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Б. М. Шапошников, Е. Н. Сергеев, Б. Н. Кондратьев, И. Х. Паука, С. А. Меженинов, А. И. Кук, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. И. Корк, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^{III} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Е. Н. Сергеев, Б. М. Шапошников, Б. Н. Кондратьев, С. А. Пугачев, А. И. Корк, А. И. Кук, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Н. Н. Петин.

^{IV} С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, Б. Н. Кондратьев, С. А. Меженинов, С. А. Пугачев, А. И. Корк, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Н. В. Лисовский, Е. А. Шиловский, А. И. Верховский.

^V С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, С. А. Пугачев, А. И. Корк, М. И. Алафузо, Н. В. Лисовский.

^{VI} Ефимов Н. А. Командный состав Красной армии // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 106; Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 311.

^{VII} Ворошилов К. Е. Десятилетие Красной армии // Правда. 1928. 23.02. № 46 (3878). С. 3.

^{VIII} Рассчитано по данным на 1925 г., когда комсостав РККА включал 51 559 человек (Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 510), а выпускники академий и курсов усовершенствования составляли 3 % комсостава.

комсостава^I. Однако в целом по комсоставу ситуация была иной и даже наблюдалось понижение процента лиц с высшим образованием. В 1924 г. таких было 2,8%, в 1925 и 1926 гг. — по 1,8, а в 1927 г. — 1,6%^{II}. Таким образом, общеобразовательный уровень командного состава РККА на протяжении 1920–1930-х гг. был невысок, что самым отрицательным образом сказывалось на боеспособности армии^{III}.

Тактическая грамотность в значительной степени обеспечивалась общим развитием и кругозором, что позволяло избегать шаблонности в действиях. Интеллектуальная деятельность представителей командного состава была предельно ограничена и затруднена. Даже среди преподавателей военных школ РККА в период 1927–1936 гг. высшим образованием обладали лишь 8,2–10,3% командиров^{IV}, о строевых командирах и говорить не приходится. До 1940 г. в СССР не было ни одного Маршала Советского Союза с законченным высшим военным образованием. В 1940 г. таковым стал выпускник старой академии Б.М. Шапошников.

В конце 1920-х гг. и позднее одной из партийных установок был курс на резкое увеличение среди слушателей академий процента рабочих и крестьян (политика «орабочивания командных кадров» активно проводилась с 1928 по 1933 г., а отказались от нее лишь к 1936 г.^V). Современные исследователи именуют эту политику социальным расизмом, а подкреплял ее осуществлявшийся параллельно социальный террор против «бывших». Комплектование военно-учебных заведений людьми, которые не обладали должным образованием и которым труднее прочих было овладевать знаниями, вело к деинтеллектуализации слушателей. В 1928 г. в Академию им. М.В. Фрунзе было принято 56,6% слушателей с низшим общим образованием, а в 1929 г. таких было уже 81,5%^{VI}. Рабоче-крестьянское происхождение среди принятых на основной факультет академии в 1929 г. имели 74,27% слушателей^{VII}. Ориентация на малограмотный контингент вела к снижению планки требований к выпускникам и к подготовке неквалифицированных командных кадров. Между тем для эффективной работы Генерального штаба были крайне важны общая культура, культура управления и принятия решений, умение анализировать ситуацию, навык систематической интеллектуальной деятельности.

Процессы «орабочивания» готовившихся командных кадров происходили на фоне неуклонного вычищения бывших офицеров из армии, что лишь усугубляло ситуацию. Достаточно отметить, что на март 1931 г. в запасе комсостава РККА значились 62 784 бывших офицера, в том числе 40 756 человек, служивших только в РККА; 11 238 служивших у белых и в РККА; 6011 служивших только у белых и 4779 не служивших ни у красных, ни у белых^{VIII}. Квалификация была принесена

^I Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний. М., 2018. Т. 1. С. 28.

^{II} Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 312.

^{III} Подробнее см.: Смирнов А. А. «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 576–609; Его же. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 2. С. 339–457.

^{IV} Смирнов А. А. «Социальный расизм»... С. 595.

^V Там же. С. 600.

^{VI} Там же. С. 598.

^{VII} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 189.

^{VIII} Смирнов А. А. «Социальный расизм»... С. 601.

в жертву даже не благонадежности, а утопическим социальным теориям о «правильном» происхождении, что отчасти дает ответ на вопрос о причинах катастрофы Красной армии начального периода Великой Отечественной войны.

Наблюдалась и другая тенденция: по мере распространения высшего образования некогда элитный статус его обладателей постепенно понижался (на 1939 г. полное высшее образование имели 1,2 млн человек, или 0,5 % населения^I).

К середине 1920-х гг. в РККА в условиях кадрирования армии наблюдался переизбыток начальствующего состава (к декабрю 1925 г. начальствующий состав достигал 88 578 человек, что в 1,4 раза превышало аналогичные показатели в старой армии, даже с учетом чиновников и духовенства^{II}). Одних только представителей высшего командного состава насчитывалось 1995 человек. Командный состав достигал 9,6 % от общей численности армии, тогда как в Польше и Великобритании — по 6,1 %, а во Франции — 4,8 %. При этом командиры с высшим военным образованием были в ничтожном меньшинстве. К концу 1920-х гг. задача вычищения из аппарата «бывших людей» уже ставилась широко и повсеместно, освещалась прессой^{III}. На 1 февраля 1927 г. среди 45 347 человек комсостава РККА оставалось 9005 бывших офицеров, в том числе 503 выпускника академий старой России^{IV}. На 1927 г. уже 39,6 % командного состава РККА не участвовали в Гражданской войне^V. По данным на 1 января 1927 г., в армии служили 338 выпускников Военной академии РККА^{VI}.

К 1 января 1929 г. бывшие офицеры составляли 5,3 % среднего комсостава (из них кадровые — 1,4 %), 48,2 % — старшего (кадровые — 18,1 %) и 73,7 % — высшего (кадровые — 55,2 %) ^{VII}. Процент бывших офицеров был достаточно велик в старшем и высшем командном составе. При этом большинство «бывших» составляли офицеры военного времени, часть из них вступили в ВКП(б), и почти все прошли подготовку или переподготовку в советских военно-учебных заведениях.

На 10 февраля 1931 г. в сухопутных и военно-воздушных силах, а также в центральном аппарате оставалось 6328 бывших офицеров, в том числе 1055 кадровых и 122 бывших белогвардейца, или 12,5 % начальствующего состава^{VIII}. Процент военспецов в высшем командном составе был существенно выше, доходя до 67,6 в сухопутных войсках^{IX}. В секретном издании Главного управления РККА «Характеристика

^I Волков С. В. Элитные группы в «массовом обществе». М., 2021. С. 21.

^{II} Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 510–511.

^{III} Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 43.

^{IV} Рогова Е. М. Некоторые аспекты политики советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. // Белая армия. Белое дело. 2011. № 19. С. 123.

^V РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 92. Л. 21об.

^{VI} Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 47.

^{VII} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 27.

^{VIII} Александров К. М. Драма военспецов // Родина. 2011. № 2. С. 38.

^{IX} Имеются и другие данные. Так, по материалам секретного издания Главного управления РККА, к 1 января 1930 г. 10,6 % начальствующего состава приходилось на долю бывших офицеров (в том числе 14,1 % командного состава и 9 % административного состава). Самый высокий процент был в высшем комсоставе — 65,9, в старшем — 41,6, в среднем — 4,4. Из этих материалов ясно и то, где концентрировались военспецы: в высшем комсоставе сухопутных частей «бывшие» составляли 74,1 %, в старшем — 45,1 %, в комсоставе центрального аппарата их было 52,2 %, в комсоставе окружного аппарата — 51,5 %,

личного состава РККА» с удовлетворением отмечалось, что «на данном этапе этот контингент начальствующего состава представляет собой ценную, испытанную как в боях, так и в трудностях мирного строительства часть всей РККА и Флота. Очищенный в период 1921–[19]24 гг. от случайно попавшего в ряды РККА и, зачастую, чуждого ей элемента, переподготовленный в вузах Красной армии, “бывший офицер” занимает на фронте мирного строительства полноправное положение руководителя и воспитателя красноармейских масс»¹.

Противостояние старых спецов и краскомов постепенно уходило в прошлое. Один из военспецов писал генералу А.И. Деникину в конце 1920-х гг.: «Годы обшей жизни и службы не остались без следа в отношениях. Классовые отличия совсем не так четки, как прежде. С большинством командиров, вышедших из старых солдат и унтеров, мы давно уже не чужие. Да и с новыми краскомами отношения налаживаются. Ведь, как-никак, все они — наши же выученики. А резкие отличия в духовном воспитании и житейском обиходе значительно подравнялись, благодаря общему опрощению всей жизни и стремлению новых краскомов в последнее время в особенности подняться самим и поднять свой престиж. Это ничего, что этот уклон начинается с тона, одежды, жестов, привычек и проявляется иногда в немного смешных формах. Нет у нас еще прочной спайки и полного доверия друг к другу — это конечно. Но все же с очень многими из них (я не говорю о правоверных коммунистах) нас сблизили и общие профессиональные интересы, и равенство полунищенского существования, и одинаковое отношение к гнету политуправления армии, к гвардионству комячеек, к осточертевшей всем фарисейской фразеологии, наполняющей казарменную жизнь и учебу. Но самое главное, что нас сближает — это несомненное пробуждение у многих из них национального чувства, пробивающегося через дурман коммунистической пропаганды... Сблизились мы и с солдатом из крестьян, пожалуй, больше, чем они (краскомы. — А.Г.), и больше, чем это было в старое время. По солдатскому своему чутью он признал наш военный авторитет, а по крестьянскому — увидел в нас товарищей по несчастью»².

Приказом РВС СССР № 88 от 13 февраля 1926 г. комсостав подлежал увольнению в долгосрочные отпуска: средний — до 40 лет, старший — до 45 лет и высший — до 50 лет. Представители среднего комсостава от 40 до 45 лет, старшего от 45 до 50 лет и высшего от 50 до 55 лет переводились в запас 1-й очереди; представители среднего комсостава 45–50 лет, старшего 50–55 лет и высшего 55–60 лет — в запас 2-й очереди. В запас 3-й очереди переводили осужденных и не соответствующих службе командиров. Представители среднего комсостава от 50 лет, старшего от 55 и высшего от 60 лет вовсе увольнялись со службы³. По возрастным причинам под это сокращение должны были попасть и генштабисты старой школы.

Для характеристики положения бывших офицеров в РККА середины 1920-х гг. представляет интерес переписка наркома К.Е. Ворошилова

в военно-учебных заведениях — 31,6 %, в прочих учреждениях и заведениях — 23,4 % (Характеристика личного состава РККА. М., 1931. Кн. 2: Кадровый начальствующий состав РККА. С. 30–31, 42; РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 11. Л. 13об., 14, 19об.).

¹ Там же. С. 32 (Л. 14об.).

² Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 5–6.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 208. Л. 112–112об.

с военспецом-артиллеристом Н. Молчановым. Последний в 1926 г. прислал Ворошилову письмо о плохом отношении к бывшим офицерам. На это последовала резкая отповедь наркома: «По существу Вашего утверждения о плохом отношении в Красной армии к б[ывшим] офицерам должен категорически заявить, что это ложь. Всем честным командирам, усвоившим сущность и значение рабоче-крестьянской власти, обеспечено продвижение по службе, независимо от социального происхождения и даже партийной принадлежности. Так, из 9 командующих округами — 8 б[ывших] офицеров, из них 3 беспартийных.

Само собой разумеется, что мы предпочитаем комплектовать нашу Военную академию не безграмотными, деклассированными хвастунами, а старательными, классово-выдержанными, способными и политически грамотными командирами»^I.

Затем Ворошилов в резкой форме раскритиковал политическую безграмотность бывшего офицера и приказал ему подать рапорт о демобилизации в связи с его письмом, поскольку такие командиры в РККА, по мнению наркома, были не нужны. Не вполне здоровый человек получил предписание уволиться с неясными перспективами. Позднее, впрочем, ему обещали помочь с подысканием работы^{II}. Фактически же этим письмом Ворошилов показал истинное отношение к военспецам в РККА, которое значительно отличалось от демагогических заявлений.

На красных генштабистов возлагались и новые задачи, которых не знал и не мог выполнять старый Генеральный штаб. Так, например, начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов в статье «Красный академик — первый политработник в армии», опубликованной летом 1924 г., выдвинул тезис о том, что «красный генштабист должен быть не только первым командиром Красной армии, какую бы должность он ни занимал, но и первым политработником в армии. Ему много, очень много дано, с него и спросится»^{III}. Таким образом, на выпускников Военной академии РККА возлагались и ответственные политические задачи. Разумеется, беспартийные кадры старых генштабистов для этого не годились.

Несмотря на наличие в армии как старых, так и новых генштабистов, по оценке начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского, изложенной в докладе-справке на имя председателя РВС СССР К. Е. Ворошилова, «в отношении подготовленности к делу управления войсками в полевой войне можно совершенно смело сказать: наши войсковые штабы еще совершенно не подготовлены... повышение технического уровня нашей Красной армии, большая численность наших войсковых единиц после мобилизации требуют высокого состояния нашей штабной работы, мы в этом отношении оказались совершенно отставшими... При таком состоянии штабов мы не можем считать нашу Красную армию боеспособной»^{IV}. В качестве достижения штабов РККА Тухачевский признавал лишь успехи в деле составления мобилизационных и оперативных планов.

Военспецы-генштабисты в 1920-е гг. участвовали в международном военном сотрудничестве. Например, они не оставались в стороне от сотрудничества Красной

^I РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 93. Л. 155.

^{II} Там же. Л. 157.

^{III} Цит. по: Офицерский корпус в политической истории России: Док. и мат. Калуга, 2003. Т. 3: 1920–1925 гг. С. 825.

^{IV} Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 503.

армии с германским рейхсвером, развивавшегося в 1920-е гг. В 1926 г. на последний курс германской Военной академии был принят преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе М.С. Свечников (выпуск 1911 г.)^I. По итогам командировки 8 февраля 1927 г. Свечников и другой преподаватель С.Н. Красильников подготовили доклад об отношении руководящих кругов рейхсвера к СССР. Копия этого доклада через начальника академии была направлена председателю РВС СССР К.Е. Ворошилову^{II}. В докладе отмечалась очевидность реванша Германии за Первую мировую войну, для чего необходима диктатура, а поскольку восстановление монархии маловероятно, то диктатура будет фашистской^{III}. Как писали авторы документа, «в силу вещей германский Генштаб, по нашим наблюдениям, видит единственную реальную силу, могущую дать прирост его военной мощи, это — дружественные отношения с Советской республикой.

Наличие общего противника — Польши, опасного для Германии вследствие географических условий, еще более толкает германский Генштаб по пути тесного сближения с Советской Россией^{IV}. Как видим, анализ и прогноз документа оказались точны, предсказав в общих чертах развитие событий более чем на десятилетие.

Германские военные представители также посещали СССР и составили свое мнение об РККА. Немцы отмечали эклектичность командного состава Красной армии, в котором наряду с высокообразованными генштабистами старой школы можно было встретиться с «драчунами с образованием народной школы из Гражданской войны»^V. Преподавательский состав Военной академии им. М.В. Фрунзе оценивался немцами критически, поскольку в академии не хватало практических занятий (до середины 1920-х гг.), а преподаватели не обладали опытом управления соединениями всех родов войск^{VI}. В лучшую сторону немцы выделяли представителей старой академической школы — И.И. Вацетиса, А.И. Верховского, Ф.Ф. Новицкого, А.А. Свечина^{VII}.

На старых спесов сильно влияло их прошлое, прежние связи и отношения. Так, например, в декабре 1922 г. в Москве состоялась международная конференция по разоружению с участием представителей Советской России, Польши, Финляндии и Прибалтики. В составе литовской делегации присутствовал выпускник академии генерал Л.А. Радус-Зенкович, ранее служивший в императорской армии и в РККА. В составе советской делегации находился бывший генерал В.Ф. Новицкий — товарищ Радус-Зенковича по прежней службе. При встрече, как отмечал очевидец — слушатель Военной академии РККА, «к нашему великому ужасу, оба вдруг обнялись, как братья, давно потерявшие друг друга... как мог командир Рабоче-крестьянской Красной армии проявлять такие теплые чувства к офицеру армии капиталистического государства? Не правильнее ли было забыть о прошлом и сконцентрироваться на настоящем? Все мы сначала испытали некоторый

^I Кантор Ю. З. Заключая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009. С. 105.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 148. Л. 75.

^{III} Там же. Л. 76.

^{IV} Там же. Л. 77.

^V Кантор Ю. З. Заключая дружба. С. 114.

^{VI} Там же. С. 114–115.

^{VII} Там же. С. 115.

шок, но потом некоторые из нас смеялись над непримиримыми товарищами, которые продолжали осуждать этот по-человечески понятный поступок. Хорошо, что они не пошли так далеко, чтобы обвинить старого доброго Новицкого в сговоре с врагами Советов»^I. Впрочем, годы, когда за такие дружеские объятия можно будет лишиться жизни, неумолимо приближались.

В 1920–1930-е гг. бывшие офицеры-генштабисты, продолжавшие служить в РККА, находились под пристальным наблюдением органов госбезопасности. Как и прежде, генштабистов окружали недоверие и подозрительность. Уже в 1920 г. Особый отдел ВЧК давал указания, кому из военспецов нежелательно выезжать за границу. В сравнении с дореволюционными порядками это стало заметным ущемлением прав военной элиты. Не разрешалось покидать страну видным военспецам-генштабистам Ф.В. Костяеву, С.Г. Лукирскому, Е.И. Мартынову, Д.Н. Надежному, Н.М. Потапову, К.И. Рыльскому, А.А. Свечину, А.Н. Ситникову, А.Е. Снесареву, С.А. Сухомлину, А.К. Фрейману^{II}. Интересно, что будущему маршалу Б.М. Шапошникову поездки были разрешены^{III}.

Обширную переписку породила попытка уехать в заграничный отпуск бывшего генерала от инфантерии Д.А. Долгова в 1922 г. Военспец намеревался отправиться за рубеж для свидания с семьей, но ГПУ выступило против^{IV}. Председатель РВСР и комиссар Штаба РККА не возражали против выезда. По характеристике комиссара Военной академии РККА Р.А. Муклевича, Долгов — «средний человек, обыватель, повредить нам не сможет»^V. В других характеристиках отмечалось: «Стар. Отстал от литературы. Учета опыта Гражд[анской] войны нет и не интересуется. Любит преклоняться перед авторитетами и следовать шаблонным формам. Активности и умения передать свои знания группе нет. В занятиях дает слишком большую инициативу и работой почти не руководит»^{VI}. Были и такие оценки: «Божья коровка — безобиден. Сведений вредных дать не сможет — ничего не знает»^{VII}. В связи с отказом Долгов писал в рапорте начальнику Штаба РККА 24 августа 1922 г.: «Причины отказа мне совершенно неизвестны. Допуская, однако, что они, быть может, кроются отчасти в том обстоятельстве, что я, изъявляя желание ехать в Бельгию, страну, занявшую в Генуе, а потом и в Гааге непримиримую позицию, я охотно отказываюсь от посещения ее и ограничусь встречей с семьей где-[либо] в Германии, где окажется подходящим... В случае если тов. Троцкий поддержит мое ходатайство, просил бы позволить мне не возбуждать снова дела в обычном порядке перед Госполитом^{VIII}; ибо на соблюдение вторично всех формальностей опять уйдет 2–3 недели, и я, вынужденный вернуться ко времени возобновления в академии зимних занятий, буду автоматически лишен отпуска»^{IX}. По-видимому, легально уехать не удалось, и 62-летний генерал бежал из Советской России.

^I Бармин А. Г. Соколы Троцкого. С. 158.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 135.

^{III} Там же. Л. 182.

^{IV} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 111.

^V Там же. Л. 116.

^{VI} Там же. Л. 116об.

^{VII} Там же.

^{VIII} ГПУ.

^{IX} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 117об.–118.

Рассмотрим, что происходило после Гражданской войны в штабе Западного фронта, которым командовал М.Н. Тухачевский. 28 мая 1921 г. Особым отделом Западного фронта был арестован начальник административного управления штаба фронта В.Л. Баранович, который 20 августа 1921 г. был признан коллегией Особого отдела Западного фронта «виновным в государственной технической измене, выразившейся в организации и руководстве штабной группой и В[сероссийским] Н[ациональным] С[оюзом] З[ащиты] Р[одины] и Св[ободы] и передаче важных всевозможных военных сведений о Красной армии противнику» и приговорен к расстрелу^I. 30 декабря 1993 г. Барановича реабилитировали. Ранее Баранович арестовывался в 1919 г., но был освобожден. Как отмечала вдова генерала А.Е. Эверта, «в августе все зашевелилось, и вскоре Смоленск был объят ужасом: в одну неделю расстреляли 144 человека, причастных к т[ак] наз[ываемому] “делу Западного фронта”»^{II}. 13 декабря 1922 г. Особый отдел ГПУ Западного фронта арестовал первого помощника начальника штаба фронта Н.Е. Варфоломеева, начальника мобилизационного отдела И.Т. Алексеева и других штабных работников. Причиной арестов была временная потеря секретных документов^{III}. В феврале 1923 г. по подозрению в шпионаже в пользу Польши был арестован начальник оперативного отдела штаба фронта В.В. Шестун. Фактически арестами и кадровыми перестановками работа штаба фронта как единого коллектива была дезорганизована^{IV}. В деле под названием «Теплая компания» особисты собирали сведения о Тухачевском и его начальнике штаба С.А. Меженинове, которых подозревали во взяточничестве. В качестве секретных осведомителей были завербованы лица из ближайшего окружения Тухачевского^V.

Поведение Тухачевского, располагавшего реальной вооруженной силой в непосредственной близости от Москвы, могло сорвать усилия Сталина и его группировки по захвату власти в партии и в стране посредством аппаратной борьбы и интриг. «Нельзя пассивно ждать, пока Смоленск пожелает продиктовать свою волю Кремлю»^{VI}, — писал глава ОГПУ Ф.Э. Дзержинский своему заместителю В.Р. Менжинскому 1 января 1924 г. В этой фразе главного чекиста выражалась тревога в связи с возможным военным переворотом в СССР, а центром заговора считался штаб Западного фронта в Смоленске во главе с Тухачевским. Однако автором броской фразы был не сам Дзержинский, который лишь воспроизвел то, что прочитал накануне написания записки в меморандуме по делу «Корсиканцы». Громкую фразу «Смоленск продиктует свою роль Москве» произнес монархист В.М. Корольков в беседе с М.В. Мезерницким — секретным агентом ОГПУ и ближайшим соратником знаменитого белого генерала Я.А. Слащева^{VII}. Незначительные компрометирующие Тухачевского данные, собранные особистами, были использованы в интересах сталинской группировки, контролировавшей

^I Архивная справка УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 по материалам архивного уголовного дела № 16611 (Архив автора).

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 760. Л. 23об.

^{III} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 418. Л. 53–54.

^{IV} Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 347.

^V Подробнее см.: Зданович А. А. «Теплая компания» «красного Бонапарта».

^{VI} Цит. по: Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 286.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 318. Л. 50.

аппарат госбезопасности. Для нейтрализации Тухачевского было инициировано расследование его деятельности и под угрозой ареста командующего фронтом склонили к нейтралитету в противостоянии Сталина и Троцкого. В этом случае, как и во многих других в новейшей истории России, победа оказалась на стороне тех политических деятелей, которые обладали контролем над спецслужбами, тогда как военное руководство, несмотря на наличие в его руках реальной силы, оказалось в числе побежденных.

Генштабисты не избежали участия (причем с каждой стороны) в противоборстве советских спецслужб с иностранными, а также и с белой военной эмиграцией. Как и прежде, они нередко занимали должности военных атташе. Так, военным атташе в Финляндии в апреле 1922 г. был назначен бывший полковник А. А. Бобрищев^I. Он уже обладал опытом военно-дипломатической службы, поскольку в 1920 г. состоял членом контрольной комиссии, сформированной согласно мирному договору между Россией и Эстонией, а в 1920–1921 гг. служил помощником военного представителя РСФСР в Армении. Позднее Бобрищев стал военным атташе в Персии (1924–1927 гг.).

Бывший полковник А. И. Готовцев находился в распоряжении советского военного атташе в Грузии (1920–1921 гг.), а затем был направлен в секретную заграничную командировку в Константинополь (январь – июль 1921 г.), в ходе которой подвергся аресту англичанами и оказался выслан в Советскую Россию^{II}. Военным атташе РСФСР в Литве являлся бывший поручик А. И. Мялковский, окончивший в 1914 г. младший класс академии^{III}. Военным атташе в Турции в 1923–1924 гг. служил бывший полковник И. А. Троицкий. Военным атташе СССР в Китае был в прошлом штабс-ротмистр А. И. Геккер^{IV}.

Иностранные спецслужбы интересовались советскими генштабистами и проводили активные операции в СССР. Свою роль в разведывательной деятельности играли прежние корпоративные связи генштабистов. Так, в 1921–1923 гг. польским военным атташе в Москве являлся выпускник ускоренных курсов Военной академии подполковник Р. И. Воликовский^V. Воликовский был офицером старой армии, а в Гражданскую войну успел принять участие в борьбе с большевиками в Сибири. Он хорошо знал Россию и в должности атташе оказался на своем месте. Воликовский занимался в том числе и сбором разведданных^{VI}. В 1922 г. им был завербован бывший курсовик-колчаковец подполковник С. С. Дзюбенко, которого Воликовский мог знать еще по Сибири (отметим, что у белых Дзюбенко вел разведывательную работу). После пленения Дзюбенко

^I Север А., Колпакиди А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 158.

^{II} РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

^{III} Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 19.09. № 272.

^{IV} Командарм Уборевич: Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С. 109.

^V Stawicki P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997. S. 29. Подробнее о Воликовском см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 460–472.

^{VI} Kmiecik T. Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939. Słupsk, 2005. S. 108; Misiuk A. Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1994. S. 64. Всего Воликовским было завербовано более двух десятков агентов, в том числе среди слушателей Военной академии РККА (агент «Академик»), в Штабе РККА и в штабе Приволжского военного округа (Peplowski A. Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 2010. S. 112–113).

был амнистирован и служил в ГУВУЗе. Агенту выдали подложную советскую печать, с помощью которой он фабриковал документы и получал по ним секретные приказы по РККА. В декабре 1922 г. Дзюбенко ездил в Харьков по подложным документам и добыл там комплект приказов Украинского военного округа за два месяца. Кроме того, Дзюбенко ездил в Ростов-на-Дону, где достал для поляков приказы по 1-й Конной армии. Через помощника Воликовского Дзюбенко получил деньги на открытие частного книжного магазина «Военно-техническое образование» на Петровке, служившего явкой для польской агентуры^I. Магазин военной литературы неизбежно привлекал командиров РККА, что позволяло устанавливать новые связи. Однако в конце 1923 г. Дзюбенко был разоблачен и арестован, а в феврале 1924 г. приговорен к смертной казни. Эстонская разведка при содействии финского агента А. Тассо в 1920-е гг. смогла нелегально вывезти из СССР жену главнокомандующего эстонской армией генерала И.Я. Лайдонера^{II}.

Некоторые генштабисты сотрудничали с Б.В. Савинковым, находившимся в Польше и ведшим активную антибольшевистскую работу. В частности, полковник В.И. Сизых с февраля 1921 г. занимался составлением сводок о положении в Советской России по материалам иностранной печати. Этими сводками пользовался помимо савинковцев польский Генеральный штаб^{III}.

Есть данные о том, что литовской разведкой через дочь знакомого (также бывшего генерала) был завербован начальник Управления по подготовке и службе войск Штаба РККА бывший генерал-майор К.И. Рыльский^{IV}. Он был в 1921 г. арестован и по постановлению Президиума ВЧК от 5 ноября того же года расстрелян, причем за шпионаж в пользу поляков ради получения польского гражданства^V. В переписке по его делу отмечалось, что он передал иностранному государству сведения о дислокации РККА на западной границе и другие важные данные, в чем и сознался^{VI}.

Однако успехи были и у советской внешней разведки, в том числе в Литве. В 1924 г. ИНО ОГПУ смог завербовать бывшего начальника литовского Генерального штаба К.К. Клещинского (выпуск академии 1910 г.), к тому времени уже уволившегося из армии. Судя по всему, агент оказался очень ценным. Благодаря старым связям, Клещинский получил доступ к документам литовской политической полиции. Он выявлял, в частности, агентуру полиции среди литовских коммунистов, освещал борьбу партий в Литве, давал характеристики военных и государственных деятелей, передавал сведения военного характера^{VII}. Из ИНО ОГПУ сведения попадали в Коминтерн, а оттуда в печать. В итоге литовские власти смогли выявить источник утечки данных и в 1927 г. Клещинский был арестован с поличным

^I Ульрих В.В. Из недавнего прошлого. Записки судебного работника // Суд идет! (Ленинград). 1926. № 20 (60). Октябрь. С. 1235. Также см.: Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017. С. 176–178; Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 304.

^{II} Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 311.

^{III} Борис Савинков на Лубянке: Док. М., 2001. С. 280.

^{IV} Плеханов А. М., Плеханов А. А. Московские чекисты в тайной войне. 1921–1928 гг. М., 2018. С. 253.

^V Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 510.

^{VI} РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 69. Л. 67.

^{VII} Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. С. 343.

и расстрелян. Его вдова переехала в СССР и получала на воспитание дочери персональную пенсию республиканского значения¹.

Значительное внимание советская разведка в 1920–1930-е гг. уделяла борьбе с русской военной эмиграцией². ОГПУ пристально следило за деятельностью белых, в том числе генштабистов³. По всей видимости, советская агентура была даже в штабе генерала П.Н. Врангеля⁴, многие документы которого в 1920-е гг. буквально через две-три недели после их составления оказывались в Москве на столах у чекистского руководства⁵. Борьба велась отнюдь не только в форме вербовки агентов и получения информации, но и в виде масштабной дезинформации, изоощренных провокаций и диверсионно-террористических актов, которые осуществлялись в разных странах мира. Нередко советские спецслужбы сами провоцировали активные действия эмигрантов, которых, возможно, при иных обстоятельствах бы не произошло. В силу своей причастности к руководству антибольшевистских сил первыми жертвами провокаций становились генштабисты-эмигранты, причем советская сторона постоянно наносила противнику все новые болезненные удары, а белые, за исключением нескольких террористических актов (которые лишь дискредитировали самих террористов), не могли этому что-либо противопоставить в силу ограниченности возможностей, нехватки средств и людей и потерпели в этом противоборстве сокрушительное поражение.

Военная эмиграция также интересовалась Красной армией, хотя добывать информацию получалось не столь быстро и успешно и далеко не в том объеме, как у ГПУ и ОГПУ. В этой работе, безусловно, использовались профессиональные разведчики, к которым следует отнести военных агентов. В частности, через генерала И.А. Хольмсена в 1922 г. была добыта копия секретного списка Генерального штаба РККА на 15 мая 1920 г.⁶ Конечно, за два с лишним года, прошедших с момента создания этого документа, он уже изрядно устарел, к тому же копия, полученная белыми, содержала множество неточностей. Некоторые генштабисты, оказавшиеся в эмиграции, пытались скрупулезно изучать комсостав РККА (например, генерал А.А. фон Лампе), но, конечно, их оперативные возможности были гораздо скромнее советских. При участии генерала П.Н. Краснова еще в 1921 г. было основано «Братство Русской Правды», представлявшее собой антисоветскую диверсионно-террористическую организацию. В деятельности этой организации участвовал курсовик полковник А.Г. Аргунов (погиб в 1932 г. на Дальнем Востоке). Военные эмигранты посредством печати обращались к бывшим офицерам, оставшимся в СССР, с призывами свергнуть большевиков.

Список операций советских спецслужб против одних только генштабистов-эмигрантов впечатляет. 6 февраля 1921 г. в Западном Китае был смертельно ранен

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 618–626.

² Подробнее см.: Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.

³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2007. Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. С. 206–208, 555–556, 563–565.

⁴ См., напр.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г. С. 153–161.

⁵ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 66, 68, 81.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 74–85.

советскими агентами и наутро скончался оренбургский войсковой атаман А. И. Дутов, готовивший вторжение на территорию Туркестана¹. 15 октября 1921 г. итальянский пароход «Адриа», совершавший рейсы в Советскую Россию, протаранил яхту Врангеля «Лукулл» на Босфоре как раз в районе каюты генерала. По случайности Врангель тогда на судне отсутствовал (уехал за час до происшествия) и не пострадал². Предполагалось, что это могло являться покушением. Однако до главкома советская разведка, по всей видимости, все же добралась, поскольку в 1928 г. генерал, полный здоровья и сил, неожиданно заболел, причем болезнь сопровождалась странными симптомами, и буквально через месяц с небольшим, 25 апреля 1928 г., скончался в Бельгии в возрасте 49 лет. Впрочем, до сих пор нет однозначного ответа, было ли это делом рук советских агентов³.

Имена целого ряда авторитетных генштабистов были использованы чекистами для введения военной эмиграции, а заодно и ряда иностранных разведок в заблуждение относительно наличия в СССР мощной подпольной антикоммунистической организации (операция «Трест»). В частности, лидером Монархического объединения центральной России называли бывшего генерала А. М. Зайончковского, который при посредничестве видного чекиста А. Х. Артузова даже встречался в Москве с белыми эmissарами из-за рубежа и, по имеющимся данным, произвел очень приятное впечатление⁴. С. С. Каменев и Б. М. Шапошников участвовали в мистификации иностранных спецслужб, в частности, подписывая фиктивные документы, готовившиеся ОГПУ и затем в виде копий передававшиеся противнику⁵.

Из числа военспецов, настроенных антибольшевистски и взаимодействовавших с военной эмиграцией, в среде последней звучали имена генштабистов братьев А. Н. и В. Н. Гатовских, А. М. Зайончковского, П. П. Лебедева, Н. М. Потапова, Б. М. Шапошникова, М. М. Эндена⁶. Возможно, они использовались в игре органами госбезопасности. Такие данные достоверно известны в отношении Зайончковского и Потапова. Последний в 1921 г. стал агентом ВЧК⁷, а с 1923 г. на протяжении четырех лет активно участвовал в «Тресте», выдавал себя за тайного идейного монархиста, неоднократно выезжал за рубеж, где встречался с генералами П. Н. Врангелем, А. П. Кутеповым, Е. К. Миллером и И. А. Хольмсеном⁸. В действительности Потапов был одним из первых генштабистов, перешедших на сторону большевиков

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. С. 480–502.

² Подробнее см.: Чебышев Н. Н. Близкая даль // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 13: Константинополь — Галлиполи. С. 166–172; Цветков В. Ж. Гибель «Лукулла» // Родина. 1998. № 5–6. С. 129–131.

³ Подробнее см.: Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996. Дополнительные аргументы в пользу версии об убийстве Врангеля см.: Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 478–479.

⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2013. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг. С. 219, 222; Прянишников Б. В. Незримая паутина: ВЧК — ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993. С. 87.

⁵ Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. 2: Февраль 1956 — начало 80-х годов. С. 721.

⁶ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 6. С. 219, 222–224; Войцеховский С. Л. «Трест» // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005. С. 64, 72; Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 67.

⁷ Военные архивы России (Москва). 1993. Вып. 1. С. 101.

⁸ Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 78–79; Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 473.

и сохранивших им верность до конца. Возможно, остальные вышеперечисленные военспецы также использовались чекистами в игре с эмиграцией, тем более что они были в целом вполне лояльными большевикам специалистами.

«Трест» пришлось свернуть после того, как польская разведка потребовала у мнимых подпольщиков добыть советский мобилизационный план и в ответ получила явную фальшивку. Между тем в реальность «Треста» первоначально поверили не только польские спецслужбы (Потапов даже получил от поляков браунинг с золотой монограммой и часы), но и опытные генералы-генштабисты фон Лампе, Миллер, Хольмсен (двое последних занимались разведывательной деятельностью еще в дореволюционное время в качестве военных агентов, фон Лампе имел стаж разведывательной работы со времен Гражданской войны). Считается, что серьезные сомнения в реальности подпольной организации были лишь у Врангеля. «Трест» и другие аналогичные операции серьезно ударили по боевой организации генерала А.П. Кутепова, подмочили репутацию генерала, нанесли значительный ущерб польской, финской и румынской разведкам, которых чекисты на протяжении многих лет успешно дезинформировали. В ходе операций было ликвидировано не менее 80% кутеповских боевиков¹.

Активное участие в аналогичной операции «Синдикат-4» принимал бывший помощник военного агента в Лондоне генерал-майор П.П. Дьяконов (под псевдонимом Б-20). В рамках этой операции в СССР в конце 1929 г. побывал генерал Б.А. Штейфон², игравший теперь ту же роль, что и видный политический деятель эмиграции В.В. Шульгин в период «Треста», — т.е. абсолютно надежного в представлении лидеров военной эмиграции человека, убежденного антибольшевика, который подтвердил бы реальность существования в СССР подпольной организации. Выпуская из СССР Штейфона, контрразведчики, видимо, надеялись поймать еще большую рыбу, но этим надеждам не суждено было осуществиться.

Чекисты тогда же пошли на большой риск и выпустили за рубеж бывшего полковника Н.А. де Роберти (под псевдонимом Клямар) — участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, служившего во ВСЮР, а затем в РККА. Этого офицера хорошо знал его бывший непосредственный начальник — глава РОВС генерал А.П. Кутепов. Чекисты рассчитывали с помощью де Роберти замкнуть на легендированную Внутреннюю российскую национальную организацию кутеповских боевиков, выманить на советскую территорию самого Кутепова либо полковника А.А. Зайцова, курировавшего с 1924 г. секретную работу против СССР³, а также якобы для руководства восстанием максимальное число генштабистов и специалистов технических войск. Судьба этих офицеров в случае успеха провокации была бы незавидной — все они неизбежно были бы уничтожены. Де Роберти ехал в командировку с чекистом А.Н. Поповым (в прошлом — полковником), следившим за бывшим белым офицером (ему среди прочего предписывалось

¹ Огороков А. В. Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 82.

² Подробнее см.: Иллюзии генерала Штейфона // Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 2: 1917–1933 годы. С. 134–143.

³ Зайцов А. А. Мои воспоминания о генерале Кутеполе // Генерал Кутепов: Сб. статей. Париж, 1934. С. 320.

не оставлять де Роберти один на один с руководителями РОВС). 14 января 1930 г. они прибыли в Берлин, где их встретил Зайцов, а через несколько дней состоялась беседа с Кутеповым. Кутепов был готов направить в СССР до 50 человек, но де Роберти удалось переговорить с Кутеповым с глазу на глаз. Генштабист не предал своих прежних товарищей и предупредил Кутепова о готовящейся провокации (в том числе о подготовке покушения на генерала), принеся тем самым себя в жертву. При этом де Роберти почему-то не попытался остаться за границей, а доложил напарнику, что встреча прошла успешно. По возвращении в СССР каким-то образом он был разоблачен и Особым совещанием при Коллегии ОГПУ приговорен к расстрелу¹. Сведений о приведении приговора в исполнение в нашем распоряжении нет, но в эмигрантской печати информация об этом была опубликована уже 22 мая 1930 г.

В результате поступка де Роберти были спасены не только десятки офицеров, но и попал под подозрение советский агент генерал Дьяконов (однако, судя по опубликованным материалам, напрямую Дьяконова де Роберти не выдал). В ведомственной историографии органов госбезопасности эти события до сих пор освещаются с точностью до наоборот, де Роберти считается предателем (что вряд ли применимо к ситуации выбора, перед которым он был поставлен, между соучастием в убийстве бывших соратников и друзей и противодействием враждебному режиму в их уничтожении), а авторы искренне сожалеют, что так и не удалось ликвидировать предполагавшихся к засылке в СССР по просьбе самих же органов русских офицеров. Отметим, что в существование в СССР подпольной организации первоначально поверили многие генштабисты-эмигранты, среди которых генералы А.В. Геруа, Н.А. Лохвицкий, полковник А.А. Зайцов и др. Таким образом, советская разведка активно использовала репутацию и старые связи бывших генштабистов в крупных операциях 1920-х гг.

Параллельно с провокационными действиями советские агенты продолжали осуществлять зарубежные ликвидации. В ноябре 1926 г. в Париже при невыясненных обстоятельствах исчез генерал Н.А. Монкевиц, курировавший секретные операции боевиков генерала А.П. Кутепова. Считалось, что он покончил с собой, но тело генерала так и не нашли. Возникли подозрения, что он мог быть связан с советской разведкой и перед угрозой разоблачения решил скрыться. Достоверно известно и признано органами госбезопасности, что 26 января 1930 г. (примерно через неделю после его встречи с де Роберти) советские агенты среди бела дня похитили в Париже главу РОВС Кутепова, а спустя 7 лет, 22 сентября 1937 г., его преемника генерала Е.К. Миллера, которого вывезли в СССР (тогда как Кутепова, по имеющимся сведениям, убили в дороге).

Отдельные фанатично настроенные эмигранты пытались продолжать борьбу с большевиками. Наиболее ярким примером такого борца-одиночки был генерал И.М. Зайцев. В прошлом близкий соратник атамана А.И. Дутова, он попробовал внедриться в комсостав РККА. С этой целью Зайцев подал прошения об амнистии и получении советского гражданства и возвратился из эмиграции в Россию. В мае 1924 г. бывший генерал уже ехал в Москву. Впрочем, надежды Зайцева оказались

¹ Подробнее об этой операции: Зданович А. А. «Синдикат-4». ОГПУ против монархистов-кирилловцев // Родина. 2007. № 12. С. 32–39; Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 168–172.

иллюзорными. По прибытии Зайцев был зачислен в резерв высшего командного состава РККА. Обсуждался вопрос о его назначении начальником штаба инспектора кавалерии РККА или преподавателем восточного отдела Военной академии. Но затем, видимо, в связи с делом Б.В. Савинкова, последовало охлаждение. В Москве узнали о переговорах Зайцева в Пекине с представителями иностранного дипломатического корпуса по вопросу организации повстанческих отрядов на территории СССР и о средствах для этой деятельности, хранившихся в Гонконг-Шанхайском банке. Поэтому в конце сентября 1924 г. Зайцев был уволен в бессрочный отпуск, а уже 25 октября арестован ОГПУ¹. Впоследствии он бежал из СССР и покончил с собой в эмиграции.

На фоне сложнейшего внешне- и внутривнутриполитического положения СССР ОГПУ прилагало значительные усилия по надзору над бывшими офицерами. Так, вернувшийся в ноябре 1921 г. в Советскую Россию знаменитый белый генерал Я.А. Слащев оказался завербован органами госбезопасности и информировал чекистов о разговорах и настроениях в среде военспецов². С конца 1924 г. развернулось агентурно-наблюдательное дело «Генштабисты», направленное на контроль над бывшими генштабистами, оставшимися в РККА. Многие военспецы, их родные и близкие были вынуждены стать секретными осведомителями. На 109 фигурантов дела «Генштабисты» приходилось более 30 секретных сотрудников ОГПУ³. Сексотами являлись бывший генерал А.М. Зайончковский и его дочь Ольга (они участвовали также в операции «Трест»), бывшие генералы В.И. Оберюхтин и М.В. Фастыковский, бывший полковник М.С. Свечников, бывший капитан Г.И. Теодори и др. Работу некоторых сексотов в офицерской среде курировал опытный контрразведчик, соратник Ф.Э. Дзержинского Э.П. Салынь. В этом отношении показательны материалы следственного дела бывшего полковника Д.Д. Зуева, куратором которого по секретной работе в органах как раз был Салынь. Согласно этим материалам, О.А. Зайончковская в частном разговоре предостерегала своего друга, бывшего офицера Б.В. Селивачева (сына известного генерала В.И. Селивачева), от контактов с Д.Д. Зуевым (зятем В.И. Селивачева), так как тот был предположительно осведомителем госбезопасности. Б.В. Селивачев рассказал об этом самому Зуеву, а последний порекомендовал Селивачеву аналогичные меры в отношении Зайончковской, на что Селивачев сказал: «Ну и черт вас обоих разберет»⁴. Таким образом, на этих трех знакомых из круга бывших офицеров приходилось два сексота. Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Но если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, товариществе и взаимовыручке, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом, и сводилась к необходимости докладывать по инстанции о крамольных разговорах своих близких и друзей. В идеале о подозрительном разговоре должен был донести каждый из его участников. Если

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2005. № 8. С. 193–207.

² Подробнее см.: Ганин А. В. «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4. С. 88–90; Его же. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021. С. 177–180, 248–250.

³ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 383.

⁴ Материалы следственного дела Д. Д. Зуева. Л. 95 (Архив семьи Зуевых).

кто-то не доносил, он автоматически попадал под подозрение как возможный заговорщик и контрреволюционер. В подобной обстановке едва ли возможны были какие-либо заговоры и контрреволюционные действия: не один осведомитель, так другой сообщил бы об этом своим кураторам, подставив под удар не сообщившего. Материалы осведомления использовались чекистским и партийным руководством для нужных им кадровых изменений в армии. Помимо использования сексотов, органы госбезопасности вели тщательный учет командного состава, в том числе бывших офицеров. Для разработки бывших белых офицеров в середине 1921 г. было сформировано 17-е специальное отделение Особого отдела ГПУ. Составлялись объемные книги учета бывших офицеров антибольшевистских армий, куда включались сведения на десятки тысяч человек^I, была создана колоссальная картотека командного состава, насчитывавшая на 1921 г. 115 860 карточек^{II}.

Среда бывших офицеров была объективно нелояльной по отношению к советской власти. Этих людей справедливо возмущали многие вещи. Прежде всего, сохранявшаяся атмосфера недоверия и подозрительности, несмотря на заслуги многих в Гражданскую войну. Ее ярко характеризуют грубые и несправедливые аттестации заслуженным преподавателям Военной академии РККА, составленные в 1924 г. Например, об А.И. Верховском говорилось, что он «не имея своих оригинальных мыслей... отличается свойством подхватывать мысли своих подчиненных-руководителей, частью слушателей, и, облекая их в красивую форму, окружая их миллионами трескучих фраз, повторяет эти мысли, оставаясь при глубочайшем убеждении, что это — его идеи»^{III}. А.М. Зайончковский — «идеалист по своему мировоззрению, рутинер по способам преподавания... не являет собой особой ценности для академии... Можно было бы безболезненно уволить в отставку и очистить место более способному и молодому»^{IV}. А.А. Балтийский «не отличается ни педагогическими способностями, ни умением организовать практические занятия. Несмотря на окончание курса в двух высших военно-учебных заведениях, больших знаний не имеет и своими взглядами на постановку преподавания тактики не обладает»^V. О Ф.В. Костяеве писали, что его «кругозор географический весьма ограничен. Собственных мыслей мало. Занятия проходят с малым интересом (на старш[ем] курсе), что усугубляется еще скверным отношением к нему слушателей вследствие резкости в отношениях»^{VI}. А.Е. Снесарев — «идеалист по своему мирозерцанию, он не в состоянии удовлетворять требованиям современного момента как в смысле самого содержания предмета, так и постановке его преподавания. Рутинер, склонен к схоластике и беспредметному теоретизированию. Весьма компетентен в вопросах географии Среднего Востока. Но и тут подпускает чрезвычайно много антимарксистского душка»^{VII}.

Вполне естественным было и недовольство отстранением бывших офицеров с руководящих постов в РККА, переводом их с командно-штабных должностей

^I См., напр.: Книга учета лиц состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4.

^{II} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 670. Л. 216об.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 3.

^{IV} Там же. Л. 4.

^V Там же. Л. 8.

^{VI} Там же. Л. 14.

^{VII} Там же. Л. 17.

в военно-учебные заведения или увольнением из армии. Наконец, несогласие вызывала политика, проводившаяся руководством СССР, в частности, такие ее стороны, как подавление православной церкви, а позднее насильственная коллективизация. Свидетельства о такого рода недовольстве сохранились в показаниях арестованных в 1930–1931 гг. по делу «Весна». Генштабист В. А. Афанасьев показал, что «будучи верующим, я был не согласен с теми мероприятиями властей, которые ограничивали и стесняли религию»¹. Религиозностью отличались А. И. Верховский и Б. М. Шапошников, которым вряд ли импонировали антицерковные кампании. М. Д. Бонч-Бруевич по праздникам ходил в храм даже в 1950 г.²

Бывший генерал Ф. Е. Огородников в дневниковой записи 19 августа 1927 г. отметил: «Намерения осчастливить массы, соединенные с сомнением, стоят ли они таких жертв и в этом ли цель жизни, лишенная стремления к личному совершенству впереди масс. Действительная работа на пользу своей среды того, кто не может и не хочет от нее отделяться

Работа “социалистов”, которые хотят добиться чужого счастья, осчастливить всю массу обездоленных по своей теории, руководя этим счастьем и... снимая пенки.

Вот мысли, которые мелькают в голове[,] пока... излагаю английский полевой устав!»³

Курсовик А. А. Буров свидетельствовал о высказываниях бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича во время летнего перерыва между занятиями на КУВНАС: «Его приводили в отчаяние начавшиеся, а позже и оформившиеся продовольственные затруднения и товарный голод, “вот этот кавказский баран Сталин довел страну до голода. Черт знает что – товаров нет”, “В армии тоже – с тех пор, как вы ушли из Уставного отдела, над уставами никто не работает, нет положения о полевом управлении войск, разобьют нас этак. А потом будут вешать. Ведь меня за мои работы для Красной армии раньше всех повесят. Что же делать. Вот вы человек умный, скажите”. Я отвечал, что у него есть целый ряд выходов; говорил, что он может пойти посоветоваться с братом, с крупными старыми большевиками, с которыми тогда работал. Бонч-Бруевич обычно говорил: “Ну, с братом я почти не вижусь, а старые большевики, конечно, Сталиным недовольны, но умывают руки, как Пилат, и делают вид, что то, что делается – это не их дело. Устраняются”»⁴. Впрочем, нельзя исключать того, что Буров под давлением следователя оговорил бывшего генерала. Сам Бонч-Бруевич в своих показаниях именвал Бурова контрреволюционером и провокатором⁵.

Дело «Генштабисты» зафиксировало изменение настроений, наблюдаемых в связи с внешнеполитическими и внутривнутриполитическими переменами. В частности, к концу 1927 г. было отмечено ожидание войны и связанного с ней внутреннего переворота. При этом оппозицию во главе с Л. Д. Троцким старые специалисты поддерживать не стремились.

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 184 (245). Л. 70б.

² ОР РГБ. Ф. 381. Карт. 8. Д. 62. Л. 10б.

³ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 25. Л. 20.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 249 (188). Л. 70.

⁵ Там же. Л. 94.

И все же в 1920-е гг. еще существовала относительная свобода слова и творчества, в том числе для генштабистов. Наглядным подтверждением этому служит письмо бывшего генерала К. Л. Гильчевского председателю ЦИК СССР М. И. Калинину от 9 июня 1927 г. по поводу пенсионного обеспечения. В этом письме Гильчевский вышел далеко за пределы стандартных просьб о выдаче пенсии и перешел к анализу внутреннего устройства СССР, каким оно виделось бывшему генералу. В письме Гильчевский выражал недовольство советскими порядками, требовал реализации на практике декларируемого большевиками равенства для всех, в том числе в вопросах социального обеспечения. Автор письма протестовал против протекционизма, при котором близкие к советской военной элите люди получали различные преференции и блага, а номенклатура жила в роскоши^I. Отмечал Гильчевский и избирательную трактовку властями преемственности СССР от Российской империи только в тех вопросах, которые были им выгодны. Жаловался на невозможность бывшему генералу устроиться на работу.

В письме бывшего генерала прослеживаются и те акценты, которые тогда еще не делались в большевистской пропагандистской риторике. Гильчевский отмечал империалистический характер советизации Закавказья^{II}, засилье инородцев в большевистском руководстве, неверие населения в коммунистические идеи, сетовал на оторванное от жизни доктринерство руководства страны, указывал при этом на экономическое превосходство Америки, где нет и не будет социализма.

Многие наблюдения старого генерала оказались пророческими. Среди них тезисы об эволюции руководства СССР от большевистских принципов к традиционным государственным, о том, что СССР является продолжением Российской империи и осуществляет имперскую политику, а также о том, что партийное руководство ведет страну к монархии (как известно, вскоре окончательно оформились диктатура и культ личности И. В. Сталина). Гильчевский резюмировал: «Михаил Иванович, вы русский человек, стремитесь к одному — к величию нашей родины. Бросьте идею о счастье всего мира. Все равно вы ничего не делаете для него. А мир этот в заключение только напакостит России, даже те же английские и китайские рабочие, которым посылали миллионы русских денег. Думайте только о России — и вы сделаете большое благо для родины. Мне все равно — будет ли Россия советская, монархическая или демократическая, — я думаю только об одном — о благе и величии родины»^{III}. За подобное письмо бывший генерал не только не пострадал, но даже получил государственную поддержку в издании книги. Более того, текст его обращения вызвал интерес властей, хотя к каким-либо изменениям в курсе руководства страны это не привело.

На протяжении 1920-х гг. большая часть высшего и значительный процент старшего командного состава РККА были укомплектованы военспецами^{IV}. Всего в составе (без административно-хозяйственного состава) в 1923 г. их насчитывалось

^I Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. Март — апрель. С. 170, 174.

^{II} Там же. С. 172.

^{III} Там же. С. 177.

^{IV} Абинякин Р. М. Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 21.

14 944 (30,3 % комсостава), а к 1930 г. — 7047 (14,1 % комсостава)^I. По категориям комсостава распределение было следующим (данные на 1 января 1929 г.): в среднем комсоставе — 5,3 %, в том числе 1,4 % кадровых; в старшем комсоставе — 48,2 %, в том числе 18,1 % кадровых; в высшем комсоставе — 73,7 %, в том числе 55,2 % кадровых^{II}. К 10 февраля 1931 г. их оставалось уже только 5195 (12,2 % комсостава), в том числе 1055 кадровых офицеров^{III}. К последним принадлежали и выпускники Николаевской академии, численность которых в армии в силу разных причин также постепенно снижалась. К 1 января 1929 г. командиров, получивших военное образование только в старой армии, насчитывалось 8,8 %, тогда как в 1923 г. — 52,2 %. Что касается высшего строевого комсостава, то в нем на 1 января 1929 г. высшее военное образование имели 55,5 % командиров^{IV}.

Военспецы-генштабисты, уходившие из армии, устраивались на гражданскую службу. По данным на октябрь 1926 г., А.Х. Андерсон устроился экономистом Главметалла, Ф.М. Афанасьев — заместителем заведующего экономическим бюро Всероссийского кожевенного синдиката, Н.Я. Забегалов работал помощником бухгалтера сахарного завода, К.В. Иванов — инструктором отдела топлива ВСНХ СССР, Н.А. Каратов-Караулов — старшим инструктором Закавказского союза кооператоров, А.С. Карпенко — учителем трудовой школы, А.В. Кожевников и А.Н. Максимович устроились по прежней геодезической специальности — инженером-геодезистом и инспектором работ Высшего геодезического управления ВСНХ СССР соответственно, М.А. Орлов стал директором завода «Красный богатырь», И.И. Ратэль служил инспектором при члене правления Наркомата путей сообщения, Л.Н. Ростов заведовал санаторно-курортной канцелярией, У.И. Самсон-фон-Гимельшерн работал заведующим организационно-юридическим подотделом мясохладобойни, А.Н. Ситников устроился старшим зоотехником отдела коневодства Наркомата земледелия, П.П. Слицкоухов трудился в Лубенской окружной милиции, С.А. Сухомлин заведовал военным отделом публичной библиотеки, В.В. Хрулев работал старшим контролером Наркомфина, а В.Ф. Эксе стал кустарем^V.

Некоторые ушедшие из армии могли рассчитывать на пенсионное обеспечение (недоступное большинству населения в то время). Персональные пенсии за исключительные заслуги в РСФСР стали назначаться с февраля 1923 г., а с мая 1928 г. возникла система общесоюзных персональных пенсий^{VI}. На 1927–1928 гг. персональные пенсии получали 1400 военных работников^{VII}, среди которых были и выпускники старой академии. По данным на 1926 г., С.А. Сухомлин и Б.Н. Шавров, служившие в РККА в Гражданскую войну, получали персональную пенсию в размере 40 руб.^{VIII} Пенсия Д.П. Кадомского составляла 70 руб., Н.Г. Мыслицкого —

^I Там же. С. 19.

^{II} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 187.

^{III} Абинякин Р.М. Изменение численности... С. 21.

^{IV} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 187.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158, 160.

^{VI} Капустина О.В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История». 2021. Т. 66, вып. 2. С. 407.

^{VII} Там же. С. 408.

^{VIII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158, 160.

80 руб.^I В целом размеры пенсий для бывших генералов и членов их семей варьировались от 21 до 155 руб. в месяц^{II}. По данным на 1926 г., персональные пенсии за заслуги по службе в РККА получали 75 человек, в том числе не менее 30 бывших выпускников академии (или членов их семей)^{III}: М.П. Алексеев (35 руб.), Н.П. Борисов (45 руб.), П.Д. Бурский (40 руб.), И.В. Веселаго (сумма неизвестна), Г.Н. Гамзагурди (35 руб.), А.Ф. Добрышин (60 руб.), Л.И. Дубов (супруга, 35 руб.), А.М. Зайончковский (супруга, 150 руб.), Н.М. Иолшин (75 руб.), А.И. Кабалов (семья, 50 руб.), Д.П. Кадомский (70 руб.), П.П. Каньшин (75 руб.), В.Б. Колышмидт (30 руб.), Ф.В. Костяев (дети, 150 руб.), Ф.А. Макшеев (40 руб.), Н.П. Михневич (75 руб.), М.В. Молочанов (100 руб.), Н.В. Мыслицкий (80 руб.), В.В. Новиков (60 руб.), В.И. Новосельский (семья, 30 руб.), Н.В. Нордгейм (50 руб.), Ф.А. Подгурский (50 руб.), С.Ф. Розанов (50 руб.), А.Э. Свенцицкий (семья, 35 руб.), В.Е. Скалон (дочь, 30 руб.), М.А. Соковнин (80 руб.), Г.Д. Суходольский (75 руб.), С.А. Сухомлин (40 руб.), С.Ф. Таубе (40 руб.), Е.Е. Уссаковский (30 руб.). Интересно, что бывший генерал Н.М. Иолшин, по нашим данным, среди служивших в РККА не значился.

Позднее количество персональных пенсионеров возросло. В 1928 г. к 10-летию РККА СНК СССР были установлены персональные пожизненные пенсии в размере основного оклада жалования 26 военспецам. Среди прочих такие пенсии получили и 12 выпускников академии (Е.З. Барсуков, А.Г. Безруков, Н.С. Беляев, А.К. Гедеванишвили (Гедеванов), А.Е. Гутор, П.М. Захаров, А.К. Климович, Г.К. Корольков, В.П. Муратов, А.А. Незнамов, Ф.Е. Огородников, Д.С. Шуваев)^{IV}. Таким образом, правительство признавало весомый вклад кадров Генштаба в создание Красной армии и в ее победу. По данным на 1930 г., персональные пенсионеры республиканского значения получали льготы в размере 50% квартплаты, на отопление, воду, канализацию, газ, свет, прачечные, общественные бани, проезд на городских железных дорогах и в автобусах. В отношении жилой площади таких лиц приравнивали к рабочим промышленности и транспорта^V.

Подробно известно материальное положение на 1926 г. бывшего генерала З.И. Зайченко. До болезни как преподаватель он получал около 300 руб. в месяц. Военспецу выплачивали 120 руб. жалования (13-й разряд 8-й категории) и 35 руб. на коммунальные расходы, 48 руб. за заведование лабораторией и 100 руб. за чтение лекций. Как инвалиду 1-й категории ему назначили пенсию в размере 120 руб. (размер основного оклада). При этом у Зайченко была семья из четырех человек, включая его самого. Домочадцы военспеца являлись иждивенцами. Квартплата составляла 24 руб. в месяц. Таким образом, материальное положение бывшего генерала при выходе на пенсию резко ухудшилось. Тем более что перестали выдавать и казенное обмундирование^{VI}.

Для «бывших» людей, оказавшихся вне привычной военной службы, была характерна подчас радикальная смена деятельности (впрочем, чистки бывших офицеров

^I Там же. Л. 160.

^{II} Там же. Л. 163.

^{III} Там же. Л. 164.

^{IV} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 16. Л. 5; Известия. 1928. 14.03. № 62 (3296). С. 2.

^V РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 69.

^{VI} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 52. Л. 11–11об.

проходили и в гражданских учреждениях¹). Так, бывший генерал Г.М. Тихменев, служивший в 1919–1924 гг. в Пензе, там же и остался после увольнения в запас по возрасту. В дальнейшем он работал в Пензе школьным учителем математики. Бывший генерал И.А. Никулин остался безработным и занимался литературной деятельностью². Бывший пленный белогвардеец, слушатель ускоренных курсов академии капитан Б.В. Люба за период 1917–1927 гг. сменил восемь мест службы, пробовал себя не только на военном поприще, но также как бухгалтер и руководитель духового оркестра³. Прежнюю склонность к музыке он конвертировал в профессию. В 1920–1930-е гг. Люба неоднократно арестовывался и в конечном итоге был расстрелян. Репрессиям подвергся и его сын. Некоторые «бывшие» смогли найти себе применение вне армии, но по близким к прежней специальностям. Например, опытный военный финансист и интендант генерал Н.Н. Артамонов, служивший в колчаковской армии, а затем в РККА, после ухода из армии устроился инспектором Омского губернского (затем – окружного) финотдела, где работал с полным напряжением порой до 12 часов в сутки⁴, а в 1931 г. уволился по инвалидности.

Разумеется, те из бывших офицеров, кто не смог устроиться в новом обществе, оказался оторван от любимой специальности, лишился прежнего положения, куска хлеба и смысла жизни, едва ли могли относиться к лицам, лояльным советской власти. Свой отпечаток на настроения накладывали и удручающие бытовые условия, в которые попали бывшие представители военной элиты, что не шло ни в какое сравнение с дореволюционной жизнью. После окончания Гражданской войны особенно остро эти явления стали ощущаться в результате свертывания НЭПа, когда произошло снижение уровня жизни. Многие ютились в коммуналках. Бывший генерал И.В. Ахвердов писал своему товарищу генералу Ф.И. Назарбекову (негенштабисту) о жизни в коммуналке: «У меня перемен никаких нет, не считая того, что постепенно, понемногу, жизнь становится сложнее, т.к. обставляется разными мелкими условностями, зависящими от характера, нервности и взаимоотношений окружающих людей, с которыми постоянно соприкасаешься в квартире»⁵.

Удручающие жилищные условия не улучшились и после Гражданской войны. Любопытную зарисовку бытовой повседневности военспецов рисует следующее письмо. Генерал М.А. Свечин 9 апреля 1928 г. писал из Ниццы своему младшему брату, известному военному теоретику А.А. Свечину в СССР (в трудночитаемых местах в скобках нами поставлены вопросительные знаки): «Дорогой Саша, страшно меня обрадовало твое письмо от 18 марта. Я страшно горевал, не имея от тебя известий почти год, считая, что впредь у вас запрещено писать нам за границу. Большое спасибо и за книгу, действительно, как ты пишешь, “машина здоровая”, воображаю, какого труда и напряжения она потребовала от тебя, зная

¹ См., напр.: Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 90–104.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 160.

³ Чуйкина С. А. Дворянская память. С. 70–71, 73.

⁴ Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток... С. 94–95.

⁵ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 74.

твою добросовестность в работе^I. С наслаждением начал ее читать, к сожалению, на это у меня немного времени. Поздравляю тебя и Ирину Викторовну^{II} с праздником Светлого Христова Воскресения и от души желаю здоровья и удачи во всех ваших делах. У нас тоже свирепствует здесь грипп, и только недавно ему дань отдали – сам и жена; особенно у последней он прошел в очень тяжелой форме с очень высокой температурой. А беда, когда хозяйка болеет – все тогда выбивается из колеи. Вполне разделяю радость Ирины Викторовны иметь отдельную кухню. Иногда, читая тяжелые условия вашего жилищного вопроса, берет стыд – как можно существовать, когда на кухне встречаются по несколько хозяек разнообразного положения, привычек и пр. – ведь это ужас. Здешние жители такого себе представить не могут: кухня – это святая святых каждой хозяйки – кто бы она ни была. Ничего ты, дорогой брат, не пишешь о своей частной жизни и своих детях. Петя^{III}, вероятно, кончает среднюю школу; по какой специальности думает идти? Что слышно об Георгии? Я ни о ком уже давно не имею сведений. Крепко обнимаю тебя и целую ручки дорогой Ирины Викторовны. Если вам можно, то не забывайте нас, грешных, заброшенных судьбой в далекие и чуждые края. Твой Миша. Когда будешь писать, не можешь ли прикладывать стар[ых] марок, особенно ваши марки юбилейные [?] пользу[ются] большим успехом. P.S. Большое спасибо за присылку фотографий, все дошло очень аккуратно^{IV}.

Как видно, в письме сказано немного, поскольку, несмотря на все послабления, ни о чем, кроме бытовых мелочей, в такой переписке сообщать нельзя. К сожалению, в нашем распоряжении нет предшествующих этому писем, в которых А.А. Свечин, видимо, объяснял своему брату, незнакомому с советской действительностью, что такое коммунальная квартира, в которой он был вынужден жить. Письмо показывает, что даже в сложных условиях эмиграции генштабисты в бытовом плане к концу 1920-х гг. смогли устроиться лучше, чем их прежние коллеги в СССР.

Коммунальная война отравляла жизнь даже одному из создателей РККА бывшему генералу М.Д. Бонч-Бруевичу. Уйдя с руководящих постов в армии, в 1919 г. он с супругой поселился в самом центре Москвы, в двух комнатах на Знаменке. Жилье бывший генерал получил от ПШ РВСР. Все было хорошо до 1923 г., когда председатель жилтоварищества задумал выселить Бонч-Бруевичей из дома и добился возбуждения против бывшего генерала нескольких фиктивных дел. Бонч-Бруевичу в защите жилплощади помогла известность. Осенью 1925 г. он подал рапорт заместителю председателя РВС СССР И.С. Уншлихту, в котором изложил ситуацию, отметив, что его травят уже около трех лет^V. В итоге жилплощадь удалось отстоять^{VI}.

На фоне бытовых неурядиц в среде «бывших» распространились ностальгические воспоминания о прежней жизни, ее идеализация и стремление вновь

^I Речь идет об одной из двух вышедших незадолго до этого фундаментальных работ А. А. Свечина – «Эволюция военного искусства» или «Стратегия».

^{II} Супруга А. А. Свечина.

^{III} Сын А. А. Свечина от первого брака, родившийся 5 марта 1910 г.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 95. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 14–14об.

^V ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 423. Д. 15. Л. 27.

^{VI} Ганин А. В. «Я подвергаюсь непрерывной и систематической травле...»: Бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич в борьбе за квадратные сажени // Родина. 2016. № 11. С. 126–130.

погрузиться в былую атмосферу. Осуществить это в сложившихся условиях можно было лишь посредством общения с товарищами по прежним временам, такими же бывшими офицерами, оказавшимися чужими в своей стране, замыкания в своем кругу (в чем-то схожие процессы шли и в среде русской военной эмиграции). Общение это проходило в виде неформальных встреч с застольями и возлияниями, а также посредством переписки. Одним из популярных праздников был день св. Георгия, когда бывшие офицеры устраивали застолья, на которые надевали свои награды. На таких встречах «бывшие» делились воспоминаниями о старой армии, воссоздавали атмосферу военного братства. Порой выпивка сопровождалась политическими разговорами.

Взаимодействие бывших офицеров, включая действующих командиров РККА, складывание их группировок попадало в поле зрения органов госбезопасности, державших эту категорию лиц как потенциально опасную и враждебную режиму под пристальным наблюдением. При внешней дряблости и инертности «бывшие» стремились объединяться, обладали боевым и организационным опытом (в том числе опытом вооруженной борьбы с большевиками), способствовали восстановлению в РККА офицерского духа, поддерживали связи с заграницей (как с иностранными военными, так и с белой военной эмиграцией). Такие группировки по всей стране таили потенциальную опасность для власти.

Память об изломе Гражданской войны никуда не делась, офицеры «ничего не забыли». Очевидно, никакой пощады партийным деятелям в случае обострения ситуации от офицерства ждать не приходилось. Многие военспецы в разговорах не скрывали того, что ожидают начала внешней войны и надеются на освобождение от большевиков, причем готовы в случае войны поддержать противника. Вместе с тем присущая офицерам пассивность наряду с возникшей в советских условиях разобщенностью и всеобщей подозрительностью не позволила этим людям, оставшимся на родине, в их недовольстве режимом зайти дальше бытовых разговоров.

И все же 1920-е гг. для военспецов-генштабистов могут считаться сравнительно благополучным временем. Многие продолжали активно работать в РККА и вносили ощутимый вклад в строительство и укрепление советских Вооруженных сил. Так, заместитель начальника Штаба РККА С.А. Пугачев работал над совершенствованием тактической подготовки войск, анализировал ход маневров Красной армии¹. Бывший генерал-майор А.А. Свечин совмещал педагогическую и военно-научную работу, готовил труды по истории Первой мировой войны и истории военного искусства.

Обладая сложным характером и склонностью остро критически воспринимать действительность, Свечин нажил себе много врагов. К примеру, по итогам не вполне академического ответа слушателя дополнительного курса Д. Гаевского на статью Свечина на страницах журнала «Красные зори» последний в Военной академии в конце 1924 или начале 1925 г. вывесил объявление следующего содержания: «Я обвиняю т. Гаевского в скудоумии и клевете в печати и вызываю

¹ Коршунов Э. Л., Щерба А. Н. «Центр тяжести всех маневров должен быть перенесен на боевые действия войск...» // Военно-исторический журнал. 2018. № 6. С. 15–23; № 7. С. 8–16.

его на суд перед 12 слушателями старшего и дополнительного курса, прослушавшими^I мои лекции^{II}. Гаевский собирался обратиться в народный суд, но, по-видимому, инцидент уладили.

Свечин написал фундаментальное трехтомное исследование «История военного искусства» (1922–1923 гг.) и ставший классическим труд «Стратегия» (1926 г.), переводил произведения иностранных военных деятелей, был редактором четырехтомной «Истории военного искусства» Г. Дельбрюка, которая увидела свет в 1926–1929 гг. Период 1920-х гг. был одним из наиболее плодотворных в деятельности Свечина как военного ученого^{III}.

Бывший генерал-майор В.Е. Белолипецкий наряду с преподаванием в целом ряде военно-учебных заведений вел большую военно-научную работу. Только в 1920-е гг. он издал девять руководств, наставлений, учебных пособий по вопросам тактики, уставов и т.д.^{IV} Колоссальной была работа В.М. Цейтлина, который стал одним из видных теоретиков военной связи Красной армии^V. Его авторству принадлежали 37 книг и брошюр, включая переиздания, а всего – свыше 70 военно-научных трудов. Некоторые труды Цейтлина имели секретный характер, а часть популярных работ издавалась в сериях «Библиотека командира» и «Библиотека красноармейца». Отдельные его идеи опередили свое время и подтвердились на практике уже в годы Великой Отечественной войны. Примеры такого рода можно продолжать.

Целый ряд генштабистов занимались преподавательской работой. Их деятельность ярко характеризуют благодарные отклики учеников – видных советских военных деятелей. Например, будущий советский генерал П.П. Собенников в ноябре 1923 г. писал бывшему генералу М.А. Соковнину, у которого учился на Военно-академических курсах: «Пользуюсь случаем принести Вам еще раз свою глубокую благодарность за ту большую работу, проделанную Вами, в отношении моего военного образования, и за Ваше всегда теплое, хорошее отношение.

Всегда с чувством самого глубокого удовлетворения вспоминаю прошедший год на ВАКе, проведенный исключительно под Вашим авторитетным руководством, и буду счастлив, если вновь в следующий созыв ВАКа мне удастся попасть в Вашу группу»^{VI}.

Генерал П.И. Батов вспоминал об учебе у бывшего генерала Я.А. Слащева: «Бывают странные повороты судьбы. Генерал Слащев стал нашим учителем. После окончания Гражданской войны он пошел служить рабоче-крестьянской России и как военный специалист преподавал на курсах “Выстрел”. Преподавал он блестяще, на лекциях народу полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал, не жалея

^I В документе несогласованно – прослушавших.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 223. Л. 59.

^{III} Думби Ю. Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... к. и. н. М., 2000. С. 221.

^{IV} ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 4. Д. 2049. Л. 19, 46.

^V Военные связисты в дни войны и мира. М., 1968. С. 87. Подробнее о нем см.: Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021; Ганин А. В. Военспецы. С. 367–408.

^{VI} РГВИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

язвительности, разбирал недочеты в действиях наших революционных войск. Скрипели зубами от гнева, но учились»¹.

В то время у некоторой части бывших офицеров-генштабистов возникла иллюзия того, что в стране и армии сложились нормальные условия для их жизни и деятельности. Так, бывший генерал И. А. Никулин в показаниях по делу «Весна» отметил: «Многие из б[ывших] офицеров Ген. штаба, фигурировавших в моих показаниях... награждены советской властью тоже своего рода привилегиями: званиями “Героя Труда”, персональной пенсией за особые заслуги, пенсией в размере персонального оклада, получаемого на службе (100 %), жилищными преимуществами, командировками на курорты и т. п. Казалось бы, что при таких условиях для б[ывших] офицеров Ген. штаба совершенно исключается причина недовольства, если при этом, конечно, быть достаточно скромным в своих аппетитах и учитывать все те общие для всех затруднения, которые временно переживает наша страна.

Переходя теперь к рассмотрению той категории б[ывших] офицеров Ген. штаба, которая работает в вузах в качестве военных преподавателей по ВВД и ВВП^{II}, то здесь надо категорически сказать только одно: не только недовольства, но кроме глубокой признательности ничего больше. Почему? Да потому, что это еще раз твердо подтверждает, что советская власть не стремится во что бы то ни стало выбросить б[ывших] офицеров Ген. штаба “за борт”, а наоборот – предоставляет каждому, сохранившему еще работоспособность и состоящему ныне в запасе РККА или отставке (по предельному возрасту), вносить свои знания в дело обороны нашего Союза.

То же самое надо сказать и о тех лицах Ген. штаба, которые служат в гражданских учреждениях: здесь тоже налицо своего рода “привилегия”: это забронированная норма для поступающих в гражд[анские] учреждения при увольнении в запас РККА или отставку.

В общем, следовательно, по данному вопросу приходится отметить: особой специфической базы для недовольства офицеров Ген. штаба как таковых, в действительности, надо полагать, не имеется»^{III}. Ближайшее будущее показало, что эти надежды «бывших» оказались иллюзорными.

Старым генштабистам тогда грозило отстать от резко менявшейся военной науки. По этому поводу Никулин отмечал: «Профессору и преподавателю приходится больше всего думать и очень много работать над тем, чтобы самому не отстать от быстро текущего потока современных военных знаний, а также и знаний из области общественных наук, так как обе эти отрасли ныне должны бесспорно изучаться в самой тесной увязке друг с другом»^{IV}.

Тем не менее целая плеяда оказавшихся в РККА генштабистов старой школы внесла свой вклад в развитие советской военной науки и военно-теоретической мысли межвоенного периода, создала новые разработки в области стратегии и оперативного искусства. Так, из 74 авторов наиболее известных советских

^I Батов П. И. В походах и боях. М., 2015. С. 18.

^{II} ВВД – введение в военное дело, ВВП – высшая вневойсковая подготовка студентов высших учебных заведений. Выражаю глубокую благодарность к. и. н. А. А. Симонову за помощь в расшифровке сокращений.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3179 (3340). Л. 64об.–66.

^{IV} Там же. Л. 66.

трудов по вопросам стратегии и оперативного искусства, вышедших в период 1917–1940 гг., 23 (31,1 %) являлись выпускниками Николаевской академии¹. Если же исключить из подсчета не окончивавших старую академию авторов трудов по военным специальностям (теоретиков применения бронетанковых войск, артиллерии, авиации, военно-морского флота, инженерных войск, военной химии), то выпускники Николаевской академии уже составят 23 из 44 авторов, т.е. 52,3 % военных теоретиков. С учетом того, что положение генштабистов старой школы в советских условиях было непростым, это очень высокий процент, свидетельствующий о том, что интеллектуальный потенциал старого Генштаба был весьма ощутим и в новых реалиях, вплоть до Великой Отечественной войны. Наибольшую известность в качестве военных теоретиков приобрели К.Ю. Берендс, Н.Е. Варфоломеев, И.И. Вацетис, А.И. Верховский, А.И. Готовцев, Алексей Е. Гутор, А.М. Зайончковский, Н.Е. Какурин, С.С. Каменев, Н.Я. Капустин, А.В. Кирпичников, А.К. Коленковский, Н.Г. Корсун, А.Г. Лигнау, С.А. Меженинов, Н.А. Морозов, А.А. Незнамов, В.Ф. Новицкий, Ф.Е. Огородников, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Н.А. Сулейман, Б.М. Шапошников, Н.Н. Шварц, Е.А. Шиловский.

Немаловажную роль в активизации военно-научной работы в 1920-е гг. сыграло Военно-научное общество, созданное при Академии Генштаба РККА 13 октября 1920 г. Общество стало популярной массовой организацией и к 1926 г. включало уже около 300 000 членов. В 1920-е гг. в СССР существовала, в целом, сравнительно благоприятная обстановка для ведения военно-научных исследований. Позднее, по мере наступления государства на общественные свободы, насаждения культа личности И.В. Сталина, усиления цензурного гнета и начала государственного террора против общества, ситуация резко ухудшилась. Тем не менее период 1924–1936 гг. даже иностранными исследователями оценивается как плодотворный для советской стратегической и тактической мысли².

В 1927 г. группа наиболее опытных преподавателей, в том числе выпускников старой академии (И.И. Вацетис, А.И. Верховский, А.Г. Лигнау, В.Ф. Новицкий, А.А. Свечин), была удостоена звания «профессор высших военно-учебных заведений РККА». В.Ф. Новицкий, кроме того, стал заслуженным деятелем науки и техники³. А.Е. Снесарев в 1928 г. одним из первых получил почетное звание «Герой Труда».

В сфере научных интересов генштабистов находился самый широкий спектр вопросов. Прежде всего, организация работы Генерального штаба (Б.М. Шапошников), вопросы военной доктрины (И.И. Вацетис), начальный период войны (Е.А. Шиловский), непрерывность операций (С.С. Каменев), последовательные операции (Н.Е. Варфоломеев) и глубокая операция (Ф.Е. Огородников), маневр (А.И. Верховский), прорыв (Е.А. Шиловский), атака укрепрайона (А.И. Готовцев), фронтальный удар (А.Е. Гутор), организация ударных армий (Н.Е. Варфоломеев), конно-механизированных групп (А.В. Кирпичников), встречный бой (Н.Е. Какурин), позиционная война (Н.Я. Капустин), военная игра (А.Х. Базаревский), общая тактика (С.Г. Лукирский, Н.П. Сапожников), боевое применение пехоты (А.К. Климович,

¹ Наш расчет по: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965.

² Bayer Ph. A. The Evolution of the Soviet General Staff, 1917–1941. N.Y.; London, 1987. P. 213.

³ Академия имени М. В. Фрунзе. М., 1973. С. 85.

А.Г. Лигнау, Е.А. Меньчуков, Н.А. Морозов), конницы (М.А. Баторский, Б.К. Верховский, В.Н. Гатовский, М.С. Свечников, Б.М. Шапошников), артиллерии (Е.З. Барсуков, А.Д. Сыромятников, В.К. Токаревский, В.М. Четков), авиации (С.А. Меженинов), воздушных десантов (А.Я. Яновский), инженерных войск (К.К. Шильдбах (Литовцев)), войск связи (В.М. Цейтлин) и др. А.А. Свечин еще в дореволюционный период приобрел известность как разработчик теории общевойскового боя, прорыва подготовленной обороны, войны в горах. Кроме того, Свечин сделал достаточно точные прогнозы развития событий в случае войны.

На исследования накладывала отпечаток самоцензура. Так, Б.М. Шапошников посвятил свой фундаментальный трехтомный труд «Мозг армии» детальному изучению деятельности австро-венгерского Генерального штаба, что было намного безопаснее изучения российского Генштаба, откуда происходили военспецы-генштабисты, или германского Генштаба, поскольку РККА активно сотрудничала с рейхсвером.

В 1920-е гг. прежнее деление военного искусства на стратегию и тактику постепенно стало отходить в прошлое. Получила распространение трехчленная формула: стратегия – оперативное искусство – тактика. Теория последовательных операций, разрабатывавшаяся рядом авторов, как раз относилась к оперативному искусству и была разработана на основе опыта Гражданской войны. Широко дискутировались вопросы стратегии измора и стратегии сокрушения, что должно было определить военную доктрину СССР¹. Обоснование применения оборонительной стратегии измора ряд теоретиков находили в военно-технической отсталости СССР при огромном людском потенциале. Такие взгляды разделяли М.А. Баторский, А.И. Верховский, Н.Е. Какурин, Н.А. Морозов, А.А. Свечин, за что подвергались критике и шельмованию со стороны своих оппонентов, в частности М.Н. Тухачевского. Наступательные действия противопоставлялись оборонительным. Приоритет наступления над обороной был закреплен в Полевом уставе РККА 1929 г. и подтвержден во Временном полевом уставе 1936 г. Дискуссионными оставались вопросы о маневренном или позиционном характере будущей войны.

Теория последовательных операций и глубокой операции с применением ударных армий, в разработку которых внесли вклад генштабисты старой школы, получила особенно серьезное развитие в трудах «отца советского оперативного искусства» заместителя начальника Штаба РККА В.К. Триандафиллова (выпускника Военной академии РККА). Теория глубокой операции нашла признание ко второй половине 1930-х гг., а свое практическое применение (разумеется, с учетом боевого опыта) нашла в операциях Великой Отечественной войны (в контрнаступлениях под Москвой, Сталинградом и Курском, в Белорусской и Висло-Одерской наступательных операциях)². То, что в период Большого террора такие крупные военные

¹ Подробнее см.: История военной стратегии России. М., 2000. С. 197–198; Кривопапов А. А. В тени теории глубокой операции: Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 гг. М., 2022. С. 118–143; Минц М. М. «Стратегия сокрушения»: стратегическая и военно-техническая концепции будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х — начала 1940-х годов // Российская история. 2010. № 3. С. 3–18.

² Подробнее см.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. С. 22–24; Коротков И. А. История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917 — июнь 1941. М., 1980. С. 146–155, 235–236; История военной стратегии России. С. 232; Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные

мыслители, разрабатывавшие современные для той эпохи и успешно примененные на практике военные теории, как, например, Н.Е. Варфоломеев, С.А. Меженников, А.А. Свечин, были расстреляны, нанесло невосполнимый ущерб Красной армии и отечественной военной мысли¹.

Преподаватели в силу специфики их работы свободное время могли посвящать научной деятельности. Например, Н.Е. Какурин, будучи преподавателем Военной академии РККА и начальником отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА, внес огромный вклад в изучение истории Гражданской войны. В 1920-е – начале 1930-х гг. им был подготовлен и издан целый ряд фундаментальных трудов по этой теме, а также работ научно-популярного характера. Авторству Какурина принадлежат работы «Русско-польская кампания 1918–1920» (М., 1922), «Встречное сражение 1-й Конной и 2-й польской армий на подступах к Львову в июле и августе 1920 г.» (М., 1925), «Война с белополяками» (М., 1925, в соавторстве с В.А. Меликовым, и М., 1930, без соавтора), «Как сражалась революция» (Т. 1–2. М., 1925–1926), «Стратегический очерк Гражданской войны» (М., 1926), «Борьба за Петроград в 1919 году» (М., 1928), «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком» (М., 1928), «Гражданская война на Украине» (Харьков, 1928, в соавторстве с Р.П. Эйдемандом), «Киевская операция поляков 1920 года» (М., 1928, в соавторстве с К.Ю. Берендсом). Кроме того, Какурин опубликовал ряд военно-научных трудов, среди которых «Современная тактика» (М., 1927), «Встречный бой» (М., 1927), «Операции на отдаленных и своеобразных театрах пустыни» (М.; Л., 1930) и др. Книга Какурина «Как сражалась революция» является до сих пор наиболее фундаментальным обобщающим трудом по военной истории Гражданской войны, а «Война с белополяками» – наиболее полным исследованием боевых действий Советско-польской войны. В 1932 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы и умер в Ярославском политизоляторе ОГПУ 29 июля 1936 г. Если бы не репрессии, он мог написать еще немало ценнейших научных работ. Когда Какурин

годы. С. 84–88; *Шелтура С. В.* Влияние теории глубокой операции и глубокого боя на разработку основ организации связи накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 30.

¹ Подробнее о Большом терроре в РККА см. серию фундаментальных монографических исследований, подготовленную под руководством В. С. Мильбаха: *Горохов В. В., Мильбах В. С., Саберов Ф. К., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Черноморский флот. СПб., 2017; *Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб., 2013; *Мильбах В. С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб., 2013; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Амурская Краснознаменная военная флотилия. СПб., 2014; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Сибирский военный округ. СПб., 2014; *Мильбах В. С., Ларькин В. В.* Политические репрессии командно-начальствующего состава. Закавказский военный округ, 1937–1938 гг. СПб., 2016; *Мильбах В. С., Негода Н. В., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Киевский военный округ. СПб., 2020; *Мильбах В. С., Павлович С. Л., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. СПб., 2019; *Мильбах В. С., Саберов Ф. К.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Краснознаменный Балтийский флот. СПб., 2016; *Мильбах В. С., Сапожников А. Г., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Северный флот. СПб., 2014; *Мильбах В. С., Фомичев С. О., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. М., 2018.

был репрессирован, его труды на долгие годы были сокрыты в спецхранах, что, несомненно, негативно сказалось на уровне изучения истории Гражданской войны в советской историографии.

Военно-исторические исследования вели и другие выпускники старой академии. В частности, А.Х. Базаревский, Е.З. Барсуков, А.С. Белой, В.Е. Белолипецкий, М.Д. Бонч-Бруевич, Н.Е. Варфоломеев, И.И. Вацетис, А.И. Готовцев, А.Е. Гуттор, А.М. Зайончковский, М.П. Каменский, А.К. Коленковский, Н.Г. Корсун, А.Н. де Лазари, Д.Н. Надежный, В.Ф. Новицкий, Ф.П. Шафалович и др. исследовали операции Первой мировой войны. Острые дискуссии вызывал опыт Советско-польской войны, участники которой стремились снять с себя ответственность за неудачи. Так, Б.М. Шапошников пытался защищать ПШ РВСР, начальником Оперативного управления которого в то время являлся, критикуя руководство Западного фронта во главе с М.Н. Тухачевским¹.

Важной составляющей работы военспецов-генштабистов являлось изучение зарубежной военной литературы, учет военного опыта иностранных армий. Нередко эта деятельность выражалась в подготовке переводов военных трудов. Переводы ряда трудов выходили даже в период широкомасштабной Гражданской войны. В 1920-е гг. эта работа закономерно расширилась. До 1926 г. военно-издательской деятельностью руководил Высший военный редакционный совет, созданный 4 ноября 1921 г. В числе первых были переведены и изданы книги немецких авторов (работы К. фон Клаузевица, Г. Куля, Э. фон Фалькенгайна). В 1923 г. А.А. Свечин и А.Е. Снесарев выпустили перевод классической работы А. фон Шлиффена «Канны». Под редакцией А.А. Свечина в 1924–1926 гг. была издана двухтомная хрестоматия «Стратегия в трудах военных классиков», а в 1925–1926 гг. под редакцией С.Г. Лукирского вышла двухтомная «Тактика в трудах военных классиков», составленная М.Д. Бонч-Бруевичем, П.И. Измestьевым, С.Г. Лукирским и Н.П. Сапожниковым. Любопытно, что в список рекомендованной редакционным советом литературы по тактике была включена работа эстонского генштабиста Н.А. Реека «Управление боем», подготовленная по опыту уставов и наставлений русской армии. А.Е. Снесарев перевел (причем при публикации имя репрессированного по делу «Весна» Снесарева даже не упомянули²), а А.А. Свечин сверил с оригиналом и отредактировал перевод книги К. фон Клаузевица «О войне». А.Е. Снесарев редактировал перевод труда Ф. Бернгарди «О войне будущего» и перевод книги Г. Куля «Воспитание мирного времени и опыт войны», перевел «Курс общей тактики» Ф. Кюльмана, труд Э. фон Фалькенгайна «Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях», книгу М. Шварте «Исторические примеры из мировой войны».

Из числа военспецов-генштабистов помимо А.А. Свечина и А.Е. Снесарева активно работали в этой сфере В.Е. Белолипецкий (редактировал «Наступление с прикнутыми к другим войскам флангами и оборона в маневренной войне» Ф. Тайзена, перевел с немецкого языка 11 книг, в основном о подготовке немецкой пехоты), К.Ю. Берендс (редактировал перевод книги Г. Куля «Германский Генеральный штаб,

¹ Шапошников Б. М. На Висле: К истории кампании 1920 года. М., 1924.

² Даниленко И. С. О судьбе рукописи и ее автора // Снесарев А. Е. Жизнь и труды Клаузевица. М.; Жуковский, 2007. С. 24.

его роль в подготовке и ведении мировой войны»), М.Д. Бонч-Бруевич, Н.Е. Варфоломеев, И.И. Глудин, В.А. Златолинский (перевел книгу Л. фон Трака «Прорыв русского карпатского фронта у Горлицы — Тарнова в 1915 г.», П.И. Измestьев (редактировал переводы книг В. Фогеля «Барановичи 1916 г.» и К. Вульфена «Лодзинское сражение (прорыв у Брезин)»), М.П. Каменский (под его редакцией вышел перевод книги Г. Редерна «Зимняя операция в районе Мазурских озер»), С.Г. Лукирский (составлял и редактировал «Тактику в трудах военных классиков»), С.А. Меженинов (перевел польскую книгу С. Абжолтовского «Тактика авиации» и совместно с Е.И. Татарченко и С.Г. Хорьковым перевел с французского работу «Воздушный флот. История, тактика, техника», вместе с Н.Е. Варфоломеевым и И.И. Глудиным перевел «Тактику польской пехоты»), В.Ф. Новицкий (под его редакцией вышел перевод книги Дж. Фуллера «Танки в великой войне 1914–1918 гг.», Ф.Е. Огородников (перевел книги «Боевое обучение мелких частей польской армии», «Боевая подготовка германской армии»), Н.П. Сапожников (редактировал перевод первой части «Временного французского устава маневрирования пехоты»), Л.Ф. Тигранов (редактировал перевод книги К. Пэльмана «Бои на реке Зап[адном] Буге летом 1915 г.») и др.¹ Наиболее активно переводами занимались военспецы, находившиеся на преподавательской работе. Характерно и то, что в подготовке переводных изданий участвовали многие генштабисты, оставившие собственные военно-научные труды.

Один из зарубежных исследователей разделил командиров дореволюционной Красной армии на категории: профессионалы, полупрофессионалы и непрофессионалы. По этой градации в первую категорию попадали генштабисты во главе с Б.М. Шапошниковым, во вторую — младшие офицеры старой армии во главе с М.Н. Тухачевским и в третью — лица без подготовки во главе с К.Е. Ворошиловым². Создатели подобных построений выстраивают концепцию того, что первые две группы были уничтожены в 1930-е гг. и армия оказалась возглавлена некомпетентными людьми. Такая классификация упрощает реальную картину событий, поскольку, например, генштабисты были связаны с каждой из групп, объединяясь вокруг каждого из вышеуказанных лидеров военной элиты. Кроме того, репрессии не ставили своей задачей снижение уровня подготовки и квалификации комсостава, а также, вопреки различным версиям, не были направлены против какой-либо одной категории командиров (например, против лиц с высшим военным образованием). Репрессии отличались непредсказуемостью, затрагивали самых разных людей, от предельно лояльных Сталину до откровенно фрондирующих и подозрительных. Преследований не избежали ни добросовестные служаки, ни сексоты, ни карьеристы-приспособленцы, ни нестигаемые противники режима, готовые на все вплоть до нелегальной борьбы.

¹ Подробнее см.: Дусин А. В. Деятельность Высшего военного редакционного совета по выпуску переводных военных изданий в 1921–1926 гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела (Москва). 2010. № 2. С. 112–119; Еgo же. Переводческая деятельность «военспецов» в Красной армии в 1920–1939-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2010. Т. 9. С. 269–272; Еgo же. Переводная военная книга в России (1918–1941 гг.): дис. К. и. н. Новосибирск, 2012.

² Reese R. R. Red Commanders. P. 80–81.

Усиление репрессий произошло на рубеже 1920–1930-х гг. Достаточно отметить, что в 1929–1930 гг. из РККА «вычистили» 16 695 военнослужащих, были ликвидированы 594 контрреволюционные группировки и арестованы 2603 человека¹.

Операцией, серьезно ударившей по старым генштабистам, оставшимся в СССР, стало дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», развернувшееся в 1930–1931 гг. Ответственность за его фабрикацию несут видные украинские чекисты тех лет – начальник секретно-политического отдела ГПУ УССР Г.С. Люшков, начальник Особого отдела Украинского военного округа И.М. Леплевский и, конечно, председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий, а также подталкивавшие их из Москвы председатель ОГПУ СССР В.Р. Менжинский, его заместитель Г.Г. Ягода и стоявший за всеми ними И.В. Сталин. Были и противники подобных действий (не из сострадания к невинно арестованным, поскольку «оппозиционеры» сами участвовали в фабрикациях дел, а в рамках аппаратной борьбы за власть в чекистском ведомстве²). Прежде всего, начальник Особого отдела ОГПУ Я.К. Ольский, 2-й заместитель председателя ОГПУ С.А. Мессинг, полпред ОГПУ по Московской области Л.Н. Бельский, начальник Главной инспекции по милиции и угрозыску ОГПУ И.А. Воронцов, лишившиеся в итоге не только должностей, но и службы в ОГПУ. На другую должность был переведен еще один противник операции – начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимов. Как и в Гражданскую войну, жертвами партийно-чекистских аппаратных игр стали военные.

Мотивы фабрикации дела «Весна» были следующими. По окончании Гражданской войны на территории Советской России оказалось не менее 110 000 бывших офицеров, воспринимавшихся властями как потенциальная угроза безопасности. Тем более что ко второй половине 1920-х гг. численность кадрового состава РККА была ниже этой цифры и достигала лишь около 98 000 человек (куда, кстати, входили свыше 10 000 бывших офицеров) при более чем полумиллионном переменном составе³. Среди отмеченных 110 000 «бывших» оставались десятки тысяч ветеранов антибольшевистских армий (на особом учете ОГПУ к 1 сентября 1924 г. состояли 50 900 бывших белых офицеров и чиновников⁴). Потенциальная угроза интервенции на рубеже 1930-х гг., рост недовольства внутри СССР на фоне раскулачивания, продовольственного и топливного кризиса, необходимость возложить на кого-то вину за проблемы развития страны для исключения массовых беспорядков привели к организации первой после Гражданской войны волны массовых репрессий. В СССР начали разворачиваться репрессивные кампании против разного рода «вредителей» на объектах промышленности, на транспорте, в торговле, в научной среде и в армии: «Шахтинское дело» 1928 г., дело «Промпартии» 1930 г., Академическое дело 1929–1931 гг., дело микробиологов 1930–1931 гг.⁵

¹ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 137.

² Тумшис М., Палчинский А. 1937. Большая чистка. С. 213–214.

³ Жарков В. В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 192.

⁴ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 6.

⁵ Подробнее см.: Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: Сб. док. / под общ. ред. О. Б. Мозохина. М., 2014. Кн. 1–2; Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2016. Кн. 1; Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2011–2012. Кн. 1–2; Чельный А. А. Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба ученого и дело «микробиологов». М., 2010.

Однако самым масштабным стало дело «Весна», охватившее не менее 3276 человек (по разным оценкам всего по этому делу, затронувшему всю страну, и связанным с ним делам могли проходить от 5000 до 10 000 человек¹).

Все эти дела имели немало общего. Во-первых, они преследовали мобилизационные задачи — сплотить советское общество против неких вымышленных врагов и отвести вину от подлинных виновников неудач в руководстве страны и партии. Во-вторых, жертвами этих репрессивных кампаний являлись, прежде всего, «бывшие» — представители дореволюционной интеллигенции, те, кого можно было отнести к буржуазным специалистам, или же так называемые нэпманы. Такой объект репрессий был очень удобен, поскольку никаких возможностей для сопротивления, серьезной поддержки в обществе, прав и рычагов влияния не имел, и с «бывшими» можно было делать абсолютно все, что заблагорассудится следователям и прокурорам.

Дело «Весна» было направлено, в первую очередь, против бывших офицеров, среди которых оказались репрессированы около сотни генштабистов. Это была акция превентивных репрессий с целью зачистить советское общество от потенциально нелояльных элементов. «Весна» в немалой степени затронула бывших украинских генштабистов, поскольку наиболее активно этот процесс развернулся на территории УССР, где многие из них проживали и работали.

Первоначально дело именовалось агентурной разработкой «Весна» («Штаб повстанческих войск левобережья») и было начато ГПУ УССР. Речь шла об арестах группы кулаков, якобы принадлежавших к повстанческой организации. Вскоре, в соответствии с директивами из Москвы, в деле появились фигуранты из числа бывших офицеров. По мере разрастания дела росли количество таких лиц и их должностной статус.

Среди арестованных были один из создателей Красной армии М.Д. Бонч-Бруевич и его сотрудник С.Г. Лукирский, крупные военные ученые А.И. Верховский, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, видные военачальники Н.Е. Какурин, Д.Н. Надежный, В.А. Ольдерогге, С.А. Пугачев, С.Д. Харламов и др. Ряд фигурантов служили в белых и национальных армиях. Среди них И.А. Антипин, И.Г. Баковец, А.И. Батрук, В.И. Галкин, Е.С. Гамченко, А.Г. Лигнау, Н.А. Морозов, Владимир И. Моторный, К.К. Литовцев (Шильдбах) и др. Едва избежал ареста Б.М. Шапошников, на которого были получены компрометирующие показания².

По версии следствия, после революции в Советской России и РККА возникла контрреволюционная офицерская организация, во главе которой якобы стояли бывшие генералы А.Е. Снесарев и А.Г. Лигнау, а в Киеве — бывший генерал В.А. Ольдерогге. Организация ставила своей целью свержение советской власти и восстановление конституционной монархии путем подрыва мощи Красной армии и организации вооруженного восстания при помощи иностранной интервенции. Члены организации якобы готовили террористические акты против

¹ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР... С. 30.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 126, 132; Т. 39. Л. 145. Также см.: Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 67–68, 97–99.

руководителей партии и правительства, а также вели шпионскую работу в пользу иностранных государств.

Репрессии воспринимались многими арестованными как черная неблагодарность советской власти за многолетнюю честную службу. Один из фигурантов дела, бывший подполковник А.В. Афанасьев, поступивший в РККА в числе первых военспецов, писал заместителю наркома по военным и морским делам М.Н. Тухачевскому 21 ноября 1931 г.: «Говоря по совести и по чести, я никогда не мог предположить, что в результате своей службы в Кр[асной] армии, с самого начала, со дня ее возникновения, непрерывно в течение 13 лет, я смогу очутиться в числе злейших врагов Союза, буду лишен всех прав, свободы и заключен в конц[ентрационный] лагерь»^I.

Следователи не стремились к особой достоверности. Никаких улик, компрометирующих документов и материалов, кроме стандартных вынужденных признательных показаний арестованных, весьма поверхностных и противоречивых, в делах арестованных генштабистов нет.

Фигуранты дела пытались понять, в чем причина и смысл происходившего. Порой в фиксировавшихся агентурным наблюдением разговорах арестованных проскальзывали довольно меткие суждения по поводу характера дела. К примеру, один из них говорил: «Мы нужны были для службы в Красной армии в то время, когда отсутствовали люди, способные занять эти должности, а сейчас таковые есть, вот нас и послали сюда»^{II}. Другой заключенный усматривал в массовых арестах проявление чьей-то враждебной воли: «Очевидно здесь случилось большое недоразумение или даже преступление. Арестовать столько хороших бойцов, служивших долго, верно и стойко Красной армии, и этим самым обезглавить ее, лишив руководителей, невыносимое дело, и нет ли тут чужой руки или какой-либо вражьей воли»^{III}. Такая оценка в большей степени созвучна риторике 1930-х гг., что, разумеется, не отменяет преступного характера действий ОГПУ по фабрикации дела.

В ходе следствия на арестованных оказывалось давление, применялись пытки^{IV}. Например, И.Г. Баковец в заявлениях на имя Генерального прокурора УССР, а также в Верховный суд СССР и прокурору по делам ОГПУ впоследствии написал, что его сажали в одиночную камеру на голодный паек, на котором с 30 октября 1930 г. он находился два месяца и семь дней, угрожали расстрелом при отсутствии «раскаяния» и обещали освобождение в случае чистосердечного признания, а истощенного голодным пайком в январе без теплой одежды сажали в «холодный пункт», потом сажали в «жаркий пункт», в еще одном «пункте» окарауливавшие его слушатели Высшей школы милиции пять суток избивали Баковца при малейшем шевелении или дремоте^V.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 189 (251). Л. 73об.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 4.

^{III} Там же.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. «После 20-дневного допроса я был отправлен в камеру...»: Незаконные методы дознания в деле «Весна» 1930–1931 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: Мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 26–27 апреля 2021 г.). М., 2021. С. 45–55.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 114, 118, 119.

Баковец отмечал: «Тов. [А.И.] Мицул сам лично свел меня 9/1 1931 г. на “холодный пункт № 1”. Я был одет по-летнему, и, имея от истощения нарывы, которые разбухли от холода, я не выдержал пункта, через двое суток попросил вызвать меня к следователю. Следов[атель] Мицул потребовал от меня немедленно написать “раскаяние”, иначе опять отправит на пункт. Идти на пункт я не мог, и, находясь в безвыходном положении, я написал раскаяние в той форме, какую мне продиктовал тов. Мицул, и только после этого я был отправлен в Допр¹. 11/1 [1931 г.] из Допра я послал следователю отказ от моего вынужденно ложного показания.

13/1 я был вызван снова тов. Мицулом, который изорвал мое показание-отказ и потребовал подтвердить “раскаяние”, от чего я отказался и был отправлен на другой пункт. Я не вынес второго пункта и через несколько суток снова оклеветал себя, подтвердив первое раскаяние.

16/1 я был снова вызван на допрос. Тов. Мицул сказал, что в моем раскаянии “много воды”, и потребовал переделать его; в этот раз тов. Мицул назвал меня “нач[альни]ком штаба к[онтр]р[еволюционной] организации” и требовал описания моей работы в этой должности. Я отказался от дальней[шей] клеветы на себя, сказав, что если меня уж так нужно расстрелять, чем мне все время угрожает след[ователь] Мицул, то для этого достаточно моего первого раскаяния. После такого заявления тов. Мицул направил меня на пункт № 4, где я просидел четверо суток, а на пятые сам попросил вызвать меня для перевязки ран. И в этот раз я отказался развивать мое ложное показание и просил делать со мной что угодно, только больше не мучить. Тогда тов. Мицул, крикнув: “Я сам буду настаивать на расстреле тебя”, отпустил меня и больше не вызывал²”.

Произвол в отношении добросовестных командиров порождал у тех, кто уцелел, возмущение и обиду. Так, бывший подполковник Н.Н. Берман, находившийся под арестом с января по май 1931 г. и уволенный из армии, по освобождении подал рапорт наркому по военным и морским делам и командующему войсками округа о восстановлении в армии, в котором писал: «Прослужив честно, не за страх, а за совесть 13 лет в Красной армии, я подвергся позорному обвинению и был выброшен со службы.

Стоя всецело на платформе советской власти и отдавая, без задних мыслей, силы и знания строительству СССР, я желал бы продолжить службу в РККА³”.

Дело было построено на основе масштабных фальсификаций, содержало противоречивые и абсурдные показания, неоднократно менявшиеся по указанию следователей, не имело никаких вещественных и независимых от следствия документальных доказательств. Некоторые следователи по делу «Весна» впоследствии были репрессированы и за совершенные преступления не реабилитированы.

Многие фигуранты «Весны» вышли на свободу в первой половине 1930-х гг., некоторые продолжили службу в РККА, генштабисты, арестованные по делу «Весна», к настоящему времени реабилитированы как необоснованно репрессированные. Выжить повезло не всем. Дочь расстрелянного по этому делу в 1932 г. работника Штаба РККА А.К. Подвербного (негенштабиста) Н.А. Подвербная вспоминала:

¹ Дом принудительных работ.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 114–114об.

³ РГВА. Ф. 37837. Оп. 19. Д. 4. Л. 793.

«Человек исчез без следа. Узнать о нем не было никакой возможности. Можно было только предполагать, что его уже нет в живых. Ведь сказали же маме в ОГПУ, чтобы она больше не искала. Это был конец»^I.

Постепенное ужесточение режима в СССР, обстановка недоверия к бывшим офицерам приводили их к осознанию бессмысленности добросовестной службы, бесполезности любых начинаний, вели к разочарованиям и создавали угнетенное настроение. Многие годами находились под дамокловым мечом увольнений, чисток, все новых и новых репрессий, некоторые прошли через несколько волн арестов. Например, арестованный и расстрелянный по делу «Весна» курсовик И. А. Антипин ранее говорил знакомому: «Ничего хорошего от советской власти не жди, все равно рано или поздно опять поставят к стенке, что ни делай, все равно... служил, кажется, примерно, был выбран делегатом, а все равно выкинули на улицу, ничему верить нельзя»^{II}. О том, в чьих руках были жизни бывших офицеров, ярко свидетельствует записка И. В. Сталина К. Е. Ворошилову, датированная 1930 г.: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю годами. И. Сталин»^{III}. Отметим, речь шла о выдающемся военном ученом А. Е. Снесареве, с которым Сталин вместе работал еще в 1918 г. в Царицыне. Хотя в то время ни заслуги, ни способности не играли никакой роли в судьбе человека. Подобное отношение лишь отталкивало бывших офицеров от советской власти. Последняя же сначала толкала «бывших» в ряды недовольных, а затем в поисках мнимых врагов с легкостью расправлялась с этими измученными, пережившими настоящую жизненную драму людьми.

Бывший генерал И. В. Ахвердов писал своему товарищу генералу Ф. И. Назарбекову (негенштабисту) 15 декабря 1930 г. о жизни и настроении в условиях репрессий: «Вот ты пишешь, что у меня на карточке грустные глаза. Надо сказать, что ты не первый это находишь, да с чего быть им веселыми? Ведь кругом одна грусть, а у меня скоро, кажется, здесь никого из приятелей не окажется. И так их было 3–4 человека, а за последнее время один умер, другой уехал *не по своему желанию* (курсив наш. – А. Г.), третьему грозит то же самое. А новых приятелей ведь не заведешь, вот и замыкаешься как-то в самом себе. Да и возраст достаточный, 57 лет, когда от зрелости перешел к старости. Когда живешь в привычной обстановке, то этот перелом не замечается так резко, тем более что тогда занимал известное служебное положение и работа, а теперь ничего этого нет, и поэтому, анализируя свое психологическое настроение, я нахожу, что с переходом к старости чувствуешь какое-то душевное одиночество и отсутствие какого-либо интереса в жизни. Это для нашего положения естественно и неизбежно, и приходится с этим мириться.

Чистка у нас закончилась для меня благополучно. Помогло, очевидно, то, что я ничего не скрывал, все было начистоту, а в служебном отношении начальство очень поддержало, дав отличные отзывы»^{IV}. Через четыре с небольшим месяца

^I РГВА. Ф. 40874. Оп. 12. Д. 12. Л. 32.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 661 (220). Л. 184об.

^{III} Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М., 2003. С. 408.

Факсимиле документа опубликовано на вклейке той же книги.

^{IV} НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 88–88об.

Ахвердова расстреляли, а адресат письма, Назарбеков, ушел из жизни по естественным причинам на два месяца раньше.

В 1930-е гг. Красная армия численно росла. Требовалось большое количество подготовленных командиров. Однако вместо того, чтобы максимально использовать такой бесценный интеллектуальный ресурс, как кадры дореволюционного Генерального штаба, для повышения образовательного уровня малограмотного командного состава РККА, власть почти два десятилетия после Гражданской войны изгоняла и истребляла образованных людей в армии, заменяя их выходцами из рабочих и крестьян. В итоге не удалось создать ни подготовленной, ни лояльной армии.

К началу 1930-х гг. питомцы старой академии были во многом устранены не только из элиты РККА, но и в целом из рядов армии, а некоторые репрессированы. Высокая квалификация генштабистов была принесена в жертву лояльности краскомов (позднее под репрессии попали и они). При этом нарушалась преемственность со старой школой, а уровень квалификации командного состава неизбежно понижался.

Тем не менее до Большого террора второй половины 1930-х гг. генштабисты старой школы сохраняли руководящие посты в РККА, не говоря о традиционно сильных позициях в военно-учебных заведениях. Командарм 2-го ранга А. И. Корк был начальником Военной академии им. М. В. Фрунзе и членом Военного совета при наркомате обороны СССР, начальником Академии связи им. В. Н. Подбельского был комдив В. Е. Гарф, начальником Военно-транспортной академии РККА – комкор С. А. Пугачев. Командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников командовал войсками Ленинградского военного округа, комкор М. И. Василенко являлся заместителем командующего войсками Уральского военного округа. Заместителем начальника Генштаба РККА был комкор С. А. Меженинов. 4-й отдел Генштаба возглавлял комкор М. И. Алафузо, Управлением ПВО РККА руководил командарм 1-го ранга С. С. Каменев, Инженерным управлением РККА – комкор Н. Н. Петин. Среди 80 членов первого состава Военного совета при наркомате обороны СССР на ноябрь 1934 г. оказались только 6 выпускников старой академии (М. И. Василенко, С. С. Каменев, А. И. Корк, С. А. Меженинов, Н. Н. Петин и Б. М. Шапошников). Таким образом, в военной элите СССР старые генштабисты составляли только 7,5%. В 1935 г. в РККА были введены персональные воинские звания, которые получили и остававшиеся на службе военспецы-генштабисты.

Те, кто сумел удержаться в элите, поощрялись и прославлялись. В частности, еще при жизни П. П. Лебедева и С. С. Каменева имена этих военных деятелей были присвоены 1-й и 2-й Киевским артиллерийским школам соответственно. После смерти Каменева в августе 1936 г. за его вдовой была закреплена легковая машина «Бьюик» 1934 г. для персонального пользования с шофером за счет Наркомата обороны, а начальнику Государственного издательства С. М. Белицкому было поручено в шестимесячный срок издать исторический очерк о работе Каменева в РККА¹.

18 января 1934 г. в Центральном Доме Красной армии торжественно отмечалось 15-летие Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. С докладом выступил

¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

начальник академии Б.М. Шапошников. Группа сотрудников академии была удостоена правительственных наград. Самому Шапошникову в 1935 г. было присвоено ученое звание профессора.

Академия им. М.В. Фрунзе успешно готовила командиров в звене полк – дивизия, но для подготовки старшего и высшего командного состава требовалось иное высшее военно-учебное заведение. В апреле 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР удовлетворили ходатайство Наркомата обороны о создании в Москве Академии Генерального штаба РККА¹. Новая академия создавалась на базе оперативного факультета Академии им. Фрунзе.

Открытие предшествовала длительная подготовительная работа. Велся тщательный подбор административного и профессорско-преподавательского состава. Предпочтение отдавалось наиболее квалифицированным кадрам, по свидетельству генерала С.М. Штеменко, «собрали весь цвет тогдашних теоретиков военного дела»². Среди привлеченных в новую академию оказалась целая плеяда генштабистов старой школы (в частности, М.И. Алафузо, М.А. Баторский, А.И. Верховский, А.И. Готовцев, А.В. Кирпичников, В.И. Оберюхтин, И.Х. Паука, А.А. Свечин, Е.Н. Сергеев, Ф.П. Шафалович, Н.Н. Шварц, Е.А. Шиловский). Таким образом, ко второй половине 1930-х гг. генштабисты старой школы продолжали оставаться незаменимыми в военной педагогике. Академия торжественно открылась 1 ноября 1936 г. Учебная программа была рассчитана на два курса обучения. Первый набор академии получил впоследствии неофициальное наименование маршальского курса, поскольку там учились будущие Маршалы Советского Союза И.Х. Баграмян, А.М. Василевский и М.В. Захаров, а также множество будущих генералов. По иронии истории академия позднее стала носить имя К.Е. Ворошилова – партийного военного работника, имевшего мало общего с военной наукой и Генеральным штабом.

Уровень представлений партийно-государственной элиты СССР в ту эпоху о старых кадрах Генштаба отражают слова заместителя наркома обороны СССР Е.А. Щаденко, убежденного, что «эти люди во многом и самом главном (способность революционно, т.е. оперативно мыслить) конченные, и у них ничего другого, кроме очередных неприятностей, не выходит и не выйдет»³.

Несмотря на душную атмосферу 1930-х гг., военспецы-генштабисты находили в себе силы для активной научной и творческой работы. Так, например, в 1934 г. целая группа генштабистов получила разрешения на работу в Центральном военно-историческом архиве по истории Первой мировой войны и в архиве Красной армии по истории Гражданской войны. Насколько сильной была у этих людей тяга к познанию и созидательной работе, видно из того, что генштабистами старой школы были шесть из восьми допущенных к работе командиров (все из Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе): преподаватель Б.И. Кузнецов (по темам: причины мировой империалистической войны, Томашевское сражение, Виленская операция), преподаватель Н.Н. Шварц (по темам: Лодзинская и Томашевская операции), руководитель кафедры общей тактики В.И. Оберюхтин (по темам:

¹ Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 119–120.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 13.

³ РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 144. Л. 20.

Барановичская операция 1916 г. и Камбре 1917 г.), преподаватель Е. Н. Сергеев (по темам: начальный период войны на русском театре и пограничное сражение на западноевропейском театре), преподаватель И. Х. Паука (по темам: Киевская операция белополяков, контрудар Юго-Западного фронта), старший руководитель по оперативному искусству А. М. Перемытов (по темам: борьба с Юденичем, операции Южного фронта в 1920 г.)¹. Есть данные о том, что в архиве Красной армии в 1928–1932 гг. работали И. И. Вацетис, В. Н. Егорьев, Н. Е. Какурин, Л. Л. Ключев².

Генштабисты старой школы активно работали на ниве военной педагогики. Их знания ценились представителями власти. К примеру, А. Е. Снесарев частным образом дважды в неделю обучал тактике, оперативному искусству и стратегии знаменитого народного полководца С. М. Буденного³.

Некоторые реалии службы бывших офицеров в РККА 1930-х гг. противоречат сложившимся стереотипам. Так, например, в 1935 г. П. М. Захаров выставил Генштабу РККА денежный иск, который, по мнению начальника военно-исторического отдела Генштаба РККА К. И. Соколова-Страхова, «носит не совсем здоровый характер», вследствие чего не должен публично обсуждаться⁴. Будущий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, вспоминая о службе в Московском военном округе во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., публично жаловался в 1937 г. на пренебрежительное отношение к себе и даже «цук» со стороны генштабиста старой школы Е. А. Шиловского⁵.

В связи с нагнетанием властями СССР истерии повсеместного поиска врагов и развязыванием массового террора против собственного народа обстановка в стране в целом и в армии в частности во второй половине 1930-х гг. стала ненормальной. По официальным данным, только в 1937–1938 гг. органы НКВД арестовали свыше 1,5 млн человек, из которых более 1,3 млн за «контрреволюционные преступления»⁶. Расстреляны были не менее 681 692 человек. Большой террор (массовые операции НКВД) прошелся по всем социальным и профессиональным группам советского общества. Не стали исключением и военные, включая старых генштабистов, по которым был нанесен следующий после дела «Весна» жестокий удар.

Под маховик репрессий попали многие герои Гражданской войны, люди, которых трудно заподозрить в нелояльности. Уничтожались потенциальные лидеры, те, кто в случае внешней войны мог возглавить борьбу с режимом в армии (мощное коллаборационистское движение в годы Великой Отечественной войны показало, что удар был нанесен не по тем кадрам). Прежние сослуживцы нередко отрекались от своих товарищей, идя на сделку с совестью ради спасения собственной жизни, оговаривали их, выступали обвинителями и обличителями. На допросах следователями НКВД активно применялись угрозы, избиения

¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 65. Л. 27, 29, 30, 34, 35, 37.

² Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.): Сб. М., 2020. С. 16. В указанной работе инициалы некоторых из них приведены с неточностями.

³ Буденный С. М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 9.

⁴ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 65. Л. 88.

⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. С. 257–258.

⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собр. док. в 7 т. М., 2004. Т. 1. С. 609.

и пытки. Не стоит забывать, что в полной власти карательных органов были родные и близкие арестованных.

Пострадали генштабисты, служившие в военных округах. Пристального внимания Сталина, возможно вследствие его этнического происхождения, удостоились кадры Закавказского военного округа. В апреле 1937 г. Сталин лично выделил группу военных, якобы состоявших в грузинской националистической организации Закавказья. Вследствие этого были арестованы помощник командующего округом комдив Г.А. Тухарели, начальник кафедры Академии Генштаба РККА и бывший командующий Кавказской армией, комкор М.И. Алафузо, а также командир 9-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа комдив Г.Н. Кутеладзе (выпускник академических курсов Кавказского фронта)^I.

В рамках наиболее известного дела против военных – дела М.Н. Тухачевского – был 14 мая 1937 г. арестован и 12 июня расстрелян командарм 2-го ранга А.И. Корк. 16 мая 1937 г. Корк дал показания, обличающие Тухачевского в том, что тот готовил захват власти в СССР^{II}. 30 мая между двумя обвиняемыми состоялась очная ставка. По инициативе Сталина для судебного процесса по делу Тухачевского было образовано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, в котором состоял и свежееиспеченный (назначен Политбюро ЦК ВКП(б) 10 мая 1937 г.) начальник Генштаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников. Последний должен был демонстрировать беспристрастность суда, поскольку был известен как высокообразованный и порядочный человек. Некоторым обвиняемым, в том числе Корку, следователи обещали сохранить жизнь, если они подтвердят свои показания на судебном процессе. Разумеется, такое обещание сотрудники НКВД сдерживать не собирались.

На судебном процессе по делу о «военно-фашистском заговоре» 11 июня 1937 г. Шапошников испытывал явные угрызения совести от происшедшего спектакля с заранее известным концом. В своем выступлении он говорил о собственных упущениях и политической близорукости и, несмотря на провокационные выкрики с мест, вел себя достойно, более того, за весь день он не задал подсудимым ни одного вопроса^{III}. И хотя Шапошников не проявил рвения на этом неблагодарном поприще, он тем не менее не смог отказаться от отведенной ему роли соучастника и подписал расстрельный приговор. Мы не вправе осуждать этот поступок Шапошникова. Фактически и Шапошников, и другие члены присутствия были заложниками Сталина, так как в отношении Шапошникова, П.Е. Дыбенко и Н.Д. Каширина 10 июня, накануне процесса, следователем [А.А.] Авсеевичем по указанию наркома внутренних дел Н.И. Ежова были заготовлены дополнительные признательные показания одного из обвиняемых – бывшего комкора В.М. Примакова – о принадлежности к военному заговору (при том, что следствие уже было завершено, а дело передано в суд)^{IV}. Документ был передан председателю Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюристу В.В. Ульриху, председательствовавшему на процессе. Если бы кто-то из судей попытался сорвать

^I Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 113.

^{II} Подробнее см.: Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 373.

^{III} Подробнее см.: Печенкин А. А. Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М., 2011. С. 98–111.

^{IV} Там же. С. 99.

представление, он тут же оказался бы на одной скамье с подсудимыми как соучастник (это вполне доказывается тем, что из всех подписавших расстрельный приговор пережили репрессии только Шапошников и Буденный).

Были репрессированы генштабисты из руководства Наркомата обороны. Начальник Военно-инженерного управления комкор Н.Н. Петин был расстрелян 7 октября 1937 г.¹ 28 сентября 1937 г. был расстрелян бывший заместитель начальника Штаба РККА С.А. Меженинов². До ареста он предпринял попытку самоубийства. Бывший главком И.И. Вацетис был расстрелян 28 июля 1938 г. Другой бывший главком член Военного совета, командарм 1-го ранга С.С. Каменев умер непосредственно перед репрессиями, однако посмертно был объявлен врагом народа, а его супруга умерла в нищете³.

Возможно, Сталин и другие организаторы массового террора сами начали верить в ими же созданную вымышленную реальность. Е.М. Ярославский писал Сталину 25 сентября 1938 г.: «Показания Вацетиса — убийственный приговор Троцкому», «это прямо ошеломляющий документ, даже после всех гнусностей, которые нам стали известны о Троцком и его банде»⁴. Далее Ярославский рассуждал о своей убежденности в том, что Троцкий был завербован немцами еще во время Первой мировой войны.

Если говорить о тех военспецах-генштабистах, которые входили в состав советской военной элиты 1930-х гг., то они были уничтожены почти в полном составе. Из шести таких военных, входивших в первый состав Военного совета при наркомате обороны СССР, были расстреляны четверо, С.С. Каменев успел умереть своей смертью, но, как уже упоминалось, посмертно был объявлен врагом, а уцелел лишь Б.М. Шапошников.

По бывшим офицерам особенно сильно ударили чистки в военно-учебных заведениях, где многие из них служили, поскольку из-за возраста и социального происхождения не имели возможности работать в других местах. Выпускников старой академии, привлеченных в РККА Троцким, легче всего было обвинить в троцкизме. Работа облегчалась тем, что ранее многие генштабисты проходили по делу «Весна» и на них имелся обширный компрометирующий материал.

Многих арестовывали по цепочке. Так, 10 ноября 1937 г. был арестован однокашник А.И. Корка по старой академии военрук Ленинградского государственного университета комдив К.П. Артемьев. Еще в 1931 г. Артемьев, занимавший

¹ Показательна «благодарность» советской власти и в отношении семьи Н. Н. Петина. В том же 1937 г. была арестована и заключена в Нарымское спецотделение Сиблага сроком на восемь лет его супруга Янина Александровна, расстреляны двое его сыновей (Николай и Лев). Беременная супруга Николая Николаевича Петина (младшего) Мария Михайловна арестована и заключена в 9-е отделение Беломорско-Балтийского комбината НКВД (г. Кемь) сроком на восемь лет, где родила ребенка, но затем и она, и ребенок скончались (Архивная справка ЦА ФСБ РФ № 10/А-У-779 от 17.03.2016). Выражаю сердечную благодарность правнучке Н. Н. Петина М. Л. Урих и внучке Н. Н. Петина Н. В. Новиковой за предоставленные материалы семейного архива. Также см.: *Черушев Н. С.* Сын за отца не отвечает... Трагедия семей элиты Красной армии 1937–1956. М., 2010. С. 101–106.

² Был расстрелян и его 20-летний сын Петр (*Черушев Н. С.* Элита Красной армии на Голгофе. М., 2005. С. 148; *Его же.* Сын за отца не отвечает... С. 101–102).

³ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 74. О том, что некоторые арестованные давали показания против Каменева, см.: *Горбатов А. В.* Годы и войны. С. 211.

⁴ «Знаю, что Вы не нуждаетесь в похвалах». Кто и зачем писал И. В. Сталину // Источник. 1994. № 6. С. 97.

в то время должность начальника штаба Приволжского военного округа, арестовывался по делу «Весна», но через несколько месяцев был освобожден. На допросах в 1937 г. он признал себя виновным в членстве в контрреволюционной организации, в том, что был завербован Корком и являлся немецким шпионом. 25 января 1938 г. Артемьева расстреляли¹. По его показаниям проходили 73 человека. Свидетельство о встрече с Артемьевым содержится в воспоминаниях известного впоследствии деятеля Народно-трудового союза и историка Н.Н. Рутыча (Рутченко) (Артемьев был сослуживцем его отца по старой армии) – тогда студента исторического факультета Ленинградского университета. Рутыч в связи с опасным знакомством был вынужден перевестись на заочное обучение и срочно покинуть Ленинград². Обвинения в адрес Артемьева основывались лишь на его собственных показаниях и не получили какого-либо подтверждения. В показаниях А.И. Корка Артемьев не фигурировал, оба посмертно реабилитированы.

От репрессий пострадала и недавно созданная Академия Генерального штаба. Как вспоминал слушатель П.Г. Григоренко, «аресты в академии начались уже зимой 1936 года. В 1937 году усилились. Ряды опытных преподавателей редели, а их места занимали либо бездарности, либо люди малознающие и неопытные. К тому же аресты велись и среди новых преподавателей, что их пугало, сковывало инициативу. Пособия, написанные “врагами народа”, то есть ранее арестованными опытными преподавателями, использовать было нельзя. Наспех писались новыми малоопытными преподавателями “конспекты лекций”. По ним мы и учились. Боясь быть обвиненными в том, что они протаскивают враждебные взгляды, авторы конспектов избегали пользоваться старыми пособиями и напихивали свои конспекты ходячими догмами. Читать все это, а тем более слушать – скука непроторная»³.

Другой слушатель, В.А. Новобранец, отмечал, что перед репрессиями «академия Генштаба была укомплектована самыми лучшими кадрами преподавателей»⁴. Когда началась чистка, «были арестованы лучшие преподаватели и военнанаучные кадры: [А.А.] Свечин, [А.И.] Верховский, [П.И.] Вакулич, [М.И.] Алафузо, [А.Д.] Малевский, [Я.М.] Жигур, [С.Г.] Михайлов и многие другие. Обезглавлены были все кафедры. Все теоретические разработки “врагов народа” были уничтожены. Учебный процесс был парализован»⁵.

11 марта 1938 г. был арестован бывший военный министр Временного правительства, а на момент ареста профессор Академии Генштаба, комбриг А.И. Верховский, прошедший через множество арестов начиная со времен Гражданской войны. Верховский на допросах признался во всем, чего хотели следователи. Он показал, что был организатором и руководителем контрреволюционной группы буржуазно-демократического офицерства бывшей царской армии, в 1921 г. связался с монархическими кругами кадрового офицерства в РККА (А.Е. Снесарев, А.А. Свечин, С.Г. Лукирский, В.Г. Сухов), участвовал в собраниях георгиевских кавалеров под

¹ Подробнее об Артемьеве см.: Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938. Ленинградский военный округ. С. 91–93.

² Рутыч-Рутченко Н. Н. Среди земных тревог. Воспоминания. М., 2012. С. 54–55.

³ Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 146.

⁴ Новобранец В. А. «Я предупреждал о войне Сталина»: Записки военного разведчика. М., 2009. С. 36.

⁵ Там же. С. 40–41.

руководством бывшего генерала А.А. Брусилова, в 1930 г. создал контрреволюционную группу в штабе Северо-Кавказского военного округа, с 1930 г. был связан с М.Н. Тухачевским по офицерско-монархической организации в армии, в 1936 г. вышел на связь с эсерами-эмигрантами, в том числе А.Ф. Керенским и В.М. Черновым^I. Следователей не смущали абсурдные признания, в которых игнорировались, к примеру, противоречия между эсерами и монархистами, для дела важны были признательные показания и компрометирующий материал на следующих жертв. 19 августа 1938 г. Верховский был расстрелян.

По делу о «военно-монархическом» заговоре уничтожались видные военные ученые. 29 января 1938 г. был арестован научный редактор Советской военной энциклопедии комдив С.Г. Лукирский. На допросах в 5-м отделе НКВД Лукирский признался в своем участии в офицерско-монархической организации, занимавшейся подрывной работой в армии. Следователи умудрились отыскать вредительство даже в деятельности Лукирского на таком спокойном поприще, как издание военной энциклопедии. 63-летний Лукирский, оказывается, занимался вредительством, направленным на срыв выпуска военно-исторических материалов. Среди тех, на кого дал показания Лукирский, были А.Х. Базаревский, И.В. Высоцкий, Д.Н. Надежный, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Е.Е. Шишковский^{II}. 2 апреля Лукирский, Базаревский и Высоцкий были расстреляны. На следующий день был казнен Шишковский. Позднее других, 29 июля, расстреляли более важного обвиняемого с точки зрения осведомленности — Свечина. Были репрессированы А.А. Балтийский, А.С. Белой, дети генштабиста С.М. Шейдемана, умершего в тюрьме еще в 1920 г. Связь «монархистов» с московским центром заговора была отведена И.С. Кутякову, а связь с правотроцкистами в Северо-Кавказском крае — Н.Д. Каширину^{III}.

Из выпускников старой академии были уничтожены военные ученые: М.А. Баторский, Н.Е. Варфоломеев, М.И. Василенко, И.И. Вацетис, А.И. Верховский, Б.К. Верховский, В.Е. Гарф, Н.Е. Какурин (умер в тюрьме), А.Г. Лигнау, С.А. Мерженинов, А.А. Свечин, М.С. Свечников, А.Д. Сыромятников и др. Разумеется, подверглись шельмованию и забвению их труды, упоминать о которых становилось просто опасно для жизни.

Из 2537 выпускников Военной академии им. Фрунзе периода 1918–1937 гг. к 15 ноября 1937 г. было уволено 375, передано в другие наркоматы 149, осталось в РККА 2013 человек^{IV}. Из оставшихся 2013 человек в центральном аппарате служили 280, в окружном — 224, в академиях и вузах — 198, в частях РККА — 1311 (в том числе 876, учет которых отсутствовал)^V. Представители кадрового комсостава с высшим военным образованием в 1940 г. составляли лишь 2,9%^{VI}. На фоне столь низкого процента образованных командиров преступный характер уничтожения лиц с высшим военным образованием, квалифицированных штабистов, ученых, педагогов, выглядит особенно отчетливо.

^I Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. М., 2011. С. 226–227, 366–367.

^{II} Там же. С. 170.

^{III} Там же. С. 424.

^{IV} Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. С. 531.

^V Там же. С. 532.

^{VI} Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1928. М., 1998. С. 318.

Последствия репрессий для военно-учебных заведений были катастрофическими. Начальник Военной академии им. Фрунзе генерал-лейтенант М.С. Хозин констатировал на совещании высшего состава Красной армии в декабре 1940 г.: «С преподавательским составом на сегодняшний день у нас обстоит не совсем нормально. Комплектование академии преподавательским составом в 1940 г. выглядит так: мы получили 75 процентов нового преподавательского состава. Это, как правило, командиры, имеющие до 2-х лет перерыва службы в Красной армии, оторвавшиеся от войсковой практики и не имеющие методических навыков в деле преподавания. В числе прибывших преподавателей имеются командиры, у которых нет высшего военного образования, и целый ряд командиров, которые были отстранены от занимаемых должностей вследствие невозможности их использования в войсках.

Уровень знаний и подготовки прибывающего для комплектования академии преподавательского состава чрезвычайно разнообразен. В отдельных случаях (а таких есть примерно 20 человек) просто не пришлось их допустить к преподаванию. С такими командирами-преподавателями пришлось организовать курсы доподготовки, и до мая месяца они у нас будут заниматься на организованных для этого курсах. Только после этого мы их поставим, если можно так выразиться, в строй для преподавания... из числа всех преподавателей, находящихся в академии, не имеют боевого опыта 81 человек — они ни разу, нигде, ни в какой войне не участвовали; с командным стажем в армии от 5 до 10 лет — 90 человек. Видите, какой небольшой командный стаж в армии.

Такая пестрота в подготовке профессорско-преподавательского состава создает весьма ненормальное положение, при котором наиболее подготовленная часть профессорско-преподавательского состава вынуждена нести чрезмерную нагрузку. Они заняты разработкой заданий, методическими разработками, разработкой учебных пособий и т.д. и т.п.¹.

Уничтожены оказались не только те, кто еще служил в РККА, но и генштабисты, ранее покинувшие ряды армии, под маховик репрессий попадали и бывшие белые офицеры. Многие «бывшие» проходили по делу о заговоре РОВС. Советскими спецслужбами из Парижа был похищен председатель РОВС генерал Е.К. Миллер, позднее расстрелянный в СССР.

Некоторые военспецы-генштабисты буквально не имели ни одного года спокойной жизни без дамоклова меча репрессий. Показательна судьба военного топографа А.Д. Тарановского, в прошлом — начальника корпуса военных топографов Красной армии. Генштабист арестовывался буквально в каждую из репрессивных кампаний 1930-х гг. Арестован он был по делу «Весна» 26 декабря 1930 г. В мае 1931 г. он по статье 58-11 Уголовного кодекса СССР был выслан в Северный край на три года (высылка считалась со дня ареста в декабре 1930 г.²) и поселился в Архангельске. Местные органы госбезопасности восприняли это как подарок судьбы, поскольку высланный бывший высокопоставленный военный, в прошлом полковник царской армии, идеально подходил на роль организатора заговоров и саботажа, что было полезно для чекистской отчетности. Неудивительно, что,

¹ Русский архив. Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1). С. 112.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 38.

находясь в ссылке, Тарановский в 1933 г. попал под новое дело о контрреволюционной повстанческой организации. По делу проходили 29 человек, в основном местные крестьяне и один генштабист. Такая картина, однако, никого не смущала. Тарановского арестовали 26 апреля 1933 г., вины он не признал, и уже 29 декабря дело было прекращено. Тогда Тарановский освободился, попав под действие постановления Президиума ЦИК СССР от 9 июня 1927 г.¹ Тем не менее в отношении Тарановского велось наблюдательное производство, т.е. бывший офицер находился под бдительным контролем госбезопасности. Тарановский так и остался на Севере, где работал по специальности. 29 декабря 1937 г. он был арестован в Архангельске по делу геологов, обвинен в связи с «врагами народа» М.Н. Тухачевским и Н.И. Мураловым, а также в том, что после ареста Тухачевского «высказывал циничные к[онтр]-р[еволюционные] оскорбления по адресу вождя народов товарища Сталина»². Под давлением Тарановский дал признательные показания и в октябре 1938 г. был приговорен к расстрелу. Трудно представить душевное состояние этого человека, буквально терроризировавшегося советским режимом на протяжении почти десятилетия. Фотокарточка Тарановского первой половины 1930-х гг., сохранившаяся в следственном деле, изображает его усталым, измученным, но не сломленным.

Генштабисты были вынуждены играть по навязанным сверху правилам. Когда в «Красной Звезде» от 4 февраля 1938 г. вышла статья, в которой П.П. Сытину приклеивался ярлык ставленника Троцкого, бывший командующий советским Южным фронтом был вынужден подать заявление об увольнении со службы из Центрального архива Красной армии. После этого Сытин не стал себя сдерживать и написал письма наркому К.Е. Ворошилову и начальнику 2-го отделения управления начсостава РККА интенданту 2-го ранга Чеканову с просьбой о заступничестве. В письме последнему Сытин отметил, что возмущен ситуацией, а ранее уже пострадал от врагов народа и предателей Б.М. Фельдмана и Я.Б. Гамарника³. Однако политическая мимикрия не помогла, и в августе 1938 г. Сытина расстреляли.

Похожим способом пытался спастись выдающийся отечественный военный мыслитель А.А. Свечин, ранее оказавшийся жертвой травли со стороны М.Н. Тухачевского. Последний являлся автором программной статьи «О стратегических взглядах профессора Свечина», увидевшей свет в специальном сборнике «Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф[ессора] Свечина: Стенограмма открытого заседания пленума секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР 29 апреля 1931 г.» (М., 1931). Сборник был целиком посвящен разоблачению деятельности Свечина⁴. Чем могла закончиться подобная травля в тот период, пояснять не приходится. Тем более что Свечин в то время находился под арестом по делу «Весна». После того как в 1937 г. Тухачевского расстреляли, Свечин в автобиографии указал, что травля

¹ Архив УФСБ по Архангельской области. Ф. 3354. Оп. 2. Д. П-5587. Т. 1–3.

² Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-14750. Л. 4.

³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 73.

⁴ Перепечатку статьи см.: Свечин А. А. Предрассудки и боевая действительность. М., 2003. С. 327–336.

была организована Тухачевским по заданию германской разведки¹, т.е. использовал практически те же приемы. Упомянул он и об антисоветских устремлениях своего товарища А.Е. Снесарева (который тогда был еще жив и которому такие пассажи могли повредить): «Единственным перерывом на военной службе было заключение меня под стражу с 20 февраля 1931 г. по 8 февраля 1932 г. Второстепенным поводом к этому заключению было поддержание мною старого знакомства с А.Е. Снесаревым, несмотря на растущие в нем проявления антисоветских настроений. Подлинной причиной явились многие столкновения с М.Н. Тухачевским... В 1930 году, по заданию германской разведки, М.Н. Тухачевский, которого я неоднократно изобличал на диспутах (1927 г.), в литературе, на лекциях и в совещаниях, выступил с обвинением старых специалистов в реакционности и в том, что они являются проводниками пораженческого движения и буржуазной агентурой в Красной армии... Тухачевский был поддержан Бочаровым и рядом других предателей, а также несколькими дурачками с партбилетами. Эта свора выпустила в 1931 г. брошюру: "Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-методических взглядов профессора Свечина"²». Впрочем, самому Свечину все это не помогло: он пережил Тухачевского лишь на год с небольшим и также был расстрелян.

Через два года, уже во время Второй мировой войны, Сталину пришлось срочно заниматься восстановлением военно-научной жизни в СССР. На заседании Главного военного совета в Кремле 21 апреля 1940 г. он указывал: «Надо обсудить вопрос о том, как коренным образом переделать нашу военную идеологию. Надо сделать так, чтобы наша военная мысль заработала, забила бы ключом. Ну, скажем, создать журналы, кружки, где люди могли бы свободно собираться и высказываться по вопросам оперативным, тактическим и другим. Где можно было бы покритиковать различные существующие у нас системы вооружения, вопросы ведения боя, состава войск и т.д. ... Нам надо раскопать архивы немцев, французов, русских по империалистической войне, танцевать от опыта империалистической и современной войны»³. Разумеется, все это осталось во многом благими пожеланиями со стороны главного виновника изничтожения советской военной мысли межвоенного периода, а полноценное восстановление свободной военной науки в СССР в директивном порядке в канун большой войны было уже невозможно.

Командиры Красной армии жили в постоянном страхе за свою жизнь. По свидетельству потомков, будущий генерал-майор советских ВВС М.П. Строев (Рихтер) в годы репрессий ложился спать только с пистолетом. В условиях травли, чудовищной атмосферы шпиономании, всеобщего взаимного недоверия, подозрительности и доносительства в стране недавние военспецы радовались любым проявлениям милости со стороны властей. К примеру, 8 ноября 1939 г. в Кремль на банкет для участников парада по случаю очередной годовщины Октябрьской революции были приглашены преподаватели Академии Генштаба РККА, в том числе дореволюционные генштабисты: старший преподаватель И.Х. Паука, старший преподаватель,

¹ Там же. С. 325.

² Цит. по: Думби Ю. Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина. С. 303.

³ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 154.

комдив А.В. Кирпичников, комдивы Е.А. Шиловский и Ф.П. Шафалович. И хотя некоторые гости получили приглашения лишь в самый последний момент (например, Паука — в 17.35, всего за 1 час 25 минут до начала банкета), что предположительно делалось по соображениям безопасности, среди старых преподавательских кадров, как отмечал комиссар академии П.С. Фурт, «чувствовался исключительный подъем в связи с приглашением их в Кремль»¹. Шафалович в разговоре с Шиловским прямо заявил, что рад доверию, оказанному старым спецам.

Для советских карательных органов не было разницы, служил ли офицер в период Гражданской войны у белых или же добросовестно помогал большевикам. Сотни генштабистов оказались репрессированы. Как справедливо отметил начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР, Маршал Советского Союза М.В. Захаров, «необоснованные массовые репрессии нанесли огромный ущерб Красной армии: на высокие командные должности были выдвинуты люди, хотя и безгранично преданные партии и народу, но в большинстве своем не имевшие достаточных навыков в руководстве крупными соединениями и оперативными объединениями в условиях войны»². Очевидно, речь шла и о расстрелянных генштабистах. Массовое истребление командно-начальствующего состава вело к появлению безынициативных, боящихся ответственности командиров, готовых лишь к безоговорочному повиновению и некритическому восприятию приказов, невзирая на их целесообразность и не считаясь с потерями. Все это, наряду с другими причинами, предопределило катастрофические события начального периода Великой Отечественной войны.

Командующий войсками Закавказского военного округа комкор Н.В. Куйбышев на заседании Военного совета 21 ноября 1937 г. заявил: «Самое скверное — это, безусловно, неудовлетворительно или совершенно неудовлетворительно обстоит дело с подготовкой стрелковых войск и войсковых штабов. Основная причина того, что мы не изжили всех этих недостатков, заключается в том, что у нас округ был обескровлен очень сильно»³. На вопрос с места, куда же девались командиры, Куйбышев ответил с грустной иронией: «Все остальные переведены в ведомство НКВД без занятия определенных должностей»⁴. Сам Куйбышев был расстрелян в 1938 г. В других округах дело обстояло не лучше. В Среднеазиатском округе «штабы очень молодо выглядят — молодой состав, не обладающий навыками и опытом. Поэтому на осенних учениях [1937 г.] штабы провалились, управление хромало... Основной недостаток в подготовке штабов — это неумение глубоко анализировать обстановку и делать правильные выводы, медленная дача распоряжений, плохая разведка, неудовлетворительный контроль за отданными приказами и распоряжениями, неумение организовать и вести разведку и наблюдение в ходе самого боя, неумение использовать связь»⁵.

По итогам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков в декабре 1940 г. прямо заявил, что

¹ Цит. по: Невежин В. А. Застолья Иосифа Сталина. М., 2011. Кн. 1: Большие кремлевские приемы 1930-х — 1940-х гг. С. 202.

² Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 209.

³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Док. и мат. М., 2006. С. 73.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 80–81.

«штабы оказались слабо подготовленными к практическому руководству»^I. Начальник артиллерии Красной армии командарм 2-го ранга Н.Н. Воронов в докладе от 1 апреля 1940 г. народному комиссару обороны СССР отметил, что «большинство штабов вышло на войну недостаточно подготовленными из-за не совсем удачного подбора командиров штабов, их низкой военно-штабной подготовки. Штабная культура была на низком уровне. Трудно и мучительно штабами организовывалось управление боем, руководство работой тыла; составление боевых документов занимало массу времени, качество боевых документов было низким»^{II}. Неудивительно, что осенью 1941 г. командующий Ленинградским фронтом Г.К. Жуков в телефонном разговоре грубо оборвал собеседника, командира воинской части, со словами: «Что ни дурак, то выпускник академии»^{III}. Участники событий, не обладая всей полнотой информации, тем не менее ощущали тяжелейшие последствия истребления комсостава в канун большой войны. Генерал А.В. Горбатов писал впоследствии: «Меня не покидали прежние опасения: “Как же будем воевать, лишившись стольких опытных командиров еще до войны?”»^{IV} Генерал армии И.В. Тюленев, в прошлом слушатель первого набора Академии Генерального штаба РККА, прямо отметил, что «большое “изъятие” высшего начсостава из рядов армии, несомненно, нанесло сильный ущерб обороноспособности нашей страны»^V.

Иностранные аналитики были поражены этим погромом собственной военной элиты со стороны руководства СССР и, очевидно, были рады ослаблению Красной армии, хотя и ошиблись в прогнозах. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек в 1939 г. считал СССР слишком слабым для нападения, поскольку «ни одно государство не выдержит того, чтобы каждые несколько лет расстреливать свои военные и политические кадры»^{VI}. Известна запись из дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, который 5 мая 1941 г. отметил со слов вернувшегося из Москвы полковника Г. Кребса, что «русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня»^{VII}. Таким образом, Большой террор являлся не только чудовищным преступлением против страны и народа, которое невозможно ничем оправдать, но еще и провоцировал противников СССР, убеждая их в слабости и небоеспособности Красной армии.

С вхождением в состав СССР Прибалтики на советской территории оказались и те генштабисты, которые проживали в этом регионе. Одни были репрессированы, другие поступили на службу в Красную армию. Так, в Красной армии оказался ветеран РККА, колчаковской и эстонской армий бывший полковник Э.Я. Рютель.

^I Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 14.

^{II} Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. СПб., 2000. С. 412.

^{III} «С огнем и кровью пополам...» [Интервью с генералом Н. Г. Лященко] // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 27.

^{IV} Горбатов А. В. Годы и войны. С. 260.

^V Тюленев И. В. Через три войны: Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М., 2007. С. 218.

^{VI} Цит. по: Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2020. С. 104.

^{VII} Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 504.

Переживших тридцатые годы можно пересчитать буквально по пальцам. Среди них наиболее известны М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Игнатъев, А. А. Самойло¹, Б. М. Шапошников. Остальные уцелевшие не были столь широко известными, знаковыми фигурами и вряд ли стремились распространяться о своем офицерском прошлом в старой армии. Как отмечают современные исследователи, тот или иной «дискредитирующий», с точки зрения официальных властей, эпизод имелся в биографии почти каждого советского гражданина². Разумеется, неудобные факты биографии обычно замалчивались в целях выживания.

Были и удивительные исключения. Как уже отмечалось, бывший колчаковский генерал А. Я. Крузе не только пережил чистки 1920–1930-х гг., но и достиг высоких постов в Красной, а затем в Советской армии, стал генералом и умер в СССР в 1967 г., а сведения о белогвардейском прошлом в его учетных документах были скрыты.

Генштабисты старой армии продолжали нести службу в РККА, Красной и Советской армии вплоть до второй половины XX в., когда в силу возраста в рядах армии их уже не осталось. В СССР к началу Великой Отечественной войны оказалось немного бывших офицеров Генштаба – как обучавшихся в академии до Первой мировой войны, так и выпускников ускоренных курсов периода Первой мировой и Гражданской войн. Тяжелейший удар по корпорации военспецов-генштабистов нанесли репрессии 1930-х гг., в том числе дело «Весна» начала 1930-х гг. и Большой террор 1937–1938 гг. Тогда были уничтожены не менее 168 выпускников старой академии Генерального штаба. Судьбы сотен еще остаются неустановленными. Гораздо меньше было тех, кто продолжал оставаться на военной службе в годы Великой Отечественной войны.

Положение уцелевших генштабистов было незавидным – это были, как правило, честные и добросовестные работники, вынужденные всю жизнь нести на себе клеймо «классово чуждых» и издерганные до предела массовым террором. Кроме того, давали знать о себе и годы. Ведь даже самым молодым выпускникам ускоренных курсов старой академии к началу войны было не менее 45 лет, а основной массе – уже за 50. Разумеется, в службе Генштаба с дореволюционных времен произошли большие изменения, поэтому выпускники дореволюционной академии Генштаба редко занимали ключевые посты в советском военном руководстве. Но несколько таких командиров все же было.

С введением в Красной армии в 1940 г. генеральских званий группа бывших выпускников академии стала генералами. Маршалом Советского Союза стал Б. М. Шапошников. Генеральские звания тогда и позднее получили П. Н. Алексеев, Г. А. Армадеров, М. Д. Бонч-Бруевич, Г. С. Дьяков, М. М. Загю, А. А. Игнатъев, А. В. Кирпичников, В. Е. Климовских, Л. Л. Ключев, А. К. Коленковский, Б. Н. Кондратьев, Н. Г. Корсун, А. Я. Крузе, Б. И. Кузнецов, М. Н. Кузнецов, А. Н. де Лазари, А. Д. Лютов, Д. Н. Надежный, Ф. Ф. Новицкий, И. Х. Паука, С. Н. Савченко, А. А. Самойло, М. П. Строев (Рихтер), Е. В. Сысоев, В. С. Тамручи, Д. И. Танский, В. Н. Чернышев,

¹ Косвенной жертвой сталинской эпохи, по некоторым данным, стала внучка Самойло – студентка 1-го курса МГУ, которую в марте 1953 г. на похоронах Сталина раздавила толпа (Будницкий О. В. Красные и белые. М., 2023. С. 137). В мемуарах Самойло написал, что она погибла «при выполнении гражданского долга» (Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 274).

² Чуйкина С. А. Дворянская память. С. 9.

В.М. Четков, Ф.П. Шафалович, Н.Н. Шварц, Е.А. Шиловский, А.Я. Яновский – всего свыше 30 человек.

Генштабисты старой школы приняли участие и в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹ Само слово «офицер» вернулось в Красную армию, будучи впервые примененным в 1941 г. по отношению к группе генштабистов-операторов, занимавшихся вопросами связи с войсками. Тогда их стали именовать, как и до революции, «корпусом офицеров Генерального штаба»². По-видимому, это были первые шаги на пути к возрождению традиций русского офицерства в Красной армии. Любопытно, что в 1943 г. рассматривался разработанный Главным управлением кадров Красной армии проект положения о прохождении службы офицерами в военное время, в рамках которого предлагалось офицерам, зачисленным по службе Генштаба, добавлять к званию приставку «Генерального штаба». По сути, речь шла о восстановлении правила, отмененного в 1922 г. Но, по-видимому, это начинание так и осталось нереализованным³.

Выпускники и слушатели старой академии и ее ускоренных курсов служили как по профилю полученного ими некогда военного образования, занимаясь вопросами службы Генштаба или преподавательской работой по соответствующей специальности, так и в совершенно других областях. Их можно было встретить на преподавательской и военно-научной работе, в штабах и в строю, в пехоте, механизированных войсках и авиации.

В целом к началу войны в Красной армии насчитывалось только 7 % командиров с высшим военным образованием. Что касается выпускников старой академии, то если в 1923 г. в Красной армии из них оставался 501 специалист, то в 1941–1945 гг. дослуживали лишь порядка 8,8 %. Такой незначительный процент объясняется естественным уходом со службы старых кадров по возрасту и состоянию здоровья, увольнением считавшихся нелояльными военспецов и заменой их краскома-ми, а также репрессиями. По нашим подсчетам, участие в Великой Отечественной войне в той или иной форме принимали не менее 48 выпускников и слушателей Николаевской академии. Возможно, их количество было выше – поиск сведений продолжается. Из 48 человек большинство (27 человек, или 56,2 %) находились на преподавательской и военно-научной работе (у такого соотношения была объективная причина – преклонный возраст многих старых генштабистов). Кроме того, в войне участвовал, по крайней мере, один выпускник курсов Генштаба Кавказского фронта.

Маршал Б.М. Шапошников с августа 1940 г. служил заместителем наркома обороны по строительству укрепленных районов. С 21 по 30 июля 1941 г. Шапошников был начальником штаба Западного направления, а затем, с 30 июля 1941 по 11 мая 1942 г., занимал важнейший пост начальника Генерального штаба, сменив Г.К. Жукова. С этой работой Шапошников был прекрасно знаком, так как стоял у истоков Штаба РККА еще в годы Гражданской войны, после ликвидации основных антибольшевистских фронтов получил назначение помощником

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 282–304.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 184–185.

³ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 523. Кор. 12361. Л. 157. Выражаю благодарность д. и. н. А. Ю. Безугольному за предоставленные сведения.

начальника Штаба РККА (в феврале 1921 г.), затем был начальником Штаба РККА в 1924 г. (временно) и в 1928–1931 гг., а также начальником Генерального штаба РККА в 1937–1940 гг. Маршал Г.К. Жуков вспоминал о деятельности Шапошникова: «Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и умение Б.М. Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в Действующей армии и особенно со стороны Генштаба. К сожалению, возраст, тяжелая рабочая нагрузка и особенно болезнь не позволили ему работать всю войну в Генеральном штабе»¹.

Маршал А.М. Василевский так характеризовал Шапошникова: «Талантливый военный теоретик и публицист, ученый исключительной эрудиции, чьи глубокие обобщения в области военной стратегии и оперативного искусства пользовались известностью не только в Советском Союзе, но и за рубежом, он поднялся до вершин полководческой деятельности в период суровых для нашей Родины испытаний. И эта жизнь его, и эта деятельность, и военно-теоретическое наследие – яркие страницы советской военной истории»². Василевский считал Шапошникова создателем советской школы генштабистов³, хотя, конечно, в создании этой школы участвовали многие представители старого Генштаба.

При участии Шапошникова разрабатывались планы Смоленского сражения⁴. Именно Шапошникову принадлежит разработка плана советского наступления зимой 1941/42 г.⁵ Судя по журналам учета посетителей И.В. Сталина в 1939–1942 гг., Шапошников бывал у него на приеме регулярно, иногда по несколько раз в день. В общей сложности свыше 100 раз, в том числе в годы Великой Отечественной войны не менее 95 раз, включая встречу непосредственно 22 июня 1941 г., когда Шапошников почти три часа провел в кабинете вождя, обсуждая сложившуюся ситуацию совместно с высшими военными и политическими деятелями СССР⁶. Очевидно, во второй половине 1941 – первой половине 1942 г. Шапошников входил в круг ближайших военных советников И.В. Сталина, непосредственно определявших советскую стратегию.

Фактически с конца апреля 1942 г. Шапошникова всецело подменял генерал-лейтенант А.М. Василевский. Было ясно, что Шапошникову по состоянию здоровья нельзя далее оставаться на занимаемом им ключевом для воюющей страны посту. Поэтому пост начальника Генштаба в мае он передал А.М. Василевскому, но при этом вплоть до 1945 г. консультировал его по всем возникающим вопросам. С мая 1942 по июнь 1943 г. Шапошников занимал пост заместителя наркома обороны, курируя работу военных академий и разработку уставов и наставлений, затем был назначен начальником Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 2-е изд., доп. М., 1975. Т. 1. С. 349.

² Василевский А. М. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сб. М., 1979. Вып. 2. С. 6.

³ Там же. С. 86.

⁴ Великая Отечественная: Действующая армия. М.; Жуковский, 2005. С. 301.

⁵ Исаев А. В. Краткий курс истории ВОВ: Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 6–7.

⁶ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М., 2008. С. 338, 733.

Шапошников не дожил сорок четыре дня до Победы и умер 26 марта 1945 г. Его прах похоронен в Кремлевской стене.

В войне участвовали и более молодые генштабисты, воспитанные старшим поколением. Не случайно, например, говорили о «школе Шапошникова», основанной на высокой культуре штабной службы. Эта школа повлияла на работу Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны и пользовалась авторитетом у И.В. Сталина. Как вспоминал позднее М.В. Захаров, работавшие с Шапошниковым офицеры, благодаря свойственным Шапошникову манере общения и стилю работы, «получили знания, не уступающие по своей значимости и объему академическому курсу»¹. Среди представителей этой школы были Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и М.В. Захаров, генерал армии С.М. Штеменко и др. В этом проявилась преемственность поколений и связь старой русской армии и Красной армии, а позднее мощных Вооруженных Сил СССР.

Заметный вклад в победу внесли и другие выпускники Николаевской академии. А.Я. Крузе был начальником штаба Сталинградской группы войск. Командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород. С ноября 1944 г. – 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. А.Я. Яновский – выпускник ускоренных курсов академии, служивший в годы Гражданской войны как в РККА, так и на белом Юге, – в годы Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией и 89-м стрелковым корпусом 61-й армии 1-го Белорусского фронта. Участвовал в освобождении Пинска и других городов. Начальником инженерного управления Московской зоны обороны с октября 1941 г. был генерал-майор инженерных войск, в прошлом выпускник ускоренных курсов 2-й очереди академии Е.В. Сысоев. С января 1942 г. он стал начальником Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. С марта 1943 г. руководил Высшим военно-строительным училищем Красной армии. М.П. Строев (Рихтер), окончивший академию в 1914 г., участвовал в Советско-финляндской войне, позднее произведен в генерал-майоры авиации, с мая 1941 г. преподавал тактику во 2-й Московской школе авиационных механиков. С начала войны он выполнял задания по организации взаимодействия авиации с сухопутными войсками, с октября 1943 по август 1944 г. – начальник авиационного отдела 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, а с августа 1944 по декабрь 1946 г. – начальник Военного отдела Главного управления учебных заведений Министерства авиационной промышленности. Выпускник академии 1915 г. С.И. Данилов с сентября 1942 по ноябрь 1943 г. служил помощником начальника 1-го отдела Главного управления всеобщего военного обучения Наркомата обороны, затем до 16 января 1945 г. работал помощником начальника 2-го отдела, после чего занимал должность старшего помощника начальника 9-го отдела.

Полковник Б.Л. Негродов (подполковник старой армии) в годы войны руководил отделом курсов «Выстрел». В 1945 г. был направлен на 1-й Белорусский фронт и участвовал в боях за Берлин в качестве стажера начальника штаба 7-го стрелкового корпуса. 30 апреля 1945 г. по собственной инициативе он прибыл на наблюдательный пункт 364-й стрелковой дивизии и помог командиру дивизии организовать

¹ Захаров М. В. Ученый и воин: (О Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове). 2-е изд. М., 1978. С. 86.

бой, что позволило овладеть восемью кварталами Берлина. За это Негродов был награжден орденом Отечественной войны 1-й степениⁱ.

Оренбургский казак, бывший подполковник колчаковской армии и выпускник ускоренных курсов академии в Томске, интендант 1-го ранга В.Н. Пестряков пропал без вести при обороне Москвы в октябре 1941 г., будучи и.о. помощника начальника штаба 6-й стрелковой дивизииⁱⁱ. По-видимому, он стал единственным погибшим в результате боевых действий Великой Отечественной войны выпускником старой академии. В войне участвовал еще один оренбургский казак и курсовик В.К. Дюскин, который служил военным инженером 2-го ранга в 155-м армейском управлении военно-полевого строительства и был награжден медалью «За боевые заслуги»ⁱⁱⁱ. Дюскин в дальнейшем стал доктором технических наук (1955 г.) и внес значительный вклад в развитие теории и практики теплоснабжения.

Представители старого Генштаба, как и прежде, активно работали на ниве военной педагогики и военной науки. Граф А.А. Игнатъев, приехавший в СССР из Франции, был в годы войны начальником кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии, с октября 1942 г. — редактором военно-исторической литературы Воениздата. Игнатъев стоял у истоков создания в СССР суворовских училищ по образцу кадетских корпусов дореволюционной России, о чем писал в записке И.В. Сталину 17 апреля 1943 г.: «Существовавшие в России кадетские корпуса, несмотря на все недостатки, являлись все же основными рассадниками офицерского воспитания наших истинно военных советских людей. Создание подобной военной средней школы мотивируется в настоящий момент еще и стремлением оказать непосредственную и действенную помощь семьям павших в боях командиров, сыновьями которых и должны по преимуществу комплектоваться эти школы. Пример отца, отдавшего жизнь за Родину, представляет уже сам по себе достаточный стимул для воспитания ребенка и юноши в духе высокого сознания воинского долга»^{iv}. В 1943 г. ему было присвоено звание «генерал-лейтенант», а в 1947 г. Игнатъев вышел в отставку.

В Академии Генерального штаба преподавал генерал-лейтенант Е.А. Шиловский, внесший большой вклад в осмысление опыта Великой Отечественной. Для изучения опыта войны он неоднократно выезжал на Западный, Брянский, Центральный, Белорусский и Прибалтийские фронты. Непосредственно в военные годы им подготовлены такие работы, как «Рост военного искусства Красной армии в ходе Отечественной войны» (М., 1943), «Разгром немецких войск под Москвой» (два издания — М., 1943; 1944), первый том книги «Прорыв фронта» (М., 1944). В 1943 г. он стал доктором военных наук, вступил в партию. В 1945 г. в Воениздате вышла новая книга Шиловского «Разгром немецких войск в Белоруссии». В 1946 г.

ⁱ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6195. Л. 120. Документ доступен на сайте «Память народа».

ⁱⁱ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 641. Л. 198об. Документ доступен на сайте «Память народа»; Семенов В. Г. Офицеры Оренбургского казачьего войска — участники Великой Отечественной войны // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Оренбург, 2022. С. 152–153.

ⁱⁱⁱ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 269. Л. 173. Документ доступен на сайте «Память народа»; Семенов В. Г. Офицеры Оренбургского казачьего войска — участники Великой Отечественной войны. С. 150–151.

^{iv} «Срок обучения — восьмилетний». Записка А. А. Игнатъева Сталину о создании кадетских корпусов // Родина. 2010. № 5. С. 67.

увидело свет исследование «Восточно-Прусская операция Красной армии 1945 г.» (в соавторстве с Н.А. Таленским и А.В. Васильевым).

В той же академии преподавали генералы А.И. Готовцев, А.В. Кирпичников, Ф.П. Шафалович и Н.Н. Шварц. Членом Ученого совета академии был генерал М.Д. Бонч-Бруевич. В Академии им. Фрунзе преподавали генералы А.К. Коленковский, Н.Г. Корсун, Б.И. Кузнецов, В.И. Максимов, Ф.Ф. Новицкий, полковник (с 1945 г. — генерал-майор) В.Г. Сухов¹. Генерал Корсун, признанный специалист по Кавказскому фронту Первой мировой войны, ветеран этого фронта и автор ряда работ о нем, участвовал в разработке плана обороны Главного Кавказского хребта².

В Военной академии химической защиты работали генералы М.М. Загю и Л.Л. Ключев. Преподавателем Военно-транспортной академии был генерал Б.Н. Кондратьев. Преподавателями Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского — генералы А.Д. Лютов и В.М. Четков. Генералы П.Н. Алексеев и Д.Н. Надежный преподавали в Военно-медицинской академии. В Военной электротехнической академии связи им. С.М. Буденного преподавал полковник Н.В. Яковский. В Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина работал полковник Н.Ф. Красицкий. Генерал А.А. Самойло преподавал в Военной академии командного и штабного состава Военно-воздушных сил. 23 ноября 1942 г. Самойло был награжден орденом Ленина в ознаменование 50-летия службы, т.е. ему зачли и службу в старой армии. Участие в войне принимали также генералы М.Н. Кузнецов, С.Н. Савченко, Д.И. Танский, В.Н. Чернышев, полковники В.Н. Зарубаев и Б.И. Рышковский, инженер-капитан Г.П. Орешкин.

О том, как непросто складывалась служба старых офицеров, свидетельствует письмо бывшего курсовика Г.С. Горчакова бывшей супруге от 7 августа 1944 г.: «Третий раз в жизни своей участвую я в больших войнах; третий раз начинаю их с самой маленькой должности и звания; третий раз своим честным, упорным, напряженным трудом в боевой тяжелой обстановке заслуживаю правительственные награды и немалое звание»³. К этому можно добавить, что в период Большого террора офицер был репрессирован, но уцелел и вернулся на военную службу.

Поразительна биография бывшего полковника В.К. Затеplinского. В годы Гражданской войны он служил в РККА, затем попал в плен к белым на Юге России, а позднее вновь оказался в РККА. Затеplinский арестовывался белыми в 1919 г. и красными в 1920 и 1921 гг. В 1925 г. был сослан на три года за переход на сторону белых. В 1933 г. арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. После досрочного освобождения в 1935 г. работал инженером-плановиком. В годы Великой Отечественной войны Затеplinский (1889 года рождения) добровольцем записался в московское ополчение и в звании майора стал начальником тыла 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 16 октября 1941 г. попал в плен под Вязьмой. В плену вел антифашистскую работу. После войны вернулся

¹ Подробнее о нем см.: Семенов В. Г. Герой двух войн южноуралец генерал Сухов // Генеалогия и архивы. Челябинск, 2020. С. 269–273.

² Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. Иркутск, 2000. С. 198.

³ Горчаков А. Г. История семьи Горчаковых. Рига, 2014. С. 97.

в СССР, в 1946 г. был вновь арестован и осужден на 25 лет лагерей. Отбывал наказание в Тайшете. Освободился в 1950-е гг. и умер в 1962 г.

Некоторые генштабисты в годы войны оставались в местах лишения свободы — например, видный советский военачальник С. А. Пугачев. Уже 22 июня 1941 г. он обратился к народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко с просьбой об отправке на фронт: «Прошу о зачислении меня красноармейцем одной из действующих на фронте частей Красной армии и там дать мне возможность боевой работой против зарвавшихся фашистских бандитов, а если потребуется, то и ценой жизни, еще раз доказать мою преданность Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) [и искупить] единственную мою вину — постыдное поведение на следствии. В Вашем лице я заверяю партию и правительство трудящихся, что своей родине я никогда не изменял и предателем не был и не буду»^I. Аналогичные просьбы он адресовал В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову. Неоднократно Пугачев писал из лагеря и И. В. Сталину, однако эти письма не шли дальше лагерного дела заключенного, в которое подшивались. Видя невозможность вырваться на фронт, Пугачев предложил использовать свои знания и опыт при подготовке научных и учебных трудов по Великой Отечественной войне, обобщении боевого опыта Красной армии. Даже в лагерных условиях Пугачев размышлял о военной науке и нуждах армии. В ноябре 1942 г. в связи с успехами советских войск под Сталинградом он писал Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович. Разрешите мне в Вашем лице приветствовать партию большевиков, правительство трудящихся, Красную армию и народы СССР с крупной победой на Сталинградском фронте. В эти радостные дни скорблю лишь о том, что не по своей вине лишен возможности принять посильное участие в Великой Отечественной войне, в защите нашей дорогой Родины, и вплести хотя бы отдельные скромные лепестки в лавровый венок победы»^{II}. Многочисленные просьбы об отправке на фронт или о разрешении выполнять любую работу по специальности услышаны не были»^{III}. В 1943 г. Пугачев умер в лагере на Северном Урале. Вот его последние слова: «Сообщите семье, жене, детям, что я умер честным человеком перед народом и партией!»^{IV} К этому можно добавить характеристику Пугачева из воспоминаний легендарного советского разведчика-диверсанта И. Г. Старина: «Семена Андреевича Пугачева... безгранично уважали в армии»^V. Несколько ранее, в ноябре 1942 г., в ссылке скончался бывший генерал Н. А. Сулейман — еще один военный специалист, стоявший у самых истоков Красной армии.

Репрессии в отношении генштабистов не прекращались ни во время войны, ни после ее окончания, продолжая забирать жизни многих профессионалов, знания которых были бы не лишними в военное время. Генерал-майор В. Е. Климовских был одним из командиров, репрессированных в самом начале войны. Климовских

^I Выражаю благодарность А. С. Ботикову за предоставленные копии документов лагерного дела С. А. Пугачева, хранящегося в Информационном центре ГУВД по Свердловской области.

^{II} Там же.

^{III} Ганин А. В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...»: Лагерная судьба комкора С. А. Пугачева в письмах его товарища // Русский сборник (Москва). 2018. Т. 25. С. 149–172. Также см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 114–125.

^{IV} Цит. по: Ганин А. В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...». С. 170.

^V Старин И. Г. Записки диверсанта. М., 1997. С. 41.

не доучился на ускоренном курсе академии Генштаба в 1917 г., но тем не менее тоже может быть отнесен к людям, прошедшим через академию. Позднее он окончил Академию им. М. В. Фрунзе и Академию Генштаба РККА. В начале войны занимал пост начальника штаба Западного фронта (с июля 1940 г. — начальник штаба Западного Особого военного округа) при командующем генерале армии Д. Г. Павлове и считался одним из лучших штабных работников Красной армии^I. За неудачи первых дней войны он был снят с должности, 8 июля арестован и ровно через месяц после начала войны по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, вынесенному в закрытом судебном заседании, расстрелян. Первоначально арестованных обвиняли в антисоветском военном заговоре и вражеской работе, осуществляя которую они якобы не готовили личный состав к военным действиям, но эти бредовые пассажи были вычеркнуты из текста приговора^{II}. Командование Западного фронта было репрессировано, по официальной мотивировке, «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций»^{III}. Обвиняемые в своих показаниях признали некоторые упущения по службе, однако, в соответствии с практикой органов госбезопасности того времени, никакими документами их показания не подтверждались. Судебный процесс над командованием Западного фронта был наиболее крупным делом начального периода войны. Эта акция носила показательный и пропагандистский характер. По сути, руководством страны была предпринята попытка снять с себя ответственность за неудачи начального периода войны и возложить ее на арестованных (в период реабилитации репрессированных по этому делу очевидцы отмечали тот факт, что неудачи фронта произошли из-за общего руководства, а не из-за командования фронта^{IV}).

Репрессирована была и семья Климовских. Супруга прошла через Саратовскую тюрьму и Карагандинский лагерь, двое сыновей также прошли лагерь^V. Генерал С. М. Штеменко в этой связи вспоминал: «Аресты и перемещения, произошедшие в первые дни войны, нам были абсолютно непонятны, они вносили нервность в работу и усугубляли и без того трудную обстановку. О них громко не говорили, но и не верили в справедливость репрессий... На глазах у нас из Генштаба начали растаскивать старые опытные кадры, так нужные в это трудное время. Приходили новые люди, не знающие специфики труда в наших управлениях, а обстановка между тем становилась все сложнее и сложнее. Она требовала от штабов всех рангов, а от Генштаба в особенности, абсолютной четкости и величайшей организованности в работе»^{VI}. О том, что расстрел командования Западного фронта оставил тяжелый осадок у командного состава, Жуков говорил Сталину уже осенью 1941 г.^{VII} Впоследствии именно Жуков, став министром обороны СССР,

^I Подробнее см.: Басюк И. А. Генерал армии Д. Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 41–51.

^{II} НИА. Volkogonov collection. Box 5.

^{III} ГКО постановляет... / публ. Н. С. Гишко // Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 19.

^{IV} НИА. Volkogonov collection. Box 5.

^V Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 180.

^{VI} Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 40.

^{VII} Басюк И. А. Генерал армии Д. Г. Павлов... С. 50.

инициировал пересмотр дела. В 1956 г. было проведено генштабовское расследование по этому вопросу. Обвинения в трусости, бездействии власти и сознательном развале управления были с Климовских сняты, хотя крупные недостатки в подготовке к войне Западного военного округа, начальником штаба которого был Климовских, подтвердились.

В заключении по делу отмечалось, что Климовских «в своей повседневной работе в предвоенный период... уделял много внимания реорганизации частей и соединений, подготовке театра военных действий и сколачиванию штабов. Он ставил вопрос об укомплектовании частей и соединений округа табельными средствами связи. Однако, как показали предвоенные инспекторские проверки и особенно события начального периода войны, многие штабы округа оказались слабо подготовленными к управлению войсками в сложных условиях боевой обстановки.

Генерал-майор Климовских В.Е. уделял серьезное внимание разведке. Благодаря этому, штаб округа на протяжении всей первой половины 1941 года располагал относительно точными данными о сосредоточении и группировке немецко-фашистских войск у нашей границы в полосе Западного Особого военного округа. Данные о противнике своевременно докладывались командующему войсками округа и в Генеральный штаб.

С выходом из строя постоянных линий связи и значительной части пунктов управления генерал-майор Климовских В.Е. принимал меры для восстановления управления войсками. Но значительные потери средств связи, трудность их восполнения, систематические воздушные удары противника по штабам, узлам и линиям связи срывали все эти мероприятия.

Таким образом, нельзя утверждать, что генерал-майор Климовских В.Е. преднамеренно допустил развал управления войсками, проявил трусость, бездействие, нераспорядительность, как об этом сказано в обвинительном заключении¹. 31 июля 1957 г. приговор в отношении Климовских был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР по вновь открывшимся обстоятельствам за отсутствием состава преступления².

Выпускник младшего ускоренного курса 1-й очереди академии генерал-майор танковых войск В. С. Тамручи с августа 1940 г. занимал пост заместителя генерал-инспектора автобронетанковых войск Красной армии, перед войной руководил авторским коллективом учебника по тактике бронетанковых войск, а с началом войны стал начальником штаба 22-го механизированного корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта. Совместно с командиром корпуса генерал-майором С.М. Кондрусевым с первого дня войны Тамручи лично руководил войсками в боях с противником, при этом корпус еще не был отобилизован. После гибели 24 июня 1941 г. генерала Кондрусева Тамручи принял командование корпусом на себя. 2 июля 1941 г. части корпуса в районе станции Олыка сдерживали превосходящие силы противника, причем нанесли противнику большие потери и даже оттеснили его. 23 июля 1941 г. Тамручи первым среди танкистов был награжден орденом Ленина. Занимал пост помощника и заместителя командующего Юго-Западным фронтом по бронетанковым войскам.

¹ НИА. Volkogonov collection. Box 5.

² ГКО постановляет... С. 21.

Тамручи встречался с И.В. Сталиным 4 января 1942 г.^I Однако судьба генерала сложилась трагически. Заслуженный боевой генерал перенес инфаркт, а по возвращении из санатория 22 мая 1943 г. был арестован по обвинению в разглашении секретных сведений о перегруппировке советских войск и предстоящих операциях. Обвинялся в связях с троцкистами и клевете на командный состав Красной армии, руководителей партии и правительства^{II}. По другим данным, истинной причиной ареста было его письмо Сталину с просьбой установить подлинных виновников Харьковского «котла». Арест произошел у Тамручи на квартире. Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях впоследствии отметил, что Тамручи был арестован ни за что^{III}. В одиночной камере Сухановской тюрьмы ему пришлось провести семь лет, и в октябре 1950 г. он скончался в заключении. 5 августа 1953 г. дело Тамручи было прекращено за отсутствием состава преступления^{IV}.

В Академии им. М.В. Фрунзе в 1941–1942 гг. были арестованы бывшие курсовики генерал-майоры Г.А. Армадеров и Г.С. Дьяков. Дьякова обвиняли в том, что в кругу преподавателей он говорил об ответственности советского правительства за неподготовленность страны к войне и нехватку техники в армии, заявлял о неизбежности поражения СССР^V. В заключении он провел почти девять лет и умер в марте 1951 г. в больнице Бутырской тюрьмы^{VI}. Армадерова арестовали по обвинению в антисоветской деятельности, троцкизме, пораженческих настроениях. Он был приговорен к 25 годам лишения свободы, уволен из армии с лишением воинского звания. В отличие от Дьякова, Армадерову здоровье позволило дожить до освобождения и реабилитации. 22 мая 1954 г. он освобожден и вышел в отставку, 29 июля 1955 г. был восстановлен в звании. За 12 лет заключения он заболел тяжелой формой туберкулеза и скончался в 1956 г.

В Академии Генштаба в 1941 г. арестовали генерал-майора И.Х. Пауку, который в мае 1943 г. умер в тюрьме. В 1942 г. якобы как итальянский шпион был арестован генерал-майор А.Н. де Лазари. 23 февраля 1942 г. он был расстрелян в тюрьме^{VII}. Семья же получила отписку, что он якобы умер от инфаркта в 1950 г.

Арестовывали в войну и тех выпускников академии, кто не служил в армии. Так, 11 ноября 1941 г. в Москве был арестован 75-летний бывший генерал-лейтенант П.М. Захаров, которого обвинили в антисоветской агитации. Всю Гражданскую войну Захаров прослужил в ВСНХ и в Красной армии. Виновным себя старый генерал не признал. В тюрьме он заболел и умер 11 июля 1942 г.

Проживавшие в СССР генштабисты старой школы были и среди жертв войны. Так, в ленинградскую блокаду в 1941–1942 гг. умерли бывшие генералы А.Ф. Добрышин, Н.В. Хенриксон и А.Д. Шеманский.

^I На приеме у Сталина. С. 358.

^{II} Судьбы генеральские... / публ. Л. Е. Решина, В. С. Степанова // Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 12.

^{III} Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: в 4 т. М., 1999. Кн. 1. С. 489.

^{IV} Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Док. и мат. М.; СПб., 2005. С. 204–205; Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 333–334.

^V Судьбы генеральские... С. 13.

^{VI} Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 139; Печенкин А. А. Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 188.

^{VII} Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 130.

В целом, выпускники старой академии Генштаба внесли свою лепту на алтарь Победы. Здесь стоит отметить и незаметный на первый взгляд вклад многих репрессированных генштабистов, готовивших еще в довоенное время командные кадры нашей армии. Но, конечно, трудно переоценить роль генштабистов, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне. Одно только имя маршала Шапошникова стало символом победы в самый тяжелый период войны. Нельзя забывать и о многих других не столь известных героях той войны из числа бывших генштабистов, в том числе незаслуженно репрессированных. Стоит отметить и то, что старый Генштаб подготовил в межвоенный период и в военные годы себе на смену целую плеяду видных советских генштабистов. В этом тоже проявился вклад старой школы в победу.

Несколько выпускников старой академии участвовали в борьбе с нацизмом в рядах иностранных армий¹. В польской армии служили генералы В. Андерс, Р.И. Воликовский, В.Э. Томме, полковники Я.В. Окулич-Казарин и К.Ю. Румша. В движении Сопротивления в Европе участвовали: Ф.Е. Махин в Югославии, С.Н. Войцеховский в Чехословакии, Е.И. Носков в Болгарии. Кроме того, выпускники академии вносили вклад в борьбу с нацизмом, будучи агентами советских спецслужб. Так, резидентом Главного разведывательного управления во Франции был В.А. Озолс, внештатным сотрудником советской политической разведки в Югославии являлся Ф.Е. Махин, важную роль в передаче советскому командованию оперативной информации из Маньчжурии играл Я.Я. Смирнов².

Успехи Красной армии произвели большое впечатление на бывших белогвардейцев и эмигрантов. В своих мемуарах Б.А. Энгельгардт отметил: «Шаг за шагом события заставили меня менять мой взгляд на большевиков, которого я держался в дни Гражданской войны. Я не мог больше упрямо смотреть на них как на разрушителей близкой мне тогда русской государственности. Я не мог больше верить в клеветнические речи о том, что они в своей разрушительной деятельности являлись наемниками врагов России – немцев. Победа под Москвой, победа под Сталинградом, наконец, взятие Берлина ясно показывали, что если большевики разрушили страну, то разрушили сознательно, с целью построения нового, более совершенного, более могучего государства»³. Этот взгляд разделяли генералы А.А. Игнатьев и П.С. Махров⁴ и др. После нападения гитлеровской Германии на СССР полковник Б.Э. фон Вах, ветеран Белого движения на Востоке России, проживавший в Сан-Франциско, сказал, что жалеет, что в годы Гражданской войны не перешел в Красную армию⁵.

После впечатляющей победы СССР в войне среди генштабистов-эмигрантов снова появились желающие вернуться на родину. В частности, в 1947 г. в СССР

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 297–304.

² Аурилене Е. Е., Тужилин С. В. Заложники большой политики: Российские эмигранты в Маньчжоу-дго (1934–1945). М., 2023. С. 206–210, 259; Яковкин Е. В. От монархиста к советскому патриоту: судьба Генерального штаба полковника Я. Я. Смирнова // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы IX Междунар. военно-истор. конф.: Сб. науч. статей. СПб., 2016. С. 323–327.

³ Энгельгардт Б. А. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «Добровольческой армии» / публ. В. А. Авдеева // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 81–82.

⁴ «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А. В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.

⁵ Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. С. 389.

приехал бывший генерал-лейтенант деникинской армии Л. А. Говоров, умерший в Киеве через двадцать лет. Рассматривал возможность возвращения генерал П. С. Махров.

Некоторые выпускники академии дожили в СССР до второй половины XX в. Отдельные «академики» пользовались почетом и уважением, как основоположники Красной армии. К примеру, А. А. Самойло высоко ценили в Архангельске, который он освобождал от белых в 1920 г. Старый генерал встречался с пионерами, получал поздравления, а после его смерти именем Самойло назвали улицу¹. Улицы названы и в честь ряда других советских генштабистов, в частности С. А. Мерженинова, Н. Н. Петина, М. С. Свечникова.

Доказательством высокого положения ряда бывших генштабистов в СССР является факт их погребения в элитных советских некрополях. С. С. Каменев и Б. М. Шапошников были похоронены в Кремлевской стене. На Новодевичьем кладбище наряду с деятелями партийной элиты СССР в годы войны и в послевоенный период (когда некрополь стал номенклатурным) похоронены А. И. Готовцев, В. Н. Егорьев, А. А. Игнатьев, А. Д. Лютов, Ф. Ф. Новицкий, Н. М. Потапов, А. А. Самойло, М. А. Соковнин, М. П. Строев (Рихтер), Е. А. Шиловский и др.

К этому можно добавить, что в советскую элиту прочно влились некоторые потомки генштабистов. Звезда советского кинематографа Л. П. Орлова приходилась внучкой начальнику Николаевской академии Генерального штаба генералу от кавалерии Н. Н. Сухотину. Сыном генерал-майора А. А. Гамбурцева был академик Г. А. Гамбурцев. Сыном генерала-майора М. А. Симонова был замечательный советский писатель К. М. Симонов (интересно, что в 1919 г. генерал Симонов в составе Русского комитета в Варшаве занимался отправкой эмигрантов на белый Юг²). Патриарх Алексей I находился в родстве с генерал-лейтенантом П. Н. Симанским (отец патриарха приходился двоюродным братом генералу).

Оставшиеся в результате Гражданской войны на родной земле генштабисты дореволюционной школы в Советской России и СССР были востребованы, в том числе в Красной армии. Завершение в 1922 г. Гражданской войны вновь выдвинуло на повестку вопрос о военспецах. В это время борьба красных генштабистов за свой статус и за сокращение представительства старого Генштаба в РККА наложилась на внутривартийную борьбу за власть в армии. Если Л. Д. Троцкий и его сотрудники по руководству военным ведомством традиционно ориентировались на квалифицированных старых специалистов, то сталинская группировка попыталась использовать недовольство нарождавшейся контрэлиты в своих интересах. Пик борьбы за армию пришелся на 1923–1924 гг. Победу одержали «сталинцы», что означало развитие линии на искоренение представительства военспецов. Современные исследователи называют кадровую политику в армии того времени социальным расизмом, поскольку в угоду оторванным от жизни теориям проводилось «орабочивание» комсостава в ущерб квалификации командиров и боеспособности армии.

¹ Подробнее о последних годах жизни А. А. Самойло см.: «Уже тоскую по Северу...»: Документы о последних годах жизни командующего 6-й армией А. А. Самойло / публ. А. В. Ганина // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2014. Вып. 1: От Великой войны к Гражданской войне в России. С. 99–125.

² Симонова Т. М. Неудобный отец // Родина. 2018. № 11. С. 102–105.

По итогам борьбы за контроль над армией в 1924–1925 гг. сменилось руководство военного ведомства, сложившееся еще в начальный период Гражданской войны. Военспецов-генштабистов стали увольнять из армии как по объективным (возраст, состояние здоровья), так и по субъективным (чистки, увольнения потенциально неблагонадежных) причинам. Численность представителей дореволюционной военной элиты в РККА неуклонно сокращалась. Некоторые выдающиеся военспецы и члены их семей после службы получили персональные пенсии. Тем не менее условия существования основной массы «бывших» оставляли желать лучшего.

Отдельные военспецы-генштабисты оказались вовлечены в борьбу с иностранными спецслужбами и русской военной эмиграцией, участвовали в операции «Трест» и др. В ходе этой борьбы органами ОГПУ были ликвидированы некоторые видные фигуры военной эмиграции, в том числе генштабисты.

Среда военспецов-генштабистов находилась под пристальным надзором ОГПУ и была инфильтрована секретными осведомителями. Материалы надзора использовались для нужных партийному руководству кадровых изменений в армии. В дальнейшем эти материалы использовались и при проведении массовых репрессий. «Буржуазных специалистов» было удобно обвинить во вредительстве и шпионаже, что и стало происходить в 1930-е гг.

Первым после Гражданской войны и сокращений 1920-х гг. серьезным ударом по кадрам старого Генштаба в РККА стало дело «Весна» 1930–1931 гг. Этот процесс был вызван как внешними факторами, так и внутренними проблемами СССР. В ходе следствия широко применялись пытки. Ряд фигурантов дела был расстрелян. Во второй половине 1930-х гг. репрессии против генштабистов приобрели еще более массовый характер.

Несмотря на это, несколько представителей старого Генштаба сохранили свои позиции в советской военной элите вплоть до Большого террора.

Наиболее приемлемым вариантом продолжения службы в армии для многих «бывших» еще с 1920-х гг. оказалась военно-педагогическая деятельность. Тем более что преподавательская работа допускала определенное отставание во взглядах, компенсировавшееся присущими старым специалистам эрудицией, широким кругозором, высоким уровнем культуры.

Генштабисты старой школы выделялись в среде комсостава межвоенной РККА. Кроме того, они продолжали играть заметную роль в советской военной науке 1920–1930-х гг. В частности, к их числу принадлежало более половины наиболее значимых советских теоретиков межвоенного периода в области стратегии и оперативного искусства сухопутных войск. Пиком активности военспецов-генштабистов в сфере военной науки стали 1920-е гг., когда в СССР существовали возможности для относительно свободного творчества. Позднее обстановка стала меняться, что не могло не нанести самый серьезный ущерб такой деятельности.

Репрессии 1930-х гг. ударили по выпускникам Николаевской академии в СССР — их не избежали ни бывшие белые, ни те, кто служил только в РККА. Порой уничтожались и члены семей репрессированных. Итоги тех процессов не сводятся к казням многих высококвалифицированных специалистов, выдающихся военных деятелей. В результате репрессий в армейском руководстве сложилась не благоприятствовавшая развитию армии гнетущая атмосфера: были посеяны неуверенность

командиров в себе, чувство подозрительности, недоверия даже к близким друзьям, страх перед НКВД, боязнь брать на себя ответственность, поскольку за малейшую оплошность (а порой и при отсутствии таковой) можно было пострадать. Труды репрессированных военных ученых оказывались под запретом. Последствия не замедлили сказаться в военных конфликтах конца 1930-х – начала 1940-х гг. Был нанесен невосполнимый ущерб интеллектуальному потенциалу вооруженных сил, обороноспособности страны. Закономерным результатом волюнтаристских экспериментов политического руководства страны над армией с использованием органов госбезопасности стали катастрофа 1941 г. и связанные с ней неисчислимые потери.

По итогам произошедшего погрома в армии остались лишь единицы генштабистов старой школы. Они продолжали честно и добросовестно служить, несмотря ни на что. Более 40 выпускников академии приняли участие в Великой Отечественной войне, проявив себя в тяжелейших условиях с лучшей стороны. Одним из таких военных деятелей был Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. Тем не менее выпускники академии подвергались репрессиям по политическим причинам и в ходе войны, а также после нее. Лишь после смерти Сталина доброе имя сотен расстрелянных генштабистов удалось восстановить, однако людей это вернуть не могло, равно как и восполнить тот ущерб, который был нанесен армии политическим террором.

§ 4. Эмиграция генштабистов из России, возвращенцы

Революция и Гражданская война выбросили из страны в эмиграцию сотни тысяч соотечественников, в основном представителей старой интеллигенции и ветеранов антибольшевистской борьбы, многим из которых уже не было пути назад. Среди отторгнутых родиной было немало представителей прежнего корпуса офицеров Генерального штаба. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что именно Генеральный штаб оказался у руля антибольшевистских армий и фронтов. Как вспоминал полковник Б.А. Энгельгардт, «в Белом движении я разочаровался. Советская власть, с которой я боролся на идеологической почве, вряд ли захотела бы в тот момент отнестись снисходительно к начальнику пропаганды белых... Надо было бежать, бежать в неизвестность с тем, чтобы начать новую жизнь на чужой земле»¹.

Проблема изгнанного из России Генштаба весьма обширна. Кратко остановимся на истории формирования генштабовской эмиграции, численности и составе генштабистов-эмигрантов, а также их распределении по странам мира.

В эмиграции оказались практически все генштабисты, занимавшие высшие посты в антибольшевистских формированиях, за исключением тех, кто попал в плен, покончил с собой или погиб до исхода белых в эмиграцию. Как известно, четверо из пяти командующих белыми фронтами периода 1919–1920 гг. (П.Н. Врангель,

¹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 273–274.

А.И. Деникин, Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич) были генштабистами, и все они оказались в эмиграции. Помимо вождей и ветеранов борьбы с большевиками за пределами Советской России обосновались и те генштабисты, которые бежали от красных или уклонились от участия в Гражданской войне, но не приняли советскую власть.

Массовый исход генштабистов за границу не был единовременным процессом. Часть офицеров остались за рубежом или бежали за границу (прежде всего, через Финляндию и Украину) в связи с революционными событиями в России и началом Гражданской войны задолго до основного потока военной эмиграции в 1920 г. К этой категории, например, можно отнести и оставшихся за рубежом практически всех русских военных агентов. Некоторые из ветеранов антибольшевистского сопротивления также уезжали за границу в частном порядке до начала массовой эмиграции или же в связи с частными эвакуациями на Юге России. Основные же потоки эмиграции были привязаны к периодам поражения тех или иных антибольшевистских фронтов, когда эвакуировались целые воинские части, штабы и учреждения.

Отдельные генштабисты эмигрировали из страны после своей службы в РККА (в том числе когда в начале 1920-х гг. начались сокращения в армии). Одним из таких лиц являлся основатель и бывший главный редактор закрытого в 1920 г. журнала «Военное дело» Д.К. Лебедев, который ходатайствовал на основании приказа ВГШ № 297 от 7 декабря 1920 г. и на основании статьи 4-й мирного договора РСФСР с Эстонией о переходе с супругой в эстонское гражданство как уроженцу Эстонии^I. Эти сведения проверял Особый отдел ВЧК^{II}. В 1921 г. Лебедев уехал в Эстонию. Незадолго до отъезда, 2 января 1921 г., он поступил благородно, подарив комплект своего журнала Румянцевскому музею с надписью: «В библиотеку Румянцевского музея от основателя и редактора военно-научного журнала “Военное дело” Генерального штаба Димитрия Капитоновича Лебедева. Москва. 2 января 1921 года». В настоящее время экземпляр с автографом Лебедева хранится в собрании Российской государственной библиотеки. Также в Эстонию в 1922 г. уехал бывший генерал А.О. фон Штубендорф^{III}. В 1923 г. в Латвию уехали бывший генерал-майор А.И. Аузан, ранее руководивший корпусом военных топографов в Красной армии, и бывший штабс-ротмистр Г.О. Маттис (после советизации Латвии он был арестован и умер в лагере в 1942 г.)^{IV}.

Общий поток офицеров-эмигрантов, по некоторым данным, превышал 50 000 человек, включая свыше 3000 генералов^V. Сведения о численности генштабистов-эмигрантов, получившие распространение в историографии, не соответствуют действительности и являются сильно заниженными. По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, в эмиграции оказались лишь 225 генштабистов^{VI}. Однако выявленные нами данные позволяют утверждать, что эта цифра занижена более чем в четыре раза (статистические выкладки см. в следующем параграфе).

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 996. Л. 79.

^{II} Там же. Л. 80.

^{III} ERAF. 130SM.1.1663–1. Л. 21.

^{IV} LVA. Ф. 1986. Оп. 2. Д. Р-8227. Л. 12об., 20об.

^V Домнин И. В. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции //

Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 489.

^{VI} Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 197.

В нашем распоряжении имеются два уникальных списка генштабистов, оказавшихся за пределами Советской России к 1 августа 1922 и к 1 марта 1924 г., составленные в штабе Врангеля отделением по службе Генерального штаба¹. Данные этих списков достаточно представительны и в сочетании с другими документальными материалами позволяют осуществить сравнительно точный подсчет количества эмигрировавших генштабистов. Судя по всему, в списки попали далеко не все генштабисты (в особенности выпускники ускоренных курсов академии), а некоторые, наоборот, были включены по ошибке, поскольку погибли или остались в Советской России. По мере возможности ошибки и пропуски в списках были устранены, а сами списки при сравнении взаимно дополнены. В списке 1922 г., вопреки ошибочному утверждению Н.Н. Рутыча², содержатся данные о 704 выпускниках академии, 19 из которых находились в белом Приморье (т.е. фактически в эмиграции было 685). В это число входят 92 выпускника ускоренных курсов. В списке 1924 г. указано 726 человек (в том числе 93 курсовика), включая вернувшихся в СССР и умерших.

В результате сравнительного анализа удалось получить достаточно любопытные цифры. Всего в двух списках содержатся достоверные сведения о 737 выпускниках академии, оказавшихся в 1922–1924 гг. за пределами Советской России и СССР. Из этого числа 641 окончил академию до 1917 г. и 96 – ускоренные курсы в 1917–1918 гг. (в списках учитывались лишь выпускники курсов 1-й и 2-й очередей, тогда как выпуски 3-й, а тем более 4-й очередей 1918–1919 гг. учтены не были). Данные о чинах, в которых пребывали эти офицеры к концу Гражданской войны, представлены в таблице 117.

Таблица 117

Распределение генштабистов-эмигрантов по чинам

Чин	Выпускники академии до 1917 г.	Курсовики	Всего
Генералы	35		35
Генерал-лейтенанты	124		124
Генерал-майоры	217		217
Полковники	245	42	287
Подполковники	15	25	40
Капитаны	5	18	23
Штабс-капитаны		11	11
Итого	641	96	737

¹ Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1 августа 1922 года. Изд. Отделения Генерального штаба, штаба главнокомандующего Русской армией. Оригинал списка находится в архиве Н. Н. Рутыча (Париж) и предоставлен автору А. С. Кручининым. Аналогичный экземпляр имеется в ГА РФ (Ф. Р-7518. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–44). Список 1922 г. был сверен со вторым известным списком к 1 марта 1924 г. из собрания ГА РФ (Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 92). Публикацию списков см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 720–745.

² Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 10.

В соответствии с этими списками, в эмиграции оказались 35 полных генералов, 124 генерал-лейтенанта, 217 генерал-майоров, 287 полковников, 40 подполковников, 23 капитана и 11 штабс-капитанов Генштаба. Цифры достаточно впечатляющие. Особенно если учесть, что по данным на 25 октября 1917 г. в Генеральном штабе числились лишь 1494 офицера¹. Впрочем, реальная численность генштабистов-эмигрантов была выше, так как не все беженцы были отражены в списках.

Несколько офицеров Генштаба погибли или умерли в эмиграции еще до издания списка 1922 г. Только в 1920–1921 гг. за пределами России были убиты генералы И.П. Романовский и А.И. Дутов, умерли генералы Н.В. Анисимов, Н.А. Ключев, А.П. Попов, Н.Н. Суходольский и А.М. Шифнер-Маркевич, курсовики полковник А.А. Дурасов, капитан С.М. Измайлов и штабс-капитан А.К. Капутовский – итого не менее 10 офицеров. На родину в 1921–1922 гг. вернулись также не менее 11 офицеров, причем генерал И.И. Смольнин-Терванд, полковник С.И. Костров, подполковники М.Т. Евстратов и В.Н. Троицкий сделали это не по своей воле, а были захвачены в плен монгольскими войсками и переданы советским представителям. Украинский генерал В.И. Галкин был захвачен летом 1921 г. на советской территории, куда он пробрался с целью организации повстанческих выступлений². К 1924 г. потери среди генштабистов-эмигрантов стали еще выше за счет умерших, а также вернувшихся в Советскую Россию. В 1922–1924 гг., по нашим подсчетам, за пределами Советской России умерло около 30 генштабистов. Таким образом, к 1924 г. численность эмигрантов-генштабистов сократилась за счет этих потерь примерно на 50 человек, но в связи с падением белой власти на Дальнем Востоке в 1922 г. произошло прибавление.

В результате стремительного чинопроизводства периода Первой мировой и Гражданской войн среди генштабистов-эмигрантов, даже сравнительно молодых, основную массу (95,4 %) составляли штаб-офицеры (в основном полковники) и генералы. По каким-то причинам наиболее широко в эмиграции были представлены выпуски 1899, 1908 и 1912 гг. Несколько меньше было выпускников 1903, 1911 и 1913–1915 гг. Видимо, старейшими генштабистами-эмигрантами были генерал от кавалерии барон А.В. Каульбарс (1844 года рождения) и генерал от инфантерии Э.В. Экк (1851 года рождения).

По национальному и конфессиональному составу генштабистов-эмигрантов каких-либо точных данных нет. Списки генштабистов позволяют составить лишь приблизительную картину на основании анализа фамилий. Из иностранных фамилий с огромным отрывом лидируют немецкие. Среди 641 выпускника академии до 1917 г. в эмиграции оказалось не менее 90 их носителей (14 %), остальные группы, насколько можно судить, насчитывали лишь по несколько человек: 7 фамилий финского и прибалтийского происхождения, 5 – греческого, по 3 – грузинского, сербского и французского, 2 – болгарского, по одной – итальянского и английского. Количество польских фамилий установить не удалось, поскольку во многих случаях их трудно отличить от русских. Титулованная знать среди генштабистов-эмигрантов была представлена не очень широко. В списках указаны лишь 5 баронов, 4 князя и 3 графа.

¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 194.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 161 (220). Л. 183об., 188об., 221.

Если вести подсчет по всем категориям офицеров, обучавшихся в академии, то мы располагаем данными о 1090 выпускниках и слушателях, попавших за границу после участия в Гражданской войне, как правило, на стороне антибольшевистских сил. Не менее 826 из них за границей и скончались, остальные либо вернулись, либо были насильно вывезены в СССР после Второй мировой войны, но в отношении многих точных данных о смерти не имеется. Необходимо отметить, что подсчеты велись по всем категориям, включая окончивших академию по 2-му разряду или прослушавших не весь курс. Разумеется, эти подсчеты не являются окончательными, поскольку судьбы значительного количества выпускников академии еще остаются неизвестными. Как бы то ни было, не приняли советскую власть и спаслись от большевиков путем эмиграции не менее 38% выпускников и слушателей старой академии Генерального штаба, из числа участвовавших в Гражданской войне¹.

Представляет интерес ответ на вопрос, какая часть эмигрировавших принимала активное участие в Гражданской войне, а какая от участия в ней уклонилась. Сравнение материалов базы данных участников Гражданской войны и списков генштабистов-эмигрантов показывает, что около 150 выпускников академии до 1917 г. уклонились от участия в войне и уехали за границу. Такое количество офицеров потенциально могло организовать работу штабов в рамках целого фронта. Проверить эти расчеты можно анализом биографий генштабистов-эмигрантов в рамках какой-либо страны. Так, в Эстонии к середине 1920-х гг. находилось порядка 35 генштабистов-эмигрантов. Из 35 офицеров нет данных об участии в Гражданской войне семерых, уклонившиеся составляют 20%.

Основными странами-реципиентами генштабовской эмиграции были Югославия, Франция и Китай, в меньшей степени Германия (являвшаяся одним из основных центров общего потока эмиграции) и другие государства. На страны Европы приходилось в 1922–1924 гг. от 85,4 до 91,6% всех офицеров Генштаба. Такой перевес неудивителен, если учесть, что абсолютное большинство генштабистов из белых армий Юга, Северо-Запада и Севера России перебралось в Европу. Гораздо меньше офицеров-генштабистов было на Восточном антибольшевистском фронте. Основной их поток после поражения белых пришелся на Китай, а затем на США.

Карта размещения генштабистов по странам мира в первые годы эмиграции менялась довольно быстро. Очевидна тенденция к миграции генштабистов из Азии в Европу. Если на 1922 г. вне территории зарубежной Европы находилось 108 генштабистов, то к 1924 г. — только 80. Такие цифры обусловлены массовым отъездом из Константинополя, как одного из первых центров эмиграции, в европейские страны. В Обществе офицеров Генерального штаба в Турции на 23 июля 1921 г. числилось 58 членов, ровно год спустя — 44². Генштабисты не играли большой роли даже в русской диаспоре Китая, хотя их там в 1920–1930-е гг. было, несомненно, больше, чем в других неевропейских странах. В Африке (Египет и Тунис) к 1922 г. было только 7 генштабистов, к 1924 г. осталось 5. В дальнейшем

¹ В этой связи представляется преувеличением утверждение о том, что в эмиграции оказалась большая часть генштабистов, уцелевших в результате Гражданской войны (*Домнин И. В. Грехи и достоинства офицерства...* С. 490).

² Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994. С. 66.

их численность за счет естественной убыли лишь уменьшалась. При наличии столь немногочисленных групп генштабистов неизбежным было их тесное общение между собой. Постепенно росло число генштабистов в США и странах Латинской Америки. По данным списков, в США к 1922 г. было лишь 5 генштабистов, тогда как к 1924 г. уже 18 и один в Латинской Америке.

Особенно велико было количество генштабистов в Югославии. Уже на 1922 г. там находилось не менее 312 офицеров, а спустя два года к ним добавилось еще не менее 23 человек. В Обществе офицеров Генерального штаба в КСХС на конец 1923 г. значились 323 человека (263 офицера Генштаба, 48 причисленных к Генштабу и 12 сореволюционеров).

Интересны итоги статистического обследования офицеров Генерального штаба в КСХС, подведенные в январе 1924 г. По данным обследования, до 300 генштабистов прибыли в КСХС в период 1920–1922 гг., причем 75% из них относились к крымской эвакуации, «т.е. к наиболее нуждающейся части беженцев»¹. Средний возраст офицеров составлял 40–50 лет, лиц свыше 55 лет насчитывалось порядка 15%. Внутри КСХС генштабисты распределились следующим образом: на первом месте с большим отрывом лидировал Белград (70 человек), затем – Субботица (14 человек), далее Земун и Новый Сад – по 12 и, наконец, Сремски Карловцы, где находился штаб Врангеля, – 10 офицеров. В остальных пунктах генштабисты компактных и многочисленных групп не образовали².

Вопрос о трудоустройстве был особенно животрепещущим, поэтому в обследовании ему уделялось повышенное внимание. В результате опроса было установлено, что 65 генштабистов поступили на работу землемерными техниками и чертежниками. Связано это было с деятельностью генерала И.С. Свищева, который организовал несколько очередей землемерных курсов и сумел осуществить переподготовку десятков генштабистов в соответствии с запросами сербского рынка. Новоявленные землемеры работали в Генеральной дирекции кадастра (20 человек), в городских кадастрах (10), в Министерстве аграрной реформы (15), в Министерстве строительства (10), в Дирекции воды (5) и в Государственной триангуляции (5)³. Еще около 60 человек служили в канцеляриях: в Государственной комиссии (20 человек), Военном министерстве (20), статистических отделах разных министерств (15). Учителями работали 12 человек. В дирекции Государственной железной дороги и на линии служили 10–15 человек. В реквизированных имениях работали 6 бывших офицеров, и 10 человек трудились на частных коммерческих предприятиях. 8 старших офицеров служили в Главном Генеральном штабе Сербской армии (генералы В.А. Артамонов, В.И. Баскаков, А.М. и В.М. Драгомировы, Н.А. Обручев, М.А. Пржевальский, Б.М. Стахович, А.Н. Шуберский). Они вели разбор архивов австро-венгерской армии, приводили в порядок библиотеку Генерального штаба, занимались самостоятельной работой по составлению истории

¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 43. Ср. с данными ИНО ОГПУ, согласно которым число членов Общества офицеров Генерального штаба в КСХС достигало 300 человек (Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 208).

² ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 124.

³ Там же. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 124.

боевых действий на Македонском фронте в 1916–1918 гг. В общей сложности трудоустроено было более 260 офицеров^I.

В 1922–1924 гг. на Сербию приходилось 42–45 % генштабистов-эмигрантов, что неудивительно, ведь именно здесь, а также в Болгарии были расположены основные части врангелевской армии после оставления лагерей для интернированных. При этом в Болгарии находилось примерно втрое меньше офицеров Генштаба (на 1922 г. – 112 человек). Это обусловлено тем, что органы военного управления Русской армии были сосредоточены в Сербии. Кроме того, болгарское правительство А. Стамболийского было настроено антирусски, опасалось вовлечения белых частей в болгарскую внутривойсковую борьбу и всячески преследовало эмигрантов (в частности, ряд офицеров, в том числе генштабисты В.Е. Вязьмитинов, М.М. Георгиевич, Е.К. Миллер, П.Н. Шатилов, Б.А. Штейфон и др.^{II}, были высланы в Сербию). Постепенно росла роль Франции как важного культурного центра, привлекавшего генштабистов (к середине 1924 г. туда перебрались примерно 58 генштабистов^{III}).

Первые годы существования в эмиграции были особенно трудны. Генерал М.А. Свечин вспоминал: «Увы, обстановка, которая нас приняла за границей, была безотрадней. В то время еще отсутствовала какая-либо организация по защите прав и интересов беженцев, как и не существовало домов для престарелых. Кто смог захватить с собой какие-либо ценности, распродавали их за бесценок. Более молодые, сохранившие свое здоровье, поступали на какую-либо работу, главным образом, рабочих. В лучшем положении были специалисты и техники. Старики и инвалиды были в особо отчаянном положении»^{IV}. Генерал Е.Ф. Эльснер жаловался генералу П.И. Аверьянову 26 сентября 1924 г. на «теперешнее наше положение бесправных, еле терпимых, живущих на подачки “братского” народа, неуверенных в завтрашнем дне... Теперешняя наша жизнь не жизнь, а только существование»^V.

Корпоративизм генштабистов проявил себя уже с первых лет эмиграции. По всей видимости, он был гораздо сильнее, чем у других групп военных. Буквально в период эвакуации из Крыма, в Константинополе, задолго до возникновения РОВС выпускники академии создали свое, особое объединение – Общество русских офицеров Генерального штаба, позднее вошедшее в РОВС^{VI}. В первоначальном уставе 1921 г. имелся особо секретный пункт: «Общество русских офицеров Генерального штаба образуется для борьбы с советской коммунистической властью. Преследуя благо России, оно имеет целью объединить офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков, состоящих на действительной службе, в запасе и отставке, по пути достижения основной задачи»^{VII}. Целью общества, согласно уставу 1930 г., было «объединение и сохранение офицеров

^I Там же. Л. 124–124об.

^{II} Подробнее см.: Даватц В. Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 179; Спасов Л. Врангелова армия в България 1919–1923. София, 1999. С. 157.

^{III} Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 281.

^{IV} Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 195.

^V ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 183об.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. Общество русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Руска дијаспора и словенски свет: Зборник радова = Русское зарубежье и славянский мир: Сб. трудов. Београд, 2013. С. 107–116.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-6711. Оп. 3. Д. 32. Л. 9.

Генерального штаба, находящихся за рубежом России, для службы родине в будущем, после ее освобождения от ига большевиков», а задачами — «поддержание среди своих членов военного духа, традиций, знания военного дела и интереса к нему, поддержание связи с другими русскими воинскими и иными организациями для общих научных военных работ, моральная и материальная поддержка своих членов и учет офицеров Генерального штаба»^I. В общество принимались выпускники академии, в том числе те, кто окончил ее по 2-му разряду, а также выпускники ускоренных курсов, включая не служивших по Генеральному штабу, состоявших в запасе и отставке. Доказать право членства можно было образовательными документами или письменными свидетельствами двух членов общества.

Отделения (районные правления) общества в дальнейшем появились в Болгарии (председатель — генерал Г.Э. Берхман), Югославии (генерал А.М. Драгомиров), Греции (полковник В.Д. Путинцев), Турции (генерал А.А. Безкровный), Германии (генерал А.И. Березовский), Франции (генерал Е.К. Миллер), Бельгии, Китае и США^{II}. Именно эта организация стала объединяющим центром генштабовской эмиграции. Центральное правление общества, перебравшееся в КСХС, возглавляли генералы В.М. Драгомиров и Я.Ф. Шкинский. Районным правлением общества в КСХС руководили генералы А.М. Драгомиров и В.Е. Флуг. Почетными членами общества были старшие офицеры югославской армии (окончившие Николаевскую академию Генерального штаба генералы сербской службы С. Хаджич (военный министр), Д. Милутинович и полковник В. Максимович^{III}). Интересно, что генерал Н.Н. Юденич отказался вступать в общество, сообщив генералу Е.К. Миллеру летом 1921 г. следующее: «Не вижу причины гг. офицерам Генерального штаба объединяться в особую корпорацию, отдельную от прочих офицеров, почему от участия в обществе отказываюсь»^{IV}.

Несмотря на трудности эмигрантской жизни, интеллектуальная элита старой армии продолжала таковой оставаться и в изгнании. В начале 1920-х гг. возникла идея открытия курсов Военной академии в Болгарии. Курсы планировалось открыть с 1 января 1922 г.^V, но проект так и остался не реализованным^{VI}. Позднее подготовка военных специалистов все же начала осуществляться на курсах генерала Н.Н. Головина. Генштабисты-эмигранты жили мыслями о России и ее будущем. Надеялись принести пользу своей стране, а когда появится возможность, вернуться домой. Те, у кого остались на родине члены семьи, старались аккуратно (чтобы не навредить) поддерживать с ними связь.

Важным представляется вопрос о том, как ветераны Белого движения оценивали произошедший раскол российского Генерального штаба. Пищу для размышлений дает письмо слушателя ускоренных курсов академии полковника А.К. Македонского генералу М.А. Иностранцеву от 4 декабря 1921 г., автор которого отмечал, что завидует своим однокашникам по академии, оставшимся

^I ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

^{II} Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 636–645.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 84.

^{IV} NIA. E. K. Miller collection. Box 18. Folder 10.

^V ГА РФ. Ф. Р-7518. Оп. 1. Д. 346. Л. 3–4об.

^{VI} Ганин А. В. Российская Военная академия в Болгарии в 1921–1922 гг.: история нереализованного проекта // Русский сборник. 2018. Т. 26. С. 722–766.

в Советской России, поскольку те приобрели серьезный опыт службы Генерального штаба, который может быть полезен будущей единой русской армии. Вместе с тем Македонский был убежден, что почетнее быть рядовым у белых, чем начальником штаба у красных¹.

Активная часть военной эмиграции стремилась к реваншу за поражение в Гражданской войне. По этим причинам в том или ином виде первые годы сохранялись структуры армии в изгнании. Большие надежды возлагались на внутренний переворот в СССР и в Красной армии. Генерал П.Н. Краснов в 1923 г. даже опубликовал открытое письмо красному Генеральному штабу с призывом к смене власти². Однако эти надежды не оправдались.

Среди генштабистов-эмигрантов, ветеранов Белого движения, появились и те, кто считал борьбу с большевиками ошибкой, пришел к «смене вех». Часть из них группировалась вокруг берлинского военно-научного журнала «Война и мир», издававшегося на деньги советской военной разведки. Тем более что с самого своего возникновения русская военная эмиграция стала сферой пристального внимания советской разведки. Показательны рассуждения одного из активных сотрудников «Войны и мира» генерал-лейтенанта С.К. Добrorольского в переложении другого генерала-генштабиста Г.И. Гончаренко (Ю. Галича): «Белые или красные — в конце концов, не все ли равно?.. Военная доктрина не признает этих оттенков... Она, извольте видеть, едина... И при Александре Македонском, и при Бонапарте, и при Лье Троцком! В нем говорит убежденный спец, ставящий свою профессию выше случайной игры и победы той или другой политической партии»³.

В целях разложения белой военной эмиграции чекистам и военным разведчикам удалось склонить к возвращению в Россию одного из видных белых генералов — Я.А. Слащева, конфликтовавшего с Врангелем. В ноябре 1921 г. Слащев с группой соратников нелегально вернулся на родину, был амнистирован и получил советское гражданство. Он не только передал советским спецслужбам ценную информацию о белой военной эмиграции, но и обратился к последней с призывом возвращаться в Россию. Многие бывшие белые последовали примеру Слащева.

«Сменовеховские» настроения приобрели определенную популярность в среде генштабистов. Против продолжения борьбы с большевиками уже в 1922 г. выступили такие генералы-генштабисты, как С.К. Добrorольский, Е.И. Достовалов, а также А.К. Келчевский и В.И. Сидорин, авторитетные в казачьей среде. Сменовеховцами считали генералов А.А. Носкова и П.И. Залесского⁴. Под коллективной декларацией о признании советской власти и стремлении вернуться на родину среди прочих русских офицеров в Болгарии подписался полковник А.П. Вохмин⁵. В 1928 г. генерал Д.Р. Ветренко вместе с семьей был выслан из Польши в СССР в связи с обвинением в шпионаже⁶. Не вынеся тяготы первых лет эмиграции и жизнь в отрыве от родины и любимого дела, некоторые генштабисты вернулись в Россию. Среди

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 161об. — 162.

² Краснов П. Н. Полное собрание сочинений. Подольск, 2022. Т. 22. С. 348–354.

³ Галич Ю. Золотые корабли. С. 297.

⁴ Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 37.

⁵ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 89.

⁶ Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 166.

возвращенцев генералы Е. С. Гамченко, П. И. Липко, Я. А. Слащев, Н. Т. Сукин, полковники А. П. Вохмин, В. В. Корчаков-Сивицкий, В. Ф. Оржановский, А. И. Саватеев, подполковник Н. Ф. Соколовский, капитан А. С. Ролько. Позднее уехали генералы С. К. Добrorольский, Е. И. Достовалов, М. В. Фастыковский. Возможно, свою роль сыграла и впечатляющая победа большевиков, а также вера в то, что они воссоздадут Россию. В конце 1920-х в СССР из Китая уехали генералы С. А. Зубковский, И. В. Тонких, А. Н. Шелавин. Генерал А. И. Андогский, наоборот, отказался от советского паспорта и был в связи с этим уволен с КВЖД¹. Большинство вернувшихся на родину были расстреляны в конце 1930-х гг.

Генерал С. К. Добrorольский писал генералу П. И. Аверьянову 5 июля 1923 г.: «Россия поумнела... Мы попали между двух эпох; оставим раз навсегда надежду на возврат в прошлое, но люди будут нужны в новой России – умеющие трудиться, и я смотрю, что пребывание наше в Сербии на ролях чернорабочих принесет нам большую пользу: мы не разучимся работать. Поэтому чем тяжелее нам здесь, тем легче будет в России. Я сомневаюсь, чтобы там нынешняя власть была свергнута, но она преобразуется постепенно в национальную демократическую власть, может быть даже с царем во главе, но не с таким, какой был последний. Россия начинает медленно успокаиваться, так же постепенно, как постепенно нарастала революция, которая в скрытом состоянии у нас началась еще в годы Александра II, когда мы с Вами только что поступили в кадетский корпус. Размах в 40 лет, немного меньше, понадобится и для ее успокоения, а большевизм – это железный обруч, которым Россия стиснута, чтобы в период своего перерождения не развалиться на куски, которые стали бы достоянием алчных соседей»².

Ветеранов петлюровского движения агитировал возвращаться на родину бывший генерал Ю. И. Тютюнник³ (негенштабист), выведенный на территорию СССР и захваченный чекистами в результате спецоперации в июне 1923 г. Среди тех, к кому обращался Тютюнник, был и видный украинский генерал А. И. Удовиченко – выпускник ускоренных курсов академии. 23 октября 1923 г. Тютюнник писал ему: «Когда-то Вы писали мне про гарантии. Думаю, что лучшей гарантии, чем моя личная легализация тут, я дать не мог, да и никто другой не может того дать. Дело состоит в том, что тут нас не боятся – не страшны мы... Всем, что честно боролись за известные идеи, открыты двери к возвращению и работе на благо своего народа. Говорил я с ответственными чиновниками и про Вас лично, а также про ген. [А. А.] Загородского и других. Высшая власть на Украине гарантирует Вам и всем своим бывшим честным противникам возвращение и все права граждан Украинской Советской Республики. Дальнейшее будет зависеть от Вас самих. Нечего говорить, что мне будет особенно очень приятно, если в Вашем лице, в человеке, которого я всегда уважал, Украина получит одного из своих лучших защитников. Ибо не в Варшаве, Праге или еще где Украина, а в Киеве, Харькове и, надеюсь, будет и во Львове. Тут украинская стихия, тут должны быть и будем мы. Не сомневаюсь в Вашем принципиальном согласии насчет возвращения к работе

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 463. Л. 3об.

² ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 40–40об.

³ Юрій Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ: Док. і мат. Київ, 2011. С. 552.

на Украину»^I. Удовиченко на эти увещевания не поддался, чем значительно продлил себе жизнь (умер в эмиграции в 1975 г.).

Судьбы многих вернувшихся сложились трагически, а отношение к ним в Советской России мало отличалось от того, как относились к пленным белым. Супруга Н. Ф. Соколовского писала в МПКС: «Мой муж бывший полковник Генштаба вернулся из эмиграции (из Константинополя) легально, не прячась и не скрываясь от советской власти, его принял с парохода уп[олномоченный] КВЧК^{II} тов. [С. Б.] Виленский — тем же тов. Виленским была снята моему мужу комната, по его распоряжению была выписана семья, т. е. я и дочь, из гор[ода] Керчи, где я жила и служила в Наробразе. Тем же уп[олномоченным] КВЧК Виленским уплачивалось по счету за обеды, т[ак] как у нас средств никаких не было. 17 февраля аресты были массовые в гор[оде] Севастополе, арестовывали всех, кто когда-либо служил в армии белых. В это время уп[олномоченный] КВЧК в городе не был, отсутствовал, когда же приехал уп[олномоченный] КВЧК тов. Виленский и я была у него по делу мужа, он мне сказал, что мой муж не должен был быть арестован и что он скоро будет свободным — между тем и по нынешний день мой муж арестован»^{III}. В 1938 г. Соколовский был расстрелян. Е. С. Гамченко в мае 1923 г. ходатайствовал перед 2-м помощником начальника Штаба РККА о назначении штатным преподавателем 9-й Иркутской школы: «Я сейчас с семьей нахожусь в крайне тяжелом как материальном, так и в квартирном положении, а потому крайне заинтересован в скорейшем отправлении меня в Сибирь»^{IV}. В 1931 г. Гамченко расстреляли.

Возвращались не только бывшие белые, но и те, кто ранее бежал от красных. Например, бывший подполковник В. Ф. фон Эксе, вернувшийся в Советскую Россию в 1920 г., сообщал о себе: «Сделав переворот 28 февр[аля] — 3 марта 1917 г. в Москве в качестве руководителя “молодого революционного штаба”, забрал слишком влево, поругался с [А. Е.] Грузиновым и жил нелегально до Октябр[ьского] переворота, когда сразу пошел к большевикам. Служил в Нар[одном] ком[иссариате] по ин[остранным] делам, где заслужил доверие т. т. Троцкого, [М. Г.] Бронского, [К. Б.] Радека, Бела Кун и мн[огих] др[угих]. Стратегические работы об организации Кр[асной] армии были переданы в руки Влад[имира] Ильича в комнате № 81 в Смольном. Однако противодействие Генштаба, кот[орый] не принял проекты, и разгоревшаяся полемика с ним в “Изв[ествиях] Наркомвоен” (“Нов[ая] воен[ная] доктрина”) заставили ошибиться. Я не уверовал в революцию при наличии торжества Генштаба и, используя литовское происхождение, уехал за границу. Нигде у белых не служил и жил в Финляндии нелегально. Ныне победы Красной армии показали ошибку, и я вернулся»^V. По возвращении Эксе был арестован, позднее освобожден. Умер он в 1942 г. в ГУЛАГе после очередного ареста.

^I Там же. С. 237. Перевод наш.

^{II} Очевидно, Крымской ЧК.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 248. Л. 78об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 312. Л. 765.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 277. Л. 90об.

Действительно крупной, знаковой фигурой среди вернувшихся был генерал Слащев, возвращение которого повлекло за собой поток последователей. Этот поступок Слащева был подстегнут его конфликтом с Врангелем, увольнением со службы и преданием вопреки закону суду чести, а также усилиями сотрудников ВЧК. В ноябре 1921 г. Слащев прибыл в Севастополь, где его встречал лично Ф.Э. Дзержинский, придававший возвращению белого генерала большое значение. Беспощадный к большевикам генерал не только не был расстрелян, но оказался в РККА на военно-педагогической работе. По прибытии Слащев передал чекистам некоторые сведения о состоянии врангелевской армии, дал характеристики начальствующего состава¹. В 1929 г. он был убит в Москве².

Трагедия генштабистов-эмигрантов ярко выражена в письме полковника В.С. Махрова из Туниса генералу В.В. Чернавину от 29 сентября 1925 г.: «Что касается моей пенсии, то хватает средне. Скратывает [?] семья. Денег, конечно, мало. Но самое скверное — это вечная жизнь в палатке (¾ года, и сейчас я пишу опять из палатки). Больше всего меня огорчает то обстоятельство, что я пришел к выводу — нам в Россию не вернуться. Большевизм слишком продолжителен. Таким образом, моя жизнь превращается не в идейную, как у Вас, Вы живете и работаете для науки, а моя жизнь в борьбе из-за хлеба без всякой идейности. Это скучно и противно. Пока хватает сил, терплю. Местная русская эмиграция, как и в Париже, не может сплотиться и живет вразброд. Причины, главная, отсутствие общего идеала, а второстепенная то, что люди разношерстные и слишком заняты добычей хлеба. Быть может, Вы мне сообщите что-либо приятное и хотя бы дающее надежды по этим вопросам. Из России изредка имею письма от сестры. Живет неважно, но уже сытно...»³

Следующим ударом по генштабовской эмиграции стала Вторая мировая война. В годы войны некоторые офицеры погибли. Кроме того, были взяты в плен, депортированы в СССР и репрессированы свыше трех десятков генштабистов-эмигрантов. Депортации проходили в несколько этапов: в период присоединения к СССР Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики; в период после победы Красной армии в Европе, в период после победы на Дальнем Востоке. Среди наиболее известных генштабистов, вывезенных в СССР, генералы Э.А. Верцинский, С.Н. Войцеховский, Н.Г. Володченко, А.С. Галкин, Н.И. Глобачев, А.П. Греков, П.К. Ерошевич, И.Я. Лайдонер, А.И. Ларка, П.-А. Лилль, С.Н. Люпов, Г.Д. Романовский, В.А. Синклер, И.Г. Соотс, полковники Р.К. фон Дрейлинг, А.Л. Мариюшкин, А.М. Шкеленко, подполковник А.И. Парв. Многие были расстреляны или умерли в местах лишения свободы. В результате естественной убыли и репрессий к началу 1950-х гг. старый Генеральный штаб практически сошел со сцены общественно-политической жизни эмиграции.

Некоторые эмигранты до конца жизни сохранили непримиримость к красным. К примеру, генерал С.В. Денисов писал вдове атамана П.Н. Краснова в августе 1948 г.: «Если бы точно знать, что Ваш знакомый человек чистый в смысле

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский.

² См. публикацию рассекреченных в 2021 г. материалов дела об убийстве Слащева: Ганин А. В., Гушин Ф. А. Гибель генерала Слащева: расплата за окаянные годы // Родина. 2022. № 9. С. 112–115.

³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 2–2об.

Белой идеи, то тогда бы я смог что-либо сделать для него в нашей семье офицеров Ген. штаба. Но спешу оговориться: наши однокашники не организованы и крайне скупы и бессердечны»¹.

Примерный расчет смертности оказавшихся в эмиграции выпускников академии – участников Гражданской войны по десятилетиям представлен в таблице 118 (без учета вывезенных в СССР и умерших там, а также не участвовавших в Гражданской войне).

Таблица 118

Статистика смертности генштабистов-эмигрантов

Десятилетие	Умерло (не менее)
1920-е	99
1930-е	194
1940-е	165
1950-е	106
1960-е	103
1970-е	59
1980-е	10
1990-е	2
Неизвестно	87
Итого	825

Из таблицы, несмотря на отсутствие окончательных данных, видно, что свыше 60 % генштабистов-эмигрантов ушли из жизни уже к концу 1940-х гг. При всех тяготах эмигрантского существования, некоторые изгнанники оказались долгожителями. Так, полковник Б. А. Дуров прожил почти 98 лет, генерал В. Е. Флуг – 95 лет, полковник П. В. Колтышев – 94 года, генерал Ф. Ф. Абрамов – 93 года (причем погиб в результате автомобильной катастрофы), генерал М. Н. Кальницкий – свыше 90 лет, генерал граф Н. Н. Игнатьев – почти 90 лет. В сравнении с трагическими судьбами их товарищей в СССР существование генштабистов-эмигрантов выглядит относительно благополучным. Оказавшись вне контроля коммунистических властей, эти люди смогли сохранить жизнь и умерли своей смертью.

Многие генштабисты-эмигранты нашли свое последнее пристанище на Ольшанском кладбище в Праге, Новом кладбище в Белграде, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, Сербском кладбище в Колма под Сан-Франциско. По-видимому, последним оставшимся в живых выпускником старой академии оказался кубанский атаман генерал-лейтенант В. Г. Науменко (выпуск 1914 г.), который скончался в США 30 октября 1979 г. До 1980-х гг. дожили курсовики полковники В. М. Ажогин, П. В. Колтышев, К. Л. Кононов-Кононович, В. Н. Ставровиц, капитаны Г. С. Думбадзе, А. П. фон Энден, А. Я. Яновский. Одним из последних живых выпускников курсов оставался капитан-колчаковец Г. С. Думбадзе, который умер 24 января 1989 г. Выпускником курсов также являлся польский генерал Р. И. Воликовский,

¹ Переписка Лидии Федоровны Красновой с генерал-лейтенантом С. В. Денисовым: 1947–1949. Подольск, 2022. С. 215.

скончавшийся 14 февраля 1992 г.¹ По-видимому, он являлся последним по времени ухода из жизни причисленным к Генштабу выпускником академии. Последним ушедшим из жизни курсовиком, видимо, был окончивший подготовительные курсы академии в Томске полковник М.В. Смирнов, умерший в Сан-Франциско 23 августа 1996 г. в возрасте 102 лет.

На этом, практически в наши дни, завершилась история старого Генштаба в изгнании. Символично, что как раз в то время, когда ушел из жизни последний выпускник старой академии, в 1990-е гг., забытые имена, идеи, книги и статьи генштабистов-эмигрантов начали возвращаться в Россию. Отношение к ним кардинально изменилось по сравнению с советской эпохой. Генштабистов-эмигрантов теперь стали воспринимать без прежней враждебности, как незаслуженно отторгнутых страной достойных ее сынов, смыслом жизни которых было служение России. В Москве были торжественно перезахоронены останки генералов-генштабистов Н.С. Батюшина, А.И. Деникина, В.О. Каппеля. К настоящему времени в нашей стране переизданы созданные в изгнании военно-исторические, военно-теоретические и мемуарные труды десятков офицеров Генерального штаба. Многие из них по-своему уникальны и по праву принадлежат к классике отечественной военной мысли. Сам факт возвращения этих произведений, спустя почти столетие, на родину означает, что опыт и знания офицеров Генштаба не пропали зря и будут востребованы в России, к чему и стремились вынужденные изгнанники.

§ 5. Потери и судьбы

Важным вопросом, отражающим характер участия генштабистов в российской Гражданской войне, является анализ смертности генштабистов в катастрофических условиях 1917–1922 гг. и в последующих перипетиях отечественной истории. В мае 1920 г. в ПШ РВСР был составлен список умерших генштабистов, включавший лишь 17 человек². Речь шла о тех, кто служил в РККА, причем эти данные были неполными. Они не включали как некоторых умерших (например, состоявших на учете, но фактически не служивших), так и тех, кого было нежелательно упоминать по политическим причинам – расстрелянных или покончивших с собой. Мартирологов генштабистов антибольшевистских армий выявить не удалось. Тем более никто не составлял списков умерших генштабистов, уклонявшихся от Гражданской войны.

Для определения точных показателей смертности нами составлена база данных, учитывающая сведения о деятельности всех выпускников академии в Гражданской войне и отражающая их судьбы как в этот период, так и позднее. Кроме того, нами подготовлены мартирологи генштабистов, не участвовавших

¹ Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 460–472.

² К. К. Баиов, М. Ц. Грудзинский, И. А. Жуков, К. Н. Зильберман, Я. К. Ивасиов, М. В. Медведев, М. И. Мерро, А. И. Нестеровский, Б. Л. Родендорф, В. Н. Свяцкий, В. И. Селивачев, Н. Н. Сиверс, В. А. Соковнин, К. П. Тераевич, Б. Н. Фрейман, С. М. Шейдеман, В. П. Широков (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 166–166об. Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 645–646).

в Гражданской войне и скончавшихся в период 1914–1922 гг.¹ Разумеется, смертность генштабистов в 1917–1922 гг. намного превышала показатели мирного времени. Определимся с общей численностью умерших (см. табл. 119).

Таблица 119

Причины смерти специалистов Генерального штаба в 1917–1922 гг.

Причина смерти	Количество умерших
Репрессии всех сторон (в том числе умерли в заключении) ¹	161
Погибли в результате боевых действий, умерли от ран	42
Скончались по естественным причинам и в результате несчастных случаев	133
Самоубийства	8
Итого	344

Таким образом, за всю Гражданскую войну 1917–1922 гг. ушли из жизни на территории бывшей Российской империи не менее 344 выпускников и слушателей Николаевской военной академии (в том числе не менее 63 не участвовавших в конфликте), что превысило потери и смертность генштабистов за период Первой мировой войны.

Для сравнения, в Первую мировую войну ушли из жизни не менее 198 генштабистов², в том числе не менее 91 погибли и умерли от ран в результате боевых действий либо вследствие солдатских беспорядков, а также покончили с собой.

Характер потерь военной элиты в Первую мировую и в Гражданскую войны существенно различался. В Первую мировую войну намного выше были боевые потери генштабистов, что предопределялось высокой плотностью боевых порядков и огневого воздействия, интенсивностью и размахом операций, тогда как в Гражданскую войну, боевые действия которой характеризовались отсутствием сплошной линии фронта, слабым огневым воздействием, низкой плотностью боевых порядков, на первое место вышла связанная с политическими факторами смертность от репрессий, несколько возросла и смертность по естественным причинам, что обусловлено упадком питания и медицинского обеспечения, разрухой в стране.

На первом месте среди причин смертности генштабистов Гражданской войны находился фактор террора (прежде всего, красного), превысившего даже естественную смертность. Жертвами террора стали 46,8% умерших выпускников и слушателей академии, по естественным причинам ушли из жизни в этот период не менее 38,6%, в боевых действиях погибли лишь порядка 12,2%.

Абсолютное большинство погибших в результате репрессий приходится на красный террор (95,7%), в остальных случаях речь идет о жертвах бандитизма

¹ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 795–807. Со времени публикации мартирологов появился ряд дополнений и уточнений.

² Помимо жертв красного террора учтены единичные среди офицеров Генштаба жертвы белого террора: К. И. Рябцев, А. А. Сосницкий и А. А. фон Таубе, а также жертвы бандитизма А. С. Галкин, С. И. Кулешин, Л. В. Никольский и В. В. Сахаров.

³ Составленный нами мартиролог см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 795–804. Внесены уточнения.

(«зеленых») и эксцессов у белых. Такой перекося следует из того, что белые, как и представители национальных государственных образований, в отличие от красных, не проводили политики террора в отношении офицеров Генерального штаба. Нет никаких сомнений, что в случае пленения высокопоставленных военспецов или тех бывших офицеров, которые состояли в РКП(б), их участь была бы незавидной.

Сравнительно невысокий процент погибших в боях объясняется отсутствием необходимости для штабных работников находиться на передовой и невысокой интенсивностью и масштабом боевых действий. Среди естественных причин прослеживается высокая смертность от болезней, прежде всего от различных форм тифа, эпидемиями которого были охвачены воюющие армии.

Самоубийств генштабистов было сравнительно немного. Из восьми случаев четыре связаны с попаданием в плен к красным (так, служивший во ВСЮР генерал Г.Г. Джонсон застрелился летом 1919 г., оказавшись в окружении под Борисоглебском, а белый разведчик полковник В.Д. Хартулари покончил с собой в советской тюрьме, чтобы не выдать свою агентуру) или разочарованием и крушением надежд на исход борьбы (как в случае с А.М. Калединым или с предполагаемым самоубийством генерала В.З. Май-Маевского). Мотивы остальных случаев неизвестны. Известный автор статистических исследований об офицерском корпусе бывший полковник П.А. Режепо застрелился в ноябре 1918 г. Конкретные причины неизвестны, однако удалось установить, что 16 ноября ему был отправлен телеграфный приказ выехать в Москву в распоряжение начальника ВГШ^I. Возможно, между этими событиями имелась какая-то связь (правда, нельзя сказать, чтобы Режепо не хотел служить в Красной армии, так как сохранились его пожелания на этот счет, датированные сентябрем 1918 г.^{II}). Отметим, что случаи самоубийств связаны в основном с офицерами, служившими в антибольшевистских армиях.

К сожалению, определить процент умерших в 1917–1922 гг. от общего числа выпускников Николаевской военной академии, находившихся в это время на территории бывшей Российской империи, не представляется возможным, так как невозможно установить, сколько всего генштабистов были живы в этот период (более или менее точные данные имеются лишь о тех, кто участвовал в Гражданской войне).

Полковник К.Л. Капнин вспоминал о настроениях белого офицерства на Юге России и реалиях службы: «Жизнь наша... носила вполне характер Запорожской Сечи. Люди все были молодые, смотревшие бесчисленное число раз в глаза смерти и в глубине души верившие в свою обреченность. Мало из нас действительно осталось в живых. Пули и тиф имели богатую жатву»^{III}.

Полковник А.А. фон Лампе записал в дневнике 18 апреля (1 мая) 1920 г.: «А тяжело жить, Тата^{IV} права, что вокруг нас кладбище: Мельницкий, Чебыкин, Бошнятов, Румянцев... ужас что такое! А где Васильев?

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 229.

^{II} РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 117.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л. 9.

^{IV} Супруга А. А. фон Лампе — Н. М. фон Лампе.

Живем как на вулкане. А бедная Романовская пережила за полгода сына, мать и мужа!»¹ Речь шла об умерших товарищах фон Лампе — полковниках В.Г. Бошенятов, В.М. Мельницком и П.А. Чебыкине (умер от тифа), подполковнике А.В. Румянцеве. Все они были выпускниками академии.

В мае 1920 г. он же вновь размышлял о гибели товарищей: «17 февраля во время паники донцов насмерть задавило Н.З. Неймирок[а], пытавшегося остановить панику.

Который это уже из наших екатеринодарских полковников Генерального штаба: Бошенятов, Чебыкин, Румянцев, Мельницкий, Неймирок, [А.Н.] Кардашенко... Остались: [П.А.] Кусонский, [В.А.] Гольдгаар, [А.М.] Шкеленко, [Б.А.] Штейфон, [П.Н.] Санников и я, да и то про Санникова мы не знаем ничего! Ровно половина!

Ах да — еще [А.А.] Подчертков в Крыму и [Д.Н.] Тихобразов — неизвестно где!»¹¹ Из перечисленных А.Н. Кардашенко погиб в 1920 г.

Серьезные потери кадры Генштаба понесли по причине эмиграции. Из России вынужденно уехали свыше 1090 выпускников академии — участников Гражданской войны (в большинстве ветеранов белых и национальных армий), в том числе имеются достоверные данные о 826 умерших в изгнании (вследствие корпоративного единства генштабистов сведения о смерти офицеров-эмигрантов становились известны и фиксировались в некрологах на страницах периодических изданий русского зарубежья). Не менее 866 выпускников академии остались на родине.

В сравнении с эмигрантами намного меньше известно о судьбах тех, кто жил в СССР (следы офицеров терялись, в особенности если они увольнялись из армии и позднее не зафиксированы как репрессированные; см. табл. 120).

Таблица 120

Причины смерти выпускников Николаевской академии в СССР

Причины смерти	Количество
Естественные причины	178
Расстреляны или умерли в заключении в 1923–1929 гг.	7
Расстреляны или умерли в заключении в 1930–1935 гг.	37
Расстреляны или умерли в заключении в 1936–1939 гг.	144
Погибли или пропали без вести в годы Великой Отечественной войны	1
Расстреляны или умерли в заключении в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.)	33
Расстреляны или умерли в заключении после Второй мировой войны (1945–1953 гг.)	28

Удалось установить, что не менее 249 выпускников старой академии были расстреляны или умерли в заключении в СССР. Не менее 178 офицеров умерли своей смертью (сюда же отнесены несчастные случаи и самоубийства). Разумеется, это не окончательная цифра — судьбы нескольких сотен человек еще предстоит установить. Характерно, что в период 1917–1953 гг. лишь меньшинство выпускников старой академии погибли в результате боевых действий. Значительная часть

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

¹¹ Там же. Л. 124.

ушедших из жизни в тот период являлись жертвами репрессий. Массовые репрессии и эмиграция стали трагедией целого поколения генштабистов.

Обобщая данные о судьбах выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне, следует отметить, что из 2859 офицеров этой категории, выявленных нами к началу 2023 г., 38 % эмигрировали из России; не менее 30,2 % остались в стране; погибли или умерли 9,8 % (исключены не участвовавшие в конфликте) и сведения об остальных 22 % пока не установлены. К последней категории мы относили тех офицеров, записи о службе которых за 1920–1923 гг. или об эмиграции отсутствуют. В связи с высокой развитостью учета кадров Генштаба и тщательной систематизацией нами этих данных неустановленные судьбы с наибольшей вероятностью означают, что такие офицеры либо умерли и погибли, скрылись и затерялись, либо же ушли с военной службы. Таким образом, можно сделать вывод, что в результате Гражданской войны Россия потеряла порядка половины кадров Генерального штаба, а возможно, даже больше. Потери кадров Генерального штаба на изломе эпох отражают радикальные общественно-политические перемены, произошедшие в нашей стране. Их анализ позволяет выявить особенности смены военной элиты при переходе от старой армии к РККА.

Генштабисты сыграли заметную роль в событиях заключительного периода Гражданской войны по разные стороны фронтов. Образовательный уровень состава РККА оставался в целом крайне низким, поэтому роль генштабистов старой школы в тех условиях трудно переоценить. Война выдвигала наверх многих наиболее компетентных специалистов, хорошо зарекомендовавших себя на практике. Это способствовало формированию меритократической военной элиты. Конечно, в полной мере соблюсти такой принцип невозможно, поскольку меритократия как таковая является технократической утопией, но в руководстве РККА тогда оказались действительно многие военные профессионалы. Переход к мирной жизни выдвинул иные критерии отбора элиты, в особенности в связи с начавшейся политической борьбой за армию. Важнейшим фактором становилась не компетентность, а «правильное» происхождение и лояльность тем или иным партийным лидерам.

К концу Гражданской войны среди лиц с высшим общим военным образованием сложилось несколько группировок, каждая из которых имела свои особенности и интересы, что не могло не провоцировать конфликты. Особенно активны были выпускники Военной академии РККА, претендовавшие на место в военной элите СССР. Вопрос о роли «бывших» в Красной армии в 1920-е гг. был политизирован и использовался участниками внутрипартийной борьбы за армию. После поражения Л.Д. Троцкого в этом противоборстве и отстранения его от руководства военным ведомством выдавливание старых специалистов из армии по политическим причинам продолжилось. Тем не менее в 1920–1930-е гг. ряд выпускников старой академии все еще играл видную роль в РККА, прежде всего в сфере военной науки и военной педагогики. Конечно, такое положение трудно сравнивать с той ключевой ролью во всех армиях и противоборствующих лагерях, которая им принадлежала в Гражданскую войну.

В СССР оказалось немало бывших генштабистов белых и национальных армий, которые были вынуждены адаптироваться к условиям жизни в новом социуме. Статус бывшего офицера, а тем более бывшего белого офицера уже в 1920-е гг. являлся достаточным основанием для преследований его обладателя властями, что могло включать увольнение со службы, а порой и репрессии. «Бывшие» находились под пристальным надзором органов госбезопасности, из их среды активно вербовались секретные осведомители ОГПУ. Материалы надзора впоследствии легли в основу массовых репрессивных кампаний 1930-х гг. против «бывших».

В сложившейся в довоенном СССР жесткой идеологизированной иерархической системе с несменяемой диктаторской властью компетентным специалистам старой школы стало сложнее пробиться наверх. Культивировался отрицательный отбор командных кадров по принципу рабоче-крестьянского происхождения, а не квалификации. Меритократический принцип рекрутирования военной элиты вновь стал применяться в годы следующей большой войны – Великой Отечественной.

Эмиграция из России, а также несколько волн государственного террора 1930-х гг. нанесли тяжелейший удар по кадрам Генштаба. Более тысячи выпускников академии вынужденно покинули родину и искали применения себе на чужбине. Сотни стали жертвами массовых репрессий, от которых в «мирные» 1930-е гг. их погибло больше, чем за время красного террора Гражданской войны. Репрессий не избежали ни ветераны антибольшевистских армий, ни те, кто верой и правдой служил Советской России. Истребление целой плеяды образованных военных деятелей нанесло тяжелейший урон интеллектуальному потенциалу Красной армии и обороноспособности страны, изменило кадровый состав военной элиты (не произошло и ее самовоспроизводства, как это отчасти было до революции или за рубежом). Одним из результатов Большого террора стали жестко выстроенная в СССР вертикаль власти и уничтожение какой-либо легальной оппозиции. Обстановка несвободы и международная изоляция препятствовали творчеству многих талантливых людей, удушающе влияли и на развитие военной мысли, на военно-исторические исследования, которые могли бы вести выпускники академии.

Несмотря на многие несправедливости, военспецы-генштабисты сыграли важнейшую роль в создании и укреплении Красной армии. Благодаря их деятельности Красная армия сохранила преемственность от старой русской армии. Наличие среди военспецов высокообразованных офицеров способствовало повышению интеллектуального уровня Красной армии. Военспецы сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в самую грозную вооруженную силу в мире в послевоенный период.

Заключение

История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. дает самое широкое поле для исследований в разных областях исторического знания. Поскольку речь идет о военно-политическом и социальном конфликте колоссального масштаба, полностью преобразившем нашу страну и мир, приоритетными направлениями изучения можно считать изыскания именно в тех сферах, достижения или провалы в которых определили ход и итоги той войны.

Как отмечал выдающийся прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц, «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»^I. Наследие Клаузевица внимательно изучал лидер большевиков В.И. Ленин, считавший его одним «из самых глубоких писателей по военным вопросам»^{II}. Ленин перефразировал высказывание Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными» (именно: насильственными) «средствами»^{III}. Однако цели большевиков в Гражданской войне явно выходили за пределы простого стремления навязать противнику свою волю — речь шла о радикальном преобразовании всего прежнего миропорядка. В этой связи роль той группы командного состава, которая насильственными методами реализовала политические цели большевиков (равно как и роль противостоявшего этой группе командования антибольшевистских армий), приобретает совершенно особое значение.

Генштабисты являлись особой категорией внутри офицерства с достаточно высоким статусом до революции, своими традициями, особенностями службы и присущими этой группе специфическими чертами. Они составляли значительную часть военной элиты старой России. Это были квалифицированные специалисты, подготовленные для организации и управления вооруженными силами. К началу XX в. генштабисты оставались, по большей части, людьми дворянского происхождения, хотя процесс разрушения традиционного общества и сословной демократизации набирал обороты.

Корпус офицеров Генерального штаба представлял собой мощную корпорацию — его представители занимали ключевые должности как в военной сфере, так и в области государственного управления. Из-за особенностей униформы, закрытости и неформальных связей эту корпорацию порой именовали «черным духовенством». Как писал Б.М. Шапошников, «Генеральный штаб до мировой войны являлся вдохновителем всей военной системы того или иного государства.

^I Клаузевиц К., фон. О войне. М.; СПб., 2001. Т. 1. С. 23.

^{II} Ленин В. И. Социализм и война // В. И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 421.

^{III} Там же.

Влияние его во всех армиях было почти неограниченно, и перед словом “Генеральный штаб” останавливалась с почтением не одна седая, убеленная опытом голова, боязливо поднималась и на первых же строках обрывалась рука критика... Доступ “непосвященным” в это учреждение был затруднен... Там, “за монастырской стеной”, друиды с белыми аксельбантами творили стратегию, готовили государство к войне, ковали инструмент, именуемый армией, к сожалению, не всюду оказавшийся годным для действительной обстановки¹. Значение генштабистов в жизни страны постоянно росло, увеличивались их численность, специализация и профессионализм. Это явление отражало общие тенденции развития общества той эпохи, в котором росла доля лиц умственного труда.

Вместе с тем, это были технократы, нередко узкие специалисты в своей области, а во многих случаях лишь штабные канцеляристы с допуском к секретным документам, привилегированные чиновники, или, как иронизировал один из выдающихся представителей корпорации генерал А.П. Будберг, рыцари стула, пера и чернил². И хотя эти офицеры были предназначены к интеллектуальной, аналитической работе, кругозор и общественно-политические взгляды основной массы генштабистов оставались ограниченными. Лишь немногие из них бывали за границей и могли сравнить жизнь в других странах с тем, что происходило в России. Мало кто разбирался в программах политических партий. Единичные имели собственную общественно-политическую позицию, отличавшуюся от общепринятой. Это обусловлено тем, что для офицерского корпуса русской армии, не исключая наиболее интеллектуальную его часть, в целом было характерно игнорирование общественно-политической жизни, социальных и политических процессов, непонимание взаимосвязи войны и политики, а также особенностей политической борьбы. Следовательно, генштабисты на этом поле неизбежно проигрывали политикам, что существенно повлияло на последующие события.

Генштабисты в целом достойно прошли испытания Первой мировой войной. В силу специфики службы, не предусматривавшей обязательного нахождения на передовой, свой кадровый состав они смогли сохранить. Разочарование императором Николаем II привело представителей высшей военной элиты к соучастию в отстранении его от власти в надежде на улучшение положения воюющей страны и армии. Военное руководство Российской империи, представленное офицерами Генерального штаба, выступило одним из организаторов Февральского переворота, а следовательно, так или иначе ответственно за его последствия, изменившие облик страны. Радикальная смена общественного строя в воюющей стране, как и ее катастрофические последствия, генералитетом не была спрогнозирована и просчитана. Все это отразилось и на самом Генеральном штабе.

Военная элита весной 1917 г. попала в подчиненное положение к штатским политикам из Временного правительства, начались преследования командного состава со стороны революционеров и солдатских масс. Армия разлагалась и вышла из-под контроля. Попытки реванша, спасения страны частью офицерского корпуса (выступление генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г.) не увенчались успехом,

¹ Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Кн. 1. С. 13.

² Будберг А. П. Наша неготовность к войне // МРК. Коллекция А. П. Будберга.

а лишь накалили обстановку и усугубили раскол в обществе и верхах. В конечном итоге та же военная элита, которая участвовала в подготовке февральских событий и в корниловском движении, была вынуждена сопротивляться большевикам в импровизированной форме – путем создания уже осенью 1917 г. с чистого листа вооруженных антибольшевистских формирований.

Один из выдающихся отечественных военных мыслителей XX в. А.А. Свечин справедливо заметил в 1920-е гг.: «Вооруженная борьба, как она понимается в настоящее время, требует Генерального штаба; последний не является организационным капризом и, конечно, будет возникать во всякой армии...»¹ История корпорации офицеров-генштабистов в Гражданскую войну интересна как с точки зрения военно-политических аспектов (участие в событиях и процессах на фронте и в тылу, вовлечение в политическую борьбу), так и в социальном плане (поведение в условиях внутреннего конфликта, выбор, колебания).

История противоборствующих армий Гражданской войны представляет собой интересный опыт низовой вооруженной самоорганизации части общества для отстаивания своих прав и интересов в условиях крушения прежней государственности. Большевики, опиравшиеся на аппарат старой армии и развитый во всех отношениях центр страны, обладали в этом неоспоримым преимуществом, хотя и проявили в вопросах военного строительства большую изобретательность. Ключевую роль в создании практически всех армий, вовлеченных в тот конфликт, сыграли выпускники Николаевской военной академии.

Революционные катаклизмы и ожесточенное военно-политическое и социальное противостояние Гражданской войны стали трагедией для народов бывшей Российской империи, привели к многомиллионным жертвам. Проблема выбора, с кем быть, со всей остротой возникла перед генштабистами. Далекие от политики, они оказались в сложном положении. Свидетельства участников событий демонстрируют овладевшее многими чувство растерянности при отсутствии привычных указаний сверху. Развал армии и солдатские выступления, расправы над офицерами не могли не выдвигать идею сильной и твердой власти, которая бы железной рукой навела порядок в стране и армии.

В вопросе о том, кто может создать такую власть, генштабисты разделились. Одни по-прежнему доверяли сторонникам генерала Л.Г. Корнилова, возглавившим Белое движение, другие увидели мощную силу в большевиках. Часть офицерства заняла выжидательную позицию и стремилась уклониться от вовлечения во внутренний конфликт. Несмотря на определенную общность взглядов кадровых офицеров, даже в силу обстоятельств сохранить единство офицерской корпорации оказалось невозможно. Свою роль в этом играл опыт вовлечения офицеров в события 1917 г. Неизбежный раскол усугубляли и присущие кадрам Генштаба отрицательные качества – приспособленчество и карьеризм. Страна и некогда единая военная элита оказались разделены линиями фронтов между Советской Россией, белым лагерем и национальными государственными образованиями (Финляндия, Прибалтика, Польша, Украина, Закавказье). Раскол офицерства стал одной из составляющих общего раскола общества той эпохи.

¹ Свечин А. А. Стратегия. М.; СПб., 2003. С. 563.

Возникновение новых армий часть офицеров восприняли с точки зрения борьбы за сохранение государственности в той или иной форме, другие — как возможность в условиях внутренней смуты быстро подняться по карьерной лестнице, что не удавалось в нормальных условиях до революции. Выбор в пользу национальных армий обуславливался различными причинами, в том числе распадом страны и невозможностью возврата к прошлому, а также определенными национальными симпатиями тех генштабистов, которые либо представляли самоопределившиеся народы, либо являлись выходцами с этих территорий.

У большинства офицеров порой не было выбора, в каком лагере сражаться, в силу того что мобилизации проводили все стороны. Следовательно, вопрос зачастую определялся не личными предпочтениями, а местонахождением офицера в конкретный момент времени, а также качеством работы мобилизационного и карательного аппарата той или иной стороны. В Красной армии эти органы функционировали высокоэффективно, что позволило красным по максимуму использовать потенциал оказавшихся на их территории генштабистов. Хуже организованные и менее жесткие мобилизации противников большевиков на фоне более низкого кадрового потенциала окраин давали и худший результат, не говоря об удивительном непрагматизме в кадровых вопросах и следовании множеству условностей, унаследованных от старой армии. И хотя офицерство выступало главной движущей силой Белого движения, нет ничего удивительного, что многие офицеры оседали в белом тылу и уклонялись от службы.

«Гражданская война подтвердила выдающуюся роль Генерального штаба», — писал один из видных деятелей Белого движения генерал от кавалерии П.Н. Шатилов¹. Его противник в том конфликте, большевистский лидер В.И. Ленин, также высоко оценивал противостоявшую красным военную элиту старой России, возглавлявшуюся генштабистами. В марте 1921 г. в связи с Кронштадтским восстанием он отметил: «Большевиков никто не в состоянии заменить за исключением генералов и бюрократов, уже давно обнаруживших свою несостоятельность»². Ленин понимал, что белые генералы не способны решить стоявшие перед страной задачи, но при этом отдавал себе отчет в том, что именно белые режимы оказались единственной реальной альтернативой большевикам.

В 1917–1922 гг. на территории бывшей Российской империи не существовало единого «мозга армии» — Генерального штаба, множество новых Генеральных штабов (красный, белые и национальные), возникших из осколков прежнего, продолжали играть важнейшую роль в решении военно-политических вопросов. Для новообразованных государств наличие собственного Генерального штаба изначально являлось одним из обязательных элементов их независимости. У каждого из этих Генеральных штабов была своя непростая история.

Только при комплексном рассмотрении событий 1917–1922 гг. на основе анализа участия офицерства во всех противоборствующих лагерях возможно реконструировать поведение офицеров в тот период и его особенности, раскрыть

¹ Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 268 // HIA. Vrangeli family papers. Box 6. Folder 4; Его же. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 128.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 43. С. 129.

сложность и многообразие проблем, связанных с развитием и эволюцией Генерального штаба в период российской Гражданской войны.

Корпорация генштабистов к началу Гражданской войны отличалась значительной социальной и профессиональной неоднородностью. Особенно размытой она оказалась вследствие массовой ускоренной подготовки офицеров на академических курсах эпохи Первой мировой и Гражданской войн, по итогам которой в этой среде оказалось несколько сотен молодых офицеров. В определенной степени это привело к утрате единства. Однако проведенный нами анализ идейного выбора старого Генштаба и выбора курсовиков в Гражданскую войну в целом свидетельствует о близости их взглядов. Таким образом, мировоззренческого конфликта по этой линии не наблюдалось, поскольку в каждом случае речь шла о кадровых офицерах, как правило, обладавших боевым опытом и похожей системой взглядов. Вместе с тем появление массы молодых курсовиков, не вполне подготовленных, но достаточно амбициозных, порождало поколенческий конфликт с генштабистами предвоенных выпусков, служебные противоречия, борьбу молодежи за свой должностной статус и продвижение по карьерной лестнице. Эти процессы оказали влияние на поведение кадров Генерального штаба в Гражданскую войну.

Намного более острыми представляются противоречия выпускников Николаевской военной академии с выпускниками и слушателями Академии Генштаба РККА. Их мировосприятие существенно различалось, причем «красные генштабисты», боровшиеся за руководящие посты в армии, во главу угла ставили свою идейную преданность большевикам, а не профессионализм. Противоречия и конфликты между генштабистами разных армий (например, бывшие белые генштабисты в РККА, бывшие генштабисты из РККА и национальных армий у белых, русские офицеры в национальных армиях и т.д.), школ (довоенные выпускники Николаевской академии, выпускники ускоренных курсов, выпускники Академии Генштаба РККА и иностранных военных академий) и группировок (например, сторонники А.И. Деникина или П.Н. Врангеля на белом Юге; сторонники адмирала А.В. Колчака или эсеров, каппелевцы и семеновцы на Востоке России) возникали как в советском, так и в антибольшевистском лагере. Порой эти конфликты влекли за собой определенные перемены в политическом курсе тех или иных режимов.

Проведенный анализ раскола Генерального штаба свидетельствует о том, что основной разлом пришелся на линию красные — белые, причем выпускники и слушатели Николаевской военной академии разделились между этими сторонами практически поровну с незначительным перевесом в пользу белых (39,3% в РККА против 46,4% у белых), выбор в пользу национальных армий сделала меньшая часть генштабистов (14,3%), причем в редких случаях офицеры исходили из националистических взглядов и устремлений. Основным мотивом было неприятие большевизма и стремление переждать Гражданскую войну (особенно на гетманской Украине в 1918 г.).

Раскол офицерства не исключал перемещений из лагеря в лагерь. В условиях маневренной войны, при быстроте изменения линии фронта, нестабильной и переменчивой военно-политической ситуации, слабости воюющих режимов и отсутствии каких-либо обязательств по отношению к ним, внутреннем характере противостояния и наличии альтернатив для службы офицер мог перейти

на противоположную сторону, сделав уже сознательный идейный выбор. Такие переходы не могли предотвратить ни комиссары, ни особисты. Сотни генштабистов, до командующих армиями включительно¹, стали перебежчиками.

Лояльность генштабистов национальных армий избранному лагерю оказалась существенно ниже аналогичного показателя для генштабистов белых армий. Идеалы национальной государственности большинством генштабистов национальных армий не разделялись, а сама служба многими воспринималась как временное явление (в этом отношении показательны статистические данные об украинских генштабистах, из которых, по материалам двух опросов 1918 г., не знали национального языка от 42 до 56%). Отношение национальных политических деятелей к выходцам из русской армии часто было негативным, генштабисты подвергались преследованиям, их пытались отстранять с руководящих постов. Неудивительно, например, что в 1919 г. после перехода власти на Украине к Директории большинство генштабистов, прежде служивших в гетманской армии, бежали из украинских формирований в белые армии и РККА. Сотни генштабистов за Гражданскую войну сменили по несколько противоборствующих сторон. Думается, так же вело себя и офицерство в целом.

Придя к власти, большевики сохранили на прежних постах основную массу генштабистов старой армии. Были смещены лишь те, кто выступал против нового правительства и его инициатив. Переходный период от структур старой армии к структурам РККА условно именуется нами инерционным (в зависимости от сроков реорганизации того или иного штаба и учреждения этот период продолжался с октября 1917 по осень 1918 г.), поскольку по инерции сохраняли свои функции многие прежние учреждения и управления вместе с их служащими. При этом часть офицеров еще не считали себя находящимися на службе в Красной армии, где они уже де-факто состояли (интересно, что некоторые из них даже были настроены антибольшевистски). Введение понятия «инерционный период» позволяет более точно характеризовать различные переходные структуры.

С весны 1918 г. под покровительством народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого в Советской России настойчиво проводилась политика привлечения на службу специалистов Генерального штаба, изначально выделявшихся в особую категорию командного состава. Большевики располагали множеством активных и преданных, но некомпетентных в военных вопросах сторонников, готовых руководить войсками. Троцкий же, видимо, раньше других партийных лидеров осознал, что создание регулярной армии и привлечение на ответственные посты профессионалов-специалистов, пусть и не всегда лояльных, является вопросом выживания новой власти. Позднее это поняли и многие другие. В привлечении этих специалистов в РККА сыграли свою роль многие факторы. Можно отметить как патриотизм генштабистов, стремившихся оборонять страну от немцев, так и иные причины добровольного поступления в новую армию: привязанность к военной службе и стремление к профессиональной самореализации, пребывание на советской территории (фактически центр страны с наибольшей концентрацией

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

кадров Генштаба в центральных управлениях, а также контролировавшиеся большевиками фронты Первой мировой войны), материальный интерес (оклады высокопоставленных военспецов-генштабистов превышали оклады политработников и даже членов советского правительства), стремление бывших офицеров сохранить в своих руках военно-административный аппарат, вера в твердую власть, карьерные устремления. В наименьшей степени можно говорить о приверженности бывших офицеров большевистской идеологии. Добровольно в РККА поступили и остались служить не менее трехсот генштабистов (к середине и концу 1918 г. зарегистрированы порядка пятисот человек, но часть бежали в антибольшевистский лагерь); для сравнения, в Добровольческой армии в октябре 1918 г. насчитывалось только 86 офицеров Генерального штаба¹.

В Советской России на протяжении 1918–1920 гг. сложилась целая система привлечения кадров Генштаба в РККА, включавшая меры добровольного и принудительного характера. Высокое материальное обеспечение и паек сочетались с запретами служить по специальности тем, кто не поступит в армию до определенного срока, и куда более суровыми угрозами репрессивных действий для саботажников и дезертиров. В условиях недостатка кадров высшей квалификации для многомиллионной армии большевики постарались использовать в этом качестве все категории выпускников Николаевской академии, не исключая тех, кто неудачно ее окончил или недоучился. Такой подход оказался оправданным. Победу РККА ковали не только полноценные бывшие офицеры Генерального штаба, но и те, кто до революции по старым правилам не считались таковыми в связи с неудачным окончанием академии (например, первый советский главком И.И. Вацетис, который был лишь 52-м из 53-х выпускников академии 1909 г. и не был причислен к Генеральному штабу²). Таких специалистов в Советской России, в отличие от антибольшевистского лагеря, также считали генштабистами (в августе 1918 г. Вацетиса в качестве поощрения перевели в Генштаб³).

В РККА выдвинулась на первый план и блестяще зарекомендовала себя целая плеяда выпускников академии. Среди них главнокомандующие И.И. Вацетис и С.С. Каменев; военный руководитель ВВС М.Д. Бонч-Бруевич; начальники ПШ РВСР Ф.В. Костяев и П.П. Лебедев; начальники ВГШ А.А. Свечин и Н.И. Ратэль; командующие фронтами: А.И. Корк, Д.Н. Надежный, П.П. Сытин; командующие армиями: А.И. Геккер, Н.Е. Какурин, Л.Л. Клюев, В.С. Лазаревич, А.А. Самойло, Е.Н. Сергеев; начальники фронтовых и армейских штабов: М.А. Баторский, А.И. Кук, Н.В. Лисовский, С.А. Меженинов, Ф.Ф. Новицкий, И.Х. Паука, Н.Н. Петин, С.А. Пугачев, Н.В. Соллогуб, Н.Н. Шварц. Большой вклад в создание и укрепление РККА внес Б.М. Шапошников, долгое время руководивший Оперативным управлением ПШ РВСР. Многие из них были награждены орденами Красного Знамени.

По нашим подсчетам, выпускники Николаевской военной академии замещали в 1918–1922 гг. в РККА 100% должностей руководителей центральных органов военного управления (военные руководители ВВС, главнокомандующие всеми

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178–179об.

² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 1794 (послужной список И. И. Вацетиса на 09.01.1913). Л. 1об., 4; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 182.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 32.

вооруженными силами республики, начальники Штаба РВСР, ПШ РВСР, Штаба РККА, ВГШ); 40 % должностей командующих фронтами, группами армий и армиями; 94,6 % должностей начальников штабов фронтов; 100 % должностей начальников штабов групп армий; 73 % должностей начальников штабов армий. В целом, можно считать, что кадры старого Генштаба были использованы в РККА достаточно эффективно.

Иной подход получил распространение в белом лагере. В белых армиях Юга России наблюдался колоссальный переизбыток кадров Генштаба при нехватке нижних чинов. В результате генштабистов там не ценили, а многие высококвалифицированные и талантливые офицеры на протяжении активной фазы Гражданской войны находились в резерве чинов. Большее значение в кадровой политике имели конкретные заслуги офицеров перед белым лагерем и стаж службы у белых, а не квалификация. В то же время другие белые фронты испытывали кадровый голод в отношении кадров Генштаба, но равномерного распределения специалистов за счет командировок офицеров достигнуто не было. В антибольшевистском лагере также выделилась плеяда способных генштабистов. И в целом, учитывая всю совокупность белых армий и фронтов, белый лагерь (несмотря на окраинное положение, трудности проезда в эти армии через Советскую Россию) на пике Гражданской войны смог сконцентрировать большую часть офицеров-генштабистов.

Сегодня биографии многих представителей офицерского корпуса той поры подробно известны. Это позволяет исследовать вовлечение офицеров в события Гражданской войны персонифицированно, проследить родственные и служебные связи, изучать круг общения, анализировать выбор каждого офицера и его окружения. На таком уровне погружения мы видим, что по разные стороны баррикад порой оказывались близкие родственники, недавние товарищи по службе, однокашники, подчас даже люди одного мировоззрения. Причем распространялись эти особенности и на высокопоставленных лиц.

На примере относительно компактной группы офицеров Генерального штаба отчетливо виден братоубийственный характер Гражданской войны, когда по разные стороны баррикад оказались родные братья, отцы и дети. Фронты Гражданской войны разъединили братьев Баиовых (Алексея, Владимира и Константина Константиновичей), Загю (Михаила и Николая Михайловичей), Махровых (Василия, Николая и Петра Семеновичей), Новицких (Василия, Евгения и Федора Федоровичей), Свечиных (Александра и Михаила Андреевичей), Сытиных (Ивана и Павла Павловичей), Тихменевых (Георгия (Юрия) и Николая Михайловичей). Эти примеры уже стали хрестоматийными, причем перечисленные выше офицеры не считали друг друга врагами.

Таких разделенных семей, конечно, намного больше (автору известны десятки разделенных фронтами офицерских семей, в которых высшим военным образованием, к примеру, обладала лишь часть родственников). Широкую известность в качестве военных специалистов РККА в Гражданскую войну приобрели братья Раттэли Николай и Иван Иосифовичи, первый из которых в старой армии дослужился до генерала, а второй – до полковника. В рядах РККА Н.И. Раттэль занимал важный пост начальника ВГШ, а И.И. Раттэль служил по военным сообщениям (в том числе был начальником военных сообщений Южного фронта). Однако удалось установить, что их младший брат Евгений (негенштабист), полковник старой

армии, успел за Гражданскую войну два раза послужить у красных, а в перерыве служил в войсках Деникина¹.

Поразительный пример крепости семейных чувств дает история отца и сына Клембовских. Бывший генерал В.Н. Клембовский в 1920 г. оказался среди членов Особого совещания при советском главкоме С.С. Каменеве и в этом качестве среди прочих подписал знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии с призывом забыть старые обиды и вступить в Красную армию для защиты России. На это с гневной и оскорбительной отповедью откликнулся знаменитый писатель А.И. Куприн, живший тогда в Финляндии. Однако сын Клембовского подполковник Г.В. Клембовский, ветеран Белого движения на Севере России, несмотря на то что участвовал в Гражданской войне по другую сторону баррикад, вызвал Куприна на дуэль (писатель от поединка уклонился). В одном из писем в связи со случившимся Г.В. Клембовский отметил: «Уверен в том, что большевизм в России придет к скорому концу и будущая правдивая история обновленной России сумеет воздать должное и моему отцу»².

Но сводить трагедию братоубийства Гражданской войны только к судьбам близких родственников — значит существенно упрощать сложную и болезненную тему. Не менее трагичен раскол между людьми, которые вместе росли и воспитывались, дружили, сидели за одним академическим столом, долгие годы вместе служили, сражались, олицетворяя училищное, академическое или полковое братство. И подобный раскол прошел через судьбу каждого офицера, вовлеченного в водоворот Гражданской войны.

Непримиримость не обошла стороной офицерство. Некоторые генштабисты, в особенности в белых армиях, будучи наделены единоличной властью и командными полномочиями, отдавали репрессивные приказы, оказались в числе организаторов террора. Многие офицеры стали жертвами террора. Если пленных военспецов белые расстреливали лишь в исключительных случаях и чаще всего в порядке самосуда (по оценке А.Г. Кавтарадзе, речь идет о нескольких десятках человек³), то расстрелы пленных белых офицеров в Советской России приобрели масштабный характер⁴. Как отмечалось в советском документе, датированном сентябрем 1921 г., «красный террор стусеивал все бывшие насилия белых»⁵. Тысячи офицеров оказались расстреляны в 1920–1921 гг. после ухода белых в Крым. От красного террора сильно пострадали и генштабисты. Только за Гражданскую

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 109–109об.

² ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 94. Л. 2. Подробнее см.: Ганин А. В. Проигранный поединок Куприна // Родина. 2017. № 4. С. 45–48; Его же. «Я готов вам дать удовлетворение оружием...»: Несостоявшийся поединок писателя А. И. Куприна и сына генерала В. Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // Новое прошлое (Ростов-на-Дону). 2017. № 2. С. 63–76.

³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 224.

⁴ См., напр.: РГВА. Ф. 33988. Оп. За. Д. 41. Л. 304; Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005; Архангельск. Расстрельные списки 1921 года / подгот. текста и послесл. Ю. В. Дойкова. Архангельск, 2000. С. 3; Волков С. В. Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского (Москва). 2016. № 1 (3). С. 30–37; Кубасов А. Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 164; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я. Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные историей); Тумшиш М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 152–153.

⁵ Дойков Ю. В. Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 12.

войну были казнены или умерли в заключении не менее 150 выпускников академии. Последующие волны репрессий 1923–1953 гг. унесли жизни еще не менее 248 человек. Итого поименно установлены почти четыреста жертв коммунистических властей из числа выпускников старой академии. Думается, итоговые цифры будут выше. С учетом того, что на советской территории в разное время находились более полутора тысяч выпускников, репрессии, по уже установленным данным, унесли жизни примерно четверти из них. Кроме того, в результате Гражданской войны страну покинули более 1090 выпускников академии.

Роль Генерального штаба в революционных событиях трудно переоценить. В 1917–1922 гг. строгое дореволюционное деление на генштабистов и не генштабистов было утрачено, определяющим фактором стало получение выпускниками академии (даже неудачно ее окончившими) специализированного высшего военного образования, что было редкостью в дореволюционной России. Это обстоятельство позволяло таким офицерам участвовать в целом ряде работ, которые не могли вести менее подготовленные люди. Так, в белом лагере генштабисты активно привлекались к гражданскому управлению.

Одним из принципов Генерального штаба является единство доктрины и единство взглядов офицеров-генштабистов, позволявшее в чрезвычайной и переменной фронтовой обстановке принимать одинаковые решения, не вызывавшие противоречий. В определенной степени такое единство существовало в русском Генеральном штабе, представители которого прошли одну школу и обладали одинаковой подготовкой, опытом, квалификацией и взглядами на военные вопросы. Таким образом, в противоборствующих лагерях оказались командно-штабные кадры примерно одинакового уровня. Паритет красных и белых усугублялся примерно равным распределением генштабистов между этими лагерями, хотя многомиллионная Красная армия по причине своей многочисленности страдала от острейшей нехватки кадров Генштаба. В такой ситуации исход Гражданской войны предопределили не успехи или просчеты генштабистов, а действия и инициативы политического руководства сторон. Более эффективным для достижения военной победы оно оказалось у красных.

Лидеры большевиков, несмотря на отсутствие у многих из них высшего образования, которым обладали их противники, были подготовлены своей дореволюционной борьбой к упорному труду, обладали дисциплиной и обширной эрудицией. В сравнении с военными профессионалами им не хватало, прежде всего, технических знаний. Интересно, что и по стратегическому мышлению большевистские вожди превосходили генштабистов. Неудивительно, что политики одержали верх над военными. И речь не только о победе большевиков над всеми их противниками, но и о том ключевом положении, которое они заняли и сохранили за собой внутри Советской России и СССР.

Даже некоторые генштабисты, не разделявшие большевистских взглядов, с надеждой и восхищением смотрели на эксперимент, который реализовывали красные. Так, бывший военный министр генерал В. А. Сухомлинов, оказавшись в эмиграции, отмечал: «Залог для будущего России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство. Этот политический идеал не может быть моим. Люди, окружающие Ленина, — не мои друзья, они не олицетворяют собою мой идеал национальных

героев. Но я уже не могу их больше назвать “разбойниками и грабителями”, после того как выяснилось, что они подняли лишь брошенное: престол и власть. Их мировоззрение для меня неприемлемо. И все же: медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ, — быть может, помимо их воли, — по правильному пути к верной цели и новой мощи... Верить в это я еще не могу, но тем сильнее того желать... ввиду бесчисленных ужасных жертв, которых потребовало разрушение старого строя. Что мои надежды являются не совсем утопией, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилов, Балтийский и Добrorольский, свои силы отдали новому правительству в Москве; нет никакого сомнения, что они это сделали, конечно, убедившись в том, что Россия и при новом режиме находится на правильном пути к полному возрождению»¹.

В компетенции генштабистов находились оперативные, организационные, мобилизационные и административные вопросы, разработка всего комплекса документации для создания армии и управления войсками (уставы, штаты, приказы), ведение разведки и контрразведки, служба военных сообщений, связи, обеспечение армии картографическим материалом, военно-научная, военно-педагогическая работа. От конкретных людей, их успехов и ошибок, зависело очень многое. Действия этих офицеров предопределялись целым рядом объективных и субъективных факторов: образованием и подготовкой, жизненным опытом, особенностями характера. Поэтому нам важно знать, какими были эти специалисты по своим качествам, полученному образованию, практическому опыту, какие мотивы стояли за принятием тех или иных решений. Значительную сложность представляет отсутствие единых комплексов документов по этой теме и то, что выработка командных решений, как правило, документально не фиксировалась.

Для большевиков генштабисты являлись инструментом достижения победы в войне. Этот инструмент оказался достаточно надежным. Заимствованная из практики Великой французской революции концепция управления Красной армией (командир — комиссар) оказалась весьма удачной, обеспечивая взаимосвязь командиров из бывших офицеров через комиссаров с красноармейской массой. Военспецы, несмотря на их аполитичность или нелояльность большевистскому режиму, работая вместе с комиссарами, в большинстве случаев успешно использовались в интересах красных. Такая система способствовала преодолению настоящего недуга старого офицерства — инертности и пассивности, активизировала работу командиров.

Генштабисты РККА нередко оказывались вовлечены в конфликты различных группировок советской военно-политической элиты на стороне тех партийных деятелей, с которыми были связаны. Тем не менее достаточно сплоченное партийное руководство по мере возможности подавляло эти конфликты и в конечном итоге сохранило единство советского лагеря. Этого же нельзя сказать об антисоветском лагере, в котором, по сути, разворачивалась борьба всех против всех, а в среде военной элиты в особенности. Высший командный состав белых армий буквально разъедали внутренние конфликты, интриги и противоречия, нередко

¹ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 409.

перераставшие в серьезные попытки штурма власти, как открытым силовым путем, так и посредством изощренной кулуарной борьбы группировок. В этом сказалась различная природа противоборствующих лагерей, этот фактор стал одной из причин поражения противников красных.

В условиях кризиса и внутренней войны резко усилилась корпоративная поддержка генштабистов. Но попытки самоорганизации путем создания различных параллельных штабам РККА структур были пресечены большевиками, опасавшимися захвата власти военными, а лидеры военспецов были арестованы.

Генштабисты РККА находились под контролем представителей партии – военных комиссаров и органов ЧК. Однако техническое управление армией было всецело в руках военспецов. Кроме того, квалификация контролирующих органов и лиц не позволяла им предотвращать измены, хотя и затрудняла положение белых агентов и заговорщиков в руководстве армии. В отношении военспецов-генштабистов проводилась кампания по запугиванию путем арестов и расстрелов, суровых (хотя и декларативных) приказов о взятии в заложники членов семьи в случае измены, упреждающего террора, когда достаточно было подозрений или принадлежности к буржуазным классам, чтобы репрессировать человека. Несмотря на заступничество вождей РКП(б) В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого за отдельных генштабистов, террор отрицательно отразился на атмосфере в среде военспецов-генштабистов РККА, многие под давлением этого фактора бежали к противнику или стали активнее сопротивляться большевистской власти.

Сотни генштабистов, дезертировавших из РККА, бежавших к белым или в национальные государства, не могли быть остановлены ни наградами и высокими окладами, ни жестокими репрессиями. Часть офицерства внутренне понимала потенциальный риск службы большевикам, стремившимся лишь воспользоваться военспецами, а затем избавиться от них, заменив их более социально близкими командирами. Показательно, что политика террора в отношении генштабистов осуществлялась только красными, белые (исключая единственный инцидент самосуда, а также смерть заключенного в тюрьме) не расстреляли за Гражданскую войну ни одного генштабиста, что четко дает нам понять, какой лагерь в большей степени мог быть для старой военной элиты своим. Это меняет прежние представления о выборе и поведении офицерства, сложившиеся в историографии.

Идейная близость к белым большей части генштабистов, а также утрата прежних ценностных ориентиров (офицерская честь, верность долгу, замененная лояльностью партии) привели к тому, что некоторые военспецы-генштабисты РККА стали тайно работать на противника. Высокопоставленные агенты белых отдавали вредительские приказы, срывали операции (например, нельзя в полной мере исключать преднамеренный срыв августовского контрнаступления красных на Южном фронте в 1919 г.), сдавали белым города (нами выявлены свидетельства о том, что при содействии агентов из числа военспецов-генштабистов белыми были заняты в 1918 г. Уфа, а в 1919 г. – Борисоглебск, Киев, Полтава, Сумы, Оса, Воткинск). Эта деятельность принесла некоторые успехи белым, но существенного влияния на ход войны не оказала. Изменники и участники антибольшевистского подполья среди военспецов-генштабистов значительных результатов добиться не смогли, к тому же облик РККА определяли не перебежчики и предатели, а лояльные

военспецы, каких было большинство. Немаловажно, что генштабисты белых армий на красных тайно не работали.

Если сравнивать роль офицерства в РККА и в белых армиях, очевидно принципиальное отличие. Белые армии так и не смогли преодолеть ни свою разобщенность, ни партизанский, кустарный характер, тогда как Красная армия планомерно выстраивалась как единая система. И если говорить о роли личности в истории, то личные качества того или иного белого военачальника в условиях партизанской армии оказывались намного важнее, чем достоинства и недостатки красного командира, представлявшего лишь один из элементов системы. Не случайно деникинский генерал Б. А. Штейфон отмечал, что к катастрофе белых привело забвение принципа «организация не терпит импровизации»¹.

Центральное положение красных сыграло свою роль и в офицерском вопросе. Прежде всего, красные, несмотря на враждебную политику по отношению к офицерству, смогли получить колоссальное количество бывших офицеров. Количество переходило в качество. Поэтому до сих пор встречающиеся даже в работах профессиональных историков утверждения о том, что вахмистры (у красных) разгромили царских генералов (у белых), далеки от реальности. В то же время белые фронты вследствие своей географической разобщенности и удаленности друг от друга не смогли наладить даже необходимый обмен командными кадрами в целях восполнения дефицита, существовавшего на некоторых фронтах (например, на Восточном), и более эффективного использования кадров при их избытке (как на Юге). Основными белыми фронтами стали Южный и Восточный, с большим отрывом от прочих лидировавшие и по количеству офицеров. В силу своего периферийного характера Северный и Северо-Западный фронты белых являлись второстепенными, в том числе и в отношении контингентов офицеров.

Наряду с численностью офицерства в противоборствующих лагерях не менее важен вопрос эффективности использования этих кадров. И здесь при меньшей численности военспецов в сравнении с белым офицерством организационным превосходством обладала Красная армия, строившаяся на началах строгой централизации (многое было перенято из опыта Великой французской революции) при развитом мобилизационном, политическом и карательном аппарате. Эта эффективность прослеживается по многим показателям.

Так, в РККА на высоком уровне стоял учет кадров, а следовательно, и распределение (назначения) также могло осуществляться эффективнее. Белые же были связаны в этом вопросе множеством условностей, унаследованных от старой армии и старой России. Например, проблематично было назначить в казачью часть офицера-неказака и, наоборот, изъять офицера из казачьих формирований и перевести его в армейскую часть. Серьезные трения вызывали вопросы чинопроизводства и старшинства (своего рода местничества), перенесенные белыми из старой армии и сильно ограничивавшие кадровые решения. Даже представителей высшего командного состава белых всерьез беспокоил вопрос о допустимости нахождения у них в подчинении офицеров с преимуществом в старшинстве. Белым было непросто осуществлять назначения в нарушение последнего (и в особенности

¹ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 105.

в нарушение старшинства службы в белой армии). Болезненным был вопрос назначений на ответственные должности перебежчиков из Красной армии. Участники Белого движения на Юге России признавали серьезные просчеты командования в деле учета и постановки в строй офицерских пополнений даже на пике Гражданской войны осенью 1919 г., когда, казалось бы, мобилизационный аппарат должен был быть уже отлажен.

В Красной армии наряду с чинами было отменено и старшинство, что было в обстановке Гражданской войны прогрессивным преобразованием. Устранение чинов позволило избежать многих конфликтов, от которых страдали белые (особенно в связи с неупорядоченностью чинопроизводства в Гражданскую войну). Фактически основными критериями при кадровых назначениях в РККА становились образование кандидата и его реальные заслуги на командных постах в новой армии. Таким образом, насколько возможно, проводился в жизнь меритократический принцип выдвижения на руководящие должности.

Поскольку большевики не были связаны многочисленными условностями, существовавшими в старой армии, они могли решать кадровые вопросы гибче, чем противник, и с лучшим результатом (это особенно заметно на примере специалистов Генерального штаба, использовавшихся исходя из факта обучения офицера в академии, а не из формальных критериев причисления и перевода в Генштаб, как было у белых). В Советской России была лучше, чем у ее противников, организована подготовка кадров Генштаба. Лучше, чем у белых, в РККА было поставлено обеспечение генштабистов жалованием и продовольствием.

Красная армия обладала преимуществом и в том, что сфера деятельности военспецов ограничивалась военными вопросами, тогда как у белых офицеры занимались самым широким спектром задач, включая организацию гражданского управления, что снижало их возможности в собственно военной сфере. Должностные обязанности бывших офицеров в РККА более соответствовали задачам, стоящим перед офицерами любой армии. Касалось это и высшего командного состава. В то же время у белых на Юге России в связи с переизбытком офицеров и дефицитом солдат офицеры нередко выполняли солдатские обязанности. Наиболее яркое выражение такой подход нашел в участии некоторых белых генералов, в том числе с академическим образованием, в боях в качестве рядовых.

Еще одним преимуществом красных стало наличие контроля над офицерами и своего рода третейских судей в лице комиссаров. РКП(б) обладала политической волей и последовательно реализовывала ее. Партийные контролеры стояли над офицерской средой и как внешний арбитр не зависели в своих решениях от влияния той или иной группировки офицерства. Между тем высшее руководство белых само происходило из офицерства и было связано множеством обстоятельств и личными взаимоотношениями со сторонами возникавших противоречий. В результате белые буквально погрязли в конфликтах внутри командования. В РККА, помимо этого, отсутствовала и присущая некоторым белым армиям неформальная иерархия офицеров, отрицательно влиявшая на возможности выдвижения способных командиров снизу.

Генштабисты оказались важным инструментом, который помог большевикам одержать победу в борьбе с противниками и удержать власть. При этом мнение старой военной элиты по вопросам управления и развития страны новую власть

не интересовало. Большевики взяли на себя значительную часть функций прежнего Генерального штаба.

В Красной армии Генеральный штаб как совокупность высших органов военного управления, в которых ключевые посты занимали бывшие офицеры-генштабисты, не утратил свои функции мозгового центра. Хотя стратегию в общегосударственном масштабе и многие конкретные вопросы определяли большевистские вожди, генштабисты по-прежнему занимались важнейшими вопросами формирования армии и разработкой боевых операций. Комиссары плохо разбирались в военных вопросах и не могли полностью контролировать решения военных специалистов. Успехи Красной армии в немалой степени были обусловлены лояльным, дисциплинированным поведением подавляющего большинства военспецов.

Именно партийная элита, а не военные играли главенствующую роль в Советской России и СССР. Профессиональная военная элита из старых кадровых военных специалистов оказалась в подчиненном положении. Собственно, она и не могла быть равноценным противником решительным, фанатичным и закаленным бескомпромиссной подпольной борьбой большевистским лидерам. В этом смысле итог Гражданской войны в виде разгрома подобной элиты антибольшевистского лагеря созданными большевиками вооруженными силами вполне закономерен. Очевидно, прав был французский государственный деятель Ж. Клемансо, когда говорил, что война — слишком важное дело, чтобы доверять ее военным. При этом справедливый тезис о приоритете политического руководства над армией для достижения успеха в войне предполагает и наличие разумной политической воли.

Рассмотренные сюжеты не могут не касаться таких неоднозначных вопросов, как взаимоотношения руководства страны и ее вооруженных сил, взаимодействие между политическими деятелями, военной элитой и специальными службами, соотношение их полномочий. Выстроенная большевиками система власти отдавала безусловный приоритет политическому руководству, тесно взаимодействовавшему с органами госбезопасности, тогда как армия находилась в подчиненном и подконтрольном как партии, так и чекистам положении. Следует отметить, что подобная система сохранилась и спустя десятилетия после Гражданской войны.

За Красной армией стоял мощный государственный аппарат Советской России, обеспечивавший эту армию всем необходимым. Политика «военного коммунизма», превратившаяся в вариант мобилизационной экономики, доказала свое превосходство над методами управления белых и способствовала не только выживанию Советской России в годы Гражданской войны и прорыву пресловутого кольца фронтов, но и достижению впечатляющей военно-политической победы над внутренней контрреволюцией, приведшей к полному изгнанию антибольшевистских сил с территории России и установлению на более чем семидесятилетний период советской власти¹. С другой стороны, эта модель, продемонстрировав свою эффективность в условиях войны, привела к тому, что и в дальнейшем политические проблемы в СССР решались узким кругом партийных руководителей силовыми методами.

¹ Подробнее о причинах военной победы большевиков см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 395–434.

Роль генштабистов у белых была совершенно иной. Они сами возглавили Белое движение, по существу не имевшее политической надстройки. Слушателями и выпускниками Николаевской академии Генерального штаба были почти все основоположники Белой борьбы, вожди Белого движения, а также командующие важнейшими белыми фронтами и армиями: М.В. Алексеев, В.Г. Болдырев, С.Н. Войцеховский, П.Н. Врангель, Н.А. Галкин, А.И. Деникин, М.К. Дитерихс, М.Г. Дроздовский, А.И. Дутов, А.М. Каледин, В.О. Каппель, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, С.Л. Марков, Е.К. Миллер, К.В. Сахаров, Н.Н. Юденич. Многие из них проявили себя в Гражданскую войну как способные полководцы и штабные работники. Однако белые армии унаследовали и недостатки старой русской армии, поскольку базировались на прежних принципах службы и традициях, уже не отвечавших новым реалиям противостояния большевикам. Это касалось и кадровых вопросов в отношении генштабистов. В результате белые не смогли в полной мере воспользоваться имевшимися у них преимуществами (например, поддержкой офицерства, в том числе оставшегося в Советской России). Свои проблемы были в национальных государствах и армиях, где политическое руководство с недоверием относилось к бывшим русским офицерам.

Созданные генштабистами на дореволюционных принципах белые армии значительно уступали РККА. Во многом в этом виновата общая для всех белых фронтов неспособность антибольшевистской государственности справиться с решением социально-экономических задач, хотя бы для обеспечения нужд армии и достижения победы. Белые режимы были представлены лишь крайне слабыми правительствами, прятавшимися за армией, крупных политических лидеров, равных по своим способностям вождям большевиков В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому, в белых рядах не нашлось, а в конфликте старой и новой модели управления победила новая, более жесткая, но более эффективная в той обстановке. И хотя победа Красной армии была неполной в сравнении с планетарными планами большевиков, достигнутые результаты во многом соответствовали представлениям генштабистов о возрождении прежней Российской империи в старых границах.

Потери генштабистов в Гражданскую войну превысили потери периода Первой мировой, прежде всего, вследствие красного террора. К концу Гражданской войны часть генштабистов белых армий примкнула к красным и поступила на службу в РККА. Колебания военной элиты были обусловлены обстановкой на фронте и разгромом белых армий. Идейные противники большевиков и те, кто опасался преследований, были вынуждены покинуть родину. Среди них были сотни генштабистов, в общей сложности не менее 38% выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне, что нанесло огромный урон обороноспособности страны и квалификации командных кадров.

Гражданская война привела не только к расколу русского дореволюционного Генерального штаба, но и к появлению новых специалистов в области военного администрирования — выпускников красной и белой военных академий. Попытки подготовки собственных кадров Генштаба предпринимались и в национальных государственных образованиях. Разумеется, подготовка новых кадров и создание противоборствующих армий были невозможны без опоры на специалистов дореволюционного Генерального штаба. Изначально большевикам, захватившим власть в Петрограде, досталась Николаевская военная академия со всем ее имуществом.

Однако летом 1918 г. академия в полном составе перешла на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани. После этого руководство РККА было вынуждено создавать свою главную военную академию фактически с нуля. Амбициозный проект был реализован в сжатые сроки, причем уровень квалификации профессорско-преподавательского состава и подготовки слушателей оказался не только не хуже, чем прежде, но, можно сказать, в чем-то лучше. Вновь созданная академия избавилась от груза прежних проблем, преследовавших старую Николаевскую академию. Произошло радикальное обновление высшего военно-учебного заведения, что давно назрело (в частности, в Николаевской академии и во времена Гражданской войны среди профессуры еще сохраняли свои позиции некоторые противники прикладного метода обучения, вводившегося перед Первой мировой войной Н.Н. Головиным). Несмотря на значительные трудности, в Советской России подготовка кадров Генштаба была поставлена с намного большим размахом, чем в антибольшевистском лагере, чему, безусловно, способствовала лучшая материально-техническая база развитого в культурном отношении центра страны, в отличие от окраин, контролировавшихся противниками большевиков. Система подготовки кадров Генштаба и штабных работников в Советской России отличалась продуманностью и дифференцированностью.

Период Гражданской войны был временем противостояния элит как во враждующих лагерях, так и внутри каждого из них. Это противостояние охватило и корпорацию генштабистов. В частности, возникновение в Советской России новой академии с иными принципами отбора кадров привело к тому, что в РККА возникла своего рода контрэлита в лице слушателей Академии Генштаба РККА, красных командиров, враждебно относившихся к старым генштабистам. Постепенно красные командиры, прежде всего по естественным причинам (но также и в связи с репрессиями), вытеснили старую военную элиту.

В результате Гражданской войны Генеральный штаб потерпел безусловное поражение. И дело не только в военном разгроме белых армий, которыми руководили генштабисты, пытавшиеся стать политиками. Проиграли и те представители Генштаба, которые сделали ставку на большевиков. Дело в том, что в период 1917–1922 гг. произошло радикальное изменение роли генштабистов в военно-политической иерархии страны, стремительное падение их социального статуса. Если до революции офицеры Генерального штаба могли влиять на принятие важнейших военно-политических решений, то в послереволюционный период во главе страны оказалась большевистская партия, для которой старое офицерство было классовым врагом и использовалось лишь вынужденно, в силу отсутствия кадровой замены из социально близких слоев. Динамику изменений положения военспецов-генштабистов характеризует простейшее сопоставление. До революции арестовать и расстрелять генштабиста было немыслимо, тогда как в Советской России это стало обыденным явлением, часто не требовавшим даже доказательства вины. Гражданская война оказалась трагедией для нашей страны, в том числе и для отдельно взятых групп старой элиты, не исключая генштабистов. В результате войны, репрессий и эмиграции страна потеряла свыше тысячи высокообразованных офицеров, что негативно отразилось на интеллектуальном потенциале вооруженных сил. Так или иначе, генштабисты оказались жертвами той войны и собственных несбывшихся иллюзий, заложниками политики.

С окончанием Гражданской войны испытания для бывших питомцев академии не закончились. После того как генштабисты исполнили отведенную им роль, начался процесс вытеснения их из командного состава РККА и военной элиты страны. Уже в 1922 г., чтобы не поощрять кастовость, было упразднено определение «Генеральный штаб». Это знаменовало наступление на особый статус кадров Генштаба в комсоставе РККА. Тем более что в 1921 г. состоялся первый выпуск Академии Генерального штаба РККА, питомцы которой считались куда более лояльной группой командиров, чем генштабисты старой школы. Постепенно вышел из употребления и термин «военспецы».

Процесс вытеснения старой военной элиты из РККА накладывался на внутрипартийную борьбу 1920-х гг. и борьбу за армию между сторонниками Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина. Вытеснение происходило и по естественным причинам, в силу старения выпускников Николаевской академии, однако в период 1930-х гг. численность выпускников Николаевской академии в РККА сократилась в связи с чистками и репрессиями. Несмотря на то что эти люди, оставшись в Советской России, отдавали все свои силы строительству Красной армии, они подверглись преследованиям и были репрессированы в рамках дела «Весна» 1930–1931 гг. и Большого террора второй половины 1930-х гг. (в это время, в отличие от Гражданской войны, массовые репрессии коснулись не только бывших офицеров, но и всех прочих социальных групп советского общества, не исключая и партийных работников). Лишь несколько десятков человек дожили до 1940-х гг. Оказавшиеся в эмиграции генштабисты антибольшевистских армий, всеми забытые, доживали свой век вдали от родины.

Исход Гражданской войны был предрешен, в первую очередь, на полях сражений, а не в кабинетах политиков, как иногда может казаться. Тем важнее изучение военной истории этой войны, далекой и в то же время близкой, до сих пор напоминающей о себе кровоточащими ранами в нашем обществе. Судьбы представителей корпуса офицеров Генерального штаба демонстрируют в миниатюре трагическое размежевание всего русского офицерства и общества первой четверти XX в.

В событиях отечественной истории первой четверти XX в. кадры старого Генерального штаба сыграли исключительную роль. Победа большевиков в Гражданской войне, одержанная при помощи высококвалифицированных кадров дореволюционной военной элиты, стала залогом сохранения независимости нашей страны в XX в., так как привела к созданию мощной Красной армии и Вооруженных Сил СССР, отстоявших независимость нашей Родины в годы Второй мировой войны и на протяжении всего послевоенного периода.

Гражданская война в значительной степени сформировала правящий класс Советской России и СССР, в том числе советскую военную элиту 1920–1930-х гг. Тогда же были заложены основы штабной службы Красной армии. И хотя в советской военной элите оставались генштабисты старой школы, ядро кадров Генерального штаба РККА межвоенного периода составили новые люди, слабо связанные с прежними традициями и жизненным укладом. Революция дала путевку в жизнь и возможность построить военную карьеру тем, кто прежде не мог об этом даже мечтать. Такие новые кадры стали опорой советской власти. На их энтузиазме во многом создавалась мощь нового Советского государства.

Не случись революции, не произошло бы и радикальных изменений в жизни страны и ее вооруженных сил. В 1920–1930-е гг. на фоне колоссального развития техники для выживания СССР необходима была стремительная модернизация армии, основанная на модернизации промышленности (индустриализации). Такая модернизация, позволившая создать современную армию, была осуществлена в сжатые сроки при отсутствии достаточных ресурсов. Быстрые качественные изменения осуществлялись за счет сверхнапряжения населения, существовавшего в тяжелейших условиях при жестокой эксплуатации, что привело к огромным человеческим потерям, последствия которых страна так и не преодолела. Остается дискуссионным вопрос о том, является ли такая цена приемлемой. Второй вопрос, не имеющий ответа, о том, в какие сроки можно было достичь тех же результатов эволюционным путем, без террористических методов воздействия со стороны государства.

Знаменитая фраза «кадры решают все» была сказана И.В. Сталиным в речи на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.¹ В полной мере она применима к непростой истории отечественного Генерального штаба. Если Гражданская война рекрутировала в советскую военную элиту немало военных профессионалов по меритократическому принципу, то позднее доминирующими стали иные критерии – лояльность определенным партийным вождям и «правильное» рабоче-крестьянское происхождение, что давало отрицательный отбор. Великая Отечественная война, став тяжелейшим испытанием для страны и армии, вернула к жизни меритократический принцип отбора военной элиты, позволив выдвигаться наверх наиболее способным военным деятелям.

Победа в Великой Отечественной войне далась СССР колоссальными жертвами, борьбой и трудом миллионов людей, но есть в этой победе и вклад генштабистов старой школы, пошедших в Красную армию, участвовавших в войне или готовивших командные кадры для будущей войны, передавших новой армии весь свой багаж знаний, обеспечивших преемственность развития командного состава от старого русского офицерства, сохранение определенных традиций. Одним из символов Победы стало имя Маршала Советского Союза Б.М. Шапошников – офицера Генерального штаба императорской армии, возглавившего Генеральный штаб Красной армии в самый трудный, начальный период войны.

Офицеры Генерального штаба прошли через тяжелейшие испытания, выпавшие на долю нашей страны и ее народа в первой половине XX в., – две мировые войны, революционные события, Гражданскую войну, вынужденное изгнание с родной земли, несколько волн жестоких репрессий и бессмысленных гонений. В большинстве своем это были высокообразованные и квалифицированные специалисты в области военного управления, патриоты, люди долга и чести, вовлеченные самим ходом событий в водоворот острейшего военно-политического противоборства, не будучи к этому должным образом подготовленными. Выпускники Николаевской военной академии не смогли соперничать с большевистским режимом и оказались жертвами радикальных общественно-политических преобразований, произошедших в нашей стране в XX в. (одни как жертвы репрессий

¹ Правда. 1935. 06.05. № 123 (6369). С. 1.

или лица, вынужденные существовать в атмосфере жизненной, идейной и творческой несвободы, постоянного страха, другие как вынужденные изгнанники родины). Тем не менее это поколение генштабистов оставило свой яркий след в истории России и заслуживает благодарной памяти потомков.

В результате радикальных перемен конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Россию вернулись труды десятков генштабистов-эмигрантов, вынужденных покинуть родину в результате Гражданской войны, но горячо любивших свою страну. Сегодня у исследователей есть уникальная возможность полноценного изучения и переосмысления трагического, но поучительного исторического опыта старого Генерального штаба, расколотого в результате братоубийственной бойни, развернувшейся на территории нашей страны больше века назад.

Приложения

Приложение 1

Сведения о распределении лиц Генерального штаба и слушателей старой и красной академии Генштаба и академии Сибирского правительства по фронтам и тыловым учреждениям к 1 января 1921 г.

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба					
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правительства	
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих
ПШ РВСР	До 1906 г.	11	8	19						
	1907–1916 гг.	10	2	12						
	1917 г.	6	2	8						
	Итого	27	12	39						
Западный фронт	До 1906 г.	3	10	13	3	4	6	3		1
	1907–1916 гг.	15	4	19						
	1917 г.	10	7	17						
	Итого	28	21	49						
Юго-Западный фронт	До 1906 г.	3	3	6	6	6	9	20		
	1907–1916 гг.	7	2	9						
	1917 г.	5	1	6						
	Итого	15	6	21						
Вооруженные силы на Украине	До 1906 г.	4	3	7	5	4	17	22		
	1907–1916 гг.	9	6	15						
	1917 г.	5	5	10						
	Итого	18	14	32						
Кавказский фронт	До 1906 г.	8	7	15	1	1	2	3		
	1907–1916 гг.	8	2	10						
	1917 г.	9	1	10						
	Итого	25	10	35						

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба						
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		Всего
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих	
Туркестанский фронт	До 1906 г.	2	9	11	1	3	1	2			7
	1907–1916 гг.	1	2	3							
	1917 г.	2		2							
	Итого	5	11	16							
Штаб помглавкома по Сибири	До 1906 г.	6	1	7	1	3	2	2	2	5	15
	1907–1916 гг.	5	1	6							
	1917 г.	3	1	4							
	Итого	14	3	17							
2-я особая армия	До 1906 г.										
	1907–1916 гг.										
	1917 г.	1		1							
	Итого	1		1							
Запасная армия республики	До 1906 г.	1	4	5	2	2	1	1		1	7
	1907–1916 гг.		1	1							
	1917 г.										
	Итого	1	5	6							
РВСР	До 1906 г.	4		4							
	1907–1916 гг.	3		3							
	1917 г.										
	Итого	7		7							
ЦУПВОСО	До 1906 г.	7	5	12	1						3
	1907–1916 гг.	1	2	3							
	1917 г.		1	1							
	Итого	8	8	16							
Дипломатические представительства за границей и представители пограничных контрольных комиссий	До 1906 г.	4		4							
	1907–1916 гг.	3	1	4							
	1917 г.										
	Итого	7	1	8							

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба							
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		Всего	
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих		
ВГШ	До 1906 г.	7	18	25		1	1	1		1	3	
	1907–1916 гг.	11	2	13								
	1917 г.	1	2	3								
	Итого	19	22	41								
Академия Генерального штаба	До 1906 г.	5	18	23		1					1	
	1907–1916 гг.		7	7								
	1917 г.		2	2								
	Итого	5	27	32								
ГУВУЗ	До 1906 г.	34	35	69	2	7	2		6	20	37	
	1907–1916 гг.	10	11	21								
	1917 г.	6	7	13								
	Итого	50	53	103								
Всевобуч	До 1906 г.		8	8						1	1	
	1907–1916 гг.			1								
	1917 г.	1		1								
	Итого	1	8	9								
Военно-морская инспекция	До 1906 г.	1		1								
	1907–1916 гг.											
	1917 г.											
	Итого	1		1								
НКПС	До 1906 г.	1		1								
	1907–1916 гг.											
	1917 г.											
	Итого	1		1								
Штаб войск внутренней службы республики	До 1906 г.											
	1907–1916 гг.											
	1917 г.	1		1								
	Итого	1		1								
Центральное управление снабжений	До 1906 г.	2		2								
	1907–1916 гг.											
	1917 г.											
	Итого	2		2								

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба						Всего
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих	
Центральное управление пограничной службы	До 1906 г.										
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	1		1							
Штаб командующего морскими силами	До 1906 г.	1		1							
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	2		2							
Беломорский военный округ	До 1906 г.										
	1907–1916 гг.	1	2	3							
	1917 г.	1		1							
	Итого	2	2	4							
Заволжский военный округ	До 1906 г.		2	2	1						1
	1907–1916 гг.	2	1	3							
	1917 г.	2		2							
	Итого	4	3	7							
Киевский военный округ	До 1906 г.	4	5	9	1	2					3
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.	1		1							
	Итого	6	5	11							
Московский военный округ	До 1906 г.	4	5	9	1	2					3
	1907–1916 гг.	2	2	4							
	1917 г.	1		1							
	Итого	7	7	14							
Орловский военный округ	До 1906 г.		1	1							
	1907–1916 гг.	2		2							
	1917 г.										
	Итого	2	1	3							
Петроградский военный округ	До 1906 г.	4	22	26	3	5	1	2			11
	1907–1916 гг.	6	2	8							
	1917 г.	1	1	2							
	Итого	11	25	36							

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба						
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		Всего
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих	
Приволжский военный округ	До 1906 г.	1		1							
	1907–1916 гг.										
	1917 г.										
	Итого	1		1							
Приуральский военный округ	До 1906 г.					1		2			3
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	1		1							
Харьковский военный округ	До 1906 г.		2	2	1	3	1			1	6
	1907–1916 гг.										
	1917 г.										
	Итого		2	2							
Западно-Сибирский военный округ	До 1906 г.				1	1					2
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	1		1							
5-я армия и Восточно-Сибирский военный округ	До 1906 г.				2	1			6	4	13
	1907–1916 гг.	3		3							
	1917 г.										
	Итого	3		3							
Арестованные	До 1906 г.		12	12							
	1907–1916 гг.		9	9							
	1917 г.		3	3							
	Итого		24	24							
ВСЕГО		277	270	547	31	45	43	60	14	33	226
					33,5 %		45,7 %		20,8 %		100 %

Сост. по: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 29.

Описания подвигов слушателей и выпускников Николаевской военной академии, награжденных в 1919–1924 гг. орденом Красного Знамени РСФСР и Почетным революционным оружием^I

Афанасьев Ф.М.

Начальник штаба помощника главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири и начальник военного отдела Сибирского революционного комитета Генерального штаба тов. **Афанасьев** Федор Михайлович – за следующие отличия:

Тов. Афанасьев, будучи командирован в сентябре 1918 года в состав 2[-й] Красной армии, ведшей борьбу на Восточном фронте с контрреволюционными полками Колчака^{II}, немедленно приступил к организации штаба армии со всеми его органами. Быстрое выполнение организационной работы как по созданию армейского аппарата, так и по организации дивизии и различных мелких отрядов, добровольческих и продовольственных, дало возможность в октябре того же года перейти к активным действиям, давшим в своем результате решительный успех, увенчавшийся занятием Ижевска и Воткинска.

В начале 1919 г., замещая командарма 2[-й], руководил действиями армии, на которую был произведен в то время особенно усиленный нажим перешедшей в наступление армии Колчака. Несмотря на численное превосходство противника, 2[-я] армия сдержала его натиск и сохранила свои главные позиции за р[екой] Камой.

После разгрома Колчака на Урале, будучи переброшен в составе штарма 2[-й] на Юго-Восток, быстро охватил обстановку и организовал аппарат управления сначала группы войск левого фланга Южного фронта, а затем Юго-Восточного и Кавказского фронтов, где при его непосредственном и ближайшем участии в операциях войсками фронта были достигнуты блестящие успехи над армиями

^I Комплект приказов РВСР/РВС СССР по личному составу с описаниями подвигов кавалеров ордена Красного Знамени РСФСР за период 1919–1924 гг. хранится в РГВА (Ф. 4. Оп. 3. Д. 1588, 1634, 1635, 1690, 1767, 1891, 2176). Недостающие приказы выявлялись по другим единицам хранения РГВА, а также в РГБ, ГА РФ и в ГААО.

^{II} Так в документе.

Деникина и Врангеля, успехи, вернувшие советской власти территории Кавказа и Юго-России¹.

По окончании операции на Кавказском фронте, будучи переведен в Сибирь, в короткий срок сформировал, невзирая на крайне тяжелые условия, аппарат областного военного управления. Быстрая организация областного военного аппарата дала возможность организованно использовать силы Сибири в дни великого напряжения республики на Западном фронте против Польши.

Одновременно с работой военного строительства велось и руководство боевыми операциями Сибирских войск в Монголии и на внутреннем фронте при непосредственном участии и управлении тов. Афанасьева, давшими в результате уничтожение зарубежной белогвардейщины и установление внутреннего спокойствия в Сибири.

Во весь этот длительный период работы с сентября 1918 г. по настоящее время тов. Афанасьев проявил неутомимую энергию, глубокое знание дела и работу без отдыха.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 12.10. № 285.

Баторский М. А.

Вр.и.д. начальника штаба армий Западного фронта Генерального штаба тов. **Баторский** Михаил Александрович – за то, что в бытность свою начальником штаба 16[-й] армии разработал план подготовки и выполнения предстоявшей операции форсирования р[еки] Березины и дальнейшего затем наступательного движения армии, которое увенчалось полнейшим успехом. Во время наступления 16[-й] армии по пути к Варшаве тов. Баторский, фактически являясь непосредственным помощником командующего армией, блестяще справился с тяжелой и ответственной работой организации и упорядочения тыла и связи, невзирая на отсутствие дорог и тяжелые условия их исправления. Параллельно с этим, тов. Баторский полностью нес бремя оперативной работы, разрабатывая для армейского командования свои, всегда отвечавшие обстановке, соображения и проекты и самоотверженно затем проводя их в жизнь.

В трудный период отхода 16[-й] армии от стен Варшавы и за Буг (авг[уст] – сент[ябрь] месяцы 1920 г.), вследствие заблаговременно принятых мер и личной энергии тов. Баторского, было достигнуто полное обеспечение взаимной связи, что дало командованию армии возможность организовать защиту Волковыска и Пружан, на линии коих армия дралась в течение месяца, отбиваясь от наседавшего противника.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 12.12. № 343.

Богомялков С. Н.

Утверждается присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. за №№ 511 и 2322, Реввоенсоветом 4-й армии ордена КРАСНОГО ЗНАМЕНИ: быв[шему]

¹ Так в документе.

начальнику штаба 30[-й] стрелковой дивизии **Богомякову** Степану Николаевичу — за оказанное отличие во время форсирования Чонгарского пролива в ноябре 1920 года.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 01.03. № 31.

Буренин Б. А.

Начальник 18[-й] стрелковой дивизии тов. **Буренин** Борис Анатольевич за отличие, выразившееся в следующем: обстановка на Юго-Западном фронте вынудила части Западного фронта перейти в наступление, не ожидая приведения в боевую готовность некоторых частей. В таком именно положении оказалась 18[-я] дивизия, только что прибывшая из Архангельска, вошедшая в состав войск Северной группы (ныне 4[-я] армия) и немедленно двинутая в район Шарковщицы и далее на Козяны для обеспечения правого фланга 15[-й] армии. Части этой армии к 25 мая, достигнув линии старых германских окопов, встретили сильное сопротивление противника и находились под угрозой удара по своему правому флангу из района озера Богинское, где противником сосредоточивались значительные силы. Стремительный удар этой группы противника, оказавшейся в составе всей 10[-й] пех[отной] дивизии, был встречен левофланговыми частями 18[-й] дивизии в районе Озерявы, где полтора полка 18[-й] дивизии два дня не только сдерживали весь напор 10[-й] польской дивизии, но и сами переходили в наступление, нанося противнику тяжкие потери. После боев у Озерявы (1 и 2 и[ю]н[я]) части 18[-й] дивизии, вынуждаемые к отходу сильнейшим противником, вели с ним непрерывные бои в течение трех недель (по 22 и[ю]н[я]), отходя шаг за шагом и бешеным упорством задерживаясь на каждом рубеже. Они не позволили противнику охватить своей ударной группой правый фланг 15[-й] армии, а своим выдвинутым положением все время нависали над частями противника, атаковавшими в направлении Глубокое — Лужки. С целью избавления от этого клина, врезавшегося в расположение поляков, противник сосредоточивал против 18[-й] дивизии все новые и новые силы, причем в боях в районе Германовичи против 18[-й] дивизии действовали части 10, 8, 7[-й] дивизий противника. Несмотря на подавляющее превосходство в силах противника, 18[-я] дивизия, потеряв в этих боях до 70 % своего состава, наносила врагу такой жестокий урон, что части 8[-й] и 10[-й] польских дивизий в течение этих боев три раза получали пополнение, каждый раз в количестве до 40–50 % своего состава. Измученная непрерывными боями и доведенная потерями до численности около 2000 штыков, 18[-я] дивизия блестяще выполнила поставленную ей задачу и после упорных боев удержала в своих руках Дисненский плацдарм, прочно закрепив за собой дефиле между озерами Белая Ельня и Жада. Столь блестящими действиями дивизия обязана не только своему высоко доблестному составу, сплоченному в стальную массу полуторогодовыми боями на Северном фронте, но и высокой доблести и умению своего начальника тов. **Буренина**. Лично поспевая на угрожаемые участки боевого фронта дивизии, тов. Буренин своими умелыми распоряжениями и неутомимой энергией заставил измученную дивизию не только блестяще выполнить поставленную ей задачу, но, привлекая на себя втрое превосходившие силы противника, нанести ему такой урон,

что части неприятеля, ввязавшиеся в бой с 18[-й] дивизией, уже не могли быть использованы на других участках фронта, а отводились в резерв для приведения в порядок и пополнения.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 08.08. № 387.

Василенко М.И.

Т[оварищ] **Василенко** Матвей Иванович за то, что в наиболее обостренные периоды Гражданской войны с марта 1919 г. по сентябрь 1920 г., последовательно командуя IX, XI и XIV Красными армиями, руководил боевыми действиями этих доблестных армий, усилия которых неоднократно приводили к решающим для нашего оружия успехам на побережье Черного моря и по Кавказскому берегу Каспийского моря против войск Деникина и на Украине против банд Петлюры и Врангеля.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1924. 19.02. № 44.

Гарф В.Е.

Бывший начальник штаба Восточного фронта, ныне 2[-й] помощник начальника Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии, Генерального штаба **Гарф** Вильгельм Евгеньевич — за выдающуюся и талантливую работу в должностях начальника оперативного управления Восточного фронта в 1918 и 1919 гг., начальника штаба Восточного фронта в 1919 и 1920 гг. и начальника штаба 5[-й] армии в 1920 г., по разработке оперативных соображений, энергичному проведению их в жизнь, закончившихся полным разгромом Колчака и пленением большей части его армий.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 09.05. № 153.

Гатовский А.Н.

Начальник 7[-х] кавалерийских Борисоглебских курсов тов. **Гатовский** Александр Николаевич — за то, что в период Новохоперской экспедиции против групп повстанцев Колесникова с 5 по 11 апр[еля] сего года он, по собственной инициативе, выступил с курсами на помощь гор[оду] Новохоперску, которому угрожала непосредственная опасность, и лично руководил боевыми действиями курсов под ружейным и пулеметным огнем противника. Направив в тыл неприятеля бронепоезд, тов. Гатовский заставил врага отхлынуть от стен Новохоперска [–] Красненькая, а затем, искусно перегруппировавшись, во главе курсов ударил в тыл Красненькая, обратил Колесникова в бегство и преследовал его на протяжении 120 верст, вытеснив остатки противника из пределов Новохоперского уезда.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 03.07. № 209.

Геккер А.И.

Командующий [11-й] армией тов. **Геккер** Анатолий Ильич... за отвагу, мужество и распорядительность при личном участии во многих боевых операциях 11[-й] армии в феврале месяце сего года...

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 07.06. № 193.

Горчаков Г.С.

Начальник оперативного управления штаба 4[-й] армии тов. **Горчаков** [Григорий Сергеевич] — за отличия, выразившиеся в следующем: будучи командирован 22 и[ю]л[я] с целью ориентировать командира 3[-го] конного корпуса и начальников дивизий в обстановке, сложившейся под Гродно, во исполнение полученных от командарма 4[-й] указаний, самостоятельно, по собственной инициативе, тов. Горчаков постановил¹ частям армии задачи: третьему конному корпусу форсировать р[еку] Неман в районе м[естечка] Гожа, что 20 верст севернее Гродно, и нанести стремительный удар всюю массою конницы в направлении м[естечек] Новый Двор — Кузница. 53[-й] и 18[-й] дивизиям форсировать Неман на участке Жидовщизна [—] Сивкова, 12[-й] дивизии занять участок по правому берегу Немана от Известк² — Ломка до Жидовщизна и одной бригаде той же дивизии взять из города левобережные укрепления, дабы приковать большие силы противника к городу. В результате конница вплавь, пехота местами по горло вброд, местами на плотках, форсировала Неман; части 12[-й] дивизии, отбивая ряд атак противника, местами доходивших до рукопашных схваток, к утру 24 и[ю]л[я] сломили сопротивление противника, который начал поспешный отход в юго-западном направлении. Преследуя противника, части армии 24 и[ю]л[я] в 16 часов вышли на линию Новый Двор — Кузница — Индура. За время Гродненской операции с 19 по 24 и[ю]л[я] частями армии взято около 4000 пленных, 30 орудий, в том числе 10 тяжелых, 70 пулеметов, 3 танка и громадное количество военного имущества. За все время операции т. Горчаков лично следил за выполнением задач и постоянно ориентировал части, чем способствовал в достижении успеха частями.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 24.09. № 458.

Душкевич А.А.

Вр.и.д. командующего 9[-й] армией тов. **Душкевич** Александр Александрович — за умелое и искусное управление вверенной ему армией в боях с 27 февр[аля] по 3 м[а]рт[а] с.г., приведшее к полному разгрому противника на фронте 9[-й] армии и захвату большой военной добычи, что дало возможность сбить противника на всем правом фланге и вынудило его к поспешному отходу за р[еку] Ея.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 14.08. № 401.

¹ Так в документе.

² Так в документе.

Ивасиов Я.К.

Умерший на фронте, бывший начальник штаба 5[-й] армии **Ивасиов**¹ Яков Клементьевич – за ряд боевых подвигов, проявленных им во время службы на Восточном фронте.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 07.02. № 74.

Инно (Кульдвер) А.А.

Интернациональной военной школы:

Начальнику школы т. **Инно** Александру Александровичу... за отличия в боях с белокареельцами в декабре 1921 г. и январе и феврале 1922 г.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 07.05. № 116.

Какурин Н.Е.

Начальник штаба войск Тамбовского командования тов. **Какурин** Николай Евгеньевич – за нижеследующие отличия:

Командуя отдельной кав[алерийской] группой в период времени с 4 по 10 и[ю]л[я] с.г., разгромил банды Караса и Аверьянова, проявив в этой операции искусство маневрировать конными частями и в полной мере учесть и использовать боевую обстановку и намерения противника.

Во время боевой работы на Западном фронте в должностях начдива 10[-й] и командарма 3[-й] тов. Какурин зарекомендовал себя выдающимся боевым руководителем, особенно за время похода на Варшаву и при обороне Лунинецкого узла в начале октября 1920 г.

Кроме того, тов. Какурин в должности начальника штаба войск Тамбовского командования проявил выдающиеся организаторские способности и работоспособность, поставив на должную высоту боевую работу штаба, чем в значительной степени ускорил ликвидацию бандитизма.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 11.11. № 306.

Каменев С.С. (награждение Золотым оружием)

Объявляется постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов:

«За боевые заслуги бывшего командующего армиями Восточного фронта, ныне главнокомандующего всеми вооруженными силами республики тов. **Каменева** Сергея Сергеевича, проявленные им в момент наступления Колчака на Восточном фронте, Всероссийский центральный исполнительный комитет постановил:

Тов. **Каменева** Сергея Сергеевича за боевые заслуги и организаторские таланты, проявленные им против врагов республики, а также за опытное и умелое руководство Красной армией на Восточном фронте, наградить боевым Золотым оружием со знаком ордена Красного Знамени».

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 22.04. № 193.

¹ В документе – Ивасьев.

Каменев С. С.

Объявляется о награждении, по постановлению Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов главнокомандующего всеми вооруженными силами республики тов. **Каменева** Сергея Сергеевича орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ в ознаменование исполнения им своего долга перед Социалистическим Отечеством в бою против его врагов на всех фронтах.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 29.05. № 298.

Каменев С. С. (награждение Почетным огнестрельным оружием)

Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов п о с т а н о в и л :

Наградить главнокомандующего всеми вооруженными силами РС.Ф.С.Р. тов. **Каменева С. С.**, с исключительным талантом и преданностью интересам Советской Республики руководившего действиями Красной армии, завершившимися победами над врагами республики на всех фронтах¹... высшей воинской наградой, установленной в настоящее время, Почетным огнестрельным оружием с орденом «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 26.01. № 28.

Корк А. И.

Командующий 15-й армией тов. **Корк** [Август Иванович] – за успешное проведение операции под Гдовом.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 26.11. № 326.

Корк А. И. (второе награждение)

Командующий 15[-й] армией Генерального штаба тов. **Корк** – за искусно проведенную подготовку к наступлению и умелое и энергичное руководство действиями вверенных ему войск 15[-й] армии, приведших в результате упорных и жестоких боев 4 и 5 и[ю]л[я] к разгрому центра главных сил противника на фронте 15[-й] армии, благодаря чему противник был принужден к поспешному отходу с большими для него потерями.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Корк А. И. (награждение Почетным революционным оружием)

Объявляется постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 25 н[оя]бр[я] 1920 г. о награждении Почетным революционным оружием:

...Командующего 6[-й] армией тов. Корка Августа Ивановича – за взятие Перекопских и Юшуньских^{II} укрепленных позиций, открывших дорогу в Крым,

^I Далее в приказе говорится о награждении С. М. Буденного.

^{II} В документе ошибочно — Юшумских.

и за энергичное преследование противника, приведшее к быстрому занятию всего полуострова.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 30.12. № 607.

Крестьянов Г.П.

УТВЕРЖДАЕТСЯ присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. №№ 511 и 2322 ордена Красного Знамени: командованием в Тамбовском районе за отличия в боях с бандами Антонова в районе Тамбовской, Саратовской, Пензенской и Воронежской губерний в период времени с апреля по июль 1921 года:

...Воздушной эскадрильи Тамбовской группы:

...Начальнику оперативной части **Крестьянову** Георгию Павловичу.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 12.06. № 82.

Кузнецов Б.И.

Бывший наштарм 11[-й] тов. **Кузнецов Борис Иннокентьевич** за следующее отличие:

22 февр[аля] 1921 г. для установления нарушенной связи штаба армии с передовыми ее частями тов. Кузнецов, совместно с военкомом оперупра¹ штарма 11[-й], выехал ночью на фронт названных частей. Несмотря на взорванный противником мост через реку Храм и невыясненную обстановку, рискуя ежеминутно попасть в руки противника, т. Кузнецов перешел названную реку вброд и связался со своими частями. Подробно ориентировавшись в положении дел на фронте, тов. Кузнецов принял решительные меры к передаче боевых приказов командования, благодаря чему и была решена участь противника. Кроме того, тов. Кузнецов, в качестве наштарма 11[-й], во время боевых действий против армии противника оказал исключительную заслугу в деле поднятия боевого духа на фронте.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 03.10. № 279.

Кук А.И.

Начальник штаба 15-й армии тов. **Кук [Александр Иванович]** — за то, что во время операции против армии Юденича нередко заменял командарма, как его ближайший помощник, и в отсутствие командарма руководил на передовых позициях войсками армии, чем в высокой мере способствовал успеху операций.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 12.12. № 342.

Лазаревич В.С.

Командующий 3[-й] армией Генерального штаба тов. **Лазаревич [Владимир Соломонович]** — за искусно проведенную подготовку и умелое и энергичное руководство наступлением 3[-й] армии в боях 4 и 5 и[ю]л[я], закончившихся разгромом

¹ Оперативного управления.

на фронте армии правого фланга главных сил противника, вынужденного к спешному отступлению с большими для него потерями.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Лазаревич В. С. (второе награждение)

Награждается вторично орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ:

Командующий 4[-й] армией **Лазаревич** Владимир Соломонович – за победоносные бои в северной части Таврической губернии и за взятие Чонгарских и Сивашских позиций, чем способствовал полному разгрому войск Врангеля и занятию всего Крымского полуострова.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 21.11. № 552.

Лебедев П. П.

Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов отмечает заслуги начальника Полевого штаба РВСР тов. **Лебедева П[авла] П[авловича]**, который неустанными трудами и выдающимися знаниями всемерно способствовал Главному командованию успешно руководить действиями доблестной Красной армии. В воздаяние этих заслуг ВЦИК НАГРАЖДАЕТ начальника Полевого штаба РВСР тов. **Лебедева П. П.** орденом «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 26.01. № 28.

Лисовский Н. В.

Бывший начальник штаба 3-й армии, ныне помощник начальника Центрального управления по военной подготовке трудящихся **Лисовский** Николай Васильевич – за отличия, проявленные таковым во время боевых действий 3[-й] армии на Польском фронте в июне – августе 1920 года, когда искусным и умелым руководством органами связи и органами снабжения армии, участием в разработках оперативных заданий и выдающейся энергией и знанием дела способствовал быстрому продвижению и успеху наших войск.

В тяжелые для армии дни отхода от Варшавы **т. Лисовский** неоднократно становился во главе им лично организованных отрядов и, подавая пример доблестного исполнения долга в непосредственном боевом столкновении с противником, обеспечил благополучный выход штарма и всех тылов 3-й армии из тяжелого положения, в которое их поставил глубоко прорвавшийся противник.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 22.10. № 164.

Лисовский Н. В. (второе награждение)

Постановлением Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (протокол № 6 от 25 февраля с. г.) по ходатайству ЦИК-а Туркестанской ССР награждены орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ т. т. ... **Н. Лисовский.**

Награждение в отношении т. **Н. Лисовского** – считать вторичным.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1924. 26.03. № 74.

Любимов В.В.

Начальник штаба 5[-й] армии и Восточно-Сибирского военного округа тов. **Любимов** Владимир Виссарионович – за доблестное, активное участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией на многочисленных фронтах Гражданской войны.

Занимая с 1918 г. ряд высших командных должностей и ответственных штабных постов, тов. Любимов с выдающейся энергией и мужеством проводил лично разработанные им операции против контрреволюционных группировок на Южной, Северо-Западной и Восточной окраинах РСФСР, нанося удары врагам рабоче-крестьянской власти.

Назначенный в 1920 году на ныне занимаемую должность, тов. Любимов – во время наступления, летом 1921 г., Унгерна под Троицко-Савском, руководил организацией операции против банд этого генерала, выезжая лично на места боевых столкновений. В результате банды Унгерна были разбиты и сам Унгерн пленен доблестными красными войсками.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 31.01. № 26.

Малышев А.К.

Начальник штаба войск Бухарской группы **Малышев** Александр Козьмич – за то, что в период напряженной оперативной и организационной работы штаба войск Бухарской группы много способствовал успеху операций, неоднократно лично руководя наиболее важными из них в Западной Бухаре. Так, 20 июня 1922 г. во главе 9[-х] кавалерийских курсов и 17[-го] кавалерийского полка атаковал и разбил банды басмачей под Старой Бухарой. 11 августа, командуя конным отрядом в бою у кишлака Джандары, он, лично приняв участие в атаке и увлекая за собою отряд, разбил в 5 раз превосходившего его численностью противника и преследовал его до полного уничтожения.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 13.11. № 230.

Меженинов С.А.

Начальник штаба Западного фронта т. **Меженинов** Сергей Александрович за то, что, находясь за все время боевой работы в Красной армии на ответственных постах, он своей неутомимой энергией, настойчивостью и умелым руководством боевыми операциями обеспечивал неизменный успех наших войск, зачастую подвергая явной опасности собственную жизнь.

В 1920 г., в районе г[орода] Пинска, при наступлении противника на 4[-ю] армию, т. Меженинов искусным маневром парировал попытку противника к окружению армии и своей находчивостью и распорядительностью, соединенными с проявлением личной воинской доблести, содействовал общему успеху наших частей.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 18.05. № 127.

Надежный Д. Н.

Командующий 7-й армией тов. **Надежный** [Дмитрий Николаевич] – за руководство операциями по обороне города Петрограда.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 17.11. № 309.

Невежин К. П.

Начальник 17[-й] стрелковой дивизии тов. **Невежин** Константин Петрович – за то, что во все время наступления этой дивизии (в июле и авг[усте] 1920 г.) от р[еки] Березины к Варшаве, а затем и отхода ее с Варшавских подступов обратно на р[еку] Березину (авг[уст] – сент[ябрь] м.м.¹ 1920 г.) доблестно руководил боевыми действиями своей дивизии, последняя, форсировав 7 и[ю]л[я] 1920 г. р[еку] Березину, овладела, после упорных боев, гор[одом] Минском, а затем городом Слонимом и городом Волковыском, захватывая каждый раз богатые трофеи. 23 и[ю]л[я] ею была отбита ожесточенная контратака, в районе Зельва – Изабеллин, сильной группы неприятеля (более 6 пехотных полков и одной артиллерийской бригады), причем было захвачено 12 орудий и другие трофеи. Выйдя, в итоге своего наступления, к 15 авг[уста] 1920 г. на ближайшие подступы к Варшаве, 17[-я] стрелковая дивизия совершила в составе 16[-й] армии отход к р[еке] Березине, выдержав при этом ряд тяжелых арьергардных боев.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 12.12. № 343.

Одинцов С. И.

Начальник группы Сергей Иванович **Одинцов**, за доблестное взятие Гатчины.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 13.11. № 308.

Ольдерогге В. А.

Командующий армиями Восточного фронта Генерального штаба Владимир Александрович **Ольдерогге** – за разгром армии Колчака и овладение Западной Сибирью.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 19.12. № 350.

Паука И. Х.

Бывший начальник 42[-й] стрелковой дивизии, ныне временно командующий 13[-й] армией, Генштаба тов. **Паука** Иван Христофорович – за нижеследующие отличия: в сент[ябре] 1919 г. неудачные действия некоторых соседних частей поставили 42[-ю] дивизию в крайне тяжелое положение и потребовали от ее руководителя, т. Паука, высокого напряжения сил и искусного управления, дабы сохранить дивизию и вывести ее из-под фланговых ударов противника. С этой целью части дивизии постепенно отводились на новые позиции в северном

¹ Месяцы.

направлении, причем отвод частей приходилось совершать все время в непрерывных боях с противником. 27 сент[ября] части дивизии, согласно приказу начдива, были сосредоточены на рубеже Новоселки – Ниж[нее] Чесночное – ст[анция] Ведуга. Однако вскоре и эту позицию противник начал обходить с обоих флангов. 3 окт[ября] 3[-я] дивизия оставила г[орода] Ливны, а через несколько дней и ст[анцию] Русский Брод. После разгрома отряда т. Фабрициуса у Нижнедевицка всякое соприкосновение с правым флангом 8[-й] армии прекратилось, и левый фланг 42[-й] дивизии оказался на весу совершенно обнаженным. Сложившаяся обстановка потребовала дальнейшего отхода 42[-й] дивизии на позиции в непосредственной близости от г[орода] Ельца на линию р[еки] Сосна от Есенки до Шаталова и далее до Павловка – Екатериновка. В это же время дивизии было приказано выделить ударную группу на своем правом фланге для оказания содействия 3[-й] дивизии по обратному овладению г[ородом] Ливны. С середины октября и до последних чисел месяца шли упорные бои за удержание г[орода] Ельца. Противник упорно стремился захватить этот район, все время стараясь наносить фланговые удары частям 42[-й] дивизии. Благодаря искусному маневрированию, начдив 42[-й] не допустил противника к овладению Ельцом и, несмотря на тяжелое положение, сумел захватить инициативу в свои руки и сам перешел в наступление. С переходом в наступление частями 42[-й] дивизии был нанесен противнику ряд тяжелых ударов (уничтожение офицерской роты и пленение 75 человек в бою у дер[евни] Чернава 29 окт[ября]; пленение роты 2[-го] Алексеевского полка со всем комсоставом и тремя пулеметами в бою у Козьмодемьянское 2 н[оя]бр[я]; разбитие наголову 1[-го] и 2[-го] Алексеевских полков в бою под г[ородом] Ливны 3 н[оя]бр[я] и занятие того же числа г[орода] Ливны; пленение 375 человек и захват 9 пулеметов противника в бою у Алексеевское 11 н[оя]бр[я]). В общем, 42[-я] дивизия под командой т. Паука, с переходом в наступление, не только овладела территорией, но и нанесла весьма существенный ущерб живой силе противника. 16 н[оя]бр[я] после нескольких дней упорных боев части 42[-й] дивизии захватили железнодорожный узел Касторное.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 13.03. № 126.

Перемытов А.М.

Наштарм 7[-й] Генштаба т. **Перемытов** [Алексей Макарович] – за исключительную доблесть и умелое руководство операцией штурма крепости Кронштадт и боем по овладению гор[одом] Кронштадтом.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 04.03. № 112.

Петин Н.Н.

Бывший начальник штаба армий Юго-Западного фронта, ныне вр[еменно] командующий войсками Киевского военного округа Генерального штаба **Петин** Николай Николаевич – за талантливую разработку всех оперативных соображений в должности начальника штаба фронта, энергичную подготовку и проведение в жизнь намеченных операций в 1919 и 1920 гг., закончившихся разгромом армий Деникина

под Орлом и энергичным преследованием и ликвидацией их на территории Украины. В периоды временного замещения командующего фронтом тов. Петин смело проявлял широкую инициативу и с сознанием важности и ответственности момента с успехом самостоятельно руководил боевыми действиями войск фронта.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 09.05. № 153.

Попов В.В.

Начальник штаба [58-й стрелковой дивизии] тов. **Попов** Владимир Васильевич — за отличие, выразившееся в следующем: во все время происходивших отступательных боев на польском фронте за период с 26 апр[еля] по 4 и[ю]н[я] с.г. тов. Попов руководил операциями отхода дивизии, не теряя мужества и самообладания, способствовал сохранению частей, планомерному их отходу и занятию соответствующих позиций и своими своевременными и умелыми распоряжениями вывел части дивизии из тяжелого положения. При отходе войск из Житомира вместе с начдивом лично руководил отходом частей и выехал из города лишь тогда, когда был окружен цепями противника, ворвавшегося в город и открывшего огонь из винтовок и пулеметов. В местечке Корыстышев, руководя отходом войск и обозов, пропустил всех через мост, а сам, оставшись для разведки и прикрытия отходивших частей, повел комендантскую команду в контратаку под ружейным, пулеметным огнем, чем сдержал наступление противника на хвосты обозов и частей. В местечке Кочерово с винтовкой в руках отбивал атаки банд на обозы дивизии и штадив, воодушевляя красноармейцев личным примером. Из м[естечка] Кочерово выезжал лично на разведку с начдивом на автомобиле по Житомирскому шоссе к деревне Царевка и там вместе с начдивом и военкомдивом¹ вступил в бой с разъездами противника, заставив последних отступить. Помимо перечисленных эпизодов проявления личной храбрости, благодаря энергии, распорядительности и умелому руководству тов. Попова, невзирая на расчлененность остатков разбитой под Житомиром дивизии, все части с гужевыми обозами были выведены в полном порядке из многократных окружений, сохранено имущество и живая сила[,] в боевой обстановке вновь составлена и сплочена 58[-я] дивизия.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 16.07. № 346.

Пугачев С.А.

Начальник штаба Кавказского фронта Генерального штаба **Пугачев** Семен Андреевич — за талантливую разработку оперативных предположений и энергичное и умелое ведение штабной работы в период всех операций на Кавказском фронте в 1919 и 1920 гг., закончившихся разгромом армий Деникина на Северном Кавказе, очищением от остатков их указанной территории и сдачей в плен большей части Кубанской белой армии.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 09.05. № 153.

¹ Военным комиссаром дивизии.

Ремезов А.К.

...Начальник штаба [11-й] армии тов. **Ремезов** [Александр Кондратьевич] – за отвагу, мужество и распорядительность при личном участии во многих боевых операциях 11[-й] армии в феврале месяце сего года...

Приказ РВСП по л/с армии. 1921. 07.06. № 193.

Сакварелидзе-Бежанов С.Г.

Начальник оперативного управления штасиба¹ тов. **Бежанов** Сергей Георгиевич – за следующие отличия:

Тов. Бежанов, будучи в течение 10-ти месяцев начальником оперативного управления штасиба, добросовестно выполнял возложенные на него обязанности, проявляя энергию и любовь к делу, не считаясь с количеством затрачиваемого времени. Особенно тяжелая работа выпала на долю тов. Бежанова в период с января по март месяц во время Ишимского восстания. Здесь он проявил знания, максимум энергии и распорядительности, в точности выполняя все распоряжения и указания помглавкома, лишаясь необходимого отдыха и сил, что не прошло бесследно и отразилось на его здоровье. В период операции против Унгерна и Бакича тов. Бежанов своей энергичной и умелой работой немало содействовал нашим успехам.

Приказ РВСП по л/с армии. 1921. 12.10. № 285.

Самойло А.А.

Командующий 6[-й] армией Генерального штаба **Самойло** Александр Александрович – за то, что, командуя этой армией, был всегда верным и стойким чашовым на своем посту, охраняя порученный ему фронт от противника. Готовый в каждую минуту на помощь своим соседям, генштаб **Самойло** в боевые тяжелые дни под Петроградом и в районе Двинска быстро выделил из состава армии лучшие части, героически дравшиеся затем с противником на Западном фронте. Операции, начатые с целью овладеть Архангельском и выйти к Белому морю, под руководством Генерального штаба **Самойло** получили свое блестящее развитие, и руководимая им армия энергичным ударом добивает врага, преградившего нам морской путь через Белое море.

Приказ РВСП по л/с армии. 1920. 21.02. № 73.

Сергеев Е.Н.

Начальник 30[-й] стрелковой дивизии тов. **Сергеев** Евгений Николаевич за нижеследующие отличия: действия доблестной 30[-й] дивизии под руководством отважного начальника ее тов. **Сергеева** за время с 4 окт[ября] по 15 н[оя]бр[я] 1919 г. выразились в следующем: в первых числах окт[ября] 1919 г., когда противник, сосредоточив значительные и наиболее устойчивые части, перешел на фронте армии к энергичным активным действиям, которые были особенно настойчивы

¹ Штаба помглавкома по Сибири.

на фронте 30[-й] дивизии. Несмотря на то, что части последней предыдущими боями были сильно расстроены, наступление противника в районе Боровское, Баятово, Шмаковское, Голопупово, Кашаирская все же было остановлено, и начиная с 4 окт[ября] дивизия сама перешла в контрнаступление. Противник оказывал упорное сопротивление за каждым местным предметом, но после двухнедельных боев был сломлен, и к 19 окт[ября] дивизия на всем фронте отбросила противника на 10 верст к востоку, захватив за этот период боев 300 пленных, 44 пулемета и свыше 12 000 патронов. Указанными боями живая сила неприятеля была настолько надломлена и расстроена, что это предредило его отход на рубеж реки Ишим. Учитывая положение, тов. Сергеев продолжал преследование надломленного врага по пятам и за время с 20 окт[ября] по 2 н[оя]бр[я] 1919 г., сбивая сильные арьергарды противника, проходил около 200 верст и вышел в район реки Ишим, захватив за это время: пленных 1000, пулеметов 8, винтовок 509 и патронов 54 000. На реке Ишим, на участке Ильинское – Гагаринское, противник, заняв заранее укрепленные позиции, пытался остановить наше наступление, но безрезультатно, благодаря стремительному напору частей дивизии, которая к 4 н[оя]бр[я] сбивала противника с укрепленных позиций и отбросила его в восточном направлении, захватив 300 пленных и 7 пулеметов. По овладении рубежом на реке Ишим противник был окончательно надломлен и начал в беспорядке отходить в общем направлении на Омск, прикрываясь сильными арьергардами. Дивизия продолжала преследование деморализованного врага с неослабевающей энергией, и ее налеты были так смелы и энергичны, что целые части неприятеля попадали в плен: 5 н[оя]бр[я] в районе Вакоринский захвачена легкая полевая батарея 3-орудийного состава с прикрытием в 100 чел.; в районе Юрьевской ж[елезной] д[ороги] захвачен полностью 4[-й] Сибирский полк 2[-й] отдельной бригады; в районе Михайловский – Петровское набегом дивизионной конницы пленен штаб сводной дивизии и 8 н[оя]бр[я] в районе Караульная захвачен в полном составе 59[-й] Саянский полк 15[-й] Сибирской дивизии. К 5 н[оя]бр[я] дивизия форсировала реку Иртыш и своим правым флангом, содействуя частям 5[-й] армии по овладению городом Омском, вышла на его северную окраину и заняла таковую. За весь период операции на участке района реки Тобол и района г[орода] Омск дивизия захватила пленных 5300, орудий 3, пулеметов 74, винтовок 1309, патронов 218 000, 2 парохода и много другого военного имущества. Столь крупными успехами дивизия обязана своему неутомимому руководителю, начальнику дивизии Сергееву, который, быстро и верно схватывая обстановку, немедленно принимал соответствующее правильное решение и энергично, смело, с присущей ему силой воли и умом проводил его в жизнь, и крупная победа, имевшая своим последствием полную деморализацию противника, – налицо.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 28.01. № 32.

Сергеев Е.Н. (второе награждение)

Командующий 4[-й] армией Генерального штаба т. Сергеев – за то, что решительными действиями войск 4[-й] армии разбил левый фланг противника и, обойдя его, обеспечил остальным армиям фронта легкое продвижение вперед.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Соллогуб Н.В.

Командующий 16[-й] армией Генерального штаба тов. **Соллогуб** [Николай Владимирович] – за тщательную подготовку форсирования р[еки] Березины и умелое исполнение этой операции, после чего войска 16[-й] армии стремительным ударом разбили противника и овладели г[ородом] Минском, захватив исправный подвижной состав и другие многочисленные трофеи.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Харламов С.Д.

Начальник армейской группы 7-й армии тов. Сергей Дмитриевич **Харламов** за молодецкое взятие Детского Села.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 13.11. № 308.

Чернышев В.Н.

Начальник штаба Главного управления Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота **Чернышев** Виктор Николаевич – за доблестное активное участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией на разных фронтах Гражданской войны. Занимая с 1918 г. ряд высших командных и штабных должностей, **т. Чернышев** с выдающейся талантливостью лично разработал планы нескольких боевых операций, принятых впоследствии командованием, чем оказал значительное содействие успеху красного оружия над различными контрреволюционными группировками, боровшимися с советской властью в районе Волги, Кубани и побережья Черного моря. В марте 1921 г., временно командуя IX армией, **т. Чернышев** лично руководил движением наших войск в Абхазию, принимая участие в боях у с[ела] Веселоу при переправе через р[еку] Псоу и под Новым Афоном, в результате этих боев IX армия, разбив противника, заняла г[ород] Сухум и помогла абхазскому пролетариату в его борьбе за окончательное освобождение от власти грузинских меньшевиков.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 28.05. № 77.

Шапошников Б.М.

Первый помощник начальника Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии Генерального штаба **Шапошников** Борис Михайлович.

В течение своей длительной деятельности на высоко ответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВСР тов. **Шапошников** являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы, во всех ее подробностях, полевых органов, в борьбе с врагами Социалистического Отечества.

Занимая указанную должность, вполне соответствующую по значению самостоятельной должности начальника штаба фронта, с первых же дней активной беспримерной борьбы республики с окружавшими ее кольцом врагами, вплоть до настоящего момента – почти прекращения серьезных боевых действий против бандитов, тов. **Шапошников** с присущей ему инициативой и твердым проведением

разработанных им лично боевых операций вынес на себе всю тяжесть последних, работал с полным самоотвержением и днем и ночью.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 14.10. № 283.

Шварц Н. Н.

Бывш[ий] начальник штаба Западного фронта т. **Шварц** Николай Николаевич за то, что своей неутомимой энергией, исключительной преданностью долгу оказал значительное содействие успехам Красной армии в ее борьбе с белополяками.

В особо трудные для наших войск моменты борьбы т. Шварц личным руководством по восстановлению связи и непосредственным управлением боевыми операциями обеспечивал за нами победу.

В бытность его на Восточном фронте т. Шварц проявлением умелой инициативы и талантливого руководства действиями наших войск значительно способствовал разгрому армии Колчака и блестящему проведению Омской операции.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 31.05. № 133.

Шехаев Б. А.

Начальник штаба 16[-й] стрелковой имени Киквидзе дивизии **Шехаев** Борис Александрович – за то, что в бою с поляками 15 августа 1920 г. под м[естечком] Нове-Място, временно замещая начальника дивизии и получив донесение о создавшейся тяжелой обстановке на правом фланге дивизии, где противник, будучи в превосходных силах, перешел в наступление, немедленно принятыми мерами ликвидировал угрозу удара противником во фланг, причем сам с 3 телеграфистами все время находился в оставленном нашими войсками м[естечке] Нове-Място, несмотря на явную личную для него опасность, и руководил перегруппировкою частей дивизии, благодаря чему положение было восстановлено.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 17.03. № 40.

Яновский А. Я.

Нижеследующие товарищи за боевые отличия, проявленные ими в 1921 г. в борьбе грузинского пролетариата за освобождение от гнета капитализма:

...начальник штаба 9[-й] стр[елковой] дивизии **Яновский** Александр Яковлевич.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 17.09. № 193.

В.А. Замбржицкий^I. Градация офицеров Генерального штаба. 1928 г.^{II}

Тип офицера Генерального штаба весьма сложный, и к нему нельзя подходить лишь с мерилем «момент» — армейской клички, давно уже установившейся за офицером Генерального штаба, клички, может быть, весьма остроумной, но, во всяком случае, поверхностной и вовсе не определяющей сути офицера Генерального штаба, а к тому же не верной и по существу, ибо если таковой тип и существовал прежде, когда слово «момент» было весьма модным и ходким (т.е. примерно до и в период Русско-японской войны), то ныне он устарел или, вернее сказать, давно повывелся, и современный русский офицер Генерального штаба представляет собой нечто иное.

Попробую взглянуть несколько глубже. Принадлежа сам к корпусу офицеров Генерального штаба, мундиром коего я дорожу и горжусь, зная хорошо добрую его половину и безмерно любя свою профессию, я беру на себя смелость открыто сказать, что да, среди нас — офицеров Генерального штаба — есть много и нравственных, и служебных, и пошлых уродов, но все же, к счастью, тип офицера Генерального штаба далеко не исчерпывается лишь одним злым определением «момент». Я намечу целую градацию типов, так, как я их себе представляю.

Существует четыре различных основных типа. Первый — это тип, ну, что ли, скажем, капрала, который берет палку в руки или потому, что она ему вообще по душе, или потому, что она плохо лежит и надо же кому-нибудь взять ее в руки. Приезжает, бывало, в штаб молодой, перцовый офицер Генерального штаба, у которого и от молодости, и от избытка энергии, и от желания показать себя и проверить на опыте свои знания, что называется, руки зудят и кровь ходуном ходит. Быстро ориентируется он в штабной обстановке, разберется в людях, заглянет в души и видит, что начальник — шляпа, податлив, как воск, и что его легко можно забрать в руки, а окружающие или не в состоянии этого сделать (потому что тоже шляповаты), или не умеют, или не хотят, или не обладают должными знаниями и волей, и дело от того страдает, потому что, скажем, начальник, может быть, и соображает хорошо, и умные, дельные мысли высказывает, а провести их в жизнь,

^I Замбржицкий Виктор Альфонсович (22.03.1883–13.11.1960) — генерал-майор, участник Белого движения на Юге России. Генерал для поручений в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР.

^{II} Материал представляет собой третью главу воспоминаний В. А. Замбржицкого «Последний поход на Кубань. Август 1920 года (Записки участника)».

настоять на них у него не хватает воли. Вот «капрал» и начинает полегоньку набрасывать узду, расправлять свои крылышки. Сначала исподволь, осторожно, чтобы не задеть самолюбия, мягко оглаживает начальника, смотря по характеру и особенностям каждого и играя на его слабой струнке – одному преподносит решение как собственный вывод начальника; другого пугает судебной ответственностью за непринятие решения (с одним из таких начальников мне довелось иметь дело), чем понуждает его к действию; с третьим – пьет водку, под пьяную руку подсунет начальнику для подписи нужный приказ; четвертого – возьмет шуткой и скабрёзными анекдотами; с пятым сыграет в картишки и за винтом проведет свою мысль; с шестым вообще живет по душе и так далее, и так далее, одним словом, поймает конек начальника и на нем ездит... Потом, постепенно, влияние его упрочивается, незаметно он входит во все большую и большую силу, забирая власть, которая сама уже лезет к нему. Начальник видит, что дело идет хорошо, радуется, счастлив, награды на него сыпятся, как из рога изобилия, за блестящие боевые дела, и он души не чает в молодом капитане или подполковнике Генерального штаба... Вот уж истинно Господь послал в утешение!.. И все кругом довольны, – и начальник, и виновник всего этого благополучия, и окружающие, и высшее начальство, а больше всего довольны войска, потому что сверху чувствуется твердая рука, которая когда нужно и огреет, но зато и позаботится, а главное, своевременно и разумно распорядится. Начальник без него как без рук. Попробуйте вы взять от него, перевести или дать другое назначение такому офицеру Генерального штаба!.. Начальник схватится за голову, «Караул» завопит благим матом, во все колокола, во все инстанции зазвонит, телеграммы пошлет, представления, рапорты, доклады, ходатайствуя, настаивая, умолая, требуя, грозя, наконец, полной остановкой всей работы и могущими отсюда произойти пагубными последствиями в боевой обстановке, за которую он-де не ручается, если у него возьмут или переведут такого-то и такого-то. Я помню случай, когда хотели перевести одного из таких молодчаг, командир корпуса послал в штаб армии такую отчаянную телеграмму, что, казалось, у него рухнет фронт... Штаб армии встревожился и, не решившись при таком условии брать у него офицера, обратился в штаб фронта за разъяснением, как тут быть? Начальник штаба фронта генерал Бонч-Бруевич решил просто: «Скажите командиру корпуса, что в таком случае пусть передаст корпус этому подполковнику...» И когда офицера все-таки перевели, все управление корпуса действительно пришло в упадок, войска терпели неудачи и в конце концов беднягу командира корпуса отчислили от должности, в то время как «молодчага» преуспевал уже по службе на новом месте, постепенно и там забирая оперативную власть. Пусть это положение ненормально, но оно в конце концов жизненно и, следовательно, неизбежно. Молодые силы находят себе исход, разворачиваясь из узких рамок прямой своей должности, и, пройдя здесь хорошую школу, вырабатываются затем в энергичные, решительные, самостоятельные начальники, которые на старших, командных должностях уже сами ведут других на поводу и не нуждаются в подсказках.

Это один из самых лучших, самых ценных, хотя, быть может, и не всегда приятных, но, во всяком случае, наиболее полезных и необходимых типов Генерального штаба. Если при этом он не нахал, не заносчив, не крайний эгоист, в меру честолюбив, довольствуясь высоким уважением начальника и войск

и неограниченным влиянием в оперативной деятельности, не гоняясь за большим, то часто он живет душа в душу с начальником, любовно поделив между собою сферу деятельности. Начальник берет себе хозяйственную часть, инспекторский надзор, объезд войск, разnoseы... В тяжкую минуту вылетит и на тройке в цепь (знавал я и таких), а начальник штаба – всю подготовительную боевую, оперативную работу и распорядительную часть. И опять все кругом довольны. К первому типу принадлежат сильные, волевые характеры, у которых широта знаний соединяется с кипучей жадой деятельности и неистощимой энергией и работоспособностью. К сожалению, они составляют меньшую часть; некоторые из них не уживаются с начальством (когда коса найдет на камень) и носят кличку беспокойных. Их боятся и обычно стараются сплавить подальше на самостоятельные места или оставить не у дел.

Второй тип офицеров Генерального штаба послабее. Я бы их назвал советчиками. По натуре своей они вообще неспособны к самостоятельной деятельности, но зато подают прекрасные советы. Многие из них отлично разбираются в обстановке, находят соответственное решение, но провести его в жизнь сами они ни за что не смогут. Они являются незаменимыми помощниками для начальника крутого, решительного, у которого воли хоть отбавляй, а мозгов или знаний не хватает, и начальник это сознает. Но зато, если он, начальник, своенравен и упрям и преувеличенного мнения о своих способностях, такому офицеру Генерального штаба – беда!.. Измучится он душой, ибо, будучи податлив, он не в состоянии отстоять своего мнения и, в конце концов, вынужден будет согласиться с мнением и решением начальника, в то же время не может не сознавать всей пагубности такого решения и ожидаемых тяжелых последствий, и это причиняет ему душевные муки. Из этих офицеров вырабатывается незаменимый тип прекрасных исполнителей; я говорю незаменимый потому, что они так же, как и инициаторы, столь же необходимы и ценны для общей гармонии техники военного управления. Они всегда скромнее «капралов», уживчивее и часто являются теми незаметными тружениками – китами, на которых зиждется управление массами! Как передаточные ремни и поршни машин, они размеренно, верно и автоматически точно передают двигательную силу, которая через них проходит, работают бесменно часто годами, обходясь без подмазки в виде отпусков, повышений, наград, выдвижений, и остаются вечно в тени, заслоненные фигурой начальника. Их – большинство...

Они хороши на младших должностях; в старших ролях они непременно нуждаются в твердой, стоящей над ними, направляющей руке, и тогда они – тоже хорошие работники; в противном случае они теряются или размениваются на мелочи, или бросаются из стороны в стороны, или, наконец, умывают руки, предоставляя полную мочь какому-либо молодому офицеру «капралу», который фактически устраняет от дел начальника штаба, работая непосредственно со старшим начальником. Ко второму типу принадлежат в большинстве средние люди, средних способностей, прилежно изучившие военные науки, добросовестно прошедшие все испытания академии, вышедшие в люди и плывущие дальше уже по течению. Одни из них совсем складывают оружие в смысле дальнейших знаний, полагая, что на их век хватит запаса академических жиров, – это более ленивые натуры; другие продолжают с тем же усердием изучать военное дело, интересоваться новинками,

много читают, сами пишут, но пороха все же не выдумывают. А в общем это достойные люди и ценные работники при повышении их до известных пределов.

Третий тип офицера Генерального штаба — критики. Они сродни типу советчиков, но по мышлению, по характеру деятельности и по ее результатам они так же различаются от них, как положительные и отрицательные математические величины. Советчик напрягает всю силу своего ума и соображения, чтобы помочь своему начальнику своими знаниями, своим опытом, советом, работой, своими заключениями, своим авторитетом, тогда как критик думает лишь о том, чтобы разрушить всякую работу, потому что на то он и критик, чтобы критиковать, т.е. разрушать, а созидать [—] это дело не его, это его не касается. Но и среди критиков наблюдаются две разновидности: есть критики злостные, которые в своей разрушительной работе испытывают сладострастное наслаждение, которые упиваются могуществом своего критического ума и таланта, подвергая критике все не потому, что то хорошо или дурно, а потому, что ему доставляет физическое удовольствие раскритиковать, разнести, напакостить, испортить все, что творит другой. И он это делает тонко, язвительно, едко, саркастически, по всем правилам логики, злорадствуя и издеваясь над своей жертвой, истязуя ее тем злостней, чем беззащитнее жертва и чем лучше составленный план. Это, своего рода, оперативные садисты, психопаты Генерального штаба, которые тем опаснее, чем они искуснее и умнее. Он сам ничего никогда не создаст, потому что на это он не способен, но критиковать чужой план, чужую работу он будет мастерски. Да если бы он и знал, что нужно делать, он вам не подскажет из того же чувства истязания, недоброжелательства, критической злости и зависти. И чем доказательнее вы будете с ним спорить, отстаивая правоту своих положений, тем авторитетнее он будет вас опровергать. Его могучее оружие — насмешка, ирония, сарказм, дерзость, третирование вас с высоты своего ума и знаний, что при логичности доводов в конце подрывает в вас самих доверие к собственным силам. Они — наша язва, всякое слово их — яд, мертвящий, отравляющий всякую волю, всякое начинание, всякую мысль, и единственно полезное, что может сделать начальник, имея такого помощника, это вовсе его не слушать и скорее удалить от себя. Они никогда ничем не довольны, и если, к несчастью, его предсказания сбудутся, нужды нет, что мы потерпели поражение, что погибли тысячи жизней, что подорвана вера в успех и победу, — он будет торжествовать, он ликует, злорадно потирая руки, и всем говорит: «Вот видите, я говорил, я предупреждал, я предсказывал, потому что я все предвидел, меня не послушали, — ну так вот теперь получайте, пожинайте то, что посеяли...» К счастью, таких офицеров Генерального штаба немного, и в этом наше спасенье.

Другая разновидность — критики просто будирующие. В большинстве это вовсе не злые, а благодущные люди, но с известной наклонностью всегда поворачивать по всякому поводу, у которых, что называется, язык хорошо подвешен, они и звонят, не отдавая себе ясного отчета, хорошо это или дурно. Они критикуют не потому, что им доставляет удовольствие расстроить налаженную работу или предположенный план, а потому, во-первых, что критиковать гораздо легче и приятнее, чем самому что-либо творить и придумать; во-вторых, потому, что надо же дать отвод накопившемуся душевному раздражению; и, в-третьих, наконец, потому, что, критикуя, они сохраняют свой престиж, свое превосходство, доказывая тем свою умственную силу. Они искренно болеют душой при нашем

неуспехе или поражении, но никогда не признаются, что причина его коренится именно в том, что они подрывают веру в успех своей бесполезной, подтачивающей критикой. Я помню, как старик Горбатовский¹ — командир 19го корпуса — бегал за своим таким вот начальником штаба и жалобно его умолял: «Ну, хорошо, я согласен... Пусть мои планы бездарны, пусть я ошибся, пусть заблуждаюсь... Вы все меня критикуете, но скажите же, ради Бога, что нужно сделать, дайте мне совет, я вас прошу, я вас умоляю... и я тотчас по-вашему сделаю...» А начальник штаба, продолжая ворчать и будировать, уже смягченный «повинной» старика Горбатовского, но не зная, что же в самом деле ему посоветовать, вместо ответа собирал нас, офицеров Генерального штаба, и спрашивал нашего мнения... Между тем, как действует критика подчиненного офицера Генерального штаба на начальника, особенно не имеющего академического образования, примером может служить такой случай. В 1919 г., в мае, весною, в бытность мою начальником штаба 3[-й] Донской армии², мною был составлен и одобрен высшим составом Донского командования план прорыва большевистского фронта на р[еке] Донец сильной конной группой из пяти конных дивизий, которую предполагалось бросить на соединение с восставшими казаками Верхне-Донского округа, верстах в 200 к северу от Донца. Пока шла подготовка и сосредоточение группы, начальник штаба одной из дивизий, молодой полковник Генерального штаба Ф., подал по команде через своего начальника дивизии обширную записку-доклад, доказывая совершенную невыполнимость намеченной операции, грозящей гибелью последнего нашего ударного резерва и с ним всего нашего фронта. Начальник дивизии с подписью «Совершенно согласен с мнением начальника штаба» препроводил доклад командиру корпуса. Тот приписал: «Вполне присоединяюсь к мнению полковника Ф. и заключению начальника дивизии, представляю на усмотрение». Командующий группой, бесшабашный, но храбрый «Сашка» Секретев³, препроводил ее к нам, в штаб, с[о] своей резолюцией: «Вполне разделяю высказанные мнения начальствующих лиц, а, впрочем, если прикажут, пойду». Мы приказали, и «Сашка» пошел и прорвал, положив начало разрушению южного большевистского фронта. А перед тем, как пойти, я собрал всех начальствующих лиц (командующий армией был болен), разнес вдребезги весь доклад полковника Ф., его самого пристыдил и начальнику высказал пару теплых слов за то, что они поддались гипнозу полковника Ф. А что было бы, если бы и высшее начальство поддавалось тому же гипнозу? Такие благодушные критики не столько вредны, сколь нудны; но если их держать в шорах и не поддаваться их мнению, то они могут быть даже полезны как указатели на возможные промахи и ошибки, которые должны быть во всяком деле. К счастью, и таких благодушных критиков не так уж много.

Четвертый тип офицера Генерального штаба это — прирожденные путаники, никчемные люди, по ошибке окончившие академию и случайно попавшие

¹ Горбатовский Владимир Николаевич (26.05.1851–30.07.1924) — генерал от инфантерии, командир XIX армейского корпуса (1914–1915).

² В начале 1919 г. фронты Донской армии были преобразованы в армии. В. А. Замбрицкий занял пост начальника штаба 3-й армии.

³ Секретев Александр Степанович (08.08.1881–08.05.1931) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант), участник Белого движения на Юге России. Конная группа А. С. Секретева в июне 1919 г. прорвалась на соединение с восставшими на Верхнем Дону казаками.

в Генеральный штаб. Это опасный и вредный элемент, ибо, имея у себя на груди штамп офицера Генерального штаба, они при полной своей неспособности и сами о себе высокого мнения, и вводят в заблуждение окружающих, которые, веря их ярлыку Генерального штаба, высоко в армии почитаемому, доверяют и их способностям, раскусывая его только тогда, когда он, этот путаник, своими действиями приводит всякое дело к гибели. К счастью, этот тип немногочислен, но все же он есть. Помню, мне один начальник дивизии, большой юморист, про одного такого путаника («Марка Беспутного» — его так все и звали в дивизии, фамилии называть не буду) говорил: «Я приказал таких офицеров Генерального штаба ближе версты к штабу не подпускать, а штаб окружить пулеметами, и как только он, Марк Беспутный (которого, между прочим, все очень любили за добрый, покладистый нрав), появится на горизонте, открывать по нем беспощадный беглый огонь». В большинстве случаев этот тип — безличные или обиженные Богом и разумом люди или неудачники, пошедшие совсем не той стезей, непригодные во все к военному делу. Я знавал нескольких таких. Один, например, про которого говорили «седой, но дурак», писал в самые тяжкие минуты боя великолепнейшие стихи, по звучности, элегии, стихотворению и изяществу порой не уступавшие Пушкину; боем же он зато не интересовался, да и к лучшему, потому что в первом же бою погубил целую дивизию... Другой был бесподобный игрок в карты, играл в винт без проигрыша, знал на память все вышедшие карты; еще в мирное время, до войны, он «зарабатывал» игрою (как он сам и другие мне говорили) чистых 12 000 рублей в год. «Должны же мне платить дураки за доставляемое им удовольствие... Подите-ка, сыщите такого игрока». «Видите ли, голубчик, — доверительно шептал он, сдавая мне должность начальника штаба корпуса, — моя голова совсем не приспособлена к составлению плана обороны... Вот в карты сыграть, это так, это по мне, а то... план обороны! Голубчик, знаете что? — вдохновенно решился вдруг он, — вы вот книгу написали, вам и книги в руки... Ради Бога, составьте-ка план обороны вы, а я подпишусь... Ну, что вам стоит?..» Это еще хорошо, когда человек сознает, что он неспособен, и предоставляет вести дело другим, а есть и такие, искренно убежденные в том, что они отмечены искрой Божьей, и жаждущие применения своих дарований. Господи, спаси и помилуй нас от этих услужливых медведей Генерального штаба!.. Четвертый тип, вообще говоря, не терпим ни на каких ролях, и если я о нем упоминаю, то лишь для полноты картины, тем более что в семье не без урода.

Так вот, разбираясь теперь в своих впечатлениях, я соображал по дороге домой, к какому из этих четырех или, вернее, первых трех типов отнести Драценку^{II}? Он не критик, это ясно. Так кто же? Капрал или советчик? Я с любопытством перебирал в уме подробности свидания, ища ответа и указаний на возникший вопрос. К сожалению, я слишком мало знал в то время Драценку и Улагая^{III}, чтобы

^I По-видимому, речь идет о II Донском корпусе.

^{II} Драценко Даниил Павлович (08.12.1876–1945) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба группы войск генерала С. Г. Улагая в период десанта на Кубань (1920).

^{III} Улагай Сергей Георгиевич (19.10.1875–20.03.1947) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России. Командующий группой войск в период десанта на Кубань (1920).

ответить себе положительно на этот вопрос. Но мне вспомнились слова Мариюшкина^I, что Драценко, «Павлуша»^{II} и Масловский^{III} были в штабе Кавказского фронта... — Та-та-та... как же!.. Отлично помню в иллюстрированном приложении к «Новому времени» картинку: «Походный штаб командующего Кавказской армией». На фотографии в середине сидит усатый, как малороссийский «дед», генерал Юденич^{IV}, рядом с ним безличный генерал-квартирмейстер, а за спинами их стоят четыре молодых капитана Генерального штаба — Масловский, Шатилов, Драценко и еще кто-то четвертый, не помню^V. Юденич — всем известная крупная величина по воле и силе, и при нем не очень-то разыграешь капральскую роль. Вернее думать, что все четверо при нем были только советчиками... Однако по этой их роли при генерале Юдениче судить о них еще невозможно. Они, быть может, при нем не могли развернуться, но силы духовные таиться в них могли, тем более что Юденич, насколько я знаю, поощрял молодые порывы... А, впрочем, что заранее загадывать? Поживем, увидим, а пока что и Улагай, и Драценко, и Соколов^{VI}, — эти главнейшие фигуры предстоящей боевой игры, мне определенно нравятся. Во всех них трех я нахожу родственную черту — мы все говорим одним языком, все одного склада понятий, все — люди долга и чести, не авантюристы, не политики, а простые, скромные военные люди... Я бесконечно рад и благодарю Бога за то, что попал в это славное общество.

ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–26. Подлинник. Автограф.

^I Мариюшкин Алексей Лазаревич (13.03.1880–14.11.1946) — полковник, участник Белого движения на Юге России. Сотрудник отдела генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР.

^{II} Речь идет о П. Н. Шатилове. Шатилов Павел Николаевич (13.11.1881–05.05.1962) — генерал от кавалерии, участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба ВСЮР и Русской армии.

^{III} Масловский Евгений Васильевич (04.10.1876–29.01.1971) — генерал-майор, участник Белого движения на Юге России. Генерал для поручений при начальнике штаба главнокомандующего ВСЮР, начальник штаба 2-й армии.

^{IV} Юденич Николай Николаевич (18.07.1862–05.10.1933) — генерал от инфантерии, командующий Кавказской армией.

^V Мемуарист ошибается — на фото П. Н. Шатилова не было. Сзади стояли капитаны Р. В. Злобин и Б. А. Штейфон, полковник Е. В. Масловский, подполковник Д. П. Драценко, капитаны Н. А. де Роберти и М. Н. Баташев. Публикацию фото см. в нашем справочнике: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

^{VI} Соколов Стефан Варфоломеевич (Августович) (07.08.1877–07.06.1927) — генерал-майор, участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба северной группы войск десантного отряда генерала С. Г. Улагая.

Список сокращений, аббревиатур и условных обозначений

АВИМАИВиВС	– Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)
АВГР	– Архив внешней политики Российской Федерации
АСБ	– Архив Славянской библиотеки (Прага, Чехия)
ВВС	– Высший военный совет
ВГШ	– Всероссийский главный штаб
ВНО	– Военно-научное общество
ВОСО	– военные сообщения
ВРК	– Военно-революционный комитет
Всеобуч	– Всеобщее военное обучение
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ВСЮР	– Вооруженные силы на Юге России
ВУСО	– Верховное управление Северной области
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
ГААО	– Государственный архив Архангельской области (Архангельск)
ГААР	– Государственный архив Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан)
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края (Краснодар)
ГАМО	– Государственный архив Мурманской области (Мурманск)
ГАНИСО	– Государственный архив новейшей истории Саратовской области (Саратов)
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области (Новосибирск)
ГАОО	– Государственный архив Оренбургской области (Оренбург)
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСБУ	– Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (Киев, Украина)
ГАУ	– Главное артиллерийское управление
ГВИУ	– Главное военно-инженерное управление
генкварм	– генерал-квартирмейстер
главковерх	– Верховный главнокомандующий
ГПУ	– Государственное политическое управление
ГубЧК	– Губернская чрезвычайная комиссия
ГУВУЗ	– Главное управление военно-учебных заведений
ГУГШ	– Главное управление Генерального штаба

ГШ	– Генерального штаба
ДВР	– Дальневосточная республика
ДГК	– Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969
ДКФКА	– Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1971–1978. Т. 1–4
ДРЗ	– Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва)
ЖРВИИ	– Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований
ИН	– Известия Народного комиссариата по военным делам
ИНО	– Иностранный отдел
КВЖД	– Китайско-Восточная железная дорога
Комуч	– Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
КСХС	– Королевство сербов, хорватов и словенцев
КУВНАС	– Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава
л/с	– личный состав
МПКК	– Московский политический Красный Крест
МРК	– Музей русской культуры в Сан-Франциско (Сан-Франциско, США)
НАА	– Национальный архив Армении (Ереван, Армения)
НАА (ПА)	– Национальный архив Армении (партийный архив) (Ереван, Армения)
НА ИРИ РАН	– Научный архив Института российской истории РАН (Москва)
начдив	– начальник дивизии
начоперод	– начальник оперативного отдела
начоперупр	– начальник оперативного управления
начштаб,	
начштаба, наштаба	– начальник штаба
наштабриг	– начальник штаба бригады
наштаверх	– начальник штаба Верховного главнокомандующего
наштаглав	– начальник штаба главнокомандующего
наштадив	– начальник штаба дивизии
наштакор	– начальник штаба корпуса
наштарм	– начальник штаба армии
наштафронт	– начальник штаба фронта
НКИД	– Народный комиссариат иностранных дел
НКПС	– Народный комиссариат путей сообщения
НРА ДВР	– Народно-революционная армия Дальневосточной республики
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
Оперод	– оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОСПИ ГААО	– Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (Архангельск)
помглавкома	– помощник главнокомандующего
ПСР	– партия социалистов-революционеров
ПШ	– Полевой штаб
РВСР	– Революционный военный совет республики

РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
РГВА	– Российский государственный военный архив (Москва)
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
ревком	– революционный комитет
РЗИА	– Русский заграничный исторический архив
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП, РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВС	– Русский общевоинский союз
СНК	– Совет народных комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
т., тов.	– товарищ
ТАОН	– тяжелая артиллерия особого назначения
УкрВУЗ	– Военно-учебные заведения Вооруженных сил Украины и Крыма
УНР	– Украинская народная республика
УПК	– учетно-послужная карта
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
УФСБ	– Управление Федеральной службы безопасности России
ФСБ	– Федеральная служба безопасности России
ЦАМО	– Центральный архив Министерства обороны (Подольск)
ЦАНИГ	– Центральный архив новейшей истории Грузии (Тбилиси, Грузия)
ЦА ФСБ	– Центральный архив Федеральной службы безопасности России (Москва)
ЦГАМО	– Центральный государственный архив Московской области (Москва)
ЦДАВОУ	– Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев, Украина)
ЦДАГОУ	– Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Киев, Украина)
ЦИАГ	– Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси, Грузия)
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦУПВОСО	– Центральное управление военных сообщений
ЦУС	– Центральное управление по снабжению армии
ЧК	– Чрезвычайная комиссия
штабриг	– штаб бригады
штадив	– штаб дивизии
штакор	– штаб корпуса
штаокр	– штаб округа
штарм	– штаб армии
ВАР	– Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
BDIC	– Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция)
CAW	– Центральный военный архив Польши (Рембертов, Польша)

ERA	— Государственный архив Эстонии (Таллин, Эстония)
ERAF	— Филиал Государственного архива Эстонии (партийный архив) (Таллин, Эстония)
HIA	— Архив Гуверовского института (Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)
HDA	— Хорватский государственный архив (Загреб, Хорватия)
KA	— Национальный архив Финляндии (Хельсинки, Финляндия)
LCVA	— Центральный государственный архив Литвы (Вильнюс, Литва)
LVA	— Национальный архив Латвии (Рига, Латвия)
LVA PA	— Национальный архив Латвии (партийный архив) (Рига, Латвия)
LYA	— Литовский особый архив (Вильнюс, Литва)

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС, Санкт-Петербург)
Ф. 13р. Цейтлин В.М. Оп. 1. Д. 2, 11.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР, Москва)
Ф. 4. Г.В. Чичерин. Оп. 13. П. 71. Д. 1010.
3. Архив Гуверовского института (HIA, Hoover Institution archives, Stanford university, Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)
N.N. Baratov collection. Box 2.
Michael Blinov collection. Box 3.
A.P. Budberg collection. Box 1.
A.V. Cheriachoukin papers. Folder 1.
D.D. Grimm papers. Box 3.
N.N. Iudenich collection.
Kornilovskii udarnyi polk. Box 1.
P.A. Koussonsky collection. Box 2, 3, 10.
A.A. von Lampe collection. Box 3.
E.K. Miller collection. Box 1, 2, 18.
B.I. Nikolaevsky papers. Box 103.
F.F. Palitsyn memories. Box 1.
P.P. Petrov collection. Box 1.
ROVS collection. Box 14.
Russia (1918–1920). V.S.IU.R. Sudnoe otdelenie collection. Box 6.
Russian subject collection. Box 30.
I.I. Serebrennikov collection. Box 10.
S.A. Shchepikhin collection. Box 1.
P.A. Tomilov collection. Box 1.
The Trotsky collection. Box 1. Folder 58
Volkogonov collection. Box 5.
M.D. Vrangeli collection. Box 7.
Vrangeli collection. Box 38, 39, 113, 162.
Vrangeli' family papers. Box 6–8.
N.D. Zarin collection. Box 1.
4. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ, Москва)
Ф. 1. Всероссийская мемуарная библиотека. Е-166.

5. Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско (США)
Коллекция А.П. Будберга.
Коллекция А.Г. Ефимова. Вох 1.
Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1, 2.
Коллекция рукописей. 60050 М.
6. Архив Славянской библиотеки (АСБ, Archiv Slovanské knihovny, Прага, Чехия)
T-RZIA. Русский заграничный исторический архив. 6-1035.
7. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Архангельской области (АУФСБ по Архангельской области, Архангельск)
Ф. 3354. Оп. 2. Д. П-5587. Т. 1–3.
Д. П-14750, П-14080.
8. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Волгоградской области (АУФСБ по Волгоградской области, Волгоград)
Ф. 6. Д. 2063.
9. Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (BAR, Bakhmeteff archive, Columbia university, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
K.K. Akintievskii papers. Box 1.
Iu.P. Aprelev manuscripts.
A.A. and N.V. Brusilov papers. Box 1.
Anton & Kseniia Denikin collection.
N.N. Iudenich collection. Box 23.
Memories of V.N. Kasatkin. Folder 1.
A.A. von Lampe collection. Box 24.
Leib Gvardii Finlandskii polk papers. Box 25.
P.S. Makhrov collection. Box 2, 4.
E.V. Maslovskii collection. Box 2.
E.E. Messner collection. Box 3.
Iu.N. Pliushchevskii-Pliushchik collection.
R.R. Raupakh collection. Box 1.
ROVS collection. Box 88, 164.
K.V. Semchevskii collection.
Semenovskii polk papers. Box 4, 5.
A.A. Smagin memories.
D.N. Tikhobrazov collection. Box 2–4.
10. Библиотека современной международной документации (BDIC, Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine, Нантер, Франция)
BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1.
11. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР, Azərbaycan Respublikasının Dövlət Arxivi, Баку, Азербайджан)
Ф. 6. Гянджинский окружной суд. Оп. 2. Д. 2.
Ф. 246. Военный комиссариат Азербайджанской ССР. Оп. 1с. Д. 305.
Ф. 252. Военное училище. Гянджинская школа прапорщиков. Оп. 2с. Д. 13.
Ф. 410. Азербайджанский ревком. Оп. 1с. Д. 35.
Ф. 970. МИД Азербайджанской республики. Оп. 1с. Д. 61.
Ф. 2894. Военное министерство мусаватистского правительства. Оп. 1. Д. 1, 13, 15, 16, 26, 27, 30, 39.

- Ф. 2898. ГУГШ. Оп. 1. Д. 8, 35; Оп. 2. Д. 11, 12а, 22, 23, 40.
- Ф. 2901. Управление дежурного генерала штаба азербайджанской армии. Оп. 1. Д. 12.
12. Государственный архив Архангельской области (ГААО, Архангельск)
 Ф. Р-2834. Генерал-губернатор Северной области (Архангельск). Оп. 1. Д. 35, 37, 40, 47, 49, 54;
 Оп. 2. Д. 12.
 Ф. Р-2851. Архангельский губернский военный комиссариат. Оп. 6. Д. 5, 11; Оп. 9. Д. 283;
 Оп. 10. Д. 58, 61.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК, Краснодар)
 Ф. Р-14. Канцелярия Войскового атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 19.
14. Государственный архив Мурманской области (ГАМО, Мурманск)
 Ф. П-102. Истпарткомиссия при Мурманском окружном ВКП(б). Оп. 1. Д. 23.
15. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО, Саратов)
 Ф. 199. Истпарт. Оп. 3. Д. 244, 379, 382.
16. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО, Новосибирск)
 Ф. Р-1146. Сибирское отделение Верховного суда РСФСР. Оп. 1. Д. 135, 136, 138.
17. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО, Оренбург)
 Ф. Р-1912. Штаб Оренбургского военного округа. Оп. 2. Д. 23, 24, 32.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, Москва)
 Ф. А-539. Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете министров РСФСР.
 Оп. 3. Д. 419, 1476, 3211; Оп. 4. Д. 90, 2049; Оп. 7. Д. 4649.
 Ф. А-2306. Министерство просвещения РСФСР. Оп. 56. Д. 227, 826.
 Ф. Р-130. Совет народных комиссаров РСФСР – Совет министров РСФСР. Оп. 1. Д. 1; Оп. 3.
 Д. 144.
 Ф. Р-144. Государственное совещание (Уфа). Оп. 1. Д. 22.
 Ф. Р-148. Департамент общих дел МВД Российского правительства (Омск). Оп. 7. Д. 11.
 Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства (Омск). Оп. 5. Д. 1767; Оп. 12. Д. 6, 10;
 Оп. 14. Д. 201, 203.
 Ф. Р-188. Центральная следственная комиссия при военном министре Российского правительства (Омск). Оп. 1. Д. 1, 10, 21.
 Ф. Р-336. Следственная комиссия Революционного трибунала при Петроградском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Оп. 1. Д. 229, 232, 260.
 Ф. Р-446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (Екатеринодар). Оп. 2. Д. 39, 43, 51.
 Ф. Р-447. Судебно-следственная комиссия при штабе главнокомандующего ВСЮР (Екатеринодар, Ростов-на-Дону). Оп. 1. Д. 10, 259, 474; Оп. 2. Д. 48.
 Ф. Р-470. Особая комиссия при главнокомандующем ВСЮР по расследованию действий большевиков (Кисловодск). Оп. 2. Д. 227.
 Ф. Р-937. Канцелярия правителя Приамурского Земского края (Владивосток, Никольск-Уссурийский). Оп. 1. Д. 5.
 Ф. Р-952. Русское телеграфное агентство при акционерном обществе «Русское общество печатного дела» (Омск). Оп. 3. Д. 28.
 Ф. Р-1005. Верховный трибунал при ВЦИК. Верховный суд РСФСР. Оп. 1а. Д. 114, 346.
 Ф. Р-1245. Комиссия по учету офицеров при ВЦИК. Оп. 1. Д. 1, 14.
 Ф. Р-3316. Центральный исполнительный комитет СССР. Оп. 25. Д. 387.
 Ф. Р-3510. Начальник гражданской части государственной стражи управления внутренних дел Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (Ростов-на-Дону). Оп. 1. Д. 5.

- Ф. Р-3630. Военно-морское ведомство Временного правительства Дальнего Востока Приморской областной земской управы (Владивосток). Оп. 1. Д. 3.
- Ф. Р-5793. П. Ф. Рябиков. Оп. 1. Д. 16, 1г, 45.
- Ф. Р-5826. РОВС. Оп. 1. Д. 76–78, 126, 135, 143, 146.
- Ф. Р-5827. А. И. Деникин. Оп. 1. Д. 15, 18, 70, 72, 461, 475–477; Оп. 2. Д. 255.
- Ф. Р-5829. А. С. Лукомский. Оп. 1. Д. 11.
- Ф. Р-5853. А. А. фон Лампе. Оп. 1. Д. 1–5, 7–10, 15, 29, 30, 32.
- Ф. Р-5867. Общество северян по сбору и изданию материалов о Гражданской войне на Севере Европейской части России. Оп. 1. Д. 4, 5, 26, 32, 37, 65, 94, 97, 98, 112, 116.
- Ф. Р-5868. А. И. Гучков. Оп. 1. Д. 12, 259.
- Ф. Р-5873. И. И. Серебренников. Оп. 1. Д. 6.
- Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. Оп. 1. Д. 25, 81, 125, 150, 188, 201, 209, 222, 297, 327, 381а, 387, 463, 552, 605, 785; Оп. 2. Д. 138, 145, 150, 163, 221, 235, 236, 242, 253, 281, 381, 383–386, 454, 544, 545, 556, 557, 604–607, 680, 754, 759–762, 772.
- Ф. Р-5913. Н. И. Астров. Оп. 1. Д. 101, 189, 300.
- Ф. Р-5942. Отдел делегации, ведающий интересами русской эмиграции в Югославии (Белград). Оп. 1. Д. 84.
- Ф. Р-5945. Районное правление Общества русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Белград). Оп. 1. Д. 1–3, 12, 14, 86, 89, 92.
- Ф. Р-5956. В. В. Чернавин. Оп. 1. Д. 5, 48, 85, 94, 111, 145, 210, 272, 291, 309, 318, 322, 328, 348, 364, 371, 392, 395.
- Ф. Р-5960. М. А. Иностранцев. Оп. 1. Д. 4, 8а, 57, 65, 74.
- Ф. Р-5972. Брусиловы. А. А. Брусилов. Н. В. Брусилова-Желиховская. Оп. 3. Д. 170.
- Ф. Р-6051. А. К. Келчевский. Оп. 1. Д. 1, 3.
- Ф. Р-6219. Коллекция материалов штаба А. В. Колчака. Оп. 1. Д. 22, 47.
- Ф. Р-6393. Русский военный агент в Польше. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. Р-6396. Контрразведывательная часть особого отделения отдела Генерального штаба Военного управления при главнокомандующем ВСЮР (Екатеринодар). Оп. 1. Д. 1, 41.
- Ф. Р-6534. Н. Г. Володченко. Оп. 1. Д. 5.
- Ф. Р-6559. В. А. Замбжицкий. Оп. 1. Д. 16, 4–6, 8, 9.
- Ф. Р-6605. С. А. Щепихин. Оп. 1. Д. 1, 7, 8.
- Ф. Р-6611. В. Н. Челищев. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. Р-6683. В. Е. Флуг. Оп. 1. Д. 17.
- Ф. Р-6711. Штаб Донского корпуса (Константинополь, Стара Загора, София). Оп. 3. Д. 32.
- Ф. Р-6817. Русский военно-морской агент в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Оп. 1. Д. 6, 18, 20.
- Ф. Р-6838. В. В. Добрынин. Оп. 1. Д. 46, 83.
- Ф. Р-7332. П. И. Аверьянов. Оп. 1. Д. 1–3, 9, 10.
- Ф. Р-7440. Г. Е. Янушевский. Оп. 1. Д. 1–3, 32, 35.
- Ф. Р-7518. Штаб главнокомандующего Русской армии (Белград, Сремски Карловцы). Оп. 1. Д. 346, 44.
- Ф. Р-7523. Верховный Совет СССР. Оп. 4. Д. 31, 269; Оп. 60. Д. 708.
- Ф. Р-8131. Прокуратура СССР. Оп. 31. Д. 79586.
- Ф. Р-8419. Московский политический Красный Крест. Оп. 1. Д. 1366, 1376, 147, 185, 196, 197, 211, 213, 216, 217, 229, 230, 232–234, 236, 238, 241, 245, 247, 248, 251, 253–255, 257, 266, 267, 275–277, 305, 306, 317, 322, 324, 353, 355, 356, 367.

- Ф. Р-9431. Особая Varia (коллекция). Оп. 1. Д. 27, 217.
- Ф. 555. А.И. Гучков. Оп. 1. Д. 698.
- Ф. 826. В.Ф. Джунковский. Оп. 1. Д. 612.
- Ф. 10035. Управление Комитета государственной безопасности СССР по г. Москве и Московской области. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1.
19. Государственный архив Эстонии (ERA, Eesti Riigiarhiiv, Таллин, Эстония)
Рабочий комитет Комитета по истории Освободительной войны. 2124.3.294.
20. Литовский особый архив (LYA, Lietuvos ypatingasis archyvas, Вильнюс, Литва)
Ф. 3377. Институт истории партии при ЦК Коммунистической партии (большевиков) Литвы. Оп. 53. Д. 212.
21. Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН, Москва)
Ф. 23. А.И. Тодорский. Оп. 5. Д. 39, 405; Оп. 7. Д. 24.
22. Научный архив Хвалынского краеведческого музея (Хвалынский, Саратовская обл.)
№ 22. Пичиенко Ф.Р. Очерки истории Гражданской войны в уезде.
23. Национальный архив Армении (НАА, Հայաստանի ազգային արխիվ, Ереван, Армения)
Ф. 45. Ф.И. Назарбеков. Оп. 1. Д. 13, 15, 28, 32.
Ф. 113. Совет министров Армянской ССР. Оп. 3. Д. 7.
Ф. 114. Народный комиссариат иностранных дел Армянской ССР. Оп. 2. Д. 60.
Ф. 204. Главное военно-санитарное управление Военного министерства Республики Армения. Оп. 1. Д. 41, 42, 129, 131, 132.
Ф. 275. Консульство Республики Армения в Новороссийске. Оп. 2. Д. 5.
Ф. 280. Армянский легкий артиллерийский дивизион и артиллерийский парк. Военный суд Республики Армения. Штаб Сисянского отряда Зангезурского района. Оп. 4. Д. 2.
Ф. 688. Коллекция материалов участников Гражданской войны. Оп. 34. Д. 4, 17.
Ф. 1267. Коллекция документов об участии армянских добровольческих дружин и регулярных воинских частей на Кавказском фронте во время Первой мировой войны. Оп. 1. Д. 29, 34, 38; Оп. 2. Д. 92, 94, 204. Ч. 1.
24. Национальный архив Армении (партийный архив) (НАА (ПА), Հայաստանի ազգային արխիվ (Կուսակցության Արխիվ), Ереван, Армения)
Ф. 1. ЦК Коммунистической партии Армении. Оп. 2. Д. 19.
Ф. 1022. Институт истории партии при ЦК КП(б) Армении. Оп. 8. Д. 174, 197.
Ф. 1435. А.Ф. Мясников (Мясникян). Оп. 1. Д. 42.
25. Национальный архив Латвии (LVA, Latvijas Valsts arhīvs, Рига, Латвия)
Ф. 1986. Архивно-следственные дела. Оп. 1. Д. 7421; Оп. 2. Д. Р-8227.
26. Национальный архив Латвии (партийный архив) (LVA PA, Latvijas Valsts arhīvs (Partija arhīvs), Рига, Латвия)
Ф. 45. Комиссия истории латышских стрелков. Оп. 3. Д. 22, 33.
Ф. 55. П.И. Стучка. Оп. 2. Д. 4.
27. Национальный архив Финляндии (КА, Kansallisarkisto, Хельсинки, Финляндия)
Коллекция К. Энкеля. Вох 5. Письма Н.Н. Клембовского.
28. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, Москва)
Ф. 307. Тюлин М.С. Карт. 5. Д. 1.
Ф. 369. Бонч-Бруевич В.Д. Карт. 421. Д. 9; Карт. 422. Д. 1; Карт. 423. Д. 2, 15.
Ф. 381. Егорьев В.Н. Карт. 5. Д. 5; Карт. 7. Д. 7; Карт. 8. Д. 62.
Ф. 855. Алексеев М.В. Карт. 1. Д. 10; Карт. 2. Д. 12; Карт. 3. Д. 6, 43, 68.

29. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОСПИ ГААО, Архангельск)
Ф. 1. Архангельский губернский комитет партии. Оп. 1. Д. 341.
Ф. 8660. Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и партии Архангельского обкома ВКП(б) (Истпарт). Оп. 3. Д. 284, 349, 402, 516, 675.
30. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ, Галузевий державний архів Служби безпеки України, Киев, Украина)
Ф. 6. Уголовные дела на реабилитированных лиц. Д. 67093-ФП. Т. 7, 22, 25 (26), 37 (3149), 39, 54 (72), 59 (77), 60 (80), 61 (81), 65. Ч. 1, 66 (87), 67 (88), 70 (91), 72 (94), 73 (95), 74 (96), 79 (101), 132 (186), 141 (195), 151 (207), 161 (220), 170 (129), 172 (231), 184 (245), 186 (132), 187 (248), 188 (249), 189 (251), 231 (172), 240 (3159), 245 (184), 249 (188), 250, 537 (616), 642 (746), 661 (220), 1151 (1322), 1755 (2085), 3065 (1919), 3169 (3330), 3175 (3336), 3179 (3340), 3188 (168), 3207 (32), 3276.
Ф. 65. Дела оперативного учета Комитета государственной безопасности УССР. Д. С-4526. Т. 40.
31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, Москва)
Ф. 5. Секретариат В.И. Ленина. Оп. 1. Д. 919, 940, 1237, 2412; Оп. 2. Д. 50, 60.
Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 3. Д. 78; Оп. 109. Д. 3, 4, 7, 12–14, 21, 22, 41, 58, 138, 190; Оп. 163. Д. 61, 65.
Ф. 71. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Оп. 15а. Д. 185, 243, 885, 3438; Оп. 33. Д. 884; Оп. 34. Д. 160, 223, 484, 544, 1146; Оп. 35. Д. 151, 667, 792, 1025.
Ф. 74. Ворошилов К.Е. Оп. 2. Д. 68–70, 80, 92, 93, 104, 106.
Ф. 76. Дзержинский Ф.Э. Оп. 3. Д. 32, 61, 129, 318.
Ф. 85. Орджоникидзе Г.К. Оп. 18. Д. 303.
Ф. 325. Троцкий Л.Д. Оп. 1. Д. 35, 406–409, 466, 467, 479, 481; Оп. 2. Д. 23, 56.
Ф. 516. Коммунистическая партия Финляндии. Оп. 2. Д. 453.
Ф. 532. Коммунистический университет трудящихся Востока; Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем. Оп. 4. Д. 385.
Ф. 558. Сталин И.В. Оп. 1. Д. 794, 1438; Оп. 4. Д. 678.
Ф. 613. Центральная контрольная комиссия РКП(б) – ВКП(б). Оп. 1. Д. 7.
32. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, Москва)
Ф. 96. В.И. Селивачев. Оп. 1. Д. 27, 29, 30. Ч. 1.
Ф. 165. А.Н. Куропаткин. Оп. 1. Д. 57, 1611.
Ф. 239. М.Д. Бонч-Бруевич. Оп. 1. Д. 6, 8.
Ф. 274. М.А. Соковнин. Оп. 1. Д. 85.
Ф. 366. Военный кабинет министра-председателя и Верховного главнокомандующего и Политическое управление Военного министерства. Оп. 1. Д. 65, 81.
Ф. 409. Послужные списки офицеров. Оп. 1. Д. 179858; П/с 1364; П/с 1794; П/с 47-157; П/с 145-351; П/с 149-082; П/с 243-230; П/с 361-138.
Ф. 544. Николаевская академия Генерального штаба. Оп. 1. Д. 1397, 1509, 1535, 1548, 1552, 1559, 1562, 1567, 1575, 1580, 1582, 1610, 1618, 1625, 1626, 1628, 1631, 1646, 1648, 1653, 1662, 1979, 1991, 2056, 2057.
Ф. 796. Филиал Центрального государственного военно-исторического архива СССР в Ленинграде. Оп. 1. Д. 1, 13.
Ф. 800. Российский государственный военно-исторический архив. Оп. 1. Д. 1415.
Ф. 977. А.И. Андогский. Оп. 1. Д. 25, 31, 44, 55, 63, 65.

- Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 1268, 4590, 4592, 4613, 4630, 4694, 4747, 4748; Оп. 2. Д. 2184.
- Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 1. Д. 533, 1251, 1253, 1257, 1265, 1280, 1289, 1294, 1298, 1311, 1313, 1328, 1331, 1336–1338, 1351–1353, 1362–1364, 1379, 1381, 1382, 1388; Оп. 14. Д. 5, 8.
- Ф. 2007. Полевой штаб казачьих войск при Верховном главнокомандующем. Оп. 1. Д. 88.
- Ф. 2031. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. Оп. 1. Д. 1130, 1584.
- Ф. 2100. Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта. Оп. 1. Д. 289, 343, 441, 469.
- Ф. 2421. 106-я пехотная дивизия. Оп. 1. Д. 5, 105; Оп. 2. Д. 137.
- Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. Дополнение к списку Генерального штаба изд. 1917 г. М., 1918 (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923).
33. Российский государственный военный архив (РГВА, Москва)
- Ф. 1. Управление делами Народного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 50, 117, 247, 263, 391, 463, 466, 482; Оп. 2. Д. 142; Оп. 3. Д. 48, 58, 63, 66; Оп. 4. Д. 17, 20, 25, 30, 38.
- Ф. 3. Высший военный совет. Оп. 1. Д. 11, 34, 42, 51, 53, 57, 71, 78, 88, 92, 115, 126, 127, 139.
- Ф. 4. Управление делами РВС СССР. Оп. 1. Д. 33, 42, 167, 1520; Оп. 3. Д. 59, 1609, 1649; Оп. 11. Д. 2, 22; Оп. 12. Д. 26; Оп. 14. Д. 2; Оп. 15а. Д. 208.
- Ф. 5. Секретариат главнокомандующего всеми вооруженными силами республики. Оп. 1. Д. 148, 153, 168.
- Ф. 6. Полевой штаб РВСР. Оп. 1. Д. 3, 4, 6, 36; Оп. 2. Д. 1; Оп. 4. Д. 581, 584, 894, 895, 905, 908–910, 912, 914, 916–919, 921, 922, 924–928, 937, 940–944, 1106; Оп. 5. Д. 66, 67, 76; Оп. 10. Д. 3, 11, 14, 31, 38, 251; Оп. 12. Д. 6, 8, 21, 66.
- Ф. 7. Штаб РККА. Оп. 1. Д. 44, 51, 194, 223; Оп. 2. Д. 7, 8, 390, 391, 396, 425; Оп. 5. Д. 140, 144, 209; Оп. 7. Д. 97; Оп. 8. Д. 178, 187, 263, 311, 312, 316, 318, 319, 321–326, 327. Ч. 1, 331, 333–336, 340, 341, 347, 365, 398, 412, 576.
- Ф. 10. Инспекция при РВС СССР (бывшая Высшая военная инспекция). Оп. 1. Д. 124, 134, 341, 396, 646, 904, 1334, 1336, 1567; Оп. 2. Д. 380, 1278; Оп. 4. Д. 24, 254.
- Ф. 11. Всероссийский главный штаб. Оп. 5. Д. 979. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60, 63, 67, 78, 83, 89, 90; Оп. 3. Д. 18, 67, 92; Оп. 4. Д. 25, 29, 98, 111; Оп. 5. Д. 11, 50, 51, 66, 68, 69, 90, 96, 97, 119, 120, 122–125, 157, 235, 245, 482, 917, 930, 959, 979, 980, 992, 996–1001, 1003–1013, 1043, 1044, 1112, 1113, 1117, 1120–1124; Оп. 6. Д. 90, 91, 96, 107, 115, 125, 132–134, 447; Оп. 12. Д. 5–7; Оп. 15. Д. 6; Оп. 17. Д. 367.
- Ф. 44. Военно-законодательный совет. Оп. 2. Д. 8; Оп. 7. Д. 15, 48.
- Ф. 54. Главное управление Красной армии. Оп. 17. Д. 29, 386, 387, 389.
- Ф. 62. Управление военно-учебных заведений Красной армии. Оп. 1. Д. 484, 1049.
- Ф. 100. Управление армиями Южного фронта. Оп. 2. Д. 294; Оп. 3. Д. 498, 930; Оп. 8. Д. 14.
- Ф. 102. Управление армиями Юго-Западного фронта. Оп. 1. Д. 56.
- Ф. 104. Управление армиями Западного фронта. Оп. 2. Д. 361; Оп. 3. Д. 183; Оп. 5. Д. 353, 354, 359.
- Ф. 105. Управление армиями Северного фронта. Оп. 1. Д. 1, 166, 180.
- Ф. 106. Управление армиями Восточного фронта. Оп. 1. Д. 2.
- Ф. 110. Управление армиями Туркестанского фронта. Оп. 3. Д. 237; Оп. 7. Д. 36.
- Ф. 185. Штаб 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа. Оп. 3. Д. 1094, 1191, 1217.
- Ф. 188. Управление 6-й отдельной армии. Оп. 1. Д. 51; Оп. 3. Д. 719, 734, 739.
- Ф. 191. Управление 8-й армии. Оп. 1. Д. 1; Оп. 3. Д. 74, 138, 275, 359; Оп. 7. Д. 6, 13; Оп. 8. Д. 1.
- Ф. 192. Управление 9-й армии. Оп. 3. Д. 24, 1567, 1756, 1870; Оп. 6. Д. 12.
- Ф. 194. Управление 11-й отдельной армии. Оп. 1. Д. 78, 143, 165.

- Ф. 197. Управление 12-й армии. Оп. 1. Д. 18, 36.
- Ф. 198. Управление 13-й армии. Оп. 3. Д. 781–783.
- Ф. 245. Управление 1-й Конной армии. Оп. 8. Д. 3.
- Ф. 316. Штаб объединенного командования группы войск 8-й и 13-й армий. Оп. 1. Д. 9.
- Ф. 488. Штаб Западного участка отрядов завесы. Оп. 1. Д. 24, 79, 83, 84.
- Ф. 612. Редакция «Красная армия и Красный флот в революционной войне Советской России 1917–20» (отдел Истпарта по истории Красной армии). Оп. 1. Д. 18, 49, 105.
- Ф. 862. Штаб Петроградского района и Северного участка войск завесы. Оп. 1. Д. 72; Оп. 2. Д. 17.
- Ф. 931. Управление 1-й Донской стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 121.
- Ф. 1075. Управление 62-й стрелковой дивизии. Оп. 3. Д. 413.
- Ф. 7150. Штаб псковских отрядов. Оп. 1. Д. 2, 3.
- Ф. 7709. Управление 15-й Сибирской кавалерийской дивизии. Оп. 1. Д. 301.
- Ф. 24380. Революционный военный трибунал РВСР. Оп. 2. Д. 20; Оп. 7. Д. 2, 76, 78, 125, 127, 142, 143, 148, 282, 315, 637, 1005, 1318.
- Ф. 24696. Военная академия им. М.В. Фрунзе. Оп. 1. Оп. 1. Д. 2, 5, 10, 53, 55, 56, 58, 59, 148, 149, 158, 171, 172, 186.
- Ф. 24697. Военно-академические курсы высшего командно-начальствующего состава РККА. Оп. 1. Д. 1, 3, 11.
- Ф. 24705. Высшая советская школа штабной службы командного состава РККА. Оп. 1. Д. 1, 10.
- Ф. 25846. Народный комиссариат по военным делам Азербайджанской ССР. Оп. 1. Д. 21, 26, 36, 60.
- Ф. 25860. Народный комиссариат по военным делам Украинской ССР. Оп. 1. Д. 60.
- Ф. 25863. Беломорский военный округ. Оп. 1. Д. 26, 36; Оп. 2. Д. 317, 469.
- Ф. 25883. Управление Московского военного округа. Оп. 4. Д. 1165, 1263.
- Ф. 25888. Управление Ленинградского военного округа. Оп. 1. Д. 176.
- Ф. 25889. Управление Приволжского военного округа. Оп. 3. Д. 848, 956, 1520, 1525, 1591.
- Ф. 25906. Управление Ярославского военного округа. Оп. 1. Д. 351.
- Ф. 28361. Центральный музей РККА. Оп. 1. Д. 120, 909.
- Ф. 29862. А.Э. Дауман. Оп. 1. Д. 5, 12.
- Ф. 33221. Н.И. Подвойский. Оп. 1. Д. 12, 270–272; Оп. 2. Д. 26, 170, 174, 175, 206, 216, 260.
- Ф. 33892. Военная академия. Оп. 1. Д. 1–3, 7, 10–12, 14–16, 20, 21, 24, 27, 28, 31, 33, 38, 39, 43, 45, 46, 49, 51, 54, 56, 62, 63, 74, 75, 80, 82, 88, 89, 92, 96, 97, 99, 102, 103, 107, 112, 114.
- Ф. 33987. Секретариат председателя РВСР – РВС СССР. Оп. 1. Д. 23, 24, 58, 79, 88, 108, 158, 196, 304, 329, 467, 591, 674; Оп. 2. Д. 32, 33, 43, 72, 89, 240, 318; Оп. 3. Д. 69; Оп. 3а. Д. 17, 44, 148, 1375.
- Ф. 33988. Секретариат заместителя председателя РВСР – РВС СССР. Оп. 1. Д. 7, 9, 49, 79, 81. Ч. 1, 91, 106, 109, 190. Ч. 1, 222, 292, 294; Оп. 2. Д. 38, 69, 72, 145, 407, 408; Оп. 3а. Д. 41.
- Ф. 37461. Е.А. Щаденко. Оп. 1. Д. 144.
- Ф. 37562. И.Г. Пехливанов. Оп. 1. Д. 3, 20.
- Ф. 37618. К.А. Мехоношин. Оп. 1. Д. 16, 17, 20, 29, 42, 83, 84.
- Ф. 37837. Командное управление Главного управления РККА. Оп. 1. Д. 11; Оп. 19. Д. 4.
- Ф. 37963. Высшая военная академия им. К.Е. Ворошилова. Оп. 1. Д. 16.
- Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА. Оп. 1. Д. 44, 52, 80, 85, 418, 520.
- Ф. 39348. И.И. Вацетис. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 8, 11, 13, 22.
- Ф. 39352. Научный военно-исторический отдел Генерального штаба РККА. Оп. 1. Д. 11, 58, 65.

- Ф. 39450. Штаб главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте. Оп. 1. Д. 136.
- Ф. 39456. Войсковой штаб Всевеликого войска Донского. Оп. 1. Д. 86, 89, 125.
- Ф. 39457. Штаб Донской армии. Оп. 1. Д. 207, 396.
- Ф. 39465. ГУГШ Народной армии Комуча. Оп. 1. Д. 6.
- Ф. 39477. Управление Оренбургского военного округа. Оп. 1. Д. 1, 7, 21.
- Ф. 39499. Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (Омск). Оп. 1. Д. 10, 19, 24, 136, 138.
- Ф. 39514. Управление IV Оренбургского армейского корпуса. Оп. 1. Д. 42.
- Ф. 39532. Штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и Походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала. Оп. 1. Д. 7, 23, 29.
- Ф. 39540. Штаб главнокомандующего Русской армии. Оп. 1. Д. 9–11, 17, 34, 35, 39, 128–131, 133, 134, 136–138, 177–180, 196.
- Ф. 39548. Штаб формирования частей Народной армии Хвалынского района. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. 39576. Управление делами Совета при главнокомандующем ВСЮР. Оп. 1. Д. 2.
- Ф. 39606. Управление II Оренбургского казачьего корпуса. Оп. 1. Д. 24.
- Ф. 39624. Штаб Московской группы армий. Оп. 1. Д. 11, 13, 28, 39, 69, 87, 103, 132, 135, 142, 172.
- Ф. 39674. Штаб сводного корпуса (Джанкой). Оп. 1. Д. 12.
- Ф. 39675. Екатеринославский центр Добровольческой армии. Оп. 1. Д. 4.
- Ф. 39694. Штаб 7-й пехотной дивизии (Полтавского отряда, Киевской группы ВСЮР). Оп. 1. Д. 69, 74. Ч. 1.
- Ф. 39720. Штаб Добровольческой армии. Оп. 1. Д. 34, 42, 45, 46, 61, 63.
- Ф. 39722. Штаб Екатеринбургской группы войск. Оп. 1. Д. 10.
- Ф. 39736. Управление Сибирской армии. Оп. 1. Д. 10, 24, 56–59, 68, 121.
- Ф. 39751. Штаб офицерской генерала Дроздовского дивизии. Оп. 1. Д. 3.
- Ф. 39817. Управление особой группы частей армии Приамурского временного правительства. Оп. 1. Д. 2.
- Ф. 39868. Штаб 17-го Оренбургского казачьего полка. Оп. 1. Д. 8.
- Ф. 40028. Управление Оренбургской армии. Оп. 1. Д. 5.
- Ф. 40136. Штаб III Донского отдельного корпуса. Оп. 1. Д. 18, 20.
- Ф. 40147. Штаб Западной добровольческой армии. Оп. 1. Д. 1, 9, 27, 34, 46, 52.
- Ф. 40213. Коллекция приказов белой армии. Оп. 1. Д. 1474.
- Ф. 40214. Сведения по личному составу военных учреждений и воинских частей Восточного фронта. Оп. 1. Д. 9, 32, 439.
- Ф. 40215. Наградные листы, послужные списки и анкеты на личный состав военных учреждений, войсковых соединений и воинских частей военного ведомства (белых армий). Оп. 2. Д. 214.
- Ф. 40218. Отдел контрразведки штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Оп. 1. Д. 178.
- Ф. 40238. Особое отделение отдела Генерального штаба Военного управления при главнокомандующем ВСЮР. Оп. 1. Д. 1, 12, 25, 29, 43, 44, 48; Оп. 2. Д. 1, 3–5, 14, 37, 38.
- Ф. 40239. А.А. Мориц. Оп. 1. Д. 12, 13.
- Ф. 40298. Штаб Северо-Западной армии. Оп. 1. Д. 62, 67, 84.
- Ф. 40307. Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Varia». Оп. 1. Д. 35, 150а, 172.

- Ф. 40308. Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Особая Varia». Оп. 1. Д. 22.
- Ф. 40435. Военный совет Северо-Кавказского военного округа. Оп. 1. Д. 3, 6, 40, 82, 89.
- Ф. 40840. Мелкие поступления. Оп. 1. Д. 41.
- Ф. 40870. В.П. Муратов. Оп. 1. Д. 12, 14, 16, 51.
- Ф. 40874. Участники вооруженной защиты Советского государства 1917–1945 гг. Оп. 12. Д. 12.
- Ф. 41113. Ф.Е. Огородников. Оп. 1. Д. 22, 23, 25, 83, 84.
- Коллекция учетно-послужных карт.
34. Российский государственный исторический архив (РГИА, Санкт-Петербург)
Ф. 922. Глазов В.Г. Оп. 1. Д. 78.
35. Филиал Государственного архива Эстонии (партийный архив) (ERAF, Eesti Riigiarhiiv Filiaal, Таллин, Эстония)
129SM. Коллекция незавершенных следственных материалов Комитета государственной безопасности СССР. 1.25369.
130SM. Коллекция следственных материалов Комитета государственной безопасности СССР. 1.1293-1, 1663-1, 3345, 14805.
36. Хорватский государственный архив (HDA, Hrvatski državni arhiv, Загреб, Хорватия)
HR-HAD-810. В.В. Марушевский. К. 1.
37. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО, Подольск, Московская обл.)
Ф. 7. Главное организационное управление Генерального штаба Красной армии. Оп. 30. Д. 523. Кор. 12361.
Ф. 33. Главное управление кадров Народного комиссариата обороны. Оп. 11458. Д. 641; Оп. 686196. Д. 6195.
38. Центральный архив новейшей истории Грузии (ЦАНИГ, უახლესი ისტორიის ცენტრალური არქივი, Тбилиси, Грузия)
Ф. Р-281. Революционный комитет Грузинской ССР. Оп. 1. Д. 165.
Ф. Р-307. Народный комиссариат по военным и морским делам Грузинской ССР. Оп. 1. Д. 1–3, 19.
39. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ, Москва)
Д. Н-603. Т. 1; Р-10466. Т. 1; Д. Р-28574; Д. Р-39708; Д. Р-40164. Т. 4; Р-49295. Т. 1–3; Д. Р-49369; Д. Р-49579. Т. 4; Д. Р-49590. Т. 1–2.
Ф. 1. Секретное делопроизводство ВЧК. Оп. 4. Д. 670; Оп. 6. Д. 123, 670.
40. Центральный военный архив Польши (CAW, Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory, Рембертов, Польша)
I.300.11. 5-й отдел (личного состава) штаба Военного министерства. 30.
I.303.9. 5-й отдел Генерального штаба. 3.
I.340.1. Военные школы. 1, 328.
I.380.2. Союзная украинская армия. 61.
I.380.7. Союзная украинская армия. Ускоренные курсы штабных офицеров. 2, 10, 11, 13.
I.400. Коллекция рукописей. 1321, 1413.
Koll. gen. 304. Stanislaw Dowoyno-Sollohub.
41. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ, Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, Киев, Украина)
Ф. 647. Змиенко В.Е. Оп. 1. Д. 1.
Ф. 1074. Военное министерство Украинской державы. Оп. 1. Д. 11, 17.
Ф. 1075. Военное министерство УНР. Оп. 1. Д. 21; Оп. 2. Д. 792, 838.

- Ф. 1077. ГУГШ Украинской державы. Оп. 1. Д. 1, 28, 52, 60, 63; Оп. 3. Д. 47; Оп. 6. Д. 8, 21.
- Ф. 1078. ГУГШ УНР. Оп. 2. Д. 6, 8, 24, 37, 39, 54, 55а, 56, 58, 162, 167, 168, 175, 226, 239, 300; Оп. 5. Д. 6.
- Ф. 1081. Контрразведывательное отделение штаба Добровольческой армии в Киеве. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. 2188. Главное командование Украинской Галицкой армии. Оп. 2. Д. 59.
- Ф. 3172. Штаб Действующей армии УНР. Оп. 1. Д. 63, 66; Оп. 6. Д. 13.
- Ф. 3947. В. Н. Петров. Оп. 1. Д. 13а.
- Ф. 4547. Б. С. Стеллецкий. Оп. 1. Д. 1, 3.
42. Центральный государственный архив Литвы (LCVA, Lietuvos centrinis valstybės archyvas, Вильнюс, Литва)
- Ф. 378. Департамент государственной безопасности Министерства внутренних дел Литвы. Оп. 5. Д. 75.
- Ф. 930. Коллекция служебных дел офицеров литовской армии. Оп. 2R. Д. 9.
43. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО, Москва)
- Ф. 6336. Московский политический Красный Крест. Оп. 1. Д. 3, 5, 8.
44. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ, Центральный державний архів громадських об'єднань України, Киев, Украина)
- Ф. 59. Коллекция воспоминаний участников революционных событий. Оп. 1. Д. 21.
- Ф. 263. Коллекция следственных дел репрессированных. Оп. 1. Д. 44259, 62149.
- Ф. 269. Украинский музей в Праге. Оп. 1. Д. 381; Ф. 269. Оп. 2. Д. 121, 128, 267, 298а.
45. Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ, საისტორიო ცენტრალური არქივი, Тбилиси, Грузия)
- Ф. 1874. Военный атташе при полпредстве РСФСР в Грузии. Оп. 1. Д. 1–4, 6.
- Ф. 1969. Военное министерство. Оп. 1. Д. 670; Оп. 2. Д. 98–100, 102, 126, 127, 129, 203, 216, 236, 251, 260, 287, 289; Оп. 4. Д. 7, 9, 18.
46. Архив Р. Г. Гагкуева (Москва)
- Гранки монографии А. Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов» с авторской правкой. 1988 г.
47. Архив А. В. Ганина (Москва)
- Архивная справка УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 по материалам архивного уголовного дела № 16611.
- Письмо профессора В. В. Плошкина от 26.10.2012.
- Свидетельство внучки падчерицы В. Н. Клембовского В. В. Степановой (Москва).
- Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1 августа 1922 года. Издание Отделения Генерального штаба, штаба главнокомандующего Русской армией. Копия предоставлена А. С. Кручининим. Оригинал хранился в архиве Н. Н. Рутыча (Париж).
48. Архив семьи Глезаровых (Москва)
- Документы комиссара Л. М. Глезарова за 1918–1919 гг.
49. Архив Т. С. Голубевой (Санкт-Петербург)
- Автобиография С. Н. Голубева.
50. Архив семьи Зуевых (Москва)
- Материалы следственного дела Д. Д. Зуева.
51. Архив Н. Д. Кареевой (Санкт-Петербург)
- Документы о капитане Б. П. Карееве.
52. Архив А. И. Рудиченко (Киев – Нью-Йорк)

Алфавитный список генералов, штаб- и обер-офицеров Генерального штаба Вооруженных сил на Юге России по состоянию на 15(28).06.1919.

Письмо Генштаба полковника Б.И. Бучинского генералу А.И. Деникину от 23.07.1922.

53. Архив семьи Снесаревых (Москва)

Дневники А.Е. Снесарева. 1917–1918, 1921, 1923, 1924 гг.

Военно-теоретические, военно-научные и военно-педагогические труды

1. *Вандам А.Е.* Геополитика и геостратегия. М., 2002.
2. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965.
3. Вопросы тактики в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1970.
4. *Геруа А.В.* Полчища. София, 1923.
5. *Головин Н.Н.* Служба Генерального штаба. СПб., 1912. Вып. 1.
6. *Зайцов А.А.* Служба Генерального штаба. Жуковский; М., 2003.
7. *Калнин Э.Х.* Генеральный штаб и его специальность. Одесса, 1909.
8. *Клаузевиц К., фон.* О войне. М.; СПб., 2001. Т. 1.
9. *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. М., 2003.
10. *Месснер Е.Э.* Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004.
11. *Самуйлов В.И.* Устройство вооруженных сил Республики. Пг., 1919. Вып. 1.
12. *Свечин А.А.* Предрассудки и боевая действительность. М., 2003.
13. *Свечин А.А.* Стратегия. Жуковский; М., 2003.
14. *Сулаво А.В.* Этюды по тактике в Гражданской войне. Никольск-Уссурийский, 1921.
15. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005.
16. *Шапошников Б.М.* Мозг армии. М., 1927–1929. Кн. 1–3.
17. *Сальский В.П.* Конспект лекций тактики техничного війська, читаних учням Інструкторської школи старшин. Київ, 1918.

Документальные публикации

1. А.В. Колчак, 1874–1920: Сборник документов. СПб., 2021. Т. 2.
2. А.Е. Снесарев: «Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И.С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–65.
3. А.И. Деникин: pro et contra. СПб., 2018.
4. Август Корк: Документы и материалы / сост. Я.М. Горелик. Таллин, 1981.
5. Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: Документы и материалы. Баку, 1998.
6. Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии: Сборник документов. М., 2012.
7. Анархисты: Документы и материалы, 1883–1935 гг.: в 2 т. М., 1999. Т. 2: 1917–1935 гг.
8. Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М., 2007.
9. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.

10. Архангельск. Расстрельные списки 1921 года / подгот. текста и послесл. Ю.В. Дойкова. Архангельск, 2000.
11. Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007.
12. Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства: Сборник документов и материалов. Чита, 2002.
13. Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С.Л. Кузьмин. М., 2004.
14. Боевой восемнадцатый год: Сборник документов и воспоминаний. М., 2018.
15. Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года / публ. Р.Г. Гагкуева // Белая гвардия. Альманах (Москва). 1998. № 2. С. 69–96.
16. Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / публ. А.А. Каревского и Р.Г. Гагкуева // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2001. № 5. С. 120–170.
17. Большеви́стское руководство: Переписка. 1912–1927: Сборник документов. М., 1996.
18. Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001.
19. Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов. М., 2022.
20. Бройде С. и М. Ярославский мятеж. По запискам генерала Перхурова. М., 1930.
21. В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920): Сборник документов. Иркутск, 1985.
22. В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сборник документов и материалов. М., 2008.
23. В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сборник документов. М., 1975.
24. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.
25. В.И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957.
26. Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003.
27. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007.
28. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний. М., 2018. Т. 1.
29. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника: 1870–1924. М., 1976. Т. 7: Март – ноябрь 1919.
30. Военные архивы России (Москва). 1993. Вып. 1.
31. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008.
32. Воинский некрополь Смоленского православного кладбища Петрограда (1917–1918 годы) / публ. Н.В. Родина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 2012. Кн. 12. С. 310–369.
33. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1908 год. СПб., 1910.
34. ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М., 2004.
35. Ген. Алексеев и Времен[ный] комитет Государственной Думы // Красный архив (Москва; Петроград). 1923. Т. 2. С. 284–285.
36. Генерал Геруа. М., 2018.
37. Генерал Дитерихс. М., 2004.
38. Генерал Ренненкампф. М., 2017.
39. Генералы Великой войны. М., 2014.
40. Германия и революция в России. 1915–1918: Сборник документов / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 2013.

41. Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М., 2014.
42. ГКО постановляет... / публ. Н.С. Гишко // Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 19–23.
43. Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис: Сборник документов. Рига, 1978.
44. Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919 гг.: Документы и материалы. Оренбург, 1958.
45. Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 г. – декабрь 1919 г.) / публ. Г.Н. Ланского // Исторический вестник (Москва). 2021. Т. 37. С. 14–89.
46. Двигубский А.М. Отчет о деятельности харьковского разведывательного центра. Харьков, 2007.
47. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1; 1964. Т. 3; 1968. Т. 4.
48. Дело генерала Бакича: Сборник документов и материалов / под ред. Д.Г. Симонова, А.И. Савина. Новосибирск, 2022.
49. Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках: Август 1917 г. – июнь 1918 г.: в 2 т. М., 2003.
50. Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного. М., 2013.
51. Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сборник документов. М., 1969.
52. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1971. Т. 1.
53. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1974. Т. 3.
54. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1978. Т. 4.
55. Директория. Колчаковщина (из истории Гражданской война на Урале и в Сибири в 1918–1920 гг.). Тематический перечень документов РГВА.
56. Добавление № 1 к книге «Красная армия в России». Екатеринбург, 1918.
57. Доклад слушателя Николаевской военной академии капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела штаба Верховного главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане / публ. Л.А. Молчанова // Посев (Москва). 2013. № 2. С. 20–28.
58. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1: Февраль 1917 г. – ноябрь 1918 г.; 1964. Т. 2: Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г.
59. Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941.
60. Документы по истории Гражданской войны в СССР. М., 1941. Т. 1: Первый этап Гражданской войны.
61. Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.
62. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5, 6.
63. «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / сост. Н.С. Черушев. М., 2001.
64. Дукельский С.С. Итоги деятельности украинской контрреволюции (так называемого «правительства УНР» и социал-соглашательских партий у[краинских] с[оциал]-д[емо]кратов) и у[краинских] с[оциалистов]-р[еволюционеров] 1917–1920 гг. / публ. Л.Ф. Качиса // Исторический вестник (Москва). 2018. Т. 24. С. 225–317.

65. Думбадзе Г.С. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну / публ. А.И. Дерябина // Белая гвардия. Альманах (Москва). 1997. № 1. С. 43–45.
66. Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006.
67. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008.
68. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004.
69. «Знаю, что Вы не нуждаетесь в похвалах». Кто и зачем писал И.В. Сталину // Источник. 1994. № 6. С. 82–98.
70. И.А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004.
71. И на Тихом океане... Народно-революционная армия ДВР в освобождении Приамурья и Приморья (1920–1922): Сборник документов. Иркутск, 1988.
72. Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 50–197.
73. Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского ОСВАГа / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1991. Кн. 2. С. 339–347.
74. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сборник документов. М., 1958.
75. Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1.
76. Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 3.
77. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 1.
78. К истории осведомительной организации «Азбука» / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 160–193.
79. Катастрофическое состояние Генерального штаба в 1919 г. Записка генерала В.Е. Борисова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81.
80. Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991.
81. Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Документы и материалы. М.; СПб., 2005.
82. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2.
83. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1969.
84. Красная армия в России. Екатеринбург, 1919. Кн. 1: По данным к 1 ноября 1918 г.
85. Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1–2.
86. Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004.
87. Критский М.А. Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-м корпусом Добровольческой армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 254–300.
88. Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: в 2 кн. М., 1999.
89. Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / сост. С.Л. Кузьмин. М., 2004.
90. Легендарный начдив: Сборник документов. Чебоксары, 1986.
91. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. М., 2011.
92. Марков и марковцы. М., 2001.

93. Маслов П.В., Миллер М.Е., Никольский П.В. Крым: Хрестоматия по истории края. Севастополь, 1930. Ч. 1.
94. Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. Данные о вооруженных силах и краткий обзор политического, экономического и международного положения Грузии (по состоянию к 1 января 1921 г.) М., 1921.
95. МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сборник документов. М., 1978.
96. Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; т. 8).
97. Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. М.; Подгорица, 2003. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; Т. 2: Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг.
98. На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М., 2008.
99. На службе в Красной армии: Документы и материалы о деятельности П.П. Лебедева. Чебоксары, 1991.
100. Невежин В.А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М.; СПб., 2003.
101. Николай Муралов. М., 1990.
102. Новые документы о разложении колчаковщины / публ. А.Л. Райхцаума // Исторический архив. 1960. № 4. С. 215–218.
103. Обречены по рождению... СПб., 2004.
104. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сборник документов. М., 1973.
105. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник документов. М., 1957.
106. Оренбургские казаки и чехословаки на Урале летом 1918 года / публ. А.В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2002. № 11. С. 19–27.
107. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998.
108. «Оттянуть Гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л.Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 8–58.
109. Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925.
110. Офицерский корпус в политической истории России: Документы и материалы. Калуга, 2003. Т. 3: 1920–1925 гг.
111. Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000.
112. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1922 гг.: в 3 т. / сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 г. – 1925 г.
113. Первый год советской военной разведки. Доклад В.А. Срывалина от 19 февраля 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191.
114. Подвиг Центросибири: Сборник документов. Иркутск, 1986.
115. Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: Сборник документов / под общ. ред. О.Б. Мозохина. М., 2014. Кн. 1–2.
116. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1.
117. Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.
118. Положение об Императорской Николаевской военной академии // Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров

- Генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии / сост. В.В. Нагаев. СПб., 1914. С. 175–228.
119. Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы). М., 1994. Ч. 2.
120. Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М., 2000.
121. Правозерсовский политический процесс в Москве 8 июня – 4 августа 1922 г.: Стенограммы судебных заседаний. М., 2011. Т. 1–2.
122. Приказы войскам 3-й Русской армии. 1921.
123. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. 1919.
124. Приказы по 8-й армии. 1917.
125. Приказы по штабу главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте. 1919.
126. Приказы РВСР по л/с армии. 1919–1922.
127. «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...»: Проект Л.Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / публ. Д.С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55.
128. Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006.
129. Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919.
130. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.
131. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. Москва, 4–10 июля 1918 г. М., 1918.
132. Работа эсеров за границей: По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922.
133. Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов.
134. Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сборник документов. М., 1997. 1918–1919.
135. Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923 гг.: Сборник документов. М., 2000. 1920–1923.
136. Революционное движение в России в августе 1917 г.; Разгром корниловского мятежа. М., 1959. (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы).
137. Рейд 4-го Донского корпуса генерала К.К. Мамантова (август – сентябрь 1919 г.): Документы и материалы. Подольск, 2018.
138. Реформа в Красной армии: Документы и материалы. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1–2.
139. РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. М., 2004.
140. Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.): Сборник. М., 2020.
141. Россия и независимость Финляндии. 1899–1920 гг.: Сборник документов: в 3 т. М., 2021. Т. 3: От противостояния к миру. 1917–1920 гг.
142. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: Сборник документов. М., 2017.

143. «Россия погибнет в волнах новой анархии» / публ. Н.Д. Егорова и Н.В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 79–83.
144. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов. М., 1994.
145. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М.; Курск, 1998–2017. Т. 1–10.
146. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход.
147. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г.
148. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 2007. Т. 4: У истоков «Русского общевойскового союза». 1924 г.
149. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 2013. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг.
150. Русский архив. Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1).
151. Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. СПб., 1914.
152. Северный фронт: Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на советском Севере (1918–1920): Документы. М., 1961.
153. Секретный доклад генерала Махрова // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1982. № 124. С. 183–243.
154. Сибирская Вандея. М., 2001. Т. 2: 1920–1921.
155. Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г.: Сборник документов: в 2 кн. М., 2012. Кн. 2: в 2 ч.
156. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942.
157. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): Сборник документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1.
158. «Срок обучения – восьмилетний». Записка А.А. Игнатьева Сталину о создании кадетских корпусов // Родина. 2010. № 5. С. 66–68.
159. Ставка 25–26 октября 1917 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 279–320.
160. Ставка и революция: Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года: По документам Российского государственного военно-исторического архива: Сборник документов: в 2 т. М., 2019. Т. 1: 18 февраля – 18 июня 1917 г.
161. Сталин И.В. Труды. М., 2016–2021. Т. 8–18.
162. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. М., 2002.
163. Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2016. Кн. 1.
164. Судьбы генеральские... / публ. Л.Е. Решина, В.С. Степанова // Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 12–20.
165. Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. СПб., 2000.
166. Топчибаши А.М. Парижский архив 1919–1940: в 4 кн. М., 2016. Кн. 1.

167. Трагедия в Брест-Литовске – 1917-й / публ. Ю. Емельянова // Книга исторических сенсаций. М., 1993. С. 87–89.
168. Три брата (То, что было): Сборник документов / сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019.
169. Труды Общеказачьего съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде / обраб. под ред. И.Г. Харламова. Пг., 1917.
170. 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928.
171. Тюремная одиссея Василия Шульгина. М., 2010.
172. Указы Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. 1918.
173. Указы Правителя Приамурского Земского края. 1922.
174. Украинская Социалистическ[ая] Советск[ая] Республика. Отчет о деятельности Народного комиссариата по военным делам. Март – май 1919 г. Киев, июнь 1919.
175. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007.
176. Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало) // Красный архив (Москва; Ленинград). 1927. № 2 (21). С. 3–78; (окончание) // Красный архив (Москва; Ленинград). 1927. № 3 (22). С. 3–91.
177. Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): Сборник документов / сост. М.И. Вебер. Екатеринбург, 2019.
178. Характеристика личного состава РККА. М., 1931. Кн. 2: Кадровый начальствующий состав РККА.
179. «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...»: Документы по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3–34.
180. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2011–2012. Кн. 1–2.
181. Шли дивизии вперед: Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья (1920–1921): Сборник документов. Иркутск, 1987.
182. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А.В. Ганина. М., 2022.
183. Южный фронт (май 1918 – март 1919): Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1962.
184. «Якутцы не привыкли к поражениям...» (к истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну) / публ. А.С. Кручинина // Военная Быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 20–23.
185. Ярославское восстание. 1918 / сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. М., 2007.
186. Визвольні змагання очима контррозвідника (документальна спадщина Миколи Чеботаріва). Київ, 2003.
187. Війна України проти Радянської Росії у 1920 році (документи та матеріали) / упор. Я.Ю. Тинченко. Київ, 2020.
188. Денник Начальної команди Української Галицької армії. Нью-Йорк, 1974.
189. Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18); № 2 (19).
190. Українсько-московська війна 1920 року в документах. Варшава, 1933. Ч. 1: Оперативні документи штабу армії Української народної республіки.

191. Червона армія в Росії. Київ, 1918. Кн. 1: За час квітень – травень – червень 1918 р. Нарис.
192. Юрій Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ: Документи і матеріали. Київ, 2011.
193. Як майбутній український генерал В. Сальський ледь не став колчаківським офіцером / публ. А. Ганина // Військово-історичний альманах (Київ). 2013. № 1–2 (25–26). С. 102–103.
194. Proceedings of the Brest-Litovsk Peace Conference. The Peace Negotiations between Russia and the Central Powers. 21 November 1917 – 3 March 1918. Washington, DC, 1918.
195. Szydlowski J. Polski Sztab Generalny. Warszawa, 1919.
196. The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J.M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1; Hague; Paris, 1971. Vol. 2.
197. U źródeł Sztabu Generalnego Wojska Polskiego 1918–1921. Warszawa, 2008.

Публицистика

1. Ак [Куприн А.И.]. Два воззвания // Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. 10.06. № 123. С. 2–3.
2. Андогский А.И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная армия Советской России (Уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921.
3. Ашик Н.В. Московская школа штабной службы // Военное дело (Москва). 1920. 29.03. № 5 (69). Стб. 155–157.
4. Б.Ш. [Шапошников Б.М.] Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. 07.06. № 13 (77). Стб. 387–392.
5. Бонч-Бруевич М.Д. Нужен ли начальник Генерального штаба во время войны? // Военное дело. 1920. 01.03. № 1 (65). Стб. 5–7.
6. Булдаков В.П. Плоды методологической беспомощности. О книге А.В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2019. № 1 (49). С. 125–141.
7. Бывший обер-квартирмейстер. Операции на Волге // Военное дело. 1918. 08.11. № 23–24. С. 27.
8. В Генеральном штабе // Армия (Київ). 1918. 15.11. № 10. С. 1; 16.11. № 11. С. 3.
9. В.Ц. Еще о начальнике Генерального штаба // Военное дело. 1920. 10.04. № 7 (71). Стб. 199.
10. Веденяпин М.А. От члена Центрального комитета партии соц[иалистов]-революц[ионеров] // Земля и Воля (Самара). 1918. 11.07. № 76. С. 3–4.
11. Веденяпин М.А. К возрождению России (роль партии соц[иалистов]-рев[олюционеров]) // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 21.07. № 11. С. 2.
12. Возвращение генерала В.В. Марушевского // Мурманский вестник. 1919. 02.08. № 85. С. 3.
13. Все ли генштабисты изменили России? // Наш путь (Харбин). 1937. 07.06. № 147 (1255). С. 2.
14. Всероссийский главный штаб в Советской республике // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 07.11. № 248. С. 2.
15. Ген. Кельчевский о положении у адм[ирала] Колчака // Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919. 09.12. № 430. С. 3.
16. Геруа А.В. Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 173–197.

17. Гостиница «Марсель» // Последние новости (Киев). 1918. 25(12).10. № 5256. С. 3.
18. Д.-Б.В. Военно-академические курсы // Военная мысль (Ташкент). 1921. Кн. 2. Май – июль. С. 300–301.
19. Деникин А.И. Борьба и провокация // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 105. С. 2–7.
20. Деникин А.И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 7–12.
21. Загадочное исчезновение ген. Сытина // Последние новости (Киев). 1918. 25(12).10. № 5256. С. 3.
22. Каменский А.З. Давно пора // Правда. 1918. 25.12. № 281. С. 2.
23. Каминский В.В. Ганин А.В. – творец «мертвых душ» в Корпусе Генштаба Красной Армии или повесть о том, как не следует заниматься научно-исследовательской работой. Уфа, 2013.
24. Камнев В.Н. Ускоренная подготовка офицеров в Николаевской военной академии в течение настоящей войны // Армия и флот Свободной России (Петроград). 1917. 05.09. № 204. С. 3.
25. Керсновский А.А. Наш будущий офицерский корпус // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 414–421.
26. Кук А. О кризисе военно-научной мысли // Военная мысль (Ташкент). 1921. Кн. 3. Август – декабрь. С. 10–16.
27. Куприн А.И. Голос оттуда: 1919–1934. М., 1999.
28. Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб., 2001.
29. Лацис [М.И.]. Трудноизлечимая язва (О военконтроле) // Известия. 1918. 18.12. № 277 (541). С. 1.
30. Лопатин. Генеральный штаб // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 01.06. № 115. С. 2.
31. М. Мартиролог русского офицерства // Руль (Берлин). 1921. 06.09. С. 2.
32. Мансветов П.И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1: Сентябрь. С. 426–443; 1921. Кн. 1: Январь – апрель. С. 303–306; Кн. 2: Май – июль. С. 292–295; Кн. 3: Август – декабрь. С. 295–299.
33. «Немного статистики» // Разведчик (СПб.). 1912. 25.12. № 1156. С. 867.
34. Новицкий В.Ф. О переустройстве нашего высшего военного управления // Военное дело (Москва). 1918. 13.12. № 28. С. 23–26.
35. Нотин К. О распределении наличных сил «ген-штабистов» // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 09.02. № 27. С. 5.
36. Парский Д.П. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908.
37. Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 2–6.
38. Свечин А.А. Милиция как идеал. Критика тезисов Л. Троцкого // Военное дело. 1919. 07.04. № 11–12. Стб. 436–438.
39. События в Тюмени (телеграмма пол[ево]й конторы) // Мысль (Иркутск). 1919. 15.03. № 21. С. 3.
40. Соломин С. [Гусев С.И.] К вопросу о реорганизации Красной армии // Военная наука и революция. Военно-научный журнал (Москва). 1921. Кн. 1: Июль – август. С. 18–22.
41. Сорин В.Г. Командиры и комиссары в действующей армии // Правда. 1918. 29.11. № 259. С. 2.
42. Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4: Ноябрь 1917 – 1920.

43. *Старый академик*. К открытию академии Генер[ального] штаба // Военное дело. 1918. 11.10. № 19. С. 20–21.
44. *Струве П.Б.* «Русская свобода и Великая Россия»: Публицистика 1917–1920 гг. М., 2020.
45. *Тамаров Е. [Исаев Е.И.]* Дрязги // Военное дело. 1919. 18.04. № 13–14 (42–43). Стб. 517–522.
46. *Тарасов-Родионов А.И.* Военное строительство (Тезисы) // Военное дело. 1919. 30.06. № 19 (48). Стб. 637–641.
47. *Тарасов-Родионов А.И.* Экс-доктрина // Военное дело. 1918. 08.11. № 23–24. С. 1–4.
48. *Тераспольский К.* Организация украинской армии // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1918. 04.08. № 81. С. 3.
49. *Трифонов В.А.* Фронт и тыл // Правда. 1919. 15.06. № 128. С. 2.
50. *Троцкий Л.Д.* Военные специалисты и Красная армия // Военное дело (Москва). 1919. 21.01. № 2 (31). Стб. 65–71.
51. *Троцкий Л.Д.* Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69. Август – сентябрь. С. 6–19.
52. *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год; 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год; Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год; Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы; 1925. Т. 3, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы.
53. *Троцкий Л.Д.* Кто предал Полтаву? // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 13.08. № 176. С. 1.
54. *Троцкий Л.Д.* Преступная демагогия // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 06.08. № 170. С. 1.
55. *Троцкий Л.Д.* Сочинения. М., 1924. Т. 3, ч. 1; М.; Л., 1926. Т. 17, ч. 1.
56. *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990.
57. *Тухачевский М.Н.* Война классов: Статьи 1919–1920 г. М., 1921.
58. *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1: 1919–1927 гг.
59. *Черноморцев А. [Носович А.Л.]* Бывшие офицеры // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. 21.04 [04.05]. № 17 (45). С. 10–11.
60. *Шульгин В.В.* «Что НАМ в НИХ не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992.
61. *Ярославский Е.М.* Как воссоздать армию // Известия. 1918. 15.06. № 121 (385). С. 1.
62. До громадянства // Українська Стовп (Київ). 1919. 02.03. № 55. С. 2–3.
63. Right of People to Rule Russia // The Evening Star (Washington, DC). 1918. 05.02. P. 3.

Периодическая печать

1. Армия (Київ). 1918.
2. Армия и флот Свободной России (Петроград). 1917.
3. Борьба за Россию (Париж). 1928.
4. Бюллетень объединения Лейб-гвардии Московского полка (Париж). 1960.
5. Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) (Париж). 1938.
6. Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918.
7. Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919.
8. Военная Быль (Париж). 1964.
9. Военная мысль (Ташкент). 1920–1921.
10. Военная наука и революция. Военно-научный журнал (Москва). 1921.

11. Военно-исторический вестник (Париж). 1964.
12. Военное дело (Москва). 1918–1920.
13. Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922.
14. Возрождение (Париж). 1930.
15. Война и революция (Москва). 1927–1929.
16. Воля России (Прага). 1929.
17. Грани (Франкфурт-на-Майне). 1983, 1989.
18. Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919.
19. Донская летопись (Вена). 1923.
20. Енисейский вестник (Воля Сибири) (Красноярск). 1919.
21. Земля и Воля (Самара). 1918.
22. Известия (Москва). 1918.
23. Известия Народного комиссариата по военным делам (Москва). 1918–1919.
24. Измайловская старина (Александрия). 1935.
25. Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985.
26. Каторга и ссылка (Москва). 1928.
27. Красный архив (Москва; Петроград-Ленинград). 1923, 1925, 1927.
28. Кузнецкий рабочий. 1966.
29. Литературная газета. 1962.
30. Меч (Варшава). 1937.
31. Мурманский вестник. 1919.
32. Мысль (Иркутск). 1919.
33. Наш путь (Харбин). 1937.
34. Наша война (Вологда). 1919.
35. Наша газета (Омск). 1919.
36. Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920.
37. Новый журнал (Нью-Йорк). 1961, 1963.
38. Оренбургский вестник Учредительного собрания (Оренбург). 1918.
39. Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917–1918.
40. Орский вестник Южной армии. 1919.
41. Последние новости (Киев). 1918.
42. Последние новости (Париж). 1937.
43. Правда. 1918, 1920, 1922, 1928, 1934, 1935.
44. Приамурье (Хабаровск). 1919.
45. Приложение к № 18 газеты «Русская армия» (Омск). 1918.
46. Путь коммунизма. Краснодар, 1922.
47. Разведчик (СПб.). 1912.
48. Руль (Берлин). 1921.
49. Русская армия (Омск). 1918.
50. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
51. Семеновский бюллетень (Семеновские бюллетени) (Б.м.; Сан-Франциско). 1929, 1950.
52. Суд идет! (Ленинград). 1926.
53. Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929.
54. Часовой (Париж; Брюссель). 1932, 1933, 1935, 1958–1960.
55. Армія и флот України (Киев). 1918.

56. Літопис червоної калини (Львов). 1937.
57. Тризуб (Париж). 1931.
58. Українська Ставка (Київ). 1919.
59. The Evening Star (Washington, DC). 1918.

Воспоминания, дневники, переписка

1. *Авенариус Н.А.* Кремнистый путь. М., 2012.
2. *Аверьянов П.И.* Генерал Слащев-Крымский / публ. Л.И. Петрушевой // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 3. С. 85–107.
3. *Айронсайд У.Э.* Архангельск. 1918–1919 // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 213–387.
4. *Акулинин И.Г.* Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.
5. *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937.
6. *Акулинин И.Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 122–147.
7. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.
8. *Алексеев М.В.* Записная книжка 1917–1918 гг. / публ. Л.Ф. Павликовой // Записки отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 298–432.
9. *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.
10. *Алферов З.А.* Воспоминания. Подольск, 2023.
11. Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. С. 73–158.
12. *Андогский А.И.* Академия Генерального штаба в 1917–18 гг. Омск, 1919.
13. *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998.
14. *Антонов-Овсенко В.А.* Записки о Гражданской войне. М., 1932. Т. 3; 1933. Т. 4.
15. *Антонович А.Т.* Дневник генерала // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 381–436.
16. *Аралов С.И.* Ленин вел нас к победе. М., 1989.
17. *Арканников Б.А.* В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания / публ. А.В. Ганина // Эпоха Революции и Гражданской войны в России: Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 386–398.
18. *Аршинов П.А.* История махновского движения (1918–1921 гг.). Запорожье, 1995.
19. *Атаман Семенов.* О себе. М., 1999.
20. *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
21. *Баиов А.К.* Генерал-майор Д.К. Лебедев // Часовой (Париж). 1935. 15.02. № 144. С. 20.
22. *Байков Б.Л.* Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 91–194.
23. *Бармин А.Г.* Соколы Троцкого. М., 1997.
24. *Барсуков Е.З.* В те дни. Воспоминания // Литературный Смоленск. Альманах. Смоленск, 1957. Кн. 16. С. 231–280.
25. *Барсуков Е.З.* Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954 гг. Смоленск, 2018.

26. Батов П.И. В походах и боях. М., 2015.
27. Безак Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 346–454.
28. Белое движение: начало и конец. М., 1990.
29. Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 11: Белый Крым.
30. Беннигсен Э.П. Записки (1917–1955). М., 2018.
31. Беседовский Г.З. На путях к Термидору. Париж, 1931. Т. 2.
32. Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928.
33. Биттенбиндер А.Г. Действия Марковской дивизии на правом берегу реки Днепра в районе западнее города Александровска в период с 24.09 по 01.10.1920 г. // Марков и марковцы. М., 2001. С. 364–382.
34. Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921.
35. Блок А.А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 5–54.
36. Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1978.
37. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925.
38. Большевик, подпольщик, боевик: Воспоминания И.П. Павлова. М.; СПб., 2015.
39. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957.
40. Бонч-Бруевич М.Д. Первые дни Красной армии (воспоминания) // Война и революция (Москва). 1929. Кн. 2. С. 36–56.
41. Борисов В.Е. Генерал М.В. Алексеев. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в войну 1914–1915 годов (из воспоминаний генерала В. Борисова) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922. Кн. 2. С. 3–21.
42. Борман А.А. Москва – 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Ленинград). 1991. Кн. 1. С. 115–149.
43. Борьба за Хабаровск: Сборник статей. Чита, 1922.
44. Бретцель А.Я., фон. Борис Владимирович Геруа // Измайловская старина (Александрия). 1935. Тетрадь 24. С. 130–131.
45. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.
46. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004.
47. Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014.
48. Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 197–290; 1924. Т. 13. С. 197–312; Т. 14. С. 225–341; Т. 15. С. 254–344.
49. Будберг А.П. Сибирские воспоминания. Владивосток, 2017.
50. Буденный С.М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 5–10.
51. Бьеркелунд Б.В. Воспоминания. СПб., 2013.
52. Вакар Н.П. Генерал Л.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский. Беседа с П.Н. Финисовым // Последние новости (Париж). 1937. 06.03. № 5825. С. 3.
53. Валентинов А.А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 5–100.
54. Валь Э.Г., фон. Воспоминания о Генеральном штабе: Избранные статьи о Первой мировой и Гражданской войнах. М., 2021.
55. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2001.

56. Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008.
57. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959.
58. *Верховский А.И.* Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918.
59. *Верцинский Э.А.* Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929.
60. *Вильерс О.А., Попов В.А.* Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия. М., 2005.
61. *Вилькицкий Б.А.* Когда, как и кому я служил под большевиками: Воспоминания бело-гвардейского контр-адмирала. Архангельск, 2001.
62. *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян» (записки «контрреволюционера») // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 50–306.
63. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005.
64. *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.
65. Военный альбом генерала А.П. Будберга. Материалы к биографии. Воспоминания о войне. 1914–1917 / сост. И.В. Домнин. М., 2014.
66. *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999.
67. *Войцеховский С.Л.* «Трест» // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005. С. 52–194.
68. *Волконская С.А., кн.* Горе побежденным // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 446–455.
69. *Воронков М.И.* Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания, статьи (1911–1941 гг.). Рязань, 2013.
70. *Воронович Н.* Меж двух огней (Записки зеленого) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 53–183.
71. *Ворошилов К.Е.* Десятилетие Красной армии // Правда. 1928. 23.02. № 46 (3878). С. 3.
72. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1–2.
73. Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009.
74. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926.
75. Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО) / сост. Е.А. Серебряков. Иркутск, 2019.
76. *Врангель А.П.* Генерал Врангель: Доверие воспоминаний. Минск, 1999.
77. *Врангель М.Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 198–214.
78. *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1–2.
79. «...Выделение Кубанской армии в особую армию явилось бы полным крахом». Письмо главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 11-го июля 1919 года за № 10066 Войсковому атаману Кубанского казачьего войска / публ. О.В. Ратушняк // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2005. № 8. С. 90–91.
80. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 221–336.
81. *Галич Ю.* Золотые корабли: Скитания. Рига, 1927.
82. *Галич Ю.* Красный хоровод // Галич Ю., Попов К.С. Красный хоровод. М., 2008. С. 12–155.
83. *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969. Т. 2.

84. Гауг Е.М. На службе у большевиков // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 202–231.
85. Героическое подполье: В тылу деникинской армии: Воспоминания. М., 1976.
86. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969–1970. Т. 1–2.
87. Гершельман А.С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1998. Кн. 2.
88. Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 114–168.
89. Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера. М., 2010.
90. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007.
91. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
92. Голеевский Н.Н. Лето на Волге 1918 год // Russian Emigre Archives (Fresno, CA). 1973. Vol. 2. P. 238–274.
93. Голубинцев А.В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. Мюнхен, 1959.
94. Гольц Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015.
95. Гонпер К.Я. Четыре катастрофы: Воспоминания. [Рига], [1920?].
96. Горбатов А.В. Годы и войны: Записки командарма. 1941–1945. М., 2008.
97. Горн В.Л. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 9–161.
98. Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.
99. Греков А.П. Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 137–172.
100. Греков А.П. Петлюровщина // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 173–190.
101. Греков А.Н. Союз казачьих войск в Петрограде в 1917 году // Донская летопись. Сборник матерьялов по новейшей истории донского казачества со времени русской революции 1917 года (Вена). 1923. № 2. С. 229–283.
102. Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997.
103. Грондейс Л. Война в России и Сибири / под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2018.
104. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб., 1908.
105. Грулев М.В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930.
106. Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 5–84.
107. Гурко Д.И. Воспоминания генерала // Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются: Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002. С. 153–447.
108. Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия: Сборник статей. М.; Л., 1925.
109. Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.
110. Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 39–131.
111. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

112. *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 212–242.
113. *Данишевский К.Х., Каменев С.С.* Воспоминания о Ленине. М., 1934. Сб. 1.
114. *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 1–3.
115. *Деникин А.И.* Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006.
116. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005.
117. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания (1915–1917). М., 2015. Т. 3.
118. *Дзержинский Ф.Э.* Дневники. Письма. М., 2007.
119. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева 1918–1919 гг. // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007. С. 43–108.
120. Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров / под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004. С. 13–178.
121. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2: 1905–1918, ч. 2: 1914–1918.
122. Дневники казачьих офицеров / под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004.
123. *Добровольский С.Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 5–146.
124. *Добрынин В.В.* Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920 (Очерк). Прага, 1921.
125. *Добрынин В.В.* Дон в борьбе с Коммуной. На Донце и Маныче (февраль – май 1919 г.) // Военный сборник (Белград). 1922. Кн. 2. С. 83–134.
126. *Дорошенко Д.И.* Война и революция на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 64–98.
127. *Достовалов Е.И.* О белых и белом терроре / публ. Н. Сидорова, И. Кондаковой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 637–697.
128. *Дрейер В.Н., фон.* Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918–1920 года. Берлин-Шарлотенбург, 1921.
129. *Дрейер В.Н., фон.* На закате империи. Мадрид, 1965.
130. *Дроздовский М.Г.* Дневник. М., 2017.
131. *Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб., 2003. С. 12–376.
132. *Егорьев В.Н.* Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 136–150.
133. *Елисеев Ф.И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006.
134. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996.
135. *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008.
136. *Ефимов А.Г.* С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013.
137. Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А.В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43.
138. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 2-е изд., доп. М., 1975. Т. 1.
139. *Забелин А.Ф.* Мои воспоминания // Бюллетень объединения Лейб-гвардии Московского полка (Париж). 1960. № 151. С. 6–10.

140. *Зайцов А.А.* Мои воспоминания о генерале Кутепове // Генерал Кутепов: Сборник статей. Париж, 1934. С. 317–322.
141. *Залесский П.И.* Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925.
142. *Залесский П.И.* Грехи старой России и ее армии // Философия войны. М., 1995. С. 153–208.
143. *Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака* // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 325–510.
144. *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 203–242.
145. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1.
146. *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Часть 1 // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 99–157.
147. Из воспоминаний А.И. Гучкова // Подвиг. Альманах. М., 1991. Вып. 38. С. 217–234.
148. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив (Москва; Ленинград). 1927. Т. 1 (20). С. 56–77.
149. Из дневника ген. В.И. Селивачева / публ. Н.Е. Какурина // Красный архив (Москва; Ленинград). 1925. Т. 2 (9). С. 104–132.
150. *Изергин М.И.* Пятьдесят пять дней // Последний поход Уральской Отдельной армии. Январь – февраль 1920: Воспоминания участников / сост. Д.Ю. Дубровин. М., 2018. С. 161–223.
151. *Изергин М.И.* Рейд на Лбищенск // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1989. № 151. С. 167–207.
152. *Изергин М.И.* Уральская катастрофа (воспоминания полковника Генерального штаба). М., 2023.
153. *Ильин И.С.* Комуч // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 65. С. 221–241.
154. *Ильин И.С.* Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 198–217; Кн. 73. С. 216–243.
155. *Иностранцев М.А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина. М., 2017.
156. К истории ВЧК: Письмо А.И. Эрзмана (Бирзе) Ф.Э. Дзержинскому / публ. А.И. Колпакиди // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1996. Кн. 6. С. 181–208.
157. *Казанович Б.И.* Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май – июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 184–202.
158. *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 12: Казачий исход. С. 5–402.
159. *Калинин С.А.* Размышляя о минувшем. М., 1963.
160. *Каменев С.С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963.
161. *Каменев С.С.* Предисловие // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 9–46.
162. *Каменев С.С.* Система борьбы с басмачеством (бандитизмом) // Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент, 1924. С. 6–26.
163. *Каменева Н.С.* Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982.

164. *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985.
165. *Кедров М.С.* За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927.
166. *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. М., 2006.
167. *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005.
168. *К-й В.* Красный начальник штаба // Часовой (Брюссель). 1958. № 390 (8). Сентябрь. С. 7.
169. *Кирдецов Г.Л.* У ворот Петрограда (1919–1920). М., 2016.
170. *Кислицын В.А.* В огне Гражданской войны. М., 2016.
171. *Клементьев В.Ф.* В большевической Москве (1918–1920). М., 1998.
172. *Клерже Г.И.* Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А.Л. Посадкова. Новосибирск, 2012.
173. *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 38–102.
174. *Клодт [фон Юргенсбург П.А.].* Я.А. Слащев // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 12(25).12. № 10. С. 7–10.
175. *Князья Трубецкие.* Россия воспрянет! М., 1996.
176. *Командарм Уборевич:* Воспоминания друзей и соратников. М., 1964.
177. *Конец Юго-Западного фронта.* Воспоминания генерал-лейтенанта П.С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 143–163.
178. *Корицкий Н.И.* Создание I армии и освобождение Симбирска // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 49–69.
179. *Корницкий В.О.* Впереди – Иркутск // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 105–114.
180. *Корсак В.* У белых. Париж, 1931.
181. *Кравков В.П.* Война в Маньчжурии: Записки дивизионного врача. М., 2016.
182. *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 191–321.
183. *Краснов П.Н.* Полное собрание сочинений. Подольск, 2022. Т. 22.
184. *Краснов-младший Н.Н.* Незабываемое. М., 2002.
185. *Красный террор в Москве:* Свидетельства очевидцев. М., 2010.
186. *Крутоголов Ф.Ф.* Правда о Сорокине / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2012. № 3. С. 260–274.
187. *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии // Военно-исторический журнал. 1964. № 11. С. 53–60.
188. *Кузьмин Н.Н.* Борьба за Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 294–317.
189. *Кузьмин Н.Н.* 8 месяцев на Северном фронте // Наша война (Вологда). 1919. 29.04. № 83. С. 2.
190. *Куракина Т.Г., кн.* Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 175–196.
191. *Куропаткин А.Н.* Русская армия. СПб., 2003.
192. *К-ый.* Ген.-лейт[енант] Г.Г. Джонсон // Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919. 10.09. № 359. С. 3.

193. *Лампе А.А., фон.* К посещению полка государем 7-го февраля 1913 года // Семеновский бюллетень (Сан-Франциско). 1950. 21.11 (04.12). № 20. С. 16–17.
194. *Лампе А.А., фон.* Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021.
195. *Лебедев В.И.* Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919.
196. *Лебедева А.П.* Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 32–74.
197. *Левитский В.М.* Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / под ред. А.А. Чемакина. М., 2019.
198. *Лейтенант N.N.* Записки белогвардейца // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 56–113.
199. *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Минск, 2003.
200. *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003.
201. *Ленау М.Н.* Николаев. 1919 год // Героическое подполье: В тылу деникинской армии: Воспоминания. М., 1976. С. 300–312.
202. *Ленин В.И.* Военная переписка (1917–1920). М., 1956.
203. *Ленин В.И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987.
204. *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.
205. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969–1974. Т. 32–45; 50–51.
206. *Ленкевич А.* Из записок контрразведчика // Воля России (Прага). 1929. № 5–6. С. 73–85.
207. *Ливен А., кн. Ген.-м[айор] В.Н.* Фон-Энгель // Часовой. 1933. № 105. Июнь. С. 29.
208. *Литтауэр В.* Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006.
209. *Лодыженский А.А.* Воспоминания. Париж, 1984.
210. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1–2.
211. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012.
212. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 95–121.
213. *М.В. Фрунзе:* Воспоминания друзей и соратников. М., 1965.
214. *Мальков П.Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1987.
215. *Мамонтов С.И.* Походы и кони. Париж, 1981.
216. *Манжетный М.М.* Воспоминания русского полковника китайской армии. М., 2019.
217. *Маргулиес М.С.* Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2.
218. *Марков А.Л.* Записки о прошлом (1893–1920). М., 2014.
219. *Мартынов Е.И.* Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1907.
220. *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 170–341.
221. *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
222. *Мейер Ю.К.* Записки последнего кирасира / публ. А.В. Шахова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 547–636.
223. *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 2003.
224. *Мехоношин К.А.* От захвата власти к овладению аппаратом (воспоминания о первом периоде Наркомвоен) // Война и революция (Москва). 1928. Кн. 2. С. 31–41.

225. Милоданович В.Е. Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919. М., 2020.
226. Минут В.Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016.
227. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994.
228. Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920. М., 1993. Кн. 2.
229. Мишагин-Скрыдлов А.Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007.
230. Молчанов В.М. Борьба на востоке России и в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 399–423.
231. Молчанов В.М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009.
232. Мордвинов А.А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. М., 2014. Т. 2.
233. Мстиславский С. [Масловский С.Д.] Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка (Москва). 1928. № 2 (39). С. 7–36.
234. Мстиславский С. [Масловский С.Д.] Пять дней: Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922.
235. «Мы, видимо, попали в водоворот». Отрывки из дневника главкома Алексея Эверта публикуются впервые / публ. А.В. Ганина и И.В. Эверт // Родина. 2018. № 11. С. 34–37.
236. «Мы имели тогда полнейшую возможность захватить власть в свои руки». Воспоминания В.И. Невского об июльских днях 1917 г. в Петрограде / публ. А.В. Писарева // Исторический архив. 2017. № 3. С. 24–57.
237. Нарышкин П.А. Память героя Генерального штаба подполковника Ушакова // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 18.09. № 103 (315). С. 3.
238. «Настроение корявое, все время аресты...»: Письма военспеца Красной армии В.М. Цейтлина. Февраль – апрель 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2023. № 1. С. 42–56.
239. «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». Письмо генерал-майора Б.В. Геруа о заговоре в штабе Петроградского района и Северного участка завесы в марте – мае 1918 г. / публ. К.А. Тарасова // Исторический архив. 2020. № 6. С. 112–122.
240. «Наше великое дело близко к полной гибели». Дневник донского атамана А.П. Богаяевского / публ. Ю. Мурина // Источник. 1993. № 3. С. 13–19.
241. «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А.В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.
242. Неклютин К.Н. От Самары до Сиэттла: Воспоминания министра колчаковского правительства, сына самарского городского головы. Самара, 2011.
243. Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин, 1922.
244. Ненюков Д.В. От мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920. М., 2014.
245. Никитин Б.В. Роковые годы: новые показания участника. М., 2007.
246. Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 103–164.
247. Никонов Ф.П. Главнейшие моменты организации Красной армии // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 48–74.

248. *Новобранец В.А.* «Я предупреждал о войне Сталина»: Записки военного разведчика. М., 2009.
249. *Нокс А.* Вместе с русской армией: Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014.
250. *Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021.
251. *Олохова О.И.* Мы служили Отечеству: Воспоминания. СПб., 2012.
252. *Орехов В.* Кончина генерала Архангельского // *Часовой* (Брюссель). 1959. № 404. Декабрь. С. 3–4.
253. *Орлов Г.А.* Дневник добровольца: Хроника Гражданской войны. 1918–1921. М., 2019.
254. *Орлов Н.В.* Поход уральцев и его герои. По воспоминаниям одного из них // *Луч Азии* (Харбин). 1940. № 66–2. С. 5–9.
255. *Оськин Д.П.* Записки военкома. М., 1931.
256. От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957.
257. Очерк о генерале Слащеве, составленный в 1929 г. генералом П.И. Аверьяновым по воспоминаниям полковника В.Ф. Фролова и капитана А.А. фон Дрейера / публ. Л.И. Петрушевой // *Неизвестная Россия. XX век.* М., 1993. Т. 3. С. 85–107.
258. П.Н. Врангель: pro et contra. СПб., 2018.
259. *Павлов Б.* Первые четырнадцать лет. М., 1997.
260. *Палицын Ф.Ф.* Записки. Франция (1916–1921). М., 2014. Т. 2.
261. *Панов А.В.* В Полевом штабе РВСР // *Военно-исторический журнал.* 1962. № 7. С. 66–71.
262. *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте – апреле 1918 г. (Составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям) // *Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г.* М., 1919. Вып. 2. С. 194–218.
263. Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н.А. Кузнецов, Д.А. Тимохина. М., 2018.
264. Переписка Лидии Федоровны Красновой с генерал-лейтенантом С.В. Денисовым: 1947–1949. Подольск, 2022.
265. Переписка по грузинскому вопросу // *Белый архив.* Париж, 1928. Кн. 2–3. С. 192–196.
266. *Пермикин Б.С.* Генерал, рожденный войной: Из записок 1912–1959 гг. М., 2011.
267. *Перхуров А.П.* Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990.
268. *Пестржецкий М.И.* Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011.
269. *Петин Н.Н.* Перелом // *Правда.* 1934. 19.11. № 318 (6204). С. 3.
270. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930.
271. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011.
272. *Пилкин В.К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005.
273. *Пинчук Л.Р.* Моим детям – вместо завещания. М., 1978.
274. Письма генерала А.И. Деникина. Ч. 1 (1922–1934) / публ. Н.Н. Рутыча и Н.М. Янова // *Грани* (Франкфурт-на-Майне). 1983. № 128. С. 31–133.

275. Письма с фронта полковника К.И. Рябцева 1914–1917 / публ. И.Л. Журавской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2016. Т. 22. С. 555–663.
276. Письмо в редакцию // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 342.
277. Письмо генерала от инфантерии М.В. Алексева к генерал-лейтенанту М.К. Дидерихсу // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Кн. 1. С. 77–82.
278. «Пишу о том, что видела сама, о тех людях и впечатлениях, которые вынесла лично». А.М. Коллонтай в годы Гражданской войны. 1919 г. / публ. И.М. Дажиной // Исторический архив. 2010. № 3. С. 171–192.
279. *Подвойский Н.И.* Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 68–77.
280. *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1.
281. *Половцов П.А.* Дни затмения. М., 1999.
282. *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007.
283. *Попов К.С.* Воспоминания кавказского гренадера 1914–1920. М., 2007.
284. *Потапов Н.М.* Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 61–68.
285. Потонувший мир Б.А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020.
286. *Пронин В.М.* Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 257–317.
287. *Пугачева Л.Д.* Семен Андреевич Пугачев – военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 95–118.
288. *Пучков Ф.А.* 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Капель и каптелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 409–471.
289. *Раевский Н.А.* Русский гарнизон в Болгарии. Орхание – София – Прага. М., 2021.
290. *Раковский Г.Н.* В стане белых // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2004. Кн. 9: Донская Вандея. С. 179–400.
291. *Раковский Г.Н.* Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921.
292. *Реджи.* Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015.
293. *Рерберг Ф.П.* Воспоминания о командовании 3-м гренадерским Перновским короля Фридриха Вильгельма IV полком. 1909–1912. М., 2019.
294. *Рерберг Ф.П.* Все в прошлом: Воспоминания. 1868–1910. М., 2018.
295. *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000.
296. *Розеншильд фон Паулин А.Н.* Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 2014.
297. *Рутыч-Рутченко Н.Н.* Среди земных тревог. Воспоминания. М., 2012.
298. *Рыхлинский В.А.* Плен и побег // Военная Быль (Париж). 1964. № 68. С. 37–43.
299. «С огнем и кровью пополам...» [Интервью с генералом Н.Г. Лященко] // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 22–28.
300. *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками. Варшава, 1920.
301. *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993.
302. *Савченко И.Г.* В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016.

303. *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958.
304. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
305. *Свечин А.А.* Искусство вожделения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005.
306. *Свечин М.А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.
307. *Свечников М.С.* Революция и Гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы: (Воспоминания и материалы). М.; Л., 1923.
308. *Селивачев В.И.* Дневники. Сентябрь 1916 г. – сентябрь 1917 г. / ред.-сост. О.Н. Хлестов. М., 2021.
309. *Селявкин А.И.* В трех войнах на броневиках и танках. Харьков, 1981.
310. *Семенов (Васильев) Г.* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922.
311. *Семчевский К.В.* В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Калифорния). 1978. № 371. Июль – август. С. 5–6.
312. *Сербин Ю.* О разведке. Из личных воспоминаний // Часовой (Брюссель). 1960. № 415. Декабрь. С. 11–12.
313. *Сергеев Б.* Память о Я.А. Слащеве-Крымском да живет вечно в родном полку // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 30.07(12.08). № 9. С. 16–20.
314. *Сергиевский Б.Н.* Отречение 1917 // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985. № 38. Март. С. 3–58.
315. *Сиверс А.М.* Дневник. 1916–1919 / сост. А.Б. Гуларян. М., 2019.
316. Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958.
317. *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990.
318. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016.
319. *Скобельцын [В.С.], генерал-майор.* Последние дни Мурманского фронта // Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. 01.04. № 75. С. 3.
320. *Скобцов Д.Е.* Три года революции и Гражданской войны на Кубани. М., 2015.
321. *Слащев-Крымский Я.А.* Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990.
322. *Слащев Я.А.* «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть I / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2015. № 3 (14). С. 193–235.
323. *Слащев Я.А.* «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть II / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2016. № 1 (15). С. 226–256.
324. *Сливинская М.А.* Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 74–132.
325. *Смилга И.Т.* Военные очерки. М., 1923.
326. *Смирнов К.К.* Начало Северо-Западной армии // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Кн. 1. С. 109–158.
327. *Снесарев А.Е.* «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–48.
328. *Снесарев А.Е.* Дневник 1916–1917. М., 2014.
329. *Снесарев А.Е.* Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 2. С. 52–56; 1996. № 3. С. 42–51.
330. *Снесарев А.Е.* Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012.

331. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О.В. Будницкого. М., 2001. Т. 1: Август 1919 – сентябрь 1921.
332. *Соколов Б.Ф.* Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 5–90.
333. *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 1992. Кн. 8: Кубань и Добровольческая армия.
334. *Солнцев-Засекин А.* Побег генерала Корнилова из австрийского плена: Составлено по личным воспоминаниям, рассказам и запискам других участников побега и самого генерала Корнилова. М., 2014.
335. *Соломон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007.
336. *Солский В.* 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004.
337. 40 лет Военной академии имени М.В. Фрунзе. М., 1958.
338. *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М., 1976.
339. *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920.
340. *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. М., 1997.
341. *Степанов И. [Скворцов-Степанов И.И.]* С Красной армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. М., 1920.
342. *Столыпин А.А.* Дневники 1919–1920 годов. *Романовский И.П.* Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011.
343. *Стратонов В.В.* По волнам жизни. М., 2019. Т. 2.
344. *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924.
345. *Ткачев В.М.* Крылья России: Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910–1917 гг. СПб., 2007.
346. *Тодорский А.И.* Размышляя над мемуарами // Литературная газета. 1962. 30.08. № 104 (4537). С. 2.
347. *Трофимов П.М.* Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года / под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2018.
348. *Трофимов П.М.* Из истории дроздовцев. Боевые действия Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период Гражданской войны (март – октябрь 1920 г.) / под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2022.
349. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 2001.
350. *Троцкий Л.Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2.
351. *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд (1917–1919) // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 45–122.
352. *Трубецкой С.Е.* Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 123–366.
353. *Туник С.А.* Белогвардеец: Воспоминания о моем прошлом. М., 2010.
354. 1918 год на Украине. М., 2001.
355. *Тюленев И.В.* Через три войны: Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М., 2007.
356. «Уже тоскую по Северу...»: Документы о последних годах жизни командующего 6-й армией А.А. Самойло / публ. А.В. Ганина // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2014. Вып. 1: От Великой войны к Гражданской войне в России. С. 99–125.

357. *Уильямсон Х.* Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М., 2007. С. 79.
358. *Ульрих В.В.* Из недавнего прошлого. Записки судебного работника // Суд идет! (Ленинград). 1926. № 20 (60). Октябрь. С. 1231–1236.
359. *Уральцев А.М.* В боях и в пороховом дыму рожденная // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 247–261.
360. *Устинов С.М.* Записки начальника контрразведки. Белград, 1922.
361. *Федоров А.Ф.* Октябрьские зори. М., 1962.
362. *Федотов-Уайт Д.Н.* Пережитое. Война и революция в России. М., 2018.
363. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985.
364. *Фокке Д.Г.* На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Архив русской революции. Берлин, 1930. Т. 20. С. 5–207.
365. *Фомин Ф.Т.* Записки старого чекиста. М., 1964.
366. *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания: в 4 т. М., 1999. Кн. 1.
367. *Цейтлин В.М.* Дневник 1914–1918 годов / под ред. А.В. Ганина. М., 2021.
368. *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 45–73.
369. *Чеботарев Г.* Правда о России. М., 2007.
370. *Чебышев Н.Н.* Близкая даль // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 13: Константинополь – Галлиполи. С. 103–172.
371. *Чебышев Н.Н.* Около дела // Возрождение (Париж). 1930. 08.06. № 1832. С. 2.
372. *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. М., 1984.
373. *Чернавин В.* Русский Генеральный штаб перед Мировой войной. От Палицына до Янушкевича // Меч (Варшава). 1937. 21.11. № 45 (181). С. 3.
374. *Чернов В.М.* Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.
375. *Черный Вл.* В подполье // Путь коммунизма. Краснодар, 1922. Кн. 3. С. 120–146.
376. *Черныш А.В.* На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014.
377. *Чечек С.* От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе Участников Волжского Движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 246–265.
378. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2.
379. *Шапошников Б.М.* Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982.
380. *Шапрон дю Ларре А.Г.* Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 150–159.
381. *Шатилов П.Н.* Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1–2.
382. *Шидловский С.Н.* Записки белого офицера. СПб., 2007.
383. *Шиловский Е.А.* О технической стороне управления армией в Гражданскую войну // Военная наука и революция: Военно-научный журнал (Москва). 1922. Кн. 2. С. 13–27.
384. *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004.
385. *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2: Март.
386. *Штейфон Б.А.* Бредовский поход // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 10: Бредовский поход. С. 5–84.

387. Штейфон Б.А. Генерал А.П. Кутепов // Генерал Кутепов. М., 2009. С. 9–226.
388. Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1928.
389. Штейфон Б.А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А.В. Левченко // Исторический вестник (Москва). 2019. Т. 27. С. 16–229.
390. Шульгин В.В. 1919 год / под ред. А.А. Чемакина. М., 2018. Т. 2.
391. Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 179.
392. Щепихин С.А. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А.В. Ганина. М., 2020.
393. Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль – октябрь 1919 года) // Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А.В. Ганина. М., 2022. С. 93–287.
394. Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014.
395. Энгельгардт Б.А. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «Добровольческой армии» / публ. В.А. Авдеева // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 55–82.
396. Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 6–396.
397. Эфрон С.Я. Записки добровольца. М., 1998.
398. Янушкевич Н.Н. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 23. Май. С. 12–14.
399. Винниченко В.К. Відродження нації. Київ; Відень, 1920. Ч. 3.
400. Євтимович В. Олелько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // Літопис червоної калини (Львов). 1937. № 7–8. С. 32.
401. Євтимович В. Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // Літопис червоної калини (Львов). 1937. № 12. С. 8.
402. Левченко С. 8-й Катеринославський корпус // За державність: Матеріали до історії війська Українського. Варшава, 1938. 36. 9. С. 60–75.
403. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Київ, 2003.
404. Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917–1920) / упоряд. М.А. Ковальчук. Київ, 2007.
405. Оскілко В. Між двома світами. Рівне, 1924. Ч. 1.
406. Петлюра С.В. Статті, листи, документи. Київ, 1999. Т. 3.
407. Петлюра С.В. Статті. Листи. Документи. Київ, 2006. Т. 4.
408. Петрів В. Військово-історичні праці: Листи. Київ, 2004.
409. Петрів В. Військово-історичні праці: Спомини. Київ, 2002.
410. Скоропадський П.П. Спогади. Київ; Філадельфія, 1995.
411. Удовиченко О.І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. Київ, 1995.
412. Україна. 1919 рік. М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Документи та матеріали. Київ, 2004.
413. Юнаків М.Л. Матеріали для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 3–10.
414. A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2.

415. *Bailey F.M.* Mission to Tashkent. N.Y., 2002.
416. *Benckendorff, count.* Half a Life. The Reminiscences of a Russian Gentleman. London, 1955.
417. *Dowbor Muśnicki J.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1935.
418. *Grondijs L.-H.* La guerre en Russie et en Sibérie. Paris, 1922.
419. *Knox A.* With the Russian Army 1914–1917. London, 1921.
420. *Malleson W.* The British Military Mission to Turkistan, 1918–1920. London, 1922.
421. *Morizet A.* Chez Lénine et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922.

Монографии, статьи, исследования

1. *Абинякин Р.М.* Белые генералы в Советской России: биографии забытые и неизвестные // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2013. № 21. С. 84.
2. *Абинякин Р.М.* Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 116–128.
3. *Абинякин Р.М.* Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, ч. 1. С. 57–65.
4. *Абинякин Р.М.* Бывшие офицеры – заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 80–93.
5. *Абинякин Р.М.* «Временные правила об использовании бывших сухопутных офицеров из числа военнопленных и перебежчиков белых армий» как служебно-правовая основа их зачисления в РККА в 1920 г. // Современные аспекты гуманитарного знания. Воронеж, 2016. С. 3–8.
6. *Абинякин Р.М.* «За рюмкой водки мы коснулись ряда политических вопросов...»: Настроения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920–1930-е гг. // Родина. 2015. № 9. С. 110–114.
7. *Абинякин Р.М.* Завершение Гражданской войны и приказы РВСР об особом учете бывших белых офицеров в Советской России 1920–1922 гг. // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года. Орел, 2010. С. 122–127.
8. *Абинякин Р.М.* Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 18–21.
9. *Абинякин Р.М.* К вопросу о правовых основах социального положения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1918–1930-е гг. // Studia internationalia: Материалы VI Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (9–11 ноября 2017 года). Брянск, 2017. С. 162–167.
10. *Абинякин Р.М.* Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4. С. 47–52.
11. *Абинякин Р.М.* Нормативные документы военного ведомства о службе бывших белых офицеров в РККА в 1920–1923 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2010. № 2 (10). С. 101–107.
12. *Абинякин Р.М.* Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 139–147.

13. *Абинякин Р.М.* Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, ч. 1. С. 66–75.
14. *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005.
15. *Абинякин Р.М.* Подготовка отмены особого учета бывших белых офицеров в 1925–1927 гг. // *Studia internationalia: Материалы V Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (29 июня – 1 июля 2016 года). Брянск, 2016. С. 191–195.
16. *Абинякин Р.М.* Смена главнокомандующих Вооруженными силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 15–25.
17. *Абинякин Р.М.* Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.
18. *Абинякин Р.М.* Увольнения бывших офицеров из РККА в 1921 г.: причины и тенденции // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: Сборник материалов Международной научной конференции. Мурманск, 2011. С. 238–240.
19. *Абисогомян Р.А.* К. Баиов – русский генерал на эстонской службе // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII*. Тарту, 2011. С. 468–481.
20. *Абисогомян Р.* Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие: Магистер. дис. Тарту, 2007.
21. *Абраменко Л.М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005.
22. *Абрамов А.С.* У Кремлевской стены. М., 1978.
23. *Авдеев В.В.* Издательская деятельность Николаевской военной академии на территории «белой» Сибири // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2002. С. 98–100.
24. *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 62–76.
25. *Агеев С.А.* Строительство аппарата военного управления Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). 2014. № 4 (42). С. 89–113.
26. *Агеева Т.Г.* Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне: Документальный очерк. Волгоград, 2009.
27. *Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 года). М., 1961.
28. *Азовцев Н.Н.* В.И. Ленин и советская военная наука. М., 1981.
29. *Айрапетов О.Р.* Автор, время и события «Дневника» // Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 3–76.
30. *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017.
31. *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003.
32. *Айрапетов О.Р.* Дело Мясоедова // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83.

33. *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998.
34. *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014.
35. *Айрапетов О.Р.* «На сопках Маньчжурии...»: Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 355–502.
36. *Айрапетов О.Р.* Рец. на кн.: У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009 // Русский сборник (Москва). 2010. Т. 9. С. 292–335.
37. *Айрапетов О.Р.* Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64–82.
38. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. Т. 2: 1915 год. Апогей.
39. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2015. Т. 4: 1917 год. Распад.
40. *Айрапетян Г.А.* Легендарный Гай. М., 1965.
41. Академия Генерального штаба. М., 1987.
42. Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002.
43. Академия имени М.В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А.И. Радзиевского. М., 1973.
44. *Акулов М.Р., Петров В.П.* 16 ноября 1920. М., 1989.
45. *Александров К.М.* Драма военспецов // Родина. 2011. № 2. С. 34–38.
46. *Александров К.М.* Накануне Февраля: Русская императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года. М., 2022.
47. *Александрович В.* К познанию характера Гражданской войны. Бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 года. Белград, 1926.
48. *Алексеев Д.Ю.* Боевые действия Русской народной добровольческой армии в ноябре 1920 г. // Военная история России XIX–XX веков: Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб., 2012. С. 253–279.
49. *Алексеев Д.Ю.* Западный театр военных действий в контексте Гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков: Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013. С. 323–337.
50. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 1–2.
51. *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3, ч. 1–2.
52. *Алексеев М.* Как создавалось ГРУ. Военная разведка в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // Секретное досье (Москва). 1998. № 2 (2). С. 42–48.
53. *Алпеев О.Е.* Деятельность организационно-мобилизационных органов Советской России по созданию РККА в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Гражданская война в России (1918–1922 гг.). СПб., 2020. С. 273–292.
54. *Алпеев О.Е.* Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906–1914 гг.: источниковедческое исследование: дис. ... к. и. н. М., 2015.
55. *Амирханян Ш.М.* Из истории борьбы за советскую власть в Армении. Ереван, 1967.
56. Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973.
57. *Анищенков В.Р.* Создатели Красной армии. М., 2021.
58. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962.

59. Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. С. 163–177.
60. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015.
61. Аурилене Е.Е., Тужилин С.В. Заложники большой политики: Российские эмигранты в Маньчжоу-дго (1934–1945). М., 2023.
62. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003.
63. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985.
64. Ашин Г.К. Элитология. История, теория, современность. М., 2010.
65. Бабанков А.В. Руководство Штаба РККА 1921–1924 гг.: социокультурный анализ и политическая роль: дис. ... к. и. н. Орел, 2006.
66. Багдасарян А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854–1918). Омск, 2013.
67. Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003.
68. Базанов С.Н. Великая война: как погибала русская армия. М., 2014.
69. Баиов А.К. Генеральный штаб во время Гражданской войны // Часовой (Париж). 1932. 15.07. № 84. С. 3–5.
70. Бакланова И.С. К вопросу о военно-политической деятельности Л.Д. Троцкого в годы Гражданской войны: историографический очерк // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 18–24.
71. Бакланова И.С. К вопросу о полководческих талантах М.В. Фрунзе: по советской военно-исторической литературе 20-х гг. // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 191. С. 13–18.
72. Бакланова И.С. К вопросу об оценке генералом А.А. Свечиным советско-польской войны 1919–1920 годов // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 191. С. 129–131.
73. Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 149–152.
74. Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о строительстве Красной армии в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2016. № 7. С. 51–57.
75. Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о числе военных специалистов в Красной армии в годы Гражданской войны // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 138–140.
76. Бакланова И.С. О военном искусстве красных и белых в период Гражданской войны (историографический аспект) // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Серия «История, философия, социология». 2006. № 101. С. 23–28.
77. Бакланова И.С. Проблемы советской военной стратегии в публикациях 1920-х годов // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 22–26.
78. Бандурин С.Г. История формирования руководящих кадров Пограничной службы России в XX веке (царская Россия, СССР, Российская Федерация): дис. ... д. и. н. М., 2010.
79. Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. Лондон, 2000.

80. *Басханов М.К.* История изучения восточных языков в Русской императорской армии. СПб., 2018.
81. *Басханов М.К.* «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. СПб., 2015.
82. *Басханов М.К., Колесников А.А.* Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении (документы, материалы, комментарии). Тула, 2014.
83. *Басюк И.А.* Генерал армии Д.Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 41–51.
84. *Батенин Э.С.* Генеральный штаб // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1. Сентябрь. С. 63–80.
85. Бахурин Ю.А. «Вокзал для двоих»: К вопросу о «мукденской пощечине» Самсонова Ренненкампу // Рейтар (Москва). 2010. № 51. С. 144–153.
86. *Безбрежьев С.* Миссия генерала Ключева // Север (Петрозаводск). 1993. № 7. С. 119–131.
87. *Безотосный В.М.* Закаленные эпохой. Российский генералитет Александра I.М., 2015.
88. *Безотосный В.М.* Российский генералитет эпохи 1812 года: Опыт изучения коллективной биографии. М., 2018.
89. *Безугольный А.Ю.* Демократическая республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 87–101.
90. *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918–1945: Историко-статистическое исследование. М., 2021.
91. *Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е.* История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М., 2012.
92. *Бей Е.В.* Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016.
93. *Бей Е.В.* Военный министр А.А. Поливанов – «генерал от политики»; *Поливанов А.А.* Десять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. – 15 марта 1916 г.). М., 2020.
94. *Белоголовый Б.Г.* Один из нас. М., 2013. Кн. 1.
95. Белое движение: исторические портреты / сост. А.С. Кручинин. М., 2011.
96. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
97. *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958.
98. *Бобков А.С.* К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. Научно-просветительский журнал. URL: https://scepsis.net/library/id_2974.html (дата обращения: 29.01.2023).
99. *Богдалов У.* Генерал Клецинскас // Кузнецкий рабочий. 1966. 22.05. № 60 (10015). С. 4.
100. Боевой путь войск Туркестанского военного округа. М., 1959.
101. *Бондаренко В.В.* Белые. М., 2018.
102. *Бондаренко В.В.* Лавр Корнилов. М., 2016.
103. *Бондаренко В.В.* Легенды Белого дела. М., 2017.
104. *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.
105. *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996.
106. *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб., 1999.
107. *Бринюк Н.Ю.* Владимир Каппель. Биография эпохи. СПб., 2019.
108. *Брошеван В.М.* «Белый» террор в Крыму 1918–1920 гг. Симферополь, б.г.
109. *Будаков В.В.* Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011.

110. Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008.
111. Будницкий О.В. Красные и белые. М., 2023.
112. Булдаков В.П. Красная смута. М., 2010.
113. Буравченков А.А. Демократическое офицерство в революционном движении армии и его роль в организации защиты Великого Октября (март 1917 г. – май 1918 г.): дис. ... д. и. н. Киев, 1988.
114. Буравченков А.А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990.
115. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.
116. Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск, 2009.
117. Бушин А.Ю. Академия Генерального штаба в Гражданской войне 1918–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сборник научных трудов. Уссурийск, 2001. С. 169–173.
118. В интересах Вооруженных сил. Служба военных сообщений. М., 1989.
119. Варзацкий В.Д. Борьба партии за привлечение демократического офицерства на сторону социалистической революции (февраль 1917 – февраль 1918 гг.): дис. ... к. и. н. Одесса, 1984.
120. Варламова Л.Н. Военное управление правительства Колчака: (попытки сохранения имперских традиций): дис. ... к. и. н. М., 1999.
121. Василевский А.М. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сборник. М., 1979. Вып. 2. С. 6–87.
122. Василенко Г.И. Ликвидация «Круга спасения Кубани» // Кубань (Краснодар). 1980. № 11. С. 83–96.
123. Васильев А.А. Владислав Андерс – герой Российской императорской армии // Старый Цейхгауз (Москва). 2010. № 1 (33). С. 77–80.
124. Васильев В.В. Вооруженные силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... к. и. н. Саратов, 2007.
125. Васильев И.И., Зданович А.А. Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отрешал от должности «своего» начальника особого отдела // Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999. С. 42–49.
126. Васильев М.В. История полковника В.К. Видякина // Псков. 2019. № 50. С. 181–190.
127. Васильченко М.А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: дис. ... к. и. н. Саратов, 2014.
128. Вебер М.И. «Шесть человек политических мною были расстреляны»: документы о расстреле заключенных в Татарске 19 ноября 1919 г. // Развитие территорий (Новосибирск). 2019. № 3 (17). С. 63–72.
129. Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008.
130. Венков А.В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014.
131. Веркеенко Г.П., Минаков С.Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993.
132. Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб., 2013.
133. Винокуров В.И. Рыцарь военной дипломатии граф А.А. Игнатьев. М., 2017.

134. *Витухновская-Кауппала М.А., Осипов А.Ю.* В пучине Гражданской войны: карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб., 2021.
135. *Владимиров О.* Следить за настроениями правящих кругов. Советская военно-морская разведка в 1918 году // *Родина*. 2011. № 10. С. 15–17.
136. Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в цифрах, фактах, документах, лицах. 190 лет. М., 2022.
137. Военная академия за пять лет / под ред. М.Л. Белоцкого, И.Г. Клочко, Е.А. Шиловского. М., 1923.
138. Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917–1990-е годы). М., 1999.
139. Военные контрразведчики. М., 1979.
140. Военные связисты в дни войны и мира. М., 1968.
141. *Войнаровский О.В.* Е.К. Миллер: военачальник и политик: историко-психологическое исследование военно-политических аспектов деятельности неординарной исторической персоналии (1914–1937 гг.). СПб., 2006.
142. *Войнов В.М.* Николаевская академия Генерального штаба в Екатеринбурге // *Уральская старина* (Екатеринбург). 1994. Вып. 1. С. 9–17.
143. *Войтиков С.С.* Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016.
144. *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. 1917–1921 гг. М., 2010.
145. *Войтиков С.С.* Генштабисты 1917 года на защите революции // *Военно-исторический архив*. 2011. № 11 (143). С. 83–86.
146. *Войтиков С.С.* Документы Михаила Тухачевского // *Военно-исторический архив*. 2009. № 11 (119). С. 51–62.
147. *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М., 2010 (2-е изд.: Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М., 2017).
148. *Войтиков С.С.* Советские военная разведка и военная контрразведка в 1918–1921 гг.: из истории становления центральных органов // *История российской государственности: Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина*. М., 2021. С. 337–342.
149. *Войтиков С.С.* Справочник о российских генштабистах на службе в Красной армии // *История повседневности* (СПб.). 2018. № 2 (7). С. 139–144.
150. *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009 (2-е изд.: Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016).
151. *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого: Красные вожжи в годы Гражданской войны. М., 2016.
152. *Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г.* Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г.И. Теодори. 1918–1921 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 1. С. 30–36.
153. *Войтиков С.С., Ратьковский И.С.* Массовый красный террор осенью 1918 г.: взгляд старых большевиков // *Russian Colonial Studies* (СПб.). 2020. № 2 (6). С. 52–64.
154. *Волков Е.В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001.
155. *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.
156. *Волков Е.В.* Офицеры Генерального штаба на службе в войсках А.В. Колчака в период Гражданской войны // *Уржумка* (Челябинск). 2002. № 1. С. 62–71.

157. Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999.
158. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999.
159. Волков С.В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института (Москва). 2011. Вып. 1 (38). С. 111–117.
160. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
161. Волков С.В. Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского (Москва). 2016. № 1 (3). С. 30–37.
162. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
163. Волков С.В. Элитные группы в «массовом обществе». М., 2021.
164. Волков С.В. Элитные группы традиционных обществ. М., 2017.
165. Волков С.В. Элитные социальные группы и государственная служба в России. М., 2021.
166. Володихин Д.М. Полководцы Московского царства. М., 2020.
167. Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.
168. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. Т. 2.
169. Воронцов А. В дни смятения и распада // Московский журнал. 1996. № 2. С. 50–51.
170. Гаврилов А.В. Неизвестная история. Служба военных сообщений белой армии в годы Гражданской войны. Саратов, 2021.
171. Гагкуев Р.Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917–1922 гг.): дис. ... д. и. н. М., 2013.
172. Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.
173. Гагкуев Р.Г. Бердичевские узники: арест генерала А.И. Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в дни Корниловского выступления (август – сентябрь 1917 г.) // Новейшая история России (СПб.). 2019. Т. 9, № 2. С. 312–339.
174. Гагкуев Р.Г. Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. № 3. С. 33–36.
175. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
176. Галкина Ю.М. К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон? // Клио (СПб.). 2018. № 3. С. 176–186.
177. Ганин А.В. Адмирал А.В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре – декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37.
178. Ганин А.В. Американская история полковника Чубакова // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2017. Т. 13, № 1. С. 95–117.
179. Ганин А.В. Аресты членов Особого совещания при главнокомандующем в документах Московского политического Красного Креста // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 64–71.
180. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста (Москва). 2014. № 2 (126). С. 260–272; № 3 (127). С. 261–291.
181. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006.
182. Ганин А.В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119.

183. Ганин А.В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М., 2022.
184. Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021.
185. Ганин А.В. Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.
186. Ганин А.В. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2005. № 8. С. 193–207.
187. Ганин А.В. Бывший начальник штаба генерала П.Н. Врангеля П.С. Махров о походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. // Славянский альманах. М., 2020. Вып. 1–2. С. 461–471.
188. Ганин А.В. «Быть коммунистом с 1919 года – это слишком поздно». Четыре мифа о первом большевистском нациве Михаиле Свечникове // Родина. 2019. № 6. С. 117–121.
189. Ганин А.В. «В настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было рискованно»: Военспецы Киевской объединенной школы командиров РККА имени С.С. Каменева под надзором органов госбезопасности в 1924–1926 гг. // Славянский альманах. М., 2019. Вып. 1–2. С. 134–155.
190. Ганин А.В. В треугольнике Ленин – Троцкий – Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник (Москва). 2010. Т. 9. С. 336–378.
191. Ганин А.В. Вертикаль штабс-капитана Безобразова // Родина. 2020. № 8. С. 127–130.
192. Ганин А.В. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа (1918–1919 гг.): история и деятельность // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2018. № 4. С. 27–54.
193. Ганин А.В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022.
194. Ганин А.В. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: опыт историко-психологического исследования // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 152–196.
195. Ганин А.В. «Все пережитое за период командования армией... подействовало на мое здоровье»: Генерал В.И. Селивачев и дело генерала Л.Г. Корнилова. Август – сентябрь 1917 г. // Селивачев В.И. Дневники. Сентябрь 1916 г. – сентябрь 1917 г. / ред.-сост. О.Н. Хлестов. М., 2021. С. 711–743.
196. Ганин А.В. «Всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...»: Неизвестное письмо генерала С.Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107–109.
197. Ганин А.В. II Оренбургский казачий корпус (февраль – апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: Материалы научной конференции в Челябинске 19–20 апреля 2002. М., 2003. С. 80–85.
198. Ганин А.В. Выбор Маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошел за красными и какую цену за это заплатил // Родина. 2016. № 11. С. 37–41
199. Ганин А.В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 33–58.
200. Ганин А.В. Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. 2011. № 10. С. 124–127.

201. Ганин А.В. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74.
202. Ганин А.В. Генштаб, которого не было (рец. на кн.: Дашкуев М.Д. «Побеждает тот, кто умеет лучше думать». М.: Кучково поле, 2007) // Родина. 2007. № 8. С. 76–77.
203. Ганин А.В. Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: Сборник докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 208–264.
204. Ганин А.В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государства! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53.
205. Ганин А.В. Д.Н. Тихобразов. «Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму»: Воспоминания о событиях на Украине в конце 1918 – начале 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2022. Т. 17, № 1–2. С. 142–159.
206. Ганин А.В. Дело генштабиста Трофимова // Клио (СПб.). 2011. № 9 (60). С. 95–98.
207. Ганин А.В. Дело о «природном “езуитстве” ляхов». Лев Троцкий против полонофобии военспецов // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 1–2. С. 121–143.
208. Ганин А.В. «За мою служебную практику такое свинское отношение было мною встречено впервые»: Окончание письма командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2020. № 1 (13). С. 18.
209. Ганин А.В. За что расстреляли ординарца Скобелева? Гибель полковника Кашубы на Архангельском Севере // Родина. 2011. № 1. С. 116–120.
210. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.
211. Ганин А.В. Знак Николаевской академии Генерального штаба на форме Красной армии // Старый Цейхгауз (Москва). 2013. № 3 (53). С. 40–43.
212. Ганин А.В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...»: Лагерная судьба комкора С.А. Пугачева в письмах его товарища // Русский сборник (Москва). 2018. Т. 25. С. 149–172.
213. Ганин А.В. «Идея большевизма обгоняет красную украинскую армию»: Донесение белого разведчика о состоянии украинских советских войск. 1919 год // Славянский альманах. М., 2019. Вып. 1–2. С. 484–492.
214. Ганин А.В. «Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов – реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75.
215. Ганин А.В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.
216. Ганин А.В. Инерционный период // Россия в Первой мировой войне 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М., 2014. Т. 1: А–Й. С. 804.
217. Ганин А.В. Как становятся антибольшевиками? Генерал Е.К. Миллер и революционная армия в 1917 году // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 121–132.
218. Ганин А.В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки»: Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. М., 2022. Вып. 3–4. С. 403–429.

219. Ганин А.В. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник (Москва). 2012. № 2 (32). С. 84–100.
220. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013.
221. Ганин А.В. На гетманской Украине летом – осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. М., 2021. Вып. 1–2. С. 477–507.
222. Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008.
223. Ганин А.В. «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М.В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4, № 4. С. 75–81.
224. Ганин А.В. «Не могу утверждать, что это был определенный контрреволюционный заговор»: Следственные материалы по делу сторонников генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 22–30.
225. Ганин А.В. Недоучились «Военному делу» настоящим образом... // Родина. 2023. № 1. С. 110–113.
226. Ганин А.В. «Незалежные» генштабисты // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.
227. Ганин А.В. Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского // История белой Сибири: Сборник научных трудов / под ред. С.П. Звягина. Кемерово, 2011. С. 138–144.
228. Ганин А.В. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио (СПб.). 2012. № 10. С. 27–36.
229. Ганин А.В. Новые документы об аресте семьи генерала Н.Н. Стогова в 1919 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7, № 4. С. 9–13.
230. Ганин А.В. О книге В.В. Каминского «Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии» // Русский сборник (Москва). 2012. Т. 11. С. 514–536.
231. Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.
232. Ганин А.В. Общество русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Руска дијаспора и словенски свет: Сборник радова = Русское зарубежье и славянский мир: Сборник трудов. Београд, 2013. С. 107–116.
233. Ганин А.В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.
234. Ганин А.В. От военпреда товарища Сытина. Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме // Родина. 2014. № 5. С. 132–135.
235. Ганин А.В. От редакции // Родина. 2011. № 2. С. 41.
236. Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018 (переизд.: М., 2021).
237. Ганин А.В. П.С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2020. Т. 15, № 1–2. С. 108–137.
238. Ганин А.В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной»: Украина 1919 года глазами деникинских генштабистов // Славяноведение. 2015. № 5. С. 98–115.

239. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016 (2-е изд.: М., 2017).
240. Ганин А.В. Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник (Москва). 2015. Т. 18. С. 488–561.
241. Ганин А.В. «После 20-дневного допроса я был отправлен в камеру...»: Незаконные методы дознания в деле «Весна» 1930–1931 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 26–27 апреля 2021 г.). М., 2021. С. 45–55.
242. Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.
243. Ганин А.В. Последний генштабист. К 90-летию советско-польской войны // Родина. 2010. № 8. С. 82–86.
244. Ганин А.В. При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П.С. Махрова // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 160–205.
245. Ганин А.В. «Признаки “Запорожской сечи” почти исчезли...»: Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2019. № 1 (7). С. 5–45.
246. Ганин А.В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сборник материалов Международной научной конференции. Архангельск, 2008. С. 160–171.
247. Ганин А.В. Проект почетного мундира и нагрудного знака украинского Генерального штаба // Старый Цейхгауз (Москва). 2011. № 2–3 (40–41). С. 104–107.
248. Ганин А.В. Проигранный поединок Куприна // Родина. 2017. № 4. С. 45–48.
249. Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022.
250. Ганин А.В. «Работа Екатеринославского центра особенно выделилась своею успешностью»: История Екатеринославского центра Добровольческой армии 1918–1919 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 4 (15). С. 8–47.
251. Ганин А.В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 98–123.
252. Ганин А.В. Раскол Генерального штаба // Дилетант. 2012. № 5. Май. С. 12–15.
253. Ганин А.В. Расстрелянные на всякий случай // Родина. 2023. № 8. С. 114–117.
254. Ганин А.В. Российская Военная академия в Болгарии в 1921–1922 гг.: история нереализованного проекта // Русский сборник (Москва). 2018. Т. 26. С. 722–766.
255. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров: 1917–1922 гг. М., 2019.
256. Ганин А.В. С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4–14.
257. Ганин А.В. Саквояж генерала А.М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.

258. Ганин А.В. Сам Савинков вышел на связь... Как деникинский генерал Борис Казанович организовывал белое подполье в Москве // Родина. 2018. № 8. С. 119–122.
259. Ганин А.В. Свои среди чужих, чужие среди своих // Родина. 2015. № 8. С. 48–53.
260. Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.
261. Ганин А.В. «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4. С. 88–90.
262. Ганин А.В. Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 115–119.
263. Ганин А.В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. М., 2018. Вып. 1–2. С. 144–156.
264. Ганин А.В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.
265. Ганин А.В. «Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.) // Военная история России XIX–XX веков: Материалы XI Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2018 г.: Сборник научных статей. СПб., 2018. С. 466–476.
266. Ганин А.В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»: Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 310–315.
267. Ганин А.В. Странная история доктора Грицкевича. Новые фальсификации Гражданской войны // Родина. 2011. № 6. С. 104–105.
268. Ганин А.В. «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым...»: Лев Троцкий против Особого отдела ВЧК // Родина. 2015. № 9. С. 106–109.
269. Ганин А.В. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. 2007. № 12. С. 41–47.
270. Ганин А.В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило»: Неизвестное письмо полковника В.В. Добрынина генерал-лейтенанту А.К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Документы и материалы. М.; СПб., 2016. С. 54–75.
271. Ганин А.В. «У нас в сущности еще регулярной армии нет...»: Письмо командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2019. Т. 14, № 1–2. С. 245–264.
272. Ганин А.В. Финал галицийских генералов. Судьбы генералов Украинской галицийской армии И.-Н. Микитки и Г.-Ф. Цирица // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 529–545.
273. Ганин А.В. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...»: Воспоминания генерала П.С. Махрова о Юго-Западном фронте в сентябре – декабре 1917 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 142–232.
274. Ганин А.В.хлопоты наркомвоенмора Л.Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М.М. Загю и С.М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста (Москва). 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

275. Ганин А.В. Хранитель «славной Южной школы». Полковник А.С. Карпенко и судьба Елисаветградского кавалерийского училища в период Гражданской войны на Украине // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 3–4. С. 213–225.
276. Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.
277. Ганин А.В. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.
278. Ганин А.В. «Штаб разделился на два враждебных лагеря...»: Дело об «измене» в штабе Северного фронта // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 28–31.
279. Ганин А.В. «Я готов вам дать удовлетворение оружием...»: Несостоявшийся поединок писателя А.И. Куприна и сына генерала В.Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // Новое прошлое (Ростов-на-Дону). 2017. № 2. С. 63–76.
280. Ганин А.В. «Я имел одну вину – службу у белых...»: Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В.И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А.С. Кручинина. М., 2018. С. 219–352.
281. Ганин А.В. «Я имел счастье впервые видеть государя...»: Неизвестное письмо прославленного советского военачальника Августа Корка о встрече с императором Николаем II // Родина. 2017. № 10. С. 124–125.
282. Ганин А.В. «Я подвергаюсь непрерывной и систематической травле...»: Бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич в борьбе за квадратные сажени // Родина. 2016. № 11. С. 126–130.
283. Ганин А.В., Гущин Ф.А. Гибель генерала Слащева: расплата за окаянные годы // Родина. 2022. № 9. С. 112–115.
284. Ганин А.В., Новиков П.А., Хипхенов Г.И. «Я с броневиком иду в наступление...»: Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь – июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 226–267.
285. Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М., 2006.
286. Геллер Ю. Комбриг М.С. Свечников // Военно-исторический журнал. 1967. № 7. С. 102–105.
287. Генис В.Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921: Документальная хроника. М., 2000.
288. Геронимус А.А. Разгром Юденича. М.; Л., 1929.
289. Гефнер О.В. У истоков сибирской геодезической науки: Никифор Демьянович Павлов (1867–1929) // Вестник Омского университета. 2014. № 2. С. 203–205.
290. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.
291. Глушков В.В. Николай Дмитриевич Артамонов – военный геодезист и картограф. М., 2007.
292. Глущенко Е.А. Герои империи: Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001.
293. Гоков О.А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 142–149.
294. Гоков О.А., Фалько С.А. Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // Русский сборник (Москва). 2016. Т. 19. С. 280–329.

295. *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993.
296. *Голдин В.И.* Лихолетье: Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
297. *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.
298. *Голдин В.И.* Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918 г. Архангельск, 2021.
299. *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Архангельск, 2005.
300. *Голдин В.И., Тетеревлева Т.П., Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии. 1918–1940 // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 103–124.
301. *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1.
302. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001.
303. *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926.
304. *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М., 2011. Т. 1.
305. *Головин С.А.* Членство в РКП(б) – ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.
306. *Гордеев Ю.Н.* Генерал Деникин. М., 1993.
307. *Горелик Я.М.* Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. М., 1961.
308. *Городецкий Е.Н.* О записках Н.М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 58–61.
309. *Горохов В.В., Мильбах В.С., Саберов Ф.К., Чураков Д.Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Черноморский флот. СПб., 2017.
310. *Горчаков А.Г.* История семьи Горчаковых. Рига, 2014.
311. Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980. Т. 1; 1986. Т. 2.
312. Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год. СПб., 2012.
313. Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии.
314. *Гребенкин И.Н.* Добровольческая армия в «Ледяном» походе. М., 2022.
315. *Гребенкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 (2-е изд.: Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015).
316. *Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М., 2021.
317. *Грезин И.И.* Храм-Памятник в Брюсселе: Список мемориальных досок. СПб., 1999.
318. *Григорьев А.А.* Государственная и военная деятельность генерала от инфантерии А.А. Поливанова (1874–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2021.
319. *Григорьев Е.М.* Новые источники по истории Народной армии Комуча (по материалам РГАСПИ) // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию создания РККА: «Рабоче-крестьянская Красная армия, Вооруженные Силы СССР, Вооруженные Силы Российской Федерации – преемственность боевых традиций». М., 2018. С. 113–120.
320. *Григорян А.М., Мильбах В.С., Чернавский А.Н.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб., 2013.

321. *Гриняев С.Н.* Размышления об А.Е. Снесареве и книги о нем // Геополитика и безопасность (СПб.). 2016. № 3–4 (35–36). С. 71–76.
322. *Гуженков А.М.* Штаб РККА 1924–1931 гг. Социокультурный состав руководства и политическая роль: дис. ... к. и. н. Орел, 2006.
323. *Гунгер Ю.В.* Вехи жизни генерал-лейтенанта П.А. Половцова. Сентябрь 1917 – апрель 1918 гг. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2022. № 29. С. 98–108.
324. *Густерин П.В.* Восточный факультет Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 32–37.
325. *Гущин Ф.А.* Жертвы стальных гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. 1914–1917. М., 2020.
326. *Гущин Ф.А., Жебровский С.С.* Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. М., 2010.
327. *Дайнес В.О.* Организация и методы работы Полевого штаба Реввоенсовета Республики // Военно-исторический журнал. 1984. № 5. С. 83–87.
328. *Дайнес В.О.* Штрафбаты и заградотряды Красной армии. М., 2010.
329. *Дамье В.В.* Русский генерал и китайские радикалы // Россия и современный мир (Москва). 2018. № 3 (100). С. 30–51.
330. *Даниленко И.С.* О судьбе рукописи и ее автора // Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица. М.; Жуковский, 2007. С. 10–32.
331. *Дарабади П.Г. оглы.* О вооруженных силах Азербайджанской демократической республики (1918–1920 гг.) // Известия Академии наук Азербайджана (Баку). Серия «История, философия и право». 1991. № 1. С. 27–34.
332. Два года Красной академии Генерального штаба (1918 – сентябрь 1920 г.). М., 1921.
333. *Деревянко И.В.* Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79–80.
334. *Дерябин А.И.* Белая армия на Севере России. 1918–1920 гг. М., 2002.
335. Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 года. М., 1921.
336. Добровольцы. М., 2022.
337. *Дойков Ю.В.* Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1.
338. *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк 1879–1921. М., 2006.
339. Долг и судьба: Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006.
340. *Домнин И.В.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 489–513.
341. *Дробязко С.И.* Эвакуация войск ВСЮР с кавказского побережья (январь – май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (станция Еланская). 2010. № 4. С. 20–52.
342. Дроздовский и дроздовцы. М., 2006.
343. *Дубинин Д.В.* Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2010.
344. *Дудник В., Смирнов Д.* Вся жизнь – науке // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 47–57.
345. *Думби Ю.Ф.* Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... к. и. н. М., 2000.

346. *Дуров В.А., Стрекалов Н.Н.* Орден Красного Знамени. История учреждения награды и эволюция орденского знака. М., 2006.
347. *Дусин А.В.* Деятельность Высшего военного редакционного совета по выпуску переводных военных изданий в 1921–1926 гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела (Москва). 2010. № 2. С. 112–119.
348. *Дусин А.В.* Переводческая деятельность «военспецов» в Красной армии в 1920–1939-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2010. Т. 9. С. 269–272.
349. *Дусин А.В.* Переводная военная книга в России (1918–1941 гг.): дис. ... к. и. н. Новосибирск, 2012.
350. *Егоров Н., Жебровский С.* «Ни пяди земли, даже для погребения, не имею...»: Судьбы георгиевских кавалеров Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 76–79.
351. *Екабсонс Э.* Латвия, Литва и Эстония в 1918–1940 гг.: сходства и различия // Латвия и латыши. Рига, 2019. Т. 2. С. 598–634.
352. *Екабсонс Э.* Укрепление латвийской государственности: военные события (1918–1920 гг.) // Латвия и латыши. Рига, 2019. Т. 2. С. 473–507.
353. *Елизаров М., Елизарова О.* «Дело Дыбенко» // Морской сборник (Москва). 2008. № 9. С. 77–79.
354. *Емелин А.* О книге С.В. Волкова «Офицеры флота и морского ведомства» // Генеалогический вестник (СПб.). 2006. Вып. 24. С. 58–65.
355. *Ермолин Е.А.* Идеология Ярославского восстания // Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 37–44.
356. *Ефимов Н.А.* Командный состав Красной армии // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 91–109.
357. *Жаворонков Г., Парийский В.* В немиловидный впадный // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 154–162.
358. *Жарков В.В.* Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 192–202.
359. *Жук Ю.А.* Вопросительные знаки в «Царском деле». СПб., 2013.
360. *Журавлев В.В., Симонов Д.Г.* О наградной системе антибольшевистских режимов Востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика. Новосибирск, 2014. С. 178–213.
361. *Журавская И.Л.* Полковник К.И. Рябцев. Страницы биографии // Отечественная история. 1998. № 4. С. 66–74.
362. *Загоруйко М.В.* Российское офицерство в 1917 году (февраль – октябрь): автореф. дис. ... к. и. н. М., 2012.
363. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002.
364. *Зайончковский В.А.* Оперативные документы Гражданской войны как исторический источник // Военно-исторический архив. 2011. № 11 (143). С. 53–70.
365. *Зайончковский П.А.* Высшее военное управление. Император и царствующий дом // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 70–98.
366. *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 33–42.

367. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.
368. *Зайцов А. А.* Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны // Русский инвалид (Париж). 1932. 07.03. № 36. С. 6–7; 22.03. № 37. С. 5–6.
369. *Зайцов А. А.* 1918 год: Очерки по истории русской Гражданской войны. Б.м., 1934.
370. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
371. *Захаров А. М.* «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2020.
372. *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005.
373. *Захаров М. В.* Ученый и воин: (О Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове). 2-е изд. М., 1978.
374. *Заяц Н. А.* Необходимость контррецензии // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2021. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. С. 131–141.
375. *Заяц Н. А., Бобков А. С.* Запах гнилых яблок и свежего сена. Химическое оружие в Гражданскую войну // Родина. 2013. № 5. С. 96–99.
376. *Звонарев К. К.* Агентурная разведка: в 2 кн. М., 2003.
377. *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.
378. *Зданович А. А.* Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 65–73; № 5. С. 75–82.
379. *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.
380. *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004.
381. *Зданович А. А.* Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017.
382. *Зданович А. А.* «Синдикат-4». ОГПУ против монархистов-кирилловцев // Родина. 2007. № 12. С. 32–39.
383. *Зданович А. А.* «Теплая компания» «красного Бонапарта». Был ли заговор военных в 1923 году? // Родина. 2008. № 12. С. 43–47.
384. *Зими́на В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006.
385. *Зиновьев Н. Н., Конев В. Н.* Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны. 1918–1920. М., 2017.
386. *Зирин С. Г.* Голгофа Северо-Западной армии 1919–1920 гг. СПб., 2011.
387. *Зирин С. Г.* «Русский патриот до глубины души»: Генрих Иванович Гроссен // Михайлов день 2-й. Журнал исторической России. СПб., 2010. С. 341–350.
388. *Зорихин А. Г.* Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922. М., 2023.
389. *Зув В. Н.* Генерал А. Г. Лигнау: страницы жизни // История белой Сибири: Тезисы 3-й научной конференции. Кемерово, 1999. С. 61–64.
390. *Иванов А. А.* «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 105.

391. Из истории создания Рабоче-Крестьянской Красной армии / публ. Н. Д. Егорова, А. В. Крушельницкого, М. А. Молодцыгина, В. М. Михалевой // Военно-исторический журнал. 1988. № 2. С. 38–47.
392. *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы: социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016.
393. *Изонов В. В.* Подготовка военных кадров в России (XIX – начало XX вв.): дис. ... д. и. н. СПб., 1998.
394. *Изонов В. В.* Страницы истории офицерских школ русской армии: проблемы, факты, люди. М., 2017.
395. *Иконников-Галицкий А.* Три цвета знамени: генералы и комиссары. 1914–1921. М., 2014.
396. *Илляшевич В. Н.* Ревельский тракт. Истории о русской Прибалтике. Таллин, 2001.
397. *Иовлев А. М., Воропаев Д. А.* Борьба Коммунистической партии за создание военных кадров (1918–1941 гг.). М., 1956.
398. *Иоффе Г. З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.
399. *Иоффе Г. З.* Керенщина и черемисовщина // Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 272–281.
400. *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
401. *Ипполитов Г. М.* Деникин. М., 2000.
402. *Ипполитов Г. М.* Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Самара, 1999.
403. *Исаев А. В.* Краткий курс истории ВОВ: Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.
404. *Исаев В. И.* Забытый герой мировой пролетарской революции. Штрихи к биографии красного командира В. Р. Розе // Личность, общество и власть в истории России: Сборник научных статей, посвященный 70-летию д. и. н., проф. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 362–382.
405. История военной стратегии России. М., 2000.
406. История зарождения, становления и развития организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил России. М., 2019.
407. История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972.
408. История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.
409. История Уральского военного округа. М., 1970.
410. *Кабаков А. М.* Русское белое зарубежье о политической роли Красной армии в Советской России в 1921–1924 гг.: (источники формирования представлений и их эволюция): дис. ... к. и. н. Орел, 2005.
411. *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
412. *Кавтарадзе А. Г.* Военспец в революции // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 179–214.
413. *Кавтарадзе А. Г.* Войсковое управление Генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. 1978. № 6. С. 77–82.
414. *Кавтарадзе А. Г.* Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 75–80; 1972. № 7. С. 87–92; 1974. № 12. С. 80–86; 1976. № 3. С. 103–109.

415. *Кавтарадзе А.Г.* Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 111–117.
416. *Кавтарадзе А.Г.* Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40–43.
417. *Кавтарадзе А.Г.* Примечания // Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 494–514.
418. *Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию... офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 48–55.
419. *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 32–40.
420. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1: 1917–1918 гг.; Т. 2: 1919–1920 гг.
421. *Какурин Н.Е., Ковтун Н.Н., Сухов В.Г.* Военная история Гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004.
422. *Какурин Н.Е., Меликов В.А.* Гражданская война в России: Война с белополяками. М.; СПб., 2002.
423. *Каменев А.* Военная школа России (уроки истории и стратегии развития). М., 1999.
424. *Каминский В.В.* Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126.
425. *Каминский В.В.* Выпускники академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 54–61.
426. *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011.
427. *Каминский В.В.* Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917 – 1918 гг.). СПб., 2000.
428. *Каминский В.В.* Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г?.. // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 140–147.
429. *Каминский В.В.* Рецензия на монографию: *Войтиков С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937 // Новейшая история России (СПб.). 2018. Т. 8. № 3. С. 779–790.
430. *Каминский В.В.* Рецензия на монографию С.С. Войтикова «Троцкий и заговор в Красной Ставке» // Новейшая история России (СПб.). 2013. № 3. С. 282–292.
431. *Каминский В.В.* Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51.
432. *Каминский В.В.* Служил ли В.О. Каппель в Красной армии? // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. Кемерово, 2001. С. 134–138.
433. *Каминский В.В.* «Хроника белого террора в России»: pro et contra. Рец. на монографию И.С. Ратьковского // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сборник статей. СПб., 2018. С. 396–428.
434. *Канинский Г.Г.* «...Иначе не мог поступить». Русский генерал Сергей Николаевич Войцеховский. Биографический очерк. Челябинск, 2003.
435. *Кантор Ю.З.* Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

436. Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009.
437. Каппель и каппелевцы. М., 2003 (2-е изд., испр. и доп.: М., 2007).
438. Капустина О.В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История». 2021. Т. 66, вып. 2. С. 404–420.
439. Капчинский О.И. Агент из «Мирографа» // Родина. 2002. № 1. С. 73–75.
440. Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина: Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014.
441. Карапетян М. Генерал-лейтенант Ованес Ахвердян. Ереван, 2003.
442. Каревский А.А. В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2007. 2-е изд., испр. и доп. С. 580–717.
443. Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: дис. ... к. и. н. М., 2001.
444. Кареева Н.Д. Борис Павлович Кареев (1878–1907) // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2017. Вып. 44. С. 46–54.
445. Карпенко С.В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество (Юг России, 1918–1920 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2012. № 4 (84). С. 87–99.
446. Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.
447. Карпов Н.Д. Мятаж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006.
448. Каряева Т.Ф. За строкой директивы главкома. М., 1980.
449. Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006.
450. Кашин В.В. Агент «Джон» на службе военной контрразведки Франции // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2021. № 28. С. 43–56.
451. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
452. Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4: 1915–1917 гг.
453. Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М., 2008.
454. Кирмель Н.С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007.
455. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013.
456. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013.
457. Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015.
458. Кирмель Н.С., Шинин О.В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016.
459. Киришин Ю.Я. Лев Троцкий – военный теоретик. Клинцы, 2003.
460. Кляцкин С.М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965.
461. Книга исторических сенсаций. М., 1993.
462. Кожевин В.Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011.

463. *Кожевникова Г.В.* Главное управление Генерального штаба накануне Первой мировой войны (1910–1914). М., 1998.
464. *Козлов А.И., Финкельштейн Ю.Е.* Генерал Деникин. Симон Петлюра. Ростов-на-Дону, 2000.
465. *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М., 2013.
466. *Колеров М.А.* На пути к лояльности: «Декларация трудовой интеллигенции» (1920) // Русский сборник (Москва). 2009. Т. 6. С. 163–174.
467. *Колесниченко И.* К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного фронта (сентябрь – октябрь 1918 года) // Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 39–47.
468. *Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С.* Танки Гражданской войны. М., 1999.
469. *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
470. *Кольтюков А.А.* Институт военной истории: вчера, сегодня, завтра // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 21–27.
471. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
472. *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
473. *Копылов Н.А.* «Союз офицеров армии и флота» в России периода февральской революции: формирование, программа, тактика: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2011.
474. *Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября.* М., 1979.
475. *Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и создание Красной армии.* М., 1970.
476. *Кораблев Ю.И.* Советская власть и военные специалисты // Гражданская война в России: События, мнения, оценки: Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М., 2002. С. 306–317.
477. *Корнатовский Н.А.* Борьба за красный Петроград. М., 2004.
478. *Корнатовский Н.А.* Заговор против социалистической родины. Осень 1919 года в Петрограде // Красная летопись. 1937. № 3. С. 92–117.
479. *Корнатовский Н.А.* Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. Л., 1972.
480. *Коротков И.А.* История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917 – июнь 1941. М., 1980.
481. *Коршунов Э.Л., Бахтуридзе З.З., Бринюк Н.Ю.* «Тут говорили и судили о таких вещах, которые в общей прессе невольно замалчивались». Становление и развитие военной периодики в царской России // Военно-исторический журнал. 2016. № 6. С. 47–55.
482. *Коршунов Э.Л., Щерба А.Н.* «Центр тяжести всех маневров должен быть перенесен на боевые действия войск...» // Военно-исторический журнал. 2018. № 6. С. 15–23; № 7. С. 8–16.
483. *Костанди О.* Автор и его время // Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал (Таллин). 2006. № 4. С. 20–38.
484. *Костин Б.А.* Скобелев. М., 1990.
485. *Котеленец Е.А.* Битва за Ленина: Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017.
486. *Коткин С.* Сталин: в 3 т. М., 2022. Т. 1, кн. 1.

487. Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ. М., 2004.
488. Кочик В.Я. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917–1918) // Свободная мысль. 1998. № 5 (1474). С. 94–104; Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 88–103; Статья третья (1921–1924) // Свободная мысль. 1998. № 7 (1476). С. 97–109.
489. Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов-на-Дону, 2012.
490. Кравцевич-Рожнецкий В.Я., Панасенко В.П. Украинские военные знаки отличия первой половины XX века. Киев, 2009.
491. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000.
492. Краснознаменный Белорусский военный округ. М., 1983.
493. Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980.
494. Краснознаменный Северо-Кавказский: Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1978.
495. Краснознаменный Уральский. М., 1983.
496. Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 209–220.
497. Креэстрем М. Эстонские офицеры на фронтах Гражданской войны в России // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri (Тарту; Таллин). 2010. Спецвыпуск по истории Эстонии XX в. С. 26–44.
498. Кривопалов А.А. В тени теории глубокой операции: Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 гг. М., 2022.
499. Кручинин А.М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 13–26.
500. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2009.
501. Кручинин А.С. Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 200–208.
502. Кручинин А.С. Генерал от кавалерии А.М. Каледин // Белое движение. Исторические портреты / сост. А.С. Кручинин. М., 2011. С. 96–139.
503. Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения-V: Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 2003. С. 283–286.
504. Кручинин А.С. П.Н. Врангель и Я.А. Слащев: конфликт личностей или конфликт стратегий? // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 39–55.
505. Кручинин А.С. «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012. Т. 19. С. 140–144.
506. Кручинин А.С. «Тот самый тучный алкоголик»? Смерть генерала Май-Маевского // Родина. 2008. № 3. С. 53–57.
507. Кручинин А.С. Формирование и участие 1-й Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) // Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Тула, 1996. С. 12–19.
508. Кручинин А.С. Экспедиция есаула В.И. Бочкарева (взятие Охотска Северным экспедиционным отрядом 4–6 октября 1921 года) // Военная история России

- XIX–XX веков: Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013. С. 338–365.
509. *Кручинин А. С.* «Я препровождаю Вам знаки ордена» // Военная Быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 44–49.
510. *Кубасов А. Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008.
511. *Кузнецов Д. А.* Офицерский корпус России (февраль – август 1917 г.): автореф. дис. ... к. и. н. Воронеж, 2000.
512. *Куликов С. В.* Петроградское офицерство 23–28 февраля 1917 г. Настроения и поведение // Новый Часовой (СПб.). 2006. № 17–18. С. 101–127.
513. *Куприянов А. В.* Разведка в Персии не очень трудна... Компетентные органы Закаспийского фронта на иранской территории в 1919 году // Родина. 2012. № 2. С. 96–99.
514. *Купцов И. В.* «Челябинск. Июль – август 1919 года» // Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Челябинск, 2002. Вып. 3. С. 241–333.
515. *Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1989. Кн. 1–2.
516. *Лазарев С. Е.* Советская военная элита 1930-х годов. М., 2016 (2-е изд.: М., 2020).
517. *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004.
518. *Ланник Л. В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012.
519. *Ланник Л. В.* Победоносные проигравшие: Германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2016.
520. *Ланник Л. В.* После Российской империи: Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.
521. *Ларьков Н. С.* Академия Генерального штаба в Томске // Сибирская старина. Краеведческий альманах (Томск). 2010. № 26. С. 11–13.
522. *Ларьков Н. С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995.
523. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии: От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
524. *Левенштейн М. Н.* Важное звено военного управления // Военно-исторический журнал. 1976. № 8. С. 84–88.
525. *Левенштейн М. Н.* Роль Высшей военной инспекции РККА в осуществлении военной политики Коммунистической партии в процессе строительства регулярной Красной армии (апрель 1918 – сентябрь 1919 гг.): дис. ... к. и. н. М., 1978.
526. *Левитов М. Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.
527. *Леонов С. В.* Дзержинский – Троцкий: кто кого? // Родина. 2008. № 12. С. 33–38.
528. *Леонов С. В.* Историография создания советской государственности (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 23–58.
529. *Леонов С. В.* Проблема создания ВЧК // Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999. С. 37–41.
530. *Лехович Д.* Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.
531. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века и до наших дней. М., 2007.
532. *Липицкий С. В.* Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973.

533. *Лисовой Я.М.* Генеральный штаб (статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // *Донская волна* (Ростов-на-Дону). 1919. 24.02 [09.03]. № 9 (37). С. 11–14.
534. *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.
535. *Лобанов В.Б.* Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919 г.). СПб., 2012.
536. *Лобанов Д.А., Станковская Г.Ф.* Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // *Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах* (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 81–83.
537. *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2020.
538. *Лосунов А.М.* «Дело» генерала А.И. Андогского // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 1999. № 7. С. 193–200.
539. *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб.; М., 2002.
540. *Лухтанов А.Г.* Трагедия капитана Бориса Павловича Кареева: орнитолога, востоковеда и эсера // *Русский орнитологический журнал* (СПб.). 2014. Т. 23, № 980. С. 889–899.
541. *Лушников А.М.* Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996.
542. *Лушнов В.И.* Юнкера Святого Георгия: Тифлисское военное училище (16.11.1866–25.02.1921). Хабаровск, 2017.
543. Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих стратегов» / публ. Р.Г. Гагкуева и С.Г. Шиловой // *Историк*. 2016. № 5 (17). С. 28–31.
544. М.В. Фрунзе: Военная и политическая деятельность. М., 1984.
545. *Майнио А.* Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // *Русский сборник* (Москва). 2012. Т. 13. С. 121–144.
546. *Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В.* Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990.
547. *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923.
548. *Мартиросян Г.А.* Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002.
549. *Мартинов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927.
550. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: Цели, методы, результаты. М., 2015.
551. *Машкевич С.В.* Два дня из истории Киева (30–31 августа 1919 года). Киев, 2010.
552. *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М., 1997.
553. *Медвецкий А.Ф.* Военная и политическая деятельность Н.Н. Юденича (август 1914 – февраль 1920 гг.): дис. ... к. и. н. Самара, 2002.
554. *Медвецкий А.Ф.* Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич в годы общенационального кризиса в России (1914–1920 гг.). Самара, 2005.
555. *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года; «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2005.
556. *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. М., 2008.
557. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1.

558. Мельтюхов М.И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013.
559. Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007.
560. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Амурская Краснознаменная военная флотилия. СПб., 2014.
561. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014.
562. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Сибирский военный округ. СПб., 2014.
563. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб., 2013.
564. Мильбах В.С., Ларькин В.В. Политические репрессии командно-начальствующего состава. Закавказский военный округ, 1937–1938 гг. СПб., 2016.
565. Мильбах В.С., Негода Н.В., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Киевский военный округ. СПб., 2020.
566. Мильбах В.С., Павлович С.Л., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. СПб., 2019.
567. Мильбах В.С., Саберов Ф.К. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Краснознаменный Балтийский флот. СПб., 2016.
568. Мильбах В.С., Сапожников А.Г., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Северный флот. СПб., 2014.
569. Мильбах В.С., Фомичев С.О., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. М., 2018.
570. Милуков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
571. Милуков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1.
572. Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004.
573. Минаков С.Т. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел, 2012.
574. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.
575. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М., 2004.
576. Минаков С.Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005.
577. Минаков С.Т. 1937. Заговор был! М., 2010.
578. Минц М.М. «Стратегия сокрушения»: стратегическая и военно-техническая концепции будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х – начала 1940-х годов // Российская история. 2010. № 3. С. 3–18.
579. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 3.
580. Михайлов В. [Войнов В.М.] Из истории Николаевской... // Урал (Екатеринбург). 1992. № 3. С. 163–164.
581. Михутина И.В. Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 108.
582. Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.
583. Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии (исторический очерк). Л., 1926.
584. Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 75–90.

585. *Модсли Э., Уйат С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011.
586. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011.
587. *Молодцыгин М.А.* Красная армия: Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.
588. *Молоков И.Е.* Герои огненных лет: Очерки о полководцах, командирах, комиссарах – активных участниках освобождения Сибири от интервентов и белогвардейцев. Омск, 1989.
589. *Морозов А.Я.* Служил Отечеству: Генерал А.Е. Снесарев. Воронеж, 2005.
590. *Морозова О.М.* Антропология Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012.
591. *Морозова О.М.* Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017.
592. *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019.
593. На псковских позициях. Интервью с ректором Псковского педагогического института профессором П.А. Николаевым // Человек с ружьем: Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 16–20.
594. *Назаренко К.Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 143.
595. *Назаренко К.Б.* К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2007. Вып. 4. С. 105–117.
596. *Назаренко К.Б.* Ледовый поход Балтийского флота: Кораблекрушение в море революции. СПб., 2020
597. *Назаренко К.Б.* Русские морские офицеры в 1917–1921 гг. // Российская история. 2017. № 6. С. 129–137.
598. *Назаренко К.Б.* Флот и власть в России: от Цусимы до Гражданской войны (1905–1921). М., 2019.
599. *Назаренко К.Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.
600. *Назаренко К.Б.* Численность русских морских офицеров во время Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «История». 2022. Т. 67, № 3. С. 749–771.
601. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
602. *Наумов Е.О.* Организация работы в штабных учреждениях армий Восточного фронта во второй половине 1918 г. // История повседневности (СПб.). 2018. № 3. С. 24–41.
603. *Наумов Е.О.* Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... к. и. н. Саранск, 2017.
604. *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. М., 2011. Кн. 1: Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х гг.
605. *Ненароков А.П.* Восточный фронт 1918. М., 1969.
606. *Ненароков А.П.* Об авторе и его труде // Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1: 1917–1918. С. 3–12.
607. *Никитин В.В.* Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017.
608. *Николаев А.Б.* Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.

609. *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2017. Т. 2.
610. Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918). СПб., 2018.
611. *Новиков П.* Лицо неотвественное. Победы генерала Бонч-Бруевича // Родина. 2009. № 12. С. 129–132.
612. *Овчаров В.В.* Красное на белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск, 2019.
613. *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003.
614. *Олейников А.В.* Успешные генералы забытой войны. М., 2014.
615. Ордена Ленина Забайкальский. М., 1980.
616. Ордена Ленина Московский военный округ. М., 1985.
617. *Осипова М.Н.* Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005.
618. *Островский А.В.* Генерал Н.М. Потапов и большевик М.С. Кедров (к вопросу о подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. СПб., 2014. С. 68–76.
619. *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979.
620. *Оськин М.В.* Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.
621. *Оськин М.В.* Командармы Первой мировой. М., 2021.
622. От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской Смуты / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2014.
623. Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 2: 1917–1933 годы.
624. *Павлов Ю.А.* Гучковская «чистка» армии (март – апрель 1917 г.) // Россия в войнах начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 215–228.
625. *Павлова О.И.* Белая армия и «красные командиры»: 1919–1924 гг. («Советская» политика генерал-майора А.А. фон Лампе): дис. ... к. и. н. Орел, 2009.
626. *Панюта Н.И.* Герой «белого дела». Эскиз к социально-психологическому портрету // 100 лет Перекопской победы: Сборник научных статей. Б.м., 2021. С. 47–54.
627. *Папков С.* В тупике: Последние дни академии Генштаба и белой армии на Востоке России в описании генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 375–381.
628. *Парамонов О.В.* «Дутовки». Боны Оренбургского Отделения Государственного Банка в 1917–1918 гг.: Каталог-исследование. М., 2005.
629. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2008.
630. *Париева Л.Р.* Документирование деятельности военного управления антибольшевистских правительств России (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2019.
631. *Париева Л.Р.* Документирование деятельности штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте (1918–1920 гг.) // История и архивы. 2016. № 2. С. 27–37.
632. *Пенской В.В.* Великая огнестрельная революция. М., 2010.
633. *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного: Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017.
634. *Петин Д.И.* Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 90–104.

635. *Петин Д.И., Сушко А.В.* Бывшие белые офицеры в раннем советском социуме: к анализу российской историографии // Омские социально-гуманитарные чтения-2022. Омск, 2022. С. 246–254.
636. *Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В.* «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.
637. *Петров А.А.* Эволюция планов командования белого Восточного фронта в сентябре – декабре 1919 года // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 307–315.
638. *Петров Ю.А.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 52–64.
639. *Печенкин А.А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003.
640. *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002.
641. *Печенкин А.А.* Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М., 2011.
642. *Печенкин А.А.* Сталин и Военный совет. М., 2007.
643. *Плеханов А.М.* Кто вы, «железный Феликс»? М., 2013.
644. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Дзержинский на фронтах Гражданской. М., 2021.
645. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Московские чекисты в тайной войне. 1921–1928 гг. М., 2018.
646. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* «Найти и обезвредить». Оперативный розыск преступников и агентуры противника в СССР. М., 2021.
647. *Плутник А.* Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 280–291.
648. *Плотников И.Ф.* Екатеринбургский этап деятельности академии Генерального штаба (Николаевской) и его финал // Национальная культура и защита Отечества. Кострома, 1998. С. 37–40.
649. *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003.
650. *Плотников И.Ф.* Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль – май 1919 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 79–83.
651. *Подустов Ф.Н.* Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919–1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (История)». 2006. Вып. 1 (52). С. 41–46.
652. *Поздняков А.А.* Красная армия в представлении русского зарубежья, 1924–1939 гг.: дис. ... к. и. н. Орел, 2006.
653. *Познанский В.С.* Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972.
654. *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917: Государственные задачи и частные интересы. М., 2015.
655. *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990.
656. *Поликарпов В.Д.* Начальный этап Гражданской войны (история изучения). М., 1980.
657. *Поликарпов В.Д.* Разгром белогвардейских ударных батальонов под Белгородом в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1963. № 1. С. 103–109.

658. *Полторак С.Н.* Белогвардеец в представлении чекиста // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 219–222.
659. *Полторак С.Н.* Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018.
660. *Полторак С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014.
661. *Полякова В.А.* Долг и судьба. Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006.
662. *Порошин А.А.* Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2011.
663. *Порошин А.А.* Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014.
664. *Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.
665. *Посадский А.В.* Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 года. СПб., 2013. С. 236–253.
666. *Посадский А.В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018.
667. *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани: Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010.
668. *Посадский А.В.* Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус: Эпизод Гражданской войны. М., 2018.
669. *Посадский А.В.* Судьба русского инвалида. Примечания к «Запискам» генерал-лейтенанта Врангеля // Новый Часовой (СПб.). 2004. № 15–16. С. 251–253.
670. *Посадский А.В., Ланник Л.В.* Внешнеполитическая ориентация русского офицерства и факторы становления и неудач Белого движения: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 5–27.
671. *Посадсков А.Л.* Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г.И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А.Л. Посадскова. Новосибирск, 2012. С. 5–94.
672. *Прозорова В.Б.* Русская военная администрация во Франции в годы Первой мировой и Гражданской войн. М., 2022.
673. *Прокофьев.* Штабы в Гражданскую войну // Война и революция (Москва). 1927. Кн. 9. С. 16–31.
674. *Прянишников Б.В.* Незримая паутина: ВЧК – ОГПУ – НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993.
675. *Пученков А.С.* Антон Иванович Деникин – полководец, государственный деятель и военный писатель // Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2017. Т. 1. С. 5–58.
676. *Пученков А.С.* Взаимоотношения генералитета Добровольческой армии и Всевеликого войска Донского в период Гражданской войны // Российская история. 2013. № 5. С. 27–42.
677. *Пученков А.С.* «Генеральский совдеп» в Севастополе, или Смена главнокомандующих Вооруженными силами Юга России в марте 1920 г. // Клио (СПб.). 2010. № 4 (51). С. 86–90.

678. *Пученков А. С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб., 2012 (2-е изд., испр. и доп.: М., 2016).
679. *Пученков А. С.* Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России. СПб., 2021.
680. *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. СПб., 2013.
681. *Пыльцын Ю. С.* Терские казаки на переломе эпох. Антибольшевистские вооруженные формирования терского казачества (октябрь 1917 – 1922). М., 2022.
682. *Ратьковский И. С.* Белый террор: Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб., 2021.
683. *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.
684. *Ратьковский И. С.* Новая работа об офицерском корпусе Русской армии. Рец. на: *Каминский В. В.* Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)). Биографический справочник. Том 1. А–Ж. С.-Петербург: Гуманитарная Академия, 2018 // *Historia Provinciae. Журнал региональной истории (Череповец)*. 2018. Т. 2, № 4. С. 271–284.
685. *Ратьковский И. С.* Рец. на: *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 736 с. // *Новейшая история России (СПб.)*. 2012. № 2. С. 242–247.
686. *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017.
687. *Ратьковский И. С.* Хроника красного террора ВЧК: Карающий меч революции. М., 2017.
688. *Рахимов Р. Н.* Дважды заложники // *Клио (СПб.)*. 2014. № 6 (90). С. 56–59.
689. Реввоенсовет Республики: (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991.
690. *Режепо П.* Офицерский вопрос. СПб., 1909.
691. *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // *Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания*. М., 2000. С. 100–126.
692. *Режепо П.* Статистика генералов. СПб., 1903.
693. *Режепо П.* Статистика полковников. СПб., 1905.
694. *Резник А. В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. 2-е изд. СПб., 2018.
695. *Рогова Е. М.* Некоторые аспекты политики советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. // *Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург)*. 2011. № 19. С. 122–126.
696. *Родин А. М.* А. С. Бубнов: Военная и политическая деятельность. М., 1988.
697. *Розенталь Р.* Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012.
698. *Романов А. М.* Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013.
699. *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.
700. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994.
701. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014.

702. Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки. М., 2003.
703. Ростунов И. У истоков советской военной историографии // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 84–96.
704. Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922. М., 2008. С. 25.
705. Рудиченко А.И., Тинченко Я.Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Учредительные документы. Изготовление. Практика награждений. Типы и разновидности. Киев, 2011.
706. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.
707. Рыжиков А.В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. М., 2013.
708. Рыжов И.Л. Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь – октябрь 1922 года в Приморье). Владивосток, 2020.
709. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022.
710. Самцевич А.А. Он был русским офицером // Милоданович В.Е. Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919. М., 2020. С. 3–12.
711. Сафонов В.Н., Мозохин О.Б. Особый отдел ВЧК против польской разведки. 1918–1921. М., 2018.
712. Сафонов Д.А. Между империей и республикой Советов: Местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008.
713. Сафронов Ю.И. Дневник Верховского. М., 2014.
714. Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017.
715. Семенов В.Г. Герой двух войн южноуралец генерал Сухов // Генеалогия и архивы. Челябинск, 2020. С. 269–273.
716. Семенов В.Г. Офицеры Оренбургского казачьего войска – участники Великой Отечественной войны // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Оренбург, 2022. С. 148–154.
717. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.
718. Сенин А.С. Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М., 2017.
719. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
720. Серебренников И.И. Гражданская война: Великий отход. М., 2003.
721. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
722. Силакадзе Д.Г. К вопросу о численности вооруженных сил Грузии перед началом войны с Советской Россией в 1921 г. // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 229–242.
723. Силакадзе Д.Г. Русско-грузинская война. 100 историй. Тбилиси, 2022.

724. *Симонов А. А.* Военное образование в первые годы советской власти. По опыту краткосрочных военно-учебных заведений в Саратовской губернии (1918–1923 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 19–23.
725. *Симонов А. А.* Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2013. Т. 13, вып. 1. С. 31–38.
726. *Симонов А. А.* Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове // Новый век: история глазами молодых: Сборник научных трудов. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 321–336.
727. *Симонов А. А.* Командные курсы Красной армии в Саратовском Поволжье // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 262–274.
728. *Симонов А. А.* Комплектование военно-учебных заведений Поволжья и Урала красными курсантами во время Гражданской войны // Новый исторический вестник (Москва). 2017. № 2 (52). С. 72–83.
729. *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.
730. *Симонова Т. М.* Неудобный отец // Родина. 2018. № 11. С. 102–105.
731. *Симонова Т. М.* Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.
732. *Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2010.
733. *Скоркин К. В.* На страже завоеваний Революции: История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011.
734. *Смирнов А. А.* Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 1–2.
735. *Смирнов А. А.* Рец.: И. Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914–1918 гг. Рязань, 2010 // Русский сборник (Москва). 2012. Т. 13. С. 415–476.
736. *Смирнов А. А.* РККА перед 37-м годом. М., 2022.
737. *Смирнов А. А.* РККА: роковые ошибки в строительстве армии. 1917–1937. М., 2022.
738. *Смирнов А. А.* «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 576–609.
739. *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999.
740. *Смолин А. В.* Евгений Андреевич Беренс (1876–1928). На службе России. СПб., 2023.
741. *Смолин А. В.* «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020.
742. *Снегирев В.* Кавказская Краснознаменная армия. Ее боевой путь и учеба. Тифлис, 1928.
743. *Советские Вооруженные Силы: История строительства.* М., 1978.
744. *Соколов Б. В.* Барон Унгерн. Черный всадник. М., 2006.
745. *Соколов В. В.* Советские военные вожди в официальной пропаганде и общественном мнении Советской России – СССР. 1918–1925 гг.: дис. ... к. и. н. Орел, 2010.
746. *Солдат революции: военная и политическая деятельность Ф. Э. Дзержинского.* М., 1987.
747. *Солнцева С. А.* Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль – ноябрь 1917 г.). М., 2020.

748. *Соловьев Е. А.* Расстрелянный Ярославль: историческая панорама трагедии города на Волге. Июль 1918. Ярославль, 2018.
749. *Спаский А.* Третья армия. Пермь, 1958.
750. *Спирин Л. М.* В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3–16.
751. *Стариков С. В.* Павел Дыбенко: забытая страница биографии // Марийский археографический вестник (Йошкар-Ола). 1997. № 7. С. 79–88.
752. *Стеклов А.* Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.
753. *Стеклов А.* Борьба солдатских масс Кавказского фронта против корниловщины (к 50-летию разгрома корниловщины) // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 121–125.
754. *Степанов А. Б.* Красные генштабисты. 1920–1922 // Старый Цейхгауз (Москва). 2010. № 6 (38). С. 53–63.
755. *Степанов А. Б.* Наручные знаки РККА. 1918–1924. М., 2011.
756. *Степанов А. Б.* Проект униформы РККА 1920 года. Попытки реализации // Старый Цейхгауз. 2023. № 1 (97). С. 58–68.
757. *Стрекалов И. И.* Создание войск завесы: (февраль – май 1918 г.): Исторический очерк. М., 2001.
758. *Стрекалов И. И.* Строительство Красной армии в войсках завесы (март – сентябрь 1918 года): дис. ... к. и. н. М., 2004.
759. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1928. М., 1998.
760. *Суряев В. Н.* Корпус офицеров русской армии: комплексная характеристика и эволюция. 1905–1917 гг.: дис. ... д. и. н. М., 2019.
761. *Суряев В. Н.* Офицеры Русской императорской армии. 1900–1917. М., 2012.
762. *Суряев В. Н.* Русское офицерство на переломе эпох. 1905–1917. М., 2022.
763. *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961.
764. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
765. *Тарасенко И. В.* Работа партии большевиков среди офицеров армии и флота в трех российских революциях (1917 – апрель 1918 г.): дис. ... к. и. н. М., 1990.
766. *Тарасов Е. П.* Краском Генрих Эйхе. М., 1975.
767. *Тарасов К. А.* Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март – июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69.
768. *Тарасов К. А.* «Все, кто против большевиков, – с нами»: деятельность организации Шульгина – Филоненко в Петрограде (январь – март 1918 г.) // Новейшая история России (СПб.). 2019. Т. 9, № 3. С. 580–594.
769. *Тарасов К. А.* Заговор в штабе Петроградского района и Северного участка завесы, март – май 1918 года // Новый Часовой (СПб.). 2021. № 23. С. 119–143.
770. *Тархова Н. С.* «Без военкома мы не имели бы Красной армии...» // Родина. 2011. № 2. С. 28–33.
771. *Тархова Н. С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 27–38.

772. *Тепляков А.Г.* Деятельность органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. М., 2018.
773. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра». ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007.
774. *Тепляков А.Г.* «Расстрел врагов революции»: Особый отдел ВЧК 5-й армии против белых офицеров и контрразведчиков (1920 г.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права: К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Екатеринбург, 2016. Т. 3. С. 674–682.
775. *Тер-Оганов Н.К.* Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012.
776. *Тимофеев А.Н.* Из истории академии Генерального штаба и ее ускоренных курсов военного времени (лето – осень 1918 г.) // Иднакар (Ижевск). 2014. № 1 (18). С. 29–43.
777. *Тинченко Я.Ю.* Армии Украины 1917–1920. М., 2002.
778. *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.
779. *Тишкина А.В.* Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.
780. *Тотров Ю.Х.* Английская разведка в России. М.; СПб., 2023.
781. *Трамбицкий Ю.А.* Генерал-лейтенант А.И. Деникин // Белое движение. Исторические портреты / сост. А.С. Кручинин. М., 2011. С. 140–183.
782. *Траскунов М.Б.* Героический боевой путь 11-й армии на фронтах Гражданской войны (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1958.
783. *Траскунов М.Б.* Кавказская Краснознаменная. Тбилиси, 1961.
784. *Тумшиц М.А., Папчинский А.А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009.
785. *Тучапский А.К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: дис. ... к. и. н. СПб., 2006.
786. *Тучков А.И.* Исторический фон // Гражданская война на Севере России глазами британцев: Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008.
787. *Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск, 2004.
788. *Устиновский И.В.* Военно-историческое наследие Н.Е. Какурина в контексте современной историографии Гражданской войны // Культурная жизнь Юга России (Краснодар). 2012. № 3 (46). С. 30–33.
789. Ученый с мировым именем (о военном историке и теоретике А.А. Свечине) / публ. И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 73–79.
790. *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. М., 2006.
791. *Федюк В.П.* Украина в 1918 году. Гетман П.П. Скоропадский. Ярославль, 1993. С. 57.
792. *Федюкин С.А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.
793. *Федюкин С.А.* Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 32–44.
794. *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. Поход степных полков лето 1918 года. Шанхай, 1934.
795. *Фомин А.Ю.* Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906–1914 гг.): дис. ... к. и. н. СПб., 2022.
796. *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М.; Л., 1964.
797. *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978.

798. *Халфин И.* Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023.
799. *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017.
800. *Харитонов Е.Д.* Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 45–48.
801. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.
802. *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2021.
803. *Ходяков М.В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб., 2019.
804. *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние: Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020.
805. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008.
806. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.
807. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919–1922 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. 1.
808. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1920–1922 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. 2.
809. *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1.
810. *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М., 2014 (2-е изд.: М., 2023).
811. *Цветков В.Ж.* Генерал Дитерихс, последний защитник империи // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 30.
812. *Цветков В.Ж.* Гибель «Лукулла» // Родина. 1998. № 5–6. С. 129–131.
813. *Цветков В.Ж.* Последняя битва Белого Юга. 1920. М., 2022.
814. *Цветков В.Ж.* Правда и вымыслы в истории Белого движения: генерал В.З. Май-Маевский – командующий Добровольческой армией (май – ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России (1917–1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 48–55.
815. *Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А.* Василий Иванович Чапаев: Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Чебоксары, 1987.
816. *Челышев Е.П.* Уральская катастрофа. М., 1996.
817. *Чельный А.А.* Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба ученого и дело «микробиологов». М., 2010.
818. *Чемакин А.А.* «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020.
819. *Черкасов-Георгиевский В.Г.* Генерал Деникин. Смоленск, 1999.
820. *Черкасов-Георгиевский В.Г.* Генерал П.Н. Врангель. Последний рыцарь Российской Империи: Документальное жизнеописание. М., 2004.
821. *Черная книга имен, которым не место на карте России* / сост. С.В. Волков. М., 2005.
822. *Черниченко Л.Л.* Белый генерал Василий Георгиевич Болдырев. М., 2021.
823. *Черушев Н.С.* Вацетис – главком республики. М., 2015.
824. *Черушев Н.С.* Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг. М., 2014.
825. *Черушев Н.С.* Из ГУЛАГа – в бой. М., 2006.
826. *Черушев Н.С.* Из эпохи Сталина: Четыре тайны тридцатых годов. М., 2016.

827. *Черушев Н.С.* Сын за отца не отвечает... Трагедия семей элиты Красной армии 1937–1956. М., 2010.
828. *Черушев Н.С.* 1937 год. Был ли заговор военных? М., 2007.
829. *Черушев Н.С.* Элита Красной армии на Голгофе. М., 2005.
830. *Чирков А.А.* Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 38–44.
831. *Чичерюкин-Мейнгарт В.Г.* К изучению мотивации социального поведения военспецов в годы Гражданской войны (на примере биографии генерала В.И. Селивачева) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2014. № 19 (141). С. 173–182.
832. *Чувардин Г.С.* Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005.
833. *Чуйкина С.А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006.
834. *Шапошник В.Н.* Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980.
835. *Шапошников Б.М.* На Висле: К истории кампании 1920 года. М., 1924.
836. *Шевченко В.* Русский преподаватель для Хирохито (генерал Андогский) // Голос эпохи. Литературно-общественный журнал (Москва). 2014. Вып. 2. С. 215–219.
837. *Шендриков А.С.* Военно-государственная деятельность генерала А.С. Лукомского (1885–1917 гг.): дис. ... к. и. н. Воронеж, 2003.
838. *Шепелева В.Б.* Ради будущего // Строитель (Омск). Орган парткома, профсоюзного комитета, комитета ВЛКСМ, совета трудового коллектива строительно-монтажного треста № 6. 1989. 02.11. С. 2.
839. *Шентура С.В.* Влияние теории глубокой операции и глубокого боя на разработку основ организации связи накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 26–30.
840. *Шехаев Б.* Боевая жизнь 16 стрелковой Ульяновской имени Киквидзе дивизии. М.; Л., 1926.
841. *Шинин О.В.* Советская военная разведка на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. С. 29–35.
842. *Шитов А.П., Поликарпов В.Д.* Юрий Трифонов и советская эпоха: Факты, документы, воспоминания. М., 2006.
843. *Шишкин В.И.* Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября – 18 ноября 1918 г.) // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2007. Вып. 6. С. 773–824, 1445–1453.
844. *Шишкин В.И.* К биографии генерала В.Г. Болдырева: новые источники // Вопросы истории. 2020. № 12. С. 4–29.
845. *Шишкин В.И.* К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, филология и философия». 1989. Вып. 1. С. 59–63.
846. *Шишкин В.И.* 1918 год: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–61.
847. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986.
848. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны: Освобождение Европы. М., 2005.

849. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005.
850. *Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019.
851. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
852. *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (Март – апрель 1919 г.): Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М., 1960.
853. Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: Сборник научных статей. М., 2010.
854. *Юдин Е.Е.* Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 99–132.
855. *Юдин С.С.* Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М., 2021.
856. *Юзефович Л.А.* Зимняя дорога: Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923. М., 2015.
857. *Юнаков Н.Л.* Северная война: кампания 1708–1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого. М., 2010. С. 262–302.
858. *Яковенко В.А.* Проверка офицеров в судебно-следственных комиссиях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (лето 1918 – зима 1920 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 218–225.
859. *Яковкин Е.В.* От монархиста к советскому патриоту: судьба Генерального штаба полковника Я.Я. Смирнова // Военная история России XIX–XX веков: Материалы IX Международной военно-исторической конференции: Сборник научных статей. СПб., 2016. С. 323–327.
860. *Яковлева М.А.* Материалы Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) – важнейший источник информации для партийных и советских органов в 1920-е гг. // Вестник архивиста (Москва). 2010. № 2 (110). С. 276–286.
861. *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. Т. 1–2.
862. *Андрусишин Б.І.* Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Директорії УНР). Київ, 1997.
863. *Буравченков А.О.* Офіцерський корпус російської армії в роки Першої світової війни. Київ, 2011.
864. *Ганин А.В.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.
865. *Ганин А.В.* Свој међу туђима и туђ међу својима. Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд, 2021.
866. *Герасименко М.В.* Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 – листопад 1920 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 2005.
867. *Голубко В.* Армія Української народної республіки 1917–1918. Утворення та боротьба за державу. Львів, 1997.
868. *Горєлов В.И.* Військово-політична діяльність П. Скоропадського та його роль у створенні збройних сил Української держави (серпень 1886 р. – грудень 1918 р.): дис. ... к. і. н. Київ, 1999.
869. *Дмитрук В.* Вони боролися за волю України (Нарис історії Сірожупанної дивізії). Луцк, 2004.

870. *Задунайський В.В.* Збройні сили УНР (1917–1920 рр.): дис. ... к. і. н. Донецьк, 1995.
871. *Зарецька Т.* Юзеф Пілсудський і Україна. Київ, 2007.
872. *Історія українського війська (1917–1995).* Львів, 1996.
873. *Карпун З., Срібняк І.* Формування з'єднань Армії УНР у Польщі в 1920 р. // *Український історичний журнал* (Київ). 2000. № 1. С. 80–95.
874. *Коваль Р.* Отаман Зелений. Київ; Вінниця, 2008.
875. *Ковальчук М.А.* Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. – лютий 1920 р.). Київ, 2012.
876. *Ковальчук М.А.* Генерал Микола Капустянський (1881–1969). Київ, 2006.
877. *Ковальчук М.А.* На чолі Січових стрільців. Військово-політична діяльність Є. Коновальця в 1917–21 рр. Київ, 2010.
878. *Ковальчук М.А.* Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006.
879. *Колянчук О.* Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000.
880. *Пінак Є., Чмир М.* Військо Української революції 1917–1921 років. Харків, 2017.
881. *Руккас А.О.* «Разом з польським військом». Армія Української Народної Республіки 1920 р. (структура, організація, чисельність та уніформа). Київ, 2015. С. 468.
882. *Сергійчук В.* Своєї честі не віддав нікому // *Петрів В.* Військово-історичні праці: Спомини. Київ, 2002. С. 3–34.
883. *Сергійчук В.* Українські державники: Всеволод Петрів. Київ, 2008.
884. *Сідак В.С.* Національні спецслужби в період української революції 1917–1921 рр. (невідомі сторінки історії). Київ, 1998.
885. *Сідак В., Осташко Т., Вронська Т.* Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ, 2004.
886. *Спасов Л.* Врангелювата армія в Бґларія 1919–1923. Софія, 1999.
887. *Срібняк І.* Військова діяльність уряду УНР в екзилі (1921–1923 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 1995.
888. *Срібняк І.* До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // *Вісті комбатанта* (Торонто; Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 60–67.
889. *Срібняк І.* Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). Київ, 1997.
890. *Тинченко Я.Ю.* Ландскнехт без страху і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какуріна // *З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ* (Київ). 1999. № 1–2 (10–11). С. 5–60.
891. *Тинченко Я.Ю.* Лицарі Зимових походів. 1919–1922 рр. Київ, 2017.
892. *Тинченко Я.Ю.* Микола Капустянський: підсумок життя за 90 років // *Україна. 1919 рік.* М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Документи та матеріали. Київ, 2004. С. 21–57.
893. *Тинченко Я.Ю.* Символи нескореної держави. Нагороди уряду Української Народної Республіки. Київ, 2016.
894. *Тинченко Я.Ю.* Українські збройні сили березень 1917 р. – листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). Київ, 2009.
895. *Тинченко Я.Ю.* Війська Ясновельможного Пана Гетьмана. Армія Української Держави, травень – грудень 1918 р. Київ, 2014.
896. *Тютенко Р.В.* Соціальний портрет офіцера українських армій періоду Національної революції (1917–1921 рр.): дис. ... к. і. н. Львів, 2018.

897. *Шандрівський І.Г.* Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянського: дис. ... к. и. н. Львів, 2003.
898. *Шанковський Л.* Українська Галицька армія: Воєнно-історична студія. Львів, 1999.
899. *Шатайло О.Л.* Генерал Юрко Тютюнник. Львів, 2000.
900. *Airapetov O.R.* Milutin contra Moltke: Russia's Refusal to Adopt a Prussian-Style General Staff // *Reforming the Tsar's army*. Cambridge; Washington, DC, 2004. P. 292–303.
901. *Bagiński H.* Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921.
902. *Bakhtadze M.* General Ilia Odishelidze. Tbilisi, 2017 (на груз. яз.).
903. *Bayer P.A.* The Evolution of the Soviet General Staff, 1917–1941. N.Y.; London, 1987.
904. *Benvenuti F.* The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 2008.
905. *Cook A.* Ace of Spies. The True Story of Sidney Reilly. Stroud, 2011.
906. *Erickson J.* The Soviet High Command. A Military-Political History, 1918–1941. London; Portland, 2001.
907. *Feldman R.S.* The Russian General Staff and the June 1917 Offensive // *Soviet Studies*. 1968. Vol. 19, № 4. P. 526–543.
908. *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, NJ, 1985.
909. *Ganin A. V.* Workers and Peasants Red Army 'General Staff Personalities' Defecting to the Enemy Side in 1918–1921 // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2013. Vol. 26, № 2. P. 259–309.
910. *Germanis U.* Oberst Vacietis und die lettischen Schutzen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974.
911. *Gorelik J.* Revolutsiooni sõdur. August Kork. Tallinn, 1969.
912. *Jansen M.L.H.* Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard // *Revolutionary Russia*. 1994. Vol. 7, № 1. June. P. 20–33.
913. *Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas 1918–1920*. Tartu, 2010.
914. *Kindral Johan Laidoner – 115 aastat sünnist*. Tallinn, 1999.
915. *Kmiecik T.* Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939. Słupsk, 2005.
916. *Kolańczuk A.* Internowani żołnierze armii UNR w Kaliszu 1920–1939. Kalisz; Przemyśl; Lwów, 1995.
917. *Krõõnström M.* Eesti sõjaväe juhtivkoosseis Vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2008.
918. *Krotofil M.* Сіły зброjne Української Республіки Ludowej (listopad 1918 r. – grudzień 1919 r.). Kijów, 2011.
919. *Krotofil M.* Українська Армія Halicka 1918–1920. Toruń, 2002.
920. *Legieć J.* Armia Ukrainkiej Republiki Ludowej w wojnie polsko-ukraińsko-bolszewickiej w 1920 r. Toruń, 2002.
921. *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London; N.Y., 2006.
922. *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Edinburgh, 2008.
923. *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979.
924. *Misiuk A.* Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1994.
925. *Moś W.B., Soszyński W.* Polskie Szkolnictwo Wojskowe 1908–1939. Odznaki – Emblematy – Dokumenty. Kraków, 2007.
926. *Orzechowski J.* Dowodzenie i sztaby. Warszawa, 1980.
927. *Õun M.* Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. Tallinn, 2001; *Pihlau J.* Auraamat Eesti Vabariigi kaadriohvitseridele. Tallinn, 2007.

928. *Pełtoński A.* Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 2010.
929. *Polansky P.* Pacific Rim Russian Librarianship: Forgotten Collectors for the Hoover Institution on Manchuria // Slavic & East European Information Resources (Lawrence, KS). 2006. Vol. 7, № 4. P. 49–114.
930. *Reese R.R.* Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005.
931. *Rich D.A.* The Tsar's Colonels. Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge; London, 1998.
932. *Rosenthal R.* Laidoner – väejuht. Tallinn, 2008.
933. *Rukkas A.* Georgian Servicemen in the Polish Armed Forces (1922–1939) // The Journal of Slavic Military Studies. 2001. Vol. 14, № 3. P. 93–106.
934. *Rutkiewicz J.* Wojsko Łotewskie 1918–1940. Warszawa, 2005.
935. *Skrukwa G.* Formacje Wojskowe Ukraińskiej “Rewolucji Narodowej” 1914–1921. Toruń, 2008.
936. *Smele J.D.* The “Russian” Civil Wars 1916–1926. Ten Years that Shook the World. London, 2015.
937. *Spence R.* Trust No One. The Secret World of Sidney Reilly. Los Angeles, CA, 2002.
938. *Steinberg J.W.* All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, DC; Baltimore, 2010.
939. Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego 1918–2003. Warszawa, 2003.
940. *Szajdak S.* Polsko-ukraiński sojusz polityczno-wojskowy w 1920 roku. Warszawa, 2005.
941. *Westerlund L.* Polle. Ryssen som blev faktisk överbefälhavare. Generallöjtnanten Paul von Gerich 1873–1951. Helsingfors, 1997. Del. 2.
942. *Wildman A.* Officers of the General Staff and the Kornilov Movement // Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge, 1992. P. 76–101.
943. *Wyszczelski L.* Wojsko Polskie w latach 1918–1921. Warszawa, 2006.

Справочные издания

1. *Абеленцев В.Н., Гаршин А.А.* Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922. Благовещенск, 2016.
2. *Алабин И.М., Судравский В.Д.* Донской генералитет в изгнании. М., 2001.
3. *Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012.
4. Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.). М., 2014.
5. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь. М., 2005.
6. «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920-е гг.) / отв. ред. Д.И. Петин. Омск, 2017.
7. *Бойков В.А.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009.
8. Великая Отечественная: Действующая армия. М.; Жуковский, 2005.
9. Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2005.
10. Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. М., 2011–2015. Т. 1–5.

11. Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2006. Т. 1–2.
12. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 1: Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения.
13. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2018. Вып. 4: Донские казаки в Крыму в рядах «Русской армии» П.Н. Врангеля.
14. Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2015. Вып. 2: «Мобилизованная армия».
15. Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2016. Вып. 3, ч. 1: Полки, дивизионы, батальоны, отдельные сотни и батареи «Мобилизованной армии».
16. Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2017. Вып. 3, ч. 2: Полки, дивизионы, батальоны, отдельные сотни и батареи «Мобилизованной армии».
17. Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. Благовещенск, 2018.
18. Вирабян А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне Первой мировой войны. Офицеры республики Армения. 1914–1920 гг.: Историко-биографический словарь. Ереван, 2022.
19. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004.
20. Военный энциклопедический словарь. М., 2002.
21. Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.: Биографические материалы / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2017.
22. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003.
23. Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. М.; СПб., 2003.
24. Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1–2.
25. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1–2.
26. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004.
27. Волков С.В. Офицеры казачьих войск: Опыт мартиролога. М., 2013.
28. Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога. М., 2011.
29. Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.
30. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.
31. Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001.
32. Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008.
33. Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009.
34. Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной собственности и экономической деятельности и пр. Киев, 1913. Т. 3 (доп.).
35. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

36. Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.
37. Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921): Биографический справочник. Киев, 2001.
38. Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. М., 2004. Т. 4: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции.
39. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.
40. 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я.Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные истории).
41. Деятели революционного движения в России: От предшественников декабристов до падения царизма: Биобиблиографический словарь: в 5 т. М., 1931. Т. 2, вып. 3.
42. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
43. Долгов Е.И., Сергеев С.В. Военные топографы Красной армии. М., 2005.
44. Дружинин К.И. Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 10. С. 598–602.
45. Дубровин Д.Ю. Генералитет Уральского казачьего войска: Биографический справочник. М., 2016.
46. Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов: (Биобиблиографический словарь). М., 1967.
47. Жалнина-Василькиоти И.Л. «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М., 2012.
48. Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.
49. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
50. Калужный Р.Г. Красная армия 1918–1934: Структура и организация: Справочник. М., 2019.
51. Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии в корпусе «красного» Генерального Штаба. Персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.): Биографический справочник. СПб., 2018. Т. 1: А–Ж.
52. Книга учета лиц состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4.
53. Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009.
54. Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. Иркутск, 2000.
55. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011.
56. Левкин Г.Г. Командиры и политработники Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Хабаровск, 2003.
57. Малинко В.И., Голосов В.П. Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. 1.
58. Нешкин М.С., Шабанов В.М. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006.
59. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии по 1 января 1908 г. СПб., 1908.
60. Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг.: Биографический справочник. М., 2018.
61. Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография: в 3 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1.

62. Попов В.И. Справочник-указатель декретов, постановлений, приказов и др. распоряжений по Красной армии. Саратов, 1920.
63. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
64. Путеводитель по фондам белой армии. М., 1998.
65. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. М., 2021.
66. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М., 2014.
67. Россия в 1917 году: Энциклопедия. М., 2017.
68. Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997.
69. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926.
70. Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. М., 2001.
71. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
72. Скидан Н.В. Список участников Первого Кубанского генерала Корнилова похода. Нью-Йорк, 1971.
73. Соловьев Д.Ю. Генералы Русской императорской армии 1914–1917: Биографический справочник. М., 2019. Т. 1–19.
74. Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914.
75. Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 года (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917.
76. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923.
77. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999.
78. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941: Биографический словарь. М., 2012.
79. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М., 2014.
80. Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет Українських визвольних змагань. Львів, 1995.
81. Литвин М.Р., Науменко К.Е. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірали. Львів; Харків, 2007.
82. Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1; 2011. Кн. 2.
83. Тинченко Я.Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Київ, 1995. Ч. 1: Біографічно-довідкова.
84. Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998.
85. Kawalerowie Virtuti Militari 1792–1945. Koszalin, 1991. Т. 2: 1914–1921. Cz. 1.
86. Kolańczuk A. Ukraińscy generałowie w Polsce emigranci polityczni w latach 1920–1939. Słownik biograficzny. Przemyśl, 2009.
87. Kosk H.P. Generalicja polska. Pruszków, 1998–2001.
88. Kryska-Karski T., Żurkowski S. Generałowie Polski niepodległej. Warszawa, 1991.
89. Lāčplēša kara ordena kavalieri: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1995.
90. Lietuvos kariuomenės karininkai 1918–1953. Vilnius, 2001–2015. Т. 1–10.

91. *Lipponen R.* Itsenäisen Suomen Kenraalikunta 1918–1996: Biografiat. Porvoo; Helsinki; Juva, 1997.
92. *Mierzwiński Z.* Generałowie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1990.
93. *Odziemkowski J.* Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004.
94. Preliminär tjänsteställningslista öfver aktiva officerare och reservofficerare i aktiv tjänst vid armen. Helsinki, 1919
95. *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997.
96. *Stawecki P.* Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918–1939. Warszawa, 1994.
97. *Suchcitz A.* Generałowie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920. Mały słownik biograficzny. Białystok, 1993.
98. Virkaikälüettelo upseereista vakinaisessa sotapalveluksessa 1.3.1921.
99. *Wojtaszak A.* Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005.

Произведения художественной литературы

1. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Письма к тетеньке // Собрание сочинений: в 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 247–524.

Указатель имен

- Абазов Т. Т. 1: 261
Абакумов Н.П. Т. 1: 376
Абжолтовский С. Т. 2: 754
Абинякин Р.М. Т. 1: 30, 35, 46; Т. 2: 155
Абрамов З.Ф. Т. 2: 714
Абрамов Ф.Ф. Т. 1: 585, 625, 817, 852; Т. 2: 401, 797
Аванесов В.А. Т. 1: 958
Аверьянов П.И. Т. 1: 11, 56, 81, 83, 85, 88, 93, 107, 125, 127, 128, 130, 136, 137, 140, 150, 171, 205, 563, 623, 636, 637, 782, 854; Т. 2: 9, 361, 406, 434, 481, 548, 553, 791, 794
Аверьянов, бандит Т. 2: 665, 834
Авксентьев Н.Д. Т. 1: 862, 864, 867
Авксентьевский К.А. Т. 2: 522
Авров Д.Н. Т. 1: 538
Авсеевич А.А. Т. 2: 763
Авсорогов М.Г. Т. 2: 428
Авсюк А.Г. Т. 1: 376, 522
Автономов А.И. Т. 1: 223
Автономов Г.П. Т. 2: 167, 174, 209
Авчинников И.И. Т. 1: 37; Т. 2: 196
Агапеев В.Н. Т. 1: 752–754
Агапеев В.П. Т. 1: 763, 882
Агаронян (Агоронян) А.Н. Т. 1: 792; Т. 2: 657
Агокас Е.В. Т. 2: 605
Агокас С.В. Т. 2: 195
Агранов Я.С. Т. 1: 991; Т. 2: 331–334, 336
Адиз-хан (Азиз-хан) Т. 2: 296
Адрианов П.М. Т. 1: 748, 880
Ажогин В.М. Т. 2: 797
Азин В.М. Т. 2: 522
Айрапетов О.Р. Т. 1: 64, 123
Айронсайд У. Т. 1: 266, 693, 695, 696, 830; Т. 2: 388, 402
Акимов М.В. Т. 1: 967, 972, 974; Т. 2: 79
Акинтиевский В.К. Т. 1: 241, 726
Акинтиевский Г.К. Т. 1: 241, 287; Т. 2: 100, 101, 103
Акинтиевский К.К. Т. 1: 160, 241, 688, 873; Т. 2: 258, 675
Аксенов П.П. Т. 1: 376
Аксенов, комиссар Т. 2: 573
Акулинин И.Г. Т. 1: 55, 327, 643, 662, 676, 871–873; Т. 2: 387
Акутин К.В. Т. 2: 182
Акутин П.Т. Т. 1: 281, 448, 696, 704; Т. 2: 400, 434
Алабян (Алабянц) Т. 2: 657
Алаев И.В. Т. 2: 599
Алатырцев А.В. Т. 1: 194, 593
Алафузо М.И. Т. 1: 312, 313, 512, 935; Т. 2: 297, 298, 552, 723–725, 760, 761, 763, 765
Александр I Карагеоргиевич, югослав. кор. Т. 1: 966
Александр II, рос. имп. Т. 1: 819; Т. 2: 794
Александр Македонский Т. 2: 793
Александр Михайлович, вел. кн. Т. 1: 970
Александр Невский, кн. Т. 1: 16
Александра Федоровна, рос. имп. Т. 1: 122, 124, 274, 809
Александров А.Н. Т. 1: 968
Александров К.М. Т. 2: 404, 677
Александров Л.К. Т. 1: 218, 288, 537; Т. 2: 312, 534, 723
Александров Н.Г. Т. 2: 492
Александровский В.С. Т. 2: 107
Алексеев А.Н. Т. 1: 237; Т. 2: 401, 404
Алексеев И.Т. Т. 2: 397, 732
Алексеев К.Т. Т. 2: 641
Алексеев К.В. Т. 1: 216, 288, 400, 817; Т. 2: 117, 478, 516
Алексеев М.В. Т. 1: 56, 60, 80, 81, 87, 93, 107, 110–112, 117, 120, 123–125, 130–133, 135, 137, 138, 141, 145, 146, 148, 154–157, 160, 164, 166, 173, 184, 185, 188, 200–203, 228, 246, 249, 250, 253–255, 275, 292, 334, 343, 412, 415, 499, 551–556, 561, 562, 573, 683, 722, 799, 812, 818, 825, 826, 829, 831, 832, 834–836, 842, 888, 940, 998; Т. 2: 8, 100, 137, 236, 237, 260, 262, 267, 268, 271, 273, 274, 279, 289, 354, 407, 477, 480, 541, 819, 840
Алексеев М.П. Т. 2: 615, 744
Алексеев Н.М. Т. 1: 184
Алексеев П.Н. Т. 1: 312, 313; Т. 2: 772, 777
Алексеев Я.И. Т. 1: 376, 521
Алексеев, полковник Т. 2: 292, 299
Алексеева А.Н. Т. 1: 184
Алексеева-Борель В.М. Т. 1: 56
Алексей Николаевич, наследник цесаревич Т. 1: 122
Алексий I (Симанский), патр. Т. 2: 783
Алибеков И.Я. Т. 2: 586
Алкнис Я.И. Т. 2: 691
Алпеев О.Е. Т. 1: 64
Алферов З.А. Т. 1: 55, 57, 188, 577, 578, 579, 581, 583, 804, 806, 825; Т. 2: 7, 8, 131, 462
Альбокринов Н.П. Т. 2: 107
Альфатер В.М. Т. 1: 192, 193, 196, 197, 386, 418, 419
Алянчиков К.Н. Т. 1: 398; Т. 2: 15
Аметистов Т.А. Т. 1: 625; Т. 2: 240
Ананьев В.И. Т. 1: 894
Андерс А.К. Т. 1: 287, 510; Т. 2: 522, 724
Андерс В.Т. Т. 1: 61; Т. 2: 553, 782
Андерс Д.И. Т. 2: 294
Андерсон А.Х. Т. 1: 483, 919; Т. 2: 191, 322, 323, 666, 743
Андогский А.И. Т. 1: 49, 78, 93, 125, 128, 139, 155, 183, 193, 197, 248–250, 270, 274, 341, 386, 534, 645–647, 664, 673, 682, 684, 833, 857–861, 864, 867, 869–871, 876, 888; Т. 2: 15, 16, 36, 105, 154, 267, 474, 475, 543, 548–550, 557, 558, 560, 563–565, 568, 572, 677, 794
Андреев Б.И. Т. 2: 667, 668
Андреевский Т. 2: 142
Андривский Д.И. Т. 1: 294; Т. 2: 21, 23, 24, 31, 130, 131, 200, 549
Андронников (Андроникашвили) А.С. Т. 1: 246, 784, 788; Т. 2: 681
Андросов С.А. Т. 1: 448, 449
Андрусов К.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 531
Анисимов А.И., генштабист Т. 1: 288
Анисимов А.И., чекист Т. 2: 233
Анисимов Н.В. Т. 1: 750; Т. 2: 788
Аничков В.П. Т. 2: 293
Анненков Б.В. Т. 2: 671, 672
Аносов Н.С. Т. 1: 128; Т. 2: 303
Антипин И.А. Т. 2: 172, 173, 703, 756, 759
Антоний (Храповицкий), митр. Т. 2: 71
Антонов А.А. Т. 1: 945
Антонов А.И. Т. 1: 39
Антонов А.С. Т. 2: 836
Антонович А.Т. Т. 1: 55, 287, 682, 963, 966; Т. 2: 190, 471, 474, 563, 573, 717, 719, 720
Антонов-Овсенко В.А. Т. 1: 177, 178, 290, 388, 390, 418, 419, 425, 442, 456–458, 461, 907; Т. 2: 220, 290, 291, 394, 717, 719

- Анучин С.А. Т. 1: 180, 431, 919
 Аплот Ю.Ю. Т. 1: 488; Т. 2: 226, 598
 Аппетер И.А. Т. 2: 231
 Апрельев Г.П. Т. 1: 129, 552, 554
 Апухтин А.Н. Т. 1: 288, 429, 533; Т. 2: 459, 633
 Апухтин К.В. Т. 1: 940
 Апушкин В.А. Т. 1: 529
 Аралов С.И. Т. 1: 57, 395, 396, 406, 407, 418, 423, 449, 486, 492, 495, 548, 918, 924, 925, 929, 948; Т. 2: 31, 39, 40, 42, 44, 45, 48, 111, 223, 224, 227, 230–233, 280, 315, 338, 340, 341, 375, 416, 417, 420, 421
 Арапов П.С. Т. 2: 221
 Араратов (Араратян) Х.Г. Т. 1: 796, 797
 Арванити Г.И. Т. 2: 401
 Аргаматов А.П. Т. 2: 142
 Аргунов А.А. Т. 1: 862, 864, 867
 Аргунов А.Г. Т. 2: 675, 677, 735
 Аржанов М.М. Т. 1: 518
 Аркадьев В.П. Т. 1: 917; Т. 2: 262
 Арканников Б.А. Т. 2: 663, 664
 Армадеров Г.А. Т. 1: 287, 296, 297, 312, 313, 527, 821; Т. 2: 11, 552, 772, 781
 Арнольдс В.Н. Т. 2: 240
 Арсений (Стадникий), митр. Т. 1: 953
 Арсеньев Е.К. Т. 1: 711
 Артамонов В.А. Т. 2: 219, 242, 790
 Артамонов Л.К. Т. 1: 320
 Артамонов Н.Д. Т. 1: 118, 247, 376, 520, 521
 Артамонов Н.Н. Т. 2: 745
 Артемьев В.В. Т. 1: 647
 Артемьев И.К. Т. 2: 677
 Артемьев К.П. Т. 1: 287, 393; Т. 2: 563, 723–725, 764, 765
 Аргузов (Фраучи) А.Х. Т. 1: 899; Т. 2: 168, 736
 Артынов Д.П. Т. 2: 11, 52
 Архангельский А.П. Т. 1: 103, 117, 130, 140, 250, 464, 985; Т. 2: 131, 135, 146, 271, 272, 274, 277, 352, 406, 444, 463, 464, 532
 Архангельский П.Г. Т. 2: 243, 248
 Архипов М.Н. Т. 1: 698; Т. 2: 400
 Архипович Н.Г. Т. 2: 640
 Аршеневский П.Н. Т. 1: 319, 320
 Аршинов П.А. Т. 2: 360
 Асмус Т. 2: 279
 Астапович В.В. Т. 1: 967
 Астафьев (Остапура-Степовий) А.С. Т. 2: 639, 640
 Астров Н.И. Т. 1: 12, 278, 827
 Атабеков (Атабегов, Атабегашвили) Д.Г. Т. 2: 209, 250, 667, 669
 Атаев П.П. Т. 1: 791; Т. 2: 200–202, 658
 Атарбеков (Атарбекян) Г.А. Т. 2: 202, 286, 287, 685
 Аузан А.И. Т. 1: 376, 520, 521; Т. 2: 441, 632, 786
 Афанасьев А.В. Т. 1: 288; Т. 2: 757
 Афанасьев А.Н. Т. 2: 160, 667
 Афанасьев В.А. Т. 1: 215, 294, 518; Т. 2: 741
 Афанасьев В.М. Т. 2: 204, 579
 Афанасьев Ф.М. Т. 1: 537, 539, 540; Т. 2: 393, 394, 580, 663, 673, 723, 743, 829, 830
 Ахаткин К.З. Т. 1: 157, 176, 188, 209, 260, 263, 265, 266, 268, 574; Т. 2: 385
 Ахвердов И.В. Т. 1: 794, 797; Т. 2: 657, 745, 759, 760
 Ахвердов Н.Н. Т. 2: 293, 294
 Ахматов А.К. Т. 2: 302
 Ахметелов С.Г. Т. 1: 781
 Ачкасов Т. 2: 428
 Ашеберг Н.П., фон Т. 1: 248
 Ашик Н.В. Т. 2: 619
 Ашин Г.К. Т. 1: 15
 Бабилов Н.А. Т. 1: 294; Т. 2: 277, 303, 337, 459
 Бабкин А.И. Т. 1: 577, 578
 Бабушкин Т. 1: 61
 Баграмов И.С. Т. 2: 489
 Баграмян И.Х. Т. 2: 761
 Багратуни Я.Г. Т. 2: 106
 Бажанов Б.Г. Т. 2: 722
 Баженов Б.П. Т. 2: 134, 257
 Базаревский А.Х. Т. 1: 645; Т. 2: 626, 750, 753, 766
 Базаров П.А. Т. 1: 164, 195; Т. 2: 242
 Базили Н.А. Т. 1: 131
 Базыленок М.П. Т. 2: 52, 164, 182
 Байер Ф.Т. 1: 44
 Баиов (Байов) А.К. Т. 1: 58, 240, 241, 281, 342, 344, 345, 533, 716; Т. 2: 563, 656, 811
 Баиов В.К. Т. 1: 240, 241, 698, 834; Т. 2: 811
 Баиов К.К. Т. 1: 240, 241, 288, 397, 398, 403, 519, 530; Т. 2: 34, 447, 798, 811
 Бакало А.А. Т. 2: 645
 Бакич А.С. Т. 1: 647, 923; Т. 2: 203, 671, 672
 Бакланова И.С. Т. 1: 40
 Баковец И.Г. Т. 2: 142, 143, 756, 757, 758
 Бакулевский А.Н. Т. 2: 404
 Балабин Ф.И. Т. 1: 125, 126, 146, 147; Т. 2: 20–23, 25–31, 97
 Баланин Д.В. Т. 1: 531
 Балицкий В.А. Т. 2: 755
 Балодис Я. Т. 1: 770, 776
 Балтийский А.А. Т. 1: 78, 178, 216, 219, 235, 238, 529, 971; Т. 2: 229, 441, 522, 626, 632, 723, 724, 740, 766, 814
 Балтин, см. Болтин П.А.
 Балтрушайтис Т. 1: 774
 Балуев П.С. Т. 1: 150, 231, 530–532, 967, 972; Т. 2: 686, 687
 Бальцар В.В. Т. 1: 643
 Бангерский Р.К. Т. 1: 873; Т. 2: 399, 401, 403
 Барабанщиков, рабочий Т. 1: 822
 Баранов П.М. Т. 1: 706; Т. 2: 186, 303
 Баранов С.А. Т. 1: 287, 518
 Баранович В.Л. Т. 1: 281, 287, 401, 936; Т. 2: 48, 303, 306, 327, 522, 732
 Барановский В.Л. Т. 1: 125, 127, 159, 241, 294, 400, 512, 527; Т. 2: 346, 626
 Барановский Л.С. Т. 1: 241
 Барановский Н.Э.
 Баратов Н.Н. Т. 1: 56, 619; Т. 2: 430, 436, 553, 554, 682, 683
 Бардинский И.А. Т. 1: 288; Т. 2: 46, 96, 427
 Баркалов В.П. Т. 1: 554
 Бармин А.А. Т. 1: 288
 Бармин А.Г. Т. 2: 602, 604
 Бармин И.А. Т. 1: 518
 Барсуков Е.З. Т. 1: 56, 209, 397–399, 442, 443, 516, 911, 937; Т. 2: 491, 496, 508, 744, 751, 753
 Барташевич (Бартошевич) Б.В. Т. 2: 196, 303
 Бартельс И.И. Т. 1: 281, 294, 393, 810
 Бартенев Н.В. Т. 2: 294
 Барцевич В.П. Т. 1: 554, 557, 559, 560; Т. 2: 286, 289
 Барышников С.Н. Т. 1: 689; Т. 2: 404, 520
 Баскаков В.И. Т. 1: 855; Т. 2: 136, 790
 Басков Б.М. Т. 2: 291
 Басков М.В. Т. 1: 458; Т. 2: 290, 291, 303, 640
 Баскова В.А. Т. 2: 291
 Баскова В.М. Т. 2: 291
 Баскова Н.М. Т. 2: 291
 Басханов М.К. Т. 1: 41
 Баташев М.Н. Т. 1: 241; Т. 2: 852
 Баташев Н.М. Т. 1: 241; Т. 2: 436
 Батенин Э.С. Т. 2: 631
 Батов П.И. Т. 2: 748
 Баторский М.А. Т. 1: 287, 518; Т. 2: 282, 378, 394, 751, 761, 766, 810, 830
 Батрук А.И. Т. 2: 117, 143, 156, 160, 246, 756
 Батушин Н.Н. Т. 1: 976, 978
 Батюшин Н.С. Т. 1: 60; Т. 2: 230, 243, 798
 Баумгартен В.К., фон Т. 1: 242, 294
 Баумгартен Р.К., фон Т. 1: 242
 Бафталовский И.А. Т. 1: 242, 859–868; Т. 2: 294
 Бафталовский Н.А. Т. 1: 242, 303

- Бачинский М.Л. Т. 1: 376; Т. 2: 130, 147
Бедарев П.М. Т. 2: 21, 24
Безель, гражданка Т. 2: 59
Безкровный А.А. Т. 2: 792
Безладнов В.Л. Т. 1: 294
Безладнов Л.С. Т. 1: 281
Безобразов В.М. Т. 1: 107
Безобразов Н.А. Т. 2: 110, 404
Безобразов С.А. Т. 2: 109, 110
Безруков А.Г. Т. 1: 376; Т. 2: 744
Безручко М.Д. Т. 1: 61, 737, 744, 746–749, 751, 759, 760; Т. 2: 402–404
Безугольный А.Ю. Т. 1: 64; Т. 2: 773
Бейли Ф.М. Т. 2: 297
Бек В.А. Т. 2: 107
Бек Ю. Т. 2: 771
Бекзадян А.А. Т. 2: 202
Бек-Зейналов М.М. Т. 1: 779, 780
Беклемишев А.В. Т. 2: 101, 103, 154
Бекович-Валуйский Б.С.
(Заур-Бек Э.-М.) Т. 2: 212
Белановская Е.Г. Т. 1: 181
Белецкий В.В. Т. 1: 281, 526
Белецкий, председатель комитета Т. 1: 725
Белицкий С.М. Т. 2: 582, 604, 760
Белкин Н.Н. Т. 2: 166, 167, 198
Беллами Э. Т. 1: 822
Белобородов А.Г. Т. 2: 59, 64, 508
Белов П.А. (Виттекопф Г.А.) Т. 1: 648, 664, 678, 859; Т. 2: 251, 252, 303, 400
Беловский А.П. Т. 2: 164, 390
Белой А.С. Т. 1: 236, 299; Т. 2: 36, 103, 492, 562, 626, 753, 766
Белоплицкий В.Е. Т. 1: 530; Т. 2: 626, 748, 753
Белопольский И.А. Т. 2: 618
Белоусов И.А. Т. 2: 164, 209
Белоусов И.М. Т. 2: 292
Белоцерковский Н.И. Т. 1: 657, 814; Т. 2: 255, 294, 429
Бельгов Т. 2: 99
Белькович Л.Н. Т. 1: 138, 530, 531
Бельский Л.Н. Т. 2: 755
Бельский Т. 2: 691
Белявский А.П. Т. 2: 196, 303
Беляев А.И. Т. 1: 287
Беляев В.В. Т. 1: 173, 986; Т. 2: 413
Беляев М.А. Т. 1: 72, 88, 117, 126, 137, 288; Т. 2: 302
Беляев Н.С. Т. 1: 294, 376, 931; Т. 2: 562, 575, 579, 618, 744
Беляев С.Н. Т. 1: 441
Бем Е.Ю. Т. 1: 799
Бенашвили (Бенаев) А.М. Т. 1: 376, 787; Т. 2: 681
Бензема Д.А. Т. 2: 631
Бензенг А.В. Т. 2: 242
Бенингсен, граф Т. 1: 847
Бенкендорф К.А. Т. 1: 989
Беннингсен Э.П. Т. 1: 127, 129
Берг Н.А. Т. 1: 593
Бердяев Н.А. Т. 1: 18
Березин Б.А. Т. 2: 163, 209
Березовский А.А. Т. 2: 255
Березовский А.И. Т. 1: 598, 740, 743; Т. 2: 792
Берендс В.Ю. Т. 2: 600
Берендс К.Ю. Т. 1: 192, 193, 287, 501, 930; Т. 2: 100, 101, 103, 104, 228, 229, 750, 752, 753
Беренс Е.А. Т. 1: 390
Берзин Р.И. Т. 1: 425, 449, 899, 918, 983; Т. 2: 66, 293
Берзин Э.П. (?) Т. 2: 231
Берзиньш В.М. Т. 1: 36
Берман Е.Н. Т. 1: 242
Берман Н.Н. Т. 1: 242, 288, 302, 488; Т. 2: 220, 758
Бермондт-Авалов П.Р. Т. 1: 61, 363, 373, 717–720, 770; Т. 2: 661
Бернгарди Ф. Т. 2: 753
Бернов А.В. Т. 1: 448; Т. 2: 303
Бернштам Р.Б. Т. 2: 599
Берская Н.Д. Т. 2: 287
Бертельс (Бертов) О.А. Т. 1: 288
Бертъе Л.-А. Т. 1: 971
Берхман Г.Э. Т. 2: 436, 792
Беседовский Г.З. Т. 2: 719
Бесядовская Е.И. Т. 2: 509
Бесядовская Е.К. («Леля») Т. 2: 509
Бесядовская М.К. Т. 2: 509
Бесядовские Т. 2: 509
Бесядовский К.И. Т. 1: 140, 225, 288, 383, 524, 821, 910; Т. 2: 509, 608
Бетхер Ю.Ю. Т. 1: 775
Бетховен Л., ван Т. 2: 525
Бирк Э.Ф. Т. 2: 279
Биркан И.М. Т. 1: 281, 401
Бируля Г. Т. 2: 294
Бирюков Н.Н. Т. 2: 600, 608
Бирюков Н.П. Т. 2: 303
Бискупский В.В. Т. 1: 718, 719
Битинский Н. Т. 2: 82
Биттенбиндер А.Г. Т. 1: 641
Бичерахов Л.Ф. Т. 1: 363, 371, 373, 972; Т. 2: 391
Благовещенский П.В. Т. 2: 632, 633
Блаунс Т. 2: 231
Блинов К.И. Т. 2: 209
Блюхер В.К. Т. 1: 186; Т. 2: 100, 668, 669
Бобошко Л.А. Т. 1: 712
Бобрищев А.А. Т. 1: 91, 312, 313, 516, 537, 538, 989; Т. 2: 229, 733
Бобровский Б.П. Т. 1: 725
Бобрышов И.И. Т. 2: 508
Бобрышова А.М. Т. 2: 508
Бобырь Н.П. Т. 2: 196, 303
Бобаевский А.П. Т. 1: 580, 585, 586, 605, 825, 830, 840, 842, 849–852, 940, 985
Богат (Бочкова) А.П. Т. 2: 608
Богатко Н.И. Т. 1: 616
Богачкий И.М. Т. 2: 52, 182
Богданович А.В. Т. 2: 526
Богданович П.В. Т. 2: 356
Богданович С.И. Т. 1: 288, 750
Боголепов В.И. Т. 1: 281, 294
Богомягков С.Н. Т. 2: 396, 552, 830, 831
Богословский Б.П. Т. 1: 62, 270, 286, 294, 300, 306, 645, 931; Т. 2: 11, 21, 24, 25, 90, 94, 122, 303, 357, 399, 401, 472, 511, 563
Богословский М.М. Т. 2: 287
Бодак Н.В. Т. 2: 225, 226
Бодров А.С. Т. 2: 677
Божко В.В. Т. 1: 281, 288, 400
Бойе В.В. Т. 1: 517
Бойко А.М. Т. 2: 240, 337
Бойс Э. Т. 2: 260
Бойцов М.В. Т. 2: 624
Бокий Г.И. Т. 2: 122, 173
Болбочан П.Ф. Т. 1: 59, 746, 750; Т. 2: 367
Болдырев В.Г. Т. 1: 55, 78, 179, 286, 294, 649, 650, 662, 663, 819, 820, 857–859, 861, 862, 864, 867, 868, 870, 872, 998, 1000; Т. 2: 151, 203, 254, 269, 279, 280, 409, 468, 572, 573, 673, 674, 819
Болецкий К.Б. Т. 1: 242, 775
Болецкий Э.Б. Т. 1: 242
Бологовской Д.Б. Т. 1: 839
Болотов В.В. Т. 1: 194; Т. 2: 141
Болтин П.А. Т. 1: 737
Болховитинов Л.М. Т. 1: 171, 270, 288, 327, 391, 572, 599, 839, 963, 965; Т. 2: 113, 133–137, 150, 430, 431
Бондарев, полковник Т. 1: 578
Бондаренко Т. 1: 238
Бонч-Бруевич В.Д. Т. 1: 169, 246; Т. 2: 559
Бонч-Бруевич К.М. Т. 2: 426
Бонч-Бруевич М.А. Т. 1: 929
Бонч-Бруевич М.Д. Т. 1: 28, 56, 59, 60, 78, 79, 117, 139, 144, 153, 154, 159, 161, 167, 169–173, 190, 192, 195, 196, 207, 217, 220, 221, 224, 227, 232, 246, 285, 288, 289, 293, 376, 378, 384–386, 388–392, 396, 402, 406, 415, 416, 421, 423, 428, 527, 531, 532, 535, 706, 725, 812, 821, 892, 896, 925–927, 929–932, 935, 943, 945, 948–950, 956, 958, 962; Т. 2: 13, 17, 22, 36, 50, 89, 126, 133, 150, 218, 230, 234, 243, 312, 317, 377, 398, 415, 426, 437, 439, 460, 505, 517, 531, 533, 534, 558, 559, 741, 746, 753, 754, 756, 772, 777, 810, 847
Борд Ф.Т. Т. 2: 270

- Бордонис П.С. Т. 2: 646
Борисов А.И. Т. 2: 240
Борисов Б.Э. Т. 1: 319
Борисов В.Е. Т. 1: 72, 105, 178, 219, 281, 317, 386, 412–415, 433, 500, 527, 529–531, 930; Т. 2: 96, 113, 114, 120, 133, 147, 343, 579, 602, 603, 614, 637
Борисов Н.П. Т. 1: 288; Т. 2: 744
Борицкий Н.Э. Т. 1: 287
Борман А.А. Т. 2: 263, 439
Боровский А.А. Т. 1: 561; Т. 2: 520
Боровский Н.К. Т. 1: 287; Т. 2: 29, 31, 303
Боровский Ф.Н. Т. 1: 281; Т. 2: 11
Бородин М.П. Т. 2: 179
Бородин С.К. Т. 1: 179, 570, 578, 851
Бородулин В.Р. Т. 2: 697
Бортневский В.Г. Т. 2: 291
Борхсениус Л.Н., см. Ростов Л.Н.
Борченко, крестьянин Т. 2: 364
Борщевский А.Г. Т. 2: 664
Ботиков А.С. Т. 2: 778
Бочаров С.Г. Т. 2: 302
Бочаров Т. 2: 769
Бочкарев В.И. Т. 2: 678
Бочкарева М.Л. Т. 1: 696; Т. 2: 167
Боштенков В.Г. Т. 2: 800, 801
Бояринов М.И. Т. 2: 302
Брандт А.Ф. Т. 2: 242
Браун Ф.А. Т. 1: 974
Бреверн И.В., фон Т. 2: 572
Бредий, см. Бредш Ф.М.
Бредов Н.Э. Т. 1: 49, 60, 244, 611, 614, 964; Т. 2: 111, 137, 145, 146, 385–388
Бредов Ф.Э. Т. 1: 244, 642
Бредш Ф.М. Т. 2: 164, 166, 182, 246, 250
Брежнев И.П. Т. 2: 677
Брендель В.А. Т. 1: 288; Т. 2: 17–19, 21, 24–26, 28, 29, 31
Бретцель А.Я., фон Т. 2: 281
Брехман, генштабист Т. 2: 302
Брилевич А.В. Т. 1: 247
Бронский В.М. Т. 1: 61, 727, 743, 748
Бронский М.Г. Т. 2: 795
Бруно Г.И. Т. 2: 232
Брусиллов А.А. Т. 1: 100, 117, 122, 131–133, 135, 138, 145, 148, 173, 219, 232, 270, 531, 923, 967–970, 972–974, 991; Т. 2: 170, 195, 196, 198, 330–332, 404, 528, 529, 687, 766, 814
Брусилова Н.В. Т. 2: 723
Брюханов Н.П. Т. 2: 492
Бублик, подпоручик Т. 2: 365
Бубнов А.С. Т. 2: 64, 65, 720, 721, 729
Бугай К.Я. Т. 1: 242
Бугай П.Я. Т. 1: 242; Т. 2: 143
Будберг А.П. Т. 1: 49, 55, 57, 77, 95, 102, 107, 109, 170, 175, 178, 188, 191, 234, 651, 653, 664, 668, 680, 806, 808, 873; Т. 2: 253, 408, 409, 436, 437, 474, 805
Буденный С.М. Т. 1: 61, 330, 576, 606, 621; Т. 2: 78, 197, 397, 410, 719, 723, 762, 764
Буковской А.П. Т. 1: 746; Т. 2: 26
Букретов Н.А. Т. 1: 83, 561, 825, 843; Т. 2: 194, 267, 432, 480
Букшпан Я.М. Т. 1: 531
Булак-Балахович С.Н. Т. 1: 367, 373, 877; Т. 2: 110, 428, 487, 552, 600, 661, 662
Булгаков К.Г. Т. 1: 642
Булдаков В.П. Т. 1: 41
Булле М.О. Т. 2: 608
Буняковский В.В. Т. 2: 132, 147, 640
Бур П.Е., де Т. 2: 107
Буравченков А.А. Т. 1: 27, 206
Буренин Б.А. Т. 1: 312, 440, 508; Т. 2: 552, 831, 832
Буренин, адъютант Т. 1: 675
Бурин П.П. Т. 2: 165, 166
Бурков А.П. Т. 1: 790, 791, 793
Бурков П.Л. Т. 1: 473, 474
Бурлин П.Г. Т. 2: 433, 474
Буров А.А. Т. 1: 172, 859–863, 865, 870; Т. 2: 176, 189, 190, 246, 293, 741
Буров А.Н., см. Буров А.А.
Буров П.Н. Т. 1: 287, 398, 480; Т. 2: 26, 107, 144, 145, 147, 444
Бурский П.Д. Т. 2: 626, 627, 744
Бухарин Н.И. Т. 2: 583
Бухольц (Бухгольц) В.Е. Т. 2: 145, 146
Бучинский Б.И. Т. 1: 731, 833; Т. 2: 240, 244
Быков А.Н. Т. 2: 107
Быч Л.Л. Т. 1: 561, 842
Вагин А.Н. Т. 1: 193, 664, 675
Вадбольский В.А. Т. 1: 246
Вакулич П.И. Т. 2: 765
Вакье Э. Т. 2: 260
Валентинов А.А. Т. 1: 328; Т. 2: 149
Валентинов Т. 1: 488
Валидов А. – З. Т. 1: 516, 872
Валуев А.М. Т. 1: 288
Валуева О.И. Т. 2: 601
Валь В.Г., фон Т. 1: 707
Валь Э.Г., фон Т. 1: 80
Вальтер Р-К.Ф. Т. 1: 287; Т. 2: 219, 220
Вальтер Т. 2: 419
Вандам (Едрихин) А.Е. Т. 1: 93, 706, 707, 709, 712, 715, 814, 827, 854, 878; Т. 2: 434, 520
Ванновский Г.М. Т. 1: 151; Т. 2: 656
Ванновский П.С. Т. 1: 71
Ванюков В.В. Т. 1: 671
Варгасов Т. 2: 255
Варфоломеев Н.Е. Т. 1: 281, 294, 522; Т. 2: 732, 750, 752–754, 766
Василевский А.М. Т. 1: 39; Т. 2: 761, 774, 775
Василевский Л.В. Т. 2: 599
Василенко Л.Д. Т. 1: 649, 861, 863, 865; Т. 2: 294–296
Василенко М.И. Т. 1: 536, 760, 889, 893, 916, 943; Т. 2: 189, 395, 397, 411, 552, 679, 760, 766, 832
Васильев А.В. Т. 2: 777
Васильев А.Г. Т. 1: 488, 489; Т. 2: 226, 379, 595
Васильев А.С. Т. 2: 426
Васильев А.Ф. Т. 1: 281, 287, 400, 401
Васильев В.Н. Т. 1: 152
Васильев П.М. Т. 1: 287
Васильев Ф.Н. Т. 1: 531, 532
Васильев, полковник Т. 2: 142
Васильев, полковник, начальник штаба Русской народной Добровольческой армии Т. 2: 661, 662
Васильев, слушатель Т. 2: 58, 59
Васильев, товарищ А.А. фон Лампе Т. 2: 800
Васильевский В.Н. Т. 1: 177
Васильковский Т. 1: 281
Васильченко И.М. Т. 1: 740, 743, 880, 881; Т. 2: 196, 239, 303
Васько-Богдан В.А. Т. 2: 600
Ватсон В.Т. 2: 260
Вах Б.Э., фон Т. 2: 400, 676, 677, 782
Вахрушев М.Н. Т. 2: 431
Вацетис И.И. Т. 1: 23, 36, 40, 48, 56, 59, 60, 82, 207, 218, 229, 230, 231, 265, 298, 328–330, 396, 405–408, 418–426, 428–430, 433, 435, 438, 439, 441, 443, 446, 450, 457, 458, 482, 490, 492, 502, 505, 527, 531, 535, 536, 541, 544, 662, 666, 668, 764, 770, 882, 889, 892, 903, 904, 910–912, 920, 925–928, 930–932, 935–937, 943, 945–950, 952–959, 961, 962, 996, 1000; Т. 2: 36, 38–44, 47–49, 56, 60, 79, 87, 122, 123, 132, 216, 232, 233, 247, 248, 279, 309, 321, 324, 325, 351, 373, 376, 379, 392–394, 396, 398, 411, 412, 414–416, 418, 420–422, 426, 448, 450, 491, 492, 496, 510, 521, 522, 534, 554, 560, 562–564, 575–577, 580, 583, 601, 602, 605, 686, 730, 750, 753, 762, 764, 766, 810
Вацетис Э.И. Т. 1: 954, 955; Т. 2: 373, 412, 416–421, 426, 492, 496
Вдовьев-Кабардинцев В.В. Т. 2: 115, 220
Вебель Ф.М. Т. 2: 303
Веденеев, служащий Т. 2: 262
Веденяпин А.А. Т. 1: 247
Веденяпин М.А. Т. 1: 871; Т. 2: 264
Веденяпин П.А. Т. 1: 552, 554
Векилов А.Д. Т. 1: 791
Великанов М.Д. Т. 2: 79

- Велио В.И. Т. 1: 711
 Величкин Н.П. Т. 1: 281; Т. 2: 11
 Величко К.И. Т. 1: 168, 968; Т. 2: 605
 Венков А.В. Т. 1: 30
 Венцов-Кранц С.И. Т. 2: 688
 Вербицкий П.И. Т. 2: 142
 Верди Дж. Т. 2: 525
 Вержбицкий Г.А. Т. 2: 675
 Вержбицкий Н.Ю. Т. 1: 517; Т. 2: 180, 205, 206
 Вернер Э. Т. 1: 768
 Верховский А.И. Т. 1: 56, 59, 92, 98, 108, 122, 125, 126, 138, 153, 154, 158, 190, 191, 234, 442, 496, 533, 807, 822, 875, 890, 923, 925, 926, 930, 940–943, 967; Т. 2: 97, 182, 183, 270, 313, 354, 410, 459, 496, 497, 502, 526, 527, 602, 605, 626, 725, 730, 740, 741, 750, 751, 756, 761, 765, 766
 Верховский Б.К. Т. 2: 751, 766
 Верховский С.И. Т. 1: 287; Т. 2: 144
 Верцинский Э.А. Т. 1: 320, 386; Т. 2: 498, 796
 Веселаго А.А. Т. 1: 319, 889
 Веселаго Г.М. Т. 2: 121
 Веселаго И.В. Т. 2: 744
 Веселовский А.А. Т. 1: 138
 Ветошкин М.К. Т. 1: 918
 Ветренко Д.Р. Т. 1: 338, 707, 711, 714, 715; Т. 2: 400, 404, 432, 793
 Вецкий С.И. Т. 1: 281
 Видовский, поручик Т. 1: 862
 Видякин В.К. Т. 1: 711, 712
 Викорст Н.Э. Т. 1: 694, 899
 Виленский С.Б. Т. 2: 795
 Виленский-Сибиряков В.Д. Т. 2: 604
 Вилков П.А. Т. 2: 313
 Вилкова (Снесарева) Л.Е., см. Снесарева Л.Е.
 Вильгельм II, герм. имп. Т. 1: 840
 Вилькицкий Б.А. Т. 1: 702
 Вилькман К.К. Т. 1: 769
 Вильсон В.Т. 1: 884
 Винберг В.Ф. Т. 1: 820
 Винекен А.Г. Т. 1: 133
 Винниченко В.К. Т. 1: 742, 823
 Виноградов А.Н. Т. 1: 281, 288, 960, 961; Т. 2: 47, 723, 724
 Виноградов П.Ф. Т. 2: 502
 Виноградова А.З. Т. 2: 608
 Вирабян А.С. Т. 1: 64
 Вирановский Г.Н. Т. 2: 164, 303
 Виталиев, комендант Т. 2: 164
 Витковский В.В. Т. 1: 183, 376; Т. 2: 563
 Витковский В.К. Т. 1: 853
 Витоль (Виттоль) И.М. Т. 1: 457; Т. 2: 52
 Витоль И.М. Т. 2: 11
 Витт В.В., де Т. 1: 244
 Витт Л.В., де Т. 1: 244; Т. 2: 436
 Витте С.Ю. Т. 2: 45
 Витукевич К.Я. Т. 1: 701
 Вихирев А.А. Т. 2: 667
 Вишневецкий В.А. Т. 1: 287, 398
 Владимиров В.Г. Т. 1: 799
 Владимиров Г.А. Т. 2: 163
 Владимиров Т. 2: 576
 Владиславский-Крекшин Н.А. Т. 2: 632
 Владычек С.Н. Т. 2: 196, 303
 Власенко А.Н. Т. 2: 182
 Вовк А.М. Т. 1: 747, 749
 Вовкобой П.М. Т. 1: 740
 Вогак К.И. Т. 2: 531
 Водар В.В. Т. 2: 219
 Воейков В.Н. Т. 1: 124
 Войналович М.К. Т. 1: 560
 Войнарский Б.П. Т. 1: 881
 Войтиков С.С. Т. 1: 38, 41
 Войткевич К.М.
 Войткевич М.М. Т. 2: 255, 294
 Войтов А.Н. Т. 2: 102, 103
 Войтына И.А. Т. 1: 288, 399
 Войцеховский С.Н. Т. 1: 645, 652, 662, 663, 684, 687, 690, 799, 871, 873, 874; Т. 2: 264, 399, 400, 517, 524, 674, 782, 796, 819
 Войшин-Мурдас-Жилинский И.П. Т. 1: 245
 Войшин-Мурдас-Жилинский Л.П. Т. 1: 245, 320
 Воликовский Р.И. Т. 1: 764; Т. 2: 553, 733, 734, 782, 797, 798
 Волков Б.И. Т. 1: 294, 302; Т. 2: 619
 Волков В.Е. Т. 1: 288, 400, 401; Т. 2: 522
 Волков В.И. Т. 1: 862, 864; Т. 2: 209
 Волков Е.В. Т. 1: 30, 32
 Волков Е.Н. Т. 2: 431
 Волков Н.А. Т. 1: 704, 706; Т. 2: 186, 303, 387
 Волков С.В. Т. 1: 26, 28, 29, 119, 206, 347, 348, 350, 351, 378
 Волков С.М. Т. 1: 518, 530
 Волков Т. 1: 153
 Волковицкий В.В. Т. 1: 768
 Волконский А.М. Т. 2: 242
 Волобуев Т. 2: 364
 Володин М.Т. 2: 364
 Володина О.Т. 2: 364
 Володченко Н.Г. Т. 1: 165, 927
 Волошин, подпрапорщик Т. 2: 365
 Волховской М.Н. Т. 1: 260, 740, 743
 Вольпе А.М. Т. 2: 600
 Вольский А.И. Т. 1: 763
 Воорд, см. Уорд Дж.
 Воровский В.В. Т. 2: 8
 Воронеж Д.Н. Т. 1: 563
 Воронков М.И. Т. 1: 915
 Воронов Н.А. Т. 2: 164, 303
 Воронов Н.Н. Т. 2: 771
 Воронов П.Н. Т. 1: 533
 Воронович Н.В. Т. 1: 544
 Воронцов И.А. Т. 2: 755
 Ворошилов К.Е. Т. 1: 330, 456, 462, 463, 901–904, 907–909, 940, 944; Т. 2: 107, 313, 604, 713, 716, 717, 719, 722, 723, 728–730, 754, 759, 761, 768, 778
 Воскобойников Н.П. Т. 1: 751
 Воскресенский Г.П. Т. 1: 399
 Вострецов С.С. Т. 2: 608, 625
 Вохмин А.П. Т. 1: 281; Т. 2: 793, 794
 Врангель (Иваненко) О.М. Т. 2: 406
 Врангель М.Д. Т. 2: 340
 Врангель Н.Е. Т. 1: 819
 Врангель П.Н. Т. 1: 45, 50, 55, 60, 61, 74, 110, 134, 136, 157, 188, 199, 212, 217, 240, 312, 328, 336, 337, 357, 380, 502, 511, 517, 542, 547, 551, 567, 570, 572, 574, 592, 594, 597, 600–603, 605, 607, 608, 614, 616, 618, 622–627, 629, 630, 634–640, 642, 718, 799, 806, 808, 816, 818, 819, 825, 828, 831, 833, 837, 843–854, 884, 888, 819, 939, 940, 966, 973, 981, 982–984, 989–993, 998, 999; Т. 2: 75, 79, 113, 116, 124, 130, 142, 144, 148, 172, 190, 196, 201, 213, 241–243, 245, 250, 287, 332, 340, 344, 354, 355, 363, 386, 394, 396, 401, 404, 414, 415, 430, 453, 455, 467, 481, 520, 530, 536, 603, 608, 672, 735–737, 748, 785, 787, 790, 791, 793, 796, 808, 819, 830, 832, 837
 Всеволодов Н.Д. Т. 1: 57, 306, 317, 930; Т. 2: 94, 113, 120, 122, 123, 270, 344, 376, 380, 427, 456, 480
 Вульфен К. Т. 2: 754
 Вырубова А.А. Т. 1: 123, 124
 Высоцкий И.В. Т. 1: 219, 287, 960; Т. 2: 220, 375, 465, 766
 Вышемирский С.Н. Т. 1: 281, 522
 Вышинский Е.Е. Т. 1: 791, 793, 794
 Вязьмитинов В.Е. Т. 1: 595, 825, 830, 832, 985; Т. 2: 128, 235, 242, 243, 289, 791
 Вяткин Д.И. Т. 2: 165, 166
 Габаев (Габашвили) А.Г. Т. 2: 101, 431; Т. 2: 679
 Габаев П.А. Т. 1: 163
 Габбин Н.И. Т. 2: 633, 635
 Габриил Константинович, кн. крови имп. Т. 2: 542
 Гаврилов В.И. Т. 2: 302
 Гаврилов, штабс-капитан Т. 2: 101
 Гагарин А.А. Т. 1: 554, 555
 Гакгуев Р.Г. Т. 1: 30, 47, 64
 Гадзяцкий А.Н. Т. 1: 288
 Гаевский А.Т. Т. 1: 264; Т. 2: 243

- Гаевский Д. Т. 2: 747, 748
Газов П. И. Т. 2: 198, 209
Гай (Бжишкян) Г. Д. Т. 1: 475, 775; Т. 2: 625, 678
Гайда Р. Т. 1: 653, 656, 660, 663, 666, 667, 671, 871, 873, 874, 1000; Т. 2: 295, 357, 472, 555
Гайкс (Гайко) А. К. Т. 1: 860, 862, 863; Т. 2: 163, 174, 190
Галкин А. С. Т. 1: 731, 744, 747; Т. 2: 354, 403, 487, 796, 799
Галкин В. И. Т. 1: 760; Т. 2: 671, 756, 788
Галкин Н. А. Т. 1: 57, 645–647, 808, 820, 855, 856, 998; Т. 2: 101, 104, 293, 819
Галлер С. Т. 1: 765
Галлер Ю. Т. 1: 764, 765
Гальдер Ф. Т. 2: 771
Гальков П. А. Т. 2: 174, 206, 209
Гальслебен С. Н. Т. 1: 287
Гамазов К. М. Т. 2: 657
Гамарник Я. Б. Т. 2: 768
Гамбурцев А. А. Т. 2: 783
Гамбурцев Г. А. Т. 2: 783
Гамзагурди (Гамсахурдия) Г. Н. Т. 2: 668, 670, 744
Гамченко Е. С. Т. 1: 744; Т. 2: 756, 794, 795
Ганин А. В. Т. 1: 30
Гапонов, подпрапорщик Т. 2: 364, 365
Гарабурда Е. М. Т. 1: 281; Т. 2: 11
Гартман Б. Е. Т. 2: 242
Гартман М. Ю. Т. 2: 403
Гартунг Л. Ф. Т. 2: 302
Гарф В. Е. Т. 1: 61, 488, 501; Т. 2: 394, 626, 723–725, 760, 766, 832
Гатовский А. Н. Т. 1: 245, 287, 501; Т. 2: 426–428, 532, 627, 736, 832
Гатовский В. Н. Т. 1: 245; Т. 2: 182, 229, 503, 528, 579, 626, 627, 632, 736, 751
Гауг Е. М. Т. 2: 320
Гегечкори Е. П. Т. 1: 788
Гегстрем Е.-А. Э. Т. 1: 287, 401, 446
Гедеванишвили (Гедеванов) А. К. Т. 1: 241, 242, 780, 786, 787; Т. 2: 435, 488, 681, 744
Гедеванишвили (Гедеванов) И. К. Т. 1: 241, 242, 781
Гедеванишвили (Гедеванов) Н. К. Т. 1: 241, 242, 784, 786, 788
Гейдеман К. И. Т. 1: 574
Гейман Б. В. Т. 2: 618
Гейман В. В. Т. 2: 303
Гейсман П. А. Т. 1: 247, 294, 533; Т. 2: 437
Гейхрех А. И. Т. 2: 509
Геккер А. И. Т. 1: 193, 312, 313, 329, 536, 797, 890, 891, 893, 898, 930, 935, 936; Т. 2: 201, 368, 393, 394, 527, 552, 553, 580, 678–681, 733, 810, 833
Генбачев В. И. Т. 1: 755, 758, 759; Т. 2: 292
Генинг-Михелис Е. М., де Т. 1: 763, 764, 768
Геништа Н. И. Т. 2: 618
Георг V, брит. король Т. 2: 401
Георгиевич М. М. Т. 2: 791
Георгиевский А. Г. Т. 2: 303
Герарди А. А. Т. 1: 287; Т. 2: 686
Герасимов И. И. Т. 1: 376
Герасимов, офицер Т. 2: 267
Герасимович Н. И. Т. 2: 163, 209
Геринг Т. 1: 393
Герих П. К., фон Т. 1: 769; Т. 2: 403, 526
Гернграсс А. А. Т. 1: 248
Гернграсс Б. В. Т. 2: 129, 130
Гернграсс Е. А. Т. 1: 88
Герсон В. Л. Т. 2: 335
Геруа А. В. Т. 1: 237, 242, 606; Т. 2: 241, 242, 738
Геруа Б. В. Т. 1: 55, 78, 242, 286, 288, 917; Т. 2: 17, 20, 21, 24, 25, 29–31, 273, 281, 282, 352, 439, 533, 543, 550, 563, 738
Гершельман А. С. Т. 1: 287, 548
Гершельман В. Д. Т. 1: 886, 887
Гершельман В. К. Т. 1: 399
Гершельман Л. К. Т. 2: 293, 294
Гетлинг Б. В. Т. 1: 976, 978
Гетманцев И. Р. Т. 1: 287, 401
Гикало Н. Ф. Т. 2: 682
Гильбих В. П. Т. 1: 127, 178, 179, 288
Гильчевский К. Л. Т. 1: 83, 137, 811; Т. 2: 679, 742
Гиндце С. К. Т. 1: 287
Гинс Г. К. Т. 1: 875
Гинце см. Хинц П., фон
Гирш (Гирс) В. А. Т. 2: 163, 209, 294
Гиссер Г. Г. Т. 1: 386; Т. 2: 8, 9, 33, 219, 563
Гитлер А. Т. 1: 266
Гиттис В. М. Т. 1: 425, 426, 457, 463, 537, 910, 937, 950, 961; Т. 2: 394, 466, 505
Главацкий Н. В. Т. 2: 668
Глаголев В. П. Т. 1: 287, 398, 425, 439, 456–458, 474, 490, 491, 907, 925, 926, 930, 935, 937; Т. 2: 220, 290, 291, 521, 666
Гладкий, корнет Т. 1: 554
Глазков В. Т. Т. 2: 676
Глазов В. Г. Т. 1: 248
Глазунов Н. М. Т. 1: 319, 522
Глезаров Л. М. Т. 1: 919; Т. 2: 97
Глезаровы Т. 1: 47; Т. 2: 511
Глинка М. И. Т. 2: 525
Глишинский А. А. Т. 1: 236
Глобачев К. И. Т. 1: 55, 244; Т. 2: 243, 282, 313
Глобачев Н. И. Т. 1: 244; Т. 2: 796
Глудин И. И. Т. 1: 312, 313; Т. 2: 52, 754
Гнида Д. И. Т. 2: 164
Говоров А. В. Т. 1: 577, 603, 604; Т. 2: 432
Говоров Л. А. Т. 2: 783
Говорущенко С. Д. Т. 1: 602
Гоголь Н. В. Т. 1: 823
Годнев И. А. Т. 1: 691
Гоерц Александр А., фон Т. 1: 244, 643, 833
Гоерц Алексей А., фон Т. 1: 244, 643 (?)
Голдин В. И. Т. 1: 30, 64
Голицын В. В. Т. 1: 872; Т. 2: 554
Голицын Е. М. Т. 1: 281, 294, 449; Т. 2: 277, 303, 306
Голованов Н. С. Т. 2: 526
Головань С. А. Т. 2: 219, 242
Головин Н. Н. Т. 1: 17, 21, 78, 79, 94, 110, 139, 140, 163, 170, 410, 559, 645, 684, 872; Т. 2: 111, 116, 242, 543, 557, 638, 640, 792, 820
Головкин В. К. Т. 1: 571; Т. 2: 182
Гололобов В. П. Т. 2: 498
Голощекин Ф. И. Т. 1: 431
Голубев В. Ф. Т. 1: 288
Голубев С. Н. Т. 1: 281, 294, 493, 936; Т. 2: 11, 33, 377, 551, 596, 666
Голубева Т. С. Т. 1: 47; Т. 2: 551
Голубинцев А. В. Т. 1: 603, 607, 617, 618, 620; Т. 2: 528, 529, 594
Голубинцев Е. М. Т. 2: 632
Гольдгаар В. А. Т. 1: 593; Т. 2: 801
Гольм А. Г. Т. 2: 306
Гольц Р., фон дер Т. 1: 770, 772
Гондель В. К. Т. 1: 546, 921; Т. 2: 380
Гондельман, комиссар Т. 2: 619
Гонтарев Б. В. Т. 1: 288, 393
Гончаренко Г. И. (Галич Ю.) Т. 1: 265, 733; Т. 2: 402, 675, 793
Гончаренко И. И. Т. 2: 220
Гончаренко М. И. Т. 1: 133
Гончаренко С. В. Т. 2: 180, 303, 306
Гоппер К. Я. Т. 1: 678, 857, 858, 870
Горбатов А. В. Т. 1: 212; Т. 2: 409, 690, 771
Горбатовский В. Н. Т. 1: 135; Т. 2: 850
Горбунов И. Ф. Т. 2: 500
Гордеева, домовладелица Т. 2: 195
Гордиенко К. Т. 1: 726
Горин-Галкин В. Ф. Т. 2: 577, 583
Горчаков А. Г. Т. 2: 119
Горчаков Г. С. Т. 2: 381, 550, 552, 777, 833
Горький М. Т. 2: 127
Готовцев А. И. Т. 1: 262, 894; Т. 2: 199, 220, 626, 627, 733, 750, 753, 761, 777, 783
Готье Ю. В. Т. 1: 544, 968; Т. 2: 458
Гоц, рядовой Т. 2: 364
Граблевский С. А. Т. 2: 209, 667

Грабовский С.Л. Т. 2: 400
Грасис К.Я. Т. 1: 481
Граужис И.И. Т. 1: 281, 288, 400;
Т. 2: 503
Гребенкин И.Н. Т. 1: 27, 30
Гребенщиков С.Я. Т. 1: 262, 746, 879;
Т. 2: 483, 524
Греков А.П. Т. 1: 61, 259, 725, 742,
744, 746, 747, 749–751, 754, 755, 824;
Т. 2: 131, 796
Грекулов П.Н. Т. 1: 312
Гремин В.А. Т. 2: 267
Гренгаген П.К. Т. 2: 164, 166
Гренер В. Т. 1: 733
Грецов С.С. Т. 1: 887
Гривин П.П. Т. 1: 873, 874
Григоренко П.Г. Т. 2: 765
Григоров М.М. Т. 1: 717, 718
Григорович Б.Н.(?) Т. 2: 144
Григорович В.П. Т. 2: 254
Григорьев А.Ф. Т. 2: 303
Григорьев И.Е. Т. 1: 319
Григорьев Н.А. Т. 1: 460–462
Григорьев П.И. Т. 1: 196
Григорьев С.Д. Т. 1: 645; Т. 2: 111,
171, 303
Григорьев Ф.Л. Т. 1: 227, 286, 287; Т. 2:
220, 221, 229, 449
Григорьев Ю.И. Т. 1: 281, 294, 953, 954,
956; Т. 2: 21, 22, 27, 48, 50, 220, 222,
267, 443
Григорьев, подпоручик Т. 1: 674
Гриневский Е.И. Т. 1: 859, 860, 862, 863
Гринкевич-Судник Г.И. Т. 1: 556
Гришин Ф.Н. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 401
Гришина-Алмазова
(Захарова) М.А. Т. 1: 861
Гришин-Алмазов А.Н. Т. 1: 598, 612,
648, 861, 875; Т. 2: 295
Гришинский А.С. Т. 1: 245, 287, 386,
530, 532; Т. 2: 229
Гришинский В.С. Т. 1: 245
Гродеков Н.И. Т. 1: 71
Громов Н.В. Т. 1: 281, 288
Грондейс Л. Т. 1: 145, 725; Т. 2: 225
Гросман Т. 2: 206
Грудзинский М.Ц. Т. 2: 798
Грудзинский, разведчик Т. 1: 993
Грудин Т. 2: 360
Грузинов А.Е. Т. 2: 795
Грузинский И.Г. Т. 1: 246; Т. 2: 164
Грулев М.В. Т. 1: 83, 87
Грундштрем А.Г. Т. 1: 514, 520;
Т. 2: 426, 461
Грундштрем М.А. Т. 2: 426
Гудим-Левкович П.П. Т. 2: 219
Гулыга И.Е. Т. 1: 561
Гуммель Н.И. Т. 2: 163

Гурко В.И. Т. 1: 92, 93, 117, 120, 124,
125, 133, 138, 205, 697, 720; Т. 2: 330
Гурко Вл.И. Т. 1: 11, 832; Т. 2: 268, 281
Гурко-Омелянский Н.Н. Т. 1: 287, 450
Гуртовенко Х.В. Т. 1: 281, 288, 741;
Т. 2: 109, 119, 515
Гусаковский П.Н. Т. 1: 288, 533
Гусев С.И. Т. 1: 414, 422, 548, 918,
920, 927, 928, 948, 950, 951, 956, 991;
Т. 2: 126, 224, 227, 278, 410, 593, 610,
712, 720, 721
Гутор Александр Е. Т. 1: 232, 245; Т. 2:
182, 333
Гутор Алексей Е. Т. 1: 136, 138, 232,
245, 327, 519, 530, 722, 812, 967, 968,
971–973, 978; Т. 2: 150, 329, 330, 333–
337, 404, 459, 744, 750, 753
Гутор Анатолий Е. Т. 2: 333
Гучков А.И. Т. 1: 38, 90, 93, 123–129,
131, 135, 137–140, 171, 203, 664, 694,
807; Т. 2: 330
Гущин А.Ф. Т. 1: 136, 142, 578; Т. 2: 542
Гущин Ф.А. Т. 1: 64
Гущинский В.Н. Т. 1: 287

Д'Ансельм Ф. Т. 2: 131
Давыдов А.Д. Т. 1: 376
Давыдов А.И. Т. 1: 294
Давыдов Л.Г. Т. 1: 718, 719
Давыдов, ген. Т. 2: 298
Дайнес В.О. Т. 1: 36, 506
Далер В.В. Т. 1: 179, 287, 314, 913
Дан Ф.И. Т. 1: 942
Даниельсон П.И. Т. 1: 779
Данилов («рыжий») Н.А. Т. 1: 93, 533
Данилов («черный») Ю.Н. Т. 1: 132,
193, 197, 985
Данилов И.А. Т. 1: 235, 236, 314, 475,
484; Т. 2: 183, 326, 328, 387, 452, 603
Данилов С.И. Т. 2: 229, 775
Данилов С.С. Т. 2: 382
Данишевский К.Х. Т. 1: 418, 902, 947,
950, 968, 976; Т. 2: 285, 328, 418, 420,
421, 450, 510
Дауман А.Э. Т. 2: 421
Дворжец Я.С. Т. 2: 719
Де-Бур П.Е. см. Бур П.Е., де
Дегтярев К.Г. Т. 2: 166
Дей-Карханов В. Т. 2: 202
Дейло Е.М. Т. 1: 555
Деллен В.А. Т. 2: 364
Деллингсгаузен Н.А. Т. 2: 54, 171, 294
Делль И.И. см. Лелль И.И.
Дельбрюк Г. Т. 2: 748
Дельвиг С.Н. Т. 2: 639, 652
Дембицкий К.В. Т. 1: 399
Демин П.Я. Т. 2: 162
Демишхан М.А. Т. 2: 294, 554
Ден А.А., фон Т. 2: 656

Ден Д.В., фон Т. 2: 242
Деникин А.И. Т. 1: 12, 16, 37, 55, 56, 60,
69, 76, 81–83, 91, 106, 109, 110, 117, 120,
132, 137–139, 141, 146, 150–152, 156,
164, 167, 171, 199, 208, 212, 228, 237,
240, 245, 246, 250, 251, 257, 268, 278,
327, 330, 334, 337, 338, 348, 357, 360,
402, 415, 422, 455, 501–504, 506–508,
511, 513, 516, 540, 542, 545, 548, 551–
553, 556, 557, 559, 560, 562–564, 566–
570, 572, 573, 575, 580, 584–586, 588,
591–594, 597, 599–603, 605–608, 611,
615–619, 621–625, 635–637, 666–669,
690, 692, 718, 719, 722, 723, 729–732,
740, 758, 759, 763, 767, 778, 779, 799,
815, 816, 824–828, 830–832, 835–850,
853, 854, 875, 876, 888, 923, 928, 939,
940, 950, 953–956, 960, 961, 963, 966,
969, 982, 994, 998, 999; Т. 2: 48, 71,
73, 95, 98, 107, 112, 114, 115, 123–125,
128–130, 134, 137, 138, 140, 143, 144,
146, 148, 149, 153, 166, 171, 174, 175,
178–180, 189–192, 194, 197, 198, 201,
211, 236, 239, 240, 242–245, 250, 276,
278, 285–288, 291, 292, 300, 301, 326,
331, 335, 353, 354, 360, 384, 388, 401,
406, 407, 430, 431, 462, 477–479, 485,
498, 514, 517, 520, 524, 525, 537, 581,
585, 636, 659, 675, 684, 703, 728, 783,
786, 793, 798, 808, 812, 816, 819, 830,
832, 840, 841
Денисов С.В. Т. 1: 561, 578, 580, 581,
585, 840, 841, 940; Т. 2: 76, 109, 387,
512, 796
Десино К.Н. Т. 1: 242; Т. 2: 219
Десино Н.Н. Т. 1: 242; Т. 2: 117, 229
Джерашвили, см. Сталин И.В.
Джиджихия А.М. Т. 1: 782, 788
Джонсон Г.Г. Т. 1: 615; Т. 2: 800
Джугели В.К. Т. 1: 787
Джунаид, хан Т. 2: 296
Джунковский В.Ф. Т. 1: 423, 807;
Т. 2: 276
Дзагания А.С. Т. 1: 281, 784
Дзевалтовский (Дзевялтовский) И.Л.
Т. 1: 177, 411, 917; Т. 2: 58, 274, 318, 450,
451, 533, 575, 577
Дзевановский В.А. Т. 1: 768, 799
Держановский К. Т. 2: 654
Дзержинский Ф.Э. Т. 1: 51, 294, 679,
811, 905, 943, 950, 951, 955, 968, 994;
Т. 2: 31, 120, 190, 198, 231, 270, 285–287,
302, 305, 317, 320, 325, 333, 335, 339,
347, 348, 375, 586, 593, 618, 732, 739, 796
Дзержинский А.Ф. Т. 1: 707
Дзюбенко С.С. Т. 2: 164, 166, 167, 733,
734
Диденко А.М. Т. 1: 338
Дикгоф-Деренталь А.А. Т. 1: 136, 168

- Дикий В. Ф. Т. 2: 142
 Диков А. Д. Т. 1: 288, 603, 604; Т. 2: 401
 Димант Т. 2: 68
 Димма Г. Г. Т. 1: 318
 Димов Т. 1: 288
 Диоклетиан, римск. имп. Т. 2: 527
 Дистерло Н. А., фон Т. 1: 246, 288; Т. 2: 536
 Дитерихс Е. К.
 Дитерихс М. К. Т. 1: 117, 149, 151, 157, 164–166, 184, 256, 551, 645, 650, 651, 660, 662–664, 682–684, 686, 687, 799, 814, 817, 824, 825, 873, 874, 998, 1000; Т. 2: 236, 354, 358, 389, 390, 526, 536, 638, 676–678, 819
 Дитц О. Г. Т. 1: 287, 376, 520, 521
 Длусский М. П. Т. 2: 142
 Длусский С. М. Т. 2: 142
 Дмитриевский П. И. Т. 1: 319; Т. 2: 115
 Дмитриев А. А. Т. 2: 303
 Дмитриев А. С. Т. 2: 243
 Дмитриев Г. Н. Т. 1: 287
 Дмитриев Ф. К. Т. 1: 920, 921
 Дмитриев, слушатель Т. 2: 294
 Дмитрий Донской, кн. Т. 1: 16
 Дмоховский В. К. Т. 2: 142
 Добржанский А. Н. Т. 2: 142
 Добржанский В. А. Т. 2: 142
 Добровольский С. Ц. Т. 1: 693
 Доблородский С. К. Т. 2: 793, 794, 814
 Добротворцев П. А. Т. 2: 667
 Добрынин В. В. Т. 1: 580–582, 584, 586, 587, 842, 849, 852; Т. 2: 132, 148, 240, 384, 389, 401, 519
 Добрышин А. Ф. Т. 1: 247, 288; Т. 2: 342, 531, 744, 781
 Добрышин Ф. Н. Т. 2: 457
 Доббор-Мусницкий И. Р. Т. 1: 55, 259, 763, 767, 882, 883; Т. 2: 329
 Довгирд М. А. Т. 1: 245
 Довгирд С. А. Т. 1: 245, 250; Т. 2: 268
 Долгашев Т. 2: 560
 Долгов Д. А. Т. 1: 294, 529–531; Т. 2: 504, 731
 Долгоруков А. Н. Т. 1: 711, 712, 741, 757; Т. 2: 289
 Долгоруков П. А. Т. 1: 989
 Долгушин А. Ф. Т. 2: 102
 Долгушин Н. М. Т. 2: 209
 Доливо-Добровольский Б. И. Т. 1: 192, 193
 Долинский Н. Н. Т. 1: 281, 288, 449; Т. 2: 38, 107, 461
 Долуд А. Д. Т. 1: 749
 Доманевский В. Н. Т. 1: 126, 147, 161, 807
 Домарадский А. В. Т. 2: 651
 Домбровский Я. В. Т. 1: 82
 Домнин И. В. Т. 1: 64
 Доможиров Н. Н. Т. 1: 281, 288, 441, 450, 480, 492, 522, 872, 950–954, 956, 958; Т. 2: 11, 20–22, 32, 36, 39, 40, 42, 47, 48, 50, 222, 345, 376, 377, 379–381, 412, 413, 421, 424, 466, 507, 508
 Домонтович С. А. Т. 2: 429
 Дорман М. А. Т. 2: 302, 309
 Дорман П. Е. Т. 1: 624, 992; Т. 2: 247, 483
 Дорофеев И. В. Т. 1: 281
 Дорофеев К. К. Т. 1: 184, 185, 554
 Дорошевский Н. Ф. Т. 2: 141
 Дорошенко Д. И. Т. 1: 726
 Дорошкевич А. В. Т. 1: 740, 743; Т. 2: 303
 Достовалов Е. И. Т. 1: 55, 511, 543, 637; Т. 2: 245, 407, 793, 794
 Дравниэк И. Т. Т. 2: 601
 Драгомиров А. М. Т. 1: 76, 133, 135, 141, 211, 217, 223, 244, 264, 551, 573, 593, 619, 816, 826, 832, 835, 846–849, 989; Т. 2: 142, 143, 244, 289, 401, 403, 430, 435, 790, 792
 Драгомиров В. М. Т. 1: 76, 104, 137, 205, 244, 552; Т. 2: 790, 792
 Драгомиров М. И. Т. 1: 67, 76, 78, 89, 170, 172, 413
 Драгомирова С. М., см. Лукомская (Драгомирова) С. М.
 Драке В. Л. Т. 2: 27
 Драновский С. Н. Т. 1: 287, 320
 Драценко Д. П. Т. 1: 637, 638, 986; Т. 2: 391, 851, 852
 Дрейер В. Н., фон Т. 1: 55, 94, 106, 199, 250, 286, 571, 601, 621, 624, 833; Т. 2: 128, 138, 365, 366
 Дрейлинг Р. К., фон Т. 2: 136, 796
 Дробыш-Дробышевский Ф. М. Т. 1: 288, 803; Т. 2: 303, 304
 Дроздов К. С. Т. 1: 64
 Дроздов Т. 1: 961
 Дроздовский Л. А. Т. 1: 730, 744; Т. 2: 257
 Дроздовский М. Г. Т. 1: 55, 60, 61, 551, 560, 561, 564, 570, 575, 578, 609, 615, 639, 642, 729, 814, 817, 836–839, 888, 969; Т. 2: 223, 359, 360, 391, 819
 Дроздовский Н. И. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 107, 109
 Дрон В. С. Т. 2: 240, 401
 Дубасов Ф. В. Т. 1: 538
 Дубенский Д. Н. Т. 1: 130
 Дубинин Е. М. Т. 2: 294, 677
 Дубинин Р. И. Т. 1: 287
 Дубинин Т. Д. Т. 1: 281, 294
 Дубинин, капитан Т. 2: 365
 Дубков Н. Н. Т. 2: 424
 Дубов Л. И. Т. 1: 288, 401; Т. 2: 744
 Дубов, рядовой Т. 2: 364
 Дубовик Г. А. Т. 2: 673
 Дудаков П. Р. Т. 2: 155, 156
 Дулов М. А. Т. 1: 281, 288, 401; Т. 2: 220
 Дульцев А. Н. Т. 1: 262, 284, 289
 Думбадзе Г. С. Т. 1: 685; Т. 2: 797
 Думбадзе, адмирал, см. Дубасов Ф. В.
 Думенко Б. М. Т. 1: 621; Т. 2: 405
 Дурасов А. А. Т. 2: 294, 788
 Дурнев Е. Н. Т. 1: 600
 Дурново П. П. Т. 1: 719, 720; Т. 2: 282, 302
 Дуров Б. А. Т. 1: 692–694; Т. 2: 797
 Дутов А. И. Т. 1: 60, 61, 134, 148, 183, 184, 186, 190, 327, 516, 643, 644, 650, 660, 664, 669–671, 675, 799, 810, 825, 826, 839, 871–873, 878, 884, 940, 998, 999; Т. 2: 248, 302, 303, 306, 340, 354–357, 387, 400, 401, 472, 517, 571, 671, 672, 678, 736, 738, 788, 819
 Духовской С. М. Т. 1: 71
 Духонин Н. Н. Т. 1: 28, 117, 157, 160, 163–168, 173, 176, 184, 190, 204, 212, 217, 552, 722, 813; Т. 2: 99, 302, 303, 498
 Душкевич А. А. Т. 1: 287, 512, 537; Т. 2: 393, 490, 833
 Дыбенко П. Е. Т. 1: 173, 177, 386, 495, 496, 726, 897; Т. 2: 608, 688, 717, 763
 Дыдоров К. И. Т. 1: 709, 711, 712
 Дылан С. С. Т. 1: 218, 954
 Дьяков Г. С. Т. 1: 281, 287, 288, 401, 894; Т. 2: 48, 553, 772, 781
 Дьяков С. С. Т. 1: 401
 Дьяконов М. З. Т. 2: 182
 Дьяконов П. П. Т. 1: 252; Т. 2: 737, 738
 Дюкс П. Т. 2: 258
 Дюсиметьер Л. П. Т. 1: 147, 150; Т. 2: 542
 Дюскин В. К. Т. 2: 776
 Дядюша С. И. Т. 1: 740, 743, 744, 747–749, 751, 758; Т. 2: 292, 340, 403, 486, 643, 648, 651
 Евдокимов Е. Г. Т. 1: 981; Т. 2: 591, 755
 Евлогий (Георгиевский), митр. Т. 1: 618
 Евреинов К. Л. Т. 1: 294, 439
 Евстратов М. Т. Т. 1: 870; Т. 2: 203, 250, 788
 Евтимович В. П. Т. 2: 639
 Егоров А. И. Т. 1: 39, 312, 313, 323, 324, 326, 330, 420, 425, 426, 466, 484, 501, 505, 602, 617, 981; Т. 2: 91, 392, 394, 712, 719, 723
 Егоров Н. Т. 2: 54
 Егоров П. В. Т. 2: 194
 Егоров Ф. В. Т. 2: 165
 Егоров, делопроизводитель Т. 1: 315
 Егоров, подполковник Т. 1: 667
 Егорьев В. В. Т. 1: 822

- Егорьев В.Н. Т. 1: 288, 294, 398, 402, 405, 425, 442, 466, 501, 502, 505, 523, 724–726, 822, 930, 935, 950; Т. 2: 15, 80, 95, 127, 132, 150, 374, 398, 410, 449, 465, 491, 494, 510, 626, 762, 783
Едигаров В.-Б. Т. 2: 658
Ежов Н.И. Т. 2: 763
Екабсон Э. Т. 1: 64
Екатерина II, рос. имп. Т. 2: 396
Елизаров Н.С. Т. 1: 287, 398, 417, 433; Т. 2: 605, 618
Елисеев Ф.И. Т. 2: 183
Елчанинов А.Г. Т. 1: 294; Т. 2: 302, 312, 563
Епихов Н.Н. Т. 1: 578
Ерарский Н.В. Т. 1: 264, 986; Т. 2: 75, 240, 288, 289
Еремеев К.С. Т. 1: 177; Т. 2: 25
Еремин А.М. Т. 1: 676
Ермолин П.И. Т. 1: 288, 531, 907; Т. 2: 632
Ермолов А.П. Т. 1: 16
Ермолов Н.Н. Т. 1: 294
Ермолов Н.С. Т. 2: 242
Ерофеев Г.К. Т. 1: 287, 398, 402; Т. 2: 123, 124, 273
Ерохин Т. 1: 183
Ерошевич П.К. Т. 1: 740, 743, 747, 749, 750; Т. 2: 796
Еськов, поручик
Ефимов 2-й Н.И. Т. 2: 678
Ефимов А.А. Т. 2: 595
Ефимов А.Г. Т. 1: 55, 673, 875; Т. 2: 277, 278, 400, 555, 669, 675, 677
Ефимов А.Ф. Т. 2: 220
Ефимов Н.П. Т. 1: 597, 830
Ефремов А.Ф. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 21
Ефтин И.С. Т. 2: 153
Ещенко Н.Д. Т. 1: 744, 749; Т. 2: 486
- Жагун-Линник С.Н. Т. 1: 886**
Жадвойн Н.Л. Т. 1: 678
Жано Л. Т. 2: 293
Жданко Н.Н. Т. 1: 245
Жданко П.Н. Т. 1: 245
Жданов Н.А. Т. 1: 294, 398, 402, 443, 444; Т. 2: 94, 145, 147, 460, 498
Жебрак-Русанович М.А. Т. 2: 360
Желиховский В.И. Т. 1: 751, 752
Желтышев В.А. Т. 2: 115
Жигалин К.М. Т. 1: 676
Жигур Я.М. Т. 2: 765
Жилинский В.А. Т. 1: 693, 694, 698, 701–704; Т. 2: 482
Жилинский Я.Г. Т. 1: 86, 88, 102, 110; Т. 2: 302
Жиров Б.М. Т. 1: 621
Жиряков Н.В. Т. 1: 648
- Жихор К.И. Т. 1: 242; Т. 2: 221, 222, 319, 320, 337
Жихор М.И. Т. 1: 242
Жлоба Д.П. Т. 1: 635, 638, 639; Т. 2: 113
Жнов А.И. Т. 1: 287
Жожикашвили А.Г. Т. 2: 458
Жолынский И.И. Т. 1: 642
Жомини А.-А. Т. 1: 73, 189
Жордания Н.Н. Т. 1: 782
Жуков В.Я. Т. 2: 182, 220
Жуков Г.К. Т. 1: 273; Т. 2: 712, 771, 773, 774, 779
Жуков И.А. Т. 2: 798
Жуков С.А. Т. 1: 642
Жуковский (Жаукаускас) С.К. Т. 1: 774
Жуковский А.Т. Т. 1: 747
- Забегалов Н.Я. Т. 1: 281, 288, 400; Т. 2: 34, 35, 40, 48, 322, 495, 506, 743
Забелин А.Ф. Т. 1: 242
Забелин П.Ф. Т. 1: 242
Заболотный А.М. Т. 2: 437
Завгородний М.А. Т. 2: 172
Загचेев Н.Г. Т. 2: 437
Загоруйко М.В. Т. 1: 27
Загребин А.Д. Т. 1: 294
Загородский А.А. Т. 2: 794
Загю Мария Михайловна Т. 2: 426
Загю Михаил Михайлович Т. 1: 117, 169, 215, 242, 386, 518, 519, 544, 920, 931, 933; Т. 2: 319, 426, 451, 501, 605, 608, 618, 626, 772, 777, 811
Загю Н.М. Т. 1: 242; Т. 2: 811
Зайончковская О.А. Т. 2: 336, 739
Зайончковский А.М. Т. 1: 108, 137, 307, 520, 531, 533, 537, 810, 923, 930, 935, 967, 971–973, 978; Т. 2: 229, 319, 329, 335–337, 459, 553, 626, 736, 739, 740, 744, 750, 753
Зайончковский П.А. Т. 1: 26, 70
Зайцев В.Н. Т. 2: 313
Зайцев И.М. Т. 1: 675; Т. 2: 109, 116, 296, 524, 738, 739
Зайцов А.А. Т. 1: 21, 98, 328, 342–345; Т. 2: 554, 737, 738
Зайченко З.И. Т. 1: 221, 287, 475, 917, 935; Т. 2: 111, 118, 343, 465, 744
Зако, слушатель Т. 2: 58
Закс Г.Д. Т. 2: 583, 596
Залежский В.Н. Т. 2: 56, 63, 577, 614
Залесский В.Д. Т. 2: 601
Залесский П.И. Т. 1: 89, 93, 97, 125, 608, 622, 738; Т. 2: 483, 793
Зальф А.А. Т. 1: 294
Замбрицкая М. Т. 2: 343, 391
Замбрицкий Б.А. Т. 1: 242
Замбрицкий В.А. Т. 1: 56, 106, 191, 200, 201, 242, 294, 513, 570, 571, 582,
- 583, 594, 620, 622, 635, 640–642, 659, 814, 964, 965; Т. 2: 8, 76, 81, 193, 343, 366, 367, 385, 391, 404, 493, 512, 524, 846, 850
Занкевич М.И. Т. 1: 125, 126, 128, 410, 645; Т. 2: 116, 219
Запольский В.Ф. Т. 2: 240
Запорожец А.Ф. Т. 1: 261
Заремба Т. 1: 237
Зарецкий, чиновник Т. 2: 365
Зарин А.Д. Т. 1: 159
Зарин Н.Д. Т. 1: 158, 220, 252; Т. 2: 302
Зарубаев В.Н. Т. 2: 777
Зарубин Н.А. Т. 1: 522, 523, 821
Затеплинский В.К. Т. 1: 294; Т. 2: 115, 179, 777, 778
Захариадзе А.К. Т. 1: 784, 786, 788; Т. 2: 679
Захаров В.Е. Т. 2: 209
Захаров И.А. Т. 1: 294
Захаров И.Н. Т. 1: 312–314
Захаров М.В. Т. 1: 21, 56; Т. 2: 624, 761, 770, 775
Захаров П.А. Т. 1: 281, 288
Захаров П.М. Т. 2: 744, 762, 781
Заходякин Н.Н. Т. 2: 196, 303
Защепин В.И. Т. 2: 461
Защук И.И. Т. 1: 128, 287, 329
Заяц Н.А. Т. 1: 41
Звегинцев Н.И. Т. 2: 121
Звиргзд К.А. Т. 2: 195, 254, 303
Звонарев К.К. Т. 1: 109
Зданович, полковник, см. Зинкевич М.М.
Зданович А.А. Т. 1: 37
Зейбот А.Я. Т. 2: 228
Зейфарт А.А. Т. 1: 76
Зеленый (Терпило Д.И.) Т. 1: 43
Земцов М.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 220, 449, 458
Земцов С.И. Т. 2: 182, 192, 193
Зензинов В.М. Т. 1: 862, 864, 867
Зентиг Т. 2: 364
Зерен Б.А. Т. 1: 989
Зиверт В.Г. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 21–23, 48, 220, 222
Зильберберг, рядовой Т. 2: 364
Зильберман К.Н. Т. 1: 287, 399, 401; Т. 2: 798
Зимин В.А. Т. 1: 583; Т. 2: 240
Зимин Н.А. Т. 2: 631
Зиневич Б.М. Т. 1: 688, 874
Зинкевич М.М. Т. 1: 794, 796; Т. 2: 391, 657
Зиновьев Г.В. Т. 2: 100
Зиновьев Г.Е. Т. 1: 834, 927, 941, 979, 973; Т. 2: 34, 283, 325, 719
Златолинский В.А. Т. 2: 532, 754
Злобин Р.В. Т. 1: 799; Т. 2: 852

Змиенко В.Е. Т. 1: 61, 744, 746, 759, 886; Т. 2: 403, 486
Золотарев М.И. Т. 2: 240
Зотов В.М. Т. 2: 293
Зотов С.А. Т. 2: 594
Зубковский С.А. Т. 2: 794
Зубов С.А. Т. 1: 287
Зуев Д.Д. Т. 2: 635, 739
Зуев Д.П. Т. 1: 138
Зуев И.В. Т. 2: 549
Зуев Т. 1: 161
Зуевы Т. 1: 47; Т. 2: 739
Зундблад А.О. Т. 1: 244, 275, 519; Т. 2: 426
Зундблад Г. Т. 2: 426
Зундблад Т. 1: 244
Зусманович Г.М. Т. 1: 426
Зыгадлович Г. Т. 2: 654

Ивакин А.В. Т. 1: 874
Иван III, кн. Т. 1: 16
Иван IV Грозный Т. 1: 970; Т. 2: 511
Иван Калита Т. 1: 970
Иваненко М.М.
Иваненко О.М. Т. 1: 819
Иванов А.Г. Т. 2: 303
Иванов Б.М. Т. 2: 10, 337, 461
Иванов В.М. Т. 2: 142
Иванов В.П. Т. 1: 193
Иванов Г.К. Т. 1: 281, 294; Т. 2: 21, 164, 166, 196
Иванов Г.С. Т. 2: 165, 594, 595
Иванов Е.Д. Т. 2: 142
Иванов К.В. Т. 1: 287; Т. 2: 743
Иванов Н.В. Т. 1: 281, 784
Иванов Н.И., ген. Т. 1: 117, 124, 126, 130, 552
Иванов Н.И., преподаватель Т. 2: 633
Иванов, генштабист Т. 1: 449
Иванов, есаул Т. 2: 255
Иванов, подполковник Т. 2: 276
Иванов, полковник Т. 2: 274
Иванов, чекист Т. 2: 168, 169
Иванов-Дивов Александр В. Т. 1: 244; Т. 2: 258
Иванов-Дивов Анатолий В. Т. 1: 244
Иванов-Ринов П.П. Т. 1: 650, 861
Ивановский В.А. Т. 1: 287, 477; Т. 2: 220–222, 319, 322, 507
Ивановский К.В. Т. 1: 287
Ивановский К.И. Т. 2: 673
Ивановский Н.М. Т. 2: 294
Ивановский Н.Н. Т. 1: 812; Т. 2: 294, 673, 677
Ивановский С.С. Т. 1: 311, 312, 401; Т. 2: 511, 538
Ивановский, подполковник Т. 2: 673
Ивановский, чиновник Т. 1: 862

Ивасиов Я.К. Т. 1: 281, 287, 488; Т. 2: 392, 552, 798, 834
Ивасюк Т. 1: 445
Иващенко М.И. Т. 2: 183
Игнатов Т. 1: 978
Игнатьев А.А. Т. 1: 38; Т. 2: 219, 772, 776, 782, 783
Игнатьев В.И. Т. 2: 270
Игнатьев Н.Н. Т. 2: 797
Игнатьев П.А.
Игнатьева Т. 1: 171
Изергин М.И. Т. 1: 55, 181, 514, 676
Измайлов С.М. Т. 2: 788
Измествей П.И. Т. 1: 78, 294, 525, 526, 533; Т. 2: 229, 753, 754
Изяславский Т. 1: 323
Илинский С.П. Т. 1: 288
Ильин Е.П. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 15
Ильин И.С. Т. 1: 219, 650, 656, 662, 860, 861, 868, 869; Т. 2: 104
Ильин С.И. Т. 2: 54, 164, 166, 182
Ильин-Женевский А.Ф. Т. 1: 177
Ильичев А.Н. Т. 2: 600
Илькевич Н.А. Т. 1: 593; Т. 2: 144, 145
Ильф И.А. Т. 1: 624
Ильяшев С.А. Т. 1: 19, 21, 24, 25
Инно (Кульдвер) А.А. Т. 1: 891, 893; Т. 2: 834
Иностранцев А.А. Т. 1: 245
Иностранцев К.А. Т. 1: 245
Иностранцев М.А. Т. 1: 55, 57, 179, 183, 192, 245, 610, 646, 650, 654, 660, 662, 664, 665, 682, 684, 808; Т. 2: 11, 105, 252, 474, 500, 563, 567, 792
Иозефович Ф.Д. Т. 1: 391; Т. 2: 8, 303, 306
Иолшин Н.М. Т. 2: 744
Ионов А.М. Т. 1: 186
Иоффе А.А. Т. 1: 195–197; Т. 2: 219, 220
Ипатьев Н.Н. Т. 2: 294
Исаев Е.И. Т. 1: 281, 288, 531, 950, 953–956; Т. 2: 21, 41, 42, 44, 46–48, 50, 79, 413, 416–422, 496
Искрицкая (фон Кнорринг) Е.А. Т. 1: 273
Искрицкий Е.А. Т. 1: 222, 272; Т. 2: 510, 511

Кабалов А.И. Т. 1: 245, 287; Т. 2: 744
Кабалов И.И. Т. 1: 245, 312
Кавернинский В.И. Т. 1: 737
Кавтарадзе А.Г. Т. 1: 13, 25, 26, 64, 70, 118, 137, 286, 312, 344, 346–348, 350, 351, 378, 386, 405, 426, 557; Т. 2: 32, 117, 786, 812
Кадников Н.И. Т. 1: 281, 288, 456; Т. 2: 21, 532

Кадомский Д.П. Т. 2: 117, 468, 522, 523, 723, 724, 743, 744
Кадошников А.Ф. Т. 1: 287, 329, 530, 531
Кадыкин В.П. Т. 2: 240
Казаков С.М. Т. 1: 288
Казанович Б.И. Т. 1: 55, 231, 559, 570, 572, 575, 836; Т. 2: 117, 237, 268–270, 455, 468
Казий, подпоручик Т. 2: 365
Казинцев Т. 1: 583
Кайгородов М.Н. Т. 2: 302
Какурин Н.Е. Т. 1: 41, 211, 263, 265, 607, 730, 736, 738, 755, 756, 758, 759, 885, 892, 936; Т. 2: 193, 204, 205, 292, 393, 394, 395, 398, 602, 605, 608, 665, 666, 685, 723, 750–752, 756, 762, 766, 810, 834
Калаушин А.М. Т. 2: 677
Калашников К.К. Т. 1: 312
Каледин А.М. Т. 1: 59, 60, 110, 148, 152, 184, 185, 190, 280, 552, 558, 799, 810, 825, 939, 940, 998; Т. 2: 800, 819
Каликин Е.В. Т. 2: 333
Калиненко Ю.Г. Т. 2: 205
Калинин И.М. Т. 1: 852
Калинин М.И. Т. 1: 952, 958, 991; Т. 2: 47, 48, 593, 742
Калинин Н.П. Т. 1: 578
Калинин С.А. Т. 2: 625
Калинин, опрошенный Т. 2: 169
Калиновский К.Т. Т. 1: 581, 604, 605
Калнин О.Ю. Т. 2: 225
Калнынь О.А. Т. 2: 600
Кальницкий М.Н. Т. 2: 797
Калюжный И.С. Т. 1: 287
Калюжный Р.Г. Т. 1: 32
Каменев Л.Б. Т. 1: 948; Т. 2: 719, 721
Каменев С.С. Т. 1: 59, 207, 222, 229–231, 287, 330, 398, 403, 418–422, 425, 428, 474, 476, 482, 487, 493, 501–509, 511, 513, 535, 536, 541, 546, 550, 892, 893, 918–920, 924–927, 929–932, 935–937, 940, 943, 945–947, 950, 951, 957, 962, 969, 991, 995; Т. 2: 91, 198, 327, 381, 392–395, 397, 410, 411, 414, 497, 508, 523, 525–528, 532, 607, 626, 628, 664, 685, 710, 712, 715, 722–725, 736, 750, 760, 764, 783, 810, 812, 834, 835
Каменева В.Ф. Т. 2: 381
Каменева Н.С. Т. 2: 381
Каменский А.З. Т. 1: 905, 906
Каменский М.П. Т. 1: 319, 386, 529, 533; Т. 2: 753, 754
Каменский С.Н. Т. 2: 618
Каменщиков В.В. Т. 1: 179
Каминский В.В. Т. 1: 39, 41, 348, 349
Камкин Н.И. Т. 1: 281, 288, 400, 401, 820, 821; Т. 2: 553, 724

Камнев (Петерс) В.Н. Т. 2: 549
Камо (Тер-Петросян С.А.) Т. 2: 684
Канабеев Л.Н. Т. 2: 254
Канаян Д. (Дро) Т. 1: 792
Кангелари В.А. Т. 2: 60, 66, 597
Кандауров Д.Л. Т. 2: 8, 9, 242
Канненберг В.Р. Т. 1: 135; Т. 2: 425, 579, 618
Кантор Ю.З. Т. 1: 36
Каньшин П.П. Т. 2: 107, 744
Капелька, капитан Т. 1: 554
Каплинский В.В. Т. 2: 163
Капнин К.Л. Т. 1: 56, 222, 256, 272, 561, 571, 572, 574–576, 642, 733, 738, 837; Т. 2: 124, 386, 477, 800
Капнист Г. Т. 2: 509
Капошин П.П. Т. 2: 692
Каппель (Строльман) О.С. Т. 2: 339, 340
Каппель В.О. Т. 1: 60–62, 201, 287, 300, 551, 645, 646, 652, 662, 663, 684, 687, 689, 690, 799, 832, 873, 874; Т. 2: 101, 103, 104, 115, 163, 265, 272, 339, 340, 399, 474, 531, 555, 565, 668, 669, 674, 676, 798, 808, 819
Капустин Н.Я. Т. 1: 126, 530, 533; Т. 2: 337, 563, 626, 750
Капустянский Н.А. Т. 1: 55, 61, 723, 744, 746, 748–751, 753, 757, 758, 823, 882, 886, 888; Т. 2: 292, 403, 486
Капутовский А.К. Т. 2: 788
Карасев Н.И. Т. 2: 191
Карась, бандит Т. 2: 665, 834
Каратов-Караулов Н.А. Т. 2: 743
Каратыгин П.П. Т. 1: 312, 510; Т. 2: 723, 724
Карахан Л.М. Т. 1: 195, 196; Т. 2: 231, 271
Карбышев Д.М. Т. 2: 626
Каргалетелли (Каргалетели) В.Д. Т. 1: 779, 780, 783, 785; Т. 2: 682–684
Карганов Н.А. Т. 1: 281
Каргин К.Л. Т. 2: 356
Кардашенко А.Н. Т. 1: 258, 574, 575; Т. 2: 801
Каревский А.А. Т. 1: 30
Кареев Б.П. Т. 1: 90, 91
Кареев И.Л. Т. 2: 509
Кареев Л.М. Т. 2: 508, 509
Кареева Н.Д. Т. 1: 47
Кареева О.М. Т. 2: 508
Карепов Н.Н. Т. 1: 329; Т. 2: 112, 113; Т. 2: 147
Карклин В.Я. Т. 1: 294, 401
Карл XII Т. 1: 266
Карлсон К.-Р.-Г.К. Т. 1: 306, 719; Т. 2: 96, 113
Карпенко А.С. Т. 1: 215, 525; Т. 2: 156, 530, 743

Карпинский Н.В. Т. 1: 593
Карпов В.И. Т. 2: 283
Карташов Н.А. Т. 1: 462
Карцов (Карцев) В.А. Т. 1: 244, 645
Карцов (Карцев) П.А. Т. 1: 244
Карягин Г.Б. Т. 1: 313; Т. 2: 52
Карякин И.И. Т. 2: 608
Касаткин В.Н. Т. 1: 12, 183, 646, 799, 806, 817, 818, 858, 876; Т. 2: 429, 430, 557, 563
Касаткин Л.Л. Т. 2: 668, 670
Катанаев А.В. Т. 1: 867
Катков Г.М. Т. 1: 123
Каульбарс А.В. Т. 1: 93, 118; Т. 2: 788
Качазнуни (Каджазнуни) О.М. Т. 1: 793
Каширин В.Б. Т. 1: 64
Каширин Н.Д. Т. 2: 100, 763, 766
Кашперов К.В. Т. 2: 178, 183, 209
Кашуба И.С. Т. 1: 706; Т. 2: 186, 187, 303
Квевинский М.Ф. Т. 1: 138, 698–701, 704, 705, 854, 855; Т. 2: 482
Квинтадзе Г.И. Т. 1: 55, 61, 782, 783, 785, 788; Т. 2: 679
Квитницкий Л.В. Т. 2: 302, 319
Кедров М.С. Т. 1: 161, 162, 177, 225, 246, 402, 410, 509, 811, 899, 900, 928, 955, 959; Т. 2: 42, 44–46, 231–233, 302, 323–326
Кедров С.А. Т. 1: 246
Келлер Ф.А. Т. 1: 363, 373, 723, 758; Т. 2: 520
Келчевский А.К. Т. 1: 56, 78, 79, 223, 562–566, 569, 580, 584–587, 592, 603, 606, 849, 851, 852, 884; Т. 2: 75, 195, 384, 518, 519, 640, 793
Келчевский Е.А. Т. 1: 725
Кеппен А.Г. Т. 1: 288
Керенский А.Ф. Т. 1: 127, 134, 136, 137, 139, 146, 148–151, 153, 154, 156, 158, 159, 161, 163, 167, 171, 173, 183, 189, 203, 218, 220, 228, 237, 246, 314, 610, 693, 694, 809, 941, 942; Т. 2: 147, 177, 182, 183, 324, 442, 543, 766
Керсновский А.А. Т. 1: 97
Кизельбаш В.Р. Т. 2: 52
Киквидзе В.И. Т. 1: 494, 902; Т. 2: 123, 155
Кирдецов Г.Л. Т. 1: 713
Кириченко М.В. Т. 2: 677
Кирмель Н.С. Т. 1: 30, 37, 64
Киров С.М. Т. 1: 943; Т. 2: 396
Кирпичников А.В. Т. 1: 281, 288, 399; Т. 2: 34, 35, 522, 553, 686, 724, 750, 761, 770, 772, 777
Кирпичников Т.И. Т. 1: 134
Кирпотенко С.А. Т. 1: 642
Кирсановы, братья Т. 2: 364

Кириянов Л.И. Т. 1: 577
Киселев Н.А. Т. 1: 281, 294, 884; Т. 2: 108, 250
Киселевский Н.М. Т. 1: 138, 606
Кисис Т. 2: 416, 418
Кислицин В.А. Т. 1: 653
Кислов А.И. Т. 1: 141, 750
Кислов Г.Я. Т. 1: 578, 580, 582, 603; Т. 2: 76, 303
Кисляков В.Н. Т. 1: 151, 153; Т. 2: 303
Китаев, коммунист Т. 2: 364
Кияшко А.И. Т. 1: 186; Т. 2: 302, 303
Киященко Г.Т. Т. 2: 563, 568
Клаузевиц К.Ф.Г., фон Т. 1: 72; Т. 2: 527, 753, 804
Клееберг Ф. Т. 2: 654
Клейст, полковник Т. 1: 883
Клемансо Ж. Т. 2: 818
Клембовская М.А. Т. 2: 331
Клембовский А.-О.Н. Т. 2: 331
Клембовский В.Н. Т. 1: 89, 117, 135, 150, 153, 240, 247, 294, 527, 529–531, 923, 967, 968, 972–974, 978; Т. 2: 243, 303, 306, 329, 330–334, 336, 337, 382, 404, 454, 503, 505, 812
Клембовский Г.В. Т. 1: 240; Т. 2: 812
Клембовский Н.Н. Т. 2: 331
Клементьев В.Ф. Т. 2: 333
Клеменц А.А. Т. 1: 294
Клерже Г.И. Т. 1: 55, 153, 192, 227, 680, 833, 834; Т. 2: 75, 154, 303, 513
Клещинский (Клещинскас) К.К. Т. 1: 775; Т. 2: 516, 734
Климовецкий А.К. Т. 1: 282, 294; Т. 2: 39
Климович А.К. Т. 2: 575, 577, 580, 583, 584, 614, 632, 744, 750
Климович Е.К. Т. 1: 623
Климовских В.Е. Т. 1: 893; Т. 2: 397, 553, 772, 778–780
Климонтович Л.Н. Т. 2: 184
Климушкин П.Д. Т. 1: 855
Клочко И.Г. Т. 2: 604
Клуге К.И. Т. 2: 52, 673
Клюев Л.Л. Т. 1: 287, 329, 425, 466, 533, 891; Т. 2: 398, 762, 772, 777, 810
Клюев Н.А. Т. 1: 698, 700, 706; Т. 2: 788
Кныш А.М. Т. 2: 139
Княгиницкий П.Е. Т. 1: 417; Т. 2: 625
Княжевич Т. 1: 966
Кобозев П.А. Т. 1: 418
Кобылецкий Ю.И. Т. 2: 131, 661
Ковалев М.А. Т. 1: 587; Т. 2: 519, 535
Ковалев, следователь Т. 2: 200
Ковалев, фигурант дела Т. 2: 255
Ковалевский (Ковалевский-Русский) Б.Н. Т. 1: 227, 812, 813; Т. 2: 296

- Ковалевский А.Н. Т. 1: 287, 935, 940;
Т. 2: 96, 133, 222, 223, 266, 302, 312, 353
Ковалевский С.И. Т. 2: 633
Коваль-Медзвецкий Н.А. Т. 1: 376,
744; Т. 2: 403, 486
Ковальчук М.А. Т. 1: 30, 64, 728, 751,
758
Ковригин А.И. Т. 2: 24
Ковшов В.Д. Т. 2: 600
Коган Л. Т. 2: 364
Кожевников А.В. Т. 1: 376, 522;
Т. 2: 743
Кожевников И.С. Т. 1: 436; Т. 2: 534
Козаков В.Г. Т. 1: 288; Т. 2: 508
Козлов И.И. Т. 1: 648; Т. 2: 511, 512
Козловский А.Н. Т. 2: 664
Козловский С.С. (С.Р.К.С.) Т. 1: 376,
521
Козловский Э.И. Т. 2: 58, 59, 63,
575–577, 614
Козловский, сотник Т. 2: 652
Колегов С.Н. Т. 2: 11, 162, 163, 166, 167
Коленковский А.К. Т. 1: 287, 399, 401,
403, 501, 894; Т. 2: 626, 750, 753, 772, 777
Колесников А.П. Т. 2: 165, 166, 167,
209, 250, 251, 667
Колесников Г.Г. Т. 1: 615
Колесников И.С. Т. 2: 832
Колесников Н.В. Т. 2: 93, 94
Колесников Т. 2: 27
Колесниченко А.И. Т. 2: 177
Коллонтай А.М. Т. 1: 495
Колодеев Ф.А. Т. 1: 744; Т. 2: 403
Колосов А.В. Т. 1: 531
Колосовский В.В. Т. 1: 744, 823, 887;
Т. 2: 255, 257
Колтышев П.В. Т. 1: 560, 837, 838;
Т. 2: 797
Колчак А.В. Т. 1: 16, 37, 50, 51, 57,
62, 92, 201, 207, 227, 237, 244, 245,
269, 274, 280, 309, 332, 345, 348, 361,
362, 471, 474, 482, 490, 501–503, 511,
516, 526, 532, 542, 543, 551, 568, 587,
588, 599–602, 610, 644, 649–652,
654–656, 658–673, 679, 681, 684–690,
697, 708, 796, 800, 811, 814, 817, 818,
827, 829, 834, 845, 854, 856, 860, 861,
864, 867–877, 884, 888, 939, 945, 946,
948, 950, 953, 954, 956, 960, 963, 965,
970, 999; Т. 2: 108, 111, 117, 125, 126,
148, 149, 152, 153, 155, 158–160, 163,
165–169, 171, 172, 174–181, 183, 184,
187, 189–191, 195, 197, 198, 201, 204,
206–209, 211–213, 231, 235, 242, 243,
250, 252–254, 258, 278, 279, 305, 306,
329, 334, 346, 347, 354, 357, 359, 384,
389, 393, 399, 408, 409, 430, 433, 458,
459, 472–474, 513, 524, 525, 530, 536,
552, 564–567, 569–571, 581, 585, 599,
659, 667, 668, 670–673, 677, 694, 733,
745, 752, 771, 772, 776, 797, 808, 829,
832, 834, 839, 845
Колчин А.Г. Т. 2: 182
Колчинский А.А. Т. 1: 557
Кольшмидт В.Б. Т. 2: 744
Колюбакин А.М. Т. 2: 436
Колюбакин Б.М. Т. 2: 203, 390, 471,
563, 568, 570, 572, 573
Комаров Я. Т. 2: 508
Комарова Е. Т. 2: 508
Конде, принц Т. 1: 211
Кондзеровский (Кондырев) П.К.
Т. 1: 123, 137, 248, 294, 709, 712, 877;
Т. 2: 340, 532
Кондратенко, мичман Т. 2: 286
Кондратович Л.Л. Т. 2: 296, 297
Кондратьев Б.Н. Т. 1: 510, 891;
Т. 2: 553, 686, 725, 772, 777
Кондратьев В.И. Т. 1: 518, 799
Кондрусев С.М. Т. 2: 780
Коновалец Е.М. Т. 1: 751
Коновалов А.Н. Т. 1: 443; Т. 2: 115
Коновалов Г.И. Т. 1: 134, 624, 625, 635,
637, 639, 640, 641, 853, 985
Коновалов П.И. Т. 1: 578, 603, 617
Кононов (Кононов-Кононович) К.Л.
Т. 2: 677, 797
Кононов А.С. Т. 2: 164, 166
Корвин-Круковский А.В. Т. 2: 144
Корелов А.А. Т. 1: 440, 454; Т. 2: 377
Корженевский Н.Л. Т. 2: 633
Корзин, см. Корзун Н.П.
Корзун Н.П. Т. 1: 376, 522; Т. 2: 253
Корицкий Н.И. Т. 1: 483
Корк А.И. Т. 1: 23, 60, 216, 425, 465,
466, 494, 510, 771, 806, 807, 893, 935,
936, 939; Т. 2: 393, 394, 397, 411, 412,
446, 467, 686, 724, 725, 760, 763–765,
810, 835, 836
Корнилов Л.Г. Т. 1: 25, 28, 49, 60, 61,
76, 80, 81, 106, 117, 120, 130, 134, 135,
138, 139, 142–144, 146–154, 156–158,
160, 163, 166–168, 173, 203, 204, 208,
210, 212, 225, 246, 247, 253–255, 257,
259, 378, 551–560, 563, 585, 586, 639,
642, 722, 799, 816, 826, 827, 832, 834–
836, 839, 840, 888, 940, 998; Т. 2: 30, 147,
156, 261, 318, 354, 355, 407, 481, 513,
514, 519, 805, 806, 819
Корницкий В.О. Т. 1: 970
Короваев А.И. Т. 1: 622; Т. 2: 385
Короленко В.Г. Т. 1: 823
Корольков В.М. Т. 2: 732
Корольков Г.К. Т. 1: 287, 327, 531, 820;
Т. 2: 534, 535, 744
Корольков Ф.И. Т. 2: 303
Короченцев В.В. Т. 2: 401
Корсун Н.Г. Т. 1: 530, 531, 960;
Т. 2: 220, 507, 618, 750, 753, 772, 777
Кортацци Г.И. Т. 1: 616
Корчаков-Сивицкий В.В. Т. 2: 794
Косаговский В.А. Т. 2: 302
Косач Т.С. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 17, 28,
220
Космаенко И.П. Т. 1: 791
Косматов А.В. Т. 1: 172, 173, 287, 399,
891, 893, 936; Т. 2: 691
Космин (Косьмин) В.Д. Т. 1: 286, 294,
876; Т. 2: 399
Косогоров Н.И. Т. 1: 312; Т. 2: 220, 226
Косоногов, полковник Т. 2: 287
Костанди Л.В. Т. 1: 134, 198, 275, 294,
319, 698, 702–706, 829, 963, 986–988;
Т. 2: 174, 186, 303, 306, 366, 401, 402
Костенко В. Т. 2: 508
Костенко М.Ф.
Костиль М.И. Т. 2: 523
Костров С.И. Т. 2: 100, 203, 400, 788
Кострюков И.Т. Т. 2: 302
Костяев Ф.В. Т. 1: 220, 252, 288, 329,
423, 448, 485, 524, 535, 892, 918, 925,
926, 930, 935, 937, 945, 946, 950, 953,
954, 956, 957, 960; Т. 2: 21, 26, 27, 42, 44,
48, 103, 111, 248, 311, 321, 324, 325, 373,
398, 412, 413, 418, 421, 425, 447, 466,
492, 521, 616, 731, 740, 744, 810
Костяева О.А. Т. 2: 324
Косьяков В.А. Т. 1: 287
Котельников А.А. Т. 2: 131, 147
Котен А.Ф., фон Т. 2: 303
Котенко Т. 2: 365
Коткин С. Т. 1: 44
Котляревский И.П. Т. 1: 823
Котляревский С.А. Т. 1: 531
Котович М.А. Т. 1: 645
Котовский Г.И. Т. 1: 61
Котомин В.В. Т. 1: 464, 465, 679, 800;
Т. 2: 599, 600
Коханов Н.И. Т. 2: 26, 563, 572, 573
Кохно Е.А. Т. 1: 736, 737
Кочик В.Я. Т. 1: 37
Кравец Г.М. Т. 2: 166
Кравков В.П. Т. 1: 92
Кравцов С.Н. Т. 2: 179
Кравченко А.Д. Т. 2: 359
Крадюковы, братья Т. 2: 364
Краковецкий А.А. Т. 2: 294
Красильников И.Н. Т. 1: 862, 864
Красильников С.Н. Т. 2: 730
Красин Л.Б. Т. 1: 538
Красицкий Н.Ф. Т. 1: 887; Т. 2: 180, 777
Краснов В.Г. Т. 1: 36, 506
Краснов Н.Н., сын Т. 1: 59
Краснов Н.Н. Т. 1: 59
Краснов П.Н. Т. 1: 59, 60, 62, 159, 160,
183, 199, 200, 228, 389, 578, 580, 581,

584–586, 594, 600, 799, 825, 828, 833,
839–842, 940, 946, 998; Т. 2: 7, 8, 348,
354, 405, 406, 574, 735, 793, 796, 819
Краснов С.Н. Т. 1: 59
Краснова Л.Ф.
Крат Н.С. Т. 2: 434
Кребс Г.Т. 2: 771
Крейтер В.В. Т. 1: 825; Т. 2: 240, 247,
248, 388, 401
Кремляков П.В. Т. 1: 376
Крестинский Н.Н. Т. 1: 955
Крестьянов Г.П. Т. 1: 884; Т. 2: 552, 836
Кривенко В.В. Т. 1: 723
Кривоуцкий Г.И. Т. 1: 642
Кривошеин Т. 2: 108
Кривцов Б.Г. Т. 1: 242; Т. 2: 163
Кривцов Н.Г. Т. 1: 242; Т. 2: 163
Кривченко П.А. Т. 1: 282, 288, 400
Кругликов, полковник Т. 1: 961
Крузе А.Я. Т. 1: 50, 51, 893; Т. 2: 111,
160–162, 400, 407, 552, 772, 775
Крузенштерн К.А., фон Т. 1: 245, 707,
829; Т. 2: 390
Крузенштерн Н.Ф., фон Т. 1: 248
Крузенштерн О.А., фон Т. 1: 91, 245,
707
Крупенский, полковник Т. 2: 142
Крутиков Н.А. Т. 1: 38; Т. 2: 196, 303
Кручинин А.С. Т. 1: 30, 64, 967;
Т. 2: 788
Крыжановский В.В. Т. 1: 618
Крыленко Н.В. Т. 1: 160, 164–169, 173,
175, 177–179, 188, 195, 196, 207, 212,
237, 384, 386, 724–726, 808, 897, 973;
Т. 2: 134
Крылов П.Н. Т. 2: 294
Крымов А.М. Т. 1: 93, 149, 150, 151,
153, 154, 160, 807
Крюгер А.И. Т. 1: 287, 811; Т. 2: 100,
101, 103
Крячков, комиссар Т. 2: 428
Кудря Ф.Е. Т. 1: 726
Кудрявцев А.Ф. Т. 2: 348
Кудрявцев Н.А. Т. 2: 530
Кудрявцев, генштабист Т. 2: 663
Кудрявцев, начальник штаба дивизии
Т. 1: 496; Т. 2: 80
Кузнецов Б.И. Т. 1: 282, 294, 822, 894,
929, 949, 950, 953, 954, 956, 958, 960;
Т. 2: 26, 42, 44, 46–48, 50, 108, 220, 222,
313, 552, 553, 678, 680, 682, 724, 725,
761, 772, 777, 836
Кузнецов Г.Н. Т. 1: 604
Кузнецов К.Д. Т. 2: 302
Кузнецов М.Н. Т. 2: 117, 180, 772, 777
Кузнецов С.А. Т. 1: 250, 297, 299, 303,
310, 421, 429, 530, 531; Т. 2: 96, 221, 272,
273, 303, 426, 446, 451, 535, 602, 605
Кузьмин А.Г. Т. 1: 288

Кузьмин Н.Н. Т. 1: 439, 508, 702, 915,
916, 918, 987, 988; Т. 2: 425
Кузьмин-Караваев А.Д. Т. 2: 303
Кузьмин-Караваев Д.Д. Т. 1: 248
Кузьминский А.Ф. Т. 1: 744; Т. 2: 257
Куйбышев В.В. Т. 2: 721
Куйбышев Н.В. Т. 2: 625, 770
Кук А.И. Т. 1: 100, 282, 287, 400, 401,
893; Т. 2: 220, 228, 552, 608, 626, 662,
724, 725, 810, 836
Кулабухов А.И. Т. 1: 843
Кулешин С.И. Т. 1: 117; Т. 2: 354, 799
Кулешов Г.И. Т. 2: 176, 208
Куликов П.В. Т. 1: 282; Т. 2: 397
Куликовский Н.И. Т. 2: 85
Куликовский Ю.И. Т. 1: 768
Куль Г.Т. 2: 753
Кульжинский С.Н. Т. 1: 744; Т. 2: 403
Кун Б. Т. 2: 795
Кун В.Н. Т. 2: 633
Кунец, старший унтер-офицер
Т. 2: 364
Куновский Т. 1: 449; Т. 2: 302
Куприн А.И. Т. 1: 833, 973, 974;
Т. 2: 812
Куприянов В.А. Т. 1: 464, 882, 886,
893, 894
Курганов Ф.Ф. Т. 2: 668
Куреш С. Т. 2: 306
Курлов П.Г. Т. 1: 91
Курманович В. Т. 1: 756
Куропаткин А.Н. Т. 1: 16, 61, 67, 69, 86,
93, 110, 134, 819; Т. 2: 462
Курский Д.И. Т. 1: 418, 976, 977;
Т. 2: 159
Кусов В.Н. Т. 2: 159, 668
Кусонский П.А. Т. 1: 164, 167, 168,
264, 573; Т. 2: 71, 72, 124, 141, 142, 288,
386, 801
Кусонский П.М. Т. 1: 294
Кутателадзе Г.Н. Т. 1: 61; Т. 2: 681, 763
Кутепов А.П. Т. 1: 625, 637, 638, 639,
642, 843, 846, 853, 966; Т. 2: 113, 361,
431, 736–738
Кутырев Г.Я. Т. 1: 247, 282, 288, 400,
462, 488; Т. 2: 11, 14, 32, 36, 40, 44,
46–48, 220, 222, 224, 325, 375
Кутяков И.С. Т. 1: 492, 495, 509;
Т. 2: 183, 184, 766
Кучек-хан Т. 2: 683
Кушелевский А.В. Т. 1: 711
Куц В.М. Т. 1: 744, 748, 749, 751;
Т. 2: 77, 83, 403, 486, 651
Кшесинская М.Ф. Т. 1: 162
Кюльман Ф. Т. 2: 753
Кюрениус Э.К. Т. 1: 152
Кюрц И.Р. Т. 2: 285
Кюрц М.(Ж.)И. Т. 2: 285

Лаверь Ж.Ф.А.М.Г. Т. 2: 265
Ладнов И.К. Т. 1: 376
Ладьженский Г.М. Т. 1: 294
Лазарев М.П. Т. 2: 240
Лазарев, комиссар Т. 2: 377
Лазаревич В.С. Т. 1: 236, 425, 496–498,
510, 531, 893; Т. 2: 393–395, 412, 524,
562, 626, 627, 686, 810, 836, 837
Лазаренко-Дедковский
(Лазаренко-Дидковский) М.М.
Т. 1: 743, 744, 748, 750, 760, 823
Лазари А.Н., де Т. 1: 93, 397, 399, 401;
Т. 2: 327, 438, 753, 772, 781
Лазимир П.Е. Т. 1: 177; Т. 2: 560
Лазо С.Г. Т. 1: 207
Лайдонер И.Я. Т. 1: 60, 61, 286, 707,
708, 771–774, 776, 808, 829; Т. 2: 403,
516, 734, 796
Лайминг П.А., фон Т. 1: 288; Т. 2: 302
Лампе А.А., фон Т. 1: 34, 55, 56, 195,
258, 259, 334, 545, 546, 576, 594, 603,
606–608, 625, 630, 727, 804, 815, 818,
830, 833, 836, 843, 964, 969, 971–973,
984, 995, 996; Т. 2: 75, 133, 242, 243, 250,
286, 292, 300, 335, 354, 386, 431, 434,
480, 519, 520, 530, 735, 737, 800, 801
Лампе Н.М., фон Т. 2: 800
Ланник Л.В. Т. 1: 16, 64
Лапин А.Я. Т. 2: 164
Лапин В.М. Т. 1: 315
Лапшевский Т. 2: 420
Лапшин Б.П. Т. 1: 282; Т. 2: 115, 596
Ларин Ю. (Лурье М.З.) Т. 1: 900
Ларионов Н.С. Т. 1: 852
Ларка А.И. Т. 1: 771, 772; Т. 2: 403, 796
Ластовский Б.М. Т. 1: 752
Ласточкин А.Г. Т. 1: 244
Ласточкин В.Г. Т. 1: 244; Т. 2: 303
Латынин В.Д. Т. 1: 282, 287, 399, 401;
Т. 2: 220
Лауриц А.А. Т. 1: 288, 393, 771; Т. 2: 94,
95, 344
Лауриц Е.И. Т. 2: 95
Лафар Ж., де Т. 2: 233
Лахинский К.К. Т. 2: 59
Лацис М.И. Т. 1: 994; Т. 2: 232, 304, 348
Лашевич М.М. Т. 1: 446, 918, 927, 928;
Т. 2: 23, 31
Лашкевич И.С. Т. 1: 134
Лашилин Н.А. Т. 1: 287
Лебедев В.Г. Т. 1: 642
Лебедев Д.А. Т. 1: 141, 149, 554, 598,
645, 651, 658–660, 662, 664, 665, 667,
683, 684, 807, 835, 854, 859, 861, 867,
871, 872, 876, 877, 888; Т. 2: 117, 152,
237, 278, 474, 566
Лебедев Д.К. Т. 1: 58, 412, 527, 529–
531, 533, 774, 931, 976, 978; Т. 2: 96, 117,
229, 454, 528, 542, 579, 656, 786

- Лебедев М.В. Т. 2: 117
 Лебедев Н.В. Т. 1: 645, 799
 Лебедев П.П. Т. 1: 49, 59, 245, 247, 275, 423, 445, 471, 475, 476, 487, 494, 501, 502, 509, 514, 525, 535, 808, 892, 920, 924, 929, 930, 935, 936, 944, 945, 962; Т. 2: 187, 188, 190, 198, 277, 278, 284, 328, 334, 335, 373, 378, 393, 394, 410, 423, 462, 466, 467, 497, 508, 511, 523, 525–528, 626, 664, 687, 696, 707, 710, 712, 722–725, 736, 760, 810, 837
 Лебедев С.П. Т. 1: 245
 Лебедев, мещанин Т. 2: 364
 Леви Л.Н. Т. 2: 165
 Левицкий Б.А. Т. 2: 9, 276, 277, 346, 535
 Левицкий В.И. Т. 2: 257
 Левчук П.М. Т. 1: 750, 887
 Левшин Д.М. Т. 1: 376
 Легин А.Ф. Т. 1: 282
 Легран Б.В. Т. 1: 177, 179, 904
 Леер Г.А. Т. 1: 76
 Лелль (Делль) И.И. Т. 1: 318, 323; Т. 2: 337
 Лелонг А. Т. 1: 703
 Ленин В.И. Т. 1: 15, 18, 23, 38, 53, 58, 147, 151, 158, 164, 169, 173, 176, 195, 210, 212, 220, 223, 246, 252, 340, 384, 386, 388, 390, 407, 414, 415, 418, 420–422, 424, 428, 435, 455–458, 464, 466, 488, 502–504, 506, 507, 509, 528, 531, 541, 546–548, 553, 598, 610, 622, 644, 679, 806, 808, 809, 811, 814, 815, 830, 834, 875, 891, 894, 897, 900, 903–907, 911, 915, 918–920, 925–929, 931–933, 936, 937, 940–951, 955, 957, 959, 961, 962, 971, 987, 989, 991, 999; Т. 2: 42, 44, 60, 66, 89, 90, 126, 127, 148, 151, 189, 195, 199, 202, 227, 234, 235, 304, 316, 318–321, 323, 324, 347, 349, 395, 414, 421, 445, 478, 489, 505, 510, 521, 533, 558, 559, 577, 579, 593, 612, 720, 724, 777, 780, 795, 804, 807, 813, 815, 819
 Ленцман (Ленсман) Я.Д. Т. 1: 476
 Лео Н.Н. Т. 1: 287
 Леонов А.Н. Т. 1: 282, 294, 440, 454; Т. 2: 220, 376, 507
 Леонов Г.В. Т. 1: 532, 646, 647, 650, 858; Т. 2: 11, 111, 163, 337, 459, 563
 Леонтович Е.А. Т. 1: 612
 Леонтьев А.Н. Т. 1: 76
 Леонтьев В.А. Т. 1: 287
 Леонтьев М.Е. Т. 1: 288, 910
 Леонтьев М.Н. Т. 2: 219, 242
 Леонтьев Н.К. Т. 1: 238
 Леопольд Баварский Т. 1: 196
 Лепетюха И.Г. Т. 2: 618
 Леплевский И.М. Т. 2: 755
 Лесевский Н.П. Т. 1: 185, 561; Т. 2: 302
 Лескова, артистка Т. 2: 245
 Лесли Г.Д. Т. 1: 560, 796
 Лечицкий П.А. Т. 2: 331
 Леш Л.В. Т. 1: 136, 138
 Ли Р.Э. Т. 2: 405
 Либус (Либусь) Н.Д. Т. 1: 282, 329, 522, 936; Т. 2: 303, 337
 Ливен А.П. Т. 1: 709
 Ливенцев Н.Д. Т. 1: 287, 391, 402; Т. 2: 111, 444, 526
 Лигнау А.Г. Т. 1: 265, 268, 326, 747; Т. 2: 164, 166, 528, 626, 627, 750, 751, 756, 766
 Лидерс О.О. Т. 2: 142
 Лилиенталь Г.Г. Т. 1: 294
 Лилль П.-А. Т. 2: 796
 Линицкий А.И. Т. 1: 886; Т. 2: 141
 Липко П.И. Т. 1: 744, 749, 750; Т. 2: 257, 794
 Липовский, полковник Т. 1: 626
 Липский В.В. Т. 1: 193–195, 197, 287; Т. 2: 219, 220
 Лисицын К.К. Т. 2: 124, 314
 Лисовой Я.М. Т. 1: 248, 249, 274, 330, 334, 341, 348, 554, 826, 836; Т. 2: 132, 477
 Лисовский Н.В. Т. 1: 287, 439, 473, 491, 893; Т. 2: 382, 383, 393, 725, 810, 837, 838
 Лисовский Ю.И. Т. 1: 38
 Лист Ф. Т. 2: 525
 Литовцев (Шильдбах) К.К. Т. 1: 181, 526, 527; Т. 2: 94, 174, 292, 365, 751, 756
 Лиходей П.А. Т. 2: 518
 Лихошерстов А.А. Т. 1: 91
 Лихтарович Л.К. Т. 1: 52
 Лобковиц В.В. Т. 1: 318; Т. 2: 211, 707
 Ловцевич Л.Л. Т. 2: 669, 675
 Ловчицкий С.Ю. Т. 2: 209
 Ловягин, ком. роты Т. 2: 164
 Лодыженский А.А. Т. 2: 274
 Лодыженский Ю.И. Т. 2: 289
 Локкарт Р.Б. Т. 2: 225, 260, 277
 Ломновский П.Н. Т. 2: 273, 288, 289
 Лотов М.Е. Т. 1: 709, 711
 Лохвицкий Н.А. Т. 1: 682, 684; Т. 2: 675, 738
 Лукашов В.Л. Т. 1: 908
 Лукин М.Л. Т. 2: 667, 668, 670
 Лукин Н.М. Т. 1: 531
 Лукирский С.Г. Т. 1: 122, 171, 233, 288, 386, 388, 426, 530, 531, 818, 930; Т. 2: 9, 59, 79, 343, 527, 579, 605, 731, 750, 753, 754, 756, 765, 766
 Лукиянов Т. 2: 364
 Лукомская (Драгомирова) С.М. Т. 2: 244
 Лукомский А.С. Т. 1: 38, 55, 77, 90, 93, 117, 123, 131, 135, 136, 147, 151, 152, 155, 167, 170, 193, 200, 217, 231, 556–558, 569, 573, 576, 593, 594, 616, 658, 816, 832, 846, 940; Т. 2: 89, 156, 242–245, 272, 289, 434, 475, 479, 677
 Луначарский А.В. Т. 1: 320; Т. 2: 576
 Лупаков Л.А. Т. 2: 626
 Лус (Лусь) Э.К. Т. 1: 282, 288
 Луцков П.А. Т. 2: 212, 668–670
 Лучинин В.В. Т. 1: 313
 Лушненко А.П. Т. 1: 744
 Львов В. Т. 2: 68
 Львов В.Н., слушатель Т. 2: 600
 Львов В.Н. Т. 1: 148, 149
 Львов Г.Е. Т. 1: 125, 127, 135
 Львов И.Н. Т. 1: 446
 Львов Т. 2: 498
 Люба Б.В. Т. 1: 49; Т. 2: 745
 Любимов В.В. Т. 1: 329, 425, 494, 933; Т. 2: 368, 394, 723, 838
 Любинский С.С. Т. 1: 282, 709
 Любович К.А. Т. 2: 294
 Любомиров П.П. Т. 1: 288
 Людсканов-Цанков К.А. Т. 1: 181, 294; Т. 2: 114
 Люндеквист В.Я. Т. 1: 931; Т. 2: 283–285, 303, 343, 533
 Люпов С.Н. Т. 1: 262, 286, 288, 652; Т. 2: 473, 565, 677, 796
 Люттов А.Д. Т. 1: 282, 288, 455, 456, 537; Т. 2: 220, 284, 443, 467, 553, 772, 777, 783
 Люшков Г.С. Т. 2: 755
 Ляхов В.П. Т. 1: 825
 Ляшко П.И. Т. 1: 282
 Лящик С.И. Т. 2: 153
 Магер Б.Д. Т. 2: 667
 Маевский М. Т. 2: 654
 Мазепа И.С. Т. 1: 266
 Мазур-Ляховский В.Е. Т. 1: 887
 Май М. Т. 2: 166
 Майгур П.М. Т. 1: 282, 294, 406, 423, 441, 902; Т. 2: 43, 49, 343, 379, 413, 466
 Майдель В.Н., фон Т. 1: 246, 287
 Майер Л.А., фон Т. 2: 219
 Майзель М. Т. 1: 43, 347
 Май-Маевский В.З. Т. 1: 86, 336, 412, 596, 597, 601, 615, 616, 617, 940; Т. 2: 401, 519, 520, 800
 Майстрах Б.В. Т. 2: 625
 Макаренко Б.Д. Т. 2: 178
 Макаров А.А. Т. 2: 142
 Макдональд Э.-Ж.-Ж.-А. Т. 1: 664
 Македонский А.К. Т. 1: 282, 287, 610, 611; Т. 2: 262, 792, 793
 Маковский, хорунжий Т. 2: 652
 Макогон Я. Т. 1: 757, 758

Макри И.Г. Т. 2: 429
 Максимов А.М. Т. 1: 750; Т. 2: 129, 238
 Максимов В.И. Т. 1: 282, 294, 472; Т. 2: 220, 553, 777
 Максимов Н.С. Т. 1: 822; Т. 2: 329
 Максимов Т. 2: 495
 Максимович А.Н. Т. 1: 376, 521, 522; Т. 2: 743
 Максимович В. Т. 2: 792
 Максимович К.К. Т. 2: 303
 Максимович П.С. Т. 1: 288; Т. 2: 184
 Максимовский Н.Н. Т. 1: 287, 294
 Макулович А.И. Т. 1: 282, 288
 Макухин В.В. Т. 2: 9
 Макшеев В.З. Т. 2: 195, 477
 Макшеев Ф.А. Т. 2: 744
 Малеванов, инженер Т. 2: 27
 Малевич, полковник Т. 1: 882
 Малевский А.Д. Т. 2: 765
 Малеев Д.П. Т. 2: 220
 Малиновский А.В. Т. 2: 509
 Малиновский Д.А. Т. 1: 808; Т. 2: 171, 294
 Маллесон У. Т. 2: 296
 Малышев А.К. Т. 1: 282, 288, 441, 950, 953, 954, 956, 960; Т. 2: 42, 47, 48, 220, 447, 466, 552, 685, 838
 Малютин Б.В. Т. 1: 287
 Малявин Б.С. Т. 1: 706, 707, 709–712, 715, 877
 Мамантов (Мамонтов) К.К. Т. 1: 446, 505, 514, 604, 833, 915; Т. 2: 95, 109, 137, 481
 Мамонтов С.И. Т. 2: 361
 Манакин В.К. Т. 1: 146, 184, 578, 823, 828; Т. 2: 154, 245, 404, 430
 Манаков, поручик Т. 1: 834
 Мандрыка Г.А. Т. 1: 243
 Мандрыка И.А. Т. 1: 243
 Манжетный И.М. Т. 1: 649, 663
 Маниковский А.А. Т. 1: 174, 176, 177, 530; Т. 2: 632
 Маннер К.А. Т. 2: 414
 Маннергейм К.Г. Т. 1: 698, 769
 Мануйлов Г.А. Т. 1: 489; Т. 2: 57, 59, 66, 67
 Мануильский Д.З. Т. 2: 99
 Манштейн В.В. Т. 1: 839
 Мариюшкин А.Л. Т. 1: 986; Т. 2: 75, 796, 852
 Марков А.Л. Т. 1: 256, 574
 Марков В.И. Т. 2: 303
 Марков С.Л. Т. 1: 60, 61, 78, 106, 139, 151, 152, 156, 167, 246, 254, 551, 556, 561, 570, 615, 722, 839; Т. 2: 343, 481, 549, 819
 Марков Т. 2: 364
 Марковский В.И. Т. 1: 644, 645, 651, 662
 Маркс К. Т. 1: 223, 455, 822, 974
 Мармузов П.К. Т. 1: 443
 Мартсон Т. 1: 394
 Мартынов А.Е. Т. 1: 972; Т. 2: 391
 Мартынов А.И. Т. 1: 97; Т. 2: 114
 Мартынов Е.И. Т. 1: 71, 89, 93, 94, 147, 519, 530, 531, 930; Т. 2: 229, 533, 731
 Мартынов К.А. Т. 2: 117
 Мартынов Н.Н. Т. 1: 287
 Мартынюк И.С. Т. 1: 744; Т. 2: 648
 Мартъянов, рабочий Т. 1: 822
 Мартагин А.А. Т. 1: 281, 376, 891
 Марушевский В.В. Т. 1: 55, 88, 176, 177, 191–193, 691, 693–698, 700–704, 709, 895, 925–927, 986; Т. 2: 387, 400, 401, 520, 521, 638
 Маршалл А. Т. 1: 43
 Маслов В.Н. Т. 1: 282, 288, 692; Т. 2: 11, 21
 Масловский (Мстиславский) С.Д. Т. 1: 90, 91, 127
 Масловский Д.Ф. Т. 1: 90
 Масловский Е.В. Т. 1: 56, 150, 563, 566, 568, 637, 639, 640; Т. 2: 129, 431, 479, 500, 852
 Масягин Н.О. Т. 2: 52, 250
 Матвеев А.М. Т. 2: 658
 Матвеев-Рогов С.И. Т. 1: 129
 Матвеев К.Н. Т. 2: 294
 Матвиенко А.А. Т. 2: 117, 257, 641
 Матковский А.Ф. Т. 1: 78, 243, 645, 660, 662, 817, 861, 863–866, 868; Т. 2: 11, 303, 359, 563
 Матковский М.Ф. Т. 1: 243
 Маттис Г.О. Т. 1: 282, 294; Т. 2: 220, 786
 Матъянов М.И. Т. 1: 288
 Мауринг А.Ф. Т. 2: 209
 Махвиладзе (Михвиладзе) К.М. Т. 1: 376
 Махин Ф.Е. Т. 1: 92, 287, 300, 400, 645–647, 675, 823, 856, 872, 884, 889, 930, 931, 999; Т. 2: 90, 94, 114, 121, 122, 264, 265, 272, 352, 366, 664, 782
 Махно Н.И. Т. 1: 50, 462, 598, 606, 607, 617, 620, 883, 966; Т. 2: 360
 Махов М.М. Т. 1: 287; Т. 2: 303
 Махров В.С. Т. 1: 240, 241, 243, 575, 625; Т. 2: 796, 811
 Махров Н.С. Т. 1: 240, 241, 243, 288, 399; Т. 2: 337, 345, 811
 Махров П.С. Т. 1: 55, 56, 89, 91, 171, 172, 187, 210, 211, 240, 241, 243, 246, 247, 619, 621, 623, 625, 639, 640, 799, 816, 818, 819, 823, 824, 837, 843, 846–848, 851, 853, 981–983; Т. 2: 7, 134, 242, 345, 361, 386, 407, 519, 520, 548, 782, 783, 811
 Мацевич К.А. Т. 2: 652
 Мацнев В.Д. Т. 1: 878; Т. 2: 165, 166
 Мацнев П.Т. Т. 2: 240
 Мацюк С.Ф. Т. 2: 119
 Машин А.Н. Т. 1: 51, 282, 288, 440
 Машкин Н.А. Т. 1: 26
 Мдивани Б.Г. Т. 2: 682
 Медведев А.И. Т. 1: 88; Т. 2: 203, 471, 563, 568, 572, 573, 670
 Медведев А.П. Т. 1: 288, 476, 946; Т. 2: 327, 427, 709
 Медведев М.А. Т. 2: 240
 Медведев М.В. Т. 1: 294; Т. 2: 798
 Медведев М.Е. Т. 2: 290
 Медведев М.Р. Т. 2: 657
 Медель А.И. Т. 1: 282, 287; Т. 2: 42, 220
 Медокритский В.Е. Т. 1: 287, 517; Т. 2: 285, 303
 Медянцев И.Ф. Т. 1: 968
 Меженинов П.С. Т. 2: 764
 Меженинов С.А. Т. 1: 294, 425, 495, 536, 893, 930, 935, 936, 939; Т. 2: 393, 394, 552, 723–725, 732, 750, 751, 752, 754, 760, 764, 766, 783, 810, 838
 Межлаук В.И. Т. 1: 463; Т. 2: 313
 Мезенцев А.И. Т. 2: 167–169, 182, 459
 Мезерницкий М.В. Т. 1: 513; Т. 2: 360, 732
 Мей П.А. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 21, 22, 39, 492
 Мейерхольд В.Е. Т. 2: 525
 Мекк Н.К., фон Т. 2: 330
 Меликов В.А. Т. 2: 752
 Мелик-Парсаданов Н.А. Т. 2: 106
 Меллер-Закомельский А.Н. Т. 1: 93
 Мельгунов С.П. Т. 1: 139, 866, 867
 Мельник А.А. Т. 1: 748, 749
 Мельников Д.А. Т. 1: 294; Т. 2: 95, 96, 147, 509, 510
 Мельников Н.М. Т. 2: 362
 Мельницкий В.М. Т. 1: 287, 833; Т. 2: 240, 800, 801
 Мельтюхов М.И. Т. 1: 64; Т. 2: 720
 Менжинский В.Р. Т. 1: 988; Т. 2: 275, 302, 330, 339, 732, 755
 Меншиков А.Д. Т. 1: 16
 Меньчуков Е.А. Т. 1: 61, 91; Т. 2: 751
 Мергин Р.Д. Т. 2: 52, 240, 243, 282, 432
 Меренко, комиссар
 Мерецков К.А. Т. 2: 55, 80, 586, 591, 712, 762, 770
 Мержанов Б.А. Т. 1: 587; Т. 2: 101
 Меркулов С.Д. Т. 2: 675
 Мерро М.И. Т. 2: 798
 Мессинг С.А. Т. 2: 755
 Месснер А.Я. Т. 1: 799
 Месснер Е.Э. Т. 1: 56, 57, 349, 567, 597, 611, 612, 642, 812, 833; Т. 2: 138, 291, 385–388, 403, 480, 552, 554
 Мехмандаров С.-Б. С.-Б.-оглы Т. 1: 776, 778; Т. 2: 199, 240

- Мехоношин (Механошин) К.А. Т. 1: 162, 173, 177, 388, 407, 418, 443, 763, 892, 902, 904, 908, 916, 943; Т. 2: 40, 351, 352, 375, 444, 534, 561
Мешковский Е.В. Т. 1: 744, 746, 748–751, 755; Т. 2: 257, 403, 486, 487, 514
Мещерский Т. 2: 142
Мигай С.И. Т. 2: 526
Микоян А.И. Т. 2: 396
Милеант Г.Г. Т. 1: 93
Миллер Е.К. Т. 1: 60, 61, 106, 140, 141, 194, 207, 212, 214, 247, 410, 551, 665, 668, 691, 692, 694–698, 700–702, 705, 706, 799, 806, 825, 830, 854, 987, 998; Т. 2: 115, 116, 219, 242, 354, 367, 388, 400, 434, 482, 483, 572, 736–738, 786, 791, 792, 819
Милович Д.Я. Т. 1: 813; Т. 2: 153
Милоданович В.Е. Т. 1: 257
Милоданович Е.А. Т. 1: 257
Милутинович Д. Т. 2: 792
Мильбах В.С. Т. 2: 752
Милюков П.Н. Т. 1: 148; Т. 2: 126
Милютин Д.А. Т. 1: 67, 71, 73, 109; Т. 2: 574
Минаков С.Т. Т. 1: 34, 313, 995, 999; Т. 2: 410, 715, 723, 725
Минде Т. 2: 142
Минин С.К. Т. 1: 901–904, 944
Минут В.Н. Т. 1: 55, 117, 177, 389; Т. 2: 138, 219, 220, 509
Миончинский Д.Т. Т. 2: 386
Мирзоян С.С. Т. 1: 64
Миронцев Н.В. Т. 1: 490, 918; Т. 2: 115, 596, 598
Мирошников А.А. Т. 2: 184
Митрофанов В.Г. Т. 2: 209, 667, 668
Митрофанов С.А.
Михаил Александрович, вел. кн. Т. 1: 132
Михайлов Б.Д. Т. 2: 112
Михайлов В.И. Т. 1: 288, 501; Т. 2: 467
Михайлов И.А. Т. 1: 860–862, 864, 868–870
Михайлов М.А. Т. 1: 288; Т. 2: 108, 118, 220
Михайлов М.А. Т. 2: 25, 27
Михайлов Н.А. Т. 1: 865, 866; Т. 2: 166, 167, 303
Михайлов П. Т. 2: 295
Михайлов С.Г. Т. 2: 765
Михеев В.С. Т. 1: 287, 446; Т. 2: 311, 319, 530
Михеев И.А. Т. 2: 359
Михеев С.П. Т. 2: 183
Михневич Н.П. Т. 1: 117, 130, 140, 294, 529, 533; Т. 2: 312, 459, 744
Михутин И.В. Т. 1: 64
Мицул А.И. Т. 2: 758
Мишагин-Скрыдлов А.Н. Т. 2: 519
Мищенко С.М. Т. 2: 598
Млечин Л.М. Т. 1: 36
Моденов И.Д. Т. 1: 282, 288, 303, 315, 447, 459, 520, 523, 946; Т. 2: 46, 48, 326
Модрах В.К. Т. 2: 240
Можаровский В.Б. Т. 1: 990–994; Т. 2: 332
Молкочанов М.В. Т. 1: 282, 288, 401, 935, 936; Т. 2: 11, 396, 552, 678, 679, 724, 744
Молотов (Гаммер) Н.Д. Т. 2: 154, 164, 166
Молотов В.М. Т. 2: 778
Молчанов В.М. Т. 1: 663, 673; Т. 2: 409, 669
Молчанов Н. Т. 2: 729
Мольтке Х., фон
Монигетти К.Ф. Т. 2: 107, 211
Монкевиц Н.А. Т. 2: 219, 220, 738
Монфор Е.О., де Т. 1: 246, 519; Т. 2: 722
Моравицкий К.А. Т. 2: 107, 108, 145, 147, 220
Мордвинов А.А. Т. 1: 131
Морель Н.М. Т. 1: 514, 790; Т. 2: 303, 391
Моризе А. Т. 2: 348
Мориц А.А. Т. 1: 965; Т. 2: 536
Моро Ж.В. Т. 1: 971
Мороз Ф.А. Т. 1: 193, 195
Морозевич И.А. Т. 1: 193, 744
Морозов Н.А. Т. 1: 93, 260, 261, 964, 965; Т. 2: 182, 193–195, 750, 751, 756
Морозов П.Е. Т. 2: 596
Мосина З.В. Т. 2: 608
Москаленко М.И. Т. 2: 111, 164, 178
Москвичев, штабс-капитан Т. 1: 674
Моторный Виктор И. Т. 1: 243, 519, 677; Т. 2: 173, 626, 627
Моторный Владимир И. Т. 1: 243, 675–677; Т. 2: 173, 182, 530, 756
Мочульский А.М. Т. 1: 161, 178, 179, 219, 220, 252, 305, 512, 519; Т. 2: 277, 303, 306, 337, 374, 459, 503
Муклевич Р.А. Т. 1: 498; Т. 2: 580, 731
Мульков Н.А. Т. 1: 312, 501
Муравьев В.Н. Т. 1: 530, 531
Муравьев М.А. Т. 1: 211, 231, 420, 425; Т. 2: 94, 121, 122, 522
Муралов Н.И. Т. 1: 293, 457, 495, 546; Т. 2: 40, 722, 768
Муратов В.П. Т. 1: 294; Т. 2: 462, 503–505, 615, 744
Мурузи Александр А. Т. 1: 243
Мурузи Алексей А. Т. 1: 243, 286, 288, 691, 692, 696, 704; Т. 2: 399
Мусаелян Г. Т. 2: 202
Мустафин Н.В. Т. 2: 45
Мутт В.И. Т. 1: 771, 774; Т. 2: 403, 516
Муханов А.В. Т. 2: 337
Муханов Г.А. Т. 1: 288
Мучник Н.А. Т. 2: 337
Мыслицкий Н.Г. Т. 1: 294; Т. 2: 468, 626, 743, 744
Мышлаевский А.З. Т. 1: 88, 93, 138, 140
Мюллер, нем. лейтенант
Мягков Н.А. Т. 2: 294
Мялковский А.И. Т. 1: 312, 313; Т. 2: 733
Мясников (Мясникян) А.Ф. Т. 1: 797; Т. 2: 679
Мясников В.Е. Т. 2: 154, 667
Мясоедов С.Н. Т. 1: 170; Т. 2: 243
Нагаев Н.В. Т. 1: 645
Наговицын А.А. Т. 2: 608
Надежный Д.Н. Т. 1: 99, 160, 272, 287, 386, 391, 425, 426, 431, 480, 502, 537, 539, 909, 922, 930, 933, 935, 937; Т. 2: 229, 325, 393, 394, 426, 528, 529, 586, 626, 731, 753, 756, 766, 772, 777, 810, 839
Назарбеков Ф.И. Т. 1: 261, 791, 793, 794, 796; Т. 2: 745, 759, 760
Назаренко К.Б. Т. 1: 28, 46, 101, 119, 206
Назаров А.М. Т. 1: 185, 825; Т. 2: 302
Наполеон I Бонапарт, фр. имп. Т. 1: 649, 971; Т. 2: 405, 636, 793
Нариманов Н.Н. Т. 2: 199
Нарышкин А.Я. Т. 1: 287; Т. 2: 151
Насонов Т. 2: 163
Натиев А. Т. 1: 759
Науменко В.Г. Т. 1: 60, 62, 561, 594, 940; Т. 2: 797
Наумов А.К. Т. 2: 601
Наумов И.К. Т. 1: 918
Наумов К.А. Т. 2: 572
Нахамкес (правильно, Нахамкис – Стеклов Ю.М.) Т. 1: 815
Нацвалов А.Г. Т. 1: 399
Нацвалов А.Р. Т. 1: 782, 784–786
Невежин К.П. Т. 1: 312; Т. 2: 626, 839
Невежин П.П. Т. 1: 133
Невский В.И. Т. 1: 161
Невядомский Н.Е. Т. 2: 240
Негродов Б.Л. Т. 1: 432, 483, 914; Т. 2: 380, 530, 775, 776
Недельский А.А. Т. 2: 303
Нежданова А.Я. Т. 2: 525, 526
Неженцев М.О. Т. 1: 146
Незнамов А.А. Т. 1: 78, 246, 519, 527, 530, 531, 533; Т. 2: 576, 579, 604, 608, 626, 629, 632, 640, 744, 750
Нейдомковский Т. 2: 94
Неймирок Н.З. Т. 1: 612; Т. 2: 288, 289, 801

- Неклютин К.Н. Т. 2: 430
 Нелавицкий Н.Н. Т. 2: 52
 Нелидов А.Л. Т. 1: 568, 593
 Немирович-Данченко Г.В. Т. 1: 12, 208, 327, 641, 800
 Немцов П. Т. 2: 521
 Ненароков А.П. Т. 1: 41
 Непенин А.И. Т. 1: 131
 Непенин С.Я. Т. 1: 518, 799
 Нестерова Е.Д. Т. 2: 144
 Нестерова, задержанная Т. 2: 244
 Нестеровский А.И. Т. 1: 287, 466; Т. 2: 798
 Неф Г.Г., фон Т. 1: 707; Т. 2: 520
 Нефедов, подбесаул Т. 2: 519
 Нечаев Н.И. Т. 2: 303
 Нечволодов А.С. Т. 1: 519; Т. 2: 96, 115
 Ниве П.А. Т. 1: 93
 Нидермиллер А.-Э.Г. Т. 1: 986; Т. 2: 75
 Низиенко А.Ф. Т. 1: 744; Т. 2: 52
 Никитин Б.В. Т. 1: 146, 147; Т. 2: 30
 Никитин И.Н. Т. 2: 678
 Никитин М.П. Т. 1: 376
 Никифоровский Н.М. Т. 1: 626; Т. 2: 240
 Николаев А.М. Т. 2: 219, 242
 Николаев А.Н. Т. 1: 282, 287; Т. 2: 667
 Николаев А.П. Т. 1: 216
 Николай I, рос. имп. Т. 1: 970; Т. 2: 540
 Николай II, рос. имп. Т. 1: 16, 67, 71, 87, 93, 121, 123, 124, 130–133, 139, 145, 155, 156, 218, 552, 824, 891, 898; Т. 2: 294
 Николай Константинович, вел. кн. Т. 1: 76
 Николай Николаевич-младший, вел. кн. Т. 1: 16, 60, 71, 78, 117, 123, 131, 132, 135, 137
 Никольский В.П. Т. 2: 282
 Никольский Л.В. Т. 2: 354, 548, 799
 Никольский Н.А. Т. 1: 282, 288, 400, 401
 Никои, см. Тихон, патр.
 Никонов Ф.П. Т. 2: 559, 560, 574, 575, 580, 604
 Никулин И.А. Т. 1: 99, 294; Т. 2: 745, 749
 Никулищев Б.А. Т. 1: 225, 226
 Никульцев М.В. Т. 2: 250
 Нильсон, подполковник Т. 1: 861
 Ниссель А. Т. 1: 719
 Нищенков А.Н. Т. 2: 271
 Новаков Е.И. Т. 1: 287
 Новиков А.В. Т. 1: 403, 443; Т. 2: 528
 Новиков В.В. Т. 1: 287; Т. 2: 744
 Новиков Н.С. Т. 1: 820; Т. 2: 311, 532
 Новиков, подпрапорщик Т. 2: 366
 Новикова Н.В. Т. 1: 934; Т. 2: 764
 Новикьян Г.М. Т. 2: 601
 Новицкий В.Ф. Т. 1: 76, 89, 93, 140, 240, 243, 386, 528, 931, 932; Т. 2: 246, 563, 576, 579, 580, 585, 605, 618, 730, 731, 750, 753, 754, 811
 Новицкий Е.Ф. Т. 1: 76, 240, 243; Т. 2: 811
 Новицкий Н.Ф. Т. 1: 884; Т. 2: 400
 Новицкий Ф.Ф. Т. 1: 240, 243, 288, 398, 404, 502, 516, 523, 527, 547, 936, 937; Т. 2: 396, 632, 633, 723, 724, 730, 772, 777, 783, 810, 811
 Новобранец В.А. Т. 2: 765
 Новопашенный П.А. Т. 1: 716
 Новосельский В.И. Т. 2: 744
 Новосильцев Л.Н. Т. 1: 141, 149; Т. 2: 274
 Новурзов Т.-Б. Т. 2: 658
 Нокс А.Т. 1: 70, 120, 196, 861, 894
 Нолькен А.Л., фон Т. 1: 593; Т. 2: 455
 Нордгейм Н.В. Т. 2: 744
 Носков А.А. Т. 2: 793
 Носков Е.И. Т. 2: 782
 Носович А.Л. Т. 1: 55, 57, 221–223, 230, 248, 250, 392, 811, 902, 918, 925, 926, 931, 935, 940; Т. 2: 94, 96, 113, 135, 146, 265–267, 270, 300, 313, 352, 353, 376, 456, 480, 521
 Ностиц Г.И. Т. 1: 107, 288
 Нотбек В.В., фон Т. 1: 227, 228, 287, 391; Т. 2: 100–104, 154, 303, 436
 Нуриджанян А.С. Т. 2: 201
 Нури-паша Т. 1: 777
 Оберюхтин В.И. Т. 1: 182, 646, 686, 687; Т. 2: 111, 164, 206, 207, 358, 359, 407, 563, 739, 761
 Оболевешев А.Д. Т. 2: 302
 Оболевешев Н.Н. Т. 1: 153, 294, 519; Т. 2: 313, 337
 Обручев Н.А. Т. 1: 563; Т. 2: 790
 Обручев Н.Н. Т. 1: 67, 76, 88
 Овчинников А.К. Т. 1: 530
 Овчинников Г.И. Т. 2: 250
 Овчинников И.И.
 Огородников К.Ф. Т. 2: 425
 Огородников Ф.Е. Т. 1: 221, 287, 391, 443, 519, 899, 930; Т. 2: 425, 494, 502, 505, 526, 619, 741, 744, 750, 754
 Одинцов С.И. Т. 1: 69, 161, 166, 176, 178, 179, 198, 199, 217, 218, 219, 287, 313, 390, 502, 523, 538, 925, 926, 930, 933; Т. 2: 89, 311, 839
 Одишелидзе И.З. Т. 1: 780, 782, 788–790; Т. 2: 679
 Одноглазков Г.Ф. Т. 1: 245; Т. 2: 163, 303
 Одноглазков Ф.Ф. Т. 1: 245; Т. 2: 401
 Озанян А. Т. 1: 792
 Озол (Озолс) В.А. Т. 1: 764, 774; Т. 2: 403, 782
 Озол Т. 1: 914
 Ойнас П.Г. Т. 2: 166
 Окаемов А.А. Т. 1: 271, 740
 Окулич-Казарин Я.В. Т. 2: 782
 Окулов А.И. Т. 1: 907, 919; Т. 2: 59, 323, 593
 Окунев А.Д. Т. 1: 294, 530
 Олег, кн. 16
 Олейник А.И. Т. 2: 302
 Олейников П.И. Т. 1: 282, 288, 399, 717, 718, 823; Т. 2: 110, 487, 661, 662
 Олиско, стражник Т. 2: 364
 Олохов В.А. Т. 1: 275, 533; Т. 2: 460, 493, 499, 526
 Олохова О.И. Т. 2: 460, 493
 Ольдерогге В.А. Т. 1: 236, 237, 288, 501, 920, 925–927; Т. 2: 393, 394, 396, 529, 756, 839
 Ольский Я.К. Т. 2: 755
 Омелянович-Павленко М.В. Т. 1: 747, 749, 756
 Опаренко П. Т. 2: 639
 Оравский И.Ф. Т. 1: 282, 288, 400, 915; Т. 2: 39, 51, 411
 Орановский В.А. Т. 1: 152
 Оранский А.Г. Т. 1: 287; Т. 2: 401
 Орджоникидзе Г.К. Т. 1: 943; Т. 2: 70, 521, 682, 684, 719
 Орел-Орленко И.М. Т. 1: 762
 Орехов А.М. Т. 1: 918; Т. 2: 497, 508
 Орешкин Г.П. Т. 1: 281, 376; Т. 2: 777
 Орешкин И.П. Т. 1: 247, 287
 Оржановский В.Ф. Т. 2: 794
 Орлов В.Г. Т. 2: 260
 Орлов Г.А. Т. 1: 327
 Орлов М.А. Т. 1: 287, 935; Т. 2: 666, 669, 743
 Орлов М.И. Т. 1: 151, 152
 Орлов Н.А. Т. 1: 508
 Орлов Н.И. Т. 1: 966; Т. 2: 363
 Орлова Л.П. Т. 2: 783
 Орловский С.Н. Т. 1: 514
 Осецкий А.В. Т. 1: 742, 744, 747, 749, 754, 757, 760; Т. 2: 367, 500
 Осинский А.А. Т. 1: 763
 Осипов М.П. Т. 1: 321
 Осипов П.Г. Т. 2: 563, 568
 Осипов, рядовой Т. 2: 364
 Оскилко В.П. Т. 1: 753, 754, 886
 Оссендовский А.М. Т. 1: 833
 Остапович В.В. Т. 1: 376
 Остапура-Степовий А.С., см. Астафьев А.С.
 Острянский Н.М. Т. 1: 740, 744; Т. 2: 117
 Оскин Д.П. Т. 1: 434; Т. 2: 522, 523
 Отмарштейн Ю.В. Т. 1: 61, 742, 744, 759; Т. 2: 486
 Отыганиев В.Н. Т. 2: 191, 192, 250

- Паас К.В. Т. 2: 107
 Павленко В.А. Т. 1: 747, 749
 Павлов (Пылин) Б.А. Т. 1: 328
 Павлов Д.Г. Т. 2: 779
 Павлов И.П. Т. 2: 204
 Павлов Н.Д. Т. 1: 376; Т. 2: 162
 Павлов, чекист Т. 2: 188
 Павлович М.П. Т. 2: 577
 Павловский Н.К. Т. 1: 684
 Павловский Ф.Г. Т. 1: 822
 Павлуновский И.П. Т. 1: 943, 951–953, 955, 956, 958; Т. 2: 125, 187, 203, 275, 302, 305, 325, 345, 377, 508
 Павулан В.П. Т. 2: 280, 375
 Пален А.П., фон дер Т. 1: 711, 715
 Палицын В.А. Т. 2: 219, 242
 Палицын Ф.Ф. Т. 1: 87, 93, 97, 204
 Пальмерстон Г.Д. Т. 2: 269
 Паницкий, старший унтер-офицер Т. 2: 364
 Панкратьев А.П. Т. 1: 282, 288, 935, 936; Т. 2: 34, 35, 42, 48, 220
 Панкратьев, начальник Особого отдела Т. 2: 201
 Паннаш А.Ф. Т. 1: 288
 Панов А.В. Т. 1: 287; Т. 2: 374
 Панов, сторож Т. 2: 221
 Пантелеев М. Т. 1: 905
 Панюшкин В.Л. Т. 2: 714
 Папчинский Б.Н. Т. 1: 881
 Парамонов Н.Е. Т. 1: 556
 Парв А.И. Т. 1: 626, 771; Т. 2: 108, 114, 289, 290, 352, 796
 Парейшвили М.С. Т. 1: 784
 Парето В. Т. 1: 15, 16
 Париева Л.Р. Т. 1: 33
 Парм А.К. Т. 2: 600, 601
 Парский Д.П. Т. 1: 60, 89, 179, 180, 181, 221, 287, 386, 387, 389, 405, 420, 423, 520, 529–532, 821, 897, 923, 933, 950, 967, 971–973; Т. 2: 26, 150, 261, 377, 378, 398, 404, 425, 458
 Пархонов А.Ю. Т. 1: 294
 Пархонов Л.Н. Т. 2: 303
 Паскевич И.Ф. Т. 1: 16
 Патронов И.Ф. Т. 1: 56, 156, 188, 254, 280, 555–557, 559, 875; Т. 2: 236
 Паука И.Х. Т. 1: 287, 450, 509, 516, 935, 936; Т. 2: 394, 535, 724, 725, 761, 762, 769, 770, 772, 781, 810, 839, 840
 Пахомов А.Г. Т. 1: 282, 393
 Пац-Помарнацкий А.Ф. Т. 1: 713
 Пашич Н. Т. 1: 965
 Пашковский Н.П. Т. 2: 166
 Пащенко В.Г. Т. 2: 405
 Пащенко Е.Г. Т. 2: 405
 Певнев А.Л. Т. 1: 287, 518; Т. 2: 626, 627
 Певный П. Т. 1: 726
 Пегушин В.М. Т. 1: 282
 Пеленкин П.Я. Т. 2: 666
 Пепеляев А.Н. Т. 1: 652, 661, 671, 682, 800, 854, 869, 874, 1000
 Пепеляев В.Н. Т. 1: 863, 867, 874, 1000
 Перевалов К.М. Т. 1: 642
 Переверзев Н.М. Т. 2: 163
 Перемытов А.М. Т. 1: 288, 329, 401, 404, 442, 501, 502, 930; Т. 2: 394, 552, 713, 723–725, 762, 840
 Перепеловский Б.М. Т. 2: 178, 182
 Пересада-Суходольский М.С. Т. 1: 744; Т. 2: 403, 487
 Перестай М.С. Т. 2: 166
 Перлик Г.Д. Т. 1: 287
 Пермикин Б.С. Т. 1: 711, 712; Т. 2: 661
 Персан (Пиерсан) Д.П. Т. 1: 318
 Перхуров А.П. Т. 1: 55, 189, 197, 270, 803, 806, 810, 820, 873, 994, 996; Т. 2: 109, 165, 170, 171, 214, 261, 262, 303, 306, 367, 459, 517, 518
 Песоцкий В.Д. Т. 2: 11, 163, 166, 513
 Пестковский С.С. Т. 1: 524
 Пестржецкий М.И. Т. 1: 108
 Пестряков В.Н. Т. 1: 243; Т. 2: 182, 776
 Пестряков М.Н. Т. 1: 243; Т. 2: 182
 Петерс Я.Х. Т. 1: 538; Т. 2: 318
 Петин Д.И. Т. 1: 35
 Петин Л.Н. Т. 2: 306, 764
 Петин Н.Н., сын Т. 2: 306, 764
 Петин Н.Н. Т. 1: 60, 61, 210, 211, 246, 247, 287, 391, 439, 465, 466, 480, 490, 501, 505, 508, 516, 537, 821, 893, 922, 934, 935–939, 981–984, 986; Т. 2: 306, 312, 343, 379, 393–395, 458, 495, 535, 597, 723–725, 745, 760, 764, 783, 810, 840, 841
 Петина М.М. Т. 2: 764
 Петина Я.А. Т. 2: 764
 Петлюра С.В. Т. 1: 264, 268, 274, 458, 540, 625, 723, 725, 726, 737, 742–744, 746, 752–755, 757–762, 881, 882, 885–887; Т. 2: 83, 85, 131, 139, 143, 211, 238, 246, 247, 289, 292, 340, 402, 403, 500, 641, 643–645, 647, 648, 671, 794, 832
 Петр I Карагеоргиевич, серб. кор. Т. 1: 965
 Петр I, рос. имп. Т. 1: 16, 183, 220, 961, 970, 980; Т. 2: 633
 Петрановский-Белаш Г.И. Т. 1: 294, 657
 Петрасевич П.Н. Т. 1: 294, 329; Т. 2: 508
 Петров В.Н. Т. 1: 61, 266, 726, 744–748, 751, 757, 759, 762, 883, 887; Т. 2: 403, 486, 515, 641, 643, 644
 Петров Е.П. Т. 1: 624
 Петров М.М. Т. 1: 445, 930; Т. 2: 46
 Петров Н.А. Т. 1: 287, 399, 401; Т. 2: 401
 Петров П.П. Т. 1: 55, 106, 108, 112, 133, 233, 286, 287, 645, 647, 824; Т. 2: 100–104, 675, 677
 Петров С.И. Т. 1: 282
 Петров Т. 1: 966
 Петров Ф.А. Т. 2: 302
 Петров, капитан Т. 1: 728, 733, 735
 Петров, курсовик Т. 2: 554, 555
 Петров, полковник Т. 1: 626
 Петров, полковник Т. 1: 681
 Петрова Н. Т. 1: 993
 Петров-Денисов И.С. Т. 2: 52
 Петровский А.С. Т. 2: 52
 Петровский Г.И. Т. 2: 338
 Петровский Д.А. Т. 2: 50, 51, 504
 Петровский Л.Г. Т. 2: 595
 Петровский Н.А. Т. 1: 887
 Петрусевич Б.В. Т. 2: 596
 Петрушевич Е.Е. Т. 1: 758
 Пехлеви Реза-хан Т. 1: 227
 Пехливанов И.Г. Т. 1: 174, 287, 386, 387; Т. 2: 20, 27, 28, 96–98, 340, 438, 455, 559
 Печерский Л.Ф. Т. 2: 580
 Пешков Н.Н. Т. 1: 757
 Пиковский В.Я. Т. 1: 288
 Пилат П. Т. 2: 741
 Пилкин В.К. Т. 1: 772, 828
 Пиллит А.Ф. Т. 2: 601
 Пилсудский Ю. Т. 1: 760, 767, 789, 883, 970, 975–977
 Пионтковский Т. 1: 461
 Пирог С.В. Т. 1: 282, 294
 Писарев Т. 2: 142
 Пискунов Т. 1: 160
 Питер Л. Дж. Т. 1: 17
 Платов С.А. Т. 2: 303
 Плеткин М.Н. Т. 2: 252
 Плехтин К.С. Т. 2: 635
 Плотников Е.Б. Т. 1: 288
 Плотников Н.А. Т. 2: 174
 Плотников, доктор Т. 1: 839
 Плошкин В.В. Т. 1: 246
 Плюто С.Г. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 48, 326, 327
 Плюцинский И.А. Т. 1: 885; Т. 2: 155, 175, 294, 303, 306
 Плющевский-Плющик Г.А. Т. 1: 287
 Плющевский-Плющик Ю.Н. Т. 1: 56, 120, 156, 568, 592, 593, 598, 600, 605, 845; Т. 2: 401, 406, 479, 542
 Пневский В.И. Т. 2: 103
 Пневский Н.В. Т. 1: 258, 287, 329, 449, 501, 505, 936, 939; Т. 2: 100–104, 506, 723, 724
 Побыванец А.И. Т. 1: 282, 288
 Подвербная Н.А. Т. 2: 758
 Подвербный А.К. Т. 2: 758

Подвойский Н.И. Т. 1: 161, 162, 164, 173, 175, 177–179, 192, 216, 219, 225, 226, 246, 285, 384, 386, 388, 390, 393, 407, 411, 418, 420, 442, 457, 462, 644, 726, 892, 901, 903, 915, 921, 928, 968, 971; Т. 2: 40, 101–103, 290, 291, 351, 352, 438, 559, 575, 577, 578, 581, 604, 686
Подгорецкий В.К. Т. 2: 572
Подгорецкий К. Т. 2: 63
Подгурский С.Ф. Т. 1: 243
Подгурский Ф.А. Т. 1: 243, 288, 387; Т. 2: 744
Подтягин М.П. Т. 2: 242
Подчертков А.А. Т. 1: 593, 986; Т. 2: 75, 801
Поздеев Н.Л. Т. 1: 555
Позерн Б.П. Т. 2: 66
Покатов С.В. Т. 1: 288
Покровский В.Л. Т. 1: 561, 603, 619, 843; Т. 2: 432
Покровский Н.В. Т. 1: 188
Полеводин М.Х. Т. 1: 593
Полетаев Н.Н. Т. 2: 198
Поливанов А.А. Т. 1: 92, 93, 117, 125, 127, 135, 140, 442, 524, 531, 533, 967, 968, 972, 973; Т. 2: 312, 316, 317, 330, 459
Поливанов И.Е. Т. 1: 288, 399, 401, 617
Поликарпов В.Д. Т. 1: 24
Поликарпов М.А. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 11, 21
Политковский Р.М. Т. 2: 294
Полковников Г.П. Т. 1: 158; Т. 2: 302
Полковников И.Н. Т. 1: 282, 287, 288, 302, 450, 936; Т. 2: 46, 48
Половцев Л.В. Т. 1: 554
Половцов А.П. Т. 2: 434
Половцов П.А. Т. 1: 125, 127, 138, 146, 147, 189, 274
Полозов И.Н. Т. 1: 282, 288, 401
Полторак С.Н. Т. 1: 192
Полюшкин В.З. Т. 1: 282, 288
Поляков Б.П. Т. 1: 288, 930, 933; Т. 2: 123, 261, 282, 315–318, 320, 352
Поляков И.А. Т. 1: 55, 162, 174, 182, 190, 564, 570, 577, 578, 580, 581, 583, 585, 586, 728, 841; Т. 2: 76, 125, 385, 512, 518
Поляков И.П.
Поляков Н.А. Т. 2: 678
Поляков П.И. Т. 1: 287, 399
Полянский В.Н. Т. 2: 639
Полянский С.С. Т. 2: 294
Пономарева Е.Н. Т. 2: 329
Пономаренко Т. 2: 364
Попандопуло Т. 2: 364
Попелло Х.Л. Т. 1: 739
Попов А.Н. Т. 2: 737, 738
Попов А.П. Т. 1: 648; Т. 2: 788
Попов В.В. Т. 2: 395, 552, 841

Попов В.Л. Т. 1: 220, 221, 648; Т. 2: 204, 296
Попов В.Ф. Т. 1: 294
Попов И.И., ген. Т. 2: 270, 302
Попов И.И., курсовик Т. 1: 288; Т. 2: 25, 677
Попов Н.И. Т. 1: 287
Попов П.Х. Т. 1: 185, 228, 578, 825, 849, 940
Попов С.П. Т. 2: 401
Попов, войсковой старшина Т. 1: 582
Попов, генштабист Т. 1: 438
Попова (Зайончковская) О.А.
Попова, задержанная Т. 2: 244
Попович Р.(В.)И. Т. 1: 318
Пораделов Н.Н. Т. 1: 889; Т. 2: 664
Пороховщиков А.С. Т. 1: 744
Посадский А.В. Т. 1: 10, 30, 823
Пославский Ю.И. Т. 2: 631
Поспелов, капитан Т. 2: 183, 184
Постников А.А. Т. 1: 319, 889
Постовский В.И. Т. 2: 481
Посторонкин В.Н. Т. 1: 996
Потапов А.С. Т. 1: 127; Т. 2: 506
Потапов Г. Т. 2: 145
Потапов И.Н. Т. 2: 131
Потапов Н.Д. Т. 1: 899
Потапов Н.М. Т. 1: 161, 162, 173, 176–179, 190, 196, 198, 219, 246, 247, 285, 286, 378, 382, 384–387, 390, 403, 410, 530, 535, 892, 929; Т. 2: 9, 12, 22, 122, 219, 229, 441, 446, 454, 533, 731, 736, 737, 783
Потапов Т. 1: 644
Потапова Н.А. Т. 1: 246
Потаповы Т. 1: 246
Потемкин Г.А. Т. 1: 16
Потемкин Т. 2: 99
Потоцкий Д.Н. Т. 1: 244; Т. 2: 242
Потоцкий С.Н. Т. 1: 244; Т. 2: 219, 242
Поярков И.Н. Т. 2: 117
Прасалов В.П. Т. 2: 436
Прежбяно А.К. Т. 2: 242
Преображенский А.С. Т. 1: 287
Преображенский В.И. Т. 1: 329, 438, 439, 440, 452; Т. 2: 112, 457
Преображенский Е.А. Т. 1: 971
Пресницкий Н.М. Т. 2: 167, 175, 209
Пржевальский М.А. Т. 1: 150, 165; Т. 2: 663, 683, 790
Пржевальский Н.М. Т. 1: 67
Пржевань, ген., см. Пржевальский М.А.
Пржецлавский В.А. Т. 2: 499
Примаков В.М. Т. 2: 763
Притоманов В.Ф. Т. 2: 202, 678, 679
Прозоров А.И. Т. 2: 100, 103, 303
Прокопович А.А. Т. 1: 711

Пронин В.М. Т. 1: 141, 149, 151, 807, 835; Т. 2: 483
Протазанов Т.М. Т. 1: 750; Т. 2: 144
Протопопов Л.И. Т. 2: 363
Прохорович А.И. Т. 1: 260, 741; Т. 2: 514, 640
Прошнян П.П. Т. 1: 388
Приюсинг Э.-Б.А., фон Т. 1: 710; Т. 2: 400
Псарев А.Н. Т. 2: 167, 175, 209
Пугачев Е.И. Т. 2: 408
Пугачев С.А. Т. 1: 288, 319, 501, 537, 821, 893, 943; Т. 2: 77, 394, 525, 527, 528, 678, 686, 723–725, 747, 756, 760, 778, 810, 841
Пугачева Л.Д.
Пудвинский Б.Н. Т. 2: 164
Пузицкий С.В. Т. 1: 976, 977; Т. 2: 421
Пузыревский А.К. Т. 1: 89
Пулихов И.П. Т. 1: 91
Пуль Ф.К. Т. 1: 691; Т. 2: 255
Пуляшко Б.Ф. Т. 2: 303
Пуницкий Н.Я. Т. 2: 240
Путинцев В.Д. Т. 2: 792
Пухальский С. Т. 2: 654
Пученков А.С. Т. 1: 33, 64; Т. 2: 551
Пучков Ф.А. Т. 1: 673, 688; Т. 2: 675
Пушкарев, комиссар Т. 2: 192
Пушкин А.С. Т. 1: 823
Пушков В.В. Т. 2: 209
Пшеницын К.Ф. Т. 2: 670
Пыжев А.М. Т. 2: 510
Пыльцын Ю.С. Т. 1: 30
Пэلمان К. Т. 2: 754
Пятаков Г.Л. Т. 1: 940; Т. 2: 63
Пятницкий В.Л. Т. 1: 282; Т. 2: 220
Пятницкий Е.М. Т. 1: 919
Пятс К.Т. 1: 772

Рагоза (Рогоза) А.Ф. Т. 1: 260, 730, 747; Т. 2: 111, 303, 640
Радек К.Б. Т. 1: 976; Т. 2: 258, 795
Радзин П.К. Т. 1: 61, 770; Т. 2: 403
Радищев В.Г. Т. 1: 446
Радкевич Е.А. Т. 1: 247
Радкевич Т. 1: 393
Радко-Дмитриев Р.Д. Т. 1: 135, 138, 807; Т. 2: 302, 303
Радус-Зенкович Л.А. Т. 1: 288, 398, 530, 531, 774, 775; Т. 2: 579, 730
Раевский М.Ф. Т. 2: 337, 459
Раевский Н.А. Т. 1: 969
Разгильдеев С.П. Т. 2: 142
Раздоров Н.Т. Т. 1: 287; Т. 2: 401
Разсудовский Т. 1: 458
Райский М.Д. Т. 1: 578, 585
Рак О.Г. Т. 1: 744, 885
Ракитин В.В. Т. 1: 645; Т. 2: 187, 303, 305, 513, 514

- Раковский Х.Г. Т. 1: 217, 462, 476;
Т. 2: 98, 505
- Рамат К.-В.Я. Т. 1: 376
- Раскольников Ф.Ф. Т. 1: 386, 418, 419;
Т. 2: 122
- Распутин Г.Е. Т. 1: 123
- Раттэль Е.И. Т. 1: 245, 811, 812
- Раттэль И.И. Т. 1: 245, 294, 518, 920,
921; Т. 2: 8, 396, 414, 503, 743, 811
- Раттэль Н.И. Т. 1: 219, 232, 245, 305,
386, 388, 391, 395, 418, 423, 426, 446,
514, 518, 519, 529, 530, 535, 892, 909,
925, 926, 930, 935, 938, 967; Т. 2: 150,
312, 314, 315, 317, 320, 332, 396, 398,
414, 450, 451, 459, 503, 509, 533, 600,
614, 810, 811
- Ратцель, см. Раттэль И.И.
- Ратьковский И.С. Т. 1: 41
- Раупах Р.Р., фон Т. 1: 168
- Раух Г.О. Т. 2: 282
- Раух фон Траубенберг Е.А. Т. 1: 138
- Рахманов А.М. Т. 2: 209
- Рахья Э. Т. 1: 525
- Раша В.И. Т. 2: 461
- Раша Н.К. Т. 1: 287, 519; Т. 2: 221, 302,
461
- Ребдев И.А. Т. 1: 561
- Ревиншин А.П. Т. 1: 181, 940; Т. 2: 195,
303
- Редерн Г. Т. 2: 754
- Редигер А.Ф. Т. 1: 76, 90, 92, 93
- Реек Н.А. Т. 1: 267, 771; Т. 2: 656, 753
- Режепо П.А. Т. 1: 89, 299; Т. 2: 800
- Рейли С. Т. 2: 135, 282
- Рейнштейн Б.И. Т. 2: 577
- Рейснер М.А. Т. 2: 57, 577
- Рейхардт Т. 2: 347
- Ремезов А.К. Т. 1: 537, 926, 927, 935;
Т. 2: 679, 842
- Ренненкамф П.К. Т. 1: 80, 93, 110;
Т. 2: 302
- Репкин Л.И. Т. 2: 601
- Рерберг Ф.П. Т. 1: 70, 73, 93
- Ржевицкий В.Ф. Т. 1: 282, 288, 812;
Т. 2: 337
- Ригельман Е.Н. Т. 1: 287, 481; Т. 2: 337,
425
- Ригельман Е.П. Т. 2: 425
- Ризенкамф Г.К. Т. 2: 631
- Ринк И.Я. Т. 2: 403
- Рихтер Г.К. Т. 2: 303
- Рич Д.А. Т. 1: 43, 66
- Роберти Е.П., де Т. 2: 431
- Роберти Н.А., де Т. 2: 197, 198, 431,
432, 737, 738, 852
- Рогачев В.П. Т. 2: 684
- Роговский Е.Ф. Т. 1: 862
- Родендорф Б.Л. Т. 2: 798
- Родзеиовский Б.А. Т. 1: 768
- Родзянко А.П. Т. 1: 707, 708, 710–712,
716, 829; Т. 2: 258, 428
- Родзянко М.В. Т. 1: 124, 125, 128, 130,
132, 135, 564
- Родцевич-Плотницкий Л.Л. Т. 2: 133
- Роженко В.Е. Т. 1: 141, 149, 151, 577,
578; Т. 2: 302
- Рожнов (Шельстов) Г.Я. Т. 2: 303
- Розанов Н.Н. Т. 1: 282, 288, 488
- Розанов С.Н. Т. 1: 287, 410, 649, 662,
817, 858, 860, 861, 865, 867–870; Т. 2: 104,
105, 116, 270, 279, 357, 400, 520
- Розанов С.Ф. Т. 1: 533; Т. 2: 744
- Розвадовский Т. Т. 1: 765
- Розе В.Р. Т. 2: 716, 717
- Розен М.И. Т. 2: 453
- Розенберг В.Г., фон Т. 1: 282, 288, 707
- Розенблум (Туманов) И.Р. Т. 2: 684
- Розенгольц А.П. Т. 1: 418, 455, 483;
Т. 2: 283
- Розенталь Р. Т. 1: 30
- Розенфельд Т. 1: 481
- Розеншильд фон Паулин А.Н.
Т. 1: 597
- Ролько А.Д. Т. 2: 144
- Ролько А.С. Т. 1: 288, 294, 440, 454;
Т. 2: 123, 144, 220, 322, 427, 532, 794
- Романенко И.А. Т. 1: 248
- Романов Н.М. Т. 2: 303
- Романов Ф.Н. Т. 2: 640
- Романовская Т. 2: 801
- Романовский Г.Д. Т. 1: 88, 93, 127, 410,
763; Т. 2: 116, 270, 796
- Романовский И.П. Т. 1: 55, 120, 122,
134, 147, 151, 153, 156, 167, 200, 217,
264, 554–560, 563, 566–570, 572, 573,
592, 593, 600–603, 607, 623, 624, 763,
814, 816, 817, 832, 834, 837, 839, 844–
846, 854, 855, 888; Т. 2: 75, 89, 128, 129,
145, 243, 245, 289, 401, 430, 475, 479,
513, 514, 788
- Ромербах, полковник Т. 2: 142
- Ромеров И.Ф. Т. 1: 970, 971; Т. 2: 303,
359
- Ромишевские, братья Т. 1: 887
- Ронжин Г.А. Т. 1: 243
- Ронжин И.А. Т. 1: 555; Т. 2: 156
- Ронжин С.А. Т. 1: 243
- Ронов Т. 1: 491
- Рооп В.Х. Т. 2: 219
- Рооп Х.Х. Т. 2: 463, 464
- Рооп Ю. Т. 2: 464
- Рославцев И.И. Т. 1: 282
- Ростов (Борхсениус) Л.Н. Т. 1: 238,
239, 294, 538; Т. 2: 397, 743
- Ростопчин Ф. Т. 2: 509
- Рот Н.А. Т. 2: 302
- Рубан А.Н. Т. 2: 618
- Рубец-Масальский Ф.В. Т. 1: 140
- Рудиченко А.И. Т. 1: 47, 335, 731, 833
- Руднев В.Л. Т. 2: 632
- Руднев С.В. Т. 2: 101
- Рузский Н.В. Т. 1: 80, 93, 110, 123, 131,
132, 135, 137, 138, 146, 171, 248, 257;
Т. 2: 302, 303
- Румша К.Ю. Т. 2: 105, 293, 294, 782
- Румянцев А.В. Т. 2: 800, 801
- Русин А.И. Т. 1: 130
- Руссет М.Н. Т. 2: 165, 303
- Рутыч (Рутченко) Н.Н. Т. 1: 348, 349;
Т. 2: 96, 765, 788
- Ру-Фузиляк Т. 1: 569
- Рухимович М.Л. Т. 1: 907, 908;
Т. 2: 396
- Рыбаков Н.П. Т. 2: 675
- Рыбалтовский Н.Н. Т. 2: 52, 294
- Рыков А.И. Т. 1: 951
- Рыльский К.И. Т. 1: 294, 527, 529, 530;
Т. 2: 261, 303, 306, 731, 734
- Рытиков Г.С. Т. 1: 106, 578
- Рычков В.В. Т. 1: 646, 648; Т. 2: 261
- Рышковский Б.И. Т. 2: 777
- Рютель Э.Я. Т. 2: 554, 771
- Рябиков П.Ф. Т. 1: 56, 78, 92, 659, 682,
686, 687, 802, 834; Т. 2: 11, 217, 252, 389,
472, 513, 542, 548, 556, 563, 567, 568, 574
- Рябинин А.А. Т. 1: 532, 725, 749;
Т. 2: 117
- Рябов П.Н. Т. 1: 318
- Рябовол Н.С. Т. 1: 842
- Рябцев К.И. Т. 1: 111, 113, 185, 884;
Т. 2: 353, 354, 799
- Рязанов Д.Б. Т. 1: 530, 940; Т. 2: 459,
626
- Ряснянский С.Н. Т. 1: 56, 141, 142,
149–151, 199, 259, 263, 551, 557, 561,
577, 578, 593, 723, 728, 737; Т. 2: 71, 72,
236, 240, 244, 248, 288, 289
- Сабельников Н.Г. Т. 1: 860, 863, 884;
Т. 2: 11, 54
- Саблин А.П. Т. 2: 292
- Саватеев А.И. Т. 2: 366, 794
- Савич М.Я. Т. 1: 282, 288, 331, 332;
Т. 2: 100, 103, 677
- Саввич П.С. Т. 1: 248
- Саввич С.С. Т. 1: 132, 701, 705, 706;
Т. 2: 483
- Савелов Т. 1: 393
- Савельев В.З. Т. 1: 78, 338
- Савинков Б.В. Т. 1: 77, 146, 148, 154,
165, 197, 823, 835, 836; Т. 2: 260–262,
269, 270, 739
- Савинков В.В. Т. 1: 77, 105, 154;
Т. 2: 734
- Савинов Д.Т. Т. 1: 460
- Савицкий И.П. Т. 1: 920; Т. 2: 436
- Савицкий С.М. Т. 2: 714

- Савич Н.В. Т. 1: 617
 Савостьянова Л.А. Т. 2: 608
 Савченко В.П. Т. 1: 744, 751; Т. 2: 487
 Савченко В.С. Т. 1: 818; Т. 2: 176, 191, 192, 399
 Савченко С.Н. Т. 2: 503, 772, 777
 Савченко-Маценко И.Л.
 Савченко-Маценко Л.И. Т. 1: 518, 930, 933; Т. 2: 303, 315, 317, 320
 Савченко-Маценко Н.А. Т. 2: 317
 Савчук А.И. Т. 2: 677
 Сазонов Л.И. Т. 1: 531, 555
 Сакварелидзе-Бежанов С.Г. Т. 1: 294, 517; Т. 2: 842
 Саламаха, см. Соломаха К.Г.
 Салимов Г.Б. Т. 1: 282, 287, 776, 778–781; Т. 2: 11, 199, 303, 489
 Салов В.В. Т. 1: 288; Т. 2: 220, 302, 315
 Салтыков-Щедрин М.Е. Т. 2: 310
 Салынь Э.П. Т. 2: 739
 Сальников Д.Н. Т. 1: 556, 557, 558, 564, 567, 568, 645, 682, 683, 814, 872; Т. 2: 520, 677
 Сальский В.П. Т. 1: 61, 274, 726, 744, 746, 747, 749–751, 757–759, 887; Т. 2: 486, 639
 Самарин С.Н. Т. 1: 150, 151, 294, 692–694, 704, 709, 711, 716
 Самбу Н.С. Т. 1: 64
 Самодуров И.М. Т. 2: 250
 Самойло А.А. Т. 1: 56, 59, 60, 193, 196, 201, 220, 287, 395, 425, 438, 439, 454, 501, 502, 508, 509, 523, 535, 697, 805, 894, 899, 900, 915, 916, 918–920, 930, 936, 938, 950; Т. 2: 79, 235, 368, 376, 382, 383, 393–395, 465, 497, 502, 508, 772, 777, 783, 810, 842
 Самойлов М.К. Т. 1: 644
 Самсонов А.В. Т. 1: 80, 89, 110
 Самсонов Т.П. Т. 2: 224
 Самсон-фон-Гиммельшерн У.И. Т. 1: 127, 178, 179, 219, 743
 Самуйлов В.И. Т. 1: 282, 294, 529, 530; Т. 2: 36, 441, 460, 531, 534, 579, 604, 626
 Сандер А.И. Т. 1: 287
 Сандецкий А.А. Т. 2: 107
 Сандецкий А.Г. Т. 1: 494; Т. 2: 204, 302
 Санников А.С. Т. 1: 612, 842
 Санников П.Н. Т. 2: 401, 801
 Сапожков А.В. Т. 2: 522
 Сапожников Н.П. Т. 1: 247, 287, 823; Т. 2: 509, 629, 750, 753, 754
 Саранчов А.М. Т. 2: 436, 639
 Саркисбегян, дашнак Т. 2: 202
 Саркисян М.Т. 2: 657
 Саттеруп Д.В. Т. 1: 61, 153
 Сафонов (Сафаров) Н.И. Т. 2: 209
 Сафонов Я.В. Т. 2: 302
 Сафронов Г.П. Т. 2: 59
 Сахаров В.В. Т. 1: 123, 131, 138, 288; Т. 2: 111, 354, 799
 Сахаров К.В. Т. 1: 55, 148, 199, 658, 662, 664, 671, 675, 680, 682, 683, 686–688, 690, 812, 814, 817, 872–874; Т. 2: 254, 358, 399, 407, 474, 520, 819
 Сахаров С.К. Т. 1: 282, 288
 Свенцицкий А.Э. Т. 2: 744
 Свербеева (Олив) М.К. Т. 1: 49, 275
 Свердлов Я.М. Т. 1: 38, 386, 418, 456, 903–905, 907; Т. 2: 40, 87, 233, 280, 313, 314, 318, 577
 Сверчков П.А. Т. 1: 288, 518, 972; Т. 2: 21, 27
 Свечин А.А. Т. 1: 21, 23, 59, 78, 89, 125, 222, 230, 232, 234, 235, 240, 243, 287, 293, 295, 384, 395, 398, 403, 407, 411, 416, 430, 501, 509, 519, 527, 529, 531, 533, 535, 695, 929, 930, 932, 940; Т. 2: 9, 40, 57, 120, 150, 229, 336, 398, 410, 414, 450, 452, 503, 528, 579, 585, 605, 608, 626, 712, 730, 731, 745–748, 750–753, 756, 761, 765, 766, 768, 769, 806, 810, 811
 Свечин М.А. Т. 1: 55, 217, 240, 243, 578; Т. 2: 745, 791, 811
 Свечин П.А. Т. 2: 746
 Свечина (Ольхина) И.В. Т. 2: 746
 Свечников М.С. Т. 1: 60, 139, 160, 161, 405, 821, 891, 893, 935; Т. 2: 328, 398, 414, 460, 684, 685, 730, 739, 751, 766, 783
 Свирчевский И.В. Т. 2: 196
 Свищев И.С. Т. 1: 376; Т. 2: 790
 Святослав, кн. Т. 1: 16
 Свяцкий В.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 579, 605, 798
 Сегеркранц Н.К. Т. 2: 618
 Сегеркранц С.К. Т. 1: 99, 287; Т. 2: 504, 579, 618, 626, 627
 Седачев В.К. Т. 1: 495, 537
 Секретев А.С. Т. 2: 850
 Сект Г., фон Т. 1: 12
 Селезнев Ф.А. Т. 1: 27
 Селенинов В.В. Т. 1: 281, 282
 Селиванов Т. 1: 607
 Селивачев Б.В. Т. 2: 739
 Селивачев В.И. Т. 1: 44, 48, 110, 120, 319, 530, 531, 533, 722, 809, 925, 926, 930, 935; Т. 2: 45, 115, 241, 274, 278, 456, 457, 464, 465, 530, 602, 739, 798
 Селиверстов И.И. Т. 1: 376
 Селиков В.С. Т. 2: 619
 Семашко А.Я. Т. 1: 462, 515; Т. 2: 271, 325
 Семенихин Г.З. Т. 2: 172
 Семенов (Васильев) Г.И. Т. 2: 264
 Семенов (Смолин) А. Т. 1: 707
 Семенов А.К. Т. 1: 444, 445, 475, 891
 Семенов Г.М. Т. 1: 332, 644, 653, 690, 874, 884, 885; Т. 2: 155, 171, 295, 408, 674–677, 808
 Семенов Н.Г. Т. 1: 288, 399, 425, 459, 491, 492, 544, 930, 935; Т. 2: 298, 509, 627
 Семенов П.К. Т. 2: 163, 169, 459
 Семилетов Э.Ф. Т. 1: 840
 Семчевский К.В. Т. 1: 49, 683, 690, 857, 859; Т. 2: 294, 400, 474
 Сераковский З. Т. 1: 82
 Серапионова Е.П. Т. 1: 64
 Сербинович К.И. Т. 1: 294; Т. 2: 109, 171, 172
 Сергеев В.В. Т. 1: 288, 399, 401, 807, 935; Т. 2: 79
 Сергеев Е.Н. Т. 1: 294; Т. 2: 393–395, 412, 466, 525, 627, 725, 761, 762, 810, 842, 843
 Сергеев Е.Ю. Т. 1: 26
 Сергеев П.А. Т. 2: 175, 703
 Сергеевский Б.Н. Т. 1: 164, 167, 171
 Сергиевский Д.Д. Т. 2: 563
 Серда-Теодорский А. Т. 2: 654
 Серебrenников И.К. Т. 1: 287, 399; Т. 2: 425
 Серебrenникова О.И. Т. 2: 425
 Серебряков Л.П. Т. 1: 466, 927, 968; Т. 2: 509
 Серебрянников В.Г. Т. 1: 518, 922; Т. 2: 454
 Середин К.Х. Т. 2: 257
 Серов М.Г. Т. 2: 303
 Серов Т. 2: 54
 Сессаревский Б.М. Т. 2: 240
 Сетраков И.Д. Т. 2: 240
 Сиверс А.М. Т. 2: 260, 309
 Сиверс А.Н. Т. 2: 618
 Сиверс Н.Н. Т. 2: 798
 Сиверс Р.Ф. Т. 1: 902
 Сиверс Я.Я. Т. 2: 528
 Сиверс, комендант Т. 2: 509
 Сигарев В.А. Т. 1: 744, 749; Т. 2: 486
 Сидорин В.И. Т. 1: 141, 150, 569, 577, 578, 585, 586, 601, 616, 840, 849–852, 884, 888; Т. 2: 401, 518, 519, 793
 Сидорин Л.Л. Т. 2: 302
 Сидорина Л.А. Т. 1: 850
 Сидоров Т. 2: 376
 Сидоровнин С.К. Т. 1: 282, 288, 399; Т. 2: 34, 35, 375, 502
 Сизых В.И. Т. 2: 734
 Силакадзе Д.Г. Т. 1: 64
 Силиков М.Б. Т. 1: 796
 Силичев А.С. Т. 2: 353
 Силы О.А. Т. 2: 201
 Симанский П.Н. Т. 1: 707, 716; Т. 2: 662, 783

- Симонов А.А. Т. 1: 17, 35, 64, 417; Т. 2: 366, 749
- Симонов А.Л. Т. 1: 282, 294, 393, 449, 664, 860, 862, 863, 870; Т. 2: 11, 12, 14, 16, 17, 20, 21, 32–34, 36, 151, 152, 267, 293
- Симонов Д.Г. Т. 1: 30
- Симонов К.М. Т. 1: 273; Т. 2: 783
- Симонов М.А. Т. 2: 783
- Симонов, прапорщик Т. 1: 674
- Симонова Т.М. Т. 1: 30
- Симонсон Д.П. Т. 1: 770
- Синеоков Н.Г. Т. 2: 144
- Синклер В.А. Т. 1: 744, 746–751, 754, 757, 758, 760; Т. 2: 83, 292, 403, 487, 644, 796
- Сирелиус Л.-О.О. Т. 2: 303
- Сиротенко Г.Т. Т. 1: 747
- Сироченко, ротмистр Т. 2: 662
- Ситников А.Н. Т. 1: 294; Т. 2: 459, 532, 731, 743
- Ситников П.А. Т. 1: 287
- Сияльский В.П. Т. 1: 287
- Скалон А.Л. Т. 1: 195, 196
- Скалон В.Е. Т. 1: 160, 164, 192, 193, 195, 196, 202; Т. 2: 220, 744
- Скалон В.И. Т. 1: 294
- Скалон Е.В. Т. 1: 196
- Скалон Е.Н.
- Скалон Надежда В. Т. 1: 195, 196
- Скалон Нина В. Т. 1: 196
- Скаченко Г.П. Т. 2: 45
- Скачко А.Е. Т. 1: 462
- Скворцов Б.Н. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 21, 37, 466
- Скворцов В.В. Т. 1: 312
- Скворцов Ю.В. Т. 1: 294
- Скворцов-Степанов И.И. Т. 1: 767, 768, 968; Т. 2: 383
- Складовский В.К. Т. 2: 302
- Склянский Э.М. Т. 1: 173, 177, 179, 230, 290, 295, 298, 320, 386, 388, 406, 411, 419, 421, 445, 455, 514, 524, 529, 547, 724, 764, 892, 905, 918, 928, 933, 940–942, 947, 951, 955, 976, 991; Т. 2: 38, 40, 61, 100, 120, 186, 284, 312, 314, 324, 325, 335, 347, 374, 382, 440, 451, 452, 465, 561, 610, 630, 688, 691, 710, 713, 719, 721, 722
- Скляревич А.Н. Т. 1: 791
- Скобелев М.Д. Т. 1: 67; Т. 2: 187, 461
- Скобелыцын В.С. Т. 1: 698, 705
- Скоблин Н.В. Т. 1: 839
- Скорина И.Н. Т. 1: 889; Т. 2: 156
- Скорняков Ю.В. Т. 1: 742, 744; Т. 2: 77, 485, 486
- Скоропадский П.П. Т. 1: 263, 265, 269, 338, 340, 360, 374, 380, 389, 722–724, 727, 729, 733, 738, 741–745, 762, 823, 878, 879, 881; Т. 2: 71, 82, 129, 156, 171, 219, 236, 256, 291, 638, 640, 642, 659, 661
- Скрябин А.Н. Т. 2: 525
- Скрябин П.Д. Т. 1: 287
- Скудре О.А. Т. 2: 691
- Славен П.А. Т. 1: 425, 441; Т. 2: 94, 266
- Сладков Т.И. Т. 1: 677
- Сластинок-Сластенко Н.И. Т. 1: 282, 288, 400, 449
- Слащев Я.А. Т. 1: 55, 199, 223, 326, 562, 625, 831, 843, 846–849, 852–854, 888, 931, 965; Т. 2: 174, 177, 278, 359–365, 401, 497, 518, 536, 718, 732, 739, 748, 793, 794, 796
- Слесарев К.М. Т. 1: 186; Т. 2: 181, 187, 188, 303, 306, 337
- Слесарева А.Н. Т. 2: 187
- Слефогт А.Г. Т. 1: 274; Т. 2: 54
- Сливинская (Вишневская) М.А. Т. 2: 112
- Сливинский (Слива) А.В. Т. 1: 419, 723, 725, 727, 730, 734, 737, 739, 747, 748, 750, 833, 879, 880, 889; Т. 2: 111, 112, 255, 256
- Слижилов А.П. Т. 1: 646, 650, 858–861, 870, 871; Т. 2: 11, 469, 542, 563, 677
- Слицкоухов П.П. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 48, 221, 743
- Случевский И.В. Т. 2: 294
- Слушко, полковник Т. 2: 142
- Слюсаренко В.А. Т. 1: 740, 758
- Смагин А.А. Т. 2: 519
- Смелов И.И. Т. 2: 164, 337, 542, 563, 568
- Смилга И.Т. Т. 1: 425, 811, 918, 928, 951, 953; Т. 2: 21, 23, 31, 60, 66, 105, 414, 719
- Смирнитский В.А. Т. 2: 302, 303
- Смирнов А.А. Т. 1: 34
- Смирнов А.В. Т. 1: 288, 398, 418, 488
- Смирнов В.В. Т. 1: 248; Т. 2: 303
- Смирнов В.М. Т. 1: 287; Т. 2: 618
- Смирнов И.Н. Т. 2: 348
- Смирнов М.В. Т. 2: 294, 798
- Смирнов Я.Я. Т. 2: 677, 782
- Смирнов, генштабист Т. 2: 618
- Смирнов, курсовик Т. 2: 11
- Смолин А.В. Т. 1: 30
- Смольнин-Терванд (Терванд) И.И. Т. 1: 244, 284; Т. 2: 203, 272, 303, 400, 672, 788
- Смоляк П.М. Т. 1: 288, 399, 401, 475; Т. 2: 110
- Смородинов И.В. Т. 2: 666
- Снесарев А.А. Т. 1: 225
- Снесарев А.Е. Т. 1: 23, 57, 59–61, 90, 109, 133, 135, 172, 224, 225, 228, 229, 247, 288, 327, 391, 392, 405, 417, 420, 527, 531–533, 834, 901, 929, 930, 935, 936; Т. 2: 9, 55, 59, 64, 78, 79, 133, 134, 150, 229, 265, 312, 313, 375, 376, 398, 451, 492, 494, 497, 498, 508, 509, 523, 525–529, 573, 580, 584–586, 602, 631, 632, 731, 740, 747, 750, 753, 756, 759, 762, 765, 766, 769
- Снесарев Г.А. Т. 1: 225
- Снесарева (Зайцева) Е.В. Т. 2: 313
- Снесарева А.Е. Т. 2: 313
- Снесарева Е.А. Т. 2: 497, 508
- Снесарева Л.Е. Т. 2: 313
- Снесаревы Т. 1: 47, 57, 101, 102, 229, 414, 417; Т. 2: 313, 376, 451, 492, 494, 498, 509, 526, 527, 573
- Снегосорев Ф.А. Т. 2: 142
- Снигирев Б.Е. Т. 1: 745; Т. 2: 257, 486, 487
- Собенников П.П. Т. 2: 748
- Собинов Л.В. Т. 2: 525
- Соболев К.Л. Т. 2: 294
- Сокира-Яхонтов Д.Н. Т. 2: 183
- Соковнин В.А. Т. 1: 245, 287; Т. 2: 535, 798
- Соковнин М.А. Т. 1: 245; Т. 2: 744, 748, 783
- Соколов Б.В. Т. 2: 673
- Соколов Б.Ф. Т. 1: 986
- Соколов В.И. Т. 1: 250, 294, 530, 531; Т. 2: 98, 263, 274, 303
- Соколов В.Н. Т. 1: 287, 779; Т. 2: 199, 460, 492, 618
- Соколов К.Н. Т. 2: 388
- Соколов Н.В. Т. 1: 526; Т. 2: 164, 177, 182
- Соколов П.Н. Т. 2: 165, 191, 192
- Соколов С.В.(А.) Т. 2: 852
- Соколов, ген. Т. 2: 143
- Соколов, курсовик Т. 2: 54
- Соколовский Н.Ф. Т. 1: 990–992; Т. 2: 108, 149, 240, 290–292, 352, 794, 795
- Соколов-Страхов К.И. Т. 2: 762
- Сокольников (Бриллиант) Г.Я. Т. 1: 503, 505, 910, 928; Т. 2: 112
- Солдатов Г.В. Т. 2: 542, 563, 568
- Солдатов С.С. Т. 2: 175, 176, 208, 209
- Соллогуб В.Е. Т. 1: 745
- Соллогуб Н.В. Т. 1: 182, 216, 231, 287, 407, 498, 499, 915, 925, 926, 935, 936; Т. 2: 394, 395, 723, 724, 810, 844
- Соллогуб-де-Война С.И. Т. 1: 266, 703, 764, 768; Т. 2: 402
- Солнышкин М.Е. Т. 1: 288, 515, 516
- Соловейчик Т. 1: 869, 870
- Соловкин П.И. Т. 1: 287; Т. 2: 196, 303
- Соловьев В.И. Т. 2: 522
- Соловьев Д.Ю. Т. 1: 39
- Соловьева Н.С. Т. 2: 522
- Соломаха К.Г. Т. 1: 677; Т. 2: 198, 209
- Соломахин М.К. Т. 1: 282, 626

- Соломон Г.А. Т. 1: 538; Т. 2: 310
 Сольц А.А. Т. 2: 64
 Соотс И.Г. Т. 1: 151, 259, 771, 772, 774; Т. 2: 403, 796
 Сорин В.Г. Т. 1: 905
 Сосницкий А.А. Т. 2: 267, 353, 799
 Сотников А.Е. Т. 1: 243
 Сотников В.Е. Т. 1: 243; Т. 2: 677
 Сотников, комиссар Т. 1: 914
 Спирин Л.М. Т. 1: 306, 345, 346
 Спицын Н.Г. Т. 1: 796
 Срибняк И.В. Т. 2: 650
 Срывалин В.А. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 224, 227, 246
 Ставров М.М. Т. 2: 550
 Ставрович Б.Н. Т. 1: 243; Т. 2: 485
 Ставрович В.Н. Т. 1: 243, 287; Т. 2: 797
 Ставрович Н.Г. Т. 1: 243
 Ставровский К.Н. Т. 1: 248
 Стадлер Б.К. Т. 2: 196
 Стаев П.С. Т. 1: 519
 Сталин (Джугашвили) И.В. Т. 1: 16, 23, 44, 51, 58, 59, 173, 396, 422, 480, 502, 900–907, 918, 924, 925, 927, 934–948, 950, 951, 959, 962, 978, 983, 999; Т. 2: 66, 68, 70, 78, 87, 195, 202, 235, 247, 266, 312, 347, 353, 358, 395, 398, 458, 713–724, 732, 733, 741, 742, 750, 754, 755, 759, 763, 764, 768, 769, 772, 774–776, 779, 781–783, 785, 821, 822
 Стамболийский А. Т. 2: 791
 Станиславский А.В. Т. 1: 193, 986; Т. 2: 7, 75, 217, 218, 276, 288, 289, 292, 352, 455
 Станкевич А.В. Т. 2: 95, 344
 Станкевич В.Б. Т. 1: 138, 165
 Станкевич С.Л. Т. 1: 764
 Старинов И.Г. Т. 2: 778
 Старк П.Ф. Т. 2: 641
 Старков П.И. Т. 2: 677
 Староскольский К.Н. Т. 2: 106
 Староскольский, капитан Т. 2: 142
 Стасевич В.Е. Т. 1: 282, 288, 314; Т. 2: 48, 221, 225, 424
 Стахович Б.М. Т. 2: 790
 Стейнберг Д. Т. 1: 43, 66, 69, 71, 119
 Стеллецкий Б.С. Т. 1: 553
 Степанов А.А. Т. 1: 745, 749; Т. 2: 645
 Степанов А.Б. Т. 2: 80
 Степанов А.П. Т. 1: 645–647; Т. 2: 565
 Степанов А.Ф. Т. 1: 532; Т. 2: 376
 Степанов В.А. Т. 2: 310
 Степанов Н.А. Т. 1: 569, 645, 650, 651, 662, 664, 841, 872; Т. 2: 153, 390, 565, 569
 Степанов Н.И. Т. 2: 359
 Степанов Ф.В. Т. 1: 152
 Степанов Ф.П. Т. 2: 414
 Степанова В.В. Т. 2: 503
 Стефанов, подъесаул Т. 1: 582
 Стеценко, капитан Т. 2: 245
 Стецкий А.И. Т. 2: 58, 59
 Стецкий Е.О. Т. 1: 745, 751
 Стихий Д.П. Т. 1: 288
 Стогов Н.Н., сын Т. 2: 345, 346
 Стогов Н.Н. Т. 1: 39, 209–211, 228, 250, 290, 316, 395, 530, 533, 535, 811, 815, 982, 985; Т. 2: 36, 45, 93, 98, 124, 273, 274, 276–278, 345, 346, 352, 459, 535
 Стогова (Санина) Е.Т. Т. 2: 345
 Стогова Е.Н. Т. 2: 345
 Стогова Н.Н. Т. 2: 345
 Стогова О.Н. Т. 2: 345
 Стогова Т.Н. Т. 2: 345
 Стойкин В.И. Т. 1: 275; Т. 2: 117, 181, 183
 Стокальский Р.Е. Т. 1: 282, 288, 400, 401
 Сторожев В. Т. 2: 305
 Сторожев И.И. Т. 1: 684; Т. 2: 11, 563
 Стоякин, полковник Т. 2: 428
 Стратонов (Лейбо) А.В. Т. 1: 799; Т. 2: 240
 Стратонов В.В. Т. 1: 909
 Стрелецкий Н.Н. Т. 2: 657
 Стремберг Т.М. Т. 1: 644
 Строев (Рихтер) М.П. Т. 1: 294, 377, 517, 827, 934, 935; Т. 2: 149, 189, 396, 769, 772, 775, 783
 Строев Ю.М. Т. 1: 377
 Струве П.Б. Т. 1: 557; Т. 2: 430
 Стрыхарь П.М. Т. 1: 282, 288, 400; Т. 2: 184, 221
 Стугин М.А. Т. 1: 294; Т. 2: 618
 Стульба В.Ю. Т. 1: 282, 288, 472; Т. 2: 21, 27, 221
 Ступин В.В. Т. 1: 39, 287, 399, 519, 530; Т. 2: 323, 503, 511, 619
 Ступин Г.В. Т. 1: 138
 Стучка П.И. Т. 2: 416, 417
 Суворов А.В. Т. 1: 664, 961; Т. 2: 80
 Суворов А.Н. Т. 1: 244, 288, 398, 530, 878; Т. 2: 615, 619
 Суворов М.Н. Т. 1: 244, 288, 720, 877, 878, 925, 926, 927; Т. 2: 107, 270, 312, 319
 Суворов Т. 2: 15
 Сукин И.И. Т. 1: 654, 658, 659, 672, 681, 687, 860
 Сукин Н.Т. Т. 2: 76, 152, 399, 400, 794
 Сулейман Н.А. Т. 1: 169, 198, 288, 386, 390, 530, 531; Т. 2: 150, 449, 450, 576, 579, 582, 605, 632, 750, 778
 Сулимов И.И. Т. 1: 398
 Сулковский Б.И. Т. 1: 745, 750, 886, 887; Т. 2: 486
 Сулькевич Е.З. Т. 2: 306
 Сулькевич С.А. Т. 1: 777, 778, 780, 882; Т. 2: 199, 240, 303, 306
 Сумароков Е.Н. Т. 1: 674, 884; Т. 2: 164, 294
 Сумороцкий Т. 2: 192
 Супрунович Д.М. Т. 1: 647, 681; Т. 2: 164
 Сурин В.И. Т. 1: 232, 646, 650, 651; Т. 2: 563
 Сурконт Е.И. Т. 2: 522
 Сурнин А.А. Т. 1: 287; Т. 2: 563
 Суров Л.Ф. Т. 1: 288
 Сухарев, сотник Т. 1: 582
 Сухов В.Г. Т. 1: 193, 294; Т. 2: 221, 507, 528, 529, 626, 777
 Суходольский В.В. Т. 1: 741; Т. 2: 640, 765
 Суходольский Г.Д. Т. 1: 288, 329, 440; Т. 2: 112, 115, 196, 197, 515, 744
 Суходольский Н.Н. Т. 2: 788
 Сухомлин С.А. Т. 1: 288, 533; Т. 2: 468, 626, 731, 743, 744
 Сухомлинов В.А. Т. 1: 71, 78, 88, 93, 117, 220, 238, 346; Т. 2: 813
 Сухопеско А.И. Т. 2: 221
 Сухорский В.Н. Т. 1: 287, 399
 Сухотин Н.Н. Т. 2: 783
 Сушков В.Н. Т. 2: 117
 Сыровы (Сыровой) Я. Т. 1: 201, 650
 Сыроматников А.Д. Т. 1: 280, 646, 647, 650, 858, 860–862, 864, 865, 867–871; Т. 2: 190, 279, 542, 563, 751, 766
 Сысоев Е.В. Т. 1: 282, 288, 894, 936; Т. 2: 21, 22, 32, 49, 377, 413, 424, 553, 772, 775
 Сыгин И.Д. Т. 1: 305
 Сытин И.П. Т. 1: 217, 240, 244, 270, 294, 523; Т. 2: 98–100, 133, 136, 137, 146, 330, 450, 811
 Сытин П.П. Т. 1: 237, 238, 240, 244, 278, 288, 327, 398, 403, 405, 425, 781, 782, 784, 787, 788, 901–904, 925, 926, 930, 935, 936, 940; Т. 2: 98, 100, 150, 199, 229, 230, 266, 330, 377, 398, 434, 679, 680, 723, 724, 768, 810, 811
 Сычев К.И. Т. 2: 640
 Тайзен Ф. Т. 2: 753
 Талаат-паша Т. 1: 546
 Талалаев Т. 2: 366
 Таленский Н.А. Т. 2: 777
 Таль, комиссар
 Тальгрэн В.П. Т. 2: 303
 Тамаров Е.
 Тамиручи В.С. Т. 1: 894; Т. 2: 202, 553, 679, 772, 780, 781
 Таннберг Т. Т. 1: 64
 Танский Д.И. Т. 1: 635; Т. 2: 113, 772, 777
 Тарановский А.Д. Т. 1: 227, 234, 272, 287, 376, 522, 891, 893; Т. 2: 79, 315, 584, 602, 632, 767, 768

- Тарасов В.И. Т. 1: 282, 294; Т. 2: 21, 48, 221
- Тарасов В.Ф. Т. 1: 282, 294, 329, 449, 523; Т. 2: 17, 27, 28, 42, 115, 165, 224, 266
- Тарасов К.А. Т. 1: 64, 162
- Тарасов-Родионов А.И. Т. 1: 527, 528, 905
- Тарбеевский Н.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 111
- Тассо А.Т. 2: 734
- Татиринов А.А. Т. 2: 219
- Татарченко Е.И. Т. 2: 754
- Таубе А.А., фон Т. 1: 60, 161, 174, 219, 244, 246, 884; Т. 2: 150, 353, 799
- Таубе Б.А., фон Т. 1: 244, 701
- Таубе С.Ф., фон Т. 1: 246, 294; Т. 2: 618, 744
- Текелин Л.А. Т. 1: 280, 287; Т. 2: 101, 103, 104, 171, 182, 187, 303, 337, 459
- Текерин, полковник Т. 2: 279
- Тележников П.Д. Т. 2: 26
- Теодори Г.И. Т. 1: 38, 282, 294, 396, 442, 448, 532; Т. 2: 11, 13, 17–23, 27, 29–33, 36–40, 42–49, 52, 79, 97, 120, 222–224, 230–232, 279, 280, 322, 326, 344, 375, 380, 381, 442, 443, 459, 517, 552, 579, 602, 739
- Тераевич К.П. Т. 1: 282, 287, 294; Т. 2: 15, 221, 798
- Тер-Арутюнянц М.К. Т. 1: 207, 897; Т. 2: 560
- Терванд (Тырванд) И.И. Т. 1: 244, 593, 771; Т. 2: 72, 73, 403, 513, 515
- Терехов М.Е. Т. 2: 164
- Терещенко М.И. Т. 1: 146
- Терлецкий К.А. Т. 1: 611; Т. 2: 130
- Тер-Никогосов Г. Т. 2: 202
- Тер-Петросян С.А., см. Камо
- Терпиловский В.Ф. Т. 2: 180
- Теслев В.В. Т. 1: 769
- Тетеревятников В.Я. Т. 1: 518; Т. 2: 310, 311
- Тетруев Н.Г. Т. 2: 303
- Тигранов Л.Ф. Т. 1: 376, 791; Т. 2: 754
- Тилли Н.Н. Т. 1: 126, 624
- Тимонов М.М. Т. 2: 176
- Тимофеев А.Ю. Т. 1: 64
- Тимофеев Е.М. Т. 2: 264
- Тимошенко С.К. Т. 2: 625, 713, 778
- Тинченко Я.Ю. Т. 1: 37, 338, 727
- Тихменев Г.М. Т. 1: 241, 244, 287, 430, 431, 515, 919; Т. 2: 745, 811
- Тихменев Н.М. Т. 1: 241, 244, 574, 593, 620, 799, 817, 832, 919, 966; Т. 2: 142, 811
- Тихобразов Д.Н. Т. 1: 56, 132, 157, 166, 172, 192, 218, 592, 621, 735, 833, 843, 971; Т. 2: 7, 81, 130, 479, 480, 513, 801
- Тихон (Беллавин), патр. Т. 1: 953
- Тихонов, капитан Т. 2: 658
- Тищенко А.К. Т. 2: 600
- Ткачев В.М. Т. 1: 100
- Ткаченко А.А. Т. 1: 889; Т. 2: 263, 337
- Тодорский А.И. Т. 1: 28
- Токаревский В.К. Т. 1: 958; Т. 2: 375, 522, 666, 669, 723, 751
- Толбухин Ф.И. Т. 2: 624
- Толстов В.С. Т. 1: 676; Т. 2: 172
- Толстой А.Н. Т. 2: 267, 396
- Толубаев Л.М. Т. 2: 167
- Томашевич И.А. Т. 1: 480, 939
- Томашевский В.Л. Т. 2: 563, 568
- Томилин В.В. Т. 1: 244
- Томилин С.В. Т. 1: 244, 288
- Томилов П.А. Т. 1: 707, 714, 716
- Томме В.Э. Т. 1: 282, 288, 399, 449; Т. 2: 15, 553, 782
- Тониев А. Т. 2: 202
- Тонких И.В. Т. 1: 286, 287; Т. 2: 400, 677, 794
- Топорков Г.С. Т. 1: 988
- Топорков Н.П. Т. 2: 294
- Топчибаши А.М. Т. 2: 658
- Торгушин П.П. Т. 2: 24
- Торклус Ф.И., фон Т. 1: 248, 294
- Торстенсен В.В. Т. 2: 509
- Тотомианц, профессор Т. 2: 657
- Тотров Ю.Х. Т. 2: 260
- Трак Л., фон Т. 2: 754
- Тракман М.Г. Т. 1: 295; Т. 2: 230, 231, 280
- Трапезников А.В. Т. 2: 633
- Трегубов Е.Э. Т. 1: 799; Т. 2: 303, 530
- Трескин Л.Н. Т. 1: 555
- Третьяков М.Н. Т. 1: 282, 611; Т. 2: 209
- Триандафиллов В.К. Т. 2: 70, 751
- Триковский Н.С. Т. 1: 398
- Трифонов В.А. Т. 1: 177, 916, 917; Т. 2: 575
- Трифонов Е.А. Т. 2: 232
- Троицкая В.П. Т. 2: 45, 517
- Троицкий В.Н. Т. 2: 203, 788
- Троицкий Д.И. Т. 2: 240
- Троицкий И.А. Т. 1: 312, 313, 533; Т. 2: 608, 626, 733
- Тростянская (Снесарева) А.Е., см. Снесарева А.Е.
- Тростянский А.А. Т. 2: 508
- Тростянский А.И. Т. 2: 313
- Трофимов В.А. Т. 2: 677
- Трофимов В.В. Т. 1: 282, 288, 955; Т. 2: 21, 39, 48, 315, 316, 322, 459
- Трофимов Н. Т. 1: 612
- Троцкий В.В. Т. 2: 303
- Троцкий В.И. Т. 1: 248
- Троцкий Л.Д. Т. 1: 16, 19, 21, 23, 24, 26, 50, 51, 53, 54, 57–59, 148, 158, 170, 171, 173, 177, 192, 194, 215, 217, 225, 226, 229, 230, 232, 238, 251, 252, 285, 290, 291, 298, 320, 329, 382, 388, 389, 395, 396, 406, 407, 411–415, 418–424, 431, 432, 437, 443, 448, 455–458, 462–464, 466, 468, 476, 478, 483, 490, 491, 494, 502–504, 506, 507, 514, 516, 523, 527–529, 531, 532, 537–539, 544, 547, 548, 611, 622, 679, 804, 808, 814, 815, 823, 834, 875, 895, 897, 900, 901, 903–908, 916, 918–920, 922–925, 927–934, 936, 938–951, 955–962, 969, 971, 973–976, 978, 980, 991, 997, 999; Т. 2: 8, 36, 38–40, 42, 43, 46, 56, 58, 59, 61, 64, 66, 87, 88, 90, 92, 98, 100, 105, 120–123, 126, 128, 138, 148–152, 158, 202, 218, 222, 230–233, 235, 246, 248, 271, 284, 298, 299, 301–303, 311, 313–315, 318, 319, 323–325, 329–342, 346–349, 370–372, 376–378, 380, 404, 410, 414, 421, 439–441, 456, 465, 490, 505, 533, 534, 560, 561, 577, 579, 598, 609, 614, 631, 637, 666, 669, 688, 690, 705, 710, 712–717, 719–724, 731, 733, 741, 764, 766, 768, 781, 783, 793, 795, 802, 809, 815, 819, 821
- Трошин И.А. Т. 2: 221
- Трубецкой Г.Н. Т. 1: 556, 597
- Трубецкой С.Е. Т. 2: 298
- Трупп Т. 2: 255
- Трутко Ф.И. Т. 2: 593, 598
- Трухачев С.М. Т. 1: 55, 187, 188, 553–555, 557, 560, 567, 593, 624; Т. 2: 144, 145, 355
- Трухин Н.Н. Т. 2: 107
- Туган-Барановский К.В.(?) Т. 1: 639
- Туган-Барановский Л.С. Т. 1: 127, 130, 288
- Туманов Г.А. Т. 2: 302, 303
- Туманов Г.Н. Т. 1: 127, 130, 160
- Туманов Н.Е. Т. 1: 248
- Тунник С.А. Т. 2: 362
- Туношенский Г.В. Т. 1: 244
- Туношенский Н.В. Т. 1: 244, 287, 803
- Тунцельман фон Адлерфлуг А.А. Т. 1: 267, 769; Т. 2: 258, 403
- Турбин Д.П. Т. 1: 523; Т. 2: 181, 303, 306
- Туркул А.В. Т. 1: 839
- Турло С.С. Т. 2: 297
- Туров Я.С. Т. 1: 282, 288, 399, 449; Т. 2: 196, 303
- Тухарели Г.А. Т. 2: 763
- Тухачевский М.Н. Т. 1: 24, 34, 38, 62, 207, 312–314, 316–318, 323, 324, 326, 353, 354, 425, 426, 472, 476, 493, 494, 498, 541, 906, 907, 920, 978–980; Т. 2: 51, 64, 392, 394, 580, 581, 601, 602, 607, 608, 626, 665, 704, 705, 712, 719, 722, 723, 724, 729, 732, 733, 751, 753, 754, 757, 763, 766, 768, 769
- Тухачевский Н.Н. Т. 2: 601

Тхоржевский А.Л. Т. 1: 376
 Тюленев И.В. Т. 2: 591, 598, 608, 771
 Тюлин М.С. Т. 1: 445, 519; Т. 2: 411
 Тюренок Б.Н. Т. 1: 282; Т. 2: 15, 113, 533
 Тюренн А. Т. 2: 633
 Тюрморезов И.П. Т. 2: 108, 109
 Тютюнник В.Н. Т. 1: 747, 749, 757
 Тютюнник Ю.И. Т. 2: 794, 795
 Тюфяков А.А. Т. 2: 573

Уайлдман А.Т. 1: 43
 Уборевич (Уборевич-Губоревич) И.П. Т. 1: 312, 313, 324, 326; Т. 2: 392, 397, 521, 573, 599, 670, 723
 Уваров, рядовой Т. 2: 364
 Уго-Уговец, см. Укке-Уговец А.Г.
 Угрюмов Л.Я. Т. 1: 402
 Удовиченко А.И. Т. 1: 266, 726, 729, 745, 746, 751; Т. 2: 403, 794, 795
 Уильямсон Х. Т. 1: 588
 Указатель имен
 Укке-Уговец А.Г. Т. 1: 688
 Улагай С.Г. Т. 1: 617, 638; Т. 2: 851, 852
 Ульрих В.В. Т. 2: 763
 Ульянов В.П. Т. 1: 287; Т. 2: 303, 531, 614
 Умнов К.А. Т. 1: 288, 499; Т. 2: 285
 Унгерн-Штернберг Р.Ф., фон Т. 1: 884, 885; Т. 2: 673, 838
 Уншлихт И.С. Т. 1: 196; Т. 2: 692, 746
 Уорд Дж. Т. 1: 864, 865
 Урванцева-Левницкая А.Н. Т. 2: 608
 Урих М.Л. Т. 1: 934; Т. 2: 764
 Урицкий М.С. Т. 1: 212
 Урицкий С.П. Т. 2: 59, 664, 688
 Урусова, кн. Т. 2: 406
 Усов Н.Н. Т. 1: 288
 Успенский Н.М. Т. 1: 561, 825, 843
 Уссаковский Е.Е. Т. 1: 531; Т. 2: 744
 Устимович Ю.К. Т. 2: 142
 Ухенберг, комендант Т. 2: 416, 418, 419
 Ушаков Б.Ф. Т. 1: 645, 815; Т. 2: 303, 304, 399
 Ушаков К.М. Т. 1: 518
 Ушаков М.С. Т. 1: 577
 Ушаков Н.М. Т. 2: 531

Фабрициус Я.Ф. Т. 2: 608, 625, 840
 Фаге К.К. Т. 1: 791
 Фалилеев И.И. Т. 1: 282
 Фалькенгайн Э., фон Т. 2: 753
 Фартушный А.К. Т. 1: 247
 Фастыковский М.В. Т. 1: 224, 416, 935; Т. 2: 117, 739, 794
 Федоренко В.Т. Т. 2: 303
 Федоров А.Ф. Т. 2: 55, 586
 Федоров Б.В. Т. 2: 476
 Федоров Н.А. Т. 2: 196, 303

Федоров П.А. Т. 2: 54
 Федоров, инженер Т. 2: 27
 Федоров, курсовик Т. 2: 11, 52
 Федорович Ф.Ф. Т. 1: 871
 Федотов А.И. Т. 1: 287; Т. 2: 618
 Федько И.Ф. Т. 1: 207; Т. 2: 64; Т. 2: 608, 664, 688
 Федюкин С.А. Т. 1: 895
 Федяй Л.В. Т. 1: 264, 265
 Фек Т. 1: 462
 Фельдман Б.М. Т. 2: 666, 768
 Фельдман, штабс-ротмистр
 Фесенко М.Г., см. Фисенко (Фесенко) М.Г.
 Фесик М.П. Т. 1: 741; Т. 2: 514
 Фешот Ф.Ф. Т. 1: 294; Т. 2: 532
 Фидлер В.Г. Т. 1: 755, 759
 Филатов, младший унтер-офицер Т. 2: 364
 Филатьев Д.В. Т. 1: 55, 93, 137, 247, 664, 669, 684, 687, 689, 872, 873; Т. 2: 149, 150, 563
 Филимонов А.П. Т. 1: 603, 842, 843; Т. 2: 524
 Филимонов Б.Б. Т. 1: 644, 875; Т. 2: 277, 555
 Филоненко М.М. Т. 1: 148
 Финицкий И.М. Т. 1: 282, 288, 399; Т. 2: 101, 103, 163, 177, 178, 207
 Фиол К.И. Т. 2: 165
 Фирсов В.В. Т. 1: 985
 Фисенко (Фесенко) М.Г. Т. 2: 657, 678
 Флейшер А.Е. Т. 1: 512; Т. 2: 277
 Флерова (Сахновская) М.Ф. Т. 2: 608
 Флоринский Н.И. Т. 2: 17–19, 21, 23, 28, 29
 Флоров В.Ф. Т. 1: 799
 Флоровский И.Д. Т. 2: 596
 Флуг В.Е. Т. 1: 56, 110, 120, 213, 554, 668; Т. 2: 117, 136, 237, 792, 797
 Фогель В. Т. 2: 754
 Фокке Д.Г. Т. 1: 192, 193, 195–197; Т. 2: 79, 101, 313, 319, 425
 Фомичев М.И. Т. 1: 294
 Фо-Па Биде Ш. Т. 2: 260
 Фори Л. Т. 2: 654
 Фостиков М.А. Т. 1: 55; Т. 2: 348, 355, 401, 553, 554, 663
 Франческо, подпоручик Т. 2: 364, 365
 Фрейганг В.В. Т. 1: 510
 Фрейман А.К. Т. 1: 287, 519, 520, 530; Т. 2: 731
 Фрейман Б.Н. Т. 2: 798
 Френкин М. Т. 1: 44
 Фриде Н.А. Т. 1: 445
 Фридрих II, прус. кор. Т. 2: 633
 Фролов В.А. Т. 1: 810
 Фролов П.А. Т. 1: 248
 Фролов П.Л. Т. 2: 480

Фролов Т. 2: 376
 Фрунзе (Фрунзе-Михайлов) М.В. Т. 1: 312, 313, 323, 324, 326, 330, 425, 426, 501, 502, 509, 510, 516, 547, 922, 924, 925, 928; Т. 2: 172, 311, 392, 394–396, 526, 580, 613, 631, 636, 712, 719, 721–724
 Фукин М.Н. Т. 2: 359
 Фукс В.К. Т. 1: 642; Т. 2: 401
 Фуллер Дж. Т. 2: 754
 Фурт П.С. Т. 2: 770

Хабалов С.С. Т. 1: 125, 128, 130, 137
 Хаджич С. Т. 2: 792
 Хазов А. Т. 2: 191
 Хайкель Э. Т. 2: 258
 Ханжин М.В. Т. 1: 651, 663, 669, 671, 873
 Харитонов Н.А. Т. 1: 748
 Харламов С.Д. Т. 1: 220, 283, 299, 304, 425, 476, 477, 502, 510, 537, 538, 806, 925, 926, 930, 933, 935; Т. 2: 96, 284, 579, 604, 618, 723, 756, 844
 Харгулари В.Д. Т. 1: 328, 934, 989; Т. 2: 237, 286, 287, 800
 Харузин М.А. Т. 1: 855
 Харченко А.И. Т. 2: 94
 Хачатурян С. Т. 2: 202
 Хведкевич А.К. Т. 2: 184, 209
 Хворостанский Н.Н. Т. 1: 288, 393
 Хвощинский Г.Н. Т. 1: 287, 329, 399; Т. 2: 528, 723, 724
 Хелмицкий П.Л. Т. 2: 303
 Хенриксон Н.В. Т. 1: 288, 517, 533; Т. 2: 579, 781
 Химич Н.И. Т. 1: 622
 Хинц П., фон Т. 2: 272
 Хитрово В.М. Т. 1: 294; Т. 2: 328
 Хитрово К.С. Т. 1: 282, 288, 449, 611; Т. 2: 11, 21, 22, 28, 32
 Хитрово Т. 2: 279
 Хлебников А.А. Т. 1: 779
 Ховен Е.Н., фон дер
 Ховен К.Р., фон дер Т. 2: 294
 Ховен С.В., фон дер Т. 2: 303
 Ходорович Н.А. Т. 1: 138
 Хозин М.С. Т. 2: 767
 Холодовский Д.И. Т. 1: 294
 Холодовский С.М. Т. 1: 531
 Холманов Г.К. Т. 2: 460
 Хольман Г.К. Т. 1: 600
 Хольмсен И.А. Т. 1: 713; Т. 2: 242, 735–737
 Хомутов, подъяесаул Т. 2: 153
 Хорошхин Б.И. Т. 1: 650; Т. 2: 153
 Хорьков С.Г. Т. 2: 754
 Христиани Г.Г. Т. 1: 192; Т. 2: 203, 303, 471, 548, 563, 568, 572
 Хростицкий А.В. Т. 2: 72
 Хрулев А.В. Т. 2: 713

- Хрулев А.С. Т. 2: 494
Хрулев В.В. Т. 1: 282, 288, 302, 400;
Т. 2: 15, 43, 46, 48, 319, 743
Хрущев Н.С. Т. 2: 781
Хрыпов И.А. Т. 1: 282, 287, 399, 401
Худашев И.И. Т. 2: 142
Худеев С.Е. Т. 2: 209
- Цветков А.И. Т. 1: 245
Цветков В.Ж. Т. 1: 30, 32; Т. 2: 150
Цветков С.И. Т. 1: 245
Цветков Т. 2: 366
Цедерберг В.Н. Т. 2: 182, 709
Цейтлин В.М. Т. 1: 56, 57, 157, 158, 173,
191, 282, 288, 397, 400, 517, 809; Т. 2: 11,
15, 34, 35, 40, 42, 77, 221, 322, 441, 442,
495, 496, 506, 543, 549, 552, 556, 626,
748, 751
Цейтлин, опрошенный Т. 2: 169
Цейтлина Н.В. Т. 2: 496
Целлит И.Я. Т. 1: 192, 193, 750
Церетели З.Ф. Т. 1: 244, 287
Церетели И.Ф. Т. 1: 244
Церетели, поручик Т. 2: 523
Цириц Г. Т. 2: 211
Цироне (Цирони) А. Т. 1: 318, 438, 439
Цихович Я.К. Т. 1: 529–532; Т. 2: 96,
229, 277
Цуриков А.А. Т. 1: 967, 969
Цуриков В.В. Т. 2: 303
Цурканов К.К. Т. 1: 745
Цурпалев А.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 316, 319,
322, 344
Цыгальский М.В. Т. 1: 288, 302
- Чабаневский В.Ф. Т. 1: 745, 749, 750;
Т. 2: 486, 487
Чайков А.Л. Т. 1: 287; Т. 2: 401
Чайковский Д.Л. Т. 2: 240
Чайковский Н.В. Т. 1: 694, 697;
Т. 2: 482
Чайковский П.И. Т. 2: 525
Чайковский П.П. Т. 1: 717
Чайковский Т. 1: 575
Чайковский Я. Т. 2: 651, 652
Чапаев В.И. Т. 1: 17; Т. 2: 410, 591
Чаплин Г.Е. Т. 1: 691, 692, 697
Чарноцкий Ф.Э. Т. 1: 91, 294
Чебеляев И.М. Т. 2: 187, 294, 303
Чеботарев Н.Е. Т. 1: 885
Чеботарев, представитель ревкома
Т. 2: 164
Чеботарева Т.Г. Т. 1: 64
Чебыкин П.А. Т. 2: 800, 801
Чебышев Н.Н. Т. 1: 278
Чевереv А.М. Т. 1: 540
Чеканов, интендант 2-го ранга
Т. 2: 768
Червинский Л.П. Т. 1: 706; Т. 2: 186, 303
- Черданцев Г.Н. Т. 2: 632
Черевин А.А. Т. 1: 891
Черемисов В.А. Т. 1: 78, 159, 179, 386
Черепанов А.И. Т. 1: 79, 494
Черепенников А.И. Т. 1: 288
Черкасов П.В. Т. 1: 294, 530, 531;
Т. 2: 626, 627
Черкасс В.И. Т. 2: 142
Чернавин А.Н. Т. 2: 209
Чернавин Виктор Васильевич
Т. 1: 554, 568, 618, 621, 637–639, 754,
847; Т. 2: 135, 136, 519, 520, 796
Чернавин Всеволод Владимирович
Т. 2: 723
Чернивецкий С.С. Т. 1: 775
Черниговский-Сокол Б.Ф. Т. 1: 282,
294, 442; Т. 2: 107
Чернов В.М. Т. 1: 871; Т. 2: 766
Черный К.К. Т. 1: 561; Т. 2: 114
Черныш А.В. Т. 1: 55, 110, 251, 255,
562, 575, 841; Т. 2: 360
Чернышев А.С. Т. 1: 282, 778; Т. 2: 239,
240
Чернышев В.Н. Т. 1: 287, 393, 430, 431,
494, 515, 537, 724; Т. 2: 772, 777, 844
Чернышевский Н.Г. Т. 1: 88
Чернявский А.П. Т. 2: 639–641
Чернявский В.Т. Т. 1: 247
Чернявский М.Т. Т. 2: 401
Черняев М.Г. Т. 1: 67
Черняев, комиссар Т. 2: 184
Черушев Н.С. Т. 1: 35, 36
Черячукин А.В. Т. 1: 578
Чеснаков П.В. Т. 1: 287, 398, 940;
Т. 2: 34–36
Честноков В.И. Т. 2: 285
Четков В.М. Т. 2: 751, 773, 777
Чехов А.П. Т. 1: 575
Чечек С. Т. 1: 647; Т. 2: 264
Чечелашвили И.Г. Т. 1: 282, 784
Чечурин, комиссар Т. 2: 192
Чинтулов И.Д. Т. 1: 129, 282, 288;
Т. 2: 11, 20–22, 48, 79, 97, 221, 230, 232,
233, 267, 280, 422–424
Чичерин Г.В. Т. 1: 524, 933
Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Т. 1: 44
Чойбалсан Х. Т. 2: 624
Чорний-Лучко, сотник Т. 2: 652
Чубаков И.И. Т. 1: 227, 532, 884;
Т. 2: 162, 219, 229
Чувакин В. Т. 2: 221
Чугунков К.В. Т. 1: 780; Т. 2: 184
Чуйкина С.А. Т. 1: 49
Чунихин Г.Л. Т. 1: 168
Чхенкели А.И. Т. 1: 783; Т. 2: 683
- Шабловский И.С. Т. 1: 168
Шавельский Г., протопресв. Т. 1: 123,
599; Т. 2: 131, 134, 145, 478
- Шавров Б.Н. Т. 1: 288, 477; Т. 2: 468,
743
Шайбле А.Я. Т. 1: 747, 748, 758;
Т. 2: 402, 640
Шайла А.М. дю Т. 1: 851
Шайтанов В.Е. Т. 2: 167, 179, 209
Шалаяпин Ф.И. Т. 2: 525, 528
Шапкин Т.Т. Т. 2: 625
Шаповал А.А. Т. 1: 746, 747, 750, 885
Шапошников Б.М. Т. 1: 21, 56, 58, 59,
67, 68, 83, 101, 207, 257, 258, 288, 501,
512, 516, 524, 530, 893, 940, 975–978,
997; Т. 2: 192, 198, 221, 228, 372–374,
393, 395, 449, 525, 535, 626, 641, 694–
696, 698, 712, 712, 715, 723–726, 731,
736, 741, 750, 751, 753, 754, 756, 760,
761, 763, 764, 772–775, 782, 783, 785,
804, 810, 822, 844, 845
Шапошников Д.Т. Т. 2: 597
Шапошников И.Б. Т. 1: 258
Шапрон дю Ларрэ А.Г. Т. 1: 554
Шарангович П.М. Т. 1: 312; Т. 2: 165
Шарангович С.М. Т. 2: 165
Шарбо Ш. Т. 2: 270
Шаров Л.А. Т. 2: 360, 363–365
Шарпантье Ф.Ф. Т. 2: 101
Шатилов П.Н. Т. 1: 55, 136, 150, 157,
199, 261, 262, 618, 623–625, 630, 635,
639, 783, 799, 843–845, 849, 853, 854,
985, 989, 990, 992; Т. 2: 386, 387, 391,
536, 791, 852
Шатилов, капитан Т. 1: 554
Шатов В.С. Т. 2: 283
Шафалович Ф.П. Т. 1: 236, 287, 299;
Т. 2: 626, 627, 686, 704, 723, 753, 761,
770, 773, 777
Шварте М. Т. 2: 753
Шварц А.В., фон Т. 2: 23, 30, 246, 260,
261, 281, 282
Шварц Н.Н. Т. 1: 501; Т. 2: 218, 221,
394, 713, 750, 761, 773, 777, 810, 845
Шварц, банкир Т. 2: 497
Шевелев С.С. Т. 2: 200
Шевельева О.А. Т. 2: 287
Шевцов А.П. Т. 2: 303
Шевченко В.К. Т. 2: 640, 641
Шевченко Т.Г. Т. 1: 823
Шейдеман А.С. Т. 2: 306
Шейдеман Г.(Ю.).М. Т. 1: 245, 390, 519,
935; Т. 2: 690, 691
Шейдеман Е.С. Т. 2: 306
Шейдеман С.М. Т. 1: 245, 287, 398;
Т. 2: 35, 59, 303, 305, 576, 579, 580, 602,
605, 766, 798
Шекспир У. Т. 1: 823
Шелавин А.Н. Т. 2: 677, 794
Шеманский А.Д. Т. 1: 288; Т. 2: 314, 781
Шемякин К.Я. Т. 2: 411
Шепелева В.Б. Т. 1: 488

Шептицкий С. Т. 1: 765
 Шереметев А. А. Т. 2: 579
 Шереметьев К. И. Т. 2: 466
 Шереховский Н. В. Т. 2: 164, 293, 303
 Шестакова (Савченко-Маценко) Н. И. Т. 2: 317
 Шестун В. В. Т. 1: 287, 399, 401; Т. 2: 732
 Шехаев Б. А. Т. 1: 158, 219, 552; Т. 2: 845
 Шибаев Л. Н. Т. 2: 175, 182
 Шидловский М. Р. Т. 1: 76, 817
 Шидловский С. Н.
 Шиллинг Н. Н. Т. 2: 362
 Шило Н. И. Т. 1: 247, 282, 288
 Шиловский Е. А. Т. 1: 288, 479, 481, 492, 894; Т. 2: 207, 396, 553, 608, 725, 750, 761, 762, 770, 773, 776, 783
 Шильдбах (Литовцев) К. К., см. Литовцев (Шильдбах) К. К.
 Шиманская Л. М. Т. 1: 981, 983
 Шимунич Р. Т. 1: 318
 Шингарев А. И. Т. 1: 125
 Широков В. П. Т. 1: 287
 Широков В. П. Т. 1: 391; Т. 2: 303, 798
 Ширяев В. А. Т. 1: 612
 Шифнер-Маркевич А. М. Т. 1: 638, 965; Т. 2: 530, 788
 Шифрин П. Н. Т. 1: 288
 Сихлинский А.-А. И.-А.-оглы Т. 1: 776, 781; Т. 2: 199
 Сихов, владелец квартиры Т. 2: 255
 Шишкин В. И., генштабист Т. 1: 193, 195, 288, 995; Т. 2: 7, 26, 28, 97, 229, 337, 414, 415
 Шишкин В. И., исследователь Т. 1: 859, 868
 Шишковская Л. И. Т. 2: 426
 Шишковский Е. Е. Т. 1: 287, 960; Т. 2: 425, 426, 618, 619, 766
 Шишковский Н. Е. Т. 2: 425
 Шкеленко А. М. Т. 1: 166, 167, 638, 639; Т. 2: 796, 801
 Шкинский Я. Ф. Т. 1: 566; Т. 2: 792
 Шкляр-Алексюк) С. И. Т. 1: 463; Т. 2: 107
 Шкуро (Шкура) А. Г. Т. 1: 223, 571, 593, 600, 605, 618; Т. 2: 109
 Шлидт Г. И. Т. 1: 986; Т. 2: 75, 240
 Шлиффен А., фон Т. 1: 86; Т. 2: 753
 Шляпников А. Г. Т. 1: 135, 170; Т. 2: 414
 Шматько Т. 2: 364
 Шмигельский К. К. Т. 2: 240, 247, 248, 434
 Шмидт В. Н. Т. 2: 400
 Шнабель П. Ф. Т. 1: 288
 Шнеур А. К. Т. 1: 792, 795, 796; Т. 2: 240, 553, 657
 Шнеур В. К. Т. 1: 90

Шнигель, см. Шпигель
 Шокоров В. Н. Т. 1: 645
 Шомполонский (Шемполонский) К. Е. Т. 2: 714
 Шолен Ф. Т. 2: 525
 Шорин В. И. Т. 1: 425, 426, 494, 539, 540, 937; Т. 2: 204, 522, 663, 685
 Шорников Ф. Я. Т. 2: 240, 519
 Шостак З. Б. Т. 2: 225, 226
 Шохов М. Е. Т. 2: 182, 251
 Шпигель Е. П. Т. 2: 246
 Шпилько Г. А. Т. 1: 287, 516
 Шрейдер А. А. Т. 2: 221
 Штейнгардт В. Х. Т. 2: 232
 Штейфон Б. А. Т. 1: 55, 83, 163, 188, 222, 253, 254, 264, 268, 600, 606, 608, 812, 818, 824, 826, 964; Т. 2: 71, 135, 238, 240, 244, 403, 483, 518, 737, 791, 801, 816, 852
 Штеменко С. М. Т. 1: 10, 478; Т. 2: 81, 775, 779
 Штемпель М. И. Т. 1: 826
 Штубендорф А. О., фон Т. 1: 286, 287; Т. 2: 786
 Шуберский А. Н. Т. 1: 748; Т. 2: 642, 790
 Шубин, офицер Т. 2: 287
 Шуваев А. Д. Т. 2: 326, 666, 686, 724
 Шуваев Д. С. Т. 1: 117, 248; Т. 2: 436, 744
 Шукевич И. Л. Т. 1: 244, 294; Т. 2: 337, 459
 Шукевич Н. Л. Т. 1: 244
 Шульгин Б. В. Т. 2: 294
 Шульгин В. В. Т. 1: 1000; Т. 2: 140, 282, 285, 286
 Шумов Л. А. Т. 1: 287; Т. 2: 691, 692, 737
 Шурупов Д. Д. Т. 2: 608
 Шутко К. И. Т. 1: 388

Щаденко Е. А. Т. 2: 761
 Щастный А. М. Т. 1: 214; Т. 2: 261, 281
 Щепетильников, полковник Т. 1: 640
 Щепетов Н. Е. Т. 1: 287, 288
 Щепин Г. В. Т. 1: 860, 862, 863, 866, 867
 Щепихин С. А. Т. 1: 47, 55–57, 94, 95, 236, 239, 647, 653, 662, 669, 670, 675, 687, 688, 690, 818, 832, 859; Т. 2: 76, 105, 251, 252, 359, 390, 524, 536, 674, 675
 Щепкин Н. Н. Т. 2: 275, 276, 278, 345
 Щербаков Н. А. Т. 2: 677
 Щербаков Н. М. Т. 1: 144, 287; Т. 2: 101, 103
 Щербаков Н. С. Т. 1: 186
 Щербаков, генштабист
 Щербаков, есаул Т. 2: 245
 Щербаков, слушатель Т. 2: 59
 Щербачев Д. Г. Т. 1: 49, 78, 79, 133, 150, 165, 166, 966
 Щербинин Н. Ф. Т. 2: 163, 209
 Щербицкий Н. Л. Т. 1: 593, 846

Щербов-Нефедович П. О. Т. 1: 248; Т. 2: 303
 Щетинкин П. Е. Т. 2: 163
 Щеткин Н. И. Т. 1: 376
 Щолоков И. И. Т. 1: 236, 287, 934; Т. 2: 337, 459, 618
 Щорс Н. А. Т. 1: 207; Т. 2: 340
 Щуцкой Б. И. Т. 1: 747

Эбелов М. И. Т. 1: 138; Т. 2: 303
 Эверсман Л. А. Т. 1: 401
 Эверт А. Е. Т. 1: 123, 131, 135, 136, 137, 232; Т. 2: 303, 304, 314, 436, 732
 Эверт Г. А. Т. 1: 611, 614; Т. 2: 141, 145, 385
 Эверт (Познанская) Н. И. Т. 1: 232
 Ээринг К. И. Т. 1: 441
 Эйдеман Р. П. Т. 2: 580, 752
 Эйдеман, комиссар Т. 2: 192
 Эйдук А. В. Т. 1: 988; Т. 2: 157, 231
 Эйхгольц А. Р. Т. 2: 461
 Эйхе Г. Х. Т. 1: 345, 347
 Экк Э. В. Т. 1: 757, 986; Т. 2: 788
 Эксе В. Ф. Т. 1: 527; Т. 2: 114, 427, 743, 795
 Элиава Ш. З. Т. 2: 680, 682
 Эллерц-Усов А. В. Т. 2: 295
 Эльснер Е. Ф. Т. 1: 151, 153, 244, 554, 555, 558; Т. 2: 434, 791
 Эльснер И. Е. Т. 1: 244
 Энвальд М. В. Т. 1: 921
 Энвер-паша Т. 1: 546; Т. 2: 685
 Энгель В. Н., фон Т. 1: 58
 Энгельгардт Б. А. Т. 1: 55, 125–129, 147, 212, 294, 553, 719, 807, 809, 832, 833; Т. 2: 557, 782, 785
 Энгельке В. А. Т. 1: 56, 594; Т. 2: 128
 Энгельке В. А. Т. 1: 616, 841; Т. 2: 433
 Энгельс Ф. Т. 1: 455
 Энглер Н. В. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 21, 22, 25, 26
 Энден А. П., фон Т. 1: 282, 449, 698; Т. 2: 255, 797
 Энден М. М. Т. 2: 723, 724, 736
 Энкель К. Т. 2: 331
 Энкель О. К. Т. 1: 769; Т. 2: 403
 Эрдели И. Г. Т. 1: 49, 56, 151, 152, 200, 275, 554, 555, 559–561, 576, 814, 821, 824–826, 940; Т. 2: 343, 367, 386, 390, 401, 432, 479, 500, 514, 526
 Эрикссон Дж. Т. 1: 43
 Эристов, кн. Т. 2: 52
 Эфрон С. Я. Т. 1: 184

Юденич Н. Н. Т. 1: 60, 110, 120, 138, 207, 267, 502, 537–540, 551, 599, 698, 708, 710, 712–716, 720, 799, 825, 827–829, 854, 875, 877, 878, 933, 940, 961, 964, 965, 998; Т. 2: 123, 126, 158, 210,

258, 260, 261, 282–285, 318, 325, 354,
572, 585, 762, 786, 792, 819, 836, 852
Юдин П.И. Т. 1: 675
Юзефович А.М. Т. 1: 376
Юзефович Я.Д. Т. 1: 985; Т. 2: 8, 386
Юнаков Н.Л. Т. 1: 78, 142, 264, 268,
745, 747, 749, 756, 757; Т. 2: 403, 483,
487, 515, 638, 639, 641, 642, 648
Юренев К.К. Т. 1: 177, 895; Т. 2: 58, 59,
346, 347
Юршевский Я.Я. Т. 1: 282, 288, 475
Юрьев Б.А. Т. 2: 164
Юшко В.Л.

Яблонский А.Н. Т. 2: 461
Ягода А.Н. Т. 1: 288, 399, 463; Т. 2: 107, 131
Ягода Г.Г. Т. 2: 755
Ягодкин П.Я. Т. 1: 519
Ягунов П.А. Т. 2: 594, 596

Язвин К.Г. Т. 1: 231
Языков Н.М. Т. 2: 318
Языков С.М. Т. 2: 107, 145, 318, 320
Якимович А.А. Т. 1: 288
Якобсон А.И. Т. 2: 599
Яковлев А.А. Т. 1: 287; Т. 2: 632
Яковлев В.Б., см. Можаровский В.Б.
Яковлев В.В. Т. 2: 94
Яковлев Н.Н. Т. 1: 833
Яковлев, управляющий делами
Т. 2: 576
Яковлева В.Н. Т. 2: 279, 341
Яковский Н.В. Т. 1: 282, 288, 488, 893;
Т. 2: 777
Якубович Г.А. Т. 1: 127, 151, 248
Якубовский А.Н. Т. 2: 303
Якушкин М.Н. Т. 2: 337
Якушов Я.И. Т. 1: 294
Янишевский В.А. Т. 2: 560

Янковская М.М. Т. 2: 608
Янов Г.Д. Т. 1: 713
Яновский А.Я. Т. 1: 400; Т. 2: 189, 192,
552, 553, 751, 773, 775, 797, 845
Янсон К.И.(?) Т. 2: 560
Янсон Я.Д. Т. 1: 644
Янушевский Г.Е. Т. 1: 56, 745, 746, 748,
750, 752, 757, 758, 761, 814, 830, 883,
885; Т. 2: 647, 648
Янушкевич Н.Н. Т. 1: 49, 71, 72, 86, 88,
93, 110, 117, 137, 280; Т. 2: 303, 304
Япон, дашнак Т. 2: 202
Ярославский Е.М. Т. 1: 898, 899;
Т. 2: 764
Яроцкий Д.П. Т. 2: 645
Ярцев Г.В. Т. 2: 54, 294
Яцко И.В. Т. 1: 294, 320, 321, 439, 440,
454, 537; Т. 2: 380, 495, 599
Яцына Я.Т. 2: 653

Андрей Ганин

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

В 2 томах

Оригинал-макет подготовлен

ООО «Кучково поле Музеон»

Редактор, корректор: *Нина Самбу*

Верстка и допечатная подготовка:

Борис Кащеев

ООО «Кучково поле Музеон»

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская,

д. 25, офис 5-2

Тел.: +7 (999) 917-11-04; +7 (977) 331-71-10

E-mail: sales@svyazepoh.ru

[https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/](https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/kuchkovo-pole-muzeon.html)

[kuchkovo-pole-muzeon.html](https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/kuchkovo-pole-muzeon.html)

Подписано в печать: 13.10.2023

Формат 70 × 100/16 (170×240 мм)

Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано:

АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный двор»

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: (495) 270 73 59

sales@chpd.ru; www.chpd.ru

**В оформлении обложки использованы
фотографии:**

Т. 1.

Генерал А.И. Деникин в штабе Донской армии.
1919 г.

Белая армия. Фотопортреты русских офицеров.
1917–1922. Сост. В. Жуменко. Париж, 2007.

*Слева направо в первом ряду:
генералы В.И. Сидорин, А.П. Богаевский,
А.И. Деникин, И.П. Романовский.*

Т. 2.

Участники совещания командующих военными
округами Советской России. 1922 г.

Научный архив Института российской истории РАН

*Сидят слева направо: А.И. Корк, Н.Н. Петин,
А.И. Егоров, М.В. Фрунзе, С.С. Каменев,
К.Е. Ворошилов, П.П. Лебедев.*

*Во втором ряду: за М.В. Фрунзе –
В.С. Лазаревич (5-й справа), за С.С. Каменевым –
Ф.Ф. Новицкий (4-й справа), рядом с ним –
Н.В. Соллогуб (3-й справа).*

*В третьем ряду над А.И. Егоровым –
Б.М. Шапошников (4-й слева), Н.И. Муралов
(6-й слева), над К.Е. Ворошиловым –
И.Х. Паука (4-й справа),
В.Е. Гарф (крайний справа)*